

ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКИХ

Под редакцией И.Л. Волгина
(Руководитель проекта)

Игорь Волгин

РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ

Историко-биографические очерки

Москва
Фонд Достоевского
2013

УДК 821.161.1.09
ББК 83(2Рос=Рус)1
Х 94

Издательская программа Правительства Москвы

Х94 Хроника рода Достоевских. Под редакцией И.Л. Волгина (Руководитель проекта).

Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. – М.: Фонд Достоевского, 2012. – 1232 с., илл.

ISBN 5-902832-02-0

В книге восстанавливается 500-летнее родословие писателя; учитываются медико-генетические и психологические характеристики представителей рода, социальные и историко-культурные аспекты его бытования на протяжении XVI–XX вв. В поколенных росписях даны сведения более чем о 600 персоналиях (что почти вдвое больше их количества в «Хронике» М.В. Волоцкого 1933 г.). Значительную часть книги составляют архивные материалы: судебные акты, церковные документы, служебная и частная переписка, следственные дела НКВД, документы ныне здравствующих потомков писателя и т.д. Издание снабжено 17 генеалогическими таблицами, алфавитным указателем имен.

Будучи памятником культуры и фиксируя определенный срез научного знания, «Хроника рода Достоевских» не только является уникальным справочником для филологов, историков, антропологов, генетиков, медиков, психологов, но и представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1.09
ББК 83(2Рос=Рус)1

ISBN 5-902832-02-0

Запрещается полное или частичное использование и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах без письменного разрешения праволадельца

© Фонд Достоевского
© М.В. Волоцкой
© И.Л. Волгин
© Коллектив авторов

САГА О ДОСТОЕВСКИХ

«Истории нет; есть историки, – усмешливо замечает Честертон. – Рассказать о событии просто и прямо много труднее теперь, чем исказить его. Нелегко сообщать факты, так и тянет их извратить»¹.

Ошибочно думать, что скромный хроникер избавлен от подобных соблазнов. Однако в силу специфики жанра ему, конечно, легче «оставаться при факте».

Книга, которую вы держите в руках, более, чем в три раза превышает по объему классический труд М.В. Волоцкого «Хроника рода Достоевского» (1933). Строго говоря, это уже другая книга. Для их различения мы сочли уместным несколько изменить титульное название: «Хроника рода Достоевских» – прекрасно сознавая, что без подвижнических усилий первого хроникера все дальнейшее было бы невозможно.

Но сначала скажем о первой «Хронике».

Одна из загадок книги Волоцкого заключается в следующем: каким образом удалось ей явиться на свет?

Обладая необходимыми признаками «чистой научности» и оперируя, казалось бы, безотносительными к новой победившей реальности генеалогическими понятиями, «Хроника» всем своим строем и смыслом из этой реальности выпадала. Она тяготела скорее к тем, пусть немногочисленным, историко-культурным изданиям 1920-х, где еще сохранялся дух живого научного поиска. Постепенно изгоняемый из «магистральных» областей гуманитарного знания, он, этот дух, до поры до времени был терпим в сферах естественных и прикладных. Книга Михаила Волоцкого, насыщенная «нейтральной» медицинской терминологией, относящейся по преимуществу к психическому миру индивида, успела проскочить в следующую эпоху, которая в пору своего зрелого цветения наложит твердую государственную руку на весь универсум.

Может быть, обнародованию «Хроники» косвенно помогло то обстоятельство, что имя собственное, давшее название работе, начинало превращаться в имя нарицательное. Достоевский не был допущен в тот ряд корифеев российской словесности, которые постепенно обобществлялись (или, если угодно, приватизировались) утвердившейся властью, – в качестве ее духовных предтеч. Пройдет совсем немного времени – и издание «Бесов», предпринятое издательством «Academia», замрет на первом томе, а завершающего четвертого тома «Писем» Достоевского, должного, естественно, следовать за третьим (1934), многотерпеливым читателям придется ждать едва ли не четверть века.

Те двусмысленные коннотации, которые стали прилагаться к жизни и творчеству Достоевского, как это ни странно, оставляли большую свободу для нехрестоматийных суждений, в том числе относящихся к родословию героя. Правда, после 1933 г. подобный генеалогический интерес вряд ли был бы одобрен.

---

¹ Честертон Г.К. История против историков / Пер. с англ. Н.Л. Трауберг // Прометей. Т. 2. М., 1967. С. 299.

Волоцкой *успел*. Евгеника также не была еще заклеяна как «прислужница расизма», хотя до этого было недалеко. В предисловии к «Хронике» авторитетный психиатр П.М. Зиновьев счел необходимым «гораздо решительнее», чем автор, «подчеркнуть глубокую ошибочность чисто биологической трактовки такого явления, как формирование человеческого характера» (с чем, пожалуй, можно и согласиться). Он также строго указал на то, что «богатство психопатологических черт в семье Достоевских дает нам лишнее доказательство уродливых социально-бытовых условий, в которых члены этой семьи жили»² (тезис несколько более спорный). К счастью, эти умозаключения не повлияли на содержание самого труда.

В своей работе Волоцкой впервые сформулировал (и в известном смысле решил) несколько фундаментальных задач.

Во-первых, он с величайшим прилежанием попытался реконструировать родословное древо Достоевских – начиная с весьма неясных фигур, относящихся к XIV в., и заканчивая лицами, с которыми автор успел свести личное знакомство (то есть здравствующими на рубеже 1920–1930-х). Упорядочение по горизонтали и вертикали, систематизация во времени и пространстве выявленных родовых связей – одного этого хватило бы, чтобы книга Волоцкого сделалась незаменимым пособием для всех занимающихся «родословными разведками» – историков, исследователей литературы, антропологов, генетиков и т.д.

Однако автор «Хроники» этим не ограничился. В соответствии с представлениями и возможностями тогдашней науки он дал подробную медико-биологическую характеристику многим представителям рода. И хотя некоторые наблюдения и выводы исследователя (Волоцкой по своей узкой специальности был антрополог) представляются ныне спорными, неполными или нуждающимися в существенных уточнениях, сама направленность его усилий заключает в себе важный урок.

В то же время данные, впервые обнародованные Волоцким, позволяют усомниться в известной гипотезе, согласно которой художественный талант всецело зависит от генетической предопределенности.

Разумеется, наследственность не может не оказывать могущественного воздействия на характер творца. Да и сам художник, очевидно, передает некоторые свои человеческие черты ближайшим и отдаленным потомкам. Но к самому акту творчества все это, строго говоря, не имеет прямого касательства. Скажем, зная все, что сообщает Волоцкой о представителях рода, вряд ли можно напрямую соотнести эту ценную информацию с особенностями творческого процесса самого знаменитого из них. Генеалогия мало что дает в плане «вычисления» гения. Приходится примириться с тем, что простая комбинация биологических и социальных факторов не в состоянии его породить: он все еще относится к области непредсказуемых явлений.

Но собственно такой цели не преследует Волоцкой. Высокая ценность его работы заключается в том, что, взяв в качестве объекта исследования достаточно древний и в то же время типичный дворянский род, автор на большом историческом материале прослеживает его судьбу. При этом он констатирует в череде поколений, принужденных жить в сложных социальных, национальных и конфессиональных условиях, не только сохранение основных черт общерусской ментальности, но и сбережение «природного» языка. В слу-

² Зиновьев П.М. [Предисловие] // Хроника рода Достоевского. М.: Север, 1933. С. 5–11.

чайной игре слепых исторических сил появление Ф.М. Достоевского выглядит совсем не случайно: всеми своими корнями и сутью он связан с общей национальной судьбой.

И если, как нам уже неоднократно приходилось говорить, сам Достоевский в известном смысле есть наш национальный и культурный архетип, своеобразная модель русской истории³, то и та почва, на которой возросло его родовое древо, оказывается удивительным образом приурочена для того, чтобы дать такой замечательный плод. За спиной автора «Братьев Карамазовых» маячит длинная череда землепашцев, воинов, торговых людей, лиц духовного звания (среди которых вдруг затесался и *песнопевец*) – то есть как бы просматривается вся толща национальной жизни. Генетическая устремленность, совокупившая эти бродящие глубинные силы в одном из представителей рода, сочетается здесь с необходимостью исторической.

Но, оставаясь центральным персонажем этой генеалогической драмы, Ф.М. Достоевский отнюдь не исчерпывает ее назначение и внутренний смысл. За пределами собственной биографии он выступает лишь символом, знаком, условным обозначением того родового древа, которое, ветвясь, множась и убывая, пронизывает как давние, так и новейшие времена. Разумеется, каждая эпоха налагает на современников свою неизгладимую печать. И никакая историческая монументальность не в силах отменить присущие обычным людям боли и страхи.

В этом отношении особого внимания заслуживают сугубо частные, интимные документы отдельных представителей рода (например, дневники сестер Ивановых – Наты, покончившей в 1924-м самоубийством, и Елены). Эти свидетельства личных драм, «интеллигентских умонастроений» и т.д. в значительной мере дополняют сведения, почерпнутые из официальных источников и служебных архивов: и то и другое необходимо для общего исторического дела.

И в прежнем, и в нынешнем виде «Хроника» как бы подтверждает известную поэтическую максиму: людей неинтересных в мире нет. Запечатленное в книге «человеческое, слишком человеческое» не умаляет ни ее академизма, ни исторического достоинства. Лица и положения «Хроники» любопытны еще и сами по себе – независимо от своей связи с Достоевским. Без сокрытого от глаз подводного течения *скучной* «неисторической» жизни «большая история» была бы неистинна и пуста.

Недаром имя первого сочинения Достоевского можно почтить эпиграфом ко всей его будущей прозе. В этом названии различим не один лишь любезный русскому интеллигентному уху социальный акцент. «Бедные *люди*» – это как бы вздох мировой скорби, вздох по всему роду человеческого, а не только горевание об отсутствии вещественных благ. Бедный *человек* – то есть несчастный, несовершенный, далекий от идеала. Это почти божественная печаль о слабом и одиноком человеческом существе и вместе с тем – его собственная горестная самооценка.

История Достоевских – не исключение. Медленное дробление этого мощного родового потока на ряд вписанных в подразумеваемый исторический контекст частных существований позволяет взглянуть на время изнутри – глазами все тех же «бедных людей», которые, бесконечно меняясь, не утрачивают метафизическую связь с вечными героями Достоевского.

³ См. наши книги: *Последний год Достоевского*, *Родиться в России*, *Колеблясь над бездной*, *Пропавший заговор*, *Возвращение билета* и др. (Полные наименования этих и других изданий указаны в списке источников на с. 1168).

Родословия некоторых русских писателей (несмотря на третирование в известный период генеалогии как «княжеско-дворянской науки») более или менее разработаны.

В первую очередь это относится к пушкиноведению, став частью которого, вспомогательная историческая дисциплина обрела серьезный статус и вес. «Генеалогический бум», вызванный на рубеже XIX–XX вв. столетней годовщиной со дня рождения поэта⁴, завершился в конце 1920-х классической работой будущего академика С.Б. Веселовского «Род и предки А.С. Пушкина в истории», которая, впрочем, не увидела свет при жизни автора и впервые была напечатана в журнале «Новый мир» лишь в 1969 г.⁵ Следует указать и на более поздние работы⁶. Многие из них снабжены исчерпывающим справочным аппаратом и подробными поколенческими росписями.

Все эти замечательные исследования носят иной характер, нежели работа М.В. Волоцкого. Автор «Хроники» выстраивает свой труд как сугубо документальное повествование, где главным действующим лицом является первоисточник. Письмо, деловая или дневниковая запись, мемуарное свидетельство, устное или письменное высказывание и т.д. не «вводятся в текст», а составляют его самое.

Предложенная Волоцким поколенческая роспись охватывала 370 персоналий – как по восходящим, так и по нисходящим линиям. И почти каждому фигуранту давалась не только биографическая, но по мере возможности и характерологическая оценка. Волоцкой первым проследил и зафиксировал линии рода, ведущие от семьи родителей Достоевского к позднейшим временам. И хотя применительно к потомству других писателей можно указать на существующие генеалогические разработки⁷, только у Волоцкого во всей полноте соблюден принцип документализма: это касается всех без исключения фигурантов, в том числе современников автора «Хроники».

Труд Волоцкого, как уже говорилось, по праву может быть назван классическим. Но с годами возникла необходимость существенно дополнить, уточнить, а в известной мере и переосмыслить собранный в «Хронике» фактический материал. За последние 80 лет в научный обиход было введено большое количество новых источников, прежде неизвестных или недоступных исследователям. Все это повело к созданию *новой, уточненной и значительно расширенной версии родословия Достоевских*.

По материалам белорусских архивов был заново поставлен вопрос о происхождении рода, его генеалогических истоках (то есть о возможной принадлежности первых владельцев села Достоева не к выходцам из Великого княжества Московского, как это предполагалось доселе, а к местным уроженцам). Благодаря тщательным поискам в архивах Украины были восстановлены важные родовые звенья, пропущенные у М.В. Волоцкого: таким образом удалось выстроить линию прямых предков Достоевского по отцу вплоть до 1744 г. (до сих пор самой ранней документально подтвержденной датой был октябрь 1809 г., когда отец писателя оказался в Москве). Впервые установлено отчество деда писателя (Андрей Григорьевич), имя бабки (Анастасия), имена прадеда, прапрадеда и прапра-

⁴ См.: Род и предки А.С. Пушкина. М.: Васанта, 1995.

⁵ См. полное издание: Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М.: Наука, 1990.

⁶ Люблинский П.И. Из семейного прошлого предков Пушкина // Литературный архив. Вып. 1. М.–Л., 1938. С. 159–221; Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л.: Наука, 1981; Вегнер М.О. Предки Пушкина. М.: Советский писатель, 1937; Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980; Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал – прадед Пушкина. М., 1986; и др.

⁷ См., напр.: Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. СПб.: Лениздат, 1992; Черкашин А.А., Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. М.: Либерия, 1998.

прадеда (соответственно – Григорий Иозефович, Иозеф Карлович и Карл), выявлены существенные факты их биографии. Определен ареал обитания рода, выяснены реальные обстоятельства перехода предков Достоевского из шляхты в духовенство. В родословную писателя только по отцовской восходящей линии введено 12 новых персоналий.

В Центральном историческом архиве Москвы автором этих строк были обнаружены неизвестные материалы, имеющие непосредственное касательство к участию отца Достоевского, Михаила Андреевича, в военных событиях 1812 г., к обстоятельствам его загадочной смерти, а также комплекс документов, характеризующих социальные отношения внутри семейства Достоевских в пору московского детства писателя.

В книгу вошли материалы, проливающие свет на судьбу боковых, украинских ветвей рода (к одной из них принадлежит, например, Ф.Г. Добржанский, крупный ученый-биолог XX в.). Эти документы небезразличны для уяснения роли наследственных факторов в формировании тех или иных творческих черт.

Были обобщены сведения о прямых потомках Ф.М. Достоевского, в частности выяснены причины ареста его внука – Андрея Федоровича в декабре 1934 г., обстоятельства следствия и освобождения. Данная информация может оказаться полезной и для поиска пропавших в 1920-е рукописей писателя, в том числе текста «Братьев Карамазовых».

Собран и систематизирован огромный материал о родственниках писателя – потомках его братьев и сестер. Реконструированы биографии практически каждого из них, включая таких значительных, но ныне забытых деятелей отечественной науки и культуры, как искусствовед Мил. Ф. Достоевский, историк и общественный деятель В.М. Владиславлев, конструктор летательных аппаратов Л.И. Балабух, физик-оптик М.В. Савостьянова, историк и поэт Ю.А. Иванов, публицист А.М. Рыкачев и др.; приведены их библиографии. Прояснены обстоятельства арестов А.А. Достоевского и Ю.А. Иванова. Разоблачены биографические мистификации бывшей жены Мил. Ф. Достоевского Е. Щукиной, имевшие место в зарубежной печати. Представлены многочисленные литературные опыты родственников Ф.М. Достоевского.

Обнаруженные нашей научной группой архивные документы касаются судеб сотен людей на протяжении пяти веков: от времени приобретения села Достоева родоначальником фамилии (1506) до начала третьего тысячелетия. Фактически в ходе работы над «Хроникой рода Достоевских» сформировалось новое исследовательское направление, представленное значительным количеством публикаций в научной и общей печати⁸.

⁸ ■ Башкиров Д. Л. История рода Достоевских: новые материалы // Вестник РГНФ. 2007. № 4 (49). С. 151–163. ■ Богданов Н. Н. Внучатый племянник Достоевского В.М. Владиславлев в воспоминаниях родственников, частной переписке и в секретных документах департамента полиции // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.–Иркутск, 2009. Вып. 20. Ч. 2. С. 185–206; Материалы к родословию Достоевских // Там же. С. 210–215; Из наблюдений над литературной одаренностью родственников Достоевского // Там же. С. 231–257; «Я коллекционирую людей...» Внучатая племянница Достоевского М.В. Савостьянова в воспоминаниях родственников и в частной переписке // Там же. С. 258–269; «Лица необщим выраженьем...» Родственное окружение Достоевского. М., 2012. ■ Богданов Н. Н., Роговой А. И. Кто вы – Андрей Достоевский? (К прояснению биографии деда писателя) // Достоевский и мировая культура. № 20. СПб., 2005. С. 277–294; Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев // Там же. С. 175–189 (См. также: Волгин И.Л. Заметки на полях статьи «В поисках утерянных звеньев» (Письмо авторам) // Там же. С. 295–299); отд. изд.: *В поисках утерянных звеньев* (См. также: Тихомиров Б.Н. Родословие Достоевских: счастливые находки утерянных звеньев // Достоевский и мировая культура. № 26. СПб., 2009. С. 234–250). ■ Богданов Н. Н., Тихомиров Б. Т. Письмо А.П. Фальц-Фейн к В.С. Нецаевой от 16–20 октября 1957 г. / Вступ. статья и

Итак, вторая «Хроника» отнюдь не повторяет свою предшественницу. Включая в себя текст М.В. Волоцкого, наследуя его традиции, она тем не менее имеет собственные приоритеты и обладает собственными генеалогическими акцентами. Вследствие несколько иной направленности исследовательских интересов мы не старались с такой тщательностью, как это делал Волоцкой, проследить характерологические особенности вновь вводимых в «Хронику» лиц, их медико-биологический статус. Нами сделан упор на личное и общественное поведение новых (да, пожалуй, и дополняемых старых) участников «Хроники», на подробности их существования в социальном контексте, на их взаимоотношения с меняющейся исторической средой. Конечно, это в какой-то мере изменило антропологическую специфику книги, одновременно увеличив ее историко-биографический объем. Следует иметь в виду, что Волоцкому по известным причинам приходилось затушевывать одни биографические эпизоды и умалчивать о других (это касается в первую очередь репрессий начала 1930-х), зашифровывать отдельные имена и т.д. При этом нельзя не отдать должное той научной честности, с какой автор «Хроники» подходил к своему делу, и той настойчивости, которая помогла ему это дело осуществить несмотря на многочисленные препятствия.

Но вот парадокс: персонажу, ради которого все затевалось, Волоцкой уделил в своей книге наименьшее внимание. Это объясняется тем, что автор предполагал в дальнейшем продолжить работу. Впрочем, даже «оставаясь за кадром», Ф.М. Достоевский – главное скрепляющее звено этой генеалогической цепи.

примеч. // Достоевский и мировая культура. № 19. СПб., 2003. С. 260–271. ■ Борисова В. В. «...Не могу заплатить самых святых долгов» [О семейных взаимоотношениях Достоевских] // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные тезисы и доклады. М., 2008. С. 270–275. ■ Волгин И. Л. Кистории рода Достоевского // ПСС. Воскресенье. Т. 18. С. 153–259; Возвращение дара [О подмосковном имении Достоевских Даровое] // Литературная газета. 2004. № 22. С. 5; «Не тот ли это Достоевский...» Московское полицейское досье 1864–1867 гг. // Достоевский и современность. В. Новгород, 2006. С. 75–91; Литературные вечера в семье Достоевских // Крылья. 2006. № 1–2. С. 42; «Не истреблю ради десяти» [О потомках Достоевских] // Литературная газета. 2007. № 50. С. 3; Толстой и Достоевский: семья и дети. М., 2007 (Аудиокнига); Семья Достоевских как социальный организм // Достоевский и современность. В. Новгород, 2008. С. 277–290; Сага о Достоевских // Октябрь. 2006. № 11. С. 56–108. 2009. № 1. С. 40–95. № 2. С. 47–79; Род Владиславлевых-Достоевских в историческом измерении // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.–Иркутск, 2009. Вып. 20. Ч. 2. С. 9–30; Достоевский как отчим (Еще один роман воспитания) // Достоевский и современность. В. Новгород, 2009. С. 65–116. ■ Донов А. А. Судьба и род М. Д. Исаевой-Достоевской // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные тезисы и доклады. М., 2008. С. 266–269. ■ Роговой А. И. Родовые гнезда Достоевских в Украине (Понеизвестным архивным материалам) // Там же. С. 254–265. ■ Тихомиров Б. Н. Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура. № 11. СПб., 1998. С. 188–198; Любовь Достоевская – дочь писателя // Любовь Достоевская. Петербург – Больцано. С. 19–66; Последние письма Л. Ф. Достоевской / Публ. совместно с Н. В. Паншевым, комм. // Там же. С. 259–267; Достоевские и Фальц-Фейны в ХХ в. // Письма из *Maison Russe*. С. 3–36, 237–340 (В соавт.); Письма Е. П. Достоевской и С. А. Старикова к А. Л. Бему / Публ. и комм. в соавт. с М. Бубениковой // Достоевский и мировая культура. № 15. СПб., 2000. С. 245–266 (См. также: Достоевский и мировая культура. № 18. СПб., 2002. С. 189–228); Ревность Достоевских // Там же. № 21. СПб., 2006. С. 190–202 (Богданов Н. Н. Послесловие психиатра к статье «Ревность Достоевских» // Там же. С. 203–207); Последние годы Ф. Ф. Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.–Иркутск, 2009. Вып. 20. Ч. 2. С. 146–163 (В соавт. с Г. Ф. Коган); Любовь Достоевского // Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 5–32 (Вступ. статья, подгот. текста в соавт. с И. С. Ярышевой); [Примечания] // Там же. С. 415–476; и др.

Не имея возможности включить и в настоящее издание развернутую характерологию самого Достоевского (это потребовало бы, пожалуй, отдельного тома), мы избрали окольный, но, как представляется, наиболее приближенный к «великому подразумеваемому» «Хроники» путь.

В наших историко-биографических очерках «Родные и близкие», завершающих книгу, мы делаем акцент на взаимоотношениях писателя с членами его семьи (в том числе с братьями и сестрами). Особое внимание уделяется лицам, формально не принадлежащим к роду Достоевских (и поэтому, естественно, выпавшим из поля зрения Волоцкого), но составляющим ближайшее окружение писателя в его зрелую пору. Это его первая жена Марья Дмитриевна Исаева и пасынок Павел Исаев, а также, разумеется, Анна Григорьевна Сниткина. Хотя все трое не являются его кровными родственниками, именно в пертурбациях их общей с Достоевским семейной жизни, в условиях обыденного и – одновременно – творческого существования выявляется человеческий характер автора «Преступления и наказания», структурные черты его личности, основные интенции его жизнеповедения.

Что касается братьев и сестер Достоевского, то в ходе повествования мы сочли необходимым по возможности полно проследить одну родовую линию – нисходящую от Михаила Михайловича Достоевского (глава V). В известном смысле она является *типовой*. В меньшей степени удалось «развернуть» родовые линии Варвары и Александры Михайловны Достоевских. Что касается обширных семейств Веры Михайловны и Андрея Михайловича, их многочисленных потомков, то обилие связанного с ними материала требует отдельного пространный комментария, к сожалению, не вмещающегося в рамки указанных очерков.

...Наряду с Пушкиным и Толстым Достоевский относится к числу тех русских писателей, чьи биографии стали частью нашей национальной судьбы. Но и все 500-летнее существование рода, к которому он принадлежит, включает в себе некий провиденциальный смысл. Предки Достоевского, веками обитавшие на территории Великой, Белой и Малой Руси, примыкают к той этнической общности, которая составила основу российской государственности и всего русского мира. В позднейшие времена члены этого рода не поглотились «роком событий», не потерялись в рассеянии – они выжили и разделили судьбу страны. Они могли бы сказать о себе словами поэта:

Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

Род Достоевских вписался в обыденную, повседневную, «невеликую» историю России в той же мере, в какой его самый выдающийся сочлен стал неотъемлемой частью ее большой истории. Впрочем, одно не существует без другого. Не потому ли хроника рода отразила черты своего главного хроникера, имя которому – Время?

Игорь Волгин

О СТРУКТУРЕ КНИГИ

Весь собранный материал охватывает 609 человек. Разумеется, их порядковые номера в нашем издании не совпадают с номерами прежней «Хроники» (изменена и нумерация глав). В новую книгу включены только лица, родившиеся не позже 1933 г., однако прямая линия потомков писателя прослеживается полностью.

Чтобы различить материал старого и нового изданий, используются две гарнитуры:

«Хроника» 1933 г.

«Хроника» 2012 г.

Для обозначения уточняющих вставок внутри текста М.В. Волоцкого служат

[квадратные скобки].

Сноски в книге оформлены единообразно, но в каждом случае указывается их авторство (инициалами), так что легко можно понять, кому принадлежит тот или иной биографический комментарий.

На сегодняшний день не удалось провести прямую генеалогическую линию от первого представителя рода, Данилы Иртищевича, до Федора Достоевского. Однако в книге, охватывающей историю 19 поколений, принято допущение (см. на с. 69), которое позволяет реконструировать непрерывность рода. Тем не менее 94 персоналии из первой главы «Хроники» (с 1506 г. до кон. XVII в. – самая ранняя ветвь, с нач. XVIII в. до 1910-х – наиболее поздняя) нумеруются римскими цифрами, а 515 персоналий из последующих глав, где родственные связи прослежены полностью (1674–2012 гг.), – арабскими.

Материал о каждом представителе рода структурирован следующим образом.

Сначала идут порядковый номер данного представителя, его фамилия, имя и отчество; две цифры, разделенные косой чертой, обозначающие порядковые номера родителей. Затем – дата и место рождения (а для умерших – и смерти), краткие сведения об образовании, имущественном и служебном положении данного лица и, наконец, относящиеся к нему характерологические и прочие документы. (Источник документа указывается здесь же в круглых скобках: с новой строки, если это прямая цитата, или в подбор, если это пересказ. Текст, источник которого не указан, принадлежит составителям «Хроники».)

Информация о членах рода, принадлежащих одновременно к двум ветвям, дается в главах, соответствующих отцовской линии. (О братьях и сестрах Ф.М. Достоевского – в главах о тех ветвях, родоначальниками которых они являются.)

В первом издании некоторые персоналии – те, кто не хотел фигурировать под своим подлинным именем, или те, с кем Волоцкой не смог согласовать публикацию непосредст-

венно относящихся к ним материалов, были переименованы; ныне подлинные имена восстановлены⁹.

Каждая глава содержит генеалогическую таблицу соответствующей ветви рода (или, при необходимости, несколько таблиц). М.В. Волоцкой при составлении генеалогических схем следовал «американскому прямолинейному способу, принятому во всех изданиях Eugenics Record Office и получающему все более широкое распространение». В новой «Хронике» данный принцип был сохранен (но сняты условные обозначения болезней и патологий – ввиду неполноты данных и их дискуссионности).

Условные обозначения в таблицах

Счет поколений идет сверху вниз таким образом, что все кружки и квадраты, расположенные на одной горизонтали, относятся к одному и тому же поколению.

В приложении печатаются сведения о роде Куршаковых (из которого происходит жена внука писателя), работа Б.Н. Тихомирова «Ревность Достоевских», статья Н.Н. Богданова об авторе первой «Хроники», а также заключительная глава из издания 1933 г. – «Опыт характерологического анализа рода»: хотя некоторые выводы, содержащиеся в ней, устарели и не подтверждаются современными генеалогическими данными (это в первую очередь относится к мнению Волоцкого о деградации рода), текст представляет определенный исторический интерес.

Завершающая часть книги – цикл историко-биографических очерков И.Л. Волгина «Родные и близкие».

Издание снабжено алфавитным указателем имен, а также списком источников и условных сокращений. (Многие библиографические ссылки для удобства чтения также даны в сокращении.)

⁹ Это Сергей Сергеевич Ленин (№ 404), а также Вера и Татьяна Алексеевны (№№ 451 и 455) и их брат Сергей Алексеевич (№ 457) Ивановы; подлинные имена Ивановых восстановлены по указаниям их младшей сестры Лидии.

М.В. Волоцкой: «Относительно документальной части я должен прежде всего отметить, что она представляет продукт коллективного труда целого ряда лиц... В подобного рода генеалогических исследованиях обычно труднее всего бывает найти первого живого представителя рода. Если же первый найден, то от него уже можно получить адреса его родственников и затем постепенно расширять круг...»

Отдельные главы первого издания были полностью или частично проверены кем-либо из представителей данных ветвей: Мил. Ф. Достоевским (глава V настоящей книги), Е.П. Достоевской (глава VI, за исключением данных, записанных со слов Л.С. Михаэлис и проверенных ею самой), А.А. Достоевским (глава VIII), Е.А. Ивановой (глава IX), В.Д., В.Н. и И.Н. Голеновскими (глава XI). Ветвь Карепиных (глава VII), за отсутствием связи с кем-либо из ее представителей, осталась без родственной редакции.

В настоящее издание свою лепту внесли Г.Н. Корженевский (глава I), С.Д. Шер (глава IV), Н.А. Владиславлева (глава V), Л.Д. Ленина (глава VIII), Л.А. Спивак, Н.Н. Спивак, Е.Ю. Бабушкина (глава IX). Прямые потомки писателя, глава VI – его правнук Д.А. Достоевский.

Научная группа, подготовившая новую «Хронику»: И.Л. Волгин (руководитель проекта, Москва), Д.Л. Башкиров (Минск), Н.Н. Богданов (Москва), А.И. Роговой (Винницкая обл.), Б.Н. Тихомиров (С.-Петербург), а также редактор Е.В. Новожилова.

Исследовательская работа была поддержана РГНФ в проектах № 04-04-78408 а/Б «Документальные основы научной биографии Ф.М. Достоевского (Новые источники и исследования)» и № 06-04-00600 а «Образ России в национальном самосознании: исторический и современный контекст».

Имена составителей конкретных глав, а также информантов по ним указываются в сноске в начале каждой главы. Кроме них, в работе над книгой участвовали В.Н. Алекин, С.Л. Вааз, Г.Ф. Коган, Т.М. Новикова, материалы предоставили З.М. Волоцкая и ее семья, А.Я. Достоевская, В.Н. Захаров, И.А. Захаров, Н.В. Новикова, Н.В. Паншев, Е.В. Пчелов, Т.В. Томашевич, С.П. Тюляков.

Выражаем искреннюю признательность Государственному литературному музею и лично Т.Ю. Соболю, литературно-мемориальному музею Достоевского в Петербурге и дому-музею Достоевского в Старой Руссе за любезно предоставленные уникальные фотографии, многие из которых публикуются впервые. Благодарим за помощь ЦИАМ, а также библиотеку Центрального дома литераторов и лично Л.Ф. Хонелидзе.

Разумеется, в такой объемной, многосоставной и хронологически протяженной работе неизбежны отдельные пропуски, неточности и лакуны. В этом смысле сюжет остается открытым: любые содержательные дополнения и поправки будут приняты с благодарностью.

ХРОНИКА

РОДА ДОСТОЕВСКИХ

Глава I

ДОСТОЕВСКИЕ В XVI–XVIII вв.*

Поколение первое (возникновение фамилии Достоевских)

I. Иртищевич (он же Иртищ, Ртищевич, Артищевич) Данила Иванович
Получил 6 октября 1506 г. грамоту пинского князя Федора Ивановича Ярославича на вечное владение несколькими дворищами в селениях Достоеве¹, Полкотичах, Зенковичах, Молодове и Поречье, а также половину острова (леса) Кротова.

Жалованная грамота князя Федора Ивановича Ярославича
и супруги его княгини Елены
боярину ихнему Даниле Ивановичу Иртищевичу
на имение Полкотичи в октябре 1506 году.
Лето по седмой тысяче 15 году индикт 10,
месяц Октябрь, 6 день

...Именье Полкотичи: дворищо Ходорово Скорятич, а брата его Гаврилово дворищо, а Масево дворищо за Стругою, а Скребелич дворищо, а Малашевич дворищо, а Тимошевич дворищо, а Жукович дворищо, а в селе Зенкович дворищо, а Дядиковское дворищо, а Сенцово дворисчо, а Скварневское дворисчо,

* При подготовке первого издания «Хроники» над этой главой работали Н.П. Чулков и М.В. Волоцкой. Для настоящего издания главу готовили И.Л. Волгин, Н.Н. Богданов, Д.Л. Башкиров; также материалы представили Е.А. Чернецкий, С.В. Думин и Г.Н. Корженевский.

¹ Откуда взялось название, давшее начало фамилии? Местная легенда гласит: близ урочища Городного, резиденции князя, находилось село, поставлявшее людей в княжескую службу. Их, может быть, не без скрытой насмешки, величали достойниками (очевидно, по аналогии с польским *dostoinik* – сановник, приближенный государя). Разумелось, что почтенные этим званием люди достойны прислуживать своему господину. В отличие, скажем, от обитателей соседнего села Смердячего, которые именовались смердами и, само собой, должны были уступать дорогу горделивым достойникам (Шпандарук И.П. Достоеўскі і Беларусь. Мінск, 1975. С. 52). Достоево (иначе – Достоевицкое) – Смердячее: эта антонимическая пара не может не поразить слух. В советское время – в связи, по-видимому, с общей тенденцией к облагораживанию названий – Смердячее было переименовано в Красиевку. – *И.В.*

К началу XX столетия село *Достоев* значилось в Достоевском обществе Поречской волости Пинского уезда Минской губернии. К тому времени в селе числилось 84 двора с общим числом жителей 755 человек (360 мужчин и 395 женщин). Вблизи села находилось имение Достоево и деревня Вулька Достоевская с имением и хутором того же названия. (По материалам, присланным священником Достоевской церкви А. Кульчичским вдове писателя А.Г. Достоевской. ИРЛИ.) Селения Достоев и Вулька Достоевская обозначены на трехверстной «Военно-топографической карте европейской России» (лист 4, ряд 18). Что касается прочих перечисленных селений, то они расположены вблизи Достоева, между реками Пиной и Ясельдой. – *М.В.*

а в Достоеви Олисеевское дворисчо, а Терпилович дворищо, а в Молодове Скар-
гатинское дворисчо, а в Поречьи Боландинское дворищо, а остров Кротов,
а в том острове только боярину нашему пану Данилу иль зе знаменем, а попу
Никольскому теж знаменем, а иному никому нельзе в тот остров. А дали есмо
тому нашему боярину тое именье со всем с тым, што из старины к тем дворищом
прислухало, с землями пашными и з бортными, и з их ловы, и з реками, и з луги,
и с сеножатями, и з езы, и с озеры и со всих тых земель входы. А волен тот
боярин наш в том своем именьи, в данине нашей двор себе поселити, и пашню
вчинити, и млыны сыпати... А людем его подводы не давати, а ни в облаву не хо-
дити, а ни повозу не возити. А дали есмо тое именье тому нашему боярину вечно
и непорушно, ему, и его жоне, и их детям, и их счадком.
(Ревизия пуц и переходов. С. 116–117)

Упоминание об этой жалованной грамоте сохранилось еще в одном доку-
менте — в княжеском привилее, данном в 1519 г. церкви Св. Николая в Пинске
(которая получила половину вышеупомянутого острова Кротова) и подтверж-
денном королем Владиславом IV 18 июня 1633 г.:

Привилей князя Федора Ивановича
церкви Св. Николая в Пинске
5.VI.1519

А иж есмо преж сего дали боярину нашему Данилу Иртицу село Полкотичи
и Достоев и часть свою межи тыми селы половицу острова Кротова и з знаменем,
в котором острове з веку мел священник никольский пиньский другую половицу
тож и з знаменем, которого Кротова маеть Никольский и з Данилом Иртищом и
щадки его на полы ужывать, що есмо и в листе привилеи, Иртицу от нас даном,
тот Кротов поменили попу. А где бы дерево знаменное зо бчолами выгибло, ино
мает обе тот Кротов землю з Иртищем на полы поделити и робити на поле и веч-
не ни от кого непорушно ужывати.
(Литовская метрика. Книги записей литовских. Кн. 106. Лл. 1050–1053)

И.Л. Волгин

Отсюда, из-под Пинска, пошел род Достоевских. Это – белорусское Полесье: «огром-
ный полный тайн край в самом центре Европы». Глухие, почти непроходимые леса (в годы
Великой Отечественной укрывавшие целые партизанские армии), необозримые болота,
ширь, высота, простор. Полноводное течение Припяти, вобравшей в себя сотни рек и
речушек...

«Мы, Достоевские, литовцы...» Кто будет спорить: Пинск и его окрестности входят в
состав Великого княжества Литовского.

«Но вот вышел на эстраду небольшой сухонький мужичок, мужичок захудалый, из за-
худалой белорусской деревушки», – так передает свои впечатления воспоминатель, наб-
людавший автора «Карамазовых» в последний год его жизни². Разумеется, мемуарист

² Поссе В.А. Пережитое и передуманное. Л., 1933. С. 73. – И.В.

слыхом не слыхивал ни о каком селе Достоеве: он лишь подмечает резко обозначенный этнический тип.

Сам Федор Михайлович очень мало говорит о своих предках. Его имя было внесено в московские дворянские книги лишь после того, как его отец *выслужил* себе потомственное дворянство; следовательно, с формальной точки зрения, писатель должен был числить себя членом привилегированного сословия только во втором поколении. Однако он не мог не чувствовать двусмысленности своего социального происхождения: дворянин без солидного генеалогического «стажа» – и в то же время отпрыск упоминаемого в источниках XVI в. рода. Не потому ли на каторге, *лишенный* дворянства, он в спорах с поляками будет яростно настаивать на своей принадлежности к сословию – как бы подвергая сомнению по высочайшей воле совершившийся акт? Разумеется, в глазах того, кто опирается на древнее родовое право, акт этот не мог иметь никакой моральной и юридической силы. (*Родиться в России. С. 8, 10–11*)

По постановлению Виленского сейма 1 мая 1528 г. «колько хто з панов рад врядников и всих обывателей Великого княжества Литовского з ымений своих к службе военной коней ставити мает» Данилей Ртищевич, пинский боярин, должен был выставить одного коня (*Литовская метрика. Переписи войска литовского. С. 188 (Л. 202)*).

Н.П. Чулков

Родоначальником Достоевских является Данило (Данила) Иванович Иртищ (по другим документам: Ртищевич, Иртищевич, Артищевич), боярин пинского князя Федора Ивановича Ярославича. Князь этот принадлежал к московской ветви Рюриковичей и был потомок князя Владимира Андреевича Храброго, участника Куликовской битвы. Отец Федора Ивановича, князь Иван Васильевич, бежал в Литву в княжение Василия Темного в 1456 г.³ Боярин Данило Иванович Иртищ мог быть или из местных уроженцев – или не исключена возможность, что он или его отец эмигрировали в Литву из Московского государства, может быть, в свите своего князя. Такие случаи, когда князья вместе со своими служебниками перебегали из Москвы в Литву и обратно, в то время вообще имели место.

В Московском государстве потомки князя Владимира Андреевича Храброго владели Боровско-Серпуховским княжеством <...>

Прозвище родоначальника Достоевских – Ртищевич, Иртищ, Артищевич – напоминает великорусский род Ртищевых. По данным родословных, этот род (вместе с Арсеньевыми, Сомовыми, Кременецкими и др.) происходит от выехавшего около 1389 г. из Золотой Орды Аслана-Челеби-мурзы⁴. Великий князь московский пожаловал ему в кормление Кременеск (в 20 верстах от Боровска),

³ О князе Федоре Ивановиче и его предках см.: Экземпларский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. СПб., 1891. С. 293–315; Boniecki, Adam. Herbarz Polski. T. 7. 1904. С. 260–262. – *М.В.*

⁴ Не был ли связан этот выезд с очередным разгромом, учиненным над Золотой Ордой Тимуром – как раз в 1389 г.? – *И.В.*

Герб Ртищевых

бывший в уделе у князя Семена Владимировича Боровского, сына Владимира Андреевича Храброго⁵.

Самые ранние документальные упоминания об Иртищах (но еще не Достоевских) содержатся в «Книгах записей литовских», именно в записях земельных дач короля Казимира («Во имя Боже, то сут книги, кому корол именья роздал»). На л. 26 имеется запись, что король даровал «Иртищу село Калечина, а два чловеки», на л. 26 об. — что Степану Иртищу даруется «Леповица там же за Мезоцком и на вотчизну». Упоминаемый в грамоте

Мезоцк — вероятно, Мезецк, то есть прежний Мещовск, Калужской губернии.

Жалованные грамоты Иртищам чередуются с жалованными грамотами князьям Ярославичам, с которыми Иртищи, по-видимому, были связаны служебными отношениями. Так, например, на л. 25 имеется запись: «Кнгни Ерославича село Немезки у Смоленску, а две купленины, што ещо муж ее закупил», а на л. 26 — «Князю Василью Ерославичу Плесо со всим...»⁶ Все эти грамоты относятся к XV в., приблизительно к 1447—1448 гг., то есть к тому времени, когда князья Ярославичи, уйдя из Московского государства, жили, очевидно, еще не в Пинском княжестве, а восточнее, вблизи московской границы: на тех листах вышеупомянутой книги, где указаны пожалования князю Ярославичу и Иртищу, очень часто упоминаются Смоленск, Брянск, Рославль, Мстиславль, Мезоцк (Мещовск).

Не имея права настаивать на каких-либо выводах, сопоставим только указанные три факта: 1) родоначальник Ртищевых поселяется в Боровском княжестве; 2) князья Ярославичи (т.е. потомки боровских князей) упоминаются в актах о земельных пожалованиях середины XV в. одновременно с Иртищами; 3) потомки боровских князей в XVI в. имеют в числе своих бояр Иртища, называемого также Ртищевичем, Артищевичем, Иртищевичем. О Ртищевых, кроме нескольких

⁵ Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Т. I. Род Ртищевых. СПб., 1912. С. 284–285. — М.В.

Аслан-Челеби-мурза был крещен великим князем московским Дмитрием Донским, принял имя Прокопий и женился на дочери княжеского стольника Марье Зотовне Житовой. (Достоевский в рассуждении о предках, павших, как мечталось бы, на Куликовом поле, вряд ли предполагал, что в его случае предки могли пасть как с той, так и с другой стороны.) От этого брака предположительно пошел род Ртищевых. На гербе Ртищевых — к грядущему огорчению блюстителей геральдической чистоты — располагались луна (полумесяц) и шестиугольная звезда, что, очевидно, намекало на не вполне право-славное происхождение владельцев. Впрочем, во избежание двойных толкований намек был уточнен внятным изображением пары вооруженных татар. — И.В.

«У сего Прокопия был сын Лев по прозванию Широкой Рот, коего потомки Ртищевы Российскому престолу служили...» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., б/г. Ч. 3. Л. 23). — Ред.

⁶ См.: Документы московского архива Министерства юстиции. Т. I. М., 1897. С. 24; Там же. Предисловие. С. IX, X. — М.В.

имен, вплоть до царствования Иоанна Грозного ничего не известно, так что нет никаких данных для утверждения или отрицания гипотезы, что Данила Иванович Ртищевич мог быть из рода Ртищевых.

Д.Л. Башкиров

Можно утверждать практически однозначно: все, кто в разное время носил фамилию Достоевский, ведут свое начало от Данилы Ивановича Иртищевича. До пожалования ему Достоево входило в состав земельных владений князя Юрия Семеновича Наримунтовича, которому, в свою очередь, было даровано Казимиром IV в 1452 г. Достоево – часть комплекса «особного держанья», имения Дружиловичи. Из него князь Юрий Семенович записывает Дружиловичской церкви Св. Николая людей, землю, дань в Ополье, Достоеве, Мотоле, Довечеровичах⁷. Следующие после потомков Данилы Ивановича (по-видимому, с 1669 г.) владельцы Достоева уже носили достаточно известные фамилии.

Роль Достоева, давшего название роду, трудно переоценить. Именно достоевское начало позволяет говорить о роде Достоевских, подкрепляя суждения не только гипотезами, когда речь идет об Иртищевичах – Данилевичах, но и документальными источниками.

Значение Достоева становится понятно, когда мы пытаемся собрать сведения о предках Данилы Ивановича. Здесь почти все построено на гипотезах и предположениях; если и имеются факты, то чаще всего косвенные. Поэтому гипотеза М.В. Волоцкого о «ртищевских» истоках рода Достоевских требует уточнения, сведения воедино всех имеющихся материалов – которые показывают, что эта версия, подсказанная изысканиями Н.П. Чулкова, не единственная.

Само прозвище предшественников рода Достоевских – Иртище – неоднозначно. М.В. Волоцкой свои предположения о начале Достоевских основывает на том, что «прозвище родоначальника Достоевских – Ртищевич, Иртищ, Артищевич – напоминает великорусский род Ртищевых». Однако данные доводы построены на близости Иртищевичей с князем Федором Ивановичем, потомком боровско-серпуховской княжеской ветви. Именно эта связь позволяет делать предположения по поводу истории рода до того знаменательного момента, когда его представители стали владельцами Достоева и ряда других имений.

Есть несколько версий этимологии прозвища Иртище – и они не безотносительны к истории жизни первых Иртищевичей. По данным словаря русского языка XI–XVII вв., «рты», «ирта» – лыжи, лыжа: «И приидоша на них <татар> Мордва на ртах <...> а казаки Рязанские также на ртах с сулицами и с рогатинами»⁸. Вариант «ирты» – охотничьи лыжи был распространен в орловско-трубчевской области, то есть там, где достаточно часто формировались и проходили дружины князя Василия Ярославича. Есть в летописях примеры употребления этого слова при описании событий, напрямую связанных с борьбой Василия II Темного и Дмитрия Шемяки – борьбой, в которой Василий Ярославич принимал самое активное участие⁹.

Другой возможный вариант происхождения прозвища – от слово «арса» («артыш»), то есть можжевельник.

⁷ Грушевский. С. 155. – Д.Б.

⁸ [Битва на Листани 1444 г.] // ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 62.

⁹ Там же. С. 61.

Стоит обратить внимание и на одно любопытное совпадение. В той книге Литовской метрики, где находятся сообщения о пожалованиях Степану Иртишу, есть описание имений по реке Рось. Среди прочих упоминается «Ртищев, село. А в том селе атамон и два слуги, на воину хаживали, а подымщину давали на приезд великому князю Витовту»¹⁰. Если речь идет о Роси, которая течет через Белую Церковь и Богуслав и с запада впадает в Днепр, то мы в поисках происхождения интересующего нас прозвища приходим к так называемому Поросью – очень любопытному историческому месту Киевской Руси. После побед, одержанных в Польше в 1031 и 1032 гг., князь Ярослав Мудрый расселил по берегам Роси пленных¹¹. Здесь древнерусские князья традиционно селили своих тюркских вассалов, черных клобуков: «...Васильку окрестности Роси, где жили Торки и Берендеи»¹², «и ту прислашася к нему Чернии Клобуци и все Порусье...» Последняя цитата интересна еще и тем, что относится к тексту, описывающему бунт киевлян 1146 г., когда среди прочих был разгромлен двор княжеского тиуна Ратши: «устремишась на Ратшин двор грабити...»¹³ Ратша (Ратиша, Рачша); в дальнейшем в летописи появляется имя Ратишич, Козьма – оруженосец Всеволода Большое Гнездо; от данного имени вполне могло произойти название поселения Ртищево.

Сразу нужно заметить, что мы уже никогда не сможем аргументированно и на основе документальных подтверждений связать «московских» Ртищей и «литовских», ставших впоследствии Достоевскими. Население приграничных территорий между Московским княжеством и Великим княжеством Литовским было подвижно. Сами князья по разным причинам неоднократно переезжали из Литвы в Москву и обратно, порой с многочисленной свитой. Единственное, что можно утверждать: все известные нам упоминания о Ртищах (именно Ртищах, а не Ртищевых) на русских землях относятся к Серпуховско-Боровскому княжеству и его правителям. И здесь же следует подчеркнуть, что, начиная с князя Андрея Ивановича, которому Иван Калита отказал Боровск и Серпухов в 1339 г., все эти правители так или иначе были тесно связаны с Литвой. Именно на время Андрея Ивановича приходится первое и, наверное, самое значительное упоминание о Ртищах. Находим мы его в «Житии Сергия Радонежского» Епифания Премудрого: «Все они пришли в Радонежскую весь, которую дал Князь Великий сыну своему меньшому, Князю Андрею, и тот поставил там наместником Терентия Ртища...» (Заметим, что Аслан-Челеби-мурза, от которого ведет свое начало в том числе и род Ртищевых, отъехал в Москву позже – в 1389 г.) Сын Андрея Ивановича, герой Куликовской битвы князь Владимир Андреевич Храбрый, был женат на дочери великого князя Литовского Ольгерда. В 1415 и 1421 гг. в Литву отъезжал его сын, отец Василия Ярославича¹⁴. Вполне вероятно, что первые Ртищи – Ртищевы могли выехать в Московское княжество из Литвы уже в это время, но они также могли и

¹⁰ Литовская метрика. Книга записей № 3 (1440–1498). Вильнюс, 1998. С. 87.

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 18.

¹² Там же. С. 165. В «Двойнике» Ф.М. Достоевского от названия последних образована фамилия заглавного благодетеля Голядкина – Олсуфия Ивановича Берендеева. Не считая возможным делать из данного факта каких-либо серьезных выводов, все же отметим, что в истории создания «Двойника» отсутствуют значимые внешние факторы, могущие оказать на писателя влияние при выборе этой «экзотической» фамилии – такие, как, например, в истории создания «Снегурочки» А.Н. Островского, где образы царства берендеев навеяны преданиями и топонимами Щелокова и «Народными русскими сказками» А.Н. Афанасьева. – Д. Б.

¹³ Там же. С. 306.

¹⁴ См.: Экземплярский А.В. Указ. соч.

возвращаться обратно, следуя за своим покровителем. На это косвенно указывает тот факт, что Ртищи – Ртищевы несколько раз упоминаются в актах конца XV в., так или иначе связанных с Радонежем и Троицким монастырем. В ряде документов фигурирует «деревня», «пустошь» Ртищево, на которую предъявлял права Троицкий монастырь. Один из этих документов любопытен. Датируется он 1492–1494 гг., но фрагмент, который нас заинтересовал, представляет собой слова «старожила», рассказывающего о событиях полувековой давности: «Налево земля великого князя Радонежская, а направо земля великого князя Ртищево, что они пашут крестьяне монастырские; а жил, господине, на том селище на Ртищево крестьянин великого князя Ивашко Ртищо»¹⁵. Мы указываем на этот факт, потому что совпадение поразительное. Речь идет о Ивашке Ртищо, жившем примерно в то время, когда отъезжали в Литву и Василий Ярославич, и Иван Васильевич.

Следует указать на ряд упоминаний о Ртищах – Ртищевых в XVI в. Они интересны тем, что связаны с Иосифо-Волоколамским монастырем, основанным, как известно, учеником преп. Пафнутия Боровского преп. Иосифом Волоцким. Его предки в свое время выехали из Литвы, а сам он принял постриг в Боровском монастыре. Упоминания о Ртищевых в XVI в. прямого отношения к Иртищевичам – Достоевским не имеют, но прослеживается вполне определенная тенденция – все они так или иначе связаны с бывшим боровско-серпуховским княжеством и с Литвой.

Первый из интересующих нас отъездов боровско-серпуховских князей кратковременный и приходится на 1446 г. Воспользовавшись своим правом, в Литву уходит Василий Ярославич. Сторонник и шурин свергнутого Дмитрием Шемякой Василия II Темного, он не столько спасается бегством, сколько ищет возможности для возвращения великого князя на престол. Пребывание Василия Ярославича в Литве недолгое, однако он некоторое время распоряжается пожалованными ему Казимиром IV землями и городами: Брянском, Стародубом, Гомелем, Мстиславлем (в последнем он обосновался сам). Отъезжая, князь преследует единственную цель – собрать силы, с которыми можно было бы вернуть великое княжение Василию Темному. В такой ситуации естественен поиск и набор сторонников в пожалованных землях. Именно на это время приходится упоминание в Литовской метрике Степана Иртища, получившего ряд земельных пожалований, которые, как верно отметил Н.П. Чулков (в отношении второй записи, относящейся к Василию Ярославичу), чередуются с дачами короля Казимира князю Василию Ярославичу, а сами земли примыкают к владениям князя в Литве. Однако следует отметить, что исследователь, зная о двух отъездах в Литву боровско-серпуховских князей (отца в 1446 г. и сына в 1456 г.), не придает должного значения обстоятельствам этих отъездов. В том же 1446 г. Василий Ярославич уходит обратно в Москву, исполнив в Литве свою миссию (заметим, что указанные выше акты в Литовской метрике не имеют точной датировки, как в источнике, так и у исследователей). Отъезд Василия Ярославича объясняет, почему в документах больше не фигурирует Степан Иртище или его потомки Степановичи, появляется пропуск целого поколения (с 1446 по 1506 гг.).

На данный момент мы не располагаем документальным подтверждением родства между Степаном Иртище и Даниилом Ивановичем Иртищевичем – их можно связать только по сходству прозвищ и общим покровителям. Однако обращает на себя внимание одно обстоятельство: упоминания об Иртищах – Ртищах появляются в Литовской метрике

¹⁵ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. М., 1952. № 571.

и в актах Московского княжества почти одновременно. Объяснить это можно в том числе и связью их с определенным историческим событием. Сам характер появления и исчезновения документальных свидетельств позволяет сделать некоторые предположения. С одной стороны, пожалование Степану Иртищу соотносимо с пребыванием в Литве князя Василия Ярославича, с другой – все «московские» упоминания о Ртищах и топоним Ртищево относятся к Радонежу и Боровско-Серпуховскому княжеству, куда тянулись многие выходцы из Литвы. Все пожалования Ртищам, и «московским», и «литовским», так или иначе связаны с династией боровско-серпуховских князей. То, что линия Терентия Ртища не получила развития на страницах документов, может свидетельствовать о том, что он был «пришельцем», основавшим свое «благополучие» на близости к князю и затем утратившим его. С его положением сходно положение Степана Иртища, только уже в Литве. О нем сохранилось лишь одно документальное свидетельство – что может объясняться очень просто: отъездом из Литвы князя Василия Ярославича. Вполне возможно, Степан утратил право на пожалование, уйдя на Русь вместе со своим покровителем.

Однако, предположив, что Иртищи пришли в Литву в свите Василия Ярославича, а потом проделали с ним обратный путь, мы должны объяснить, почему в следующий раз в документах мы встречаем их после почти полувекового перерыва и только при князе-внуке. *М.В. Волоцкой прав, связывая судьбу Иртищей с судьбой боровско-серпуховских князей. Однако, учитывая появление этого имени рядом с пожалованиями Василию Ярославичу, следует обратить внимание и на его отсутствие в определенный период при Иване Васильевиче.* Это говорит о том, что второй раз Иртищ в Литву не приезжал. На то же указывают и обстоятельства второго княжеского отъезда. В случае с Даниилом Ивановичем речь идет не о том, кто последовал в Москву за Василием Ярославичем, а затем (или он сам, или его потомок) вернулся назад с Иваном Васильевичем, – а о представителе «литовской» ветви рода. Иначе трудно объяснить, почему пожалование делается лишь Федором Ивановичем. Данила Иванович был «боярином», то есть относился к низшему рангу служилых людей. Все его заслуги, следовательно, связаны со службой князю Федору Ивановичу, уже в Пинске¹⁶.

Второй княжеский отъезд в Литву резко отличается от первого. Если Василий Ярославич уезжал «и со княгинею и з детми, и со всеми людьми»¹⁷, то Иван Васильевич в 1456 г. бежит тайно. Обстоятельства его отъезда сходны с теми, при которых через столетие покинет Русь другой знаменитый эмигрант – Курбский. Василий Ярославич заточен в Угличе. (Причины опалы преданных союзников Василия II Темного по борьбе с Дмитрием Шемякой необъяснимы.) В «изыманье» вместе с ним находятся три его малолетних сына от второго брака (здесь они и погибли). Княгиня и сын от первого брака Иван Васильевич спасаются бегством от верной гибели... Позже слуги князя предпримут попытку освободить его. Замысел откроется Василию Темному, и в 1462 г. состоится казнь, которая произведет жуткое впечатление на очевидцев, тем более что случится в Великий пост¹⁸. Никоновская летопись сообщает, что великий князь приказал всех участников заточить и казнить

¹⁶ Косвенно наши рассуждения говорят о том, что и неизвестный нам отец или дед Даниила Ивановича, участвовавший в злоключениях боровско-серпуховских князей в Московском княжестве, тоже был выходцем из Литвы. – Д.Б.

¹⁷ Русские летописи. Т. 7. Ермолинская летопись. Рязань, 2000. Л. 276.

¹⁸ Там же. Л. 286 об.

(бить кнутами, отсекают руки, отрезать носы, рубить головы). После такой расправы трудно предположить, чтобы уцелел кто-то из приближенных князя. *Его сын окажется в Литве один и будет искать сторонников среди местных жителей. Иртищевичи – выходцы из земель Великого княжества Литовского. Один из них, возможно, ушел из Литвы в Москву в 1446 г. вместе с князем Василием Ярославичем и там погиб, а его родственников спустя полвека приближают к себе князь Иван Васильевич и его сын Федор Иванович.*

О жизни беглеца в Литве известно мало. Король Казимир пожаловал ему Давид-Городок (здесь князь провел остаток своих дней), Клецк, Рогачев. М.В. Волоцкой не находит Иртищевичей среди приближенных Ивана Васильевича. Родоначальник Достоевских – «служебник» уже его сына, Федора Ивановича, князя Пинского, и, соответственно, место расселения Иртищевичей – Пинск и окрестности. Трагические обстоятельства, при которых покидал Русь Иван Васильевич, предполагают, что каждый уцелевший из княжеского окружения был бы выделен и награжден. Следовательно, Иртищей среди вернувшихся не было. Это означает, что Данила Иванович – потомок «литовских» Иртищей, которые обратили на себя внимание князей своим родством с теми, кто мог быть жертвой угличской трагедии.

В пожаловании Даниле Ивановичу 1506 г. обращают на себя внимание два противоречащих друг другу факта: достаточно крупные размеры пожалованного и отсутствие свидетельств того, что Данила Иванович входил в наиболее приближенный к князю круг «бояр пинских».

От княжения Ивана Васильевича сохранилось немного документов, один из них – пожалование церкви Св. Димитрия в Городке 1507 г. Документ довольно сложен, и для большей его убедительности воля князя подтверждена подписями нескольких приближенных, среди которых фигурирует некто Григорий Иванович Бруйка¹⁹. А в Литовской метрике записей есть «лист» Матфея Гричаниновича от 1524 г.²⁰, под которым также стоят подтверждающие подписи – и здесь назван Григорий *Иртищевич* Бруйка. Кроме того, упомянут Семен Корнилович Тур – сын Корнила Андреевича Тура, подписавшегося под актом 1507 г.²¹ Соотнеся оба документа, мы не без оснований можем говорить об одном и том же человеке – Григории Ивановиче Иртищевиче-Бруйке, принадлежавшем к старшей «городецкой» знати, то есть входившем в ближайшее окружение князя Ивана Васильевича. Таким образом, речь идет о старшем брате родоначальника Достоевских, имевшем определенное влияние, которым и можно объяснить щедрое пожалование князя Федора Ивановича его младшему брату.

Различие в положении братьев ощутимо. Оно сказывается и в том, что Данила Иванович никогда не подписывался под документами такого рода, и в том, какое место занимали потомки Григория Ивановича в Давид-Городке (частота, с которой имя Ждана Бруйки мелькает на страницах юридических документов первой половины XVI в., и их четкая принадлежность к Давид-Городку и его окрестностям сравнима с юридической активностью

¹⁹ *Ревизия пущ и переходов*. С. 349. Имя Бруйка пришло к Иртищевичам, скорее всего, от названия населенного пункта Бруйск в Каменецком повете около реки Нарев (там же, с. 163), в непосредственной близости от Давид-Городка. – Д.Б.

²⁰ См. также: *Грушевский*. С. 60. – Д.Б.

²¹ *Ревизия пущ и переходов*. С. 349.

Данилевичей – Достоевских – Полкотичских, только уже в Пинске и спустя полвека). «Городецкая» (Григорий Иванович) и «пинская» (Данила Иванович) ветви Иртищевичей, очевидно, соотносятся соответственно с князем Иваном Васильевичем и его сыном Федором Ивановичем. Бруяки – тот след, который уходит в эпоху трагедии и бегства Ивана Васильевича.

В Национальном историческом архиве Беларуси обнаружен документ по земельному спору помещика Корженевского²², представляющий собой выписку 1785 г. из пинских ревизских книг. В основе выписки лежит более ранний источник: дело о размежевании границ в селениях Высоком и Купятичах в 1552 г. по прошению игумены монастыря Св. великомученицы Варвары Ульянии Почаповской пинским старостою и ревизором королевы Боны Станиславом Фальчевским. Земельные права монастыря игуменья подтверждает актом от 14 мая 1506 г. о пожаловании князем Федором Ярославичем *«Татьянь Ивановой Ртищевичевой»*, а по смерти ее на церковь святой великомученицы Варвары надвориче Пискаловщина называемое повета пинского об селении Особичах состоявшее, наданного ни в точныя времена с тем, что кто будет игуменьею одного монастыря по смерти ея оным дворичем <...> будет владеть». «Привилегия в урадовой выписе 1506 г. 14 дня мая» была извлечена из пинских гродских книг в 1617 г., следующая выписка сделана в 1774 г. «по причине потери чрез разные нападения». Что касается самого документа, то, во-первых, он сообщает о самом первом из известных нам пожалований предкам будущих Достоевских (май 1506 г.), во-вторых, речь в нем идет о матери Данилы Ивановича – жене, а на тот момент уже вдове «служебника» князя Ивана Васильевича – Ивана Ртищевича. На это же указывает и то, что данное пожалование предшествует пожалованию того же князя самому Даниле Ивановичу.

Таким образом, найденные материалы, хотя и косвенно, но с большой долей уверенности позволяют говорить о белорусском происхождении предков писателя. Во-первых, ранее исследователи не проводили различия между двумя отъездами в Литву боровско-серпуховских князей. Во-вторых, два вновь открытых древнейших представителя рода Иртищевичей, к которому восходит род Достоевских, – брат (по-видимому, старший) Данилы Ивановича *Григорий Иванович Иртищевич-Бруяка* и их мать *Татьяна Ивановая Ртищевичева* – уже не позволяют видеть в первом из Достоевских изолированную, случайную в Пинском княжестве фигуру.

Поколение второе

Потомки Данилы Иртищевича по мужской линии именуются уже Достоевскими. Таким образом, 1506 г., когда Иртищи получили часть села Достоева, можно считать датой возникновения фамилии. Следует, впрочем, добавить, что она утвердилась за потомками Данилы Иртищевича не сразу и сыновья, Семен и Иван, именуются иногда Достоевскими, иногда же Данилевичами, по отцу (Семен один раз назван по деду – Артищевичем), и только за внучатым поколением окончательно утверждается фамилия Достоевских.

²² НИАБ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

II. Достоевский (Данилевич, Артищевич) Семен Данилович
[? – 1562 (1563)]. Сын предыдущего, пинский земянин²³.

I / ?

В 1552 г. получил от королевы Боны привилегию, в которой выступает в роли совладельца имения (села) Морочне в Пинском повете (*Бравер*). По-видимому, был женат два раза. От первого брака имел сына Богдана, от второго, с Ганной Семеновной – Антона.

Упоминается в подтвердительной грамоте королевы Боны 1556 г., в связи с его женитьбой на Ганне и дарованием ему части дворищ Хмеленского и Величковского (см. ниже).

В 1561 г. имел собственный дом [на площади 2 прута²⁴] с участком огородной земли [3½ прута] в Пинске по Городисской улице (*Писцовая книга бывшего пинского староства. Ч. 1. С. 33 (32)*).

2 июля 1562 г. датирована жалоба земянина Семена Данилевича «на отобрание служебником мостовничего пинского Гаврилом кобылы рыжей у его подданного Васка Яцковича», а 17 ноября 1563 г. земянин Богдан Семенович Данилевич Полкотичский обращается с просьбой о «виже²⁵ для присутствия им при отъезде со своего двора отцовского челяди мачехи своей и донесенье вижа по тому же делу». Речь идет об удалении из Полкотичей Ганны, что, очевидно, могло произойти только после смерти ее мужа (*Грушевский. С. 136*).

III. Достоевская

Первая жена Семена Даниловича.

IV. Василевская, по мужу Достоевская Ганна [Семеновна]

[? – после 1563] Вторая жена Семена Даниловича.

Мать Ганны Василевской, тоже Ганна, 23 февраля 1552 г. получила от польской королевы Боны жалованную грамоту на два дворища — Хмелевское и Величковское в селе Морочной, данные на «хлебокормление». Через четыре года, после смерти владелицы, королева выдала подтвердительную грамоту на те же дворища трем ее зятям.

Подтвердительная грамота королевы Боны
3.I.1556

Бона Божею милостью королева Польская, навьшша кнегини Литовска, Руска, Пруска, Жомоитска, Мазовецка и иных.

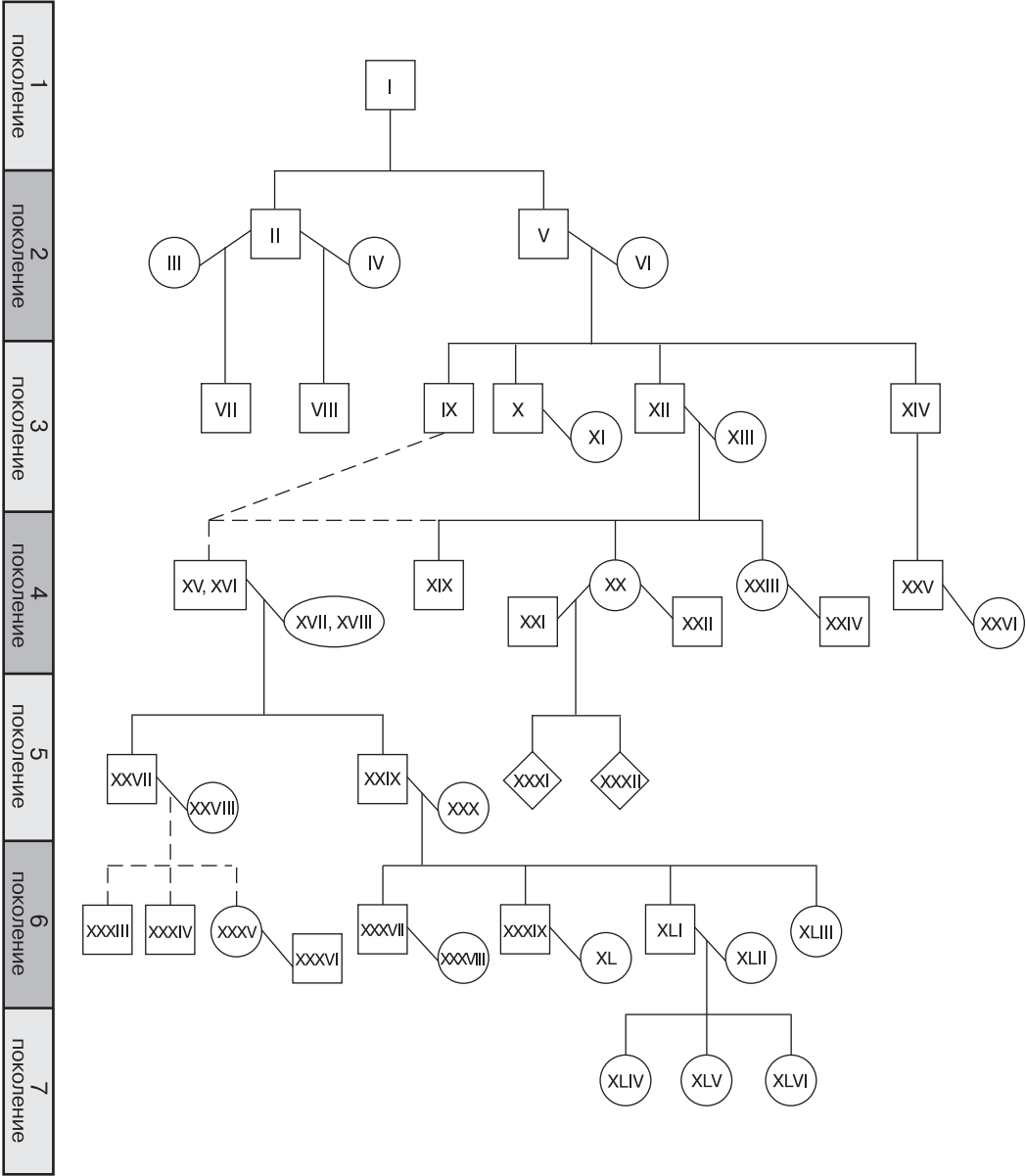
Ознаймуем сим нашим листом, кому потреба того ведати, або чтучи его слышати, иж што первой сего, з ласки нашое господарское, дали есмо были подданной нашой, земянице Пинской, Ганне Василевской, по животе мужа ее, небожчика Василевского, две дворища з волости нашей Пинской, в селе Морочной лежачие, на имя Хмелевское и Величковское, до воли и ласки нашое господарское держати. То как оная Ганна Василевская тых прошлых часов змерла, а три девки по себе

²³ Землевладелец шляхетского происхождения. – М.В.

²⁴ Прут – средневековая мера площади, соответствующая примерно 39 м². – Ред.

²⁵ Судебный следователь, пристав. – Д.Б.

ДОСТОЕВСКИЕ В XVI–XVII вв.

оставила, которые вжо замуж пошли. Первая дочка Марина, которую понял Матуш; другая дочка ей Светохна, которую понял земянин наш Пинский Андрей Головка; третья — Ганна, которую понял земянин наш Пинский жо Семен Данилевич. И били нам чолом тые земяне наши верхуписанные, Матуш, Андрей Головка, Семен Данилевич, сами от себе и от жон своих, дочек небожницы Ганны Васильевское, иж быхмо ласку нашу уделали а тые две дворища, у сели Морочной, Хмеленское и Величковское, им на хлебокормление и на службе земской дали <просьба трех мужей была королевой Боной удовлетворена>.

(Ревизия пущ и переходов. С. 118–119)

V. Достоевский (Данилевич) Иван Данилович

I / ?

Брат Семена Даниловича Достоевского, пинский земянин.

Владел в 1552–1555 гг. в с. Ляховичах (*Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств. С. 100, 333–334*) землей в трех полях, данной ему взамен взятой у него земли. Имел собственный [каменный] дом в Пинске, в «другой стороне» Старого рынка [площадью 1½ прута]²⁶ (*Писцовая книга бывшего пинского староства. Ч. 1. С. 7 (6); [Бравер]*).

Д.Л. Башкиров

Основные земельные пожалования распределились между сыновьями Данилы Ивановича следующим образом: Достоево отошло Ивану, а Полкотичи – Семену. С определенной степенью доказательности можно утверждать, что Достоевские – потомки Ивана Даниловича. Так, в «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств...» Достоево указывается как владение Ивана. Подтверждением может служить и тот факт, что Семен Данилович и его сын Богдан проходят по документам уже как Полкотичские. В свою очередь Иван Данилович в одном из источников именуется Достоевским. Это первое документальное упоминание фамилии.

[Граница села Ляховичи. Первая стена главная начинается от земли Ивана Достоевского <...> земли Дружиловского священника, отошедшие в с. Полочичи Ивану Даниловичу <...> земли при селе Паршевичи, при селе Ляховичи, замена с Дружиловским священником в селе Полкотичи...]

Иван Данилевич зашел за реку в Дружиловский обруб со стороны своего двора и распахал себе в двух местах за мельницей и мостком 29 моргов и 25 протов негодной земли. Он же в королевской пуще распахал себе по разным местам при Дружиловской дороге за отданные поля 1 уволок и 20 моргов²⁷ негодной земли. Владение этой землей ему запрещено, но он обсеменил поля; с них хлеба будут собраны на замок. Там же он много посушил дерева; ему также воспрещено производить дальнейшую расчистку полей. Всей такой спорной земли 2 уволока 19 моргов 26 протов негодного качества.

(*Писцовая книга бывшего пинского староства. Ч. 1. С. 213 (212), 215 (214). Ч. 2. С. 565 (564), 595 (594), 597 (596)*)

²⁶ В центре города, на Старом рынке, дома стояли так тесно, что «огородов» практически не имели; Семен Данилович на окраинной Городисской улице уже мог позволить себе эту роскошь. – И.В.

²⁷ Морг – примерно 0,6 га, уволок – 21,4 га. – Ред.

VI. Фурсович, по мужу Достоевская [Анна]²⁸

Жена предыдущего. Дочь пинского боярина Венедикта Фурсовича, служебника князя Федора Ивановича, и Огренки Калавуровны, «панной з сеней» княжеских (*Ревизия пуц и переходов*. С. 288).

Изменение сословного статуса второго и третьего поколений Иртищевичей связано с тем, что они рождаются с влиятельными пинскими шляхетскими родами; в первую очередь речь идет о браке Ивана Даниловича с представительницей семьи Фурсовичей. Три дочери Фурсовича выходят замуж за земян пинских – кобринского войскового Макара Мартиновича, Андрея Кмита и Ивана Данилевича, которые обращаются с просьбой подтвердить их права на земли, пожалованные князем Федором Ивановичем в 1515 и 1517 гг. Венедикту Фурсовичу и отданные последним в приданое дочерям (*Ревизия пуц и переходов*. С. 70–73, 288–289).

*Поколение третье***VII. Данилевич (Полкотичский) Богдан Семенович****II / III****VIII. Полкотичский Антон Семенович****II / IV?**

Д.Л. Башкиров

По-видимому, ветвь Иртищевичей – Данилевичей – Полкотичских быстро пресеклась. На страницах документов мы можем проследить судьбу представителей только двух поколений. В середине XVII в. Кропотово и Полкотичи уже принадлежат некоей Терлецкой, жене Андрея Терлецкого. Только в 1657 г. встречается имя Ян Полкотичский²⁹, но определить его отношение к той ветви рода, которая ведет начало от Семена Даниловича, сложно.

В переписи войска Великого княжества Литовского 1567 г. среди прочих пинских земян назван Антон Полкотичский, охарактеризованный следующим образом: «еще молод выросток отца дей не мает, ставил коней 2-х» (*Литовская метрика. Переписи войска литовского*. С. 1204). По этому поводу можно сделать два предположения: или за время с 1563 по 1567 гг. скончался Богдан Семенович, и тогда речь идет о его сыне – или же это Антон Семенович, младший сын Семена Даниловича, возможно, от брака с Ганной. Второе предположение наиболее вероятно.

IX. Достоевский Сасин Иванович**V / VI**

(? — до 1582). Земянин Пинского повета (уезда).

Был урядником Пинского гродского суда, позднее пинским подстаростой (*Бравер*).

²⁸ Посеничи, которыми в XVII в. владел Абрам Щастнович Достоевский, в предыдущем столетии были записаны Фурсовичем в приданое дочери Анне (см. об этом: Злобин Э. Поселения Пинщины. <http://pinskhistory.by.ru/Book/country14.html>). – Ред.

²⁹ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. С. 396.

Согласно «Попису войск литовских», в 1567 г.³⁰ выставил на военную службу двух коней со своего родового имения, одного коня с купленного имения Дубой и воина, а также одного воина с ручницей (ружьем) (*Литовская метрика. Переписи войска литовского. С. 1204 (Л. 728 об.)*).

Х. Достоевский (Данелевич³¹) Федор Иванович V / VI
Брат предыдущего, земянин Пинского повета. Домовник князя Курбского в 1572 г. (*Boniecki*) [Подстароста и городничий Пинский 1580 г.³²]

В «Реестре попису войска Литовского» 9 июля 1565 г. в числе земян Пинской хоругви упоминается Федор Иванович Данелевич, который должен был выставить «2 кони — збройно, по гусарску, а драба з ручницею на кони» (*Литовская метрика. Переписи войска литовского. С. 309 (Л. 44)*).

И.Л. Волгин

Некоторая часть Достоевских (главным образом пинская ветвь) была интегрирована польско-литовским государством, приняла католичество или унию и, потеряв родовое имя (оно в этих местах позднее не прослеживается), растворилась в рядах обедневшей шляхты. Захудалый род, постепенно утрачивающий дворянство, — картина в общем обыкновенная.

Другая часть потомков Данилы Ивановича, переместившись южнее, пыталась сохранить православную веру и безусловно сохранила родной язык...

В 1570-х в окрестностях Владимира-Волынского проживает Федор Иванович Достоевский, земянин Пинского повета — «уполномоченный приятель» (так именуют его документы) отъехавшего в Литву опального князя Андрея Курбского. Те, кто склонен к поискам литературных предтеч в десятом поколении, должны бы насторожиться. Но увы, нет ни малейших намеков на то, что «уполномоченный приятель», игравший роль некоего семейного адвоката при Курбском и его новой зарубежной супруге (оставшаяся на родине беременная княгиня, естественно, была уморена в темнице вместе с ребенком), имел хоть какое-то касательство к захватывающему диалогу своего патрона с Иваном Грозным... Впрочем, если найдется желающий развить эту многообещающую идею, мы не станем ему мешать.

Следует еще раз обозреть фамильное древо. Из четырех сыновей Ивана Даниловича Достоево досталось старшему, Сасину. <...> Надо полагать, здесь действовал принцип майората. Другой сын («архиепископ Стефан»!), кажется, не получил ничего и пытался кормиться за счет православного монастыря. Третий сын, Рафал, владеет одним (!) крестьянским двором и управляет чужими имениями. И, наконец, четвертый сын, Федор, уезжает на Волынь — скорее всего потому, что его жена, богатая наследница, как явствует из

³⁰ В 1557 г. (*Бравер*).

³¹ Федор Иванович в некоторых документах называется Федором Данелевичем. По всей вероятности, это происходило потому, что помимо отчества прибавлялось иногда также и имя его деда — Данилы Иртыща. Таким образом, фамилия Достоевские не вполне еще упрочилась даже за внуками последнего. — *М.В.*

³² Сведения о печати подстаросты и городничего Федора Достоевского и ее изображение см. в кн.: Цітоў А.К. Пячаткі старажытнай Беларусі. Нарысы сфрагістыкі. Мінск, 1993.

документов, не смогла отстоять свои права в судебной тяжбе и оказалась по сути бесприданницей. Дома Федору ничего не светит: отцовское имущество досталось старшему брату, наследство жены – ее родственнику... Куда прикажете деться? Но для небогатого шляхтича всегда есть верный путь. Судя по призывным спискам польской армии, в 1565 г. Федор пытался поправить свои дела обычным и достойным способом – сражаясь под королевским стягом.

В 1564-м Курбский бежит в Литву. Среди тех, кому он «сделался другом» (как заметил в своей поэме А.К. Толстой), оказывается потомок более ранней эмигрантской волны... Князь Курбский, изменивший московскому государю, не изменил, однако ж, отеческой вере. Может быть, во искупление сказанного греха он истово распространял православие в Литве и на Волыни. «Уполномоченный приятель» тоже, без сомнения, православный: иных князь подле себя не терпел.

Неизвестно, был ли Федор Достоевский храбрым воином, но в судах он бился как лев! В 1572 г. он блестяще выиграл процесс против князя Д.В. Курцевича-Булыги, организовавшего убийство одного из преданнейших слуг Курбского – Ивана Келемета. Высокородный ответчик был приговорен к огромному штрафу и, кроме того, ввиду неявки на суд «отослан к его королевской милости», где, надо полагать, получил свое.

Князь Курбский лично присутствовал на процессе, но, если верить источнику, не раскрыл рта, полностью положившись на своего уполномоченного златоуста.

(Родиться в России. С. 24–26)

Из слушания дела об убийении Ивана Келемета 3.V.1572. Владимир-Волынский

...Явившись лично его милость, князь Андрей Михайлович Курбский и Ярославский, объявил, чрез уполномоченного приятеля своего, пана Федора Достоевского, землянина его королевской милости повета Пинского, следующую жалобу <...> По прочтении этого позва, его милость, князь Курбский Ярославский, положил, чрез того же уполномоченного приятеля своего, пана Федора Достоевского, выпись из здешних книг гродских Владимирских <...> чрез того же уполномоченного приятеля своего, пана Федора Достоевского, представил четыре листа, в которых заключаются показания ближайших соседей на князя Булыгу <...> чрез того же уполномоченного приятеля своего, пана Федора Достоевского, представил выписку из здешних книг гродских Владимирских, заключающую показание хозяина дома, Василия Капли, о убийении и замучении Келемета. <...> И просил нас его милость <...> чрез вышеупомянутого уполномоченного приятеля своего, дабы мы, приняв неявку в суд и непослушание князя Дмитрия Булыги, поступили на основании законов...

(Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни. С. 14–15, 19, 32, 34–35, 37, 41)

10 января 1578 г., жена князя на допросе, давая показания о том, куда она девала документы, похищенные ею у мужа, упоминает своего «прокуратора» (поверенного) Федора Достоевского:

Все документы, о которых спрашиваешь меня, я передала на сохранение, из рук в руки, прокуратору нашему пану Федору Достоевскому; причем мы услови-

лись и уговорились между собою, чтобы он никому не отдавал и не возвращал тех документов, как только лично мне, в мои собственные руки, хотя бы его милость князь, мой муж, или я сама, и посылали к нему приятеля или слугу своего за теми документами³³.

(Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни)

С.В. Любимов

Первым историческим лицом, носившим фамилию Достоевский, существование которого известно документально, был Федор Достоевский, domownik, то есть служебный шляхтич при знаменитом князе А.М. Курбском <...> упоминаемый в 1572 г.³⁴

(К вопросу о генеалогии Достоевского)

XI. Достоевская (по мужу) Зофья Яновна

Жена предыдущего.

В 1566 г. от имени своей жены и ее брата Яска Федор Иванович вел судебное дело с мужем их тетки Матеем Войтеховичем об оставшемся после смерти этой тетки наследстве. Право на наследство было признано, однако имущество оставлено в пожизненном владении Войтеховича *(Литовская метрика. Книги судебных дел. Кн. 51. Л. 33)*.

XII. Достоевский Стефан Иванович³⁵

Брат Сасина и Федора Ивановичей.

V / VI

И.Л. Волгин

...К бочке с порохом уже поднесен фитиль.

Церковная уния – детище того вероисповедного компромисса, который был достигнут в 1596 г. на Брестском соборе. Часть православного духовенства, поддавшись долгим внушениям Рима, согласилась покончить с церковной схизмой, древним разъединением церквей. Во исполнение унии она признавала главенство римского папы (пункт самый капитальный) и католический символ веры; при этом сохранялись православная обрядность и церковнославянский язык богослужений.

Относительный религиозный покой был потрясен. Уния накалила страсти и ожесточила умы. Раскололось и православное панство. Одни предпочли «чистое» католичество двусмысленной принадлежности к греко-католической церкви; другие остались верны вере отцов; третьи – и таких было немало – приняли предложенный симбиоз. Старая, уния

³³ В действительности, по показаниям свидетелей, княгиня «отослала <...> документы на <имение> Дубровицу сыну своему <...> чрез писаря князя» *(Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни)*. Курбский вскоре развелся с нею. – И.В.

³⁴ С.В. Любимов называет Курбского старостой упитским в Трокомском воеводстве. Это, конечно, ошибка: упитским старостой был впоследствии сын Андрея Курбского. – Ред.

³⁵ Утверждать, что все данные, приводимые ниже, относятся к одному лицу, именно Стефану Ивановичу Достоевскому, мы не можем, тем более что полностью его имя, отчество и фамилия указаны только в одном источнике – в т. 36 Актов Виленской комиссии. С другой стороны, приписывать их разным лицам было бы еще менее основательно. – М.В.

сама становилась «отеческой верой». Игнорирование этой духовной реальности порождало немало драм – вплоть до самых последних времен.

Очевидно, не лишено справедливости мнение, что, оказавшись в зоне напряженного противоборства трех соперничающих исповеданий, Достоевские испытывают значительное воздействие польской культуры; некоторые из них переходят в «латинскую веру». Характерно при этом, что большинство представителей рода – независимо от веры – подписывается по-русски.

(Родиться в России. С. 14–15)

В 1577 г. земянин минский Стефан Достоевский получил в свое владение Минский Вознесенский монастырь (*Bonieski*)³⁶.

Хотя Стефан Достоевский и не был православным, но в сентябре 1577 г. он получил от короля Стефана Батория привилей (жалованную грамоту) на Минский Вознесенский православный монастырь. В этой королевской грамоте так определялись отношения Достоевского к монастырю: «Маеть помененый Стефан Достоевский тот монастыр Меньский заложенья светого Вознесенья Христова, с фольварками и пашнями монастырскими, также села, люди, кгрунты и всякие пожитки ку тому манастыру належачие на себе держати, всякие обрады духовные в нем радне, с помноженьем фалы божое и слушным порядком справ церковных, водлуг обычаю закону греческого справовати и того манастыра со всим спокойне уживати, аж до жывота своего».

Но монастырь недолго оставался во владении Достоевского. 17 февраля 1579 г. была дана грамота минскому земянину Михаилу Рагозе (будущему митрополиту и деятелю церковной унии) о предоставлении ему в пожизненное управление Минского Вознесенского монастыря, с тем чтобы он вступил в монашество и был посвящен в сан архимандрита. Эта передача монастыря во владение другого лица произошла потому, что митрополит киевский Илья и каштелян минский Ян Глебович жаловались королю, что Достоевский, будучи человеком светским и «к тому же закону не Греческого»³⁷, пользуется только доходами и вовсе не заботится об управлении монастырем: «только дей для пожитку своего тот манастыр держить, а фала божья никгды в нем водле закону греческого полнена не бывать». Жалуясь таким образом на Достоевского, они просили отдать монастырь Рагозе, «человеку богобоязненному, в письме святом умелому и согласному принять сан чернецкий»³⁸. Просьба эта была королем исполнена (*Литовская метрика. Книги записей литовских. Кн. 59. Л. 21. Кн. 64. Лл. 6–7; Соловьев. 1879. Т. 7. С. 131; [Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. № 89. С. 218–219. № 110. С. 240–241]*).

³⁶ В гербовнике Уруского указывается, что Стефан получил Вознесенский монастырь в 1587 г. (явная ошибка в дате) в награду за заслуги, а уступил свои права Рагозе за вознаграждение. – *Ред.*

³⁷ Наш современник, польский генеалог Я. Цеханович, комментируя эти документы, выражает удивление, что Стефан Достоевский не принял православие, так как «не один представитель польской шляхты в Великом Княжестве и из-за меньшей прибыли, не колеблясь, переходил не только в православие, но и в еврейскую веру» (*Ciechanowicz. С. 350*). – *Ред.*

³⁸ По постановлению сейма лица, получавшие в пользование монастырь («хлеб духовный»), должны были в течение трех месяцев принять духовный сан, иначе монастырь у них отнимался. – *М.В.*

Д.Л. Башкиров

Стефан Иванович Достоевский – представитель рода, наиболее часто упоминаемый в документах своего времени. В центре внимания находится предоставление ему Минского Вознесенского монастыря в «пожизненное управление, с отчинами, угодьями и доходами» и затем лишение его пожалования как «человека светского и к тому же закону не Греческого» в пользу Михаила Рагозы. Данная ситуация развивается на фоне сложных и трагических конфессиональных процессов в западных и южных землях Руси, входивших в состав Великого княжества Литовского, в преддверии принятия Брестской унии 1596 г. Тот факт, что именно Михаил Рагоза, став вначале архимандритом переданного ему монастыря, а затем митрополитом Киевским, подписал эту унию, накладывает на эпизод удаления Стефана Достоевского из монастыря определенный отпечаток. Предок Ф.М. Достоевского волею судеб в какой-то момент оказывается в эпицентре большой политики и глобальных исторических катаклизмов, которые потом так волновали его великого потомка: наступления католицизма на земли Древней Руси.

Злоключения монастыря начались много раньше. В июле 1570 г. в грамоте Сигизмунда Августа минскому старосте Василию Тышкевичу определяется вернуть вещи и документы монастыря, отданного королем после кончины архимандрита Пафнутия в содержание с именными и доходами дворянину Ивану Баке (*Собрание древних грамот и актов Минской губернии*. С. 22, 24). В 1576 г. монастырь по приказу минского старосты, воеводы берестенского, державца инфлянцкого Гавриила Горностая переходит от Ивана Баки к «служебникови моему пану Стефану Достоевскому». Горностай указывает следующие причины передачи: «великий непорядок, который ся по вси часы прошлые так и теперь задержаня пана ивана баки деет в оном манастыри», «нет ни чернеца или священника, чтобы вести службу», «село Тростинец отдал Петру Горскому» (*Там же*. С. 30). А в 1579 г. Ян Анфорович Петрович, дворянин его королевской милости, и «многая шляхта» прибывают в монастырь, чтобы передать его Михаилу Рагозе. Монастырские ворота Ян Анфорович находит открытыми, вместо Достоевского приехавших встречает его наместник, который и передает монастырь. Посланник короля отмечает, что «монастырь передан добровольно», при описании имущества никаких нарушений не указывается (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею*. Т. 14. 1887. С. 27), хотя налицо общее запустение (однако это вряд ли можно поставить на счет Стефана Достоевского, управлявшего монастырем полтора года из тех девяти лет, когда обитель не имела своего архимандрита).

Одной из причин устранения Достоевского и передачи монастыря Михаилу Рагозе было упоминание о Стефане Достоевском как о человеке «закону не Греческого». Справедливость этой формулировки вызывает сомнения. Косвенные детали указывают на преднамеренное использование такого определения для введения в управление монастырем именно Рагозы. В пользу данной версии говорит то, что вряд ли бы православный магнат Гавриил Горностай пошел бы на столь серьезное нарушение, как назначение в православный монастырь человека инославного. Стефан Достоевский долгое время пребывал на должности «писаря гродскаго Менского», сохранилось много документов с его подписями, некоторые датированы 1590 г., и везде он подписывается по-русски – например, сентябрь 1590 г., инвентарь имения Касыни, лежащего в Минском повете, составленный при подаче его князю Богдану Ивановичу и жене его Еве Соломерицким. Под этим документом стоит следующая приписка: «того выпису печать притиснута одна пана Яна Петрашевского, подстаростя Менского, а подпись руки письмом русским подписана тыми сло-

вы: Стефан Достоевский – писарь гродский Менский» (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 14. 1887. С. 41*). По-видимому, на этой должности Стефан Достоевский состоял и в 1607 г. В знаменитом деле по обвинению Марыны Стефановны Достоевской в убийстве мужа, в той части, где говорится о завещании, подделанном сестрой Марыны Раиной, указывается, что завещание было вписано в гродские книги с помощью отца преступниц, занимавшего должность «писаря гродскага». «Русское письмо» в то время было важнейшей сферой отстаивания своих конфессиональных прав.

Особый интерес в деле пожалования и отстранения Стефана Достоевского вызывают расхождения в указах. Грамоты, которые выходили из канцелярии короля Стефана Батория, противоречат указам местной администрации. Из жалованной грамоты Стефана Батория минскому землянину Стефану Достоевскому следует, что монастырь «в пожизненное управление, с отчинами, угодьями и доходами» переходит к Стефану Достоевскому по просьбе королевского дворянина Богуша Невельского, которому Минский Вознесенский монастырь был пожалован перед этим (*Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. С. 218*). Ни о каком Иване Ивановиче Баке здесь речи не идет. С другой стороны, в грамотах, которые приводятся в «Собрании древних грамот и актов...», Богуш Невельский нигде не упоминается, а, наоборот, речь идет об Иване Баке как о непосредственном предшественнике Стефана Достоевского. Жалованная грамота сентября 1577 г. следует за другим любопытным документом – жалованной грамотой королевскому дворянину Богушу Невельскому о предоставлении ему Минского Троицкого монастыря в пожизненное управление с отчинами, угодьями и доходами, август 1576 г. (*Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. С. 201*). Возникает вопрос, не был ли в 1576 г. Богушу Невельскому пожалован Минский Троицкий монастырь, а он, в свою очередь, передавал Стефану Достоевскому тот (Минский Вознесенский), который последнему был уже отдан? То, что грамоты августа 1576 г. и сентября 1577 г. связаны, вытекает из содержания грамот 1577 и 1579 гг. Именно в грамоте 1579 г. находит место обоснование причин передачи монастыря Михаилу Рагозе. Если по грамотам 1576 и 1577 гг. складывается впечатление, что мнение местных властей игнорируется королевской канцелярией, то указ февраля 1579 г. свидетельствует, что это не так (*Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. С. 240*). Он основан на жалобе митрополита Киевского Илии и каштеляна минского, державца радошковического Яна Глебовича: «тот Богуш Невельский, не хотечи стану духовного на себе принять, тот монастырь землянину нашему Стефану Достоевскому, також человеку светскому, и к тому же закону не Греческого, пустил...» Насколько можно верить фактам, которыми оперировали составители королевских указов, видно из предыдущей ситуации с грамотами 1576 и 1577 гг. О неубедительности представленных в жалобе аргументов даже для ее составителей свидетельствует и их стремление подкрепить свои доводы. Один из них действительно разумный: Михаилу Рагозе монастырь передается с тем условием, чтобы он принял монашество. По этому пункту приводится закон Сигизмунда Августа: «...Кому бы кольвек хлеб духовный был дан, а тот бы за три месяца стану духовного принять не хотел, таковой от тое данины отпадает». Данный закон начал активно применяться в правление Стефана Батория – и, добавим, в преддверии Брестской унии. Складывается впечатление, что справедливое требование использовалось с определенными целями. С другой стороны, есть и много монастырских пожалований, где необходимость пострига не оговаривается. Грамота же 1579 г., в которой излагается содержание закона, если и не является единственной, то среди рассмотренных документов этого времени подобные ей больше не встречаются.

К судьбе Минского Вознесенского монастыря обращается в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев (*Соловьев. Кн. IV. 1989. Т. 7–8. С. 107*). Стефана Достоевского он характеризует по документам, представленным в «Актах, относящихся к истории Западной России», в частности на основании жалобы митрополита Илии и минского каштеляна Яна Глебовича. В действительности ситуация, сложившаяся вокруг монастыря, в основе своей имела имущественный спор (имение Тростинец, на которое претендовали Гавриил Горностай и князь Петр Горский), и чем дальше от места событий находились рассказчики, тем меньше доверия вызывают их слова о Стефане Достоевском. К примеру, сделанное вскользь в жалобе митрополита и каштеляна (вряд ли пользовавшихся сведениями из первых рук) замечание о том, что Стефан Достоевский «к тому же закону не Греческого», у С.М. Соловьева уже заключено в формулировку «не был даже православный». По аналогии с тем, как историк легко принял на веру это определение конфессиональной принадлежности Стефана Достоевского, как придал он ему однозначный характер «не православный», можно предположить, что в 1579 г. ситуация была похожей. В основе заявления о «не греческом исповедании» лежал сомнительный источник – скорее всего слух, принявший форму авторитетного свидетельства и использованный в нужных целях как веский довод при разрешении ситуации в пользу определенной стороны. При этом, характеризуя общее положение дел с передачей светским лицам монастырей, С.М. Соловьев справедливо замечает, что так называемый ответ на Городенском сейме Сигизмунда Августа (о том, как быть, если пожалованный не захочет принять духовное звание) мог учитываться или не учитываться в зависимости от ситуации.

Бедственное состояние Минского Вознесенского монастыря, его переход из одних рук в другие описывает в «Истории Русской Церкви» митрополит Макарий. Здесь тоже есть нарушение в отражении последовательности передачи монастыря: говорится о пожаловании обители Богушу Невельскому, а уже от него – Стефану Достоевскому. Нетрудно заметить, что путаницу вносят именно грамоты, исходившие из канцелярии Стефана Батория. И путаница эта связана с тем, что они не отражали реального положения дел.

У замечания о «не Греческом исповедании» Стефана Достоевского есть еще один аспект, выходящий за пределы судьбы отдельной личности. Он связан с вопросом о конфессиональных взаимоотношениях на землях Великого княжества Литовского. Папский Рим наступал на православных и протестантов, и две страдавшие от насилия стороны если и не поддерживали друг друга, то и не вступали в активное противоборство. Для иезуитов протестанты были еретиками, но и «вера холопов», как называли католики православие в противовес «вере господской», была «схизмой», а верующие «схизматиками». «Не Греческое исповедание» Стефана Достоевского в грамоте 1579 г. могло подразумевать его принадлежность к протестантам, что явилось следствием не реального положения дел, а определенного «конфессионального снобизма» и нетерпимости редакторов документа.

История удаления Достоевского из монастыря встречается еще в одной интересной интерпретации: у Владислава Сырокомли³⁹. В своем описании Минска второй трети XVI в.

³⁹ Сырокомля Владислав, настоящее имя Людвик-Владислав-Франтишек Кондратович (1823–1862) – польский и белорусский поэт, краевед, историк литературы, переводчик. Осужден в 1861 г. за участие в освободительном движении. Такой тип людей Ф.М. Достоевский видел на каторге. – Д.Б., Ред.

Сырокомля много внимания уделяет бедственному положению местных святынь. Историю передачи обители он излагает очень близко к действительным фактам: Сигизмунд Август жалуется монастырь Ивану Баке, от него по протекции Гавриила Горностая обитель переходит к Стефану Достоевскому, от последнего – к Рагозе. Сырокомля повествует о запусении, которое застал в монастыре будущий митрополит Киевский, о его деятельности по приведению в порядок святыни (к личности Михаила Рагозы автор относится с нескрываемым пиететом). Констатируя плачевное состояние монастыря «грэчаскага абраду», Сырокомля замечает, что немногим отличался и «парафіяльны каталіцкі касцел». Это положение дел объясняется деятельностью реформаторов, «што распачалась па ўсёй Літве»: против них были направлены усилия короля Сигизмунда Августа, «падтрыманага вернымі яму езуітамі». В этом видении воспитанником доминиканской школы в Несвиже конфессиональной ситуации в Великом княжестве Литовском в последней трети XVI в. прослеживается определенная система. «Бедствие» православных и католических святынь как бы связывает их в одно целое, сглаживает различия перед лицом общего противника – протестантов. Хотя в действительности тенденция была другой: православные и протестанты в какой-то момент начали негласно сообща бороться против экспансии католицизма. Писатель, казалось бы, просто рассказывающий о разрухе в православном монастыре, подспудно воспроизводит доводы в пользу унии. Вполне возможно, что эти доводы были основаны на предании о событиях многовековой давности, которое сохранялось и передавалось в католических учебных заведениях, где получил образование и Сырокомля. Бросается в глаза и то, что автор обладает редкой информацией об истории возникновения Минского Вознесенского монастыря, хорошо понимает его роль в событиях, связанных с подписанием Брестской унии. Вполне возможно, предание в основе своей имеет установку, которой руководствовались идеологи унии. Эта установка наложила отпечаток на судьбу Стефана Достоевского, она же в какой-то мере объясняет мотивы, по которым он был назван человеком «закону не Греческого».

Обращает на себя внимание и тот факт, что Ян Глебович, обвиняющий Стефана Достоевского, был ярым сторонником реформаторского движения.

4 апреля 1582 г. Стефан Иванович продал одно из своих имений, Сенницу, князю Горскому за 150 коп грошей литовских⁴⁰. В том же году, 21 сентября, он жаловался в суд на земянина Воляна, [чьи подданные скосили сеножать в его имении Декснянском и увезли с нее 24 воза сена, — «о захвате сушковским врядником сеножати Подгире над р. Ушою»].

Подписывался Стефан Достоевский по-русски (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 36. № 52. С. 49–50. № 360. С. 307–308*).

По соседству с Достоевым в Пинском повете располагался господарский двор Дружиловичи. Двор этот находился во временном владении (в залоге) у вдовы минского земянина Федора Лецковича Есьмана, Зофеи Фурсовны, за деньги (2400 коп грошей литовских), которые она с мужем дала королю Стефану Баторию на ведение войны с Москвой. В свою очередь она заняла у Стефана Ивано-

⁴⁰ Копя – старинная единица счета, содержит в себе шесть десятков. По исследованиям польского историка Чацкого, копия литовских грошей равнялась 21 польскому злотому и 12,9 гроша, или 3 рублям 22,7 копейки. – М.В.

вича под залог этого имени 2000 коп грошей литовских на срок до дня «святого Илья, свята русского» 1588 г., но умерла до этого срока, после чего староста пинский князь Януш Збаражский причислил («привернул») Дружиловичи снова к замку Пинскому. Достоевский предъявил к нему иск, требуя уплаты долга и возмещения убытков. В 1589 г. король с панами радами присудил уплатить ему только 1730 коп, предоставив недостающие деньги (270 коп) взыскивать с наследников Есьмановой, Володковичей, в иске же об убытках отказал. Дело с Володковичами продолжалось до марта 1597 г., когда Стефан Иванович от иска отказался. Что касается основной суммы, то взамен ее Достоевскому были отданы в пользование Дружиловичи. Володковичи, однако, оспаривали это постановление, но проиграли дело, так как не явились на суд (в октябре 1592 г.). В это спорное дело вмешался также королевский инстингатор⁴¹, протестовавший против владения Достоевским селом Пнюхи (принадлежавшим к Дружиловскому двору) на том основании, что Баторий первоначально взял деньги без разрешения сейма. 4 ноября 1592 г. Паны-рада, принимая во внимание, что деньги были взяты «на потребу Речи Посполитой», оставили спорное владение за Достоевским до будущего сейма — который, однако, решил передать Дружиловичи в пользование подканцлера Габриеля Войны, после чего 10 мая 1596 г. Достоевский дал последнему лист об отказе от своих прав на Дружиловичи (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 63. Лл. 17–20, 280–281, 346–348. Кн. 71. Л. 143. Кн. 73. Лл. 113–114*).

В 1590 г. Стефан Достоевский упоминается как «писар гродский Менский» (Минский). Подписывался по-русски (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 14. № 41. С. 371–373*).

После этих событий дела Стефана Достоевского, если судить по сохранившимся документам, приходят в упадок. В апреле-мае 1582 г. он распродает свои имения в Сеннице (населенный пункт рядом с Минском), двор в Лошице (ныне в черте города Минска). Его имение Дексмянское в 1597 г. уже принадлежит Горским.

В 1606 г. происходит знаменитое убийство мужа его дочери Марыны: Марыну обвиняют в организации преступления, а также приписывают покушение на жизнь пасынка. (См. ниже.) В данный процесс втягиваются почти все члены семьи Стефана Достоевского.

И.Л. Волгин

В 1624 г. после длительных переговоров с турецким султаном были освобождены поляки, захваченные в плен во время польско-турецкой войны 1620–1621 гг. (главным образом – в результате страшного разгрома совместных польско-молдавских сил в битве при Цецоре 7 октября 1620 г., когда турки пленили цвет польского воинства). Из числа мирного населения в полон для продажи на стамбульском базаре турки уводили женщин и детей. Стефан Иванович, уже немолодой и, очевидно, состоятельный человек, мог быть захвачен в плен и на поле брани, и на домашнем одре. Жизнь ему могли сохранить только в надежде на выкуп, каковой и был уплачен за пленных по мирному договору 1623 г. (*Родиться в России. С. 12*)

⁴¹ Инстингатор – прокурор. – Ред.

В 1624 г. Стефан Достоевский по возвращении из турецкого плена повесил серебряные цепи перед образом Матки Боски во Львове (*Boniecki. T. 4. 1906. С. 391*).

Д.Л. Башкиров

Польский источник, называющий традиционный для поклонения в православии образ Пресвятой Богородицы Маткой Боской, подталкивает к мысли о принадлежности Стефана Достоевского к римско-католической церкви. Однако в то время Львов еще оставался одним из центров православия. В городе с многовековыми православными традициями чтимый образ Богородицы вероятнее всего мог находиться в православном храме. Следует добавить, что тогда же во Львове завершается строительство (1591–1630 гг.) церкви Успения Пресвятой Богородицы, которое велось на пожертвования. В частности сообщалось, что на ее украшение и на церковную утварь пошли серебряные изделия, которые приносили верующие.

Указания на некоего «архиепископа Стефана Достоевского», довольно, впрочем, малообоснованные и фантастические, содержатся в известной книге дочери писателя:

Л.Ф. Достоевская

Отец мой рассказывал моей матери о епископе Стефане, бывшем, по его мнению, основателем нашей православной семьи. К моему великому сожалению, моя мать не обратила особого внимания на эти слова и не расспросила его об этом более подробно. Я думаю, что один из моих литовских предков, переселившись на Украину, сменил религию, чтобы жениться на православной украинке, и стал священником. Овдовев, он, вероятно, ушел в монастырь и стал впоследствии архиепископом. Таким образом епископ Стефан, хотя и был монахом, мог стать основателем нашей православной семьи. Мой отец должен был иметь более подробные сведения об этом епископе, так как хотел в его честь назвать своего второго сына Стефаном. В это время Достоевскому было 50 лет. Любопытно, что мой дед Михаил дал свое объявление в газетах, когда ему было 50 лет⁴², и что в том же возрасте отец мой вдруг вспомнил об этом архиепископе Стефане, о котором раньше никогда не думал. Оба в пятидесятилетнем возрасте ощутили потребность тем или иным образом соприкоснуться со своими предками...

Украинские приходы имели право сами выбирать своих священников, и, естественно, выбирались только люди достойного образа жизни. Что касается высоких духовных званий, то они почти всегда находились в руках украинской знати, что редко происходит в России, где священники образуют свою собственную касту. Стефан Достоевский должен был происходить из хорошего дома и получить хорошее воспитание, чтобы стать епископом.

(Достоевский в изображении дочери. С. 22, 23)

⁴² См. на с. 75: Андрей Михайлович Достоевский (№ 34) относит это событие к гораздо более раннему возрасту своего родителя; в 50 лет тот умер. – Ред.

XIII. Макарович, по мужу Стефановая Достоевская Богдана Богдановна⁴³
 Жена предыдущего (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией. Т. 36. № 52. С. 49*).

XIV. Достоевский Рафал Иванович V / VI
 Брат Сасина, Федора и Стефана Ивановичей Достоевских. Земянин Пинского повета, урядник земского подскарбия Лаврина Войны в местечке Мотоль и в Дружиловичах.

В 1581 г. был обвинен в злоупотреблениях по должности и отдан под суд.

По разделу с братьями Рафал Иванович получил на свою долю четвертую часть отцовского имения, а именно Скаргатинское дворище с людьми (три человека), находившееся в Молодове. Дворище это он продал в 1582 г. пинскому хорунжему В.Ф. Федюшке за 100 коп грошей литовских (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 60. Д. 141, 221*).

Поколение четвертое

XV–XVI. Достоевский Петр

IX / ?, XII / XIII

Во всех польских гербовниках упоминаются два Петра Достоевских – современники (поколение четвертое) или же представители четвертого и пятого поколений.

Судя по документам, известным на сегодня, на рубеже XVI–XVII вв. в Пинском повете жили двоюродные братья Петр Сасинович и Петр Стефанович Достоевские (ввиду невозможности сейчас определить, к какому именно Петру относится то или иное документальное упоминание, все сведения помещены вместе); Петром также звали сына одного из них (XXVII, с. 45); кроме того, имя Петр Бенедыктович (XLI, с. 50) встречается во внучатом поколении. Однако эти генеалогические связи нуждаются в дальнейшем уточнении.

С.В. Любимов

Петр Достоевский занимал в 1598 г. важную должность пинского поветового маршала. По своему положению поветовые маршалы стояли высоко, их дальнейшим повышением являлось сенаторское кресло; они были главными вождями дворянского ополчения своего повета и иногда разбирали дела, подлежащие дворному королевскому суду.

(*К вопросу о генеалогии Достоевского*)

⁴³ Согласно большинству источников, женой Стефана Ивановича была некая Богдана Богдановна из Макаровичей (Макаревичей). Но в одном гербовнике встречается иное: Стефан, земянин Минского повета, и его жена Богдана Лукомская отдали в залог двор в Минске на улице Большой Юрьевской; жена Стефана Раина Радзиминская продала в 1616 г. двор и пляц в Минске на улице Юрьевской за 60 коп грошей литовских, что было внесено в акты книги Минского земского суда (*Dworzecki-Bohdanowicz*). – Ред.

1598 — маршал (маршалок)⁴⁴ Пинского повета и член главного трибунала Великого княжества Литовского (*Koźalowicz, Niesiecki*⁴⁵, [*Boniecki, Uruski, Dworzeczki-Bohdanowicz*]).

1599 — Петр Достоевский маршалок Пинского повета и член литовского главного трибунала (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 20. № 117, 118. С. 161, 162*).

1619 — он (или другой Петр Достоевский) также член главного трибунала в качестве депутата от Пинска, [подписывался по-польски] (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 11. № 31, 32. С. 89, 92; [Dworzeczki-Bohdanowicz]*).

1622 — был комиссаром по размежеванию имений Пинского францисканского монастыря, после чего монахи обвиняли его в неправильных действиях (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 83. Д. 607*).

12 октября 1622 — упоминается маршал Петр Сасинович Достоевский, участвовавший в разграничении имений в Пинском повете (*НИАБ. Ф. 936. Д. 27. Оп. 1. Л. 12 об.*).

1627 — пинский городской судья [и вновь член главного трибунала] (*Boniecki; Археографический сборник. № 107. С. 301*).

20 мая 1628 — будучи маршалом Пинского повета и королевским дворянином, [зафиксировал свои действия, предпринимаемые в течение года и более для разрешения конфликта между православными пинскими мещанами и униатским епископом Туровским и Пинским, архимандритом Кобринским Григорием Михаловичем. Церковь Св. Федора в Пинске была отобрана мещанами у Михаловича, а Достоевский по получении подписанного 30 марта 1627 г. в Варшаве королевского распоряжения возвращал ее под юрисдикцию епископа] (*Археографический сборник. № 129. С. 314–318; [Ciechanowicz]*).

1630 — опять пинский городской судья, [многokrатно фигурирует в судебных документах] (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. С. 304–317*).

Подписывался Петр Достоевский по-польски.

Петр из Достоева (*Piotr z Dostojowa*) как один из представителей рода Достоевских упоминается еще в 1632 г. (*Koźalowicz, Niesiecki*).

Петр Сасинович, маршалок шляхты Пинского уезда в 1599 г., член главного трибунала Великого княжества Литовского в 1627 г., судья Пинского гродского суда, был женат на Богдане из рода Овсяных, которая известна наездом со своей челядью на православный монастырь в Пинске и ограблением его в 1617 г.

Петр Стефанович также был маршалком Пинского повета. Из его духовного завещания, составленного 5 ноября 1629 г., известно, что он был женат на Дороте из рода Козинских и имел сына Бенедикта, внуков Владислава, Луцию и «любимейшую» Еву, по мужу Скромовскую⁴⁶ (*Бравер*).

⁴⁴ Предводитель шляхты как на войне, так и на сеймиках. — *М.В.*

⁴⁵ В этом случае Несецкий ссылается на сеймовую конституцию («Const. fol. 699»). — *Н.Б.*

⁴⁶ Неизвестно, являлись ли эти внуки детьми Бенедикта Петровича (это может быть и потомство его сестры) и носили ли они фамилию Достоевские. Поэтому в настоящем издании трое внуков Петра Достоевского не выделены как отдельные персоналии родословной. — *Ред.*

XVII–XVIII. Жена Петра Достоевского**XIX. Достоевский Ярош Стефанович****XII / XIII**Овручский подстароста (*Архив Юго-Западной России. Ч. 6. Т. 1; Boniecki*).В 1604 г. упоминается овручский подстароста Героним (*Uruski*).

С.В. Любимов

Ярош Достоевский, бывший в 1604 г. подстаростой овручским, то есть помощником городского старосты, ведавшего администрацию и отчасти судебные дела, является родоначальником той ветви Достоевских, которая окончательно осела на Волыни, становящейся с этого времени ареной страстной борьбы между католицизмом и православием, с одной стороны, влиянием польской культуры и местным патриотизмом — с другой.

*(К вопросу о генеалогии Достоевского)***XX. Достоевская, по первому мужу Карлович,****XII / XIII****по второму Псарская Марына Стефановна**

Сестра предыдущего. Вышла замуж за Станислава Карловича около 1590 г. Обвинялась в убийстве своего первого мужа при помощи наемного лица (некоего Яна Тура)⁴⁷.

Дошедшие до настоящего времени материалы по этому делу занимают в 18-м томе «Актов, издаваемых Виленскою археографическою комиссиею» 17 страниц текста in octavo. В общем, по показаниям различных свидетелей, обстоятельства убийства Карловича были таковы. Еще раньше Марына пыталась известить мужа при помощи чародейства. (Это, впрочем, показывает только один свидетель, и то вскользь.) В последнее время она прибегла к помощи некоего Яна Тура, который приезжал к ней еще весной 1606 г., когда Карлович уезжал в Минск. За неделю до убийства Ян Тур опять появился в имении Карловича Дурьницах. В течение этой недели Марына прятала его на гумне у местного жителя Якова Селивановича, куда все это время ему приносила пищу сестра Марыны Раина Достоевская.

14 октября 1606 г. Марына велела истопить баню. Мыться пошли сначала сестры Достоевские (Марына часто упоминается в делах под своей девичьей фамилией). Вернувшись, Марына стала настойчиво понуждать мужа, чтобы и он шел в баню. Баня же отстояла в некотором отдалении от имения. Карлович по настоянию жены ушел в баню. Марына же распорядилась спрятать всех собак, а ворота имения запереть. Когда Карлович, вымывшись, вышел из бани, подстерегавший его убийца выстрелил в него из ружья. Раненый Карлович с криками бросился бежать домой, но, добежав до ворот, нашел их запертыми и упал около них. Тут его настиг убийца и, лежащего на земле, засек саблей. Один из свидетелей,

⁴⁷ Сюжет этот нашел отражение в книге белорусского писателя В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» (1958): героиня приключенческой повести говорит, что ее род проклят — в том числе и из-за таких предков, как Марына. — Д.Б.

мывшийся вместе с Карловичем в бане, видел, как был ранен Карлович. Некоторые обитатели Дурыниц, выбежав на выстрел и крики, были очевидцами того, как какой-то неизвестный человек рубил саблей лежащего на земле Карловича, но никто не решился оказать сопротивление убийце. Убийца же, обежавши двор, подбежал к панскому дому с другой стороны, где его встретила Марына и спрятала у себя.

Карловича положили на доску и внесли во двор. Он еще был жив и что-то хотел сказать жене. Она же не велела его нести к себе в светлицу. Когда Карлович вскоре умер и Марыне сообщили, что «уже пана нашего не стало», она не велела нести умершего в панский дом, а сказала: «Несите его там до дьябла (дьявола), до избы», — по другим же показаниям, приказала бросить около амбара. К убий-тому она так и не пошла, а стала разбираться в домашних вещах.

Приходившие на место убийства окрестные жители видели, как тело Карловича лежало около амбара прямо на земле, едва прикрытое старым плохим полотенцем. Около ворот была лужа крови, которую лизали собаки и свиньи. Мужчины хотели немедленно начать поиски убийцы, но Марына отговаривала их, говоря: что вам до этого, смотрите, как бы и вас кого тот же человек не убил. Один из соседей, приехав к Марыне, стал говорить о том, кто бы это мог убить ее мужа, но она ему ничего на это не ответила, а заговорила о деньгах, которые хотела бы поскорее получить от пана Глебовича. Когда в Минске происходили похороны Карловича, Марыну вел под руку Ян Тур, то есть сам убийца.

Судебный процесс об убийстве Карловича возник лишь значительно позднее. Дело осложнялось тем, что Карлович, кроме детей, кровных родственников не имел. По законам же того времени следствие начинало не государство, а родственники убитого. Первоначально, в конце декабря 1606 г., пытался начать следствие минский староста, исходя из тех побуждений, «абы се таковая злость межы людьми не множила». Но Марына через уполномоченного разъясняла старосте, что он начал следствие, не справившись с правом посполитым, артыкул 26-й раздел 11-й которого учит, что он, староста, мог бы начать следствие лишь об убийстве человека проезжего, бесплеменного, покойный же пан Карлович «был человек рожаю тутошнего, сплодил дей детки з двумя женами, с першою жоною дому зацного шляхетского с пани Кгудеевскою, а з другою тех дому зацного шляхетского с пани Достоевскою, с которыми два жонами сплодил сыны и цорки, а што большое, иж з обудвух домов шляхетских обудвух малжонок его, так панов Кгудеевских, яко и панов Достоевских по том спложоном потомстве его есть дей прыятелей зацных не мало». Таким образом, следствие могли начать только дети Карловича или родственники его жен. О Гудеевских, родственниках первой жены, во всех остальных документах не говорится больше ни слова. Достоевские же, по-видимому, не склонны были привлекать к ответственности свою родственницу. Более того, Раина Достоевская обвинялась как подделавшая завещание Карловича, что было установлено сличением почерков и печатей. Отец Марыны и Раины, Стефан Достоевский, в это время был занят в Минске оформлением наследственных притязаний Марыны на движимое и недвижимое имущество Карловича согласно фальшивому завещанию.

Что касается детей Марыны, то своих собственных она не опасалась, так как они были еще слишком малы, да и не стали бы возбуждать следствие против родной матери; пасынка же Крыштофа и падчерицу Екатерину она держала как в плену, под постоянным надзором. Старший из них — Крыштоф — под угрозами Яна Тура никому ничего не говорил об убийстве отца, но когда каким-то образом узнал, что Марына и Ян Тур решили убить и его, то тайно бежал к соседнему помещику Карабурде в его имение Свислочь. В январе 1607 г. скрывшийся у Карабурды Крыштоф возбудил следствие об убийстве отца. Марына через уполномоченного опять протестовала против этого следствия, указывая на то, что согласно таким-то артыкулам права посполитого Крыштоф как несовершеннолетний не может возбуждать следствия, а также на то, что из всех детей Карловича следствие начинает один лишь Крыштоф, что тоже противоречит определенным артыкулам. Однако после того, как Крыштофу удалось доказать, что он уже совершеннолетний, делу все же был дан ход. Марына отрицала свою вину и в доказательство невиновности предлагала принести присягу в присутствии тринадцати («сама четырнадцать») свидетелей — «людей добрых, вере годных, шляхтой себе равных». Но это ее предложение было отклонено на том основании, что так как она оказалась способной на такое убийство, то не остановится и перед ложной присягой.

На суде особое внимание было уделено вопросу, почему Марына не искала убийцу своего мужа, что должна была бы делать как близкое убитому лицо. Марына разъясняла, что она троекратно созывала народ и допытывалась, кто убил ее мужа, но свидетельскими показаниями подтвердить этого не могла. Суд приговорил Марыну и Яна Тура к смертной казни. Она апеллировала в главный трибунал и была временно взята на поруки несколькими лицами (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. С. 201–219*).

В главном трибунале дело Марыны Достоевской разбиралось 19 и 21 ноября 1608 г. Смертный приговор был утвержден трибуналом вторично. К тому времени Марына вышла второй раз замуж за минского землянина Салемона Псарского. После решения дела в трибунале муж Марыны поехал к королю и просил его о милосердии. Король указом от 18 августа 1609 г. отсрочил приведение приговора в исполнение на двенадцать недель со дня опубликования указа (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 76. Л. 480*).

И.Л. Волгин

Пока главный королевский трибунал утверждал решение первой инстанции, эта, по тонкому замечанию биографа, «леди Макбет Пинского повета» успела вторично выйти замуж (вопреки нашим романтическим ожиданиям – вовсе не за Яна Тура), и ее новый супруг просил короля о милосердии...

В семейной хронике Достоевских встречаются, как видим, шекспировские характеры и сюжеты.

Этот процесс, думается, был современниками отмечен. Само преступление выглядело экстравагантно и даже, смеем это заметить, модно. По Литовским статутам 1566 и 1588 гг., муже- и женоубийство приравнялось к убийству матери или отца. Польские

моралисты не упустили случая пройтись по поводу этих внутрисемейных узаконений, с прискорбием отмечая общее падение нравов. Но и наказание предусматривалось не из слабейших: преступника вкупе с псом, петухом, змеей и котом зашивали в кожаный мешок, после чего благополучно топили (как выражено в законе, пускали «в глубину водную»).

Процесс Марыны тянется несколько лет: не так-то легко решиться присудить женщину к столь мучительной казни. Надо все же надеяться, король смягчил приговор, и она – как шляхтянка – подверглась благородному отсечению головы. Любопытна и драматическая – на двенадцать недель – отсрочка. Чем вызвана подобная милость? Согласно закону, отсрочка полагалась беременной – до рождения ребенка; затем приговор вступал в законную силу. На установление же самого факта беременности отводились, по-видимому, названные в королевском указе двенадцать недель.

(Родиться в России. С. 13)

XXI. Карлович Станислав

[(? – 14.X.1606). В первом браке с Гудеевской, от которой имел сына и дочь. Во втором браке с Марыной Стефановной Достоевской, от которой тоже имел детей. Убит по ее приказу.]

Сосед Карловича Карабурда показывал на следствии, что недели за две до убийства Карлович приезжал к нему в его имение Свислочь и, горько плача, жаловался, что его, наверное, скоро убьют, просил помнить о нем и позаботиться о его имуществе (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18*).

XXII. Псарский Салемон

Минский землянин. Второй муж Марыны Стефановны, которая вышла за него, живя на поруках, уже будучи приговоренной к смертной казни (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 76. Л. 480*).

XXIII. Достоевская, по мужу Подвысоцкая Раина Стефановна XII / XIII Сестра Марыны Стефановны.

Обвинялась в подделке завещания убитого Станислава Карловича в пользу своей сестры (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. С. 201–219*)⁴⁸.

XXIV. Подвысоцкий Ян

Муж предыдущей.

В 1641 г. Раина, урожденная Достоевская, с мужем своим Яном Подвысоцким взыскивали с Абрама и Марии Достоевских (IL, L, с. 54) 1610 коп грошей литовских на их имении Полкотичах (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 108. Л. 4*).

⁴⁸ В Литовской метрике, уже после разбора дела в главном трибунале, подготовителем фальшивого завещания указывается местный поп. – М.В.

XXV. Достоевский Филон [Рафалович]**XIV / ?**

С 1605 г. владел частями имений Дзиковичи, Морочне, Земковское, Коморы и других (Бравер)⁴⁹.

1620 – депутат Пинского повета в трибунал (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

Выступал 12 июля 1627 г. в качестве приятельского (третейского) судьи со стороны пинского униатского епископа Григория по делу его с подстаростой пинским Миколаем Ельским, обвинявшим епископского мещанина в краже. Подписался под решением суда по-русски, в то время как три прочих судьи подписались по-польски (*Археографический сборник. № 99. С. 219–223*).

7 июня 1630 г. вместе с Бенедыктом Достоевским участвовал в числе других людей задных (знатных) в разбирательстве судебного дела о чародействе (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. № 270. С. 310*).

27 июля 1635 г. – Филон Достоевский, депутат пинский в главном трибунале в Вильно, упоминается в записи, внесенной в актовую книгу трибунала (*Lietuvos Vyriausiojo Tribunolo sprendimai. С. 347*).

XXVI. Ящинская, по мужу Достоевская Анна Станиславовна

Жена предыдущего, землянка Пинского повета (Бравер).

*Поколение пятое***XXVII. Достоевский Петр Петрович****XV / XVII или XVI / XVIII**

1632 – Петр Достоевский, женатый на Дороте Гоголевской, занимает должность пинского гродского судьи. Возможно, он приходится сыном пинскому маршалку Петру (*Uruski*).

Присяга подданного Плотницкого
пани Петровой Достоевской⁵⁰

6.IV.1650

Я Петр Достоевский заявляю своим письмом, что согласно постановлению сейма Варшавского в 1649 году подымную подать с моего имения Плотницы отменяю <...> Написано в 1650 году 6 апреля Петр Достоевский собственноручно.

(НИАБ. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 167. Лл. 46. Д. 166. Л. 10)

1663 – в декрете панов Скирмунтов с панями Достоевскими и Корженевскими в связи с разделом имения Плотница, принадлежавшего пану Петру Достоевскому – по-видимому, 1663 г. является годом его смерти, – упоминаются Богумил и Станислав Достоевские, Адам Корженевский, Богумила Достоевская Корженевская (НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. 2. Л. 1467).

⁴⁹ Е.Л. Бравер, обнаружившая отчество Филона Достоевского и тем самым вписавшая его в генеалогическую схему, все-таки говорит, что Филон, владелец Дзиковичей и пинский судья Филон – не одно и то же лицо. – *Ред.*

⁵⁰ На обороте: «Присяга подданного его милости пана Петра Достоевского Гниловича...» – Д.Б.

XXVIII. Гоголевская, по мужу Достоевская Дорота

Жена предыдущего (*Uruski*).

XXIX. Достоевский Бенедыкт Петрович XV / XVII или XVI / XVIII
Помещик села Достоева.

Поссорившись с неким Матеушем Малицким, Бенедыкт Достоевский так преследовал его своими угрозами, что тот, боясь за свое «здоровье», бежал к королю и просил у него защиты. 4 июля 1622 г. король Сигизмунд III выдал Малицкому охранную грамоту («Лист заручный»), которая должна была гарантировать ему безопасность. В особом обращении, начинающемся словами: «Бенедыкту Петровичу Достоевскому земенину повету Пинского верному нам милому ласка наша господарская. Урожайный верный нам милый...», король советовал Достоевскому, если тот имеет какие-либо претензии к Малицкому, разрешить их судебным порядком, за самовольное же преследование Малицкого угрожал штрафом в 10 000 коп грошей литовских, не считая взысканий, согласно праву посполитому (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 83. Д. 548*).

1626 – пинский депутат в трибунал (*Dworzecki-Bohdanowicz; Ciechanowicz*).

Упоминается как «врадник судовой земский». Участвовал [в 1630 г.] в числе других людей «зацных» в разбирательстве одного дела о чародействе [вместе с Филоном Достоевским] и дела о пропаже пчел [в Молодове. На последнем процессе 24 апреля 1630 г. в Пинском городском суде выступали свидетелями крестьяне села Достоева, принадлежавшего Бенедыкту Достоевскому] (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. № 268, 270. С. 307, 308, 310*).

1634 – пинский депутат в трибунал.

Апрель 1635 г. – писарь маршалковского литовского суда (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

С 25 ноября 1635 г. — подचाший пинский (*Литовская метрика. Книги записей литовских. Кн. 111. Л. 450*).

Упоминается на той же должности в 1639-м (*Dworzecki-Bohdanowicz*) и 1655-м (*Бравер*).

Бенедыкт с женой начали проживать имение, полученное от предков⁵¹. Сохранилось несколько дел о взыскании долгов, лежавших на его имениях Ляховичи и Достоево. Так, в 1637 г. староста пенянский Война взыскивал с Бенедыкта долг

⁵¹ «В фондах ЛГИА хранятся реестры документов за XVII в. по делу Достоевских с Дольскими, княжеским родом, имевшим основные имения в Пинском повете. <...> В XVIII в. Достоевские утратили родовое Достоево. Видимо, в связи с этим и был составлен Инвентарь (1754), который хранится в Государственном архиве Украины во Львове. Инвентарь характеризует усадьбу, отражая материальное состояние рода. Согласно Инвентарю, она несет характерные черты добротных ренессансных усадеб. <...> От Достоевских имение перешло Стравинским, затем Чаплицам. В 1835 г. выморочное имение владельцев Гедройцев перешло в казну. Позднее его выкупили Орды. Орды из соседних Новошиц владели имением до последнего времени. В 1888 г. оно составляло 738 десятин» (Федорук А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины. Минск, 2004). – *Ред.*

в 1435 коп грошей литовских (прекращено это дело в 1638 г.). Позднее, уже после смерти Бенедыкта Петровича, на Достоеве был долг в 8000 злотых польских (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 47. Лл. 323, 427, 481. Кн. 83. Д. 548. Кн. 103. Д. 310. Кн. 118. Л. 61. Кн. 132. Л. 105*).

В 1669 г. принимал участие в избрании короля Михаила Вишневецкого (*Boniecki*).

XXX. Ельская, по мужу Достоевская [Гелена]

Жена предыдущего. Во втором браке — за Самуилом Кирдеем-Гричиной.

Закат достоевской эпохи можно проследить по документам фонда князей Радзивиллов, хранящимся в Литовском государственном историческом архиве⁵².

Из описей, доступных в сети Интернет, видно, что в начале XVII в. Достоевские роднятся с семейством Ельских — большим и в то время весьма активным.

В 1618 г. Бенедыкт Достоевский вводит свою жену Анну (Галину), урожденную Ельскую, во владение третьей частью имения Новошицы и Ляховичи Пинского повета в качестве залогодержателя; супруги дают квитанционную запись Роману Ельскому о том, что в приданое ими получены имение Волчковщина Волковысского повета и часть имений Сидра и Каменная Долина повета Гродненского (имеются печати). Достоево при этом записывается в залог новому родственнику, который вводится во владение.

В 1630 г. Елена, урожденная Ельская, продает Новошицы Лукашу Ельскому⁵³.

XXXI, XXXII. Дети Марыны Стефановны Достоевской-Карлович

XXI / XX

Поколение шестое

XXXIII. Достоевский Богумил Петрович

<XXVII / XXVIII>

Сын (или, возможно, брат) Петра Достоевского.

В 1648 г. вместе с [Анджеем], Станиславом, Яном, Александром и Миколом Достоевскими принимал участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна II Казимира (*[Volumina Legum. T. IV. C. 114] Kojalowicz, Niesiecki, Boniecki и т.д.*).

Упоминается в декрете 1663 г. о разделе имения Плотницы, принадлежавшего пану Петру Достоевскому.

⁵² ЛГИА (Вильнюс). Ф. 1280. Ч. 1. Д. 1441, 1483, 1488 (Достоевские); Д. 1405, 1412, 1414, 1416, 1419, 1438, 1443, 1445, 1448–1450, 1456, 1463, 1466, 1467, 1474, 1480, 1482, 1485, 1487, 1489, 1491, 1492, 2516 (Ельские). — *Ред.*

⁵³ Лукаш оставил после себя множество документов — в основном это долговые обязательства. Скорее всего, он умер в 1666 г., и долги унаследовал сын, полковник Роман-Антон Ельский, после смерти которого (до 1678 г.) эстафету приняла его вдова. Какую-то часть долгов выплатил Александр Бутковский (в тот же период он имеет денежные дела и с Абрамом Достоевским). По-видимому, род приходит в упадок — ненамного позже, чем Достоевские, к которым была сделана эта генеалогическая прививка. — *Ред.*

XXXIV. Достоевский Станислав Петрович

<XXVII / XXVIII>

Сын (или, возможно, брат) Петра Достоевского.

В 1648 г. вместе с [Анджеем], Богумилом, Яном, Александром и Миколоаеи Достоевскими принимал участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна II Казимира (*[Volumina Legum. T. IV. S. 114] Kojalowicz, Niesiecki, Boniecki u m.d.*).

Упоминается в декрете 1663 г. о разделе имения Плотницы, принадлежавшего пану Петру Достоевскому.

XXXV. Достоевская, по мужу Корженевская Богумила Петровна

<XXVII / XXVIII>

Дочь Петра Достоевского, жительница Пинска, католичка. В родословных книгах фигурирует как Bogumila z Dostojewa Dostojewska, sędzianka Pinska⁵⁴ (*Сообщено Г.Н. Корженевским*).

XXXVI. Корженевский (Коженевский) Адам Станиславович

(До 1604–?). Муж предыдущей. Правнук Гапона Корженевского, маршалка короля Сигизмунда I на Брацлавщине. Родился на Новогрудчине, председатель Пинского повета (*Сообщено Г.Н. Корженевским*).

У Адама Коженевского и Богумилы из Достоевских был сын, пинский мечник Ян-Михал, который в 1702 г. женился на Александре Борейковне; имел сыновей Самуеля и Яцка. Внуки и правнуки Адама и Богумилы жили на территории Киевского, Брацлавского и Волинского воеводств (*Boniecki. T. XI*).

XXXVII. Достоевский Роман Бенедыктович

XXIX / XXX

В Пушкинском Доме сохранилось древнее Евангелие на <церковно>славянском языке, на котором имеется надпись, что оно в 1649 г. принадлежало Роману Достоевскому.

1649 — имущество Романа Бенедыктовича в его имении Остров, находившемся в Пинском повете, было развезено по домам крестьянами, [которых взбунтовали казаки. Сам Достоевский воевал в то время против казаков в королевских подразделениях.] 15 мая 1649 г. крестьяне из села Сухого, принадлежавшего ему же, а также из соседних владений, были собраны в Острове «копным способом» и сознались, что брали «разную маетность» Достоевского, между прочим четырех вепрей, каменные жернова, пчел и пр., и обещали все взятое возвратить и уплатить убытки — что, впрочем, ими впоследствии сделано не было. 21 сентября 1649 г. возным генералом⁵⁵ Пинского повета Зябкой внесено в гродские книги заявление о добровольном на копе сознании крестьян в разграблении имущества Достоевского (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. T. 18. С. 372–373*).

⁵⁴ Жена судьи из Пинска. — *Ред.*

⁵⁵ Возный генерал — чиновник с функциями исполнительной власти при земских судах. — *Ред.*

И.Л. Волгин

Нелишне спросить: что подвигло мирных тружеников на такую дерзость?

Когда в биографию входит история, тогда прекращается хаос и многие вещи встают на свои места. Можно сказать и так: генеалогическое древо жаждет живой воды...

Летом 1648 г. казацкий отряд («загон») под водительством Антона Небабы, пройдя восставшую Украину, вступает в пределы Белой Руси. Силы повстанцев быстро растут; брожением охвачено все Полесье... Православные жители Пинска не останутся равнодушными к тому, что происходит за его стенами. Даже иные из отцов города, развращенные, как видно, магдебургским правом, не пребудут верными своему королю. Что же говорить о простолюдинах?.. Те несогласные, кому удастся бежать, предводительствуемые полковником Лукашем Ельским, покинут Пинск... Осенью усиленное артиллерией польское войско двинется к мятежному граду. Осведомившись о том, горожане немедленно откроют ворота перед прежде сомнительным Антоном Небабой. Так начнется Пинская оборона. <...> Последний штурм, 9 октября – яростен и жесток. Как бы примериваясь к будущему своему ремеслу, три века спустя опустошившему край, немецкая наемная пехота зажжет предместье. Сквозь пламя пробьется отряд Небабы, но будет прижат к болоту и истреблен. В городе, спаленном пожаром, начнется резня.

На фоне этих прискорбных событий (и, разумеется, вдохновленные ими) покушение на имущество Романа Бенедыктовича выглядит не слишком глобальным. Тем более что подобному посягательству подвергся не он один. Но легко нам судить чужую беду: самому Роману Бенедыктовичу, конечно, виднее.

(Родиться в России. С. 20–21)

1657–1668 – Роман Достоевский получил королевскую привилегию на уряд пинского скарбника⁵⁶, как видно из Метрик литовских (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

1658 и 1659 — Роман Бенедыктович упоминается [при уплате налога] как дворянин и поветовый экзактор пинский.

Июль 1662 г. – ксендз Юражинский, монах монастыря св. Доминика в Василишках, жаловался в пинский магистрат на челядь полковника Богущого, которая его побила и «пошарпала». В жалобе указано, что ксендз остался живым благодаря увещаниям нескольких уважаемых панов, среди которых упомянут и Роман Достоевский.

Июль 1664 г. – в актовую книгу главного трибунала Великого княжества Литовского внесена запись о скандальных обвинениях в адрес всего трибунала и об избиении трибунальского возного. Несколько раз упоминается имя Романа Достоевского, который был в то время членом трибунала и присутствовал в Вильне на сессии; два его слуги выступали свидетелями.

2 сентября 1664 г. – послы Пинского повета земский судья Филон Гобебский и Роман Достоевский получили в Варшаве королевский лист, где Ян II Казимир писал о том, какие разорения понесла шляхта Пинского повета и с каким героизмом защищала она Речь Посполитую.

10 сентября 1664 г. – шляхта Пинского повета приняла на сеймике решение о выставлении отряда из 100 человек для борьбы против московских захватчиков. Среди прочих

⁵⁶ На должность чиновника, собирающего и хранящего поступления в казну. – *Ред.*

это решение подписали Роман и Абрам Достоевские (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 15. С. 123–124. Т. 34. С. 239, 354–360*).

XXXVIII. Достоевская Катажина

Жена предыдущего, из рода Ордов (*Бравер*).

XXXIX. Достоевский Лев [Леон]-Францишек Бенедыктович XXIX / XXX

Лев, владелец Достоева (в Пинском повете), по которому 23 мая 1646 г. состоялся декрет в трибунале (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

Умер до 1651 г. и, по словам жены, не оставил после себя никакого состояния (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 34. С. 478*).

Некая Достоевская присягнула, что по ее умершему мужу Францишку Достоевскому не осталось имения. Она уплатила подымный налог за 1651 г., внесенный в числе обывателей (в данном случае имеются в виду помещики) Пинского повета. Сам покойник назван неоседлым («*nieosiadłego*»). Видимо, в свое время Францишек Достоевский владел какой-то земской собственностью (*Ciechanowicz. С. 361*).

XL. Ордзянка, по мужу Достоевская Анна

Жена предыдущего, по его смерти вышла вторично замуж за Александра Высоцкого. Имение унаследовал брат покойного Петр (*Бравер*).

XLI. Достоевский Петр Бенедыктович

XXIX / XXX

Король Ян II Казимир в 1654 и 1655 гг. обращался к шляхте с призывом громить казацкие отряды (во второй раз он прямо адресовался к шляхте Пинского повета). Достоевские среди адресатов им не упоминаются.

На призыв короля откликнулись многие пинские шляхтичи – по собственной инициативе они собрали 12 июля 1655 г. локальный сеймик, на котором решили обложить себя новыми значительными налогами: средства предназначались для организации отпора московской агрессии. Здесь же было подтверждено участие в посполитом рушении (ополчении). В этом собрании, решение которого было написано в Пинском замке, принимал участие и Петр Достоевский (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 34. С. 14, 33–35, 38–40; Ciechanowicz*).

Сохранились подписи на польском языке Петра Достоевского под постановлениями пинских сеймиков 1655 и 1657 гг. По-видимому, это был уже не Петр Сасинович (XV–XVI, с. 39), а Петр Бенедыктович Достоевский (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 34. С. 40, 119*).

Петр, сын Бенедыкта, был ротмистром в полку Самуеля Оскерки. В своем духовном завещании от 7 января 1660 г. указывал, чтобы его, «как доброго католика», похоронили в склепе под костелом францисканцев в Пинске. Свое имение в Ляховичах, как и часть, оставшуюся от умершего брата Льва, он завещал жене Гелене Гобебской. Кроме того, он завещал разные суммы пинским францисканцам, а также иезуитам (*Бравер*).

XLII. Годабская, по мужу Достоевская Гелена**XLIII. Достоевская****XXIX / XXX**(? – 1629). Дочь Бенедикта Достоевского и Гелены Ельской (*Бравер*).*Поколение седьмое***XLIV–XLVI. Достоевские Катажина, Анна и Ядвига****XLI / XLII**Дочери Петра Бенедыктовича Достоевского (*Бравер*).*Представители рода Достоевских,
положение которых в родословной не установлено**Ветвь Щастного***XLVII. Достоевский Щастный**Вероятно, один из внуков Ивана Даниловича Достоевского (V, с. 27).
Имел сыновей Андрея и Абрама.

В 1634 г. вместе с сыном Андреем обвинялся в соучастии в убийстве войского и подстаросты минского Миколая Ельского⁵⁷ и «посечении» (ранении?) Томаша Ельского и двух слуг Миколая Ельского (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 99. Л. 97*).

XLVIII. Достоевский Андрей [Анджей] Щастнович**XLVII / ?**

Сын предыдущего.

Вместе с отцом был осужден за участие в убийстве Миколая Ельского и посечении трех человек к лишению всех прав и изгнанию. 29 августа 1634 г. король помиловал Достоевских и других участников преступления и запретил в своем указе кому бы то ни было попрекать их прежними их деяниями (*Литовская метрика. Книги судных дел. Кн. 99. Л. 97*).

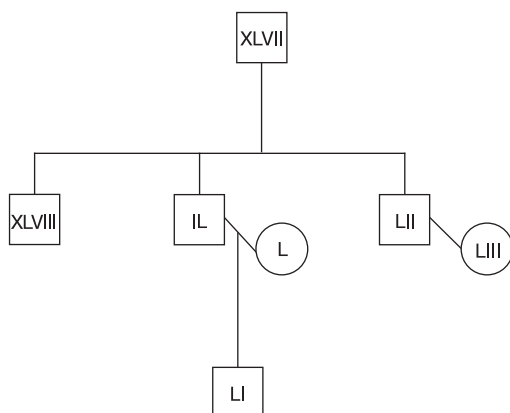
И.Л. Волгин

Неясно, что послужило причиной конфликта. Еще менее ясен приговор: подобная развязка не может не вызвать недоумения.

Вспомним, что никакие усилия не могли спасти мужеубийцу Марыну Стефановну (XX) от руки палача. Правда, тогда были поправы брачные, освященные церковью узы. Но и вообще умышленное убийство каралось чрезвычайно строго. В данном случае мягкость приговора можно было бы, по-видимому, объяснить тем, что Миколай Ельский пал в драке, то есть стал жертвой неумышленных действий. Но почему король «снимает суди-

⁵⁷ Возможно, того самого, который упоминается в данных о Филоне Достоевском (с. 45). – М.В.

ВЕТВЬ ЩАСТНОГО

мость» с отца и сына Достоевских? Не содержится ли здесь указание на то, что сам их поступок, хотя и повлек за собой превышение власти, был вынужден какими-то государственными соображениями?

Допустим, однако, что убийство Ельского – дело сугубо частное. Тогда непонятно, почему убийцы присуждены к изгнанию и лишению прав: ведь можно было отделаться положенным по закону штрафом («головщиной»). Скорее всего, ответчики не явились на суд. В королевском указе 1634 г. содержится косвенный намек на то, что они опасались «попреков». Какая, однако, тонкость натуры! Или, может, это вполне оправданный страх? На условном языке эпохи «попрек» мог означать и кровную месть. Родственники убитого (люди весьма влиятельные) не стали бы церемониться с убийцами. И в правовом государстве возможен, увы, внесудебный летальный исход.

Что же могло спасти виновных? В романах Г. Сенкевича, этой энциклопедии шляхетской жизни XVII в., а именно в «Потопе», можно найти один занятный сюжет. <...> У Андрея и его отца не было выбора. Лишь защита отечества могла избавить их от уголовного преследования со стороны государства и мести со стороны частных лиц. Тем более что возможности к спасению открывались немалые. На юге князь Иеремия Вишневецкий, легендарный Ярема, железной рукою правит своим беспокойным уделом: его владения составляют своего рода *status in statu*⁵⁸. К нему со всей Польши стекаются лихие люди – нарушители королевского мира, беглые крестьяне, просто искатели приключений. Всех, кто владеет мечом, в Лубнах без лишних расспросов принимают на службу. Здесь в степном пограничье, слишком явственна близость Дикого поля, слишком отчетлив скрип басурманских телег... На востоке меж тем неспешно погромыхивает Смоленская война.

...Мы довольны уж тем, что ни один из членов рода не упомянут в документах Смутного времени. Будем надеяться, что Достоевских не было среди тех, кто вместе с Лжедмитрием был истреблен в Москве 17 мая 1606 г.; ни среди тех, кто осаждал Троицу; ни среди тех, кто жрал человечину в Кремле, осажденном войсками Минина и Пожарского. Лучше бы чаша сия миновала их...

(Родиться в России. С. 16–18)

⁵⁸ Государство в государстве (лат.).

1648 — вместе с Богумилом, Станиславом, Яном, Александром и Миколаем Достоевскими принимал участие от Брестского воеводства в выборах короля Яна II Казимира (*[Volumina Legum. T. IV. S. 114] Kojalowicz, Niesiecki, Boniecki*).

1649 — хорунжий поветовой хоругви (военного отряда) Волынского воеводства. Обвинялся вместе с хоругвью в разорении местечка Острожца и насилиях, учиненных над острожецкими мещанами — христианами и евреями: «...Солонины, бараны, куры, масла, сыры, горелки, пива и вси живности до пожитку належачие в месчан, жидов и подданных нижей менованных острожецких с комор кгвалтом брали и вытягали, и маестности до остатку опустошили и внивеч обернули, подданных били и вшелякие кривды и деспекта выражали...» (*Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Т. 4*).

И.Л. Волгин

Достоевские не всегда ладят с законом. Историк рода объясняет это буйным родовым нравом. Уместно все же указать и другие причины.

Через 15 лет после помилования Андрея Щастновича в документах снова всплывет знакомое имя... Тут мы вздохнем облегченно: разумеется, не из-за указанных безобразий, а потому, что нахождение Андрея Щастновича в составе Волынского войска лишний раз убеждает нас в том, что он и его родитель действительно направились к югу. Они, видимо, и обосновались там, не надеясь на силу королевского заступничества. Впрочем, здесь, на Волыни, волнуя душу, стоит и родная — пинская! — поветовая хоругвь. И служит в ней Филипп Достоевский (LXXX) — вне всякого сомнения, родственник беглецов. Да, кстати, и родственник почерк...

Две однотипные акции, совершенные Андреем и Филиппом Достоевскими, действительно, могут навести на мысль о, так сказать, семейной наклонности к противоправным деяниям. Однако подобное впечатление возникнет только в том случае, если означенные факты расположить «в безвоздушном пространстве». Но стоит лишь пристальнее взглянуться и пространство это тотчас наполнится конским топотом, гулом сражений и дымом пепелищ. Ибо на дворе 1649 г. Речь Посполитая охвачена смутой... Почти вся Украина сделалась полем раздора. По меньшей мере три государя готовы милостиво принять ее под свой покров. Богдан Хмельницкий, как это и запечатлено в монументе, указывает булавой на Москву. Под его знамена стекаются толпы казаков и «хлопов», жаждущих воссоединиться с единоверцами... Правительство Речи Посполитой, естественно, не желает терять обширную и богатую часть государства. Шляхта призывается на коня. В числе прочих поветовые хоругви Литвы и Волыни двинуты на подавление мятежа. Что означают в этой связи жалобы на действия Достоевских? Незаконные реквизиции, притеснения мирных жителей, грабеж и разбой — ситуация всегда повторимая там, где проходит войско. Местное православное население (крестьяне и мещане) — ближайший объект этих походных самоуправств. Что же касается евреев — было бы странным, если бы в настоящем случае их обошли.

Однако грабят не только Достоевские. Сами они тоже терпят ущерб⁵⁹.
(*Родиться в России. С. 16–20*)

⁵⁹ См., например, разграбление имения Романа Бенедыковича Достоевского (XXXVII, с. 48) в том же году. — *Ред.*

II. Достоевский Абрам Щастнович**XLVII / ?**

Брат предыдущего, землянин Пинского повета.

Д.Л. Башкиров

Среди представителей пинской ветви Достоевских личность Абрама Достоевского обращает на себя внимание своей активностью. По-видимому, в отличие от других представителей этого рода, ему удалось добиться устойчивого имущественного и общественного положения в повете. Причем оно было достигнуто не за счет одновременного удачного стечения обстоятельств или покровительства, а происходило поступательно, путем целенаправленной, складывавшейся годами, сознательно выстроенной системы взаимоотношений.

По документам мы можем проследить его судьбу на протяжении десяти лет (1658–1668). Если родственники Абрама Достоевского лишь в какой-то момент оказывались на высоте положения, а затем исчезали бесследно или проживали наследство, дробили родовые владения, то этот представитель рода именно к концу жизни достиг наибольшего успеха. Абрам Достоевский сохранил конфессиональную принадлежность предков – православие. По крайней мере он постоянно подписывается по-русски, что в условиях Великого княжества Литовского этого периода отличает его от большинства современников и, в частности, его же родственников.

*(Новые материалы. С. 158–161)*Владелец имения Посиничи (*Бравер*).

1641 – на Абрама наложена баниция⁶⁰, как видно из Метрик литовских (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

Как уже упоминалось на с. 44, имение Абрама Достоевского Полкотичи было в 1641 г. заложено его родственниками Подвысоцкими в сумме 1610 коп грошей литовских.

В 1646 г. Абрам Достоевский обвинял пинского еврея Соломона Абрамовича [арендатора, своего соседа по имению Козляковичи] в нанесении побоев его челяднику. В том же году в местном суде разбирались несколько дел по взаимным обвинениям Достоевского и Абрамовича в потраве хлеба и захвате скота (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 28. С. 245–246, 280, 301–303*).

Д. Л. Башкиров

Обнаруженные в НИАБ архивные документы, связанные с жизнью отдельных представителей рода Достоевских и с историей сел Достоево, Завидичи, Ляховичи, Плотница в середине XVII в., когда они еще принадлежали Достоевским⁶¹, – новый источник доку-

⁶⁰ Согласно Словарю древнего актового языка, баниция – решение об изгнании провинившегося, с лишением его всех гражданских прав. Баниция могла быть временная или вечная, главная (изгнание из пределов целого государства или края) или меньшая (изгнание из какой-нибудь части государства). – Н.Б.

⁶¹ Особую группу материалов составляют относящиеся к 1650 г. присяги о подымной подати с имений Плотница (Петр Достоевский), Ляховичи (Ян, до этого ими владел Бенедыкт Достоевский), Завидичи (Абрам Достоевский). – Д.Б.

ментальных данных о некоторых представителях рода и – шире – о судьбе пинской ветви Достоевских. Они дополняют документы, опубликованные в «Актах, издаваемых Виленскою археографическою комиссиею» (тт. 1–36) – основном источнике сведений о роде Достоевских.

Ряд обнаруженных документов составляет единое целое. Например, взаимоотношения Пинского женского монастыря Св. вмч. Варвары с Достоевскими прослеживаются на протяжении полутора веков <...> развитие получают в 1658–1662 гг.:

1658 – дело Абрама Достоевского и игуменьи монастыря Ефросинии Тризнянки о покупке Завидчиц (есть печать)⁶²;

1659 – заставная запись игуменьи монастыря землянину Достоевскому на подданного из села Завидичи Пинского повета;

1661 – письмо с подписью игуменьи Ефросинии Тризнянки с признанием ее долга Абраму Достоевскому;

1662 – письмо Абрама Достоевского о признании закладного права на подданного деревни Завидчицы (под документом имеются отпечатки пальцев Александра Ольпинского – хранителя печати Абрама Достоевского); письмо Абрама Достоевского о получении 100 злотых от Ефросинии Тризнянки (на письме есть отпечатки пальцев автора).
(*Новые материалы. С. 158–161*)

Апрель 1660 г. – Абрам Достоевский обвинен в Пинске в наезде на имение панов Тышковских.

1660 – сам он обвиняет Каспра Вишневого в побитии своего челядника (*НИАБ. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 1. Лл. 89–90, 187–188*).

1664 – упоминается как пинский наместник. На постановлении сеймика Пинского повета от 10 сентября 1664 г. он единственный из всей шляхты подписался по-русски (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 34. № 318. С. 358*).

Д.Л. Башкиров

В 1660-е Абрам Достоевский был пинским городским наместником, а к 1667 г. сосредоточил в своих руках всю судебную власть в городе⁶³.

1661 – запись Яна Захревича пану Абраму Достоевскому.

23 июня 1661 г. – пинский мещанин Ян Шихтерович передал Достоевскому участок земли в Пинске⁶⁴.

В начале десятилетия он спорит об имуществе, на которое претендует по линии жены, с Ордами (будущими владельцами Достоева) и Пласковицкими.

24 июля 1661 г. – процесс пана Владислава (Иоакима Орды) с паном Абрамом Достоевским, пинским городским наместником⁶⁵.

⁶² НИАБ. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 174. Л. 7 об.

⁶³ В архиве СПБНИИ РАН (Ф. 52. Оп. 11. Ед. хр. 4. Л. 101) есть выписка из пинских гродских книг о протестации пинского униатского епископа Марциана Белозора против шляхтича Авраама Достоевского в связи с указанным обстоятельством. – *Ред.*

⁶⁴ НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 2. Лл. 481, 501.

⁶⁵ Здесь и ниже: НИАБ. Ф. 1777. Д. 2. Оп. 1. Лл. 892, 914, 943, 1078, 1921.

1662 – протест пана Абрама Достоевского и пани Марины Козлаковской Абрамовой Достоевской против Владислава Иоакима Орды и пана Петра Пласковицкого с женой (спор по поводу имений Козляковичи и Крановичи в Пинском повете); декрет пана Абрама Достоевского; декрет между Достоевским и паном Мартином Протасевичем.

1663 – судебное дело Достоевского против родственников жены, от которых он требует после раздела пани Козляковской имущества между сыновьями (1663 г.) доли своей супруги.

(Новые материалы. С. 161)

1668 – пинский наместник (*Uruski*).

1669 – в Пинском каптуровом суде⁶⁶ состоялся процесс между Абрамом Достоевским и евреем Юзефом Боруховичем⁶⁷ о золотой цепочке, которую первый заложил второму за 50 злотых. Суд принял решение, что стороны должны взаимно выполнить взятые на себя обязательства: вернуть и долг, и залог (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 29. С. 14–16*).

В следующих документах речь, возможно, идет уже о другом лице:

1667–1672 – дело по жалобе Абрама Достоевского на супругов Красицких о неуплате долга по записи, выданной его отцу Станиславу (!) Достоевскому (на старобелорусском и польском языках, имеются печати).

1670 – облигационные записи денежных сумм, выданные Абрамом Достоевским Александру Бутковскому (*ЛГИА. Ф. 1280. Ч. 1. Д. 1483, 1488*).

L. Козляковская, по мужу Достоевская Мария [Марына]

Жена предыдущего (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 28. С. 302*).

1654 – владелица имения Завидницы (*Бравер*).

LI. Достоевский Ян Абрамович

IL / L

Сын Абрама Достоевского (*Ciechanowicz*).

LII. Достоевский Ежи

Брат Абрама Достоевского (*Бравер*).

LIII. Терлецкая, по мужу Достоевская Настасия

Жена предыдущего. В 1653 г. внесла в качестве приданого часть имения Плотничи (*Бравер*).

⁶⁶ Каптуровые суды занимались разбором криминальных дел во время бескоролья, то есть в периоды между смертью прежнего короля и выборами нового. – *Ред.*

⁶⁷ Возможно, это происшествие связано с другим – показывающим в неприглядном свете Достоево. 30 сентября 1669 г. в актовые книги Пинского гродского суда была внесена запись об удержании в Достоеве в течение недели некоего Боруха Мордухаевича и его жены Геси Лейзеровны с целью вымогания 90 злотых; осмотрены раны, которые обоим пострадавшим нанес пан Дубиский (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 29. С. 24*). – *Ред.*

Ветвь Яна

LIV. Достоевский Ян

[? — до 1712]. Земянин, [из Брестского воеводства переехал в Новогрудское, где был дедичным владельцем вотчинного фольверка Карацки (Karacki) или Карахи (Karachi) в Клецком (Klecki) приходе (Ciechanowicz)].

1647 — подписался вместе с Давидом Достоевским на завещании Еленского (Boniecki).

1648 — вместе с Анджеем, Богумилом, Станиславом, Александром и Миколом Достоевскими принимал участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна II Казимира ([*Volumina Legum. T. IV. S. 114*] Kojalowicz, Niesiecki, Boniecki и т.д.).

1650 — присяги Яна Достоевского о подымной подати, в том числе с имения Ляховичи.

29 октября 1659 г.⁶⁸ — квитанция о том, что Ян Достоевский, служащий под хоругвью пана Самуеля Оскерки, мозырьского земского судьи и полковника его королевского величества, отпущен был по своим домашним делам, но на его месте остался человек его со своим третьим конем (НИАБ. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 166. Л. 19. Д. 167. Лл. 73 об., 74).

1659 и 1661 — Ян Достоевский платит налоги с имения Карацки (НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 26. Лл. 90–91; Ciechanowicz).

И.Л. Волгин

Русско-польское противоборство определяет баланс сил в этом неустойчивом регионе. Захват Москвы и 1612 г. — крайняя точка отсчета, после чего маятник идет вспять. Это *возвратное* движение завершится тремя разделами Польши. Но пока до них еще далеко. И хотя в XVII в. главные военные действия ведутся на некотором удалении от Пинска, события не обходят его стороной.

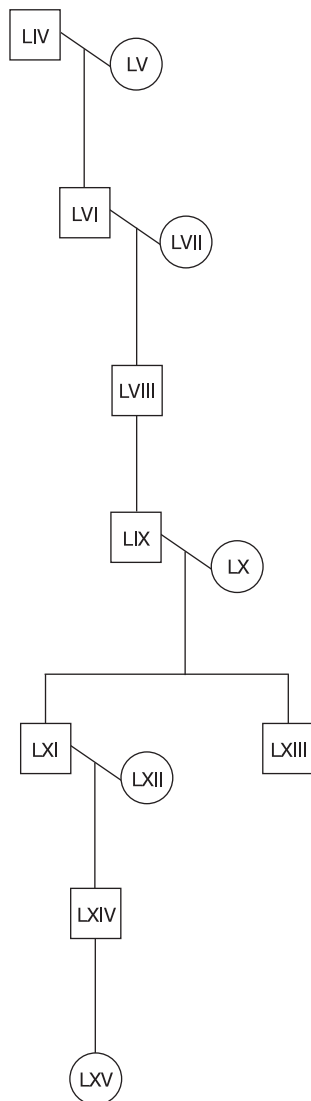
Воссоединение Украины с Россией не было признано Речью Посполитой. Это вызвало вторую русско-польскую войну (1654–1667). <...> В сентябре 1655 г. царский стольник Волконский с отрядом стрельцов и казаков с ходу занимает город и сжигает его. <...> В конце 1659 — начале 1660 г. на территории Пинского повета объявляется некто Петр Васильковский, бывший, по свидетельству одного документа, «человеком простым, своевольным и ребелизантом» (то есть бунтовщиком). Собрав отряд «лесунов», он нападает на ряд богатых имений, не забывая при этом уничтожать *бумаги*: привилеи, купчие, реверсалы, налоговые квитанции и т.д. Сильному разорению подвергся и сам город Пинск.

Отразились ли все эти общие неурядицы на личной судьбе Достоевских?
(Родиться в России. С. 22–23)

13 марта 1660 г. — Ян Достоевский подписался под решением копного суда по делу о пропаже хлеба и вещей, зарытых в землю во время нашествия неприятеля.

⁶⁸ Я. Цеханович датирует подобный же документ 18 октября 1661 г.; здесь Ян Достоевский служит под началом Оскерки в чине товарища (то есть рядового коронного войска) и увольняется по семейным обстоятельствам. — *Ред.*

ВЕТВЬ ЯНА

Нумерация поколений условная – см. приложение на с. 69

6 поколение	7 поколение	8 поколение	9 поколение	10 поколение	11 поколение	12 поколение
-------------	-------------	-------------	-------------	--------------	--------------	--------------

21 июля 1660 г. — землянин Пинского повета Ян Достоевский жаловался на сожжение его имения Завидчичи (к югу от Пинска) московскими и казачьими войсками («вероломный кривоприсяжца москаль з ребелизантом его кр. мести и речы посполитой козаком»). [Это разорение произошло уже после погрома казаками самого Пинска (7 июля). Среди утрат перечислено много документов; общие же потери оценены Достоевским более чем в 3000 польских золотых.] Подписывался по-польски (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. № 345. С. 402. Т. 34. № 145. С. 159–160*).

И.Л. Волгин

Как можно догадаться, сожжение имения произошло во время недолгого перемирия, ибо Ян называет обидчика вероломным клятвопреступником. Но особенно огорчает жалобщика то, что в грабеже принимали участие какие-то сомнительные казаки, которых простодушный Ян именует подданными польского короля. Зачем, спрашивается, избирал он монарха на сейме в Варшаве в 1648 году!

Впрочем, подданные склонны винить королей во всех несчастиях — будь то голод, мятеж или нашествие иноплемennых. Яну II Казимиру в этом смысле особенно повезло. Все его царствование было непрерывной чередой войн. <...> Все смешалось в истерзанном государстве — и не у кого больше искать защиты... Держава, однако, устояла. По Андрусовскому перемирию (1667) Польша признала воссоединение левобережной Украины с Россией, но удержала за собой всю правобережную Украину и Белоруссию. Иными словами — все области расселения занимающего наше внимание рода.

(Родиться в России. С. 23–24)

Октябрь 1660 г. — землянин Пинского повета Ян Достоевский жаловался в Пинском городском суде на обывателей Новогрудского повета Ровинских, которые 22 октября 1660 г. напали на пинское имение Кутки, принадлежащее Казимиру Поецкому: Достоевский в то время находился там как кредитор. В жалобе описывается ограбление Кутков, ранение их владельца, а также пленение Достоевского, его пребывание в Давид-Городке и, наконец, отнятие Ровинскими его оружия и одежды: описание отнятого свидетельствует о богатстве Достоевского (*НИАБ. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 1. Л. 460*).

1662, 1663 — тяжба с семьей Головки: «Я, Ян Достоевский, и я, Николай Довят <...> признаем этим добровольным письмом, что пан Михаил и пан Андрей Головки имеют необоснованные претензии на Завидчиское Подгородье Михаловщицны и сенокосы...»

1663 — декрет Яна Достоевского с Яном Крапивницким о долге (*НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 2. Лл. 1349, 1198*).

1681 — Ян и его жена записаны в новогрудских актовых книгах (*Uruski*).

1697 — в числе Сандомирского воеводства принимал участие в избрании короля Августа II Сильного (*[Volumina Legum. T. V. С. 426] Boniecki, [Uruski, Ciechanowicz]*).

LV. Паруль, по мужу Достоевская Юстина

Жена предыдущего (*Uruski*).

LVI. Достоевский Якуб Янович**LIV / LV**

Сын Яна Достоевского. После смерти отца, продав имение Карацки, переселился в околицу Воложицы («do okolicy Wołożys»), находящуюся также в Новогрудском воеводстве. Его жена Елена Ханецкая 25 июня 1712 г. оформила ему купчую (НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 26. Лл. 90–91; *Ciechanowicz*). В Воложицах Достоевским принадлежало 1/4 влуки (около четырех гектаров) земли (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*. Т. 13. С. 910).

LVII. Ханецкая, по мужу Достоевская Елена

Жена предыдущего.

LVIII. Достоевский Вицентий Якубович**LVI / LVII**

Сын предыдущих, владелец выкупленной у Ханецкой части Воложиц (*Ciechanowicz*).

LIX. Достоевский Доминик Вицентиевич**LVIII / ?**

Сын предыдущего.

1796 – в списке шляхты Несвижского и Поставского уезда упоминается владелец дедичного фольварка Водницы (Wodczyse) Доминик Достоевский, сын Вицентия, женатый и имеющий сыновей Яна и Францишка.

1800 – владелец той же, что и отец, части Воложиц. Жил в этом имении вместе с двумя сыновьями (НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 6. Л. 22. Оп. 2. Д. 941. Лл. 1–2).

Герб Радван

LX. Кострувна, по мужу Достоевская Катажина

Жена предыдущего.

LXI. Достоевский Ян Доминикович **LIX / LX**

Сын предыдущих.

LXII. Тур, по мужу Достоевская Розалия

Жена предыдущего.

LXIII. Достоевский Францишек Доминикович**LIX / LX**

Второй сын Доминика Достоевского. Вместе с братом доказал свое дворянство в Минской губернии и был вписан в первый разряд дворян с гербом Радван⁶⁹.

⁶⁹ Согласно легенде, происхождение герба Радван таково. В одной из войн польского короля Болеслава I Храброго (992–1025) с Русью отряд, которым командовал предок Радванов, столкнулся с превосходящими силами противника. Чтобы люди не обратились в бегство, Радван взял хоругвь в соседней церкви и с хоругвью в руках увлек воинов за собой. За проявленную доблесть и благочестие он получил от короля право внести в герб спасительную хоругвь (*Herbarz Polski*. Р. 4–5).

Герб Достоевских представляет собой герб Радван с той разницей, что вместо креста над хоругвью помещен перстень. Над шлемом, венчающим щит, рука в латах, с мечом (*Wonięski*). Перстень или кольцо (*annulet*) в верхней части щита в геральдике – знак пятого сына, поэтому можно предположить, что Достоевские были в родстве или вассальных отношениях с младшей ветвью рода Радван. – И.В.

Определение Минского дворянского депутатского собрания о признании дворянского происхождения рода Достоевских герба Радван и внесении их имен в первую часть родословной книги Минской губернии датируется 13 августа 1800 г.⁷⁰ (*НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 26. Лл. 90–91; Ciechanowicz*).

LXIV. Достоевский Доминик-Шимон Янович

LXI / LXII

(1817 – X.1896). Сын Яна и Розалии Достоевских.

В 1832 г. в Минское дворянское депутатское собрание обратился с прошением шляхтич Слуцкого уезда Казимир Невяровский, сын Игнация, живущий в фольварке Плешевици. Он просил о признании в дворянстве и «дописании» к решению от 13 августа 1800 г. сироты Доминика-Шимона Достоевского, сына Яна Доминиковича Достоевского и Розалии из рода Туров, крещенного 17 апреля 1817 г. в униатской Солтановской приходской церкви.

Согласно документам Минского дворянского депутатского собрания, в 1832–1839 гг. в застенку Волочицы («w zaścianku Wołoczysze») Слуцкого уезда проживал Доминик Достоевский, сын Яна, дворянство которого не было в то время оспорено. Эта линия Достоевских, видимо, имела родство с Мощинскими, поскольку Доминик в феврале 1860 г., после смерти Томаша и Марианны Мощинских, обратился в Слуцкий уездный суд с претензиями на их фольварк.

В документах того времени Достоевский фигурирует как однодворец – что свидетельствует о деклассировании и этой семьи (*НИАБ. Ф. 319. Оп. 2. Д. 941. Лл. 4, 5, 9–10; Ciechanowicz*).

LXV. Достоевская Каралина Доминиковна

LXIV / ?

(1857? – 1910-е). Единственная дочь предыдущего (*Сообщено Г.Н. Корженевским*).

Ветвь Миколая

LXVI. Достоевский Миколай

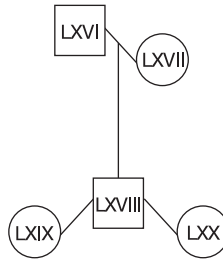
Владел именьями Достоево, Ляховичи, Кучевское (*Ciechanowicz*).

В 1648 г. вместе с [Анджеем], Богумилом, Станиславом, Яном и Александром Достоевскими принимал участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна II Казимира (*[Volumina Legum. T. IV. С. 114] Kojalowicz, Niesiecki, Boniecki и т.д.*).

⁷⁰ Позже об этом – увы, безуспешно – будет хлопотать и Станислав Иоаннович Достоевский (№ 12, с. 85), двоюродный дядя писателя.

Отец же писателя заново выслужил дворянство, «зачислил себя и всех сыновей к дворянству Московской губернии и записан в 3 часть родословной книги». По свидетельству сына Андрея, на вопросы о том, почему отец не хочет доказать свое древнее происхождение, тот «с улыбкой отвечал, что не принадлежит к породе Гусей (басня Крылова “Гуси” тогда была в большой моде). Но собственно-то он не хлопотал оттого, что это стоило бы больших денег» (*Достоевский А.М. Воспоминания. С. 17–18*). – *Ред.*

ВЕТВЬ МИКОЛАЯ

И.Л. Волгин

Опрометчиво думать, что предки героя погрязли в быте и их ничто не заботит кроме участи коварно похищенных домашних скотов! Видит Бог, это не так. От их воли зависят порой судьбы державы. Их подписи стоят на грамотах об избрании королей. Скромные, но знающие себе цену, являются они на элекционные сеймы, чтобы выбрать достойнейшего. Пусть не принадлежат они к вельможному панству, пусть ничем не выделяются в пестрой толпе. Но любой из них может на этих державных сходбищах молвить свое «не позволяю» – и закон принят не будет, и король не взойдет на трон. Сладчайшее право «либерум вето» означает, что один – равен всем.

Особенно много Достоевских оказывается на сейме 1648 г. (Владислав IV предпочел умереть не в самый удобный час.) Желают ли они избрать сильного короля, который властной рукой пресек бы смуту и укрепил государство? Или наоборот – венценосца слабого, который бы не мешал совершиться распаду? Иные намекают, что шляхта с русских и литовских окраин устремилась в Варшаву не столько для исполнения конституционного долга, сколько собственной безопасности ради...

(Родиться в России. С. 22)

LXVII. Крупчанка, по мужу Достоевская Авдотья

Жена предыдущего (*Ciechanowicz*).

В 1634 г. некая Миколаева (то есть жена Миколая) и ее сын Ян приглашали подкомория⁷¹ для разграничения Достоева в Пинском повете (*Dworzecki-Bohdanowicz*). Впрочем, это могла быть как супруга Миколая Достоевского, так и жена (или уже вдова) Миколая Ельского, которого Достоевские убили в том же году (см. с. 51–52).

LXVIII. Достоевский Ян Миколаевич

LXVI / LXVII

Сын предыдущих (*Ciechanowicz*).

LXIX. Вислоуховна, по мужу Достоевская София

Первая жена Яна Достоевского (*Ciechanowicz*).

⁷¹ Судью, занимавшегося вопросами межевания владений. – Ред.

LXX. Ордзянка-Булгарская, по мужу Достоевская Гелена

Вторая жена Яна Достоевского (*Ciechanowicz*).

Другие Достоевские

LXXI. Достоевский

Один из представителей рода фигурирует 4 сентября 1592 г. в записях Минского градского суда. Возможно, этот Достоевский был совладельцем или, скорее, арендатором – «надзорцей» капикульного пляца в Минске (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 31. С. 113; Ciechanowicz*).

LXXII. Достоевский Герман

Марына Богужаловна Туровна Ярошова Терлецкая заявила об убийстве Германом Достоевским ее дяди Ивана Ольшевского (и тот и другой были слугами епископа Луцкого и Острожского Кирилла Терлецкого). Как считала Марына, смерть Ольшевского наступила в результате нанесения ему 8 мая 1596 г. Достоевским двух ран: около пальца руки и на запястье. Ольшевский успел пожаловаться в Луцкий градский суд и умер в ночь на 30 мая (*Ciechanowicz*).

LXXIII. Достоевский Базыль

В XVII в. владел имением Угольцы (*Ciechanowicz*).

LXXIV. Ахматовичевна, по мужу Достоевская Констанция

Жена предыдущего, земянка Пинского повета (*Ciechanowicz*).

LXXV. Достоевский Роман

Ксендз, настоятель костела в Виштыньце («w Wisztyńcu») в половине XVII столетия (*Ciechanowicz*).

LXXVI. Достоевский Федор

2 августа 1610 г. – в качестве депутата Пинского повета подписал решение главного трибунала в Вильне (*Lietuvos Vyriausiojo Tribunolo sprendimai. С. 227*).

В 1634 г. «депутат пинский» главного трибунала Великого княжества Литовского⁷². Подписывался по-русски, в то время как все другие члены трибунала – по-польски (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 10. № 46. С. 257*).

⁷² Теоретически можно допустить, что указанное лицо – бывший «уполномоченный приятель» князя Курбского. Правда, к этому времени он должен был достигнуть весьма преклонных лет. Но не в подобном ли возрасте и посылать в верховный суд? – *И. В.*

LXXVII. Достоевский Давид

Дедич (владелец, помещик) части Достоева, 14 января 1645 г. заставил под 5% (то есть отдал на указанных условиях) Володкевичу в Пинском земском суде (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

Землянин Новогрудского повета, в 1647 г. подписался вместе с Яном Достоевским под завещанием Еленского (*Boniecki*).

LXXVIII. Достоевский Акиндей

Сохранилась его подпись — «Иеромонах Акиндей Достоевский, рукою» — под актом об избрании в сан архимандрита Киево-Печерской лавры Иосифа Тризны (преемника Петра Могилы)⁷³. Избрание это состоялось 25 января 1647 г. на дворянском съезде в Киеве (*Архив Юго-Западной России. С. 336—348. Подписи дворян, участвовавших в избрании*).

С.В. Любимов

Подобно представителям многих других дворянских фамилий юго-западной России, Достоевские добровольно принимали священнический сан и вступали в монашество. Наиболее выдающимся из них был Акиндей Достоевский, иеромонах Киево-Печерского монастыря, живший в XVII в.

В результате Достоевские, как и большинство южнорусских дворянских родов, не устояли в борьбе с более высокой (польской) культурой — не приняв католичества, они были вытеснены из рядов полонизированного дворянства в духовное сословие.

(*Достоевский. К вопросу об его происхождении*)

LXXIX. Достоевский Александр

В 1648 г. [Анджей (Jędrzej)], Богумил, Станислав, Ян, Александр и Миколай Достоевские принимали участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна II Казимира (*[Volumina Legum. T. IV. С. 114] Kojalowicz, Niesiecki⁷⁴, Boniecki и т.д.*).

⁷³ В 1624 г. Стефану Достоевскому (XII), положившему серебряные цепи перед образом Богородицы, уже не менее 70 лет. Допустимо ли предположить, что после всех жизненных перипетий, взлетов и падений, пережив трагедию с дочерью Марыной, изведав непостоянство удела человека на земле, Стефан ушел в монастырь? В подобных обстоятельствах такой исход вполне естественен. А может быть, в 1647 г. — уже в глубокой старости — именно он под именем иеромонаха Акиндия подписался под актом избрания архимандрита Киево-Печерской лавры? — Д.Б.

⁷⁴ К. Несецкий заканчивает перечисление членов рода Достоевских утверждением, что только Ян Александр и Миколай («Jan Alexander i Mikołaj» без запятой, то есть возможно, что Ян-Александр — не два, а одно лицо) жили в Брестском воеводстве («w Brześcińskim wojewodztwie»). В отношении остальных лиц принадлежность к Брестскому воеводству лишь предположительна. — Н.Б.

LXXX. Достоевский Филипп

Товарищ пинской поветовой хоругви (военного отряда).

Обвинялся сыновьями уржендовского старосты Речицкого в разграблении 20 августа 1649 г. их имущества и нанесении побоев их крестьянам в селах Гриве и Хоровном Владимирского воеводства: «...Напавши, подданных протестующих-се, в тых селах будучих, полапавши, били, разные оным муки и деспекта задавали, маетности од них так пенезные, яко и рухомые, кгвалтовые одбирали и, што се им подобало, справовали, а потом волов хлопских пар тридцет забрали и на пожиток свой обернули» (*Архив Юго-Западной России*).

И.Л. Волгин

Не пора ли унять молодца? Сделать это тем более необходимо, что здесь таится, прямо скажем, родовая неблагодарность. Ведь не кто иной, как Речицкий (Жечицкий) ездил в 1621 г. к турецкому султану – хлопотать об освобождении польских пленных (*Османская империя в первой четверти XVII в. С. 72*), в числе коих был и многострадальный Стефан Достоевский (XII). Неужели спустя четверть века эта услуга уже забыта его родными? (*Родиться в России. С. 18*)

LXXXI. Достоевская Марина

...Жена владельца имения Кухча Пинского повета Валериана Грычины, фигурирует в записи от 9 января 1654 г., занесенной в актовые книги Пинского гродского суда (*В поисках утерянных звеньев. С. 36*).

LXXXII. Достоевский

Владел имением Секун⁷⁵ [Секунь] Владимирского повета Вольнского воеводства.

В 1664 г. его крестьяне обвинялись в ночном ограблении хлеба, коней и волов у крестьян соседнего села Бучина. 13 августа 1664 г. состоялся приговор копного суда, по которому крестьяне села Секуна, принадлежащего Достоев-

⁷⁵ Село Секун раньше находилось во владении князя Курбского. Курбский пожаловал его в вечную и потомственную собственность своему слуге Ивану Ивановичу Келемету, последовавшему за ним из Москвы. В 1572 г., после смерти Келемета, село перешло к <двоюродному> брату его, Михаилу Келемету (умер в 1589 г.), который завещал это имение своей единственной дочери Ганне (*Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни. Т. 1. С. 48, 283*). Вероятно, путем брака село перешло потом к Достоевским. Достоевский, владевший Секуном в 1664 г., по всей вероятности, являлся потомком того Федора Достоевского, который в 1572 г. был «уполномоченным и приятелем» князя Андрея Курбского. – Н. Ч.

«Однако все не так просто. Дело в том, что летом 1590 г., уже после смерти князя Курбского, его злейший враг Андрей Фирлей изгнал вдову князя из Ковеля, а наследников Келемета – из Секуни. Король своей грамотой утвердил право Фирлея на Секунь. После же смерти последнего село было вновь причислено к королевским владениям. Даже в самом начале 1660-х Секунь принадлежит не Достоевским: по грамоте Владислава IV, данной в Варшаве 18 сентября 1634 г., и переустановочной записи 9 февраля 1636 г. от некоего дворянина Адама из Кременца им владеют Иван Блиновский и его жена Катерина, урожденная Олешкович... Таким образом, вопрос, как Достоевские столь прочно осели на землях северо-западной Волыни, требует специального изучения» (*В поисках утерянных звеньев. С. 48–49*).

скому, не явившиеся на копу, должны были удовлетворить крестьян села Бучина, принадлежащего Марцину Люшковскому, у которых ими отнят был хлеб и скот. Согласно приговору, вынесенному судом, возмещение убытков должно было произойти через две недели. Однако когда 27 августа представители власти «до уроженного его милости пана Достоевского, до села Секуна, зъехавши, там самого пана Достоевского в дому не застали, который, умыслне уникаючи чыненя справедливости, з дому зъехал...»⁷⁶ Ввиду этого 30 августа последовало вторичное заявление от Люшковского о том, что «его милость пан Достоевский, сопротивляючысе праву посполитому, тудеж декретови копному» уклонился от исполнения копного суда (*Архив Юго-Западной России. Ч. 6. Т. 1 (приложение)*).

LXXXIII. Достоевский Лев

В 1669 г. принимал участие от [Брест-Литовского] воеводства в избрании короля Михаила Вишневецкого (*Boniecki*).

LXXXIV. Достоевская, по мужу Михаловская Марианна

Упоминается в 1683 г. (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

LXXXV. Михаловский Ян-Казимир

Муж предыдущей.

LXXXVI. Достоевская, по первому мужу Гатовская, по второму Годабская Иоанна

Иоанна Самуелева Годабская, пинская стражничка (жена стражника), 20 января 1702 г. участвовала в судебном процессе в Новогрудском городском суде (*Dworzecki-Bohdanowicz*).

LXXXVII. Гатовский Францишек

Первый муж предыдущей.

LXXXVIII. Годабский Самуель

Второй муж Иоанны Достоевской.

LXXXIX. Достоевский Станислав

Упоминается в 1715 г.

ХС. Гурская, по мужу Достоевская Елена

Жена предыдущего (*Boniecki*).

---

⁷⁶ Любопытно, что крестьяне «пана Достоевского» в это смутное время (война с Россией еще продолжается, казацко-крестьянские отряды снова угрожают Пинску, и т.п.) громят усадьбу не своего барина, а его соседа. При этом их владелец не только не обеспокоен мятежными настроениями у себя в селе, но и явно выгораживает «своих». Не объясняется ли такая круговая порука тем, что в отличие, скажем, от Достоевского соседский помещик принадлежит к «латинской вере»? – *И.В.*

ХСІ. Достоевский Людвик**ХСІІ. Нерейошувна (Nereiuszówna), по мужу Достоевская Людвика**

Жена предыдущего в 1769 г. (*Uruski*).

ХСІІІ. Достоевская, по мужу Анджейкович Клара**ХСІV. Анджейкович Станислав**

(? – 1809, Пинск). Муж предыдущей, представитель герба Гриф.

Станислав Анджейкович в 1798 г. был ротмистром Пинского повета. Похоронен на Оховенском кладбище («na cmentarzu Ochowieńskim»).

Из их детей известны Юзеф (родился в Баландычах в 1783 г., метрика составлена в Янове), Винцентий (родился там же в 1787 г.) и Каспер (родился в 1794 г., а метрика от 1832 г. составлена в Любешове).

Далее в гербовнике изложены и некоторые данные о внуках и правнуках Станислава Анджейковича и Клары из Достоевских (*Boniecki. Т. XVII*).

Такова информация о Достоевских, доступная на сегодняшний день. Род движется с востока на запад (Москва – Пинск), затем с севера к югу (Беларусь – Волынь – Подолье); отец писателя, «вновь» оказавшись в Москве, замыкает собою трехвековой круг...

Как видим, известно не так уж и мало. Правда, и этого пока недостаточно, чтобы протянуть прямую нить от Федора Михайловича Достоевского к основателю рода Даниле Ивановичу Иртищевичу.

Но можно с уверенностью говорить, что *прямые* предки писателя в первой половине XVIII в. проживали не в белорусском Полесье и даже не на Подолье (откуда вышел отец Федора Михайловича), а на Волыни, где владели крохотным поместьем Клечковцы (или даже его частью), располагавшимся чуть западнее Ковеля. Первый из известных представителей этой ветви рода – некто Карл (Кароль) Достоевский, скончавшийся около 1744 г.

Окрестности Ковеля заставляют вспомнить Федора Ивановича Достоевского (X) – уполномоченного приятеля или, говоря современным языком, адвоката князя Андрея Курбского – обосновавшегося на Волыни еще в 1572 г. Напомним, что и Н.П. Чулков, и Андрей Андреевич Достоевский, и, даже, кажется, М.В. Волоцкой именно Федора Ивановича считали родоначальником волынской православной ветви Достоевских, которая в конечном счете и дала гениального писателя. Однако явно неправославное имя Карл заставляет усомниться в, казалось бы, естественном предположении, что это прямой потомок адвоката знаменитого московского изгнанника и что, таким образом, до воссоздания полного родословия писателя рукой подать.

К кому из внуков Данилы Иртищевича приведет нас ниточка новых родословных поисков? Интересно, что сам Федор Михайлович, видимо, менял свою точку зрения, первоначаль-

чально считая своим прямым предком Стефана Ивановича Достоевского (XII), а позже склоняясь к имени пинского маршалка Петра Сасиновича Достоевского (XV)⁷⁷.

В связи со сказанным особый интерес приобретают содержащиеся в гербовнике Я. Цехановича до того не систематизированные сведения о линии Достоевских, идущей от Стефана Ивановича через его сына Петра и внука Бенедыкта к правнуку Владиславу. Столь же интересна и информация о сыне Миколая Достоевского Яне, возможно, являющемся родоначальником той ветви, что переселилась из Брестского воеводства в Ново-грудское, где владела имениями Карацки и Воложицы. Вполне вероятно, что Карл – этот окатоличенный предок Федора Михайловича – происходит именно из этих ветвей. Убеденным приверженцем такой версии является белорусский исследователь Г.Н. Корженевский, ныне проживающий в г. Воложине Минской области. Правда, он ведет линию владельцев Карацков не от Миколая, а от Петра Сасиновича Достоевского. Впрочем, ведь и Миколай, скорее всего, относится к потомкам пинского маршалка Петра. Здесь же невольно вспоминаются и строки из книги Л.Ф. Достоевской об отце, вообще говоря, считающиеся недостоверными: «...Один из моих литовских предков, переселившись на Украину, сменил религию, чтобы жениться на православной украинке...»⁷⁸ Какие реальные факты (рассказы отца, матери) скрываются за этой фразой мемуаристики?

⁷⁷ См.: *Достоевский в изображении дочери*. С. 22; Письмо А.Г. Достоевской к священнику села Достоево А. Кульчитскому от 4 ноября 1897 г. в кн.: *Жизнь и труды*. С. 16. – Н.Б.

⁷⁸ Это выглядит возвышенно: не совсем ясно, почему веру не переменяла избранница (если вообще нужно было ее менять). – И.В.

Глава II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОД ОТЦА*

Поколение восьмое

1. Достоевский Карл (Кароль)¹

(? – ок. 1744). Прямой предок писателя, владелец вотчинной части села Клечковцы – ныне Миляновицкого сельсовета Турийского района Волынской области (ГАЖО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 2214).

А.М. Достоевский

...Однофамильцев же у нас не имелось и не имеется.
(Воспоминания. С. 16)

И.Л. Волгин

Там, где столпившиеся экскурсанты готовы почтительно лицезреть поясные изображения суровых, но добродетельных предков, сиротствуют одни лишь золоченые рамы... Ибо по сравнению с двумя предыдущими веками XVIII темен, безжизнен и пуст. Как по мановению чьей-то руки Достоевские, еще недавно столь деятельные в ратных и прочих делах, исчезают с исторической сцены.

(Родиться в России. С. 28)

Поколение девятое

2. Достоевский Иозеф (Иосип, Осип) Карлович

1 / ?

Прапрадед писателя, владелец села Клечковцы с 1744 г.

---

* Глава подготовлена И.Л. Волгиным, Н.Н. Богдановым, А.И. Роговым; также материалы представили Г.А. Федоров, А.Н. Макаров, Т.М. Новикова, А.С. Петренко, Г.Ф. Коган, Б.В. Федоренко, Е.А. Чернецкий, Г.Д. Казьмирчук. Имя бабушки писателя установлено А.И. Роговым; все новые данные (кроме специально оговоренных), касающиеся его дяди и теток, установлены А.И. Роговым и Н.Н. Богдановым.

Мы переходим к прямым предкам писателя. Между ними и первыми представителями рода Достоевских имеется генеалогический перерыв в несколько поколений. Поэтому прибегнем к реконструкции, обратившись к единственной ветви рода, известной в XVIII в., – ветви Яна Достоевского. Если считать, что Ян (LIV) принадлежит к шестому поколению, – то его внук Вицентий (LVIII) к восьмому. Карл Достоевский жил примерно в то же время, следовательно, его можно причислить также к восьмому поколению. – Ред.

¹ Сведения о Карле, Иозефе, Григории, Иоанне и Станиславе Достоевских извлечены из материалов «Дела Волынского дворянского депутатского собрания о дворянском происхождении Достоевских» (ГАЖО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 2214). – А.Р., Н.Б.

Поколение десятое

3. Достоевский Григорий Иозефович

2 / ?

(? – после лета 1793). Прадед писателя, янушпольский униатский священник.

Из луцких гродских актов

8.V.1775

Григорий Ио<зеф>ов сын Достоевский вотчинную часть с. Ключковец с крестьянами продал Адаму Буражинскому.

(ГАЗО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 2214. Л. 13)

И.Л. Волгин

...Ближайшие предки Достоевского проделали обычный путь. Переход мелких шляхтичей на духовное поприще случался в этих краях сплошь и рядом: порою священство было единственным средством социального выживания. Небогатое шляхетство и местное униатское духовенство – это в общем-то одно и то же сословие: сыновья и дочери живущих почти как крестьяне обедневших дворян и униатских попов женятся и выходят замуж друг за друга. Еще проще сделаться духовным лицом сыну или брату священника.

(Родиться в России. С. 37–38)

А.И. Роговой

В конце века в очередной раз меняется родовое гнездо... Путь предков писателя пролегал далеко на восток: Григорий с семьей обосновался на границе Житомирского (Волинь) и Винницкого (Брацлавщина) поветов – в местечке Янушполь².

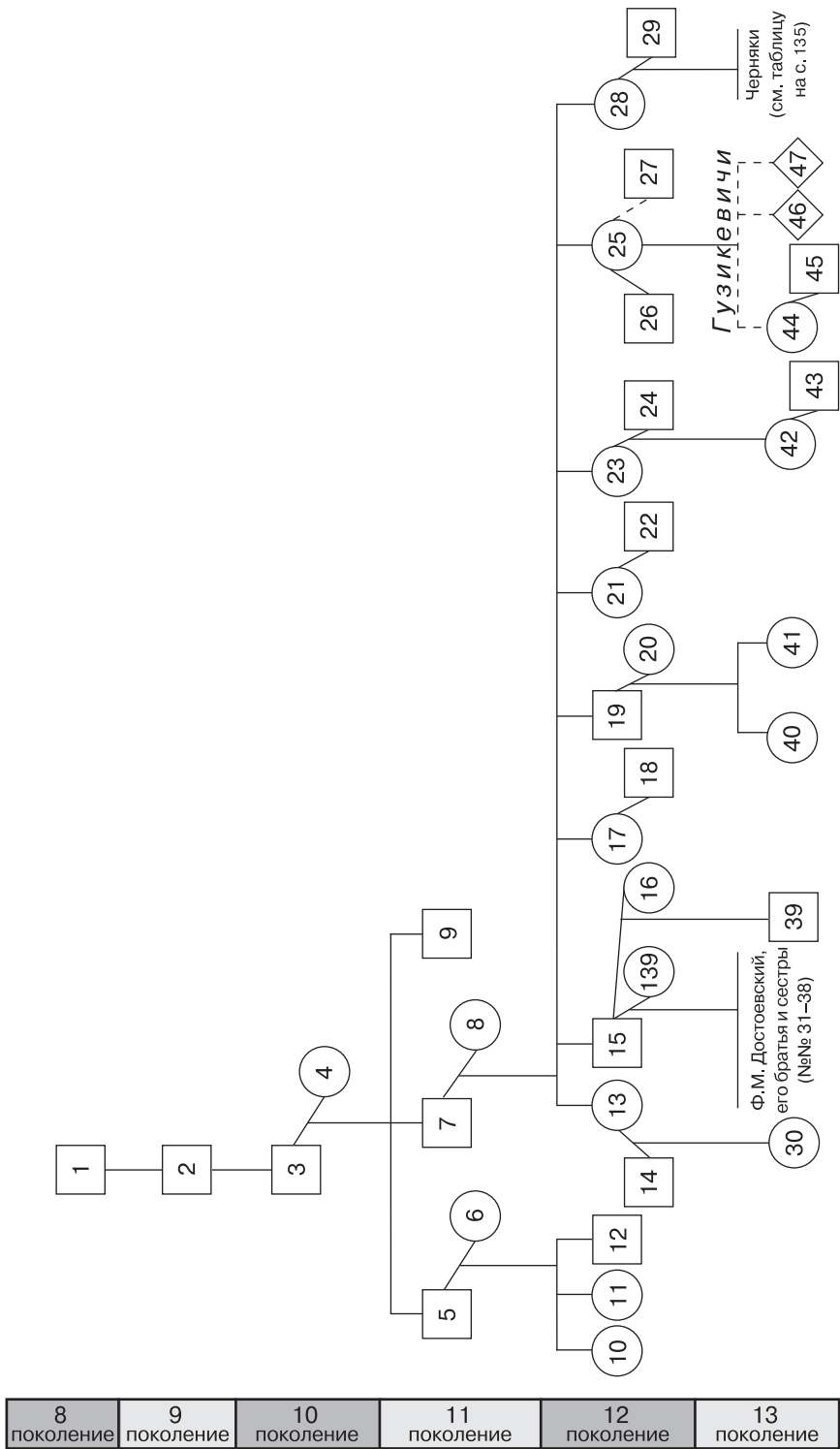
Городок много пострадал в мятежные времена. Но прошло сто лет, и местечко оправились: по присоединении края к России здесь было 15 домов кагала и несколько десятков – шляхтичей. Что же делал Григорий Иозефович на берегах безымянного притока реки Тетерев в Янушполе? Шляхтич стал священником местной церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

Это было почти новое деревянное сооружение (его поставили крестьяне только в 1764 г.). К церкви относилось 46 десятин усадебной и огородной земли, более 50 десятин – пашенной, 26 десятин «особого» огорода. В пользовании священника состояли пасека и «футор» с лесом.

Достоевские прожили здесь вместе всей семьей несколько лет – пока ее глава не пристроил сыновей опять же по духовной линии. Старший, Иоанн, через четыре года по переезде перебрался в Скалу – большое село на северо-восточной Брацлавщине (ныне – в Оратовском районе Винницкой области). Здесь его в рождественские январские дни поселил «пресвитер Янышпольский» Григорий Достоевский, окрестивший трех скальских

² Янушполь (с 1946 г. Иванополь Чудновского района Житомирской обл.) представляется предпочтительным, но далеко не единственным местом, где мог обосноваться Григорий Достоевский. Не исключено, к примеру, что прадед писателя служил в селе, ныне также именуемом Иванополь и расположенном в Литинском районе Винницкой обл. – Н.Б.

РОД ОТЦА

младенцев. Наверное, после этого престарелый священник прожил недолго, ибо по присоединении края к Российской империи в Янушполе служит уже другой³.

Признавали ли янушпольцы Достоевских? Как бы там ни было, но именно в Житомирский уезд после смерти Иоанна Григорьевича через пару десятилетий переселится его сын, оставив Скалу.

(Родовые гнезда Достоевских. С. 257–258)

Весной-летом 1793 г. Григорий Достоевский в Сальнице присягнул Екатерине II в составе правобережной шляхты (ГАЗО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 320 об.).

4. Жена предыдущего.

Поколение одиннадцатое

5. Достоевский Иоанн (Иван, Ян) Григорьевич

3 / 4

(Ок. 1755, с. Ключковцы – ок. 1815, с. Скала). Старший брат деда писателя.

В 1779–1794 гг. униатский священник в селе Скала Пятигорского повета.

И.Л. Волгин

Иван Достоевский женат на дочери Романа Скочинского, брацлавского официала и пароха села Очеретны. Официал – довольно высокая должность в церковной иерархии: первое начальственное лицо после епископа, замещающее его в случае отсутствия или кончины. Таким образом, благодаря своему тестю Иван Достоевский – священник не вполне рядовой.

(Родиться в России. С. 34–35)

Грамота Греко-униатского митрополита всея России,
архиепископа Киевского, епископа Галицкого
и Каменец-Подольского Леона Шептицкого
о рукоположении Иоанна Григорьевича Достоевского

18.II.1779

...Рукоположен в диоцезии нашей Каменецкой протопресвитером Животовским к церкви храмовой Св. Архистратига Михаила с. Скала.

(В поисках утерянных звеньев. С. 55)

Одно из белых пятен родословия Достоевских – дело о животовском наследстве *(Родиться в России. С. 35–36, 80; В поисках утерянных звеньев. С. 53–54)*.

В 1780-х священники Василий Островский и Иоанн Достоевский, женатые соответственно на старшей и младшей дочерях официала Скочинского, начали в Брацлавской

³ Нового священника зовут Василий Прокофьевич Смалевский. Он женат с 1791 г. на Екатерине, по батюшке – Григорьевне. Это наводит на мысль, что перед смертью Достоевский передал выгодный приход зятю. Интересно, что жена янушпольского дьяка Федора Дмитриевича Голоты Ульяна – тоже Григорьевна. Родиться обе могли в Ключковцах: Ульяна – в 1756-м, Екатерина – в 1769-м... Кроме того, Голота – коренная фамилия Достоева, а значит, связь с ним не прерывалась. – А.Р.

духовной консистории (тогда еще униатской) судебное дело о своих правах на оставшиеся после смерти животовского священника Шпановского постройки. Иск увенчался успехом – наследница имущества, некая «шляхетная Анастасия», «решила сквитовать свои претензии за пять червонных золотых» в пользу Иоанна Достоевского.

Скорее всего, зятя Скочинского претендовали на наследство своих жен. Однако предшественником Шпановского в Животове был протопоп Федор Достоянский⁴. И было бы естественно предположить: Федор Достоянский и Иоанн Достоевский – люди друг другу не посторонние. Какова же степень их родства?

Поставление Федора Достоянского в священники произошло не позднее 1730 г., а Николаевская церковь в Животове была построена в 1737 г.: скорее всего, и она, и оспариваемый дом священника сооружались именно отцом Федором. Иоанн мог претендовать не просто на имущество родственника, но даже на творение его рук.

Дополнительным аргументом в пользу родственной близости является близость топографическая. Церковь Св. Михаила в Скале, где служит Иоанн Достоевский, относится все к той же Животовской протопопии (или деканату), во главе которой еще недавно стоял отец Федор: все рядом, в пределах одного пронизанного семейными связями ареала.

И.Л. Волгин

...Исходя из подробностей еще одной отраженной в источниках тяжбы можно смело судить о характере этого достойного пастыря, который плечом к плечу с двумя гостевавшими у него иереями вступился за сокрушаемого казацким старшиною церковного дьячка. (*Родиться в России. С. 35*)

Из актов Брацлавской униатской духовной консистории⁵
21.IX.1780

Побожный⁶ Михаил Ныпопчук⁷ и другие прихожане Скальской церкви жалуются на папых – скальского Яна Достоевского и чернявского Иосифа Хоптуровского, что они в день чуда Св. Михаила, когда был праздник в с. Скале <храмовый день>, завели или, лучше, затянули Михаила Ныпопчука в плебанию <священнический двор>, немилосердно из-

⁴ Из «Описи протопопии Животовской приходов и церквей», 15 июля 1775 г.: «Города Животова протопопская соборная церковь святителя Христова Николая издревле была православная и при этой церкви протопоп был Федор Достоянский, рукоположен в священника православным преосвященным Варлаамом Ванатовичем, <в 1722–1730 гг.> митрополитом киевским, отнята ж вышепрписанная церковь на унию 1740 г. июня 24 и ныне при оной церкви находится униатский поп Корнилий Шпановский» (Киевские епархиальные ведомости. 1892. № 16. С. 591. Цит. по: *Родиться в России. С. 80*).

⁵ Почему этим делом занимается не гражданский, а консисторский, то есть церковный суд? Гражданский судья мог присудить отца Иоанна к штрафу (если б удалось доказать, что он зачинщик драки), а консистория могла бы сложить с него сан: как православным, так и униатским священникам запрещается проливать чужую кровь. Поэтому столь многочисленны описанные в источниках случаи, когда священнослужители выносят гонения с терпением и кротостью раннехристианских мучеников – чтобы не дать повод к сложению с них сана. Понятно, что пировавшие в Скале в храмовый день «отцы-ответчики» стараются переложить вину за все увечья на светских лиц. Поскольку в 1786-м, через шесть лет после драки, Иоанн Достоевский по-прежнему фигурирует в консисторских документах как скальский парох, видимо, ему удалось отстоять свою невиновность. – *И.В.*

⁶ Униат. – *Ред.*

⁷ Фамилия Ныпопчук согласуется с культурными традициями украинского казачества и в этом смысле выглядит вполне реальной. Однако скальские старожилы уверяют, что раньше полсела носило фамилию *Никонюк*: это позволяет заподозрить в написании «Ныпопчук» опечатку. – *Н.Б., А.Р.*

били, вырвали волосы и, сваливши на землю, топтали ногами и глаза поподбивали; а когда за побитого вступились Антон Главенко, Гнат Пономаренко и Максим Ярмолюк, то и их о. ответчики толкали и били по лицу...

Ответчики рассказывали дело так: Михаил Ныпочук, козацкий десятник, проходя возле школы <дьячковского дома>, побил и окровавил дьячка Мойсея, мстя ему за то, что он занял место его брата Ивана. Дьяк Мойсей, вырвавшись из рук врага, забежал в плебанию, а Михаил с братьями – за ним, желая продолжить драку. Когда скальский парох <Ян Достоевский> спросил Михаила, зачем он пришел, то Михаил хотел ударить его по голове, но так как парох закрылся рукой, то не попал по голове, а по руке, оставив на ней синяк; потом парох, желая отвести Михаила в избу, чтобы наказать его за избиение дьяка, схватил его за платье, но Михаил, будучи сильнее противника, вытащил его на улицу. На шум выбежали из плебанской избы parroхи, бывшие в гостях: чернявский Иосиф Хоптаровский и очеретинский Василий Островский⁸, и завели Михаила в избу для наказания...

(Труды Подольского епархиального комитета. Вып. 3. С. 310–311. Цит. по: Родиться в России. С. 80–81)

И.Л. Волгин

Бог пособил своим – архистратиги одолели обидчика, который успел-таки нанести телесное повреждение отцу Ивану (Яну) и разодрать юбку на его жене (дочке официала!). но тут на крик (как элегически замечено в документе, «ночной порой раздавшийся далеко») явились из соседней корчмы разгоряченные вином поселяне («канунные люди») с колыями – и кто знает, не пресекся ли бы на этом род Достоевских, если б не экстренное вмешательство светских властей.

(Родиться в России. С. 35)

Весной-летом 1793 г. Иоанн Достоевский в Животове присягнул Екатерине II в составе правобережной шляхты (*ГАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 320 об.*).

6. Скоринская, по мужу Достоевская Мария Романовна

(1753 – после 1833). Жена предыдущего, дочь брацлавского официала.

7. Достоевский Андрей [Григорьевич]

3 / 4

[1756, с. Клечковцы — ок. 1820, с. Войтовцы Подольской губернии.] Дед писателя. [Обучался в Шаргородском училище по риторике. Униатский священник в селе Войтовцы Брацлавского воеводства, Винницкого повета, Немировского ключа, позже Винницкого уезда, Подольской губернии (1781–1821). Рукоположен 22 мая 1782 г. киевским униатским митрополитом Иассоном Смогоржевским. В 1794 или 1795 г. воссоединился с православием.]¹⁰

⁸ Как старший из зятьев, Василий Островский унаследовал приход тестя – Очеретну. – *Ред.*

⁹ Отчество, даты жизни и некоторые доселе неизвестные факты биографии деда Ф.М. Достоевского установлены по материалам ГАХО. – *А.Р., Н.Б.*

¹⁰ Зять Андрея Григорьевича, священник Василий Гувовский (№ 18), был награжден бронзовым крестом на Владимирской ленте в память войны 1812 г. Поскольку и тесть в 1812-м нес пастырское служение, таким же крестом должны были наградить и его. – *Н.Б.*

И.Л. Волгин

Достоевский был исторически молодым гражданином России. Только одно поколение отделяло его от предков, живших на территории соседнего государства, в перекрестье наречий и вер. Болезненно обостренное отношение к Польше, вдохновенная защита все-ленской миссии православия, глубокое недоверие к намерениям римской курии... Все это, помимо прочего, могло быть еще и следствием «отказа от наследства» – тем более мучительного, чем глубже переплелись старые и новые корни...

(Родиться в России. С. 43)

А.М. Достоевский

Из некоторых бумаг отца, случайно перешедших ко мне, видно, что отец моего отца, то есть мой дед Андрей, по батюшке, кажется, Михайлович, был священник. <...> Из разговоров отца с матерью я усвоил себе то, что у отца моего в Каменец-Подольской губернии кроме родителей его остался брат, очень слабого здоровья, и несколько сестер; что после окончания курса наук и, вообще, сделавшись уже человеком и общественным деятелем, отец мой неоднократно писал на родину и вызывал оставшихся родных на отклик, и даже, как кажется, прибегал к печатным о себе объявлениям, но никаких известий не получал от своих родных¹¹.
(Воспоминания. С. 17)

В.О. Корниевский

Войтовцы находятся на границе Киевской губ., в степной местности, и расположены на речке Собке по возвышенным склонам; от уездного города <Брацлава> на расстоянии 35 верст. Предание говорит, что местность, где расположены села Войтовцы, Поток, Песочин и Воловодовка, издавна была покрыта сплошным, густым лесом. К этому лесу с юго-восточной стороны примыкал какой-то город, а в самом лесу, недалеко от города, возвышался огромный холм, окруженный со всех сторон водою, и на холме был выстроен огромный дворец, обнесенный стеною и валом, наподобие крепости; в этом дворце жили купцы. Холм этот ныне существует и носит название «замка»: следы бывшего когда-то вала сохранились до сих пор.

(Цит. по: Родиться в России. С. 83)

Из актов Брацлавской униатской духовной консистории

26.XI.1780

Евстафий Туржанский, священник здешней диоцезии¹², назначается коммендарием¹³ при церкви во имя Успения Пр<есвятой> Богородицы в с. Войтовцах, на вакантное место после отступничества тамошнего пароха.

4.XII.1780

Побожные Войтовецкие жители Иван Белоус и ктитор¹⁴ Яцко Орел, от лица всей громады, заносят жалобу в актовые книги Брацлавской консистории следующего содержания:

¹¹ Об этом же упоминает и Л.Ф. Достоевская (с. 38, 86), однако заметим, что все сведения о попытках связаться с родными восходят к самому Михаилу Андреевичу и не имеют пока никаких документальных подтверждений. – *И.В.*

¹² Епархии. – *Ред.*

¹³ Наблюдающим прихода. – *Ред.*

¹⁴ Церковный староста. – *Ред.*

Найпревелебнейший вельможный наш пастырю!¹⁵ Мы – убогая громада села Войтовец, Немировского ключа, с глубокой нашей покорностью обращаемся к твоей отеческой защите и жалуемся на нашего пароха Василия Шаржинского, что он без нашего ведома, помимо присяги своему, а вместе и нашему пастырю, отдался во власть заграничного переяславского пастыря, неизвестного нам, нашим отцам и дедам; несмотря на наши советы и требования, он не только не обратился в лоно католической <униатской> веры, но даже, изменивши заграничному переяславскому владыке, подчинился какому-то странствующему по чужим краям, не утвержденному никакою духовною властью, молдавскому, или греческому епископу, а потому мы, опасаясь за наше спасение, просим, чтобы Шаржинский, как вероотступник, был устранен от прихода и церкви и чтобы вместо него нам был дан другой униатский священник.

(Цит. по: *Родиться в России. С. 82–83*)

От Древней Руси в польский период в западной России уцелел старинный обычай избрания священника громадой, под неперменным условием утверждения его помещиком. Следующий документ показывает, как пастырем стал один из Достоевских. Однако возможно, что его *назначили*, а не выбрали.

Неперменным условием для кандидатов был законный брак и достижение 30-летнего возраста. Андрею Достоевскому в 1781-м исполнилось только 25 лет.

Презента коронного подкомория Викентия Потоцкого
униатскому митрополиту Киевскому Иассону Смогоржевскому
1781. Немиров

...В его, Потоцкого, имении браславского воеводства, винницкого повета¹⁶, немировского ключа, с. Войтовке <Woitowcy>, священник отступил от уни и ушел из прихода. На место последнего Потоцкий представляет к посвящению Андрея Достоевского, о котором ему сообщил его собственный уряд <администрация>, как о человеке, способном к исполнению священнических обязанностей, и которому он обещает беспрепятственное пользование землями и льготами, дарованными прежней эрекцией¹⁷.

(Труды Подольского епархиального комитета. Вып. 4. С. 198)

И.Л. Волгин

Презента (рекомендательное письмо) Потоцкого наводит на размышления. Во-первых, Андрей Достоевский не именуется там духовным лицом: он лишь представляется к посвящению. Во-вторых, его рекомендует высокородный аристократ, представитель знаменитой фамилии, которая пользуется в крае почти неограниченным влиянием. (Впрочем, в данном случае Потоцкий лишь осуществляет *jus praesentiae* – право рекомендации, которым обладал всякий помещик, в чьих владениях находился церковный приход.)

(*Родиться в России. С. 36*)

¹⁵ Сельский сход обращается к киевскому униатскому митрополиту, ведавшему в то время назначением священников в Брацлавскую епархию. – И.В.

¹⁶ Впоследствии Брацлавский уезд (в «Трудах Подольского епархиального комитета», откуда взят текст презенты, ошибочно: «Ольгопольский», см.: *Родиться в России. С. 83*). – И.В.

¹⁷ Эрекция – дарственная запись землевладельца, закрепляющая за священником пахотные земли, сенокосы и другие угодья. – И.В.

В 1793 году по второму разделу Польши Брацлавское воеводство отходит к России. Это событие сопровождается возвращением униатского духовенства и трех миллионов униатов-мирян в лоно православия. Что же случилось с Достоевским («протоиереем г. Брацлавля», как именует его потомок) после 1793 года? Нет оснований думать, что он противился воле большинства¹⁸.

До присоединения края к России церковные округа возглавлялись протоиереями. Позже должность протоиерея была упразднена: осталось почетное звание, даваемое за церковные заслуги. «Управленческие» функции, которыми некогда обладали протоиереи, перешли к благочинным, ставшим во главе благочиннических округов (*Родиться в России. С. 41–44*).

Роспись благочиннических округов за 1796–1797 гг.

Десятоначальник Андрей Достомский...

(*Подольские епархиальные ведомости. 1873. № 12. С. 422. Цит. по: Родиться в России. С. 91, 42*)

Десятоначальник – благочинный округа. В данном случае округ включал села Бортники, Васышковцы, Забужье, Бушинку, Шелудки, Остапковцы, Волчек, Райгород, Соколец, Печеру, Даньковку в северо-западных окрестностях Брацлава Каменец-Подольской губернии (*Клировые ведомости Войтовецкой церкви за 1798 г. ГАХО. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 6722. Л. 24*).

Дочь писателя, говоря о ближайших украинских предках отца, дает большой простор своей фантазии.

Л.Ф. Достоевская

Друзья, жившие на Украине, рассказали нам, что однажды им попалась там старая книга, типа альманаха или стихотворного сборника, изданная на Украине в начале XIX века. Среди стихотворений этой книги была небольшая буколического характера поэма, написанная довольно искусно на русском языке. Она не была подписана, но первые буквы каждой строфы образовывали имя Андрей Достоевский. Написал ли ее мой прадед или какой-нибудь его двоюродный брат, я не знаю, но эта поэма доказывает два очень интересных для биографов Достоевского момента:

1) что его украинские предки были образованными людьми, так как на Украине лишь народ и мещане говорили на украинском языке <...>;

2) что наклонности к творчеству имелись уже у украинской предков моего отца, и он унаследовал их не только от своей матери-москвички, как предполагали литераторы — друзья Достоевского. <...>

Когда мои предки покинули темные леса и топкие болота Литвы, их, должно быть, ослепили свет, цветы, греческая поэзия Украины; душа их, согретая юж-

¹⁸ В то же время имени Андрея Достоевского (в отличие от его отца и брата, см.: ГАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 320 об.) нет в документах о присяге шляхты императрице Екатерине II. Не указывает ли это на то, что впоследствии Михаил Андреевич Достоевский (№ 15) попросту не мог восстановить бывшее дворянство? – Н.Б.

ным солнцем, изливалась стихами. Дед мой Михаил унес частицу этой украинской поэзии в убогом ранце школьника, бегущего из отчего дома, и верно хранил ее как сладостное воспоминание о далекой отчизне. Потом он передал этот дар своим старшим сыновьям Михаилу и Федору.

(Достоевский в изображении дочери. С. 24, 25)

А.А. Достоевский – М.В. Волоцкому

1924

У меня имеется редчайший вариант этой книги (1-е издание <Богосланика Почаевской лавры¹⁹> 1790 г.), и Любовь Федоровна Достоевская видела его у меня, а не у каких-то украинских друзей²⁰.

(ОР ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2)

М.В. Волоцкой

«Буколическая поэма», на которой основывается в своих выводах Л.Ф. Достоевская, мне неизвестна. Зато известно другое стихотворение, напечатанное в 1790 г., являющееся также акростихом, из первых букв которого складывается слово «Достоевский» (не «Андрей Достоевский», как указывает Л.Ф. Достоевская). Акростих этот совершенно не носит характера «буколической поэмы», а является покаянной песнью, автор которой, наоборот, отрешается от всего земного. Помещено это произведение в сборнике «благотворительных, покаянных и умиленных песен», «Богосланике», изданном «в святей Лавре Почаевской тщанием иноков чину Св. Василия Великого лето от Рождества Христова 1790». Песня эта положена на ноты, которые напечатаны в том же издании (7, песнь № 215). Текст ее следующий:

ПЕСНЬ ГОСПОДУ ПОКАЯННАЯ

Творец Достоевский по краегранесию

Да придет ныне радость новая,
Сердцу благие мысли подая:
Да бым оставил греховно дело
И прилепил ся к Богу цело.

Окаянные мои зеницы
Воззрет на образ очей денницы,
Оставьте в мире красные вещи,
Да убежите горящей пещи.

¹⁹ Почаевская лавра (г. Почаев Кременецкого уезда Волынской губернии) – крупнейшая православная обитель на Волыни. По преданию, основана около 1240 г. киевскими иноками, спасавшимися от татар. В 1713–1831 гг. была униатской. – *Ред.*

²⁰ Эта книга была подарена А.М. Достоевскому в 1880 г. (Достоевский и мировая культура. № 18. С. 150). – *Ред.*

Суету в мире презрите вскоре,
Возвышайтесь ко Богу горе:
Небрежет слабы, богатства, чести,
Бегайте блуда, и вся лести.

Телом принужден вкусити сласти,
Ах! отсуешихся праведных части.
Не смею зрети высоты света,
И не имею блага ответа.

О, колкие врагов навети!
Хитростные мне препяша сети:
Аз окаянный неподвигохся
В прелести сети бедне впадохся.

Ей соравнихся скоту безумну,
Осквернив душу и совесть умну,
Скалях одежду прекрасну зело,
И погрузихся в злобе всецело.

Вся злая люте содеях в мире,
Неприях благо, токмо во вере,
Преспевах паче на дела злая,
Како же приму вечна благая?

Сам я дарует жених в чертозе,
И призывает всех нас на мнозе;
Коль нестерпимый жаль тому прииде,
Кто от чертога праздна отыде.

Колико лучши лишихся града.
Постигох беды пекелна ада,
Ныне ми слезы даруй Владыко,
Да непостражду горе толико.

Измы греховного Вавилона,
Вчини жителя светла Сиона;
Да бым в небесном пребывал лику,
И вселюбезно зрил тя, Владыку²¹.

²¹ Текст написан на густо уснащенном церковнославянскими русским языке: надо полагать, он был для песнопевца родным. Странно и непривычно звучат эти стихи для современного уха. Но, пожалуй, не менее странно они звучали уже в 1790-м! После раскованных ломоносовских ямбов, полноречивых и громогласных державинских од эти силлабические упражнения кажутся анахронизмом. Однако мог ли безвестный автор, хранящий в своем брацлавском захолустье верность родной (чужеземной!) речи, быть в курсе новейших успехов молодого российского стиха? Интересно и другое: именно девдовским дотредиаковским слогом заставляет Ф.М. Достоевский изъясняться капитана Лебядкина («О, как мила она, Елизавета Тушина...»). И поскольку автор «Бесов», как можно догадаться, ничего не ведал о творчестве прашура, остается приписать эту семейную переключку игре шаловливых генов. – И.В.

3 ПѢСНЬ ПОКАЯННАЯ. 3

Свѣдѣхъ ты тайны сердца моего, ахъ вѣнчанный Бже!
(Кто бо можетъ ты въ совѣстѣи моей испытати моги?)

Б. Какъ на сіи свѣтъ вѣдѣхъ,

Горше на вѣнчанаго жидѣхъ,

Плутѣже блѣгашъ,

Токмо многу злаго творѣхъ.

Комѣхъ а нѣтъ оупотребленія тѣхъ оученики мои?

Щаахъ змихъ дѣхъ, щаахъ въ тѣло хитѣ въ рѣхъ твоихъ,

Б. Но егда возхоушихъ прѣхъ,

Былъ не хѣхъ до пѣхъ щадѣхъ?

Не щадѣхъ въ мѣхъ,

Душихъ въ рѣхъ прошъ гдѣ.

Ижехъ огня вѣнчанаго вѣхъ въ гдѣ вѣрѣхъ.

Ижехъ воины, ижехъ глѣхъ на свѣхъ жидѣхъ,

Б. Горѣхъ нахъ щадѣхъ сѣхъ,

Да вѣхъ достойни оу Трѣхъ

Вѣхъ гдѣ хвалѣхъ

Со аггѣхъ пѣхъ: Сѣхъ, Сѣхъ, Сѣхъ.

215.

ПѢСНЬ Г. ПОКАЯННАЯ.

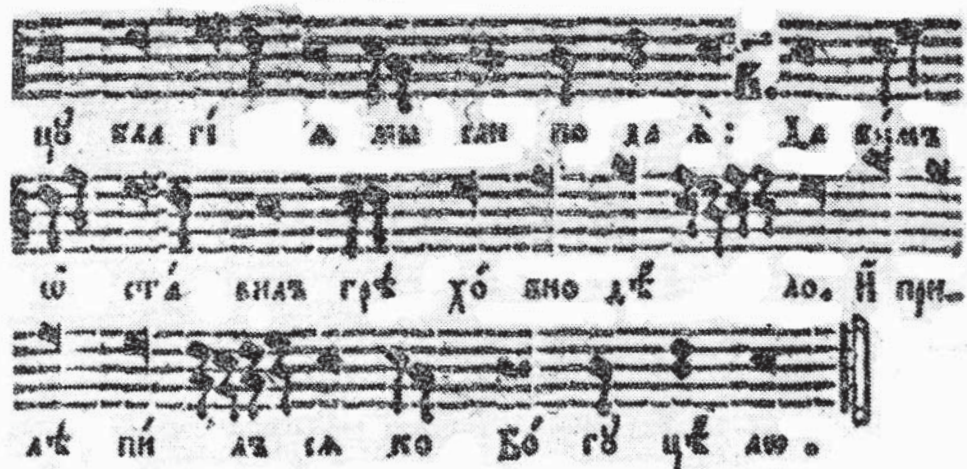
Творѣхъ ДОСТОЕВСКІЙ по краганію.

Да при дѣхъ нѣхъ я дохъ по ба м, Сѣхъ-

2 ПѢНА ПОСЛАВІЯ 2

ѾКАЛИНА МОЛА ЗѢНИЦА

Воззрѣте на ѡбразѣ ѡтѣхъ дѣицъ
Ѣ. Ѿстаѣте ѡ мѣрѣ краіны вѣи
Да ѡсѣжитѣ горѣщѣици.

СѢТѢ ѡ мѣрѣ прѣзрѣти вѣи

Возмѣшати ко БѢГѢ горѣ:

Ѣ. Нерѣтѣ слѣзъ, когѣтѣ, ѡтѣхъ
Бѣгѣте, слѣзѣ, ѡ вѣи дѣи.

ТѢЛОМО ПРИВѢДѢТЕ ВѢДИТИ СѢТИ

Ѣ. Ѿстаѣте прѣзрѣти вѣи

Ѣ. Нерѣтѣ слѣзѣ, когѣтѣ, ѡтѣхъ
Бѣгѣте, слѣзѣ, ѡ вѣи дѣи.

ѾКАЛИНА МОЛА ЗѢНИЦА

Воззрѣте на ѡбразѣ ѡтѣхъ дѣицъ

Ѣ. Ѿстаѣте ѡ мѣрѣ краіны вѣи

К К К

Вѣи

А.А. Достоевский — М.В. Волоцкому
3.VIII.1924

Кем был этот Достоевский — был ли он из духовенства или мирянином (в «Богослужнике» участвовали и те, и другие), мне не удалось еще выяснить. В исследовании о «Богослужнике» С.А. Щегловой²² о личности автора этой песни нет никаких указаний. Мой отец, однако, предполагает, что это его дед, то есть отец Михаила Андреевича Достоевского.
(РГАЛИ)

Приводимое ниже письмо послужило основой для составления генеалогической таблицы, касающейся семьи деда писателя. Необходимо, впрочем, оговориться, что содержание этого письма не в полной мере согласуется с текстом воспоминаний А.М. Достоевского. Несоответствие относится к сведениям о тетке писателя Марии Андреевне (№ 25). За исключением этого противоречия все остальные сведения, содержащиеся в этих двух источниках, в общем согласуются. Данные письма согласуются также и с теми сведениями, которые были получены М.В. Волоцким от представителя подольской ветви рода Достоевских — Ф.Г. Добрыжанского (№ 77).

Н.Е. Глембоцкая — Ф.М. Достоевскому
25.XI.1879 [Жабокрич]

...У деда Вашего <протоиерея г. Брацлавля Подольской губернии Андрея Достоевского> было шесть дочерей: Анна, Фотина, Констанция²³, Фекла, Мария и Лукерья — моя мать и два сына: Лев и Михаил — Ваш отец. При жизни нашего деда три дочери его вышли замуж: Анна за священника Гутковского, Фотина за военного (фамилии которого не помню) и Констанция за управляющего Соколовского, остальные же дочери перешли под попечение дяди нашего, священника с. Войтовец Льва Достоевского и впоследствии вышли замуж: Мария за священника Гузикевича, Фекла за священника Черняка и Лукерья — моя мать — за чиновника Лимановского. Отец же Ваш, Михаил Андреевич Достоевский при жизни еще отца уехал в Петербург²⁴ и, как мне говорила моя мать (Ваша тетя), служил там доктором.

[Материалы и исследования. Т. 16. С. 406—408]

Г.Ф. Коган

<По преданию, рассказанному К.А. Марцишевской²⁵> отеческого благословения у отправившегося в Москву отца Достоевского и не могло быть — у деда писателя была тогда вторая семья, невенчанная...

(Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 379)

²² Щеглова С.А. Богослужник: Историко-литературное исследование. Киев, 1918. — М.В.

²³ Одной из дочерей дано имя, которого нет в православных святцах. — Ред.

²⁴ Как известно, отец писателя уехал от семьи не в Петербург, а в Москву. — М.В.

²⁵ Утверждение жены знаменитого московского библиофила проф. И.Н. Розанова К.А. Марцишевской (1897–1989) о том, что она также является прямым потомком Андрея Достоевского, скорее всего не соответствует истине (см.: Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 379–381; В поисках утерянных звеньев. С. 89–93). — Ред.

И.Л. Волгин

Существует предание о том, что дед писателя Андрей Достоевский покинул семью и попытался создать новый сердечный союз, не освященный узами брака. На первый взгляд, подобный сюжет выглядит совершенно невероятным. Духовному лицу, постоянно находящемуся в поле зрения как местной паствы, так и церковного начальства, немислимо покушаться на что-то подобное...

Однако мы бы повременили с порога отвергать это свидетельство. И не только потому, что «теоретически» Андрей Григорьевич мог иметь связь на стороне еще при жизни матушки. Но более вероятно, что подобная связь могла возникнуть уже после смерти супруги. Разумеется, выражение «вторая семья» употребляется К.А. Марцишевской отнюдь не в юридическом смысле. Священник Достоевский не мог жениться вторично (иначе, как некогда другому предку Ф.М. Достоевского – со стороны матери – М.Ф. Котельницкому, ему пришлось бы просить о сложении сана²⁶). Новой избранницей мог быть кто угодно: любая особа женского пола в возрасте от 15 лет. Вспомним, что вдовцу не было и 50-ти. Вспомним также, что после смерти матери Ф.М. Достоевского его отец приблизил к себе юную Катю²⁷. Тут можно потолковать и о наследственности. Кстати, новой избранницей Андрея Григорьевича, как и в случае с его сыном, могла быть женщина «из простых». В подобных делах происхождение совершенно не важно. И юного Михаила Андреевича, «против воли отца» отбывающего в Москву, помимо прочего могло оскорблять и низкое происхождение «мачехи». Во всяком случае, то жестокое равнодушие, которое на протяжении долгих лет он питал в отношении родного отца, свидетельствует об очень серьезной причине раздора.

(ПСС. Воскресенье. Т. 18. С. 188–189)

8. Достоевская (по мужу) [Анастасия]

[Ок. 1762 – 11.XII.1805] Жена предыдущего, бабушка писателя.

А.М. Достоевский

Про мать же свою мой отец, сколько я могу упомянуть, отзывался с особенным уважением, представляя ее женщиной не только умною, но и влиятельною в своем крае по своему родству²⁸; девической фамилии ее, впрочем, я не знаю.

(Воспоминания. С. 17)

Метрическая книга Успенской церкви в Войтовцах

14 декабря села Потоки священник Николай Людкевич²⁹ села Войтовец священника Андрея Григорьева сына Достоевского умершую жену Анастасию, удостоившуюся пред этим исповеди и Святого Причастия, похоронил по христианскому обычаю.

(В поисках утерянных звеньев. С. 88)

²⁶ См. на с. 253. – *Ред.*

²⁷ См. на с. 126. – *Ред.*

²⁸ Учитывая предание о принадлежности бабки писателя к влиятельной в своем крае родне, можно думать о происхождении из Немирова или Зозова. – *Н.Б.*

Возможно, что бабка писателя была родом из Потоков. – *И.В.*

²⁹ Выбор для отпевания и погребения именно этого священника объясняется близостью села Потоки: оно расположено всего лишь в нескольких верстах южнее села Войтовцы. – *Н.Б.*

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

...Метрическая запись противоречит одной из самых известных историй об отце писателя – семейному преданию о материнском благословении на учебу в далекой и пугающей юного школяра Москве. Сейчас можно считать установленным: отъезд Михаила Достоевского в первопрестольную состоялся лишь в октябре 1809 г., то есть без малого четыре года спустя после смерти матери! Конечно же, она могла благословить и в 1801 г., перед отправлением в Шаргородскую семинарию, однако в предании ясно говорится о тяжком раздоре между дедом и бабкой писателя, поскольку глава семейства не желал отпадения сына от духовного сословия. Несомненно, к обучению в духовной семинарии эта история не может иметь никакого отношения. Зато теперь становятся понятными чувства Михаила Андреевича, рано потерявшего мать и потому неспособного вспоминать о родительском доме без какого-то щемящего чувства. Правда, возникает новый вопрос: почему столь любящий сын не удостоил именем матери ни одну из своих четырех дочерей?

(В поисках утерянных звеньев. С. 88)

Ф.М. Достоевский
Из записных книжек
16 (28). VI. 1870

Проснулся, заснул опять и как бы продолжение сна: вижу отца <...> у отца какой-то семейный праздник, и вошла его старуха-мать, моя бабка, и все предки. Он был рад.

(ПСС. Т. 27. С. 104)

9. Достоевский Григорий Григорьевич

3 / 4

(1763, Ключковцы – после 1811, Войтовцы). Младший брат деда писателя.

Холост, проживал в одном селе с Андреем Григорьевичем.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Документы характеризуют его как холостяка, но при нем числилась какая-то «служалая» женщина Евдокия Федоровна. Не свидетельствует ли это о том, что Григорий, подобно князю Мышкину, был человеком не совсем здоровым?

(В поисках утерянных звеньев. С. 95)

Поколение двенадцатое

10. Достоевская Мария Иоанновна³⁰

5 / 6

(1783, с. Скала – после 1795)

11. Достоевская Евдокия Иоанновна

5 / 6

(1788, с. Скала – после 1795)

³⁰ См. примечание 93 на с. 128. – *Ред.*

12. Достоевский Станислав Иоаннович³¹**5 / 6**

(1790, с. Скала – после 1850). В 1818 г. окончил Немировское поветовое училище. Проживал в Житомирском уезде.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

18 июля 1811 г., «обнаружив прекрасные способности и высокие душевные качества», получает диплом на звание домашнего учителя лучшего учебного заведения в округе – Немировской публичной школы (поветового училища)³².

На долю Станислава Иоанновича выпало бремя многолетней и, увы, безуспешной борьбы за утверждение Достоевских в дворянском сословии³³.

(В поисках утерянных звеньев. С. 64–65)

13. Достоевская, [по мужу Яворская] Фотина Андреевна
[1783 – после 1816]**7 / 8****14. [Яворский]**

Муж предыдущей. Военный.

15. Достоевский Михаил Андреевич**7 / 8**

([Осень 1788³⁴, с. Войтовцы Винницкого повета Брацлавского воеводства³⁵ – 6.VI.]³⁶ 1839, [с. Даровое Каширского уезда Тульской губернии]). Отец писателя.

Родился в семье униатского священника. Учился в Подольско-Шаргородской семинарии, затем в Московской медико-хирургической академии (окончил в 1813 г.). Будучи студентом, в качестве тылового хирурга участвовал в Отечественной войне 1812 г., по отступлении наполеоновской армии помогал ликвидировать эпидемии болезней под Москвой. 1813–1820 – военный лекарь. После женитьбы на М.Ф. Нечаевой 14 января 1820 г. вышел в отставку, с 24 марта 1821 г. врач Мариинской больницы для бедных на Божедомке в Москве. Уволен со службы в 1837 г. в чине надворного советника. Награжден орденами Св. Анны II и III степеней, Св. Владимира IV степени, заслужил потомственное дворянство.

Был убит крепостными крестьянами (или умер от апоплексического удара), похоронен на погосте Моногаровской церкви Сошествия Святого Духа³⁷.

³¹ Варианты отчества: Янович, Яковлевич. – А.Р.

³² На рубеже XIX–XX вв. здесь же будет служить Г.К. Добержанский (№ 71), а позже учиться его сын Феодосий (№ 77, с. 146). – Н.Б., А.Р.

³³ Тем не менее некоторое время Станислав Иоаннович формально значился дворянином (ГАЖО. Ф. 146. Оп. 1. Ед. хр. 2214). – Ред.

³⁴ Обоснование года рождения см., например: Тихомиров Б.Н. Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура. № 11. СПб., 1998. С. 192–193. Дата рождения М.А. Достоевского устанавливается по его письму к дочери Варваре (*В семье и усадьбе*. С. 119), где говорится о дне ангела 8 ноября; также см.: *Письма Михаила Достоевского к отцу*. С. 80, 86. – Ред.

³⁵ До 1793 г. – Польша, затем в составе России (Брацлавский повет (уезд) Подольской губернии). – Ред.

³⁶ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Ед. хр. 15246. Лл. 35 – 35 об. – Ред.

³⁷ Справа от церковного здания (указание Г.А. Федорова). А.М. Достоевский, 1887 г.: «Отец похоронен в церковной ограде. На могиле его лежит камень без всякой надписи, и могила окружена деревянной решеткой, довольно ветхою» (*Воспоминания*. С. 411). А. Дроздов, 1924 г.: «Тело Михаила Андреевича, рядом с телом его сестры (? – Ред.) <...> Каменная плита сброшена с его могилы, решетка разломана. Тропинка поросла травой, в которой путается нога» (*Известия*. 1924. 4 ноября). Сейчас могила утрачена; при Моногаровской церкви установлен кенотаф. – Ред.

Д. Синицкий

В Подольской семинарии некоторое время преподавалась и врачебная наука...

В нашей старой семинарии, по рассказам еще живых свидетелей этого времени, которые сами были воспитанниками <...> отношения учащихся к учащимся были самые близкие и доверчивые. <...> Безобразные рассказы нашей литературы о какой-то безобразной бурсе не имеют для нас никакого смысла и кажутся нам вымыслом...

(Исторические сведения о Каменец-Подольской духовной семинарии. Каменец-Подольск, 1897. С. 10, 19. Цит. по: Родиться в России. С. 92)

А.М. Достоевский

Так как дед мой непременно хотел, чтобы его сын, а мой отец, пошел по его же стопам, то есть сделался священником, и так как отец мой не чувствовал к

этой профессии призвания, то он, с согласия и благословения матери своей³⁸, удалился из отеческого дома в Москву, где и поступил в Московскую медико-хирургическую академию студентом.

Благодаря своей энергии он пробил себе дорогу без всяких связей и посторонней помощи.

(Воспоминания. С. 17)

Л.Ф. Достоевская

Мой дед Михаил Андреевич был очень своеобразным человеком. В возрасте 15 лет он смертельно поссорился с отцом и братьями и бежал из отчего дома. Он покинул Украину и отправился изучать медицину в Московском университете. Он никогда не говорил о своей семье и не отвечал на вопросы, касающиеся его происхождения. Позднее, в возрасте 50 лет, мой дед, по-видимому, испытывал угрызения совести по поводу бегства из родительского дома. Он дал в газетах объявление, в котором просил отца и братьев подать весть о себе. Но никто не откликнулся на это объявление³⁹. Вероятно, родители его уже умерли; в семье Достоевских не живут до глубокой старости...

Поражает истинно норманнская энергия этого 15-летнего мальчика, без денег, без протекции отправляющегося в незнакомый город; ему удастся получить высшее образование и занять довольно хорошее положение в Москве...

(Достоевский в изображении дочери. С. 22, 23)

³⁸ Семейное предание здесь неточно, см. с. 84. – *Ред.*

³⁹ См. примечание № 11 на с. 75. – *Ред.*

Аттестат М.А. Достоевского
X. 1809. Каменец-Подольский

№ 54. По указу Его Императорского Величества из Подольского Семинарского Правления Подольской Губернии Брацлавского повета села Войтовец ученику риторики священническому сыну Михаилу Достоевскому в том, что он вступил в Подольскую Семинарию 1801 года, в коей обучен преподаваемым в ней наукам с низших классов как то – Латинской и Российской грамматике, Поэзии, Риторике Латинской и Российской чрез два года с успехом весьма изрядным, а сверх сего Истории, Географии, Арифметике, Французскому, Немецкому и Греческому языкам; во всю же бытность его при сей Семинарии был поведения честного и добропорядочного. Лет ему от роду 20-ть. Ныне же в сходстве требования Главного Начальства по добровольному его желанию от Подольской Семинарии и Духовного ведомства уволен для поступления в Московскую Медикохирургическую Академию в чем ему, Достоевскому из онаго Правления и дан сей Аттестат за надлежащим подписанием и приложением казенной печати...

Подольской Семинарии Ректор, Богословия и Философии учитель, Каменецкого Первокласнаго Монастыря Архимандрит Стефан.

(ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 30. Ед. хр. 110. Лл. 12 – 12 об.)

Направление семинаристов старших классов для обучения по медицинской части было обычной практикой тех лет⁴⁰. Будущие медики должны были в первую очередь назубок знать латынь – и перед поступлением держали латинский экзамен. Кроме того, требовалось, чтобы были «сведущи в начальных основаниях философии», геометрии, физики, географии и истории; «здорового сложения, также не моложе 16-ти и не старше 24-х лет»; «являться с законными свидетельствами о своем состоянии и с надлежащими аттестатами об учении и поведении» (*О неясном в жизнеописании М.А. Достоевского. С. 12–14*).

И.Л. Волгин

Судьба Михаила Андреевича обоими своими концами упирается в *тайну ухода*. Он покидает жизнь, как некогда – дом: при обстоятельствах очень туманных. Исток и устье погружены во тьму. Но тьма окутывает и часть основного русла. Почти ни одна из подробностей московской – добрачной – жизни не достигает потомков: словно предвидится, что им милее *анкета*...

И все же: каково было в Москве ему – одному? Никто не приглядывался к молодости скитальца: что он? как он? не в тягость ли ноша? Биографам его гениального сына было не до отца: нет очевидцев, и затерялись следы...

Михаил Достоевский поступил в Медико-хирургическую академию (она располагалась на Рождественке, в здании нынешнего Архитектурного института) в 1809 г.: следовательно, он принадлежал ко второму московскому выпуску. Строго ли соблюдался устав академии? Один из его пунктов гласит: воспитанники духовных училищ принимаются не иначе как по направлению Синода. И – не позднее августа. Дата зачисления Михаила Андреевича – 14 октября.

Каким образом он оказался в Москве?

⁴⁰ В Подольской семинарии некоторое время преподавалась и врачебная наука (Исторические сведения о Каменец-Подольской духовной семинарии. С. 10). – *И.В.*

Михаил Андреевич обучался в Шаргородской семинарии, после своего преобразования в 1805 г. (открытия отделения в Каменец-Подольске) получившей название Подольско-Шаргородской. Приводимый ниже документ имеет следующее название⁴¹: «Ведомость об обучающихся в Подольско-Шаргородской семинарии священно и церковнослужительских детях, с показанием, кто они именно, сколько кому от роду лет, с которого времени в оной семинарии обучаются, чему обучены, чему обучаются, какого кто понятия и способности, кто обучается греческому языку и с каким успехом, да и на чем кто содержания, при том, кто, когда, куда и почему выбыл. Учинена 1808 г., с Генваря по Генварь же 1809 г.»

В указанной «Ведомости» под № 91 значится: «Лев Достоевский, повета Брацлавского, села Войтовец, сын священника Андрея». Его старший брат, Михаил Достоевский, обозначен чуть ниже – под № 94.

Из этого следует три непреложных вывода. Во-первых, окончательно подтверждается наша гипотеза относительно местоположения села Войтовцы (Войтовка, Войтовая)⁴² и пребывания там Андрея Достоевского. Во-вторых, выясняется, что Михаил Андреевич обучался в семинарии вместе с братом Львом. И, наконец, становится очевидным, что после разделения семинарии оба брата остались в Шаргороде.

Из «Ведомости» можно почерпнуть и другие сведения о братьях:

Чему обучен –	поэзии
Чему обучаются –	риторике
Кто к наукам понятен,	
а кто не понятен –	препонятен
	(о Льве сказано более скромно: «понятен». – И.В.)
Кто обучается греческому языку	
и с каким успехом –	с нехудым
Кто и на чем содержании –	на собственном
Кто, куда и почему выбыл	<прочерк>

Итак, на протяжении всего 1808 г. братья Достоевские мирно совершенствуются в науках. Но в «Ведомости», которая «учинена» 31 декабря 1809 г. «об обучающихся в Подольской семинарии, состоящей в первоклассном Шаргородском Николаевском монастыре», показан только Лев Достоевский.

Судьба брата Михаила выясняется из рапорта епископа Подольского и Брацлавского Иоанникия Святейшему правительствующему синоду – «об отправлении из Подольской семинарии» студентов и учеников в Подольскую врачебную управу для поступления в императорскую Медико-хирургическую академию. (Императорский указ от 5 августа 1809 г. требовал направить в оную академию 120 человек.) Среди прочих значится имя Михаила Достоевского – ученика класса риторики.

Как сказано в документе (он помечен 25 октября 1809 г.), все поименованные лица направляются «для образования врачебной науке, объявившие к тому собственное желание

⁴¹ Этот и несколько нижеприводимых источников цит. по: *О неясном в жизнеописании М.А. Достоевского. – И.В.*

⁴² Первоначально это село было отнесено к Ольгопольскому уезду, но повторяем: наши Войтовцы расположены под Брацлавом. – И.В.

и по испытании Подольской врачебной управы вследствие предписания господина Министра внутренних дел признанные способными и по снабдении их предписанными указами Святейшего Синода свидетельствами, сего октября 15 дня в ведомство помянутой управы отосланы для отправления их в Московское отделение Императорской Медико-Хирургической Академии»⁴³.

Итак, Михаил Андреевич Достоевский был направлен в Москву вполне благородным образом – будучи снабжен необходимыми бумагами и разрешением от начальства. Однако и теперь нам не уйти от вопросов.

Почему подольский семинарист отправился в Москву один, без младшего брата? Вдвоем им было бы покойней и веселей (разница в возрасте между ними – невелика). Преосвященный Иоанникий в своем рапорте оправдывает малое количество посланных учеников тем, что «желателей достойных более не оказалось». Значит ли это, что Лев Достоевский не пожелал разделить судьбу старшего брата – или же он, выказав подобное желание, не был признан достойным (все-таки, в отличие от «препонятного» к наукам Михаила, Лев к оным просто «понятен»)? И затем, самое капитальное: дал ли согласие священник села Войтовцы на такую резкую перемену сыновней судьбы?⁴⁴ Не был ли он против отъезда старшего сына и не удержал ли своей родительской властью сына младшего? И почему Любовь Федоровна говорит о «смертельной вражде» Михаила Андреевича не только с отцом, но и с *братьями*?

Во всяком случае, ясно одно. Ни тайного бегства в 15-летнем возрасте из-под отчего крова, ни отчаянного прихода в Москву – ничего этого не было. 20-летнего (21-летнего?) молодого человека отправили учиться на медика *по разнарядке*. Но тогда еще более мрачен вопрос: что заставило его навсегда отречься от дома?

(ПСС. Воскресенье. Т. 18. С. 189–191)

Подробнее об обучении в академии – в историко-биографических очерках «Родные и близкие» на с. 963.

И.Л. Волгин

...Скуден быт казеннокоштных студентов, несладко подгоняемое Бонапартом ученье (несмотря на передышку Тильзита, война на пороге). Все это, правда, скрашивается скромными московскими удовольствиями. Воспоминания о тайных пирушках, равно как и о не одобряемых начальством свиданиях с юными мастерицами Кузнецкого моста, должны были – по прошествии почти трех десятилетий – поддерживать в Михаиле Андреевиче отеческую тревогу относительно нравственности отданных в петербургское учение сыновей. Сам он, будучи студентом, не получал помощи ниоткуда, и понятно, что, продержавшись молодость на жидких казенных харчах, должен был с особой подозрительностью относиться к сыновьей блажи – рассуждениям «любезного друга Фединьки» о необходимости иметь *свой чай*.

⁴³ Следует обратить внимание на разноту в датах. Епископ Иоанникий доносит, что отобранные кандидаты посланы в Подольскую врачебную управу 15 октября. Но, как было сказано, дата зачисления М.А. Достоевского в Медико-хирургическую академию – 14 октября. Были ли отправлены его документы в Москву с опережением, или, наоборот, он был зачислен в академию задним числом? – *И.В.*

⁴⁴ Этот переход повторяется у других предков писателя – Котельницких, правда, поколением ранее: оба сына попа-расстриги М.Ф. Котельницкого (№ 219) стали медиками. – *Ред.*

1812 г. Михаил Достоевский встречает уже не мальчиком, но мужем.

...Комета, каждую ночь встающая над горизонтом, предвещает то, что ей положено предвещать. С началом нашествия академия разворачивает офицерский госпиталь – в Лефортове, в Екатерининском (Головинском) дворце. В летнем жилище царей властвует хирургия.

Врачебная практика третьего курса была, надо думать, ошеломляющей и обильной. Особенно когда в Москву хлынул поток раненых с Бородинского поля: число пациентов возросло до восьми тысяч.

1 сентября, накануне вступления французов в первопрестольную, Михаил Достоевский следует за отступающей армией. Тысячи раненых спешно грузятся на подводы. Покинутая жителями и войском Москва остается позади; багровое небо смыкается над живыми и мертвыми...

Михаилу Достоевскому довелось наблюдать войну с оборотной, изнаночной ее стороны – глазами тылового хирурга. Доблести полководцев, горечь поражений и отрада побед – все измерялось для него количеством отрезанных рук и ног. Он видел страдание и, очевидно, знал ему цену. Был ли осознан сыном этот наследственный опыт?

(ПСС. Воскресенье. Т. 18. С. 191–192)

Б.В. Федоренко

...Когда он покидал Касимов, Х. Лодер, этот выдающийся анатом, будущий почетный член Московского университета, вручил ему аттестат, со словами о высоком подвиге его, о выполнении им обязанностей своих: «с примерным рачением и отличным успехом, подавая раненым и больным неукоснительную помощь и трудно раненым производил успешно операции». С этим отзывом и с напутствиями начальников своих и отправился М.А. Достоевский в последних числах декабря 1812 г. вначале в Москву в ведение особо созданного временного комитета, а потом в Верею, теперь уже на помощь занемогшим «повальными болезнями»...

В кратком изложении самих причин, свойствах течения и пользования болезней отмечено: «Первоначальною причиною всех болезней было неприятельское нашествие и что сие подало повод к разным другим последственным болезнетворным причинам <...> По дошедшим от посланных для лечения повальных в народе болезней в города и уезды медицинских чиновников донесениям видно, что в оных городах и уездах больных состояло вообще 30049 обоего пола, из коего числа умерло 2967, а остальные выздоровели. Следовательно, по принятию Комитетом надлежащих врачебных мер число умирающих значительно уменьшилось, так что из 10-ти больных 1 умерший. Напротив того, до принятия надлежащих мер <...> из 10-ти больных умирало 8». Назовем поименно тех, «кои употреблены были для лечения означенных повальных болезней» по уездам, круживших по дорогам, шагавших от деревни к деревне, из дома в дом, терявших сон и покой, днем и ночью, и в стужу, и в ростепель...

М.А. Достоевский, бывший помощником <лекаря 1 класса> И.Е. Дядьковского, приступил к занятиям в академии, имея похвальный аттестат, второй за год, подписанный губернатором московским.

(О неясном в жизнеописании М.А. Достоевского. С. 12–14)

И.Л. Волгин

...Им выдадут врачебные аттестаты лишь через год: неприятель уже покинет пределы России. В том же 1813-м петербургское отделение академии пожалует серебряную медаль подающему надежды студенту Василию Петрашевскому. Спустя тридцать шесть лет сыновья обоих выпускников станут рядом на эшафоте.

(В 1824-м в Петербурге диплом академии получит Александр Бланк⁴⁵ – родной дед братьев Александра и Владимира Ульяновых: на эшафот поднимется старший внук.)

Тяга отцов к врачеванию сказывается в потомках.

Михаил Достоевский прочно обосновался в Москве. Сначала молодой лекарь служит в Бородинском пехотном полку (бывшем Московском гарнизонном): полк «по оставлению французами Москвы вступил в нее и принялся за очистку разрушенной и полусожженной столицы»⁴⁶. Армия побывала в Париже; полковой лекарь так и не покидал Московской губернии. Жизнь его по-прежнему протекает под пустынными сводами военных госпиталей. Что светит ему впереди?

Тридцать лет – возраст для брака приличный. Но *своего* угла как не было, так и нет. Наконец добрый доктор Маслович⁴⁷ вводит его в один семейственный дом: да не забудется благодетель!

Неизвестно, как протекал роман, важно, что он протек. Год 1820-й: 14 января молодые идут к венцу⁴⁸.

(ПСС. Воскресенье. Т. 18. С. 192–194)

Формулярный список о службе М.А. Достоевского⁴⁹

Императорского московского воспитательного дома больницы для бедных штабс-лекарь коллежский советник и кавалер М.А. Достоевский, 39 лет, происходит из духовного звания. В владении мужеска пола крестьян не имеет⁵⁰.

В службу вступил из подольской семинарии в число воспитанников по медицинской части Императорской медико-хирургической академии в московское отделение 14 октября 1809 г. Студентом 3 класса удостоен 1 ноября 1811 г. Студентом 4 класса произведен 15 июля 1812 г. По надобности во врачах во время последней французской кампании командирован г. вице-президентом академии в Московскую головинскую госпиталь для пользования больных и раненных

⁴⁵ Между прочим, волынский уроженец (земляк Достоевских!). – И.В.

⁴⁶ См.: Горский М.Т. Памятка 68-го лейб-пехотного Бородинского императора Александра III полка. Замостье, 1910. С. 1–2. – И.В.

⁴⁷ № 235, с. 265. – Ред.

⁴⁸ Известен документ об отставке 1820 г.: «Медицинский департамент Военного министерства честь имеет уведомить, что ординатор Московской медицинской госпитали штаб-лекарь Михаил Достоевский 16 текущего ноября по прошению его, во уважении расстроенных домашних его обстоятельств уволен от службы». Разумеется, «расстроенные домашние обстоятельства» – отнюдь не намек на совершившийся в начале года законный брак. (Как раз «домашние обстоятельства» Михаила Андреевича, надо думать, улучшились.) Это лишь обычная бюрократическая «формула перехода». – И.В.

⁴⁹ В московском музее Достоевского имеется другой формулярный список [см.: *В семье и усадьбе*. С. 123–127], в котором, кроме приведенных выше сведений, указываются неоднократно выдававшиеся М.А. Достоевскому денежные награждения и похвальные аттестаты. – М.В.

⁵⁰ Указание это относится к 20 апреля 1828 г., когда была составлена первая часть данного формулярного списка. – М.В.

16 августа 1812 г.; потом — в касимовскую военно-временную 1 сентября 1812 г. После командирован г. вице-президентом Московской губернии в Верейский уезд, для прекращения свирепствовавшей там повальной болезни. Лекарем 1 отд<еления> произведен 5 августа 1813 г. Назначен в бородинский пехотный полк 1 сентября 1813 г. Удостоен штабс-лекарем в означенном полку со старшинством 5 августа 1816 г. Помещен в том же полку на оклад 1 кл<асса> с жалованьем по 500 руб. в год 20 октября 1816 г. Переведен в Московскую военную госпиталь ординатором 29 апреля 1818 г. Помещен на оклад старшего лекаря 2 кл<асса>, с жалованьем по 600 руб. в год, 7 мая 1819 г. Уволен из военной службы 16 декабря 1820 г. Определен Императорского московского воспитательного дома в больницу для бедных на вакансию лекаря при отделении приходящих больных женского пола 24 марта 1821 г.⁵¹ За отлично-усердную службу пожалован кавалером ордена Св. Анны III степени 2 апр<еля> 1825 г. Награжден чином коллежского асессора 7 апреля 1827 г. В походах и штрафах не был, к продолжению статской службы достоин и способен... В январе 1829 г. пожалован кавалером ордена Св. Владимира IV степени. Награжден орденом Св. Анны II степени 21 апреля 1832 г. Произведен в коллежские советники со старшинством 18 апреля 1837 г. и уволен со службы 1 июля 1837 г.
(Достоевский. К вопросу об его происхождении)

Ведомость Ивановского Сорока Церкви Петра и Павла,
что в Военном Госпитале, священника Матфея Козмина с причетники,
сколько в сем 1820-м годе обоего пола людей родилось,
когда и кем крещены и кто при том были восприемники,
и которого м<есяц>а и числа коликих лет кто умре и где погребен,
также кто именно и с кем сочелся браком и был ли чинен обыск
и кто из священно-церковно-служителей исправлял требу,
значит под сим

В Генваре

14 женился первым браком сего Госпиталю штаб-лекарь Михаи<л> Андреев сын Достоевский поял за себя Московского купца по второй гильдии⁵² Феодора Тимофеева (сына Нечаева) дочь девицу Марию Феодорову о коих обыск надлежащий был учинен, оное таинство совершали обще.

(ЦИАМ. Ф. 1639. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 41 об.)⁵³

⁵¹ Предшественник Достоевского на этом месте, штабс-лекарь и ветеран 1812 г., испрашивал у императрицы Марии Федоровны прибавку к жалованью, однако та ответила: «Есть ли подать один такой пример, оный возбудит немедленно множество подобных претензий». Оскорбленный отказом, старый врач подал в отставку. Позже было официально признано: «Оклады служащих не вознаграждают достаточно трудов их и не соответствуют необходимым надобностям в содержании себя и своего семейства» (Московский мир Достоевского. С. 160–161). – Ред.

⁵² В прочих источниках тесть значится как купец третьей гильдии, см. с. 167–168. – Ред.

⁵³ «Военная гофшпиталь» для офицеров и солдат была основана Петром I в 1706–1707 гг. за рекой Яузой. При госпитале находились первая в России хирургическая школа, анатомический театр, музей, ботанический сад для выращивания лекарственных растений. В 1798–1801 гг. было построено новое госпитальное здание, при этом госпитальную Воскресенскую церковь перевели в старый корпус и переосвятили во имя апостолов Петра и Павла. (Церковь закрыта с 1917 г.) Само здание Московского

М.В. Волоцкой

...Семья Достоевских вовсе не была так бедна, как то обычно изображается. Окончивши Московскую медико-хирургическую академию, отец писателя вскоре восстанавливает утраченное предками дворянское звание. Быть может, на свои личные средства, но еще вернее на приданое жены он приобретает в 1834 г. имение <...> домашней прислуги в одной только московской квартире было семь человек. Для выездов на практику М.А. Достоевский пользовался четверкой собственных лошадей, и т.д. К этому нужно еще прибавить самое близкое участие таких богатых родственников, как Куманины.

генерального имени имп. Петра Великого военного госпиталя принадлежит к архитектуре русского классицизма – украшающие его барельефы и статуи создают определенную торжественность (недаром здание иногда сравнивают с домом Пашкова). Именно здесь чета Достоевских провела свой первый брачный год.

В справочнике ЦИАМ на с. 112 указано место хранения метрических книг Петропавловской церкви при Московском военном госпитале. Однако этот фонд ныне не существует, объединен с другим – под номером 1639. Эта информация фактически недоступна исследователям, поэтому даже такой знаток Москвы Достоевского, как Г.А. Федоров, не смог посмотреть подлинные документы госпитальной церкви. Хотя в принципе опись фонда № 1639 имеется в открытом доступе.

Дата венчания родителей писателя впервые обнародована Г.А. Федоровым. Она была установлена по документам, находящимся в фонде Московского духовного правления, – очевидно, по метрической ведомости церкви Покровского сорока (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Ед. хр. 226. Л. 453; *Материалы и исследования*. Т. 2. С. 66). В эту сводную ведомость вносились посылаемые в духовное правление с мест краткие сведения о совершенных обрядах. Ныне у нас есть возможность процитировать найденный нами первоисточник – впервые привести подлинную запись о бракосочетании.

Запись находится в метрической ведомости Петропавловской церкви за 1812–1822 гг. Если верить архивному (девственно чистому) «Листу использования», этот источник никогда не привлекал внимания исследователей: фамилии таковых отсутствуют. Обложка книги закапана воском, а посреди первого листа (перпендикулярно заголовку) запечатлен диалог двух безымянных авторов:

Первый почерк: Дурно Ты делаешь, что напрасно мараешь За пазуху сей книги, за ето непохвалят <...>.

Второй почерк: Да и правда непохвалят.

Ниже, параллельно заголовку: Проба пера и чирнил.
Не по поводу ли этой записи состоялся диалог?

Выясняется, что брак у Михаила Андреевича был первый (при наличии многих неясностей в его судьбе задокументирование этого факта отнюдь не представляется лишним!), а также что обряд венчания совершал священник этой церкви Матфей Козмин. Ему же через год довелось крестить первенца, Михаила. (Интересно, что сам М.А. Достоевский во время службы в военном госпитале, в отличие от своих сослуживцев, ни разу ни у кого не был восприемником на крестинах.)

По исповедным ведомостям, помимо имени священника (Матфей Козмин, вдовец 55 лет), можно установить и причт: диакон Гавриил Васильев 37 лет, пономарь Василий Алексеев 36 лет; упоминается также 40-летняя просвирня Мавра Петрова и 14-летний «сын ея Павел безумной» (Исповедные ведомости церкви Ивановского сорока за 1819 г. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 548 б. Л. 31). В той же ведомости 1819 г. значится пока еще холостой «Штаб-Лекарь Михайла Андреич Достоевский» (причем отмечено, что у исповеди он не был), а также «денщик его Андрей Андреев». Любопытно, что имя Достоевского названо здесь дважды, причем с разным возрастом: 33 и 28 лет (Лл. 32 – 32 об.); рядом стоит странное имя «Штаб-Лекарь Михайла Недрегайлов», которое в ведомостях за другие годы не встречается. Уж не шутки ли это одного из причетников, участников вышеупомянутой «внутрицерковной переписки», который внес в ведомость еще и прозвище Михаила Андреевича? (Вспомним, что фамилия Свидригайлов имеет литовское происхождение.)

Молодожены Достоевские и 26-летний денщик Андрей Андреев присутствуют в исповедных ведомостях 1820 г. Там же впервые появляется «Штаб-Лекарь Надворный Советник и Кавалер Григорий Павлов Маслович» 46 лет, будущий крестный отец писателя (№ 235), а также его жена Анастасия Андреевна 25 лет (№ 234) (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 967. Л. 161). – И.В.

Г.А. Федоров

Все 16 лет своей службы в Московской больнице для бедных М.А. Достоевский – младший ординатор⁵⁴... Он начал с оклада в 600 рублей в год (столько же получал он в конце службы в госпитале). При беспорочной службе каждое пятилетие прибавлялась одна пятая первоначального оклада: через четверть века жалование удваивалось. С 1826-го – 720 рублей, с 1831, в семье уже шестеро детей, – 840 рублей и с 1836 г. – 1080 рублей. В его послужном списке есть запись: «Неоднократно удостоивался Всемиловейшего денежного вознаграждения». Но суммы настолько незначительны, что не проставлены, как это было принято. Прибавка 1833 г. прошла мимо. Отец семерых детей получал 840 рублей годовых. Не только чтобы содержать семью, но и для обучения четырех старших детей в лучших частных пансионах необходимо прирабатывать на визитах «многочисленным городским пациентам». Нужны нечеловеческие усилия, чтобы при изнурительном труде в больнице, ведя тяжелый амбулаторный прием (количество приходящих больных из года в год возрастало), еще ездить в далекие центральные кварталы. Хотя он и принят как известный врач в семьях именитых московских негоциантов, гонорары не постоянны...

Потомственное дворянство, полученное благодаря обычным в этом случае наградам и за выслугу узаконенных лет, дало возможность приобрести имение, но по сути служебная карьера М.А. Достоевского не сложилась...

Приобретение имения не определялось мечтой М.А. Достоевского быть причисленным к «господствующему классу» или желанием стать «душевноладельцем», как мы прочтем в популярной биографии писателя. Все видится проще, человечней. Сырая казенная квартира при больнице становилась тесной, дети проводили лето в больничном саду, у слабогрудой Марии Федоровны – первые признаки еще неопознанной чахотки, супругу и отцу на пятом десятке пора подумать о своем доме.

(Московский мир Достоевского. С. 148, 161–162, 174)

В 1831 г. Михаил Андреевич купил в Каширском уезде Тульской губернии у помещика Хотяинцева имение, состоящее из сельца Дарового и деревни Черемошни [Чермашни]. Сведения о размерах имения довольно противоречивы:

– По определению М.А. Ивановой [записанному М.В. Волоцким], имение при покупке состояло из 264 десятин земли;

– [В.С. Нечаева «по местным воспоминаниям» сельчан говорит о 260 десятинах];

– В воспоминаниях А.М. Достоевского приводятся данные 8-й ревизии, бывшей в 1833 г., согласно которым в имении числилось 100 душ крестьян и свыше 500 десятин земли;

⁵⁴ Карьерному росту Достоевского препятствовал «бездарный неуч» и «фаворит», старший ординатор А. Гибнер. С приходом в 1831 г. на пост главного врача А.А. Рихтера (которого Михаилу Андреевичу приходилось однажды и замещать) ситуация не изменилась. Достоевский, пробыв полтора десятилетия на одной и той же должности, мог надеяться только на чудо. Таким чудом могло бы стать посещение больницы императором 3 мая 1835 г. Однако – «...Император уехал. Он у нас был чрезвычайно доволен, императрица также, Рихтеру 2-й степени Станислава со звездой, а нам разумеется ничего, оттого я тебе и не писал ничего, в протчем это так всегда водилось и будет водиться, овцы пасутся, а пастух доит молоко, стрижет шерсть и получает барыш». Когда наконец Гибнера проводят с почетом на пенсию – в 1837 г., – Достоевский вынужден будет отказаться от места (*Московский мир Достоевского. С. 213–216; В семье и усадьбе. С. 98*). – *Ред.*

– В запрещении, наложенном на имение М.Ф. Достоевской в 1833 г., говорится, что в земле и угодьях имения (в сельце Даровом и пустошах) всего 340 десятин;

– В плане Дарового 1850 г. значится, что всего удобной и неудобной земли была 191 десятина 1561 сажень (разница в 150 десятин с размерами, указанными в запрещении, может объясняться тем, что в межу Дарового, показанную на плане, не входили пустоши, находившиеся чересполосно)⁵⁵;

– В «Родословной книге дворянства Московской губернии» под редакцией Л.М. Савелова [1914] о М.А. Достоевском значится: «За ним в уездах Каширском и Калужском 170 душ».

В 1830 г. Даровым владел уже не Иван Петрович Хотяинцев, который к тому времени, вероятно, умер, а коллежская асессорша Ольга Алексеевна Глаголевская. Первоначально семья Достоевских намеревалась приобрести у нее два тульских имения – Косую Губу в Крапивенском уезде и Даровое в уезде Каширском, стоившие вместе 58 тыс. руб. ассигнациями: по 29 тыс. руб. каждое. 29 июня 1831 г. был дан тысячный задаток за Косую Губу, а 7 августа полностью оплачено Даровое и зарегистрировано вчерне на М.Ф. Достоевскую⁵⁶.

Даровое составляло около 96 десятин, с 76 крепостными. Соседом Достоевских стал брат бывшего хозяина, ветеран французской кампании, майор в отставке П.П. Хотяинцев. Владелец имения Моногарово, он жил рядом с Даровым, и земли его обнимали землю Достоевских, что приносило последним немало огорчений: полосы чужой земли вторгались в их владение, пять дворов крепостных Хотяинцева стояли на их территории (*деревня Даровая* в отличие от *сельца Дарового*, принадлежавшего Достоевским). Давая в 1836 г. в губернию сведения о своем имуществе, Михаил Андреевич писал: сельцо состоит в чересполосном владении с землями П.П. Хотяинцева и десятка других владельцев, и потому «числа десятин с точностью определить не можно».

По другую сторону располагалась принадлежащая еще одному из Хотяинцевых деревня Черемошня (около 50 десятин земли и 67 крепостных). Она продавалась, о чем Достоевские первоначально не знали.

Мария Федоровна сразу же подала судебный иск о выделении из Дарового чужих крестьянских дворов. Однако П.П. Хотяинцев не шел на это: он начал хвалиться, что купит Черемошню и тем самым полностью возьмет Достоевских в тиски. Такая угроза не на шутку встревожила новых соседей, и они, заложив имение и заняв денег, сумели перекупить Черемошню в 1832 г. От приобретения Косой Губы, конечно, пришлось отказаться.

Хотя судебное разбирательство шло своим чередом, главный конфликт уже был исчерпан, и отношения между соседями восстановились. Размежевание же спорных земель произошло много позже, после смерти владельцев Дарового – в 1847 г. (*Воспоминания. С. 53–54; Московский мир Достоевского. С. 132–133, 148–149, 174–179; В семье и усадьбе. С. 35*).

В.С. Нечаева

Бедность крестьян, неурожайные годы (1833–1834), полная неопытность новых помещиков и отсутствие у них свободных денег для вложения в хозяйство (владения были

⁵⁵ *В семье и усадьбе. С. 37. – Ред.*

⁵⁶ Вероятно, потому что в приобретении имения могли помогать Куманины. – *И.В.*

в первые же годы заложены), судебное дело с соседом по межеванию, наконец, пожар в деревне и усадьбе – все это нарушило налаженное существование семьи Достоевских. <...> Владение имением оказалось не под силу семье штаб-лекаря и вело ее к разорению. (Ранний Достоевский. С. 22–23)

А.М. Достоевский

...В конце 70-х годов; я как-то, бывши в Петербурге, разговорился с ним <Ф.М.> о нашем давно прошедшем и упомянул об отце. Брат мгновенно воодушевился, схватил меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда он говорил по душе) и горячо высказал: «Да, знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые... и в настоящую минуту они были бы передовыми!.. А уже такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат!»⁵⁷
(Воспоминания. С. 94)

М.В. Волоцкой

Михаил Андреевич окончательно утрачивает связь со всеми своими родственниками. (Наряду с семейным разрывом это прекращение родственных связей отчасти обусловлено также и угасанием мужских линий рода. «Однофамильцев у нас не имелось и не имеется», говорит Андрей Михайлович.) Таким образом, кроме самого отца писатель не знал ни одного родственника с отцовской стороны. В силу этого социальное влияние рода матери в целом на формирование личности Достоевского нужно признать гораздо более сильным, чем рода отца. Впрочем, в микросоциальном масштабе, то есть в тесном семейном кругу, влияние отца на развитие молодого Достоевского было чрезвычайно сильным.

Ф.М. Достоевский — брату Андрею
10.III.1876. Петербург

Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременно-го и высшего стремления в *лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения. (ПСС. Т. 29₂. С. 76)

Л.Ф. Достоевская

...Ему удастся <без денег, без протекции> получить высшее образование и занять довольно хорошее положение в Москве, воспитать семерых детей, дать приданое трем дочерям и вполне приличное образование четверем сыновьям. Дед мой мог с полным правом гордиться собой и ставить себя в пример детям...

Он был очень экономным, почти скупым, но если речь шла о воспитании сыновей, он не экономил.

(Достоевский в изображении дочери. С. 23, 30)

⁵⁷ Та самозабвенная погруженность в домашнюю семейную жизнь, которая отличала М.А. Достоевского в зрелые годы, – не была ли она оборотной стороной его гордого отъединения от собственного прошлого, отчаянной попыткой воздвигнуть семейный очаг на голом месте? (Родиться в России. С. 29). – И.В.

А.М. Достоевский

...Гуманное отношение к нам, детям, со стороны родителей и было поводом к тому, что при жизни своей они не решались поместить нас в гимназию, хотя это стоило бы гораздо дешевле. Гимназии не пользовались в то время хорошою репутациею, и в них существовало обычное и заурадное, за всякую малейшую провинность, наказание телесное. Вследствие чего и были предпочтены частные пансионы.

(Воспоминания. С. 66)

В.С. Нечаева

...Михаила Андреевича могли остановить и соображения иного порядка: гимназисты были тесно связаны с московским студенчеством, а Московский университет на рубеже 1820-30-х гг. был признан рассадником вредных, опасных идей. Может быть, и решение определить сыновей в Высшее инженерное училище до какой-то степени было связано с этой репутацией университета.

(Ранний Достоевский. С. 37)

А.Г. Достоевская

Для Михаила Михайловича и Федора Михайловича была темная комната, где они спали. Учились же в зале, где и сидели уткнувши носы в свои книги. Федор Михайлович с горем вспоминал как его, четырехлетнего (? — М.В.) сажали за книжку и твердили: учись, учись, тогда как на воздухе было так тепло, так хотелось побегать, порезвиться. Но лишь только отец (Михаил Андреевич Достоевский) уезжал на практику, как дети бросали книги и шли к матери, которая всегда сидела в гостиной. Там все садились за круглый стол, дети читали что-нибудь вслух, а мать — работала. Отец его был угрюмый, нервный, *ревнивый* и подозрительный человек и всегда строго относился к детям, от его нападков всегда защищала детей и скрывала их вины нянюшка Алена Фроловна, чрезвычайно любившая всех детей.

(ИРЛИ)

А.М. Достоевский

...В этом скромном пансионе <Драшусова> некому было заниматься латинским языком, а потому подготовка старших братьев по этому предмету принял на себя сам папенька. <...> Разница между отцом-учителем и посторонними учителями, к нам ходившими, была та, что у последних ученики сидели в продолжении всего урока вместе с учителем; у отца же братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят, бывало, как истуканчики, склоняя по очереди: mensa, mensae, mensae и т.д. или спрягая: amo, amas, amat. Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам...

Сейчас же после обеда папенька уходил в гостиную, двери из залы затворялись, и он ложился на диван в халате заснуть после обеда. Этот отдых его продолжался часа полтора-два, и в это время в зале, где сидело все семейство, была тишина невозмутимая, говорили мало и шопотом, чтобы не разбудить папеньку;

и это, с одной стороны, было самое скучное время дня, а с другой стороны, оно было и приятно, так как все семейство кроме папеньки было в одной комнате, в зале. В дни же летние, когда свирепствовали мухи, мое положение в часы отдыха папеньки было еще худшее. Я должен был липовою веткою, ежедневно срываемою в саду, отгонять мух от папеньки, сидя на кресле возле дивана, где он спал. Эти полтора-два часа были мучительны для меня, так как, уединенный от всех, я должен был проводить это время в абсолютном безмолвии и сидя без всякого движения на одном месте. К тому же, Боже сохрани, ежели, бывало, прозеваешь муху и дашь ей укусить спящего... А из залы слышишь шопотливые разговоры, сдерживаемые смехи. Как, казалось, было там весело.

(Воспоминания. С. 65–66, 46)

Г.А. Федоров

Детей определяли в старшие классы, предварительно подготовив дома. Для этого приглашались педагоги, но все же в значительной степени учителем Михаила и Федора был отец. Как домашний врач в семьях именитой родни со стороны жены, М.А. Достоевский не принимал от них гонорары (традиционный гратис). Но существовал уговор: заслуженное домашним врачом шло на оплату обучения его детей – Михаила и Федора, возможно, и Варвары. Когда подошло время отдать в пансион Андрея, Достоевский становится годовым врачом пансиона, расплачиваясь таким образом за обучение сына. Кстати, и занятия педагогов с детьми дома, вполне возможно, как было принято во врачебных семьях, отец оплачивал своим трудом.

(Московский мир Достоевского. С. 169)

П.П. Семенов-Тянь-Шанский

В детские годы он <писатель> имел прекрасную подготовку от своего научно образованного отца, московского военного медика. <...> Вообще воспитание Ф.М. велось правильно и систематично...

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 298)

И.Л. Волгин

Всем в жизни обязанный самому себе, многое перенесший, Достоевский-старший не желал, чтобы его детям пришлось пройти через те же мытарства. Он хотел, чтобы его собственные дети не только безоговорочно признавали его родительский авторитет, но и полагали последний тем краеугольным камнем, на котором зиждется вся иерархия – религия, общество, государство, весь мировой порядок. Его сыновья должны были естественно и, главное, безболезненно вписаться в существующие социальные координаты, использовав наработанный еще в детстве капитал.

Он целиком и полностью принадлежал государству. Он жил в эпоху, когда наивысшего своего расцвета достигла система регламентаций: главное было не нарушать *приличий*. Именно таковым нарушением могли выглядеть в его глазах прискорбные события 1825 года и другие отступления от заведенного порядка вещей. Бывший военный лекарь отлично понимал, что залогом жизненного успеха является дисциплина и что уважение к главе семейства есть первая ступень законопослушания. Его сыновья должны были

выдержать социальную конкуренцию и выйти в люди. Весь педагогический процесс был подчинен этой великой цели.

У Достоевского имелись основания говорить о «безотрадной обстановке» своего детства. Но не забудем и его слов о высшей идее, которой были одержимы родители. Суровость воспитания позволила не только легче пережить переход из-под родительского крова в закрытое военно-учебное заведение. Именно в семье были заложены те понятия, которые, надо полагать, не остались для него бесполезными: добра и зла, благородства и чести, порядочности и долга. <...> Может быть, счастье Михаила Андреевича, что он не дожил до того дня, когда его сын, взойдя на эшафот, продемонстрировал непредсказуемые эффекты отцовской педагогики: он не перенес бы подобного удара.

(Родиться в России. С. 142–143)

М.М. Достоевский — сестре Варваре
1.IX.1839. Ревель

...Музыка была любимым наслаждением покойного папильки!
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 25)

Ф.М. Достоевский — жене
16 (28).IV.1871. Висбаден

...Я сегодня ночью видел во сне отца, но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предрекая грозную беду, и два раза сновидение сбылось.

(ПСС. Т. 29¹. С. 197)

О.Ф. Миллер
«Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского»

По воспоминаниям некоторых родственников, он был человек угрюмый, нервный, подозрительный.

(Биография, письма. С. 20. 1 pag.)

И. Нейфельд

Михаил Достоевский может быть исчерпывающе охарактеризован одним понятием, выдвинутым психоанализом: он был анальный характер. Горячий, вспыльчивый, ворчливый, педантичный, мелочный, при этом еще болезненно скупой.

(Нейфельд. С. 13)

Л.Ф. Достоевская

У этого литовца, обладавшего такими превосходными качествами, был большой порок: он пил и в состоянии опьянения бывал зол и недоверчив. Пока была жива его жена, выступавшая в роли посредника между детьми и супругом, все шло хорошо. Она имела на него влияние и не давала ему много пить. Но после ее смерти мой дед предался пьянству, не смог больше работать и вышел в отставку. <...> Скупость моего деда росла по мере усиления пьянства. <...> Мой дед

Михаил всегда был строг с крепостными. Чем больше он пил, тем более жестоким становился, пока в конце концов они его не убили. Однажды летом он поехал из Дарового в другое свое поместье Чермашню и не вернулся... Его нашли потом на полпути, задушенного подушками из его экипажа. Кучер с лошадьми исчез; исчезли и некоторые крестьяне деревни. При допросе на суде другие крепостные деда признали, что это был акт мести...

Мне всегда казалось, что Достоевский, создавая образ старика Карамазова, думал о своем отце. Конечно, это не точный портрет. <...> Я думаю, что пьянство моего деда было наследственным, ибо личный алкоголизм не мог бы оказать столь разрушительное действие на всю семью. Эта болезнь сохранилась в семье моего дяди Михаила: ею были поражены второе и третье поколения...

Мой дед никогда не отпускал своих красивых дочерей одних и сопровождал их в те немногие разы, когда они наносили визит сельским соседям. Усердная бдительность отца задевала моих деликатных тетюшек. С ужасом вспоминали они потом, как отец по вечерам заглядывал под кровати в их комнате, проверяя, не спрятались ли там их любовники.

(Достоевский в изображении дочери. С. 38, 39, 41)

А.А. Достоевский

В неправильной характеристике нашего деда Михаила Андреевича Любовь Федоровна, может быть, и не так повинна. Эта неправда про него пошла с нележкой, в данном случае, руки покойного проф. Ореста Федоровича Миллера. С его слов в течение многих лет разные исследователи без всяких других оснований увеличивали его <Михаила Андреевича> недобрую славу, и она росла как лавина, превратив его в какое-то исчадие человеческого рода.

Этому теперь помогает Любовь Федоровна.

Между тем внимательное изучение отношения сыновей к отцу, даже по опубликованным уже материалам, дает совершенно иное освещение его личности.

Главным его отрицательным свойством была неудержимая вспыльчивость, я бы сказал — неистовость, — необузданность, но о жестокости и скупости не может быть речи.

Теперь об алкоголизме. Если наш дед Михаил Андреевич был действительно алкоголиком, то страдание это появилось у него уже после рождения всех его детей. Судя по описанию патриархального быта моих дедов, когда Михаил Андреевич с утра до вечера в течение 25 лет был постоянно на работе, всегда окруженный людьми, судя по тому, что он часто бранил своего шурина (брата жены) за пьянство, судя по восторженным, я бы сказал, отзывам Федора Михайловича о своих родителях — трудно предположить, чтобы в период детства своих сыновей и дочерей он предавался этой пагубной страсти. Но мой отец в своих записках говорит, что Михаил Андреевич начал злоупотреблять спиртными напитками и сильно пить после смерти своей жены, уже выйдя в отставку, тоскуя в одиночестве в деревне и испытывая страшную материальную нужду.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.М. Достоевский

...Дядя <Михаил Федорович Нечаев> всегда был нашим дорогим гостем. Как вдруг случился казус, вследствие которого дядя вовсе перестал бывать у нас. Казусу этому я частью был сам свидетелем, а частью в подробностях слышал, когда был уже взрослым, от тетушки Александры Федоровны. Вот в чем было дело. У нас жила горничная Вера <...> очень красивая молодая девушка, и дядя Михаил Федорович завел с нею шашни, а она, как оказалось, этому не противилась. Маменька давно замечала что-то неладное и наконец была свидетельницею передачи из рук в руки записки. Маменька вырвала от Веры записку, в которой назначалось свидание... Родители пригласили дядю в гостиную, а я остался в зале. В гостиной, по словам тетушки, произошло следующее: маменька стала выговаривать брату, что он решился в семейном доме своей сестры делать скандал с ее прислугой, и проч., и проч.; а дядя, долго не рассуждая, обозвал ее дурой. За это разгоряченный отец ударил дядю, кажется, по лицу. Растворилась дверь гостиной, и дядя, весь красный и взволнованный, вышел из нашего дома и больше не появлялся в нем. Это было в 1834 году. Конечно, отец нехорошо поступил, ударив дядю, он должен был помнить, что сказал дерзость его жене не кто иной, как ее родной брат. Но дело было сделано, и дядя у нас более не бывал.
(Воспоминания. С. 33–34)

Следующее примирительное письмо М.А. Достоевского к своим сыновьям рисует его в тот момент, когда он, будучи, по-видимому, человеком отходчивым, стремится ликвидировать последствия какого-то своего необузданного поступка.

М.А. Достоевский — сыновьям Михаилу и Федору
17.X.1837. Москва

Милые дети, друзья мои!

Вы очень огорчитесь, в чем не сомневаюсь, когда получите мое письмо, я очень жестко написал, но что же мне было делать, когда я был сам несвой, много своего горя, много огорчений со стороны, сие все чуть не свило меня в могилу, но теперь слава богу Кровопускание⁵⁸ меня спасло и вот я опять ваш отец тот же. Теперь пишу к вам коротко, что в пылу пропустил. во первых узнайте, через Коронада Филипповича⁵⁹, дошло ли мое письмо к Генералу

⁵⁸ Нами сохранена странная расстановка заглавных букв, бросающаяся в глаза при чтении письма, — после точки часто слово начинается с маленькой буквы; в то же время некоторые слова в середине фразы, не будучи именами собственными, начинаются почему-то с больших букв. Сходными странностями в расстановке заглавных букв отличились и некоторые письма самого писателя, в особенности написанные наспех и в нервном возбуждении (см., например, *Письма Достоевского к жене*, примечания Н.Ф. Бельчикова, с. 311). — М.В.

⁵⁹ Костомаров Коронад Филиппович (1803–1873) — военный инженер. Репетитор, в приготовительном пансионе которого М.А. Достоевский оставил сыновей Михаила и Федора, когда отвез их в Петербург для подготовки к поступлению в Инженерное училище. Генерал-лейтенант (1869). — Ред.

Шарнгорсту⁶⁰, потому что друг наш Маркус⁶¹ написал просто в С. Петербурге, а пропустил в Инженерном Замке, а я в Горячности то и не заметил, во вторых, опишите подробно чем занимаетесь, Кто вас учит Артиллерии и фортификации или кто будет вас учить, ибо я послал на сей предмет 300 р. сверх уговорной суммы. <...> Напишите как зовут медика, Который Делал вам осмотр. пишите теперь об самой малейшей вещи подробнее. <...> уведомляй меня Аккуратно об самом малейшем обстоятельстве проси друг вместе с Коронадом Филипповичем генерала, и ежели можно, то и доктора. Скажи ему, что я буду писать к нему, когда узнаю его имя, отчество и фамилию. Будьте здоровы. Сего желает нежно любящий Вас отец М. Достоевский.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 22; В семье и усадьбе. С. 115–116)

П.А. Карепин – А.М. Достоевскому
1849

...Недавно был я в семье Драшусовых, старички отец и мать много о тебе вспоминали: говорили о покойных родителях и о их дружбе...

(Московский мир Достоевского. С. 90)

А.М. Достоевский

Нет, отец наш, ежели и имел какие недостатки, то не был угрюмым и подозрительным, то есть каким *букой*. Напротив, он в семействе был всегда радушным, а подчас и веселым⁶²...

...Родители наши были отнюдь не скупы, скорее даже тароваты...

Отец при всей своей доброте был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, так сейчас разразится крик. Замечу тут кстати, что, несмотря на вспыльчивость отца, в семействе нашем принято было обходиться с детьми очень гуманно, и, несмотря на известную присказку к ижице⁶³, нас не только не наказывали телесно — никогда и никого, — но даже я не помню, чтобы когда-либо старших братьев ставили на колени или в угол. Главнейшим для нас было то, что отец вспылит. Так и при латинских уроках, при малейшем промахе со стороны братьев, отец всегда рассердится, вспылит, обзовет их лентяями, тупицами; в крайних же, более редких случаях, даже бросит занятия, не dokonчив урока, что считалось уже хуже всякого наказания...

Отец наш был чрезвычайно внимателен в наблюдении за нравственностью детей, и в особенности относительно старших братьев, когда они сделались уже юношами. Я не помню ни одного случая, когда бы братья вышли куда-нибудь

⁶⁰ Шарнгорст Василий Львович (1798–1873) – в 1835–1839 гг. начальник Инженерного училища, генерал-майор. – *Ред.*

⁶¹ Маркус Федор Антонович – эконо́м Мариинской больницы, сосед и близкий знакомый семейства Достоевских (см.: Достоевский А.М. Воспоминания. С. 31). – *Ред.*

⁶² Эта фраза относится к приведенному на с. 100 замечанию О.Ф. Миллера, что М.А. Достоевский был угрюм и подозрителен: «со слов и воспоминаний будто бы каких-то родственников», – прибавляет Андрей Михайлович. – *А.Д.*

⁶³ «Фита да ижица – к ленивому плеть близится» (Даль); «прописать ижицу», т.е. порку венником. – *Ред.*

одни; это считалось отцом за неприличное, между тем как к концу пребывания братьев в родительском доме старшему было почти уже 17 лет, а брату Федору почти 16...

Дом Московской Мариинской больницы находился на Божедомке, между зданиями двух женских институтов: Екатерининского и Александровского, и в недалеком расстоянии от Марьиной рощи. Эта роща была всегдашнею целью наших летних прогулок. Часу в седьмом вечера, когда палящая жара уже спадет, мы все, дети с родителями <...> отправлялись на эту прогулку. Проходя мимо часового, стоявшего при ружье и в полной солдатской форме у ворот Александровского института, принято было за неперемнную обязанность подавать этому часовому грош или копейку. Но подача эта делалась не в руку, а просто бросалась под ноги. Часовой находил удобный случай нагнуться и поднять копейку. Это вообще было в обычае у москвичей того времени. Прогулки происходили весьма чинно, и дети даже за городом, в Марьиной роще, не позволяли себе поразвлечься, побегать. Это считалось неприличным и допускалось только в домашнем саду. В прогулках этих отец всегда разговаривал с нами, детьми, о предметах, могущих развить нас. Так, помню неоднократные наглядные толкования его о геометрических началах, об острых, прямых и тупых углах, кривых и ломаных линиях, что в московских кварталах случалось почти на каждом шагу...

Старшие братья никогда не скрывали ничего от родителей, были всегда откровенны <...> Отец не любил делать нравоучений и наставлений; но у него была одна, как мне кажется теперь, слабая сторона. Он очень часто повторял, что он человек бедный, что дети его, в особенности мальчики, должны готовиться пробивать себе сами дорогу, что со смертью его они останутся нищими и т.п. Все это рисовало мрачную картину.

(Воспоминания. С. 93—94, 71, 66, 48)

И.Л. Волгин

Какое чувство преобладает в письмах Михаила Андреевича? Это – ощущение враждебности окружающего пространства. Ощущение, что им хотят пренебречь или его обмануть: от императора Николая Павловича, обошедшего его наградой, до прачки Василисы, подозреваемой в краже белья и присвоении сломанной серебряной ложки.

(Родиться в России. С. 138)

М.А. Достоевский — жене
23.VIII <1834> Москва

...Я прочее все получил сполна, выключая двух бутылочек наливки, которые, по словам Григория, разбились; ты пишешь, что незаслащенная с сургучем на пробках в двух бутылках, а он мне доставил пять, из коих на троих есть сургуч по краям, а две просто завязаны; то я, друг мой, сомневаюсь, сами ли оне разбились или же их сперва опорожнили, а после разби, и толку не мог добиться⁶⁴.

⁶⁴ Характерологическое значение этого отрывка не ограничивается только намеком на подозрительность. Нужно сопоставить его с пояснительным текстом и цитатами, приведенными в «Опыте характерологического анализа рода» (с. 898). – М.В.

9.V.1835. Москва

Скажу тебе, что и голова моя довольно пострадала, как обыкновенно бывало при перемене погоды, но теперь, слава Богу прошло.

16.V.1835. Москва

...У нас в доме все покуда спокойно, хотя Василиса в некоторых случаях оказалась подозрительною, но я смотрю теперь за нею в оба глаза. <...> Напиши, дружок, сколько у тебя в чулане полштофов и бутылок с наливкою.

23.V.1835. Москва

...Тоска смертельная, нигде места не сыщу, наяву и во сне бог знает что в голову лезет...

26.V.1835. Москва

На щет моих финансов не удивляйся, друг мой, что они необширны, я и за это благодарю творца ибо они суть остатки жалования, а приобретать их нет средств, я очень удивляюсь, откуда и ты так богата, разве ты имела свои деньги, о которых мне не сказала.

2.VI.1835. Москва

Не беспокойся милая моя обо мне я теперь покойнее, правда и нескрываю от тебя, что иногда бывают такие минуты, что иногда прогневляю творца моего ропща за дарованные мне краткие дни в удел моей жизни, но не думай ничего это пройдет, об деньгах так же не беспокойся, я постараюсь кое как уладить, бедность моя нисколько меня не тревожит, я с нею свыкся, как с воздухом, коим дышу. Молю только творца, чтобы подал мне мир душевный.
(Воспоминания. С. 356, 359, 360, 361, 362; В семье и усадьбе. С. 90, 97, 101, 107)

М.В. Волоцкой

Мелочность, подозрительность и жалобы на тоску чередуются в письмах Михаила Андреевича с различными выражениями любовных и религиозных чувств.

9.V.1835. Москва

Прощай, бесценный друг мой, будь здорова и счастлива, береги себя для общего нашего благополучия, пиши об самых малейших безделицах, от тебя все для меня будет приятно. Прощай, дражайшая моя, и не забывай об нас одиноких, а я пребуду вечно твой верный друг неизменно тебя обожающий

Михайло Достоевский

19.V.1835. Москва

Письмо твое драгоценный, лучший друг мой, я получил в Субботу, от всех чувств моих благодарю тебя, милая моя хозяйшюка, за оное, всею душою радуюсь, что вы, мои милые, здоровы и с благоговейными слезами благодарю господу подателя всех благ за его ко мне неизреченные милости. О себе тоже скажу тебе,

что мы все хвала создателю здоровы, и вместе умоляю тебя отбросить все дурные мысли касательно моего здоровья.

2.VI.1835. Москва

Прощай милый несравненный друг мой, да сохранит тебя господь бог, поцелуй за меня детей и не забывай меня бедного, бесприютного, а я всегда неизменно тебя обожающий и до конца дней моих искренне тебя любящий М. Достоевский.

19.VIII.1835. Москва

...Поверишь ли, что я читал твое письмо со слезами благодарил во первых бога, а во вторых тебя милый друг мой, за сие целую твои ручки миллион миллионов раз, молю бога, чтобы ты была здорова для нашего щастия...

(В семье и усадьбе. С. 91, 95, 108, 111)

А.М. Достоевский

Из приведенной мною переписки моих родителей видно, насколько отец любил свою жену. Время с кончины матери до возвращения отца из Петербурга⁶⁵ было временем большой его деятельности, так что он за работою забывал свое несчастье <...>. Но наконец вот он в деревне, в осенние и зимние месяцы, когда даже и полевые работы прекращены. После очень трудной двадцатипятилетней деятельности отец увидел себя закупоренным в две-три комнаты деревенского помещения, без всякого общества. Овдовел он в сравнительно нестарых летах, ему было 46—47 лет. По рассказам няни Алены Фроловны, он в первое время даже доходил до того, что вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой, и отвечая себе ее обычными словами... От такового состояния, особенно в уединении, недалеко и до сумасшествия. Независимо всего этого он понемногу начал злоупотреблять спиртными напитками. В это время он приблизил к себе бывшую у нас в услужении еще в Москве девушку Катерину. При его летах и в его положении кто особенно осудит его за это?!

(Воспоминания. С. 109)

В конце жизни у него резко ухудшилось зрение, поэтому письма к старшим сыновьям в Ревель и Петербург писала под диктовку Михаила Андреевича дочь Варя (*Письма Михаила Достоевского к отцу. С. 74, 85*).

Г.А. Федоров

Смерть жены потрясла и сломила Михаила Андреевича Достоевского. Еще не старый, 48-летний, ссылаясь на трясение правой руки и ухудшавшееся зрение, он отказывается от предложенного ему наконец повышения по службе...

Он вынужден подать в отставку, не выслужив 25-летия, и оставить квартиру при больнице (своего дома в Москве у них нет). Тогда же, как-то вдруг, осознается материальный кризис семьи, дело не просто в бедности – предвидится разорение. <...> А предстояло отцу поставить на ноги и вывести в люди семерых.

(*Московский мир Достоевского. С. 116*)

⁶⁵ Поступления старших сыновей в Инженерное училище в Петербурге. – Ред.

Крестьянка села Дарового Акулина

Оставшись один после смерти жены, Михаил Андреевич очень тосковал. Во время приступов тоски он стонал, бегал по комнате и даже бился головой об стену. *(Записано О.И.)*

О.А. Иванова

Незадолго до смерти намеревался жениться на соседней помещице Александре Дмитриевне Лагвеновой, которая была очень недурна собой. Знакомство и дружба между потомками Лагвеновой и М.А. Достоевского (Ивановыми) продолжается до сих пор, на протяжении трех поколений.

М.А. Иванова

В конце жизни Михаил Андреевич был крайне придиричивым, можно сказать полусумасшедшим, но раньше это был добряк, притом же человек очень образованный и начитанный. Способствовал литературному образованию своих детей. *(Записано М.В. [1925])*

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
31.X.1838. Петербург

Мне жаль бедного отца! Странный характер! Ах, сколько несчастий перенес он! Горько до слез, что нечем его утешить. А знаешь ли? Папенька совершенно не знает света: прожил в нем 50 лет и остался при своем мнении о людях, какое он имел 30 лет назад. Счастливое неведение. Но он очень разочарован в нем. Это, кажется, общий удел наш. *(ПСС. Т. 28, С. 55)*

Г.А. Федоров

Непрактичность его вскоре обернулась горем. Земля Дарового суглинистая, худородная — «дурные поля» — признает позже он сам. Из восьми лет владения имением (1831–1839) семь лет в центральных губерниях неурожайные. Нетрудно представить, чем ежегодно радовал истощенный суглинок своих владельцев...

Усилия наладить хозяйство оказались тщетными. Весна 1839 года предвзовет беду. Записки агронома, жившего поблизости от Дарового, расширяют картину бедственного лета 1839 г. в июне жара доходила до 40 градусов. Земля истрескалась, почва высохла, хлеба росли в «пепеловидном порошке, в знойной атмосфере тропиков». *(Московский мир Достоевского. С. 132, 149)*

Последнее письмо Федора Достоевского отцу было сплошь наполнено просьбами срочной высылки дополнительной суммы денег и объяснениями, на что эти деньги нужны.

Ф.М. Достоевский — отцу
10.V.1839. Петербург

Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего теперешнего общества. К чему же делать исключения собою? Подобные исключения

подвергают иногда ужасным неприятностям. Вы сами это понимаете, любезный папенька. Вы жили с людьми.

М.А. Достоевский – сыну Федору

27.V.1839. Даровое

...Изъявляешь на ближних твоих неудовольствие, в коем разряде без сомнения и я состою, в том, что они тебя забывают. Как ты несправедлив ко мне в сем отношении! Ты писал что состоишь должным 50 р. <...> Я выслал тебе *семьдесят пять* рублей <...> Друг мой! роптать на отца за то, что он тебе прислал сколько позволяли средства, предосудительно и даже грешно. Вспомни, что я писал третьего года к вам обоим, что урожай хлеба дурной, прошлого года писал тоже, что озимого хлеба совсем ничего не уродилось. Теперь пишу тебе, что за нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния. <...> Снег лежал до мая месяца, следовательно, кормить скот чем-нибудь надобно было. Крыши все обнажены для корму. Но это ничто в сравнении с настоящим бедствием. С начала весны и до сих пор ни одной капли дождя, ни одной росы. <...> всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом! После этого станешь ли роптать на отца за то, что тебе посылает мало. Я <?> ужаснейшую нужду в платье <?> уже 4 года я себе решительно <?> сделал ни одного, старое <?> в ветхость, не имею никогда собственно для себя ни одной копейки, но я подожду. Теперь посылаю тебе тридцать пять рублей <...> расходуй их расчетливо, ибо, повторяю, что я не скоро буду в состоянии тебе послать.

(ПСС. Т. 28, С. 60; В семье и усадьбе. С. 120–121)

А.М. Достоевский

Во время пребывания моего в последний раз в деревне, то есть летом 1838 г., я ничего ненормального в жизни отца не заметил, несмотря на свою наблюдательность. Да, может быть, и отец несколько стеснялся меня. Но вот он опять остался один на глубокую осень и долгую зиму. Пристрастие его к спиртным напиткам видимо увеличилось, и он почти постоянно бывал не в нормальном положении. Настала весна, мало обещавшая хорошего. <...> Вот в это-то время в деревне Черемошне на полях под опушкою леса работала артель мужиков, в десяток или полтора десятка человек; дело, значит, было вдали от жилья. Выведенный из себя каким-то неуспешным действием крестьян, а может быть, только казавшимся ему таковым, отец вспыл и начал очень кричать на крестьян. Один из них, более дерзкий, ответил на этот крик сильною грубостью и вслед за тем, убоявшись последствий этой грубости, крикнул: «Ребята, карачун ему!...» и с этим возгласом все крестьяне, в числе до 15 человек, кинулись на отца и в одно мгновение, конечно, покончили с ним...⁶⁶

(Воспоминания. С. 109–110)

Данил Макаров, старожил села Дарового

Я, гражданин, старого барина, конечно, не упомянул — где там! Мне отец-покойник рассказывал о нем. Зверь был человек! Душа у него была темная — вот

⁶⁶ Эти подробности о смерти отца Андрей Михайлович узнал от няни Алены Фроловны. — М.В.

что! Вот он раз в саду гулял, а за садом Федот Петров пахал. Барин-то, Достоевский — я — вот и я! видит Федота, а Федот за деревьями барина не примечает. Ну, барин старосту посылает — это из покоев, из своих, говорит: пришли ты мне Федота. Федот веселый был мужик, он и говорит: надо мне бороду расчесать, барин кличет, не иначе старостой назначает. А барин его спрашивает: ты, говорит, почему не кланялся? — Я, — отвечает Федот, — вас, барин, никак не приметил. — Пойдешь, — говорит барин, — на конюшню, там тебя выпорют — будешь замечать! — Конечно — выпороли!

А то жил Иван Семенович Широков, мужик один. Тоже такой случай вышел — не заметил он барина. Странная была пора, тот Широков с поля хлеб возил, а барин сзади за возом шел — где его там углядишь? Ну, барин наш, Михайло-то Андреевич, и выходит стороной, шапку снимает, говорит: — Здравствуй, Иван! Сам вот видишь — тебе первый кланяюсь, да... И, — говорит барин, — пожалуй-те на конюшню... Конечно — выпороли!

Зимой совсем не знали мужики, как поступать: кланяешься — барин кричит: нарочно, такие-сякие, шапку на вольном воздухе снимаете, хотите простудиться, не работать. Не кланяешься — опять обиде...

Говорили — будто сын барина, Федор-то Михайлович, большим человеком стал. Не верю я, как хотите, этому. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был. Не верю.

(*Сельцо Даровое. С. 18*)

Данил Макаров и Андрей Саввушкин⁶⁷

Решили чермшинские мужики барина, Достоевского-то, кончить. Петровка-ми это было дело⁶⁸. Кучер баринов, Давыд, был подговоренный. Вот и устроили все. Мужики в тот день аккуратно навоз вывозили, а четыре мужика — так все и подстроили — на работу не выехали. Солнце уже высоко стояло, барин спрашивает старосту — все на работу выехали? — Нет, — отвечает староста, — четверо из Чермашни не поехали, сказались больными. — Кто такие? — Староста и говорит: Ефимов, Михайлов, Исаев да Василий Никитин. А у барина палка дубинка была здоровая. Показал он на дубинку, говорит: «вот я их вылечу», — велел дрожки заложить. А кучер тут и не выдержал, говорит — не езжайте, барин, может, с вами там что приключится. Барин на него кричит, топчет — ты хочешь, чтоб я их не лечил? Закладывай живе! — Кучер только рукой махнул, пошел за-

⁶⁷ Данил Макаров, 90-летний старик, был мальчиком лет семи, когда было совершено убийство; Андрей Саввушкин рассказывал со слов своего отца (*Поездка в Даровое. С. 131*). — Ред.

⁶⁸ Д. Стонову крестьяне говорили: «Осенью, приятель, было дело, осенью...» «Петровки» указываются в записях В.С. Нечаевой и М.В. Волоцкого. В действительности же отец писателя был убит ранее указываемых крестьянами сроков.

А.М. Достоевский пишет в воспоминаниях, что узнал о смерти отца в самый Петров день (29 июня по старому стилю) — но как о событии, произошедшем уже несколько недель тому назад.

М.М. Достоевский писал Куманиным: «Подивитесь предчувствию души моей. В ночь на 8-е июня — я видел во сне покойного папинуку. Вижу, что будто он сидит за письменным столиком и весь как лунь седой; ни одного волоса черного; я долго смотрел на него, и мне стало так грустно, так грустно, что я заплакал; потом я подошел к нему и поцеловал его в плечо, не быв им замеченным, и проснулся. Я тогда же подумал, что это не к добру...» (*Достоевский А.М. Воспоминания. С. 414*) — М.В.

прягать. Приехал барин в Чермошню, а мужики на улице. — «Почему на работу не вышли?» — «Мочи, — говорят, — нет». — «Вот я вас сейчас полечу» — говорит барин, а сам дубинку поднимает. Мужики от него во двор, барин за ними. Как во двор вбежали, там Василий Никитин, здоровый, высокий такой был, схватил его сзади за руки, а другие стоят, испугались. Василий им крикнул: «Что же стоите? зачем сговаривались?» Мужики бросились да за нужное место; нужное место ему завернули. Бить не били, знаков боялись. Приготовили они бутылку спирту, барину рот разжали, весь спирт ему в глотку вылили и в рот тряпку забили. От этого барин и задохнулся. Тут его кучер увез и под Чермошней на меже у дуба — стоит еще и теперь дуб этот! — и свалил, а сам, не заезжая в Даровое, в Моногарово за попом. Тот приехал, а барин еще дышал, но уже не в памяти. Поп глухую исповедь принял, знал он, да скрыл, крестьян не выдал. Следовательно потом из Каширы приезжали, спрашивали всех, допытывали, ребятишек даже гостинцами сманивали, но ничего не узнали. Будто от припадка умер, у него припадки и ране бывали⁶⁹.

(Записано М.В., В.Н. [1925]; Поездка в Даровое; Сельцо Даровое)

Данил Макаров и Андрей Саввушкин

Барин был строгий, неладный господин... а барыня была душевная. Он с ней нехорошо жил...

И со старшей дочерью Варварой Михайловной плохо он жил. Она от него в Москву уехала, а как узнала, что его мужики убили, только, говорят, сказала — собаке, мол, собачья и смерть⁷⁰.

(Записано М.В. [1925])

И.Л. Волгин

Сам Достоевский не обмолвился об этом ни словом: ни прямо — в дошедших до нас текстах, ни косвенно — в передаче воспоминателей. Считалось, что владелец Чермошни и Дарового умер скоропостижно — от внезапно поразившего его апоплексического удара. Это случилось 6 июня 1839 г. Труп почти двое суток пролежал в поле, пока явившийся из Каширы лекарь формальным образом не удостоверил факт смерти. (Первоначально приехал доктор из близлежащего Зарайска, но, поскольку владения Достоевских относились к Каширскому уезду, он не мог дать официального заключения.)

О том, что Михаил Андреевич не умер естественной смертью, а был убит своими крепостными, впервые поведала миру дочь писателя Любовь Федоровна. Зная наклонность мемуаристки к вымыслам и преувеличениям, можно было бы отнестись к ее словам скеп-

⁶⁹ Даже в 1925 г. живший в Чермошне 70-летний внук Семена Широкого пересказал В.С. Нечаевой официальную версию (*Поездка в Даровое*. С. 133). — Ред.

⁷⁰ Обращение к ней тем же летом брата Михаила: «Бедная Варинька! Ты потеряла лучшего друга и нежнейшего из отцов!» (*Достоевский А.М. Воспоминания*. С. 414) заставляет усомниться в столь резко неприятии М.А. Достоевского 16-летней дочерью. Суровые слова, если они и были, могли принадлежать взрослым родственникам. Вообще, внутрисемейные отношения Достоевских все-таки значительно искажаются в крестьянском предании: так, М.В. Волоцкой в первом издании «Хроники» уже не приводит полностью слова тех же воспоминателей: «Он с ней <Марией Федоровной> нехорошо жил, бил ее» (*Поездка в Даровое*. С. 132). — Ред.

тически. Если бы не опрошенные на сей предмет крестьяне, которые в 1925 г., то есть через 86 лет после самого события, почти единодушно подтвердили, что их деды и прадеды повинны в насильственной смерти барина, и даже назвали имена убийц. Кроме того, в 1930 г. вышли в свет воспоминания Андрея Михайловича (написанные, кстати, несколькими десятилетиями ранее книжки Любови Федоровны), где младший брат Достоевского как нечто не подлежащее сомнению излагает ту же историю.

Семейная версия закрепились в литературе и не вызвала особых споров, пока в 1975 г. Г.А. Федоров не опубликовал в «Литературной газете» несколько выписок из обнаруженных им в архивах документов о смерти М.А. Достоевского⁷¹. Из материалов официального расследования явствовало, что надворный советник Михайло Андреев Достоевский «скоропостижно умре» и «в насильственной смерти его... сомнения и подозрения никакого не оказалось». Вполне убежденный этими, казалось бы, неоспоримыми доказательствами, автор публикации (поддержанный мощным авторитетом В.Я. Кирпотина) пришел к заключению, что семейная версия (убийство) – не что иное, как невольное воспроизведение злонамеренной выдумки соседей Достоевского по имени, Хотяинцевых. Зачем это им понадобилось? Оказывается, затаив злобу против покойника, они пытались опорочить его посмертно (в чьих глазах: крестьян? родственников? начальства?). Именно Хотяинцевы признавались отныне виновными в распространении той криминальной информации, с которой почему-то согласились не только легковверные исследователи, но и члены семейства Достоевских.

Как бы то ни было, находка Г.А. Федорова произвела сенсацию. Правда, большинство специалистов сошлось на том, что, прежде чем делать какие-либо заключения, необходимо ознакомиться со всем комплексом вновь найденных документов: изучить полный текст, оценить степень его достоверности, установить отсутствие или наличие внутренних противоречий и т.д. До выполнения этой элементарной источниковедческой работы говорить о научном значении находки было бессмысленно (тем более что статья Федорова практически не содержала архивных ссылок).

Может быть, поэтому толкования автора статьи убедили далеко не всех. «...Иначе как «романтическим» домислом Г.А. Федорова эту гипотезу назвать нельзя», – замечает В.С. Нечаева, подвергая саму «гипотезу» весьма основательной критике⁷².

Между тем следственное дело до сих пор не опубликовано! Но вот вопрос: сохранилось ли оно вообще? Проведя тщательный поиск в архивах, мы пришли к заключению, что пока ответ должен быть отрицательным.

Позволим себе одно личное воспоминание. Покойный Г.М. Фридлендер, редактор Полного академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского, неоднократно советовал нам отправиться в тульские архивы, дабы *на месте* изучить, а затем подготовить к печати *следственное дело* (после публикации Г.А. Федорова представление о существовании такового прочно утвердилось в умах исследователей).

Мы начали поиски уже после смерти Г.М. Фридлендера. И тут выяснилось интересное обстоятельство. Большинство «числившихся за Тулой» документов оказалось

⁷¹ См.: *Московский мир Достоевского*. С. 146–193. Здесь и ниже цитаты из Г.А. Федорова приводятся по этой книге. – И.В.

⁷² Здесь и ниже: *Ранний Достоевский*. С. 94, 90, 91. Полагаем, что наша полемика с ныне уже покойным Г.А. Федоровым, глубоким знатоком связанных с Достоевским реалий, ничуть не умаляет заслуги этого замечательного и преданного своему делу исследователя. – И.В.

в Центральном историческом архиве Москвы, ЦИАМ (они, очевидно, были переданы туда после вхождения Каширы в Московскую область). Следственное дело (как комплекс соответствующих документов), несомненно, существовало. Оно должно было отложиться в архиве Каширского земского суда. Собственно земский суд – это не что иное, как местная полиция (ее следственная часть). И естественно, что все первичные документы (протоколы, показания и т.д.) должны были сосредоточиваться именно здесь. Но, к сожалению, материалы Каширского земского суда за 1839–1840 гг. в архивах отсутствуют.

Зато сохранились Журналы заседаний Каширского *уездного* суда (инстанции, надзирающей над земской полицией), которые, повторяем, находятся ныне в ЦИАМ⁷³. Это – огромные тома по 800, 900 и более листов каждый, густо исписанные разными, зачастую трудночитаемыми почерками. Среди тысяч представленных там документов только семнадцать имеют отношение к смерти М.А. Достоевского. Это отнюдь не первичная документация, а лишь подтверждение того, что расследование действительно имело место: служебная переписка, фиксация следственных действий, судебные резюме и т.д. Из совокупности этих текстов можно сделать заключение, что существовал неизвестный нам пласт материалов, которые, собственно, и составляли следственное дело. Это прежде всего медицинские документы – протоколы осмотра трупа, анатомирования, заключение о смерти и т.д. Затем – протоколы допроса свидетелей (которые одновременно могли быть и убийцами) – крепостных крестьян, протоколы очных ставок, показания родственников и лиц, находившихся вместе с Михаилом Андреевичем в Даровом (нянька Алена Фроловна). Наличие всех этих документов нашло косвенное отражение в Журналах заседаний Каширского уездного суда, который на протяжении 16 месяцев возвращается к этому сюжету.

Рассмотрим его и мы – хотя бы в общих чертах.

Известно, что смерть отца произвела на 17-летнего Достоевского неизгладимое впечатление. Высказывались предположения, что именно это известие вызвало у него первый приступ эпилепсии.

«Мне кажется совершенно невозможным говорить о гении Достоевского, не произнося слова “преступление”, – понизив голос, замечает Томас Манн. – ...Нет сомнений, что подсознание и даже сознание этого художника-титана было постоянно отягощено тяжким чувством вины, преступности и что чувство это отнюдь не было только ипохондрией»⁷⁴. Разумеется, автор статьи «Достоевский – в меру» имеет в виду признание полубезумного Ивана Карамазова: «Кто не желает смерти отца?..» И впрямь: уж не посещали ли творца «Карамазовых» схожие чувства?

Поклонники психоанализа немедленно связали возникновение падучей болезни с якобы преследовавшим больного «комплексом вины». «...Бессознательные чувства ненависти и мести против отца, – пишет профессор Нейфельд, – были так сильны, что цензура сознания могла защищаться от них только при помощи глубокого обморока»⁷⁵. Заметим, что обморок помогает в таких случаях «защищаться» и от чувства любви.

⁷³ ЦИАМ. Ф. 2150. Оп. 1. Ед. хр. 98. Журнал за январь – июнь 1839 г. Лл. 292 об. – 293. Ед. хр. 109. Журнал за июль – ноябрь 1839 г. Лл. 61 об. – 62 об. (источник поврежден: отсутствует верхняя часть листов), 158, 160, 160 об., 283, 306 об., 307, 339, 365, 366 – 367 об., 368 об. Ед. хр. 109а. Журнал за январь – июнь 1840 г. Лл. 26 об. – 28, 66 об., 67, 423 – 424 об., 571. Ед. хр. 110. Журнал за июль – декабрь 1840 г. Л. 486 об. – И.В.

⁷⁴ Манн Т. Собрание сочинений. М., 1961. Т. 10. С. 330–331. – И.В.

⁷⁵ Нейфельд. С. 22. – И.В.

Он мог испытывать угрызания: правда, иного рода. Ведь это для него, воспитанника Императорского инженерного училища, выбивались из мужиков последние медные деньги; это ему – в голод и неурожай – посылались в Петербург средства (правда, довольно скудные) на приобретение собственного чая. Жестокость отца, приведшая к его гибели, могла провоцироваться невольным эгоизмом сына.

Причины для обморока были.

Но если даже свидетельства о ранних припадках не вполне точны (эпилепсия, судя по всему, возникла позднее), вряд ли можно сомневаться, что Достоевский пережил сильнейшее нервное потрясение, память о котором осталась навсегда. Дело усугубилось знанием тех ужасных подробностей, которые не замедлили вскоре явиться.

Существовало еще одно обстоятельство, не могшее не тяготить душу. Среди убийц Достоевского-старшего наверняка находились люди, которых Достоевский-младший знал с самого детства. Тот же мужик Марей, ободривший некогда напуганное «волком» дитя (о чем Достоевский рассказал в «Дневнике писателя»), имел шанс оказаться заодно с теми, кто отправил в лучший мир отца ребенка: среди потенциальных убийц значатся члены семьи Марка Ефремова (то бишь Марея).

Не потому ли мужик Марей вспоминается рассказчику именно на каторге: он мог оказаться соседом по нарам.

В планы убийц, если верить молве, посвящен и кучер Давид – фигура, на наш взгляд, заслуживающая внимания.

По словам Андрея Михайловича, Давид был крепостным его отца и служил у него еще задолго до женитьбы последнего. Это обстоятельство не может не вызвать некоторого недоумения, поскольку не вполне ясно, каким образом Михаил Андреевич, еще не будучи дворянином, исхитрился сделаться владельцем крепостных душ. Но может быть, Давид Савельев был крепостным другого барина, отпущенным в услужение (то есть как бы сданным в аренду)?

На этот вопрос позволяют ответить исповедные ведомости «церкви святых Апостолов Петра и Павла, что при Больнице для бедных»⁷⁶. Так, в ведомости за 1821 г., где указано семейство Достоевских (Михаил Андреевич, Мария Федоровна и годовалый Михаил), значится только одна «крепостная девка Ирина Тимофеева» 24 лет. Это, разумеется, наемная прислуга. (Кстати, в ведомости за 1826 г. она поименована как «мещанка».) Никаких других слуг, крепостных или вольных, у Достоевских не наблюдается. Зато начиная с 1829 г. в ведомостях неизменно присутствуют «крепостные их люди» Давид Савельев и его брат Феодосий. Это дворовые, купленные выслужившим наконец дворянство Михаилом Андреевичем. Но они отнюдь не жители Дарового и Черемошни, приобретенных только в 1831–1832 гг. Следовательно, для обитателей этих сел кучер Давид – человек со стороны.

Немало усилий, очевидно, понадобилось убийцам, чтобы «подговорить» или по меньшей мере нейтрализовать нежелательного свидетеля, которому, согласно исповедным ведомостям, было в ту пору 37 лет. Может, его просто-напросто припугнули? Дошедшие до нас толки о безуспешной попытке кучера в последний момент отклонить барина от роковой поездки в Черемошню выглядят не столь фантастично.

В «Братьях Карамазовых» Смердяков говорит Ивану: «А все чрез эту самую Чермашню-с... Если б остались, то тогда бы ничего не произошло...» В сознании Достоевского

⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1013. Л. 153 об. Ед. хр. 1132. Лл. 548, 555 и др. – И.В.

поездка в Черемошню – знак смертельной опасности, синоним предательства, метафора смерти.

Но вернемся к Давиду. Не особенно заботясь о достоверности, Любовь Федоровна намекает, что он-то и есть «главный убиец». Она говорит, что ее дед был задушен «подушками из его экипажа», после чего кучер, само собой, «с лошадьми исчез». Трудно ручаться за лошадей, но что касается кучера, он никуда не делся. Он продолжал исправно служить семейству. Осенью 1856 г. тридцатилетний Андрей Михайлович, заехав в Москву к сестрам, с трудом узнает в старике «с седой окладистой бородой, в кучерском наряде» своего давнего знакомого.

« – Здра<в>стуй, Давыд!

– Здравствуйте, сударь... да я что-то не признаю вас.

– А Андрея Михайловича Достоевского позабыл?..

– Батюшка, Андрей Михайлович... – и чубурах мне тут же на улице в ноги!..»⁷⁷

Конечно: радость внезапной встречи, трогательная привязанность к господам (не уступающая Мареевой) и т.д., и т.п. Все это так. Но падение *в ноги* – еще и жест показательный. Его можно расценить и как мольбу о прощении – того греха, который вольно или невольно взял на свою душу кающийся.

(Следует признать, что, если Давиду и не удалась попытка предотвратить убийство, он во всяком случае озаботился тем, чтобы Михаил Андреевич умер как христианин. Очевидно, убийцы полагали, что барин мертв, и поэтому позволили кучеру увезти труп – подальше от места действия. Можно предположить, что по дороге несчастный стал подавать признаки жизни – и Давид, оставив барина «у дуба», поспешил в Моногарово «за попом», дабы спасти душу умирающего для жизни вечной. Правда, допустим и другой вариант: священник был необходим убийцам как свидетель агонии и *мирной* кончины.)

Описывая убийство отца, Андрей Михайлович приводит ряд очень характерных деталей. Но именно это обстоятельство вызвало через сто лет сугубое недоверие его строгого критика и оппонента. «Кто это рассказывает, – негодуяще восклицает Г.А. Федоров, – очевидец, бывший в те дни в Даровом? Нет, рассказывает старик, а было ему тогда четырнадцать лет, и жил он при московском пансионе, весть до него дошла, пройдя через множество уст и отлившись в версию, сформированную в недоброй к памяти его отца среде».

Согласимся на минуту с исследователем. Допустим, что неродная бабушка (мачеха покойной Марии Федоровны Достоевской)⁷⁸, незамедлительно явившаяся в Даровое по поручению Куманиных, а также сами Куманины – все это «недобрая» к памяти покойного «среда». Но ведь Андрей Михайлович ссылается на другие источники! Он говорит, что главная информация исходила от двух живших в семье людей – няни Алены Фроловны, которая находилась «вместе с папенькой в деревне и была почти свидетельницей и очевидицею катастрофы», а также девушки Ариши, к которой «приходили родные из деревни». Уж их-то, ближайших и преданнейших домочадцев, трудно заподозрить в злонамеренном искажении фактов.

И, наконец, кучер Давид. Он был непосредственным свидетелем и участником происшествия: отвозил барина в Черемошню, ездил в Моногарово за попом и т.д. И если бы

⁷⁷ Воспоминания. С. 252. – И.В.

⁷⁸ Ольга Яковлевна Нечаева, № 124. – Ред.

Михаил Андреевич умер естественной смертью, преданный возчий не преминул бы уверить в этом безутешных родных. Тем более что подобная трактовка событий в первую очередь была спасительна для него самого.

Между тем дети Михаила Андреевича, а также их потомки во втором и третьем колене никогда не сомневались, какой именно смертью умер отставной надворный советник. Семейная версия однозначна: Михаил Андреевич был убит.

...Спустя сорок лет, в июле 1877 г., Достоевский (в первый после разлуки и единственный раз!) вновь посетит эти места. Проездом через Москву он делает крюк и направляется в Даровое, хотя это и нарушало его нетерпеливые планы – как можно скорее вернуться к ждущей его семье. «Проклятая поездка в Даровую! – пишет он Анне Григорьевне. – Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю! Но довольно, обо всем переговорим»⁷⁹.

О каких впечатлениях идет речь? Была ли эта поездка лишь ностальгической данью воспоминаниям детства? Или здесь позволительно усмотреть еще и желание лично побывать на месте катастрофы? Многие свидетели, а может, и виновники трагедии были еще живы. «Обо всем переговорим», – пишет Достоевский жене, и в этой многозначительной интонации тоже брезжит намек – на такие предвидимые волнения, о которых уместно рассказывать только лично.

...Выйдя из неизвестности, Михаил Андреевич вновь уходит во тьму, словно не желая оставлять по себе ни памяти, ни хронологических мет...

Первые письменные сообщения о смерти отца – те, которые Достоевский должен был получить из Москвы или Дарового, – до нас не дошли. Да и вряд ли они содержали *всю* информацию: такие вещи не доверяются почте. «...Брат пишет очень неясно о всем происшедшем...» – сетует из Ревеля получивший печальную весть Михаил Михайлович (письмо брата Федора, о котором он упоминает, также не сохранилось)⁸⁰. Но, очевидно, брат и не мог изъясняться толковее: тогда, в конце июня, ему, самому находящемуся на большом расстоянии от места событий, далеко не все было понятно.

Итак, никаких *частных* свидетельств, относящихся к 1839 г., практически не существует. С другой стороны, наличествуют солидные, скрепленные официальными подписями документы, чей почтенный архивный возраст не может не внушить невольного уважения.

Конечно, существует магия документа (тем паче – полицейского документа!). Кто позволит себе усомниться в результатах официального следствия: его непогрешимость подтверждена гробовым молчанием более чем полутора веков! Но что случилось бы с нами, жертвами новейших исторических аберраций, если бы мы судили, например, о сгинувших в 1937-м *только* на основании завершенных и благополучно сданных в архив следственных производств...

О чем же говорят и о чем умалчивают архивы?

16 июня 1839 г. из Каширского земского суда тульскому гражданскому губернатору поступает донесение, что 6 июня надворный советник М.А. Достоевский «быв в поле для присмотра за возившими крестьянами навоз, скоропостижно умре по произведенному временным отделением Сего Суда следствию в насильственной смерти его Г-на Достоев-

⁷⁹ ПСС. Т. 29₂. С. 171. – И.В.

⁸⁰ Достоевский А.М. Воспоминания. С. 413. – И.В.

ского сомнения и подозрения никакого не оказалось, а последовала таковая как свидетельством Уездной Штаб-лекарь Шенкнехт удостоверяет от апоплексического удара вследствие сильных геморроидальных напряжений от коих привычного пособия не было принято».

20 июня Каширский уездный суд получает дело «о скоропостижно умершем надворном советнике Михайле Андрееве Достоевском». Это обычная полицейская формальность. Суд постановляет: «рапорт с делом записав отдать в повытье⁸¹ с роспискою а как из произведенного следствия видно, что умышленной смерти г-на Достоевского никого виновных и подозрительных к тому видов не открыто, и сомнения в том ни от кого никакого не изъявлено, почему случай таковой смерти предать суду воле Божией и дело с мнением и экстрактом отослать на ревизию Г-ну тульскому гражданскому губернатору и кавалеру при рапорте, о чем сочинить особый протокол».

Казалось бы, на этом можно поставить точку и благополучно сдать дело в архив. Однако неожиданно на сцену выступает новый персонаж. Г.А. Федоров утверждает, что «6 июля в Каширский земский суд явился местный помещик ротмистр А.И. Лейбрехт, “изъявив в смерти Его Достоевского подозрение на крестьян его”». Здесь все верно, кроме ошибки в дате: 6 июля в Каширский уездный суд из земского суда уже поступило «доследование», вызванное доносом Лейбрехта. Видимо, сам донос был сделан раньше, еще в 20-х числах июня – так сказать, по свежим следам.

Лейбрехт, доводя до властей свои подозрения, ссылался на информацию, полученную от Владимира Федоровича Хотяинцева. Последний – родственник соседа Достоевского, Павла Петровича Хотяинцева. Отсюда, как уже говорилось, делается умозаключение, что именно они, Хотяинцевы, виновники и распространители уголовных слухов.

Но странное дело. В.Ф. Хотяинцев, на которого ссылается Лейбрехт, призванный с ним на очную ставку, категорически отказывается от приписываемых ему, Владимиру Федоровичу, слов. Павел же Петрович Хотяинцев, якобы горевший желанием «открыть все дело», почему-то не спешит с исполнением этого благородного намерения.

Документально это выглядит следующим образом.

Получив доследование, Каширский уездный суд, констатируя, «что в разноречивых показаниях Г-дам Штаб-ротмистру Александре Иванову Лейбрехту и Штабс-капитану Владимиру Федоровичу Хотяинцову не дана очная ставка и не отобрано показание от Зарайского городского лекаря Ш<ен>рока, против составленного в оном суде журнала 22 июня, и объяснения Г-на Лейбрехта, почему о первых Каширскому земскому суду предписать указом и велеть, чтобы оный обязал их на повестный срок в одно время подписками о явке в сей суд для дачи изъяснений <...> действительности показаний Г-на Лейбрехта от Г-на Шенрока отобрать сведения, а по отобрании прислать в сей суд немедленно».

Из этого текста следует, что, реагируя на заявление Лейбрехта, земский суд назначил очную ставку между ним и В.Ф. Хотяинцевым, а также предписал отобрать показания от того самого зарайского лекаря, который первым осматривал труп Достоевского.

28 июля в уездный суд присланы подписки, «отобранные у Штаб-ротмистра Лейбрехта и Штабс-капитана Хотяинцова о явке в сей суд». Бумаги приобщили к делу. Однако 31 июля в уездный суд поступают сведения из земского суда, что Лейбрехт «обещал явиться в сей суд сего июля 28 дня, который и явился»; что же касается штабс-капитана

⁸¹ Отделение письменных или приказных дел в судах. – И.В.

Хотяинцева, то последний «за ранами явиться не может; а посему приказали о сем записать в журнале а действительно ли Г-н <текст поврежден> о действительности сего освидетельствовать на законном основании. По выполнению сего Каширскому земскому суду и предписать указом с тем, чтоб по исполнении сему суду донес». То есть, как можно понять, суд требует, чтобы В.Ф. Хотяинцев, который не явился на очную ставку «за ранами» (будучи военным, он теоретически мог их иметь), представил врачебное свидетельство на сей предмет. После чего суд еще несколько раз вызывал Лейбрехта и Хотяинцева, но второй, обязавшись явиться 8 августа, опять-таки не явился, а Лейбрехт «отлучился из имения своего в город Коломну». Поэтому суд вновь шлет повестки, призывая обоих указанных лиц прийти «для дачи очных ставок», а до тех пор постановляет «дело остановить решением». 6 сентября история повторяется. Лейбрехт, который «и прежде сего являлся», прибывает в суд, однако «оный Хотяинцов не является». Суд постановляет: «о сем записать в журнал, а Каширскому земскому суду вновь еще предписать указом и велеть, чтоб оный <Хотяинцев> немедленно выполнил предписание сего суда от 31 августа за № 1608, ибо за сим только и дело остановилось в нерешении».

Из всего этого с очевидностью следует, что в отличие от законопослушного Лейбрехта В.Ф. Хотяинцев всячески уклоняется от встречи. У него, видимо, нет никакого желания осведомлять о чем бы то ни было официальные власти – и он тянет время в надежде, что вся эта история кончится ничем.

Наконец 12 сентября долгожданное randevu состоялось. Приведем полностью свидетельствующий о том документ:

«12 сентября 1839. В присутствии сего суда⁸² явившиеся в оное Г-дам Штабс-капитану Владимиру Федорову сыну Хотяинцову и Штаб-ротмистру Александре Иванову сыну Лейбрехту в разноречивых показаниях по производившемуся в сем суде делу о умершем Г-не Надворном советнике Михайле Андрееве Достоевском, была дана очная ставка в низезначущемся предмете; на коей Г. Лейбрехт Г. Хотяинцова уличал в том, что он слышал от него говоренные им лично слова, в доме у него, что в смерти Г. Достоевского имеются сомнения и какая-то девка Г. Достоевского <слышала крик его>, и чтоб она о том никому не говорила, брат ее запрещал, люди его Достоевского толе были озлоблены, что когда обмывали тело Г. Достоевского, то били по пятам, противу сего Г. Хотяинцов в показуемом на него зделал отрицательство, что он сих слов ему Г-ну Лейбрехту ни говорил, а утвердился на прежнем данном им сведении Г-ну старшему дворянскому заседателю Шишкову сего года Июня 26 дня, сверх сего дополняет он Лейбрехт, что на другой день по даче от себя сведений в Каширский земский суд, он поехал к Г-ну Хотяинцову и объявил ему, что по желанию его, он передал все сии слухи на щет смертности Г-на Достоевского Г-ну исправнику Каширского земского суда, и оный потребовал от него на бумаге сведение, и что он все слышанное от него в оном поместил, говорено было ему им в присутствии его супруги Марьи Васильевны и бывшей тогда у них девицы Ирины Васильевны Закуриной, на что ему Г. Хотяинцов сказал, что он весьма дурно сделал, а следовало бы ему замешать в оном деле самого исправника, и тогда он, получа его сведение, положил бы под сукно, в протчем это не беда, он скажет, что все оное слышал от Г. Хотяинцова Павла Петровича жены. – На каковые слова его супруга Владимира Федоровича Хотяинцова и девица Ирина Васильевна Закурина сказали ему, что ето с его стороны будет неблагогородно выстав-

⁸² Очевидно, имеется в виду все-таки Каширский уездный суд. – И.В.

лять даму в свидетельницы, после сего разговора они расстались с Г-ном Хотяинцовым как хорошие соседи...»

Итак, Лейбрехт утверждает, что все, о чем он поведал в своем июньском письменном доносе, он слышал самолично от В.Ф. Хотяинцева. В свою очередь Хотяинцев категорически это отрицает. При этом выясняется, что он уже давал показания на сей счет еще 26 июня старшему дворянскому заседателю Шишкову: очевидно, сразу же после заявления Лейбрехта. Последний, посетив исправника Каширского земского суда (и зафиксировав свою информацию на бумаге), едет к Хотяинцеву и, как можно понять из текста, в присутствии его супруги Марьи Васильевны и девицы Ирины Васильевны Закуриной (возможно, если судить по отчеству, свояченицы?) объявляет о своем поступке. Далее следует довольно темное место. Хотяинцев говорит Лейбрехту, что тот «весьма дурно сделал, а следовало бы ему замешать в оном деле самого исправника, и тогда он, получая его сведение, положил бы под сукно».

Как понимать этот туманный, изложенный тугим канцелярским слогом текст?

Очевидно, что хозяин дома немало смущен (чтобы не сказать – озабочен) «инициативой» Лейбрехта. Визит к исправнику трактуется им как неверный шаг. Кроме того (и это крайне существенно!), В.Ф. Хотяинцев досадует, что Лейбрехт не «замешал» в дело самого исправника: тогда бы тот, по мнению Хотяинцева, не дал бы заявлению Лейбрехта дальнейшего хода. Иными словами: если бы Лейбрехт намекнул, что к сокрытию обстоятельств кончины М.А. Достоевского причастен сам исправник (то есть «замешал» бы его лично), тогда последний непременно положил бы подобное «сведение» под сукно.

Но отсюда с непреложностью вытекает, что В.Ф. Хотяинцев ни секунды не сомневается: у исправника рыльце в пушку. Именно поэтому тот не заинтересован ни в каком дополнительном расследовании. В другом смысле слова Хотяинцева понять затруднительно. Ведь не подбивал же он Лейбрехта на ложный донос – исправнику на самого исправника!

Тут нелишне вспомнить, что каширский исправник Н.П. Елагин с согласия родственников покойного был назначен официальным опекуном Достоевских-сирот, то есть фактически сделался хозяином имения. И, как явствует из писем Михаила Михайловича Достоевского, употребил свое назначение отнюдь не во вред себе. «Не было ли это, – резонно спрашивает В.С. Нечаева, – частичной компенсацией за сокрытие тайны?»

Но вернемся к разговору, воспроизведенному Лейбрехтом на очной ставке с В.Ф. Хотяинцевым. По словам Лейбрехта, его собеседник указывает ему на источник информации. (Вернее, дает понять, что откроет этот источник в случае своего вызова в суд.) Он говорит, что сошлется на жену своего родственника Павла Петровича Хотяинцева. Это, в свою очередь, не вызывает одобрения (по причинам, как можно понять, этического порядка) как его собственной супруги, так и девицы Закуриной. Впрочем, Лейбрехт расстается с Хотяинцевым «как хорошие соседи».

Далее в Журнале Каширского уездного суда, где излагаются результаты происходившей 12 сентября очной ставки, следует очень важное, на наш взгляд, разъяснение. Лейбрехт заявляет: с В.Ф. Хотяинцевым он «до сего случая не имел никаких неудовольствий; и не знает, почему он в поданном от себя сведении отказывается от своих говоренных слов и объявил, будто бы он все оное вывел на него по злобе, тогда как он просил его чтобы он открыл исправнику. Что Г-н Хотяинцов Павел Петрович его ждет к себе непременно, дабы открыть все сие дело».

Этот, к сожалению, тоже довольно невнятный текст можно прокомментировать следующим образом. Лейбрехт удивлен, почему В.Ф. Хотяинцев отказывается от своих слов, утверждая, что он, Лейбрехт, все это выдумал по каким-то субъективным причинам («по злобе») и что Павел Петрович Хотяинцев (на чью жену, как помним, ссылался Владимир Федорович) с нетерпением ждет исправника «дабы открыть все сие дело».

Лейбрехт завершает свое показание следующим образом: «сверх сего дополняет, что выдумать самому им все сие невозможно, ибо он никогда у Г. Достоевского в имении не бывал и не знает, есть ли у него девка у коей есть брат, который уговаривал ее молчать, а Г. Хотяинцев был с ним коротко знаком и он видел его у него весьма часто». Наивный и честный Лейбрехт упирает на то, что он не обладает столь богатым воображением, чтобы выдумать приводимые им детали. Важная подробность: он неоднократно наблюдал М.А. Достоевского гостившим у В.Ф. Хотяинцева, что должно свидетельствовать о короткости их отношений.

Суд вынес следующее резюме. «Приказано: очную ставку записав приобщить к делу, а как из оной очной ставки видно что Г. Лейбрехт в говорении слов Г-м Хотяинцовым касательно смерти Г. Достоевского в том что имеет сумнение и какая-то девка Г. Достоевского слышала крик его Достоевского и чтоб она о том никому не говорила брат <ее> запрещал люди его Достоевского так были озлоблены, что когда обмывали тело его Достоевского то били по пятам и о прочем выставить свидетелей жену его Хотяинцова Марью Васильевну и девицу Арину Васильевну Закурину, из коих жену Г. Хотяинцова суд сей на основании Продолжения Свода Законов 15 тома 3 части 947 с<тать>и 7-го пункта во свидетели принять не может; от девицы же Закуриной сведение в оном на законном основании отобрать, о чем Каширскому земскому суду предписать указать и велеть чтоб он по отображении то сведение прислал в сей суд».

Г.А. Федоров полагает, что Лейбрехт – «подставное лицо»: через него Хотяинцевы пускают свой поклев на «невиновных крестьян». Логика странная, ибо вообще-то «подставное лицо» (то есть Лейбрехт) возводит напраслину прежде всего на тех, чьим доверенным он якобы является. Он тшится доказать: Хотяинцевы знают, что М.А. Достоевский умер не своей смертью. Такое показание равносильно обвинению в сокрытии сведений или, иначе говоря, в недонесении. Уж не развлекался ли подобным образом в своей деревенской глуши отставной майор и герой 1812 г. Павел Петрович Хотяинцев – через «подставных лиц» оговаривая самого себя?

Почтенный сосед Достоевских предстает перед нами таким провинциальным злодеем, мечтающим, как бы половчее опорочить доброе имя соседа, пустить по миру его детей и ради достижения этой заветной цели даже готовым рискнуть собственной репутацией. Эта опереточная (не по своей воле) фигура могла бы произвести некоторое впечатление на доверчивого читателя, если бы не было известно, что во второй половине 1830-х оба семейства пребывали в наилучших отношениях (несмотря на застрявшую в судах тяжбу между ними), что маменька Мария Федоровна любила гащивать у соседей, а те, в свою очередь, были посвящены в домашние дела овдовевшего Михаила Андреевича.

«Долгом считаю, – пишет Ф.М. Достоевский 23 марта 1839 г. одному из Хотяинцевых, – изъяснить Вам свою сердечную признательность в том, что Вы принимаете участие в делах моего батюшки!»⁸³

⁸³ ПСС. Т. 28₁. С. 57. – И.В.

До смерти родителя остается чуть более двух месяцев.

«Заговор Хотяинцевых» против наследников Михаила Андреевича выглядит детективно, но, увы, не находит никаких фактических подтверждений.

Хотяинцевы, безусловно, знали о факте убийства и, очевидно, имели намерение довести все до сведения властей. Почему же они внезапно меняют точку зрения и упорно отрицаются от признаний чистосердечного Лейбрехта? Да очень просто: обстоятельства изменились.

То, о чем приватно было поведано Лейбрехту (может быть, в порядке совета с ним: открывать или не открывать дело?) и что он поспешил сообщить по начальству, – все это надлежало забыть. Родственники убитого согласились замять историю. Нависшая над наследниками угроза разорения и позора вряд ли могла быть восполнена запоздалой радостью от удовлетворения чувства классовой мести. Следствию уже нельзя было дать обратный ход: обнаружись бы подделки и мздоимания. (Впрочем, можно допустить, что медики ввиду трудно распознаваемого способа убийства дали свои заключения более или менее искренно.) Мужики, повязанные круговой порукой, натурально, не спешили свидетельствовать против самих себя. И даже крестьянские дети оказались на высоте, не прельстившись даровыми господскими конфетами. Очень похоже, что куманинские (может быть, с присовокуплением толики крестьянских денег) капиталы привели следственное делопроизводство в столь гармоническое состояние.

«Нам кажется несколько наивной, – пишет В.С. Нечаева, – уверенность Г.А. Федорова в возможности обнаружить в архиве николаевского суда 30-х годов, среди хранимых документов, следы “фальсификации” приговора»⁸⁴.

⁸⁴ Столь же наивно полагать, что российские уездные лекари, у иных из которых, если вспомнить классику, больные «выздоровливают как мухи», исполняют свой долг со скальпелем в одной руке и новейшим (1832 года) «Кратким изложением судебной медицины для академического и практического употребления» в другой. Увы, Россия – не правовое государство. В этом отношении уездная медицина не слишком отстает от столичной, по всем правилам науки истолковавшей смерть императоров Петра III и Павла I как следствие геморроидальных колик и апоплексического удара соответственно. Разумеется, диагностические резоны весьма различны. Однако принципиальная возможность фальсификации распространяема на всю систему.

Небезынтересно узнать обо всех случаях летального исхода, зафиксированных в Каширском уезде в 1834 г. (ЦИАМ. Ф. 2150. Оп. 1. Ед. хр. 83–91): медицинские заключения в большинстве случаев представлены штаб-лекарем Шенкнехтом – тем самым, кто официально осматривал труп Михаила Андреевича. Реестр смертельных заболеваний невелик. «Легочная чеходка» и «водяная грудная болезнь» хотя и поражают местных жителей, но не особенно часто. Зато от «апоплексического удара» (инфаркт? инсульт?) умирают постоянно: дворовые люди Степан Васильев и Степан Кузмин, отставной солдат Иван Яковлев, крестьяне Иван Аверьянов, Варфоломей Андреев, крестьянская женка Аксинья Ефимова и др. «Апоплексический удар» – это, так сказать, универсальный диагноз тогдашней медицины. Имеют место и экстраординарные случаи. «От штаб-лекаря Шенкнехта по долгу присяги показано», что отставной солдат Никита Никифоров «по слабости и старости своей от бывшего тогда мороза и вьюги замерз». Замерзла и крестьянская женка Авдотья Степанова. Каширский мещанин Семен Канатовин умер во время рытья камней «от внезапно прекращенных придавлением жизненных отправлениях всех органов». Разумеется, есть погибшие и «от излишнего употребления вина». Несколько удивляет, правда, что крестьянин Захар Архипов умер не только «от пьянства», но еще и от «самопроизвольных побой»: происшествие, чем-то напоминающее известный казус с унтер-офицерской вдовой. Сходным образом – «удавление самопроизвольное» – свел счеты с жизнью крестьянин Михаил Егоров. В селе Мокром (название, которое, как и Черемошня, всплывает в «Братьях Карамазовых»!) подкинули младенца. Крестьянская женка убила, упав в погреб. Помещик Ненюков нечаянно застрелил сына из ружья. Дворовый человек Василий Тимофеев «красив купол колокольни, нечаянно упал с оной и убил».

ся до смерти»... Ни одно из этих известий, кажется, не вызывает подозрений у членов суда. Заметим, что за весь год в округе никого намеренно не убили, никто не погиб в драке, в худшем случае умерший оказывался жертвой «самопроизвольных побой». Трудно отрешиться от впечатления, что местное начальство старается оградить себя от излишних беспокойств.

Добавим одну деталь: председатель уездного суда Челищев – родственник Хотяинцевых.

«В судах черна неправдой черной...» – будет сказано современником о России. Это определение трудно оспорить. Дореформенное российское государство знает только письменное судопроизводство; принимаются во внимание формальные доказательства; гласный процесс отсутствует. Степень волокиты и издоимства («Покрыты мздою очеса...») общеизвестна. (Так, министр юстиции Панин даст в свое время взятку, чтобы ускорить решение по имущественным делам собственной дочери.) При этом репрессивность дореформенного суда ничтожна: от 12 до 20%. Более половины подсудимых избегают наказания «с оставлением в подозрении», многие освобождаются от ответственности за отсутствием улик. Фальсификация – дело обычное, даже на очень высоком следственном уровне (для сравнения – процесс петрашевцев, см.: *Пропавший заговор*. С. 310–333 и др.).

Суд в народном сознании есть нечто крайне обременительное для тех, кто попадает в сферу его внимания, нечто чуждое, несправедливое, грозящее всяческими бедами. Поэтому лучше избавиться от вещественных доказательств любыми доступными средствами. Недаром в пушкинском стихотворении при известии «Тятя! тятя! наши сети притащили мертвеца» тятя отнюдь не спешит к исправнику или судмедэксперту. Он поступает гораздо проще:

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь
.....
Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит...

Инстинктивное недоверие к судейским – общая для «низовой» России черта, что вслед за Пушкиным спешит запечатлеть и Некрасов:

Суд приехал... допросы... – тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

В случае со смертью М.А. Достоевского дело обстоит несколько иначе. Следствию уже дан ход – и, если здесь имеет место фальсификация, ее авторы отнюдь не заинтересованы, как полагает занимавшийся этим вопросом Г.С. Прохоров, завершить процесс поскорее. Напротив – чтобы уберечь себя от возможных подозрений, они вынуждены тщательно выполнять все формальные процедуры. Собственно, следствие так и поступает: если случится ревизия, можно будет предъявить грамотно составленное письменное производство.

...Что происходит, однако, в том правовом пространстве, где призван блюсти справедливость Каширский уездный суд? В его архивных документах порой возникают знакомые нам персонажи...

В 1839–1840 гг. параллельно с процессом Достоевского уездный суд расследует дело о смерти генерала Сумарокова и его супруги. Первоначально трагедия квалифицируется как результат несчастного случая – пожара в имении. Но родственники генерала объявляют подозрение в поджоге и убийстве. Следствие пытается выяснить, действительно ли сначала был убит Сумароков (по показаниям свидетелей, ему раскроили череп), а затем для сокрытия следов подожжен дом. Производятся допросы крестьян, очные ставки и другие следственные действия (ЦИАМ. Ф. 2150. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 5. Ед. хр. 110. Лл. 620–624; и др.). Характерно также «битие господина своего» – дело об избиении барина тремя крестьянами (Ед. хр. 109. Лл. 486–487). Был ли суд заинтересован в том, чтобы множить число подобных криминальных случаев в Каширском уезде?

В.Ф. Хотяинцев судится «из-за денег» с купчихой Баландиной; по той же причине затевается его тяжба с неким Померанцевым (Ед. хр. 109. Лл. 64 об. – 65, 148 об., 182 – 182 об., 318 об.). Судится Владимир Федорович и с обладателем говорящей фамилии Краденовым – как можно понять, речь

Действительно, в Журнале заседаний Каширского уездного суда эти следы практически не прослеживаются. Тем более что все формальности суд выполняет с большой тщательностью.

8 января 1840 г. суд постановляет «учинить следующее»: во-первых, «находящийся при деле отзыв Г-на Зарайского лекаря Шенрока, по оставлении с него к делу копий отослать при отношении на заключение в тульскую врачебную управу, с требованием таковым, чтоб она по зделании своего заключения с возвращением одного сей суд уведомила». Это уже своего рода экспертиза: тульские медики должны дать заключение о первом (неофициальном, так как официальное заключение давал каширский лекарь Шенкнехт) осмотре трупа⁸⁵. Они должны написать бумагу в ответ на бумагу: вряд ли при этом у них явится цель уличить в чем-либо своего зарайского коллегу. Об эксгумации тела речь не идет.

Во-вторых, суд постановляет «в разноречивых показаниях дать очные ставки Г-на Достоевского деревни Чермошни дворовой девке Марфе Исаевой с дворовым человеком

идет о карточном долге. Тяжбы эти рассматриваются судом в июле-августе 1839 г. – именно тогда, когда благодаря доносу Лейбрехта дело о смерти М.А. Достоевского получает новый оборот.

Штаб-ротмистр Лейбрехт также прекрасно знаком Каширскому уездному суду. Как выясняется из тех же архивных источников, он его постоянный клиент.

18 сентября 1839 г. (через шесть дней после очной ставки с Хотяинцевым!) суд разбирает иск Лейбрехта против помещика Грекова. Но этого мало. Крестьяне Лейбрехта пасли его стадо: голландский (как будет утверждать хозяин) бык то ли сам забрел, то ли был загнан в яровый хлеб вышеупомянутого Грекова, крестьяне которого в обеспечение нанесенной потравы увели нарушившего границы быка в свою деревню и не спешили вернуть его законному владельцу. Суд, рассмотрев дело «О потраве будто бы скотом г-на Лейбрехта ярового хлеба г-на Грекова», постановил: бык породы отнюдь не голландской, а «колмогорской» (очевидно, сам предмет раздора был представлен в суд), и оценил его в 11 рублей ассигнациями (Ед. хр. 109. Л. 386 и др. Ед. хр. 110. Лл. 319, 472 – 473 об.).

Из сказанного можно заключить, что неугомонный штаб-ротмистр – заметная фигура на местном юридическом горизонте. Лейбрехта можно было бы, пожалуй, почесть профессиональным сутяжником. Но знаменательно, что, высказывая свои подозрения относительно причин смерти отставного надворного советника Достоевского, Лейбрехт выступает как честный правдоискатель: он не преследует здесь никаких личных выгод.

Характер, однако.

Сам он вновь и вновь терпит в судебных баталиях поражение. Целый год, до 1840-го, тянется его дело против другой соседки-помещицы, г-жи Карр: опять же из-за дележа угодий; аналогичный процесс ведется с помещиком Масловым. В октябре 1839 г. слушается «Дело о неотдаче артиллерии подпоручице Екатерине Макаровой крестьянами сельца Дубакино г-на Лейбрехта взятой взаимнообразно на посев земли ржи 23 четвертей и 4 3/4 четверика». С ответчика взыскивается 61 рубль ассигнациями. Кстати, летом того же 1839-го казначейство в судебном порядке предъявляет Лейбрехту иск за долги. В следующем году рассматривается ряд типовых дел – о побеге крестьян Лейбрехта (Ед. хр. 98. Лл. 94 – 94 об. Ед. хр. 109. Л. 121 об. Ед. хр. 109а. Лл. 86 об., 96 об., 558, 628 об., 650 об., 705 об. Ед. хр. 110. Лл. 69 – 69 об., 80 об. – 81, 164 об. и др.). Итак, штаб-ротмистр прекрасно известен Каширскому уездному суду. Однако повальный обыск относительно заявителя «сей суд» назначает только тогда, когда Лейбрехт, по-видимому, совершенно «достает» его своими неуместными претензиями.

В деле о смерти М.А. Достоевского есть три группы источников: судебные материалы, семейная версия и устная (местная) традиция. Причем две последние в основном совпадают. Конечно, можно допустить, что сам донос Лейбрехта и последовавшее затем расследование явились толчком к возникновению мифа, – но этот миф должен на чем-то основываться. «Илиада» – тоже вымышленное, поэтическое произведение, тем не менее Троянская война все-таки была. – *И.В.*

⁸⁵ Еще один немаловажный вопрос: производилось ли вскрытие? По закону оно вроде должно было быть. Однако об анатомировании упоминает лишь Андрей Михайлович, и то вскользь. В судебных материалах на это обстоятельство нет никаких ссылок. Правда, протоколы вскрытия могли содержаться в не дошедших до нас медицинских заключениях. Но полной уверенности в том, что анатомирование действительно было произведено (надо полагать, в обычной деревенской избе) и произведено высокопрофессионально, – у нас нет. – *И.В.*

Алексеем Михайловым, и дознать от крестьян, слышавших крик Г-на Достоевского, сколько долго оной продолжался, и какие слова произносил». Выясняется, таким образом, что «разноречивые показания» давали не только Лейбрехт и В.Ф. Хотяинцев, но и некоторые из крестьян. Остается еще раз пожалеть, что эти источники, как и другие первичные документы, до нас не дошли.

В-третьих, решено «отобрать сведения от супруги Павла Петровича Хотяинцова, от Федосьи Сергеевны, не передавала ли она Владимиру Федоровичу Хотяинцову сведения о смерти Г. Достоевского, и буде передавала, то какие именно и в чем оные заключаются». И, наконец, «допросить няньку детей Г. Достоевского Московскую мещанку Елену Фроловну, за каким она родственником Г. Достоевского посылала в Москву, и кого именно, и потом всех их спросить, не имеют ли они в смерти Г. Достоевского какого подозрения, о исполнении всего онаго Каширскому земскому суду предписать указом и велеть, чтоб оный немедленно все исполнил...»⁸⁶

Позднее, уже в марте 1840 г., в суд поступят сведения, отобранные от московских родственников покойного – Куманиных и, как сказано, от находящейся во время убийства в Даровом няньки Алены Фроловны: хотя наличие этих документов отражено все в том же Журнале заседаний, но сами они до нас не дошли. Поскольку все опрошенные лица связаны круговой порукой (необходимостью сокрыть преступление), вряд ли в их показаниях содержались какие-либо разночтения.

Суд предпринимает и другие полезные действия. Он поручает каширскому уездному предводителю учинить «через кого следует» повальный обыск о «образе жизни Г. Штаб-ротмистра Александра Иванова Лейбрехта и Штабс-капитана Владимира Федорова Хотяинцова», а также осведомить суд «как Г. умершей Достоевский в жизнь свою обращался с своими крестьянами, и не было ли от них приносимо ему <уездному предводителю> каких-либо жалоб, и буде были то какие и в чем именно оные заключаются». Хотя эти сведения также до нас не дошли, нет сомнения, что они были собраны.

Между тем время идет, и вот уже уездный стряпчий предъявляет полученный им от тульского губернского прокурора ордер, «по которому предложил уведомить его в каком положении находится дело»: оно прислано для доследования из тульской палаты уголовного суда. Стряпчему отвечают, что производится повальный обыск и «что когда оное дело из земского суда прислано будет, тогда суд сей <уездный> к рассмотрению оного немедленно приступит». Таким образом, дело вновь возвращается в руки земской полиции, где оно ранее и могло быть сфальсифицировано.

Но не дремлет и Лейбрехт. В апреле 1840 г. неугомонный поборник истины укоряет суд в том, что названная им свидетельница – жена В.Ф. Хотяинцева «во всем совершенно не спрошена, а обер-офицерская дочь девица Ирина Васильевна Закурина, хотя и опрошена, но была ли приведена о показании истины к присяге ему неизвестно», и просит привести к присяге указанных лиц в его присутствии. На такое процессуальное занудство суд терпеливо отвечает, что «от девицы Арины Васильевны Закуриной сведение отобрано на законном основании под присягою, и к оной приводил священник села Спас-Журавны Александр Петров Журавлев при приставе 2-го стана Силиче, в чем подписью их руками утверждено». Что же касается М.В. Хотяинцевой, то она по указанным ранее причинам «во

⁸⁶ Настораживает то, что, согласно судебным бумагам, кучер и священник (то есть непосредственные свидетели кончины) допросу подвергнуты не были. – *И.В.*

свидетельство против своего мужа принята быть не может», а посему в просимом г-ном Лейбрехтом следует отказать.

Интересно, что о Павле Петровиче Хотяинцеве и его супруге Федосье Сергеевне в документах более не говорится ни слова. Главные источники информации выводятся из игры. Что же касается девицы Закуриной – можно не сомневаться, что ее показания были не в пользу Лейбрехта.

29 мая 1840 г. Каширский земский суд посылает в суд уездный рапорт «с приложением подписки, отобранной от Г-на Лейбрехта в том что указ сего суда ему Г-ну Лейбрехту касательно в отказе ему в поданном прошении о скоропостижно умершем Г-не Достоевском объявлен».

И наконец 5 ноября 1840 г. приказано: «указ с делом записав отдать в повытье с распискою, которое в свое время и сдать в архив архивариусу сего суда». Возможно, этот источник когда-нибудь обнаружится.

Надо признать, что малоподвижная судебная машина действует хотя и медленно, но чрезвычайно последовательно, не обходя ни одну из возникающих заставок и формально исполняя все требования закона. Уездный суд надежно страхует себя от возможных обвинений в недобросовестности или попытках замять дело. При этом главная ответственность перелagается на земскую полицию. Удивительно другое. В 1925 г. деревенские старожилы – с чужих, разумеется, слов – «вспоминают» подробности (во многом совпадающие, заметим, с теми, что приводятся в воспоминаниях Андрея Михайловича). Так, сквозь тьму времен доходит известие, что в момент покушения «навоз мужики возили». Эта устойчивая деталь, фигурирующая также и в официальных бумагах, как бы намекает на тайное равноправие обеих версий...

Допустим и «промежуточный» вариант: припадок и смерть, последовавшие в результате нападения.

Апоплексический удар под бесцветным, пустым, выжженным июньским небом столь же вероятен, как и зверское умерщвление опостылевшего и распутного помещика. Среди убийц находились и родственники 16-летней Катерины, которая незадолго до того прижила от барина вскоре умершее дитя. А само нападение, по некоторым сведениям, совершилось во дворе крестьянина Ефимова – двоюродного брата Катерины. «Убийство Михаила Андреевича, – замечает В.С. Нечаева, – имело особый характер, который может быть истолкован как месть за женщину». Надо думать, однако, что *метод* (сжатие гениталий и мочевого пузыря) предполагал прежде всего неоставление улик. Иначе – если длить аналогию – вливание в барскую глотку бутылки спирта тоже может быть истолковано в сугубо символическом смысле... Но и тут несомненно был трезвый расчет: представить смерть как результат сильного алкогольного опьянения. Все признаки говорят о том, что убийство Михаила Андреевича – если только оно действительно имело место, – произошло отнюдь не стихийно, а было заранее обдуманно и тщательно подготовлено⁸⁷.

Но откуда, собственно, пошел слух? Почему у Хотяинцевых возникли подозрения о насильственной смерти соседа? Лейбрехт, говорящий с их слов, утверждает, что «какая-то девка Г. Достоевского слышала крик его Достоевского и чтоб она о том никому не говорила брат запрещал».

⁸⁷ Косвенно это доказывает и установленное В.С. Нечаевой обстоятельство, что все мужское население Черемошны и часть женского в 1839 г. не говело «за нерачением» (*В семье и усадьбе*. С. 53). – И.В.

Какая такая «девка»? И какой такой «брат»?

Известно, что после появления первенца – незаконнорожденного сына Михаила Андреевича – Катерина была возвращена из господского дома в деревню, в семью своего двоюродного брата (она была сирота). Именно у него во дворе, по словам крестьян, совершилось убийство.

«Девка Г. Достоевского» – очень похоже, что это все та же Катерина (другой вариант – допрошенная следователями Марфа Исаева). Несмотря на угрозы брата, она могла поведа-ть об *услышанном*: например, крестьянам Хотяинцевых или даже самим Хотяинцевым. Толки дошли до Лейбрехта... Ход делу был дан.

Достоевский, по свидетельству очевидцев, не любил говорить об отце. Это объясняют его неприязнью к покойному. Но не вернее ли предположить, что сыновняя сдержанность была вызвана и воспоминаниями о чудовищных подробностях отцовской кончины?

Незадолго до смерти автор «Мертвого дома» скажет А.С. Суворину: «Вы не видели того, что я видел, вы не знаете, на что способен народ, когда он в ярости. Я видел страш-ные, страшные случаи»⁸⁸.

Интересно: где именно мог наблюдать он эти проявления слепой и стихийной ярости? На каторге? Разумеется. Хотя там – не столько видел, сколько *слышал* («страшные исто-рии» – неременная принадлежность каторжного фольклора). Не правильнее ли поэтому отнести его слова о *народной ярости* к собственному семейному опыту (видел = знал)?

Независимо от того, как отвечаем мы на сакраментальный вопрос «был ли убит отец Достоевского», трудно предположить, чтобы у самого писателя существовала на этот счет точка зрения, отличная от семейной. Документы, призванные как будто поколебать уве-ренность в возможности криминального исхода, достигают обратного. Оказывается, что слухи об убийстве отца – не позднейшие домыслы, не навет, порожденный мстительным воображением потомков; о преступлении догадывались современники событий.

(ПСС. Воскресенье. Т. 18. С. 194–209)

139. Нечаева, по мужу Достоевская Мария Федоровна

123 / 228

Жена предыдущего, мать писателя.

Подробнее о ней на с. 182.

16. Александрова Катерина

(1821, с. Черemoшня Каширского уезда Тульской губернии – 1845, там же). Крепостная крестьянка, мать Симeона – побочного сына М.А. Достоевского, рожденного в 1838 г.

В.С. Нечаева

Печальная судьба Кати разворачивается перед нами на скупых страницах церковных ведомостей, с 1821 по 1845 г. Она родилась в один год с знаменитым сыном своего буду-щего барина и была единственным ребенком своих родителей. Александр Ильин, ее отец, умер в 1824 г. от чахотки, когда ей было всего три года. Мать ее Матрена Максимова, овдо-вев в 22 года, прожила с дочкой еще год в многочисленной семье мужа, а в 1826 г. ушла в дом к своим родным братьям Ефиму и Василию Максимовым. Старший брат Ефим был женат и имел троих детей. С ними росла шестилетняя Катя...

⁸⁸ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 471. – И.В.

В 1832 г. владелец Черемошни А.И. Хотяинцев перевел вдову Матрену Максимову с дочерью Катериной 11 лет в дворовые и продал вместе со всей деревней М.А. Достоевскому. В первый же год соединения Дарового и Черемошни в руках Достоевских вдова Матрена вышла замуж за даровского крестьянина Егора Макарова. С этого времени в списках деревни Черемошни одиноко значится «дворовая девка Екатерина Александрова 12 лет».

(В семье и усадьбе. С. 56–57)

А.М. Достоевский

Воспоминания

...Маменька взяла из деревни трех сирот девочек, которые исполняли все обязанности горничных, двух из них я помню – это Ариша и Катя. Первая, то есть Арина, впоследствии Арина Архиповна, была очень скромная девочка, постоянно сидевшая за пальцами или другою какою работою. Вторая же, Катя, была огонь-девчонка.

Черновой набросок к воспоминаниям

Причины смерти отца. Сильная любовь его к матери, его сумасшествие, его привязанность к рюмочке. Приближение Катьки.

(Воспоминания. С. 28; В семье и усадьбе. С. 60)

В.С. Нечаева

Она оказалась предметом внимания овдовевшего и запившего барина и прожила с ним два года, до его убийства...

Убийство Михаила Андреевича, по записанному нами рассказу стариков, имело особый характер, который может быть истолкован как месть за женщину. Если сопоставить этот факт с тем, что двое из убийц, а может быть, и все четверо, имели близких родственников среди дворни Михаила Андреевича и что на первом месте среди убийц стоит имя дяди Катерины Ефима Максимова (по варианту, записанному Д. Стоновым, роль Ефима в событии была главная и убийство произошло во дворе его дома, в котором выросла Катя), то можно, пожалуй, видеть некоторое подтверждение этому толкованию. Однако мы думаем, что судьба Катерины была лишь одним из многих слагаемых, сумма которых привела крестьян к расправе с М.А. Достоевским. Здесь оказали влияние и голодная весна неурожайного года, и болезненно вспыльчивый и мнительный нрав запившего помещика, вымещавшего на крестьянах свои неудачи и тоску, и, наконец, рост «омерзения к крепостному состоянию» в крестьянской массе...

Нам известна и дальнейшая судьба Катерины. Через пять месяцев после смерти Михаила Андреевича она вышла замуж в свою родную деревню, в многолюдное «Федорово семейство», за 35-летнего вдовца Алексея Федорова, имевшего двух сыновей, восьми и шести лет. В брачном обыске она значится как «дворовая девица Екатерина Александрова 18 лет, жительствовавшая донине сельца Дарового». В 1841 г. у Катерины, по церковным спискам, значится годовалый сын Василий, который в следующем же году умер. В 1843 г. у нее родился еще сын, Григорий, а еще через два года в списках прихожан за 1845 г. против ее имени и имени ее сына стоят <написанные разными чернилами> два коротких слова «умре».

(В семье и усадьбе. С. 57, 58–59)

17. Достоевская, по мужу Гутовская Анна Андреевна
[1788 — после 1833]

7 / 8

18. Гутовский [Василий Андреевич]

(Ок. 1784 – после 1833). Муж предыдущей, из священнической семьи.

В семинарии не обучался. Рукоположен 7 августа 1808 г. митрополитом Киевским и Галицким Серапионом. В 1808–1833 гг. священник Троицкой церкви на Морозовке в местечке Линцы (ныне г. Ильинцы Винницкой обл.). Духовный депутат III Ильинецкой части по Высочайшему манифесту 30 августа 1824 г. Награжден бронзовым крестом на Владимирской ленте в память войны 1812 г. (ЦГИА Украины. Ф. 127. Оп. 1009. Д. 326. Л. 117).

19. Достоевский Лев Андреевич

7 / 8

[1792, с. Войтовцы Винницкого повета Брацлавского воеводства — VII.1829, там же]⁸⁹. Дядя писателя. [Учился в Подольско-Шаргородской семинарии,] священник [местечка Ольгополье в 1818–1821 гг. и] села Войтовцы [в 1821–1829 гг.⁹⁰] После смерти отца взял на свое попечение трех младших сестер.

А.М. Достоевский

Из разговоров отца с моей матерью я усвоил себе то, что у отца моего в Каменец-Подольской губернии, кроме родителей его, остался брат, очень слабого здоровья, и несколько сестер.
(Воспоминания. С. 17)

Клировая ведомость церкви села Войтовцы за 1828 г.

При означенной Успенской церкви в действительном служении находится священник Лев Андреев сын Достоевский. Дьячок указной Александр Онофреев сын Меклиневский, у него сын Иоан. <Лев Достоевский> обучался в Подольской семинарии. Рукоположен его высокопреосвященством Иоанникием, архиепископом подольским и брацлавским и кавалером 1818 года месяца марта 23 дня.
(ГАВО. Ф. 799. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 20)

А.С. Асаулюк

В селе бытует предание, что отец писателя Достоевского в начале XIX столетия был местным священником⁹¹.
(Историко-географическое описание села Войтовцы. Л. 13)

20. Достоевская (по мужу) Иустиния Андреевна

(1799 – после 1829). Жена предыдущего. Известны две дочери от этого брака.

⁸⁹ Установлено А.И. Роговым.

⁹⁰ Лев Андреевич, согласно практике и обычаю, унаследовал войтовецкий приход родителя. – И.В.

⁹¹ Возникновение предания приблизительно датируется 1860–1870-ми. Скорее всего, это одновременный след Андрея Григорьевича и Льва Андреевича Достоевских – деда и дяди писателя. Разумеется, Андрей Григорьевич служил в Войтовцах много дольше – зато Лев Андреевич был священником позже, и память о нем вполне могла поглотить память об его отце. – Н.Б.

21. Достоевская, по мужу Соколовская Констанция Андреевна 7 / 8
[1793 — после 1816]

22. Соколовский

Муж предыдущей, управляющий.

23. Достоевская, по мужу Лимановская 7 / 8
Лукерья [Гликерия] Андреевна

[1795 — после 1834]. После смерти мужа осталась с семилетней дочерью Надеждой (№ 42) в крайней бедности.

24. Лимановский Евфимий

Муж предыдущей, чиновник в Каменец-Подольске.

25. Достоевская, по мужу Гузикович⁹² Мария Андреевна 7 / 8
[1798 — после 1834]

26. Гузикович [Михаил Иванович]

[Ок. 1796 — после 1834] Муж предыдущей.

Сын дьячка Михайловской церкви с. Михайловка Винницкого повета Ивана Федоровича Гузиковича. В 1819 г. служил пономарем в местечке Тыврове. После женитьбы занимал приход в Хижинцах (юго-восточнее Винницы) (ГАВО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 92. Лл. 82 – 83 об.; ГАХО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 7400).

27. Второй муж предыдущей (?)⁹³

Поляк, католик, крестивший в католицизм всех своих детей (*Воспоминания (рукопись). Квартира VII*).

28. Достоевская, по мужу Черняк Фекла Андреевна 7 / 8
[1801 или 1805 — ок. 1844, с. Кальник Липовецкого уезда Киевской губернии]

⁹² В первом издании «Хроники» фамилия была напечатана ошибочно: Гузиневич. – *Ред.*

⁹³ В письме Н.Е. Глембоцкой, приводимом на с. 82 («вышли замуж: Мария за священника Гузиковича...»), имеется несогласованность с «Воспоминаниями» А.М. Достоевского. <Согласно им>, Кавецкая, кузина А.М. Достоевского, говорила ему, что мать ее, Мария Андреевна, урожденная Достоевская, вышла замуж за поляка-католика и все дети от этого брака были крещены в католицизм. Гузикович же, о котором здесь идет речь, конечно, не мог быть католическим священником в силу безбрачия (целибата) католического духовенства. Может быть, однако, что Мария Андреевна была замужем дважды – один раз за священником Гузиковичем, другой за поляком-католиком. Это, конечно, только предположение, для точного же выяснения этой несогласованности у нас никаких данных не имеется. – *М.В.*

Согласно нашим последним архивным разысканиям, брак Гузиковичей продолжался как минимум до 1834 г. Трудно предположить, чтобы впоследствии Мария Андреевна создала вторую семью и родила детей. Однако возможно, что матерью Кавецкой была все-таки не она, а ее двоюродная сестра Мария Иоанновна Достоевская (№ 10). Подробнее см.: Богданов Н.Н., Роговой А.И. Об одном спорном вопросе в родословии Ф.М. Достоевского // *Генеалогический вестник*. Вып. 40. СПб., 2011. С. 40–43. – *Н.Б.*

29. Черняк Иван [Стефанович]

(1795 – кон. 1858, с. Кальник Липовецкого уезда Киевской губернии). Муж предыдущей с 1823 г.

Сын священника. Учился в Киевской духовной академии, при преобразовании ее в семинарию переведен в нижнее отделение, в 1819 г. уволен. 2 декабря 1823 г. рукоположен в диаконы села Журжинцы Звенигородского уезда Киевской губернии митрополитом Киевским и Галицким Евгением. 27 сентября 1827 г. рукоположен в священники Преображенской церкви местечка Белая Церковь епископом Чигиринским Мелетием.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Был человек оригинальный. В 1820 г. за какие-то провинности его исключили из Киевской семинарии, и он перебивался в хоре «добрейшего» митрополита Серапиона, благо имелся певческий талант. Женитьба на Фекле позволила Ивану определиться диаконом в село Журжинцы. Здесь в его семье и родился первенец – сын Петр... Этот, супружеский союз был не так уж и долгов (последние полтора десятка лет о. Иван доживал вдовцом), но зато даже по меркам семьи священника он был счастлив детьми – их было десять!

(В поисках утерянных звеньев. С. 99–100)

С 1834 г. – в селе Ильинцы Липовецкого уезда, с 18 ноября 1839 г. – священник Рождественско-Богородицкой церкви в Кальнике (ЦГИА Украины. Ф. 127. Оп. 1009. Д. 290, 948).

Поколение тринадцатое

30. Яворская Елена (1804, Войтовцы – ?). Старшая внучка Андрея Григорьевича Достоевского, двоюродная сестра писателя.	14 / 13
31. Достоевский Михаил Михайлович	15 / 139
32. Достоевский Федор Михайлович	15 / 139
33. Достоевская, по мужу Карепина Варвара Михайловна	15 / 139
34. Достоевский Андрей Михайлович	15 / 139
35. Достоевская Любовь Михайловна	15 / 139
36. Достоевская, по мужу Иванова Вера Михайловна	15 / 139
37. Достоевский Николай Михайлович	15 / 139
38. Достоевская, по первому мужу Голеновская, по второму Шевякова Александра Михайловна	15 / 139

39. Симеон Михайлович**15 / 16**

(VIII–IX.1838, с. Черемошня Каширского уезда Тульской губернии – 1839, там же).

Побочный сын М.А. Достоевского, единокровный брат писателя.

40. Достоевская Ольга Львовна**19 / 20**

(1821 <Войтовцы> – ?). Двоюродная сестра писателя.

41. Достоевская Мария Львовна**19 / 20**

(1823 <Войтовцы> – ?). Двоюродная сестра писателя.

42. Лимановская, по мужу Глембоцкая Надежда Евфимьевна**24 / 23**Н.Е. Глембоцкая — Ф.М. Достоевскому
25.XI.1879 [Жабокрич]Милостивый Государь,
Феодор Михайлович!

Совершенно случайно я узнала о существовании фамилии Достоевский, и именно фамилии той, которая так близка по родству мне. Вы, многоуважаемый Феодор Михайлович, по всей вероятности удивитесь случайному моему открытию; но это факт! Факт, в котором я разубедиться не могу: увидя как-то Ваш портрет и узнав, чей Вы сын, я теперь совершенно убедилась, что Вы мне не чуждый человек, а очень близкий родич, именно двоюродный брат. Минуту терпения! Выслушайте меня. Вот моя родословная: я дочь Евфимия Лимановского, посватавшего одну из шести дочерей деда Вашего, протоиерея г. Брацлавля Подольской губернии Андрея Достоевского. <...> Мой отец служил в Каменец-Подольске чиновником, вскорости умер и оставил меня с матерью в крайней бедности (мне было тогда 7 лет). Мы переехали в Винницу поближе к родным и жили с одного лишь скудного пенсионера отца и с податков родных. Перед смертью матери я вышла замуж за сельского диакона Глембоцкого; но увы! Жила с ним не долго: он скоро умер; со смертью его я лишилась последней поддержки моей жизни, я осталась без куска хлеба, и если бы добрые люди не дали бы мне должности просфирни при сельской церкви, которая гарантирована 15-рублевым содержанием в год, то хоть по миру ступай с сумой. Но нашлись злые люди в свою очередь, которые згрызли меня несчастную вдову и с этой службы, отобрали от меня и эти последние крохи, это скудное пропитание, и я теперь осталась без всяких средств к жизни. Слышу в местечке как приживалка, нахлебница, попрошайка...

Одного прошу Вас, высокоуважаемый брат, помогите! Помогите немногим, вышлите мне, несчастной, хоть на хлеб. Бог не оставит Вас, теплые молитвы к нему о Вашем здоровье будут всегда на моих устах!

Ваша двоюродная сестра, вдова Надежда Глембоцкая.

Адрес: через Ободовскую почтовую станцию Подольской губернии, Ольгопольского уезда в м. Жабокрич. Вдове Надежде Глембоцкой.

[Материалы и исследования. Т. 16. С. 406–408]

43. Глембоцкий

Муж предыдущей, диакон.

44. <Гузикович>, по мужу Кавецкая

<27 / 25>

В раннем возрасте лишилась обоих родителей и затем воспитывалась в кругу родных своего отца. При рождении крещена в католицизм.

А.М. Достоевский

12 марта <1859 г.> я снова отправился в Мелитополь и далее в кругосветное путешествие на своей дистанции. В эту поездку в городе Мелитополе случился со мною инцидент, достойный записи. Мне нужно было в Мелитополе быть у тамошнего городничего Цезаря Лаврентьевича Кавецкого. Он был отставной штабс-капитан и женатый человек. Но я с ним в прошлом году не имел случая познакомиться. Побывав у этого господина, отрекомендовался ему и, переговорив о чем нужно, отправился на свою городскую квартиру. Как вдруг через полчаса является ко мне отплатить визит Кавецкий и между прочим сообщает следующее: «Когда вы были у меня и помянули свою фамилию, то жена моя, сидя в гостиной, слышала ее, и когда, проводив вас, я воротился к жене, то она спросила “как фамилия бывшему у тебя господину”, и когда я ответил “Достоевский”, то она сообщила мне, что ее мать была тоже рожденная Достоевская, а потому, продолжал Кавецкий, жена моя очень интересуется познакомиться с вами». Выговорив эти слова, Кавецкий пригласил меня к себе на завтрак, или на фрыщик, как выразился он. Я тоже заинтересовался этим обстоятельством и, поблагодарив, обещался быть у них к часу завтрака. Прихожу, знакомлюсь с m-me Кавецкою, которая после первых приветствий спрашивает меня:

— Скажите, пожалуйста, вашего батюшку как звали?..

— Михаил Андреевич, — отвечал я.

— А мою маменьку звали Марьё Андреевной, и она тоже была урожденная Достоевская, значит мы с вами родня...

— Да, да...

— Кузен!..

— Кузина!..

И последовали объятия и поцелуи...

Но я очень мало узнал нового о родне отца. Оказалось, что моя кузина осталась после матери своей ребенком и едва-едва ее помнит, а воспитывалась в кругу родных своего отца, а потому ни о ком из родных матери ничего не могла мне сообщить, кроме того что мать ее была православная, а отец поляк-католик и что все дети от этого брака, равно как и она, крещены в католицизм.

После этого я каждый свой приезд в Мелитополь бывал у своей кузины (так, в письме своем к жене от 4 июня 1859 г. из Мелитополя я между прочим писал: «Был нынче у Ковецкого, т.е. лучше сказать у ней, потому что его самого не застал дома») и очень жалею теперь, что, переехав в Екатеринослав, я не уведомил ее о своем переезде и не завел хотя изредка переписываться с нею. Теперь я вовсе не знаю, жива ли она или уже умерла.

(Воспоминания (рукопись). Квартира VII)

45. Кавецкий [Ковецкий] Цезарь Лаврентьевич

Муж предыдущей. [Городничий в г. Ногайске (ныне Приморск Запорожской обл.), затем, в 1848—1861 гг. — в Мелитополе. В отставке по болезни.] Ко времени знакомства с А.М. Достоевским имел чин штабс-капитана.

46–47. Гузикевичи (другие дети Марии, урожденной Достоевской)

<27 / 25>

48. Черняк Петр Иванович**29 / 28**

(1824, с. Журжинцы Звенигородского уезда Киевской губернии – после 1870)

Свящ. В. Радецкий

«Киевская духовная семинария в первой половине XIX столетия»

В семинарии был Петр Черняк, ученик очень способный, но и большой проказник, весьма часто попадавший в разных шалостях инспектору Антонию, человеку весьма строгому <...>. <Ректор семинарии до 1845 г.> Евсевий <Ильинский>, щадивший людей способных, часто прощал Черняку его шалости, но однажды рассердился не на шутку и начал распекал Черняка, что называется, на все лады, угрожая ему даже исключением, ежели не исправится. Черняк, выслушав нотацию до конца, подошел близко к Евсевию, упал перед ним на колени и так жалобно стал смотреть ему в глаза, не говоря ни слова, что тот наконец рассмеялся, плюнул и сказал: «Ты не Черняк, а Чертяк! Ступай вон и впредь не попадайся!»

(Украина. 1907. № 10. С. 196–197)

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Впрочем, Петр Черняк заслужил известность не одними только проказами. Из некролога архиепископа Казанского Антония (Амфитеатрова) можно узнать, что в 1848 г., будучи ректором Киевской духовной семинарии, он продолжил основанные его покойным дядей, проф. Яковом Амфитеатовым, «Беседы сельского священника к прихожанам» и два года печатал там анонимные опыты семинаристов, особенно Петра Черняка. Действительно, знакомство с текстом «Бесед» оставляет впечатление, что большая их часть написана каким-то одним человеком...

В это время сам Петр Черняк уже служил в Богуславском духовном училище.

(В поисках утерянных звеньев. С. 100–102)

И.С. Нечуй-Левицкий

Отрывки из воспоминаний и рассказов

<В 1847–1848 гг. на место прежнего учителя> перешел в нашу инфиму⁹⁴ из своего подготавливательного класса учитель Черняк, высокий, чернявый и с румянцем на щеках. Этот Черняк был тихий и умеренный человек – никогда не сердился на школяров, не верещал, будто сумасшедший, как прежний учитель. Он не выдрал розгами ни одного из нас, даже не сердился, никогда не таскал за чубы. В нем была заметна какая-то тонкая деликатность и манеры вельможного пана. На уроках пения по «Обиходу» он сам запевал красивым

⁹⁴ Низший класс в семинариях. – Ред.

тенором и вселял желание петь и в нас. Мы с охотою целым классом пели, даже кричали все, будто разгулявшиеся девчата на улице вечером.

(Збрання творів у 10 томах. Т. 10. Київ: Наукова думка, 1968. С. 38. Перевод с украинского)

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Впрочем, Петр Черняк недолго учительствовал в Богуславе. По свидетельству того же И.С. Нечуй-Левицкого, в духовных школах учителям платилось ничтожно малое жалованье, и те, у кого была возможность, переходили в священники. Каковы бы ни были причины, но 19 ноября 1849 г. молодой учитель навсегда покидает Богуславскую бурсу. Его следы скоро обнаруживаются в лежащем восточнее Богуслава селе Пастырском Чигиринского уезда (между местечком Шпола и знаменитой по именам декабристов и Пушкина Каменкой). 2 февраля 1850 г. Петр Черняк рукополагается в священники местной церкви Св. Димитрия⁹⁵...

Его служение было здесь недолгим – через два года молодой священник поменял эту глушь на большое и богатое село Борщаговку Сквирского уезда. <...> Здесь у Петра Ивановича и его жены Пелагеи родились два старших ребенка <...> Как складывалась жизнь местного пастыря в этих краях, неизвестно, но только тут прослужил он дольше всего – целых семь лет. И все же в 1859 г. о. Петр переходит в лежащее южнее Борщаговки куда более скромное село Новоселку Липовецкого уезда. Быть может, его привлекла фигура местного помещика? <...> Или беспокойный характер толкал к перемене среды обитания? Местная Всехсвятская церковь была возведена всего за год до прихода нового священника. При ней в 1860 г. Петр открывает приходскую школу...

Между тем 19 февраля 1864 г. мы видим Черняка уже в самом Киеве, и не где-нибудь, а в кафедральном Софийском соборе. Увы, блестящей духовной карьере не суждено было состояться. Новый священник не выдержал здесь и полутора лет. Причины его удаления пока неизвестны, но только с этого времени жизнь Петра Черняка начинает неуклонно катиться к какой-то трагической развязке.

12 июля 1865 г. о. Петр определяется в забытую Богом Писаревку Звенигородского уезда, располагающуюся чуть южнее Медвина. И то сказать – полтора верста от Киева! Сельская церковь, причисленная к VII классу, в 1852 г. подверглась капитальному ремонту и была поднята на каменный фундамент. Однако известно, что жалованье приписанного к ней священника составляло прямо-таки унижительную для него сумму – 78 руб. 50 коп...

В «Списке лиц, служащих по духовному и духовно-учебному ведомству в Киевской епархии» на 1867 г. он еще значится как священник (причем – со званием студента) Покровской церкви села Писаревка. <...> 17 августа 1867 г. «безместного» Петра Черняка определяют в село Шаулиху Уманского уезда. Такое назначение еще более походит на ссылку – с 1855 г. здешняя Свято-Михайловская церковь вообще лишена штата. Правда, в 1861 г. «тщанием прихожан» возвели ее новое здание, но жалованье священнику здесь все равно не положено. «Содержание его бедно» – бесстрастно констатируют клировые ведомости. Жить – и то приходится в «общественном» доме, расположенном за версту

⁹⁵ Интересно, что с октября 1849 г. в каких-нибудь пятидесяти верстах к югу от этих мест – в Елисаветграде – должность городского архитектора исправляет Андрей Михайлович Достоевский (№ 34, с. 590). Но судьба не даровала родственникам встречу, подобную той, что случилась у городничего Кавецкого в Мелитополе (с. 131). Между прочим, супруга Андрея Михайловича была уроженкой Богуслава, и Петр Черняк вполне мог видеть ее на не столь уж многочисленных улочках городка. – Н.Б.

от церкви; земли же при ней – всего полдесятины. Даже книг в церковной библиотеке не имеется. К тому же о. Петр уже вдов. <...> Судя по всему, у несчастного вдовца сразу начинаются конфликты с прихожанами. <...> с самого начала января 1870 г. в актовых книгах исчезают его подписи, а с 27 марта – и самое имя⁹⁶.

(В поисках утерянных звеньев. С. 107–114)

49. Черняк (по мужу) Пелагея

(? – ок. 1864). Жена предыдущего.

50. Черняк Пелагея Ивановна

29 / 28

(1827 – после 1858)

51. Черняк Елизавета Ивановна

29 / 28

(1830 – после 1858)

52. Черняк Василий Иванович

29 / 28

(1833 – до 1851)

53. Черняк Анастасия Ивановна

29 / 28

(1835 – после 1858)

54. Черняк Фома Иванович

29 / 28

(1836 – после 1858). Близнец с последующим.

55. Черняк Яков Иванович

29 / 28

(1836–?). Близнец с предыдущим, умер в младенчестве.

56. Черняк Параскева Ивановна

29 / 28

(1838–?). Умерла в младенчестве.

57. Черняк Антон[ий] Иванович

29 / 28

(<1838>, с. Ильинцы Липовецкого уезда – 5.X.1884, с. Самгородок Бердичевского уезда Киевской губернии). Православный священник.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

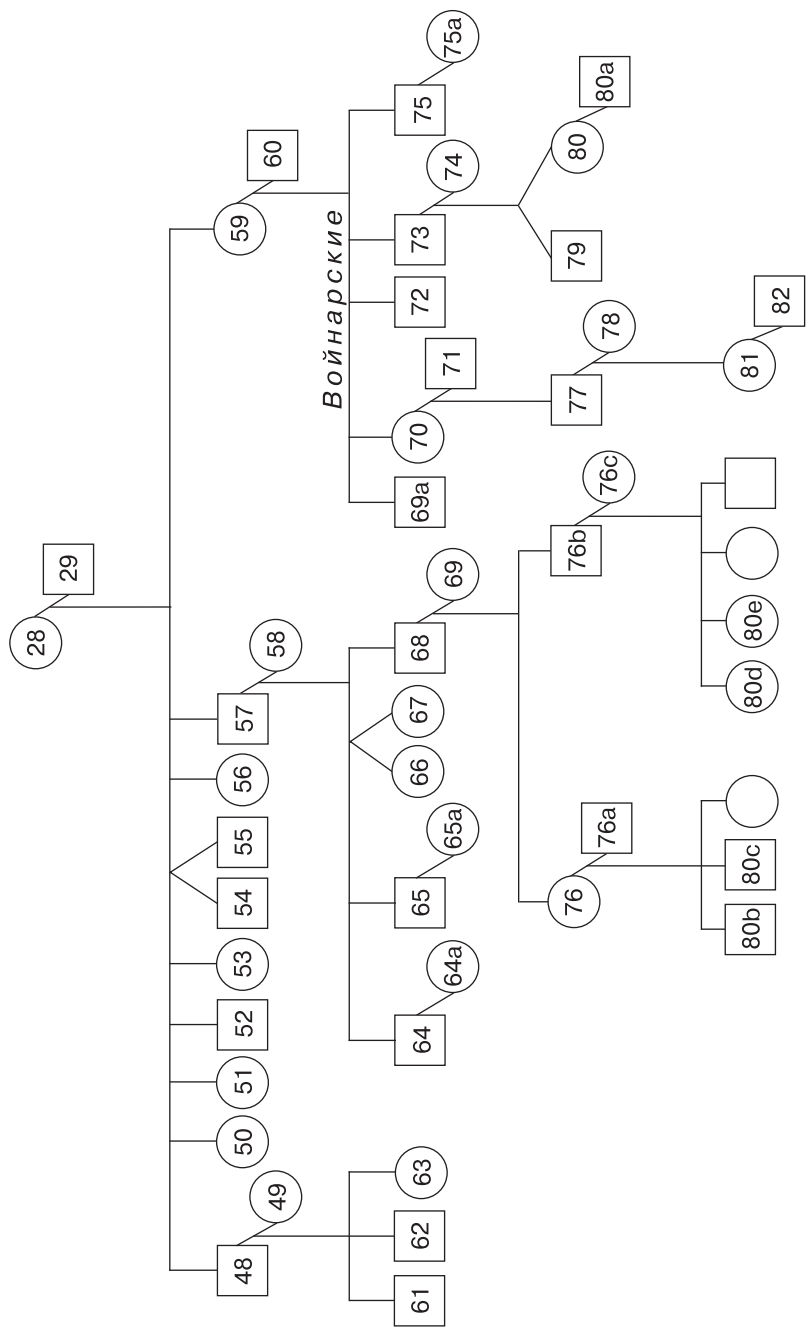
В девятилетнем возрасте, уже лишившись матери, Антоний поступает в Уманское духовное училище. Дальше его ждет Киевская духовная семинария...

В конце 1858 г. умирает священник Кальника Иван Черняк, а его сын Антоний учится еще только в философском классе. Осиротевшее семейство юного семинариста испытывает такую нужду, что он должен поддерживать брата и сестер частными уроками и даже сдачей комнат (родительского дома?) жильцам. Несмотря на это учеба идет успешно: в 1861 г. Антоний Черняк оканчивает духовную семинарию по 2-му разряду. В священники его рукополагает сам митрополит Киевский Арсений.

⁹⁶ Исчезновение Петра Черняка выглядит загадочным (постригся в монахи? ушел к штундистам? запил горькую? ударился в бред и лишился сана?). Однозначно зловещий оттенок произошедшему придает молчание «Киевских епархиальных ведомостей»: обычно они скрупулезно фиксируют все перемещения местных священников. Из документов исчезают и дети о. Петра. – Н.Б.

РОД ОТЦА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ЧЕРНЯКИ

12 поколение	13 поколение	14 поколение	15 поколение	16 поколение
-----------------	-----------------	-----------------	-----------------	-----------------

Первым местом служения о. Антония становится село Даньковка Липовецкого уезда. <...> Стоит отметить, что здешний помещик пан Черномский принадлежал к римско-католической церкви. Это, несомненно, вносило в местную жизнь свои сложности.

На попечении молодого священника оказалось учрежденное в 1861 г. «в доме крестьянском» приходское училище. <...> Но главным деянием о. Антония в Даньковке стало возведение, при дружной поддержке односельчан, новой деревянной церкви с колокольней, сменившей старые постройки 1782 г. В награду за эти труды митрополит Арсений удостоил молодого пастыря набедренником...

Кажется, именно жажда новых свершений заставила Антония Черняка подать <весной 1874 г.> прошение о переводе в село Липовку Киевского уезда <...> парafia в несколько раз превышала предыдущую. <...> Так же, как и в Даньковке, здесь действовала церковная школа. Трогательно читать в старинной описи, что кроме обязательных религиозных книг в школьной библиотеке насчитывалось еще 12 книг «для чтения предписанных различного содержания». Быть может, были среди них и рассказы Достоевского...

(В поисках утерянных звеньев. С. 115–122)

В 1875 г. о. Антоний обновил ветхие липовские храм и колокольню. Эта постройка не сохранилась в первозданном виде: она была разрушена в Великую Отечественную войну. Однако в первые мирные годы местные жители насколько было возможно восстановили церковь.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

23 июня 1879 г. о. Антоний переводится в обширное село Самгородок Бердичевского уезда Киевской губернии. Это будет самый большой приход в его судьбе: 325 1/2 дворов, 2595 жителей...

Документы свидетельствуют, что авторитет о. Антония в округе был весьма велик. С 1880 г. он входит в состав благочинного совета, а в 1883 г. награждается скуфьей Священного Синода. Увы, дни младшего из двоюродных братьев Достоевского уже сочтены. Осенью 1880 г. он сильно простудился, освящая поля во время посева озимых хлебов, и перенесенная болезнь слишком сказалась на организме отнюдь не старого человека. Вероятно, дали о себе знать перенесенные в юные годы тяготы жизни. Следующая болезнь, 1883-го, стала роковой: осень и зиму о. Антоний почти не выходил из дому. С 1884 г. к воспалению легких присоединилась сердечная недостаточность. На этом фоне больного поразил удар с параличом правой половины тела и полной утратой речи. 5 октября 1884 г. священник Антоний Черняк скончался на руках супруги Анисии Федоровны и дочери «на выданье» Леониды. Ему было только 47 лет.

(В поисках утерянных звеньев. С. 125, 127)

Метрическая книга церкви Самгородка на 1884 г.

Часть третья. Об умерших.

Месяц и день смерти. Октябрь. 5. <...> *Звание, имя, отчество и фамилия умершего.* Приходской священник Самгородка Антоний Иванов Черняк. *От чего умер.* От воспаления легких.

(ГАВО. Ф. Д-904. Оп. 2. Д. 114. С. 316)

П. Бутовский, священник села Овсянки

Некролог Антония Черняка

Отличительными чертами Антония Черняка были ревностное исполнение пастырских обязанностей, аккуратность, гостеприимство и приветливость.

(*Киевские епархиальные ведомости. 1884. № 23. С. 1058*)

58. Черняк [Анисья Федоровна]

[1839 — после 1884). Жена предыдущего.]

59. Черняк, по мужу Войнарская Олимпиада Ивановна

29 / 28

[<1842> с. Ильинцы Липовецкого уезда Киевской губернии — ок. 1905].

Выйдя замуж, жила в селе Кальник Липовецкого уезда.

Умерла от воспаления легких.

Неграмотная. После смерти мужа сдавала внаем комнаты в Умани (*ГАРФ. Ф. 102. 7 дп. Оп. 1895. Д. 146. Лл. 317–318; Д. 146 (2). Л. 252*)⁹⁷.

Ф.Г. Добржанский

[Я смутно помню ее как очень старую женщину.] Отличалась очень тяжелым, своевольным характером. Держала в полном подчинении мужа и детей. Крупного роста, полная. Здоровье хорошее. На эпилепсию и алкоголизм указаний не имеется, как по отношению к ней, так и по отношению к ее потомству.

(*Записано М.В.; Добржанский*)

60. Войнарский Василий Захарович

(Ок. 1834 — 5.V.1894). Муж предыдущей, [священник в селе Кальник.] Умер от воспаления среднего уха.

Сын православного священника, прожившего более 100 лет.

Ф.Г. Добржанский

Мистик. Почти непрерывно постился. В противоположность жене, человек очень мягкого характера.

(*Записано М.В.*)

Поколение четырнадцатое

61. Черняк Александр Петрович

48 / 49

(1852, с. Борщаговка Сквирского уезда Киевской губернии — ?)

⁹⁷ См. также: Богданов Н.Н. Его родословная: К 100-летию со дня рождения Ф.Г. Добржанского // Природа. 2000. № 12. С. 65–67.

62. Черняк Виктор Петрович**48 / 49**

(1854, с. Борщаговка Сквирского уезда Киевской губернии – ?)

63. Черняк Матрона Петровна**48 / 49**

(1864–?)

64. Черняк Николай Антониевич**57 / 58**

[(1862, с. Даньковка Липовецкого уезда Киевской губернии — после III.1914)]

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Священническое служение о. Антония продолжилось в его сыновьях. Их было трое, и все стали священниками. Наиболее яркой фигурой среди них можно считать старшего, Николая. Он весьма успешно учился в Киевской духовной семинарии: например, известно, что в 1884 г. его первым разрядом перевели в 5-й класс.

В 1895–1903 гг. мы видим Николая Черняка уже священником Троицкой церкви села Должок Липовецкого уезда. Отец мог бы гордиться таким сыном: в 1895-м о. Николай удостоивается архипастырского благословения за ревностные успехи по службе, в 1896-м получает денежное вознаграждение как священник-законоучитель местной церковной школы, а в следующем году награждается набедренником города Киева.

В 1903 г. старший из братьев Черняков переводится в маленькую деревеньку Троща к югу от Липовца.

С 1908 по 1914 г. он служит уже в селе Дергановке Бердичевского уезда. В это время о. Николай посещает семейство своей двоюродной сестры Софьи, в замужестве Добржанской. «Я помню его как высокого и очень здорового человека с большой энергией и энтузиазмом во время его визита к нам в Немиров приблизительно в 1910-м», – много позже продикует в своих воспоминаниях Ф.Г. Добржанский. Увы, это впечатление оказалось обманчивым. 10 марта 1914 г. о. Николай был уволен за штат согласно прошению и по болезни. После этого его следы теряются.

(В поисках утерянных звеньев. С. 128–129)

64а. Жена предыдущего**65. Черняк Христофор Антониевич****57 / 58**

(1863, с. Даньковка Липовецкого уезда Киевской губернии – 9.VII.1897, с. Талалай Бердичевского уезда Киевской губернии). Как и оба брата, окончил Киевскую духовную семинарию. Священник села Талалай. Скончался в возрасте всего лишь 35 лет.

65а. Жена предыдущего**66. Черняк Людмила Антониевна****57 / 58**

(1866, с. Даньковка Липовецкого уезда Киевской губернии – после 1884). Близнец с последующей.

67. Черняк Леонида Антониевна**57 / 58**

(1866, с. Даньковка Липовецкого уезда Киевской губернии – после 1884). Близнец с предыдущей. Похоронила отца.

Священник Георгий Черняк с семьей. <1915>

68. Черняк Георгий Антониевич

57 / 58

(26.V.1871, с. Даньковка Липовецкого уезда Киевской губернии – после 1918). Окончил Киевскую духовную семинарию по второму разряду 26 июля 1894 г. Священник. Был награжден набедренником (1905), скуфьей и камилавкой (1916)⁹⁸. Состоял членом строительной комиссии в Овруче.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Младший из братьев, первоклассник Георгий, явно отстаёт: он вынужден явиться на переэкзаменовку по русскому языку. Не будем слишком строги – мальчишке всего 13 лет. *(В поисках утерянных звеньев. С. 128)*

24 сентября 1894 г. выпускник семинарии Черняк, согласно прошению, определен учителем в приходскую школу села Булаи Бердичевского уезда Киевской губернии (это всего в нескольких верстах к югу от Талалая, где ныне священствует, а в 1897-м умрет его старший брат Христофор). Через год, также согласно прошению, Георгий переводится в село

⁹⁸ Набедренник (прямоугольник, который носится на длинной ленте у бедра), скуфья или скуфия (головной убор в виде небольшой пирамидальной шапочки), камилавка (головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра, обтянутого материей) – элементы богослужебного облачения священника. Право их ношения дается белому духовенству в качестве награды (drevo-info.ru). – *Ред.*

Григорий Карлович и София Васильевна Добржанские. 1910-е

Жидовицы. Осенью 1896 г. – определяется священником в село Великая Салтановка Васильковского уезда (рукоположение состоялось 16 марта 1897 г.). Здесь у о. Георгия родилась дочь Екатерина. С января 1902 г. младший из Черняков служит в Булаях. Его присутствие прослеживается здесь вплоть до 1918 г. Что-то стало с ним в бурное время революции? (ЦГИА Украины. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 297. Лл. 8–9; В поисках утерянных звеньев. С. 130)

69. Черняк (по мужу) София

Жена предыдущего.

69а. Войнарский Антоний Васильевич

(Ок. 1859 – до 1895)

60 / 59

70. Войнарская, по мужу Добржанская София Васильевна (10.I.1864 – 22.V.1920, [Киев])

60 / 59

Дала своему сыну Феодосию, будущему классику генетики, домашнее догимназическое образование по всем предметам кроме немецкого языка.

Ф.Г. Добржанский – В.И. Вернадскому
6.V.1921 <Киев>

...22 мая <прошлого года> меня постигло самое большое несчастье: подавившись кусочком хлеба, умерла моя мать, бывшая за 15 минут до смерти почти здоровой⁹⁹...
(Природа. 1990. № 3. С. 92)

⁹⁹ Возможно, это был инсульт или инфаркт, не распознанный сыном, и хлеб здесь ни при чем. – Н.Б.

71. Добржанский Григорий Карлович

(10.I.1862 — 10.I.1918). Муж предыдущей. Учитель [математики в начальных классах или надзиратель русской] гимназии в местечке Немиров Подольской губернии Брацлавского уезда.

Потомок польского рода Добржанских (Добжанских) герба Сас. Дед Казимир Юрьевич и отец Карл (Кароль) Казимирович — шляхтичи Киевской губернии. После участия Карла Казимировича в польском восстании 1863 г. земля у него была конфискована, а сам он выслан на 20 лет в Каргополь Олонецкой губернии, в результате чего семья (жена — из графского рода Тышкевичей герба Лелива¹⁰⁰ — и дети, из которых годовалый Григорий был пятым и, вероятно, младшим) осталась практически без средств к существованию. Первоначально семья была католической, но перешла в православие, когда Григорий был ребенком.

Он получил высшее, но не университетское образование и преподавал математику в немировской гимназии. В 1910 г. переехал с семьей в Киев — из-за несчастного случая, в результате которого оказался полупарализованным и был вынужден оставить преподавание, получив только половину пенсии (*Добржанский в двух мирах; Добрянский В. Добрянские. Исторический очерк о фамилии. <http://www.proza.ru/2010/01/10/930>; и др.*).

72. Войнарск[ий Евгений Васильевич]¹⁰¹**60 / 59**

Умер в детстве.

73. Войнарский Иван Васильевич**60 / 59**

(28 (29?) VIII. 1873, с. Кальник Липовецкого уезда Киевской губернии — ок. 1908, Киев).

Окончил 2-ю киевскую гимназию в 1893 г. В том же году, поступив на естественный факультет Киевского университета Св. Владимира, был вынужден оставить учебу, которая привела его «к сильному нервному расстройству»¹⁰². В 1894–1895 гг. — студент физико-математического факультета Московского университета.

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Священнический сын Иван Войнарский был арестован в Москве в 1895 г., по обвинению в доносительстве на студенческий террористический кружок Ивана Распутина — Василия Бахарева. Сейчас эта организация молодых бомбометателей, готовившая по-

¹⁰⁰ Брак этот был заключен без согласия отца невесты, и семья «бесприданницы» жила относительно бедно (*Добржанский в двух мирах*). — Ред.

¹⁰¹ В первом издании «Хроники» со слов Ф.Г. Добржанского вместо Евгения была указана безымянная, умершая во младенчестве девочка. — Н.Б.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 102. 7 ДП. Оп. 1895. Д. 146(2). Л. 253 об.

кушение на Николая II, известна лишь небольшой группе специалистов. Оно и неудивительно, ведь ее участникам не удалось совершить никаких громких подвигов, кроме «пробного» взрыва у железнодорожных путей Брест-Литовского вокзала 25 апреля 1895 г. Да и не был Иван Войнарский активным членом кружка террористов. Но кое-что о его деятельности он все-таки знал...

Знал Иван Войнарский и о том, что его однокурсник Василий Бахарев интересуется книгами по химии, где могли содержаться рецепты изготовления пороха. Больше того, по некоторому легкомыслию (толком не расспросив – для чего) он брал для него в университетской библиотеке руководство Бертело. Между молодыми людьми даже состоялся нелепый разговор о том, стоит ли повторить события 1 марта 1881 г. <...> все эти факты стали известны следствию. Среди прочих молодых людей, замеченных в знакомстве с бомбистами, в Московский тюремный замок попал и Войнарский. А ведь он, выросший в провинции, к тому же в священнической, построенной на вековом патриархальном укладе семье, совершенно не разделял революционных взглядов современной ему молодежи. Главной мечтой Войнарского в ту пору было получение столичного образования...

Важная деталь: оказавшись в тюремном замке, Войнарский объявляет голодовку в знак протеста против незаконного ареста. И хотя никаких особых обвинений этому человеку инкриминировано не было, его выслали в Киев под гласный надзор полиции. Из Московского университета такой студент был, разумеется, исключен.

Почему же герой нашего повествования не донес на Распутина с Бахаревым? По его собственным объяснениям, он думал своими силами склонить их к мысли о недопустимости подобных действий. К тому же Войнарский не очень-то верил в способность своих знакомцев изготовить реальную бомбу. <...> На следствии Иван Войнарский признавался, что его страшно тяготило общение с заговорщиками, но он не мог прервать его, опасаясь вызвать подозрения в доносительстве и стать <подобно Шатову в «Бесах»> жертвой мести. Думается, нет оснований обвинять молодого человека в трусости...

Как складывалась жизнь бывшего московского студента в Киеве? Увы, без надежных источников заработка и дружеской поддержки прежних, а теперь почти сплошь отшатнувшихся знакомых – чрезвычайно трудно. Правда, Иван Войнарский пытался бороться за восстановление своего доброго имени.

...Нарастающее раздражение от не складывающейся жизни скоро приведет к неприятнейшему инциденту: доведенный постоянной слежкой буквально до белого каления Войнарский прямо на улице набросился на следующего за ним по пятам филера – некоего вахмистра Пасечника. Тот моментально вызвал полицию. Последовал новый арест, унижительнейшее приказание «знать свое место» и высылка в Умань по месту жительства матери – Олимпиады Ивановны.

(В поисках утерянных звеньев. С. 133–139)

Крамаренко, уманский городской врач

Жалобы на здоровье (не долеченный сифилис). Посредственного сложения, выше среднего роста, худощав и малокровен.

(ГАРФ. Ф. 102. 7 ДП. Оп. 1895. Д. 146. Л. 329 об.)

О.И. Войнарская, мать

...Но во всяком случае, в нем ни на минуту не могли померкнуть те возвышенные чистые мысли, которые вложил и развивал перед ним с раннего детства мой незабвенный муж, стремившийся всю жизнь свою к тому, чтобы его дети были верными служителями Церкви и Государя.

(ГАРФ. Ф. 102. 7 ДП. 1895. № 146 (3). Лл. 317 – 317 об.)

Н.Н. Богданов, А.И. Роговой

Видимо, чтобы раз и навсегда погасить в нем бунтарский дух, его совершенно необоснованно обвиняют в желании скрыться от полицейского надзора и снова заключают под стражу. Условием освобождения становится внесение заведомо непосильного имущественного залога – 2000 рублей! Таких денег в семье не имелось. Несчастной матери пришлось подавать прошение об освобождении сына... Действия оно не возымело, однако 14 февраля 1896 г. сын был выслан под гласный надзор полиции в Степное генерал-губернаторство. 22 апреля он прибыл в Павлодар <а затем в Семипалатинск>...

...По прошествии всего лишь двух лет Иван Войнарский подает прошение о разрешении поступить в Томский университет. Как и следовало ожидать, в этом ему отказывают. Однако отпрыск славного рода Достоевских не сдается и, после освобождения от гласного надзора полиции в феврале 1899 г., переселяется в Томск, где летом того же года поступает в число студентов <юридического факультета>...

Год спустя Иван навещает семью своей сестры Софьи Добржанской в маленьком украинском городке Немирове. Здесь только что родился долгожданный ребенок – Феодосий...

Увы, жизнь в Сибири со столь расстроенным здоровьем и скудными заработками становится совсем не под силу, и Иван начинает добиваться перевода в некогда оставленный им университет Св. Владимира. Зимой 1901 г. теперь уже бывший студент юридического факультета перебирается в Киев. Но здесь его поджидают новые испытания – в городе начались студенческие волнения. Понимая, что с таким прошлым ему никак нельзя оказаться в водовороте событий, Войнарский обосновывается в городке Чернобыль и до июля 1902 г. живет там, пробавляясь частными уроками.

(В поисках утерянных звеньев. С. 139–143)

Летом 1902 г. он поступает наконец в университет Св. Владимира. На следующий год отменяется негласный надзор полиции, и с тех пор о Войнарском известно мало. Установлено лишь, что в 1905 г., окончив юридический факультет, он подает прошение о принятии в Киевское отделение Государственного дворянского земельного банка на должность помощника делопроизводителя.

Умер в 1908 г. от туберкулеза (Добржанский).

74. Ван дер Стратен Евгения Константиновна

(? – ок. 1920). Жена предыдущего.

75. Войнарский Петр Васильевич**60 / 59****[Ок. 1876, с. Кальник Липовецкого уезда Киевской губернии — после 1917]**

Учился в Киевской духовной семинарии. Был женат.

В 1903 г. – конторщик в службе сборов Киевского отделения Юго-Западной железной дороги, жил на Фундуклеевской улице, 70 (дом купца Лучинского) (*Весь Киев на 1904 г.*).Работал клерком мелком офисе. Скорее всего, он покинул Киев еще перед революцией (*Добржанский*).**75а. Жена предыдущего***Поколение пятнадцатое***76. Черняк, по мужу Рудь****68 / 69****Екатерина Георгиевна**

(26.X.1899, с. Великая Салтановка Васильковского уезда Киевской губернии– <19.I.1946>, пгт Погребинце Винницкой обл.). Сельская учительница математики и естественных наук. Некоторое время работала дояркой на ферме. Умерла от воспаления легких по дороге в районную больницу.

76а. Рудь Макар

(1900 – 14.VIII.1976). Муж предыдущей. Директор совхоза в Вацлавке (Веселовка Погребинщенского р-на Винницкой обл.).

76б. Черняк Анатолий Георгиевич (Юрьевич)**68 / 69**

(26.II.1906, с. Булаи Бердичевского уезда Киевской губернии – 4.IV.1972, с. Гореничи Киево-Святошинского р-на Киевской обл.). Обучался в Липовецкой литронеи <училище>. Окончил Киевский педагогический институт. Участник Великой Отечественной войны, награжден медалями «За освобождение Праги», «За победу над Германией». Преподавал русский язык и литературу в средней школе в Буляях.

76с. Зембовская, по мужу Черняк Анастасия Васильевна

(23.X.1905, с. Булаи Бердичевского уезда Киевской губернии – 21.XI.1985, с. Гореничи Киево-Святошинского р-на Киевской обл.). Жена предыдущего.

77. Добржанский Феодосий Григорьевич**71 / 70****(12.I.1900, Немиров Подольской губернии — [18.XII.1975, Дэвис, Калифорния, США]).**

Окончил 6-ю киевскую гимназию (1917) и физико-математический факультет (естественное отделение) университета Св. Владимира (1921). В 1919–1923 гг. – лаборант, затем ассистент кафедры зоологии сельскохозяйственного факультета Киевского по-

Анатолий Черняк (№ 76b) с семьей. <1931>

литехнического института. С января 1924 г. в Ленинграде, на университетской кафедре генетики.

Русский и американский биолог-эволюционист и генетик. Находясь с 1927 г. в США (гражданство с 1937 г.), стал одним из создателей синтетической теории эволюции. Доктор генетики (1936). Профессор зоологии Колумбийского университета (1940–1962), профессор нью-йоркского Рокфеллеровского университета (1962–1970), адъюнкт-профессор в Калифорнийском университете (с 1971).

Член Национальной академии США, Американской академии науки и искусств, Американского общества философов, Лондонского королевского общества. Почетный доктор 21 университета, избирался президентом шести научных обществ. Лауреат девяти исследовательских премий и наград, в том числе Кимберовской премии за выдающиеся достижения в области генетики (1958) и высшей научной награды США – Национальной медали (1964). Перед смертью был номинирован на Нобелевскую премию (1974).

М.Д. Голубовский

Само появление на свет Добржанского и его довольно необычное имя окутаны мифологическим флером, подобно рождению библейского Исаака у Авраама и Сарры. По семейной легенде, имя Феодосий связано с тем, что родители Добржанского, будучи долгое время бесплодными, решили совершить паломничество в Чернигов, в монастырь Св. Феодосия. Страстные молитвы помогли, и Софья Васильевна в возрасте 36 лет произвела первенца, названного в честь Феодосия¹⁰³. К этому следует добавить и другое мистическое обстоятельство: дни рождения родителей Добржанского и его самого совпадают!¹⁰⁴ Добржанский воспринимал феномен своего появления на свет и данное ему имя святого как некое предназначение, знак того, что он должен достойно прожить свою жизнь. (*Вестник. 1999. № 24*)

Догимназическое образование юного Добржанского было всецело заботой матери. Только немецкому языку, необходимому, как считалось в семье, для будущей карьеры сына, его обучала специально приглашенная немка.

В 1909 г. Феодосий пошел в первый класс Немировской гимназии. Тогда же он увлекся коллекционированием бабочек. Через год семья переехала в Киев – из-за несчастного случая, в результате которого отец оказался полупарализованным и был вынужден оставить преподавание. Благодаря небольшим сбережениям Добржанские смогли купить дом в пригороде¹⁰⁵. Будущий исследователь проводил свободное время на лоне природы – позже эта красивая местность под названием Бабий Яр станет всемирно известной по иным причинам.

В гимназии обучение было преимущественно гуманитарным. Однако в доме у одноклассника содержалась богатая библиотека – здесь, вероятно, друзья и натолкнулись на

¹⁰³ Супруги также посетили Почаевскую лавру и, разумеется, Киев. Монастыря Св. Феодосия в Чернигове нет – здесь жаждущая иметь детей пара поклонилась находившимся тогда в Борисоглебском соборе мощам свт. Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского. Память этого святого празднуется 5 февраля по старому стилю. Но небесным покровителем Ф.Г. Добржанского, родившегося 12 января, скорее следует считать Св. Феодосия Великого, память которого отмечается 11-го. – *Н.Б.*

¹⁰⁴ 10 января родились отец и мать, 12 января – сын, поэтому семья каждый год праздновала общий день рождения. – *Н.Б.*

¹⁰⁵ На окраине Киева, в Лукьяновке, современный адрес – М. Дорогожицкая ул., дом 17. – *Н.Б.*

«Происхождение видов» Дарвина. Это событие сыграло существеннейшую роль в жизни гимназиста Добржанского.

Феодосий был единственным учеником с ярким интересом к живой природе, к коллекционированию насекомых, и учитель биологии, заметив эту склонность, доверил ему ключи от кабинета, где имелся микроскоп, и даже разрешил брать ценный прибор домой.

Еще в отрочестве он несколько раз побывал на Кавказе. В 1914-м в путешествии, организованном гимназией, юному натуралисту за 5–6 недель удалось проделать путь от Владикавказа до Тифлиса и далее до Батума, после чего он побывал еще в нескольких местах на побережье Черного моря и пароходом добрался до Новороссийска. В 1916-м – отправился в окрестности Геленджика¹⁰⁶. Нечего и говорить о том, как кавказские путешествия, богатейшая южная природа повлияли на становление научных интересов Добржанского.

В это же время под влиянием энтомолога В.Н. Лучника он начинает интересоваться систематикой божьих коровок. Первую работу, посвященную описанию нового вида рода *Coccinella* из окрестностей Киева, Добржанский публикует в 1917 г., будучи уже студентом. Этот объект надолго остается предметом пристального внимания молодого исследователя: в 1922–1927 гг. им опубликовано 18 работ по природным популяциям божьей коровки (*Добржанский – генетик, эволюционист, гуманист. С. 57; Вестник. 1999. № 24; Природа. 1990. № 3. С. 81; The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky. P. 23–28*).

Ф.Г. Добржанский – М.В. Волоцкому
25.XI.1927 <Ленинград>

Что касается до списка работ, то полного списка у меня под руками не имеется, да и вообще он вряд ли интересен, так как я написал много всякой мелочи, цена которой очень низка.

...Область меня интересующая – это вопросы о механизме наследственной передачи и наследственного осуществления. <...> Мне пришлось работать в трех направлениях: 1) систематика, 2) генетика, 3) зоотехния. Главным я считаю второе – в этом, выражаясь громко, моя душа. Первое – остатки юношеского увлечения насекомыми, от которого до сих пор не могу освободиться. Третье – работа по принуждению, от которой я стараюсь освободиться по мере возможности. Сии признания, конечно, только для Вас лично – так как Вы выразили к тому интерес¹⁰⁷.

(*Генетика. 2000. Т. 36. № 2. С. 301–302*)

¹⁰⁶ Несколькоими годами ранее здесь вел археологические раскопки его *четвероюродный брат* Милий Федорович Достоевский (№ 266, с. 322). – Н.Б.

¹⁰⁷ Три пункта будет и в еще одном его частном документе – дневниковой записи от 30 января 1952 г., где фиксируются «планы на всю жизнь» – написать: 1) учебник эволюции, 2) книгу об эволюции человека, 3) если автор будет жив, то последнюю книгу о философии биологии и о философии одного биолога. Все это Добржанский успел воплотить в реальность (*Ученый в разделенном мире. С. 215*). – Ред.

Зимой 1916/17 гг. из-за трудного материального положения семьи (полностью бездвиженный отец доживал уже последние месяцы), усугубившегося войной, Феодосий подрабатывает на местной энтомологической станции. Там он знакомится с профессором зоологии С.Е. Кушакевичем, который приглашает его, гимназиста, к себе в лабораторию. Благодаря этому еще до начала занятий в университете (на физико-математическом факультете!) юный Добржанский прослушал курс зоологии Кушакевича и узнал всех своих будущих профессоров. Весной 1918 г. он знакомится с В.И. Вернадским.

В университете Добржанский не только учился, но и преподавал общую биологию на рабфаке. В 1918 г. Кушакевич с несколькими коллегами организовал недалеко от Киева, на противоположном берегу Днепра, в селе Староселье, Днепровскую биологическую станцию; она занимала две трети дома лесничего (будущего тестя Добржанского). Когда 5 февраля 1919 г. в Киев вошла Красная армия, Кушакевич и Вернадский почли за лучшее переселиться на станцию. Добржанский, оставшийся в Киеве, доставлял им продукты и новости. Мобилизации в Красную армию он избежал лишь потому, что ему не хватило 12 дней до призывного возраста, а в Белую – потому что с помощью знакомых устроился санитаром поезда Международного Красного Креста.

Работа у Кушакевича позволяла Добржанскому жить в доме для преподавателей. Здесь он оказался в одной квартире с цитологом Г.А. Левитским, который, узнав Добржанского ближе, передумал выгонять нежданного «подселенца»...

В лихолетье гражданской войны, когда Феодосий потерял родителей, профессор Кушакевич стал, по сути, его приемным отцом. Что же касается Вернадского – несомненно, что беседы с ним повлияли на широту и космичность эволюционных воззрений Добржанского и обусловили его последующий интерес к творчеству теолога и философа Тейяра де Шардена. А дружеские отношения с американской ветвью семьи Вернадского продолжались всю жизнь (*Добржанский – генетик, эволюционист, гуманист. С. 57–58; Первое сентября; Природа. 1990. № 3. С. 89*).

Ф.Г. Добржанский – В.И. Вернадскому
6.V.1921 <Киев>

За время, в течение которого мы с Вами не видались, я пережил много бед: особенно несчастным для меня оказался 1920 год. В IX.1919 я <санитаром в поезде> отправился в Одессу, где <...> пробыл до 25 января (день сдачи Одессы <частям Красной Армии>) <...> в начале II.1920 я выехал из Одессы и с громадными приключениями и трудностями более двух недель пробыл в Киеве. В Киеве я застал больную мать; она скоро поправилась, но в марте я заболел сыпным тифом, и он осложнился воспалением кишечника. Поднялся я в начале мая, когда и получил предложение быть заместителем ассистента в Политехническом институте. Это предложение я принял и был там до X.1920, а теперь вновь состою ассистентом. Но 22.V меня постигло самое большое несчастье: умерла моя мать <...> настал голод, который мне пришлось переносить, не оправившись от тифа. Накануне Нового года я получил ужасное известие о смерти Сергея Ефимовича <Кушакевича>. <...> Тем не менее я все это время занимался зоологией: она одна дала мне силы пережить все то, что я перенес. Получились кое-какие результаты: кое-что я напечатал, кое-что готово для печати; сделал много наблюдений...

Был бы страшно Вам благодарен, если бы Вы не отказались написать мне пару слов. Общение с Вами было бы для меня прямо неоценимо. Я часто с удовольствием вспоминаю дни, проведенные с Вами в Староселье. Нет ли у Вас темок для интересующих Вас биологических исследований? Не интересно ли Вам произвести какие-либо наблюдения в окрестностях Киева? Или собрать какой-либо материал? Пишите!..

P.S. Очень мне хотелось завести сношения с кое-кем из петроградских зоологов и энтомологов. Но они, кажется, народ суховатый и мало склонный переписываться с провинциалами. <...> В Киеве у нас все в общем по-старому. <...> Бушуют украинцы: они теперь у власти и делают все, что им угодно. Говорят о каком-то слиянии <Украинской> Академии наук с Укр<аинским> научным товариществом. Что из этого будет – судить не мне, но думаю, что ничего хорошего¹⁰⁸.

7.II.1922. Киев

...Вы спрашиваете, не согласен ли я принять участие в предполагаемой экспедиции в Монголию. На этот вопрос могу ответить следующим образом: не только в Монголию я согласен ехать, но поеду в любую экспедицию, куда бы она не направлялась, кроме разве полярных стран. Буду считать это величайшим счастьем, потому что до сих пор мог только мечтать о подобном путешествии...

Относительно условия <...> уметь стрелять из винтовки, то пока этому условию я не удовлетворяю, потому что никогда ее не держал в руках; но ведь это пустяк: если ехать можно, то я перед отъездом из Киева за две недели научусь стрелять, а к этому я имею возможность полную...

В течение минувшего года я работал непрерывно и усиленно. <...> Чувствую, что в смысле работы я попал в ту область, где могу кое-чего добиться. <...> Еще занимаюсь изучением философии – для натуралиста, кажется, полезно.

(*Природа*. 1990. № 3. С. 91–92, 94)

Развитие научного таланта Добржанского проходило в концентрированной интеллектуальной атмосфере, в период расцвета биологической мысли в России. Впрочем, у него самого необычайно рано возникло собственное видение эволюционного процесса. Во многом самостоятельно постигнув азы генетики, к 1927 г. он был уже сложившимся, независимым ученым.

В журнале «Природа» в 1919 и 1922 гг. он прочел сделанные петроградским профессором Ю.А. Филипченко обзоры хромосомной теории наследственности американца Томаса Моргана (будущего Нобелевского лауреата). Эти статьи произвели на юношу такое сильное впечатление, что он решил специализироваться в области генетических основ изменчивости и видообразования. Добржанский едет в Москву, получает там культуру мушки-дрозофилы, привезенную из США летом 1922 г., и вот уже в 1924-м появляется его первая работа на дрозофиле – о множественном (или плеiotропном) действии гена, о косвенном влиянии мутации одного гена на многие признаки организма. Когда Филипченко узнал о готовящейся публикации, он пригласил ее автора на должность ассистента

¹⁰⁸ Позже Добржанский вспоминал, как в начале 1920-х хотел занять вакансию профессора зоологии в одном из организуемых институтов, но на собеседовании «допустил оплошность», не выказав должного украинского патриотизма, и места не получил (*Ученый в разделенном мире*. С. 212). – Ред.

на свою первую в России кафедру генетики в Петроградском (вскоре – Ленинградском) университете.

Добржанский приезжает в город 21 января 1924 г. (в день смерти Ленина). Вскоре к нему присоединяется его помощница Наталия Сиверцева. Через несколько месяцев они поженились.

[В Ленинграде Добржанский продолжает трудиться в избранной сфере. Кроме прочего,] к 1926 г. он — научный сотрудник отдела генетики и евгеники Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил СССР (КЕПС) при Академии наук, руководитель полевыми работами казахстанской экспедиции Особого комитета при Академии наук по исследованию союзных и автономных республик. [Он участвует в экспедициях КЕПСа по изучению генетики домашних животных в Средней Азии.]

Ф.Г. Добржанский – Ю.А. Филиппченко

1.V.1925. Ташкент

Впервые в жизни я почувствовал, как различна может быть человеческая психология, несмотря на относительное сходство внешнего облика. Эти люди в чалмах с утра забираются в чайхану, снимают свои калоши, садятся на ковер кружком и сидят там до вечера, изредка попивая чай; промежутки между глотками не менее пяти минут, и это так сегодня, завтра и так всегда, до самой смерти! Как добывают эти люди средства для поддержания своего брэнного существования, – это для меня мало понятно. И для них это также мало понятно, почему мы так спешим. Хозяин чайханы изготавливает чайник чаю не менее 5 минут. <Ведь> для этого надо вытянуть из-за пояса мешочек с чаем, высыпать щепотку в чайник и затем налить туда горячей воды из самовара – подумайте, сколько сложных действий! Разве это можно сделать скорее, чем в 5 минут?!

Бисм иллахи ррахили ррахман!¹⁰⁹ Еду в Джелалабад. Это уже в Кара-Киргизии. Удостоился даже визита к дипломату, да самому настоящему дипломату – представителю (конечно, полномочному); получил от него открытый лист ко всем властям (гражданским, военным, но не басмаческим, конечно!) в город Джиялят-Абад. Этого города нет ни на одной карте, даже на висящей в самом Кара-Киргизском полномочном представительстве. Всюду фигурирует город Джелалабад, но это ничего не значит, что так его называли русские колонизаторы, а в действительности такого города нет, а есть Джияль-Абад...

Вы там на съезде¹¹⁰ прохладаетесь, а у нас, думаете, не было съезда? Как бы не так! Был, и еще лучше, чем у Вас, был в этой самой комнате, где я сейчас пишу Вам письмо. Съезд был самый форменный, с председателем, секретарем, писанным протоколом и множеством бутылок с маркой Туквинтреста. Съезд закончился не пением Интернационала, а пен<и>ем любимейшей песенки туркестанских зоологов: «И любой поступок гнусный совершу за пищу эту я!»¹¹¹ Если указать, что на съезде был профессор Кашкаров и многократно упоминалась имя <академика> Северцова (мы его здесь называем

¹⁰⁹ Во имя Аллаха милосердного! (араб., искаж.) – *Ред.*

¹¹⁰ Имеется в виду II Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов, проходивший в Москве в начале мая 1925 г. – *Ред.*

¹¹¹ Основой песенки стало стихотворение А. Тинякова «Моление о пище» (нач. 1920-х). Об авторе см.: Зощенко М. Перед восходом солнца; Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко. – *Ред.*

Яман-бабай, что значит «скверный старикашка»), то Вы действительно убедитесь, что в Ташкенте был настоящий зоологический съезд! <...> Не сердитесь на меня, блудного сына, за легкомысленное письмо, но надо ведь хотя бы здесь, на свободе, под южным небом, горячим солнцем и в виду снеговых гор проявить живость характера!

4.V.1925. Джалал-Абад, Киргизия

<Жена> Наташа, никогда не выдавши ничего подобного здешним местам, по-видимому, устает от массы новых впечатлений и временами впадает в какое-то полусонное состояние, которое меня страшно раздражает. Кроме того, буржуазные привычки, так свойственные ей, тоже дают себя чувствовать: не всегда нравится обед в чайхане, который, говоря объективно, ничем не хуже, чем в студ<енческой> столовой, но состоит совершенно из необычайных кушаний и приправлен действительно совершенно непомерным количеством перцев разных цветов, так что иной раз после обеда получается ощущение, словно в «нутре» начинается пожар.

9.V.1925. с. Михайловка, Кугартская долина, Киргизия

Питаемся у местного батюшки, который оказался на редкость приятным человеком...

Контакт наш с попом вызвал возмущение со стороны <...> властей предержащих, но это, конечно, вздор.

26.V.1927. Семипалатинск

Прежде всего я искренне благодарю Вас за письма <...> за то, как они написаны. <...> Ваше доверие, которого я, говоря правду, не чувствовал в прошлом году, дает мне смелость смотреть вперед без того панического страха, к коему я-таки склонен по генотипическому составу.

(У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. С. 21–22, 25, 26, 38–39)

В 1927 году судьба Добржанского резко меняется. Филипченко отправляет своего аспиранта для стажировки в США в рамках Рокфеллеровской стипендии (этой стипендией в конце 1920-х и начале 1930-х воспользовались многие биологи России). В лабораторию «того самого» Томаса Моргана в Колумбийском университете Добржанский вместе с женой приезжает 27 декабря 1927 г. Здесь он попадает в совершенно иную среду: эволюционная теория здесь считалась отвлеченным умозрением, зато ставились и решались конкретные экспериментальные задачи по выяснению структуры и механизмов функционирования хромосом и генов... Соответственно меняется и стиль работ Добржанского (*Вестник. 1999. № 24*).

Ф.Г. Добржанский – Ю.А. Филипченко

9.VI.1928. Вудс-Хоул, Массачусетс

...Чувствую, что-то по приезде в Россию мне придется изучать, химию и физическую химию, ибо здесь берется линия в эту сторону, да и сам чувствую, что дрозофила подходит к этому горячему месту. Меня же это не радует, так как к этим наукам я весьма туп и экзамен по физико-химии был единственным в моем университетском курсе, который я, что называется, чуть-чуть не провалил, да и то лишь по <знакомству>, кажется. Морган же совершенно отгородился от зоологов типа морфолого-древесной школы и вступил в контакт с чистыми физиологами. <...> Вас шокировало то, что я говорил иногда о северцовщине, а послушали бы Вы, что тут говорят...

23.VII.1928. Вудс-Хоул, Массачусетс

Вообще, если бы Вы познакомились и побеседовали с Морганом, то, вероятно, не были бы довольны этим знакомством. Вы и так его не слишком цените, а после знакомства несомненно сочли бы его дураком. <...> Он ведь получает ежедневно кучу оттисков, и все оттиски по сравнительной анатомии немедленно выбрасываются в корзину. <...> Недавно был большой тюк с произведениями Северцова и К°, и я со сладострастием наблюдал, как все это пошло на свалку. <...> Я боюсь, что Вы даже откажетесь верить тому, что я здесь сообщаю, и заподозрите меня во лжи. Ведь я не раз слышал, что такие мои взгляды обусловлены моей необразованностью и тем, что я никогда не сдавал магистерского экзамена.

(У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. С. 63–64, 83–84)

Зарубежную командировку, планировавшуюся как годичная, удалось продлить еще на два года. Однако Добржанский все-таки не успевает закончить исследования, начатые у Моргана, и принимает нелегкое решение: остаться в США на неопределенное время¹¹².

Ф.Г. Добржанский – Н.И. Вавилову

10.VIII.1931. Пасадена, Калифорния

Продление командировки кажется мне необходимым. Но даже не в этом дело. <...> Хуже всего то, что <после возвращения в СССР> <...> от меня потребовалось бы то, что я не могу дать. В самом деле, для того, чтобы жить, мне потребовалось бы подрабатывать писанием. Но это еще ничего, в конце концов многие так живут. Но вот <...> требования о стиле и характере писания, <...> делают для меня положение невозможным. С этим стилем я не знаком, а насколько знаком, чувствую себя не в силах ни его принять, ни даже под него подделываться. А к тому же, ясное дело, и лабораторию надо вести в том же духе. Значит, с первых же шагов – неприятности, унижения и проч.

Простите, Николай Иванович, если этим доставляю Вам неприятность. Но я написал откровенно, поставил все точки на *i* и ничего не утаил. При всем моем уважении к Вам лично, при всем моем искреннем желании работать в Академии наук, а не здесь (знаю, что в искренности этого желания многие сомневаются, но это их дело – я говорю, что думаю), вижу, что из этого ничего не выйдет. Написать это письмо мне было не легко, но его не написать было бы еще хуже. Если же чем-нибудь могу быть полезен здесь, то постараюсь быть. Как бы то ни было, никогда не забуду ни страны, ни того, чем ей обязан.

(Вавилов. С. 173)

О.А. Балла

По материалам графологического анализа¹¹³

Склонен и привык занимать доминирующую позицию в отношениях, в том числе и неформальных <...> чувствует себя по преимуществу сильнее своего окружения; склонен брать на себя инициативу в общении; предпочитает сам определять дистанцию между со-

¹¹² Об обстоятельствах «невозвращения» см. подробнее: Конашев М.Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 240–263. – *Ред.*

¹¹³ Графологический анализ до сих пор не получил признания как научный метод. Однако, учитывая скудность имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы сочли возможным привести здесь некоторые из заключений графолога, тем более что они подтверждаются фактами биографии Ф.Г. Добржанского. – *Н.Б.*

бой и другими <...> может идти первым на ее сокращение. Способен быстро сходиться с людьми <...> Привязывается сильно. <...> В разрыве отношений также склонен принимать на себя роль инициатора.

(Архив Н.Н. Богданова)

И.А. Сиверцева, племянница жены Ф.Г. Добржанского

После убийства Кирова 1 декабря 1934 г. мой отец был вынужден написать Феодосию Григорьевичу, что прерывает родственную переписку. Словно не понимая возникшей в Ленинграде обстановки, Добржанский ответил чрезвычайно резким, полным упреков письмом, где, среди прочего, потребовал, чтобы мои родители передали наиболее ценные из его вещей, оставшихся у нас, на хранение его бывшему коллеге и другу Н. Потом мы видели их на ближайшей толкучке. Быть может, тогда и пропал серебряный чернильный прибор деда Добржанского – священника Василия Войнарского, о котором он упоминает в своих воспоминаниях. А в 1937-м мама уничтожила большинство писем и документов. До сих пор я помню, как корбились листки, пожираемые огнем, в дровяной плите на кухне нашей ленинградской квартиры.

(Записано Н.Б.)

М.Д. Голубовский

Морган сразу оценил талант Добржанского, не мешал ему в работе и сделал все, чтобы тот остался в лаборатории. Именно энергичное вмешательство Моргана спасло Добржанского от, казалось, неразрешимой бюрократической западни, в которую он попал и даже был близок к самоубийству. Дело в том, что молодой ученый по приезду в США имел на руках лишь студенческую визу, не дающую право работать и получать жалование. Через два года, когда Добржанский принял решение остаться, надо было изменить иммиграционный статус. Морган решил направить своего подопечного на три месяца в Канаду, чтобы уже оттуда можно было приехать в США с новой иммиграционной визой. <...> Добржанский обратился к консулу в Ванкувере и по неопытности или неосторожности сказал, что работал в лаборатории, имея студенческую визу. Консул воскликнул: «В таком случае, поскольку вы нарушили наши законы, вообще лишаетесь права на въезд в США» – и поставил соответствующий штамп в паспорте. Добржанский пришел в отчаяние. Ведь он должен был спустя несколько дней покинуть Канаду, не имея разрешения на въезд в США.

Он позвонил своему другу генетику М. Демерецу, и тот сразу же поставил в известность Моргана. Морган просил не волноваться и сказал, что выход найдется. Он тут же телефонировал в офис к президенту университета Калтех¹¹⁴ физику Р. Милликену и получил ответ администратора, что Милликен находится <...> вместе с президентом США Гувером на яхте, совершающей круиз по реке Потомак. Морган настаивал, чтобы их соединили, и когда это наконец произошло, сказал: «Один из самых блестящих и многообещающих молодых ученых в моей группе находится в отчаянном положении в связи с решением службы иммиграции. Я прошу вас сделать все возможное и помочь нам». Далее, согласно апокрифу, Милликен обратился лично к президенту США, который позвонил госсекретарю, а тот направил распоряжение главе службы иммиграции, которое далее пошло в Ванкувер. Так Добржанский получил иммиграционную визу.

¹¹⁴ Калифорнийского технологического университета в Пасадене: там в это время располагалась лаборатория Моргана. – Ред.

Добржанский работал и публиковался быстро, почти лихорадочно. Он считал, что надо сразу публиковать то, что обнаружил, и два месяца без публикации – это потерянное зря время...

Понятие «генофонд», возникнув в московской школе эволюционной генетики (С.С. Четвериков, А.С. Серебровский), вошло в обиход мировой культуры в основном благодаря деятельности Добржанского. Выход его книги «Генетика и происхождение видов» (1937) дал мощный толчок синтетической теории эволюции, которая связала дарвиновскую концепцию естественного отбора и генетику и определила на десятилетия пути изучения эволюционного процесса (особенно это касается Америки).

(Добржанский в двух мирах)

М.Б. Конашев

Второе издание «Генетики и происхождения видов» появилось в 1941-м, третье – в 1951-м. Последнее, в наибольшей мере переработанное и получившее потому новое название, – в 1970-м. Все четыре издания составили целую серию, отразившую изменения в эволюционной теории на протяжении трети века, причем каждая книга считалась в свое время лучшей из работ по генетическим аспектам эволюции.

(Первое сентября)

М.Д. Голубовский

Историки науки продолжают анализировать, в чем секрет необычно быстрого успеха «Генетики и происхождения видов». Ведь в принципе почти каждая группа фактов и методических подходов, послуживших обоснованием эволюционной концепции Добржанского, не была сама по себе оригинальной. Согласно Р. Левонтину, одному из самых известных его учеников, члену Национальной академии наук США, «Добржанскому удалось создать интеллектуальное поле эволюционной генетики <...> благодаря силе его личности и силе убеждений факты, уже известные в литературе, но бывшие просто информацией, приобрели в головах людей ранг знания», иначе говоря, свершился переход знание – понимание. Добржанскому удалось передать или «навязать» другим не только свое страстное убеждение в истинности предложенной им эволюционной концепции, но и страстное убеждение в необходимости всесторонних комплексных исследований эволюционного процесса. <...> Одним из убеждающих обстоятельств было множество публикаций, выходящих под его эгидой, и множество желающих стажироваться в его лаборатории. Вывод одного из учеников, греческого эволюциониста К. Кримбаса: «Ключевую роль играла сама личность Добржанского. Он был очень энергичный человек, полный энтузиазма, который передавался другим, легкий в общении и доступный... Исключительная широта его взглядов, наряду с его личными качествами, привлекала к нему многочисленных студентов»...

(Вестник. 1999. № 24)

Важной составляющей научной миссии Добржанского было превращение лаборатории в Колумбийском университете в небольшой, но очень продуктивный всемирный университет генетиков. Сам он в таком интернациональном ансамбле был и дирижером, и исполнителем, причем в некоторых из коллективных работ сознательно отходил на второй план. Он был инициатором создания и соредактором многотомной «Эволюционной био-

логии», выходявшей с 1967 г. почти ежегодно, и многих других печатных изданий (*Ученый в разделенном мире. С. 217–218; Природа. 1990. № 3. С. 87*).

Д. Голда

Все, до студентов включительно, звали его Доби. В этом коротком слове не было оттенка фамильярности, только уважение и доверие. Он свободно владел шестью языками, увлекался скульптурой, музыкой, историей. Любил путешествовать.

(*Україна. 2000. № 4. С. 43*)

М.Д. Голубовский

Деятельность многих крупных ученых протекает не только в области «чистой» науки, но касается науки в целом как социального института, а также включает научно-просветительскую активность. Во всех этих трех направлениях велико было влияние

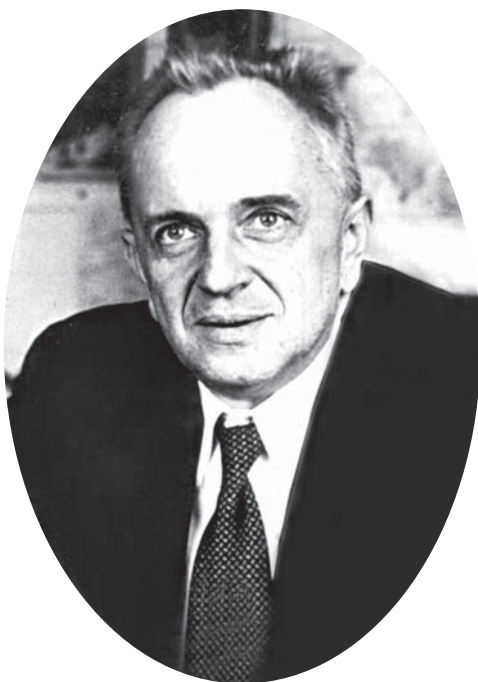
Добржанского на американскую интеллектуальную жизнь. <...> Известный микробиолог и генетик Б. Дэвис, вспоминая о жарких идейных спорах в Америке в 1960–70-е на темы справедливости, расы, равенства, пишет, что «был потрясен книгой выдающегося гуманиста и биолога Ф. Добржанского». Потрясение Дэвиса вызвала одна из основных мыслей в книге «Генетическое разнообразие и человеческая свобода»: что социальное равенство скорее ослабляется, нежели усиливается, когда ко всем подходят с одинаковыми мерками и не учитывают биологического неравенства и генетических различий¹¹⁵.

(*Вестник. 1999. № 24*)

Мемуаристы сообщают, что ученый, достигнув всех карьерных вершин в США, испытывал сильную ностальгию по родине, заклеившей его как «невозвращенца». Однако ностальгия была, если можно так выразиться, деятельной, обращаемой на пользу себе и другим. (Так, в частности, он переводил на английский язык и комментировал работы советских генетиков 1920–30-х. В 1943 г. он первым в США откликнулся на смерть Н.И. Вавилова.) В этой деятельности находило отражение и свойственное Добржанскому чувство справедливости (*Україна. 2000. № 4. С. 43; Ученый в разделенном мире. С. 217–221*).

¹¹⁵ К проблемам эволюции homo sapiens Добржанский обратился всерьез лишь в 1950-е, опубликовав ряд статей и книг, главной из которых считается «Mankind Evolving» («Эволюционирующее человечество», 1962). В этой книге, используя современные научные данные, автор, в частности, критикует расизм и утверждает, что различия между людьми суть предпосылки их равенства, а также развития всего богатства человеческих способностей.

В своих работах Добржанский также отмечал, что рано или поздно перед человечеством встанет задача управления собственной биологической эволюцией. Однако он критиковал проекты «улучшения человеческой природы» с помощью биотехнологии. – Ред.

М.Д. Голубовский

Добржанский очень гордился родством с Достоевским и на склоне лет, в конце 1960-х, просил своего бывшего ученика Ю. Керкиса, работавшего в то время в Академгородке, прислать ему схему родословной писателя, опубликованную в 1920-е в «Русском евгеническом журнале»¹¹⁶...

Судьба биологии в Советской России оставалась близка Добржанскому. Он принял самое активное участие в критике лысенковщины, а также в осмыслении случившегося в СССР погрома генетики. Поскольку западным ученым трудно было поверить в то, что громкие положения новой «мичуринской генетики» построены, по существу, на песке, имеют слабое, не выдерживающее критики фактическое обоснование, то Добржанский в 1946 г. взял на себя труд перевести на английский книгу Т.Д. Лысенко «Наследственность и ее изменчивость». Затем он публикует спокойную критическую статью о «лысенковской генетике». В то время в СССР уже ничего подобного не могло появиться. (А за перевод и распространение этой статьи известный генетик В.П. Эфроимсон был изгнан из Харьковского университета.) В газете «Правда» от 2 сентября 1947 г. печатается статья со словами, что Добржанский «подвизается теперь в США на поприще клеветы против советских биологов и задает тон в этой антисоветской кампании».

После погрома генетики в СССР в августе 1948-го тон статей Добржанского становится резче, что видно уже из их названий: «Подавление науки» (1949), «Смерть науки в России» (1950). Он делает вывод, что причины господства Лысенко лежат вне биологии или сельского хозяйства и прямо не связаны с марксизмом (можно быть марксистом и настоящим генетиком), а коренятся в тотальном контроле науки со стороны власти. В США, по мнению Добржанского, ученый такого типа мог бы временно добиться контроля над лабораторией или институтом, но не более.

С энтузиазмом воспринял он признаки возрождения генетики в СССР. В своих работах широко цитировал статьи на русском языке и регулярно следил за публикациями.

Дочь ученого вспоминает эпистолярное замечание известного эволюциониста Э. Майра о том, что Добржанский всегда считал себя русским. Она так заканчивает свои воспоминания об отце: «Единственной страной, в которой он всегда чувствовал себя гражданином, была страна, которая не знает границ: страна науки».

(Вестник. 1999. № 24)

В.В. Бабков

В 1966-м и 1969-м ученый пытался приехать в СССР (с чтением лекций), но оба раза визиты не состоялись. По слухам, приезду противился один из влиятельнейших отечественных генетиков, переживавший в ту пору свой маленький культ личности.

И.А. Захаров

Я видел Добржанского (тогда уже – Добжанского) всего один раз, 24 августа 1973 г., на Международном генетическом конгрессе в Калифорнийском университете (Беркли). Тогда мы посещали Дэвис...

Ему стали давать какие-то сувениры, я тоже подарил ему коробку слайдов Ленинграда (Феодосий Григорьевич сказал: «Здесь некогда гулял и я, но вреден север для меня»).

¹¹⁶ Имеется в виду работа М.В. Волоцкого. – Н.Б.

Я спросил, получил ли он мои книги, он сказал, что «Радиационную генетику» – да, а когда я сказал, что хотел бы поговорить с ним, пригласил меня в лабораторию. Он принял нас в своем кабинете, вместе с нами пришла еще какая-то пара, кажется, французы. На стене кабинета фотография – президент Джонсон вручает медаль Добржанскому. Феодосий Григорьевич держался просто, приветливо и весело, казался бодрым, хотя лицо у него совсем старое. Тогда это был уже старый и больной человек (у него была лейкемия, врачи предсказывали быстрый конец, но болезнь развивалась медленно – Ф.Г. умер в 1975 г. от сердечного приступа).

(Записано Н.Б.)

М.Д. Голубовский

Добржанский знал, что приговорен к смерти, еще в 1968 г., когда во время рутинного осмотра у него обнаружили признаки злокачественной лимфоидной лейкемии. Прогноз был «от нескольких месяцев до нескольких лет». После этого ученый плодотворно работал в течение семи лет.

(Вестник. 1999. № 24)

К библиографии Феодосия Григорьевича Добржанского

Полный список трудов ученого содержит более 500 наименований.

Некоторые из библиографических списков:

- [Ранние работы] // Генетика. 2000. № 2. С. 301–302.
- [Наиболее полный перечень публикаций, в том числе первые посмертные] // Hecht M.K., Steere W.S., Wallace B. Evolutionary biology. N.Y., L., 1976. V. 9. P. 413–438.

Некоторые книги о нем:

- Coe S. The Evolution of Theodosius Dobzhansky. Ed. M.B. Adams. Princeton, Princeton University Press, 1994. (Автор – София Коу, дочь ученого.)
- Kohler R. Lords of the Fly. Univ. Chicago Press, 1994.
- Land B. Evolution of a Scientist: the Two Worlds of Theodosius Dobzhansky. N.Y.. Thomas Y. Crowell, 1973.

78. Сиверцева, по мужу Добржанская Наталия Петровна
(16.VIII.1901, Бузулукский уезд Самарской губернии – [22.II.1968, США]).
Жена предыдущего с 8 августа 1924 г.

М.Д. Голубовский

В 1918 г. на левом берегу Днепра под Киевом в доме лесничего С.Е. Кушакевич организует Днепровскую биологическую станцию¹¹⁷. Когда в город вошла Красная армия, Кушакевич и Вернадский переселились на станцию, а Добржанский носил им продукты...

¹¹⁷ Биостанция была основана раньше, в 1918-м ее лишь перенесли на новое место. – Н.Б.

Дочь лесничего Наталия Петровна Сиверцева стала женой Добржанского. Она была также биологом, ученицей известного зоолога-эволюциониста И.И. Шмальгаузена, переехавшего в Киев в 1921 г.
(Добржанский в двух мирах)

М.Ю. Сорокина

На кафедре генетики Ленинградского университета Добржанский <с 1924 г.> руководил группой студентов-дрозофилистов, куда входила и его будущая жена.
(Природа. 1990. № 3. С. 90)

79. Войнарский Вячеслав Иванович

73 / 74

[Ок. 1907, Киев — после 1924]. Близнец с последующей.
[В 1924 г. красноармеец одной из воинских частей в Киеве.]

Очень темпераментный юноша (Добржанский).

80. Войнарская Ольга Ивановна

73 / 74

(Ок. 1907, Киев – после 1924). Близнец с предыдущим.
В 1924 г. вышла замуж.

Гораздо менее темпераментна, чем брат, склонна к полноте (Добржанский).

80а. Муж предыдущей

Поколение шестнадцатое

80b. Рудь Валентин Макарович

76а / 76

(18.VII.1929 – 15.VIII.2000)

80с. Рудь Виктор Макарович

76а / 76

(10.I.1932 – 19.IX.2005)

У Валентина и Виктора Макаровичей есть младшая сестра Нина (род. 1939).

80d. Черняк Нина Анатольевна

76b / 76с

Род. 1928.

80е. Черняк Зинаида Анатольевна

76b / 76с

Род. 1931.

У Нины и Зинаиды Анатольевны есть младшие сестра и брат – Надежда (род. 1939) и Владимир (род. 1945).

81. Добржанская, по мужу Коу¹¹⁸ София Феодосьевна**77 / 78**

(7.VI.1933, Пасадена, Калифорния, США – 25.V.1994, Нью-Хейвен, Коннектикут, США).

Биолог, специалист в области пищевой культуры древнего человека.

И.А. Сиверцева, двоюродная сестра

Дочь Ф.Г. Добржанского – типичная американка.

(Записано Н.Б.)

М.Б. Конашев

...Между ней и отцом сложились непростые отношения: отец все еще был человеком русской культуры, а она – уже типичной американкой.

(Первое сентября)

С 1955 г. в браке с Майклом Коу, родила пятерых детей: Николаса (1955), Сару (1956, стала художником по мозаике), Андреа (1959), Питера (1965) и Натали (1969).

Книги Софии Коу

- The Evolution of Theodosius Dobzhansky. Ed. M.B. Adams. Princeton, Princeton University Press, 1994. (Об отце.)
- Coe S., Coe M. The True History of Chocolate. N.Y., Thames and Hudson, 1996. (Работа, написанная в соавторстве с мужем, была издана после смерти Софии Феодосьевны.)

82. Коу Майкл Дуглас (Coe, Michael)

Род. 14.III.1929, Нью-Йорк. Муж предыдущей.

Окончил Гарвардский университет, доктор антропологии (1959). Археолог, антрополог, эпиграфист, авторитетный специалист по доколумбовым цивилизациям Америки. С 1968 по 1994 гг. был смотрителем антропологической коллекции в музее Пибоди (Йель). Заслуженный профессор Йельского университета, член Национальной академии наук (США), Королевского института антропологии (Великобритания) и Мексиканского антропологического общества.

Важнейшие работы Майкла Коу

- La Victoria, an Early Site on the Coast of Guatemala. Papers vol. 53. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University, 1961.
- The Maya. N.Y., Thames and Hudson, 1966. (Книга выдержала восемь изданий.)
- The Maya Scribe and His World. N.Y., The Grolier Club, 1973.
- In the Land of the Olmec. 2 vols. Austin, University of Texas Press, 1980. (В соавторстве.)
- Breaking the Maya Code. N.Y., Thames and Hudson, 1992.
- The Art of the Maya Scribe. N.Y., Harry N. Abrams, 1998. (В соавторстве.)
- Reading the Maya Glyphs. N.Y., Thames and Hudson, 2001. (В соавторстве.)
- Angkor and the Khmer Civilization. N.Y., Thames and Hudson, 2003.

¹¹⁸ В СССР эту фамилию транскрибировали иначе: Ко. – Ред.

Глава III

РОД МАТЕРИ. НЕЧАЕВЫ*

Поколение седьмое

83. Струнников (1677), он же Нечаев (1695) Софон Яковлевич¹
([Ок. 1640] — после 1695). Прямой предок писателя. Старый посадский человек города Боровска² [Калужской губернии]. Упоминается в 1677, 1680, 1685 и 1695 гг.

...Промысл у него — делает серебряное, и для того у него рукоделья в московском ряду лавка, да он же торгует луком, да чесноком, что упадет в огороде <...> а в казну платит он со двора своего и с жильцов и с промысла на год по рублю, да в мирские розметы 20 алтын; <...> а по нынешней мере двора его и с огородами длиннику 55 саж<еней>, а поперек по улице, от двора Ивашки Иноземца, до двора Афонки Кекишева 9 сажень, а в другой конец тож.
(Боровск. Материалы для истории города. С. 75)

М.В. Волоцкой

В историко-социологическом отношении этот предок писателя представляет большой интерес как своего рода сборный недифференцированный тип, совмещавший в себе признаки и крестьянина-земледельца, и ремесленника-кустара, и торговца. Таким образом, Софон Струнников является одним из последних могикан тех сборных социальных типов, которые были столь характерны для Московской Руси XVI и XVII вв., когда «в лавках московских рядов сидели те самые ремесленники, которые изготовили товары, продававшиеся в этих лавках, а на базаре капусту или кур продавал тот самый крестьянин, который привез их из деревни»³. Разница, пожалуй, заключается только в том, что Софон является

* Глава подготовлена И.Л. Волгиным и Т.М. Новиковой (Нечаевы), Н.Н. Богдановым и Е.В. Новожиловой (Шеры); также материалы представила Т.Н. Игнатович.

¹ В «Материалах для истории Боровска» на с. 22 упоминается и некий Яков Кононович Нечаев, возможно, приходившийся Софону Яковлевичу отцом. Дворы обоих были расположены неподалеку друг от друга. В 1677 г. при Якове Нечаеве жили два его сына, 15-летний Илья и 14-летний Никита. — М.В.

Дополнительные сведения о боровских Нечаевых, ставшие известными после подписания настоящего издания в печать: Боровск. Материалы для истории города. С. 191–192; Шапошников М.Б. Боровские купцы Нечаевы — предки Ф.М. Достоевского по материнской линии // Звено — 2009: Вестник музейной жизни. М.: ГЛМ, 2010. С. 54–59. — Ред.

² Выехавший из Золотой Орды родоначальник Ртищевых (см. с. 17–18) еще на рубеже XIV–XV вв. появляется в Боровском княжестве и получает там в кормление часть княжеского удела. Далекий потомок рода, веками обитавшего в Белоруссии и на Украине, неожиданно оказывается в Москве, чтобы здесь соединиться, наконец, с дочерью своего — в историческом, разумеется, смысле — боровского «земляка». — И.В.

³ Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. 5-е изд., испр. М., 2010. С. 82. — Ред.

еще более сборным типом, так как он совмещает в себе не менее трех социально-экономических функций — ремесленника (серебряника), земледельца (огородника) и купца (имеет лавку в москотильном ряду). Характерна в этом отношении и торговая деятельность Софона, совмещавшая продажу и лука, и чеснока, и серебряных изделий.

Вероятнее всего, предки Софона Струнникова были земледельцы, лишь позднее взявшиеся за ремесло и торговлю, как за подсобные средства к существованию⁴. Что касается потомков Софона, то их социальная эволюция идет все в том же направлении — от земли к прилавку. Вскоре они окончательно порывают с землей и становятся уже настоящими купцами, впрочем, не очень крупного масштаба.

Более столетия местообитанием потомков Софона продолжает оставаться город Боровск. Начиная с 1695 г., как это можно проследить по ревизским сказкам, за ними прочно закрепляется новая фамилия Нечаевых.

84. Струнникова, она же Нечаева Матрена Степановна

(1645—?). Жена предыдущего. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г., освобождена в то время от уплаты тягла (налога).

Поколение восьмое

85. Нечаев Павел Софонович

(1672 — после 1706). Последний раз упоминается в переписи 1695 г.

83 / 84

86. Нечаев Андрей (Андрон?) Софонович

([Лето 1677] — после 1695).

83 / 84

87. Нечаев Василий Софонович

(Ок. 1678 — после 1723). Прапрапрадед писателя.

По переписи 1723 г., платил тягло в размере 8 алтын 2 деньги.

83 / 84

88. Нечаева (по мужу) Настасья Федоровна

(1674 — после 3.V.1719). Жена предыдущего, прапрапрабабка писателя.

89. Нечаев Михаил Софонович

(1689 — после 1715).

83 / 84

90. Нечаева (по мужу) Акулина Филипповна

(1688 — после 3.V.1719). Жена предыдущего.

91. Нечаев Матвей Софонович

(1690 — после 1710).

83 / 84

⁴ Посадские Нечаевы происходили из крестьян Пафнutyево-Боровского монастыря и в течение нескольких поколений были серебряниками (см.: Шапошников М.Б. Указ. соч.). — Ред.

92. Жена предыдущего
(? — после 1711).

Поколение девятое

93. Нечаев Иван Павлович 85 / ?
(1707–1758). В 1719 г. жил у своей бабки, вдовы Матрены Степановны (№ 84).

94. Нечаев Иван Васильевич 87 / 88
(1704–1758). Прапрадед писателя. В возрасте 15 лет был уже женат и даже имел дочь Прасковью, которой ко времени переписи 3 мая 1719 г. исполнилось пять недель⁵.

95. Нечаева (по мужу) Агафья Филипповна
(1701 — после 13.II.1763). Жена предыдущего, прапрабабка писателя. Уроженка города Боровска («старая боровская посадская»).

96. Нечаева Ксения Васильевна 87 / 88
(1705 — после 3.V.1719).

97. Нечаев Козма Васильевич 87 / 88
(1706 — [после 13.II.1763]).

98. Нечаев Степан Васильевич 87 / 88
(1707 — [после 13.II.1763]).

99. Нечаев Анисим Васильевич 87 / 88
(1708 — [1758]).

100. Нечаева Мавра Васильевна 87 / 88
(<1712> — после 3.V.1719).

101. Нечаева Федора Васильевна 87 / 88
(<1714> — после 3.V.1719).

102. Нечаева Афимья Михайловна 89 / 90
(1710 — после 3.V.1719).

103. Нечаев Андрей Михайлович 89 / 90
(1713–1759).

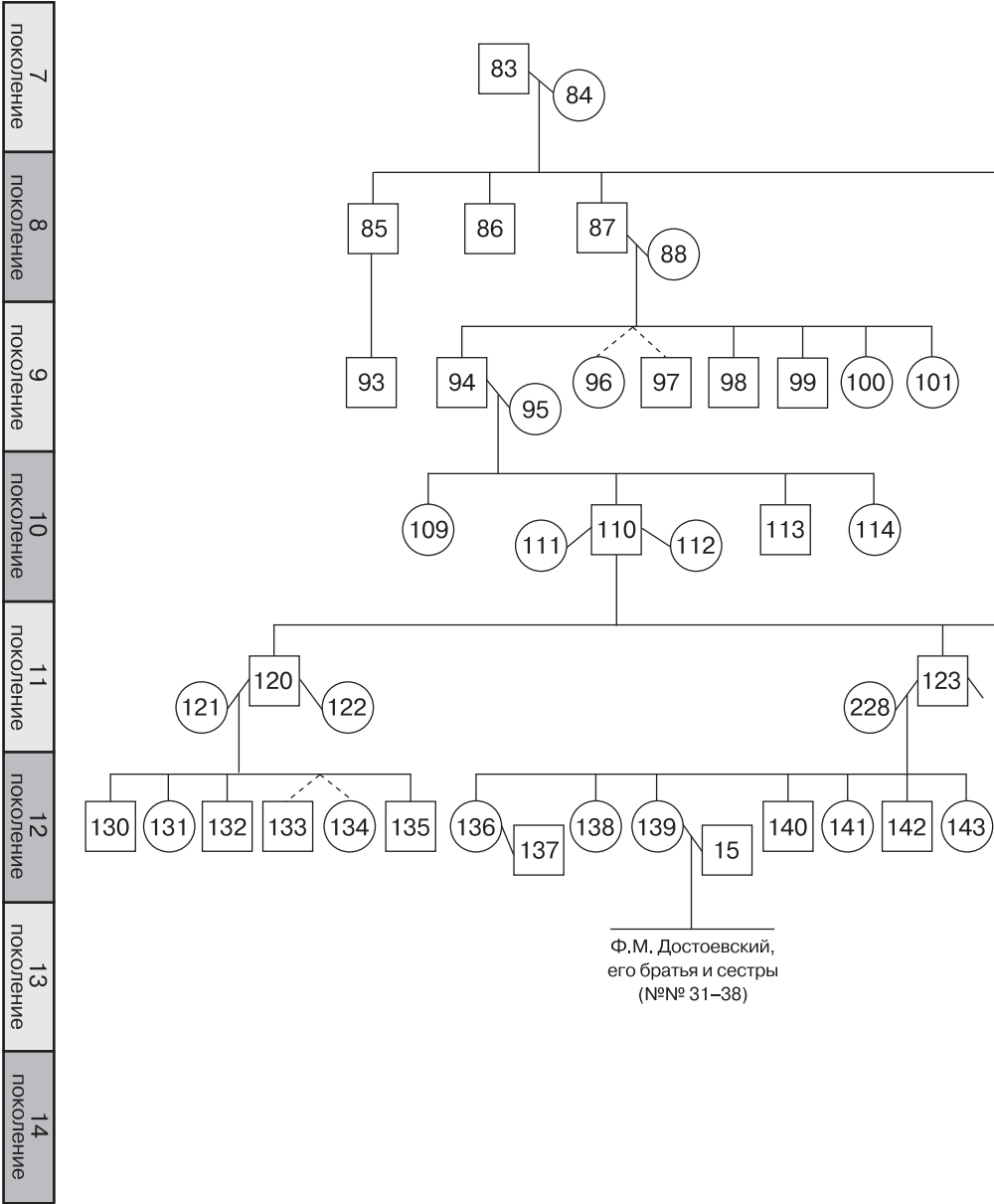
⁵ По материалам переписи 3 мая 1719 г., отцу Прасковьи ко времени ее рождения было даже не 15, а 14 лет. Однако последняя цифра не согласуется с данными других переписей. — М.В.

- 104. Нечаева (по мужу) Ксения Акимовна**
(1711 — после 13.II.1763). Жена предыдущего, из старых посадских Боровска.
- 105. Нечаева Федосья Михайловна** 89 / 90
(1716 — после 3.V.1719).
- 106. Нечаев Лука Матвеевич** 91 / 92
(1709 — после 13.II.1763).
- 107. Нечаева (по мужу) Авдотья Федоровна**
(1703 — после 13.II.1763). Жена предыдущего, из старых посадских Боровска.
- 108. Нечаева Екатерина Матвеевна** 91 / 92
(1711 — после 3.V.1719).

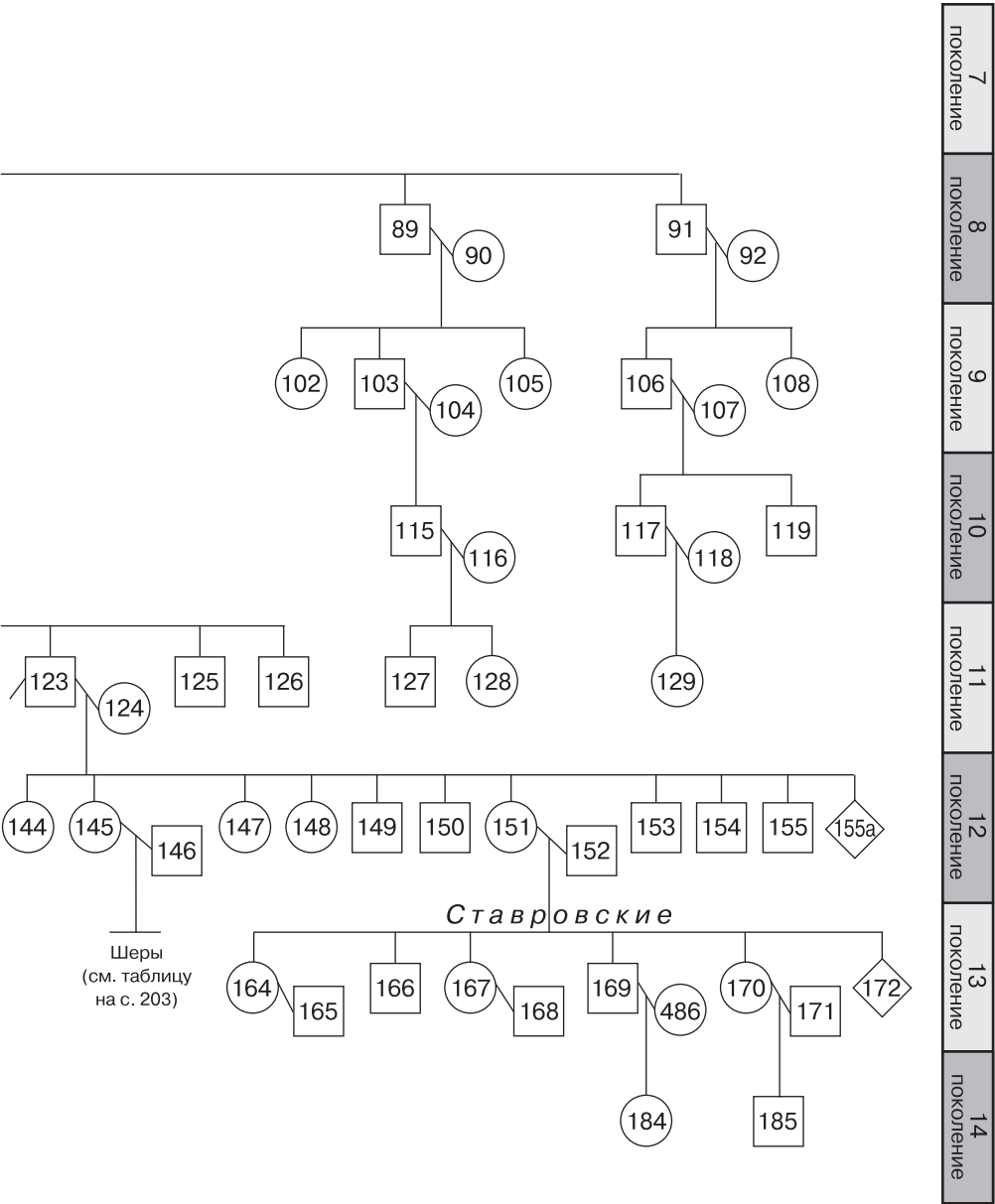
Поколение десятое

- 109. Нечаева Прасковья Ивановна** 94 / 95
(Конец III.1719 — ?). Сестра прадеда писателя. Родилась, когда ее отцу было всего 15 лет. По-видимому, умерла в раннем возрасте, так как после 3 мая 1719 г. ни в одной из последующих переписей не упоминается.
- 110. Нечаев Тимофей Иванович** 94 / 95
(1731—1797). Прадед писателя, боровский купец третьей гильдии.
Был дважды женат. От которой жены имел трех младших детей, в том числе и сына Федора (деда писателя), — сведений не имеется. Сыновья его в начале 1790-х мигрируют частью в Москву, частью в Петербург, где зачисляются в купечество третьей гильдии (*Боровск. Материалы для истории города; Материалы для истории московского купечества*).
- 111. Нечаева (по мужу) Степанида Дмитриевна**
(1733 — после 13.II.1763). Первая жена предыдущего, из старых посадских Боровска.
- 112. Болотина, по мужу Нечаева Мария Алексеевна**
(1735 — после 1795). Вторая жена Т.И. Нечаева. Дочь боровского купца [Алексея Ивановича Болотина (*Материалы для истории московского купечества. Т. 4. С. 310. Ревизская сказка от 3 июля 1795 г.*)]
- 113. Нечаев Степан Иванович** 94 / 95
(1733—1759). Брат прадеда писателя.
- 114. Нечаева Гликерия Ивановна** 94 / 95
(1743 — после 13.II.1763). Сестра прадеда писателя.

НЕЧАЕВЫ. ДЕД ПИСАТЕЛЯ

ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

115. Нечаев Иван Андреевич⁶**103 / 104**

(1728—1757). Если верить данным переписей 1747 и 1763 гг., родился в то время, когда его отцу было всего 15 лет.

116. Нечаева (по мужу) Аграфена Степановна

(1736 — после 13.II.1763). Жена предыдущего, «города Аренбурха посацкая».

117. Нечаев Козма Лукич**106 / 107**

(1731 — после 13.II.1763). В переписи 1763 г. значится как «безумный».

118. Нечаева (по мужу) Матрена Алексеевна

(1733 — после 13.II.1763). Жена предыдущего, из старых посадских Боровска.

119. Нечаев Тимофей Лукич**106 / 107**

(1746—1748).

Поколение одиннадцатое

120. Нечаев Иван Тимофеевич**110 / 111**

(1759 — [после 1816]). Брат деда писателя. До 1790 г. — купец в городе Боровске, с 21 декабря 1790 г. переходит из боровского купечества в петербургское третьей гильдии. Имел в Петербурге собственный дом в [шестой линии] Васильевского острова.

Реестр московским купцам

Третья гильдия, Сыромятная слобода

Иван Тимофеев Нечаев 34 (<прибыл в 1790 г.); живет в С.-Петербурге>.

(Материалы для истории московского купечества. Т. 4. Приложение 1. С. 55)

Книга 2-го комитета для записки

взносимых от купечества в пожертвование денег

30.VII.1812

3-й гильдии купца Ивана Тимофеева Нечаева пять сот рублей.

(ЦИАМ. Ф. 328. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 28 об.)

Так же как имя его брата Ф.Т. Нечаева, имя И.Т. Нечаева значилось на мраморных досках храма Христа Спасителя.

⁶ Возможно, прибывший в Москву в конце 1797 г. (чтобы затем выбыть после Отечественной войны) 36-летний Михайла Иванов Нечаев «из Верейских купцов», торговец тканью китайкой — потомок этой ветви рода (Материалы для истории московского купечества. Т. 4. Приложение 1. С. 17. Т. 5. С. 262. Т. 6. С. 98). — Ред.

Список выбывших из М<о>ск<овского> купечества после 6 ревизии
Сыромятная слобода

3 гил<ьдии> к<упец> Иван Тимофеев Нечаев <...> с детьми Мих<аилом> и Ив<аном> выбыл в Нарвское к<упече>ство с 1816 г., а <дети> Ник<олай> и Фед<ор> к<апита>ла на 1816 г. не объявили и к под<аче> рев<изской> ск<азки> не явились.

(Материалы для истории московского купечества. Т. 6. С. 232)

121. Винокурова⁷, по мужу Нечаева Настасья Ивановна

(1755 — после 3.VII.1795). Первая жена предыдущего. Дочь петербургского купца [Ивана Федоровича Винокурова (Материалы для истории московского купечества. Т. 4. С. 110. Ревизская сказка от 3 июля 1795 г.)]

122. Нечаева (по мужу) Наталья Абрамовна

(1789 — после 25.VIII.1811). Вторая жена И.Т. Нечаева. [Судя по году рождения Натальи Абрамовны (кстати, она моложе мужа ровно на 30 лет), брак был заключен не ранее 1806 г. Дети от этого брака неизвестны.]

123. Нечаев Федор Тимофеевич

110 / ?

(176[8]⁸ — начало 1832). Дед (отец матери) писателя. В 1790 г. переселяется из Боровска в Москву; московский купец третьей гильдии Сыромятной слободы.

Умер от грудной водянки [то есть хронической сердечной недостаточности, сопровождающейся отеками тела; похоронен на Лазаревском кладбище.]

По переписи 2 июля 1795 г. Федор Тимофеевич значится живущим в 9-й части г. Москвы, в приходе церкви Пимена, что на Дмитровке, в доме московского купца Семена Дмитриевича Ситникова в сидельцах.

[Обвенчался со своей первой женой, Варварой Котельницкой, 29 июля 1795 г. в церкви Николы в Столпах⁹.]

С 1799 г. «состоит в особом капитале».

⁷ В «Материалах для истории московского купечества» и в первом издании «Хроники» — Виномурова, однако в столице не было купцов с такой фамилией. — Ред.

⁸ Год рождения Ф.Т. Нечаева уточняется по исповедным ведомостям 1823, 1825, 1826 и 1827 гг. (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1013. Л. 686. Ед. хр. 1047. Л. 492. Ед. хр. 1065. Л. 546 об. Ед. хр. 1089. Л. 698 об.). В приложении к четвертому тому «Материалов для истории московского купечества» разница в возрасте между Федором Тимофеевичем и его старшим братом Иваном составляет 8 лет. — Ред.

⁹ Этот храм, «узорчатый в столпах», возникает в романе «Подросток», где как бы противостоит невзрачному пансиону Тушара (то есть Драшусова, у которого обучались братья Достоевские). Скромную церковь XVII в. бедного предместья писатель заменил в романе другой, также «выстроенной еще при Алексее Михайловиче», но «узорчатой, многоглавой и в столпах», высившейся в центре Москвы, неподалеку от дома дяди Куманина в урочище Столпы близ Покровки. Церковь эта была снесена в 1935 г. (Московский мир Достоевского. С. 85, 95). — Ред.

В конце XVIII в. ни в приходе Николы в Столпах, ни в приходе церкви Петра и Павла на Новой Басманной не проживает никого из Антиповых, Нечаевых, Котельницких; не построена еще и Мариинская больница для бедных. В том уголке, который позже станет известен нам как Москва Достоевского, пока имеется, видимо, только лавка Антиповых. Возможно, после пожара 1812 г. сюда перебрались жить Антиповы, за ними последовал Нечаев, который затем и пристроил зятя в больницу неподалеку? — Т.Н.

По переписи в сентябре 1801 г. значится живущим «у Спаса на Устретенке свой двор; торг имеет в суконном ряду» (*Материалы для истории московского купечества. Т. 4. Приложение 1. С. 55*).

Здесь, то есть в приходе церкви Преображения Спаса в Пушкарях (храм постройки 1625 г. на Сретенке, снесен в 1935-м), и проживает в 1800–1804 гг. семейство Нечаевых.

Исповедная ведомость 1800 г. показывает его состоящим из Федора Тимофеевича (31 год), его жены Варвары Михайловны (21 год; правильнее, очевидно, 23 года – см. с. 261), их детей – Александры 5 лет (будущей А.Ф. Куманиной) и Катерины 3 лет. (Родившаяся буквально этими днями мать писателя отсутствует¹⁰.) Упоминается деверь – «сиделец их Захар Тимофеев 19» (№ 126). У Нечаевых наличествуют жильцы: «московский купец Алексей Васильев сын Иванов 38, жена его Дарья Михайлова 33, дети их Алексей 7, Антон 4 Алексеевы, мать <Дарьи> Степанида Степанова 60, сын Ее Коллежский Регистратор Иван Михайлов Кречитов вдов 32».

В 1802 г. состав семьи тот же (младшие дети не показаны). Прибавляется «служительница их Акимья Иванова 52». Жильцы те же плюс «служительница их Ульяна Естифеева 46» и «купеческая жена вдова Мария Михайлова 42» (вероятно, сестра Ивана и Дарьи). Таким образом, жильцы Нечаевых – это одна семья, скорее всего того же, что и они, купеческого круга. Характерно, что домохозяева имеют только одну служанку.

В исповедных ведомостях за 1804 г. будущая мать Достоевского, четырехлетняя Мария, уже присутствует, равно как и родившийся в 1801-м ее брат Михаил. Сидельцев уже двое – тот же Захар Тимофеев и Прохор Васильев, к служанке присоединился ее муж Лукьян Евстифеев 56 лет. Частично сменились жильцы – их теперь общим счетом восемь: в основном это мещане и купеческие вдовы с домочадцами (*ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 717. Метрическая книга церкви Сретенского сорока Преображения в Пушкарях за 1803–1809 гг. Лл. 7 об., 16, 34 об., 48; Ф. 203. Оп. 745. Ед. хр. 99. Л. 267. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей Сретенского сорока г. Москвы за 1800, 1802, 1804 гг. Ед. хр. 2027. Л. 297. Ед. хр. 757. Лл. 330–331. Ед. хр. 2033. Л. 340 об.*).

В 1810 г. имя Ф.Т. Нечаева появляется в исповедных ведомостях церкви Петра и Павла на Новой Басманной. Здесь он будет проживать в собственном доме, очевидно, и после Отечественной войны 1812 г., не могущей не отразиться на семействе.

Книга 2-го комитета для записки
взносимых от Купечества в пожертвование денег
30.VII.1812

562. 3-й гильдии купца Федора Тимофеева Нечаева тысячу рублей.
(*ЦИАМ. Ф. 328. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 28 об.*¹¹)

Имя Ф.Т. Нечаева как жертвователя на московское ополчение 1812 г. было занесено на мраморные доски храма Христа Спасителя.

¹⁰ Вероятнее всего, Мария Федоровна была крещена именно в этой церкви. – *И.В., Т.Н.*

¹¹ Амбарная книга, в которой сделана эта запись, имеет коричневую с разводами обложку, на обороте последней страницы – красная сургучная печать с гербом (графа Ростопчина?). Книга состоит из 45 исписанных с обеих сторон листов. Среди жертвователей – известные московские купеческие династии: Зимины, Шапошниковы, Солодовниковы; встречаются также иностранцы. – *И.В.*

А.М. Достоевский

...Федор Тимофеевич Нечаев, которого я еще помню в своем детстве как дорогого и любимого баловника-дедушку, до 1812 года, то есть до Отечественной войны, был очень богатый человек и считался, то есть имел тогдашнее звание именитого гражданина. Во время войны он потерял все свое состояние, но, однако, не сделался банкротом, а уплатил все свои долги до копейки. Помню как сквозь сон рассказы моей матери, как она, бывши девочкой 12 лет, в сопровождении своего отца и всего его семейства выбрались из Москвы только за несколько дней до занятия ее французами; как отец ее, собравши сколько мог свои деньги, которые, как у коммерческого человека, находились в различных оборотах, вез их при себе; что все эти капиталы были в бумажных деньгах (ассигнациях); что, проезжая вброд через какую-то речку, карета их чуть не утонула со всеми пассажирами и лошадьми и что они все спаслись каким-то чудом, выпрыгнувши или быв вытащенными из экипажа посторонними людьми; что вследствие того, что карета долгое время оставалась в воде, все ассигнации до того промокли, что оказались вовсе потерянными; что, приехав на место, они долгое время старались сколь возможно отделять ассигнации друг от друга и просушивать их на подушках, но что из этого ничего не вышло. Таким образом весь наличный капитал деда был тоже потерян.

(Воспоминания. С. 18)

В 1813 г., согласно исповедным ведомостям, Нечаев проживает в том же приходе Петропавловской церкви на Новой Басманной. Очевидно, дом его уцелел в московском пожаре¹². Вместе с главой семейства – дети Мария и Михаил (первая жена уже умерла, как, вероятно, и дочь Екатерина, а Александра 15 мая 1813 г., накануне смерти матери, вышла замуж за купца первой гильдии А.А. Куманина). Вместе с Нечаевым живет тверской купец Арсений Гаврилов, а также служители и их дети числом восемь.

В том же приходе проживает «московский купец Яков Антипов» – из его дома в следующем году 46-летний вдовец возьмет себе новую жену (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 861. Лл. 248, 249; *Материалы для истории московского купечества. Т. 5. С. 142. Т. 6. С. 227*).

Всего у Ф.Т. Нечаева было 18 детей от двух браков. До зрелого возраста дожили пятеро, а потомство оставили лишь трое младших дочерей, и, стало быть, фамилия Нечаевых не сохранилась во внучатом поколении: потомки звались Достоевскими, Шерами и – так же быстро исчезнувшая фамилия – Ставраевскими.

А.М. Достоевский

Сперва дедушка с женою и семейством жили в наемной квартире где-то на Басманной улице¹³, но впоследствии переселились к старшему зятю Александру Алексеевичу Кума-

¹² За 1812 г. в архиве сохранилось только 20 ведомостей Сретенского сорока (250 листов) – примерно половина их обычного количества (Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 844). Ведомости посылались в духовную консисторию осенью. В сентябре 1812-го в Москве стоял Наполеон – отсюда, видимо, недополучение ведомостей: в них нет ни Нечаевых, ни Антиповых. – *И.В.*

¹³ Правильнее, возможно – в собственном доме. В 1822 г. Нечаевы сами сдают квартиру внаем – инженер-поручику Иллариону Александровичу Мусину-Пушкину (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 997. Л. 363). Позднее Ф.Т. Нечаев переберется к дочери Александре, в дом Куманиных, лишившись по сути собственного угла. – *И.В.*

нину. Это переселение состоялось после выхода в замужество моей матери¹⁴, так что маменька выходила замуж еще из дома отца своего, а не из дома Куманиных. Дедушка всякую неделю приходил к нам к обеду и, кажется, всегда в один и тот же день, ежели не ошибаюсь, в четверг. По праздникам же он всегда обедал у старшего зятя своего Куманина. В этот день <четверг> мы, дети, еще задолго до прихода его беспрестанно выглядывали в окно, и как только, бывало, завидим идущего с палочкою дедушку, то поднимался такой крик, что хоть образа выноси из дома... Но вот он входит в переднюю, тихонько раздевается... Маменька встречает его, и он, перецеловав всех нас, оделяет нас гостинцами; а потом садится в гостиной и ведет разговор с маменькой. Он постоянно носил коричневый сюртук (и другого костюма его я не помню), в петличке которого висела медаль на аннинской ленте, с надписью: «*Не нам, не нам, а имени Твоему*». Это все, что осталось у него после 1812 года! Через несколько времени возвращается с практики папенька, любовно и радушно здоровается с тестем, и мы садимся за обед, который в этот день у нас бывал несколько изысканнее, хотя, впрочем, к слову сказать, обеды у нас всегда были сытными и вкусными. После обеда дедушка, посидев недолго, собирался домой и уходил, и мы не видели его до следующего четверга. Я не помню никогда, чтобы дедушка бывал у нас вместе с женой своей Ольгой Яковлевной. Вероятно, он чувствовал, что маменька не слишком была расположена к своей мачехе, а может быть, и потому, чтобы предоставить себе возможность поговорить с глазу на глаз со своей дочерью...

Он, бывши уже в агонии, увидев у своего одра обоих <рассорившихся> зятьев, соединил их руки и попросил исполнить его предсмертное желание – позабыть взаимные обиды и быть по-прежнему в дружеских отношениях. Зятья обещались исполнить это желание, пожали друг другу руки и поцеловались; тогда дедушка плюнул, велел одной из дочерей растереть ногою этот плевок и сказал: «Пусть также разотрется и уничтожится ваша ничтожная вражда, как растерт и уничтожен этот плевок вашего умирающего отца!» Причем обе жены примирившихся плакали навзрыд. Этот эпизод был мною неоднократно слышан как от маменьки, так и от тетки.

(Воспоминания. С. 32–33, 36–37)

Упоминается в метрических книгах Московской духовной консистории за 1821 г. в записи о рождении своего внука, Федора Михайловича Достоевского — как восприемник.

228. Котельницкая, по мужу Нечаева Варвара Михайловна 219 / 221
([1777] — 8.VI.1813, [Москва]). Первая жена предыдущего
(с 29 июля 1795 г.), бабушка писателя. О ней см. на с. 261.

124. Антипова, по мужу Нечаева Ольга Яковлевна
([11.VII.1795¹⁵ — 27.III.] 1870, Москва). Вторая жена Ф.Т. Нечаева
(с 18 мая 1814 г.). [Дочь московского купца.]

¹⁴ То есть после 1820 г. — И.В.

¹⁵ Год рождения О.Я. Антиповой-Нечаевой уточняется по исповедным ведомостям 1823, 1825, 1826 и 1827 гг. (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1013. Л. 686. Ед. хр. 1047. Л. 492. Ед. хр. 1065. Л. 546 об. Ед. хр. 1089. Л. 698 об.) (Воспоминания (рукопись). Квартира X) Об именинах 11 июля пишет А.М. Достоевский. — Ред.

Отец Ольги Яковлевны, купец второй, затем третьей гильдии, а с 1824 г. перешедший в мещанство Яков Антипович Антипов (1762¹⁶ – 1.X.1817, Москва), жил в приходе церкви Петра и Павла на Новой Басманной в собственном доме. Имел четырех детей; Ольга, вторая дочь, вступила в брак раньше всех.

Погребен был на Лазаревском кладбище; вдова Варвара Ивановна (1774¹⁷ – 1825/26) проживала в доме сына, «Московского купца Николая Яковлева Антипова» (ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 30 – 30 об. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1047. Л. 491 об. Ед. хр. 2047. Лл. 273 об., 533 об.; См. также: Ед. хр. 997. Л. 362 об. Ед. хр. 1065. Л. 546 об.; *Материалы для истории московского купечества. Т. 5. С. 368. Т. 6. С. 234. Т. 7. С. 234*).

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1813–1822 гг.
18.V.1814

Вступил в брак Московской купец третьей гильдии Феодор Тимофеев Нечаев поял за себя Московского купца второй гильдии Якова Антипова дочь его девицу Ольгу Яковлеву жених вторым, а невеста первым браком. Оной надлежащей обыск с поруками чинен был. Оное венчание исправлял священник Симеон Алексеев с причтом.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 6 – 6 об.)

Ольга Яковлевна родила мужу одиннадцать детей, из которых совершеннолетия достигли лишь две дочери – Ольга, по мужу Шер, и Екатерина, по мужу Ставровская.

«Неродная бабынька» считается возможным прототипом Антонины Васильевны Тарасевичевой из романа Ф.М. Достоевского «Игрок».

А.М. Достоевский

Про бабушку Ольгу Яковлеву могу сообщить, что она вышла замуж за моего деда (женившегося вторым браком) <...> уже тогда, когда тетенька была замужем за Куманиным. Следовательно, маменька была тогда девочкою 14-ти лет и с лишком пять лет до своего замужества <...> проживала под надзором своей мачехи...

Мы, дети, не особенно любили ее, потому что она при всяком свидании умела или взглядом, или словом сделать какое-нибудь замечание, нелюбезное к нам, детям. Впоследствии же я слышал, да и сам убедился, что эта женщина была хитра и без сомнения умна, но с умом, направленным не на одно доброе. Не знаю, как при деде, но по смерти деда бабушка заведовала хозяйством всего живущего на большую ногу куманинского дома...

Прошло, я думаю, не менее недели после смерти и похорон отца, когда в деревню Даровую приезжала бабушка Ольга Яковлевна, посланная дядею за оставшимися сиротами. Бабушка, конечно, была на могиле отца в селе Моногарове, а из церкви заезжала к Хотяинцевым¹⁸. Оба Хотяинцевы, то есть муж и жена, не скрывали от бабушки истинной причины смерти папеньки, но не советовали возбуждать об этом дела...

¹⁶ Относительно года рождения Якова Антиповича существуют большие разночтения. Это может быть 1749-й – по исповедной ведомости 1808 г., 1762-й – по данным 6 и 7 ревизий, или же 1772-й – по метрической записи о смерти. – *Ред.*

¹⁷ По ревизским сказкам – 1772. – *Ред.*

¹⁸ Первое знакомство Ольги Яковлевны с Хотяинцевыми относится к 1835 г. (*Московский мир Достоевского. С. 187*). – *Ред.*

Приехав в Москву <осенью 1856 г.>, я передал, конечно, всем нашу общую радость по поводу производства брата Федора Михайловича в прапорщики. Все были очень обрадованы этим, а дядя за обедом велел матушке-теще (так звал он бабушку Ольгу Яковлевну) распорядиться насчет шампанского.

(Воспоминания. С. 35–36, 110, 265)

Н.М. Достоевский – брату Андрею
18.XI.1862. Петербург

...Она недавно изволила ни с того, ни с другого посетить нашу столицу, и, как ты думаешь, – всего на два дня. Вероятно наскучил ей московский преферанс и бостон и приехала поиграть в петербургский; но, к несчастью, между нашими не было ей товарищей <...>. Это-то и было, кажется, скорой причиной ее отъезда. Странное

дело, все стареются, но она – конь-конем, даже и не помышляет о вечной разлуке с преферансом и другими старческими удовольствиями мира сего. Курит (крепкие папиросы) напрапалую. Бранится и ссорится тоже (хотя добрейшая в сердце). Одним словом, что было прежде, то и теперь. Впрочем, не думай, чтобы я говорил о нашей бабушке с какою-нибудь насмешкою. Нет, вовсе нет, просто я восхищаюсь этой вечной суетливости и постоянной заботливости пожить получше. Представь себе: она даже идет за веком – бранит то, что бранят все в настоящее переходное и полное треволнений время.

(Литературное наследство. С. 386)

А.М. Достоевский

<Первый> прием бабушки Ольги Яковлевны был более нежели радушный; он был как бы *искательный*. Она была предупредительно вежлива с <моей> женою и очень ласкала детей. <...> После сытного обеда бабушка, конечно для своего удовольствия, устроила пульку в преферанс; не помню, кто был четвертым, но только по записи видно, что я проиграл три рубля (конечно, не нарочно), чем еще более приобрел симпатию бабушки Ольги Яковлевны...

Бабушка при всяком удобном случае составляла партии преферанса, в которых и я должен был участвовать <...> при прощанье дала мне порученность выслать ей из Екатеринослава курительного табаку, который ей очень понравился, когда она угощалась моими папиросами; на что и дала денег. Что я, конечно, и исполнил сейчас по приезде в Екатеринослав, выслав ей фунтов 7–8 хорошего табаку.

Неожиданный наш приезд <в декабре 1864 г.> очень был приятен бабушке Ольге Яковлевне, и на вопрос мой, можем ли мы остановиться у них и рассчитывать на двухдневное гостеприимство, она только замахала руками и сейчас же велела приготовить что-нибудь

к добавочному обеду, так как они только что пообедали. <...> мы рассказали, куда и зачем едем, и радостным возгласам и предположениям конца не было! Оказалось, что бабушка сама была ярославка и в ранней своей юности жила в Ярославле, и помнила его, и рассказы и выхваления Ярославля – были бесконечны!

<В июле 1868 г. бабушка> уведомляла меня, что она переезжает из дома Куманиных (по завещанию дяди, в доме этом должна была жить тетка до смерти, а после ее смерти дом поступал в род Куманиных) на частную небольшую квартиру в том же Козмо-Демьяновском переулке, в дом Чернова близ самой церкви Козмо-Демьянской <...> содержание в исправности большого дома должно было вызвать необходимость содержать прежнее число прислуги, чего при предстоящих средствах допустить было невозможно. (Воспоминания (рукопись). Квартиры VIII, X)

Ф.М. Достоевский – В.И. Веселовскому
14 (26).VIII.1869. Дрезден

...Что досталось <по завещанию А.Ф. Куманиной> остальным родственникам, племянникам и внукам Александры Федоровны и, главное, Ольге Яковлевне Нечаевой (жившей с нею и ходившей за ней), которую мы все, Достоевские, называем нашу бабкой, жива ли она и совершенно ли здорова? (Я считаю, что в деле о нарушении завещания, если б оно началось, мнение Ольги Яковлевны может иметь чрезвычайную важность.) (ПСС. Т. 29, С. 47)

А.М. Достоевский – брату Федору
30.IX.1869. Ярославль

О существовании завещания, сделанного тетушкой А<лександрой> Ф<едоровной>, я впервые узнал в декабре 1864 года, когда приезжал из Екатеринослава в Москву и Петербург. Узнал я это тогда от бабушки Ольги Яковлевны, которая при этом сказала мне, что и на мою долю завещано 10 тыс. рублей и что душеприказчиком назначен некто Александр Тимофеевич Неофитов. <...> в Москве от сестры Варвары Михайловны, а в Петербурге от сестры Саши я постоянно слышал, что дела тетушки приходят в совершенный упадок, что бабушка Ольга Яковлевна распоряжается всем без всякого контроля <...> сестры сильно подстрекали меня войти в это дело и познакомиться с ним обстоятельнее. <...> на возвратном пути домой я приехал в Москву в день смерти Александра Павловича <Иванова>. Тогда-то бабушка ухватила за меня, как говорится, обеими руками и просила рассмотреть дело и помочь ей советом. (Воспоминания. С. 338, 339)

125. Нечаев Андрей Тимофеевич

110 / ?

(1775–1810). Брат деда писателя. Вместе с Федором Тимофеевичем переселился из Боровска в Москву. Ко времени переписи 2 июля 1795 г. жил вместе с ним.

126. Нечаев Захар Тимофеевич

110 / ?

(1778–?). Брат деда писателя. Вместе с Федором Тимофеевичем переселился из Боровска в Москву. Ко времени переписи 2 июля 1795 г. [и до 1804 г.] жил вмес-

те с ним, [в исповедных ведомостях упоминается как его «сиделец» (*ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 2027. Л. 297. Ед. хр. 757. Л. 330. Ед. хр. 2033. Л. 340 об.*).] Согласно материалам переписи 25 августа 1811 г., «состоит по мастерству с 1799 г.».

127. Нечаев Григорий Иванович 115 / 116
(1758—?). Во время переписи 13 февраля 1763 г. жил в Боровске.

128. Нечаева Татьяна Ивановна 115 / 116
(1759—?). Во время переписи 13 февраля 1763 г. жила в Боровске.

129. Нечаева Марья Кузьминична 117 / 118
(1761—?). Во время переписи 13 февраля 1763 г. жила в Боровске.

Поколение двенадцатое

130. Нечаев Николай Иванович 120 / 121
(1792—?).

131. Нечаева Надежда Ивановна 120 / 121
(1793—?).

132. Нечаев Федор Иванович 120 / 121
(1798—?).

133. Нечаев Михаил Иванович 120 / 121
(1799—?).

134. Нечаева Елена Ивановна 120 / 121
(1799—?). Однолетка (близнец?) со своим братом Михаилом.

135. Нечаев Иван Иванович 120 / 121
(1800—?).

136. Нечаева, по мужу Куманина Александра Федоровна 123 / 228
(15.IV.1796 — 29.III.1871, [Москва]). Тетка [и крестная] писателя, [была также крестной большинства своих сводных братьев и сестер].

Л.Ф. Достоевская

...Вышла замуж за богатого и жила в красивом доме в Москве, окруженная толпой преданных слуг, обихаживаемая и развлекаемая бесчисленными приживалками, бедными женщинами, трепетавшими перед ней и исполнявшими все прихоти богатой деспотичной барыни. Она покровительствовала своим племянникам и племянницам и особое предпочтение отдавала моему отцу, всегда бывше-

му ее любимцем. Она одна из всей семьи знала ему цену и всегда была готова помочь. Отец мой очень любил свою старшую тетку Куманину, хотя и несколько подтрунивал над ней, что обычно свойственно юным племянникам. Он изобразил ее в «Игроке» в лице старой московской бабуленьки, которая приезжает в Германию, играет в рулетку, проигрывает половину своего состояния и так же поспешно, как приехала, возвращается в Москву. В то время, когда в Германии процветала рулетка, Куманина была слишком стара для путешествий. Но, возможно, она играла в карты в Москве и проигрывала большие суммы. Посылая ее в Германию и заставляя рядом с собой играть в рулетку, Достоевский, может быть, хотел показать, от кого он унаследовал страсть к игре¹⁹.

(Достоевский в изображении дочери. С. 43–44)

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
9.IV.1864. Москва

...Тетка, хоть и в здравом рассудке *вполне* (я очень недавно был там), но очень слаба памятью (но совсем не так, чтоб забывать людей и не помнить происшествий). В расположении духа хорошем. Начала для своего утешения на фортепианах играть, 30 лет не игравши. Характеру никакого, решимости никакой, находится под влияниями.

(ПСС. Т. 28₂. С. 79)

В том же письме Достоевский развивает перед братом план, как получить от А.Ф. Куманиной необходимые им для издания журнала «Эпоха» 10 000 рублей (которые и были вскоре получены).

С теткой нужно говорить решительно, вполне откровенно и ясно. Нужно представить, что если ты раз, прошлого года, вылез *буквально* из петли, то каково же теперь не *добавь* журнал и просто погибнуть, стоя на краю несомненного и блистательного успеха? Представить, что тетка не разорится, а отказом погубит и тебя, и семейство. Сразу ни тетка, ни бабушка не решатся, закудахтают и заахают. Пусть. Надо их только на первый раз крепко озадачить, насесть

¹⁹ По мнению многих исследователей, этой роли соответствует «неродная бабынька» Ольга Яковлевна Нечаева, см. с. 171, 172. — Ред.

на них нравственно, чтоб перед ними ясно стояла дилемма: «Дать — опасно; не заплатит; не дать — убьешь человека и грех возьмешь на душу». Разумеется, они сразу ничего не решат и начнут советоваться. Тут и пустить <сестру> Варю, если она действительно захочет ходатайствовать; в противном же случае лучше пусть и не ездит. Если же Варя захочет, то совет ее много сделает; пусть не спрашивает тетку, а скажет ей а la Александр Павлович: «Ваши деньги; хотите дайте, хотите нет. Не дадите — разорите дотла и *погубите*, а это Ваш племянник, Ваш крестник, который ничего от Вас не получал и никогда ни о чем не просил. Вы в гроб смотрите и сделаете злодейство; с чем перед Христа и перед покойной сестрой явитесь? Сестер устраивал Александр Алексеич, а Вы что сделали сами? У Вас 150 000, а Вы боитесь разориться!» Все это надо резко сказать, тем более, что это все правда и что это надо хоть когда-нибудь высказать. Варенька не скажет, так я выскажу. И выскажу. Вообще надо быть не очень просителем, дрожащим заискивателем. Коммерческою сухостью и деловым видом тоже немного с ними сделаешь. Надо действовать нравственно, на душу, и действовать не патетически, а строго, сурово. Это всего более ошибет. <...> Может быть, что в первый раз просто откажут. Но потом совесть замучит, сами призовут и дадут.
(ПСС. Т. 28₂. С. 80–81)

А.Г. Достоевская

В лице старушки Рогожиной Федор Михайлович описывает родную тетку (сестру матери) Александру Федоровну Куманину, жившую в Москве. После свадьбы мы с Федором Михайловичем были в Москве и навестили его тетку; она приняла нас чрезвычайно приветливо, но навряд ли сознавала, кто мы такие.
(Семинарий по Достоевскому. С. 60)

Ф.М. Достоевский — А.Н. Майкову
14 (26).VIII.1869. Дрезден

Что тетка была не в своем уме несколько лет (года 4 последних наверно) — тому и я многократный очевидец, и если надо, то найдутся 100 свидетелей.
(ПСС. Т. 29₁. С. 48)

А.М. Достоевский

...Тетенька Александра Федоровна была только четырьмя годами старше маменьки, но <...> маменька считала свою сестру более за мать, чем за сестру, она любила и уважала ее донельзя, и эту свою любовь умела вложить во всех нас. <...> В детстве я любил бессознательно тетеньку, а впоследствии, когда сделался взрослым, я благоговел перед этою личностью, удивлялся ее истинно великому практическому уму и уважал и любил ее как мать...

<В 1864 г.> она уже потеряла всю память и быстро впадала в сумасшествие. Впрочем, меня она узнала, долго целовала и все повторяла: «Ключики, ключики, ключики...» Единственное слово, которое она сохранила в своей упдающей памяти. Но, впрочем, я имел неоднократный случай убедиться, что в этот период

времени, то есть в декабре 1864 и в январе 1865 г., она хотя и не могла говорить, потому что позабыла слова, но все еще понимала. Так, например, я был свидетелем, как она не на шутку рассердилась на бабушку Ольгу Яковлевну, когда та, уехавши куда-то в гости, запоздала к ужину; тетушка долгое время не хотела смотреть на нее, и только после того, как та подала ей персик или какой-то другой гостинец, — она улыбнулась и согласилась идти к запоздалому ужину...

<В 1868 г.> для официального освидетельствования тетушки в ее умственных способностях к ней, как уважаемой личности, все присутствие приехало на дом в лице губернатора, обер-полицмейстера и советников губернского правления и, конечно, докторов. На все вопросы должностных лиц тетушка только и говорила: «Ключики, ключики, ключики...» и «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!..» Конечно, ее признали больною.

...Бабушка Ольга Яковлевна уже поджидала нас и, поддерживая под руки тетушку, встретила <мою жену> Домнику с поздравлением с днем ангела. Тетушка, бормоча: «Ключики, ключики, ключики...», обняла Домнику и всунула ей в руку коробочку из-под пилюль из московской аптеки Миндера. Бабушка при этом пояснила, что тетушка дарит имениннице *камушков*. В коробочке этой оказалось 20 штук довольно крупных бриллиантов, 10 штук средних и 23 штуки мелких, всего 53 камушка. Камни эти заключались в серебряной оправе из подвесок к бывшему фамильному теткинскому колье. Эта коробочка из аптеки Миндера с остатками серебряных оправ цела и хранится у меня и доселе. Камушка же уже нет ни одного. Хотя даровому коню, как говорится, в зубы не смотрят, но мы все-таки, чтобы знать цену подарку, на другой же день справлялись у нескольких ювелиров, и они нам заявили, что ежели мы продаем эти камни, то можем сейчас же получить за них *600 рублей*; но что на самом деле они стоят значительно дороже, а именно около 750 рублей.

Бедная тетушка еще более сделалась апатичною и мало понимающею. Так что она сидела на своем кресле, и на нее обращали внимание только тогда, когда нужно было давать ей лекарство или когда нужно было вести ее к обеденному столу...

Бабушка Ольга Яковлевна <в 1866 г.> имела серьезное намерение вместе с тетушкой Александрой Федоровной побывать у нас в Ярославле в июне месяце. Но это не осуществилось по случаю падения тетушки А<лександры> Ф<едоровны> в зале на гладком полу, вследствие чего она ушибла ногу, и хотя не сломала ее, но начала ходить с затруднением; что действительно я и заметил, бывши у них в июле месяце.

В июле месяце Домника вместе с Женичкой тоже ездили прокатиться в Москву. Они совершили эту поездку 25-го июля – 2-го августа. Из писем наших, к этому времени относящихся, видно, что <...> бабушка Ольга Яковлевна едва узнала их; но узнав, очень и очень обрадовалась. Что тетушка Александра Федоровна была очень больна, и ее уже соборовали маслом, но что после того ей сделалось лучше, но она все-таки сидит в своей комнате. При виде Домники она очень взволновалась, заплакала и стала шептать какие-то молитвы...

<Похоронив бабушку 30 марта 1870 г., я> вместе с сестрами поехал на квартиру тетушки, которая, по-видимому, вовсе не сознавала, что лишилась своей сожительницы, с которой жила почти неразлучно с смерти деда...

(Воспоминания. С. 35, 304–305, 328, 352; Воспоминания (рукопись). Квартиры VIII, X)

М.В. Волоцкой

Супруги Куманины, будучи бездетными, играют большую роль в жизни семьи Достоевских. Каждая из трех сестер писателя получает от них при выходе замуж по 25 тыс. руб. приданого. Старшая, Варвара, приобретает на эти деньги несколько домов в Москве; средняя, Вера, выкупает у сонаследников в свое владение семейное имение Достоевских, состоящее из селца Дарового и деревни Черемошны; младшая, Александра, покупает дом в Петербурге. Известно, что Михаил и Федор также пользуются материальной помощью своей богатой тетки. Основывая журнал «Эпоха», они берут у нее в счет будущего наследства 10 тыс. руб.

Но особенно большую и в то же время тяжелую роль приобретает в жизни семьи Достоевских оставшееся после Куманиных наследство. Споры из-за этого наследства начинаются непосредственно после смерти Александры Федоровны (умершей позднее своего мужа), растягиваются на многие годы и приводят к целому ряду тяжелых семейных конфликтов.

А.Г. Достоевская

Наследство после А.Ф. Куманиной досталось нам еще в начале семидесятых. Оно состояло из имения в количестве 6000 десятин, находившихся в ста верстах от Рязани, близ поселка Спас-Клепики. На долю четырех братьев Достоевских (которым приходилось уплатить сестрам деньги) досталась одна треть имения, около 2000 десятин; из них на долю Федора Михайловича приходилось 500 десятин.

Так как наследников после Куманиной оказалось много, то сговориться с ними представляло большие трудности. Продать имение целиком — не находилось покупателей, а между тем с нас, как и с прочих сонаследников, требовались деньги на уплату повинностей; поверенный наш тоже требовал деньги на поездки в имение, бумаги, судебные расходы и проч., так что наследство это доставляло нам только одни неприятности и расходы.

Наконец наследники пришли к решению взять землю натурой, но так как земля была разнообразная, от векового леса до сплошных болот, то мы с мужем решили получить значительно меньше десятин, но лишь бы земля была хорошего качества. Но чтоб выбрать участок, следовало съездить и осмотреть имение. Каждую весну заходил разговор о съезде всех наследников в имение с целью выбрать и отмежевать на свою долю известное количество десятин. Но всегда случалось, что то одному, то другому из сонаследников нельзя было приехать, и дело отлагалось на следующий год. Наконец летом 1879 года наследники решили собраться в Москве с целью войти в какое-либо окончательное соглашение, и если это удастся, то всем проехать в Рязань, а оттуда в имение, и там на месте решить дело окончательно. <...> мне удалось выбрать на долю мужа двести десятин строевого леса в так называемой «Пехорке» и сто десятин земли полевой. (Воспоминания. С. 337–339)

Куманинское наследство долгое время было яблоком раздора между братьями и сестрами Достоевскими, а также их родственниками Казанскими, Шерами, Ставровскими и др. По свидетельству дочери писателя (весьма, впрочем, сомни-

тельному в отношении объективности), споры с сестрами из-за раздела этого наследства явились даже конечной причиной смерти Ф.М. Достоевского (*Достоевский в изображении дочери. С. 196–199*).

Договориться родственники так и не сумели. Об этом свидетельствует «итоговое» письмо В.Д. Шера, адресованное А.Г. Достоевской (с. 205).

137. Куманин Александр Алексеевич

(15.X.1792 – [20.VIII] 1863). Муж предыдущей, в браке с 15 мая 1813 г. Богатый московский купец [(первой гильдии), совладелец текстильной фабрики в Переславле-Залесском и фирмы «Алексея Куманина сыновья»²⁰, имевшей отде-

²⁰ Отец Куманина, Алексей Алексеевич (1751–1818), московский городской голова 1812 г., изображен Л.Н. Толстым в третьем томе «Войны и мира», в сцене приезда царя в дворянское собрание (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 98). Писатель помещает купца Куманина рядом с государем; у предводителя торговой буржуазии столицы недаром «стояли слезы». Не пожалев на ополчение кровные пятьдесят тысяч (половину состояния), он – уже от лица сословия – посулил Александру I еще полмиллиона. Нужды нет, что не соберут и второй части; во исполнение обета купец третьей гильдии Федор Нечаев оторвет от своего обреченного воде капитала тысячу еще не подмоченных рублей... «Городской голова, – говорит Ф.В. Ростопчин, – имевший всего 100 000 капитала, первый подписался на 50 000 руб., причем перекрестился и сказал: “получил я их (деньги) от Бога, а отдаю родине”» (Русская старина. 1889. № 12. С. 676). Дом Куманиных на Ордынке был razорен, но не сгорел в московском пожаре 1812-го. Тем не менее впоследствии А.А. Куманин спрашивает и получает под razоренный дом ссуду в 50 000 рублей, равную своему пожертвованию.

Его старший сын Константин (1785–1852) также был московским городским головой и в 1826 г. принимал участие в коронационных торжествах – он встретил нового императора, Николая I, хлебом-солью на золотом блюде стоимостью 15 000 рублей (*Московский мир Достоевского. С. 298*).

М.А. Достоевский – домашний врач братьев Куманиных. (По завещанию отца все его сыновья до 1828 г. должны были жить вместе в родительском доме, где находилась и контора семейной фирмы.) Константин Алексеевич получил потомственное дворянство в 1830-м, Александр Алексеевич – только в 1838-м: таким образом, лекарь Достоевский, ставший дворянином в 1828-м, в иерархическом смысле обошел свою богатую родню.

Родительский особняк Куманиных (прототип дома Рогожина в романе «Идиот») существует и поныне, его адрес – Б. Ордынка, д. 17. Он не был уничтожен, как считалось ранее, а лишь надстроен. В 1828 г. А.А. Куманин переезжает в собственный дом – сейчас это здание Исторической библиотеки, Старосадский переулок, д. 9 (*Московский мир Достоевского. С. 254, 267 и др.*).

О быте старого куманинского дома дает представление, в частности, один неизвестный прежде документ – рапорт пристава Пятницкой части в московскую управу благочиния, помеченный апрелем 1828 г. Речь в рапорте идет о том, что 9 апреля был представлен в квартал «находившийся у Первостатьевого Купца Константина Алексеева Куманина в фалейтерах, Графа Румянцова Крестьянин Иван Кирилов который отлучась из дому его и не являлся шесть дней и где находился неизвестно» (ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Ед. хр. 8825. Лл. 2 – 3 об.). Кирилов – крепостной графа Румянцева, а у Куманина, пока не имеющего дворянства, служит по найму. «При священническом увещании» Иван Кирилов показал, что от роду ему 20 лет, в штрафах и под судом не был, холост, читать и писать умеет, родом – из Калужской губернии. У Куманиных он получает сравнительно большое жалованье – 300 рублей в год. Далее юноша чистосердечно излагает случившееся с ним: «Сего Апреля 3-го числа то есть в понедельник часу во втором пополудни отпросясь я у вышеупомянутого хозяина своего купца Куманина сходить к Управляющему вотчинами Господина моего но как его зовут не знаю – живущему Басманной части в своем доме для отдачи ему оброчных денег <платы, которую он вносит своему барину, графу Румянцеву> пятидесяти рублей – на что получа от хозяина позволение пошел было с теми деньгами в дом управляющего, но встретившимся мне неизвестнаго звания человеком, который раза два или три приходил на двор купца Куманина к кучеру его московскому мещанину Егору Алексееву спросил меня куда я иду и когда объявил ему что несу оброчные деньги управляющему, почему и был им приглашен в неизвестный мне трактир напиться чаю и зайдя с ним в оный пили чай и водку, а по выходе из онаго пошли к девкам, но как их зовут и в чьем доме живут не знаю, у коих по переночевании на другой день

ления в Москве и Петербурге, а с 1821 г. торговавшей с зарубежьем. В 1838 г. получил дворянство.] Почетный член совета Московского коммерческого училища, член комитета Московской глазной больницы и т.п.

В 1856 г. был разбит параличом. [Похоронен вместе с женой в Даниловом монастыре. Могила не сохранилась.]

Когда осенью 1837 г. Федор Достоевский поступил в Инженерное училище, но был принят не на казенный счет, необходимую сумму внес дядя Куманин (*Московский мир Достоевского. С. 127, 180*).

А.М. Достоевский

...Александр Алексеевич сделал очень много доброго нашему семейству, а по смерти папеньки он приютил нас пятерых сирот (два старших брата были уже в Петербурге) и сделался навеки нашим благодетелем, в особенности трех сестер, которым при замужестве их дал большие приданые²¹.

(*Воспоминания. С. 37*)

А.Г. Достоевская

Куманин воспитал маленьких, оставшихся после смерти Достоевского-отца, троих детей, дочерей выдал замуж, выдав за ними большое приданое, и во всю дальнейшую жизнь помогал всем Достоевским. Федор Михайлович всегда с особенно добрым чувством вспоминал как о нем, так и о тетке своей, Александре Федоровне²².

(ИРЛИ)

не оказалось при мне денег, но кем оные у меня вынуты и в каком месте, так как я был пьяным, – настояще сказать не смогу». Так легковверный Кирилов оказался в положении затруднительном. Дальше начались нравственные терзания: «Не знаемый же человек тот в какое именно время ушел от тех девок – мне также неизвестно, ибо я проснувшись уже его там не было – почему по выходе моем оттол отмеревался идти было в дом хозяина моего, но так как начала меня совесть мучить, что я оброчных денег не отдал, и оные у меня украдены, то и не решался идти и от сего самого дней три шатался по Москве». После чего в раскаянии явился к Куманину, который и представил «беглого» слугу в полицейскую часть. К этому документу приложен еще один рапорт – от 11 апреля, из коего следует, что «упомянутый крестьянин Кирилов хотя и отдаваем был в дом Купца Куманина – но от такового принятия он отказался. Посему прибывшему во вверенную мне часть из здешней конторы Графа Румянцова служителю и конторщику Василию Дедюлину для доставления в контору и отдан» (Там же. Л. 5.). Куманин отказался от услуг загулявшего форейтора – и его возвращают фактическому владельцу. Интересно сравнить это дело с публикуемым на с. 970 документом о побеге дворовых девок у Достоевских. – *И.В.*

²¹ Как сообщила племянница писателя М.А. Иванова (в письме от 6 октября 1926 г.), каждая из трех сестер писателя получила от А.А. Куманина по 25 000 руб. приданого. – *М.В.*

²² В.В. Беляев – И.Л. Волгину. 18.IV.2007. Саратов: «В 1960 г. после школы я поступил в Московский институт стали им. И.В. Сталина (позднее МИСиС). Со мной в одной группе занимался мой ровес-

А.М. Достоевский

<Осенью 1851-го сестра Варвара писала из Москвы, что> дядя Александр Алексеевич был при смерти, но что ему хотя и лучше, но все-таки он лишился движения ног, вследствие паралича, и у него замечается размягчение мозга.

...15 октября <1856 г.> был день рождения дяди Куманина, и я с 12 час. утра был у них целый день и у них даже по настоянию дяди и ночевал.

(Воспоминания. С. 241, 252)

Ф.М. Достоевский — А.Е. Врангелю

23.III.1856. Семипалатинск

...При первой перемене судьбы, напишу к дяде, попрошу у него 1000 руб. сереб<ром> для начала на новом поприще, не говоря о браке; я уверен, что даст. (ПСС. Т. 28, С. 214)

А.М. Достоевская — брату Михаилу

Без даты

Дяденька до сих пор ужасно болен и так ослабел, что мы было совсем потеряли надежды видеть его опять здоровым: доктора съезжаются довольно часто: всякий раз потолкуют, закусят, посмеются, да с тем и уйдут, а лучше все нет; сколько раз мы покушались спрашивать их о его болезни, но вы знаете какие они бывают в таких случаях, наговорят целый короп и поверишь им как добрым людям; а на проверку выйдет совсем не так. (ИРИИ)

М.М. Достоевский — брату Федору

18.IV.1856. Петербург

На дядю плохая надежда. Он безвыходно живет в креслах и стал как ребенок, а братья его и племянники овладели тетушкой. Просто взяли целый дом в опеку. Каждую неделю тетушка отдает им отчет в каждой истраченной копейке. (Письма. Т. 1. С. 529)

138. Нечаева Екатерина Федоровна (первая)

123 / 228

(1798 — <1812²³>). Тетка писателя. Упоминается в переписи 25 августа 1811 г. (Материалы для истории московского купечества. Т. 5. С. 142). Более

ник Олег Игоревич Куманин. Отец его, Игорь Борисович Куманин, был тогда замдекана или проректором названного института... Моя мать, преподаватель русского языка и литературы, сказала: "А он не родственник ли тех Куманиных, оставивших наследство, по поводу которого были споры в семействе Достоевских?" Я спросил у Олега, и он подтвердил, что Достоевский — их родственник, но говорить об этом подробно не стал, да и я не настаивал. Я был у него дома один раз... Он показывал роскошное издание XIX в. "Евгений Онегин", коим была премирована его бабушка (или тетя?), выпускница Смольного института. Жил он тогда (осенью 1960-го) в доме на Садовом кольце около метро "Парк культуры". Дом со входом — круглой аркой, если встать у губовских складов спиной к Остоженке, он прямо перед глазами». — Ред.

²³ Умерла до 1813 г., то есть не старше 14 лет — не упоминается ни в исповедных ведомостях церковей Сретенского сорока за 1813 г., ни среди умерших в метрической книге Петропавловской церкви на Новой Басманной 1813–1822 гг. — И.В.

поздних упоминаний о ней нигде не имеется. [Похоронена на Лазаревском кладбище в Москве (*Московский мир Достоевского*)].

139. Нечаева, по мужу Достоевская Мария Федоровна 123 / 228
([1.IV²⁴] 1800, [Москва] — 27.II.1837, [там же]). Мать писателя. Замужем за М.А. Достоевским [с 14 января 1820 г.] Умерла от туберкулеза, похоронена на Лазаревском кладбище²⁵.

А.Г. Достоевская

Федор Михайлович охотно вспоминал о своем счастливом, безмятежном детстве и с горячим чувством говорил о матери.
(*Воспоминания*. С. 89)

С.Д. Яновский

Сойдясь со мной на дружескую ногу <...> он сообщал мне многое о тяжелой и безотрадной обстановке его детства, хотя благоговейно отзывался всегда о матери, о сестрах и о брате Михаиле Михайловиче.
(*Достоевский в воспоминаниях современников*. Т. 1. С. 233)

Об игре Марии Федоровны на гитаре и о домашних концертах см. с. 189.

А.М. Достоевский

...Братья как-то одновременно выучили наизусть два стихотворения: старший брат «Графа Габсбургского», а брат Федор, как бы в параллель тому, — «Смерть Олега»²⁶. Когда эти стихотворения были произнесены ими в присутствии родителей, то предпочтение было отдано первому, вероятно, вследствие большей авторитетности сочинителя. Маменька наша очень полюбила два эти произведения и часто просила братьев произносить их; помню, что даже во время своей болезни, уже лежа в постели, она с удовольствием прислушивалась к ним...

С осени 1836 года в семействе нашем было очень печально. Маменька с начала осени начала сильно хворать. <...> Силы ее падали очень быстро, так что в скором времени она не могла расчесывать своих очень густых и длинных волос. Эта процедура начала ее сильно утомлять, а предоставить свою голову в чужие руки она считала неприличным, а потому и решила остричь свои волосы почти под гребенку. Вспоминаю об этом обстоятельстве потому, что оно сильно меня поразило. С начала нового 1837 г. состояние маменьки очень ухудшилось, она

²⁴ Андрей Михайлович говорит об именинах 1 апреля (*Воспоминания (рукопись)*. Квартира I. Наши гости). — Ред.

²⁵ Памятник на могиле Марии Федоровны, сделанный из темного мрамора, стоял недалеко от церкви на Лазаревском кладбище в Москве. В мае 1927 г. я нашел его в довольно сохранном состоянии. На всех четырех сторонах памятника высечено по надписи. Интересна надпись на правой стороне, содержащая своего рода лаконичную характеристику покойной: «Другу милому, незабвенному, супруге нежной, матери попечительнейшей. Покойся, милый прах, до радостного утра!» — М.В.

Подробнее об этой надписи и о судьбе захоронения — на с. 979. — Ред.

²⁶ «Граф Габсбургский» В.А. Жуковского и «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина. — Ред.

почти не вставала с постели, а с февраля месяца и совершенно слегла в постель. В это время квартира наша сделалась как бы открытым домом... постоянно у нас были посетители. С девяти часов утра приходили доктора во главе с Александром Андреевичем Рихтером. Из сочувствия к отцу, как к своему товарищу, они, навещая маменьку, каждый день делали консилиум. Слянки с лекарствами и стаканы с различными извержениями загромождали все окна и ежедневно убирались, сменяясь новыми. С полудня приезжала тетенька Александра Федоровна (в эти разы, то есть в сильную болезнь маменьки, она приезжала, впрочем, одна, без сопровождения бабушки) и оставалась до вечера, а иногда и на ночь. Часов около четырех съезжались родные и полуродные ежели не для свидания с маменькой — к ней посторонние не допускались, — то для оказания сочувствия папеньке <...> рассказывая каждому про течение болезни, только расстраивал себя. Мне кажется, и сами визитеры очень хорошо это понимали, но все-таки ездили для исполнения приличий и принятых обычаев. Вечером, часов в шесть, опять появлялись доктора для вечерних совещаний. Это было самое горькое время в детский период нашей жизни. И немудрено! Мы готовились ежеминутно потерять мать! Одним словом, в нашем семействе произошел полный переворот, заключенный кончиною маменьки! В конце февраля доктора заявили отцу, что их старания тщетны и что скоро произойдет печальный исход. Отец был убит окончательно! Помню ночь, предшествовавшую кончине маменьки, то есть с 26-го на 27-е февраля. Маменька, вероятно перед смертною агонией, пришла в совершенную память, потребовала икону Спасителя и сперва благословила всех нас, давая еле слышные благословения и наставления, а затем захотела благословить и отца. Картина была умилительная, и все мы рыдали. Вскоре после этого началась агония, и маменька впала в беспамятство...
(Воспоминания. С. 70, 77—78)

Л.Ф. Достоевская

Моя бабушка Мария проявляла большой интерес к чтению ее детей. Она была мягкой, красивой, преданной супругу женщиной, посвятившей всю себя своей семье. Многочисленные роды подорвали ее и без того слабое здоровье. (Бабушка смогла сама кормить только своего старшего сына Михаила, которого она особенно любила. Других детей вскармливали кормилицы, которых выбирали среди крестьянок из окрестностей Москвы.) Она целыми днями оставалась в постели и любила, чтобы сыновья читали ей свои любимые стихи. Старшие, Михаил и

Федор, нежно ее любили. Когда она, еще молодая, умерла, они горько ее оплакивали и сочинили стихи, которые дед мой приказал высечь на мраморном памятнике, который он установил на могиле своей верной спутницы.
(Достоевский в изображении дочери. С. 32–33)

Д. Стонов

В молодости Авдотья²⁷ много слышала о матери Федора Михайловича. Это была удивительная женщина. «Бывало, барин ты мой миленькай, — говорит Авдотья, — старый-то Махал Андреевич хочет мужиков наших наказать, а она, светушка, плачет-убивается, Христом-Богом молит — не трожь! Он ее, Махал Андреевич, в гандерепке за то запирает — не мешай моей воле! Вот ведь барыня какая была сердешная, за то ей Господь сынка такого послал — Федора. Сказывают — в славе он гремит».
(Сельцо Даровое. С. 18)

М.В. Волоцкой

Приведенный Д. Стоновым рассказ крестьянки вполне согласуется с теми воспоминаниями (вернее, преданиями) о Марии Федоровне, которые мне лично пришлось слышать от старожилов Дарового при посещении его 8 июля 1925 г. Удивительно, что память о Марии Федоровне как об исключительно «душевной барыне» сохранилась среди крестьян вплоть до настоящего времени.

М.Ф. Достоевская — мужу²⁸
29.VI.1832. Даровое

Благодарю тебя Мой Любезнейший друг за твое уведомление; я ожила совершенно получив письмо твое милый друг и стократно Благодарила Бога, что соблаговолил услышать Моление мое и донес тебя Благополучно в Москву не робщи мой друг на Бога, и не грусти обо мне ты знаешь, что Мы были наказаны Им, но также и милованны, со всею твердостью, и верою положишь на его святой промысл и Он не оставит нас Своею Милостию.
(См.: В семье и усадьбе. С. 73)

М.В. Волоцкой

Цитируемые ниже письма относятся к весне и лету 1835 г., когда Мария Федоровна с младшими детьми жила в имении Достоевских в Даровом, а Михаил Андреевич (вместе со старшими детьми) должен был по делам службы жить

²⁷ Даровская крестьянка Авдотья Спиридоновна, родившаяся приблизительно в 1843 г., была крестницей мужа Марья. — Ред.

²⁸ В последующих цитатах сохранена без изменения своеобразная орфография писем Марии Федоровны: в частности собственные имена и слова, стоящие после точки, часто начинаются с маленькой буквы. Интересно, что той же самой особенностью отличаются и письма ее мужа (см. с. 102). Вообще, письма матери и отца писателя местами имеют довольно много между собой общего, как в орфографии, так и в общем стиле, но далеко не всегда это сходство распространяется и на внутреннее содержание писем. — М.В.

Заглавные буквы встречаются и у Андрея Михайловича. — Ред.

в Москве. Все письма матери писателя проникнуты исключительной любовью и заботливостью по отношению к мужу и детям. Временами в них чувствуется своеобразная сентиментальность, в частности очень частое употребление уменьшительных и ласкательных слов, что позволяет сравнивать стиль этих писем с письмами Макара Девушкина в самом первом по времени опубликования произведении Ф.М. Достоевского — «Бедные люди»²⁹.

М.Ф. Достоевская — мужу
1.V.1835. Даровое

Не беспокойся о присылке мне денег, я и так бессовестно обобрала тебя кругом, перебивайся милой мой сам сколько можно, а я покудова не нуждаюсь, а ежели и придет нужда, то продам овседа, которого надеюсь у меня останется... зделай милость дружочек купи Мишиньки порткрейон³⁰ я думаю он выпрашивает у других и за сие поплачивает трудами.

...Душевно радуюсь и благодарю Бога, что и Ты Голубчик Мой здоров и ежели бы еще был покоен, то более ничего бы не желала в мире. Не удивляюсь друг Мой Федькиным³¹ проказам ибо от него всегда должно ожидать подобных. Василиса едва ли сладит с такими комчедалами.

<9–11.V.1835> Даровое

Посылаю тебе голубчику моему яичек две сотенки и маслаца 35 фунтиков пусть стоит напогребу ему ничего не сделается лучше чем не достанет. Еще посылаю тебе 3 сорочечки новенькие сшитые совсем, да две сорочки недошитые пусть василиса на досуге дошьет... Прощай мой Ангел друг бесценный целую тебя всего без щету и пребываю с избытком богатая и счастливая тобою твоя верная тебе навеки М. Достоевская.

24.V.1835. Даровое

Чувствительно благодарю тебя дражайший неоцененный милый друг мой за твое милое письмецо из коего вижу что вы мои Любезнейшие все здоровы; благодарю Создателя за неизреченные его милости.

Дети дождались хорошей теплой погодки гуляют, а я после обеда довольно погулявши сажусь поговорить с Тобою Лучшим Моим другом о всякой всячине, хоть новостей у нас в один день никаких не случилось однакож с милым другом всегда найдется, что поговорить, и так во-первых о погоде в Москве Смешно такое начало, а подеревенски я считаю очень интересным: вчера дружочек мой в ночи собрался дожжичек...

²⁹ Впервые обратил мое внимание на это сходство И.Ф. Шевляков, по мнению которого, даже сама фамилия Девушкин дана была Достоевским герою этого романа не случайно, а как символ материнского начала. Впрочем, те же самые черты можно проследить и в письмах М.А. Достоевского, например — «Прощай, душа моя, голобице моя, радость моя, жизнёночек мой...» (*В семье и усадьбе*. С. 81) Интересно, что буквально тот же своеобразный эпитет «жизнёночек» встречается и в письмах Макара Девушкина. — М.В.

³⁰ Трубочку для ношения с собой карандаша. — Ред.

³¹ Скорее всего, имеется в виду Феодосий, младший брат кучера. О прислуге Достоевских подробнее на с. 969. — Ред.

...На счет детских Экзаменов и поездке вашей комне незнаю, что сказать тебе друг мой, и полагаю, — что Экзамен верно последует хоть в половине сего месяца после которого не медленно и приезжайте мои милые ко мне. Только отпуск ежели бы можно было тебе просить по крайности на месяц дабы ты мог свободнее располагать собою во всяком случае, а при свидании с тобою обо всем переговорим лично и все устроим как можно будет лучше, приезжайте милые друзья мои приезжай Ангел мой первое мое желание чтоб ты погостил у меня ты знаешь, что Это лучший для меня праздник лучшее в жизни моей наслаждение когда вы все со мною мои милые<...> Посылаю тебе реестр серебра, которое у тебя осталось. Незабывать о чулане там один только хлам.
(См.: В семье и усадьбе. С. 86—88, 92, 98—100)

М.В. Волоцкой

Следующее письмо не только имеет значение для характеристики личности матери писателя, но также говорит об одной черте, свойственной его отцу, а именно о приступах внешне беспричинной тяжелой тоски, которыми страдал М.А. Достоевский и которые временами даже заставляли его тяготиться жизнью.

29.V.1835. Даровое

Скажи мне душа моя что у тебя за тоска такая. Что такие за размышления Грустные и Что тебя мучает друг мой у меня Сердце замирает когда вообразю тебя в таком Грустном расположении умоляю тебя Ангел мой Божество мое береги себя для любви моей вспомни, что я хотя и в разлуке с тобою но боготворю тебя единственного моего друга более моей жизни дети нас любят и мы щастливы ими чегоже нам больше богатство да составит ли оно наше щастие! Друг мой умоляю тебя от брось все печальные думы Бог Милосерд не оставит нас своею милостью; но верь мне, что когда ты по веселей то и я весела, когда ты грустен, то и я плачу тебе моею грустию...

М.В. Волоцкой

Дальше, как и в прочих письмах, идет описание жизни в Даровом и различных мелких событий в хозяйстве. Из этих описаний, в общей их совокупности, выступает образ Марии Федоровны как практичной и домовитой хозяйки усадьбы. Некоторые же места переписки, в особенности описания ведущегося Марией Федоровной судебного процесса с соседним помещиком Хотяинцевым, говорят о ней как о женщине весьма энергичной, наблюдательной и разбирающейся в людях. Заканчивается письмо с той экзальтированной силой чувства, которая вообще так характерна для писем Марии Федоровны к мужу:

Прощай несравненный милый друг мой да будет милость Божия над вами драгоценные мои чтоб никакие печали не возмущали твоего спокойствия прощай жизнь моя целую тебя без счету, береги себя для нашего блага для любви моей и поверь, что во всем мире никто не любил так, как любит тебя и неперестает любить до Гроба верная твоя подруга М. Достоевская.

М.В. Волоцкой

Об окраске, которую могла принимать тоска М.А. Достоевского в связи с его подозрительностью, можно судить по следующему письму Марии Федоровне:

31.V.1835. Даровое³²

В прошедшем письме твоим ты упрекнул меня изжогою, говоря, что в прежних беременностях я ее никогда не имела. Друг мой, соображая все сие, думаю, не терзают ли тебя те же гибельные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе, и ежели я не ошибаюсь, то клянусь тебе, друг мой, самим Богом, небом и землею, детьми моими и всем моим счастьем и жизнью моею, что никогда не была и не буду преступницею сердечной клятвы моей, данной тебе, другу милому, единственному моему пред святым алтарем в день нашего брака. Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой крепчайший узел взаимной любви нашей, со стороны моей любви чистой, священной, непорочной и страстной, неизменяемой от самого брака нашего; довольно ли сей клятвы для тебя, которой я никогда еще не повторяла тебе, во-первых потому, что стыдилась себя унижить клятвою в верности моей на шестнадцатом году нашего союза; во-вторых, что ты по предубеждению своему мало расположен был выслушать, а не только верить клятвам моим; теперь же клянусь тебе, щадя твое драгоценное спокойствие; к тому же и клятва моя, я полагаю, более имеет вероятности, судя по моему положению: ибо которая женщина в беременности своей дерзнет поклясться Богом, збираясь ежечасно предстать пред страшный и справедливый суд его; итак угодно ли тебе, дражайший мой, поверить клятве моей или нет, но я пребуду навсегда в той сладкой надежде на провидение Божие, которое всегда было опорой моею и подкрепляло меня в горестном моем терпении. Рано или поздно Бог по милосердию своему услышит слезные мольбы мои и утешит меня в скорби моей, озарив тебя святою своею истиной, и откроет тебе всю непорочность души моей. Прощай, друг мой, не могу писать более и не соберу мыслей в голове моей; прости меня, друг мой, что не скрыла от тебя терзания души моей; не грусти, друг мой, побереги себя для любви моей; что касается до меня, повелевай мною, не только спокойствием, и жизнью моею жертвую для тебя. Прощай, поцелуй за меня детей.

М. Достоевская

Ради самого Создателя прошу тебя, друг мой, не крушись; уж не болен ли ты, голубчик мой, не предчувствие ли меня терзает? Боже мой, заступница милосердная, царица небесная, сохрани и помилуй тебя, милого моего друга.
(*В семье и судьбе. С. 106–107*)

И.Л. Волгин

Кто действительно обладал неистощимым оптимизмом, так это маменька. Свойственная ей «веселость природного характера» нередко (хотя и не всегда) умягчала ипохондрический нрав супруга. Письма Марии Федоровны, свободно соединяющие в себе высокий литературный штиль и живую пластику разговорной речи (что выгодно контрастирует

³² Так как это письмо цитируется не по подлиннику, то орфография его не сохранена. – М.В.

с вязким семинарским слогом ее корреспондента), являют натуру искреннюю и жизнелюбивую.

...Послания Марии Федоровны обнаруживают не одну только искренность чувств. Уроки русской сентиментальной прозы не прошли для нее даром: «Наконец, мелькнула сия гибельная догадка, как стрелой пронзила и легла на сердце». Или: «Клянусь тебе, друг мой, самим Богом, небом и землею, детьми моими и всем моим щастием и жизнью моею, что никогда не была и не буду преступницею сердечной клятвы моей, данной тебе, другу милому, единственному моему пред святым алтарем в день нашего брака». Так, пожалуй, могла бы писать и бедная Лиза.

Едва ли можно судить о стилистике семейных отношений Достоевских на основании одних только эпистолярных источников. «Чувствительная» часть писем – как бы очищенная, идеальная модель действительности. Оба корреспондента даже в конфликтной ситуации ни на минуту не забывают о существующей литературной норме. Они блюдают выработанный предыдущим столетием эпистолярный этикет... Стоит, пожалуй, вспомнить написанные в те же 1830-е изумительные по своему слогу и духу послания Пушкина к Наталье Николаевне. Конечно, о прямом сравнении не может быть и речи <...> Пушкин абсолютно свободен в проявлении собственной индивидуальности. То есть как раз в том, в чем родители Достоевского чувствуют себя несколько скованными и зависимыми от литературных образцов. Вместе с тем наложение разнородных стилей придает семейной переписке Достоевских неизъяснимую прелесть.

(Родиться в России. С. 140–141)

А.Г. Достоевская

В одно ясное утро Федор Михайлович повез меня на <Лазаревское> кладбище, где погребена его мать, Мария Федоровна Достоевская, к памяти которой он всегда относился с сердечною нежностью.

(Воспоминания. С. 135)

А.М. Достоевский

Папенька после смерти маменьки решился совсем переселиться в деревню (он подал уже в отставку), а потому <...> желал поставить памятник на могиле покойной. Избрание надписи на памятнике отец предоставил братьям. Они оба решились, чтобы обозначено было только имя, фамилия, день рождения и смерти, на заднюю же сторону памятника выбрали надпись из Карамзина: «Покойся милый прах до радостного утра»... И эта прекрасная надпись была исполнена.

(Воспоминания. С. 80)

15. Достоевский Михаил Андреевич

7 / 8

Муж предыдущей, отец писателя. О нем см. на с. 85.

140. Нечаев Михаил Федорович

123 / 228

(1801 – [XII.1838, Москва]). Дядя писателя. Жил в Москве, в 1833 г. перешел из купечества в мещанство, служил приказчиком. Умер [от сердечной недостаточности] на почве злоупотребления алкоголем.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1813–1822 гг.
28.VI.1815

В доме Московского Купца Федора Тимофеича Нечаива у служителя его Варлама Борисова родилась дочь Марья. Крещена тогож М<еся>ца 30го дня, восприемниками были Московского Купца Федора Тимофейча Нечайва дети Его Михайла Федоров и Мар<ь>я Федоровна. Оное крещение исправляли Священник Симеон Алексеев с причтом.
(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 16 – 16 об.)

В качестве восприемника Михаил упоминается в метрических книгах еще раз – в 1827 г., когда родится его последний сводный брат.

А.М. Достоевский

Маменька рассказывала, что они в детстве с братом были очень дружны. Эта дружба сохранилась и впоследствии. Он приходил к нам постоянно по воскресеньям, потому что в будние дни был занят, служа главным приказчиком в одном богатом суконном магазине и получая очень хорошее содержание. Его приход тоже бывал радостью для нас, детей, и большею частью сопровождался маленьким домашним концертом. Дело в том, что маменька порядочно играла на гитаре, дядя же Михаил Федорович играл на гитаре артистически, и одна из его гитар всегда находилась у нас. И вот, бывало, после обеда маменька брала свою гитару, а дядя — свою, и начиналась игра. Сперва разыгрывались серьезные вещи по нотам, впоследствии переходили на заунывные мелодии, а в конце концов игрались веселые песни, причем дядя иногда подтягивал голосом³³. ... И было весело, и очень весело. Папенька тоже всегда был очень радушен с дядей, хотя и негодовал на него, в особенности в последнее время, за то, что дядя стал покучивать и много пить, в чем, кажется, папенька и выговаривал ему неоднократно. Но все это было ничто, и дядя всегда был нашим дорогим гостем. Как вдруг случился казус, вследствие которого дядя вовсе перестал бывать у нас³⁴. <...> После похорон маменьки, когда он бывал у нас на панихидах, я увидал дядю уже в 1838 году, когда он раза два или три приезжал от тетки в пансион Чермака, чтобы взять меня на какой-нибудь праздник. При этом замечу, что дядя жил тогда у дяди Александра Алексеевича, занимая одну комнатку в верхнем этаже дома, и что в этой же комнатке я имел свой ночлег в редкие пребывания свои у тетки.

Пагубную страсть свою к вину дядя не только не оставил, но даже усиливал, отчего преждевременно и скончался <...> На рождественские праздники при-

³³ На Конгрессе по советским и восточноевропейским исследованиям (Хэрроугейт, Великобритания, 1990) нами впервые было высказано предположение о том, что сцены с романами Смердякова («Царская корона, была бы моя милая здорова») – это беллетризованные детские воспоминания Ф.М. Достоевского о домашних концертах. – И.В.

³⁴ Интрижка с горничной Достоевских, Верой (см. на с. 102). В тот день, когда это открылось, горничная была рассчитана и уволена. Воспоминатель добавляет: «Но и то правда, что подобный поступок и теперь бы <в конце XIX в.> показался неприглядным, но с лишком 60 лет тому назад он был из рук вон скандальным». – Ред.

езжал за мною в пансион уже не дядя Михаил Федорович, а лакей Василий Васильевич. Дядя был уже опасно болен и не вставал с постели. В этот приезд я имел свои ночлеги в другой комнате, как помнится, в бильярдной на диване. Дядя Михаил Федорович в эти рождественские праздники и скончался от водяной. Предсмертные мучения его были ужасны.
(*Воспоминания. С. 33–34, 103*)

141. Нечаева Елизавета Федоровна (первая)

123 / 228

(7.III.1803, Москва – 25.VI.1803, там же). Тетка писателя.

Метрическая книга церкви Сретенского сорока
Преображения в Пушкарях за 1803–1809 гг.
7.III.1803

У Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева родилась дочь Елисавета. Молитвословил священник Афанасий Алексеев, дьячек Евтихий Максимов.

Крещена того ж месяца 12го дня. Восприемниками были господин пример майор Иван Николаев Сабуров и девица Елисавета Николаевна дочь Сабурова. Оное крещение исправляли Священник Афанасий Алексеев, диакон Иван Никитин, дьячек Евтихий Максимов, пономарь Иван Иванов.

25.VI.1803

Умре младенец Московского Купца Феодора Тимофеева сына Нечаева, дочь Елисавета 4^х месяцев и погребена Июня тогож числа на лазаревском кладбище. Оное погребение исправляли священник Афанасий Алексеев, диакон Иван Никитин, дьячек Евтихий Максимов, пономарь Иван Иванов.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 717. Л. 7 об.)

142. Нечаев Николай Федорович (первый)

123 / 228

(22.IV.1804, Москва – 30.VIII.1804, там же). Дядя писателя.

Метрическая книга церкви Сретенского сорока
Преображения в Пушкарях за 1803–1809 гг.
22.IV.1804

У московского купца Феодора Тимофеева Нечаева родился сын Николай. Молитование исправляли священник Афанасий Алексеев, дьячек Евтихий Максимов.

Крещен тогож месяца 24го дня, Восприемниками были господин майор Иван Николаев сын Сабуров и девица Елисавета Николаевна дочь Сабурова. Оное крещение исправляли <те же>...

30.VIII.1804

Умре младенец московского купца Феодора Тимофеева сына Нечаева сын Николай, коему отроду было 4^е месяца, погребен на Лазаревском кладбище 31го числа. Оное погребение исправляли <те же>...

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 717. Лл. 34 об., 48)

143. Нечаева София Федоровна**123 / 228**

(9.VIII.1810, Москва – 1810/11?). Тетка писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви за 1806–1811 гг.
9.VIII.1810

В доме московского купца Феодора Тимофеева Нечаева родилась дочь София. Молитвословил Приходской Священник Семен Алексеев с дьячком. Крещена 20 дня тогож месяца, восприемниками были Губернской Секретарь Андреян Федоров, восприемница была тогож Ничайва дочь Александра. Оное крещение исправляли Священник Семен Алексеев. (ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 673. Л. 82)

144. Нечаева Елизавета Федоровна (вторая)**123 / 124**

(13.V.1815, Москва – 21.VII.1815, там же). Сводная (единокровная) сестра предыдущих – дочь Ф.Т. Нечаева от второго брака. Тетка писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви за 1813–1822 гг.
13.V.1815

В доме Московского Купца Федора Тимофейча Нечайва родилась дочь Елизавета. Крещена Июня 2го дня, восприемником был Московской купец Яков Антипов, восприемницею была Московского Купца Александры Алексейча Куманина жена Ево Александра Федорова. Оное крещение совершали Священник Симеон Алексеев с причтом.

21.VII.1815

В доме Московского Купца Феодора Тимофеева Нечаева умре дочь Елизавета. Отроду ей было м<еся>ц и 12 дней, погребена того ж числа на лазаревском кладбище. Оное погребение исправляли священник Симеон Алексейев с причтом. (ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 15 – 15 об.)

145. Нечаева, по мужу Шер Ольга Федоровна**123 / 124**

(181[6]³⁵, Москва — 1895). Тетка писателя. [Помещица села Гришино Рязанской губернии.]

Исповедные ведомости церквей
Сретенского сорока г. Москвы за 1821 г.

Московской купец Федор Тимофеев Нечаев 53

жена его Ольга Яковлева 26

дети их³⁶: Михаил 20

Ольга 5

(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 982. Л. 348 об.)

³⁵ Год рождения уточняется по исповедным ведомостям 1823, 1825, 1826 и 1827 гг. (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1013. Л. 686. Ед. хр. 1047. Л. 492. Ед. хр. 1065. Л. 546 об. Ед. хр. 1089. Л. 698 об.). – *Ред.*

³⁶ Михаил (№ 140) – сын от предыдущего брака, Ольге Яковлевне он приходится пасынком. Обе падчерицы уже замужем и потому в ведомости не показаны. Ольга Яковлевна носит ребенка, который появится на свет 3 июня и будет наречен в честь тестя, Яковом. Долго он не проживет – как, вероятно, и родившаяся годом ранее Елизавета, которой в этой ведомости уже нет. – *Ред.*

А.М. Достоевский

Была очень похожа как лицом, так и нравственно на свою мамашу и нашу бабуличку, то есть такая же была хитрая и ровная...

(Воспоминания (рукопись). Квартира I. Наши гости)

Ф.М. Достоевский – жене

20.V.1873. Москва

...Я прямо сказал <адвокату> Полякову, что начну дело <о куманинском наследстве> лишь в случае, что начнут Шеры, ибо не хочу обижать сестер. <...> Никакого дела к слушанию 21 мая нигде не назначено. Но <...> Шеры непременно что-то затеяли. <...> Все здесь убеждены, что Шеры выиграют, основываясь на каком-то решении сената, в декабре, по какому-то подобному же делу в пользу единокровных. <...> В том, что Шеры что-то

начали, – нет сомнения. Но что, где и когда? <Адвокат> Жеромский (как и Поляков) смеются над надеждами Шеров и не верят в декабрьский приговор сената.

22.VI.1873. Петербург

...12 же июня слушалось дело об утверждении в наследстве Шеров и Казанских. <Сестра> Варя сообщила <...>, будто слышала, что Шерам было в суде отказано, но что она думает, будто сообщавший ей – солгал. <...> <Племянник> Федя пишет, что Шеры хлопочут более, чем когда-нибудь, на стены лезут...

10.XII.1875. Петербург

Здесь пустили слух, еще два года назад, что это я, особенно, старался отбить наследство у наследников по завещанию. Напротив, не у них, а у Шеров, которые завели дело...

(ПСС. Т. 29, С. 266–267, 270. Т. 29, С. 67)

Е.А. Рыкачева – отцу

2.II.1896. Петербург

<По сообщению Максимилиана Ставровского> ваша общая тетушка Ольга Федоровна Шер скончалась в Рязанском имении год тому назад.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 55. Л. 6 об.)

146. Шер Дмитрий Александрович

[1803 – 14.II.1872, Москва]. Муж предыдущей, [в браке с 28 сентября 1832 г.] Художник, [скульптор,] архитектор, служил в Московской дворцовой конторе, имел иконостасную мастерскую. [Коллежский секретарь.]

[Похоронен на московском Ваганьковском кладбище; чин отпевания возглавил епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков).]

С.Д. Шер (правнук)

К сожалению, истоков шеровского рода найти не удалось. Существует семейное предание <...> Шеры – выходцы из Голландии. Вывез их оттуда будто бы Петр I. Очевидно, они были ремесленниками. С петровских времен Шеры жили в Москве.

Один из Шеров хотел восстановить свое голландское подданство, что было связано с получением <какого-то> наследства. Он собрал документы, но, когда уехал куда-то из дома по служебным делам, жена его, женщина неграмотная, использовала эти документы для обклейки квартиры под обои. Спасти документы не удалось, так как это был 1812 г., и дом сгорел вместе с бумагами (от которых зависела судьба всех Шеров) одним из первых в Москве.

(Шер. С. 5–6)

М. Меликов

Однажды, проходя античную галерею, он <Карл Брюллов> заметил мальчика, который из слоновой кости, размером меньше вершка, исполнял группу Лаокоона: это был иностранец Шер. Брюллов принял в нем участие, настоял в совете Академии на том, чтобы ему дали степень художника. Впоследствии Шер сделался известным скульптором.

(Русская старина. 1896. № 6. С. 653–654)

А.М. Достоевский

Муж ее <Ольги Федоровны> был художник и назывался то техником, то архитектором. Доброты он был необыкновенной. Про него, в противоположность к супруге, можно было сказать, как говаривала одна московская кумушка-старушка: «Он такой добрый... такой добрый... совершенно безнравственный».

(Воспоминания. С. 41)

Сборник материалов для истории Императорской
С.-Петербургской академии художеств
за 100 лет ее существования

По рассмотрении трудов, произведенных Коллежским Секретарем Дмитрием Шером и особенно Божией Матери, которая вырезана из мамонтовой кости по вылепленной им же самим модели в натуральную величину с колоссальной Мадонны г. Витали, Совет, найдя работу г. Шера заслуживающей особого внимания, определил: во уважение художественного достоинства такового произведения удостоить г. Шера к получению серебряной медали 1-го достоинства по редкости же самой вещи представить ее Государю Императору.

(В оригинале: Ч. 2. С. 438–439. Цит. по: Шер. С. 6)

С.Д. Шер

...Высоко оцененная в 1842 г. Академией художеств скульптура <барельеф?> Шера <возможно> попала не к царю, а в 1850-е оказалась в Москве у богача, собирателя художественных произведений Платона Васильевича Голубкова. Другое произведение Дмитрия Александровича Шера – голова Христа, также на мамонтовой кости в натуральную

величину <и также копия с Витали> в киоте из красного дерева – хранилось у <внучки Д.А. Шера> Ольги Владимировны Галаниной и сейчас находится у ее детей³⁷.

(Шер. С. 6)

В некрологе Шера в «Московских епархиальных ведомостях» указывается, что резное по кости изображение главы Богоматери – первая работа художника – было приобретено по повелению Николая I для Эрмитажа, а такое же изображение Богородицы Всех Скорбящих Радости принято Александром II в бытность его цесаревичем; молитвенник с резными из кости украшениями был у императрицы Александры Федоровны, а в Большом Кремлевском дворце находился резной деревянный трон работы Шера. Дальнейшая судьба этих предметов неизвестна – во всяком случае, резной трон в собрании Московского кремля отсутствует.

По рисункам Д.А. Шера были выполнены иконостасы в церквях Высокопетровского, Знаменского, Рождественского и Новинского монастырей; в приходских церквях Святителя Алексия Митрополита, Рогожской Петра и Павла (этот иконостас высоко оценил митрополит Филарет), Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости на Ордынке (здесь особенно выделялись резные изображения евангелистов на царских вратах – они сохранились до нашего времени); в домовых церквях Московского университета, князя С.М. Голицына, Урусова и графини А.Е. Толстой.

Некролог свидетельствует и о том, что Шер «в житейских постройках» «был способный зодчий, отличался умением сообщить дому уютность, удобство и расположить колера, украшения, мебель с необыкновенным вкусом».

В последний год жизни Шер работал над авторской копией резного (по мамонтовой кости) портрета – головы Христа в терновом венце.

В.Д. Шер – С.В. Дмитриеву
8.III.1880 <Москва>

Покойный отец мой, художник скульптор <...> оставил после себя изваяние головки Спасителя из мамонтовой кости и завещал мне хлопотать о том, чтобы его последняя работа была приобретена для жертвенника Храма Спасителя...

(НИОР РГБ. Ф. 90. Карт. 8. Ед. хр. 48. Л. 132)

С.К.Б.
Некролог Д.А. Шера

...Скончался после непродолжительной, но тяжелой болезни Димитрий Александрович Шер, замечательный деятель на поприще церковно-религиозного искусства, хотя по скромности своей и мало известный обществу. Не знаем, оценят ли его по достоинству высшие учреждения художественные, но знаем, что он имел утешение видеть внимание к его трудам высоких ценителей искусства. <...> почившего любили и приближали к себе Святители. В молодости покойному покровительствовали многие из почтенных знатных лиц, например князь Сергей Михайлович Голицын и его сестра, князь Юсупов и другие ценили его талант и любили его характер.

³⁷ См. на с. 214. – Ред.

Покойный был любящий попечительный отец семейства. Он понес чувствительные потери: лишился двух сыновей и дочери, взрослых, с такими залогами способностей и образования, которые много обещали в будущем. <...> Тяжелые удары поколебали крепкое сложение художника; после сильной болезни, не вполне оправившись, он предался усиленным попечениям хозяйственным ради успокоения семейства. Не оставлял однако и резца <...> Смерть или, что почти то же, удар предсмертный, можно сказать, застал его с резцом в руках, как застаёт она воина с оружием на своем посту. <...> Когда смертельная болезнь почти лишила его самостоятельности и сознания, близкие озаботились освятить страждущего таинствами покаяния и причащения и злой недуг как будто для того и давал ему по временам минуты сознания, чтобы он мог в одну из них чистосердечно вздохнуть ко Господу <...> в последние часы жизни, когда язык уже не мог исповедывать веру словом, рука болящего, хотя и слабая, не переставала творить спасительное знамение креста.

(Московские епархиальные ведомости. 1872. № 14. С. 94–95)

С.Д. Шер

Жизнь Дмитрия Александровича Шера – русского из иностранцев – тесно переплеталась с жизнью значительно более выдающихся К.П. Брюллова и И.П. Витали, которые тесно общались друг с другом и оба совершенно очевидно хорошо знали Шера и ценили его работы.

«Художественная линия» Шеров, возможно, началась раньше, а продолжалась она еще одно поколение – дед мой <Владимир Шер>, как будет сказано дальше, был архитектором, а его сестра – художницей. Но на этом «гены изобразительного искусства» в роду Шеров, к сожалению, затухли³⁸.

(Шер. С. 7)

147. Нечаева Екатерина Федоровна (вторая)

123 / 124

(15.X.1818, Москва – 8.I.1819, там же). Тетка писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1813–1822 гг.

15.X.1818

У Московского Купца Феодора Тимофеева Нечаева родилась дочь Екатерина, крещена тогож месяца 28го числа. Восприемник был Московской купец Николай Яковлев Антипов, Восприемница была Московского Купца Александры Алексеева Куманина жена Его Александра Феодорова. Оное крещение исправляли означенной церкви Священник Симеон Алексеев с причтом.

8.I.1819

У Московского Купца Федора Тимофеича Нечаева умре дочь Екатерина, коей от роду 3 месяца и погребена тогож месяца 10го числа на пятницу кладбище. Погребение исправляли означенной церкви Священник Симеон Алексеев с причтом.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 42 об., 44 об.)

³⁸ Чтобы смениться мощным влиянием рода Галаниных. – *Ред.*

148. Нечаева Елизавета Федоровна (третья)**123 / 124**

(17.V.1820, Москва – 1820/21). Тетка писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1813–1822 гг.
17.V.1820

У Московского Купца Федора Тимофеича Нечаева родилась дочь Елизавета. Молитвословил приходской Священник Симеон Алексеев с дьячком Иваном Алексеевым. Крещена тогож месяца 19го числа, восприемником был московской купец Николай Яковлев Антипов, восприемницею была московская купеческая жена Александра Федорова Куманина. Оное крещение исправляли означенной Церкви Священник Симеон Алексеев с причтом.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 61 об.)

149. Нечаев Яков Федорович**123 / 124**

(3.VI.1821, Москва – 1.VIII.1821, там же). Дядя писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1813–1822 гг.
3.VI.1821

У Московского Купца Федора Тимофеева сына Нечаева родился сын Иаков. Молитвован Приходским Священником Симеоном Алексеевым. Крещен онаго месяца 4 числа. Восприемником был Московской Купец Николай Яковлев Антипов, Восприемницею Московского 1^я Гилдии Купца Александра Алексеева Куманина жена Александра Федорова. Оное крещение исправляли Приходской церкви Священник Симеон Алексеев с своим причтом.

1.VIII.1821

Умре по христианской должности у Московского купца Федора Тимофеева Нечаева сын Иаков коему от роду было 2 месяца. Погребен означеннаго числа на Лазаревском кладбище. Оное погребение исправляли Приходской церкви Священник Симеон Алексеев с своим причтом.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 71 – 71 об., 73 об.)

150. Нечаев Федор Федорович**123 / 124**

(15.IX.1822, Москва – 11.VI.1823, там же). Дядя писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1822–1830 гг.
15.IX.1822

У Московского Купца Феодора Тимофеева Нечаева, родился сын Феодор. Молитвован Петропавловской Церкви Священником Симеоном Алексеевым. Крещен сего М<еся>ца 18 Числа во<сприемником> был Московской Купец Николай Яковлев Антипов, во<сприемницей> была Московская купеческая женка Александра Феодорова Куманина. Оное крещение исправляли означенной Священник Симеон Алексеев с своим причтом.

11.VI.1823

У Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева, умре сын Феодор, коему от роду было 10 м<еся>цов. Погребен того ж Месяца 11. Какою болезнию. Поносом. Где погребены. На Пятницком Кладбище.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 676. Лл. 2 об., 18 об.)

151. Нечаева, по мужу Ставровская

123 / 124

Екатерина Федоровна [третья]

([18.X] 1823, [Москва — 22.V] 1855). Тетка писателя. Умерла на девятом месяце беременности — от ожогов, полученных в церкви от загоревшегося платья.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1822–1830 гг.

18.X.1823

У Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева, родилась дочь Екатерина. Молитвована Петропавловской Церкви Священником Симеоном Алексеевым. Крещена того же Месяца 22. Оное крещение исправляли Означенной Священник с своим причтом. При оном крещении восприемниками были Московской 3^я Гильдии Купец Николай Яковлев Антипов и Московская Купеческая жена Александра Федорова, Куманина.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 676. Л. 10)

А.М. Достоевский

Я помню ее девочкой, почти товаркой мне по летам. До самого ее замужества я называл ее просто Катенькой, а она меня — Андриюшенькой. В детстве была очень красивенькой девочкой, а когда подросла, стала просто красавицей. Не по-таю греха, что в юности своей я был влюблен в нее без памяти. Ее муж был доктор-акушер. Супружество это было не из счастливых...

9 мая 1855 г., в день Св. Николая Чудотворца, Катерина Федоровна пошла с детьми в приходскую церковь и стала под паникадиллом; на ней сверх легкого летнего платья был бурнус. Она была на девятом месяце беременности. Вдруг она говорит своей старшей дочке: «Что это как будто гарью пахнет»; та отвечает, что и она это слышит. В эту минуту Катерина Федоровна почувствовала ожог и, мгновенно сбросив бурнус, начала махать своим легким платьем и вслед за этим в одно мгновение обратилась в огненный столб! Все окружающие сторонились от нее, чтобы самим не загореться, а дети подняли крик и вопли! Наконец несчастная бросилась в толпу, и какой-то догадливый человек накинул на нее свой тулуп и тем загасил пламя, но последствия были ужасны! У страдалицы обгорели все волосы, голова и тело были все в страшных язвах от ожога! Кое-как довели ее до дому. Через несколько дней она разрешилась (преждевременно) от бремени, но ребенок сейчас же умер. Сама же страдальца промучилась еще две недели и скончалась, оставив пять человек детей, из которых старшей дочери было уже 14 лет!.. Сорок лет прошло с этого ужасного факта. Может быть, таковых же катастроф произошло и еще несколько по церквам... а до сих пор не сделано никаких улучшений по этой части! И до сих пор в церквах по большим праздникам,

именно тогда, когда собирается в церковь масса народу и когда неминуемо и под паникадилами толпятся богомольцы, — в паникадилах этих зажигают по-прежнему восковые толстые свечи, дающие огромный нагар, часто падающий вниз. Стеариновые свечи, дающие меньший нагар или вовсе не дающие его, — жечь в церкви считается за грех, а другого способа освещения паникадил не придумают!

(Воспоминания. С. 41, 248–249)

152. Ставровский Дмитрий Иванович

(1795–1856). Муж предыдущей. Врач, акушер. [Коллежский советник, владелец сельца Соколовка Ведновской волости Раненбургского уезда Рязанской губернии (ГАРО. Ф. 129. Оп. 46, 54; www.history-ryazan.ru).]

А.М. Достоевский

На вид очень невзрачен и <ко времени женитьбы> почти уже старичок. Впрочем, он на взгляд был очень тихенький и покладливый господин, но, говорят, как старик, был очень ревнив, а также скупенек.

(Воспоминания (рукопись). Квартира I. Наши гости)

153. Нечаев Николай Федорович (второй)

123 / 124

(31.III.1825, Москва – 25.VI.1825, там же). Дядя писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1822–1830 гг.
31.III.1825

У Московского купца Федора Тимофеева Нечаева от законного брака с женою Ольгою Яковлевою родился сын, нареченный Николаем. Молитвовал Приходской Священник Симеон Алексеев с дьячком Семеном Ивановым. Крещен М<еся>ца Апреля 3. Оное Крещение исправляли Приходской Священник Симеон Алексеев, Диакон Симеон Васильев, дьячек Симеон Иванов, Пономарь Феофилакт Трофимов.

Восприемником его был Московской Купец Николай Яковлев Антипов, восприемницею была Московского Купца Александра Алексеева Куманина жена Александра Федорова.

25.VI.1825

У Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева умре сын Николай, коему от роду было 3 м<еся>ца.

Какою болезнию. Поносом.

Где погребены. Погребен на Пятницком кладбище.

Отпевание Тела исправляли Приходской Священник Симеон Алексеев, Диакон Симеон Васильев, дьячек Симеон Иванов, Пономарь Феофилакт Трофимов³⁹.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 676. Лл. 40 об., 52)

³⁹ У пономаря в тот же день, 25 июня, умерла «чахоткою» 18-летняя дочь Анна. – И.В.

154. Нечаев Александр Федорович**123 / 124**

(30.VIII.1826, Москва – 16.V.1827, там же). Дядя писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви за 1822–1830 гг.
30.VIII.1826

У Московского 3-й Гильдии Купца живущаго в своем доме Федора Тимофеева Нечаева от законнаго брака с женою Ольгою Яковлевою родился сын, нареченный Александром. Молитвовал приходской Священник Симеон Алексеев с дьячком Симеоном Ивановым. Восприемником Его был Московской Мещанин Николай Яковлев Антипов восприемницею была Московского Купца Александра Алексеева Куманина жена Александра Федорова.

Сентябрь. Крещен сего месяца 2. Оное крещение исправляли приходской Священник Симеон Алексеев, Дьякон Симеон Васильев, дьячек Симеон Иванов, Пономарь Феофилакт Трофимов.

16.V.1827

В доме Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева умре Сын Его Александр коему от роду было 8^{мь} м<еся>цов. Какою болезнью. Поносом. Где погребены. Погребен на Пятницком кладбище.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 676. Лл. 60 об., 82 об.)

155. Нечаев Тимофей Федорович**123 / 124**

(18.XI.1827, Москва – ?). Дядя писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви за 1822–1830 гг.
18.XI.1827

У Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева от законнаго брака с женою Ольгою Яковлевою род<ился> сын, нареченный Тимофеем. Молитвовал прих<одской> Священ<ник> Симеон Алексеев с дья<чком> Симеоном Ивановым. Крещен того ж м<еся>ца 24. Восприемником был означенного купца Нечаева сын Михайла Федоров. Восприемницею была Московского Купца Александра Алексеева Куманина жена Александра Федорова. Оное крещение исправляли Приходской Священник Симеон Алексеев Дьякон Симеон Васильев, дьячек Симеон Иванов, Пономарь Феофилакт Трофимов.

(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 676. Л. 75 об.)

Это последнее упоминание Нечаевых в ведомостях церковей Сретенского сорока. Следовательно, они переехали к Куманиным не ранее конца 1827 г. Что касается Тимофея, сведения о нем отсутствуют: скорее всего, он прожил недолго.

155а. Еще один ребенок Ф.Т. и О.Я. Нечаевых**123 / 124**

(VI.1832, Москва – ?). Родился после смерти отца.

М.Ф. Достоевская – мужу
29.VI.1832

Я сожалею об Маменьки что она бедная так трудно родила. Дай Бог чтоб поправилась поскорей в здоровье...

(В семье и усадьбе. С. 75)

Поколение тринадцатое

31. Достоевский Михаил Михайлович	15 / 139
32. Достоевский Федор Михайлович	15 / 139
33. Достоевская, по мужу Карепина Варвара Михайловна	15 / 139
34. Достоевский Андрей Михайлович	15 / 139
35. Достоевская Любовь Михайловна	15 / 139
36. Достоевская, по мужу Иванова Вера Михайловна	15 / 139
37. Достоевский Николай Михайлович	15 / 139
38. Достоевская, по первому мужу Голеновская, по второму Шевякова Александра Михайловна	15 / 139

156. Шер Сергей Дмитриевич146 / 145

[Не ранее 1833 — 1861⁴⁰] Двоюродный брат писателя. [Врач, ординатор терапевтического отделения Московской городской (ныне Первой градской) больницы.] Умер в молодых годах от чахотки.

С.К.Б.

Некролог Д.А. Шера

<Д.А. Шер> лишился двух сыновей и дочери, взрослых <...> Особенно прискорбна для него была потеря сына-медика, по окончании курса довершавшего образование за границей. Доброе направление этого молодого человека можно видеть из того, как проводил он свое утро: он молился за ранней литургией, принимал безмездно бедных больных, занимался в больнице, где был ординатором. Когда его предостерегали от последствий той отважности, с которою он занимался наблюдениями над тифозными больными, он сказал: «Лучше мне умереть от тифа, изучая его свойства, нежели лечить от него, не изучив его свойств».

(Московские епархиальные ведомости. 1872. № 14. С. 94–95)

⁴⁰ Год смерти приведен по «Азбучному указателю имен русских деятелей» (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 62. СПб., 1888. С. 442). — Н.Б.

157. Второй сын Д.А. Шера**146 / 145**

(? – до 1872). Двоюродный брат писателя.

158. Шер Надежда Дмитриевна**146 / 145**

[? — до 1872]. Двоюродная сестра писателя.

Художница, писала картины маслом.

159. Шер Любовь Дмитриевна**146 / 145**

(? – после XII.1883). Двоюродная сестра писателя.

Получила музыкальное образование по классу рояля.

Л.Д. Шер – А.Г. Достоевской

22.I.1882

...Позвольте еще раз злоупотребить Вашим участием и обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не можете ли Вы доставить рекомендацию к корреспонденту какой-нибудь большой газеты или вообще к лицу, которое будет писать про выставку, для того чтобы написать рекламу о произведении моего отца. Вам, конечно, небезизвестно, что всякое произведение обращает на себя внимание публики, если про него пишут. Находясь постоянно в литературном кругу, Вам легко будет обратиться с подобным заявлением.

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 1)

160. Шер [Антонина] Дмитриевна**146 / 145**

[(? — после 1885). Двоюродная сестра писателя. Художница.]

Долгое время работала в Италии, где имела свою студию. Много писала на исторические сюжеты. Ее картины «Допрос царевича Алексея в тюрьме» и «Транспортировка раненого во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», переданные в 1903 г. из частного собрания Августы Петровны Ивановой (через посредство Р.И. Клейна) в Румянцевский музей, после Октябрьской революции оказались в Центральном хранении Государственного музейного фонда и в 1925 г. были отправлены: первая – в музей г. Задонска (тогда Воронежской, ныне Липецкой области), а вторая – в подмосковный (?) дом отдыха имени Ильича. Их дальнейшая судьба неизвестна. Полотна «Автопортрет», «Итальянская пекарня» (получившая малую поощрительную медаль на Академической выставке 1879 г.) и «Раввин» (1885) ныне находятся в собрании дальних родственников Антонины Шер – Пушкаревых.

Р.А. Шер

Кажется, одну из картин Антонины Шер – «Малюта Скуратов приходит в келью к схимнику» – я видела в детстве, когда (в конце 1920-х – начале 1930-х) еще жила с родителями во Владимире. Ее принес в наш дом на сохранение или даже в подарок один из маминых родственников. Жил он в Москве, но в селе Суровна за Боголюбовом у него было что-то вроде дорожного дома, из-за которого тогда начались какие-то неприятности. Отчетливо помню, что картина поразила меня мрачностью своего колорита. В углу стояла совершенно четкая подпись «Шеръ», еще с твердым знаком. К сожалению, когда моя старшая

сестра выходила замуж, картина перешла в ее собственность. Позже один из знакомых художников, по фамилии Кошутин, под предлогом того, что краски на холсте сильно пострадали от времени – потемнели и частично осыпались, а реставрация – дело дорогое и хлопотное, вырезал холст из рамы. Раму, которая была очень красива, он использовал для оформления одной из своих работ. Что стало с вырезанным холстом, мне неизвестно.

Много позже, когда я уже вошла в семью своего мужа, его родственник Д.Д. Галанин убеждал меня, что Антонина Шер никогда не подписывала своих работ. Однако краски запомнившейся мне в детстве картины очень напоминают краски «Итальянской пекарни», и даже размер рамы у них был схожий.

(Записано Н.Б.)

161. Шер, по мужу Казанская Александра Дмитриевна
[? — после VIII.1898]. Двоюродная сестра писателя.

146 / 145

242. Казанский Павел Петрович

239 / 238

[2.XII.1834 — после I.1900] Муж предыдущей, в то же время приходится ей дальним свойственником⁴¹. Подробнее о нем на с. 268.

162. Шер Владимир Дмитриевич

146 / 145

(1.VI.1850 – 1892). Двоюродный брат писателя. Архитектор.

По выходе из пятого класса 3-й московской гимназии поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1879 г. со званием неклассного художника архитектуры с правом потомственного почетного гражданина (диплом от 18 мая 1883 г. за № 665). Подольским уездным земским собранием избран в почетные мировые судьи (Шер. С. 10–12). В 1886–1892 гг. состоял в должности смотрителя за московскими синодальными имуществами. Губернский секретарь.

Похоронен на Ваганьковском кладбище.

В.Д. Шер

Прошение в совет Московского художественного общества

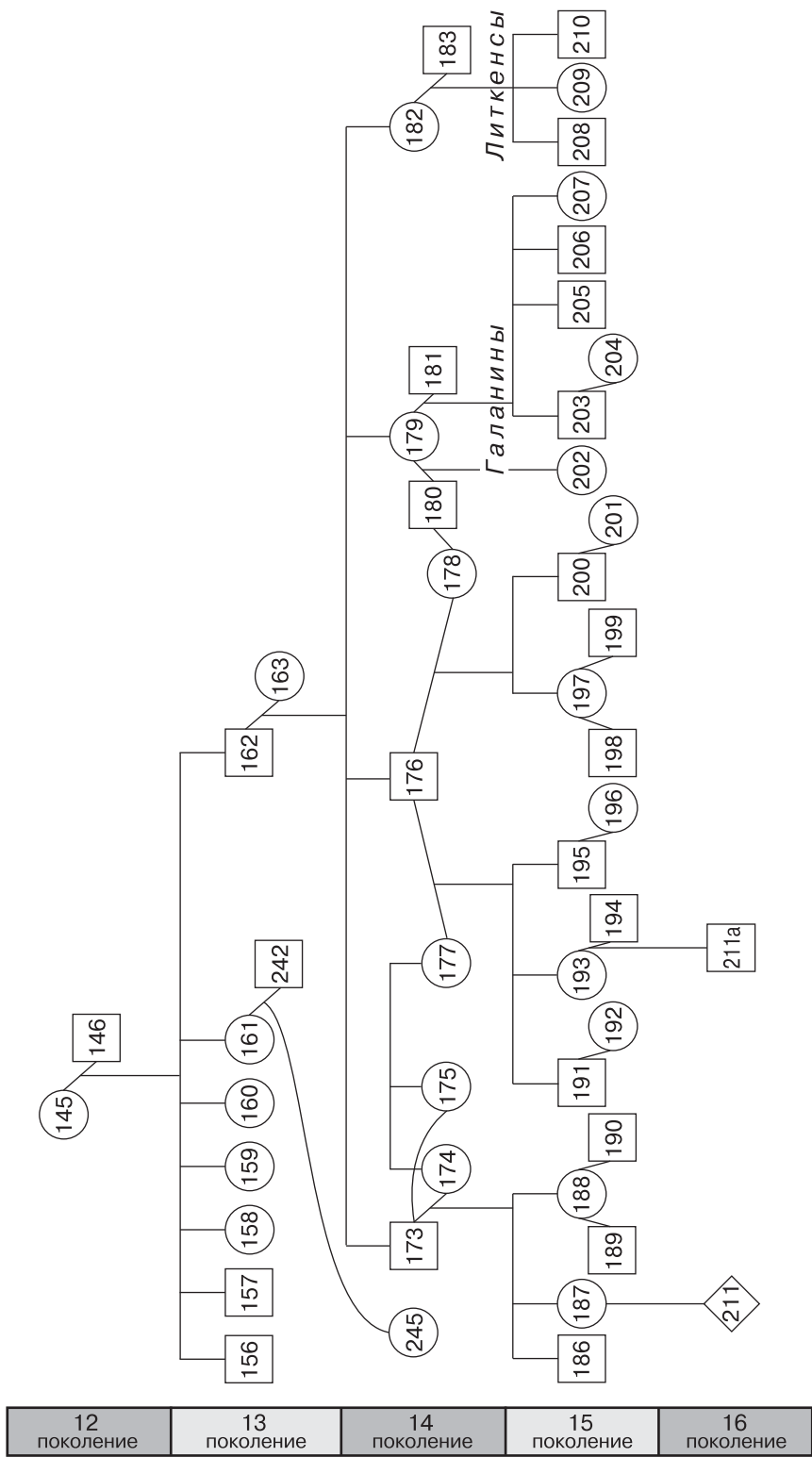
Окончив курс наук в училище в 1879 году и получив малую серебряную медаль за проект «Губернского дома», покорнейше прошу выдать мне диплом на звание неклассного художника архитектора.

(РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 8)

В 1886 г. Владимир Шер надстроил жилой корпус московского Заиконоспасского монастыря на улице Никольской (во дворе, дом № 7). В 1887–1888 гг. построил здание электростанции на Большой Дмитровке (дом № 3), ныне – выставочный зал «Малый манеж» (Зодчие Москвы. С. 268).

⁴¹ Свойство это чрезвычайно дальнее: правнучатый племянник первой и внучка второй жены Ф.Т. Нечаева (№ 123) друг другу уже никак не приходятся. Однако в роду Шеров-Ставровских были и действительно родственные браки. Так, Максимилиан Ставровский (№ 169) женился на двоюродной племяннице (хотя здесь связь прослеживается через сводных родственников), а Алексей Галанин (№ 205) – на двоюродной сестре (впрочем, данный брак скорее всего был фиктивным). Муж Марии Шер (№ 197) носил фамилию Ставровский, однако неизвестно, имелось ли здесь родство. – Ред.

ШЕРЫ

С.Д. Шер

<Еще один дом, построенный моим дедом> находится на Никитской улице, против консерватории, во дворе. Дом, насколько я понимаю в этом, построен в стиле ампира. Это было какое-то синодальное учебное заведение⁴². А в наше время там помещался детский сад, где я вместе с сестрой Надей встречался со своими читателями дошкольной книжки по геологии⁴³. Я с удовольствием посетил этот построенный дедом дом и также с удовольствием встретился со своими читателями-дошкольниками, один из которых нарисовал вулкан, о котором говорилось в нашей книжке, и пожарных, которые его тушат. (Шер. С. 13)

Ф.М. Достоевский – жене
10.XI.1878. Москва

Что же до посещения Шера, то я к нему *вероятно* не поеду, потому что он все же не был у меня сам в Петербурге. Не знаю, впрочем. Времени-то у меня совсем мало, а то, может быть, заехал бы к Ольге Федоровне Шер, что совсем уже другое дело⁴⁴. (ПСС. Т. 30, С. 50)

Д.В. Шер – М.В. Волоцкому (черновик)
1934

Отношения Ф.М. Достоевского между Шерами и Ставровскими в связи с разделом куманинского наследства были действительно временами очень обостренными. В частности, отношения Ф.М. с моим отцом очень обострились ввиду того, что отец выступал в качестве защитника интересов своей матери Ольги Федоровны Шер и двух своих сестер. Лично мой отец в этом деле не был заинтересован, что видно из того, что он сам, после смерти матери⁴⁵, отказался от своих прав наследства в пользу сестер. (Шер. С. 13–14)

В.Д. Шер – А.Г. Достоевской
30.IX.1879

Мое присутствие на Вашем семейном совете <по разделу куманинского наследства> я нахожу лишним, несогласие происходит не от меня, я со своей стороны делал все, чтоб привести к соглашению. Очень сожалею, что раздел затянулся. <...> Вы сами знаете, как много теряют наследники, имея неразделенное имение, и, потому, мне бы очень хотелось

⁴² Указание Р.А. Шер: речь идет о доме № 14 по ул. Б. Никитской (который, правда, располагается не во дворе, а по красной линии улицы). Вместе с тем к постройкам В.Д. Шера может относиться и двухсветный зал, пристроенный со стороны двора к дому Колычевых на Никитской ул. (№ 11) в то время, когда там размещалось училище синодальных певчих (конец XIX в.). См.: Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М.: Искусство, 1989. С. 109–112. – Н.Б.

⁴³ Калинина Н.Д., Шер С.Д. Как ищут то, что в земле лежит. М.: Детгиз, 1961. – Н.Б.

⁴⁴ «В своем письме Анна Григорьевна сообщила адрес В.Д. Шера на тот случай, если Достоевский найдет нужным к нему сходить в связи с делами по наследству Куманиной. Ольгу Федоровну Шер Достоевский, очевидно, считал необходимым навестить, так как она была единокровной сестрой его матери» (ПСС. Т. 30, С. 286). – Ред.

⁴⁵ Этого не могло быть, поскольку В.Д. Шер скончался тремя годами раньше своей матери. – Н.Б.

Хлопочущий за сестер Владимир Дмитриевич «симметричен» в куманинском деле безрезультатно хлопочущему за сестер Федору Михайловичу Достоевскому. – Ред.

разделиться поскорее и полюбовно, не прибегая к суду, но, как кажется, едва ли когда-либо и на что-либо Достоевские согласятся без суда. Если раздел не состоится теперь на днях, то я никак не гарантирован, чтоб он когда-либо состоялся миролюбиво. <...> Неужели все наши с Вами труды и расходы пропадут даром? Нет, я не хочу думать, что Вы позволите им <родственникам мужа> так поступить с Вами.

3.XI.1879

Для меня остается положительно загадкой, почему Вы медлите согласием, когда Вы получаете все то, что Вы желали. Вы ссылаетесь на то, что Вы очень заняты. Мне же кажется, что письмо, в котором Вы прямо и ясно высказали бы свое согласие на раздел, упомянув ясно, что отходит Вам и что остается за Шер<ами> и Ставровскими не заняло бы больше времени, чем то, которое Вы мне прислали. Что же касается до младших Достоевских, то они ни в чем Вам не противоречат, что Вы им прикажете, то они и делают. Собрать же их можно в несколько часов, что я Вам и доказал, бывши в Петербурге. Я не понимаю, какую выгоду Вы находите в общем владении имением, брошенном на произвол и почему Вы предпочитаете бездействие.

24.IV.1881

Имение наше описали по требованию Шевиковой⁴⁶, предъявленному к Николаю Михайловичу и Федору Михайловичу, но, насколько мне известно, еще не объявляли о дне продажи с аукциона их прав. Если кто-либо из посторонних купит их права, то можно считать имение для всех прочих наследников пропавшим. Очень сожалею, что Вы так задержали раздел, к которому я предлагал приступить еще в 1879 году.

2.VI.1881

Единственно, чем можно спасти имение, это скорее разделиться, для того, чтобы публичной продаже подлежали только те части лиц, на которые падает взыскание.

8.VI.1881

Немедленно по получении доверенности от Вас, Андрея, Николая, Федора и Михаила Михайловичей⁴⁷, я приступлю к исправлению исполнительных листов. Для этого я должен ехать в Рязань, подать прошение в Окружной Суд и употреблю все старание, чтобы там скорее дело было назначено к слушанию. <...> С моей стороны задержки не будет, а затем тотчас же введу всех во владение. <...> Надеюсь, что труд мой, как Вами, так и прочими Достоевскими будет вознагражден. Мне придется потерять много времени, столь дорогого весной для каждого архитектора.

31.VII.1881

Конечным результатом отсутствия какого-либо единообразного плана действий по отношению к имению была продажа с публичного торга за бесценок права на 1/6 долю имения, принадлежащую Николаю, Федору и Михаилу Михайловичам Достоевским и присоединение этим путем нового совладельца, чужеродца Лаптева, промышленника по профессии. При этом последнем условии общее, согласное и выгодное для всех пользование имением сделалось невозможным.

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 218. Лл. 11 об., 12, 17–18, 31, 31 об., 34, 35, 35 об., 39 об.)

⁴⁶ Александры Михайловны Шевяковой (по второму мужу), № 38, младшей сестры писателя. – Ред.

⁴⁷ «Федора и Михаила» – поскольку писателя (№ 32) и его старшего брата М.М. Достоевского (№ 31) уже нет в живых, возможно, имеются в виду сыновья последнего (№№ 248, 253). Или же Шер, называя имена своих покойных двоюродных братьев, подразумевает их здравствующее потомство. – Ред.

Владимир Шер (№ 162) с женой и сыновьями Василием (слева) и Дмитрием

Р.А. Шер

На его могиле стояло (что, наверное, типично для немцев) довольно внушительное надгробье, с которым связана прямо-таки анекдотическая история. Как-то раз на кладбище оказались внук (и полный тезка) своего деда-архитектора Владимир Дмитриевич Шер и его жена Наталья Борисовна – которая, увидев памятник В.Д. Шера, по простоте душевной решила, что это ее муж, несмотря на свою молодость, уже обзавелся солидным надгробьем. (Даты жизни погребенного то ли отсутствовали на памятнике, то ли плохо читались.) Наталья Борисовна была поражена такой предусмотрительностью мужа, но никак не решалась обсуждать с ним этот деликатный вопрос, пока недоразумение как-то не разрешилось совершенно случайным образом. ...Боюсь, что сейчас этой могилы уже не существует.

(Записано Н.Б.)

163. Марецкая, по мужу Шер Вера Васильевна

(? – 1916/17). Жена предыдущего.

Дочь московского коммерсанта Василия Степановича Марецкого, члена попечительского совета Практической академии коммерческих наук и основателя Общества любителей коммерческих знаний⁴⁸.

Товарищ (заместитель) председательницы первого Женского клуба. Работала в Лиге народного образования, в московском отделении Общества усиления средств Петербургского женского института (*На могилу Веры Васильевны Шер // Русские ведомости. 1917. 17 января. С. 5*).

М.В. Вишняк

...Дом Шеров на Остоженке, в 1-м Зачатьевском, стал самым близким и приятным мне домом на протяжении всей моей жизни в Москве. Семья Шеров состояла из матери-вдовы, младшего брата и двух маленьких сестер. Они жили в большом каменном особняке с широкой внутренней лестницей, ведущей во второй этаж, где находились столовая, вторая гостиная, спальня и т.д. Это была зажиточная купеческого происхождения православная семья. Отец был потомком выходца из Голландии, мать, Вера Васильевна, урожденная Марецкая, была начитанной дамой-патронессой, интересовавшейся разными людьми и вопросами и с исключительным вниманием и радушием относившейся к друзьям ее Васи, Мити, Оли, Веры. <...> мне предложили участвовать в роли Тишки в пьесе Островского «Свои люди – сочтемся», которую готовили для постановки в Романовском зале близ Никитских ворот с благотворительной целью. <...> Техника <домашней типографии> вся лежала на <Василии> Шере, на его матери и прислуге...

Свой паспорт на имя Журомского я дал для верности прописать в доме Шер. <...> <Сам же отправился с друзьями в подмосковное Коренево; в это время к Шерам нагрянула полиция.> Оставив двух полицейских для задержания Журомского, когда тот явится, пристав удалился, а Вера Васильевна поспешила в Коренево предупредить меня.

⁴⁸ Известно также, что по линии матери Вера Васильевна приходится теткой ботанику Д.П. Сырейщикову (1868–1932). – Ред.

...Попал я с матерью Шера в Художественный театр на «Синюю птицу» <...> философствовал, гуляя с Верой Васильевной по фойе: есть в реальности символ, есть в символике реальность. Она заинтересовалась моими рассуждениями и подала мысль написать статью на эту тему.

(*Дань прошлому. С. 28–29, 39, 145–146, 149*)

В.Ф. Эрн⁴⁹ – жене

4.II.1911. Москва

Приехал, остановился у Шеров (больших). Очень хорошо. Вчера же с любезного предложения самой В<еры> В<асильевны> был у меня Н.А. <Бердяев>. Вобщем я попал в гущу.

(*Взыскующие града. С. 332*)

164. Ставровская, по мужу Дурново Александра Дмитриевна 152 / 151
[Ок. 1841 — после II.1896] Двоюродная сестра писателя. Жила с мужем в имении [близ Царицыно в Подольском уезде] Московской губернии⁵⁰.

Ф.М. Достоевский — жене

24.VIII (5.IX) 1879. Эмс

У червонных валетов такие души и такие понятия, что твой вид приниженности и бедности (в 3-м классе) должен в них возбудить презрение к тебе. Останавливаешься с этими забубенными в одних и тех же трактирах, а в деревне, пожалуй, в тех же избах; тут тысячи непочтительных фамильярностей можешь увидеть от них. Шеры, Ставровские — все это одного корня народ, мошенники, надувалы и валеты⁵¹.

(*ПСС. Т. 30, С. 120*)

165. Дурново [Иван Александрович]

[? — после 1895] Муж предыдущей. [Коллежский советник, председатель земской управы Подольского уезда Московской губернии.]

166. Ставровский Федор Дмитриевич

152 / 151

(1845–1885). В 1873 г. был поручиком лейб-гвардии Волынского полка, [в 1880 г. — гвардии капитан. Женат не был.] Убит случайным выстрелом на парадном смотре.

⁴⁹ Эрн Владимир Францевич (1882–1917) – философ, публицист. Выпускник историко-философского факультета Московского университета. Друг младшего поколения Шеров, а также В.П. Свенцицкого (№ 180). Вместе с последним создал в 1905 г. «Христианское братство борьбы» и в 1906 г. написал «Взыскующим града» (см. на с. 222). – *Ред.*

⁵⁰ Ныне эта местность входит в черту Москвы. – *Ред.*

⁵¹ В цитируемом письме идет речь о совместной поездке А.Г. Достоевской с Шерами и Ставровскими в имение, доставшееся им после смерти А.Ф. Куманиной (см. с. 178). Нелестные характеристики и эпитеты, расточаемые Достоевским по адресу Шеров и Ставровских, отчасти могли быть вызваны обостренностью семейных отношений в связи с разделом куманинского наследства. – *М.В.*

См. также конфликт Достоевского с П.П. Казанским (№ 242) по сходной причине. – *Ред.*

167. Ставровская, по мужу Косьмина Ольга Дмитриевна 152 / 151
[Ок. 1846 — до 1896]

168. Косьмин
Муж предыдущей.

169. Ставровский Максимилиан Дмитриевич 152 / 151
([13.X] 1848 — [13.III] 1920). Инженер путей сообщения, служивший сначала на Кавказе, а затем в Петербурге директором департамента Министерства путей сообщения. [В 1880 г. — коллежский секретарь.]

Женат на своей двоюродной племяннице Марии Николаевне Голеновской.

Умер от паралича (последствия кровоизлияния в мозг).

А.А. Достоевский

Отличался красивой внешностью. Скромный, тихий, немножко себе на уме.

В.Д. Голеновская

Педант; любил общество; слабохарактерный; находился под влиянием жены.
(*Письменные характеристики. М.В.*)

486. Голеновская, по мужу Ставровская Мария Николаевна 484 / 38
Жена и в то же время двоюродная племянница предыдущего. О ней на с. 871.

170. Ставровская, по мужу Деньковская Анна Дмитриевна 152 / 151
[(Ок. 1850 — после 1896). После смерти мужа жила в имении в Харьковской губернии.]

171. [Дидико-]Деньковский [Степан Михайлович]⁵²
[? — до 1896] Муж предыдущей. [Принадлежит к дворянскому роду Рязанской губернии. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1860), генерал-майор.]

В 1880 г. стал восприемником новорожденной дочери своего однокашника Ф.Ф. Бранта: крещение состоялось 20 января в церкви 140-го пехотного Зарайского полка (ГАРО. Фонды личного происхождения. Бранты; приводится по: www.history-ryazan.ru/node/9990).

172. Ребенок, родившийся у Е.Ф. Ставровской в мае 1855 г. 152 / 151
Обгорев в церкви, Екатерина Федоровна преждевременно родила младенца, который сразу же умер. Сама она прожила еще около двух недель (см. с. 197).

В следующем поколении фамилия Ставровских утрачивается (ее будет носить лишь дочь Максимилиана Дмитриевича, которая умрет в девичестве). У потомков этой семьи — уже другие фамилии.

⁵² Восстанавливается по: ГАРО. Фонды личного происхождения. Бранты. — Ред.

Поколение четырнадцатое

245. Казанская (www.regiment.ru)

242 / 161

173. Шер Василий Владимирович

162 / 163

(6.III.1883 – 30.VIII.1940). Учился в 1-й московской гимназии (окончил с серебряной медалью), затем на юридическом факультете Московского университета. Экономист, политический деятель. Социал-демократ, меньшевик.

С 1902 г. принимал участие в студенческом революционном движении и в 1904 г. вступил в партию социал-демократов. Делегат на Всероссийской конференции меньшевиков в Петербурге, член I Конференции профессиональных союзов. В октябре 1905 г. принимал участие в организации Московского совета рабочих депутатов, состоял секретарем последнего и редактором «Известий» Московского совета. Неоднократно арестовывался, жил нелегально, организовал первую конференцию союза печатников в Гельсингфорсе, был председателем ЦК союза печатников. В годы реакции – ликвидатор; участвовал в организации Всероссийского съезда деятелей легального движения (1911). В том же году был арестован по доносу Р. Малиновского и сослан на три года в Вологодскую губернию.

Принимал участие в Февральской революции 1917 г. в Москве, был избран секретарем Совета солдатских депутатов; в июле назначен помощником командующего войсками Московского военного округа. Накануне Октябрьской революции – начальник политического управления военного министерства. Во время революции находился в Москве в штабе полк<овника> Рябцева, командовавшего силами белогвардейцев.

После Октябрьской революции вел ответственную работу по кооперации в Центросоюзе, Сельскохозяйственном и ВСНХ. С 1922 г. – член правления Госбанка. С 1928 г. принимал руководящее участие в контрреволюционной организации «Союзное Бюро РСДРП». В 1931 г. приговорен Верховным судом СССР к десяти годам лишения свободы (*Ленин. Сочинения. Т. 17. С. 806. Т. 24. С. 873; БСЭ. 1-е издание. Т. 62. М.: ОГИЗ РСФСР, 1933. С. 295–296*).

М.В. Вишняк

Когда мы перешли во второй класс, среди вновь поступивших оказался Шер, Василий Владимирович, один из самых близких мне людей в течение многих лет – будущий видный организатор московского типографского союза, впоследствии осужденный большевистским судом по бесславному процессу меньшевиков. Шер обратил на себя внимание учеников и учителей. Он выделялся не только своими успехами, заняв сразу место второго ученика, но и своими манерами и внешним обликом. Высокий, веселый, кровь с молоком, изящный, можно сказать красавец, если бы не слишком широкие ноздри плоского носа. Шер сразу пленил меня. Моему детскому воображению он представлялся нетитулованным аристократом, почти таким же, как неподалеку от меня сидевшие кн<язь> Гагарин, Георгий Георгиевич, или барон Шеппинг⁵³. Я бывал изредка у Гагарина, но с Шером в течение первых лет вряд ли перекинулся и несколькими словами, пока как-то в свободные между уроками – из-за болезни учителей – два часа Шер не позвал меня в числе других

⁵³ В той же книге воспоминатель называет еще одного их однокашника – ставшего впоследствии знаменитым философом И.А. Ильина. – *Ред.*

к себе в гости покататься с горы на салазках. Через несколько лет дом Шеров на Остоженке, в 1-м Зачатьевском, стал самым близким и приятным мне домом на протяжении всей моей жизни в Москве...

В пасхальную ночь мы почти ежегодно отправлялись в Кремль слушать первый удар в колокол на Иване Великом. <...> Из Кремля шли разговляться к Шерам. В этом я принимал самое деятельное участие и к трем часам утра возвращался к себе пешком с Остоженки чрез Кремль на Малую Лубянку...

Кому-то из нас пришла мысль издавать журнал. Это было вдвойне недопустимо. Без специального разрешения в России того времени ничего не дозволялось печатать. Тем более не дозволялось печатать что-либо несовершеннолетним, воспитанникам средних учебных заведений. <...> Однако ни наша собственная «честь», ни «честь» нашего заведения нас не остановила. Мы решили издавать журнал...

Сразу же приступили к делу. Комната Шера была превращена в помещение для редакции и одновременно в «типографию»: здесь изготовлялся состав для гектографа, переписывались соответствующими чернилами рукописи и переписанное «печаталось», вернее – размножалось. «Молодые побеги» выходили в 70 экземплярах, страниц в 80 каждый. Вышло, если не ошибаюсь, 11 номеров. Формально все мы были равноправными редакторами, принимали или отвергали материал большинством голосов. Но к голосу <одноклассника> Свенцицкого прислушивались внимательнее, и он, конечно, весил тяжелее нашего – был убедительнее и авторитетнее. Техника вся лежала на Шере, на его матери и прислуге. В «Молодых побегах» помещены были статьи полуфилософского содержания, литературного, на социальные темы, но не на политические. Были рассказы и стихи. <...> «Молодые побеги» имели успех не только в нашем кругу. Они заслужили положительную оценку и со стороны – в частности, Максим Горький поощрял нас продолжать наше рискованное начинание.

(Дань прошлому. С. 28–29, 38–40, 56)

Московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов

7 декабря 1905 г. Московским охранным отделением были получены сведения, что в квартире частного поверенного Вячеслава Николаевича Арцишевского происходит заседание Федеративного Совета, с присутствием на таковом представителей: от Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии – присяжного поверенного Виргиния Леонова Шанцера, от Совета рабочих депутатов – бывшего студента Московского университета Василия Владимировича Шер и от Железнодорожного союза – сына титулярного советника Владимира Николаевича Переверзева. Для ареста участников на месте сходки командированы были чины полиции, коими задержаны были они и подвергнуты заключению под стражу.

(Подвиг Красной Пресни // Известия. 1975. № 293. 15 декабря. Цит. по: Шер. С. 17)

В.Ф. Эрн – жене

5.II.1911. Москва

За Васей почему-то следят, и он уехал в Питер.
(*Взыскующие града. С. 333*)

М.В. Вишняк

Политическая экономия считалась в те годы как бы наукой наук у всех радикально настроенных студентов, особенно у входивших тогда в силу и влияние марксистов. Кафедра трещала, когда грузный и рыхлый профессор <Мануйлов> поднимался на нее. С подъемом, но просто излагал он основы своей науки и историю экономических идей, изредка вскидывая пенсне, чтобы процитировать автора или привести точные цифры. Увлекал он, однако, только тех, кто уже был увлечен экономическими вопросами или вовлечен в социалистическое движение.

...Среди них вскоре оказался Шер, к удивлению его знавших. Это случилось как-то внезапно. Изготовив доклад о физиократах, Шер потом оказался на короткой ноге с «австрийцами», Бем-Баверком и Филипповичем и стал обращаться с ними как с давними знакомыми...

Шер был оставлен при университете по кафедре политической экономии...

Сильная перемена произошла с Шером: он самоопределился как экономист марксистской школы. Влияние Свенцицкого на сей раз оказалось бессильным, и ему пришлось довольствоваться язвительными насмешками над неразумным, одурманенным и ослепленным Васей...

С образованием Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов главное в Петрограде было уже предрешено, тогда как в Москве только ночью 28-го февраля городская дума обратилась к населению с оповещением, что происходит «решительная борьба со старым и пагубным для нашей родины строем». Но и в Москве, как в Петрограде, власть в лице командующего войсками генерала Мрозовского была точно в параличе – выжидала и бездействовала. И не кто другой, как мой друг Шер, из прапорщика запаса произведенный в подпоручики, оказался главным действующим лицом при аресте Мрозовского, происшедшем совершенно мирно, почти с обоюдного согласия...

Февраль потерпел поражение по многим основаниям. Обобщая, их можно свести к упадку воли и бессилию демократии. Сохранился документ, точно и неопровержимо устанавливающий пределы этого бессилия. Это лента разговора по прямому проводу между ставкой верховного главнокомандующего и военным министерством в час ночи на 26-е октября. Мой близкий друг подпоручик Шер, в должности начальника политического управления министерства, докладывал: «Сутки тому назад штаб округа должен был констатировать, что он опирается лишь на женский батальон, две-три роты юнкеров, роту ударников и группу офицеров, пришедших из госпиталей. Броневые машины заявили, что не желают активно бороться за Временное правительство, и к утру ушли. Три казачьих полка, находящихся в Петрограде, в течение всей ночи вели переговоры относительно своего прихода к Зимнему дворцу и к утру прислали 2–3 сотни, рассеявшиеся к сегодняшнему вечеру...»

(*Дань прошлому. С. 51–52, 85–86, 246, 317–318; Архив русской революции. 1922. Т. 7. С. 304*)

В.И. Ленин
Речь об обмане народа
лозунгами свободы и равенства
19.V.1919

Я недавно читал прекрасную статью тов. Германо-ва в «Правде», в которой были тезисы гражданина Шера, одного из наиболее «социалистических» социал-демократов меньшевиков. <...> Эти тезисы таковы, что надо было бы выгравировать их на доске, повесить во всяком волостном исполкоме и под-писать: «Сие есть колчаковец».

Я прекрасно знаю, что этот гражданин Шер и его единомышленники за это назовут меня кле-ветником и еще похуже. Тем не менее я приглашаю людей, которые учились азбуке политической эко-номии и политической грамоте, разобраться внимательно, кто прав, кто виноват. Гражда-нин Шер говорит: продовольственная политика и вообще экономическая политика Советской власти никуда не годится и надо перейти сначала постепенно, а потом шире к свободной торговле продовольственными продуктами и к обеспечению частной собст-венности. Я говорю, что это есть экономическая программа, экономическая основа Кол-чака. <...> В момент, когда происходит революция пролетариата против буржуазии, когда свержается помещичья и капиталистическая собственность, когда голодает страна, разо-рренная четырехлетней империалистической войной, свобода торговли хлебом есть сво-бода капиталиста, свобода восстановления власти капитала⁵⁴.

(Ленин. Сочинения. Т. 24. С. 295)

С.Д. Шер

После революции <мой дядя Вася> был членом правления Госбанка, и я до сих пор помню его подпись, которая в числе нескольких других красовалась на червонцах двадца-тых годов... Жил он в Зачатьевском переулке, в соседнем доме с бывшим домом бабушки <Веры Васильевны Марецкой>. Был он заядлый охотник, <...> <держал> несколько охот-ничьих собак. Помню, что он ездил верхом в манеже на Плющихе, куда мы однажды ходи-ли с папой, и была у него дача, где мы один год (в 1925 г.) жили летом.

(Шер. С. 17)

М.Д. Галанин

Летом 1924 г. мы жили в Переделкине, рядом с церковью. Одно яркое воспоминание: приезжал дядя Вася на машине (конечно, с шофером). Он был тогда, по-видимому, уже членом правления Госбанка. Машина была, наверное, стареньким «фордом» – открытая. Уезжая, он посадил нас с <братом> Ликсом и прокатил немного. Это произвело огромное впечатление. До этого мы не ездили на машине. На вокзал ездили на трамвае или на из-возчике.

(Галанин. С. 20)

⁵⁴ См. на с. 1014 мнение Владимира Михайловича Владиславлева (№ 273) по этому же вопросу. – Ред.

В.В. Шер

Защитительная речь на процессе

25 лет назад, когда я сидел в тюрьме, в связи с обвинением меня в участии в декабрьском восстании, я ожидал смерти. Случаю было угодно тогда поставить дело так, что те бесспорные доказательства моей виновности, который имели место в виде вещественных доказательств, были уничтожены во время революционного захвата одного из полицейских участков. Судьбе было угодно, чтобы вместо сурового наказания я получил тогда просто высылку в Нарым, которая была потом заменена границей. Но тогда <...> я не чувствовал страха перед лицом смерти, я сознавал, что та причина, которая привела меня в положение лица, ожидавшего смертного приговора, такова, что она дает мне достаточно мужества и достаточно смелости встретить смерть лицом к лицу.

Я должен сознаться <...>, что у меня теперь нет этой смелости, нет этого мужества. Я не чувствую за собой, что я шел по правильному пути. Наоборот, я признаю свои ошибки и признаю, что <...> <это был> путь преступления. <...> Я прошу <...> дать мне возможность продолжить работу на пользу Советскому Союзу. <...> Я прошу даровать мне жизнь. *(Отчет о вечернем заседании 7 марта 1931 г. на процессе по делу контрреволюционной организации меньшевиков // Правда. 1931. № 67 (4872). 9 марта)*

С.Д. Шер

В 1931 г. <...> дядя Вася был арестован как один из «руководителей меньшевистского центра», <...> приговорен к десяти годам лишения свободы, сидел где-то на Урале и за несколько дней до выхода на свободу умер.
(Шер. С. 18)

М.Д. Галанин

«Воспоминания о детстве и отрочестве»

Арест дяди Васи <осенью 1930 г.>, мне кажется, отложился мрачной тенью на жизни мамы и отца. До революции дядя Вася был меньшевиком. Он был приговорен к десяти годам и сидел в Верхнеуральске. Мама несколько раз ездила к нему на свидание. Мне кажется, что репрессивная машина советской власти еще не приобрела в то время полной силы. Удивительно, что после ареста дяди Васи нам удалось увезти некоторые вещи и книги из его квартиры в Николопесковском переулке. (Он жил в одном из небольших деревянных домов, построенных в двадцатые годы для некоторых деятелей, – ведь дядя Вася был членом правления Госбанка, на первых червонцах была, в числе других, его подпись.) Среди этих вещей – скульптура Христа из слоновой кости – копия скульптуры И.П. Витали, сделанная нашим прадедом Д.А. Шером.

Дядя Вася умер в тюрьме в 1939 г.
(Галанин. С. 23)

Известны следующие печатные работы В.В. Шера:

- История профсоюзного движения рабочих печатного дела в Москве. М.: 1911.
- Кредитная реформа. К вопросу о новых методах кредитования. М., 1930.

174. Королева, по мужу Шер Татьяна Николаевна

(18.XII.? – ?). Первая жена предыдущего, мать троих его детей⁵⁵.

175. Королева, по первому мужу Орлова, по второму Шер Мария Николаевна

(1887–?). Вторая жена В.В. Шера (с 1914 или 1915 г.), родная сестра первой жены.

М.В. Вишняк

В женской гимназии А.Д. Алферовой, где училась сестра Шера, ее подругами были сестры Королевы <...> Через них познакомились с семьей Королевых Шеры, а через Шеров и мы – Свенцицкий, Орлов⁵⁶ и я. Семья состояла из вдовы Александры Васильевны, энергичной и властной, не без самодурства, большой почитательницы Льва Толстого, а потом кадетской партии, – матери семерых дочерей и малолетнего сынишки. Королевой принадлежали два небольших именища в 40–50 верстах от Москвы, в Звенигородском уезде. И в течение многих лет на Святки, на Масленую и на Пасху, а то и на неделе в свободное время наезжали мы в Коренево и Пителино. Приезжали когда кто мог, а то целой компанией. Приезжала молодежь и «со стороны». Тогда размещались в тесноте, но в полном довольстве. Целые дни проходили в шуме, смехе, пении, беседах, спорах, играх, изощрялись в остроумии. Питались просто, но обильно, пили – не спиртные, конечно, напитки: хозяйка не зря считала себя поклонницей Толстого, – а чай, много чаю со сливками, самодельными вареньями и медом. Летом ходили по грибы, зимой ходили на лыжах при луне, а то ездили в гости к соседям или просто прокатиться на Венере или Лыске. В такой атмосфере естественно возникали и легкие увлечения, и серьезные романы. В частности, для Шера и Орлова знакомство с Королевыми привело к тому, что они породнились: женились на Тани и Марусе Королевых...

Имение <Коренево в 1908 г.> уже переименовало собственника — перешло во владение дочерей Королевой, Тани и Жени, вышедших замуж за Васю и Митю Шеров.

(*Дань прошлому. С. 54–55, 146*)

Р.А. Шер

Сестры Королевы не были красивы, но отличались веселым нравом и общительностью. В их доме постоянно устраивались какие-то вечеринки, звучала музыка, танцевала молодежь. Этим они, наверное, и привлекли к себе внимание братьев Шеров.

(*Записано Н.Б.*)

Мария Николаевна – автор небольшой, 24-страничной брошюры «О бесконечности в геометрии: Теорема о параллельных» (М.: Тип. А.А. Стрельцова, 1915), выпущенной уже под фамилией Шер.

⁵⁵ В рукописных воспоминаниях С.Д. Шера на с. 18 говорится о четверых детях: «Два рано умершие и неизвестные мне сына и две дочери». По-видимому, это ошибка, поскольку, по свидетельству других родственников, был всего один сын – Василий (№ 186). – Н.Б.

⁵⁶ Орлов Александр Семенович (2.1.1883 – ?) – одноклассник В.В. Шера и В.П. Свенцицкого. Окончил гимназию с золотой медалью, затем физико-математический факультет Московского университета. Принадлежал к меньшевикам. Занимал пост товарища (заместителя) министра торговли и промышленности во Временном правительстве осенью 1917 г. – Ред.

176. Шер Дмитрий Владимирович**162 / 163**

(10 (23).II.1886 – 23.I.1943). Издатель и книготорговец.

С.Д. Шер

В свои юные, очевидно – студенческие годы папа короткое время был эсером <в 1908 г. даже подвергался аресту>, но потом быстро стал отцом семейства и забросил всякую политическую деятельность. То ли в связи с его пребыванием в юные годы в эсерах, то ли по другим причинам его уже во время революции дважды арестовывали, но на очень короткое время. Окончил ли папа университет, я не знаю. В его письменном столе хранился университетский значок – белый эмалированный ромбик с синим крестом. Учился он, кажется, на филологическом факультете, но, мне думается, диплома так и не получил⁵⁷. В годы империалистической войны папа некоторое время был в армии, но не находился на фронте, а был где-то в тылу, в каких-то земских организациях...

(Шер. С. 22)

После 1917 г. Дмитрий Владимирович служил заведующим книжно-писчебумажным отделом Московского центрального кооператива, заместителем начальника отдела снабжения политического управления Реввоенсовета и Московского совета народного хозяйства, в конторе газеты «Известия ВЦИК», в издательстве Наркомзема «Новая деревня» и т.д. В сентябре 1925 г. переведен на должность заведующего московским отделением кооперативного издательства «Прибой», с апреля 1927 г. – понижен до заместителя заведующего *(Шер)*.

С.Д. Шер

В начале 1928 г. папино благополучие кончилось. От 9 февраля в трудовой книжке запись: «Уволен по рационализации издательского и книготоргового дела, вследствие слияния издательства “Прибой” с Государственным издательством РСФСР». После этого началась папина работа в московском Парке культуры и отдыха (ЦПКиО им. Горького), который тогда еще только создавался. <...> Папина должность менялась от заведующего административно-хозяйственным отделом до заведующего эксплуатационным подотделом. <...> Работа в Парке кончилась у папы печально – его арестовали, причем, пока шло следствие, он около шести месяцев просидел в Бутырках. Об этом напоминает все тот же «Трудовой список». 7 октября 1929 г. в нем записано: «Уволен по пункту “Д” ст. 47 КЗОТ», а потом эта запись аннулирована и заменена на такую: «Считать уволенным за неявку на службу». За этими бюрократическими фразами скрываются арест и последующая реабилитация. <...> Очень отчетливо запомнил я только приход папы из тюрьмы. Не сбрив густую бороду, он праздновал возвращение домой в кругу семьи и многочисленных знакомых. Из папиных рассказов запомнилось описание ужасной скученности в тюрьме. <...> Думаю, что арест тяжело отразился на папином здоровье и общем состоянии. В переходе его к старости это была существенная ступенька.

После ареста папа не сразу устроился на подходящую работу. Около полугода он проработал в товариществе «Домостроитель» в должности секретаря правления. <...> Явно

⁵⁷ В.Ф. Эрн: «19-го <декабря 1909 г.> Митин суд» (*Взыскующие града*. С. 217). Что касается белого ромбика с синим крестом – такой значок выдавался выпускникам университетов. – *Ред.*

для папы эта работа была случайной. Летом 1930 г. началась его работа в «Сельхозгизе», которая была по существу продолжением работы в издательствах, в частности в издательстве «Новая деревня». <...> Большую часть времени он заведовал планово-финансовым отделом...

Очень существенным эпизодом в жизни папы было участие в драмкружке «Сельхозгиза» <...> Кажется, именно в этом занятии он нашел свое признание. <...> Хорошо помню, что поставлено дело там было вполне серьезно. Руководителем кружка был профессиональный артист – Майоров⁵⁸, выступавший в Театре Красной армии, впоследствии – заслуженный артист республики. Папа участвовал в постановке «Юбилея» Чехова, где играл старика бухгалтера, а также «Женитьбы» Гоголя, где исполнял роль Яичницы. <...> Драмкружок ставил также современные пьесы, в частности – «Чужой ребенок»⁵⁹. <...> Помню, какая там была творческая обстановка и как все с энтузиазмом и вместе с тем весело проводили время. <...> Мне кажется, что если бы он в свое время пошел по артистическому пути, то достиг бы значительных успехов...

В трудовом списке записи о работе в «Сельхозгизе» занимают более двух страниц. Здесь и неоднократные увеличения «оклада содержания», и многократные премирования. <...> после записи об очередном премировании в ноябре 1937 г., написано: «Освобождается от работы в издательстве по сдаче дел с 25 ноября 1937 г.» <Причина – чистка издательств от «не вполне благонадежных лиц», к каковым он был причислен как дворянин, бывший эсер и брат осужденного Василия Владимировича Шера.>

Увольнение папы из «Сельхозгиза» и закрытие перед ним возможности работать по издательскому делу было для него тяжелым ударом. Он боролся с решением, что отражает все тот же «Трудовой список». В декабре 1937 г. в последнем сделана запись об изменении формулировки увольнения <...>: «Считать освобожденным от работы в издательстве по реорганизации – слиянии двух издательств». В феврале 1938 г. папа «восстанавливается на работе в издательстве в прежней должности руководителя финансовым сектором с выплатой ему 650 руб. за вынужденный прогул». Однако в ноябре 1938 г. вновь последовал приказ: «Освободить от работы в связи с упразднением должности». На этом уже окончательно прекратилась работа папы в книгоиздательском деле. Я помню, что после этого папа довольно долгое время вообще нигде не работал. <...> Сломленный всеми передрыгами, он проводил большую часть времени на маленьком старинном диванчике, чаще всего перечитывая любимые им книги русских классиков Толстого, Тургенева, Чехова и других. Впереди казалась возможной высылка из Москвы или даже арест...

Следующим местом работы папы был вновь ПКиО, но уже не Центральный, а Сокольнический. <...> В войну папа и все мое семейство (мама, сестры и их дети) эвакуировались сначала в город Элисту <...>, а потом, при приближении немцев, в Западный Казахстан. (Шер. С. 25–32)

⁵⁸ Майоров Михаил Михайлович (1906–1993) – актер. В 1930 г. окончил ЦЕТЕТИС (ныне – ГИТИС) и был принят в труппу 2-го МХАТа, в 1936 г. перешел в Центральный театр Советской армии. Народный артист РСФСР (1962). – *Ред.*

⁵⁹ Пьеса В. Шваркина, 1933 г. – *Ред.*

Д.В. Шер – М.В. Волоцкому
5.X.1934. Москва

Очень сожалею, что не знал о Вашей работе до ее выхода в свет и не мог никаким образом своими замечаниями избавить Ваш труд от некоторых небольших неточностей. <Особенно досадно, что ответственный редактор этой работы М.В. Сабашников, неоднократно встречавшийся со мной по ряду издательских дел, не счел нужным предварительно снестись по телефону.> <...> Очень сожалею, что весь этот материал мне удалось сообщить Вам чересчур поздно и что это не избавило Вас от невольных ошибок. Все же полагаю, что для Вас это не потеряло интереса и сейчас.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 2. Строчки, взятые в угловые скобки, в тексте отправленного письма отсутствуют и цитируются по черновику: Шер. С. 8)

С.Д. Шер

Общее, что отмечало папу, это его исключительная выдержанность. Я не помню, чтобы хоть раз в жизни папа повысил голос, высказал раздражение, ворчал бы на кого-нибудь. И хотя никто и никогда не говорил, что надо в этом отношении брать с него пример, у меня именно эти черты с детства запечатлелись как черты характера настоящего мужчины, и я старался в молодые годы и потом уже позже им подражать.

Запомнилось также папино неоднократное высказывание о том, что воспитанный человек «не замечает» неловких поступков окружающих. Еще отличало папу – ел он всегда очень красиво и любил красоту в еде. Если он выпивал, то из маленькой хрустальной рюмки на тонкой ножке. <...> Рыбу папа разделявал с точностью ювелира и даже кашу предпочитал есть вилкой, а не ложкой. <...> Пользуясь ножом, папа ел яблоки и апельсины, искусно разрезая их на части.

(Шер. С. 31–32)

Из дневника Д.В. Шера в эвакуации
20.X <1942>

Я что-то здорово постарел за последнее время, и мне кажется иногда, что я уже не дождусь возвращения в Москву.

7.XII <1942>

Настроение плохое, все кажется, что я не доживу до конца войны и что мне не удастся больше пожить в человеческих условиях. Так хочется, чтобы кругом была чистота, чтобы вещи кругом были красивые. Я иногда мечтаю о том, чтобы, возвратившись в Москву, набрать где-то денег и сделать красивую, чистую комнату, купить красивую посуду...

(Шер. С. 32–33)

Д.В. Шер – сыну Сергею
14.XII.1942

Дорогой мой Сереженька, пишу тебе из Уральска, куда вызван для представления о своей работе. Ужасно мне не хотелось ехать. Меня пугает теперь всякое передвижение, всякий отъезд куда-то. У меня страх перед холодом, ветром, занесенной дорогой. Устал я, верно, очень, да и очень стар становлюсь. Мама все мечтала, что меня вызывают для того, чтобы отругать, и это будет повод, уйти совсем с работы, и что я буду сидеть дома; зани-

маться с <внуком> Мишкой⁶⁰, делать всякие хозяйственные дела, освободив для нее много времени, а она будет работать.

(Шер. С. 33–34)

Н.С. Багатурова-Шер – сыну Сергею
<Середина 1943> Уральск

У нас большое горе – 23 января умер папа, 24-го мы его похоронили...

Болел он 37 дней. Заболел 17 декабря, когда вернулся из командировки в Уральск. <...> Сначала у него было воспаление легких, но очень скоро оно ликвидировалось – достали сульфидин. После сульфидина у него не понизилась температура, так как начался брюшной тиф. Переносил болезнь он сравнительно легко, хотя температура была все время высокая. <...> На 26-й день болезни у него появилась кровь, ему сделали укол, и после этого два дня он уже выздоравливал. Температура упала, но начался бред, и с тех пор он уже не приходил в сознание. <...> Он ни о ком не спрашивал, иногда только говорил: «Ох, как хорошо» или жаловался на то, что болит все тело... <...> Один только раз пришел на несколько минут в сознание, заплакал и сказал: «Мне Мишуку жалко», и потом еще несколько раз все говорил: «Мишенька». <...> Наутро ему стало хуже, вприснули ему морфий, и он очень спокойно пролежал до 2 1/2 часов и совсем тихо заснул – перестал дышать...

Хоронили папу, завернув его в два лоскутных одеяла. Был очень сильный мороз. Был ветер, волосы на папиной голове шевелились, угол одеяла поднимался, он был совсем как живой.

(Шер. С. 35–37)

177. Королева, по мужу Шер Евгения Николаевна

Первая жена предыдущего, родная сестра жен его старшего брата (с. 215). Несмотря на рождение в этом браке трех детей, закончился он разводом.

178. Багатурова, по мужу Шер Надежда Сергеевна

(1890–1976). Училась на Высших женских курсах вместе с Ольгой Шер (№ 179). Переводчица и детская писательница, одна из первых пропагандистов педагогического метода Монтессори в России.

Между 1912 и 1914 гг. стала второй женой Д.В. Шера, который принял в семью и дочь Надежды Сергеевны от В.П. Свенцицкого (№ 180), Надю. В браке родилось еще двое детей.

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому
21.IV.1909. Москва

...Наде дали писать о заговорах. Она нигде не может достать Ветухова; не прислал ли бы эту книгу ей на неделю, за сохранность я ручаюсь. Я не прошу особенно об этом, но девица действительно <окончание фразы зачеркнуто самой Надеждой. – Ред.>

(Вестник ПСТГУ. Серия 1. 2011. № 2 (34). С. 89)

В.Ф. Эрн – жене
11.IX.1909. Москва

...Пришла Надя в очень расстроенном виде. Вела себя нервно и, говоря всякие пустяки, ушла. Я закончил свою работу <...> Купил конфет, пирожного и пошел (Надя живет

⁶⁰ Сыном Марии Дмитриевны Шер-Пушкаревой. – Н.Б.

очень близко). Надя в совершеннейшей меланхолии лежала на диване; когда увидела сладости – так была необыкновенно тронута, что несколько минут плакала. Я занялся Надюрой, и только через минут десять мне удалось перевести Надю в третье измерение. Саша приготовила чай, и мы мирно разговаривая сели за чай.

С.Н. Булгаков – В.Ф. Эрну
29.XI.1909. Олениз

Вчера послал С. Вл. (? – Ред.) Шеру 45 р. для Нади, в начале сентября послал ему же.

В.Ф. Эрн – жене
27.I.1910. Москва

Не забудь также прислать <фото> и Надюнчика с Надей. <...> Вид у нее <после дифтерита> очень неважный, худой, зеленый; губы почти белые, глаза мутные. Она смеется и говорит: «некому за мной ухаживать». Квартирой она довольна. Прислугу уже успела переменить, заложила кольцо и крестик. Шуба разлезается. Но так – бодрa и весела. Надюнчик уже говорит.

5.II.1910. Москва

Зашедши к Шерам мимоходом и не заставши ни Васю, ни Таню (которую позавчера выпустили), я был поражен крайне болезненным и изнуренным видом Васятки и Танюши⁶¹ – просто жалко смотреть. Таня все-таки плохо за детьми смотрит. Это мы в один голос решили с Надей, которая ко мне забежала сегодня и была обворожительна: во-первых серьезно решила поститься и уже сегодня съела два яйца, и во-вторых восхитилась мной нарисованными цветами.

18.II.1910. Москва

...Решил сделать Наде <от нас> подарок. Пошел к Чичкину, купил яиц, масла и сыра и принес Наде. «Вот вам подарок от Жени!» Надя в это время только что кончила переживать муки и радости творчества (она пишет о Пушкине) и ужасно была тронута твоим вниманием. Когда же раскрыла пакет и увидела яйца, то стала страшно хохотать и была страшно довольна. Еще бы! Она уже две недели не видела яйца!

22.II.1910. Москва

Накануне она легла в 4 часа! Ее затащили к себе на вечер хозяева (одинокая семья). Было много блистательной «поэтуры». <...> Надя имела «огромный» успех, и ей, как и прочим дамам, непрерывно целовались ручки. Бог знает что такое! Надя наивна и мила. Как ей хочется жить!

2.IV.1910. Москва

...Саша <Ельчанинов> с Надей стали нежно ворковать... на тему о том, какие костюмы носили в средние века. По поручению Тани Надя одевает куклу для какой-то благотворительной лотереи.

5.II.1911. Москва

Надя очень устала от экзаменов (сдала их 5) и находится в довольно безумном виде, но кажется довольна. Во-первых, окончательно сдружилась с Бердяевыми, которые уже заходят к ней en deux; во-вторых, усердно переводит своего <нрзб.> и надеется с моей помощью получить от Турбина первый аванс и первые своим трудом заработанные деньги...

⁶¹ Имеются в виду В.В. Шер (№ 173), его жена (№ 174) и их дети (№№ 186 и 187), которых звали также Василием и Татьяной. – Ред.

6.III.1911. Москва

Решили ехать <к Флоренскому> компанией: Булгаков с женой, Надя и я...

С.Н. Булгаков – В.Ф. Эрну

23.IX.1912. Москва

Была недавно у меня Надя, ищет места.

(Взыскующие града. С. 208, 215, 225–226, 235, 244, 247, 258, 332–333, 361, 486)

С.Д. Шер

Годы женитьбы папы на моей будущей матери для него были довольно сложными. Развод с первой женой, у которой было трое детей, женитьба на армянке <...> Мне об этом ничего не рассказывалось дома <...> Надежда Дмитриевна, по мужу Калинина, старше меня на десять лет. То, что она была удочерена моим отцом, я узнал только будучи взрослым, уже после войны. Но и сейчас, как раньше, она для меня – родная сестра. <...> я благодарен родителям за то, что они не дали нарушиться всем старым родственным связям, и хотел бы, чтобы они сохранялись и в дальнейшем в следующих поколениях.

(Шер. С. 3, 22–23)

179. Шер, по мужу Галанина Ольга Владимировна

162 / 163

(16 (31).VII.1888, Москва – 27.II.1963). Окончила Алферовскую женскую гимназию, курсы английского языка, училась на Высших женских курсах. Домохозяйка, переводчик детской литературы с английского, в последние годы жизни секретарь мужа – физика и педагога-методиста. Воспитала пятерых детей (как именовали их родственники – Галанов), четверо из которых избрали своей специальностью физику.

С.Д. Шер

Все галанинское семейство достойно специальной книги.

(Шер. С. 19)

Была слушательницей Вольного богословского университета, приятельницей В.Ф. Эрна, А.В. Ельчанинова, В.П. Свенцицкого (Павел Флоренский. Переписка 1907 г. // Новый журнал. 2007. № 246).

В.Ф. Эрн – А.В. Ельчанинову
10.V.1907. Москва

Сегодня уехала в Финляндию нанимать дачу Ольгуша. Последнее время, особенно после отъезда Нади <Багатуровой> и Валент<ина Свенцицкого>, мы с ней сдружились.

(Взыскующие града. С. 143)

С.Д. Шер

Низенького роста, очень домашняя, уютная и душевная. ...Тетя Оля давала мне вырезку из старой газеты, где высоко оценивались скульптуры <нашего предка> Дмитрия Алек-

сандровича Шера, причем указывалось, что место им не столько в музее, сколько в храме. Эта вырезка понадобилась мне в свое время (в 1952 г.) для доказательства неиудейского происхождения при защите диссертации⁶²...

Умерла после войны <...> будучи за несколько лет до этого разбитой параличом.
(Шер. С. 6–7, 18)

180. Свенцицкий Валентин Павлович

(30.XI.1881, Казань – 20.X.1931, Канск, Восточно-Сибирский⁶³ край). Отец ребенка предыдущей.

Публицист, прозаик, драматург. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1903–1907). В 1905 г. основал вместе с философом В.Ф. Эрном «Христианское братство борьбы», в котором старался совместить революционные и христианские идеи. Рукоположен в православные священники (1917), протоиерей. С 1920 г. служил в московских храмах; публично обличал церковное обновленчество и Декларацию митрополита Сергия (Страгородского), вследствие чего дважды подвергался аресту и ссылке.

Похоронен 9 ноября 1931 г. на Пятницком кладбище в Москве; в 1940 г. останки перенесены на Введенское кладбище.

Валентин Свенцицкий родился в семье потомственного дворянина, присяжного поверенного Болеслава Карловича Свенцицкого (1832–1896) и вятской мещанки Елизаветы Федосеевны Козьминой (1852–1927). Отец – католик, мать и дети – православные. Поскольку отец не мог получить разрешение католической церкви на расторжение первого брака, Валентин был признан незаконнорожденным и отчество получил по имени воспитанника. С 1892 по 1895 гг. он обучался в 3-й Казанской гимназии; в это время очень большое влияние на него оказал законоучитель гимназии, священник Алексей Молчанов, ставший впоследствии экзархом Грузии. Когда Валентину было 15 лет, семья переехала в Москву, где сын учился сначала в 1-й Московской классической гимназии (1895–1898), затем в частной гимназии Креймана (1900–1903) (*Русские писатели. Т. 5. С. 501; <http://drevo-info.ru/articles/552.html>*).

М.В. Вишняк

В четвертом классе неожиданно и неизвестно откуда появился новый ученик. <...> Явно более взрослый, чем большинство из нас, веснушчатый, с вздернутым носом, зелеными глазами и редкими ресницами, тщедушный, не слишком опрятный, с ногтями в трауре, невзрачный, часто и подолгу кашлявший...

Это было не странное только, но трудное и мучительное существо – «тип Достоевского». Самое простое общение с ним было не просто, а требовало большого напряжения и настороженности. Недоразумение и конфликты могли вспыхнуть ежеминутно и буквально из-за не так произнесенного слова, неуместной улыбки, жеста. Он был чрезвычайно нервен, обидчив, мнителен, подвержен мимолетным настроениям. Вместе с тем он был со-

⁶² Доказательство могло потребоваться в связи с так называемой кампанией по борьбе с космополитизмом или же в связи с другими антисемитскими акциями в СССР конца 1940-х – начала 1950-х. – *Ред.*

⁶³ Сейчас – Красноярский край. – *Ред.*

вершенно исключительным по уму и разнообразным дарованиям. Чего он не знал или не хотел знать – например, математику, – он не знал абсолютно, отказывался окончательно понимать. Зато «Критику чистого разума» он мог прочесть в два дня и не ударить лицом в грязь при споре с самыми заядлыми кантианцами – может быть, одного только Канта и знавшими досконально. Он был замечательный аналитик и непобедим в умении спорить и – убеждать.

Он грассировал, иногда запинался в поисках более точного слова, выражения или образа. Говорил тихим, едва слышным голосом, часто ни на кого не глядя. Но и голос, и вся его изможденная фигура, остановившийся взгляд производили огромное, я бы сказал, магнетическое впечатление. Нас, простаков, поразить было, конечно, нетрудно. Но под то же магнетическое влияние – или, если хотите, очарование – Свенцицкого подпадали и взрослые, уже выдавшие виды люди, сами «не последние сыны своей родины»...

...Теснее всего он сошелся с Шером и его семьей. Он буквально дневал и ночевал там. Не только Вася, но все члены семьи и даже прислуга прислушивались к голосу Валентина Павловича, не перечили ему и следовали всем его советам и запретам. Его настроение определяло настроение всего дома. Он стал своего рода Опискиным в семье Шеров, долгое время этого не сознававшей.

(Дань прошлому. С. 29–32)

В 1903 г. Свенцицкий поступает в Московский университет. Той же осенью он вступает в Историко-филологическое студенческое общество при университете (руководитель – профессор С.Н. Трубецкой), становится инициатором открытия секции истории религии. В числе его друзей и близких знакомых – Владимир Эрн, Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Андрей Белый, князь Евгений Трубецкой. События 1905 г. увлекли Свенцицкого идеями христианского социализма и побудили его организовать нелегальное «Христианское братство борьбы», куда входили также Флоренский, Эрн, Ельчанинов. Свенцицкий – инициатор создания и товарищ председателя Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьев, он выступает на заседаниях общества и в Политехническом музее с лекциями, которые собирают большое количество слушателей.

Он сотрудничает в сборниках «Свободная совесть», «Вопросы религии», занимается публицистикой, пишет собственные рассказы, повести, драмы. Пьесу «Пастор Реллинг» ставит (и играет в ней главную роль) знаменитый артист П.Н. Орленев. В интеллигентской Москве Свенцицкого уже знают, о нем говорят; выступает он и в Петербурге. Пишет книгу «Второе распятие Христа», своеобразное продолжение «Великого инквизитора» Ф.М. Достоевского. (Книга была напечатана, но с множеством пропусков, замененных многоточиями, а вскоре изъята совсем.)

Уголовное преследование за печатные выступления, оказывающиеся оппозиционными государственной идеологии, вынуждает Свенцицкого скрываться от полиции. На суде за «Открытое обращение верующего к Православной Церкви» – требование всенародного покаяния за расстрелы рабочих и наложения епитимьи на московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова – Свенцицкий был оправдан после яркой речи в свою защиту. Приговоры по делам 1906–1911 гг. откладывались ввиду «отлучки подсудимого», розыск прекращен после амнистии 1913 г. (*Русские писатели. Т. 5. С. 501; <http://drevo-info.ru/articles/552.html>*).

В.Ф. Эрн – А.В. Ельчанинову
8.II.1907. Москва

Произошло объяснение с П<елагеей> А<лександровной Ивашевой>. Ты знаешь что оно назревало уже давно. Сложность и запутанность наших отношений с П.А. становилась с каждым днем все мучительнее. П.А. сама захотела поговорить с Валентином Павловичем. В.П. с радостью отозвался на это ее предложение, но поставил ей такое условие: чтобы при его разговоре с ней присутствовали я, Надя, Оля, и Чми⁶⁴.

10.V.1907. Москва

Валентин с Надей уехали по Волге 4 мая – так что все теперь лежит на мне.
(*Взыскующие града. С. 126, 142*)

М.В. Вишняк

<Он> уже вышел в большие люди – приобрел известность особенно в религиозно-философских кругах Москвы и Петербурга. Это произошло, конечно, благодаря его личным способностям, умственным и проповедническим. Однако свою роль сыграла и «созвучность» эпохе его идей о косности мира и необходимости восстания против неправды жизни и Церкви...

Почти накануне своего разоблачения Свенцицкий до того осмелел, что выступил <14 февраля 1908 г.> с публичным докладом в Петербургском религиозно-философском обществе о «Мировом значении аскетического христианства». Аудитория состояла из высших иерархов православной церкви, в том числе и будущего патриарха Сергия и митрополита Антония, из профессоров духовной академии Карташева и Успенского, из писателей по религиозно-философским вопросам Мережковского, Розанова и многих, многих других. Все пришли послушать недоучившегося студента, об исключительных дарованиях коего шла молва.

Свенцицкий противопоставлял два лика христианства: светлый и радостный первых веков – отшельническому, затворническому, аскетическому. Ссылаясь на слова аввы Зосимы Палестинского: «Уничтожь искушения и помыслы, – и не будет ни одного святого», Свенцицкий прибавлял от себя: «Бегущий от искушения бежит от вечной жизни». Доклад был заострен против «светлого лика» христианства и лично против В.В. Розанова.

Доклад произвел такое впечатление, что не прошло и месяца, как <12 марта> Розанов выступил в том же Обществе с «ответным докладом» «О христианском аскетизме». Оба доклада были потом напечатаны в «Русской мысли» П. Струве № 5 за 1908 г. и представляют двойной интерес: по существу проблемы и для познания психологии Свенцицкого и проницательности Розанова.

Оговорившись, что он «человек очень простой, очень немудреный», неспособный дать «сложные рассуждения», как Свенцицкий, Розанов умеючи вынул самую сердцевину «аскетического» лика Свенцицкого. Свенцицкий ссылаясь на знаменитого святого, что «кто не знал сильных *искушений*, не пережил страшных *соблазнов*, тому не узнать и *святости*». «Мысль слишком карамазовская, – продолжал Розанов, – мысль, от которой недалеко и до догадки да не в *соблазнах* ли, не в *соблазнивших* ли предметах и лежит самый источник святости». «Карамазовщина, как соединение Содомы и Мадонны, и есть

⁶⁴ Надежда Багатурова (№ 178), Ольга Шер (№ 179) и Дмитрий Галанин (№ 181). – Ред.

психика аскетизма». Свенцицкий и сам приводил слова Федора Карамазова о том, что «еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны»...

Никто из церковных и философских единомышленников Свенцицкого, как и из его личных друзей, не подозревал, что за глубокомысленным аскетом скрывается мистификатор, исходивший, по существу, из довольно вульгарной народной мудрости: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься.

...Он снимал комнатушку и спал на досках, «умерщвляя» плоть и инсценируя «аскетизм». Была у него и дача-избушка в селе Крекшино по Савеловской железной дороге. С крошечным окном она стояла, покосившись, на краю выгона и утопала в навозе. Внутри закоптелые бревна и заплесневевшее одеяло на нарах. Грязь и вонь. Позднее выяснилось, что, удаляясь на лоно природы для медитаций, Свенцицкий проводил значительную часть времени не в вонючей избушке, а в соседнем помещичьем доме.

Жизнедеятельность «аскета» выразилась в том, что он умудрился соблазнить почти одновременно трех молодых подруг, интеллигентных и привлекательных. С каждой он прижил по ребенку, заверив, очевидно, что «нет святости без греха» и жертва «в высшем плане» не есть распутство. Неизвестно, ссылался ли он при этом на епископа Феофана, Антония Великого и Макария Египетского. Знаю только, что две дочери Свенцицкого остались при матерях, а третья была почему-то отослана в монастырь в Польше, и я не видел ее и даже не знаю ее имени⁶⁵. Так непреодолимо было влияние совратителя, что даже естественную ревность в отдавшихся ему душой и телом соперницах ему удалось подавить. Все трое как были, так и остались близкими подругами.

<В ноябре 1908 г.> его исключили из Обществ, где он играл видную роль, и на время он исчез с общественного горизонта. Разоблачение Свенцицкого никого до самоубийства не довело. Но оно наложило глубокий и неизгладимый след на тех, кто был с ним лично связан. Одним он исковеркал жизнь, других навсегда сделал скептиками и маловерам.

(Дань прошлому. С. 166–170)

А.Б. Свенцицкий

До того, как Валентин Павлович стал священником и женился <...> он прожил сложную, полную бурных событий жизнь. Одно время он был связан с партией эсеров. Был дружен с семьей Шер. Любовь к Ольге Шер дядя Валя пронес через всю жизнь. От нее он имел дочь. Эсеры тайно постановили казнить его за, как они считали, двуличность. Проповедуя аскетизм, выступая с речами о нравственности, он, сойдясь с Ольгой Шер, не женился на ней, и дочь была незаконной. От преследования эсеров дядю Валю спас мой отец, укрыв его на определенное время <...> а потом, снабдив дядю Валю деньгами и нелегальными документами, помог ему бежать за границу...

(Они были последними? С. 70)

В 1911 г. Валентин Свенцицкий знакомится со своей будущей женой, дочерью священника Сергея Краснова. После участия в движении «голгофских христиан» и после странствий по России (1909–1912), в 1917-м, он просит своего духовного отца благословить его на монашество, однако старец указывает иное служение. Женившись на Евгении Серге-

⁶⁵ Двое из трех упоминаются в «Хронике»: речь идет о Надежде Багатуровой (№ 178) и ее дочери Надежде, удочеренной Д.В. Шером; Ольге Шер (№ 179) и ее дочери Ольге (№ 202), удочеренной Д.Д. Галаниным. См. также: Вестник ПСТГУ. Серия 1. 2011. № 2 (34). С. 85–86). – *Ред.*

евне Красновой, Свенцицкий решает принять священнический сан. Рукоположен он был митрополитом Петроградским Вениамином в Иоанновском монастыре в Петрограде. Служил проповедником при штабе 1-й армии; с 1918 г. – в Добровольческой армии. Активно участвовал в подготовке и деятельности Юго-Восточного русского церковного собора. Под непосредственным влиянием военных впечатлений он издает в Ростове две брошюры, где призывает к сопротивлению злу большевизма силой. В 1920-м возвращается в Москву. Своего прихода Свенцицкий пока не имел, проповедовал в разных храмах, часто сослужа патриарху Тихону, которого очень любил и уважал.

В 1922 г. после проповеди в Крестовоздвиженском монастыре, где о. Валентин утверждал, что деятельность обновленцев направляется органами

ЧК, он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму; приговорен к ссылке, которую отбывал в городе Пенджикенте (Таджикистан). Вернувшись в 1925 г. в Москву, стал служить в храме свщмч. Панкратия на Сретенке и вести регулярные беседы с прихожанами. Его духовные дети записывали эти беседы; таким образом составились девять томов Собрания сочинений протоиерея Валентина Свенцицкого, которые распространялись в церковном самиздате. Позже он становится настоятелем храма Св. Николая Чудотворца на Ильинке. В это время он выдвигает идею особого пути духовного совершенствования – «монастыря в миру».

Декларация митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г. о лояльности православной церкви к Советской власти вызвала у Свенцицкого резкий протест. Он пишет письмо митрополиту Сергию, где заявляет: «я порываю каноническое и духовное общение с Вами и организовавшимся при Вас совещанием епископов <...> и не считаю Вас более Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола». В апреле 1928 г. он вновь арестован – и сослан на поселение в Сибирь. Главным поводом для высылки послужило открытое несогласие с декларацией митрополита Сергия. Свенцицкий жил в деревушке Тракт-Ужет под Тайшетом; здесь он написал свои «Диалоги», которые по частям пересылались в Москву, где от руки переписывались его духовными детьми. Незадолго до кончины о. Валентин написал митрополиту Сергию покаянное письмо. Скончался после тяжелой почечнокаменной болезни, получив от митрополита Сергия полное прощение (*Русские писатели. Т. 5. С. 502–503; <http://drevo-info.ru/articles/552.html>*).

Публицистика и религиозно-философские сочинения В.П. Свенцицкого

- Христианское братство борьбы и его программа; Что нужно крестьянину; Взыскующим Града. (Все – М., 1906, совместно с В.Ф. Эрном.)
- Самодержавие и освободительное движение с христианской точки зрения. М., 1906.
- Открытое обращение верующего к Православной Церкви // Полярная звезда. 1906. № 8.
- Христианское отношение к власти и насилию // Вопросы религии. 1906.

- Смерть и бессмертие (По поводу трех драм Метерлинка) // Свободная совесть. Кн. 1. М., 1906.
- На разных берегах // Московский еженедельник. 1907. № 26/27; На общем берегу // Там же. № 35.
- Правда о земле; Письма ко всем (Памфлет). (Оба – М., 1907.)
- Лев Толстой и Вл. Соловьев. СПб., 1907.
- Религиозный смысл «Бранда» Ибсена. СПб., 1907.
- В защиту «максимализма» Бранда // Живая жизнь. 1907. № 2.
- Ответ Н.А. Бердяеву // Век. 1907. № 25.
- Мировое значение аскетического христианства // Русская мысль. 1908. № 5.
- Жизнь Ф.М. Достоевского. М., 1911.
- Пророк грядущей реформации <о Ф.М. Достоевском> // Новая земля. 1911. № 5.
- Был ли аскетом Вл. Соловьев // Утро России. 1911. 17 августа.
- Наши ближайшие задачи // Новая земля. 1911. № 2; Церковь будущего // Там же. № 20.
- Московский «путь» // Новое вино. 1913. № 2; Возможно ли «либеральное православие» // Там же. № 3.
- Граждане неба. Мое путешествие к пустынным Кавказских гор. Пг., 1915.
- Религия свободного человека. (Полностью опубликовано не было; фрагменты: О свободе человека. М., 1912; [Статьи] // Церковные ведомости. 1919. №№ 1–7.)
- Общее положение России и задачи Добровольческой армии. Екатеринодар, 1919.
- Война и церковь; Россия – встань! (Оба – Ростов-на-Дону, 1919.)
- Тайные поучения о нашем спасении (о молитве Иисусовой). 1923–1924.
- Шесть чтений о таинстве покаяния в его истории. (Рукопись, 1926.)
- Диалоги. М., 1993. (Изданы посмертно.)
- Беседы о духовной жизни. СПб., 1995. (Изданы посмертно.)

Художественные произведения

- Диплом: Рассказ // Журнал для всех. 1901. № 12.
- Назначение: Рассказ // Русская мысль. 1903. № 4.
- Второе распятие Христа (Фантазия). М., 1908.
- Антихрист, или Записки странного человека. СПб., 1908.
- Смерть. Пастор Реллинг. Драматическая диалогия. М., 1909.
- Старый чорт: Святочный рассказ // Новая земля. 1910. № 15.
- Христос в детской: Рассказ. М., 1912.
- Интеллигенция: Пьеса. М., 1912.
- Отец Яков: Рассказ // Новое вино. 1912. № 1.
- Побег: Рассказ // Новое вино. 1913. № 2.
- Темною ночью: Рассказ // Новое вино. 1913. № 3.
- «На заре туманной юности...» // Пробуждение. 1913. № 10.
- Шутка лейтенанта Гейера: Рассказ // Пробуждение. 1915. № 23.
- Песнь песней: Рассказ // Пробуждение. 1916. № 6.
- Любовь: Рассказ // Пробуждение. 1916. № 10.
- Ольга Николаевна: Рассказ // Ежемесячный журнал. 1917. № 2–4.
- Юродивый // Записки передвижного общедоступного театра. 1917. №№ 7–8.

181. Галанин Дмитрий Дмитриевич

(19 (31).III.1886, Петербург – 3.VI.1978, Москва). Муж О.В. Шер. Сын преподавателя математики Первой московской мужской гимназии. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1910). Физик, педагог-методист, доктор физико-математических наук (1935), член-корреспондент Академии педагогических наук (1944), профессор (1949). Награжден орденом Ленина и двумя медалями.

Дед Галанина по матери – первый иллюстратор «Войны и мира» Михаил Сергеевич Башилов (1821–1870), который был другом Л.Н. Толстого и, более того, состоял в дальнем родстве с его женой⁶⁶. В семье сохранилось предание о том, как маленькая Наташа Башилова, дочь художника, не раз каталась на шлейфе платья молодой Софьи Андреевны Толстой, когда родственники съезжались в гости.

Дмитрий Дмитриевич, еще будучи студентом, начал конструировать простейшие физические приборы в мастерской при Московском городском музее учебных пособий. После окончания университета он был оставлен при кафедре, однако в 1911 г. вместе с преподавателями, протестовавшими против реакционной политики Л.А. Кассо⁶⁷, ушел из университета. Через год Галанин начинает заниматься экспериментальной физикой в Городском народном университете им. А.Л. Шанявского (где его старшие коллеги профессора П.Н. Лебедев и П.П. Лазарев, также ушедшие в связи с «делом Кассо», намеревались создать новую физическую лабораторию), преподает в женской гимназии (*Шер; Галанин. С. 15; Биографии Галаниных*).

М.Д. Галанин

В 1916 г. отец снял квартиру в новом доходном доме на Большой Молчановке (д. 21, кв. 9), в которой мы прожили более 70 лет. Квартира из пяти комнат (одна – проходная) стоила 100 рублей в месяц. Для отца это было дороговато, и половину давала бабушка <Вера Васильевна Марецкая->Шер. После Октябрьской революции в эту квартиру пере-

⁶⁶ Гвардии поручик Михаил Васильевич Исленьев (1757–1816) был прадедом Софьи Андреевны Толстой и одновременно дедом Башилова. – *Ред.*

⁶⁷ Кассо Лев Аристович (1865–1914) – министр народного просвещения с 1911 г., проводил реакционную, грубо-полицейскую линию. Во время студенческих волнений 1911 г. целиком передал Московский университет в руки полиции; в ответ на эту меру президиум университета подал в отставку. Тогда Кассо уволил членов президиума от должностей профессоров, после чего 125 преподавателей университета подали в отставку в знак протеста. – *Ред.*

ехали родители отца – бабушка и дедушка. Благодаря этому мы не подверглись уплотнению, которое было обычно в то время. Редкий случай, что мы никогда не жили в коммунальной квартире.

Уже собственное, хотя и смутное воспоминание. Отец двигает шкаф, чтобы закрыть окно в комнате, которая потом называлась столовой. Где-то у Никитских ворот стреляют – Октябрьская революция, – и отец боится, что пуля залетит к нам в окно.

Более четкое воспоминание, относящееся к 1918–1919 гг. Отец ходил на рынок и принес лошадиную голову. Она такая черная и страшная, что мне ее стараются не показывать. Не знаю, съели ли мы ее. Наверное, съели.

Кто-то пришел к деду и бабушке, и все сидят в их комнате. Разговор о каких-то трупах, много трупов. Я еще не знаю этого слова. Я думаю, что речь идет о трубах. Что такое трубы, я уже знал. Какой это год – 1918-й или 1919-й?

В 1918–1919 гг. центральное отопление не работало. Отец ставил кирпичные печки по всей квартире (и даже помогал это делать другим). Вот отец пробивает стену из детской в кухню, чтобы провести трубу. Мы с Ликсом бежим в кухню, чтобы посмотреть, как появится отверстие для трубы. Вдруг этот кусочек стены вылетает и попадает Ликсу в голову. К счастью, все обошлось небольшой ранкой...

В отцовских воспоминаниях рассказано о том, что он летом работал в детской колонии в Кетрице по Брянской дороге (теперь этой остановки нет). Иногда он брал с собой детей. <...> Под руководством отца колонисты склеили из газет огромный шар, который каким-то образом наполнялся горячим воздухом. Он действительно взлетел, но застрял на высоком дереве...

Во времена нэпа на углу Собачьей площадки была булочная, керосиновая лавка и, главное, магазин братьев Чудиновых. <...> Чудиновы давали нам продукты в долг и записывали этот долг в некую тетрадь. К Пасхе в этом магазине покупался большой кусок ветчины. Все это прекратилось после «года великого перелома».

(Галанин. С. 18, 19)

С 1919 г. Д.Д. Галанин участвовал в работе отдела по реформе школ Наркомпроса РСФСР, преподавал физику в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова (1921–1930), методику физики в Московском университете и в Московском областном педагогическом институте, вел исследовательскую работу в различных НИИ Наркомпроса и Академии педагогических наук.

Интересуясь физическим экспериментом и связью физики с техникой, Галанин работал над постановкой новых опытов, важных в учебно-методическом отношении, и над конструированием новых физических приборов. Возглавляемый им коллектив в Институте политехнического образования и Институте школ Наркомпроса опирался на экспериментальные учебные мастерские, которые просуществовали до Великой Отечественной войны (в этих мастерских изготавливались небольшими сериями приборы, что позволяло проводить полузаводскую проверку создаваемых конструкций в получавших эту продукцию школах).

Член редколлегии журнала «Физика в школе», автор публиковавшихся там в 1946–1949 гг. «Очерков по методике преподавания механики». Автор учебника физики для

8 класса, соавтор монографии «Физический эксперимент в школе» (1933). Выступал как популяризатор естественнонаучных знаний в журналах «Искра», «Хочу все знать», «Знание – сила», «Наука и жизнь».

Из-за тяжелого сердечного заболевания Дмитрий Дмитриевич был вынужден в 1954 г. уйти из НИИ методов обучения (где он трудился десять лет), однако продолжал работать по специальности (*Галанин; Биографии Галаниных*).

Г.И. Мерзон

В конце 1941 г. Институт школ <при Народном комиссариате просвещения СССР> наряду с другими научными учреждениями был эвакуирован из Москвы и обосновался в районном центре Молотовске <сейчас Нолинск> Кировской области. <...> Семьи сотрудников института размещались в общежитии педучилища, так что каждая из них (а было их там 30–40) поселилась в отдельной комнате площадью 12–20 кв. м с общей печью на каждые две смежные комнаты, топившейся из коридора. С семьей М.Д. Галанина – его отцом, матерью Ольгой Владимировной и сестрой Наташей – мы жили по соседству в втором этаже...

В семье Галаниных были еще и трое сыновей, которые не могли появиться в Молотовске, – они воевали на фронте.

Галанины выделялись среди других семей и внешним видом и поведением. Они казались мне несколько необычными, не похожими на других и вызывали неподдельное уважение. В выходные дни и по вечерам я встречал их втроем с рюкзаками на плечах, что в те годы было непривычным и придавало им спортивный туристский вид. Все они, как на подбор, в особенности Дмитрий Дмитриевич, были высокие, стройные, сильные, держались прямо, так что на эту троицу можно было только любоваться. Однако вели они себя весьма сдержанно, были молчаливы и всегда выглядели серьезными и озабоченными. Я никогда не слышал, чтобы они громко разговаривали, тем более улыбались или смеялись. Лишь много лет спустя я узнал, что именно в ту пору, в 1942 г., погиб на фронте под Ржевом, где происходили тогда особенно кровопролитные бои, их младший сын Иван.

Несмотря на то, что научные работники снабжались по военным меркам неплохо (800 г хлеба в день на рабочую продовольственную карточку), чтобы не голодать и не замерзнуть зимой, приходилось заготавливать на зиму грибы и ягоды, работать на огороде, пилить в лесу дрова. Делянки для лесозаготовок отводились недалеко, километрах в восьми от города. Я приходил туда помогать отцу, который несколько недель, как и другие, рубил лес, ночуя вместе с Дмитрием Дмитриевичем в одном шалаше, укрытом от дождя еловыми лапами.

...Я иногда замечал <потом в Москве> среди прохожих высоченную фигуру Дмитрия Дмитриевича, который стал заметно сгибаться под тяжестью лет – удел многих рослых людей...

Однажды Михаил Дмитриевич пригласил меня к себе и передал дорогой для меня подарок – карандашный портрет моего отца, нарисованный Д.Д. Галаниным и сохранившийся в их семье со времен жизни в Молотовске.

(*Галанин. С. 50–51*)

С.Д. Шер

Кроме своей науки он хорошо рисовал, увлекался одно время художественной фотографией, писал научно-популярный роман, вообще был очень разносторонний человек. К старости дядя Чми <такое было у него домашнее прозвище> постепенно ослеп, но несмотря на это в меру своих возможностей работал, и в частности написал несколько томов воспоминаний о своей интересной и долгой жизни.

(Шер. С. 19)

182. Шер, по мужу Литкенс Вера Владимировна

162 / 163

(5.II.1891 (1892?) – 1983). Преподаватель немецкого языка в вузах Ульяновска, Ростова-на-Дону, Свердловска. С 1957 г. жила в Москве.

В.Ф. Эрн – жене

5.II.1911. Москва

Вот мой итинерарий: на телеграф, к Наде⁶⁸ <...> Булгаков, издательство, обед у Шеров, Бердяевы и опять к Шерам, где праздновалось рождение Вераши. <...> Вераше вчера подарил цветы. Но у нее и без моих было так много цветов, что вся комната была буквально завалена ими. Я пока у Шеров. Но сейчас думаю перебраться. И Вера Васильевна, и Вераша особенно, предлагали мне у них остаться совсем. Но я, подумав, все же решил не оставаться. Хотя по правде сказать, очень соблазняет.

15.II.1911. Москва

Эти дни я проводил довольно безумно <...> вместо того, чтобы приглашать Шеров к себе по случаю избавления моего от тюрьмы, я решил прокатить их на автомобиле. Я хотел взять Ольгушу⁶⁹, Верушу, Надю, Бердяевых. Но Ольгуша уехала из Москвы, <а Бердяевы отказались> <...> Ездили час и сделали верст 25, выехав за Москву в поле и в лес. Все остались довольны, в том числе и я. Стоило это удовольствие 5 р.

(Взыскующие града. С. 332–333, 345–346)

183. Литкенс Владимир Александрович

(1891 – после 1988). Муж предыдущей.

Родился в семье военного врача (отец служил в Константиновском военном училище в Петербурге, а в Советской России был личным врачом «красного маршала» К.Е. Ворошилова)⁷⁰.

Социал-демократ, член Московского комитета РСДРП(м). В 1920 г. находился в Бутырской тюрьме; арестован 29 марта 1921 г. в Москве и вновь заключен в Бутырскую тюрьму. Добился замены ссылки высылкой за границу, был отправлен в Германию бессрочно

⁶⁸ Надежде Сергеевне Багатуровой-Шер, № 178. – Ред.

⁶⁹ Старшую сестру Веры, № 179. – Ред.

⁷⁰ Старший брат Владимира Александровича – Евграф Александрович (1888–1922), бывший зампредом Моссовета и вторым заместителем наркома просвещения РСФСР, близкий друг Л.Д. Троцкого (см.: «Российское генеалогическое древо» <http://www.r-g-d.org/L/lituhin.htm>; Троцкий Л.Д. Памяти Е.А. Литкенса // Правда. 1922. 27 апреля. № 92). – Ред.

(1922), однако осенью 1926 г. вернулся в Россию, работал санитарным врачом Мосздравотдела. 29 января 1927 г. арестован. Следующий арест и заключение в Бутырскую тюрьму – 1931 г., 1 июня того же года начал 15-дневную голодовку. Дело № 29981. Сослан в Алма-Ату; в феврале 1932 г. находился в Акмолинске (Казахстан).

Санитарный врач, специалист в области профессиональных болезней. Зав. кафедрой гигиены труда Свердловского медицинского института (с 1944) (http://www.hrono.ru/biograf/bio_l/litkens.html; Банк биографических данных по меньшевистскому проекту http://www.scherbina.net/ukazatel_l.htm; <http://socialist.memo.ru>; <http://medwuz.ru/ugma.html> и др.).

В.В. Розенблат

О том, что начинать занятия физическими упражнениями никогда не поздно и всегда полезно, говорит пример московского гигиениста Владимира Александровича Литкенса. В 1960 г., в возрасте около 70 лет, он решил приступить к таким занятиям. Стал три раза в неделю посещать группу здоровья на стадионе в Лужниках и три раза в неделю плавать в бассейне «Москва», а раз в неделю ездить верхом на ипподроме. В 1985 г. ему исполнилось 94 года. Он и сейчас регулярно продолжает те же занятия – в чуть уменьшенном объеме (на стадионе те же три раза, а в бассейне два раза в неделю, верховую езду оставил). Бывая в Москве, я всегда стараюсь не упустить случай поплавать в бассейне с моим старшим коллегой и другом, который когда-то был моим преподавателем в институте, а теперь является ярчайшим примером того, как надо строить свой образ жизни.

(Симфония жизни. С. 235)

184. Ставровская Александра Максимилиановна

169 / 486

(1880 — [20.VI] 1908). Окончила Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге и была оставлена ассистентом при профессоре А.И. Введенском⁷¹ для научных занятий по философии.

Умерла от хронического сепсиса.

А.А. Достоевский

Выдающееся дарование в живописи — одна из любимейших учениц Дмитриева-Кавказского⁷².

В.Д. Голеновская

Серьезная, очень способная, с большой жадной знания и стремлением к саморазвитию. Музыкальная.

(Письменные характеристики. М.В.)

⁷¹ Введенский Александр Иванович (1856–1925) – философ-идеалист и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства. Профессор Петербургского университета, председатель Санкт-Петербургского философского общества. – *Ред.*

⁷² Дмитриев-Кавказский Лев Евграфович (1849–1916) – гравер, профессор Императорской академии художеств, руководитель известной художественной школы в Петербурге. – *Ред.*

Е.М. Достоевская

Иллюстрировала различные детские журналы и помещала в них свои повести и рассказы. Главным образом сотрудничала в «Солнышке». Очень музыкальная, умница.

(Записано В.Н.)

185. Деньковский Роман С[тепанович]

171 / 170

(До 1896 – <1933>, Севастополь). Окончил Высшее техническое училище в Харькове (Шер. С. 9).

Поколение пятнадцатое

186. Шер Василий Васильевич

173 / 174

(? – не ранее 1910). Умер в детстве.

187. Шер Татьяна Васильевна

173 / 174

<1908–1925>. Умерла в родах очень молодой женщиной.

188. Шер Вера Васильевна

173 / 174

(25.V.1914 – 1994). Училась в Московском институте тонкой химической технологии, инженер-химик. Одна из первых отечественных женщин-альпинисток и первых инструкторов по альпинизму, заслуженный мастер спорта СССР (1946), первый директор созданного в Москве народного музея истории альпинизма (1984/85).

Из спортивной анкеты В.В. Шер
7.III.1936

9. Имеет значок альпиниста: № 533.

10. Какие горные районы знает по личным посещениям:

Кавказ. Район Адыл-Су, район Шхельды, <долина Тюноги>, Твиберский район (перевал дол. Гара-Ауз-Су – Чегемское ущелье), Эльбрус, р. Юсенги, р. Даллар.

11. Восхождения на вершины, в каком году:

1935 г. Эльбрус, пик Семеновского, пик ОПТЭ.

12. Пройденные перевалы и в<ысоко>горные маршруты – в каком году:

1934 г. Бечо.

1935 г. маршрут Адыл-Су – Местийский – В. Чегем через перевалы Джан-Туган, Твибер.

13. Составлялись ли описания маршрутов и восхождений, каких именно, опубликованы ли они, отданы ли в горную секцию, в научные организации: нет.

14. Были ли инструктором:

Работала помощником инструктора в альпиниаде ВЦСПС. Была в школе инструкторов ВЦСПС.

15. Получена ли оценка, награда, благодарность или отрицательные отзывы совершенных походов и какие именно: нет.

16. Какую работу несет в горной секции:

Председатель секции в ин<ститу>те.

Зачет на п<омощника>/инструктора <принял> О. Аристов 28/III–36

Удостоверение <помощника инструктора> получила за № 51.

(ГАРФ. Ф. 7710. Арх. 99. Оп. 6. Фонд ВЦСПС ЦБ Физкультура (горная секция).

Цит. по: the-ratner-family.com)

189. Гутман Лев Абрамович

(1912–1941). Первый муж предыдущей⁷³. Альпинист. В начале Великой Отечественной войны – заместитель политрука танковой дивизии. Пропал без вести 3 августа 1941 г.

190. Гарф Борис Арнольдович

(1907–1982). Второй муж В.В. Шер.

Окончил Московский авиационный институт (1930), кандидат технических наук (1949). Ученый-теплофизик, конструктор, воздухоплаватель. Был арестован по «делу дирижаблестроителей», в 1937–1939 гг. находился в заключении. В 1940–1942 гг. участвовал в создании планеров и самолетов. Ведущий конструктор ОКБ «Дирижаблестроя», разработчик дирижаблей «Малыш» и «Победа» (1944), «Патриот» (1947).

⁷³ В этом браке в 1937 г. родилась дочь Елена (в замужестве Салаяева). – Ред.

Мастер спорта СССР по альпинизму (1946). Один из ведущих альпинистов страны в кон. 1930-х – 1940-е. Автор стенных альпинистских маршрутов, до сих пор пользующихся популярностью («путь Гарфа»). Придерживался собственного принципа формирования команды, разрабатывал вопросы страховки и работы с веревкой, надежности скального снаряжения, круглогодичной подготовки спортсменов, проведения регулярных общесоюзных тренерских семинаров.

И.В. Корзун

<Карельский поход на байдарке летом 1977 г.>

Веру Шер я в дальнейшем буду называть Шерой, как мы и звали ее в походе...

После Куруши и Аня <Салаяева, внучка Шеры>, и Борис настолько вымотались, что Боре ночью стало плохо и перепуганная Шера решила плыть вместе с Борисом, а мы с тех пор так и плыли до конца похода вместе с Аней. Получалось у нас хорошо: мы легко проходили все пороги (серьезных не было) и перекаты, и только один раз я помню, как мы с Аней зазевались, не вошли вовремя в струю, и нас нанесло на камень и развернуло. Мы какое-то время плыли кормой вперед (Аня развернулась на своем месте и повела байдарку). На первом же расширении мы вывернулись и поплыли нормально. Наблюдавшие за нами сзади Гарфы сказали, что мы очень изящно «станцевали вальс»...

За этот поход я впервые как следует узнала и оценила жену Бориса Веру Шер. <...> Поняла я также, что Борис уже не тот, с которым мы ходили на траверс Дых-Тау. Он по-прежнему был заводным: мог встать раньше всех и пойти удить рыбу, мог раскритиковать наш выбор пути, мог предложить какой-либо вариант, разнообразящий наш маршрут. Однако силы у него были уже не те. Он и раньше был довольно «аварийным» (с ним часто что-то случалось), сейчас же Шера не сводила с него глаз, всегда была начеку и, конечно, была сильнее его и физически, и психически.

(http://www.the-ratner-family.com/Korzun_memoirs.htm. Часть 4. Глава 3–5)

Известны следующие книги Б.А. Гарфа:

- Проектирование металлических конструкций дирижаблей, М.–Л., 1936 (монография, в соавторстве).
- Использование солнечной энергии. М., 1958 (в соавторстве).
- Эрцог М. Аннапурна: первый восьмимысячник. (Пер. с франц. Б.А. Гарфа.) М., 2001.
- Безенгийское ущелье: история освоения района. М., 2007.

191. Шер Владимир Дмитриевич

176 / 177

(26.VIII.1906 – 11.IV.1986). Сын Д.В. Шера от первого брака. Инженер-связист, режиссер Государственного дома радиовещания и звукозаписи.

С.Д. Шер

...Мы, новая семья отца, и в частности я, были в хороших отношениях <с его детьми от первого брака>. Сейчас <в 1982-м> остался живым только старший мой брат Владимир Дмитриевич Шер, с которым я последние годы особенно близок.

(Шер. С. 21)

192. Ридигер, по мужу Шер Наталья Борисовна⁷⁴

(2 (11?).VIII.1911 – 25.XII.2007). Жена предыдущего⁷⁵.

193. Шер Елена Дмитриевна**176 / 177**

(30.VII.1908 – 23.IX.1976). Дочь Д.В. Шера от первого брака. Химик-лаборант.

194. Галле Роберт

Гражданский муж предыдущей. Химик.

195. Шер Борис Дмитриевич**176 / 177**

(1910 – 18.XI.1978). Сын Д.В. Шера от первого брака. Инженер-электрик.

196. Жена предыдущего**197. Шер, по мужу Пушкарева Мария Дмитриевна****176 / 178**

(22.VIII.1915 – X.2002). Дочь Д.В. Шера от второго брака. Педагог, сотрудница Академии педагогических наук, составитель нескольких учебно-методических пособий и хрестоматий по литературе для детей.

С.Д. Шер

Мы росли вместе. В детстве ее звали Машенькой, и это уменьшительное имя сохранилось до настоящего времени, к некоторому неудовольствию его владелицы...

В детстве у меня с Надей было меньше общего, чем с Машенькой, из-за большой разницы в возрасте.

(Шер. С. 3)

Р.А. Шер

Истинный педагог: очень выдержанная в общении с окружающими, невозможно даже представить, чтобы она вышла из себя. А ее жизнь отнюдь не была простой и легкой. Мария Дмитриевна очень любила нашего сына и в периоды его, увы, частых болезней постоянно носила ему игрушки, старалась как-то ободрить, развлечь.

(Записано Н.Б.)

198. Пушкарев Федор Кузьмич

(1911 – IX.1941). Первый муж предыдущей⁷⁶. Педагог, работал в Детгизе. Пропал без вести в Великую Отечественную войну.

⁷⁴ Дочь Бориса Корнелиевича Ридигера (1876–1912) и Марии Михайловны Дорошкевич, по мужу Ридигер (1878–1945) (<http://vl-sheer.narod.ru>).

Известен документ о деде Н.Б. Шер, датированный августом 1875 г., – письмо тверскому губернскому предводителю дворянства от Марьи Богдановны Ридигер, опекуни малолетней Марьи Ивановны Ридигер, с просьбой оказать содействие в выселении из имения Калистово «прусского подданного Корнелия Романовича фон-Ридигер», отчима девочки, не имеющего права жить в данном имении (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 6800. Л. 84; здесь и далее цит. по: http://www.akra-city.ru/tverskaya_usadiba/vladelsy/3080.htm), а также дело 1883 г. о разделе имений Калистово и Кобелево между помещиками Ридигер (ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5354). – Ред.

⁷⁵ В этом браке родились дети Андрей (1939) и Марина (1946, по мужу Черненко). – Ред.

⁷⁶ В этом браке в 1938 г. родился сын Михаил. – Ред.

199. Ставровский⁷⁷ Александр Евгеньевич

Второй муж М.Д. Шер-Пушкаревой. Биолог, сотрудник Академии педагогических наук. Автор школьных методических пособий по трудовому обучению и животноводству, неоднократно переиздававшихся в 1980-е.

200. Шер Сергей Дмитриевич 176 / 178

(5.X.1918 – 11.VII.1990). Сын Д.В. Шера от второго брака. Геолог-золотоискатель, доктор геолого-минералогических наук.

С.Д. Шер

История каждого, даже самого рядового человека и его окружения со всеми мелочами – это часть истории страны и, в конечном итоге, истории человечества. Так из бесчисленного множества капель складывается океан, и из бесчисленных песчинок образуются горы...

Особенностью моей довоенной жизни было то, что я пошел в школу только с пятого класса, а до этого учился дома и затем в небольшой частной группе. Отдали меня в очень хорошую школу, бывшую Медведниковскую гимназию, которая находилась в Староконюшенном переулке Арбата, в то время как мы жили на Тверском бульваре. Позднее начало учения в школе и выбор школы, наверное, имели свои резоны, но сейчас, когда оглядываюсь в прошлое, мне кажется, что от него получилось для меня больше вреда, чем пользы. Я так и не мог органически вписаться в школьный коллектив, который формировался с начальных классов, а общение с товарищами всегда затруднялось территориально обособленной ото всех жизнью...

Поскольку я был окружен книгами, я тоже в раннем детстве писал и «издавал» книжки. Когда я начал это делать, сказать трудно, но самый разгар «писательства» приходится, наверное, на 8–11 лет. <...> В раннем детстве я главным образом писал стихотворения и изложения напечатанных рассказов, которые снабжал картинками и дарил к разным памятным дням, чаще всего родителям. Стихи, которые я писал в 8–11 лет, были очень плохими даже для этого возраста, но их было довольно много. Темы обычные: весна, зима, трамвай, кораблики, угольщик (по Москве еще ездили тогда на телегах продавцы угля, а уголь нужен был для согревания самоваров и утюгов). Были и стихи, не предназначенные для подарков, навеянные чтением разных стихов для взрослых (Надсона, Никитина и, с другой стороны, Бальмонта, Северянина – почему-то это первое, что всплыло в памяти). Написаны они в старой общей тетрадке, где безо всякой системы и порядка нарисованы отдельные маленькие человечки, сценки, рожицы, геометрические фигуры, хотя к рисо-

⁷⁷ См. примечание на с. 202. Генеалогические ветви Ставровских, имеющие родство с Достоевскими, в XX в. уже не прослеживаются. – Ред.

ванию у меня, несмотря на хорошую наследственность в этом отношении, никогда не было никаких способностей, так же как и к музыке. <...> Я не помню, чтобы эти стихи сопровождались у меня большими переживаниями, но для меня было частым времяпрепровождением хоть и очень коряво, слагать их. В той же тетрадке <...> есть и рассказы. Они уже не документального автобиографического характера, <...> но полностью мной выдуманные...

Иногда более или менее случайное решение определяет затем всю дальнейшую жизнь. Таким было у меня вначале решение поступить в геологоразведочный институт (а ведь мог я выбрать и совершенно другую специальность!), а затем поездка на преддипломную практику с партией Института НИГРИЗолото, которая сделала меня пожизненно «золотоискателем». Я, как и все студенты, довольно долго выбирал себе место для дипломной практики, и то дипломники оказывались не нужны, то смущало, что не наберу достаточно материала, то еще что-нибудь мешало. А ведь это, оказывается, я выбрал себе дальнейшую жизнь!..

18 июня 1941 г. я защищал диплом. Рецензентом у меня был <доцент кафедры геологии> Глеб Дмитриевич Ажгирей. Защита чуть не сорвалась. Рецензент почему-то опоздал. Перенесли защиту на конец заседания, потом сделали перерыв, и наконец, когда уже совсем собирались назначить защиту на другой день, Ажгирей пришел, и защита состоялась. О том, как она проходила, какие мне задавали вопросы и как я себя чувствовал, – все это забылось. А через четыре дня после защиты началась война, и с ней кончилась моя юность и оборвалась привычная жизнь в семье, о которой я рассказывал в этих воспоминаниях. (Шер. С. 1, 2, 125, 277, 289)

Сергей Дмитриевич Шер – автор 127 научных статей, в том числе двухтомной монографии «Металлогения золота» (М.: Недра, 1972–1974), а также научно-популярных книг для детей «По страницам каменных летописей» (М.: Детгиз, 1958) и «Как ищут то, что в земле лежит» (М.: Детгиз, 1961; в соавторстве со сводной сестрой Н.Д. Калининой).

Автор рукописных мемуаров о роде Шеров.

201. Шаврикова, по мужу Шер Раиса Александровна

Род. 21.XI.1921. Жена предыдущего⁷⁸. Домохозяйка.

202. Галанина Ольга Дмитриевна

180 / 179

(VII.1908 – 1981 или 1983). Училась во ВХУТЕМАСе. Инженер-технолог, работала в Текстильном институте по раскраске тканей.

Автор книги для детей «Трикотаж – одежда века» (М., 1981, в соавторстве).

С.Д. Шер

...Инженер по трикотажным машинам. Она много преподавала в техникумах, у нее написан ряд учебников...

(Шер. С. 19)

---

⁷⁸ В этом браке в 1951 г. родился сын Сергей. – Ред.

203. Галанин Михаил Дмитриевич**181 / 179**

(7.II.1915, Москва – 3.V.2008).

Окончил физический факультет МГУ (1938) и поступил лаборантом в Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН (ФИАН); в сентябре 1939 г. принят в аспирантуру ФИАН, но через два месяца был призван в Красную армию. Во время Великой Отечественной войны служил в частях связи и закончил войну техником-лейтенантом. В апреле 1945 г. откомандирован в распоряжение Наркомата авиационной промышленности, а в августе того же года по ходатайству академика С.И. Вавилова переведен в Академию наук СССР и восстановлен в аспирантуре ФИАН. Кандидат (1948), доктор физических наук (1956).

Глава российской школы люминесценции, ближайший ученик основателя этой школы академика С.И. Вавилова. Основные направления научной деятельности – люминесценция, квантовая радиофизика и нелинейная оптика. Ученый-экспериментатор, один из соавторов так называемой теории Ферстера – Декстера – Галанина (теории переноса энергии электронного возбуждения в конденсированных средах), первым в стране начал применять лазер для исследования люминесценции. Автор более 100 научных работ, а также специальных статей в БСЭ, сотрудничал с обществом «Знание».

Заведующий Лабораторией люминесценции ФИАН (1963–1988), более 40 лет преподавал в Московском физико-техническом институте. Заслуженный деятель науки РСФСР (1981), член-корреспондент РАН (1984), советник РАН.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Кавказа», а также орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть». За работы по люминесценции удостоен Золотых медалей им. С.И. Вавилова и им. П.Н. Лебедева.

М.Д. Галанин

В нашей семье было пятеро детей. Мы называли друг друга своими детскими именами – Ока (Ольга), Миха (Михаил), Ликс (Алексей), Иван, Татя (Наталья)...

Когда мне было лет шесть, бабушка повела меня в храм Христа Спасителя. Больше всего меня поразило то, что внутри храма был алтарь как бы в виде маленькой церкви. Я пытался рисовать это: одна церковь внутри другой...

Игрушек в обычном понимании у нас не было. Мы играли инструментами. Симпатичные пассатижи, которые просуществовали до самой войны, назывались «вротуямки». Большие ножницы – «громарот». Эти названия так привились, что и позже говорили «дай мне вротуямки». Другой нашей игрой было рисование разных событий, которые происходили с некими фантастическими существами. Старшие из них назывались «мади», средние «леди», а младшие – «приятликами».

В 1923–1924 гг. вводились червонцы. Каждый день на кассах вывешивались объявления о стоимости червонца в старых рублях, которая непрерывно росла. А мы играли в «сбор живой силы». Если на прогулке видели собаку, то прибавлялось, например, десять, если кошку – пять, голубя – два, и т.п. Все эти числа складывались и записывались в виде общей суммы, которая, как и на вывеске у кассы, непрерывно росла. Но я уже начал ходить в группу, а потом в школу, появились другие интересы, и, когда я приходил домой и Ликс настойчиво меня спрашивал, кого я видел, я часто не помнил. Игра эта быстро прекратилась...

Когда мне было лет шесть (или, может быть, семь), деду и бабушке <Галаниным> очень хотелось, чтобы я исповедался и причастился в церкви. Родители хотя и неверующие, но отнеслись к этому терпимо. Мне пришлось выучить молитву («Отче наш») и пройти эту процедуру. На этом дело и кончилось. К Ликсу это уже не применялось.

В 1922–1923 гг. меня повели в группу – какой-то маленький детский сад для подготовки к школе. С осени 1923 г. началась уже школа – № 7, бывшая Хвостовская гимназия⁷⁹. Она помещалась в Кривоарбатском переулке. В школу меня отвели, но потом уже не провожали. Учительница первого класса, поговорив со мной, отправила меня во второй. Звонок уже прозвенел, и я стоял в коридоре, не зная, куда идти...

В 1925–1928 гг. мы жили на разных дачах на Вла-хернской (теперешний Турист) по Савеловской дороге.

Эти годы кажутся очень светлыми. Неужели это отражение того сравнительного благополучия, которое наступило в годы нэпа? Дачи были довольно большие и, по-видимому, удобные. Было много родственных детей. Мы ходили купаться на Яхрому. Никакого канала еще не было. В эти годы мы с Ликсом вели метеорологические наблюдения. Весь распорядок жизни определялся тем, что нужно было встать к семи часам – первая запись: температура, давление, облачность и т.д. В час дня мы слушали радио: тогда передавалась по обычному радио метеосводка по всему Советскому Союзу. Потом мы ее обрабатывали и наносили на специальные бланки – карты, которые тогда продавались. День заканчивался в девять часов вечера после последнего наблюдения.

Другое наше занятие в эти годы – собирание коллекции жуков. Отец принес нам книжку «Жуки Европы». По ней мы определяли название и семейство. <...> много возились с разной водной живностью. Помню, что красивого большого тритона мы звали Дядя Вася, а другого – поменьше – Дядя Митя⁸⁰...

О школе и учителях. Мне не пришлось пережить те крайние школьные эксперименты, которые происходили несколькими годами раньше. Пертурбации начались только с восьмого класса, когда школа была объявлена «химическими спецкурсами». <...> Большим недостатком тогдашней школы было полное отсутствие уроков истории. Вместо этого было так называемое обществоведение. О его содержании осталось самое смутное впечатление.

...Кончилось мое «детство и отрочество». С осени 1929 г. школа стала преобразовываться в «химические курсы», а потом в техникум...

Начались «практики» на химических заводах. <...> Эти практики были организованы удивительно плохо. Единственным их достоинством было приобретение некоторого жизненного опыта. <...> Особенно помнится практика в Кинешме. Сначала я попал в завод-

⁷⁹ Эта школа описана в романе А. Рыбакова «Дети Арбата»; из нее вышел ряд известных людей. – *Ред.*

⁸⁰ В отличие от «приятликов», тритоны названы именами реальных людей – Василия (№ 173) и Дмитрия (№ 176) Владимировичей Шеров. – *Ред.*

скую лабораторию. Но обстановка там мне настолько не понравилась, что я попросился в цех, где я, как и все практиканты, был на положении помощника рабочего-аппаратчика. <...> В цеху применялся NaOH, и мои ботинки на кожмитовой подошве быстро пришли в негодность. Мне выдали лапти. Но все-таки едкий натрий успел попасть на ноги. Домой я приехал в лаптях, хромая и с нарывом на подошве. Тем не менее жизнь в Кинешме имела и светлые стороны. После работы и в выходные мы с наслаждением купались в Волге.

После летней практики в Кинешме наш техникум стал преобразовываться в «политехникум» и собрался переезжать куда-то на Басманную. Это было настолько неудобно, что я решил уходить из техникума и устраиваться на работу. Отец смотрел на это с пониманием и предложил устроить меня лаборантом (или, может быть, препаратором) в институт строительных материалов – ВИСМ, где он работал по совместительству (как и многие в то время, отец работал в трех местах: Промакадемии, ВИСМе и в Институте методов обучения). В ВИСМе меня принимал физик из МГУ В.К. Семенченко. Он спросил меня, кем же я все-таки хочу быть – химиком или физиком? (Ведь я все же учился в химическом техникуме.) И здесь я сделал довольно решительный шаг: ответил «физиком».

(Галанин. С. 18–23)

В.В. Владимирский

У нас были кроме физфака другие общие интересы, главным образом в области туризма. Иногда это были небольшие лыжные походы, как например, переход со станции Вла-хернская (Турист) в Хотьково. Были и другие туристические мероприятия. Однажды я приобрел по случаю разборную байдарку. На следующий день у меня собралась небольшая студенческая компания, в которой были братья Галанины. Зашел разговор о первом маршруте на этой лодке. Я заметил, что нельзя намечать серьезный маршрут, пока байдарка не опробована. Вот тогда и возникло необычное предложение испытать байдарку немедленно. С тех пор прошло уже более 60 лет, и я не могу поручиться за точность воспоминаний, но мне кажется, что первым высказал эту идею Михаил Дмитриевич, во всяком случае, он был главным при ее реализации, так как имел большой опыт по водному туризму. <...> Байдарку быстро подтащили в сквер недалеко от <Патриаршего> пруда, собрали под фонарем, так как уже стемнело, и спустили на воду. Сделав несколько кругов по ночному водоему, мы убедились, что лодка не течет и нормально управляется. Главным результатом этих действий была, разумеется, проверка комплектации деталей и возможности собрать и разобрать байдарку без специального инструмента. К счастью, ни зеваки, ни милиционеры не заинтересовались нашими испытаниями (а это был 1937 г.)...

Мне кажется, что благополучный исход нашей <довольно опасной дипломной> работы с ртутью в значительной степени связан с характером Михаила Дмитриевича – он все делал правильно, не доводя аккуратность до занудства. Впрочем, это, как мне кажется, фамильная черта Галаниных.

(Галанин. С. 25–26)

М.Д. Галанин

В 1946 г. арестовали <моего научного руководителя> Л.А. Тумермана и его жену. Их сын – ученик младших классов Алеша – и его бабушка остались без всяких средств к существованию. Жили они в известном «Доме на набережной» в квартире с соседкой – старой большевичкой. Я приходил к ним и приносил деньги – 600 рублей (зарплата м.н.с. была от 1050 р.). Деньги мне давали тайно несколько фиановцев. Это было небезопасно, каждый раз дежурный в подъезде спрашивал, к кому я иду.

(Галанин. С. 29)

Г.И. Мерзон

Немногословного, сдержанного Михаила Дмитриевича по его темпераменту можно причислить к флегматикам. Но, по выражению академика И.П. Павлова, именно флегматики творят историю человечества.

О.П. Варнавский

Атмосфера в лаборатории <ФИАН> была исключительно доброжелательной и теплой. Я вспоминаю различные капустники, празднования юбилеев, праздников 8 Марта. Это были действительно праздники.

При этом планка научного уровня работ всегда оставалась высокой, общая доброжелательность никогда не переходила к «облегченному» отношению к научным вопросам. Исключительная роль в этом непростом балансе принадлежала Михаилу Дмитриевичу. Его умение находить не обидные, но честные и недвусмысленные оценки работы является исключительным. Я вспоминаю, как мы часто ждали заключительной фразы Михаила Дмитриевича на семинаре после «смутного» доклада – его характеристика практически никогда не обманывала ожиданий, была очень короткой, емкой и, главное, как показывало время, правильной...

Было ясное ощущение, что, несмотря на все взаимные претензии и обиды (в том числе и на Галанина), задевать Михаила Дмитриевича было абсолютно бесполезно – и не просто в силу общественного мнения, а по какому-то более глубокому личному убеждению каждого, кто его знает.

...В группе М. Хаузера <в Штутгартском университете> я встретил такое же глубокое уважение к Михаилу Дмитриевичу, к какому я привык у себя в ФИАНе. Я тогда воспринял это как нечто вполне естественное: «Ну, это же Галанин!» Теперь, когда я лучше понимаю взаимоотношения в западном научном сообществе, я знаю, что это не «вполне естественно», а действительно результат понимания масштаба личности Галанина.

Н.В. Карлов

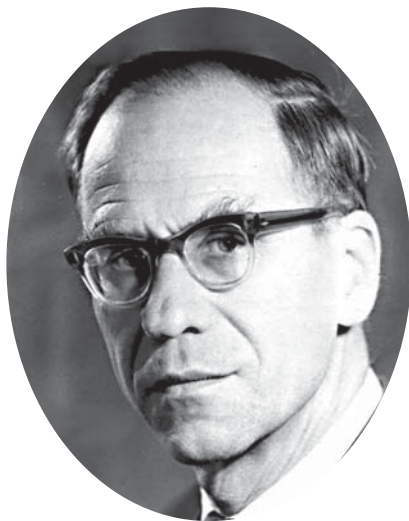
Аура доброжелательности Михаила Дмитриевича распространяет свое влияние на расстояния, заметно превышающие область обычного близкодействия.

А.Г. Витухновский

Краткие заметки о Михаиле Дмитриевиче, представителе «пресвятой профессуры исчезающей Москвы»...

Помню мрачный февральский день 1972 г., когда я, выпускник физфака МГУ, впервые пришел в ФИАН <...> Галанин, вышедший навстречу, показался мне классическим профессором: сутулым, с интеллигентными чертами лица, абсолютно правильной московской речью. Я был польщен, что со мной, мальчишкой, на равных разговаривают <...> Мне, настроенному критически по отношению к окружающей действительности той поры (Брежнев, бессмысленные ленинские уроки, потоки лжи по телевидению и в газетах и т.д.), Михаил Дмитриевич, беспартийный уважаемый профессор, представлялся моральной опорой...

Рассказывая о М.Д. Галанине, хочется выделить именно моральный аспект, резко отличавший его от способных, даже талантливых, но беспринципных сотрудников, для которых карьера, заграничные командировки, личная выгода затмевали все. Это отличие бросалось в глаза и вызывало уважение и симпатию одних и скрытую ненависть других.

А.М. Леонтович

...Для того чтобы в свое время я мог получить звание старшего научного сотрудника (для чего по фиановским административным «законам» необходимо было руководство группой), Михаил Дмитриевич отказался от руководства нашей группы и передал его мне...

Л.П. Пресняков

...Защитил в 1956 г. докторскую диссертацию, но довольно долго после этого оставался ассистентом кафедры общей физики. Он вообще никогда не был доцентом. Спohватившись, его сделали сразу профессором...

...Высокий, элегантный, излучающий спокойствие, доброжелательность и легкую иронию <...> Мы довольно быстро осознали, что нам по-настоящему повезло. Семинары он вел необычайно спокойно и ясно, без парадоксальных приемов, но настолько эффективно для нашего образования, что мы старались их не пропускать (посещение в те годы было свободным даже на первом курсе).

В лаборатории, как это принято у студентов, приборы почему-то барахлили и часто ломались. Сначала звали старших лаборантов. Потом поняли, что звать надо Михаила Дмитриевича. Легкими движениями больших и очень приспособленных для тонкой работы рук он быстро оживлял и заставлял работать любой прибор. С ним было интересно учиться и работать, он мог повторить объяснение или наладить прибор несколько раз, не раздражаясь. Но не прощал халтуры. Известный и широко применяемый студентами всех времен и народов прием – как сдать списанную работу – у него не проходил. Нет, выговоров и нотаций не было. Но никто не пытался сделать это вторично.

И.И. Собельман

Доброжелательность и скромность никогда не вынуждают М.Д. уклониться от твердого, без всяких экивоков, высказывания своего мнения. Я подчеркиваю это качество М.Д., так как считаю его важным.

З.А. Чижикова

...Человек замечательно организованный. Меня всегда удивляла его способность к быстрой смене дел. В кабинете завлабораторией он сидел только во время всяких заседаний, при составлении планов и отчетов или принимал посетителей. Все остальное время в ФИАНе – работа в своей рабочей комнате. <...> у него были еще и свои тетради для научной литературы, для записи текущих дел, для теоретических расчетов и затем о работе на компьютере. Он заставлял меня с самого начала рассказывать наши работы на семинарах, «чтобы мои мозги не ленились». Все экспериментальные установки М.Д. собирал сам. В рабочей комнате были тиски с необходимым набором инструментов для механических работ, всегда наготове паяльник. Нередко он спускался в мастерскую, к нашим механикам. Несложные радиосхемы, многочисленные вилки и разъемы паял тоже сам. Он вовсе не считал, что «теряет время», он делал это быстро, умело и с удовольствием (отдыхая от разных заседаний)...

Мы застали мощный расцвет физики в нашей стране, особенно в 1960–1980-е <...> На конференцию в Ереван (1967) в самолете летели три Нобелевских лауреата и больше сотни докторов и кандидатов. Интерес к нелинейной оптике был тогда огромен. <...> На конференции к нам подошел доктор Маар из США. Сказал, что хочет познакомиться с нами. Он отослал свою работу в журнал; ему ответили, что такую работу уже сделали русские (Михаил Дмитриевич и я) и напечатали в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» (ЖЭТФ). Во время экскурсии в древний храм в скале Гехард доктор Маар поскользнулся и упал в вековую лужу на полу внутри храма. Когда мы вышли на свет, то увидели, что его белоснежные брюки сзади совсем черные. Смеясь, Маар сказал: «Навсегда запомню эту поездку в Россию, здесь я дважды сел в лужу».

Л.П. Пресняков

Возглавив кафедру, Михаил Дмитриевич решительно воздержался от реформаторства <...> поставил работу таким образом, что студенты стремились попасть на фиановскую кафедру, а преподавателям нравилось на ней работать. Стала расширяться тематика обучения студентов <...> Выпускники надолго сохраняли научные человеческие контакты со своими руководителями и кафедрой в целом. Аспиранты, как правило, успевали сделать диссертационную работу в отведенный трехлетний срок. Как и чем все это достигалось? Краткий ответ состоит в том, что работала система Галанина. Пояснить ее можно старинной испанской притчей: «Великие результаты достигаются малыми, но постоянными усилиями»...

В конце 1980-х страна вступает в эпоху перестройки и ускорения, однако ничто пока не предвещает тяжелого времени для науки и образования. Множество ярких ученых выступает на Съезде народных депутатов с оптимистическими речами. В один из дней лета 1989 г. Михаил Дмитриевич пригласил меня поехать вместе с ним к ректору МФТИ Н.В. Карлову, в кабинете которого состоялась краткая процедура передачи полномочий заведующего кафедрой. Эта процедура сопровождалась таким диалогом.

Карлов: «Михаил Дмитриевич, я надеюсь, что свой курс вы продолжите читать?»

Галанин: «Нет, Николай Васильевич, я как-то уже начитался»...

В наступившие в 1990-е крутые реформаторские времена рассыпался учебный процесс на ряде базовых кафедр МФТИ, как в прикладных, так и в академических институтах. Кафедра Галанина устояла.

Л.В. Левшин

...Высокий, сухощавый мужчина, негустые волосы которого были зачесаны «на пробор». Лицо было несколько удлинненным и завершалось довольно внушительным носом. Большие очки придавали строгость его лицу.

...Говорил очень спокойно, не торопясь и несколько глухим голосом...

Он всегда был исключительно выдержанным и скромным человеком. Я никогда не слышал, чтобы он на кого-либо повышал голос. Все его статьи и отзывы отличались большой лаконичностью. Однако это никогда не сказывалось на ясности и качестве изложения материала. В его отзывах всегда отсутствовали восклицательные фразы, и даже весьма положительная оценка отличалась большой сдержанностью. Я никогда не видел Михаила Дмитриевича хохочущим, от души веселящимся или рассказывающим веселые байки. Вместе с тем анекдоты он, по-видимому, любил и искренне улыбался удачной шутке или рассказу.

А.Г. Витухновский

Поражает широта и глубина интересов Михаила Дмитриевича, простирающихся от политики и истории до литературы.

З.А. Чижикова

...Мы были хорошо знакомы семьями. Когда росли дети, на праздники и каникулы мы нередко приезжали на дачу к Галаниным в Абрамцево (на лыжи, прогулки). Иногда устраивались «домашние фестивали» из наших любительских фильмов и диапозитивов. Михаил Дмитриевич выписывал кроме научных и научно-популярных и литературные журналы, которые мы обсуждали.

...Расскажу еще об одной стороне жизни Михаила Дмитриевича в ФИАНе. Наша лаборатория славилась своими веселыми вечерами отдыха. <...> Михаил Дмитриевич на наших вечерах стал артистом-профессионалом, хотя до этого «в огнях рампы» не был нигде замечен. Впервые он появился в рамке «телевизора» лектором-искусствоведом с огромной бабочкой на шее перед выступлением «вокалистки» и имел большой успех. Потом выступал с годовым отчетом лаборатории в виде старика Хоттабыча в чалме и с длинной бородой из мочалки. На одном новогоднем вечере он вышел с поздравлениями в виде модного тогда «снежного человека» со шкурой медведя на плечах и в маске макаки. На гала-маскараде появился инопланетянином в настоящем костюме (б/у) летчика-космонавта. На гала-маскараде 1980 г. приветствовал нас как Вождь Люминесцентного племени. Однажды нас попросили поставить аттракцион на фиановском вечере. Мы поставили «Кот в мешке». Вывели на сцену человека в большом черном мешке с узлом наверху. Надо было, задав ему несколько вопросов, угадать, кто в мешке: теоретик или экспериментатор? На вопросы «кот в мешке» отвечал кивком головы – да или нет. <...> Публика была в восторге, когда развязали мешок и показалась голова завлабораторией М.Д. Галанина.

М.Д. Галанин

...Десятки лет – только байдарка. Я плавал по русским речкам, обычно небольшим. Исключение: Вуокса, Гауя, озеро Кереть. В летних и майских походах плавал и с фиановцами...

В горах катался только один раз. В середине 1970-х Рем Викторович Хохлов пригласил меня в Бакуриани (Грузия) и посоветовал взять горные лыжи. Мы поднялись на подъемнике на самый верх трассы. Рем сказал: «Спускайтесь медленно, я вас подстрахую». Каково же было его удивление, а мое еще больше, когда я спустился на своих допотопных лыжах довольно быстро и ни разу не упал.

Л.В. Левшин

...До 80 лет не покидал лыжню. Вскоре ему исполнится 90 лет. Он ходит в ФИАН на работу и активно занимается наукой.

(Галанин. С. 30–69)

204. Никольская, по мужу Галанина Марина Николаевна

(1915, Москва – 2004). Жена предыдущего⁸¹. Училась на химическом факультете МГУ, работала в рентгеновской лаборатории.

Л.В. Левшин

Очень решительный и организованный человек. Под ее руководством семья Галаниных всегда проводила свой досуг в походах, экскурсиях, путешествиях на байдарке и на лыжне.

(Галанин. С. 45)

205. Галанин Алексей Дмитриевич

181 / 179

(1916–1999). Окончил физический факультет МГУ. Участник Великой Отечественной войны. Физик (атомщик-теоретик), доктор наук. Много лет работал в Институте экспериментальной и теоретической физики (ИТЭФ)⁸².

Женат на своей двоюродной сестре Ирине Литкенс (№ 209).

Страдал астмой, возможно, унаследованной от деда по галанинской линии.

М.Д. Галанин

В начале зимы 1923–<1924> г. мы с Ликсом заболели scarlatina. Чтобы не заразить младших, нас устроили в инфекционную больницу. Она помещалась в отдельных деревянных (кажется, одноэтажных) домах. В больнице мы заразились еще и корью. Ликсу эта двойная болезнь довольно тяжело досталась. К тому же перед этими болезнями мы подцепили от какой-то заблудшей кошки стригущий лишай. Чтобы быстрее от него избавиться, отец решил по чьему-то совету облупить наши головы рентгеном, чтобы волосы выпали. При этом Ликса сильно переоблучили, и его голова была в страшном виде. След от этого остался у него на всю жизнь – волосы на виске почти не растут...

В больнице мы узнали о смерти Ленина.

(Галанин. С. 19–20)

⁸¹ В этом браке родились дочери Татьяна (1953) и Екатерина (1955). Обе они стали биологами. – *Ред.*

⁸² См. о нем также в кн.: Иоффе Б.Л. Без ретуши. Портреты физиков на фоне эпохи. М., 2003. – *Ред.*

Акад. В.Л. Гинзбург

В 1933 г. был первый «свободный» (то есть по конкурсу, а не по путевкам) прием в МГУ <...> приняли Мишу Галанина и не приняли его брата Ликса, хотя он был вполне хорош. Я не стал ждать (как Ликс) следующего года и поступил на заочный.

(Гинзбург В.Л. О науке, о себе и о других. М., 2003. С. 387)

С.Д. Шер

В свои школьные и студенческие годы я много общался с Галанами: ходил в походы, ездил на лыжах, а сейчас <в 1980-е> с удовольствием, но, правда, довольно редко встречаюсь с ними.

(Шер. С. 19)

Н.В. Карлов

У нашей 313-й группы <в 1949 г.> появился новый преподаватель, семинарист по курсу теорфизики, сотрудник Теплотехнической лаборатории Алексей Дмитриевич Галанин. Увидев его, я вздрогнул: так он был похож на своего чуть-чуть более старшего брата. Общение с Алексеем Дмитриевичем, проецируясь на уже знакомый образ Михаила Дмитриевича, укрепляло в воспаленном сознании студента третьего курса то положительное впечатление, которое составилось в этом сознании о Михаиле Дмитриевиче. Всегда ровное и благожелательное отношение ко всем, в том числе и к студентам, не понимающим и не принимающим курс термодинамики в изложении Е.М. Лифшица, что резко контрастировало с <нетерпимым> подходом школы Ландау к изучающим теорфизику, подчеркивало родственную общность братьев Галаниных – наследственных московских интеллигентов.

(Галанин. С. 37–38)

В каталоге РГБ содержатся сведения о 19 научных изданиях А.Д. Галанина.

206. Галанин Иван Дмитриевич

181 / 179

(1921–1942). Ушел на фронт студентом физического факультета МГУ, погиб в боях подо Ржевом, вблизи г. Демьянска.

207. Галанина Наталья Дмитриевна

181 / 179

(1923 – после 2004). Окончила физический факультет МГУ (1948), много лет работала в Институте экспериментальной и теоретической физики (ИТЭФ). Кандидат физико-математических наук.

208. Литкенс Александр Владимирович

183 / 182

(1916–1933). Умер от дизентерии.

С.Д. Шер

Санатка был года на два старше меня и, несмотря на редкие заезды в Москву (он иногда гостил летом у Галаниных на даче), был моим товарищем в играх и разговорах. Он отличался большой инициативой в любых мероприятиях и был большим выдумщиком.

(Шер. С. 20)

209. Литкенс Ирина Владимировна 183 / 182
(1919 – после 1999).

Окончила Московский энергетический институт (1941), работала инженером на Тавакской ГЭС в Узбекистане, затем, вернувшись в свой вуз, в 1945 г. поступила в аспирантуру. Доктор наук (1971), профессор (1990) кафедры электроэнергетических систем. Результаты ее теоретических трудов нашли практическое применение на Братской и Куйбышевской ГЭС. Соавтор монографии «Колебательные свойства электрических систем» (1988), автор более 150 научных трудов по проблемам электроэнергетики, вузовских учебных пособий. Многие годы возглавляла комиссию электрических систем Научно-технического совета Минвуза СССР (*Электричество*. 1999. № 7. С. 70; *Шер*. С. 20).

Замужем за своим двоюродным братом Алексеем Галаниным (№ 205).

210. Литкенс Василий Владимирович
(? – 1941).

183 / 182

Поколение шестнадцатое

211. Ребенок, родившийся у Татьяны Шер в 1925 г.

? / 187

211а. Галле Роберт Робертович
Род. 8.I.1930.

194 / 193

Глава IV

РОД МАТЕРИ. КОТЕЛЬНИЦКИЕ*

Поколение восьмое

212. Григорьев

(? – 1695). Протопресвитер Большого Успенского собора в Кремле. Был вкладчиком московской церкви Николая Чудотворца в Котельниках, похоронен при ней. На его погребение приезжал патриарх Адриан (*Храм Свт. Николая в Котельниках. С. 90*).

213. Григорьев Андрей

(? – до 1734). Брат предыдущего, прапрапрадед писателя. Священник московской церкви Николая Чудотворца в Котельниках по крайней мере в 1692–1718 гг. (*Храм Свт. Николая в Котельниках. С. 90*).

214. Кириллова Дарья

(1674 – 1737/41). Жена предыдущего, прапрапрабабка писателя.

Роспись Ивановского Сорока
Церкви Николая Чудотворца что в Котельниках
попа Феодора Андреева с причетники и приходцких людей,
исповедавшихся и святых таин приобщившихся
и по исповеди не причастившихся, и неисповедавшихся,
сего <1>737го года

звание чина	леты
Тоя церкви поп Феодор Андреев	40
сын Ево Михаил	14
дочь девица Домнина	13
Дариа Кирилова мать Ево вдова	63

(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 3. Л. 303)¹

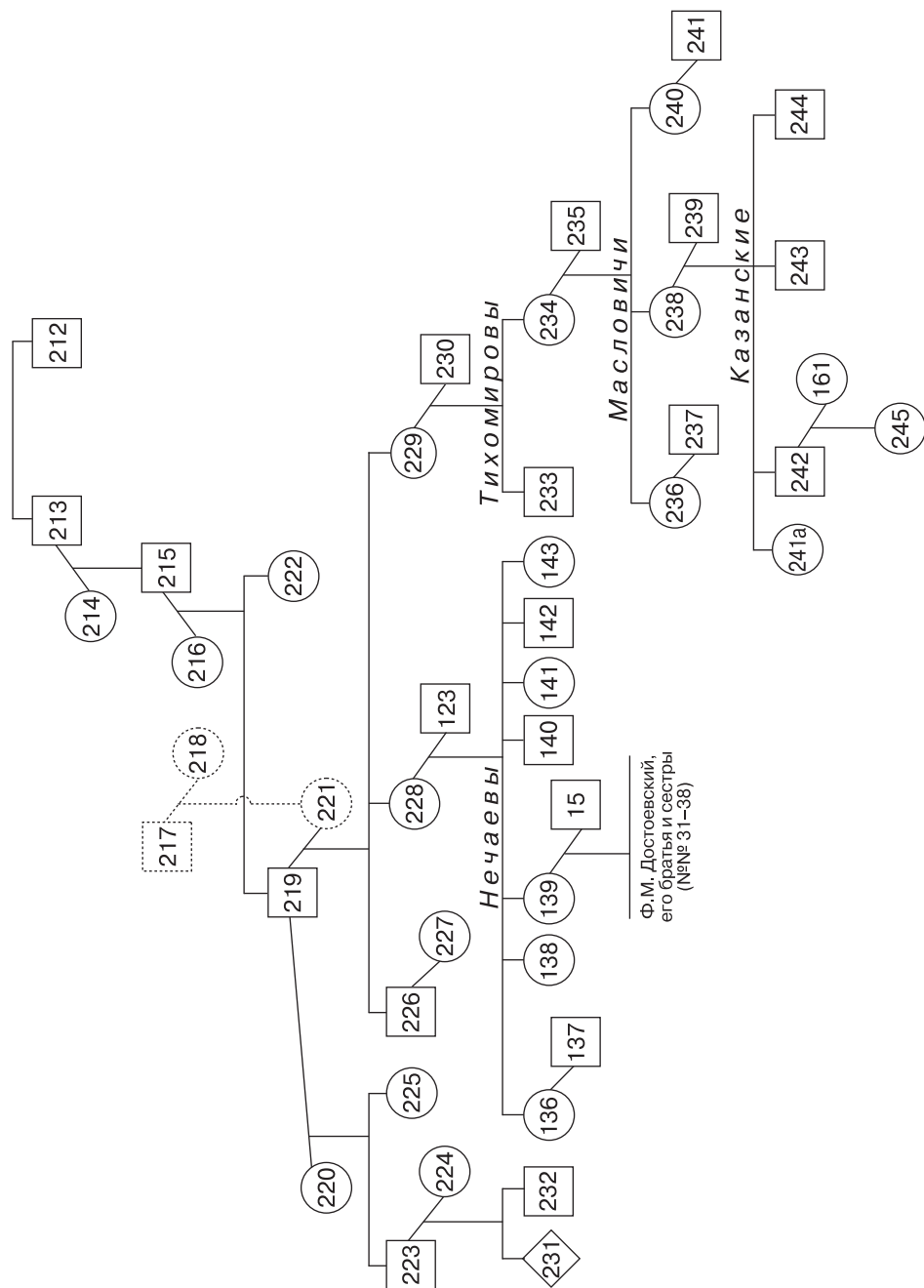
Исповедные ведомости за 1738–1740 гг. не сохранились, а в 1741 г. Дарья Кирилловна среди членов семьи не показана (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 46. Лл. 162, 163).

* Глава подготовлена И.Л. Волгиным, Т.М. Новиковой и Н.Н. Богдановым.

¹ Ведомости Ивановского сорока находятся в фонде Московской духовной консистории (ЦИАМ. Ф. 203). Реестр им был «учинен», согласно реестровой записи, в 1832 г., причем отмечено, что они находятся «в ветхой переплете<нной> книге», где материалы, относящиеся к церкви «Николаевской, что в Котельниках», занимают 14 листов. Текст написан полууставом с лигатурами, по низу лл. 303–316 идет растянутый на 14 страниц автограф: «К сей росписи руку приложил <...> поп Феодор Андреев». – И.В.

КОТЕЛЬНИЦКИЕ. БАБКА ПИСАТЕЛЯ ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

8 поколение	9 поколение	10 поколение	11 поколение	12 поколение	13 поколение	14 поколение	15 поколение
-------------	-------------	--------------	--------------	--------------	--------------	--------------	--------------

Поколение девятое

215. Андреев Федор

213 / 214

(1697 – 1737/41). Прапрадед писателя, отец Михаила Федоровича Котельницкого (№ 219). Диакон (1720), священник (1721), служил в церкви Николая Чудотворца в Котельниках по крайней мере в 1734–1736 гг. (*Храм Свт. Николая в Котельниках. С. 90*)².

Г.А. Федоров

Федор Андреев был некоторое время священником в домовый церкви Строгановых³, а служа иереем приходской церкви, принимал исповедь, причащал, крестил детей баронов и служил панихиды по их родным...

(*Московский мир Достоевского. С. 68*)

216. Жена предыдущего

(? – до 1737).

217. Андреев Петр

Прапрадед писателя, тесть Михаила Федоровича Котельницкого. Протоиерей Большого Успенского собора в Кремле.

218. Жена предыдущего

Поколение десятое

219. [Федоров] Котельницкий Михаил Федорович (172[0]⁴ – 1798, [Москва]). Прадед писателя.

215 / 216

Окончил Славяно-греко-латинскую академию и в 1746–1767 гг. служил священником. Овдовев, подал прошение о сложении сана. Впоследствии корректор Синодальной типографии, коллежский регистратор (1795)⁵.

Похоронен на Дорогомиловском кладбище.

² См. также: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 3. Л. 1737 и след.; Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884–1891. Ч. 1. С. 149–150, 826–827. Ч. 2. С. 572. – *Ред.*

³ Строгановы Александр (1698–1754), Николай (1700–1758) и Сергей (1707–1756) Григорьевичи – представители известной династии промышленников, впоследствии дворян и государственных деятелей. (К предыдущему, XVII столетию относится строгановская школа иконописи.) В 1722 г. Петр I возвел братьев в баронское достоинство. – *Ред.*

⁴ В первом издании «Хроники» дата рождения М.Ф. Котельницкого – 1721 г. Согласно исповедным ведомостям за 1737 и 1741 гг., датой рождения можно считать 1723 г. Однако Г.А. Федоров по другим источникам указывает 1720 г.; этому соответствует и исповедная ведомость за 1763 г. – *И.В.*

⁵ О его сыне Василии Михайловиче Котельницком (№ 226) говорится в Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета (М., 1855. Ч. 1. С. 430) как о сыне губернского секретаря. – *Ред.*

Г.А. Федоров

Жизнь московского дома Строгановых была открыта не только <окормлявшему их> свящ. Федору Андрееву, но и его сыну Михаилу, прикоснувшимся таким образом к этому значительному явлению русской культуры.

(*Московский мир Достоевского. С. 71*)

Исповедные ведомости
церкви Николая Чудотворца в Котельниках
1741

Духовные и их домашние
Тоя Церкви Священник Григорей Димитриев 51
Да бывшего священника сын

Греколатынской школы ученик Михайла Федоров 18
(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 46. Лл. 162–163)

Отсюда следует, что за предшествующие четыре года Михаил потерял всех близких – бабу, отца и, возможно, сестру (хотя не исключено, что они переехали). В приходе – новый священник.

Именной список обучающихся
в Славяно-греко-латинской академии
1742

Ивановского <сорока> Николая чудотворца, что в Котельниках умершего попа Федора сын Михайло.
(РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. Ед. хр. 332. Л. 66)

Вероятно, фамилия семьи связана с урочищем Котельники, где в церкви Николая Чудотворца в течение двух десятилетий служил священником Михаил Федоров. По-видимому, Котельницким его стали называть в тот период, когда он был благочинным Пречистенского сорока Москвы (*Московский мир Достоевского. С. 68, 69*).

Следующий документ показывает Михаила Федоровича уже в зрелом возрасте: он вдов и обременен семейством.

Исповедные ведомости
церкви Николая Чудотворца в Котельниках
1763

Духовные и их домашние
Вышеозначенной церкви Священник Михаил Федоров 43
Дети Его
Михаил 18
Праскева 17
(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 309. Л. 28)

VII. 1767

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския из святейшего правительствующаго синода, московской типографской канторе сего июля 6го дня 1767го года по данной святейшему правительствующему синоду московской епархии церкви николая чудотворца что в котелниках священник михайло федоров сын котельницкий челобитною представил, что обучался он в московской академии и окончил богословское учение, потом священником находивши с 1746го году был и благочиния церковнаго смотрителем, овдовевши же с 1767го году более с печали и от вдовства был почти завсегда болен, нонеже пришедши несколько в здоровье усмотрел себя совсем немогуща понести безсупружное житие, сколько ни наблюдал умеренность в ястии и питии, и дабы де непоползнуться в плотския грехи, и чрез то дабы ненавесь явнаго порока сану духовному, лучше оставить священство желает, и понеже и он молодые свои лета препроводил в науках, а потом много лет был священником безпорочно, в которые лета в светском звании мог бы он заслужить и чин себе хорошей и пенсией, а по всем правам гражданским преимуществу, ученым дано в производстве пред неученым, почему обучавшийся в академиях, а особливо выслушавший философию производятся в немалые чины в светских командах, притом же и блаженные, и вечная славы достойныя памяти Государь Император П е т р В е л и к и й имянным своим Указом будучи в преображенске указал вдовым попов и дьяконов которые учились в школах и могут послужить в проповеди слова Божия, обнадежить, что ежели они вступят во второбрачие, то поотрешении священнодействия могут быть при архиереях в учителях и у дел в духовных советах и управлениях, а он монастырского жития со всеми его производствии не желает, и для того просит, чтоб все его тридцать лет во учении и в священстве препровожденные причесть в службу Ея Императорскаго Величества и наградя его чином дать ему по желанию и по способности место, и женится ему во убежание греха и соблазна позволить, понеже неполучивши прежде честнаго чина сыскать честной жены нельзя. А понеже поправилам святых отцев пресвитерам и диаконам вовторобрачие вступать не запрещается, а кто по поставлении оженится, те извержению толко священства подвержены. Того ради по Указу Ея Императорскаго Величества, святейшия правительствующия синод приказали: означенному священнику Михаиле Федорову в разсуждении того, что он показывает себя и к безбрачному житию неспособна, во второбрачие вступить невоспрещать, и исключая его из духовного чина с запрещением священнослужения, ставленную грамоту у него отобрать и с надлежащим писменным видом из московской духовной консистории уволить, а естли он пожелает, то определить ево Михаила во оную московскую типографию комисаром и московской типографской канторе о том ведать и учинить посему Ея Императорскаго Величества Указу, а в московскую духовную консисторию Указ из святейшего синода послан

Оберсекретарь Михаиле Остолопов

Секретарь Аполлос Наумов

июля 21 дня

О получении онаго Указа репортовано

августа 20 дня

(РГАДА. Ф. 1184. Оп. 4. Ед. хр. 206. Лл. 112–113. Цит. по: *Московский мир Достоевского*. С. 87–88)

Г.А. Федоров

Ведущая свое начало от Печатного двора Синодальная типография была первой типографией на Руси и славилась культурой печатавшихся в ней книг. <...> Корректоры – «зерно типографского общества», по словам филолога и фольклориста П.А. Бессонова, были «самою внутреннею, производственною силою общества, силою, двигавшею все издание, а следовательно, в некотором отношении и все русское просвещение».

Определенный в 1767 г. в Синодальную типографию М.Ф. Котельницкий служил при материальной казне комиссаром, а также выполнял разные канцелярские работы. Его уход из типографии, вероятно, объяснялся тем, что ему не удалось тогда получить желанное место корректора. Некоторое время он служит в Совестьливом суде и лишь с 1775 г. становится наконец корректором типографии, протрудившись в этой должности 23 года, до самой своей кончины, и выслужив чин коллежского регистратора.

Корректорский штат состоял из 7–8 человек. М.Ф. Котельницкий был старшим по возрасту и некоторое время единственным, имевшим академическое образование.

(*Московский мир Достоевского. С. 72–73*)

В 1770–1790 гг. типография печатала Беседы и Сочинения Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Богослова, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Димитрия Ростовского, архимандрита Платона, множество изданий для церковного, учебного и домашнего обихода (азбука, святы и т.д.), древнерусские рукописи.

А.М. Достоевский

...Михаил Федорович Котельницкий, родной дед моей матери, был в конце семисотых годов корректором при московской Духовной типографии и, по отзывам матери, был очень умный человек.

(*Биография, письма. С. 11. 1 паг.*)

...По всей вероятности, личность это была недюжинная. Это можно заключить из того, во-первых, что по должности своей он должен был знать в совершенстве русский язык и по всем вероятностям находился в близких сношениях со всеми тогдашними литераторами (так как типографий тогда было немного), а судя по времени, мог быть в сношениях и со знаменитым в то время Новиковым⁶. Во-вторых, косвенным образом об его развитости можно заключить и из того, что своего сына, Василия Михайловича, он повел так, что тот получил высшее образование и впоследствии был не только доктором, но и профессором Московского университета по одной из кафедр медицинского факультета.

(*Воспоминания. С. 19–20*)

220. Котельницкая

(? – до 1763). Первая жена предыдущего.

⁶ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – русский просветитель, писатель, издатель сатирических журналов «Трутенъ», «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек» (1769–1774). Переехав в 1779 г. в Москву и взяв в аренду университетскую типографию, создал «Типографскую компанию», где начал издавать газету «Московские ведомости» с разнообразными «прибавлениями», напечатал значительное количество книг (до 1/3 от всего количества выходившей печатной продукции в стране), придал небывалый размах российской книжной торговле. См. также: *Московский мир Достоевского. С. 75–76. – Ред.*

221. [Петрова,] по мужу Котельницкая**217 / 218**

[Вторая жена М.Ф. Котельницкого (в браке с 1767 или 1768 г.)],
прабабка писателя. [Из семьи священника.]

Более 20 лет чета Котельницких прожила при церкви Николая Чудотворца, что на Старом Ваганькове – вместе с тестем Петром Андреевым, протодиаконом Большого Успенского собора в Кремле, и семьей сестры жены: ее муж Дмитрий Васильев был священником того же собора (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 247. Ед. хр. 448. Лл. 427 – 427 об. Ед. хр. 508. Л. 286 об. *Московский мир Достоевского*. С. 78).

222. Федорова Домнина**215 / 216**

(1724 – после 1737). Младшая сестра М.Ф. Котельницкого.

Поколение одиннадцатое

223. Котельницкий Михаил Михайлович**219 / 220**

(1745⁷ – 1809). Сын М.Ф. Котельницкого от первого брака. Врач⁸.

Г.А. Федоров

Вступив в 1765 г. лекарским учеником в «Московскую гошпиталь», он через четыре года был переведен в армию. Произведенный в лекари, участвует в турецкой кампании, в Закубанском походе А.В. Суворова <1783 г.>. С «важной контузией», штаб-лекарем и коллежским ассессором начинает служить тарусским уездным врачом⁹.

(ЦИАМ. Ф. 1343. Оп. 23. Ед. хр. 7386; *Московский мир Достоевского*. С. 84)

Появление М.М. Котельницкого в калужских краях может быть не случайным и связанным с протекцией Строгановых.

⁷ Год рождения дается согласно исповедной ведомости, приведенной на с. 252. У Г.А. Федорова (*Московский мир Достоевского*. С. 84) указана другая дата – ок. 1748 г. – *Ред.*

⁸ Социальная эволюция предков писателя со стороны матери такова: сначала недифференцированный, сборный тип Софона Струнникова (№ 83), при нем же фиксация фамилии Нечаевых в 1695 г., затем все более полная специализация в области торгового дела, переезд в Москву в 1790-м и, наконец, родственная связь с медицинским миром московской интеллигенции. Эта связь, несомненно, продолжается и позднее. Двоюродная сестра матери писателя выходит замуж за штаб-лекаря Масловича (№ 235). Дочь этого Масловича, Анна, также выходит за врача (№ 239). За врача же (Ставровского, № 152) выходит младшая сестра матери писателя. Врачебную деятельность избирает и племянник матери писателя – С.Д. Шер (№ 156). Наконец, и сама мать писателя также выходит замуж за врача, а именно за штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского, сослуживца Масловича, через которого он и знакомится с семьей Нечаевых и со своей будущей женой.

Таким образом, мать писателя, выйдя замуж за Достоевского, попадает в среду московской трудовой интеллигенции. Старшая же сестра ее, Александра, выходит за богатого купца Куманина (№ 137). Этот брак еще более усиливает социальную гибридность московской ветви Нечаевых. Если одни линии ее переходят в ряды трудовой интеллигенции, то другие продолжают оставаться купеческими. Что же касается Куманиных, то их даже можно отнести к крупной буржуазии. – *М.В.*

⁹ Помещик, отставной штабс-капитан Николай Михайлович Котельницкий, который в 1859 г. делал пожертвования на храм в селе Желанье на р. Угре (см.: Каплинский В. Затерянные родники. Ч. 3. Угранское поречье. Смоленск, 2003), возможно, один из потомков этой ветви рода. – *Ред.*

224. Котельницкая. Жена предыдущего.**225. Котельницкая Праскева Михайловна****219 / 220**

(1746 – после 1763). Дочь М.Ф. Котельницкого от первого брака.

226. Котельницкий Василий Михайлович**219 / 221**

([1.I] 1769, [Москва] — [12.I] 1844, [там же]). Сын М.Ф. Котельницкого от второго брака, брат бабушки писателя.

[В 1781 г. поступил в гимназию при Московском университете на казенный кошт,] в 1789 г. — в университет. За успехи в медицинских науках получил две серебряные медали. [В 1803 г. организовал при университетской аптеке первую химическую лабораторию.] С 1804 г. доктор медицины. [Избранный в том же году в адъюнкты, вначале преподавал медицинскую химию, а затем врачебное веществословие, рецептуру, фармацию, историю медицины, с 1820 г. — гигиену. Ординарный профессор (1810), ученый секретарь Московской медико-хирургической академии (с 1814), инспектор студентов (с 1826), долгое время] был деканом медицинского факультета. Автор и переводчик нескольких сочинений и руководств по медицине и химии, [цензор. Издатель университетского «Медико-физического журнала» (1808–1821). Статский советник и кавалер,] с 1835 г. в отставке.

Похоронен вместе с отцом на Дорогомиловском кладбище. На надгробии были высечены по-латыни слова апостола Павла (Рим. 14:8): «Sive vivimus, sive morimur, Domini sumus» – «Живем ли или умираем, всегда Господни» (*Московский некрополь. С. 95*).

Г.А. Федоров

Его считали одним из красноречивейших преподавателей, и он всегда слыл остро-словом.

Василий Михайлович состоял в трех университетских ученых обществах, отдавая особое предпочтение одному из них¹⁰; страстный любитель истории, он около 30 лет был действительным членом Общества истории и древностей российских (ОИДР). В декабре 1810 г. на заседании общества Котельницкий называет тему своего исторического исследования – медицина «с начала России до Петра Великого». <...> Названная на заседании тема требовала большого знания не только старинных лечебников и травников, но и древнейших материалов по истории России. Тогда же В.М. Котельницкий подарил обществу «древний письменный Летописец» <представил и некоторые другие рукописные раритеты>.

...Рукописи, принадлежавшие Котельницкому, сгорели в 1812 г. вместе с его библиотекой и, вероятно, материалами по истории медицины допетровской Руси. К теме этой он уже никогда не возвращался, возможно лишь только помогал советами В. Рихтеру при составлении «Истории медицины в России» (М., 1820)...

Он ни разу не выступал на заседаниях общества, но усердно посещал его собрания <...> 1810–1830 гг. – знаменательный период отечественной истории. С какими замечательными деятелями ее был знаком Василий Михайлович, как член общества находив-

¹⁰ Два других ученых общества – испытателей природы и медико-физическое. – *Ред.*

шийся в самом центре тогдашней отечественной исторической науки. <...> В 1827 г. его избирают казначеем ОИДР, и в этой должности он состоит до своей кончины...

Особая дружба связывала Котельницкого с И.М. Снегиревым – выдающимся фольклористом, этнографом, историком культуры <...> В купленном Котельницким в 1829 г. вблизи Смоленской площади (в приходе Спаса на Песках) доме были собраны «картинки довольно хороших мастеров», лубки, рукописные и печатные книги по истории России, старинные монеты и даже «курьезы». (Об одном из «курьезов» сказано у И.М. Снегирева – «видел у него рисунок собаки, рожденной одною женщиною, и заколотой бабкою от страху»...)

(Московский мир Достоевского. С. 79–82)

Достигнув 60-летнего возраста, профессор начал передавать в дар ОИДР ту часть своей книжной (печатной и рукописной) коллекции, которую ему удалось уберечь в 1812 г. от пожара. Дарились также и собранные им древние монеты.

А.М. Достоевский

...Дедушка Василий Михайлович Котельницкий был родным дядей моей маменьки <...> Это в начале 30-х годов был уже глубокий старик, очень уважаемый как моим отцом, так, кажется, и всем тогдашним медицинским миром. В день его именин (1-го января) в маленьком деревянном домике его «под Новинским» перебивает, бывало, весь университет, как профессора, так и студенты-медики. Целая корзина визитных карточек и целая тетрадь с расписками были результатами этого дня. Старик в этот день никого не принимал, но зато следующий день бывал занят сортировкой визитных карточек и прочитыванием расписавшихся, которых фамилии он большею частью позабыл, но зато верно помнил его супруга, бабушка Надежда Андреевна, которая вообще была главою дома. Замечательно, что, быв доктором, он, по его собственным словам, не написал в свою жизнь ни одного рецепта, по причине своей мнительности и боязни ошибиться. А потому при самом пустячном недуге своем или жены своей он обращался за советом к папеньке, который и лечил как его, так и Надежду Андреевну. Он ежегодно, раз пять в год, бывал со своей супругой у нас. Приезжали они всегда к вечернему чаю и всегда в коляске с лакеем, проводили у нас в разговорах часа два-три и уезжали. Помню, что дедушка всякий раз сажал меня к себе на колени и, оттопырив два пальца правой руки (указательный и мизинец), бодал меня ими, приговаривая: «Идет коза рогатая... забодает Андрюшу, забодает!..» Господи, как боялся я тогда этой козы рогатой! Только стыд удерживал меня от крика и плача. Мы, впрочем, любили дедушку, и он, как бездетный, тоже любил нас очень. <...> каждую Пасху мы, трое старших братьев, в заранее назначенный дедушкой день обязаны были являться к нему на обед. Родители без боязни отпускали нас, зная, что дедушка хорошо досмотрит за нами, и вот, после раннего обеда, часу во втором дня, дедушка, забрав нас, отправлялся в балаганы. <...> мы, распрощавшись с дедушкой, отъезжали домой, полные самых разнообразных впечатлений, и долгое время, подражая комедиантам, представляли посвоему различные комедии. В половине 30-х годов дедушка должен был выйти

в отставку; но он долгое время не мог покинуть совершенно университета и ежедневно, бывало, хаживал в университетскую библиотеку, чтобы почитать газеты и повидаться с бывшими своими коллегами-профессорами. Конечно, все с удовольствием принимали старика. В заключение сообщу следующее: много лет спустя <...> я познакомился с доктором Иваном Петровичем Успенским, бывшим слушателем Василия Михайловича; он рассказывал между прочим, что Василий Михайлович читал свои лекции по книжке, причем добавлял, что книжка для него была только, так сказать, гидом, но что в большинстве случаев старик говорил сам от себя много дельного и интересного. Вот как-то студенты, у которых он оставил свою книжку, захотели сошкольничать и переместили сделанную профессором закладку на целую лекцию назад. Приходит Василий Михайлович на первую затем лекцию, открывает книгу по сделанной заметке и начинает читать... Через несколько времени старик останавливается и говорит: «Да об этом, кажется, я читал вам уже, господа!» — «Нет, господин профессор... Мы первый раз еще слушаем эту интересную лекцию». — «Гм, гм... как, однако же... того, память начинает, того, изменять мне!.. Ведь я, того, думал, что я читал уже вам об этом, а выходит, что я читал это в прошлом году вашим предшественникам!.. Да, того, память начинает изменять!» При этом Успенский сообщил мне, что Василий Михайлович Котельницкий был очень любим и уважаем всеми студентами вообще, потому что он был всегдашним защитником и ходатаем за всех студентов в совете университета.

(Воспоминания. С. 37–39)

П.И. Прозоров

«Белинский и Московский университет в его время»

...Что касается до декана, защитника студенческого, то без преувеличения можно сказать, что это был преоригинальный старик, о котором можно написать много прекурьезных анекдотов. Для образчика приведу хоть два. Однажды, когда требовалось от преподавателей указать, по какому руководству они будут читать лекции — по своему ли собственному или другого какого известного автора, — он отвечал, что «будет читать по Пленку¹¹, что умнее Пленка-то не сделаешь, хоть и напишешь свое собственное». В другой раз, когда стали при нем хвалить молодого преподавателя <С.П. Шевырева¹²>, только что возвратившегося из Италии, он пренаивно отвечал: «Ну, не хвалите прежде времени, поживет с нами, так поглупеет».

(Библиотека для чтения. 1859. № 12. С. 3–4)

¹¹ Пленк Йозеф-Якоб фон (1733(38?)–1807) — «славный венский доктор и профессор хемии и ботаники». В 1832 г. в Москве вышли его «Начальные основания фармации» и «Начальные основания фармакокатаграфологии» в переводе и с комментариями и дополнениями студентов Московского университета. — *Ред.*

¹² Шевырев Степан Петрович (1806–1864) — критик, историк литературы, поэт. В 1829–1832 гг. жил за границей. Проф. Московского университета (с 1837), акад. Петербургской АН (1847). Придерживался крайних антизападнических взглядов, рассуждая о «гниющем Западе». В 1857 г. неожиданно завершилась его университетская карьера: после спора, перешедшего в драку с оппонентом, Шевырев был по высочайшему повелению уволен от должности профессора. В 1860 г. выехал за границу и больше в Россию не вернулся. — *Ред.*

«Защитником студенческим» Прозоров называет Котельницкого по следующему поводу. Студенты-стипендиаты выразили свое недовольство казенной университетской столовой и решили объявить ей бойкот. Пришедшему для объяснений ректору один из студентов открыто выразил свой протест, в очень независимом тоне. До крайности раздраженный ректор приказывает отдать выступавшего в солдаты и затем обращается к другому студенту, «которого счастливая физиономия с первого взгляда располагала в его пользу». Но и от него последовал тот же ответ, что «пища не хороша». «У него и лицо-то не такое, чтобы не пойти обедать», — произнес тогда присутствовавший при этой сцене Котельницкий, по-видимому с желанием как-нибудь разрядить сгустившуюся атмосферу. «Эх, братцы! — произнес он. — всякое даяние благо, и всяк дар совершен. Я пришел вас защищать», — говорил он студентам тихо. «За этот дар мы должны заплатить казне шестью годами службы», — возражали студенты.

М.В. Толстой¹³

Ординарный профессор, статский советник Котельницкий читал на первом курсе фармацию по маленькой, латинской, давно устарелой книжке «Фармация доктора Пленка». Старик очень добрый и почтенный, но профессор крайне плохой, он ограничивался буквальным чтением книжки, которую приносил с собою; она была так редка, что трудно было купить ее, и студенты принуждены были списывать, причем делали ошибки, доходившие до бессмыслицы... Мне случилось быть у Котельницкого, чтобы просить о переводе меня на медицинский факультет. С того времени я сохранил знакомство с этим почтенным стариком, жившим в своем домике близ Смоленского рынка; иногда я бывал у него, а иногда встречал его на Смоленском рынке, где я по воскресным дням покупал книжки, а В.М. ежедневно покупал провизию и, садясь с нею на извозчика, приговаривал: «Смотри поезжай осторожнее; статского советника везешь». Страсть к чинам была тогда почти общею, и добрейший Котельницкий увлекался величию своего чина! Другой случай в том же роде. В.М. спускался после акта с большого крыльца старого университетского здания, в мундире и треугольной шляпе с плюмажем (тогда чиновники V класса и выше носили плюмаж на шляпах); студенты, собравшиеся на крыльце, закричали ему вслед: «Петух идет!», а онпреважно отвечал им: «А петух-то статский советник!» ...На втором году курса университетские занятия были почти те же, что и на первом, и притом с теми же профессорами. Разница состояла только в том, что Котельницкий вместо фармации читал фармакологию по книжке того же самого Пленка, но показывал нам разные медикаменты из университетской аптеки, приговаривая: «*Medicamentum est, quod morbum in corpore tollit, venenum autem, quod destruit vitam*» (лекарство изгоняет болезнь из тела, а яд разрушает жизнь). При этом престарелый профессор прибавлял: «А бывает иногда и наоборот; и от лекарства подчас человек умереть может; так что нужно прописывать рецепты поосторожнее». Некоторые из студентов, переписывая плохую, но очень редкую книжку Пленка и мало пони-

¹³ Граф Толстой Михаил Владимирович (1812–1896) – церковный писатель, историк, археолог. Окончил медицинский факультет Московского университета. – *Ред.*

мая латинский язык, на котором она писана, вместо слова *venepit* писали *venepuit* и так произносили на репетициях; впрочем, почтенный профессор не обращал на это внимания. Часто заключал он лекцию до звонка такими словами: «...А мне пора к Надежде Андреевне (жене); она у меня нездорова». (*Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 50, 67, 68*)

Н.И. Пирогов

Теперь нельзя себе составить и приблизительно понятие о том господстве комического элемента, который я застал в университете. Мы, мальчики 14—17 лет, ходили на лекции своего и другого факультетов нередко для потехи. И теперь без смеха нельзя себе представить Василия Михайловича Котельницкого, идущего в нанковых, бланжевых штанах в сапоги (а сапоги с кисточками), с кульком в одной руке и с фармакологией Шпренгеля, перевод Иовского, под мышкою. Это он, Василий Михайлович Котельницкий (проживавший в университете), идет утром с провизией из Охотного ряда на лекцию. Он отдает кулек сторожу, а сам ранехонько утром отправляется на лекцию, садится, вынимает из карманов очки и табакерку, нюхает звучно, с храпом, табак и, надев очки, раскрывает книгу, ставит свечку прямо перед собой и начинает читать слово в слово и притом с ошибками. Василий Михайлович с помощью очков читает в фармакологии Шпренгеля: «Клещевинное масло, *oleum ricini*, — китайцы придают ему горький вкус». Засим кладет книгу, нюхает с вхрапыванием табак и объясняет нам, смиренным его слушателям: «Вот, видишь ли, китайцы придают клещевинному-то маслу горький вкус». Мы, между тем, смиренные слушатели, читаем в той же книге — «кожицы придают ему горький вкус». У Василия Михайловича на лекции — что ни день, то репетиция. «Нуте-ка, ты там, Пешэ, — обращается он к одному студенту (сыну немецкого шляпного мастера), — ты приходи; постой-ка, я тебя вот из Тенара жигану. А! что? небось, замаялся; а еще немец! Нуте-ка, ты, Пирогов, скажи-ка мне, как французская водка по-латыни?» — «*Spiritus gallicus*». — «Молодец!» (*Русская старина. 1885. № 1. С. 42—43*)

Профессор Котельницкий был типичным представителем «допожарной», или, как ее тоже называли, «допотопной» плеяды преподавателей Московского университета.

А.И. Герцен

Когда он <ректор>, бывало, приходил в нашу аудиторию <...> с Котельницким, который заведовал шкапом с надписью «*Materia Medica*»¹⁴, неизвестно зачем проживавшим в математической аудитории, <...> мы смотрели на них большими глазами, как на собрание ископаемых, как на последних Абенсерагов¹⁵, представителей иного времени, не столько близкого к нам, как к Тредьяковскому и Кострову¹⁶... (*Былое и думы. Т. 1. С. 120*)

¹⁴ Медицинское вещество (лат.).

¹⁵ Абен-ас-Серрахи, знатный мавританский род в Гранаде XV в. — *Ред.*

¹⁶ Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1768), Костров Ермил Иванович (1755–1796) — известные поэты XVIII в. Костров был официальным поэтом Московского университета. — *Ред.*

Из печатных и рукописных трудов В.М. Котельницкого известны следующие:

- Деларош Л.Н. Разсуждение о врачебных и хирургических свойствах опия. М.: Типография Московского университета, 1803. (Пер. с франц.)
- О сгорании тел, сходном с жизнью животных (De corporum combustione vitae animalium analoga). Диссертация. 1804.
- Слово о начале, успехах и постепенном усовершенствовании химии. М.: Типография Московского университета, 1811.
- <Историческое исследование о медицине допетровской Руси> (вероятно, утрачено при пожаре Москвы 1812 г.).

Кроме того, в 1811–1821 гг. Котельницкий был цензором многих печатавшихся в Москве книг: научных и мемуарных сочинений, учебников, поэтических изданий, переводных произведений.

227. Котельницкая (по мужу) Надежда Андреевна
(1777–1853). Жена предыдущего.

228. Котельницкая, по мужу Нечаева Варвара Михайловна 219 / 221
([1777] — 8.VI.1813, [Москва]). Первая жена Ф.Т. Нечаева (с 29 июля 1795 г.), бабушка писателя.

Метрическая книга Петропавловской церкви
на Новой Басманной за 1813–1822 гг.
8.VI.1813

В доме Московского Купца Федора Тимофеева Нечаева умре по христианской должности Жена Его Варвара Михайлова от <роду> ей было 36 лет и погребена тогож м<еся>ца 10го дня налазаревском кладбище оное погребение исправляли Священник Симеон Алексеев с причтом.
(ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 675. Лл. 4 – 4 об.)

123. Нечаев Федор Тимофеевич
Муж предыдущей, дед писателя.
Московский купец. О нем, его предках и потомках см. в главе III.

229. Котельницкая, по мужу Тихомирова <Анна> Михайловна 219 / 221
Сестра бабушки писателя.

230. Тихомиров Андрей
Муж предыдущей.

Поколение двенадцатое

231. Первый ребенок М.М. Котельницкого

223 / 224

232. Котельницкий Александр Михайлович

223 / 224

(1776, Москва – ?). Как и дядя В.М. Котельницкий, учился в гимназии при Московском университете, а затем в самом университете. На рубеже веков переехал в Петербург. Чиновник, поэт, известный прежде всего как автор окончания «Вергилиевой Енеиды, вывороченной наизнанку». Коллежский асессор (1803).

Г.А. Федоров

В 1776 г., когда М.М. Котельницкий служил в Войске Донском, у него родился второй сын, Александр. Предполагаемый год рождения поэта Александра Котельницкого совпадает с датой рождения сына М.М. Котельницкого...

«Классические симпатии» будущего поэта, его штудирование Горация, весьма возможно, были результатом влияния деда-латиниста. Определившись затем «к письменным делам», Котельницкий недолго пробыл «в числе канцелярских служителей» университета, «выписанный» в 1797 г. в Петербург, в канцелярию Медицинской коллегии¹⁷.

(Московский мир Достоевского. С. 84)

В.П. Степанов

...Сблизился с Е.П. Люценко¹⁸, в содружестве с которым и начал литературную деятельность. В 1795 г. в типографии А.Г. Решетникова вышла их совместная бурлескная переработка одного из «превращений» Овидия – поэма «Похищение Прозерпины». В предисловии «От сочинителей» авторы признавались, что побудительным примером для них послужил успех «Енейды, вывороченной наизнанку» Н.П. Осипова (1791–1794. Ч. 1–3) и «Ясона» И.М. Наумова (1794), хотя по поводу последней поэмы они сделали ряд критических замечаний. <...> Несмотря на мифологический сюжет, в поэму были включены злободневные отклики на события французской революции (осуждение свержения монархии). Долю авторского участия Котельницкого в работе над поэмой выделить затруднительно...

В эти же годы Котельницкий предпринял другой обширный (7000 стихов) труд в жанре «перелицовки» – окончание «Енейды» Осипова (СПб., 1802–1808. Ч. 5–6). <...> Работа над завершением поэмы Осипова осуществлялась по договору с издателем Петром Ступиным. Труд Котельницкого отличается более точным соответствием Вергилию...

В 1796 г. Котельницкий начал печататься в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Среди тридцати его публикаций духовные стихотворения «Песнь, взятая из 143-го псалма», «Выздоровливающий человек» из песен Исайи (белым стихом), легкая лирика, переводы с итальянского, французского и, видимо, немецкого языков. Более всего Котельницкого привлекала поэзия Горация, которого он сначала переводил прозой,

¹⁷ Г.А. Федоров планировал опубликовать материалы к биографии поэта, но, к сожалению, не успел сделать этого при жизни. – Ред.

¹⁸ Люценко Ефим Петрович (1776–1854) – литератор. В 1793–1799 гг. ученик Университетской гимназии, в которой, вероятно, и познакомился с А.М. Котельницким. – Ред.

затем параллельно прозой и стихами (опубликовано семь од). По-видимому, эти публикации были началом осуществления замысла полного перевода Горация. Результатами последовательной работы над ним являются черновые рукописи «Мера стихов горацянских с назначением, как в древности каждый род стихов назывался» (Г.Р. Державин собирался включить эту таблицу в «Рассуждение о лирической поэзии...», над которым начал работать в 1807 г.) и «Меры горацянских стихов» по кн. 1 и 2 «Од»...

В Петербурге Котельницкий сближается с Г.Р. Державиным и, по-видимому, в начале XIX в. служит при нем по Министерству юстиции. Об этом свидетельствуют посвященные Державину стихотворения <...> 8 января 1801 г. Котельницкий поднес «бессмертному поэту» полный прозаический перевод кн. 1–2 «Горациевых од». Позднее эти переводы были переложены Котельницким стихами, в основном рифмованными ямбами, часто белым и «русским» стихом.

22 декабря 1803 г. Котельницкий был назначен по ходатайству <министра юстиции> П.В. Лопухина секретарем в Комитет для обозрения дел по жалобам на решения департаментов Сената с производством (по личному распоряжению Александра I) из титулярных советников в коллежские асессоры. Этому служебному повышению предшествовало в 1803 г. разбирательство по переписке Котельницкого с неким Артамоном Евдокимовым из Москвы, пытавшимся подкупить Котельницкого пятью тысячами рублей. На это Котельницкий ответил ему, что «правосудие на весах министра юстиции <Державина> столько тяжело, что никакие суммы его перевесить не могут», а сам он не может предать доверенность к нему Державина и взяток не берет. Тогда Евдокимов сообщил Державину, что под его началом служит такой «бескорыстолюбец», как Котельницкий. В ответ Державин приказал ознакомить с письмом Евдокимова чиновников своей канцелярии, чтобы «и прочие подражали Котельницкому», а Котельницкому приказал объявить, что «он у меня за сей благородный поступок не останется <...> для исходатайствования милости монаршей». Котельницкий выразил свою признательность стихами:

Пусть злоба зло о мне твердит,
Пусть зависть изощряет жало,
Но под твоим крылом, пиит,
Об яде оных мыслить мало, –

и заверил, что он употребляет на помощь «бедным просителям» часть своего жалованья.
(Словарь русских писателей XVIII века)

В то же время по его лирике той поры можно понять, что автор находится в стесненных обстоятельствах. Из сохранившихся писем Котельницкого к графу Н.П. Шереметеву, покровителю искусств, видно, что поэт пользовался его денежной поддержкой (в частности, получил 600 руб. на издание своих сочинений) и посвящал ему – а возможно, и П.И. Ковалевой-Шереметевой – стихи. В печати известны и официальные подносные оды Котельницкого – императорам Павлу I и Александру I, на 100-летие Петербурга и т.п.

136. Нечаева, по мужу Куманина Александра Федоровна

123 / 228

138. Нечаева Екатерина Федоровна (первая)

123 / 228

139. Нечаева, по мужу Достоевская Мария Федоровна 123 / 228

140. Нечаев Михаил Федорович 123 / 228

141. Нечаева Елизавета Федоровна (первая) 123 / 228

142. Нечаев Николай Федорович (первый) 123 / 228

143. Нечаева София Федоровна 123 / 228

233. Тихомиров Василий Андреевич 230 / 229

Учитель математики. Крайне близорук. [Умер холостым.]

А.М. Достоевский

...Всю деятельность свою провел на южных окраинах России, учительствуя по гимназиям. Я помню его изредка бывавшим у нас, вероятно, во время своих приездов в Москву, в отпуск... Помню такой случай: он имел обыкновение, придя куда-нибудь, поправлять свою прическу перед зеркалом. Зная, что наше зеркало помещалось в гостиной напротив дивана, он, пришедши когда-то летом, когда зеркало от мух было занавешено покрывалом, преспокойно начал поправлять свою коафюру перед закрытым зеркалом, чем и возбуждал хохот маменьки, которая тут же сказала: «Братец, да приподнимите покрывало». Это нисколько его не сконфузило, и он тоже начал смеяться над своей слепотой.

(Воспоминания (рукопись). Квартира I. Наши гости)

234. Тихомирова, по мужу Маслович Анастасия Андреевна 230 / 229
[<1795>¹⁹—?]

Мать дружественного Достоевским семейства. Черты ее запечатлены писателем в романе «Подросток»: «Варвару Степановну запомнил капельку потому только, что у ней вечно были подвязаны зубы» (*Московский мир Достоевского*. С. 60).

А.М. Достоевский

...Настасью Андреевну Маслович я помню очень хорошо как гостью наших родителей до самой смерти маменьки. Она обыкновенно приходила к нам почти каждое воскресенье к обеду, побывав предварительно в Екатерининском институте <по соседству>, где все три дочери ее преемственно получили образование...

Это была пожилая уже дама, вечно страдающая зубными болями и флюсами и вечно подвязанная белым платком. Особенного про нее нечего сказать, разве только то, что она постоянно курила трубку, вероятно, как помощь от зубной боли, но впоследствии и привыкла к табаку. <...> Мне очень тогда казалось

¹⁹ Данные о рождении членов семейства Маслович приводятся по исповедной ведомости Петропавловской церкви Московского военного госпиталя за 1820 г. (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 967. Л. 161). – Ред.

странным, что дама курит. Она курила всегда из папенькиного чубука, который, то есть папенька, а не чубук, тоже временами, и то изредка, выкуривал по одной трубке после обеда. Еще одну странность помню у тетеньки Настасьи Андреевны. У нее была очень дурная привычка долго оставаться в передней. Бывало, уже наговорится досыта и последнее время уже молчит, но как только попрощается и наденет в передней салоп, то всегда у нее явится новая интересная тема для разговора, и она держит провожающих ее в передней в стоячем положении по целому часу. Папеньку и маменьку всегда это возмущало; сперва маменька, бывало, садилась на деревянный коник, бывший в передней, а папенька приносил стул; но увлеченная своим говором гостя этого не замечала; тогда папенька просто-напросто, бывало, скажет: «Вы бы, сестрица, скинули салоп и пожаловали опять в залу». — «Нет, братец, я спешу и сейчас ухожу». И действительно, после этого минут через пять, окончательно простившись, уходит.

(Воспоминания. С. 40)

235. Маслович Григорий Павлович

([1774 — осень] 1840). Муж предыдущей. Штаб-лекарь [Томского мушкетерского полка, затем Московского военного госпиталя. Надворный (1820), затем статский советник, кавалер.] Один из крестных писателя.

В Государственном архиве Калужской области имеется запись о том, что некий Котельницкий (вероятно, Михаил Михайлович, № 223) выдал свою племянницу Настю за штаб-лекаря Григория Масловича.

Через несколько лет Маслович познакомился со своим коллегой М.А. Достоевским, с которым впоследствии дружил три десятилетия *(Московский мир Достоевского. С. 58)*.

А.М. Достоевский

...По словам маменьки, был, так сказать, сватом моего отца. Служа с отцом вместе в Московском военном госпитале и узнав его за доброго и хорошего человека, Григорий Павлович познакомил его с домом моего деда Федора Тимофеевича Нечаева, с которым по жене своей Настасье Андреевне был в родстве.

...Помню его по странному, совершенно не русскому выговору. Кажется, он был из сербов. Но затем он перестал бывать у нас, так как был разбит параличом и был прикован к постели, с которой не вставал до своей смерти.

(Воспоминания. С. 39–40)

Г.А. Федоров

Дальность расстояния и занятость по службе не стали помехой добрым отношениям семей...

К Достоевским часто приходила Настасья Андреевна Маслович, а три их дочери учились рядом с Мариинской больницей, в Екатерининском институте для дворянских девиц. Федор, можно предположить, много раз бывал у своего крестного отца и в казенной квартире лефортовского госпиталя, а когда разбитый параличом Григорий Павлович с семьей перебрался в дом купца Янкина – то и там, в нынешнем доме № 5 по Госпитальному пере-

улку. Когда в 1837 г. М.А. Достоевский овдовевает и, разбитый несчастьем, уходит в отставку, переедет в имение, в семье Масловичей будет жить Андрей Достоевский²⁰.

(Московский мир Достоевского. С. 59–60)

Поколение тринадцатое

31. Достоевский Михаил Михайлович	15 / 139
32. Достоевский Федор Михайлович	15 / 139
33. Достоевская, по мужу Карепина Варвара Михайловна	15 / 139
34. Достоевский Андрей Михайлович	15 / 139
35. Достоевская Любовь Михайловна	15 / 139
36. Достоевская, по мужу Иванова Вера Михайловна	15 / 139
37. Достоевский Николай Михайлович	15 / 139
38. Достоевская, по первому мужу Голеновская, по второму Шевякова Александра Михайловна	15 / 139
236. Маслович Екатерина Григорьевна [1810—?]	235 / 234

А.М. Достоевский

...Едва, едва точно помню. Это была высокая блондинка, и я ее постоянно представляю себе в розовом ситцевом платье, потому <что> видал ее в этом костюме. Она вышла замуж, кажется, в конце 20-х годов, за какого-то поляка, который и увез ее в Царство Польское, и я ее более уже не видал.

(Воспоминания (рукопись). Квартира I. Наши гости)

²⁰ А.М. Достоевский вспоминает об одном эпизоде своей службы в Екатеринославе: «С наступлением глубокой осени я начал чаще бывать у своего домохозяина Алексея Прововича Рябинина. <...> Раз, помню, в один из подобных вечеров я, играя с Рябининым в пикет, услышал разговор между нашими женами. Домника спросила Юлию Яковлевну, чья она урожденная; а она отвечала – Маслович, что ее отец Яков Павлович Маслович был врачебным инспектором в г. Екатеринославе. Я помню, что я даже бывал в начале своего пребывания в Екатеринославе <по делам> у доктора Масловича <физиономиею своею он очень напоминал Григория Павловича>, но тогда, не зная его имени и отчества, не обратил на его фамилию внимания. Теперь же, услышав, что ее отец был Яков Павлович, я спросил, не родственник ли он был московскому доктору Григорию Павловичу Масловичу. На это Юлия Яковлевна ответила мне, что это был старший его брат; и при этом рассказала, что она, бывши еще девицей в Москве, была знакома со всеми Масловичами <...>. Тогда, оставив на время игру, мы договорились до всех подробностей; и на основании правила, что родственники наших родственников становятся, в свою очередь, сами нашими родственниками, мы признались в обоюдном родстве и начали называться кузенами. Хотя кузенство мое в отношении Юлии Яковлевны было такое же, как и к любой китайке, которую я в первый раз бы увидал!..» (Воспоминания (рукопись). Квартира VIII; Квартира I. Наши гости) – Ред.

237. Муж предыдущей

По национальности поляк.

238. Маслович, по мужу Казанская Анна Григорьевна
[1813 — после 1864]

235 / 234

А.М. Достоевский

Эта, напротив, была очень низенького роста, и я помню ее, часто бывавшую у нас еще девицею, под именем Аннушка. Она в 1830-х годах вышла замуж <...> молодые были у нас с визитом. Потом муж увез ее что-то очень далеко, чуть ли не на Кавказ, где служил и долгое время жил.

(Воспоминания (рукопись). Квартира I. Наши гости)

239. Казанский Петр Павлович

[? — до 1864] Муж предыдущей. Военный врач.

240. Маслович, по мужу Иванова Мария Григорьевна
[1818 — после 1864]

А.М. Достоевский

...Была в то время девушкой лет 25-ти, молодилась и очень стремилась к замужеству. Но увы, она была очень неприглядна с косыми глазами, а потому, вероятно, и засиделась в девушках.

(Воспоминания (рукопись). Квартира I. Наши гости)

241. Иванов

[? — до 1864] Муж предыдущей.

Поколение четырнадцатое

241а. Казанская

(VII.1833 — ?)

239 / 238

М.А. Достоевский — жене
6.VIII.1833. Москва

Настасье Андреевне дал Бог внуку от Аннушки.
(В семье и усадьбе. С. 79)

242. Казанский Павел Петрович

[2.XII.1834 — после I.1900]

239 / 238

Окончил Дворянский полк (среднее военно-учебное заведение, 1853), Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1858). Участник Крымской войны 1854–1855 гг., был ранен. Капитан гвардии (1864), полковник (1869), генерал-майор на основании Манифеста 1762 г.²¹ (1878), генерал-лейтенант (1890). Начальник штаба 1-й гренадерской дивизии (1870), заведующий обучающимися в академии Генерального штаба (1872), правитель дел академии Генерального штаба (1873), помощник начальника штаба Одесского военного округа (на начало 1886), начальник 9-й пехотной дивизии (1894).

Кавалер орденов Св. Анны III степени и Белого Орла. В отставке с производством в генералы от инфантерии (с начала 1900). Помещик Полтавской губернии (*Список Генерального штаба. СПб., 1898. С. 28; www.regiment.ru*).

Будучи дальним свойственником Ф.М. Достоевского (о степени его родства см. на с. 202), женился на его двоюродной сестре и потому участвовал в разделе куманинского наследства. Процесс раздела не обходился без конфликтов.

Ф.М. Достоевский – П.П. <Казанскому>
23.II.1880. Петербург

Милостивый государь Павел Петрович,

Полчаса после Вас я опомнился и сознал, что поступил с Вами грубо и неприлично, а главное, был виноват сам, – а потому и пишу это, чтоб перед Вами извиниться вполне. Если пожелаете, то приеду извиняться лично. Но замечу, однако, (как необходимую подробность), что г-на Шера я назвал чер<вонным> валетом отнюдь не в прямом (юридическом) значении, а просто выбрал его *первым попавшимся словом*, не сопрягая с ним значения прямого, какое имеет слово валет²². Это отнюдь.

Грубость же, которую сказал Вам в лицо, я выговорил уже после Вашего обращения ко мне с словами: *«После того Вы сами червонный валет»*. С словами, обращенными Вами ко мне.

Но этими объяснениями не оправдываюсь, равно как и болезненным моим состоянием, которое вполне сознаю, а наконец, и беспокойным моим состоянием нашего времени вообще²³ <...> Все эти объяснения (как оправдания) были бы для меня постыд-

²¹ В российской армии существовал особый порядок производства в генерал-майоры – «на основании Манифеста 1762 г.» – тех полковников, которые занимали генеральскую должность, но не выслужили установленного срока (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 31 (61). СПб., 1900. С. 460. Старшинство в чине офицеров). – *Ред.*

²² Вор «благородного» происхождения (подробнее см.: ЛСС. Т. 30, С. 325–326). – *Ред.*

²³ Всего лишь несколько дней назад Достоевский, по свидетельству А.С. Суворина, «необыкновенно весел», полон самых радужных надежд; теперь же – после публичной казни террориста И. Млодецкого, на которой он присутствовал (22 февраля), – писатель недоверчив, угрюм, подавлен, готов взорваться по самому ничтожному поводу. 23 февраля (то есть на следующий день) у Достоевского состоялся *крупный разговор* с П.П. Казанским. Вслед ушедшему Казанскому отправляется письмо. Разъяснив некоторые вербальные тонкости, Достоевский обращается к более широкому, можно сказать, общественно-психологическому контексту ссоры. Он «не оправдывается», однако упоминает: его оправдательным аргументом становится само время. Разумеется, адресату вовсе незачем знать, был

ными. Я виноват вполне, и так, что никакими объяснениями и сам не хочу себя оправдывать.

Но если я прошу прощения, так вполне и искренно, то желал бы, взамен, лишь одного, милостивый государь: именно чтоб Вы обратили внимание на мотивы, которые заставили меня так поступить: ведь не из страха же перед Вами личного? Что могли бы Вы мне сделать страшного и чем бы могли меня испугать? Не из заботы же, наконец, об этом несчастном наследстве, которое никак не может разделиться (хоть бы его вовсе не было)? И даже не из боязни же, наконец, *общего мнения* обо мне делаю это: характер мой больной знают очень многие, хотя очень многие, чрезвычайно уважаемые *всеми* люди, любят меня и не смотря на мой нелепый характер, прощают мне мои выходки – вероятно, ради чего-либо другого во мне заключающегося²⁴. Но об этом не к месту: я прямо хочу лишь сказать, что если прошу у Вас теперь прощения, то делаю это потому, что так мне велит моя совесть и что слишком мучают ее угрызения. Вот как хотелось бы мне, чтоб Вы поняли. <...> А за-сим, милостивый государь, зависеть будет от Вас: извинить меня или нет? Я ведь не претендую вовсе на то, что Вы меня почему-либо *должны* извинить в видах того, что я написал такое повинное письмо. Во все нет. Поступите, как Вам будет угодно.

(ПСС. Т. 30, С. 143–144)

За годы службы П.П. Казанским были выпущены два специальных руководства:

- Руководство к военной игре. СПб.: Типография Морского министерства, 1873.
- Тактика. Часть 1. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1879.

161. Шер, по мужу Казанская Александра Дмитриевна **146 / 145**
[? — после VIII.1898]. Жена предыдущего, двоюродная сестра писателя.

243. Казанский Константин Петрович **239 / 238**

244. Казанский Петр Петрович **239 / 238**

Поколение пятнадцатое

245. Казанская (www.regiment.ru) **242 / 161**

ли писатель на казни Млодецкого (да об этом и не говорится в письме), но это неназванное обстоятельство сыграло свою роль.

В поступке Достоевского есть еще одна сторона. Его жест являет не только благородство характера; это акт самодисциплины, «самоодоления», «самовыделки», испытание самого себя – пусть на «бытовом» уровне – в том, что через несколько месяцев как задача будет провозглашено в Пушкинской речи. Он, как всегда, не выдержал, сорвался, вспылал и, может быть, обидел малознакомого посетителя. Ему трудно признать свою ошибку постфактум, однако он заставляет себя это сделать – тем бескорыстнее, что ни в каком отношении не зависит от Казанского. Это акт его доброй воли: «смирись, гордый человек», обращенное к самому себе. – *И.В.*

²⁴ Ср. с письмом Достоевского воспитателю его пасынка, М.В. Родевичу на с. 1133–1134. – *Ред.*

Глава V

ВЕТВЬ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО*

Поколение тринадцатое

31. Достоевский Михаил Михайлович

15 / 139

(13.X.1820, [Москва] — 10.VII.1864, [Павловск С.-Петербургской губернии]). Старший брат писателя. Учился сначала вместе с братом Федором в московском пансионе Чермака [(1834—1837)]. Не поступив, в отличие от брата, в Инженерное училище, определился в январе 1838 г. на военную службу кондуктором 2 класса; произведен в юнкеры (сентябрь 1838), в инженер-прапорщики (1841). Служил при Петербургской и Ревельской инженерных командах. В отставке с чином инженер-подпоручика с 1848 г.]

Литератор, поэт, переводчик, знаток европейских литератур. Склонность к литературной деятельности проявлял в течение всей жизни, начиная с ранней юности. [В конце 1840-х был преподавателем русской словесности в училище

Св. Елены в Петербурге. Сотрудничал с «Отечественными записками».] Редактор-издатель журналов «Время» [1861—1863] и «Эпоха» [1864].

В 1850-е для увеличения своих средств основал небольшую табачную фабрику, носившую характер кустарного предприятия; впервые в России начал продавать коробки папирос с «сюрпризами». Фабрика эта просуществовала около десяти лет; не выдержав конкуренции с фабрикой «Лаферм» и другими предприятиями, она была ликвидирована, не дав Михаилу Михайловичу ничего кроме долгов.

Умер от нарыва в печени и от последовавшего при этом излияния желчи в кровь [(согласно современной диагностике — от цирроза печени). Похоронен в Павловске¹.]

* Глава подготовлена Н.Н. Богдановым; также материалы представили И.Л. Волгин и Г.В. Галицкая.

¹ Указание младшей дочери, Екатерины Михайловны (№ 258): «Идти по тропинке до аллеи параллельно храму, направо сейчас же могила вторая, рядом Кашин. Чугунный крест» (*Материалы и исследования*. Т. 6. С. 288). Однако составителям настоящей «Хроники» не удалось обнаружить это захоронение на павловском городском кладбище. — Ред.

Метрическая книга
Петропавловской в военном госпитале церкви
за 1812–1822 гг.
13.X.1820

Сего Госпиталя у Штаб-Лекаря Михайлы Андреева сына Достоевского родился сын Михаил. Молитвословил иерей Матфей Козмин с диаконом, крещен 18-го дня, восприемники были Московской купец Федор Тимофеев сын Нечаев и М<осковского> именитаго гражданина Александры Алексеева сына Куманина жена Александра Феодорова.
(ЦИАМ. Ф. 1639. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 56)

А.Г. Достоевская

Федор Михайлович вспоминал всегда о Михаиле Михайловиче с самым нежным чувством. Он любил его более, чем кого другого из своих кровных родных, может быть, потому, что вырос вместе с ним и делил мысли в юности.
(*Жизнь и труды*)

А.М. Достоевский

Дружба эта сохранилась и впоследствии, до конца жизни старшего брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Старший брат Михаил был и в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федор, который был во всех проявлениях своих *настоящий огонь*, как выражались наши родители. <...> брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные, а также и попадавшиеся романы. Брат же Михаил любил поэзию и сам пописывал стихи, бывши в старшем классе пансиона (чем брат Федор не занимался). Но на Пушкине они мирились, и оба, кажется, и тогда чуть не всего знали наизусть.
(*Воспоминания. С. 43, 69–70*)

И.Л. Волгин

Михаил и Федор почти неразлучны, у них своя компания, свой комплот, они составляют свою, обособленную от прочих братьев и сестер ячейку внутри семьи. У них общие интересы и секреты – и в эту отвоеванную от взрослых область не допускается третий.
(*Родиться в России. С. 123*)

М.М. Достоевский – сестре Варваре
1.IX.1839. Ревель

Подари меня полным своим доверием; – и, право, клянусь тебе я не останусь в долгу у тебя. Я открою тебе свою душу, как лучшему другу...

29.IX.1839. Ревель

Ты кажется думаешь, что в письмах надо только писать о *делах*. Как были бы после этого скучны письма на свете! <...> Впрочем как хочешь. Если ты так занята, что не можешь уделить мне ни одного часа, то мне должно будет отказаться от нашей переписки до стечения каких-нибудь важных дел, которые покажутся тебе не *пустяками*. Прощай! милая

сестра моя; не сердись на меня за мои замечания. Их источником будет всегда моя любовь к тебе.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 25)

Достоевский-отец, оставшись после смерти жены с семьей детьми на руках, во что бы то ни стало стремится отдать двух старших сыновей в Инженерное училище.

В.С. Нечаева

Состоявшийся в конце сентября <1837 г.> медицинский осмотр поступающих <в Инженерное училище> воспитанников забраковал Михаила Михайловича «по слабости здоровья, по которой он не сможет вынести трудностей военной службы». М.М. Достоевский не был допущен до экзаменов и был в отчаянии: «Много слез стоило мне это – но что же было мне делать?... Генерал, со своей стороны, увидев мое свидетельство, готов был принять меня, если б на это было согласие доктора». Через своего сослуживца по больнице Ф.А. Маркуса, брата «имевшего в Петербурге большой вес» лейб-медика, Михаил Андреевич пытался помочь сыну, писал он и генералу Геруа, начальнику училища, задумывался и о возможности для Михаила и другой карьеры. 17 октября 1837 г. он писал сыну: «Достань, милый друг Мишенька, правила об учреждении Училища правоведения»...

Михаил Михайлович был уверен, что отказ принять его в училище по слабости здоровья был лишь поводом, а причина была именно та, что оба брата Достоевские с разрешения царя должны были быть зачислены на казенный счет, а начальству это было невыгодно.

Надо думать, что братья нашли выход из положения, обратившись за помощью к Куманиным. Они скрывали от отца свое обращение, зная его нежелание обращаться к родственникам жены, которых подозревал в нелюбви к себе. <...> неодобрительное и подозрительное отношение М.А. Достоевского к Куманиным в ближайшие месяцы изменилось. В феврале 1838 г., когда оформилось поступление Михаила Михайловича в инженерные юнкера, что, очевидно, сопровождалось присылкой ему денежной помощи из Москвы от Куманиных, Михаил Андреевич, бывший в Москве, писал: «Напиши, милый друг, к Куманиным, поблагодари их за родственное участие, а особенно за пособие».

(Ранний Достоевский. С. 62–64)

Насколько сильно желал отец, чтобы сын избрал дорогу инженера, можно видеть по той экзальтированной радости, с которой им была встречена весть о сдаче Михаилом Михайловичем приемных экзаменов.

М.А. Достоевский — сыну Михаилу
12.II.1838. Даровое

Сколь велико милосердие Божие! Чем мы недостойные возблагодарим Всещедрого Бога, за Его к нам неизречимые милости! Сколько несправедливо мы роптали, да послужит сие для нас назидательным примером, на всю жизнь нашу что Всевышний послал нам сие кратковременное испытание для блага и пользы нашей. Не имею слов для возблагодарения Богу за ниспосланную нам

сию неизреченную милость, разве воскликну с тобою, Слава Всевышнему на Небеси и на земли! — Благодарю тебя мой возлюбленный, за сию радостную весть, поверишь ли, что ты оною призвал меня к жизни и воскресил надежду всего нашего бедного семейства. Вижу душу твою, вижу милый мой, что сердце твое радуется за тебя и за нас.

Однако дорога инженера совершенно не соответствовала природной одаренности и влечениям как Михаила, так и Федора и была лишь их уступкой настойчивой воле отца, который, впрочем, и сам догадывался о внутренней драме своих сыновей, что видно из следующих строк того же самого письма его:

Ежели ты уже совершенно поступил, то на пиши мне откровенно доволен ли ты своею участию, мне что то все кажется что ты пожертвовал собою единственно с тем, чтоб нас Успокоить. Друг мой на пиши откровенно, не так, как отцу, а так, как другу, доволен ли ты избранною службою, какие у тебя надежды на будущее, какое у вас содержание. Уведомь доволен ли Феденька своим теперешним состоянием, ты писал мне, что он скучает тем, что надобно становиться во фронт пред офицерами. Скажи ему, чтобы он не скучал, ибо это неизменный устав воинской службы, а лучше всего, чтобы он себя поставил на месте офицера, я полагаю что ему было бы приятно, есть ли бы низшие воздавали ему честь, а более всего, что тот, кто не умеет повиноваться, не будет уметь и повелевать.
(В семье и усадьбе. С. 117–118)

Отметим попутно, как относился к своей инженерной специальности гениальный брат М.М. Достоевского. Об этом можно судить хотя бы по следующему отрывку из его письма к своей любимой племяннице Софье Ивановой (№ 408):

8 (20) III.1869. Флоренция

Меня очень беспокоит то, что Вы пишете о нездоровье <Вашего брата> Саши; это дурно; но скажите, что за причина ему была оставить университет и заняться таким неблагодарным делом (неблагодарным, я знаю наверно), как инженерство путей сообщения. И какие расчеты были у <отца,> Александра Павловича? Вот по таким же точно, может быть, расчетам и меня с братом Мишей свезли в Петербург в Инженерное училище, 16-ти лет, и испортили нашу будущность. По-моему, это была ошибка.
(ПСС. Т. 29, С. 27)

Во время подготовки к инженерной специальности мысль Михаила Михайловича работала совсем в ином направлении.

М.М. Достоевский – отцу
17.II.1838 <Петербург>

<У отставного ротмистра Меркурова> истинно благородный, истинно изящный дом! Я принят у них как родной. Они зовут меня братом!..

Мы учимся с ней <женой Меркурова> вместе по-итальянски и по-польски! Через год я буду читать в подлинниках: Данта, Бокачио, Тасса, Ариоста, Петрарку, Мицкевича и Основьяненко². Знание этих двух языков много для меня приносит наслаждения. Вы писали ко мне, что я позабуду языки. Ничуть. Этот год я усовершенствовался в них, прочитав Расина, Мольера, В. Гюго, Гете, Шиллера.

28.XI.1838 <Ревель>

Пусть у меня возьмут все, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир! Что мне все эти внешности, когда мой дух голоден! Тот, кто верит в прекрасное, уже счастлив! Я часто плачу от радости, чаще, нежели от горя, и жду с нетерпением посещения минут этих! Вот радость! духовная радость, а не физическая! <...> Ну! папинька! Порадуйтесь вместе со мною! Мне кажется, что я не без поэтического дарования! Написал я уж много мелких стихотворений, отсылал несколько к Шидловскому, и он хвалит их чрезвычайно! Я сам уже начинаю верить, что в них есть поэзия. Теперь я начал писать *драму*³. Она мне удалась в первом действии! Ежели Вы не рассердитесь, то я Вам пришлю что-нибудь! Грустно только, что не с кем поделиться моими восторгами, некому прочесть своих сочинений. Поэзия моя содержит всю мою теперешнюю жизнь, все мои ощущения, горе и радости. Это дневник мой!

(Письма Михаила Достоевского к отцу. С. 73, 80)

К.А. Кумпан, А.М. Конечный

И по содержанию, и стилистически многие письма 17-летнего Михаила напоминают письма Федора Достоевского к отцу. <...> Михаил чрезвычайно почтителен, робок и одновременно настойчив, и когда просит денежной помощи, подобно брату, перечисляет все свои расходы. Общий тон писем успокоительно-обнадеживающий <...> С другой стороны, отец явно одобряет увлечение сына иностранными языками, проявляет некоторый интерес к его литературным опытам – просит Михаила прислать все его сочинения. Сын, в свою очередь, делится не только новостями по службе, но и литературными планами и замыслами, подробно описывает свой досуг, посещение театра и т.д.

Круг чтения Михаила характерен для романтика 1830-х: он одновременно приемлет Жуковского и Шекспира, Пушкина и Гюго, Гете и Шиллера, Марлинского и Полевого. Следует, однако, отметить большую методичность Михаила, чем Федора, в выборе книг, его ранний серьезный интерес к творчеству Шиллера и Гете.

Помимо информационной стороны писем – сведений о брате, о быте офицеров инженерных команд, о жизни Ревеля и т.д. – они являются образцом романтического эпистолярного жанра. <...> Романтическое противопоставление «верха» и «низа» вырисовывается в них и как традиционное противоречие возвышенной души поэта и низкого окружения (в роли которого в данном контексте выступает петербургское и ревельское офицерство с его ничтожными интересами), и как психологическая диалектика разорванного сознания самого автора. Бросается в глаза стилистическая разноплановость текста: в одном и том

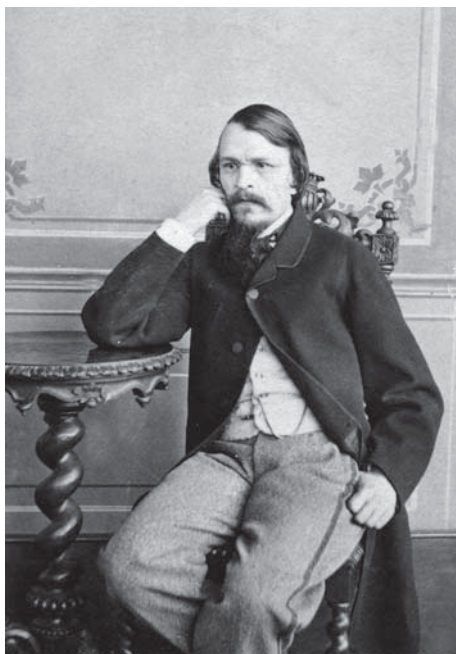
² Основьяненко (Квитка) Григорий Федорович (1778–1843) – украинский писатель, автор популярного в то время романа «Пан Халявский» (1839). – *Ред.*

³ См.: Писцова А.З. Ревельский период жизни и деятельности М.М. Достоевского // Научные труды Ташкентского государственного университета. 1974. Вып. 474. С. 55–74. – *Ред.*

же письме бытовой тон сочетается с патетической религиозной фразеологией, а рассуждения о смысле бытия и счастья, о высоком назначении поэта, которым Михаил Достоевский себя осознает, перебиваются восторгами по поводу полученного белья или обстоятельным денежными расчетами.

Л.Я. Гинзбург в своей книге «О психологической прозе» подчеркивает, что огромная, трудная работа по осознанию психологических форм нового человека, по построению новой модели личности шла в 1830-е не в художественной прозе, а в интимной переписке <...> В этой связи письма брата великого романиста также представляют определенный историко-литературный интерес.

(Письма Михаила Достоевского к отцу. С. 69)

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
31.X.1838. Петербург

Брат, я прочел твоё стихотворенье⁴... Оно выжало несколько слез из души моей и убаюкало на время душу приветным нашептом воспоминаний. Говоришь, что у тебя есть мысль для драмы... Радуюсь... Пиши ее... О ежели бы ты лишен был и последних крох с райского пира, тогда что тебе оставалось бы... <...> Послушай! Мне кажется, что слава также содействует вдохновенью поэта. Байрон был эгоист: его мысль о славе — была ничтожна, суетна... Но одно помышление о том, что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновение как таинство небесное освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась в душу поэта и в самые минуты творчества.

1.I.1840. Петербург

Теперь о твоих стихах. Послушай, милый брат! Я верю: в жизни человека много, много печалей, горя и — радостей. В жизни поэта это и терн и розы. Лирика — всегдашний спутник поэта; потому что он существо словесное. Твои лирические стихотворенья были прелестны. «Прогулка», «Утро», «Виденье матери», «Роза» (кажется так), «Фебовы кони» и много других прелестны. Какая живая повесть о тебе, милый! И как близко она сказала мне⁵.

(ПСС. Т. 28, С. 54–55, 67)

⁴ «Видение матери». — Ред.

⁵ Брат же Михаил впоследствии, в письме от 18 апреля 1856 г. отозвался о поэтических опытах младшего брата весьма лаконично: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи не твоя специальность» (Письма. Т. 1. С. 529). См. также: Волгин И.Л. «Стихи не твоя специальность...» Достоевский как стихотворец // Возвращение билета. С. 173–179. — Ред.

О.Ф. Миллер

...Михаил Михайлович, определившись на службу в ревельскую инженерную команду, задумал жениться на тамошней уроженке Эмилии Федоровне Дитмар. Этот выбор, по свидетельству г. Ризенкампа, пришелся не по вкусу опекуна братьев Достоевских. Он отказался выдавать Михаилу Михайловичу, за непослушание, причитавшиеся каждому из братьев с выходом в офицеры 4000 асс. в год. <...> опекун, как бы в пику Михаилу Михайловичу, аккуратно высылал ему <Федору> со времени производства его в офицеры причитающиеся ему деньги.

(Биография, письма. С. 42, 47–48. 1 паг.)

Со смертью Достоевского-отца Каширская дворянская опека должна была выбрать опекуна его несовершеннолетних детей. За беспризорным имением некоторое время присматривал каширский исправник Н.П. Елагин (это не пошло имению на пользу). Когда замуж вышла Варвара Михайловна, опекуном Дарового стал ее муж П.А. Карепин, а со-опекуном был назначен Михаил Михайлович сразу после производства его в офицеры.

С 6 октября 1841 г. Михаил Михайлович, служивший в Ревеле, находится «в отпуске по домашним обстоятельствам» и едет в Москву, а затем в Даровое. Год как закончилось шестнадцатимесячное следствие о «скоропостижно умершем» отце. Старший сын наверняка встречался с Хотяинцевыми и мог услышать от них версию об убийстве. Он вывез из Дарового семейные вещи, которые помогли ему устроить его денежные дела, и убедил Куманиных отправить в Петербург младшего брата Андрея (*Московский мир Достоевского. С. 190; Даровое – усадьба Достоевских. С. 33; Ранний Достоевский. С. 100*).

А.А. Достоевский

Михаил Михайлович, получив специальное военное образование, вскоре по производстве в офицеры вышел в отставку и занялся литературной деятельностью, но, не веря в свое творческое дарование, перестал писать и занялся переводами. Его переводы «Рейнеке-Лис», «Разбойники», «Дон Карлос» и др., кажется, и в настоящее время считаются лучшими из существующих.

(Памяти старого литератора // Новое время. 10 (23).VII.1914)

Н.Н. Страхов

<Все литераторы> очень усердно читали французов и были равнодушны к немцам. Всем известно было, что М.М. Достоевский составляет исключение, владея немецким языком так, чтобы читать на нем и делать переводы.

(Биография, письма. С. 182. 1 паг.)

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу

I—II.1847. Петербург

Тяжела судьба твоя, милый брат! С твоим здоровьем, с твоими мыслями, без людей кругом, с скукой вместо праздника, и с семейством, о котором хоть и свя-

та и сладка забота, но тяжело бремя — жизнь невыносима. Но не унывай духом, брат. Просветлеет время. Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет нам общество. *Вне* должно быть уравновешено с *внутренним*. Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмет слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни. Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером. В тебе есть еще крепкий здравый смысл и блески бриллиантового юмора и веселости. Все это еще спасает тебя.
(ПСС. Т. 28₁. С. 137–138)

Т.Г. Бирюкова

Два лета подряд (1850–1851) он даже прожил в деревне и написал два замечательных пейзажа...
(Даровое – усадьба Достоевских. С. 33)

В.С. Нечаева

...Страстно любил музыку, но сам не играл: сперва заставлял играть жену (игравшую плохо), а потом старшую дочь Марию, которая под его настойчивым воздействием усиленно занималась и стала хорошей пианисткой. <...> также он неплохо рисовал, и в семье хранились его работы – по большей части копии⁶. Он был чрезвычайно близорук, так что часто не узнавал на улице своих детей. О его одаренности говорит и тот факт, что, будучи уже взрослым, переехав из Ревеля в Петербург, он самостоятельно овладел английским языком и мог свободно на нем читать.
(Материалы и исследования. Т. 6. С. 287)

Ф.М. Достоевский

Несмотря на свою «деловитость», брат бывал довольно слаб к просьбам и не умел отказывать <...> Брат мой был человек высоко порядочного тона, вел и держал себя как джентльмен, которым и был на самом деле.
(Дневник писателя. 1876, апрель)

Ф.М. Достоевский — брату Андрею
29.VII.1864. Петербург

Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам.
(ПСС. Т. 28₂. С. 96)

Некоторые из приводимых ниже данных отличаются противоречивостью и неясностью.

⁶ В первом издании «Хроники»: «...прекрасно рисовал акварелью». См. также упоминание о порткрейоне для маленького Миши в письме его матери на с. 185. – *Ред.*

Ф.М. Достоевский

Михаил Михайлович был человек настойчивый и энергический. Он принадлежал к разряду людей деловых, разряду весьма между нами немногочисленному, к разряду людей, не только умеющих замыслить и начать дело, но и умеющих довести его до конца, несмотря на препятствия. К несчастью, характер покойного был в высшей степени восприимчивый и впечатлительный. При этой восприимчивости впечатлений он мало доверял их другим, хранил их в глубине себя, мало высказывался, особенно в несчастьях и неудачах. Когда он страдал, то страдал один и не обременял других своею экспансивностью. Только удачу, радость любил он делить добродушно с своими домашними и близкими: в такие минуты он не мог и не хотел быть один. Это определение его характера почти слово в слово совпадает с тем, что накануне его смерти было высказано консилиумом докторов о свойствах характера Михаила Михайловича.

(Дневник писателя)

Ф.М. Достоевский — Н.Н. Страхову

10 (22) II.1871. Дрезден

...Брат получил за три года с журнала по крайней мере 65 тысяч *чистого барыша*, и если умер без копейки и в долгах, то ведь это уж совсем не касается до журнала.

(ПСС. Т. 29₁. С. 179)

Н.Н. Страхов

...Михаил Михайлович, как и многое множество наших дворян, имел очень мало свойств *делового* человека. <...> Братья Достоевские принадлежали к числу людей *непрактичных*, или мало практичных. <...> Михайла Михайловича нельзя было считать человеком вполне непрактичным; он был довольно осмотрителен и предусмотрителен.

(Биография, письма. С. 263—264, 268, 269. 1 паг.)

В. Лейкина

Посещал Петрашевского с зимы 1847 г. и Дурова, представляя среди дуровцев умеренный элемент. Привлекался к следствию; 23 апреля вместо него был арестован Андрей Михайлович Достоевский⁷, а Михаил Михайлович арестован 6 мая, освобожден 24 июня, получив негласное пособие от государя в 200 рублей.

(Петрашевцы. С. 116)

⁷ Безвинно пострадавший младший брат Андрей передает сплетни о своем аресте: «Когда доложили о вашем приезде Барановичу и когда он велел попросить вас обождать, тогда Краевский выразился так: “А, явился предатель своих братьев!” Когда же Баранович, услышав это, вскинул вопросительно на Краевского глаза, то тот, не смущаясь, ответил: “А как же, ведь он предал своих двух братьев по делу Петрашевского и сам через это высвободился из дела целым и невредимым!”» (Воспоминания. С. 283). — Ред.

М.М. Достоевский — управляющему делами III Отделения Л.В. Дубельту
30.VII.1849

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич. На милостивое письмо Вашего Превосходительства от 16 сего июля, честь имею почтительнейше отвечать, что Всемилоостивейше пожалованные мне единовременно в пособие деньги двести рублей серебром мною получены 28-го числа сего месяца.

С глубочайшим почтением, честь имею пребыть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою Михаил Достоевский.
(Письма. Т. 1. С. 501)

Дело № 214 1-й экспедиции департамента полиции
Резолюция о М.М. Достоевском

Отставной подпоручик М.М. Достоевский не только не имел никаких преступлений против правительства, но даже им противодействовал.
(Письма. Т. 1. С. 501)

Ф.М. Достоевский

Приведу еще одно обстоятельство о покойном брате моем, кажется, очень мало кому известное. В сорок девятом году он был арестован по делу Петрашевского и посажен в крепость, где и высидал два месяца. По прошествии двух месяцев их освободили несколько человек (довольно многих), как невинных и неприкосновенных к возникшему делу. И действительно: брат не участвовал ни в организованном тайном обществе у Петрашевского, ни у Дурова. Тем не менее он бывал на вечерах Петрашевского и пользовался из тайной, общей библиотеки, склад которой находился в доме Петрашевского, книгами. Он был тогда фурьеристом и со страстью изучал Фурье. Таким образом, в эти два месяца в крепости он вовсе не мог считать себя безопасным и рассчитывать с уверенностью, что его отпустят. То, что он был фурьеристом и пользовался библиотекой, — открылось, и, конечно, он мог ожидать если не Сибири, то отдаленной ссылки как подозрительный человек. И многие из освобожденных через два месяца подверглись бы ей непременно (говорю утвердительно), если б не были все освобождены по воле покойного государя, о чем я узнал тогда же от князя Гагарина, ведшего все следствие по делу Петрашевского. По крайней мере, узнал тогда то, что касалось освобождения моего брата, о котором сообщил мне князь Гагарин, нарочно вызвав меня для того из каземата в комендантский дом, в котором производилось дело, чтоб обрадовать меня. Но я был один, холостой, без детей; брат же, попав в крепость, оставил на квартире испуганную жену свою и трех детей, из которых старшему тогда было всего 7 лет, и вдобавок без копейки денег. Брат мой нежно и горячо любил детей своих, и воображаю, что перенес он в эти два месяца! Между тем он не дал никаких показаний, которые бы могли компрометировать других, с целью облегчить тем собственную участь, тогда как мог бы кое-что сказать,

ибо хоть сам ни в чем не участвовал, но *знал о многом*⁸. Я спрошу: многие ли так поступили бы на его месте? Я твердо ставлю такой вопрос, потому что знаю — о чем говорю. Я знаю и видел: какими оказываются люди в подобных несчастьях, и не отвлеченно об этом сужу. Пусть как угодно посмотрят на этот поступок моего брата, но все же он не захотел, даже для своего спасения, сделать то, что считал противным своему убеждению. Замечу, что это не голословное мое показание: все это я в состоянии теперь подкрепить точнейшими данными. А между тем брат в эти два месяца, каждый день и каждый час, мучился мыслию, что он погубил семью, и страдал, вспоминая об этих трех маленьких дорогих ему существах и о том, что их ожидает...

(Дневник писателя. 1876, апрель)

А.П. Милюков

...Однажды рано утром прислали мне сказать, что и М.М. Достоевский в прошлую ночь арестован. Жена и дети его остались без всяких средств, так как он нигде не служил, не имел никакого состояния и жил одними литературными работами для «Отечественных записок», где вел ежемесячно «Внутреннее обозрение» и помещал небольшие повести. С арестом его семейство очутилось в крайне тяжелом положении, и только А.А. Краевский помог ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М.М. Достоевского, зная его скромность и сдержанность; хотя он и бывал у Петрашевского, но не симпатизировал большинству его гостей и нередко высказывал мне свое несочувствие к тем резкостям, которые позволяли себе там более крайние и неосторожные люди. Сколько я знал, на него не могло быть сделано никаких серьезно опасных показаний, да притом в последнее время он почти совсем отстал от кружка. Поэтому я надеялся, что арест его не будет продолжителен, в чем и не ошибся.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 267)

Показания Ф.М. Достоевского по делу петрашевцев

Я говорю это к тому, что брат познакомился с Петрашевским через меня, что в этом знакомстве я виноват, а вместе в несчастьи брата и семейства его. Ибо, если я и другие в эти два месяца заключения вытерпели только тоску и скуку, то он выстрадал в десять раз более в сравнении с нами. Он от природы сложения слабого, склонен к чахотке и, сверх того, мучается душою о *погибшем* семействе своем, которое должно буквально и неизбежно погибнуть от тоски, лишений и *голода* в его отсутствие. И потому этот арест должен быть для него буквально *казнию*, тогда как виновен он менее всех. Я считал себя обязанным сказать это; ибо знаю, что он не виноват ни в чем не только словом, но даже мыслию.

(ПСС. Т. 18. С. 140)

⁸ Очевидно, о замысле тайной типографии, который так и не был до конца раскрыт следственной комиссией (подробнее см. в кн.: *Пропавший заговор*. С. 310–337). – Ред.

Из первого письма Ф.М. Достоевского брату Михаилу
после окончания срока каторжных работ
22.II.1854. Омск

Наконец-то я, кажется, могу поговорить с тобою попространнее и повернее. Но прежде чем напишу строчку, спрошу тебя: скажи ты мне ради Господа Бога, почему ты мне до сих пор не написал ни одной строчки? И мог ли я ожидать этого? Веришь ли, что в уединенном, замкнутом положении моем я несколько раз выпадал в настоящее отчаяние, думая, что тебя нет и на свете, и тогда по целым ночам раздумывал, что было бы с твоими детьми, и клял мою долю, что не могу быть им полезным. Другой раз, когда я узнавал наверное, что ты жив, меня брала даже злоба (но это было в болезненные часы, которых у меня было много), и я горько упрекал тебя. Но потом и это проходило; я извинял тебя, старался приискать все оправдания, успокаивался на лучших и ни разу не потерял в тебя веры...

А.Е. Врангелю
23.III.1856. Семипалатинск

Напишите мне подробно и скорее: как Вы нашли моего брата? В каких он мыслях обо мне? Прежде это был человек, меня любивший горячо! Он плакал, прощаясь со мною. Не охладел ли он ко мне! Не изменил ли характера! Как грустно было бы мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл все старое? Не верится мне как-то этому. Но опять: чем же объяснить, что он не пишет иногда по 7 по 8 месяцев, пишет Бог знает что, даже в бесцензурном письме с Хоментовским не отвечал ничего на мои вопросы, и так мало я вижу прежнего, задушевного! Никогда не забуду, что он сказал Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня, что *мне лучше оставаться в Сибири*. <...> Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили друг друга, и, клянусь Вам, я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, но когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей. Когда нас арестовали, то уж тут, кажется бы, в первую минуту ужаса, позволительно бы подумать прежде всего о себе. Что же? Я думал только об нем, о том, как поразит арест его семью, как поразит его бедную жену; я умолял третьего моего брата <Андрея>, которого арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшим как можно долее и послать денег брату, полагая, что у него нет. Неужели он забыл все старое и рассердится на то, что я прошу много денег, и когда? Когда для меня самый критический момент всей жизни. Напишите, как он принял Вас, как Вы его нашли (откровенно), напишите его образ мыслей *обо всем этом деле* и слушайте только своего золотого сердца... (ПСС. Т. 28, С. 166, 216–217)

М.М. Достоевский — брату Федору
18.IV.1856. Петербург

Вчера вечером был у нас А.Е. Вр<ангель>, и так как меня, как нарочно, не было дома, то он оставил мне письмо твое. Но по ошибке оставил он не то

письмо, которое ты писал ко мне, а то, которое было писано тобою к нему. Рассказывать тебе, какие чувства терзали меня при чтении письма твоего и какие слезы я выплакал, когда прочел его, я не стану. Я не спал всю ночь. Я мучился и плакал. Боже мой. Неужели я не заслужил перед тобою бóльшего доверия к любви моей и моему сердцу. Неужели ты не мог предположить других причин, более важных, моему молчанию и вообще нежеланию писать тебе помимо официального пути. Милый брат, единственный друг, потому что у меня нет друзей — единственный друг, перед которым я никогда не скрывал себя, я хочу наконец оправдаться перед тобою, хочу в первый раз преступить приказ, данный мне, не вести с тобою тайной переписки, под опасением большой ответственности. И потому, слушай и верь всякому моему слову. Это будет искреннее и чистосердечное признание.

После нашей разлуки с тобою, спустя месяца три, я начал хлопотать о дозволении писать тебе. Видит Бог и моя совесть, я хлопотал долго и усердно. Я ничего не выхлопотал. Мне отвечали на основании законов, что до тех пор, пока ты на каторжных работах, это невозможно. Я даже понял, что дальнейшие хлопоты, не пособия делу, могут навлечь на меня только неприятности. На счет же тайной переписки я был достаточно предупрежден, чтобы осмелиться на нее. И потому я решился помогать тебе, если представятся случаи, но не компрометировать ни тебя, ни себя, ни единою строчкою. Брат, друг мой, у меня шесть человек детей, я находился и, может быть, еще нахожусь и теперь под надзором, брат, скажи мне, не была ли простибельна с моей стороны подобная решимость. И несмотря на это, верь мне или не верь, как хочешь, но я говорю тебе, что я боялся писать к тебе более ради тебя, чем ради своей личной безопасности. У меня дрожь проходила по телу при мысли, чем мог бы рисковать ты, если б, увлеченный моими письмами, сам стал отвечать мне и попался бы. Подумай об этом, войди в мое тогдашнее ощущение. Теперь скажи мне — и это я пишу не с тем, чтоб выставять свои заслуги перед тобою, — скажи мне, разве всегда, как только представлялись случаи, как только я узнавал, что ты говоришь мне: брат, помоги мне! — разве всегда я не делился с тобою по-братски, именно по-братски. Как часто, почти всегда, особенно в первое время, я посылал тебе последнее и на другой-третий день бегал по знакомым и канючил себе несколько рублей до жалованья. Все это дело прошлое, все это истории темные и мизерные, но они по крайней мере доказывают безграничную любовь и преданность. Вот почему я и останавливаюсь на них: мне так хочется воскресить в сердце твоём свой прежний образ, помраченный в тебе сомнениями.

О милый мой, а сколько нравственных страданий, сколько оскорбительных подозрений испытал я от окружавших меня людей. Чтоб не скомпрометировать наших сношений, я тщательно скрывал их от всех, и на меня начали смотреть как на дурного брата. Меня за глаза обвиняли в эгоизме и равнодушии. Никто не верил, чтоб я так долго хлопотал о дозволении переписываться с тобой. Я чувствовал вокруг себя холод. Самолюбие мое оскорблялось в самом святом высоком чувстве и оскорблялось незаслуженно. Сколько мук я вытерпел в первые четыре года нашей разлуки. Мне не было даже и того утешения, чтобы довериться двум-трем испытанным сердцам и подкрепить себя их одобрением: каждое письмо твое начиналось упреками и могло только еще более вооружить их против меня. Меня

спасло чувство гордости. Я стал прямо смотреть всем в глаза и сам бросал тех, в ком видел только учтивую холодность. <...> А это еще что такое? Что это ты пишешь, будто я сказал полк <овнику> Х. что тебе лучше оставаться в Сибири. Разумеется сказал, но прибавил: «чем на Кавказе». Это дело другое, и я от своих слов не отпираюсь, потому что знаю, каково иногда бывает на Кавказе. <...> Я не сержусь на тебя за твои сомнения, потому что знаю, твое сердце уязвлено мелочными огорчениями. Ты тоже много выстрадал, как и я, еще больше конечно моего, хотя я право не знаю, за что я страдал все эти шесть лет...

Я начал фабрику, как ты сам знаешь, без всякого капитала. У меня пошло хорошо. Но самое расширение производства вместо того, чтобы увеличить мои средства, только стеснило их. Я должен был сделать кредит, ждать деньги с купцов по несколько месяцев и потому сам покупать все на векселя. Деньги часто в срок не приходят, а векселя не ждут. Это не прежние наши кредиторы... мясники и прочие, которых, бывало, умаслишь словами, они и ждут, чтобы явиться опять месяца через два. В купеческом деле нельзя просить отсрочки. Пришел срок, и платить должно, иначе лишаешься чести и делаешься банкротом. Я не понимаю, как у меня еще до сих пор не поседел волосы от забот. <...> Деньги употреблены, множество векселей подписано, сроки им уже подходят, а я еще и не начинал продавать сигары. Ты сам знаешь, что они должны хорошо вылежаться. Но зато если пойдут, то будет отлично. Вообще этот год для меня критический. <...> Я бьюсь как рыба об лед и наверно скоро поседею. Но не воображай себе, что я сделался коммерческим и практическим человеком. Увы! Все такой же последний из романтиков, худой и бледный.

(Письма. Т. 1. С. 527–530)

Ф.М. Достоевский — А.Е. Врангелю
13.IV.1856. Семипалатинск

Вы не поверите, как я обрадовался тому, что мой брат Вам понравился и что Вы, кажется, сойдется с ним. Сделайте это, ради Бога; не раскаетесь. Как я рад, что он все тот же и любит меня. Много я Вам написал о моих сомнениях даже на его счет в прошлом письме. Но если б Вы знали, в каком грустном, в каком ужасном я был положении и как я раскаиваюсь в моих предположениях насчет брата.

(ПСС. Т. 28, С. 228)

Ранее Михаил Михайлович объяснял свое молчание тем, что несмотря на все хлопоты он не мог добиться разрешения писать брату как отбывающему каторжные работы. Однако письма не делаются чаще и после того, как Федор Михайлович не только отбыл срок каторжных работ (15 февраля 1854 г.), но и был восстановлен в офицерском чине (1 октября 1856 г.).

Ф.М. Достоевский — А.Е. Врангелю
25.I.1857. Семипалатинск

Вы пишете о брате: мне жаль, что Вы с ним не сходитесь. Я об нем Бог знает с какого времени ни слуху, ни духу не имею. Он дает мне в 8 месяцев по 2 строч-

ки, как милостыню, и никогда не пишет о нужном, а все Бог знает что. Чего он боится? Есть столько о чем надо написать и что *можно* написать. А я нуждаюсь в известиях. Он мне ни слова не пишет о литературе, а ведь это мой хлеб, моя надежда. Хоть бы он отвечал мне только на мои вопросы. Н<априм>ер, я крайне нуждаюсь знать, что нынче антрепренеры литературные? Это для меня капитально. Боится, что ли, он? Не понимаю, не понимаю его, несмотря ни на какие *его объяснения*. Я знаю одно: это превосходнейший человек! Но что же с ним делается?

Брату Михаилу
19.VII.1858. Семипалатинск

Бесценный друг и брат Миша <...> Пойми прежде всего, что беспокоишь меня *ты*, только один *ты*, и что я решительно не понимаю теперь, что о тебе подумать? В последнем письме своем ты писал мне о тяжелых торговых неприятностях. Не они ли и теперь причиною твоего молчания? Пойми, друг мой, что я о тебе убиваюсь. Здоров ли ты? Жив ли ты? Ничего этого я не знаю. <...> Я тебя каждую ночь во сне вижу, тревожусь страшно. Я не хочу, чтоб ты умер, я хочу еще раз в жизни видеть и обнять тебя, мой бесценный. Успокой же меня, ради Бога, и если ты здоров, то, ради Христа, отбрось все свои дела и хлопоты и напиши мне сейчас, сию минуту, иначе я с ума сойду.
(ПСС. Т. 28, С. 267–268, 313)

Н.М. Достоевский – брату Андрею
18.XI.1862. Петербург

Почтенный и добрейший наш брат Михаил Михайлович начал свое купеческое поприще за год до моего выхода из корпуса, и начал блистательно, т.е. начал жить и живет до сих пор прекрасно и счастливо. Награжден от Бога добрейшею женою и прекрасными детьми, и, надо сказать, – прехорошенькими. <...> дарования детей доставили брату знакомство со многими известными талантами, так что чуть не каждую неделю составляются у брата трио, квартеты, вообще маленькие музыкальные праздники, кроме обязательных литературных вечеров по субботам, где собираются тоже тузы в своем роде. <...> по приезде брата Федора Михайловича, по совету его, начал издавать прекраснейший журнал по своему направлению, «Время». Издают они пополам, т.е. выгоду делят пополам. Все это тебе известно, но что делать, у меня такая привычка, говоря о чем-нибудь, начинать всегда с Адама. Так вот: начали они журнал, который, вероятно, ты получаешь и читаешь, как и я, с наслаждением; подписка на него, т.е. сочувствие публики, с первого же года была огромнейшая. <...> Казалось бы, тут-то бы и наживать деньги, по крайней мере, по 20 тысяч в год, как по расчету и должно быть, но выходит наоборот. Первая причина, что журнал начат без копейки денег, а во-вторых – по множеству занятий в журнале явились упущения на фабрике. Брат занят с утра до вечера и так, что я удивляюсь, как он не заболел до сих пор. Впрочем, фабрику он хочет передать кому-нибудь или просто закрыть, и тогда в будущем году он сделается Крезом, потому что подписка на журнал, судя потеперьшему, будет блистательная.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 386–387)

В.С. Нечаева

<М.М. Достоевский> организовал табачную фабрику и торговлю. И то, и другое первоначально было очень скромных размеров. Екатерина Михайловна вспоминала, как мать укладывала в коробки с папиросами «сюрпризы»...

В конце 1850-х – начале 1860-х семья жила в полном достатке. У детей была гувернантка, держали собственных лошадей, устраивались еженедельные литературные и музыкальные вечера, на которых собиралось до 40 человек гостей...

Екатерина Михайловна помнила отца всегда очень занятым, сидящим над корректурами. В это время у него было особенно заметно нервное подергивание рта, которое, как рассказывала мать, началось перед арестом по делу петрашевцев в 1849 г. – появившиеся в то время припадки после исчезли, оставив этот дефект.

Несмотря на нервность, Михаил Михайлович был ровным и сдержанным в обращении. Дочь не помнила, чтобы он когда-нибудь вспылывал, сердился, кричал.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 286–287)

О.Ф. Миллер

Про Михаила Михайловича существовала легенда, будто привычное у него подергивание головы и плеч происходит от того, что он при допросах по делу Петрашевского был подвергнут телесному наказанию. По словам д-ра Яновского, Михаил Михайлович клятвенно его уверял, что это наглая ложь⁹.

(Биография, письма)

Н.Н. Страхов – брату Павлу

25.VI.1864. Петербург

Мне запрещают вот уже сряду третью большую статью¹⁰. <...> Невозможно рассказать, до каких нелепостей дошла наша цензура...

С Достоевскими я чем дальше, тем больше расхожусь. Федор ужасно самолюбив и себялюбив, хотя не замечает этого; а Михайло просто кулак, который хорошо понимает, в чем дело, и рад выезжать на других.

15.VII.1864. Петербург

Умер Михайло Михайлович прямо от редакторства. Был он слаб и до издания журнала, но журнал его совсем доконал. Он все бодрился и помалчивал <...> в половине июля у него случилась желтуха, разлитие желчи. Он не очень берегся и не опасался. 7 июля он получил неприятное известие – задержали мою статью – он не спал ночь; на другой день заснул и уже не выходил из беспамятства. Желчь отравила кровь...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 396–397)

⁹ Аналогичная легенда существовала и относительно возникновения эпилепсии у Федора Михайловича. – М.В.

¹⁰ Такое отношение цензуры к Страхову объясняется скандалом, вызванным в 1863 г. его статьей «Роковой вопрос», приведшей к запрещению журнала братьев Достоевских «Время». Далее Страхов связывает с запретом очередной, четвертой статьи смерть своего издателя. – Ред.

Л.Ф. Достоевская

Алкоголизм моего деда был роковым почти для всех его детей. Старший его сын Михаил и младший Николай унаследовали эту болезнь. Дядя Михаил, не смотря на свою болезнь, все же мог работать <...> Эта болезнь сохранилась в семье моего дяди Михаила: ею были поражены второе и третье поколения. <...> В период участвовавших приступов запоя, которым был подвержен мой дядя Михаил, Достоевский был вынужден один вести все дела журнала. <...> Журнал «Время» был запрещен из-за опубликованной в нем политической статьи, неправильно понятой цензурой. <...> «Эпоха» выходила в течение нескольких месяцев, а потом прекратила свое существование <...> Это было тяжелым ударом для Михаила Достоевского. Его организм, уже ослабленный пьянством, не выдержал, и он умер после непродолжительной болезни.
(Достоевский в изображении дочери. С. 41, 87, 94)

А.А. Достоевский

Широкая публика под именем алкоголика понимает лицо с явными, всем известными внешними признаками этой болезни, а некоторые представители медицины, насколько мне известно, склонны считать чуть ли не классическими алкоголиками таких лиц, которые всю свою жизнь перед обедом выпивают по рюмке водки.

Если считать алкоголиками этих последних лиц, то все Достоевские без исключения — алкоголики, ибо ни у кого из них не было органического отвращения к спирту. Сам Федор Михайлович пил: в письме к Милюкову он пишет: «P.S. Припадков еще не было. Водку пью. Что холера?»¹¹

Такая точка зрения, по-моему, абсолютно неверна. Именно по этой-то причине дочь Михаила Михайловича — Екатерина Михайловна категорически отвергает алкоголизм своего отца, хотя она вместе с тем нисколько не скрывает того, что он далеко не чуждался спиртных напитков.

К сожалению, бесспорными алкоголиками, по общим нашим родственным впечатлениям, надо признать: Николая Михайловича (№ 37), Михаила Михайловича-второго (№ 253) и Михаила Михайловича-третьего (№ 292).
(Письменные характеристики. М.В.)

М.М. Достоевский — брату Федору
27.I.1864. Петербург

Вчера собралось у меня несколько приятелей: нужно было sprysнуть новый журнал, и мы подпили. Нынче, вследствие непривычки или простуды, у меня смертельно голова болит и маленькая дрожь.
(Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. С. 546)

¹¹ В Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского это письмо А.П. Милюкову от 10–15 июля 1866 г. комментируется так: «Возможно, упоминание о водке связано с бытовавшим мнением, что при холере надо пить водку» (ПСС. Т. 28, С. 166, 436). — Ред.

Ф.М. Достоевский. Заметки <для себя>

16 (28) VI <1870>

Ночью видел во сне брата, он как бы воскрес, но живет особо от семьи. <...> Брат как будто ко мне ласковее.

(ПСС. Т. 27. С. 104)

Некоторые литературные труды Михаила Михайловича Достоевского

Художественные произведения

- Дочка // Отечественные записки. 1848. № 8. (Отдельным изданием: Пг., 1916.)
- Господин Светелкин // Отечественные записки. 1848. № 10.
- Воробей // Отечественные записки. 1848. № 11.
- Два старичка // Отечественные записки. 1849. № 11.
- Пятьдесят лет // Отечественные записки. 1850. № 8.
- Старшая и меньшая / Комедия // Отечественные записки. 1851. № 6. (Поставлена в Петербурге и Москве.)
- Мачеха / Комедия (Не опубликована.)
- Брат и сестра // Пантеон. 1852. № 3. (Отрывок из незавершенного «фурьеристского» романа «Деньги».)

Критика и публицистика

- Сигналы литературные / О В.И. Дале, И.С. Тургеневе, А.В. Дружинине // Пантеон. 1848. № 3.
- Жуковский и романтизм // Пантеон. 1852. № 6.
- «Гроза» / О драме А.Н. Островского // Светоч. 1860. № 3.
- Стихотворение А.Н. Плещеева // Время. 1861. № 4.

Кроме того, М.М. Достоевский написал две не пропущенные цензурой статьи: о пожарах 1862 г. и в защиту студентов от обвинений в поджогах.

Переводы

- Гете И.-В. Рейнеке-Лис // Отечественные записки. 1848. № 2. (С предисловием переводчика.) Отдельными изданиями: СПб., 1861, 1902.
- Шиллер Ф. Дон Карлос // Библиотека для чтения. 1848. Т. 2–5.
- Шиллер Ф. Наивная и сентиментальная поэзия // Отечественные записки. 1850. №№ 2, 3.
- Шиллер Ф. Разбойники // Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей. Ч. 3. СПб., 1857.
- Шиллер Ф. Боги Греции / Стихотворение // Светоч. 1860. № 1.
- Гюго В. Последний день приговоренного к смерти // Светоч. 1860. № 3.

Собрание сочинений в 2 томах (С биографическим очерком и статьей Ф.М. Достоевского). Пг.: Пантеон литературы, 1915.

(По кн.: Русские писатели. Т. 2. С. 164–165)

246. Дитмар [(Ditmer) Эмилия-Каролина],**в замужестве Достоевская Эмилия Федоровна**

([18.XII.1821, Ревель — 6.VIII] 1879). Жена предыдущего с января 1842 г. По происхождению прибалтийская немка из г. Ревеля. Умерла от рака груди.

Копия свидетельства о рождении и крещении Э. Дитмар

1.X.1841. Ревель

Из Экстракта Лютеранской Церкви Св. Николая значится: 1821-го года Декабря 18 дня, у Ревельскаго Гражданина Дитриха Иогана Дитмар <Ditmer>, от законной его жены Анны Марии Дитмар урожденной Берг; родилась дочь Емилия Королина <Emilie Caroline>, которая крещена 6-го января 1822 года...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 8. Ед. хр. 17. Лл. 1 (нем. яз.), 2 (рус. перевод))

Е.М. Достоевская

...<В молодости мама> была очень хороша собой, с большими голубыми глазами. <...> выросла в Ревеле и сперва совсем не говорила по-русски, потом выучилась, но до конца говорила не совсем правильно. Ее браку с М.М. Достоевским противилась ее семья, в особенности отчим, из-за различия религии и национальности.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 286)

А.М. Достоевский

По поводу сватовства Полонского <к дочери Э.Ф. Достоевской> помню еще одно *qui pro quo*, случившееся между Эмилией Федоровной и моей женой. Эмилия Федоровна, плохо владея русской речью, высказала Домнике по секрету, показывая на Полонского, что этот господин делал недавно *е й* предложение.

— Ну что же, как же вы порешили? — спросила ошеломленная этим известием Домника.

— Да не знаю... я бы ничего, да Машенька что-то не совсем склонна к этому браку!

Тут только Домника увидела свою ошибку, и они обе долго потом смеялись вышедшему между ними недоразумению.

(Воспоминания. С. 307)

Н.М. Достоевский — брату Андрею

18.XI.1862 <Петербург>

Эмилия Федоровна сделалась полною и красивою женщиною, добра до бесконечности, со всеми нашими родными дружна.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 386)

Ф.М. Достоевский — А.Н. Майкову

11 (23) XII.1868. Флоренция

...Эти 100 р. Паше <Исаеву> и Эмили Федоровне, по 50 руб. в каждые руки...

Эмилия Федоровна хоть и враг мой исконный (не знаю за что), хоть и ненавидит меня, но невозможно *этот раз* не дать ей хоть 50 руб. Ах, друг мой, Вы не поверите, что за глу-

пость и что за наглость в этих головах. «Он, дескать, *обязан* нам помогать», – стала на том! Почему же, позвольте спросить, обязан. Я из сострадания, да еще единственно потому, что она жена брата, готов помочь чем могу, но *обязанным* себя отнюдь не считаю. Она основывается на том, что брат Миша посылал мне деньги в Сибирь. Но это было в сложности так немного, что я уже, по крайней мере, в пять раз более отдал и ему и им. <...> Она говорит про меня: «Он нас разорил, мы имели фабрику, жили богато; он приехал и уговорил начать журнал (чтоб печатать свои сочинения, которые в другие журналы не принимали <...>».) Но когда я приехал, фабрика была в упадке; папиросы, которые пошли вначале, совершенно лопнули под конец и были задавлены Миллером и Лаферм; долгов же было пропасть, и он все охал, предчувствуя банкротство. Все это может засвидетельствовать Николай Иванович, его приказчик, который и купил на 2-й год журнала у него фабрику за 1000 руб. – всю фабрику! Это не великое богатство. Журнал основан был им <братом> и затеян по его идее и <...> спас брата от банкротства. <...> Запрещение журнала разорило брата. Когда он умер, были долги. Скажите, ради Бога, что бы сказало это *семейство*, если б я отказался продолжать журнал? Они закричали бы: у нас было состояние, да дядя, бывший *пополам* с братом (а я никогда не был *пополам*), отказался издавать и нас разорил. Это буквально слова <племянника> Феде в клубе: у нас было имение, но дядя так плохо вел дела, что нас разорил. А я выпросил тогда у тетки 10 000 и дал на журнал. <...> Я с 10 000 выдал 8 книг и заплатил множество долгов. Журнал не пошел, потому что <читатели> думали, что я умер (ведь я это положительно знаю!), а не брат (нас всегда смешивали), да и редактором уж имя Достоевского не стояло. Лопнул журнал – и все долги на меня упали. Я после того моими сочинениями (продажей Стелловскому и «Преступлением и наказанием») еще 10 000 заплатил. Остался теперь кончик, который не могу выплатить, а Эмилия Федоровна буквально говорит: он нас разорил; зачем он нам свои 10 000 не отдал? Он обязан помогать потому, что брат его содержал, и проч. Хорошо! Ну, приеду в Петербург – другое пойдет. Я их наконец вразумлю. Оставил я им, уезжая, мою квартиру у Алонкина. <...> и хоть он как деловой человек и сердится на меня, что я не плачу (так контракт был, что с них он не имеет права требовать, а с меня), но все-таки во мне уверен и подождет. Но он требовал векселя от меня. Я ее просил сходить к Алонкину и предложить ему самому написать вексель, послать мне за границу и я бы воротил подписанный. Она обиделась и не пошла, – обиделась тем, что будто бы я не хочу их на квартире держать, тогда как Алонкин не хотел, а не я.

Теперь пишет, что *ждет* от меня денег, потому что я ей обещал. Выдайте ей эти 50 руб., голубчик, родной мой, не говоря ничего, и тем забастую.

(ПСС. Т. 28₂. С. 330–331)

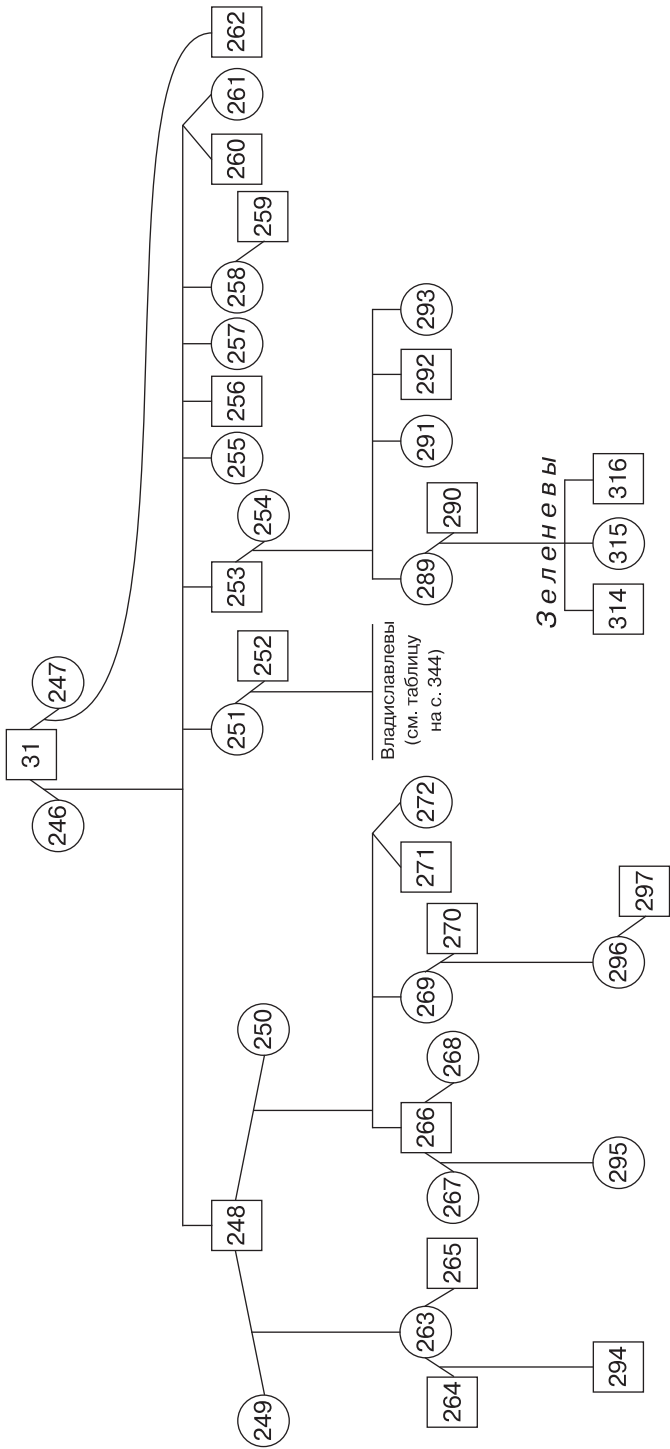
В.В. Борисова

В апреле 1864 г. из «одного только родственного участия» А.П. Иванов¹² предложил Михаилу Михайловичу Достоевскому взять у него взаймы 40 акций Ярославской железной дороги на 6000 руб. серебром, которые приносили годового дохода по 8 руб. каждая, для поддержания журнала «Эпоха» <...> Акции предназначались на приданое дочерям Иванова Маше и Соне, процентами они платили «за уроки на фортепьяно и одевались».

¹² Зять Достоевских, муж Веры Михайловны (№ 407). – Ред.

ПОТОМСТВО МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

13 поколение	14 поколение	15 поколение	16 поколение
-----------------	-----------------	-----------------	-----------------

<...> Сам Достоевский выступил посредником и поручителем за брата <...> Акции Михайлович получил и заложил за 5000 руб. За ними он ездил в Москву уже после отъезда Федора Михайловича в Петербург. Вернуть их Иванову он не успел, внезапно скончавшись 10 июля 1864 г. Через год Александр Павлович обратился к его вдове Эмилии Федоровне с просьбой вернуть акции, взывая к ее «чести, совести, долгу». Но Эмилия Федоровна ответила отказом, отослав Иванова к Федору Михайловичу, который, по ее словам, заложил акции снова. У нее же самой «решительно» ничего нет, заявила она: ни денег, ни акций...

Этот «святой долг» тяготил писателя до самой смерти. А ведь долга и не было! 25 марта 1866 г. Эмилия Федоровна выдала своему старшему сыну доверенность на выкуп у купца первой гильдии Б. Райха оставшихся в наследство от М.М. Достоевского и заложенных <им> акций Ярославской железной дороги. Вот следующее знаменательное свидетельство: 7 апреля 1866 г. Эмилии Федоровне Достоевской выдана Райхом расписка в том, что он «по заложенным 40 акциям Московской-Ярославской железной дороги 3000 рублей серебром сполна получил» от нее и поданное им в Санкт-Петербургскую управу дело ко взысканию прекращается (*НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 8. Ед. хр. 23; Летопись. Т. 2. С. 60, 62*).

И.А. Битюгова, комментируя этот факт, добавляет: «Денежная помощь для выкупа акций, вероятно, была оказана Достоевским». Что вполне возможно – векселей к взысканию предъявлялось писателю в ту пору много: «у меня бесчисленное число дел с кредиторами», «с меня так и рвут!». Но, судя по всему, Федор Михайлович не знал о том, что Эмилия Федоровна выкупила именно акции Иванова. Она могла и должна была вернуть их еще жившему А.П. Иванову (он умер 17 января 1868 г.), однако не сделала этого. А Федор Михайлович продолжал мучиться и волноваться. <...> «святой долг» на самом деле был мнимым: ведь обе стороны оказались жертвами жестокой интриги.

(*Не могу заплатить самых святых долгов. С. 270–274*)

Ал. А. Достоевский – родителям
20.IX.1876 <Петербург>

По совету дяди <Федора Михайловича> я сегодня ходил к Эмилии Федоровне Достоевской...

(*Литературное наследство. Т. 86. С. 450*)

Ф.М. Достоевский – жене
13 (25) VIII.1879. Эмс

Известие о бедной Эмилии Федоровне очень меня опечалило. Правда, оно шло к тому, с ее болезнью нельзя было долго жить. Но у меня, с ее смертью, кончилось как бы все, что еще оставалось на земле, для меня, от памяти брата. <...> Я не думаю, чтоб я был очень перед ней виноват: когда можно было, я помогал и перестал помогать постоянно, когда уже были ближайшие ей помощники, сын и зять <Владиславлев>. В год же смерти брата я убил на их дело, не рассуждая и не сожалея, не только все мои 10 000, но и пожертвовал даже моими силами, именем литературным, которое отдал на позор с провалившимся изданием, работал как вол, даже брат покойный не мог бы упрекнуть меня с того света.

(*ПСС. Т. 30, С. 109*)

247. Аникиева Прасковья Петровна

Мать Вани, побочного сына М.М. Достоевского.

А.Г. Достоевская
29.V (10.VI) 1867. Дрезден

Тут были еще 2 письма от Прасковьи; она только и думает, чтобы выпросить у Феди денег, хотя при отъезде он и дал ей, сколько мог¹³.

31.VII (1.VIII) 1867. Баден-Баден

Доверил <Федя своему пасынку> Паше отнести 40 рублей Прасковье Петровне, а тот отдал только 30, а 10 рублей не донес.

(Дневник 1867 г. С. 76–77, 195)

Поколение четырнадцатое

248. Достоевский Федор Михайлович (младший)

31 / 246

([29.X] 1842, [Ревель — 25.III] 1906, [Саратов]). Пианист, ученик проф. А.Г. Рубинштейна [и А.И. Виллуана¹⁴. С 1880 г. преподавал в Саратовском институте благородных девиц. Надворный советник, кавалер орденов Станислава II и III степеней, Анны II и III степеней и Владимира IV степени.] Директор Саратовского отделения Русского музыкального общества. Имел в Саратове собственную торговлю музыкальными инструментами.

Умер от аневризмы аорты¹⁵.

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
I–II.1847. Петербург

Помню, как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя¹⁶.

21.VIII.1855. Семипалатинск

В последнем письме ты писал о детях, что Федя добрый мальчик, но небольших способностей и что Машечка не так хороша лицом, как была при мне, ребенком. Но в таких летах, мне кажется, трудно заметить и то и другое.

(ПСС. Т. 28, С. 139, 193)

¹³ В первоначальной авторской редакции было сказано конкретнее и резче: «Подлая тварь, она только и делает, что выпрашивает деньги. Я очень была рада, что ей не удалось. Теперь какое-то ее поздравительное письмо, но второе письмо — с требованием денег». — *Ред.*

¹⁴ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — пианист, создатель русской пианистической школы. Композитор, дирижер, педагог и музыкально-общественный деятель. Основатель Русского музыкального общества (1859); основатель (1862) и директор (до 1867) Петербургской консерватории. Виллуан Александр Иванович (1804–1878) — пианист, композитор, преподаватель Петербургской консерватории (1862–1865), учитель А.Г. Рубинштейна. — *Ред.*

¹⁵ Некролог в «Саратовском листке» № 69, 28 марта 1906 г. — *Ред.*

¹⁶ Воспоминания относятся к лету 1846 г., когда Достоевский ездил гостить к брату в Ревель. Странно, что он мог испытывать такие сложные и противоречивые чувства по отношению к трехлетнему ребенку. — *М.В.*

М.М. Достоевский – брату Федору
18.IV.1856. Петербург

Федя начинает учиться. Он в гимназии.
(Письма. Т. 1. С. 530)

Н.М. Достоевский – брату Андрею
18.XI.1862 <Петербург>

...Красивый юноша, ростом выше брата
<то есть своего отца> на целую голову, доб-
рый парень с огромнейшим музыкальным
дарованием. Играет на фортепиано лучше
многих у нас в Питере довольно известных
пьянистов. Вот почему брат взял его из пя-
того класса гимназии и отдал в музыкаль-
ную консерваторию, где кроме специально-
го музыкального образования преподают
гимназический курс.

(Литературное наследство. Т. 86.
С. 386–387)

А.Г. Достоевская

...Был отличный музыкант и имел много выгодных уроков на рояле.
(Воспоминания. С. 204)

Ф.М. Достоевский – А.Н. Майкову
9 (21) X.1867. Женева

Вот Федя так бравый малый: мать кормит, семейство кормит. Вот это молодец!

Пасынку Павлу
19.II (2.III) 1868. Женева

...Феде надо помочь; он трудится и дай ему Бог. Я его люблю очень. И тоже
готов бы все отдать, да покамест нечего.

Э.Ф. Достоевской
14 (26) II.1869. Флоренция

Получил я письмо из Москвы от Сонечки Ивановой; она пишет, что Федя
был у них на Рождестве и показался ей очень апатичным.

С.А. Ивановой
8 (20) III.1869. Флоренция

Вы пишете, что видели Федю. Человек он добрый, это правда, и, по-моему,
ужасно похож, по сущности своего характера, на покойного брата Мишу, своего
отца, в его годы, кроме его образования, разумеется. Необразование ужасно ги-
бельная вещь для Феди. Конечно, ему скучно жить; при образовании и взгляд его
был бы другой и самая тоска его была бы другая. Эта скука и тоска его, конечно,

признак хорошей натуры, но в то же время может быть для него и гибельна, доведя его до какого-нибудь дурного дела; вот этого я боюсь за него. Вообще вся эта семья, так мне близкая, меня приводит в отчаяние. Эмилия Федоровна жалуется на свою бедность <...> При мне было бы им лучше. Мысль об них меня непрерывно мучает...

Пасынку Павлу

4.XI.1874. Старая Русса

<Анна Григорьевна, оказавшись в Петербурге, так торопилась, что> Федора Михайловича, приехавшего из Курска, по очень важному делу не могла видеть...

(ПСС. Т. 28₂. С. 228, 264. Т. 29₁. С. 14, 27, 364)

Мил. Ф. Достоевский, сын

Человек очень увлекающийся.
(Записано М.В.)

Ал. А. Достоевский – отцу

30.X.1877. Петербург

<На дне рождения Федора Михайловича был> и Федор Михайлович младший, который теперь совсем уже поселился в Петербурге.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 459)

Ф.М. Достоевский – жене

13 (25) VIII.1879. Эмс

<Со смертью Эмилии Федоровны> кончилось как бы все, что еще оставалось на земле, для меня, от памяти брата. Остался один Федя, Федор Михайлович, которого я нянчил на руках. Остальные дети брата выросли как-то не при мне.

(ПСС. Т. 30₁. С. 109)

Ф.М. Достоевский-младший – <сводному брату Ивану Аникиеву>¹⁷

<Середина 1860-х. Петербург>

Голубчик Ваня! Посылаю тебе мою рожу. Извини меня, что тебе не пишу, ей-Богу времени нет, но хотя бы и можно было бы найти, но сам знаешь, как я ленив писать, да и к тому же жду от тебя десятый месяц письма. Но никак не могу получить от тебя ни одной строчки; не знаю, может быть ты и писал, но письма, может быть, не доходят, жаль. В таком случае пиши ко мне и всегда застраховывай письма, тогда оно не пропадет. Пиши поподробнее, тогда и я не поленюсь писать к тебе тоже подробно. Адресуй ко мне как к Ф.М. Дост<оевскому>-второму, а то может попасть в руки дяди. У меня половина письма к тебе готова, но не могу кончить, потому что не знаю, о чем писать к тебе, не зная твоей образ жизни. И так, если ты напишешь мне хорошее письмо, то от меня жди тоже такое же

¹⁷ Написано на обороте одной из двух фотографий, найденных в Ростовском сиротском суде и ошибочно атрибутированных как фото Федора Михайловича-старшего, то есть самого писателя. – Ред.

со всеми шашнями. Остаюсь твоим братом, Ф. Достоевский. Я слышал, что <ты> хворал, это, брат, скверно.

(Утро Юга (Ростов-на-Дону). 1914. 15 мая. № 112)

Сестре Екатерине
29.IX <1879> Саратов¹⁸

Дорогой друг Катюша! Пишу тебе второпях и пишу <только> несколько строк. Пожалуйста, вышли мне Указ об отставке нашего отца, я видел его в ру<ках> Вячеслава Авксентьевича¹⁹ в день см<ерти> матери, след<овательно>, он у Вас или не отдали ли куда-нибудь для твое<го> вида на жительство? Ради Бога, сделай милость. Торопись и высылай немедленно в г. Саратов, немец<кая> улица, дом Клейперта. Высылай заказным. Я, слава Богу, устраиваюсь.хлопот полон рот, целый день в Институте, то экзамены, то приемка музыкальной библиотеки. Скоро напишу подробно. Кланяйся Вяче<сла>ву Авксентьевичу и sister. Что то вы поделяваете?

P.S. Не забудь про шубу, боюсь, чтобы не пропала. У нас тепло как летом. Около 3-х месяцев не было дождей, и потому сушь в городе непомерная.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 26. Л. 1)

В. Вардугин

<В Саратове Достоевский-младший> жил на улице Грошовой, в доме № 33 (ныне ул. Дзержинского); на Большой Сергиевской, в доме Киселевой, близ Красных ворот (ныне ул. Чернышевского), в доме Уткина, <а также> на углу улиц Царицынской и Гимназической (современный адрес – пересечение улиц Первомайской и Некрасова).
(Саратовский Достоевский)

Ф.М. Достоевский-младший – сестре Екатерине и ее мужу
<1881. Саратов>

Вот и Великий пост, друзья мои! Для меня он настал уже давно. Я вышел из школы. Впервые, потому что из 5 месяцев след<ующих мне> 500 руб., которые я должен был получить, я получил только 160 руб., и то эти деньги выдавали как милостыню по 5 и 10 руб. Между тем работа была дьявольская. Во 2-х, играл в концертах 3 раза, из которых два

¹⁸ Правый край листа оборван, и часть текста утрачена. – *Ред.*

¹⁹ Гражданского мужа сестры – В.А. Манасеева (№ 259). – *Ред.*

раза с большим успехом: вызывали раз по десять. Этот успех и сделался ненавистен моим товарищам-фортепианистам, начали они выводить разные сплетни интриги. Класс мой был самый лучший, экзамен полугодичный показал им, какой я учитель, и они, как ассистенты, должны были ставить хорошие баллы, а когда я был ассистентом у них, я должен был ставить 1 и 0, так их класс был скверен. Потом самое главное: до Петербурга дошли слухи, что дела нашей консерватории идут скверно, учителям жалования не платят, между тем – учениц довольно. Невольно зародился у нас вопрос: куда ушли взносы от учеников? Прислали ревизора, который нашел много беспорядков и, когда давал нам обед, при всех предложил мне место директора. Я был поставлен в очень скверное положение и ответил ни да, ни нет. Наш директор так испугался (он не присутствовал на обеде), когда до него дошли эти слухи, что все вместе стали мне делать такие непристойности и гадости, что я рассчитывал лучше выйти. Скандал по городу большой. Ученицы на половину вышли за мной, что меня очень порадовало. Вот как <обстоят> мои дела. Скверные и очень скверные. Хочу у дяди <Ф.М. Достоевского> попросить 300 руб., и на эти деньги совершить большое концертное путешествие, причем еду не один, а втроем. Бываешь ли ты, Катя, у него? Если бы <ты> переговорила бы <с ним> сама от себя? Мои дела действительно скверны, в чужом городе, без денег, без друзей. Пишу тебе на телеграфную станцию, ибо адрес Ваш забыл. Прощайте друзья мои, целую вас крепко!

А.Г. Достоевской
10.VIII <1884> Саратов

Послушайте, милейшая тетушка Анна Григорьевна, не грех было бы Вам прислать мне сочинения дяди, а то право стыдно <нрзб.>, что их нет у меня, а покупать для меня: они дороги и потому прошу выслать, если это только возможно.

Насчет учителя музыки могу Вам рекомендовать Демяновского; он <служит> учителем в Консерватории и, если Вы пойдете туда и поведете дело от моего имени, думаю, что не откажет, хотя и не знаю наверно, возьмется ли он давать уроки <начиная> с азбуки. <...> Посылаю Вам два автографа <знаменитых музыкантов>, одно <письмо> – Листа, другое – <нрзб.> Не видите ли Вы с сестрой Катей? Я как-то в прошлом году написал ей письмо с просьбой выслать мне мои картины, метроном, стул вышитый и проч. Она мне ответила, что ей нет времени, а если я хочу их получить, то могу за ними прислать. Это из Саратова-то... <...> Что мне дороже всего, так это портреты отца, дяди и Рубинштейна.

Двоюродному брату А.А. Достоевскому
6.XII. 1904. Саратов

Хочу спросить у тебя совета, как мне поступить в след<ующем>. Выслужил я Царю и Отечеству 25 лет, и говорят, за Царем служба не пропадет. А за Царицей? Ведь я получу за свою службу 750 р<уб. в год>. Ведь на эти деньги не проживешь, тем более, что сыну нужно быть еще 3 года в Университете (если все пойдет гладко). Дочь Таня рвется в Консерваторию. Она хорошо играет и жаль, конечно, если ей не придется попасть туда. Хочу просить об увеличении мне пенсии. Но как это сделать и кого просить, я не знаю. Научи ты меня и посоветуй, тем более, что жена моя плоха, ей обязательно нужно уехать совсем из Саратова на юг. Она одна ехать не хочет и слышать не хочет об этом, следовательно, я должен все здесь бросить и ликвидировать <свою торговлю>. Да, теперь время тяжелое, покупателей на дом <и> не было, и не найдут. <...> Я <вырученные> деньги раздам

детям, а на пенсию предполагаю жить, <но> прожить на 60 р<уб>. в месяц ведь мне невозможно. Хотел я <...> <писать> Михаилу Александровичу Рыкачеву, чтобы он походил тайствовал у Великого князя Константина Константиновича²⁰, он бы, конечно, мог бы повлиять на Протасова-Бахметьева²¹, от которого, конечно, зависит многое. <...> Наконец, думаю, что у тебя верно есть связи в Питере. Подумай и напиши мне, могу ли я на все рассчитывать в теперешнее время (трудное) или мне подождать. <...> Мое здоровье тоже требует и лечения, и отдыха. У меня грудная жаба <стенокардия>, и последний год ужасно часты припадки. Был бы счастлив, если бы можно было выхлопотать 1200 р<уб>. пенсии и остаться по вольному найму на службе.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 26. Лл. 3–4. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 32. Лл. 1–2. Ед. хр. 33. Лл. 1–2)

249. [Мать ребенка предыдущего]²²

250. Копцева, по мужу Достоевская Валентина Савельевна

(1860 — 3.II.1913). Жена Ф.М. Достоевского-младшего (его бывшая ученица музыки). [Вместе с мужем преподавала в Саратовском институте благородных девиц.] Умерла от туберкулеза.

251. Достоевская, по мужу Владиславлева Мария Михайловна 31 / 246

([2.III.1844 — 17.IX] 1888). Пианистка, ученица А.Г. Рубинштейна.

Умерла от скоротечной чахотки. [Похоронена вместе с мужем на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге, могила утрачена.]

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
31.XII.1843. Петербург

...Счастья на Новый год, да еще малютку. Ежели будет у тебя дочка, то назови Марией²³.

(ПСС. Т. 28, С. 33)

М.М. Достоевский — брату Федору
18.IV.1856. Петербург

Дети растут так, что... ой, ой, ой. Маша скоро совсем невеста. Она будет очень хорошо играть на фортепиано.

(Письма. Т. 1. С. 530)

²⁰ В это время — президента Академии наук. — Ред.

²¹ Граф Протасов-Бахметев Николай Алексеевич (1834–1907) — генерал-адъютант, член Государственного совета, общественный деятель, занимавшийся системой социального обеспечения и благотворительности. Управляющий Собственной Е.И.В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1890). — Ред.

²² В «Хронике» 1933 г. она была обозначена как вторая жена Ф.М. Достоевского-младшего. — Ред.

²³ Указание А.С. Долинина: ребенка предполагается назвать в память матери братьев — Марии Федоровны. — М.В.

Е.А. Штакеншнейдер

У нас тогда <около 1860 г.>, после выхода студентов из крепости, часто танцевали. Его <Ф.М. Достоевского> племянница, Мария Михайловна, хорошенькая девушка и отличная музыкантша, интересовала тогда всех молодых гораздо более, нежели он.

(Штакеншнейдер. С. 434)

Н.М. Достоевский – брату Андрею

18.XI.1862 <Петербург>

Маша – очень и даже очень хорошенькая семнадцатилетняя барышня, умненькая, очень мило образованная, добрая, и в музыкальных сведениях превзошла своего старшего брата. Прошлую зиму она участвовала на двух больших концертах и произвела фурор.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 387)

Н.Н. Страхов

...Знаменитый «литературно-музыкальный вечер», в зале Руадзе, 2 марта 1862. Этот вечер был устроен с целью сделать как бы выставку всех передовых, прогрессивных литературных сил. <...> Даже музыкальные пьесы, которыми перемежались литературные чтения, были исполняемы женами и дочерьми писателей хорошего направления. Федор Михайлович был в числе чтецов, а его племянница в числе исполнительниц.

(Биография, письма. С. 232. 1 паг.)

А.М. Достоевский

За ней очень ухаживал поэт Полонский и даже делал ей предложение, но получил отказ. Она, кажется, и тогда уже была заинтересована будущим своим мужем М.И. Владиславлевым.

(Воспоминания. С. 307)

Э.Ф. Достоевская – А.П. Иванову

VIII–IX.1865. Петербург

Если б Маша не давала теперь уроков в институте, нам было бы нечего есть.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 404)

А.Г. Достоевская

Примечания к письмам мужа

Федор Михайлович очень любил ее в детстве и тяготился происшедшею между ними ссорою, не имевшею никаких серьезных причин.

(Письма Достоевского к жене)

Ф.М. Достоевский — жене

6 (18) V.1867. Гомбург

Всю ночь снилась ты мне и еще, представь себе, Маша, моя племянница, сестра Феди. Мы с ней во сне помирились, и я очень был доволен.

(ПСС. Т. 28₂. С. 186)

Л.Ф. Достоевская

...Пожертвовав свою жизнь памяти брата Михаила, он <отец> потребовал, чтобы племянники и племянницы видели в нем руководителя и защитника и следовали его советам. Это требование очень не понравилось детям дяди Михаила. Они считали само собой разумеющимся жить за счет своего дядюшки, но не имели никакого желания повиноваться ему. Они насмехались над Достоевским за его спиной и обманывали его. В одну из его племянниц, его любимицу, был влюблен студент, довольно бесцветный молодой человек, ненавидевший Достоевского «за то, что он в лице Раскольникова оскорбил русское студенчество». Споря как-то с моим отцом на политические темы, он выказал ему неуважение. Достоевский рассердился и запретил своей невестке принимать у себя этого наглого молодого человека. Она сделала вид, что послушалась, но влюбленный студент тайком продолжал бывать в их доме. Как только он окончил университет и получил место в министерстве, моя кузина вышла за него замуж. Неблагодарная с особым удовольствием тайком отпраздновала свадьбу, не пригласив на нее своего дядю, трудившегося как негр, чтобы поддержать семью. Встретив позднее моего отца у своей матери, новобрачная рассмеялась ему в лицо и обошлась с ним как с выжившим из ума стариком. Мой отец до глубины души был уязвлен подобной неблагодарностью. Он любил свою племянницу Марию как собственную дочь, ласкал ее и развлекал, когда она была еще маленькой, позднее гордился ее музыкальным талантом и ее успехом у молодых людей. Она была одной из лучших учениц Антона Рубинштейна. Часто, когда отца просили читать на литературном или музыкальном вечере, он настаивал, чтобы приглашали играть также и мою кузину. Отец гордился ее успехом больше, чем своим собственным.

Муж кузины Марии скоро понял, какую совершил глупость, порвав со знаменитым писателем. Спустя шесть или семь лет, когда мои родители вернулись из-за границы, он попытался возобновить дружеские отношения и заинтересовать моего отца будущим своих многочисленных детей. Достоевский согласился принять племянницу, но вернуть ей свою любовь он не смог, ибо она угасла. *(Достоевский в изображении дочери. С. 95—96)*

А.А. Достоевский

Екатерина Михайловна Достоевская отвергает предположение, что брак ее сестры с Владиславлевым состоялся против воли Федора Михайловича. *(Письменные характеристики. М.В.)*

А.М. Достоевский

<Гостя в Петербурге в январе 1868 г. и поехав в театр> мы встретили там Владиславлевых, мужа и жену. С мужем я короче познакомился, а племянница моя Марья Михайловна была все то же добрейшее существо, как и прежде!
(Воспоминания (рукопись). Квартира X)

Ф.М. Достоевский – жене
18 (30) VII. 1876. Эмс

Что же до мнения Марьи Михайловны, то она хоть и премилая женщина, но и довольно ограниченная, и никогда не поймет иных вещей.
(ПСС. Т. 29². С. 105)

Нат. А. Владиславлева

Все наши родственники убеждены, что удивленная молодая женщина у рояля на картине Ильи Репина «Не ждали»²⁴ – это Маша Достоевская, дочка Михаила Михайловича.
(Письменные характеристики. Н.Б. 2002)

В.С. Нечаева

<Потомкам М.М. Достоевского> было известно сопоставление картины «Не ждали» с возвращением Федора Михайловича из Сибири <...> «Екатерина Михайловна» находила известное сходство персонажей с членами своей семьи. Но она не имела сведений, которые подтверждали бы <это>.
(Мой труд многолетний. С. 32)

252. Владиславлев Михаил Иванович

([9.XI] 1840, [Старорусский уезд Новгородской губернии – 24.IV] 1890). Муж предыдущей с июля 1867 г. [Сын священника села Залучье Старорусского уезда. Учился в Старорусском духовном училище и Новгородской семинарии, после окончания которой поступил в Петербургскую духовную академию. Доктор философии (1868), декан историко-филологического факультета (с 1885)] и ректор [с 1887] Петербургского университета.

Страдал косоглазием²⁵. [Похоронен вместе с женой на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге, могила утрачена.]

Будущий ректор университета родился в священнической семье²⁶. Отец, Иоанн Михайлович (<1810> – 1880), протоиерей, благочинный, кавалер орденов Св. Анны II степени и Св. Владимира IV степени. Мать Анна Федоровна (? – 1880). Сестра Ольга, родившаяся

²⁴ Картина «Бурлаки на Волге» (в главном персонаже которой видели сходство с мужем и сыном Марии Михайловны) создавалась И.Е. Репиным в 1870–1873 гг., «Не ждали» – в 1884–1888. – *Ред.*

²⁵ Указание Н.В. Чехова (1865–1947), в 1888 г. окончившего историко-филологический факультет Петербургского университета. – *М.В., ред.*

²⁶ Из такой же семьи происходил и прадед Ф.М. Достоевского Михаил Федорович Котельницкий (№ 219); правда, в отличие от Владиславлева, ограничившегося получением духовного образования, Котельницкий долгое время служил священником. – *Ред.*

Супруги Владиславлевы со старшими детьми
Владимиром (№ 273, справа) и Ольгой (№ 276). 1869 г.

предположительно в 1840 г., возможно, была близнецом Михаила Владиславлева. Она стала восприемницей его старшего сына²⁷.

Поступив в Петербургскую духовную академию, Владиславлев пробыл в ней всего два года; произошел конфликт преподавателя греческой словесности со студентами, вследствие чего Владиславлев в числе других был исключен и отправлен на родину, но скоро вернулся в Петербург. Для приготовления к профессуре был послан в Германию.

Литературная деятельность Владиславлева началась с 1861 г., когда он стал помещать в издаваемом братьями Достоевскими журнале «Время» критические и библиографические статьи²⁸; позднее сотрудничал в «Эпохе», в «Отечественных записках» (1865–1866) и в «Журнале Министерства народного просвещения».

²⁷ Также как восприемник упоминается Ф.М. Достоевский; скорее всего это Ф.М. Достоевский-младший (№ 248), дядя крещаемого. – *Ред.*

²⁸ Редакционная работа во «Времени» и «Эпохе» порождала разнообразные «судьбы крещения»: так, авторами журналов были А.П. Суслова, А.В. Корвин-Круковская, воспитатель юного Паши Исаева М.В. Родевич.

Интересно, что Владиславлев женился на дочери своего издателя – и то же самое сделал в 1890 г. его старший сын, взяв в жены дочь редактора «Недели» (см. с. 343). – *Ред.*

Защитив в 1866 г. магистерскую диссертацию «Современные направления в науке о душе», был избран штатным доцентом философии в Петербургском университете и затем занял кафедру философии в Историко-филологическом институте. Сверх того, он несколько лет преподавал тот же предмет на Высших женских курсах. В 1868 г. получил докторскую степень за диссертацию «Философия Плотина, основателя новоплатоновской школы» и был избран экстраординарным профессором (*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 6 (12). СПб., 1894. С. 657–658; vladislavlev.narod.ru*).

Ф.М. Достоевский – Н.Н. Страхову
16.II.1872. Петербург

Многоуважаемейший (слог Владиславлева)...

Жене
26.VII.1873. Петербург

<Победоносцев> провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. То-то увидал бы Владиславлев.
(*ПСС. Т.29, С. 230, 284*)

А.Г. Достоевская

<Зимой 1871–1872 гг.> Федор Михайлович возобновил знакомство со многими прежними друзьями, а у своего родственника, профессора М.И. Владиславлева, имел случай встретиться со многими лицами из ученого мира...

Мы выехали 15 мая 1872 г. в Старую Руссу. Выбор этого курорта как нашего летнего местопребывания был сделан по совету профессора М.И. Владиславлева <...> И муж, и жена уверяли, что в Руссе жизнь тихая и дешевая и что их дети за прошлое лето, благодаря соленым ваннам, очень поправились...

Последние два часа переезда пароход шел по реке Полисти; она очень извилиста, и Старая Русса, со своими издалека виднеющимися церквями, казалось, то приближалась, то отдалялась от нас. Наконец, в три часа дня пароход подошел к пристани. Мы забрали свои вещи, сели на линейки и отправились разыскивать нанятую для нас (через родственника Владиславлева) дачу священника Румянцева.

(*Воспоминания. С. 219, 221, 222–223*)

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

В течение своей 24-летней профессорской деятельности Владиславлев читал лекции по логике, психологии, истории философии, метафизике, этике и философии духа. <...> Лекции его отличались ясностью и отчетливостью изложения. Во всех его сочинениях видна добросовестная работа и ясная мысль. Книга его о Плотине представляет собой первую самостоятельную и хорошую русскую работу по истории философии. Как философ, Владиславлев нападал на материалистические тенденции; как педагог, он стоял за классическую систему образования.

(*Т. 6 (12). СПб., 1894. С. 657–658*)

В.В. Вересаев

Он у нас на первом курсе читал логику. Здоровенный мужичина с широким, плоским лицом, с раскосыми глазами, глядевшими прочь от носа. Смотрел медведем. Читал бездарно. Мне придется о нем рассказывать впоследствии, когда за крепкую благонадежность его сделали ректором на место смещенного Андреевского.

(Вересаев. В студенческие годы. С. 204)

А.В. Карпов, правнук

Хлесткая характеристика прадеда в воспоминаниях Вересаева, по моему мнению, достаточно правдива.

Прадед, по словам деда Владимира Михайловича, отличался высшей степенью чинопочитания и благонамеренности по отношению к власти предержащим. Соответственно этим принципам ограничивался круг семейных знакомых. Как-то дедушка мимоходом помянул, что лет с 12–13 при посещении знакомыми он всегда старался куда-нибудь исчезнуть, поскольку от людей этого «благонамеренного круга» впадал в глубокую тоску.

К тому же прадед был трусоват. Даже перед ежегодным выездом летом на дачу заказывал пышный молебен о благополучном завершении сего «опаснейшего» предприятая. Молился не абы как формально, но, по насмешливому замечанию дедушки, до невероятия истово и с чувством.

Был весьма бережлив, почти на грани скупости (даже став уже ректором Петербургского университета). Как-то дед рассказал мне анекдотический случай. М.И. Владиславлев, как ректор, должен был явиться на прием к императору. Полагалось (по неписаному правилу) являться в лосинах. Но натура взяла свое – он заменил лосины чем-то другим. Их величество Александр Миротворец «в августейшей внимательности» своей оное заметили и, слегка ущипнув прадедовы панталоны, соизволили шепнуть ему на ухо: «Почем брал, Михал Иваныч?»

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

О.Л. Владиславлева, правнучка

...У него был только один парадный фрак, который они по очереди с Дмитрием Менделеевым надевали на прием к царю. <...> Оба они были небогатые, а у Михаила к тому же было еще очень много детей...

(Лашук А. Петербургские тайны по-нижегородски // Проспект (Нижний Новгород). 2010. 18 мая)

В.В. Вересаев

...Грузный мужичина с лицом уездного лабазника, раскосые глаза глядели в стороны. Воззрений держался самых охранительных, был туп, свиреп и привержен к начальству. Он начал усердную чистку университета. Исключил, без объяснения причин, несколько сот студентов – всех, которые были сколько-нибудь на примете у полиции...

Ряд курьезных переделок был произведен Владиславлевым в здании университета. <...> Владиславлев закрыл студенческую читальню <в нижнем этаже>, все книги перевел в фундаментальную библиотеку и выдачу их подчинил обычным правилам: текущих газет,

журналов и беллетристики не выдавать. <...> Буфет университетский тоже был закрыт, нам предоставлено было питаться где угодно. Глухая стена без дверей отгородила переднюю часть нижнего помещения от задней. <...> Это тоже во избежание «скопа».

Воротившись с каникул осенью, мы по старой привычке спешили в читальню, открывали дверь и в изумлении останавливались: вместо читальни был большой, великолепно оборудованный... ватерклозет! Кафельный пол, белые писсуары, желтые двери уютных каюток. Нужно же было придумать! Ходила острота, что в Петербургском университете произошли две соответственных перемены: вместо Андреевского – Владиславлев и вместо читальни – ватерклозет.

Библиотекарь Алексей Кириллович был переведен наверх, в фундаментальную библиотеку. Мы его спрашивали о дальнейшей его судьбе:

– Не знаю. Мне Владиславлев сказал: «Мы вас не оставим». А что это значит: милостью ли свою не оставят или на службе не оставят, – не знаю.

И, вздохнув, прибавлял:

– Я, господа, человек маленький, могу протестовать только в вершковом масштабе. Заметил я, что как только придет Владиславлев в профессорскую читальню, первым делом берется за «Московские ведомости». Вот я нарочно и запрячу их подальше, уж он ищет, ищет... Как я еще могу протестовать?

(Вересаев. В студенческие годы. С. 289–290)

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

В конце 1880-х наша журналистика много говорила о психологической теории Владиславлева, пытавшегося установить две «гаммы» чувствований: *положительную* – разные степени уважения, удивления, величия и *отрицательную* – разные степени пренебрежения и презрения. Мерилом чувствования принималось, между прочим, отношение материальных средств данного лица к стоящим выше и ниже его на лестнице благосостояния: предполагалось, что пропорционально богатству объекта растут положительные чувствования субъекта, и наоборот.

(Т. 6 (12). СПб., 1894. С. 657–658)

В.В. Вересаев

В журнале «Вестник Европы» появилась статья, вызвавшая в Петербурге огромную сенсацию. <...> <В статье цитировались и подвергались жесткой критике положения «психологической теории» М.И. Владиславлева.> «Берем оклад ординарного профессора – 3000 рублей – и проследим, как должны в экономическом отношении изменяться указанные чувства его к людям, выше его поставленным». <...> Главную роль в отношениях между людьми, писал исследователь <Владиславлев>, играет имущественное положение. Размеры природного ума, образование, происхождение, характер могут улучшать или ухудшать личное положение того или другого лица, но это все будут исключения. Директор департамента получает в три раза меньше, чем министр, – следовательно, должен питать к последнему «уважение, граничащее с удивлением». Младший делопроизводитель получает в семь раз меньше, чем директор, – следовательно, должен питать к нему «удивление с высокими степенями уважения»; наоборот, чувство директора к младшему делопроизводителю должно быть «родственно презрению». Помощник делопро-

изводителя, получающий в сорок шесть раз меньше министра, «должен питать к нему чувство, близкое к грандиозности, должен чувствовать величие его».

«Можно ли представить себе что-нибудь более унижительное для человеческого достоинства, чем все эти выкладки и расчеты, претендующие на научность? <...> Нужно надеяться, – заканчивал автор “Общественной хроники”, – что г. Владиславлев не держится, по крайней мере, теперь своих прежних взглядов или, во всяком случае, не излагает их с университетской кафедры»²⁹.

Удар для Владиславлева был жесточайший. Хохот перекачивался по всему Петербургу. Студенты справлялись друг у друга, сколько кто получает в месяц денег, и определяли, к кому кто должен питать презрение, к кому уважение и восхищение.

(Вересаев. В студенческие годы. С. 290–292)

Основные труды М.И. Владиславлева

- Современные направления в науке о душе. СПб., 1866. (Магистерская диссертация)
- Философия Плотина, основателя новоплатоновской школы. 1868. (Докторская диссертация)
- <Критическая статья о книге М.М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии»> // Журнал Министерства народного просвещения. 1867.
- Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1867. (Перевод)
- Логика. 1872. (2-е изд. – 1881.)
- Психология, исследование основных явлений душевной жизни. В 2 томах³⁰. 1881.

253. Достоевский Михаил Михайлович (второй)

31 / 246

([5.XI] 1846 – [13.VII] 1896).

В возрасте 17 лет учился в Петербургской консерватории по классу скрипки. Женился 9 ноября 1869 г. [Часто фигурирует в письмах Ф.М. Достоевского как исполнитель множества его мелких просьб и поручений. С 1869 г. служил в банке, с 1875 г. — в Обществе взаимного кредита (*Письма. Т. 3. С. 309*)]

Ф.М. Достоевский — Э.Ф. Достоевской
11 (23) X.1867. Женева

Как бы хорошо было, если б Миша старался искать что-нибудь посерьезнее, чем скрипка. Стоит только начать приучаться.

Племяннице С.А. Ивановой
8 (20) III.1869. Флоренция

Миша, которого Вы не знаете и который лучше Феди, почти ничего не делает и все ищет места.

(ПСС. Т. 28₂. С. 233. Т. 29₁. С. 27)

²⁹ У Брокгауза и Ефрона указано: «Защиту Владиславлева и объяснение в благоприятном для него смысле вышеприведенной теории принял на себя ученик его, профессор А.И. Введенский («Научная деятельность М.И. Владиславлева» в «Журнале Министерства народного просвещения» 1890 г., июнь, и отдельно)». – *Ред.*

³⁰ Задуманный третий том автор не успел подготовить к изданию. – *Ред.*

П.А. Исаев – отчиму
5.I.1870 <Петербург>

У нас перемены: Миша женился. В ту минуту, когда Вам пишу, между ним вышли с <старшим братом> Федей маленькие передразги семейные, в которых Федя в отношении своей матери держал себя наиблагороднейшим образом.

(Письма. Т. 2. С. 464)

Ф.М. Достоевский – пасынку Павлу
10 (22) I.1870. Женева

Ужасно меня удивила свадьба Миши. Верить не хочется. Да что ж ты ничего не пишешь? На ком? Когда именно?

(ПСС. Т. 29, С. 100)

А.М. Достоевский

...Миша Достоевский, этот прежде слабый мальчик – женился на молоденькой девушке 22 лет, акушерке, и вот уже целый месяц после брака живет у матери (Емилии Федоровны). Он тоже с молодою женою был у Големовских.

(Воспоминания (рукопись). Квартира X)

Ф.М. Достоевский — А.Н. Майкову
9 (21) X.1870. Дрезден

Есть у меня племянник Миша, тот женился еще раньше Паши, но тот мальчик очень умный и с характером.

Пасынку Павлу
23.II.1875. Старая Русса

Миша, в Петербурге, 5 лет сидит на 75 <рублях жалованья>, но ценит и держится крепко, и вот только теперь получил 20 рублей прибавки и получает 95.

(ПСС. Т. 29, С. 147. Т. 29, С. 21)

А.М. Достоевский

...Нигде хорошо не учившийся <...> очень рано женился и вообще вышел неудачным, а в конце жизни даже алкоголиком.

(Воспоминания. С. 307, 254)

А.С. Долинин

...Алкоголик, последние годы своей жизни находился в богадельне (по другим сведениям — в доме для умалишенных).

(Письма. Т. 2. С. 379)

254. Антонова, по мужу Достоевская Мария Сергеевна

([7.V] 1845 — [24.IV] 1920, [Павловск]). Жена предыдущего. По профессии акушерка. Отличалась энергией. Умерла от туберкулеза.

255. Достоевская Надежда Михайловна**31 / 246**

[I.1849 — ?] Умерла в детстве.

256. Достоевский Владимир Михайлович**31 / 246**

[Не ранее кон. 1849 — ?] Умер в детстве.

257. Достоевская Ольга Михайловна**31 / 246**

[Не ранее кон. 1849 — ?] Умерла в детстве.

Вспоминая о брате, Ф.М. Достоевский говорит о том, что при аресте в 1849 г. тот «оставил на квартире испуганную жену свою и трех детей» (очевидно, Федора, Марию и Михаила; новорожденная дочь не упоминается).

18 апреля 1856 г. М.М. Достоевский пишет брату: «У меня шесть человек детей». К трем старшим прибавились Екатерина и Варвара (близнец последней к тому моменту умер).

258. Достоевская Екатерина Михайловна**31 / 246**

(12 (2?) XII.1853 — 30.VIII.1932, [Ленинград]). Окончила курсы стенографии. Жила в Павловске и в Петербурге (Ленинграде) на Симбирской улице. Похоронена на Богословском кладбище Выборгской стороны в Ленинграде. Могила не разыскана.]

А.Г. Достоевская

Я же к девяти часам <...> шла с кухаркой на Сенную за покупками. <...> Возвращаясь к одиннадцати часам, я почти всегда заставала у себя Катю Достоевскую, племянницу Федора Михайловича. Это была прехорошенькая девочка лет пятнадцати, с прекрасными черными глазами и двумя длинными белокурыми косами за спиной. Ее мать, Эмилия Федоровна, несколько раз говорила мне, что Катя меня полюбила, и выражала желание, чтоб я имела на нее влияние. На столь лестный для меня отзыв я могла ответить только приглашением бывать у меня как можно чаще. Так как у Кати не было постоянных занятий и дома было скучно, то она и приходила к нам прямо с утренней прогулки.
(Воспоминания. С. 114)

П.А. Исаев — Ф.М. Достоевскому
31.V.1868. Петербург

В доме все по-старому. Изменилась только Катя, сильно выросла, чуть не догнала мамашу. У ней теперь экзамены; до сих пор держала хорошо, осталось

только два, вероятно, и их выдержит. Резвушка она стала страшная. В этот год она значительно развилась.

(Статьи и материалы С. 404)

Ф.М. Достоевский — С.А. Ивановой
8 (20) III.1869. Флоренция

Эмилия Федоровна жалуется на свою бедность, дочь ее Катя растет в большой тоске.

(ПСС. Т. 29₁. С. 27)

В.С. Нечаева

Судя по воспоминаниям и письмам современников, она была очень хороша собой, отлично училась и была очень живым ребенком. Но после обеспеченного детства, со смертью отца (ей было тогда 12 лет), для ее

семьи настали материально тяжелые годы. Несомненно, что Ф.М. Достоевский особенно выделял Катю среди семьи умершего брата...

Екатерина Михайловна, так же как Анна Григорьевна, после гимназии окончила курсы стенографии, рано начала работать, стала гражданской женой известного ученого и общественного деятеля В.А. Манассеина. Она прожила с ним свыше 20 лет, вплоть до его смерти в 1901 г., помогала в его сложной работе и была окружена уважением его друзей.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 284–285)

Возможно, Екатерина Михайловна неосознанно (или сознательно?) подражала Анне Григорьевне, бывшей на семь лет старше: курсы стенографии, выбор в качестве спутника жизни состоявшегося, известного человека. Однако судьба распорядилась иначе.

Л.Ф. Достоевская

Она влюбилась в довольно известного ученого, от которого ушла жена, не дав ему развода, хотя и любила другого, чтобы обманутый муж не мог воспользоваться свободой. В России в те времена трудно было развестись. Без взаимного согласия развод был почти невозможен. Моя кузина пренебрегла общественным мнением и стала любовницей или, как тогда говорили, «гражданской женой» ученого, не имевшего права жениться на ней. Она прожила с ним до его смерти, свыше двадцати лет, и все друзья ученого относились к ней как к его законной жене.

Несмотря на нравственную чистоту этой связи, отец мой никогда не смог простить племянницу. Это случилось через несколько лет после свадьбы моих родителей, и моя мать позднее рассказывала мне, что Достоевский рыдал как ребенок, узнав о «позоре» своей племянницы. «Как она могла осмелиться опорочить честное имя Достоевских?» — повторял, горько плача, мой отец. Он запретил

моей матери поддерживать какие бы то ни было отношения с виновной; я никогда не знала эту кузину.

(Достоевский в изображении дочери. С. 96)

Впрочем, несмотря на эти утверждения, полной изоляции не было: Достоевские со своей родственницей общались, что подтверждается разными свидетельствами, начиная с переписки ее брата, Федора Михайловича-младшего.

Ф.М. Достоевский – брату Николаю
6.XII.1879. Петербург

Я был с месяц тому у Катерины Михайловны, и та тоже говорит, что тебя давно не видела.
(ПСС. Т. 30, С. 132)

В.С. Нечаева

...Сомневаюсь, чтобы сама она была осведомлена о них <т.е. утверждениях дочери писателя>: она, конечно, не следила за литературой по Достоевскому, и никто из специалистов ее не посещал. Во всяком случае, сама она ни разу, никогда не касалась не только этого личного вопроса <невозможности вступить в брак с Манассеиным>, но и общеизвестной неприязни в отношениях ее матери к Федору Михайловичу. <...> Помню замечание Екатерины Михайловны о том, что в 1870-х она совсем разошлась с Анной Григорьевной.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 281, 285, 288)

А.М. Достоевский

Я всегда думал, думаю и буду думать, что мы все, Достоевские и урожденные Достоевские, крайне виноваты перед этой милой, доброй и симпатичной нашей родственницей! Она, конечно, в своем аномальном положении стеснялась поддерживать с нами родственные сношения, а мы?! Мы отвернулись от нее как от прокаженной! Отвернулись все, начиная с главы фамилии Ф.М. Достоевского, который при всем своем уме и гениальности сильно ошибался в своих на это воззрениях. Отвернулась и родная сестра, вероятно, по совету своего мужа-философа... а за ними отвернулись и все остальные родственники!.. и оставили ее одну, одну с своим избранным, которому она верна вот уже почти 20 лет. Почему же?... За что?... Она, видите ли, положила пятно на фамилию! Че-ем? Мы для того только, чтобы показаться прогрессистами, восхваляем публично обычаи Запада <...> нервно следим за законопроектом в Австро-Венгрии по введению в стране того же гражданского брака... а у себя не смеем допустить единственного случая подобного брака, состоявшегося по необходимости, так как они не могут освятить (не говорю закрепить, он и так оказался крепким) его таинством, то есть церковным браком! А отчего? <...> Значит, все сводится к тому, что:

Ах, Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!..

Я тоже виноват!.. я не оправдываю себя <...> но меня всегда отдаляла от этого мысль, что подумают, что я сделал сближение это в расчете на внимание профессора <Манассе-

ина> к моему сыну <Александру>, которому предстояли экзамены сперва выпускные, а затем докторские... Знаю, что и это соображение пахивает княгиней Марьей Алексевной...
(Воспоминания. С. 255)

В.С. Нечаева

Е.М. Достоевская после смерти мужа жила со своей воспитанницей, круглой сиротой, дочерью врача и воспитала ее как родную дочь. Лизочка платила ей горячей любовью, и они с мужем заботились о слепнувшей старухе, живя вместе в ее уютной квартире прошлого века.

...У двери <я> встретила Елизавету Николаевну Князеву <...>. На вопрос об Екатерине Михайловне она ответила, что «мама дома», пригласила меня войти и сейчас же догадалась, что это я прислала зимой письмо. Екате-

рина Михайловна тотчас же вышла ко мне. Ее даже нельзя назвать старухой, хотя ей 70 лет³¹. Пожилая женщина с очень правильным красивым лицом, седая, в гладком черном платье, с общим отпечатком чего-то немецкого и старомодного. Она пригласила меня в столовую, уютную и тоже старомодную, всю в стиле 70–80-х годов. Масса портретов на стенах, рояль, старый фарфор, старые кожаные кресла. <...> У нее вполне ясный ум, любовное отношение к старине, но справедливые и беспристрастные суждения. Она, по-моему, очень умна и вообще кажется хорошим, незаурядным человеком. <...> Вместе с тем она была очень осторожно настроена по отношению к книге М.В. Волоцкого «Хроника рода Достоевского», о которой я ей рассказывала и просила у нее ответов на порученные мне специальные вопросы³².

³¹ Речь идет об осени 1923 г. – Ред.

³² В неопубликованных мемуарах В.С. Нечаевой рассказывается о проведенной Екатериной Михайловной специально для нее экскурсии по тем местам, где братья Достоевские жили в половине 1860-х. «На извозчике мы отправились с Симбирской улицы к углу Казначейской – бывшей Малой Мещанской (д. 1) и Екатерининского канала (д. 11). Войдя в дом, поднялись в квартиру № 17 на третьем этаже. Лет пять перед тем в этой квартире были поставлены перегородки, количество и размеры комнат уже не соответствовали тому, что было в прошлом веке. Квартира Федора Михайловича, этажом ниже, где он поселился в 1861 г., приехав из Твери, имела то же расположение, но прежнего плана также не сохранила. Далее с 1861 по 1864 г. М.М. Достоевский с семьей и редакция журналов помещались в угловой квартире, выходящей на Казначейскую улицу (д. 9) и Столярный переулок (д. 11). Мы вошли в нее: это был чрезвычайно тесный, заставленный вещами коридор, где на стенах большими кусками висели оторванные обои, под которыми я, пристально вглядываясь, обнаружила оклейку печатными листами, несомненно относящимися ко второй половине XIX в., что особенно напоминало о находившейся здесь редакции журналов. Посетили мы и дом Алонкина на углу Малой Мещанской (д. 7) и Столярного переулка (д. 14), где Федор Михайлович жил до отъезда в 1867 г. и куда потом переселилась семья Михаила Михайловича; через ворота со Столярного переулка вошли налево в подъезд и поднялись на второй этаж. Надо думать, как волновало Екатерину Михайловну это путешествие в места, где прошла ее юность, но она никак не обнаружила своих переживаний, только утверждала, что внешне дома мало изменились, в то время как внутренность квартир уже не имела ничего общего с ее воспоминаниями» (Мой труд многолетний. С. 23–24). – Н.Б.

...Она и ее воспитанница мне жаловались, что сейчас им очень трудно живется: Елизавета Николаевна и ее муж – оба без места, а Екатерине Михайловне нужно делать не-медленно глазную операцию, на которую нет денег <...> В Москве я была рада помочь Екатерине Михайловне в ее хлопотах о пенсии, что облегчило их быт, усложнившийся рождением ребенка, которого Екатерина Михайловна обожала как внука³³.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 286, 282–283, 285)

Е.М. Достоевская

Унаследовала, по-видимому, от отца близорукость.
(Записано В.Н.)

Е.М. Достоевская – Д.Н. Жбанкову³⁴

4.I.1925. Павловск

Большое спасибо за хлопоты. 30 декабря дочка ездила в Губсбезд, где уже были получены новые списки и мне в тот же день выдали пенсию за ноябрь месяц <текущего> года. Я очень беспокоилась, что и мне пенсия будет значительно сокращена, как это сделали с некоторыми пенсионерами, но, к счастью для меня, этого не случилось. Что значит, что Вы не сами пишете письма? Уж не заболели ли у Вас глаза? Знаю по опыту, как это тяжело...

10.V.1928. Павловск

Теперь я совсем не могу читать и, конечно, не могу и писать и поневоле должна прибегать к посторонней помощи. Моя Елизавета Николаевна очень занята работой по дому и совсем не может помогать мне...

(РГАЛИ. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 40. Лл. 3, 5)

В.А. Люба – В.С. Нечаевой

21.IX.1932

Это был человек, который несмотря на свои 79 лет был молод душой необыкновенно... Как тяжела нам эта потеря человека, ясный и светлый ум которого был не только нашей поддержкой, но который был и олицетворением общественной совести – В.А. Манасеина. Отсюда понятна та необыкновенная чистота, которая сложилась из природных начал и влияния такого сильного духом человека, как Вячеслав Авксентьевич.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 288)

259. Манасеин Вячеслав Авксентьевич

([3.III.1841, с. Верхние Девлизеры Казанской губернии – 13.II.1901, Петербург]). Гражданский муж предыдущей. [Окончил Петербургскую медико-хирургическую академию (1866). В 1876–1891 гг. – профессор кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней этой академии.] Известный ученый и общественный деятель. Основатель (1879) и редактор журнала «Врач».

Умер от постепенной закупорки сосудов левой половины головного мозга. [Похоронен на Успенском кладбище (ныне Северное в Парголово).]

³³ Елизавета Николаевна Князева, по мужу Люба́, умерла в августе 1943 г. в Новой Ладге, Владимир Александрович Люба́ – после 1956 г. В этом браке в 1925 г. родился сын Владимир. См.: Богданов Н.Н. Из истории московского музея Достоевского // Достоевский и современность. 2010. С. 415–431. – Ред.

³⁴ Жбанков Дмитрий Николаевич (1853–1932) – врач, общественный деятель, этнограф. – Ред.

Пожалуй, это – самый достойный зять Достоевских. Вызывает, однако, удивление, почему Ф.М. Достоевский практически о нем не упоминает.

...Манассеин-отец, служивший офицером, затем исправником и членом Казанской уездной земской управы, после первоначального обучения сына в пансионе Омона и Казанской гимназии отдал его в 12-летнем возрасте в привилегированное дворянское училище правоведения в Петербурге. Мальчику не нравились ни училище с его порядками, ни направление воспитания, ни аристократические товарищи. Однако он был избран ими депутатом. Это избрание сослужило хорошую службу: «за депутатство» он должен был уйти в конце 1856 г. из 4-го, последнего, гимназического класса училища и решил осуществить свою мечту – учиться в университете.

В 1857 г. юноша первым из 450 претендентов выдерживает экзамен и поступает на медицинский факультет Московского университета. Учился он в университете вопреки воле родителей, поэтому остался без средств. Характер будущего редактора «Врача» носил бунтарский отпечаток, поэтому в университетах он подолгу не задерживался. В Москве пробыл только два года, после чего за участие в студенческих волнениях в конце 1859 г. был выслан под надзор к отцу, в Казань. Здесь он также проучился недолго: в 1861 г. в Казанском университете произошла «струвевская история» (изгнание старого реакционного профессора Струве из аудитории), и Манассеин вместе с шестью другими студентами был отчислен как наиболее непримиримый. Далее он направляется в Дерптский университет. В первый год усиленно занимается химией и по обыкновению протестует против здешних порядков³⁵. Он пишет в столичные газеты о немецких злоупотреблениях, за что подвергается двухмесячному аресту в III Отделении. После отсидки ректор заявляет, что диплом пятикурснику Манассеину здесь не получить и ему лучше бы перейти в другое учебное заведение. В 1864 г. Манассеин переводится в Медико-хирургическую академию в Петербурге с понижением курса. Последние два курса он главным образом занимается в клинике профессора С.П. Боткина. 31 декабря 1866 г. наконец-то заканчивается девяти-летнее обучение, Манассеин сдает лекарский экзамен и остается при академии на три года для дальнейшего усовершенствования.

После защиты докторской диссертации «Материалы к вопросу о голодании» Боткин вносит предложение о командировке Манассеина за границу. В 1870 г. Вячеслав Авксентьевич работает в Вене и Тюбингене в лабораториях и клиниках известных в то время ученых.

В октябре 1873 г. в Петербурге он приступает к чтению лекций и практическим занятиям со студентами. В 1875 г. избран адъюнкт-профессором, а через год – ординарным профессором частной патологии и терапии (читал также и практическую диагностику). В этой должности он проработал с 1876 по 1891 г.

Лекции Манассеина активно посещались не только студентами всех курсов: ходили к нему на лекции и врачи. Читал он блестяще, материалы давал не только по своему предмету, но и по гигиене и профилактике, к которым был особенно расположен. Особое внимание он уделял будущей роли врача и его нравственным обязанностям по отношению к больным и обществу: «Врач должен отдаваться принимаемому на себя долгу всей душой, бескорыстно, с любовью и самоотвержением».

³⁵ См. на с. 333 о том, как в похожей ситуации протестовал в Риге племянник Екатерины Михайловны В.М. Владиславлев (№ 273). – *Ред.*

Официальное издание «Материалы к истории кафедры» дает такой отзыв о Манассеине: «...Был одним из выдающихся и блестящих лекторов не только при нашей кафедре, но и вообще за весь исторический период академии. Это был идеальный преподаватель, какой только мог быть на кафедре частной патологии и терапии. Он был человеком, обладающим критичным умом, обширными историко-литературными сведениями, превосходным даром слова и тонкой способностью читать содержательные лекции, используя при этом большое количество материалов. Особенно были богаты по содержанию его лекции по этиологии и по истории медицины». Манассеин был не только преподавателем, он был «учителем жизни».

Деятельность Манассеина как клинициста характеризуется физиологической трактовкой медицинских проблем. В своих исследованиях он широко пользовался экспериментами на животных, проводил индивидуализацию в лечении больных, использовал санитарную статистику для решения клинических вопросов. Горячо пропагандировал физические методы лечения, гидротерапию, массаж, воздухолечение, лечебное питание; разрабатывал диететические основы борьбы с туберкулезом. Манассеину принадлежит приоритет в разработке и осуществлении метода осмотра населения для раннего выявления туберкулеза. Одним из первых указал на важность психотерапевтических мероприятий в общем комплексе лечения. Наряду с учеником Боткина А.Г. Полотебновым открыл антибиотическое свойство плесневых грибов; так мир узнал об использовании пенициллина для лечения гнойных ран. Лаборатория и клиника Манассеина выпустила значительное число работ.

Популярность Манассеина среди молодежи и врачебного мира была огромная. Однако Вячеслав Авксентьевич считал, что профессора не могут плодотворно работать более 25 лет: после этого срока они должны уступать место молодым. Никогда не изменявший своим убеждениям, он 31 декабря 1891 г., в 50-летнем возрасте, вышел в отставку; тогда же исполнилось 25 лет его преподавательской деятельности. Таких проводов, какие студенты устроили Вячеславу Авксентьевичу, академия никогда не видывала – его несли на руках из стен академии до его квартиры.

Литературная деятельность Манассеина началась еще в Дерпте. В Петербурге он работал в издававшемся медицинским департаментом журнале «Архив судебной медицины и общественной гигиены». В 1871 г. «Архив...» за вредное направление был закрыт, и Вячеславу Авксентьевичу пришлось перейти в «Военно-медицинский журнал», в котором он работал помощником редактора и вел ежемесячный обзор новостей. В те годы был большой дефицит учебников, и Манассеин перевел целый ряд руководств, в том числе капитальный труд по хирургии.

Горячее стремление поднять значение русской науки побудило его в 1879-м взять в свои руки редактирование журнала «Врач» (журнал существует и поныне), который за короткое время приобрел популярность как проводник и защитник этических начал во врачебной деятельности. Недаром Вячеслава Авксентьевича называли «общественной совестью», «рыцарем врачебной этики». Он считал, что лучший способ повышения морального уровня врачей – это широкая гласность. Во «Враче» публиковались статьи, затрагивающие такие проблемы, как непричинение вреда пациенту, профессиональный долг медика, ошибки в медицине и др. Манассеин отстаивал право пациента на сохранение врачебной тайны. Выступал за развитие женского медицинского образования. Много

энергии вложил в борьбу с шарлатанством в медицине, навлекши на себя даже судебное преследование за горячие обличения.

Он активно участвовал в организации Пироговских съездов. Был председателем литературного фонда, который оказывал помощь нуждающимся писателям. Организатор фондов материальной помощи студентам и врачам («Вспомогательная касса», «Манасеинский рубль»). Свою огромную библиотеку, состоящую из 12 тысяч томов, передал в Томский университет, нуждающийся в книгах (БСЭ; Большая биографическая энциклопедия 2009; rulex.ru; Жарова М. Краткий очерк развития медицинской этики в Европе и России // Relga (Ростов-на-Дону). 2010. 15 июля. № 8; Энциклопедический словарь Петербурга; и др.).

Важнейшие работы Вячеслава Авксентьевича Манассеина

- Материалы для вопроса о голодании. СПб., 1869. (Диссертация.)
- Об отношении бактерий к зеленому кистевнику (*Penicillium glaucum* LK, s. *penicillium crustaceum* FRS) и о влиянии некоторых средств на развитие этого последнего // Военно-медицинский журнал. 1871. Ч. 112. Кн. 9–10.
- Материалы для вопроса об этиологическом и терапевтическом значении психических влияний // Военно-медицинский журнал. 1875. Ч. 124. Кн. 12; 1876. Ч. 125. Кн. 1–2.
- Материалы для вопроса об этиологическом и терапевтическом значении психических влияний. СПб., 1876.
- К учению о действии некоторых средств на искусственное повышение температуры, вызываемое введением в организм гнилостных веществ. 1877.
- О желудочном соке лихорадящих и остро-малокровных животных. 1877.
- О вытяжках мышц и печени лихорадящих голодающих животных. 1877.
- Chemische Beiträge zur Fieberlehre // Virch. Arch. Vol. LVI.
- Лекции общей терапии. Ч. 1. СПб., 1879.

260. Достоевский Николай Михайлович

31 / 246

(Лето 185[5] — кон. 1855). Близнец с последующей.

М.М. Достоевский – брату Федору
18.IV.1856. Петербург

Я до сих пор, например, не написал тебе, что летом прошлого года у нас родились двойни.

(Письма. Т. 1. С. 528)

261. Достоевская Варвара Михайловна

31 / 246

(Лето 185[5] — <II> 1864). Близнец с предыдущим. Умерла от скарлатины.

Е.М. Достоевская

...В одно Рождество, когда елка была уже зажжена, а дети собрались вокруг нее, вдруг раздался громкий звонок и в зал торжественно вошел Федор Михайлович, ведя за руки

две большие куклы для двух младших племянниц – Кати и Вари, с которыми был особенно ласков и нежен.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 287)

М.М. Достоевский – брату Федору
16.IX.1859. Петербург

Еще на лестнице выбежали меня встречать и даже маленькая Люлюшка, самая маленькая из всех моих дочек, даже и та, еще не поцеловав меня, спросила: а где же дядя Федя?

3.II.1864. Петербург

У нас скарлатина. Варя занемогла. Теперь лучше и опасность миновала.

1.III.1864 <Петербург>

...Тоска томит нас с женою. Точно душа наша отлетела от нас. Каждый день я плачу по Варе. Это был ведь наш последний ребенок. Чуть только останусь один, так она и вертится передо мною с своей гримаской, за которую я обыкновенно называл ее: Нос!

Бедная, милая Люшка!

1864

...Горе не уменьшается, а становится все больше и определеннее; точно так как в первую минуту почти не чувствуешь ушиба, который может потом иметь важные последствия, точно так и мы в первую минуту как-то не нашлись, потерялись, а теперь, когда уже схоронено маленькое тело, боль от страшного ушиба сильно чувствуется...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 29. Л. 31. Ед. хр. 30. Лл. 26, 27, 29)

262. <Аникиев> Иван <Михайлович>

31 / 247

Внебрачный сын М.М. Достоевского. Пользовался материальной поддержкой Ф.М. Достоевского (писателя)³⁶.

Ф.М. Достоевский – пасынку Павлу

19 (31) V. 1867. Дрезден

Пр<асковье> Петровне поклонись и, главное, справься: где Ваня? Хорошенько справься.

Павел Исаев – отчиму

VI. 1867

...Денег 10 р., недоданных Пр<асковье> Петр<овне>, отдать было нельзя, да и некому. Если я ее до отъезда увижу, то деньги отдам <...> Ваня живет теперь у матери, его хотят отдать в пансион.

Ф.М. Достоевский – пасынку Павлу

19.II (2.III) 1868. Женева

У кого ты живешь? не у Прасковьи ли Петровны? то кланяйся и целуй Ваню.

(ПСС. Т. 28₂. С. 201, 265, 446)

Поколение пятнадцатое

263. Филиппова, по первому мужу Лури,

248 / 249

по второму Юзефович Мария Владимировна³⁷

[Ок. 1880 — не ранее 1933] Внебрачная дочь Ф.М. Достоевского-младшего. [В первом браке овдовела в 1905 г.] В 1924 г. разошлась со вторым мужем.

Т.Ф. и Мил. Ф. Достоевские, сестра и брат

Бойтся всех средств передвижения — на трамвае, на извозчиках и т.п. Не могла решиться сесть в поезд даже после того, как для нее было отведено отдельное купе. Любит поэзию, пишет стихи. Умеет со вкусом обставить квартиру. Очень любит цветы.

(Записано М.В.)

³⁶ Далее в первом издании «Хроники» следует цитата из письма Ф.М. Достоевского жене от 20–21 июня 1878 г.: «Поцелуй детей, скажи, что папа целует. Поцелуй и Ваню». Но это ошибка: писатель имеет в виду пятилетнего племянника Ваню Сниткина, которого привезли в Старую Руссу в семью Достоевских летом 1878 г. лечиться ваннами (ПСС. Т. 30₁. С. 33, 279; Литературное наследство. Т. 86. С. 464). – Ред.

³⁷ Вероятно, была удочерена в другую семью, отсюда отчество. – Н.Б.

264. Лури [Борис]

(? – 9.I.1905, Петербург). Первый муж предыдущей. Убит полицией.

265. Юзефович Исаак Ефимович

Второй муж М.В. Филипповой (Лури). [В браке не ранее 1905 г.] Разошлись в 1924 г.

266. Достоевский Милий Федорович**248 / 250**

([10.VI] 1884, [Саратов — II.1937, Москва³⁸]). В 1909 г. окончил Археологический институт, а в 1910 г. специальные курсы Лазаревского института в Москве. [Лингвист-полиглот, владел французским, немецким, турецким, арабским и персидским языками.] Автор ряда работ по истории искусств. Совершил несколько поездок по Средней Азии, [вел археологические раскопки на Кавказе, изучал китайское искусство.]

В 1922–1923 гг. находился на лечении [в больнице им. В.Г. Короленко,] в клинике нервных болезней I МГУ, позднее жил в московском общежитии ЦЕКУБУ³⁹ для престарелых ученых. Вследствие паралича ног мог передвигаться лишь на инвалидном кресле.

Ф.М. Достоевский-младший – А.Г. Достоевской
10.VIII <1884> Саратов

Большое Вам спасибо, многоуважаемейшая Анна Григорьевна, что вспомнили меня и поздравили с сыном. Я давно хотел написать Вам письмо, но затерял Ваш адрес и потому не мог. Сын у меня родился чудный, красоты непомерной и, что всего замечательнее, – так его интеллигентное личико. Я, право, боюсь, останется ли жив: такие не живут на свете. Жена Валентина Савельевна сама его кормит, и мы оба не надышимся нашим мальчуганом. Я целый день с ним вожусь, ношу, закачиваю. Не долго придется с ним побыть, скоро начнутся классы, тогда только утром и вечером и то урывками придется с ним быть. Мальчик наш здоровый и сегодня ему два месяца. Зовут его Милий. Все удивляются, что я дал такое ему имя, дал я его в честь великого музыканта Балакирева. Даже поп, и тот был поражен и не хотел его крестить, пока я ему не показал в святцах это имя, тогда только он его окрестил.

Директору Лазаревского института
восточных языков В.Ф. Миллеру

Милостивый Государь Всеволод Федорович!

Сын мой, Милий Федорович Достоевский, ныне студент-естественник Императорского Московского Университета давно уже имел желание посвятить себя изучению восточных языков, с каковою целью он намеревался по окончании курса в Саратовской 1-й гимназии поступить в специальные классы Лазаревского Института Восточных языков. Однако некоторые обстоятельства, перечислением которых я не желал бы затруднять Вашего,

³⁸ Дата смерти Мил. Ф. Достоевского устанавливается по письму Е.А. Ивановой к М.В. Волоцкому от 5 марта 1937 г. (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 440, 440 об.). – Н.Б.

³⁹ Центральная комиссия улучшения быта ученых. – Ред.

Милостивый государь, внимания, не позволили сыну моему поступить непосредственно по окончании в Лазаревский Институт, а заставили его подать прошение о зачислении в число студентов Императорского Московского Университета по естественному факультету. Теперь, по устранении всех вышеназванных причин и обстоятельств, сын мой, бросая университет, вновь желает поступить на 1-й курс Специальных классов Лазаревского Института. Сам я, как старый педагог, изучивший хорошо педагогическое дело со всеми его трудностями, не желал бы, чтобы мой сын, в свою очередь, сделался бы также педагогом, что, несомненно, следует по окончании курса естественного факультета. Сопоставляя с одной стороны желание сына и мое, а с другой – памятью о том, что при всем желании восточные языки изучать в Московском Университете нельзя, а также зная, что от Вас, как от директора Института, зависит судьба всех вновь поступающих в него, я как отец обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбой не отказать похлопотать перед советом Института о зачислении сына моего на 1-й курс Специальных классов Лазаревского Института Восточных языков.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 32; ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Ед. хр. 705. Лл. 81–82)

Мил. Ф. Достоевский – А.А. Достоевскому
Почтовый штампель 24.VII.1914. Москва

Дорогой дядя Андрюша! (Ты, вероятно, удивишься, получив письмо от меня.) Прости, пожалуйста, что отнимаю от тебя время и обращаюсь к тебе на «ты», но я, насколько помнится, от тебя же получил разрешение.

От Андрюши Рыкачева или от моей сестры Тани ты, вероятно, уже знаешь о моей тяжелой болезни, постигшей меня 1 1/2 года назад. Дело в том, что у меня на нервной почве совершенно отнялись ноги, и я одно время совершенно лишился возможности передвигаться. Теперь здоровье мое значительно окрепло, и я имею возможность, хотя и с грехом пополам, передвигаться. Заболев в Персии, я, конечно, должен был выйти в отставку; когда я поправился, начались заботы о приискании работы; счастье улыбнулось: я начал заниматься научно-литературным трудом и пристроился в редакции вновь открывшегося художественного журнала «Баян». Здесь я успел напечатать всего одну работу о восточных искусствах в № 3; набрана была и другая моя работа, посвященная китайской живописи, но вспыхнула война, и всю редакцию прикрыли. Теперь я снова без работы и без денег. Ума не приложу, что делать. Между тем, не знаю почему, здоровье мое настолько ухудшилось, что доктора настоятельно посылают меня на Кавказ. Тогда я в отчаянии написал тете Маше Ставровской письмо с просьбой о материальной помощи. Если увидишь ее, ради Бога, извинись за меня, но видит Бог, что у меня сложились тяжелые условия, и я обратился к ней, как к близкому человеку, для которого 50–100 р. особого значения не имеют. Может быть, из моей просьбы ничего не выйдет, и она мне денег не пришлет. Пока можно было жить, я жил и не обращался к родственникам за помощью, ибо знаю и вполне понимаю, как это утомительно и тяжело. Но с войной и закрытием «Баяна» жить стало невозможно. Только тогда я решился в первый и, вероятно, в последний раз обратиться за помощью. Сейчас, несмотря на настоятельную необходимость, я совершенно отбросил даже самую мысль о лечении, так как в недалеком будущем абсолютно нечего будет есть. Заработка нет, а на службу, хотя бы временную, поступить я не в состоянии, ибо больного никто не возьмет, когда есть сотни здоровых.

К тебе же, дядя, будет с моей стороны несколько просьб, суть которых сводится к следующему:

1) Напиши, пожалуйста, адрес Анны Григорьевны Достоевской; она, кажется, относилась все время недурно ко мне; кроме того, хотелось выяснить один очень загадочный факт. Меня, видишь ли, пожелал видеть Федор Федорович, очень заинтересовался он, что я из себя представляю. Я был у него с визитом на квартире, но его не оказалось дома. Потом я неоднократно звонил по телефону, но его не вызывали. Стороной я слышал <нрзб.>, что он считает нас с Таней очень гордыми, не желающими поддерживать родственные отношения. Второй раз ехать на квартиру к Федору Федоровичу я не решился, ввиду дальности расстояния его квартиры, что мне с больными ногами очень и очень трудно сделать.

2) Нет ли, дорогой дядя, у тебя связей с бароном Врангелем или Вейнером, словом, с редакцией журнала «Старые годы». Попасть туда без <поручительства>, вижу – прямо невозможно. Если есть какая-либо возможность попасть туда или в «Аполлон» к С. Маковскому, черкни, тогда я пришлю подробно, что я и как и список моих печатных работ.

Прости, дядя Андрюша, что обременяю тебя просьбами, сам сознаю, что, может быть, делаю нехорошо. Очень бы хотелось пристроиться в означенных редакциях. Ради Бога, помоги мне, век буду благодарен. Ответь, если не трудно, поскорее, обязательно к 1 августа, и устрой дело с тетей Машей. Конечно, если тебе не трудно и не займет много времени. 1 августа у меня срочный платеж за квартиру <...> что меня страшно волнует, а денег нет и не предвидится. Еще раз прости, если будешь писать, то по адресу: Москва, Сокольники, угол Камерколлежского Оленьего вала и Авдеевского переулка. <...> Милю Федоровичу Достоевскому (пишу свое имя, так как ты, вероятно, забыл его). Ты не обижайся. <нрзб.> Мой глубокий привет Рыкачевым.

М.В. Волоцкому
<1922/23>

Не откажите через подателя сего сообщить мне в письменной форме, в каком положении мои дела у проф. Н.К. Кольцова⁴⁰. Могу ли я рассчитывать хотя бы на академический паек; и какие формальности нужны для того? Вопрос о санатории или вообще об улучшении моего положения, вероятно, затянется, а между тем я голодаю, и паек (если его можно получить) мне был бы очень кстати. Кроме того, я сижу без копейки и очень прошу Вас, если нетрудно, пустить в мою пользу подписной лист, может быть, можно будет собрать хотя бы немного денег. Конечно, было бы самое лучшее, если бы Вы приехали лично ко мне: было бы удобнее переговорить, кроме того, я подготовил Вам кое-что о Достоевском

⁴⁰ Кольцов Николай Константинович (1872–1940) – биолог, основоположник экспериментальной биологии в России и СССР. Член-корреспондент Петербургской АН (1915). В 1917–1938 гг. директор организованного им института экспериментальной биологии. – *Ред.*

новое; жду Вас очень и Вашего ответа через подателя сего, как бы тяжел для меня он ни был. Лучше знать горькую истину, чем ждать напрасно. Простите, что отнимаю у Вас время, еще раз жду Вас и Вашего ответа на интересующие меня вопросы. Крепко жму руку.
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 21. Лл. 1–4; РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1)

В.С. Нечаева

Милий Федорович Достоевский лежал в постели с креслом-каталкой рядом. Это был сорокалетний мужчина с изможденным, но живым, подвижным лицом и быстрой, не лишённой остроумия, юмора, речью. <...> Его решительно никто не посещает, у него нет никого близких и никаких средств. С идиотами, паралитиками вокруг, в общей палате, прокуренной и грязной, он пытается что-то писать о китайском фарфоре, эмали, но у него нет ни особого стола, ни бумаги, ни денег на бумагу. С туберкулезом легких он год не был на воздухе, потому что спустить его в кресле со второго этажа стоит слишком дорого. У него нет теплых вещей, да и вообще ничего нет...

Я не только не могла надеяться получить от него что-либо для предполагаемого музея <писателя>, но оказалась вынужденной затратить на его дела уйму времени и сил. Самым необходимым был перевоз его из этого «убежища»⁴¹ в санаторий для престарелых ученых, находившийся в Москве, в Неопалимовском переулке. Его посетил главный врач санатория Касаткин, который, однако, считал необходимым предварительное его обследование в Университетской клинике. На мою долю выпала задача перевезти безногого и лишённого теплых вещей больного с креслом-каталкой и прочим имуществом от Преображенской заставы на Девичье поле – при всей сложности в то время с транспортом, тем более что речь шла о точно условленном дне и часе.

...Помню, что <наркоздрав> Н.А. Семашко знал о состоянии Милия Федоровича <...> я 16 марта 1923 г. отправилась утром к нему <...> Н.А. Семашко сейчас же принял меня, выслушал и, немного подумав, предложил дать свою персональную машину на определенное время. <...> Мне оставалось достать шубу, которую одолжил живший в одном доме со мной профессор С.А. Котляревский. Перевоз при моем участии благополучно совершился, Достоевский был принят в Клинику нервных болезней МГУ, откуда (уже, кажется, без моей помощи) был переведен в «здравницу» Дома ученых ЦЕКУБУ, где оказался поселенным в отдельной комнате, окруженным вниманием, удобствами и медицинской помощью.

Милий Федорович Достоевский ничего не мог рассказать мне о своей семье и мало интересовался своим родом и знаменитым двоюродным дедом, хотя имя его, конечно, постоянно помогало ему и доставило благополучие в последние годы жизни.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 280–281)

Л.А. Иванова (Спивак), троюродная сестра

В 1924 г. я перебиралась в Казань с Кавказа, где мы тогда жили, проездом через Москву. Сестра Елена предложила мне посетить Милия Федоровича, которого раньше я никогда не видела. Я почти не помню никаких подробностей этой встречи, кроме того, разве, что мне – тогда совсем еще девчонке – он показался очень старым. Потому, наверное, что был совсем седым. Он говорил, что очень много работает, но я ведь ничего в его работе не понимала. И вдруг, спустя некоторое время, я получаю письмо с предложением... выйти за

⁴¹ Больницы им. В.Г. Короленко. – Ред.

него замуж! Я была поражена и очень обижена этим письмом: мы виделись всего-то каких-то полчаса и вдруг – замуж! К тому же письмо было как-то странно написано... Уж очень слащаво, что-то в стиле писем Николая Михайловича Достоевского. Разумеется, я не стала ему отвечать, и больше мы никогда не виделись.

(Записано Н.Б. 2003)

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

9.IX.1934

Боюсь, что вся эта чепуха получилась из-за того, что я сказала Милию Федоровичу, что в мою характеристику попало писанное не мною письмо, а он, будучи враждебно настроен по отношению к Вашей работе, что-нибудь не так сказал Вам.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 335)

С.В. Шервинский

<Приехав в Москву в 1936 г., А.А. Ахматова> нашла приют в доме, принадлежавшем Академии наук, на набережной Москва-реки. Там жили престарелые литераторы, среди них <внучатый> племянник Достоевского, разбитый параличом, катаемый в кресле.

(От знакомства к родству. С. 244)

Е.Ю. Агаркова (№ 477)

Я помню его при посещении в Неопалимовском переулке в 1936 г. Он сидел в кресле у стола в маленькой комнате, наподобие кабинета. Во всей атмосфере помещения не было ничего больничного. Одна его нога была закинута на другую, хотя он вряд ли мог сделать это сам, без посторонней помощи. Помню его удивительно (мне кажется, как и у всех Достоевских) красивую голову. Ее форма легко читалась под короткими, совершенно седыми волосами. Черты несколько удлиненного, хорошо выбритого лица привлекали своей гармоничностью. Содержание нашего разговора совершенно не сохранилось в моей памяти, скорее всего, мы говорили о каких-нибудь пустяках. Наружность и манера вести себя обнаруживали в нем человека старой формации, это подчеркивалось и впечатлением от приятного, баритонального голоса. В ту нашу встречу он показался мне очень яркой и значительной личностью. Спустя какое-то время я получила от него довольно странное письмо с комплиментами в мой адрес. Не зная, как реагировать, я показала его своей тете – Елене Алексеевне Ивановой. «Не вздумай отвечать!» – приказала мне она.

В зарубежной переписке он всегда подписывался *Милюс*. Дело в том, что однажды Милий Федорович получил от какого-то немецкого историка письмо, адресованное... «фрейлейн Эмилии Достоевской».

(Записано Н.Б. 2003, 2004)

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

5.III.1937

К Милию Федоровичу зашла только в день своего отъезда <из Москвы в феврале 1937 г.> <Его постоянная сиделка> Саша тогда говорила, что он все время ждал меня и беспокоился, что я не зайду. А на прощание говорит (чего он никогда не делал): «Ну, прощайте! Кто знает, доживу ли я до того времени, когда Вы снова в Москву приедете...»

9.IV.1937

Три года я очень серьезно относилась к его мечтам и проектам совместной жизни, пока не узнала, что то место, на которое он меня зовет, давно уже занято Сашей. <...> И я перешла с ним на отношения близкой родственницы... Но так как я всегда была очень мягка и внимательна к нему, он <...> был уверен, что я *по-прежнему* отношусь к нему. <...> Я не лгала ему, но он не спрашивал никогда <...> Он до последнего времени чего-то ждал от меня. <...> Одна хорошая знакомая, постоянно бывавшая у Милия Федоровича, писала <...> <моему брату Юрию>, что Саша ищет мой адрес, так как Милий Федорович перед смертью что-то просил ее сказать мне... <...> <Он понимал, что> у него нет никого, кто вспомнил бы о нем, – только Саша да я...

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 440 об., 452–453)

Из работ Милия Федоровича Достоевского известны:

- Еличка Г. Практическое руководство для изучения турецкого языка. Пер. с немецкого. (Мил.Ф. Достоевский, еще будучи студентом, под руководством В.А. Гордлевского участвовал в переводе этой книги, см.: *Люди и судьбы*. С. 452).
- Раскопки в Геленджике Черноморской обл. летом 1907 г. // *Древности восточные*. 1913. Вып. 4. С. 2–4.
- Страницы искусства Востока. // *Баян* (Москва). 1914. № 3. С. 5–27.
- Очерк восточного искусства. // Там же. № 7–8. С. 46–67.
- Страна печали. // Там же. № 9–10. С. 1–70.
- Барокко и его отражение в современной западной архитектуре. // Там же. № 9–10. С. 71–78.
- Старина и быт Средней Азии. М.: Образование, 1917. 61 с.
- Суздаль. М.: Образование, <1919>. 52 с.
- Die modernen russischen Publikationen auf den Gebiete der Orientalistik. <1930-e гг.> 15 S.
- Professor N.P. Matsokin und seine neue arbeit über die grammatik der japanischen sprache. Übers. von FrI. H. v. Schulz. Berlin, 1931. 13 S. (Mitteilungen des seminares für orientalische sprachen zu Berlin. Jahrg. 34 ostasiatische stunden. S. 134–149.)
- Russlands Vordringen zum Stillen Ozean und seine erste Berührung mit Japan. Berlin: de Gruyter, <1930-e гг.> 38 S. (Japanisch-Deutsche Zeitschrift. Neue Folge. 2. Jg. 1930. Hft. 4–6.)
- W. Barthold. Gessellschaft für Islamkunde. <1930>. 46 S. («Die Welt des Islams». Zetschrift für die Entwicklungs-geschichte des Islams besonders in der Gegenwart. Bd. 12. H. 3. S. 89–136.)

267. [Первая] жена предыдущего

Скорее всего, Милий Федорович Достоевский не был женат дважды. За первую жену он выдал М.В. Волоцкому мать своего внебрачного ребенка.

268. Щукина Евгения Андреевна

(1.VII.1897 — [не ранее 1954]). Вторая жена Мил. Ф. Достоевского. Мещанка г. Белева Тульской губернии. Развод через три месяца.

В.С. Нечаева

<Милий Федорович> был женат на дочери богатого купца А. Щукина, крупного коллекционера современной европейской живописи, создавшего целый музей в роскошном особняке. Брак был скоро расторгнут, но Е.А. Щукина, эмигрировавшая после революции, оставила себе фамилию Достоевская и под этим именем выступала за границей с враждебными нашей стране статьями. Помню, что из Союза советских писателей обращались ко мне, чтобы определить, по какой линии Евгения Достоевская приходится родственницей писателю.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 281)

М. Бубеникова, Б.Н. Тихомиров

Учитывая, что книга Волоцкого вышла в свет в 1933 г., можно допустить, что социальное происхождение Щукиной в ней умышленно закамуфлировано; но в любом случае она не могла быть дочерью коллекционера С.И. Щукина⁴². Этот вопрос требует дополнительного изучения. Возможно, родство с миллионерами Щукиными – это еще одна мистификация самой Е.А. Щукиной.

(Достоевский и мировая культура. Вып. 15. С. 253–254)

С середины 1940-х Щукина жила в эмиграции в Германии. Автор вымышленных мемуаров, публиковавшихся в «Литературном современнике» (Мюнхен, 1952, 1954), согласно которым Мил. Ф. Достоевский, дававший уроки русского языка иностранцам, в том числе японскому дипломату, будто бы был обвинен в шпионаже в пользу Японии и после ареста 4 марта 1923 г. пять месяцев провел в заключении. После освобождения якобы жил в Тифлисе. Позже еще два раза арестовывался (31 марта 1930 г. и 6 сентября 1936 г.), как участник заговора дашнаков и за антисоветскую пропаганду среди студентов криворожского горного техникума. Приговаривался к пятилетней ссылке на Землю Франца-Иосифа (освобожден благодаря хлопотам «жены» и заступничеству К.Е. Ворошилова и В.А. Балицкого) и к десяти годам исправительных работ. Последний срок отбывал на ферме НКВД № 2 в 23 км от Мариинска (Западная Сибирь) и умер в 1942 или 1943 г. *(Люди и судьбы. С. 452)*

А.Ф. Достоевский, внук писателя

В 1942 г. в Крыму появилась бывшая жена Милия Федоровича <...> Она сумела получить оккупационный вид на жительство под фамилией Достоевская, хотя была женой Милия Федоровича всего лишь три месяца и давно уже носила девичью фамилию. Фамилию Достоевская она использовала для предательских выступлений по радио и в печати. <Моя мать> Екатерина Петровна вынуждена была приступить к разоблачению самозванки, чем вызвала недовольство немецкой комендатуры. С другой стороны, так как в Симферополе, где жила Екатерина Петровна, ее все знали и считали единственным человеком, носившим фамилию Достоевская, население приписало предательские выступления Екатерине Петровне. Она стала получать угрожающие письма от подпольщиков и партизан.

(Грани. 1994. № 174. С. 225–226)

⁴² Евгения Андреевна не приходилась дочерью никому из шести братьев-коллекционеров Щукиных, поскольку среди них нет Андрея. – *Ред.*

Е.П. Достоевская – А.Л. Бему⁴³VI–IX. 1944. Киршберг (Вишнева Гура), Польша⁴⁴

За эти два года я <...> писала в О<бщест>во им<ени> Достоевского <в Праге> и про-сила <...> поместить у себя разъяснение, какое родственное отношение имею я к Федору Мих<айловичу> и теперь выступающая не только по радио, но и в печати (по сообщениям моих корреспондентов в <берлинском> «Новом слове») – разведенная 2-я жена Милия Достоевского, живущая теперь в Берлине. <...> Надо обратить внимание, что <в «Хронике рода Достоевского»> всюду у имеющих право носить фамилию мужа написано «п.м.» (т.е. по мужу). У нее этого нет, и паспорт только от 1938 г. с фамилией Д<остоевск>ая. До того ей было, вероятно, невыгодно или боязно носить это имя. Теперь эта особа постоянно выступает то по радио, то в печати, давая полную возможность нас смешивать. Даже мои знакомые, знающие хорошо меня и мою жизнь, сообщают мне, что мое выступление слы-хали и мою благодарность Фюреру за заботу обо мне. Очень, очень прошу Вас разъяс-нить, где только возможно, – кто я и кто она.

(Достоевский и мировая культура. № 15. С. 252–254)

С.А. Стариков – А.Л. Бему

20.VIII. 1944. Велит, Чехия

Глубокоуважаемый Альфред Людвигович! Простите, я снова Вас беспокою, но, испол-няя просьбу Екатерины Петровны Достоевской, я решил Вас просить не отказать мне со-общить по следующему вопросу: могли ли бы Вы написать справку на основании имею-щихся у Вас материалов (мемуаров, книг и пр.), что Е.П. Достоевская есть действительно подлинное то лицо, о котором везде изложено в материалах, и жена сына Достоевского, и если возможно, то тоже и написать о гражданке Щукиной, именуемой себя Достоевской. Что об ней изложено в книгах и мемуарах, я лично не знаю, но Е.П. <ссылается на «Хрони-ку» Волоцкого.> <...> А теперь в газете «Новое слово», а затем в «Немецкой газете» появ-ляются ее статьи за подписью Достоевской, и она, Щукина, дает фото дома Достоевских, в котором якобы она жила, а там жила только Е.П. Достоевская. Словом, идет безобразная авантюристическая история.

(Достоевский и мировая культура. № 15. С. 255–256)

Ральф В. Мак-Магон, американский вице-консул – Е.П. Достоевской

13.VII. 1950. Зальцбург

(Ответ консульства США в Зальцбурге «на подачу заявления Ек. П. Достоевской о том, что Евгения Щукина, бывшая всего три мес. замужем за Милием Фед. Достоевским и через 3 мес. получившая развод, самозванно продолжает себя называть Достоевской»⁴⁵)

Дорогая госпожа Достоевская: Спешу подтвердить получение Вашего письма от 30 июня 1950 г. касательно самозванки, которая использует Ваше фамильное имя. В тот

⁴³ Бем Альфред Людвигович (1886 – ок. 1945) – библиотекарь Петербургской духовной академии; профессор русской литературы и издатель журнала «Скит» (1933–1937) в Праге. Специалист по Достоевскому, редактор трехтомного сборника о писателе (Прага, 1929–1936). – Ред.

⁴⁴ Оккупированная фашистами Польша (как и Чехия – см. следующее письмо) в то время не была само-стоятельным государством. – Ред.

⁴⁵ Слова, приведенные в кавычках, – комментарий Е.П. Достоевской на полях документа. – Ред.

же день, когда пришло Ваше письмо, я также получил сообщение из американского консульства в Ницце. В этом сообщении были приложены копии документов, которые Вы представили на их рассмотрение. Я передал эту информацию в соответствующие инстанции и надеюсь, что они предпримут соответствующие шаги.

(Письма из *Maison Russe*. С. 253)

269. Достоевская Татьяна Федоровна

248 / 250

([19.I] 1886, [Саратов — 4.III.1958, Москва]). Пианистка. Окончила [Саратовский институт благородных девиц (1903) и] курс Петербургской консерватории по классу Л.В. Николаева⁴⁶. [Четыре года преподавала в Институте благородных девиц г. Саратова, 11 лет давала частные уроки музыки в Петербурге. С декабря 1918 г. по приглашению Я. Черницкого состояла] преподавательницей музыки в Калужском музыкальном техникуме. Некоторое время была в нем ректором. [С 20 сентября 1923 г. совмещала эту работу со службой в Калужском государственном театральном техникуме. В последние годы жизни преподавала в музыкальном училище Ждановского района г. Москвы. Имела способности к рисованию.]

Т.Ф. Достоевская – А.А. Достоевскому
<1910-е> Петербург

Милый дядюшка! Я только на балу узнала Ваш адрес и потому извиняюсь, что не поблагодарила Вас сразу за присланные цветы. Очень, очень тронута Вашим вниманием. <...> Мне бы ужасно хотелось попасть на чествование памяти Ф.М. Достоевского и не знаю, как это сделать. Может быть, научите и черкнете? Страшно Вам буду благодарна.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 17. Л. 1)

Е.М. Достоевская

В общем неординарна, не шаблонна, с огоньком. Очень самостоятельна.

В.В. Симоненко

Очень упорна в достижении поставленной цели, замкнута и умна.
(Записано М.В.)

⁴⁶ Николаев Леонид Владимирович (1878–1942) – пианист, педагог, композитор. С 1909 г. преподавал в Петербургской (Ленинградской) консерватории. Народный артист РСФСР (1938). Учитель В.В. Софроницкого, М.В. Юдиной, Д.Д. Шостаковича и др. – *Ред.*

Т.Ф. Достоевская – М.Ф. Гнесину
<4.V> 1920. Калуга

Пишу Вам из Калуги, где очутилась как-то случайно и где мне далеко не нравится ни сама жизнь, ни моя деятельность. <...> Я <живу> со своей маленькой дочкой <Ириной>, которая родилась здесь. (Не делайте только отсюда выводов насчет Михайлова, он тут ни при чем.) Мы <состоим> здесь преподавателями в консерватории и оба очень тяготимся нашей деятельностью. <...> Здесь нет ни людей, ни оркестра, и дороговизна страшная.

(РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 1)

С. Туликов, композитор

Самым известным педагогом в Калужской музыкальной школе была Татьяна Федоровна Достоевская. <...> Она держалась как строгая профессорша-академичка. Рассказывали, что в свое

время она была связана с В.В. Софроницким, блестящим пианистом-концертантом из Москвы. У Достоевской от него был ребенок. Она решилась на это. Достоевская была энергичная, хваткая женщина. Когда я подал заявление в музыкальную школу, она очень хотела, чтобы я занимался у нее. Но мое заявление на поступление было отдано к Рязанцеву. (Серафим Туликов. С. 45)

Е.Ф. Гольская, преподаватель московской
музыкальной школы им. В.И. Мухоморова

Во внешности Татьяны Федоровны суровое, неприступное сочеталось с чем-то мужественным и величественным. Она была довольно высока ростом, с фигурой мужского склада – широкой в плечах и сужающейся книзу. Широкий лоб, небольшие пронизательные глаза, казалось, видящие собеседника насквозь, орлиный нос, всегда коротко остриженные волосы. Одевалась она чаще всего в закрытый костюм с отложным воротничком, что еще больше подчеркивало мужественность облика.

Из-за нехватки помещений Татьяна Федоровна занималась со своими учениками на дому. В ее комнате стояли два огромных концертных рояля, в уголке около окна находился небольшой столик (типа журнального), на котором она кушала, а напротив – небольшая кушеточка. Вся комната была завалена какими-то рукописями, нотами, книгами; все это в беспорядке валялось на полу, подоконниках, роялях. Но мы не замечали беспорядка, а видели только тонкого музыканта, замечательного педагога, остроумного человека и старались не пропустить ни одного ее замечания. Она прекрасно понимала учащихся, часто беседовала с ними на различные, в том числе и литературные темы, со старшими учениками обсуждала даже творчество Ф.М. Достоевского. Выпускникам школы нередко писала стихотворные посвящения; из своего помню только: «Ты будешь долго вспоминать, как не умела ты считать».

В поведении и высказываниях Татьяны Федоровны иногда проглядывали какие-то непривычные черты (например, она могла довольно обидно разыграть человека), но в целом это был очень добрый, хороший человек, искренне любящий музыку и свою работу.
(*Письменные характеристики. Н.Б.*)

В. Малюга, внучатый племянник одной из учениц Т.Ф. Достоевской

Уроки проводились у нее на дому. Занимала она небольшую квартирку, в которой было довольно тесно. Оттого ли, что Татьяне Федоровне не хватало средств на прислугу, или оттого, что настали уже те времена, когда все кухарки отправились учиться управлять государством, но так или иначе жилище ее выглядело довольно неряшливо. Немытая посуда стояла везде: на столе, на окнах, на рояле, там и сям валялись разбросанные ноты. Ученицы, приходя, начинали с того, что наводили в доме порядок. Мыли посуду, протирали пыль и только после этого приступали к занятиям.

Прямо за роялем стояла кровать маленькой дочки Татьяны Федоровны. Мать, видимо, считала, что так она скорее привьет ей любовь к музыке. Когда девочка начинала плакать, Татьяна Федоровна садилась за рояль и принималась играть. Представьте себе картину – дочь орет, а мама играет Баха! Как говорили, когда девочка подросла – музыку она возненавидела.

(*Письменные характеристики. Н.Б.*)

Ю. Зельников

У нее тоже занималось немало известных в Калуге учеников. Среди них наиболее талантливым был Кириллов-Зарницкий.

(*Зельников Ю. Мир песен Серафима Туликова. Калуга: Золотая аллея, 1999. С. 5*)

И.В. Крюкова – троюродной сестре М.В. Зеленовой
20.IV.1958 <Москва>

Милая Марусенька! Приготовьтесь выслушать весьма печальную вещь: 4 марта скончалась моя милая мама, Татьяна Федоровна Достоевская. Оказалось, у нее никакой не рак, чего так долго доискивалась медицина, а просто был гнойный аппендицит флегмонозный, который перешел в брюшину и сделался перитонит. Вот как бывает – это в Москве-то... <...> Все искали рак – и, правда, не нашли, а выписали с диагнозом «колит и удлиненная сигма» (кишка так называется). Марусенька, это еще ужаснее! Если бы был рак или другая какая-нибудь тяжелая старческая болезнь – это было бы для меня легче, но умереть от аппендицита, когда можно было бы все предотвратить!

(*Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (75) д*)

270. Софроницкий Владимир Владимирович

(25.IV.1901, Петербург – 29.VIII.1961, Москва). Отец ребенка предыдущей⁴⁷. Известный пианист, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР (1942), лауреат Сталинской премии (1943).

⁴⁷ Отцовство Софроницкого подтверждается пояснительной запиской к фотографиям Т.Ф. Достоевской, переданным в Ленинскую библиотеку в 1977 г. Е.Н. Кушеревой (НИОР РГБ. Ф. 745. Карт. 8. Ед. хр. 35. Л. 4). – Н.Б.

271. Достоевский Всеволод Федорович
(1887—1888). Близнец с последующей.

248 / 250

272. Достоевская Ольга Федоровна
(1887—1888). Близнец с предыдущим. Оба младенца умерли одновременно, от цереброспинального менингита.

248 / 250

273. Владиславлев Владимир Михайлович **252 / 251**
[26.II.1868, Петербург — 8.III.1943, Горький]. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. [Знал древнегреческий, латынь, пять европейских языков, будучи уже в преклонном возрасте, учил татарский. Ценитель многих видов искусств, занимался поэтическим переводом, сам до старости писал стихи. Шахматист.] Служил [чиновником,] податным инспектором, [частным поверенным в Риге, Киеве, Киевской, Нижегородской и Симбирской губерниях, Нижнем Новгороде⁴⁸.]

А.В. Карпов, внук

Из-за резких различий в политических взглядах Владимира Михайловича со своим отцом они стали друг другу чужими еще в годы дедушкиной юности и где-то в середине 1880-х расстались — правда, сравнительно мирно. Будто бы прадед сказал деду, что тот ведет себя непозволительно и *компрометирует его в глазах знакомых!* Дед ему ответил: «Я тебя компрометирую в глазах твоих знакомых, а ты меня — в глазах моих. Нам нужно расстаться». Не знаю, встречались ли они впоследствии, но на похороны своего отца дед приезжал. Впрочем, дедушка вообще крайне редко вспоминал о своей юности, так что я, например, абсолютно ничего не знаю о его матери, Марии Михайловне Достоевской. А может быть, просто он считал, что у меня еще нос не дорос...

В возрасте примерно 16 лет (1884 г.) Владимир Михайлович был замешан в каких-то «народовольческих делах». Полагаю, что он был причастен к так называемому делу «второго 1-го марта» (делу Веры Фигнер)⁴⁹. <...> С Верой Николаевной он был знаком с юности. <...> Для деда все ограничилось снятием допроса. То ли на него просто плюнули по малолетству, то ли его отец приложил руку к прекращению этого дела. Скорее всего — второе. Но, так сказать, в «банке данных» III Отделения его зафиксировали: дедушка как-то помянул, что еще в гимназические времена он периодически замечал ненавязчивое внимание к себе «ангелов-хранителей» в голубых мундирах. Правда, по словам деда, во времена блаженной памяти государя-батюшки Александра Миротворца мыслящему человеку так же трудно было избежать жандармского надзора, как новорожденному собственными силами — обряда крещения.

Меня всегда поражала почти полная противоположность в характерах деда и прадеда — это были, так сказать, позитив и негатив. А где же наследственность? Как, по каким

⁴⁸ В первом издании «Хроники» называется Ярославль, но это неточность воспоминателей: В.М. Владиславлев не жил в Ярославле, имеется в виду Нижний Новгород. — Н.Б.

В 1913 г. в агентурной записке о московском студенческом движении сыновья В.М. Владиславлева значатся как сыновья коллежского асессора (с. 364). — Ред.

⁴⁹ «Второе 1-е марта» (неудачная попытка покушения на Александра III) готовилось в 1887 г. Дело Веры Фигнер («процесс 14-ти») относится к 1884 г. — Ред.

причинам так получилось, я в детстве часто пытался у него выяснить. Но он мне этого объяснить не мог. «Так уж вышло...» – и все. По-моему, он и сам этого толком понять не мог. При этом во внешности сходство необыкновенное – оба потрясающе похожи на бурлака <Канина>, идущего «коренником» на картине Репина «Бурлаки на Волге»⁵⁰. (Ах, как это неинтеллигентно!) Когда я в возрасте 5–6 лет впервые увидел литографию этой картины, я радостно воскликнул: «А вон дедушка нарисован!» Действительно – не хватало только бородавки на носу.

Владимир Михайлович был человеком весьма образованным. В гимназические годы освоил английский и древнегреческий языки, латынь. <...> Как-то он мне прочел свой перевод на латынь стихотворения «Анчар» Пушкина. Звучало очень красиво и величественно. Еще до гимназии, дома освоил немецкий и французский. <Кроме того, знал итальянский.>

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому⁵¹

2.VI.1885

Питомец муз и Аполлона! Благополучно ли прибыл в Москву и как глянула на тебя белокаменная? Теплом ли повеяло от нея или холодом, который повсеместно царствует на наших тундрах? Надеюсь, что у вас не два градуса Р<еомюра>, как у нас было недавно. <...> В четверг был по всему Балтийскому побережью сильный ветер и в 4 верстах от Гатчино, в Орловской роще, где *строго воспрещается* рубить деревья, ветер поломал больше десятка и безнаказанно сам перенес через дорогу. <...> У нас во время русского экзамена град бил в окна класса, и наш Гаврилов несколько раз восклицал: «этта 31-е мая!»...

23.VI.1885

Вчера только что прибыла в Гатчину «богоподобная царевна» (царица), богиня Верхнего и Нижнего Египта, светило юга и севера, великая Изиди!!... Презируя удобства железной дороги, она прошла своими чудными ножками всю дорогу от Глазова до Гатчино. Вообрази, она поднялась с своего белоснежного (?) ложа вместе с Гелиосом (!); какие могут быть <между> ними отношения? Я к тебе пишу это потому, что знаю, что ты принимаешь к сердцу все, касающееся Ея. Мое изумление при этом перешло сначала в недоумение, которое, будучи питаемо подозрением, возросло до сильного недовольства и, наконец, гнев до такой степени завладел мной, что я уже решился идти по Ея дороге в Глазово и постараться вынуть ея следок. Не знаю, что ты мне посоветуешь? Это дело и тебя касается, Изидофил!

28.VII.1885

Мое пребывание в Перк-Ярве принесло мне, кажется, значительный вред: я стал самым отчаянным оптимистом во взглядах на людей.

⁵⁰ Ср. в воспоминаниях художника: «Была в лице его <бурлака Канина> особая незлобивость человека, стоящего неизмеримо выше своей среды» (Репин И.Е. Далекое близкое. СПб., 2010. С. 346). – Н.Б.

⁵¹ Срезневский Всеволод Измайлович (1867–1936) – историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, специалист в области исторической лексикографии. Сын академика И.И. Срезневского; окончив в 1886 г. петербургскую Ларинскую гимназию, помогал отцу в работе над словарем древнерусского языка. После гимназии учился в Петербургском университете на факультете восточных языков и юридическом, окончил последний в 1890-м. Ученый хранитель рукописного отделения БАН (с 1900). Член-корреспондент Академии наук (1906), заведующий музеем Л.Н. Толстого при Академии наук. – Ред.

7.VI.1887. Старая Русса

Сегодня мне <Василий> Гайдебуров читал одно свое стихотворение, написанное в фофановском духе, так прелестно, так тонко написанное, что его нельзя даже назвать пародией. Фофанов смело мог подписать под ним свое имя.

26.VIII.1887. Москва

Знаешь ли, что Москва уже вдохновила меня, и я даже по этому случаю получил от П.И. Краснова выражение лестного для меня желания, чтобы я «составил галерею всех московских типов»... <...> <Вот один из них:>

На мальчишку, швыряющего каменья

Скромно веда себя, мальчик, и камни по улицам звонким
С криком вдаль не мечи, не пугай воробьев и прохожих.
Скромно шагай. Оглянись. Уж к тебе приближается гневно
Мудрый блюститель порядка с медалью на красной петлице.

Ты спросишь: что здесь типично московского для петербуржца? А то, что в Москве по улицам довольно откровенно летают иногда то картофелины, а то и каменья. Я сам видел.

27.VIII.1887. Москва

Был я в воскресенье в Третьяковской галерее. Нечего прибавлять, что я в восторге.
<...> Верещагин – прелесть.

27.VI.1888. Гатчина

Привез я с собой «Писцовые книги», по которым мне дал работу Ключевский, занимаюсь <нрзб.>, читаю Данилевского, словом, продолжаю свой зимний train.

9.VIII.1888. Гатчина

Длинная вереница теплых и ясных дней вызвала во мне беспокойное стремление «в даль», и я не на шутку подумываю о нашем путешествии приблизительно вдоль Варшавской ж<елезной> дороги <от Гатчины до Пскова>. <...> Путешествие наше, если оно состоится, конечно, не обойдется без некоторых приключений, но даже и такая неприятная вещь, как, положим, задержание нас в качестве подозрительных людей, когда она рассеется, послужит только базисом для разнообразных и комичных воспоминаний в последующее время. Опасаться, что такая прогулка может нам как-нибудь повредить в политическом смысле, нет основания. Еще до отъезда из Москвы в Румянцевском музее я слышал от одного господина, бывшего учителя детей у Л. Толстого⁵², как он вдвоем с молодым графом совершил путешествие на лодке до Коломны, причем время пришлось как раз на коронацию <императора Александра III>, когда все, напротив, тянулось к Москве. Этот их разлад с общим течением народных волн в разных местах действительно вызвал подозрение в их благонадежности, но и то их остановить никто не решился. С того времени прошло семь лет, и основанная на опыте уверенность в невозможности возмутить народ против Царя еще больше окрепла в людях власть имущих. Поверь, нас даже останавливать не станут. Maximum, недоверчивые взгляды – и только.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Лл. 1–42)

⁵² Имеется в виду Иван Михайлович Ивакин (1855–1910). – Ред.

А.В. Карпов

Уйдя от отца, мой дед довольно долго жил в так называемых меблированных номерах, где проживали также артисты итальянской капеллы, и овладел итальянским. Настолько, что писал на нем стихи. Как-то прочел мне одно из них – что-то в стиле неаполитанских песен. (*Письменные характеристики. Н.Б. 2003*)

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому
13.III.1889. Москва

Недавно было мое рождение, 22-й годик пошел малому. Каковой факт вызвал во мне печальные размышления, весьма сходные с теми, какие вызвал во мне новый год. Вот они:

Уж взрослый я! С какой фортуной
Придется мне возиться впредь?
Монархом бредить иль коммуной?
Или за картами сидеть?

Жениться ли и ждать презентов
От женки и друзей своих?
Придется ли с толпой студентов
Скорбеть в бутылках городских?

И по Владимирской дороге,
Звеня оковами и наг,
Поволоку ль больные ноги
В страну метелей и бродяг?

<...>

Дождусь ли я спокойной смерти?
Среди детей, уже старик,
Во всем, про что твердят нам «верьте»,
Уверюсь ли в предсмертный миг?

Иль горд свободой, как и ныне,
Над пропастью не оробев,
Не назову своей святыней
Рассказы для детей и дев?

Угрюмей жизнь течет иль краше,
Позорнее или честней,
Мы будем там, где предки наши,
Где нет ни Бога, ни чертей.

25 февраля 1889 г.

9.X.1890 <Серпухов>

Милый, как видишь, я уже обзавелся женой. Живу с ней в уединении, в Серпухове. И вот изредка приезжаю в Москву для Архивов Юстиции и Иностранных дел. Мой адрес в Серпухове следующий: Дворянская ул., дом Козловой. Улица наша, как видишь, самая

благородная... <...> Городишко этот, довольно-таки невзрачный, я выбрал потому, что там есть у меня доктор знакомый, семьянин, что для жены составляет все-таки хоть какую-нибудь компанию на время, как я уезжаю в Москву для занятий. Между тем, жить в Серпухове дешево, недалеко от Москвы и полное уединение к тому ж.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Лл. 42–51)

В.О. Ключевскому
7.VI.1891 <Серпухов>

Согласны ли Вы оставить меня при кафедре русской истории для дальнейших моих занятий по этому предмету? <...> Для меня это важно и в материальном отношении: не получив стипендии, я принужден буду отвлекать часть сил от любимых занятий и направлять их на борьбу за существование. Мои финансовые средства очень незначительны. Но вместе с тем я знаю, как трудно дается теперь стипендия, и потому не буду несколько удивлен, если Вы, Василий Осипович, особенно ввиду моих экзаменационных прецедентов, дадите мне отрицательный ответ. Этот последний, однако, не расстроит основного моего стремления: сосредоточиться на исследованиях по русской истории.

(НИОР РГБ. Ф. 131. Карт. 31. Ед. хр. 48. Л. 8)

Мил. Ф. Достоевский, Н.В. Чехов, О.М. Бережнова

Будучи еще студентом, писал стихи, которые помещал в [ежемесячном литературном приложении к газете] «Неделя» [№№ 1–2, 1891]⁵³. Позднее — автор научных статей и критических заметок в разных газетах и журналах.

(Записано М.В.)

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому
22.VI.1891. Серпухов

Вчера пошел я на ярмарку рассеяться. По дороге встречаю троих стариков, двух слепых и одного зрячего. <...> Опираются каждый на клюки и мерно, протяжно выводят что-то Божественное. Прислушиваюсь: э-ге! «Алексей Божий человек»! <...> Прерываю их пение и говорю, чтобы заходили <ко мне на квартиру> в дом Шилова. Они пришли и спели этого же «Алексея Божьего человека». Я просил их петь только потише, но записать все не успел-таки; они придут еще через неделю, и тогда уже я слово в слово узнаю от них этот сказ.

22.VII.1891. Серпухов

Увы! Мои калики меня надули. Не были на ярмарке, на которой рассчитывали быть, и потому вторично я их не слышал. Записанное мною осталось отрывочно...

Сообщаю тебе по секрету. Через несколько месяцев, вероятно, тронемся мы всей семьей... ну-ка, мудрый друг, угадай, куда... в Ригу! Чиновником особых поручений при Лифляндском губернаторе! А университет? – спросишь ты. Я говорил с Ключевским, оказывается, вопрос о стипендии и поднят может быть не раньше октября, а решен лишь в последние месяцы года. Кроме того, чтобы семейному человеку прожить, стипендии плюс то, что есть <из доходов> – мало. Вот и приходится служить. Но я не горюю – я всегда мечтал о соединении университета с жизнью. Года через три сдам магистерский экзамен, а еще через три (если не через два) – защищу диссертацию.

⁵³ В фонде В.И. Срезневского (РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2385) хранятся черновые автографы стихотворений В.М. Владиславлева «Прилетел на крышу ворон...», «В благодарность за услугу...»,

22.XII.1891. Рига

Тем, что у тебя два зайца, не смущайся. У меня их двадцать два, и, несмотря на подрезанность крыльев и уныние, в глубине-то души я никогда не перестану за всеми двадцатью двумя гоняться.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Лл. 63, 66, 69)

А.В. Карпов

После окончания университета дед недолгое время работал в Риге. Как-то раз он рассказал мне, что его оттуда перевели не без «способствования» местного начальства. Тогда среди студенчества была мода выражать свои политические симпатии одеждой. Сочувствующие марксистам носили что-то вроде рабочих блуз, а симпатизирующие народникам – косоворотки, преимущественно красные. Вместе с приехавшими однокашниками дед взял моду в неслужебное время разгуливать в косоворотках, да еще заменив трости чем-то вроде дубинок. И в таком виде они нередко заявлялись в гости. Это в благоприспособнейшем-то обществе остзейских немцев, где все должно быть цирлих-манирлих!

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому
18.III.1895 <Москва>

Дорогой Всеволод! Скоро ты будешь напоминать собой водовозную клячу в мартовские дни, ибо... ибо... ибо – еще к тебе поручение, но не очень спешное. Когда ты будешь

«Из "Путешествия по Гарцу"», «Жизнью новой, жизнью полной...», «Забыт под кучею рифмованного сора...», «Ах, ради Бога, что за тревога...», «В житейской прозе утопать наскучив...», «На Парнас взобравшись, кто-то стал читать свой акrostих...», «Уж и Гейссер наскучил теперь...» и др., а также рассказ «Несчастье», видимо, отвергнутый редакцией газеты «Речь» (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2685). Кроме того, Владиславлеву принадлежат переводы из Марциала и Бибакула, опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» (1891. № 4. С. 45–48). Переводил он и с немецкого.

Благодаря признанию в письме к Срезневскому можно заключить, что одним из лучших своих стихотворений Владиславлев считал «Не выйдешь никуда из хаты» (Архив Е.А. Владиславлевой). – Н.Б.

Не выйдешь никуда из хаты.
Один, небесною тропой,
Лететь решается куда-то
Живых теней несмелый рой.

Да листьев желтая ватага,
Как из тюрьмы освобождаясь,
Проносится внезапно – благо
Еще не поглотила грязь.

Земля черна, насквозь промокла,
В избушке сыро, в трубах шум,
И <тихо> вздрагивают стекла
Волнуя призраками ум.

И долго ждешь минут желанных –
Когда-то сгинет хмары тень,
И в длинной цепи дней туманных
Веселый улыбнется день.

<1895>

проходить недалеко от Эртелева переулка, то занеси прилагаемую здесь статью в редакцию «Нового времени», а потом дней через пять справься, если нельзя немедленно во время передачи секретарю редакции, будет ли она напечатана. Черт возьми! <В.П.> Гайдебуров боится ее печатать. Не отдать ли ее в «Новости»? <...> Может быть, кавалер Ордена почетного легиона <...> будет похрабрее? <...> Представляю тебе распоряжаться статьей как хочешь, только относительно двух этих газет. В другие никакие <...> не хочу...

11.XI.1897 <Москва>

С завтрашнего дня начинается мое хождение в здешнюю Казенную Палату для ознакомления с практикой податного дела. Ходить буду, пока не окажется вакансии в Костромской, Киевской или другой какой губ<ернии> <...> Может это протянется два месяца, но, думаю, не больше.

24.VII.1897 <Киев>

Вдруг получаю телеграмму из Киева от тамошнего управляющего Казен<ной> Палатой с предложением места бухгалтера. <...> Как переходная ступень к податному инспектору <это> весьма удовлетворительно.

Почтовый штемпель 11.VII.1897. Киев

Вот я и в Киеве и даже в нанятой квартирке <в доме по Подвальному переулку близ Львовской улицы>. Две комнаты с кухней – наш приют. <...> Вид из окон – верст на 20 вдаль: часть Подола, Днепр, поля, леса и обстрел <нрзб.> огромный. Меня смущает только запах, боюсь, что запах того, что человек отвергает от себя, хотя кухарка уверяет, что это краска так пахнет. Поживем – увидим. Но грустно будет, если я окажусь прав <и придется съезжать>, ибо вид стоит того, чтобы и тебе показать, столько видов выдававшему.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Лл. 85, 133–144)

Н.Ф. Федорову

1.II.1899. Киев

Не знаю Вашего адреса, не знаю Вашего настроения по отношению ко мне и все-таки решаюсь Вам писать в надежде, что неточность первого не мешает письму дойти до Вас, а неизвестность о втором не должна помешать мне протянуть Вам из своего далека дружескую руку, хотя расстались мы с Вами крайне напряженно и тяжело. Милый Николай Федорович! Простите мне мое «супротивничанье» Вам, но, право, я при всей любви моей, преданности и глубоком уважении к Вам не могу, не могу и никогда не буду в состоянии напечатать хоть строчку такого, что я сам не разделяю душевно. А ведь из-за этого у нас и вышла размолвка. Неужели Вы, такой широкий и добрый, не хотите допустить свободы для моей личной совести, писательской свободы ратовать за то, за что действительно стоишь! Ведь только тогда я могу повлиять на кого-нибудь, когда говорю живым, *своим* языком, когда перед читателем стоит образ одушевленного человека, а суконный, дубовый язык писателя из-под палки не в состоянии никого ни на что подвинуть или что-нибудь дать душе.

Дорогой Николай Федорович, я Вас глубоко уважаю, очень, очень люблю, и теперь, в отдалении от Вас, часто тянет повидаться с Вами и поговорить мирно, по душе, как мы говорили с Вами неоднократно в каталожной за горами бумажек в полусумраке короткого зимнего дня, когда Вы бывали такой добрый и терпимый. Мне хочется высказать Вам, как я Вас люблю и уважаю и как привык еще в Москве встречать самое живое сочувствие в Вас

к своим литературным и научным планам, сказать, что скоро я буду назначен податным инспектором и тогда предприиму подворно-статистическое исследование Каневского уезда; первое в этом роде в Киевской губернии, так как тут нет земства и единственная какая есть статистика – это столь знаменитая своими недостатками волостная. Издаю эту работу я, конечно, с соблюдением Вашей карточной системы, которая действительно является нравственной обязанностью для всякого писателя и распространение которой желательно в интересах упорядочения некоторых сторон библиотечного дела. Это подворное исследование даст мне материал для вывода бюджета крестьянства хотя бы одного уезда Киевской губернии, так как, мне кажется, благосостояние здешних крестьян систематически ухудшается и, следовательно, или нужно бить в набат, или увериться, что это наблюдение ошибочно.

(Федоров. Т. 4. С. 648–649)

Известно также письмо Л.Н. Толстого к В.М. Владиславлеву от 2 ноября 1895 г. (ответное на письмо от 29 октября того же года) с согласием подписать адрес, подносимый Н.Ф. Федорову его почитателями. Целью этого действия было стремление убедить Николая Федоровича не покидать своего поста в Румянцевской библиотеке. 8 ноября адрес был выслан, но потребность в нем уже отпала, поскольку Федоров согласился остаться (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 68. С. 246–247).

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому
4.III. 1899. Корсунь Киевской губернии

Пишу тебе из Корсуна (местечка Каневского уезда), куда я откомандирован в помощь податному инспектору еще с декабря, но куда я приезжаю, по уговору с ним, всего третий раз и каждый раз всего на недельку, тогда как дети остаются в Киеве. <...> Я должен был быть назначен Каневским податным инспектором, как только Уманский подает в отставку, а на его место будет переведен Каневский теперешний. Между тем, Уманский тянет...

6.V. 1899 <Киев>

У меня есть к тебе поручение, как увидишь, несколько деликатного свойства. В начале августа одна моя хорошая киевская знакомая, девушка 21 года <...> приедет в Петербург для поступления на женские педагогические курсы. Возможно, это произойдет помимо воли матери ее и даже – понимаешь? – без ведома ее. <...> Надеюсь, что ты не откажешься встретить ее на вокзале и по возможности облегчить ей нравственно ее одиночество. Мои отношения к ней исключительно дружеские. О том же к ней прошу я и тебя. Ты, вероятно, недоумеваешь, как все-таки толкнул я ее на такой решительный шаг, как побег из дому? Милый мой, зная ее, я убедился, что это лучшее, что <ей> остается.

21.IV. 1899 <Киев>

Переезжаю в Горбатов. <...> Сегодня вечером мы в последний раз ходили по верхним набережным Днепра вплоть до самого Печерского монастыря. Дул сильный северный ветер, и дети нагулявшись, теперь с румянцем на обеих щеках крепко-крепко спят. <...> В Сергачевском уезде я «все-навсего» переезжал подворно 7 волостей. Из этого собранного материала полетит в «Русское Богатство» несколько интересных монографий. (РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Лл. 149, 151–156, 173)

Е. Ильина

Известный в Нижнем Новгороде адвокат и шахматист. <...> Был неравнодушен к народникам, переписывался с Максимом Горьким⁵⁴, водил дружбу с Дмитрием Ульяновым. <После смерти первой жены – Веры Павловны Гайдебуровой, оставившей ему двоих сыновей,> Владимир Михайлович вскоре повстречал Софью Алексеевну <Крылову>, у которой было четверо детей. <...> Жившую гражданским браком чету, где еще не было «общих» детей, нигде не принимали. Когда непутевый супруг Софьи Алексеевны свел счеты с жизнью, Владимир Михайлович обвенчался с Софочкой, и друг за другом на свет появились три дочери. Теперь в семье адвоката Владиславлева было уже девять детей. Доходы позволяли большой семье содержать еще и кухарку. <...> Она же была и няней. Даже выйдя замуж и родив двоих детей, Татьяна продолжала прислуживать господам Владиславлевым. <...> Демократично настроенный адвокат закрывал на это глаза: Татьяна стала неотъемлемой частью семьи и вынянчила господских внуков и правнуков.

(Ильина Е. Потомки Достоевских осели в Чебоксарах. // Столица (Чебоксары). Апрель 1998)

А.В. Карпов

Сыновья Софьи Алексеевны от первого брака стали жить с ними через несколько лет, когда умер ее первый муж (он ей развода не дал и разрешил взять с собой только дочерей).

Так что дед с бабушкой обвенчались в весьма солидном возрасте – лет примерно в сорок. Мать рассказывала, что венчание произошло как-то тихо и для них совершенно незаметно. Шафером на свадьбе был старший сын бабушки – Александр.

В начале 1900-х дед работал в Горбатове Нижегородской губернии податным инспектором. Значительная часть горожан Горбатова являлась кустарями, изготавливающими канаты. Большинство находилось в кабале у перекупщиков. Дед с группой других интеллигентов организовал что-то вроде кооператива (помнится, именовался он каким-то «товариществом»), который взял значительную часть сбыта в свои руки, «подрезав» тем самым доходы перекупщиков, многие из которых были связаны с «черной сотней». Начались угрозы, запахло погромом. Черносотенцы были связаны с полицией. А полиция ничего не имела против погрома товарищества, представляющегося по тем временам явно крамольной организацией. Тем более что его зачинатели не стеснялись высказывать свое нелицеприятное мнение о российских порядках. Дед немедленно обзавелся револьвером (благо он имел на него право по должности) и, чтобы об этом было известно «кому положено», в обеденный перерыв тренировался в подвале дома в стрельбе. Но также я уверен, что он не смог бы застрелить курицу!

Погром произошел то ли в конце 1904 г., то ли в начале 1905 г. Большая часть бабушкиных товарищей была перебита. Деда спасло лишь то, что недели за две до этого он был уволен «в связи с несоответствием высказываемых взглядов пребыванию на коронной службе» и ему предложили немедленно выехать в Нижний Новгород для решения вопроса о месте ссылки (в преддверии надвигавшейся революции власти судорожно производили «зачистку»). Узнав там о погроме, он опубликовал в какой-то либеральной газете откры-

⁵⁴ Известно ответное письмо Горького от 18 февраля 1917 г. с поддержкой инициативы создания в Канавине (район Нижнего Новгорода) Народного дома и обещанием приехать для участия в литературных вечерах. Из-за событий Февральской революции планируемая поездка не состоялась (Горький А.М. Собрание сочинений в 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 379). – Н.Б.

тое письмо губернатору, где прямо обвинял власти в организации бесчинств. Следствие по этому делу вел двоюродный брат Софьи Алексеевны Крыловой. Когда он вышел на явные свидетельства о связи погромщиков с полицией, дело передали другому следователю. Несколько погромщиков (все сплошь второстепенные лица) были осуждены. Через несколько месяцев они были «всемилоливо» помилованы.

В конце 1905 г. дед вместе с семьей был выслан в Сengelейский уезд Симбирской губернии. Любопытный штрих касательно тогдашних нравов – когда дедушка проезжал Казань, к нему на пароход пожаловал тамошний вице-губернатор, его однокашник. Просто так – повидаться, поговорить с полчаса, пока стоял пароход. Трудно себе представить, чтобы что-нибудь подобное произошло не то что в сталинские, но даже в хрущевские времена.

В Симбирске дед сблизился с местными большевиками и с Дмитрием Ульяновым, который тоже был сослан в этот город. Вместе с ними Владимир Михайлович агитировал против выборов в Первую Государственную думу. Надо сказать, что в семье Ульяновых, по словам деда, к Владимиру Ильичу относились довольно критически: «Наш Володя необычайно самоуверен». Хотя, безусловно, очень уважали.

Работал дед в это время адвокатом. Как понимаю, с деньгами было туговато. Подрабатывал стихотворными переводами. Все же семья была уже большая: шестеро детей – двое сыновей от первого брака деда, две дочери от первого брака бабушки и двое совместных – Наталья и моя мать Надежда (дед квалифицировал их – «твои», «мои» и «наши»). Моя мать родилась уже во время ссылки в Симбирск, так что дед, посмеиваясь, называл ее «дитя революции».

Позднее деда пригласили частным поверенным (что это такое – не знаю) в крупную волжскую пароходную компанию, как мне помнится – «Самолет»⁵⁵, и он вскоре переехал в Нижний Новгород. Как дед не без юмора заметил, после революции 1905 г. у крупной буржуазии стало модным заводить в своем хозяйстве собственных революционеров, конечно, не очень уж радикальных. Все же предприниматели понимали, что революция в этот момент работает на них. Савва Морозов не был каким-то исключением.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

В 1910 г. Владиславлев приезжал в Ясную Поляну на похороны великого писателя с делегацией от Нижнего Новгорода (*Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 68. С. 247*).

В.М. Владиславлев – В. И. Срезневскому
23.XI.1912 <Нижний Новгород>

Не знаком ли ты с Чуковским? Если да, то узнай у него, не согласен ли <он> и на каких условиях, прочесть в Нижнем в пользу О<бщест>ва распр<остранения> нач<ального>

⁵⁵ См. также упоминание о «Самолете» на с. 614. – *Ред.*

образования» в Ниж<егородской> губ<ернии> лекцию на тему или «Религия любви и страдания» или «Самоубийства и современная литература». Если он согласится, попроси его немедленно мне написать с указанием времени, когда эта лекция могла бы состояться.

Депутату Государственной думы Ф.И. Родичеву
17.X.1913 <Нижний Новгород>

Не откажите уведомить нас телеграммой о вашем согласии посвятить вашу лекцию о Герцене нашему обществу, а лекцию в Сормове устроить в пользу Сормовской б<иблиоте>ки. Для того, чтобы дать возможность рядовому рабочему побывать на ней, мы первые места устроим в Сормове дорогие, а средние и последние дешевле и не пустим их в продажу, а раздадим в цехи через наших членов рабочих.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Л. 195; ГАРФ. Ф. 102. 1913. Делопроизводство ОО. Д. 27. Ч. 486. Л. 3)

Начальник Нижегородского жандармского управления
Официальное донесение
30.X.1913

Бывший податной инспектор Владимир Михайлов Владиславлев, 45 лет от роду, занимающийся частной практикой по своей специальности и проживающий в городе Нижнем Новгороде на углу Ковалихинской и Мартыновской улиц <...> по убеждению – социалист-революционер, в 1905 году привлекался при вверенном мне Управлении к переписке в порядке Положения о Государственной Охране за то, что принимал участие в толпе, собравшейся 10-го июля у квартиры Пристава 1-го стана Горбатовского уезда в селе Богородском и требовавшей освобождения 2 арестованных лиц, причем Владиславлев в числе первых прибыл во двор Пристава и вступил в объяснения с последним по поводу этого требования. <...> Кроме того, Владиславлев 12-го июня того же года участвовал на сходке рабочих, где обсуждался вопрос об отзывании войск, вытребованных в село Богородское для охраны населения ввиду повышенного настроения рабочих. Проживая с 1906 года в городе Симбирске, Владиславлев состоял там под негласным наблюдением.

Из отчета по жандармскому управлению
Нижегородской губернии за октябрь 1913 г.

Список граждан, находящихся под негласным надзором полиции

№ 2. Фамилия Владиславлев. Имя, отчество Владимир Михайлович. Звание и занятие Бывший податной инспектор. Лет 45. Клички, в организации нет; по наблюдениям «Бородавкин». Когда и почему вошел в сферу наблюдения в октябре месяце 1913 года по сношениям с «Гитарной» – Калашниковой <Ольгой Петровной>.

(ГАРФ. Ф. 102. 1913. Делопроизводство ОО. Д. 27. Ч. 486. Лл. 4, 4 об. Д. 9. Ч. 49в. Лл. 64–65)

А.В. Карпов

К анархистам дед относился с легкой брезгливостью. Странно, ведь его должно бы роднить с ними органическое нежелание подчиняться чему-нибудь, с чем дед был не согласен, или, тем более, кому-нибудь. Мне почему-то кажется, что именно эта черта его характера, а не какие-нибудь философские размышления, и породила его атеизм. Я его не

могу представить верующим – он и Господь Бог были бы чем-то вроде двух медведей в одной берлоге.

После Февральской революции дед был избран членом Нижегородской городской думы. Октябрьскую революцию он поначалу встретил в штыки. Юмористически описывал свое «героическое» противостояние большевикам, узурпировавшим власть: в числе наиболее решительных депутатов оставался в здании городской думы, желая скорее быть выдворенным оттуда штыками, чем безропотно смириться со столь вопиющим попранием демократии. Просидев так более суток и не дождавшись «узурпаторов», проголодавшиеся депутаты разошлись по домам.

В начале 1917 г., накануне Февральской революции, дед выиграл для своей компании какое-то весьма крупное дело. Полученный гонорар он потратил, к неудовольствию бабушки (на этот счет были у нее какие-то свои планы), на опубликование написанной им брошюры «Куда идет большевистское движение». По рассказам моей мамы, книга была написана хоть и критически, но довольно благожелательно по отношению к большевикам. Но и только, так что бабушка правильно посчитала, что деньги были выброшены на ветер. Сам дед в это время, правда, сравнительно недолго, пребывал в партии народных социалистов. Уход от них он объяснял невероятной их склонностью к красноречию, способной потопить в словах любое начинание.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003, 2004)

Подробнее о книге «Большевицкое движение» – в историко-биографических очерках И.Л. Волгина «Родные и близкие» на с. 1014.

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому.
26.XI.1917 <Нижний Новгород>

Какое ужасное и глупое время мы переживаем. <...> У нас тут такая передрыга! Подвергались опасности и я, и <сын> Миша (офицер – ого!), в Казани два моих пасынка (один – юнкер). Только при личном свидании расскажу.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Л. 202)

А.В. Карпов

Через некоторое время дед обнаружил, что, несмотря «на гибель демократии», у большевиков не отнять стремления как-то наладить (пусть и топорно) жизнь. Поэтому, когда его «позвали» на работу, он согласился, тем более что предложили потрудиться на ниве организации кооперативного движения. Как-никак он считал кооперацию той силой, что способна преобразовать Россию. К тому же у него был почти пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Впрочем, какие-то надежды на демократическое развитие общества в нем все же сохранялись. Им пришел конец, когда дед, выехав по делам службы куда-то на юг, попал к белым. По его словам: «вид озверевших помещичьих сынков тут же развеял всякие иллюзии». Кем дед работал в 1920-е, я точно не знаю. Предполагаю, что – в налоговых органах, так сказать, по старой памяти, как бывший податной инспектор. В 1927 или 1928 г. его пытались осудить по обвинению во взяточничестве. Это была чистой воды клевета, но на свидетелей давили, заставляя давать нужные показания. В местной печати пошли обличительные статьи. Дело было политически важное – представитель старой

интеллигенции докатился до взяток! За деда вступились старые большевики, из Москвы прислал письмо Сергей Иванович Мицкевич – один из руководителей Пресненского восстания. В письме говорилось: «У Владиславлева могут быть серьезные политические ошибки, но в его личной честности сомнений быть не может!» Хорошо, что это был не 1937-й! На суде дед защищал себя сам, весьма умело громя следствие за нарушения законности, так что его речи стали чем-то вроде обличения Советской власти! В результате ему дали год условно, видимо, по чистой злобе: оправдывать жалко, а дать реальный срок – кто его знает, чем все это обернется, учитывая юридический опыт подсудимого и его «связи» в Москве. А так – при кассационной жалобе оправдают без скандала, и все. Так и получилось.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

Нат. А. Владиславлева

Видела его всего один раз, когда была еще ребенком. Крупный, рослый, с залысинами, с бородой и румяными щеками, видимо, очень крепкого здоровья. По-моему, потомков от первого брака он не очень-то жаловал. С нами больше общалась его вторая жена – Софья Алексеевна. Родственники поговаривали, что у него тяжелый характер, отчего так рано ушла из жизни его первая жена.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

А.В. Карпов

Был очень прямым и резким, но других «тяжелых» черт характера назвать не могу.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

В.М. Владиславлев – В.Д. Бонч-Бруевичу⁵⁶
29.V.1933 <Нижний Новгород>

Не знаю, как живется у Вас в Москве людям моего уровня средств, но мне очень тяжело и пойти на такой экстренный расход <как оплата перепечатки рукописи моих «Воспоминаний»> без уверенности в скором его возврате – невозможно. Я рассчитывал, что редакция, ознакомившись с присланным текстом и увидев из него мою литературную опытность и постоянный тесный переплет моей личной жизни с явлениями из научной, общественной и политической сферы, найдет, что интерес моих «Воспоминаний» обеспечен, на основании этого сообщит мне приемлемые условия, «озадачит» меня (простите за игру слов) каким-либо авансом рублей в 500 и я спокойно отдам отстукивать всю остальную часть 1-го раздела (доуниверситетский период) и примусь сам за 2-ю часть (университетские годы)...

Теперь о моем архиве. Он состоит из писем ко мне и к моему отцу, профессору и ректору Петербургского университета. В нем до 500 писем разных более или менее видных лиц из профессорского, литературного и административного мира, между прочим – 48 записок и писем министра народного просвещения – И.Д. Делянова, писанных во время краткого и бурного ректорства моего отца. <...> Я отобрал и посылаю Вам 4 письма

⁵⁶ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – советский государственный и партийный деятель. Директор Государственного литературного музея (1933). – *Ред.*

Вл. Соловьева к отцу, 3 письма к нему же Бестужева-Рюмина и одно письмо Горького ко мне. <...> В случае успеха первой партии я пришлю Вам другую, большую, куда войдут 5 писем С.Я. Надсона к моей первой жене (урожденной Гайдебуровой), 2 письма В.П. Васильева (известного синоведа и вообще востоковеда), письма очень интересные, 1 письмо Айвазовского и 3 письма Изм. Ив. Срезневского. В третью партию отберу письма Н.Я. Грота (по-моему – интересные), ученика моего отца. Их немного, до десятка, и они обширные, обыкновенно на нескольких листах каждое.

16.VIII.1933 <Нижний Новгород>

Что касается до «Воспоминаний», то, простите меня, я упорствую... Упорствую во мнении, что они, пожалуй, зря лежат в Вашем «портфеле». В дальнейших главах 1-й части они развернулись в какой-то опыт патолого-психологического изображения того типа интеллигентного юноши, к которому я принадлежал. Правда, этюд постоянно пахнет историей, фигурами и духом переломных 1880-х гг., но все же на первом месте, скрывать нечего, психологизм. В Ваших исторических сборниках он будет нежеланным гостем.

(НИОР РГБ. Ф. 869. Карт. 251. Ед. хр. 7. Лл. 3 об., 5)

А.В. Карпов

В 1930–1940-х дед был на пенсии, получал ее как участник революции 1905 г. Уже на исходе седьмого десятка, во время гражданской войны в Испании, изучил испанский язык, чтобы читать поступающие в это время в СССР республиканские газеты. Похвастался мне, что ухитрился сделать это в течение всего восьми месяцев. Хотя при знании латыни и еще двух романских языков это – дело нехитрое. Тем более что испанский считается наиболее легким из европейских языков. За год до смерти Владимир Михайлович начал изучать татарский. Каких успехов достиг – не знаю. Года за три до смерти выступил с каким-то докладом по астрономии. Специалисты его похвалили, но предложили доработать. Но для этого было нужно знать высшую математику, а с ней у него было дело швах. И начинание осталось незавершенным.

Дед был неплохой шахматист. Несколько раз (по-моему, в возрасте около 60 лет) участвовал в городских турнирах в Горьком. Во время Великой Отечественной проводил в госпиталях сеансы одновременной игры – за кормежку. При возвращении с одного из них с ним случился инсульт, и спустя несколько дней дед скончался.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

С.А. Владиславлева – пасынку Александру

21.VII.1949 <Нижний Новгород>

Папа скончался 8 марта 1943 г. 14 февр<аля> он пошел пешком в Канавино в госпиталь играть в шахматы (это – в 75 лет!) и по дороге упал⁵⁷ и сломал головку бедренной кости. Его перевезли домой, но несколько дней он пролежал у Веры⁵⁸, т<ак> к<ак> это было ближе для перевозки. Ухаживала я за ним, но не стало лучше. <...> Т<ак> к<ак> у него был атеросклероз, то он дал себя знать: начались точечные кровоизлияния <в мозг>, выража-

⁵⁷ А.В. Карпов: «Возможно, причиной падения как раз и стал микроинсульт или кратковременный мозговой спазм». – Ред.

⁵⁸ Веры Константиновны Крыловой, дочери Софьи Алексеевны от первого брака. – Ред.

лось это в галлюцинациях, он стал заговариваться. 8-го утром он стал метаться по постели, и я пошла к соседке позвонить дяде Лене⁵⁹, <чтобы узнать,> что делать. Через несколько минут я вернулась и нашла его бледным как полотно и с остановившимися глазами. Я побежала за соседкой и привела ее с вопросом – что это? «Он умер», – она мне сказала. Одно было утешение, что умер без страданий.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

А.В. Карпов

Телеграмму «Сегодня папа скончался» (от его дочери Натальи) мы получили 9 марта. По какому-то странному стечению обстоятельств спустя ровно год, день в день, 9 марта 1944 г., точно такая же телеграмма снова пришла к нам.

(Записано Н.Б.)

Из работ В.М. Владиславлева известны:

- Обжа. Очерк из податной истории Новгорода // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 8. С. 223–241.
- К аграрному вопросу в Лифляндии // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 8. С. 207–264.
- Происхождение десятины как земельной меры // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 1. С. 293–300.
- Франко-русский обмен // Неделя. 1898. 8 февраля. № 6. С. 198–199. (Подписано В. В-в.)
- Хозяйственное положение тобольских новоселов // Русское богатство. 1899. Кн. 6 (9). Отд. 2. С. 102–127.
- Мысли о русской революции. СПб, 1907. (Под псевдонимом Авл Геллий.)
- Страховые курьезы. Практика русского акционерного страхования. СПб, 1914. 32 с.
- Большевицкое движение. Н. Новгород, 1917. 26 с.
- Текущий момент и кооперация. Н. Новгород: Издание товарищества кооперативов Нижегородского района, 1917. 25 с. (Под псевдонимом Авл Геллий.)
- Что такое кооперация? Очерк для народа. Н. Новгород, 1918. 16 с.
- Краткое руководство по гербовому сбору. Н. Новгород: Издание автора, 1926. 15 с. (2-е изд. в типографии Нижполиграф, 1927.)
- Словарь по промысловому налогу. М.: Финиздат НКФ СССР, 1925. 298 с.

⁵⁹ Леонтию Михайловичу, Владиславлеву (№ 285), врачу по специальности. – Ред.

274. Гайдебурова, по мужу Владиславлева Вера Павловна (1865—1893). Первая жена предыдущего. Дочь известного литератора и редактора-издателя газеты «Неделя» П.А. Гайдебурова.

Умерла от туберкулеза легких.

О.М. Бережнова и Н.В. Чехов

Хорошие музыкальные способности. У матери ее — артистические способности.

(*Записано М.В.*)

А.В. Карпов

Не верю никаким слухам, что мой дед жил со своей первой женой несчастливо и та много от него страдала. Основываюсь на том, что родной брат Веры Павловны — известный артист Павел Гайдебуров — был весьма дружен с Владимиром Михайловичем и, наезжая в Нижний Новгород на гастроли или по другим делам, всегда останавливался в его доме.

(*Записано Н.Б.*)

275. [Григорьева, по первому мужу] Крылова, [по второму] Владиславлева Софья Алексеевна [1870—1957]. Вторая жена В.М. Владиславлева. [Выпускница Бестужевских курсов, преподавала в воскресной школе.]

В.М. Владиславлев — В.И. Срезневскому
18.XII.1924 <Нижний Новгород>

С женой и дочерьми я живу в полном согласии, с сознанием единства общего мирозерцания. Этого нет у меня с дочерьми моей жены от другого мужа. Духовного родства с ними нет, но есть привычка и спокойные отношения.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Л. 208)

А.В. Карпов

Дед имел обыкновение иногда по утрам преподносить бабушке к постели свои шуточные стихотворные послания, чаще всего — с какой-нибудь подковыркой. Так, одно из них гласило:

От многих мужчин пяток дочерей
Судьбой поднесен был как выигрыш ей.
Но были те дочки коварны и злы:
Как только работа — так тотчас в кусты.

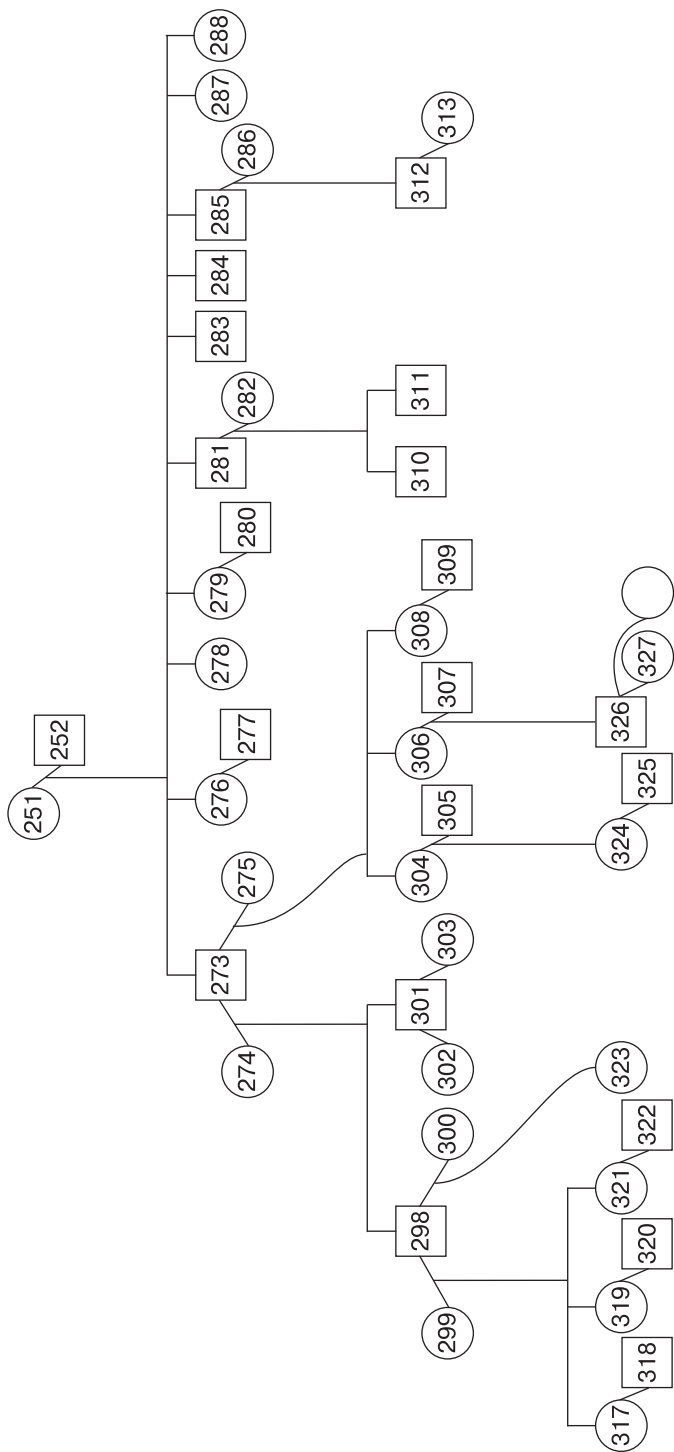
От таких подношений бабушка морщилась... А однажды на даче он сказал ей:

— Смотри, как мило называет тебя наша хозяйка: *Сифилисевна*...

(*Записано Н.Б.*)

ВЛАДИСЛАВЛЕВЫ

14 поколение	15 поколение	16 поколение	17 поколение
-----------------	-----------------	-----------------	-----------------

И.С. Белинская, внучка

Бестужевки в нашей истории были символом высокой духовности, женственности, присутствия юношеской, светлой мысли, как писал о них Г. Успенский⁶⁰. <...> Когда была жива бабушка, мы часто собирались вместе – и столько тогда было разных воспоминаний! Все это я отлично помню, но, думаю, не стоит об этом громко, во всеуслышание рассказывать. А вот бабушка – та постоянно твердила: «Ты должна помнить наш род, должна этим гордиться».

(Фортунов А. Отчего горько в Нижнем // Комсомольская правда. 1991. 5 февраля)

Воспоминания родственников

Была очень мягким, доброжелательным человеком. Все у нее были «хорошие». Тепло относилась и к детям Владимира Михайловича от первого брака. Старший, Александр, платил ей тем же, в свои посещения всегда старался окружить заботой, чем-то порадовать, помочь, дарил подарки, когда мог – подбрасывал немножко денег. Между прочим, он и подбил ее (кажется, в тридцатые годы) переехать всей семьей куда-то в Сибирь <в Омск>, где «жить будет много легче». Однако работы там не нашлось, и семья опять оказалась в тяжелом положении. Пришлось возвращаться назад. Александр очень раскаивался в этой аванюре.

А вот Михаил Владимирович Софью Алексеевну общением не очень-то баловал...

(Записано Н.Б.)

Над. В. Владиславлева – сводному брату Александру

5.II.1950 <Москва>

Кстати, у меня неприятный осадок от приезда <сводного брата> Миши в Горький. Он не зашел к маме, побывав у всех родных. Старики это очень болезненно переживают. Да, все-таки, кроме его личных чувств, она прожила с его отцом 40 лет и была ему верной подругой. Даже в память отца он мог бы зайти. Ну, Бог с ним. Особой деликатностью и сердечностью он никогда не отличался. Да и для мамы больше горя принес бы ты, если бы так поступил. Тебя она очень любит и все оплакивала твою <как ей казалось> гибель от немецких бомб. К Мише же у нее не было таких чувств, как к остальным детям. Но тут было с его стороны просто некультурно.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

276. Владиславлева, по мужу Бережнова Ольга Михайловна 252 / 251
([17.II] 1869 – [IX.1941, Горький]). Окончила пансион (гимназию) Э.П. Шаффе в Петербурге, училась в Академии художеств по классу живописи П.П. Чистякова. После окончания Академии давала частные уроки. В 1917 г. переехала в Самару, после жила в Ессентуках и Горьком, нигде не работая по специальности.]

Склонна к меланхолии. [Последние годы жизни страдала раком печени. Умерла от кровоизлияния в мозг после продолжавшегося несколько дней паралича. Похоронена на нижегородском Бугровском кладбище в одной могиле с сестрами. Могила сохранилась.]

⁶⁰ К той же генерации принадлежат и Надежда Багатурова (№ 178), Ольга Шер (№ 179). Схожим образом характеризовала себя и вторая жена Ф.М. Достоевского Анна Сниткина (№ 329). – Ред.

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому
13.II.1891. Москва

Милый Всеволод! Обращаюсь к тебе с очень серьезным поручением, которое прошу держать в тайне. Оля меня недавно известила письмом, что 12 февраля состоится ее обручение – ужасайся! – с Бережновым. <...> Дело в том, что нужно бы поосновательнее узнать о *здоровье* и личности Бережнова. Еще будучи в гимназии и не имея о нем никакого понятия, я слышал о нем сведения самые подозрительные. Будто бы он «специалист» по всяким непотребным домам <...> Мне было слишком больно – даже с тобой, милый, – распространяться о печальном увлечении сестры этим проходимцем. Теперь серьезная постановка дела заставляет меня обратиться к тебе со следующей просьбой: справься <...> (если можно, стороной, легонечко) о Бережнове и постарайся, главным образом, заручиться

какими-нибудь компетентными свидетельствами, что он такое...

Сестра и брат Коля, относившийся сначала несочувственно к Бережнову, от него – стыдно сказать – в восторге и готовы скорее со мной прекратить, чем с ним. Что он, плут, гуляка и грубый карьерист, каким мне он представляется, или я ошибаюсь? Мне противно одно лицо его с жутким лбом, черными фатовскими усами и глупыми тараканьими глазами. Я боюсь, что моя антипатия, редко меня обманывающая, на этот раз напрасно меня мучит. <...> Сестра отразила все мои атаки на ее жениха одним словом: клевета. <...> Чтобы убедить влюбленную девушку, требуется нечто слишком уж осязательное...

24.II.1891 <Москва>

Сестрам я уже написал несколько энергичных писем, которые могли быть переданы Бережнову, – но от него я не имею ни слуху ни духу: точно не ему в лицо было брошено несколько оскорбительных упреков, от которых он раз (мне сестра писала в доказательство его доброго сердца!) «в обморок упал!» <...> Если бы я был уже не студент <...>, я бы, конечно, приехал сам в Петербург и после <нрзб.> последних попыток убедить сестер предложил бы Бережнову альтернативу: отдать все Олины письма и карточки, отказаться от руки – или дуэль. <...> С другой стороны, я иногда думаю: у меня своя семья, Оля со мной говорить не хочет – к чему я хлопочу так! <...> Меня возмущает только, что Бережнов, по-видимому, хочет пристроиться так, чтобы, высосав все из Оли, приняться за Веру, а потом и за Надю, причем придется сразу и насчет денег, и насчет «клубнички»...

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Лл. 54, 56–57)

Несмотря на эти старания брата, Ольга Михайловна все-таки вышла замуж за Бережнова.

В Самаре до 1925 г. она работала секретарем на медицинском факультете университета. Из-за болезни печени после свертывания университета в 1927 г. переехала в Эссен-ту-

ки, где лечилась и исполняла обязанности счетовода в курортной поликлинике и санатории № 1, а также заведовала библиотекой в клинике бальнеологического института. В 1933–1934 гг. занимала должность бухгалтера в амбулатории № 1 г. Горького, затем перешла в больницу тюремного отдела УНКВД, где проработала до ухода на пенсию в 1940 г. Как родственница Ф.М. Достоевского, в марте 1941 г. подавала прошение о назначении персональной пенсии, в чем ей было отказано (*По материалам автобиографии: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 535. Лл. 2–9. НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 266. Ед. хр. 34. Л. 1*).

И.С. Белинская

После гражданской войны они <сестры моего деда> написали письмо к Горькому, в котором просили его помочь в получении новой квартиры. Проявили, как принято сейчас говорить, деловую хватку. Горький помог. Зато дед мой, я знаю, очень долго сердился за этот поступок на своих сестер.

(*Фортунатов А. Отчего горько в Нижнем // Комсомольская правда. 1991. 5 февраля*)

С.О.

На медной дощечке выгравировано «Достоевские». Мы входим в светлую и опрятную комнату. Прямо перед нами на столе фотография Ф.М. Достоевского, его близких, копия с картины Репина «Не ждали». Здесь – по улице МОПРа в Горьком – живут потомки великого писателя. Мы просим хозяйку квартиры – Ольгу Михайловну Бережнову сообщить нам некоторые подробности о семье Достоевских...

В Горьком живут три внуки писателя (по линии брата Михаила Михайловича Достоевского) – дети той самой Марии Михайловны Достоевской, которая изображена Репиным в виде пианистки. <...> Картина эта чрезвычайно популярна, а между тем очень немногие знают, что на ней изображен не кто иной, как вернувшийся из Мертвого дома после десятилетней каторги великий русский писатель⁶¹ <...> Все дети Марии Михайловны живут сейчас в Горьком: это врач Л.М. Владиславлев, юрист В.М. Владиславлев, счетный работник М.М. Владиславлев, О.М. Бережнова – статистик и медицинские работники В.М. Владиславлева и Н.М. Достоевская-Владиславлева. Свердловский районный совет при содействии председателя крайисполкома тов. Ю.М. Кагановича⁶² предоставил трем внукам писателя занимаемую ими сейчас квартиру. Все хранившиеся в семье материалы, касающиеся писателя, были своевременно переданы потомками Достоевского в Москву.

(*Горьковский рабочий. 1936. 15 августа. № 187 (740). С. 3*)

В.М. Владиславлева – двоюродной сестре М.М. Достоевской
26.V.1948. Горький

В <19>41 году умерла Ольга Михайловна. Мы так тяжело переживали, даже и сейчас не можем спокойно про нее говорить! Вначале мы были как без рук! А потом постепенно стало налаживаться. Ведь она у нас всем заправляла и дела всевозможные устраивала! Так тяжело было, вспомнить невозможно.

(*Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (69) д*)

⁶¹ О Владиславлевых на картинах Репина см. на с. 300, 329. – *Ред.*

⁶² Старшего брата Л.М. Кагановича (тогда – секретаря ЦК ВКП(б) и наркома путей сообщения СССР); см. кн.: Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». М., 2010. С. 214. – *Ред.*

А.В. Карпов, И.С. Белинская

К своим сестрам, эволюционирующим из Владиславлевых в Достоевские, дед относился весьма прохладно. Считал их ограниченными.

(Записано Н.Б.)

277. Бережнов Иван Павлович

(1866—1919). Муж предыдущей. Служил столоначальником департамента железнодорожных дел Министерства финансов. [В 1913 г. состоял в чине коллежского асессора.]

278. Владиславлева Вера Михайловна

252 / 251

([29.IV] 1870 — [27.VIII.1955, Горький). Окончила гимназию Э.П. Шаффе. Имея домашнее музыкальное образование, давала частные уроки музыки. При советской власти работала медсестрой, счетоводом (как и сестры).] Замужем не была.

Склонна к меланхолии, подобно своей сестре Ольге. Музыкальные и артистические способности.

В Первую мировую войну Вера Михайловна окончила курсы медсестер Кулаковой в Петрограде, служила в лазарете № 170 для нижних чинов, располагавшемся в здании Технологического института. В 1918 г. вместе с младшей сестрой Надеждой переехала в село Бармино Лысковского района Нижегородской губернии, где работала счетоводом на заводе Нижегородского губсоюза и медсестрой в местной больнице. Одновременно играла в спектаклях, которые Надежда Михайловна ставила в Барминском народном доме.

В 1922 г. переехала к старшей сестре Ольге в Самару, работала в ветпрофлаборатории, туберкулезном диспансере, санатории «Лесное». С 1931 г. вместе с Ольгой и Надеждой в Ессентуках: медсестра в курортной поликлинике. Затем все трое перебираются в Горький, где Вера Михайловна с 1934 г. числится медсестрой партдиспансера. В марте 1941 г. она подала просьбу о назначении персональной пенсии. Последовал отказ, однако в декабре 1946 г. благодаря хлопотам В.Д. Бонч-Бруевича пенсия все же была назначена (По материалам автобиографии: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 535. Л. 10; НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 266. Ед. хр. 34. Л. 1).

В.М. Владиславлева – двоюродной сестре М.М. Достоевской

26.V.1948. Горький

Все они <умершие в войну Владиславлевы> похоронены на хорошем кладбище, которое уже закрыто, но горком разрешил нам похоронить там. Вообще, правители к нам очень хорошо относятся. Мы с <сестрой> Надей уже не работаем, выслужили свою трудовую пенсию, Надя раньше захворала, так что пришлось, по советам врачей, прикончить работать, а я – год как захворала. <...> Все – сердечные больные. Получаем персональные пенсии – на это и живем. Собираемся с Надей поехать в Бармино, куда уже уехал Леонтий Мих<айлович> с женой и домработницей <...> Живем мы – ничего! Есть у нас пианино, когда есть свободное время – поиграю, а с Надей – в четыре руки. <...> Мы живем в той же прекрасной комнате, где жили и с Олечкой!

(Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (69) д)

279. Владиславлева, по мужу Жекулина Надежда Михайловна 252 / 251 ([25.VIII] 1872 — [6.VI.1950, Горький). Выпускница женской Василеостровской гимназии в Петербурге, давала частные уроки рисования. В 1914 г. окончила курсы сестер милосердия при Московском университете. Работала медсестрой — а также театральным бутафором и руководителем самодеятельной труппы, что позволяло реализовать] артистические и художественные способности. С мужем разошлась. [Будучи в преклонном возрасте, изменила фамилию на] Владиславлева-Достоевская, [потом — уже только Достоевская].

Ф.М. Достоевский

Запись в дневнике от 10.IX.1872

Письмо от Владиславлева и зов на крестины <11 сентября>.

(ПСС. Т. 27. С. 105)

По окончании сестринских курсов в 1914 г. Надежда Михайловна работала в Московском военном госпитале. После его свертывания в 1918 г. переехала в село Бармино Нижегородской губернии: здесь она — заведующая народным домом — организовала драматическую труппу, привлекла к участию в ней местную интеллигенцию и крестьян, дачников. «Вела широкую просветительскую работу». С 1923 г. жила в Самаре у старшей сестры Ольги; служа бутафором в городском театре, участвовала в спектаклях. Вместе с сестрами переехала в Ессентуки, а затем в Горький. Работала медсестрой в больнице спецназначения⁶³. В марте 1941 г., как и Ольга и Вера Михайловны, подавала прошение о назначении персональной пенсии, оставшееся без удовлетворения; однако в декабре 1946 г. пенсия была назначена. Надежда Михайловна ушла с работы по рекомендации врачей (сердечная болезнь) (По материалам автобиографии: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 535. Лл. 11–12; НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 266. Ед. хр. 34. Л. 1).

Нат. А. Владиславлева

Надежда Михайловна с сестрой Верой Михайловной как-то навестили нас с дочкой, когда я после демобилизации вернулась в Горький. Ниночке было с полгодика, даже меньше. У нас была очень бедная обстановка. Они предложили нам в подарок хорошую полутораспальную кровать с панцирной сеткой и никелированными спинками. Это было счастье. (Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

⁶³ Возможно, это партдиспансер, где с 1934 г. трудится сестра Н.М. Владиславлевой-Жекулиной Вера, а возможно, больница тюремного отдела УНКВД, где работает сестра Ольга. — Ред.

280. Жекулин Евгений Николаевич

[1879—1946] Муж предыдущей. Художник и архитектор, [военный инженер. Похоронен в Париже на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.]

О.Л. Владиславлева, внучатая племянница Жекулиных

По семейным воспоминаниям, муж Надежды Михайловны оказался каким-то образом вовлеченным в Белое движение, почему о нем долгое время старались вообще не говорить, хотя в семейном альбоме хранилась его неподписанная фотография. Собственно говоря, именно этими обстоятельствами объясняли и желание младшей сестры моего деда сменить фамилию. О художественном даровании Евгения Николаевича свидетельствует портрет Надежды Михайловны его работы, висящий у нас дома. Он был подарен его владелицей моим родителям.

(Записано Н.Б.)

281. Владиславлев Николай Михайлович**252 / 251**

[[22.IV] 1874 — 1915). Музыкальные способности. Умер от туберкулеза легких.

Мил. Ф. Достоевский

Учился в университете, но курса не окончил. Служил в конторе Государственного банка. Жизнерадостный; «не дурак выпить».

(Записано М.В.)

282. Ермолаева, по мужу Владиславлева Мария Ивановна

(1874—?). Жена предыдущего. По профессии балерина.

283. Владиславлев Иван Михайлович**252 / 251**

[[21.VIII] 1876 — 1877). Умер от менингита.

284. Владиславлев Михаил Михайлович**252 / 251**

[[1.VIII] 1878 — [XII.1944, Горький). Офицер царской армии, после революции] — артист драмы. Женат не был. [Последние годы жизни служил счетным работником в одном из государственных учреждений г. Горького.]

Артистические способности. Неврастения.

[Умер от кишечной непроходимости.]

А.В. Карпов

После Октябрьской революции Михаил Михайлович к белым (а тем более к красным) не пошел и укрывался от мобилизации в селе Бармино, где тогда жили родственники. Для поддержания физической формы купался зимой в проруби, даже сам прорубал ее на реке. Тамашние мужики не ленились каждый раз собираться поглазеть на диковинное для них зрелище.

Из-за странностей характера он частенько оказывался мишенью для шуток своих близких, главным образом моего деда, в семье которого вообще обожали всякие розыгрыши. Так, например, Михаилу Михайловичу писались письма от несуществующих пок-

лонниц, якобы изнывающих от любовной страсти. В одном из писем была фраза «ваше прекрасное лицо, не то что мясницкая рожа вашего братца...» Эти слова так запали в душу Михаилу Михайловичу, что он в одной из ссор крикнул моему деду: «Мне надоела твоя мясницкая рожа!» Разумеется, все посвященные покатались со смеху...

(Записано Н.Б.)

Нат. А. Владиславлева

Высокий, худощавый, «старый холостяк», всегда небрежно одетый. Совершенно не похож на своих братьев и сестер, разве только румянцем на щеках и чуть рыжеватыми волосами. В характере – странности. Из разговоров слышала о его нелепой смерти: съел слишком много сырой моркови, которую очень плохо разжевывал. В результате – заворот кишок, операцию он не перенес.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

В.М. Владиславлева – двоюродной сестре М.М. Достоевской
26.V.1948. Горький

А у нас с 1941 года много было горя! <...> <После сестры и брата> в <19>44 году умер Мих<аил> Мих<айлович>! Последний тоже, хотя и отдельно жил недалеко от нас, но все время столовался у нас и свободное время у нас проводил! С нами был очень близок, так что тоже не выходит у нас из памяти!..

У нас вообще очень дружная семья, потому и тяжело потерять их! Оля умерла от своей прежней болезни – рак <печени>, Володя от кровоизлияния <в мозг>, а Миша пошел утром на службу (между прочим, у него была хорошая служба), а к вечеру лежал уже на столе, был заворот кишок! Он на службе был на хорошем счету, и они его хоронили за свой счет! Все они похоронены на хорошем кладбище, которое уже закрыто, но горьком разрешил нам похоронить там.

(Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (69) д)

285. Владиславлев Леонтий Михайлович

252 / 251

([9.IV] 1882 — [14.II.1949, Горький.) Окончил медицинский факультет одесского Новороссийского университета (1908). Работал врачом в селе Бармино Нижегородской губернии,] в страховой кассе при Сормовском заводе.

Большие артистические и музыкальные способности.

[Умер от рака пищевода. Похоронен на Бугровском кладбище рядом с сестрами. Могила сохранилась.]

А. Лашук

После блестящего окончания университета поехал работать – куда б вы думали? – в земство, в поселок Бармино!

– Дедушка у меня был вообще очень либерально настроенным человеком, поэтому там, в поселке, вместе с местной интеллигенцией занимался просветительством. Для сельчан своими силами был организован театр, – вспоминает семейное предание Ольга Львовна Владиславлева. – Ставили они не что-нибудь, а «Евгения Онегина». Но вот беда: в

театральном реквизите не оказалось малинового берета, в котором Татьяну на балу видит Онегин. Зато был зеленый... Поэтому вместо фразы «Кто там в малиновом берете с послом испанским говорит?» Евгений произносил: «Кто там в *зеленом* берете...»

Леонтий женился поздно, почти в сорок. До 65 лет <то есть почти до самой смерти> продолжал работать в Барминской больнице, а потом из-за ухудшившегося здоровья переехал с семьей в Горький.

(Лашук А. Петербургские тайны по-нижегородски // Проспект (Нижний Новгород). 2010. 18 мая)

Нат. А. Владиславлева

После революции – известный в городе врач. Люди уважали его за доброту и безотказность.

Этого крупного, с рыжими курчавыми волосами, слегка прихрамывающего человека я знала с раннего детства. В рождественские праздники они с женой приглашали нас, полусирот, на елку. И вообще были очень добры к нам. Когда я перешла на четвертый курс медицинского института и у нас начались уже клинические дисциплины, Леонтий Михайлович, сам врач, подарил мне свой стетоскоп «старинной работы».

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003–2004)

А.В. Карпов

Самый младший в семье, он был еще очень мал, когда мой дед (старший сын) покинул родительский дом. Но, встретившись уже состоявшимися людьми в Нижнем Новгороде, они не просто установили родственное общение, но даже очень сдружились.

Леонтий Михайлович – сильный, волевой и очень жизнерадостный человек. Опытный врач, которому и моя мать, и я, можно сказать, обязаны жизнью – он спас нас от брюшного тифа, вовремя поставив правильный диагноз. Правда, сам лечить не стал – «Родственников я не лечу!» – но прислал коллегу, к которому относился с большим доверием.

(Записано Н.Б.)

286. Виноградова, по мужу Владиславлева Галина Михайловна
(1904 – [18.VI.1994]). Жена предыдущего. [Дочь священника из села Бармино Нижегородской губернии.]

А.Н. Царевский

Спасаясь от революционной неразберихи и бескормицы, семья уехала в большое волжское село Бармино, где нашла приют в доме местного священника Виноградова.

(Записано Н.Б.)

287. Владиславлева Александра Михайловна
([23.IV] 1885 – 1885). Умерла от воспаления брюшины.

252 / 251

288. Владиславлева Варвара Михайловна
([13.VIII] 1888 – 1889). Умерла от менингита.

252 / 251

289. Достоевская, по мужу Зеленева Наталья Михайловна 253 / 254
 ([19.IV] 1871 — [3.VII] 1921, Саратов). [Железнодорожная служащая.] Умерла от холеры, оставив троих детей-[подростков].

Мил. Ф. Достоевский

Гимназию окончила с золотой медалью. Служила на Рязанско-Уральской железной дороге. Анемичная, меланхоличная, очень религиозная; любила повторять: «Как Богу будет угодно».
 (Записано М.В.)

М.С. Достоевская, мать Н.М. Зеленовой — дочери
 <1906 или 1908> Павловск

Дорогая Наташа! У меня до тебя большая просьба, чтобы ты дала мне честное слова, что ты не будешь пить совсем водку, это меня ужасно беспокоит, а у меня и так много беспокойства, и о тебе болит душа, и это тебе вредит, твоему здоровью, от того у тебя и болит сердце, ты видишь, какой вред для Миши и как противно смотреть, а для женщины еще хуже и большой вред делается твоим детям.
 (Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34 355 (40) д)

290. Зеленев Василий Алексеевич
 (? — [1909]). Муж предыдущей [с 23 октября 1902 г. Железнодорожный служащий.] Оставил семью и жил отдельно в Москве.

291. Достоевская Екатерина Михайловна (младшая)

253 / 254

([25.IV] 1872 — [9.XI.1924, Павловск С.-Петербургской губернии]). Служила в Детском Селе. Замужем не была.

Аттестат Царскосельской
 женской гимназии № 22
 26.V.1892. Петербург

Ученица Царскосельской женской гимназии Екатерина Достоевская при отличном поведении, оказала успехи в Законе Божием очень хорошие, русском языке довольно хорошие, французском языке довольно хорошие, немецком языке довольно хорошие, педагогике хорошие, математике хорошие, истории посредственные, географии хорошие, естествоведении хорошие. Сверх того обучалась чистописанию, рисованию, танцеванию, пению и рукоделиям. На основании Высочайше утвержденного Государем Императором в 9-й день января 1862 г. Устава женских

Екатерина Достоевская-младшая
 с племянником Георгием Зеленым (№ 314)

гимназий девица Достоевская имеет право получить, не подвергаясь испытанию, свидетельство от Министерства Народного Просвещения на звание Домашней Учительницы тех предметов, в коих оказала хорошие успехи. В удостоверение чего дан сей аттестат за надлежащим подписанием и приложением печати гимназии.

(ОР ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 123. Л. 1)

292. Достоевский Михаил Михайлович (третий)

253 / 254

([23.XI] 1874 — [23.X] 1917, Царское Село С.-Петербургской губернии). Женат не был. Умер в Царскосельском госпитале от туберкулеза, [похоронен в Павловске.]

Е.М. Достоевская, тетя

Очень милый, несколько приниженный человек, несчастный вследствие своей пагубной страсти к вину.

(Записано В.Н.)

Мил. Ф. Достоевский, двоюродный брат

Гимназию не окончил; ничем не занимался. Алкоголик. Виртуозно играл на балалайке.

(Записано М.В.)

293. Достоевская Мария Михайловна

253 / 254

([6.I] 1878 — [2.II.1949, Латвия). Окончила женскую Мариинскую гимназию и] курсы Шлезингера. Давала уроки музыки. Большие драматические способности, но профессиональной артисткой никогда не была. Замуж не вышла. [В 1899—1918 гг. служила делопроизводителем в юридическом отделе Общества Рязанско-Уральской железной дороги; с 1921 г. делопроизводитель Детскосельского отделения Петроградского агрономического института; с 1937 г. на инвалидности. Во время Великой Отечественной войны была узнана вместе со своей племянницей М.В. Зеленовой на принудительную работу в Латвию. Последние годы прожила на Рижском взморье. Умерла от сердечной недостаточности, похоронена в Дубултах⁶⁴.]

⁶⁴ Свидетельство о смерти — в архиве Г.Н. Архипова в старорусском музее Достоевского; запись о месте захоронения сделана в записной книжке покойной рукой М.В. Зеленовой (Ст. Русса. НГМ КП 34355 (47) д., (48) д.). — Ред.

В.М. Владиславлева (№ 278) – М.М. Достоевской

26.V.1948. Горький

Дорогая Манечка! Действительно, мы все были поражены, получив от тебя письмо! Мы считали, что ты с племянницей погибли или куда-нибудь эвакуированы, но никак не представляли, что ты уедешь в Латвию! Что понудило тебя туда уехать? Напиши подробно, будем ждать! <...> А что твоя музыка? Даешь уроки? Где твой рояль? Напиши подробно о себе с тех пор, как была у вас Оля!

(Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (69) д)

Поколение шестнадцатое

294. Лури Игорь [Борисович]

264 / 263

[? — после 1956] Музыкант-виолончелист, ученик профессора Петербургской консерватории И.И. Зейферта. Давал концерты вместе со своей тетей Татьяной Федоровной Достоевской (№ 269). Проявлял также композиторские способности.

А.А. Достоевский

...Екатерина Михайловна Достоевская очень восхваляет музыкальные способности Игоря Лури и думает, что он будет выдающимся виолончелистом. (Письменные характеристики. М.В.)

Г.Ф. Коган

Высокого роста, рыжеватый, с полным лицом. В сопровождении Татьяны Федоровны Достоевской приходил ко мне в гостиницу во время моего посещения Ленинграда в середине 1950-х.

(Записано Н.Б.)

295. Достоевская Елена Милевна

266 / 267

(1906—1906/07). Умерла в грудном возрасте от менингита.

296. Достоевская, [по мужу Крюкова]

270 / 269

Ирина Владимировна

([8.VI] 1919, [Калуга — до 1972). Музыкальный работник.]

М.В. Волоцкой

Уже в 1924 г., несмотря на свой ранний возраст, обнаруживала несомненные музыкальные способности в форме музыкального слуха и чувства ритма. Например, в моем присутствии безошибочно определяла, не смотря на клавиатуру, какая клавиша рояля звучит — белая или черная.

И.В. Крюкова – троюродной сестре
М.В. Зеленовой
20.IV.1958 <Москва>

<После смерти мамы> я осталась совершенно одна. Родственников никого, кроме Вас, нет. Есть в Москве дальние родственники, вернее, свойственники – некто Ч<...>ы (Вы их знаете), но они даже на похороны не пришли: профессора, берегут свое здоровье...

Маруся, я до сих пор Вам не писала потому, что мамыны друзья и ученики не давали оставаться мне одной. Все время приходили, отвлекали как только могли. Но это только первое время...

Маруся, я хочу Вам сказать, что давайте сблизимся. Вы совершенно одна, и я тоже. Как-то легче делается, когда знаешь, что есть свой человек,

даже если он и далеко. А вообще приезжайте ко мне, оставайтесь у меня жить. Комната у нас большая, работа найдется. Приезжайте летом в отпуск. Я никуда не уеду кроме августа, меня посылают в пионерский лагерь. (Отпуск-то у нас 2 месяца, а третий месяц используют на работе – посылают куда хотят.) Сейчас <собачка> Хотка лежит на диване и просится гулять. Пойду ее выведу. Ей теперь плохо – целый день лежит как чурбан и ничего не ест без меня. Днем гуляет с ней девочка (когда я на работе). Вот, Марусенька, какой ужас!

(Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (75) д)

Г.Ф. Коган

Командированная как музыкальный работник в Монголию, Ирина Владимировна по дороге серьезно заболела и была снята прямо с поезда. Оставшиеся годы жизни провела в специализированных лечебницах.

(Записано Н.Б.)

297. Крюков

Муж предыдущей.

298. Владиславлев Александр Владимирович

273 / 274

[(30.I.1891, Серпухов Московской губернии — 7.VII.1960, Батуми).]

Окончил Нижегородскую гимназию, учился на физико-математическом факультете Московского университета. Человек разносторонних интересов: почвовед, экономист, педагог, музыкант, шахматист; но в наибольшей степени проявились] музыкальные способности. Инструктор при Губсоюзе в Сибири. [Был женат дважды, имел трех дочерей от первого брака и одну — от второго.

Умер от рака желудка.]

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому
22.VI.1891 <Серпухов>

Появился новый член в моей семье, мальчик Саша. Окрестили в память умершего любимого брата жены. Препухлое создание!
(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Л. 64)

Из автобиографии А.В. Владиславлева
16.XI.1953

В феврале 1917 г. держал государственные экзамены, которые были прерваны Февральской революцией. Одновременно занимался в Московской народной консерватории и прошел полностью трехгодичный курс. <Однако> документа об окончании не получил. Будучи студентом, одновременно работал в фирме Штелинга настройщиком, а с 1915 г. <еще и> в Московском губернском земстве – почвоведом. После Февральской революции приступил к реализации не университетского, а музыкального образования и <кроме того> работал в кооперации инструктором⁶⁵. В 1928 г. через московское издательство «Техника управления» выпустил свою работу по планированию сельхозкооперации⁶⁶, изучал планирование, читал <лекции> экономистам и бухгалтерам и сам работал в <сельскохозяйственной> промышленности (под Москвой, в Муроме). С 1930 г. перешел на педагогическую работу и <препода>вал планирование в кооперативных школах, в Армавирском институте плодоовощной промышленности. В 1934 г. по состоянию здоровья дочери переехал в Геленджик, где работал <аккомпаниатором> и руководил художественной самодеятельностью в курортном театре. Во время <войны>, в 1942 г., был дважды мобилизован, но очень кратковременно. Театральная работа все же не прерывалась до 1943 г., когда всем нам предложили эвакуироваться. С 1943 г. живу в Батуме и работаю фортепианным мастером, периодически <...> участвую в театральных постановках и почти непрерывно – в работе самодеятельности.

(Копия в архиве Н.Н. Богданова)

Е.А. Владиславлева, дочь

Кажется, ни писательского, ни актерского таланта у папы не было. Он весь был пропитан музыкой. Он дышал ею.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

Нат. А. Владиславлева, дочь

Мама вспоминала, что отец был веселого нрава, довольно остроумен и любил пошутить. Из детей любил старшую дочь Ольгу и часто напевал ей песню: «Все васильки, ва-

⁶⁵ Некоторое время – в Сибири. – Ред.

⁶⁶ Владиславлев А.В. Как планировать работу в сельском обществе потребителей. М.: Техника управления, 1928. 87 с. – Ред.

сильки, сколько мелькало их в поле, я собирал у реки только для дочки, для Оли...» Не знаю почему, но эта маленькая песенка запала мне в душу, и очень хотелось узнать автора ее слов. Много лет спустя в одном солидном сборнике стихов русских поэтов XIX столетия я нашла похожие строчки о васильках – это был отрывок из стихотворения А.Н. Апухтина «Сумасшедший». Из любимых романсов отца – со слов матери знаю «Ваши пальцы пахнут ладаном...» Александра Вертинского.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

Е.А. Владиславлева

Отец высокий, широкоплечий, с мягкими как пух, светлыми волосами. Одевался и держался всегда очень скромно. Помню, папа ремонтировал в Доме офицеров рояль, а вечером сел с кем-то сыграть в шахматы и выиграл, на место выбывшего сел другой – и тоже проиграл. На другой вечер его уже ждали любители шахмат. Но никто выиграть так и не смог. Всех это очень озадачило: вроде такой незаметный человек, а обыграть его невозможно. Писал он также и стихи. Об ученых, философах, писателях, видимо, просто для себя, никогда никому не посылал. <...> В Нижнем Новгороде вместе с Максимом Горьким ходил за грибами. В Москве на концертах аккомпанировал молодому Александру Вертинскому. В студенческие годы за шахматной доской встречался с Александром Алехиным.

Папа называл Вертинского Сашкой, значит, они были товарищами. Смеялся и говорил, что у них были одни хорошие брюки на двоих. Когда Вертинский <в 1956-м> приезжал в Батуми с концертами, мы всей семьей ходили на одно из его выступлений. Он был совсем старым человеком. Я предлагала папе пройти к нему за кулисы, но он не пошел. Теперь я его понимаю <...> Когда мы после концерта потихоньку возвращались домой, папа был весь погружен в воспоминания, но нам ничего не рассказал...

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003–2004)

Над. В. Владиславлева, сводная сестра А.В. Владиславлева – его второй жене и дочери

«После 1960. Москва»

Семья была дружная, и большую роль в этой дружбе сыграл Саша, дорогой мой брат. <...> Наше детство было согрето музыкой, которая шла от наших братьев, как Владиславлевых, так и Крыловых. Но среди них Саша особенно захватывал нас: мы и пели под его аккомпанемент, и слушали его. <...> <Иногда он> выступал в роли отца. Знаете ли вы, что в трудные голодные годы, когда папа наш был в разлуке с нами <оказавшись на юге России у белых>, Саша приехал к нам под Нижний Новгород (село Бармино), забрал меня и Наташу и увез нас с собой под Самару в село Борское, к себе, куда позднее приехала мама с остальными дочерьми? <...> сам ходил в школу и устроил нас с Наташей учиться. <...> Был очень близок не только с отцом, но и с моей мамой (своей мачехой). Помню, помню его и не забуду.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

Перебравшись в начале 1920-х в Сибирь, Александр Владимирович пригласил переехать и семью отца. Однако последним не удалось найти работу и закрепиться на новом месте и пришлось возвращаться на Волгу. А сам он создал в Сибири вторую семью.

Е.А. Владиславлева

Отец смолоду мечтает о музыке. Так и в дневнике пишет – вот обоснуемся немного, а потом музыка, музыка. Время было трудное, и обосноваться основательно так и не пришлось. Жили в Муроме. Отец писал в газетах фельетоны, статьи. Подписывался «Муромский». Потом – Армавир. Голодные годы 1932–1933. Утром в большую арбу собирали людей, умерших прямо на улице. В 1934-м мы переезжаем в Геленджик. Папа устраивается главным бухгалтером в санаторский городок. В 1936-м или 1937-м пришла ревизия. Долго все проверяли, но ни к чему не могли придаться. По окончании один из ревизоров сказал отцу по секрету, что их прислали его арестовать. После этого папа бросил эту работу и перешел на музыкальную: занимался художественной самодеятельностью, музыкально оформлял спектакли. А тут вскоре война. До взятия Новороссийска жили относительно спокойно: даже работал местный драмтеатр. И мама, и отец играли в нем, а я была суфлером, почти все роли знала наизусть. <...> <После взятия Новороссийска> стало труднее и голоднее. Ходили по огородам и выискивали прошлогоднюю морковку или бурячок. Начались бомбежки. Месяца четыре жили в горном ущелье. Питались лесными фруктами. <Зимой> я устроилась на работу в управление тыла, на склады, сначала уборщицей, затем кладовщиком. <...> Бомбили каждый день. <...> Отец очень нервничал. <...> В конце 1943 г. мы собрались уезжать <подальше от фронта>. И вот мы в Батуми. Я рисую какие-то коврики, картинки, которые продают на базаре. Папа ищет работу настройщика фортепиано. Наконец мама начинает работать режиссером драмколлектива на заводе, и нам дают комнату в бараке.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

Над. В. Владиславлева, сводная сестра А.В. Владиславлева – брату

5.II.1950 <Москва>

Я всегда помню твоё теплое отношение к нам, особенно когда <в 1919–1920-м> с нами не было отца, когда ты облегчил маме её положение, захватив двух сестриц в Борское. И в раннем детстве я помню тебя как самого любящего нас, мимозид, брата. Тебе, наверное, около 60 лет. Мне ведь уже 43.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

Противоположный поступок Александра Владимировича – уход от жены, см. на с. 381.

А.В. Владиславлев – А.И. Пуртову⁶⁷

26.XI.1956. Батуми (Не отправлено)

Дорогой друг Аркадий Иванович!..

Отвечаю с запозданием. В связи с последними событиями в международной жизни настроение такое, что об нем и говорить не стоило бы. Повсеместно упадок «аппетита»,

⁶⁷ Пуртов Аркадий Иванович – талантливый криминалист (родом из Приамурья), после Великой Отечественной – начальник отдела НИИ криминалистики. Изобретатель прототипа современного фоторобота, а также других приборов для нужд милиции, следствия и экспертизы. Имел большие музыкальные способности (в юности работал тапером). В начале 1950-х восстановил (реставрировал) авторский вариант клавира П.И. Чайковского «Вариации на тему рококо» для виолончели с оркестром. – *Ред.*

Владиславлевы в 1932 г. Слева направо: сидят Галина Михайловна (№ 286), Надежда Михайловна (№ 279), Лева (№ 312) и Александр Владимирович (№ 298), стоят Ольга Михайловна (№ 276), Леонтий Михайлович (№ 285) и Михаил Владимирович (№ 301)

если можно так выразиться, понимая под ним вообще импульс к деятельности. Не слышно ни смеха, ни веселых разговоров, чувствуется упадок общественных стремлений в угоду личным, собственным. <...> Трудно работать в такой обстановке – слишком большая разница между миром подлого прошлого и настоящими перипетиями общественных столкновений. <...> Меня прямо-таки возмущает история с <Суэцким> каналом! Зачем в такой острый момент понадобилось г. Насеру брать канал? Неужели нельзя было отложить до более спокойного момента, чтобы не дразнить зверя, не создавать поводов к ссоре, к драке, к войне?! Этого я никак не пойму! <...> А венгерская каша – это уж черт знает что такое!⁶⁸ <...> К сожалению, до нас доходят лишь обрывки событий, и нам приходится гадать.

7.XII.1956. Батуми (Не отправлено)

Как это ни неприятно, но сообщаю Вам, что письмо, написанное Вам давно, так и не отправил. <...> Я уже как-то говорил в письме к Вам, что писать письма только ради письма невозможно. Чис<т>о невольно вырываются слова, полные гражданского смысла, иногда даже с тяжелым вздохом, может быть, даже с болью, с грустью и т.д. Много я Вам писал таких писем, и Вы как-то слишком легко принимали, не желая замечать громадного риска в этом. Сколько раз и Вы, и я – оба мы замечали следы вмешательства в нашу переписку! Вот и вышло так, что последнее письмо осталось неотправленным...

Странно как-то смотреть и наблюдать за современными людьми. Около, совсем рядом происходят значительные случаи, а ты проходишь мимо них, будто ничего не замечаешь. А как сядешь за письмо, так невольно и пробуешь свою способность поразмыслить. <...> Шепилов и Кузнецов на ассамблее <ООН> при помощи всяких ухищрений защищают права Венгрии на суверенитет⁶⁹, а у нас уже нет не только сахара, но и гречневой и пшенной крупы, нет масла, невозможно купить простую лампочку электрическую. Черного хлеба мы уже давно не пробовали, а белый хлеб подобен замазке. Бесцеремонно с нас дерут 3–4 шкуры на каждом шагу. Весной мы за пар<овое отопление> платили по 15 р<уб>., теперь нам выписали счет уже 19 руб. <...> Сейчас всем в нашем поселке ставят счетчики, и весь поселок поголовно побросал электроплитки и перешел на керосинки. Это ли не издевательство над светлой памятью Владимира Ильича?! <...> Пользование плиткой будет стоить нам бешеных денег. Только для приготовления обеда надо включить плитку на 5–6 часов (под «обедом» я разумею утренний завтрак, обед и ужин), а 5 часов стоят 2 рубля или в месяц – 60 руб. А ведь надо постирать горячей водой белье, надо иногда помыть голову, да мало ли для чего понадобится горячая вода?! <...> Кому все это нужно – не пойдем мы никак. Ясно одно – тут не без вредительства!

(Архив Е.А. Владиславлевой)

Е.А. Владиславлева

У папы был очень заразительный смех. Глядя на него, все начинали смеяться, даже не зная почему. Соседи часто спрашивали: «Что, у вас были гости вчера?» – «Да нет, никого не было». – «А что же вы все так смеялись?»

⁶⁸ Речь идет о восстании против просоветского режима в Венгрии (23 октября – 9 ноября 1956 г.), подавленном советскими войсками. – *Ред.*

⁶⁹ Представители СССР в ООН настаивали на невмешательстве западных стран во «внутренние дела социалистической Венгрии». – *Ред.*

Как-то в летнем театре он ремонтировал рояль. Приехал джаз-оркестр. Пришли репетировать. Пробуют сыграть какую-то грузинскую песенку, а не звучит. Отец берет лист нотной бумаги, и через 30–40 минут для всех музыкантов готовы партии. Сыграли – полный восторг. Отец всем готов был прийти на помощь.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

В 1950 г., в возрасте 59 лет, Александр Владимирович намеревается поступить в Гнесинское училище в Москве. А еще через десятилетие выступает в роли драматурга.

А.В. Владиславлев – неуставленному лицу
из близкого круга родственников или знакомых
29.VII.1959. Батуми

17 января 1960 года сто лет со дня рождения Антона Павловича <Чехова>. Этот день будет повсеместно отмечаться по всей нашей стране, и многие театры стоят как бы в тупике перед жутким для них вопросом: что играть в этот день? Если МХАТ руку набил на чеховских пьесах, то большинство театров не рискнет братья за «Чайку» или «Трех сестер», чтобы в результате <не> получился балаган.

Вот почему моя инсценировка может оказаться не камнем преткновения, а якорем спасения, так как в ней нет ни чеховской грусти, ни тоски по лучшему миру на земле – эта пьеса немного авантюрная или приключенческая, с цыганским хором в заглавной роли.

Поэтому, если бы ты появилась с ней и прочитала бы рукопись по своему ладу, не по театральному, то не лишена <правдоподобия> возможность, что актеры тебя расцеловали бы. К этому надо добавить, что политически она насыщена не в пример всем прочим пьесам Чехова. Она очень интересна для окраски сочными политическими красками не только юбилея, но и самого юбиляра...

Рассылать рукописи театрам – это значит толкать их на всевозможные подлости. Совсем иное дело, если ты придешь в театр с рукописью, *прочитаешь ее им, но из своих рук не выпустишь*, пока они не начнут разговор о договоре. <...> Хотя пьеса моя хороша вообще, однако желательно использовать <грядущий чеховский> юбилей.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

Е.А. Владиславлева

С 1957 г. в дневниках у папы появляются записи о болях в области желудка. Все время держится небольшая температура.

В феврале 1960 г. приходим к нему в больницу, а соседи по палате говорят: «Что-то он сегодня все плачет и вспоминает какого-то Мишу?» А на другой день телеграмма – 10 февраля скончался папин брат Михаил Владимирович. Мы не сказали об этом папе. Он тоже умер от рака желудка, только мы не делали ему операцию, и он прожил немного дольше, чем дядя Миша...

Отец знал свою маму Веру Павловну Гайдебурову только по фотографии. Но за день до смерти она «пришла» к нему.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

299. [Макеева, по мужу] Владиславлева Наталия Павловна

(1891, Н.Новгород – после 1931). Первая жена предыдущего.

После окончания 3-й нижегородской гимназии (1911) направлена учительницей в деревню Кременки неподалеку от села Бармино, в котором жили Владиславлевы. Здесь, на спектаклях любительского театра, познакомилась с будущим мужем. Венчание состоялось 24 апреля 1916 г. Работала учительницей, воспитателем в детдоме, позже выучилась на бухгалтера. Брак закончился через несколько лет разводом.

Н.П. Владиславлева

Автобиография

Мой отец был конторщик. Последнее место его работы был обувной магазин Карпова. Магазин был сырой, отец получил ревматизм и умер, когда мне было 11 лет. Мать осталась с троими детьми, она стала у того же хозяина Карпова обшивать валяную обувь; брала домой. Брат отца, дядя, помог мне кончить гимназию.

Осенью 1911 г. по моему заявлению меня назначили учительницей в б<ывший> Макарьевский уезд, ныне Лысковский в д. Кременки, где я и проучительствовала до 1916 г. В этом же году я вышла замуж и уехала учиться в Петроград на Высшие женские с<ельско>х<озяйственные> курсы, где пробыла только зиму, так как произошла февральская революция, жить в Петрограде из-за голода стало невозможно, и я уехала. 1917 и 1918 не училась и не работала, так как был грудной ребенок. Жили с мужем в Самаре, он был разъездной инструктор по кооперации от губсоюза. В 1919 г. перевели мужа в Бузулукский уезд в с. Борское, и я там учительствовала 1919–1920 учебный год. Осенью 1920 г. уехали из-за голода в Сибирь в с. Боровское Барнаульского уезда. Там я учительствовала до 1922 г. Осенью этого года я с детьми (трое) и с бабушкой уехала на родину в г. Н.Новгород. Муж уже с 1920 г. с нами не жил.

(Копия в архиве И.Л. Волгина)

Нат. А. Владиславлева

После моего рождения отец обвинил мать в супружеской неверности и ушел из семьи, оставил мать с троими малышами. Вот такой был человек Александр Владимирович.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2002–2003)

Н.П. Владиславлева

Автобиография

В Н.Новгороде, куда мы приехали в ноябре 1922 г. я устроилась воспитательницей в д<етский>дом им. Ленина и проработала воспитательницей учительницей в д<етских>домах города до 1930 г. В сентябре по заключению врачей я ушла с педагогической работы на счетную работу и работаю по счетной части <в> настоящее время. Последнее место работы до поступления в БКП было МОУРТ (Московско-Окское управление речным транспортом), откуда я ушла по собственному желанию, на руках документа нет, так как выписка из приказа есть в трудовом списке.

(Копия в архиве И.Л. Волгина)

300. Иванова, по мужу Владиславлева Анна Яковлевна

(1895–1980). Вторая жена А.В. Владиславлева. Культурно-просветительский работник, режиссер самодеятельного театра в Батуми.

Е.А. Владиславлева

После женитьбы на маме отец сильно изменился – он стал гораздо мягче, исчезла его обычная вспычивость. Это отмечали все родственники.

(Записано Н.Б.)

301. Владиславлев Михаил Владимирович**273 / 274**

[(1892, Рига — 10.II.1960, г. Михайловка Сталинградской, ныне Волгоградской обл.). Окончил Нижегородскую гимназию. В 1912–1914 гг. учился на юридическом факультете Московского университета, откуда был призван в армию.] Культурно-просветительский работник при военном ведомстве. [С 1929 г. работал по специальности — адвокатом, но образование завершил только в старости.]

Музыкальные способности. Неврастения.

[Умер от рака желудка, похоронен в Сталинграде.]

В.М. Владиславлев – В.И. Срезневскому

23.IX.1897. Киевско-Житомирское шоссе, станция Фасова

Дети превратились в пузырей – порумянили, потолстели, а Миша от этого даже поглупел на время.

(РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Л. 133)

Агентурная записка о студенческом движении

<1913>

Университетское студенческое Нижегородское землячество <...> помимо своего прямого назначения оказывает материальную помощь Межпартийному Красному Кресту в размере 300–400 рублей в год. <...>

Кто из членов землячества соотносится непосредственно с Красным Крестом не установлено, но из лиц, сочувствующих этой идее и ратующих за участие землячества в нелегальной и политической деятельности, известны: <...> Владиславлев Александр Владимирович, 22 л<ет>, студент-естест<венник> Московского университета, сын коллежского асессора; Владиславлев Михаил Владимирович, 21 г<ода>, студент-юрист Московского университета, сын коллежского асессора.

(ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство ОО. Д. 59. Ч. 466. № 36 520. Л. 60)

А.В. Карпов

Да, Михаил Владимирович был довольно обаятелен, музыкален, играл на фортепиано, но за инструментом не мог не принять романтической позы, подняв очи горе и т.д. И язык у него был хорошо подвешен. Кроме этого дядя отличался большой физической силой – ударом кулака выбивал кирпич из печи. Этим тоже производил впечатление...

По слухам, им самим усердно поддерживаемым, Михаил Владимирович обладал гипнотическими способностями. Правда, моя мать – его сводная сестра – к этому его талан-

ту относилась довольно скептически. Перед войной, будучи проездом в Москве, он как-то зашел к нам. Подозрительно долго рассматривал меня и потом сказал матери: «Сын-то весь в тебя – тоже мне не поддается!» Да что там – приврал для эффекта! Если бы я действительно сопротивлялся его гипнотическому воздействию, так должен был хоть что-то ощущать. Ан нет, ну ничегошеньки!

Слышал я и следующую «ударную» легенду: когда Михаил Владимирович еще жил в Баку, был у него тихий и какой-то пугливый сосед. Как-то раз между ними в присутствии еще одного приятеля зашел разговор о гипнозе. Сосед сказал, что он ничему такому не верит и загипнотизировать себя не даст. Михаил Владимирович предложил попробовать. Сеанс гипноза удался. А тот возьми и расскажи под гипнозом, что служил у белых офицером! Пробудившись от гипноза и поглядев на перекошенные физиономии своих мучителей, сосед сразу все понял и в тот же вечер навсегда исчез из города...

Многих Михаил Владимирович раздражал своим позерством. Образцовым проявлением позерства стало «ррреволюционное» выступление – еще гимназистом – на каком-то митинге в 1905 или 1906 г. Ну что же – выгнали на пару месяцев из гимназии. Потом восстановили.

В годы гражданской войны Михаил Владимирович якшался с анархистами. Если уж рядиться в революционеры, так уж в «чрррезвычайно ррреволюционные ррреволюционеры!» Как говорится, «мы горе народов потопим в крови!» – этот гимн анархистов я слышал единственный раз и именно в его исполнении. Мой дед (его отец) комментировал это довольно ядовито: «Миша вполне мог бы отдать жизнь за революцию... Если бы при этом присутствовали многочисленные свидетели!»

Мой отец со смехом вспоминал, как в конце 1920-х, будучи студентом, на практике в Баку он зашел к Михаилу Владимировичу познакомиться, и тот, не имея никаких специальных знаний по технике, но, видимо, желая блеснуть своими талантами перед будущим родственником, стал с удивительным апломбом расхваливать ему – профессиональному инженеру – какое-то свое ну совершенно фантастическое изобретение.

(Письменные характеристики; Записано Н.Б. 2004)

Е.А. Владиславлева

Мне случайно попала тетрадь со стихами дяди Миши, очень древняя. Другую, с тремя законченными текстами, не могу найти, но она где-то есть. И везде он подписывался Владиславлев-Достоевский.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

Вот одно из юношеских стихотворений М.В. Владиславлева, в свое время представленных на суд Валерия Брюсова:

Осень

Лист желтеющий и серый за стеклом окна дрожит,
И дождя поток холодный с крыши на землю бежит.
Ветер веет похоронно. Мокро. Серо и угрюмо,
И бездумье наполняет, и тоска туманит думы.
Серо небо. Серо всюду. Ворон каркнет надоедно.
Облака собрались в грудь: осень шествует победно.

(Это и другие стихотворения – НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 80. Ед. хр. 24. Л. 1; РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2923)

Черновые наброски к «Поэме о Сталине»
19.I.1947

План

<Часть> I. В прежние века люди работали, были рабами, голодали, мучились, и слабым утешением в их сознании оставалась некоторая надежда на загробную жизнь, обещанную Буддой, Моисеем, Христом и Магометом. Люди оставались чужими жизни, как далекими и недоступными были и их боги.

<Часть> II. Октябрьская революция, идеи (Сталина и) Ленина и Сталина – это близкие и родные идеи пролетариату. Как ручьи после разлива рек, как вода в <нрзб.> бегущая с гор, дает урожай полям и садам, так и мысли Сталина, выраженные в пятилетних планах, разливаются по всему Союзу в виде тракторов, комбайнов, машин; в виде улучшения всей системы хозяйства, в виде построения к<олхо>зной системы – «все за одного – один за всех». (Фрагмент – смерть Ленина – страна – Сталин). Сталин ощущается всюду – на работе – на отдыхе – дома – во всем дыхании его организующей мысли.

<Часть> III. Но вот грянули черные дни нападения фашистской «чумы». Темные затихшие города, бомбежка хищных стальных птиц врага, лязг гусениц несчетных танков. И среди безнадежного молчания звенел в воздухе бодрящий, обнадеживающий и ведущий голос вождя. (Фрагмент из Ал. Толстого: «В колокол, мирно дремавший, с полета тяжелая бомба грянула».) Загораются надеждой и мстостью сердца, сжимаются руки, поднимается трудовой и боевой порыв. Страна твердеет в стальном усилии всей цепи городов и сел (подробно).

<Часть> IV. После войны.

Сталину

Гигантом мысли ты стоишь над миром.
От слов твоих колеблются дворцы
И рушатся фальшивые кумиры.
Вампиры дрогнули.
Проснулись творцы.

А кто творит? – Творит всегда рабочий,
Артист, художник, инженер, борец.
Крестьяне, вперив утомленны очи,
Сквозь ночи ждут, что скажет их Отец.

Кругом врагов настороженных стая,
И строим мы, хоть нападения ждем.
И вся страна, страна моя родная
Горит на миг не засыпая,
Горит могучим жизненным огнем.

На каждый миг и на любом участке
Ты нам всегда указываешь путь.
И речь насыщена заботой и лаской,
Острастку готовым в сторону свернуть.

И даже те, кто далеко, не с нами,
Кто лишь одной надеждою живет.
Как дальний зов услышит имя «Сталин»
И ураганом вздымается, чтоб сбросить гнет.

(Архив Н.Н. Богданова)

И.С. Белинская

Уже после войны, в 1947-м, проплывая по Волге мимо нашего города, даже не зашел к своей мачехе Софье Алексеевне в гости... Да и мы-то его не особенно жаловали – враль был ужасный.

(Записано Н.Б.)

Б.Н. Долгополов, Московская городская коллегия адвокатов
Служебная характеристика
17.IX.1951. Москва

Тов. ВЛАДИСЛАВЛЕВА Михаила Владимировича я знаю с 1902 года и по настоящее время. <...> ВЛАДИСЛАВЛЕВ М.В. работает в адвокатуре 22 года, из которых 14 лет состоял в Бакинской городской коллегии адвокатов и последние 6,5 лет, т.е. с 1945 г. и по настоящее время, состоит адвокатом в Карагандинской областной коллегии адвокатов...

ВЛАДИСЛАВЛЕВ М.В. повышает свой идейно-политический уровень. Поступив в 1950 году в Университет марксизма-ленинизма при горкоме ВКП/б/ гор. Караганды, он переведен на второй курс, выдержав все необходимые зачеты.

ВЛАДИСЛАВЛЕВ М.В., состоя в адвокатуре, вел и ведет общественную работу, читая лекции и доклады по путевкам партийных организаций и президиума коллегии адвокатов. Вместе с тем тов. ВЛАДИСЛАВЛЕВ М.В. с 15 октября 1948 г. и по настоящее время является действительным членом Общества по распространению политических и научных знаний Казахской ССР.

(Архив А.О. Мироненко)

Е.А. Владиславлева

Низенький, коренастый, с жесткими, почти черными волосами. Любил хорошо одеться, эффектно ходил с портфелем, умел как бы между прочим сообщить о своем родстве с Достоевскими. Получил юридическое образование. Работал адвокатом. Умел красиво выступить на процессе. Алкоголем особенно не увлекался, но почти всегда приносил бутылочку красного вина к обеду.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

М.В. Владиславлев – брату Александру

14.X.1958. Краснослободск Сталинградской обл.

Относительно кукурузного колоса скажу, что это средство не новое – еще тетушки его с успехом применяли на себе в Эссентуках⁷⁰. Но дело-то вот в чем: печень не представляет из себя однородный и простой орган, и лекарства должны избираться соответственно характеру заболевания – это во-первых – и с учетом того, что является заболеванием первичным: печень – или же она страдает от болезни какого-либо соседнего органа (например, желудка). Примитивный способ лечения разных «кустарей» от медицины тем-то и примечателен, что люди весьма наивно лечат непосредственно больной орган, не замечая, что болезнь – это результат комплекса заболеваний, причем последний признак (скажем, язвы при сифилисе) чрезвычайно обманчив и совершенно не характерен для самого течения болезни – вернее, незаметен для неопытного взгляда. Волей-неволей больные начинают пробовать различные лекарства и иногда удачно нападают на комбинацию, подходящую их организму, после чего друзья и соседи хватаются за то же лекарство, не подозревая, что подходящее для одной формы заболевания и для данного организма может оказаться совершенно неподходящим для другого, после чего и наступает разочарование. Сейчас я начал увлекаться карловарской гейзерной солью, и на первых порах она дает улучшение, но до каких это пор будет продолжаться – весьма трудно определить.

(Архив А.О. Мироненко)

Е.А. Владиславлева

В последние годы сумрачный, замкнутый. Когда приезжал к нам, я ни разу не видела, чтобы он от души рассмеялся. Может быть, жизнь так складывалась, что было не до смеха. Жена на двадцать лет моложе. Разошлись. Всю жизнь на частных квартирах. А когда получил свою в Сталинграде, жизнь уже кончилась.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

М.В. Владиславлев – брату Александру

14.X.1958. Краснослободск Сталинградской обл.

На этих днях в консультацию приехала сотрудница музея им. Достоевского⁷¹ – она разыскивала меня и в Михайловке, и <в> Светлом Яре и, наконец, приехала в Краснослободск. Удивлялась нашей с тобой скромности, предлагала помощь даже в назначении пенсии (тут я промахнулся – не спросил, какую именно помощь может нам оказать музей).

⁷⁰ Речь идет прежде всего об Ольге Михайловне Бережновой (№ 276). – Ред.

⁷¹ Г.Ф. Коган. – Ред.

Обещала она написать мне по возвращении в Москву после своего вояжа в Сибирь, где разыскивает потомков Достоевского. Очень она заинтересовалась моими сведениями о Гайдебуровых, записала и вообще рекомендовала приехать в Москву, оставила маленький альбомчик с карточками Достоевского и с надписью от сотрудников музея⁷². Вообще-то у меня появляется мысль съездить в Москву – по части ночлега музей, б<ить> м<ожет>, поможет, а там можно посмотреть, что можно сделать, хотя бы по части получения курорта на льготных началах.

В отношении себя скажу, что при самых благоприятных событиях моего переезда обьем всякого рода забот оказался чудовищным. Многие решено удачно, но все требует беготни, хлопот, средств, и к тому же нужно делать очередную работу, иначе прогоришь, так как переезд создал массу непредвиденных расходов, осложненных осенним периодом. <...> Проявив завидную инициативу и бездну находчивости, ссылаясь на достоинства предков, мне удалось добиться разрешения директора судоремонтного завода на тонну угля и пару к<у>б<о>м<етров> дров. <...> Все это беготня, пропуска – нужно набраться нахальства, чтобы в не имеющем <к тебе> никакого отношения заводе просить (почти требовать) топлива, – я чувствую, что приближаюсь к «современности», хотя это меня не слишком радует. Впрочем, меня немало воодушевила сотрудница из музея, сказав, что мы с тобой слишком уж скромны: по-видимому, это замечание пошло в какой-то мере мне на пользу, и я решительно в затруднительных положениях ссылаюсь на предков и даже перечитал «Идиота», причем испытал истинное удовольствие – хорошо писал прадедушка, и, пожалуй, многое из современности близко подходит к картине, описанной им. Между прочим, эта сотрудница (научный сотрудник!) говорила об чрезвычайном повышении интереса к Достоевскому, а особенно со стороны заграницы – посещаемость музея значительная.

(Архив А.О. Мироненко)

В московский музей-квартиру Ф.М. Достоевского
Почтовый штемпель 8.I.1959. Краснослободск Сталинградской обл.

Уважаемые товарищи! Очень вам благодарен за внимание и привет! Ваше приглашение приехать в Москву совпадает с моим желанием, но реализовать будет возможно, по-видимому, <только> в начале марта. Между прочим, хочу остановить ваше внимание на то<м>, что в «Хронике рода Достоевского» имеются ошибки в определении возраста брата Александра Владимировича (указан 1894, а он 1891 года) и моего (указан 1898 год, а я родился в 1892 году). Так как я окончил юридический институт в 1957 году и этим установил некоторый рекорд окончания института – в 65 лет, то ошибка в «Хронике» меня немного не устраивает.

Как видите, <установившаяся> зима совершенно далека от своего настоящего содержания в нашем представлении, а ведь я из поволжских впечатлений писал:

<...>

Хотя жуть стучит в оконце,
Все же веришь в яркость дня,
Глядя в печку на червонцы
Желтоглазого огня.

⁷² Буклет музея. – Ред.

При появлении в Москве обязательно буду в музее, тем более что привычка переводить бумагу меня не оставляет, а материалы и тем у меня накопилось достаточно, и, конечно, ваша «горькая судьба» вынуждает вас иногда, за хорошие дела предков, собирать всяческий мусор от потомков.

Поздравляю вас с Новым годом, с выпуском ракеты⁷³, а также с тем, что мое появление в Москве (событие достаточно опасное для людей нервных) угрожает вам не ранее марта с.г. Искренне уважающий и сочувствующий вам! М. Владиславлев
(Сообщено Г.К.)

302. Владиславлева (по мужу) Варвара Андреевна

[Первая] жена предыдущего. [Брак закончился разводом.]

303. Поролло, по мужу Владиславлева Валентина Васильевна

(1913–1989). Вторая жена М.В. Владиславлева. Работала секретарем-машинисткой и на других должностях в различных учреждениях Северо-Кавказской железной дороги. Брак закончился разводом⁷⁴.

304. Владиславлева, [по мужу Селезнева] Наталья Владимировна 273 / 275

[5.IV.1905, с. Окулово Горбатовского уезда Нижегородской губернии — 3.VIII.1992, Горький] Единокровная сестра Александра (№ 298) и Михаила (№ 301) Владимировичей Владиславлевых. [Окончила этнологический факультет МГУ, позже, уже в зрелом возрасте — Горьковский медицинский институт; работала врачом-рентгенологом.]

Нат. В. Владиславлева – сводному брату Александру
<Ок. 1915>

Милый Саша! Я не успела написать тебе письмо, потому что мне было некогда. Ниночке папа подарил <куклу> корову такую хорошенькую, как есть настоящую. Ниночка просит тебя купить альбом. Мы еще без тебя не ездили в Мар<ь>ину рощу. Еще раз целую тебя, и затем прощай. Твоя сестра Наташа.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

А.Н. Царевский, правнук

Детство Натальи Владимировны прошло в Нижнем Новгороде. По каким-то причинам семье несколько раз пришлось менять квартиры. Одно время даже жили в доме, где перед тем квартировал Максим Горький (на бывшей Мартыновской, ныне улица Семашко, д. 19)⁷⁵. Сейчас там размещается мемориальный музей писателя.

С гимназических лет Наталья Владимировна владела французским, английским и немецким языками. Читала много иностранных книг, хотя предпочтение отдавала все-таки

⁷³ Имеется в виду запуск 2 января 1959 г. космического аппарата «Луна-1», ставшего первым искусственным спутником Солнца. – *Ред.*

⁷⁴ Дочь от этого брака – Владиславлева, по мужу Мироненко Валерия Михайловна (1938–1993), экономист-нефтяник. – *Ред.*

⁷⁵ А.В. Карпов: «Отец семейства шутил по этому поводу: Горький уехал, а шпики, следивших за ним, передал нам по наследству». – *Н.Б.*

русским. Всю жизнь самым любимым произведением считала «Войну и мир», но при всем уважении к Толстому упрекала его за финальное превращение Наташи Ростовой в заурядную домохозяйку, что казалось ей, читательнице, фальшивым и надуманным. Зато батальные сцены романа перечитывались ею множество раз с неизменным удовольствием.

Школьное обучение пришлось прервать из-за гражданской войны. Спасаясь от революционной неразберихи и бескормицы, семья уехала в большое волжское село Бармино, где нашла приют в доме местного священника. Жили тяжело, кормились работой в сельскохозяйственной артели, продавали или меняли на продукты что-то из вещей. Как-то пришлось (правда, довольно выгодно) продать большую детскую куклу старой работы, обшитую юной Наташей настоящим «приданым» (имелось множество платьев и даже нательное белье; откровенно говоря, именно «приданое» и определило цену). Наталья Владимировна вообще хорошо шила и позже фактически одевала всю семью.

Но даже и в эти смутные дни находилось время для праздника. Вместе со всем семейством Наташа охотно участвовала в любительских спектаклях (в основном по произведениям Чехова), смотреть которые порой собиралось все село. С детства отличалась хорошим здоровьем – к примеру, на спор могла переплыть Волгу. Когда ходили на лодках (один раз добрались аж до Казани), часто сама гребла.

После гражданской войны семье удалось вернуться в Нижний Новгород. Завершив среднее образование, Наталья Владимировна подала документы в Московский университет на отделение востоковедения этнологического факультета. Здесь очень помог старый друг ее отца Сергей Иванович Мицкевич⁷⁶, ведь тогда дети бывших дворян практически не имели шансов на поступление в вуз. Благодаря учебе в университете к знанию европейских языков прибавилось знание восточных, например киргизского. (Прабабушка, смеясь, вспоминала, как пылко за ней ухаживал один студент-киргиз.) Вообще говоря, на языки у нее была удивительная память.

Окончив МГУ, она возвратилась в Горький и вышла замуж за С.А. Селезнева, с которым познакомилась в Москве. До начала Великой Отечественной работала в научной библиотеке пединститута простым библиотекарем. (Зато общество там было очень достойное – все старая нижегородская интеллигенция.) В войну пришлось перейти в «Горэнерго» на заведование складом – здесь давали рабочую карточку.

После победы над фашистами чувство невостребованности – ведь в Горьком применить полученное образование она так и не смогла – подвигло Наталью Владимировну (к великому удивлению окружающих) подать документы в мединститут. Чуть ли не единственным сочувствующим ей в этом выборе был сводный брат Владимир Константинович Крылов⁷⁷. Собственно говоря, он, сам врач, и подбил ее на этот шаг. Шутка сказать – в сорок лет! Однако природное упорство не позволяло Наталье Владимировне смотреть на возраст как на ограничение. Условия были жесткими: хотя зачислили без экзаменов, пришлось догонять других студентов, поскольку занятия давно начались. Дело было в ноябре месяце, и преподаватель анатомии не мог поверить, что новая студентка осилит программу его столь сложного курса. Но Наталья Владимировна выдержала все испыта-

⁷⁶ Мицкевич Сергей Иванович (1869–1944) – врач, большевик, партийный и государственный деятель. Окончил медицинский факультет Московского университета. В 1906–1914 гг. жил в Нижнем Новгороде, где совмещал работу врача в психиатрической колонии с подпольной революционной деятельностью. Организатор и в 1924–1934 гг. директор Музея революции в Москве. – *Ред.*

⁷⁷ Сын Софьи Алексеевны Владиславлевой (№ 275) от первого брака. – *Ред.*

ния (помогла и гимназическая латынь) и продолжила учебу на лечебном факультете, который окончила в 1949 г. В том же году туда же поступила ее дочь Ирина.

И.С. Белинская

Почему мама уже в зрелом возрасте решила поменять профессию? А что было делать? После войны было очень трудно с работой, из-за чего маме даже пришлось устроиться в какой-то колхоз простой работницей. Зарплату там выдавали натуральными продуктами. А врачи очень ценились, к тому же их не хватало. В это время в медицинский институт был объявлен дополнительный набор, особенно охотно брали тех, кто пришел с фронта. Вот с ними мама и пошла учиться. В этом ее очень поддерживал сводный брат Владимир, сам очень опытный (вроде Леонтия Михайловича Владиславлева) врач-терапевт старой, еще земской школы...

Диагностом она была прямо-таки лихим. Я бы, например, никогда не отважилась на выполнение столь сложных, а иногда и рискованных методик. Но ведь в нашем деле очень часто время не ждет... Мама всегда живо интересовалась новыми методами диагностики, чуть ли не первой в городе освоила рентген-томографию, а также бронхографию у детей.

А.Н. Царевский

Наталья Владимировна стала рентгенологом и работала в Горьковском НИИ педиатрии, где занималась большой исследовательской и общественной работой. Она собрала материал для полноценной диссертации, но не смогла защитить ее из-за резко ухудшившегося здоровья. Да и возраст уже давал о себе знать. После выхода на пенсию много времени уделяла правнукам, часто рассказывала мне и брату различные истории из своего детства. С большой любовью занималась садоводством. Вообще была очень жизнерадостным человеком; казалось, ничто не могло огорчить ее, ей все нравилось. Особое отношение было у нее к музыке – услышав где-нибудь мелодию, могла буквально на час замереть, вслушиваясь в нее. Любительски играла на фортепиано и пела.

За несколько лет до смерти прабабушка перенесла тяжелую операцию – обнаружился (видимо, врожденный) дивертикулез кишечника, осложнившийся внутренними нагноениями. Умерла Наталья Владимировна 3 августа 1992 года от сердечной недостаточности. (Записано Н.Б.)

305. Селезнев Сергей Алексеевич

(1900–1975). Муж предыдущей. Окончил математический факультет Московского университета. Преподаватель Горьковского педагогического института.

306. Владиславлева Надежда Владимировна

273 / 275

(26.VI.1906, Симбирск – 5.II.1991, Москва). Окончила историко-географический факультет Нижегородского пединститута. В 1932–1961 гг. учитель географии (во время войны работала лаборантом на авиационном заводе), с 1946 г. завуч школы. Имела звание заслуженного учителя.

Г.М. Максимов, племянник

Была любимицей деда Владиславлева, вероятно, из-за сходства характеров. (Записано Н.Б.)

А.В. Карпов, сын

Как-то дед застучал следующую сцену – по длинному коридору барака идет Леонтий Михайлович, а за ним, артистически копируя его хромоту, – моя мама, тогда еще ребенок. «Какой талант пропадает!» – резюмировал дед.

Была довольно спортивной – в 1927 или 1928 г. заняла второе место в нижегородских городских соревнованиях по плаванию вольным стилем. Кстати, первое место досталось ее младшей сестре Нине.

(Письменные и устные характеристики. Н.Б. 2003)

В.М. Владиславлев – В.Д. Бонч-Бруевичу

5.X.1933

Не нужен ли Вам работник по музею – моя дочь, живущая в Москве, 27 лет, замужем за инженером, кончила педфак, преподавала экономгеографию; в педфак она пошла по общественно-экономическому отделению – по необходимости, вследствие переполнения литературного. Но, в сущности, в ней перевешивает интерес к литературе. Сказывается тот факт, что она родственница Ф.М. Достоевского. Если Вам нужна интеллигентная и квалифицированная по общему развитию сотрудница, то возьмите ее в одно из Ваших разнообразных начинаний.

(НИОР РГБ. Ф. 869. Карт. 251. Ед. хр. 7. Л. 6)

Над. В. Владиславлева – сводному брату Александру

5.II.1950 <Москва>

Мы живем по-прежнему семьей в три человека. Слава, я и здоровенный парень – сын Алексей (ему уже 20 лет). Фамилия моя всегда была девичья, т<ак> к<ак> я окончила и<нститу>т будучи девой, и менять все документы было очень канительно. А ты бог знает какие намеки стал делать. У нас самая патриархальная семья...

Материально мы устроены. <...> Но как-то получается, что живем скромно. Мы очень обносились за время войны, да кое-что и пропало...

Наша духовная жизнь: редко, но ходим в театр и на концерты. <...> Много все трое читаем...

Внешне все мы трое – толстые, хотя и очень заняты. Летом уезжаем на лоно природы. У нас две разборные байдарки. Алешка с товарищем – ярые путешественники, и они составляют нашу теперь опору⁷⁸. <...> В общем, мы живем хорошо. Дружно. Чего еще нужно? Столько мы видели несчастий за время войны, что спокойная трудовая жизнь является пределом наших желаний.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

Нат. А. Владиславлева, племянница

Мне очень нравилась их семья – дружная, добрая, приветливая.

Надежда Владимировна – решительная, строгая, требовательная, работая в школе, не давала спуска даже отпетым хулиганам. Одного шалопаю, исподтишка, в спину нагло дразнившего ее оскорбительной кличкой, даже отлупила без лишних свидетелей – очень

⁷⁸ Такими походами увлекались и их дальние родственники Галанины и Шеры, см. с. 235, 241, 246. – *Ред.*

помогло нормализации его поведения. Внешне больше походила на свою мать Софью Алексеевну, ростом чуть ниже среднего, полная, но в меру. Волосы черные, с зачесом назад.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

А.В. Карпов

Как раз все наоборот: единственная из трех сестер была похожа на отца, а не на мать. А роста просто очень маленького – всего-то 1 м 50 см. Но характер у нее был крутой.

(Записано Н.Б.)

307. Карпов Вячеслав Михайлович

(1904–1995). Муж предыдущей. Авиационный инженер.

Г.М. Максимов

В Казани во время эвакуации с Вячеславом Михайловичем случилось несчастье – затемно возвращаясь домой с работы, он упал в открытый колодец и повредил глаза. В них начался какой-то патологический процесс, приведший в конце концов к полной утрате зрения. Таким образом, Вячеслав Михайлович едва ли не полжизни был слепым. Он очень мужественно переносил обрушившееся на него несчастье и до конца дней вел весьма активную жизнь.

Надо сказать, что они с тетей удивительно подходили друг другу – оба были волевыми, решительными, твердыми.

(Записано Н.Б.)

308. Владиславлева, [по мужу Максимова] Нина Владимировна 273 / 275 **([22.XI] 1909 – [4.X.1987, Москва). Инженер-проектировщик].**

С.А. Владиславлева – пасынку Александру
21.VII.1949 <Горький>

Нина кончила инженерно-строительный. Как родился сын⁷⁹, то стала работать неаккуратно. Выбирает работу (она проектировщик), чтобы больше быть дома с мальчиком. Ему еще нет двенадцати.

Над. В. Владиславлева – сводному брату Александру
5.II.1950 <Москва>

Здесь же в Москве живет <сестра> Нина с мужем и сыном. Она – полная интересная дама с живым и веселым характером. Сын ее учится в <обычной общеобразовательной> школе и в детской музыкальной школе. Они иногда, но редко, бывают у нас всей семьей, Нина же бывает чаще <одна>.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

⁷⁹ Григорий (род. 1938). – Ред.

Г.М. Максимов

Никакой особой гордости родством с великим писателем у мамы не было. Скорее она относилась к этому как к некому курьезу. Очень мало рассказывала и о своем отце, моем деде – Владимире Михайловиче, с которым была в ссоре из-за его крутого и властного нрава.

(Записано Н.Б.)

309. Максимов Максим Терентьевич

(1905–1992). Муж предыдущей. Инженер по строительству речных портов.

310. Владиславлев Всеволод Николаевич

281 / 282

([27.I] 1895 – ?)

311. Владиславлев

281 / 282

Георгий Николаевич

([2.IV] 1902 – [1992])

Филолог, в 1936–1938 гг. преподавал русский язык и литературу в старших классах ленинградской средней школы № 9 и в Педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Был арестован 21 июля 1944 г. в Семипалатинске по обвинению в антисоветской агитации, приговорен к восьми годам лишения свободы.

Реабилитирован в 1956 г. за отсутствием состава преступления.

312. Владиславлев Лев Леонтьевич

285 / 286

([14.I] 1924 – [22.X.2002, Нижний Новгород). Техник.

Умер от сердечной недостаточности. Похоронен на Бугровском кладбище.]

А.В. Карпов

В годы войны дядя командовал батареями в звании капитана. Перед одной из боевых операций командир дивизиона приказал расположить его батарею на совершенно открытом месте – практически ставил ее под расстрел. Лев пошел объясняться. Сколько я понял из рассказов, отношения между ними и ранее были натянутыми – командир имел склонность к самодурству. Обсуждать предложения подчиненного он не стал, а просто обвинил его в трусости. Лев, рассвирепев, сказал ему несколько крепких слов. Тот схватился за пистолет, но дядя вытащил свой раньше...

Раненого он сам доставил в медсанбат. Давать какие-либо показания на военном суде отказался: просто хранил молчание. В результате был лишен звания и наград и приговорен к штрафной роте.

На счастье, в первом же бою Лев был ранен, и за проявленную храбрость его восстановили в звании и возвратили все награды. После госпиталя он вернулся на фронт и – надо же такому случиться! – вновь на целых три месяца оказался под началом того же самого командира... Правда, на этот раз все обошлось мирно. Видимо, проявился своеобразный дар дяди Льва – умиротворять мятущиеся души. Никогда о произошедшем он не жалел, твердо считал, что спас батарею от бессмысленной гибели.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003–2004)

А. Лашук

– Папа чудом остался жив после ранения, – вспоминает Ольга Львовна. – Он ехал с ординарцем Петей по прифронтовой дороге, и в него попал осколок от разорвавшегося снаряда. Папа потерял сознание, а дядя Петя Генералов сразу же поехал с ним в медсанбат. Там папу отправили в палату агонирующих. Ну, тут дядя Петя и не выдержал, достал пистолет и пообещал, что всех поубивает, если не вылечат его лейтенанта. На крик вышел врач, который, как оказалось, знал моего деда Леонтия Владиславлева, он-то и попытался спасти отца.

Ранение действительно было очень серьезное – осколок бился прямо вместе с сердцем. Но Лев Леонтьевич выжил, да так и прожил до 79 лет с железным напоминанием о днях войны в груди. После победы работал в водном институте на кафедре электротехники. Сначала был лаборантом, а потом стал плавать электромехаником на теплоходе «Советская Россия».

(Лашук А. Петербургские тайны по-нижегородски // Проспект (Н. Новгород). 2010. 18 мая)

Нат. А. Владиславлева

С Великой Отечественной войны вернулся инвалидом (осколочное ранение в область сердца). Внешне был очень похож на отца, только без его кудрявых волос. Характером тоже в него – очень спокойный, выдержанный, добрый. Прекрасный семьянин, жил одной семьей с матерью, женой и дочерью.

А.В. Карпов

Так с осколком в сердце он и прожил чуть не шестьдесят лет, но инвалидом не казался – во всяком случае, на мой взгляд. Знаю, например, что в 1950-е дядя ходил в байдарочный поход куда-то на север – то ли на Печору, то ли на Ижму. Такой поход не для калеки! В июне 2000 г. мы встречались с ним на 75-летию моей двоюродной сестры по крыловской линии. Хотя и без особых излишеств, но выпили довольно плотно. Инвалиды на семьдесят седьмом году жизни такого себе позволить не могут. Вообще, он производил впечатление крепенького мужика, хотя бы – своим характером.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003–2004)

313. Калистратова, по мужу Владиславлева Елена Васильевна

(1926–1995). Жена предыдущего с 1949 г.

О.Л. Владиславлева, дочь

...Окончила юридический факультет, но по специальности работать не смогла, поэтому сменила профессию и всю жизнь проработала в плановом отделе.

(Лашук А. Петербургские тайны по-нижегородски // Проспект (Н. Новгород). 2010. 18 мая)

314. Зеленов Георгий Васильевич
 [13.XII.1903 — до VII.1939, Германия]

290 / 289

После смерти матери в 1921 г. все трое детей Зеленовых жили в Детском Селе, где воспитывались у своих теток Екатерины и Марии Достоевских (*Письменные характеристики. М.В.*).

Ребенком Георгий по неизвестной причине не пожелал учиться (*Записано В.Н.*).

М.М. Достоевская

«За кого я пишу поминовение» (из памятных записей 1940-х)

Убит немцами, прах был выслан из Германии в июле 1939 г. Похоронен в Ленинграде. (*Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (46) д*)

315. Зеленева Мария Васильевна
 ([21.V] 1906, [Царское Село — 22.IX.1969, Рига])

290 / 289

Окончила среднюю школу в родном городе⁸⁰, живя в детском доме при ней. С 1931 г. работала педагогом детского сада; экстерном окончила Дошкольное педагогическое училище в Ленинграде (1938 или 1939), три курса Педагогического института им. А.И. Герцена. Во время Великой Отечественной войны из оккупированного немцами города была угнана на принудительную работу в Латвию. После освобождения трудилась воспитателем в детских садах Риги. С 1967 г. на пенсии⁸¹. В последние годы жизни страдала сахарным диабетом в тяжелой форме. Умерла от стенозирующего коронаросклероза.

Поддерживала отношения с потомками Павла Исаева – пасынка писателя. По свидетельству Г.Ф. Коган и В.В. Акопджановой, в 1950-е передала в Государственный литературный музей в Москве несколько семейных реликвий.

Автобиография М.В. Зеленовой

29.VII.1947

Отец и мать были железнодорожными служащими. Отец умер, когда мне было 3 года, а мать – когда мне исполнилось 11–12 лет⁸²...

В 1941 г. немец выгнал <нас> из г. Пушкина, и я с престарелой теткой (инвалид II группы) скиталась по разным деревням, пока в 1943 г. <нас> не привезли в принудительном порядке в Латвию. Здесь после долгих скитаний поступила работать в 1942 г. (26.I) в Будурский детский дом, где работала до 1.VIII.45 г. в качестве воспитательницы. <...> С 6.XII.45 г. работала воспитательницей в детсаду при ЛГМП⁸³.

⁸⁰ Этот город, Царское Село в 1918 г. был переименован в Детское Село, а в 1937 г. – в Пушкин. – *Ред.*

⁸¹ Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КП 34355 (76) д, (61) д. – *Ред.*

⁸² В действительности 15 лет. – *Ред.*

⁸³ Латвийское государственное морское пароходство. – *Ред.*

Из личного листка по учету кадров
28.I.1947

<Оказавшись на оккупированной территории> в г. Кингисепе работала по очистке дорог чернорабочей, в швейной мастерской и кухонной работницей, уборщицей. <Позже в Латвии> работала батрачкой у богатой крестьянки около Балдона.

Из характеристики М.В. Зеленовой
7.V.1952

Несмотря на короткий период ее работы, она показала себя как опытный педагог, хорошо владеющий детским коллективом. Пользуется большим авторитетом у родителей и сотрудников детского сада. Имеет ряд благодарностей от родителей за хорошее, чуткое отношение к детям, несет общественную нагрузку – является редактором стенной газеты.

(Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КА 34355 (58) д, (65) д)

М.В. Зеленева – Л.В. <Соловьеву>⁸⁴
1957

Прочла <Вашу> книгу с огромным интересом, буквально не могла от нее оторваться. Особенно захватывали места, где Насреддин, попадая, казалось, в абсолютно безвыходное положение, волею судьбы и собственной находчивости оставался цел и невредим. А также места, где автор проникал мыслью в глубину человеческого сознания, вскрывая его. Но главное, что радует, это жизнеутверждающее начало. Читая Вашу книгу, я смеялась, смеялась облегчающим жизнерадостным смехом. Смеялась впервые за многие, многие годы. Это говорит о силе Вашего пера, как писателя. Искренне поздравляю Вас с большим творческим достижением!

Теперь о другом. Судьба неожиданно столкнула меня с правнучкой великого Карамзина – Валерией Александровной Бороздиной-Плэттэн. Мне пришлось недавно слушать одну из ее поэм – «Двое на одном пути». Поэма потрясла меня большим идейным содержанием и безукоризненной чистотой и музыкальностью языка. <...> Ни одно из произведений писательницы не видело света, если не считать передач по радио в городе Риге некоторых глав исторического сказа. Это лишает талантливого писателя не только материальной базы для творчества, но и моральной – для существования. Это делается умышленно, так как одна из поэм писательницы, а именно поэма «Двое на одном пути», еще в 1947 году стала предметом плагиата. По ней сколочена пьеса «На той стороне»⁸⁵. Сюжет

⁸⁴ Соловьев Леонид Васильевич (1906–1962) – писатель, сценарист, автор дилогии о Ходже Насреддине (1956). С 1954 г. жил в Ленинграде. – Ред.

⁸⁵ В советских театрах ставилась пьеса А. Барянова «На той стороне» (1949). Авторский гонорар за нее – 920 тыс. руб. – рассматривался как недопустимо высокий в правительственной записке 1950 г.

завуалирован изменениями во внешней форме, что обезобразило, искалечило, изуродовало произведение. <...> Я не собираюсь просить у Вас помощи разоблачить преступников. Я только хочу просить Вас помочь сейчас поместить песни Валерии Александровны, посвященные 40-летию Октября, в той или иной газете или журнале Ленинграда, что будет Вам тем более легко, что песни имеют официальную рецензию и отзыв общественности. <...> Я думаю, долг каждого человека нашей страны, имеющего то или иное отношение к литературе, помочь жертвам плагиата, талантам и дарованиям обретать жизни, отнимаемую от них предприимчивыми дельцами...

Уважающая Вас, Зеленева-Достоевская.

(Архив Г.Н. Архипова. Ст. Русса. НГМ КА 34355 (68) д)

316. Зеленов Сергей Васильевич

290 / 289

(23.VIII.1908 – <1941>). Был на фронте, пропал без вести в годы Великой Отечественной.

Поколение семнадцатое

317. Владиславлева,

298 / 299

[по мужу Шнейдер] Ольга Александровна

(16.V.1918, Самара – 30.VIII.1998, Ульяновск). Училась на химическом факультете Горьковского университета (с 1937). Педагог.

Нат. А. Владиславлева

Как старшая из сестер, держала себя лидером. К тому же первые годы ее жизни прошли в совсем иных условиях, чем у меня. Даже сестра Вера, всего на год моложе Оли, уже чувствовала себя ущемленной из-за того, что отец оставил семью. Росла живой, смышленной девочкой, была заводилой во всех играх, с раннего детства любила читать, хорошо рисовала. В 1926 г. должна была пойти в первый класс, но летом наш отец забрал ее и Веру к себе «на дачу» и скрылся в неизвестном направлении. Поиски детей заняли несколько месяцев, и только с помощью милиции сестер нашли в новой семье отца в Муроме. (Девочки были очень напуганы всеми этими событиями.) Так что пришлось Оле идти в школу с осени 1927 г. и уже вместе с Верой.

Училась она очень хорошо и к тому же была активной общественницей. На четвертом курсе вы-

«об извращениях в выплате авторского гонорара за право публичного исполнения литературно-драматических и музыкальных произведений». – Ред.

шла замуж. По специальности работать не пришлось (таково было желание мужа). Несколько лет преподавала в средней школе трудовое обучение. Была хорошей хозяйкой и любящей матерью⁸⁶. В 1957 г. с семьей переехала в Ульяновск, где ее мужу предложили должность заместителя директора автозавода. С 1967 г. жила в Тольятти.

Любила классическую музыку, театр, особенно оперу, балет. Уже в зрелом возрасте у нее проявились большие способности к художественной вышивке. Внешне была очень хороша собой, можно даже сказать – красива. Общительная, доброжелательная. Так что претендентов «на руку и сердце» было очень много...

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

318. Шнейдер Георгий Константинович

(? – после 1994). Муж предыдущей. Конструктор Горьковского и Ульяновского автомобильных заводов, один из создателей ГАЗ-69 (1946–1953). В 1966 г. включен в состав «временной оперативной группы» Министерства автомобильной промышленности СССР для «решения организационных и оперативных вопросов по строительству нового завода в Тольятти по производству легковых автомобилей». Заместитель главного конструктора по двигателям на Волжском автомобильном заводе (с 1966). Автор патента на способ работы двигателя внутреннего сгорания (1982).

319. Владиславлева Вера Александровна

298 / 299

([12.X] 1919, [Самара — 30.VIII.2008, Киев). Окончила Нижегородское художественное училище. Работала художником-оформителем, чертежницей в военно-политическом училище. Училась в Киевском художественном институте. Член Союза художников СССР.]

Нат. А. Владиславлева

Как бы в наследство от двоюродного деда Леонтия Михайловича получила рыжие курчавые волосы. Когда стала девушкой, это делало ее очень привлекательной.

Росла очень непоседливым, резвым ребенком. Играла (больше с мальчишками) азартно и увлекательно. Рано обнаружила художественные способности. В школе училась без особого прилежания,

была совершенно равнодушна к общественной жизни. Зато дома помогала с большой охотой.

В 1935 г., после окончания восьмого класса, поступила в Нижегородское художественное училище, где зарекомендовала себя как весьма способная ученица. Успела окончить его перед самой войной. Летом 1945 г. одна, как говорится, на свой страх и риск, поехала поступать в Киевский художественный институт и поступила, несмотря на огромный кон-

⁸⁶ Дети от этого брака – Александр (род. 1943) и Елена (1947–1994). – Ред.

курс. В институте училась у В.Н. Костецкого – он, кстати, написал ее портрет, опубликованный в его каталоге и сейчас находящийся в собственности Союза художников Москвы. Будучи студенткой, вышла замуж за однокурсника⁸⁷; вместе с мужем много работала, объездила множество мест под Киевом, писала этюды, большие картины...

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

320. Скрыбин Петр Дмитриевич

(5.VII.1923, Волочиск Хмельницкой обл. – 2008). Муж предыдущей. Окончил Киевский художественный институт (1951), где учился у С.А. Григорьева, И.Н. Штильмана и В.Н. Костецкого; работал в Киеве. Представитель южнорусской школы живописи (лирический пейзаж, жанровые сцены), признанный колорист. Заслуженный художник Украины. Работы представлены в ХМ Украины, частных собраниях Франции, Японии и Италии.

321. Владиславлева Наталья Александровна

298 / 299

(22.VIII.1921, с. Боровское Парфеновского р-на Алтайского края – 2.II.2010, Чебоксары). Ускоренным выпуском окончила Горьковский медицинский институт (1943). В годы Великой Отечественной войны сотрудник эвакуационных госпиталей в Москве, под Вязьмой. Награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Позже – преподаватель Горьковского мединститута, доцент кафедры нормальной анатомии медицинского факультета Чувашского государственного университета (Чебоксары). Кандидат медицинских наук (1953).

Нат. А. Владиславлева

После моего рождения отец обвинил мать в супружеской неверности и ушел из семьи...

Отца я видела один раз. Мне было лет пять-шесть. Как-то уже под вечер я прибежала домой с гуляния погреться – было довольно холодно. Сестры еще гуляли. Вбежав в комнату, я увидела, что за столом сидит незнакомый мужчина – высокий, крупного телосложения. Волосы – рыжеватые, коротко подстриженные; с усами. Сидел он лицом к окошку, и лица его я толком не могла разглядеть. Он о чем-то беседовал с мамой. Когда я вбежала, мама сказала: «А это наша младшая...» Своим ребячьим сердцем я как-то сразу поняла, кто сидит. Помню, мне стало вдруг страшно, и я выбежала из комнаты. Ушла к подружке-одногодке и сидела у них, пока не пришла за мной наша няня баба Таня. Позднее, когда я стала постарше, наверное, поумнела и стала больше понимать, мама рассказывала нам об отце. Много горя он причинил ей, но она не была злопамятной...

Я росла как травинка в поле. Была застенчивой, замкнутой. Семья жила очень трудно. Мне никогда не покупали новой одежды – донашивала за сестрами. Позже, пройдя жизненные трудности, мы с сестрами жили очень дружно, помогали в трудную минуту, вместе радовались успехам.

Когда сестры делали уроки, я всегда сидела возле них и смотрела, слушала, запоминала. Так что к первому классу я уже умела читать. В детстве читала все, что попадалось под руку. Очень любила художественную самодеятельность, участвовала в небольших спектаклях, пела со сцены частушки. И робость мне тут не мешала!

⁸⁷ В этом браке в 1955 г. родилась дочь Татьяна (по мужу Юрченко). – *Ред.*

Когда в доме появился радиоприемник – обычная «тарелка», – моя жизнь совершенно изменилась: я могла пропустить уроки, не выполнить домашнего задания, только бы услышать трансляцию оперы или концерта. К 13 годам я уже знала всех ведущих солистов Большого театра в Москве, у меня была поразительная память на оперы. И никакие жизненные перипетии не остудили моей любви к музыкальному искусству. До сих пор у меня хранится огромное количество вырезок из газет и журналов и т.п., посвященных известным артистам оперы.

Суровые годы войны научили меня быть смелой и решительной, когда это требуется, отстаивать свои принципы в жизни.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

Е. Ильина

Госпитальные врачи побаивались прозектора Владиславлеву – она была честной, не разделяла принципа «война все спишет». <...> В госпиталь 39-й армии 3-го Белорусского фронта поступали самые тяжелые больные с ранениями в голову и позвоночник. Они не могли самостоятельно передвигаться, и 16–18-летние девушки-медсестры переносили их на носилках.

(Потомки Достоевских осели в Чебоксарах)

Нат. А. Владиславлева

<Помню только что освобожденный от немцев> Каунас. Улочки частных домов. Жара. Иду я с дежурства, еле ноги передвигаю. Метрах в ста пятидесяти появился мужчина средних лет, в гражданском. Сошлись. Думаю, что ему нужно? Стоим, смотрим друг на друга. Уставшее лицо. Под глазами излучины морщин. Руки тяжелые, рабочие. На ломаном русском языке он объяснил, что живет на этой улице, у него тяжело больна дочь, он просит советского офицера-женщину помочь его дочери. Эта просьба меня смутила. <Я> лечила раненых, видела многое, была в трудных ситуациях, но лечить детей не приходилось. Вошли в дом. В углу на кровати лежала девочка лет 10–12. Судя по всему, у девочки жар и что-то простудное. Как назло, со мной нет никаких инструментов. Послушала так, что называется, напрямую. Посоветовала положить холодный компресс на лобик и без меня не лечить ничем. Отдыхать в этот день мне не пришлось, вызвали в госпиталь, было поступление раненых. Лишь поздно вечером я зашла к девочке, дала лекарств. <...> На третий день <...> девочка была почти здорова. <...> Выйдя из этого дома, я как-то особенно остро почувствовала несовместимость войны – и этой девочки с таким простым и мирным заболеванием.

(Рыков В. Кавалер ордена Красной Звезды № 2518 454 // Газета Чувашского государственного университета. 1975. Май)

После Победы 20 лет проработала ассистентом на кафедре нормальной анатомии Горьковского медицинского института.

В начале 1960-х совместно с кафедрой сопромата Горьковского строительного института мы занимались разработкой такой актуальной проблемы, как испытание тканей человеческого организма на прочность.

В этот период ушел на пенсию старый опытный доцент, который заведовал кафедрой, после умершего профессора А.П. Азбукина. С уходом доцента был объявлен конкурс на замещение вакантной должности. На это место претендовал наш коллега К-н, кандидат медицинских наук, опытный специалист с большим стажем. Новый заведующий кафедрой профессор А.С. Обысов и весь коллектив поддерживали эту кандидатуру. Однако подал заявление и новый наш ассистент, который только что закончил аспирантуру и не имел опыта работы со студентами. Увы, его поддерживал сам ректор. Я встала на защиту К-на и настроила всех остальных коллег на борьбу. У меня как у члена Государственной экзаменационной и приемной комиссий была возможность лично общаться с ректором на всевозможных заседаниях, и я имела неосторожность свое несогласие с его действиями высказать лично ему. Меня поддержали не все. Началась травля. В ректорат стали поступать заявления, что я срываю научные исследования коллег, с которыми у меня еще раньше сложились конфликтные отношения. (История их очень длинная, и я не буду этого касаться.) Меня обвиняли даже в том, что я будто бы выкидывала препараты, приготовленные для исследования. В результате, несмотря на поддержку коллег и профессора Обысова, ректор объявил мне выговор приказом по институту. Для разрешения конфликта мне пришлось обращаться к судебному разбирательству. Суд вынес решение отменить приказ ректора о выговоре – о чем было оповещено другим приказом. Тем временем ученый совет, не желая портить отношения с ректором, проголосовал за молодого и «зеленого» ассистента. Профессору Обысову отказали в предоставлении квартиры, и он вернулся обратно в Москву. Отношения с новым руководителем кафедры у нас не сложились. Мы написали большое письмо в Министерство здравоохранения РСФСР. В дело вмешался Горьковский областной комитет партии. Была назначена комиссия для проверки всех фактов и моего персонального дела... Кончилось тем, что ректору был объявлен выговор Минздрава за произвол в отношении сотрудников. А мы – пять преподавателей – в знак протеста против выживания Обысова и против других неприятных событий подали в начале 1966 г. заявления об уходе. Кафедра осталась без квалифицированных преподавателей – событие невероятное, такого еще не было в медицинских институтах. Состоялся бурный ученый совет, многие нам сочувствовали.

После ухода я два месяца училась на курсах судебной медицины, потом работала судебным экспертом в Институте ортопедии и травматологии. А осенью 1967 г. меня пригласили в Чебоксары...

В 1967 г. переехала в г. Чебоксары, чтобы принять участие в организации такой же кафедры только что созданного медицинского факультета Чувашского университета. Здесь работала до 1992 г. в звании доцента⁸⁸.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003, 2004)

Кандидатская диссертация Нат. А. Владиславлевой – «Ветвления и анастомозы подкрыльцовой артерии человека» (Горький, 1953). Наиболее важная научная работа – «Предел прочности стенки грудной аорты человека в норме и патологии» (Совместно с А.С. Обысовым. Экспериментальная хирургия и анестезиология. 1968. № 3. С. 16–19).

⁸⁸ Нат.А. Владиславлева вырастила дочь Нину (род. 1945) и внука Александра (род. 1972). – Ред.

Нат. А. Владиславлева

Больше всего студенты ценят в преподавателе-анатоме изготовление препарата, где отработаны самые тонкие и сложные элементы строения тела человека (например, структуры внутреннего уха, вегетативные узлы <нервной системы> с корешками и проч.). Но мало показать, надо объяснить значение, функцию составляющих орган элементов и их связи. Вот за это меня и ценили студенты. Я старалась показать им самые мельчайшие детали, учила их рисовать то, что они видят на препаратах, изображать простой схемой связи нервных элементов. Я всегда требовала – знать, понимать взаимозависимость структуры органа с функцией. Главное – единство организма с окружающей средой.

Частенько студенты жаловались, что преподаватель придирается в силу каких-то личных отношений. В таких случаях вопрос решался просто: создавалась комиссия из нескольких преподавателей и проверялись знания недовольных студентов. <...> Конфликты с коллегами были на почве их нежелания изготавливать собственные анатомические препараты. <...> В своих лекциях, выступлениях, докладах я всегда красной нитью проводила тезис: «Врач, не знающий строение тела человека и функцию его структур, – не врач!»

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

В. Рыков

Темный волос Наталии Александровны посеребрены нитями седины. ...Мне почему-то показалось, что эта седина нет-нет да мелькнет в ее темно-карих и, видимо, когда-то озорных глазах. Сейчас ее рассказ не для меня, и вообще она не рассказывает о войне, а как бы идет по ее дорогам...

(Рыков В. Кавалер ордена Красной Звезды № 2518 454 // Газета Чувашского государственного университета. 1975. Май)

Нат. А. Владиславлева

На ваш вопрос, как мы, родственники Ф.М. Достоевского, осмысливаем факт этого родства, ответить сразу затрудняюсь. Вопрос-то интересный, но за суетой жизни, быта, работы, воспитания детей мы не думали об этом...

(Письменные характеристики. Н.Б. 2002)

Наталья Александровна Владиславлева участвовала во II Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте», проходившем в конце 2006 г. в Подмоскowie и посвященном 500-летию рода Достоевских. Из всех родственников писателя (приезжали также его правнук Д.А. Достоевский, правнук П.А. Исаева А.А. Донов и другие) она была самой старшей.

Н.Н. Богданов
2003

Выглядит удивительно бодрой и моложавой для своих 82 лет. Живо и непосредственно реагирует на происходящие вокруг события. Больше того, считает своим прямым долгом помогать другим людям, если те, по ее мнению, оказываются в сложных ситуациях. Так, например, недавно ездила из Чебоксар в Киев, с пересадкой в Москве, чтобы оказать моральную и материальную поддержку заболевшей родственнице. Вернувшись с Украины, уже планирует поездку в Нижний Новгород по таким же делам. Очень интересуется своим родом. С удовольствием знакомится с выходящими публикациями на эту тему. Сильно желание помочь, чем может, исследователям в их генеалогических разысканиях. В связи с этим пишет письма, звонит известным ей родственникам, убеждает их сообщить какую-либо информацию. Искренне расстраивается, если не находит взаимопонимания в этом вопросе. Готова копировать имеющиеся в ее распоряжении генеалогические материалы, в частности фотографии, несмотря на всю хлопотность и сравнительную дороговизну этого дела. Вместе с тем во всем имеет свой взгляд на людей и на события, произошедшие с Достоевскими – Владиславлевыми. И склонна очень жестко отстаивать здесь свои позиции.

Нат.А. Владиславлева – Н.Н. Богданову
5.I.2004. Чебоксары

Дорогой Николай Николаевич! Не хочу огорчать вас, но буду откровенной – мне не понравилось, как вы отредактировали мои записи! Вы совершенно исковеркали мои воспоминания – получились отдельные, не связанные между собой отрывки. Вы совершенно убрали все негативные сведения о моем отце! Не было у меня никакого детства, не было никаких духовных интересов! Как я росла? В какой обстановке? <...> у меня в голове не укладывается, как мог человек талантливый, с музыкальным образованием, выросший в интеллигентной семье известного адвоката, как мог этот человек бросить в беде (голод, нищета, нет крова) мать с тремя малышами, один из которых новорожденный, которого и завернуть-то было не во что?!

...Вам понравилось письмо сводной сестры Жени. Еще бы! Она росла в актерской музыкальной среде, ее окружало искусство. А нас троих воспитывала неграмотная няня, и жили мы в нищете! Я считаю, что надо писать правду! Женино письмо скорее подходит для литературно-художественного журнала, а не для серьезной книги «Хроника рода Достоевского»! <...> Все мы любили бывать на природе, все мы любили животных – всю жизнь подбирали подышающих кошек, собак и черепах... На душе у меня обида и горечь...

9.II.2004. Чебоксары

Вчера я еще раз перечитала все наши воспоминания <из готовящейся к печати книги>, и откровения Евгении и отца снова перевернули мне душу! Когда человек выбрасывает на улицу или в помойку живых, только что родившихся котят или щенят, мы говорим о нем как о жестоком и бессердечном! А когда человек бросает на произвол судьбы малых детей, сказать, что он жестокий и бессердечный, – мало!

(Архив Н.Н. Богданова)

322. Попов Николай Лаврентьевич

Гражданский муж предыдущей. Погиб в годы Великой Отечественной войны.

323. Владиславлева Евгения Александровна**298 / 300**

Род. 27.XI.1924, г. Каргат Новосибирской обл. Единокровная сестра Ольги (№ 317), Веры (№ 319) и Натальи Александровны Владиславлевых. Художник.

Е.А. Владиславлева

С пяти лет очень любила читать. Особенно газеты. Позже подругам рассказывала прочитанные книги – или сказки, которые придумывала прямо по ходу рассказа, сама не зная, чем все закончится. <...> В 27 лет уже работала в клубе художником, тайно начала заниматься игрой на фортепиано. Слуха музыкального у меня нет, но музыку очень люблю. Отец случайно зашел в клуб и услышал мои занятия. Ему понравилось. У меня уже была небольшая техника, и он стал расписывать для меня несложные вещички.

Всегда участвовала в спектаклях самодеятельности в Батумском доме культуры. Руководила мама, и поэтому у меня всегда были самые маленькие роли. Но при просмотре зрители всегда отмечали мою игру. Даже в газетах были положительные отзывы. Удивляюсь на себя, как я не вырезала ни одной статьи и не сохранила отзывов о спектаклях.

Природу люблю. Но не посыпанные дорожки и подстриженные кусты, а дикую природу, и чтобы там не было гуляющих людей. Когда очень тяжело, иду берегом моря километра три-четыре туда и обратно.

Как-то два года у меня жил раненый ястреб. Пока не привык, два раза пытался когтями впиться мне в лицо. Счастье, что глаза остались целы... И большая черная ворона тоже поправляла здоровье, окрепла, и я ее выпустила. А Джулька, моя собачонка, любит музыку. Как сяду играть на фортепиано, особенно вальс Шопена, садится рядом и начинает петь. Если не закроешь клавиатуру, поднимается на задние лапы и бьет по клавишам, оборачиваясь на меня и ожидая одобрения.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2003)

А.О. Мироненко

В 1976 г. тетя Женя и ее мама занимали одну большую комнату в одноэтажном кирпичном доме, фактически – бараке на несколько семей. Тетя Женя оказалась человеком открытым, общительным и веселым. С ней было легко и интересно. Она любила пошутить и сама от души смеялась удачной шутке другого или какой-нибудь комичной ситуации.

Работала она художником-оформителем, заказы от различных предприятий и организаций выполняла дома. Часто это были какие-нибудь лозунги в духе советских времен, написанные обычно белой краской по красной ткани. Тексты нередко были на грузинском языке (хотя языка этого тетя не знает). Иногда заказывали картины. Картины писались не только для организаций, но и для друзей, знакомых, а также – для себя. Конечно, получались они по-разному, но из всех, которые я видел, ни одну не могу назвать халтурой. А бывали вещи просто великолепные. Например, мне очень понравился портрет собаки, жившей когда-то у тети. Небольшая белая дворняжка сидит на стуле – позирует. Умные глаза смотрят на меня, и вся она – словно живая. Или вот еще картина: на столе в вазе пышный букет белой сирени; несколько осыпавшихся соцветий лежат рядом с вазой. А на заднем плане – распахнутое окно, за окном поле и убегающая вдаль проселочная дорога. Легкий ветерок колыхает занавеску. И такое ощущение весны и свежести!

В 1985 г. в Батуми французы снимали фильм «Труженики моря» по одноименному роману Гюго. Тетя Женя и ее подруга принимали участие в массовках. Например, среди прочих они должны были, стоя у причала, шумно приветствовать возвращающуюся шхуну. У меня есть фотографии, где она – в чепчике и платье до пят, как одевались французские женщины того времени из народа, снята вместе с актерами. А еще есть ее рисунок – портрет режиссера и одновременно актера одной из главных ролей. Рисунок тетя сделала карандашом. С листа ватмана с добродушно-лукавым прищуром смотрит мужчина лет пятидесяти. В нижнем правом углу надпись по-французски: он подписал свой портрет для нее.

Весной прошлого года одна знакомая тети, Тамрико, сумела уговорить ее выступить по местному телевидению: до того несколько раз тетя отказывалась. Она не пишет подробно, как проходила телепередача, написала только, что показали несколько ее картин и пришлось сыграть кое-что из Шопена и Шуберта. Конечно, все друзья и знакомые были предупреждены о времени выхода передачи (в записи) и все видели. Но самый лестный отзыв привезла Тамрико от одной журналистки из Тбилиси: «Эта женщина достойна Достоевского»!

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

324. Селезнева, по мужу Белинская Ирина Сергеевна

305 / 304

(30.IX.1930, Горький – 1.X.2006, Нижний Новгород). Окончила с отличием Горьковский медицинский институт (1954), врач-пульмонолог, кандидат медицинских наук (1969).

А.Н. Царевский, внук

В детстве (возможно, из-за внешнего сходства с ее матерью) Ирину Сергеевну очень любил дед В.М. Владиславлев. Свободно владея несколькими иностранными языками, читал и тут же переводил ей многие книжки в подлиннике. Зимой сам катал на санках.

После института бабушка была оставлена в клинической ординатуре на кафедре профессора В.Г. Вогралика⁸⁹, располагавшейся на базе областной клинической больницы им. Н.А. Семашко. В работе с Вограликом приобрела упорство и неустойчивость, так помогавшие ей в будущем. Одновременно консультировала в пульмонологическом отделении

⁸⁹ Вогралик Вадим Габриэлович (1911–1997) – врач и ученый, профессор, зав.кафедрой госпитальной терапии Горьковского медицинского института в 1947–1989 гг. Побывав в середине 1950-х в КНР, основал в Поволжье школу игло-рефлексотерапии. Редактор «Журнала восточной медицины», заслуженный врач РФ. – *Ред.*

терапевтической клиники. Кандидатская диссертация бабушки называлась «Пунктационная рефлексотерапия бронхиальной астмы» – с использованием опыта китайской медицины. Раз и навсегда выбрав для себя медицину, Ирина Сергеевна осталась верна ей до конца профессиональной карьеры, почему и считала прямым долгом постоянно совершенствовать медицинские знания. В ее доме до сих пор хранятся десятки книг, так или иначе связанных с профессией, от тонких медицинских брошюр до толстенных справочных томов.

В свободное время очень любила путешествовать: Киев, Ленинград, Москва, Минск, Рига, Таллин, Крым, Сочи, Батуми, Болдино, Тарханы, Ясная Поляна, Абрамцево, Репино, Поленово, Константиново, Астрахань, Таганрог, Бухарест, София – вот далеко не полный перечень тех мест, где она побывала вместе с мужем и дочерью Татьяной (тоже врачами!). Увидеть и узнать как можно больше, все в жизни испытать – таков был ее девиз.

(Записано Н.Б.)

325. Белинский Владимир Иванович

Муж предыдущей. Врач.

326. Карпов Алексей Вячеславович

307 / 306

Род. 18.I.1930. Геолог.

Над. В. Владиславлева – сводному брату Александру
5.II.1950 <Москва>

Алеша учится на первом курсе геологоразведочного факультета. Он должен бы быть на 3-м курсе, но он ушел из технического института (Бауманского) и потерял 1 1/2 года на этом. Но это его пылкое желание. Сдал экзамены все на отлично. Юноша он серьезный в своих интересах, много читает, очень любит музыку, немного бренчит на пианино (инструмент у нас есть). Но несколько беспечен и чрезмерно веселый. Еще щенячий нрав.

Жене и дочери сводного брата, А.Я. и Е.А. Владиславлевым
<После 1960, Москва>

Большие семьи! Честь и хвала им! Все это отошло <в прошлое>, а теперешние семьи – семьи одиночек, в большинстве своем. У меня сын. Рос одиночкой. Я это всегда понимала и поэтому старалась дать широкий доступ к нам его товарищам и друзьям. С нами у него отношения близкие: с нами он ездил в туристские походы, был помощником в хозяйственных делах, и наши друзья были и его старшими друзьями. Когда к нам сейчас приходят наши друзья, то Леша всегда с удовольствием бывает у нас. Но все это не то, что вырасти в большой семье. Да еще такой своеобразной <как семья Владиславлевых>.

(Архив Е.А. Владиславлевой)

327. Свешникова Елена Алексеевна

Первая жена предыдущего⁹⁰.

⁹⁰ Вторая жена, Елена Юрьевна Храмченко, родилась в 1947 г.: эта дата выходит за временные рамки настоящего издания «Хроники». – Ред.

Глава VI

ВЕТВЬ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО*

Поколение тринадцатое

32. Достоевский Федор Михайлович¹ 15 / 139 (30.X.1821, Москва — 28.I.1881, Петербург).

Книга для записи рождений, браков и смерти
Сретенского сорока,
церкви св. апостол Петра и Павла,
что при больнице для бедных
1821

В октябре 30-го дня, родился младенец, в доме больницы бедных, у штаб-лекаря Михаила Андреича Достоевского, — сын Федор. — Молитвовал священник Василий Ильин, при нем был дьячок Герасим Иванов. Крещен ноября 4-го дня; восприемники были: штаб-лекарь надворный советник Григорий Павлович Маслович² и княгиня Прасковья Трофимовна Козловская³; московской купец Федор Тимофеев Нечаев⁴ и купецкая жена Александра Федорова Куманина⁵. — Оное крещение совершил священник Василий Ильин с причтом.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. I. Карт. 4. Ед. хр. 1. Л. 148 об.)

По образованию военный инженер: [подпоручик (11 августа 1842 г.), с 19 октября 1844 г. в отставке с чином поручика.

* Глава подготовлена Б.Н. Тихомировым, Н.Н. Богдановым и И.Л. Волгиным.

¹ Как в свое время и М.В. Волоцкой, мы лишь обозначаем присутствие Достоевского в «Хронике». Ибо, будучи ключевой фигурой в обозреваемой родословной цепи, он, разумеется, заслуживает отдельного капитального исследования, которое не уместается в рамках настоящего труда — не в последнюю очередь из-за обилия и разнообразия накопленных материалов. — *Ред.*

² Муж двоюродной тетки новорожденного, № 235. — *Ред.*

³ О ней см.: *Московский мир Достоевского*. С. 54–57. — *Ред.*

⁴ Дед новорожденного, № 123. — *Ред.*

⁵ Тетка новорожденного, № 136. — *Ред.*

За публичное чтение «преступного о религии и правительстве письма» Белинского к Гоголю был осужден военным судом; вместе с другими членами кружка М.В. Петрашевского был подвергнут инсценировке смертной казни на Семеновском плацу. Решением генерал-аудиториата (19 декабря 1849 г.) лишен прав состояния, чинов и званий с отсылкой в каторжную работу в Омский острог. Со 2 марта 1854 г. — рядовой 7-го Сибирского линейного батальона, с 15 января 1856 г. — унтер-офицер, с 1 октября — прапорщик. 17 апреля 1857 г. Высочайшим указом Правительствующему сенату Достоевскому возвращены права потомственного дворянства. С 18 марта 1859 г. в отставке с чином подпоручика.

Член-корреспондент Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности (1877).]

Гениальный писатель. Стремление к литературному творчеству проявилось уже в ранней юности (так же, как и у старшего брата Михаила).

Страдал эпилепсией, которая наложила отпечаток на всю личность Федора Михайловича и на характер его творчества. [Умер от кровотечения при обострении многолетней легочной болезни⁶. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.]

328. Константин, по первому мужу Исаева,

по второму Достоевская Мария Дмитриевна

([11.IX.1824, Таганрог — 15.IV.] 1864, [Москва]). [Окончила Астраханский институт благородных девиц.] Первая жена писателя (с 6 февраля 1857 г.). Умерла от туберкулеза, [похоронена на Лазаревском кладбище в Москве].

А.А. Донов, праправнук

Дед Марии Дмитриевны — Франсуа-Жером-Амадей де Констант — служил капитаном королевской дворцовой гвардии при дворе Людовика XVI в Париже до 1792 г.

29 мая 1792 г. Законодательное собрание Франции объявило о роспуске королевской гвардии <...> Капитан Франсуа де Констант в силу своих роялистских убеждений остался не у дел и эмигрировал. После годичных мытарств по Европе бравый капитан предстал в свите герцога Ришелье перед троном российской императрицы. Екатерина II, с сочувствием относившаяся к дворянской эмиграции из Франции, приняла участие в судьбе Франсуа. Он принял российское гражданство, православную веру, а вместе с ней и новое русское имя — Степан.

⁶ Подробнее см.: Рыбалко В.В., Рыбалко Б.Н. Болезнь и смерть Ф.М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 1. Ч. 3. СПб., 1993. С. 58–66; см. также на с. 1166 настоящего издания. — Ред.

В то время Россия осваивала вновь приобретенные после победоносной войны с Турцией земли – Новороссию. Степана Константа посылают в Екатеринослав в инженерные войска. Он женится на своей соотечественнице, француженке, видимо, тоже из эмигрантов. К сожалению, ее имя в архивах найти не удалось. В 1799 г. у них родился сын Дмитрий.

(Мария Констант. С. 4)

Н.И. Левченко

<В Екатеринославе> Дмитрий окончил с отличием гимназию и поступил на службу в Дворянское собрание, а в 1820 г. его определили переводчиком французского языка в штаб генерала И.Н. Инзова (в этом же году на короткое время в этом же штабе, тоже в должности переводчика, находился ссыльный А.С. Пушкин). В 1821 г. Константа направляют в Таганрог, в Строительный комитет. В этом же году он женится. Его жена была из дворянской семьи, очень состоятельной, звали ее Софья Александровна. В семье Константов было семь детей: четыре дочери и три сына. Первым родился сын Степан, а через два года – 11 сентября 1824 г. – дочь Мария. С 1832 г. и до конца жизни служба Д.С. Константа была связана с таможенями. Подробные формулярные списки характеризуют его как человека честного и исполнительного.

...В 1838 г. умирает жена. Семья уезжает в Астрахань, где Констант получает должность директора Карантинного дома. <...> его карьера успешно продвигалась, он награждался чинами, орденами, а в 1863 г. <перед смертью> вышел в отставку в чине действительного статского советника.

В астраханском архиве хранятся документы, касающиеся их семьи.

Дмитрий Степанович был не только исправным чиновником, но и заботливым, любящим отцом. Старшая дочь Мария воспитывалась в Таганрогском пансионе, который окончила с похвальным листом. <...> В 1841 г. «Астраханские губернские ведомости» (№ 29, 19 июля) сообщили об успехах трех сестер Констант, которые «на выпуске удивили всех игрой на фортепиано под аккомпанемент оркестра и чтением стихов на французском и русском языках».

...Семья Константов была окружена интересными людьми, среди которых можно назвать купца П.А. Сапожникова, владельца прекрасной коллекции картин (она стала основой картинной галереи в Астрахани). Дружны они были и с директором губернских училищ М.С. Рыбушкиным. В 1856 г. через Астрахань проезжал французский писатель А. Дюма, который также побывал у Константов.

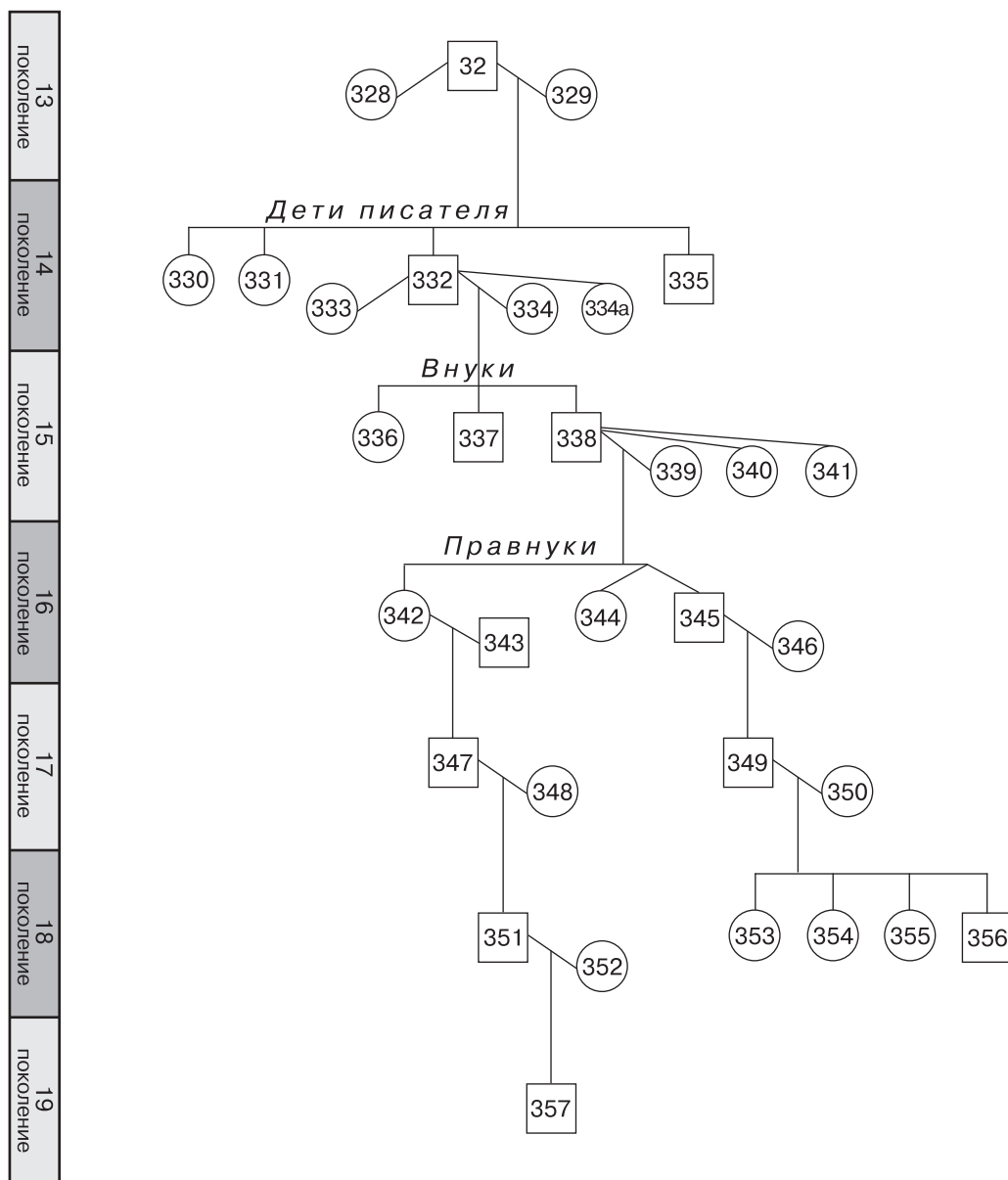
(Материалы и исследования. Т. 11. С. 241–242)

А.А. Донов

Карантин располагался далеко от города, на Бирючей косе. Он представлял собой целый городок. На бугре церковь, рядом больница, портовая канцелярия, трактир. Вдоль

ПОТОМСТВО ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

берега, обнесенного палисадом, – корпуса пассажирского квартала, товарного квартала, чумный квартал... Во всяком случае, сестрам Констант было нелегко на Бирючей косе, где основное население составляли чиновники, моряки, солдаты карантинной роты. А старшей, Марии, исполнилось уже 22 года. В 1846 г. Мария Дмитриевна выходит замуж за чиновника особых поручений начальника Астраханского таможенного округа – коллежского секретаря Исаева⁷.

(Мария Констант. С. 6)

Подробнее о М.Д. Исаевой-Достоевской, ее сыне Павле Исаеве (1847–1900) и его потомках – в очерках И.Л. Волгина «Родные и близкие» на с. 1042, 1128.

Ф.М. Достоевский

(в изложении О. Починковской)

...Была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова – да! – и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 161)

П.П. Семенов-Тянь-Шанский

Несмотря на относительную свободу, которой он <Достоевский> уже пользовался <в Семипалатинске>, положение было бы все же безотрадным, если бы не светлый луч, который судьба послала ему в его сердечных отношениях к Марье Дмитриевне Исаевой, в доме и обществе которой он находил себе ежедневное прибежище и самое теплое участие.

Молодая еще женщина (ей не было и тридцати лет), Исаева была женой человека достаточно образованного, имевшего хорошее служебное положение в Семипалатинске и скоро, по водворении Ф.М. Достоевского, ставшего к нему в приятельские отношения и гостеприимно принимавшего его в своем доме. Молодая жена Исаева <...> оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества. <...> В своем браке она была несчастлива. Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своем ребенке, которого она должна была ежедневно охранять от невменяемости отца, поддерживали ее. И вдруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами, как Ф.М. Достоевский. Понятно, как скоро они поняли друг друга и сошлись, какое теплое участие она приняла в нем и какую отраду, какую новую жизнь, какой духовный подъем она нашла в ежедневных с ним беседах и каким и она в свою очередь служила для него ресурсом во время его безотрадного пребывания в не представлявшем никаких духовных интересов городе Семипалатинске.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 308–309)

---

⁷ Александр Иванович Исаев (1822–1855) был дворянином, уроженцем Петрозаводска Олонецкой губернии, в детстве переехавшим в Астрахань. В начале 1851 г. получил назначение чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа, однако уже в начале 1854-го был отправлен в отставку (это могло произойти как из-за пьянства, так и из-за ухудшения отношений с начальником). Подробнее о нем см.: *Материалы и исследования. С. 238–240. – Ред.*

Ф.М. Достоевский – М.Д. Исаевой

4.VI.1855. Семипалатинск

Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни. Мужчина, самый лучший, в иные минуты, с позволения сказать, ни более, ни менее, как дубина. Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, незаменимо. Я все это нашел в Вас; родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас. Потому что если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарная свинья, а, во-вторых, Вы (сами) больны, раздражены, обижены, обижены уже тем, что не ценило Вас поганое общество, не понимало, а с Вашей энергией нельзя не возмущаться несправедливостью; это благородно и честно. Вот основание Вашего характера; но горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздражили в Вас; но Боже мой! все это выкупалось с лихвою, сторицею. А так как я не всегда глуп, то я это видел и ценил. Одним словом, я не мог не привязаться к Вашему дому всею душою, как к родному месту. <...> Если б вас не было, я бы, может быть, одеревянел окончательно, а теперь я опять человек.

(ПСС. Т. 28, С. 187)

А.Е. Врангель

Мария Дмитриевна была, если не ошибаюсь, дочь директора гимназии в Астрахани и вышла там замуж за учителя Исаева. Как он попал в Сибирь – не помню. Исаев был больной, чахоточный и сильно пил. Человек он был тихий и смирный. Марии Дмитриевне было лет за тридцать; довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу. Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падающая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущности», говорила она. Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости. Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням, усиленно тащил и меня, но несимпатична мне была та среда ради мужа ее.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 354–355)

Ф.М. Достоевский – брату Михаилу

13–18.I.1856. Семипалатинск

Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее

обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможене; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унижен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни. Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс<андра> Егор<овича> Врангеля сначала 25 и потом 40 руб. серебр<ом> и послал ей. Слава Богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре, через мужа. <...> Теперь вот что, мой друг: я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Мое решение принято, и, хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню.

(ПСС. Т. 28, С. 201–202)

А.Е. Врангель

Надо знать, что ему хорошо было известно в то время, что Марии Дмитриевне нравится в Кузнецке молодой учитель В<ергунов>, товарищ ее покойного мужа, личность, как говорили, совершенно бесцветная. Я его не знал и никогда не видал. Не чуждо, конечно, было Достоевскому и чувство ревности, а потому тем более нельзя не преклоняться перед благородством его души: забывая о себе, он отдавал себя всецело заботам о счастье и спокойствии Исаевой.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 365–366)

В.Ф. Булгаков

Много помогала Исаевой жена местного исправника, богача и хлебосола, Анна Николаевна Катанаева. Она ценила в М.Д. ее воспитанность, ум и высокую образованность. Большой поддержкой являлись для семейства Исаевых деньги, которые М.Д. зарабатывала частными уроками. Между прочим, она преподавала французский язык учителю местного приходского училища Вергунову. Он, говорят, был неравнодушен к М.Д. и, так же как Достоевский, всеми средствами старался облегчить ее тяжелое положение...

Брак <Достоевского и Исаевой> был решен. Но требовались издержки, а между тем средства как жениха, так и невесты были крайне ограничены. Начались соображения, откуда достать денег. Тут явилась на помощь опять А.Н. Катанаева: она упросила бракосочетающихся все труды и хлопоты по устройству свадьбы предоставить ей. Весть о том, что на Исаевой женится какой-то приезжий офицер-писатель и что свадьбу эту устраивает Катанаева, быстро облетела весь город...

(Достоевский в забытых. С. 158–159)

Метрическая книга Одиштриевской на 1857 год, часть вторая
церкви г. Кузнецка

Счет браков	17
Месяц и день	Февраль 6
Звание, имя, отчество и фамилия и вероисповедание жениха и которым браком	Служащий в Сибирском Линейном батальоне № 7-м Прапорщик Федор Михайлов Достоевский. Православного вероисповедания. Первым браком.
Лета жениха	34
Звание, имя, отчество и фамилия и вероисповедание невесты и которым браком	Вдова Марья Дмитриева, жена умершего заседателя, служащего по корчемной части Коллежского секретаря Александра Исаева. Православного вероисповедания. Вторым браком.
Лета невесты	29 ⁸
Кто совершал Таинство	Священник Евгений Тюменцов с Дяконом Петром Лашковым, Дьячком Петром Угланским, Пономарем Иваном Слободским.
Кто были поручители	По женихе: Чиновник Таможенного ведомства Петр Захаров Сапожников и Кузнецкого народного училища Учитель Николай Вергунов. По невесте: Коллежский асессор Иван Миронов Катанаев и Нелюбинской волости Государственный крестьянин Михаил Дмитриев Дмитриев же.

(ГАНУ. Ф. Д156. Оп. 1. Ед. хр. 5057. Лл. 45 об. – 46; Достоевский и мировая культура. № 26. С. 185)

В проводившемся перед венчанием брачном обыске кроме того указано, что жених «жительствоет в городе Семипалатинске приходе Богородской церкви», а невеста «жила в городе Кузнецке, в приходе сей Одиштриевской церкви». «Как жених, так и невеста родителей в живых не имеют»⁹. «Для установления беспрепятственности сего брака предоставляются письменные документы: дозволение жениху от командира Сибирского батальона № 7 от 1 февраля сего года за № 167-м» (ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб). Фонд фотографий. НВМ. № 7408/1-2).

Т.М. Темезова

За народом едва можно было протолкаться вперед... Конечно, присутствовало в церкви и все лучшее кузнецкое общество – Анна Николаевна всех пригласила¹⁰. Дамы были все разнаряжены... В церкви – полное освещение. Сначала, как водится, приехал жених. Конечно, внимание всех на него обратилось. И я смотрю с любопытством, хоть мне и было только лет 16, но я слышала, что он не простой человек – писатель <...> Худенькая,

⁸ На самом деле невесте идет 33-й год, жениху 35 лет. – Ред.

⁹ У невесты жил в Астрахани отец. – Ред.

¹⁰ По свидетельству венчавшего молодых священника Евгения Тюменцева (1884), «свадьбу праздновали просто, но оживленно» (цит. по: Шадрин А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского. Новокузнецк, 1995. С. 35). – Ред.

стройная и высокая, Марья Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, – хотя и вдовушка...

(Достоевский в забытых. С. 159)

Л.Ф. Достоевская

...Разыгрывала роль примерной супруги, сумела объединить вокруг себя образованных людей Семипалатинска и создать своего рода литературный салон. Она выдавала себя за француженку, говорила по-французски как на своем родном языке, много читала, была хорошо воспитана. <...> Вопреки опасениям родных и знакомых, брак оказал на Достоевского благотворное влияние. Он поправился, повеселел и выглядел довольным.

(Достоевский в изображении дочери. С. 80)

А.И. Гейбович¹¹ – Ф.М. Достоевскому
25.III.1860. Аягуз (Сергиополь), Казахстан

Милой, доброй и неоцененной Марье Дмитриевне...

(Простор. 1971. № 11. С. 109)

Н.Н. Страхов

...Она произвела на меня очень приятное впечатление бледностью и нежными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположение к болезни, которая свела ее в могилу.

(Биография, письма. С. 181. 1 паг.)

Н.Н. Фон-Фохт

Эту первую супругу нашего знаменитого писателя я видел только один раз в Москве, у Ивановых, и она на меня произвела впечатление в высшей степени болезненной и нервно-расстроенной женщины.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 60)

Л.Ф. Достоевская

Влажный и гнилой воздух Петербурга способствовал развитию туберкулеза легких, который уже давно ей угрожал. Напуганная Мария Дмитриевна возвратилась в Тверь¹², где был более здоровый климат. Но было слишком поздно; болезнь развивалась, и через несколько месяцев Марию Дмитриевну едва можно было узнать.

(Достоевский в изображении дочери. С. 83)

Н.М. Достоевский – брату Андрею
18.XI.1862 <Петербург>

Жена его <брата Федора> очень добрая особа, но жаль, что очень больная женщина. У ней чахотка, и только тридцатилетний возраст не дает скоро развиться этой болезни.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 387)

¹¹ Гейбович Артемий Иванович (ум. 1865) – ротный командир 7-го линейного батальона, в котором служил Ф.М. Достоевский. – Ред.

¹² Это ошибка: в мае 1863 г. Достоевский перевозит больную жену во Владимир. – Б.Т.

А.Г. Достоевская

Тут он <Достоевский> мне в первый раз сказал, что он был женат и что жена его умерла, что она была страшная ревнивица, и показал мне ее портрет. Право, она мне очень не понравилась, какая-то старая, страшная, почти мертвая. Правда, он говорил, что она снималась за год до своей смерти и потому такая страшная.

(Дневник 1867 г. С. 319)

А.Н. Майков – жене

27.I.1864. Москва

Марья Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице. Очень, очень мне обрадовалась, о тебе расспрашивала, но кашель обуздывал ее болтливость. Федор Михайлович все ее тешит разными вздориками, портмонеичиками, шкатулочками и т.п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картину вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 393)

Ф.М. Достоевский – В.Д. Констант, свояченице

10.I.1864. Москва

<Паша> высылается в Петербург обратно несколько раньше, чем, может быть, сам рассчитывал. Он не произвел здесь того эффекта, на который, видимо, надеялся. Случилось то, что я предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неумение вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (при всех его стараниях) тому причиною. Впрочем, Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей несравненно хуже, чем как было в ноябре, так что я серьезно опасаюсь за весну. Жалко ее мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но, кажется, я необходим для нее и потому остаюсь. В Петербург я приеду в начале февраля. <...> У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме: грустит и приходит в отчаянье. Такие минуты очень тяжелы для нее. Нервы у ней раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть.

Брату Михаилу

15.IV.1864. Москва

Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить. Мы все ждали кончины. Все мы были около нее. Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась. Передает всему твоему семейству поклон с желанием долго жить. Эмилии Федоровне особенно. С тобой изъявила желание примириться. (Ты знаешь, друг мой, она всю жизнь была убеждена, что ты ее тайный враг.) Ночь провела дурно. Сегодня же, сейчас Александр Павлович <Иванов> сказал *решительно*, что нынче умрет. И это несомненно.

Тогда же

Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней.

(ПСС. Т. 28₂. С. 62, 91, 92)

А.Г. Достоевская

Примечания к роману «Преступление и наказание»

...В лице Катерины Ивановны изображены многие черты характера Марии Дмитриевны. Насколько я могла судить по рассказам Федора Михайловича, а также родственников и знакомых его, последние два года Мария Дмитриевна была не вполне нормальна. О предсмертных приступах помешательства Марии Дмитриевны говорил мне в 1867 г. лечивший ее в Москве врач Александр Павлович Иванов, муж сестры Федора Михайловича, Веры Михайловны. Иванов говорил, например, о том, что Мария Дмитриевна любила заводить стенные часы и заводила их до того, что пружина лопалась. Часто она жаловалась врачу, что в комнате много чертей. Тогда Иванов отворял форточку, платком выгонял чертей, и после этого бедная больная успокаивалась.

(Творчество Достоевского. С. 30)

<Федор Михайлович> все сидел у нее, потом вдруг ему сделалось скучно и он пошел на минутку к Ивановым, пробыл у них не более 5 минут и когда пошел домой, то к нему прибежали и сказали, что она кончается. Когда он подошел к дому, дворник сказал, что она уже умерла. Перед смертью она причастилась, спросила, подали ли Федору Михайловичу кушать и доволен ли он был, потом упала на постель и умерла.

(Дневник 1867 г. С. 286)

Ф.М. Достоевский – А.Е. Врангелю

31.III – 14.IV.1865. Петербург

...Она скончалась, в полной памяти, и, прощаясь, вспоминая всех, кому хотела в последний раз от себя поклониться, вспомнила и об Вас. Передаю Вам ее поклон, старый, добрый друг мой. Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием. О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Все расскажу Вам при свидании, – теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), – мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла – я хоть мучился, видя (весь год) как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, – но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается...

(ПСС. Т. 28₂. С. 116)

А.Г. Достоевская

Я пробовала расспрашивать его об умершей жене, но он не любил о ней вспоминать. Любопытно, что и в дальнейшей нашей супружеской жизни Федор Михайлович никогда не говорил о Марии Дмитриевне, за исключением одного случая в Женеве <...> День был теплый, но пасмурный, под стать нашему настроению. Под влиянием прощания с могилкой Сонечки Федор Михайлович был чрезвычайно растроган и потрясен, и тут, в первый раз в жизни (он редко роптал), я услышала его горькие жалобы на судьбу, всю жизнь его

преследовавшую. <...> Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марьей Дмитриев-ной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марии Дмитриевны он не имел, а ее «странный, мнительный и болезненно-фантастический ха-рактер» был причиной того, что он был с нею очень несчастлив. <...> Никогда, ни прежде, ни потом, не пересказывал он с такими мелкими, а иногда трогательными подробностями те горькие обиды, которые ему пришлось вынести в своей жизни от близких и дорогих ему людей.

(Воспоминания. С. 89, 179–180)

Л.П. Гроссман

В личном разговоре Анна Григорьевна сообщила мне несколько дополнительных све-дений о первом браке Достоевского: «Федор Михайлович сильно любил свою первую жену. В жизни его это было первое настоящее чувство. <...> Это было настоящее сильное чувство со всеми его радостями и муками. В последние годы обострившаяся болезнь по-койной сообщила особенную мучительность их отношениям».

(ЖЗЛ. С. 198)

329. Сниткина, по мужу Достоевская Анна Григорьевна

(30.VIII.1846, [Петербург] — 9 (22) VI.1918, [Ялта]). Дочь мундкоха¹³ при вы-сочайшем дворе. Окончила училище св. Анны и Мариинскую гимназию в Пе-тербурге, последнюю с серебряной медалью, училась на курсах стенографии П.М. Ольхина.]

Вторая жена писателя (с 15 февраля 1867 г.). Ей посвящен роман «Братья Карамазовы». [После смерти Достоевского — библиограф и издатель его сочи-нений.]

Умерла от острого воспаления кишок. [Погребена 5 ноября 1918 г. в склепе под Аутской Никольской церковью в Ялте; перезахоронена 9 июня 1968 г. в Ленинграде, на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.]

А.Г. Достоевская

Род отца был из Малороссии, и прапрадед носил фамилию Снитко. Прадед, продав имение в Полтавской губернии, переселился в Петербург, уже именуясь Сниткиным. Мой отец <Григорий Иванович Сниткин, 1799–1866> воспитывался в петерб<ургской> школе иезуитов, но иезуитом не сделался, а всю жизнь оставался добрым и простодушным чело-веком. Служил мой отец в одном из магистратов или департаментов.

Мать моя была родом из Швеции из почтенного рода Мильтопеус¹⁴. Какой-то из ее прадедов был лютеранским епископом, а дяди – учеными; это доказывает прибавление

¹³ Придворный служитель, заведующий кухней. – Ред.

¹⁴ Анна-Мария Мильтопеус (1812–1893), в замужестве Анна Николаевна Сниткина. В статье о ней ее праправнук Д.А. Достоевского (№ 345) говорится: «Прожив в России 59 лет, Анна-Мария с трудом го-ворила и писала по-русски. Живя в основном в семье сына Ивана, она неизменно призывалась в семью Достоевских в трудные минуты, как бабушка, присмотреть за детьми. Имела она и беседы с великим писателем, как правило, на французском языке... Анна-Мария способствовала “спасению” одного из произведений писателя. Дело было за границей, куда она была вызвана для присмотра за новорож-денной Любочкой. Достоевские собирались возвращаться в Россию, но пришло известие, что на

окончания еус, что учеными делалось из какого-то кокетства, вроде прибавления частицы *де* или *фон*¹⁵. Жили прадеды в Або¹⁶ и погребены в стенах тамошнего знаменитого собора. Посетив однажды Або, проездом в Швецию, я попыталась было найти в соборе могилы предков, но так как не знала ни финского, ни шведского языка, то не могла от сторожа добиться никаких сведений.

Отец моей матери Николай Мильтопеус был помещиком в Санкт-Михельской губернии¹⁷, и вся семья жила в имении, кроме сына Романа Николаевича, который воспитывался в Московском землемерном институте. Когда он окончил курс и получил место в Петербурге, то продал имение отца (к тому времени умершего) и перевез семью в Петербург. Здесь моя бабушка Анна-Мария Мильтопеус вскоре скончалась, а моя мать с двумя сестрами осталась жить у брата. Мать моя была женщина поразительной красоты – высокая, тонкая, стройная, с удивительно правильными чертами лица. Обладала она также чрезвычайно красивым сопрано, сохранившимся у ней почти до старости. Родилась она в 1812 году, и когда ей было 19 лет, обручилась с одним офицером. Им не пришлось обвенчаться, так как он принял участие в венгерской кампании¹⁸ и был там убит. Горе моей матушки было чрезвычайное, и она решила никогда не выходить замуж. Но годы шли, и мало-помалу горечь утраты смягчилась. В том русском обществе, где вращалась моя мать, были любительницы сватать (это было в тогдашних обычаях), и вот на одно собрание, собственно для нее, пригласили двух молодых людей, искавших себе невесту. Мать моя им чрезвычайно понравилась, но когда ее спросили, понравились ли они ей, то она ответила: «нет, мне больше понравился тот “старичок”, который все время рассказывал и смеялся». Она говорила про моего отца. В прежние времена люди за сорок лет считались уже стариками, а папе тогда было уже 42 года (родился в 1799 году). Папа весело и приятно провел свою молодость, но под влиянием строгой матери жил сдержанно, а потому в 42 года представлял из себя человека здорового, крепкого, румяного, с прекрасными голубыми глазами и цельными зубами, но с порядочно поредевшей шевелюрой. До кончины своей матери папа не предполагал обзаводиться семьей, а потому бывал в обществе в качестве приятного собеседника, но отнюдь не жениха. Его тоже представили моей матери, и она ему очень понравилась, но так как она плохо говорила по-русски, а он плохо по-французски, то разговоры между ними не очень затянулись. Когда же ему передали слова моей мамы, то его очень заинтересовало внимание красивой барышни, и он стал усиленно посещать тот дом, где мог с нею встретиться. Кончилось тем, что они полюбили друг друга и решили пожениться. Но пред ними стояло серьезное препятствие: мама была лютеранкой, а по понятиям папиной православной семьи жены должны были быть одной

границе у “негласно поднадзорного” писателя могут конфисковать литературные материалы. Посовещавшись в семье, писатель решил оставить рукопись “Бесов” в багаже тещи, которую наверняка не будут досматривать. ...Так до конца и не приняв новую родину, рано овдовев, Анна-Мария полностью отдавала себя восьмерым внукам. К каждому престольному празднику она кому-нибудь из них вязала шарфик или шапочку и, по свидетельству гимназиста Федора Достоевского-младшего <№ 248>, так и умерла со спицами в руках. Анна-Мария была похоронена на Охтенском кладбище в фамильном склепе Сниткиных» (*Статьи о Достоевском*. С. 182–184). – *Ред.*

¹⁵ О происхождении фамилии см. примечание 19 на с. 402. – *Ред.*

¹⁶ Город в Финляндии, современное название – Турку. – *Ред.*

¹⁷ В Финляндии. – *Ред.*

¹⁸ Очевидно, Анна Григорьевна ошибается, путая венгерскую кампанию 1849 г. с польским восстанием 1830–1831 гг. – *И.В.*

веры с мужьями. Дошло до того, что папа решил пойти против семьи и жениться, даже если б пришлось разойтись с некоторыми из ее членов. Мама об этом узнала и, боясь внести раздор в столь дружную семью, долго была в затруднении: перейти ли в православие или отказать от любимого человека. <...> Сделавшись православной, моя мать стала ревностно исполнять обряды церкви, говела, причащалась, но молитвы на славянском языке ею трудно усваивались, и она молилась по шведскому молитвеннику. Она никогда не раскаивалась в том, что переменила религию, «иначе, – говорила она, – я бы чувствовала себя далекою от мужа и детей, а это было бы мне тяжело». Прожили мои родители вместе около 25 лет и жили очень дружно, так как сошлись характерами. Главою дома была моя мать, обладавшая силь-

ною волей; папа добровольно подчинился маме и отвоевал себе лишь одно: свободу разыскивать и покупать на Апраксином и других рынках (антиквариетов тогда была масса) разные редкости и диковинки, а преимущественно ценный фарфор, в котором он понимал толк.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 1. Ед. хр. 1. Лл. 8–12)

Л.Ф. Достоевская, дочь

...Григорий Иванович Сниткин был по происхождению украинцем. Предки его принадлежали к семье казаков, живших на берегах Днепра в окрестностях Кременчуга. <...> прадед Иван Сниткин, хотя был православным, отдал своего сына Григория в школу иезуитов, только что открытую в Петербурге, впоследствии, однако, закрытую по приказу русского правительства. Дед получил там отличное воспитание, какое всегда дают ксендзы, но на протяжении всей жизни ничего иезуитского в его поведении не было. Он был настоящим славянином <...> В молодости пережил большую страстную любовь к знаменитой Асенковой, единственной исполнительнице ролей в классических трагедиях в России...

Моя бабушка с материнской стороны, Мария-Анна Мильтопеус, была шведкой из Финляндии. Она утверждала, что ее предки были англичане, вынужденные покинуть в XVII в. свою страну из-за религиозных волнений. Они поселились в Швеции, женились на шведках и потом переселились в Финляндию, где приобрели поместье. Английская их фамилия была, должно быть, Мильтон или Мильтоп, так как окончание «-ус» шведское¹⁹. <...> Моя

¹⁹ Эта версия, широко принятая в биографической литературе, является вполне легендарной, так как фамилия Мильтопеус имеет искусственное происхождение. Предки Анны Григорьевны до XVII в. имели финскую фамилию Рускиапая, что значит «красноголовый», но затем один из пращуров, ректор Духовной академии в Або профессор Мартин Рускиапая (1631–1679), остроумно «перевел» свое родовое имя на древние языки: Мильто- (лат. *miltos* – «красный») + -пеус (трансформация финского -пя по образцу личных греческих имен). – Б.Т.

бабушка очень рано потеряла своих родителей и воспитывалась у теток, не сделавших ее молодостью счастливой. В молодости Мария-Анна была очень хороша <...> У Марии-Анны был чудный голос, и подружки называли ее «второй Христиной Нильсон». Это восхищение вскружило бабушке голову, и она решила стать певицей. Она отправилась в Петербург, где ее братья служили офицерами в гвардейском полку его величества, и сообщила им о своем плане. «Ты сошла с ума», – сказали ее напуганные братья. <...> Однажды, когда ее принуждали согласиться на выгодный для нее брак, <27-летняя> Мария-Анна раздраженно сказала: «Послушайте, ваш протез мне настолько противен, что, если уж я должна во что бы то ни стало выйти замуж, лучше я выйду за доброго старого Сниткина, он по крайней мере симпатичен мне». Мария-Анна обронила эти неосторожные слова, не придав им значения. Но ее невестки немедленно ухватились за них...

Брак этих двух мечтателей оказался довольно удачным. <...> Их характеры дополняли друг друга; бабушка была властной женщиной, супруг ее – робким; она приказывала, он повиновался. Однако дед всегда мог настоять на своем, когда речь шла о близких сердцу вещах...

Как все женщины германского происхождения, бабушка мало заботилась о своем новом отечестве и думала только об интересах представителей ее собственного рода. Моя мать очень недолюбливала эту Финляндию, проникнувшую в дом ее родителей. Ей внушали страх эти шведские дамы со строгим профилем, такие чопорные и церемонные, говорившие на непонятном языке. Маленькая Анна убегала к отцу, на которого была очень похожа и любимицей которого была. Он водил ее в церковь, посещал вместе с ней петербургские монастыри, каждый год совершал с ней паломничество в знаменитый монастырь на Валааме, расположенный на островах Ладожского озера. Моя мать на всю жизнь сохранила трогательную память об этом столь простом, добром, восторженном и сентиментальном человеке. Она была глубоко религиозной, как и он, и осталась верна православию. Те новые религиозные идеи, которыми были захвачены ее русские подружки, не нашли отклика в ее душе; мать больше доверяла мудрости отцов церкви, чем религиозным писателям, как раз вошедшим в моду. Как и ее отец, она страстно любила Россию и никогда не могла простить моей бабушке то равнодушие, почти презрение, которое та демонстрировала по отношению к стране своего супруга. Моя мать считала себя истинно русской.

(Достоевский в изображении дочери. С. 100–104)

А.Г. Достоевская

Мои родители жили в доме, принадлежащем и поныне Лавре, во втором этаже. Квартира была громадная (комнат одиннадцать), и окна выходили на Шлиссельбургский проспект и частью на площадь перед Лаврою. Семья была большая: старушка-мать и четыре сына, из которых двое были женаты и имели детей. Жили дружно и по-старинному гостеприимно, так что в дни рождения и именин членов семейства, на Рождестве и Святой все близкие и дальние родные собирались у бабушки с утра и весело проводили время до поздней ночи. <...> Так было и 30 августа 1846 года. Моя матушка вместе с прочими членами семьи, вполне здоровая и веселая, радушно встречала и угощала гостей, а затем скрывалась, и все были уверены, что молодая хозяйка хлопочет во внутренних комнатах насчет угощения. А между тем, моя матушка, не ожидавшая так скоро предстоявшего ей «собы-

тия», вероятно, вследствие усталости и волнения, вдруг почувствовала себя нехорошо и удалилась в свою спальню, послав за необходимою в таких случаях особою. Мать моя всегда пользовалась хорошим здоровьем, у ней уже прежде рождались дети, а потому наступившее событие не внесло никакой суматохи и волнения в доме.

Около двух часов дня торжественная обедня в соборе окончилась, загудели звучные лаврские колокола, и при выступлении крестного хода из главных ворот Лавры раздались торжественные звуки стоявшей на площади военной духовой музыки. Лица, сидевшие у окон, стали сзывать остальных гостей, и были слышны восклицания: «Идет, идет, тронулся крестный ход». И вот при этих-то восклицаниях, звоне колоколов и звуках музыки, слышанных моею матушкою, тронулась и я в мой столь долгий жизненный путь.

Торжественная процессия прошла, и гости стали собираться домой, но их удерживало желание проститься с бабушкой, которая, как им сказали, прилегла отдохнуть. Около трех часов в залу, где были гости, вошел мой отец, ведя под руку старушку-мать. Остановившись среди комнаты, мой отец, несколько взволнованный происшедшим событием, торжественно провозгласил: «Дорогие наши родные и гости, поздравьте меня с великою радостью: Бог даровал мне дочь Анну». Отец мой был чрезвычайно веселого характера, балагур, шутник, что называется душа общества. Думая, что это известие – праздничная шутка, никто ей не поверил, и раздались восклицания: «Не может быть! – Григорий Иванович шутит! – Как же это возможно? Ведь Анна Николаевна все время была тут», и т.д. Тогда сама бабушка обратилась к гостям: «Нет, Гриша говорит правду: час тому назад появилась на свет моя внучка, Нюточка!»

Тут посыпались поздравления, а из дверей выступила девушка с налитыми бокалами шампанского. Все пили за здоровье новорожденной, ее родителей и бабушки. Дамы бросились поздравлять родильницу (в те времена не было докторских предосторожностей) и целовать «маленькую», а мужчины, пользуясь отсутствием дам, прикончили припасенные бутылки шампанского, провозглашая тосты в честь новорожденной. Таким-то торжественным образом было встречено мое появление на свет Божий, и, как все говорили, это было хорошим предзнаменованием насчет моей будущей судьбы. Предзнаменование это впоследствии исполнилось: несмотря на то, что в моей жизни было много тяжелых потерь (смерти мужа, детей, родителей), несмотря на то, что мне пришлось перенести много материальных невзгод и нравственных страданий, я считаю свою жизнь чрезвычайно счастливою, и я ничего не хотела бы изменить в моей жизни...

Первые годы своей брачной жизни мои родители прожили вместе с бабушкой и многочисленной семьей. Но когда, лет через пять, бабушка скончалась и семья распалась, моя мать уговорила отца купить дом у Николаевского сухопутного госпиталя, а вместе с домом громадный участок земли (около двух десятин)...

Первое мое сознательное воспоминание относится к апрелю 1849 года, т.е. когда мне было два года восемь месяцев. Во дворе нашего дома был ветхий сарай; мама решила его разрушить и построить новый. Рабочие собрались, сделали что надо, и оставалось только свалить сарай на землю. Моя мать вышла на стеклянную галерею, чтобы посмотреть издали, как это будут делать, а за нею потянулась моя любопытствующая нянюшка со мною на руках. На беду, ломовые извозчики, жившие в глубине двора, замешкались; им кричали, чтоб они скорее проезжали, и они потянулись длинной вереницей. Казалось, что все выехали, но только что артель напрягла все силы, чтоб свалить сарай, как появился запоздавший извозчик. Все поняли, что если он не проскочит, то свалившимся сараем будет

наверно убит вместе с своею лошадыю. Раздались страшный треск падающего сарая и крики ужаса присутствовавших, пыль поднялась столбом, и в первую минуту нельзя было разобрать, не случилось ли беды. К счастью, однако, все обошлось благополучно, но испуганные возгласы мамы и няньки так на меня подействовали, что я закричала благим матом. Когда я впоследствии расспрашивала о том времени, то отец мой, просмотрев хозяйственные книги, удостоверил, что постройка нового сарая была произведена весною 1849 года.

Второе сознательное воспоминание относится к моей болезни, случившейся, когда мне было три года. Не знаю, чем я была больна, но доктор приказал поставить мне на грудь несколько пиавок. Я живо помню, как отвратительны были для меня эти извивающиеся червяки, как я их боялась и как старалась оторвать их от груди. Ясно помню также, как возила меня моя мама причастить и помолиться пред чудотворной иконой о всех Скорбящей Божией Матери (на Шпалерной). Видя, что мама и няня молятся и плачут, я крестилась и тоже заливалась слезами. На другой день после молебна последовал кризис, и я стала быстро поправляться.

Вообще, дети в нашей семье редко хворали. Случались, конечно, кашли, насморки, но все болезни лечились домашними средствами, и все благополучно проходило.

Я вспоминаю мое детство и юность с самым отрадным чувством: отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну. Жизнь в семье была тихая, размеренная, спокойная, без ссор, драм или катастроф. Кормили нас сытно, водили гулять каждый день, и летом мы с утра до вечера сидели в саду; зимой же катались с ледяной горки, там же устроенной. Игрушками нас не баловали, а потому мы их ценили и берегли. Детских книг совсем не было; нас никто не пытался «развивать». Рассказывали нам иногда сказки, преимущественно отец; вернувшись со службы и пообедав, он ложился на диван, звал к себе детвору и принимался рассказывать. Сказка у него была одна: об Иванушке-дурачке, но вариации были бесчисленны, и мы с братом всегда удивлялись: почему Иванушку называют дурачком, раз он так умно умеет выпутываться из всевозможных бед. Удовольствия доставлялись нам редко: елка на Рождестве, зажигающаяся каждый вечер, домашнее переряженье²⁰; на Масляной нас возили на балаганы и катали на вейках²¹. Два раза в год – пред Рождеством и на Святой ездили в театр, преимущественно в оперу или балет. Но эти редкие удовольствия нами чрезвычайно ценились, и мы целыми месяцами находились под очарованием виденного нами спектакля.

Летом 1856 года мы всей семьей поехали в Москву, и это была первая яркая жизненная картина, подействовавшая на мое воображение. В Воскресенском монастыре в Кремле много лет проживала монахиня – тетка папы и занимала какую-то важную должность, что-то вроде матери-казначей. У нее было много знакомых и влиятельных друзей в Москве, и она обещала папе дать нам возможность увидеть все коронационные торжества. Папа соблазнился этим и повез всю семью в Москву еще в начале лета и нанял нам дачу в Сокольниках. В августе же на время торжеств мы переселились в самый Кремль и заняли две небольшие комнаты в монастыре. Пред квартирою матери-игуменьи была выстроена большая открытая веранда и поставлены стулья, и вот отсюда-то мы смотрели на торжест-

²⁰ «Обычай переряжаться на святки ведется в народе искони» (В.И. Даль). – *Ред.*

²¹ Вейка (фин. *veikko* – «друг, товарищ») – в старом Петербурге финн-извозчик с разукрашенной ленточками и бубенцами запряжкой, приезжавший для катанья на масленице. – *Ред.*

венный въезд государя императора и августейшего семейства в Кремль. Удалось нам получить билеты и на торжественное шествие государя на обряд коронования в Успенский собор. Картина эта была поистине незабываема...

<Но вот торжественный> обед окончился, и гости встали с своих мест. И вот тут произошло самое неожиданное явление: многие гости бросились к вазам, украшавшим столы, и вынули, вернее, выхватили из них букеты прелестных искусственных цветов, чтобы унести их на память этого дня. Но букетов было меньше, чем гостей, а желающих получить цветы оказалась масса. И вот все эти, казалось бы, столь благовоспитанные и, вероятно, занимавшие высокое официальное положение лица принялись вырывать друг от друга букеты или отдельные цветы, так что у иного выхватившего букет из вазы оставался в руках в конце концов один остов букета, т.е. железки, на которых держались цветы. И какие при этом были у борющихся свирепые, почти зверские лица! При всем понятном желании сохранить цветок на память этого дня, все-таки было как-то противно видеть почти драку между такими почтенными на вид лицами. Такое чувство вынесла я от виденной мною сцены...

Матери моей принадлежали, кроме двух домов по Ярославской улице и громадного (почти две десятины) незастроенного участка земли, еще два дома по Костромской улице. Во втором этаже главного каменного дома жили мы, а нижний занимала старушка-полковница. К дому примыкал громадный тенистый сад со множеством ягодных кустарников. Во дворе находились два больших двухэтажных флигеля, разделенных на мелкие квартиры, по одной и по две комнаты с кухнями. Плата за квартиру колебалась от 5 до 8 руб. в месяц! Окна большинства квартир выходили в наш сад, то есть в ту часть, которую моя мать отделила забором от главного сада для пользования жильцов. Матери, выпуская детей в сад, всегда имели их под своим надзором, это обстоятельство очень ценилось людьми семейными, и квартиры наши никогда не пустовали; напротив, на них записывались, и в случае, если квартира освобождалась, на нее уже имелось несколько конкурентов. Ценилось жильцами и то обстоятельство, что мать моя никогда не притесняла жильцов требованием квартирных денег. Она осведомлялась, когда они обычно получают жалованье, и в день получки посылала за деньгами. Часто случалось, что хозяйка квартир, тихонько от мужа, предупреждала мою мать, что в такой-то день у них будет получка, и просила в этот день прислать за деньгами.

Ввиду этих обстоятельств жильцы у нас живали по многу лет, и с ними устанавливались самые дружеские отношения. Нас, детей, жильцы звали уменьшительными именами и всегда нас ласкали. На Рождестве и на Святой почти все жильцы бывали у нас с поздравлениями и приветствиями, а в дни именин моих отца и матери два стола были заполнены приношениями жильцов, начиная с кондитерских пирогов, больших кренделей, кончая домашними булками. Моя мама благодушно принимала подарки, зная, что отказ обидит поздравителя, угощала поздравлявших и тотчас же отдавала пирогами или деньгами. Если у жильцов случались события в семье, напр<имер> крестины, свадьба, похороны, то они непременно приглашали моих родителей и принимали их как почетных гостей. Папу моего зачастую звали воспитателем, и он никогда не отказывался от этой христианской обязанности; мама же отговаривалась тем, что у нее «тяжелая рука» и что два крестника ее умерли, что и было правдой. Во всех важных случаях жизни жильцы наших домов, а чаще всего их жены, обращались за советами к моей матери, которая кроме наставлений в случае болезни снабжала их несложными лекарствами, хинином, ревенем и т.п. Приходили к моей матери и с жалобами на мужей или на жен и детей, и в этих случаях мой доб-

рый отец шел усювестить или пристыдить обидчика. Папа был мягкого, миролюбивого характера и умел, не оскорбляя ничего самолюбия, примирить враждующие стороны. А если это ему не удавалось, то в дело вступалась мама и, как дама энергичная, умела накричать и пригрозить виновнику семейной распри, и, что всего удивительнее, никогда не встречала в ответ дерзостей за свое вмешательство.

Обращались к моей матери жилицы и за нарядами, если приходилось идти к причастию или ехать на свадьбу. Мама раз навсегда пожертвовала одно свое нарядно сшитое шелковое платье, как теперь помню, двучинного цвета²², шаль вроде турецкой и чепчик с голубыми лентами. И вот перед Великим постом жилицы, одна за другой, просили мою мать дать одеть весь костюм к причастию, и тогда устанавливалась очередь, которой жилище и на которую субботу надо было оставить костюм. Однажды на второй неделе поста случилось несчастье: жилица в маминем наряде до того усердно прикладывалась к образам, что толкнула головой лампаду и все масло вылилось ей на голову и спину. Можно представить ее отчаяние. Вернувшись из церкви, она сложила весь наряд в узелок, вызвала мою мать в переднюю, бросилась на колени и зарыдала. Мама даже испугалась, не понимая, что все это значит. Когда выяснилась беда, то мама, осмотрев вещь, успокоила бедняжку, сказав, что отдаст платье и шаль в чистку, а на чепце переменит ленты. Но так как в чистке вещи пробыли долго, то остальные конкурентки на праздничный костюм были страшно разобижены и долго преследовали провинившуюся колкостями и насмешками.

Когда скончался мой добрый отец, то все жилицы наших домов и их жены бывали на панихидах, а мужчины несли гроб его на руках сначала до перевоза через Неву, а затем по Большой Охте до кладбищенской церкви и до могилы. Все они искренно жалели доброго старичка, который, однако, иногда их очень журил и наставлял уму-разуму.

Когда моя сестра, а затем я выходили замуж, то все жилицы с мужьями и детьми толпились на лестнице и у кареты, чтобы посмотреть на нас в наших венчальных нарядах и высказать нам искренние пожелания самой счастливой жизни.

Не существует теперь подобных патриархальных отношений, и как это жаль: при них все-таки легче жилось на свете и легче было переносить испытания, посылаемые всем нам судьбою...

В 1859 году мои родители задумали построить новый дом по Костромской улице, и папа, занятый этим делом, не имел возможности повезти нас, детей, на Валаам. Так как после весенних экзаменов я имела очень утомленный вид, то мне предложили поехать на все лето во Псков погостить у троюродной сестры моего отца, Ирины Трофимовны Ракичиной. Я с радостью согласилась: мне хотелось повидать что-нибудь новое, а Псков, как бывший вольный город, представлял собою особый интерес.

Ирина Трофимовна была добрая, веселая старушка, лет 65, побывавшая за тремя мужьями и после каждого наследовавшая хорошие средства. Детей у нее не было, и она много лет подряд упрашивала моих родителей отдать ей на воспитание одну из дочерей, т.е. меня или мою сестру, обещая на имя воспитанницы записать все свое состояние. Родители слишком любили нас, чтобы решиться на разлуку, но, чтобы не огорчать старушки, мой отец говорил ей, что «пусть подрастут девочки, а там видно будет». Ирина Трофимовна почти каждую зиму неделями гостила у нас и привозила с собою чуть не обозы разной живности, варений и солений...

²² С переливом. – Ред.

Режим Ирины Трофимовны был таков, что навряд ли бы его выдержал теперешний детский желудок. Можно сказать, что день-деньской мы только и делали, что ели да пили. Вставали мы рано, в пять часов, и Ирина Трофимовна заставляла меня выпить два стакана чудесного парного молока. Затем мы с нею шли на утреннюю прогулку, на какой-нибудь базар, рыбный или фруктовый. Здесь тетушка с служанкой обходила торговцев и закупала массу всевозможных продуктов; я же на досуге наблюдала мало известные мне нравы и обычаи простого народа. Впечатлений было много и все интересных. К тому же погода стояла в то лето на редкость хорошая, и идти ранним утром по берегу реки Великой или Псковы было чрезвычайно приятно. Возвращались домой к восьми и пили кофе с густейшими сливками и с только что испеченными булочками. В 11 часов был завтрак, обильный, как обед, со множеством закусок и кушаний. В два часа обедали, и тут уже кроме кушаний, которых было не менее пяти, к столу подавались квасы, мед и наливки. Вспоминаю теперь, дивясь, откуда у всех нас брался аппетит на такое множество снедей...

За завтраком и обедом всегда был кто-нибудь из гостей. <...> На меня эти приживалки посмотрели как на будущую «наследницу» Ирины Трофимовны и сначала очень мне льстили, желая получить на меня влияние. Но они мне скоро надоели своими сплетнями и наушничеством на прислугу, так что я вскоре перестала с ними говорить, ограничиваясь только самым необходимым. За это я прослыла у них «петербургской гордячкой». <...> я нимало не скучала, тем более что со мною было три романа Диккенса, которые я и перечитывала.

...В свободное время я для прогулки ходила в монастырский сад. Здесь я очень скоро познакомилась и даже подружилась с белицами, девочками моих лет, которых тоже ежедневно часа на два – на три выпускали гулять. В монастыре не особенно любили, чтобы девочки-монашенки входили в сношения с мирскими, но это запрещение не касалось меня. Ирина Трофимовна была щедрая благотворительница и дружила с игуменьей, а потому для меня, как ее родственницы, было сделано исключение. Мне не только позволяли разговаривать с ними при прогулках в саду, но не запрещали присутствовать при их спевках, уроках рисования и рукоделий. Девочки мне очень нравились, главным образом своею душевною чистотою и наивною. <...> Это особенно меня поражало, когда я сравнивала с ними некоторых девочек из нашей гимназии.

Ирина Трофимовна часто бывала в церкви, и я с истинным удовольствием присутствовала на богослужениях, особенно на всенощной службе, когда в темном храме так красиво и таинственно мерцали многочисленные цветные лампы. Это был мир, который влек к себе мою душу. Мое религиозное настроение особенно усилилось с того времени, когда начались церковные торжества по поводу перенесения из Печор (верст 60 от Пскова) чудотворной иконы Божией Матери. <...> Мало-помалу в душе моей стало складываться убеждение, что самая счастливая и радостная жизнь это – монастырская жизнь, и я пришла к мысли оставить мир и поступить в монастырь, где все, и церковные службы, и монахини казались такими привлекательными для моего мечтательного ума.

Мое воображение рисовало мне прелестные картины моей будущей монашеской жизни. Правда, мне иногда становилось грустно, жаль чего-то, жаль самое себя, и я раза два-три над собою поплакала. Наконец мое умиленное настроение достигло высшей степени, и я после бессонно проведенной ночи объявила о своем решении пойти в монастырь Ирине Трофимовне и просила ее поговорить о моем приеме с матерью игуменьей. Тетушка от всей души одобрила мое решение, но прежде разговора с игуменьей захотела узнать, как

посмотрят на это мои родители, и посоветовала им написать. Я написала очень красноречивое письмо и с нетерпением стала ждать ответа. Но чрез два дня пришла краткая телеграмма: «Папа захворал, выезжай немедленно». Ввиду телеграммы удерживать меня не стали: Ирина Трофимовна в тот же день собрала меня, отвезла на вокзал и поручила своей знакомой, ехавшей в столицу. Я всю дорогу проплакала, опасаясь, что не застану папы в живых. Но каковы же были мое изумление и моя радость, когда в окно вагона я увидела ожидавших меня на перроне и папу и маму. Оказалось, что папа и не думал хворать. Родители мои просто испугались того, что я увлекусь моим религиозным настроением и останусь в монастыре, а впоследствии, войдя в лета, буду жалеть и раскаиваться в своем необдуманном поступке. Отсоветовать и запрещать мне было опасно: это могло только укрепить во мне намерение. Поэтому поступили решительно...

Вернувшись осенью в гимназию и окунувшись с головою в действительную жизнь, я мало-помалу охладела к привлекавшей меня идее и таким образом на всю жизнь осталась в миру. Об этом я ни мало не сожалею, так как мир дал мне бесконечно много радости и счастья...

Весною 1860 года мне удалось поехать в Москву и провести там целую неделю. Случилось это таким образом: как-то раз пришла к нам дальняя родственница мамы Марья Петровна О. и сообщила, что уезжает на несколько дней в Москву к мужу и берет с собой двух своих мальчиков. Я, любительница путешествий, шутя сказала, что ей завидую. На мои слова она ответила приглашением поехать вместе с ними. <...> В назначенный день папа привез меня на вокзал и вручил Марье Петровне деньги на проезд мой туда и обратно; мне же дал десять рублей, полагая, что их при готовой квартире и содержании будет для меня вполне достаточно...

<В Москве> мне понравилась Ильинка, на которой было так много богатых магазинов. Я остановилась у одного из них и рассматривала красивые вещи, выставленные в окне, как вдруг около меня появился какой-то оборванец со свертком в руке.

– Барышня, купите соболий воротник, – сказал он мне вполголоса, – случайно продают, знатная вещь, посмотрите, – и он раскинул на подоконнике предо мною какой-то мех и мигом опять его свернул. – В магазине за сто рублей такой не купите, а я бы уступил вам за пятьдесят.

– Мне не надо, у меня таких денег нет, – ответила я.

– Ну, я уступлю за сорок, так и быть, уж очень нужны деньги!

– У меня мало денег, для меня это дорого.

– А сколько дадите? – Допрашивал продавец.

Я подумала, что если я назначу ему очень низкую цену, то он отступится, и я сказала:

– Дала бы пять рублей, да вы не возьмете.

– Берите, ваше счастье! Давайте скорей деньги, а то мне некогда!

Я вовсе не намеревалась покупать, но ввиду его настояний не решилась отказаться, тем более что с другой стороны около меня появился еще какой-то оборванец, и мне пришлось в голову, что они вырвут у меня портмоне. Я поскорее вынула пять рублей, продавец сунул мне сверток, и оба оборванца исчезли в ближайший проулок. Все это произошло в каких-нибудь три-четыре минуты.

Только сделавшись обладательницей «соболевого» воротника, я поняла, какую неосторожность я сделала. Что, если это краденая вещь, думала я, и вот, может быть, кто-нибудь заметил наш торг, и ко мне сейчас подойдут и скажут, что я покупаю ворованные вещи.

Ведь он сам сказал, что вещь «случайная». Не обозначает ли это, что она краденая? Правда, не я украла, но ведь, кажется, наказывают и тех, кто покупает краденое? Теперь для меня главная задача, думала я, чтобы меня потеряли из виду. А то такая будет беда, если меня арестуют. Правда, папа за меня заступится, но когда это будет, а пока меня посадят в тюрьму. А как будет торжествовать злая Марья Петровна, узнав о моем аресте! Размышляя таким образом, я спешила уйти с Ильинки, но мне все казалось, что люди следят за мною. Я часто оборачивалась и тем, конечно, обращала на себя внимание, и люди действительно на меня смотрели. Я переходила из улицы в улицу, из переулочка в переулочек и забралась в какую-то окраину Москвы, где уже пошли домишки с деревянными скамейками. На одной из таких скамеек я и присела отдохнуть, потому что ног под собою не чувствовала от усталости. Захотелось мне и есть, и только тут в первый раз мне пришло на мысль посмотреть, сколько же у меня осталось денег. Из папиных десяти рублей я издержала на проезд в Лавру и на покупку образков и крестиков. Сосчитала я деньги, и у меня оказалось всего-навсего 90 копеек. Как теперь быть? Я решила тотчас же написать папе (благо имелся конверт) и просить прислать денег, а пока решила экономить изо всех сил и питаться только калачами. Мы предполагали выехать в субботу, значит, этих денег должно было хватить на шесть дней, да еще надо было отделить хоть 30 коп., чтобы дать услуживавшей мне горничной при отъезде. Таким образом, приходилось тратить не более десяти коп. в день. И вот начались для меня мучительные дни: после утреннего чаю с булочкой я уходила из дому и гуляла по Москве, каждый раз выбирая для осмотра какой-нибудь из окрестных монастырей, чтобы было что рассказать, если меня спросят, где я сегодня была. Впрочем, меня и не спрашивали: М<арья> П<етровна> пропадала по гостям, а хозяйка дома возилась с больным ребенком и к девяти укладывалась спать. Я могла и любила много ходить, но за несколько дней голодания я страшно обессилела и в последние два дня часами сидела в Анненгофской роще²³. Покупала я среди дня большой калач и запивала квасом. Но молодой желудок требовал обильной пищи, и я с благодарностью вспоминаю Прасковьюшку-кухарку; она вечером поила меня чаем и по моей просьбе давала мне кусок черного хлеба, который я съедала с наслаждением. С страшным нетерпением ждала я денег от папы, но в те времена письма ходили медленно, и папино письмо пришло уже после нашего отъезда. Кончились мои деньги в субботу, когда я дала на чай провожавшей нас девушке. Марья Петровна приглашала меня сесть с нею, но, предвидя неприятности, я расположилась подальше от нее. Она обиделась и стала меня игнорировать. Не скажу, чтоб я с добрым чувством вспоминала те полтора дня, когда пришлось мне голодать и испытывать жажду; покориться же и попросить денег у Марьи Петровны не позволяла мне моя юная гордость.

Поезд пришел в Петербург в воскресенье около трех часов, и на перроне я увидела пришедшего меня встретить папу. Он стал благодарить Марью Петровну за ее заботы обо мне, я же раскланялась с нею, поцеловала детей и шепнула папе: «Папочка, поедem скорее домой!» Только что папа уселся со мной на извозчика, как я склонила свою голову на его плечо и залилась горькими слезами. Папа испугался:

– Что с тобой, Нютя, ты нездорова, скажи, что с тобой?

– Я голодна, папочка, я умираю с голоду, – говорила я, захлебываясь слезами, – я со вчерашнего утра ничего не пила и не ела.

²³ Сейчас это часть района Лефортово. – Ред.

Папа не знал, что со мною делать. К счастью, проезжали мимо булочной, папа остановил извозчика и принес мне три пышки, которые я принялась с жадностью уничтожать. Папа, дав мне насытиться и выплакаться, начал меня расспрашивать и страшно рассердился на Марью Петровну за нанесенные мне обиды. Мама тоже была в большом негодовании на свою «приветливую» родственницу и долго потом с нею не видалась.

Когда рассмотрели купленный мною воротник, то он, конечно, оказался не «соболей», а каким-то дешевеньким, но красивым мехом, который везде можно было купить рублей за пять. И продавцы, по мнению папы, были не воришки, а сидельцы какого-нибудь захудалого мехового магазина, ловившие на «выгодную» покупку доверчивых прохожих. Я же была так сердита на виновника моего голодания и моих тревог, что упросила маму подарить воротник какой-то бедной родственнице...

В 50-х годах прошлого столетия еще сохранялся старинный обычай сватать молодых людей и молодых барышень, и сохранялся не только в купечестве, но и в том среднем интеллигентном кругу, к которому принадлежала наша семья. Все пожилые и средних лет дамы, имевшие дочерей или племянниц, старались найти им жениха и устроить таким образом их судьбу. Были, однако, дамы, которые занимались этим не по одному лишь добродушию, а из желания получить подарки от невесты и жениха, иногда очень значительные. Поэтому в каждом доме, где имелись богатые барышни, непременно появлялись такие дамы, насильно завязывая знакомства под предлогом дешево продать серебро, рекомендовать нянюшку и т.п. Так как многим было известно, что моя сестра получила в приданое отличный дом, то предполагали, что и мне достанется такой же; и в нашем доме появились две-три «добрые» дамы, взявшие на себя заботу о моей судьбе. <...> Но я принадлежала к либеральному поколению 60-х и отрицала многие старые обычаи, в том числе «сватовство», а потому со мною приходилось прибегать к разного рода хитростям...

Надо сказать, что мой отец в последние годы своей жизни нередко прихварывал, и моя мать, не желая его оставлять одного, стала тяготиться хлопотами по управлению своими тремя домами и часто выражала желание продать который-нибудь из них. Про это проводила одна старушка <...> эта Марья Ивановна в один прекрасный день сообщила моей матери, что нашелся покупатель на ее дом, богатый человек, и предложила его привезти. Был назначен день, и по тогдашнему гостеприимному обычаю мама приготовила для гостей чай, закуски и пр. Приехали они в два часа, и на предложение мамы «закусить» гость ответил, что предпочитает засветло осмотреть дом, а затем не откажется от ее любезного приглашения. Маме пришлось по душе деловой тон «покупателя», и она повела его осматривать продающийся дом. Как потом выяснилось, «покупщик» осматривал фундаментально: спускался в подвалы и поднимался на чердаки, осматривал каждую квартиру и все отмечал у себя в книжке.

В это время я сидела у себя в светелке и ждала, когда мама покончит с делами, чтобы ехать с нею на именинный обед к сестре, куда папа поехал еще утром. Марья Ивановна взобралась ко мне и была неприятно поражена, увидав, что я сижу в домашнем платье.

– Что ж вы не нарядились, Нюточка, – по старому знакомству она называла меня уменьшительным именем, – ведь вы собираетесь на парадный обед.

– Успею еще, Марья Ивановна.

– А вы приоденьтесь-ка да придите побеседовать с гостем...

Видя, что я решительно отказываюсь знакомиться с «покупщиком», Марья Ивановна решила открыть мне, в чем дело....

Меня чрезвычайно рассердила эта хитрость, но чтоб избавиться от упрасиваний, я попросила старушку уйти, сказав, что начну переодеваться.

Осмотр дома кончился, и покупатель занялся завтраком. Он уверял маму, что дом ему понравился и что в цене они, вероятно, сойдутся. Казалось, все деловое было выяснено, а между тем, к удивлению мамы, покупатель не собирался уходить (очевидно, ожидал моего появления); а бедная Марья Ивановна ходила ко мне наверх и сквозь дверь уговаривала меня выйти; я же заперлась и не подавала голоса. Время подошло к четырем, и за нами приехал извозчик, чтобы везти к сестре. (В нашей пустынной местности приходилось всегда заранее заказывать себе извозчика с ближайшего двора.) Наконец поднялась ко мне мама. Услышав ее голос, я отворила дверь и спросила насмешливо:

– Ну что ж, мама, продали дом?

– Почти что продала, – весело отвечала мама. – Мы сошлись в цене, и он обещал на днях дать окончательный ответ.

– Но, мамочка, ведь вас обманывают! Это не покупатель, это жених, который пришел меня «смотреть»!

– Как жених? Что ты мне говоришь? Не может быть! – Не могла сразу поверить мама. – Зачем же в таком случае он осматривал дом, заставил меня ему все рассказать и показать?

– Верно, хотел убедиться, хороший ли дом вы дадите ему за мною в приданое, – смеялась я.

Мама, действительно полагавшая, что нашелся солидный покупатель, была в полном негодовании. Она сошла вниз и объявила гостю, что ей немедленно надо ехать. На вопрос, когда же она позволит прийти вторично, ответила, что сама назначит день. Холодно раскланявшись, мама ушла, и гостям ничего больше не оставалось, как покинуть дом.

Прошло минут 20, пока мама переоделась и мы выехали. Была сквернейшая октябрьская погода, шел дождь пополам с снегом. Улицы нашей местности представляли собою глубокие ямы, наполненные доверху водой, и до Суворовск<ого> проспекта приходилось ехать шагом. Подъезжая к перекрестку, я издали заметила стоявших на тротуаре, у самой дороги, приземистого господина в светло-сером пальто, а рядом с ним Марью Ивановну. Очевидно, они поджидали нас, и «покупатель», которому, вероятно, понравился дом, хотел хоть одним глазком взглянуть на ту, которую он должен получить в придачу к дому. Назойливость эта меня рассердила, и я, не соображая последствий, крикнула: «Кучер, гони во всю мочь мимо этих господ, прибавлю двугривенный!» Кучер не устоял против соблазна и пустил лошадь вскачь. Наши недавние гости, видя мчавшуюся лошадь, забежали-затоптали на месте, но не спаслись от беды: судя по кожуху нашего извозчика, можно думать, что и на их долю досталось немало грязных украшений. Фигура засуетившегося и забежавшего «покупщика» была до того комична, что я расхохоталась как безумная и долго не могла унять. Мама, хоть и не одобрявшая мою выходку, тем не менее не могла не посмеяться над плачевным видом обманувшего ее ожидания «покупщика»...

В детстве меня учили музыке, но я оказывала плохие успехи. Зависело это отчасти и от того, что у меня, благодаря усиленным занятиям в гимназии, не хватало времени на уроки музыки. Теперь же, с окончанием гимназического образования и переходом на Высшие женские курсы, у меня оказалось больше свободных вечеров, и я решила употребить их на занятия музыкой. Мне хотелось учиться не у учительницы и не по старой методе, а у пре-

подавателя, если возможно, консерватории. Одна «услужливая» дама, узнав об этом, сообщила моей матери, что ее знакомый, отличный музыкант, ученик какой-то знаменитости вроде Гензельта или Рубинштейна не прочь давать мне уроки, с платой по 5 рублей за час. Мама согласилась и просила пригласить артиста. В назначенный вечер явился к нам очень приличный господин, лет 35-ти, щеголевато одетый, видимо, бывавший в обществе. Не знаю почему, он сразу произвел на меня не особенно приятное впечатление. Полагаю, оттого, что, как говорят французы, «с'est n'était pas mon type»²⁴. Он был южанин (грек или итальянец, да и фамилия его кончалась на *-ини* или *-яни*), с прекрасными черными глазами и «львиной» шевелюрой, как носили тогда музыканты.

Увидев рояль, артист попросил позволения «попробовать его тон» и великолепно сыграл какую-то большую пьесу, в тогдашнем оглушительном тоне, заставившем меня трепетать за струны моего рояля. Сыграл три пьесы и, выказав во всем блеске свой талант, артист попросил меня показать ему мое умение. Я чрезвычайно сконфузилась и, хотя знала две пьесы назубок, но сыграла их хуже, чем обыкновенно. Этому содействовало, главным образом, то обстоятельство, что, поправляя меня, учитель слишком часто касался моих пальцев, а раз или два, переставляя мою левую руку на другую октаву, как-то особенно нежно пожал кисть моей руки. Эти прикосновения и пожатия меня приводили в смущение, но я их приписала методу консерваторской игры. Видя мой сконфуженный и унылый вид, мама сжалилась надо мною и прервала урок, предложив нам выпить чаю. Перешли в столовую, и гость оказался очень любезным собеседником, видимо образованным, судя по тем прекрасно сказанным французским фразам, которые он удачно вклеил в разговор. Но беседовали только он и мама; я же сидела молча, как будто набрала в рот воды. Это было тем страннее, что я всегда бывала весела и умела говорить с посторонними, за словом в карман не ходила. Но тут меня страшно смущали взгляды моего учителя: он часто и упорно на меня поглядывал и как бы поработал мою волю <...> я под шумок сказала маме, что учиться у артиста я не буду и чтоб она сегодня же заплатила ему за урок. <...> Впоследствии мы случайно узнали, что «учитель» действительно «артист» и даже с именем, но неудачник. Вероятно, женитьбою на девушке с капиталом он думал поправить свои обстоятельства. Этим артистическим знакомством закончилось навсегда мое музыкальное образование.

Но был случай, что «посватанный жених» мне чрезвычайно понравился и я, может быть, могла бы его искренно полюбить, если б при этом не замешалось столь ненавистное мне «сватовство». Дело было так.

Я уже писала о тех патриархальных отношениях, которые существовали между нашею семьей и многочисленными жильцами наших трех домов. Случилось, что выходила замуж «милая Надечка», которую мы знали с маленьких лет. Отца и матери она недавно лишилась, и все мы были очень рады, что она «устраивается за хорошего человека». Папа охотно согласился быть ее посаженным отцом, мама обещала повезти ее в церковь, а свадьбу положили устроить в нашей квартире, причем я взяла на себя заботу устроить свадебный стол и на свои карманные деньги накупила много разных сластей и закусок. Свадьба предполагалась веселая, а потому я причесалась у парикмахера, и мои длинные локоны были мне очень к лицу. Также очень шло мне мое новое розовое платье, все в бантиках. Словом, я была довольна собой и на редкость весела. Пока я, обвязавшись салфеткой, возилась с

²⁴ «Это не мой тип» (франц.).

раскладыванием сластей, раздался звонок, и в столовую вошел представительный молодой человек, в отлично сшитом фраке и белых перчатках. Он был видимо смущен и, объявив, что, кажется, слишком рано приехал на свадьбу, просил позволения подождать приезда молодых. Я предложила садиться и продолжала заниматься своим делом. Молодой человек, видя, что я хлопочу, спросил, не может ли он быть мне полезен. Я не отказалась от помощи, и он, сняв перчатки и по моему настоянию тоже завесившись салфеткой, принялся откупоривать бутылки с вином, сардинки и зажигать кенкеты²⁵. Совместная работа нас тотчас же сблизила, и между нами начался самый веселый, непринужденный разговор, и мне стало казаться, что мы с ним друзья и что я давным-давно его знаю. Но помимо своей доброты и веселости, он мне и наружностью понравился: красивые голубые глаза, здоровый цвет лица и прекрасные зубы, которые очень его красили, когда он улыбался. Особенно сблизила нас беседа о Валааме, где он тоже бывал. Он рассказал многие эпизоды своего пребывания на острове, я тоже поделилась своими воспоминаниями о знакомых и ему и мне тамошних обитателях. Говорили и на другие темы. Но что меня особенно поразило, так это – то, что о чем бы он ни говорил – мне все казалось моими собственными мыслями и взглядами, чего никогда не бывало при беседах с чужими людьми.

Дело было в ноябре, пред постом, и, по обыкновению, в соборе было несколько небогатых свадеб, поэтому прошло около двух часов, прежде чем молодые вернулись из церкви. Заслышав грохот подъехавшей кареты, незнакомец встал и, объявив, что пойдет встречать молодых, ушел. Поднялась обычная свадебная суетня, стали разносить шампанское, поздравлять молодых, и я, к своему удивлению, не нашла в числе гостей моего незнакомца. Мне даже сделалось грустно оттого что он ушел, так хотелось продолжать нашу веселую, дружескую беседу. Я было спросила о нем Надечку, но она меня не поняла и сказала, что, кажется, все ее гости в сборе. Прошло несколько дней, и молодой человек не раз приходил ко мне на ум – я вспоминала мои разговоры с ним и даже мечтала снова с ним встретиться. Однако загадка вскоре разъяснилась: после посещения какой-то Александры Васильевны мама, сильно замаявшись, сказала мне: «А знаешь, кто это был на Надечкиной свадьбе: второй сын Ивана Петровича» (богатого лесного торговца, у которого моя мать брала лес на постройку наших новых домов)...

Хитрость молодого человека сразу уронила его в моих глазах, и мне даже стало его жалко. «Такой, по-видимому, симпатичный и вдруг обманщик, даже в таком важном вопросе – не обошелся без обмана!» Мама пробовала изменить мой взгляд и облегчить вину «жениха», но я была прямолинейна и стояла на своем. Недели через три я с мамой была в Смольном соборе. Выходя после обедни, я встретила моего незнакомца. Отец его поздоровался с мамой и познакомил сына. Тот низко поклонился, и краска залила его лицо. Я сделала вид, что его не узнала, и отошла в сторону...

Скажу несколько слов о своем образовании: с девяти до двенадцати лет я ходила в училище св. Анны (на Кирочной улице). Преподавание всех предметов (кроме закона Божия) шло на немецком языке, и знание этого языка пригодилось мне впоследствии, когда пришлось провести с мужем несколько лет за границей. В 1858 году в столице открылась первая женская гимназия (Мариинская), и осенью я поступила туда во второй класс. Учиться мне было легко, и при переходе в 3-й и 4-й классы я получала в награду книги, а при окончании курса в 1864 году – большую серебряную медаль. За год пред тем были

²⁵ Лампы, в которых горелка расположена ниже резервуара с маслом. – Ред.

открыты Н.А. Вышнеградским Педагогические курсы, в которые поступали желающие продолжать свое образование. Осенью 1864 г. я тоже поступила на курсы. В то время в обществе существовало увлечение естественными науками; я поддавалась течению: физика, химия, зоология представлялись мне каким-то «откровением», и я поступила на физико-математическое отделение курсов. Вскоре, однако, я убедилась, что выбрала не то, что соответствовало моим наклонностям, и что мои занятия имеют лишь печальный результат: при опытах кристаллизации солей, например, я больше занималась чтением романов, чем наблюдением за колбами и ретортами, и они жестоко страдали; пока шли лекции по зоологии, я ими интересовалась, но когда перешли к практическим занятиям и при мне стали препарировать мертвую кошку, я, к большому моему конфузу, от отвращения упала в обморок. Из этого года занятий мне особенно запомнились лишь талантливые лекции по русской литературе профессора В.В. Никольского, на которых сходились слушательницы обоих отделений.

Летом 1865 года выяснилось прискорбное для меня обстоятельство, что болезнь моего отца не поддается лечению и что ему недолго осталось жить. Тогда я, жалея оставлять моего дорогого больного одного на целые дни, решила на время покинуть курсы. Так как папа страдал бессонницей, то я целыми часами читала ему романы Диккенса и была очень довольна, если он под мое монотонное чтение имел возможность немного заснуть.

В начале 1866 года появилось объявление о курсах стенографии, которые будет читать П.М. Ольхин, в здании 6-й мужской гимназии. Узнав, что лекции предполагаются по вечерам (когда мой дорогой больной уже уходил на покой), я решила поступить на курсы стенографии. Об этом особенно настаивал отец, очень жалевший, что я из-за его болезни оставила педагогические курсы. Сначала стенография мне решительно не удалась, и после пятой или шестой лекции я пришла к убеждению, что это для меня тарабарская грамота, которую мне ни за что не осилить. Когда я сказала об этом папе, он был очень возмущен: упрекал меня в недостатке терпения, настойчивости и взял с меня слово, что я буду продолжать занятия, выражая свою уверенность, что из меня выработается хороший стенограф. Мой добрый отец точно провидел, что благодаря стенографии я найду свое счастье. (НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 1. Ед. хр. 1. Лл. 6–46)

М.Н. Стоюнина²⁶ (по записи В.Ф. Стасюковой)

...Девочка настойчивая, живая, пылкого темперамента. Она некрасива; особенно портил детский ее облик серый цвет лица; движения ее неловкие, почти неуклюжие; хороши одни серые глаза: умные, лучистые. Среди сверстниц она отличается начитанностью. В школе ее считали принадлежащей к семье демократической: ее отец и мать были простые люди. На Песках имели два деревянных домика — на окраине, почти в пустырях. Отец был мелким чиновником, мать отдавалась интересам кухни. Училась Анна Григорьевна охотно, имела дар красивого слога. Она привлекала к себе сердца своей правдивостью, искренностью. При

²⁶ Стоюнина (урожд. Тихменева) Мария Николаевна (1846–1940) – соученица Анны Сниткиной. Жена известного педагога и публициста В.Я. Стоюнина. В 1881 г. открыла в Петербурге частную женскую гимназию, просуществовавшую до 1920 г.; многие из выпускниц-«стоюнинок» стали впоследствии известными людьми. Зятем Стоюниной был философ Н.О. Лосский. – *Ред.*

всей своей серьезности она очень любила хохотать с подругами. Она умело улавливала в жизни и людях элемент смешного и выявляла его в комическом изображении.

(Статьи и материалы. Сб. 2. С. 578)

А.Г. Достоевская

Теперь расскажу про 3 октября прошлого года, день, в который я была удивительно как счастлива. Это был понедельник, день, в который я обыкновенно ходила учиться стенографии, т.е. в это время приезжала диктовать, потому что я довольно уж сильно тогда писала. Было 6 часов вечера, когда я пришла в 6-ю гимназию, урок еще не начинался, и я уселась на свое место, раскладывала свои тетради, приготовившись писать. Вдруг ко мне подошел Ольхин, попросил подвинуться, потому что сказал, что имеет со мной много поговорить.

– Не хотите ли вы получить стенографическую работу, – сказал он мне. – Мне поручена одна работа, и я думаю, что, может быть, вы согласитесь принять ее.

– Я еще не знаю, довольно ли я сильна в стенографии, чтобы взять на себя какой-нибудь труд.

Он сказал, что «это не потребует больше 200 букв, а вы совершенно хорошо пишете, чтобы успевать писать под диктовку и чтобы вполне надеяться, что я могу взять на себя эту работу». Я спросила, в чем суть.

– Это работа у одного писателя, Достоевского, который пишет теперь роман и которому нужно писать под диктовку, всего семь листов, и за работу просил я 30 рублей. Ну, так вы знаете, необходимо условие насчет платы, от труда 10%, которую я должен получить за отыскание работы.

Я отвечала, что я решительно не буду нисколько на этот счет спорить. Потом он сказал, что у него есть две ученицы, которые желают догнать его курс, и что думает, что я могла бы их приготовить, а получу я за них по 5 рублей, т.е. по два урока, вероятно, мне это немало. Я согласилась, он вынул из кармана небольшую записку, адрес Достоевского: «Столярный переулок и Малая Мещанская, дом Алонкина, кв. № 13. Спросить Достоевского».

(Дневник 1867 г. С. 300)

Подробнее об обстоятельствах женитьбы и первом годе молодоженов – в очерках И.Л. Волгина «Родные и близкие» на с. 1064.

Ф.М. Достоевский — А.П. Суловой
23.IV (5.V) 1867. Дрезден

Я женился в феврале нынешнего года. По контракту я обязан был Стелловскому доставить к 1-му ноября прошедшего года *новый роман* не менее 10 печатных листов обыкновенной печати, иначе подвергался страшной неустойке. <...> Было 4-е октября, а я еще не успел начать. Милюков²⁷ посоветовал мне взять стенографа, чтоб диктовать роман, что ускорило бы вчетверо дело, Ольхин,

²⁷ Милюков Александр Петрович (1816–1897) – писатель, историк литературы, педагог. Один из петербургских литературных знакомых Ф.М. Достоевского еще с докаторжных времен. – *Ред.*

профессор стенографии, прислал мне лучшую свою ученицу, с которой я и уговорился. С 4-го же октября и начали. Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно. 28 ноября²⁸ роман «Игрок» (теперь уже напечатан) был кончен, в 24 дня. При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в годах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет. (ПСС. Т. 28₂. С. 182)

А.Г. Достоевская

Пятнадцатого февраля я встала чуть свет и отправилась в Смольный монастырь к ранней обедне, а по окончании ее зашла к своему духовнику, протоиерею о. Филиппу Сперанскому, попросить его благословения. Отец Филипп, знавший меня с детства, благословил меня и пожелал мне счастья. От него я поехала помолиться на могилу моего отца на Большом Охтенском кладбище.

День прошел быстро, и к пяти часам я была уже причесана и одета в подвенечное платье <...> к шести за мною должен был приехать племянник Федора Михайловича – Федор Михайлович-младший, которого мой жених выбрал своим шафером. <...> в семь часов Федор Михайлович младший поспешно вошел в комнату и заторопил меня...

– Но ведь мальчика <с образом> еще не привезли, – сказала я.

– Поедьте без мальчика, только бы поскорее успокоить Федора Михайловича...

В последнюю минуту появился и хорошенький мальчик Костя²⁹, одетый в красивый русский костюм. Мы вышли. На лестнице стояло много народу. Все жильцы наших домов пришли меня проводить. Одни целовали меня, другие жали руку, все громко желали счастья, а сверху кто-то сыпал на меня хмель, обещавший, по примете, мне «жить богато»...

Мы сели в карету и быстро поехали. Только через несколько минут мы с сестрой заметили, что маленький Костя сидит без шубы и шапочки. Мы испугались, что мальчик простудится. Я прикрыла его своим широким салопом, и он немного погодя крепко уснул.

Подъехали к Измайловскому собору. Шафер завернул сонного Костю с головою в свою теплую шинель и понес его по высокой лестнице в церковь. Я же, с помощью лакея, вышла из кареты и, закрыв фатой образ, вошла в собор. Завидев меня, Федор Михайлович быстро подошел, крепко схватил меня за руку и сказал:

– Наконец-то я тебя дождался! Теперь уж ты от меня не уйдешь!

Я хотела ответить, что и не предполагала уходить, но, взглянув на него, испугалась его бледности. Не дав ответить мне ни слова, Федор Михайлович быстро повел меня к алтарю. Началось венчание.

Церковь была ярко освещена, пел прекрасный хор певчих, собралось много нарядных гостей, но обо всем этом я узнала уже потом, из рассказов; до половины обряда я была

²⁸ Описка: на самом деле октября. – Ред.

²⁹ Сын П.М. Олхина, преподавателя стенографии. – Ред.

в каком-то тумане, машинально крестилась и чуть слышно отвечала на вопросы священника. Только после причащения голова моя прояснилась, и я начала горячо молиться. После венчания и благодарственного молебна начались поздравления. Потом муж мой повел меня расписываться в какой-то книге.

На этот раз «мальчика с образом» одели, и мы отправились на нашу новую квартиру. Костя по дороге не заснул, но, злодей, потом рассказывал, что «дядя и тетя дорогой все целовались».

(Воспоминания. С. 107–109)

Запись в Метрической книге, данной из С.-Петербургской Духовной Консistorии причту Троицкой церкви, что Лейб-гвардии в Измайловском полку, для записывания родившихся, бракосочетавшихся и умерших, за 1867 г., часть вторая: о бракосочетавшихся

За номером 16 от 15 февраля в графе о звании, имени, отчестве, фамилии и вероисповедании жениха и которым браком значится: Отставной подпоручик Федор Михайлов Достоевский, православного вероисповедания, вдов по первом браке. В соответствующей графе о невесте сказано: Служащего при Высочайшем Дворе Мундкохом Григория Сниткина девица Анна Григорьевна, православного вероисповедания. В графе о летах жениха и невесты стоит: 44 и 20. В графе: кто совершал таинство – читаем: Протоиерей Василий Коссович-Динаровский³⁰ с диаконом Лукою Дубецким и церковником Михаилом Кузьминым. В графе: кто были поручители – по женихе: Коллежский асессор Николай Николаев Страхов и Кандидат С.-Петербургского Императорского Университета потомственный почетный гражданин Дмитрий Васильев Аверкиев, по невесте: коллежский асессор Николай Иванович Соловьев и надворный советник Александр Петрович Кашин. Последняя графа – подпись свидетелей (записи по желанию). Ниже – подписи протоиерея Василия Коссовича-Динаровского и диакона Луки Дубецкого.

(Цит. по: Достоевский и современность. 1991. Ч. 2. С. 33–34)

А.П. Миллюков

...Этот второй брак Достоевского был вполне счастлив, и он приобрел в Анне Григорьевне и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную ценительницу своего таланта. Если Федор Михайлович, при своей житейской непрактичности, успел выплатить более двадцати пяти тысяч своих и братниных долгов, то это могло сделаться только при распорядительности и энергии его жены, которая умела и вести дело с кредиторами, и поддерживать мужа в тяжелые дни.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 285)

Ф.М. Достоевский — А.Н. Майкову
16 (28).VIII.1867. Женева

...Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и рассчитывал, и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим...

³⁰ При первой публикации имя священника было прочитано неверно: Косовой-Динаровский. – Б. Т.

Жене
24.VII (5.VIII) 1876. Эмс

Ах, Анька, как бы нам что-нибудь заработать. Ты пишешь мне свою обыкновенную поговорку, что мы странные люди: десять лет прожили, а все больше и больше любим друг друга. Но проживем и 20 лет и пророчу тебе, что и тогда ты напишешь: «странные мы, 20 лет прожили, а все больше и больше любим друг друга». Я, по крайней мере, за себя отвечаю, но проживу ли 10 лет, за это не отвечаю.

2 (14).VIII.1876. Эмс

...Ты мне снишься не только во сне, но и днем. Но обожаю и не за одно это. Ты в высшей степени мне друг — вот это хорошо. Не изменяй мне в этом, напротив, умножь дружбу собственной откровенностью (которой у тебя *иногда* нет), тогда у нас пойдет еще в 10 раз лучше. Счастье будет, Анька, слышишь.

(ПСС. Т. 28₂. С. 205. Т. 29₂. С. 113, 119)

А.Г. Достоевская

Федор Михайлович знал, что меня интересуют подробности, а поэтому на них не скупился и сообщал все свои разговоры, а я всегда выпрашивала: «Ну, а что она тебе сказала, а ты что ему ответил?»³¹

(Воспоминания. С. 297)

А.А. Достоевский, племянник

У Анны Григорьевны (я ее лично очень хорошо знал, находился с нею в самых дружественных отношениях, искренно любил ее, и она меня жаловала) была манера всегда все явления и случаи жизни несколько преувеличивать, просто для красного словца. И это она делала не скрывая, а, напротив, с некоторым довольно примитивным комизмом — показывая, что она преувеличивает...

³¹ Повышенная любовь к подробностям является одним из компонентов эпилептоидного характера. Возможно, что эпилепсия младшего сына писателя была вызвана двусторонним эпилептоидным отягощением, как по линии Достоевских, так и со стороны Анны Григорьевны, по линии ее матери. А.Г. Достоевская так пишет о своих родителях: «Главою дома была моя мать, обладавшая сильною волей; папа добровольно подчинился маме и отвоевал себе лишь одно: свободу разыскивать и покупать на Апраксином и других рынках (антиквариетов тогда было масса) разные редкости и диковинки...» Будучи домовладелицей, мать Анны Григорьевны считала нужным вмешиваться во все семейные конфликты своих квартирантов и — «как дама энергичная, умела накричать и пригрозить виновнику семейной распри, и, что всего удивительнее, никогда не встречала в ответ дерзостей за свое вмешательство». Впрочем, относительно самой Анны Григорьевны никаких указаний на особое обострение своевольно-кроткой пропорции не имеется. Возможно, что в данном отношении сказывалась смягчающая роль циклоидных элементов ее характера. Таким образом, поставить характерологический диагноз сколько-нибудь уверенно мы в данном случае не можем. — М.В.

Основными чертами ее характера были — живость, практичность, энергия и предприимчивость.

(Письменные характеристики. М.В.)

М.А. Чехова

Человек практического склада ума.

Е.Н. Опочинин

Про Анну Григорьевну один близко ее знавший человек выразился так: «Если бы она не вышла замуж за Достоевского, то открыла бы на Невском меняльную лавку».

(Записано М.В.)

А.Г. Достоевская

В сентябре 1871 года какая-то газета оповестила публику о возвращении писателя Достоевского из-за границы и этим оказала нам медвежью услугу. Кредиторы наши, доселе молчавшие, сразу явились с требованиями об уплате долгов. Первым и очень грозным выступил Гинтерштейн³². Ему должен был не лично Федор Михайлович и не по журнальным делам, а по табачной фабрике покойного его брата. <...> Он прислал угрожающее письмо, и Федор Михайлович поехал к нему просить отсрочки до Нового года, когда он получит деньги за свой роман. Вернулся он в отчаянии: Гинтерштейн объявил, что больше ждать не намерен, и решил описать все его движимое имущество. Если же его не хватит на покрытие долга, то посадить Федора Михайловича в долговое отделение...

Предвидя, что Гинтерштейн одними угрозами не ограничится, я решила сама попытаться уладить дело и, не сказав ни слова о своем намерении мужу (который бы, наверно, мне запретил), отправилась к Гинтерштейну. Встретил он меня высокомерно и объявил:

– Или деньги на стол, или через неделю ваше имущество будет описано и продано с публичного торга, а ваш муж посажен в Тарасов дом.

– Наша квартира нанята на мое имя, а не на имя Федора Михайловича, – хладнокровно ответила я, – мебель же взята в долг, с рассрочкой платежа, и до окончательной уплаты принадлежит торговцу мебели, а поэтому описать ее нельзя, – и в виде доказательств я показала ему квартирную книжку и копию условия с мебельщиком.

– Что же касается вашей угрозы насчет долгового отделения, – продолжала я, – то я предупреждаю вас, что если это случится, то я буду умолять моего мужа остаться там до истечения срока вашего долга³³. Сама я поселюсь вблизи, буду с детьми навещать его и помогать ему в работе. И вы таким образом не получите ни единого гроша, да сверх того принуждены будете платить «кормовые». Даю вам честное слово, что вы за свою неуступчивость будете наказаны!

Гинтерштейн принял жаловаться на неблагодарность Федора Михайловича, не желающего уплатить долг, который он так долго на нем терпел.

– Нет, это вы должны быть благодарны мужу, – в негодовании говорила я, – за то, что он выдал вексель вашей жене за долг, может быть, давно уплаченный. Если Федор Михайло-

³² Правильное имя кредитора Г.К. Гинтерлах, купец второй гильдии. – Б.Т.

³³ Анна Григорьевна указывает: «Пребывание должника в долговом погашало долг. За 1200 рублей приходилось сидеть там от 9 до 14 месяцев». – Ред.

вич это сделал, то лишь из великодушия, из жалости. Ваша жена плакала, говорила, что вы сживете ее со свету. Если же вы осмелитесь привести в исполнение вашу угрозу, то я опишу всю эту историю и помещу ее в «Сыне Отечества»³⁴. Пусть все увидят, на что способны «честные» немцы!

Я была вне себя и говорила, не разбирая выражений. Моя горячность на этот раз помогла. Немец струсил и спросил, чего же я хочу? <...> Я потребовала подробную расписку нашего условия, так как боялась, что Гинтерштейн впоследствии отдумает и опять начнет нас мучить. Победительницей возвращалась я домой, зная, что на некоторое время устроила спокойствие моего дорогого мужа.

(Воспоминания. С. 207–210)

После 12 часов Ф.М. звал меня к себе в кабинет, чтобы продиктовать мне то, что он успел написать в течение ночи. Работа с Ф.М. была для меня всегда наслаждением <...> Он с ранней юности (с 15 лет) был моим любимым писателем, и я про себя очень гордилась, что мне выпало на долю счастье быть ему полезной, работать вместе с ним и что я первая из всех читателей слышу его произведения из уст его самого.

Обыкновенно Ф.М. диктовал главу романа по рукописи. Но если он был недоволен работой или сомневался в том, удалась ли она ему, то он обыкновенно не диктовал главу, а сначала прочитывал мне ее всю. Получалось более сильное впечатление, чем при обыкновенной диктовке.

У нас с самого начала нашей совместной жизни вошло в обычай, что я никогда не высказывала нарочно никаких похвал или критики прочитанной им главе романа. Даже видя, что он сокрушается по поводу неудачно написанной главы, я не утешала его уверениями, что она удалась и будет иметь успех. Я всегда говорила искренно: если мне нравилось – говорила, что хорошо, не нравилось – молчала. Федор Михайлович очень ценил во мне эту искренность, верил и судил по моему непосредственному впечатлению, которое производил на меня роман, о том впечатлении, которое он произведет на читателя (среднего, толпы, конечно), и как-то всегда случалось, что впечатление такого читателя впоследствии оказывалось одинаковым <с моим> и что восхищало или угнетало меня – восхищало и угнетало читателей.

(Письма Достоевского к жене. С. 344)

Наступил знаменательный день в нашей жизни, 22 января 1873 года, когда в «Голосе» появилось наше объявление о выходе в свет романа «Бесы»³⁵. Часов в десять явился посланный от книжного магазина М.В. Попова, помещавшегося под Пассажем. Я вышла в переднюю и спросила, что ему надо.

— Да вот объявление ваше вышло, так мне надо десяток экземпляров.

Я вынесла книги и с некоторым волнением сказала:

— Цена за десять экземпляров — тридцать пять рублей, уступка двадцать процентов, с вас следует двадцать восемь рублей.

— Что так мало? А нельзя ли тридцать процентов? — сказал посланный.

— Нельзя.

— Ну, хоть двадцать пять процентов?

³⁴ В ежедневной газете для массового читателя «Сын Отечества», выходившей тогда в Петербурге (в отличие от одноименных журналов, издаваемых ранее). — И.В.

³⁵ Первая книга, самостоятельно изданная Достоевскими. — Ред.

— Право, нельзя, — сказала я, в душе сильно беспокоясь: а что, если он уйдет и я упущу первого покупателя?

— Если нельзя, так получите. — И он подал мне деньги.

Я была так довольна, что дала ему даже тридцать копеек на извозчика...

Конечно, я рада была и полученным деньгам, но главное тому, что нашла себе интересующее меня дело — издание сочинений моего дорогого мужа; была я довольна и тем, что так удачно осуществила предприятие, вопреки предостережениям моих литературных советчиков.

(Воспоминания. С. 247–248, 250)

...Мы разговорились о благородстве. Он Ф.М. Достоевский назвал меня, что я готова отца-мать за деньги продать, не только мужа. Но когда я протестовала против этого, то сказал мне, что нет на свете человека благороднее меня...

(Дневник 1867 г. С. 84)

Л.Ф. Достоевская

Моя мать считала себя истинно русской. Но она была ею только отчасти: в характере ее сильно чувствовалась примесь шведской крови. Мечтательность и восточная лень русских женщин были ей незнакомы; на протяжении всей своей жизни она была очень деятельным человеком, и я никогда не видела, чтобы она сидела со сложенными руками. Она постоянно находила себе новые занятия, воодушевлялась ими и большей частью доводила начатое до конца. Хотя у нее никогда не было широкого кругозора русских женщин, который делался еще шире благодаря многостороннему чтению, она обладала той практической сметкой, которого лишено большинство моих соотечественниц. <...> Наряду с хорошими качествами шведских предков моя мать унаследовала и некоторые их недостатки. Она всегда была чрезмерно, почти болезненно самолюбива, обижалась из-за пустяков и легко становилась жертвой людей, умевших ей польстить. Моя мать была немного суеверна, верила в сны, в предчувствия, была даже предрасположена к удивительному дару ясновидения, свойственному многим норманнкам. Она предсказывала всегда, улыбаясь и шутя, не придавая значения сказанному, и первая бывала удивлена, почти испугана, если ее подчас столь удивительные пророчества сбывались самым поразительным образом. Этот пророческий дар полностью пропал у нее к пятидесяти годам, как и истерия, омрачившая молодость моей матери. Ее здоровье всегда было хрупким: она страдала малокровием, была нервна, беспокойна, с ней часто случались нервные припадки. Эта нервозность усугублялась той злосчастной украинской нерешительностью, которая заставляет колебаться среди сотен возможностей и вынуждает воспринимать простейшие в мире вещи в драматическом или даже трагическом свете...

Хотя она и была отмечена <гимназической серебряной> медалью, но науку не любила, не могла прежде всего понять, куда приведут столь обширные знания. Молодым русским девушкам нравится неопределенность: учиться для своего развития, чтобы лучше понимать жизнь и наслаждаться литературой, — вот к чему они обычно стремятся. Подобная расплывчатость не устраивала мою мать,

практичную маленькую шведку. Она хотела овладеть профессией, которая позволила бы ей немедленно начать зарабатывать и дала бы возможность покупать книги и билеты в театр, а позднее совершать путешествия.
(Достоевский в изображении дочери. С. 104–105, 107)

М.Н. Стоюнина (по записи В.Ф. Стасюковой)

В зрелом возрасте у нее — «овальное лицо, глаза пронизательные, глубокие, лоб открытый, слегка выступающий, энергический подбородок, признак властного характера, нос с изящной японской горбинкой. У нее красивые зубы, но с синевой; пепельный цвет волос и от неустанного труда мозолистые огрубелые руки; цвет лица нехороший, бледный — той бледностью, какую видишь у человека, глубоко потрясенного волнением. Она из тех пламенных натур, у кого трепещущее сердце, не знающее ровного, спокойного биения <...> в Анне Григорьевне было много трагического, это чувствовалось даже в минуты самой обыденной будничной жизни. Много было в ней также и истерического <...> она отличалась даром картинного воспроизведения всего того, что видела и наблюдала в окружающей жизни. Стоит ей выйти на улицу, на рынок, с самой будничной целью, как она все подметит: не только крупное событие, яркую сцену, но и мелкие, но характерные подробности. Возвратясь домой, она все изобразит картинно, сценично, в лицах — в ней несомненно таился огонек артистки <...> много Анна Григорьевна работала для поднятия материального положения семьи. Все было принесено в жертву гению Достоевского. По возвращении из-за границы в Петербург Достоевские долго еще были запутаны в долгах; бедность вынуждала их нести вещи в заклад, бывали периоды прямо-таки нищеты. Анна Григорьевна самоотверженно стала слугою Достоевского — слугою и матерью не только детей, но и его. Как опытная стенографистка, она ведет стенографическую запись сочинений, ведет корректуру, переговоры с типографией, добывается открытия книжного склада, в сотрудничестве с артельщиком завязывает сношения с провинцией, куда поставляет учебники, распространяет издания уже раньше изданных произведений мужа. Она настолько поглощена этими делами, что даже обязанности матери часто не выполняются ею: воспитание детей заброшено, их рубашонки в дырках, головки запущены. Да и вообще весь семейный уклад Достоевского был какой-то неустойчивый, безалаберный. Сам Федор Михайлович баловал детей и, когда поправлялись его денежные дела, ему особенное удовольствие доставляло привозить им лакомые, нередко изысканные угощения, но заниматься воспитанием и развитием детей у обоих не было ни времени, ни умения. Самая болезненность детей объясняется отчасти частым кормлением их острыми маринадами, пряностями и пресыщением сладким <...> вот еще несколько деталей из их семейной жизни. Бывали моменты, когда Федор Михайлович делал Анне Григорьевне подарки; тогда разыгрывались порою сцены трагикомические. Однажды, получив за какую-то книгу крупный гонорар, Федор Михайлович купил ей браслет в 300 руб. Она растрогана, в восторге от драгоценности, твердит, что браслет слишком изящен для ее огрубелых рук. Однако ее мучает браслет, она жалуется мужу, что на насущные нужды денег не хватает, что ей стыдно принимать такой

роскошный подарок, и просит вернуть браслет в магазин. Федор Михайлович приходит в отчаяние, чем заставляет ее согласиться вновь принять подарок. Тогда опять начинаются у нее приступы самообличения, они не дают ей покоя, в конце концов браслет благополучно возвращается в магазин, а Федор Михайлович в обиде и горечи восклицает: "Неужели я не имею права подарить жене браслет!" — Анна Григорьевна не может утешить его. И опять начинаются муки». (*Статьи и материалы. Сб. 2. С. 579–580*)

Из дневника Е.А. Штакеншнейдер
19.X.1880

...Сидели с Анной Григорьевной. И отвела же она наконец свою душу. Сестры <мои> слушали ее в первый раз и то ахали с соболезнованием, то покатывались со смеха. Действительно, курьезный человек муж ее, судя по ее словам. Она ночи не спит, придумывая средства обеспечить детей, работает как каторжная, отказывает себе во всем, на извозчиках не ездит никогда, а он, не говоря уже о том, что содержит брата и пасынка, который не стоит того, чтобы его пускали к отчиму в дом, еще первому встречному сует, что тот у него ни попросит. Придет с улицы молодой человек, назовется бедным студентом, – ему три рубля. Другой является: был сослан, теперь возвращен Лорис-Меликовым, но жить нечем, надо двенадцать рублей, – двенадцать рублей даются...

«А мне, – продолжала изливаться Анна Григорьевна, – когда начну протестовать и возмущаться, всегда один ответ: “Анна Григорьевна, не хлопочи! <...> деньги будут!” Будут, будут!» – повторяла бедная жена удивительного человека и искала в своей модной юбке кармана, чтоб вынуть платок и утереть выступившие слезы; а сестры меняли смех на ахи! «Вот получим, – всхлипывая, говорила она, – от Каткова пять тысяч рублей, которые он нам еще должен за “Карамазовых”, и куплю землю. Пусть ломает ее по кускам и раздает!» <...> она часто жалуется мне в этом роде и плачет.

(*Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 362–363*)

И.Л. Волгин

...Лишние траты вызывали сугубое неодобрение экономной Анны Григорьевны, что в свою очередь раздражало ее мужа...

«Федор Михайлович очень любил хорошо пообедать, – пишет <служивший у Достоевских мальчик Петя> Кузнецов, – очень любил рябчики, то есть больше что из дичи, но Анна Григорьевна очень была жадная, нет-нет его своей беднотой расстраивала. Раз Ф.М. сам накопил всего много, из-за этого вышла целая баталия, и Ф.М. раскричался и затопал ногами, что “все тебе мало, все себя изображаешь нищей”»...

Кстати, справедливость слов Кузнецова подтверждается отдельными вырвавшимися у Достоевского фразами – в его чрезвычайно нежных посланиях к жене. «Обнимаю детишек, – говорит он в письме 1872 г., – Любочку, Федюрку. Корми их получше Аня, не скупись на говядинку». И через восемь лет – в письме с Пушкинских торжеств: «Детишек крепко поцелуй за их славные приписки и непременно купи им гостинцев, слышишь, Аня? Детям и медицина предписывает сладкое».

Эти эпистолярные интонации свидетельствуют о том, что счастливая, в общем, семейная жизнь Достоевских была далека от идиллии. Говоря о гостинцах, отец ссылается на

медицину: ради детей приходится прибегать к авторитету науки. Это может значить, что прочие аргументы уже исчерпаны.

(Последний год Достоевского. С. 421–422)

Второй брак писателя длился до самой его смерти, 14 лет. У супругов родились четверо детей, из которых до зрелого возраста дожили двое – Любовь и Федор.

А.Г. Достоевская

Федор Михайлович был без сознания, дети и я стояли на коленях у его изголовья и плакали, изо всех сил удерживаясь от громких рыданий, так как доктор предупредил, что последнее чувство, оставляющее человека, это слух, и всякое нарушение тишины может замедлить агонию и продлить страдания умирающего. Я держала руку мужа в своей руке и чувствовала, что пульс его бьется все слабее и слабее. В восемь часов тридцать восемь минут вечера Федор Михайлович отошел в вечность...

Когда наступил конец, я и мои дети дали волю своему отчаянию: мы плакали, рыдали, говорили какие-то слова, целовали лицо и руки еще не охладевшего дорогого нам усопшего; все это представляется мне смутно, но ясно я сознавала лишь одно, что с этой минуты окончилась моя личная, полная безграничного счастья жизнь и что я навеки осиротела душевно.

...Ни на час наша квартира не освобождалась от посторонних: плотный поток людей шел с парадного хода, второй – с черного хода проходил чрез все наши комнаты и оставался в кабинете, где по временам до того сгущался воздух, до того мало оставалось кислорода, что гасли лампада и большие свечи, окружавшие катафалк. Посторонние лица находились у нас не только днем, но и ночью: находились люди, которые хотели провести ночь у гроба Федора Михайловича, другие желали читать и читали часами по нем псалтирь. <...> Присутствие посторонних заставляло меня сдерживать все проявления моих чувств из боязни, что досужий репортер назавтра в нелепых выражениях опишет мою горечь. Единственное убежище, где я могла свободно отдаваться моему отчаянию, это была небольшая комната, где у меня гостила моя мама. Когда мне было невозможно, я уходила к ней, запиралась, бросалась на ее постель и старалась сколько-нибудь уяснить себе случившееся. Но мне не давали покоя и взаперти: стучались и говорили, что прибыла депутация от такого-то учреждения и желает лично выразить мне соболезнование. Я выходила, и представитель депутации, заранее приготовивший красивую речь, начинал говорить о том значении, которое имел в русской литературе мой покойный муж, выставлял те высокие идеи, которые он проповедовал, и говорил, какую «громадную потерю понесла с его смертью Россия!» <...> Когда одно лицо из членов многочисленных депутатий захотело, кроме «России», пожалеть и *меня*, то я была так глубоко тронута, что схватила руку незнакомца и поцеловала ее³⁶.

(Воспоминания. С. 378, 384–386)

³⁶ «Я не вполне убежден, – замечает по этому поводу В. Шкловский, – что рука была поцелована у незнакомца человека» (Шкловский В. За и против. М., 1957. С. 256). И в подтверждение своей мысли цитирует дневниковую запись издателя «Нового времени», где тот говорит, какое впечатление произвел написанный им некролог: «Вдова Достоевского понимала очень хорошо значение этой агитации. Она поцеловала мне руку» (Дневник А.С. Суворина. М.–Пг., 1923. С. 378). Подобная догадка не лишена интереса. Заметим также, что у Анны Григорьевны речь идет именно о руке *незнакомца*. «Незнакомец» – псевдоним Суворина: Анна Григорьевна – по-видимому, бессознательно – оставила нам этот знак. – И.В.

И.Л. Волгин

Во время панихиды, аккуратно фиксирует корреспондент «Минуты», «с супругою покойного делается дурно, и ее выводят под руки». Один из таких приступов едва не закончился трагически. Анне Григорьевне по ошибке вместо тридцати капель валерьяны на- капали такое же количество нашатыря. Она обожгла полость рта и язык, но успела выплю- нуть убийственное лекарство...

(Последний год Достоевского. С. 604)

МИНИСТР ФИНАНСОВ

Милостивая государыня Анна Григорьевна.

Государь Император в 30 день сего Января Всемиловнейше повелеть соизволил: во внимание услуг, оказанных покойным супругом Вашим русской литературе, в которой он занимал одно из самых почетных мест, производить Вам, Милостивая государыня, нераз- дельно с детьми, пенсию в размере двух тысяч рублей в год³⁷.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и искренней предан- ности.

А. Абаза

30 Января 1881 г.

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 224)

Л.Ф. Достоевская

Моя мать была первой вдовой писателя, которой русское правительство назначило пенсию³⁸, что вызвало всеобщее удивление.

Государство назначило моей матери пенсию в 2000 рублей, как генеральским вдовам, и одновременно предоставило две бесплатные вакансии для нас – в Пажеском корпусе и в Смольном институте <...> Позднее, когда мы стали старше, посмертное издание сочи- нений Достоевского уже стало давать хорошие доходы. Мать отдала нас тогда в другие учебные заведения и сама платила за наше обучение. Она объяснила нам, что, по мнению отца, родители должны сами платить за воспитание своих детей и оставлять бесплатные вакансии сиротам³⁹.

(Достоевский в изображении дочери. С. 198)

И.Л. Волгин

В архиве Анны Григорьевны мы натолкнулись на удивительный документ – письмо к ней зоолога и литератора Н.П. Вагнера от 23 февраля 1881 г.: «Мне весьма важно знать, изменились ли его <Ф.М.> взгляды там, в той стороне, где утоляется жажда истины? Мне крайне необходимо знать: смотрит ли он на дело спиритизма так же, как здесь? Видит ли он в нем только одну отрицательную сторону или признает и его благотворное значение.

³⁷ Анна Григорьевна говорит, что она тотчас поспешила в кабинет мужа, чтобы порадовать его доброй вестью, и, только войдя в комнату, вспомнила и горько заплакала. – *И.В.*

³⁸ Любовь Федоровна неправа: подобной материальной помощью пользовалась и Н.Н. Пушкина. – *Ред.*

³⁹ Также она отклонила предложенную министром внутренних дел графом Лорис-Меликовым денеж- ную помощь на погребение мужа: «считаю своею нравственною обязанностью похоронить мужа на за- работанные им деньги» (*Воспоминания. С. 382*). Впрочем, существуют документы, опровергающие отказ (см.: *Последний год Достоевского. С. 715–716*). – *Ред.*

<...> Вот почему я желал бы услышать ответ Федора Михайловича из того мира». Не прошло и месяца (не говорим уже о *сорока днях!*) после кончины Достоевского, а оперативный Вагнер уже пытается наладить личный контакт с его бессмертной душой...

Легко догадаться, что все эти глубокоубедительные аргументы не произвели должного впечатления на вдову вызываемого. Изумилась ли она кощунственному простодушию Вагнера или посмеялась над ним – ответ ее был достаточно резок. В чем и убеждает нас письмо Вагнера от 25 февраля: «Многоуважаемая Анна Григорьевна, – пишет неудачливый экспериментатор. – Я настолько любил Федора Михайловича и настолько уважаю Вас, что не буду делать попыток к вызову дорогой Вам души без Вашего согласия и даже Вашего присутствия».

(Последний год Достоевского. С. 317–318)

М.Н. Стоюнина

Потом, когда был убит император <Александр II> и Вл. Соловьев, говоря о необходимости помиловать, не казнить убийцу, чтоб выйти из «малого кровавого круга», пока не образовался «большой кровавый круг», сказал эти слова, то Анна Григорьевна страшно вознегодовала. Помню, она подбежала тоже к кафедре и кричала, требуя казни. На мои слова к ней, что ведь Владимира Соловьева наверное бы одобрил и Достоевский, что ведь он его так любил и изобразил в лице Алеши, Анна Григорьевна с раздражением воскликнула: «И не так уж любил, и не в лице Алеши, а вот уж скорее в лице Ивана он изображен!» Но эти слова, повторяю, сказала она в волнении раздражения.

(Достоевский в забытых. С. 202)

А.Г. Достоевская
Ответы на анкету⁴⁰

Главная черта вашего характера?
Какую цель преследуете вы в жизни?
Самая тяжелая минута в вашей жизни?
Чем или кем желали бы вы быть?
К какому народу желали бы вы принадлежать?
Ваше любимое занятие?
Ваше любимое удовольствие?
К чему вы чувствуете наибольшее сострадание?
К какой добродетели вы относитесь с наибольшим уважением?
Что вы более всего цените в мужчине?
Что вы более цените в женщине?
Ваше мнение о современных молодых девушках?
Ваше мнение о браке и супружеской жизни?

Нерешительность.
Распространение сочинений моего мужа.
Когда теряла близких, мужа, детей.
Анной Григорьевной Достоевской.
Несомненно, к русскому.
Издавать книги.
Смотреть французские водевили.
К людям, у которых тяжело на душе.
К искренности и независимости.
Ум и твердость характера.
Доброту и хороший нрав.
Очень похожи одна на другую.
Нет выше счастья, как хорошее супружество.

⁴⁰ Это ответы на ту же анкету, которая сохранилась в «Альбоме признаний» Л.Ф. Достоевской (с. 451). Датируется она январем 1889 г., когда А.Г. Достоевской было 42 года. – Б.Т.

Каких лет следует жениться и выходить замуж?	Девушки – от 18 до 30. Мужчины – от 24 до 50.
Какое историческое событие вызывает в вас наибольшее сочувствие?	Освобождение крестьян.
Ваш любимый писатель?	Достоевский.
Ваш любимый поэт?	Лермонтов.
Ваша любимый герой в романах?	Князь Мышкин в «Идиоте».
Ваша любимая героиня в романах?	Наташа в «Войне и мире».
Ваше любимое стихотворение?	«Пророк» Пушкина.
Ваш любимый художник?	Тициан.
Ваша любимая картина?	«Христос с монетой» <то есть «Динарий кесаря» Тициана>.
Ваш любимый композитор?	Глинка.
Ваше любимое музыкальное произведение?	«Руслан и Людмила».
Ваше любимое изречение?	Вечером каждого дня: «Ничего не сделала, а устала страшно».
Искренно ли вы отвечали на вопросы?	Хотела говорить искренно, но вряд ли вполне удалось.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 3. Ед. хр. 2. Лл. 3 – 7 об. Цит. по: *Вокруг Достоевского. С. 332–383*)

Д.А. Достоевский, правнук

За время взросления детей Анна Григорьевна проделала титаническую работу по изданию семи полных собраний сочинений Достоевского, в одном лице заменяя подчас целый коллектив издательства. Как-то на вопрос журналиста, почему она не берет помощников, она ответила, что трудно найти хорошего помощника, так как нужно отлично знать материал. «Я, например, беру лист рукописи и с третьей строки вижу, что он принадлежит к такому-то месту романа “Бесы”». Благодаря все возрастающему интересу к Достоевскому и умелому ведению подписки все издания быстро и полностью расходились. Но годы берут свое, и в письме к дочери из Дрездена Анна Григорьевна пишет: «...Один том совершенно готов. Принялась за другой, только представь себе, какая обида! От вод ли или от усталости, но у меня глаза ослабели, и я читаю через лупу, иначе не могу».

...В подробностях она описывает места в Дрездене, где когда-то побывала с Федором Михайловичем. Теплые воспоминания нахлынули на Анну Григорьевну, и появляется на полях приписка: «Спешу воспользоваться розовым настроением и купить себе шляпу; есть две удивительные шляпы: одна светло-голубая с зеленым пером, другая желтая с красным. Посоветуй, которую выбрать. Если можешь, даже телеграфируй, а то многие старушки моих лет на эти шляпы заглядываются...» *Старушке* Анне Григорьевне в ту пору исполнилось 45 лет.

(*Достоевский и XX век. Т. 1. С. 567–568*)

Л.Ф. Достоевская – двоюродному брату А.А. Достоевскому
19.IX (2.X) 1902. Луган, Швейцария

Мама <...> очень поправилась за лето и лазает со мною по всем горам.
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 7)

З.С. Ковригина

О свидании с Л.Н. Толстым Анна Григорьевна говорила как о большом событии в своей жизни. <...> Прощаясь с ней, Лев Николаевич сказал: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского». И действительно, трудно себе представить более беззаветную любовь и преданность — до полного самозабвения, чем ту, которую выказывала Анна Григорьевна к Достоевскому. По какому бы ни пошел он пути, до конца следовала бы она за ним без единого упрека и возражения. (Статьи и материалы. Сб. 2. С. 586–587)

А.Г. Достоевская

12.II.1907

Я бы сказала, <нужно учитывать интересы> автора или его наследников по закону. Ведь не одному автору, а и его наследникам тяжело и обидно видеть, как художественные произведения обезображиваются переделками. <...> Я страдала на представлении «Идиота» в Московском театре⁴¹, слыша отзывы публики: «Нет, это не Достоевский, это черт знает что! Ведь можно так испортить Достоевского? Пропал мой любимый роман и т.д.». (Цит. по: Волгин И.Л. Остановите Парфена // Литературная газета. 2003. № 23–24)

Л.М. Леонидов, исполнитель роли
Мити Карамазова в спектакле МХТ

Вдруг <в антракте петербургской премьеры «Братьев Карамазовых» в апреле 1911 г.> подбегает ко мне пожилая женщина со следами былой красоты. Начинает меня гладить и говорит на очень истеричной, высокой ноте: «Вот, вот замечательно, это именно то, что думал Федор Михайлович. Ах, если бы он был жив, если бы он был жив!» И все это очень быстро, очень болезненно, очень, я бы сказал, однотонно, вроде как в бреду. Это продолжалось минут десять. Звонок, надо идти на сцену, а я-то растерялся, я не знал, что мне делать. Я увидел и услышал «что-то», ни на что не похожее, но через это «что-то», через эту десятиминутную встречу, через его вдову я ощутил Достоевского: сто книг о Достоевском не дали бы мне столько, сколько эта встреча. (Леонидов. С. 126–127)

А.Г. Достоевская

...Сидела в ложе <на спектакле МХТ «Братья Карамазовы»> и Бога молила, чтобы он высшее счастье мне дал: здесь же, сейчас же смерть послал. Исполнилось мое заветное желание – увидела живых моих «Братьев Карамазовых». Умереть с биноклем в руках, который подарил мне Федор Михайлович, – какая бы это была хорошая смерть! (Статьи и материалы. Сб. 2. С. 583)

Еще при жизни покойного мужа я начала собирать все его рукописи, все газеты, где помещались его статьи или статьи о нем. Вначале я собирала это исключительно для моих детей; мне хотелось, чтобы они имели все то, что связано с памятью об их отце. Затем,

⁴¹ Уж не в Малом ли театре, где Настасью Филипповну играла М.Н. Ермолова, а Аглаю А.А. Яблочкина? – И.В.

когда мое собрание разрослось и содержало уже свыше 1000 различных предметов, мне пришлось встретиться однажды с секретарем Московского исторического музея Сизовым: он просил меня дать портрет Федора Михайловича для галереи Исторического музея. Тогда мне пришла мысль передать свои коллекции музею с тем, чтобы он предоставил для них отдельное помещение. Дирекция музея отвела мне одну из башен здания, где я и поместила свои собрания. Таким образом было положено основание «Музею памяти Федора Михайловича Достоевского» при Историческом музее в Москве.

С тех пор я начала относиться к своей задаче более серьезно. Мне хотелось, чтобы этот музей являлся не только собранием реликвий, но и пособием для всех, кто желал получить то или иное сведение о Достоевском. Для этого нужно было составить каталог. Это явилось для меня весьма трудной задачей, так как мой каталог должен был быть не простым перечнем предметов, а вообще справочной книгой о Ф.М. Достоевском.

(Биржевые ведомости. 1906. 30 января. № 9178)

А.Г. Достоевская – М.Н. Галкину-Врасскому⁴²

15.I.1915. Сестрорецк

В продолжение 38 лет я и мой сын занимаемся изданием сочинений моего незабвенного мужа <...>. Это давало нам средства к жизни и возможность многое сделать для его памяти: построить два больших дома для Старорусской церковно-приходской школы его имени и соорудить Музей его памяти в Московском историческом музее. К несчастью, во время японской войны издания принесли громадный убыток, и мы с сыном лишились всех наших сбережений. У меня осталась пенсия в 2000 р<ублей>, и, не имея средств жить в Петрограде, я поселилась в Сестрорецком Курорте.

(Волга. 1995. № 5–6. С. 125)

Л.П. Гроссман

...В суровую петроградскую зиму 1916–1917 гг., когда нормальная жизнь была сильно расшатана войною, в самые кануны революции, Анна Григорьевна продолжала с настойчивостью юной курсистки регулярно посещать Публичную библиотеку для проверки и дополнения своих воспоминаний...

Анна Григорьевна была представительницей особого типа русских женщин второй половины XIX в. – культурных, активных, фанатически преданных пленившей их идеологии. Неоднократно на протяжении своих воспоминаний она называет себя современницей 60-х годов, твердо стоявших за права и независимость женщин. <...> На жизнь свою она смотрела как на принятый долг...

Мне пришлось встречаться с Анной Григорьевной зимой 1916–1917 гг. в Петербурге и в Сестрорецком курорте, видеть ее уже после <Февральской> революции и, стало быть, беседовать с ней приблизительно за год до ее кончины. Несмотря на свои преклонные годы Анна Григорьевна отличалась редкой умственной свежестью и бодростью. Беседы с ней доставляли глубокое наслаждение. Она могла долгими часами, почти без перерыва рассказывать...

⁴² Галкин-Врасский Михаил Николаевич (1834–1916) – в 1870–1879 гг. саратовский губернатор. Был известен своей образованностью и глубоким интересом к литературе, поддерживал дружбу со многими деятелями искусства. – *Ред.*

– Я живу не в двадцатом веке, я осталась в 70-х годах девятнадцатого. Мои люди – это друзья Федора Михайловича, мое общество – это круг ушедших людей, близких Достоевскому. С ними я живу.

...Седая женщина в наkolке, с увядшим, но все еще чарующим лицом, с ясными, умными серыми глазами и сохранившейся юной улыбкой...

– Мне всегда нужна была какая-нибудь идея в жизни, – продолжала с некоторым подъемом Анна Григорьевна, – я всегда была занята каким-нибудь делом, которое захватывало меня всецело. Даже наше имение на Кавказе я приобрела для своих внуков с особой целью; в жизни каждого бывают минуты, когда необходимо уединиться, вырваться из своей обычной колеи, пережить свое горе в стороне от обычной суеты. Пусть же мои внуки, думала я, имеют такое убежище, пусть оно послужит им в трудные минуты и поможет им пережить их. И я глубоко убеждена, что в таком постоянном осуществлении своих замыслов – единственный путь к счастью. И я не могу пожаловаться – я познала его. Иногда по вечерам на Кавказе, сидя в тишине сада и любясь закатом, я мысленно спрашиваю: Господи! За что Ты мне дал такую счастливую жизнь? Как мне благодарить Тебя за нее?

– Конечно, и мне знакомы тяжелые удары. Последний из них постиг меня сравнительно недавно. <...> Если бы Николай Николаевич Страхов был жив, я, несмотря на мои преклонные годы, немедленно бы отправилась к нему и ударила бы его по лицу за эту низость⁴³. – Бледные щеки Анны Григорьевны заливаются при этих словах румянец негодования, глаза загораются молодым огнем, голос звенит от возмущения и обиды. В эту минуту из-за ее благообразного облика милой старушки явственно выступает образ молодой женщины, по известному портрету-заметке Виктора Боброва на полях лучшего гравюрного изображения Достоевского. Тот же пристальный горящий взгляд вспыхивает под четко очерченными бровями.

– Вы знаете, что в Мариинском театре готовятся теперь к постановке новой оперы одного молодого композитора на сюжет одной из повестей Достоевского. Композитор не осведомился об авторских правах нашей семьи, и нам пришлось заявить об этом. Дело уладилось. Но в прошлое воскресенье композитор нанес мне визит, чтобы лично загладить ошибку. Он привез мне партитуру своей оперы с авторским посвящением. В обмен он попросил меня написать что-либо в его альбом. Напрасно я отказывалась, пришлось уступить его настояниям. Но когда я уже взялась за перо, молодой музыкант заявил мне: «Должен предупредить вас, Анна Григорьевна, что альбом этот посвящен исключительно солнцу. Здесь можно писать только о солнце». И знаете что я написала? <...> «Солнце моей жизни – Феодор Достоевский. Анна Достоевская».

(Воспоминания. 1925. С. 8, 11–12, 14–16)

А.А. Измайлов

Анна Григорьевна бодра, жизнерадостна, на ее щеках слабый румянец. Почти не верится, что еще полгода и – ей семьдесят лет.

– Если бы еще лет десять, – говорит она, – тогда удалось бы разобрать и подготовить все из материалов и архива моего покойного мужа, что представляет интерес. Судьба дала мне, обыкновенной женщине, бесконечное счастье быть женою великого человека, и, конечно, я чувствую и свои обязанности.

⁴³ Сплетню об изнасиловании малолетней девочки. См.: *Родиться в России*. С. 128, 180. – Ред.

И Анна Григорьевна всю жизнь трудилась для славы его имени. Ее стараниями устроен музей имени Ф.М. Достоевского в Москве, школа в Старой Руссе, издан потребовавший колоссального труда библиографический указатель всего, что когда-либо писано о нем. Тридцать два года она издавала его сочинения. Она воистину осталась верною его памяти и не только в том смысле, что, оставшись вдовой всего в 34 года, не подумала о втором замужестве.

– Мне это казалось бы кошунством. Да и за кого можно идти после Достоевского? Я шутила – «разве за Толстого!»

(Достоевский в забытых. С. 189–190)

Е.П. Достоевская

Как бабушка — обожала своих внуков. По отношению ко мне была идеальной свекровью.

(Письменные характеристики. М.В.)

Л.С. Михаэлис (№ 334а)

Перед Октябрьской революцией Анна Григорьевна была очень богата. Чуть ли не целая улица в Ялте была скуплена ею, кроме того она владела еще имением на Черноморском побережье около Туапсе⁴⁴.

(Записано М.В.)

Анна Григорьевна подсчитала, что почти за три десятилетия со дня смерти Достоевского издание его полных собраний сочинений принесло наследникам 413 тысяч рублей чистой прибыли, прочие книги – более 100 тысяч. В газетах появились заметки о «баснословном богатстве» вдовы писателя... Однако поступающий доход делился между тремя сонаследниками, причем Анне Григорьевне как правило доставалась меньшая часть. В 250 тысяч обошлась ей постройка, а затем восстановление после пожара школы имени Достоевского в Старой Руссе. Много денег было потрачено на обустройство мемориальной комнаты в Историческом музее. К этому надо прибавить многочисленные благотворительные взносы в пользу голодающих и пострадавших в русско-японской и Первой мировой войнах *(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 568)*.

Е.П. Достоевская – Р. Пиперу⁴⁵ и его жене

4.IX.1947. Регенсбург

Каким верующим и сосредоточенным на жизни духа был Достоевский, знает весь мир. Его верная, дорогая жена, моя свекровь, проводила начала христианской любви во всю свою жизнь, – так что она к концу своей жизни стала почти нищей. Когда она два последние года перед революцией (1915–1916) жила в Сестрорецке под Петербургом (где писа-

⁴⁴ В отделе рукописей Публичной библиотеки им. Ленина <ныне НИОР РГБ> сохранились планы четырех бывших владений А.Г. Достоевской в Крыму (Аутка близ Ялты) и на Кавказе. – М.В.

⁴⁵ Пипер Рейнхард (1879–1953) – основатель известного мюнхенского издательства «R.Piper&Co Verlag», публиковавший книги Достоевского и о Достоевском на немецком языке; по выражению Е.П. Достоевской, «долголетний друг нашей семьи». – Ред.

ла свои воспоминания), она каждую неделю приезжала к нам в субботу утром, чтобы побыть с внуками, и оставалась у нас на воскресенье и понедельник.

Она спала в кабинете моего мужа на большом, широком диване, на котором умер ее милый муж. Рядом была моя маленькая, уютная гостиная, где я вечером в тишине всегда чем-либо занималась или читала. Я как будто сейчас слышу, как моя свекровь молится. В своей молитве она забывала, где находилась, и иногда молилась очень громко, целыми часами, и горько плакала. Теперь, когда я стара, я хорошо понимаю, что она все-таки была очень одинокой. Мы с мужем были светскими людьми, у нас было много знакомых, наши беговые лошади и иные интересы – так называемое «высшее общество», которое стало моей милой свекрови *тогда* уже совершенно чуждо. Она очень любила моих детей, своих внуков, и баловала их так, как это могла делать только восторженная бабушка. Больше всего она любила младшего – Андрея: что-то в нем напоминало ей ее милого мужа. Она прощала ему любые шалости, которые он как очень живой ребенок постоянно совершал. Только один раз я видела, что моя свекровь обиделась. После шумного неистовства и прыганья Андрей взял бабушкин носовой платок и швырнул его в горящий камин! Но когда я поймала Андрея и хорошенько нашлапала его по рукам, так что он заплакал, – и велела ему просить прощения у бабушки, – милая бабушка уже все забыла, а малыш, обнимаясь с плачущей бабушкой, рыдал на ее груди!

Но поздно вечером и ночью она была совершенно одинокой со своими воспоминаниями о муже, которого она всю жизнь бесконечно любила и уважала, и в ее мыслях возрождалось прекрасное прошлое. Она молила Бога о помощи: сейчас мне кажется, что она предвидела трагический конец России и бесконечную беду, которую нам еще предстояло пережить!

(Достоевский и мировая культура. № 18. С. 239–240)

А.Г. Достоевская

«Эпизод из революции 1917 года»

Я жила в ту зиму, по своему обыкновению, в Сестрорецком Курорте, в здании лечебницы. Утром 28 февраля я предполагала съездить в Сестрорецк за покупками, но моя горничная, узнав об этом, сказала, что Ружейный завод забастовал и что в городке очень неспокойно. Я отложила поездку на завтра.

Было еще довольно светло, около половины шестого. Я занималась моею всегдашней работой, как вдруг услышала, что ко мне постучались. Я отворила дверь и увидела пред собою библиотекаршу курорта, бледную и взволнованную. Дрожащим голосом она сказала мне:

- Заводские рабочие идут сюда. Спаси нас Господи!
- Да правда ли? – усомнилась я.
- Смотрите сами.

Я подбежала к окну и увидела, что вся широкая аллея, ведущая от станции к лечебнице, заполнена народом. Успела разглядеть, что люди несут ружья и красные флаги. Я мигом вернулась в свою комнату и заперлась на ключ.

Первая мысль была – для чего они идут к нам, да еще с ружьями? Ведь мы не казенное учреждение, а лечебница. Очевидно, цель толпы – громить и грабить! Я тотчас разыскала

свои деньги, вложила в портмоне и решила отдать, как только они потребуют. Решила предложить им взять все, что они захотят из моих вещей.

Прошло, может быть, минут пять полной тишины, как вдруг раздался страшный шум входившей или, вернее, ворвавшейся толпы. Она входила с гиканьем, криками и свистами. Толпа чего-то требовала, на чем-то настаивала, но, не получив, очевидно, удовлетворения, начала стучать во все многочисленные двери нижнего этажа. Послышался отдаленный звон разбитого стекла. <...> Все это время я стояла у двери, прислушиваясь, а сердце у меня билось так, что, казалось, оно тотчас же лопнет. Чтоб успокоиться, я хотела выпить воды, но, проходя мимо письменного стола, я увидела на нем две-три высокие пачки с бумагами и письмами из архива моего мужа, приведением в порядок которого я в ту зиму занималась. Страшная мысль промелькнула в голове: если они громят, то разорвут или сожгут мои бумаги и я лишусь этих столь интересных и важных для литературы документов! Куда их спрятать, чтоб эти пачки сразу не бросились им в глаза? Я и принялась рассовывать письма по разным ящикам и мешкам, чтоб сохранить хоть часть их. <...> вдруг послышались опять гиканья и крики, крики и топот множества бегущих по главной лестнице, и в 2–3 минуты наш широкий коридор заполнился толпой. Моя комната № 10 находилась рядом с читальней, и ко мне к первой постучались. Но у толпы были распорядители, и кто-то крикнул: «Тише! Начните с первого №, по порядку!» <...> Наконец подошли к № 9-му, пробыли там минут 5, и вдруг я через дверь ясно услышала, как какой-то мужской голос произнес слово «Достоевского». Кровь бросилась мне в голову: что это, галлюцинация слуха что ли? Пришла и моя очередь: ко мне стали стучаться в несколько рук. Я тотчас отворила и увидела перед собою человек 30 молодых и старых людей, чисто одетых и по виду совершенно спокойных.

Не зная, что сказать толпе, я проговорила жалобным голосом:

– Голубчики (мое всегдашнее обращение), не пугайте меня, ведь я старый человек!

В ответ послышалось два-три голоса:

– Да мы ничего... не пугайтесь, – что-то в этом роде.

– Ну, так я запру дверь? – спросила я.

– Запирайте, запирайте, – кто-то мне ответил, и этим «нападение» на меня закончилось. Я закрыла, заперла на замок, долго стояла у двери и не раз слышала, как желавшим у меня постучать кто-то говорил: «Здесь уже были, смотрели...» (как оказалось, распорядитель поставил кого-то у моей двери, чтоб ко мне не стучались).

Прошло еще с полчаса: осмотрев верхний этаж, толпа спустилась вниз, а затем ушла, оставив лишь нескольких часовых с ружьями.

Заслышав в коридоре говор знакомых голосов, вышла и я из своего убежища. Все старые дамы, мои соседки, взапуски рассказывали друг другу, как они встретили «бунтовщиков», что сказали и сделали и пр. Стали и меня спрашивать, как я приняла неожиданных гостей. Я рассказала и упомянула, что я была так расстроена, что мне послышалась даже моя фамилия, но почему-то не «Достоевская», а «Достоевского». На это моя соседка, генеральша Казакова, объявила, что она на вопрос распорядителя, кто живет в следующем №, ответила, что там живет вдова писателя Достоевского.

– Мы не будем ее беспокоить, – сказал тот, – мы уважаем Достоевского.

Вот почему я и слышала свою фамилию. Уважению к памяти Достоевского я должна приписать и то обстоятельство, что толпа ко мне в комнату не входила, а постояла пред

дверью и никто не разыскивал у меня под кроватью и под кушеткой, не спрятан ли там министр Протопопов⁴⁶, как это было во всех других комнатах.

Выяснилось, что толпа приходила к нам арестовать живущего у нас бывшего министра Макарова⁴⁷ и поискать, не спрятался ли у нас министр Протопопов, куда-то скрывшийся из дома будто бы в дамском платье.

(Достоевский и мировая культура. № 12. С. 235–237)

А.Г. Достоевская – сыну Федору

15.X.1917. Ялта

Милый, дорогой Федя, 17-го будет ровно месяц, как я слегла и я до сих пор еще в постели. Оказывается, что у меня была закупорка головных сосудов и оттого было и беспамятство. Слава Богу, я нашла на хорошего доктора – Васильева⁴⁸. Он уверяет, что закупорка мозга – болезнь опасная и хвалит мое крепкое здоровье, но лечиться придется долго.

<24> X.1917. Ялта

А здоровье мое все еще слабо: его определяет докторша мозговым малокровием, доктор – каким<-то> латинским названием. У меня отличный сон, волчий аппетит, я пополнила, жару не бывает, сижу одетая (прежде не могла) с 10 до 6 часов дня, хожу по коридору, не рискуя упасть, тогда как прежде меня отбрасывало в сторону или навзничь, но все еще не смею выходить из комнаты, к тому же началась очень неприятная осень. Доктор отлагает с недели на неделю мое полное выздоровление. Сама я чувствую, что силы прибывают, но не прибывает энергии, так <как> ничего не хочется ни делать, ни писать.

Ко мне никто не ходит, пришли по разу и забастовали. Если б не Петр Петр<ович> Суханов, бывающий у меня ежедневно от часу до 4-х, то я бы погибла: он покупает и приносит газеты, лекарства, бумагу, чернила и пр., снабжает деньгами. Он действительно необыкновенно добрый человек, а не только посредник по продаже участка.

В <отеле> Парке меня мучает не только прислуга, но и сам хозяин, приходящий мне читать часами нотации, зачем, дескать, ко мне никто не придет и за мной не присмотрит, зачем я не возьму в сиделки сестру его жены <...> *Помолись обо мне. Боюсь я за себя.*

4.XII.1917. Ялта

Здоровье поправляется, но так медленно, что терпения не хватает. Подумай только, 2 1/2 мес<я> сижу без воздуха, ни шагу из комнаты. Доктор говорит, что, помимо закупорки мозга, у меня было воспаление прямой кишки (колит) и обе болезни тяжелые, от которых медленно поправляются. Я даже по комнате хожу с палочкой из боязни опрокинуться. На днях ночью, идя к ночному шкафчику, не удержалась, упала и жестоко расшибла голову и крестец, так что теперь не могу лежать на правой стороне. Пожалей твою такую одинокую больную мать. <...> Все-то беды пали на мою бедную голову: ст<аро>-

⁴⁶ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – последний министр внутренних дел царского правительства. Анна Григорьевна описывает в воспоминаниях утро 28 февраля 1917 г.; вечером этого дня Протопопов явился в Таврический дворец и сдался революционерам. – *Ред.*

⁴⁷ Макаров Александр Александрович (1857–1919) – в 1911–1912 гг. министр внутренних дел, в 1916–1917 гг. министр юстиции. – *Ред.*

⁴⁸ Васильев Спиридон Николаевич – известный ялтинский практикующий врач, специалист по внутренним и нервным болезням. – *Ред.*

русск<ий> дом тоже пустует⁴⁹, на Кавказ ехать невыносимо – сторож убьет⁵⁰. Вот как мне приходится проводить последние годы моей жизни...

21.I.1918 <Ялта>

Как меня мучает наше общее положение, я и сказать тебе не могу. <...> Неужели Господь не сжадется над нами и не поможет нам?

Ты, вероятно, слышал, что у нас в Ялте больше недели происходил бой матросов с татарами, которые взялись было нас защищать. <...> Стреляли днем и ночью, совершенно куда попало, татары отвечали им пулеметным огнем. Выпущено 390 бомб, 6%–8% у нашего дома, разорвалась одна и перебила стекла. Слава Богу, я живу во дворе, но кто живет окнами на набережную, те пострадали. Масса чахоточных и больных ночевали в подвалах, в церковном склепе среди гробов. Много расстреляно. Вчера бой кончился в пользу большевиков...

На лето я переселюсь к себе на дачу, чтобы не платить за квартиру. Впрочем, до лета далеко. Может, к тому времени нас всех перережут. Я так привыкла к мысли о внезапной смерти, что ничего не боюсь.

3 (16) III.1918. Ялта

Я все продолжаю думать, что мне недолго осталось жить. Хотя мне и лучше, но при таких волнениях можно ли вполне оправиться? Последние две недели прошли в беспокойстве, что «буржуев» будут уничтожать, и назначено было на 10 или 13 марта, в день годовщины⁵¹. Я уже приготовилась к смерти и была спокойна. Но все прошло благополучно, хотя у каждой бабы были нашивки на рукаве слова: «буржуев в порошок», «не жить буржуям» и проч<ие> надписи.

29.III (12.IV) 1918. Ялта

Постигло меня еще новое несчастье. На моей здешней даче убиты и сожжены две старушки; и мне бы грозила бы та же участь, если б я из экономии переехала на дачу к себе, как я хочу это сделать. Бог меня спас от смерти.

(Достоевский и мировая культура. № 12. С. 251. № 14. С. 268–290)

А.Г. Достоевская – племяннику Г.И. Сниткину

3 (18) V.1918. Ялта

После получения от тебя пятисот руб<лей> я успела задолжать до двух тысяч руб<лей> и всегда сижу без копейки. Здесь <пребывание> мне обходится в пятьсот рублей в месяц и это без доктора, массажистки, лекарств и т.п. Я отказываю себе в необходимом лечении и потому, может быть, так плохо поправляюсь: вчера было 8 мес<яцев>, как я больна и сижу дома. Боюсь, что повторится закупорка мозговых артерий и тогда мне конец. А лечиться

⁴⁹ Анна Григорьевна переживает, что от дома в Старой Руссе отказался жилец, который в течение нескольких лет жил там и платил ей по 600 рублей в год. – Б. Т.

⁵⁰ О ситуации в имении Отрада близ Адлера и об отношениях со сторожем Тимофеем Овчаром и его женой Ириной А.Г. Достоевская писала так: «Когда в апр<еле> 1917 я приехала на участок, то Ирина в первый же день отказалась работать на меня, т.е. выносить грязную воду, топить плиту и пр., а затем пришел ее муж (Тимофей) на побывку <из армии> и объявил, что мой участок принадлежит ему, как „трудящемуся народу“, и стал говорить и писать мне дерзкие письма, а затем во вторичный свой приход подкарауливал меня в саду, чтобы меня прибить, а пожалуй, и убить. Это и заставило меня уехать с дачи» (Достоевский и мировая культура. № 12. С. 232–233). Впоследствии Овчар завладел дачей и жил на ней до начала 1930-х. – Б. Т.

⁵¹ Очевидно, Февральской революции. – Б. Т.

нет денег. Ради Бога, обрати на это *серьезное* внимание и вышли мне как можно больше. Не думай, что у меня здесь есть знакомые и они смогут меня выручить. Нас всех так ужасно ограбили, что ни у кого ничего не осталось, да и неудобно звать к себе знакомых с целью выпросить у них денег. Выведи меня из этого ужасного положения, умоляю тебя.
(Достоевский и мировая культура. № 17. С. 466)

З.С. Ковригина

Культом мужа был содержанием, смыслом, целью ее существования, воздухом, которым она дышала до последних дней своей жизни. Она была не только заботливой женой, «нянькой» Достоевского, а истинной его спутницей и другом. Не только переписчицей, стенографисткой — она принимала непосредственное участие в его творчестве: искренно высказанным мнением, иногда советом. Не раз Анна Григорьевна упоминала слова Достоевского, сказанные ей: «Только твоей критики я боюсь»⁵²...

Отмечу, что в это время, в эти последние месяцы своей жизни, она вообще поражала исключительностью духовных своих качеств, возбуждая удивление и глубокий интерес к себе не отраженно, как жена Достоевского, а сама по себе: своей неутомимой энергией, тонким и широким умом и еще больше неустанным интересом своим ко всему окружающему. Во все она вносила несвойственный ее возрасту пыл, горячность. Порой просто нельзя было верить, что перед тобой старуха. Особенно изумительны и очаровательно непосредственны были переходы ее настроений. Придешь иногда — заливается, плачет. «Что случилось, Анна Григорьевна?» — «Ах, Боже мой, Боже мой!..» и следует объяснение причины, вызвавшей эти слезы. Успокоишь ее, ободришь, и уже улыбается, а через пять минут, вспомнив что-нибудь веселое — смеется, смеется до слез. Натура редкая в своей цельности. И любить и ненавидеть умеет до конца. «Да что это! — вы никак ему (или ей) оправданий ищите. Восстать следовало!»...

Анна Григорьевна «имела глаз» и умела видеть. Она рассказывала так ярко и живо о самых незначительных фактах и событиях, что заставляла «видеть» и слушателя...

Ни болезнь, ни одиночество в чужом городе не сломили бодрости Анны Григорьевны. Ни стонов, ни жалоб — как будто все прекрасно обстояло, а сама дрожала и не верила, что на солнце 30° тепла. — Впечатление нашей первой встречи было очень сильное и жалкое, жалкое. Комнатка маленькая и неприветливая. После яркого солнца и морского свежего воздуха в ней казалось особенно мрачно и душно. Сначала ничего нельзя было рассмотреть. Потом слабый голос заставил разглядеть небольшую кроватку и на ней грудой одеял, подушек... шуба и платки, платки. Среди всего этого хлама — крошечное личико. Старенькое, сморщенное, больное. А на нем пара глаз лихорадочно горящих и напряженно устремленных в мою сторону: даже жутко стало. Но когда эти глаза приветливо засветились, нельзя было не поддаться их привету.

⁵² В письме к А.Н. Майкову (31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.), Женева) Достоевский говорит в значительной степени иное, а именно: «У меня единственный читатель — Анна Григорьевна: ей даже очень нравится; но ведь она в моем деле не судья» (ЛСС. Т. 28₂. С. 241). — М.В.

Тяжелая болезнь не оставляла уже Анну Григорьевну до самой смерти. Точно эта болезнь не была определена. Возможно, что это был колит, осложненный малярией. Болела она всю зиму с некоторыми промежутками от одного приступа до другого. И в эти сравнительно недолгие перерывы ее нельзя было убедить поберечься, полежать, выдержать диету. Если она была в силах встать — она немедленно вставала, доставала свои тетради воспоминаний, редактировала их. Продолжала и свою библиографическую работу о Достоевском...

Самообладание ее и спокойствие не были индифферентностью: в ней жила уверенность, что она будет заранее знать о грядущей беде. Эта уверенность основывалась на том даре предчувствия, которым, по ее словам, она обладала. <...> Перед своей кончиной она как-то сказала, что умрет в последних числах июня. Почему она так думает, объяснить не хотела, а может быть, и не могла...

Много страданий доставляли ей письма дочери Любови Федоровны, которая жила за границей и часто (во время германской оккупации Крыма) писала матери о своих бедствиях. Анна Григорьевна плакала, что дочь может подумать, что она не хочет помочь ей, — тогда как в действительности она не могла помочь. Эти волнения были самой тяжелой стороной жизни Анны Григорьевны в Ялте. (*Статьи и материалы. Сб. 2. С. 583–590*)

О письмах Любови Федоровны, так огорчавших ее мать, можно судить хотя бы по следующему отрывку, относящемуся, впрочем, к более раннему периоду их переписки:

Л.Ф. Достоевская — матери
27.VI.1917 <Лозанна>

После шести недель молчания я, наконец, получила твое письмо, извещающее меня о твоем благополучном прибытии в Адлер. Письмо такое же, как и предыдущее, — те же уверенья в любви и поцелуи и то же глубокое равнодушие к моей судьбе. <...> Неужели же ты так постарела, что не в силах понять, что больному человеку нельзя жить без денег на чужбине. Или, быть может, твоя цель довести меня до отчаянья? Право, мне это иногда кажется.

Твоя несчастная дочь

Л. Достоев<ская>

(*Достоевский и мировая культура. № 12. С. 243–244*)

Из завещания А.Г. Достоевской

На смертный случай

Прошу моих родных похоронить меня в Петрограде, в Александро-Невской Лавре, рядом с моим мужем. Могильное место куплено мною 11 марта 1882 года, по находящейся здесь квитанции за № 267. <...> Прошу обратить внимание на то, что предназначенная мне могила находится *справа* от памятника (в общей решетке), если смотреть, стоя перед бюстом...

Отдельного памятника над моею могилою я прошу *не* делать, а вырезать несколько строк на той стороне монумента, которая приходится к могиле.

Сверху поставить какое-нибудь духовное изречение, напр<имер>: «Господи, да будет воля Твоя!» или какое найдут нужным сделать мои дети... А затем что-либо вроде: «Здесь погребена вдова писателя Анна Григ<орьевна> Достоевская» или «Здесь покоится тело Анны Гр<игорьевны> Д<остоев>ской. Родилась 30 августа 1846 года, скончалась тогда-то». Чем проще будет надпись, тем это будет более соответствовать моему желанию.

(Фотокопия – ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб). Фонд фотографий. НВМ. 383/1-3)

Вариант завещания

Желала бы, чтобы отпевание было совершено в церкви Святого Духа.

Для чтения псалтыря прошу пригласить *не* читальника, а монахиню из Новодевичьего монастыря.

На случай вопроса, где я говела – сообщаю: говела всегда в церкви Симеония на Моховой; исповедовалась всегда у Отца Настоятеля и почти всегда на первой или на последней неделе поста.

Желала бы быть погребенной в металлическом гробу.

Просила бы пригласить для совершения панихид священника Сергиевского братства отца Михаила.

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 224)

Е.П. Достоевская

<Февральская> Революция <...> застала Анну Григорьевну в Сестрорецке, я же с детьми продолжала жить в Петербурге с моей матерью. В мае месяце Анна Григорьевна уехала в свое имение – участок на Кавказе, между Сочи и Адлером, чтобы найти желанный покой, и предложила мне с детьми присоединиться к ней. Свиристествовавшая в тот год малярия, которой мы заболели, заставила нас бежать⁵³. Анна Григорьевна уехала в Ялту, которую она очень любила, я же с детьми поселилась в порте Скадовск (на Черном море, принадлежащем нашему родственнику, члену Гос. Совета Скадовскому), куда уже переехала моя мать и сестра.

Кончина моей дорогой belle mère Анны Григорьевны была трагична. Отрезанная, как и я, от Москвы и денежной поддержки своего сына Федора Федоровича, – Анна Григорьевна очень нуждалась, даже в самом необходимом (я с детьми жила на средства сестры).

⁵³ Поясняя Л.П. Гроссману обстоятельства этого бегства, Екатерина Петровна рассказывает: «В этом году работы по проведению железной дороги, соединяющей Туапсе с Адлером (и далее) дошли как раз до наших мест. Пласты гниющей почвы с мириадами комаров отравили этот до того благополучный в смысле малярии уголок». Почти все население дачи, в том числе и Анна Григорьевна, заболело малярией. По настоянию сына, находившегося в тот момент на Кавказских минеральных водах, А.Г. Достоевская в сопровождении близких покинула зараженное место. «Полубольные, мы доехали до Туапсе; особенно тяжело было Анне Григорьевне – годы, волнения и уже некоторые лишения подорвали ее крепкий организм, и приступы малярии доводили ее до потери сознания, до полупараличного состояния». Через две недели, окрепнув, больная переехала в Ялту и намеревалась даже зимой вернуться в Петербург. Однако – «утомление дорогою, вероятно, вновь пагубно отозвалось на Анне Григорьевне, и вскоре я получила ее письмо с известием о каких-то не то припадках малярии, не то маленьких удачах, от которых она, впрочем, оправилась совсем к декабрю 1917 г.» (Воспоминания. 1925. С. 17). – Ред.

3-го июня я получила телеграмму из Ялты о серьезной болезни Анны Григорьевны. Это, по несчастью, совпало с первой попыткой немцев занять Крым. Я немедленно обратилась к немецкому генералу Виндштейту, прося дать мне возможность проехать в Ялту; он наотрез отказал мне, сказав, что не имеет права позволить мне проехать по сфере боев, подвергая меня опасности. Вторая телеграмма сообщила мне о смертельной опасности болезни Анны Григорьевны, а третья телеграмма – о ее смерти. Она скончалась в одиночестве, без своих близких и была похоронена благодаря хлопотам и денежным издержкам г. Филиппова, который (как значится в имеющейся у меня бумаге) «передал свой склеп для погребения усопшей Анны Григорьевны Достоевской в Аутской-Успенской церкви гор. Ялты».

(Возрождение (Париж). 1950. Март – апрель. С. 199–200)

Весною двинулись на юг немцы – мы оказались отрезанными от Москвы, где находился Федор Федорович, высылавший матери некоторые суммы. Анна Григорьевна оказалась буквально без копейки. Постоянно недоедавшая и питавшаяся впроголодь, она купила 1 июня два фунта еще горячего хлеба и, вероятно, проголодавшись, их съела. В тот же день к вечеру у нее начались сильнейшие боли, и пришедший доктор нашел острое воспаление кишечника. Ее знакомая докторша, узнав о болезни Анны Григорьевны, пригласила к ней сестру милосердия, которая и была при ней во все время болезни. <5 июня было написано письмо родным, которое вследствие неисправности почты пришло с большим запозданием; 7 июня Анна Григорьевна потеряла сознание и в сильнейших страданиях провела еще два дня, а 9 июня в 11 утра она скончалась. Тело ее было вынесено в склеп под церковь, где и находилось до приезда сына.>

(Воспоминания. 1925. С. 17)⁵⁴

Метрическая книга

Александро-Невского собора г. Ялты

1918 г. Часть третья, об умерших

№ 28. Умерла июня 9. Погребена ноября 5. Вдова подпоручика Анна Григорьевна Достоевская, 72 лет. От острого <геморрагического колита>⁵⁵. Исповедывал и приобщал протоиерей Виктор Баженов. Совершал погребение протоиерей Виктор Баженов с протодиаконом Владимиром Очередко и псаломщиком Иаковом Розовым. Погребена на Аутском гор. Ялты кладбище.

(Ялтинский краеведческий музей)

⁵⁴ В подготовительных материалах к первому изданию «Хроники» есть сообщение той же Екатерины Петровны: «А.Г. скончалась в Ялте 9 июня 1918 г., где у нее дважды был удар. Заболела острым воспалением кишок (острый колит). Страшно голодала, отрезанная политическими осложнениями от внуков и сына, и не могла получать от нас помощи. Заняв у кого-то 2 р<убля>, купила 2 ф<унта> хлеба, горячего, и весь его съела. К вечеру воспаление кишок, 5 <июня> она потеряла сознание...». Ср. с записью самой Анны Григорьевны за два с половиной месяца до смерти: «Новый режим. <...> 8 апр<еля> / 26 марта <1918> обеда не брала, брала хлеб и кипяток вместо чая» (*Достоевский и мировая культура*. № 17. С. 475). – Ред.

⁵⁵ В оригинале значится: «гомероического колиза». Правильная формулировка причины смерти содержится в «Разрешительном на погребение билете» за № 442, выданном Ялтинской городской санитарной станцией 22 июня 1918 г. Диагноз поставлен врачом Свешниковым (ЦГАЛИ СПб. Ф. 85. Оп. 1. № 137). – Б.Т.

Е.П. Достоевская – Г.И. Чулкову
24.X.1930

Анна Гр<игорьевна> была похоронена в цинковом гробу, и нами приобретено место – склеп под церковью Аутской Успенской в г. Ялте. ...

Весною этого года <...> меня уведомили из Ялты, что церковь под которой была похоронена Ан<на> Гр<игорьевна> снесена и могила засыпана. С большим трудом удалось мне найти того гробовщика, кот<орый> хоронил Ан<ну> Гр<игорьевну>; могила была отрыта, очищена и поставлен временный скромный железный крест с надписью, но, конечно, это не может быть больше постоянным местом погребения верной спутницы жизни такого гения, как Федор Михайлович! Всем известно, каким преданным, любящим другом и женою была Ан<на> Гр<игорьевна> для Фед<ора> Мих<айловича>, сколько труда, заботы и старания было проявлено ею, чтобы обеспечить творчеству Фед<ора> Мих<айловича> хотя бы относительный при их скудных средствах покой и комфорт, – поэтому было бы лишь справедливым исполнить ее горячее желание и просьбу быть похороненной вместе с Фед<ором> Мих<айловичем>. <...> Ан<на> Григ<орьевна> имеет помимо всего и личные заслуги как создательница музея-комнаты Достоевского, кот<орая> была задумана, исполнена и пополнялась в продолжении всех последних десятилетий ее жизни...

(ОР ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об.)

А.П. Фальц-Фейн⁵⁶ – В.С. Нечаевой
16–20.X.1957. Ментона

...Церковь разрушили, вынесли гроб А<нны> Г<ригорьевны>, разбили, останки выбросили. Об этом Е<катерину> П<етровну> уведомил сторож церкви. К счастью, как раз в Симферополь приехал Андрей. Немедленно поехал в Ялту, вместе с милицией собрали останки и в новом гробу похоронили на Аутском кладбище. Андрей долго не мог успокоиться, увидев еще в целости платье, обувь, седые волосы, покрытые наколкой.

(Достоевский и мировая культура. № 19. С. 262–263)

С.В. Белов

...Все эти годы Андрея Федоровича не оставляла мысль выполнить последнюю волю Анны Григорьевны – похоронить ее рядом с Достоевским. Он спешит это сделать, как будто чувствует, что ему самому осталось жить совсем немного. 9 июня 1968 года, в день пятидесятилетия со дня смерти Анны Григорьевны⁵⁷, Андрей Федорович, при содействии Союза писателей и особенно Л.М. Леонова и В.Г. Лидина, выполнил ее последнее желание: перенес ее прах из Ялты в Александро-Невскую лавру, где погребен Достоевский.

(Жена писателя. С. 207)

⁵⁶ Цугаловская, по мужу Фальц-Фейн Анна (Нина) Петровна (1870 – 14.V.1958, Ментона) – старшая сестра Екатерины Петровны Цугаловской, по мужу Достоевской (№ 334), невестки писателя. Прожила с ней с 1920 г. до самой смерти. – Ред.

⁵⁷ А.Г. Достоевская умерла 9 июня по старому стилю, таким образом, годовщина ее смерти приходилась на 22 июня. – Б.Т.

Перенесение праха Анны Григорьевны

9 июня 1968 года в Ленинграде, в некрополе бывшей Александро-Невской лавры под старыми вязами у могилы Федора Михайловича Достоевского собрались писатели, литературоведы, журналисты, студенты и многие другие поклонники русского писателя. Более ста человек пришли сюда на торжественную церемонию перезахоронения привезенного из Ялты праха умершей 50 лет тому назад Анны Григорьевны Достоевской в могилу мужа, согласно ее завещательной воле.

У памятника Федору Михайловичу был установлен в черной бархатной раме большой портрет Анны Григорьевны в последние годы ее жизни. Здесь же находилась выточенная из уральского мрамора урна с прахом, доставленная после кремации из Москвы на самолете последним прямым потомком великого русского писателя – внуком Федора Михайловича и Анны Григорьевны Андреем Федоровичем Достоевским. Справа от памятника была приготовлена в земле бетонированная ниша. Все это окружало множество живых цветов, принесенных пришедшими.

Напротив памятника возвышалась построенная специально для этого случая небольшая трибуна. Поднявшись на нее, перед собравшимися выступил Андрей Достоевский, а затем произнесли краткие речи профессор Ленинградского университета Борис Бурсов, профессор Токийского университета Тани Кохэй, семидесятилетняя пенсионерка – учительница основанной вдовой писателя школы в городе Старая Русса Людмила Красовская, научный сотрудник Института русской литературы Академии наук СССР Николай Евдокимов и студент Ленинградского университета Андрей Петров. Их выступления снимались фото- и кинокамерами, записывались на магнитофон.

Затем под звуки траурного марша, транслировавшегося от магнитофона, Андрей Достоевский, став на колени, положил на дно ниши белые нарциссы и установил на них урну с прахом Анны Григорьевны. После этого нишу замуровали и присыпали землей, а сверху установили бронзовую дощечку с именем, отчеством и фамилией похороненной, датами ее рождения и смерти. На могилу возложены венки от ленинградских писателей, от токийского профессора, от студентов университета, от преподавателей и студентов Ленинградского педагогического института, от делегации города Старая Русса, а также много других. На ленте одного из безыменных венков была надпись: «Сердцем светлой, сильной духом». (*Русская мысль*. 1968. 23 января. № 2722. С. 7⁵⁸)

Анна Григорьевна Достоевская — автор обширных трудов, увековечивающих память о писателе, как-то:

- Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в Московском историческом музее имени Александра III. 1846–1903. СПб., 1906. [Указатель насчитывал 4232 позиции; над его пополнением вдова писателя работала до конца жизни.]

⁵⁸ В основу публикации в «Русской мысли» положено письмо Андрея Федоровича двоюродной сестре О.А. Фальц-Фейн, переданное ею в редакцию вместе с фотографиями траурной церемонии. – Б.Т.

- *Дневник*. М.: Новая Москва, 1923.
- *Воспоминания*. М.-Л.: ГИЗ, 1925.

Одно время она изучала прошлое рода Достоевских. Собранные ею материалы хранятся в Пушкинском Доме, в архиве Достоевского. Несколько выписок из этих материалов включено М.В. Волоцким в настоящее издание.

Поколение четырнадцатое

330. Достоевская София Федоровна

32 / 329

([22]II (5.III) — 12 (24) V.1868, Женева). Первый ребенок писателя. Названа в честь С.А. Ивановой (№ 408), [крещена 4 (16) или 5 (17) мая 1868 г. в русском Крестовоздвиженском соборе в Женеве.] Умерла от воспаления легких, [похоронена на кладбище Plain Palais.]

А.Г. Достоевская

...Еще далеко до рождения дитяти мы решили назвать его, если родится сын – Мишей, в честь любимого брата, а если дочь – то Соней, в честь любимой племянницы, Софии Александровны Ивановой. Но Ф.М. почему-то думалось и желалось, чтобы была девочка. (*Письма Достоевского к жене*. С. 314)

Страдания мои с каждым часом увеличивались; я по временам теряла сознание и, приходя в себя и видя устремленные на меня черные глаза незнакомой для меня *garde-malade*⁵⁹, пугалась и не понимала, где я нахожусь и что со мною происходит. Наконец около пяти часов ночи на 22 февраля (нашего стиля) муки мои прекратились, и родилась наша Соня⁶⁰. Федор Михайлович рассказывал мне потом, что все время молился обо мне, и вдруг среди моих стонов ему послышался какой-то странный, точно детский крик. Он не поверил своему слуху, но когда детский крик повторился, то он понял, что родился ребенок, и, вне себя от радости, вскочил с колен, подбежал к запертой на крючок двери, с силою толкнул ее и, бросившись на колени около моей постели, стал целовать мои руки. Я тоже была страшно счастлива, что прекратились мои страдания. Мы оба были так потрясены, что в первые пять-десять минут не знали, кто у нас родился; мы слышали, что кто-то из присутствовавших дам сказал: «Un garçon, n'est-ce pas?»⁶¹, а другая ответила: «Fillette, une adorable fillette!»⁶² Но нам с мужем было одинаково радостно, кто бы ни родился, – до того мы оба были счастливы, что исполнилась наша мечта, появилось на свет Божий новое существо, наш первенец!

(*Воспоминания*. С. 174–175)

⁵⁹ Сиделки (франц.).

⁶⁰ По более достоверному свидетельству отца (см. далее), Соня родилась не в пять, а в два часа ночи. Это же время указано и в официальном документе «Extrait du register des naissances de la ville de Genève» (*Жизнь и труды*. С. 177). – Б.Т.

⁶¹ «Мальчик, не правда ли?» (франц.).

⁶² «Девочка, очаровательная девочка!» (франц.).

Ф.М. Достоевский – С.Д. Яновскому
22.II (5.III) 1868. Женева

С того момента, как я начал это письмо, прошло 24 часа; за это время Анна Григорьевна, жена моя и Ваш искренний друг, подарила мне дочку, Соню. Она ужасно страдала, но наконец в два часа утра из соседней комнаты, которая была для меня закрыта, я услышал крик ребенка, *моего ребенка*. Это странное ощущение для отца, но из всех человеческих ощущений оно одно из лучших; теперь я знаю это по собственному опыту. Моя жена мужественно перенесла все это испытание; сейчас она чувствует себя достаточно хорошо и не перестает любоваться своим творением. Малышка большая и чувствует себя хорошо... (ПСС. Т. 28₂. С. 359)

Метрические записи города Женевы

В четверг пятого марта тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года родилась в Женеве и назавтра зарегистрирована Достоевская София, дочь Теодора фон Достоевского и Анны Сниткиной, его жены.

(Копия рукой А.Г. Достоевской. ИРЛИ. Ф. 100. № 30403)

Ф.М. Достоевский – А.Н. Майкову
18 (30) V.1868. Женева

Это маленькое, трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное – для меня было уже лицо и характер. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее целовал; она останавливалась плакать, когда я подходил. (ПСС. Т. 28₂. С. 297)

А.Г. Достоевская

К моему большому счастью, Федор Михайлович оказался нежнейшим отцом: он непременно присутствовал при купании девочки и помогал мне, сам завертывал ее в пикейное одеяльце и зашпиливал его английскими булавками, носил и укачивал ее на руках и, бросая свои занятия, спешил к ней, чуть только заслышит ее голосок. Первым вопросом при его пробуждении или по возвращении домой было: «Что Соня? Здорова? Хорошо ли спала, кушала?» Федор Михайлович целыми часами просиживал у ее постельки, то напевая ей песенки, то разговаривая с нею...

Но недолго дано было нам наслаждаться нашим безоблачным счастьем. В первых числах мая стояла дивная погода, и мы, по настоятельному совету доктора, каждый день возили нашу дорогую крошку в Jardin des Anglais, где она и спала в своей колясочке два-три часа. В один несчастный день во время такой прогулки погода внезапно изменилась, началась биза (bise), и, очевидно, девочка простудилась, потому что в ту же ночь у нее повысилась температура и появился кашель. Мы тотчас же обратились к лучшему детскому врачу, и он посещал нас каждый день, уверяя, что девочка наша поправится. Даже за три часа до ее смерти говорил, что больной значительно лучше⁶³. Несмотря на его уверения,

⁶³ То же самое собирает и отец в письме С.А. Ивановой, 23 июня (5 июля) 1868 г., Веве: «Глупый доктор (первый в Женеве!) не рассмотрел болезни и даже в день смерти ее говорил, что ей легче. Я за два часа до смерти еще не думал, что она умрет, веря доктору!» (ПСС. Т. 28₂. С. 306). – Ред.

Федор Михайлович не мог ничем заниматься и почти не отходил от ее колыбели. Оба мы были в страшной тревоге, и наши мрачные предчувствия оправдались: днем 12 мая (нашего стиля) наша дорогая Соня скончалась. Я не в силах изобразить того отчаяния, которое овладело нами, когда мы увидели мертвую нашу милую дочь. Глубоко потрясенная и опечаленная ее кончиною, я страшно боялась за моего несчастного мужа: отчаяние его было бурное, он рыдал и плакал, как женщина, стоя пред остывавшим телом своей любимицы, и покрывал ее бледное личико и ручки горячими поцелуями. Такого бурного отчаяния я никогда более не видала⁶⁴. Обоим нам казалось, что мы не вынесем нашего горя. Два дня мы вместе, не разлучаясь ни на минуту, ходили по разным учреждениям, чтобы получить дозволение похоронить нашу крошку, вместе заказывали все необходимое для ее погребения, вместе наряжали в белое атласное платьице, вместе укладывали в белый, обитый атласом гробик и плакали, безудержно плакали. На Федора Михайловича было страшно смотреть, до того он осунулся и похудел за неделю болезни Сони.

(Воспоминания. С. 177–178)

Соня Достоевская на смертном одре

Извещение о погребении

Город Женева. Похоронная церемония.

Господин доктор Сильвестр проинформировал, что кончина мадемуазель Достоевской Софии, 3 месяцев отроду, имела место быть 24 мая 1868 г. и похороны назначены на 26 мая 1868 г., в 4 часа.

Адрес: Улица Вильгельма Телля на углу улицы Бертелье, во втором этаже у мадемуазель Реймонден.

(Копия рукой А.Г. Достоевской. ИРЛИ. Ф. 100. № 30403)

А.Г. Достоевская

На третий день мы свезли наше сокровище для отпевания в русскую церковь, а оттуда на кладбище в Plain Palais, где и схоронили в отделе, отведенном для погребения младенцев. Через несколько дней могила ее была обсажена кипарисами, а среди них был поставлен белый мраморный крест. Каждый день ходили мы с мужем на ее могилку, носили цветы и плакали. Слишком уж тяжело было нам расстаться с нашею бесценною малюткою, так искренно и глубоко успели мы ее полюбить и так много мечтаний и надежд соединилось у нас с ее существованием!

(Воспоминания. С. 178–179)

⁶⁴ «Плакала, конечно, и Анна Григорьевна. Их соседи, знавшие о несчастье, присылали просить, чтобы она делала это не столь громко: откровенный русский плач действовал на нервы сдержанным женовским жителям» (Последний год Достоевского. С. 408). – Ред.

И.Л. Волгин

Они покинули ненавистную Женеву, и он, не любивший роптать на судьбу, впервые стал жаловаться Анне Григорьевне, исчисляя все свои страдания и неудачи...

Смерть первого и единственного ребенка словно открыла какой-то клапан: перенесший каторгу, потерю первой жены и брата, не сломленный нуждой и литературной поденщиной, он, так любивший ветхозаветную книгу Иова, наконец возопил.

Он пишет Майкову: «Если даже и будет другой ребенок, то не понимаю, как я буду любить его; где любви найду; мне нужно Соню». Ему необходимо не дитя вообще, а именно это конкретное дитя. Так штабс-капитан Снегирев, теряющий своего Илюшечку, на утешающий совет сына взять после его смерти «хорошего мальчика другого» ответит: «Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика!»

(Последний год Достоевского. С. 408)

Могила Сони Достоевской была утрачена, однако в 1981 г. американские достоеведы А.И. и Н.А. Натовы по материалам кладбищенского архива определили место захоронения, а также установили надгробную доску с надписью по-французски: «София – дочь Федора и Анны Достоевских» (*Русская мысль. 1981. 26 марта. С. 12*).

331. Достоевская Любовь Федоровна

32 / 329

(14 (26) IX.1869 [Дрезден] — 10.XI.1926 [Гриес близ Больцано⁶⁵, Южный Тироль]). Дочь писателя, в семье ее звали Лилей⁶⁶.

[Училась в Литейной женской гимназии, которую не окончила, прервав обучение по состоянию здоровья.] С 1913 г. до конца жизни жила за границей. Писательница, автор психологических рассказов, в которых главным образом изображаются патологические, извращенные характеры. В 1918 г. написала книгу воспоминаний о своем отце, русский перевод которой (неполный) вышел в 1922 г. [полный перевод опубликован в 1992 г.]

Умерла от лейкоза.

Метрическая книга русской церкви в Дрездене
1870 г., часть первая, о родившихся. Январь

Счет родившихся. Женского пола. 1. Месяц и день. Четырнадцатого сентября 1869 года. Крещение. Двенадцатого <января>. Имена родившихся. Любовь.

Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого происхождения. Отставной подпоручик Федор Михайлов Достоевский и законная жена его Анна Григорьевна, оба православного исповедания.

Звание, имя, отчество и фамилия воспитателей. Действительный статский советник Аполлон Николаевич Майков и жена действительного статского советника Вера Михайлова Иванова.

Кто совершал таинство крещения. Священник Александр Розанов с псаломщиком А. Певцовым.

(Ксерокопия – ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

⁶⁵ Сейчас Гриес входит в городскую черту Больцано. – *Ред.*

⁶⁶ На Западе дочь Достоевского называла себя Aimée, что по-французски означает «любовь». – *Ред.*

А.Г. Достоевская
Записная книжка 1881 г.

Про Лилю <Федор Михайлович, отец> часто говорил: я видел ее в первую минуту, когда она родилась, и тотчас же увидел, что она на меня похожа. (*Достоевский в забытых. С. 276*)

Ф.М. Достоевский – пасынку Павлу
10 (22) I.1870. Дрезден

Визжит и смеется поминутно, полненькая и сытенькая девчонка. И все хочет, чтоб с ней танцевали.

А.Н. Майкову
9 (21) X.1870. Дрезден

Девочка моя здорова, выкормлена, отучена от груди, начинает сильно понимать и даже говорить, — но очень нервный ребенок, так что боюсь, хотя здорова. (*ПСС. Т. 29, С. 100, 147*)

А.Г. Достоевская – мужу⁶⁷
30.XII.1871. Петербург

После отъезда папы в Москву Лиля сидела на ковре у папиной двери и звала: «Папа, папа». Хотела по обыкновению разбудить утром папу, но узнавши, что папы нет, была очень грустна. Лиля говорит: «Папа ушел в Мочту и приедет сегодня». Лиля называет себя Любочта.

27.V.1872. Петербург

<Пишу> из Петербурга, где я осталась с Лилей по случаю операции с ее рукой⁶⁸...

30.V.1872. Петербург

...Лиля здорова, спит днем 2 часа и ночью без просыпу. Ест охотно. Ходим гулять в Исаакиевский сквер или в Юсупов. <...> Лиля часто говорит о папе, говорит, что ей без папы тучно (скучно) и зовет ехать в Стар<ую> Руссу. Объявила, что ее Лиля и Саша прибили и сами разодрались, и я должна была наказать кукол.

5.VI.1872. Петербург

...Капризничает, не хочет ходить, а просит носить на руках, холод и дождь и боязнь за Лилю. <...> Лиля говорит, что у ней «блюско» болит.

9.VI.1872. Петербург

Уговариваю <мужа> не беспокоиться. Решаю поступить как скажет Барч и Глама⁶⁹, так как чрезвычайно важно, чтобы снял перевязку тот же самый доктор, который ее наложил,

⁶⁷ Сами эти письма не сохранились, но фрагменты, касающиеся детей, были переписаны Анной Григорьевной в записную книжку 1902–1903 гг. – *Ред.*

⁶⁸ Сломанная рука девочки срослась неправильно, поэтому пришлось делать операцию. – *Ред.*

⁶⁹ И.М. Барч и Н.Л. Глама – врачи Максимилиановской больницы, делавшие операцию Любе. – *Ред.*

так как он помнит, в каком виде была рука до операции. Если Барч велит остаться еще на неделю – то я остаюсь. Совсем без повязки на Лилиной руке я в путь не пушусь. <...> Поцалуй *Фечте*.

15.VI.1873. Старая Русса

...Дети в первый раз раскричались и ни за что не захотели сесть в <лечебную минеральную> ванну. Решила выкупать Лилю насильно: насильно раздели и посадили в ванну, и она через минуту перестала плакать, а когда стали через 15 минут вынимать, то очень не хотела выходить из воды.

27.VI.1873. Старая Русса

...Сильно поздоровела, есть цвет лица; привыкла есть яйца всмятку и гогель-могель или, как она называет, додель-модель. Болели у Лили зубки.

10.VII.1873. Старая Русса

...Торопя меня идти за крестным ходом, говорила: «Мама, иди скорей, – Бог пройдет!» <...> Лилия очень подружилась с хозяином. «Где Палесан Палыч (Александр Карлович Гриббе), мне его очень нужно», – говорит она часто важным тоном, разыскивая его, чтобы попросить у него ягод. Хозяйку Анну Гавриловну она называет Анна-Гаврила.

15.VII.1873. Старая Русса

Мы в большом горе, что папа <задержавшись в Петербурге> не приехал. Бедная Любочка даже плакала и говорила, что мы ее все обманываем, а что папа, верно, не скоро придет; потом стала просить, если папе к нам нельзя, то пусть мы к папе съездили бы. Насилу ее успокоила. <...> Няня спрашивает Лилю, что она подарит Феде на рождение. Лилия отвечает, немного подумав: «Да что я ему подарю, разве мое какое-нибудь старенькое платье».

24.VII.1873. Старая Русса

На днях Лилия начала икать, я ей говорю: «Фу, какой срам!» А она мне отвечает: «Я ведь не путаю (пукаю), я ведь это сердцем путаю», что означает икаю.

10.VIII.1873. Старая Русса

Сегодня Люба проснулась ночью, плакала и твердила про «мужика»; утром я спрашиваю, отчего она испугалась, она отвечает, что она шла по грязи, шалила, а ее стал бить мужик «тополом» по спине, и Федю, и няню, вот почему она и плакала. – Сегодня случилось смешное приключение: дети отправились к батюшке <Иоанну Румянцеву> на рождение Фисочки, возвращаются домой – Люба горько плачет, а Федя бежит мне навстречу и говорит преважно: «Мама, Лилька ляпку в нюдик блопила (бросила)». Оказалось, что Люба уронила свою соломенную шляпу кой-куда. Бедная Любочка, придя домой, жалобно твердила: «Ой-ой-ой, где-то моя родная шляпочка!»

12.VI.1874. Старая Русса

Сегодня Люба сидит против форточки, я прогоняю ее, а она говорит, что ей надо сидеть на ветру, «чтобы я была воздушнее». – Люба просит «считать с нею яблоки», то есть делать сложение и вычитание, но я, конечно, не утомляю ее.

18.VI.1874. Старая Русса

Сегодня Федя и Люба прибежали с оживленными лицами сказать мне, что какая-то собака «не любит музыки». Прасковья играла на гармонии, а собака выла. На днях вечером, сидя со мной у ворот, Люба говорит мне, что «завтра будет хорошая погода, потому что впереди стада шла тласная талова (красная корова), а когда черная идет, то будет дождь».

4.VII.1874. Старая Русса

Вчера Люба просилась поздно вечером к батюшке, я ее не пустила, она и говорит: «Сама не ходишь в гости, да и *добрых людей* не пускаешь!» <...> Люба иной раз, когда я ее не пускаю к батюшке, говорит: «Ты оттого меня не пускаешь, что у меня платье плохое?» Или: «Ты боишься, что я буду качаться на качелях», – всегда сама придумывает причины моему отказу.

7.VII.1874. Старая Русса

Дети веселятся, гуляют и здороваются. У Любы иногда по целым дням румянец на щеках. Взяли 18 ванн, думаем взять еще 20. Дожди небольшие. Первое удовольствие наших детишек в том, чтобы во время легкого дождя пробежать по двору или протянуть руки, чтобы вымочил дождь. Оба они очень дружны и видимо любят друг друга⁷⁰. Я купила им на ярмарке по книжке с раскрашенными картинками, и Лиля преважно рассказывает про медведя, указывая на картинки. <...> На днях Люба говорит мне, когда я ее поздно вечером не пускала к батюшке: «Ах Господи, опять мне рев начинать», т.е. плакать, чтоб ее отпустили. (*Материалы и исследования. Т. 7. С. 273–280*)

Л.Ф. Достоевская

В детстве я была очень нервной и часто плакала. Чтобы развлечь меня, отец предлагал потанцевать с ним. Мебель в зале отодвигалась в сторону, мать брала в кавалеры сына, и мы танцевали кадрили. (*Достоевский в изображении дочери. С. 147*)

А.Г. Достоевская

...Наша девочка, на вид такая бледная и хрупкая⁷¹... (*Воспоминания. С. 224*)

Ф.М. Достоевский — жене
15 (27) VII.1876. Эмс

Не пренебрегай Лилей и, если можно, начни ее хоть помаленьку учить читать. У Лили, по-моему, твой характер: будет и добрая, и умная, и честная, и в то же время *широкая*... (*ПСС. Т. 29₂. С. 99*)

Л.Ф. Достоевская

...Мы еще только учились читать, когда начались наши литературные вечера. Первый из них глубоко врезался мне в память. В один из осенних вечеров в Старой Руссе, когда дождь лил как из ведра и желтые листья устилали землю, Достоевский объявил нам, что будет читать нам «Разбойников» Шиллера. <...> Хотя в семилетнем возрасте я была не в состоянии понять произведения Шиллера, зато я хорошо поняла, что эта загадочная драма очень интересовала отца и что я тоже должна казаться заинтересованной, чтобы угодить ему. Хитрая, как почти все маленькие девочки, я делала ученый вид, кивала сочувст-

⁷⁰ Ср. с отношениями брата и сестры в зрелом возрасте, с. 467. – Ред.

⁷¹ Относится к лету 1872 г. – М.В.

вующе головой и придавала своему лицу такое выражение, как будто бы я очень ценю гений Шиллера. Но так как сон одолевал меня тем сильнее, чем свирепее вели себя братья Моор, я судорожно распахивала как можно шире свои бедные утомленные детские глаза; брат Федор засыпал совершенно бесцеремонно... Бедный отец! Он надеялся, что сможет вместе с нами пережить вновь то волнение, которое вызывали в нем когда-то драмы Шиллера; он забыл, что был по крайней мере вдвое старше нас, когда смог их оценить...

Я научилась читать в течение нескольких недель и проглатывала все книги, попадавшие мне в руки. Мать возражала против чтения без разбора, которое действительно должно было приносить вред нервному ребенку. Достоевский же поддерживал меня в этом и узнавал в этой любви к чтению собственную страсть к книгам. <...> Первой книгой, подаренной мне отцом, была русская история Карамзина с прекрасными иллюстрациями. <...> Славяно-норманнские князья были моими любимыми героями. Словно во сне, слышала я их песни, их боевые кличи. Любимой моей героиней была Рогнеда, дочь норманнского князя Рогволода; в наших детских спектаклях я предпочитала играть ее роль. Путешествуя впоследствии по Западной Европе, я повсюду искала следы любимых норманнов. (*Достоевский в изображении дочери. С. 151–152, 154–155*)

Подробнее о воспитании детей в семье Достоевских – на с. 477–479.

Б.М. Маркевич⁷²

<За несколько часов до смерти Достоевский> позвав детей — мальчика и девочку, старшая девочка, которой 11 лет, говорил с ними о том, как они должны жить после него, как должны любить мать, любить честность и труд, любить бедных и помогать им <...> Двое детей их, сын и дочь, тут же на коленях торопливо, испуганно крестились. Девочка в отчаянном порыве кинулась ко мне, схватила меня за руку: «Молитесь, прошу вас, молитесь за папашу, чтобы если у него были грехи, Бог ему простил!» — проговорила она с каким-то поразительным, недетским выражением и залилась истерическими слезами. Я ее, всю дрожащую ознобом, увел из кабинета, но она вырвалась из моих рук и убежала опять к умирающему.

(*Московские ведомости. 1881. № 32. 1 февраля*)

М.А. Рыкачев (№ 374) – тестю
30.I.1881. Петербург

Лиля была в ужасном волнении и удивительно все понимала. «Папочка, папочка, всегда я буду помнить, что ты мне говоришь, всю жизнь мою ты будешь как бы при мне».

(*Материалы и исследования. Т. 1. С. 288*)

Л.Ф. Достоевская

<Если бы при мне открыли гроб отца> печальная действительность убила бы, наверное, странную мечту, овладевшую мной на следующий день после похорон, сначала

⁷² Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884) – публицист охранительного толка, романист. Был высокопоставленным чиновником, близким к царскому двору; один из друзей М.Н. Каткова, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей». – *Ред.*

доставившую мне большую радость, а потом причинившую много горя. Я грезила, что мой отец не умер, что он погребен живым в состоянии летаргического сна, что скоро он проснется в своей могиле, будет звать на помощь кладбищенских сторожей и вернется домой. Я воображала нашу радость, наш смех, поцелуи, ласковые слова, которые скажем друг другу. Недаром я была дочерью писателя; потребность придумывать сцены, жесты, слова жила во мне, и это детское творчество давало мне много радости.

(Достоевский в изображении дочери. С. 206)

А.П. Остроумова-Лебедева⁷³

...В младших классах внезапно появилась среди нас Люба Достоевская, дочь писателя. Крупная девочка, с размашистыми движениями, с копной светло-золотистых, во все стороны развевающихся волос. Лицо некрасивое, с маленькими, карими, глубоко сидящими глазами, тяжелым лбом, широкими скулами, серовато-желтого цвета.

Она была недолго. Так же неожиданно исчезла, как и появилась. Один раз я на нее очень обиделась. Как-то после занятий весь наш класс, 38 человек, стоял попарно на ступенях лестницы, ожидая очереди быть впущенным в раздевалку. Вышла какая-то задержка, мы долго стояли, и нам это сильно надоело. Люба Достоевская нашла себе развлечение. Она вздумала ставить отметки своим одноклассницам за красоту носов и ушей. Поднимаясь по лестнице мимо пар, она трогала нос девочки пальцем и определяла отметкой его красоту. Поравнявшись со мной, она тоже ткнула пальцем в мой курносый нос и произнесла: «Тебе – единица!»

Я была очень оскорблена за свой нос.

<После окончания гимназии, на балу у Владиславлевых> я встретила Достоевскую, она Владиславлевым приходилась родственницей. Держала она себя очень недоступно, высокомерно, и я помню, как за нею пришел ливрейный лакей в цилиндре с кокардой.

(Автобиографические записки. М., 2003. С. 41–42)

Д.А. Достоевский

Все свое свободное время <в Руссе> Федя и Люба проводят с детьми священника Иоанна Румянцева. <...> Из Любы и дочерей батюшки составилась неплохой хор...

Люба подростком страдала от прыщей на лице, желая быть в свете, она, однако, вынуждена была оставаться дома, что отражалось на ее характере.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 561, 564)

Анкета, заполненная Л.Ф. Достоевской в «Альбоме признаний»⁷⁴

1. Главная черта вашего характера?	Веселость и гордость.
2. Какую цель преследуете вы в жизни?	Найти счастье на земле и не забывать о будущей жизни.
3. В чем счастье?	В спокойной совести.

⁷³ Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955) – гравер-ксилограф. Одноклассница Любы Достоевской по Литейной гимназии. – *Ред.*

⁷⁴ Альбом этот сохранился среди домашних вещей Достоевских в их домике в Старой Руссе. Анкета не датирована, но, судя по датам, проставленным Анной Григорьевной <см. с. 427–428>, а также друзьями и знакомыми семьи Достоевских, писавшими в том же альбоме, заполнение ее относится к январю 1889 г., то есть к тому времени, когда Любе недавно исполнилось 19 лет. – *М.В.*

4. В чем несчастье?

5. Самая счастливая минута
в вашей жизни?

6. Самая тяжелая минута
в вашей жизни?

7. Чем или кем желали бы вы быть?

8. Где бы желали жить?

9. К какому народу желали бы
вы принадлежать?

10. Ваше любимое занятие?

11. Ваше любимое удовольствие?

12. Ваша главная привычка?

13. Долго ли бы вы хотели жить?

14. Какою смертью хотели бы вы
умереть?

15. К чему вы чувствуете наибольшее
сострадание?

16. К какой добродетели вы относитесь
с наибольшим уважением?

17. К какому пороку вы относитесь
с наибольшим снисхождением?

18. Что вы более всего цените
в мужчине?

19. Что вы более цените в женщине?

20. Ваше мнение о современных
молодых людях?

21. Ваше мнение о современных
молодых девушках?

22. Верите ли вы в любовь с первой
встречи?

23. Можно ли любить несколько раз
в жизни?

24. Были ли вы влюблены и
сколько раз?

25. Ваше мнение о женском вопросе?

26. Ваше мнение о браке и
супружеской жизни?

27. Каких лет следует жениться
и выходить замуж?

В самоунижении и подозрительном
характере.

Ее еще не было.

До сих пор, кажется, их было
не особенно много, впрочем горькие
минуты я скоро забываю.

Женщиной, к которой бы люди
относились с уважением.

Там, где побольше солнца и хорошей
погоды.

К англичанам.

Вечером, когда заходит солнце, гулять
или кататься.

Осматривать готические соборы
и здания.

Мало сидеть и много ходить.

Как можно дольше.

К калекам.

Пожертвовать собою для других.

К самолюбию.

Веселый нрав и хорошее воспитание.

Нежное сердце и религиозность.

Гораздо лучше, чем о них принято
обыкновенно говорить.

Эгоистки и слишком практичны.

Нет, в России это невозможно. Где-
нибудь в Испании, в Италии, пожалуй.
Можно.

Влюблена не была, но некоторые мне
нравились.

Я его не признаю.

Когда полюбишь.

28. Что лучше, любить или быть любимой? Быть любимой и не любить — скучно. Любить же и не быть любимой — мучительно.
29. Покоряться или чтобы вам покорялись? Зачем покорять. Покоряться легче.
30. Вечно подозревать или часто обманывать? И то, и другое одинаково тяжело.
31. Желать и не получить или иметь и потерять? Иметь и потерять только не по своей вине.
32. Какое историческое событие вызывает в вас наибольшее сочувствие?
33. Ваш любимый писатель? Достоевский.
34. Ваш любимый поэт? Шекспир.
35. Ваша любимый герой в романах? Троекуров из «Перелом» и «Бездны»⁷⁵.
36. Ваша любимая героиня в романах?
37. Ваше любимое стихотворение?
38. Ваш любимый художник? Рафаэль, Тициан и Рембрант.
39. Ваша любимая картина? «Христос на кресте» (Пом<ещена> в Венской карт<инной> галл<ерее>).
40. Ваш любимый композитор?
41. Ваше любимое музыкальное произведение? «Лоэнгрин».
42. Каково настроение души вашей в настоящее время? Радостное, как всегда.
43. Ваше любимое изречение?
44. Ваша любимая поговорка? Перемелется — мука будет.
45. Следует ли всегда быть откровенным? Не всегда.
46. Искренно ли вы отвечали на вопросы? Старалась.
- (НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 3. Ед. хр. 2. Лл. 23–27)

Д.А. Достоевский

Отказ дочери помогать матери в ее священном деле популяризации произведений отца стал большим ударом для Анны Григорьевны. Люба пишет матери: «Я понимаю, что можно просить переслать забытые планы или документы, но заставлять выискивать ключи, открывать сундуки, перечитывать вороха писем, и все для того, чтобы доказать какому-то идиоту, что папа имел некоторое значение в России — право же унижительно, а по отношению ко мне жестоко» <...> весной 1892 г. приехавшая первой в Старую Руссу Люба сообщает матери, что из-за половодья подмокли сундуки, стоявшие внизу, и она собственноручно выбросила «превратившийся в труху» чемодан Федора Михайловича с его ве-

⁷⁵ Романы Б.М. Маркевича «Перелом» (1880) и «Бездна» (1883, не закончен) публиковались в «Русском вестнике». Троекуров — «феодализованный Печорин, изображенный последним могиканином славного дворянского прошлого» (Литературная энциклопедия: В 11 томах. Т. 6. М.: ОГИЗ, Советская энциклопедия, 1932. Стб. 806–807). — Ред.

щами и письмами <...> как выяснилось, она же сама поленилась поднять вещи на второй этаж осенью. Там же произошло и другое неприятное событие для матери. Однажды на дачу прибежал солдат с мокрой Любой на руках, он рассказал, что Люба пыталась утопиться в мелководной Перерытице, а он ее спас. Анна Григорьевна все сделала, чтобы скрыть скандал: дала деньги солдату, чтобы молчал, а у военного начальства выпросила ему медаль...

Им необходимо было строить свою собственную жизнь, искать собственные интересы, порой отличные от интересов матери. Над ними довлела слава отца, и это приводило порой к сложностям в их жизни. Любовь Федоровна, например, так и не нашла себе достойного спутника жизни. Она влюблялась в Великого князя, почитателя таланта папы⁷⁶, или в старорусского губернатора, и каждый раз безответно.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 563, 564)

М.Н. Стоюнина (записано В.Ф. Стасюковой)

После смерти Федора Михайловича картина жизни в семье Достоевских меняется. В отношениях дочери Любови с матерью постепенно происходит охлаждение, возникают крупные несогласия в убеждениях, склонностях и вкусах, что и приводит потом к разрыву. Разлад между ними дошел до того, что Анна Григорьевна, видя однажды, как выносят из церкви девичий гроб, воскликнула: «Зачем не мою дочь это хоронят!»

Любовь Федоровна льнет к аристократическому кругу, у нее развилось страстное честолюбие, жажда жить открыто, устраивать светские приемы; скромная квартира на Ямской стесняет ее, снимается, по ее настоянию, новая: на углу Знаменской и Невского. Перемена в условиях жизни совершилась: обстановка роскошная, появилась голубая шелковая гостиная, жардиньерки, поэтические уголки, ценные вазы, шали, саксонские лампы, фарфоровые статуэтки <...> Связь с дочерью вскоре окончательно порывается, и они разошлись. Дочь поселяется на Фурштатской, мать — на Спасской. В салоне дочери гости стали важнее, дочь царит остроумием, пишет легкие пьески для театра, однако скучает от шумной пустоты света. Мать украдкой следит за дочерью и трагически переживает неудачную ее судьбу.

(Статьи и материалы. Сб. 2. С. 581)

Д.А. Достоевский

Анна Григорьевна, стараясь удержать Любу при себе, выезжает с ней в Европу. Анне Григорьевне милы тихие уголки Германии и Швейцарии, где она может предаться воспоминаниям, а Люба стремится в Париж, Монте-Карло, Рим, окончательно отдаляясь от матери. <...> Любовь Федоровна странствовала по Европе, окруженная компаньонками — «странными чужеродными женщинами», как определил их ее брат Федор. <...> Письма к матери из-за границы заполнены описанием своих болезней и прекрасных уголков Европы, требованием денег на жизнь на Лазурном берегу Франции. В Монте-Карло она стала играть в рулетку, чем повергла в ужас Анну Григорьевну...

⁷⁶ Вероятно, в К.Р. — И.В.

По <ее> завещанию Любви Федоровне не доставалось ничего, так как мать не могла простить ей отъезд за границу.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 569, 570)

А.Г. Достоевская – дочери

26.I.1899 <Петербург> (неотправленное⁷⁷)

Дорогая и милая Лиля!

Мне страшно тяжело, что приходится тебя огорчить и обеспокоить, сообщив тебе одно известие, которое я несколько лет от тебя скрывала. Прошу тебя ради Бога не пугаться заранее и мужественно принять сообщение, так как ничто не угрожает твоей жизни и при тщательном лечении ты вполне можешь поправить свое здоровье.

С самого рождения моих детей меня мучила мысль, что в них может проявиться болезнь, которую страдал их отец, – эпилепсия. Я тщательно следила за вашим здоровьем и просила наблюдать докторов, но ни в раннем детстве, ни в юности, ни при каких случаях признаков болезни в вас не замечалось. <...> Когда наступала какая-нибудь тяжелая болезнь, я просила докторов *серьезно* наблюдать, не проявится ли во время болезни и после нее каких-либо признаков эпилепсии. Ни один из лечивших тебя докторов не заметил ничего подобного, и все они уверяли меня, что если во время прорезывания зубов и затем периода возмужалости (от 13 <до> 17 лет) признаков эпилепсии не будет, то она никогда не проявится. (О том, что в тебе не проявлялась эпилепсия во время хлороформирования, может подтвердить тебе Вонгль Свидерский⁷⁸). Только один доктор Шапиро⁷⁹, знавший, что у тебя бывают сильные боли в желудке (перед регулами), во время которых ты иногда на минуту теряла сознание, заметил мне, что это может быть какая-либо форма эпилепсии, в слабой степени, разумеется...

Я уже начинала успокаиваться, как вдруг, к великому моему ужасу и общему нашему несчастью, у тебя случился припадок эпилепсии. <...> Произошло это в Бруннене, на Люцернском <Фирвальдштеттском> озере <...> В ночь с воскресенья на понедельник, 9-го августа <1893>, в 1/2 первого или в 20 минут первого ночи я, спавшая в своей комнате, услышала не крик, а какое-то рокотание и тотчас же подбежала к твоей кровати. Ты громко рокотала, глаза были полузакрыты и как-то скошены. Была вся в поту, я *не* заметила, чтоб были сильные судороги в руках, но слабые были. Через 3–4 минуты рокотание прекратилось и ты стала тихо дышать; затем через несколько минут стала дышать глубже и порывистее, затем стала дышать ровно и крепко уснула. <...> В половине 9-го проснулась (вероятно, я нечаянно разбудила), стала жаловаться на зубы и на боль в языке. Оказалось, что у тебя укушен язык в двух местах (с левой стороны языка). На лице виднелись едва заметные крапинки. Весь день жаловалась на язык и зубы, но ничего не говорила о боли в голове. К вечеру стала говорить, что болят ноги. Ходили пломбировать зубы и пригласи-

⁷⁷ Письмо было помещено в конверт с надписью: «Передать Феодору Феодоровичу <Достоевскому> после моей смерти, не вскрывая конверта», вложена также записка, в которой сын был уполномочен Анной Григорьевной сообщить своей сестре о ее болезни и поддержать ее в горе. Однако ни дочь, ни сын этого письма не читали, оно осталось в архиве Анны Григорьевны и было впервые вскрыто сотрудниками Центархива 21 июня 1922 г. – *Ред.*

⁷⁸ Вонгль-Свидерский Теофиль Владиславович – петербургский зубной врач. – *Ред.*

⁷⁹ Шапиро Генрих Александрович (1852–1901) – известный специалист по внутренним и нервным болезням. – *Ред.*

ли доктора Шельберта. <...> 10 августа ты стала жаловаться на боль ног, на то, что трудно ходить. <...> В четверг заболело горло и обнаружилась ангина...

<Доктор Шельберт> объявил, что *не* может сказать положительно, что это припадок эпилепсии. Что, конечно, в тебе есть предрасположение к этой болезни, что она может прорываться отдельными случаями (бывает, и после 50-ти лет), но что следует лечиться и тогда эту болезнь можно ограничить *очень немногими случаями*. Прописал Кали бромати и велел пить два месяца сряду, что ты и исполняла. На мой вопрос – сказать ли тебе об этом, *положительно* мне запретил. Он боялся, что ты испугаешься, придешь в отчаяние и что, благодаря твоему волнению, случаи болезни могут участиться. Пойми также, что мы были в чужой стороне, и представь, что бы я могла сделать с тобой, если б ты пришла в уныние и отчаяние. Я решила послушать совета д<окто>ра Шельберта, не говорить тебе и лечить тебя теми лекарствами, которые он прописал. Вернувшись в Россию, я обращалась ко многим докторам, рассказывала подробности болезни (не называя тебя, конечно) и получила успокоительные ответы, вроде того, что и у совершенно здоровых людей могут быть припадки вроде эпилепсии и затем не повторяться. Некоторые из них <врачей> выражали мнение, что эпилепсия могла в тебе обнаружиться именно в те годы, в какие она проявилась у твоего отца, а затем вновь скрыться. Все доктора настаивали на том, чтоб ты принимала бром, а так как ты чрез два месяца перестала его принимать (ввиду появления прыщей на спине и груди), то доктора посоветовали давать тебе лекарство тайком, под видом другого лекарства, или вливая его в твой чай, молоко или кофе. Припомни, что ты много раз находила свой чай или что другое – невкусным или противным. Но множество раз ты совсем не замечала. По совету докторов я то вновь начинала, то прекращала лечение, и оно продолжалось, и я вела ежедневный бюллетень <...> Некоторые <доктора> полагали, что косвенной причиной проявления болезни была необыкновенно сильная гроза (скопление электричества), бывшая в ночь на 9-е августа 1893 года. Вернее же всего, это совокупность многих условий: наследственное предрасположение, приближение времени года, когда болезнь обнаружилась у отца, инфлуэнца, гроза и другие какие-либо причины.

Затем прошло год и пять месяцев и последовал второй припадок. Это произошло 23 декабря 1894 года. Явления болезни были те же самые и прошли все благополучно. Причины были морального свойства. Ты почему-то очень волновалась из-за писем Ленской к Офросимову и была чрезвычайно тревожна.

Затем прошло более 10 месяцев и 29 октября 1895 г<ода> в ночь на 30-е произошел третий припадок. Мы только что вернулись из-за границы, ты страшно устала дорогою и боялась оставаться одна в квартире (прислуги еще не было) и вот под влиянием этих причин у тебя были страшно расстроены нервы.

<После второго припадка врач посоветовал> обмануть тебя и давать тебе Эрленмейеровскую воду (содержащую в себе бромистый кали) под видом воды Виши. Эту воду Виши ты принимала в течение долгого времени, и это давало возможность задерживать припадки. <...> мы опять принялись за лечение, за питьем Виши и с *таким* успехом, что отдалили наступление нового припадка почти на три года <...> благодаря тому, что ты, страдая бессонницей, пила воду Виши. Доктора, знавшие о твоей болезни, видя, что припадки так отдалены друг от друга, уверяли меня, что они вновь не появятся, и начали советовать не так настойчиво давать тебе бром. К тому же ты уехала в Симферополь и очень поправи-

лась и я думала, что болезнь окончательно прошла. Но вот после поездки в Красное к Дистерло⁸⁰ ты вернулась чем-то расстроенная, была очень встревожена и, хотя я и принялась подливать тебе в кофе кали бромати, но, очевидно, этого было мало и в ночь на 1-е августа 1898 г <ода> у тебя произошел четвертый припадок. Весь август и сентябрь до моего отъезда я поила тебя тайком кали бромати; затем ты потребовала, чтоб я уехала, и я не могла следить за твоим здоровьем. К тому же <я> понадеялась на то, что вновь наступит столь же продолжительный промежуток, каков был предыдущий. Вернувшись в Петербург, я принялась было поить тебя тайком, но это было страшно неудобно, потому что Федя пил тот же чай и кофе, а потому я отложила начать лечение до его отъезда. И как я теперь в этом раскаиваюсь, потому что три дня тому, в ночь с 23 на 24-е января с тобою случился пятый припадок...

Дорогая моя Лиля, я представляю себе, как ты поражена моим рассказом, и я страшно мучаюсь, когда думаю о той минуте, когда ты узнаешь о своей болезни. Умоляю тебя не предаваться отчаянию <...> быть счастливой и довольной и наслаждаться благами мира сего эта болезнь тебе не мешает, да и на здоровье твое она почти совсем не действует. Кроме нескольких дней подряд после припадка, – она совсем не оставляет никаких последствий ни в физическом, ни в умственном отношении. Ты сама много раз хвалилась своим хорошим здоровьем. С этою болезнью можно прожить до старости, сохранивши свои умственные и нравственные силы, как сохранил их твой отец. Правда, тебе страшно выйти замуж из боязни иметь больных детей. Но ведь до сего времени ты не вышла не потому, что думала об эпилепсии и предполагала в себе эту болезнь, а потому что не встретила человека по себе. Да и по мнению докторов, болезнь в той слабой форме, в какой она проявилась у тебя, может и не перейти к детям или выразиться в другой, более легкой форме. Но ты теперь выбираешь себе другую деятельность, берешь на воспитание чужих детей, хочешь составить из них себе семью – в таких условиях болезнь твоя ничему не помешает. Конечно, она представляет собою страшное несчастье, но ведь нет на свете человека, который бы не страдал, у которого нет на душе какого-либо большого несчастья или горя или болезни. Бог посылает нам великие и тяжелые испытания и надо со смирением переносить их. Перенеси и ты, дорогая моя Лиля, молись и проси Господа и Пресвятую Богородицу помочь и исцелить тебя <...> Голубчик ты мой, мне жаль было огорчить тебя. Я знаю, какую тень положило бы это сообщение на всю твою жизнь. <...> Разумеется, если б ты решила выйти замуж, то я тебе принуждена была бы открыться, чтоб ты могла сама решить, выходить тебе или нет⁸¹. Не думай только, что я предоставила твою болезнь своему течению и, может быть, запустила ее. Ты можешь спросить всех упомянутых докторов, и они тебе скажут, что ты находилась под постоянным врачебным надзором и лечением. <...> если я сделала дурно, умоляю тебя – прости. Благословляю тебя, дорогая моя. Очень люблю тебя. Твоя мать – А.Д.

(Знамя. 1996. № 11. С. 178–182)

⁸⁰ Комментарий к первой публикации письма: «Речь идет о семье барона Романа Александровича Дистерло. Его невестка, Надежда Львовна Дистерло, была во главе Общества защиты детей от жестокого обращения. Так как далее в письме Анны Григорьевны говорится о намерении Любви Федоровны взять на воспитание чужих детей, можно предположить, что произошло это после встреч с Н.Л. Дистерло». – Ред.

⁸¹ В первой публикации это место комментируется так: «Вероятно, Анна Григорьевна нашла иной способ отговорить дочь от замужества, но не решилась сказать ей об эпилепсии». – Ред.

Л.Ф. Достоевская – А.А. Достоевскому
X (XI) 1898 <Петербург>

На днях в Новом Времени было напечатано объявление; просили взять мальчика, круглого сироту, на воспитание и усыновление. Я написала, прося сообщить сведения, но не подписалась, а только обозначила №№ дома и квартиры. Мне ответил какой-то господин следующее:

Мальчик 7 1/2 лет, *незаконный* сын какой-то *вполне приличной* женщины, которая содержала квартиру и пускала жильцов. Недавно она умерла, и сын ее остался *буквально* один на свете и без всяких средств. <...> Пожалуйста, съездите туда, не говорите нашей фамилии, а объясните, что пришел не от себя, а по поручению <узнайте все подробности> и посмотрите мальчика. Чрезвычайно меня обяжете. Если он не подойдет мне в воспитанники, то ведь все же можно помочь.

Теперь главное. Письмо пришло с запахом *карболки*, поэтому прежде чем входить, узнайте у швейцара или у дворника, что и как, чтобы Вам не заразиться.

12.XI.1898. Петербург

У мальчика я была, но взять не решилась, т.к. он еврей и очень типичный. Теперь мы с П.И. Вейнбергом думаем хлопотать куда-нибудь его пристроить.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 4)

10.X.1899. Москва

Моя свадьба с Кушинниковым⁸² решена окончательно – можете сообщить о ней всем.
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 5. Лл. 23 – 24 об. Цит. по: Знамя. 1996. № 11. С. 182)

Мил. Ф. Достоевский (племянник) и М.А. Чехова

Неуживчива, истерична, корыстолюбива, с большим самомнением.
(Записано М.В.)

Ф.Ф. Достоевский – матери

Лиля в Петербург, и ты в Петербург, Лиля за границу, и ты за границу, Лиля к черту, и ты к черту. Да что это за каторга такая! Да что это за глупость такая! Да и что это она писаная торба такая! Девка на возрасте очень практичная, сухая как кремь – ее не прошибешь, себя в обиду не даст, а ты с ней носишься, как с умалишенной какой-то. Да она все равно тебя на порог не пустит, да и как, и чем ты можешь ей помочь? Полно Кит-Китыч, да ты сам всякого обидишь – вот что можно про нее сказать словами Островского. Да в кого она уродилась такая! Просто руками разведи! Фаину, свою компаньонку, третирует, как последнюю собачонку – ругает и унижает на каждом шагу, даже на меня кидается по всякому поводу, и все это без малейшего раздражения, просто с холодной злостью. <...> Оставь ты ее в покое на некоторое время, пусть перебесится, и когда увидит, что ты без нее прожить можешь, поверь, будет относиться к тебе с почтением. Авось все образуется. Перемелется – мука будет.

(Цит. по: Достоевский и XX век. Т. 1. С. 567)

⁸² Никаких иных сведений как о личности Кушинникова, так и о причинах, по которым не состоялась объявленная свадьба, обнаружить не удалось. – Б.Т.

Первоначальное представление о литературных способностях Любви Федоровны дает ее переписка с двоюродным братом, Андреем Андреевичем Достоевским (№ 380).

Л.Ф. Достоевская – А.А. Достоевскому
6.X.1897. Петербург

Петербург – город отвратительный. Не говоря о других его недостатках, я укажу на самый главный – в нем нет винтеров! Вот уже две недели, как я умоляю всех моих знакомых и что же? Все молодые люди в винт не играют, а барышни его ненавидят. Партнеров по-прежнему двое: Вы да я. Кликните клич, многоуважаемый Андрей Андреевич, добудьте мне двух партнеров! Во-первых, не захочет ли играть младший Семенов, Михаил Николаевич⁸³? <...> Насчет другого партнера даю Вам *carte blanche*, только Бога ради, не Пальчикова. Жду скорого ответа, не получу – умру. Каково будет Вам идти за прахом безвременно погибшей кузины?..

P.S. Не играет ли в винт мой спорщик-племянник⁸⁴ – вот был бы нам винтер.

21.X.1897. Петербург

Радуйтесь, многоуважаемый Андрей Андреевич, у Вас есть герб <Радван> и в гербу всякая всячина: и шлем с рыцарскими перьями, и рука с мечем и т.д. Все это и много интересных подробностей мама узнала в Публичной библиотеке, и в благодарность за свои подвиги получила 4 головные боли...

Зато нашелся четвертый партнер для винта, и я думаю, недурно было бы нам зыграть в винт на этой неделе <...> Зараз расскажем Вам историю рода Достоевских...

P.S. Один из Ваших предков был *Андрей*.

P.S. P.S. В воскресенье я видала в цирке 4-х очаровательных слонов, которые совсем полонили мое сердце.

29.X.1897. Петербург

Прочла сейчас Ваши соображения и тотчас Вам отвечаю. Из них я совершенно ясно узнала, *чего мне не надо* делать, но *что именно надо* для исполнения задуманного нами дела, для меня, к сожалению, остается туманным. *La critique est aisée, l'art est difficile!*⁸⁵

Вы пишете, что литературные собрания, мною задуманные, будут игрушкой, и что мы слишком стары и серьезны, чтобы ею играть. Правда, годы наши почтенны⁸⁶, но будто бы мы так серьезны? Чем мы в сущности интересуемся, и о чем мы говорим? Мы играем в винт; с серьезным видом рассуждаем о том, могла ли француженка-прачка и вивандьерка, сделавшись герцогиней, запутаться в придворном шлейфе, с чрезвычайно оживленным видом рассказываем анекдоты о падающих шкафах и огнестрельном оружии, и делаем все это не краснея и не стыдясь, потому только, что это так принято и никто над нами за это не посмеется. Великое дело – общественное мнение, и как глубоко я сожалею, что до сих пор не научилась еще его уважать, и с большим удовольствием переменила бы вышеописанные *серьезные* разговоры на *игрушку*: литературные собрания.

⁸³ Сын Н.П. Семенова (литератора и государственного деятеля; петербургского знакомого Федора Михайловича Достоевского) и племянник П.П. Семенова-Тян-Шанского. – *Ред.*

⁸⁴ Вероятно, один из мальчиков Рыкачевых: 21-летний Андрей (№ 385) или 16-летний Миша (№ 389). – *Ред.*

⁸⁵ Критика легка, искусство трудно (*франц.*).

⁸⁶ Любви Федоровне исполнилось 28 лет, Андрею Андреевичу 34 года. – *Ред.*

Вы говорите, над нами будут смеяться, но скажите мне, было ли на свете хоть одно новое дело, над которым бы не смеялись, и стоит ли вниманья этот смех? Да и кто будет смеяться? Невежды, разн<ые> Горации и т.д. Признаюсь, я всегда считала людей глупых и необразованных не людьми, а более или менее забавными обезьянами. Жестоко с моей стороны, правда, но, может быть, приняв во внимание, кто был мой отец и в каких традициях я воспитана, отчасти и простительно.

Вы говорите, что «большинство людей, наших знакомых, сами имеют о вещах свое суждение» и «узнали уже себя в том и другом направлении». Да простит мне Аллах, не могу я поверить, чтобы люди умные, живущие, а не прозябающие, могли бы когда-либо в течение всей своей жизни достигнуть такой минуты, чтобы сказать себе: теперь я все знаю, все понимаю и все мои сомнения разрешены! Такую точку над человеческими мыслями может поставить одна могила, да и то не точку, а многоточие.

Но если я ошибаюсь, если Вы действительно покончили благополучно со всеми вопросами, то почему же не хотите Вы помочь разобраться в своих мыслях людям, которых все еще тревожат «проклятые»

вопросы, в которых жизнь кипит, и всякое новое дело и новая мысль заставляют их размышлять и зачастую негодовать.

В этом случае те «рефераты», о которых я говорила, оказали бы большую услугу. Человек читает небольшому кружку статью о вопросе, который его интересует, и просит слушателей не смеяться над ним, но разобрать ее и высказать свой взгляд. Что ж Вы нашли в этом комичного или игрушечного?

Итак, будемте смелее, постоим за свою мысль и не откажемся от трудного, но во всяком случае симпатичного дела. Искренно уважающая Вас Л. Достоевская.

P.S. С чрезвычайным удовольствием прочла о «селе Достоеве и его обитателях»⁸⁷. Сегодня-же начинаю вышивать пояс священнику, а также посылаю свой портрет г. Витольду Орде⁸⁸.

⁸⁷ Материалы, присланные священником белорусской Достоевской церкви А. Кульчитским (см. примечание 2 на с. 15). – *Ред.*

⁸⁸ Помещик Новошиц и Достоева Витольд Викторович Орда (1828–1895) к тому времени уже умер, а его внук Витольд Карлович Орда (1901–1945) еще не родился. Возможно, речь идет об их родственнике – Витольде, сыне знаменитого белорусского композитора и художника Наполеона Орды. – *Ред.*

14.IV.1898. Симферополь

На этой неделе я уезжаю в Ялту <...> надеюсь получить от Вас длинное письмо. Тот факт, что Вы позабыли отправить мне написанное письмо, страшно для меня оскорбительн, и только частая и подробная корреспонденция может несколько загладить подобный афронт...

Опишите мне, пожалуйста, Нансена. Вы верно будете его чествовать⁸⁹. Это человек, который меня очень интересует, и я с удовольствием читаю его дневник, хотя и не понимаю ничего в технических выраженьях.

11.XII.1901 <Петербург>

...Честное слово, я не понимаю моей матери. Десять дней тому назад я получила от нее <из Москвы> отчаянное письмо, в котором она сообщает мне, что бедный Федя заболел сильным дифтеритом, что она должна была пригласить к нему какую-то московскую знаменитость, которая ездила к Феде по *четыре раза* в день смазывать горло и брала за свои визиты очень дорого, т<ак> что бедная мама совсем разорилась. Сообщив мне эти ужасные известия, мама беззаботно прибавляет, что после 8^{ми} дневного дифтерита Федю усадили в вагон и отправили на Юг.

Ничего не понимая в ее письме, я написала маме, что удивляюсь, что она отправила больного сына в мороз и совершенно одного, а также просила отныне мне присылать телеграммы и предложила заказать ей новые платья у ее здешнего портного.

Теперь, судя по Вашему письму, *страшный* дифтерит превратился в инфлуэнцу. Завтра, надо полагать, инфлуэнца окажется простым насморком. О, женщины, женщины!⁹⁰

Я в настоящее время в отвратительном настроении и избегаю людей, потому что боюсь, как бы их не съесть. Если же не боитесь быть съеденным, то зайдите ко мне пообедать в эту пятницу, 14-го.

7 (20) IX.1902. Лугано, Швейцария

После долгих странствий и многочисленных приключений я наконец нашла мою мать, и мы с ней вместе поселились на берегу очаровательного озера Лугано. Здесь тепло, светит солнце, небо голубое, озеро изумрудное а красота такая, как в волшебной сказке. <...> Есть что-то чарующее в милой Италии. Насколько мне не нравится мешчанская Германия и холодная Швейцария, настолько все здесь радует и веселит...

Все в нашем отеле хорошо, кроме чернил и перьев.

Мой сердечный привет Рыкачевым.

19.IX (2.X) 1902. Лугано, Швейцария

Бедный Золя! Не находите ли Вы, что его смерть подходит к его романам? Думаю, что похороны его будут далеко не торжественны⁹¹. Нигде его так не ненавидят, как во Франции, может быть потому, что он один выставил французов в их настоящем виде.

⁸⁹ В апреле 1898 г. знаменитый полярный исследователь впервые приехал в Россию. В Петербургской академии наук Нансен прочитал доклад о своем путешествии на судне «Фрам» и научных открытиях и был избран почетным членом; награжден в т.ч. Большой золотой медалью Русского географического общества. Андрей Андреевич, сотрудничавший в Обществе, был, вероятно, как-то причастен к торжествам. – *Ред.*

⁹⁰ Поведение Анны Григорьевны, которой довелось похоронить двоих детей (умерших от внезапных недугов) и несколько лет лечить от предполагаемой эпилепсии автора письма, вполне объяснимо. – *Ред.*

⁹¹ Любовь Федоровна не угадала: похороны Эмиля Золя собрали около 50 тысяч человек. – *Ред.*

<18 (31)> X.1902. Париж

Мама купила Вам в подарок гравюру, но, к сожалению, ее можно подарить лишь в том случае, если Вы дадите клятву, что никогда не женитесь. Поэтому вот Вам занятие до нашего приезда: решите два вопроса.

1) Какое содержание гравюры

2) Что Вам более хочется иметь: жену или гравюру.

21.VI.1904. Дуббельн⁹²

Пишу Вам с рижского взморья, где живу вторую неделю. <...> Развлечений здесь мало музыка плохая. Для рассеянья мы, т.е. жена моего двоюродного брата⁹³ и я решили каждую неделю ездить в Ригу фланировать. Я там нашла множество кабачков и ресторанов, где можно получить очень вкусные вещи. Мы собираемся также сделать несколько пикников <с выездом в> лифляндскую Швейцарию⁹⁴, но для этого будем ждать приезда второго двоюродного брата, офицера. Не соберется ли сюда и третий двоюродной брат? Тогда наши пикники примут вполне джеромовский характер.

1913 <Париж>

Мой аккредитив⁹⁵ кончается, и вместо того, чтобы ехать в Виши, приходится возвращаться за деньгами в Петербург, а лечение отложить до осени. Хочу зараз издать четвертое издание Бол<ьных> Дев<ушек> которые разошлись до последнего экземпляра. Мечтала издать зараз и Адвокатку, да потеряла надежду когда-нибудь ее кончить. Вульгарный, мещанский Париж не только не дал ярких впечатлений, но отнял всякое вдохновение. Десятую неделю работаю над двумя главами и никак кончить не могу. Вообще моя Адвокатка потерпела такое же фиаско, какое потерпели все русские адвокатки в Гос<ударственном> Сов<ете>⁹⁶. Свою неудачу я объясняю тем, что взялась изображать тип несуществующий. Адвокатка и в Париже только 13 лет, а этого мало для создания типа. Страшно трудно также описывать замужнюю героиню. Приходится писать «de chic»⁹⁷ или по-русски «авось кривая вывезет».

6.VII.1913

На днях возвращаюсь в Петербург. Глупую мне приходится вести жизнь! Зимой живу среди пальм и роз, а летом сижу в душных городах. Что прикажете делать! Мой доктор объявил мне, что посылает меня не в Vichy а в Chatel Gu<y>on, там же в Оверне. Беда только в том, что это маленькое местечко, и зимнего сезона не бывает. Самое позднее я должна начать лечение в конце их Августа, т.е. 10–12 нашего и на Петербург должна таким образом пожертвовать Июль – самый жаркий и неприятный месяц. Хочется издать не только Бол<ьных> Дев<ушек>, но и Адвокатку. Покончив с ней, я с спокойной совестью уеду на осень за границу...

⁹² Сейчас – Дубулты. – Ред.

⁹³ Вероятно, в письме упоминаются родственники со стороны Сниткиных. – Ред.

⁹⁴ В окрестности Сигулды. – Ред.

⁹⁵ Именная ценная бумага, удостоверяющая право лица, на имя которого она выписана, получить в банке определенную сумму. – Ред.

⁹⁶ 24 января 1913 г. Государственный совет Российской империи 84 голосами против 66 отклонил законопроект о женщинах-адвокатах. Это событие вызвало небывалый отклик прессы: «Наши лорды <...> благополучно разрешили сложный и трудный вопрос о том, может ли человек, получивший диплом юридического факультета российских университетов, выступать в суде в качестве адвоката, если... этот человек носит юбку» (Правда. 1913. 26 января), и т.п. – Ред.

⁹⁷ Из головы (франц.).

3.X.1913 <Льеж, Бельгия>

Давно собиралась Вам писать, да уж очень была зла. Говорят, это обычное настроение у вегетарьянцев... поневоле. <...> теперь я постепенно перехожу на общечеловеческую пищу...

Удивительная страна <Бельгия>, у которой нет собственной физиономии! Частью похожа на Германию, частью на Францию, а порой, мне кажется, копирует Англию. И народ какой-то странный: в здешней, южной Бельгии, все говорят по-французски, а на севере, говорят, народ французского, *официального*, языка не понимает.

Адвокатка выйдет только в половине Октября, когда мама вернется с Кавказа. Это будет провал, и вполне заслуженный. «Миссьонерки» никакой нет; не хочу и думать о сочинительстве. Мечтаю о Сорренто.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 3, 4, 7, 9, 14)

А.А. Достоевский

Умная, образованная, вдумчивая, иногда не без сарказма мыслящая – она писала небольшие рассказы и театральные пьески для домашних спектаклей, но в печать их не отдавала. В 1911 году, однако, она решилась издать первую книжку своих рассказов и в течение двух лет издала их три: «Больные девушки», «Эмигрантка», «Адвокатка». Рассказы очень живо <...> написаны и показывают несомненную наследственность в литературном даровании. Все три книжки объединены одной темой – современные типы. В конце 1913 г. Любовь Федоровна поехала за границу и, не успев вернуться оттуда до войны, больше в Россию уже не возвращалась. За границей она жила литературным заработком и издала на немецком языке свои воспоминания об отце <...> Книга быстро была переведена на несколько языков, хотя критика отнеслась к ней с большим недоумением по поводу той странной и непонятной задачи, которую поставил себе автор: доказать нерусское происхождение отца. Отражая в себе вообще не особенно доброжелательный характер автора, книга Любовь Федоровны крайне тенденциозно построена, полна неверностей, ошибок и явно искаженных рассказов матери.

(Наброски примечаний к книге «Воспоминания А.М. Достоевского». № 129. Лл. 17–18. Коллекция Н.В. Паншева)

Б.Н. Тихомиров

Уже в XX веке, в период с 1905 по 1912 г., вплоть до ее отъезда из России, тесные дружеские отношения связывали Л.Ф. Достоевскую с сыном другого великого русского писателя – Львом Львовичем Толстым (Львом Толстым-младшим, как называли его современники). Хотя их отцы не были знакомы и никогда не встречались, у детей обнаружились точки сближения. Как можно предположить, объединяющим началом в их отношениях явился комплекс схожих переживаний, который можно было бы назвать «комплексом детей великих писателей». «Да, дети знаменитостей, – горе вам!» – воскликнул однажды Л.Л. Толстой. Под этим горьким восклицанием могла бы подписаться и Л.Ф. Достоевская.

В отличие от брата, который всю жизнь писал стихи, но никогда не рисковал публиковать их, даже под псевдонимом, Любовь Достоевская с начала 1890-х предпринимает попытки выступить на литературном поприще – сперва в драматическом жанре, а позднее – уже в XX веке, и в прозе. Насколько нам известно, первым ее драматическим опытом,

увидевшим сцену еще весной 1892 г., была одноактная пьеса «Jour fixe» (где Л.Ф. также исполнила и одну из ролей). Писал, и достаточно много, в драматическом роде и Л.Л. Толстой. Причем если миниатюры Л.Ф. Достоевской ставились главным образом на любительской сцене, то пьесы Л.Л. Толстого шли, например, в петербургском Малом театре А.С. Суворина. Однако, несмотря на громкие фамилии авторов (а скорее – благодаря им), литературные опыты Достоевской и Толстого – младших, к величайшему огорчению последних, оставались незамеченными в густой тени всемирно признанного творчества их великих отцов.

(Любовь Достоевская. Петербург – Больцано. С. 45–46)

Характер взаимоотношений дочери Достоевского и сына Толстого позволяет представить, например, следующее письмо:

Л.Ф. Достоевская – Л.Л. Толстому
2.I.1908. Петербург

Многоуважаемый
Граф Лев Львович,

У меня к Вам большая просьба. Я думаю устроить любительский спектакль с благотворительной целью (для убежища выздоравливающих женщин при Надеждинском приюте). Чтобы не ставить банальных, всем надоевших пьес, мы решили поставить новые, нигде еще не игранные. <...> Не захотите ли Вы тоже помочь мне в этом добром деле и не напишете ли для этого спектакля маленькую пьесу? Вы так чудесно пишете, Вам, наверно, будет легко это сделать. Пьеса желательна одноактная, по возможности, веселая, что-либо на современную тему, только, умоляю, не о женском вопросе, т<ак> к<ак> моя комедия <«Женский клуб», шутка в одном действии> написана на эту тему. Жду от Вас утвердительного ответа, мне так бы хотелось сделать свой спектакль интересным.

(Достоевский и мировая культура. № 4. С. 85–86)

М.В. Волоцкой

Характерной чертой творчества Л.Ф. Достоевской является концентрация внимания на вопросах наследственности и вырождения, главным образом на той идее, что психопаты в интересах человечества должны изолироваться от здоровой части общества и во всяком случае не должны производить потомства. Так, например, в предисловии к сборнику рассказов «Больные девушки» Любовь Федоровна пишет следующее: «В наше время, вследствие ненормального положения женщин в обществе, число больных девушек увеличивается с каждым годом. К сожалению, люди мало обращают на них внимания. Между тем, большинство таких девушек выходит замуж и заражает свою нервность и ненормальностью последующие поколения».

Повесть «Эмигрантка» также содержит ряд подобного же рода мыслей. Интересны, например, взгляды героя повести Гжатского на психогигиеническое значение монастырей: «Монастыри оказывали огромную услугу обществу, удерживая в своих стенах эротичек, истеричек, всякого рода маньяков, которые несомненно принесли бы вред людям, оставаясь в миру. Вредили они иногда, уже

будучи постриженными, лишь только по ошибке попадала в их руки власть. Стоит припомнить испанскую инквизицию со всеми ее утонченными пытками, в которых эти больные люди давали выход своему жестокому сладострастию. В монастырях этих больных не только держали, но еще и лечили. Наука говорит, что тишина, спокойная правильная жизнь вдали от раздражающих житейских впечатлений отлично действуют на душевнобольных. Монастыри к тому же основывались в большинстве случаев в прекрасной здоровой местности. Почти все нынешние германские и швейцарские санатории и люфткурорты построены на развалинах бывших монастырей или вблизи их. Основатели монастырей знали, какого рода субъекты населят их и что именно им потребуется. Повторяю: монастыри сослужили человечеству великую службу, заменяя дома душевнобольных и санатории, о которых в старину не имели понятия. Теперь же, когда они появились, монастыри более не нужны, и их закрывают».

Героиня этой повести — Ирина, в образе которой Любовь Федоровна до мельчайших подробностей олицетворяет лично себя, перед тем как покончить самоубийством, предается следующим размышлениям: «Что, если природе известно, что у нее <Ирины> могут быть дети от Гжатского, и она <природа> не хочет этих детей. Не хочет, потому что цель природы постепенно оздоравливать человечество и этим вести его к счастью, к познанию Бога и путей Его. Не хочет, чтобы потомство Ирины наследовало ее болезни и так же жестоко страдало, как она, не принося никакой пользы миру, не имея сил наслаждаться жизнью, а лишь наводя тоску и отчаяние на окружающих. Что, если природа послала ее сегодня смотреть восход солнца, приготовила ей этот стакан⁹⁸ и теперь торопит его выпить?»

Что же за болезнь была у Ирины, от которой она «так жестоко страдала»? Ответ на этот вопрос Любовь Федоровна вкладывает в следующие слова Гжатского: «Вы больны отвращением к действительной жизни, презрением к живым людям. Такая болезнь поражает обыкновенно детей и внуков писателей, ученых, художников, актеров, отчасти чиновников, из тех, что всю жизнь имели дело с одними бумагами. Чрезмерная работа ума в ущерб физической жизни не проходит даром, и за нее платятся потомки».

Многие черты личности Достоевской, в частности ее презрительно-недоброжелательное отношение к окружающим, рельефно выступают в тех характеристиках, которые она дает различным родственникам в своей книге об отце⁹⁹. Характеризуя других, Любовь Федоровна в конечном счете раскрывает свою собственную сущность.

Б.Н. Тихомиров

Говоря о литературном творчестве Л.Ф. Достоевской, надо отметить, что критика была чрезмерно пристрастна, обвиняя дочь писателя в полном отсутствии художественного

⁹⁸ Речь идет о растворе сулемы, которым Ирина лечилась от кожной болезни и выпив который, покончила самоубийством. Здесь мы также имеем одну автобиографическую деталь — в молодости Любовь Федоровна, как и ее брат, одно время страдала сильной угреватостью, носившей характер сыпи, и лечилась от этого кожного дефекта всевозможными средствами. — М.В.

⁹⁹ Характеристики эти цитируются в соответствующих местах этой работы. — М.В.

дарования. Скорее, ее беда заключалась в другом: Л.Ф. не сумела найти своей ниши в литературной жизни эпохи. У нее, бесспорно, был острый, цепкий взгляд, умелое, иногда до артистизма, перо. Очерковые зарисовки, которые широко встречаются в ее романах, часто очень выразительны. Вот, к примеру, подобная зарисовка из последнего романа «Эмигрантка»:

«Монте-Карло произвело на Ирину странное впечатление. В Риме, как и во всех больших городах, наряду с немногими великолепными экипажами, роскошными палаццо, богатыми людьми, встречались бедняки, нищие, грязные рабочие, их бедные жены и дети. Ничего подобного не было в Монте-Карло. Казалось, все жили здесь для собственного удовольствия. Лакеи в Café de Paris, подавая посетителям consommations, подпевали и подплясывали под звуки венгерского оркестра. Арабы, торгующие восточными шальями, разгуливали по парку в белых бурнусах, щегольских красных сапогах и, видимо, более хвастали своими красными товарами, чем желали их продать. Единственными занятыми людьми были крупные, и когда они в смену выходили толпой из казино, то напоминали рабочих, покидающих фабрику после изнурительного дня».

Без преувеличений, последнюю колоритную деталь неудивительно было бы встретить и в прозе позднего Чехова.

Подобные очерковые зарисовки, щедро рассыпанные особенно в «итальянском» романе писательницы – «Эмигрантка», порою превращают повествование в выразительный «дневник умной и наблюдательной туристки», как выразился один из дореволюционных критиков. Представляется, что на этом поприще – условно говоря, в жанре «писем русского путешественника» – Достоевская вполне могла бы достигнуть и больших творческих высот, и большей известности. Но эта жанровая составляющая не стала в прозе дочери писателя ни центральной, ни определяющей. Остро увиденные и точно запечатленные картины внешнего, объективного мира захлестывает все затопляющее субъективное, исповедальное начало. Собственные религиозные и нравственно-психологические переживания писательницы, сложность и драматизм ее взаимоотношений с матерью, рефлексия по поводу своих болезненных состояний, наконец, надрыв как следствие неудачной, несостоявшейся любви – все это широко входит в ее повести и рассказы, не столько являя результаты работы творческого воображения, сколько представляя собой формы личного присутствия автора в своих произведениях. Вплоть до того, что одну из героинь писательница наделяет своим собственным именем – Любовь Федоровна, другой дает девичью фамилию своей бабушки – Мильтопеус, а третью поселяет по соседству с собой на Сергиевской улице в Петербурге, близ Таврического сада.

Возникает впечатление, что сама Л.Ф. Достоевская, может быть бессознательно, склонна была относиться к своим произведениям не столько как к художественным созданиям, сколько как к личному исповедальному дневнику. В ее повести «Жалость» (из книги «Больные девушки», 1911) о начинающем писателе Викторе Б-ве, к которому и автор, и героиня относятся с нескрываемым сочувствием, сказано так: «Его герои были холодны, неуклюжи и прямолинейны. Они напоминали наивные рисунки древних египтян. Но прекрасная душа автора сквозила в каждой строчке...» Строки эти можно считать, может быть, невольным, но лаконичным и точным творческим автопортретом самой Любови Федоровны.

(Любовь Достоевская. Петербург – Больцано. С. 49–52)

Е.П. Достоевская, невестка

Если у Ф.Ф. Достоевского его тяжелый характер скрашивался многими симпатичными свойствами, то про Любовь Федоровну этого, к сожалению, сказать нельзя. Основными чертами ее характера были крайнее самолюбие, тщеславие, неуживчивость, недоброжелательное отношение к людям и болезненное корыстолюбие. В последнем отношении она отчасти напоминала свою тетку Варвару Михайловну Карепину, но только без тех проявлений доброты, которые все же были свойственны этой ее родственнице.

По внешности — светлая блондинка.
(Записано М.В.)

Характерна реакция Любви Федоровны на происходящие вокруг нее мировые события:

Л.Ф. Достоевская — матери
24.III (6.IV) 1917. Лозанна

Прочла в здешних газетах, что во время мартовских событий в Петербурге было много пожаров на окраинах города. Пожалуйста, узнай, не сгорели ли склады, где стоят мои вещи, и, если сгорели, то немедленно же начни требовать страховые. <...> Письма из России опять не приходят. Как надоел весь этот беспорядок! Съестные припасы в Швейцарии все уменьшаются, и порции становятся все меньше и меньше. В Италии, говорят, прямо голод. Это меня беспокоит, так как доктора советовали мне съездить еще раз в Solsomoggiore.
(Достоевский и мировая культура. № 12. С. 240—241)

Л.С. Михаэлис

Между братом и сестрой Достоевскими не было ничего общего. Они не только не любили, но, вернее, не выносили друг друга. Перед смертью Федор Федорович как-то сказал мне — вот сестрица, должно быть, обрадуется, когда узнает, что я умер: еще одним претендентом на наследство меньше.
(Записано М.В.)

Значительная часть жизни Любви Федоровны, начиная с самого раннего возраста, прошла в различных лечебницах, санаториях и на курортах, где она лечилась от своих многочисленных недугов.

Ф.М. Достоевский — сестре Вере
20.IV.1872. Петербург

Владиславлевы хвалят место <в Старой Руссе>, хвалят воды, дешевизну и комфорт. Правда, место озерное и сыренько, это известно, но что делать. Воды действуют против золотухи и полезны будут Любе.
(ПСС. Т. 29, С. 234—235)

Л.Ф. Достоевская – матери

5.III.1917 <Лозанна>

Наступает весна, и я опять по обыкновению хуже себя чувствую – опять сердцебиение, бессонница, расстройство нервов, тяжесть в затылке. Неужели же я никогда, наконец, не поправлюсь? В апреле будет 4 года, когда я в Ментоне почувствовала боль в желудке и поехала лечиться в Париж, где Albert Robin¹⁰⁰ давал мне такие глупые советы. Здешние доктора уверяют меня, что это и было начало критического возраста. Подумать только, что я болею уже 4 года, а конца болезни все еще нет.

24.III (6.IV) 1917. Лозанна

Моя спина в эту зиму гораздо лучше, но мускулы возле конца позвоночного столба все еще болят. Если нельзя будет ехать в Италию, то придется лечиться в Швейцарии в Baden возле Цюриха. Разумеется, это далеко не одно и то же.

30.VII.1917. Баден

Пишу тебе из [Бадена], маленького городка возле Цюриха, где я лечусь серными ваннами... Здешний доктор уверяет меня, что мои мигрени происходят от того, что шея и затылок поражены артритизмом, заставляет меня сидеть в ванне по губы и говорит, что впоследствии, когда я окрепну, необходимо будет лечить затылок световыми лучами. Сердце мое так слабо, что после каждой ванны я отдыхаю день, а иногда и два.

(Достоевский и мировая культура. № 12. С. 239–240, 241, 245)

Н.А. Натова

18 ноября 1921 года по инициативе Эмского литературного общества в курзале было устроено торжественное собрание, посвященное юбилейной дате <100-летию со дня рождения Достоевского>. Прочсть доклад о писателе был приглашен доктор Карл Мюллер <...> Перед докладом в помещении курзала, где проходило собрание, был поставлен портрет Достоевского кисти Перова и икона Казанской Божией матери, перед которой русскими посетителями были зажжены свечи. Перед началом второй части доклада в залу вошла дама в сопровождении князя Трубецкого и профессора Кошина. Эта дама была Любовь Федоровна Достоевская. Она поблагодарила доктора Мюллера за чествование памяти ее отца и попросила продолжать доклад. Окончив доклад, доктор Мюллер сообщил публике о присутствии в зале дочери писателя – все собравшиеся горячо приветствовали Любовь Федоровну. После доклада устроители собрания проводили Любовь Федоровну и бывших с ней лиц в отель «Russischer Hof».

На следующий день Любовь Федоровна встретилась с руководителями Эмского литературного общества и с представителями газет, прибывшими из Кобленца, Лимбурга, Висбадена, Франкфурта и Кельна. Однако по настоянию французских оккупационных властей сообщение об этой встрече не было опубликовано в газетах. Не было разрешено также упоминать в газетах о факте присутствия дочери писателя на юбилейном собрании.

(Достоевский в Бад-Эмсе. С. 110–111)

¹⁰⁰ Робен Альбер Эдуард (род. 1847) – профессор, был известен в России как автор переведенных книг «О кровопускании» (СПб., 1898), «Руководство к частной терапии» (СПб., 1896–1902) и др. – Ред.

Б.Н. Тихомиров

Такое исключительное внимание общественности, журналистов к Л.Ф. Достоевской, как можно предположить, было обусловлено не просто тем, что она была дочерью великого писателя, юбилей которого чествовали во всем мире, но – не в последнюю очередь и ее новым выступлением на литературном поприще. На этот раз с мемуарной книгой «Достоевский в изображении его дочери». <...> Хотя ее последний роман «Эмигрантка» был переведен на английский язык и вышел еще в 1916 г. в лондонском издательстве «Constable&Co» под редакцией и с вступительной статьей известного критика Ст. Грэхема, как писательницу Л.Ф. Достоевскую на Западе фактически не знали. Книга воспоминаний об отце молниеносно получила всеевропейский, а вскоре и заокеанский резонанс; пришла известность, пришла слава.

(Любовь Достоевская. Петербург – Больцано. С. 56–59)

Е.П. Достоевская

Л.Ф. стала болеть с мая 1926 г., о чем она несколько раз писала мне. Благодаря поддержке заграничных литературных обществ она могла жить в хороших санаториях и, по указаниям докторов, менять местности. Так, в августе она поехала в Милан, к доктору, которому очень доверяла. Этот последний выписал ей одну даму (полурусскую), которая ухаживала за Л.Ф. во время острых периодов ее болезни¹⁰¹. Он предупредил эту даму, что Л.Ф. опасно больна злокачественным малокровием или белокровием (*anemia perniciosa*) и что спасти ее не удастся. Л.Ф. была перевезена сначала в Arco (близ озера Garda), а затем в Gries, в санаторию D-ra Rössler'a, где 10 ноября в 4 1/2 час. дня она и умерла¹⁰². Похоронена в Gries'e на местном кладбище. Не живя роскошно, Л.Ф. все же не нуждалась, так как пользовалась поддержкой литературных обществ, а также имела доходы от своих книг, в особенности от последней книги об отце. Судя по ее последним письмам, она к концу жизни стала мягче и отзывчивее. Она настойчиво звала меня с сыном Андреем за границу, обещая свою поддержку и поддержку и участие многочисленных почитателей Федора Михайловича. Она интересовалась судьбой Андрея и старалась утешить меня в моей потере старшего сына. Одним словом, судя по этому, она очень изменилась, так как раньше я и мои дети были существами, ее не интересовавшими. Я рада, что наши отношения до ее смерти значительно смягчились.

(Письменные характеристики. М.В.)

Л.Ф. Достоевская – Е.П. Достоевской
<Осень 1925> Мерано, Южный Тироль

Простите, что так долго не отвечала на Ваше письмо. Я очень была больна осенью и должна была по приказанию доктора переехать из Ниццы в Меран на лечение. У меня уже было два нервных удара, и я с трудом волочу левую ногу. Во всем виновато ужасное

¹⁰¹ Веру Владимировну Корделас (Cordelas). (В письме М.В. Волоцкому от 13 февраля 1930 г. Е.П. Достоевская, которая после смерти Любви Федоровны была в переписке с Корделас, указывает, что последняя – «урожденная Достоевская». Утверждение это, очевидно, основано на недоразумении.) – Б.Т.

¹⁰² Подробнее о лечении и переездах Любви Федоровны в последний год см.: Марабини Б., Талалай М. Последняя точка пути // Любовь Достоевская. Петербург – Больцано. С. 85–98. – Ред.

беженское существование с подачками из разных благотворительных учреждений. Всю прошлую зиму пролежала я в клинике в Ницце, несколько раз писала Ол<ье> Ал<ександровне>¹⁰³, но она ничего не ответила и не приехала меня навестить. Я познакомилась с ней в Баден-Бадене два года тому назад. Она уверяла меня тогда, что вас всех выписывает на Ривьеру, и, приехав в Ниццу, я надеялась с Вами и с Андреем встретиться. Теперь слышу, что Вы не в силах расстаться с могилой Вашего старшего сына и остаетесь в Симферополе.

21.VI.1926. Арко, Трентино, Италия

Давно, давно получила Ваше письмо, но по болезни ничего не могла Вам ответить. У меня начался весной невроз сердца, болезнь подлейшая, какую злейшему врагу не пожелаю. Никакими делами заниматься нельзя, голову с подушки поднять невозможно. На лето посоветовали мне переехать в Арко – маленький курорт недалеко от Ривы на озере Гарда. Здесь я пролежала месяц на воздухе и, хотя не поправилась, могу кое-как начать заниматься текущими делами <...> Большая моя просьба Андрею. Пусть он воспользуется присланными долларами¹⁰⁴, чтобы отслужить панихиду о своей бабушке и дедушке Достоевских. Мне это редко удается, т<ак> к<ак> русские церкви существуют за границей лишь в больших городах, в кот<орых> с моими нищенскими средствами я жить не могу.

(Достоевский и мировая культура. № 13. С. 259, 261–262)

Консульство Чехословакии в Милане – в министерство иностранных дел республики
7.X.1926

В консульство ЧСР в Милане обратилась на днях письмом дочь известного русского писателя А. Достоевская. Она пригласила представителя консульства навестить ее в гостинице «Фиренце», где она временно остановилась с целью лечения у миланского специалиста по заболеваниям легких д-ра Шнейдера. Дочь писателя выразила желание по прошествии времени поговорить с чехами, которые стали близки ее сердцу и не отказали ей в помощи в критический момент ее жизни, чего она никогда не забудет. Нижеподписавшийся¹⁰⁵ с удовольствием исполнил желание госпожи Достоевской и посетил ее в ее бедной комнатке второсортной гостиницы «Фиренце», выбранной госпожой Достоевской как одна из наиболее дешевых. Я нашел дочь писателя больную и слабую, лежащую в кровати, без прислуги и необходимой заботы, забытую и без средств, что она, однако, с тревогой от меня скрывала, чтобы ее приглашение не могло быть истолковано как прошение о помощи. Она хотела бы сделать завещание и произвести оценку¹⁰⁶ ценных русских бумаг, которые она не желает доверить советским учреждениям, а весной ей хотелось бы побывать в Чехии. Однако пока она желает лечиться в Арко, куда собирается, если это позволит состояние ее здоровья, на днях. Она вспоминает господина президента и чешскую помощь русским беженцам, которые в будущем, в ее восстановленной родине, должны отдавать себе отчет в том, что Чехословакия в самое критическое время отдала им «свою последнюю рубашку», как она буквально выразилась. Она собирается подчеркнуть это

¹⁰³ Фальц-Фейн Ольга Александровна (1891–1972) – дочь Анны Петровны Фальц-Фейн (см. с. 441) и, соответственно, племянница Екатерины Петровны Достоевской (№ 334) и двоюродная сестра Андрея Федоровича Достоевского (№ 338). С 1920 г. в эмиграции. – *Ред.*

¹⁰⁴ Деньгами, полученными Л.Ф. Достоевской от Общества французских драматургов за постановку спектакля по роману «Идиот». – *Б.Т.*

¹⁰⁵ Подпись неразборчива. – *Ред.*

¹⁰⁶ Экономический термин, значение которого – получить за ценные бумаги деньги. – *Ред.*

в книжке, над которой работает. Консульство тактично предоставило больной женщине помощь, подарив ей 300 лир, навещая ее время от времени и облегчив ей таким образом пребывание в Милане. Консульство с удовольствием исполняет просьбу дочери писателя и передает господину президенту выражение ее благодарности и огромного уважения. (*Достоевский и мировая культура. № 18. С. 227*)

Б. Марабини, М. Талалай

...Пришел последний день, 10 ноября 1926 г. Доктор Фриц Ресслер, констатировав агонию, позвал местного священника. Согласно католическому обычаю, больной, уже находившейся в бессознательном состоянии, было дано причастие – дабы облегчить ее загробную участь. В пять часов пополудни¹⁰⁷ Любовь Федоровна Достоевская скончалась. Причина ее ранней смерти остается одной из загадок. В литературе о Достоевской утверждается, что фатальной болезнью стала пернициозная анемия. Свидетель ее последних дней доктор Ханнс Ресслер <-сын> утверждает, однако, что Любовь страдала туберкулезом, но этот диагноз не мог быть официально поставлен, ибо существовал строгий запрет на прием в «Гриесерхоф» чахоточных больных...

Спустя два дня после смерти, 12 ноября, чрезвычайно скромная похоронная процессия, состоявшая из супругов Ресслеров, медсестры и католического священника, проводила Достоевскую в последний путь¹⁰⁸. Ее погребли на небольшом кладбище, находившемся за санаторием «Гриесерхоф». Над могилой водрузили скромный деревянный крест – настолько простой, что уже вскоре он стал подгнивать <...> Обряд похорон, как уже сказано, был католическим – несмотря на то что Любовь исповедовала православие. В метрической книге скончавшихся в приходе Гриеса за 1926 г. на странице 27, под параграфом 76, записано следующее: «Aimée Достоевская; дата смерти – 10 ноября; место смерти – ул. Сан-Маурицио, № 80, «Гриесерхоф»; место рождения – Дрезден, не замужем, русская эмигрантка, родители – Федор и Анна Сниткина; вероисповедание – католическое <sic!>; возраст – 57 лет, причина смерти – пернициозная анемия, приобщение Святых Таин – in extremis absoluta¹⁰⁹; погребение – 12 ноября в 4 <часа> пополудни».

Метрическая книга Русской православной церкви во Флоренции¹¹⁰

Часть третья, о умерших за 1926–1927 гг.

Счет умерших. 3.

Месяц и день. Скончалась 10 ноября н<ового> с<тиля>, 28 окт<ября> ст<арого> ст<иля>. 29 окт<ября> ст<арого> ст<иля>¹¹¹ 11 янв<аря> н<ового> ст<иля> погребена.

¹⁰⁷ См. на с. 469: Е.П. Достоевская, основываясь на письме к ней В.В. Корделас, говорит о том, что смерть наступила в половине пятого. – *Ред.*

¹⁰⁸ Е.П. Достоевская в письме М.В. Волоцкому от 13 февраля 1930 г. делает выписку из письма к ней В.В. Корделас, которая до последнего мгновения находилась рядом с умирающей. Согласно свидетельству Корделас, картина похорон выглядела несколько иначе: «Несмотря на малочисленность присутствующих и почти отсутствие русских, из коих была я и Роберта Романовна Доброво, похороны были торжественные, с многочисленным католическим духовенством, с пением и венками». – *Б. Т.*

¹⁰⁹ В совершенно крайнем состоянии (*лат.*), то есть в агонии. – *Ред.*

¹¹⁰ Поскольку в Больцано не было православной церкви, Достоевскую похоронили по католическому обряду. В январе 1927 г. для совершения отпевания по православному обряду в Больцано из Флоренции специально приехал протоиерей И. Лелюхин. – *Б. Т.*

¹¹¹ Согласно метрической книге Гриеса, погребение состоялось 12 ноября, то есть 30 октября по старому стилю. – *Ред.*

Звание, имя, отчество и фамилия умершего. Любовь Федоровна Достоевская, дочь русского писателя Ф.М. Достоевского, родилась 1869 г., скончалась в городе Больцано Gries (Италия).

Лета. 57.

Отчего умер. От белокровия.

Кто исповедовал и причащал Св. Тайн. —

Кто совершал погребение и на каком кладбище. Протоиерей Иоанн Лелюхин на кладбище в Bolzano Gries, первая могила от входных дверей – направо.

(Любовь Достоевская. Петербург – Больцано. С. 95–97, 99)

В 1931 г., в связи с 50-летием со дня смерти писателя, в Италии был организован сбор средств на надгробие его дочери. Во второй половине 1950-х кладбище в Гриесе было упразднено, а прах Любви Федоровны перенесен на кладбище Ольтризарко (Оберау) в Больцано. Обнаруженное в 1980 г. супругами Натowymi, надгробие было затем отрезавировано по почину родственника Достоевских барона Э.А. Фальц-Фейна¹¹² и при помощи семьи доктора Ресслера.

Сочинения Любви Федоровны Достоевской

- Больные девушки: Современные типы. 2-е изд. СПб., 1911.
- Эмигрантка: Современные типы. СПб., 1913. (На англ. яз. – London: Constable&Co, 1916.)
- Адвокатка: Современные типы. СПб., 1913.
- Достоевский в изображении своей дочери. (Написанные по-французски, впервые эти мемуары были опубликованы в переводе на немецкий язык в 1920 г. в Мюнхене, практически одновременно они увидели свет на голландском языке в Арнеме (Нидерланды). В следующем, юбилейном году появились переводы на шведский (в Стокгольме) и английский (в Лондоне) языки. В 1922 г. последовало американское (Нью-Хейвен) и итальянское (Милан) издания; в сокращенном наполовину виде книга вышла также в России. В год смерти дочери писателя, 1926, в Париже мемуары Л.Ф. Достоевской были изданы и по-французски – на языке оригинала.)

332. Достоевский Федор Федорович

32 / 329

(16.VII.1871 [Петербург] — 4.I.1922¹¹³ [Москва]). Старший сын писателя.

[Окончил гимназию Гуревича в Петербурге. Прослушал курс юридических наук в Петербургском университете (свидетельство № 8913 от 11 ноября 1894 г. ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 30559). Спортсмен-конькобежец, коннозаводчик, казначей Императорского Московского скакового общества. Коллежский ассессор.]

Умер от грудной жабы [(миокардита), похоронен на Ваганьковском кладбище.]

¹¹² Фальц-Фейн Эдуард Александрович (род. 1912) – единокровные брат Ольги Александровны Фальц-Фейн, см. с. 470. Меценат и общественный деятель, много сил отдавший российской культуре и в частности наследию рода Достоевских. Награжден орденом Дружбы Народов (1994). См.: *Письма из Maison Russe*. С. 26–36. – Ред.

¹¹³ В первом издании «Хроники» дата смерти Федора Федоровича указана М.В. Волоцким по старому стилю и со смещением на один день: 23 декабря 1921 г. – Б.Т.

А.Г. Достоевская

Через восемь дней по приезде <из Германии> в Петербург, 16 июля, рано утром, родился наш старший сын Федор. Я почувствовала себя дурно накануне. Федор Михайлович, весь день и всю ночь молившийся о благополучном исходе, сказал мне потом, что решил, если родится сын, хотя бы за десять минут до полуночи, назвать его Владимиром, именем святого равноапостольного князя Владимира, память которого празднуется 15 июля. Но младенец родился 16-го и был наречен Федором, в честь своего отца, как мы давно это решили.

(Воспоминания. С. 204)

Метрическая книга Введенской церкви
лейб-гвардии Семеновского полка на 1871 год

Счет родившихся. Мужского пола. 101. Месяц и день рождения. Июля 16. Крещения. Сентября 1.

Имена родившихся. Феодор.

Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого происхождения. Отставной подпоручик Федор Михайлов Достоевский и жена его Анна Григорьевна, оба православного исповедания. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников. Действительный статский советник Аполлон Николаев Майков и дочь отставного подпоручика девица Любовь Федорова Достоевская.

Кто совершал таинство крещения. Священник Павел Заркевич с псаломщиком Виноградовым.

(ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 337. Лл. 78 об. – 79)

Ф.М. Достоевский — С.Д. Яновскому
4.II.1872. Петербург

Вот Федька (<...> теперь шести месяцев) так наверно получил бы приз на лондонской прошлогодней выставке грудных младенцев (только чтоб не сглазить!).
(ПСС. Т. 29₁. С. 229)

С самого раннего детства и в течение всей жизни имел неизменную привязанность к лошадам.

А.Г. Достоевская

«...А уж известно, что русский мальчик так и родится вместе с лошадкой» («Братья Карамазовы»). Это говорил часто Феодор Михайлович, видя, до чего любит лошадей наш старший сын Федя...

(Семинарий по Достоевскому. С. 67–68)

Елка 1872 года была особенная: на ней наш старший сын, Федя, в первый раз присутствовал «сознательно». Елку зажгли пораньше, и Федор Михайлович торжественно ввел в гостиную своих двух птенцов. Дети, конечно, были поражены сияющими огнями, украшениями и игрушками, окружавшими елку. Им были розданы папою подарки: дочери — прелестная кукла и чайная кукольная посуда,

сыну — большая труба, в которую он тотчас же и затрубил, и барабан. Но самый большой эффект на обеих детей произвели две гнедые из папки лошади, с великолепными гривами и хвостами. В них были впряжены лубочные санки, широкие, для двоих. Дети бросили игрушки и уселись в санки, а Федя, захватив вожжи, стал ими помахивать и погонять лошадей. Девочке, впрочем, санки скоро наскучили, и она занялась другими игрушками. Не то было с мальчиком: он выходил из себя от восторга, покрикивал на лошадей, ударял вожжами, вероятно, припомнив, как делали это проезжавшие мимо нашей дачи в Старой Руссе мужики. Только каким-то обманом удалось нам унести мальчика из гостиной и уложить спать.

Мы с Федором Михайловичем долго сидели и вспоминали подробности нашего

маленького праздника, и Федор Михайлович был им доволен, пожалуй, больше своих детей. Я легла спать в двенадцать, а муж похвалился мне новой, сегодня купленной у Вольфа книгой, очень для него интересной, которую собирался ночью читать. Но не тут-то было. Около часу он услышал неистовый плач в детской, тотчас туда поспешил и застал нашего мальчика, раскрасневшегося от крика, вырывавшегося из рук старухи Прохоровны и бормочущего какие-то непонятные слова. (Ему было менее полутора лет, и он неясно еще говорил.) На крик ребенка проснулась и я и прибежала в детскую. Так как громкий крик Феде мог разбудить спавшую в той же комнате его сестру, то Федор Михайлович решил унести его к себе в кабинет. Когда мы проходили чрез гостиную и Федя при свете свечи увидал санки, то мигом замолк и с такою силою потянулся всем своим мощным тельцем вниз к санкам, что Федор Михайлович не мог его сдержать и нашел нужным его туда посадить. Хоть слезы и продолжали катиться по щекам ребенка, но он уже смеялся, схватил вожжи и стал опять ими махать и причмокивать, как бы погоняя лошадей. Когда ребенок, по-видимому, вполне успокоился, Федор Михайлович хотел отнести его в детскую, но Федя залился горьким плачем и до тех пор плакал, пока его опять не посадили в саночки. Тут мы с Федором Михайловичем, сначала испуганные загадочною для нас болезнью, приключившеюся с ребенком, и уже решившие, несмотря на ночь, пригласить доктора, поняли, в чем дело: очевидно, воображение мальчика было поражено елкою, игрушками и тем удовольствием, которое он испытал, сидя в саночках, и вот, проснувшись ночью, он вспомнил о лошадках и потребовал свою новую игрушку. А так как его требование не удовлетворили, то и поднял крик, чем и достиг своей цели. Что было делать: мальчик окончательно, что называет-

ся, «разгулялся» и не хотел идти спать. Чтoб не бодрствовать всем троим, решили, что я и нянька пойдем спать, а Федор Михайлович посидит с мальчуганом и, когда тот устанет, отнесет его в постельку. Так и случилось. Назавтра муж весело жаловался мне.

— Ну и замучил меня ночью Федя! Я часа два-три не спускал с него глаз, все боялся, как бы он не вывернулся из саней и не расшибся. Уж няня два раза приходила звать его «баиньки», а он ручками машет и собирается опять заплакать. Так и просидели вместе часов до пяти. Тут он, видимо, устал и стал приваливаться к сторонке. Я его поддержал, и, вижу, крепко заснул, я и перенес его в детскую. Так мне и не пришлось начать купленную книгу, — смеялся Федор Михайлович, видимо, чрезвычайно довольный, что происшествие, сначала нас испугавшее, кончилось так благополучно.

...Федя с младенческих лет чрезвычайно любил лошадей, и, проживая по летам в Старой Руссе, мы с Федором Михайловичем всегда опасались, как бы не зашибли его лошади: двух-трех лет от роду он иногда вырывался от старушки-няньки, бежал к чужой лошади и обнимал ее за ногу. К счастью, лошади были деревенские, привыкшие к тому, что около них вертятся ребятишки, а потому все сходило благополучно. Когда мальчик подрос, то стал просить, чтоб ему подарили живую лошадку...

(Воспоминания. С. 242–244, 363)

Ф.М. Достоевский — жене
3.VI.1872. Старая Русса

Я ему показываю лошадок в окно, когда едут, ужасно интересуется и любит лошадей, кричит *мпру*.
(ПСС. Т. 29, С. 243)

А.Г. Достоевская — мужу¹¹⁴
12.VI.1873. Старая Русса

Когда петух поет, Федя кричит: «Я тал» (то есть я встал), т.к. няня сказала ему, что петух кричит: «Федя, вставай!»

15.VI.1873. Старая Русса

...Приходится носить детей на руках. Коляска есть, но или оба не хотят ехать, а если один захочет сесть, так и другой непременно попросит...

Передала <папин поцелуй и поклон> и Феде, он сказал: «Папа талаталку!» (Гостинцу.) Федя начинает говорить: «баня, маня, больно».

10.VII.1873. Старая Русса

...Говорит много новых слов, шалун ужасный и всех встречающих мальчиков-пальчиков (он так называет мальчишек) валит с ног, так что дети начинают его бояться. В воскресенье ходили за крестным ходом: Федя подходил под иконы и прикладывался очень чинно, чем привел всех в умиление.

¹¹⁴ Сами эти письма не сохранились, но фрагменты, касающиеся детей, были переписаны Анной Григорьевной в записную книжку 1902–1903 гг. — Ред.

24.VII.1873. Старая Русса

...Неожиданно превратился в девочку, третий день постоянно играет Любиными куклами и чашечками и уверяет, что ты привезешь ему келету (карету), каляку, туньку и сё-сё-сё (всё). <...> получив папино письмо, начал ходить по комнатам и его читать: «Матели, батели, тлям-тлям-тлям» и много раз цаловал письмо.

30.VII.1873. Старая Русса

Когда рассердится на няньку, то говорит ей важным тоном: «Уйду, уйду!» Вчера совсем ложился спать, но вдруг встал в кровати и таинственно говорит: «Няня! только папельку Зольту му!» – что означает, что ему хочется капельку посмотреть на корову Зорьку. Ему показали корову, и он тотчас успокоился.

21.VIII.1873. Старая Русса

Вероятно, будет впоследствии картежником, ибо не ложится и не встает, не положив под голову карт.

12.VI.1874. Старая Русса

...Преважно набивает папиросы ватой или бумагой и курит их. Шенк очень хвалил Федю, говорил, что «грудь великолепна, дыхание чистое». По его многолетним наблюдениям все золотушные очень склонны к кашлю; этим объясняет он и кашель Феди. <...> Федя ужасно полюбил перья: воткнул в шляпу белое куриное перо и не позволяет снимать его, говоря, что он офицер.

18.VI.1874. Старая Русса

Сегодня Федя и Люба прибежали с оживленными лицами сказать мне, что какая-то собака «не любит музыки». Прасковья играла на гармонии, а собака выла. <...> Федя только и дело твердит, что пойдет или поедет к Спасителю (в 7 верстах часовня, куда я детей непременно свезу, т.к. Федя только о том и мечтает). Раз идет вечером мимо дома мужик. Я и говорю: «Вот, возьми мальчика с собою к Спасителю». – «Пожалуй, возьму, пойдет ли со мной?» – Федя тотчас надел армяк, взял мужика за руку и пошел с ним; так он прошел очень далеко, почти до поля, об руку с мужиком и ни разу не оглянувшись на нас. Няня, разумеется, шла крадучись за ним. Дойдя до поля, мужик поцеловал Федю и сказал, что заедет завтра за ним на лошади; Федя насилу его отпустил.

(Материалы и исследования. Т. 7. С. 274–279)

Ф.М. Достоевский – жене

24.VI (6.VII) 1874. Эмс

Анекдот Феди с мужиком слишком примечателен, как пророчество будущему характеру: решимость, доверчивость, и что он не оглянулся на вас, так тут нельзя винить сердце. Он еще и не знает этих требований и даже наверно не понимал, что с вами расстался. Если б оставить его с мужиком дольше, то наверно бы спросил его: «Где няня?»

(ПСС. Т. 29, С. 337)

А.Г. Достоевская – мужу

28.VI.1874. Старая Русса

Федя как встает, так прямо идет к бабушке, то есть к сторожихе, в церковную ограду, и играет там часа два: носит дрова, катает шарики, возится с кошкой. Он очень любит там

играть один, так как ему никто не мешает. <...> Оба дети храбрые: не боятся ни грозы, ни покойников. Когда у <церкви Св.> Георгия похороны, свадьбы или крестины, дети непременно там. Ходим мы и ко всеошной, и Федя усердно молится. Завтра здесь начнется ярмарка, и мы пойдем за игрушками. Федя просит купить ножик «вот какой» – и показывает два аршина – косить траву.

4.VII.1874. Старая Русса

Шенк нашел, что Федя жирен для своих лет, и прописал ему пить воду соленную в часовне два раза в день. Сегодня Федя в первый раз пил эту воду и нашел, что она «сладкая». <...> Недавно мы были на ярмарке, и, идя туда, Федя спросил: «Мама, ты много с собой взяла денег?» – «Много». – «Копейку?» – У него копейка большие деньги. <...> У церковного сторожа Мины есть маленькая дочка Анютка 2-х лет; Федя полновластно ею распоряжается; часто, когда она бежит к берегу, он схватывает ее поперек тела, тащит прочь и говорит: «Ты ведь маленькая, упадешь в воду, иди прочь!» На днях я спросила Федю, кого он больше любит, меня или няньку, он отвечал, что не может говорить. «Отчего ты не можешь?» – «У меня зубов нет, все выпали», – и завел разговор о другом. Но потом признался, что любит больше няню и пусть я лучше уеду, а няня останется; но просит оставить ему Лильку. Хоть они и дерутся, но друг друга очень любят.

7.VII.1874

Сегодня у нас крестный ход по всему городу, и Федя с няней уже пошел провожать иконы от Георгия (там нет толпы). Ночью Федя вдруг горько заплакал и закричал: «Где моя палка, где моя палка, няня, милая, принеси мою палку», – и плакал, пока я его не успокоила.

Конец VII. 1874. Старая Русса

Федя стал очень стыдлив, и когда хочет пописать, то гонит няньку прочь, чтоб она не видала.

(Материалы и исследования. Т. 7. С. 279–281)

Ф.М. Достоевский

Записная книжка 1874 г.

Сказка, рассказанная мне Федей 4 сентября/74 г., в Старой Руссе, поутру за чаем.

«Был дом, до потолка, <большой> как береза. С жильцами. И вдруг попадают волк и аrap. Они вошли в дом и всех съели».

Феде три года и полтора месяца.

NB. Сказку эту он сам сочинил, на основании слышанных им сказок, разумеется. Но все же сочинил. Тут замечательны слова: *жильцы* и *попадают*. Он, стало быть, уже знает вполне, что такое *жильцы*. Но еще любопытнее, что он знает слово *попадают* и так вполне усвоил себе значение его.

(ПСС. Т. 27. С. 111)

И.Л. Волгин

Достоевский был хорошим отцом. Его дочь говорит, что он занялся воспитанием детей слишком рано («когда большинство отцов еще оставляют своих детей в детской»), не подозревая, что новейшая педагогика очень скоро вообще отменит нижнюю возрастную границу воспитательного процесса. Впрочем, он не претендует исключительно на

роль педагога: в случае необходимости он с видимым удовольствием выполняет функции няньки...

Его архив сохранил следы его общения с детьми (вернее, детей – с ним): записочки, нацарапанные неуклюжей детской рукой:

«Папа возьми меня в баню!»

Федя

«Папа с добрым утром ты сегодня пойдешь гулять в садик»

Федя

(На обороте: «Федору Михалочу в кабинет»)

«Милый папочка я тебе люблю»

Люба

«Папа дай гостинца»

Федя

«Подобные пакеты с просьбой о гостинце, – пометила Анна Григорьевна, – часто подавались Федору Михайловичу».

Сохранилось и настоящее письмо – небольшой листок бумаги с поставленными вкривь и вкось крупными каракулями. Очевидно, десятилетняя Люба адресовала его в Эмс, где отец лечился летом 1879 г. «Милый мой папочка как твоё здоровье мы все слава Богу здоровы и представляем у Юрика театр из басен Крылова “стрекоза и муравей” (я буду муравьем а Юрик стрекозой) затем “Петух и кукушка” кукушкой будет Анфиса¹¹⁵ а Петухом я “Квартет”, в котором мишкой будет Федя, прощай мой папочка, твоя Люба». Приведенный документ имеет лаконичную архивную помету: «Вынута музеем Достоевского из Евангелия, принадлежащего Достоевскому». Это означает, что Любины каракули отец хранил в книге, подаренной ему в Сибири женами декабристов: он не расставался с ней никогда.

Есть в архиве и детские письма, адресованные Анне Григорьевне. В одном из них Люба информирует мать о том, чем они занимались в ее отсутствие: «Федя с папой после машины¹¹⁶ отправились в городской сад около царского сада и видели, как пускают воздушные шары. Оттуда пришли пешком».

Когда Анне Григорьевне приводилось отлучаться из Старой Руссы, дети оставались на его попечении. И он прекрасно справлялся со своими обязанностями: «Животик у него совершенно хорош и марается очень хорошо и аккуратно. Вид очень веселый», – сообщает он супруге, понимая, какие именно сведения о десятимесячном Феде важны для матери.

Он вдруг начинает напоминать «позднюю» Наташу Ростову, с волнением вглядывающуюся в пятна на детских пеленках.

Он даже дает жене поручения такого свойства, какие жена обычно дает мужу: «У Феде совсем нет шляпы. Летняя вся разорвалась (Лиля зашивала ее), да и не по сезону, а от фуражки (очень засаленной) оторвался козырек. Хорошо, если б ты привезла ему. В Гостином дворе, близ часовни, в угловом игрушечном магазине были детские офицерские

¹¹⁵ Дочь священника Иоанна Румянцева. – Ред.

¹¹⁶ То есть с вокзала, проводив Анну Григорьевну. – И.В.

фуражки с кокардочкой по рублю». Все это пишется в августе 1880-го – в самый разгар работы над «Карамазовыми»...

Дорого стоят детишки,
Анна Григорьевна, да,
Лиля да эти мальчишки –
Вот она наша беда!

...Первой книгой, которую он подарил дочери, была «История...» Карамзина – книга его детства. Он любил объяснять иллюстрации: давалось толкование событиям историческим. Дети воспитывались сразу на взрослой литературе: хороших детских книг в то время в России было не так уж много.

Почему-то он никогда не читал им ничего своего.

Он просит Анну Григорьевну в его отсутствие читать детям Вальтера Скотта и Диккенса – этого, по его словам, «великого христианина». Оба писателя любимы им с детства <...> В свою последнюю зиму он намеревался прочесть детям отрывки из «Горя от ума» – комедии, высоко им ценимой. Ему особенно нравилась роль Репетилова: он считал этот комический персонаж фигурой глубоко трагической. В нем, говорит Любовь Федоровна, отец видел «истинного предка либеральной партии западников»...

Он вывозит детей и в настоящий театр. Не очень жалуя балет, он предпочитает оперу: «Руслан и Людмила» была прослушана маленькими Любой и Федей неоднократно.

Он любил богослужения – особенно на Страстной: ему нравилось стройное пение певчих, строгая череда обрядов. Он берет детей с собой в церковь и объясняет им смысл совершающегося.

Книга, театр, церковная служба – вот дары, которые, по его мнению, таят в себе радость и открывают детям мир прекрасного. Но он не скупится и на подарки иного рода. Никогда не является из своих поездок с пустыми руками: тут он неистощим. Ежедневные его прогулки редко обходятся без посещения фруктовых и кондитерских лавок: сласти («гостинцы») покупаются всегда, нередко на последние деньги.

(Последний год Достоевского. С. 409, 416–417, 420–421)

Ф.М. Достоевский – Н.П. Вагнеру
2.I.1876. Петербург

Болен Федя scarlatиной с тифом вот уже 4 недели, а теперь ему опять хуже. <...> только б не случилось беды!

Пасынку Павлу
7.I.1876. Петербург

...Федя целую неделю был при смерти.
(ПСС. Т. 29₂. С. 70, 71)

Из писем Ф.М. Достоевского жене
15 (27) VII.1876. Эмс

...У Феде <характер> мой, мое простодушие. Я ведь этим только, может быть, и могу похвалиться, хотя знаю, что ты про себя, может быть, не раз над моим простодушием смеялась.

1 (13) VIII.1879. Эмс

Поблагодарите Любочку за ее прелестное письмо, а Федулку за доброе намерение. Смерть люблю их...

В дороге не позволяй Феде около колес и лошадей бегать.

13 (25) VIII.1879. Эмс

Ты пишешь о Феде, что он все уходит к мальчикам. Он в таких именно летах, когда происходит кризис из 1-го детства к сознательному осмыслию. Я замечаю в его характере очень много глубоких черт и уж одно то, что он скучает там, где другой (ординарный) ребенок и не подумал бы скучать. Но вот беда: это возраст, в котором переменяются прежние занятия, игры и симпатии на другие. Ему уже давно нужна бы была книга, чтоб он помаленьку полюбил читать осмысленно. Я в его лета уже кое-что читал. Теперь же, не имея занятий, он мигом засыпает. Но скоро начнет искать других и уже скверных утешений, если не будет книги. А он до сих пор еще не умеет читать. Если б ты знала, как я об этом здесь думаю и как это меня беспокоит. Да и когда же это он выучится? Все учится, а не выучится!

19 (31) VIII.1879. Эмс

Над Федей непременно в Москве будут смеяться, что не умеет читать. Смеялись и надо мной в детстве, что отстал от брата.

(ПСС. Т. 29₂. С. 99. Т. 30₁. С. 95, 96, 110, 117)

А.М. Достоевский

Во время поездок этих <в Даровое> брат Федор бывал в каком-то лихорадочном настроении. Он всегда избирал место сидения на облучке. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой брат не соскочил бы с брички, не обегал бы близлежащей местности или не повертелся бы с Семеном Широком около лошадей. При воспоминании об этом не могу не сделать отступления. Нынешним летом мне пришлось сделать поездку на лошадях из г. Рязани в местность, отстоящую за 100 верст, вместе с Анной Григорьевной Достоевскою и ее двумя детьми — моими племянниками. Племянник мой, маленький Федя, до чрезвычайности похожий на отца, во все время путешествия живо напоминал мне наши поездки полвека тому назад; и я как бы в фотографическом изображении видел в сыне — изображение отца в детском его возрасте.

(Цит. по: Биография, письма. С. 13. 1 pag.)

Д.А. Достоевский, внук

...Учеба не очень увлекает его, и при переходе из пятого класса в шестой над ним нависла переэкзаменовка. Он пишет маме в Старую Руссу: «Весь день зубрил, зубрил, зубрил. Страшно это! Зубришь, зубришь, а на ум почти ничего!» Федя предпочитает гулять в Летнем саду, где, между прочим, познакомился с «седовласым генералом», который,

узнав, кто он такой, сообщил ему, что был начальником папы в Сибири и имел 12 писем от него, но все, к сожалению, сгорели.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 563)

Е. Гаршин – А.Г. Достоевской

9.V.1890

Федя Ваш идет, сколько мне известно, вполне благополучно, и Вы можете быть за него спокойны...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 2. Ед. хр. 69)

М.Н. Стоюнина

Федор Федорович окончил гимназию Гуревича; пишет стихи. В нем много бесцветного добродушия; женится на девушке, мистически настроенной; этот выбор по сердцу Анне Григорьевне, она обожает невестку, но та вскоре бросает ее сына. Опять трагедия для сердца Анна Григорьевны. Федор Федорович заводит конный завод, вскоре женится во второй раз.

(Статьи и материалы. Сб. 2. С. 581)

Д.А. Достоевский

Окончив гимназию, Федор поступает в Петербургский университет, и Анна Григорьевна вносит деньги за первый курс. Неожиданно он прерывает учебу и вместе со своим другом Левенсоном¹¹⁷ уезжает в Москву, а затем на постоянное жительство в Симферополь. Там он, получая свою долю денег от издания произведений отца, заводит скаковую конюшню.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 565)

Л.Ф. Достоевская – двоюродному брату А.А. Достоевскому

5.III.1898. Симферополь

...Мы, увы, сидим в снегу. <...> впрочем не обращаем вниманья на погоду и каждый день ездим на конюшню, за город, и любимся там галопами Фединых лошадей. Его самого я нашла в отличном состоянии; он спокоен, даже весел, много бывает у своих симферопольских друзей, которые относятся к нему с большим сочувствием.

14.IV.1898. Симферополь

У брата моего полная удача, он забрал на здешних скачках все первые призы к великой досаде собравшихся спортсменов. Vivat herbu Radwan! Надеюсь, что Вы очень этим гор-

---

¹¹⁷ Левенсон Владимир Осипович (ум. 1925) – младший сын московского присяжного поверенного, музыкального критика «Русских ведомостей», содержателя Пушкинского драматического театра О.Я. Левенсона и актрисы и театрального педагога А.А. Бренко. Владимир Осипович окончил Московский университет и стал присяжным поверенным, однако, в отличие от отца, к тому времени уже умершего, не имел богатой клиентуры. После 1917 г. продолжал свою деятельность в коллегии защитников (по: *Гиляровский. Т. 1. С. 424*). – *Ред.*

дитесь. Пусть Достоевские будут всегда победителями на всех поприщах. Что же до его настроения, то оно восхитительное <...> Федя уезжает теперь в Харьков пробовать свое счастье на тамошнем ипподроме, а затем в мае в Москву...

Федя Вам кланяется. Он очень смеялся Вашему прутковскому изречению.
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 4)

Д.А. Достоевский

Но часто его лошади плохо скачут, выигрывая не самые большие призы. Он пишет в отчете матери: «Фасс-Гарей захромала на плечо и скакать не будет, Крым-Гарей на заднюю ногу, а Жетатор получил воспаление надкостницы. Здесь все меня жалеют», – и добавляет в P.S.: «Фасс-Гарей кобыла, а не жеребец, как ты пишешь». Несчастья продолжают его преследовать: «Трагически погибла моя лучшая кобыла, matka-феномен, громадной ценности, “Радван”» (лучшую лошадь он называет именем фамильного герба Достоевских). После пожара в конюшне за ним заметили странную особенность. От переживаний он заснул и проспал трое суток, думали, что он впал в летаргию. Люба пишет: «Вообще от всех неприятностей лучшее лекарство для него сон».

Анна Григорьевна умоляет его перейти на службу в Императорское коннозаводство, там хоть и небольшое, но гарантированное жалование. Смолodu мечтавший жить на широкую ногу, он, по своему характеру азартного игрока, не может бросить скачки и все более влезает в долги. Все его письма к матери наполнены просьбами о присылке денег с обязательными уверениями в последующей отдаче их. «Не знаю, как тебя и благодарить за все твои заботы и хлопоты о своем блудном сыне. Прости еще раз и вышли хоть 500 рублей, если не можешь больше. Не бойся – не растрочу – теперь я такой стал жмотяга».

Рано и, как ему показалось, выгодно женившись, Федор Федорович сохранил свое увлечение, явно предпочитая своих лошадей жене. Семейная жизнь не складывается. <...> Вскоре лошади остались, а жена уехала от него в Петербург, и через три года был оформлен развод. Долги растут. Чтобы расплатиться, он продает свою часть имения в Рязанской губернии, вновь надеется на выгодную женитьбу и сдается увещаниям матери: «Объявляя себя покоренным, побитым и убежденным в бесплодности, а равно и разорительности моего подлого, хотя и милого скакового дела, посему сдаюсь, закрываю лавочку и поступаю контролером на конку. Пришел к этому мнению, потому что опять прогорел по примеру прежних лет. Ждать впредь чего-либо утешительного от моих Пегасов нет достаточных оснований. Сейчас же для сворачивания моего дела надо 1000 рублей, а затем еще 1000. Итого 2000 рублей». Но это оказалась минутная слабость, полученные от матери деньги тратятся на попытку все восстановить. <...> Время идет, и Федору Федоровичу уже четвертый десяток. Мальчишеский азарт сменяется опытом и расчетом, но все так же лошади остаются на первом месте. Наконец, уступив просьбам матери, он зачисляется на должность инспектора в Государственном коннозаводстве. 36 тысяч долга по своим конюшням повисают на нем тяжелой гирей. В тех кругах, в которых вращается он, ничего не знают о его жизни взаимы. Там он принимается как интересный и богатый аристократ, а для него самого единственным выходом становится новая женитьба на богатой невесте.

Множество его писем к матери заполнено описанием тщательной подготовки к гвоздью сезона – костюмированному балу у <симферопольской> губернаторши 1901 года. На балу он предстает в костюме пажа. Красный камзол и черные панталоны с белыми чулками в сочетании с его спортивной фигурой и прекрасными манерами производят неотраз-

имое впечатление. Он бесспорный фаворит маскарада. На этом же балу была и младшая дочь генерал-лейтенанта П.А. Цугаловского, которая давно уже ходила в невестах, но никак не могла сделать свой выбор. Федор Федорович и Екатерина Петровна знакомятся, вскоре возникает взаимная симпатия. Но Федор Федорович должен окончить затянувшийся бракоразводный процесс с первой супругой, а смерть отца Екатерины Петровны еще более отодвигает решение о женитьбе. Только в 1903 году они венчаются. Он пишет матери: «Свадьба прошла скромно, но были все сливки».

Екатерина Петровна оказалась той женщиной, которая смогла понять характер Федора Федоровича, как она пишет свекрови, «без руля и без ветрил». <...> Умело руководя действиями мужа, она постепенно смогла вывести семью к более сносному существованию. Теперь уже Любовь Федоровна просит через мать денег у брата в долг.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 565–567)

А.Г. Достоевская – В.В. Розанову
27.X.1907

Юношей он мог бы поступить на службу и, благодаря влиянию друзей Федора Михайловича (Победоносцева, Филиппова, Вышнеградского¹¹⁸ и др.) мог бы сделать блестящую карьеру. А он, желая независимости, выбрал скромную деятельность сельского хозяина, коннозаводчика, и вот уже 14 лет работает как вол круглый год, чтобы хорошо вести свое дело. Для него это не забава, не праздное времяпровождение, а дело жизни и кусок хлеба. И из него выработался отличный работник; доказательство тому, что он служит по выбору старшим членом Московского скакового общества, а плохого человека на это дело не выбрали бы. И вот потому только, что он разводит лошадей, а не коров и овец, как всякий сельский хозяин, его обвиняют в пустых затеях и глупо проводимой жизни. Таков бывает суд людей, и стоит ли его очень ценить!

(Минувшее. № 9. С. 293)

М.Н. Галкину-Врасскому
15.I.1915. Сестрорецк

...Сын мой <...> потомственный дворянин Московской губернии, чином надворный советник и служит по выборам в Московском скаковом обществе. Взяв на себя задачу подавать и распространять благородные идеи своего великого отца, он не мог поступить на деятельную государственную службу, чины же приобрел, состоя членом-корреспондентом по Государственному коннозаводству.

(Волга. 1995. № 5–6. С. 126)

В.М. Лобанов

...Рослый, представительный, мало чем напоминавший страдавшего тяжелым недугом отца, хорошо воспитанный и безукоризненно державшийся – бывал в Столешниках, вел

¹¹⁸ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – политический деятель, правовед, публицист. Сенатор (1868), член Государственного совета (1872), обер-прокурор Синода (1880). Филиппов Третий Иванович (1825–1899) – сенатор (1883), Государственный контролер России (1889). Кроме того, был известен как публицист (был автором в т.ч. и редактируемого Ф.М. Достоевским «Гражданина»), православный богослов и собиратель русского песенного фольклора. Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – ученый (инженер-конструктор, один из основоположников теории автоматического регулирования), предприниматель, государственный деятель. Входил в круг авторов «Московских ведомостей». Министр финансов России в 1887–1892 гг. – *Ред.*

здесь дружеские беседы и хорошо чувствовал себя в радушной обстановке квартиры <Гиляровских>¹¹⁹. Впервые знакомясь, он всегда делал ударение на отчестве, как бы желая этим подчеркнуть свое скромное место. Слово «отец» Федор Федорович произносил всегда с должной долей почтительности и уважения, и ничего даже приблизительно похожего на то, что явно проскальзывало по отношению к отцу у Львовичей¹²⁰, у него никогда не замечалось.

– Сочинения моего отца продолжают пользоваться вниманием, – говорил с чувством большого удовлетворения Ф.Ф. Достоевский, когда видел в руках кого-либо из живших и посещавших Столешники книгу великого писателя. – Я никогда не забываю, что ношу фамилию Достоевского. Это почетно для меня.

В этих словах чувствовалась не столько гордость, сколько ответственность...
(Столешники дяди Гиляя. С. 64, 65)

В.О. Левенсон

Федор Федорович был человек безусловно способный, с сильной волей, упорный в достижении цели. Держался с достоинством и заставлял уважать себя во всяком обществе. Болезненно самолюбив и тщеславен, стремился везде быть первым. Большое пристрастие к спорту, очень хорошо катался на коньках и даже брал призы¹²¹. Пытался проявить себя на литературном поприще, но скоро разочаровался в своих способностях. Придавал большое значение костюму и вообще внешности, в связи с чем способен был по полчаса проводить около зеркала. Лет до 18 лицо его было чрезвычайно прыщавым.

Служил по коннозаводству. Держал свою скаковую конюшню и очень азартно играл на бегах и скачках.

В развитии личности Федора Федоровича крайне отрицательную и мучительную роль сыграл тот ярлык «сын Достоевского», который так прочно был к нему приклеен и преследовал его в течение всей жизни. Его корбило от того, что когда его с кем-либо знакомили, то неизменно добавляли «сын Достоевского», после чего ему обычно приходилось выслушивать одни и те же, бесконечное число раз уже слышанные фразы, отвечать на давно уже надоевшие вопросы и т.п.¹²² Но особенно его мучила та атмосфера пристального внимания и ожидания чего-то исключительного, которую он так часто ощущал вокруг себя. При его замкнутости и болезненном самолюбии все это служило постоянным источником тягостных переживаний, можно сказать уродовало его характер.
(Записано М.В.)

Е.П. Достоевская, вторая жена

Унаследовал от отца крайнюю нервность. Замкнутый, мнительный, скрытный (откровенен бывал лишь с очень немногими людьми, в частности со своим другом

¹¹⁹ Зеленую сафьяновую шкатулку, когда-то подаренную Ф.М. Достоевским Анне Григорьевне, Федор Федорович после смерти матери преподнес жене Гиляровского (*Остаться в памяти*. С. 185). – *Ред.*

¹²⁰ Детей Л.Н. Толстого. – *Ред.*

¹²¹ Как пишет О.Ф. Миллер <*Биография, письма*. С. 12. 1 паг.>, Ф.М. Достоевский «по его собственным словам, любил в детстве выказываться силою, ловкостью и т.п.». – *М.В.*

¹²² Это напоминает реакцию молодого Долгорукого («Подросток») на интерес к нему как к «князю». – *М.В.*

детства, впоследствии присяжным поверенным, В.О. Левенсоном). Веселым никогда не был. Подобно своему отцу, склонен к азарту, а также к безрассудной расточительности. Вообще по отношению к денежным тратам такая же широкая натура, как и отец. Точно так же, подобно своему отцу (а также сыну Андрею), безудержно-вспыльчивый, причем иногда впоследствии даже не помнил о своих вспышках. Обычно же после тяжелых периодов нервозности стремился искупить свое поведение повышенной мягкостью и добротой. Во время сильных душевных переживаний на руках у него появлялись какие-то узловатой формы опухоли, по-видимому на нервной почве, а также в некоторых случаях временно утрачивалось зрение, причем способность видеть возвращалась приблизительно через полчаса после начала приступа¹²³. Одно время у него на левом глазу начало расти бельмо, впоследствии рассосавшееся. В области зрения следует еще отметить, что он плохо различал некоторые цвета — путал зеленый с голубым, а также иногда голубой с розовым. Чувство природы в нем было развито слабо; по крайней мере он очень редко обращал на нее внимание. Чрезвычайно самолюбив, в связи с чем не мог быть под чьей-либо зависимостью. Самолюбие являлось также стимулом к достижению хороших успехов в области спорта: так, например, Федор Федорович брал призы как конькобежец.

Страдал склерозом и расширением сердца, а в последнее время грудной жабой. Склонен к воспалению легких — на моей памяти оно повторялось у него четыре раза.

Телосложение крепкое. Немного сутуловат. Замечалось некоторое общее сходство с отцом, за исключением рыжеватого оттенка волос. На своего деда Михаила Андреевича Достоевского походил формой бровей, таких же угловатых и круто сходящихся к переносице. Такие же брови и у нашего сына Андрея. В строении черепа обращало на себя внимание слабое выступление (уплощенность) затылка. Температура тела обычно очень низкая — в среднем 35°C; при повышении температуры только до 38° уже начиналось бредовое состояние (сходство с сыном Федором и отличие от сына Андрея).

В гимназические годы был ленив к учению, впоследствии же очень начитан. В письмах и литературных опытах — сжатое, ясное и точное выражение мысли. *[Письменные характеристики. М.В.]*

Е.П. Достоевская – свекрови

5.XI.1904

...Вы, может быть, видали Федю больным и, может быть, знаете, как он трудно болеет. Не знаю, пугал ли он и Вас так же, но я за эту неделю вся измучалась неизвестностью. Приглашенные доктора говорили об общей простуде <...> Как только они уходили, Федя меня уверял, что они никто ничего не понимают, что у него тиф, то восп<аление> легких, что он умрет и т.д. И при этом заставить его принять лекарство, смерить t°, закрыться – это

¹²³ В письме от 10 июля 1873 г. Ф.М. Достоевский писал жене: «В твоём милom и добром письме всего более мне тяжело было прочесть о твоих припадках (потеря зрения)» (ПСС. Т. 29, С. 275). Весьма возможно, что в этих временных утратах зрения мы имеем у матери и сына одно и то же наследственное заболевание. – М.В.

стоило мне и просьб, и угроз, и слез, и целых часов упрашивания. <...> На все вопросы он неизменно отвечал, что ему плохо или очень плохо, пока вдруг вчера решил во что бы то ни стало встать <...> Он начинает тотчас же свою езду с утра до вечера в поисках то Малича, то еще какого-либо типа, кот<орый> должен сделать дело. На уговоры он отвечает: «Так сделай все сама», – а дела-то состоят в том, чтобы бегать из ресторана в ресторан и ловить какие-то темные личности. Ну как я это могу!? Писать письма им – это напрасно: их надо именно ловить. Не смотрите строго на меня: я могу усидчиво заниматься, я могу завести порядок в бумагах (по счастью, мне удалось добиться, что Федя отдал их мне на руки), я могу делать все, что называется женской работой – могла бы я, мне кажется, даже за лошадьми смотреть. Но заниматься учетом векселей, говорить с мошенниками, кот<орые> меня наверное на каждом шагу обманут, – я не могу, потому что чувствую себя неумелой, неспособной, негодной на это. К сожалению, я слишком далеко стояла от этого всю мою жизнь – и взяться мне за это, значит навредить. Я могу только бесконечно глубоко сожалеть, что у меня не было своих денег тысяч хоть 10–15, кот<орыми> можно было бы заплатить часть долгов, и тогда легче было бы уговорить Федю немедленно бросить химеру и перейти на действительную жизнь.

29.X.1905

...Федя наконец назначен членом-корреспондентом Дагестанской обл<асти>, но об этом лучше не говорить, т.к. это не Бог весть какой почет!

17.VI.1907

...Временами высыпается и тогда бодр и нервы спокойные – от бессонницы он делается и нервным и почти больным, до того устает. Конечно, невозможно постоянно проделывать фокусы над организмом, как в молодости!

22.IV.1908

...Я не стану вспоминать тех промахов, трат и долгов, кот<орые> Федя делал в свои молодые годы, – что сделано, того не переделаешь. За последние же годы я знаю одно, – что он живет в постоянной агонии: «вот опишут, вот предчувствую неприятности, т.к. не захотят переписать, тот же сделает скандал, т.к. не могу заплатить...» Ведь нужно было изобретать деньги, чтобы жить лето, осень, часть зимы, когда мы постоянных денег не получали, надо было переписывать векселя <...> Вы скажете, что немало поступлений было и за эти годы, – это правда, – но будем откровенны: когда я выходила замуж, у Феде было более 35 т<ысяч> долга и выплатить эту сумму за 5 лет не было никакой возможности.

30.VI.1912

...Федя так нервен, что если и поедет <на Кавказ>, то, зная его, я уверена, что он не выдержит и 2-х недель. Я очень огорчена, т.к. это какой-то заколдованный круг, из кот<орого> невозможно выйти. Что лечиться ему надо, он сознает сам, но он все время в таком состоянии духа, что я боюсь, его лечение ограничится поездкой туда и обратно. Ах, бабушка, милая, это несчастный характер *без руля*, не как все. У него все не так, как у других. У него свои понятия, взгляды, и он ни за что не будет жить так, как другие. Я в этом убедилась совсем определенно. Его надо брать таким, как он есть, – или вовсе его не брать. Не думайте, что я жалуясь: за последнее время у нас не было никаких столкновений и недоразумений. Но я все более и более убеждаюсь, что Федя постоянно создает себе, а поэтому и мне мучения, волнения и страдания. И помочь этому, изменить это нель-

зя, потому что он человек каких-то особых понятий и взглядов. Его ничто не может заставить их изменить – ни даже угрозы потерять меня или детей. Он машет тогда устало рукой и говорит: «И не надо». И я знаю, что в эту минуту он это говорит искренно и с убеждением. Он будет всегда, всегда жить и думать так, как ему хочется. Мог быть один козырь в моих руках: это если бы у меня было мое состояние, тогда я бы сама и семью могла бы повести по пути рассудка. Но судьба не дала мне этой возможности – мирных средств у меня в руках нет, нет абсолютно. Я твердо знаю, что если я захочу жить с Федей, то мне надо будет жить так, как он захочет – со всеми переживаниями, стенаниями – или совершенно резко оборвать нашу общую жизнь и тогда разойтись. И зная себя, я убеждена, что я не сойду с ним более. Но т.к. мне Федю жаль – я его все продолжаю любить, то остается по-прежнему: переживать все то, что я считаю нелепым, ненужным страданием <...> Я чувствую, как Вы осуждаете меня, что я недостаточно тверда и настойчива. Но ведь я знаю, что это было бы бесполезно, что моя настойчивость была бы лишним поводом к ссорам, сценам, и все равно нет сил в мире, кот<орая> бы заставила его быть иным.

(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

Л.С. Михаэлис, гражданская жена

Во внешности Федора Федоровича я всегда находила что-то шведское — он мне живо напоминал портреты Вазов, которые я видела в Варшаве, в особенности портрет Густава Вазы. Но когда я однажды ему об этом сказала, он оскорбился этим сравнением и резко ответил, что он «чистокровный русский, и ничего шведского в нем нет», хотя со стороны матери в нем и была примесь шведской крови.

У Федора Федоровича было много различных органических особенностей. Так, например, он отличался очень низкой температурой тела: 35° в нормальном состоянии не было для него редкостью. В Симферополе он даже однажды выиграл крупное пари у знакомого врача, который не хотел верить ему, что у него настолько низкая температура. Так же хорошо, как и пониженную, он переносил и высокую температуру. Последние три месяца у него почти все время температура держалась около 40°, поднимаясь временами даже выше чем 40°, и он, несмотря на это, все время находился в сознании.

Отмечу еще бывшую у него идиосинкразию к хине. Уже от небольших доз ее у него делались обмороки. Поэтому он неоднократно наказывал: помните, если я заболелю, то отнюдь не вздумайте лечить меня хиной.

На нервной истерической почве у него иногда неожиданно появлялись на теле большие опухоли. Один раз такая опухоль образовалась на руке выше локтя и охватила всю верхнюю часть руки и плечо. Так же беспричинно и внезапно, как появилась, она вскоре опять исчезла.

С ним бывали также случаи, когда он в нервном состоянии временно утрачивал зрение. Мне его ни разу не пришлось видеть в таком состоянии, но он рассказывал мне, как однажды с ним такой припадок случился на станции Бологое, когда он из вагона вышел в станционный буфет. Приступ слепоты наступил так неожиданно, что он стал звать на помощь. Только с помощью публики и администрации ему удалось вовремя попасть обратно в свой вагон. Станционный врач, осматри-

вавший его во время припадка, говорил, что никаких органических дефектов в глазах не находит и что утрата зрения произошла, по-видимому, на нервной почве. Зрение в тот раз восстановилось часа через два после начала припадка.

Не совсем правильно разбирался в цветовых оттенках. Голубой цвет со всеми оттенками (например, электрик), а также темно-коричневый он не отличал от зеленого, называя все эти цвета зелеными.

Обладал абсолютным музыкальным слухом.

Отличительной чертой Федора Федоровича была его исключительная прямота, честность и порядочность.

Другой особенностью Федора Федоровича была его необычайная нервность, носившая характер тяжелой неврастении. У него время от времени бывали припадки невыносимой тоски, когда он очень тяготился жизнью. В совместной жизни он был несомненно тяжелым человеком. Часто он говорил мне — бедная, ты губишь свою молодость, живя с таким человеком, как я. Но я была в то время очень жизнерадостна и находила в себе силы переносить все особенности его больного характера. Но теперь, когда вспоминаю прошлое, мне иногда кажется, что такая, как я сейчас есть, с расшатанными уже нервами, я, пожалуй, не смогла бы выдержать совместной с ним жизни. Между прочим, он очень расстраивал себе здоровье азартными играми¹²⁴, просиживая за картежным столом целые ночи напролет. На скачках он тоже очень любил играть, но ему обычно не везло, и он, не угадывая лошадей, проигрывал.

Характерной для Федора Федоровича была также его нерешительность. Даже в самых незначительных делах он иногда не мог решить, как следует поступить. Обычно в таких случаях, не будучи в состоянии сам на что-нибудь решиться, он искал совета у близких людей.

Вся личность Федора Федоровича была полна противоречий, что всегда напоминало мне его отца. Противоречивость эта сказывалась очень во многом, и в частности в его отношении к смерти. С одной стороны, он очень боялся смерти; во время болезни боролся за жизнь с какой-то стихийной сверхчеловеческой силой. Вы представить себе не можете, что мы вынесли за время его болезни, перед его смертью. Но в то же время это не мешало ему совершенно спокойно отдавать самые подробные распоряжения на случай смерти, в приближении которой он не сомневался. Незадолго до начала болезни, когда Федор Федорович еще был здоров, он уже предчувствовал, что скоро умрет. Тогда он говаривал мне, что проживет не более четырех лет, что всегда вызывало протесты с моей стороны. Между прочим, он говорил не «когда я умру», а «когда я уйду». Это звучало несколько в восточном стиле, хотя вообще Федор Федорович не любил ничего восточного, относясь к нему как-то насмешливо пренебрежительно, что часто побуждало меня выступать в качестве защитницы Востока.

Литературу он читал и любил, главным образом классическую. Из современных ему писателей любил Л. Андреева, Куприна и еще немногих. К большинству же молодых поэтов, выступавших одно время в московских кафе, относился нас-

¹²⁴ Общая черта с отцом. — М.В.

Впрочем, в карты Федор Михайлович играть не любил. — Б.Т.

мешливо. Сам он тоже любил писать стихи и рассказы, но, написав, уничтожал. Лишь несколько вещей мне удалось спасти и сохранить.

Многие взгляды Федора Михайловича были совершенно чужды его сыну. Так, например, он никогда не мог понять отца и согласиться с ним во взглядах на общечеловеческое значение русского народа. Федор Федорович придерживался гораздо более скромных взглядов на качества русского народа, в частности всегда считал его очень ленивым, грубым и склонным к жесткости.

Укажу еще, что он ненавидел памятник Достоевскому работы скульптора Меркурова, открытый в 1918 г. на Цветном бульваре, и неоднократно говорил, с каким бы наслаждением он взорвал динамитом изуродованную, по его мнению, фигуру отца.

В нем было много не только противоречивого, но и просто безалаберного¹²⁵. Особенно это сказывалось в его отношении к деньгам. Если он получал крупную сумму денег, то начинал с того, что вырабатывал какой-нибудь очень разумный план, на что он использует эти деньги. Но непосредственно вслед за этим начинались самые ненужные и непроизводительные траты¹²⁶. Делались самые неожиданные и странные покупки, и в результате в короткий срок вся сумма исчезала, и он с удивлением спрашивал меня: «Куда же это мы с тобой так быстро девали все деньги?»

Безалаберность и расточительность Федора Федоровича совмещалась, как это ни странно может показаться, с большой педантичностью и аккуратностью в некоторых его действиях. Он всегда сдерживал данное обещание. Был чрезвычайно точен при назначении встреч — сам приходил всегда минута в минуту в назначенное время и выходил из себя, когда тот, с кем он уговаривался встретиться, опаздывал хотя бы на десять минут. Особенно сказывался этот его педантизм в его отношении к изложению какого-либо факта или происшествия. Он в таких случаях требовал не только точности, но и самых мельчайших подробностей. Иногда было прямо-таки мучительно не только рассказывать ему, но и слушать, как он рассказывает о чем-либо. Меня всегда удивляла эта его любовь к мельчайшим подробностям. Если, например, я видела какую-нибудь нашу знакомую, то должна была точно описать ему все, что на ней было надето — шляпку, ботинки, фасон ее платья, его материю, отделку, цвет и т.п., и т.п. Интересуясь каким-либо фактом, он всегда просил рассказывать как можно подробнее¹²⁷.

Придавая большое значение красивой внешности, Федор Федорович чрезвычайно много внимания уделял костюму, как своему, так и своих близких и знакомых¹²⁸. Его любимым выражением было — «эта женщина в порядке», что означало, что она хорошо и со вкусом одета. В то же время по отношению к домашней обстановке он никогда не был так же внимателен. К своей квартире он лишь предъявлял требования чистоты и порядка, но совсем не гнался за роскошью или

¹²⁵ Л.С. Михаэлис: «Между прочим он находил большое сходство между собой и Дмитрием Карамазовым». — *М.В.*

¹²⁶ Общая черта с отцом. — *М.В.*

¹²⁷ Общая черта с дедом, отцом, одним из дядей и некоторыми другими родственниками. — *М.В.*

¹²⁸ Общая черта с отцом. — *М.В.*

даже просто уютом. Старинных вещей для квартиры он никогда не покупал, говоря: «приобретая старую вещь, вносишь в дом старые несчастья».

Часто он говорил мне: «ты любишь стены». Он же любил платье. По целым часам мог проводить в пассажах, выбирая и обдумывая какой-нибудь костюм. В этой любви хорошо одеться он не уступал парижским модницам. В связи с этим он имел вид, что называется, «белоподкладочника». Духов он не любил, покупал их очень редко, купивши же, обычно вскоре дарил кому-либо из друзей.

С людьми Федор Федорович сходилась очень мало. Но все же друзья у него были, хоть и в очень ограниченном количестве. Укажу на Рибопьера¹²⁹, Герценберга и в особенности на Владимира¹³⁰ Осиповича Левенсона (присяжного поверенного, умершего весной 1925 г.). Последний был лучшим другом Федора Федоровича начиная с раннего детства и до самой смерти.

Своих коллег по скаковому обществу, в особенности Лазарева, Федор Федорович очень не любил. Говорил, что у них нет вкуса, что они живут как свиньи, проводя целые дни и ночи у Яра. По большей части они (Манташев, Лазарев и др.¹³¹) были гораздо богаче Федора Федоровича и были в состоянии оперировать десятками и сотнями тысяч, в то время как в его распоряжении бывали только тысячи. Это, по-видимому, уязвляло Федора Федоровича, и он всячески стремился, чтобы его конюшня если не по богатству, то по организации, постановке дела и вообще по своим внутренним достоинствам стояла на первом месте.

Несколько слов относительно материального положения Федора Федоровича. По закону он являлся, как сын, главным наследником после отца. Но Анна Григорьевна поставила вопрос так — неужели ты согласишься, чтобы ты был богат, а сестра твоя бедствовала? В результате Федор Федорович, не будучи корыстолюбив, в значительной степени отказался от своих наследственных прав и получил лишь небольшое имение в Рязанской губернии, в котором было около 50 десятин лесу¹³². Доходы с этого имения были слишком незначительны, и Федору Федоровичу приходилось изыскивать другие источники дохода. До войны он довольно удачно занимался тем, что теперь называется спекуляцией, оперируя главным образом с туркестанским хлопком, но во время войны прекратил все спе-

¹²⁹ Рибопьер Георгий Иванович (1854–1916) – общественный деятель и меценат спорта. Владелец второго конного завода в России, был президентом Московского императорского общества скачек, внес большой вклад в развитие конного спорта в стране. В 1897 г. в Петербургском манеже, принадлежавшем ему, прошел первый всероссийский чемпионат по тяжелой атлетике. Товарищ председателя Российского олимпийского комитета (1911), член Международного олимпийского комитета (1900).

Впрочем, необходимо указать на важное обстоятельство. Г.И. Рибопьер умер в том же году, который Л.С. Михаэлис называет началом своих отношений с Ф.Ф. Достоевским. Упомянутый далее знаменитый коннозаводчик Михаил Иванович Лазарев умер в 1914-м, двумя годами ранее. Возможно, сын писателя поддерживал отношения с младшим поколением этих известных семейств; тогда становится более понятным отрицание Е.П. Достоевской некоторых знакомств мужа, перечисленных Михаэлис (см. на с. 495). – *Ред.*

¹³⁰ Воспоминательница ошибочно называет его Василием. – *Ред.*

¹³¹ В начале XX в. Манташевы и их основные конкуренты Лазаревы были крупнейшими фигурами российского скакового дела. Манташев – скорее всего, имеется в виду Манташев-сын, Леон Александрович (1880–1954), наследник огромного нефтяного состояния и коммерсант; изображен А.Н. Толстым в «Эмигрантах». – *Ред.*

¹³² Часть куманинского наследства, см. на с. 178. – *Ред.*

кулятивные и биржевые дела. Нужно сказать, что он всегда брался только за такие сделки, которые считал вполне чистыми и честными. Оберегая свое имя Достоевского, он неизменно отклонял и сторонился всяких темных и непорядочных операций. Когда в августе 1918 г. он уехал в Крым хоронить мать, то обстоятельства задержали его в Крыму почти на три года. Лишь в июне 1921 г.¹³³ смог опять возвратиться в Москву. Все это время он занимался тем, что перевозил зерно из порта Скадовска в Одессу. Зерно перевозилось морем на барже. Сам он тоже ездил вместе с баржой. Раза два это ему чуть не стоило жизни, когда во время бури их баржу уносило далеко в море, к болгарским берегам, и они днями и даже неделями вынуждены были без воды и пищи скитаться в море¹³⁴.

Будучи очень вспыльчив, не лишен был и чисто барских, крепостнических замашек. Одного конюха за какую-то небрежность, выйдя из себя, ударил хлыстом, но потом очень стыдился этого своего поступка и раскаивался в нем.

Страстью Федора Федоровича было поддразнивать и изводить близких ему людей. Это занятие, по-видимому, доставляло ему прямо какое-то наслаждение. Шутки его были по большей части довольно невинны, но он умел так ими поддевать, что буквально способен был доводить нас с сестрой до слез. То придерется к какой-нибудь детали костюма и начнет высмеивать, что ты не умеешь одеваться. То выберет объектом насмешек мое лицо: у тебя рот до ушей, хоть завязочки пришей, и т.п. То пройдет насчет моей походки: ты очень грациозно ходишь, только почему-то левая нога у тебя что-то прищепетьвается. А один раз, когда у нас собрались гости и было подано на стол вино, он вдруг стал изводить меня тем, что я будто бы скуплюсь и прячу от всех хорошее вино, а гостям подаю не вино, а керосин. Это было, конечно, совершенно неверно. Вино было подано вовсе не плохое, хотя и не высокой марки. В то время уже начинался голод, и у нас уже вин высоких сортов не было. В свое время я все это принимала за чистую монету, очень огорчалась и досадовала на его шутки.

Он очень любил жизнь, не любил ничего грустного, терпеть не мог никакого мистицизма, разговоров о сверхъестественном, загробной жизни и т.п. Любил веселую компанию, подурачиться, посмеяться. Смеялся он очень хорошо, уже пожилым человеком иногда смеялся как 16-летний юноша.

К женщинам Федор Федорович относился очень хорошо — любил их, и они любили его. Он не делал никаких социальных различий между ними, и у него дома

¹³³ В первом издании «Хроники» в воспоминаниях Л.С. Михаэлис было ошибочно указано, что Федор Федорович уехал в Крым в 1919 г., а вернулся в 1922-м. — *Ред.*

¹³⁴ Возможно, речь идет о дубке (парусном деревянном судне) «Паванна», которое позже, в августе 1921 г., уже сменив владельца, оказалось в поле зрения одесских властей. «Паванна» совершала каботаж из Одессы в Херсон, с заходом в Скадовск и Мариуполь. Как следовало из материалов дела, «под видом дров возят в Одессу контрабанду, а именно: коньяк, духи, презервативы, камни для зажигалок и дамское белье. Раз в два месяца матросом в эти рейсы ходит сотрудник газеты «Морьяк» Подбельский. Его провожают и встречают сотрудники газеты Паустовский, Багрицкий и Лифшиц. Багрицкий воспекает эту контрабанду в стихах. Связь газеты с преступным миром налицо». Милицией также было установлено, «что плавсредство приобретено у гр. Достоевского Федора Федоровича, сына контрреволюционного писателя, не рекомендованного наркомпросом. Гр. Достоевский Ф.Ф. употребляет спиртным и крупно играет в карты. Дубок продан для покрытия долгов» (Каневский К. «Дело» кавторанга // Порто-Франко (Одесса). 2009. № 16 (961) 30 апреля). — *Ред.*

бывали друзья и симпатии даже среди проституток. Не считаясь с общественным мнением, он одинаково вежливо здоровался со всякой знакомой женщиной, независимо от того, в каком обществе в данный момент находился.

Любовь Федора Федоровича к красивой внешности сказывалась, между прочим, в его желании быть похороненным красиво. Когда он узнал, что его мать после смерти уже третий месяц находится в запаянном металлическом гробу в склепе и не похоронена как следует, то решил во что бы то ни стало ехать в Крым и похоронить мать по всем правилам. Эта поездка так много взяла у него здоровья и сил, что он вернулся ко мне совсем умирающий. Он упрекал меня, зачем я не отговорила его от этой поездки. Мне, правда, очень не хотелось, чтобы он уезжал, я точно чувствовала, что эта поездка окончится плохо, но в свое время я не решилась его отговаривать, помня, что мужчины вообще очень не любят, когда при совместной жизни женщины навязывают им свои чувства и желания.
(Записано М.В.)

Стихи Федора Федоровича Достоевского¹³⁵

***

Я сейчас от тебя и весь полон тобой
Чувства трепетны, мысли счастливы
Моей жизни Восток загорелся зарей!
Ты, Ночь Прошлого, сгинь молчаливо!

Июнь 1916

***

Холодное сердце и чувства холодные,
Усталый анализ всего.
Так холодом скована, почва бесплодная
Не даст от себя ничего

Но вновь оживленная, солнцем согретая,
Весною, омывшись росой,
Зеленью чудной роскошно одетая,
Прежней блеснет красотой.

Так будь же ты солнцем, Весною желанною,
Взгляни — и лучами согрей.

¹³⁵ Помещаю эти стихи (все они посвящены Л.С. Михаэлис), независимо от степени их совершенства, в качестве генеалогического материала, как литературные опыты сына такого исключительного писателя, как Ф.М. Достоевский. Нужно сказать, что сам Федор Михайлович также писал стихи, но не достиг в этой области совершенства. Недаром старший брат Михаил писал ему 18 апреля 1856 г.: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи не твоя специальность» (Письма. Т. 1. С. 529). — М.В.

См. также: Волгин И.Л. «Стихи не твоя специальность...» Достоевский как стихотворец // Возвращение билета. С. 173–179. — Ред.

Будь же ты радостью, так долгожданною,
Приди же, приди же, скорей!

Июль 1916

По телефону

Ты мне нужна и голос твой
Я слышу с радостным волнением,
Ловлю с горячим нетерпением
Тон слов, ответченных тобой.

Пойми, что голоса оттенков
Дает мне все в единый миг:
Иль радости победный клик,
Иль пытки нравственный застенек.

Январь 1917

***

Пред домом гравием усыпана дорожка,
Я ждал тебя и ждал, что твоя ножка
Даст знать мне о тебе, по гравию шурша.
Весь превратившись в слух, я слушал чуть дыша.

Но ты не шла, — напрасное томленье
В тот час я испытал, горя от нетерпенья,
И не узнаешь ты, как злобно шаг чужой
Смеялся над моей тоскующей душой.

Лето 1917, Кисловодск

***

В наши скучные серые дни
Иногда мы ворчим друг на друга:
Ты вспыхнешь невзначай — раздраженья огни
Вспыхнут словно род злого недуга.

Ну и я не останусь в долгу пред тобой,
И язвительной реплики слово,
Хоть и нету тут почвы к тому никакой,
С языка вмиг сорваться готово.

После этого несколько дней,
Разобижены словно друг другом,
Не используем радости всей,
Приносимой нам нашим досугом.

Но уехала ты лишь на несколько дней
Так вокруг стало пусто, тоскливо,
И я понял, оставшись средь чуждых людей,
Как то было ненужно и лживо.

Ноябрь 1917

В кабачке Танго

Белая скатерть, огни в хрустале,
Ваза фруктов, перчатки, две розы,
Два фужера, крюшон на столе
И устало-небрежные позы.

Слова романа, музыки звуки,
Резкие лица, движенья странные,
Голые плечи и голые руки,
Дым папиросы, желанья туманные...

Февраль 1918

Е.П. Достоевская

В 1903 г. Федор Федорович развелся со своею первою женою, и я в том же году стала его второю женою. Но с годами чрезвычайно тяжелый, неуравновешенный характер Ф.Ф., порою переходящий всякие границы, когда он в порыве ни на чем не основанной ревности схватывал револьвер, чтобы меня застрелить, а также и его безудержная страсть к азарту – во всех видах – заставили меня решиться разойтись с ним. Непокойная жизнь в Петербурге после революции, недостаток съестных припасов были достаточным поводом, чтобы мы с детьми уехали из Петербурга и, таким образом, разошлись с Федором Федоровичем (скрывая это от детей, чтобы не отнять у них отца). Развода *никакого* не было, поэтому и третьего брака быть не могло с Михаэлис. Будучи по закону вдовою Ф.Ф. Достоевского и невесткою Ф.М. Достоевского, я после смерти Ф.Ф. – моего мужа – получала в Советском Союзе (по линии Наркомпроса) пенсию, – на себя и моего сына (до окончания им высшего учебного заведения) в размере 250 рублей в месяц.
(*Возрождение. 1950. Март-апрель. С. 199*)

Е.П. Достоевская – А.Л. Бему
4.II.1935 <Ленинград>

Считая, что для характеристики Фед<ора> Фед<оровича> не так необходимо упоминать об моем личном разрыве с ним – начиная с 1916 года – и в особенности из-за детей,

которых я не посвящала в свои личные переживания, я не углублялась в этот вопрос в разговоре с Вол<оцким>. Он же не считал нужным дать мне или Андрею просмотреть и прокорректировать тот лепет, кот<орый> наболтала Михаэлис о периоде, когда она не знала Фед<ора> Фед<оровича>; смешивая всеми уважаемого Рибопьера с какими-то полутемными (?) личностями Герценб<ергом> и Левенс<оном>¹³⁶, будто друзьями Фед<ора> Фед<оровича>, кот<орых> я, однако, за 13 лет моей совместной жизни никогда не видала у себя в доме; рассказывая о каких-то «спекуляциях» с хлопком, одним словом – говоря о том, о чем она и судить не могла. (Достоевский и мировая культура. № 18. С. 218)

О.А. Фальц-Фейн, племянница

...Федор Федорович, провожая меня, стоял на берегу и говорил: «Ляличка (он так называл меня), не беспокойся за меня. Те, которые теперь становятся во главе правительства <Крыма>, – они мои соученики по школе, и мне будет неплохо...» (Натов)

Е.К. «Сын Достоевского. Страничка воспоминаний»

Похоронив мать, Федор Федорович остался в Крыму, где попал после эвакуации из Крыма армии Врангеля в руки большевиков. <...> Ночью привели его в какой-то барак в Симферополе. Следовательно, какой-то пьяный тип в кожаной куртке, с опухшими красными веками и провалившимся носом, начал «допрос» в следующей форме:

- Зачем оказался здесь?
- Я в 1918 году приехал сюда к умирающей матери и остался здесь.
- К матери... мать... сам, сволочь, поди уже дед, и тоже матер-р-и...

Достоевский молчал.

– Расстрелять!

Расстрелы происходили тут же, во дворе, и пока шел допрос, слышны были поминутно выстрелы. В бараке одновременно работало семь «следователей». Моментально Достоевского схватили и стали тащить по направлению ко двору. Тогда, не помня себя, он крикнул:

- Подлецы, моему отцу ставят памятники в Москве, а вы меня расстреливаете. Безносый, видимо, смутился и прогнусавил:
- Что брешешь? Какому отцу? Какие памятники? Как твоя фамилия?
- Моя фамилия Д-о-с-т-о-е-вский.
- Достоевский? Никогда не слышал.

¹³⁶ Вопреки этому утверждению В.О. Левенсон действительно был старинным приятелем Ф.Ф. Достоевского, о чем свидетельствует их совместная фотография 1883–1884 гг., хранящаяся в ИРЛИ. – Б.Т.

К счастью, в эту минуту к следователю подбежал маленький, черненький, юркий человек и стал ему что-то быстро шептать на ухо. Безносый медленно приподнял голову, тупо посмотрел воспаленными веками в сторону Достоевского и произнес: «Пошел к черту, пока цел».

(Руль (Берлин). 1926. 18 августа)

К.Г. Паустовский
«Черное море»

...Бывший игрок на бегах и спекулянт. Я встречал его в Одессе. Это был плотный и неразговорчивый человек с наружностью холеного барина и пухлыми руками. Он не любил отца. Он морщился, когда при нем разговаривали не только об отце, но вообще о литературе. Когда его знакомили с кем-нибудь и говорили: «Это сын Федора Михайловича Достоевского», он резко говорил: «Я существую сам по себе, вне зависимости от таланта или бездарности моего отца».

(Паустовский. Т. 2. С. 116)

Ф.Ф. Достоевский – А.И. Сумбатову-Южину¹³⁷
2 (15) V.1921 <Ялта>

Два с половиной года тому назад я приехал в Ялту хоронить мою мать, и с тех пор я пленник этого города. Два раза пробовал проехать на Север через Одессу – и все напрасно, столько было буквально непреодолимых препятствий. Между тем вернуться в Москву и Петроград мне необходимо, т.к. со смертью матери на моих руках остались и рукописи романов и масса неопубликованных писем отца, дневники матери, портреты и вещи отца, которые подлежат передаче музею, и т.д.

Одновременно с этим письмом пишу Луначарскому, прося вызвать меня официально через Ревком (телеграфом) в Москву. Но я с ним не знаком и совершенно не знаю, как он отнесется к моей просьбе. Между тем, все материалы, о которых говорил выше, находятся в разных местах и хранилищах, ключи у меня здесь, да что толку, если они из-под ключа пропадают? Очень я беспокоюсь и очень надеюсь, что Вы, добрейший Александр Иванович, не откажетесь хлопотать за меня у Луначарского или у кого найдете нужным, чтобы меня официально вызвали по телеграфу через местный Ревком (Народобраз, Лекционная Секция, мне) в Москву. Отсюда все выезжают именно по вызову или по командировкам. Очень, очень обяжете меня Вашим любезным содействием, а иначе мне предстоят неисчислимые мытарства.

(Достоевский и мировая культура. № 16. С. 155–156)

Е.П. Достоевская

Федя вернулся в Москву <из Крыма> в июле 1921 г. <...> предполагая получить возможность работать по изданию сочинений отца. Ящик с рукописями он вез с собой, предполагая также обрабатывать этот материал, но в вагоне, при обходе, ЧК взяла у него этот ящик и затем сама препроводила в Москву в Исторический музей.

(Письменные характеристики. М.В. 1930)

¹³⁷ Сумбатов, по сцене – Южин Александр Иванович (1857–1927) – актер, драматург, театральный деятель. Управляющий труппой, затем директор московского Малого театра. – Ред.

А.П. Фальц-Фейн – В.С. Нечаевой
16–20.X.1957. Ментона

Проездом в Москву он нам дословно сказал, что в Севастополе на вокзале чины ГПУ отняли у него чемодан. Несмотря на его разъяснения, просьбы, чемодан ему не вернули.
(Достоевский и мировая культура. № 19. С. 263)

Ф.Ф. Достоевский
1921

Заявление¹³⁸

В 1890 году мною принесено в дар Московскому Историческому музею Собрание сочинений, критики, исследований, рукописей, писем и предметов, относящихся к памяти моего покойного отца, писателя Ф.М. Достоевского. В течение 30 лет трудами моей покойной матери и моими Собрание непрерывно пополнялось <...> Тем не менее в состав музея до сего времени не вошли многие предметы <...> Часть этих предметов находится у меня, но многое находится в сѐфе, в сохранной казне и в складе для хранения – ключи и квитанции находятся у меня.

В течение моего вынужденного пребывания в Крыму для погребения матери произошли значительные изменения – хранилища обезличены и содержание распределено по различным отделам, причем разборка, особенно рукописей и писем, производится людьми часто несведущими. Я крайне озабочен, что ценнейшие для литературы и истории документы могут затеряться и исчезнуть. Я вижу самую настоятельную необходимость немедленно, не теряя времени, приступить к розыску и изъятию из несоответствующих хранилищ для сосредоточения всего в одном Российском Историческом музее. Администрация музея вполне разделяет мое мнение и просит меня возможно немедленно приступить к розыску и сбору оставшихся материалов.

К сожалению, после недавно перенесенной тяжелой болезни я не владею прежними силами и нуждаюсь в лечении, ради чего большую часть своего времени я был вынужден тратить на свои личные дела. Крайне опасаясь откладывать далее и видя самую неотложную необходимость приступить к розыску угрожающе рассеянных материалов, я обращаюсь с ходатайством оказать мне в том содействие выдачей необходимых средств, соответственного мандата на розыск материалов и вещей и изъятия их для сосредоточения в Историческом музее, а также Предложения на проезд в Петроград и обратно.

(Литературный архив. С. 242–243)

Л.С. Михаэлис

В последние недели жизни им овладел панический страх смерти. Иногда, галлюцинируя, он даже видел наяву образ пришедшей за ним смерти. Что он при этом видел, он никогда не говорил, но только кричал мне в неопишемом ужасе, с искаженным лицом: «крести, крести!», указывая куда-нибудь в окно, на балконную дверь или в малоосвещенный угол. Но особенно ужасны были ночи. Все

¹³⁸Черновик этого документа сохранился среди бумаг Федора Федоровича, переданных Л.С. Михаэлис после его смерти в Государственный литературный музей. На чье имя и в какую инстанцию предполагалось подать это заявление, неизвестно. – Ред.

они были сплошной кошмарной борьбой со смертью. Ему казалось, что пока я здорова и около него, то он не умрет. Поэтому он все ночи не отпускал меня от себя ни на минуту, и я, сидя около него и крепко держа его руки в своих, должна была все время говорить ему: «не умирай, не умирай, не умирай!»

Иногда во время болезни он просил меня читать ему Евангелие. Особенно любил Евангелие от Луки. Вообще он был очень верующий, хотя и малорелигиозный.

Несколько раз перед смертью впадал в какие-то летаргические состояния, когда при всем старании нельзя было у него обнаружить ни дыхания, ни пульса...

Вообще был более похож на мать, чем на отца, но в последние дни жизни вдруг приобрел необычайное сходство с отцом в старости. Сходство это настолько мне бросалось в глаза, что часто мне казалось, что я ухаживаю не за умирающим Федором Федоровичем, а за его отцом. Первые часы после смерти он выглядел гораздо старше своих лет, и его можно было принять за 75-летнего старика, но несколько позже лицо его опять резко изменилось и стало даже казаться совсем молодым, гораздо моложе, чем было в последнее время при жизни. Умер он как-то не сразу. После смерти очень долго не остывал, на лбу у него уже после смерти выступала какая-то испарина. Уже после того, как его похоронили, мы с сестрой долго еще ощущали точно его присутствие в нашей квартире. Ощущение это усиливалось еще тем обстоятельством, что в комнатах остался тот своеобразный запах, который всегда был свойственен Федору Федоровичу при его жизни. Это вовсе не был запах его духов. Он не любил душиться, а если иногда и душился, то не каким-либо одним и тем же определенным сортом духов. Запах этот замечала не только я, но и очень многие близкие к Федору Федоровичу люди. Напоминал он отчасти засушенные цветы, с некоторой примесью запаха глеющей травы. Мне приходилось слышать, что эта же особенность была и у отца Федора Федоровича. Подушка, на которой спал и умер Федор Федорович и на которой сплю теперь я, до сих пор сохранила этот запах.

(Записано М.В.)

Последние три месяца сын писателя пользовался материальной поддержкой Исторического музея, на средства которого и был похоронен.

Отдел ЗАГС Городского района г. Москвы
Свидетельство о смерти (вторичное). 1922

№ записи 228 (общий)

Число, месяц совершения записи

5 января 1922 г.

Пол умершего

мужской

Фамилия и имя умершего

Достоевский Федор Федорович

Возраст

51 г.

Число, месяц и год смерти

4 января 1922 г.

Место смерти

31 отд. мил<иции>

б. Сухарева<ка>, д. 7, кв. 7

Семейное положение

—

Причина смерти

Фамилия, имя и подробный адрес врача,
выдавшего свидетельство о смерти,
а также № свидетельства
Кем сделано заявление о смерти

Место погребения

Особые примечания

(Достоевский и мировая культура. № 16. С. 172)

Миокардит

Удостоверение врача <нрзб.>
Главн. <нрзб.>
от 5 / I 22 <г.> № 37
Петр Юльевич Левенштейн,
Хлебный пер., д. 12, кв. 20
Ваганьковское кл<адбище>
исх. № 957 от 26 / VI 24 <г.>

Е.П. Достоевская

Федор Федорович, сойдясь с Л. Михаэлис, поселился в ее квартире у Сухаревой башни, имея небольшую комнату (а не живя в погребке, как сообщила <Henri> Troyat госпожа Ольга Фальц-Фейн). Миокардит, которым он страдал последнее время, принял угрожающую форму при новом заболевании воспалением легких. Его лечил доктор, и посещали его прежние знакомые, в числе их г. Левенсон, который и дал мне все сведения о последних месяцах жизни <...> Федор Федорович Достоевский был похоронен на Ваганьковском кладбище (в Москве); был поставлен простой деревянный крест, который был украден. Весною следующего года, когда мне пришлось из Крыма поехать в Москву по делам и взять бумаги, оставшиеся у госпожи Михаэлис после смерти Ф.Ф., я побывала на кладбище и с большим трудом нашла могилу Ф.Ф., на которой креста уже не было, и мне пришлось вновь ставить крест.

(Возрождение (Париж). 1950. Март-апрель. С. 200)

Хоронил его Исторический музей. В 1924 г. я поставила на его могиле железный большой крест. Его могила от входа по первой аллее налево, в третьем ряду первого квартала¹³⁹.
(Письменные характеристики. М.В.)

333. Токарева, по мужу Достоевская Мария Николаевна

Первая жена предыдущего. [В браке с 1892 или 1893 г., развод 22 июня 1900 г. (НИОР РГБ. Ф. 111. Карт. 5. Ед. хр. 49. Л. 1)] Детей от этого брака не было.

М.Н. Стоюнина (по записи В.Ф. Стасюковой)

Федор Федорович <...> женится на девушке, мистически настроенной; этот выбор по сердцу Анне Григорьевне, она обожает невестку, но та вскоре бросает ее сына. Опять трагедия для сердца Анны Григорьевны.

(Статьи и материалы. Сб. 2. С. 581)

А.Г. Достоевская – В.В. Розанову
4.II.1898 <Петербург>

Вы знаете, мой сын женат уже пять лет на девушке, которую любил с 14-ти лет (а ему 26). Приехал с нею сюда на Рождество погостить ко мне: жили дружно и весело, но когда пришлось уезжать назад в Симферополь (где у сына конный завод), то жена его ехать с

¹³⁹ Сейчас могила сына писателя на Ваганьковском кладбище затеряна. Ведутся поиски, но пока нет возможности однозначно определить место захоронения. – Ред.

ним отказалась и объявила, что жить с ним совсем не хочет, а останется жить у своей матери, просит от него вида и содержания. Дескать, скучно жить в провинции, а здесь веселей. Семья у ней шведская, глупая, и рассчитывают жить на те деньги, которые будет давать мой сын. А невестка моя тоже не умна и вполне под влиянием семьи. Бедный мой сын убеждал, уговаривал, просил, молил, грозил, употребил все меры кротости и строгости и ничего не добился – так и уехал в Симферополь (ведь дела нельзя оставить, его вызывали домой), а она осталась у матери и хочет вытребовать вид и содержание. Сын мой любит свою жену чрезвычайно и виноват перед нею лишь в том, что слишком ее любил и баловал.

(*Минувшее. С. 274*)

Л.Ф. Достоевская – А.А. Достоевскому

5.III.1898. Симферополь

Что касается моей ex-belle-soeur, то она на другой же день Фединого отъезда подала просьбу на Высочайшее имя, где жаловалась на «жестокое обращение мужа». А мы-то еще наивно собирались просить М.Н. Семенова сообщить нам, когда бумага поступит в его департамент! Вместо секретного дознания полиция или, вернее, пристав прямо показал Феде все дело и просил его прислать слуг. Федя отказался дать отдельный вид, и пристав уверил его, что паспорта ей не выдадут. Теперь остается ждать дальнейших событий...

<P.S.> Что это за история о Вашем разговоре с Отсолих<?>? Правда ли, он сказал Вам, что Мар<ия> Ник<олаевна> едет в Симферополь?

Матери

14.III.1898 <Симферополь>

Очаровательная М.Н. прислала вчера письмо Феде, в котором просит (очень сухо) выслать немедленно себе кровать, столовое белье, образа и кух<онную> посуду, т.е. все свое приданое. Это какая-то квинтэссенция мещанства и низости.

24.IV.1898 <Ялта>

Тотчас, как кончишь дела, поезжай в Москву к Феде, чтобы он мог перевести на твоё имя лошадей, а также квартиру. Если М.Н. успеет подать на него иск, то поздно будет...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 4; ИРЛИ. Ф. 100. № 30355)

Н. Барбарат

<В 1901 году Федор Федорович> находился в состоянии длительного бракоразводного процесса со своей первой женой М. Токаревой. При поддержке обер-прокурора Синода К. Победоносцева – друга и покровителя семьи Достоевских – к началу 1903 г. этот процесс удалось привести к благополучному концу.

(Простор. 2006. № 6)

334. Цугаловская, по мужу Достоевская Екатерина Петровна

([7.III] 1875, [Петербург – 3.V.1958, Ницца]). Вторая жена Ф.Ф. Достоевского (с 22 апреля 1903 г.), мать его детей.

[По образованию историк. После 1917 г. преподавала иностранный язык.

С 1943 г. в эмиграции со своей сестрой Анной Петровной Фальц-Фейн (см. с. 441). Погребена на госпитальном кладбище Ниццы, перезахоронена в Ментоне (Франция).]

Отец Екатерины Петровны – Петр Григорьевич Цугаловский (1835–1900), потомственный дворянин, выпускник Императорского Николаевского Гатчинского сиротского института. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1863 г., во время восстания в Польше, поручик лейб-гвардии Литовского полка и делопроизводитель Временной военно-следственной комиссии, принимал участие в так называемом деле «парижских эмиссаров». В 1870–1880-е майор, позднее полковник, служит штаб-офицером для особых поручений при варшавском губернаторе генерале Н.Н. Медеме. Участвует в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1886 г. переходит на службу в жандармское ведомство; начальник жандармского управления Харькова, затем Одессы. В 1893 г. по болезни уволен на пенсию с производством в генерал-лейтенанты¹⁴⁰.

Со стороны матери, [Екатерины Александровны], урожденной Полянской [? — после 1918], проходит музыкальная одаренность: мать Екатерины Петровны хорошо пела, музыкальностью отличались также все братья и сестры матери, которых было 11 человек, а также братья и сестры бабушки по материнской линии. У многих представителей этого рода, помимо музыкальной одаренности, проявлялись также способности к рисованию¹⁴¹. Самой Екатерине Петровне, согласно ее автохарактеристике, свойственны уравновешенность характера, терпение, усидчивость, настойчивость в достижении цели, общительность, подвижность. В детстве отличалась вспыльчивостью, сменившейся в зрелом возрасте сдержанностью.

¹⁴⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 1020 (фонд П.Г. Цугаловского); Кошель П.А. История российского сыска. М.: Молодая гвардия, 2005. С. XXX; Нилова В.А., Штакельберг Ю.И. Извлечения из показаний политического преступника, бывшего инженер-поручика Владислава Рудницкого... // Славянский альманах. 2006. С. 81–93; *Письма из Maison Russe*. С. 292; Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Участники 11-месячной обороны Севастополя в 1854–1855 гг. Вып. 3. СПб., 1907. С. 9.

В первом издании «Хроники» было лаконично сказано: «Отец родом из Литвы». – *Ред.*

¹⁴¹ Сестра бабушки Екатерины Петровны – Варвара Федоровна Чернова была дружна с сестрой А.С. Пушкина Ольгой Сергеевной Пушкиной (Павлищевой); будучи художницей, Чернова в 1844 г. написала ее портрет. Родная тетка Екатерины Петровны – Анастасия Александровна Полянская была первой женой сына Павлищевой (и, соответственно, племянника Пушкина) – Льва Николаевича (см. о нем: Боград Г.Л. Павловские реалии в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // *Статьи о Достоевском*. С. 152–164). – Б.Т.

Е.П. Достоевская – Р. и Г. Пиперам

4.IX.1947. Регенсбург

Я ведь выросла в очень религиозной семье. Когда мы детьми совершали нашу вечернюю молитву, папа или мама всегда были с нами, – были у них гости или нет, – чтобы нас перекрестить. Даже совсем маленькими, мы всегда ходили в церковь и никогда не путешествовали без *Te Deum*¹⁴².

Р. Пиперу

7.I.1950. Ментона

Вы ведь знаете, что я закончила исторический факультет и из-за этого все связанное с историей является для меня особенно ценным...

У моего обожаемого отца была коллекция – в том числе и две серебряные римские <монеты>, самые старые, еще не округленные, но как бы отрезанные от кусочка серебра. Я, кажется, Вам рассказывала, как я уважала и любила своего отца, поэтому все, что ему было интересно, меня очень интересовало и представляло для меня особенную ценность!

12.V.1951. Ментона

Я с детства любительница истории, поэтому и выбрала исторический факультет, – и так было в продолжение всей моей молодости! Мой зять, муж моей сестры <Анны Петровны>, владел очень крупным имением <Аскания-Нова> в днепровской степи, где кочевали все народы с Юга и Востока. Поэтому там были очень большие и высокие могильные холмы (названные «курганы»). Эти «курганы» я раскапывала с помощью работников, мой зять всегда оказывал мне эту помощь. Это было моей страстью, а каждый найденный даже маленький предмет был для меня крупным подарком! Особенно я была восхищена, когда нашла скелет казака-великана, так как рядом с ним находилась чудесная серебряная сабля с резным орнаментом! Она была такой чудесной, что ее выставили в музее в Одессе.

(Достоевский и мировая культура. № 18. С. 239, 247–249)

Е.Б. Польская

На любительских спектаклях у симферопольского губернатора Екатерину Петровну увидел сын писателя Федор Федорович, спортсмен (яхты, лошади), по ее словам, сноб с очень развитым чувством «мы – Достоевские». (Это чувство он передал жене.) Федор Федорович женился на этой миниатюрной, элегантной и не очень уже молодой девушке. Это было в 1903 г. Он требовал от нее элегантности постоянной. Екатерина Петровна очень полюбила Анне Григорьевне, на которую была похожа настойчивым, энергичным, рассудочным характером.

(Внук писателя. С. 130)

Е.П. Достоевская – свекрови

5.XII.1903

...Пока пришлось послать <Вам> мою предыдущую карточку (в год, когда мы с Федей познакомились, т.е. 5 лет назад, я такая старуха теперь!), т.к. фотограф не успел сделать

¹⁴² *Te Deum* <laudamus> – «Тебя, Боже, <хвалим>» (лат.), благодарственная молитва. – Ред.

ту, кот<орая> Вам нравится, у меня же не оказалось ни одной, а на Федюшу нашел «упрямчик» и он свою не дал...

8.III.1904. Симферополь

...Да поможет мне Бог в будущем осуществить мое желание сделать Федю счастливым, дав ему семью, – этим самым Вам дать относительную радость и спокойствие...
(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

А.Г. Достоевская. Завещание

Моей дорогой невестке Екатерине Петровне завещаю мои бриллиантовую брошь и бриллиантовые серьги...
(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 224)

Е.П. Достоевская – свекрови
1.IX.1904

Сегодня получены корректуры, кот<орые> почему-то были направлены в Москву, – спешу их отправить; ужасно сожалею, что так и не удалось нам закончить этот том вместе, я Вам так мало помогала, жаль, что не пришлось нам продлить наше лето в Ст<арой> Руссе, мы бы и «Идиота» закончили и, пожалуй, и нескончаемый каталог увидел <бы> свой благополучный конец...

29.VIII.1906

...Есть же счастливые люди, кот<орые> живут с планом впереди; по натуре своей я ненавижу все эти неожиданные проекты и решения, люблю все обдумать заранее и ужасно тягочусь неизвестностью и всякими неожиданностями. Теперь это тем более нелегко, потому что надо <все> взвесить не только по отношению к себе, но, главное, для маленького. Ах, Анна Григорьевна, голубушка, как тяжела в сущности жизнь!

11.III.1908

...Иногда я в ужас и в отчаяние прихожу от сознания, что, имея в книгах капитал, мы никогда не уверены в завтрашнем дне – это, пожалуй, вся жизнь пройдет в этом «денежном стенании».
(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

14.II.1918 <Скадовск>

Почти одновременно с Вашими событиями¹⁴³ разразились репрессии по всему югу. <...> Мы тоже косвенно и прямо были задеты. Наш Скадовск пришли брать 30 большевиков из Севастополя. – В общем Господь спас, все обошлось благополучно, но душевная усталость так велика, что на все теперь машешь рукою – как-то наполняешься холодным отчаянием. – Ведь и я тоже сижу абсолютно без гроша, и только благодаря тому, что живу со своими¹⁴⁴, то пока, надеясь на получение каких-либо денег, занимаю у них. Что было бы с нами, если бы мы остались на Кавказе, – ведь без денег нельзя же было жить – умирай голодной смертью!

¹⁴³ См. на с. 436 письмо Анны Григорьевны о событиях в Ялте. – Ред.

¹⁴⁴ Порт Скадовск до революции принадлежал действительному статскому советнику, камергеру С.Б. Скадовскому, за сыном которого была замужем О.А. Фальц-Фейн. – Ред.

9.V.1918 <Скадовск>

Да, мы также пережили ужасное время, – когда ежеминутно над нами был занесен Дамоклов меч. Спали одетыми, держа по узелочку необходимых вещей; все – деньги, серебро – закапывали, платья прятали по чужим хатам и пр., и пр., т.к. орды матросов по 1000 человек, а затем отступающие орды большевиков нам ежеминутно угрожали. В большой дом Ск<адовских> врывались, били по пьянино (?), спали на их кроватях и тащили, что могли. Сами Ск<адовские>, как первые приговоренные на смерть, прятались по чужим домам и хатам. Мы из дома своего ни разу не убежали, и как Господь спас нас – просто непостижимо, ведь наши дома рядом. Бывало только, что мы с Ниной целыми ночами до 6-ти утра сидим на стороже у дверей. Устали, конечно, чрезвычайно; на мне и до сих пор лица нет. К этому надо добавить, что среди этого переживаемого хаоса Андрей заболел гриппозным, т.е. ползучим воспалением легкого, которое тянулось 5 недель и повторялось 3 раза. Право, не будь я со своими, я думаю, я бы эту зиму не пережила. Ведь я осталась абсолютно без гроша – думала, что Федя сможет высылать <...> но Федя оказался совершенно без денег, да и высылать в Украину он уже давно не мог. <...> А теперь с водворением немцев жизнь вошла в свою обычную колею, кроме цен.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 3. Ед. хр. 77)

Удостоверение № 626

Предъявитель сего, Екатерина Петровна Достоевская, согласно предъявленных ею документов <далее следует перечень документов, среди которых не последнее место занимает удостоверение Московского дворянского депутатского собрания> является женой Федора Федоровича Достоевского – сына знаменитого русского писателя Федора Михайловича, старого Революционера, арестованного в 1849 г. при царе Николае Павловиче за «злоумышленное» выступление против государственно-исторического строя вместе с другими революционерами и был приговорен к смертной казни через расстреляние. Уже на эшафоте, когда подали команду стрелять – приговор был смягчен. Федор Михайлович Достоевский получил 4 года каторги. А в 1881 году 28 января он умер и унес с собою живого защитника обездоленных, но оставил нам свои неоцененные труды для дальнейшего перевоспитания человечества. Глубоко уважая память товарища Ф.М. Достоевского, просим не стеснять его прямых родственников, внуков, отпрысков борца за свободу человечества.

Председатель (подпись)

Секретарь (подпись)¹⁴⁵

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 7)

А.П. Фальц-Фейн, сестра Е.П. Достоевской – А. Чезана¹⁴⁶

19.XI <1951>

В 1920 году мы <с сестрой и ее детьми> слишком поздно покинули мое имение в Таврии. Когда мы прибыли в Симферополь, столицу Крыма, барон Врангель покинул его со

¹⁴⁵ Как установил сын Екатерины Петровны Андрей Федорович Достоевский (№ 338), автором этого уникального удостоверения был бессменный председатель Скадовского ревкома Михаил Андриец. – Б.Т.

¹⁴⁶ Чезана Анжело – владелец книжного магазина в Базеле (Швейцария), знакомый сестер (см.: *Письма из Maison Russe*. С. 240 и др.). – Ред.

своей армией за день до этого. Моя дочь послала за нами из Константинополя наш ледокол «София», но его по пути реквизировали¹⁴⁷. Таким образом мы на 22 года остались под большевиками и смогли выехать за границу только в 1943 году с немцами. <...> пережили ужасный голод и эпидемии голодного тифа в 1920–1921 годах. Тогда подводы собирали на улицах трупы, как доски, и мы обходили места, где они лежали, так как тротуары и мостовые были покрыты тысячами вшей. Не было ни мыла, ни горячей воды, люди стирали свои вещи, лучше сказать лохмотья, с песком в речке Салгир. В давке очередей за 150 граммами хлеба – черного как уголь, мокрого, из жмыха, кореньев и Бог знает чего еще, – вши разгуливали по одежде людей, которые стояли спереди и сзади, то же самое при бесплатной раздаче положенной тарелки жидкого супа. Мы были вынуждены брать этот суп. Теперь это звучит анекдотично. Купить нельзя было ничего. Однажды моя сестра пошла на базар. Кроме хрена, она ничего не нашла. Она была так голодна, что по дороге домой не смогла удержаться и съела его, испачканный землей. <...> Моя сестра давала уроки английского и французского языка специалистам: врачам, инженерам и т.п. <...> Однако морально это было очень тяжело, и нас вызывали в ГПУ на «исповедь». Однажды я уже думала, что моя сестра не вернется назад. Во время больших процессов над интеллигенцией мы часто ложились в постель одетыми и клали рядом гребень и носовой платок – то, что разрешали брать с собой...

(Письма из *Maison Russe*. С. 41–45)

Осенью 1921 г. заболел и умер ее старший сын Федя.

В декабре 1925 г. Екатерина Петровна прошла экспертизу (аттестацию) по английскому языку при Союзе работников просвещения Крымской АССР; в 1929–1933 гг. обучала иностранным языкам сотрудников Крымской зональной опытной станции плодового хозяйства; с 1935 г. до 1 сентября 1941 г. преподавала английский в Симферопольском автотранспортном техникуме (Письма из *Maison Russe*. С. 249).

Н.А. Филина (Онищенко)

Мое детское восприятие очень четко запечатлело двух старомодно одетых женщин (Е.П. Достоевскую и А.П. Фальц-Фейн), единственных из всех жильцов дома выходивших на улицу с зонтиком от солнца. Помню, и звали их как-то странно – Китти и Нитти. Они держались очень обособленно, и мы ничего или почти ничего не знали об их жизни.

(Записано Н.Б. 2002)

Е.Б. Польская

Жили они <в конце 1920-х> далеко, на окраине города <Симферополя>, на так называемых Бахчиелях; ни трамвая, ни автобуса туда не было, и ежедневно маленькая, с энергичной походкой, старомодно-элегантная дама в костюме тэйлор и блузочке с кружевным кокилье ходила в город на уроки – мимо пустырей, по грязи и холоду, никогда не жалуясь на судьбу...

Екатерина Петровна не была наивна, несмотря на институтскую суть. Как истинная русская аристократка могла употреблять <...> народные слова просто, не будучи скабрешной (как Пушкин, Толстой). «Да ведь это б...» – могла сказать запросто о ком-нибудь. В ней жили

¹⁴⁷ См. уточнение этого эпизода в кн.: Письма из *Maison Russe*. С. 244–245. – Ред.

бесенята. Была весьма эксцентрична. Например, будучи моей учительницей английского, рассказала мне такой анекдот. К королеве Виктории прибыли три русских посла. – «Их фамилии?» – Придворный краснеет и молчит. – «Фамилии!» – «Простите, Ваше величество: Long enough (Логоинов) – “довольно длинный”, Strong enough (Строганов) – “довольно крепкий”, Put it in (Путятин) – “вложи его”»! Или: великие княжны едут по Петербургу. На стене аршинное похабное слово из трех букв. – «Что это за слово?» – Не растерявшийся адъютант отвечает: «Это повелительное наклонение от украинского глагола “ховать” – прятать». Самого слова Екатерина Петровна, понятно, не произносила и хохотала...

В Екатерине Петровне не было ничего «буржуазного» или мещанского: она не стремилась «казаться» или «выглядеть», а была как есть, что, собственно, и есть подлинная интеллигентность и аристократизм. И никогда никаких жалоб! Она в нашей семье будто бравировала даже, что они, Достоевские, так унижены в «Совдепии», как и все порядочные «бывшие» люди. Чисто интеллигентская непритязательность в быту отличала и ее сына> Андрея.

(Внук писателя. С. 130–132)

Е.П. Достоевская – А.Л. Бему
1930

Теперь помимо своих обычных уроков англ<ийского> и устных переводов на этом же языке со специалистами самых различных отраслей, – я начала перевод «Подростка», на франц<узский>, т.к. издательство <Librairie Payot> одобрило начало. Вы сами поймете, какой это ответственный труд переводить Ф.М. Каждую фразу пересматриваешь и штудируешь, не доверяя себе, поэтому работа движется гораздо медленнее, чем предполагалось, – но лишь бы не исказить и сохранить тип языка!

(Достоевский и мировая культура. № 15. С. 248)

Г.И. Чулкову
24.XI.1930. Симферополь

...Чтобы дать образование сыну, чтобы жить самой – я работаю по 15–18 ч. в сутки; – это бы ничего, т.к. свою работу я люблю, но к сожалению болезненная от природы, я перенесла за последние годы три воспаления легких, тогда наше материальное положение становилось катастрофическим. Спасли нас почитатели творчества <Ф.М. Достоевского> и литераторы Запада, которые, не знаю какими путями, узнали о нас...

(ОР ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 97. Л. 6)

А.П. Фальц-Фейн – А. Чезана
19.XI <1951>

Когда пришли немцы – а нужно было жить и есть, – моя сестра стала переводчицей в воинской части, квартировавшей в доме, в котором мы жили. <...> И вот немцы уходят. Это было осенью 1943 года. Нам тоже пришлось уходить, так как всех, кто работал при немцах, даже поварих и прислугу, арестовывали и отправляли в концентрационный лагерь. (Письма из Maison Russe. С. 41–45)

Жизнь сестер в Симферополе была осложнена и появлением самозванки – Е.А. Щукиной (№ 268), которая, называя себя Достоевской, вела фашистскую агитацию. Местные

жители зачастую отождествляли Щукину с Екатериной Петровной. Возможно, это стало еще одним аргументом в пользу отъезда.

Е.П. Достоевская – А.Л. Бему

23.VI.1944

Все шло хорошо, весело и материально прекрасно до выезда нашего из Симф<ерополя>. С этих пор начались все наши серьезные несчастья. Мой чрезвычайно сложный перелом колена дает мне возможность только теперь, после почти 7^{ми} месяцев, надеяться, что я, хотя бы хромая и с палкой, буду ходить. Как срастется рука (по счастью, левая) у сестры еще неизвестно. Прошло уже с 4го апреля почти 2 месяца, а рука еще не дает возможности сказать, когда мы сможем покинуть Krankenhaus, в котором мы имеем очень маленькую, но отдельную комнатку, светлую и с прекрасным доступом воздуха. В нас приняла большое участие D^{sche} Mittelstelle¹⁴⁸, которая собирается, кажется, писать всю историю каждой из нас, так как происхождение каждой имеет для них большой интерес – сестра как совсем немецкого происхождения – я же как Достоевская, имеющая по Волоцкому такую необычайную родословную.

Наш переезд из Одессы сюда был нечто кошмарным – он имел три этапа – один хуже другого; последний в поезде – кот<орый> то шел в Вену, то повернул на Лодзь, хоть и в «офицерском» вагоне, но без питания, а только из милости у сестры милосердия, – в общем, голодали 11 дней и приехали сюда такими худыми и слабыми, что пройдет еще немало недель, пока мы придем в себя, тем более что здесь немецкий рацион, хотя мы в нашем возрасте получаем иногда улучшенное питание.

Где мы будем, что мы будем – совсем неизвестно. Дочь сестры¹⁴⁹ с сыном в Париже, где у нее квартира, но нам туда ехать уж очень рискованно; хотелось <бы> жить в направлении Карпат, там легче устроиться с провизией, – но, в общем, наиболее необходимо было бы побывать в Берлине, но как с налетами?! – Одним словом, всюду невесело – мы несчастные, выбитые из колеи люди; единственная надежда, что я настолько оправлюсь, что начну опять свою переводческую работу с англ<ийского> в научном учреждении.

(Достоевский и мировая культура. № 15. С. 250–251)

А.П. Фальц-Фейн – А. Чезана

19.XI <1951>

В Одессе – тогда Румынии – мы оказались под руинами дома заваленными досками и кирпичами. Во второй раз Господь Бог захотел, чтобы мы остались живы. У моей сестры был очень тяжелый перелом, в двух местах, правой ноги, потом две операции, 11 месяцев в различных больницах, она хромает до сегодняшнего дня. <...> Затем – все время по больницам: Аккерман, Измаил, Галац, где мы 12 дней были под советской бомбежкой, Польша, Литцманштадт¹⁵⁰, где поляки, пока мы были в больнице, украли 8 из 13 мест багажа. У нас были еще ценные вещи, и мы рассчитывали их продать и жить на это. Но что нас все еще огорчает и печалит – это потеря невозполнимых исторических документов: переписки семьи Достоевских, записных книжек Анны Григорьевны. <...> Дальше. Вновь при-

¹⁴⁸ Volksdeutsche Mittelstelle, Центральное бюро по делам этнических немцев. – Ред.

¹⁴⁹ Ольга Александровна Фальц-Фейн. – Ред.

¹⁵⁰ Название г. Лодзь в период немецкой оккупации. – Ред.

ходят красные, и нас эвакуируют вместе с больницей – Киршберг¹⁵¹, Ганновер, Вальсроде, Регенсбург в Баварии, где мы прожили 3 1/2 года в католическом приюте сестер Синего креста¹⁵². Это были самые счастливые годы за все время после революции. <...> Затем – полтора года в Париже и теперь в Ментоне. Одиннадцатое место с 1943 года. Печальная одиссея.

(Письма из *Maison Russe*. С. 41–45)

Е. Тверской

...Вывезенная немцами из Крыма, <Екатерина Петровна> преподавала английский и французский языки на курсах сестер милосердия, а также и русский язык прибывшим в Германию американцам. Она жила со своей сестрой Н.П. Фальц-Фейн <в Регенсбурге> в Зауглингсхайме, после полученных во время бомбардировок ранений, занимая крохотную комнатку в деревянном флигелечке во дворе.

Я постучался. Открылась дверь, и на пороге показалась низенькая пожилая женщина лет 66–68. Ее серо-голубые глаза светились приветливой и радушной улыбкой...

– Что же вас интересует?

– Все, что касается семьи Ф.М. Достоевского.

<...>

– В настоящее время я занята работой «Генеалогическое древо Достоевских». В основу этого труда ляжет исследование Чулкова <...> и мои выписки из архивов Москвы и Петербурга, в которых я «копалась», по выражению моего мужа и со слов моей бедной, незабвенной Анны Григорьевны. Предполагаемая книжка должна выйти на трех языках: английском, французском и немецком. На английском языке прежде всего в Кембридже – для факультета славянских языков. Затем, вероятно, в Германии, так как я пообещала г-ну Пиперу издать свой труд в его издательстве. Кроме этого труда я должна написать и о многом другом – заданий масса, а времени слишком мало. Ведь обрисовать свою жизнь, войдя в семью Достоевских, это необходимо, так как Анну Григорьевну часто рисуют как «жадную, расчетливую» – этого человека, жившего всегда для других, – ангела-хранителя и мужа, и детей, и внуков.

(Грани. 1994. № 174. С. 230–231)

А.П. Фальц-Фейн – А. Чезана

13.VII.1954

Каждый день я жалею о том, что нам пришлось покинуть Германию. Иначе было нельзя. Сестра шефствовала над 1600 несчастными власовцами за колючей проволокой¹⁵³. <...> После сатанинского договора с Рузвельтом все военнопленные должны были быть переданными большевикам <...> Сестра навещала этих несчастных, утешала, собирала для

¹⁵¹ Сейчас – г. Еленя-Гура в Польше. – Ред.

¹⁵² «Синий крест» – основанное в 1877 г. в Женеве и позже получившее широкое распространение в Германии религиозное общество протестантской ориентации (евангелическая церковь), занимавшееся благотворительностью. Возможно, именно в нем преподавала языки Екатерина Петровна. Не вполне понятно, почему приют сестер «Синего креста» назван в письме католическим. – Б. Т.

¹⁵³ Речь идет о лагере для военнопленных № 431 в Платтлинге, недалеко от Регенсбурга, в американской зоне оккупации. По-видимому, Екатерина Петровна входила в руководство какого-то попечительского совета, скорее всего по линии церкви. – Б. Т.

них подарки. Тогда американцы предупредили сестру, что большевики следят за ней и что не исключено, что ее увезут в Советский Союз. Так что лучше было уехать.

(Письма из *Maison Russe*. С. 135)

Скитания двух пожилых женщин продолжались до 1949 г., когда сестры наконец осели на Лазурном берегу Франции, в Ментоне, в Русском доме (*Maison Russe*) для престарелых эмигрантов, которым заведовала их родственница Валерия Александровна Прянишникова.

С.В. Белов

...В 1947 году Екатерина Петровна через Красный Крест и, в частности, через профессора-слависта из Оксфорда Спэлдинга¹⁵⁴, разыскала сына в Ленинграде, и Андрей Федорович получил первое письмо от профессора с просьбой вступить в переписку с матерью. Однако Андрей Федорович довольно сухо ответил профессору, что переписываться с матерью не будет. Когда я спросил, почему он отказался, он сказал: «Мне, проводшему все пять лет на фронте, было непонятно и *неприемлемо* (он сделал ударение на этом слове. – С.Б.) нахождение моей матери вне пределов России». (Грани. 1994. № 174. С. 227)

Сын вступил в переписку с матерью лишь осенью 1955 г. – в обстановке начавшейся «оттепели» и после тяжелой болезни, чреватой смертельным исходом. Однако сама Екатерина Петровна, которая страдала медленно, но неуклонно прогрессирующим недугом, уже не могла отвечать ему.

А.П. Фальц-Фейн – А. Чезана
9.IX.1955

Месяц тому назад моя сестра получила собственноручное письмо от ее сына Андрея из Ленинграда. Мы не могли поверить своим глазам, когда увидели его почерк и подпись. Правда, письмо адресовано не ей, но это все равно. Он писал в Оксфорд мистеру Спэлдингу, который умер два года тому назад. Его вдова вместе со своим письмом переслала письмо Андрея, очень коротенькое. Он спрашивает, знает ли мистер С<пэлдинг>, где находится его мать; если он знает ее местожительство, то просьба переслать ей эти строки с тем, чтобы она написала ему. За долгие годы он получил от нее только одну почтовую открытку из Парижа. (Сестра посылала письмо, три открытки, я – две. Так как ни разу не

¹⁵⁴ Спэлдинг (Spalding) Генри Норман (1877–1953) – профессор Оксфорда, специалист в области сравнительного изучения мировых цивилизаций. Основатель университетской кафедры восточных религий и этики, один из основателей Британской ассоциации ориенталистов. Приверженец теории евразийства, филантроп. – Ред.

получили ответа, мы перестали писать, из опасения навредить ему.) Какое счастье, что Андрей сохранил адрес мистера Спэлдинга! Какое счастье, что сестра смогла при жизни узнать, что ее сын жив.

(Письма из *Maison Russe*. С. 163)

А.Ф. Достоевский – Г.Ф. Коган

25.X.1957

В скором времени Вы получите (а может быть, уже получили) письмо от Екатерины Петровны. Писали ей и Вы, и Вера Степановна <Нечаева>. Мне приходится взять на себя неприятную обязанность предупредить обоих корреспондентов о том, что надеяться им на достоверные, внятные, а иногда даже только на здравые ответы или сообщения Екатерины Петровны – не приходится. Дело в том, что склероз кровеносных сосудов головного мозга – это давнишнее заболевание Екатерины Петровны. Сейчас ей 83 года: учтем еще все потрясения и превратности, начиная с 1941 года, и станет ясным, что она благополучно существует только потому, что с ней рядом ее сестра Нина (Анна) Петровна. Последней 87 лет, но ей удалось сохранить больше умственных и физических возможностей, чем ее сестре. Екатерина Петровна почти полностью утратила память и страдает еще рядом частных явлений мозгового заболевания. Письмо, которое готовится для Вас, написано Ниной Петровной (как черновик), затем переписывается в течение нескольких дней Екатериной Петровной. <...> Мне, например, Екатерины Петровны уже давно не пишет, все сообщения поступают через Нину Петровну, так как письма – это уже непосильный труд для ее сестры.

(Письма из *Maison Russe*. С. 328–329)

А.П. Фальц-Фейн – супругам Чезана

17.XI <1957. Ментона>

Если на самом деле существует ад с его муками, то я его переживаю здесь, на земле. Полтора года я пыталась скрыть от «домашних» состояние своей несчастной сестры, у которой сильный склероз сосудов головного мозга. Но она сама себя выдает. Бегает по комнате, кричит, что не может больше жить с «отвратительной, ужасной девушкой-служанкой, которую ей прислали из Парижа». Или в другой раз, я – ее сестра: кричит, что у меня «длинные руки», т.к. я краду ее деньги, потому что я дочь еврея. Или бегает, кричит, что я хочу ее отравить. <...> Одна дама сказала ей: «Попробуйте мирно жить со своей сестрой». Она ответила, что у нее нет никакой сестры. Когда я показала ей наши Cartes¹⁵⁵ из полиции: Е.П. Достоевская, урожденная Цугаловская; А.П. Фальц-Фейн, урожденная Цугаловская>: «Так как же я не твоя сестра?» – «Все знают, что ты делаешь фальшивки»... Весь дом видит мои синяки, кровоподтеки, царапины, когда она, как кошка, царапает меня ногтями. Или бьет меня кулаком. <...> Мне дали совет попытаться стукнуть кулаком по столу, топнуть ногой и крикнуть «замолчи». Это было ошибкой. Никогда, никогда она не могла терпеть, чтобы кто-то ей что-то приказывал. Она вскочила и стала бить меня. <...> Тут же сбежали медицинская сестра, соседи, еще люди. <...> На этот раз удалось оставить ее Дома. Если бы она была действительно сумасшедшей. Но это не тот случай. Часами, иногда целыми днями она почти нормальная, только все время очень возбужденная.

¹⁵⁵ Удостоверения (франц.). – Ред.

...Все пишут, что я должна ее отправить. Я не могу этого сделать, пока это зависит от меня. Для меня невыносима мысль, что она, кого все эти годы я так страшно баловала, с ее сотнями привычек, фокусов, фантазий, с ее 7 подушками и пуховым одеялом, со всеми кашами, которые я ей каждый день варю, – окажется в лечебнице, заведении, где – мы все знаем, – как с такими больными обращается персонал. <...> Когда она и сейчас кричит: «Я дама, госпожа, а ты моя служанка», – она абсолютно права. Я ее рабыня, я потеряла себя, свою свободу, я во всем должна ее слушаться, иначе – скандал.

11.IV.1958. Ментона

Вам всем радостного праздника. Пасхи. У нас черная ночь. Мы уже не на краю пропасти, а глубоко в нее погрузились. Моя сестра превратилась в полную идиотку, последние проблески сознания исчезли. <...> Я сама тяжело больна, меня направляют в больницу. <...> Как она может остаться одна без меня?

(Письма из *Maison Russe*. С. 204–206, 217)

В.А. Прянишникова – А. Чезана

Открытка 4.VI.1958. Ментона

Сожалею, что вынуждена сообщить Вам печальное известие о смерти обеих своих кузин – госпожи Достоевской и госпожи Фальц-Фейн¹⁵⁶. Сначала они обе заболели в конце марта гриппом с высокой температурой. Госпожа Достоевская, которая уже прежде страдала психическим расстройством, так возбудилась, что ее пришлось отправить в специальную клинику в Ниццу. Она умерла там 3 мая и там же была похоронена. Что касается госпожи Фальц-Фейн, то она не смогла пережить смерти своей сестры. Она умерла внезапно, совсем неожиданно 14 мая. У нее было время купить место для двоих на кладбище в Ментоне, в надежде впоследствии перезахоронить свою сестру¹⁵⁷. Эту открытку госпожа Фальц-Фейн приготовила сама на случай своей смерти.

(Письма из *Maison Russe*. С. 218)

334а. Михаэлис Леокадия Стефановна

(1896 – [23.X.1948, Москва]). С 15 мая 1916 г. состояла в гражданском браке с Ф.Ф. Достоевским. [Похоронена на Ваганьковском кладбище¹⁵⁸.]

Г.Ф. Коган

Леокадия и ее сестра Анна были танцовщицами-босоножками.

(Достоевский и мировая культура. № 16. С. 158)

После смерти Ф.Ф. Достоевского на руках у Михаэлис остались важные материалы семейного архива Достоевских. Выполняя предсмертную волю Федора Федоровича, самое ценное она передала в Российский исторический музей (РИМ), о чем свидетельствует следующий документ.

¹⁵⁶ После смерти сестер в Ментоне при невыясненных обстоятельствах исчез их архив. – Ред.

¹⁵⁷ Это и было осуществлено впоследствии бароном Э.А. Фальц-Фейном (о нем см. на с. 472). – Ред.

¹⁵⁸ Могила сестер Михаэлис не огорожена. Ответственным распорядителем захоронения значилась Анна Матвеевна Черкасова (1896–1964). В 1925 г. портниха Черкасова поселилась в квартире, где жил и умер Ф.Ф. Достоевский; тогда же сестры Михаэлис покинули эту жилплощадь, квартира стала коммунальной. – С.Т.

Докладная записка директора РИМ Н.М. Щекотова
в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса

Евангелие, бывшее с Ф.М. Достоевским, и его собственноручное письмо к брату Михаилу, написанное в Петропавловской крепости после приговора, переданы на хранение гражданкой Леокадией Степановной Михаэлис с условием выдачи этих предметов внуку Ф.М. Достоевского А.Ф. Достоевскому по его гражданском совершеннолетию. Означенная передача состоялась 14 июля 1923 года, причем Ученый совет РИМ согласился на условия, поставленные гражданкой Михаэлис.

(*Достоевский и мировая культура. № 3. С. 33*)

335. Достоевский Алексей Федорович

32 / 329

([10¹⁵⁹] VIII.1875, [Старая Русса Новгородской губернии] — 16.V.1878, [Петербург]). Младший сын писателя. [Крещен в старорусской Георгиевской церкви.] Умер от припадка эпилепсии, [похоронен на Большеохтинском Георгиевском кладбище рядом с могилой деда и бабушки Сниткиных].

Л.Ф. Достоевская, сестра

Мои родители несколько разошлись во мнениях относительно выбора его имени. Мать хотела назвать его Иваном, в честь своего брата, столь нежно ею любимого. Достоевский же желал дать ему имя Степан в память епископа Стефана, бывшего, по словам отца, основателем нашей православной семьи. Мать моя была несколько удивлена, услышав эти слова от отца, крайне редко упоминавшего своих предков. Мне кажется, что Достоевский, все более интересовавшийся православной церковью, хотел выразить свою благодарность тому, кто первый из нашей литовской семьи обратился в православие¹⁶⁰.

(*Достоевский в изображении дочери. С. 137–138*)

В.А. Савостьянова, двоюродная сестра (№ 377)

<Во время моей первой встречи с дядей> в комнату вошел младший сын его, Леша, мне он показался довольно высоким мальчиком, в тулупчике и шапке он отправлялся на прогулку и по обыкновению подошел к своему папе, прося у него пяточок на сласти. Дядя с любовью дал ему деньги, прибавляя: «Ах, Леша, Леша, ты меня совсем разоришь». У мальчика была большая шишка на лбу, и это его портило. Кажется, с этой шишкой он и родился, не она ли была причиной его смерти?

(*Достоевский в забытых. С. 214*)

А.Г. Достоевская, мать

Черновые наброски воспоминаний

Приходил просить себе сахару *ша* и непременно няне *ша*, а после чаю шел целовать меня, (губки протянет) няню и Катерину. Иногда клал спать куклу Ваньку. <...> когда ложился спать, то клал подле себя куклы из тряпок большие, а когда просыпался, то подни-

¹⁵⁹ Дата 12 августа, опубликованная в первом издании «Хроники», была указана по второму тому «Петербургского некрополя» (СПб., 1912. С. 83). – Б. Т.

¹⁶⁰ Известный нам Стефан Иванович Достоевский <XII, с. 31> отличался как раз обратным отношением к православию. – М.В.

мал подушку и искал гостинцу (динь-динь). <...> Под подушку любил класть гостинцы, и как встанет, тотчас возьмет гостинец и съест...

Когда мы ехали из деревни, то Леша увидал в Москве дома, и они до того поразили его, что он всплескивал руками, и говорил: ах хорошо, ах-ах. Любил очень танцевать, и когда кончали, то говорил: еще, еще, и даже начал плакать, зачем танцевали с другими. Любил, когда его валили на ковер и он быстро сам поднимался...

Однажды нянька плакала по Васе, он, видя ее слезы, вытирал свои глазки передником. Когда ему было около двух лет и у него была нянькой Аграфена, то он очень полюбил Прохоровну и хотел к ней пойти, но боялся Аграфены. Раз, чтоб обратить на себя внимание, он подсунул под дверь щепочку и шевелил ее.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 5. Ед. хр. 20)

Л.Ф. Достоевская

Маленький Алексей казался крепким и здоровым ребенком, но у него был странный овальный, почти угловатый лоб; маленькая головка была яйцевидной формы¹⁶¹. Это не уродовало ребенка, но придавало ему забавное, удивленное выражение. Когда Алексей подрос, он стал любимцем Достоевского. Моему старшему брату и мне было запрещено входить в кабинет отца без разрешения, но на маленького Алешу этот запрет не распространялся. Едва только его нянька отворачивалась, как он пытался улизнуть из детской, мчался к отцу и кричал: «Папа, зи-зи!», как называл он на своем детском языке часы. Достоевский откладывал работу, сажал ребенка на колени, доставал свои часы и подносил их к уху малыша. Ребенок с восторгом слушал тикание часов и хлопал в ладошки.

Алеша был очень умным и приятным ребенком; вся семья горько оплакивала его, когда он умер внезапно в возрасте двух с половиной лет. Это случилось в Петербурге в мае, за несколько дней до нашего отъезда в Руссу. Чемоданы были уже упакованы, делались последние приготовления, когда у Алешы внезапно случился припадок. Врач, успокаивая мою мать, сказал, что это часто бывает у детей его возраста. Алеша хорошо провел ночь, проснулся свежим и бодрым, попросил, чтобы ему в кроватку дали игрушки, поиграл немного, и вдруг снова начались судороги. Через час он был мертв. Все это произошло так быстро, что меня и брата не успели увести. Когда я увидела родителей, вне себя рыдающих над безжизненным телом, у меня случился нервный припадок. <...> Врачи объяснили родителям, что маленький Алексей стал жертвой неправильного развития лобной доли черепа, в маленьком патологическом черепе не было места для роста мозга. Я же всегда считала, что Алеша, так похожий на отца, унаследовал его эпилепсию¹⁶².

(Достоевский в изображении дочери. С. 138–139)

¹⁶¹ Признаки гидроцефалии и повышенного внутричерепного давления, часто сопутствующие судорожному синдрому у детей. Они отчетливо просматриваются на двух фотографиях Алешы. – Н.Б.

¹⁶² Ср. на с. 455–457 об этой болезни у самой Любови Федоровны. – Ред.

А.Г. Достоевская

Ничто не предвещало постигшего нас горя: ребенок был все время здоров и весел. Утром в день смерти он еще лепетал на своем не всем понятном языке и громко смеялся с старушкой Прохоровной, приехавшей к нам погостить пред нашим отъездом в Старую Руссу. Вдруг личико ребенка стало подергиваться легкою судорогою; няня приняла это за родимчик, случающийся иногда у детей, когда у них идут зубы; у него же именно в это время стали выходить коренные. Я очень испугалась и тотчас пригласила всегда лечившего у нас детского доктора, Гр. А. Чошина, который жил неподалеку и немедленно пришел к нам. По-видимому, он не придавал особенного значения болезни, что-то прописал и уверил, что родимчик скоро пройдет. Но так как судороги продолжались, то я разбудила Федора Михайловича, который страшно обеспокоился. Мы решили обратиться к специалисту по нервным болезням, и я отправилась к профессору Успенскому. У него был прием, и человек двадцать сидело в его зале. Он принял меня на минуту и сказал, что как только отпустит больных, то тотчас придет к нам; прописал что-то успокоительное и велел взять подушку с кислотородом, который и давать по временам дышать ребенку. Вернувшись домой, я нашла моего бедного мальчика в том же положении: он был без сознания, и от времени до времени его маленькое тело сотрясалось от судорог. Но, по-видимому, он не страдал: стонов или криков не было. Мы не отходили от нашего маленького страдальца и с нетерпением ждали доктора. Около двух часов он наконец явился, осмотрел больного и сказал мне: «Не плачьте, не беспокойтесь, это скоро пройдет!» Федор Михайлович пошел провожать доктора, вернулся страшно бледный и стал на колени у дивана, на который мы переложили малютку, чтоб было удобнее смотреть его доктору. Я тоже стала на колени рядом с мужем, хотела его спросить, что именно сказал доктор (а он, как я узнала потом, сказал Федору Михайловичу, что уже началась агония), но он знаком запретил мне говорить. Прошло около часу, и мы стали замечать, что судороги заметно уменьшаются. Успокоенная доктором, я была даже рада, полагая, что его подергивания переходят в спокойный сон, может быть, предвещающий выздоровление. И каково же было мое отчаяние, когда вдруг дыхание младенца прекратилось и наступила смерть. Федор Михайлович поцеловал младенца, три раза его перекрестил и навзрыд заплакал. Я тоже рыдала; горько плакали и наши детки, так любившие нашего милого Лешу.

Федор Михайлович был страшно поражен этою смертью. Он как-то особенно любил Лешу, почти болезненною любовью, точно предчувствуя, что его скоро лишится. Федора Михайловича особенно угнетало то, что ребенок погиб от эпилепсии — болезни, от него унаследованной.
(Воспоминания. С. 320–321)

Несколько иные сведения о болезни и смерти младшего сына содержатся в сохранившихся в Отделе рукописей Ленинской библиотеки [ныне НИОР РГБ] записях Анны Григорьевны, сделанных сразу после утраты Алеши и потому носящих более подробный дневниковый характер.

А.Г. Достоевская

Он заболел в первый раз на святой неделе, в пятницу, 28 апреля, был жарок, скверно ходил, рвало очень часто, плохо спал и ел. 30-го апреля был припадок родимчика, продолжавшийся 4 минуты. Затем прохворал дня 4, но потом совершенно поправился и был весел, много ел, спал отлично, рвота прекратилась, но жарок появлялся через 3—4 дня, был, напр<имер>, 12-го мая, 14-го и наконец 16-го. Ночь перед смертью спал отлично, но вечером лег задумчивый...

Накануне своей смерти он вдруг громко запел, во весь голос, а когда я просила его еще спеть, он более не захотел...

Принесли его с красными щечками в 8 час., не хотел идти ко мне на постель, но поцеловал меня. Я говорю: «Я тебе, Леля, диня <гостинца> куплю». — «Нет, не надо дини, от дини зубочки болят». — «Я куплю тебе лошадку». — «Ну купи». Затем слышу, он звонко смеется и говорит про Федю: «Как чистый мужик», когда тот провалился в короб. Потом говорит: «Лиля, какие у тебя хорошие яички, дай мне мои». А затем лег заснуть. Припадок начался в 1/2 десятого, кончился 40 минут 1-го, <было 3 часа 10 минут> умер в 20 мин. 3-го. Агония продолжалась 1 час 40 минут, сначала очень стонал и охал, а потом стихло.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 5. Ед. хр. 20)

Ф.М. Достоевский — брату Николаю
16.V.1878. Петербург

Дорогой и любезный брат Николай Михайлович, сегодня скончался у нас Алеша, от внезапного припадка падучей болезни, которой прежде и не бывало у него. Вчера еще веселился, бегал, пел, а сегодня на столе. Начался припадок в 1/2 10-го утра, а в 1/2 третьего Лешечка помер.

Пасынку Павлу

Хоронить будем на Большеохтенском кладбище в четверг, 18-го мая. Пожалеи моего Лешу, Паша.

(ПСС. Т. 30, С. 31)

А.Г. Достоевская
Записная книжка 1881 г.

Фед<ор> Мих<айлович> с особенным чувством припоминал слова Лешеньки, сказанные им накануне его смерти: «Наш папа добий, он мне гостинцу дал».

(Достоевский в забытых. С. 281)

Записная книжка конца 1870-х

Федя: Жил Алеша мальчик,
Как резвая пташка.
Недолго он пожил.

Лиля: Скоро он скончался.
Все он был здоровый,

Все он был веселый.
 Федя: Жил Алеша мальчик,
 Все играл в лошадки.
 Скоро он скончался.

(ИРЛИ. Ф. 100. № 30707. Л. 89)

И.Л. Волгин

Он плачет «как женщина», когда умирает их первый ребенок; он не произносит ни слова, когда погибает последний...

Он дает имя умершего сына любимому своему герою, Алеше Карамазову: повествование подходит к концу, но автор еще не знает, что этот роман – последний.

(Последний год Достоевского. С. 426)

В.А. Савостьянова

<В 1879 г. заболел наш новорожденный сын, и> мы обратились тогда к очень опытному врачу Чошину, который работал в приюте принца Ольденбургского. Тот же врач пользовал и Лешу Достоевского, но неудачно. Когда у Леши началось воспаление мозга и родители бросились к нему, он сказал «я сейчас приеду», но приехал не так скоро, а когда позвонил, то мать, выйдя к нему навстречу в слезах, сказала, что Леша скончался... «Ах, как жаль, ведь лед нужно было бы ему положить на голову, как это я не догадался сказать вам это...» Так вот, встретившись с Чошиным в первый раз после этого у нас в кабинете, дядя вдруг нахмурился, сел в кресло и ни слова не проронил. Чошин же скоро и уехал.

(Достоевский в забытых. С. 216)

Поколение пятнадцатое

336. Достоевская

(14.XII.1903 — тогда же). Родилась месяца на полтора раньше срока и умерла до крещения (без имени); жила всего несколько минут.

332 / 334

Е.П. Достоевская – свекрови
 28.XII.1903. Симферополь

...Мне хочется все же сказать несколько слов о моем дорогом <муже> Федюше. Право, не знаю, как вынесла бы я все мои страдания, если бы не он, – его ласка, самообладание и бодрость, кот<орыми> он поддерживал меня. Зная Федину нервность, я никогда не ожидала, чтобы он мог так терпеливо вынести эту цепь бесконечных, тяжелых, мучительных часов. Ведь он почти не отходил от меня, а последние 4–5 часов он, дорогой, просто-ял на коленях около меня, т.к., только хватаясь за его шею или плечи, у меня находилась сила к потугам. Какая ужасная ночь это была – и как измучился он, бедный.

(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

337. Достоевский Федор Федорович**332 / 334**

(22.VIII.1905 [Москва] — 14.X.1921 [Симферополь]). Внук писателя. Родился месяца на полтора раньше срока¹⁶³, [крещен в симферопольской Николаевской церкви.] Умер от брюшного тифа, осложнившегося менингитом. [Похоронен на симферопольском кладбище Петровско-Подгородней слободы.]

Е.П. Достоевская – свекрови

27.VIII.1905. Москва

Он родился раньше срока на 3–4 недели. Все заготовлено было в Симферополе, а здесь его пришлось завернуть в разорванную отцовскую рубашку и купать в корыте.

...Ничего, пусть он будет у нас не избалованным, – дай Господь только ему здоровья и <нам> сил вырастить его человеком.

27.XII.1906

...Я отмечаю, что характер отца сказался в сыне в том, что мальчик сердится, когда что-либо не быстро делается, требует внимания – это наследственные черты! <...> Какое счастье, что я не могла сама кормить мальчика, я бы его сделала больным при моих вечных беспокойствах и окружающих неприятностях.

(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

Е.П. Достоевская

Несмотря на то, что родился 7 1/2 месяцев, развивался нормально, без искусственной среды. В 12–13 лет имел уже совершенно сложившийся характер, основной чертой которого была настойчивость, соединявшаяся, впрочем, с удивительной деликатностью и мягкостью. В общем был настолько врожденно-воспитанным ребенком, что никогда не нуждался в особой воспитательной обработке. Мечтательный. Любил природу. Писал стихи, которые ему давались очень легко. Лет с пяти вел свой журнал, который сам иллюстрировал и заполнял своими детскими литературными опытами. Проявлял несомненные способности к рисованию. Обладал музыкальным слухом. Тяжело переживал стесненное положение своей семьи и старался всячески помочь близким. В 14 лет имел уже самостоятельный заработок. Стремился к самообразованию. Телосложение очень стройное; был не по годам высок ростом, но легочных заболеваний не было и вообще слабости легких врачами не отмечалось. По определению офтальмологов имел одно время слабое бельмо на левом глазу, по-видимому, вызванное внешним раздражением (засорением). Бельмо это впоследствии рассосалось и не было за-

¹⁶³ Записано М.В. Волоцким со слов матери, Екатерины Петровны. Однако сразу после рождения сына она писала Анне Григорьевне, что Федя родился раньше срока на 3–4 недели (см. ниже). – Ред.

метно. То же самое было и у его отца. Из всех Достоевских походил разве только на свою прабабку, мать писателя, Марию Федоровну, урожденную Нечаеву, с которой имел общее как во внешности, так и в свойствах характера.
(Записано М.В.)

Л.С. Михаэлис

Талантливый и музыкальный, с хорошим мягким характером, но болезненный мальчик.
(Записано М.В.)

М. Волошинова

Семью Достоевских, то есть, вернее, Екатерину Петровну Достоевскую и ее мальчиков, я знаю долгие годы. Неоднократная совместная жизнь и встречи в доме наших общих знакомых дали мне возможность близко узнать Екатерину Петровну и ее детей... Федюша особенно привлекал наше общее внимание, и я в общих чертах постараюсь начертать его таким, каким мы его видели и знали.

Федюша Достоевский... Передо мной встает образ милого мальчика, бледного, хрупкого, с большими темными живыми глазами. Настоящий ребенок в общении с детьми, он вместе с тем жил огромной внутренней жизнью. Он так тонко и чутко воспринимал все явления внешней жизни, все настроения и впечатления окружающих близких людей, он так любил природу и понимал ее. Обладая необыкновенной впечатлительностью, вдумчивостью и наблюдательностью, многие из своих впечатлений он передавал в виде стихов, очень красивых и глубоких по содержанию. Он был богато одарен от природы, прекрасно рисовал, обладал хорошим голосом и верным слухом, а также большим драматическим талантом. В детских спектаклях ему всегда поручалась самая ответственная роль, которую он проводил безукоризненно. У него было чутье настоящего художника, он сразу брал правильный тон, и созданные им образы всегда были ярки и своеобразны. Всех его близко знавших поражала его глубокая, нежная, беспредельная и заботливая любовь к матери, которая чутко прислушивалась ко всем его запросам и была для него лучшим руководителем и другом.

Больно, что так безвременно погибла молодая талантливая жизнь... Память о Федюше Достоевском глубоко живет в сердцах всех знавших и любивших его.
(Письменные характеристики. М.В.)

В.Г. Любимова

Федю Достоевского я знала десятилетним мальчиком. В то время я занималась с ним по всем предметам. Он отличался удивительными способностями к учению, всем интересовался, во все вникал. Память у него была замечательная. Больше всего Федя любил литературу, в особенности лирические стихотворения и элегии. Позже, когда он стал писать стихи, грусть отражалась в его прелестных произведениях. Любил он также арифметику, хотя она ему давалась труднее, чем литература. Заниматься с ним было одно наслаждение: его пытливый ум не оставлял без замечания ни одного слова, всем интересовался, все надо было

ему объяснять, и как он слушал?! Как взрослый! К музыке у него также были способности: он учился играть на пианино и любил слушать, когда я исполняла серьезные произведения, например, Шумана или Бетховена.

Он любил принимать участие в детских спектаклях и концертах, причем именно в 10 и 11 лет исполнял роли девочек, что подходило к его мягкой и нежной натуре. В концерте, я помню, он декламировал под музыку свои собственные стихи, грустные и милые, как и все его произведения. Андрюша, брат его, был в детстве живой, интересный мальчик. Оба они рано начали рисовать, а у Феди в 16 лет обнаружился настоящий художественный талант. Их мать, Екатерина Петровна, много способствовала развитию их талантов: всегда подвижная, энергичная, работающая, она никогда не сидела без дела. Екатерина Петровна всегда была чем-нибудь занята: то она вязала, то шила или вышивала (а работа ее была очень изящна), то выжигала по дереву, то рисовала красками или тушью. Дети, смотря на мать, сами заражались ее деятельностью; сидя подле матери, мальчики рисовали или выпиливали.

Совершая прогулку, дети собирали растения, жучков, бабочек; природа их интересовала, а умная мать руководила этими прогулками, которые были полны интереса, как научные экскурсии.

Должна еще прибавить, что, выступая на сцене, Федя очень стеснялся (он был застенчив) и говорил мне: «Тантики (ласкательное от tante Véra), я бы хотел, чтобы меня никто не видел, я бы тогда был храбрее и не стеснялся публики; нельзя ли мне декламировать за сценой?!» В этом выразилась замкнутость и сосредоточенность его натуры. Он был откровенен лишь с матерью и одно время со мной, когда я была случайной его учительницей. Жаль, что погиб безусловно талантливый юноша, который так много наследовал от своего знаменитого деда.

(Письменные характеристики. М.В.)

Е.П. Достоевская

В разговоре мы с вами ни разу не коснулись религиозных чувств Федора Михайловича, Анны Григорьевны, моего мужа и Федюши... О Ф.М. я могу говорить лишь со слов мужа или Анны Григорьевны; что он был религиозен и глубоко верующий — повторять не приходится. Но Анна Григорьевна часто рассказывала, что верил он как ребенок — без рассуждений, доверчиво и просто. Ходил преимущественно в простые, уединенные церкви, любил деревенские церкви, и его любимым духовником был о. И. Румянцев в Старой Руссе, который, узнав о кончине Федора Михайловича, приехал в Петербург и попал к тому моменту, когда процессия похорон подходила к Александро-Невской лавре. Узнав, как близок Румянцев был к Федору Михайловичу, хоронившие архиереи предоставили ему, захолустному священнику, почетное место. Влияние ли Федора Михайловича сказалось на Анне Григорьевне, или она почерпнула свою глубокую веру в своей семье — не знаю.

Она помногу и подолгу жила у меня, и каждый вечер неизменно я сквозь запертые двери слышала ее полусдержанный голос, повторявший молитвы, — голос горячей мольбы, убеждения, надежды, порою слезы; так молиться может человек,

у которого никогда и тени сомнения не зарождалось, который опять-таки верил слепо, без рассуждений. Анна Григорьевна осуждала и возмущалась мистикой или спиритическими воззрениями — она находила, что можно верить или так, как повествует Евангелие, или не верить вовсе. Родившись и выросши в такой семье, мой муж многое взял у своих родителей: и любовь к простым церквям, и ранние обедни среди простого люда, и «незатейливых», «не мудрствующих» священников. Он не мог понять моей любви к «благолепию», к красивой, тихой, просторной церкви, хорошему концертному пению и требовал, чтобы мы говели вместе, в самой простой обстановке. Но в его вере чувствовался какой-то страх перед Божьим наказанием, страх перед судом, и казалось, что это сильнее, чем сама вера и надежда. Его друг Левенсон передавал мне, что перед смертью он говорил, что боится умереть, потому что боится Суда, но что умирает как христианин.

Федюша умер 16 лет; но вера чистая, светлая, такая вдохновенная была в его глазах, когда он молился, — точно он продолжал быть тем маленьким мальчиком, которого я учила молиться. В последние два года, когда он спал со мной в одной комнате, я долго спустя после того как потушу свет, слышала, как он молился — он весь уходил, возносился; я знаю, что он молился главным образом обо мне, ему всегда так страшно было, что я, слабая, не выдержу тяжести наступившей жизни. И подумайте, Михаил Васильевич, как могла выдержать моя вера после того, как он, этот светлый, чистый мальчик, не мог вымолить, чтобы у меня осталось мое единственное огромное счастье — он. С его смертью моя вера ушла, осталось пустое место в душе, которое ничто не может заполнить...

Вы просите стихи Федюши, что-либо более рисующее его душевное состояние или характерное. Все его стихи пропитаны тоской; он до бесконечности тяжело переживал перемену в нашей жизни и, главным образом, опять-таки не из-за комфорта, которого он лишился, а из-за вечного страха и страдания за меня — или что он, лишенный образования, не сможет быть моей опорой. Прилагаю несколько его небольших стихотворений — первое, мне кажется, особенно рисует его переживания.

(Письменные характеристики. М.В.)

Стихи Феде Достоевского

***

Я смеюсь. Но мой смех — горше слез,
Ряд подавленных в сердце рыданий,
Я смеюсь над потерей грез,
Я смеюсь над потерей мечтаний.
Я смеюсь над тобою, желаний
И надежд разрушенный храм...
Этот смех — это звон погребальный
Моим лучшим стремленьям, мечтам.

<1919>

Осенняя песенка¹⁶⁴

Небо бездонное, небо осеннее,
Птиц улетающих крик,
Солнца холодного, уж не весеннего,
В небе блистающий лик.
В воздухе быстро летят паутинки,
В небе унылые тучки несутся,
Шепчут друг другу, качаясь, былинки —
«Дни золотые для нас не вернуться».

27 октября 1919

***

Опять тоска, опять души стеланье,
Измученной души опять тревожный бред.
Одна отрада лишь — воспоминанья
Минувших лет едва заметный след.
Вновь без надежд, обманутый судьбою,
Я продолжаю мрачный жизни путь
И только об одном мечтаю я порою,
О, если бы скорее отдохнуть!

<1919>

России (подражание Кольцову)

Так-то Русь моя,
Русь родимая,
Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезана
Беспорядком ты.
И с могучих плеч
Сняли голову
Не мечом, огнем —
Пропагандою,
Пропагандою
Большевицкою¹⁶⁵.

Декабрь 1918

¹⁶⁴ По свидетельству матери, «Осенняя песенка» «была переложена на музыку, и Федюша мелодекламировал». — *М.В.*

¹⁶⁵ Ср. с книгой «Большевицкое движение», написанной за год до этого троюродным братом Федей — В.М. Владиславлевым (№ 273, с. 1014). — *Ред.*

***

На нас, как будто лава,
Обрушилась беда.
Российская держава
Погибла навсегда.

Я бы хотел, чтобы сейчас,
Свершилось чудо из чудес,
Чтоб разум на Руси воскрес.
Но это, к горю, не про нас.

Июль 1918

***

Война, как много этот звук
Мне в сердце горести принес.
Как много в звуке этом мук,
Как много в звуке этом слез!

Ужель народам нужно жертв?
Ужель им нужны войны, войны?
Мир для людей был сотворен,
Но люди мира не достойны.

Май 1919

Черное море (подражание Кольцову)

Море Русское, море Черное,
Море чудное, непокорное.
Разыгралось ты с непогодушки,
Снова брызжешь ты пеной белою,
Волны движешь ты рукой смелою.
Разволнуешься, разбушуешься,
Только шум кругом от тебя пойдет,
И забегают волны синие,
Волны синие – бесконечные.

Май 1919

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 39а¹⁶⁶)

¹⁶⁶ Здесь же находятся автографы стихотворений «Зачем?» (май 1919 г.), «Тучи», «Приходят, уходят / И снова приходят...», «Астрам» (октябрь 1919 г.), «Осень».

Кроме того, известны стихотворения «Мать – страдальца Россия» (1917), «Родине» (1919), списки которых (рукой матери; дар барона Э.А. Фальц-Фейна) хранятся в фонде рукописей ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб). – Б.Т.

Е.П. Достоевская

Стихотворенья эти написаны в 1919 г., т.е. когда Федюше было 14 лет. В последний год, чтобы заставить меня посмеяться, он написал комические стихи, на холод, освещение свечками, на голод — но я знаю, что невесело было ему это писать.

Чтобы образ Федюши был яснее и не со слов только безумно любившей его матери, я написала его преподавательнице в Скадовск, прося написать вам его характеристику; поэтому не удивитесь, если вы получите письмо от В.Г. Любимовой.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.П. Фальц-Фейн – В.С. Нечаевой
16–20.X.1957. Ментона

Пару слов о Федюше. Если он не был, может быть, гениальным, во всяком случае – глубоко талантливым и во всем из ряда выходящим. С 10 лет> это был сформировавшийся, зрелый мужчина, друг и советчик матери, кот<орую> он буквально обожал. В то время когда Андрей интересовался всеми отраслями механики, – для Феди весь смысл его короткой жизни заключался лишь в обожаемой матери, природе, кот<орую> он глубоко понимал и любил, и литературе. У него не было ни единого друга, товарища, мать заменяла ему всех. Все, что в его силах, он в те трудные годы делал, чтобы облегчить ей жизнь. Последнее – стирал ее блузки, как оказалось, с темп<ературой> почти 39°, а на другой день слег в тифе, кот<орый> тогда свирепствовал, осложнившимся этим ужасным менингитом. Вероятно, наследие Ф.М. – был глубоко религиозен, но без всяких сомнений Ф.М. Редкое явление в такие юные годы. Андрей спал <в одной комнате> со мной, Федя – с матерью. Часто она с волнением говорила мне о том, что когда он думает, что она заснула, становится на колени и долго о чем-то молится со слезами. Это Е.П. страшно мучило, чего ему не хватает? Последние два дня менингит открыл его тайну. Он всегда беспокоился, что у Е.П. нелады с сердцем. Видимо, боялся ее потерять. В бреду без конца повторял: «Мамочка, где ты? Тебя унесли, мою Мамочку, в сереньком пальто». И без конца: «Господи, Господи, возьми мою жизнь и сохрани Мамину». Пока трупа не стала костенеть, он все старался делать крестное знамение все с теми же словами, кот<орые> раздирали нам сердце. Когда он скончался, Е.П. подлезла под его кровать, и до вечера мы не могли вытащить ее оттуда, точно она сошла с ума. Похоронен он на деревенском, а не на городском кладбище села Подгородня Петровское, в конце которого мы жили¹⁶⁷. На горе оттуда открыва-

¹⁶⁷ Правильнее – кладбище Петровско-Подгородней слободы, поскольку эта слобода с самого своего возникновения (конец XVIII в.) формировалась как часть города. Названное кладбище, расположенное у Алуштинского шоссе, ниже Петровских скал у городища Неаполиса Скифского, сохранилось до сих пор. По воспоминаниям симферопольского старожила Натальи Архиповны Филиной (Онищенко), с довоенных времен проживающей в том же «абрикосовском доме» и хорошо помнящей Е.П. Достоевскую и А.П. Фальц-Фейн, могила Феди располагалась в центральной части кладбища справа от главной дорожки. (Фотография см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 150.) Поиски могилы, предпринятые Н.Н. Богдановым и А.В. Трубецким в январе 2002 г., к сожалению, оказались безрезультатными. – Н.Б.

Приписка на полях этого письма: «На его могилке хулигане два раза разбивали памятник, с корнем вырывали все посадки, уносили все цветы, в конце концов Е.П. запретила приносить хоть один цветок, чтобы чужие ноги не топтали ее святыни. На памятнике Феди строка из одного его стихотворения: «Ряд подавленных в сердце рыданий»». – Ред.

Анна Григорьевна Достоевская с внуками Федей (слева) и Андреем. 1912 г.

ется чудный вид на всю долину с фр<уктовыми> садами, и на горизонте его любимый Чатыр-Даг, которым он подолгу любовался с нашего балкона...

Был очень, очень красив, очень высокий, стройный. Его лицо видимо поражает всех необычайным выражением. Над кроватью Е.П. висит его очень большой портрет тушью, ему было тогда 11 л<ет>¹⁶⁸. Кто бы к нам ни вошел, почтальон, прачка, молочница и т.д., нет человека, кот<орый> мгновенно не обратил бы внимания на этот портрет и не спросил, кто это. Есть одна старушка-француженка, кот<орая> каждый год не приносила бы именно ему большой букет цветов. Андрей учился в гимназии, Федя нигде, Е.П. сама занималась с ним всеми предметами, включая латынь. Он прекрасно говорил по-фр<анцузски> и <по->анг<лийски>. К сожалению, Андрей не воспользовался этой возможностью и упорно не хотел заниматься языками. Стихи Федюша начал писать с 10-летнего возраста. Содержание абсолютно взрослого человека. Почти все я переписала Андрею. Кроме несомненного литературного таланта – два стихотворения он сам переложил на музыку, – он в равной степени, учась только у матери, настолько прекрасно, живо и художественно рисовал карандашом, пером, тушью, акварелью, что все художники, и здесь

¹⁶⁸ Скорее всего, именно об этом портрете А.Ф. Достоевский сообщал Г.Ф. Коган в одном из писем конца 1958 г.: «...мне известно, что большой карандашный портрет брата Федора перекочевал к некоей В. Прянишниковой, живущей там же, в Ментоне» (*Письма из Maison Russe*. С. 339). – Б.Т.

также, в один голос говорят, что он стал бы большим художником¹⁶⁹. Боюсь, если умру первой, все это – его портрет, стихи, рисунки погибнут. Е.П. обожествовала Федю, для нее все, что его касается, – святыня, с кот<орой> она до смерти никогда не расстанется. (Достоевский и мировая культура. № 19. С. 266–268)

338. Достоевский Андрей Федорович

332 / 334

(28.I.1908, [Симферополь — 19.IX.1968, Ленинград]). Внук писателя.

Крещен 28 апреля 1908 г. в симферопольской Николаевской церкви 51-го пехотного Литовского полка.

По образованию инженер-конструктор – механик лесной промышленности: учился в Донском политехническом институте в Новочеркасске (1927), окончил Ленинградский индустриальный институт по специальности «автомобили и тракторы» (1935).

2 декабря 1934 г. (на следующий день после убийства С.М. Кирова) был арестован НКВД; почти месяц провел в Доме предварительного заключения на ул. Воинова (Шпалерной) и был освобожден 29 декабря за недоказанностью вины.

Мобилизован на Великую Отечественную войну 7 июля 1941 г. Сражался на шести фронтах, включая Забайкальский (в ходе Маньчжурской операции); после капитуляции Японии продолжал служить в Забайкальском военном округе. Демобилизован со званием инженер-капитана запаса 13 февраля 1946 г. Награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1942), «За победу над Германией», «За победу над Японией» (обе – 1945).

После демобилизации некоторое время работал старшим инженером-конструктором в проектно-институте; с 1948 по 1958 г. преподавал в Ленинградском радиотехническом техникуме. Судья всесоюзной категории по мотогонкам. С 1958 г. на пенсии по болезни.

В середине 1960-х участвовал в заседаниях рабочей группы ИРЛИ по подготовке академического Полного собрания сочинения Ф.М. Достоевского, а также в организации музея писателя в Ленинграде. Опубликовал ряд статей, посвященных Анне Григорьевне Достоевской. За три месяца до собственной смерти исполнил предсмертную волю А.Г. Достоевской и организовал перенесение ее праха с Аутского кладбища в Ялте на Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде.

Умер от рака носоглотки. Кремирован в Москве, похоронен 23 декабря 1968 г. на кладбище Александро-Невской лавры рядом с Ф.М. и А.Г. Достоевскими.

Е.П. Достоевская – свекрови
14.II.1908 <Симферополь>

...Теперь я постараюсь хоть вкратце рассказать Вам о Вашем новом внуке. Родился он, вероятно, дней на 10 раньше срока, но мальчик оказался вполне нормальным, с длинными темными волосами, толстенький и, кажется, крепкий. По определению доктора, в нем 10 ф<унтов>, но он мне кажется короче <старшего брата> Тузика. Роды прошли вполне благополучно, мальчик не заставил себя долго ждать. Я немного была разочарована рождением сына, а не девочки, но успокаивала себя тем, что девочке прожить жизнь труднее. Мальчик при желании всегда пробьется в люди...

¹⁶⁹ В фондах ГЛМ хранится альбом с рисунками Феди, переданный туда его братом Андреем в начале 1960-х. Этот альбом 7 мая 1958 г. переслала бандеролью из Ментоны в Ленинград Анна Петровна Фальц-Фейн (Письма из *Maison Russe*. С. 333–334). – Ред.

Нос курносенький, масса волос, густые, насупленные брови, – по-моему (если можно вообще разбираться в сходстве), похож на отца Ф.М.¹⁷⁰ Выглядит он очень своенравным и своевольным, развивается скорее, чем Тузик, да оно и понятно, ведь Тузику не хватало 6 недель. Кормим мы его из бутылочки пастеризованным молоком, т.е. не кипяченым. Во время моей болезни роль кормилицы взял на себя Федя, он приготавливал молоко, т.к. приготовление его требует большого внимания. <...> С маленьким же я гораздо спокойнее, чем была с Тузиком и даже, по выражению мамы, я «жестокая мать», т.к. не позволяю его держать на руках и хочу приучить к возку, и он сейчас же чувствует, когда его положат, и поднимает невообразимый крик и успокаивается моментально, если его взять на руки. Мы думаем назвать мальчика Андреем, т.к. имя это нам обоим нравится.

11.III.1908

...Наш маленький оказался очень беспокойным и бессонным мальчиком. Слава Богу, в добрый час сказать, он здоров, ест хорошо, переворачивает<ся> хорошо, а между тем спит очень плохо, и если не спит, то настойчиво требует, чтобы его брали на руки, а т.к. я очень против этого, то он сердится и кричит, пока не заснет или не добьется того, что его возьмут на руки.

5.VII.1908

У Андрейки уже 2-ая кормилица, она тиха, спокойна, но новая беда – мало молока, а у него такой маленький аппетит, что вызвать молоко еще труднее. Теперь все наши старания направлены на излечение этой несносной и зудящей сыпи, кот<орая> у него на личике. Не будь этой экземы, мальчик был бы такой миленький, а главное – с симпатичной, улыбающейся мордочкой.
(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

А.Г. Достоевская

Запись в Завещательной тетради

Сегодня, 28 января 1909 года, вечно печальный для меня день смерти моего дорого<го> мужа. Сегодня же, 28 января, исполнился ровно год второму моему внуку Андрею. Совпадение дня рождения Андрюши с днем кончины Федора Михайловича я считаю знаменательным. Кто знает, может быть этому мальчику суждено будет наследовать талант своего знаменитого деда и своею деятельностью продолжить славу его имени. Мне хотелось бы чем-либо озаменовать сегодняшний день, и я решила передать в собственность, то есть подарить моим внукам Федору и Андрею все имеющиеся у меня записные книги моего покойного мужа Федора Михайловича, когда-то мне им подаренные...
(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 224)

Е.П. Достоевская – свекрови

22.VII.1909

...Андрей удивительно милый и приветливый ребенок. Он очень интересен, очень перемчив. Прodelывает все свои маленькие штучки, как обезьянка. Ему говорят: «Как маленькие детки плачут?» – и он закрывает лицо ручками и хнычет, показывает. Как только видит церковь, так молится-крестится (по-своему, конечно) и говорит «папу, маму». Вероятно, он

¹⁷⁰ На Михаила Андреевича Достоевского (№ 15). – Ред.

начнет скоро говорить, потому что легко повторяет слова, – конечно сокращенно. Так зонтик он называет «донди». Слов своих у него много...

(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

А.Г. Шиле

...Анна Григорьевна мне рассказала, по ее мнению, знаменательный факт: в день кончины Федора Михайловича, 28-го января, т.е. в то самое число через 27 лет, родился у нее внук, названный Андреем, в память младшего брата Федора Михайловича, и, начиная с нее самой, все в семье уверены, что в этого ребенка переселилась душа его деда... По рассказам, это удивительный мальчик. 28 января ему минет три года, а он рассуждает как взрослый. Задает, например, своему старшему брату, которому пять с половиной лет, такого рода вопросы: «Федя, где Бог? Мне хочется его увидеть!» – «На небе», – отвечает Федя. – «Как ты думаешь, если я полечу на аэроплане, – увижу я Бога?» Не проходит дня, чтобы Андрюша не проявил себя чем-нибудь особенным. При этом он страшно впечатлительный, экспансивный и сострадательный: не может видеть, если кто-нибудь из домашних в горе, старается все сделать, чтобы утешить.

(Достоевский в забытых. С. 174)

Е.Б. Польская

Андрея бабушка любила больше, чем «гениального» Федюшу, по ее мнению он походил на деда.

(Внук писателя. С. 130)

Е.П. Достоевская – свекрови

13.IX.1912

...Едем уже по Малороссии – мальчики с интересом смотрят в окно и, запасаясь карандашами, «срисовывают» виды. Особенно похоже выходит, конечно, у Андрея.

4.VII.1913

...Ваши карточки, а в особенности рассказы об озорном духе, привели мальчиков в восторг. Надо было видеть Андрея – он прослушал раз и, когда я закончила, попросил еще прочесть второй раз, а затем как ни в чем не бывало заявил: у озорного духа остался дух, он его ко мне «присылает». Я ему возразила: «Не подумает он к тебе явиться, здесь так много полиции: его живо отошлют обратно». Андрей посмотрел пристально и прехладнокровно ответил: «И в Петербурге тоже полиция есть, а жил же он у меня». Радуйтесь и ликуйте, бабушка: Вашего любимца не так легко запугать!

(ИРЛИ. Ф. 100. № 30354)

Е.П. Достоевская
XII.1924

Во многих отношениях резко отличается от своего старшего брата. Очень живой, пылкий, впечатлительный, порывистый, нетерпеливый и неусидчивый. Безудержно вспыльчивый, но отходчивый и в общем очень добрый. Самостоятельный и самолюбивый — совершенно не терпит повышения тона. Веселый и общительный. В характере еще много детского, в отличие от брата. Непрактичный (также в отличие от брата). Кипучая любовь к жизни, иногда с резкими переходами к мыслям о ее ненужности и бесцельности. При напряжении способен к большим достижениям. Быстро схватывает нужное, готовясь к докладам в школе. Литературные стремления, порывами; пишет очерки, бытовые картинки; в слоге сжатость и ясность изложения. Увлекается всеми видами спорта; движение — его стихия. Будучи семилетним, уже хорошо ездил на лошади; вообще всякий спорт, за какой бы он ни брался, ему удастся легко. Предрасположен к легочным заболеваниям — уже четыре раза перенес воспаление легких. Не поддается действию болезни и повышенной температуры (опять-таки в отличие от своего брата, который при малейшем повышении температуры делался сразу вялым и апатичным).

1928

У Андрея проявляются способности к рисованию, главным образом к рисованию карикатур, что стоит в связи со всем его характером.

XII.1929

У мужа моего была безусловно чрезвычайная аккуратность и внимание в физическом уходе за собой, в процессе одевания, в одежде, всегда прекрасно на нем сидевшей. Эти же черты определенно выражены и у Андрея. Когда он жил в Новочеркасске, его хозяйка мне всегда говорила: «по аккуратности он настоящая институтка». Каждая его вещь имеет свое место. Каждый карман платья содержит определенные вещи. У него своя отдельная платяная щетка. (Вы, может быть, слышали, что Федор Михайлович любил сам чистить свое платье. Чистка платья в его романах.) Андрей всегда чрезвычайно аккуратно одет.
(Письменные характеристики. М.В.)

Е.П. Достоевская – М.В. Волоцкому
15.VIII.1929

Какой он? Сейчас он, по счастью, опять живой, впечатлительный и жизнерадостный, с определенными, слава Богу, признаками честности и порядочности, с отзывчивым сердцем, но еще очень не созревший, беззаботный, слишком впечатлительный, порывистый, нет выдержки. Он не унаследовал от меня ни одной моей черты, в работе настойчивости, педантичности. Он не в мою семью и, конечно, «парафраз» Достоевских, часто фантазирует, авось с годами созреет.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1)

Е.Б. Польская

Когда <старший брат> Федя умер (отроком), мать в отчаянии крикнула Андрею: «Лучше бы ты умер!» Он этого ей никогда не мог ни простить, ни забыть, как ни любил ее, как ни

подчинялся ей, властной. Сам же твердого (ее) характера не имел, был не в пример ей скорее чувствителен, чем рационален. А характер формировался нелегкий, сдержанно-скрытный, застенчивый, мнительный. Ранимый. Ущербный. <...> Причем был еще скрытно ревнив (как дед). <...> Девушка Ирина – первая чистая его любовь – среди подруг называла его насмешливо «внучок». Даже мы с Ундей, правда, не в глаза, называли Андрея Потомок, Подросток (он порою так был на него похож в действиях своих, в их чрезмерности, внезапности... так скрытен, будто дед списал его с внука своего)...

Из костюма крупнофигурной тетки¹⁷¹ Андрею соорудили его первый хоть и куценький, но портновский костюмчик. До этого он ходил годами в галифе, крагах и френче-толстовке из выцветшего «кавказского сукна». Но выглядел франтом, так как имел хорошую фигуру и выправку и был очень чистоплотен и аккуратен (порой до педантизма). В этом костюме он снят на неустойчивой лесенке во дворе их дома. А по мнительности своей мог стесняться и небогатой одежды и порою подшучивал над старомодностью матери...

Всегда аккуратный, немножко даже педант, он бывал безалаберен, особенно в денежных делах. Но не помню, чтобы он подвел в чем-то обещанном, умел быть точным: «точность – вежливость королей»...

Во внешности его преобладало нечто скандинавское. Может быть, от бабки, полушведки, может, от литовских кровей, если они в роду Достоевских были, как гласили семейные предания. Дед был невысок, наверное, астеничен, внук с юности сложился в мускулистого и весьма стройного молодца, выше среднего, по меркам того поколения, роста, белокурого, с сероватым, землистым цветом узкого лица, голубоглазого, с чуть белесыми «чухонскими» ресницами. Взгляд этих глаз был немного исподлобья, как у деда, особенно когда Андрей попадал в чужую ему среду. Занятия спортом и «светская» муштра матери и тетки выработали в нем ловкость движений <...> Выправка, пожалуй, юнкерская, военная, и, если не ошибаюсь, в детстве родители прочили его в кадетский корпус, тогда как Федюша должен был стать поэтом. Умело и красиво кланялся одной головою, шаркал ногою (потом перестал), умело целовал руку и сразу производил впечатление «из хорошей семьи». Выглядел, одним словом, несовременно. А по моему даже тогдашнему впечатлению, ему и хотелось бы быть как все, созвучным времени (это присуще юности), но быть таким, как «комсомолы», просто не умел...

Его чуть ли не со второго курса исключили из Новочеркасского института за дворянское происхождение. Шла «великая чистка» студенческих рядов... у нас в университете много «бывших» покончили из-за этого с собой. Началось все с... фуражки. Среди его фотографий должна быть такая – череп в студенческой фуражке (саркастическая фотошутка Андрея). Комсомольцы сбивали с голов «белоподкладочников» (а Андрей с его дворянством и воспитанием в прежнем духе выглядел именно так) студенческие фуражки – в знак борьбы «с прошлым». Андрей отказался с нею расстаться, дело кончилось исключением...

При всей своей принятой тогда политической сдержанности мать и сын относились к советской действительности с сарказмом и даже злобно, с иронией...

Андрей полюбил мачеху мою, Надежду Павловну Меркулову, она была старше его на шесть лет, а меня – на девять, даму женственную, очень кокетливую, несколько провинциальную, с характером то Настасьи Филипповны, то Грушеньки, еще бывшую замужем

¹⁷¹ Речь идет о вещах Л.Ф. Достоевской (№ 331), полученных после ее смерти из Италии. – Ред.

за моим отцом. <...> В нашей семье ее звали не Надя, а Ундя. Андрей ее тоже так называл. <...> У Унди с Андреем разгорался многолетний и мучительный «роман». Причиной «мучительства» было и то, что она еще замужем, и что старше его; много препятствий было к их соединению – и мое наличие, и противодействие властной матери Андрея, и неустроенность самого Андрея. <...> Но главное – Екатерина Петровна! Вначале она влюбленность сына в «даму» считала нормой для взрослого юноши. Когда поняла, что это любовь – и уже обоюдная, – испугалась за сына: он, Достоевский, не смел жениться «на ком попало»: Ундя была из мелкого купечества, типа семьи Чеховых, мещанка. И мать изрекла: «Только через мой труп!» <...> Властная, берегущая престиж фамилии, но любимая мать «сломала» его еще раз! Да, нужно сказать, он не отличался ни самостоятельностью, ни волей...

Мы с Ундей были как две подруги, но в очень открытых разговорах никогда подробно не касались самого интимного, как бывает у детей с родителями. <...> Полагаю, как муж с женою они сблизились следующим летом <т.е. 1929 г.>, пока я была в санатории. В разговорах о любовных делах передо мною он старался выглядеть «бывалым», хотя позднее выяснилось (от Унди), был еще девственником. Чрезмерен был во всем: и в увлечениях, и в трудной и мученической любви к Унде. Она говорила часто: «Ох, какой трудный Андрей!» (Внук писателя. С. 129–138)

С.В. Белов – Н.Н. Богданову
22–23.III.2004. Петербург

Несомненно, внук писателя был литературно одаренной натурой. Достаточно прочесть талантливые очерки самого Андрея Федоровича в журнале «Нева», в «Литературной газете», чтобы убедиться в этом. Недаром в молодости он увлекался литературой и состоял в Ростовской ассоциации пролетарских писателей, где познакомился с Михаилом Шолоховым.

(Архив Н.Н. Богданова)

Е.П. Достоевская – А.В. Луначарскому
15.V.1929. Симферополь

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич! Узнав, что Вы вернулись из Вашего заграничного путешествия, спешу выразить Вам чувство глубочайшей признательности за Вашу отзывчивую, добрую заботу о сыне. Стипендия, данная ему, особенно ценна теперь, при опасном ухудшении моего здоровья, что заставляет меня сократить мою работу, и при необходимости обратить особенное внимание на питание сына. К глубокому сожалению, пошатнувшееся в прошлом году здоровье сына опять начинает внушать опасения: наследственная нервность, при сильном напряжении сейчас, сказывается в чрезвычайном переутомлении и упадке сил и заставляет меня опасаться рецидива. Хочу надеяться на то, что силы позволят сыну довести свой учебный год до конца. Прошу верить в мою глубокую благодарность и позволить мне надеяться, что Вы, глубокоуважаемый Анатолий Васильевич, в память великого имени Ф.М., и впредь не лишите Вашей доброй поддержки и совета его внука, если в том встретится необходимость. Уважающая Вас, Е. Достоевская

(РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 648. Л. 6)

А.П. Фальц-Фейн – В.С. Нечаевой
16–20 октября 1957. Ментона

Андрей, если бы не увлекся механикой, тоже мог бы стать писателем. Мгновенно писал короткие рассказы. Несмотря на его живой, веселый характер, содержание его рассказов было всегда очень тяжелое, что объясняется тем, что и его коснулось то тяжелое время: вокруг трупы, вражда. Е.П. носила его рассказы проф. литературоведу <Леониду Владимировичу> Жирицкому, преподавателю <Таврического> Ун<иверсите>та. Он их очень одобрил и сказал, если Андрей отдастся литературе, то из него выйдет писатель. К сожалению, он избрал другую дорогу.

(Достоевский и мировая культура. № 19. С. 268)

А. Борин

Через несколько лет посетитель литературных вечеров послал заявление в Ленинградский политехнический институт. Заявление затерялось, его нашли, когда набор уже кончился. «Кто может мне помочь?» – «Только нарком».

Молодой человек поехал в Москву и, добившись встречи с Орджоникидзе¹⁷², всерьез спросил его, подходит ли Советской власти по социальным соображениям внук писателя Достоевского.

Орджоникидзе сказал:

– Внук писателя Достоевского Советской власти социально подходит, – и дал записку в институт: «Принять при любом укомплектовании».

(Литературная газета. 1962. 24 ноября)

Е.П. Достоевская – А.Л. Бему
15.I <1931> Симферополь

Как более успевающий, Андрей должен ежедневно репетировать свою группу, что считается его общественной работой. Я рада также, что английский, на изучении кот<орого> я так настаивала, ему теперь очень пригодился в серьезной работе: Андрею пришлось сделать немало механич<еских> и технических переводов – как подсобный заработок.

(Достоевский и мировая культура. № 18. С. 205)

А.Ф. Достоевский – М.В. Волоцкому
10.II.1934. Ленинград

Как-то Вы упомянули, что одной из характерных черт Достоевских является недоверчивость. Когда я встречаю человека, особенно такого, с которым, в той или иной мере, я буду иметь деловую связь, то я не могу быть свободным от чувства сдержанности и резкой настороженности до тех пор, пока не увижу его лично. Мне удается обычно безошибочно и исчерпывающе узнать его с первого знакомства. Если же я не могу увидеть-узнать его лично, то я стараюсь иметь его почерк, рисунок им сделанный, его подпись. Это использование графологического анализа началось у меня ранее, прежде чем я встретился

¹⁷² Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886–1937) – революционер-большевик, затем советский государственный и партийный деятель. С 1926 г. по 10 ноября 1930 г. – нарком Рабоче-крестьянской инспекции СССР. – Ред.

с графологией на научной основе. Т<аким> о<бразом>, Ваша мысль о серии почерков для меня очень понятна.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 6)

Следственное дело № 173

по обвинению Достоевского Андрея Федоровича

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения.

Гор. Ленинград, 1934 года, декабря 2 дня.

Уполномоченный ОО Блотнер, рассмотрев следственный материал по делу № __ и приняв во внимание, что гр. Достоевский Андрей Федорович изобличается в том, что занимается контрреволюционной деятельностью и подготавливает совершение тер. акта, постановил: гр. Достоевского А.Ф. привлечь, в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-8, 58-10-11 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в ДПЗ.

Уполномоченный: Блотнер.

Настоящее постановление мне объявлено 9 декабря 1934 г.

Подпись обвиняемого: Достоевский.

Из протокола допроса А.Ф. Достоевского

2.XII.1934

Вопрос: Расскажите Вашу автобиографию.

Ответ: Родился в 1908 г. Мой отец Федор Федорович Достоевский служил на Московском государственном конном заводе казначеем и тренером. До 1917 г. наша семья проживала временами в Москве, временами в Ленинграде. С весны 1917 г. я, моя мать и родной брат Федор до осени этого же года гостили у моей бабушки Анны Григорьевны Достоевской около Сочи. С конца 1917 г. по 1920 г. наша семья проживала в Скадовске. Отец в это время (начиная с 1915 г.) жил отдельно от нас, разойдясь с моей матерью. После занятия Крыма Красной Армией семья переехала на жительство в Симферополь, где и до настоящего момента проживает моя мать. В 1921 г. умер мой брат Федор, почти одновременно в Москве умер мой отец. В 1923 г. я поступил в школу, которую и кончил в 1926 г. В 1927 г. поступил в Донской политехнический институт в г. Новочеркасске, но в этом же учебном году мне пришлось институт оставить из-за нервного заболевания. До 1930 г. жил в Симферополе с матерью – лечился и работал чертежником в Гостехбюро и Крымхимсольтресте. В ноябре я переехал в Ленинград и поступил в Ленинградский индустриальный институт, в котором учусь и в настоящее время. В Ленинграде я поселился у своего двоюродного дяди Андрея Андреевича Достоевского, умершего в сентябре месяце 1933 г. Близких родственников, кроме матери, у меня нет.

Вопросы: В чем конкретно выражаются Ваши разногласия с политикой партии и Советского правительства? В какую реальную форму вылились Ваши разногласия с политикой партии и Советского правительства?

Ответ: Мои политические разногласия с существующим государственным порядком не шли дальше теоретических размышлений и активных форм борьбы не принимали никогда.

7.XII.1934

...До 1929–30 г. с моей стороны имели место согласия с антисоветскими взглядами, вследствие того что я в то время был совершенно политически не развит, в вопросах поли-

тики не разбирался, поддаваясь влиянию антисоветски настроенных лиц, с которыми я общался, как, например, семья профессора Червинского П.¹⁷³; в 1929–1930 г., попав в производственную среду на соляных промыслах в Крыму, а затем в среду рабочей молодежи в г. Ленинграде по поступлении в ВУЗ, решительно рву со своими антисоветскими ошибками и полностью становлюсь на сторону советской власти, чему способствовало мое стремление к политическому развитию.

Из протокола допроса Н.П. Меркуловой
9.XII.1934

Достоевского я знаю с 1928 г. Познакомилась с ним в доме хозяина моей квартиры в г. Симферополе у гр. Терабилло Витольда Михайловича, в то время когда Достоевский приезжал на каникулы из гор. Новочеркасска на Дону, где он учился в Политехническом институте. С этого времени и до последнего момента, с небольшими перерывами, я с ним нахожусь в близких отношениях <...> Достоевский по своему социальному положению – дворянин и является внуком писателя Достоевского. Человек он добрый по натуре, отзывчивый, упорный и настойчивый в работе, общительный; в период нашего знакомства с 28 по 30 г. Достоевский никогда не высказывался положительно о Советской власти, так же как не высказывал и отрицательных сторон, но с 1930 г. Достоевский уже отзывался о Советской власти положительно. Никаких высказываний антисоветского характера со стороны Достоевского я не слышала и определить его политическую платформу не могу.

(УФСБ СПб и ЛО. Арх. № П-1794. Т. 1. 1934. Лл. 1, 9, 11, 13, 28–29)

Е.П. Достоевская – А.Л. Бему
26.IV <1936> Симферополь

Сын <...> отлично защитил свой диплом; окончил как инженер-механик конструктор. <...> Он очень любит свою специальность, и я не сомневаюсь – будет прекрасным работником. Его еще в сравнительно недавние школьные годы порывистый, увлекающийся, неусидчивый характер превратился в человека с большой волей, настойчивостью и огромной работоспособностью: лишь бы здоровье способствовало этому.

(Достоевский и мировая культура. № 18. С. 224)

Е.Б. Польская

Вопреки утверждению авторов позднейших статей об Андрее Федоровиче, он не выносил поэзии (называл «стишата»), может быть, потому, что мы постоянно читали Пастернака, Мандельштама, Маяковского, акмеистов, а он стеснялся своего незнания современной поэзии. Однако и вообще литературу, искусство, музыку (глубокую) не любил, потому что не знал, и не стеснялся признаваться, что иные вещи деда «не читал». Скорее всего, это была рисовка: *я сам по себе*. (Позднее прочла у Паустовского, что и отец его был таким.) <...> Допускаю: совсем в ранней юности он и писал стихи, и мечтал о литературном поприще, может быть, в пику Федюше, которого он определенно не любил. Но там (в кружках) одобрения не встретил. Да и кем-то цитируемые его юношеские стихи (как и

¹⁷³ Чирвинский Петр Николаевич (1880–1955) – геолог-петрограф, профессор Донского политехнического института в Новочеркасске (с 1909), доктор геолого-минералогических наук (1919). Был репрессирован в 1931 г. – *Ред.*

Федюшины) только грамотны, но без проблесков гения и «собственного лица». В прозаической речи он был много живописнее и индивидуальнее. Его стихи не понравились: от него, «внука», ожидали больше того, что он мог. И он ушел в увлечения иные (от генов отца) – в технику, автомобилизм, спорт (не в смысле нынешнем – рекордсменство, а увлеченно), охоту. <...> Увлекался, как мы, гуманитарии, говорили, «железками» – инженерией, поступил в технический вуз. Одно из его тогдашних писем ко мне содержало фразу: «автомобиль – сперматозоид будущего». Ундя говорила, что ходить с ним по улицам мука: заговаривал с шоферами о марках их машин, кидался помогать при поломках...

Читал он охотно и много. Но тогда же заметила я, что запоминаются ему отрицательные герои и подробности грешные, страшные. В. Лидин не случайно написал, что уже в зрелых годах Андрея он не напечатал его рассказ «Крысолов» из-за чересчур мрачного колорита. Но попытки печататься самому, видимо, явились много позже описываемого периода...

А литературное дарование у него, безусловно, было и немалое! Об этом я знала уже тогда: по его отроческому дневнику, который он дал мне. Там описывалась его первая, полудетская любовь, чистая, кристальная к Ирине (фамилию не помню), с совершенно «достоевским» финалом. Убедившись, что она его недостаточно любит (может быть, как «внучка» только), что мать в ужасе из-за того, что он готов жениться на любимой, но «пленбейке», он напился допьяна и публично оскорбил Иру, чтобы раз и навсегда отрезать всякую возможность примирения и общения...

Одарен он был всесторонне. Актер был бы поразительный, равный, может быть, Михаилу Чехову. Он буквально перевоплощался то в светского хлыща, говорящего с присвистом: «Собачка системы шпиц» или «Ленечка Прасс – не еврей». (Мать была открытая антисемитка, от него же не помню слова «жид», может быть из такта: Ленечка – моя большая и трудно скрываемая любовь, был еврей...) Так помню актерские этюды Андрея! Особенно хорош у него был образ идиота: глаза тускнели, отвисала челюсть, язык едва шевелился во рту; паралитика-заику, старичка-рамоли из «Дядюшкиного сна». Я просила его: «Пава, изобрази!» – и он перевоплощался до гениальности, чувствовалось, что он и мыслит, как герой его этюда...

Карикатурист (и график) он был поразительно талантливый. Меня с характерным «восточным» профилем рисовал одной линией, очень похоже и смешно. Ундю – на пляже, с красивыми, несколько искообразными ногами и круглым скуластеньким лицом...

Язык его был очень своеобразен, с массой неологизмов, лишь ему присущих словечек, возмущавших Ундю – человека в общем банального. В семье по-старинному говорили: «мёбель», «пóртфель», «саус» (вместо соус), что придавало речи особый отпечаток.

(Внук писателя. С. 129–138)

Т.В. Достоевская, жена

А.Ф. был разнообразно одаренный человек. Хорошо рисовал, прекрасно чертил, причем любил создавать какие-нибудь новые модели, конструкции. Был очень способен к языкам, особенно хорошо знал французский язык и любил делать с него переводы; это было для него и отдых и удовольствие. Во время войны открылось в нем еще одно дарование: он писал своей пятилетней дочке письма-рассказы с картинками, раскрашенными цветными карандашами. У А.Ф. было очень своеобразное восприятие окружающей действительности, что и отразилось в этих письмах. В них описывал разные случаи из своей

военной жизни, внося в эти описания и в картинку к ним много юмора и очень хорошего, доброго отношения к своим однополчанам. К сожалению, все письма остались в детском саду, куда ходила дочь во время эвакуации.

А.Ф. и вообще любил и умел рассказывать про разные с ним приключившиеся случаи. В рассказах своих он так увлекался, что временами трудно было отделить правду от вымысла¹⁷⁴.

А.Ф. очень любил животных, особенно собак. В детстве он жил на Северном Кавказе, в имении Анны Григорьевны, где были, конечно, любимые им собаки, воспитанием которых он занимался. Позже, когда он был уже женат и ожидал прибавления семейства, он настоял на том, чтобы взять маленького щенка. Он считал, что ребенок должен расти вместе с собакой, вспоминая, как он сам рос, и совсем не хотел считаться с тем, что это уже не имение, а одна комната в коммунальной квартире. Так и рос боксер по имени Дуглас с потрясающей родословной, каких-то необыкновенных кровей, рядом с маленькой дочерью Татой. А.Ф. для Дугласа делал все сам по точнейшим научным рекомендациям, вплоть до рыбьего жира и тертой морковки. Позже водил его на занятия и никогда этим не тяготился, обожая Дугласа.

Дома А.Ф. умел делать очень многое: починить любую вещь, сварить обед, убрать комнату; все это делал быстро, тоже этим совершенно не тяготясь. Он был чрезвычайно аккуратен, кое в чем даже педантичен. У него было особое умение ухаживать за больным человеком: подбодрить, подать чай, лекарство, догадывался сам, что нужно больному.

Одним из любимых занятий у него была настройка большого самодельного приемника. В те годы этим начали увлекаться, а А.Ф. мог ночи напролет его крутить и слушать, всячески стараясь его усовершенствовать. Технику во всех видах он любил и умел с ней обращаться. Хорошо знал мотоциклы, любил быструю езду. Этим ему пришлось много заниматься в тяжелейших условиях, так как он был призван <на войну> сразу же в июле 1941 г. и послан в моторизованную часть. Всю войну он провел на фронте, и ему очень пригодились и знания в этой области, и любовь к этому делу. Все тяготы войны он перенес с честью как настоящий патриот своей родины. Он глубоко понимал высокую миссию защитника родины, но сам никогда высоких слов не говорил и к солдатам относился с заботливой твердостью.

...До войны ему жилось трудно. Характер сложный, неуравновешенная психика, часто впадал в тяжелое настроение, часами и даже днями мог молчать. У него даже не появлялось желания, выяснив причину такого тяжелого настроения, как-то от него избавиться.

Свадьба Андрея Федоровича
и Татьяны Владимировны Достоевских. 1936 г.

¹⁷⁴ Черта общая с дедом, что, между прочим, послужило одной из причин возникновения и распространения легендарных версий в отношении некоторых фактов из жизни Ф.М. Достоевского. – Б.Т.

В семье, он считал, должен быть Домострой, <мне> постоянно говорил: «Смирись, гордый человек». И то, и другое было для <меня>, выросшей в обстановке любви, доверия и свободы, совершенно чуждо и вызывало только протест и осложняло домашнюю обстановку, вместо того чтобы ее улучшать.

А.Ф. был чрезвычайно противоречивым человеком. Мог совершать добрые поступки и быть наряду с этим мстительным и жестоким. Для него не существовало того, что человека можно «понять и простить»; он сам это сознавал и говорил об этом.

У А.Ф. было несколько друзей, учившихся с ним в институте; с ними у него были более или менее ровные, хорошие отношения, по-видимому они понимали сложность его характера, и А.Ф. очень их ценил. Но его окружали и другие, а разбираться в их характерах и поступках он плохо умел. Случалось, что он доверял людям, которые явно этого не стоили, но он сам себя убеждал, что они-то как раз и стоят его доверия и хорошего к ним отношения. В выборе людей он часто ошибался, отчего ему было еще труднее жить.

(ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

Б.Н. Тихомиров

В первые месяцы войны А.Ф. Достоевский служит инструктором по мотоделу 4-го мотобатальона 10-го запасного автотранспортного полка. С 1 октября 1941 г. в составе Отдельного отряда Ленфронта под командованием капитана Плетнева (так это подразделение именовалось в официальных документах) сражался в одной из самых горячих точек битвы за Ленинград – в районе Невской Дубровки (направление Мга – Синявино). 7 декабря в составе 115-й стрелковой дивизии (в подчинение которой в начале октября вошел Отдельный отряд капитана Плетнева) был переброшен на Волховский фронт. Здесь он воевал в составе 54-й армии Волховского фронта. В начале войны он служил начальником мотоциклетной группы связи и разведки, затем начальником боевого питания минометного дивизиона и помощником начальника оперативного отдела штаба дивизии. С начала 1943 г. (после ранения) служит в специализированных инженерных войсках, приданных танковым подразделениям: до августа 1944-го – старшим танковым техником 24-й бронетанковой ремонтной базы и затем старшим инженер-конструктором и начальником технического отдела 33-го подвижного танково-агрегаторемонтного завода Главного бронетанкового управления Красной Армии. 22 декабря 1942 г. А.Ф. Достоевский награжден медалью «За оборону Ленинграда» (вручена только в сентябре 1944 г.).

(По воинским документам А.Ф. Достоевского (ЦГАЛИ СПб. Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 116). Цит. по: Письма из Maison Russe. С. 305, 307)

А. Борин

В Мяглове <под Ленинградом> Достоевского ранило в ногу. Он бегал на костыльке, но в санбат не шел. Через два месяца в часть приехал полковник Бородецкий. Под конвоем автоматчика отправил Достоевского в санбат. Из санбата Достоевский сбежал. Выкрал свое обмундирование и сбежал. Стал ходить в ночные разведки. А сержант Гусаров смеется: «Удрал слабак от санбатовских баб».

Однажды Достоевский ударил Гусарова. Он притащил немецкую листовку, а в ней сказано, что еще писатель Достоевский засвидетельствовал психическую неполноценность русского народа. Андрей Федорович говорит: «Глупость и подлость». А Гусаров: «Ваш дед оклеветал Россию». Достоевский ему – пощечину. И написал в Москву письмо: «Самое для

меня ценное, личные вещи Федора Михайловича, сданные мной на хранение в литературный музей, с гордостью отдаю в дар сражающейся родине...»

(Литературная газета. 1962. 24 ноября)¹⁷⁵

А. Матюнин

Вдруг со стороны расположения нашего тыла послышался странный звук, всплеснула вода, треснула старая валежина, и серая расплывчатая тень замерла метрах в десяти-двенадцати от тропки, по которой шел начштаба Павлов¹⁷⁶ и его люди. Все остановились. Затаили дыхание.

– Кто здесь? – негромко, но властно спросил Павлов. – Подойти сюда.

И вот перед подполковником стоит высокий человек в старой солдатской шинели, очень худой, на остроносом его лице отчетливо выделяются большие глаза, в руке суковатая палка, на которую он опирается.

– Боец, почему вы здесь? Куда идете? – строго спросил Павлов.

– В свой батальон, на передовую, товарищ командир, – четко ответил задержанный.

– Почему с палкой?

– Я был ранен в ногу, рана еще не зажила.

– Как же вас отпустили на фронт?

– Меня не отпустили, товарищ командир, я сам ушел...

– Воевать должны здоровые люди. Больным и раненым надо лечиться.

– Товарищ командир, простите, не знаю вашего звания, разрешите мне вернуться в свою часть, – взволнованным, но твердым, глуховатым голосом, выделяя каждое слово, заговорил задержанный. – У меня же здоровые руки, я могу держать оружие.

Начальник штаба был строгим человеком, он сурово наказывал тех, кто нарушал воинскую дисциплину, но в словах стоящего перед ним человека в солдатской шинели, смотрящего прямо перед собой, были искренность и неподдельная твердость, убежденность в правоте своего поступка.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что задержанный по образованию – инженер-механик, офицер. Подполковник приказал доставить его в штаб. После проверки этого человека можно будет использовать при штабе, не так много у нас людей с инженерным образованием, да и польза от него будет большей, чем на передовой, – решил Павлов.

При первой встрече в лесу, в потемках, в каких-нибудь пятистах метрах от переднего края, начальник штаба просто не обратил внимания на фамилию задержанного, когда тот ее назвал. И вообще мало ли разных фамилий приходилось встречать ему.

Вскоре новичок стал работать при штабе дивизии. <...> И вот в блиндаж подполковника вошел высокий старший лейтенант. Уже без палки, но хромота была еще достаточно заметной.

– А, старый знакомый, – не дав представиться вошедшему, сказал Павлов. – Ну-ка, что вы тут принесли? – С этими словами подполковник взял сводку.

¹⁷⁵ По поводу этой публикации А.Ф. Достоевский писал в Париж своей двоюродной сестре О.А. Фальц-Фейн, посылая ей номер: «„Литер. газета“ многое напутала, переставила по времени, даже есть искажения, но основная „генеральная линия“ – верна» (ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб)). – Б.Т.

¹⁷⁶ Павлов Иван Семенович (ум. после 1984) – в 1942 г. подполковник, начальник штаба 115-й стрелковой дивизии на Волховском фронте. В послевоенные годы они с Андреем Федоровичем стали друзьями. – Ред.

Документ был написан четким, каллиграфическим почерком. Грамотно, обстоятельно, логично и немногословно. Начальнику очень понравился документ, а когда он прочел подпись составившего оперативную сводку – Достоевский, – то наделил старшего лейтенанта комплиментом.

– О, да вы очень дорожите фамилией нашего великого писателя. Любите Достоевского? Читали?

– Это мой дед, товарищ подполковник, – сказал старший лейтенант. – Я внук писателя Достоевского...

(Лужская правда. 1976. 2 апреля)

После окончания войны Андрей Федорович продолжал служить в Забайкалье и был демобилизован только в феврале 1946-го.

А.П. Фальц-Фейн – В.С. Нечаевой
16–20.X.1957. Ментона

Три года он <Андрей> мученик-страдалец. Удивляюсь, что он не решился тогда же на операцию, когда он только начал болеть язвой желудка. Довел себя до крайности. Недавно два мес<яца> находился в клинике. Его исследовали, как он написал, знаменитый рентгенолог и не менее знаменитый хирург, кот<орый> только что вернулся из Копенгагена и Парижа, где на съезде читал доклад о своих работах. Результат – немедленная операция. Предупредили: тяжелая, сложная, может продлиться 4 1/2–5 ч<асов>. Снять спайки с желудка, вырезать с него язву, а затем снять спайки с 12 пер<стной> кишки и снова вырезать с нее язвы. А он писал, что он очень истощен длительной голодовкой, страданиями, рвотами, очень слаб, худ как скелет. Вы представляете себе, что я, вдали от него, переживала? Еще счастье, что за ним так самоотверженно ухаживала милая Тамара¹⁷⁷.

К великой моей радости и счастью, он остался жив. Операция длилась всего 3 ч<аса>. Вырезали 3/4 желудка, пишет, <что> через год это все «устроится», вырезали кусок 12 п<ерстной> кишки. Темп<ература> выше 37,5 не подымалась. Был момент – опасались восп<аления> легких, удалось ликвидировать. Я так счастлива! Авось теперь с Тамарой заживут жизнью нормальных людей.

(Достоевский и мировая культура. № 19. С. 270)

А.Ф. Достоевский – Г.Ф. Коган
25.X.1957. Ленинград

Довелось мне все же дожить до 40-летия Октября, а, признаться откровенно, еще 36 дней назад в хирургической клинике был спор: можно ли мне делать операцию, вынесу ли ее? Возражало одно авторитетное лицо. Окончательно вопрос решил генерал. Труд П.Е. Загородного¹⁷⁸ оказался успешным. Ровно месяц назад, именно в эти часы, в которые пишу письмо, решалось мое положение – туда или сюда? Начиная с 26 сентября я начал «выкарабкиваться». Мнение П.Е. Загородного победило! Лицо возражавшее отказалось даже присутствовать на операции!

(Письма из Maison Russe. С. 330–331)

¹⁷⁷ Тамара Александровна Выносова, гражданская жена А.Ф. Достоевского – № 340. – Ред.

¹⁷⁸ Оперировавшего хирурга. – Ред.

А.П. Фальц-Фейн – Г.Ф. Коган

1.II.1958. Ментона

Полтора месяца он провел у друга в деревне в 130 км от Ленинграда, где очень хорошо поправился. Вокруг густые леса, снега по пояс, масса всякой дичи <...> много волков, которые съели колхозных собак. Чужая, что в доме есть собака, любимица Андрея охотничья собака <спаниель> Женева, – настолько обнаглели, что обхаживают дом, и, выпуская собаку на ночь, Андрей сначала выходит с фонарем и топором посмотреть, нет ли волков...

Он очень огорчен, что врачи запретили ему стрелять целый год. <...> Набрал в Ленинграде сильного снотворного: волк засыпает мгновенно на том же месте и спит 24 часа, но и тут для него неудача: за все время пребывания у друга не смог достать в ближайшем колхозе падали как приманку...

Но Андрей остался таким же неблагодарным. <...> Провалился вместе с собакой в прорубь, в речку, кот<орую> замело снегом, и шел весь обледенелый 2 километра домой. <...> стащили с него сапоги и одежду, обратившуюся в куски льда. Хотели натирать спиртом, он отказался. Пишет – «хоть бы чихнул или кашлянул». Первая его забота была положить собаку на лежанку, чтобы оттаяла...

Вернувшись – сюрприз – 28-дневная путевка в Дом отдыха, присланная Министерством. Меня глубоко трогает забота властей об Андрее, вот уж сердечное спасибо всем. Ведь он и персональный пенсионер.

(Письма из *Maison Russe*. С. 227–229)

А.Ф. Достоевский – С.Д. Бублику¹⁷⁹

18.XII.1958

С тех пор, как я вышел на пенсию, я перестал принадлежать себе. Хватит ли меня надолго при такой «отдаче»? – стараюсь просто об этом не думать. Москва не позволила нам свидеться. Поверите ли, я возвращался домой, без преувеличения, шатаюсь от усталости. <...> Я позорно бежал из Москвы, не успев даже начать крайне важных для меня двух личных дел. По возвращении в Ленинград, мое существование «на пользу родине» не только не разрядилось, но, пожалуй, усугубилось. Очевидно, надо как-то свернуть свою традиционную готовность быть полезным всякому полезному делу, откликаться на любой призыв к помощи в разумном. Так меня скоро не хватит вообще...

Еще в санатории <...> начал я эскизные наброски киносценария об удивительной и героической жизни одной из примечательнейших русских женщин, полной подвига, преданности и глубоко идейной. На первом плане все время Анна Григорьевна от девушки «шестидесятых годов» до вдовы писателя (кончая 1912 г.) – человек великого труда в память писателя, заслужившая всеобщее уважение и не избежавшая завистливых нападок. В активе сценария среда чиновничье-полицейского режима, пауки кредиторы, издатели-кровопийцы, купечество, простой народ и надменные верха – все это в тех оборотах и выражениях, о которых даже люди средних годов нашего времени почти не имеют представления. <...> Федор Михайлович <показан> лишь на фоне творчества и своих тяжелых жизненных условий – его, конечно, нельзя давать в сильных красках: сценарий-то не о нем. Но все же, Достоевский отчетливо виден. <...> Сейчас я накапливаю огромный мате-

¹⁷⁹ Бублик Самуил Давыдович (1899–1965) – кинорежиссер, автор документальных фильмов «Владимир Маяковский», «Максим Горький», «Лев Толстой» и др. Лауреат Госпремии СССР. – *Ред.*

риал из описаний жизни Достоевских, из высказываний, из дневников Анны Григорьевны, которых много, из архивных данных и т.п. Если говорить о поучительной фабуле, то, короткими словами, – это будет «подвиг рядовой женщины». Все это в ярких красках личной жизни, самоотверженной борьбы с окружающей средой, непрерывного служения идее. Много лиризма, трагичности и напряжения. <...> Напишите мне, пожалуйста, каких главных тонов держаться в разработке сценария, на что создавать упор, наконец, какая, по Вашему мнению, перспектива дела? Может быть, Вы укажете, к кому персонально, с полным доверием, можно подойти у нас в городе? Не скрою, что дорожа обликом Анны Григорьевны, я к делу отношусь, вероятно, очень преданно и болезненно...

Несколько работников прессы, кинематографии <...> и научных учреждений пишут письмо в какие-то высшие инстанции, предлагая улучшить мои жилищные условия, причем так, чтобы я мог организовать отдельную комнату-экспозицию о Федоре Михайловиче, давать в ней личные беседы, главным образом, с именитыми зарубежными гостями, которые, обычно, ищут мемориальные следы писателя в Петербурге-Ленинграде, которых, как и ранее, нет в городе. <...> Из московских достоевистов подпись дают Нечаева, возможно, Гроссман.

(РГАЛИ. Ф. 2689. Оп. 1. Ед. хр. 67. Лл. 1, 1 об.¹⁸⁰)

В.А. Приянишниковой

3.X.1959

Во время пожара на даче, 22 августа 1959 г., сгорело много эскизов к проекту моей машины, все мои графические средства, но самое главное сгорело 2/3 того, что почти 2 года я собирал, систематизировал, записывал, готовя книгу об Анне Григорьевне.

(ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

Новых попыток написать эту книгу Андрей Федорович не предпринимал, ограничиваясь отдельными статьями о бабушке (см. библиографию на с. 546–547).

А.Ф. Достоевский – С.Д. Бублику

5.XI.1961

Из новостей у меня, *главным образом*, лишь та, что именно сейчас, тратя большие усилия и средства, я в полном серьезе устраиваю в своем логове семейную памятную экспозицию, посвященную жизни и трудам Федора Михайловича и Анны Григорьевны, насколько возможно, в музейном духе и в основном в качестве протеста против того, что до сих пор Ленинград не имеет постоянной мемории по Достоевскому. Никто не помогает, кроме отдельных частных лиц, – государство совершенно в стороне, даже Музей Достоевского (Москва), в котором хорошо знают о моих усилиях. В связи с внезапным недугом срок окончания 1-ой очереди <выставки> отодвинут с 11 ноября (день рождения <Ф.М. Достоевского>) на 5 января 1962 г. (день «казни»¹⁸¹). Срок второй готовности – приблизительно через год <...> Вы спросили меня, какое мое мнение о работах И. Пырьева по Ф.М. Достоевскому? Сейчас ответить я могу только очень схематично и наикратчайше: больше вреда, чем пользы. Почему?

¹⁸⁰ Одна из характерных особенностей послевоенных писем А.Ф. Достоевского – использование зеленых чернил. – Н.Б.

¹⁸¹ Инсценировка смертной казни петрашевцев на Семеновском плацу состоялась 22 декабря 1849 г., по новому стилю это 4 января. – Ред.

1. По его вине 2-ая серия «Идиота» так затянута¹⁸² и, возможно, <ее> не будет вовсе. (С таким Рогожиным 2-ой серии не сделаешь – это И. Пырьев вслух никогда не признает.)

2. По его вине «Белые ночи» совсем не достоевские. Неудачная к тому же отсебятина и некоторые неудачные же акцентирования и, наоборот, опущения, сделали эту киноповесть слишком «с другого плеча». (Артистов винить можно лишь в том, что они не отказались так своевольно перекраивать эту жемчужину раннего Достоевского.)

За одного «Идиота» я не был бы так резок в суждении. «Белые ночи» доконали. (Кстати, все более брежу «Белыми ночами» в балете – все легкими, как дуновение, штрихами и даже музыка не законченными классическими фразами и звучанием.)

4.II.1961

Еще одна тема, но это так, между прочим, моя машина ТРМБ-5 работает очень эффективно. Рабочий закладывает с одной стороны легкое бревно или целиком молодую ель, и через одну-полторы секунды вся эта древесина выдается с другой стороны в виде технологической щепы или в виде хвойного пера, все для технологической переработки. Стоит это мое самоходное чудовище на разделочной площадке нижнего склада Прилуцкого лесопункта. <...> Моя дробилка назначена обслуживать <экспериментальный> химзавод, и сейчас она создает третьегодовой запас щепы. <...> Пока все результаты и отзывы по машине удачны, я же продолжаю ее дорабатывать <...>, т.к. в будущем году <по ее образцу> будет изготовлена серия в 12 штук для Сибири. Я выступаю в роли автора-пенсионера, добровольного конструктора-общественника (с 1935 г. я пекусь о механизации отечественной лесной промышленности – почти все мои конструкции были из этой задачи). (РГАЛИ. Ф. 2689. Оп. 1. Ед. хр. 67. Лл. 14, 19)

С.В. Белову

<II.1963> (черновик)

На Ваш инициативный «демарш» я смотрю не с одобрением¹⁸³. Одно дело, если бы Вы удовлетворяли щекочущее Вас любопытство, но Вы решились придать своему почину какое-то странное продолжение. По собственной инициативе Вы установили контакт с моей бывшей семьей – женой и дочерью и о своих впечатлениях нашли нужным сообщить мне, сопроводив изложение поспешными выводами. <...> Только скованный ум, не считаясь с влиянием времени и среды (и проч.), способен тупо указывать на мифическую «Достоевскую» мнительность во мне, ведя ее от прадеда – жизнь щедро опровергает это. Если Вы действовали искренно, то, начав этот странный и не ко времени разговор, Вы, наоборот, рассчитывали на мою постоянную и неискоренимую веру в ЧЕЛОВЕКА, но этим приемом Вы только теряете (?) теперь в моем доверии к Вам. <...> Вы не однократно были свидетелем отношения ко мне моих бывших учеников (самого разного времени) – от них в трудные годы моих тяжелых болезней (1954–55; 56–57; 58) я видел участие, ласку, слышал доброе слово, а от дочери? Именно в эти года на основании закона я имел право не только уменьшить, но и временно вовсе снять с меня алимент-платежи, чтобы легче было вставать на ноги. Мне как могли помогали мои воспитанники (да, да! они тратили, чтоб меня поднять, свои стипендии(!), а дочь? Какие же у меня могут быть основания ждать искренней встречи, если же первыми словами станут слова искреннего сожаления, что

¹⁸² Затянуты съемки серии. – Ред.

¹⁸³ Речь идет о попытке С.В. Белова нормализовать отношения Андрея Федоровича, в 1947 г. ушедшего из семьи, с дочерью Татьяной, которая приняла в семейном конфликте сторону матери. Подробнее об этом конфликте – в статье Б.Н. Тихомирова «Ревность Достоевских» на с. 887–897. – Ред.

ее, которой, как дочери, я никогда не сделал ничего плохого, не осенило, наконец, сознание неправоты роли, которую ее с детства заставили играть? Все, что способно на ложь – для меня презренно и ненавистно – в этом корни моего ухода из семьи¹⁸⁴.

15.II.1963. Ленинград

Хочу оговорить одно качество, которое Вы попытались приписать мне, видимо, на основании «убедительных» для Вас бесед, которые Вы вели с «Достоевскими». Дело идет о якобы какой-то чрезмерной, даже болезненной ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ. Полагаю, что Вам более чем отлично известно, что, несмотря ни на какую трудную свою пору жизни, Федор Михайлович НИКОГДА не выказывал никакой болезненной подозрительности. Менее Вам известно, что отец мой, Федор Федорович, наоборот, грешил доверчивостью, был неосторожен и, во всяком случае, следов подозрительности не имел. Всю жизнь себя корю за неизменную веру в Человека, за простоту и доверие ко всем (за редчайшими исключениями, когда с первого взгляда ясно, прохвост!). Это, по-моему, Вы достаточно почувствовали на себе и на тех, кого Вы приводили. <...> Известно, что подозрительность – свойство характера, обычно проявляющееся в узком, семейном кругу, а не в аудитории или на заводе – извольте, опровергните! Мне в какой то мере жаль, что Вы в данном случае нарушили крайнее правило: «лучше иметь запор слов, но понос в мыслях, чем наоборот». Все же пишу Вам это письмо и согласен на его обнародование только по моему специальному разрешению, выраженному письменно, – это условие кончается с моей смертью.

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. Ед. хр. 1. Лл. 3–5)

В.Г. Лидину

8.VI.1964

Альбом <«Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах»> пойдет тиражом в 35–40 тысяч <экземпляров>, как пособие учпедам, – каждое новое, свежее, *из жизни взятое*, очень, очень ценно. Беда в том, что «Альбом» рождается на основе «чистой науки», здесь нет упрека, но от научного усердия теряется простое, жизненное, которое находит путь к сердцу, то, что зовет к себе <...> Урывками, трудными урывками пытаюсь удачно вести две темы – по-прежнему «1864 год» и «Достоевский и религия» (последнее, конечно <рассчитано> на несколько лет). Внезапно появилась еще одна боль, тоже «из чести». Был я в 1941-м году 2 с лишним месяца в кровавом месиве на Дубровском «пятачке». <...> После Дубровки, остальные пять фронтов, которые я прошел в восьми родах войск, были опереткой для меня. <...> <Теперь там>, по инициативе местного Дома культуры, после свыше 20 лет ханжеского замалчивания этого наиболее гибельного и наиболее героического участка обороны города Ленина, наконец открыт, вернее только решено создавать, музей. <...> Уже то, что я <чудом> не сгинул на Дубровке, обязывает меня теперь помочь, много помочь, Музею.

¹⁸⁴ В беловом варианте письма отношения с дочерью характеризуются А.Ф. Достоевским так: «Если бы, с годами, в ней проявилось хоть какое-то сознание ошибки, в которую, пользуясь ее не критическим, еще детским мышлением, ее беспощадно и подло втащили, то не думаю, что она не нашла бы в себе крох гражданского мужества. Прошло около двенадцати лет, как она пренебрегла отцом. <...> Время прошло; достаточно, чтобы самостоятельно прийти к сознанию глубокого стыда. Не я же первый пойду искать – кого? – человека, который уже и по документам перестал быть правнучкой того, о котором, будем жестоки, Татьяна потеряла право, даже в мыслях своих иметь след! <...> Шаг со стороны Татьяны возможен, но ... только ИСК<К>РЕННИЙ шаг» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 1). – Н.Б.

6–7.IV.1965. Ленинград

Я очень благодарен Вам, что Вы нашли время прочесть все три мои «вещи». Беру в кавычки, т.к. Вы сами убедились, две из них, просто чепушинки получебного характера. Третья – «А<пельсиновые> корки», действительно, писалась уже всерьез.

По поводу <рассказа> «Тирли». Представьте, не от того, что это почти с натуры, мне «Тирли» более всего нравится. Вы говорите, что конец «столь смутный», но повествование ведет явно «лирический недотепа». <...> Все мне казалось очень ярко удавшимся! Ваш приговор о «Тирли» для меня, не скрою, удар «под вздох». <...> По поводу «А<пельсиновых> корок» – не очень ли сочны все изображения *завшивленности, просопливливания до пупа* и проч.? Не скрою, ведь написано из жизни, – так оно и было и даже, где даны фамилии, то они такими и были... <...> Главное значение <Ваших критических оценок> для меня в том, что никогда, не касающегося Федора Михайловича, ничего моего не печаталось, да еще кроме технического. Техническое – здесь я уверен в нужности и правильности. <Написанное> о Федоре Михайловиче (прямо, косвенно) шло под <моей> настоящей фамилией и <мне> всегда казалось, что это ради нее, поступаясь качеством, пренебрегают большим трудом по редакторской доработке <моих текстов>. Если пойдут «А<пельсиновые> корки», это будет для меня очень и очень многим, – легче будет еще пытаться добиваться «качества».

14–15.IX.1965

Вдова писателя Сойкина (вторая его жена – по жизни очень схожая с Анной Григорьевной Достоевской, несомненно, заслуживает большого уважения!) <...> стара, очень больна и вполне обездолена. Пенсии она получает сорок (40) рублей. Ей семьдесят девять (79) лет. Человек тихий, культурный, незаметный и постоянно ничего не смеющий. Сейчас она лежит в 7-ой терапии больницы имени Эрисмана (Ленинград). Плоха, даже очень плоха, но сердце упрямо бьется, не сдается. <...> Честное слово, – надо что-то сделать, как-то помочь! <...> Кое-чем <мы> сами вдвоем – троим ей помогли, тщательно от нее скрывая, иначе – не приняла бы! <...> А если бы <помочь> Литфонду? С большой надеждой жду от Вас, что-то положительное.

(РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 489. Лл. 1–2, 5–6, 14)

С.В. Белов

Однажды мы хоронили преподавательницу английского языка Ф.Я. Цырлину. <...> Нескольких близких друзей Цырлиной, в том числе и мы с Андреем Федоровичем, выполнили ее последнюю волю – она просила похоронить ее по церковному обряду. И вот когда ее отпевали, я обратил внимание, что Андрей Федорович стоял у входа в церковь, но в храм ни разу не вошел. Меня это поразило, и я тут же прямо спросил об этом Андрея Федоровича. И он мне тут же прямо ответил: «Я столько раз был на волосок от смерти во время войны и столько раз видел смерть других людей, что не могу верить в божественное устройство этого мира». Эти слова Андрея Федоровича очень близки к бунту Ивана Карамазова...

(Вокруг Достоевского. С. 326)

Р. Орлова, Л. Копелев

6.X.1966

Идем с Г. Беллем и с внуком Достоевского по маршруту Раскольникова, к дому процентщицы. Дома цвета Достоевского, цвета времени. <...> Когда мы идем по каналу, внук

Достоевского просит считать шаги – как в романе, ровно 730... Для него каждая сцена романа ничем не отделима от реальности.

(Мы жили в Москве. С. 163)

А.И. Иванов (Натов)

В 1962 г. Достоевский писал своей двоюродной сестре, баронессе О.А. Фальц-Фейн, проживавшей в Париже, о том, что он начал «входить в контакт с властями и организация-ми за разрешением на перенесение праха <А.Г. Достоевской из Ялты в Ленинград> и материальной поддержкой, благо что сейчас, кажется, все это стало несколько проще и дешевле, чем было ранее».

Много труда и энергии затратил Андрей Достоевский на то, чтобы получить согласие правительства и помощь Союза советских писателей. Он хотел, чтобы перенесение останков жены Ф.М. Достоевского было не семейной акцией, но общественно-государственным мероприятием. Приходилось не раз ездить в Москву, обивать пороги государственных учреждений. В конце концов хлопоты Андрея Федоровича увенчались успехом. Была организована комиссия, в которую вошли писатели Л.М. Леонов, В.Г. Лидин, достоевсковед В.С. Нечаева и, разумеется, сам А.Ф. Достоевский.

В апреле 1968 г. Андрей Достоевский вскрыл могилу Анны Григорьевны и самолетом отправил прах бабки в Москву для кремации. Торжественная церемония предания праха Анны Григорьевны земле у могилы Федора Михайловича состоялась 9 июня 1968 г., через 50 лет после ее смерти и погребения в Ялте¹⁸⁵. Таким образом, предсмертная воля Анны Григорьевны была выполнена.

(Новый журнал (Нью-Йорк). 1988. № 172–173. С. 358–359)

А.Ф. Достоевский – В.Г. Лидину
24.VI.1968 <Ленинград>

Здесь бесчинства и пренебрежения продолжаются и до сего дня. Изнурен, обессилен до крайности. Каждые 2–3 дня посещаю Некрополь <в Александро-Невской лавре> и проволокой приматываю к решетке то, что несут неизвестные. Иначе все выбрасывается вон! Не пойму, что все это значит? Родимая земля, дочь Петербурга... <...> А во мне что-то сломалось – нет сил (да и годы не те!). Порой одиноко плачу. Это я-то – лихач, заводила, забияка! Надо «во что бы то ни стало» тянуть до ноября 1971 года. Впереди – еще ведь Музей Ф.М. Достоевского в Ленинграде!

(РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 62)

А.Ф. Достоевский¹⁸⁶

В июле 1968 года приехавшая из Кельна съемочная группа западногерманской теле-радиокомпании «West Deutsche Rundfunk» совместно с советским Агентством печати «Новости» провела в Ленинграде съемки рассчитанного на демонстрацию в течение часа телевизионного фильма «Петербург Достоевского» по сценарию Генриха Белля. Консультировал режиссера Андрей Достоевский, который также и сам участвует во многих кадрах. На пленке вместе с ним были запечатлены места, связанные с жизнью и деятельнос-

¹⁸⁵ Подробно об этой церемонии – на с. 442. – *Ред.*

¹⁸⁶ В основе этой публикации – письмо Андрея Федоровича О.А. Фальц-Фейн, переданное последней в редакцию «Русской мысли». – *Ред.*

тью Федора Михайловича. <...> В телефильм включена также торжественная панихида по великому русскому писателю, запечатленная на пленку 6 июля в соборе князя Владимира – одной из 16 действующих в Ленинграде православных церквей. <...> Вместе с прямым внуком писателя Андреем Федоровичем и его женой Фирой Леонтьевной¹⁸⁷ пришла 84-летняя воспитанница и помощница вдовы писателя Анны Григорьевны – Ольга Васильева. Эта старушка была единственной, кому ввиду преклонного возраста предложили сесть на принесенный церковными служителями стул в отличие от всех стоявших во время богослужения, продолжавшегося около часа.

(Русская мысль. 1969. 23 января. С. 7)

С.В. Белов

В конце июля 1968 г., уже совсем больным, он едет на празднование 250-летия Семипалатинска, помочь организовать здесь музей-квартиру Достоевского, встречается там с будущим директором этого музея, бескорыстной почитательницей Достоевского З.Г. Фурцевой, на обратном пути заезжает в Омск, хлопочет и там о создании музея. Он спешит все сделать, словно чувствуя, что ему осталось жить месяц.

(Вокруг Достоевского. С. 330)

Андрей Федорович со старшей дочерью
Татьяной. 1949–1950 гг.

А.Ф. Достоевский – К.А. Зубаревой

VIII. 1968

13-го августа был уже дома, по дороге в Москве несколько «расклеился». Однако здесь уже уйма запущенностей, надо тотчас дальше, как зайцу в барабане, в том числе – два ответственных разбора материала... Тут же и тревога: прослышал, будто Л.А. Кулиджанов уже во всю снимает «Преступление и Наказание»¹⁸⁸, причем не вовсе по натуре, а где найдёт подходящую обстановку – зловредный произвол, который в классике никогда не плюс! Пытаюсь воспрепятствовать, но трудно, т.к. наполовину слег. Пока все. Простите, что наспех, наспех...

(Омская правда. 1985. 4 августа)

¹⁸⁷ В это время Юхимия (Фира) Леонтьевна Альбинская (№ 341) еще не была официальной женой А.Ф. Достоевского; их брак будет зарегистрирован лишь через два месяца. – Н.Б.

¹⁸⁸ Черно-белая двухсерийная экранизация «Преступления и наказания» с Георгием Тараторкиным (Раскольников) и Иннокентием Смоктуновским (Порфирий Петрович) в главных ролях вышла в прокат после смерти А.Ф. Достоевского, в 1969 г., имела большой зрительский успех и была удостоена Госпремии РСФСР в 1971 г. – Ред.

А.И. Иванов (Натов)

6 августа 1968 г. Андрей Федорович поехал на три дня в Омск и вернулся в Ленинград 13-го. А 23 августа он уже был в госпитале с диагнозом рака. Утром 18 сентября он говорил: «Ах, Достоевский, что я здесь лежу? Ведь у меня столько дел!» А к вечеру скончался. У могилы Ф.М. Достоевского появилась еще одна дощечка с именем его внука, который прожил столько же лет, сколько и дед.

(Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 360)

Свидетельство о смерти II-ЮБ № 405093

Гр. Достоевский Андрей Федорович

Умер 19 сентября 1968 <г.>, возраст 60 лет

Причина смерти Лимфосаркома носоглотки¹⁸⁹,

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1968 года сентября месяца 19 числа произведена соответствующая запись за № 1402.

Место смерти гор<од> Ленинград, район Василеостровский, республика РСФСР.

Место регистрации гор<од> Ленинград, Василеостровский отд<ел> ЗАГС.

Дата выдачи 15 апреля 1970 г.

(ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

С.В. Белов

Ленинградские власти полгода не давали разрешение на захоронение урны <с прахом А.Ф. Достоевского> в Александро-Невской лавре, и все это время она стояла дома у вдовы внука писателя <Ю.Л. Альбинской>. И только благодаря энергичному вмешательству Л.М. Леонова (помогал также Д.А. Гранин) урну удалось захоронить.

(Вокруг Достоевского. С. 330)

Публикации и интервью Андрея Федоровича Достоевского

- Анна Григорьевна Достоевская // Старорусская правда. 1962. 9 декабря. (В качестве автора указан С.В. Белов¹⁹⁰.)
- Замечательная русская женщина (Анна Григорьевна Достоевская) // Ленинградская здравница (Сестрорецк). 1962. 12 декабря. (В качестве автора указан С.В. Белов.)
- Рассказывает Андрей Достоевский // Волжская коммуна (Куйбышев). 1963. 8 марта. (Выступление с материалами о жизни писателя.)
- Друг и соратник писателя: Страницы биографии Ф.М. Достоевского // Курортная газета (Ялта). 1963. 23 марта. (В соавторстве с С.В. Беловым.)
- Анна Достоевская // Женщины мира. 1963. № 10. С. 32–34.
- «Солнце моей жизни» (О жене Ф.М. Достоевского) // Нева. 1963. № 12. С. 193–195.

¹⁸⁹ В письме Ю.Л. Альбинской к О.А. Фальц-Фейн от 29 августа 1968 г. указан иной диагноз, с которым, видимо, больной был госпитализирован: «Андрей в очень тяжелом состоянии, обнаружили рак пищевода. Я с ним с утра и до позднего вечера каждый день...» (ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб)). – Ред.

¹⁹⁰ В конце декабря 1962 г. Андрей Федорович писал в Париж О.А. Фальц-Фейн: «Не посылаю две районные газеты “Ленинградская здравница” и “Старорусская правда”, в которых очень приветливый материал об Анне Григорьевне – напечатаны статьи, писанные мной, но подписанные моим помощником С. Беловым, – так удобнее. Это материал мелкий» (ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб)). – Б. Т.

- <У нас в гостях> // Литературная газета. 1963. 26 декабря. (Выступление в связи с 45-летием со дня смерти А.Г. Достоевской.)
- О способности вешать за ноги // Иностранная литература. 1966. № 2. С. 266–268.
- Мудрость любящего сердца // Литературная газета. 1967. 14 июня.
- Музей Ф.М. Достоевского в Ленинграде // Старорусская правда. 1968. 10 февраля.
- Произведения Ф.М. Достоевского на экране // Там же. 13 февраля.
- А.Г. Достоевская // Звезда. 1969. № 1. С. 189.

Рукописи

В фонде А.Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб (Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 1–6) хранится машинопись (с авторской правкой) рассказов «Аштрак-Албат» (1959–1965), «Тирли» (1963–1965), «Кротолов» (1964–1965), «Краги» (1964–1965), «Апельсиновые корки» (1964–1965), подписанная псевдонимом Ир. Литкевич. По-видимому, после критического отзыва В.Г. Лидина Андрей Федорович прекратил писать художественную прозу и начал пробовать себя в мемуарно-очерковых жанрах. В его фонде также хранятся рукописи военных воспоминаний, статьи «Забытый подвиг моряков» (1966), очерка «О четвертом батальоне» (1966), проекта сценария радиопередачи «В память отдельного отряда Ленинградского фронта, целиком погибшего на Невской Дубровке в октябре 1941 г.» и др. (Ед. хр. 7–12).

О нем

- Белов С., Калецкая Т. Внук Достоевского // Нева. 1962. № 3. С. 218–220.
- Борин А. Внук Достоевского // Литературная газета. 1962. 24 ноября.
- <Борин А.> А.Ф. Достоевский // Изобретатель и рационализатор. 1962. № 11. С. 18.
- Лидин В.Г. Памяти Андрея Федоровича Достоевского // Литературная газета. 1968. 25 сентября.
- Белов С.В. Памяти Андрея Федоровича Достоевского // Звезда. 1969. № 1. С. 188–189.
- Матюнин А. Внук Достоевского // Лужская правда. 1976. 2 апреля.
- Белов С.В. Вокруг Достоевского // Новый мир. 1981. № 1. С. 193–196.
- Польская Е.Б. Внук писателя и его мать. Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. // Мера. 1995. № 1.

По инициативе Андрея Федоровича и при его непосредственном участии было подготовлено фундаментальное издание – альбом «Ф.М. Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах» (М., 1972).

339. Куршакова, по мужу Достоевская Татьяна Владимировна

(18.VII.1909, г. Усть-Нарва Петербургской губернии – 12.II.1993, Петербург). Дочь штабс-капитана лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Владимира Александровича Куршакова (<1882 или 1883> – 1919) и Екатерины Ильиничны, урожденной Шестаковой (после 1882 – 1919). Подробнее о родословной Татьяны Владимировны – в приложении «О роде Куршаковых – Шестаковых» на с. 879.

Окончила Высшие библиотечные курсы. Библиотекарь Государственной публичной библиотеки в Ленинграде (1947–1983).

Первая жена А.Ф. Достоевского (с 25 октября 1936 г.), мать его детей. С супругом жили раздельно с весны 1947 г., однако официальный развод был оформлен только 4 мая 1962 г.

Похоронена на Смоленском кладбище.

И.В. Арнольд, старшая сестра

...Белая армия потерпела поражение. <...> <Отец, мать и бабушка умерли от тифа.> Вскоре и дети заболели тифом, и нас сняли с поезда в станице Старо-Нижне-Стеблиевской... Осиротевших детей приютила вдова станичного пономаря. Потом сестру Таню взял к себе местный священник, а меня и сестру Люлю взяла семья Федоренко¹⁹¹... Когда восстановилась почтовая связь между Югом и Севером, я написала письмо обо всем случившемся <маминой сестре> тете Нюте. Она откуда-то узнала, что дама по фамилии Ханевская или Каневская, точно не помню, организовала нечто вроде экспедиции по возвращению в Петроград детей, которые, как и мы, остались в разных южных городах без родителей. Так мы с Кубани вернулись в Петроград, и тетя Нюта взяла нас к себе. Выброшенная из Университета, она полтора года перебивалась уроками и случайной литературной работой. Жили мы впроголодь...

По возвращении в Петроград мы по совету Марии Сергеевны Гревс¹⁹² поступили в школу на углу 5-й линии и Большого проспекта В.О., бывшую гимназию Шаффе. Высокий уровень образования в этой гимназии в начале 20-х годов еще сохранялся, благодаря высококлассному составу преподавателей и способным ученикам. Ученики и ученицы (обучение было уже совместным) все были из интеллигентных семей ученых. Это, вероятно, происходило отчасти оттого, что школа была расположена недалеко от Университета, Академии наук, Академии художеств. <...> Хотя мы с сестрой Таней до этого получили только домашнее образование, но с требованиями школы справились и обе сохранили о школе самые лучшие воспоминания...

¹⁹¹ Родители Бориса Варфоломеевича Федоренко (1913–2007), впоследствии ставшего первым директором ленинградского музея Достоевского (см.: *Достоевский и XX век*. Т. 1. С. 584). – Ред.

¹⁹² Гревс Мария Сергеевна (1860–1941) – педагог, общественный деятель. Жена профессора И.М. Гревса, знакомая семьи Куршаковых. – Ред.

Сестра Таня <в 1925-м> сдавала экзамены для поступления на географический факультет <Педагогического института>. Она очень любила путешествовать и хотела стать географом. Сдала все на «отлично», но в анкете написала правду, и ее не приняли. Тогда она поступила библиотекарем в Геолком¹⁹³, и через несколько лет, закончив Библиотечный институт, стала работать в отделе комплектования Государственной публичной библиотеки.

(Studia linguistica. С. 10–12, 15–16)

Т.В. Достоевская
Автобиографическая записка
X.1983

В 1935 г. я познакомилась с Андреем Федоровичем Достоевским и в 1936 г. вышла за него замуж, переехав к нему на ул. Союза Связи¹⁹⁴ в бывшую квартиру Андрея Андреевича Достоевского¹⁹⁵, племянника Федора Михайловича. <...> О своей предстоящей женитьбе А.Ф. сообщил <матери> Екатерине Петровне, и она приехала к нему <в Ленинград>, чтобы познакомиться со мной. С первого же момента нашей встречи я была ею совершенно очарована, а в дальнейшем, когда в 1939 г. мне пришлось со своей дочкой Татой все лето прожить у Е.П. в Симферополе, я узнала ее больше и полюбила ее. Она же, зная, что значит жить с А.Ф., сказала мне слова, запомнившиеся мне на всю жизнь: «Что бы у вас ни произошло с А.Ф., я всегда буду на вашей стороне».

(Авторизованная машинопись – ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

Д.А. Достоевский, сын

Познакомились они в доме на Васильевском острове, где Татьяна Владимировна, оставшись сиротой, жила на квартире своих родственников. На одной лестничной площадке с ними была квартира многочисленной семьи Лениных¹⁹⁶ <...> Свадьба была скромная, в комнате, оставшейся молодым от большой квартиры Андрея Андреевича после нескольких уплотнений. Конфискация имущества была отменена, и мебель, оставшаяся от Андрея Андреевича, через много лет стала основой обстановки мемориальной квартиры-музея Достоевского.

...Скромной зарплаты начинающего инженера явно не хватало для жизни. Помощи ждать было неоткуда. Андрей Федорович завербовался на Дальний Восток и уехал <...> проводить механизацию лесозаготовок. Каждое лето жена с дочерью ездили к свекрови в Симферополь. Летом 1941 года они вернулись в Ленинград, незадолго до начала войны. Маленькая Таня к началу войны уже ходила в детский сад <с которым и была эвакуирована, потерялась при бомбежке эшелона, но чудом нашлась>... В 1942 году Татьяна Владимировна, уже с дочерью, эвакуировалась в Йошкар-Олу. Там она устроилась воспитате-

¹⁹³ Геолком, Геологический комитет – первое государственное геологическое учреждение в России. Основан в 1882 г. при Горном департаменте. В 1920-е организовывал, осуществлял и регулировал все геологические и геологоразведочные работы общегосударственного значения. – *Ред.*

¹⁹⁴ До 1922 г. и с 1989 г. – ул. Почтамтская. – *Ред.*

¹⁹⁵ № 380. – *Ред.*

¹⁹⁶ Ул. Остоумова, д. 8 (см. с. 659). Здесь жила троюродная сестра Андрея Федоровича Александра Михайловна Ленина (№ 383) со своими детьми. – *Ред.*

лем в детский сад. Узнав об этом, Андрей Федорович стал посылать письма жене, где на отдельных листках писал для детей маленькие рассказы о войне...

Сражаясь на Ленинградском фронте, он дошел в 1944 году до Кенигсберга <...> получил отпуск и вернулся в Ленинград, куда вызвал из эвакуации жену с дочерью. Жить в прежнем доме оказалось невозможно, так как в блокаду в дом попала бомба, но не взорвалась, а пробила два этажа и оказалась в их комнате. Устроились временно на Васильевском острове у Лениных. После ремонта дома Достоевские снова вернулись в свою комнату.

Андрей Федорович закончил воевать в Манчжурии. Вернулся он в 1946 году, привезя много японских трофеев, в том числе и игрушек для своего сына Димы (автора этих строк). (*Достоевский и XX век. Т. 1. С. 580–581*)

См. приложение «Ревность Достоевских» на с. 887.

340. Выносова Тамара Александровна

Род. 23.VI.1932, Ленинград. Гражданская жена А.Ф. Достоевского с 1954 по 1962 г.

А. Борин

После войны Андрей Федорович преподавал в Ленинградском машиностроительном техникуме детали машин и сопротивление материалов. Как-то он выгнал из аудитории студентку Тамару Выносову. Она принесла на занятия заводную лягушку...

В тот семестр Андрей Федорович поставил Выносовой за сопромат четверку, а за детали машин тройку. Он еще надеялся, что к зимней сессии Выносова исправит балл, но зимой Андрей Федорович уже не принимал зачеты, в ноябре <1954 г.> с ним случился удар. Утром он почувствовал себя худо. Но на занятия притащился <...> вдруг Андрей Федорович почувствовал, как отчуждаются его рука и нога. Встать он уже не смог, студенты вынесли его на руках из аудитории. Рядом с врачом в машине скорой помощи ехала Тамара Выносова.

Студенты ходили к нему изо дня в день, каждому полагалось три минуты: халат давали один, а внизу ожидало двадцать человек. Но Тамара Выносова принесла свой собственный халат и сидела в палате с утра до вечера. Иногда она пускала по столу заводную лягушку, и лягушка нежно квакала... Он смеялся и говорил, что выгонит Тамару из палаты.

А через год Тамара сказала, что, если Андрей Федорович ее любит, она переедет к нему жить. Ему, больному и не скопившему лишний рубль, было сорок семь, но он не испугался начать жизнь сначала...

(*Литературная газета. 1962. 24 ноября*)

А.Ф. Достоевский – Л.П. Гроссману
27.IX.1956 <Ленинград>

Я, кажется, решил отказаться от своего одинокого существования. Это большой и нелегкий шаг...

(*РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. Ед. хр. 263. Л. 6 об.*)

А.П. Фальц-Фейн – В.С. Нечаевой
16–20.X.1957. Ментона

<Андрей> писал, что он <после тяжелой операции на желудке> очень истощен длительной голодовкой, страданиями, рвотами, очень слаб, худ как скелет. Еще счастье, что за ним так самоотверженно ухаживала милая Тамара. <...> Я так счастлива! Авось теперь с Тамарой заживут жизнью нормальных людей. Не знаю, почему он на ней не женится. Видно: и любит, и ценит. Я его спросила, он не ответил. Может быть, он не разведен с Татьяной...
(Достоевский и мировая культура. № 19. С. 270)

А.Ф. Достоевский – Л.П. Гроссману
26.IX.1958. Ленинград

Предполагаю быть на юбилее вместе с женой (любопытный, в наше время, экземпляр человека, повторяющий, безусловно, лучшие традиции Анны Григорьевны. Тамара (Александровна) будет в Москве не более 3-х дней, а я надеюсь пробыть неделю...

2.II.1959. Ленинград

Сейчас поднялся после гриппа, во время которого очень неторопливо и с не отвлекаемым ничем вниманием прочел присланную Вами книгу «Пушкин». <...> Ужасно рад, что Тамаре Александровне и мне Вы дали эту многоценную возможность. Теперь мы смотрим и для нас ясно, что раньше зрячими мы не были. Впервые говорили мы с ней о «Рулетенбурге», «Записках д'Аршиака», которые я хотя и давно читал, но все же помню, а она в глаза не видела (теперь эти книги – библиографическая редкость!).

12.XII.1961. Ленинград

Я ее <Тамару Александровну> экспозицию совсем лишил жизненного пространства! Помогает как может. Хотим завершить первую очередь экспозиции к дню казни, но ужасно замедлила дело моя болезнь...

(РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. Ед. хр. 263. Лл. 20, 23, 31)

341. Губа, по первому мужу Альбинская, по второму Достоевская

Юхимия (Евхимия, Фира) Леонтьевна

(16.IX.1915, с. Дмитриевка Новомосковского уезда Екатеринославской губернии – 6.IX.1993, Петербург). 9 сентября 1968 г., за десять дней до смерти А.Ф. Достоевского, стала его второй женой.

В первом браке за Виктором Николаевичем Альбинским, сослуживцем Достоевского и его товарищем еще с довоенных лет (умер после ранения 16 января 1943 г.). С Андреем Федоровичем познакомилась в Хабаровске в начале 1940 г. Знакомство было продолжено в 1941 г. в Ленинграде, куда Альбинские вернулись после заключения брака. (А.Ф. Достоевский вернулся в Ленинград к семье в августе 1940-го, проведя в Дальневосточном крае два года на работе инженером-конструктором в лесной промышленности.)

Работала шофером, разнорабочей в ресторане, работницей на гардинно-кружевной фабрике. Имела независимый, волевой, гордый характер. После смерти Андрея Федоровича распорядилась его архивом и коллекцией материалов, посвященных роду Достоевских: часть передала в музей Ф.М. Достоевского в Ленинграде, часть – в ЦГАЛИ СПб.

Похоронена на Смоленском кладбище.

Г.Ф. Коган

Очень красивая женщина. К тому же очень хорошо одевалась в магазинах «на Невском». Насколько мне известно, Андрей Федорович познакомился с ней еще в 1945 г., во время войны с милитаристской Японией. Я видела ее несколько раз в музее прежде, чем узнала, кто это: по желанию Андрея Федоровича она инкогнито появлялась у нас, чтобы «иметь подлинное представление» о музейных делах.

(Записано Н.Б.)

Поколение шестнадцатое

342. Достоевская, по мужу Высогорец Татьяна Андреевна

338 / 339

(29.VIII.1937, Ленинград – 30.XII.2003, Петербург). Правнучка писателя. Техник-конструктор радиоприборостроения, работала в конструкторском бюро Центрального научно-исследовательского института связи. С 19 апреля 1960 г. в браке с А.С. Высогорцем.

Похоронена на Смоленском кладбище.

Д.А. Достоевский, брат

Таня к началу войны уже ходила в детский сад, или, как тогда называли, деточаг. С этим деточагом ее эвакуировали из города, когда начались бомбежки. Вскоре Татьяна Владимировна получила известие, что эшелон, с которым ехала Таня, разбомблен в районе Луги. Не веря этому, она бросилась разыскивать дочь¹⁹⁷. На одной из станций она обнаружила чемодан с биркой «Достоевская Таня». Фамилия людям запоминалась, и Таня нашла в Твери. Больше Татьяна Владимировна с ней не расставалась.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 580)

Ш. Валиханов

В 1981 году по моему приглашению в Алматы приезжали Татьяна и Дмитрий Достоевские – правнуки Федора Михайловича. Я был поражен портретным сходством Татьяны со своим прославленным прадедом. Тот же пронзительный, проникающий взгляд... Импульсивное, равнодушное восприятие происходящего. Гости были у меня дома, прошли интересные встречи в Академии наук республики, на киностудии, со студентами. Мы выезжали в пригородный аул. Самым трогательным было

¹⁹⁷ Параллель с ее собственным детством, когда, потеряв в войну взрослых членов семьи, маленькие девочки остались совершенно одни (см. с. 882). – Ред.

возложение ими цветов к памятнику Ч. Валиханова¹⁹⁸. Возвратившись в Ленинград, Татьяна Андреевна мне написала: «...После визита в Алма-Ату я долго не могла отключиться, все вспоминала – где мы были, как нас встречали и приветствовали. Было очень приятно ваше внимание и желание все показать, спасибо вам большое! Открытки с видами Алма-Аты я показала и родственникам, и на работе, все по-хорошему завидовали, что видела такую красоту. Было трудно включиться в работу, все казалось таким обыденным, я ведь впечатлительная натура, долго помню все хорошее...» (17 июня 1981 г.).

...По рассказам правнуков Федора Михайловича, судьба фамилии Достоевских сложилась не совсем благополучно. Семья Андрея Федоровича долгое время жила на квартире Андрея Андреевича Достоевского. Квартира состояла из трех огромных комнат, только библиотека занимала 40 квадратных метров. В 1920-е ее уплотнили: туда вселили посторонних людей, оставив за Достоевскими одну комнату. <...> В 1968 году через Октябрьский райком партии Достоевские подают заявление на получение квартиры на две семьи: мать с сыном и Татьяна с мужем-инвалидом, тоже с сыном. Им ответили: «Ишь чего захотели, вам две квартиры?! Только по одной комнате в коммунальной квартире». В 1985 году после ходатайства Сергея Владимировича Михалкова, тогдашнего депутата Верховного совета СССР, они смогли получить трехкомнатную квартиру...

Правнучка Достоевского с болью в сердце рассказала мне, как ей было нелегко носить фамилию Достоевских. В те годы Федора Михайловича считали реакционным, мистическим писателем, жертвой падучей болезни. Татьяна Андреевна должна была объяснять, что действительно является правнучкой писателя, да еще и оправдываться, защищаться перед неизвестными людьми. И успокоилась только, когда взяла фамилию мужа.

Как-то она обратилась в Ленинградское отделение Фонда культуры с просьбой помочь в поездке в г. Ментон<u> на юг Франции, где похоронена ее бабушка Екатерина Петровна. Ей отказали, мотивируя тем, что нет приглашения от богатых родственников. Сотрудница Фонда, некая Каракоз, даже заявила: «Вы что, считаете это большой заслугой – быть правнучкой великого писателя!?» Потомки Достоевского на собственные деньги не имели возможности без очереди подписаться на собрание сочинений писателя. <...> в Одессе был спущен на воду пассажирский лайнер «Федор Достоевский», судно огромного водо-

¹⁹⁸ Валиханов Чокан Чингисович (1835–1865) – казахский этнограф и историограф, путешественник, просветитель, художник; считается первым казахским ученым. Действительный член Русского географического общества. Офицер русской армии, сибирский знакомый Ф.М. Достоевского.

Автор воспоминаний – Шот-Аман (Шота) Идрисович Валиханов (род. 1932), скульптор, заслуженный архитектор и соавтор государственного герба Казахстана – является потомком брата Чокана Валиханова. – *Ред.*

измещения. Торжества обошлись без потомков великого писателя, разве так можно? Дмитрий Андреевич как-то сильно заболел, ему нужно было достать лекарство, сделанное в Японии. В Стране восходящего солнца, оказывается, тоже имеется музей Достоевского. Когда сотрудники узнали, что это лекарство нужно правнуку Федора Михайловича, они за считанные дни выполнили просьбу. Во времена тоталитаризма обращение за помощью в капиталистические страны считалось эдаким кощунством, чуть ли не предательством. Дмитрия Андреевича всюду таскали, даже всесильный министр здравоохранения тех времен Б.В. Петровский учинил допрос: «...Что вас заставило обратиться в иностранное

государство?» Ответ Дмитрия Андреевича был коротким: «Желание жить!»

Татьяна Андреевна вспоминает: «Однажды мой сын Коля сказал мне: “Как это ты за эти годы не повесилась?!”»

(Молодые побеги из могучих корней // Нива (Казахстан). 2003. № 5. С. 46–48)

Т.А. Достоевская – А.А. Нелюбиной

Сер. 1990-х

Всю жизнь я прожила как униженная и оскорбленная, не напоминая о себе. Закончив техникум, всю жизнь работала. Но на меня обрушилась тяжелая и редкая для женщин болезнь – болезнь Бехтерева: усыхает позвоночник. Он гудит и гнется от толчков, особенно тяжело в транспорте, от ухабов на дороге. И я все время стою тогда на цыпочках, так легче...

Одновременно <с мужем> мы стали инвалидами и с трудом вписываемся в нашу жизнь. Но самая моя больная струна – сын. Добрый, порядочный, он, после того как его оставила жена, взяв ребенка, моего внука, совсем пал духом, опустил руки и находит утешение в вине. Живет он теперь с нами, я борюсь за него каждый день, нервничаю, да и материально стало трудно, я бьюсь, экономлю, что-то продаю по мелочи.

(Цит. по: Комсомольская правда. 2000. 7 июня. С. 8)

Р. Горшков

...После замужества и рождения сына Коли, когда муж-моряк надолго уходил в плавание, пришлось стать контролером-учетчиком по распределению тепла. Двадцать лет Достоевская ходила по домам и простукивала батареи, когда у кого-то случались неполадки с отоплением.

Может, она до сих пор бы проверяла трубы, если бы не болезнь ее матери – погубившая обеих, как стало понятно позже. Хрупкой от рождения Татьяне Андреевне пришлось несколько лет ворочать бездвигательное тело матери. Она ухаживала за ней до последнего дня, и только когда мать умерла, поняла, что надорвалась. Началась болезнь позвоночника, прогрессирующая с каждым годом. Сейчас Татьяна Андреевна с трудом передвигается от комнаты до кухни, упершись взглядом в пол, – разогнуться в полный

рост нет сил. В последнее время врачи добавили еще один диагноз – у Достоевской развивается болезнь Паркинсона, ноги могут отказаться в любой день.

Несчастье, как известно, не приходит в одиночку. Вскоре после начала болезни умирает муж. Потом от сына Николая уходит жена, и он начинает пить. Его увольняют с военного завода, затем выгоняют «за пьянку» и с должности контролера в трамвае. Вот уже несколько лет он безработный, кормится на зарплату сожительницы и пенсию Татьяны Андреевны.

(Вести. 2001. 12 января. С. 24)

343. Высогорец Александр Степанович

(7.VIII.1936, Сестрорецк Ленинградской обл. – 5.I.1996, Петербург). Муж предыдущей. Сын Степана Поликарповича Высогорца (?–1950) и Марии Ивановны, урожденной Склободовой.

Похоронен на петербургском Южном кладбище.

Т.А. Достоевская – А.А. Нелюбиной
Сер. 1990-х

Муж мой моряк, плавал на Балтике, простудился, заболел, у него вырезали легкое, его часто бьет кашель, он задыхается. Одновременно мы стали инвалидами и с трудом вписываемся в нашу жизнь.

(Цит. по: Комсомольская правда. 2000. 7 июня. С. 8)

344. Достоевская Ирина Андреевна

338 / 339

(22.IV – 4.VI.1945, Ленинград). Близнец с последующим. Правнучка писателя. Похоронена на Смоленском кладбище.

Т.В. Достоевская – мужу
1.V.1945. Ленинград

Родной мой!

Нинка послала тебе телеграмму, так что теперь ты уже наверно знаешь. У нас теперь с тобой трое ребят. Ночью с 21 на 22 <апреля> родились у меня сначала доченька, а через 40 минут сын. Бедных ребятишек я месяц не доносила, вес у них был по 2 кило. <...> Первые четыре дня я их и не видела, а теперь меня к ним пускают, но кормят их из рожков, потому что молока у меня нет. <...> О том, что у меня будут близнецы, я узнала дней за 10 до родов. <...> Татка страшно ждет братишку и сестричку. <...> Они друг на друга совсем не похожи, я этим очень довольна. Мне почему-то кажется, что сын похож на тебя, а дочка <нрзб.> совсем что-то непонятное, нечто более круглое, чем сын. <...> Есть мне возможность отсюда перевести их примерно на месяц в б<ольни>цу Крупской (это на 13 линии) в отделение недоносков...

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. Ед. хр. 3)

Из свидетельства о смерти Ирины Достоевской

Возраст и причина смерти: 1 месяц. Атрофия.

(Архив Д.А. Достоевского)

Дима Достоевский в 1949 г.

Дима – школьник. 1956 г.

345. Достоевский Дмитрий Андреевич 338 / 339

Род. 22.IV.1945, Ленинград.

Правнук писателя. Близнец с предыдущей. С 19 апреля 1974 г. в браке с Л.П. Метелевой. Член ученого совета Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Петербурге.

Д.А. Достоевский

Преждевременное рождение и скудное послевоенное питание ослабили наше с сестрой здоровье. В месяц мы оба заболели двухсторонним воспалением легких, при этом сестра умерла, а я выжил, но получил хронический тонзиллит, от которого вылечился лишь к десяти годам. Был худеньким, болезненным мальчиком, часто простужался и переболел практически всеми детскими болезнями. По просьбе отца, который обратился в райисполком, ходатайствуя о помещении меня в деточаг как «единственного и прямого потомка великого русского писателя Ф.М. Достоевского», я в двухлетнем возрасте был принят в детские ясли с усиленным питанием. Несмотря на слабое здоровье, любил подвижные игры, велосипед. Проявлял некоторую способность к музыке, мог часами играть на детском ксилофоне. Неплохо рисовал, интерес к рисованию остался на всю жизнь. В школе учился средне, но попал в статью газеты «Ленинские искры» как ученик, которому не надо делать домашнее задание, потому что все запоминал с урока. Точные науки давались слабо, а гуманитарные учил легко и с интересом. Мои школьные сочинения часто ставились в пример и даже вывешивались как лучшие в «литературном уголке». Проявил способность к языкам и к концу учебы был лучшим в классе по немецкому языку. Изучение произведений Достоевского в 1960-е в школьную программу

не входило, и знакомство с ними произошло самостоятельно. Как учителя, так и мама просили фамилию Достоевский лишний раз не упоминать. Отец ушел из семьи, и мать осталась с двумя детьми. Сестра Татьяна была старше на восемь лет, и с детства общение с ней не наладилось. В подростковом возрасте, найдя дома забытые радиодетали отца, я увлекся радиоделом. Мастерил детекторные приемники, а затем и более серьезную аппаратуру. После восьмого класса поступил в художественно-производственную школу и получил профессию алмазчика – гранил узоры на хрустальных вазах. Рано пойдя работать, закончил одиннадцатилетку в школе рабочей молодежи, однако по своим интересам и поведению принадлежал скорее к интеллигенции эпохи хрущевской оттепели, так называемым шестидесятникам. В литературе кумирами были Хемингуэй, Сэлинджер и ранний Аксенов. Несколько дней я провел в Эрмитаже во вновь открытых залах импрессионис-

тов. Осознанно не стал получать высшего образования – не хотел прозябать в рядовых инженерях. Однако через пару лет спохватился и при огромном конкурсе поступил на дизайнерский факультет ЛВХПУ, откуда с первого курса был призван в армию. Служил три с половиной года в Группе советских войск в Германии. Я ясно сознавал, что нахожусь «на передовых рубежах социалистического лагеря», и в то же время не верил в возможность построения коммунизма, в принципе по тем же мотивам, что и прадед. По характеру я холерик, бываю часто вспыльчивым, но быстро отхожу, не помню зла и не делаю зла. Понятие жизненной карьеры я воспринимал как желание научиться всему, что интересовало, и сегодня, выйдя на пенсию, владею 18 профессиями, некоторые из которых диаметрально противоположны. Мотивом смены профессии было достижение в своем деле высокого мастерства. Осознание себя потомком великого человека пришло в феврале 1956 года, когда торжественно отмечалось 75-летие со дня смерти Достоевского и мы с мамой слушали по приемнику юбилейные речи из Колонного зала Дома Союзов в Москве, в том числе и выступление отца... Только к полувековому возрасту проявилось желание писать рассказы, в основном воспоминания детства. Если не получалось, порой терял сон и писал ночи напролет. Нашел свою нишу в достоеведении, занявшись изучением родословия Достоевских. Достаточно хорошо знаю биографию Ф.М. и воспринимаю его жизнь и его произведения порой как-то по-особому, чуть ли не «на геномном уровне», наследуя от предка многое в своем характере и отношении к жизни.

(Письменные характеристики. 2004)

...Вернувшись из армии, заменил отца в деле подготовки к открытию ленинградского литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.

(Достоевский и XX век. Т. 1. С. 584)

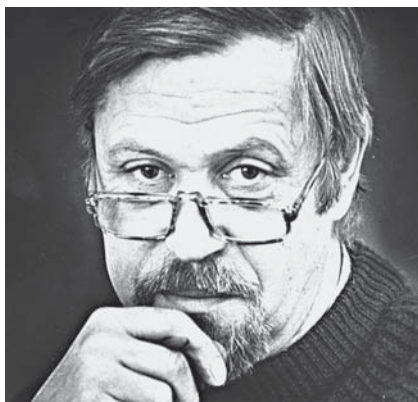
346. Метелева, по мужу Достоевская Людмила Павловна

Род. 20.X.1946, Ровно.

Дочь Павла Андреевича Метелева (1916–1946) и Елены Исидоровны, урожденной Дудинас (1910–1975). Жена Д.А. Достоевского.

Дмитрий и Людмила Достоевские
с сыном Алексеем

Дмитрий Андреевич в 1994 г.

Дмитрий Андреевич Достоевский и научная группа «Хроники»:
слева направо Н.Н. Богданов, И.Л. Волгин, Б.Н. Тихомиров

Коля Высогорец. 1964–1965 гг.

Коля в шестилетнем возрасте. 1968 г.

Николай Александрович Высогорец с матерью
Середина 1980-х

Поколение семнадцатое

347. Высогорец Николай Александрович

343 / 342

Род. 14.XI.1961, Ленинград.

348. Михайлова, по мужу Высогорец Элина Витальевна

Род. 14.VII.1962. Жена предыдущего.

349. Достоевский Алексей Дмитриевич

345 / 346

Род. 5.X.1975, Ленинград. С 1999 г. в браке с Н.К. Васеновой.

Д.А. Достоевский, отец

В детстве Алексей был спокойным, улыбчивым ребенком, достаточно пухлым и живым. Из своей кровати постоянно наблюдал за происходящим вокруг и живо на все реагировал. К пяти годам знал алфавит и любил делать записи абракадаброй, но если спросить, что записано, то говорил, что. К детским книжкам относился аккуратно и постоянно требовал чтения на ночь. Когда пошел в школу, то в начальных классах учился хорошо, а затем успеваемость снизилась, но, как говорили учителя, был «способным, понятливым мальчиком». В классе четвертом родители обнаружили в столе спрятанные листки с рассказами на военную тему. Вскоре у матери на работе был объявлен литературный конкурс для

Алексей Достоевский

детей, приуроченный ко дню снятия ленинградской блокады. Конкурс был анонимным, но когда раскрыли фамилию победившего – Алеша Достоевский, – никто не удивился. Рассказ был о детях, которые помогали взрослым отстоять город. В дальнейшем литературных увлечений не замечалось, но умение правильно построить любой текст осталось. При общей средней успеваемости по русскому языку и литературе имел твердые четверки, а то и пятерки. Подростком любил читать книги, чаще современных авторов. Достоевского читал скорее по необходимости, но воспринимал весьма глубоко. В 15 лет был приглашен на съемки в фильме «Мальчики» (по «Братьям Карамазовым»), где сыграл роль Коли Красоткина. По свидетельству зрителей, сыграл очень хорошо, можно сказать талантливо. К этому же времени увлекся музыкой. Самоучкой стал играть на бас-гитаре в рок-ансамбле (где познакомился со своей будущей женой Натальей). Кумирами были Цой, Шевчук и «Пинк Флойд». В дальнейшем увлекся этномузыкой, особенно скандинавской. Характер сформировался твердый, бескомпромиссный, особенно важной стала честность в поступках. Сам, без посторонней помощи подготовился к трудному конкурсу в Педагогический институт им. Герцена на английское отделение филологического факультета. Окончив два курса, бросил учебу и, как когда-то отец, стал работать на трамвае вагоновожатым. Работе отдался полностью и с любовью, так что молодая жена даже всерьез ревновала его к трамваю.

В 13 лет Алексей вместе с родителями крестился в Старой Руссе в Георгиевской церкви, причем крестивший его архимандрит Агафангел сказал: «Будешь моряком, а потом священником». Когда пришла повестка в армию, в два дня был решен вопрос о службе на острове Валаам, где есть православная воинская часть. Опоздав на осенний призыв, Алексей остался на зиму при монастыре трудником. В монастыре обнаружилась его любовь к лошадям, и юношу перевели с кухни на конюшню. Только потом он узнал, что прадед, Федор Федорович Достоевский, всю жизнь посвятил лошадям¹⁹⁹. Весной из-за наследственной болезни – язвы желудка – Алексей получил «белый билет», но остался при монастыре. Перевелся моряком в монастырский флот. Приезжая на побывки домой, с удовольствием занимается с дочками.

Наталья Достоевская

На пороге своего 30-летия Алексей – сформировавшийся верующий русский патриот, любящий свою семью, знающий ремесло и относящийся к любой работе ответственно. Долг потомка гениального русского писателя воспринимает как органичную составляющую своей личной жизни. Внешне похож на прапрадеда, да и черты характера во многом схожи. Дружья от-

¹⁹⁹ См. на с. 473–486. – Ред.

Семья Достоевских: Дмитрий Андреевич, Людмила Павловна, Наталья с дочерьми

мечают в нем верность в дружбе, стремление помочь, умение общаться с любым человеком, твердость в отстаивании взглядов, продуманную аргументированность поступков.
(Письменные характеристики. 2004)

350. Васенева, по мужу Достоевская Наталья Константиновна

Род. 27.VI.1979, Ленинград. Жена предыдущего.

Окончила восьмилетнюю среднюю школу, затем музыкальную школу и Лицей петербургской моды. Работала портным, уличным музыкантом и водителем трамвая.

Поколение восемнадцатое

351. Высогорец, с 6 мая 2004 г.

Достоевский Леонид Николаевич

Род. 18.III.1984, Ленинград.

В 2005 г. работал шофером автобуса.

347 / 348

Леонид Высогорец

352. Дмитриева, по мужу Достоевская

Оксана Александровна

Род. 17.XI.1984. Жена предыдущего.

Аня Достоевская

353. Достоевская**349 / 350****Анна Алексеевна**

Род. 17.III.2000, Петербург. Крещена на подворье Валаамского монастыря в Петербурге.

Н.К. Достоевская, мать

Анна – самый громкий ребенок в родильном отделении. Дома в первые месяцы папа, бывало, чтобы выспаться перед утренней смелой, брал спальник и шел на кухню. Легкие у девицы мощные, голос природно поставленный (в предках у бабушки была певица, певшая несколько сезонов в итальянском «Ла Скала»²⁰⁰). Месяцев с 9–10 стала обнаруживать поразительное сходство с детсадовской фотографией деда (там, где он в стоптанных сандаликах,

панамке, с сачком в руках и с недовольным насупленным лицом). Дед обожает ее, особенно когда увидел у Анны большое родимое пятно точно на том же месте, как и у него.

Как и ее отец, девочка иногда проявляет философско-рассудительный склад характера. Застывает в задумчивости, особенно при одевании или еде, большие глаза устремлены в трансцендентность. Или же начинает всем объяснять смысл жизни и другие философские вещи. Не по годам четко определяет и отделяет причину и следствие. Очень любит говорить, строя фразы, как взрослые. Свободно общается даже с незнакомыми людьми на улице. Встретив инвалида, спросила его, в чем дело, и на прощание пожелала ему, чтобы скорее другая нога выросла. Беспокоится о своем физическом благополучии, при соплях и кашле объявляет себя больной и очень расстраивается. Какое-то время с радостью принимала уколы в поликлинике и просила еще уколочик, чем приводила в недоумение медсестер. Когда Анне подарили детский медицинский набор, с увлечением играла в доктора, леча младшую сестру и при этом не забывая себя. В общем добрая, отзывчивая и раздумчивая, со временем стала проявлять довольно непривлекательные черты характера: нашалит втихаря, а потом валит все на сестренку, котиков, собачку и т.д. Ужасный нытик и бояка, что определяется общей чертой характера – осторожностью в жизни. Каша горячая, зеленка кусачая, кот царапается, собака лает, жестко спать, и везде углы, об которые можно удариться... Нежелание что-либо сделать объясняется глобальными причинами вплоть до пятен на солнце. Любимая ее присказка на все случаи: «Бывают в жизни огорчения». Зато Анна жалостливая, очень переживает за сказочных героев, которые попали в беду, и даже придумывает грустным сказкам счастливый конец. Иногда после чтения может рассказать свою, тут же придуманную сказку. Девочка очень рассудительная, будет с удовольствием и увлечением слушать, как гудит паровоз, что у трамвая на остановках шипит, зачем «скорой помощи» сирена и мигалка, отчего бывает радуга и куда уходит вечером солнце. Потом другим все это объясняет со своими выводами достаточно доступно и очень потешно, в лицах, с выражением и отчаянной жестикуляцией. Очень хорошо для своего возраста рисует, замечательно лепит и выстраивает из конст-

²⁰⁰ Людмила Михайловна Шестакова – см. с. 880. – Ред.

руктора интересные дома и порой весьма неожиданные и оригинальные произведения, например, крокодила Гену или самолет («Папа, не летай на остров на вертолете, я тебе самолет построила!»).

Рождение сестренки Анна восприняла с энтузиазмом: дергала за пятки, считала пальчики, на второй же день завалила Верину кровать своими машинками и книжками, с удовольствием носила в ванную мокрые пеленки и всячески подражала матери. На улице стала подходить к лежащим в колясках чужим младенцам, сравнивая их с Верой, дома кормила грудью своего любимого старого тряпичного зайца, сестренку называла Линюней. *(Письменные характеристики. 2004)*

354. Достоевская Вера Алексеевна

349 / 350

Род. 11.12.2001, Петербург. Крещена на подворье Валаамского монастыря в Петербурге.

Н.К. Достоевская

Вера оказалась во многом противоположностью сестре – начиная с того, что Анна правша, а Вера левша (это очень удобно за обеденным столом: сидящие рядом сестры друг другу не мешают). Вера была сначала очень тихой, ночью ее никто не слышал, плакала редко и негромко, в основном улыбалась и была всем довольна. Но стоило ребенку сделать первые шаги, как все изменилось. Милейший младенец вдруг превратился в такого озорника, что домочадцы только руками разводили. Вера превратила аккуратную при Анне детскую в бедлам. Из шкафов было все выброшено, обои ободраны, цветы оборваны, любая поверхность и даже собственное тело были разрисованы. Книжки листались с таким энтузиазмом, что их хватало только на один просмотр (такого Аня никогда себе не позволяла, она с десятимесячного возраста листала книжки очень аккуратно и внимательно, чем всех нас радовала и удивляла). От Веры кот стал прятаться, у игрушек резко сократился срок годности, собака была опробована в качестве ездового транспорта, у старшего поколения нашего семейства не раз были погнуты очки и спущены петли в вязании. Понятие добычи и навыки добывания четко проявились у девочки с ползункового возраста, при этом добыча не отдавалась ни при каких обстоятельствах. Особенно нравились потенциально опасные предметы. В отличие от вальяжной и опасливой старшей сестры, Вера смело преодолевала любое препятствие, на детской площадке зарывалась в песок как крот, а на качелях требовала качать ее сильнее. В транспорте Анне порой становилось дурно, а Вера испытывала восторг.

Общее для обеих сестер – это их открытость, общительность, стремление помогать по дому, например, помыть свою посуду или постирать.

Вера – девочка сильных эмоций, порой бьющих через край, но ее прямота и честность искупают все: на вопрос «кто это сделал?» ребенок смиренно, опустив голову, отвечает:

Вера Достоевская

«Вея...» И были случаи, «Вея» сама шла в угол или наказывала свои ручки или попу. Свойственна ей и ласковость. Обнимет и поцелует, а обнимет так, что потом полдня шею не повернуть, а иной раз дочка так приласкает от полноты чувств, что приходится лед прикладывать к тому месту.

Но самое главное, что девочки очень дружные. Они могут между собой и поссориться, и подраться, но потом сами мирятся и целуются, и опять весело играют. Однажды на дет-

Маша Достоевская

Федя Достоевский

ской площадке ребята играли в пятнашки, и Аню случайно уронили. Я не успела глазом моргнуть, как Вера всем детям, на ее взгляд, виновным в «трагедии», раздала тумаков, вопя при этом, что нельзя «ее Аню ронять и забижать», а так как Вера среди ребят самая маленькая, то и тумаков ребята получили каждый по пузу. Вот такая отважная Верка! Вот такие у нас девочки.

Про своего великого предка они говорят: добрый, потому что с бородой, как у дедушки, но только живет не с нами. Узнают любое его изображение и удивляются, что все его знают, а они сами его не видели. Однажды Анна в задумчивости встала у шкафа с Полным собранием сочинений Достоевского и стала считать книги, но сбилась и сказала в итоге, что она столько бы не смогла написать. Вскоре на ее столе обнаружили листки бумаги, сложенные пополам и заполненные строчками в виде синусоид. Дед застал внучек в споре: Анна заявляла, что она Анна Достоевская, а Вера – просто Вера.

(Письменные характеристики. 2004)

355. Достоевская Мария Алексеевна 349 / 350
Род. 23.XI.2006, Петербург.

356. Достоевский Федор Алексеевич 349 / 350
Род. 5.IX.2010, Петербург.

Поколение девятнадцатое

357. Достоевский Алексей Леонидович²⁰¹
Род. 25.II. 2004 <Петербург>.

351 / 352

²⁰¹ В семье растёт также дочь Дарья. – Ред.

Глава VII

ВЕТВЬ ВАРВАРЫ МИХАЙЛОВНЫ, ПО МУЖУ КАРЕПИНОЙ*

Поколение тринадцатое

33. Достоевская, 15 / 139

по мужу Карепина

Варвара Михайловна

(5.XII.1822, [Москва] — 21.I.1893, [там же]). В замужестве за вдовцом П.А. Карепиным с 21 апреля 1840 г.

Убита и сожжена грабителями. Похоронена на Пятницком кладбище в Москве.

В.С. Нечаева

С 1834 г. была отдана в пансион при лютеранской школе Петра и Павла в Космодемьяновском переулке на Покровке, почти рядом с домом Куманиных. <...>

Варенька постоянно гостила у Куманиных, оставалась у них на все лето 1835 г.,

а после смерти матери, покинув Даровое, окончательно переселилась к ним. Куманины-ми она была выдана замуж...

(В семье и усадьбе. С. 11)

О.А. Иванова

Каждая из сестер Ф.М. Достоевского при выходе замуж получала от Куманиных по 25 000 руб. в приданое. Варвара Михайловна приобрела себе на эти деньги два дома на Петровском бульваре в Москве.

Варвара Михайловна очень не дружила со своим отцом в последние годы его жизни. Столкновения между ними происходили главным образом на почве ведения хозяйства.

(Записано М.В.)

* Глава подготовлена Н.Н. Богдановым и Е.В. Новожиловой.

М.М. Достоевский – сестре Варваре

1.IX.1839. Ревель

Прежде, нежели я о чем-нибудь стану говорить с тобой – ты должна мне дать обещание, да, обещание, Варинька, которое исполнить, я думаю, тебе будет так же приятно, как мне получить. Начнем переписываться; хоть в месяц раз станем меняться письмами. Прости об этом позволение у дядиньки и тетиньки <Куманиных>; – я наперед уверен в их согласии. У тебя много досугов, так тебе, право, нетрудно будет уделить мне несколько минут. <...> Пиши ко мне о всем, что придет тебе в голову, что продиктует тебе твое сердце. Пиши ко мне о житье своем, – и, право, если бы ты стала отдавать отчет мне в каждом своем шаге, – то и тогда письма твои не наскучили бы мне...

Я нахожусь теперь в совершенном неведении наших обстоятельств. <...> Время идет; вот уж четвертый месяц, как скончался папинька, – а еще ничего не устроено. <...> Ох! Папинька! Папинька! сколько мы потеряли в тебе.

Чем ты занимаешься теперь, милая сестра моя? Думаю, что ты не бросила науки. Образование, которое ты получила в пансионе, хотя и достаточно для девушки твоего возраста, но еще очень недостаточно для света. Я советовал бы тебе заниматься историей, а особенно искусствами. Фортепьяно лучшая твоя отрада теперь – я это знаю, или по крайней мере в этом уверен, потому что музыка была любимым наслаждением покойного папиньки! Но рисование, сестра, рисование также необходимо для всякой воспитанной девицы. Также – знаешь ли что? – читай Библию. Верь, милый друг мой, что в пансионе нас никогда не научат религии, а скорей оттолкнут от нее, заставляя учить наизусть катехизис.

29.IX.1839. Ревель

Благодарю тебя за желание меня успокоить. Но, милая сестра, признаюсь тебе, что второе письмо твое не выполнило цель свою: оно более обеспокоило меня, нежели успокоило. <...> Неужли дело дошло уже до продажи скота? Сестра, знаешь ли, что это значит? Скот есть источник благосостояния сельского хозяйства. Ни один хозяин не решится на этот безрассудный поступок. Труды папиньки пропали. <...> Разве нельзя было продать наш экипаж, папинькины шубы или другие какие-нибудь вещи (если уж непременно того требуют обстоятельства) и побережь скот. <...> Мне также приходила в голову мысль об обращении в деньги крестьянских поборов, т.е. свиней, баранов и проч. Теперь никто не будет этим пользоваться. Не знаю, что делали нынешнее лето с нашими садами. Их можно было отдать внаем; это бы принесло рублей 400...

Ты пишешь, что читала *Телемака*. Очень, очень радуюсь. Но, скажи пожалуйста, можно ли так равнодушно относиться об этом великом произведении Фенелона. Признаюсь тебе, что письма твои меня очень радуют, даже восхищают. Слог их прост и потому очень мил, даже чист. Ты не поверишь, как это должно быть приятно для брата. Я понимаю теперь, что значит иметь сестру.

Но знаешь ли, моя милая, что эту милую простоту твоих писем безщадно убивает какой-то холод, какая-то неприятная неприступность. Я знаю этому и причину. Эта причина есть – твое отвращение от *пустяков*, как ты сама выразилась в письме своем. А *пустяки* – то и делают заманчивым слог девушки. Письма – тот же разговор, но только разговор через – пространство; след<овательно> письма должны быть наполнены всем тем, что нас

интересует. Ты, кажется, думаешь, что в письмах надо только писать о делах. Как были бы после этого скучны письма на свете! Вызывая тебя на взаимную переписку, я хотел, во-первых, доставить нам обоим удовольствие, а во-вторых, пользу. Да, пользу, потому что письма заставили бы тебя мыслить. А это уже важный шаг. Впрочем как хочешь.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 25)

Л.Ф. Достоевская

...Конечно, самой несчастной была моя тетка Варвара. Она вышла замуж за довольно богатого человека, оставившего ей после смерти несколько доходных домов в Москве. Эти дома приносили ей хороший доход, ее дети были хорошо устроены и не испытывали ни в чем недостатка. Следовательно, она могла бы обеспечить себе все необходимые в ее возрасте удобства. Но, к сожалению, бедная женщина страдала отвратительной, безусловно патологической скупостью. С отчаянием развязывала она шнурки своего кошелька; малейшие расходы делали ее несчастной. В конце концов она рассчитала прислугу, чтобы не платить ей. Она никогда не отапливала свою квартиру и всю зиму проводила в шубе; она не готовила, дважды в неделю покупала она немного хлеба и молока. Во всей округе много говорили об этой необъяснимой скупости.

(Достоевский в изображении дочери. С. 41)

А.А. Достоевский

Это опять-таки была особая ненормальность, в просторечии может быть и скупость. Но слова просторечия не всегда верно обозначают действительность.

(Письменные характеристики. М.В.)

М.А. Иванова и Е.М. Достоевская

Варвара Михайловна была скупа лишь по отношению к самой себе, но всегда была готова помочь тем из близких, которые нуждались в материальной поддержке. Помогала она своей сестре Александре и дочери Марии, овдовевшей с пятерыми детьми на руках.

Обладая твердым характером, держала своих детей на положении маленьких, даже в то время, когда те были уже вполне взрослые по летам.

Насколько В.М. интересовалась занятиями своих детей, можно судить по тому, что когда ее сын Александр учился в университете, она вместе с ним проштудировала по руководствам весь курс медицинского факультета, проходя по очереди все те предметы, которые изучал ее сын.

(Записано М.В.)

Ф.М. Достоевский — брату Андрею
28.XI.1880. Петербург

К 4-му декабря хочу написать сестре Варваре Михайловне <поздравление с днем рождения>. Я ее люблю; она славная сестра и чудесный человек.

(ПСС. Т. 30, С. 229)

В.А. Савостьянова

Варвара Михайловна производила на меня впечатление радушной, приветливой и добрейшей родственницы, хотя и с сильными странностями, выражавшимися в ее исключительной бережливости и расчетливости. Была очень музыкальна. (Записано М.В.)

Е.А. Рыкачева – отцу

4.VIII.1871. Москва

...Остановились у тетушки Варвары Михайловны, она приняла нас очень радушно. <...> <Ее сына> Александра Петровича мы не застали дома: он на дежурстве. <...> Тетя сообщила, что дядя Федор Михайлович теперь в Петербурге. В Москву, кажется, он еще не скоро придет.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 52. Л. 10)

В.А. Савостьянова

В августе 1876 г. я с отцом поехала в Москву для закупки приданого. Папа привлек к этому свою сестру Варвару Михайловну Карепину, мою крестную мать. <...> Вот въезжает извозчик со мной и папой на двор к ней; мы подъезжаем к крыльцу, и уже сверху улыбается и машет нам руками тетя; по деревянной лестнице взбираемся наверх, вход через кухню. После объятий и лобызаний и обычных расспросов начинается угощение чаем; в комнатах чисто, уютно. Тетушка в шелковой кофточке, голова повязана вышитым головным платком. Она была сухощавая, среднего роста, всегда очень деловитая, с серьезным, озабоченным лицом. <...> Папа очень любил свою сестру; как интересно было видеть их вдвоем, сидящих за маленьким столиком между двух окон с кипящим самоваром, сайками и свежими калачами, за которыми еще до нашего вставания Варвара Михайловна уже успевала съездить чуть ли не на край города, чтобы угостить особенно вкусными калачами.

Варвара Михайловна помогала папе в его закупках. Я помню курьезную процессию на Кузнечном: впереди шагает с деловым и озабоченным видом, по-мужски, тетюшка, затем папа и в конце я. Покупки выбирали они сами, я тут была «ни при чем», мне не до этого; они это учили и оставили меня в покое. Тетюшка, несмотря на свой возраст и немодный костюм, была сама в курсе мод и давала дельные и практические советы. Закупали все в самых дорогих магазинах на Кузнечном...

Тетюшка была приглашена на свадьбу со своим сыном, Александром Петровичем. Она была моей посаженной матерью. Она была очень нарядна в шелковом сиреневом платье и белой кружевной мантилье; очень мила и радостна счастьем в семейном кругу брата.

Это была образованная и умная женщина, отзывчивая и могущая интересоваться разговорами и с детьми, и с равными себе. Она могла поддерживать какой хотите разговор, но была очень скромная и не выставлялась вперед. Ей так же было бы легко заниматься литературным трудом, как она занималась домашними работами и хозяйством.

Была очень жизнерадостна, малый пустяк ее интересовал, как дитя. В 54 года она была еще очень бодра.

Она была хорошая музыкантша, страстно любила музыку, сама хорошо играла на виолончели. Умилялась, когда я играла ей на рояле: «Ах, Варенька, сыграй “Норму”; ты не можешь себе представить, как это хорошо».

Никогда я не слышала от нее слов осуждения кого бы то ни было. Она не потерялась бы ни в каком обществе. Но она была москвичка! Это чувствовалось во всех ее словах и поступках и в самой фигуре. Настоящая московская тетушка!

(ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

А.Г. Достоевская – мужу

17.VIII.1879. Москва

До театра мы отправились к Варваре Михайловне. Нам сначала очень долго не отпирали, но потом она увидела нас из окна и была нам, кажется, рада. Просидели у ней больше часу. Много о тебе расспрашивала и велела тебе кланяться.

(Переписка. С. 310)

Ф.М. Достоевский – жене

25.V.1880. Москва

...Отправился к Варе. Застал, и хоть было уже около 10 часов, но мы поехали с ней к Елене Павловне¹.

28–29.V.1880. Москва

Сегодня утром, в 12 часов, когда я еще спал, приехал ко мне <...> Юрьев. Я при нем стал одеваться. В это время вдруг докладывают, что приехали две дамы. <...> <Юрьев> ушел, и вдруг приехала Варвара Михайловна и не успела войти, как вошел Висковатов. Узнав, что у меня гости, Варя тотчас убежала.

30.V.1880. Москва

Много мне рассказывала про своих внуков и спрашивала совета. Умная она и хорошая женщина.

3–4.VI.1880. Москва

Ему <Суворину> даже не дали билета на утренние заседания. У меня же был один билет (Варин, от которого она отказалась), и я предложил ему.

5.VI.1880. Москва

Заезжал к Варе и, кажется, совсем простился. Она уезжает к дочери на дачу.

(ПСС. Т. 30, С. 159, 169, 173, 178, 181)

В.М. Карепина – брату Федору

1.I.1881. Москва

Письмо твое, милый брат, меня сильно порадовало, такое оно хорошее, задушевное и любящее, что я и не знаю, как благодарить тебя за него и за любовь твою ко мне. Ты один вспомнил обо мне 4 декабря. Все мы разбросаны в разных городах и живем точно чужие...

Что же ты, мой милый, так расхворался. Верно, это от усталости и бессонных ночей и от мнительности <...> Крепись и мужайся, милый мой братику, ведь мы с тобой не Бог знает какие старики. Бог даст поживем. В декабре читала в «Современных известиях» восторженную похвалу о тебе по поводу студенческого вечера, в котором ты участвовал и на ко-

¹ Родственнице Ивановых, см. с. 680, 1069. – *Ред.*

тором тебе поднесли венок. Что-то ты делаешь с этими венками. Я бы на твоём месте все эти венки повесила бы в кабинете на память, чтобы дети, взирая на них, гордились своим папашей. Я думаю, милые Ваши деточки очень интересуются этими оациями и верно всякий раз спешат прочесть в газетах, как восхваляют их папашу <...> Благодарю тебя также за память о моих внуках...

(Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 219)

Ужасная кончина В.М. Карепиной послужила поводом к различным сообщениям в газетах того времени. Приведем несколько отрывков и из этих источников.

«Московский листок»
22.I.1893. № 22

Жертва скупости

Вчера, 21 января, в 8 часов утра дворник дома вдовы надворного советника В.М. Карепиной во 2-м Знаменском переулке, Сретенской части, услышав запах гари и дыма, выходящий из запертой квартиры домовладелицы, помещающейся в 3-м этаже дома, позвал стоящего на посту городского, который вместе с ним вошел в квартиру с черного хода в кухню, а так как дверь из кухни в квартиру хозяйки дома была заперта изнутри, то они взломали ее, вошли в первую комнату, а в соседнюю дверь была заперта на замок, взломали и эту дверь, вошли в большую комнату, которая была наполнена дымом, выходящим из-под двери спальни домовладелицы; в спальне к ужасу своему они увидели лежавшим на полу в огне труп домовладелицы Карепиной, женщины лет 68. Городовой приказал дворнику разбить стекла в окнах, чтобы дать выход дыму, и залил пламя, которым был обхвачен труп.

Дали знать о случившемся участковому приставу и начальнику сыскной полиции, которые не замедлили явиться на место. По первому впечатлению предполагалось преступление, но при подробном осмотре квартиры оказалось, что несчастие произошло от взрыва лампы.

Домовладелица занимала квартиру из 5 комнат, жила совершенно одна и, кроме дворника, никакой прислуги не имела, никого у себя не принимала и жила весьма скупой. Пищу готовила себе сама в ограниченном количестве, на несколько дней, и прятала ее в письменный стол, употребляя ее в холодном виде понемногу. Вставала она с постели обыкновенно в 6 часов утра и сама зажигала лампу, стоявшую у нее в спальне на письменном столе. Так было и вчера. Предполагают, что, когда лампа была зажжена, ее разорвало и воспламенившийся керосин брызнул несчастной на лицо и на платье, которое воспламенилось; она упала навзничь и опрокинула на себя тут же стоявшую жестянку с керосином, разлившимся по полу, отчего загорелся пол и письменный стол.

У покойной изжарились лицо, шея и грудь, обгорели волосы, обуглились плечи и обе руки. Правая рука была в изогнутом положении поднятой кверху, а левая прижата к груди. Белье, платье и вязаная кофта, в которой уснувшая была одета,

обгорели так, что от них остались одни клочья. То место пола, на котором лежала покойная, прогорело до наката, письменный стол обуглился, вся спальня прокоптела дымом.

В верхнем ящике письменного стола нашли тряпки и тарелку с остатками жареного мяса. Ни денег, ни иных документов в квартире не оказалось, хотя покойная слыла за женщину зажиточную.

(По поводу этого сообщения «Московского листка» брат ее, Андрей Михайлович Достоевский, поместил в № 28 той же газеты за 1893 г. следующее разъяснение:

«В № 22 вашей газеты за текущий год, в отделе "Московская жизнь" сообщен трагический случай ужасной смерти 70-летней старушки В.М. Карепиной, последовавшей 21 января; над этою заметкою помещен заголовок: "Жертва скупости".

В.М. Карепина, урожденная Достоевская, выйдя замуж в очень молодых годах, осталась вдовою 28 лет от роду, с тремя детьми и почти без средств к жизни. Покойный муж ее хотя и занимал очень выгодное место правителя канцелярии московского военного генерал-губернатора (при князе Голицыне) и был уважаем в Москве, но после смерти не оставил вдове своей ничего, кроме ничтожной пенсии (чуть ли не менее 200 рублей в год). Дом же, в котором ныне так трагически кончила жизнь свою г-жа Карепина, был ее приданым.

Обладая твердой силой воли и не женскою энергией, молодая вдова сумела не только воспитать своих детей, но и устроить их, почти не обладая никакими средствами и из гордости не прибегая ни к чьей посторонней помощи. Проведя почти два десятка лет в постоянном сдерживании и ограничивании себя, покойная привыкла к расчетливости и даже, по-видимому, к скупости. Но расчетливость и даже кажущаяся скупость допускались ею только относительно самой себя, ко всем же близким она была — вся доброта, вся щедрость. Так, со времени вдовства своей дочери она постоянно помогала ей и в последние годы даже содержала на свой счет как дочь, так и многочисленную семью ее. Много и других добрых дел устраивала покойная, о чем, конечно, не буду распространяться теперь, в виду еще теплой могилы ее. Все это не похоже на скупость предосудительную.

В заключение не лишним считаю присовокупить, что великий русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский был родным братом покойной и, несмотря на ее расчетливость, очень любил и уважал ее, не только как сестру, но и как женщину редкого ума и твердого характера».)

«Московский листок»
1893. № 28

Хотя покойная действительно вела очень скромный образ жизни, но скупостью не отличалась; по отзывам лиц, близко ее знавших, покойная была крайне добрая женщина и, кроме своих родственников, часто помогала и посторонним.

«Новое время»
24.I.1893. № 6073

Несмотря на то, что В.М. Карепина была домовладелицей 7 домов, она испытывала страшную бедность, так как дома были заложены, а квартиранты плохо платили... Если кто-либо приходил к ней, она в большинстве случаев не отворяла дверей и говорила через запертые двери.

«Русские ведомости»
29.I.1893. № 28

Покойная В.М. Карепина, имея 6 домов в Москве, жила крайне бедно и, будучи весьма подозрительной и опасаясь воров, постоянно запиралась на несколько замков... Она не имела при себе прислуги, по словам родственников, вследствие боязни и недоверия к ней...

«Ведомости московской городской полиции»
4.II.1893. № 32

Обнаруженное убийство

21 января домовладелица, вдова надворного советника Варвара Михайловна Карепина найдена была в своей квартире мертвой с обгорелыми частями тела. Хотя признаков насильственной смерти тогда обнаружено не было и можно было полагать, что смерть Карепиной последовала от ожогов, вследствие пролитого керосина и воспламенившегося на ней платья, тем не менее начальником сыскной полиции (Эфенбахом) было произведено дознание, путем которого удалось обнаружить, что Карепина была задушена в кухне дворником ее дома крестьянином Владимирской губ. Иваном Архиповым и зап. маст. Федором Юргиным, а затем труп Карепиной перенесен был ими в кабинет, где облит керосином и подожжен. Убийство совершено с целью грабежа. Архипов и Юргин задержаны и в преступлении сознались; при этом у последнего найдено % бумаг более чем на 8000 рублей, принадлежавших покойной Карепиной.

Л.Ф. Достоевская

Уверяли, что у моей тетки Варвары много денег и, подобно всем скупцам, она хранит их у себя. Разговоры эти разбудили фантазию молодого крестьянина, служившего швейцаром у квартирантов моей тетки. Он сговорился с бродягой, блуждавшим в окрестности. Они проникли ночью к ней и убили бедную помешанную.

(Достоевский в изображении дочери. С. 41)

358. Карепин Петр Андреевич

(1796 — [5.IV] 1850). Муж предыдущей. Служил правителем канцелярии, [обер-аудитором при] московском военном генерал-губернаторе, [управляющим имениями, состоял в попечительских комитетах]. От своего первого брака имел дочь Юлию, [родившуюся ок. 1836 г. и весной 1855 г.] вышедшую замуж за

Н.П. Померанцева (на генеалогической таблице не показаны)². После смерти М.А. Достоевского (отца писателя) был официальным опекуном его детей, в том числе и Федора Михайловича.

А.М. Достоевский

...Видный, выше среднего роста, стройный, очень красивый и развязный. Видно было, что ему не впервые входить в большой и богатый дом и что он постоянный и желанный гость как богатых, так и знатных многочисленных своих знакомых...

Служил Петр Андреевич во многих местах <...> между тогдашними патронессами города играл видную роль, прельщая всех своим чисто парижским французским языком <...> он был добрейший из добрейших людей, <...> был не просто добрым, но евангельски-добрым человеком. <...> вышел из народа, достигнул всего своим умом и своею деятельностью. Впрочем, когда он сделался женихом сестры, то был уже дворянином.

(Воспоминания. С. 112–114)

И.Л. Волгин

Он жительствоует в Москве, с завидной аккуратностью высылая братьям причитающиеся им части. Однако брат Федор неосновательно полагает, что ему выгоднее разом покончить с этой зависимостью. Он требует свою тысячу и отказывается от всех прочих наследственных притязаний. Положительный Петр Андреевич опасается, сомневается и жметса.

(Родиться в России. С. 275)

А.Г. Достоевская

Он был действительно дрянной человек.
(ИРИ)

В.М. Карепина – брату Андрею
<16.III.1849. Москва>

Ежели б он <Федя> видел и знал Петра Андреевича, то не утерпел бы и полюбил бы его всей душой, потому что этого человека не любить нельзя.

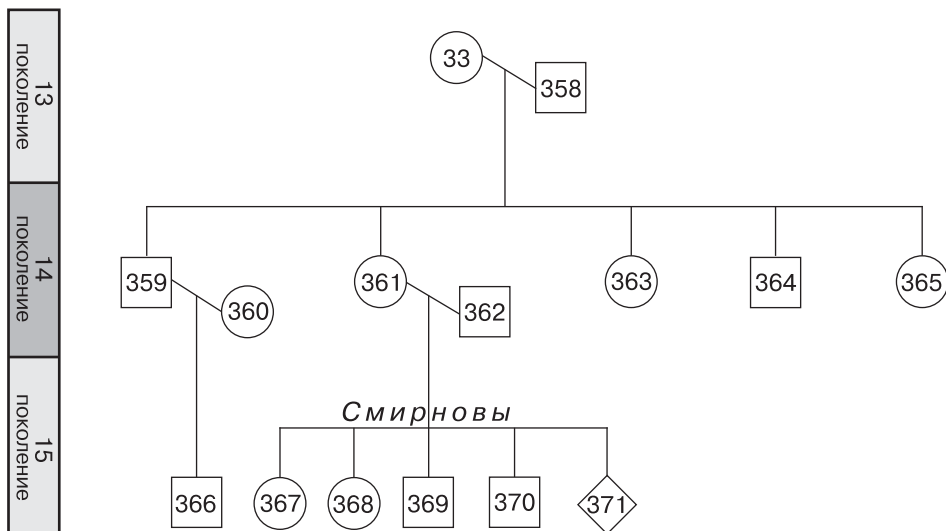
(Литературное наследство. С. 373)

В 1841 г. П.А. Карепин воспротивился женитьбе старшего из братьев Достоевских, Михаила, и временно перестал выплачивать причитававшиеся тому деньги (см. с. 276).

Осенью 1844 г. двадцатитрехлетний Федор подал в отставку (скрыв настоящую причину своего решения – занятия литературой) и потребовал от опекуна немедленной выплаты своей доли наследства. Между ними развернулась настоящая эпистолярная дуэль, тем более примечательная, поскольку соперники не были друг с другом знакомы.

² Юлия Петровна была переводчицей в журналах братьев Достоевских (Материалы и исследования. Т. 6. С. 284). – Ред.

ПОТОМСТВО ВАРВАРЫ МИХАЙЛОВНЫ КАРЕПИНОЙ

Ф.М. Достоевский – П.А. Карепину
20.VIII.1844. Петербург

Уведомляю Вас, Петр Андреевич, что имею величайшую надобность в платье. Зимы в Петербурге холодны, а осени весьма сыры и вредны для здоровья. Из чего следует очевидно, что без платья ходить нельзя, а не то можно протянуть ноги. Конечно, есть на этот счет весьма благородная пословица – *туда и дорога!* Но эту пословицу употребляют только в крайних случаях, до крайности же я не дошел. Так как я не буду иметь квартиры, ибо со старой за неплатеж нужно непременно съехать, то мне придется жить на улице или спать под колоннадою Казанского собора. Но так как это нездорово, то нужно иметь квартиру. Существует полупословица, что в таком случае можно найти *казенную*, но это только в крайних случаях, а я еще не дошел до подобной крайности. Наконец, нужно *есть*. Потому что *не есть* нездорово, но так как тут нет ни вспомогательного средства, ни пословицы, то остается умереть с голоду; но это только в крайних случаях возможно, а я, слава Все-вышнему, еще не дошел до подобной крайности. Я требовал, просил и умолял три года, чтобы мне выделили из имения следуемую мне после родителя часть. Мне не отвечали, мне не хотели отвечать, меня мучили, меня унижали, надо мной насмеялись. Я сносил все терпеливо, делал долги, проживался, терпел стыд и горе, терпел болезни, голод и холод, теперь терпение кончилось и остается употребить все средства, данные мне зако-нами и природою, чтобы меня услышали, и услышали обоими ушами...

Вдобавок попрошу я Вас, Петр Андреевич, прислать мне в счет чего хотите, хоть за 10 лет вперед или всей цены выделю, прислать мне как можно более, чтобы удовлетво-рить означенным на страничке четвертой требованиям. <...> Ничего так не желаю, как кончить дела мои вышеозначенным. Они мешают мне жить.

7.IX.1844. Петербург

...Говорю Вам в последний раз, <...> что лучше сгнию в тюрьме, чем вступлю в службу, прежде окончания и устройства дел моих.

(ПСС. Т. 28, С. 92–94, 96)

Из отчета по опеке Достоевских за 1844 г.

Расход денег

на содержание детей Достоевских отправлено почтою:

- 1) Михаилу Михайловичу ..... 700 р. асс.
- 2) Федору Михайловичу ..... 2412 р. 50 к. асс.
- 3) Андрею Михайловичу ..... 150 р. асс.
- 4) На одежду, учебные пособия Николаю Михайловичу.....65 р. 25 к. асс.

(Жизнь и труды. С. 39)

П.А. Карепин – Ф.М. Достоевскому

5.IX.1844. Москва

Любезный брат, Федор Михайлович. Посылаю Вам 50 руб. сереб<ром> и вместо заносчивости и грубости, коими наполняются ваши письма, прилагаю два исчисления: 1-е на серебро за прошедший год, 2-е на ассигнац<ии> текущего года – по теперешнее число; а в заключение вывод, сколько кто из вас получил доходов. Здесь сами увидите, что Вам переслано больше других, Андрею очень мало, а Николе вовсе ничего. Уважительной причиной могла быть экипировка по выходе из училища, первое обзаведение на первый год; и дальше нет уже никакого права одному брату пользоваться больше другого, не упоминая еще о сестрах...

Продать следующую Вам часть наследства, кроме того прискорбия, что сын слишком мало дорожит трудами и заботами родителей и что стоило им ценой жизни сбыть на другой год выхода из школы и сбыть Бог знает для чего, не было возможным, потому что Вам едва минуло совершеннолетие. Невозможно и теперь, потому что имение состоит в залоге Опе<к>уновского Сов<е>та, не оплачен еще частный долг и что другие сонаследники малолетние. Хотя бы, наконец, длинным процессом представлений через Дворянскую Опеку, Гражданскую Палату и Сенат возможно было получить в пользу других участников в наследстве разрешение на выдел Вам части деньгами, то затруднение останется одинаковым; т.е. не достанет Вам выдать деньги вдруг, а частями Вы и теперь их получаете в том излишке, какой перебираете против других братьев и который им возвратить обязаны при расчете. Эта причина будет существовать не только нравственным, но и официальным препятствием передать в чужие руки.

Не хотелось мне высказывать Вам этой истины, потому что Вы сами ее довольно понимаете и даже потому, что легче предполагать неосновательность в молодости, нежели холодный эгоизм и равнодушие к памяти родительской и семейству.

Вы, едва почувствовали на плечах эполеты, довольно часто в письмах своих упоминали два слова: наследство и свои долги; я молчал, относя это к фантазии юношеской, твердо зная, что опыт, лета, проверка отношений общественных и частных лучше Вам истолкуют; но теперь хочу упомянуть, что первое слишком миниатюрно: сердиться и сетовать на это нельзя, ибо не от нас зависит и много есть на свете людей и того не имеющих. И по

размеру расходов Ваших едва ли станет на год; а дальше что? Последние, кроме границ юридических, имеют еще и нравственные – нисколько не сомневаюсь, что Вы их пренебрегли и не были бы согласны со мной в том, что превзойти размер возможности уплаты есть посягательство на чужую собственность. Не вина наша, что мы родились не миллионерами; но наша вина будет в том, если не воспользоваться средствами от Бога и положением, благодетельного начальства представленными. Не Вы первый, а много, очень много людей, начинающих свое поприще по известным чистым, светлым и всегда отрадным правилам труда, прилежания и терпения, со способностями ума, коими одарил Вас Господь, с хорошим образованием, которое получили в заведении отличным, – Вам ли оставаться при софизмах портических, в отвлеченной лени и неге Шекспировских мечтаний? на что они, что в них вещественного кроме распаленного, раздутого, распухлого – преувеличенного, но пузыряного образа? Тогда как в вещественности Вам указан и открыт путь чести, труда уважительного, пользы общественной не в рабских подражаниях чужому видению, но в произведениях собственного ума и знания коими украсили его работою столько лет.

Если Вам доступен еще совет родства и дружбы, то послушайтесь. Любезный Брат! оставьте излишнюю мечтательность и обратитесь к реальному добру, которого Бог весть почему избегаете; примитесь за службу с тем убеждением, которому поверите по опыту, что сколь бы ни велики были наши способности, все нужно еще при них некоторое покорство общественному мнению, особенно мнению старших, они больше и дольше нашего прожили, больше нашего видели и испытали. Не только нет Вам благословения сердечного (если Вы когда-нибудь поставите оное в цену) выходить из службы, но даже убеждаю Вас самих искать командировки – чем дальше, тем лучше. Вы там поверите жизнь человеческую с различных ее фазов, тогда как теперь – знакомы только односторонне со школьной лавки – да книжных мечтаний? Офицеру в военном мундире нельзя останавливаться приготовлениями мягких пуховиков и Луколовой кухни. Почтовая кибитка, бурка и кусок битой говядины, приготовленной денщиком, всегда найдется за прогоны и царское жалование. За то сколько приятных ощущений при удачном исполнении своего долга; сколько отрады во внимании начальников, в любви и уважении товарищей, а далее награда, заслуженная трудом своим путем прямым, благородным. Вот Брат! настоящая поэзия жизни и сердечное желание Вам преданного *П. Карепина*.
(*Письма. Т. 4. С. 449–450*)

Ф.М. Достоевский – П.А. Карепину
19.IX.1844. Петербург

Милостивый государь Петр Андреевич.

Письмо Ваше от 5-го сентября, наполненное советами и представлениями, я получил и теперь спешу отвечать Вам.

Естественно, что во всяком другом случае я бы начал благодарностию за родственное, дружеское участие и за советы. Но тон письма Вашего, тон, который обманул бы профана, так что он принял бы все за звонкую монету, этот тон не по мне. Я его понял хорошо и – он же мне оказал услугу, избавив меня от благодарности.

Вы, положим, что Вы как опекун имеете право, Вы укоряете меня в жадности к деньгам и в обиде меньших братьев, насчет которых я пользовался доселе большими суммами денег. После всего, что я писал в продолжение двух лет, я даже считаю излишним отвечать

Вам на это. Вы ясно могли видеть из писем моих, что не в количестве денег, разумеется до известного предела, всегдашнее и теперешнее спасение мое и устройство моих обстоятельств, а в своевременной присылке денег. <...> Что же касается до затруднений опекунского совета, дворянской опеки, гражданской палаты и всех этих имен, которыми Вы закидали меня, думая ошеломить, то я полагаю, что эти затруднения не существуют. Разве не продаются имения с переводом долга? Разве много проиграют или потеряют кто-нибудь, если имение останется собственностью нашего семейства по-прежнему; ведь оно в чужие руки не переходит, не отчуждается. <...> Будьте уверены, что я чту память моих родителей не хуже, чем Вы Ваших. Позвольте Вам напомнить, что эта материя так тонка, что я бы совсем не желал, чтоб ею занимались Вы. Притом же, разоряя родительских мужиков, не значит поминать их. <...> все-таки Вам не следовало бы так наивно выразить свое превосходство заносчивыми унижениями меня, советами и наставлениями, которые приличны только отцу, и шекспировскими мыльными пузырями. Странно: за что так больно досталось от Вас Шекспиру. Бедный Шекспир! <...> вспомните, пожалуйста, Ваше письмо к его превосходительству> Ив<ану> Гр<игорьевичу> Кривопишину³. <...> Вы пишете обо мне письмо, не спросая меня, с целью повредить моим намерениям и остановить мою шекспировскую фантазию...

Четвертая страница Вашего письма, кажется, избегнула общего тона письма Вашего, за что Вам душевно благодарен. Вы правы совершенно: реальное добро вещь великая. Один умный человек, именно Гете, давно сказал, что *малое*, сделанное хорошо, вполне означает ум человека и совершенно стоит великого. Я взял эту цитацию для того, чтоб Вы видели, как я Вас понял. Вы именно то же хотели сказать, задев меня сначала и весьма неловко крючком Вашей насмешки. Изучать жизнь и людей – моя первая и цель и забава, так что я теперь вполне уверился, н<а>-п<ример>, в существовании Фамусова, Чичикова и Фальстафа.

(ПСС. Т. 28, С. 96–98)

Брату Михаилу
30.IX.1844. Петербург

Свинья-Карепин глуп как сивый мерин. Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь все равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобление на Шекспира. Ну к чему тут Шекспир? Я ему такое письмо написал! Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма *chef d'oeuvre летристики*.

...Карепин водку пьет, имеет чин и в Бога верит. Своим умом дошел.
(ПСС. Т. 28, С. 100–101)

П.А. Карепину
20.X.1844. Петербург

Вы человек *деловой*, Петр Андреевич, Вы и с нами действуете, как человек *деловой*, не иначе, и так как Вы человек *деловой*, то у Вас времени не будет обратить внимание на мои дела, хотя они и миниатюрны, или, может быть, именно оттого, что миниатюрны. Но если

³ Генерал-лейтенант И.Г. Кривопишин был свояком П.А. Карепина и составлял протекцию братьям Достоевским (см.: Достоевский А.М. Воспоминания. С. 134). – Ред.

эти миниатюрные дела составляют все спасение, все благосостояние, всю надежду человека, то нужно извинить его настойчивость и назойливость. Вот почему я нижайше прошу Вас помочь мне в том смысле, как я Вам писал. <...> Так как по Вашему счету я вижу, что денег нет, то займите. Потому что дело полезное для всего семейства, а Вы обеспечены достаточно.

(ПСС. Т. 28, С. 103)

М.М. Достоевский – П.А. Карепину

25.IX.1844. Ревель

Он хочет во что бы то ни стало продать нам свою часть. Согласитесь сами, что отдает он нам ее за бесценок. Даже совестно покупать у него за эту цену: просит он одновременно 500 рублей серебром и потом по 10 рублей серебром в месяц. Но вы ему и без того в год перешлете эти 500 рублей, стало быть, почти он продает капитал за годовой доход. Ваша правда, судейским порядком слишком затруднительно кончить это дело, но нельзя ли домашним, семейным образом? <...> Подумайте-ка, Петр Андреевич. И вам бы было гораздо приятнее, избавившись разом от хлопот.

3.X.1844. Ревель

Я, зная хорошо брата, зная его как человека с правилами, как человека опытного – не улыбайтесь, ради Бога, это так, – <ручаюсь за него.>

28.XI.1844 <Ревель>

Представить себе не можете, любезный брат Петр Андреевич, как я обрадовался, узнав из письма вашего, что вы наконец порешили с братом Федором. <...> уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя. Правда, я совершенно согласен с вами, что все это можно бы сделать иначе, не вдруг, осторожнее, рассудительнее. <...> Из письма вашего, любезный Петр Андреевич, я *понял*, что деньги на выдачу брату вы употребили свои собственные. Примите за это мою наиглубочайшую благодарность...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 365, 366, 369)

И.Л. Волгин

...Исполненное сокрушительного сарказма послание Достоевского – больше, чем просто письмо. Оно отвечает всем требованиям искусства: нельзя не заметить, как за последние годы возмужало его перо. Он аттестует свою переписку с Карепиным как «образец полемики». Но это еще и *проба* (не менее важная, чем предпринятый им, Федором, перевод Бальзака). Проба характера, умения настоять на своем и, главное, изложить свои претензии литературно. Он мгновенно нащупывает у оппонента «комическую черту» – его высокомерное «озлобление на Шекспира» – и, как бы лично задетый, наносит ответный удар. Увы, увы. К тайному удовольствию оппонента, удар этот, кажется, поражает воздух.

«Ну к чему тут Шекспир?» Думается, что Шекспир был «к чему». Чуткий Карепин сразу уловил в письмах своего молодого корреспондента их подчеркнутую литературность. И, очевидно, решил сыграть с ним в ту же игру. Назидаю «брата» – человека, как он догадывается, непростого, – Петр Андреевич решает блеснуть своей эрудицией и знанием европейских литератур. Очень похоже, что его сентенции относительно «пузырного образа»

имеют совершенно конкретный литературный источник. А именно: «Макбет», первый акт, сцена три – те самые «пузыри земли»...

Достоевский в гневе «не опознал» текст. Хотя вряд ли можно усомниться в том, что он, столь высоко ставящий Шекспира и сам увлеченный «шотландским» сюжетом, читал прославленную трагедию в русском или французском переводе. Но если даже он и знаком с «Макбетом», ему *выгоднее забыть*: фигура «свиньи-Карепина» уже обрела художественную завершенность, и он, этот образ, несовместим ни с каким Шекспиром.

(Родиться в России. С. 275–277)

В.М. Карепина — брату Андрею
12.I.1849 <Москва>

...Как я испугалась, когда на вопрос мой он заговорил совсем не то, и я тотчас заметила, что язык у него тупеет, и наконец он совсем не мог выговаривать ни слова. Это — начало его припадков... Когда его опрыснули холодной водой, то вместо того, чтобы получить облегчение от этого, как это было в последние два раза, он все не очнулся, глаза у него блуждали, и он решительно ничего не понимал... Я заметила у Петра Андреевича ужасное, исступленное выражение лица; не прошло, я думаю, и минуты, как он вскрикнул, упал и начал биться, пена у рта, весь посинел и хрипит; мы думали, что уже все кончено, но, к счастью, ему развязали перевязку с руки и начали до того тереть эту руку, покуда кровь опять пошла, зубы до того стиснулись, что никак нельзя было влить хоть несколько воды; наконец кое-как пропустили ему несколько воды, он поперхнулся, закашлялся, и уж тут переложили его на постель. Ночью проснулся, видно было, что он начал понимать, но не мог еще говорить... на другой день ему стало лучше.

1.VII.1849 <Москва>

Петр Андреевич ужасно занемог. Я его о чем-то спросила, он мне не ответил (болезнь его начинается тем, что он не может говорить). Я спросила его еще о чем-то, он, бедный, смотрит в каком-то беспмятстве... Послали за докторами, цирульником, но все ничего не помогало и не могло отвратить припадков; вдруг он диким голосом закричал и начал биться... пустили кровь, на этот раз болезнь была труднее всех прежних разов: семь раз повторялись припадки, так что несколько перестанет биться, опять вскрикнет и начнет биться... на второй день был в беспмятстве, а на третий очнулся... Болезнь Петра Андреевича тем более страшна, что никак нельзя предугадать ее, так внезапно она проявляется.

IX.1849 <Москва>

Петр Андреевич опять был очень нездоров, с ним случилось опять все то же, что я тебе рассказывала, но только еще более припадков, именно одиннадцать, и опять случилось так неожиданно. Теперь как будто есть маленькая надежда, что, может быть, болезнь и прекратится, а именно вот какая: лет 11 тому назад у Петра Андреевича была сыпь на ногах и скрылась, а теперь опять показалась, и хотя она его очень беспокоит ужасным зудом и чесоткою, но доктора считают это хорошим признаком.

(ИРИИ)

П.А. Карепин – А.М. Достоевскому
 <16.III.1849. Москва>

<На брата Федора> не сетуй, а все-таки люби как брата и с своей стороны не давай повода быть недовольным. Если и увлекся он в область мечтательную, в вихрь ласкательств, авторских и артистических, – наступит, несомненно, время, что права крови заговорят, и он сам удивится: почему чуждается близких...

5.I.1850. Москва

...Мы не знаем подробностей, но скорбим бесконечно <о> жалкой участи брата Федора⁴. Конечно, ты чужд также подобных сведений, да и старайся, чтобы ни одним словом, ни же помышлением тебя не коснулось, а скорбеть неизбежно. Возверзи печаль свою на Господа и горю бесконечно не предавайся. Милосердие, оказанное в настоящем решении, объявленном ведомостями, не отъемлет упования и надежд на то же милосердие в будущем, да послужит это к исправлению. Терять надежды не должно. Брат молод, снисхождение неограниченно: статься может, что и величайший грешник способен к исправлению. Да будет упование на милость Создателя и Начальства неизменным, и ему и всем нам в отраду несчастному.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 373, 374)

Поколение четырнадцатое

359. Карепин

358 / 33

Александр Петрович

([21.VI]1841, Москва – 8.VII.1906)).

Окончил медицинский факультет Московского университета [1863]. Служил в Москве сверхштатным врачом в Павловской больнице, а также военным врачом в гусарском Сумском и гренадерском Астраханском полках в Москве, а позднее в Венгровском полку в Варшаве. В 1872–1875 гг. сотрудничал в «Московской медицинской газете», где поместил ряд рефератов, преимущественно из английской и немецкой литературы. Рефераты эти подписаны иногда полной фамилией, иногда инициалами А.К. [Во время Русско-японской войны служил военным врачом в Харбине.]

⁴ 24 декабря 1849 г. в № 139 «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» был напечатан императорский указ по делу Петрашевского, касающийся в том числе и Ф.М. Достоевского. В указе сообщалось, что генерал-аудиториат «определил подвергнуть смертной казни расстрелянием» всех подсудимых, но что царь «изволил обратить всемилостивейшее внимание на те обстоятельства, которые могут в некоторой степени служить смягчением наказания», и даровал им жизнь. – Ред.

Л.Ф. Достоевская

Сын моей тетки Варвары был настолько глуп, что его глупость граничила с идиотизмом.

(Достоевский в изображении дочери. С. 41)

А.А. Достоевский

Про А.П. Карепина Л.Ф. Достоевская пишет, что он был глуп до идиотизма. Карепин действительно страдал ненормальностью, для которой в медицине, по всем вероятностям, есть особый термин, но это не была глупость, а тем более не идиотизм. Я лично очень хорошо помню Александра Петровича, и мы — дети — вместе со старшими подсмеивались над его, так сказать, «недержанием речи», но о глупости его у нас никто и никогда не говорил.

По каждому случайно затронутому в разговоре предмету Александр Петрович готов был немедленно прочесть целую лекцию, обильно снабженную всевозможными подробностями — датами, статистическими данными, именами, цитатами и т.п. Все это, нужно сказать, отнюдь не выдумывалось им, а приводилось совершенно правильно и точно — обо всем он, оказывается, читал и все прекрасно помнил. Такие «лекции» он мог говорить о чем угодно, о литературе, по философии, истории, биологии, медицине, метеорологии и т.п. Часто, не закончив одной темы, он, прицепившись к какому-нибудь случайно услышанному им слову, перескакивал на другую, обычно совершенно не связанную логически с первой темой и здесь так же сыпал различными справками, данными, цитатами и пр. Знал он очень много, но не было ничего синтезирующего, объединяющего все эти знания в одно целое. В результате весь умственный багаж Александра Петровича не мог быть им разумно использован ни в какой области и, в конце концов, служил только лишним поводом для насмешек и шуток по его адресу.

Расчетливый, бережливый, аккуратный, до смешного кроткий, покорный и послушный даже в самые зрелые годы своей жизни — этими своими свойствами он производил на окружающих впечатление человека смешного и с большими странностями.

(Письменные характеристики. М.В.)

О.А. Иванова

Александр Петрович получил исключительно странное воспитание. Даже в университет на лекции мать отпускала его не иначе как только с бонной, которая дожидалась окончания лекций и затем отвозила его обратно домой... Однажды на экзамене он отказался ответить на какой-то медицинский вопрос, мотивируя свой отказ тем, что ему «мама не позволила» читать об этом.

(Записано М.В.)

Е.А. Иванова

Отличался целым рядом чудачеств, служивших источником смеха среди его родственников. Действительно, его поступки скорее походят на какой-либо анекдот, чем на действительную жизнь.

(Письменные характеристики. М.В.)

Ю.А. Иванов

Анекдотичны были не только житейские поступки Карепина, но даже иногда и те способы лечения, которые он применял как врач. Так, например, когда один крестьянин порезал себе верхнюю губу серпом, Александр Петрович заклеил ему пластырем не только губу, но и весь рот и строго-настрого запретил ему снимать пластырь, обрекая таким образом своего пациента, если бы тот стал выполнять его предписания, на голодную смерть.

(Записано М.В.)

Н.А. Иванова — Н.М. Достоевскому
6.III. Год не указан

Александр Петрович прижал меня в угол и душил меня какими-то особенными стихами и изречениями допотопных философов.

(НИОР РГБ)

М.А. Иванова

Обладал исключительно сильной памятью, в особенности на числа и имена, но соображения у него настолько не было, что в жизни он был, можно сказать, почти что идиот. Вот один из примеров его умозаключений: уже взрослым человеком он увлекся одной совсем еще юной девочкой лет 14-ти, с которой хотя даже не был знаком. Лет через 20 после этого времени я как-то встретила с ним в театре. Он все время заглядывал на какую-то стриженую девочку и, наконец, страшно обрадованный заявляет мне, что это, конечно, не кто иная, как N — его прежняя симпатия, не соображая при этом того, что за 20 лет его старинная симпатия не могла остаться такой же юной. Своими поступками и приключениями он во многом напоминал диккенсовского Пиквика и, разумеется, был постоянным объектом наших шуток, доходивших иногда до глумления. Особенно любил над ним подшучивать Ф.М. Достоевский, сочинивший, между прочим, на Александра Петровича несколько шуточных стихотворных экспромтов и даже одну оду. В этой оде вышучивается внешность Александра Петровича: маленький, кругленький, он был немножко похож на китайского болванчика. Вот слова этой оды:

Ода в честь доктора Карепина

Поэт:

Позволь пиите дерзновенну,
О ты, достойный славу зреть,
Его рукой неизощренной
Тебя, прекрасного, воспеть!
Кому тебя мне уподобить?
Какой звезде, какому богу?
Чтобы тебя не покоробить,
Зову Державина в подмогу.

Тень Державина:
Ростом пигмей, лицом сатир,
Всего он скорей монгольский кумир.

Поэт:
Могу ль ушам своим я верить?
Поэт Фелицы и министр,
Державин может лицемерить,
Как самый ярый нигилист!
О нет! Он ростом Геркулес,
Хоть и приземист он.

Тень Державина:
Танцует, как медведь,
Поет, как филин, он⁵.

Поэт:
Такую отповедь
Не выношу я! Вон!

(Тень Державина удаляется.)

Увидя как-то идущего ему навстречу по полотну железной дороги Карепина (дело было в дачной местности Люблино близ Москвы летом 1866 г.), Федор Михайлович сказал в его честь такой экспромт:

По дороге по железной
Шел племянник мой Карепин.
Человек бесполезный
И собой великолепен!

В этом четверостишии опять-таки чувствуется намек на потешную внешность Александра Петровича.

Следующее стихотворение Федора Михайловича почему-то особенно сильно задело А.П. и окончательно вывело его из себя:

Полночь. В Павловской больнице
Слышен храп, порой чиханье,
И не спит в своей светлице
Лишь сверхштатный доктор Саня⁶.
Куча блох его кусает,
Но не тем лишь мучим он,
Голова его пылает,

⁵ Здесь Достоевский намекает на то, что Карепин был лишен музыкального слуха и вообще был крайне немусыкален. – *М.И.*

⁶ Все близкие родственники обычно звали Карепина Саней. – *М.И.*

Полна жгучих, тяжких дум:
«Обучен в университете,
Все катары я лечил⁷
И в больничной сей палате
Не без пользы послужил.
Только б в штатные мне место,
Да холеру б Бог послал,
Уж всегда б нашлась невеста⁸,
Только сам-то будь удал!» —
Наш Карепин прокричал.
Фельдшера тут все сбежались,
А больные испугались.
Вот выходит Левенталь⁹
С прутом длинным, длинным, длинным:
— «Это ви сейчас кричалъ
Таким образом бесстыдным?»...

Стихотворение так и осталось незаконченным вследствие агрессивного поведения Александра Петровича, душевная кротость которого сочеталась с большой возбудимостью и раздражительностью; чуть не с кулаками, наполовину в шутку, наполовину всерьез, он готов был начать драку с Ф.М. Чтобы утешить своего племянника, он тут же сказал ему экспромт совсем другого содержания:

Как бы общество ни было
Молчаливо и грустно,
Миг — печаль его уплыла,
Только Саню принесло.
Отчего ж сие явление,
Отчего улыбки, смех?
Саня! Ваших всех хотений
Я пророчу вам успех!

Александр Петрович действительно утешился этим экспромтом, и мир был немедленно восстановлен.

Карепин в то время, когда он приезжал гостить к нам на дачу в Люблино (лето 1866 г.), не был еще женат, но все время мечтал об идеальной невесте, которая ему рисовалась обязательно стриженной и не старше 16 лет¹⁰. Невесту эту он заранее ревновал ко всем. «Дети у меня, — говорил он, — будут чистокровные Карепы»... Он очень не любил эмансипированных женщин и говорил о том, что его жена будет далека от всех современных идей о женском равноправии и труде.

⁷ Почти у каждого больного Александр Петрович находил катар. — *М.И.*

⁸ Очень больное место А.П. Карепина. — *М.И.*

⁹ Доктор А. Левенталь, старший врач Павловской больницы. — *М.И.*

¹⁰ Женился он значительно позже, уже в возрасте более 60 лет. Будучи крайне ревнивым, боялся и избегал с кем бы то ни было знакомить свою жену. — *М.И.*

В то время как раз все зачитывались романом Чернышевского «Что делать?», и Карепина дразнили, предрекая его жене судьбу героини романа. Достоевский заявил ему однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы особые поезда. Карепин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту. Как-то раз Достоевский предложил устроить импровизированный спектакль — суд над Карепиным и его будущей женой. Федор Михайлович изображал судью: в красной кофте одной из сестер Ивановых, с ведром на голове, в бумажных очках. Рядом сидел и записывал секретарь, Софья Александровна Иванова, и Карепины — муж и жена, как подсудимые. Федор Михайлович говорит блестящую речь в защиту жены, которая хочет бежать в Петербург и учиться шить на швейной машинке. В результате он обвиняет мужа и приговаривает его к ссылке на Северный полюс. Карепин сердится, бросается на Достоевского. Занавес опускается — первое действие окончено. Второе действие — на Северном полюсе. Кругом снег из простынь и ваты. Карепин сидит и жалуется на свою судьбу. Достоевский в виде белого медведя подкрадывается и съедает его.

Подобные инсценировки устраивались очень часто. Однажды в шутку разыгрывалась «Черная шаль» Пушкина. В другой раз устроена была торжественная процессия, сопровождающая Магомета II — доктора Карепина. Вся молодежь отправилась из Люблина в Кузьминки с боем в медные тазы, со свистками и пр. Вызвана эта забава была шутками Достоевского над Карепиным; Федор Михайлович начал серьезно уверять его, что он «манкирует своей карьерой», что звание доктора слишком для него ничтожно и что он мог бы занять более высокое положение. На вопрос Карепина, кем бы ему сделаться, Достоевский предложил ему назваться Магометом II. По этому поводу был опять организован какой-то суд над Карепиным. Во время допроса Карепин показал, что ему 26 лет, по поводу чего судья — Достоевский предложил секретарю записать, что «подсудимый сбивается в показаниях», так как Магомет II, сын Магомета I, не мог быть в этом возрасте. Во время этой инсценировки Карепин сказал какую-то дерзость одной из девиц, за что был приговорен к временному повешению: его подвесили на дереве на полотенцах под мышки.

(Записано М.В., В.Н.; Поездка в Даровое. С. 140–142)

Ю.А. Иванов

Характерным для А.П. Карепина было его странное увлечение образом Дон-Кихота. Не удовлетворяясь переводами, он изучил испанский язык лишь для

того, чтобы прочесть Сервантеса в подлиннике. (Впрочем, при его удивительной памяти и лингвистических способностях изучение нового языка не составляло для него особой трудности.) Приезжая на дачу к Ивановым, он любил организовывать шуточные инсценировки рыцарских турниров, причем сам усаживался на какую-нибудь клячу, брал в руки деревянную палку, игравшую роль копья, и с удовольствием изображал любимого им героя.

(Записано М.В.)

В.М. Иванова — дочери Софье
Без даты

Саша просит тебя привезти Дон-Кихота твоего на французском языке.
(НИОР РГБ)

Ф.М. Достоевский — жене
2.I.1872. Москва

Где встречала Новый год? Я, разумеется, у Верочки. Был Саша Карепин, и было довольно забавно.

(ПСС. Т. 29, С. 223)

360. [Обрицкая Мария Александровна]

[Ок. 1874 — после 1911]. Жена предыдущего. По национальности полька, [дочь отставного подполковника. (О ней и ее сыне — по: ЦИИМ. Ф. 4. Оп. 10. Ед. хр. 894. Лл. 20–25; РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 70).]

361. Карепина, по мужу Смирнова Мария Петровна (1842 — [после 1893])

358 / 33

В.М. Карепина — брату Андрею
1855

Машенька очень хорошо играет на фортепьяно: у нее большие способности.
(ИРЛИ)

Ф.М. Достоевский — сестре Варваре
12.XI.1859. Тверь

Целую у Машеньки ручку. К моему приезду она, верно, выучит что-нибудь хорошенькое.

(ПСС. Т. 28, С. 377)

М.А. Иванова

Нет... способностей к музыке у Марии Петровны не было. Как в характере, так и в игре ее всегда чувствовалась какая-то дубоватость. Между прочим, таково же было мнение о ней и Н. Рубинштейна.

(Записано М.В.)

О.А. Иванова

Варвара Михайловна насильно заставляла свою дочь Марию играть на рояле, что та делала очень неохотно, только подчиняясь воле матери.

Про Марью Петровну тоже можно сказать, что она была со странностями.
(*Записано М.В.*)

362. Смирнов Василий Христофорович

(? — V.1873). Муж предыдущей, приблизительно с 1861—1862 г.

М.А. Иванова

Человек очень хороший, порядочный и всеми уважаемый, он неожиданно сделался объектом самой непримиримой и для нас совершенно непонятной антипатии, вернее, ненависти со стороны Достоевского. Почему-то Федор Михайлович был убежден, что Смирнов горький пьяница, хотя тот не пил даже наливки. Считая, что Смирнов скрывает свой порок, Федор Михайлович, по-видимому, желая изобличить его, писал где придется: «Здесь был Василий Христофорович Смирнов и все время хлестал водку». Так, например, такие надписи (теперь уже, конечно, закрашенные) были им сделаны на известной беседке Миловид над Царицынским прудом под Москвой. В конце концов, когда он такую же надпись выпарапал на нашей деревянной чайнице-шкатулке, которая обычно ставилась на стол во время чая, и надпись эта была замечена В.Х. Смирновым, тот очень обиделся и не приходил к нам после этого целый год.

Кроме пьянства Федор Михайлович подозревал еще Смирнова в карьеризме, считая, что тот женился на Марии Петровне, польстившись на ее деньги.

Свою глубокую антипатию к Смирнову Достоевский выразил еще тем, что вывел его в «Преступлении и наказании» в образе Лужина.

В заключение скажу еще раз, что мне лично Смирнов всегда представлялся очень хорошим человеком.

(*Записано М.В.*)

363. Карепина Елизавета Петровна

358 / 33

В.М. Карепина — брату Андрею
1847

Я писала тебе о ее болезни, что она у нас ничего почти не понимает и перестала вовсе говорить.

1849

...С нею сделался припадок, так что вся почернела и пена у рта, теперь она здорова, и в том же положении, как ты ее видел.

1854

Лизе у нас ничего нет лучше: все так же кричит.

Лиза все в том же положении, все так же не понимает и ничего не говорит.
(*ИРИИ*)

А.М. Достоевский

<Приехав в Москву,> я нанял извозчика прямо на Петровский бульвар к сестре Варваре Михайловне <...> незнакомая мне прислуга заявила, что Варвара Михайловна с обоими детьми куда-то выехала, должно быть, к сестрице Вере Михайловне, а что дома только больная барышня Лизавета Петровна, которая с няней сидит в своей комнате. Я не хотел первого родственного человека в Москве встретить – несчастную идиотку, а потому, не входя к Лизе, которая во всяком случае ничего бы не поняла, отправился обратно к извозчику и велел себя везти в Лефортово к Александру Павловичу Иванову, адрес которого у меня был.

(Воспоминания. С. 251)

364. Карепин Петр Петрович 358 / 33
(1847—1847(48?)). Жил всего пять месяцев.

365. Карепина София Петровна 358 / 33
(1848—1850). Умерла от коклюша.

Поколение пятнадцатое

366. Карепин Владимир Александрович 359 / 360
(24.II.1901, Варшава – после 1911).

367. Смирнова Екатерина Васильевна 362 / 361
(1864—?)

368. Смирнова Анна Васильевна 362 / 361

369. Смирнов 362 / 361
(1867—?)

370. Смирнов Владимир Васильевич 362 / 361

371. [Шестой] внук или внучка В.М. Карепиной 362 / 361

Изо всех представителей рода Достоевских, с которыми удалось вступить в контакт М.В. Волоцкому, никто не мог сообщить каких-либо сведений о дальнейшей судьбе потомков В.М. Карепиной.

Глава VIII

ВЕТВЬ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО*

Поколение тринадцатое

34. Достоевский Андрей Михайлович

15 / 139

(15.III.1825, [Москва] — 7.III.1897, [Петербург]). Учился, как и старшие братья, в пансионе Л.И. Чермака в Москве; не заручившись протекцией, потерпел неудачу на экзаменах в Главное инженерное училище в Петербурге и поступил в Училище гражданских инженеров (Строительное училище), которое окончил в 1848 г.] Служил архитектором сначала на юге России, а затем в Ярославле, [в отставке по болезни с 11 декабря 1890 г. Статский советник.]

Автор воспоминаний о детстве Федора Михайловича и обо всей своей семье.

Умер от рака [легких. Похоронен на Смоленском православном кладбище в Петербурге рядом с сыновьями и дочерью Варварой.]

А.М. Достоевский

...Брат <Михаил> заявил тетушке, что, по его мнению, мне не следовало бы поступать в университет, а нужно бы меня отправить в Петербург для приготовления к поступлению в Главное инженерное училище, где учится и брат Федор <...> я мог бы жить у брата Федора, который и приготовил бы меня к поступлению <...> я был не очень доволен этим решением, потому что мысль об университете, столь мне симпатичная, этим решением совершенно рушилась <...> я успокоился на соблазнительной перспективе жить в Петербурге...
(Воспоминания. С. 121–122)

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
22.XII.1841. Петербург

Андрюша болен <тифом>; я расстроен чрезвычайно. Какие ужасные хлопоты с ним. Вот еще беда. Его приготовление и его житье у меня вольного, одинокого, независимого, это для меня нестерпимо. <...> Притом у него такой странный и пустой характер, что это отвлечет от него всякого...
(ПСС. Т. 28, С. 79)

А.М. Достоевский

<Брату Федору экзаменаторы> прямо сообщили, что, хотя отметки у меня и приемные, но что я далеко остался за флагом, ввиду того, что экзаменующихся было гораздо

* Глава подготовлена Н.Н. Богдановым, Б.Н. Тихомировым и Е.В. Новожиловым.

более, чем вакансий <...> в силу этого брату сказали, чтобы он не трудился присылать меня для экзаменов по прочим предметам...

Соображая все это, невольно прихожу к убеждению, что я оторван был от пансиона Чермака и потерял целый год даром в Петербурге, заведомо для братьев, единственно в виду их денежных расчетов, потому что, как я узнал впоследствии, дядя сообщил брату Федору порядочную сумму денег за мое годовое содержание и приготовление, и что за сумму эту меня можно было бы поместить для приготовления к любому из Коронадов Филипповичей. Да! Коронады Филипповичи – великое зло, которое существует и теперь, при всех конкурсных экзаменах в различные технические заведения, и зло это будет существовать всегда...

(Воспоминания. С. 132, 134)

Весной 1849 г. Андрей был по ошибке арестован по делу Петрашевского.

М.М. Достоевский — брату Федору
1.X.1849

На прошлой неделе я проводил Андрюшу в Елисаветград...

Я очень рад, что Андрюша уехал. Кроме того, что место его прекрасное, он наконец привыкнет жить своим умом. Ты не поверишь, как слаб он сердцем.
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 29. Лл. 15, 16)

Ф.М. Достоевский — А.Н. Майкову
17 (29) IX.1869. Дрезден

Брат Андрей Михайлович довольно в далеких со мной отношениях (хотя и без малейших неприятностей).
(ПСС. Т. 29¹. С. 65)

В.М. Иванова — брату Николаю
Б/д

В бытность мою в Москве у Варвары Михайловны я встретила, как бы ты думаешь, кого? Блатца Андлюшу¹. После долгих и жарких поцелуев он в разговоре упомянул, что едва ли кто из семейства Достоевских любит так своих лодных, как он, Андлей Михайлович. Я чуть-чуть не наговорила ему разных любезностей

¹ А.М. Достоевский не выговаривал буквы «р». – М.В.

на его такие наглые слова, а кажется, улыбнулась довольно иронически, потому что он сейчас сказал: «кто хочет, пусть не верит». Вот баба-то лстыуха, уж молчал бы.

(НИОР РГБ)

С.Д. Яновский

Об отце Федор Михайлович решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать, а также мало говорил о брате Андрее.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 233)

А.М. Достоевский

<В Симферополе> у нас устроились еженедельные литературные вечера, на которые собирались колонисты, а иногда и кто-нибудь из посторонних. Но, собственно говоря, нас, хозяев-распорядителей, было пятеро: трое колонистов, брат Мих<аил> Иванович² и я. Каждый из нас по очереди ко дню вечера должен был приготовить что-либо новенькое для прочтения из выходивших тогда журналов, конечно, прочитав назначенную статью предварительно сам. Труд и умение состояли, конечно, только в том, чтобы выбрать статью и нескучную, но при том и дельную. И беда и стыд предстоял дежурному хозяину, ежели предложенная им статья бросалась недочитанною на вечер!

(Воспоминания (рукопись). Квартира VII)

Ф.М. Достоевский — брату Андрею
6.VI.1862. Петербург

Я помню, дорогой ты мой, помню, когда мы встретились с тобой (последний раз, кажется) в знаменитой Белой Зале <III Отделения>. Тебе тогда одно только слово стоило сказать кому следует, и ты немедленно был бы освобожден как взятый по ошибке вместо старшего брата. Но ты послушался моих представлений и просьб: ты великодушно вникнул, что брат в стесненных обстоятельствах; что жена его только что родила и не оправилась еще от болезни, — вникнул в это и остался в тюрьме, чтоб дать брату приготовить к тому жену <...> если ты уж раз так поступил, так великодушно и честно, — стало быть, не мог и я забыть тебя и не вспомнить о тебе как о честном и добром человеке. А ты сверх того доказал, что и любишь меня. Ты писал мне в Семипалатинск и даже помогал мне.

(ПСС. Т. 28₂. С. 24)

Н.М. Достоевский — брату Андрею
18.XI.1862 <Петербург>

...Все тебя очень часто вспоминают, и не далее, как вчера, в день твоего ангела, у брата Мих-Миха, где первый начал тост за твое здоровье брат Федя и все дружески приняли его и залпом осушили рюмки с *шато-лафит*...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 387)

² Михаил Иванович Федорченко (1832–1884) – брат жены А.М. Достоевского. – *Ред.*

Родственные воспоминания Достоевских

Точность и аккуратность были ему свойственны в высшей мере. Очень вспыльчив, но отходчив. Горяч в разговорах и особенно в принципиальных спорах. Добрейший человек, бесребренник, идеалист. Сильно развитое чувство долга.

(Записано А.Д.)

А.А. Достоевский, сын

Отец мой отличался большою точностью и аккуратностью, так что все данные, приведенные из его воспоминаний, я считаю безусловно верными.

(Письменные характеристики. М.В.)

В.А. Савостьянова, дочь

Пунктуальность Андрея Михайловича особенно хорошо проявлялась в его любви к женским рукоделиям. Очень любя вязанье, он, однако, делал это совсем не так, как обычно работают вязальщицы. Прежде чем приступить к самому вязанью, он исписывал целые листы бумаги столбцами цифр, вычисляя, сколько петель и какого цвета будет сделано в различных направлениях. Вообще, его система вязанья и та пунктуальность, с которой он этим делом занимался (главным образом последние годы жизни, уже после выхода в отставку), несомненно, характеризовали его как необыкновенно аккуратного человека. Своей любовью к вязанью он заразил и некоторых своих домашних, которые также работали по его системе.

(Записано М.В.)

И.Я. Поташев

Младший брат писателя исполнил большое количество казенных, церковных и частных построек в различных местах России. Но основная часть его трудовой деятельности была отдана ярославскому краю. Здесь он прослужил четверть века, с 1865 по 1890 г., сначала в должности губернского архитектора, а затем губернского инженера, руководителя строительного отделения Ярославского губернского правления...

Когда А.М. Достоевский прибыл 26 августа 1865 г. в Ярославль, за его плечами был уже семнадцатилетний опыт строительства различных сооружений: как составления проектов и смет на многочисленные объекты, технического руководства строительством, так и руководства ремонтом и реставрацией.

После отмены крепостного права в Ярославле и губернии развернулось большое промышленное и гражданское строительство. В семидесятые годы Андрей Михайлович про-

ектирует здания заводов (винокуренного, картофельно-паточного, трех лесопильных, картофельно-терочного), мукомольной мельницы. В 1880 г. им составлен проект здания спичечной фабрики для купца И.Н. Дунаева в городе Ярославле. В 1883 г. по его проекту надстроен второй этаж корпуса ткацко-льняного производства товарищества Меленковской льняной мануфактуры близ села Кормилицына на реке Которосли (теперь это <поселок> Красные Ткачи – 2). В том же году утверждается его проект каменного здания белильного заведения для отбеливания льняных тканей купца В.Г. Маругина вблизи деревни Степановой на реке Которосли, в трех верстах от села Великое. Для купца П.А. Сакина в 1888 г. Достоевский спроектировал каменное двухэтажное здание ткацкой фабрики между селом Карабиха и деревней Нагатино (теперь это Красные Ткачи – 1). В 1882 г. разработал проект химического завода близ города Романов-Борисоглебска для товарищества В.Д. Шипова и К^о; спроектировал каменное здание чугунолитейного и механического завода для инженера-механика П.А. Федосеева в Ярославле (в дальнейшем это предприятие числилось принадлежащим московскому купцу А.А. Ганшину).

Помимо этого Андрей Михайлович принимал участие в проектировании и наблюдении за строительством различных церковных построек. Так, в 1867 г. был утвержден его проект на расширение трапезной и постройку колокольни при теплой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Ярославле. В 1888 г. Достоевский составил проект новой колокольни при храме Успения Богородицы в торговом селе Закобякино Любимского уезда. В 1882 г. – проект перестройки каменной часовни в церковь с устройством небольшой колокольни в селе Мало-Богородское Мышкинского уезда. В 1886 г. был утвержден составленный Достоевским проект каменной церкви Рождества Богородицы в селе Брейтово Мологского уезда. В 1887 г. составлен проект каменной колокольни при церкви Св. Жен-мироносиц в селе Дмитриевском Пошехонского уезда.

А.М. Достоевский много потрудился для улучшения дела народного образования в ярославском крае. Он руководил реконструкцией Демидовского лицея (в период его преобразования в юридический), женской Мариинской гимназии, а также дома призрения ближнего.

Принимал он деятельное участие и в реставрации древних памятников архитектуры Ярославской губернии. Так, при восстановлении Ростовского кремля (1888) А.М. Достоевский был избран членом ярославского комитета для заведования кремлем и осуществлял техническое руководство реставрационными работами. Когда началось восстановление древнейшего памятника гражданского зодчества – палат царевича Дмитрия в Угличе, то губернский инженер Достоевский вошел в комиссию по их реставрации.

(Ярославские зодчие // Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 100–103)

Л.Ф. Достоевская

Семья Достоевских вела себя очень странно: вместо того чтобы гордиться тем, что их брат — гений, они в гораздо большей степени ненавидели его за его превосходство. Только дядя Андрей гордился литературным талантом старшего брата; но жил он в провинции и редко бывал в Петербурге.

(Достоевский в изображении дочери. С. 96–97)

Ф.М. Достоевский – брату Андрею
10.III.1876. Петербург

Тебе одному, кажется, досталось с честью вести род наш: твое семейство примерное и образованное, а на детей твоих смотришь с отрадным чувством. По крайней мере, семья твоя не выражает ординарного вида каждой среды и середины, а все члены ее имеют благородный вид выдающихся *лучших* людей. Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременного и высшего стремления в *лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения. Ты эту самую идею в созданной тобою семье твоей выражаешь наиболее из всех Достоевских.

(ПСС. Т. 29₂. С. 76)

В.А. Савостьянова

<При встрече с Федором Михайловичем зимой 1875–1876 гг.> они вдвоем долго разговаривали о своей жизни и говорили сердечно и душевно, а мне отраднo было слушать их, так как я чувствовала, что они были высококультурны. Дядя говорил: «Ты счастлив, брат. А мне уже не придется дожить до взрослых детей». <...> я в первый раз была при свидании двух братьев, которых соединяла и любовь, и единоподушие, уважение, которые высказывал мой папа к своему любимому и старшему брату. И всегда он к нему относился так любовно и с уважением; всегда восторгался его романами, читал их, ходя по комнатам (у нас не было закрытых дверей), и вот из гостиной в залу, к окнам и опять к своему столу мирно ходил папа и читал; а когда подросток Саша <...> стал было спорить с папой о достоинствах нового романа, кажется, это были «Бесы», – Боже мой, как волновался и горячился папа! Как яростно он защищал своего брата от нападков молодежи...

(Достоевский в забытых. С. 214–215)

Е.А. Рыкачева – отцу
30.I.1881. Петербург

Мы с Сашею тут же решили известить Вас телеграммою о смерти дяди, боясь, чтобы газетное известие не подействовало на Вас очень сильно. Теперь же я ужасно боюсь, как подействует на Вас неожиданная телеграмма. Молю Бога, чтобы Он подкрепил Вас и дал Вам силу и крепость. <...> Саша тотчас же ушел и сказал, что пойдет дать Вам телеграмму, а я осталась и теперь ужасно досаую на себя, что не переговорила с ним – как и когда мы свидимся, чтобы узнать, как он редактировал телеграмму...

(Материалы и исследования. Т. 1. С. 290)

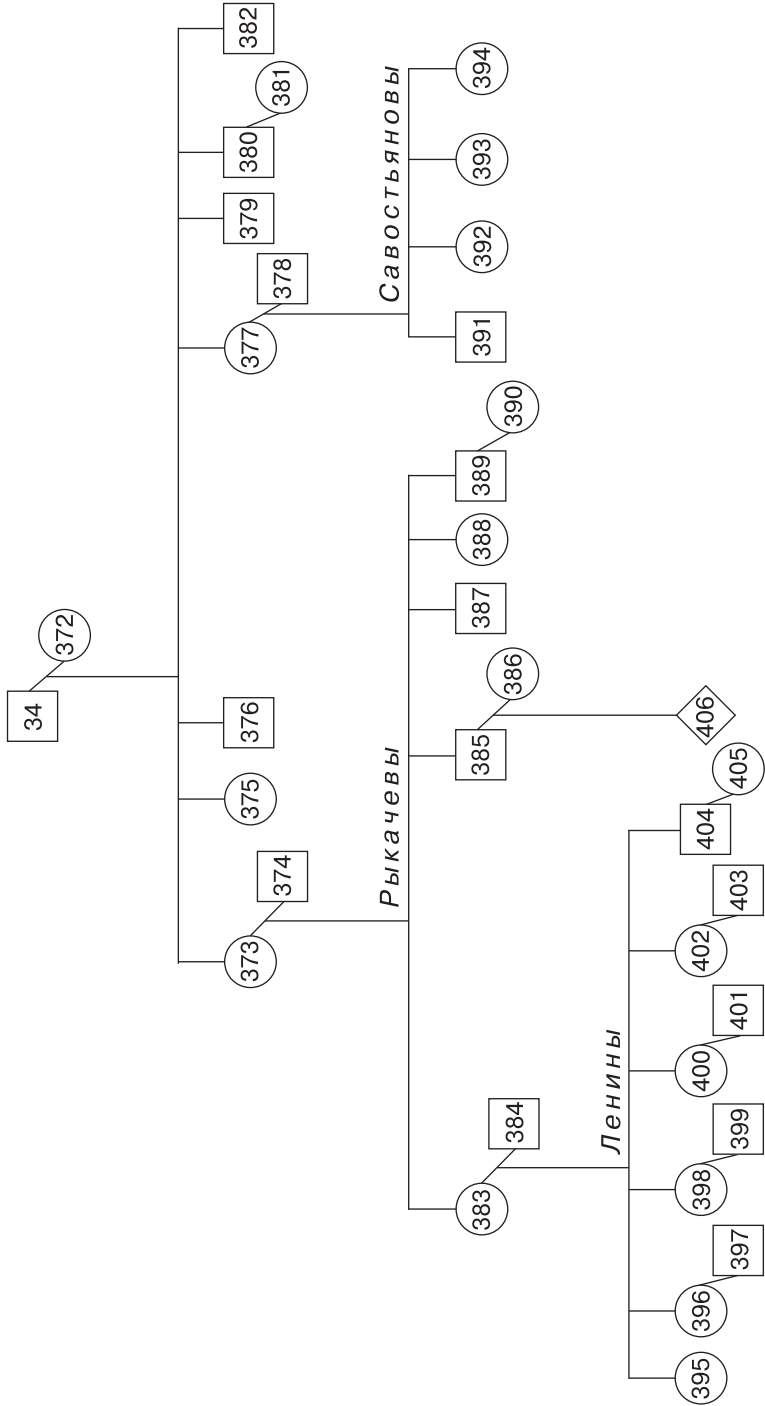
А.М. Рыкачев
Дневник 1890–1892 гг.
15.IV.1891

Приехал дедушка, и какой у него бодрый вид, гораздо бодрее, чем в прошлом году. Он ведь вышел в отставку и с тех пор ведет регулярный образ жизни: утром работает над приведением в порядок своей переписки и библиотеки, потом гуляет, не носит халата, не спит после обеда.

(Русское прошлое. С. 208)

ПОТОМСТВО АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

13 поколение	14 поколение	15 поколение	16 поколение
-----------------	-----------------	-----------------	-----------------

Е.А. Рыкачева – отцу
16.II.1896. Утро. Петербург

Родной мой, так как Вы чувствуете слабость – не обратиться ли Вам к доктору, чтобы он дал Вам чего-либо подкрепляющего?

2.VIII.1896

Вы опять уменьшились в весе...

27.IX.1896

Грустно мне, что слабость не покидает Вас!
(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 55. Л. 12. Ед. хр. 58. Лл. 6, 38)

А.М. Рыкачева – деду
12 (24) IX.1896. Париж

Очень грустно нам было узнать, что ты до сих пор еще не совсем поправился, но, даст Бог, это скоро пройдет, ведь доктор ничего серьезного у Тебя³ не находит...
(Там же. Ед. хр. 48. Л. 15)

372. Федорченко, по мужу Достоевская Домника Ивановна

([8.I] 1825, [Богуслав Киевской губернии] – [8.II] 1887, [Ярославль]). Жена предыдущего с 16 июля 1850 г. [Дочь секретаря при Елисаветградской городской думе и строительном комитете.] Умерла от болезни спинного мозга. [Похоронена на ярославском Леонтьевском кладбище; могила сохранилась.]

А.М. Достоевский

<Ивана Прокофьевича Федорченко я,> к сожалению своему, не застал дома, а потому, передав свою визитную карточку, отправился домой. За это, как впоследствии узнал, был обозван барышнями тюфяком и провинциалом, потому что, по их мнению, не застав дома хозяина, я должен был отрекомендоваться молодым хозяйкам. А барышень в этом доме было три <...> Народ все отменно веселый и помыть косточки ближнего любящий и весьма способный. Могу себе представить, в особенности по их впоследствии рассказам, как подняли они меня на зубок, тем более что давно поджидали меня с визитом...

Я помню, что первое впечатление, произведенное на меня этими молодыми девицами, было вовсе не такое, чтобы я мог предположить, что в скором времени я буду женихом, а впоследствии и мужем одной из них! <...>

<Старшая дочь Домника> была девушка чрезвычайно симпатичная, очень недурная собою и на вид гораздо моложе действительных своих лет. Ей было в то время 25 лет, а казалось на вид никак не более 20-ти. Хотя она и не получила серьезного образования, но была очень умна, много читала и читала с толком и с разбором и тем самообразовала себя! Характер у нее был очень живой и веселый, и я и впоследствии, и даже теперь часто вспоминал и вспоминаю о ее неподдельном хохоте и смехе, раздававшемся очень часто... И это были хохот и смех не насилованные – не деланные, а прямо порождаемые молодым

³ Интересно отметить, что дети и внуки А.М. Достоевского, вспоминая о нем или обращаясь к нему в письмах, чаще всего пишут «папа», «дедушка» и «ты» с большой буквы. Вместе с тем иной раз даже «Бог» второпях может быть написан с маленькой. – Н.Б.

веселым характером! Отрадно и весело было смотреть на нее и слушать ее! <...> <Во время Великого поста> я постоянно ходил в собор, где постоянно встречался и с Федорченками,... провожал их до их дома и всегда был приглашаем на стакан чаю. Но этот стакан чаю всегда продолжался часу до 1-го ночи...

В первые же дни своего жениховства я был посвящен своею невестою во все подробности ее предшествующей жизни. – Подробности очень неказистой и невеселой ее юности и молодости. Во-первых, начать с того, что Домника уже прежде меня имела жениха, с которым была помолвлена, который очень любил ее и к которому и она питала любовь и привязанность. <...> Этот жених ровно за год до моего сватовства от злейшей чахотки умер в Елисаветграде <...> <Во-вторых, в 10 лет она лишилась матери.> Отец их овдовел 32–33 лет, не хотел из любви к детям навязать им мачеху и потому и остался вдовцом. <...> Жизнь троих детей со старухою бабушкою, при отце постоянно занятом служебными делами, была очень неказиста. К тому же материальные средства этой семьи в первое время были очень незначительны, так что ежели все они и не бедствовали, то есть не терпели крайней нужды, но все-таки отец при всем своем желании не в состоянии был отдать девочек в пансион (гимназий, конечно, тогда не было нигде), о чем постоянно сетовал и впоследствии. С 15-летнего возраста Домника заболела, кажется, простудилась после первой показавшейся у ней регулы, и страдала отсутствием этой регулы, кажется, до 20–21 года. Недуг был столь значителен и серьезен, что временами у нее отнимались ноги и ее носили, как маленького ребенка. Кроме того, дурноты и обмороки преследовали ее почти постоянно. Доктора испытali все средства – но все напрасно. Тогда старушка бабушка (Федорченко) сказала «Плюнь, сердце, на всех дохтуров, и пойдем пешком молиться Богу в Киев. И, дождавшись первой весны, действительно, большой компанией пошли в Киев, а сзади для устающих и для поклажи ехала пароволовая арба. Это путешествие по самому прямому пути более 300 верст и в оба конца более 600 верст. Прекрасная весенняя южная погода, усиленный моцион действительно исцелили больную, и по обратному пути домой недуг был переломлен...

(Воспоминания (рукопись). Квартира VI)

Д.И. Федорченко – будущему мужу⁴
1850. Елисаветград

Милый А...! Приходи скорее, со мною ужасное несчастье случилось. Эти три часа меня измучили совсем... Да, вот еще что, если хоть минуту опоздаешь, так не застанешь кофе. Твоя до вечера Д. Федорченко.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 27. Л. 1)

А.М. Достоевский

День 20-го июля (Ильин день) памятен для меня <...>. С этого дня моя дорогая Домника сделалась моею женою – *фактически*. – Как?... Что?... спросят нынешние зоилы, после Таинства брака только на 5-й день состоялся фактический брак?!.. Да очень просто, отвечу я,.. я очень любил свою молодую женушку,.. а она бедная относилась с каким-то болезненно-нервным трепетом к ожиданию ей неведомого предстоящего!.. а потому я

⁴ Приписка А.М. Достоевского: «Это письмо есть первое, которое я получил от милой моей Домники в 1850 году, еще бывши женихом». – Н.Б.

счел необходимым сдерживать свои страстные порывы до более благоприятного времени... Мы ежегодно справляли годовщины своей свадьбы, и, отпраздновав день 16-го июля, я постоянно на 20-е приветствовал Домнику, и помню, что в первый же год, т.е. в 1851 году, она, целуя меня с улыбкой – сказала: «Ты как гоголевский Городничий, празднуешь на Антона, а не забываешь и Онуфрия!»... С тех пор и до самого последнего времени я 20-го июля постоянно приветствовал свою Домнику с Онуфрием, и мы понимали друг друга!

(Воспоминания (рукопись). Квартира VI)

Ф.М. Достоевский – брату Андрею
6.VI.1862. Петербург

Жена твоя тоже приветствовала меня как брата.
(ПСС. Т. 28₂. С. 24)

А.М. Достоевский

...Тетушка <Александра Федоровна Куманина> спрашивала у меня, есть ли у моей жены *Камушки*, я сперва не понял, про какие камушки спрашивает она, но узнав, что она понимает бриллианты, – ответил, что у жены моей таковых камушков нет. И вот тетушка <...> презентовала мне для передачи от нее Домнике серьги. <...>

...Первыми нашими знакомыми <в Симферополе> были, конечно, учителя гимназии, как товарищи брата Михаила Ивановича. Учитель законовещения <...>, только что вышедший из студентов. Добрый и отзывчивый на все хорошее молодой человек, он был очень любим в нашем кругу и особенно часто, бывало, вел беседу с покойной женой моей, которая очень любила с ним покозировать.

(Воспоминания (рукопись). Квартиры VI, VII)

Д.И. Достоевская – мужу
II–III.1860. Симферополь

Милый и дорогой друг Андрюша! Спешу уведомить тебя о неожиданной новости, которой, я думаю, и ты удивишься, как я вчера была удивлена. Во время обеда (у нас в это время обедали Миша и Н.П.⁵) приходит из комиссии чиновник и дает мне лист печатной бумаги, и, указывая на одно место, говорит: «Извольте вот это прочесть». Я так этим встревожилась, что не могла ничего прочесть. Миша видит, что я переменилась в лице, взял от меня бумагу и прочел вот что: из Главного управления прислан приказ в комиссию, что ты назначен исправляющим должность губернского архитектора в Екатеринославскую строительную комиссию. Не знаю, какое на тебя произведет впечатление это неожиданное назначение! Приезжай поскорее домой, потолкуем вместе. Я знаю только то, что это нам стоить будет больших денег... Одно меня утешает, что ты будешь там на одном месте⁶. Приезжай поскорее, оставь все твои мосты другому доканчивать и скажи прости Бердянску и Мелитополю, а думай уже об Екатеринославе!.. Вот распоряжаются нашею судьбою! Каково-то нам там будет!

(Воспоминания (рукопись). Квартира VII)

⁵ Иляшевич, по мужу Федорченко Надежда Павловна (1840 – после 1877), жена Михаила Ивановича и, соответственно, невестка Домники. – *Ред.*

⁶ То есть закончатся командировки. – *Ред.*

А.М. Достоевский

<В Курске> мы, сделав 118 верст, ввалились на станцию довольно уже поздно, и, напившись чаю, я только что начал дремать, как был разбужен Домникой: «Андрюша, – говорила она мне, – проснись, голубчик, кажется, близко пожар, не опасно ли?..» Я проснулся и подошел к окну, и вижу, действительно, как будто зарево; но осмотревшись лучше, я громко засмеялся. «Да ведь это заря», – сказал я. «Как заря? Какая заря может быть в 1-м часу ночи?..» «Да, заря, – отвечал я, – ведь мы придвинулись уже к такой северной широте, в которой заря в летние месяцы бывает во всю ночь; вот погоди, в Петербурге и не то увидишь!» Домника долго не верила и смотрела до тех пор на зарю, пока стало видимо светать. Тогда только и она улеглась на отдых.

(Воспоминания (рукопись). Квартира IX)

Родственные воспоминания Достоевских

Мнительна в отношении благополучия близких. Несколько подозрительна к людям. Очень добрая. Из-за болезни спинного мозга последние три года жизни провела в кресле, не будучи в состоянии ходить.

(Записано А.Д.)

Поколение четырнадцатое

373. Достоевская, по мужу Рыкачева Евгения Андреевна **34 / 372**
([10.X.1852, Елисаветград Херсонской губ., ныне Кировоград] – 22.XI.1919, [Петроград]). Окончила гимназию с золотой медалью.]

Умерла от истощения и перенесенных семейных потерь; конечная причина смерти – воспаление легких. [Похоронена на Смоленском православном кладбище вместе с мужем.]

А.М. Достоевский

...Воротившись в спальню, я узнал что Бог дал нам дочку, которая, обвитая пуповиной, как змеей, с черными длинными волосенками, лежала без всякого призрения и издавала крепкие и сильные крики, как бы протестуя о невнимании к ней!!! <...> Она показалась мне сильной брюнеткой и была таковою некоторое время!..

Часа через полтора <после рождения> т.е. около 3-х часов утра Домнике позволено было заснуть. Ребенка положили, спеленатого и укутанного в одеяльце и покрытого кисейкою, тут же на постели в ногах у мамы,.. и даже акушерка, видя все исправным, удалась в назначенную ей комнату на ночлег. Я тоже ушел на кушетку в соседнюю комнату... но мне не спалось, мысль, что я уже отец,.. меня и радовала, и волновала!.. Через полчаса я не утерпел и на цыпочках вошел опять в спальню... Но что же я увидел?!.. Мне кажется, что сильный панический страх отнял у меня голос! да и к счастью, а то бы я вскрикнул и, верно, напугал бы Домнику!.. Над ребенком, как я выше сказал, покрытым кисейкой, сидела с преподнятою лапою громадная черная кошка, как бы принаравливаясь схватить и придушить ребенка!!!! Не помню, как схватил я кошку,.. выбежал как сумасшедший в сени

и тут чуть не убил ее!.. Не понимаю, как пробралась она в комнату. Ни я, ни Домника никогда не любили этих животных и никогда не допускали их в своих квартирах. Возвратясь в комнату, я обошел все углы, осмотрел, как говорится, все мышинные норки и, убедившись, что другой кошки не было, и сам на несколько часов заснул. Ночь, т.е. оставшиеся 2–3 часа до рассвета, все провели спокойно...

<Когда я уезжал в командировку,> Женичка малютка все писала мне письма и просила дедушку отправлять их на почту к папочке! <...> <В очередную отлучку в 1858 году> я писал между прочим Домнике из Мелитополя от 6-го ноября следующие строки, которые выписываю сюда: «Домника, пожалуйста, будь осторожнее с Женичкой, когда будешь учить ее, не уничтожь как-нибудь ее охоту, она очень самолюбива, я это заметил, а потому ежели и не так что-нибудь скажет, я, поправив

ее, всегда приговариваю: хорошо, хорошо, не давая ей заметить, что она сделала ошибку»... Выписку эту я сделал для того чтобы показать, как заботился я об занятиях Женни, ей едва только минуло 6 лет, а мы уже смотрели на нее как на большую! Так как я часто выезжал из дому, а Домника вообще тяготилась заниматься с Женичкой, то мы по совету брата Михаила Ивановича взяли для правильного обучения Женички учителя в лице гимназиста старшего класса симферопольской гимназии некоего г-на Пиотуха. <...> В эту поездку я пробыл в отсутствии почти целый месяц, т.е. до конца ноября. Возвращаясь домой, я в Мелитополе застал письмо на свое имя от Домники, несколько строк из которого ниже выписываю: «Женни постоянно спрашивает: где-то теперь наш папочка?.. его бедненького дождь мочит; а сегодня, когда я читала новое письмо ей вслух, она с таким вниманием слушала его, а потом начала плакать (где ты пишешь, что упал), и я едва-едва ее успокоила тем, что ты только запачкался в грязь... Женню я заставляю повторять то, что она знает, а нового урока еще и не начинали учить, да мне таки и некогда заняться с нею хорошенько, ты сам займешься с нею посерьезнее, она от тебя лучше поймет»... Но, как сказано выше, к концу ноября <...> для Женички был уже постоянный учитель <...> великопнейший малый, несмотря на свою юность, он был очень серьезный господин и так привязал к себе ученицу, что Женичка очень его любила. (Помнит ли она теперь своего первого учителя Пиотуха?..)

В начале же 1861 года я купил <...> рояль (кабинетный) совершенно новый и очень порядочный по тому времени, за 300 рублей. С этого времени Женичка стала учиться на фортепьяно. Учителем ее был некто г-н Воронец, местный и, кажется, единственный учитель музыки в Екатеринославе. Он ходил к нам два раза в неделю и уязвлял за урок по 1 рублю серебром, что по тогдашнему времени считалось порядочным гонораром. <...> <В конце зимы у восьмилетней Женички> открылись временами сильнейшие голов-

ные боли, которые <доктор> Бойченко прямо определил мигренем и заявил, что эта болезнь у Женички наследственная от матери. Итак, в феврале месяце 1861 года у Женни впервые открылась мигрень, которую периодически она страдает и донине...

Настал 1868 год, и мы с женою 2-го января, оставив детей дома на попечении близких знакомых, поехали в Москву и Петербург. <...> <За пять московских дней> успели получить от Женички два письма, которая писала нам ежедневно объемистые письма в виде своего дневника. <...> <Прибыв 8 января в столицу, в> этот же день мы получили телеграмму из Ярославля от детей, которую они по взаимному с нами уговору прислали в Петербург *до востребования*. <...> Приятно нам было получить эту весточку в день именин мамы! В Петербурге мы в этот приезд прожили восемь суток, <...> почти ежедневно бывали по утрам на Петербургской стороне у сестры Александры Михайловны Голеновской, чтобы получать письма от наших деток, которые адресовали письма Голеновским с передачею нам. *(Воспоминания (рукопись). Квартиры VI, VII, VIII, X)*

Со своим знаменитым дядей четырнадцатилетняя Женя впервые встретилась в 1866 г. на люблинской даче Ивановых.

А.М. Достоевский

...Я 9-го <июля> был свободен, и в этот день вместе с бабушкой Ольгой Яковлевной и Женичкой после раннего обеда – в коляске поехали в Люблино на дачу к сестре Верочке. <...> Там же застал и брата Ф<едора> М<ихайловича>, который <...> жил вместе с Ивановыми. Брат тоже принял меня отлично, и дорогу мою Женичку просто носили на руках! <...> по усиленной просьбе как всех Ивановых, так и брата Ф<едора> М<ихайловича> я оставил Женичку на несколько дней погостить в Люблине. *(Воспоминания (рукопись). Квартира X)*

Выйдя замуж и переехав в Петербург, Евгения Андреевна установила дружеские отношения с семейством Ф.М. Достоевского.

В.А. Савостьянова

В октябре, кажется, 1879-го, в день рождения Федора Михайловича, мы с сестрой поехали поздравить его. Сестра в эту осень была за границей с мужем, были в Париже на выставке. Дядя заметил, что на ней была старая шляпа, и он стал ее пенять за это. «Как же это быть в Париже и не купить себе новой шляпы, ведь это непростительно». Но вслед за тем он наговорил ей комплиментов насчет ее материнства – у нее уже было три ребенка... *(Достоевский в забытых. С. 215)*

Зимой 1881 г. Евгения Андреевна вместе с мужем и братом Александром принимала участие в похоронах писателя.

А.А. Достоевский

В характере живость, отзывчивость, доброта и твердое сознание долга. Удивительно владела своими нервами, не давая себе распускаться, несмотря на самые

тяжелые удары жизни. Энергичная; всегда при деле: по хозяйству, по обучению детей. Живо интересовалась научными работами своего мужа, а затем и детей и даже принимала в них участие. Образцовая и нежная мать семейства и, по мере подрастания детей, — их друг. В молодых годах очень хорошо пела.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.М. Рыкачев

Дневник 1890–1892 гг.

8.V.1891

Мама – женщина с великим, редким умом, с большой энергией, женщина, которая все свои способности употребляет для нашего воспитания. Она ходит в старом платье, но последние деньги отдает, чтобы нанять нам француженку.

Я не хочу описывать все прекрасные черты характера папы и мамы, потому что едва ли мог бы это сделать. Но мне кажется, что достаточно этих слов, чтобы напомнить мне, когда я буду перечитывать мой дневник, как бесконечно благодарен должен я быть папе и маме.

(Русское прошлое. С. 213)

Е.А. Рыкачева – отцу

2.I.1896. Утро⁷. Петербург

Спектакль наш <домашний> сошел благополучно. <Играли «Похищение Сильфиды» и «Мышеловку».> По отзывам всех, <дочь> Шура <у которой в первом спектакле была главная роль> играла очень хорошо. По окончании спектакля начались танцы, длившиеся до 6-го часа утра. Гостей было больше 100 человек. Я все время была в напряженном состоянии и следила за <...> сервировкою стола <...> и за тем, чтобы гости не остались без угощения. Маша Ставровская прозвала меня «полководцем». <...> Чтобы не замедлять сервировки чая и ужина, я наняла 3-х поденщиц – 2-х для мытья посуды, <а> одну девушку, чтобы служить в уборной у играющих, и <кроме того> 2-х обсерваторских служащих. <...> <Поданный после спектакля> ужин состоял из судаков под заливным, ростбифа и мороженого, а закуска – из сегов, сардин, сыра, селедок и прочее. Все ели да похваливали. Мне было только очень жаль, что брат Андриюша не мог быть на спектакле и приехал только во 2-м часу ночи, он так занят!

...Новый год мы встречали со своей семьей и с братом Андриюшею очень приятно. Пили за Ваше здоровье и здоровье дорогих Савостьяновых, к которым пишем сегодня же.

26.I.1896. Утро. Петербург

В среду утром мы были в Александро-Невской лавре на Панихиде по Федоре Михайловиче. Накануне мы получили печатное приглашение на нее. Мих<аил> Алекс<андрович> не мог быть, а мы с Шурией были. Там встретились с братом Андриюшею. <...> В церкви священник сказал прекрасную речь, зато на могиле речи были ниже всякой критики. Вся служба окончилась в II часа дня, и мы отправились домой. Анна Григорьевна с Любей были не особенно любезны. Возвратясь домой, я заметила, что приморозила себе немного нос.

⁷ Указание, помимо даты написания, еще и на время суток является характерной особенностью эпистолярный Е.А. Рыкачевой. – Н.Б.

2.II.1896. Утро. Петербург

Вы спрашиваете, дорогой Папа, отчего переписали имена говоривших на могиле Федора Михайловича? – право, не знаю и ничего не слыхала, чтобы было какое-либо гонение на труды покойного дяди. Мне кажется, что новый градоначальник уже слишком показывает свою бдительность и на всякий случай велел полиции присутствовать на Панихиде по Федоре Михайловиче.

9.II.1896. Утро. Петербург

После завтрака мы поехали на могилу <брата> Саши с братом Андрюшей, там зашли в контору и уплатили за содержание могилы Саши вперед на 1/2 года, могила содержится в порядке.

1.III.1896. Петербург

Брат Андрюша сообщил нам, что м-те Семенова охотно возьмет для нас абонемент на 2 месяца в Итальянскую оперу на следующий сезон и абонемент на 2 лица в ее ложе в русской опере. За русскую оперу мы платили всего <...> 25 рублей; за итальянскую <...> придется заплатить много дороже, именно 72 рубля. <...> Конечно, все это дорого, но надо же доставлять детям какие-либо удовольствия, тем более, что подходящих для них знакомых у нас нет.

21.III.1896. Четверг вечером <Петербург>

Сейчас я была оторвана от письма приездом курьера, который привез вновь отчеканенную медаль в память царствования Александра III для ношения на груди; эту медаль обязаны носить все служащие. Досаднее всего, что курьер громогласно поздравляет с Монаршею милостью – пришлось дать ему на чай 1 р<убль>, – а вся-то медаль стоит не больше 50 копеек. Говорят еще, что за нее будут вычитать <из жалования> по 3 рубля – тогда это будет настоящая пожива правительству.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 54. Лл. 1–3, 19. Ед. хр. 55. Лл. 1, 6. Ед. хр. 56. Лл. 4–5, 16 – 16 об.)

374. Рыкачев Михаил Александрович

([25.XII] 1840, [с. Николаевское Ярославской губ.] – [1.IV] 1919, [Петроград]). Муж предыдущей с 15 июля 1874 г.⁸

Родился в семье морского офицера. Доктор физики *honoris causa*, действительный член Академии наук, директор Главной физической обсерватории [Павловск, под Петербургом], профессор Морской академии и генерал-майор флота.

Умер от ослабления деятельности сердца после кровоизлияния в мозг. [Похоронен на Смоленском православном кладбище.]⁹

А.М. Достоевский

Раз как-то на Рождественских праздниках 1873–1874 годов, <возвращаясь из гостей> по Волге, я спешил скорее дойти до дому, как близ круглой беседки повстречался

⁸ Сестра М.А. Рыкачева Лиза училась вместе с Женей Достоевской в ярославской гимназии; Рыкачевы и Достоевские дружили семьями, благодаря чему и состоялось знакомство будущих супругов. – *Ред.*

⁹ См. кн.: Акад. М.А. Рыкачев; Буханов М.С., Юркевич М.П. М.А. Рыкачев – выдающийся деятель метеорологии и воздухоплавания. Л., 1954. – *Ред.*

с Марьей Александровной Рыкачевой, которая шла тоже по набережной вместе с незнакомым мне морским офицером. (Это был Михаил Алекс<андрович> Рыкачев, приезжавший в Ярославль в отпуск на праздники.) Поравнявшись, <...> я и Марья Александровна раскланялись. Причем Марья Александровна отрекомендовала мне своего спутника как брата, сообщив притом, что Михаил Александрович в этот день был у нас с визитом. Я высказал сожаление, что меня не было дома, и очень равнодушно раскланялся с новым знакомым <...> и ничто не подсказало мне, что мы будем столь близки впоследствии!

(Воспоминания (рукопись). Квартира X)

А.А. Достоевский

В основе характера — кристальная честность, мягкость, доброта. Тверд в предпринятых решениях.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.Г. Достоевская — А.М. Достоевскому

11.III.1876 <Петербург>

Федор Михайлович сошелся с Михаилом Александровичем и был рад в нем встретить человека с таким серьезным умом и характером.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 447)

М.А. Рыкачев — тестю

1–2.II.1881. Петербург

<В пятницу 30 января, поклонившись телу покойного Федора Михайловича, я> уже собирался домой, когда увидел, что под председательством Дмитрия Васильевича Григоровича составляется расписание процессии для выноса тела. Было заявлено о 30 депутациях, <...> и сначала Сашу, Исаева и меня назначили в число распорядителей — Анна Григорьевна, однако, возражала, что родственники должны быть при гробе, вследствие чего Сашу и Исаева заменили другие, а меня просили остаться распорядителем 1-й группы — конечно, я согласился.

В субботу утром я послал письмо директору¹⁰, что по случаю участия в церемонии выноса тела моего покойного родственника не могу прибыть в Обсерваторию. Мы с Женей поднялись довольно рано <...> — 1/2 9 выехали — Женя на квартиру к Анне Григорьевне, а я занял свое место <у Кузнечного переулка> и выстраивал депутации своей группы. Оказалось, что депутатий пришло гораздо более, чем было накануне записано, <...> длина процессии тянулась с версту. <...> Мы шли очень долго, до 3-х часов, так как в середине процессии части сменялись и останавливали всех прочих. Но это неудобство, зависевшее отчасти от непривычки или, лучше сказать, неопытности литераторов и других распоряди-

¹⁰ Директором Главной физической обсерватории в то время был академик Генрих Иванович Вильд (1833–1902); М.А. Рыкачев занимал должность помощника директора. — Ред.

телей, исполняющих полицейскую часть, выкупалось спокойствием, отсутствием криков и смущений, производимых обыкновенно при слишком активном участии полиции. <...> <Наконец гроб внесли в церковь, двери заперли, и началась служба.> В программе моей группы при процессии я сделал маленькое изменение. По программе впереди всех шло Реформатское училище, а потом военно-учебные заведения, но оказалось, что из последних было только Инженерное училище, которое на ленте своей подписало – бывшему своему воспитаннику. Я счел за лучшее, чтобы училище, в котором воспитывался покойный Федор Михайлович, открывало шествие, а Реформатское шло за ним. Домой мы приехали в 5 часов, детки уже с нетерпением нас поджидали. Во время нашего отсутствия мне принесли между прочим письмо от Львова¹¹, секретаря Технического общества <...> Львов мне пишет, что глубоко сожалеет о кончине Федора Михайловича, с которым рядом стоял на эшафоте 32 года тому назад. После обеда я опять поехал на квартиру Федора Михайловича, где Григорович и Аверкиев раздавали билеты. Я озаботился получить билеты на вход в церковь для депутатов своей группы и развез их, и под конец один билет доставил и Львову <...>. Вернулся домой очень поздно, около 12 часов. Там поджидали меня с чаем.

Воскресенье. Опять пришлось приехать пораньше, чтобы наблюдать за порядками при впуске в ограду Лавры и в церковь. <...> <На отпевании мы> стояли довольно просторно. Но зато к окончанию богослужения, когда тронулся гроб, который нес, между прочим, и Саша, поднялась суматоха и давка, все спешили выйти, чтобы попасть на кладбище. Между стенами прохода от церкви к кладбищу образовалась такая сплошная масса, что долгое время даже гроб и духовенство не могли тронуться с места; удерживая напор массы сзади, я мигом оторвался от семьи покойного; Женя также была оттиснута. <...> <После похорон я поехал> к Менделееву переговорить относительно продолжения опытов, предпринятых Техническим обществом. Наши переговоры привели, надеюсь, к хорошему результату.

(Материалы и исследования. Т. 1. С. 293–295)

М.А. Рыкачев – тестю
<9.I.1896. Петербург>

Милый и дорогой Батюшка! Благодарю Вас за Ваше доброе письмо и за поздравления с днем ангела <нашей дочери> Домники! <...> Ваш сын, М. Рыкачев.

Е.А. Рыкачева, в том же письме

Мое письмо к Вам, дорогой Папа, было прервано Мишей, который воспользовался несколькими минутами свободными и написал Вам несколько слов; боюсь, что только Вы не разберете его письма, оно написано очень торопливо.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 54. Лл. 6 – 8 об.)

Е.А. Рыкачева – отцу
12.I.1896. Утро <Петербург>

Вчера Михаил Александрович был на балу в Зимнем дворце – встретил там массу знакомых и возвратился уже в 1-м часу ночи. <...> Сегодня у Мих<аила> Алекс<андровича>

¹¹ Львов Федор Николаевич (1823–1885) – петрашевец. Был приговорен к 12 годам каторжных работ в Сибири; в Петербург возвратился в 1863 г. Секретарь Русского технического общества, основанного в 1866 г., редактировал «Записки Императорского русского технического общества». – *Ред.*

назначен colloquium – собрание обсерваторских служащих – для сообщения новостей научной литературы (по метеорологии); мне придется наливать чай на 25 человек; конечно, собрание это будет в кабинете Мих<аила> Алекс<андровича>.

26.I. 1896. Утро. Петербург

Во вторник Мих<аил> Алекс<андрович> с раннего утра уехал в Павловск...

На другой день он был у Великого Князя Конст<антина> Конст<антиновича>. Тот принял его очень любезно и сейчас же заговорил об объединении метеорологических сетей и наблюдений во всех Министерствах. <...> Великий Князь сообщил также Мише, что дело его выборов <в Академию наук> подвигается вперед, что за него стоят многие академики – «есть между ними один, который находит, что в Ваших трудах недостаточно математики, но на всех не угодишь», – прибавил князь.

2.II. 1896. Утро. Петербург

Миша уже сообщил Вам, что ему Советом Географического общества присуждена Большая золотая медаль. За что – не знаю! Вероятно, Совет хочет загладить все свои былые вины – относительно Михаила Александровича, когда видит, что люди высокопоставленные ценят <его>...

23.II. 1896. Утро. Петербург

По пути в Академию он <Миша> встретил адъюнкта Академии князя Голицына¹², и тот по секрету сообщил ему, что в среду 21 февраля комиссия представила, наконец, в Отделение кандидатом на должность директора Обсерватории Мишу одного. Бой, говорят, был страшный. Три самых буйных академика – Фаминцын¹³, Марков¹⁴ и Сонин¹⁵ – протестовали очень. Фаминцын даже наговорил много дерзостей, за что получил замечание от Великого Князя, здесь присутствующего...

Отделение приняло кандидатуру Миши, и выборы должны состояться 6-го марта. <...> Мише, чтобы быть избранным, надо иметь 2/3 голосов из всего количества академиков Физико-математического отделения.

8.III. 1896. Петербург

В среду 6-го выборы не состоялись. <...> Они отложены по желанию Великого Князя, который заболел ангиною и не хотел бы, чтобы выборы прошли без него; он принимает в Мих<аиле> Алекс<андровиче> большое участие. С одной стороны, это участие Великого Князя очень приятно, с другой же стороны – очень досадно, что еще месяц нам надо выжидать, так как первое заседание <Физико-математического> отделения <Академии> будет только на Фоминой неделе в среду.

13.III. 1896 <Петербург>

Сегодня мы с Мих<аилом> Алекс<андровичем> собираемся много работать, я буду писать под его диктовку, чтобы ускорить дело.

¹² Князь Голицын Борис Борисович (1862–1916) – физик и геофизик, один из основателей сейсмологии, академик Петербургской АН (1908). – *Ред.*

¹³ Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) – ботаник (физиолог растений) и общественный деятель, академик Петербургской АН (1884). – *Ред.*

¹⁴ Марков Андрей Андреевич (1856–1922) – математик, специалист по теории чисел, теории вероятности и мат. анализу; академик Петербургской АН (1896). – *Ред.*

¹⁵ Сонин Николай Яковлевич (1849–1915) – математик, специалист по мат. анализу; академик Петербургской АН (1893). – *Ред.*

21.III.1896. Четверг вечером <Петербург>

У Мих<аила> Алекс<андровича> перетрескалась было кожа на голове; конечно, это все происходит от слишком нервного его отношения ко всякому делу; он все слишком горячо принимает к сердцу.

3.IV.1896. 3 1/2 дня. Петербург

Сейчас Мих<аилу> Алекс<андровичу> сообщили по телефону из Академии, сперва князь Голицын, а вслед за ним и Дубровин¹⁶, что Мих<аил> Алекс<андрович> огромным большинством голосов избран в Академию; черных шаров было всего 3.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 54. Лл. 11, 17 об., 21. Ед. хр. 55. Лл. 3, 18 – 18 об. Ед. хр. 56. Лл. 6 – 6 об., 12, 14, 21)

М.А. Рыкачев страдал ихтиозом¹⁷. Эта же аномалия была у двух из его шести братьев, у внука Сергея (№ 404) и — в очень слабой степени — у дочери Александры (№ 383, матери Сергея).

375. Достоевская Мария Андреевна

34 / 372

([1.IX] 1854 — [13.I] 1856, [Елисаветград Херсонской губернии, ныне Кировоград]). Умерла от [детских судорог].

А.М. Достоевский

Ёлка удалась как не надо лучше, и наши девочки были в восторге от нее! <...> На третий день у обеих показался маленький кашель, но мы не обратили на это особого внимания; так было до четверга 12 января. В этот день я, помню, выехал рано в город. <...> Воротившись же часа через два домой, я застал следующую картину: Домника на коленях стоит около кровати Машенькиной и чутко прислушивается к ее дыханию; я подошел тоже и услышал у Машеньки как бы одышку, ощутил у нее сильный жар; и являющийся время от времени кашель был какой-то хриплый, лающий. Я сейчас же поехал за <доктором> Гольдштейном и привез его с собою. Он с первого разу констатировал, что у ребенка *круп* <...>. Прописал какое-то лекарство и сказал, что часа чрез три он опять будет и привезет кого-либо из врачей для консилиума. <...> Часа в три дня действительно приехал опять Гольдштейн и привез какого-то молодого врача, говорят, специалиста по детским болезням. Они после долгого совещания решили дать ей рвотного. После приема этого лекарства она в скором времени вырвала, и дыхание ее сделалось гораздо легче. Доктора начали надеяться на счастливый исход, но ненадолго! При них же у маленькой страдальцы сделался *родимчик*, и врачи повесили нос!.. Уезжая, они высказали, что ежели припадки родимчика будут не часты и не сильны, то исход может быть счастливый, и что все зависит от этого! Что же касается до *круп*а, то он уже счастливо разрешился и от него никаких дурных последствий ожидать нельзя! По отъезде докторов Домника не спускала с рук Машеньку, но с нею время от времени повторялись приступы родимчика, <...> делались более редкими, но более сильными. Мы уже думали, что все обойдется благополучно,

¹⁶ Дубровин Николай Федорович (1837–1904) – русский военный историк, академик Петербургской АН (1890), генерал от артиллерии. – *Ред.*

¹⁷ Ихтиоз, или «рыбья кожа» – наследственная кожная болезнь, при которой тело покрывается шелушащимися чешуйками. – *М.В.*

потому что после последнего приступа часов в 11 вечера он не повторялся почти в продолжение трех часов. Как вдруг около двух часов ночи припадок возобновился, он был самый сильный и притом смертельный!.. Головка ребенка закинулась назад, ручки и ножки сильно вытянулись, а у ротика показалась кровавая пена!.. и ребенка не стало! <...> Отчаяние наше было невыразимо! Это был первый ребенок, которого мы теряли! <...> я и теперь еще помню и ясно представляю младенческие черты лица малютки. Это была блондиночка с голубыми глазками, и весьма живого характера!

(Воспоминания (рукопись). Квартира VI)

376. Достоевский Александр Андреевич

34 / 372

(3.II.1857, [Елисаветград Херсонской губернии, ныне Кировоград] — 6.X.1894, [Петербург]).

[Окончил Ярославскую классическую гимназию (1876) и Императорскую военно-медицинскую академию в Петербурге (1881).] Доктор медицины (1884). Приват-доцент по кафедре гистологии и эмбриологии Военно-медицинской академии¹⁸.

Умер от прогрессивного паралича¹⁹. [Похоронен на Смоленском православном кладбище].

А.М. Достоевский

...В воскресенье Бог дал нам сына. Радость наша не имела пределов, и мы тут же порешили назвать нашего первого сына именем Александра, в честь молодого государя...

(Воспоминания. С. 265)

...Маленький Сашура худо поправлялся в своем здоровье. С самого приезда в Симферополь, как будто от дороги, он заболел <...>, был очень апатичен и очень худел. Доктора говорили тогда, что у него развивается сухотка, а потому и велели его купать в жирных ваннах. Но, впрочем, он благодаря Бога месяца через два совершенно поправился и сделался здоровеньким мальчиком по-прежнему...

<В Екатеринославе мы снова> были потревожены болезнью малютки Саши. Он, видимо, заболел внутренно, но кроме этого у него начали образовываться какие-то гнойные наросты на голове. Мы обратились за помощью к доктору Павлу Никифоровичу Бойченко, слышшему в городе за самого опытного врача. <...> Вследствие лечения его Саша внутренно вскоре поправился, что же касается до наростов на голове, то они продолжались долгое время, и Пав<ел> Ник<ифорович> Бойченко не относил этого к золотухе и приписывал это какой-то особой причине; и, как теперь припоминаю, он *высказывал надежду*, что впоследствии это не отразится в худую сторону на его мозг<е>. А почему знать,... может быть, это и отразилось на бедном страдальце... и было причиною его предсмертной болезни и самой смерти!!!!.

Между прочим Бойченко посоветовал также воспользоваться летом и начать купаться как самим, так купать и деток. Я сейчас же распорядился абонироваться на летний сезон

¹⁸ См. кн.: Лавдовский М.Д. Исторический очерк кафедры гистологии и эмбриологии в Императорской военно-медицинской академии. СПб., 1898. – Ред.

¹⁹ Прогрессивный паралич, или болезнь Бейля – сифилитическое поражение центральной нервной системы. – Ред.

<...>, и мы начали ежедневно, а иногда и по два раза в день ходить купаться в Днепре. Купальни были устроены довольно сносные, в виде отдельных номеров для каждого. <...> мы, не живши доселе близ больших рек, впервые испытали это лучшее и полезнейшее летнее развлечение! Домника всегда ходила с Женичкой и иногда брала и малютку Варю, <...> я же постоянно ходил с Сашею. Саше в это время шел только 4-й год, и я помню, что, ходя со мною ежедневно, он через месяц с небольшим выучился одеваться без моей помощи сам, и одевался весьма исправно; я же только осматривал его, когда он оденется. Для трехлетнего ребенка это большой успех!.. Да и купанье то, видимо, укрепило его и было ему в пользу. <...> С ноября месяца <1862 года> наш малютка Саша снова заболел золотухой, и мы долго возились с его болезнью, пока он опять поправился. Вообще, детство Саши было очень незавидное относительно здоровья, да и самый вид его был вид нездорового мальчика. Крепнуть он начал уже с отрочества. (Воспоминания (рукопись). Квартиры VII, VIII)

Ал. А. Достоевский – матери
<6.V.1875. Ярославль>

Папа каждый раз, как пишет Вам, предлагает мне чего-нибудь написать, но я, по свойственной мне лени (которую Вы знаете), всегда откладываю до другого раза. <...> У меня мало свободного времени, но, как его ни мало, я все-таки нахожу время покататься на лодке. Недавно мы ходили <по Волге> с учителем французского языка Роше. Я на этот раз исполнял должность повара. Приготовил целый обед...

24.V.1875 <Ярославль>

На <гимназический> экзамен я иду без малейшего страха. Не знаю почему, я ничего не боюсь. Впрочем, я себя успокаиваю таким философским рассуждением, что если не кончишь этот год – все равно кончишь в будущем. (НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 65. Лл. 17 об., 28 об.)

В.А. Савостьянова, сестра

Когда подросток Саша, будучи гимназистом, кончающим курс и особенно зараженным отрицанием и либерализмом, стал было спорить с папой о достоинствах нового романа <Достоевского>, кажется, это были «Бесы», – Боже мой, как волновался и горячился папа! Как яростно он защищал своего брата от нападков молодежи, и, видимо, долго он помнил этот разговор, и горько ему <было> то, что его сын так непочтительно и грубо отзывался

об авторе; брат Саша откуда-то взял, да и вряд ли он и сам прочел весь роман, что автор был поклонником (он выразился хуже – «рабом») Каткова.

(Достоевский в забытых. С. 215)

Впоследствии, став студентом столичной академии, Александр постоянно посещал своего знаменитого дядю.

Ал. А. Достоевский – родителям
13.XII.1879 <Петербург>

Я очень доволен, что сегодня сходил к Федору Михайловичу. Анна Григорьевна была так любезна, что оставила для меня билет на вечер <в Благородное собрание>: в нем, между прочим, будет читать и Федор Михайлович рассказ Нелли из «Униженных и оскорбленных». Билеты все уже распроданы, и, кроме Анны Григорьевны, я не мог нигде достать.

Федор Михайлович приказал мне написать вам всего хорошего и сказать вам, что он вас «очень любит и уважает». Это были первые слова, которыми он меня встретил. Между прочим, он подарил мне новое издание²⁰ книги «Униженные и оскорбленные»...

(Литературное наследство. С. 492)

А.М. Достоевский – жене
29.I.1881 <Ярославль>

Брат Федор Михайлович скончался 28. На похороны ехать не решаюсь.

Сыну Александру
29.I.1881 <Ярославль>

...Будь на похоронах за меня.

Е.А. Рыкачева – отцу
30.I.1881. Петербург

Подъезжая к дому дяди, я встретила с Сашею, и мы вместе вошли в квартиру. Саша уже был тут и вошел со мною во второй раз; мы поклонились покойному. <...> Мы с Сашею тут же решили известить Вас телеграммой о смерти дяди, боясь, чтобы газетное известие не подействовало на Вас очень сильно.

Родителям
2.II.1881. Вечер. Петербург

Саша тоже в этот вечер <накануне похорон> ездил развозить билеты. <...> По окончании панихиды <...> гроб понесли. Саша был в числе несущих...

(Материалы и исследования. Т. 1. С. 291, 290, 298)

Ал. А. Достоевский – А.С. Суворину
26.X.1889

Недавно в Германии вышел новый учебник по гистологии знаменитого профессора Кёлликера²¹ в Вюрцбурге. <...> Так как предыдущее – пятое издание вышло 22 года тому назад, то последнее 6 издание является работою совершенно новою и опирающеюся, как об этом говорится автором в предисловии, в главных пунктах на его собственные иссле-

²⁰ Пятое издание романа. – *Ред.*

²¹ Кёлликер (Kölliker) Рудольф Альберт (1817–1905) – немецкий гистолог и эмбриолог. – *Ред.*

дования. <...> Не найдете ли Вы для себя выгодным и удобным издать русский перевод этого учебника? В таком случае я бы занялся его переводом.

(РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1266. Лл. 1265–1266)

А.М. Рыкачев

Дневник 1890–1892 гг.

19.IV.1891

Дядя Саша <...>, кажется, не считает куклой только того, кто шалит и интересуется естественными науками. Он когда-то сказал, что все мы куклы за исключением <брата> Володи.

8.V.1891

Вчера, когда я лежал в постели, я невольно слышал разговор в соседней комнате папы и мамы. Мама опасалась за болезнь дяди Саши, у которого часто делается сердццебиение. Несмотря на то, что мне было неприятно это слушать, я не особенно волновался. Но когда мама вспомнила, как дядя Саша рассказывал, что к нему в лабораторию залетела ласточка и долго кружилась по комнате, и сказала, что это дурной знак, – я, хотя и думаю, что я враг предрассудков, был страшно взволнован.

23.V.1892

Вчера вечером немножко погрустил, вспоминая несчастья дяди Саши, который переехал на дачу и живет вместе с нами. Он совершенно глух. К тому же у него по всем вероятностям прогрессивный паралич. Д<ядя> Саша почти никогда не бывает весел. Но помочь ему нельзя...

(Русское прошлое. С. 210, 213–214, 234)

И.Э. Шавловский

6 октября в психиатрической клинике Военно-медицинской академии <скончался> бывший прозектор и частный преподаватель гистологии Александр Андреевич Достоевский. <...> покойный уже с первых курсов обнаружил склонность к гистологическим занятиям и обратил на себя внимание своими выдающимися препаратами. Еще студентом он нес обязанности ассистента при гистологической лаборатории, в которой продолжал заниматься и по окончании курса в 1881 г. Избрав предметом своего изучения так называемые кровеносные железы, он напечатал ряд ученых работ о строении надпочечных желез и мозгового придатка. <...> <В 1885 г.> был послан Военно-медицинской академией за границу на казенный счет на два года. В эти два года он работал преимущественно в Берлине в лаборатории проф. Waldeyer'a²². Там он изучил современную микроскопическую технику и занимался изучением строения ресничного тела и радужной оболочки. <...> Возвратившись из-за границы, Александр Андреевич получил звание частного преподавателя гистологии с эмбриологией в 1888 г. Необыкновенно изящные препараты по кариокинезу²³, а также по созреванию и оплодотворению яйца²⁴, отчасти приготовленные за границей, а отчасти уже по

²² Вальдейер Вильгельм (1836–1921) – немецкий анатом и гистолог. – *Ред.*

²³ Клеточному делению, по современной терминологии – митозу. – *Ред.*

²⁴ Яйцеклетки (ооцита). – *Ред.*

возвращении, в скором времени доставили покойному известность как выдающемуся технику. Заняв должность прозектора при кафедре гистологии, учрежденную по новому уставу Военно-медицинской академии, он оставался в ней до августа 1892 г.²⁵, когда тяжелая болезнь (нарастающий паралич) свела его в клинику, из которой он уже и не выходил до самой смерти. В последние годы перед болезнью Александр Андреевич занимался главным образом строением яичника, созревaniem половых продуктов и оплодотворением и предпринял обширную работу, которую, однако, ему уже не суждено было кончить. <...> При этих исследованиях ему первому удалось, между прочим, сделать открытие яиц лошадиной аскариды с половинным количеством хроматиновых нитей²⁶ <...>. Этот факт, наблюдавшийся затем многими, ныне приводится во всех руководствах без указания имени Александра Андреевича. Обладая, кроме необыкновенного технического таланта, еще и необычным трудолюбием, покойный оставил кафедре гистологии громадное собрание превосходных препаратов, касающихся самых разнообразных вопросов, между ними и многочисленные полные ряды срезов зародышей и некоторых органов. Преждевременная смерть, унесшая Александра Андреевича в самом разгаре его ученой деятельности, составляет тяжелую потерю как для Академии, так и вообще для всей русской науки, лишившейся одного из своих самых трудолюбивых и добросовестных деятелей.

(Врач. 1894. № 41. С. 1148)²⁷

А.А. Достоевский

Безупречная честность и в действиях, и в убеждениях. Открыто высказывал свои мнения, иногда и не совсем приятные для других.

Страдал от детства близорукостью, а под конец жизни глухотой на одно ухо... Приписывая алкоголизму предков разрушающее действие на всю нашу семью, Л.Ф. Достоевская по своей наивности даже прогрессивный паралич моего брата Александра относит к его влиянию, между тем как это есть следствие того несчастия, которое произошло с братом в его студенческие годы.

(Письменные характеристики. М.В.)

Научные труды Ал.А. Достоевского печатались в «Русской медицине», «Враче» и «Военно-медицинском сборнике» и т.д. Известны следующие публикации:

- К вопросу о микроскопическом строении мозгового придатка // Военно-медицинский журнал. 1881. Ч. 151. № 9. Разд. 2. С. 89–102.
- Материалы для микроскопической анатомии надпочечных желез. Диссертация на степень д-ра медицины. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1884. 67 с. (Два года спустя опубликована на немецком языке – см. ниже.)

²⁵ В кн.: Лавдовский М.Д. Исторический очерк кафедры гистологии и эмбриологии в Императорской военно-медицинской академии. СПб., 1898, на с. 36 указана другая дата увольнения Ал. А. Достоевского – 28 ноября 1893 г. – Ред.

²⁶ С гаплоидным набором хромосом. – Ред.

²⁷ Еще один некролог был опубликован в газете «Новое время» № 6686, 1894 г. – Ред.

- Über den Bau der Vorderlappen des Hirnanhangs. Archiv für mikroskopische Anatomie und Entwicklungsmechanik. 1886. Bd. 26.
- Über den Bau der Grandry'schen Körperchen. Ibid. 1886. Bd. 26. S. 581.
- Ein Beitrag zur mikroskopischen Anatomie der Nebennieren von Säugethieren von Dr. Med. Al. Dostoyewsky. Ibid. 1886. Bd. 27. S. 272.
- К вопросу о существовании мышцы, расширяющей зрачок у человека и млекопитающих. Предварительное сообщение // Врач. 1886. Т. 7. № 36. С. 641–643.
- Über den Bau des Corpus ciliare und der Iris von Säugethieren. Archiv für mikroskopische Anatomie und Entwicklungsmechanik. 1886. Bd. 27. S. 91.
- Eine Bemerkung zur Furschung der Ascaris magalosephala. Anatomischer Anzeiger. 1888. № 22.
- О выделении полярных телец из яиц млекопитающих // Дневник III Пироговского съезда (Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова) / Сост. Г.М. Герценштейн и др. СПб.: Практическая медицина, 1889. №№ 2, 3.

377. Достоевская, по мужу Савостьянова Варвара Андреевна 34 / 372
(12.IV.1858, [Елисаветград Херсонской губ., ныне Кировоград — 11.IX.1935, Ленинград).

Окончила гимназию с золотой медалью.

Похоронена на Смоленском православном кладбище, в одной могиле с братом Андреем.]

А.М. Достоевский

<Вернувшись из Петербурга 21 января 1865 года, дома> застали все исправным <...> Но что нас удивило, то это то, что Варинька стояла как дичок, почти ни слова не говорила и дичилась нас как чужих. И это ее состояние продолжалось довольно долгое время, пока она не пришла в прежнее свое настроение. Долго мы с Мамой недоумевали о причине подобной перемены нашей Вариньки; но наконец доискались <...> Вариньке, вероятно, прислуга натуркала, что она в доме нелюбимое дитя и потому ее и не взяли с собой в Петербург, и что Варенька, поверив, вероятно, этому, все время нашего отсутствия была очень скучна и сосредоточена в самой себе. И вот, не достигнув еще 7-летнего возраста, она сочла уже себя очень несчастной. Бедный ребенок! Мы порешили с Мамой не открывать ей, что нам известна причина ее грусти. <...> передали Варе и Андрюше привезенные нами для них обоих обновы и подарки в виде подходящих игрушек. Андрюшу, конечно, игрушки очень заняли, а Варетку ни обновы, ни подарки, ни игрушки развеселить не могли!..

Между тем с первых чисел сентября месяца <1866 года> начались уроки как в женской, так и в мужской гимназиях. Женичка блестяще перешла в IV класс женской гимназии, и с этого же года мы решились отдать в гимназию и Вареточку, которой шел уже 9-й год.

В июле месяце <1867 года> Домника вместе с Женичкой <...> ездили прокатиться в Москву. <...> Что касается до нас, остававшихся дома, то мы все очень скучали, исключая маленького Андрюшки, который был индифферентен. <...> <Варенька> почти ежедневно плакала, объясняя, что она сама не знает, отчего плачет...

Настал 1868 год, и мы с женою 2-го января, оставив детей дома на попечении близких знакомых, поехали в Москву и Петербург. <...> Не могу удержаться, чтобы не сделать маленькой выписки из первого письмеца Варетки: «...Когда Вы уехали, мы возвратились домой. Я очень много плакала, и даже у меня заболела голова, но потом я вспомнила о Багровом-внуке, как он оставался у дедушки, а я дома, то я успокоилась. Мне Юлия Александровна начала чулок; она сказала, что я порядочно вяжу, но только медленно; но я теперь сама уверилась, что довольно скоро вяжу; но мои полосочки всегда выходят черными, потому что мои руки немножко грязны. Милые мамочка и папочка нечего писать. Поцелуйте за меня всех. Целую Ваши ручки, ваши пальчики, всякие суставчики. Варя Достоевская». Да – письмо очень хорошо для девочки, которой не исполнилось еще и 10 лет!..

С конца мая и начала июня <1870 года> начались экзамены у детей. <...> Помню, что в это время у нас устроилась поездка в Николо-Бабаевский монастырь²⁸, в которой по случаю приготовления к <выпускным> экзаменам не могла участвовать Женичка. Она оставалась дома и зубрила географию. Выехали мы на Бабайки часов в 5 вечера и к позднему вечеру, но еще засветло, были уже в монастыре. <...> В Бабайках мы переночевали и утром на другой день отстояли обедню. <...> Погуляв достаточно по монастырю и его окрестностям, мы часа в 2 дня сели на проходивший самолетский пароход и отправились в Ярославль. <...> Возвратившись домой, мы застали свою затворницу Женни, только что покончившую свои приготовления к экзамену.

Наконец, экзамены покончились как у Женички, так и <у> Саши и Вари. <...> Что же касается до Вареньки, то она выдержала экзамен для перевода в V класс, кажется, на полных пятках и была удостоена 1-й награды, т.е. книгою и похвальным листом, – но ввиду того, что ей только что минуло 12 лет и она была слишком молода для перехода в V класс, она была оставлена нами в том же IV классе еще на один год.

(Воспоминания (рукопись). Квартиры VIII, X)

В.А. Достоевская – отцу и сестре Евгении
<23> I. 1872

Это письмо больше предназначено для Жени, и вот по какому случаю: мне очень хотелось что-нибудь играть хорошенькое, но так как у меня ничего нет, то я и пошла спросить в понедельник М-ме Alaebu, какие ноты лучше всего было купить. <...> Пожалуйста, Женя, если ты будешь покупать мне в нотном магазине, то <...> лучше всего будет, если ты купишь <нрзб> Бетховена...

²⁸ Николо-Бабаевский монастырь находится на правом берегу Волги, между Ярославлем и Костромой. С 1998 г. это снова действующая обитель. – Ред.

Дети А. М. Достоевского (слева направо): Варвара (№ 377), Андрей (№ 380), Александр (№ 376), Евгения (№ 373). 1874 г.

У нас здесь ничего особенного не случилось, кроме *северного сияния*. Часов так около 8 появились вдруг на небе с севера и с запада две темно-пунцового цвета полосы, которые переливались в зеленые, черные и белые цвета. Сделалось светло, как при луне. Позже эти полосы сделались розовые, с белесым отсветом. С одной стороны их были звезды, а с другой – темное небо. Кроме того, час<ов> около 11 <...> явилась большая яркая звезда, что-то вроде кометы. У нас в гимназии только об этом и было толку. Некоторые говорят, что это перед войной, а другие – что перед болезнью.

Матери

18.IV.1875. Пятница. XII часов²⁹

У <Александры Николаевны и Андрея Александровича> Рыкачевых³⁰ мы остались обедать. <...> После обеда мы все немного потанцевали и всё вспоминали то время, когда в этой самой же зале танцевали на твоей свадьбе, дорогая Женя³¹. Всеволод Петрович сделал мне презент: подарил <...> великолепную живую розу, которую я и вколола в волосы. В то время как Папа уселся за карты <...>, мы все занялись чтением статьи <А.А. Шкляревского> в «Вестнике Европы» о спиритизме. Это так нас заинтересовало, что мы решили произвести сами такой опыт; и вот мы семеро <...> достали небольшой стол, вроде ломберного, заперлись в спальне Алекс<андры> Ник<олаевны>, положили руки на стол, составили цепь и ...вообразите! – стол задвигался! (Вот <нрзб> вы все расхохочетесь, прочитав это.) Но я не знаю, как вас уверить, что это была правда, правда и правда. <...> Когда же стол задвигался, то мы должны были встать и идти за ним; стол, идя таким образом, описал дугу. Мы сначала сами этому не верили и думали, что это толкает Черевина, на других нельзя было никак подумать. <...> Тут было не до шутки. <...> мы все уселись во второй раз без Черевинной, которая уселась невдалеке. Стол опять немного подвинулся; мы составляли различные предположения насчет того, отчего стол задвигался. Некоторые уверяли, что его непременно кто-нибудь толкает из нас, другие же говорили, что это не более как судороги в наших руках, судороги, которые мы не замечаем...

23.IV.1875. Среда. III часа пополудни

Сегодня меня разбудила в 5 часов Аграфена, принесла стакан парного молока. Я вспомнила при этом то время, как Соломонова (?) поила этим молоком Женю: обыкновенно Женя вскочит – долго смотрит испуганными глазами, выпивает молоко и опять засыпает...

28.IV.1875. Понедельник. XII часов пополу<дни>

Снова каждое утро и вечер мчатся извозчики на свист парохода; снова каждый вечер я сажусь у окна и смотрю в телескоп за Волгу – причем горизонт наш расширился: в прогорелой крыше амбара образовалась дыра, через которую видна часть Тверицы...

2.V.1875. I час пополудни

Наконец-то я сажусь писать – я порывалась приняться за это дело еще с утра, но все мешало; теперь же, покончив все дела, т.е. занявшись с учеником, позавтракав и полив цветы, я сажусь за письмо...

²⁹ Указание в большинстве писем числа, дня недели и даже времени суток (с еще большей точностью, чем у сестры) относится к характерным особенностям эпистолярный В.А. Савостьяновой. – Н.Б.

³⁰ Семья родственников М.А. Рыкачева. – Ред.

³¹ Адресат письма, Д.И. Достоевская, жила в то время в семье старшей дочери, почему Варвара Андреевна и допускает прямые обращения к сестре. – Н.Б.

Вчера, по совету врача, я никуда не выходила, однако же не вытерпела и вечером выбежала на двор играть с Сашей и Андрюшей в серсо³²; мы забрались в хозяйкин сад в полной уверенности, что она туда не заглянет, – как вдруг в пылу игры, когда Андрюша, взобравшись на клумбу, начал бегать по ней, является хозяйка! <...> Впрочем, она была очень любезна, мы с ней еще погуляли немного...

8.V.1875. Четверг

Мы решили с Папой прекратить на время уроки музыки, а с осени снова начать...

14.V.1875. Среда. 11 часов вечера

После чаю зашли за мной <две подружки> <...>. Мы пошли на бульвар. <...> По правде сказать, мне не очень-то нравятся эти прогулки: обыкновенно они гуляют с какими-то глупыми офицерами, которые говорят этим барышням глупости, а те хохочут. Мне досадно, что я ошиблась в этих барышнях, – они совсем не по мне, у них нет других разговоров, как о каких-то офицерах и гусарах. Я очень рада буду, если они не будут больше заходить за мной гулять.

28.V.1875. Среда

Сегодня Аграфена принесла мне с базару ландышей – запах их мне напомнил Бабайки – этот год, верно, уже не придется съездить туда...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 65. Лл. 2, 5–6, 8, 12, 13 об., 20 об., 23 об, 30 об.)

В.А. Савостьянова

Мое первое знакомство с Федором Михайловичем началось в 1875 году <...> Папа подвел меня к дяде; он был очень мил, разговорчив, прежде всего сделал мне род экзамена, принес французскую книгу и дал прочесть несколько строк. Признаюсь, это меня немного удивило – что мне, гимназистке, кончившей курс с золотой медалью, делали смотр и еще не на каких-либо других предметах, а именно из французского языка.

(Достоевский в забытых. С. 214)

Ф.М. Достоевский – брату Андрею

6.IX.1876. Петербург

...Поздравляем тебя я и жена моя, и многоуважаемую добрейшую супругу твою с счастьем детей Ваших, а стало быть, и с Вашим. Мои детки маленькие, я до такого счастья не доживу. <...> Я очень жалею, что никак не могу урваться даже и на день к Вам на свадьбу. В письме моем к Варваре Андреевне объясняю причины. Только как это всё странно, милый мой Андрей Михайлович, – ну давно ли мы были с тобой совсем маленькие? Я очень, очень хорошо помню минуту, когда нас, меня и покойного брата, в пятом часу утра, рядом спавших, разбудил радостный отец и объявил нам, что у нас родился брат Андрюшенька, и вот ты выдаешь замуж дочку и об этом извещаешь меня...

(ПСС. Т. 29₂. С. 124)

В.А. Савостьянова – Ф.М. Достоевскому

12.X.1876

Извините меня, дорогой дядя, что отвечаю только теперь на Ваше любезное письмо; нечего и говорить, что я читала его с восхищением. От души рада, что понравилась Вам во

³² Игра, участники которой поочередно ловят на палку бросаемые соперниками обручи. – Ред.

время нашего непродолжительного знакомства, и надеюсь, что, узнав меня покороче, Вы еще больше полюбите меня...

(ПСС. Т. 29₂. С. 313)

В.Д. Голеновская

Добрый, приветливый, радушный, располагающий к себе человек. Очень благожелательная к людям и ко всему окружающему. Хорошая хозяйка.

(Записано М.В.)

В.А. Савостьянова

Меня он <Федор Михайлович> долго рассматривал, потом подвел к окну, чтобы лучше рассмотреть: «Как я рад, что в нашей семье оказалась такая красавица». <...> Потом я помню, как дядя был у нас на Васильевском острове, когда мне был девятый день после родов, я была очень тронута его вниманием. Подняться ко мне, родильнице, на 3-й этаж, с его легкими, когда он не всегда и выходил, а это было 9 февраля 1879 года. Придя ко мне, он сел в ногах у меня на кровать, сказал, что у меня вид хороший, что уже есть краски на лице.

(Достоевский в забытых. С. 216)

В браке Варвара Андреевна, особенно по сравнению со старшей сестрой, не была счастлива: из четырех ее детей трое умерли в детстве. Младшая дочь Мария, всю жизнь прожившая рядом с матерью, так и не вышла замуж.

Л.Д. Ленина

<Ее считали> властной, строгой и даже суровой. Про Варвару Андреевну часто говорили: «Это вам не Евгения Андреевна!» – последняя в прямую противоположность была женщиной очень мягкой.

(Записано Н.Б.)

Г.Ф. Коган

В свой приезд в Ленинград с 7 по 16 декабря 1933 г. директор московского музея Ф.М. Достоевского В.С. Нечаева трижды была у Савостьяновых – 75-летней Варвары Андреевны и ее дочери Марии Владимировны, к которым перешел архив Андрея Андреевича Достоевского <№ 380> и у которых хранились фамильные реликвии. Нечаевой показали семейные портреты и бумаги, но сказали при этом, что Андрей Андреевич еще при жизни отдал все это в семью сестры. Учитывая нежелание Савостьяновых расставаться с реликвиями, Нечаева решила установить с этими людьми личные отношения, чтобы в будущем подготовить их к передаче всех материалов в музей, как это удалось ей при общении с потомками М.М. Достоевского и В.М. Ивановой. Однако в то время Савостьяновы были тверды в принятом решении³³.

(Записано Н.Б.)

³³ Полный текст мемуаров В.С. Нечаевой ныне хранится в ОР ГЛМ (Ф. 470). Показательно, что автор, очень тепло отзывающийся о Екатерине Михайловне и Андрее Андреевиче Достоевских, а также о Марии Александровне Ивановой, практически не упоминает ни Варвару Андреевну Савостьянову, ни ее дочь. – Н.Б.

Супруги Савостьяновы

378. Савостьянов Владимир Константинович

(1853 — [14.X] 1899). Муж предыдущей [с 27 сентября 1876 г. Сын К.И. Савостьянова (1805—1871) — известного библиофила, знакомого А.С. Пушкина.] Юрист.

Умер от астмы, [похоронен на кладбище с. Подвысоково Шацкого уезда Тамбовской губернии].

Родственные воспоминания Достоевских

Мягкость и деликатность — основные свойства его характера. Очень образованный.

(Записано М.В.)

В.А. Савостьянова

...Помню, как я была у него <Федора Михайловича> с мужем, которого он очень любил, обласкал, подарил свою фотографическую карточку, сам же ее подписал, и это тем более было трогательно, что с чужими он бывал и нелюбезен, и нелюдим.

(Достоевский в забытых. С. 215–216)

В.К. Савостьянов – А.Г. Достоевской

15.I.1881. Шацк

...У меня есть в виду отличное имение для вас <...> Я очень рад был бы услужить вам. Да и весь Шацкий уезд с восторгом думает о возможности считать Федора Михайловича своим...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 527)

379. Достоевский Иван Андреевич**34 / 372**

([16.XI] 1861 – [VI] 1862, [Екатеринослав, ныне Днепропетровск]).

А.М. Достоевский

...В четверг в 8 часов 50 минут утра Бог дал нам сына, которого мы в честь батюшки Ивана Прокофьевича наименовали *Иваном*. <...> На другой же день новорожденному ребенку сделалось так дурно, что мы поспешили скорее окрестить его <...> Но впрочем, как впоследствии оказалось, спех был напрасный, так как Ваня вскоре поправился, хотя и не долго утешал нас своею жизнью...

Горе это тем более было ощутительно, что никто из нас и не предполагал чего-нибудь худого для Вани! Он был всегда свеженьким, здоровеньким и веселеньким ребенком! Начала болезни мы даже и не заметили, заметили же тогда, когда он уже горел как в огне. Конечно, сейчас же послали за Бойченко. Он ездил ежедневно по два раза, и я замечал, что он становится заботливее и заботливее, видимо, считая болезнь – трудною! Наконец в последний день Бойченко заявил, что он ничего не может сделать для больного и что больной безнадежен; на мою же усиленную и слезливую просьбу он потупил глаза, – добавив, что к вечеру можно будет сделать тепленькую ванночку! И действительно, к вечеру пришлось сделать тепленькую ванночку!.. <...> мы обмывали его тепленькое еще тельце!!! Вся болезнь продолжалась не более 3–4 суток и закончилась родимчиком. Так мы себе и не выяснили, какая болезнь была у нашего малютки!..

(Воспоминания (рукопись). Квартира VIII)

380. Достоевский Андрей Андреевич**34 / 372**

(3.IV.1863, [Екатеринослав, ныне Днепропетровск] – 13.IX.1933, [Ленинград]). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1888).] Статистик-географ, [действительный статский советник. Отбывал воинскую повинность в чине прапорщика (1888–1889). С 1889 г.] редактор Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, [с 1900 г. заведующий статистическим разрядом в Министерстве народного просвещения и одновременно (1901–1914)] ученый секретарь Русского географического общества. Редактор «Известий» Общества (1903–1913). [Статистик в Петрокоммуне (1917–1918), позже в управлении Мурманской железной дороги. Научный сотрудник 1 разряда музейного отдела Пушкинского дома АН СССР (1925–1930, по приглашению академика Н.А. Котляревского). В последние годы жизни – технический работник в Гидрологическом институте.]

Работы по статистике, географии и истории русской литературы в разных изданиях; сотрудничал П.П. Семенову-Тянь-Шанскому в «Истории полувековой деятельности Русского географического общества» (в 3 томах). Автор обширного биографического очерка о П.П. Семенове-Тянь-Шанском, помещенного в сборнике, изданном по поводу столетней годовщины со дня рождения ученого (Изд. Русского географического общества, 1928).

Редактор изданных в 1930 г. «Воспоминаний» своего отца и автор вступительной статьи к ним.

А.М. Достоевский

Это было в воскресенье <в день выезда из Екатеринослава>. В квартире нашей был ералаш страшнейший <...> малютка Андрюша, который уже совершенно свободно ходил (ему минуло уже 2 года), воспользовавшись общою суетою, чуть-чуть не сбежал от нас. Его с раннего утра одели в дорожный костюм, и он, вероятно, сообразил, что куда-то нужно идти, – взял под мышку какую-то книжку и, вышед на улицу, пошел по тротуару <...> со слезами кричал, что пойдет в *пузони*, то есть в пансион. Кое-как успели его успокоить...

Перед самым отъездом <в Ярославль>, кажется, накануне, у нас случилась большая неприятность. Нянька Андрюшина, согласившаяся сперва ехать с нами, – заявила, что не поедет! Что было делать, и мы, размыслив, решились ехать без няньки, тем более что Андрюше уже было 2 1/2 года и он был спокойный мальчик.

(Воспоминания (рукопись). Квартиры VIII, IX)

Е.А. Достоевская – отцу

4.III.1871. Ярославль

Занималась с Андрюшей, но он что-то сегодня не в духе – во время урока разревелся, едва его утешили...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 52. Лл. 1 – 1 об.)

А.А. Достоевский – отцу и сестре Евгении

<26.I> 1872 <Ярославль>

Милый Папа! Милая Женичка! Целую вас крепко. Мама говорит, что я мало занимаюсь. Ваш Андрюша.

(Там же. Ед. хр. 65. Л. 3 об.)

В.А. Достоевская – матери

7.V.1875. Среда. III часа пополуд<ни>

Целый день мы с Андрюшей были у Рыкачевых – там после обеда собралось много детей, <...> дети играли и танцевали, причем Андрюша выказывал свое искусство в танцах, так что все им любовались.

(Там же. Лл. 12, 13 об.)

А.М. Рыкачев

Дневник 1890–1892 гг.

12.VIII.1890

К обеду пришли дядя Саша и дядя Андрюша. Дядя Андрюша получил с 1 авг<уста> штатное место помощника столоначальника в Министерстве внутренних дел.

22.XII.1890

Дядя Андрюша получил отпуск на две недели, едет в Ярославль и очень огорчен, что должен быть печальным вестником Дедушке <ему сократили пенсию>. Дядя Андрюша

передал мне свое место в ложе на «Травиату» 3 ноября. Он рассказывал про «Пиковую даму», которую смотрел в четверг. Говорит, что обстановка необыкновенно роскошная, но сама музыка не особенная.

8.V.1891

Дядя Андрюша превратился в офицера, он теперь прапорщик запаса и должен отбывать свой призыв каждые два года шесть недель, если не дослужится до какого-то чина. Он должен служить в Свеаборге, откуда уже написал нам одно очень интересное письмо. Я думаю, очень интересны должны быть его записки, которые он ведет с V класса.

(*Русское прошлое. С. 186, 200, 214*)

Е. А. Рыкачева – отцу

19.I.1896. Утро <Петербург>

Андрюша работает теперь страшно много <на вычитке корректур «Истории Географического общества»>, даже ночей не досыпает, но после юбилея <Общества> ему можно будет отдохнуть.

26.I.1896. Утро. Петербург

...Заседание <по случаю юбилея> окончилось около 4-х часов дня, Андрюша был одним из распределителей; он успел отпечатать и даже переплесть книгу «История Географического общества». Теперь он может немного отдохнуть.

21.III.1896. Четверг вечером <Петербург>

Андрюша сообщил нам, что он назначен отбывать воинскую повинность в Севастополе, куда должен доставиться на свой счет; ему сперва предложили отбывать повинность в Кронштадте, но он отказался. <...> Я очень рада за него, что он побывает на юге и, быть может, купается в море.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 54. Лл. 14 об., 20 об. – 21. Ед. хр. 56. Л. 16)

А.А. Достоевский – М.В. Волоцкому

9.XII.1924

«Писцовую книгу» я нашел, а «Ревизию пущ»³⁴ спросил было в университетской библиотеке и хорошо сделал, что не взял ее с собой, а предварительно просмотрел; оказалось, что та самая страница, которая мне нужна, т.е. 116 – какою-то скотиной вырвана. Иначе не могу выразиться, как назвав того человека скотиной, хотя бы он был и замечательнейшим ученым... Ведь это возмутительнейшее варварство – такое обращение с книгами.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 56. Лл. 12–13)

³⁴ В обеих книгах содержатся материалы к родословию Достоевских. – Ред.

В.С. Нечаева

...Сложилось так, что он стал наследником рукописей своего отца, который был подлинным летописцем семейства Достоевских.

Специальность статистика, служба чиновником в Министерстве внутренних дел, одинокая жизнь <...> – все это наложило своеобразный отпечаток на шестидесятилетнего старика, каким я его впервые увидела в маленькой квартирке на Почтамтской улице. Образ А.А. Достоевского у меня как-то невольно ассоциировался с представлением о типичных петербургских чиновниках царского времени <...>. Бритый подбородок и усы, немножко старомодная, очень любезная, но всегда какая-то официально вежливая и осторожная речь, не отражающая ни положительных, ни отрицательных эмоций. Он явно старался определить, что я собою представляю, мои симпатии и интересы, не позволяя себе быть сколько-нибудь откровенным. Несомненно, что мое увлечение Достоевским, знание его биографии и литературы о нем его располагали, так как он сам был в это время полностью занят подготовкой к печати мемуаров своего отца. Но вместе с тем он точно ревновал меня к этим частично уже опубликованным Орестом Миллером материалам и боялся, что я могу использовать что-то сообщенное им ранее его публикации. Так как он все же не мог удержаться, чтобы не поделиться со мной несколькими семейными документами, он потребовал, чтобы у меня не было в руках карандаша и бумаги и я лишь на слух воспринимала бы переписку юного Достоевского с отцом, которую Андрей Андреевич после опубликовал в своей книге.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 288–289)

А.А. Достоевский – В.С. Нечаевой

23.XI.1927

Весьма тронут и умилен Вашими словами, что желали бы меня видеть в числе Ваших слушателей на Вашем докладе, не на шутку оробел от Вашего повеления быть на открытии музея (очевидно, в качестве живого экспоната)...

(ОР ГЛМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 3. Л. 30)

М.В. Волоцкому

22.IX.1928. Москва

Когда Вы были в Ленинграде, кажется, в 1925 г., то я просил Вас, чтобы те выписки из неизданных воспоминаний моего отца, которые я Вам сообщил еще раньше специально для Вашей работы о Достоевских, оставались только у Вас и чтобы Вы их никому не передавали. Вы тогда мне обещали это. Вчера, просматривая новую книжку Л.П. Гроссмана «Достоевский на жизненном пути», я был очень неприятно удивлен, увидев некоторые из моих выписок, сообщенных мною специально Вам, напечатанными в названном издании. В особенности меня поразило, что описание убийства Михаила Андреевича целиком вошло в книгу Гроссмана.

Л.П. Гроссман то ссылается на Вас, то прямо указывает на неизданную рукопись воспоминаний Андрея Михайловича, которой он никогда не видел. Очевидно, только Вашей неосторожностью и неопытностью можно объяснить этот неприятный случай.

Я очень прошу Вас еще раз никому впредь не давать ни для прочтения, ни для копирования моих выписок из рукописи Андрея Михайловича, которые я сделал Вам в 1924 г. доверительно и исключительно для Вашей работы.

Еще более меня поразило, что исторические разыскания о Достоевских, которыми Вас снабдил Николай Петрович Чулков (об этом Вы мне и говорили, и писали, и говорил мне сам Николай Петрович), вошли в «хронологическую канву» под Вашим именем, без единого указания на труд Н.П. Чулкова.

Вы, конечно, уже извинились в этом перед Николаем Петровичем, а если, паче чаяния, этого еще не сделано, то я настоятельно рекомендовал бы Вам поторопиться с этим.

Очень прошу Вас, дорогой Михаил Васильевич, принять настоящее письмо не за *casus belli*, а исключительно лишь как добрый совет, который я считаю себя вправе Вам предложить как человек значительно старший Вас годами. Надеюсь также, что наша переписка по поводу Вашей работы <...> не прекратится.

Литературоведу Н.О. Лернеру

7.X.1928

Обидно очень, что конец Вашей заметки, бывший еще в корректурном оттиске, о том, что книгу эту <«Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского»> желательно было бы видеть в руках каждого студента, что этот конец, очень ценный для книги, съели типографские крысы, да не простые, а, должно быть, нарочито цензурные!

М.В. Волоцкому

20.I.1930

Я никак не мог думать, например, что «Воспоминания Андрея Михайловича», которые я сейчас издаю, претерпят такое сокращение, тем более что приняты они были для печатания полностью. Мне пришлось сокращать два раза: сначала по требованию издательства, отказавшегося от своих обещаний издать целиком книгу, а второй раз – по требованию цензуры. Из двух томов предполагаемых – остался один, всего листов на 25.

7.IV.1930

Моя книга потерпела сильные урезки. Во-первых, вся книга из двух предполагаемых превратилась в один том; во-вторых, примечания из 2 1/2 листов сократились до нескольких страничек. Несмотря ни на какие скандалы, которые я вчинял по этому поводу...

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 56. Лл. 24–25, 26–27, 28–29. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 142. Лл. 1–2)

В.С. Нечаева

Насколько я помню, последний раз я посетила Андрея Андреевича летом 1932 г. и познакомилась с живущим у него единственным внуком писателя, Андреем Федоровичем Достоевским³⁵, юным студентом, инженером по специальности. Думаю, что несколько лет совместной жизни с Андреем Андреевичем содействовали его увлеченности своим гениальным дедом, интересу к его жизни и творчеству.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 290)

Е.Б. Польская

<А.Ф. Достоевский> уехал <в Ленинград> продолжать образование, что было необходимо. <...> Жил у дяди, родного племянника Ф.М., Андрея Андреевича Достоевского, бывшего тогда ученым хранителем Пушкинского Дома Академии наук.

³⁵ № 338, с. 532. – Ред.

В мрачных красках рисовал он в письмах показавшийся сперва ненавистным город. Свою тоску в нем. С присущим ему юмором живописал быт академика-дяди, чисто «буржуазный», с шелковыми одеялами, уютной кошкой, с подробностями комическими о дядиной экономке (дядя был вдов), с ее словечками вроде «атадемик» или «Сфинтерополь». Мы хохотали. С большим сарказмом описал Андрей заседание Географического общества, на которое привлек его дядя, живо рисовал тогдашний его состав – «траченных молью» старичков и дам в «бывших бальных платьях» на «бывших фигурах». Смеялся над «обломками империи», к которым прежде относился с уважением.

(Внук писателя. С. 135)

14 ноября 1930 г. Андрей Андреевич Достоевский был арестован НКВД по обвинению в том, что он состоял членом контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за восстановление свободной России», возглавляемого академиком С.Ф. Платоновым³⁶.

10 февраля 1931 г. – осужден «тройкой» ПП ОГПУ к пяти годам концлагерей.

30 мая 1931 г. – постановлением коллегии ОГПУ по пересмотру дела определено приговор считать условным.

30 июня 1989 г. – реабилитирован (посмертно).

Постановление по делу № 1803-29 г.

1930 года, декабря месяца, дня 12 я, старший уполномоченный Секретного отдела Алдошин Г.Д., допросив Достоевского Андрея Андреевича и рассмотрев следственный материал на него, по коему гражданин Достоевский Андрей Андреевич *достаточно изобличается* в том, что состоял членом контрреволюционной организации, возглавляемой акад. Платоновым, ставящей своей задачей свержение Советской власти путем склонения иностранных держав на интервенцию, т.е. преступлении, предусмотренном ст.ст. 58–4–11 Уголовного кодекса, руководствуясь ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса, постановил:

Привлечь гражданина Достоевского Андрея Андреевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в преступлении, указанном выше, предусмотренном ст. __ Уголовного кодекса.

Ст. уполномоченный Г. Алдошин

Согласен: Начальник II Отделения <подпись>

Утверждаю: Начальник Секретного отдела <подпись>

Обвинение мне объявлено 14 декабря 1930 года. А. Достоевский

Из протокола № 2

допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО

ст. уполномоченным Алдошиным

по делу за № 1803-29 г.

О существовании в Академии наук контрреволюционной организации, возглавляемой академиком Платоновым, я первый раз услышал уже при моих допросах после моего ареста. Членом этой организации я никогда не состоял и не состою.

³⁶ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик Российской АН с 1920 г., в 1918–1929 гг. председатель Археографической комиссии. – Ред.

Мои взаимоотношения с Измайловым Н.В.³⁷ и Платоновым были чисто официальные и служебные (с Платоновым еще меньше). Никогда у меня с ними никаких разговоров на политические темы не было. Они у меня на квартире не были, я у них также.

С академиком Тарле я познакомился на одном из собраний, когда он, услышав мою фамилию, подошел ко мне и спросил: «Знаю ли я жену писателя Достоевского?» На мой ответ: «Знаю, она моя тетка» – Тарле сказал: «Очень приятно познакомиться» и добавил: «сами можете заходить ко мне». Я на это дал согласие.

Во исполнение мною обещанного я два раза был у Тарле на вечерах-журфиксах. Первый раз в 1927 и второй в 1928. Большинство присутствовавших на этих вечерах были мне незнакомы, ни с кем из них я не вел никаких серьезных разговоров³⁸.

С Беляевым я был знаком ближе, так как он являлся моим непосредственным начальником, но и с ним я разговоров на политические темы не вел.

Записано правильно.

А. Достоевский

Допросил Г. Алдошин

(УФСБ СПб и ЛО. Арх. № П82333. Следственное дело № 173)

А.Ф. Достоевский

Андрей Андреевич получил максимальный срок в то время – 10 лет³⁹. Он был отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала.

Будучи абсолютно убежденным в невиновности Андрея Андреевича, я попросился на прием к А.В. Луначарскому – председателю Ученого комитета при ЦИК СССР, приехавшему в Ленинград с лекциями по случаю 50-летия со дня смерти Достоевского. Луначарский сказал, что сам он сделать ничего не может, но доложит Всесоюзному старосте – М.И. Калинин, который единственный вправе потребовать нового расследования.

Луначарский выполнил свое обещание, так как неожиданно накануне 1 мая 1931 г. Андрей Андреевич явился домой в арестантской одежде.

(Записано С.Б.)

Е.Б. Польская

В разгаре зимы дядю арестовали. <...> Вскоре чьим-то ходатайством дядю, замешанного в знаменитое дутое «дело Академии наук», освободили, вернули из ссылки, куда он уже ехал «на собачьей упряжке» (может быть, в этом сообщении нам – гипербола, столь свойственная Андрею). Дядя вскоре умер, и Андрей оказался обладателем его обширной квартиры.

(Внук писателя. С. 135)

³⁷ В протоколе упоминаются другие обвиняемые по «академическому делу»: Измайлов Николай Васильевич (1893–1981) – литературовед, пушкинист, заведующий рукописным отделом Пушкинского Дома, зять С.Ф. Платонова; Тарле Евгений Викторович (1875–1955) – историк, академик АН СССР с 1927 г.; Беляев Михаил Дмитриевич (1884–1955) – литературовед и искусствовед, заведующий музеем Пушкинского Дома. – Ред.

³⁸ Абзац отчеркнут на полях красным карандашом. – Б. Т.

³⁹ Неверно: срок был 5 лет. – Б. Т.

Из постановления о реабилитации 23.VI.1989

Достоевский Андрей Андреевич подпадает под действие статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–40-х и начала 50-х годов».

(ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

381. Жена предыдущего⁴⁰

382. Достоевский Михаил Андреевич (11.X—3.XI.1866, [Ярославль])

34 / 372

А.М. Достоевский

<Новорожденный сын> бедный все время кричал, и крик его был не таков, как бывали крики прежних наших новорожденных, – но слабый и болезненный! <...> Мы назвали этого своего седьмого ребенка Михаилом в честь покойного моего отца, и ежели бы он был жив, то назывался бы и по имени, и по отчеству как мой покойный отец, то есть Михаилом Андреевичем. Но Бог не судил ему быть живым!!! Постоянно-болезненное состояние <...> заставило нас поторопиться <с> совершением над младенцем таинства крещения, которое и совершилось 22-го октября в субботу в день праздника Казанской иконы Богоматери <...> Последние дни его были очень мучительны, и мы ожидали с часу на час, с минуты на минуту его кончины!

(Воспоминания (рукопись). Квартира X)

Поколение пятнадцатое

383. Рыкачева, по мужу Ленина Александра Михайловна ([29.V] 1875, [Петербург — 10.X.1971, Ленинград]).

374 / 373

Педагог, медицинский работник, библиограф.

Окончила Василеостровскую женскую гимназию (1891, с серебряной медалью), Женские педагогические курсы, историко-филологическое отделение (1894) и курсы сестер милосердия. После Октябрьской революции работала фельдшером, библиотекарем; была сотрудником Главной физической обсерватории в Ленинграде, старшим научным сотрудником – библиографом Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. Автор 39 печатных работ, в том числе «Информационного библиографического указателя новейшей литературы по геофизическим методам разведки» (Л., 1939, 1953). Директор административной геологической службы III ранга. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовую доблесть».

Похоронена на Красненьком кладбище.

⁴⁰ В мемуарной литературе об Андрее Андреевиче Достоевском отмечается, что «он не был женат» (В.С. Нечаяева). Но в протоколе допроса № 1 от 21 ноября 1930 г. в графе «Семейное положение» А.А. Достоевский указывает: «вдов-одинок». Также и Е.Б. Польская в воспоминаниях об А.Ф. Достоевском пишет, что «дядя был вдов». – Б.Т.

Л.Д. Ленина⁴¹

Александра Михайловна часто говорила, что прожила очень интересную жизнь, была знакома и общалась со многими знаменитыми и интересными людьми, сидела на коленях у Федора Михайловича...

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

Ф.М. Достоевский – брату Андрею

10.III.1876. Петербург

Какая миленькая девочка у Рыкачевых. Мы у них были, и мне на них было очень приятно смотреть.

(ПСС. Т. 29₂. С. 76)

А.Г. Достоевская – А.М. Достоевскому

11.III.1876 <Петербург>

У милой Евгении Андреевны мы были на масляной. Какая у вас прелестная внучка! Я редко видела такого здорового и красивого ребенка.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 240)

А.М. Рыкачев, брат

Дневник 1890–1892 гг.

23.V.1891

Шуре присуждена серебряная медаль. Прежде каждый год давала медали сама Императрица, но в нынешнем это<го> нет. Шура ужасно недовольна. У них путаница ужасная из-за того, в каком платье ехать – в белом или в коричневом, т.е. – форменном.

22.V.1892

Вчера после завтрака, когда Шура давала мне урок по немецкому, т.е. – я читал ей какую-то книгу, мы с ней разговорились, я у ней спросил, вела ли она когда-нибудь дневник. Шура отвечала, что никогда не вела, да и не будет вести, потому что у нее много вещей, которые она даже написать боится. Потом она начала говорить, что она очень дурная. Много делает нехорошего и долго в этом духе говорила. <...>

...Шура играет или, скорее, «бренчит» <на фортепиано>, потому что играет плохо, давно известные пьесы, которые <в хорошем исполнении> доставляют мне немалое удовольствие. Иногда раздаются свистки поездов, крики разносчиков да ужасные звуки дачных шарманок, которые десять раз на день повторяют прелестный мотив вальса: «Ты моя царица». В данный момент это мотив сливается с музыкой Шуры, которая, как более слабая, превращается в какой-то странный сумбур.

31.V.1892

...Ругал Шуру <за ссору с братом Володей>, называя ее <нрзб.>, нечестной, между тем не был уверен, кто из споривших прав, Шура или Володя. Потом прихожу наверх в Шурину комнату, Шура со слезами на глазах что-то читает. «Шура», – сказал я. – «давай читать "Дым"»! <...> Шура отвечала мне, что не хочет со мной говорить, пока я не попрошу

⁴¹ Лариса Дмитриевна Ленина – невестка сына Александры Михайловны С.С. Ленина (№ 404). – Ред.

у ней прощения. Я попросил прощения, и мы стали читать <...>. Это показывает, что, во-первых, Шура незлопамятна и добра, а во-вторых, что я, кроме опрометчивости, отличаюсь гордостью и недостаточным смирением: не захотел сам первый говорить о своей вине и об извинении, а нарочно заговорил с Шурой, чтобы она потребовала моего извинения...

(Русское прошлое. С. 215, 233, 236)

А.М. Рыкачева – деду
<21> III.1896 <Петербург>

В ходе и развитии весны у нас произошла, как выразился Кайгородов в своем бюллетене, – заминка. <...> Грустно будет, если не станет теплее на Пасху: это чисто весенний праздник, и к нему не пристали зимние холода...

4 (16) IX.1896. Париж

<Берлин> мне очень понравился своей чистотой, чинностью и благоустройством. <...> Особенно хороши здесь музеи – старый и новый, национальная галерея с новейшими произведениями немецкой живописи и скульптуры и цейхгауз – этот последний настоящий храм военного искусства – здание чуждое, прекрасно украшенное скульптурами – произведениями лучших художников. <...> Осматривали мы еще императорский дворец, в высшей степени роскошный. <...> При входе во дворец нас очень насмешило то, что всем нужно было надеть валенки, чтобы не портить полов. Потом мы действительно убедились в том, что это не лишнее, так как паркет в некоторых залах поразительной мозаичной работы. <...> Ездили мы еще в Тиргартен, смотреть зоологический сад, звери и птицы помещаются там в настоящих дворцах. <...> Были также мы на Берлинской промышленной выставке, она мне понравилась, хотя наша – несравненно лучше. <...> Во время нашего двухдневного пребывания в Берлине мы успели даже побывать в Королевской опере. Давали «Фальстафа». <...> По дороге в Париж мы на 1 час останавливались в Кельне и ходили смотреть собор. Попали как раз во время службы – играл орган, слышалось чуждое пение, было очень много молящихся...

В Париж приехали <...> вечером и совершенно случайно попали на замечательно удобный и уютный отель. <...> Место у нас самое центральное, почти у самого Лувра, <...> <где> пока еще не были. Вчера были в Grand Opera. Здание такой удивительной красоты, что, мне кажется, вряд ли найдется во всем свете что-нибудь лучшее. Постановка и исполнение были прекрасные, гораздо лучше, чем у нас в Петербурге. Давали оперу Амбруаза Тома «Гамлет». <...> Сегодня с папой думаем совершить большую прогулку по Парижу, заходя в замечательные места, а затем поедem в Parc St. Maurice, где находится метеорологическая обсерватория.

12 (24) IX. 1896. Париж

От Парижа я прямо в восторге, уж очень здесь весело живется! Мы <...> осмотрели главные музеи и картинные галереи. Лувр осматривали в течение двух дней очень подробно. <...> Там такая масса чудных картин. Все лучшие произведения сосредоточены в одной зале, так называемом Salon carre, там есть несколько замечательных картин Рафаэля, Корреджио, Мурильо (замечательная мадонна), Тициана и др. Очень хорошо также собрание французской исторической живописи. В особенности мне понравился Р<о>ussin, Lebrun, Meissonier, Грээ и Ватто. Произведения новейшей современной живописи находятся в Люксембургском музее. По-моему, они очень похожи на нашу современную живопись. Есть между ними, конечно, и неизбежные символисты-декаденты, которые проникают в настоящее время во все отрасли искусства. Очень хорош музей Клюни, хранящий в себе богатейшие коллекции старинных вещей. <...> Клюни был прежде дворец одного из французских королей и реставрирован совершенно по прежнему образцу.

Очень хороши в Париже церкви, мы их посетили несколько, и все они в разном роде. Величественнее всех, конечно, Notre Dame. Мы осматривали там и сокровищницу и ризницу. <...> Поднимались также и на <Эйфелеву> башню, откуда открывается чудный вид на Париж.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 48. Лл. 1 об., 2, 10–14, 15–16)

М.Г. Штейн

С 1897 по 1899 гг. преподавала русский язык в гимназии, принадлежавшей Е.М. Гедда (Крюков канал, 14), пользовавшейся правами казенного учебного заведения. Свободно владея немецким и французским языками, помогала сначала отцу, а потом мужу в их работе. В конце 1899 г. вместе с мужем уехала в Париж, где открылась сельскохозяйственная выставка. Год изучала в Сорбоннском университете французскую литературу. Вернувшись на родину и оказавшись в имении мужа, А.М. Ленина воспользовалась правами, которые ей давал диплом сестры милосердия (она окончила трехлетние курсы сестер милосердия Георгиевской общины), и открыла медпункт с амбулаторией и аптекой в селе Красном <Пошехонский уезд Ярославской губернии>. В этом медпункте лечились все окрестные крестьяне...

После революции о том, чтобы содержать пункт за свой счет, не могло быть и речи. Александра Михайловна передала его в ведение Пошехонского уездного здравотдела, а сама стала заведующей и фельдшером, но уже за положенную в таком случае зарплату.

В июле 1922 г. <пережив смерть мужа и старшей дочери> Александра Михайловна вместе с детьми вернулась в Петроград. <...> <Благодаря хлопотам бывших коллег отца ее> приняли на работу в библиотеку, правда, с мизерной зарплатой. Подрабатывала А.М. Ленина и частными уроками.

<Друзья порекомендовали> Александре Михайловне обратиться к Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой с просьбой назначить детям пенсии за погибшего отца, а также оставить за семьей дом в селе Красном. <...> М.И. Ульянова выступила ходатаем перед М.И. Калининым <...>. Пенсия детям была назначена. <...> За заслуги Лениных перед родиной им был оставлен дом. <...> До 1928 г. семья Лениных летом выезжала в село Красное, где с удовольствием занималась огородничеством. <Потом> в их доме разместился сельско-

хозяйственный техникум. <...> Дети выросли. Дача стала не нужна, да и бороться за нее стало опасно...

В 1930 г. во время выдачи паспортов Александре Михайловне и ее совершеннолетним детям в получении паспорта было отказано из-за их социального происхождения. Зато была выдана справка, <...> что они не имеют права проживать в Ленинграде. Тогда Александра Михайловна вновь обратилась за помощью к Крупской, но та ответила, что, к сожалению, ничем помочь не может, ее вмешательство только усугубит положение Лениных. Помог президент АН СССР А.П. Карпинский. Он позвонил С.М. Кирову и попросил за дочь академика М.А. Рыкачева и ее детей. <...> Семью Лениных оставили в покое. В том же 1930 г. Александра Михайловна перешла на работу в библиотеку Геологоразведочного геофизического института (будущий ВИРГ), где проработала 27 лет и ушла на пенсию с должности старшего научного сотрудника-библиографа. Ее высоко ценили в институте: в день восьмидесятилетия ее наградили орденом Трудового Красного Знамени, а ранее – медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За трудовую доблесть».

(Ульяновы и Ленины. С. 211–220)

М.В. Волоцкой

В очень слабой степени унаследовала от своего отца ихтиоз, который проявляется лишь в виде едва заметных признаков на локтях и коленях. У других же ее сестер и братьев нет ни малейших следов этой болезни. Зато у ее сына Сергея ихтиоз распространен по всему телу.

А.А. Достоевский

Деятельная, энергичная и добрая. Друг своих детей. Слабое сердце.
(Письменные характеристики. М.В. 1924)

Т.Л. Кунько

У бабушки был редкий дар – дар доброжелательности, ее любили дети, внуки, все четыре зятя, невестка, ближние и дальние родственники, сослуживцы, друзья и подруги. Люди ценили ее за доброту, хорошее воспитание и высокую работоспособность. Я не помню, чтобы у нее были враги или она с кем-либо ссорилась. Конфликтные ситуации ее глубоко огорчали и расстраивали. Многие ее знакомые по дореволюционному прошлому

были высланы в Казахстан, Среднюю Азию и другие «места не столь отдаленные». Бабушка вела с ними обширную переписку, а когда они возвращались из ссылки, часто приглашала в гости.

Вернувшись в 1944 г. из эвакуации в Ленинград, бабушка поселилась у своей двоюродной сестры Марии Владимировны Савостьяновой <по приглашению последней>. Ее собственный дом был разбомблен, все дети разъехались по разным комнатам в ленинградских коммуналах. Не без юмора она объясняла свое решение тем, что «хочет сохранить хорошие отношения с детьми», почему и предпочитает жить отдельно. Но еженедельно, во все выходные и праздничные дни по договоренности с тетей Машей бабушка собирала родственников за общим столом. Мы, дети голодного послевоенного времени, любили эти праздники, когда угощение казалось особенно вкусным. Нередко на таких воскресных сборах мои «дворянские» дяди «потрясали основы» – ругали Советскую власть и называли Ленина и Сталина (еще при жизни последнего!) преступниками; они регулярно слушали Би-би-си и «Голос Америки» и за общим столом пересказывали и комментировали услышанное. Единственный «пролетарский» дядя – мастер на заводе и член Коммунистической партии – по большей части отмалчивался, лишь изредка выражая свое несогласие. Но я не помню ни одного случая, чтобы бабушка вмешалась в эти споры и кого-нибудь или что-нибудь осудила.

Когда в 1949 г. арестовали папу, у мамы на руках остались трое детей 10, 7 и 3 лет⁴². Она была вынуждена отправиться в экспедицию с младшей дочерью, а старших детей – меня и брата – оставила бабушке. Через год Александра Михайловна взмолилась: в детстве брат был неуправляем, плохо учился и большую часть времени проводил на улице. А бабушка очень поздно возвращалась с работы. В результате брат отправился к матери в экспедицию, а я оставалась с дорогой мне бабушкой все четыре года, до возвращения отца из заключения...

Еще Александра Михайловна очень любила цветы. Все подоконники ее квартиры были уставлены цветочными горшками; бабушка часто дарила их на дни рождения (даты которых прекрасно помнила всю жизнь) своим многочисленным родственникам, подругам и сослуживцам. Она была постоянным посетителем цветочных магазинов Васильевского острова, там ее хорошо знали.

(Письменные характеристики. Н.Б.)

Л.Д. Ленина

Несмотря на хрупкое телосложение Александра Михайловна была удивительно сильным и мужественным человеком. После смерти мужа, в голод и разруху гражданской войны она в одиночку билась за своих детей, помогала незамужней сестре Домнике, другим родственникам, друзьям. Встретив на улице старую знакомую Мясоедову-Бенуа и узнав, что та с девятью дочерьми оказалась без средств и жилья, Александра Михайловна тут же предложила им свой кров. В другой раз кто-то из подруг посетовал, что не имеет возможности купить инструмент для своего жаждущего музицировать ребенка, и Александра Михайловна не задумываясь подарила ей семейный рояль, поскольку из ее собственных

⁴² Речь идет о семье младшей дочери А.М. Лениной – Ирины Сергеевны Кунько (№ 400). – Ред.

детей никто музыкой всерьез не увлекался. Также не боялась она общаться с опальными друзьями; высланным на поселение писала письма, отправляла необходимые вещи, книги.

Поразительно было в ней и стремление к самосовершенствованию – в 47 лет она самостоятельно выучила английский язык, ставший необходимым для работы!

В отношениях с людьми она была человеком очень деликатным и выдержанным. Ее отличали огромная доброта и щедрость души. Я, например, ни разу не слышала, чтобы Александра Михайловна повысила голос, пожаловалась на жизнь или осудила кого-то. Свою трудовую деятельность она закончила в 82 года, проработав во Всесоюзном институте разведочной геологии без малого тридцать лет. Министерство геологии СССР присвоило ей звание директора административной геологической службы III ранга, в день своего восьмидесятилетия она получила орден от правительства СССР. Но степень кандидата наук так и не присвоили по причине... «социального происхождения»! Все это – «хулу и похвалу» – Александра Михайловна воспринимала в высшей степени спокойно.

(Записано Н.Б.)

Г.Ф. Коган

Наше знакомство состоялось осенью 1957 г., когда я разыскивала еще кого-нибудь из родственников Ф.М. Достоевского, живущих в Ленинграде, кроме внука писателя. У меня не было точного адреса, и это просто чудо, что я, имея самые туманные ориентиры («на набережной Васильевского острова, у церкви»), после долгих блужданий все-таки нашла нужных мне людей. К слову сказать, А.Ф. Достоевский не очень-то хотел, чтобы я общалась с этими его родственниками, и уклончиво отвечал на мои просьбы сообщить их адрес. Помню, что, войдя внутрь дома, я увидела перед собой три двери и, не зная, куда же мне обращаться, наугад позвонила в среднюю. Мне открыла высокая моложавая женщина с короткой стрижкой седых волос и на мой вопрос о родственниках писателя ответила: «Вы пришли совершенно правильно!» Это и была Александра Михайловна. От волнения я с силой рванула бусы на шее, нитка лопнула, и бусины раскатились по всему полу. Александра Михайловна бросилась помогать мне собирать их, и только с большим трудом я смогла удержать ее от этого.

На все мои расспросы о семейных реликвиях она отвечала, однако, что сначала мне надо познакомиться с ее двоюродной сестрой Марией Владимировной Савостьяновой, всячески подчеркивая роль сестры в решении подобных вопросов. Мне предложили прийти на следующий день. К этому времени они собрали семейный совет, на котором решалась судьба мемориальных вещей, ныне хранящихся в московском музее Ф.М. Достоевского. Тогда, в частности, в музей были переданы портреты родителей писателя, до того известные лишь по репродукциям, книги, по которым учились в детстве братья Достоевские, и «Сборник благоговейных песен», изданный в Почаеве, со знаменитым акростихом, читающимся как фамилия писателя⁴³.

(Записано Н.Б.)

⁴³ См. с. 77–82. – Ред.

А.Ф. Достоевский

«Сведения, которые могут быть полезными при проведении
развода А.Ф. Достоевского с Т.В. Достоевской»
<1960>

Кроме меня, мужчин Достоевских, прямых или не прямых родственников писателя, нигде не имеется. Женщин дальнего родства с Ф.М. Достоевским едва ли одна, кроме <моей> дочери Татьяны, найдется⁴⁴.

(Ст. Русса)

Т.Л. Кунько

До конца своих дней бабушка не теряла стройности, подвижности и душевной бодрости. Правда, в последние годы у нее было плохо со зрением, ей даже запретили читать. Но главное, что ее мучило, – это эмфизема легких. Столик перед ее кроватью был заставлен лекарствами. Задыхаясь, бабушка часто вставала по ночам и ходила по комнате, но когда ее спрашивали, болит ли у нее что-нибудь, она отвечала – нет, ничего не болит. В 96 лет, забравшись на скамеечку, чтобы полить цветы, бабушка упала и сломала шейку бедра. В больнице ее упаковали в гипс, она не могла ходить, все время лежала, и это стало причиной ее смерти.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2005)

384. Ленин Сергей Николаевич

(1862 – [лето] 1919). Муж предыдущей. [Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. До 1917 г. помещик] Ярославской губернии. Директор департамента Министерства земледелия и член ученого комитета при Министерстве земледелия. Автор научных работ по машиностроению и сельскохозяйственному образованию.

Л.Д. Ленина

Сергей Николаевич был потомком Ивана Посника, который в 1633–1645 гг. совершал с казачьим отрядом походы в Сибирь, заложил города Енисейск, Жиганск, Верхоянск, Зашиверск и проложил путь на Индигирку. За заслуги в создании зимовий на реке Лене

⁴⁴ Тем не менее, внук писателя был знаком с потомками А.М. Достоевского. Именно у них он увидел свою будущую жену (см. с. 549).

Т.Л. Кунько: «Как-то раз мой дядя Сергей Сергеевич Ленин встретил А.Ф. Достоевского в Москве и заинтересовался, почему тот у них не появляется. А.Ф. ответил, что он очень любит тетю Шуру, но не может ее навещать из-за ссоры с Марией Владимировной Савостьяновой». Возможно, причину этой неприязни следует искать в следующих, в общем-то, известных фактах биографии А.Ф. Достоевского. Перебравшись в Ленинград и поселившись у дяди Андрея Андреевича (№ 380), Андрей Федорович после смерти дяди в 1933 г. стал не только хозяином его квартиры, но и обладателем архива. Казалось бы, все фамильные реликвии должны были самым естественным путем перейти в руки племянника. Однако этого не произошло: при невыясненных обстоятельствах самое ценное оказалось в семье Савостьяновых. Можно представить себе чувства Андрея Федоровича, не без оснований (единственный прямой потомок!) считавшего себя главным наследником великого писателя. Болезненность ситуации усугублялась еще и тем, что огромная часть архива Ф.М. Достоевского, находившаяся в распоряжении его вдовы и сына, пропала после 1917 г., можно сказать, прямо на глазах внука. – Н.Б.

и освоении Сибири Посник Иван получил несколько наград: был жалован «водой, землей и бородой», то есть дворянским званием и поместьем, и самое главное – фамилией Ленин. *(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)*

А.А. Достоевский

В характере твердость, спокойствие, уравновешенность. Последние два года вел трудовую крестьянскую жизнь в деревне. *(Письменные характеристики. М.В.)*

М.Г. Штейн

После окончания университета Ленин несколько лет служил в Главной геофизической обсерватории, а затем перешел в Министерство государственных имуществ, где достиг высокого служебного положения. Он был членом совета Министерства земледелия, Временного совета при главнонаблюдающем за физическим развитием народонаселения Российской империи, товарищем председателя Комитета по делам кожевенной промышленности Министерства торговли и промышленности, Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию. <...> был очень умным человеком, прекрасным оратором, большим любителем творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина, который прекрасно описал его любимое Пошехонье. Ростом он был 190 см и имел очень импозантный вид. Его очень любили крестьяне села Красного, его родины...

<В 1917 г., когда семья С.Н. Ленина, спасаясь от голода, оказалась в родовом имении>, крестьяне села Красного отнеслись к своим помещикам доброжелательно и даже выделили им по трудовой норме землю, чтобы они могли добывать себе пропитание.

В июне 1919 г. в Пошехонско-Володарском уезде вспыхнуло восстание «зеленых» <...>. К Ленину пришел один из участников восстания, некто Ловцов, и предложил присоединиться к восставшим. Но Сергей Николаевич лишь рассмеялся: «Вы идете против всей России, – сказал он Ловцову. – Как только против вас применят пушки, вы разбежитесь». И оказался прав...

После подавления восстания был расстрелян в Пошехонском уезде 41 человек. <...> Но на этом расправы властей не закончились. Вскоре в село Красное, где жили Ленины, прибыл красный карательный отряд. Были произведены аресты «по классовому принципу» – взяты под стражу кулак А.П. Смирнов, священник отец Владимир (Романский) и помещик – С.Н. Ленин.

<В день ареста> с самого утра <...> Сергей Николаевич косил со старшей дочерью Ольгой и к вечеру очень устал. Пришел домой, и вся семья расположилась на веранде, выходящей в сад. Неожиданно появилась жена местного милиционера <...> взволнованно рассказала, что красноармейцы собираются убить Сергея Николаевича, а подбивает их на это ее муж. Сергей Николаевич, услышав сообщение <...>, мог спокойно скрыться в лесу. Благо лес был рядом. <...> Но Ленин не стал этого делать. К этому времени у него было приглашение от наркомпрода А.Д. Цюрупы приехать с семьей в Москву и приступить к работе в Народном комиссариате продовольствия <...>. Сергей Николаевич рассчитывал на спасительную силу этого документа, но ошибся. Появившиеся вскоре два бойца карательного отряда не стали вдаваться в тонкости содержания предъявленного Лениным документа. Сергей Николаевич был арестован. Но его не посадили, как других арестован-

ных, на телегу, а заставили идти пешком. Идти было тяжело, и около деревни Дар он попросил конвоиров посадить и его на телегу. Такая просьба со стороны помещика конвоиров возмутила, и они решили проблему просто. <...> С.Н. Ленин был убит.
(Ульяновы и Ленины. С. 208–217)

385. Рыкачев Андрей Михайлович

374 / 373

([2.XI] 1876, [Петербург — 12.XI] 1914, [д. Поремба-Гурна Келецкой губернии, Царство Польское]).

[Окончил 8-ю классическую гимназию с золотой медалью (1894), поступил на историко-филологический, но вскоре перевелся на юридический факультет Петербургского университета (окончил в 1900-м).] Экономист, [журналист, автор многих] работ по политико-экономическим вопросам: наиболее крупной из них является книга «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма» (1910).

На войну пошел добровольцем, в качестве нижнего чина. Умер на австрийском фронте от контузии или истощения⁴⁵ (был найден мертвым в окопе).

А.М. Рыкачев

Дневник 1890–1892 гг.

1.VIII.1890

Сегодня 1-е число августа – день, с которого я решил начать свой дневник. Вести дневник всегда было мое заветною мечтой. Еще совсем маленьким ребенком я старался записывать некоторые факты из своей жизни; но вести дневник никогда не удавалось мне, несмотря на то, что я пробовал это делать несколько раз. Теперь я принял твердое решение с 1-го августа каждый день писать свои впечатления.

Мне 13 лет. Я учусь в С<анкт>П<етербургской> 8-й гимназии; только что перешел в 5-й класс с наградой 1-й степени. Папа служит в Главной физической обсерватории (он там помощник директора), и потому мы живем на (Васильевском) острове...

После чая занимался немецким с Полиной (немка, которая уже четыре года живет у нас <...> ей теперь 20 лет; она некрасива, высока, <зачеркнуто: довольно толстая>, кончила свое образование в каком-то подготовительном училище, поэтому с весьма смутными представлениями.

2.VIII.1890

После завтрака пришел <...> мой товарищ по классу. <...> Это очень симпатичный юноша, <...> но довольно странный. <...> Впрочем, он совершенно зависит от его тетушки (мать у него умерла еще в самом детстве), маленькой, толстой, толстой и толстой <...> По ее мнению, мальчикам 11–12–13 лет нельзя читать ничего другого, как глупые (по моему мнению) повести Жюль Верна и капитана Майн Рида, преисполненные ужасной чепухой, которую еще пополнили безграмотные переводчики на русский язык.

16.VIII.1890

...Я начал читать «Бедных людей» Достоевского. Какая прелесть. Как прекрасно описана жизнь бедняков! С первых строк этот роман моего дяди-дедушки привлек все мое вни-

⁴⁵ Скорее всего, от кровопотери после ранения. – Ред.

мание. Видимо, моя программа <чтения>, которую я недавно составил, пойдет к черту! Впрочем, я сам виноват, что не поместил туда Достоевского. Однако надо же, наконец, кончить «Войну и мир», я ее читаю уже целое лето. <...>

Я ужасно маленький ростом...

11.XII.1890

В субботу я поссорился с <одноклассником> Сенявиным и из какого пустяка! Мы его прозвали Оленькой (это ему очень подходящее имя), а он стал обижаться. И вот, когда я его продолжал называть Оленькой, то он вдруг дает мне плюху!!! Я, конечно, дал ее ему назад, но решился с ним до тех пор не мириться, пока он не попросит извинения. Тогда и я, в свою очередь, непременно извинюсь, если он этого потребует.

21.XII.1890

С Сенявиным я не то что помирился, но больше не сержусь на него. Не знаю, право, отчего, но как-то прошло. Да и к чему гордость. Дал я ему в ответ оплеуху, и довольно с меня.

<24> XII.1890

<Сенявин> мне рассказывал про необыкновенный разврат, который царствует в Польше. Да и здесь тоже: всякий юноша, едва достигши 18 или 19 лет, уже грешит против 7-ой заповеди! Ужасно! Я решил еще давно не поддаваться общему влечению и остаться нравственным. Не знаю, насколько это мне удастся...

20.II.1891

Последнее время я был довольно часто в театре и концертах. Учительница дала мне абонементный (и главное даровой) билет на Симфонические собрания. Ах, какое наслаждение слушать там музыку, даже только оркестра без знаменитостей. Там я слышал Каррино⁴⁶, американку, чудесно игравшую на фортепиано, Вержбиловича, известного виолончелиста⁴⁷. Я люблю виолончель больше всех других инструментов. Таких звуков нельзя выразить ни на скрипке, ни на духовых инструментах, ни, тем более, на рояле.

9.III.1891

...Однажды мне случайно пришла в голову мысль: для чего мы живем? К чему стремимся? И, немного подумав, ответил: чтоб быть счастливыми. Ответ почти машинальный, но, подумав, я уверился, что в нем много, очень много истины. Действительно, можно было бы прибавить: и чтоб другие были счастливы. Но почему же мы стараемся, чтоб другие были счастливы? Не потому ли, чтобы быть этим довольными? Разве заклятому врагу мы желаем так же счастья, как и лучшему другу?

22.IV.1891

Пошел со всеми в церковь; но скоро почувствовал себя нехорошо, вышел и чуть не свалился. <...> Вообще, я чувствую себя очень слабым.

5.V.1891

На днях прочел в биографии Белинского Протопопова следующее: «Тип так называемых “первых учеников” наших низших, средних и высших училищ хорошо всем известен.

⁴⁶ Карреньо (Carreño) Мария Тереса (1853–1917) – венесуэльская пианистка, композитор. Выступала с концертами в Европе. – *Ред.*

⁴⁷ Вержбилович Александр Валерианович (1849/1850–1911) – виолончелист, солист оркестров петербургских оперных театров, участник многих камерных ансамблей. Концертировал в городах России и за рубежом. Профессор Петербургской консерватории. – *Ред.*

Это мальчики или юноши с превосходной памятью и с чрезвычайно пассивным ленивым умом, с огромным прилежанием и без малейших признаков живой любознательности. Они назубок знают по Востокову, что «грамматика есть руководство к правильному употреблению слов в разговоре и письме», – и двух строк не напишут без ошибки; на полный балл с плюсом расскажут об *ursus*'е и не сумеют описать незнающему человеку медведя». Это возбудило во мне вопрос: «Таков ли я?» И отвечаю: не таков. Это не хвастовство, ибо если человек скажет: «Я человек, а не кукла», то это не хвастовство.

8.V.1891

Я ужасно нервный. Вчера, когда я лежал в постели, я невольно слышал разговор в соседней комнате мамы и папы. Мама опасалась за болезнь дяди Саши <...> когда мама вспомнила,

как дядя Саша рассказывал, что к нему в лабораторию залетела ласточка и долго кружилась в комнате, и сказала, что это дурной знак, – я, хотя и думал, что я враг предрассудков, был страшно взволнован. Я весь вспотел и долго не мог заснуть.

23.V.1891

Мне, собственно, очень приятно жить посреди русских крестьян, ибо во время четырехлетнего пребывания в Вильманстранде и в Силломягах мне чужны ужасно надоели. Кстати, много клеветы на нашего русского мужика. Его представляют пьяницей, нищим, лентяем, тогда как в действительности живет он хорошо, доволен своей судьбой, религиозен (в каждой, малейшей деревушке есть часовня).

(24 мая). Что же касается пьянства, то, по крайней мере, в окрестностях Опок, где я осматривал три деревни, нет ни одного кабака. Есть мужики богатые, и их порядочно.

25.V.1891

Прочитал биографию Белинского Протопопова. Хорошо составлена, только очень мало о литературном поприще В<иссариона> Гр<игорьевича>, да слово «помолчалинствовать» мне не очень нравится. Неужели у нас так мало слов, что надо выдумывать новые? <...>

<Знакомый> рассказывал мне содержание романа «Нана». Разве такое грубое изображение порока не есть уже знакомство с пороком, знакомство с примерами его, которое влечет за собой не пользу, а вред нравам?

11.VI.1891

Музыка меня редко трогает, особенно серьезная. Она мне нравится – и только. Но когда заиграют вальс, на меня всегда находит такое настроение, когда

И плачется и верится,

настроение и грустное, и сладостное, когда душа ищет чего-то, чувствует что-то и не может найти, и не может дать себе отчета, что это такое...

29.VII.1891

Больших усилий над самим собой стоит мне поднять гимнастические гири, потому что за последнее время мне ужасно лень делать гимнастику; потом учу французские слова, отвечаю их маме <...>. Потом садимся за наш маленький стол на балконе <...>. Кончивши чай... однако я вижу, что мне скучно писать, да и читать будет скучно.

10.I.1892

Я ничего не писал в дневник, потому что хотел сберечь время, которого у меня ужасно мало: правда, уроки немного занимают, я теперь их недолго готовлю, но зато почти всегда играю на фортепиано больше двух часов. Для чтения ничего не остается. Дело в том, что я по совету моей бывшей учительницы поступил в музыкальную школу и учусь у Боровки⁴⁸.

6.IV.1892

Я давно чувствовал потребность записать сюда побольше. Много у меня накопилось в душе. А если все сохранять в этой душе и никому не высказывать своих мыслей, то все путается, и смутно и неприятно становится на сердце. Друга, которому бы я мог сказать все мои чувства и помыслы, – у меня нет. Поэтому и надо мне поговорить на бумаге. Во-первых, буду откровенен. Я, как и герой толстовской «Детства, Отрочества и Юности», люблю умствовать, и мысль об этой моей привычке льстит моему самолюбию.

Вот чего я достиг путем умствования. Cogito, ergo sum. Бессознательное чувствование, что я существую, мне приятно. Иногда оно становится более приятным, иногда – менее. В первом случае я – счастлив. <...> Из этого следует, что у меня есть стремление к счастью. Все мои действия, которые ведут к моему счастью, я называю добром, истинной. Все, чем я препятствую своему счастью, я называю злом. Вопрос в том, как достигнуть счастья.

Из опыта я знал, что не могу быть счастливым без других существ, которые природою сходны со мною, без других людей. <...> Лучшими минутами во всей моей жизни были те, когда я горел любовью к окружающим меня. <...> Конечно, я не говорю о той любви, которую чувствуют так называемые «влюбленные». <...> Все это в мыслях так легко, а на бумаге так трудно говорить. Я чувствую, что чем больше я говорю, тем больше путаюсь. Почему, если сердце говорит, что надо быть добродетельным, есть люди недобродетельные? Почему они не слушают сердца? Да и что говорить. Ум – жалкая вещь, круг действия которой узок чрезвычайно. Зачем я написал столько страниц? <...>

Я чувствую, но я ничего не знаю. Да, все. Больше мне ничего не надо. Мне не надо Бога, и я не верую в Него.

9.V.1892

Мне скажут, что многое доказывает существование Бога. Но я не знаю таких доказательств. Напротив, я убежден, что Бога, каким себе Его представляют христиане, нет, не было и не будет. Христиане говорят, что Бог – высшее существо, следовательно, Он должен быть мудрейшим существом. Но если Он мудр, как Он не понимает, что если Он будет помогать людям жить, если они будут зависеть от Него, то они будут несвободны и несчастливы. <...> Если Бог может сделать худых хорошими, то почему одних из этих худых

⁴⁸ Боровка Иосиф Александрович (род. 1853) – пианист, профессор Петербургской консерватории, директор Петербургской музыкальной школы. – *Ред.*

Он делает хорошими, а других нет? Не лучше ли было бы, если бы Он никого из худых людей не делал хорошими и предоставил их самим себе? И зачем это воплощение в Деву Марию, которое доставило «спасение» только незначительной горсти людей, тогда как масса осталась непросвещенною, как потому, что жили до Христа, так и потому, что христианство не сразу и не везде распространилось?

20.V.1892

Я давно уже сомневался в истине христианского учения. Но заглушал в себе эти сомнения, так <как> слишком привык считать нашу религию за единственное средство к достижению «блаженства». Я же смею сказать себе самому, что Христос – не Бог. В прошлое лето <...> я прочитал несколько сочинений Корнеля, Расина, Мольера, Notre Dame В. Гюго и, наконец, Emile Руссо. Когда я дошел до исповеди священника в четвертой книге, то был поражен смелостью Руссо. Я впервые слышал, как человек открыто отрицает божественность Христа, и понял, что истинного своего убеждения, каково бы оно ни было, стыдиться не следует. Тогда я впервые осмелился сознаться самому себе, что я не верю в Бога. Итак, не у Руссо занял я свои мысли, они уже таились у меня давно, у Руссо – я занял только смелость, Руссо мне только подсказал возможность пойти против религии своих родителей. Я пошел дальше, чем Руссо. Он верит в Бога, я не верю. Когда я сказал себе это, <...> то явился вопрос, как же я теперь буду жить. <...> Я отвечал, что буду руководствоваться совестью, ибо я верю, что счастье наше и есть так называемая добродетель и что к ней надо стремиться. Я положил себе каждый вечер перебирать в уме все то, что сделал за день, и решать, что хорошо и что худо. И это я исполнял и был спокойнее, чем прежде.

20.V.1892

Вчера ничего особенно худого не делал. А что касается мелких ошибок, то их и записывать нечего. Замечу, впрочем, что в играх с детьми я все еще иногда горячусь: когда проиграю – недоволен, когда что-нибудь не удастся – ворчу; кроме того, в спорах часто из упрямства защищаю свое мнение, хотя убежден в его несправедливости. Все это случается, впрочем, реже, чем прежде. <...> Вообще я не стыжусь прыгать и скакать с Мишей и Домникой и нисколько не стараюсь походить на «большого». Шура и Володя тоже не стесняются в этом отношении и как в детских играх, так и в серьезных разговорах являются вполне натуральными.

24.V.1892

Я, как и большинство детей, очень хвастлив. Когда сзади идут кто-нибудь из чужих, я, если вижу, что они могут меня слышать, говорю громче и умнее. <...> Вчера <одноклассник> <...> между прочим спросил меня, кто сильнее, я или Володя. Я отвечал, что мы оба равны, но что уже целый год почти хорошенько не состязались. Он сказал: ну, если ты признаешь себя равным с ним, то, значит, он сильнее. Почему? Отвечаю: разве ты думаешь, что все так честолюбивы?

27.V.1892

Я ответил неправильно. Я почти уверен, что Володя сильнее меня. И сколько в нас такого мелкого самолюбия. Вчера хвастался Володе своим смирением, говоря, что я не высокомерен и не горд. И в эту самую минуту я был горд. Вообще я часто замечал эту двойственность не только в самом себе, но и в других. Так многие, уступая противнику в споре, говорят: «хорошо, я тебе уступаю». Надо уступить, а не говорить об этом. Добрее иногда,

получив приказание от старших и долго не повинуюсь, наконец слушаться, но при этом ворчать и браниться, и очень часто повторять слова: «ну вот, всегда так, всегда, всегда...!» или: «и этак никогда, никогда, никогда...!» Да, надо смириться, смириться на деле, а не на словах.

Иногда в минуты непонятной грусти и тоски мне хотелось бы чего-нибудь поесть, чего-нибудь очень, очень хорошенького. Но увы, этого хорошенького нет на свете!

30.V.1892

Говорят, что есть люди, которые всякого рассердят. Это чушь. Человек, который постоянно сердится и кричит, если он при этом не нервнობольной, показывает этим, что он не хочет сдерживать себя. Я сам иногда находился в таком состоянии, когда самое мое раздражение доставляло мне удовольствие. Мне было приятно видеть, какое впечатление производит на окружающих мой гнев. Это нехорошо.

(Русское прошлое. С. 180–236)

[Будучи студентом, выезжал в Тульскую губернию для оказания помощи голодающим. В 1899–1900 гг. работал в отделе сельскохозяйственной экономики и статистики Министерства земледелия и государственных имуществ. В 1901 г.] за участие в политической демонстрации был выслан из Петербурга на два года «в места не столь отдаленные», а именно в Саратов.

А.А. Корнилов⁴⁹

Я приехал в Саратов в июле 1901 года. Временно лишенный, вместе со многими другими литераторами, права жить в столицах и столичных губерниях, я получил тогда приглашение редактировать «Саратовский дневник», только что перед тем приобретенный земским и общественным деятелем Н.Н. Львовым⁵⁰. В числе постоянных сотрудников газеты я встретил тогда же юного А.М. Рыкачева, попавшего в Саратов по одинаковым со мной причинам. Как сейчас помню первую встречу с ним в редакции. Одетый в синюю ситцевую рубашку, Андрей Михайлович имел вид мальчика с милым интеллигентным лицом, на котором особенно выделялись живые и честные глаза, сразу к нему привлекавшие. На самом деле он в это время уже окончил курс Петербургского университета, и ему было 24 года.

Андрей Михайлович при первой же встрече сказал мне, что интересовался в университете больше всего экономическими науками и что сообразно с этим думает работать в газете главным образом по вопросам экономической жизни. Убедившись, однако, из разговора с ним, что он очень начитан и сведущ и в области истории и, кроме того, владеет иностранными языками, я просил его взять

⁴⁹ Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк, писатель, профессор Петербургского политехнического института, один из основателей партии кадетов. В 1901 г. за участие в протесте 42 литераторов против избияния молодежи на площади перед Казанским собором в Петербурге был выслан в Саратов. – *Ред.*

⁵⁰ Львов Николай Николаевич (1867–1944) – политический деятель, крупный помещик. Юрист по образованию. Предводитель дворянства Саратовской губернии (1893–1900), председатель Саратовской губернской земской управы (с 1899). Один из основателей буржуазно-либерального «Союза освобождения»; член ЦК партии кадетов (1906); депутат I, III и IV Государственной думы. – *Ред.*

на себя заведование иностранным отделом газеты, на что он после некоторого колебания и согласился. Составлявшиеся им ежедневно хроники заграничной жизни были всегда очень живо и интересно подобраны; а раз в неделю он давал еще и «иностранные обозрения», талантливо и интересно составленные. Но роль его в газете этим отнюдь не ограничивалась. Редакция у нас была коллективная, мы часто собирались и обсуждали и общие задачи газеты, и различные вопросы текущей общественной и политической жизни, причем очень скоро выяснились и взгляды всех наличных членов редакции. Состав ее был довольно многолюдный для провинциальной газеты. В числе главных сотрудников были лица различных мировоззрений: были между ними и народники, и марксисты; сам я был прикосновенен к зарождавшемуся тогда «Союзу освобождения». Андрей Михайлович занял среди нас совершенно особую позицию — вне существовавших тогда политических группировок: он оказался толстовцем, но довольно оригинального и самостоятельного толка. Далеко не во всем он был согласен с учением и взглядами Л.Н. Толстого и во многом приближался, как мне кажется, к его известному поклоннику-оппоненту Вильяму Фрею...

Помимо заграничной хроники и иностранных обозрений А.М. Рыкачев давал от времени до времени фельетоны по различным вопросам общественной жизни, всегда интересно и оригинально написанные. Все они подписаны буквой Р., и их следовало бы издать вместе с другими его позднейшими статьями и работами...

Каждый раз при встрече с ним я неизменно испытывал отрадное ощущение прикосновения к чему-то возвышенному и кристально-чистому.

Г. Штильман

Была одна сила, неотвратимо толкающая людей его душевного склада в огонь⁵¹. «Вы грозны на словах, попробуйте на деле». Для него это был вопрос чести. <...> Теоретически и для себя Рыкачев, несомненно, принял решение уже тогда, когда он впервые в печати затронул проблему войны...

Целомудрие — вот признак, прежде всего определяющий литературную физиономию Рыкачева. Осторожное отношение к слову вообще характерно для той писательской школы, к которой он за последние годы бесповоротно примкнул. Но никто из товарищей не довел этой добродетели до такого совершенства. И, главное, никому она не давалась с такой легкостью <...> При весьма незаурядном публицистическом темпераменте Рыкачеву не надо было сдерживать себя для того, чтобы из-под пера его не вырвалось лишнее. Презируя фразу, он управлял своим словом, как хороший певец владеет голосом. Высокие ноты давались ему очень легко. Но нельзя указать случая, когда бы он без нужды прибегал к ним. Погоня за эффектами исключена была <...> Так же просто, как он жил и умер, Рыкачев писал. Этим прежде всего определяется его литературное лицо. <...> развернулся постепенно в первоклассную публицистическую величину. Вокруг его газетных и журнальных статей не раз загоралась в последние годы борьба. И надо было обладать душевной красотой, для того чтобы с подоб-

⁵¹ Воспоминатель говорит также и о несостоявшейся дуэли между Рыкачевым-журналистом в его «поездке в Москву во время вооруженного восстания» и одним из командующих офицеров. — Ред.

ною настойчивостью неизменно отводить при этом в тень свою собственную персону. У Рыкачева была изумительная манера завязывать беседу в таком тоне, как будто бы он собирается сказать нечто весьма незначительное. И хотя он с годами привык, чтобы к словам его все более внимательно прислушивались, он сумел сохранить эту милую черту до самого конца своих дней.

(Русская мысль. 1915. № 1. С. 185–191)

И.В. Жилкин⁵² – А.М. Рыкачеву
1903

Какой ты счастливек: все у тебя так точно, словно циркулем вымерено, и сам ты, словно циркуль, исполнительный и аккуратный. Хорошо таким на свете. Всегда у тебя найдется дело, и всегда ты его делаешь добросовестно, озабоченно и хлопотливо. <...> Что-то есть в твоём тщедушном теле, что помогает тебе и держит в вечно напряженном, деловом состоянии.

(Русское прошлое. С. 177–178)

О.Н. Ансберг

По возвращении в Петербург Рыкачев продолжал печатать статьи на экономические темы в разных журналах и газетах (в разное время он сотрудничал в «Русской мысли», «Мире Божиим», «Современном обозрении», газетах «Саратовская земская неделя», «Саратовский дневник», «Наша жизнь», «Товарищ», «Столичная почта» и др.), в том числе в издававшемся профессором Л.В. Ходским журнале «Народное хозяйство». Когда в 1904 г. начала выходить газета «Наша жизнь», редактором-издателем которой был Ходский, он пригласил А.М. Рыкачева в качестве постоянного сотрудника. Позднее Рыкачев стал также одним из членов редакции этой газеты – одного из самых ярких оппозиционных изданий эпохи первой русской революции. Он писал в газету на самые разные темы, в том числе и передовые статьи, и активно участвовал во внутриредакционной жизни.

Когда началась русско-японская война, А.М. Рыкачев, по его собственной просьбе, был направлен в качестве корреспондента «Нашей жизни» на театр военных действий в Маньчжурию. Он проявил себя не только талантливым репортером, сумевшим создать цикл документальных очерков о войне, не утративших интереса и сегодня, но и человеком выдающегося личного мужества. «...О поведении г. Рыкачева во время войны сохранились печатные сведения английских корреспондентов, удивляющихся в своих журналах тому несравненному хладнокровию и скромной смелости, которую проявлял на передовых позициях этот невысокий, худощавый штатский человек. То же свидетельствуют о нем в один голос и русские корреспонденты... Сам же он, из обычной скромности, никому никогда об этом не говорил»⁵³.

Наиболее активный период журналистской работы А.М. Рыкачева приходится на 1904–1907 гг. После этого он постепенно отходит от журналистики и возвращается к занятиям наукой. В 1906–1910 гг. он был секретарем 3-го отделения Вольного экономического общества. С 1909 г. началась педагогическая деятельность Рыкачева – он стал читать лекции

⁵² Жилкин Иван Васильевич (1874, г. Вольск Саратовской губернии – 1958) – публицист, политический деятель. Сотрудник газет «Наша жизнь» и «Товарищ», впоследствии – «Вестника Европы» и «Русского слова»; депутат I Государственной думы от Саратовской губернии. – *Ред.*

⁵³ Куприн А.И. Дело чести // Русь. 1906. 5 марта. С. 2. – *О.А.*

по кафедре политической экономии на Стебутовских высших женских курсах. <...> В последние годы жизни А.М. Рыкачев работал над диссертацией по политической экономии. (*Русское прошлое. С. 177–178*)

А.М. Рыкачев – И.В. Жилкину

1.VI.1908. Павловск, Константиновская обсерватория

Я живу сейчас довольно одиноко, то есть почти не выдаю людей, кроме своих, довольно много занимаюсь над одной статьей и чувствую себя достаточно бодро. Иногда бывает скучновато, но я утешаюсь надеждами на будущее. <...> По вечерам делаю предписанные тобой упражнения с гириями – очень аккуратно, но пока дошел только до 7 раз. Однако чувство удовольствия от этих упражнений с недавнего времени – может быть, от здешнего хорошего воздуха – заметно увеличилось. Как хорошо, светло будут жить люди лет через 100–200! С сожалением будут вспоминать об отравительной духоте наших жилищ и телесной дряблости. И ведь все это в символической связи: грязь – дряблость тела – культурная нищета – эстетическая неудовлетворенность.

(РГАЛИ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 77. Лл. 3 – 3 об.)

А.М. Рыкачев

«Реальный базис и идеальные задачи политических партий»

1911

России нужны партии или, по крайней мере, партия, которая, служа серьезно и искренне делу политической свободы, вместе с тем была бы глубоко проникнута духом государственности.

(РГАЛИ. Ф. 200. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 11)

А.А. Достоевский

Враг войны по принципу, свободный от воинской повинности, пошел нижним чином на войну 1914 г. исключительно по чувству долга.

Деликатность — одно из выдающихся свойств его твердого характера. (*Письменные характеристики. М.В.*)

О.Н. Ансберг

Когда началась Первая мировая война, А.М. Рыкачев, несмотря на возраст (ему было 38 лет) и слабое здоровье, ушел в армию добровольцем и погиб в ноябре 1914 г. под Краковом – он пролежал, раненый, несколько дней в оставленном окопе и, когда его нашли, умер от истощения.

(*Русское прошлое. С. 178*)

Е.А. Рыкачева – А.Г. Достоевской

8.XII.1914

Спасибо Вам за сочувствие в нашем горе; я убеждена, что наш дорогой Андрюша погиб, – доказательством тому служит то, что от него не имеем писем со 2-го ноября. <...> На днях уходит на войну и другой сын, Миша...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 8. Ед. хр. 56. Л. 1)

Некоторые печатные работы А.М. Рыкачева:

- Глава VII. Пути сообщения // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900. С. 207–236.
- О городской тесноте // Саратовский дневник. 1901. № 157.
- Новые начинания в городском управлении на Западе // Там же. № 200.
- Школы духовного ведомства на уездных собраниях // Там же. № 250.
- Мундирная честь // Там же. № 269.
- По поводу одной статьи о национализме [«В чем же истинный национализм?» П.Б. Струве] // Там же. 1902. № 92.
- Вопрос об отмене смертной казни в Государственной думе. М., 1906. 32 с.
- Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма. СПб., 1910. 202 с.
- Реальный базис и идеальные задачи политических партий // Русская мысль. 1911. № 21.
- Более полная библиография (публикации экономической и политической тематики), а также некрологи, написанные известными общественными деятелями, указаны в ст.: *Борец, чуждый ненависти и презрения*.

386. Хижнякова, по мужу Рыкачева Варвара Васильевна

(1881 — 16.V.1911). Жена предыдущего [с лета 1910 г., дочь известного земского деятеля В.М. Хижнякова (1842—1917) и сестра публициста В.В. Хижнякова, с которым Андрей был близко знаком по работе в «Нашей жизни» (*Борец, чуждый ненависти и презрения*)]. Умерла родами мертвого ребенка от эклампсии (родовых судорог).

387. Рыкачев Владимир Михайлович

([4.X] 1877, [Петербург] — [26.VI] 1903).

Блестяще окончил Морскую академию, одновременно слушая лекции в университете на математическом отделении. Служил на военном судне старшим офицером, совершил кругосветное плавание. Готовился к ученой деятельности, подавал надежды как научный работник. Женат не был.

В характере живость, порывистость, веселость.

Умер от несчастной случайности (утонул в Балтийском море [во время плавания на пароходе «Описной»]).

А.М. Рыкачев
Дневник 1890–1892 гг.
1.VIII.1890

374 / 373

Володя этим летом переходит из 3-го класса нашей гимназии в Морское училище и потому учится целыми днями.

17.VIII.1890

Пришел Володя и в слезах объявил, что из арифметики сделал одну задачу верно, другую неверно, а третью тоже верно, из алгебры же, как он говорит, из четырех задач ни в одной не нашел ошибки. Мама, конечно, стала его успокаивать. Он позавтракал и пошел учить русский на завтрашний экзамен.

28.VIII.1890

Володя кончил свои экзамены. За географию 12. За арифметику и алгебру 11.

19.XI.1890

...Надо сказать, что Володя выдержал в корпус все экзамены, да еще первым. Теперь ему, бедному, очень много работы, учится с утра до вечера, зато у него баллы гораздо лучше, чем в гимназии. Он очень доволен морским училищем и много рассказывает про своих товарищей.

18.III.1891

Вице-директор географического департамента предложил папе место директора маяков на Азовском и Черном морях <...>. Папа бы, пожалуй, поехал, да удерживают его дети, <...> потому что придется жить в Севастополе, а Володя останется в Петербурге в Морском корпусе. <...> при одной мысли о разлуке с Володей и папа, и мама заплакали. (*Русское прошлое. С. 180, 190–191, 193, 207*)

Е.А. Рыкачева – отцу

3.IV.1896. Павловск

...Мы ждем нашего Володьку к нам, так как их «Верный» стоит до сих пор в Кронштадте; 7-го, кажется, они уходят в плавание.

1.VIII.1896. VI ч. утра. Павловск

Я рада, что в прошлое воскресенье нам всем удалось побывать у Володи на «Наварине». Мы выехали из Павловска <с дачи> всей семьей в 8 ч. утра; в Петербурге заехали на городскую квартиру, взяли кое-какие вещи Володи и крестильный крест его, который я хотела дать ему в дорогу. В 1 1/2 ч. дня мы были в Кронштадте и на яликах отправились на ближайший рейд, где стоит готовящаяся к отплытию эскадра; ехать на яликах пришлось около часа, я, конечно, натерпелась страха, так как волнение было порядочное. На «Наварине» <...> все офицеры выстроились на палубе, и старший офицер вышел навстречу к Мише⁵⁴, как генералу, с докладом по судну. <...> Володя нас познакомил с некоторыми офицерами и угостил чаем. <...> Каюта <его> небольшая, в ней едва помещаются под углом две кровати, шкаф для платья, конторка и умывальник. <...> каюта светлая.

23.VIII.1896. Утро. Павловск

Третьего дня вечером мы получили второе письмо от Володи, уже из Портланда в южной Англии, они пришли туда 16-го и ушли 22-го. <...> <Пишет, что во время стоянки> он предполагал съездить в Лондон – посмотреть этот громадный город. <...> Их порядочно покачало в Немецком море. <...> Теперь следующая их остановка будет в Южной Испании в Кадике⁵⁵; переход предстоит через Атлантический океан.

⁵⁴ М.А. Рыкачева, отцу Володи. – *Ред.*

⁵⁵ В Кадисе. – *Ред.*

29.VIII.1896. XI ч. вечера. Павловск

...Они сами не знают, в какой порт идут, их адмирал держит это в секрете, вероятно, ему это предписано, так как они идут к Криту.

6.IX.1896. X ч. утра. Петербург

В Кадике они должны были оставаться до 31 августа, а потом отправиться в Алжир в Африку, где простоят две недели и двинутся в Адриатическое море.

4.X.1896. Утро. Петербург

...Выдающегося на истекшей неделе – было <...> <заочное> производство Володи <из гардемарин> в мичманы. <...> Мих<аил> Алекс<андрович> получил Володин аттестат и свидетельство на премию адмирала Рикарда⁵⁶, которую Володя получил и уже потратил на свою обмундировку. Володька окончил <Морской корпус> вторым, <...> но и у первого те же баллы; единственное, что ему помешало быть первым, – это фехтование, за которое у него посредственная отметка. <...> Мы получили от него письмо из Пирея. <...> Он описывает переход из Алжира. <...> На третий день пути они выдержали страшную бурю, качка была громадная – они видели обнаженным свой кормовой срез!

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 57. Л. 18. Ед. хр. 58. Лл. 3 об. – 4 об., 16 – 16 об., 21, 23 об., 42 – 43 об.)

388. Рыкачева Домника Михайловна

374 / 373

(8.IX.1879, [Петербург] – [14.VI.1938, Ленинград). Медсестра; библиограф Гидрологического института, Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС); синоптик Ленинградского бюро погоды.] Замужем не была. [Умерла от дистрофии. Похоронена на Смоленском православном кладбище в одной могиле с родителями.]

Е.А. Рыкачева – отцу

16.II.1896. Утро. Петербург

Домнике в этом году предстоит много заниматься, так как она оканчивает курс.

13.III.1896. Петербург

Сегодня Домника была на первом письменном экзамене по русской словесности, они писали сочинение на тему «Типы помещиков по Гоголю», завтра у нее экзамен по французскому языку.

9.V.1896. Вечер. Петербург

Домника <...> в сопровождении Володи ездила сегодня на акт в Мариинскую гимназию, где ей и выдали диплом об окончании курса с правом домашней учительницы и награду в виде грошовой книжонки.

8.VIII.1896. Четверг. Вечер. Павловск

Вас удивляет, дорогой Папа, пуританский костюм Домники на карточке, но она снималась в форменном гимназическом платье, да и вообще благодаря своему еще детскому сложению она одевается как девочка-подросток. Прически у нее тоже никакой нет, она не стриженная, а носит длинную косу, которая и видна у нее немного сбоку на фотографии.

⁵⁶ Традиционную награду лучшим выпускникам Морского кадетского корпуса. – Ред.

Домника и Миша Рыкачевы. 1894 г.

Е.А. Рыкачева – А.Г. Достоевской
8.XII.1914

Домника получила на днях диплом <Георгиевской общины> на звание сестры военного времени. <...> Теперь она оставлена работать при общине – в ее хирургическом лазарете.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 55. Л. 10 об. Ед. хр. 56. Л. 12. Ед. хр. 57. Л. 5. Ед. хр. 58. Лл. 11 – 11 об. Разд. II. Карт. 8. Ед. хр. 56. Л. 1 об.)

А.А. Достоевский

Взявшись за какое-нибудь дело, всю себя приносит ему в жертву.
(Письменные характеристики. М.В.)

Л.Д. Ленина

На здоровье этой хрупкой женщины страшно сказался голод, пережитый в годы гражданской войны: началось нарушение обмена веществ, приведшее к сильнейшей дистрофии. Можно сказать, она и жила последние годы только благодаря заботе старшей сестры.
(Записано Н.Б. 2005)

389. Рыкачев Михаил Михайлович

374 / 373

(1881 — [4.II] 1920). [Учился в школе Карла Мая (1895—1900).] Математик. Служил помощником заведующего Аэрологической обсерватории в Онтолове [— филиала Главной физической обсерватории в Павловске, директором которой был его отец, М.А. Рыкачев.] Автор ряда научных работ по метеорологии, помещенных главным образом в изданиях Академии наук.

А.А. Достоевский

В характере нервность, вспыльчивость, живость, порывистость, нежность к близким родным.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.М. Рыкачев

Дневник 1890–1892 гг.

28.VIII.1890

<В гимназии Миша> с первого раза начал шалить и бегать, нисколько не стесняясь учителями.

14.VII.1891

Миша заболел. В прошлое воскресенье 7 июля стал жаловаться на боли в желудке. В понедельник слабость и боли, дали касторки, действия не было почти никакого. Послала к земской докторше <...>, которая сказала, что у Миши воспаление слепой кишки⁵⁷. <...> В первые дни температура была высокая. Миша был очень слаб и по временам страдал от болей. Были минуты, когда мама и мы боялись за его жизнь. В пятницу всем показалось, что Миша бодрее. <Врачи> велели его больше кормить и давать парного молока, это была ошибка <...>. Сегодня в ночь у Миши были сильнейшие спазмы со рвотой от этого молока. Мама очень испугалась, потому что еще никогда не было таких сильных болей, а Миша очень слаб. Маме было очень трудно с ним одной (все уже спали), а уйти, чтоб позвать Наталью, <она> боялась. Тетя разбудила меня. Я сел у Мишиной кровати, а Мама босиком побежала в большой дом. Там все заперто; – наконец в конюшне разбудила Сергея, который поехал в город за <врачом>.

19.VII.1891

Мише было очень плохо. Когда я около полудня вошел в наш домик и спросил, как Миша, мама, сидевшая у постели, сказала: «ничего, порядочно», но как-то странно покачала головой. <...> Через несколько минут она вышла на балкон и дала мне знак рукой следовать за ней. «Очень, очень слаб», говорила она вся в слезах: «он не выдержит сегодняшнего дня... Молитесь Богу... у него уже одно ухо похолодело... ничего... не плачь... будь мальчиком». <...> Миша был слаб и раздражителен. Он никого к себе не подпускал, кроме мамы, которая иногда брала его себе на руки. Вечером приехал <врач> <...>. Сказал, что болезнь очень серьезная и что во время сильных болей Миша может умереть. Ночь была ужасная. Я несколько раз просыпался и слышал крики: «Мамочка, помоги... ой, ой, больно, не могу, не могу, не могу... Ну помоги же, мамочка, ой, мама, мама...» <...> Эти крики так и звучат в моих ушах. Мама и няня всю ночь были у его постели и с нежностью за ним ухаживали. Опять послали за доктором. Доктор этот, приехавший утром следующего дня, сказал, что опасности больше нет, а боли от этой болезни бывают всегда. <...> Перед приходом доктора боли прекратились, и Миша уснул. <...> Приехал папа. Когда ему сказали, что Мише лучше, он сказал растроганным голосом: «Ну и слава Богу». Глаза его были красны.

31.VII.1891

Миша поправился; вчера в первый раз стал на несколько часов, а завтра совсем встает.

⁵⁷ Аппендицит. – Ред.

10.I.1892

Миша выздоровел совсем, хотя осенью был болен той же болезнью во второй раз, но в меньшей степени.

(Русское прошлое. С. 193, 224–226, 228)

М.М. Рыкачев – деду
21.III.1896 <Петербург>

Теперь я немного спустился в учении: сперва я был вторым, теперь же, хотя у меня те же самые отметки, я – шестой ученик...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 51. Л. 1 об.)

Е.А. Рыкачева – отцу
9.V.1896. Вечер. Петербург

Мишутка стал жаловаться, что ему неприятно под ложечкой, – это меня сильно испугало. <...> <Доктор после осмотра> успокоил меня насчет его кишек, но он нашел Мишу малокровным и еще чего-то не досказал. <...> Главное, меня тревожит состояние здоровья Мишутки! Неужели этому мальчику суждено весь век своей болеть и быть слабым?! Дай Бог, чтобы он окреп! С другой стороны, меня несколько успокаивает мысль, не от сильного ли роста это происходит?

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 10. Ед. хр. 57. Лл. 3–4, 6 об.)

И.Я. Поташов

В 1910 году началась магнитная съемка Петербургской губернии. Она была проведена в течение двух лет сотрудниками Павловской магнитной и метеорологической обсерватории <...>, М.М. Рыкачевым (сын Михаила Александровича)...

(Акад. М.А. Рыкачев. С. 73)

Т.Ф. Достоевская

Подобно своему брату Андрею, пошел по чувству долга на фронт в качестве рядового солдата.

(Записано М.В.)

Е.А. Рыкачева – А.Г. Достоевской
8.XII.1914

На днях уходит на войну и другой сын, Миша, <...> с авиационным отрядом, деятельность его будет научная, но все же риск есть!

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 8. Ед. хр. 56. Л. 1)

Известны следующие научные работы М.М. Рыкачева:

- Влияние подстилающей воздух поверхности на суточный ход абсолютной влажности // Известия Императорской академии наук. VI серия. 1908. 2. 10. С. 819–834.
- Метеорологические приборы и наблюдения в разных слоях атмосферы, произведенные с плавучего маяка Люзефорт. СПб., 1914. 40 с.

- Некоторые результаты исследований разных слоев атмосферы, произведенных с помощью змеев в Павловскес 1904 по 1911 г. // Геофизический сборник. 1914. Т. 1. Вып. 1.
- Выводы из наблюдений за шарами-пилотами, произведенных на метеостанции эскадры воздушных кораблей в деревне Старая Яблонна под Варшавой с 3 февраля по 13 июля 1915 г. Пг., 1916. 34 с.
- Выводы из наблюдений над измерениями скорости ветра в слое от 1 до 5 м над поверхностью земли. Пг., 1919. 9 с.
- Обзор отечественной литературы по распределению скорости и направления ветра // Естественные производительные силы России. 1919. Т. 1. Ч. 1.

390. Азбелева, по мужу Рыкачева Вера Николаевна

Жена предыдущего. Через год брак окончился разводом. После этого вышла замуж за границей.

Т.Ф. Достоевская

Человек со странностями.

(*Записано М.В.*)

391. Савостьянов Андрей Владимирович

([31.I]⁵⁸ 1879 — 1892). Умер от дизентерии.

378 / 377

В.А. Савостьянова

Увидя же, что я была в таком положении, он <Федор Михайлович> наставительно сказал: «Вы будете молодка — вы знаете, что значит молодка? Это значит, что у вас будет первый ребенок мальчик». Так и сбылось...

По поводу имени этого нашего первого ребенка — сына, которого мы называли Андреем, — он нас пожурил... «Не Андреем он должен был называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту это так ведется». — «Но, дядя, — возражала я, — ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив». Он только ласково улыбнулся, но не уступил...

Нужно сказать, что при рождении наш мальчик заболел очень серьезной редкой детской болезнью мелена⁵⁹, от нее выживает один на тысячу. Но наш малютка выжил...

(*Достоевский в забытых. С. 216*)

Родственные воспоминания Достоевских

В общем чрезвычайно способный мальчик.

(*Записано М.В.*)

⁵⁸ Дата рождения устанавливается по воспоминаниям матери Андрея (см.: *Достоевский в забытых. С. 216*). — *Н.Б.*

⁵⁹ Мелена (от греч. melaina — черная) — неоформленные черные, вязкие испражнения, напоминающие деготь; один из важнейших признаков внутреннего кровотечения из любого отдела пищеварительного тракта. — *Ред.*

Андрей Савостьянов с матерью

А.М. Рыкачев
Дневник 1890–1892 гг.
16.VIII.1890

В 2 1/2 часа приехала тетя Варя и Адя, ее сын; какой это милый мальчик! Ему 11 – скоро 12 лет. Везли его <поступить> в <Императорский Александровский> лицей <...>, но по дороге какой-то господин так много наговорил тете Варе худого про подготовительные лицейск<ие> классы <...>, что она решилась ни за что его туда не отдавать. Адя ужасно боится, чтобы его не увезли, не поместивши куда-нибудь, и со слезами на глазах говорит, как бы хорошо было, если бы он учился в каком-нибудь учебном заведении. Тетя Варя с мамой решили отдать его в Ларинскую гимназию, куда и отправились сейчас же. Там им очень понравилось, однако мама все-таки послала меня к Садкову узнать, нет ли вакансий во 2-й класс нашей гимназии, «для успокоения совести», как она сама сказала. <...> Вечером было решено поместить Адю в Ларинскую гимназию.

17.VIII.1890

Адя <...> выдержал экзамен во 2-й класс Ларинской гимназии. Но там тете Варе одна дама так много худого наговорила про Ларинский пансион, что она решила не помещать Адю в это заведение. С большим трудом удалось ей взять обратно Адины бумаги. После завтрака она сейчас же поехала в лицей. <...> Однако это оказалось лишним: сегодня был дома разговор, нельзя ли оставить Адю у нас, и наконец папа и мама решили, что Адя может жить у нас и что он может поступить в какое-нибудь заведение приходящим. Тетя Варя и Адя очень рады. Завтра он будет держать экзамен во 2-й класс нашей гимназии.

18.VIII.1890

Сегодня был в гимназии. Отправился туда вместе с Адей. Он выдержал все экзамены.

19.IV.1891

Адя накупил себе разных принадлежностей для физических опытов. Дядя Саша очень доволен.

(*Русское прошлое. С. 190–191, 210*)

392. Савостьянова Мария Владимировна (первая)
(1881–1881). Умерла через три дня после рождения.

378 / 377

393. Савостьянова Анастасия Владимировна
(18[91]–1892). Умерла от детской холеры.

378 / 377

А.М. Рыкачев

Дневник 1890–1892 гг.

14.VI.1891

Получили письмо от бабушки, который пишет, что у тети Вари родилась дочь Анастасия.
(*Русское прошлое. С. 223*)

394. Савостьянова Мария Владимировна (вторая)
([27.III] 1894, [Шацк Тамбовской губернии — 17.X.1982, Ленинград]).

378 / 377

Окончила гимназию с золотой медалью; физико-математическое отделение Петроградского женского педагогического института (1916). Доктор физико-математических наук, профессор. Работала в Физико-математическом институте АН СССР, Государственном оптическом институте им. С.И. Вавилова (ГОИ), Институте связи в Ленинграде. Имела правительственные награды.

Умерла от гангрены ног (осложнение тромбофлебита). Похоронена на Красненьком кладбище в одной могиле со своей двоюродной сестрой А.М. Лениной.

Е.П. Достоевская

Знала ее в возрасте около 14 лет. Она была тогда жизнерадостной, приветливой, веселой, развитой и красивой девочкой.

(*Письменные характеристики. М.В.*)

Л.Д. Ленина

Высокая, красивая, импозантная женщина с ясными, голубыми глазами. На редкость талантлива и трудолюбива.

Печально, что личная жизнь Марии Владимировны – очень доброго и благородного человека – не сложилась. По семейным преданиям, ее нареченный жених погиб на фронте Первой мировой войны. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что она жила вдвоем с матерью – женщиной властной, строгой и даже суровой. Про Варвару Андреевну часто говорили: «Это вам не Евгения Андреевна!» – последняя в прямую противоположность была женщиной очень мягкой. Уже в зрелые годы у Марии Владимировны возникло чувство

к одному из коллег, известному ученому – но тот был женат. Кажется, он даже не догадывался о том, что творилось в ее душе...

После окончания института Мария Владимировна была оставлена для продолжения работы при кафедре физики – явление крайне редкое в дореволюционной России. В 1927 г. поступила в Оптический институт, где вела исследования в области спектроскопии веществ в мелкодисперсной форме, а также по физике фотографических процессов. Рано стала доктором наук, профессором; владея несколькими иностранными языками, перевела ряд классических научных трудов. Она работала до последних дней своей жизни – последняя рукопись ушла в печать за две недели до смерти.

В личном общении была немногословна – задаст вопрос и очень внимательно выслушивает ответ.

(Письменные и устные характеристики. Н.Б.)

Е. Брускова

Заставить <86-летнюю> Марию Владимировну рассказывать о себе почти невозможно. Единственное, на что она соглашается, – отвечать на вопросы. Я спрашиваю, а Мария Владимировна говорит: «Об этом я вам рассказывала в прошлый раз». Прошлый раз был полгода тому назад, и я начинаю листать блокнот, без помощи которого мне не обойтись. Действительно, рассказывала. Память у Марии Владимировны удивительная.

Охотнее всего Мария Владимировна говорит о своей библиотеке, о том, ради чего ее собирала. О музее человека, об институте человека она думает давно. Этому центру изучения человека Савостьянова хотела бы передать свою книжную коллекцию. Она считает, что здесь в первую очередь будут заниматься обычными, рядовыми судьбами. <...> Нечасто встретишь людей, у которых интерес к жизни обычной был бы так органичен и неизменен. Профессор Савостьянова прожила долгую и плодотворную жизнь в науке, а самими счастливыми считает восемь лет работы в школе. Сколько людей знаменитых и блистательных посещало ее дом, а заботят ее воспоминания о блокадных и эвакуационных буднях. Сколько громких имен встречалось на ее пути, а она написала воспоминания о своих студенческих годах...

В юности она ждала от книг совета и помощи. Потом давать и то, и другое пришла ее очередь. Помогала она всю жизнь охотно и бескорыстно, а советов не любит давать и сейчас. Часто говорит: «Не знаю, не уверена».

(Блокадная папка)

А.А. Достоевский

Дарственная надпись на книге «Воспоминания А.М. Достоевского»

29.III.1930 <Ленинград>

На радостное воспоминание о нашем милом Папе дорогой племяннице Машуте, убежденной почитательнице своих предков...

(Сообщено Г.К.)

Л.Д. Ленина

Мария Владимировна очень любила своего дядю Андрея Андреевича Достоевского и, когда тот вернулся уже совсем дряхлым стариком из заключения, поселила его у себя

и ухаживала как за родным отцом. Даже носила его в туалет на себе. Он и умер в ее квартире. Кстати, разыскать и пригласить в Ленинград внука Ф.М. Достоевского Андрея была ее инициатива⁶⁰.

До конца своей жизни она помнила, чем обязана Рыкачевым – тете Евгении Андреевне и ее мужу Михаилу Александровичу, в тяжелые революционные годы оказавшим ей с матерью большую поддержку. Очень следила за тем, чтобы их могила на Смоленском кладбище была в приличном состоянии.

После перенесенной в детстве болезни у Марии Владимировны в значительной степени был нарушен слух, что не позволило ей учиться игре на фортепиано. С возрастом она почти совсем оглохла, даже к телефону ее подзывала специально загорававшаяся лампочка. Между прочим, этим несчастьем пользовались некоторые нечистоплотные люди, посещавшие ее дом и втихую присваивавшие книги из ее библиотеки.

(Письменные и устные характеристики. Н.Б.)

Е. Брускова

Профессор Савостьянова известна в Ленинграде своей книжной коллекцией. У нее 10 000 томов. Каталог продуман тщательно и организован с научной четкостью. В картотеке – 3500 фамилий. «Я «коллекционирую» людей», – говорит Мария Владимировна о своем книжном собрании. Литературу, которую она собирает, Савостьянова называет «книгой бытия». Ее библиотека, по ее определению, – собрание книг о человеке. В нее входит в основном документальная, биографическая, мемуарная литература. Началась эта коллекция давно, с того, что Мария Владимировна получила в наследство от дяди серию биографической библиотеки известного русского издателя Ф. Павленкова. <...> А когда я попросила Марию Владимировну показать самые ценные ее книги, она, минув шкафы, где стоят тома, с точки зрения любого библиофила, редкие и дорогие, подвела меня к совсем другим полкам. Если бы видели редакторы местных издательств, с какой любовью хранятся здесь их книжечки. Их изданные небольшим тиражом, на не лучшей бумаге брошюры про владимирских доярок и ивановских ткачих, про строителей и полеводов, про вчерашних солдат <...> если бы слышали, как огорчается Савостьянова, что следить за выходом в свет таких книг, брошюр и приобретать их становится все труднее.

(Блокадная папка)

⁶⁰ См. также несколько иную версию излагаемых событий: Достоевский и мировая культура. № 27. СПб., 2010. С. 249–255. – *Ред.*

Л.Д. Ленина

В ее уникальной библиотеке было много книг на французском и немецком языках.
(Письменные характеристики. Н.Б.)

Т.Л. Кунько, внучатая племянница

В книжной коллекции Марии Владимировны были полные собрания сочинений всех русских классиков, Шекспира, Шиллера, Диккенса, Мильтона, «Всеобщая история» и «Всеобщая история литературы» под редакцией Корша, собрание «Сказок 1001 ночи», подшивки журналов «Русская старина» и многое другое. Эту библиотеку, которой пользовались все многочисленные родственники и друзья дома, собирали в свое время известный библиофил К.И. Савостьянов (дед тети Маши) и Андрей Андреевич Достоевский, приходившийся ей родным дядей. Последний заказал и замечательный книжный шкаф с портретами классиков русской литературы – Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гончарова, Некрасова и других⁶¹. Из-за этого шкафа и библиотеки после смерти А.А. Достоевского между его наследниками – Марией Владимировной и Андреем Федоровичем Достоевским разгорелся спор, который закончился ссорой и полным разрывом отношений⁶².

(Письменные характеристики. Н.Б. 2005)

На протяжении всей жизни Мария Владимировна передавала (почти всегда – дарила) семейные реликвии различным учреждениям науки и культуры. Так, библиотека о «людях с большой буквы» досталась Иркутскому университету, с коллективом которого у нее были личные связи⁶³; ее подарки – книги, картины, фарфор и пр. – есть в петербургском, московском, старорусском и семипалатинском музеях Достоевского, в Пушкинских музеях обеих столиц, в Царском Селе и Павловском дворце, в Эрмитаже и Российской государственной библиотеке (Блокадная папка, Г.К., Ст. Русса, Л.Д. Ленина).

⁶¹ Сейчас этот шкаф хранится в петербургском музее Ф.М. Достоевского. – Ред.

⁶² Все, что известно о М.В. Савостьяновой, не позволяет думать, что в решении судьбы архива А.А. Достоевского она руководствовалась корыстными интересами.

Хотя мы не знаем многих обстоятельств передачи архива Марии Владимировне, можно не сомневаться, что такова была воля самого Андрея Андреевича. Почему он распорядился таким образом? Большая симпатия, которую А.А. Достоевский испытывал к племяннице Маше, не должна заслонить главных мотивов его поступка. Кажется, А.А. Достоевский просто не видел во внуке писателя достойного хранителя фамильных реликвий. Разумеется, это вовсе не означает, что он считал его человеком, не заслуживающим уважения или доверия, хотя какие-то трения с самолюбивым и битым жизнью племянником вполне могли иметь место. Принимая во внимание свидетельства некоторых мемуаристов, в первую очередь Е.Б. Польской, предположим, что роковую для А.Ф. Достоевского роль сыграло его желание отстраниться от литературы и вообще от истории русской художественной культуры и – взамен этого – страстное увлечение техникой. Скорее всего, внук писателя согласился с принятым дядей решением; ведь трудно представить, чтобы М.В. Савостьянова перевозила фамильные ценности с Почтамтской улицы к себе на 15-ю линию Васильевского острова при мрачном недоброжелательстве, а то и скрытом противодействии троюродного брата. Конфликт, вероятно, разгорелся позже, в послевоенные годы, когда Андрей Федорович стал наконец осознавать себя главным наследником своего великого деда. – Н.Б.

⁶³ Известно, что научный руководитель М.В. Савостьяновой проф. Т.П. Кравец во время сибирской ссылки 1923–1926 гг. трудился в Иркутском университете, где оставил учеников, впоследствии занявших должности профессоров и доцентов. Возможно, к его педагогической работе была причастна и Мария Владимировна. – Ред.

В.Д. Бонч-Бруевич – М.В. Савостьяновой
10.XII.1933. Москва

...Обращаюсь к Вам с просьбой, возможно скорей разобраться и прислать Ваш архив писем к нам, в наш Музей художественной литературы, критики и публицистики, задачи и значение которого Вы усмотрите из прилагаемого при сем информационного письма.

Я думаю, что у Вас, как у племянницы Достоевского должны сохраниться интересные документы. Мы тщательно собираем все, что связано с Достоевским, а потому хотелось бы, чтобы Вы к нам пошли навстречу. Все, что у Вас имеется, мы с удовольствием приобретем у Вас за наличный расчет...

9.III.1934. Москва

...Книги, присланные Вами оценены в 350 р. Деньги переводятся на днях. От приобретения №№ <...> воздержались. Книги <не прошедшие отбор> Вам препровождаются, согласно прилагаемого списка.

(НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 198. Ед. хр. 17. Лл. 1–2)

Г.Ф. Коган

В 1957 году я привезла из Ленинграда подаренные Марией Владимировной 40 портретов и 102 книги из библиотеки ее деда – А.М. Достоевского. Фамильные реликвии продолжали поступать и позже. Надо ли говорить, как велика была моя благодарность ей за все, сделанное для нашего московского музея?

Вместе с тем, я слышала от Марии Владимировны, что она никогда не бывала в Ясной Поляне, и решила пригласить ее в поездку по этим местам. Осенью 1958 года мы провели там несколько незабываемых дней.

(Записано Н.Б. 2003)

М.В. Савостьянова – Г.Ф. Коган
8.XI.1968. Орел

Милая Галина Владимировна! Привет из тургеневских мест, куда я приехала на праздники от Лен<инградского> дома ученых. Вчера и сегодня мы в Орле, завтра – в Спасское-Лутовиново, потом хотят ехать в Ясную Поляну, но мне что-то не хочется – живы еще воспоминания той поездки, когда мы были вместе с Вами. Лишь на днях узнала о смерти А.Ф. <Достоевского> и о том, что он до сих пор не предан земле! Это сообщил мне некий инженер Бурмистров, рекомендовавший себя как «специалист по Ф.М.Д.», много лет знал А.Ф., знает всех вас, а вот меня пока не знает... Не знаю, чем могу быть ему полезной. Пишите. Как мама?

23.IV.1976 <Ленинград>

Во время наших телефонных разговоров я совершенно забыла о своем давнем намерении поискать в архивах Москвы (каких? подскажите!) письма А.М. Д<остоевского>, в частности, к Рык<ачевым>, – их в Ленинграде в П<ушкинском> Д<оме> нет. Но на это нужно еще день-два, поэтому прошу Вас забронировать гостиницу не с 19, а с 16 или 17 мая. Извините за беспокойство.

(Архив Г.Ф. Коган)

Директор ГЛМ Н.В. Шахалова – директору ЦГАЛИ Н.Б. Волковой
13.V.1976. Москва

Государственный литературный музей просит Вас разрешить внучатой племяннице Ф.М. Достоевского Марии Владимировне Савостьяновой познакомиться в вашем архиве с письмами и документами ее деда – А.М. Достоевского.

(Архив Г.Ф. Коган)

Пригласительный билет

В пятницу 21 мая 1976 г. в Музее-квартире Ф.М. Достоевского состоится заседание на тему «Ф.М. Достоевский и его окружение». Начало в 18 часов.

В программе:

1. Ф.М. Достоевский и семья А.М. Достоевского. По семейным и архивным материалам. (Сообщение М.В. Савостьяновой. Ленинград.)

(Архив Г.Ф. Коган)

М.В. Савостьянова – Г.Ф. Коган
23.IX.1976

Меня очень интересует вопрос о Ваших сношениях с издательством «Просвещение» и о возможности моего участия в этом издании <описании коллекции семьи А.М. Достоевского и московского музея Ф.М. Достоевского>. Напишите об этом. Из Пушкинского Дома пока никто не заявлялся.

(Архив Г.Ф. Коган)

Е. Брускова

<Долгие годы Савостьянова собирала также и материалы о жизни своих земляков в осажденном Ленинграде и в эвакуации>. В предисловии к документам в папке она написала: «Материалы предназначаются будущему автору эпопеи “Война и человек”. Несколько слов этому автору. Писать об этих временах имеют право, строго говоря, только их современники. Но они постепенно уходят... Для того чтобы возместить отсутствие личных переживаний, будущий автор эпопеи должен будет быть способным пережить их post factum. ... Надеюсь, что настоящему писателю, обладающему не только талантом, позволяющим обойтись без “вымысла” и “домысла”, но и тактом, мои документальные материалы смогут оказать помощь не только в смысле фактов: их совокупность отражает дух той эпохи»...

<Среди всех материалов М.В. Савостьяновой> больше всего меня поразила <ее собственная> запись о том, как Мария Владимировна пошла в дом своей двоюродной сестры <уехавшей в эвакуацию А.М. Лениной> в июне 1942 года. «Нагрузила что поценнее – семейные портреты, альбомы⁶⁴ в детскую коляску и везла весь вечер по Большому проспекту <Васильевского острова от дома № 8 по улице Остоумова (в районе Гавани)> до <дома № 2 на> 15-й линии». Пройдите это расстояние по сегодняшнему зеленому, нарядному Ленинграду. Пройдите и подумайте, как тяжела, как мучительна была эта не-

⁶⁴ Речь идет главным образом о принадлежащих Александре Михайловне фамильных ценностях Рыкачевых и Солнцевых-Засекиных (предки М.А. Рыкачева), а не Достоевских. – Н.Б.

долгая сегодня мирная дорога. Если бы была моя на то воля, я бы эту запись вывесила в Ленинградском музее Достоевского, потому что она к нему имеет самое непосредственное отношение...

У нее непривычная квартира, где старинная мебель красного дерева прекрасно уживается с простыми и рациональными книжными полками, с огромным книжным шкафом ее дяди Андрея Андреевича Достоевского с портретами на внешней стороне, писанными маслом. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Островский. Необычная квартира, в которой нет ни одной вещи, купленной потому, что модно, что все покупали. Нет ни одной вещи, выброшенной потому, что «не смотрится, устарела». Стен в сегодняшней квартире Марии Владимировны нет. <...> они закрыты стеллажами с книгами. <...> И поэтому не видны те места, где висели фамильные фотографии и картины, отданные в музей. <...> О всех ее дарах можно было бы писать отдельно. О прекрасной библиотеке ее деда Андрея Михайловича Достоевского с рукописным каталогом, о картинах венецианской школы, о литографиях и гравюрах XIX века, о старинном фарфоре, о тех самых семейных альбомах и портретах, что удалось ей спасти. Деревянный дом, из которого они были вынесены, войну не пережил.

Чтобы отдать все это, нужны широта души, щедрость и редкая готовность расстаться с вещами привычными, знакомыми, окружавшими тебя с детства. Но чтобы сохранить игольницу, школьные карты, исписанные тетрадки деда и учебники, нужно нечто большее...

Мария Владимировна прожила в этой квартире <№ 3, дом № 2 по 15-й линии> на Васильевском острове почти всю свою жизнь. И война не тронула дома, и блокада его пощадила. *(Блокадная папка)*

Л.Д. Ленина

До Октябрьской революции квартира Савостьяновых была многокомнатной, потом постепенно уменьшилась до двух больших комнат и коридора, уставленных шкафами и стеллажами с книгами. На стенах висели старинные картины, в основном – голландских мастеров. Все они были подлинниками, кроме одной – портрета хорошенькой девушки, копии Греза. Одну из картин, огромную и прекрасно исполненную, но жуткую по сюжету <«Наказание Марсия»> (а она висела еще в ее детской комнате и тогда уже наводила страх), Мария Владимировна подарила Екатерининскому дворцу в Царском Селе, так как некоторые полотна из собрания этого музея во время войны были утрачены.

Зная, что ее двоюродная сестра Александра Михайловна Ленина после войны оказалась в одной комнате коммунальной квартиры с семьями своих детей Сергея, Нины и Марьяны (11 человек!), Мария Владимировна пригласила ее жить к себе (причем в самых изысканных выражениях: «Окажите мне честь...»), и они жили вместе до самой смерти Александры Михайловны. На праздники у обеих кузин собирались четыре поколения семьи. Всем хватало места за огромным, прекрасной работы столом, изготовленным, по преданию, еще крепостными мастерами Савостьяновых. Готовили в этом доме домработницы, но весной Мария Владимировна сама делала творожные пасхи по своим старинным рецептам, и эти пасхи были изумительны.

Никогда и никому из родственников не отказывала она в материальной помощи, все брали у нее и на покупку кооперативных квартир и дорогостоящих вещей.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

Г.Ф. Коган

Характер научной работы М.В. Савостьяновой был таков, что ее не выпускали за границу. Зато в свои длинные профессорские отпуска она объездила весь Советский Союз. Путешествия были ее страстью.

(Записано Н.Б. 2003)

Е. Брускова

Ее последняя поездка состоялась, когда Савостьяновой исполнилось 82 года. А до этого каждый год – путешествия. Не к экзотическим, не к заокеанским, а к своим достопримечательностям. Мария Владимировна была на Курилах и в Казахстане, на Камчатке и в Брестской крепости. Она видела Енисей, Амур и Печору. Она поднималась в горы и спускалась в пещеры. Она летала самолетами и плыла на лодках. От путешествий остались альбомы с фотографиями, снятыми ею. А в них – музеи и памятники, но больше другого: простые лица, деревья, цветы, леса.

(Блокадная папка)

Из научных работ М.В. Савостьяновой известны:

- К теории электрического вентиля // Журнал русского физико-химического общества при Ленинградском университете. Физическая часть. Т. 58. Вып. 1. М.: Сектор, 1926.
- О физической природе латентного фотографического изображения // Успехи физических наук. 1931. Вып. 3.
- Селективный фотоэффект // Там же. 1934. Вып. 1.
- Образование зародышевых центров в кристаллах галоидо-серебряных солей. Л., 1934.
- Современное состояние вопроса об оптических постоянных металлов // Успехи физических наук. 1937. Вып. 8.
- Мельчайшие частицы металла внутри кристаллической решетки // Там же. 1939. Вып. 1–6.
- Оптика в военном деле: Сборник статей / Под ред. С.И. Вавилова и М.В. Савостьяновой. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 1. 1945. Т. 2. 1948.
- Справочник по военной оптике / Под ред. С.И. Вавилова и М.В. Савостьяновой. М–Л., 1945.
- Современная аппаратура для анализа по светопоглощению в ультрафиолетовой, видимой и ближайшей инфракрасной области спектра. Л., 1957.
- Современные интерференционные светофильтры и их применение. М., 1960.
- <О фотохромных органических пленках> // Оптико-механическая промышленность. 1966. № 4. С. 9. № 5. С. 31. № 11. С. 8. (В соавторстве.)
- Торичан Павлович Кравец⁶⁵. Л.: Наука, 1979. (В соавторстве.)

По свидетельству Л.Д. Лениной, полная библиография включает более 70 публикаций, в том числе переводы.

⁶⁵ Кравец Торичан Павлович (1876–1955) – физик, специалист в области фотографии и светотехники, историк науки, педагог. Член-корр. АН СССР (1943), лауреат Госпремии (1946). Научный руководитель М.В. Савостьяновой. – *Ред.*

Прежде чем закончить сводку данных о детях и внуках А.М. Достоевского, отметим еще исключительно высокую школьную успеваемость многих представителей этой семьи⁶⁶. Так, например, с золотыми медалями окончили курс среднего учебного заведения: Евгения Андреевна Рыкачева (№ 373), Варвара Андреевна Савостьянова (№ 377), Андрей Михайлович Рыкачев (№ 385) и Мария Владимировна Савостьянова (№ 394); с серебряной медалью — Александра Михайловна Ленина (№ 383). Кроме того, как уже упоминалось выше, Владимир Михайлович Рыкачев (№ 387) удостоился награды как лучший выпускник Морской академии. Та же самая черта, по-видимому, проявляется и у некоторых представителей правнучатого поколения: у Веры Сергеевны Еропкиной (№ 396) и Сергея Сергеевича Ленина (№ 404). Что касается самого А.М. Достоевского, то он также окончил первым курс Училища гражданских инженеров, и его фамилия была назначена к помещению на мраморную доску училища.

Поколение шестнадцатое

395. Ленина Ольга Сергеевна

384 / 383

(24.I.1906 — 23.IX.1919). Умерла от нервного расстройства, вызванного смертью отца.

А.М. Ленина

Замкнутая. Мало интересовалась уроками и детскими развлечениями.
(*Записано М.В.*)

Л.Д. Ленина, мать

Смерть отца потрясла Ольгу, ведь она собственными глазами видела его окровавленный труп. А тут еще подоспел приказ о сдаче всех личных лошадей в общее пользование. У Ольги была лошадь, подаренная родителями на день рождения. Девочка сама поехала сдавать свою любимицу. Видевшие ее люди вспоминали, как она скакала, рыдая, а потом вдруг слетела с лошади и, упав, сильно разбилась. После этого у нее началась сильная горячка, и затем она скоростижно скончалась.

(*Письменные характеристики. Н.Б. 2004*)

396. Ленина, [по мужу Еропкина] Вера Сергеевна

384 / 383

(2.XII.1907 — [II.1943]). В 1930-е годы заведовала ликбезом Василеостровского района Ленинграда. Трагически погибла в Великую Отечественную войну.]

Т.Ф. Достоевская

Знала ее как очень способную и умную девочку. Ученье всегда давалось ей очень легко.

(*Записано М.В.*)

⁶⁶ А также то, что эта ветвь рода дала наибольшее количество ученых. — *Ред.*

А.М. Ленина, мать

Страдает болезненной нервностью на почве расстройства деятельности щитовидной железы.

(Записано М.В.)

В.С. и А.М. Ленины

Учится одновременно в педагогическом институте и на вечерних курсах при Институте истории искусств, вследствие чего работает с раннего утра до позднего вечера. Специализируется по литературе, главным образом по народной словесности. Чувствует к своей специальности большое влечение. Раньше сама любила писать стихи, но в последнее время не пишет.

(Записано М.В. III.1927)

Стихотворения Веры Лениной⁶⁷

***

«Чу!» «Слушайте». «Тише». «Метель затихает».
 «Как тучи несутся». «Луна уж мелькает».
 «Теперь и приедут, наверное, скоро».
 «Как весело будет. Пойдут разговоры».
 «Ну, вот и луна». «Как все ровно, бело».
 «Все тропки у нас на дворе занесло».
 «А в поле...» «Там вехи стоят у дороги».
 «Да тише же вы! Помолчите немного».
 «Чу! стукнуло что-то». «Нет, ветер опять».
 «А может, остались в селе ночевать?»
 «А вдруг если волки на них нападут?»
 «Тебе нужно спать, а не путаться тут».
 «Морозно». «Они-то одеты тепло,
 У всех полушубки поверху пальто».
 «Пойти бы искать их, собрать бы народ».
 «До утра никто ни за что не пойдет».
 «До утра уж близко». «Четыре часа».
 «Чу! слышите... слышите... там голоса».
 «Нет, тихо». «А может быть, близко они,
 Поставить бы надо на окна огни».
 «Молчите». «Ну! Слышите? Вот я опять».
 «Молчите же». «Чу-у». «Ничего не слышать».

1925

⁶⁷ Также стихи Веры Сергеевны были опубликованы ее мужем в газете ленинградских писателей «Литератор» (№ 21 (75) за 1991 г.). Кроме того, часть их хранится в фонде М.В. Волоцкого в РГАЛИ (Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 1–14) и в семейном архиве Лениных. – Н.Б.

***

А я в тупике безысходном,
В кривом безобразном изломе,
Как будто в пустом и холодном
Забытом заброшенном доме,

И всюду холодные стены,
И выхода, выхода нету.
А сердце так ждет перемены
И рвется болезненно к свету.

Искать, пробиваться напрасно,
И некуда больше стучаться,
И это так твердо, так ясно...
Идти и назад возвращаться.

Пустите из этого круга.
Довольно мучений, довольно!
Ведь сердцу так хочется друга.
Так хочется ярко, так больно!

1925

***

Развалился старый помещичий дом,
Оброс крапивой и лопухом,
И не понять, он умер или заснул.
А в старых залах от ветра гул,
Потому что выбиты стекла
И потолки от дождей промокли
И обнажили деревянную сетку
Перед взором разряженных предков;
А внизу под люстрами, в зале
Молоко и сметана стояли,
И охраняют мраморные бюсты
Кадки с грибами и капустой.
А в крайних комнатах мирно и тихо
Жили сторож и сторожиха,
Обзаведшись в жилище старом
И погребом, и амбаром.
И когда ветер завывал в колоннах
И слышались чьи-то стоны,
За простоквашей в залу Дуняха
И тогда ходила без страха,
И только скажет, бывало: «Слушай,

Чу, как плачут помещичьи души.
 Ну да что нам — не царское право,
 Нет уж власти им делать расправы». —
 И весь доблестный древний род
 Знал, что теперь переворот
 И нет у них уже силы.
 И жалобней духи были.

***

Дождик теплый, весенненький
 Мочит притихшую улицу.
 Домик серенький, бедненький,
 Вымок, как мокрая курица.

Красная крыша мочится.
 Трубы промокшие хмурятся.
 Тоже и мне вот хочется
 Вымокнуть так же, как улица.

Так, чтобы насквозь протихнуться
 Всей, чтоб кругом протуманиться
 И перед небом приникнуться
 Так же, как серое зданье.

Весна 1926

***

Где-то далеко грохает,
 Словно автомобиль,
 Ветер с волнами, охая,
 Поднимая с берега пыль.

Вот и будущий дождик стучен<н>о
 Выполз из-за Невы.
 Мы с вами оба измучены,
 Одинаково, я и вы.

Весна 1926

В.С. Ленина – М.В. Волоцкому
 22.X.1934. Ленинград

Время <...> попало чрезвычайно неудобное – Октябрьская революция перевернула всю жизнь русской интеллигенции и многие характеры переделала заново. <...> Значение Вашей книги, по-моему, не в том, что Вы собрали сведения о лицах, принадлежащих к

одному роду, а в том, что все описанные Вами семьи принадлежат к одной классовой группировке, живущей в различных общественных формациях. <...>

Нас особенно поразило огромное сходство нашей семьи с семьей Ивановых – и по отдельности (я и Ната, Нина и Елена, Марианна и Лидя), и, главное, в целом. Литература и музыка в быту, неотделимо от повседневной жизни <...> то, что все мы очень поздние – поздно развиваемся физически, поздно самостоятельно входим в жизнь, поздно начинаем любить. <...> Наше сходство с Ивановыми диалектически переплетается с диаметральной противоположностью с ними. <...> Как-то вышло так, что у всех нас много работы, почти у всех ненормированный рабочий день. Все мы чувствуем себя хозяевами в работе, и для всех нас жизнь хороша. И все это несмотря на то, что очень часто считали нас «классовыми врагами» (за происхождение), исключали из вузов, не принимали на работу и т.д. Не в этом дело, дело в нашем отношении к жизни. Вся русская дворянская интеллигенция переживает сейчас то же самое. Есть два исхода – наш или ивановский – или жить или умереть, середины нет. <...> Я собиралась быть научным работником по фольклору и всю жизнь провести в тихом читальном зале Академии наук. Но жизнь сложилась иначе – мне пришлось пойти по линии политпросветработы. Вот уже шестой год я работаю методистом-инструктором по ликбезу (теперь первая ступень рабочего образования). <...> семь лет, которые прошли с тех пор, как Вы брали о нас сведения, тоже имеют большое значение. Например, читая свои стихи, я даже покраснела за них. Теперь я пишу много лучше и, хотя и не печатаюсь, но зато являюсь «пророком в своем отечестве».

24.XI.1934 <Ленинград>

Много грустных размышлений о своем умении выражать свои мысли и вообще о своем языке вызвало во мне Ваше письмо.

Конечно, такое, например, слово, как «гадости»⁶⁸, примененное к родной матери, да еще такой как моя, должно звучать по меньшей мере странно. Но поверьте, что за этой манерой выражаться никаких гадостей в общепринятом смысле нет. И, знаете, даже сама мама, которой я читала свое письмо к Вам, <...> не заметила как-то, как должно оно звучать вне нашего семейного языка.

Что же касается до Вашей просьбы описать себя <...>, то хочется ответить словами одного из своих сонетов, так как в стихотворной форме мысли мои всегда точнее и понятнее:

Быть откровенной – это очень сложно –
Страницы длинные отжитых дней
И комплекс ощущений и идей
Связать в шнурок рассказа невозможно.

Мне больно, если я неосторожно
Затрагиваю их в кругу друзей,
И я проверила тоской своей
Закон, что «изреченная мысль ложна...»

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 67. Лл. 1–4)

⁶⁸ В предыдущем письме М.В. Волоцкому от 22 октября 1934 г. Вера писала: «Не знаю, как это вышло, что про нас почти все очень неверно. Конечно, это мама наговорила про нас столько гадостей. Мы много смеялись над этим» (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1). – *Ред.*

А.С. Ленин

Летом 1941 года Вера Сергеевна жила на даче под Вырицей в Ленинградской области и вместе с четырехлетним сыном Флавием оказалась на оккупированной территории. Тяжелые условия заставляли ее постоянно менять место жительства. Сначала она преподавала русский язык в одной из школ, потом благодаря знанию немецкого языка даже устроилась санитаркой в госпиталь. Зимой 1943 года, уже где-то на Псковщине, Вера Сергеевна получила тяжелое ранение во время бомбардировки и вскоре скончалась⁶⁹.

(Записано Н.Б. 2005)

397. Еропкин Борис Иванович

(1909–1995). Муж предыдущей. Потомок двух дворянских фамилий – Еропкиных (один из древнейших русских родов, ведущий свое происхождение от Владимира Мономаха) и Завалишиных. Дед по материнской линии – декабрист Д.И. Завалишин. Отец – И.И. Еропкин (1870–1916), статский советник, доброволец Первой мировой войны. Борис – третий из четырех сыновей в семье, история которой сама по себе в высшей степени интересна⁷⁰.

Инженер-строитель, лауреат Государственной премии СССР.

Согласно родственным воспоминаниям, Великая Отечественная война разлучила Бориса Ивановича с женой и сыном – они остались на оккупированной территории, он же работал в осажденном Ленинграде. Вероятно, он так и не увидел больше Веру Сергеевну.

В.М. Ковальчук

В результате героических усилий рабочих, речников и военных моряков к открытию навигации <1942 г.> ладожский флот был отремонтирован и подготовлен к перевозкам. <...> Однако весь этот транспортный флот, состоявший в основном из речных несамоходных судов, которые в мирных условиях вообще не допускались к плаванию по озеру, не был в состоянии обеспечить предстоящий объем перевозок...

Идея постройки деревянных барж зародилась у речников в начале 1942 г. В феврале комиссия Ленинградского обкома партии <...> выбрала место для создания верфи. Ее было решено строить на базе эвакуированного Сясьского целлюлозно-бумажного комбината <...> оборудование было привезено с ленинградских деревообрабатывающих заводов. Прибывшие из Ленинграда инженеры помогли установить на верфи лесопильные рамы, строгальные станки, механические пилы. Не хватало многого, даже основного оружия плотников – топоров, их собирали в Волховском и Пашском районах, разыскивали на ленинградских складах, 500 топоров доставили самолетом из Горького. Из Ленинграда, а также из Великого Устюга и с других тыловых верфей прибыли около 100 мастеров деревянного судостроения и около 2000 мобилизованных рабочих <...> Всеми работами на верфи руководили опытные судостроители – директор С.И. Шилейкис, главный инженер Н.А. Кузнецов, конструктор Б.И. Еропкин...

К 30 сентября 1942 г. были спущены все 30 барж. Их общий тоннаж был равен 11 600 т. 4 ноября в результате предоктябрьского социалистического соревнования была сдана

⁶⁹ «Была убита бомбой на ленинградской улице и оставила двух крошечных детей» (На рубежах познания Вселенной. С. 144–171). – Ред.

⁷⁰ Подробнее о семье Еропкиных см.: На рубежах познания Вселенной. С. 144–171. – Ред.

в эксплуатацию 31-я <сверхплановая> баржа. В ответ на свой рапорт сясские судостроители получили <поздравительную телеграмму от Военного совета Ленинградского фронта.>

(Ленинград и Большая Земля. С. 603–610)

398. Ленина, [по мужу Давыдова] Нина Сергеевна **384 / 383**
(25.X.1909 — [8.I.1970]). Геолог. Умерла от миеломной болезни⁷¹.]

М.В. Волоцкой

Физически несколько недоразвита. В 18 лет выглядела года на два моложе своего настоящего возраста.

А.С. Ленин

С детства болезненная, застенчивая и тихая. Из всех сестер больше дружила со старшей – Верой. Натура очень одаренная: имела абсолютный слух, хорошо рисовала (главным образом миниатюры), вышивала, писала короткие эпиграммы, стихи по случаю. Обладала приятным голосом, в юности даже пела в хоре, но солисткой не стала из-за застенчивости.

Очень любила цветы. Училась в сельскохозяйственном институте на растениевода, но не смогла его окончить, поскольку поступила поздно (долго не принимали из-за дворянского происхождения). На практике познакомилась с аспирантом Института механизации сельского хозяйства Петром Давыдовым и в 1936 г. вышла за него замуж⁷².

Почти всю жизнь Нина Сергеевна проработала в различных геологических организациях картографом, чертежником, ездила в экспедиции. Сослуживцы ценили ее за интеллигентность и доброжелательность.

(Письменные характеристики. Н.Б. XII.2004)

399. Давыдов Петр Георгиевич

(? – 1984). Муж предыдущей с 1936 г. Окончил Институт механизации сельского хозяйства.

400. Ленина, [по мужу Кунько] Ирина Сергеевна **384 / 383**
(4.VIII.1911, [с. Красное Ярославской губернии — 1.III.2002, Петербург). Окончила Ленинградский горный институт (1936), инженер-геофизик. Умерла в 90 лет от пневмонии, через полгода после микроинсульта.]

А.М. Ленина, мать

Застенчивая, очень упрямая и невероятно замкнутая. Настойчивая — за что возьмется, в конце концов сделает хорошо. Жестка в обращении; любит изводить брата, что, по-видимому, для нее всегда являлось компенсацией отсутствия общения с другими детьми. Любит свой дом и внутренне очень к нему привязана.

(Записано М.В. III.1927)

⁷¹ Миеломная болезнь – злокачественное поражение костного мозга. – *Ред.*

⁷² В 1937 г. в этом браке родилась дочь Маргарита (в замужестве Матвеева). – *Ред.*

Т.Л. Кунько

Мама очень хотела быть врачом, но в медицинский институт ее не приняли из-за дворянского происхождения. Окончила Горный и всю жизнь работала по специальности инженером-геофизиком. После окончания института вышла замуж. Родители много ездили в экспедиции (Ухта, Белоруссия, Средняя Азия, Западная Сибирь), позже мама работала в самом Горном институте.

По характеру она была застенчива и не слишком общительна, но подчинить ее своей воле никому не удавалось. Дожив до глубокой старости, мама сохранила прекрасную память, не теряла подвижности, сама ухаживала за собой, готовила еду и стирала.

(Письменные характеристики. Н.Б.)

401. Кунько Лев Игнатьевич

(1909–1972). Муж предыдущей с 1936 г.

Т.Л. Кунько

Брак моих родителей не был ни счастливым, ни несчастным. Отец любил жену и детей (из четверых выжили трое⁷³), но был очень вспыльчив, раздражителен, иногда даже деспотичен. Сам же и страдал от этих вспышек. В 1949 году его арестовали по обвинению в троцкистской деятельности, вышел он по амнистии в 1953-м.

(Письменные характеристики. Н.Б.)

402. Ленина, [по мужу Сергеева] Марианна Сергеевна **384 / 383** (9.IX.1913 — [6.II.1991, Ленинград). Сотрудник ВНИИ синтетического каучука им. С.В. Лебедева. Умерла от рака печени.]

А.М. Ленина, мать

В характере кротость, мягкость, общительность и альтруизм, доходящий до самопожертвования, — «добрый гений» всей семьи. Несколько легкомысленна, но знает за собой этот недостаток и борется с ним. Раньше одно время замечалась плохая память, но теперь как будто бы этого нет.

(Записано М.В. III.1927)

А.С. Ленин

Любимая племянница Марии Владимировны Савостьяновой. Училась в Ленинградском университете, но не смогла его окончить по тем же причинам, что и сестра Нина: «дворянское происхождение». Перед войной поступила сотрудницей во ВНИИ синтетического каучука; с этим институтом была эвакуирована из Ленинграда. После войны вышла замуж за коллегу⁷⁴.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

403. Сергеев Сергей Сергеевич

(1914–1986). Муж предыдущей.

⁷³ Татьяна (род. 1939), Борис (род. 1941) и Александра (род. 1946). – Ред.

⁷⁴ В семье родились два сына, Юрий (1948) и Александр (1950). – Ред.

404. Ленин Сергей⁷⁵ Сергеевич 384 / 383
(9.VI.1915, [Павловск Петроградской губернии — 15.I.1974, Ленинград).

Учился в школе Карла Мая (1923—1929), окончил физико-математический факультет Ленинградского университета (1937). Участник Великой Отечественной войны. Ученый-геофизик, кандидат технических наук (1964), разработчик аппаратуры для анализа состава полезных ископаемых, преподаватель.]

Унаследовал от своих предков «рыбью кожу» (ихтиоз), которая покрывает у него все тело, так же как и у его деда М.А. Рыкачева.

[Похоронен на Красненьком кладбище].

А.М. Ленина, мать

Несмотря на то, что без надзора совсем разленился (мать большую часть дня на службе), учится все же хорошо. Проявляет большую склонность к разным вычислениям, а также к своеобразному коллекционированию (собирает спички, огарки и т.п.). Флегматик. Недавно у него начал расти зуб. Очень любит спать. Сонливость в последние годы и месяцы все более и более прогрессирует. Во сне часто бредит, причем обладает странным свойством отвечать в бреду, не просыпаясь, на подаваемые ему реплики. Этим пользуется его сестра Ирина, которая для своей потехи заводит с ним сонным целые диалоги. Бывали случаи, когда он во сне вставал с постели и ходил по комнате.

(Записано М.В. III.1927)

Л.Д. Ленина, невестка

Высокий, стройный, сухощавый блондин с миловидным румяным лицом. Внешне очень похож на прибалта. Из-за сильной близорукости носил очки с толстыми стеклами. Обладал исключительным ораторским даром; говорить мог подолгу, всегда красиво, интересно, веско, аргументированно, а при случае – и ехидно. Прекрасно знал русскую классическую литературу, с легкостью и к месту приводил цитаты. Любил серьезную музыку, часто посещал филармонические концерты.

После окончания университета в 1937 г. поступил на работу в Главную геофизическую обсерваторию⁷⁶ и через полтора года женился. В 1939 г. у него родилась дочь Людмила, а в 1941 г. – сын Андрей.

Сергей Сергеевич прошел всю войну буквально с первого до последнего дня. На 22 июня по новому стилю приходился день его рождения, его отпустили в увольнение с военных сборов, но праздновать семейное торжество не пришлось. Воевал на Ленин-

⁷⁵ В первом издании «Хроники» имя было изменено на *Семен*: либо потому, что М.В. Волоцкой не смог согласовать публикацию с С.С. Лениным, либо просто по ошибке. – Ред.

⁷⁶ Директором обсерватории некогда был его дед, М.А. Рыкачев (см. с. 603–604). – Ред.

градском фронте у границы с Финляндией, командовал батареей. После победы над Германией еще год оставался на военной службе в окрестностях Ленинграда, иногда навещая семью. Демобилизован в июне 1946 г. одновременно с рождением дочери Веры. Весной 1945 г. вступился за товарища, опоздавшего из увольнения, за что был вычеркнут из списков представленных к награждению орденом Красной Звезды. Особенно опечален этим не был. Он вообще всегда имел собственное мнение и умел его отстаивать, до самой войны в анкетах правдиво указывал «дворянское происхождение».

С 1946 г. работал во Всесоюзном институте разведывательной геофизики. В августе 1947 г. у Лениных родился четвертый ребенок – дочь Наталья. Спустя два года Сергей Сергеевич вместе со всей семьей был откомандирован на Северный Урал, где в течение четырех лет изучал деление изотопов тяжелых металлов. Там же преподавал физику и высшую математику студентам филиала Московского энергетического института. В 1954 г. семья вернулась в Ленинград.

Научные интересы С.С. Ленина были весьма разнообразны – спектроскопия, естественное альфа-излучение, флуоресцентный рентгеноспектральный метод; им разработана аппаратура для актинового метода. Он автор более 35 публикаций и нескольких авторских свидетельств, дважды выдвигался на Ленинскую премию, но организационные неурядицы помешали прохождению работы.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2004)

405. Федорова, по мужу Ленина Лидия Константиновна

(1915–2006). Жена предыдущего. Из преподавательской семьи.

406. Мертвый ребенок, родившийся у Варвары Рыкачевой
(16.V.1911)

385 / 386

Глава IX

ВЕТВЬ ВЕРЫ МИХАЙЛОВНЫ, ПО МУЖУ ИВАНОВОЙ*

Поколение тринадцатое

35. Достоевская Любовь Михайловна

15 / 139

(22.VII — кон. VII.1829). Близнец с последующей. Умерла в грудном возрасте.

Крестным близнецов Любви и Веры стал князь А.Д. Козловский (*Московский мир Достоевского. С. 56*).

А.М. Достоевский

Сестра Любочка жила только несколько дней и скончалась; и вообще эти две близнятки были очень слабы здоровьем, и все предполагали, что они будут недолговечны <...> смерть сестры Любочки я помню совершенно ясно, хотя мне было тогда с небольшим четыре года. <...> отвезли маленький гробик в коляске, в которой сидел и я, и похоронили на Лазаревском кладбище, в ногах у бабушки нашей Варвары Михайловны Нечаевой.

(*Воспоминания. С. 21–22*)

36. Достоевская, по мужу Иванова Вера Михайловна

15 / 139

(22.VII.1829, [Москва] — 13.III.1896). Замужем за А.П. Ивановым с [7] января 1846 г. Умерла после запоздалой операции при ущемлении грыжи. [Похоронена на Нечаевском погосте в Даровом.]

М.А. Иванова

Мать моя вышла замуж в возрасте 17 лет, следуя совету своих родственников Куманиных. Жениха своего А.П. Иванова, бывшего почти вдвое старше ее, она видела до свадьбы только три раза. Впоследствии она очень полюбила своего мужа, так же как и он ее, и брак этот оказался очень удачным.

(*Письменные характеристики. М.В.*)

Ф.М. Достоевский — брату Андрею
6.VI.1862. Петербург

Верочка живет счастливо.
(*ПСС. Т. 28₂. С. 25*)

* Глава подготовлена Н.Н. Богдановым и Е.В. Новожиловой; также материалы представили Н.А. Воробьева, Т.И. Кондратова и Л.Л. Семенищенкова.

А.Г. Достоевская

<Федор Михайлович почти всегда проводил праздники> в семье любимой сестры, В.М. Ивановой...

...Из всех своих родных Федор Михайлович особенно любил сестру, Веру Михайловну Иванову, и всю ее семью.

...Крестною матерью <Любы> муж мой избрал свою любимую сестру, В.М. Иванову. Заместительницею была моя мама.

(Воспоминания. С. 104, 126–127, 188)

Ф.М. Достоевский — Ивановым
1 (13) I.1868. Женева

...Кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих), — как не вы и ваше семейство? Кроме вас, Федя и его семейство и Паша — вот и все те, которыми я дорожу и которых

крепко люблю на всем свете. <...> вы хотите взять для детей гувернантку французенку. К чему? Зачем? Какое произношение? <...> Теперь на детей твоих смотреть — душа радуется. У вас резво, крикливо, шумно — правда; но на всем лежит печать тесной, хорошей, доброй, согласной семьи. Французенка же принесет элемент новый и скверный, французский. Не говорю уже о лишних деньгах.
(ПСС. Т. 28₂, С. 246, 248)

Н.Н. Полянский¹

<Обаятельной> была Вера Михайловна, с детьми которой я часто играл и видел ее близко, в интимном, семейном кругу. Как сейчас помню ее лицо и всю ее серьезную фигуру, вызывавшие во мне всегда какое-то почти благоговение... Было что-то приятно-грустное в ней, какая-то милая таинственность...

(Достоевский в забытых. С. 179)

Ф.М. Достоевский — жене
2.I.1872. Москва

...У Верочки же я провожу только вечера, а обедать совещусь, потому что у них, кажется, очень тонко, и это видно, так что обедаю на свой счет.

(ПСС. Т. 29₁, С. 222)

¹ Полянский Николай Николаевич (1862–1938) — литератор. Его отец, преподаватель Константиновского межевого института, был сослуживцем и другом А.П. Иванова. — Ред.

В.М. Иванова — брату Федору
Почтовый штемпель 22.X.1877 <Даровое>

Я живу в деревне с Юлей. В последнее время мы много хлопочем по хозяйству. Рассадили налево от дома ягодный садик и надеемся, что в будущем времени будет у нас изобилие ягод, в особенности вишен. Следим за молотьбой и решительно не видим, как идет скучный октябрь. Вечером зажигаем лампу, пьем чай, читаем газеты. Приходит приказчик наш, очень неглупый мужик, да еще Акулина Исаевна (которая у нас кухаркой), в стосотый раз рассказывающая о своем житье-бытье при маменьке Марье Федоровне, и вечер проходит незаметно.

(ИРИИ)

Ф.М. Достоевский — жене
10.XI.1878. Москва

...Поехал к Верочке. Там всех нашел в сборе и просидел у них до полночи. Верочка предобрая и премилая...

(ПСС. Т. 30, С. 50)

А.Г. Достоевская
Примечание к повести «Вечный муж»

«Вельчанинов тотчас был представлен и m-me Захлебининой, весьма расплывшейся пожилой даме, с простоватым и усталым лицом. Стали выплывать и девицы, одна за другой или парами. Но что-то очень уж много явилось девиц: мало-помалу собралось их до десяти или до двенадцати». В лице семейства Захлебининых Федор Михайлович изобразил семью своей родной сестры В.М. Ивановой. В этой семье, когда я с нею познакомилась, было три взрослых барышни, а у тех было много подруг.

(Семинарий по Достоевскому. С. 61)

Д.Д. Хмыров

Я лично знал свою бабушку Веру Михайловну Иванову. Она была очень добродушная старуха.

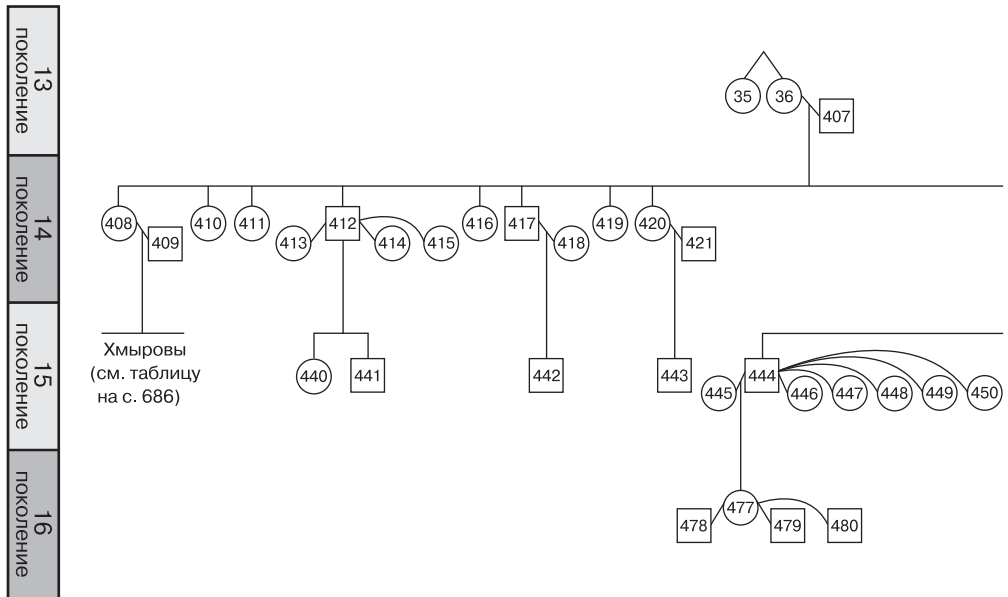
(Письменные характеристики. М.В.)

А.М. Голеновская — брату Михаилу
До 1864

Варенька совершенно углубилась в образование своих детей, и куда бы она ни приехала, а все заведет разговор про какую-нибудь географию или историю, уже это немножко и нехорошо, но не наше дело; сам Бог сказал не судите и сами не судимы будете. Вот у Верочки дети, так совсем другое, точно птички Божие, не знают ни заботы ни труда, такие все резвые...

(ИРИИ)

ПОТОМСТВО ВЕРЫ

В.М. Иванова — дочери Нине

Вряд ли во всей Москве найдется семья такая, как наша, где так вольно живется детям. Вы все что хотели, то и делали.
(НИОР РГБ)

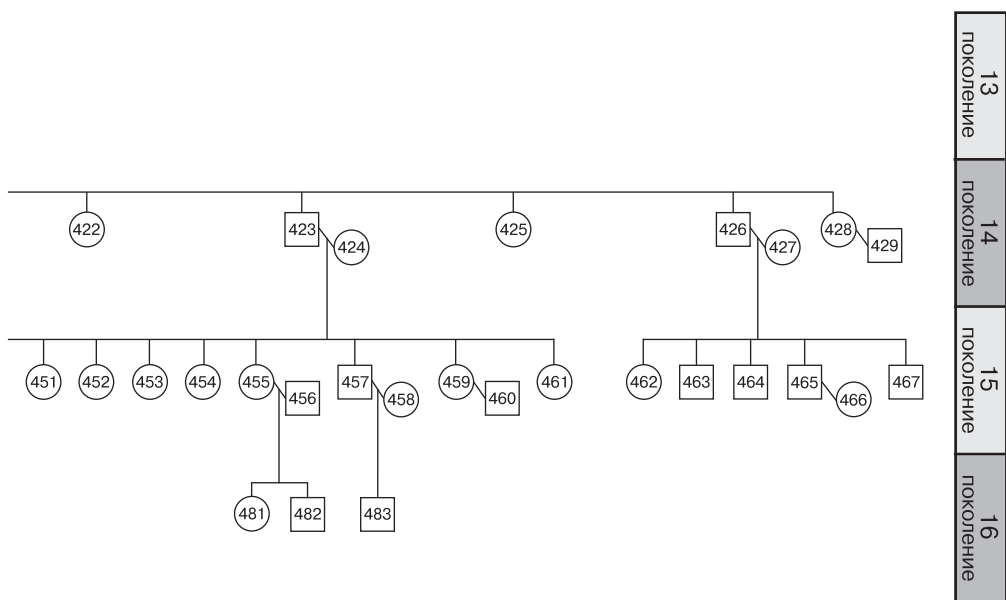
Ф.М. Достоевский – жене
19 (31) VIII.1879. Эмс

В Москве где остановишься? Поедешь на общее собрание – где детей оставишь? <...>
Если же оставишь детей где-нибудь у Ивановых, то хорошо ли с ними обойдутся и добро-
душно ли их примут?
(ПСС. Т. 30, С. 115–116)

И.Л. Волгин

«...Пришел к нам <за три дня до смерти Достоевского> один господин, очень добрый и который был симпатичен мужу, но обладавший недостатком – всегда страшно спорить. Заговорили о статье в будущем “Дневнике”; собеседник начал что-то доказывать, Федор Михайлович, бывший несколько в тревоге по поводу ночного кровотечения, возражал ему, и между ними разгорелся горячий спор. Мои попытки сдержать спорящих были неудачны, хотя я два раза говорила гостю, что Федор Михайлович не совсем здоров и ему вредно громко и много говорить. Наконец около пяти часов гость ушел, и мы собирались идти обедать, как вдруг Федор Михайлович присел на свой диван, помолчал минуты три, и вдруг, к моему ужасу, я увидела, что подбородок мужа окрасился кровью и она тонкой струей течет по его бороде». <...> Анна Григорьевна не сочла возможным поведать о том,

МИХАЙЛОВНЫ ИВАНОВОЙ

что «один господин», очень добрый и симпатичный ее мужу, но обладавший пагубной привычкой спорить, – не кто иной, как родная сестра Достоевского Вера Михайловна.

Между тем предмет спора был отнюдь не новый. Родственная тяжба вокруг куманинского наследства длилась уже несколько лет – с периодическими обострениями <...> С сестрой Александрой Достоевский был в ссоре, и она не бывала в их доме; с сестрой Варварой отношения были теплые; сестра Вера были любима. Может быть, именно поэтому она и приняла на себя довольно щекотливую миссию: попытаться уговорить его принести *братскую* жертву.

Согласно свидетельству Анны Григорьевны, объяснение с «одним господином» имело место до обеда. По словам же Любови Федоровны – во время застолья. Эта деталь существенна. Если сцена происходила во время обеда, на котором присутствовали и дети, то Любовь Федоровна может опираться на собственные воспоминания.

Вера Михайловна была у Достоевских около трех и покинула их дом в четыре или в пять. Достоевские обычно обедали позже. С другой стороны, трудно предположить, чтобы московскую гостью отпустили без угощения.

...Семейный обед начался прекрасно: брат и сестра увлеклись воспоминаниями об играх и развлечениях в детские годы. Впрочем, вскоре Вера Михайловна перешла к делу. «Отец наморщил лоб, моя мать попыталась переменить тему разговора... Все напрасно; тетя Вера была наименее интеллигентной из всей семьи». Тон беседы повысился, посыпались взаимные упреки, и наконец тетка Вера разразилась слезами. «Достоевский потерял терпение и встал из-за стола до окончания обеда, чтобы прервать неприятный разговор. В то время, как моя мать провожала золовку, продолжавшую плакать и пожелавшую как можно скорее отправиться домой, отец побежал в свою комнату».

...Дочь приводит такие подробности, о которых ее мать предпочитает умалчивать. <...> Любовь Федоровна пишет далее, что ее отец, сев за письменный стол, тронул руками свой рот и бороду – и в ужасе отнял их: «они были в крови».

*Кровное родство явило свой забытый дословный смысл.
(Последний год Достоевского. С. 416–418)*

А.М. Шевякова — сестре Вере
25.VIII.1881 <Петербург>

<Мой муж> Владимир так тебя полюбил, что уж не знаю, не начать ли мне тебя ревновать к нему: и добра-то ты, и кротка-то, и необыкновенно добродетельна и сердечна, так что целый акафист готов.

24.III.1882 <Петербург>

К тебе, кажется, опять соберется на Пасху вся твоя молодежь, то-то подымут они шум у тебя и превесело, я думаю, будет у вас; если бы можно каким-нибудь духом хоть на один денечек очутиться с вами и отдохнуть душой.

Н.М. Достоевский — сестре Вере

Милая и дорогая сестра! Оба твои письма я получил и, как я уже и говорил тебе, перечитал их уже несколько раз и в минуты грусти находил в них для себя большое утешение. Ведь никто не (относился) обращался ко мне с таким теплым и неподдельным чувством с тех пор как я себя помню, с каким ты относишься (к моему незавидному положению) ко мне в тяжелое для меня время. О, как хотелось снова увидеться, поговорить по душе и крепко обнять тебя.
(НИОР РГБ)

О.А. Иванова

Мать обладала до старости прекрасным зрением, несмотря на то что всю жизнь имела обыкновение перед тем, как заснуть, читать часа по три, лежа в постели. Любила вышивать шелками по канве, причем, очень хорошо различая цвета, употребляла до 12 оттенков одного и того же цвета.
(Записано М.В.)

В.М. Иванова — дочери Н<ине>

Доктор нашел у меня какую-то infisema² и сказал, что при этой болезни можно еще пожить, только почаще обращаться к доктору.
(НИОР РГБ)

О.А. Иванова

Мать приобрела Даровое лишь после того, как достиг совершеннолетия младший член их семьи. Она выкупила у сонаследников это имение, доставшееся

² Ту же болезнь (эмфизему) врачи находили и у Ф.М. Достоевского (см. с. 1166). – М.В.

детям Достоевским после смерти их родителей, употребив на это те деньги (25 000 руб.), которые ею были получены в приданое от Куманиных.
(*Письменные характеристики. М.В.*)

В.М. Иванова – брату Андрею
Май 1886. Даровое

Я <...> перестроила или почти вновь выстроила себе домик и вышел недурен <...>. Старый же наш еще отцовский дом был уже очень стар и очень-очень холоден, так что мы несколько лет чуть-чуть не замерзали по зимам.
(*Даровое – усадьба Достоевских. С. 23–24*)

О материальном положении Веры Михайловны в последние годы жизни говорят следующие строки из ее письма к дочери Юлии: «Я теперь шью по заказу в лавку штаны по 6 коп. за пару и шью в день по 4 пары».

407. Иванов Александр Павлович

([3.VII] 1813, [Москва] – 17.I.1868, [там же]). Муж предыдущей.

[Окончил медицинский факультет Московского университета.] Служил [учителем физики (с 1841 г.) и] врачом [с 1861 г.] в Константиновском межевом институте, а также учителем физики, [химии] и естественной истории в различных учебных заведениях Москвы.

Умер от сепсиса: [делая операцию по удалению злокачественной опухоли студенту института, занес себе инфекцию и через десять дней скончался.]

Е.А. Иванова

По семейным преданиям, отец Александра Павловича, Павел Иванович Иванов, был побочный сын князя Голицына и гувернантки его детей³. Голицын очень заботился о своем побочном сыне. Позднее П.И. Иванов, если не ошибаюсь, служил гвардейским офицером и женился на княжне Софье Волконской. В воспоминаниях М.В. Толстого есть указание, что какой-то Д.В. Голицын помогал семье П.И. Иванова после самоубийства последнего. По всей вероятности, это был уже не отец П.И., а кто-либо из его братьев, считавший своим долгом помочь семье Ивановых в тяжелые для нее дни⁴. П.И. оставил после себя дневник, который хранился у его старшего внука, а моего дяди, Александра Александровича Иванова, и пропал после смерти последнего в Харькове. Папа рассказывал кое-что из содержания этого дневника, но восстановить эти рассказы я уже не могу.

Если не ошибаюсь, брат прадедушки, Илья (Игнатий?) Иванович Иванов, по семейным преданиям, был декабристом.
(*Письменные характеристики. М.В.*)

³ По данным «Всероссийского генеалогического древа» (<http://www.vgd.ru/index.php?t=13183>), мать Ивановых звали Еленой (род. ок. 1763); в 1826 г. она была вдовой после второго мужа, унтер-офицера Кармашукова, жила в Житомире. – *Ред.*

⁴ Если это действительно так, то наиболее вероятный предок Ивановых – князь Петр Владимирович Голицын (1767–1833). – *Ред.*

Ю.А. Иванов

В роду А.П. Иванова был декабрист Илья Иванович Иванов <1800—1838>.

О декабристе Илье Ивановиче Иванове до наших дней дошел ряд сведений, сохранившихся в различных архивных материалах о декабристах. Иванов был активным членом и секретарем «Общества соединенных славян». По должности он был провиантским чиновником 10-го класса. О происхождении его значится, что он был «из почтальонских детей». Последнее обстоятельство, на первый взгляд, не вяжется с преданием в семье Ивановых о их предке Голицыне. Однако обе версии не противоречат одна другой, если почтальон в данном случае являлся отцом лишь номинальным, как легализатор побочной семьи Голицына.

Будучи принят в Общество в начале 1825 г., Иванов быстро проявил энергичную деятельность по привлечению новых членов. При аресте в его бумагах были найдены какие-то стихи, содержащие, по выражению Следственной комиссии, «богопротивные и в трепет приводящие мысли». Авторство этих стихов приписывалось Комиссией Иванову, но сам Иванов утверждал, что стихи не его. Судя по показаниям декабриста Костыры, Иванов увлекался философией, в частности, сочинениями Вольтера, находя, что «хотя они запрещены, но очень полезны и поучительны». После подавления восстания был осужден на ссылку в каторжные работы на 15 лет, а потом на поселение. Николай I снизил срок каторжных работ до 12 лет. Подробнее о нем см. в книге М.В. Нечкиной «Общество соединенных славян» (ГИЗ, 1927), откуда и взяты приведенные здесь сведения.

(Письменные характеристики. М.В.)

М.В. Толстой

А.П. Иванов, очень даровитый, живой и бойкий юноша, моложе меня двумя годами, был сын чиновника, служившего при генерал-губернаторе. Отец его промотал казенные деньги и лишил себя жизни⁵, семья самоубийцы, состоявшая из жены, сестры и двух мальчиков сыновей⁶ (из них старшему, А.П., было 14 лет), осталась без всяких средств к жизни. Хотя добродушный князь Д.В. Голицын⁷ оставил в пользу сирот всю движимость покойника и на первое время давал им от себя небольшое пособие, но всего этого было мало. С 15-летнего возраста А.П., не упуская учения в гимназии, стал помогать своей семье уроками. А.П. по своему веселому и добродушному нраву был весьма любим товарищами, не возбуждая в них зависти, хотя был постоянно по всем предметам ученья первым между нами. Часто приходил он ко мне по вечерам: я учил его французскому языку и ботанике, а он меня своим любимым предметам — физике и химии. Первую он изучил еще в гимназии, а химией занимался постоянно и усердно, посещая лекции и опыты профессора Геймана на математическом факультете... Каждый из нас должен был сделать в течение зимы несколько анатомических препаратов, отде-

⁵ Мой дед П.И. Иванов оставил дневник, в конце которого писал, что он не растративал денег, а его так подвели сослуживцы и товарищи, что он оказался в положении растратчика. — О.И.

⁶ Ниже тот же мемуарист говорит о четырех (а не двух) братьях Ивановых. — Ред.

⁷ Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — светлейший князь, генерал от кавалерии и генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1820–1843 гг. московский генерал-губернатор. — Ред.

лать тщательно мускулы, кровеносные жилы, связки и нервы; каждому предоставлялось право взять себе сделанный им препарат, но никто этим правом не пользовался, кроме Иванова, который работал лучше нас всех и приготавливал так называемые сухие (под лаком) и спиртовые препараты не хуже самого прозектора. Пользуясь расположением Гумбурга, он сбывал свои работы в анатомический кабинет: в течение этой зимы <1831 г.> он за них получил около 200 руб. ассигнациями.

...Министр <граф С.С. Уваров> едва ли остался доволен моим красноречием. Зато вполне угодил ему наш бойкий Иванов очень живым рассказом о разных способах извлечения камня, причем очень быстро сделал операцию на трупе.

...Я стал готовиться вместе с Ивановым к выпускному экзамену, который мы оба сдали с рук очень успешно и получили степень лекаря 1-го отделения. Затем поступили на практику в Екатерининскую больницу, где принялись лечить больных.

...В 1837 г. начались для меня и трех моих товарищей докторские экзамены в месячных собраниях факультета. Особенно доставалось нам от новых профессоров, которые хотели, в видах уязвления своих предшественников, доказать полное наше невежество. Сверх того, затрудняла нас необходимость изъясняться на латинском языке... Последним и самым тяжелым для нас испытанием была хирургия оперативная: проф. Иноземцев сряду четыре заседания изошрял над нами свое неистощимое остроумие и, наконец, хотя и неохотно, поставил каждому из нас отметку «удовлетворительно». Всегда правдолюбивый товарищ его Г.И. Сокольский не вытерпел и сказал ему: «Иванову следовало бы поставить “превосходно”». — «Ни за что не соглашусь», отвечал Иноземцев. — «Это, впрочем, и не нужно», объяснил декан Альфонский, «и без того все мы видели, что гг. докторанты знают хирургию, а это и следовало доказать». ...Мы принялись за писание диссертаций. Иванов, избравший себе тему из токсикологии (о мышьяке), не принимался за дело, откладывал с года на год и, наконец, вовсе отложил мысль о диссертации и не получил степени доктора медицины, которой он больше всех нас заслуживал. Впрочем, винить его в этом нельзя: обязанный содержать семейство, он вовсе не имел свободного времени. Еще до начала докторского экзамена он принял на себя преподавание физики и химии в Кадетском корпусе, в Межевом институте и еще в нескольких учебных заведениях. Тогда в Москве он был лучшим учителем по этим предметам. Сверх того, у него была обширная медицинская практика, и притом всегда бесплатная⁸.

⁸ Насколько мне известно, это было не совсем так. А.П. Иванов, мой дед, не брал денег за лечение только с бедных. С богатых же, например, с некоторых купцов, брал даже иногда рублей по двадцать пять за визит. — Ю.И.

А.П. Иванов имел братьев Ореста, Константина и Николая (пропавшего без вести в Сибири). Константин был женат на Елене Павловне, довольно часто упоминающейся в письмах Ф.М. Достоевского к жене, пасынку и другим людям. (*Русский архив. 1881. Кн. 2*)

В.М. Карепина – брату Михаилу

Начало 1846. Москва

...Очень добрый и умный человек тридцати двух лет <...> так любит и обожает сестру, что весело на них посмотреть. У него есть мать, которая также не наглядится на Верочку... (*Литературное наследство. Т. 86. С. 370*)

Н.Н. Полянский

Александр Павлович был человек «высочайшей нравственности», как вспоминали потом его сослуживцы. <...> за больными «ухаживал, как отец за своими детьми». У меня хранится его фотографическая карточка <...> На этой фотографии Иванов снят в межевом, тогда военном, с погонами, сюртуке. У него довольно большие, аккуратно причесанные волосы и густые усы; удивительно добрые, задумчивые глаза. Все лицо – такое приятное, серьезное... <...> отец мой впоследствии, при чтении романов Достоевского, не раз говорил мне, что в некоторых его героях он замечает какие-то «духовные черточки», напоминающие покойного – «удивительного человека» Александра Павловича. (*Достоевский в забытых. С. 178–179*)

Д.Д. Хмыров

Это был человек долга.

(*Письменные характеристики. М.В.*)

А.М. Достоевский

...В личности Александра Павловича я нашел очень доброго, веселого и симпатичного человека. Я с ним сошелся с первого же дня свидания, и он мне очень понравился, каковые чувства я и сохранил к нему до конца его жизни. (*Воспоминания. С. 185*)

Ф.М. Достоевский – невесте А.Г. Сниткиной

2.I.1867. Москва

Он меня поздравил <с предстоящей женитьбой> и сделал одно замечание, весьма оригинальное, которое я тебе передам после. (*ПСС. Т. 28₂. С. 177*)

М.А. Иванова

Своих детей А.П. никогда не наказывал; вообще нам жилось очень легко и свободно. (*Записано М.В.*)

Н.А. Фон-Фохт

В Константиновском межевом институте, где я в то время воспитывался, состоял врачом, притом единственным, статский советник Александр Павлович Иванов, прекраснейший и добродетельнейший человек, каких я редко встречал в своей жизни. <...> в институте решительно все — и служащие, и воспитанники — чрезвычайно уважали и любили А.П. Иванова, и когда он скончался в январе 1868 г., то воспитанники несли гроб его на руках до самой могилы, отстоявшей от института на несколько верст⁹. Вся Москва знала А.П. Иванова, и все глубоко сожалели о преждевременной его кончине.

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 49)

Ф.М. Достоевский — сестре Вере, племянницам Софье и Марии
1 (13) II.1868. Женева

...Как припомнишь, как лежало к нему сердце, то станет так больно и жалко, что уж не рассудком, а сердцем одним мучаешься и *рад мучиться*, несмотря на боль, как будто сам чувствуешь себя тоже виноватым. <...> Такого святого и дорогого человека нельзя себе и представить умершим. И пусть долго он пребывает памятью между вами всеми и служит соединением всей семье, как и прежде всегда служил. Еще бы, Сонечка! Вы пишете, что многие изъявляют сочувствие! Еще бы! Имея 10 человек детей, он почти усыновлял других детей. Десятки, сотни воспитанников К<онстантиновского> училища его должны за отца считать.

А почему все мы его так любили, как не потому, что это был человек сам с редким, любящим сердцем. Кто его не любил! <...> Аня, жена моя, знала лично Александра Павловича всего только несколько дней — и как она плакала, в каком была отчаянии, когда я ей сообщил! (А как любила и уважала его бедная Марья Дмитриевна!) <...> у этого человека долг и убеждение — были во всем прежде всего.

Пасынку Павлу
19.II (2.III) 1868. Женева

Я так был поражен смертью Александра Павловича и так жаль его. Кому он не делал добра! Редкий и благороднейший был человек.

(ПСС. Т. 28₂. 253–254, 265)

М.А. Иванова

Большая семья летом еще увеличивалась: отец брал к себе на дачу гостить студентов, которым некуда было уезжать, детям разрешалось приглашать товарищей и подруг.

(Поездка в Даровое. С. 138)

М.В. Волоцкой

В отличие от М.А. Достоевского (отца писателя), А.П. Иванов оставил среди крестьян Дарового самую хорошую память. С теплым чувством и очень охотно говорят они о на редкость добром и отзывчивом на всякое горе и нужду Александре Павловиче. Из многочисленных эпизодов, иллюстрирующих

⁹ В другом месте тех же воспоминаний, характеризуя веселый нрав А.П. Иванова, автор называет его душой общества. — М.В.

сердечность А.П., которые до сих пор живут в памяти старожилов Дарового, приведем хотя бы следующий: А.П. не позволял садовому сторожу грубо обращаться с деревенскими детьми, которые забирались в плодовый сад за яблоками. «Ты не лови и не пугай их, — учил он сторожа, — а коли увидишь, что ребята забрались в сад, то только иди и полегоньку покашливай, чтоб они тебя издали слышали и слезли с яблонь, а то, если будешь пугать, кто-нибудь второпях да с испугу может свалиться с дерева, да еще в пруд упадет».

Поколение четырнадцатое

408. Иванова, по мужу Хмырова Софья Александровна

407 / 36

(12.X.1846, [Москва] — 31.III.1907, <там же>). Переводчик [по свидетельству родных, ей принадлежали переводы романов Ч. Диккенса, У. Коллинза («Бедная мисс Финч», «Вторая жена», «Новая Магдалина» и др.), сотрудничала в «Русском вестнике». Замужем за Д.Н. Хмыровым с августа 1876 г.]

Умерла от рака груди.

Л.Ф. Достоевская

Еще больший интерес вызывала у Достоевского его племянница Софья, интеллигентная и серьезная девушка. Я не знаю, почему он считал, что она унаследовала его литературный талант. Моя кузина часто говорила о романе, который собиралась писать, но не находила подходящего материала. Вся семья, в том числе и мой отец, предлагали ей различные темы, но они ей не подходили. Через не-

сколько лет после свадьбы моих родителей вышла замуж и кузина Софья и отказалась от своих честолюбивых намерений в отношении литературы¹⁰.

(Достоевский в изображении дочери. С. 97–98)

А.Г. Достоевская

Дневник

19 (31) X. 1867. Женева

<Сонечка> писала к Феде, говорила, что мать ее принуждает идти замуж и видит в этом счастье не только ее, но и всего семейства, говорит, что детей много, что они небо-

¹⁰ Нечто подобное тому, о чем пишет Л.Ф. Достоевская, действительно имело место, но только не с Софьей, а с ее сестрой Ниной, и с той разницей, что все окружающие отнюдь не предлагали ей «различные темы». Подробнее об этом см. в сводке данных о Нине Ивановой (№ 420, с. 704–705). — М.В.

гаты, одним словом, старается, видимо, силком, чтобы та вышла замуж. Я понимаю, какое это скверное и тяжелое положение! Бедная Сонечка! А та говорит, что не может же до такой степени убить себя, сломать свою жизнь, чтобы, не любя человека, решительно никого не зная, идти замуж. Что ей самой очень тяжело быть в тягость семейству, что она для того, чтобы самой зарабатывать деньги, нарочно изучила английский язык, чтобы переводить что-нибудь, но что переводов у нее нет. Она просит Федю посоветовать ей, что бы ей делать. Меня она упрекает за неисполненное слово, за обещание писать к ней очень часто. Когда я читала, мне сделались ужасно больны ее упреки <...>

<Федя> говорил, что за кого же она выйдет замуж, ведь она никого не видит, если ее и вывозить в собрание 3–4 раза в год, ну, кто там ее увидит. А своих знакомых у них нет, что он помнит, как было раз еще при нем, ей сватали жениха, приехал какой-то инженер, над которым все они смеялись; потом же он оказался каким-то просто карманным воришкой. Я говорила, что жаль, что нас нет в Петербурге, а то бы она могла приехать к нам, он отвечал, что не отпустят, а когда я заметила, что, может быть, она могла бы настоять на этом, то он отвечал, что ее отец не таков, что если ей переступить через ров, так мост создадут они, что за нею, как за мной, не побегут родные, а просто отец рассердится на нее.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 249–251)

Ф.М. Достоевский — племяннице Софье
1 (13) I.1868. Женева

Таких как Вы я немного в жизни встретил. Вы спросите: чем, из каких причин я к Вам так привязался? (Спросите — если мне не поверите). Но, милая моя, на эти вопросы отвечать ужасно трудно; я запоминаю Вас чуть не девочкой, но начал вглядываться в Вас и узнавать в Вас редкое, особенное существо и редкое, прекрасное сердце — всего только года четыре назад, а главное, узнал я Вас в ту зиму, как умерла покойница Марья Дмитриевна¹¹. Помните, когда я пришел к Вам после целого месяца моей болезни, когда я вас всех очень долго не видал? Я люблю вас всех¹² <...> (о, вы все талантливы и отмечены Богом), — но к Вам я привязан особенно, и привязанность эта основывается на особенном впечатлении, которое очень трудно анатомировать и разъяснить. Мне Ваша сдержанность нравится, Ваше врожденное и высокое чувство собственного достоинства и сознание этого чувства нравится (о, не изменяйте ему никогда и ни в чем; идите прямым путем, без компромиссов в жизни. Укрепляйте в себе Ваши добрые чувства, потому что все надо укреплять, и стоит только раз сделать компромисс с своею честью и совестью, и останется надолго слабое место в душе, так что чуть-чуть в жизни представится трудное, а, с другой стороны, выгодное — тотчас же и отступите перед трудным и пойдете к выгодному. Я не общую фразу теперь говорю; то, что я говорю, теперь у меня самого болит; а о слабом месте я Вам говорил, может быть, по личному опыту. Я в Вас именно, может быть, то люблю, в чем сам хромаю). Я в Вас особенно люблю эту твердую постановку чести, взгляда и убеждений, постановку, разумеется, совершенно натуральную и еще немного Вами

¹¹ Первая жена писателя (№ 328). — М.В.

¹² По-видимому, здесь Достоевский говорит обо всей семье Ивановых. — М.В.

самими сознannую, потому что Вы и не могли сознать всего, по Вашей чрезвычайной еще молодости. Я Ваш ум тоже люблю, спокойный и ясно, отчетливо различающий, верно видящий. <...>

Пожелайте мне, милый друг, хоть какой-нибудь удачи! Роман называется «Идиот», посвящен Вам, то есть Софье Александровне Ивановой. Милый друг мой, как бы я желал, чтоб роман вышел хоть сколько-нибудь достоин посвящения. <...>

Но что это с Вашим здоровьем? Вы меня испугали. Не тоскуйте, друг мой, — в этом главное, а главное: не спешите, не заботьтесь очень много; все придет своим чередом и придет хорошо, само собою. В жизни бесконечное число шансов; слишком много заботиться значит время терять. Желаю Вам энергии и твердости характера, — в них я, впрочем, уверен. Голубчик мой, занимайтесь своим образованием и не пренебрегайте даже и специальностью, но не торопитесь главное; Вы еще слишком молоды, все придет своим порядком, но знайте, что вопрос о женщине, и особенно о русской женщине, непременно, в течение времени даже Вашей жизни, сделает несколько великих и прекрасных шагов.

29.III (10.IV) 1868. Женева

<Вы у меня с Анной Григорьевной> из головы не выходите. У нас у обоих явилась одна мысль <...> *не хотите ли заняться стенографией?* Слушайте внимательно, Сонечка: стенография есть искусство высокое, не унижающее ремесло (хотя таковых и нет совсем, по моим идеям), а дающее честь и огромные средства обладающему искусством. Это искусство свободное, — а следственно, женщины находят в нем свою дорогу <...> Я приеду в Москву, переговорим серьезно и окончательно, и если будем все согласны — то переезжайте с нами в Петербург, на время изучения. Это года полтора, два, не более. Это не будет разлука с семьею; Вы будете раза по три в год ездить в Москву <...> Вы будете жить у нас; Вы нас ничем не стесните. <...> О, милый друг, если б Вы знали, как это Вам будет полезно. Отлучка из семейства Вам на время необходима, потому что настроение Ваших мыслей ужасно. Вы пишете, что, может быть, Вы в семействе лишняя и составляете ему ущерб! Да Вы себе цены не знаете и никогда не знали. Вы-то ущерб! Вы себя всегда низко ценили, Вы себе цены не знаете. Вы духом, общим направлением, сущностью своею уже дороги для семьи. О, не разрушайте эту гармонию, эту целость! Попробуйте-ка отлучиться из семейства на время и увидите, как вы взаимно друг другу необходимы; тогда и узнаете себе цену. <...> у Вас слишком большие обязанности и относительно их и относительно себя. Знаете ли, что с этим знанием — Вы будете поддержкой и семье и на всю жизнь иметь хорошее обеспечение. Вы только начинаете жизнь: через 10 лет страшно много изменится у нас. Может быть, каждая губерния в России будет нуждаться в стенографе <...> Вы пишете в письме Вашем насчет *самопожертвований*, которые приводят Вас в ужас: «Всю жизнь жить против своего убеждения ужасно» — Ваши слова. Боже Вас сохрани делать это! О, не губите себя, не унижайте себя нравственно, не губите и семью, потому что никто в ней не будет счастлив Вашим несчастьем. Ну похожи ли Вы на мою племянницу!

Ну можете ли Вы отдать себя негодяю-мужу, вроде ее мужа¹³? Это свинство! Но знайте, друг мой (дорогая сердцу моему Соня, как дочь дорогая!) — знайте, что Вы *не можете* не быть замужем, Вы должны быть счастливы (непреренно!) и чем даст Бог скорее, тем лучше! И выбрать свободным сердцем и по убеждению. Что ж, друг милый, Вам это, живя с нами, так же будет легко, как и оставаясь в Москве, в родительском доме. Я не говорю, что это будет *легко*, но **ТАК ЖЕ** легко. Друг мой, не сердитесь на меня, что я изложил все это Вам, девице, так грубо и обнаженно. Я говорю как друг, как брат: я говорю *всё*. <...> Будем преданы друг другу и *не будем разлучаться*. Составимте общую семью. <...> Милая Соня, неужели Вы не верите в продолжение жизни и, главное, в прогрессивное и бесконечное, в сознание и общее слияние всех. <...> Удостоимся же лучших миров и воскресения, а не смерти в мирах низших! Верьте! <...>

До свидания дорогая, золотая моя.

Ваш весь, весь, друг, отец, брат, ученик — всё-всё!

(ПСС. Т. 28₂. С. 249–252, 293–295)

Д.Д. Хмыров

После смерти моего деда А.П. Иванова содержать семью и помогать старшим детям закончить образование пришлось моей матери, Софье Александровне. Она занималась в то время переводами романов с английского, каковые печатались в журнале Каткова «Русский вестник».

(Письменные характеристики. М.В.)

М.А. Иванова

Софья Александровна рано начала помогать семье. Она переводила с английского романы Диккенса, за что получала по 25 рублей с печатного листа. Таким образом ей удавалось зарабатывать до 200 рублей в месяц. Болела туберкулезом, но вылечилась после оставления работы переводчицы.

(Письменные характеристики. М.В.)

Ф.М. Достоевский — племяннице Софье
26.X (7.XI) 1868. Милан

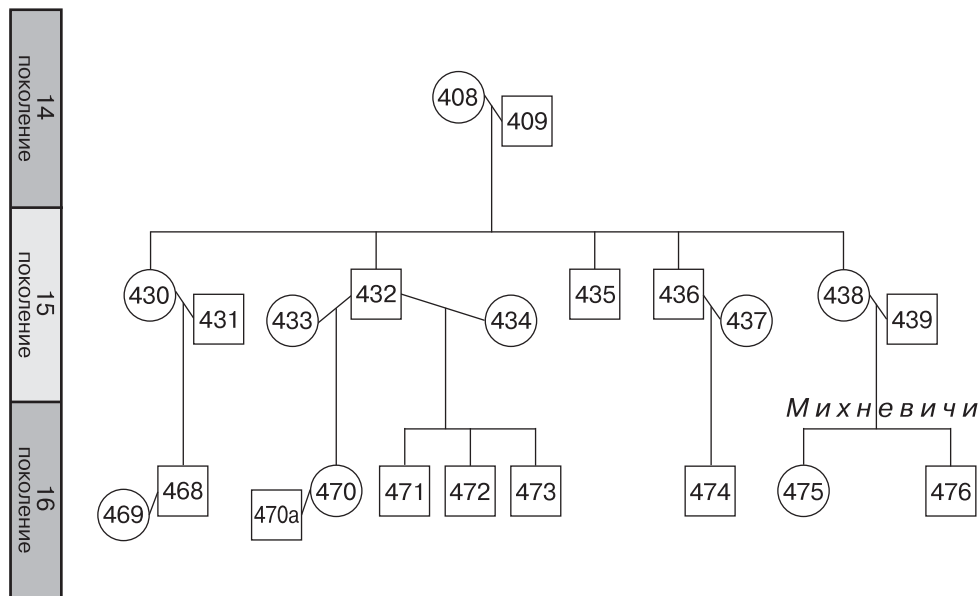
Милый и добрый друг мой, Сонечка <...> Вы — «дитя моего сердца» — так я Вас считаю, и Ваше имя мне слишком дорого. Вы и сестра моя и дочь моя. Но как-то Вы живете <...> а главное — как настроение Ваших мыслей и Вашего сердца теперь? Дорогая моя, смотрите вперед бодрее; не такой, как Вы, унывать и падать духом.

25.I (6.II) 1869. Флоренция

Когда я читаю Ваши письма, Сонечка, то точно с Вами говорю. Слог Ваших писем совершенный Ваш разговор: вдумчивый, отрывистый, малофразистый.

¹³ Речь идет о Марии Михайловне Достоевской (№ 251), вышедшей замуж за М.И. Владиславлева (№ 252). — Ред.

ХМЫРОВЫ

29.VIII (10.IX) 1869. Дрезден

Вас я олицетворяю как мою совесть: как Вы решите, так я и сделаю. <...>
Я смотрю на Вас как на высшее существо, уважаю беспредельно, а люблю сами знаете как.

17 (29) VIII.1870. Дрезден

Знаете, мне кажется, жизнь Ваша теперь какая-то одинокая, трудовая, в высшей степени однообразная и затворническая. Берегитесь, друг мой. Вы не замечаете, может быть, однообразия и затворничества. Это беда! <...> Аня говорит про Вас, что в один слог можно влюбиться (то есть читая Ваши переводы).
(ПСС. Т. 28₂. С. 317. Т. 29₁. С. 12, 60–61, 138)

Ф.М. Достоевский-младший — кузине Софье

Очень часто вспоминаем тебя. Что-то ты подделываешь? Хоть и смешной вопрос, ибо знаю, что ты переводишь усердно, но все же так нельзя работать не отрываясь.
(НИОР РГБ)

Ю.А. Иванов

Переводы С.А. Хмыровой неоднократно получали очень одобрительную оценку. Вообще она считалась хорошей переводчицей.
(Записано А.Д.)

С.А. Иванова — дяде
14.VIII.1876 <Москва>

Многоуважаемый Федор Михайлович. Если Вы еще немного любите меня, Вы порадуетесь, узнав, что я выхожу замуж за человека, которого люблю и уважаю, имя его Д.Н. Хмыров. Он товарищ брата Саши по гимназии и по университету, и он уж давно любит меня. До сих пор он был учителем математики в одной из московских гимназий, но теперь думает перейти в Рославль, в одно техническое земельно-дорожное училище. Во всяком случае, мы не останемся в Москве. Свадьба наша будет в конце этого месяца. Поздравьте меня, милый друг мой (я все еще решаюсь называть Вас так, несмотря на все сплетни, на всю грязь, отдалившие нас друг от друга). Я люблю его всем сердцем, и он любит меня не меньше. Мы счастливы и надеемся быть счастливыми всю жизнь.
(*Летопись. Т. 3. С. 119; ПСС. Т. 29, С. 401*)

Д.Д. Хмыров

Мать переписывалась с Ф.М. Достоевским очень долго, но переписка эта прекратилась вскоре после замужества моей матери и совпала с разрывом между семьями Достоевских и Ивановых, поводом к которому послужил дележ наследства Куманиных. Мать жила всецело интересами семьи и следила за литературой и общественной жизнью по журналам и газетам. Она сама готовила детей к поступлению в гимназию и помогала им учиться (так же, как и отец). Репетиторов у детей никогда не было.
(*Письменные характеристики. М.В.*)

409. Хмыров Дмитрий Николаевич

(1847, [Москва] — [1925, Коломна]). Муж предыдущей. Учитель математики.

М.А. Иванова

Человек очень образованный и добрый. Математик.
(*Записано М.В.*)

Д.Д. Хмыров

Мать моя вышла замуж за Д.Н. Хмырова, с которым прожила счастливо тридцать лет, до самой своей смерти от рака в 1907 г. Жили сначала в Рославле, затем в Холме (Люблинской губернии) и, наконец, в Москве¹⁴... Отец мой (математик, так же как и я) кончил Московский университет и сначала был преподавателем гимназии во Владимире. Затем, женившись, был преподавателем в Рославльском техническом железнодорожном училище. Это был педагог по призванию. В Рославле же он вместе со своим другом В.П. Межениновым основал потребительское общество, одно из первых в России. Как он говорит,

¹⁴ В Переславле-Залесском (Коломенский альманах. Вып. 5. Коломна, 2001. С. 336). — Ред.

для него это время (1870-е годы) было самым счастливым временем жизни. Вообще он типичный представитель идеалистов-семидесятников. (Письменные характеристики. М.В.)

410. Иванова Зинаида Александровна
(1847–1849)

407 / 36

411. Иванова Мария Александровна

407 / 36

(23.XI.1848, [Москва] — 13.VII.1929, [Даровое]). [Окончила Московскую консерваторию.] Учительница музыки. [В 1896 г., после смерти матери, унаследовала имение Даровое.]

Умерла от рака, [похоронена на Моногаровском кладбище недалеко от Дарового. В 2011 г. на заброшенной могиле был установлен памятник.]

А.М. Достоевский

...Приезжает утром к Карепиным Александр Павлович Иванов; все лицо его было радостное и, видимо, пылало счастьем. Конечно, хозяева сейчас же догадались о причине праздничного настроения Александра Павловича и наперерыв засыпали его вопросами: «Ну что у вас нового? Не поздравить ли вас?.. Не с сыном ли поздравить вас?..

– С сыном, с сыном, с сыном, – отвечал он, – сын, турецкий сын... Мария...

– Как Мария? Значит, опять дочь?

– То есть совсем хотел быть сын, да бабушка акушерка в чем-то ошиблась, ну и родилась дочка, зато прехорошенькая, и Верочка, слава Богу, ничего, здорова...

Этот турецкий сын, дочь Мария, ныне <...> очень хорошая пианистка, окончившая курс в консерватории и содержащая себя уроками музыки, которых у нее достаточно. (Воспоминания. С. 187)

Ф.М. Достоевский — жене
9.X.1872. Москва

Сонечка такая хвора, Машенька же толстая, но с признаками золотухи.

Племяннице Софье
1 (13) I.1868. Женева

Машеньку, например, я люблю чрезвычайно за ее прелесть, грациозность, наивность, прелестную манеру; а серьезность ее сердца я узнал очень недавно (о, вы все талантливы и отмечены Богом)...

29.III (10.IV) 1868. Женева

Ради Бога, чтоб Масенька музыки не бросала! Да поймите же, что ведь для нее это слишком серьезно. Ведь в ней ярко объявившийся талант. Музыкальное образование для нее необходимо, на всю жизнь!
(ПСС. Т. 29₁. С. 255. Т. 28₂. С. 249–250, 295)

В.С. Нечаева

Она намеревалась поступить в консерваторию и должна была в известный срок подать прошение. Написать его за нее она попросила Федора Михайловича. Вечером накануне назначенного дня Мария Александровна спросила, готово ли прошение. Федор Михайлович вынул листик и подал его ей. На нем было написано:

С весны еще затеяно
Мне в консерваторию поступить
К Николке Рубинштейну,
Чтоб музыку учить.
Сие мое прошение
Прошу я вас принять
И в том уведомление
Немедленно прислать.

Когда Достоевский довольно посмеялся над рассердившейся девушкой, он вынул другой листок, на котором было написано прошение по обычной форме.
(Поездка в Даровое. С. 143)

Л.Ф. Достоевская

...Мария была любимой ученицей Николая Рубинштейна¹⁵, директора Московской консерватории. «Если бы при ее пальцах у нее была еще хорошая голова, то она могла бы сделаться большой музыкантшей», — говорил часто Рубинштейн, когда разговор заходил о моей кузине. «Головы»-то, по-видимому, у нее не было, ибо Мария никогда не стала знаменитой; но она хорошо играла, и отец мой без усталости мог слушать ее блестящую игру.
(Достоевский в изображении дочери. С. 97)

А.А. Достоевский

У Любови Федоровны приведена какая-то сплетня — или, вернее, ее собственная, неинтересная, никому не нужная выдумка — о том, что будто бы Рубинштейн говорил, что если бы у М.А. Ивановой была хорошая голова, так она была бы выдающейся музыкантшей... Конечно, это выдумка недоброжелательства¹⁶.
(Письменные характеристики. М.В.)

¹⁵ Рубинштейн Николай Григорьевич (1835–1881) — пианист, дирижер, педагог и музыкально-общественный деятель. С 1866 г. — директор Московской консерватории. Брат А.Г. Рубинштейна. — *Ред.*

¹⁶ Как мне говорила Т.Ф. Достоевская, подобная фраза, согласно сохранившимся семейным преданиям, действительно была сказана, но не Николаем, а Антоном Рубинштейном, и не о М.А. Ивановой, а о двоюродной сестре последней — Марии Михайловне Достоевской (№ 251). — *М.В.*

А.Г. Достоевская

...Отличная музыкантша, ученица Н.Г. Рубинштейна. Приезжая в Москву, Федор Михайлович останавливался у Ивановых и просил Марию Александровну играть его любимые пьесы, особенно Hochzeitsmarsch Mendelsohn-Bartholdi, который она художественно исполняла.

(Переписка. С. 391)

Ф.М. Достоевский — жене
26.V.1880. Москва

...Рассказал ей, что обедал с Рубинштейном, была восхищена.

27–28.V.1880. Москва

Машенька играла Бетховена очень хорошо.
(ПСС. Т. 30, С. 162, 168)

Н.А. Фон-Фохт

Одна из дочерей А.П. Иванова, уже взрослая девица и отличная музыкантша, была большая трусиха. Федор Михайлович это хорошо знал и нарочно рассказывал ей на сон грядущий такие страшные и фантастические истории, от которых бедная Мария Александровна не могла подолгу заснуть. Федора Михайловича это ужасно забавляло¹⁷. <...> Мария Александровна, ученица Московской консерватории, доставляла ему большое удовольствие своею прекрасною игрою. В одном только они расходились: Мария Александровна была большая поклонница Шопена (как и вообще все женщины), между тем как Федор Михайлович не особенно жаловал музыку польского композитора, называя ее «чахоточной».

(Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 53, 55)

В начале 1880-х преподавала в московской женской классической гимназии С.Н. Фишер – заведении, первым начавшем обучать по полному курсу мужской гимназии. Куратором ее был М.Н. Катков.

О.А. Иванова — сестре Юлии
23.II (без года)

У Маши инфлуэнца. Да уж я рада, что она не ходит, а то ее нервы совсем измотались. Последнюю ночь, когда я у нее ночевала, она всю ночь вскакивала и звала всех к себе. «Боюсь!» — кричит, — «боюсь!» А спросишь чего, не говорит.

(НИОР РГБ)

А. Дроздов

Она больна ногами, ходит с палкою, на седых волосах ее наколка, и от складок старомодного платья ее пахнет уходящим временем, уходящими людьми,

¹⁷ Отметим попутно, что и сам Ф.М. Достоевский в детстве боялся темноты, что, как предполагает О.Ф. Миллер, было реакцией на те фантастические истории, которые ему рассказывали няньки и кормилицы. – М.В.

уходящим бытом. Вся жизнь ее — здесь, среди этих чистенько прибранных, завешенных рыжими старыми портретами комнаток, среди фруктового сада и раскидистых лип. Охрипшая болонка трется у подола ее широчайшей юбки. Сложив на столе желтые, со вспухшими венами руки, она говорит о том, что домик приходит в ветхость, что никто не помнит Достоевского, что в Черемошне нет даже школы имени его. Она права — о школе в Черемошне давно уже бесплодно хлопчет сестра ее...

(Усадьба Достоевского (Даровое) // Известия ЦИК. 1924. 4 ноября)

О.А. Иванова

Домик Достоевских¹⁸, принадлежащий Марье Александровне, все время находился под охраной Зарайского музея, но несколько месяцев тому назад заведующий Зарайским музеем сообщил Марье Александровне, что теперь дом перешел в ведение Губмузея. Усадьба посещается постоянно публикой, любопытствующей взглянуть на Даровое и Черемошню... В настоящее время Даровое представляет из себя небольшую деревушку в 23 двора.

(Письменные характеристики. М.В.)

М.В. Волоцкой

Судя по нескольким данным из семейной переписки (архив О.А. Ивановой), М.А. Ивановой были, по крайней мере, в пожилом возрасте, свойственны такие черты характера, как неуживчивость, недоверчивость и эгоизм.

При посещении Дарового в июле 1925 г. я застал М.А. Иванову довольно бодрой и для ее преклонного возраста хорошо сохранившейся. Насколько сохранились ее физические силы, можно было судить по тому, что в 1924 г. она, по ее словам, могла проходить расстояние от Дарового до Каширы (42 версты) в течение одного дня.

В.С. Нечаева

М.А. Иванова давала уроки музыки, в ее крохотном домике в Даровом много места занимал старинный прямострунный рояль, и она по моей просьбе сыграла мне что-то из пьес Мендельсона. Ей было лет под восемьдесят, она охотно и живо беседовала, читала на память стихи и смеялась вперемежку с жалобами на тяжелые условия, в которых ей приходилось существовать. О гениальном дяде она говорила без особого пиетета и даже мимоходом бросила шутливую фразу: «Достоевского студенты выдумали». С каким-то старческим озорством она, сидя за роялем, вдруг начала наигрывать царский гимн («Боже, царя храни») и, смеясь, спросила нас, как нам нравится «этот мотивчик?». Это была вовсе не провокация, а именно какая-то озорная шутка.

У нее были плохие отношения с крестьянами, на которых она жаловалась, так же как и на «начальство», т.е. Зарайский музей, в ведении которого находился ее дом как истори-

¹⁸ Домик родителей писателя не сохранился. Он состоял всего из трех комнат и находился в липовой роще, примыкавшей к березовому лесу, который назывался Брыковским. Существующий ныне домик построен позднее, и в нем Федор Михайлович только бывал, но не жил подолгу (По тульскому краю. С. 521, 527). — М.В.

ческая реликвия. <...> на зиму сама Мария Александровна уезжала в соседнюю Черемошню, к сестре, которая там учительствовала: отопить даровской домик зимой ей было не по средствам с ее пенсией <...> Она настойчиво просила <...> выхлопотать средства на ремонт, дрова и помочь в других нуждах. Мы обещали и, конечно, что можно было, сделали в Москве, но все это шло медленно, а старуха и ее сестра слали свои жалобы, в которых я была бессильна им помочь. В их сохранившихся у меня письмах отражен конфликт с колхозными крестьянами, которые хотели организовать в части дома Ивановых избу-читальню и требовали эту часть освободить, так же как и надворные постройки. Больной же старухе было тяжело не только расстаться с привычным жильем, но и лежать в непосредственном соседстве в крохотном домике с приходящими и уходящими чужими людьми. Какой-то

охранной грамоты мы добились, но все это было очень хлопотно, грустно и тяжело.

(Материалы и исследования. Т. 6. С. 292, 295)

Т.Г. Бирюкова

Более полувека – 77 лет – имение Даровое принадлежало семейству Ивановых. Здесь сменилось несколько поколений, приезжавших сюда каждое лето наслаждаться радостями жизни на природе, под высоким небом, среди лесов и полей. Казалось, этот праздник не кончится никогда. <...> Не знает и Мария Александровна, окруженная здесь любящими ее близкими людьми, что будет она доживать последние годы своей жизни в полном одиночестве и что будут носить ей еду тайком бывшие крепостные ее деда – М.А. Достоевского.

После революции М.А. Иванова продолжала жить в Даровом. При жизни она передала дом в ведение Зарайского краеведческого музея, оставаясь его заведующей. И.П. Перлов, первый директор музея, не раз навещал ее в усадьбе. В своем очерке он пишет о Марии Александровне: «Старушка была бережлива, она хранила всякие пустяки, каждую вещицу в доме и хозяйстве <...>». Со смертью М.А. Ивановой в 1929 г. умерла и усадьба. Флигель перешел в ведение колхоза имени Достоевского. <...> Музей-усадьба перестал существовать и подвергся постепенному разграблению.

(Даровое – усадьба Достоевских. С. 37, 38, 40, 49)

Разыскания последних лет, предпринятые сотрудниками «постсоветского» музея в Даровом, открыли следующие немаловажные факты.

Крестьянин, возивший Достоевских из Москвы в имение, – Семен Иванов Широкий (род. в 1797 г.) – имел сына Ивана (род. в 1830 г.), который служил конюхом уже у Достоевских-Ивановых и дожил до 1890-х. Одна из его потомков, по-видимому, внучка, Марина Сергеевна Широкова (1882–1962) – горничная или экономка последней хозяйки Дарового, Марии Александровны.

Марина Сергеевна была взята в услужение в 13-летнем возрасте, в 1895 г. Когда пришел срок, она вышла замуж и в 1905 г. родила дочь Наталью. Мария Александровна крестила младенца и была хорошей крестной, а когда и крестнице пришла пора выбирать жениха – подарила ей сундук с приданым.

Новая советская власть видела в прежней обитательнице усадьбы бывшую эксплуататоршу, а потому отношение к пожилой женщине было более чем прохладное. Марина Сергеевна с дочерью ходили к ней в сумерках, приносили еду и воду, топили печь. После смерти М.А. Ивановой Марина Сергеевна забрала к себе из усадьбы все, что было возможно, – сохранив таким образом часть усадебной мебели.

Так семейство Широковых составило целую династию, служившую своим господам верой и правдой¹⁹. На сохранившихся снимках конца XIX в., запечатлевших барынь Ивановых и крестьянок Широковых, положение последних на фото – в центре – говорит о большой духовной близости, о том, что потомки бывших крепостных были приравнены к членам семьи господ. (Еще ранее с местными жителями породнилась и младшая сестра М.А. Ивановой Нина Александровна – в 1884 г. она вышла замуж за сына моногаровского священника.)

(Даровое – усадьба Достоевских. С. 30, 48–52)

412. Иванов Александр Александрович

407 / 36

(1.IV.1850 — <1902, Харьков>). [Учился в Московском университете, окончил Петербургский институт путей сообщения (1872).] Инженер путей сообщения. Служил в 1886 г. в Кременчуге в правлении Харьково-Николаевской железной дороги.

Овдовел в 1885 г. Второй раз женился в 1888 г. После этого брака был женат в третий раз. [Последние годы жизни провел в Харькове.] Умер от туберкулеза.

Ф.М. Достоевский – племяннице Софье
(8) 20.III.1869. Флоренция

Меня очень беспокоит то, что Вы пишете о нездоровье Саши; это дурно; но скажите, что за причина ему была оставить университет и заняться таким неблагодарным делом (неблагодарным, я знаю наверно), как инженерство путей сообщения. И какие расчеты были у Александра Павловича? Вот по таким же точно, может быть, расчетам и меня с братом Мишей свезли в Петербург в Инженерное училище, 16-ти лет, и испортили нашу будущность. По-моему, это была ошибка.

(ПСС. Т. 29, С. 27)

А.А. Иванов – матери
20.II.1872 <Петербург>

В четверг я был зван к Федору Михайловичу дяде на именины. Провел там вечер, наблюдая во все глаза и уши наружность и нравы литераторов. Удостоился лицезреть следующих представителей этой породы людей...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 417)

¹⁹ Внучка Марины Сергеевны, Нина Терентьевна Ростовцева (род. 1934), и поныне живет в Даровом – ее дом прямо напротив усадьбы. – *Ред.*

Ф.М. Достоевский – сестре Вере
20.IV.1872. Петербург

...Наверно, уже написал тебе Александр Александрович <что наша сестра Саша овдовела>. Но так как я его с воскресения не видал и характер его знаю, то на случай, если он еще не известил тебя, пишу сам. <...>

Что ты об нем беспокоишься, во-первых, он никогда не был здоровее и (несмотря на экзамены) не только не похудел, но пополнел даже, так что на него приятно смотреть. Во-вторых, дела идут прекрасно: недели две назад зашел вдруг ко мне веселый и довольный, сбыл два экзамена из двух главнейших предметов и из обоих хватил по пятерке. (Я люблю его за скромность, на мой вопрос когда-то он ответил, что из первых не выйдет, а из средних, и вот оказывается на деле, что выйдет из первых, значит, говорит мало, а дело делает. Нравится мне тоже, что он решительно становится хорошего образа мыслей.) На лето он

получает (наверно) место на железной дороге, а с подъемными, прогонными и сверх того с ежемесячным, весьма значительным жалованием. Чего же лучше; дай ему Бог. А тебе только на него радоваться. Хотя он и не любит много рассказывать собственно о себе, но я знаю, из невольных высказанных им в разное время слов, что он только об вас и думает и, уж конечно, очень вас любит.

(ПСС. Т. 29, С. 233, 234)

А.А. Иванов — сестре Нине
23.I.1896

Милая Нина!.. Насколько я понял тебя, ты скучаешь бесцельною жизнью, хотя и работаешь много, чувствуя в себе избыток сил. Ты спрашиваешь, что тебе читать, чтобы уяснить себе свое мировоззрение и чтобы жилось легче.

Трудно посоветовать что-нибудь, и вот почему. Связное мировоззрение есть ни более ни менее как философская система. Философских систем очень много, но ни одна из них не покорила себе людей своей неотразимой истиной. Поэтому каждому приходится в настоящее трудное время путем долгих попыток, шаг за шагом, самостоятельно нащупывать себе путеводную нить. Беда наша в том, что благодаря историческим причинам у нас, то есть у русских высшего класса, пропала или по крайней мере сильно замутилась непосредственная вера. Ну, а как сама знаешь — «блажен кто верует, тепло тому на свете». Так вот теперь и приходится каждому искать себе утраченную веру. В книжках готовую ты себе ее не найдешь, особенно в наших русских, так как мы все еще не вышли из периода детского подражания Европе, у нас еще идет страшное шатание мысли.

Если непосредственная вера утрачена, то добиться ее вновь можно не иначе, как уяснив себе логически, что она не противоречит нашему разуму. Для этого нужно уяснить себе роль разума и науки. Для этого я посоветовал бы тебе познакомиться с популярным изложением критики чистого разума соч. Канта. Книжка эта называется «Философия Канта» (из Истории новой философии Виндельбанда). С немецкого перевела Надежда Платонова. СПб. 1895 г. Цена ее 1 рубль. — Прочти эту книгу, ты увидишь, что роль разума, а следовательно, и содержание науки очень ограничены. В силу этого жить разумом человеку мало, надо жить чем-то высшим, то есть попросту верить в Бога. Разум наш не может ничего другого делать кроме разборки, сравнения и группировки наших представлений и чувств; что же кроется под этими представлениями и чувствами,

он никогда не может узнать. В Бога можно только верить, доказать же Его существование, или же обратно — доказать, что Его нет, — разум наш бессилён. Если тебе станет ясным второстепенное значение нашего разума, со всеми его научными выводами, в нашей жизни, то кроющаяся в каждом из нас и временно затемненная потребность веры и закон совести сразу выдвигаются на первое место и получают полную законность, как главная потребность нашего существования. — Если ты придешь к этому выводу, то все существенное для выработки мировоззрения будет тобою уже сделано. Признание за разумом только служебного значения, и напротив — первенствующего за Христовым заветом — даст тебе возможность критически отнестись ко всему и все поставить на подобающее место. — Так же и относительно самой себя. Если деятельность твоя была направлена на добро, то, конечно, ты недаром жила. Размер же добра не поддается учету. В итоге жизни какого-нибудь чернорабочего может оказаться более добра, чем у какого-нибудь министра, хотя круг деятельности у первого ничтожен по сравнению со вторым.

Сестре Юлии
22.XII.1897

Что ты слышала о <сестрах> Маше, Оле, Нине, Наташе? — Никто-то ничего не напишет! Все мы Ивановы большие эгоисты и при этом гордецы! В кого это мы такие уродились?..

Удастся ли мне когда-нибудь осуществить свои постоянные мечты стать хозяином на маленькой ферме? Во всяком случае, не ранее как через 10 лет, когда выслужу $\frac{1}{2}$ пенсии и Митя станет самостоятельным. Но это опять-таки грешная мечта, как всякая мечта о личном счастье, нельзя об этом мечтать, если искренно стараться быть христианином. Ведь надо любить людей, помогать им, а не свое создание, то есть ферму. А если сделать ее образцовой, так чтобы она была полезна окружающим земледельцам, разве это не оправдывало бы такого увлечения? Как ты находишь эту мысль?

(НИОР РГБ)

Родственные воспоминания Ивановых

Оказывал материальную поддержку своим младшим сестрам, в частности, Наталье Александровне во время ее ученья в медицинском институте. Страстно любил охоту.

(Записано М.В.)

О.А. Иванова

Не имея своих детей, Александр Александрович взял приемного сына Дмитрия, который оказался неудачником и алкоголиком, хотя в то же время человеком очень неглупым.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.А. Иванов – сестре Юлии

13.III.1902. Ялта

Не сердись на больного человека, милая Юля, что он неаккуратен. В июне прошлого года доктор нашел у меня начало туберкулезного (чахоточного) процесса в легких и послал меня до апреля прожить в Ялте или в Давосе (в Швейцарии). Я выбрал Ялту, как более для меня удобную. И вот мы всей семьей жили до января в Ялте, а потом семья вернулась в Харьков: надо было Стешу готовить в гимназию; я же проводил их до Харькова, устроился с начальством насчет дальнейшего своего боления и вернулся опять в Ялту, уже один, употребив на эту поездку всего 10 дней. Но и этих дней было достаточно, чтобы повредить моему хрупкому здоровью. Вновь у меня началась лихорадка, которая перед тем прекратилась, и я вновь сильно похудел.

Теперь, слава Богу, лихорадка опять прекратилась, и я начал полнеть. Но чувствую, что еще к апрелю не буду здоров и придется долечиваться в Харькове. Придется приискать хорошую дачу в окрестностях Харькова и купить корову с хорошим молоком и пить его сколько влезет. Кстати, я очень люблю сливочки и цельное холодное молоко. Тут же, в Ялте, все доктора помешались на бактериях и запрещают пить не прокипяченное молоко, только вредя своим больным. Во-первых, очень многие (я – в том числе) к кипяченому молоку чувствуют отвращение, а во-вторых, кипяченое молоко далеко уже не так питательно. Теперь я пью кефир, так как в Ялте (это ведь смешно сказать) нельзя достать цельного молока. <...> У нас ведь до сих пор все так – кричат: курорт, курорт! а молока для питания легочных больных буквально нет! Безобразие, азиатчина или, лучше, – холуйство!

Милая Юлия! Ты бы нас с Пашей очень обрадовала, если бы навестила нас летом <...>. Напиши о своем согласии, и я тебе пришлю билет к нам от Москвы или же денег на билет. Мы бы съездили в Полтаву, в Николаев, и ты бы увидела Малороссию. На счет костюмов стесняться не требуется, у нас никто никогда не бывает. А для своих домашних всякий костюм сойдет, так как домашним важно доброе сердечное отношение, а не костюм...

В нескольких верстах от Ялты <в Гаспре> живет теперь и больной граф Лев Николаевич Толстой. Его привезли для укрепления сил после московских его болезней, а он возьми да и получи здесь плевриты за плевритами, словом, схватил чахотку. Как-то удастся ему выкрутиться, уж он не молод, за 70 лет?

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 13. Ед. хр. 31. Лл. 11 – 12 об.)

413. Ремизова, по мужу Иванова Екатерина Васильевна

(? – 1885). Первая жена предыдущего. Александр Александрович очень любил эту свою жену и был с ней счастлив. Умерла от туберкулеза.

414. Яцута, по мужу Иванова Мария Ивановна

Вторая жена А.А. Иванова (с 1888 г.). Умерла от туберкулеза.

415. Иванова (по мужу) Матрена Ивановна

Третья жена А.А. Иванова.

Е.А. Иванова

Александр Александрович был женат три раза (третий раз перед самой смертью). Обе его первые жены умерли от туберкулеза, и он, как говорили у нас, тоже заразился от них. Так как у него была большая пенсия, то он перед смертью женился на своей прислуге, которая ухаживала за ним во все время его болезни, и таким образом передал ей свою пенсию.

(Письменные характеристики. М.В.)

416. Иванова Юлия Александровна

407 / 36

(4.IV.1852 – 16.XII.1924). Большую часть жизни (всю молодость) прожила в деревне, занимаясь хозяйством в семейном имении Ивановых.

Умерла от какой-то невыясненной болезни: болела всего три дня, причем сделалась «как каменная», так что у нее не могли сгибаться ни руки, ни ноги. [Похоронена на Моногаровском кладбище.]

П.А. Исаев – отчиму Ф.М. Достоевскому

29.VIII.1866

Юлии Александровне скажите, что я питаю к ней уважение за ее небесную красоту, несмотря на ее язык, имеющий свойство самого ядовитого животного на всем земном шаре...

(ПСС. Т. 28, С. 437)

М.А. Иванова

Особенно весело бывало за ужином. На террасе Ивановых <на даче в Люблино> накрывался длинный стол, аршин в девять; за столом всегда человек двадцать и больше. На доном конце старшие Ивановы и с ними Федор Михайлович, на другом – самая юная молодежь. С своего конца Достоевский вдруг обращался к робкой молоденькой подружке Наде Алексеевой с следующим замечанием: «Надя, как вам не стыдно, что вы мне не дадите покоя и все время толкаете под столом ногой?» Надя краснела, смущалась, а подруга ее Юля Иванова бойко вступалась за нее: «Вот вы считаетесь за умного человека, а не можете сообразить, что у Нади нога не в десять аршин и она достать вас не может. Это скорее признак глупости»... Старшие, чтобы оборвать пикировку, задают вопрос о том, куда компания думает отправиться гулять после ужина, и это всех отвлекает от спора.

(Поездка в Даровое. С. 138)

Ю.А. Иванова — сестре Нине²⁰

Я теперь хочу изучать литературу. На первых порах хочу выписать журнал «Крестьянское хозяйство» 1 руб. с пересылкой и Современный календарь Ступина. Отрывной календарь Сытина уже куплен²¹. А летом поедем хоть на Кавказ на воды. Я к тому времени придумаю себе какую-нибудь болезнь. Мне очень завидно стало на людей: все путешествуют, а я все дома сижу.

В.М. Иванова — дочери Ольге

Юля страшно скучает. Ты знаешь, какая она непоседа, ей везде опротивеет, где она ни проживет, и теперь находит, что в деревне было гораздо веселее, когда прежде до слез спорила со мной о противном.

Ю.А. Иванова — сестре Ольге
<Брянск>

Милая Оля <...> невесело тебе в больнице, но так же невесело и в Брянске. Не лучше вашей больницы. Все какие-то ненормальные, и всех пора в психиатрическую больницу. Если бы не газеты, то можно бы впасть в идиотизм²².

В.М. Иванова — дочери Нине

Юлия пишет очень веселое²³ письмо. Пишет, что потолстела.

Наташа пишет мне очень расстроенная, что воротиться в Рязань она не может вот почему. Зимой этой она сошлась хозяйством с Юлей. Юля переехала в Даровое, и Наташа была вполне уверена и покойна, живя в Рязани, но приехала Оля из Тихорецкой и переманила Юлю опять в Черемошню. По-настоящему так

²⁰ В приводимых здесь письмах упоминаются сестры Ивановы (Мария, Юлия, Ольга, Нина, Наталья), их мать Вера Михайловна, слуга Ефрем и, вероятно, племянница Вера (№ 451). – Ред.

²¹ Здесь чувствуется юмор, вообще свойственный целому ряду представителей семьи Ивановых. – М.В. Думается, такая любовь к юмору может быть распространена на всех Достоевских. – Н.Б.

²² Цитируемое письмо относится к тому времени, когда О.А. Иванова лежала в хирургической лечебнице, поправляясь после перенесенной операции. – М.В.

²³ Выражения «веселый», «весело» очень часто встречаются в семейной переписке Ивановых (особенно в письмах племянниц Ф.М. Достоевского), причем нередко эти выражения звучат несколько своеобразно, приблизительно как синонимы слов «хороший», «хорошо». – М.В.

и следовало Юле хозяйничать с Олей. Усадьбы их рядом и земля также, но Юля по своему неуживчивому характеру мечется из стороны в сторону²⁴.

Ю.А. Иванова — сестре Нине

Наташа все пишет мне, чтоб мы строили себе дом получше и побольше на каменном фундаменте, а меня, как на грех, и это не пленяет. Ну что с этим поделаешь. Или я устарела после тридцатилетнего хозяйства. Переутомление.

Сестре Наталье

Милая Наташа, извини меня, что тебе не писала. Причина тому хандра. Не взыщи, если и теперь письмо будет плаксиво и неинтересно. Ты пишешь, чтоб мы строили себе новый дом. Кажется, чего бы лучше. Если бы ты знала, как все это мне неинтересно. Я привыкла и к дурной атмосфере в доме, и ко всем неудобствам. Зачем все менять? Не понимаю. Будь у нас хоть двухэтажный дом, нас все равно со временем выгонят из него. Ведь нас ожидает Шатихинская будущность. Будем продавать по частям, то леса, то ригу, то погреб и т.д. Не лучше ли ничего не делать? А что же мы будем есть в хорошем доме? Кто будет пахать нашу глину? Рабочих рук ведь нет и не будет, а с Ефремом далеко не уйдешь. Другое дело было бы, если бы у нас было хоть меньше земли, да своей, а не банковской...

Н.А. Проферансова — сестре Юлии

Ты боишься, что имение отнимут; но это было бы благополучием, потому что с аукциона ниже казенной цены продать не имеют права, а деревня приносит вам каждый год больше ста рублей убытку.

Нат. А. Иванова — сестре Юлии

Юля, ты, кажется, хотела ехать в Каширу, если поедешь, то выхлопочи непременно свидетельство о бедности. Это нетрудно, так как ты докажи предводителю, что имение наше все стоит не больше 15 тысяч, по разделе тебе придется только четыре тысячи. Существовать на эти средства немислимо.

М.А. Иванова — сестре Ольге
Кон. 1924

...О Юле не горюй сильно. Жаль, что мы ее больше не увидим, она же только и мечтала, чтобы скорее умереть, ей такая жизнь была невыносима. Она говорила, что признает только такую жизнь, как когда вы жили в Брянске: дом полная чаша, хорошая прислуга, Вера. Бывало, как ни придешь, все мечтает о смерти.
(НИОР РГБ)

Г.Ф. Коган

В книгах записей волостных комитетов Зарайского района в графе «род занятий» она указывала: «хлебопашец».

(Коломенский альманах. Вып. 5. Коломна, 2001. С. 338)

²⁴ Это «метание из стороны в сторону» чрезвычайно сильно выражено у младшей сестры Юлии Александровны – Натальи (№ 428). – М.В.

417. Иванов Виктор Александрович**407 / 36**

(28.X.1854 — IX.1919). [Окончил Петербургский институт путей сообщения.] Инженер путей сообщения. 17 лет прослужил на станции Тихорецкой [Владикавказской железной дороги]. Позднее служил начальником участка в г. Петровске на Каспийском море. Умер от малярии.

А.Г. Достоевская

...Дверь в залу с шумом отворилась, и через комнату вихрем промчался мальчик лет десяти.

– Витя, Витя! – воскликнул Федор Михайлович, но мальчик не остановился, а, вбежав в следующую комнату, громко воскликнул:

– Молодая, расфранченная и без очков!

На него тотчас зашикали, и он замолчал. Федор Михайлович, зная обычаи семьи, сразу догадался, в чем дело.

– Не вытерпели! – смеясь, сказал он, – отправили Витю посмотреть, какова моя жена. (Воспоминания. С. 127–128)

Е.А. Иванова

Малообщительный. Чужд какого бы то ни было чинопочитания — со всяким начальством держался на равной ноге. Исключительно честный и бескорыстный; будучи инженером на постройке дороги, никогда не брал взятку. В некоторых случаях его честность переходила даже в своего рода щепетильность. Так, например, он имел свой служебный вагон, но когда брал с собой в поездки родного сына, то, соблюдая интересы дороги, всегда покупал ему билет. Непрактичный. Умер, не оставив после себя никаких средств, несмотря на то что получал большое жалованье.

Папа из всех братьев ближе всего был с Виктором... Они и внешнею очень походили друг на друга... Но что из себя представлял дядя Витя как человек — я почти не знаю. Знаю только, что он был очень добрый, отзывчивый... Когда мне было лет двенадцать, папа больше года был без места, и все это время дядя Витя нам ежемесячно присылал по 50 руб. Знаю также, что он, как и папа, очень любил сельское хозяйство... У себя в Тихорецкой он завел громадный пчельник, а после перевода в Петровск у него был большой виноградник. (Письменные и устные характеристики. М.В.)

Е.В. Кастальская²⁵

Начинаю Вам описывать сначала папу, так как он мой самый любимый человек, и дай Бог чтобы отцы относились к своим родным дочерям так, как относился ко мне Виктор Александрович. Его семейная жизнь сложилась очень и очень плохо. Будучи маленькой, я не понимала всего, что творится у него в душе, я считала папу родным до 16 лет, а маму, которая, к слову сказать, никогда с нами не жила, а если и приезжала на несколько дней, то обыкновенно ко мне очень отно-

²⁵ Кастальская (по мужу) Елена Викторовна — приемная [а возможно, внебрачная. — Н.Б.] дочь В.А. Иванова (см. с. 746). Во внешности и характере много сходства с некоторыми из Ивановых. — М.В.

Виктор Александрович Иванов с сыном Борисом (№ 442), приемной дочерью Еленой и няней

силась недоброжелательно, — даже я, будучи девчуркой 8—9 лет, это хорошо чувствовала, — я считала мачехой. Папу я видела часто грустным. Заложив руки в жилет или карманы, он с опущенной головой часами ходил по комнатам и все о чем-то думал. Когда мне было лет двенадцать, меня Марфа Ивановна взяла с собой в Кисловодск, где она лечилась. Жилось мне там довольно нелегко с ее характером. Достаточно сказать, что, когда я писала письма папе, она всегда их читала и что ей не нравилось — вычеркивала. В конце концов у меня терпенье лопнуло: я очень тосковала по отце и самостоятельно отправила ему открытку, чтобы он меня взял к себе снова, что мама меня мучает. Через три дня папа приехал за мной и забрал меня. Я как сейчас помню — вошел взволнованный, с подергивающимся плечом, сухо поздоровался с Марфой Ивановной и мне говорит: «Ну, Лелька, я за тобой приехал, соскучился, собирай вещи...», и в этот же день увез меня к себе в Петровск. Он был очень добр не только к семье, родным, но его эксплуатировали всякие аферисты, он никогда и никому не отказал в денежной помощи. Он был большой любитель музыки. Бывало, сижу я за роялем и играю что-либо из Шопена, Бетховена или Чайковского (самые любимые его композиторы), он сидит на диване, подложив одну ногу под себя, лицо улыбающееся, в такт музыке качает одной ногой и головой и подпевает себе под нос или в бороду; обыкновенно он брал бороду в руку, загибая ее вверх, и закрывал рот. (Это бывало также, когда я что-нибудь напроказничаю: он начнет мне делать строгое внушение, а потом самому станет почему-либо смешно, и вот, чтобы

скрыть улыбку, он обыкновенно прибегал к этому средству.) Не дай Бог ошибиться на рояле, да еще в любимом его каком-нибудь ноктюрне... он вскакивал с дивана и вопил: «Врешь, врешь, Лелька, ты бессовестно врешь, пропустила одну ноту», подходил ко мне сзади, клал руку ко мне на плечи и начинал по мне отбивать такт или же дирижировать и подпевать. Он был большой охотник и рыбовод — когда он ловил рыбу, он священнодействовал; Боже упаси разговаривать во время ловли... сейчас же прогонял. Любил цветы, разводил их сам (хотя у нас было два садовника и чудная оранжерея). Помню, в каком он был возбуждении и чертыхался, когда ему не удалось вывести, как он хотел, артишоки... Обыкновенно он выписывал гиацинты и нарциссы луковичками из Голландии и сам их рассаживал в горшки и расставлял в подвале, и не дай Бог кому бы то ни было сдвинуть или переставить какой-нибудь горшок на другое место — была бы буря. Он очень любил, чтобы дома все делалось раз и навсегда по определенному плану. Был он также очень вспыльчив, иногда пережаренные котлеты могли вызвать целую бурю... но обыкновенно все это продолжалось не более 6—10 минут, после чего он «отходил», как мы выражались, и тогда делался еще более добрым, чем мы с Борисом пользовались и его малость эксплуатировали. Он был до мелочности честен, до болезни честен, был не карьерист, ему предлагали место с повышенным окладом и более ответственное (в управлении дороги в г. Ростове), но он категорически отказался. Там сначала были удивлены, а потом оскорблены, как он мог отказаться. Потом его начали теснить по службе, пришлось выйти ему в отставку. Все это привело папу в отчаяние. Не жаль было ему его хорошо оплачиваемого положения, но он привык, он полюбил свою службу, свое дело, он всю жизнь шел по одной колее, и вдруг его кто-то взял и насильно свернул в сторону. Я сразу заметила, как папа пал духом. Он был уже не тем энергичным человеком, он как-то осел (если можно так выразиться) и начал на моих глазах стареть и хиреть. Правда, еще к этому всему прибавилось новое горе: Борис стал нюхать кокаин, играть в карты, пьянствовать, таскать из дома более ценное и продавать и даже гонялся за мной и папой с револьвером, так что я даже решила уехать в Ростов к знакомым, но папа соскучился и через 5—6 месяцев приехал за мной и увез к себе в Петровск. Это было в июле 1919 года, а в сентябре он умер от малярии. Болел он месяца полтора, стал сначала как будто поправляться и все утешал меня — «Ничего, Лелька, еще поживем с тобой хорошо, не горюй»... Потом ему стало сразу худо: у него начали по всему телу высыпать карбункулы, без конца его резали и залечивали, но за 3—4 дня до смерти у него вскочил карбункул в голове. Врач (папа уже лежал в железнодорожной больнице) позвал меня и Бориса и спрашивал нас — разрешим ли мы ему сделать трепанацию черепа, что так или иначе папа плох. Когда мы вошли к нему в палату, он лежал привязанный к кровати, так как очень бился и был уже в агонии. Посмотрели мы и решили не мучить его бедного больше... Горе мое я вам описывать не стану; что я потеряла в отце, поймете сами. Я его любила очень и память о нем, как о самом любимом мной человеке, сохраняю до глубокой старости. Я и сына своего единственного назвала в честь папы — Виктором. Вот сейчас вспомнила такую картину: сидит

папа на террасе около дома. Лето, деревья зеленые, под террасой клумбы с цветами издают такой запах, что голова кружится: папа сидит в тени на террасе, он только что встал после обеденного сна. Сидит он слегка развалившись на стуле, около маленького столика и пьет чай горячий как огонь (это в жару-то!) с клубничным вареньем (самое его любимое). Ворот рубахи расстегнут, и он одной рукой по груди и шее «катает шарики», как я всегда называла... У него хорошее настроение, и он молча улыбается своим мыслям. Вообще он был не особенно разговорчивым, но был общителен и почти каждый свободный вечер, если никто не приходил к нам или же он не был занят по службе, он шел в «Общественное собрание», где был членом и играл по маленькой в винт, или, как он выражался, «повинтить». Бывало, обнимет меня одной рукой за шею, мы ходим по саду или террасе и строим планы на будущее. Он говорил: «Вот кончишь гимназию, повезу тебя по Волге, и посмотришь, как там хорошо; побываем в Питере, в Москве...» Я все мечтала попасть в сельскохозяйственный институт, и он очень одобрял мои планы, говоря: «Как кончишь, выйду в отставку, и заведем свое образцовое хозяйство, и будет уже не инженер, а помещик Иванов».

(Письменные характеристики. М.В.)

418. Алтынникова, по мужу Иванова Марфа Ивановна

(? — ок. 1917). Жена предыдущего.

419. Иванова Екатерина Александровна (первая)

407 / 36

(1855 — ?). Умерла в грудном возрасте от холерыны.

420. Иванова, по мужу Проферансова Нина Александровна

407 / 36

(1.XII.1857²⁶ — 9.XI.1914). В грудном возрасте очень болела и чуть не умерла от раннего (на шестом месяце) прорезывания сразу нескольких зубов. (У ее единственного ребенка, сына Владимира, подобное же прорезывание сразу нескольких зубов началось еще раньше, отчего он и умер на четвертом месяце жизни.) [Училась в пансионе Дельсаль.] В 1884 г. вышла замуж и затем жила с мужем в г. Раненбурге Рязанской губернии²⁷. Несмотря на то, что жизнь ее сложилась очень неудачно, всегда сохраняла склонность к веселью.

Умерла от водянки [то есть сердечной недостаточности.]

Е.А. Иванова

Всегда казалась мне самой веселой изо всех моих теток. Очень любила детей.

В письмах к ней мы никогда не говорили о настоящей жизни, а выдумывали невероятные происшествия, будто бы случившиеся с нами. Тетя Нина отвечала нам в том же духе.

(Письменные характеристики. М.В.)

²⁶ Разночтения у М.В. Волоцкого: на с. 865 указан конец декабря. — *Ред.*

²⁷ Сейчас — г. Чаплыгин Липецкой обл. — *Ред.*

Ф.М. Достоевский — жене
27–28.V.1880. Москва

Ниночка дика и неразговорчива, ничего из нее не вытащишь, точно конфузится.

(ПСС. Т. 30, С. 168)

Ю.А. Иванова — сестре Ольге

Нина за все время своего пребывания в Ялте не купила спичек. Я ей каждую неделю дарю коробочку спичек. Не покупает она спичек не из экономии, а просто такой зарок дала.

(НИОР РГБ)

М.А. Иванова

Училась в пансионе Дельсаль на Немецкой улице в Москве. Мечтала стать писательницей. Пробовала писать роман, причем Федор Михайлович поощрял ее попытки. Отличалась необыкновенно веселым характером.

Несмотря на тяжелые условия жизни никогда не роптала, всегда шутила. Зарабатывала частными уроками, которые давала почти до последнего дня жизни. Большой неудовлетворенный инстинкт материнства.

(Записано М.В.)

Н.А. Иванова — Ф.М. Достоевскому
19.XI.1879

Дорогой дядя, Федор Михайлович!

После долгих колебаний решаюсь обратиться к Вам с просьбою, за которую, надеюсь, Вы на меня не рассердитесь.

Любимою моей мечтой с детства было — добывать средства к жизни пером. Положим, это слишком самонадеянно, но, ради Бога, не смейтесь. С семнадцати лет у меня зародился в голове роман, который я с тех пор постоянно разрабатывала и писала отрывками, т.е. те места, которые мне особенно нравились. Мне кажется, что если бы я занялась исключительно этим романом, то окончила бы его месяца в три, четыре. Но для этого необходимо уединение и душевное спокойствие...

Без даты

На лестнице я встретила господина (это был Н.А. Любимов <из «Московских ведомостей»>), который, как мне показалось, очень странно взглянул на меня. Мы вместе вошли в переднюю, и, раздеваясь, он стал спрашивать лакея

о моей личности, но видя, что я это замечаю, прямо подошел ко мне и спросил — не сестра ли я Софьи Александровны Ивановой. На мой утвердительный ответ он сказал, что был в этом уверен, так как моя наружность напоминает Сонину.

1.II.1880

Я была очень несчастна все это время и перенесла много невзгод, но не материальных, а нравственных... Вся беда в том, что все отрицают во мне способность на что-нибудь дельное и никто не верит, чтобы я могла написать роман. Одни просто и прямо смеются надо мною, другие говорят, что я всегда была мечтательницей, что мечты мои повернули в слишком опасную сторону и что надо изгнать из меня дух мечтательности. Иные же утверждают, что я полоумная и самое приличное место для меня в доме умалишенных²⁸.

Сегодня мне особенно дали все это почувствовать, и сегодня же я уверилась, что никто мне не сочувствует. Я вспомнила о Вас, вспомнила, что Вы один не произнесли окончательного и безнадежного приговора, вспомнила одну фразу из Вашего письма и всегда буду Вам за нее благодарна. Фраза эта: «Скажу Вам наперед: мне что-то кажется, что Вам удастся. Письмо Ваше нимало не удивило меня...» Знаете ли, за одну эту фразу можно сделаться писателем, композитором, гением. *Мне захотелось поблагодарить Вас за эту фразу, и это главная цель моего письма.* Я всегда буду ее помнить и благословлять Вас за нее.

Но почему Вам кажется, что мне удастся? Мне хочется знать, надежда это Ваша или твердая уверенность? Ведь Вы меня так мало знаете, и я со своей стороны так мало заявила свои литературные способности? Я уважаю Ваши мнения и знаю Вас за человека, не бросающего слова на ветер. Скажите, почему Вам кажется, что мне удастся? Для меня это *очень важно*, для меня это теперь важнее всего. Вы хорошо знаете людей, и я Вам одним верю. Ради Бога, поверьте, что вопросы эти не пустая потеря слов и времени и мне необходимо получить на них ответы. Не сердитесь, что отвлекаю Вас для этого от Ваших занятий, но кабы Вы знали, как я в Вас верю, Вы бы не рассердились.

Не думайте, что я разочаровалась и не уверена в себе. Так скоро я не могу отказать от мысли, которую лелеяла столько лет, я так упряма, и что годами входит в мою тупую голову, то никогда из нее не выходит. Не могу даже представить себе, что бы было со мною, если бы я разочаровалась, так как я не из кротких. Роман свой я пишу и не перестану писать, несмотря ни на отговаривания, ни на насмешки. Я скоро вышлю Вам первую часть, так как Вы это позволили. Я думала окончить эту часть скорее и не думала, что начинать гораздо труднее, чем оканчивать. Некоторые необходимые подробности вначале охлаждали меня, но чем дальше, тем больше я воодушевлялась. А главное, я не способна к усидчивому труду: например, пишу полчаса, а мечтаю часа три. Это правда, что дух мечтательности развился во мне в ущерб всем другим способностям. Это не хорошо, и надо строже следить за собою.

²⁸ Как видим, дело с писательскими попытками этой племянницы Ф.М. Достоевского обстояло далеко не так, как описывает Л.Ф. Достоевская (см. мнение последней о С.А. Хмыровой, с. 682). — М.В.

7.VI.1880

Удивляет меня, как я, чувствуя к Вам самое глубокое уважение, ухитрилась выказать противоположное! Как вижу, мир исполнен противоречий, поэтому и моя симпатия к Вам вызвала в Вас антипатию. Вся беда в том, что меня не учили и я не умею выражать своих чувств, особенно хороших, и пока не научусь, между мною и людьми будут постоянные недоразумения... Я была вчера у доктора, так как давно чувствовала себя не совсем здоровою. Доктор нашел во мне нервное расслабление вследствие врожденного порока сердца и посоветовал ехать в деревню. Но я поняла и приняла его слова в переносном смысле и еду в деревню излечивать себя не от физических, но от нравственных пороков сердца.

(ИРИИ)

Ф.М. Достоевский — племяннице Нине
15.VI.1880. Старая Русса²⁹

Необходимый Post Scriptum

Милая Ниночка, уже запечатав к Вам письмо, достал и перечел Ваше письмо — ко мне в «Лоскутную»³⁰, оно мне так понравилось, оно так искренно, так задушевно и так остроумно (например, о причине, по которой Вы едете в деревню), что я распечатал конверт и приписываю Вам эти строки с тем, чтоб отказаться от целой половины того, что настроил Вам на первых трех страницах. Вы доброе и милое существо, очень умненькое (но будьте еще умнее). Итак, мы друзья по-прежнему? Я очень этому рад. Напишите мне в Старую Руссу непременно: мне хочется знать, дошло ли письмо. Передали же Вам мой отзыв неверно, это повторяю. Всего любопытнее для меня, почему 1-е чтение Вашего письма (еще в Москве) не произвело на меня такого хорошего впечатления, как сейчас, когда я второй раз перечел. Целую Вас и крепко жму Вашу руку. Литературы не бросайте, и — поменьше, поменьше самолюбия. Но довольно. Ваш весь Ф.Д.

(ПСС. Т. 30₁. С. 193—194)

Н.А. Иванова — Ф.М. Достоевскому
23.VI.1880

Я хотя и мнительная и раздражительная (это правда), но я охотно признаю свою вину и готова первая просить прощенья, как бы от этого ни страдало мое самолюбие.

²⁹ От самого письма, к которому сделана эта приписка, сохранился лишь следующий фрагмент: «...и как можно скорее. От слов моих я не отступаю, но где же в них обидчивая жажда почтительности. И зачем, повторяю это опять, мне Ваша почтительность? Мне хотелось от Вас лишь сердечности, веры, что я не враг Вам, расспрашиваю Вас не праздно и не насмешливо. Не верить в доброе расположение людей (в которых Вы сами же верили) в Ваши лета очень опасно. Ужасная же мнительность и раздражительность ведет лишь к сомнению и самолюбию, — а это уж всего опаснее. Не примите за совет, не обидьтесь, — хотя почему же мне не написать Вам и совета? Ведь считали же Вы меня к Вам искренно расположенным прежде, таким я и останусь к Вам, как бы Вы ни сердились на меня. Слова же мои о Вас у Елены Павловны Вам передали ошибочно. Это положительно говорю. Да и зачем бы мне лгать». — М.В.

³⁰ В московской гостинице «Лоскутная» Достоевский жил во время Пушкинского праздника. — Ред.

Не вините меня, что я дика и несообщительна, я в этом не виновата. Ну разве моя вина, если самые лучшие мои порывы и поступки истолковываются в дурную сторону, а дурные ставятся мне на счет?.. Мне кажется, я родилась под самой несчастной звездой, ибо все мои недостатки бросаются всем в глаза, а все достоинства стушевываются для посторонних глаз. Такое отношение ко мне окружающих и сделало из меня дику и несообщительную мечтательницу. Начитавшись в детстве английских романов и обратив особое внимание на все в них идеально прекрасное, я стала требовать от жизни чего-то необыкновенного и не нашла, и не знаю, что теперь делать.

Благодарю Вас за Ваш милый Post-scriptum и за добрый совет быть менее самолюбивой. Хотя и следует иметь самолюбие, но надо остерегаться самообольщения. А Вы, конечно, не думаете, что я имею о себе ложное, преувеличенное, хорошее мнение. Ведь это было бы ужасно, если бы Вы так думали... Извините, что письмо такое грязное, я переписывала два раза, но без помарок обойтись не могу. (ИРИИ)

После смерти Федора Михайловича юная писательница находит другого конфидента – дядю Николая Михайловича, такого же «дикого и несообщительного мечтателя», как и она.

Н.М. Достоевский — племяннице Нине³¹
XII.1881

Милая и дорогая Ниночка!

...Шевяковы получили твои письма, решили, что ты добрая, умница и (славная) милая девушка, я же (давно) и прежде это решил, да еще со многими прилагательными. Не лезть говорю и не любезности, а говорю правду. Вот и еще пожелание: будь такой во всю жизнь, и ты будешь счастлива.

12.III.1882

По прочтении твоего восторженного, поэтичного описания появления весны и пения жаворонка я умилился, и вспомнилось мне... и мое счастливое время, когда и я восторгался первой появившейся травкой, первому насекомому, жучку, бабочке и застывал на месте, слушая и восторгаясь пением жаворонка; и мне кажется, что и теперь я еще не очерствел и в состоянии еще приходить в восторженное состояние. Не в похвалу тебе, а правдиво скажу, что твое описание вышло поэтично и художественно, иначе не могло бы оно меня привести в такое умиление.

<1882>

Что касается до того..., то пришли рукопись ко мне, в виде посылки; никто знать не будет, а я перешлю ее к Анне Григорьевне, а та куда следует. Название только мне не нравится, слишком идеальное, напоминающее древний германский стиль. Перемени его.

³¹ Цитаты из этой переписки см. также в главе X «Николай Михайлович Достоевский». Они взяты не из самих его писем к Н.А. Ивановой, а из черновиков этих писем, сохранившихся в его посмертных бумагах и затем попавших в архив О.А. Ивановой. – М.В.

<1882>

Заметь, что в этом письме я не называю тебя «ангельчиком», хотя в душе моей и остаешься им. Я назвал тебя так от глубины души, от искреннего сердца, по чувству благодарности за первый родственный призыв. А теперь это слово стало кличкой. Не сердись на меня за это. Ведь эта насмешка касается не тебя, а до меня.

Еще раз целую крепко твою руку, писавшую мне утешительные письма. С душевною любовью твой доброжелатель и дядя Н. Достоевский.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 18)

Н.А. Иванова — Н.М. Достоевскому
6.III <1882>

Милый дядя... знаешь за что я больше всего на тебя сердилась? — За то, что ты меня постоянно хвалил, а мне стыдно даже было стяжать незаслуженную похвалу... Эту неделю мне решительно нечего было делать, не предполагалось никакого увеселения, никаких визитов, — так что я решила говеть. И как же я говела недостойно! Собралась-то я со всем рвением, хотела покаяться, хотела сосредоточиться, и ничего, разумеется, из этого не вышло. Только нагрешила еще больше. Ну вообрази себе! — Стою в церкви, каюсь, глубоко ненавижу себя, совесть мучит, вспомню ли прошлое? — все прошлое оказывается унижительно. Настоящее? — еще хуже; в будущем ничего хорошего не предвидится. И вдруг, в минуту самого покаяния, откуда-то из-за угла влетает ко мне в голову бешеная мысль — схватить священника (а он у нас старенький, маленький, слабенький), схватить его, закружить, закружить и посадить на пол. А то еще хуже: попадетса мне на глаза толстая купчиха, симпатичных размеров — начинаю раздевать ее мысленно, любуюсь на ее формы и мысленно делаю с нее гипсовое изваяние. И все это как-то выходит независимо от моей воли, а сознаю, что сама виновата. Ну какое же это говенье? В голове какая-то пустота... Ты себе не можешь вообразить, как мне захотелось домой; только дома, когда войду в обычную колею жизни, только тогда я примирюсь со своею совестью.

25.V <1882>

Дорогой дядя. Целую твои очи, лобик, носик, щечки, усики, бородку, ушки, ножки, ручки и т.д.

...Что сказать тебе обо мне? — Живу по-старому, т.е. ничего не делаю, и постоянно не в духе...

(НИОР РГБ)

Данные, приводимые ниже, относятся к значительно более позднему периоду жизни Нины Александровны, когда она уже вышла замуж.

Н.А. Проферансова — матери

Милая мамаша. Если я Вам объясню причину моего молчания, то Вы, конечно, меня извините. Я, во-первых, была больна и теперь лечусь. Болезнь моя — малокровие и расстройство нервов. Я была в таком ужасном настроении, что чуть не зарезалась. А, как хотите, делиться таким настроением, особенно с Вами — не хотелось. Теперь мне как будто лучше, а все-таки плохо.

Сестре Юлии

Я почти все сижу дома, так как в карты не играю, а таким у нас и показываться на званые вечера нечего, да и невесело: все усядутся играть в карты, а ты сиди и хлопай глазами.

В.М. Иванова — дочери Нине

Ты пишешь, что большею частью капризничаешь и мучаешь мужа. Во-первых, от этого можно себя по возможности удерживать, а во-вторых, после своих капризов непременно попросить у него извинения.

(НИОР РГБ)

В поисках мировоззрения, которое давало бы ей опору в жизни и делало бы саму жизнь более содержательной, Нина Александровна, между прочим, обращалась за помощью к своему старшему брату Александру, ответ которого на ее просьбу приведен на с. 694. Одно время, уже будучи замужем, она ищет выхода в благотворительности, в связи с чем получает следующий совет от матери:

«...Теперь поговорим о тебе. Вполне верю, что тебе скучно ужасно в Раненбурге, но, душа моя, что же делать? Сама видишь, что деятельность твоя не приносит хороших результатов, и, по-моему, надо успокоиться. Деятельность твою надо обратить на твое собственное житье-бытье. У тебя дом — а главное, больной муж. Как ты не поймешь, что он, по-моему, серьезно болен и требует ухода, внимания, а главное, полного снисхождения. Смотри, как бы потом не раскаяться. Его ворчание и придирки — все это происходит от болезни его. Понятно, что твои ходатайства по чужим, хотя и добрым делам его раздражают. Ему хочется покойной семейной жизни, а ты бурлишь не во время со своими благотворительными целями. Отчасти ты нам напоминаешь Марфу³². Успокойся, душа моя. Добрые дела можно делать, на месте сидя. Отдавай из твоих заработанных денег рубля два бедным. Вот уже это будет вполне достаточно.»

(НИОР РГБ)

Неудовлетворенный инстинкт материнства Нина Александровна отчасти изливала в заботы о своих канарейках, которых чрезвычайно любила. По-видимому,

³² Жену Виктора Александровича Иванова — № 418. — М.В.

и канарейки платили ей тем же. По крайней мере, когда она однажды после долгой отлучки вернулась домой, то, как она пишет в одном из писем, «кенарь чуть не удавился от радости, когда я приехала из Крыма; стал рваться из клетки ко мне и завяз между проволокой».

Письма Нины Александровны к сестрам пестрят описанием различных событий из жизни ее канареек, как-то:

«Канарейка моя наконец разрешилась от бремени: снесла четыре яичка и села на них. Прилежно сидит уже шестой день... Шаляпин³³ очень ухаживает за Милочкой...

Что же это, бессовестные, от вас ни слуха ни духу. Как я просила написать мне «до востребования». Хоть бы о канарейках черкнули хоть строчку. Ведь я об них беспокоюсь, как о детях. Вывели они что-нибудь или нет?..

Ну с чего вы взяли, что я собираюсь в Шистово³⁴. Да разве я доеду одна? А кенарки? Ведь шесть клеток. У Шаляпина трое детей. Кажется, хотят вить новое гнездо. На этой неделе выводить Милочке и Старой. Просто одолели!

Мы купили еще двух самок, совершенно желтых: одну для Шаляпина, другую для Красавчика. Шаляпин начинает ухаживать, и Горбачев тоже. А Красавчик все еще во младенчестве. Как же быть с Юлиным Шаляпиным? И чего она не оставила его осенью. Теперь бы радовалась на внучат».

Н.А. Проферансова — матери
15.I. Год не указан

Я так приучила себя к воздуху, что даже в метель гуляю в одной кофточке и не простужаюсь, а прежде, бывало, я и в кухню не могла пройти безнаказанно.
(НИОР РГБ)

Тяжелая болезнь превращает последние годы жизни Нины Александровны в непрерывную цепь страданий.

Н.А. Проферансова — сестре Юлии
25.II.1910

Ложится Мимочка³⁵ спать в 11 часов, лежит на коленях и на локтях, которыми упирается в большую подушку, а под голову кладет две думки. Спит по-собачьи (голова между передними лапами). Просыпается она, бедная, ежеминутно и от холода, и от стонов Мих<аила> Пав<ловича>. Встает в 7 часов и чистит четыре клетки, а иногда и все семь...

Сестре Ольге

Ну как-то мне удастся доехать. Говорят, на вокзалах давка от пленных, раненых и военных. Толкнут меня в грыжу, тут мне и конец. Грыжа моя все больше отвисает, а бинтовать нельзя от почки. В прошлом году я нечаянно толкнулась

³³ Одна из любимейших канареек Нины Александровны. — М.В.

³⁴ Деревня в двух километрах от Дарового. — Ред.

³⁵ Нина Александровна пишет здесь про себя в третьем лице, называя себя Мимочкой; очевидно, этим именем ее кто-нибудь называл в семье. — М.В.

животом о подоконник и свету невзвидела. А военные-душки все-таки порядочные невежи... Милая Оля! Ты зовешь к вам в Брянск — очевидно, ты не веришь, что я серьезно больна. Почитай-ка, что значит блуждающая почка. Какое это мучительное состояние! Ведь я не могу ни стоять, ни ходить, а только сидеть. Если я постою хоть две минуты, почка опускается и появляется мучительная боль. Я очень похудела. Учительницы говорят, что на мое землистое лицо страшно смотреть. Но я совсем не хочу умирать, и лишь только мне станет хоть немного лучше, приеду к вам в Брянск...

Сестре Юлии³⁶
8. II. 1914

Вообще со мной делается что-то ужасное. Я нисколько не худею, напротив, толстею. Ем как голодный волк. А между тем нет у меня ни одного органа, который не болел бы. Я ничего не работаю, потому что не могу сидеть без подпорок. Опираюсь на локти, отчего на них мозоли. А все-таки толстею. Сплю очень мало и плохо, причем спать могу только на коленях и на локтях, т.е. на четвереньках.

Письма к сестрам и матери³⁷

Я теперь на строго молочной диете. У меня начался отек ног и нижней части живота, но когда я стала пить молоко, отек уменьшился... Пишу неразборчиво, потому что левая рука должна лежать на спинке другого стула, иначе почка зудит.

У меня чуть малейшая неприятность и волнение, так кровь горлом; не из легких, а из артерий сердца. Кровь плохо гонится сердцем и застаивается в легких.

Менчинский³⁸ говорит, что чахотки мне бояться не следует: уже поздно, а вся опасность со стороны сердца. Легкие будто бы все покрыты гноем; в нижних частях уплотнение, все это не дает работать правильно сердцу.

Берите пример с меня, до чего я живуча, и не ропщите на ваши немощи.

Знаете ли, какое теперь мое лучше развлечение? — Сны. Например, эту ночь я не могла лечь из-за сердцебиения, а провела ее в кресле, облокотясь на стол. Засыпала раз двадцать минут на пять. И вот несколько раз мне повторялся один и тот же сон. Снилось мне, будто я лечу с быстротою вихря на каком-то летательном снаряде, сажени на три от земли. Летаю кругом Даровой ночью. В окне Наташиного флигеля огонь. Я вижу вас за чайной обстановкой. Я правлю машиной, как лошадьми, т.е. держу вожжи в руках. Подъехав к крыльцу, хочу остановить машину, но никак не слажу с ней: она быстро пролетает мимо. Когда я проезжаю

³⁶ Своеобразен адрес цитируемого письма: «Брянск Орловской губ., Комаровская ул., д. Полежаевой. Е.В.Б. Юлии Александровне Ивановой (приват-доценту Московского университета)». На другом конверте Нина Александровна величает ту же сестру «доктором философии». Эти вымышленные звания гармонируют с общим тоном писем Нины Александровны: как бы ни были тяжелы внешние обстоятельства, ее никогда не покидает склонность пошутить и поддурчиться. — *М.В.*

³⁷ Письма Нины Александровны, так же как и письма ее матери и сестер, как правило, не датированы. Ввиду этого расположить их в хронологическом порядке не представляется возможным. — *М.В.*

³⁸ Вероятно, речь идет об Александре Теофиловиче Менчинском (1874–1942), враче-фтизиатре, который в советское время работал в Симферополе. — *Ред.*

за рощей, мне делается жутко от вида старого кладбища, а когда подлетаю к флигелю, то весело. Вот, думаю, сейчас остановлюсь и напьюсь с вами чайку. Но машина опять пролетает мимо и страшно свистит. А это свистит у меня в сердце.
(НИОР РГБ)

Болезнь Нины Александровны почти лишила ее возможности давать частные уроки и тем самым подорвала материальное положение. Что же касается ее мужа, то он уже давно ничего не зарабатывал и даже не получал никакой пенсии.

Из писем Н.А. Профферансовой сестрам

Не знаю, как я не сошла с ума эту зиму от скуки. Ведь я ни разу никуда не выходила. Когда было холодно, я болела, — а когда стало тепло, не в чем выйти. На моем драповом локти продрались; светятся насквозь. Ведь я сижу на балконе на локтях.

Отчего это мы так по-дурацки устраиваем себе жизнь? Смолоду мы не думаем о старости. Сыплем и деньги, и труды и направо, и налево. А под старость сами идем с ручкой. Скольких я учила бесплатно! Скольким помогла стать на ноги! А обо мне ведь никто не вспомнит. То же будет и с тобою. Пользуйся этим уроком и мотай на ус.

Я раньше писала Зинаиде Петровне все, что взбредет на ум. Выходило: «Что у кого болит, тот про то и говорит». И вот, вероятно, настроенная моими письмами, она присылает мне к празднику 25 р. Я, конечно, на другой же день отослала ей их обратно. Вышло так, как будто я сама подала ей мысль прислать мне эти деньги. Она, вероятно, обиделась. Вперед надо писать с оглядкой.
(НИОР РГБ)

Нат. А. Иванова — сестре Нине
29.III.1909

Меня беспокоит твоя материальная необеспеченность, и я при первой возможности (со стороны дорог) пришлю тебе денег. Пишу это совершенно просто, так как у меня нет вашей ивановской щепетильности и мне кажется, что если бы я, как ты, внезапно лишилась работоспособности без всяких сбережений, то имела бы полное право рассчитывать на поддержку от своих родственников, находящихся в более благоприятных условиях.

Н.А. Профферансова — сестрам

Наташа в сентябре прислала мне 25 р. и пишет, что не сшила себе осеннего пальто, денег не хватило. Значит, из-за этих 25 р. она отказала себе в осеннем пальто. Странная манера благотворить. Я, конечно, написала ей, чтоб она больше мне никогда не высылала: такая жизнь, как моя, не стоит таких жертв. Она, конечно, обиделась. Но я не могу иначе. Я всегда все говорю под первым впечатлением. Может быть, это нехорошо, но выходит искреннее. Если же дать себе возможность обдумать, то выходит дипломатично, фальшиво и противно.

Нат. А. Иванова — сестре Ольге

Получивши такое письмо от Нины, я проревела целых три дня, да и теперь еще реву, когда пишу тебе об этом. Ей же я, конечно, ни строки с тех пор, да и никогда она не дожидется больше от меня ни полслова.

Н.А. Проферансова — сестрам

Наташа на меня все еще дуется и ничего не пишет. Я первая писать ей не буду, потому что от того, что я ей написала, не откажусь; значит, и извиняться перед нею мне не в чем.

(НИОР РГБ)

Вопреки всем жизненным обстоятельствам — болезненности, материальной необеспеченности, неблагоприятной семейной обстановке, душевному одиночеству, неудовлетворенному инстинкту материнства — Нина Александровна все же не утрачивает склонности к веселью и чувства юмора, о чем говорят многие места ее писем, например:

Я вообще нынешний год хуже хожу, очень задыхаюсь. Здесь не в моде ходить ученицам к учительнице, а учительница должна бегать на уроки, тогда дорожке платят... Что-то я нынешнюю зиму совсем раскисла. Чуть поговорю громко и долго, так кровотечение сердечное (одною кровью). Из легких оно бывает жилами. Но настроение стало жизнерадостное, так бы и взбрыкивала целый день.

Из гостей у меня никого не было... Впрочем, была Алексеевна. Мы тоже хотели с нею танцевать и играть в *petits jeux*, да против этого восстали неожиданные препятствия: у ней в виде ее 70 лет, а я забыла купить себе подушку кислороду и повесить на шею. А без этого украшения я не осмелилась бы даже пройтись в полонезе.

И чего вы только смотрите. Плясали бы вчетвером русскую. Жаль, меня нет; а то я бы играла на рояли, а вы бы танцевали в две пары. Танцы у меня вышли бы и экспромтом.

С Михаилом Павловичем жизнь становится невозможной. Ругаемся все из-за Феклы. Нападает на нее из-за пустяков, а не даю в обиду, ну и столкновение. А Фекла ходит и улыбается... Не знаю, что делать с Феклою. С Мих<аилом> Павл<овичем> она не уживется, а поступать больше никуда не хочет.

Я теперь ем обязательно каждый вечер гоголь-моголь из трех желтков, а желтки содержат в себе вещество, служащее для образования кровяных шариков и мозга. А того и другого у меня сильно убавилось от духовной близости с Феклою.

Дорогая Джульета!³⁹ Благодарю за письмо. Рождество страшно проскучала. Была у хозяев, но там еще скучнее. Новый год встречали вдвоем. Выпили по

³⁹ Ср. с письмом Веры Ивановой, с. 765. — Ред.

глотку вина, съели по два пирожных, пожелали друг другу 200 000, которых не выиграли, и разошлись по постелям. Я могла бы, конечно, встретить Новый год более достойным образом, отправившись ко всенощной, как все здесь и делают, но, зная церковные обычаи, воздержалась. Давка в соборе была ужасная! Одиноким и холостым людям более простительно подвергать свою жизнь опасностям, но ведь я оставила дома мужа и шесть птичек! Слуга покорный! Принимая это в расчет, я никогда не вхожу в церковь, а стою в притворе с нищими. Но ты не думай, что это плохие люди, и не корчи презрительной мины. Плохими они не могут быть уж в силу того, что не пропускают ни одной церковной службы. Все это питомцы церкви, а не блудные дети. Понаблюдай за ними, и ты заметишь в них черты их характера, которые могут быть привиты только отцами церкви. Вот какие-то две женщины поссорились из-за неподделенного гроша и жестоко сцепились. Но будучи очень сдержанными и воспитанными в строгих семьях, они ограничились только тем, что вырвали друг у друга несколько клочков волос, а одна из них, вдова, дошла в своей кротости даже до того, что избрала оружием свои *собственные* ногти. Ведь этакое великодушие! Как поучительно такое самопожертвование для прихожан! После того я вполне понимаю негодование одной женщины из притвора, когда кто-то, принимая меня за одного из *притворных* членов церкви, подал мне грош. Разумеется, я поторопилась передать ей полученную лепту. Оказывается, чтобы попасть в члены притвора, надо стоически отказываться от всякого заработка. Пусть это будет между нами, но признаюсь тебе, что я льщу себя надеждою, что скоро попаду в члены притвора. Но все еще сомневаюсь. Дело в том, что орден притвора требует добровольного отречения от труда, а не вынужденного, а ведь я могу принести ему в дар только вынужденное.

3.IV.1914

Напишите, как встретили Святую. Если не получу на первый день от вас писем — объежусь слезьми. А хорошо бы съесть кусочек ветчинного сальца, горячего, прямо из печки! Небось и ветчину будете жрать, ненасытные утробы! Плотоядные! Хищные!

...Жаль потерянного времени. Да и так сказать — чего его жалеть-то, раз оно меня не жалеет. Избороздило всю морду морщинами, да и седых волос порядочно примешало к моим чудным локонам, а ты его жалеешь! Слуга покорный! Отныне оно само по себе, а я сама по себе. Самая паскудная вещь на свете — это время. Зудит и зудит над ухом: «Ты уже немолода, считай каждый миг и дорожи им». А попробуй ухвати его за хвост: ты же останешься позади, а оно уже далеко впереди... Итак, мы на новой квартире. В ней есть и преимущества перед старой, есть и дефекты, как всегда водится. На старой квартире кровать, несмотря на мой малый рост, была очень коротка. Ноги мои просовывались сквозь стенку кровати и до колен торчали на воздухе. В ногах кровати стоял рукомоийник, и когда Мих<аил> Павл<ович> умывался, то часто пользовался моими ногами, чтобы вешать на них полотенце; но чаще всего, умывшись, он стряхивал на них излишнюю воду с рук. Ощущение не из приятных. Теперь же кровать у меня и

широкая, и длинная, и мягкая. На прежней был такой тюфяк, что я под утро не могла отличить себя от Варвары-мученицы, которую во время пытки клали на острые гвозди. Встав с постели, я постоянно смотрела в зеркало, нет ли у меня над головой сияния. Теперь же я утопаю на пружинном матрасе и просыпаю до 9 утра, вследствие чего не могу отделаться от сознания крайней греховности.

Милыя Витя, Оля и Боря⁴⁰! С праздником вас и наше вам с хвостиком. Как вы поживаете? Слышала я, что вы уж очень заботитесь о моем здоровье. Натев вам! Жива я, здорова, взбрыкиваю, хотя и немного покашливаю. Но вы об этом не очень сокрушайтесь. Бог милостив: не оставляю вас сиротами. А если и умру, вы не будете в накладе: наследство оставляю вам большущее!! Одних старых башмаков двое, да новые одни, да двое калош, и из белья есть кое-что. Вот насчет платьев маловато, два только; так насчет их вот вам мое распоряжение: в одном (зеленом) меня положить, а другое (черное) отдать той сестре, которая будет лучше всех причитать. Вот из-за летней ротонды, боюсь, сестры не поссорились бы. Всяко бывает.

Тема самоубийства, вообще очень характерная для целого ряда представителей рода Ивановых, часто повторяется и в письмах Нины Александровны, то в форме шутки, то более или менее серьезно:

Такой жизни, вечного недоедания, трепетания за уроки и такого режима я долго не вынесу. Натура у меня живучая, но зато и море под рукою. Анна Каренина видела во время кошмара железо, от которого и погибла, а я вижу постоянно море. Да уже все порядочно надоело⁴¹.

Пока работаю через силы. Когда сил не хватит, то придется бросаться в море.

Приезжайте скорее, а то я с тоски брошусь в море; а я туша не маленькая, и море непременно выступит из берегов, и как бы оно и всю Ялту не слизнуло.

Погода здесь стоит отвратительная: дожди, дожди и дожди. Если еще продолжатся, то придется окончить жизнь самоубийством.

Иногда в одном и том же письме содержатся как мысли о самоубийстве, так и желание «отжарить трепака»:

Такая жизнь надоела до чертиков. Главное, ничего не могу работать. На локтях мозоли. Сплю на коленях и на локтях, потому что иначе болит спина. Ну что это за жизнь. Бросила есть мясо, потому что оно вредно для почек. А на душе ведь совсем не то. Так бы и отжарила трепака, если бы не спина и одышка... Тоска здесь смертельная. Если еще надо будет долго вести такой образ жизни, то уж лучше покончить с собою. Из-за чего биться. Лучше не будет, а только хуже.

⁴⁰ Семья брата, Виктора Александровича Иванова (№ 417). – Ред.

⁴¹ Большинство писем последнего периода жизни Нины Александровны написано в Ялте, где она лечилась и давала частные уроки. – М.В.

М.П. Проферансов — Ю.А. Ивановой
24.XI.1914

Никак не могу оторваться мыслями от дорогой Нины; ведь здесь на каждом шагу все напоминает ее: вот ее записные, памятные книжки, вот засахаренные фрукты, вот банки с вареньем и т.д. и т.д. без конца — везде — всюду ее заботливая рука. Точно чуяла она свою близкую смерть. Да, теперь припоминается, что она действительно чуяла, но мне не говорила, вероятно, не желая расстраивать меня, да и себя.

(НИОР РГБ)

421. Проферансов Михаил Павлович

(? — после 1914). Муж предыдущей. Сын священника [Моногаровской церкви]⁴². Имел собственный дом в Раненбурге [сейчас г. Чаплыгин Липецкой обл.]. Страдал сухоткой спинного мозга. В декабре 1914 г. находился на лечении в окружной психиатрической лечебнице в селе Мещерском Московской губернии.

М.А. Иванова

Человек крайне скупой и вообще несимпатичный.

О.А. Иванова

Очень черствый, скупой, раздражительный и неприятный человек.

(Записано М.В.)

Е.А. Иванова

О Михаиле Павловиче я знаю очень мало. Слыхала только, что наши всегда говорили, что у тети Нины страшно неудачный брак, так как у Михаила Павловича невозможный характер, он страшно мелочен, скуп, придирчив.

(Письменные характеристики. М.В.)

Будучи женихом, М.П. Проферансов пишет своей невесте: «Кто-то мне говорил: кто из них будет покупать обручальные кольца; я на это ничего не мог ответить, потому что не знаю обычаев. Я думаю, это решительно все равно. Если нужно обязательно мне, напиши об этом: я озабочусь, во-первых, чтоб добыть деньги и, во-вторых, покупкою...»

(НИОР РГБ)

Н.А. Проферансова — сестрам Юлии и Ольге

Вчера были учительницы... Михаил Павлович с Юсовской чуть не вступили в рукопашный из-за несогласия политических взглядов. Они до того увлеклись спорами, дошли до того, что стали высовывать друг другу языки и передразнивать друг друга, не обращая внимания на наш хохот.

⁴² Моногаровский священник Павел Проферансов в 1850 г. подписывал в качестве понятого местный межевой план (В семье и усадьбе. С. 133). — Ред.

Сестре Ольге

Смешно нам показалось, Оля, твое пожелание встретить повеселее новый год! Вот уже лет двадцать встречаем мы его одинаково, и даже на ум не приходит разнообразить эту встречу как-нибудь. Каждый из нас двоих сидит в своей комнате и читает какую-нибудь книгу. Без десяти минут 12 Михаил Павлович наливает три-четыре рюмки вина для нас и для прислуги, ровно в 12 мы выпиваем их, поздравляем друг друга, съедаем пирожного и расходимся на боковые. Одинаково из года в год.

М.П. Проферансов — Ю.А. Ивановой

Погода у нас, вероятно, не хуже, чем в Брянске. Я думаю, что здесь климатические условия несколько лучше, а главное, мы здесь живем панами, т.е. я разумею — здесь у нас свой дом, не буду спорить, может быть, он и не важный, но он дорог нам, в нем так уютно, мы здесь чувствуем себя владыками. Вот, например, сейчас — при нашем доме, как Вам известно, есть очень порядочный садик. Если Вы имеете хорошую память и прекрасное воображение, то несомненно Вы можете представить, какая прелесть сейчас в саду: все оживает, все расцветает. Ведь это такая роскошь, такая услада, такая красота, какую никакое богатство, ни сила не могут дать. Дом этот, кроме того, дорог для нас потому, что мы здесь чувствуем себя господами, что нас никто не смеет потревожить, что если в нем что-нибудь не по вкусу, то мы можем по своему усмотрению переделать. А впрочем, мысль о продаже у меня была и раньше, но пока еще не хочется продавать. Это всегда можно сделать.

Жене

2.V.1909

Вообще живется тоскливо. Думается, что так жить не стоит. Жизнь должна иметь что-нибудь приятное, для кого-либо или для чего-либо нужное. А если этого нет, то это не жизнь будет, а прозябание какое-то. Ну, я пустился в философию, кажется.

(НИОР РГБ)

Некоторые из близких родственников М.П. Проферансова еще более сгущали ту безрадостную атмосферу, которую он распространял вокруг себя, — например, брат Николай Павлович (умер летом 1913 г.).

Н.А. Проферансова — матери

У нас теперь живет Николай Павлович. Он болен и с каждым днем делается все хуже и хуже. На службу он уже давно не ходит, пользуясь отпуском. Болен он меланхолией, а по-моему — просто сумасшествием. Представьте себе, что весь пост мы не слышали от него ни слова. Стоит и смотрит в окно. В крайнем случае изъясняется жестами. Просто тоску нагоняет. Хоть бы уехал поскорей в деревню.

Сестре Юлии

Николай Павлович прямо наказание Божие. Даже страшно жить с ним. Ты знаешь, что он замахивался обухом на Михаила Павловича и постоянно показывает ему кулаки. Боюсь, что он в одну прекрасную ночь всех нас перережет...

Николая Павловича мы отправили в Рязань в больницу, но не знаю, долго ли его там продержат.

(НИОР РГБ)

422. Иванова Екатерина Александровна (вторая)

407 / 36

(<1858> — <1861/62>). Жила 3—4 года. Умерла от горловой болезни (жаба или дифтерит).

423. Иванов Алексей Александрович

407 / 36

(7.I.1860 — 9.VIII.1921, [Москва]). Учился в Рославльском техническом училище. Служил на постройках железных дорог. В 1886 г. работал на постройке батумского порта. Последние 12 лет жизни был старшим ревизором материальной службы Московско-Казанской железной дороги.

Всю жизнь был здоров, но за два года до смерти заболел диабетом. Умер от «старческой слабости и миокардита» (по отметке в больничном листке); [по словам же дочери Лидии — от сыпного тифа, заразившись в поезде, когда ехал в Москву получать новое назначение. Похоронен в общей могиле сыпнотифозных на Преображенском кладбище в Москве. Могила не сохранилась.]

Ю.А. Иванов, сын

Отец был способен на неожиданные поступки. Так, например, из-за ничтожного повода он оставил очень выгодное, материально его обеспечивавшее место. Поводом послужила небольшая неприятность с начальником, которая, однако, задела самолюбие и чувство собственного достоинства отца. Другой службы у него не было, и он долгое время после этого находился в тяжелом материальном положении. Все это, впрочем, не помешало отцу после ухода со службы сохранить со своим бывшим начальником хорошие личные отношения.

М.А. Иванова, сестра

Замечательно хороший семьянин.
(Записано М.В.)

Е.А. Иванова, дочь

Главной характерной чертой отца, сразу бросающейся в глаза, была его необыкновенная выдержанность. Я, кажется, никогда в жизни не слышала, чтобы он повысил голос. В детстве, когда мама говорила нам «папа обижается» или «папа сердится», мы с удивленьем спрашивали: «Да откуда же ты это знаешь?» Для нас, детей, при необыкновенной выдержке отца это было совсем незаметно... Даже в последние годы, при сильно развившейся тяжелой истерии у мамы и невозможных выходках младшего моего брата — отец не терял внешнего равнове-

сия. Но, будучи сам в высшей степени выдержанным, он и нас хотел видеть такими же... При этом папа никогда не говорил, что он недоволен чем-нибудь. «Сама должна знать. Не первый год вместе живем», — говорил он... И этим требовал неустанной заботливой внимательности... Сам он был таков и этим заставлял других идти тем же путем...

У отца была какая-то преувеличенная любовь к семье, можно сказать, погубившая нас. Мы воспитывались под стеклянным колпаком. Чтобы охранить нас от дурных влияний, ни к нам в дом никто не допускался, ни нас никуда не пускали (в первую половину жизни, пока мама была молоденькая, жили очень широко — но потом, когда мы стали подрастать, жизнь наша была до крайности замкнута). Мы только видели людей, но не имели с ними дела, и в результате, когда к 25 годам мы вышли в жизнь, лишившись отца, у нас получился целый ряд тяжелых внутренних конфликтов — благодаря идеалистически-фальшивым представлениям о жизни.

Отец всего себя отдавал семье. И у нас тоже был своего рода культ отца. «Папа хочет» — было законом. Возражать считалось недопустимым. Как мучилась я, ставши взрослым человеком и увидав, что я не могу думать и верить, как отец. В годы революции отец очень боялся, что с нами случится что-нибудь, и поэтому никуда не пускал нас. Мне тогда было 22—23 года, я задыхалась под стеклянным колпаком, мне хотелось видеть жизнь. И обыкновенно, если я шла на какую-нибудь лекцию или вечер, у нас выходила ссора с сестрой Наташей. «Разве тебе трудно остаться? Ведь ты видишь, что папа это хочет...» — всегда говорила она. И когда я почувствовала, что не могу подчиняться этому закону, у меня начался внутренний разрыв с сестрами...

Как мы жили дома последние годы. Сейчас с улыбкой вспоминаешь об этом. И больно, и смешно. Мне было 24 года, когда я в первый раз в жизни осталась одна в комнате с незнакомым человеком, случайно зашедшим товарищем брата. И я так растерялась, не знала, что мне говорить, что он счел меня за 17-летнюю девочку. Если мы (девушки 22—24 лет) к девяти часам не приходили домой, папа уже, волнуясь и мучаясь, с шапкой в руках ходил по комнатам, собираясь идти нас встречать и воображая всякие ужасы. У него после маминой смерти в 1917 году появились болезненные страхи за нас, которые иногда прорывались даже сквозь его выдержку.

И вместе с тем отца совсем нельзя было назвать замкнутым человеком. Он был общителен, добродушен, весел... Он любил общество (но нас прятал от людей из-за преувеличенной любви к нам). Был хороший рассказчик — и всегда умел быть в центре общества. Знаком он был со множеством людей. У него была

разъездная должность (старший ревизор материальной службы Московско-Казанской железной дороги). Всегда в разъездах, всегда на людях...

Необходимо отметить еще реалистический, добродушно-насмешливый склад ума отца. Эта насмешливость — наша общесемейная черта (она у нас согласуется с сентиментальностью, доставшейся от матери). Он легко подмечал комическую сторону всякого явления и вышучивал ее... Любил иногда поддразнить и посмеяться. У нас с сестрой была одна подруга, взрослая барышня, совершенно не понимавшая шуток, хотя очень неглупая⁴³. И обыкновенно, когда она приходила, папа с самым серьезным видом начинал рассказывать какую-нибудь неверо-

ятную историю и спрашивал: «Варя, вы не знаете, почему это так?» А Варя простодушно старалась выпутаться... Любил он поддразнивать маму, сестру Веру — потому что они не умели отшучиваться... В нас, остальных, тоже сильна комическая жилка, и нас не поймаетшь таким образом...

Характерна феноменальная память отца⁴⁴. В 60 лет, когда он делал управляющему дорогой доклад о положении с материалами на всей дороге — он по памяти без всяких бумаг мог сказать, на каком складе какое количество материалов любого сорта: это составляет сотни разнообразных цифровых данных. Он слегка кокетничал своей феноменальной памятью. Управляющий, пока не привык к этому, сперва сердился: «Да вы мне цифры не из головы давайте, а фактические справки...» Папа посмеивался, звонил к начальнику канцелярии и просил принести отчеты... И никогда не случалось, чтобы он ошибался, — так что все привыкли к его отчетам без вспомогательных записок... Стоило ему раз в жизни прочесть книгу, он на всю жизнь запоминал ее до мельчайших деталей. Он всегда удивлялся, когда мы не помнили какой-нибудь подробности в наших любимых книгах. «Я ведь больше сорока лет назад читал — и помню... А вы забыли...» — всегда укорял он нас...

У него была громадная фантазия (реалистического направления, как и весь склад его ума). Он много времени уделял нам, детям. По вечерам нашим любимым развлечением были папины сказки. Обыкновенно (часто в течение нескольких месяцев) тянулся один рассказ наподобие «Детей капитана Гранта» о нашем путешествии вокруг света, причем детали никогда не повторялись.

Отец очень любил музыку и сам самоучкой играл на скрипке. Насколько хорошо — судить не берусь. Последние годы, когда я стала взрослой и стала более

⁴³ О ранней смерти этой девушки Елена Алексеевна Иванова говорит в письме М.В. Волоцкому от 20 июля 1926 г., см. с. 793. — *Ред.*

⁴⁴ Из братьев и сестер Алексея Александровича Иванова очень хорошей памятью отличались также Софья, Мария, Виктор, Ольга и Владимир. — *О.И.*

Семья Алексея Александровича Иванова (в нижнем ряду).

Слева направо: неизвестная, Вера (№ 451), Надежда Александровна, Елена (№ 452), Алексей Александрович, Юрий (№ 444)

или менее понимать музыку, он уже бросил скрипку. В детстве же мне казалось, что он играет очень хорошо. Также хороша была его музыкальная память... Он сразу узнавал вещь, слышанную им много лет назад.

Он хорошо рисовал карандашом и масляными красками. У нас в доме было много больших картин, рисованных им, — главным образом копий с Айвазовского. Последние годы, после зимы, проведенной в Крыму, он любил рисовать крымские виды...

Хорошо удавались ему и разные ремесла, за которые он принимался, — но не всерьез, а так, чтобы сделать одну вещь. Помню, как-то он делал синюю бархатную раму для одной из своих картин — и потом раз вздумал сшить кожаные туфли. Вторично приниматься за ту же работу ему не захотелось — но первая попытка была более чем удачна. Вообще ему удавалось все, за что он принимался.

Его страстью были цветы. Когда мы жили в Житомире, у папы была своя оранжерея, и он все свободное время отдавал ей. Он умел выращивать какие-то необыкновенные гиацинты, выписываемые им из Гаарлема⁴⁵, по какому-то особому способу, так что на одной луковице сразу распускалось семь султанов. Даже в лучших московских садоводствах я не видала ничего подобного. У нас всегда оставалось впечатление, что папа все умеет, все может, все ему удастся. (Почему-то еще у него и у брата Сергея какое-то слепое счастье в лотерее — и это на нас в детстве производило большое впечатление. И здесь у папы лучше, чем у других.) Может быть, здесь влиял еще контраст с мамой — такой неумелой, беспомощной, с которой надо обращаться как с ребенком. Папа все деньги отдает маме, а у нее никогда ничего нет, она вечно боится, как мы будем жить, всегда тревожна и т.д. Папа же всегда весел, спокоен, уверенно смотрит вперед, всегда тратит массу денег — словом, при нем легко живется. (Как потом я узнала, часто он, приезжая домой, на последние 3—5 рублей покупал нам пирожных и конфет, чтобы всегда сохранять о себе одно и то же впечатление...)

В отношении неумения жить — и папа, и мама были одинаковы. Папа много зарабатывал, но у нас никогда не было денег — ни папа, ни мама не умели рассчитывать... Но папа при этом всегда был весел и спокоен, а мама опечалена и вечно нервничала... В результате у нас были горы конфет и игрушек — и рваные чулки и рубашки. Редкий год у нас не было — небольших, правда, но все-таки — долгов.

Я еще не отметила некоторого консерватизма отца... Он не любил новых форм в жизни, сторонился их, не хотел даже знакомиться с ними... Особенно ярко это сказывалось в его литературных вкусах. Вообще он очень любил читать. Но литература для него кончалась Чеховым. Дальше он ничего не хотел знать... Может быть, в этом сказывался практический характер его ума — но он особенно не любил Метерлинка и Гюмелева, которыми увлекалась я в гимназии. Обыкновенно, когда отец начинал насмешливо отзываться о современных поэтах, мы пытались робко возражать: «Да ты ведь Бальмонта не знаешь...» — «И знать не хочу, потому что ерунда», — отвечал он. Иногда я или брат Юрий читали вслух стихо-

⁴⁵ Гаарлем или Харлем (Haarlem) — город в Нидерландах, известный своими цветоческими традициями. — Ред.

творение, не называя имени автора, и когда папа хвалил его, мы указывали: «Да ведь это Бальмонт». — «Ну, написал по ошибке хорошее стихотворение...» Спорить и противоречить мы не решались, и каждый оставался при своем мнении.

По складу ума отец не должен был быть религиозным. Я не знаю, был ли он им. Он сам под большие праздники ходил в церковь и любил, чтобы ходили мы. Но мне всегда казалось, что он делает это, просто как бы исполняя известный долг вежливости, из уважения к существующему общественному строю. У исповеди он не бывал (кроме последних двух лет жизни). С нами о религии не говорил. Но это, может быть, происходило и потому, что в нашей семье было воспитано сознание, что долг и поведение порядочного человека сами собой ясны. Говорить о них — значит сомневаться, значит унижать.

Его мечтой была жизнь в маленьком провинциальном тихом городке — или в имении. Он всю жизнь мечтал купить себе имение и заняться сельским хозяйством⁴⁶.

Теперь еще одно — то, с чего, может быть, надо было начать. Это громадное чувство долга, какого я ни в ком не встречала. Это наследственное. По рассказам — этим отличался его отец, затем перешло к папе, у нас в семье — к Наташе и, пожалуй, сильно оказывается во всех нас. В сестрах сильнее, чем в братьях. И поэтому кажется таким обидно нелепым конец его жизни. В 1920 году большая часть управления Восточного отдела Казанской дороги была арестована. В том числе и папа. На суде папу, конечно, оправдали.

В то время как железнодорожные инженеры на разных спекуляциях наживали миллионы, папа занимал одно из лучших мест — и никогда в жизни не имел ни одной нелегально заработанной копейки, так что мы с громадным трудом перебивались кое-как. Многие товарищи по службе уговаривали папу поступать как все — пользоваться тем, что он имеет отдельный собственный вагон для разъездов, и привозить для продажи продукты из дешевых местностей. Папа всегда неизменно отвечал, что он никогда в жизни не наживет ни одной копейки на го-лоде — как бы тяжело ни приходилось жить самому. Я знаю, что если бы он захотел, он смог бы нелегальными путями без всякого риска для себя нажить состояние. Мы нищие. Так оно и должно быть...

Еще одна характерная для нашей семьи черта — привычка не считаться с чужим мнением. Я знаю, что я права. Я есть я. Себя не стыжусь. Не считаю нужным что-либо скрывать. Может быть, моя искренность вытекает из гордости настолько же, как и из легкой возбудимости чувств и несдержанности. У папы была спокойная уверенность в себе. У меня она утрирована благодаря сильной эмоциональной возбудимости. В депрессивные периоды — это в скрытом от людей состоянии, наружное смирение при большой внутренней гордости.

Внешность папы. Широкий, среднего роста. От 40 до 55 лет приблизительно — очень полный; к 60 годам, после диабета — очень худой. Правильные, красивые черты лица, мягкие вьющиеся волосы, карие глаза.

(Письменные характеристики. М.В.)

⁴⁶ Сходство с братьями Александром и Виктором. — М.В.

Е.А. Иванова — О.А. Ивановой
21.I.1922

Если бы папочка был жив, все остальное было бы пустяки... Его смерть до конца жизни будет самым больным местом для каждого из нас...
(НИОР РГБ)

424. Дьякова, по мужу Иванова Надежда Александровна

(1870 — 1917, <Рязань>). Жена предыдущего (приблизительно с июля 1891 г.). Дочь железнодорожного служащего, окончила Мариинскую гимназию в Петербурге.

Умерла от паралича сердца во время истерического сна [правильнее — кататонического ступора.]

М.А. Гордина⁴⁷

Страдала какими-то тяжелыми нервными припадками на истерической почве. Человек очень безвольный. Умерла во время одного из припадков.
(Записано М.В.)

М.В. Иванова⁴⁸ — О.А. Ивановой
25.V.1914

Нина Александровна пишет, что Надежда Александровна сошла с ума. Это ужасно, и как теперь дети бедные и Алексей Александрович свыкнутся со своим несчастьем.
(НИОР РГБ)

Е.А. Иванова

Отец моей матери был бухгалтером на железной дороге. У его жены Евдокии Яковлевны (урожденной Громовой) было несколько человек детей; часть их умерла в детстве. До совершеннолетия дожили трое: Алла, Надежда (моя мать), Александр.

Алла умерла 27 лет от воспаления легких. По-видимому, у нее была сильная истерия, хотя в характере ничего истерического не было. Она была очень спокойна и выдержанна. В детстве страдала лунатизмом. (Эти же явления были и у моей сестры Тани.) Затем она за семь лет до своей смерти назначила день, в который она умрет. У нее была неудачная личная жизнь, дедушка не позволил ей выйти замуж за любимого человека, но все-таки, как говорила мама, здесь невозможно предполагать самоубийство. Вернее всего, сильное истерическое самовнушение. Страдала базедовой болезнью.

Александр был явно дефективным, с сильным вырождением нравственного чувства. В детстве он был страшный шалун и лентяй и, несмотря на все усилия родителей, не мог кончить среднего учебного заведения. Был большой вун и

⁴⁷ Гордина Мария Алексеевна — ученый, врач-психиатр. Жена профессора Казанского университета Г.Я. Трошина. — *Ред.*

⁴⁸ № 427, жена младшего брата А.А. Иванова, Владимира Александровича. — *Ред.*

Надежда Александровна со старшими детьми – Юрием и Верой

хвастун. Мама очень не любила своего брата — и, выйдя замуж, с ним сношений не поддерживала.

Прежде чем говорить о маме, скажу несколько слов о ее родителях. Многие черты ее характера объясняются средой, в которой она росла. Дедушка был очень плохой семьянин. Он много кутил и играл в карты, и часто случалось, что он проигрывал все до последней копейки, вся обстановка продавалась и семья несколько месяцев ютилась в каморках, пока на время не наступал хороший период (дедушка много зарабатывал) — но до нового проигрыша. Вообще семья была очень безалаберная, и это сильно сказалось на мамином характере. Бабушка была кроткое, забитое создание, которое никогда не смело поднять свой голос. Она умерла, когда маме было лет семнадцать⁴⁹.

Мама кончила петербургскую Мариинскую гимназию, потом уехала на Кавказ, где служил ее отец, и года два служила на железной дороге. 21 года она вышла замуж за моего отца, который был на 10 лет старше ее. Для матери это был очень счастливый брак — благодаря необыкновенно хорошему характеру отца,

⁴⁹ В генеалогическом материале, собранном в психиатрической клинике Казанского университета о роде Ивановых, относительно этой бабушки есть указание, что она страдала «нервной горячкой» (Лурия А.Р. История болезни Е.А. Ивановой). — М.В.

и во все 26 лет ее замужества у нее сохранялось влюбленное чувство к отцу. Меня всегда в ней поражало что-то детское, не похожее на взрослого человека. «У нас мамочка моложе нас», говорили мы, три старшие дочери.

Мама много времени уделяла нам, детям — но я сказала бы, что это было скорее похоже на игру в детей, чем на действительное разумное воспитание. Мама возилась с нами, шила модные платья нашим куклам, читала нам сказки и рассказы — но все это было в равной степени интересно и ей, и нам. В нашей детской жизни гораздо большую роль играла старушка няня, вынянчившая нас, — так что сестра Ната, когда ей было года три-четыре, всегда уверяла, что она «папина и нянина дочка». Няня — это было что-то свое, теплое и уютное, а от мамы из детства осталось воспоминанье: хорошенькая, нарядная мама с удивительными белыми пальчиками, которые так приятно целовать... Затем связь: мама и гости... В это время мы широко жили, мама любила развлечения, театр и часто выезжала. Во вторую половину жизни, когда семья увеличилась, а средства уменьшились, стали жить замкнуто, мама стала ближе к младшим детям — но все-таки и к ним как взрослый человек она подойти не умела.

Характерными для нее были какая-то безалаберность и чувство беспомощности. Отец хорошо зарабатывал, рублей 300—400 в месяц, на себя ничего не тратил, а у нас в доме было какое-то хроническое безденежье из-за неумения распорядиться. Часто не хватало самого необходимого, а шоколада и конфет было в избытке... Отец постоянно был в разъездах по службе и при малейшем денежном затруднении или какой-нибудь пустой неприятности ему писались письма, где все представлялось в тысячу раз худшем виде — так, как это рисовалось маминому воображению. Любя отца, она с этой стороны не заботилась о нем. Когда я стала взрослой, я пыталась уговаривать маму не поступать так, но только слышала в ответ: «Ты еще ничего не понимаешь... Мы привыкли всем делиться...» Эта мамина черта доставляла отцу много лишних тяжелых минут.

После смерти в 1901 году сестры Оли у мамы развилась сильная истерия, какой-то мучительный страх, ожидание надвигающегося несчастья. И этим страхом она заражала нас — у меня до 1921 года (года нашего семейного краха) преобладающим чувством было ожидание несчастья, чего-то фатально неизбежного. (Отсюда и все бредовые представления во время перенесенного мною психоза.) Приблизительно с 1913 года у мамы начались сильные припадки судорог, продолжительностью до трех суток, после чего наступал истерический сон — и она месяца два после этого бывала сильно ненормальной. Она умерла от паралича сердца во время одного из таких припадков. Мы в это время жили в Рязани. Там есть психиатрическая лечебница — но когда с мамой случались припадки и ее отправляли в одну из лучших рязанских частных лечебниц, никто из врачей не мог определить, что это за болезнь, такой редкой по силе была она. Казанский профессор Даркшевич⁵⁰ поставил диагноз сильной истерии.

⁵⁰ Даркшевич Ливерий Осипович (1858–1925) – невропатолог, нейрогистолог. Профессор Казанского (1892), затем Московского (1917) университета, автор первого оригинального отечественного руководства по невропатологии. Один из учредителей Московского общества невропатологов и психиатров, организатор Государственной высшей медицинской школы и Диагностического института для усовершенствования врачей. – Ред.

Говоря о маме, надо сказать о двух привлекательных ее чертах — ее необыкновенной доброте и чувствительности. Ее так легко было растрогать, она старалась помочь чем только могла. У нас дома часто жили по несколько месяцев какие-нибудь бедные знакомые. Раз целую зиму жила дама с дочерью — это в то время, когда отец был без службы и нам жилось очень трудно. При рассказе о каком-нибудь несчастье у мамы сейчас же выступали слезы на глазах, и она долго не могла успокоиться. Вообще в ней в сильной степени сказывалась та черта, которая присуща почти всем нам, ее детям, и которую профессор Трошин⁵¹, когда читал лекцию обо мне, характеризовал как «мимозную психику».

...У мамы уже в то время, когда ее болезнь была сильно выражена, наблюдалась — не ложь, нет, а скорее, как я сказала бы, неумелое освещение событий. Она настолько сильно стала поддаваться своим впечатлениям, что при рассказе получалось неверное освещение, преувеличение в ту или иную сторону... Это наблюдалось, когда мне было лет 17—18. У меня в это время был, я сказала бы, какой-то бред искренности, и я всегда ее поправляла: «Мама, да ведь вот как это было...» И зачастую я своими поправками расстраивала ее до слез. Она никак не хотела согласиться, что она неправа, а я была наивно жестока в своем стремлении к искренности.

У меня есть две мамины карточки. Одна отражает ее «мимозное я» — она всегда бывала такая, когда ее что-нибудь тронет: большие открытые глаза и слезы в них — и закушенные губы. Другая, не менее характерная — мама-девочка... С двумя старшими детьми, но ужасно сама похожая на девочку... Такой она, в сущности, и была. В общем, о человеке нельзя судить, увидев его только в один момент его жизни, — так и мало карточки, запечатлевающей только один момент. *(Письменные характеристики. М.В.)*

425. Иванова Ольга Александровна

407 / 36

(5.VII.1863 — [VI—VII.1941, под Брянском]). Преподавательница французского языка. [Погибла при бомбежке поезда с эвакуирующимися.]

О.А. Иванова

Я хорошо помню Ф.М. Достоевского. Всегда боялась его падучей болезни, которая мне почему-то представлялась в виде гонящегося за мной белого привидения. Однажды, когда мне было лет тринадцать, Федор Михайлович пришел к нам очень озябший. Он попросил теплый платок, закутался в него и сел на диван. Потом попросил сесть и меня рядом с ним, закутаться в тот же платок и «быть его печкой». Я послушалась, не подав виду, что боюсь, и все время разговаривала с ним. В квартире никого кроме меня не было, и я страшно боялась, что вдруг сейчас с Федором Михайловичем начнется припадок падучей.

⁵¹ Трошин Григорий Яковлевич (1874—1938) — врач, ученый в области невропатологии, психиатрии, психологии, в т.ч. детской; в числе его научных интересов также психология творчества и психологический анализ проблем эстетики. Ученик Л.О. Даркшевича, В.М. Бехтерева. В нач. XX в. и после 1917 г. — профессор Казанского университета, во время Первой мировой войны жил и работал в Петрограде. В 1922 г. выслан из Советской России за границу. — Ред.

В гимназии ученье давалось очень легко. Особенно любила математику. Любила сама придумывать задачи.
(Записано М.В. <1925>)

О.А. Иванова — сестре Нине

Я теперь начала большие белые лилии. К Рождеству, может быть, кончу. Совсем некогда рисовать...

Н.А. Проферансова — сестрам

На днях нашла Олин рисунок: море, скалы и чайки. Повесила на стену. Он почему-то мне сейчас понравился, а прежде очень не нравился.

(НИОР РГБ)

М.А. Иванова

Очень общительная и веселая. Любит свою педагогическую работу. Много работала, как в городской, так и в сельской школе. Бессребреник. Всегда очень любила детей и страстно хотела иметь своего ребенка. В ее комнате еще задолго до того, как она взяла приемную дочь, уже красовалась чисто и красиво убранная пустая колыбелька. Обожала свою приемную дочь Катю⁵², хорошую девочку, впоследствии окончившую гимназию с золотой медалью.

(Записано М.В.)

О.А. Иванова — одной из сестер

...Нам будет всем очень весело. К 15 июня плотники обещают кончить дом. Вот тогда-то начнется самое веселье. Приедут Нина с Михаилом Павловичем, Соня со всем семейством; и кроме того Саша просит пригласить Колю и Сашу Голеновских. Будем все вместе праздновать новоселье.

Сестре Наталье

Скука, я тебе скажу, меня обуяла смертная. Хотя бы умереть в ту ж пору. Только и есть радости в жизни, что чтение. Ну что я за женщина! На что я нужна и кому! Замуж я не собираюсь. (Разве только в случае страстной любви с той и с другой стороны, что в наше время бывает только в исторических романах.) А иначе что же остается в жизни — заниматься всю жизнь уроками и под старость остаться без угла и куска хлеба. Последнее еще ничего, кабы было к этому призвание и охота, но ее-то и нет. Необходимо надо выигрывать 200 000. Тогда все эти жизненные загвоздки побоку. Купили бы мы с тобой деревеньку да поживали бы помаленьку. Смотрели ли вы последние выигрыши? Взяла бы я себе какую-нибудь новорожденную девчонку да и воспитывала бы ее. Вот это мне вполне по сердцу.

⁵² Иванова-Пелевина Екатерина Никифоровна. — Ред.

Сестре Нине

Вообще я так скверно чувствую себя нравственно, что и сказать не могу. Жизнь кажется такой бессцельной и никому не нужной, хоть пулю в лоб пускай. Что я за всю свою жизнь сделала и что еще могу сделать? Ну, положим, доживу я до старости. Буду одинокой старушонкой; некому даже накормить будет: так и сдохнешь как собака. Ведь тогда уже не хватит духу покончить свое существование.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 13. Ед. хр. 3)

Т.Г. Бирюкова

...<После 1917 г.> Ольга Александровна была учительницей в сельской школе в Черемошне, жила там же и учила деревенских ребятишек.

(Даровое – усадьба Достоевских. С. 48)

В.И. Михневич – Г.Ф. Коган

24.X.1966. Коломна

Она была очень энергичной, по вопросу организации школы в Черемошне даже ездила к Н.К. Крупской. После смерти старшей сестры Марии Александровны Ольга Александровна переселилась к нам в Коломну...

(Коломенский альманах. Вып. 5. Коломна, 2001. С. 336)

426. Иванов Владимир Александрович⁵³

407 / 36

(30.III.1865, [Москва — 1930, Томск])⁵⁴. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию (1884), 3-е Московское военное Александровское училище по первому разряду юнкером (1886). Служил в 88-м Петровском полку, выйдя в отставку поручиком. В браке с 4 мая 1892 г.]

Со всеми Ивановыми был в ссоре и в течение 20 лет, до 1914 г., о нем никаких сведений не было. [С 1895 г. жил в Сибири (Томск, Барнаул, Петропавловск, Сад⁵⁵, вновь Томск); служил в тюрьме, в полиции, на железной дороге], работал частным поверенным. В 1917 г. был разбит параличом [и демобилизован по инвалидности. В 1925 г. перешел на социальное обеспечение как инвалид войны, пенсионер.]

Вл. А. Иванов — матери

22.X.1882

Милая мамаша! В первых строках моего к Вам письма уведомляю Вас, что я достиг того, что я так долго желал: я первый ученик. Баллы мои следующие <...> Наверно, это письмо сильно Вас обрадует.

(НИОР РГБ)

⁵³ Подробнее о нем и его семье – в кн.: *Родственники Достоевского в Томске.* – Ред.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 815. Оп. 29. Д. 130. – Ред.

⁵⁵ Город в 5 км от станции Кузнецк, ныне – один из районов Новокузнецка (*Родственники Достоевского в Томске.* С. 69). – Ред.

М.В. Волоцкой

Владимир Александрович поссорился со всеми родными из-за наследственных прав на Даровое и Черемошню. В семье Ивановых братья отказались от своих наследственных прав на эти имения в пользу сестер, так как считали, что они имеют гораздо большие возможности самостоятельно добывать средства к жизни. Владимиру Александровичу в то время, когда он вместе с братьями подписывал это условие, было, как самому младшему, только 19 лет. Позднее он изменил свое решение и заявил, что его обманули, пользуясь его неопытностью в делах и молодостью. В результате он лет на 15–20 совершенно порвал всякие родственные связи. Затем он опять изменил свое отношение к семье и выразил желание помириться с родными. В это время он написал несколько покаянных писем к своему брату Алексею, но тот, несмотря на всю свою мягкость, на этот раз почему-то не пошел на примирение. Этот поступок Алексея Александровича так и остался совершенно непонятным для его детей Юрия и Елены, со слов которых и передается весь этот семейный инцидент.

Н.Н. Спивак⁵⁶

Как я слышала от мамы, Вера Михайловна Иванова считала, что ее сыновья, получившие очень приличное по тем временам образование, должны отказаться от своих прав на родовое имение в Даровом в пользу сестер, которым все же надо было выходить замуж хоть с каким-нибудь приданым. Все сыновья выполнили желание матери, но только Владимир Александрович – с большой обидой и неудовольствием, что и послужило причиной для столь длительного разрыва отношений. Между прочим, опять же со слов мамы, моему деду – Алексею Александровичу этот отказ тоже дался нелегко, и он уже никогда не бывал в Даровом, не желая бередить старые раны.

*(Записано Н.Б.)*Вл. А. Иванов – А.Г. Достоевской⁵⁷

20.I.1902. г. Колывань Томской губернии

...Нужда меня заставила вновь побеспокоить Вас, дорогая тетя. В ответ на первую мою просьбу Вы выслали мне образ Спасителя и письменно благословили меня им на предстоящий брак, в котором я счастливо живу по настоящее время. Просьба моя небольшая и для Вас, дорогая тетя, очень легкая, но для меня она составляет вопрос жизни и вопрос счастья всей моей семьи, состоящей из жены и 8-летней дочери Инны. Но начну сначала, т.е. с того времени, как я получил от Вас образ Спасителя.

Женился я в г. Новгороде в 1892 году и для женитьбы, за неимением реверса, принужден был выйти в запас армии. <...> был в полной уверенности в том, что скоро буду принят <обратно>. Проходит достаточно времени, и вот наконец я получаю из Главного штаба извещение о том, что я двоеженец и что вследствие этого хода моему ходатайству дано быть не может впредь до разъяснения. Жить нужно, а денег нет. Обращаюсь с просьбою дать мне место на жел<езной> дороге к брату Виктору. Просьба уважена. Получаю назначение

⁵⁶ Спивак Надежда Натановна (род. 1937) – внучатая племянница Вл. А. Иванова, дочь Лидии Алексеевны Ивановой, по мужу Спивак (№ 459). – *Ред.*

⁵⁷ Вложение в письмо А.А. Достоевскому (№ 380), близко общавшемуся с Анной Григорьевной. – *Ред.*

Владимир Александрович Иванов с женой, дочерью Инной (№ 462)
и сыновьями Александром (№ 465, слева) и Кириллом (№ 467)

конторщиком на ст. Крыловскую Владикавказской железной дороги. Сильная холера в Кубанской области и моя болезнь заставляют меня бросить службу. Еду в деревню в с. Даровое Каширского уезда. Через четыре месяца по ходатайству моему назначаюсь помощником начальника станции Давлеканово Самаро-Златоустовской железной дороги. В это время получаю извещение из Главного штаба, что вопрос о двоеженстве разрешился: оказалось, что вторая жена в мой послужной список внесена по ошибке писаря в управлении ростовского воинского начальника, где я числился на учете. До полу-

чения этого извещения я обратился с просьбою об поступлении на государственную службу к генералу Бобрикову⁵⁸. Просьба уважена. Меня назначают старшим помощником начальника Томской центральной пересыльной тюрьмы. Это было 15 сентября 1895 года. 14 февраля 1896 года меня командировали к исправлению должности начальника Томского исправительного арестантского отделения, в которой я служил по 10 мая 1901 года. Службу <...> оставил по собственному желанию вследствие двух причин: 1) по болезни и 2) по недостаточности содержания. По оставлении службы по тюремному ведомству я назначен томским губернатором кн. Вяземским⁵⁹ на должность пристава 1 стана Томского уезда, в каковой должности и состою по настоящее время, получаю 1200 руб. в год.

Проходя все эти рода службы, я все время старался поступить в Управление Алтайского горного округа. <...> Настоящая служба меня, как человека безусловно честного, сильно тяготит. Принимая это место, я никак не предполагал, что полицейская служба так грязна, как в этом мне пришлось убедиться. С другой стороны, дочери моей Инне теперь уже девятый год, и пришло время отправить ее в гимназию. Назначение меня в г. Барнаул в Управление Алтайского горного округа в канцелярию или топографом как раз удовлетворяет и тому, и другому условиям. Но попасть на эту службу весьма трудно, и поступление возможно лишь по ходатайствам уважаемых в Петербурге лиц пред лицами, занимающими высокие посты в Петербурге. Никого, дорогая тетя, кроме Вас, я в Петербурге не имею⁶⁰, а Ваше, тетя, ходатайство за меня уважено будет, в этом я даже не могу и сомневаться. Вы возвращаетесь, дорогая тетя, в высшем свете, и то, что для постороннего человека является делом недостижимым, для Вас, тетя, дело легкое.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 71–74)

О.А. Иванова — одной из сестер
<1914>

Володя нашелся. Гимназия Фишер получила запрос на печатном бланке: «Не может ли гимназия сообщить адрес учительницы музыки М.А. Ивановой, которая преподавала в 1882 г. Частный поверенный В.А. Иванов. Барнаул». Маша забила тревогу, испугалась, как бы он не выкинул какого-нибудь фокуса. Не понимаю, чего она боится. Володя совсем не такой вредный человек, как она воображает. Она бы лучше припомнила, учинил ли он кому-нибудь обиду за все время своего детства и юности.

Вл. А. Иванов — сестре Ольге
9.IV.1914. Барнаул

Дорогая сестра Оля!.. Прочтя твое искреннее и теплое письмо, я был поражен сохранившейся у тебя теплотой родственного отношения ко мне. Признаюсь откровенно, что я не ожидал от тебя такого сердечного ко мне отношения, ибо,

⁵⁸ Бобриков Николай Иванович (1839–1904) – генерал, государственный деятель. Начальник штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа (1884), генерал-губернатор Финляндии (1898). – *Ред.*

⁵⁹ Вяземский Сергей Александрович (1844–1923) – князь, действительный статский советник; губернатор Томска в 1900–1903 гг. – *Ред.*

⁶⁰ Тем не менее в то время в городе жили семейства Рыкачевых, Лениных, А.А. Достоевский, Манассеины, потомки А.М. Голеновской, мать и дочь Савостьяновы. – *Ред.*

порвав с семьею нашею всякие сношения, я был крепко убежден в том, что я в семье нашей не пользуюсь никаким сочувствием и что, даже наоборот, вся наша семья относится ко мне враждебно. Этим убеждением я живу уже свыше 20 лет и едва ли его изменю. В отношении тебя, Оля, оценив сердцем искренность и теплоту твоего письма, убеждение свое я резко меняю и открыто признаю, что, считая тебя враждебно настроенной против меня, я жестоко ошибался. И с этого момента я как брат твой должен с великою радостью заявить тебе, что сердце мое открыто для тебя. Не буду вспоминать, а тем более писать о том, что послужило причиною моего 20-летнего молчания. Ты, Оля, как безмолвная свидетельница ломки моей жизни в 1891—1893 годы, быть может, и догадываешься об этих причинах. Эти годы были для меня слишком тяжелы. Упорное 20-летнее молчание мое говорит за то, что эти годы являются для меня незажившими ранами... Не знаю, может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что Маша усмотрела в письме моем какой-то подвох. Не думает ли она, что я рассчитываю устроить Нину у нее на квартире? Не думает ли она, что и оплата ее содержания в Москве ляжет тоже на нее? Очень сожалею, что написал ей о том, что Нина поедет в Москву. Лучше бы не писать! Ну! да дальнейшее разъяснит ее молчание. Авось я и ошибаюсь! Леля, узнав о месте жительства моего, прислал мне две визитных своих карточки, написав на них только лишь свой адрес. Эти две карточки, без единого живого слова на них, даже без очень бы подходящих слов «Христос воскрес» заставили меня вдаться в обсуждение их значения. И знаешь, Оля! Я пришел к заключению, что брат Алексей, знавший меня лишь со слов Виктора и Александра, которые все время имели обо мне ложное суждение и видели во мне какого-то неудачника и отщепенца, на правах родового старшинства соизволил указанием своего адреса дать мне право написать ему. Остановившись на этом взгляде, я высказал ему это в ответном письме, дав ему понять, что вопрос о родовом старшинстве, сглаженный нашими летами, потерял свое значение и, что если он смотрит на меня глазами Вити или покойного Александра, то откровенности от меня не дождется. Очень сожалею, что не поставил ему на вид тебя по твоим теплым письмам! Все-таки думаю, что брат Алексей будет обижен моим письмом и не вступит со мной в переписку. Ну! Это его дело! Приходится только сожалеть о ложно сложившемся взгляде его на меня⁶¹.

(НИОР РГБ)

Судя по многим письмам Владимира Александровича, у него была ярко выражена одна характерная черта, в той или иной форме, но довольно часто встречающаяся среди представителей рода Достоевских, а именно склонность к подробностям. В качестве примера приведем несколько отрывков из его письма, касающегося экзамена на частного поверенного.

⁶¹ Визитные карточки без всякой приписки Алексей Александрович Иванов посылал не только младшему брату. По крайней мере, старший из братьев Ивановых, Александр, пишет в одном из своих писем (к сестре Ольге от 28 декабря 1898 г.): «Вчера получил по почте визитную карточку от Алексея. И хоть бы слово приписал!» Вряд ли, однако, подобного рода отправки делались с каким-либо обидным задним умыслом, как это предполагает Владимир Александрович. – М.В.

Вл. А. Иванов — сестре Ольге
Лето 1914

На служебной почве я очень близко сошелся с мировыми судьями М.М. Красноложским и В.М. Герцманом. С первым из них был знаком и домами. Оба они посоветовали мне держать экзамен на частного поверенного при Томском окружном суде, обещая мне свое содействие и обнадеживая меня в успехе. Оба они дали мне на имя председателя Томского окружного суда блистательные рекомендации, касаясь главным образом тех сторон, которые должны быть присущими адвокату. Этих двух писем вполне было достаточно для того, чтобы Окружной суд допустил меня до экзамена на частного поверенного. Но этого было еще мало, так как допущение до экзамена, как одна только формальность, ничего еще не предreshало. Нужно было обеспечить успех предстоявшего мне экзамена. Успех этот, с одной стороны, до некоторой степени мог бы быть обеспеченным точным знанием всех законов, а их столько, сколько звезд на небе, не говоря уже о решениях Сената, которые являются теми же законами и которых на каждую статью законов в среднем приходится от 1 до 10. Втиснуть такую массу сведений за два месяца в свою голову я не мог, а потому и сознавал, что успех всецело зависит от слепого счастья, с одной стороны, а с другой и главным образом — от протекции и поддержки со стороны. Обсудив все это, я решил, что мне безусловно необходимо обеспечить себя и с этой последней стороны. Случай мне благоприятствовал. Родная сестра <моей жены> Маруси Софья Васильевна, приезжавшая из Новгорода в Томск в 1898 году, здесь в Томске нашла свое счастье в лице делопроизводителя Томского горного управления Митрофана Ильича Изосимова, за которого в 1901 году и вышла замуж. Семья Изосимовых, отец которых был уважаемым протоиереем в г. Томске, находилась в близком родстве с бывшим в то время председателем Омской судебной палаты А.А. Кобылинским. Вот к этому-то последнему, через родного брата М.И. Изосимова — Иннокентия Ильича Изосимова, служащего в настоящее время нотариусом в Ново-Николаевске, я и обратился с просьбою о пропуске меня в частные поверенные. А.А. Кобылинский, ныне покойный, будучи еще до экзамена моего в г. Томске, обещал свое содействие⁶²... <Далее идет описание подготовки к экзамену и, наконец, самого испытания.> На экзамен явился очень спокойным, сознавая свои знания достаточными. Экзаменаторов было 18 человек. Войдя в экзаменационный зал и видя перед собою весь этот трибунал, я сильно оробел и сразу упал духом. Первым мне задал вопрос председатель суда о компетенции мировых судей по делам гражданским и уголовным. Ответил блестяще. Затем начали предлагать поочередно члены суда и прокурорский надзор. Всего было предложено 24 вопроса. На 20 ответил хорошо, на три с помощью Герцмана, вытатившего, как говорится, меня за уши, а на последнем вопросе о сроках по уголовным делам, предложенном прокурором, с треском провалился. По удалении

⁶² Необычайная детальность изложения может произвести впечатление, что описываемые события совсем недавно пережиты автором письма. На самом же деле Владимир Александрович пишет о том, что происходило уже восемь лет тому назад (в 1906 г.), так что некоторые из действующих лиц успели за это время умереть. — М.В.

меня из экзаменационного зала началось совещание экзаменаторов. Прокурор настаивал на переэкзаменовке. Так как ввиду этого единогласие было нарушено, то общее собрание членов суда объявило мне, что я должен держать переэкзаменовку... <Далее идет описание переэкзаменовки, которая была успешно выдержана.>

(НИОР РГБ)

М.В. Иванова — О.А. Ивановой
IV.1914

...Вы пишете, что страшно любите детей, должно быть, это у Вас родовое, так как Володя тоже до болезненности любит своих всех ребят, кажется, я никогда не видела и не увижу, что отцы так занимались своими ребятами.

Ю.А. Ивановой
11.IV.1915

Володя назначен в дружину, которая уже была в бою, <а теперь на переформировании,> и у него все время занято, так что он почти дома не бывает. Теперь еще <учебная> стрельба началась, и еще более работы, но он чувствует себя хорошо, и командир считает его первым офицером в дружине по исправности и делу.

(НИОР РГБ)

И.В. Иванова — О.А. Ивановой
20.VI <1915>. Барнаул

Папа думает, что его возьмут в дружину, 1-го августа выяснится, до каких лет будут брать: до 50 или меньше. Он ничего не имеет против воен<ной> службы, так как материально она выгодна.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 77. Л. 2)

427. [Шульц], по мужу Иванова Мария Васильевна [Вильгельмовна]
[(26.I.1869 — 1948, Томск). Жена предыдущего с 4 мая 1892 г.]

М.В. Иванова — О.А. Ивановой
IV.1914

Я часто вспоминаю жизнь в Даровом после нашей свадьбы, как сейчас все помню, какие чудные ландыши были у Вас и какая масса; здесь же их совсем нет, и как ни стараюсь я разводить, ничего не выходит, и какой-нибудь стебелек один расцветет и все, а это цветок мой самый любимый. Нам приходилось лет восемь подряд жить на даче около Барнаула, но разве может наш климат сравниться с Вашим. Не успеешь устроиться как следует на даче, как пойдут ночи холодные и сырые, и какие-нибудь месяца два — и вот лето кончается, а жду я его всегда ужасно, зиму же просто ненавижу.

Теперешняя служба Володи заставляет меня с Ниной зимою ночами не спать; отправишь его в дорогу, а потом и не спишь, все думаешь, как бы не замерз, как бы выюга не занесла, и чего только не лезет в голову. Ведь поездки громадные. Бывает, что в раз до 1000 верст сделать придется, останавливаясь на ночь только, а 300 и 400 верст — это уж пустяками кажутся.

Каких только неприятных казусов не бывает в дороге — то в полынью чуть не заедут, то с дороги собьются, то бураны, то с хулиганами встретиться придется, — и, кажется, редкая поездка проходит без приключений. Мы же с Ниной обе очень нервные, и потому нам очень тяжела бывает всякая поездка Володи.
(НИОР РГБ)

Н.А. Воробьева

<Инна Владимировна Иванова> жила с мамой в полуподвале на одной из окраинных улиц города, недалеко от Лагерного сада. Кругом чистота, порядок, а мама — такая чистенькая, приветливая старушка — угощала пирожками.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 40)

428. Иванова Наталья Александровна

407 / 36

(6.V.1867 — V.1923). Глазной врач, преимущественно глазной хирург. [С детства имела ревматический порок сердца. Умерла от сердечной недостаточности.]

М.А. Иванова

Ничего женского в ее характере не было. Отличалась твердостью, настойчивостью и бесстрашием. Любила с револьвером и собакой объезжать леса, охраняя их от порубок. Своевольная и капризная.

Имела хороший музыкальный слух. Много пела. Любила лошадей и верховую езду. Была крепкого, широкого телосложения.

(Записано М.В.)

Нат. А. Иванова — Е.Н. Ивановой, приемной дочери сестры Ольги

Ты спрашиваешь, что я читаю? Во-первых, я выписываю «Русское богатство», затем получаю «Всеобщую газету» с бесчисленными приложениями. Затем купила один сборник «Знания», да закаялась, больше покупать не буду, так как не выношу современных писателей во главе с Горьким. В моем сборнике «Лето» Горького. Читала, читала я это «Лето», всю зиму читала и все-таки не могла докончить, думаю кончать летом. Писал, писал он вилами по воде, аж тошно, когда читаешь. Произведения остальных писак я так и не решилась прочесть⁶³. Выписываю для больницы медицинский журнал «Русский врач» и «Фельдшер». Думаю еще выписать для себя «Вестник офтальмологии» и «Новое в медицине». Кроме того, приходится читать медицинские книги, так как за эти годы, что занималась одними глазами, многое забыла по другим специальностям.

(НИОР РГБ)

Е.А. Иванова

Про тетю Наташу папа рассказывал, что в детстве она была отчаянная. Ее любимым развлечением было объезжать верхом лошадей. Она была потом вра-

⁶³ Ср. с литературными вкусами Алексея Александровича Иванова (№ 423, с. 722). — М.В.

чом, как говорят, очень хорошим хирургом по глазным болезням. У нее была удивительная твердость руки и громадная выдержка... По временам она была страшно непоседлива. Она никогда не могла долго ужиться на одном месте и вечно переезжала из города в город, так что мы ее часто теряли из вида.

В ней совсем не было той мягкости, которая была так характерна для ее сестер. Скорей в ней было что-то мужское.

(Письменные характеристики. М.В.)

Марина Макарова,
крестьянка из с. Дарового

Когда Наталья Александровна жила в Даровой, то очень часто объезжала свой лесок, так как постоянно беспокоилась подозрениями, не воруют ли у нее крестьяне деревья. Не боялась объезжать лесок даже ночью, и если действительно накрывала порубщика, то, как говорится, давала волю рукам.

(Записано В.Н.)

Нат. А. Иванова — сестре Ольге

Купила себе, мало одной, две лошади, а ездить все не на чем. Одна очень молодая (3 года) и худа так, что отдала на поправку к одному знакомому татарину, бывшему главному пациенту. Другая лошадь и хороша, да горяча и пуглива до того, что боится даже кучки навоза на дороге. Когда поправится первая, вторую отдам на выучку, чтоб ничего не пугалась. Кроме лошадей, за которых заплатила за двух 170 руб., купила еще седло татарское за 30 руб. Теперь зато в долгу как в шелку.

(НИОР РГБ)

Стремление Натальи Александровны укрощать не только лошадей, но в некоторых случаях и людей иллюстрирует следующее письмо к сестре Ольге, написанное по поводу слишком, по ее мнению, снисходительного отношения Виктора Александровича Иванова к своей супруге: «Теперь же твое присутствие для Бори необходимо, пока эта полоумная не перебесилась. На месте Вити я выпорола бы ее хорошенько крапивой и отпустила бы на все четыре стороны в чем мать родила, пришла бы скоро с повинной и была бы как шелковая».

Нат. А. Иванова — сестре Марии

Неужели у тебя времени не найдется ответить мне. Ведь находишь ты время раскрашивать тарелочки. Я тебе лучше привезу тарелку из Питера, только ответь мне хотя на это письмо... У меня теперь новая прислуга, седьмая по счету, но, кажется, очень хорошая. По крайней мере, за ней масса достоинств: честна,

чистоплотна, работяща, ненавидит мужчин, любит животных, а главное, не любит много говорить. Не правда ли, сколько достоинств!
(НИОР РГБ)

По некоторым письмам заметны натянутые отношения Натальи Александровны со средним медицинским персоналом, особенно с фельдшерами, которые, по ее мнению, нуждаются в том, чтобы им «указывали их настоящее место», так как «попавши из грязи в князи, слишком много о себе воображают».

Марина Макарова

Сестры Ивановы, хозяйничавшие в своем имении, никак не могли ужиться вместе. Поэтому, хоть все именье-то их было очень маленькое и бедное, но каждая из сестер вела отдельное хозяйство и построила себе отдельный домик.
(Записано В.Н.)

Ю.А. Иванова — сестре Наталье

Милая Наташа, ни одно из твоих поручений я не могу исполнить. Прочтя твои поручения, я пришла к тому убеждению, что ты ума рехнулась. Если исполнить все твои поручения, то я должна бросить свой дом, хозяйство и переселиться в Даровое. Работники уже все понялись, и если и можно какого найти, то очень мудрено. И как же ты хочешь незнакомому человеку поручить весь дом и лошадей? А если он все из дома потаскает и лошадей сведет? И кто же будет на него стряпать? Не может же он жить и ничего не есть. Едва ли при таких условиях ты найдешь кого-нибудь. Ты пишешь, чтоб он делал два раза в день посыпку лошадям, если он будет пахать. Кто же будет выдавать муку и следить, чтоб мука шла на лошадей?

Нат. А. Иванова — сестре Юлии

Мое единственное желание теперь насчет Дарового, чтобы сгорела усадьба. Во-первых, я бы получила тысяч около двух денег и сторожа не держать...

Ну что за охота так беспокоиться. При всякой такой случайности всегда продавай что-нибудь из моего имущества. Все равно рано или поздно я все продам. Так лучше уж продавать, когда в чем нужда. Не надо принимать так к сердцу, надо ко всему относиться хладнокровнее.

Сестре Ольге

Плюнь ты на твое хозяйство, оно выеденного яйца не стоит. Неужели ты до сих пор не убедилась, что ни огород, ни птица, ни сад, даже пчелы не приносят и никогда не принесут ни малейшего дохода, что заработаем на стороне, то только и есть.

(НИОР РГБ)

Многие места писем Натальи Александровны красноречиво говорят о ее своеобразной непоседливости, а также иногда о крайней сумбурности ее планов на будущее.

Нат. А. Иванова — сестрам

Пока я замещаю уезжавшую в отпуск ассистентку по патологической гистологии и была ассистенткой у одного окулиста. Теперь еду в г. Зубцов Тверской губернии, на две недели замещать земского врача, а там поеду в глазной отряд в Закаспийскую область...

Что же тебя никуда не переводят? И я бы приехала тогда в тот же город. Я, может быть, поеду в Елизаветполь, то посмотрю, будет ли и для тебя там местечко. Напиши, согласна ли будешь переехать в Елизаветполь?.. Не метнуться ли в Пржевальск? Туда требуется городской врач на 2000 руб. без различия пола. Пржевальск был моей давнишней мечтой. А? Что ты на это скажешь?..

Может быть, я скоро получу назначение в Бакинскую губернию, где, по описаниям, зима очень хороша; растительность тропическая. Лето очень жаркое, а зима великолепна. Вот тогда и присылай <приемную дочь> Катю ко мне...

Узнай, пожалуйста, у Межениновых, есть ли в Севастополе женщины-врачи и сколько их, и есть ли окулисты. А может быть, я перееду в Новороссийск, еще сама не знаю, куда. Но Новороссийск, конечно, хуже, чем Севастополь, но там меньше врачей, а женщин-врачей так совсем, кажется, нет, а может быть, возьму место где-нибудь на юге. Есть место в Дагестанской области Шуринского округа. Думаю, не поехать ли туда. А? Что ты скажешь на это? Или в Карскую область, только там бывают морозы $33-35^{\circ} \text{R}^{64}$, что для меня нежелательно. От морозов-то я и бегу из Уфы...

Я все мечтаю о Ферганской области, особенно когда завернет мороз градусов в тридцать, а в комнатах $5\frac{1}{2}-8-12^{\circ}$. Думаю окончательно решиться ехать туда. По крайней мере, буду обеспечена в денежном отношении и в отношении тепла...

Однако и на юге оказываются обстоятельства, заставляющие Наталью Александровну метаться с места на место.

Думаю удрать отсюда куда-нибудь. Этим летом я замещаю врача в <нрзб.>, почти единственное место, где нет лихорадки, и только благодаря этому избежала ее. А теперь и не знаю, куда метнуться...

Живу я теперь у чорта на куличках, в такой дыре, что не приведи Бог. В Моразах куда лучше было, то есть в смысле природы, там хотя и голые, но горы и пригорки, а тут степь, хоть шаром покати, то до Каспия докатится. На севере возвышается снеговой хребет, да что в нем толку-то, удеру куда-нибудь вроде Моразов...

В Карабудахкелте я еще не была, но говорят, что это одно из лучших мест в Дагестанской области по местоположению и климату. Да я все еще гадаю, куда ехать, в Карабудахкелт или Новороссийск...

Милая Оля, я уже писала вам, что подала в отставку и теперь живу частной практикой в Геохчае. У меня были неприятности с начальством. Собственно, неприятностей даже не было, а все вышло из-за акушерки... Надо все-таки искать место. Буду искать опять на Кавказе, благо татарский язык я хорошо знаю и могу свободно объясняться без переводчика...

⁶⁴ Температура по шкале Реомюра, примерно равно $-41... -44^{\circ} \text{C}$. – Ред.

Скверная вещь частная практика, пока не разовьется. Зато тем хорошо, что ни от кого не зависишь. Щей горшок да сам большой. Переехала я на другую квартиру...

Жива-то я жива, только дела мои из рук вон плохи. От нечего делать учусь шить башмаки, сшила себе уже две пары. Первая пара совсем не впору. Длинные и узкие. Сшила механическим способом, то есть на металлических гвоздях, теперь буду учиться у сапожника выворотным и рантовым. Думаю заняться башмачным ремеслом, так как медицина не идет вперед. Да, я думаю, одно другому не мешает. Мне кажется, это даже прибыльно — открыть, например, школу башмачного мастерства. Вот погоди, я выучусь шить, то приеду к вам в Раненбург и открую школу, а ты мне тем временем учениц подыщи...

Послала заявления в Бессарабскую губернию и в Астрахань, и, конечно, ни на одно нет ответа. Хочу теперь подавать на Кавказ, а потом в Ферганскую область. На Кавказе, хотя денег меньше, но зато ближе к России...

Не знаю, что делать с собой. Уж очень надоело жить бобылем, не имея ни обстановки, ни стола, ни знакомых. В этом проклятом Кюрдмире даже квартиры нет, живу третий месяц в больнице в женской палате. Женской прислуги не держу, потому что для лошади нужен человек, а двоим платить очень дорого... Удовлетворения от службы никакого. Везде кляузы, сплетни и обман, так что подчас и задумываешься, стоит ли дальше жить... Хочу опять начать подавать прошения во все концы Южной России и Кавказа...

(НИОР РГБ)

429. Муж предыдущей

Наталья Александровна Иванова вышла замуж уже в немолодом возрасте, но вскоре лишилась своего мужа, который пропал без вести на фронте во время Первой мировой войны.

Поколение пятнадцатое

430. Хмырова, по мужу 409 / 408

Балабуха Наталия Дмитриевна
[(1877 — 9.III.1911, с. Красные Буйцы Тульской губернии). Окончила Женский медицинский институт в Петербурге, после чего, приехав в Красные Буйцы, работала там земским врачом.]

Умерла, заразившись сыпным тифом [по другим сведениям — дифтерией] во время работы на эпидемии.

Удостоверение № 77. 20.I.1907

Сим удостоверяю, что предъявительница сего Наталия Дмитриевна Хмырова, прослушав полный курс С.-Петербургского Женского Медицинского Института

Сестры Наталия (слева) и Софья Хмыровы

в Испытательной Комиссии при названном Институте в 1906 году, выдержала удовлетворительно все экзамены на звание лекаря.

(Архив С.Л. Балабуха)

Н.Д. Хмырова — Н.А. Проферансовой
18.XII.1908

Я продолжаю жить в Буйцах (адрес: Михайловское почтовое отделение, Тульской губернии), работы порядочно, привыкла, скучаю не особенно. В этом году у нас начнут строить больницу, чему я от души радуюсь... Я живу почти в полном одиночестве. По вечерам больные не приезжают и к себе не зовут, и с 5 до 11 часов (когда ложусь спать) сижу в полном одиночестве. Много читаю, выписываю три журнала общественных и два медицинских, шью и, в общем, привыкла к одиночеству и не особенно страдаю от него. Ездил недавно в Москву. Хотела было переходить на другое место, но когда здесь решили строить больницу, передумала и осталась... Теперь моя мечта — выбраться месяца на два в Петербург подучиться. Моя научная командировка еще не скоро, ехать же на свои деньги — нужно иметь их порядочный запас, и нелегко найти заместительницу. Так что во вторую половину этой зимы, вероятно, не придется.

7.XI.1909

Я живу очень однообразно и одиноко. С местным обществом: тремя попами, служащими экономии и учителями перестала поддерживать знакомство. Нет интересных и почти нет порядочных людей. Как мало их на свете и какая масса пошляков мелочных, глупых. Всю жизнь я была курсисткой и вращалась в студенческом обществе, и, собственно говоря, жила в мечтах, не зная ни жизни, ни людей. Эти два года были для меня сплошным уроком жизни, и, мне кажется, я многому научилась. По-прежнему отношусь к людям в высшей степени терпи-

мо, знаю, что каждый человек есть то, чем его сделала жизнь, но нет уже того интереса к жизни, надежды встретить что-нибудь интересное.

Без даты

С местным обществом чем больше знакоюсь, тем больше разочарываюсь. С ними можно подчас нескучно провести время, но как только коснешься каких-нибудь серьезных вопросов общих или по местным делам, то убеждаешься, что эти люди «к добру и злу постыдно равнодушны» (выражаясь высоким стилем).
(НИОР РГБ)

С.Л. Балабух, внук

Красные Буйцы – то есть Красивые, название селу было дано еще Петром I. Это имение графа Александра Олсуфьева⁶⁵, где тот построил больницу и школу для крестьян. Здесь бабушка и познакомилась с моим дедом, сыном управляющего имением, в ту пору – учащимся буйцевской школы. Брак дворянки с крестьянином (к тому же жених был на девять лет моложе) пришелся не по нраву ее родственникам, и общение с ними прервалось. Между тем, бабушка старалась развивать своего мужа, ей даже удалось подготовить его в Московский университет. Увы, деду не суждено было его окончить: во время эпидемии детской дифтерии бабушка, отсасывая пленки из горла задыхающих детей, заразилась сама и умерла, когда ее собственному ребенку – моему отцу – было всего несколько месяцев. Дед был вынужден бросить учебу. Заботу о его сыне, сначала как нянька, взяла на себя крестьянка из Ясной Поляны, служившая у Толстых. О беде, постигшей моего деда, она узнала от своей сестры, которая жила в Буйцах. По иронии судьбы ее тоже звали Наталья Дмитриевна. Много позже дед закрепил браком свои отношения с этой женщиной.

(Записано Н.Б.)

431. Балабуха Иван Федорович [1886 — после 1950] Муж предыдущей.

С.Л. Балабух

В 1922 г. мой дед, хотя и не был в числе активных «строителей новой жизни», возглавил объединенное крестьянское хозяйство, созданное в имении графа Олсуфьева. Однако в 1929-м ему пришлось уйти, поскольку его ненавидели и бывшие кулаки, и горлопаны из комитета бедноты. Уйдя из колхоза, дед многие годы руководил работой местного кирпичного завода. Собственно говоря, о своем родстве с Достоевскими я узнал именно от него. Отец вообще никогда не касался этой темы, хотя в нашем доме хранилась «Хроника рода Достоевского» и я прочитал ее еще в детстве.

(Записано Н.Б.)

432. Хмыров Лев Дмитриевич 409 / 408 [1878 — 3.XII.1946, Москва] Окончил Московский университет и Киевский политехникум. [Технолог пищевой промышленности.] Занимался сельским хозяйством, которое очень любил, и преподаванием.

Похоронен на Ваганьковском кладбище.

⁶⁵ Об этой династии и их усадьбе в Буйцах см.: Вздорнов Г. Юрий Александрович Олсуфьев // Вопросы искусствознания. 1993. № 4. С. 306; Из недавнего прошлого одной усадьбы // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 91. – Ред.

Д.Д. Хмыров

Обладает хорошими способностями; с близкими малообщителен — любит общество чужих.

(Письменные характеристики. М.В.)

Ю.А. Иванов

Энтузиаст труда, главным образом физического. Своего брата Дмитрия, когда тот приезжает к нему, заставляет наравне с собой выполнять различные сельскохозяйственные работы, например, пахать, косить и пр. Так же поступает и вообще со всеми своими близкими.

(Записано М.В.)

433. Левицкая, по мужу Хмырова Юлия Гавриловна

Первая жена предыдущего. Страдала тяжелым нервным расстройством. Покончила жизнь самоубийством.

434. Сергеева, по мужу Хмырова Александра Георгиевна

Вторая жена Л.Д. Хмырова.

435. Хмыров Дмитрий Дмитриевич (первый)

409 / 408

[1880 — ?] Умер младенцем.

436. Хмыров Дмитрий Дмитриевич (второй)

409 / 408

(3.I.1881 — [начало 1944]). С дипломом I степени окончил физико-математический факультет Московского университета (1904). Магистр физики (1908). Преподавал на Одесских высших женских курсах (1906—1920), в созданном на базе этих курсов химико-фармацевтическом институте (с 1921). Доцент (с 1910), проректор (1920) Императорского Новороссийского университета в Одессе; после реорганизации вуза был профессором его медицинского и физического подразделений (в последнем — и заместителем директора). С 1937 г. сотрудничал в Одесском институте инженеров связи.

Основные работы по кинетической теории газов и жидкостей, физической оптике. Большое внимание уделял преподаванию теоретических курсов физики и переводам учебной и научно-популярной литературы. Перевел с английского книгу будущего Нобелевского лауреата Дж.П. Томсона «Атом» (1932), с немецкого «Курс опытной физики» Э. Варбурга (1936, книга переиздавалась более 20 раз), «Краткое руководство к практическим занятиям по физике» (в соавторстве)].

Д.Д. Хмыров

Много занимался переводами научных книг. Имею страсть к коллекционерству.

(Письменные характеристики. М.В.)

М.А. Иванова

Во многих отношениях братья Лев и Дмитрий Хмыровы очень непохожи друг на друга. В отличие от Льва Дмитрий и не любит тяжелого физического труда, и не приспособлен к нему; вообще он совсем не практик — знает и любит только свою математику. Даже в отдельных мелочах то и дело сказывается коренное различие характеров обоих братьев. Например, если Дмитрий даже в деревне ходит в крахмальном белье, то Лев предпочитает всегда ходить в русской косоворотке и вообще не любит одеваться.

(Записано М.В.)

М.В. Волоцкой

По описаниям его учеников Дмитрий Дмитриевич рисуется как человек замкнутый, очень скупой на слова, со взором по большей части опущенным долу. При разговоре не смотрит на собеседника. Голову обычно держит наклоненной несколько вниз и вбок. В манере держать себя и во внешности чувствуется какая-то внутренняя напряженность.

437. Бертман, по мужу Хмырова Елена Стефановна

Жена предыдущего с 1920 г.

438. Хмырова, по мужу Михневич Софья Дмитриевна

409 / 408

[(1883, Рославль — 26.XII.1960, Коломна). Земский врач в Переславле-Залесском, с 1925 г. — врач железнодорожной больницы подмосковной станции Голутвин.]

М.А. Иванова

Очень добрая, бессребреница.

О.А. Иванова

Веселая, общительная.

(Записано М.В.)

439. Михневич Иван Михайлович

[1879, дер. Дарливое Чериковского уезда Могилевской губернии — 1949, Коломна]. Муж предыдущей. [Заведующий терапевтическим отделением Коломенской центральной районной больницы.]

440. Иванова Степанида Александровна

412 / 414?

<Не ранее 1888 — ?>

441. Иванов Павел Александрович

412 / 414?

442. Иванов Борис Викторович 417 / 418
(1891 — 1921, [Махачкала]). Покончил жизнь самоубийством.

В.М. Иванова — дочери Нине

Недавно получила я письмо от Марфы Ивановны⁶⁶. Она описала мне в лицах: любовь, дружбу и разговор отца с сыном, то есть Вити с Борей, и описала так хорошо, что живо можно себе представить всю картину: Витю, лежащего на диване, и Борю, стоящего около него на том же диване, и весь разговор их.

В.А. Иванов — матери

По вечерам я и Боба рассказываем друг другу сказки по очереди.

О.А. Иванова — матери

Витя вечно охает и стонет или злится. А Марфуша старается мне как-нибудь досадить. Теперь оказывается, что все дурное в Бобе — все от нас с Витей, и без зазрения совести при всех разблагоещивается.

Сестре Юлии

Марфа окончательно искалечит Бобу и нравственно, и физически. До того развинутила ему нервы, что у него начались какие-то нервные подергивания лица и глаз.

В.А. Иванов — сестре Юлии
31.VII.1902

Боба очень вырос и заикается сравнительно мало.

(НИОР РГБ)

Е.А. Иванова

Судя по всему, что я о нем слышала, в нем мы с сестрой Натой чувствовали что-то свое, родное, ивановское. Мне кажется, он многими чертами был сходен со мной — например, та же мгновенность отреагирования и нетерпенье внешних сдержек. Я знаю, что если я не захочу чего-либо сделать, то никакие силы на свете меня не заставят. Натворю невозможных глупостей, но все-таки не поддамся. Таков же был и он. Он из-за неподчинения внешнему порядку нигде не мог кончить гимназию. Помню, как-то дядя Витя его отдал в какой-то дорогой московский

⁶⁶ Матери Бориса Иванова (№ 418). — М.В.

пансион, но Борис скоро ушел оттуда и уехал домой на Кавказ. «Я дома один на кабана хожу, а здесь меня в паре с благовоспитанными мальчиками под надзором воспитателя по Москве водят», — смеялся он. Так он и не кончил курса, хотя был очень развитым, глубоко интеллигентным человеком... У него на Кавказе был свой виноградник (приобретенный его отцом), которым он тщательно занимался, и это ему давало тысячи четыре в год... Когда моей старшей сестре <Вере> было лет 16, а Боре около 19, у них завязалась дружба и оживленная переписка — но через полгода они поссорились и переписку бросили. Помню только, что все у них вышло из-за Шопенгауера и женского вопроса, над чем у нас долго подтрунивали. Борис писал стихи и очень много читал.

Л.А. Спивак

Борис был кокаинист и морфинист, азартно играл в карты и, по выражению его <названной> сестры, был невозможный человек. Он гонялся за ней и за отцом по комнате с револьвером. Наконец покончил самоубийством.
(Письменные характеристики. М.В.)

М.А. Иванова

Кроме сына Бориса В.А. Иванов имел еще дочь Елену, которую нашел подкинутой в белье в корзине и удочерил⁶⁷. Уже после смерти В.А. Иванова она вышла замуж. По мужу носит фамилию Кастальской.
(Записано М.В.)

443. Проферансов Владимир Михайлович

421 / 420

Умер на четвертом месяце жизни от преждевременного прорезывания сразу нескольких зубов.

444. Иванов Юрий Алексеевич

423 / 424

(13.IV.1892, [г. Нежин Черниговской губернии — после 1958). Окончил мужскую гимназию № 1 г. Житомира (1912), историко-филологический факультет Казанского университета (XII.1917).] Историк, университетский преподаватель.

А.А. Иванов — матери

Юрочка такой милый мальчик, что просто на редкость. Начинает говорить фразы и ходить. Он, не видя людей, только очень дикий и вначале всех пугается.

Н.А. Иванова — свекрови

8.VI.1896

Юрка страшный шалун, сладу нет, так и выдумывает, что бы нибудь испортить, недавно я кроила себе капот, вышла на минуту, возвращаясь, от одного бока только клочки валяются. Вид у него прекрасный, розовый, толстяк, так что ему все дают больше четырех лет.

(НИОР РГБ)

⁶⁷ Некоторое внешнее сходство позволяет предположить, что Елена все-таки кровная дочь. Этому соотвечает и семейное предание, сохраненное потомками Лидии Алексеевны Спивак (№ 459). — Н.Б.

Е.Ю. Агаркова

Я слышала от теток, что они ходили к какой-то ясновидящей погадать на отца. Будто бы та им сказала, что это будет или великий человек, или большой злодей. Кажется, ни одно из этих пророчеств не сбылось.

(Записано Н.Б.)

Ю.А. Иванов – Е.А. Мазор
12.IX.1911

С гимназией я теперь мирюсь или, вернее, стараюсь ее не замечать вовсе. Зато читаю очень много; к несчастью, не могу специализироваться ни на чем определенном и без разбора проглатываю Костомарова⁶⁸ и А. Франса и перечитываю Фета, <нрзб.> и Э. Ренана⁶⁹. Кроме того, мне удалось окончательно обработать первую тетрадь моих стихов (с февраля 1909 по июль 1911). Там всего 20 стихотворений, но втрое больше я за этот срок уничтожил... Зато некоторые из них перерабатывались по 15–20 раз и только одно меньше 8 (8 переработок для меня норма). Но и из этих 20 только 8 я считаю вполне удовлетворительными, а 12 я вписал в тетрадь под рубрикой «ранние и неудачные стихотворения». <...> Эпиграфов в этой тетради чуть ли не больше, чем стихотворений, и ими (т.е. эпиграфами) я могу гордиться во всяком случае.

18.XI.1911

Еще недавно у меня были религиозные убеждения (для полосы 1908–1912 гг. это характерная особенность), они у меня выразились в сильном тяготении к католицизму; под влиянием философии Вл. Соловьева я заинтересовался католицизмом, а потом сильно увлекся им. <...> Я окончательно решил перейти в католицизм по окончании гимназии... У меня была такая полоса, когда я не мог читать даже Евангелие по-русски, а купил себе латинское (по иронии судьбы мне попалось протестантское). Но от католицизма спасла меня судьба, не знаю, к счастью или к несчастью, я разочаровался в нем под влиянием внешних причин. С разочарованием в католицизме пришло и разочарование в религии вообще. Теперь мой символ веры «Молчание» де Виньи. <...> Вместе с тем, произошло гораздо худшее... Любовь моя кончилась нелепым трагикомическим эпизодом, который мне совестно передавать, потому что я виноват там по крайней мере <наполовину>. <...> Я ответил тем, что напечатал «Мою любовь» в «Волыни» <...>, это было красиво, но мне от этого не легче.

⁶⁸ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) – украинский и русский историк, этнограф, писатель, критик. Профессор Киевского, затем Петербургского университетов. Автор в т.ч. «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». – Ред.

⁶⁹ Ренан (Renan) Жозеф-Эрнест (1823–1892) – французский писатель, историк, филолог-востоковед. Автор исследования «Сравнительная история семитических языков» (1855), переводов библейских текстов с комментариями, восьмитомной «Истории происхождения христианства» (русский перевод – 1864–1907), пятитомной «Истории израильского народа» (русский перевод – 1908–1912). Критикуя Библию, изображал Христа не божеством, а идеализированным человеком. – Ред.

29.I.1912

Послал в «Волынь» небольшую поэму «Искатели» (написанную месяца 2 1/2 назад). Над ней я довольно много работал, старательно ее подчистил и, так как она была слишком символистична, получил ответ, что там «пустозвонный стих безо всякого содержания». Этот ответ был для меня полной неожиданностью... <...> Неудачи у меня были и прежде; года полтора-два назад меня нигде не хотели печатать (и по заслугам), и прежде чем моя «Любовь» появилась в «Волыни», четыре других стихотворения были там забракованы. Про «Вестник Европы» Вы уже знаете... Порою эти неудачи приводили меня прямо в отчаяние, но теперь, когда число моих дебютов в печати хоть и медленно, но все же возрастает, я уже не так считаюсь с этими неудачами, тем более что у меня бывали случаи, когда стихотворения, забракованные в одной редакции, попадали в другую и печатались там (так было с «К морю», «Любовь», Камеи, «Вечер в степи», который посвящен Грише <Владимирскому>, и еще с двумя другими). Интересно, что «Искатели» (как передавал мне Илюша) сначала попали в пробный номер и только потом были изъяты оттуда.

21.VI.1912

Литературные дела у меня тоже шли удовлетворительно: я напечатал все, что можно было напечатать. <...> Теперь я много думаю о своем будущем. Я долго не мог решить, куда идти; я убежден, что мое призвание история, но необходимость быть педагогом при теперешних порядках меня прямо пугала; доходило до того, что у меня являлась идея поступить в Николаевский юридический лицей (в Москве), но теперь я окончательно решил, что пойду туда, куда меня зовет призвание.

(ОР ГЛМ. Ф. 254 «И». Лл. 1–2, 4–5, 9–10, 12)

Л.А. Спивак

Когда после Житомира мы перебрались в Рязань, брат Юрий уехал учиться в Казанский университет. Поэтому вместе вся семья могла собираться только за праздничным пасхальным столом. Боясь дурных предзнаменований, мама очень следила, чтобы к 12 часам ночи все сидели с полными тарелками еды. Однако сколько она не подкладывала Юрию, его тарелка всегда оставалась пустой.

Е.Ю. Агаркова

Отец был удивительно похож на Достоевского. Отличался только лоб: у отца он был четырехугольный с выступающим бугром по центру и большими, увеличивающимися с возрастом залысинами. Волосы над лбом располагались козырьком. Все остальное – глаза, нос, щеки, губы, весь контур лица – как у нашего знаменитого родственника.

Во время прогулок со мной отец все время читал стихи, как свои, так и чужие. Больше всего любил Брюсова, Гумилева, Жерара де Нерваля. У него был хороший вкус. Стихи читал в своем особом ритме – удивительно проникновенно и музыкально. В остальное время говорил какой-то скороговоркой.

Еще одна особенность отца – манера корчить рожи. Делал он это уморительно – и не только передо мною, ребенком, но даже и перед вполне солидными людьми. Видимо, у него вообще был большой интерес к людям, к их лицам. Обычно он сравнивал какого-либо человека с тем или иным животным, мог прямо на улице провести параллель между коровой и случайно встреченной соседкой. Как-то раз в зоопарке, взглянув на верблюда, ска-

зал: «Смотри – мама!» Вообще говоря, моя мама была очень красива и совершенно не верблюдьих форм, но в выражении грусти, даже скорби ее лица и морды этого животного действительно было что-то общее.

(Записано Н.Б.)

Большая часть стихов Ю.А. Иванова публиковалась под именем Юрий Дьяков; автор взял для этого псевдонима девичью фамилию своей матери.

Христос и Будда⁷⁰

Был в Индостане светлый май.
Вдали волнистой полосой
Тянулись цепи Гималай,
И Ганг бежал волной живою.

И лотос царственный белел
В священных водах Индостана,
И только на землю слетел
Волнистый занавес тумана.

Темнели джунгли сквозь туман,
Земля в тот час еще дремала,
И всюду, словно кровь из ран,
Роса на листьях выступала.

И первый луч позолотил
Царей роскошные чертоги
И своды пагод озарил,
Где спали бронзовые боги.

Росинки, словно капли слез,
Сверкали, и земля дремала.
И в этот час сошел Христос
На землю сонного Непала.

Он молча смотрит... Перед ним
Сквозь джунгли пагода сияет,
Вдали клубится белый дым,
Земля в моление утопает.

Он входит в пагоду... и вот
Громадный Будда в мраке храма
Пред ним неожиданно восстает
В туманных волнах фимиама.

---

⁷⁰ Впервые опубликовано в «Жизни Волыни» № 1 за 1911 г. (в другой редакции), без ведома и против желания автора – как «эскиз воспитанника VIII класса 1-й житомирской гимназии Ю. Иванова, читанный на авторском вечере». – *Ред.*

Его глазам уже давно
Неведом лик людской печали.
Они глядят через окно
В иные, розовые дали.

Их взор в нирвану погружен,
Он созерцает бесконечность
И гроз земли не видит он,
Давно привыкли видеть вечность.

И перед Буддою Христос
Стоит во тьме немим укором
И смотрит чистым, полным слез
И всепрощенья, светлым взором.

И Будда смотрит... Их уста
Сковало мертвое молчанье.
Безмолвно кроток лик Христа,
Во взоре Будды созерцанье.

И вот от джунглей тень легла,
Оделся темный лес в туманы.
Покрыла землю ночи мгла,
Спят Гималаи-великаны.

И Будда спит, и видит он
Суровый холм, во мгле стоящий,
И над Голгофой небосклон,
И труп Христа, вдали висящий.

(Архив Е.Ю. Агарковой)

Aurea Roma

Посвящ<ается> А.Я.Ш.⁷¹

Ты должен забыть, что легенда незрима,
Чтоб бить аллеманов в рядах Грациана
Иль видеть, как солнце железного Рима
В пожаре веков догорает багряно.

Иль плыть в Океане к легендам «Когда-то»,
С неясною верой в грядущие дива
И видеть, как ветер, изгнанник Заката
Целует нам лица неспешно лениво.

---

⁷¹ Александре Шестаковой, будущей первой жене (№ 445). – Ред.

И видеть тот Форум, где консул Авзоний
Юпитеру жертвы приносит с мольбою,
И видеть, как Кесарь, Отступник на троне,
Ведет легионы к последнему бою.

И римских орлов возле стен Ктезифона,
И гнусный триумф галилейских учений,
И символ страдания, венчавший знамена,
И плаху, где кончил правленье Евгений.

А вечером слушать стихи Клавдиана
И думать под говор певучей латыни,
Под ропоты строк, умирающих прямо,
О солнечных тайнах Ливийской пустыни.

И, видя на всем аромат увяданий,
Постигнуть мечтанья исчезнувших братий
И медной латынью в часы догораний
Слагать акrostихи из звонких проклятий.

26 апреля 1913 г.

г. Казань, Кавказское подворье

(Сборник студенческого литературного кружка при Казанском университете. Казань, 1915)

Ю.А. Иванов

Из автобиографии 1924 г.

...С января 1918 г. оставлен при университете для подготовки к профессуре по кафедре всеобщей истории по рекомендации проф. М.М. Хвостова⁷² и С.П. Шестакова⁷³, со специализацией по византиноведению. С 1 ноября 1919 г. избран преподавателем всеобщей истории Иркутского университета, с 20 июля 1920 г. – преподавателем Казанского университета, с 27 декабря 1921 г. самостоятельный преподаватель Государственного Саратовского университета. Сверх того, состою с 1 декабря 1922 г. преподавателем бывшего Саратовского института народного хозяйства, ныне Экономического отделения Ф.О.П. Саратовского университета по кафедре истории хозяйственного быта Западной Европы. <...> В сентябре 1924 г. представлен к утверждению профессором всеобщей истории в Иркутском государственном университете. <...> Исследовательские интересы <...> группируются вокруг вопросов исторической географии и этнологии Балканского полуострова. <...> В 1919 г. состоял преподавателем вечерней гимназии для взрослых Трудового товарищества педагогов в Иркутске, в 1920–21 гг. секретарем школьных инструкторских курсов и заведовал дошкольными курсами Татнаркомпроса. <...> Участ-

⁷² Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920) – историк античности, профессор. Преподавал в Московском, затем (с 1900) в Казанском университете. – *Ред.*

⁷³ Шестаков Сергей Петрович (1864–1940) – филолог-классик, византист. Профессор, член-корреспондент Императорской АН (1916). – *Ред.*

Юрий Алексеевич Иванов
с женой Викторией Ясинской. 1955 г.

вовал в ряде раскопок П.А. Пономарева⁷⁴ и В.Ф. Смолина⁷⁵ и производил их самостоятельно, имею более 20 печатных работ по истории, археологии и библиографии...
(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1)

Е.Ю. Агаркова

Я слышала от матери, что в годы гражданской войны отец оказался в войсках Колчака, но документальных подтверждений этому у нас в семье не имеется.

(Записано Н.Б.)

Ю.А. Иванов

Автобиография из материалов
следственного дела НКВД
Середина 1940-х. Краснодар

В университете я попал под влияние кадетской профессуры – профессора Хвостова Михаила Михайловича, члена Казанского губернского кадетского комитета и крупного помещика Рузского уезда Московской губернии. Под его влиянием в апреле 1917 г. я вступил в партию кадетов и с июня по декабрь месяц 1917 г. работал секретарем губернского партийного издательства «Кадет» («Благо народа»). Оно издавало агитационные брошюры по истории рабочего движения, по те-

кущей политике. В ноябре 1917 г. был избран кандидатом в гласные Казанской городской думы по кадетскому списку. С 1 января 1918 г. был оставлен при университете для подготовки к профессуре, но после взятия чехословаками Казани, 18 августа 1918 г. вступил добровольцем во 2-ю батарею дивизии генерала Перхурова⁷⁶ в Казани, куда он бежал из Ярославля, и до 20-х чисел января участвовал в боях под Казанью и на Уфимском направлении. За отличие в боях был произведен в бомбардиры и младшие фейерверкеры. За бой под Мамыковым (на границе Казанской и Уфимской губерний) получил георгиевскую медаль. Затем заболел, был эвакуирован в Омск, там перенес сыпняк и уехал в Томск, где 11 марта 1919 г. поступил на службу делопроизводителем в управление вузов колчаков-

⁷⁴ Пономарев Петр Алексеевич (1847–1919) – археолог, этнограф, педагог. Член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – *Ред.*

⁷⁵ Смолин Виктор Федорович (1890–1932) – один из пионеров археологии Среднего Поволжья и Приуралья. Работы этого талантливого ученого определили перспективы нескольких научных направлений в археологии Восточной Европы. Репрессирован. – *Ред.*

⁷⁶ Перхуров Александр Петрович (1876–1922) – генерал Белого движения. Возглавил эсеровское восстание в Ярославле (июль 1918), после подавления восстания убит в Поволжье, где вскоре вновь вступил в борьбу с большевистской властью. Командир Казанской бригады в 1-м Волжском армейском корпусе (октябрь 1918 – июль 1919). – *Ред.*

ского министерства народного просвещения. <...> С июня 1917 по август 1919 г. состоял в партии кадетов. В мае 1918 г. я, как делегат казанской губернской кадетской партии, вместе с профессором Стратоновым Иринархом Аркадьевичем⁷⁷ и адвокатом Ивановым Василием Федоровичем⁷⁸ присутствовал на нелегальной конференции партии кадетов в г. Москве. Конференция состоялась в помещении ЦК партии кадетов в Брюсовском переулке. Основной задачей конференции была подготовка местных кадетских организаций к срыву Брестского мира и вовлечение России в новую войну с Германией на стороне Антанты. В тесном контакте с партией кадетов заседали конференции меньшевиков и правых эсеров. Все решения конференции кадетской партии были приняты единогласно.

С середины 1919 г. стал помещать в газетах «Сибирская речь» и «Русская армия» статьи под псевдонимом Юрий Дьяков, СФИНКС, К.М., ФЕЛЯПТОН и полной подписью. (УФСБ по Краснодарскому краю)

Ю.А. Иванов

Фельетон «Здесь и там»

Перед нами пачка архангельских газет. <...> «Возрождение Севера» – большая «областная общесоциалистическая газета», редактируемая А.И. Жилкиным. Она старается держаться прилично, насколько только понятие приличия совместимо с таким принципиальным неприличием как русский социализм. <...> Полемизируют и стихами, и прозой. Метод один: вырывается один факт, упирают на отдельное лицо, и потом это частное явление возводится в общее правило. Достоверность фактов мы проверить не можем, а потому принуждены ее оставить на совести редакции. Очень много внимания уделяется лично Милюкову, и по поводу его вступления в национальный союз на него выливаются ушаты грязи (в скверных стихах и не менее скверной прозе). Зато... Керенский по-прежнему на пьедестале, что, впрочем, так понятно для людей, которые могут танцевать только от печки – керенщины!

(Сибирская речь (Омск). 1919. № 221. 10 октября)

Felapton

Жрецам красного дьявола

В стране родной угрюмый дьявол правит,
Кровавый дьявол правит третий год.
<И> все пьяно и кровь и бойню славит,
И славит лож<ь>, и торжествует сброд.

<Все> яркое, все чистое, святое
<Уда>влено, заплевано, молчит.
И все, что ждет забвенья и покоя,
<Возложе>но разбойникам на щит.

⁷⁷ Стратонов Иринарх Аркадьевич (1881–1942) – профессор отечественной истории в Казанском университете, декан историко-филологического факультета (1919–1920), руководитель архивной службы Казанской губернии. Церковный подвижник. После Октябрьской революции эмигрировал, жил в Берлине. Погиб в концлагере. – *Ред.*

⁷⁸ Иванов Василий Федорович – адвокат, политический деятель, писатель. Активный участник Белого движения, идеолог-пропагандист при правительстве адмирала Колчака, министр внутренних дел в дальневосточном правительстве братьев Меркуловых (1922). Эмигрировал в Харбин. – *Ред.*

Татарщина, опричнина, крамола
И годы смут, и крымской бойни год –
Одна лишь тень пред этой мглой тяжелой,
Что нас томит и давит, и гнетет.

На брата брат... И голод, и невзгоды...
Пир палачей во прахе и пыли.
Вот царство мира, хлеба и свободы,
Что обещать вы прежде нам могли.

Мы ждем от вас – ответьте, фарисеи,
Чего вам ждать, когда спасенья нет?
А мы иной апостолы идеи
И знаем мы – с Востока будет свет!

(Русская армия (Омск). 1919. № 210. 30 сентября. С. 2)

Ю.А. Иванов

Автобиография из материалов следственного дела НКВД
Середина 1940-х. Краснодар

В середине августа <1919> формально вышел из партии кадетов, ввиду призыва в армию, так как был приказ Колчака, и был направлен в 1-й егерский артдивизион в Омск, но через две недели по приказанию полковника Лобцевича, заместителя начальника Осведверха (осведомительный отдел ставки верховного правителя), был направлен в осведомительный отдел 3-й армии генерала Сахарова⁷⁹ в качестве и.о. военного чиновника 10-го класса и начальника отделения, где проработал до 8 декабря 1919 г., когда эшелон Осведарма был взорван перед станицей Чик близ Новосибирска, а сотрудники вышли походным порядком на восток. В пути я оторвался от эшелона и вступил в 1-й ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения), но через несколько дней эшелон был заморожен близ станции Тайга, а солдаты получили на руки письменный приказ – ехать в Верхнеудинск на новое формирование. К 26 января 1920 г. я добрался до Иркутска, где политический центр только что сдал власть Советам. Для выяснения своего положения я обратился к зам. председателя ГубЧК <...>, меньшевику и своему товарищу по университету, и был им отпущен «на честное слово» прекратить контрреволюционную деятельность.

(УФСБ по Краснодарскому краю)

Ю.А. Иванов – В.Я. Брюсову
7.VII.1920. Казань

Я преподаватель всеобщей истории Иркутского государственного университета, занимаюсь Данте, вел в истекшем весеннем семестре 1920 г. семинарий по изучению «Божественной комедии» как исторического источника, готовлю к печати в «Сборнике трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета» статью «Очерк политического и религиозного миросозерцания Данте» и предложил для

⁷⁹ Сахаров Константин Вячеславович (1881–1941) – военный и общественный деятель, генерал колчаковской армии. В эмиграции с 1920 г. – *Ред.*

<нрзб.> в будущем 1920–21 академическом году тему «Черты средневекового мирозерцания в “Div. com.” Данте». Для полноты сведений о русской дантологии мне хотелось бы знать, где Вы и Вяч. Иванов предполагаете издать свои переводы, каким введением и комментариями думаете их сопроводить и особые замечания, которые Вы считаете возможным сообщить. Что касается принципов, положенных в основу Вашего перевода, то, думаю, что Ваши достаточно известны, но от Вяч. Иванова можно ждать чего-либо непредвиденного, судя по его переводам Петрарки и Алкея, с большинством которых я глубоко не согласен.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 87. Ед. хр. 11. Л. 1)

Ю.А. Иванов

Автобиография из материалов следственного дела НКВД
Середина 1940-х. Краснодар

...В середине 1920 г. вернулся в Казань временным преподавателем (приват-доцентом) Казанского университета. В зиму 1921–1922 гг. я тяжело заболел, стал искать возможностей перебраться в более благополучные в продовольственном отношении места и с 10 мая 1922 г. переехал в Саратов. В Саратове на меня имел длительное и большое влияние профессор Владимир Аполлонович Бутенко⁸⁰. <...> Бутенко упорно прививал мне идеалистическое миропонимание, даже более реакционное, чем экономическое понимание истории профессора Хвостова. Его влияние очень тормозило начавшийся у меня процесс перевооружения. В августе 1924 г. у меня был большой конфликт с группой реакционных профессоров, возглавляемой профессором <...>. При этом я временно порвал связь с этой академической группировкой и начал большую общественную работу.

(УФСБ по Краснодарскому краю)

М.В. Нечкина

Как ученый принадлежит к типу detailforscher'ов, то есть любит углубляться в детали какого-либо одного вопроса.

Обладает поэтическими способностями. Одно время помещал свои стихи в различных сборниках. В содержании стихов чувствуется заметное влияние Валерия Брюсова.

В разговоре может быть едко и зло остроумным.

(Письменные характеристики. М.В.)

А.Р. Лурия

Тяжелый неврастеник; частые меланхолические состояния. Говорит тихим голосом, иногда слегка заикается, краснеет; застенчив.

(Записано М.В.)

⁸⁰ Бутенко Вадим Аполлонович (1877–1931) – историк. Приват-доцент Петербургского университета (1907). Приглашен в Саратов, когда в 1917 г. создавался историко-филологический факультет Саратовского университета; профессор, декан факультета (1918). Заведующий Радищевским музеем (1923). Вернувшись в Ленинград, в 1931 г. был осужден на десять лет по т.н. делу историков, умер на строительстве Беломоро-Балтийского канала. – Ред.

Ю.А. Иванов
Автохарактеристика
VI.1924

Постоянный круг интересов — вопросы хозяйственной эволюции раннего средневековья. Пишет диссертацию «Падение римского владычества на Западе». В науке увлекается схематическими построениями.

Преподаватель очень неровный, за одной яркой лекцией дает четыре-пять скучных. По любимым вопросам или спорным теориям говорит хорошо, но тяготится необходимостью излагать элементарные истины и поэтому прямо проваливает порою лекции на такие темы. Больше всего любит специальные курсы с 6—7 слушателями. В аудитории еще недавно чувствовал себя не по себе и мог читать лишь при особых условиях, например, надевая на глаза очки только для того, чтобы этим до известной степени отгородить себя от аудитории.

В литературе больше всего увлекается символистами, не только русскими. Любимые поэты: Тютчев, Баратынский, Иннокентий Анненский, Владимир Соловьев, Валерий Брюсов, Данте и Ст. Малларме. В области прозы любит экзотику или исторические романы вроде «Алтаря победы» В. Брюсова. К Л. Толстому равнодушен, к Гоголю относится с безгливой антипатией. В музыке больше всего любит Вагнера и Скрябина. В скульптуре «Нику» Пеония и Микеланджело. В живописи — Ф. Штука. Любимый исторический герой — кесарь Юлиан Отступник⁸¹. Любимый камень — изумруд.

В прошлом больше всего симпатизирует гениальным неудачникам типа Юлиана, Ганнибала⁸², императора Майориана⁸³, Данте⁸⁴.

В период времени с 1910 по 1916 гг. написал около 30 стихотворений. Печатал под псевдонимами Юрий Дьяков, К.М., Сфинкс и С., но стихов своих не любит за двумя исключениями⁸⁵.

Знает на память более 500 стихотворений русских поэтов и до 600 латинских стихов из одной только «Энеиды».

⁸¹ Флавий Клавдий Юлиан Отступник (Julianus Apostata) (331–363) – римский император в 361–363 гг. Племянник Константина Великого. Объявил себя сторонником языческой религии, реформировал ее на базе неоплатонизма; издал два эдикта против христиан, восстановил языческие храмы. Автор ряда антихристианских сочинений. – *Ред.*

⁸² Ганнибал Барка (247/246–183 до н.э.) – карфагенский полководец, один из величайших военачальников древности. После ряда побед потерпел поражение от римлян во Второй Пунической войне. Впоследствии скрывался в Вифинии; узнав о том, что царь Вифинии собирается выдать его Риму, принял яд. – *Ред.*

⁸³ Флавий Юлий Валерий Майориан (Maorianus) (420–461) – римский император в 457–461 гг., последний правитель, пытавшийся удержать империю от распада. Армия Майориана потерпела поражение из-за предательства собственных полководцев. – *Ред.*

⁸⁴ Алигьери Данте (1265–1321) – великий итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка, автор «Божественной комедии». Именуя Данте «гениальным неудачником», Ю.А. Иванов, вероятно, имеет в виду его изгнание из родного города и многолетние скитания. – *Ред.*

⁸⁵ Одно из них – «Augea Roma». – *М.В.*

Второе исключение, возможно, – «Безысходность» (1916), поскольку среди бумаг Ю.А. Иванова в фонде М.В. Волоцкого (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 16–23) других стихов нет. Интересно, что точно так же называется и еще одно стихотворение, представленное в коллекции Л.И. Рабиновича и подписанное именем Юрия Дьякова (РГАЛИ. Ф. 2430. Оп. 1. Ед. хр. 623. Лл. 1–2). – *Н.Б.*

В области психических способностей сильная механическая память с преобладанием моторно-слуховых начал⁸⁶. После перенесенного сыпного тифа замечалось временное ослабление памяти. Зрительная память чрезвычайно слаба, в особенности слабо запоминаются женские лица⁸⁷.

Воля недостаточно развита, ее заменяет упорство и некоторая доля фатализма, позволяющая верить в успех.

Чувство, благодаря консервативному складу психики, направлено в одном направлении. Антипатий своих не менял еще никогда, сохраняя их многие годы; то же и с симпатиями.

Раньше считал себя спокойным пессимистом без трагического оттенка. Теперь, за последние годы, пессимизм исчез, но нет и оптимизма.

В работе принадлежит к втягивающемуся типу. Конец дается всегда легче начала и оставляет за собой чувство сожаления. Порою не хватает уверенности в себе. Чувство это может доходить до болезненной мнительности.

Был религиозен в 16—17 лет, потом это сразу отмерло, сохранял еще лет десять интерес к религии как социологической проблеме, в настоящее время равнодушен и к этому, с оттенком некоторого отрицания. На антирелигиозные взгляды повлияла старая гимназия, которую вспоминает с ненавистью и отвращением.

В обществе малознакомых, антипатичных ему или чуждых по духовному складу людей чувствует себя связанным.

Никогда не стыдился сознаваться в своих ошибках, но никогда не мог себя принудить подчиниться чужим, хотя бы оставался одиноким против общей оценки.

В качестве примера семейного наследственного сходства могу указать на необычайное сходство моего почерка с почерком моего двоюродного брата Бориса Викторовича Иванова.

(Письменные характеристики. М.В.)

Е.А. Иванова

Юрий — типичный кабинетный ученый, у которого все внимание сосредоточено на научных интересах, в жизни же он феноменально ненаблюдателен...

(Письменные характеристики. М.В.)

⁸⁶ По данным экспериментальной лаборатории Казанского университета. — М.В.

⁸⁷ Юрий Алексеевич был женат шесть раз. — Ред.

Ю.А. Иванов

Автобиография из материалов следственного дела НКВД

Середина 1940-х. Краснодар

К лету 1930 г. у меня создалась репутация крупного общественного работника, и Нижне-Волжское краевое бюро секций научных работников дало мне рекомендацию на профессиру, но бубновский Наркомпрос направил меня в Благовещенск, скрыв, что посылает не профессором, а доцентом. В Благовещенске по не совсем ясным мне причинам начался мой острый конфликт с директором <...>, исключавший возможность какой бы то ни было общественной работы, хотя я был избран председателем городского бюро секции научных работников, но иногда мне не удавалось даже получить слова для декларативных заявлений от имени секции, если председателем собрания оказывался <...>, а через полгода его соратники меня с этого поста отвели, и я вынужден был покинуть институт с 1 февраля 1932 г. С осени 1932 г. я попал в Ульяновский пединститут, где прожил только один год. Затем на три года я переехал в Сталинград. В Сталинграде мое положение было тоже очень неблагоприятным, и против меня вели кампанию многочисленные лица.

(УФСБ по Краснодарскому краю)

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

<X–XI> 1935

Самый яркий тип глубокого неудачника в жизни, несмотря на очень хорошие внешние показатели жизни – профессор, чрезвычайно уважаемый в Сталинграде, где носятся с ним как с маленьким божком. <...> Он прекрасно знает малейшую деталь всякой исторической эпохи, поражает богатством своих знаний, но и только... <...> Ему не хватает того, что должны бы дать ему его знания, – широкого кругозора, больших житейских философских обобщений. Он как-то не производит впечатление большого человека. Прежде всего в нем так много мелкого самолюбия, какого-то пустого и глупого тщеславия, на чем очень играет Мария Ефимовна <Абрамова>, его теперешняя жена. Оба они носятся, как с чем-то важным, с мелкими газетными вырезками, где восхваляют Юрия, обоим доставляет удовольствие хвастаться своей квартирой, своим положением и т.п. перед разными кухарками и прачками, родственниками Марии Ефимовны. <...> Он ужасающе бесхарактерен, страшно подпадает под чужое влияние, и сейчас Абрамовы так затягивают его в мешчанское болото.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 372–373)

Ю.А. Иванов

Автобиография из материалов следственного дела НКВД

Середина 1940-х. Краснодар

...В Сталинград я был приглашен директором института Ахапкиным⁸⁸ в августе 1933 г., но в момент моего прибытия Ахапкина уже отправили в Камышин, а директором был про-

⁸⁸ Ахапкин Сергей Степанович – директор Сталинградского индустриально-педагогического института в 1931–1933 гг. Преподавал педагогические дисциплины. Репрессирован; реабилитирован посмертно. – *Ред.*

фессор Ильинский Виктор Геннадиевич⁸⁹. Вокруг меня создалась атмосфера бешеной травли, которую после разгона группы крайком разоблачил как показатель недостаточной партийной бдительности. Весной 1936 г. я не выдержал атмосферы оголтелой махаевщины, создаваемой в пединституте, и без разрешения дирекции уехал в Одесский университет, что затем вызвало ожесточенные протесты Наркомпроса РСФСР, но нарком просвещения Украины распорядился не считаться с этими протестами.

(УФСБ по Краснодарскому краю)

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому
21.IX.1937

Юрий из Сталинграда уехал в Одессу и уже там хандрит, чувствует себя очень одиноким и т.п.⁹⁰ Здесь он говорил, <...> что ему очень хочется уехать одному, без <жены и тещи>.

5.III.1937

У него что-то получилось в Одессе. Директор Сталинградского пединститута из-за того, что Юрий самовольно ушел, поднял какую-то историю против него в Одессе, и ему пришлось оттуда уйти. Сейчас он в Саранском пединституте. <...> Говорил, что его очень тепло там встретили.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 425–426, 440)

Ю.А. Иванов
Автобиография из материалов следственного дела НКВД
Середина 1940-х. Краснодар

...Моя работа в Одессе продолжалась в атмосфере неистовой травли, и закончилась эта травля после моего отъезда опубликованием в одесских газетах «Черноморская коммуна» и «Молодая гвардия» извещением, что я «личный секретарь Колчака», никуда не годный преподаватель, которого только посовестились уволить, что я предъявил дирекции требование персональной ставки и уехал только потому, что ее не получил. После этого я перешел в Пермский пединститут⁹¹. В 1940 г. я выехал в Краснодар.

(УФСБ по Краснодарскому краю)

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому
20.I.1940

Юрий перевелся из Перми куда-то, как он пишет, в Среднюю Азию, а куда – адреса давать не намерен, чтобы его зря не беспокоили <...> «пустыми и неприличными письмами».

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 496 об.)

⁸⁹ Ильинский Виктор Геннадьевич (1892–1970) – преподаватель идеологических дисциплин в Саратове (1922–1930), Сталинграде (с 1930). Проректор Саратовского университета (1928–1930). Первый ректор Сталинградского тракторного института (ныне ВолГТУ). И в том, и в другом городе мог встречаться с Ю.А. Ивановым. – *Ред.*

⁹⁰ В это время в том же Одесском университете преподает физику его двоюродный брат Дмитрий Дмитриевич Хмыров (№ 438). – *Ред.*

⁹¹ Именно здесь Ю.А. Иванов опубликовал автореферат докторской диссертации «Заговор Катилины» (Пермь, 1939), которая, однако, защищена не была. – *Ред.*

Е.Ю. Агаркова

В годы Великой Отечественной войны отец оказался в оккупированном немцами Краснодаре. Каким образом новые власти узнали о том, что он историк, мне неизвестно, но ему был заказан цикл статей на исторические темы. Не видя возможности прямо отказаться от этого предложения, отец, по собственному его рассказу, представлял тексты в таком виде, что понять смысл написанного было почти невозможно. Таким образом, ничего из этих материалов напечатано не было. Однако после освобождения Краснодара отец, вероятно, по чьему-то доносу был арестован «за пособничество оккупантам».

(Записано Н.Б.)

Ю.А. Иванов

Автобиография из материалов следственного дела НКВД
Середина 1940-х. Краснодар

4 августа 1942 г. я был призван в Красную армию в 11/71 полк, но 19 августа, после боя у станицы Калуженской, взят в плен и приведен вечером 24 августа в Краснодар. <...> При немцах первые недели я делал попытку сплотить группу преподавателей для открытия в Краснодаре частной высшей школы, вел об этом переговоры с <...>, но никакого успеха не имел. Однако <...> посоветовал мне обратиться к редактору газеты оккупантов «Кубань» <...>, и с 10 по 30 сентября я состоял сотрудником военно-политического отдела газеты «Кубань». <...> В период работы корреспондентом военно-политического отдела редакции фашистской газеты «Кубань» мною было написано примерно 18 статей контрреволюционного содержания, однако мои статьи не были опубликованы в газете по причинам для меня неизвестным. <...>

В пединституте у меня шел затяжной конфликт <...>, но пока в институте было несколько преподавателей, силы уравнивались, после же мобилизации большинства в армию осталось только три – я, <...>, последние двое блокировались и, опираясь на секретаря редакции <...>, выставили меня из редакции. До 25 января я оставался безработным и лишь последнее время взял заведование Пушкинской библиотекой, и главным образом с целью спасти ее, если представится возможность. С этой целью я 10 февраля обратился в городскую комендатуру, получив обещание, что библиотека сожжена не будет, но в ночь с 10 по 11 февраля часть библиотечного здания была взорвана тяжелой авиационной бомбой, и только благодаря энтузиазму соседнего населения здание библиотеки было спасено от пожара. После освобождения Краснодара <12 февраля 1943 г.> я вернулся на работу в пединститут.

(УФСБ по Краснодарскому краю)

Е.Ю. Агаркова

Его осудили на 5 лет, меньше тогда просто не давали. Свой срок Юрий Алексеевич отбывал в глухом сибирском местечке по названию, кажется, Красный Камень. После освобождения он был реабилитирован и хотел снова начать преподавательскую деятельность в каком-то вузе Иркутска. Но там ему отказали, заявив, что специалисты его профиля не требуются или даже что исторический факультет расформирован. В результате отец был вынужден устроиться на какую-то уж очень непрестижную работу, чуть ли не мусорщиком. О последних годах его жизни мне ничего не известно. После смерти моей мамы, поддерживавшей с ним редкую (и далеко не дружескую) переписку, я потеряла связь с отцом.

(Записано Н.Б.)

Известны следующие публикации и рукописные работы Ю.А. Иванова:

- *Дьяков Ю.* К морю; Старые боги; Камеи: Стихотворения // На перепутье. Житомир, 1910. С. 8–9.
- *Сфинкс.* [Стихотворные фельетоны] // Волынские отклики. 1910. № 16.
- Христос и Будда: Стихотворение // Жизнь Волыни. 1911. № 1.
- *Дьяков Ю.* Вечер в степи: Стихотворение // Огни. 1911.
- Современная смерть на морозе: Стихотворение // Крокодил (Одесса). 1911. № 25.
- [Стихотворные фельетоны] // Волынские отклики. 1911. №№ 17, 29, 33.
- Любовь: Стихотворение // Волынь. 1911. № 299.
- Осень; В аллее; Ожидания: Стихотворения // Жизнь Волыни. 1912. №№ 2, 5.
- Все, что было: Стихотворение // Рязанская жизнь. 1912. № 98.
- Грезы: Стихотворение // Южная молва. 6 июня 1912. № 179.
- Искатели; Ad Veneren Anadyomenen // Вольская неделя. 1912. №№ 21, 22.
- *Дьяков Ю.* Стихотворные переводы Авзония // Гермес. 1912. № 19.
- Aurea Roma: Стихотворение // Сборник студенческого литературного кружка при Казанском университете. Казань, 1915.
- К вопросу о религиозном мирозерцании Авзония // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 4.
- *Felapton.* Жрецам красного дьявола: Стихотворение // Русская армия (Омск). 30 сентября 1919. № 210. С. 2.
- Здесь и там // Сибирская речь (Омск). 10 октября 1919. № 221.
- Глиняные песты из Бюляра и Суvara // Казанский музейный вестник. 1921. № 1.
- Рабы и независимые в Гортинской надписи // Ученые записки Саратовского университета. Т. 2 (12). Вып. 3. 1924. С. 3–21.
- Что читать по общей истории культуры начинающему историку? Библиографический указатель для преподавателей школы. Вып. 1. Саратов–М., 1924.
- Н.Г. Чернышевский о «падении» Римской империи // Н.Г. Чернышевский: Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926.
- К вопросу об оценке узурпации Одоакра // Ученые записки Саратовского университета. Педагогический факультет. 1927. Т. 6. Вып. 5.
- Феодализм и народное хозяйство в Средние века. (Рукопись, 1928.)
- Заговор Катилины и его социальная база // Вестник древней истории. 1940. Т. 1. № 10. С. 69–81.
- Заговор Катилины. Краснодар, 1941. 62 с. (Отд. отт. из «Трудов Краснодарского педагогического института». Т. 8. С. 70–131.)
- Научная работа на историческом факультете Краснодарского пединститута // Историк-марксист. 1941. Кн. 4 (22). С. 150–151.
- Очерк мирозерцания Данте // Известия Казанского общества археологов, историков и этнографов.
- Курган над св. ключом близ Билярска. Отчет о раскопках // Там же.
- Византизм как научная проблема // Ассоциация Общества наук при Казанском университете.
- Мемуары Джемаль-паши о Турции в дни великой войны. (Рукопись.)
- Феодализм // Энциклопедический словарь Граната. Т. 43. С. 166–195.

445. Шестакова, по мужу Иванова Александра Яковлевна

(1890 — [1953]). В замужестве с предыдущим с 1914 г., ко времени вступления в брак была студенткой Казанских высших женских курсов. Развод в январе 1924 г. Преподавательница обществоведения, [позже преподавала русский язык в саратовской школе для детей железнодорожников, в московских вечерних школах].

Е.А. Иванова

Александра Яковлевна, кажется, вполне здоровый человек. Надо сказать, что как мать она прямо идеальна. Я ни у кого не встречала такой разумной, внимательной любви к ребенку.

(Письменные характеристики. М.В.)

Е.Ю. Агаркова

Черноволосая, зеленоглазая, была очень красива. В характере выражена требовательность к людям, даже властность.

Своим образованием, приличной профессией в первую очередь я обязана ей. Если бы не помощь мамы в воспитании моего сына, я никогда бы не окончила институт.

(Записано Н.Б.)

446. Боброва, по мужу Иванова Елизавета Ивановна

(1898 — [1976]). Вторая жена Ю.А. Иванова.

[Филолог,] окончила Ленинградский университет (1922). [Сотрудница ИРЛИ, отдела редкой и рукописной книги Библиотеки АН СССР.] Некоторое время была ассистенткой В.М. Жирмунского в Ленинградском институте истории искусств. Имела несколько научных работ (в рукописи).

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

24.I.1936

У нас – всех сестер – твердое решение: семья Юрия – Александра Яковлевна с Леночкой, а все его остальные сменные красавицы – его личное дело. Может иметь их хоть десять, нас это не касается.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 391)

447. Оболенская <Наталья Ивановна>

Третья жена Ю.А. Иванова. <Выпускница историко-филологического факультета Саратовского университета, специализировалась на кафедре истории искусств. В 1925 г. пришла в Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева на должность гида-проводника и проработала в разных должностях до 1970 г.>

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

24.IV.1935

<Брат> сейчас заявляет, что не желает даже быть знакомым со мной (не впервые! то же было и при Оболенской!). <...> Юрий удивительный человек. Он очень добрый и мягкий

по душе. Он готов отдать весь свой заработок, но, к несчастью, все это идет на его содержание (женами их назвать нельзя). <...> Его третья жена Оболенская приезжает из Благовещенска на Амуре в гости в Саратов и каждый день демонстрирует в театре свои новые шелковые туалеты, а единственная дочь Юрия Леночка, ученица 7 класса, в это время ходит в калошах на два номера больше своего размера, которые ей дала какая-то знакомая... (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 376)

448. Ясинская Виктория А<?>

(? – 23.VIII.1958). Четвертая жена Ю.А. Иванова.

449. Абрамова Мария Ефимовна

Пятая жена Ю.А. Иванова.

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому
<X–XI> 1935

Юрий принадлежит к той нередкой у нас категории профессуры, которая считает, что достаточно быть любовницей профессора, чтобы стать научным работником. Когда весной комиссия обследовала <...> работу <его жены> и признала ее крайне слабой, Юрий возмущенно заявлял: «На Марусю устроили целый крестовый поход. Не понимают, что у молодого работника (под сорок лет!) всегда бывают ошибки...» <...> <Брат> все-таки не чувствует, как глубоко он себя компрометирует, держа ее своей ассистенткой...

Мария Ефимовна и ее мамаша глубоко антипатичны мне своей голодной жадностью, глядящей в них в каждом движении. Может быть, Марию Ефимовну нельзя особенно винить. Она из ужасной семьи – отец пьяница. <...> Никто из ее родственников не имеет образования. Сама она до Юрия была замужем за столяром.

19.X.1935

Юрий вообще большой фантазер и мечтатель, не видящий реальной жизни. И около него всегда определенный тип женщины <...>, старающейся из него выжать все, что только возможно...

Я редко не люблю людей, но с Марусей стараюсь даже не встречаться. Не могу ее уважать. По-моему, она в бытовом отношении – малокультурный человек. <...> Я понимаю, если бы она заботилась об Юрии, – а он ведь в своем доме лишен самых элементарных удобств. <...> И как он только терпит около себя подобных людей и еще старается оправдать Марусю, свалить все на Анну Ивановну?

24.I.1936

Посмотрев еще одну его даму сердца в Москве, мы с <сестрой> Лилей решили, что, действительно, Абрамова – наименьшее из зол. Она хоть часа два-три может прилично держаться.

21.IX.1936

<Брат>, кажется, достаточно разглядел Марию Ефимовну, а она весной уже не стеснялась даже в пединституте устраивать ему домашние сцены.

6.III.1936

К моему большому удовольствию, госпожа Абрамова благополучно ликвидировалась. Получила где-то место аспирантки и уехала от Юрия. Новый объект его увлечения мне

очень нравится, и я со страхом думаю, что вдруг пока она здесь <в Сталинграде>, а Юрий в Одессе, он опять окажется под обаянием какой-нибудь искательницы выгодного мужа.
(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 373, 343, 391, 425–426, 443)

450. Голованова, по мужу Иванова Марта Игнатьевна

(1898 – после 1945). Шестая жена Ю.А. Иванова.

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому
18.I.1937

...Преподавательница истории в одной из здешних <сталинградских> школ. Совсем простая, без всяких претензий. Лет семь работала перед этим в селе и поэтому пока чувствует себя здесь очень неуверенно.

5.III.1937

Несколько излишне прямолинейная и резкая, но, безусловно, порядочный человек.
(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 435, 440)

Е.Ю. Агаркова

При встрече поцеловала мне руку. Вероятно за страдания при родах. Я тогда только что вышла из родильного дома с сыном. А может быть, она просто почувствовала, каково жить в семье, где тебя не приняла свекровь.
(Записано Н.Б.)

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому
21.X.1940

С Мартой Игнатьевной он, кажется, уже развелся. Но, конечно, в одиночестве он никогда не останется. На его деньги всегда много охотниц находится.
(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 507 об.)

451. Иванова Вера⁹² Алексеевна

423 / 424

(17.VIII.1893 – [10.XI.1976]). Училась на историко-филологическом факультете Казанского университета, затем] на медицинском факультете, но вынуждена была уйти с третьего курса по семейным обстоятельствам. Некоторое время служила в психиатрической клинике в качестве сестры милосердия. В 1925 г. работала санитаркой в железнодорожной больнице. Страдала туберкулезом обоих легких и хроническим миокардитом. [После войны трудилась в госпиталях, в том числе для немцев-военнопленных. Воспитывала приемную дочь Марию (в замужестве Семинову). Оставленная ею, умерла в доме для престарелых и инвалидов.]

В гимназические годы отличалась, так же как и большинство ее сестер и братьев, богатым развитием фантазии; об этом можно судить по ее своеобразным письмам к родным (главным образом к тетке Н.А. Профрансовой).

⁹² В первом издании «Хроники» имя было изменено на *Анну*, поскольку М.В. Волоцкой не смог лично согласовать публикацию с В.А. Ивановой. – Н.Б.

В.А. Иванова — Н.А. Профрансовой

Милая дорогая леди Елена⁹³, что ты меня забыла, почему не пишешь. Как я писал тебе, я собирался ехать на Огненную Землю, но не поехал — раздумал. Причина была следующая: на острове Сицилии живут князья Кастро-Реале, предок которых был известный разбойник. Лет пятьдесят тому назад один из друзей Кастро де Реале, разбойник Пичинино звал меня к нему, чтобы совместно напасть на замок князей Пальмароза. Была лунная ночь, светлая, прекрасная, ах, дорогая Елена, какая была чудная ночь. Мы осторожно прокрались в замок. Через десять минут все слуги были перевязаны и под страхом смерти должны были молчать. Мы моментально собрали все драгоценности, которые были в замке, и затем отправились в картинную галерею. Первый портрет, который мы увидели, был гордый воин, вооруженный с головы до ног, с широкой фрезой из фландрского кружева на железной кирасе. Мы остановились перед ним, и вдруг, о ужас, рыцарь взглянул на нас и произнес: «Я недоволен вами!». Холодный пот полился с меня. Мы подошли к другому портрету. На нем была изображена старая почтенная аббатиса. Пичинино поднял свечу и осветил ее портрет. И я первый раз в жизни попятился от ужаса: ее желтое и морщинистое как пергамент лицо с пронзительным и властным взглядом прищурилось, точно под влиянием света, и она произнесла резким голосом: «Я недовольна вами!». Тут мы бросились бежать по галерее, а за нами неслись голоса: «Я недоволен вами, и я тоже». Мы едва выскочили из этой проклятой местности и долго не могли отдышаться от ужаса... Пиши скорее. Адрес мой о. Сицилия, Пичинино для передачи мне. Артур.

...Нам уже осталось учиться всего несколько дней. 15-го (вспомните меня несчастную) алгебра; 17-го — русский; 21-го — закон <Божий>; 28-го — история; 31-го (смерть моя приходит) геометрия...

<Брянск>

Погибли мы то не а, нас спаси. Приезжай ад в превращается наш дом и полночь наступает только, покоя нет нам ночи этой С. ключица левая болит Веры у а хромает пор по сих Жучка а, Юлю тетю в другой а, Олю тетю в попал один, кирпичи большие полетели печи из что, оказалось, комнатах соседних в крик и шум послышался одновременно, пропала она тут, череп усмевающийся дьявольски смотрит меня на что, заметила я и руки костлявые свои протянула она и «несчастья моего причина вы вы, дыханием смрадным мой дом оскверняете зачем, нечестивые все сюда от уйдите»: привидения голос услышала я тут мне по пробежал руки ея от холод могильный как почувствовала я и лицо мое на руку положила и мне ко подошла она, женщина пожилая серая ходит вижу и проснулась вдруг но, знаю не спала я ли долго, заснула моментально я и часов двенадцать в спать легли и засиделись мы четверг в, порядку по начну ну, мысли свои сосредоточить страха от могу не, становится страшно право: творятся дела у нас какие, Нина тетя ах, рождения днем с тебя поздравляю, Нина тетя милая. Начинай с конца. Вера Иванова.

(НИОР РГБ)

⁹³ У нас было столько фантастических выдумок и игр в разные времена, что все путается. Леди Елена — по-видимому, тетя Нина. Знаменитый разбойник лорд Артур (боящийся только геометрии) — сама Вера в 5–6 классе гимназии. — Е.И.

М.А. Гордина

Человек с большими странностями, например, способна подолгу застыть в странных позах, из-за чего, когда она одно время служила в психиатрической клинике, посторонний человек не всегда мог бы ее отличить по поведению от окружающих больных. Иногда она подолгу стояла повернувшись лицом к стене или в угол, чем как бы стремилась отгородиться от окружающей действительности.

С некоторыми людьми иногда могла быть и откровенной.

Пишет стихи.

Со стороны внешности — резкая дисгармония в строении лица; развинченность в походке. Все это не мешает ей быть миловидной; особенно привлекательны большие карие глаза.

(Записано М.В.)

А.Р. Лурия

Резко замкнута. Неделями молчит или отвечает односложно. Сильная концентрация на религиозных идеях. Абсолютно не приспособлена к жизни. Не пользуется любовью близких.

(Письменные характеристики. М.В.)

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
VII.1928

Веру мы когда-то в шутку прозвали «спящей девой»... Она словно в каком-то сне идет по миру и ничего кругом не замечает, погруженная в свои красивые мысли о добре, подвигах, самоусовершенствовании... И в этом трагедия ее жизни... Мне вспоминается анкета о вкусах, которую в 1919 г. проводил в Казани проф. Васильев. Там есть вопрос: «Чего больше всего Вы боитесь в жизни?». Вера ответила: «Подведения жизненных итогов»... И это так характерно для нее... Она не умеет довести до конца ни одного дела в своей жизни... Это проявлялось у нее с самого детства. Бывало, ни одного вышивания не доведет конца. Начнет и бросит... Такова она вышла и в жизнь. Поступила на историко-филологический факультет. С конца четвертого курса бросила — перешла на медицинский... Его тоже бросила с третьего курса — правда, в тяжелые годы, но попыток восстановиться не делала...

Она ужасно бесхарактерная. Мне часто ее жалко становится — до чего она не умеет поставить себя с чужими людьми... Меня в клинике всегда возмущал тот тон, которым говорили с ней. Со мной кто-нибудь попробовал бы так! Живо бы показала, что моя мимозная сущность очень острыми колючками окружена. А у Веры их-то и нет... Она как-то страшно легко мирится со своим положением и не делает попыток его изменения. Мне часто кажется, что ее хроническая безработица — одна из ее защитных реакций... К нищете она привыкла, и ей легче мириться с ней, чем бороться за себя, за свое положение, как это бывает на каждом новом месте, пока к тебе не привыкнут... Впрочем, она больной человек.

Года три назад после возвратного тифа со множеством осложнений медкомиссия признала ее неработоспособной: у нее туберкулез, миокардит, нервное расстройство и масса каких-то ни с кем не встречающихся болезней — по всей вероятности, на туберкулезной подкладке... Внешне же она выглядит хорошо — полная, свежая...

У Веры нет ничего в жизни. Вся ее жизнь как-то впустую проходит. И отсюда у нее громадное стремление окружить большой таинственностью свою жизнь, каждый незначительный ее факт. Помню, я ей как-то задала много вопросов подряд — просто из любопытства, когда же ответ будет... «Куда идешь?» (нужно ответить: в лавку за нитками) — «Надо», «По делам», «Кое-куда», «Недалеко» и все в таком роде. Впрочем, у нее есть круг своих близких людей, с которыми она оживлена, откровенна, много и долго изливает свою душу... В ней до сих пор сохраняется большая восторженность... Горят глаза, быстро сыплются слова, часто употребляются слова «чудесно», «восхитительно» и т.д., но ей страшно не хватает слов в разговоре. Для усиления мысли, для придачи ей оттенков она попросту несколько раз подряд повторяет одну и ту же фразу, чтобы усилить впечатление...

У нее ужасающе схематический подход к людям. Как-то не умеет она живого человека видеть. Вот если человек грешен в одной области (особенно если он неустойчив в половом отношении, легко увлекающийся) — кончено дело: это совсем пропащий человек, и от него надо всеми силами открещиваться... Подсознательно она такая же увлекающаяся, как и я с Лилей⁹⁴. Но она никогда не сознается себе в этом... Бывало, придет она домой, мы с Натой взглянем на нее и скажем: только что она встретила и разговаривала с таким-то... Так это в ней и светится. Начнешь выпытывать — действительно, мы правы... Но она ни за что не сознается, что такой-то ей нравится... Она считает меня ужасно легкомысленной за то, что у меня было три увлечения... И кроме того, абсолютно не может понять, что у мужчины и женщины могут быть хорошие отношения — без всякого романа... И в этой ее специфической сгущенности так и чувствуется, что весь ее ригоризм и усугубленная нравственность не имеют корней в подсознательном, но сознательное настолько задавливает подсознательное, что у Веры, как и у Тани, ярко выражена одна из черт нашей вырождаемости — страх перед физической стороной брака...

В противоположность всем нам, у нее страшно медленный темп работы, так что меня всегда поражают те ничтожные количественные результаты, которые она получает, в сравнении с затраченным временем... Впрочем, в больницах она считалась хорошей служащей — потому что она любит это дело. А про всякую другую работу у нее один ответ: «Не умею»... Как-то осенью присылает мне ученика. Надо с ним пройти десятичные дроби. Спрашиваю, почему она сама не взяла этот урок — ведь у нее нет никакой работы. «Я дроби забыла». — «Возьми учебник, и в какой-нибудь час все повторишь». — «Не могу, нет математических способностей». Какие такие математические способности нужны для прохожде-

⁹⁴ Здесь и ниже упоминаются младшие сестры Ивановы — Ната, Таня, Лилия и Ира. — М.В.

ния десятичных дробей. И у нее все так... Как-то слишком просто она регистрирует факт своей беспомощности и успокаивается на этом...

Последние два-три года Вера очень раздражительна, так что с ней тяжело жить... Чувствую, что я часто бываю виновата, но не могу удержаться от того, чтобы не ссориться с ней. Ведь она совсем больной человек. С утра до ночи у нее непрерывная глухая тревога, все время мерещатся всякие ужасы — прямо до смешного. Ира на полчаса из школы запоздала — ах, значит, она под трамвай попала... Когда я уезжала в Агрыз, я даже не могла удержаться и расхохоталась... Вера плачет, говорит: «Вот под Богородском волков много... Наверное, и в Агрызе тоже... Вдруг тебя вечером съедят...» И у нее всегда так. И смех, и грех...

Вера на двух снимках в детстве так ясно обнаруживает основные черты своего характера. На одной карточке будущая «спящая дева» с равнодушием ко всему земному, на другой — громадная восторженность, которая так была ей присуща в молодые годы... Какое восхищение на ее лице в этой группе... Наверное, из-за того, что ждет обещанной папой птички. Папа всегда говорил детям, что сейчас из аппарата птичка вылетит...

Когда Вера была девочкой и подростком, у нее часто бывали резкие вспышки. Накричит, на шумит, хлопнет дверью, уйдет и запрется в своей комнате — и дня два оттуда не показывается. А в конце концов непременно уступит и сделает так, как хочет мама.

В детстве у Веры ярко выражалась ее нервная тревога, были вечные страхи (в возрасте 4—5 лет), что «Юрочку цыгане украдут», и поэтому она ни на шаг старалась не отходить от него... Были резко выраженные навязчивые идеи... Она не могла (8—9 лет) съесть ни одного куска, чтобы не спросить: «А я не подавлюсь? А я не отравлюсь?» и этим измучивала маму. В гимназии училась неважно, часто у нее бывали передержки. Только в 5 и 6 классах, когда она жила в Брянске у теток⁹⁵, училась хорошо, даже перешла в 6 класс с первой наградой. Попав домой, опять заленилась. У нее вечно выходили инциденты с учителями, и их священник говорил, что в ней сидит дух противоречия, посланный от дьявола... В эти годы Вера с Натой поглощали прямо бесконечное количество всевозможных романов — без разбора и плохих и хороших... У нее была ярко развитая фантазия, направленная на все таинственное и сверхъестественное... От повестей вроде «Вампиров»⁹⁶ Ал. Толстого она была без ума... Последние годы в Казани у папы, Наты и Веры началось какое-то сближение на почве фантастики... Что-то вроде игры... Папа обычно начинает: «Ну, что мы будем делать?», и начинаются самые невероятные проекты... Часами выдумывают и смеются... В Нате мне казалось это несерьезным — видно было, что главное для нее — доставить папе удовольствие и быть поближе к нему. А папа и Вера самым искренним образом увлекались этими выдумками...

После гимназии Вера уехала на историко-филологический факультет в Казань... И как-то совсем оторвалась от дома. У нас в это время было очень тяже-

⁹⁵ См. с. 765. — *Ред.*

⁹⁶ Вернее, повестей «Семья вурдалака» (1839) и «Упырь» (1841) А.К. Толстого. — *Ред.*

ло — началось мамино заболевание в резкой форме... Папа был все время в разъездах на линии. Старшей в доме оставалась я — семнадцатилетняя девочка... А Вера в это время жила в своем собственном мире, абсолютно не замечая того, что делается кругом. Все ее мысли были поглощены религиозными вопросами, исканиями подвигов, нравственного совершенствования и т.п. Она этих подвигов в Казани искала, а того, что дома делается, не замечала... Во время войны пошла на курсы сестер милосердия, работала бесплатно в беженской детской больнице и т.п. Вся ушла в это и была ужасно на своем месте. И так понятно казалось, что она так и должна не замечать того, что около нее делается... Мы ее за это «спящей девой» прозвали. Она была почти красавица — в белой косыночке и халате сестры в своей комнате, завешенной бесконечным числом мадонн, она особенно хороша была... В те годы мы все так были заражены культом красоты, что даже не приходило в голову задумываться, что жизнь человека как-то иначе должна быть построена... Мама умерла, я и Ната были дома с детьми... Не знаю, пришла ли хоть раз Вере мысль, что это ее место, как старшей... Она все дальше уходит от жизни, все больше замыкается в своем мире религиозных представлений...

М.А. Гордина в своем отзыве обо мне говорит, что для нас всех характерна неудачная любовь... Нет, только не для Веры... Она была слишком красива для этого... Первое ее увлечение было совсем детским... Второе начало складываться удачно... Блестящий, талантливый человек — он явно интересовался Верой, ухаживал за ней, старался пробудить живую женщину в «спящей деве»... И вдруг его неожиданная смерть от тифа... Это было в 1921 году, через три месяца после папиной смерти... Вот эти две неожиданные смерти сломили ее... Когда я после разлуки в несколько месяцев встретилась с ней, я поразились переменной — до чего она сразу постарела, подурнела, опустилась... Платье все рваное, без застежек, кое-как заколотое булавками... Рассеянный, ничего не видящий взгляд (она часто в одну точку смотрит)... Помню, когда она вела меня в психиатрическую больницу, мне все время пришлось идти за ней и подбирать ее платок, документы и т.п., которые она теряла каждые пять минут, забывая, что они в ее руках... И эта громадная рассеянность — правда, немного уменьшенная — идет за ней до сих пор.

Вера говорит, что у нее после папиной смерти, должно быть, было какое-нибудь заболевание мозга: несколько недель подряд, не замолкая ни на одну секунду ни днем, ни ночью, была ужасающая головная боль. И эти месяцы были переломными в ее жизни. Ей было тогда 27 лет. С тех пор ее жизнь словно остановилась... Есть такие люди, которые живут без жизни... У Чюминой⁹⁷ я встретила одно стихотворение, которое очень напоминает мне Веру.

---

⁹⁷ Чюмина Ольга Николаевна (18<58>–1909) – поэт, драматург, переводчик. Дебютировала в литературе в начале 1880-х гг., автор четырех сборников стихотворений. Чюминой принадлежат переводы произведений Байрона, Шекспира, Мюссе, Гюго, Киплинга, Теннисона, Лонгфелло, Петефи и мн. др. Пьесы ставились на Александровской сцене в Петербурге. Сатирические произведения под псевдонимами Оптимист, Бойкот. – *Ред.*

Есть души странные — оне
 Напоминают втайне мне
 Те роковые города,
 Что затонули без следа
 В пучине темно-голубой.
 Укрыло море их собой...
 И к жизни силой никакой
 Не вызвать их из мглы морской.

Меня больше всего затрагивает в Вере то, что в ней все те же черты, что и во мне, — только доведенные до своего логического окончания, без вклинивания моего второго гордого «я», которое я так не люблю в себе, но без которого будешь уже совершенно не годиться для жизни.

6.X.1932

Вера по-прежнему служит в больнице. В этом году оставляет очень хорошее впечатление. Я во всю мою жизнь ее еще такой не видала — очень спокойной, вполне психически уравновешенной, без особых странностей. Даже ее бесконечные страхи и ожидания всяких несчастий утихомирились и не мешают жить окружающим. У нее рассеянный склероз, но сейчас она и ходит вполне нормально, только поле зрения продолжает сужаться.

Е.Ю. Агаркова

Природная блондинка. В немолодые годы по-прежнему сохраняла стройность и красоту. Очень любила животных, которые в великом множестве обитали у нее в комнате. Тут были и кошки, и собаки, и даже птицы. Одно время жил орел, которого тетя Вера подобрала раненым на улице. Окрепший орел был выпущен на волю и в тот же день подстрелен какими-то «охотниками».

Страстно любила музыку, часто посещала классические концерты. Очень страдала от того, что иногда просто не в чем было туда идти.

(Записано Н.Б.)

452. Иванова Елена Алексеевна

423 / 424

(9.II.1896, [Вологда — 9.X.1972, Москва). Окончила гимназию с золотой медалью, училась на историко-философском отделении Московских высших женских курсов]. Окончила Восточный педагогический институт в Казани. [Большую часть жизни трудилась школьным учителем в провинции. Занималась краеведением, историей партизанского движения. Кавалер ордена «Знак Почета».

Умерла от рака печени. Похоронена на средства Союза писателей СССР в колумбарии Донского кладбища в Москве.]

Н.А. Иванова — свекрови
 8.VI.1896

Леночка, верно, скоро будет сидеть, на руках сидит уже хорошо и начинает подниматься в кровати, а ей завтра только четыре месяца. Она замечательно ак-

куратная, все делает в известное время, спит, ест, купается. Если пропустить то время, когда она купается, она поднимает ужасный крик, а так никогда не капризничает.

(НИОР РГБ)

Из гимназических писем
Е.А. Ивановой к одной из теток

...На меня напала мания Плюшкина. У меня страсть разгорается с каждым днем, но успокойся, не к молодым людям, а к бумаге, мылу, общим тетрадам, ручкам и карандашам и остальной дряни. Также еще страсть к пеналам. Хочу просить тетю Машу, чтобы она выслала от Мюра и Мерилиза пенал. Если не вышлет: отравлюсь⁹⁸.

...На этой елке у меня бумажек прибавилось мало, потому что конфеты были почти все одинаковые и многие бумажки у меня уже были.

(НИОР РГБ)

На вопрос М.В. Волоцкого о ее детском коллекционировании, а также, попутно, вообще об отношении к домашним вещам Елена Алексеевна отвечает:

У нас в детстве была полоса взаимного подражания — и в первую очередь Юрию, который во многих отношениях задавал тон нам, младшим. У него была довольно хорошая коллекция марок. У нас, девочек, денег на марки не было, и поэтому сестра Ната собирала перья (их у нее, кажется, штук двести было), а я — бумажки от конфет. И так как я за все хваталась со страстью маньячки, то и эти бумажки года два были для меня какой-то навязчивой идеей (мне в это время было 12—14 лет). Я тогда ходила по улицам, все время глядя в землю и мечтая найти такую бумажку, какой у меня еще нет.

Я ужасно люблю точность и порядок в моей жизни, чтобы каждая мелочь лежала на своем месте и т.п. И, несмотря на это, неряшлива — быстро все делаю, быстро бросаю вещь на место и т.п. Так что мой порядок — порядок только для меня. Страшно люблю плановость в жизни. Люблю равномерное течение жизни. Но, с другой стороны, чувствую, что во мне, как и во всей нашей семье, много бродяжнического духа.

(Письменные характеристики. М.В. 18.IV.1928)

Одно время Е.А. Иванова находилась на излечении в психиатрической клинике. Демонстрировалась на лекциях проф. Г.Я. Трошина как пример психастении, навязчивых идей и ярко выраженной истерии.

⁹⁸ По неоднократным заявлениям Е.А. Ивановой, это письмо принадлежит не ей, а одной из ее теток. После выхода первого издания «Хроники» Елена Алексеевна говорила «о многих неправдах», опубликованных в этой книге. Однако никаких других оснований для такого рода утверждений как будто не имеется. — Н.Б.

А.Р. Лурия

Повышенная психическая чувствительность, в связи с чем легко доводится до слез. В детстве для этого стоило сказать, что «цыпленок мерзнет на холоде».

Весьма талантлива. Обладает утонченным вкусом. Пишет стихи. Очень развита фантазия. С детства подвержена навязчивым идеям. Уже в возрасте 4—5 лет, по ее словам, у нее была навязчивая идея, что бывшая тогда головная боль происходит от того, что «в голове пасутся селедки». В 5—6 классе гимназии были навязчивые идеи о бесконечности, о неуклонном движении земли и пр.

Крайне аффективна. Много попыток самоубийства (последняя — летом 1924 г.: бросилась с третьего этажа). Галлюцинации, бредовые идеи, сильный комплекс малоценности. Пишет быстро и много (самоанализ!). В 1921 г. заболела психически после травмы на романической почве.

Со стороны внешности обращает внимание манера всегда держать голову немного повернутой в левую сторону и наклоненной вниз, причем одно плечо поднимается несколько выше другого. Такая же асимметричная посадка головы проявляется как семейная черта у ее старшего брата и нескольких сестер.

(Письменные характеристики. М.В. IX.1924)

М.А. Гордина

В период болезни — крайнее безволие (абулия), обморочные состояния («обмирания»), навязчивые действия, иногда опасного свойства, например, выпивание пузырьков с лекарствами, опрокидывание горящих ламп.

По мере выздоровления периоды приподнятого состояния, когда может быть очень оживленной и интересной собеседницей.

Характерно крайнее развитие самоанализа и критического отношения к окружающим.

Повышенная влюбчивость, но всегда с неразделенностью чувства, что характерно и для ее сестер.

(Письменные характеристики. М.В. IX.1927)

Автобиография и автохарактеристика Е.А. Ивановой
Кон. 1926

Моя жизнь

Я рано начинаю помнить себя. Мне нет еще трех лет. И уже в это время какая-то острая боль охватывает все существо при виде чужого страдания. Выброшенные котят, выпавшие из гнезд птички — вот первые объекты моей жалости. До сих пор во мне живо то чувство острой боли, которую рождали во мне картинки на шоколаде, где охотник стреляет в кабана или бык поднимает на рога лошадь. Почему-то шоколад с этими картинками часто покупался у нас. Мы с Натой никогда не ели печенья, изображающего собой фигурки зверей и птиц, потому что им больно. Даже в возрасте 11—12 лет мы их откладывали в особую коробку. Какие кошмары переживала я по ночам в течение чуть ли не целого года, когда я

девятилетней девочкой нечаянно наступила на утенка и он после этого остался горбатым. Мыши, которых я не успевала выпустить из мышеловки, были источником таких же страданий. Даже клопов мы с Натой летом выпускали за окошко, а зимой уносили в дальний коридор. Эта острая жалость идет за мной через всю мою жизнь, то несколько затихая, то вспыхивая с особой остротой. Я не люблю вспоминать свое детство. Оно словно все окутано какой-то болью, хотя с внешней стороны нам жилось очень хорошо. Мы росли в обеспеченной семье, окруженные внимательным уходом, — но тем не менее главное чувство, которое я вынесла из детства, — боль. Бывало, совсем маленьким ребенком проснешься ночью, и тут со всех сторон кошмары обступят постель. Вот мышь, которую кухарка Агафья выбросила в помойку, вот несчастный утенок... и во всем, во всем этом я виновата. Начинает казаться, что нет меня виноватее на свете. При болезненно ярком воображении нельзя было слушать те страшные сказки, которыми христианство пугает несчастных грешников. Так ярко вставали перед глазами картины Страшного суда, когда за все, за все сразу Богу ответ надо будет дать. Восьми лет я решила, что мне непременно надо будет, как только я вырасту, идти пешком в Киев, замаливать свои грехи. Религиозные фантазии приобретают громадную власть над моей душой, и лет до десяти, до поступления в гимназию, сильно мучают меня.

Почему-то, когда я вспоминаю детство, оно кажется мне таким бесконечным. Дни тянутся серые-серые. Часто так скучно. Какая-то тоска в душе, которая мешает заняться чем-либо. Эта тоска чуть ли не врожденная. Я ясно помню моменты из раннего детства, когда мне не было еще трех лет. Мы играем в прятки. Я сижу под кружевной накидкой маминого туалета. Меня не находят и забывают об этом. Я сижу, как мне кажется, долго-долго, слышу, как Юра с Верой начинают «потрошить свою лошадь», вытаскивают набивку из ее проломленной спины. Мне жалко себя, жалко бедную лошадь, которой больно, и постепенно чувство острой тоски и одиночества охватывает меня — совсем такое же, как впоследствии, много лет спустя, — и я начинаю плакать. Эта тоска всегда так мучила меня. Очень рано я придумала средство бороться с ней. Подойдешь, бывало, к холодному окну и долго стоишь у него, вымораживаешь тоску. Я в детстве после перенесенного в четырехлетнем возрасте воспаления легких отличалась очень слабым здоровьем и обычно после каждого вымораживания сваливалась на несколько дней. Но это было хорошей встряской для организма, приносило смену душевных настроений. Девочкой я как-то инстинктивно чувствовала это, взрослой — делала то же сознательно, только простужаться становилось все труднее, приходилось класть снег за рубашку или что-нибудь в этом роде.

Мама — слабая и больная — много виновата в развитии в нас болезненной тревоги. Мы были совсем еще детьми, когда она начала делиться с нами своими волнениями, а при ее характере они были постоянны. «Вот у папы на службе неприятность, останется он без места, как мы будем жить?» — бывало, говорит она, а детская фантазия разрисовывает всякие ужасы.

Это чувство непрерывного ожидания несчастья шло за мной через всю мою жизнь. Словно я знала, что наша судьба сложится так, как это случилось.

Необходимо еще отметить развитие с детства необъятной фантазии у всех нас. Нашей любимой игрой, сопровождавшейся рисованием, которым мы увлекались, было «что будет в трехмиллионном году?» Началась эта игра, когда мне было пять лет, и тянулась до моего 14-летнего возраста. Мы поделили между собой земной шар, у каждого были свои государства с необыкновенным населением, и годами шли рассказы об их судьбах. Каждому из нас нужно было хорошо знать, какие растения и животные встречаются в его стране, какие народы жили раньше, — и на этом строить свои фантазии. Мы очень много читали, причем детские книги почти что не попадались нам в руки. С четырех-пяти лет нам уже читали Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а восьми лет я считала, что у нас в шкафу нет ни одного романа, который был бы непонятен мне. Читала, например, «Воскресение» Толстого и думала, что понимаю. У нас совсем не было товарищей — детей, и мы рано ушли в область книг и фантазий.

Я постоянно слышала от взрослых, что я очень упряма. Сама я этого не замечала. У меня за все время моего детства не было ни одного серьезного столкновения со взрослыми, но я всегда молча и настойчиво делала так, как мне нравится. Мама была очень мягкая и неуравновешенная, с ней не надо было только спорить, а я вообще не любила слов. Я жила своей собственной замкнутой жизнью, в которую не любила пускать взрослых. И я знала, что всегда будет так, как я захочу. Вот, кажется, самое первое мое детское воспоминание. Мне года два с половиной. Я стою на подоконнике, ловлю на стекле большого шмеля. Он меня кусает, я плачу и все-таки ловлю его. Мне часто теперь вспоминается этот шмель. Как бы больно мне ни было, я своего добиваюсь. С раннего же детства обнаруживалось и громадное терпение. Моя любимая игра состояла в том, что я смешивала несколько сортов круп и потом одно за другим отбирала зернышки риса от гречихи, пшена и т.д. За этим занятием так хорошо мечталось, и к тому же никто не мешал мне замечаниями, что я сижу без дела, — «я играю».

Очень рано стал проявляться тот «комплекс недостаточности», который является несчастьем всей моей последующей жизни. Во мне появилось сознание, что я хуже других. Может быть, на это повлияло то неблагоприятное для меня положение, которое я занимала в семье. Вера была на особом положении, как старшая, Ната благодаря своей мягкости, исключительной одаренности невольно сделалась общей любимицей, а я как-то осталась в стороне, может быть, еще и благодаря своему замкнутому в те годы характеру. Влияли еще и вечные вздохи няни, что «вот Ленушка нелюбимая». И я совсем еще маленьким ребенком, пяти-шести лет, ярко чувствовала, что я какая-то никому не нужная, должно быть потому, что я хуже всех. По всей вероятности, поэтому-то я и не люблю своего детства. Довольно о нем.

Ученье в гимназии давалось мне как-то шутя. Я никогда не учила уроков, в старших классах даже считала излишним иметь учебники и все-таки была всегда первой ученицей, кончила с золотой медалью⁹⁹. В это время, такое важное для

⁹⁹ В письме от 26 января 1907 г. одна из сестер Е.А. Ивановой, Ната, пишет своей тетке О.А. Ивановой: «Лена учится хорошо, только по французскому языку 4, а остальные все 5. У Веры есть 2, у Юрки же две 2» (НИОР РГБ). — М.В.

будущего человека, как-то не приходилось слышать о необходимости развития в себе навыков к серьезной работе, и я гордилась тем, что мне все дается сразу, без всяких усилий.

Гимназические годы были для меня годами тяжелых душевных исканий. Очень рано начинает сказываться мой страстный, не умеющий сразу найти правильные мерки характер. Когда я оглядываюсь назад, меня поражает та резкая альтернативная установка вопросов, которая была в то время присуща мне. Недаром моим любимым литературным произведением того периода был ибсеновский Брандт с его «все или ничто». Я не понимала средних путей, не вдумывалась в жестокость подобных установок. Наша школа всегда грешила и грешит тем, что все свое время посвящает учебе, совершенно не интересуясь внутренней жизнью молодежи. Дома же у нас как-то было не принято говорить о своих внутренних переживаниях. В папе всегда так ясно читалось: «Путь всякого порядочного человека настолько понятен, что внутренний инстинкт не допустит колебаний. Какие же тут разговоры?» Мама, вечно больная, не задумывающаяся над тем, что мучит нас, а в последние годы даже считающая, что у нее слишком умные дочери... И в результате, предоставленная самой себе, одаренная ярким, увлекающимся воображением, я в эти годы пошла по пути, за который потом пришлось дорого расплачиваться. Как то бывает у всех обеспеченных людей, наша семья была всецело под влиянием идеалистической философии. И вот у меня начинаются резкие перегибы ее до последней крайности. «Дух — единственно ценное в человеке. Тело — это то, что грешит, что мешает жить истинно духовной жизнью. Надо подчинить его себе, освободиться от его власти»... И часто я заставляла себя в течение 24 часов не есть и не спать. На следующие сутки от яркого нервного возбуждения начинает казаться, что тело все прозрачное, что его словно нет, а вся я из одной души и мне так легко и хорошо. И я радуюсь — дух важнее всего. В 16, 17 лет у меня был острый взрыв религиозности и ощущение своей греховности. Бывало, молишься целые ночи, кладешь земные поклоны до того, что обморок случится или начнет сильно кровь из носа течь. Много глупостей делала я в эти годы и радовалась на них. Начинали проявляться первые признаки душевного заболевания, а я, не зная, что это такое, радовалась своим особенно красивым настроениям и культивировала их. Да, с врагом можно бороться только тогда, когда его знаешь. А у нас, как у 99% всех людей, было представление, что душевное заболевание — это сумасшествие, идиотизм и разве эти необыкновенные красивые настроения, когда весь мир кажется в каком-то золотом тумане, каким-то воздушным миражом — могут иметь что-либо общее с ним? И я продолжаю всеми способами «подчинять себе свое тело» — попросту приобретать истерию.

Когда оглядываешься на душевную жизнь того времени, невольно поражаешься, сколько ненужных страданий доставляла я сама себе. Начнешь, бывало, фантазировать: вот в моей жизни встретился такой-то сложный случай, как я должна поступить, чтобы не было греха? И, бывало, неделями мучаешься, разрешая эти вопросы. Вообще же все мои рассуждения были на этические темы. Особенно больно дались мне два вопроса, первый из них даже послужил толчком

к моему отходу от христианства. «Какую цену имеет добро, раз мы получаем за него награду на том свете?» Надо делать так, чтобы никакой награды не было. Сделашь доброе дело и хоть одному человеку Расскажи о нем. Тогда выйдет, что ты хвалишься своим добром, и ты уже не получишь за него награды. Добро для добра будет... Особенно сильно поразили мое воображение слова из какого-то романа Потапенко: «Нет, если уж жертвовать, то жертвовать всем, даже своим достоинством. А то что это за жертва будет, если мы что полегче пожертвуем, а самое дорогое для нас, наше достоинство, себе оставим». Это так подходило к моему «все или ничто» и вместе с тем так неизбежно вело к ряду тяжелых внутренних кризисов, было источником громадного разочарования в себе.

К 18-ти годам молодость начинает давать себя знать. Хочется жить, начинаешь не так презрительно смотреть на запросы тела. Но и отсюда — ряд острых конфликтов. Вечно стоят передо мной слова «Кесаря и Галилеянина». Как совместить несовместимое: царство, построенное на древе креста и на древе жизни? Как избежать греха против души и греха против тела, которое хочет жить, хочет радоваться жизни? Надо как можно меньше грешить. Грех — это то, что причиняет страдание кому-либо. Поэтому, например, грешно есть мясо. И я сделалась вегетарианкой. В течение трех лет не ела мяса и мучилась тем, что вынуждена носить кожаные башмаки, умываться мылом и тому подобное. «Все или ничто». Недаром папа меня в это время прозвал «Леша юридивая». Но надо жить не только пассивным добром, отказом от греха, надо стремиться приносить пользу кому-либо... Я так далека была от реальной жизни. Случайно в это время одна из преподавательниц предложила мне урок. Я с радостью ухватила за мысль зарабатывать деньги и потом отдавала их первому встречному нищему или посылала их на пострадавших от войны.

После гимназии — историко-филологический факультет Московских высших женских курсов. Но это как-то мало изменило мою жизнь. Мы так привыкли дома быть под стеклянным колпаком, привыкли только видеть людей, а не иметь с ними дела. Я как-то ушла в свою раковинку, стала какая-то дикая, боялась и стеснялась разговаривать с чужими. Жизнь шла среди книг, такая же обособленная от мира, как и прежде. К тому же из-за маминой болезни каждый праздник приходилось ездить домой в Рязань. Уставала ужасно. А те дни, которые я проводила в Москве, были полны вечной тревогой за то, что делалось дома. Я была уже на третьем курсе, когда в ноябре 1917 года мама умерла. Пришлось бросить учиться, быть дома с детьми. Дома в это время творилось что-то невозможное. Вся жизнь последних лет строилась главным образом на том, чтобы маму не беспокоить, и в результате получалось как раз противоположное. Дети давно уже привыкли к тому, что им разрешается что угодно, лишь бы они не кричали. Даже четырехлетняя Риночка не любила ложиться спать раньше трех часов ночи. И все в таком роде... Как-то без слов в семье стало ясно, что все переходит в мои руки, а не старшей из нас — Вере. «Лена — энергичная, она справится», — говорили все. Но как дорого стоило мне это — «справиться». Мне в это время был только 21 год. Так трудно казалось бросить университет, уйти в семью. У папы была разъездная служба, он мог приезжать к нам только раз в месяц, вся внутренняя

жизнь дома лежала на мне. Помогала Ната, но она была слишком мягка, а для того, чтобы ввести хоть относительный порядок, нужно было столько настойчивости и энергии. Ни одной секунды я не принадлежала сама себе. За все это, конечно, приходилось расплачиваться своими нервами. Особенно мучили ужасные головные боли, которые были так невыносимы при вечном шуме и ссоре ребят, когда каждую секунду меня дергали то в одну, то в другую сторону. Но главное страдание было, может быть, в том, что первые месяцы у меня не оставалось времени даже для чтения. Казалось, что мозг ссыхается от отсутствия впечатлений. Потом, когда жизнь несколько наладилась, стало легче. Но все-таки круг сузился, еще резче я стала чувствовать свою оторванность от жизни, ее непонимание. Папа всеми силами старался уберечь нас от всяких жизненных невзгод, замкнуть в рамках семьи. Эта-то заботливость и погубила нас. Насколько я понимаю себя, моя живая, энергичная натура требует постоянной деятельности, постоянных впечатлений. Не находя себе естественного выхода, эта живость неизбежно должна была уходить в подсознательное и оттуда вырисовывать странные узоры душевного заболевания. Все сильнее и острее становится тоска и сознание своей никчемности. Я рано почувствовала, что я слишком женщина и не могу жить без тепла душевного, без сильной привязанности. Я всегда шутила, что я планета, которой необходимо солнце. Лет пять этим солнцем была для меня Ната. Мягкая, гармонически уравновешенная, талантливая, она всецело завладела мной, так что я была «только кусочком ее души, а не отдельным человеком». Она всегда умела разобраться во всех моих резких внутренних установках, смягчить их, направить в должное русло... Но зато ее полосы депрессии были и моей болезнью, которую я поневоле переживала вместе с ней.

В эти годы мы сами как-то старательно закрывали глаза на правду жизни и ставили себе это в заслугу. Типичные барышни, мы были тогда индивидуалистками и эстетками до глубины души. Изящная литература, поэзия, живопись, отвлеченные теоретические рассуждения — вот чем ограничивался наш кругозор. «Зачем смотреть на то, что некрасиво, раз можно избегать этого?» — говорила я. Да, в то время из-под нашего стеклянного колпака мы не чувствовали еще звериного лика жизни. Мы твердо верили в разумность и справедливость мировых законов, в то, что в жизни люди всегда руководятся принципами добра и нарушение их — лишь редкие уродливые исключения, от которых все безразлично отвертываются. Даже война мало открыла мне глаза. Была мучительная боль от сознания, что льется такое море крови. Но вместе с тем была твердая вера в какой-то высший смысл этого ужаса. Прямо смешно и больно вспоминать ту поистине детскую наивную доверчивость, которая была у меня до 25 лет. Неисправимый идеализм, пожалуй, до конца жизни будет составлять мою характерную черту. Когда видишь что-либо хорошее, то этого как-то не замечаешь. Ведь это то, что должно быть... Чему же тут удивляться?.. Но малейшее нарушение этого доброго кажется резким диссонансом, усиленно привлекает внимание и стремление проанализировать, понять до конца, почему здесь дурно. Правда, в книгах постоянно встречаешься с описанием темных сторон жизни — но они кажутся какими-то чуждыми и далекими. Гораздо ближе, понятнее учение какого-нибудь философа-

идеалиста, что «благость мира — объективная реальность, потому что об этом говорит все мое существо». Весной сядешь в саду, глядишь целыми часами на небо, в тающие там облака, и кажется, что вся душа сливается с ними, расплывается где-то там, в небесной выси... Или на валу у крепости над Окским разливом — стараешься открыть пошире глаза, чтобы тихий, гаснущий вечерний свет, как в окошечки, вливался бы в них, в душу... И так ясно каждым атомом души чувствуешь, «какая красота, какая благость — жизнь мира. Пусть в моей душе есть больные изломы — это неважно. Нужно только уметь растворить эту душу в красоте мира...»

В 1919 году мы переехали в Казань. Я и Ната поступили на службу в управление Казанской железной дороги. Служба была мне полезна тем, что хоть немного приближала к реальному миру, позволяла иметь дело с людьми. Во многих отношениях в то время я была типичной барышней из интеллигентской семьи. На службе многое так коробило меня своей вульгарностью — особенно отношение наших канцелярских барышень с техниками. Я чувствовала себя глубоко оскорбленной, когда один из делопроизводителей стал делать попытки ухаживать за мной. Кто он такой? Какой-то человек восточного типа из третьего класса городского училища... Смеет ухаживать за мной... и таким вульгарным образом... Все эти длинные взгляды, многозначительные пожатия рук выводили меня из себя и вместе с тем пугали. Вообще я так боялась канцелярских романов. Заинтересовать они меня не могли, потому что в то время для меня людьми были только люди своего круга, а остальные — только фон для них. Но мало-помалу, ближе ознакомившись с сослуживцами, я невольно начинала замечать, что многие из них совсем не заслуживают такого отношения к себе. Особенно много дало мне наблюдение за одним из них. Молодой человек из рабочих, застенчивый и робкий, не имеющий систематического образования, он тем не менее имел довольно широкий запас знаний, мог говорить на все темы, поднимаемые нашим кружком конторщиц-студенток. Он впервые открыл мне глаза на то, что аттестаты не играют большой роли в личности человека. Мало-помалу я начинала сживаться с обстановкой. По правде сказать, мне было очень хорошо в управлении. Сама по себе я была из лучших служащих в управлении. Кроме того, папа был в это время помощником начальника материальной службы, и это невольно отражалось на моем положении. Конечно, в то время я не понимала таких тонкостей... Поняла позднее, после его смерти. Надо увезти детей куда-нибудь подальше в деревню, где жизнь дешевле. Ната и Вера остаются при папе. И мне самой будет легче без людей — сейчас такая душевная боль, что каждое слово кажется какой-то пыткой. Скорее бы из города, к тихой мирной жизни. Сейчас я напоминаю себе пружину — чем сильнее давление, тем более она сжимается, так и во мне вдруг появляется сила какой-то большой энергии. Моя приятельница, которая вместе со мной получает перевод на линию, усмехается, когда я говорю о своей беспомощности. Она не понимает, что это — энергия отчаяния. Ведь я знаю, что у меня ребята.

Бикбарда. Село над большим прудом. Кругом на холмах сосновые леса. На редкость красивое место, но какое-то забытое, оторванное от всего мира. Много

неожиданных сюрпризов несет оно мне. Я еще не привыкла к жизни маленьких людей, да и не привыкну никогда. Я всегда буду сама собой, в какие условия ни ставила бы меня жизнь. А тут мне так резко торопятся подчеркнуть мое новое положение, возмущаются, что я, какая-то несчастная конторщица с кучей ребят на руках, не хочу понимать этого. Заведующий конторой встречается с Таней: «Ты почему не пришла помочь моей жене полы мыть? У самой уборка? Могла бы и обождать». Я вспылила и высмеяла его как только могла. С тех пор он — мой непримиримый враг. Да, когда живешь в казенной квартире, с больными ребятами, когда выдача дров, керосина и т.п. зависит от начальства, а главное, мы считаемся мобилизованными и не имеем права отказываться от всяких дальних командировок, — есть тысяча способов заставить почувствовать свою власть. Сейчас я бы только смеялась над этим, но тогда каждое неловкое прикосновение причиняло невыносимую боль душе. В Казани около меня была Ната, здесь же я абсолютно одна. Целыми днями ждешь писем от наших, но они не приносят ничего утешительного. Тревога в душе все растет и растет. Я чувствую, что последние силы покидают меня. Мои припадки-обмороки начинают повторяться по нескольку раз в день. Я не пишу им этой правды о себе, надо их пожалеть. Мои письма говорят о пустяках, но они не понимают ничего и обвиняют меня в эгоизме и легкомыслии. Все сильнее тяжелый осадок на душе. Даже семья, которая казалась мне главной ценностью в жизни, не является поддержкой в тяжелую минуту. От чужих людей я давно сторонюсь. Что им до меня?

В довершение несчастия от малокровия у меня развивается куриная слепота. Целых три месяца, только что начнет садиться солнце, я делаюсь слепой. Даже книги не могут теперь отвлекать меня от тяжелых мыслей.

Все время в Бикбарде я чувствовала себя такой несчастной, такой одинокой. И вот на почве этого одиночества незаметно для меня самой выросла любовь к единственному внимательно и тепло относящемуся ко мне человеку. Мне был нужен такой пустяк в то время: два-три теплых слова, приносимые книги для чтения, без которых я так скучала... И я привязалась к нему всей душой. Это был мой первый роман с поцелуями. Когда он увидел, что я его люблю, он потянулся было ко мне... Говорил, что любит, целовал... Но когда по селу пошли сплетни, он испугался и отвернулся от меня. Я шла к любви, потому что мне некуда было идти. Я давно уже не верила в добро и справедливость. Когда изменила и любовь, я поняла, что для меня все кончено. У меня было несколько порошков морфия и веронал. Я думала, что этого достаточно, чтобы умереть. Я пишу в это время в своем дневнике: «Я все решила и вижу, что иначе я не могу. Я напоминаю себе человека, которому велели во что бы то ни стало пройти тысячу верст. Если он не пройдет, погибнут все дорогие, близкие ему. Он будет идти, пока есть силы, но есть ведь и им предел! В конце концов он не сможет идти, хоть и знает, что, падая, делает преступление перед своими близкими. Жить мне больше нечем... Только бы ничего не видеть, не слышать, не чувствовать...»

Но доза была недостаточна — я осталась жива...

Вера, с которой я неожиданно встретилась в Казани, устраивает меня в психиатрическую лечебницу. Тяжелое оцепенение сковывает мой организм, на мозг

словно опустилась свинцовая пелена, как трудно думать и чувствовать что-либо... У меня какой-то паралич — паралич воли: хочешь встать или поднять руку, и минут пять надо собираться, прежде чем сможешь сделать необходимое движение. Если около меня есть человек, я автоматически подчиняюсь ему: встаю и иду по чужому зову, но сама я бессильна сделать что-либо. Впоследствии этот паралич воли был не так тяжел, но тянулся он около года. Ужасное это состояние. Только через две-три недели появляется способность вглядываться в окружающее. Дом заживо погребенных. Много говорится о сумасшедших домах, но главный их ужас в том, что здесь у человека отнимают последнее, что он имеет даже в тюрьме. Здесь больной — не человек, он полуидиот-полуживотное, от которого каждый нормальный человек ждет каждую минуту самых отвратительных поступков и удивляется, если не видит их. С внешней стороны — уют, мягкая мебель, цветы, словом, то, на чем остановятся глаза редкого случайного посетителя. Он не замечает, что ни на одном из этих кресел нельзя сесть из-за вшей и из-за того, что стоит его сдвинуть хоть на полсантиметра, как по всему отделению несется крик надзирательницы... В четвертом часу некоторые больные начинают уже вставать. Хожение, разговоры... Какая мука эти общие палаты! Дай Бог какой-нибудь час подремать за ночь. Все эти больницы совершенно не рассчитаны на больного человека. Может быть, кто-нибудь, имеющий веревки вместо нервов, сумел бы хорошо здесь обосноваться. Но все несчастье в том, что сюда попадают те, кому необходима тихая, уютная обстановка. Если кто-либо из больных вздумает жаловаться — на лица медперсонала полное недоумение: «Ведь может быть еще хуже!» Главный ужас этих больниц в твердом убеждении всех, и больных и здоровых, что это навсегда.

Можно судить, какое впечатление на мою депрессивную психику произвела вся эта обстановка! «Конечно, я конченный, никчемный человек, мое место только здесь, раз я даже умереть не сумела». И я все больше и больше начала уходить в свою болезнь. Мне уже давно были свойственны навязчивые мысли. Теперь же, предоставленная самой себе, изолированная от всяких влияний внешнего мира, как дурных, так и хороших, я отдана была во власть этих навязчивых идей.

Еще в Бикбарде тоска, одиночество и свойственный мне мистицизм родили образ Невидимого. Теперь я была всецело в его власти. Может быть, этот образ немного украден мной из *Norla Mopassana*. Предшествующую зиму я три месяца по вечерам была слепая. Как-то одну неделю у меня болели уши, и я почти оглохла. Как только наступал мрак, я ничего не видела, ничего не слышала, только чувствовала около себя чье-то присутствие. И это ощущение неведомо кого пошло за мной. Разукрашенное мистицизмом, оно стало образом Невидимого руководителя моей жизни. В больнице я каждую секунду чувствовала, как он длинной туманной тенью стоит за мной. Он не говорил мне, добрая или злая он сила, он требовал только подчинения ему. Я должна была во всем отказаться от своей воли, без его разрешения не вставать, даже не шевелиться. «Такая безусловная покорность — только на первое время, пока ты не привыкнешь к ней, — чувствовала я его голос, — потом у тебя будет свобода движений, но твоя личность будет в моей власти». Как только я хотела послушаться его, он клал свои

тонкие белые пальцы мне на мозг, и острая боль бежала по нему, заставляла повиноваться и замирать без всякого движения. Я хотела рассказать о нем своему врачу. Невидимый смеялся: «Если не захочу, ты не в состоянии будешь это сделать». И он всегда оказывался прав: или Е.И. не придет в отделение, или при обходе забудет подойти ко мне, но во всяком случае все выйдет так, как хочет Невидимый. Он говорит мне: «Тебе надо всецело подчиниться мне, отказаться от всяких привязанностей, и это будет для тебя большое благо, потому что все те, кого ты любишь, обречены на смерть. Первый умрет отец, потом Наташа, и еще, и еще будут смерти, ты все это увидишь». Наконец Невидимый соглашается: «Хорошо, поговори, если хочешь, с врачом, называй меня больной идеей, но скоро увидишь, кто прав: я или ты». Я говорила с Е.И., рассказала о том, что Невидимый мне говорит о скорой папиной смерти. Папу в это время уже освободили, и он в Москве кончал последние хлопоты по переводу на Кавказ. Но тюрьма сломила его. Он умер неожиданно через три недели после суда. Невидимый оказался прав, тем более что разговор с Е.И. оказался безрезультатным: она забыла о нем. С этой минуты я была всецело в его власти. Болезнь все острее и острее захватывала меня.

Через два с половиной месяца меня перевели в психиатрическую клинику. К этому времени сумасшедший дом уже начинал приводить меня в отчаяние. Так мучительно было чувствовать, что и я принадлежу к числу заживо погребенных там. В клинике, может быть, будут лечить, сумасшедший дом лишь по какой-то нелепой ошибке называется психиатрической лечебницей. Лечат покоем и изоляцией. Я слишком хорошо испытала на себе эти покой и изоляцию. Самое слово «клиника» как-то благотворно действовало на меня, потому что я унаследовала от папы какую-то благоговейную веру в науку.

Жизнь в клинике так богата всякими сюрпризами. Сумасшедший дом недаром называется в простонародьи «всепрощенным домом», с него нечего спрашивать, но здесь — клиника, и поэтому так больно бьют по душе эти неожиданности. Стою как-то у окна, в том же коридоре врач делает характеристику больных двум студенткам. Слышу: «Иванова — типичная истеричка, истерия характеризуется прежде всего половой распушенностью» и т.д., и т.д. «Позвольте поближе подойти, отсюда мне не все слышно», — говорю я, но они не чувствуют насмешки в моем тоне. «Вам можно, вы интеллигентная», — получаю я милостивое разрешение.

У меня так развита свойственная всей нашей семье юмористическая жилка. Сами собой выскакивают в мозгу яркие забавные карикатуры на лечение больных душ, складываются в насмешливые стихотвореньица. Но при моем бреде греховности — это такая пытка. Я не могла простить себе этой насмешливости. Каялась и мучилась, но неизменно встречала насмешливыми замечаниями всякий неуклюжий подход к себе. Никогда я не была так насмешлива, как во время моего лечения в психиатричке. Восемь месяцев длилось это лечение, но мне кажется, что след его неизгладимой чертой прошел через всю мою жизнь. Восемь месяцев жить вне закона, быть не человеком, а сумасшедшей. Но, может быть, это имело и свою положительную сторону, дало своеобразную закалку, так необходимую

для моего вечно страдающего, мимозного «я». За его счет развивалось второе «я» — властное и гордое, не считающееся с чужим мнением. «Я есть я» — вот моя формула. «Я сумасшедшая. Живу как хочу. И пусть про меня говорят что угодно». Может быть, у меня иногда излишняя бравировка этим. Все это уже изжитое, но весь ужас в том, что закалку мне приходилось получать в то время, когда душа казалась вся сотканной из одних болевых нитей, когда каждое прикосновение рождало отчаянную боль. Никогда здоровый человек не сможет представить себе той ужасающей ежесекундной боли, из которой соткана вся жизнь душевнобольного. Больно говорить, больно думать, даже раскрыть глаза или пошевелить рукой больно, — а тут еще начались практические занятия, когда мы превратились в живой материал для студентов. Даже сейчас жутко вспомнить, какой это подчас бывало пыткой. В то время, когда каждое слово ранит душу, приходилось часа полтора подряд отвечать на ряд вопросов, порой таких бестактных, таких глупых. Какое благоденствие было бы, если бы врачи помнили, что больные прежде всего больные, и освобождали в наиболее обостренные моменты от этих занятий тех, кто наделен подобной повышенной чувствительностью. Нельзя забывать, что депрессивные больные большей частью не жалуются. Они молчат, как бы невыносимо это ни было. До сих пор не могу без страха вспомнить свое лечение в клинике. И всегда буду говорить, что самая моя тяжелая работа была служба в клинике в качестве больной. Из-за болезни работать я не могла. Мое место было только в больнице. И за него приходилось платить своей душой.

А Невидимый в это время говорил мне: «Так и должно быть: ты должна отказать от своего “я”. Это только этап в твоём подчинении мне. Я поведу тебя через все страдания мира. Ты отрицаешь этот мир, осуждаешь его. И вот для того, чтобы принять мир, чтобы все понять и ничего не осудить, ты должна будешь коснуться каждого греха. Только тогда поймешь, почему грешат люди. И когда все, все поймешь, ты приобретешь громадную внутреннюю ясность и мир духа. Но ненадолго, потому что “смерть увидавшему Иегову”. Вот твой путь, и с него возврата нет». День и ночь, даже во сне мысль, как гвоздиками, пробита этими словами. Идут два параллельных слоя мышления, один здоровый, нормальный, а под ним самостоятельный больной. Он не останавливается даже во время чтения или разговора. А когда я одна, совсем одна, как то бывает при лечении «покоем и изоляцией», эти больные представления достигают ужасающей силы. Кажется, еще минута, что-то в мозгу лопнет, и я совсем сойду с ума... А больные грезы выхватывают отдельные кусочки из философских систем, сплетают их с бредом и превращают в какой-то спутанный клубок, в котором у меня нет сил разобраться, потому что потеряна основная руководящая нить — ощущение реальности.

Клиника давит меня своим бездушием. «Звериный лик жизни» царит и здесь. Но мое депрессивное «я» еще не смеет сознательно вынести осуждающий приговор этому порядку вещей. Подсознательное компенсирует это новым потоком больных идей. Все окружающие меня вещи (мебель) — не вещи. Это только их видимость, а внутренняя их сущность — звери. Вот столик у моей постели. Он отсырел, и ящик из него с трудом выдвигается. Он упрямый. Его внутренняя

сущность — осёл. Стол посреди комнаты — это тигр. А вот в углу комнаты — страус, он изогнул голову и хочет клюнуть мне в глаза. Я отлично знаю, что все это — простая мебель, но в то же время так ярко чувствую этого страуса, что вынуждена все время закрывать глаза рукой.

Все ярче, все сильнее разрастаются навязчивые представления. Все глубже увязает в болезни. Сперва это пугает, потом появляется какое-то тупое равнодушие. Иногда возможность совсем сойти с ума даже кажется заманчивой. Совсем потерять сознание, ничего не видеть, не чувствовать. Освободиться от муки сознания, что я из-за болезни ничем не могу помочь нашим, когда они в таком ужасном положении. Ничего не помнить о Т., которого я все еще мучительно люблю, хоть и знаю, что все кончено.

Я всегда ухожу с головой во всякое дело, за какое бы ни взялась. Мой увлекающийся темперамент сказался и здесь. Страстное отрицание жизни проникает всю меня. Когда мне говорят «вылечим, вылечим», страх охватывает меня. Что значит вылечим? Ну не будет такой ужасной утомляемости, не будет навязчивых мыслей, от которых я страдаю. Но ведь нового способа реагирования на толчки жизни они мне не дадут, сущность моя останется все та же. Снова идти в жизнь такой неприспособленной, для того чтобы видеть гибель своих близких, и снова неизбежно прийти к выводу, что таким, как мы, жить нельзя, что вообще лучше не жить.

Не вернее ли идти по пути Невидимого? Он обещает мне год покоя, полную потерю сознания, чтобы я могла отдохнуть, а там уже буду не я, там будет его воля. Нет, я боюсь лечиться, боюсь опять, как прежде, быть одинокой, беспомощной.

Интересно, куда бы привела меня болезнь, если бы не две неожиданные для меня встречи. Первая из них, М.А., — ассистентка моей клиники. Живая, многим интересующаяся, она обратила на меня внимание. Правда, она почти никогда не расспрашивала меня как врач, о том, что меня угнетает, но с ней так хорошо можно было разговаривать о картинах, стихах, литературе вообще. У нее лишь изредка прорывалось, что я сумасшедшая. Я быстро привязалась к ней. Она приносила мне большую пользу тем, что ясно дала мне осознать, что есть в жизни громадная область искусства, которая всегда будет иметь власть над моей душой. Я отрицаю не все в жизни, а свое право на нее.

Вторая встреча, с Л., быстро избавила меня от всех моих Невидимых. Л. не принадлежал к клинике. Ходил туда для изучения психиатрии, которая ему нужна была как психологу. Совсем молоденький мальчик, талантливый и чуткий, он так хорошо и просто сумел подойти ко мне и вскоре стал полным властелином моей души, не менее, чем Невидимый. Никогда в течение всей моей жизни ни один человек не производил на меня такого впечатления, как Л. Слишком силен был контраст с моей клинической обстановкой. Я для него, только для него одного на всем свете была человек, а не сумасшедшая. Он подолгу разговаривал со мной, носил книги, без которых я так тосковала в клинике. Он всегда умел успокоить, отвлечь меня от тяжелых мыслей. Для меня даже его имя стало светиться каким-то особым светом. Я не была в него влюблена, нет. Это было мое очарование, как говорила я тогда. Л. стал меня лечить психоанализом. С первой же

минуты меня так поразили его слова, что Невидимый — только компенсация со стороны моего подсознательного «я», так страдающего от одиночества и беспомощности. Неудивительно, что эта идея получила такой пышный расцвет в стенах лечебницы, где нет ни одного отвлекающего впечатления. Пути Невидимого — это мои собственные идеалы жизни. Какая это глубокая истина! Психологический анализ быстро торжествует над бредом. Образ Невидимого начинает таять и исчезать. Правда, Невидимый говорит мне: «Я уйду. Для того, чтобы ты поняла, что ты должна идти моими путями. Ты хочешь верить человеку. Посмотри, ровно через год ты пожалеешь, что меня нет с тобой». Но в те дни я была всецело под влиянием Л. Молоденький мальчик, полный безграничной веры в себя, он в сущности знал жизнь так же мало, как и я, то есть знал только жизнь узкого круга хорошо обеспеченных людей. Когда я говорила ему, что моя болезнь заключается главным образом в том, что я никуда не гожусь и не умею жить, он самоотверженно отвечал, что мне надо только заботиться о развитии энергии, идти теми путями, которые он мне укажет, а об остальном заботиться не надо. У него есть связи, и он всегда поможет мне устроиться в жизни. Под влиянием его так красиво рассказываемых сказок в моей душе начинает пробуждаться робкая надежда на то, что, может быть, и в самом деле я еще смогу жить. И с этого момента мое здоровье начинает быстро улучшаться. Исчезает бессонница, галлюцинации, слабеет навязчивость, мало-помалу возвращаются силы. Л. говорит, что мне надо пересмотреть свое отношение к самой себе. Он уверяет, что я талантлива, что мне все легко должно даваться. В самом деле, почему я решила, что я никуда не гожусь. Учение мне всегда давалось шутя, служба тоже, я вижу, насколько я развитее тех студентов, которые изучают меня на практических занятиях и глубоко-мысленно констатируют мое слабоумие. Объективные данные говорят, что природа мне дала много, но субъективно я чувствую себя ни на что не годной. С этим надо бороться, надо глубже вглядываться в душевные заболевания, чтобы в будущем не давать им власти над собой.

В Л. я нашла надежную защиту от всех бед клинической жизни. В нем еще сильнее, чем во мне, была развита юмористическая жилка, и какая-нибудь мимолетная тонко-насмешливая фраза сразу освещала и давала выход из создавшегося положения.

Чтобы закончить картину своего клинического лечения, необходимо остановиться еще на одном инциденте, который теперь только насмешил бы меня, но тогда так болезненно остро прошелся по душе. После тифа я жила в деревне у Наты, и вдруг М.А. спрашивает у Веры: «Скажите, правда, что у Леночки ребенок?» В первую минуту у меня взяла верх моя юмористическая жилка. Спрашиваю Веру: «А ты не посоветовала им сделать доклад в Медицинском обществе о женщине, родившей через 14 месяцев после своего романа? Или, может быть, это они в клинике награждают ребятами своих больных, находящихся под замком?» Но чем больше я вдумывалась в эту историю, тем больше мне становилось. Да, как прав был Л., когда смеялся: «Разве вы не чувствуете, что обязаны мыслить и поступать так, как это написано у Крепелина на такой-то странице, раз на вас наклеен соответствующий ярлычок».

В эти годы у меня была какая-то болезненно обостренная стыдливость. Я очень поздно стала чувствовать, что просыпаюсь как женщина — после 28 лет, после моего второго романа. В то время я была совсем еще девочка, и для меня было настоящим кошмаром, что я уже «нечистая», еще бы, девушка, которую уже целовали. Поделом мне, что про меня теперь говорят все что угодно. Конечно, мне было больно не то, что подозревают меня в имении ребенка. Если бы он был у меня — это было бы верхом счастья для меня. Я так мечтала о «синих глазах» — тогда бы не было этого ужасающего одиночества. И кто же? М.А., которую я так по-детски уважала, которая была для меня настоящим «большим человеком». Даже при наличии подчеркиваемой ими мимозности психики она не допускает существования тонко-психологических драм, необходимо нужны грубо-фактические.

При моей ужасающей особенности — из каждого маленького события делать общие выводы — этот случай имел колоссальное значение. Он был последней гирькой, брошенной на весы и заставившей рухнуть все то громадное здание благоговейной веры в науку и больших людей, которую воспитывали в нас с детства. И отсюда стал возникать кошмар следующего года моей жизни — бездушие мира. В психиатричке мне часто казалось, что внешний мир — мираж, что нет ничего кроме «я» и душевной боли. Теперь же реальны были все предметы, но не было ничего, одухотворяющего их. В книгах были одни буквы, складывающиеся в мертвые слова, без всякого внутреннего смысла. Какой может быть смысл, когда духовный мир — мираж? Со страхом я замечала, что мой руководитель Л. теряет прежний интерес ко мне. Так остро чувствую, что он часто только из вежливости разговаривает со мной. Стараюсь закрывать на это глаза, обманывать себя... Но все же чувствую, что теперь, когда я вновь в жизни, когда мне действительно нужна помощь, я не могу идти к нему, я всецело предоставлена самой себе. Да, как прав был мой Невидимый, говоря, что я пожалею, что его нет со мной.

Как будто нарочно судьба толкает меня в те места, где мне менее всего надо было бы быть. Я попадаю в детскую столовую АРА¹⁰⁰. При ужасающей обостренной чувствительности каждый день видеть перед собой в сырость и мороз 2000 голодных оборванных детей, чувствовать, что та помощь, которую им оказывают, только капля в бездонном океане страданий и нищеты. Эти картины закрывают передо мной все. Реальными кажутся только они. А все остальное — красивые слова или сны, которыми обманывают себя хорошо обеспеченные люди. Я не могу, не хочу ничего читать... Зачем мне эта красочная ложь? Я больше не хочу закрывать глаза на правду жизни. Надо понять ее всю, всю до конца...

Как просто вести рассказ. Несколько слов — и все. А изживается это месяцами, иногда годами... Но все-таки понять всю правду жизни мне дано было только на следующий год. Сейчас меня хоть немного спасало дело. Я полюбила свою столовую, своих ребят, мне нравилось, что я сумела хорошо наладить большое, ответственное дело. Иногда страх охватывал душу: служба моя только на год...

¹⁰⁰ АРА (American Relief Administration, Американская администрация помощи) в 1921–1923 гг. предоставляла гуманитарную помощь голодающим регионам Советской России. — Ред.

Как раз в это время заплелся тот клубок, который кончился смертью Наташи. Для того чтобы спасти Нату, надо было вырвать ее из тех условий, которые толкали ее к неизбежной гибели. Прежде всего необходимо порвать с Казанью. Единственная надежда на Москву, где есть много знакомых людей с положением, которые когда-то обещали помочь. Правда, теперь я уже знаю цену всем обещаниям, но все-таки надо попытаться еще раз. Знать, что все спасение зависит от того, сумеешь ли ты устроиться в Москве, и неизбежно всюду наткаться на равнодушие, так плохо прикрываемое внешне любезными словами. Так ярко читаешь во всех: «Слишком много горя на свете, не вы одни. Всем не поможешь». Еще перед отъездом из Казани я знала, что дело будет обстоять именно так. Я шла от Наты в город. Поля были полны той прозрачной тишиной и ясностью, которые обычно несут такое умиротворение душе. Но на этот раз они только подчеркивали ту безысходность, которая сжимала нас. Я упала на траву и долго-долго плакала. Мне кажется, сколько бы я еще ни жила, я никогда не пойму так остро все отчаяние безнадежности. Если бы пробудить хоть каплю живого человеческого чувства в душе одного человека, Ната была бы спасена. В тот день я дала себе обещание всю свою жизнь строить на жалости. Мне кажется, я не нарушила этого обещания.

Три месяца пробыла я в Москве и вынуждена были ни с чем вернуться в Казань. Как жить? Куда идти? К Л., который даже не ответил мне на мое письмо из Москвы, который как-то сказал мне: «Самая ваша большая ошибка в том, что вы, подходя к людям, думаете, что это на всю жизнь». Кажется, ясно. И так все, все. Все одинаковы.

Главное правило нашей семьи — внешняя выдержка. Как бы тяжело ни было, мы не любим показывать этого. А те, кто виноват в Натаиной смерти, — еще больше подбавляли горечи в нашу жизнь, говоря с оскорбительными для нас намеками: «Удивляюсь, не понимаю, на какие средства они живут». Моя сила в гордости, но Нате, более нежной и более тонкой по душе, чем я, это было еще больнее... (В 1922 г. Елена Алексеевна, будучи членом профсоюза Нарпит¹⁰¹, некоторое время работает в столовых в качестве подсобной работницы. — М.В.) И вдруг у меня вспыхнуло самое большое и яркое чувство в моей жизни — любовь к Шуре. Это было опять, как и в Бикбарде, бегство в любовь от звериного лика жизни. Встретились мы с ним на работе. Как-то сразу почувствовала на себе его пристальный взгляд, поняла, что нравлюсь ему, и оттого стало так тепло и уютно. Высокий, широкоплечий, он был красив и ловок в движениях, в нем было что-то, сразу говорящее о твердой установке его «я». Меня в людях прежде всего привлекает ярко выраженная индивидуальность. И так неожиданно быстро развернулся наш роман. Я работала на двухнедельнике в их столовой. Ночью он шел провожать меня домой, и мы без конца гуляли, несмотря на то что стояли двадцатиградусные морозы, а я была в одном летнем пальто. Через какие-нибудь дней десять мы уже решили, что мы поженимся. Какое дело мне до того, что он простой рабочий, что он ничего не знает о том мире красочной словесной лжи, от которого я отвернулась сейчас сама. У него хороший, ясный природный ум —

¹⁰¹ Государственной организации общественного питания, существовавшей в СССР в 1920-е. — Ред.

тот трезвый ум рабочего, который составляет такой контраст с моим интеллигентским, запутавшимся в философских хитросплетениях. Это было какое-то стихийное чувство, захватившее меня всю. Чувствовала, что люблю каждым кусочком души и тела. Сколько ссор приходилось мне выдерживать из-за него с Верой и Натой. Потом махнули на меня рукой. Известное дело — сумасшедшая, чего от нее ждать?

В те вечера, когда Шура бывал у меня, сразу уходили куда-то далеко все тревоги и волнения, так тепло и ясно становилось на душе. «Шура, ты не боишься, что я сумасшедшая?» — спрашивала я. Он только смеялся: «Слушай ты больше своих докторов, они невесть чего наговорят. Я сам такой же, как ты. Сгоряча натворишь не знаю чего, а они сейчас же и скажут — сумасшедший». Каким-то инстинктивным чутьем он умел понять то, что не было ясно нашим. После сумасшедшего дома я стала какой-то чужой в семье — мне не умели простить его, не умели простить того, что я не выдержала трудной минуты. Тем сильнее и ярче было мое чувство к Шуру. Действительно, только раз в жизни можно любить так, без всяких сомнений и забот.

Но вскоре на моем небе стали появляться облачка. Главная беда была в том, что Шура был женат, у него была восьмилетняя дочь. Он говорил мне, что ни он, ни жена не любят друг друга, что они давно чужие, давно решили, что разойдутся. Я верила каждому его слову, и вдруг одна знакомая, живущая в том же доме, где и Шура, передает мне, что для его жены страшное горе, что он уходит от нее. Она целые дни плачет, не хочет слышать о разводе. Я буду строить свое счастье на страдании другой! Каждый атом моей души протестует против этого. Спрашиваю его: «Зачем ты лгал мне? Почему сразу не сказал правду?» — «А почему я знаю, любит она меня или нет. Она — чужая мне», — слышу в ответ. Закрываю глаза на будущее. Не хочется думать о нем. Знаю одно — без Шуры не могу жить. А там будь что будет. Под конец мое лучшее «я» одерживает победу. «Шура, не надо развода, — говорю я, — оставайся у жены, чтобы ей не так больно было. Если любишь меня, мне ничего не надо, будем так жить, и я очень рада буду, если у меня будет Шуреночек». Но в Шуру словно что-то затуманилось, он не согласен со мной. «Для меня близкая женщина только жена», — говорит он. И этот вечер, который я считала большим нравственным достижением для себя, был для меня последним счастливым вечером. С тех пор отношение Шуры ко мне изменилось. Я предполагала в нем большую интеллигентность, чем это было на деле, так как в это время я еще продолжала подходить к людям с отвлеченными, общими для всех мерками. Он не понял меня. Должно быть, я показала ему легкодоступной, и это сразу понизило мою цену в его глазах. А может быть, пришло время для нового увлечения. Как я узнала его позднее, он очень увлекающийся человек, причем искренно считает каждую свою новую влюбленность единственной и настоящей. Все чаще передают мне, что видят его гуляющим с другими. Спрашиваю его — правда ли это? Он кажется обиженным: «Неужели же я променяю тебя на какую-нибудь М. или Л.? Попросила меня проводить после собрания, неудобно было отказать — только и всего. Ты должна бы, кажется, уметь разбираться в людях. Зачем бы я ходил к тебе? Зачем бы

целовал, если бы не любил». Этот довод кажется таким убедительным, что возразить против него нечего, хотя инстинктивно, в глубине души чувствуешь прячущуюся где-то там за его словами ложь. Но стоит себе только представить всю беспросветность моей тогдашней жизни без Шуры, как невольно закрываешь глаза и соглашаешься верить какой угодно лжи, лишь бы не сознавать правды.

И все-таки пришел день, когда нужно было проснуться. Почти полгода тянулась моя сказка. И вдруг однажды, после большой прогулки за город, когда Шура был так мягок и нежен, так целовал меня и обещал всегда, всегда быть со мною, получаю от него письмо: пора кончить. Дело может зайти у нас слишком далеко, а он — семейный человек. Подхожу к нему, спрашиваю, в чем дело. Слышу в ответ одно холодное, жесткое «не о чем разговаривать». Целую неделю добивалась я возможности просто и откровенно поговорить с ним, спросить, почему такая перемена. И неизменно встречала грубый и холодный отпор. Это был не мой Шура, а какой-то чужой мне человек, в душе которого не было ни капли жалости ко мне. Что же делать? Оставаться в жизни одной, без Шуры, чтобы еще резче чувствовать всю ее беспросветность. Позволять себе переносить такие толчки. Нет, никогда! Надо ни капли не уважать себя, чтобы соглашаться жить при каких угодно условиях. Ната права, что надо оборвать эту бесцельную канитель. Я уже давно решила, что путь мне остается один — в университете с третьего этажа вниз на камни. Высота такая, что жутко вниз поглядеть. Здесь ошибки, как с отравлением, быть не может.

Мне хочется остановиться подробнее на этой второй моей попытке самоубийства. Насколько первая была вызвана какой-то естественной потребностью организма в покое, чрезмерной переутомленностью его — настолько вторая была актом воли. Я в это время была физически здорова, организм тянулся к жизни, его пугала мысль о том, что я собираюсь сделать. Но все мое внутреннее «я» требовало от меня этого шага, возмущалось собственным малодушием. В моей психике было еще много больных мест. Я не могла стоять над высотой без того, чтобы у меня не возникала острая импульсивная тяга туда, вниз. Этот соблазн высоты возник во мне года два назад, когда я еще была в клинике, и с тех пор жил в моей душе. Это было на одной из лекций по психиатрии, которые мне разрешалось слушать. Демонстрировалась больная П. с ярко выраженной формой истерии. Цель лекции была показать аудитории истерический припадок. Все условия были подготовлены к этому. Ассистент, зорко вглядываясь в больную, начал чтение при ней истории ее болезни, особенно выпукло напирая на обостренные моменты. П. становилась все возбужденнее, все ярче охватывало ее состояние истерического бреда, и наконец она бросилась из аудитории в коридор и забилась там в припадке. Все слушатели хлынули туда же смотреть на нее.

Я осталась одна вверху на хорах у окна. Прямо подо мной была узкая щель отвесного пролета. Я чувствовала, что стою над какой-то бездной. Странное, почти бредовое состояние охватило меня. Мне казалось, что я стою на вершине высокой-высокой горы, с которой виден весь мир с его бесконечными страданиями, что-то вроде сцены из «Анатомы»... Вот он, долг человека перед человеком, в который я когда-то так верила. Более яркого доказательства, что отдельный

человек — ничто, что он только материал для общих целей, может быть, тоже ошибочных, нельзя было дать. Какая мучительная жалость пробуждалась во мне к этому человеку-материалу. Волны невыносимой боли охватывали меня. Мне казалось, что я не выдерживаю того, что раскрывается перед моими глазами. Если бы этот просвет под ногами был бы достаточно велик и глубок, я бы в ту же минуту бросилась вниз, лишь бы не чувствовать этого порядка вещей. Даже не удержало бы сознание, что я тоже даю «им» наглядную картину, к чему приводит излишняя чувствительность. Ощущение прошло, но импульс уже был дан. С тех пор соблазн высоты завладел мной.

Помню, как однажды, вскоре после выписки из клиники, я пошла к Л. Он работал в психологической лаборатории, помещавшейся тогда в третьем этаже университета. Мы стояли с ним у перил, глядя вниз, в пролет. Я чувствовала, как что-то сжимает меня, что у меня нет прежних слов для него. Когда-то он подарил мне книжку стихов Гумилева «Фарфоровый павильон». Это название стало для меня символом наших отношений. Все его кружевное здание слов было так красиво, когда стены клиники отгораживали меня от жизни. При первых же толчках ее наш «фарфоровый павильон» развалился на мелкие осколки. Какая-то отчужденность появилась между нами, я не могу идти к нему так, как прежде. Что делать? Куда идти? Жизнь все больше и больше захлестывает меня, я чувствую ее сильнее себя. Как бы не осталась одна дорога — туда, вниз. Этот момент внес в душу какое-то твердое убеждение, что я непременно буду там, внизу.

К этому-то месту, месту нашего разговора с Л., я и пришла теперь. Жутко было в душе. Как легко было мне пытаться умереть в первый раз сравнительно с тем, что я переживала сейчас. Да, как верно, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Зачем-то нужно было начинать эти опыты со мной и бросить их, не доведя до конца, — для того, чтобы я после двух лет душевной пытки вновь пришла бы к тому, с чего начала: сознанию, что таким, как я, жить нельзя.

Л. сравнивал меня с героиней так любимого мною романа Тагора «Дом и мир» Бималой. Дом и мир... Я вышла из дома, у меня его теперь нет. Я стала какая-то чужая для своих. Мир же слишком широк для меня. В нем я жить не умею... Но вместе с тем какой-то инстинктивный страх перед смертью охватывает меня. Я не могу решиться соскочить вниз... Раньше мне казалось, что это так просто: подойти к перилам, заломить назад руки, перегнуться немного — и готово. Нет: прежде всего перила слишком высоки. Надо перелезть через них и прыгать с маленького карнизика. Это сложнее. Только два-три движения отделяют меня от смерти, и между тем я так малодушна, что не решаюсь на них. Жить... Жить без Шуры, без единственного просвета в жизни... Что угодно, только не это! Острое презрение к себе за малодушие охватывает меня. И все же в первый раз, часов в 12 дня, я не нашла в себе воли броситься вниз. Пришла сюда снова к вечеру. В эту минуту вопрос для меня сводился не к тому, что жить или нет, а к «смею или не смею» перешагнуть границу жизни. Конечно, верх взяло мое властное, гордое «я». Как! я не смею? Этого быть не может! И конечно, я посмела.

Не помню хорошенько, что было дальше. Сперва ощущение, что я бесконечно долго лечу вниз, потом острая боль удара — но вместе с тем отчетливое созна-

ние, что она легче, чем я ждала... Шум, крики кругом, и все смешалось. Смутно помню, как перевозили в больницу, где я и очнулась окончательно.

Истеричек чорт носит. Прямо немыслимо подумать, глядя с такой высоты, что человек может остаться жив, слетев оттуда на камни. Однако я отделалась только ушибами. Ни одного перелома или чего-либо подобного. Несколько месяцев было ощущение уходящего здоровья, года два сильно болели ноги — но в общем этот прыжок прошел почти безвредно для меня. Невольно приходишь к мысли, что до тех пор, пока все живые силы организма еще не изжиты, смерти быть не может. И вместе с тем — это так характерно для меня: что бы ни было в моей внутренней жизни, внешний определенный порядок ее не приостанавливается. Пока живешь, надо делать маленькие дела каждого дня. В субботу я прыгала с третьего этажа, а через пять дней, в четверг, сдавала зачет по физическому воспитанию детей. Потому что это был последний срок сессии. В периоды острых кризисов душевных особенно надо цепляться за внешние формы жизни, чтобы не упасть окончательно. Вот за эту внешнюю выдержку так сыпались на нас обвинения в симуляциях.

Дней через десять после моего прыжка умерла Наташа. Недаром мне Невидимый говорил когда-то, что я должна коснуться каждого греха мира. И на моей душе лежит отчасти ее смерть. У меня было все эти дни сознание, что жить незачем, что я сама не хочу жить, значит, не имею права мешать другим поступать так же, как и я. Я знала, что она в эти дни переживает тяжелый внутренний кризис, но я оставила ее одну, я целыми днями бесцельно бродила по улицам. Только ждала, когда немного вернутся физические и нравственные силы, так ослабевшие после моего неудачного прыжка, для того чтобы снова решиться на что-либо подобное. И все-таки смерть Наты была для меня громадным ударом, хотя я мысленно совершенно подготовилась к этому. Три дня умирала Ната в больнице, и эти три дня перевернули мою душу. Словно какие-то кусочки в ней выболели и отмерли навсегда, словно я потеряла способность все чувствовать так остро, как прежде.

После Наташиной смерти я три месяца лечилась гипнозом. Какое-то странное успокоение внес он в психику. Душа была как взволнованное море, а теперь это волнение ушло куда-то глубоко-глубоко внутрь, а снаружи оставалось навязанное извне спокойствие. Но это было именно то, что мне нужно было в данный момент. Приходилось строить жизнь на каких-то иных началах. Ната умерла, Шура ушел от меня. Правда, еще целый год я была около него, но я знала, что это не мой Шура, что в его жизни — другие. Но не было сил порвать с ним. Недаром он смеялся: «Лена меня слишком любит, она от меня никогда не уйдет». Но вместе с тем этот переломный момент был благотворен для меня. Точно я переступила какую-то границу. В одном стихотворении есть строки: «И у смерти, у жизни учись не бояться ни смерти, ни жизни». Чего мне бояться? Я потеряла все, что было наиболее дорого мне. Хуже уже не будет. Кроме того, мой прыжок был каким-то самоутверждением. Теперь твердо знаю, что всегда смогу, если надо будет, кончить с собой. Словно смерть стала в моих руках, и от этого исчез ее соблазн.

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
9.XI.1925

Когда у меня будет ребенок, я его поставлю в разумные условия... Я в общем потому и педагогичка, чтобы все свои способности приложить к воспитанию своего ребенка, без которого я не представляю своей жизни. Мне надо жить для кого-нибудь, ежесекундно чувствовать теплую живую любовь. Я всегда смеялась, что я «планета» — для меня необходимо солнце, которое освещало бы меня, давало бы смысл моей жизни... Долгие годы моим солнцем была сестра Наташа. Последние полтора года — Шура. Какая-то пустота ощущается в душе, когда в ней нет живой, действительной любви... Любовь как бы основа моего существа. Есть она — есть я. Нет ее — и во мне какая-то растерянность, моим существом завладевает то чужое, гордое и властное «я», которое я так не люблю в себе. И мне кажется, что когда у меня будет ребенок, будет неизменный объект любви — я буду «я настоящая».

Ну а сейчас я в положении идолопоклонницы без идола. Ум говорит, что это очень спокойное, нормальное состояние, при котором так хорошо работать. Но все мое существо не соглашается с этими доводами. Я как-то инстинктивно ищу к кому привязаться...

1.II.1926

С осени я живу не в углу, а в своей собственной комнате. Живу в Ивановском монастыре, в келье. Комната крошечная, низкая — в окне одна рама, входная дверь не затворяется как следует, дует... но это все пустяки. Зато своя собственная комната. Дом стоит на горе — видна Волга, холмы, леса... Летом здесь удивительно хорошо будет... Под окном внизу, на крыше сарайчика всегда стоя белых голубей — и это такой мир и уют придает всему... Колокола звонят, город где-то там внизу. Первое время я себя чувствовала, как у Роденбаха¹⁰², «выше жизни»... Если говорить простым языком — то попросту самая плохонькая комнатуха на чердаке... Но если дать волю фантазии, то получается очень хорошо...

Вообще вот уже более двух месяцев у меня все время какая-то удивительная примиренность и с жизнью, и с самой собой. И я еще раз скажу: хорошо в таком состоянии на свете жить.

15.IV.1926

Одна моя подруга говорила обо мне: «Ты интересна, оригинальна, с тобой очень интересно говорить, но с тобой трудно. Лучше себя чувствуешь с более простыми людьми...» Это глубокая истина.

25.V.1926

Кончать институт ужасно не хочется. Прямо со страхом думаю, что только еще один год остался... Жить в маленьком городке я не в состоянии, а устроиться в Казани при абсолютном неимении связей невысказанно. Сейчас мое внешнее

¹⁰² Роденбах (Rodenbach) Жорж (1855–1898) – бельгийский писатель. В начале XX в. был одним из «властителей дум» для русских символистов. Роман 1897 г. «Le carillonneur» (в русском переводе – «Зво-нар», «Выше жизни») опубликован в России в составе пятитомного собрания сочинений Ж. Роденбаха (1909). – Ред.

неустройство жизни как будто бы имеет какое-то оправдание — учусь. А когда кончу, непременно надо делаться машинкой для зарабатывания денег, надо девочек поставить в лучшие условия, чем они теперь. А я чувствую, что я абсолютно не в силах жить вне культурных условий.

Ну что будет, если я сейчас и каждую минуту буду говорить себе: через год я кончаю. В большом городе устроиться у меня нет ни малейшей надежды. В маленьком я не могу жить из-за своего психического состояния — непременно разовьется тоска, душевное заболевание и т.п. Сейчас у меня нет ни одного близкого человека и т.д. и т.д. ...Я спасаюсь бегством в любовь-жалость, потому что больше идти некуда и пр. и пр. Все это безусловно правильно. Если я не хочу лгать сама

себе, я должна честно признаться в этом. Но я все время живу в мире иллюзий — как каждый нормальный живой человек, и говорю себе, что все это потом, через год — а вот сейчас у меня есть какое-то особое чувство, любовь-жалость к Б.М., что М. производит на меня громадное очарование своим внутренним складом, что то-то и то-то меня крайне интересует, — словом, из повседневной жизни делаешь для себя завесу от этих общих выводов. Лгать себе я не выношу. Но я отодвигаю от себя правду.

20.VII.1926. Казань

Удивительное у меня сейчас состояние. Ясность и спокойствие на душе такие, каких не было никогда в жизни. Словно все мои внутренние конфликты изжиты, примирены. Иногда среди лета бывают такие удивительные ясные и тихие дни... И мне, когда вспоминаю свою наклонность к депрессивным состояниям, просто жутко становится — значит, зимой без всякой видимой внешней причины будет острая тоска и апатия. А сейчас так хорошо жить... Чувствую, что люблю самый процесс жизни. В общем, я ужасно довольна этим летом... Как красиво сейчас — у меня из окна. Луна, и вдалеке Волга золотится под ее лучами...

У меня сегодня очень яркое воображение, и хочется писать о картинах.

...Когда-то я очень любила картины Котарбинского¹⁰³. К сожалению, у меня из моих любимых открыток осталось только две. В обе надо очень долго вглядываться, чтобы ярко почувствовать их... Лет девять-десять назад я больше всего любила «Предвестников», могла часами смотреть на них. Я их всегда носила с собой в какой-нибудь книге. Часто вечером в здании Московских высших женских курсов, где по вечерам через матовые стекла потолка падает такой странный свет,

¹⁰³ Котарбинский Вильгельм Александрович (1849–1921) – исторический живописец, график. Учился в Римской академии св. Луки, в С.-Петербургской академии художеств. В 1905–1917 гг. увлекался символизмом. – Ред.

сядешь в каком-нибудь глухом уголке галереи третьего этажа, где нет никого, и глядишь без конца в картинку... И мало-помалу начинает казаться, как оживают волны тумана, охватывают всю меня, и я так ясно чувствую, как трепещут крылья херувимов, как медленно плывут облака... Особенно ярко я чувствую свет только что родившегося месяца и сиянье над головами херувимов... Даже сейчас вся эта картина живая для меня, вся дрожит и колеблется. А тогда я переживала ее каждым атомом своего существа...

Позднее я стала больше любить «Две мальвы»... Мне кажется, ни в одной картине нет такого яркого выражения отчаянья одиночества. Эту мрачную трагичность картины особенно подчеркивают летящие вороны... (Эта картина мне дорога еще по воспоминаньям. Нам с Натой открытку подарила на прощанье наша подруга Варя К. ... И вся ее судьба была судьбой одной из этих двух мальв... Любовь к человеку, который ее тоже любил... Но они оба узнали об этом слишком поздно... Они словно созданы были друг для друга... Но нелепая случайность — и жизнь Вари была сломлена... Тяжелое депрессивное душевное состояние перешло в скоротечную чахотку, и она умерла 23—24 лет... Когда я гляжу на эту открытку, я всегда вспоминаю Варю¹⁰⁴.)

Еще люблю я «После смерти» и «Могила самоубийцы». К сожалению, у меня их нет... На могиле самоубийцы растет какой-то странный огненный цветок — пламя, как у блуждающего огонька. Около какие-то остролистные травы... И чем больше вглядываешься в эти травы, тем ярче выплывает чувство отчаянья, каких-то беспредельных мрачных сил, проклятьем лежащих на этом месте... Начинает казаться, что это уже не травы, а какие-то громадные пауки... Глядишь дальше — нет, это уже не пауки, это извивающиеся черти, темные силы, которые клубятся вокруг могилы, где острой тоской горит огонек — душа самоубийцы... «После смерти» — темный ангел ведет душу, и в глазах их столько тоски, столько непередаваемого словами понимания всего, что ждет «там», — и того, что теряешь здесь на земле... Мне кажется, словами нельзя говорить о выражении глаз на этой картине...

Когда я последний раз была в Третьяковке, меня прежде всего привлекло сочетание, гармония цветов. Не столько даже обращала внимание на строение картин, как на сочетание тонов... Но все-таки, как всегда, всю Третьяковку у меня закрыл Врубель... Он на меня производит такое громадное впечатление, что после него — я не могу уже чувствовать все другие картины. Он берет у меня все мои душевные силы... Этот раз меня привлекла картина, которой я раньше почти не уделяла внимания: второй демон Врубеля — не главный демон, поверженный, полный гордого протеста — а другой демон, демон тоски... И я тут как-то особенно остро почувствовала, что действительно существует этот демон тоски, который не дает жить даже при самых лучших обстоятельствах... В моей душе так силен был этот демон. И лишь последнее время я начинаю сбрасывать с себя его власть...

И в «Пане», в его голубых старческих глазах я так ярко чувствую всю боль и тоску, ту боль и тоску русской природы, которая разлита в пейзаже, на фоне ко-

¹⁰⁴ Эта девушка упоминается и в рассказе Е.А. Ивановой об отце на с. 720. — Ред.

торого изображен Пан... Как и в «Предвестниках», я ужасно ярко чувствую в «Пане» месяц. В его колеблющемся красноватом сиянии та же боль и отчаяние...

(Пишу — и сейчас меня саму поразило. Все мои любимые картины обвеяны болью и отчаянием — хотя на душе у меня сейчас очень ясно.)

Раньше я любила Левитана. Теперь же он почти не произвел на меня никакого впечатления. Он слишком серьезный для меня. В моей душе больше радости и красок.

Сейчас мои любимые художники Врубель и Чурлянис. Чурляниса я знаю тоже только по снимкам, как и Котарбинского... Но, может быть, это и хорошо. Здесь я сама могу давать картинам те краски, которые живут в моей душе... Говорят, что Чурлянис хотел передать своими картинами музыку. Так ли это, не знаю... Может быть, это простое совпадение, но его картины, нарисованные в разных плоскостях, пробуждают во мне то же чувство, как тогда, когда во время хороших концертов мне начинает казаться, что я вижу музыку в виде облачных колышущихся волн. Кроме того, Чурляниса я люблю и потому, что ни у одного художника нет зарисовки тех удивительных обманов зрения, которые бывают в состояниях, которые я называю «делириозными»... Кажется, «Сказку» Чурляниса надо смотреть не «от себя», как мы обычно смотрим предметы, а «в себя». (Вот попытайтесь долго-долго смотреть предмет «в себя», и тогда, может быть, Вы поймете, что я хочу сказать.) Ах, какие удивительные превращения восприятия бывают в психозном состоянии, и у Чурляниса так ярко переданы эти состояния (он умер в сумасшедшем доме, кажется, в Варшаве).

Из картин Чурляниса мне больше всего нравятся «Знаки Зодиака» и «Закат». (Мне немножко смешно — «Знаки Зодиака» меня привлекают главным образом за свой колеблющийся, сияющий зеленый свет... А ведь я-то сама выдумала этот свет. Я картины видала в обыкновенном черном отпечатке. Видно, что удивительно передано освещение, — но все-таки я не знаю, какое оно в самом деле у Чурляниса. Здесь весь эффект в световой окраске — а она у меня выдуманная, может быть, совсем не чурлянисовская.)

Но наиболее сильное впечатление производит на меня «Закат»... Полосы облаков на закате... Но эти облака — не облака, а тени уходящих на покой зверей... Медленно и величаво уходят в вечность громадные слоны и за ними целый ряд других смутных теней... Удивительное впечатление! Когда я смотрю на спокойный закат в облаках — особенно за нашим Арским кладбищем — я так ясно вижу этих чурлянисовских зверей, символ грядущего покоя, уходящей жизни...

Словом, вывод: я люблю те картины, которые наиболее глубоко задевают мою эмоциональную сферу. Это будут не какие-нибудь бытовые сцены, а картины, имеющие философский общемировой смысл. Чтобы они захватывали бы «самую сущность мира...» («Смысл мира»... Порой мне кажется, что он в медленном, протяжном, все покрывающем зове далекого колокола: «Все кончится... Все пройдет...»)

29.VII.1926. Казань

На днях переезжаю на другую квартиру — в моей комнате во время дождя такой же дождь сквозь дыры на крыше идет. Но мне ужасно жаль эту комнату.

Дом на горе, да еще мое окно в третьем этаже. Даль необъятная кругом, Волга вьется, и так четко — особенно на закате — вырисовываются Услонские холмы. Все какой-то синеватой дымкой подернуто... Так как сейчас делать ничего не могу, то целыми вечерами просиживаю на окне и гляжу вдаль... Ужасно хорошо... Как-то ясно и тихо на душе от этого...

31.VIII.1926

Вот уже несколько дней — вдруг у меня на часа два-три появляются беспричинные полосы тоски — а потом опять ясность и спокойствие. Все лето было удивительно умиротворенное состояние. Казалось, что оно никогда не уйдет. Прямо жутко думать, что, может быть, это чисто физическое состояние — без всяких обуславливающих психических причин — неизбежно влечет за собой обычную депрессивную полосу, которая должна начаться через месяц с небольшим... Знаете, у меня часто холодный интерес наблюдателя к своей собственной психической жизни. Отчего тоска? Потому, что она обусловлена физическим состоянием организма? Может быть, потому все причины, казавшиеся прежде маловажными, теперь разрастаются во что-то большое, давящее, тогда как в здоровый промежуток на них и внимания не обратишь? Или же, наоборот, эти причины в самом деле серьезны, давят на душу и потому ролят тоску? Нет, в самом деле в моей душе живет какой-то демон тоски...

...Странное у меня сегодня состояние... Оно у меня бывало еще в детстве... Хочется порвать с окружающей жизнью и уйти куда-нибудь. Просто и ясно, без всяких дум, только вслушиваясь в душу, идти, идти без конца... Мне кажется, во мне живет дух старорусских богомольцев или искателей правды, которые исходили всю Россию в поисках земли Божией... Иногда этот зов затихает в душе, а иногда так томит... Хоть на одно лето, а бродяжить я непременно когда-нибудь уйду... Это дало бы такой мир моей душе...

...Года три назад я видела удивительный сон. Он часто вспоминается мне. Какой-то громадный белый зал, нечто вроде греческого храма... Папа и Ната пьют из какой-то окутанной фимиамом чаши... Этот фимиам поднимается вверх к небу. Они зовут меня к себе. Я не иду (в это время Ната была еще жива, но уже ясно было, что она умрет...). «Тогда не мешай нам... Разве ты не видишь, что это радость освобождения от жизни», — говорят они... И волны белого тумана окутывают меня. Я чувствую, как громадная, никогда не испытываемая радость заливают всю меня. Эту радость нельзя передать словами — это освобождение от жизни... И тогда я в самом деле поняла, что мне нельзя мешать Нате...

Вот когда у меня такая тоска — я так ясно чувствую что-то неживое в себе... Жить можно только тогда, когда очень, очень любишь или очень жалеешь... У меня последние годы стала моментами появляться, как я говорю, какая-то безнадежная святость. Может быть, отсутствие жизненности в организме. Когда я жалею, моего «я» нет, оно все растворяется.

...Помню, у меня в сумасшедшем доме был такой случай: у нас в отделении была одна молоденькая девушка, Наташа, совсем почти бессознательная. Все ее боялись, гнали от себя. Я ее ужасно жалела, потому что знала ее еще здоровую — она всегда на концертах привлекала мое внимание своим жизнерадостным

личиком... И вот раз одна из больных заиграла на рояле... И вдруг в Наташе неожиданно проснулось сознание. «Я вспомню... сейчас что-то вспомню... — закричала она. — Да! Вчера... я танцевала...» — и совсем сознательно прижалась ко мне и спрашивает: «Почему вы меня не боитесь? Меня все боятся... Ведь у меня сифилис...» (она была из очень распушенной семьи, сама шестнадцатилетней девочкой уже жила с сифилитиком, очень боялась заразиться, и на этой почве был психоз). Сама плачет и целует меня... Я также сижу плачу, целую ее — и чувствую, что что бы там ни было, а в эту минуту она только молодое существо, которое надо пожалеть... Мне кажется, такое отсутствие инстинкта самосохранения говорит о больших дефектах душевной организации, о ее нежизненности... Это не есть что-либо хорошее, потому что ничего не стоит душе...

X.1926

...Быть христианкой для меня значит быть душевнобольной. И главное то, что христианство как-то так преломляется в умах людей, что уводит их вдале от самой идеи христианства. Я среди них не встречала ни одного человека, который действительно любил бы людей, страдающих, грешащих людей. В свое время я много бывала в различных христианских и евангельских кружках. Нет, настоящая жалость — любовь, которая нужна мне, не здесь.

Марксизм словно указал мне путь, по которому я должна идти, — хотя и знаю, что каждый правоверный марксист схватится за голову при виде того, во что он <марксизм> перерабатывается мной.

26.IX.1926

Осень действует... Тоска. У меня каждую осень какой-то депрессивный период...

Какой в депрессивные периоды гадкий осадок на душе от своих писем остается. Ну чего ради болтаю? Отсутствие задерживающих центров.

18.XI.1926

Написанную для Вас автохарактеристику я давала читать двум своим приятельницам. Одна говорит, что есть известное самолюбование. Точно я сама отойду от себя на шаг и полюбуюсь. Другая же говорит: «Нет, это ваша обычная манера писать. Тот же тон, как и при составлении школьных характеристик. У вас всегда какое-то любовное отношение к своему объекту, и вы стараетесь вести читателя за собой, заставить его любить описываемое лицо».

23.II.1927

Сколько времени прошло со дня Натаиной смерти, а до сих пор я еще ни разу не сказала, что она была права...¹⁰⁵

8.IV.1927

В этом году у меня очень рано кончился мой зимний период. Вот только солнышко выглянуло, побежали ручьи, и я опять почувствовала, что я живой человек... Зимой же я всегда такая сжатая, с резким, угловатым подходом ко всему...

¹⁰⁵ Выдержка из письма показывает на продолжение депрессивного периода, начавшегося в ноябре 1926 г. — М.В.

Мне бы, собственно говоря, на зиму, как зверюшкам, нужно было бы в свою норку на спячку забираться. Ни с кем не разговаривать, никому не писать...

...У меня сейчас такое ясное весеннее настроение, словно сразу рухнула стена между мной и людьми, и так кажется ясно и просто подходить к ним, и хочется, чтоб и ко мне так же подходили. Даю себе слово никогда никаких внутренних трагедий из-за отношений с людьми не устраивать. Если будешь ясно и любовно подходить к ним, то не будет никакой боли. Словом, вина во мне одной, в моем неумении. Сейчас у меня такое чувство, словно я это неумение изживаю, словно эта ясность будет чем-то навсегда приобретенным.

После целого ряда жизненных конфликтов и неудач Елена Алексеевна пишет:

11.X.1927

Я теперь все чаще жалею, что я не в Средние века живу... Я бы тогда какая-нибудь юродивая была — и гораздо больше на своем месте, чем сейчас. Боюсь, что все-таки и теперь это мой путь...

15.XI.1927

После переезда в Агрыз мне сперва казалось, что я, как гусеница, вся в кокон завернулась... Мне даже нравилась эта изоляция от внешнего мира... А потом вспомнились не-тронь-меня <бальзамины> — когда я была девочкой, у папы в оранжерее их было так много, и я любила их мучить. Идешь мимо ряда их и проводишь по ним рукою, а они сжимают листочки... Вот и мне казалось, что я так же все листочки свои сжала. Хотелось как можно больше уменьшить свою поверхность, чтобы внешний мир ее не касался. Это не внутреннее сжатие — нет. А только внешнее...

20.IV.1928

Не знаю, следствие ли это чрезмерного переутомления, но вот уже второй месяц ужасно гадко у меня психическое состояние, которое даже меня саму тревожить начинает. Абсолютно ничто не интересно и ничего не хочется. Поставишь себе вопрос: «Хотела бы себе я этого — (ну, самое для меня желанное в прежнее время). Нет, и того не хочу! Уж на что я всегда своего ребеночка иметь хотела. А теперь и этого не хочу. Словом, ничего не хочу. У меня подобное состояние было перед клиническим заболеванием, так что меня это беспокоит. Ну да ничего. Скоро лето. Авось тогда оживу немного.

...А ведь ужасно глупое это состояние — жить только потому, что ты, как маленькое колесико, включена в работу громадного механизма и он своим вращением заставляет и тебя вращаться... Живешь только потому, что жизнь жить заставляет.

Л.Л. Семенищенкова

Окончив институт, Елена Алексеевна добровольно едет работать в Казахстан, в отделенный Актюбинский округ. Потом два года на Урале, на стройках первой пятилетки. По возвращении четыре года работает в одной из школ Сталинграда.

(Достоевский и современность. 1991. Ч. 2. С. 144)

М.В. Волоцкой

Я видел Елену Алексеевну в августе 1933 г., когда она приезжала в Москву. Она очень увлечена своей педагогической работой и отдает ей все время — с раннего утра до позднего вечера. Работает заведующей учебной частью и преподавателем физики в далекой провинции.

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому

30.VIII.1933

Раньше, когда я училась в вузе, я работала только «постольку, поскольку». Тогда казалось, что много работала, но тогдашняя работа по сравнению с теперешней — пустяк и вся была овеяна настроениями. Теперь же по характеру работы мне нельзя быть мягкой. Чуть начнешь походить немного на себя — сейчас же падает дисциплина в школе и в коллективе педагогов. Все время приходится быть волевым началом школы — значит, глушить свое мечтательное «я» и жить вторым, властным и энергичным...

Мне нравится административная работа, нравится, что у меня широкое поле для инициативной работы, а не только для выполнения чужих начинаний... Я вообще увлекающийся человек, не умеющий ничего делать наполовину. Поэтому если уж работать — так работать. Надо сказать, что всю прошлую зиму у меня было такое отчаянное душевное состояние, что я от самой себя пряталась в работу. Сейчас, после лета, у меня тихое умиротворенное состояние. Раньше я вся была как-то в ожидании будущего (не от того ли и моя романтичность?). А теперь вся в настоящем. Я остановилась. Вот вчера утром я шла к себе в школу. Было такое тихое, теплое, серое и туманное утро... И я думала: как это утро напоминает мое душевное состояние — удивительная предосенняя тишина и какая-то ясность в этом сером тумане.

6.X.1937

Написала два ругательных письма — проф. Шестакову, автору хваленного учебника по истории народов СССР, и в газету «За коммунистическое просвещение» по поводу этого учебника. Конечно, они не рискнут напечатать этот отзыв после вручения авторам 75 тыс. премии. Но мы с учениками 5–7 классов прошли за шесть уроков 11 страниц, и я (и даже ребята) обнаружили на них 11 ошибок.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 458)

Л.Л. Семенищенкова

В 1938 г. страну всколыхнули события в районе озера Хасан. Е.А. Иванова добровольно едет на два года в самый глухой Мазановский район Амурской области. Суровый климат вынуждает ее переехать в Казань.

В 1941-м Е.А. Иванова ведет агитационно-массовую работу¹⁰⁶ <за которую через восемь лет будет награждена орденом «Знак почета»>.

(Достоевский и современность. 1991. Ч. 2. С. 144)

¹⁰⁶ В то же время в Краснодаре ее родной брат Юрий сотрудничает в фашистской газете. — Ред.

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

15.II.1944

Возобновление прервавшейся в годы войны переписки заставило меня особенно ярко почувствовать, как много Вы значите для моей души. И, вместе с тем, заставило много раз почувствовать все мои былые вины перед Вами, когда я часто была очень угловата и резка и никогда не умела и не хотела дать Вам почувствовать, сколько у меня в душе теплого чувства к Вам...

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61)

Л.А. и Н.Н. Спивак

После Великой Отечественной войны Елена Алексеевна много лет занималась краеведческой работой, главным образом изучением партизанского движения на Брянщине. Ею проделан колоссальный труд – архивные поиски, встречи с ветеранами боев, походы по местам боевой славы вместе с брянскими школьниками¹⁰⁷. Твердо отстаивающая свои взгляды, чуждая всяким компромиссам, Елена Алексеевна часто конфликтовала и с местными властями, и с другими исследователями, и с самими ветеранами боев.

(Записано Н.Б.)

Она стала прототипом Анны Владимировны Алексеевой – главной героини рассказа Б. Каченовского «Незванная гостья»: «Сощурила подслеповатые серо-голубые глазки – на ней и платье было серо-голубое, и коротко стриженные волосы тоже мерцали серо-голубым – и, склонив голову набок, стала внимательно его разглядывать... Чудная старуха! Получит пенсию – сразу в город едет. Накупит сладостей, вернется, соберет ребятишек со всей деревни и закатывает пир. Со сказками, выдумками, играми. А через неделю сидит на бабах. Да что пенсия! Она Народицкому, этому прохвосту из столицы, такой материал подарила! На ее “былях” он и сценарий фильма написал, и спектакль, говорят, где-то шел. Обещал старуху в соавторы взять, да “позабыл”, видимо. А старуха даже и не обиделась. <...> Как ушла на пенсию, так кроме своих “партизанских былей” ни о чем больше и не мыслит. “У меня документы, факты. Шесть тысяч свидетельских показаний, листовок, донесений, рапортов, приказов... Вся война партизанская в моих чемоданах!” Киночерк сделать бы об этой старухе! Как много вместилось в одной жизни. Но он <герой> хорошо знал: старуха теперь не в чести. За ортодоксальную приверженность фактам некоторые считают ее полусумасшедшей, другие – кляузницей. ...По должности – никто, пенсионерка. А по сути? Ее-то не отнесешь к статистам. Ее можно не любить с ее манерой резать в глаза правду-матку. На нее можно злиться, но презирать ее как-то не получается. “Партизанский летописец!” – любит себя называть. Она и есть партизанка... От нее не отмахнешься. Трудно сказать, счастлива ли она, нет ли, но почему-то ей завидуешь».

Л.Л. Семенищенкова

В 1951 г. Елена Алексеевна приезжает в Брянскую область. Сначала работает в Трехбратской средней школе, потом – в Сещенской. Тридцать лет отдала она учительскому труду. Но началом главного дела жизни Елены Алексеевны стал доклад о партизанке Вале

¹⁰⁷ Подобной работой занималась и М.В. Савостьянова (№ 394, с. 658) в Ленинграде. – Ред.

Сафроновой, погибшей в годы Великой Отечественной войны. Рассказ учительницы взволновал ребят, и они стали приносить ей свои рассказы о родных и близких, участниках военных событий. Е.А. Иванова организует исторический кружок с целью создания летописи народного героизма. А дальше – публикация в журнале «Знамя» (№ 8, 1955), многочисленные статьи в газетах о подвигах народных героев. Собирает материал о Сещенском подполье <...> о партизанах 1-й Клетнянской дивизии, <чтобы впоследствии передать в архивы больше 4000 страниц записей.> <...>

<В поздравительном письме от Союза писателей СССР>, подписанном К. Фединым, говорится, что патриотическая деятельность Елены Алексеевны хорошо известна не только во Всесоюзном юбилейном комитете по празднованию 150-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, но и всем тем, кто интересуется историей нашей родины. <...> В ее альбоме¹⁰⁸ на пожелтевших от времени листах хранятся вырезки из «Красной звезды», «Учительской газеты», «Брянского рабочего». В них представлена поистине народная оценка ее дела. Эта оценка содержится и в личных письмах ее адресатов. Из одних этих писем, наполненных благодарным чувством, можно было бы составить целую книгу. Они приходили со всех концов страны, ежедневно, и ни одно из них не оставалось без ответа. Эти ответы – тоже книга, по отдельным страницам разосланная по адресам. На пороге своего 75-летия, сломленная физически неизлечимой мучительной болезнью, Елена Алексеевна все возможное время отдает переписке. Реальное ощущение значимости своего дела определяло то состояние духа, которое поддерживало ее жизненные силы. <...> Среди бумаг я нашла такую запись: «Страшна жизнь-прозябание, когда не можешь работать. Я боюсь не иметь возможности работать». И еще одна: «Душа возраста не знает». Ее душа не знала возраста.

(Достоевский и современность. 1991. Ч. 2. С. 144–147)

Н.Н. Спивак

Так как после войны многие из ее героев разъехались в другие города, Елена Алексеевна сначала во время школьных каникул, а потом, выйдя на пенсию, и в другое время ездила к этим людям, чтобы записать их рассказы. Все это делалось на небольшую учительскую зарплату или пенсию; ей и в голову не приходило обратиться в краеведческий музей или в администрацию области за финансовой поддержкой. Поездки бывали со множеством пересадок, путешествовала она, как правило, в общих вагонах, но это нисколько ее не смущало. Без копейки денег возвращаясь из очередной поездки в Москву, где обычно бывали пересадки на ее маршрутах, она жила у нас до очередной пенсии – дома ей было бы просто нечего есть.

Тетя очень гордилась тем, что именно благодаря ей двое из героев ее разысканий – Аня Морозова и Костя Поваров – были посмертно удостоены звания Героев Советского Союза. Мало того, с имени Поварова были сняты позорные обвинения в пособничестве оккупантам – на самом деле он работал у немцев по заданию партизанского командования, получая таким образом ценнейшие разведданные.

Когда Елена Алексеевна накопила огромный материал, встал вопрос об издании книги. Ни литературно обработать, ни тем более пробить его через какое-нибудь издательство сама она не могла. Через один из толстых журналов Елена Алексеевна познакомилась

¹⁰⁸ Ныне хранится в фондах Дома-музея Ф.М. Достоевского в Старой Руссе. – *Ред.*

с писателем Овидием Горчаковым¹⁰⁹. Тот сразу оценил все открывающиеся перед ним перспективы. К тому же от его внимания не ускользнуло и слабое место тетушки – необыкновенная гордость родством с Достоевским. Вместо соавторства – «ну и что из того, что будет ее одна книжка под фамилией Иванова?» – он предложил написать большую вступительную статью, где обещал не только всячески подчеркнуть роль Елены Алексеевны в собирании фактического материала, но и указать на ее родство с великим писателем. Так Елена Алексеевна потеряла и авторство, и все права на гонорар.

Книга «Вызываем огонь на себя» <1960> получила огромный тираж, к тому же О. Горчаков всячески выпячивал роль бежавших к партизанам из немецкого плена поляков и чехов, благодаря чему она была переведена на польский и чешский языки. Затем по мотивам книги в 1964-м Сергей Колосов поставил четырехсерийный фильм под тем же названием. Аню Морозову играла Людмила Касаткина, в фильме также снимался Ролан Быков.

После всех этих событий Елена Алексеевна в прах рассорилась с Горчаковым. Но отнюдь не из-за гонорара! Она не могла смириться с его «художественными допущениями», ведь Горчаков сильно преувеличил боевые заслуги иностранцев, приписал действия целых групп партизан лишь одному человеку, оставив других героев партизанского движения безымянными, и проч. Елена Алексеевна бомбардировала Горчакова гневными письмами, но это, разумеется, ни к чему не привело...

(Записано Н.Б.)

«Комсомольская правда» (Ю. Солдатенко) – Е.А. Ивановой
26.III.1960. Москва

Мы разобрались с Вашими письмами по поводу публикации в газете «Комсомольская правда» материалов о Сещенском подполье. Согласны с Вашим мнением, что в повести тов. Горчакова следовало бы более четко указать Вашу роль в собирании материалов о делах патриотов. <...> Издательство «Молодая гвардия» при подготовке повести к изданию также учтет указанное обстоятельство. Что же касается материальной стороны дела, то, поскольку автор повести тов. Горчаков и у Вас с ним была непосредственная договоренность, мы не можем чем-либо помочь Вам.

«Комсомольская правда» (А. Елкин) – Е.А. Ивановой
19.VI.1961. Москва

Редакция «Комсомольской правды», еще раз рассмотрев Ваши письма, сочла необходимым опубликовать в номере от 16 июня с.г. рецензию на книгу О. Горчакова и Я. Пшима-

¹⁰⁹ Горчаков Овидий Александрович (1924–2000) – прозаик, киносценарист, журналист. Участник Великой Отечественной войны. Член КПСС с 1952 г., Союза писателей СССР с 1965 г. Лауреат премии им. Ленинского комсомола (1968). Литературный псевдоним Гривадий Горпожакс (совместно с Г. Поженяном и В. Аксеновым). Автор многих произведений о войне и разведчиках. – Ред.

новского «Вызываем огонь на себя», где четко определена Ваша роль в собирании материалов по Сеще. В рецензии мы говорим, что Вы «добыли большую часть фактических данных» о сещенском подполье.

Мы думаем, что после опубликования этой рецензии вопрос исчерпан и наша переписка закончена. Надеемся, что Вы с нами согласны.

(Ст. Русса)

453. Иванова Наталья Алексеевна

423 / 424

([25.XI] 1898 — [3.VII] 1924). [Окончила гимназию с золотой медалью.] Студентка Восточного педагогического института в Казани. В 1922—1923 гг. служила учительницей.

Многokrатно покушалась на самоубийство, пока наконец не нашла смерть, отравившись и повесившись одновременно.

А.Р. Лурия

Всегда стояла в центре семьи. Любила общество детей. Последние годы жизни находилась в состоянии глубокой депрессии. В 1923—24 гг. — ряд попыток самоубийства.

(Письменные характеристики. М.В. IX.1924)

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
20.IV.1928

У Наты изредка бывали припадки с полной потерей сознания, судорогами лица и т.п.

19.III.1925

Удивительная одаренность Наты стала проявляться с раннего ее детства. Ей не было еще четырех лет, когда она самоучкой научилась читать. Пяти лет она уже читала по-русски, по-французски и по-немецки... Как только я помню себя (мне было около пяти лет — ей около трех), мы с ней писали «стихи»... Ритм, конечно, был более чем неправильный, но рифмы мы уже подбирали... Ученье нам давалось как-то шутя. Мы с ней кончили гимназию с золотыми медалями — и при этом даже не считали нужным покупать учебников... С раннего детства она все свободное время отдавала чтению... Нас как-то странно воспитывали — мы почти не видали детских книг, а начали прямо с классиков — с четырех-пятилетнего возраста. И нам они не были скучны... Ната целые дни проводила за книгами... Она прочла колоссальное количество книг... Часто без разбора — все, что попадется под руку, и хорошее, и дурное... Став взрослой, я часто спорила с ней по этому поводу... «Зачем читать ерунду?» — говорила я, а Ната возражала мне с тем светлым оптимистическим взглядом на мир, который был у нее: «Как бы ни плоха была эта книга — все же она может родить тысячи хороших мыслей... Надо уметь находить хорошее во всем».

И этим умением «находить хорошее во всем» она имела громадное влияние на всех соприкасающихся с ней... Как бы ни тяжело, серо было на душе — после разговора с ней (и я, и наши подруги) уходили успокоенными, просветленными...

Главное ее очарование было в удивительной мягкости и гармоничности ее натуры... В ней была какая-то глубина и непрестанный духовный рост... Не видишь ее какую-нибудь неделю — и вот в ней уже что-то новое, неуловимое, чего не было раньше... Она ушла опять вперед... Это было для меня большим страданием. В своем духовном росте я не поспевала за ней — и во мне всегда рождалась какая-то ревнивая тревога. Мне хотелось быть близкой к ее душе, а она неизменно ускользала от меня... Она была слишком тонка и изящна для меня. Я не могла ее понять так глубоко, как хотелось бы... Ната была глубокая эстетка по природе. Она так умела чувствовать все красивое... Ужасно любила стихи, музыку, живопись... Сама писала изящные стихотворения и повести... Она умела рассказывать детям удивительные сказки, тонкие, нежные... Иной раз рассказ тянется часа полтора-два гладко и плавно, не останавливаясь ни на минуту... Вся сказка — целое стройное художественное создание, а она ею выдумывается тут же, сию минуту, во время хода рассказа... Начиная его, она еще не знает, о чем будет говорить дальше... А получается изящное художественное произведение... Мне так жаль, что она не записывала своих сказок. Она любила рисовать — и хорошо рисовала, но только карандашом или коричневой краской. Иных оттенков не любила... Одно время поступила было в художественную студию... Мы все любовались ее рисунками с гипсовых бюстов... Но она слишком строго относилась к себе... «Нет, это не то, что надо...» — обычно говорила она, и когда мы уехали в Казань, она не стала учиться рисовать дальше... Впрочем, сама для себя рисовала все время...

Когда мы с ней жили в Москве, она всю зиму чуть ли не каждый день отправлялась в Музей изящных искусств и там глядела на древнегреческие статуи... И когда она мне с подружкой объясняла что-либо об этих статуях, нам всегда казалось, что у нас какие-то иные, чем у нее, словно слепые глаза... Она подметит какую-нибудь малейшую деталь и ею словно осветит все... Особенно много времени она проводила около «Умиряющего Адониса»... «Пусть он считается не особенно удачным произведением, пусть у него неестественное положение тела и пр. и пр., но главное — то выражение умирания молодости, которое так удивительно схвачено», — говорила она... (Это был год тяжелой депрессии у нее — и, может быть, тогда уже зарождались в ней те мысли, которые впоследствии привели ее к концу...)

Основной тон ее настроения был какой-то мягкий и светлый... Из-за маминой болезни нелегка была наша жизнь. И вообще какая бы неприятность ни случалась, она задумается, бывало, ненадолго, потом встряхнет головой и скажет: «А все-таки, Леша, мы неправы... Надо смотреть светлее», — и начнет доказы-

вать, отчего и почему. У нее было удивительное умение говорить — и при этом глаза становились такими лучистыми... Мягкость и примиренность во всем.

Я — порывистая, неровная, я чувствую, что всегда иду самыми крайними выступлениями и того гляди оборвусь... Но пока около меня была Ната, она своим умиротворяющим влиянием умела сдерживать, выравнивать меня, всегда указывала мне мои ошибки. Вообще все ее влияние на семью было громадно... Как сейчас без нее потускнела и посерела жизнь... Вообще вместе с папой и Натой ушла душа семьи... Дети инстинктивно во всем подражали Наташе. Когда в студии она рисовала гипсы, у нас весь дом был охвачен манией рисования. Вся столовая сверху донизу была завешана рисунками, «выставкой картин» детей (Сережи, Лили и Иры), и даже двухлетняя Лелечка, дочь брата Юрия, настаивала, чтобы ее каракульки вывешивались тут же. Ната любила рассказывать детям — и вообще она делала нашу жизнь как-то духовнее и красивее. Неудивительно, что она была самым любимым человеком в семье...

Наташа всецело унаследовала удивительную папину выдержку... Она всегда была неизменно ровна, от нее невозможно было ждать какой-нибудь резкой выходки... Выдержанность, мягкость и тактичность были основными свойствами ее характера, которым так часто приходилось завидовать мне, так как я по своей горячности делаю много глупостей... Она всегда так мягко успокаивала меня, доказывала, что какая-нибудь моя глупость — пустяк, так как во второй раз я ее не повторю.

(Даже теперь, за неделю до смерти, когда я спрыгнула с третьего этажа, она сказала мне: «Все хорошо, что хорошо кончается. По крайней мере, теперь можно быть спокойной, что ты второй раз не спрыгнешь... Убедилась на опыте, что это не всегда ведет к желаемым результатам...»)

Необходимо указать также на ее удивительную скромность, граничащую с самоунижением... С раннего детства она любимица семьи. И дома, и в гимназии — все твердят, что она что-то необыкновенное... У многих на ее месте развилось бы большое самомнение... У нее же его ни капли не было... Может быть, этому способствовало сильно развитое во всех нас критическое чувство, а также и депрессивность... У Наты был ясный, оптимистический склад характера. Но в ее жизни в 1916—1917 году около года была полоса сильной депрессии, полной потери веры в себя... Этот приступ она поборолась... Зато после папиной смерти на нее нашла полоса отчаянья. Оно становилось все сильнее. Последние три года ее жизни — сплошная душевная боль и отчаянье, которые и привели к концу. Может быть, в глубине ее души всегда жила эта больная струя: все ее стихотворения глубоко меланхолического характера, даже в ту пору, когда душа ее казалась ясной. Ната была слишком скромна и замкнута в себя. Несмотря на ее одаренность, ее надо было уметь заметить... Она была как бы как улитка в своей раковинке. Но кто раз подходил к ней и испытал на себе силу ее очарования, тот не мог уже от него отделаться... Но для этого нужно было быть тонко-интеллигентным человеком. Обыкновенно при поверхностном знакомстве — все обращали внимание на меня, а не на нее. Во мне больше самоуверенности, живости и податливости внешним впечатлениям. Но разглядев нас, все уходило от меня к Наташе... Иначе и не могло быть.

Наташа не была красива... Но ее сильно скрашивали большие карие лучистые глаза и какая-то мягкость и женственность во всем облике... И еще одно — у нее были удивительные руки. Беспомощные, нежные и изящные — в том месте, где кисть прикрепляется к руке... Таких рук я ни у кого не встречала... Они у нее были такие выразительные... Взглянув на них, я всегда безошибочно могла сказать, в каком она настроении. (Иногда бывает, что у человека весь его характер сказывается в какой-нибудь одной части тела — так, у Веры в губах, у Наташи в ее руках.) Я всегда смеялась, что ее руки доказывают, что она художница и барышня-белоручка... И это была правда... В ней была какая-то беспомощная неумелость перед физической работой — и прямо как-то дико представлять себе Наташу занятой ею... Впрочем, эта неумелость сильно ее мучила в последние годы... Напрасно убеждали мы ее, что она дает семье гораздо больше, чем физический труд (последние три года ее жизни — во время моей болезни — все-таки главный заработок в семье был ее), что она центр нашей семьи; эта неприспособленность к жизни в бедности была лишним доказательством в ее глазах — бесцельности ее существования...

За что я так высоко ставлю ее? Не столько за талантливость, сколько за удивительную мягкость и гармоничность натуры и громадную силу характера. Для нее всегда слово и дело было одно и то же. Вся она была олицетворенная мягкость, женственность и самопожертвование. Она всегда и во всем уступала другим, где это можно было...

У нее с раннего детства была исключительная любовь к папе (и у папы к ней, он все свое внимание уделял ей). И для папы она готова была пойти на что угодно. В последние годы, после революции, у папы появился какой-то болезненный страх за нас. Ему хотелось, чтобы мы никуда не выходили из дома... Мне это было ужасно тяжело. Часто не хватало впечатлений, чувствовалась какая-то нравственная духота, мозг словно ссыхался без новых мыслей и впечатлений. Хочешь идти куда-нибудь... Папа сейчас же спрашивает: «Куда? Зачем? Чего там не видала?» Ната, уже одевшая пальто и шляпу, снимает их и говорит: «Я не пойду... Неужели трудно остаться, если папе этого хочется»... А ей, более тонкой, более одаренной, чем я, эта замкнутая жизнь должна была быть еще невыносимее... Но «папа хочет» — было для нее законом...

Неожиданно папа умер — умер одинокий, когда он ездил хлопотать о переводе на Кавказ¹¹⁰. Весь год борьбы за него оказался бесплодным... В результате мы не помогли ничему. И Ната не могла перенести этого. Она оказалась сломленной. Я в это время была в сумасшедшем доме. Ей одной (Вера много беспомощнее нас) пришлось в голодный год бороться за семью... Наконец она получила место учительницы в маленьком местечке... Серая тягучая обывательщина, сплетни, сплетни без конца, убогость интересов окружающих — это была слишком тяжелая обстановка для больной души... И ни одного сочувственно относящегося человека... От скуки там все только и занимались, что поедом ели друг друга... Уйти оттуда из-за семьи нельзя было... И эти два года еще более помогли прийти к концу... Какое-то серое безнадежное отчаянье овладевает душою... Папина

¹¹⁰ А.А. Иванов заразился тифом в поезде (с. 718). — Ред.

смерть слишком ярко показала, какими детскими были все наши светлые оптимистические взгляды... Мы остались совсем одинокими, поддержки ждать было не от кого... Ее нежная душа не могла жить без любви... Необходимо было иметь хоть маленький огонечек, где можно было бы согреться от холода жизни... Случайность это или неизбежность, но она полюбила одного человека, единственного интеллигентного человека в их местечке... Блестящий и легкомысленный, у которого все идет поверх души. Он мог быть сильно и глубоко взволнован, но только на секунду... А там дальше одно скольжение по поверхности, без малейшей попытки вдуматься в свои поступки...

Он не сумел понять того, что ей нужно только любить его, что в этом своем чувстве она нашла бы защиту от холода жизни... Она согрелась бы своим собственным огнем. Он здесь почти что ни при чем... Ему нужно было бы только не допускать грубых поступков по отношению к ней... Она слишком хорошо понимала его. И когда она увидела, что любит его, — она поняла, что для нее все кончено, и отравилась. К несчастью, неудачно. И с этого момента начинается сплошной кошмар... Я не могу писать об этом...

Из последней тетради дневника Н.А. Ивановой¹¹¹
15.X.1923

Как победить в себе отвращение к жизни? Целый день я так остро чувствую, что я бесконечно устала от жизни. В сущности, самое плохое то, что во мне самой что-то сломалось и уж, наверное, никогда не починится. Нет у меня желания жить, да и только. Сейчас я только что вернулась с концерта Блиндера¹¹². Некоторые вещи были очень красивы. Но когда я себя в эти минуты спрашивала, что было бы лучше: продолжать слушать игру или же ничего не чувствовать, вся моя душа стремилась к небытию. Я не понимаю, что со мной сделалась. Мне непонятно, каким образом я пришла к желанию смерти. Ведь это же такой ужас! У меня всегда была такая жажда жизни, какой-нибудь год назад я ручалась, что никогда не покончу с собой, особенно из-за любви. А весной, когда А.И. в первый раз показал мне коробку с морфием и сказал, что этой коробкой можно отравить многих, я в одну секунду решила, что я отравлюсь этим морфием. И мне стало тогда даже весело от этой мысли. И сразу меня эта мысль захватила целиком.

19.X.1923

Сейчас получила письмо от Кати¹¹³, в котором она пишет, что собирается отравиться. Я вполне ее понимаю, и, может быть, поэтому мне так жаль ее. Как много у нас среди родственников людей, покончивших с собой или делавших попытки к этому! Может быть, оттого мне и не кажется странной мысль о самоубийстве. Кате я все-таки буду советовать не травиться, потому что это слишком

¹¹¹ При чтении этого дневника нужно принять во внимание, что писался он человеком, находившимся в состоянии глубокого психического расстройства. — М.В.

¹¹² Блиндер Наум Самойлович (1889–1965) — российско-американский скрипач и музыкальный педагог. В 1920–1928 гг. преподавал в Московской консерватории и регулярно гастролировал за рубежом. — Ред.

¹¹³ По всей вероятности, от своей кузины Кати — приемной дочери Ольги Александровны Ивановой (с. 728). — М.В.

трудно и отравиться и остаться жить гораздо хуже, чем жить, не сделав такой попытки. Но по совести могу ли я желать, чтобы она осталась жить? Мне так жаль ее. Смерть все-таки покой. Но у нее дети. Если б у меня был ребенок, я бы никогда не думала о смерти. Мысль о смерти все-таки так и не отходит от меня. Собираюсь я травиться еще или нет? Я сама не знаю. Сознательно я как будто отбрасываю эту мысль, а между тем иногда у меня в сознании так ясно всплывает мысль о том, что я должна умереть, и я уже начала опять доставать лекарства. Меня тяготит мысль о наших, но ведь я делала все, чтобы остаться жить. Я его просила помочь мне, а он оттолкнул меня. Нет, я все-таки не буду очень виновата, если отправлюсь опять. Мне больше всего в жизни недостает простой человеческой ласки. Я так и смотрела на его поцелуи. Я думала, что он понял это так. Но за то, что он вернул меня, не подумав, может ли он дать мне хоть простое более или менее хорошее человеческое отношение, я его безусловно осуждаю. Нельзя так легкомысленно относиться к таким серьезным вещам. Не может он дать этого — не надо, но удерживать меня в таком случае нельзя было. Это совершенно лишняя жестокость по отношению ко мне. Какой в сущности грубый у него взгляд, что мужчина может быть виноват перед женщиной, только обольстив ее или подав определенные надежды. За то, что он всем своим таким гадким отношением ко мне толкал меня на смерть, он себя виноватым не считает — ведь он в это время не подавал никаких надежд. Поцелуй — это большая вина, а самое ужасное издевательство над моей душой — пустяки, раз оно не сопровождалось поцелуями. Все мое поведение он истолковывал по-своему, и поэтому оно приняло в его глазах такую скверную окраску. Впрочем, в этом же я сама тоже виновата. Все его слова я понимала на свой лад. Каждому его слову, за которым у него ничего не скрывалось, которое было только слово, я придавала то значение, которое, казалось, в нем было.

28.X.1923

Вот уже несколько дней, как у меня в душе что-то разлагивается. Опять усиленная тоска и отчаяние. Жизнь кажется такой гадкой. Он дал мне ключ к пониманию жизни. Раньше я верила в жизнь и даже еще летом я совершенно не понимала ее. В его словах последний раз было так много жизненной правды. Ко мне не может быть простого человеческого отношения, так как я некрасивая, неинтересная женщина. Поэтому естественно его отношение ко мне, хотя оно и приводило меня к отравлению. Самое гадкое, безобразное отношение ко мне еще слишком хорошо для меня. Вся моя любовь — ничто, раз я некрасива. А вот Сара за свое идеально красивое тело будет всегда встречать с его стороны теплое отношение, хотя она говорит про него самые безобразные циничные вещи, по-животному разбирая свои отношения с ним как с мужчиной. Вся ее пошлость прощается и остается незаметной, ведь у нее красивое тело. Вот настоящая жизнь. И я чувствую, что мне нет места в жизни. Я так верила, что главное в человеке — его порядочность, интеллигентность. А между тем это совершенно ненужно. Я себя не уважаю, но если б я была совершенным человеком, ничто бы не изменилось. Раз я некрасива, все кончено. Будь я последней дрянью или будь идеально хорошим человеком — это безразлично. Как трудно приучаться к такому взгляду на

жизнь... Лучшее, на что я рассчитывала, — это просто дружеское участие. При том неуважении и презрении к себе, которое я чувствую, я никогда и не могла желать большего, так как я слишком люблю его и яснее кого бы то ни было вижу, что я ему не пара, что я его не стою. Как он не понимает, что если бы у меня была бы хоть самая маленькая надежда, я никогда не стала бы травиться. Сегодня утром я ходила на кладбище. Как на машине¹¹⁴ гора, так здесь кладбище — места, которые видели мое самое сильное отчаяние. Там никогда никого не бывает, и можно делать что угодно. И сегодня я очень долго плакала там, плакала до того, что у меня стала кружиться голова и показалось, что я сейчас, сейчас упаду в обморок. Как это ни странно, у меня, кажется, опять начинает развиваться малокровие. Я часто опять испытываю чувство уходящего здоровья, которое было во мне так сильно во время цинги. У меня все время идет большой разлад тела и духа. Вот уж нелепость — «В здоровом теле — здоровый дух»!

Ел. Ив. как-то дала мне удостоверение, что у меня душевная болезнь — циклотимия. Я не знала, что это за штука. Я как-то обмолвилась и сказала вместо «циклотимия» — «цикломатия». Как раз в это время читала Фрейда «Психопатологию обиденной жизни», и я стала разбирать, почему я переврала это слово. И очень ясно увидала, что я вовсе не случайно так поступила. Я выделила слог «мат», так как подсознательно я думала, что в душевной болезни моей, как и во многом другом тяжелом, виновата мама. Как я отношусь к ней? Мне страшно жаль ее, но иногда у меня в душе поднимается осуждение ей. Мне стыдно за это чувство. Но я думаю тогда, что ведь вся бы наша жизнь сложилась иначе, если бы не мама. Папа всю жизнь зарабатывал очень много денег. Мама их тратила самым нелепым образом. И в результате мы остались буквально нищими, и папочка поэтому умер от истощения. Я все могу простить, что относится ко мне, но раз дело касается папочки, я чувствую, что не могу простить.

Иногда я думаю, желала ли бы я, чтобы вдруг каким-нибудь чудом оказалось, что папочка жив. И кажется, я не желала бы этого. Мне было бы стыдно встретиться с ним. Я оказалась таким слабым, беспомощным человеком после его смерти, я делала так много дурного, что мне было бы стыдно, если бы он знал это. Никогда бы я не стала травиться, если бы он был жив. Но в то же время я чувствую, что он простил бы мне решительно все, если бы я рассказала ему, как я страдала, он слишком любил меня. И для него лучше не знать этого. Я рада, что он так и не узнал, как тяжело жилось мне и Вере. Мы старались не показывать ему этого. Но вот опять у меня возникает вопрос, правы ли мы были, стараясь обещать его от всего ужасного. Когда внезапно раскрылась вся Ленина история с Т., для него, может быть, лучше было бы, если бы он был подготовлен. Он не знал, как мы жили без него. Но иногда какой-нибудь отдельный рассказанный эпизод вдруг открывал все темные стороны нашей жизни. Он старался закрывать глаза на это, но я чувствовала, как жутко ему становится тогда. Если бы он знал о том, как плохо мы жили, может быть, последние минуты его жизни были бы легче. Может быть, лучше всегда знать правду, как ни ужасна эта правда.

¹¹⁴ Машиной в дневнике сокращенно называется прежнее место службы Наты. — М.В.

Я сейчас только заметила, что у меня в дневнике всегда преобладает ассоциативное мышление. Почему это? Не потому ли, что писание дневника как-то успокаивает всегда. Если бы я не писала сейчас, я бы продолжала думать о том, как ужасна жизнь, такая, как я ее сейчас понимаю. А теперь у меня в душе возникает много мыслей, связанных с папой, вспоминается он, его любовь, и на душе теплее становится. Хотя в прошлом есть за что зацепиться.

Возвращаюсь к Фрейду. Он говорит, что в обмолвках всегда раскрывается чрезвычайно много. Я проверяла свои обмолвки и вижу, как часто в них открывается скрытое желание. Так я, когда шла к врачу, чтобы подписать рецепт на веронал, прочла вместо «контора-отправитель» «контора-отравитель», очень характерно для меня (впрочем, это не обмолвка, а нечто другое, но все равно, я то же замечала и на обмолвках). И вот мне очень интересно, что скрывалось под обмолвкой А.И.: «Я верю, что у вас не только симуляция»... Если это скрытое желание, чтобы я была симулянткой, я понимаю его. Все-таки, хотя для него моя смерть, именно как смерть, была бы безразлична, приятнее думать, что я комедианничаю, чем сознавать, что он своим отношением ко мне заставляет меня отравиться. Но, может быть, в этой обмолвке сказалось его настоящее отношение ко мне, и это меня очень тяготит.

28.X.1923 вечером

Пусть он относится ко мне как угодно, я буду любить его всеми силами своей души. Я чувствую, что эти минуты делают меня лучше, что они удаляют меня от жизненной грязи. Мне так жаль, что они редки. Большею частью я чувствую себя такой несчастной от его отношения, мне так больно, что он опошливает мою любовь, а несчастье всегда только портит человека. Я хотела бы сохранять в себе эти минуты.

Несколько лет назад я поняла, что надо молиться не об исправлении внешних обстоятельств, а о том, чтобы у меня самой появилось больше силы переносить все испытания. И сейчас я молюсь не о том, чтобы переменялось и улучшилось его отношение ко мне — это невозможно, — а о том, чтобы во мне самой сохранилось неосуждение ему. Я чувствую, что в такие минуты моя любовь выше и чище.

30.X.1923

Сегодня в первый раз после очень долгого промежутка времени мне вдруг захотелось учиться и работать. Весь месяц я иногда ходила на лекции и на семинарий, но меня ничто абсолютно не интересовало. А сейчас мне хочется что-то делать. Это уже настоящее жизненное настроение. Неужели и для меня будет возможно пожелать жить? Пока у меня этого желания еще нет совершенно, но неужели же оно может появиться?

Чего я желаю теперь для себя? Желать по-настоящему можно только того, что исполнимо. Неисполнимые желания приобретают совершенно иной характер, и я не буду их брать сейчас. Прежде всего, я хочу сохранить в своей душе неосуждение ему, сохранить свою любовь, не испортив ее самой. Потом хочу учиться, хочу выбиться из нищеты. Нищета накладывает свой отпечаток на человека, но все презирают нищету гораздо больше, чем следует. Вот уже несколько лет мы нищие

и везде встречаем пренебрежение. Я чувствую, что не могу держать себя естественно в обществе, так как всегда слишком остро чувствую, что все смотрят на меня как на нищую, что никто не станет равнять себя со мной, даже не зная еще, что я за человек. Только исключительно интеллигентные люди, как Штуцер, не будут нас осуждать за нее. Мы не могли не стать нищими. Если бы мы цеплялись за имущество, папе жилось бы еще хуже. Мы были тысячу раз правы, не жалея ничего. Но нас за это все будут презирать. Как все-таки несправедлива жизнь.

2.XI.1923 вечером

Целый день у меня такое скверное настроение. Теперь, когда все развалилось, меня тяготит каждая мелочь. Иногда я прямо физически чувствую, что у меня все нервы перегорели, что мне больно от всякой мелочи. Вот в этой боли, гораздо более сильной, чем она должна быть, судя по обстоятельствам, и заключается моя душевная болезнь.

Сегодня я чувствую себя очень скверно из-за одного обстоятельства. Кажется, на машине говорят уже, что мы барышни с поддержкой. Таня слышала, как Сара и Ася П. удивлялись самым обидным для нас образом, на какие средства мы живем. Положим, Таня и Лиля в своих рассказах сильно преувеличивают наше благополучие. Это понятно. При моем увольнении машинные высказали надежду, что мы будем умирать с голода. Потому девочки уверяют из самолюбия, что нам живется еще лучше, чем раньше.

Мы нищие, и сколько обидного, незаслуженного презрения мы встречаем за это. Но как только мы покупаем какую-нибудь вещь, сколько помоев выливается на наши головы. Таня пришла в новых башмаках и платье, которые она купила, продав старую ватную кофту, и про нас говорят уже разные гадости.

Мне все равно, что говорят про меня на машине, но мне страшно больно, что ведь он, может быть, тоже испытывает это обидное удивление, что мы не умираем с голоду.

4.XI.1923

Сегодня видала сон, который пробудил в мне много больных воспоминаний. Как будто опять вечер перед его отпуском. Он просит подождать его и уходит на моих глазах гулять с Олей Ч. Я жду его, он не идет. На небе поднимается луна, и чем выше она поднимается, тем меньше у меня надежды, что он придет. На душе становится все холоднее и холоднее. Я думаю: «Не может быть, чтобы он не пришел. Ведь я же умру из-за него завтра. Не может быть, чтоб он так грубо смеялся надо мной». Вдруг он показывается вдали. Мне становится стыдно за себя, что я могла сомневаться в нем. Он улыбается мне, подходит все ближе. Я протягиваю к нему руку, а он вдруг насмешливо улыбается, берет под руку откуда-то взявшуюся Сару, оба оглядываются на меня и уходят. И я слышу, как Сара громко хохочет надо мной. Я сажусь на крыльцо, плачу и думаю: если так, я отравлюсь сейчас же. Дальше уже идет какая-то ерунда. Собственно, этот сон почти точная копия с действительности, и поэтому мне так тяжело от него. Время любви — праздник жизни. У меня вместо праздника один кошмар получился.

Мне сейчас очень больно, что я его иногда осуждаю. Нужно просто принимать все дурное, что в нем есть, без осуждения. Любовь и осуждение нельзя сов-

местить. Где-то говорится — «понять значит простить». И мне надо понять его дурные поступки. Лена вчера была у О.Н. Она говорила, что Фаня В. рассчитывает, что он на ней женится. Н. говорила Жене Л., что он хочет на ней жениться. Сара рассказывает, что он «намеками» сделал ей предложение. Кто же из трех прав? Может быть, еще несколько барышень, которых я не знаю, рассказывают тоже. Думаю, что более всего права Н. Как я отнеслась бы к тому, если бы он женился? Мне было бы очень тяжело, но трагедии из этого я бы не сделала. Теоретически я ему, конечно, желаю самой большой любви. Но если бы это случилось, мне было бы тяжело. Здесь невозможно бороться с собой. На меня часто нападает такая бессмысленная ревность. Мне стыдно за себя, но я не могу видеть около него ни одной молодой женщины. И как только я начинаю ревновать, мне всегда хочется сейчас же отравиться. Я знаю несколько минут, в которые я бы непременно отравилась, если бы был яд под рукою. Я все-таки хотела бы не дожить до этого времени.

Ольга Николаевна очень жалеет меня. Мне как-то странно, что нашелся чужой человек, который, зная про мои отравления, только жалеет меня без всякого презрения ко мне.

14.XI.1923

Боже мой, что я делаю! Я сегодня была у <В.>, и она обещала мне достать к субботе синильной кислоты за то, что я ей достану кокаину. Я совершенно спокойно обещала достать кокаин, хотя взять его мне решительно негде. Я так просто лгу, когда достаю яд. Я повторила ту же историю, что и летом. Если она мне достанет (думаю, что достанет, кокаин ее очень привлекает), я отравлюсь. У меня постоянно бывают минуты острого отчаяния, и при первой же такой минуте, если под руками будет яд, я отравлюсь. Я чувствую, что это страшная подлость по отношению к нашим, и все-таки ничего не могу с собой сделать. В душе что-то страшно холодное поднимается. В конце концов, все люди подлецы, почему же мне не сделать подлости? Мне не жаль той жизни, которая меня ждет. Но мне безумно жаль той жизни, которая могла бы быть, если бы он хоть немного лучше относился ко мне, если б в прошлом не было этого издевательства над моей душой. Ведь мне так мало нужно, чтобы жить. И все-таки этого у меня нет.

17.XI.1923 вечером

Синильной кислоты я не достала сегодня. В. не пошла в аналитику. Я себя очень скверно чувствовала от этого, а сейчас, к вечеру, как-то успокоилась. Я очень легко отношусь к смерти. Если бы достала сегодня кислоту, я была бы уже мертва. Ну что же, подожду еще. Ведь я так бесконечно долго жду удобного случая. И как только он представится, я отравлюсь. Я боюсь, что с синильной кислотой выйдет какая-нибудь ерунда. В. сегодня испугалась и не пошла. Вчера я была с ней, но не было пузырька. Она показала, где что стоит, и предлагала мне идти одной. Я очень боюсь, что не сумею ловко отлить нужное количество раствора. Если бы была чистая кислота, я бы не боялась. В худшем случае в одну минуту можно принять ее, а где я умру, мне безразлично. Но я боюсь, что если начать пить раствор, то я не успею выпить нужное количество и опять останусь жива, только скандал выйдет, а скандальных историй и так слишком много было.

Меня очень тяготит, что я доставлю нашим огорчение. Я бы и рада была не доставлять им горя, но ничего не могу сделать.

Вчера у нас дома была ужасная сцена. Татьяна прочитала мой дневник (нужно будет найти новое место, чтобы прятать его), сказала Лене, что я собираюсь отравиться, у Лены у самой было очень истерическое состояние, ну и началось. Иринка плакала, Лена уверяла, что она отравится сама и отравит Иринку (знаю наверное, что этого она не сделает), вообще было страшно тяжело. Мне было очень больно все это, и в то же время меня одолевал дикий истерический хохот. Мне было так жаль Ириночку, а я хохотала и не могла удержаться. В общем, гадкая, безобразная сцена. Ужасная я дрянь! Но не могу я удержаться. Как только представляется возможность достать яд, я ничего не могу с собой сделать. Меня тянет отравиться, и это желание сильнее меня.

19.XI.1923

Какая ужасная тоска! Сегодня в первый раз я не боюсь повешения. Постараюсь достать еще раз яд. Не удастся — повешусь. Не могу жить при таких условиях. Я проклинаю каждое мгновение своей жизни. И мне сегодня хочется сделать с собой что-нибудь, причинить себе какую-нибудь сильную физическую боль. При таком же душевном состоянии я весной обварилась. Если б у нас был острый нож, я бы стала себе руки резать, постаралась бы вены разрезать. Какая мука сознавать свое бессилие, когда хочешь умереть и не умеешь!

21.XI.1923

Сейчас вечером я выпила четыре рюмки самогонки, и все-таки тоска не проходит. Сначала в голове был сильный туман, какая-то слабость в руках и ногах, было смешно на себя, что трудно ходить, а на душе все равно скверно. Видно, душевную боль ничем не заглушишь. Нет, не могу я больше тянуть. Ли пришла с машины. Думается мне, что все рассказы о его неудачной женитьбе — обычное машинное вранье. Я рада, если это так. Отчего я его не ревную к жене? Неужели я уже настолько отошла от жизни, что не могу ревновать? Какая ужасная безумная тоска на душе! Так ясно сознаю, что вся жизнь развалилась, что никогда не может быть никакого улучшения. Мне даже желать нечего. Как я могу желать, чтобы он лучше относился ко мне, если ему нужно насиловать себя, чтобы сказать два-три слова. Если бы мне пришлось говорить с ним, я знаю, что мне было бы страшно больно. А не видеть его еще больнее. Нет, у меня никакого выхода нет кроме смерти. Может быть, я больна. Особенность моей психики та, что время не заглушает душевной боли, а только усиливает. Через пять месяцев после папиной смерти мне было тяжелее, чем через неделю. Так и теперь. Чем дальше, тем больнее. Как жить, когда сзади такое гадкое отношение ко мне, которого я никогда не забуду! Все равно я буду травиться до тех пор, пока не умру. Даже мысль о физической боли не так пугает меня, как обычно. Ведь все-таки это не долго. Несколько часов, и конец. Мне очень, очень жаль наших, и чувство виноватости только усиливает мое страдание. Раньше я осуждала его за то, что он не захотел истратить полчаса времени на то, чтобы я могла жить, не чувствуя отвращения к жизни. Теперь не осуждаю. Он раньше меня увидел, что моя жизнь ни-

чего не стоит. Значит, и пяти минут не стоит тратить. Только отчего мне все-таки так больно от этого? Видно, невозможно примириться и думать без боли о том, что моя жизнь кончена. Мне очень больно смотреть сейчас на Иринку. Что будет через несколько дней? Ведь я заставляю ее плакать. Бедная моя девочка. Зачем моя жизнь превратилась в такой ужас? Я никогда не думала, что один человек может заставить другого так страдать. Но несмотря на все страдание, которое я получила из-за него, моя любовь не уменьшается, скорее растет. И вместе с тем растет сознание, что все-таки эта любовь какая-то нелепость, никому не нужная, только изломавшая меня всю. Я никогда не пишу, что я думаю о жизни вообще. Мне так страшно думать об этом. Я не верю в загробную жизнь, но если б она была, я знаю, что Бог простил бы меня, слишком много я страдала.

Мне очень хочется вспомнить сегодняшний сон. Я видела его, он был Пилатом. Что-то интересное снилось. Но почти всегда, когда я вижу его, я моментально просыпаюсь. Сейчас стараюсь думать о чем-нибудь безразличном. Завтра будет завтра. Не хочу об этом думать.

22.XI.1923

Целый день прошел впустую. Утром была в аналитичке, отлила большую склянку 2% раствора цианистого кали. Слава Богу, все сошло благополучно, никто ничего не заметил. Провела самый ужасный день, испытывала самое сильное отчаяние. Наконец вечером, собравшись с духом, сделала глоток, другой, третий и увидела, что раствор так слаб, что никакого действия не произведет. И все мои переживания были попусту. Но я вывела из сегодняшнего дня несколько заключений. Во-первых, я совершенно не боюсь смерти, во-вторых, очень боюсь физической боли, в-третьих, как бы я ни боялась чего, я всегда сумею заставить себя сделать что хочу. И когда и эта попытка сорвалась, мне даже не было грустно, скорее даже легче стало, так как прошло напряженное состояние. Теперь я знаю, что мне делать дальше.

Вечером была у Ш.В., долго разговаривала с ней. Но не могу я согласиться с ней. Все ее взгляды построены на религии, а я мало религиозна.

27.XI.1923

Несколько дней на душе боль как-то тише. Как всегда после вспышки усталость, сознание невозможности умереть и в связи с этим мысли о попытке жить. Сегодня встретила К. в библиотеке. Часа полтора разговаривала с нею. У меня от нее осталось очень хорошее впечатление, когда мы летом вместе лежали в больнице. И потом, она не совсем нормальна, и это сразу меня к ней расположило...

Вчера целый день у нас была Сара. Каким вульгарным, пошлым, грубым человеком является в ее рассказах А.И. Сара говорила, что Зина и Зоя рассказывают, что он обещал на них жениться. Итак, я знаю уже пять девиц, рассчитывающих, что он женится на них. Недаром он говорил: «Меня любите не только вы, а еще одна... и еще одна... и еще одна». Мне хотелось передразнить его и сказать: «Вас любят не только одна, а еще десять и еще двадцать, и еще сто». Как хорошо я все-таки теперь понимаю трагедию вечного жиды.

29.XI.1923

Ужасно скучно сейчас. Не тоска, а просто скука. Кончила писать реферат, в субботу читаю его. Буду теперь усиленно готовить психологию. Нет, и писать скучно. Мне хочется поскорее кончить эту тетрадку. Раньше всегда бывало, что в отдельные тетрадки укладывались определенные периоды жизни. И мне хочется думать, что и с этой тетрадкой кончится теперешний период жизни. Мне так надоело все теперешнее. Сегодня так хочется чего-нибудь нового. Пока эти дни желание отравиться отодвинулось от меня, но ведь оно снова, вероятно, вернется. Я сейчас подсчитала, сколько раз я собиралась что-нибудь сделать с собой. Целых девять раз! Шесть раз что-нибудь мешало. Мне хочется в эти дни за-тишья как-нибудь постараться избавиться от этих мыслей. Если бы случилось хоть что-нибудь хорошее, что могло бы придать мне хоть чуточку бодрости.

4.XII.1923

Три ночи подряд у меня сильная бессонница. С вечера я засыпаю и вижу сон про него, все что-то очень тяжелое снится. Потом просыпаюсь и часа четыре лежу без сна. Никто мне не мешает, и я лежу и плачу. Под конец страшно устаю от слез и засыпаю тяжелым крепким сном. Днем чувствую себя очень скверно, ничего не могу делать. Приходится делать громадные усилия, чтобы не плакать в самое неподходящее время. Иногда на улице, на уроке мне нестерпимо хочется заплакать. Сегодня я видела ужасный сон. Будто приходит Фаня и говорит, что А.И. несколько дней назад умер и его уже похоронили. Я чувствую, что во мне все останавливается от ужасной душевной боли. Она говорит: ведь вы не будете травиться? Я, чтобы отвязаться, говорю: нет, нет, а сама думаю — да неужели я смогу прожить хоть сутки, если он умер. Я отравлюсь через несколько часов, как только достану яд. И тут меня поражает несправедливость жизни. Я так безумно люблю его — и все же я не имею права знать, что с ним, как он живет, мне никто не сказал, что он заболел и умер. В это время я проснулась и сначала почувствовала громадное облегчение, что это только сон. Но потом на меня нашло ужасное отчаяние. Мне так хочется хоть на минуту увидеть его. Я все бы отдала, чтобы встретить его на улице. И в то же время мне так больно думать, что, вероятно, когда он увидит меня, у него будет такое сухое пренебрежительное выражение лица, от которого мне станет еще больнее. Если бы мне сказали, что я сейчас могу его увидеть на одну минуту и в нем не будет видно пренебрежения ко мне, но за это я должна сейчас же отравиться сулемой, я с радостью бы согласилась.

Если бы раньше кто-нибудь мне сказал про подобные переживания, я нашла бы, что подобные переживания могут быть только у сумасшедшего человека. Неужели я сумасшедшая? Но ведь я вполне логична, даже слишком логична в своих поступках. Я работоспособна. Ведь я почти не работала над рефератом, а Васильев очень расхвалил его, сказал, что это великолепное, вполне научное изложение; Трепетников — что он приходил в отчаяние от состава слушателей, а теперь видит, что и среди них есть люди, способные работать, и т.д. И все-таки я сама не могу утверждать, что я психически здорова. Какое ужасное клеймо душевная болезнь в глазах здоровых людей. Мне сейчас вспомнилась одна сценка летом. Дня за четыре до Казанки у меня был небольшой обморок. Лилька

зачем-то побежала за А.И., и он узнал таким образом об этом. И после этого все дни до Казанки он был очень сух и холоден со мной. Мне странно, как он, медик, мог осуждать меня за такую болезнь. Ведь не вольна же я в подобных уже чисто физических поступках. Я еще понимаю, что какие-нибудь эпилептические припадки могут вызывать невольное отвращение, но ведь у меня была только потеря сознания, не больше чем на минуту, и то, когда он пришел, я уже очнулась. Между прочим, меня саму очень интересует этот обморок. У меня до него больше года не было никаких припадков. Я потеряла сознание, и когда пришла в себя, я чувствовала себя как обыкновенно, только сердце сильно билось. Но вся энергия моя разрядилась, и я не могла уже ничего сделать, что хотела. Неужели это мое подсознательное «я» запрещало мне самоубийство? В ночь перед этим я сидела на окне, он подошел ко мне и долго разговаривал. Раньше я не чувствовала никогда так сильно, что в нем есть ко мне участие. Мне больно сейчас думать, что это был только бессознательный обман с его стороны. Он говорил, что он очень расположен ко мне, что он теперь постарается избавить меня от желания смерти, будет каждый день ходить со мной гулять и т.д. Ни капли надежды на какое-нибудь чувство с его стороны у меня не было. Но на душе так тепло и хорошо стало от его слов. Целый день я его не видала, а вечером, когда пошла в лес, он не обращал на меня ни малейшего внимания, был занят только Сарой, и я очень ревновала его в тот вечер. Вечером я получила бумагу из Наркомпроса об откомандировании меня на курсы в Казань, и все машинные дамы и девицы злорадствовали на мой счет. Мне было так тяжело от всего этого, и тогда я в первый раз поняла, что у него нет никакого участия ко мне, и, когда мы вернулись домой, я вдруг решила, что нельзя тянуть дальше со смертью, что скоро может случиться то, чего я так боялась, — потеря его участия ко мне, и я решила, что умру в тот же вечер. Около мастерской есть глубокий бак, устланный железными плитами, как мне говорили, и я решила, что я брошусь в него и разобьюсь. Над плитами на аршин воды, так что если б я не разбилась насмерть, все равно я захлебнулась бы. Я вдруг поняла, что я действительно решилась сделать это, что через несколько минут я разобьюсь, и тут у меня случился обморок. Как скверно, что, может быть, подсознательные решения могут идти вразрез с сознательными. Может быть, это заговорил инстинкт жизни. Но сознательно я безусловно желала смерти.

Я очень искренна по отношению к себе. Вот у Веры страшная трусость мышления. Я себе всегда сознаюсь во всех переживаниях, хотя бы сама считала их гадкими и мне было стыдно за них. Между прочим, меня на днях занял один вопрос. Я прочла в одной книге Фрейда, что мазохизм есть причинение себе боли и что эта боль доставляет наслаждение, но все это на половой подкладке. И меня занимает один вопрос: нет ли у меня в зачатке этого порока? Весной, когда я обварилась, у меня все-таки, несмотря на боль, было известное удовольствие от удовлетворенного желания. И на меня иногда нападает острое желание сильной физической боли, чтобы заглушить душевную боль. Мне часто хочется изрезать себе руки. И я знаю, что если б я это сделала, я опять испытала бы некоторое удовольствие. С одной стороны, я думаю, что все-таки нельзя считать подобные переживания порочными, так как обвар руки, конечно, не может вызвать никаких

половых ощущений, но с другой — мне хочется доставлять себе боль, чтобы выместить на себе все свои неудачи в любви, так что все-таки нельзя отрицать того, что это желание имеет некоторую половую подкладку. Я всегда так осуждала порок — и неужели во мне самой есть что-то порочное. Как я буду себя презирать, если убежусь в этом. Но ведь я так ненавижу всякую пошлость и грязь. Ведь моей большой ошибкой было то, что я бросала читать книгу, встречая в ней что-нибудь грязное. Если б не было этого, я, может быть, лучше бы знала жизнь, и тогда не было бы стольких тяжелых минут.

19.XII.1923

Я каждую ночь вижу во сне А.И., и мне страшно больно это. Как верна пословица: кто мало требует, тот ничего не получает.

22.XII.1923

Какая в сущности гадкая вещь мой дневник. Вся накипь души, все скверное, злое, что есть во мне, выливается в него. Мой дневник — это обвинительный акт против А.И. И в нем совершенно не отражается моя любовь к нему. Здесь только осуждение. И в то же время не писать я не могу. Это доставляет мне большое облегчение. Написав что-нибудь, точно вытолкнешь это из души. Не напишешь — осуждения больше останется в душе. Милый мой, любимый, как все-таки я его люблю. Мне самой так тяжело осуждать его. Как ужасно хочется видеть его. Ли ушла на машину сегодня, увидит его там. У меня в душе созрело одно определенное решение, но я боюсь писать о нем, так как не уверена, что никто не читает моего дневника. У меня в душе к нему чувство такой громадной нежности. Если б я прожила еще много лет, я все равно так же любила бы его.

27.XII.1923

Как я ужасно устала. С какой бы радостью я сделала это сегодня. Отчего время на меня действует противоположным образом, чем должно? Чем дальше, тем больше боли. Я с завистью думаю о лете. Ведь все-таки когда я думала, что он считает меня симулянткой, я знала, что это только недоразумение, что это обвинение так нелепо и может выясниться правда. Теперь же нет никакого утешения. Чем дальше, тем сильнее расстраиваются у меня нервы. И чем дальше, тем яснее и яснее убеждаюсь, что в моей жизни никогда ничего хорошего не может быть. Каждая мелочь так больно бьет по нервам. Вчера я долго училась, у меня было очень удобное для учения настроение. И вдруг <Таня> мне сказала, что недели две назад видела его на улице. В сущности, ведь в этой фразе ничего ровно не заключается, а меня она совершенно выбила из колеи. Я весь вечер плакала из-за нее и после, когда проснулась, тоже плакала. И сейчас, когда пишу, тоже плачу. Мне стало так больно, что все могут хоть видеть его и только мне одной это недоступно. Самая маленькая радость отнята у меня. Почему же я должна жить? Я никак не могу простить себе Казанки. Как я могла поверить ему и вернуться! Все мои несчастья начались с того дня. Нет, все-таки он ужасно несправедлив по отношению ко мне. Он пробудил во мне жажду жизни и заставил отравиться несмотря на это. За то, что я выздоровела, он наговорил мне столько грубых, гадких вещей и оборвал все отношения. Не знаю, считал ли он меня симулянткой,

но он заставил меня думать, что считает. Я ему сказала, что если ему хоть немного тяжело будет от моей смерти, я не буду больше травиться. Он мог мне просто серьезно сказать, что моя смерть для него безразлична, а он захохотал над моими словами и просто издевался потом надо мной. Он говорил мне фразы вроде такой: «Ведь вы вошли в мою жизнь, чего же вам еще надо?» Я раньше не думала, что у него в душе столько раздражения против меня, и меня это просто испугало. Всеми своими словами он заставил меня отравиться снова. А когда я достала веронал, он отнял его силой, пригласив всю машину полюбоваться на устроенную им комедию. У меня до сих пор в ушах звучит хохот О.И. и Сары, когда он отнимал веронал у меня. Жить после этого нельзя было. Я отравилась опять. Я не виновата, видит Бог, не виновата в том, что выздоровела. И тут я почувствовала себя совершенно сломленной, неспособной на новую попытку. Я написала ему записку, прося прийти ко мне. Если б он пришел ко мне, я знаю, что я примирилась бы с тем, что надо жить, так как чувствовала себя такой виноватой перед нашими. И только тут в первый раз ясно сказалось его истинное отношение ко мне. Ему было некогда истратить на это полчаса времени. На машине сплетничали про него. Ни к кому из тех, кто сплетничал, он не изменил своего отношения, зато на мне выместил все свое раздражение. В последний раз я ему сказала, что чувствую, что я гибну, один он может спасти меня и сделать это для него ничего не стоит; он ответил так резко, что ему нет дела до меня. И на другой день он сказал <Тане>, что он хорошо относится ко мне, но мне мало такого его отношения. Нет, слишком много, чтобы вынести это. Но как больно сознавать свою гибель, видеть средство спастись и знать, что он не хочет этого сделать. У меня душа изломана, но какие-то силы в ней есть, и если бы он хоть немного лучше отнесся бы ко мне, я знаю, что эти силы победили бы под конец все больное во мне.

13.I.1924

Сегодня конец этого года. Что я желаю себе в этом году? Прежде всего, душевного мира, неосуждения и довольства собой. Дай Бог, чтобы это исполнилось! Я больше не буду писать дневник, отчасти потому, что его читают другие, отчасти потому, что дневник мой сплошное осуждение А.И. Не хочу его осуждать. Пусть он был несправедлив ко мне, пусть он ничего не понял в моих душевных переживаниях — все равно. Я люблю его, люблю на всю жизнь. И я сама во многом виновата перед ним. Ведь наряду с плохим у него бывало и безразличное отношение ко мне, ведь последнее время перед моим отравлением он пытался относиться ко мне лучше и не мог. Это уже моя вина. Да и почему я так желаю

хорошего отношения к себе? Стою ли я его? Как мне больно думать, что большее, чего я желаю, это *безразличие* к себе. Только бы не было презрения к кривляющейся истеричке!.. Пусть наступит новый год и новый период жизни. Дай мне Господи, чтобы моя любовь стала лучше в этом году.

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому

Мне хочется дать Вам несколько Натиных стихотворений¹¹⁵. Они — все в целом — очень ярко характеризуют ее. Вначале стихотворения 1915—1916 года, когда в Нате была какая-то особенная, идущая почти что через всю ее жизнь тишина и ясность...

***

Бледно-алая гаснет на небе заря.
И дрожат, и бегут переливы теней,
Теплый ветер колышет деревья в саду,
И становится небо темней и темней.

Зажигается звезд золотых хоровод,
Безмятежно по небу плывут облака,
Тишина на земле, тишина в небесах,
И зеркальная словно застыла река.

Выплывает луна из серебряных туч,
Еле шепчутся с ветром влюбленным цветы.
Все в природе заснуло торжественным сном,
Отдаваясь чарам ночной красоты.

Бледно-алая гаснет и меркнет заря,
Потянуло теплом от заснувших полей,
Теплый ветер колышет деревья в саду,
И дрожат и бегут переливы теней.

Грустных стихотворений в этот период нет — кроме тех, которые вызваны неожиданной смертью ее гимназической подруги. Но и на них печать какой-то светлой примиренности...

Весной 1916 года, когда она кончала гимназию, она полюбила Ш. Ей было восемнадцать, ему, кажется, двадцать лет. В сущности говоря, он был пустой человек, для которого фраза и красивая поза — все. Строил из себя непонятого героя — страдальца, которого «должна спасти любовь чистой девушки», и пр. и пр. Знал про Наташину любовь и довольно-таки играл на ее чувстве... Эта история причинила Нате много душевной боли. Впервые появляются больные стихотворения.

¹¹⁵ Во втором издании «Хроники» приводятся 9 из 20 стихотворений, опубликованных Волоцким. — *Ред.*

Увлечение Ш. тянулось у Наты три года. <...> В связи с ним у нее был первый приступ тяжелой депрессии, тянувшийся около года, когда она вся как-то погасла, сделалась какой-то мертвой для жизни. Даже стихов она в этот год не писала (кроме двух-трех неудачных). В конце третьего года у нее возникла переписка с Ш., ясно показавшая ей всю его внутреннюю пустоту. К периоду умирания ее любви относится несколько красивых стихотворений. <...>

В 1920 году как-то особенно ясно стало сказываться наше полное неумение жить, незнание реальной жизни, а также ясно стало, что папа серьезно болен.

***

Вечернее солнце задумчивым светом
Ласкает ступени балкона.
Повеяло свежестью робкой и нежной
С далекого горного склона.

Ты вся отдалася неясной тревоге,
Предчувствию близкой разлуки,
Бессильно упали на белое платье
Усталые нежные руки.

Пурпурное солнце прощается с морем
И знает: разлука не вечна.
Но сердце во власти неясной тревоги —
Страданье в любви бесконечно.

Не в силах бороться с кошмарами жизни
Усталые нежные руки.
А волны бегут и лепечут бессвязно
О близкой, о вечной разлуке.

20.V.1920

Меня в Натиных стихах всегда поражало одно — в них глубоко вскрывалось то, что таится в подсознательном. Я по каждому ее стихотворению знала вперед на несколько месяцев, какое у нее будет душевное состояние. Предыдущее стихотворение вызвано мыслью о близкой папиной смерти. В это время Ната уже вкладывала всю свою душу в любовь к папе. И я по этому стихотворению вдруг ярко и отчетливо впервые почувствовала, что папина смерть, может быть, будет концом и для Наты... Это несмотря на то, что внешне, как всегда, она была ясная и твердая в своих словах и поступках...

***

Как мне больно. Опять воротилась весна,
Засинела, заискрилась даль,
И на сердце, знакомая гостья весны,
Расцветает немая печаль.

Чем светлей и прозрачнее в небе заря,
Глубже купол далеких небес —
Тем сильнее и ярче во мне
Просыпается жажда чудес.

Все убитое долгой холодной зимой
В сердце властным призывом звучит,
Все, что вкралось в душу зимой,
Похоронено в сердце и спит.

Знаю, знаю, невольно обманет весна,
Не ответит прозрачная даль...
И во мне, неизбежная гостья весны,
Расцветает немая печаль...

За всю зиму 1920 года у нее было только одно стихотворение.

***

Одно и то же... Дни за днями
Дают одно, всегда одно!
В однообразьи впечатлений
Печалью сердце смятено.

Хочу идти к иным исканьям,
Хочу идти и не могу:
И в новом старое вернется —
Я в заколдованном кругу.

Жизнь замерла, остановилась,
Как будто все чего-то ждет,
Пока ее владыка — случай
Весь ход событий не порвет.

Душа горда, и в дни печали
Я радость в сердце берегу.
Бывают порванные звенья
И в заколдованном кругу...

Да, но заколдованный круг 1920 года для нас разорвался не так, как мы ждали. Неожданная одинокая смерть папы... Собственно говоря, это был конец и для Наты... Только через год у нее опять стихи, когда она одна в деревне.

***

Вечер зимний, бесприютный вечер,
И метель дороги замела.
У дороги смутным силуэтом
Вырастает тонкая ветла.
Одинокий ветер бродит в поле,
Одиноки сонные поля...
Больше ветра и ночного поля,
Одинока в этот вечер я...

***

Зажженный факел — лес багряный
И синева больных небес.
И запах листьев остро пряный
Уже окутал сонный лес.

Плывут вечерние туманы
Стеной от звезд и до земли,
И по ночам в иные страны
Летят и плачут журавли.

Печать покорности и боли
Без помышленья о борьбе
Лежит на всем — и поневоле
Я нахожу ее в себе.

Немного дней, и лес багряный
Сгорит, как факел смоляной...
Придет зима, а я останусь
Опять одна с тоской больной...

***

Глухая боль немых страданий,
Живая жажда красоты
И цепь несбывшихся желаний,
И одиночество мечты.

Исканье, жадное исканье
Того, чего нельзя найти...
И это все, что мы встречаем
На нашем жизненном пути?

Дотла сожженная пожаром,
Моя душа давно мертва,
И даже память о прошедшем
В ней только теплится едва.

Но иногда мне с грустью снится —
О, как томят нас чары сна! —
Что где-то там, в душе томится
Непробужденная весна...

Тоска одиночества толкнула ее к П. Вначале она чувствовала эту любовь как измену самой себе — она не могла не видеть, что он представляет собой... (Ната придавала какое-то особенное значение обручальному кольцу, которое она носила — и потом отдала мне. Это кольцо мамы, которая почему-то велела которой-нибудь из нас носить его. Мне кажется, для Наты это кольцо было символом верности своему «я».)

Потом чувство захватывает ее всю... Иногда, когда уж очень душа болит, начинает казаться, что все это сон, что весь мир — мираж и что когда-нибудь проснешься... Это так ярко в одном из ее последних стихотворений... По первому впечатлению, оно даже сближается с стихотворениями 1919 года... Но я по себе знаю, что это ощущение «жизнь — сон» возникает лишь на вершинах боли.

***

Ночь вся окутана молчаньем.
Поникли сонные цветы.
В часы ночные над землею
Немые тайны разлиты.

В часы ночные происходит
Сближенье с сонмами миров,
Земля стряхнуть с себя готова
Тяжелый гнет земных оков.

Дневная жизнь сменилась снами.
Все в жизни — сон, все — сон один,
Сон безраздельно правит нами,
Как всемогущий властелин.

Все в жизни — сон, все — только грезы,
Мечта о дальних небесах...
Сама я — сон, который снится
Кому-то там, в иных мирах...

***

Холодеет, опять холодеет,
Тонким льдом затянулась вода,
Золотистыми листьями рдеет
Тишина голубого пруда.

Осень, осень! Туманятся дали,
Губы шепчут кому-то «прости!»,
И на клумбах в саду георгины
Не успеют еще расцвести.

Под ногами в прозрачности леса
Целый мир отгоревших огней.
Я покорна, я плачу без боли,
Острой боли утерянных дней.

Знаю, знаю, он все позабудет,
Но любить его мне суждено —
И пусть будет, пусть будет, пусть будет
То, что с нами свершиться должно!

454. Иванова Ольга Алексеевна
(30.XII.1900 — 22.X.1901)

423 / 424

455. Иванова, [по мужу Гелен] Татьяна¹¹⁶ Алексеевна
([25.XI] 1903 — [1957]).

423 / 424

Склонность к туберкулезу. В детстве страдала лунатизмом.

В.А. Иванова (старшая сестра), гимназические письма

Теперь наступила теплая погода, а потому <младший брат> Сережка очень много гуляет, а Таня с ума сходит, что его украдут, и стоит ему хоть на минуту скрыться с ее глаз, как подымается плач, что Сережку украли, а стоит Сережке найтись, как Таня начинает его бранить, как он смел пропадать.
(НИОР РГБ)

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
1.II.1926

Несколько слов о Тане. По внешности она очень маленькая, черненькая, пожалуй что хорошенькая... Лицом ни на кого из родных не похожа. Разве только нос папин... В ней какая-то недоразвитость — и физическая, и умственная. Ей

¹¹⁶ В первом издании «Хроники» имя было изменено на *Варвару*, поскольку М.В. Волоцкой не смог лично согласовать публикацию с Т.А. Ивановой. — Ред.

23 года, а она всего второй год как стала взрослой девушкой. Ребенком росла очень болезненным. Сперва брюшной тиф, потом скарлатина, как осложнение — прорыв барабанной перепонки, и в течение нескольких лет она была почти глухая... Она малоразвитая, училась плохо. Когда ей было 16 лет, у нее начался туберкулез — она целый год почти не вставала с постели. Ученые пришлось бросить — и с тех пор Таня вряд ли прочтет в год больше двух-трех книг. Весь умственный мир как-то не существует для нее. В ней ничто не напоминает, что она девушка из интеллигентной семьи. Самая благонамеренная мещаночка. Сейчас она здорова — только сильно кашляет. Работает мастерицей у чулочницы...

Но вместе с тем, если бы мне предложили выбрать, с которой из сестер я хотела бы жить вместе, — я выбрала бы Таню. При уменье с ней можно хорошо наладить жизнь... Именно потому, что нет у нее никаких драм психологических, все так просто и тихо. Она очень добрая, очень мягкая и услужливая, очень работающая. Вот третьего дня пришла ко мне, всю мою комнату убрала и вымыла как только могла лучше... Напрасно я говорила, что не надо. «Нет, ты сама не умеешь...» И так она подходит ко всякому... Я понимаю, что многим знакомым Таня нравится больше всех из нашей семьи — у нее какой-то удивительно простой подход к жизни, которого нет у нас. Танин внутренний мирок очень мал, но в нем она удивительно прочно стоит. Подход к жизни чисто практический и какая-то глубокая убежденность в правоте своего подхода... Иногда начнешь ей доказывать неправильность какого-нибудь поступка (глубоко правильного с мещанской точки зрения) и никогда ее не убедишь. Пример моей жизни и особенно Наташиной глубоко убедил ее, что если хочешь жить, то нельзя быть идеалисткой. И она как-то не уважает наше мирозерцание... Бессознательно для себя она сверху вниз смотрит на нас. Меня же порой забавляет та старозаветность благонравных мещанских правил, которыми живет Таня... Но мне нравится в ней то, что она себе цену знает — и, кроме того, в ней есть мое «я есть я» — что так противоречит всем ее взглядам... «Я знаю себя, знаю, как я живу, — и поэтому мне нет никакого дела до сплетен обо мне и менять свою жизнь в угоду другим я не стану...» Чем старше она становится, тем резче в ней выступает эта черта гордости.

Сейчас Таня еще совсем не проснувшаяся как женщина. И я боюсь, что в будущем у нее еще будет та эпоха метаний и безрассудных поступков, как у меня... С Верой они совсем чужие друг другу. У Тани бывают порой какие-то полосы упрямства, странных, на наш взгляд, поступков. Она жалуется, что часто на нее находит такая апатия, что ничего делать не хочется... Помню, в Бикбарде она трое суток подряд без перерыва плакала. Потом она говорила, что боялась, что с ума сойдет... Я как-то умею приладиться к ее неровностям. Это только минутные шероховатости — а основной тон мягкий и добрый.

6.X.1932

Летом я целый месяц прожила у Тани с мужем. Оба они очень подходящие друг к другу люди и очень хорошо между собой живут. Таня производит сейчас очень хорошее, удивительно успокоенное впечатление. Всецело занята своим домом. Полна материнскими настроениями и желанием народить дюжину ребят. Дочка ее просто чудо, а не ребенок.

Е.Ю. Агаркова

Мягкая, домашняя, «уютная» женщина. Рассказывая о себе, своих бедах и горестях, никогда не стремилась переложить душевный груз на собеседника.

(Записано Н.Б.)

456. Гелен Анатолий Романович

Муж предыдущей. Обрусевший француз. Брак закончился разводом.

457. Иванов Сергей¹¹⁷ Алексеевич**423 / 424**

(28.II.1906, Житомир – 13.III.1992, Владивосток). Поехав в 1927 г. по путевке ЦК комсомола на Дальний Восток, связал свою дальнейшую жизнь с этим краем. Партийный и комсомольский работник, литератор, журналист.

Ната Иванова – О.А. и Е.Н. Ивановым
1909

Серее <на Рождество> подарили лошадку с санками...

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 57. Л. 2 об.)

С.А. Иванов

Очень-очень далекое воспоминание детства, относящееся к 1917 году: по <дороге> <...> в Рязань на вокзальной площади в Москве нам повстречалась вдова Достоевского Анна Григорьевна. Она следовала на Кавказ.

В.Г. Христофоров

...Учился в Казанской железнодорожной школе. Там же в 1920-м вступил в комсомол. Затем в отряд ЧОН. Потом стал вожатым юных коммунистов, впоследствии названных пионерами, старшим пионервожатым Елабужского детского городка.

(Прикосновение // Иртыш (Семипалатинск). 1981. 25 марта)

А.Р. Лурия

Живет отдельно от сестер и брата. Карикатурист. Одно время служил конторщиком. Вообще имеет заработок, но с семьей не делится. Видимо, хорошо умеет приспособиться к жизни.

Ю.А. Иванов

Чрезвычайно легковозбудим. Возбуждение, раз возникнув, отличается большим упорством; но в то же время наблюдается странное умение ввести это длительное возбуждение в известные рамки. Большая насмешливость и шаловливость. Когда он был мальчиком, помню, нередко мне приходилось говорить ему: «Дам тебе сегодня копейку, только оставь меня в покое».

(Записано М.В.)

¹¹⁷ В первом издании «Хроники» имя было изменено на *Андрея*, поскольку М.В. Волоцкой не смог лично согласовать публикацию с С.А. Ивановым. – Ред.

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
1.II.1926

Сергей — человек мгновенного отреагирования. Отсутствие затормаживания у него доходит даже до ненормальности... Колоссальная энергия — но также и большая неуступчивость.

25.V.1926

Он глубоко несчастный человек — хотя внешне он, наверное, многого достигнет в жизни.

15.V.1927

Сергей. Так ясно вижу его сейчас перед собой. Высокий, широкий в плечах, с румяным круглым детским лицом, всегда с фуражкой набекрень на русых волосах и в кожаной куртке нараспашку. Несколько картавящий, как у большинства из нашей семьи, голос. Нервная быстрая речь, точно слова гонятся друг за другом, точно все они куда-то торопятся. Странные глаза... Серые, начавшие было переходить в карий цвет и вдруг раздумавшие и так и остановившиеся с зелеными звездчатыми рыжинками в середине. Трудно понять их — не то они совсем детские, не то за ними прячется что-то такое, что боишься разгадать, такое же обманчивое, как эта неустановившаяся окраска. А внутри у Сергея словно непрестанные вспышки огоньков, которые вечно жгут и не дают успокоиться... Вечное горенье и дрожанье, которое так легко возбуждающе передается другим... Иногда он делается очень раздражителен, мнителен и обидчив, чувствует себя очень одиноким, сомневается в своих силах, пригодности к жизни и т.д. Но, к счастью, для него более характерен другой уклон. Он — вечное возбуждение, громадный сгусток непрерывно разряжающейся энергии, которой он увлекает окружающих.

Уже с детства в Сергее стал резко обозначаться тип так называемого вожака. Он всегда во главе организованных им игр, в которых мальчики 10—12 лет беспрекословно уступают первенствующую роль ему, семи-восьмилетнему малышу. Подростком он начинает увлекаться физкультурой, скаутским движением и быстро выдвигается сперва как руководитель стаи «волчат», потом помощник начальника отряда.

В Бикбарде, когда мы, местная интеллигенция, тщетно старались заинтересовать подростков вечерней школой и не умели этого сделать из-за нашей оторванности от окружающей жизни, Сергей через какие-нибудь два-три дня после своего приезда сумел объединить вокруг себя своих 13—14-летних сверстников в скаутский отряд, работа в котором захватила всех с головой... У него тонко развитая насмешливость и способность подмечать слабые стороны окружающих. Дразнить кого-нибудь — его страсть. Я не скажу, чтобы это было злое дразнение, нет — а просто все тот же разряд внутреннего беспокойства, сжигающего его... Он прекрасный карикатурист. В школе он своими остроумными насмешливыми картинками держал в руках весь класс. Помню, как-то Тане было задано сочинение на тему «Мои мечты». Она не могла написать. Сергей вызвался помочь ей и набросал несколько различных вариаций — от лица каждого из нашей семьи. Он так ловко подметил и оттенил в этих «мечтах» слабые стороны каждого из нас, что мы от всей души смеялись, слушая, о чем мечтают Лена, Таня и т.д.

Ему тогда было лет двенадцать. Он обостренно наблюдателен и обладает изумительной зрительной памятью. В скаутских играх он, посмотрев в течение минуты на 25 предметов, безошибочно мог перечислить 24 из них. Он помнит все дома на некоторых улицах Казани и может их перечислить по порядку. К сожалению, Сергей не получил систематического образования. Ему с 16 лет пришлось служить... Он поступил было учиться в художественный техникум, но его по службе откомандировали в другой город, и ученье пришлось бросить... У Сергея большое стремление к творчеству. Он пишет стихи, рассказы (даже раз получил премию на каком-то конкурсе), хорошо рисует. Прошлым летом написал две пьесы, которые ставились в местном театре и пользовались большим успехом у молодежи.

...Если он будет работать над собой, сумеет побороть некоторую неустойчивость, имеющуюся в нем сейчас, из него может кое-что выйти... Меня часто смущают те приступы хандры и стремления к новому делу, которые обнаруживаются в нем. Не знаю, чем их объяснить. Бродят ли это большие молодые силы, или же наша несчастная наследственность сказывается. Будущее покажет. В Сергее заложены большие контрасты. Многие из них, по-моему, объясняются его яркой, даже чересчур яркой эмоциональностью. Он настолько вживается в момент, что теряет объективные мерки. В нем очень сильно азартное чувство.

Когда он спорит, он во что бы то ни стало хочет остаться победителем — и из-за этого не останавливается перед тем, чтобы солгать или прихвастнуть... Меня всегда очень интересовал вопрос об его лжи — сознательна она или нет. Пожалуй, он во многих случаях настолько увлекается, что искренне верит, что существует то, о чем он говорит. Ему так хочется, чтобы было так, как говорит он, что на этот момент он теряет связь с действительностью.

Он очень раздражителен. Часто из-за какого-нибудь пустяка начинает сердиться и нервничать, но в последние годы Сергей делается более ровным, выдержанным. Ему приносит большую пользу то, что он живет с чужими людьми, хотя он часто страдает от одиночества.

Мне кажется, для Сережи самым большим несчастьем было то, что он рос в нашей семье. Он был нервным, исключительно трудновоспитуемым ребенком. Каждый неправильный подход вызывал в нем дикие вспышки, заставлявшие опасаться за его психическое здоровье... Ему нужна была бы тихая, правильно в педагогическом отношении поставленная обстановка... А он рос в семье, где была душевнобольная мать... Он очень деспотичен и эгоистичен по отношению к семье, вообще обращен к ней своей темной стороной¹¹⁸... Но мне кажется, что когда говоришь о человеке, надо обращать внимание не на большие провалы в его душе, а на общую конструкцию личности, тем более что видишь, как с выздоровлением от болезни отмирают эти больные места.

19.X.1934

Лучший инструктор-методист по физкультуре в местных частях <Красной армии>, партиец. За какую-то историю исключается из партии, но был восстановлен. Юрий раз видел его на улице, но Сергей метнулся от него в сторону...

¹¹⁸ Елена Алексеевна на с. 718 также говорит о «невозможных выходах младшего брата» в последние годы жизни матери. — *Ред.*

23.II.1936

Сам он по состоянию нервной системы был забракован на все время при призыве в армию (все сведения о нем Юрия – оказались вздором). Сережа кончил рабфак и два года учился на литературном отделении пединститута, но бросил. Все эти годы работал в райкоме комсомола (ему еще в Казани выдавали характеристику – «работник областного масштаба»), сперва в Благовещенске, а с 1930 г. во Владивостоке. Затем его выдвинули в начальники строительства парка культуры и отдыха во Владивостоке. <...> пишет: «Моя квартира скорее похожа на библиотеку. У меня 6000 книг». Пишет сам роман, который Фадеев и еще кто-то из писателей хвалят. Но мне лично его слог не нравится – нет простоты. Но ужасно нравится лицо Сергея на карточке.

23.IV.1936

Он сейчас работает <...> консультантом по литературе в Доме Красной армии и флота во Владивостоке. Часто выступает с публичными лекциями по литературе. Клава, его жена, пишет: «Все пожилые педагоги мне всегда говорят: “Как хорошо, как красочно и молодод читает ваш муж! Невольно увлекаешься его молодостью и сам молодеешь...”»

15.VII.1939

Сергей сейчас работает уполномоченным по репертуару, пишет в газетах... В нем самом есть что-то очень напоминающее папу. Прежде всего – спасение от бед жизни в некоторую легкомысленность и легкость.

16.III.1941

Сергей в этом году выступает в роли драматурга. Его пьесу «На клич Лазо» (ей переменили название на «Сергей Лазо», что не совсем соответствует замыслу автора) ставят сейчас во Владивостоке и трех других театрах Приморского края. Послал ее в Москву в Главный комитет по делам искусств.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 341–342, 393, 492, 502, 516)

С.А. Иванов

Большое влияние на мою литературную судьбу оказала встреча с замечательным советским писателем А.А. Фадеевым. Это было еще до войны. Не один раз бродил с ним по тайге, много говорили о будущем Приморья, мечтали. В то время я собирал материалы о Сергее Лазо и написал пьесу. Фадеев дал положительный отзыв, и уже шла работа над ее постановкой, но грянул июнь сорок первого... Я написал пьесу «Верность»¹¹⁹, премьера которой состоялась 7 ноября 1941 года в рабочем театре. Это была первая антигитлеровская пьеса в Приморье.

(Прикосновение // Иртыш (Семипалатинск). 1981. 25 марта)

Д.Д. Нагишкин¹²⁰

Рецензия на повесть С. Иванова «Тайна урановой пещеры»

1948

<С. Иванов назвал свой текст> приключенческой повестью для юношества. При ближайшем рассмотрении эта повесть оказывается повестью детективной, со всеми недос-

¹¹⁹ Машинописный экземпляр пьесы хранится в РГАЛИ (Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3219). – Ред.

¹²⁰ Нагишкин Дмитрий Дмитриевич (1909–1961) – писатель, художник. Автор нескольких сборников сказок, исторического романа о гражданской войне на Дальнем Востоке «Сердце Бонивура» (1944–1953). – Ред.

татками, свойственными этому жанру. Положение не спасается и тем, что в основу повести положен, как кажется автору, сюжет, имеющий ценность общественную.

Содержание повести банально, носит следы такого пошлого штампа, что это заставляет настораживаться. <...> Сюжет несложен: профессор Федоров работает над проблемой расщепления атома. Он знает местонахождение найденного им месторождения урана. За работой профессора внимательно следит японская разведка. Японский шпион подслушивает разговор профессора с дочерью Людмилой и ее женихом. В разговоре профессор сообщает некоторые подробности о своих работах и о том, как добраться до урановой пещеры. Шпион выкрадывает сначала карту, на которой указано место залегания урановой руды, а затем и самого профессора (предварительно усыпив его, симулировав смерть, похоронив, а затем выкрыв мнимый труп). Людмила и ее жених решают достигнуть пещеры, а потом принести уран в дар государству. После некоторых походов и молодые люди, и профессор оказываются в плену у старообрядцев (не знающих, что такое советская власть, и сохранившихся, как утверждает автор, чуть ли не с XVII столетия в изоляции от всего внешнего мира). Затем следует целая серия бегств и погонь, которые завершаются именно в той урановой пещере, которую и сам профессор уже не может найти, так как бывший его проводник умер, унеся с собой в могилу секрет. Уран найден, и все довольны...

Все, что описано в повести, – нетипично, мало сказать нетипично – совсем не соответствует советской действительности. В действиях описанных С. Ивановым людей отсутствует элементарная логика и здравый смысл. Чего стоит, например, тот факт, что студент – жених Людмилы, заметив за окном силуэт подслушивающего их с профессором неизвестного человека, уводит отца и дочь в другие комнаты, сам ложится в кровать и ожидает, когда шпион снимет со стены карту, на которой нанесен пункт нахождения урана, как будто без этого не ясно, что человек, забравшийся на карниз третьего этажа к окнам научного работника, производящего изыскания в важной области знаний, – безусловно не имеет добрых намерений... <...> Этот же прием автор употребляет еще раз, когда Людмила и студент едут в поезде. Людмила также закрывает глаза, чтобы не спугнуть шпиона, когда тот усыпляет хлороформом ее суженого и выкрадывает у него недостающие указания о местонахождении урана. Работник НКВД, едущий в соседнем купе, тоже боится спугнуть шпиона и дает ему полную возможность расправиться с незадачливыми молодыми людьми, ожидая для поимки того момента, когда шпион спрыгнет с поезда, идущего полным ходом (!)... Странное ощущение складывается при чтении этой повести: шпионы делают все для того, чтобы их захватили <...>, а советские люди изо всех сил избегают возможности изловить преступников. Дело доходит до того, что даже партизан, которого в свое время расстрелял некий японец, увидев этого японца в пограничной деревне, никому об этом не говорит ничего...

Искренне жаль, что потрачено много времени и сил на создание этой повести! И странно, что это произведение прошло мимо внимания писательской общественности Владивостока, что автору не разъяснили его ошибку, не предостерегли его. Целый год никто не сделал в этом направлении ни одного шага! <...> Неужели творчество С. Иванова было безразлично его товарищам?

(РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 802. Лл. 6–12)

Г.А. Колесникова-Русина

Рецензия на пьесу «Лазо» (героическая драма в 4 актах и 8 картинах)

1949

Пьесе Иванова присущи те же недостатки, которые свойственны его повести «Тайна урановой пещеры». Автор усвоил внешние приемы построения драмы, но он не сумел создать запоминающихся образов. Даже основной образ Лазо дан очень поверхностно. Он больше произносит речи, чем действует. Поступки его далеко не всегда оправданы, так же как и события, происходящие в драме.

Так же, как в повести, автор и здесь иногда сбивается на дешевый детектив. Борьба между большевиками и белоинтервентами дана упрощенно. Победа большевикам достается очень легко.

О пьесе нет смысла подробно говорить, так как автор представил одиннадцатый вариант, который и сам не считает лучшим из многочисленных вариантов пьесы. Очевидно, надо просто считать эту работу неудавшейся и перейти к другой.

(РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 879. Л. 1)

Н.Н. Спивак

В декабре 1952 г., когда арестовали папу, мы оказались совсем без денег: мама не работала, а все наше имущество описали, и нечего было даже продать. Дядя Сережа хотел помочь нам: попытался выслать в Москву одну из самых ценных книг своей библиотеки – какое-то старинное лютеранское евангелие, с тем, чтобы мы продали его в Библиотеку имени Ленина. Однако ему не удалось этого сделать, поскольку на почте принимали посылки весом до 12 килограммов, а это евангелие весило чуть ли не пуд.

Дядя Сережа очень любил книги. Между прочим, он гордился тем, что подарил Музею революции в Москве уникальный экземпляр газеты «Искра», до того считавшийся утраченным, поскольку весь его тираж был конфискован полицией прямо в типографии. Эту газету он отыскал на каком-то чердаке заброшенного дома. Ему вообще нравилось бывать в подобных местах в поисках книжных находок.

(Записано Н.Б.)

В.Г. Христофоров

В крошечной прихожей <квартиры С.А. Иванова> на полке целыми днями спит престарелый кот Жулик. Явление не столь уже значительное, чтобы о нем сообщать, но небольшая деталь: Жулик облюбывал спальное место на огромном, почти пудовом фолианте, которому ни много ни мало, а 400 лет. Это Библия Мартина Лютера – один из считанных экземпляров на свете!

(Прикосновение // Иртыш (Семипалатинск). 1981. 25 марта)

Е.Ю. Агаркова

В личном общении вызывал ощущение необыкновенной физической силы и жизнестойкости – просто какой-то былинный русский богатырь. И это притом, что жизнь его изрядно потрепала: помимо большой и трудной работы, семейных несчастий, он в годы войны пережил – правда, недолгую – пору репрессий, был в заключении по какому-то

нелепому обвинению. Елена Алексеевна (его сестра и моя тетя) рассказывала мне, что своими глазами видела выжженные на его теле и руках у запястий «пуговицы кителя». Однако выйдя на свободу, Сергей Алексеевич с прежней энергией продолжил «строить новую жизнь». А на все вопросы знакомых и родственников отвечал, что нельзя менять мировоззрение из-за чьих-то ошибок. Могу заверить, что он совершенно искренне не держал зла на своих притеснителей.

(Записано Н.Б.)

В.Г. Христофоров

Он очень подвижен, однако не суетлив, светлые глаза расположены к улыбке, лицо чистое, с румянцем – никак не дать семьдесят четыре. Да и сам Сергей Алексеевич не перестает удивляться своим годам, вернее, своей работоспособности. Он трудится в Дальневосточном морском пароходстве, является секретарем районной секции ветеранов партии, членом бюро краевой секции ветеранов комсомола, активно участвует в жизни партийной организации Приморского отделения Союза писателей РСФСР. А еще творческая историко-литературная работа, наконец, чисто семейные обязанности по части внуков и правнуков¹²¹. <...>

С.А. Иванов – один из создателей во Владивостоке отделения Союза писателей РСФСР, много сил отдал в качестве ответственного секретаря литературно-художественному альманаху «Советское Приморье», редактированию газеты китобоев «Труженик моря». Его увлекла история края, и это уже навсегда. Вот откуда около двадцати написанных историко-краеведческих книг и брошюр, вот откуда эта редчайшая домашняя библиотека, в которой только 4000 книг и множество документов, посвященных истории родного края. Редко проходит день, чтобы у Иванова не было гостей. Его библиотека открыта всем! <...>

Есть у Сергея Алексеевича и что-то общее в облике с Ф.М. Достоевским. Такой же высокий лоб, те же глубоко посаженные глаза. Впрочем, эта примета свойственна всем Ивановым.

Прошу Сергея Алексеевича рассказать о своей родословной. Он на мгновение хмурится (столько людей приходит с этим вопросом!), но тут же снова лицо выражает понимание и доброжелательность. «Как вы догадываетесь, моей заслуги в этом никакой, – шутит С.А. Иванов. – Значит, так...»

(Прикосновение // Иртыш (Семипалатинск). 1981. 25 марта)

Н. Балакирев

Высокий лоб, острый взгляд глубоко посаженных глаз, характерные пропорции лица... Невольно перевожу взгляд на висящий напротив портрет Ф.М. Достоевского работы художника Перова: сходство с моим собеседником несомненно.

– Наследственность берет свое, – как бы угадав мои мысли, говорит он. – Для большинства потомков Достоевского особенно характерны «проваленные» глаза. Один из

¹²¹ Из письма Е.А. Ивановой М.В. Волоцкому от 23 февраля 1936 г. известно, что у Сергея Алексеевича «...был сын Вадим, но умер 16 дней от менингита. <...> Тамара 5 месяцев <...> заболела менингитом, выжила, но осталась совсем глухая, почти слепая и совсем не держит голову». – Ред.

московских кинорежиссеров как-то шутя сказал, что моя внешность соблазняет пригласить меня на роль великого предка... <...> Благодаря рассказам отца в нашу память перешло немало преданий, бытовых подробностей из жизни рода Достоевских. У нас в семье царил культ знаменитого писателя. С детских лет мы уже читали его произведения. Думаю, не случайно я и мои сестры и братья¹²² стали пробовать свои силы в литературе...
(Заполярная правда)

Л.А. Спивак – В.И. Богдановой
I.1982. Москва

У Сергея Алексеевича ничего нет, так как он уехал из дома очень рано, и никаких фото у него нет...
(Ст. Русса)

Н.Н. Спивак

Сергей Алексеевич был милейшим человеком, но уж очень любил фантазировать. Блестящий рассказчик, он как никто умел расцветить повествование яркими деталями, которые им тут же и выдумывались. Похоже, он мог так увлечься, что едва ли не сам начал верить в придуманное. Ну откуда у него могли взяться книги из библиотеки Достоевского? Наследником писателя он не был, в Даровое, где что-то можно было получить от теток, ни разу не заезжал. Больше того, семья его отца (моего деда) в годы революции утратила практически все свое имущество. Думаю, дядя Сережа просто взял несколько редких книг из своей библиотеки и выдавал их легковверным слушателям за фамильные реликвии. Точно так же ни на каком вокзале в Москве он не мог видеть Анну Григорьевну! Все это выдумки! В 1917 году очень болела мать семейства – Надежда Александровна, вскоре скончавшаяся, и вся семья безвыездно жила в Рязани, куда они переехали после недолгого житья в Москве¹²³. Переезд же в Москву состоялся еще в 1908 году, сразу после рождения дочери Лидии (моей мамы).

Помню, в начале 1980-х дядя Сережа прислал нам одну статейку о себе из какой-то провинциальной газеты. Там говорилось о семейных реликвиях Достоевских, будто бы у него имеющих¹²⁴. Моя мама – человек очень прямой и не терпящий никакой лжи – написала ему ругательное письмо, и с тех пор они почти не общались.

(Записано Н.Б.)

¹²² Родной брат у Сергея Алексеевича только один. – *Ред.*

¹²³ Что касается Анны Григорьевны Достоевской, то в конце мая 1917 г. она все же ехала на Кавказ, см. с. 439. – *Ред.*

¹²⁴ «В собрании Сергея Иванова немало книг, посвященных жизни и творчеству его великого предка. А вот этот фолиант уникален: «Илиада» Гомера, изданная в 1829 году, принадлежала самому Ф.М. Достоевскому и перешла к журналисту от отца. Другую реликвию – «Псалмы царя Давида» с пометками, сделанными рукой Ф.М. Достоевского, – в 1971 году Иванов подарил музею писателя в Москве» (Балакирев Н. Потомок рода Достоевских // Заполярная правда (Норильск). 1982. 11 февраля). Вот свидетельство тогдашнего директора музея Г.Ф. Коган: «Книга, подаренная С.А. Ивановым во время его пребывания на торжествах по случаю 150-летия Ф.М. Достоевского в Москве, действительно имела сильно выцветшие чернильные пометы, напоминающие почерк писателя в молодости. Что-то близкое виделось мне в дарственной надписи Одоевскому на первом издании «Бедных людей». К сожалению, дальнейшая судьба этой книги мне неизвестна». – *Н.Б.*

Из публикаций С.А. Иванова известны¹²⁵:

- В борьбе за мир. О краснознаменной дальневосточной флотилии. Хабаровск: Книжное дело, 1930. 80 с.
- Американские интервенты на советском Дальнем Востоке. Владивосток: Примиздат, 1951. 100 с.
- Американская агрессия на советском Дальнем Востоке. Владивосток: Примиздат, 1952. 248 с.
- Боевая молодость: Сборник очерков в авторизированной литературной обработке С. Иванова. Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1953. 211 с. (В соавторстве.)
- Клуб села Полтавки. Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1955.
- Евгений Афанасьевич Гринчий. Киномеханик. Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1962.
- Виктор Федорович Ромашкин. Киномеханик. Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1962.
- Культурное строительство в Приморье. Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1963. 71 с.
- Далеко у Тихого... / Литературный сборник, сост. и ред. С. Иванов. Владивосток: Дальневосточное книжн. изд-во, 1969. 261 с.

458. Попенкова, по мужу Иванова Клавдия Николаевна

(1913–1990). Жена предыдущего.

Учительница начальных классов. Награждена орденом «Знак Почета», имеет звание Заслуженного учителя РСФСР.

459. Иванова, [по мужу Спивак] Лидия Алексеевна (26.XI.1908, [Житомир — 19.II.2005, Москва]).

423 / 424

Н.Н. Спивак

Сразу после рождения моей мамы ее семья переехала в Москву. Из-за этого в одних документах у мамы местом рождения значилась Москва, где ее крестили, а в других – Житомир. Ее даже несколько смущало такое обстоятельство, как будто она кого-то в чем-то обманула.

(Записано Н.Б.)

О.А. Иванова

Когда жила у нас в Даровом, производила впечатление очень веселой хохотушки — смеялась иногда чуть не до истерики.

(Записано М.В.)

¹²⁵ Возможно, перу С.А. Иванова также принадлежат пьеса «Заговор посланников» (1953, машинописный экземпляр – РГАЛИ, ф. 2095, оп. 8, ед. хр. 310) и комедия «Познакомились случайно... (Дорогой молодых)» (М., 1959; в соавторстве с Вл. Таршисом). – *Ред.*

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
10.II.1925

В отличие от Наташи, Лиля вечно оживлена, весела, жизнерадостна. При ней удивительно легко живется. Она всегда вносит за собой струю жизнерадостности и веселья.

18.VIII.1925

Этой весной Лиле представлялась возможность прямо блестящего брака — какая вряд ли еще когда-нибудь встретится в ее жизни. Человек был интересный, красивый, очень богатый, 28 лет. И думаю, что редкая девушка, у которой нет даже не рваных башмаков, откажет только потому, что она не любит — и по расчету не идет. К счастью, она оказалась «наша»... Она у нас прелестна. В ней какой-то неиссякаемый источник жизнерадостности, которым она привлекает к себе всех.

1.II.1926

О Лиле я не могу писать объективно, потому что в ней есть какое-то громадное очарование, которое мне не позволяет видеть ее недостатки. Каждый раз я убеждаю себя, что в Лиле нет ничего особенного, стараюсь говорить себе, что она вовсе не хорошенькая, и т.д. Но не более чем через десять минут я уже в ее власти и не могу ею налюбоваться... Сейчас ей 18 лет — и в ней именно та прелесть, что она одновременно еще и ребенок, и уже маленькая взрослая женщина... Когда я гляжу на ее как-то по-детски волнистые волосы и вижу, что она, как ребенок захлебываясь, смеется, почти падая от смеха (хохотушка она ужасная), и вместе с тем чувствую, что она почти взрослая женщина, такая очаровательная своей молодостью и свежестью, — я понимаю, почему в нее все так влюбляются. Иначе к ней нельзя относиться. И вот где слышится «голос крови». Лиля с 13 лет живет в деревне. Сперва со мной в Бикбарде, потом с Наташей, теперь второй год на мосту через Волгу... Под влиянием среды ей нужно было бы быть самой простой мещаночкой, какой вышла Таня. А на Лилю я часто удивляюсь — откуда у нее так много тонкости и такта, так много умения держать себя? Она почти без образования — кончила только школу 1-й ступени, — но в ней это совершенно не чувствуется. Конечно, она не сможет вести какие-нибудь ученые разговоры, но в ней так ярко видна интеллигентная обработка ума и характера. Лиля очень легкомысленная, живая и веселая. Но вместе с тем я твердо знаю, что за обеих моих девочек — и за Таню, и за Лилю — я могу ручаться больше, чем за себя... В ней есть что-то очень стойкое... Она добрая, и вместе с тем в ней есть какая-то простота, делающая жизнь с ней легкой... Когда они жили вместе с Верой и Ирой, Лиля всегда все свое жалованье приносила Вере — и это делала так, как будто все это само собой подразумевается... Лиле как-то легко живется, и около нее легко всем... В Бикбарде, бывало, все матери наперебой зовут ее к себе и не знают, чем угостить, чтобы только она к ним ходила. Для нее ребята вместо кукол, и самый капризный малыш при ней будет смеяться, потому что она сама готова плясать с ним на руках целый день. Я помню, как-то мы шли в деревню, и Лиля все 12 верст бежала танцуя — ей было тогда лет пятнадцать. Она тоже немного маньячка...

Иногда легкие полосы депрессии, на мгновение становится раздражительной... Но это быстро проходит... В прошлый приезд жаловалась, что находят такие полосы скуки, что «просто жить не хочется»... Но это минутное... В основе своей — она хохотушка. Особенно большой одаренности у нее нет, но несомненный природный ум и, главное, врожденный такт... Последний год вдруг неожиданно обнаружилось, что она хорошо вышивает, даже на заказ — и шьет, что для нас, старших, совсем уж египетская премудрость... Вообще, жизнь сделала девочек более практичными, чем мы. Лиля, несмотря на некоторую легкомысленность, умеет жить, не тратит денег без толка, как Вера.

20.X.1926

Лиля по характеру и манерам чем-то ужасно начинает напоминать маму, хоть и не похожа на нее наружностью. В ней нет маминой чувствительности и мимозности, но та же моментальность реакций... В последнее время в ней все ярче начинают сказываться депрессивные уклоны. Я очень редко ее вижу — иногда несколько месяцев не встречаемся... Недавно была у меня. Сперва в самой мрачной депрессии, так что даже не на шутку меня встревожила: и жить-то незачем — «вот буду каждый день в Волге купаться, распротужусь и умру», — и все в таком духе... Потом рассказала, что у нее увлечение, герой объясняется ей в любви, а сам с другой живет... Все настроение ушло в рассказ, и после него Лиля, как обычно, хохочет... Но все-таки смена настроений до того резкая, что беспокоит меня...

8.VI.1927

Недавно я в кино видела «Дороти Вернон» с Мэри Пикфорд. Я в кино почти никогда не бываю и поэтому даже такую знаменитость, как Пикфорд, вижу в первый раз. И знаете что меня в ней поразило? — Это то, что она артистически законченный тип женщины, к которому принадлежит и Лиля. Когда смотришь на ее неожиданные дикие выходки, которые вместе с тем так женственны и милы, то невольно вспоминаешь Лилю во многие минуты ее жизни... Чем больше растет Лиля, тем яснее я начинаю понимать маму. У них ужасно много общего в характере. Только у мамы была большая мимозность, которой нет в Лиле, — в Лиле же преобладает бесенок. Но живость, моментальность и безудержность реакций — одинаковы. И я так ясно представляю, что было бы с Лилей, если бы она была в тисках нашей прежней чопорной семьи... Какое действительно для папы и мамы было несчастье, что они поженились друг на друге. Вот Лиля, например, считает, что ей трудно жить даже с кем-либо из нас — ее сестер... Ей даже с нами душно, так как она находит всех нас слишком чопорными.

2.XII.1927

Мы с Лилей в последние годы вообще очень редко встречаемся — так что совсем не знаем внутренней жизни друг друга... Лидок сердится, что я пишу Вам о ней «чепуху», — она еще не понимает, что я говорю только о ее внешней форме, не вскрывая содержания, которое я мало знаю. А форма ярко выраженная — сверхэмоциональность, с резкими переходами... За последние года два жизнь ужасно и Лилю придавила. Какие-нибудь года два назад, когда я Вам о ней писала, это была только девочка-хохотушка, а теперь настоящая маленькая женщина, которая больше тяжелого, чем хорошего от жизни видала...

Л.А. Иванова — М.В. Волоцкому
22.I.1927

То, что пишет обо мне Елена, верно лишь по отношению к той мне, какая я была год или, вернее, два года тому назад. А теперь я чувствую сама, до чего я изменилась. Насколько год, два назад я любила хохотать, плясать, дурачиться и очень редко хандрила, настолько в последнее время я склонна к пессимизму. Знаете ли, у меня теперь очень часто бывает необычайно мучительная тоска, доходящая до сумасшествия. Конечно, часто и бывают причины к тоске, но иногда она приходит без всякой причины. Иногда вдруг бывает так, что в одну минуту я ощущаю страшное беспокойство и тоску, и вот это меня гнетет. Я тогда начинаю с ума сходить, например, ломаю пальцы (чем привожу подруг в бешенство), до синяков искусываю себе руки, подушки и тому подобное летит на пол, а я, начав отыскивать мысленно причину этого беспокойства, иногда придерживусь к какому-нибудь пустяку и успокоюсь, вернее, стараюсь себя уверить, что это и есть та причина, которая бы должна быть. Бывает, что это и действует, но часто и нет.

Знаете ли, Михаил Васильевич, меня теперь часто преследует мысль о смерти, но не о самоубийстве, хотя летом еще я о нем определенно подумывала и раз даже была попытка, если только это можно назвать попыткой, но все это ерунда — я вперед знаю, что не покончу с собой. Вот если захворать да и умереть хорошо, вернее, лучше не умереть, а переменить образ жизни, так как жить, как я живу теперь, положительно невозможно. А как ведь смешно — еще не так давно я думала: «Неужели я умру, какой ужас!» И мне казалось, что если я умру, то и люди-то не так будут ходить и не так жить, ну вообще все переменится. Я не могла себе представить, что, если я умру, то все останется по-старому.

Знаете ли, меня ничто не удовлетворяет. Вот, может быть, отчасти и причина, почему я так хандрю. Но все-таки Вы не думайте, что я все время хандрю. На меня нападают иногда такие моменты, что я готова весь мир перевернуть вверх ногами; подруги в эти моменты говорят, что я черт, а молодые люди выражаются повежливее, то есть что я чертенок.

Что касается моей влюбчивости, то я все-таки порядочно влюбчива. Влюбляться я начала с 7 лет. С 7 до 15 лет я влюблялась раза три и все в женщин, а в 15 лет в того же, в кого и Наташа. Что же касается того, влюблялся ли в меня кто или нет, то я скажу — три-четыре раза, а остальное все ерунда. Но ни одному из них

я не симпатизировала, а даже наоборот, над одним я так издевалась, так капризничала, что просто сама себя не узнавала.

Я терпеть не могу грубых людей, вернее, грубое обращение. Я не только нравственно, но даже прямо-таки и физически страдаю от этого. Вот, например, у нас в конторе есть один служащий, кажется, весьма недурной человек, но очень грубый. И вот когда мне приходится зачем-либо идти к нему, то я просто чувствую себя больной. Я из-за одного грубого слова или из-за бестактности человека способна очень долго мучиться. Но вот что дурно — иногда на меня саму находит такое состояние, что я становлюсь грубой и резкой; бестактной — я бы не сказала, но что касается грубости — это да. В эти моменты я в глубине души сама страдаю, но все же говорю дерзости, бываю слишком резка, даже стараюсь уколоть побольнее и чувствую в этот момент какое-то удовольствие. Да что и говорить, вообще-то я дрянь.

Что касается сестер, то мы совсем разные люди и совсем не понимаем друг друга. До некоторой степени они правы, называя меня то змеенышем, то кукушкой. Кукушкой — за то, что я все время в чужом гнезде, а змеенышем — за то, что часто не родственно отношусь к ним. По правде сказать, я очень отстранилась от семьи и чувствую, что со своими родными больше жить не могу. Потом, вот у меня еще дурная черта. Иногда, когда я бываю с Леной, то вдруг замечаю, что она как-то влюбленно смотрит на меня. Это начинает меня страшно бесить, и я чувствую, что в этот момент могу сделать ей какую-нибудь грубость.

...В последнее время у меня складывается убеждение, что я со дня на день делаюсь все ненормальнее. У меня очень часто появляется тоска, все так надоело. Раньше было желание учиться. Теперь Лена берется приготовить меня к следующему году в педтехникум, а у меня уже нет той ретивости. Все время является мысль «ну а что же дальше». Мне так надоела эта жизненная лямка, прямо до оскомины в зубах. У меня есть два выхода: или иметь ребенка (моя мечта) (но замуж не хочу идти определенно), или же под поезд. Второй план думаю осуществить в самом непродолжительном будущем, так что отвечайте скорее. Но Вы не думайте, что я в страшном унынии, совершенно нет. Если же ни то, ни другое не осуществится, то, вероятно, спячу с ума, так как последнее время у меня часто горит голова и я ничего не понимаю; в это время делаюсь какой-то балабашкой, а внутри сплошной ужас.

29.IX.1927

Самое главное в моей жизни сейчас — это моя неудовлетворенность, моя ненормальность (если это можно так назвать)... Я полагаю, что я порядочная психопатка. Опираюсь на то, что я слишком уж за все страдаю и каждую каплю превращаю в раскаленное олово для своей души, которое капает и жжет ее. Нормальные люди очень рассудительны и спокойны, а вот подобные мне всегда таковы. Я очень непоследовательна и непостоянна. Сегодня мне это кажется таким, а завтра совершенно другим... Все это меня очень тревожит. У меня последнее время царит какая-то тревога на душе. Отчего — не знаю, но мне иногда кажется, что я сойду с ума. У меня последнее время горит частенько голова и плохо что-то понимается. Вот в эти минуты мне почему-то ясно представляется мое

сумасшествие. Ах да, вот какой случай со мной был месяца полтора-два назад. Я гуляла с одним инженером в лесу. Гуляла подряд часов пять-шесть, и вдруг у меня появилась сначала какая-то подсознательная мысль, что с нами еще его брат находится. В действительности же я даже не знала, есть ли вообще у моего спутника брат. Потом эта мысль стала выступать более рельефно, и я все время была под ее влиянием. Только придя домой и сидя на окне, приблизительно через полчаса после возвращения, я поняла, что это мне все казалось, что этого ничего не было, а было что-то вроде галлюцинации. Как Вы объясняете этот факт? Вообще во мне очень много странного. Последнее время также у меня появилось желание самоубийства, так как я слишком ясно сознала бессмыслицу жизни. Исход из этого — ребенок. У меня страстное желание иметь ребенка. Мне кажется, что тогда бы все у меня прошло и я бы сделалась совершенно трезвой и нормальной. Но чтобы иметь ребенка, нужно иметь средства, которых, к сожалению, у меня нет. Выходить же замуж у меня нет ни малейшего желания, я предчувствую, что у меня с мужем получился бы очень скоро душевный разлад. А это верный путь к психозу. Вот видите, какая получается несуразица. Возвращаюсь к старому, то есть не ребенок, так смерть. Но умирать мне жалко. Жалко не людей, а природы. Я очень люблю природу. Но одной природой жить нельзя...

11.XI.1927

Настроение у меня последнее время очень хорошее. Мне кажется, благодаря тому, что живу теперь в Казани и нахожусь много на воздухе, ведь это много значит.

25.XI.1927

Настроение у меня довольно-таки <зачеркнуто: очень> хорошее. Большой подъем духа. Чувствую себя очень здоровой. Писать сейчас как-то совсем нечего¹²⁶.

6.II.1928

Сегодня месяц с неделей как я в Кизляре. Живу вообще не хуже, а лучше Казани, но меня почему-то вот дня три-четыре начинает заедать тоска. Я не сказала бы, что я скучаю по дому, а так что-то. Меня слишком не удовлетворяет моя будничная тихая жизнь, а захватывающего дела нет. Если бы я была по профессии сестра милосердия, я бы поехала куда-нибудь, где много работы, чтобы работать до одури. А так я живу слишком серо и скучно. Хоть бы весна скорее, ведь природа так хорошо настраивает.

11.IV.1928

Чувствую себя сейчас очень хорошо... Кавказ на меня очень хорошо действует.

12.V.1928

У меня бывают периоды, когда я люблю писать, и наоборот. Так вот, теперь этот период моего ленивого состояния писать письма. Вообще я себя чувствую довольно хорошо. Нет ни тоски и ничего такого, наоборот, чувствую подъем духа

¹²⁶ Вообще в периоды хорошего настроения письма Лидии Алексеевны делаются более краткими и менее содержательными. — М.В.

и даже какое-то особенное желание жить. Не знаю, действует ли на меня кизлярская весна или еще что, но у меня не было еще никогда такой весны. Все время такое настроение, которое ни рассказать, ни описать нельзя, слишком оно необъяснимое. Я думаю, что Вы когда-нибудь переживали нечто подобное, а поэтому легко меня поймете.

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
6.X.1932

Лиля работает очень много и получает большое жалованье. Она помбуха в Хлебсоюзе, и ее там считают очень серьезным, хорошим работником. Вечером же она чрезвычайно модная барышня, за которой усиленно ухаживают немецкие инженеры (это местная марка «интересности» девицы). Нет, правда, Лидушка очень мила, умеет одеться. В общем, из двух младших девочек вышли очень модные девицы, которые считают невозможным для себя обходиться без парикмахерской, завивки, маникюра и пр. и как-то удивительно умело разбираются во всех этих тонкостях, которые полагается знать «интересной женщине» и которые совершенно непостижимы для меня.

24.XI.1935

Главная беда Лидушки – это неровность ее характера. Иной раз прямо любишься, до чего она мягка и тактична. А порой, когда она, по собственному выражению, «черт», просто руками разводишь – где же прежний человек?

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 377)

Н.Н. Богданов
I.2003

Несмотря на свои 94 года выглядит весьма бодрой. Ход мыслей совершенно ясный, хотя говорит с видимыми затруднениями в артикуляции. Очень рада визитеру, к приходу которого сама готовила угощение, даже пекла пироги. Безо всякой настороженности и особенно не вникая в цель расспросов, рассказывает (главным образом со слов теток – Марии Александровны и Ольги Александровны) массу мелких бытовых подробностей и анекдотов о Достоевском, частью опубликованных в воспоминаниях М.А. Ивановой, частью известных теперь, наверное, только ей одной. Кстати, хорошо помнит и М.В. Волоцкого, которого принимала в этой же самой комнате. Между прочим, отвергает всякую возможность какой-либо небрежности, якобы допущенной Волоцким при издании «Хроники». Весьма добродушно говорит о характеристиках, данных родственникам ее сестрой – Еленой Алексеевной Ивановой, но в большинстве случаев с этими характеристиками не согласна.

460. Спивак Натан Яковлевич

(19.IX.1906, м. Германовка Киевской губернии – 22.VIII.1991, Москва). Муж предыдущей¹²⁷.

В Великую Отечественную войну – главный инженер Глававиастроля, после войны вместе с другими сотрудниками НИИ строительной техники участвовал в разработке метода

¹²⁷ В этом браке родилось трое детей: Александр (1935), Надежда (1937) и Виктор (1944). – Ред.

крупнопанельного строительства домов. Почетный строитель Комсомольска-на-Амуре, Заслуженный строитель РСФСР, лауреат премии Совмина СССР. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени, медалями.

Н.Н. Спивак

В декабре 1952-го, когда арестовали папу, мы оказались совсем без денег: мама не работала, а все наше имущество описали, и нечего было даже продать.

(Записано Н.Б.)

461. Иванова Ирина Алексеевна

423 / 424

(27.I.1912 — 27.X.1933, [Казань]). Покончила самоубийством, бросившись под поезд.

М.А. Гордина или М.В. Нечкина

Не по летам развитая, можно сказать, прямо гениальная девочка. Будучи еще совсем ребенком, вела интересный дневник, в котором высказывала свои мысли о боге, о цели жизни, причем неоднократно возвращалась к мыслям о самоубийстве. Пишет стихи, читая которые, нельзя себе представить, что они написаны ребенком. Физически для своих лет недоразвита.

(Записано М.В.)

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
XI.1924

Двенадцатилетняя Ира считает своим призванием быть писательницей. Пишет повести мелодраматического характера. В этих попытках сейчас много наивного и комичного, но язык у нее уже довольно хорошо выработан. У нее много стихов. Как-то она в школе показала их учительнице, но та сказала, что девочка так написать не может и что она их, по всей вероятности, где-нибудь списала с книги, чем Ира была страшно возмущена. В прошлом году дети в клубе ставили пьеску ее сочинения...

10.II.1925

...Ира вообще серьезна, но из-под этой серьезности постоянно мелькает тонкая насмешливая наблюдательность. Для нее, по-моему, очень характерно, что она всегда выучивает каждое тонко-юмористическое стихотворение... Как-то в прошлом году они пришли из деревни совсем промокшие, грязные... И Ира при входе начинает декламировать из детского юмористического стихотворения «Принцесса на горошинке» — применительно к себе: «Мокрой курицей стояла, и вода ручьем сбегала с бледного чела... Пустите, под дождем не простудите, я слаба, нежна... Башмаки мои без пяток, вся одежда из заплаток — впрочем, я княжна...» В ней удивительная для ребенка стойкость к тяжелым условиям жизни. Ей помогает ее юмористическая жилка и громадная фантазия. Просыпаясь утром в нетопленной комнате, она заявляет: «Я замерзла, как колибри в снежной Канаде» или что-либо в этом роде. Последний год она пионерка и страшно увлекается общественной жизнью. Очень энергична, у нее нет ни

секунды свободного времени. К сожалению, я последний год почти что ее не вижу. Она живет в Свияжске. Маленькая, тонкая и хрупкая, с нежным личиком. Очень нежная, ужасно любит, чтобы ее ласкали, — и до сих пор (13 лет) любит, чтобы ее держали на руках. Впрочем, с Лилей ссорятся и порой даже дерутся. Очень самостоятельна в своих решениях. Когда я не хотела отдать ее в детский сад (лет пять-шесть назад) (по нашей привычке быть под стеклянным колпаком, боясь всякой заразы и т.п.), она сама пошла записалась и с гордостью заявила мне: «Я сама отдала себя в детский сад». Очень прилежна и старательна, хорошо учится. Частые депрессии — внешне они мало выражаются. Может быть, только в легкой раздражительности, но в это время в дневнике она пишет, что ей не хочется жить, хочется кончить с собой и т.д.

9.XI.1925

После смерти Наташи, уделявшей так много времени литературным работам, Ира, раньше мечтавшая быть писательницей, теперь совсем не берется за перо... То же и с рисованием...

6.X.1926

Ира днем занимается в школе, вечером — в библиотеке. Мелочи жизни как-то проходят мимо нее. Теперь она живет у меня. Она такая тихая, нежная, какую-то умиротворенность с собой вносит. Сейчас к нашему большому удовольствию она только уменьшая девочка, но не кажется такой особенной, как в детстве. Я очень рада, что в эти годы она такая ровная. Только она очень больная. У нее множество болезней — сейчас в школе после докторского осмотра ей даже запретили физкультурой заниматься. У нее и в легких какие-то притупленья и выдыхи (когда ей было два года, она после воспаления легких долго кровью кашляла), и ревматизм, и какая-то опухоль в желудке, малокровие, ужасные головные боли. Кроме того, года четыре назад было воспаление уха и загнивание височной кости. Часть кости удалили и велели очень беречь уши, так как возможно повторение.

Посылаю Вам фотографию своей Риночки. В общем вышла довольно удачно, только кажется старше, чем есть, и нехарактерное для нее выражение лица. Она такая бывает, когда у нее голова болит... Как-то мне самой странно смотреть на эту карточку — неужели моя Риночка стала такая большая. Ей уже пятнадцатый год. За это лето она ужасно выросла. Когда я года два назад писала Вам о ней, она была совсем еще крошечкой — в двенадцать лет казалась девятилетней. Лицом она в мамин род, а по характеру в ивановский... Она своей внутренней

примиренностью отчасти напоминает Нату. Только в Нате была большая гармоничность, а в Ире разумность. Не знаю, понимаете ли Вы, что я хочу сказать...

17.IV.1927

Недавно я водила Ирину в психологическую лабораторию на обследование по Роршаху. Наш профессор Красников¹²⁸ сказал, что она «талантливейший человек», и еще прибавил: «Жаль, что Роршах умер... Непременно ему надо было бы этот протокол послать. У него ничего подобного не встречается...» Я сама была поражена тем, что дала Ринка. Она ужасно замкнутый человек. Целые дни читает и до крайности молчалива. На обследовании же она давала такую массу картин и настолько ярких, что действительно надо было удивляться, откуда что берется. У Роршаха норма образов — 15—30; у меня 132, а у Иры 134¹²⁹. Вообще, Ирины данные богаче моих, но тот же тип — «все из себя»... Громадная активная внутренняя жизнь. Только порой пугает, что все у нее страшно замкнуто, неотреагировано. Она с Лилей совсем разные люди. У Лидии на все моментальная реакция. Полное отсутствие заторможенности — и отсюда в ней гораздо меньше болевых комплектов, чем в нас...¹³⁰

6.X.1932

Ира сейчас поступает в Химвуз. Фабком дал ей такую характеристику, что некуда лучше — она у них премированная ударница.

М.В. Волоцкой

К общей характеристике детского поколения
потомства Алексея Александровича Иванова

Невропатичность этого поколения начала проявляться еще в их молодые годы, как об этом можно судить по следующему письму их матери: «У Верушки только что кончились экзамены, весной. Она выдержала только обязательные для перехода, хотела держать еще, но заболела, стало дергать всю левую половину и пухли ноги; была у двух профессоров, по нервным и внутренним, и оба велели бро-

¹²⁸ Красников Яков Петрович (1882–?) – профессорский стипендиат, преподаватель философии и психологии казанского Восточного педагогического института и театрального техникума. – *Ред.*

¹²⁹ Метод Роршаха, или так называемый метод чернильных пятен, заключается в том, что испытуемому последовательно, одна за другой, дается несколько таблиц, представляющих большие разноцветные пятна весьма прихотливых очертаний, и предлагается указать те образы, которые он усматривает в этих пятнах и в их отдельных деталях. Число и содержание указанных испытуемым образов представляет большое психодиагностическое значение, например, позволяет судить о богатстве воображения, четкости восприятия, эмоциональной возбудимости, синтетической силе мышления и т.д. Впрочем, этот интересный и увлекательный метод нельзя назвать очень точным. По выражению Кречмера, «он стоит на границе между экспериментом и наблюдением».

Цифры, полученные сестрами Ивановыми, значительно превосходят то предельное количество образов, которое до последнего времени было установлено при психодиагностических исследованиях по методу Роршаха. До 1925 г. таким максимальным пределом было 76 образов. В 1925 г. при обследовании участников международного шахматного турнира в Москве в двух случаях был превзойден этот предел и получены цифры – 84 и 88 образов (см.: Дьяков И.Н., Петровский Н.В., Рудик П.А. Психология шахматной игры. М., 1926). – *М.В.*

¹³⁰ Обследование произведено в мае 1927 г. в педологической лаборатории казанского Восточного педагогического института. – *М.В.*

сать экзамены и ехать домой... Лена пишет стихи, но прячет; ужасно нервная, отчаянно трясет головой, но не лечится, и к доктору не затащишь. Весной брала и ее, и Нату в Казань; Ната была у профессора, а она не пошла. Натка очень моргает¹³¹, она очень недурно рисует и хорошо пишет стихи...»

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
1.II.1926

По внешности у нас уже четвертое поколение преобладает громовский тип. Мама была очень похожа на свою мать, Евдокию Яковлевну Громову-Дьякову; Юрий, Сергей, я, Наташа и Ира похожи на маму. Юрина дочь Лелечка ужасно похожа на него — когда он был мальчиком. Тот же тип лица и у сыновей дяди Володи — Александра и Кирилла. От Достоевских у нас было только — глубокая посадка глаз у папы и, в особенности, у сестры Наташи. Когда я всматриваюсь в некоторые портреты Достоевского, то прямо чувствую в этой глубокой посадке глаз родственное сходство с Натой.

28.VIII.1927

Наконец-то я собралась прочесть воспоминания Л.Ф. и А.Г. Достоевских... Воспоминания Анны Григорьевны мне очень понравились. В тех местах, где она говорит о наших, Ивановых, у нее очень ярко и верно схвачен их дух — у меня по папиным рассказам осталось совсем такое же впечатление. Какое-то молодое озорство, которое так характерно было для их молодежи. И как-то грустно и странно, что этот их дух в нас, младшем поколении, выродился в какой-то, можно сказать, талант трагического мироощущения.

462. Иванова Инна Владимировна

426 / 427

[(20.V.1894 — 3.III.1962, Томск). Окончила первой томскую Мариинскую женскую гимназию, с 1914 г.] училась в Московской консерватории по классу фортепиано у В.И. Исакович-Скрябиной. [С 1926 г. преподавала в Томском музыкальном училище, работала в музыкальной школе.

Похоронена на Коларовском (Южном) кладбище г. Томска.]

Вл. А. Иванов — сестре Ольге
9.IV.1914

Инне, которую мы привыкли звать Ниной, уже 20 лет. Музыке она учится уже свыше десяти лет. Обладая приятным и мягким туше и прекрасною техникой, она имеет еще удивительную музыкальную память.

8.IX.1914

Нина первую кончила гимназию, теперь первую кончает музыкальные классы. Она блондинка, высока ростом, живет книгами и музыкою, очень скромная девушка и страшно любит семью.

¹³¹ Как мне говорила Е.А. Иванова, мигательные движения особенно усиливались у Наты в те моменты, когда она волновалась. Сама же Елена Алексеевна кроме встряхиваний головой страдала в возрасте около 12 лет еще заиканьем. — М.В.

На краткость и, быть может, сухость Нининых писем не обращай внимания и верь, что она душою тебя полюбила по письмам твоим. Должен тебя предупредить, что вообще все письма Нины носят объективный, а не субъективный характер. Излить свои чувства даже тогда, когда это и следовало бы, она не умеет, при всем своем на то желании.
(НИОР РГБ)

И.В. Иванова – тете О.А. Ивановой
20.VI <1915> Барнаул

Прости, что я так бесконечно долго не писала; мне очень стыдно, что я сразу не ответила на твое милое, хорошее письмо. Но не могла собраться: то занята, то что-нибудь, то кто-нибудь помешает. А для меня собраться написать письмо – не шутка. Вот валяется у меня три начатых письма к тебе, но, видно, в неурочный час начаты они, что постигла их такая горькая участь. Уж если нет подходящего настроения, так я не способна и слова выжать при всем желании. А сейчас вот и настроение есть, да музыка мешает. В народном доме, в саду играет оркестр, и слышно, а играют что-то очень хорошее. Наши все уже спят, впрочем, папа еще копошится у себя в кабинете. <...> К великому моему горю, я не могу помочь маме <по хозяйству, поскольку нет прислуги>, так как приходится много играть и, кроме того, приходит ученик. Но все-таки успеваю когда пол вымыть, когда убрать в квартире, вообще – чем-нибудь помочь. Особенно неприятно мытье ст<оловой> посуды.

Играть приходится много, по 5–6 часов, все одни и те же вещи, что ужасно надоедает. А главное – гаммы, отвратительнее их, кажется, нет на свете, особенно когда раньше их никогда не играла. Вообще вещи, выбранные к экзамену, исключительно технические, а я больше люблю нежные, мелодичные. <...> Как хочется мне попасть в консерваторию – и сказать не сумею! Только бы попасть, хоть на первый курс, все равно, лишь бы приняли, а там при желании всегда можно в год сделать больше, чем нужно по программе. <...> Главное – не струсить на экзамене и чисто и четко все сыграть; обидно, если, потративши столько труда, все смажу. Поеду я не одна: собирается со мной тоже в консерваторию, только по классу пения, кончившая 7 классов гимназистка Таня Меллер. У нее хороший голос – меццо-сопрано, хороший слух, а главное – поет она с таким чувством, что положительно заслушаться можно, а меня прямо-таки дрожь пробивает. Уж ее-то наверное примут: и голос, и наружность сценическая. <...>

Ты спрашивала меня: стоит ли переводиться? Мне кажется, в Сибири можно жить хорошо, а у нас в Барнауле, пожалуй, даже лучше, чем в Томске: климат мягче и, пожалуй, жизнь дешевле. Во всяком случае, переводись или в Барнаул (вот бы хорошо было), или в Томск, так как только здесь, в этих городах есть муз<ыкальные> школы, что важно для Кати. Нашему «Ветропыльску» (Барн<аулу>) предрекают громкую будущность, и я думаю, действ<ительно>, с проведением жел<езной> дороги он оживет. Хорошо, если бы вы приехали сюда, а то мы здесь одни – все родные так страшно далеко, и хочется страшно всех повидать.

<Осень 1914. Москва>

Прежде всего – поздравь меня с поступлением в консерваторию. Я принята и уже начала заниматься с 16-го. Я уж не надеялась быть принятой, так меня напугали все: говорили, что конкурс очень большой и принимать будут только тех, у кого есть протекция. К тому же и сыграла я неважно, так как очень волновалась. Но (хотя и стыдно, но надо признаться) благодаря бабушке¹³² и одной знакомой, принимающей во мне большое участие, у меня оказалась довольно значительная протекция, и благодаря этому я принята. И знаешь – приняты только <те>, у кого хоть кто-нибудь из профессоров знаком. Рада я очень, начала усиленно играть, только очень не разыгрываешься: учительница моя (я в классе Скрябиной) пока дает только упражнения и слушает этюды. Музыка очень неинтересная. <...> Живу я здесь с подругой-барнаулкой. Она держала экзамен в консерваторию (певица), но не принята.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 77. Лл. 1 – 2 об, 5 об.)

Е.А. Иванова

Инну я видела раза три-четыре в своей жизни, когда она училась в Московской консерватории. Она на меня производила впечатление замкнутой, требующей к себе особого подхода, но, по-видимому, человека с большим внутренним содержанием. Как она играла на фортепиано — не знаю; знаю только, что моей тетке Марии Александровне Ивановой, которая также была пианисткой, игра ее не нравилась.

(Письменные характеристики. М.В.)

Н.А. Воробьева

С фотографий 1930-х – 1950-х годов на нас глядит не то что строгая – даже несколько суровая женщина. В ее лице нет красоты, но она и не стремилась, видимо, сделать себя красивой. Косметикой она не пользовалась. Я помню ее всегда одетой во что-нибудь темное или серое, редко – белая блузка. Туфли она носила без каблучков. Фигура ее была несколько сутулая, и ходила Инна Владимировна неторопливо, держа голову чуть вниз. <...> Волосы ее были коротко стрижены (по воротник), с проседью, с небольшой курчавинкой. <...> Инна Владимировна во всем была скромна и незаметна. <...> жила она с мамой в полуподвале на одной из окраинных улиц города, невдалеке от Лагерного сада¹³³.

Н.И. Ширяева

...Никогда не повышала голос на ученика, терпеливо выслушивала домашнее задание. Нерадивые ученики приходили к ней на занятия спокойно, так как знали: за невыученный урок им ничего не будет. Нет, Инна Владимировна не была добренькой и всепрощающей учительницей. Она была достаточно строга, но не швыряла ноты в ученика и не выгоняла из класса. Просто работала с ним добросовестно. Но она прекрасно видела, что ученик занимается по принуждению родителей.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 32, 33, 40, 42)

¹³² Имеется в виду не Вера Михайловна Иванова (№ 36), умершая в 1896 г., а, вероятно, Шульц, бабушка по матери. – Ред.

¹³³ Вместе с матерью и братом Кириллом они жили в доме № 8 по ул. Лагерной (сейчас – ул. Кулева). Это здание недавно было снесено. – Ред.

Н.А. Воробьева

Другие выпускники Московской консерватории выделялись не только своим статусом (как педагоги *специальности*), но и сознанием своего уровня подготовки. А Инна Владимировна, видимо, добровольно спустилась на ступеньку ниже – класс спец. фортепиано в детской музыкальной школе и общее фортепиано в училище.

(Письменные характеристики. Н.Б. 2002)

Скромность И.В. Ивановой была такова, что друг ее брата, завсегда у них дома, ни разу не слышал ее игры.

Ек. Ин. Иванова

С нами, учениками, кроме уроков она мало общалась. Я вот только сейчас узнала, что она окончила Московскую консерваторию по классу Исакович-Скрябиной! Сама Инна Владимировна в концертах как концертмейстер, а тем более соло, никогда не выступала. Ее плечи часто передергивались как бы нервной судорогой; может быть, потому она и не концертировала. Я даже не помню, чтобы она когда-нибудь доиграла до конца хотя бы одно произведение. Но это не мешало ей показывать, как надо играть. Она замечательно это делала – одной музыкальной фразой.

Она была требовательным педагогом. Главное – она прививала нам вкус к музыке и гордилась нами. Мы были не сахар... Чего греха таить: мы порой изводили нашу учительницу смешками, переглядываниями. Инна Владимировна принимала их на свой счет, но никогда не сердилась. Просто не умела. Она вставала к фортепиано и давала темп: играйте.

Последний раз я видела мою незабвенную учительницу в 1946 году, уже поступив в Московскую консерваторию. Тогда еще была жива ее мама, весьма бодрая, несмотря на свой возраст, старушка. Мне были очень рады. Тут же на столе появились какие-то (по возможностям того времени) пироги, и у меня возникло ощущение, что я очень давно и близко знаю этих людей... Теперь, оглядываясь назад, понимаю, насколько чистым, глубоким и самодостаточным человеком была Инна Владимировна. Если можно употребить такую характеристику, она была святым человеком.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 39–40; Записано Н.Б.)

Выпускники Ивановой поступали в различные музыкальные вузы страны, в том числе в Московскую консерваторию и институт им. Гнесиных. У нее в классе занимался юный Эдисон Денисов, будущая мировая знаменитость. Однажды, прекрасно исполнив пьесу, он приглянулся ведущему педагогу музучилища. Тихая, скромная Инна Владимировна не могла противостоять этому преподавателю – и Денисов перешел в чужой класс, о чем она впоследствии очень жалела *(Родственники Достоевского в Томске. С. 45)*.

Н.А. Воробьева

<У Ивановой училась дочь ее коллеги Лида Феоктистова.> Уроки часто проходили на дому у педагога. Неизвестно почему, но именно Лида была выбрана Инной Владимировной для раскрытия семейной тайны: ей Иванова рассказала о своем родстве с Достоевским и показывала книги с автографами, пресс-папье, перчатки писателя. Когда в 1939 году у преподавателя музыкального училища В.Т. Феоктистова родилась <млад-

шая> дочь, ее назвали Инной в честь Лидиной учительницы музыки. Так появились тезки – Инна Владимировна Иванова и Инна Владимировна Феоктистова, которая до сих пор помнит, как она маленькая бегала по коридорам училища, как Инна Владимировна уводила ее в свой класс и чем-нибудь угощала.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 14–15)

463. Иванов Евгений Владимирович

426 / 427

Умер пяти недель от роду.

464. Иванов (имя неизвестно)

426 / 427

Умер в возрасте около двух лет.

465. Иванов Александр Владимирович

426 / 427

[17.VI.1905 — после IV.1972]

Вл. А. Иванов — сестре Ольге
9.IV.1914

Очень резвый мальчик со многими недостатками, обещает быть хорошим учеником.

(НИОР РГБ)

Сведения об этом представителе рода весьма скудны. По свидетельству коллеги Кирилла Владимировича Иванова, тот однажды вскользь упомянул «брата, живущего в Харбине». А в автобиографии 1948 г. назвал его «радиотехником на заводе Министерства промышленности связи в пос. Егоршино на Урале» (недалеко от Свердловска)¹³⁴.

Сын Александра Владимировича Игорь появляется в Томске летом 1962 г., когда дядя попадает в больницу с инсультом; отец и сын приезжают на похороны Кирилла Владимировича в 1972 г. *(Родственники Достоевского в Томске. С. 53, 56–58).*

466. Жена предыдущего

467. Иванов Кирилл Владимирович

426 / 427

[26.IX.1909, Барнаул — 4.IV.1972, Томск]

Выйдя из школы, работал в геологоразведочных партиях. Окончил с отличием геолого-географический факультет Томского государственного университета (1940). В Великую Отечественную войну был в артиллерии на Волховском фронте, дослужившись до начальника штаба дивизиона и вернувшись домой капитаном запаса. В 1942 г. вступил в ВКП(б). Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

¹³⁴ И.В. и К.В. Ивановы скрывали факт наличия у них брата, поскольку тот, очевидно, был причастен к белой эмиграции. Молчали они и о том, что их отец до 1917 г. работал в тюрьме и полиции; не упоминали и о родстве с Ф.М. Достоевским, поскольку не хотели обнаруживать дворянские корни. В отличие, скажем, от нижегородских родственников – Владиславлевых, даже менявших фамилию на Достоевские (см. с. 348–349, 1026–1027), – Ивановы были трижды под ударом и, справедливо опасаясь преследований со стороны советских властей, не афишировали своего происхождения. – *Ред.*

Преподавал на кафедре петрографии как ассистент (с 1946), затем как доцент (с 1957). Кандидат геолого-минералогических наук (1956). Читал курсы кристаллооптики и петрографии осадочных пород.

Как и старшая сестра Инна, не оставил потомства. Похоронен на кладбище Томск-2, могила не сохранилась.

Е.А. и Ю.А. Ивановы

Александр и, в особенности, Кирилл Ивановы, судя по фотографиям, очень похожи лицом на своих двоюродных братьев Юрия и Сергея Ивановых.

(Записано А.Д.)

М.В. Иванова — О.А. Ивановой
IV.1914

Кира почему-то и пишет, и рисует, и работает все только левой рукой, правая же у него так без толку болтается¹³⁵.

(НИОР РГБ)

Н.А. Воробьева

<Его ученики, ныне сами заслуженные геологи,> с удовольствием вспоминали, каким прекрасным преподавателем был К.В. Иванов. Он в совершенстве владел микроскопом, сложным иммерсионным методом определения минералов и очень непростым федоровским методом. Кирилл Владимирович работал в основном в Кузбассе, на Алтае и в Томской области. По мнению учеников, Иванов является единственным крупным специалистом по изучению осадочных пород в Томском районе. Исходив и исследовав буквально все окрестности Томска, Иванов досконально знал месторождения полезных ископаемых, в том числе песка и глины, давал консультации специалистам местной промышленности. Даже зимой, в мороз его видели с полевой сумкой, в шапке, завязанной под подбородком...

– Вы куда, Кирилл Владимирович?

– Да на скважину! – это означало, что где-то бурят и надо успеть, пока не разбросали керны, нужные для исследования.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 49–50)

Ю.В. Уткин

...Томский дайковый комплекс до сих пор вызывает повышенный интерес у многочисленных исследователей, которые всегда начинают свои работы с обязательного изучения диссертации К.В. Иванова «Геология и петрография нижнекаменноугольных и дайковых

¹³⁵ В зрелом возрасте К.В. Иванов был амбидекстром, то есть одинаково хорошо владел обеими руками. – Ред.

пород окрестностей г. Томска» <...> Скрупулезность, дотошность были присущи Кириллу Владимировичу при выполнении любых исследований. Особенно ярко эти качества проявились на лабораторных занятиях, когда он каждый шлиф осадочной породы готов был разбирать до мельчайшего минерального включения, убеждая студентов, что и в глинистых породах, таких скучных на первый взгляд, есть объекты изучения. Он дополнил лабораторные занятия <...> задачами по методикам осадочной петрографии: ознакомлением с иммерсионным методом, реакциями окрашивания, проведением механического анализа. <...>

Кириллу Владимировичу было тяжело передвигаться из-за последствий фронтального ранения, и мы чаще всего обсуждали главы моей дипломной работы у него на квартире. Научный руководитель обычно потчевал меня чайком и бесконечными рассказами о шахматных баталиях, о своих успехах в турнире игры по переписке. Страстный шахматист, он очень сожалел о том, что я не мог составить ему компанию за шахматной доской. Возможно, это было для меня к лучшему, в противном случае защита дипломной работы могла бы и не состояться, так как одной-двумя партиями от Кирилла Владимировича никто никогда отделаться не мог. Обычно его шахматные матчи продолжались по несколько часов кряду при непрерывном выкуривании любимого «Беломора».

(Кафедра петрографии ТГУ. С. 68–69, 99)

В.А. Врублевский

В любое время, безотказно, доброжелательно он давал бесчисленные консультации. Его помощь в те годы была просто неоценима для меня. С годами у нас установились дружеские отношения. Я часто бывал у Ивановых дома. Кирилл Владимирович с сестрой, оба одинокие люди, любили принимать гостей, но званных вечеров они не устраивали. К ним можно было прийти запросто, посидеть, поговорить, погреться чайком, угоститься пельмешками или пирожками. Не отказывались мы и от рюмочки.

(Родственники Достоевского в Томске. С. 52–53)

После смерти сестры Инны в 1972 г. Кирилл Владимирович остался один. Тем же летом, на отдыхе в Сочи, у него случился инсульт.

Н.А. Воробьева

Он медленно поправлялся, с трудом ходил, плохо говорил, не действовала правая рука. Уже известный нам полуподвал стал настоящей бытовой пыткой для больного. Хотя в конце 1950-х годов было проведено отопление, холодная вода, но горячая вода отсутствовала, поэтому баня для Кирилла Владимировича была проблемой. Впервые он начал хлопотать о благоустроенной квартире. На это ушло порядочно времени, квартиру ему обещали, но отдали другому. И тогда Иванов пошел на прием к первому секретарю горкома КПСС. Тот был потрясен, увидев едва бредущего ветерана войны...

– Вы кого обидели?! Вы у кого отняли квартиру?! – гремел он в телефонную трубку, весьма нелестно разговаривая с ректором. Так К.В. Иванов получил благоустроенную квартиру.

О полноценной работе в ТГУ не могло быть и речи, но коллеги понимали, что значит для Кирилла Владимировича кафедра. Его оставили на почасовой оплате и договорных рабо-

тах. Даже при весьма неважном состоянии здоровья он сумел сделать немало полезного... Выходя из ворот университета, Кирилл Владимирович устремлялся прямо на проезжую часть, махал бодожком, с которым ходил постоянно, останавливал такси и ехал домой. Убедить его быть осторожным, что его может сбить автомобиль – было невозможно. Он посмеивался и делал все по-своему. Упрям был по характеру.

Несчастье подстерегло его не на улице, а дома... После инсульта у Кирилла Владимировича была очень слабая чувствительность кожи, он постоянно мерз. И вот дома он решил погреться в ванне, открыл кран с горячей водой и не заметил, что льется кипяток. Опомнился тогда, когда увидел волдыри и слезающую кожу. Все же он сумел выбраться из ванной, где сидел закрытый на защелку. Находившийся в квартире в тот момент сын друга Володя вызвал «скорую», и Кирилла Владимировича увезли в госпиталь.

На кафедре узнали о несчастье, ходили проведать... Пролежал Кирилл Владимирович дней пять-шесть. Когда пришли в очередной раз, то больного в палате не оказалось – он умер, и тело его неизвестно где... Коллеги К.В. Иванова буквально подняли на ноги всю медицину, и тело нашли в морге среди трупов безродных, бродяг и неопознанных личностей. Оказывается, Кирилл Владимирович в госпитале ничего не сказал о себе, и там не знали, кому позвонить...

(Родственники Достоевского в Томске. С. 57–58)

Поколение шестнадцатое

468. Балабуха [Балабух] Лев Иванович

431 / 430

(9.VIII.1910, с. Красные Буйцы Тульской губернии – 2.II.1978, Москва).

Окончил Тульскую опытно-показательную девятилетнюю школу (1928), математический факультет Московского университета (1932). Инженер-конструктор авиационной и ракетной техники, доктор технических наук.

Умер от скоротечного рака гортани. Похоронен в колумбарии Донского кладбища в Москве.

С.Л. Балабуха

При каких обстоятельствах из фамилии моего отца выпала буква А, я точно не знаю, но в нашей семье все были твердо уверены, что именно эта разница в одну букву не единожды спасла ему жизнь, каждый раз направляя преследователей по ложному следу. Так было в печально известный период «борьбы с космополитизмом», когда секретарь парторганизации конструкторского бюро, где работал отец, с чего-то решил, что тот «злостно скрывает свое иудейское происхождение». Каждый день его вызывали на беседы, походившие на допросы, заставляли заполнять какие-то анкеты, но все обошлось.

Жизнь часто сводила отца с яркими и известными людьми – например, с Юрием Александровичем Олсуфьевым, так много потрудившимся для сохранения святынь Троице-Сергиевой лавры. Ю.А. Олсуфьев был сыном того самого «старого» графа, в буйцевской школе которого работала когда-то моя бабушка. Дипломную работу отец писал под руководством П.А. Флоренского... И Олсуфьев, и Флоренский потом погибли в сталинских лагерях.

После окончания университета лучшие выпускники (и отец в их числе) были направлены на оборонные предприятия. Отец всю жизнь занимался разработкой и совершенствованием ракетно-ядерного щита Родины. Принадлежа к научно-технической элите, он так и не стал коммунистом и всегда сторонился партийной номенклатуры. Зато очень ценил традиции русской научной школы. С большим вниманием и болью следил за политическими событиями в нашей стране. Отца страшно травили, что и привело в итоге к его безвременной кончине.

(Записано Н.Б.)

Статья «К 60-летию со дня рождения Л.И. Балабуха»

За свою более чем 35-летнюю практическую научную и педагогическую деятельность Л.И. Балабух приобрел широкую известность в авиационной промышленности среди ученых, механиков, среди работников высшей школы. В авиационной промышленности, где он прошел большой путь от инженера-расчетчика до заместителя главного конструктора, Л.И. Балабуха знают как создателя методов расчета сложнейших конструкций летательных аппаратов. Как ученый, доктор технических наук Балабух известен своим строгим аналитическим складом мышления. Разнообразные исследования Балабуха служат образцом ясности в постановке задач, четкости и законченности решений. Его работы по теории оболочек, исследованию колебаний жидкости, устойчивости деформируемых систем, термоупругости и многие другие исследования хорошо знает широкий круг специалистов. Последние десять лет Лев Иванович Балабух – профессор МВТУ им. Н.Э. Баумана. Прекрасный педагог, он с бесконечной щедростью отдает свое время работе со студентами и молодыми научными сотрудниками. Его многочисленные ученики успешно работают в различных областях науки и техники.

(Механика твердого тела. 1970)

Из работ Л.И. Балабуха известны:

- Изгиб и кручение конических оболочек. М, Бюро новой техники, 1946. 62 с.
- Расчет на прочность конических кессонов. М, Бюро новой техники, 1947. 56 с.
- Расчет тонкостенных конструкций. М, Бюро новой техники, 1947. 24 с. (В соавторстве.)
- Основы строительной механики ракет: Учебник. М, Высшая школа, 1969. 494 с. (В соавторстве.)

469. Гельман, по мужу Балабух Фаня Ильинична

(1915–1997). Жена предыдущего. Ямпольская караимка.

470. Хмырова, [по мужу Терехова] Наталья Львовна **432 / 433**
(1913 – [12.X.1998]). Окончила Московский нефтяной институт им. И.М. Губкина. Химик-нефтяник.]

470а. Терехов Иван Александрович
(? – после 1940). Муж предыдущей¹³⁶.

471. Хмыров Андрей Львович **432 / 434**
Род. около 1921 г.

472. Хмыров Виктор Львович **432 / 434**
(1923–1925). Умер от заражения крови после того, как сковырнул прыщик.

473. Хмыров Александр Львович **432 / 434**
Род. 15.IX.1931. Окончил Институт внешней торговли. Работал в Госснабе.

474. Хмыров Алексей Дмитриевич **436 / 437**
(1919 – [1940-е]). Пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.]

475. Михневич Вера Ивановна **439 / 438**
(13.V.1911, с. Богатищево Тульской губернии – 2.IX.1984, Коломна Московской обл.). С 19 лет и до пенсии работала на Коломенском тепловозостроительном заводе – чертежницей, старшим конструктором и, наконец, начальником лаборатории.

М.А. Иванова

В возрасте 13 лет уже кончает школу второй ступени.

О.А. Иванова

Способная, развитая, впечатлительная, но также и несколько истеричная.
(*Записано М.В.*)

В.И. Михневич – Г.Ф. Коган
24.X.1966. Коломна

...Я задумалась и еще раз стала вспоминать то, что было в дни моего детства в Переславле-Залесском. <...> в 1924 г. дедушка Д.Н. Хмыров <№ 409> жил вместе с нами в Переславле-Залесском, ему было около 80 лет, и в это время он был очень слаб...

В альбоме нашего дедушки есть несколько семейных фотографий и много портретов. Возможно, в скором времени я буду в Москве и завезу Вам этот альбом. Вы выберете, что для Вас будет интересно. Я живу одна, и если со мной что-нибудь случится, то эти фотографии, конечно, будут выброшены, поэтому мне и хочется передать Вам, если есть что-либо интересное.

(*Коломенский альманах. Вып. 5. Коломна, 2001. С. 335–336*)

¹³⁶ Дети от этого брака – сын Николай (1939–1998) и дочь Юлия (род. <1940>). – Ред.

476. Михневич Николай Иванович**439 / 438**

(30.VIII.1913 – 21.VIII.1981). Окончил Московский механико-машиностроительный институт им. Н.Э. Баумана¹³⁷ (1939), инженер-конструктор. С 1954 г. заместитель главного конструктора МГБ (позже НПО) «Красная звезда», занимался проблемами создания и эксплуатации космических ядерных установок. Лауреат Ленинской премии, награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями.

О.А. Иванова

В доме хороший хозяин; охотно исполняет всякую домашнюю работу — может быть и поваром, и конюхом, и плотником, — одним словом, на все руки мастер. Лучший ученик в классе.

(Записано М.В. <1925>)

477. Иванова, [по первому мужу Бабушкина, по второму Агаркова] Елена Юрьевна**444 / 445**

(27.IV.1916, [Симбирск — 3.II.2006, Москва). Окончила филологический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (1941). После возвращения в столицу из эвакуации работала школьным учителем. Большую часть жизни преподавала русский язык в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО).]

Ю.А. Иванов

Как общий признак с отцом имеет большое родимое пятно. У отца это пятно (площадью около 20—25 см²) находится спереди, посреди правого бедра. У Елены — тоже на правой ноге, но несколько выше и смещено назад¹³⁸.

(Записано М.В.)

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
18.V.1925

Я ни у кого не встречала такой разумной, внимательной любви к ребенку, как у матери Лелечки. И в результате сейчас в девочке (правда, я ее видела лишь два дня) почти совсем парализована наша врожденная нервность. Лицом Лелечка вся в нас, в Ивановых. Но в характере нет нашей болезненности, которая так сильно проявляется даже у младшей из нас — 13-летней Ириночки. Леленька-пустосмешечка, как ее зовет мать. Ясные радостные глазки, непрерывный

¹³⁷ В 1930 г. на базе аэромеханического факультета МВТУ был создан Московский авиационный институт; возможно, Н.И. Михневич окончил именно этот вуз. — Ред.

¹³⁸ В одной из бесед с Еленой Юрьевной я осмелился коснуться этой деликатной темы. Нимало не смутившись, моя собеседница со смехом отвечала, что «пятно давно уже самоликвидировалось». — Н.Б.

детский смех и наивный доверчивый подход к людям ребенка, даже не подозревающего, что к нему могут грубо отнестись... Девочка очень умненькая и развитая. Вообще очень интеллигентный ребенок... Что нас поражает в ней — так это яркая память раннего детства. Сейчас ей девять лет. Она уезжала от нас из Рязани, когда ей было три года два месяца. И она помнит массу мелочей из той поры. Я сама себя помню с двух с половиной лет. Профессор Трошин уверял меня, что это мое воображение. Теперь на Лелечке я проверяю, что это вполне возможно, что она действительно ярко помнит себя раньше, чем с трехлетнего возраста. Мы с Шурой, ее матерью, восстанавливаем в своей памяти то, что она рассказывает, и убеждаемся, что все это верно.

1.II.1926

Юрина дочь Лелечка ужасно похожа на него — когда он был мальчиком.

26.X.1926

В этом письме посылаю Вам два стихотворения маленького поэта нашей семьи — Юриной дочери Лели.

***

Крошка Ирочка идет,
В ручках яблочко несет.
Его кушать не спешит,
А домой скорей бежит.
Дома Иру мама¹³⁹ встретит,
Ее ласково приветит,
Поцелует, и опять
Ира выбежит играть...

***

Лето уходит, осень пришла,
Яркие краски с собой принесла.
И, одевши в багрец виноград,
Желтой краской деревья покрыла.
И дождем, как слезами своими, она
Город душный и пыльный умыла.
А цветочки, склонивши головки свои,
На холодную осень сердились
И желали они, чтобы летние дни
К ним скорей бы, скорей возвратились.
Полил дождь. Полил он на сады и луга,
Но в полях травы жизни лишились,
А над лесом багряным и желтым тогда
Перелетные птицы носились.

¹³⁹ Мамы Ирины в это время уже не было в живых. — Ред.

1.IV.1934

Леля, к сожалению, вся совершенно наша, ивановская: очень нервная, с постоянно повышенной температурой, внутренне унаследовавшая все наши свойства. Как Юрий, абсолютно не понимает математики, имеет неуд (она в 9 группе) и блестяще учится по всем остальным предметам. <...> У Лели две склонности – литература и рисование. Рисует настолько хорошо, что художники советуют ей обязательно поступать в художественное училище. <...> У нас ведь папа, Ната, Сережа очень хорошо рисовали...

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 325)

Е.Ю. Агаркова

Стихи я писала больше поздравительные или при игре в буриме. Но моим коньком были сказки или истории, которые я в те далекие годы придумывала и рассказывала детям и подросткам, родным и знакомым. Их слушали <кузина> Надя Спивак, ее брат Саша и ее же брат Витя, мой сын Михаил¹⁴⁰, потом мой внук, тоже очень взрослый теперь, Олег и многие другие. Я никогда не записывала свои «сочинения»: не было ни времени, ни смысла, так как, однажды рассказанные, они как бы угасали для меня. Просто сочинять было неинтересно, меня вдохновляла на это только моя «аудитория», жадно меня слушающая. Теперь они сами уже бабушки и дедушки.

(Письменные характеристики. Н.Б.)

478. Бабушкин Леон Онуфриевич

(1914 – <1948>). Первый муж предыдущей. Брак с 1936 г., развод около 1945 г.

Е.Ю. Агаркова

По отцу – Вартанян. Был усыновлен Бабушкиным, от которого и получил фамилию. Красивый, мягкий и очень болезненный человек, которому к тому же пришлось работать на очень вредном производстве (рентгеноструктурный анализ в металлургии). Обожал нашего сына Мишу и был очень достойным отцом. Умер от лучевой болезни.

(Записано Н.Б.)

479. Агарков Михаил Михайлович

(1.IV.1890, Казань – 26.VII.1947). Второй муж Е.Ю. Ивановой (1947). Профессор юриспруденции, один из ведущих отечественных цивилистов.

Окончил Казанский университет с дипломом I степени (1912). Преподавал в Казани (до 1918), Иркутске (1918–1921) и Саратове¹⁴¹. В 1930-е в Москве возглавлял юридическую службу в правлении Госбанка СССР, Совнарком СССР, Наркомфине, Наркомвнешнеторге и Союзнефтеэкспорте, состоял научным консультантом при Верховном суде и при Государственном арбитраже СССР. Доктор юридических наук (1939). После Великой Отечественной войны, в последние годы жизни, совмещал руководящие должности с преподаванием, в частности в МГУ и МГИМО.

¹⁴⁰ Бабушкин Михаил Леонович (род. 1938) – инженер-строитель, кандидат технических наук. – Ред.

¹⁴¹ Там же и в те же годы находился его будущий тесть Ю.А. Иванов, и многочисленные совпадения времени и места заставляют предположить знакомство М.М. Агаркова с ним. – Ред.

Е.Ю. Агаркова

Добрый, вежливый, деликатный, с безукоризненными манерами, чрезвычайно широко образованный человек. К великому сожалению, мы прожили вместе лишь полгода.
(Записано Н.Б.)

480. Потемкин Кирилл Викторович

(1911–1980)¹⁴². Третий муж Е.Ю. Ивановой-Агарковой.

Геолог широкого профиля. Работал начальником партии по поиску минеральных вод, в тектоническом отделе Геологического института АН СССР, геологом Соликамской договорной партии. В 1940 г. перешел в НИГРИзолото, в Минусинскую, затем в Горно-Шорскую партию (рудное и россыпное золото).

Арестован в марте 1945 г. и осужден по ст. 58 п. 10 ч. 11 УК РСФСР на 5 лет без поражения в правах. Заключение отбывал в Балахчинском исправительно-трудовом лагере в Красноярском крае. Сначала работал жестянщиком, затем по геологической специальности в шахтах. Освобожден в декабре 1949 г. (отсидев четыре года), остался работать прорабом, затем начальником поисково-разведочной партии треста «Хакасзолото», с 1957 г. – «Енисейзолото». С 1958 г. – научный сотрудник недавно созданного Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ), где проработал до ухода на пенсию. Реабилитирован в 1958 г.

В браке с Е.Ю. Ивановой-Агарковой с 1963 г.

Автор многих научных статей и монографии «Генетические типы месторождений редких элементов» (1966). На пенсии по инвалидности с 1968 г.

Е.Ю. Агаркова

По иронии судьбы, мы знали друг друга с юности, с 1930-х. Кирилл Викторович водил дружбу с племянником моей мамы. Выйдя за него замуж, я не стала менять фамилию из-за того, что в свое время обещала М.М. Агаркову никогда не отказываться от его имени: Михаил Михайлович был старше меня на 25 лет и очень жалел, что уйдет из жизни раньше меня.

У Кирилла Викторовича было замечательное чувство юмора, его шутки постоянно цитировали друзья. Еще он страстно увлекался фотографией. К сожалению, частые экспедиции сказались на его и без того некрепком здоровье.

(Записано Н.Б.)

481. Гелен Маргарита Анатольевна**456 / 455**

(6.I.1932 – 15.II.1934)

Е.А. Иванова — М.В. Волоцкому
6.X.1932

...Просто чудо, а не ребенок. Таня с мужем в шутку зовут ее «ударным ребенком» с советскими темпами. Родилась она 7 ½ мес. (5 ½ ф.). 7 месяцев, то есть

¹⁴² По словам жены, годы жизни К.В. Потемкина 1910–1978. – *Ред.*

фактически 5 ½, уже умела стоять на ножках. Сейчас 8 ½ (– 1 ½) сама встает у стула, «ползает галопом», говорит три слова: «мама», «дай», «сись». У нее удивительно раннее словообразование.

Кушает так, что няня ее все время прожорливым утенком зовет. Ритенок удивительный крепыш, розовая с загаром прелестного цвета, крепко, крепко налитая — по виду самый здоровенький ребенок местной консультации.

24.V.1934

У Ритушки была прямо ненормальная любовь к Тане — если та уходила часа на полтора и два, то у Ритушки при ее возвращении от радости чуть не истерика делалась. Гладит ее, целует и смеется так, что в смехе слезы...

А теперь Толичка так же преувеличенно любит ее...

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 328)

482. Гелен Анатолий Анатольевич

456 / 455

Род. 5.IX.1933.

Е.А. Иванова – М.В. Волоцкому

1.IV.1934

Ритуша была «легкомысленный французенок». Авось и Толюшка такой же будет – личиком он очень на отца похож...

21.X.1940

Очень мягкий и женственный «молодой человек» <...> с фарфоровым личиком и вьющимися волосами.

(РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 324, 507 об.)

483. Иванов Вадим Сергеевич

457 / 458

(1932–1932). Умер 16 дней от роду от менингита.

Глава X

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

Поколение тринадцатое

37. Достоевский

15 / 139

Николай Михайлович

(13.XII.1831, [Москва] — 18.II.1883, [Петербург]). Младший брат писателя. [Окончил Инженерно-строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Петербурге и был назначен в Эстляндскую строительную и дорожную комиссию архитектурским помощником.] Коллежский ассессор. Служил в Ревеле, затем в Петербурге¹, но вскоре должен был оставить службу по состоянию здоровья. [Похоронен на Смоленском православном кладбище. Могила не разыскана.]

М.М. Достоевский — брату Андрею
12.VIII.1854. Петербург

Николя вышел из училища 10-м классом. Из него выйдет очень талантливый архитектор. Проекты его были лучшие. Его командируют в Ревель.
(ПСС. Т. 28, С. 458; Воспоминания. С. 410)

Н.М. Достоевский — брату Андрею
18.XI.1862 <Петербург>

Я как холостой брат прежде всего должен бы стараться о сестре <Саше>; но что делать, последнее время я был совершенно без дела и должен был продать все лишнее: лошадь, экипаж и всю к этому утварь. Не думай, чтоб я жаловался на свою судьбу. Вовсе нет. Дела мои теперь поправляются, и я вовсе не нуждаюсь. Живу своим хозяйством с двумя слугами, не ради роскоши, а ради того, что я второго слугу взял к себе: мальчика для обучения (бедного сироту). Я был бы Крезом, если бы имел твердость характера. Я все принимаю к сердцу как-то по-женски, тряпично, и всякая мелочь тревожит меня так, что я, не смотря на множество частных дел, хожу, как угорелый, ничего не делая. Через это только

¹ В столице младший из братьев Достоевских построил особняк П. Копылова (сейчас ул. Правды, д. 20), перестроил бани Эссен-Стенбок-Фермора (угол Среднего проспекта и пятой линии В.О.) и доходный дом (Средний проспект В.О., д. 76). — Н.Б.

я теряю многое, но все-таки не все, и, слава Богу, не сижу без дела, а следовательно и без куска хлеба.

(Литературное наследство. Т. 86. С. 387)

А.А. Достоевский

...В 1858 г. он уже служил в Петербурге, а в 1862 г. имел порядочную частную практику и жил довольно широко. Однако слабование и алкоголизм сбивали его с пути, и он все более и более впадал в нищету, жил у сестры Александры Мих<айловны>, как бы на призрении, братья и знакомые помогали ему кто сколько мог, но спасти его было уже нельзя, и он умер совершенно пропащим человеком...

(Достоевский А.М. Воспоминания. С. 410)

Л.Ф. Достоевская

...Несчастный же дядя Николай, блестяще закончивший учение, никогда не трудился и всю жизнь был обузой для своих братьев и сестер.

...О своем брате Николае, несчастном пьянице, целиком оказавшемся на его попечении после смерти дяди Михаила, должен был заботиться мой отец. Достоевский очень сочувствовал ему и всегда хорошо к нему относился. Но он никогда не любил младшего брата так сильно, как старшего. Дядя Николай был слишком незначительным человеком; бедняга думал лишь о своей бутылке.

(Достоевский в изображении дочери. С. 41, 96)

Ф.М. Достоевский — брату Николаю
16 (28) VIII.1863. Париж

Много я думал о тебе, голубчик, и с нетерпением жду о тебе известий, которые бы меня порадовали. Где-то ты теперь? У Саши или в больнице? Я адресую к Саше, для передачи тебе. Здесь одна особа² даже заплакала, когда я рассказал о твоей болезни, и велела тебя горячо приветствовать. <...> люблю тебя больше прежнего. Дорог ты мне теперь, больной и несчастный. Как бы я желал, воротясь, застать тебя уже здоровым. Друг Коля, вспомни просьбы наши и пощади сам себя, — ложись в больницу.

13.IX.1864. Петербург

Милый Коля, посылаю тебе еще пять рублей. Может быть, тебе нужны деньги. Как твое здоровье и как твои обстоятельства? Я все боялся и боюсь, что тебя посадят³.

(ПСС. Т. 28₂. С. 37–38, 101)

И.Л. Волгин

Анна Григорьевна аккуратно (и, надо полагать, тайком от мужа) заносит эти суммы в свои записные тетради (труд совершенно напрасный, ибо деньги эти, разумеется, никогда не будут возвращены)...

(Последний год Достоевского. С. 350)

² Очевидно, это А.П. Суслова, с которой у Достоевского накануне произошло объяснение и с которой они должны будут вскоре отправиться в Италию «как брат и сестра». См. также очерки «Родные и близкие», с. 1037–1038. — Ред.

³ В долговую тюрьму. — Ред.

А.М. Достоевский

<Накануне Нового 1865 года у Голеновских> я увиделся и с братом Николаем Михайловичем. Он уже не состоял на службе и занимал квартиру в одном из флигельков сестрина дома. Увидев его, я был очень огорчен его положением. Молодой еще человек и так вдруг опустившийся! Руки у него тряслись. Все движения и походка были как у расслабленного! Бедный брат, вот что значит невоздержание! Но я нашел в нем того же добряка, как и прежде!
(Воспоминания. С. 305–306)

А.Г. Достоевская

Как ни малы были наши средства, Федор Михайлович считал себя не вправе отказывать в помощи брату Николаю Михайловичу <...> Кроме определенной суммы (пятьдесят рублей в месяц), «брат Коля» получал при каждом посещении по пяти рублей. Он был милый и жалкий человек, я любила его за доброту и деликатность и все же сердилась, когда он учащал свои визиты под разными предлогами: поздравить детей с рождением или именинами, беспокойством о нашем здоровье и т.п. Не скупость говорила во мне, а мучительная мысль, что дома лишь двадцать рублей, а завтра назначен кому-нибудь платеж, и мне придется опять закладывать вещи.
(Воспоминания. С. 217)

Ф.М. Достоевский — жене
12.VI.1872. Старая Русса

Вчера, получив твое письмо, я очень встревожился за брата Колю, а написать тебе позабыл. Нельзя ли тебе, голубчик, перед отъездом еще раз узнать об нем подробнее, и не дать ли ему еще хоть капельку денег? Ну что, если умрет. Тяжело мне будет.

13.VIII.1873. Петербург

Он здоровее чем когда-нибудь. Правда, был недавно болен, так, что, Саша говорит, боялись, чтоб не помер, серьезно. Но теперь здоровее прежнего, никогда никакого рака не было <...> Мы с Колей очень согласно проговорили. Обедал я у Саши (чванилась) и насилу-то, под конец, об тебе спросила и о детях, уже после обеда. (А ты все первая лезешь с визитами.) Дрянь людишки, дрянь, кроме Коли.
(ПСС. Т. 29, С. 250, 290–291)

А.Г. Достоевская – Н.М. Достоевскому
1.IX.1877 <Старая Русса>

...Мы выезжаем и приедем в Петербург или 4-го утром, или вечером. Поэтому желательно, чтобы ключи были к тому времени у дворника, как всегда, в запечатанном конверте. Поэтому, многоуважаемый Николай Михайлович, прошу вас, если ключи еще не доставлены, то доставьте их к 4-му числу, очень нас обяжете, а теперь до скорого свиданья...
(Литературное наследство. Т. 86. С. 456)

Ф.М. Достоевский – брату Николаю
21.IV.1880. Петербург

Вот уже год, как мы не видались. Не знаю, что это значит: система ли у тебя такая взята или что-нибудь другое. Между тем жизнь наша на конце и до того, что, право, некогда прилагать на практику даже самые лучшие системы. Я всегда помню, что ты мне брат, но людей во многом отказываюсь понимать.

Брату Андрею
28.XI.1880. Петербург

Вот брат Николай Михайлович совершенно порвал со мной, точно меня нет на свете, вот уже два с половиною года. Даже грубо и нелепо с его стороны. Дуется и сердится, на что собственно — не знаю. Болезненный человек, Бог с ним.

Брату Николаю
26.XII.1880. Петербург

Жаль, что ты переписываешься со мной письмами. Эти отчуждения отодвинут наши дела <с разделом наследства> еще на несколько лет, а может, и на полную гибель.
(ПСС. Т. 30, С. 151, 229, 239)

Сам Николай Михайлович в письмах к родственникам и знакомым объясняет свое положение различными тяжелыми болезнями.

Н.М. Достоевский — неизвестному лицу
(черновой набросок)

Окончив курс по первому разряду и поступив на службу, я с самого начала был отмечен начальством и высочайше награжден орденами и другими наградами. В 27 лет я уже имел чин коллежского асессора, и таким образом карьера моя была обеспечена, если бы не болезнь глаз (слепота) и расстройство всего здоровья не принудили меня выйти в отставку в 1862 г.

Кому-то из родственников
(черновой набросок)

Доктор, известный у нас профессор клиники, говорит, что для излечения моей болезни (порока сердца) нужно совершенное спокойствие; но ведь это насмешка к настоящему моему положению.

Сестре Александре
(черновой набросок)

Я все хвораю и до сих пор не выходил из квартиры. Невыносимая боль в груди не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Не знаю, что будет дальше, а то думаю поступить на излечение в клинику. Слабость в ногах не позволяет мне делать необходимые для меня прогулки и лишает возможности исполнения неперменного моего желания бывать у Вас, на что, конечно, Вы изъявили бы свое согласие. Грустно очень грустно.

Сестре Вере
Приблизительно 1865⁴

...61-й и 62-й года были весьма счастливы для меня. Я был обставлен как нельзя лучше: держал собственный экипаж, имел много казенных и частных работ, и все шло как нельзя лучше. В декабре 63-го года я почувствовал боль в ногах и слабость зрения и, конечно, не обратил никакого внимания. В марте следующего года зрение мое сделалось до того плохо, что я должен был по необходимости подать в отставку; но частных работ, несмотря на страшную, мучительную боль в ногах, не оставлял, надеясь на поправку своего здоровья летом. В июне я уже почти ничего не видел и узнавал людей только по голосу, а все-таки мне жалко было оставить частные работы. Меня водили под руки по строениям, и я оставил работы тогда только, когда уже можно было обойтись и без архитектора. Все эти господа домостроители были так хороши, что воспользовались моим несчастьем и до сих пор не заплатили еще и половину следуемого мне расчета, хотя окончили постройки без всякой помощи посторонних архитекторов. Лежа в постели почти при смерти, я писал, просил, умолял уплатить мне хоть сколько-нибудь — но все напрасно, а между тем при болезни и нужде страшной — булки, чаю и того купить было не на что. О докторах, лекарствах и мечтать было нечего. Лежал 8 месяцев без всякой помощи, даже смены белья и того не было. В продолжение моего (жизни) лежания по ту сторону Невы (как говорят у нас) я формально, в полном смысле слова ни разу не обедал, а питался куском черствого хлеба, а при счастии и чайком с булочкой — но это было очень редко. Конечно, если бы брат Федор знал все это, то он пожертвовал бы всем, чтобы выручить меня. Наконец по приглашению сестры и Ник^олая Ивановича <Голеновского> и при помощи брата Федора я переехал (к ним) в дом сестры на особую квартиру в качестве, конечно, жильца. Тут уже внимания и ухода было много, и жизнь улучшилась. Все, что они могли и в состоянии были выказать, — то все это было исполнено. (Конечно, одно расположение ко мне.) Я не оставался ни минуты один. (Вообще с этой стороны я не могу пожаловаться ни на кого из родных. Я) Всегда скрывая свое положение насколько можно, даже и в настоящее время, (я) живу хуже нищего; а все-таки стараюсь скрыть это нищенство. Живу, но какова эта жизнь, милая сестра! Жизнь дармоеда, жизнь на чужой счет. Положение и обстановка-то (моей жизни) моего существования слишком, уже слишком печальны. Многое, многое хотелось бы рассказать (бы) тебе; но думаю, что (я) уже слишком увлекся, забыв, что я пишу, а тебе надо будет вооружиться терпением, прочесть эту скучную галиматью; а потому буду продолжать далее свой скучный рассказ...

Во время трехмесячного пребывания моего в госпитале покойный брат <Михаил> довольно часто навещал меня. Он писал и брату Федору за границу, что, по словам главного доктора, едва ли в состоянии я был выдержать болезнь. После уже, по выходе из госпиталя, я узнал в каком положении я находился. Ник. Иванович и сестра Саша тоже не оставляли меня. Лежал я вместе с солдатами, а все-таки было хорошо: пища была хорошая, уход тоже, доктора были знаменитости нашей столицы. Выписался я по необходимости и совершенно еще больной.

⁴ В круглых скобках даны слова и фразы, в оригинале зачеркнутые Н.М. Достоевским. — Ред.

Ноги мои поправились настолько, что (я) мог (только) ходить по комнате и до сих пор еще очень слабы. Зрение и до сих пор до того плохо, что не позволяет читать. Прошлое лето и весна много меня поправили. Вообрази всю скуку сидеть в продолжение почти трех лет как затворник, ничего не делая, а вместе с тем хотелось бы поработать. Чувствую, что что-нибудь бы и сделал, но многого недостает для этого. Пишу и это письмо чуть не два месяца, а дни короткие; при свечах же совершенно не вижу. Ночи провожу один, ходя по комнате и размышляя о настоящем и о страшном для меня будущем. Чего, чего не приходит в голову в это время. Замечательно, что в продолжение этих двух (годов) лет я формально не спал и одной ночи спокойно. Сна совершенно нет, лишь одно утомление заставляет меня забыться часа на два, на три (в день) днем.

От знакомых, которых у меня было довольно-таки, я давно отказался. В семействе покойного брата бываю раз в месяц. Брата Федора вижу там же. Впрочем, я бываю, когда заведутся копеек 50, тогда несмотря ни на что я спешу повидаваться с детьми покойного, с братом Федором. Я не видал подобного человека. Брат предался весь семейству, работает по ночам, никогда не ложится спать ранее 5 часов ночи, работает как вол; а днем постоянно сидит и распоряжается в редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке, а вместе с тем я не желал бы быть на его месте. Он, по моему мнению, самый несчастный из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него, может быть, накопело на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня. Но я опять увлекся посторонним, буду продолжать далее.

Вскоре после выхода из больницы я получил наследство от покойного дядюшки⁵. Надо тебе заметить, что вышел я в казенном платье. У меня рубашки и той не было, и солдат, сопровождающий меня, ушел только тогда, когда я возвратил ему казенные вещи, надевши на себя рубашку, которая нашлась у меня, и то без спины, т.е. без заднего полотнища. Два года бескопеечной жизни и притом болезненное состояние, конечно, ввели меня, по моему состоянию, в необъятные долги. Кроме того, тебе неизвестно, что, окончивши курс наук в 54-м году, я вышел голым-голехонек. Последнюю тряпичку и ту должен был купить и благодаря товарищей, которые поручились за меня, я оделся и обулся в долг. Потом, в продолжение трехлетнего моего служения в Ревеле, получая 17 руб<лей> ежемесячно, нечего было и думать об уплате долгов, а наоборот, долги хоть немного, но все увеличивались; потом при более благоприятных обстоятельствах хотя я уплачивал по-немногу и уплатил бы, жил бы себе припеваючи, если бы не болезнь, которая отняла у меня все и ввела меня в настоящее положение. Из полученных мною денег около 1000 руб<лей> я выплатил родственным долгам, а потом, конечно, принялся честным образом уплачивать и другие долги и выплатил все за исключением уж очень старого долга 120 рублей, о которых совсем забыл и вспомнил тогда только, когда в один прекрасный день меня с полицейским унтер-офицером отправили в долговую тюрьму, из которой в тот же день я был выкуплен Емилией Федоровной

⁵ А.А. Куманин, муж тетки писателя (№ 137). Братья Достоевские получили после его смерти в 1863 г. по 3000 руб. серебром. – М.В.

и братом Федором. Итак, расплатив долги и не сделав для себя ровно ничего, т.е. даже платье осталось старое, сапог и тех не купил; а благодаря брата Ф. ношу и до сих пор его старые. Осталось у меня около 300 рублей. На эти деньги я купил по случаю столярную мастерскую слишком выгодно и надеялся, что тотчас все товарищи меня поддержат, но время было глухое, зимнее. В этом вся моя ошибка. Кормить и платить жалованье рабочим нужно было, а я, чтобы хоть бы достать на кушанье, занимал их мебельной работой, крайне невыгодной по столярной работе и, конечно, сбывал сделанные вещи по самой дешевой цене. В июле месяце начались заказы, но было уже поздно. Сам не знал и не знаю до сих пор — что делать. Рабочих отпустил, не заплатив им должного... <Конец письма отсутствует> (НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 18)

Брату Федору
18.VIII.1880 <Петербург>

Прости и извини меня, что я отниму у тебя время и отвлеку от занятий моим письмом. Я знаю, как ты не любишь, когда тебе мешают работать...

При моем настоящем тяжелом положении деньги эти <куманинское наследство> были бы моим спасением. Все лето, начиная с 3-го мая, я был серьезно болен и не выходил из квартиры до августа месяца <...> Недавно посетила меня сестра <Саша> и вместо утешения объявила мне, что подала просьбу о продаже с аукциона тех частей имения, владельцы которых еще не выплатили ей, то есть моей части, Шер и племянников.

14.I.1881 <Петербург>

...Помоги мне сколько можешь. Нужда пришла небывалая. Новый год я встретил с семью копейками и теперь прихожу в уныние, не зная, что начать. Прошлогодние работы окончены, а новых еще нет, а тут безвыходное положение. Хотя ты не вполне веришь в мои болезни, а между тем, в настоящее время я так слаб ногами, что даже плохо хожу по комнате <...> Надеюсь, дорогой мой брат, что ты меня не осудишь, что я обращаюсь к тебе — это для меня главное...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 516, 525; ПСС. Т. 30, С. 375–376)

Особняком стоят письма Николая Михайловича к его племяннице Н.А. Ивановой (№ 420). Письма эти говорят о добродушном юморе Николая Михайловича, но главным образом отличаются исключительной экзальтированностью, носящей своеобразную сексуальную окраску.

12.III.1882

Ниночка. Милая, дорогая, бесценная, ненаглядная и не знаю как назвать тебя понежнее; назову хоть Нинкой. Так вот, Нинка моя, ты обрадовала меня своим письмом до слез. Начинаю с того, что целую твою руку и пальчики, написавшие мне эти сердечные строки. Когда, читая твое письмо, я дошел до той строчки, где просишь моего благословения и совета, я так и разрыдался. Ты понимаешь, ты popisываешь, а стало быть, поймешь то чувство благодарности и бесконечной любви к тебе. Эти две строчки или, лучше сказать, даже четыре слова дороги для меня и останутся всегда на всю жизнь дорогими словами. Ах! если бы у меня была дочь такая, как ты, милочка моя, то как бы я гордился тобой, а любил не меньше того,

как я теперь люблю тебя. Прости, пишу ночью и не видя ничего, делаю промахи и ошибки. О Господи! Дай тебе всякого благополучия, вразуми тебя и настави тебя!

Обстоятельства заставляют тебя выйти за нелюбимого человека. Вот мой совет. Не пренебрегай и не откажи ему⁶, а сама делай свое женское дело. Пусти в ход и глазки и ручки; ну, одним словом, ты сама знаешь, что делать, и сумеешь взять его в лапочки, которые между строк, не утерпел, целую. Так вот, приезжай; а прежде защеми и занози

его сердце. Пусть его страдает; а по приезде ты увидишь — что делать. Даже если бы ты была обручена, то разрыв всегда возможен. Ведь любящие выждут изредка (sic! — М.В.), большею частью, все умные и главное добрые люди. Но вот беда, в особом роде пьянстве; где бьется посуда, потом прислуга, а затем более всего достается жене. Ну, в этом отношении жены обеспечены в наше время. Так вот, моя милочка, мой совет, и во всяком случае желаю, чтобы исполнилось твое желание.

Остаюсь гадким, мерзким, противным, а между тем, осмеливающимся расцеловать твои лапочки и сверху и ладошки и все пальчики.

Николай Михайлович в гробу

XI.1882

Что это значит, ненавистная Нинка, тьфу, хотел сказать, ненаглядная Ниночка, что ты не напишешь мне и двух строчек до сих пор? Ведь ты понимаешь, что каждое слово от тебя в настоящей твоей жизни и обстоятельствах для меня важно и дорого. Ах, противная злючка! Так вот тебе в наказание: ежедневные, вплоть до окончания моего века, до обморока доходящие, как ни будут противны они тебе, мои поцелуй твоёй головки и рук, кроме уст до которых прикоснуться не смею.

30.XII.1882

Поздравляю тебя, милая и дорогая Ниночка, с днем твоего рожденья⁷. Целую тебя в лобик, глазки, носик, в щечки, а в губки не смею, стар стал, пожалуй и побрезгуешь; так зато осыпаю бесчисленными и горячими поцелуями твою руку, писавшую мне письмо. Прости меня, голубушка моя, что я не отвечал тебе. Но что я мог писать тебе, живя схимником, никого не видел и сам ни на кого не глядел. Так стало быть я и оправдан...

<Сестре> Юлиньке передай поклон и, если примет от меня, старика, то передай ей мой громкий поцелуй. Ведь вот выдумали микрофоны, телефоны и разные фоны, а отчего на этот бы раз не выдумать безефонов и кюссенфонов⁸, то я тогда послал бы Вам всем такие крепкие поцелуи, настоящие русские, что у всех бы щечки и ручки опухли. А ведь дойдут и до этого.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 12. Ед. хр. 20)

⁶ Интересно сопоставить этот совет с тем, что советовал Федор Михайлович старшей сестре Нины — Софье (см. с. 685). — М.В.

⁷ М.В. Волоцким указана другая дата рождения Н.А. Ивановой (Проферансовой) (см. с. 703). — Ред.

⁸ Küssen (нем.), baiser (франц.) — целовать. — Ред.

Глава XI

ВЕТВЬ АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ, ПО МУЖУ ГОЛЕНОВСКОЙ*

Поколение тринадцатое

38. Достоевская, по первому мужу Голеновская, 15 / 139

по второму Шевякова Александра Михайловна
(25.VII.1835, [с. Даровое Каширского уезда Тульской губ.] — 31.X.1889, [Петербург]). Младшая сестра писателя. Имела в Петербурге собственный дом, который был приобретен на деньги, полученные в приданое от Куманиных. Умерла от сахарного диабета.

А.М. Достоевская — брату Андрею и его жене
X.1852

Представьте себе мое горе: я уже больше не помещица, мне совсем не жалко деревни¹, но жалко как-то расставаться с титулом помещицы, и я уже теперь вполнину унизилась, как потеряла столь дорогое для меня имечко...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 443)

Ф.М. Достоевский — брату Михаилу
9.III.1857. Семипалатинск

Но какова же сестра Саша? За что она нас всех заставляет краснеть? Именно краснеть! Ибо все в семействе нашем благородны и великодушны. В кого она так грубо развита? Я давно удивлялся, что она, младшая сестра, не хотела никогда написать мне строчки. Не оттого ли, что она *подполковница*? Но ведь это смешно и глупо. Напиши мне, ради Бога, об ней побольше и подробнее.

(ПСС. Т. 28, С. 276)

М.М. Достоевский — брату Федору
23.VIII.1859. Петербург

Сестра Саша думала, думала, что тебе подарить, и наконец надумалась. Шубу. Вследствие этого просит меня взять деньги 100 р. с собой в Тверь и купить ее в Москве, т.е. шубу, а не Тверь. Она, т.е. сестра, а не Тверь, теперь выровнялась и стала славною девочкой, и потому от нее можно принять шубу.

(НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 29)

* Глава подготовлена Н.Н. Богдановым и Е.В. Новожиловой.

¹ В это время идет раздел имения Достоевских Дарового, которое остается за Ивановыми. — Ред.

Ф.М. Достоевский – брату Михаилу
25.VIII.1859. Тверь

Сашин подарок очень кстати. Поцелуй же ее за меня и поблагодари. Это очень мило с ее стороны, тем более что ведь она меня совершенно не знает.
(ПСС. Т. 28, С. 335)

Н.М. Достоевский – брату Андрею
18.XI.1862 <Петербург>

Теперь начинаю про сестру Сашу и ее семейство, про ее горькую жизнь и ужасное положение в настоящее время <...> Я пишу это письмо потихоньку от всех, чтобы и тебя умолить как-нибудь помочь сестре.
(Литературное наследство. Т. 86. С. 387)

Ф.М. Достоевский – брату Михаилу
9.IV.1864. Москва

...Рассказывал Александр Павлович <Иванов> о том, как принимала тетка при жизни дяди бесчисленные просьбы сестры Саши. Обыкновенно Голеновские, которые, кажется, всю жизнь намерены прожить на счет тетки, присылали сначала письмо (когда Сашенька сама не ездила) к Алек<сандру> Пав<лови>чу с просьбой передать особое письмо тетке. Тот являлся к тетке и прямо, без предисловий и подготовлений, передавал письмо, чтоб ошибиться сразу. Тетка пугалась <...> посылали за ним и заставляли его самого распечатать и прочесть. <...> «Ах Боже мой, ах Боже мой, сказать <мужу> что ли?» – Конечно, скажите-с. – «Александр Алексеич, письмо; Сашенька пишет». – «Ах, прочти, прочти», – и зальется слезами. Начинается чтение плачевного письма. «Денег просят, Александр Алексеич, 800 руб.» – «Пошли, пошли, сейчас же пошли!» – и зарыдает.
(ПСС. Т. 28, С. 79)

А.Г. Достоевская

К обеду часто <...> приезжала сестра Александра Михайловна Голеновская и ее добрый муж Николай Иванович. Обедавшие обыкновенно оставались весь вечер до десяти – одиннадцати часов.
(Воспоминания. С. 115)

Ф.М. Достоевский – жене
13.VIII.1873. Петербург

Обедал я у Саши (чванилась) и насилу-то, под конец, об тебе спросила и о детях, уже после обеда. (А ты все первая лезешь с визитами.) Дрянь людишки, дрянь...
(ПСС. Т. 29, С. 290)

Александра Михайловна была в ссоре с писателем из-за трений при разделе куманинского наследства.

Ф.М. Достоевский – брату Николаю
9.II.1874. Петербург

<О наследстве> не худо бы не разговаривать в доме; узнает сестра, что ты получил, и на тебя рассердится. В понедельник в суде ее с нами дело. Сумасшедшая! Если б знала она, какие ничтожные двугривенные мы получаем. Сосчитал сейчас все издержки за год по этому делу, сколько сам выдал своими руками – и что ж, полученные за дом 400 с лишком рублей *не окупили еще* издержек. А она, не имея ни малейшего права законного, требует с нас 20 000. Воистину сумасшедшая. А уж какая родственница – и говорить нечего.

(ПСС. Т. 29, С. 313)

Тем не менее она приютила у себя больного Николая Михайловича, ее посещал средний из братьев, Андрей Михайлович, и другие родственники.

Ф.М. Достоевский – брату Андрею
10.XII.1875. Петербург

И теперь еще живут здесь, в доме сестры Александры Михайловны, двое племянников моих, Верочкиных детей, Виктор и Алексей, учатся в <Институте> Путей сообщения, и вот уже Виктор 3 года, а Алексей год, как здесь, а ни разу у меня не были; я же в детстве их немало передарил им гостинцев и игрушек.

...Помню <ты в 1872 г.> был недоволен, что сестра Александра Михайловна приняла тебя с некоторым недружелюбием.

(ПСС. Т. 29₂. С. 66)

В.Д. Голеновская

Очень добрый, отзывчивый, веселый и общительный человек. При втором муже, когда имелись средства, дом ее был поставлен на широкую ногу. Нервная. Страдала базедовой болезнью, открывшейся вскоре после смерти ее первого мужа. (Записано М.В. 1924)

484. Голеновский Николай Иванович

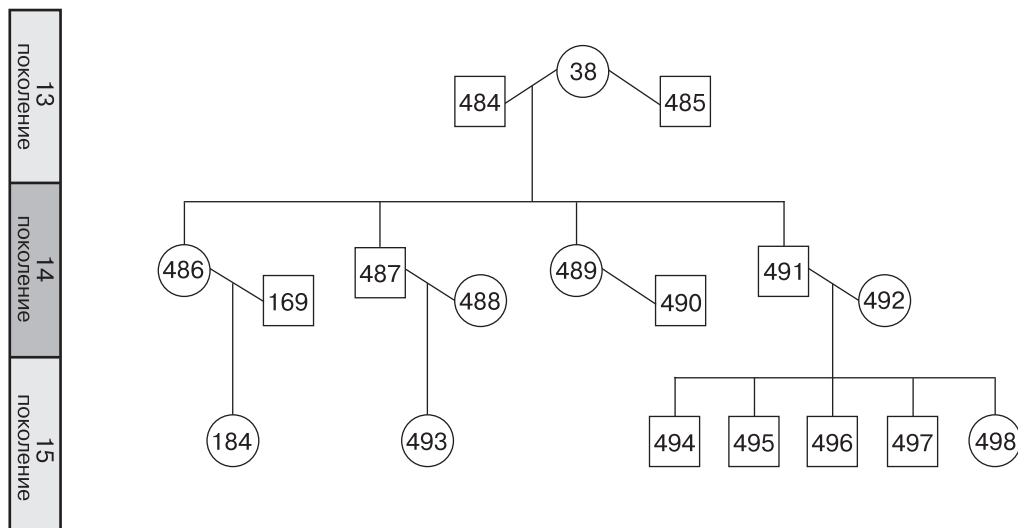
([6.XII] 18?? – 13.IV.1872). Первый муж предыдущей (с февраля 1854 г.). Полковник. Служил инспектором классов в Павловском кадетском корпусе в Петербурге. Умер от [апоплексического] удара. [Похоронен на Смоленском православном кладбище.]

А.М. Достоевский

Сперва он служил в Москве, в Кадетском корпусе, и был сослуживцем и знакомым Александру Павловичу Иванову. Он вдовец и сперва был женат в Москве на г-же Дельсиль. От первого его брака у него есть сын уже довольно взрослый <и дочь Софья>. Голеновский в январе м<еся>це приезжал в отпуск в Москву, был по старому знакомству у Алекс<андра> Павловича, увидел сестру Сашу и сделал предложение...

(Воспоминания (рукопись). Квартира VI)

ПОТОМСТВО АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ ГОЛЕНОВСКОЙ

М.М. Достоевский – брату Андрею
12.VIII.1854. Петербург

...Саша перед самой масленицей вышла замуж <...> живет теперь с мужем в Петербурге. Она очень счастлива. Что-то будет дальше, а пока у них по части любви обстоит все благополучно. Он человек очень хороший.

Ф.М. Достоевский – В.Д. Констант
31.VIII.1857. Семипалатинск

...В России я имею много способов <...> пристроить Пашу наилучшим образом <...> в Павловском кадетском корпусе командиром батальона кадет мой родственник, муж моей младшей сестры. Я думал, что в этом корпусе он <Паша> был бы как в доме родных.
(ПСС. Т. 28, С. 284, 458)

А.М. Достоевский

Николай Иванович Голеновский понравился мне с первого взгляда. Это действительно, как и оказалось впоследствии, был добрейший и благороднейший человек. У них была уже годовалая дочка <...> И у них, как говорил брат Михаил Михайлович, по части любви обстояло все благополучно!
(Воспоминания. С. 256)

Ф.М. Достоевский – брату Андрею
6.VI.1862. Петербург

Голеновский в отставке, и Саша несколько грустна поэтому. Семейство растет, а доходу всего-то их домик на Петербургской. Голеновский вышел в отставку из благородной гордости, не могли снести несправедливостей начальника, сильного

человека, желавшего определить на его место своего родственника. Саша первая оправдывает мужа, да и мы все. А между тем он ищет теперь места и тяготится своим бездействием. В этом отношении у них теперь не совсем хорошие обстоятельства.

(ПСС. Т. 28₂. С. 25)

М.И. Владиславлеву

13.IV.1872. Петербург

...Умер Николай Иванович (сегодня в 6 часов пополудни). Это было так внезапно, ударом; болел всего сутки. Можете представить, в каком она <Саша> горе. Брат Коля хотел сходить к Вам, <...> от имени сестры просить Вас сделать честь ей и семейству ее пожаловать на вынос тела и отпевание (в их приходе). Но на всякий случай она просила меня уведомить Вас нарочно письмом с тою же просьбою от ее имени.

Сестре Вере

20.IV.1872. Петербург

Николай Иванович еще три месяца тому назад был несколько болен, был внезапный обморок, — чего с ним никогда не бывало прежде. После того обморока он чувствовал себя не совсем хорошо всю неделю. Затем в среду на Страстной встал веселый и здоровый (как никогда не бывал, говорит Саша), шутил с детьми и вдруг после обеда (постного и очень необильного) упал без чувств и уже более не приходил в себя до самой смерти, то есть ровно сутки. <...> Саша прислала известить только нас, меня и Анну Григорьевну, так что Николай Иванович и умер при нас. Жаль его очень, человек добрый, благороднейший, со способностями и с сердцем и с настоящим, тонким остроумием. Хотя он последние восемь лет ничего не делал, но зато много сделал для семейства, для детей, нравственно; учил, воспитывал их сам, и они обожали его. <...> каков же ваш жребий всех трех сестер: все вы овдовели, и вовсе ведь не потому, что мужья ваши были гораздо старше вас: <...> Николай Иванович мог бы тоже еще десять лет прожить! Сестра устроила похороны, не жалея денег, хотя, впрочем, никакой не было особенной роскоши, да и в деньгах-то у ней довольно-таки скудно. Вообще средства остались небольшие. Жаль ее. Очень плакала, дети тоже. Ты ее детей, кажется, не знаешь: славный народ, нельзя не полюбить их.

(ПСС. Т. 29₁. С. 232–234)

485. Шевяков Владимир Васильевич²

(? — 26.IX.1889). Второй муж А.М. Достоевской (Голеновской), [в браке с июня или июля 1875 г.] Служил в Обществе взаимного кредита. Детей от этого брака не было.

Ф.М. Достоевский – жене

6.VI.1874. Петербург

<При встрече в Обществе взаимного кредита> Шевяков поглядел на меня и даже головой не кивнул; я, разумеется, также.

² А.М. Достоевский называет его Владимиром Дмитриевичем. – *Ред.*

Брату Андрею
10.XII.1875. Петербург

Сестра же Александра Михайловна и Шевяков не удостоили и меня (как и тебя) уведомить об их супружестве. <...> Здесь <в Петербурге> пропустили слух, еще два года назад, что это я, особенно, старался отбить наследство у наследников по завещанию. Напротив, не у них, а у Шеров, которые завели дело. Глупее сплетен как по поводу этого завещания и не было. Особенно тут старался Шевяков. Я же с самого начала объявил и Александре Михайловне и московским, что, отбивая у Шеров мою долю (по закону), хлопочу об их же интересах и, получив деньги, тотчас же разделю их между ними, а себе только возьму за издержки по ведению дел и ни копейки более. А меня же и обозвали грабителем...

Брату Николаю
1.XI.1876. Петербург

...Если ты болен, предприму к тебе путешествие, рискуя даже встретиться с Ш<евяковы>ми.

(ПСС. Т. 29, С. 321. Т. 29, С. 66–67, 129)

Поколение четырнадцатое

486. Голеновская, по мужу Ставровская Мария Николаевна 484 / 38
([1.X] 1855 — [7.II] 1921, Петроград). [В браке с М.Д. Ставровским с 10 апреля 1877 г.] До Октябрьской революции очень зажиточна. Умерла от воспаления легких и крайнего истощения вследствие пережитых материальных лишений и голода. [Похоронена на Смоленском кладбище в Петербурге.]

Ал. А. Достоевский – отцу
12.IV.1877. Петербург

<Дядя Федор Михайлович> сообщил новость, что Маша Голеновская вышла замуж за Ставровского, который, как говорит Федор Михайлович, приходится ему, а следовательно и вам, кузеном; может быть, вы знаете его. Дядя, кажется, очень недоволен, что его не пригласили на свадьбу. Голеновские поступили действительно нехорошо: даже Николаю Михайловичу, который живет у них на дворе, они ничего не сказали и не пригласили.

(Летопись. Т. 3. С. 192)

Д.И. Достоевская – мужу (А.М. Достоевскому)
14.IV.1877. Петербург

...Сейчас после свадьбы <Машенька> уехала с ним <Ставровским> в Тифлис...

(Литературное наследство. Т. 86. С. 455)

В.Д. Голеновская

Очень нервная. Вечно жила под каким-нибудь страхом: боялась и думала о пожаре, кражах, возможности потерять дочь, имущество и т.п. В конце жизни

уже начала проявлять явные признаки ненормальности. Всегда была замкнутой, расчетливой, даже несколько скупой, аккуратной и практичной. В семейной жизни деспотична. Муж ее играл в семье подчиненную роль, явно находясь под властью ее сильного и твердого характера. Чрезмерное, можно сказать болезненное внимание, любовь и заботы, которые она проявляла по отношению к своей дочери, своему единственному ребенку, настолько тяготили бедную девушку, что та предпочитала проводить время по возможности вне дома — на курсах, в лаборатории или в библиотеке. В общем складе характера Марии Николаевны было много мужского. Очень умна и правдива; интересовалась всеми делами своего мужа и принимала в них деятельное участие. Всегда доводила до конца взятое на себя дело и вообще была господином своего слова. В характере много общего с ее теткой В.М. Карепиной. Сравнение это возникло у меня при ознакомлении с этой работой о роде Достоевских, лично же Карепину я не знала.
(Письменные характеристики. М.В. 12.X.1924)

169. Ставровский Максимилиан Дмитриевич

152 / 151

Муж и в то же время двоюродный дядя предыдущей.
Подробнее о нем на с. 209.

487. Голеновский Александр Николаевич

484 / 38

(1856 — [6.VI] 1904, [Петербург]).

Окончил курс Александровского лицея в Петербурге [1880], служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ, состоял товарищем председателя «Человеколюбивого общества» [и Комиссии по регистрации бедного населения, председателем Комиссии для кружечного сбора в Петербурге. Действительный статский советник (1902).]

Умер от болезни почек. [Похоронен на Смоленском православном кладбище.]

В конце XIX в. часть земельного участка А.М. Голеновской, выходившая на Большую Пушкарскую улицу, была поделена между средними детьми: дом № 48а (ныне № 50) отошел дочери Екатерине, а № 48б (ныне № 2 по Бармалеевой улице) — сыну Александру.

На этом втором участке в 2003 г. возведен новый жилой дом (Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 21 июля. № 132).

А.А. Достоевский — Ф.Ф. Достоевскому
21.VII.1904. Петербург

Знаешь ли ты, что наш двоюродный брат Саша Голеновский скончался? Я видел его за месяц до смерти и не думал, что он так скоро окончит свое

существование, хотя болезнь и тогда уже давала себя знать. По отзывам докторов чего-чего у него не было – все было и весь организм «изгонтался». Жаль его – он был очень хороший человек, добрый, честная душа...

(ОР ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 122. Л. 4)

А.А. Достоевский

Жизнерадостный, с некоторым юмором. Хороший товарищ. Очень хорошо рисовал, но не учился.

(Письменные характеристики. М.В. VII.1924)

488. Климова, по мужу Голеновская Мария Петровна

Жена предыдущего.

489. Голеновская, по мужу Трушлевич Екатерина Николаевна 484 / 38
(1860 – [12.VII] 19[2]5). Имела в Петербурге собственный дом на Петербургской стороне. Умерла от болезни сердца.

А.А. Достоевский

В характере спокойствие, добродушие, домовитость и гостеприимство.

(Письменные характеристики. М.В. 3.VIII.1924)

490. Трушлевич Александр Иванович

(1856 – [11.IX] 1911). Муж предыдущей. [Окончил Петербургскую духовную семинарию по 1 разряду (1878) и Петербургскую духовную академию (1882), был утвержден в степени кандидата.] Преподаватель русской словесности и инспектор 3-й петербургской гимназии. Умер в психиатрической лечебнице.

491. Голеновский

484 / 38

Николай Николаевич

(6.I.1861 – 15.V.1907, [Кронштадт]). Морской врач, [коллежский секретарь]. Умер от туберкулеза легких. [Похоронен в Кронштадте; могила сохранилась.]

В.Д. Голеновская, жена

Хороший семьянин – очень любил своих родных. В характере общительность, отзывчивость и правдивость. Очень остроумный. Был любим окружающими, и семья его всегда была окружена самыми искренними друзьями.

(Записано М.В.)

В.М. Иванова – дочери Нине

Приехал к нам Коля Голеновский. Он все такой же веселый и славный.

(НИОР РГБ)

492. Неделькович, по мужу Голеновская Вера Дмитриевна (11.VIII.1874 — [20.VIII.1943]). Жена предыдущего (с 19 января 1897 г.). Дочь [Дмитрия Ильича Недельковича — морского офицера, автора записок о путешествии в русскую Америку³. В 1920—1930-е гг.] жила в Москве вместе с дочерью Ириной и матерью.

Поколение пятнадцатое

184. Ставровская Александра Максимилиановна 169 / 486
 Подробнее о ней на с. 232—233.

493. Голеновская Александра Александровна 487 / 488
 (<1891> — 24.I.1907, [Петербург]). Похоронена на Смоленском православном кладбище рядом с отцом.

494. Голеновский Дмитрий Николаевич 491 / 492
 (12.XII.1897 — [27.VII] 1919). Саперный офицер.

Расстрелян как заложник из числа бывших офицеров после дезертирства его брата из Красной Армии, хотя в действительности дезертирства не было (ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 371. Л. 30).

495. Голеновский Георгий Николаевич (первый) 491 / 492
 (26.V.1899 — 7.XII.1900). Умер от туберкулезного воспаления мозга.

496. Голеновский Владимир Николаевич 491 / 492
 [19.XII.1900 — 15.VI.1935, Подмосковье].

Окончил Московский институт путей сообщения. Инженер.

Ранее считалось, что Владимир Голеновский был репрессирован в 1930-х и погиб в заключении. Однако сейчас стало известно, что он умер от туберкулезного менингита в больнице Северной железной дороги под Москвой.

³ См.: Русское открытие Америки. М.: РОССПЭН, 2002. — Ред.

497. Голеновский Георгий Николаевич (второй)
(21.II.1903 – 14.VIII.1925). Умер от туберкулеза легких.

491 / 492

498. Голеновская Ирина Николаевна
(7.II.1905 – [10.III.1991, Ленинград). Работала машинисткой.]

491 / 492

И.Н. Голеновская – В.И. Богдановой
10.IV.1980 <Москва>

Мы всегда, можно сказать всю жизнь жили в Кронштадте – это наша родина. У нас там было много мебели Достоевских, которая принадлежала моему отцу, и вообще были некоторые вещи моего отца – вероятно, приданое отца от своей матери Александры Михайловны Голеновской (рожд. Достоевской). Но это было все в Кронштадте, и, возможно, кое-что осталось <у меня> и теперь. Относительно скатерти все же мне неизвестно, была ли она моего отца или она моей мамы.

Теперь еще у меня к Вам просьба – *не присылайте мне деньги* за скатерть, ведь это мое личное желание – пожертвовать в Ваш музей, и никакой платы мне за это не надо, так как я ведь не продаю ее. Мне будет просто неприятно, если Вы пошлете мне деньги. Я это сделала с большим удовольствием Вам послать, но только меня немного смущало, что ведь скатерть не новая, и будет ли пригодна Вашему музею, а раз она Вам подошла, то <я> очень рада. Вы меня просите написать Вам о себе, но в письме писать мне не хочется, а при свидании поговорим. Я буду рада Вас повидать и познакомиться лично.

(Ст. Русса)

Л.С. Архипова

Лишившись в конце 1930-х брата Владимира, Ирина Николаевна жила очень трудно. Просто даже боялась жить. Кроме того, в силу каких-то печальных обстоятельств не смогла получить достойного образования. Работала простой машинисткой в различных организациях Москвы и прямо-таки тяготилась своей необразованностью. Была очень замкнутой, неразговорчивой, никогда ни словом не обмолвилась о репрессиях сталинского времени. О себе тоже почти ничего не рассказывала. И все же была очень душевным, отзывчивым человеком, высоко ценила простое участие, душевное общение. Очень любила слушать мои рассказы о жизни, родителях, детях. Когда у нас родились внуки, часто приходила в гости, старалась хоть чем-то помочь в уходе за малышами. Увы, она была мало приспособленным к жизни человеком, и даже самая простая работа по дому оказывалась ей в тягость. Из родственников общалась только с М.В. Савостьяновой⁴, но они были слишком различны и по уровню образования, и по характеру. Мы с мужем были ей гораздо ближе. Собственно говоря, именно благодаря моему мужу она и переехала в конце жизни в Ленинград. На протяжении всего нашего многолетнего общения я никогда не слышала, чтобы у Ирины Николаевны имелись какие-либо семейные реликвии, относящиеся к роду Достоевских.

Г.Ф. Коган

До переезда в Ленинград Ирина Николаевна часто бывала в московском музее Ф.М. Достоевского: не пропускала ни одного заседания, ни одной встречи, могла прийти

⁴ Троюродной сестрой, № 394. – Ред.

Родственники писателя на праздновании его 150-летия
Музей-квартира Ф.М. Достоевского, Москва, 1971 г. Фото Г.Ф. Коган
Слева направо: стоят Сергей Алексеевич Иванов (№ 457), Лидия Алексеевна Спивак (№ 459),
<внук Павла Исаева Николай Евдокимович Донов>; сидят первый директор музея В.С. Нечаева,
Мария Владимировна Савостьянова (№ 394), Ирина Николаевна Голеновская (№ 498)

и просто так. Наверное, это объяснялось не каким-то особенным ее интересом к писателю, а тем, что она была очень одиноким человеком. В обществе всегда старалась не привлекать к себе внимания, одевалась скромно, ни разу сама не выступила с сообщением, даже на вечерах памяти родственников Достоевского. В то же время весьма дорожила общением с близкими знакомыми; старалась чем-то обрадовать их, хотя больших возможностей у нее не было. Помню, подарила мне толстый блокнот в красивом переплете, как-то очень трогательно признавшись, что получила его на работе для собственных нужд. Чтобы сделать ей приятное, я стала записывать в блокнот сведения о Достоевских. Не могу сказать, что общение Ирины Николаевны с М.В. Савостьяновой чем-нибудь омрачалось; напротив, когда я видела их вместе (а это бывало нередко), ничто не говорило о каком-то душевном разладе в их отношениях.

Л.С. Архипова

Конец ее жизни был ужасен и вместе с тем типичен для одиноких городских стариков. Соседи по коммунальной квартире даже не сообщили нам о ее смерти – просто тихо присвоили ее комнату, а вещи выкинули на помойку. Так что мы даже не знаем, когда она умерла и где похоронена.

(Записано Н.Б. 2003)

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ХРОНИКЕ

О РОДЕ КУРШАКОВЫХ – ШЕСТАКОВЫХ

Заслуживает отдельного внимания история той генеалогической ветви, к которой принадлежит Татьяна Владимировна Достоевская, урожденная Куршакова – жена внука писателя.

Т.А. Достоевская

Мы по материнской линии Раевские, Шестаковы, Куршаковы, продолжаем линию чингизидов России.

(Молодые побеги из могучих корней. С. 46)

Т.А. Достоевская – А.А. Нелюбиной

Середина 1990-х

Со стороны мамы <Татьяны Владимировны Достоевской> я праправнучка М.Ф. Раевского – протоиерея Русской Православной Церкви, служившего за границей при посольствах, автора многих трудов в области славянской литературы и науки. Умер М.Ф. в Вене, но прах его перевезен был в Петербург, где похоронен на Смоленском кладбище, я его могилку посещаю.

(Комсомольская правда. 2000. 7 июня. С. 8)

Подробные мемуары о своих предках оставила сестра Татьяны Владимировны – Ирина Владимировна Куршакова, по мужу Арнольд (1908–2010) – лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии РГПУ им. А.И. Герцена, заслуженный деятель науки РФ.

И.В. Арнольд

В XIX веке старшее поколение моей семьи активно участвовало в развитии русской культуры, а в XX веке стало жертвою трагедий, постигших нашу страну.

Почти все они родились не в Петербурге, но всю сознательную жизнь провели в нем, работая главным образом в области просвещения или на службе в армии. Хочется с самого начала подчеркнуть их связь с высшими учебными заведениями Петербурга, которые они окончили или в которых преподавали.

Начну с академий. Мой прадед Михаил Федорович Раевский окончил Петербургскую духовную академию. Дед Александр Евсеевич Куршаков – Медико-хирургическую академию (теперь она называется Военно-медицинской). Его сын – мой дядя Николай Александрович Куршаков – не только закончил ее, но и был в ней профессором. Мой отец Владимир Александрович Куршаков закончил Артиллерийскую академию. Моя мама Екатерина Ильинична Шестакова (по мужу Куршакова) и ее старшая сестра Анна Ильинична Шестакова (по мужу Хоментовская) закончили первые открывшиеся в Петербурге высшие школы для женщин: Женский педагогический институт и Бестужевские курсы. Анна Ильинична

не удовлетворялась одним физико-математическим факультетом, который окончила в 1907 г., но и дополнила свои знания занятиями в Геттингене, и через несколько лет, в 1912 г., поступила на историко-филологический факультет тех же Бестужевских курсов. Окончив его, она сдала магистерские экзамены в Петроградском университете. С 1919 по 1923 г. была доцентом этого университета по кафедре новой истории. А позже преподавала в Зубовском институте истории искусств. Представители следующего поколения были выпускниками Политехнического, Горного и Педагогического институтов. Так система вузов северной столицы, ее просвещение довольно основательно представлены в истории семьи и составляют ее неотъемлемую часть, а после 1917 г. наша семья разделила горькую судьбу просвещенной интеллигенции Санкт-Петербурга.

Теперь коротко остановлюсь на каждом в отдельности. Начну с самого старшего из тех, о ком я что-нибудь знаю.

Михаил Федорович Раевский (1811–1884) – мой прадед по женской линии. Окончив Духовную академию в Петербурге со званием кандидата богословия, получил назначение священником посольской церкви в Стокгольме и с тех пор находился в сфере двух ведомств: Синода и Министерства иностранных дел.

Выдающийся лингвист, он уже тогда владел не только церковнославянским, латинским, греческим (как положено духовенству), но и немецким, французским. За короткое пребывание в Стокгольме он овладел шведским и ознакомился с другими скандинавскими языками. В 1842 г. он был переведен настоятелем в посольскую церковь в Вене и оставался там больше 40 лет, вплоть до своей кончины. О нем в разных странах и на разных языках существует немало литературы... (В числе корреспондентов прадеда был и его ближайший друг, наш знаменитый филолог И.А. Бодуэн де Куртенэ, и композитор М.А. Балакирев.) Он был активным членом множества научных обществ и организаций в России и в Западной Европе. Помимо своих обязанностей настоятеля, вел огромную работу просветителя-славянофила, связывая зарубежных славян с Россией. При этом еще должен был выполнять поручения Министерства иностранных дел России. Все годы жизни в Вене он оказывал конкретную помощь множеству молодых людей, желавших учиться в Петербурге, а также людям или библиотекам, нуждавшимся в каких-либо книгах. Вел большую разноязычную переписку и успевал еще быть радушным хозяином и принимать интересных и выдающихся людей из разных стран...

Его младшая дочь, моя бабушка Людмила Михайловна выросла в Вене, получила домашнее воспитание, говорила на четырех иностранных языках, знала литературу и музыку. Благодаря редкой красоты меццо-сопрано она почти девочкой стала действительным членом Филармонического общества в Вене. Потом один или два сезона пела в лучшем оперном театре мира – «Ла Скала» в Милане. П.И. Чайковский в одном из своих писем писал, что слышал молодую Раевскую, голос которой ему очень понравился. То же мнение высказывали позднее Лист и Рубинштейн. Она, вероятно, могла бы стать знаменитой певицей, но ради любви пожертвовала своим артистическим будущим. Жена офицера в те годы не могла выступать в театре, и она ради мужа оставила сцену. В Петербурге она преподавала пение в консерватории, и у нее в доме постоянно бывали музыканты, в том числе Антон Рубинштейн.

Ее муж Илья Иванович Шестаков до 1912 г. служит в Петербурге в Артиллерийском управлении и в других учреждениях, а в чине генерал-майора назначается генерал-

губернатором Вильны, но ненадолго. По болезни переводится в Петербург, где становится директором военного завода «Арсенал». В 1914 г., перед самой войной, он умирает от диабета. У Ильи Ивановича и Людмилы Михайловны было четверо детей: Анна, Иван, Екатерина (моя мама) и Любовь.

Мой дед со стороны отца Александр Евсеевич Куршаков был, насколько мне известно, родом из Пензы. Блестяще окончил Медико-хирургическую академию и получил за это потомственное дворянство. По окончании стал военно-морским врачом и много плавал в морях и океанах. После нескольких лет плавания он был оставлен в Кронштадте и принимал участие в создании военно-морского госпиталя. Там он женился на дочери сотрудника того же госпиталя Серафиме Александровне Терентьевой. У них было два сына – Владимир, мой отец, и Николай. Оба учились в Кронштадтской гимназии. Выйдя в отставку, Александр Евсеевич с семьей переехал в Петербург, где продолжал работать врачом. Вся семья была очень музыкальна. Дед с бабушкой часто играли в четыре руки на фортепиано, папа играл на виолончели, а у Николая Александровича был баритон, и он серьезно учился пению у солиста Мариинского театра Боссэ. Каждый год у них был абонемент в ложу Мариинского театра.

Счастливая жизнь закончилась с началом Первой мировой войны. Оба сына были на фронте. В гражданскую умер старший сын <то есть мой отец> от сыпного тифа. От горя, холода и недоедания скончалась в почти блокадном в те годы Петрограде Серафима Александровна. Александр Евсеевич, оставаясь в Петрограде, пережил свою жену немногим более года и умер в 1920 г. Точной даты его смерти я не знаю.

Биографию моего папы придется писать без дат – никаких документов или писем мы не сохранили, их пришлось уничтожить при сталинском режиме, так как при обыске они могли стать поводом для репрессий. Как ликвидировали ордена и мундиры, я не знаю. В те времена бросали такие «компрометирующие» предметы в Неву. Придется писать только по памяти.

Владимир Александрович родился в Кронштадте в 1883 или в 1882 г. Окончил Кронштадтскую гимназию и поступил в Михайловское артиллерийское юнкерское училище. Оттуда его выпустили офицером Второй гвардейской артиллерийской бригады. Папа был высокообразованным человеком, хорошо знал языки: кроме латинского и греческого, которому учили в гимназии, владел немецким и французским! Любил музыку, хорошо играл на виолончели, часто бывал в опере.

Однажды его послали командовать солдатами, которые должны были что-то сделать в Арсенале. Там его приняли в семье руководившего Арсеналом генерала Шестакова, где он познакомился с дочерью генерала – Екатериной Ильиничной. Они полюбили друг друга и поженились. В то же время (или несколько позже) он поступил в Артиллерийскую академию, которая тогда давала очень высокий уровень подготовки не только военной, но и математической. Некоторое время молодые жили в квартире Шестаковых на Петроградской стороне. Там появилась на свет я (1908), моя сестра Таня (1909) и братик Дима. Потом папа получил квартиру на Измайловском проспекте в офицерском доме (напротив Измайловского собора), который в шутку называли замком Гарновского, Шато-Гарно, по имени того предпринимателя, который его построил.

С первых дней Первой мировой войны бригада папы была на фронте, и он все годы был на передовой. К концу войны он, уже в чине полковника, верный воинской присяге,

уехал в тыл последним. Солдаты его любили и слушались, и он мог удержать их от распространенных тогда бесчинств по отношению к другим офицерам – и таким образом дал тем благополучно уехать.

Он приехал к семье в Ессентуки. Тогда, в 1917-м, многие уезжали из Петрограда на юг от голода и разрухи. Некоторое время он жил в Ессентуках и преподавал там в школе, организовал группу из нескольких человек нашего возраста, и мы проходили с ним и мамой школьную программу. Он удивительно понятно все объяснял и был к нам требователен.

Началась гражданская война. Долг офицерской чести привел его в Белую армию: однажды, вернувшись домой из поездки за продуктами, он сказал, что встретил фронтовых товарищей и не может не присоединиться к ним. Так он взял семью сначала в Екатеринодар, потом в Ростов-на-Дону, где ему пришлось заниматься артиллерийскими делами в штабе Деникина. Потом все переехали со штабом в Харьков, и мы жили там в гостинице. Хотя я была еще маленькой, но помню, что когда его кто-то спросил, хочет ли он восстановления монархии, он сказал, что сначала надо прогнать большевиков, а уж тогда будем разбираться.

Но Белая армия потерпела поражение. Владимир Александрович отправил семью с каким-то воинским поездом, отступавшим на юг, а сам остался в Ростове, где заболел свирепствовавшим тогда сыпным тифом и умер в 1919 г. Мама оставалась с ним, потом приехала к нам уже больная. Вскоре и дети заболели тифом, и нас сняли с поезда в станице Старо-Нижне-Стеблиевской. Что пришлось перенести бывшей солистке «Ла Скала» и вдове губернатора Людмиле Михайловне перед кончиной – даже трудно себе представить. Она оказалась в кубанской станице с больной дочерью и тремя внуками 11, 10 и 4 лет. Вещи пропали. Вокруг только чужие. Екатерина Ильинична умерла первой... Потом заболела и Людмила Михайловна, но еще как-то ухаживала за больными внуками. Дети выздоровели, а бабушка – нет. Ее похоронили в той же станице. После смерти бабушки осиротевших детей приютила вдова станичного пономаря. Потом сестру Таню взял к себе местный священник, а меня и <младшую> Люлю взяла семья Федоренко.

Но это я забежала вперед. Сначала надо рассказать о маме. Екатерину Ильиничну Шестакову (в замужестве Куршакову), мою маму, можно, мне кажется, без преувеличения назвать идеалом русской образованной женщины начала XX века. Она окончила Анненшуле и незадолго до того открытый Женский педагогический институт и преподавала историю, язык и литературу в немецкой школе Екатериненшуле. Она была очень разносторонним человеком. Любящая дочь, жена и мать четырех детей, она любила свою профессию и была любима учениками. Красивая и элегантная, она часто бывала в театре, хорошо сама пела (ее учила мать, Людмила Михайловна), знала языки, европейскую литературу и искусство, играла в теннис.

Ее первой тяжелой утратой была смерть четырехлетнего сына Димочки...

Для характеристики благородства натуры мамы и бабушки приведу запомнившийся мне эпизод. В начале войны с Германией собирались средства в какой-то государственный фонд обороны, и они пожертвовали свои драгоценности. Но бабушка не хотела отдавать кольцо, которое подарил ей царь, слушавший ее пение на каком-то концерте. Патристический порыв, как мне помнится, победил.

В августе 1917 г., как я уже говорила, Екатерина Ильинична с матерью и тремя дочками уехала из Петрограда в Ессентуки. О дальнейших хождениях по мукам я уже рассказала.

Татьяна Куршакова, № 339 (справа) со старшей сестрой Ириной

Когда восстановилась почтовая связь между Югом и Севером, я написала письмо обо всем случившемся тете Нюте. Она откуда-то узнала, что дама по фамилии Ханевская или Каневская, точно не помню, организовала нечто вроде экспедиции по возвращению в Петроград детей, которые, как и мы, остались в разных южных городах без родителей. Так мы с Кубани вернулись в Петроград, и тетю Нюта взяла нас к себе.

Старшая сестра моей мамы Анна Ильинична (1881–1942), по мужу Хоментовская – выдающийся историк, мужественно переносивший удары своей трагической судьбы. Потери близких, тяжелые болезни, репрессии и материальные трудности – все это она выдержала с поразительной стойкостью. Свои воспоминания она кончает словами: «Колесо фортуны совершило таким образом не один поворот, но меня не истоптало»¹. Ее судьба воплощает трагическую и одновременно героическую судьбу петербургской интеллигенции ее эпохи, осложненную многими личными трудностями. Большой талант и редкое мужество позволили Анне Ильиничне выполнить свою творческую цель несмотря ни на что.

---

¹ Хоментовская А.И. Пройденный путь // Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Эту книгу сама Анна Ильинична считала главным трудом своей жизни, но опубликована она была больше чем через полвека после кончины автора, и то ничтожным тиражом 460 экземпляров. – И.А.

После Октябрьского переворота она терпела и холод, и голод, жила на восьмушку хлеба в день, но продолжала научную работу по истории итальянской культуры, отрываясь от нее на ломку деревянных домов для отопления; при этом много и тяжело болела. Начались хождения по мукам. В 1923 г. ее как немарксиста уволили из Университета вместе с шестью другими учеными, в том числе И.М. Гревсом и Л.П. Карсавиным. Профессор Карсавин, которого она тоже хорошо знала, был выслан за границу на знаменитом пароходе в 1922 г. Тетя Нюта взяла меня с собой на прощальный вечер в квартире Карсавина. Об этом интересно вспомнить. В следующее десятилетие даже подумать о подобных проводах было опасно. Все, кто признавал свое знакомство с репрессированными, немедленно платили за это дорогой ценой.

Я немного забежала вперед; надо сказать, что в это время и без того нелегкая жизнь Анны Ильиничны осложнилась тем, что она взяла к себе меня и сестру Таню, осиротевших в 1919 г. после смерти наших родителей и бабушки Милы. Выброшенная из Университета, она полтора года перебивалась уроками и случайной литературной работой. Жили мы впроголодь. На помощь ученым пришел М. Горький. Была организована Центральная комиссия улучшения быта ученых (ЦЕКУБУ). Дворец великого князя Владимира Александровича был превращен в Дом ученых, и там выдавались продуктовые пайки. Стоять в очереди за ними было даже интересно – можно было встретить знакомых. Продукты оттуда мы везли на саночках на 17-ю линию Васильевского острова.

В апреле 1925 г. профессор А.А. Фридман, выдающийся физик и метеоролог, с которым тетю связывал интерес к истории точных наук, помог ей получить место заведующей библиотекой Главной геофизической обсерватории². Здесь ей пришлось одновременно вести большую справочно-библиографическую и издательскую работу, особенно по истории точных наук, так как Обсерватория была ведущим учреждением страны. Одновременно тетя продолжала исследовательскую работу по итальянской истории во многих библиотеках Ленинграда и Москвы, то есть вела подлинно творческую работу в двух разных областях: точных наук и гуманитарных. Кроме того, успевала создавать в разных библиотеках студенческие группы, в которых учила молодых грамотной работе с источниками, составлению картотек и многому другому. Тут проявляются многие черты петербургских ученых: способность творчески работать в очень разных областях одновременно и привычка – или даже потребность – привлекать молодежь к самостоятельной научной работе.

В 1927 г. наступил ее звездный час. Она получила от Геофизической обсерватории командировку в Италию на три месяца за свой счет для изучения в итальянских библиотеках истории геофизики. Эта поездка дала толчок целому ряду исследовательских работ по итальянской культуре, часть которых была опубликована при жизни тети, некоторые за рубежом, а часть уже посмертно.

Эти годы были годами успешного творчества, высоко оцененного такими компетентными судьями, как С.А. Жебелев, Н.П. Лихачев, Бенедетто Кроче.

В 1935 г. после убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) началась новая волна террора. Ночью в феврале к нам пришли арестовывать мужа тети Нюты – и, узнав, что он умер еще до войны 1914 г., потребовали, чтобы тетя, когда выздоровеет (она лежала в постели

² См.: Селезнева Е.С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. С. 93–96. – И.А.

В Обсерватории в разные годы работали академик М.А. Рыкачев (№ 374), его дочь Александра (№ 383), сын Михаил (№ 389) и внук Сергей (№ 404). – Ред.

с межреберной невралгией), явилась на Шпалерную. Анна Ильинична туда пошла и 2 марта была арестована и заключена в тюрьму на месяц. Обвинения ей предъявлялись фантастические. Через месяц она была выслана в Саратов без всякой мотивировки.

В 1937 г., в период массовых арестов среди ссыльных, ее снова арестовывают и держат в тюрьме несколько месяцев. Здесь обострилась бронхиальная астма, которой тетя страдала с 1919 г. Но и в тюрьме, невзирая на кошмарные условия, Анна Ильинична продолжала преподавать немецкий и русский язык заключенным. В сентябре 1938 г. ее перевели в лагерь для инвалидов в г. Пугачеве. Освобождена она была 29 февраля 1940 г., но ей не разрешили вернуться в Ленинград. Пришлось поселиться в Вышнем Волочке. Там она еще некоторое время работала в школе, но потом опять заболела. Творческой работы она, однако, не оставляла: уже под немецкими бомбежками в 1941 г. закончила главный труд своей жизни – книгу «Итальянская гуманистическая эпитафия» и «Автобиографию», где подробно описывает ужас и терзания лагеря и тюрьмы.

Так наша тетя – сестра мамы – заменила нам маму. Ей в этом помогал дядя Николай Александрович Куршаков <1886–1973>, младший брат моего отца – Ники, Ник, дядя Коля – человек во многих отношениях исключительный. Выдающийся ученый и врач-терапевт, в 1904 г. он <сразу же> поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил с отличием в 1910 г. Учителями его были такие великие ученые как М.В. Яновский, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев. Он сам себя считал прежде всего учеником Яновского. Уже в 1912 г., то есть в 26 лет, защитил докторскую диссертацию на тему, связанную с кровообращением, – и вскоре он уже профессор этой академии. Охарактеризовать в нескольких словах его огромный вклад в самые актуальные проблемы клиники внутренних болезней невозможно. Он опубликовал много работ, ставших классическими трудами. Его архив хранится частично в Музее ВМА в Петербурге, частично в Медицинском музее в Риге. Он был членом-корреспондентом АМН СССР, заслуженным деятелем науки, лауреатом Ленинской премии, профессором, кавалером многих орденов и медалей³.

Николай Александрович был в хороших дружеских отношениях со многими знаменитыми людьми разных поколений. Он, например, в антракте спектакля «Горе от ума» привел нас как-то в артистическую великого Давыдова, который явно был к нему очень расположен. В другой раз, когда мы с сестрой были у него, к нему зашла Агриппина Ваганова. ...Уже после войны я не только ходила на концерты Рихтера, но не раз слушала его игру в гостиной дяди Коли. Рихтеру он очень помогал и подкармливал его, когда тому в юности приходилось очень туго из-за немецкого происхождения. Николай Александрович его фактически выпестовал еще тогда, когда его звали не Святослав, а Эрик. Он постоянно бывал у Николая Александровича и когда уже стал мировой знаменитостью. Хочется подчеркнуть, что поколение Николая Александровича, родившееся в 1880-е, было вообще особенным. Это поколение дало миру блестящую плеяду русских талантов, и Николай Александрович знал очень многих из них лично. Ему приходилось бывать в самых разных кругах, и со всеми он был прост, внимателен и готов помочь.

³ К этому можно добавить, что Н.А. Куршаков, участвовавший в Первой мировой войне в качестве военного врача, в Великую Отечественную был главным терапевтом 2-го Украинского фронта, затем – экспертом на Нюрнбергском процессе (1946), главным терапевтом Министерства здравоохранения (1945–1947). Большая часть его научных работ посвящена кардиологии и аспектам лечения лучевой болезни. Был награжден в частности двумя орденами Ленина. Вел обширную общественную деятельность. – *Ред.*

Мое поколение семьи состояло из нас – трех сестер и наших мужей. Старшей была я – Ирина; Таня была на год моложе меня, а Елена (в семье ее звали Люля) на семь лет моложе.

Я родилась в дедушкиной квартире на Петроградской стороне, и крестили меня в Троицкой церкви, где Петр Великий освятил основание города Санкт-Петербурга. Эта церковь была разрушена, а недавно на ее месте был поставлен памятный знак, и площади вернули историческое название.

Выше я уже писала о том, как мы уехали в 1917 г. в Ессентуки и как в гражданскую войну потеряли маму и бабушку Милу, и как нас взяла к себе тетя Нюта. По возвращении в Петроград мы по совету Марии Сергеевны Гревс поступили в школу на углу 5-й линии и Большого проспекта В.О., бывшую гимназию Шаффе. Высокий уровень образования в этой гимназии в начале 1920-х годов еще сохранялся, благодаря высококлассному составу преподавателей и способным ученикам. Ученики и ученицы (обучение было уже совместным) все были из интеллигентных семей ученых. Это, вероятно, происходило отчасти оттого, что школа была расположена недалеко от Университета, Академии наук, Академии художеств. Среди наших преподавателей было несколько профессоров Университета. Помню, как однажды к нам в старшем классе пришел уже известный тогда математик Марков и сказал: «Ну что я буду вам про синусы и косинусы говорить. Прочитайте о них в учебнике тригонометрии. Я вам лучше расскажу, что такое дифференциальное исчисление». О русской литературе нам вдохновенно рассказывала магистр Университета. К сожалению, не помню ее фамилии. Хотя мы с сестрой Таней до этого получили только домашнее образование, но с требованиями школы справились и обе сохранили о школе самые лучшие воспоминания.

Окончив школу в 1924 г., я поступила на факультет иностранных языков Педагогического института по профсоюзной путевке, которую получила для меня тетя Нюта. В анкете я покривила душой и в пункте о классовой принадлежности написала, что я из мещан. Меня приняли сначала на французское отделение, французский язык я уже хорошо знала. Потом оказалось, что на английском отделении недобор и туда принимали даже начинающих изучать язык, и я перешла на английское отделение.

Сестра Таня через год сдавала экзамены для поступления на географический факультет. Она очень любила путешествовать и хотела стать географом. Сдала все на «отлично», но в анкете написала правду, и ее не приняли. Тогда она поступила библиотекарем в Геологическом и через несколько лет, закончив Библиотечный институт, стала работать в отделе комплектования Государственной публичной библиотеки.

...Связь нашей семьи с историей русской культуры продолжена сестрой Таней – Татьяной Владимировной. Ее мужем стал единственный внук Ф.М. Достоевского Андрей Федорович. Его сын Дмитрий Андреевич уже много лет собирает материалы о своем великом прадеде и роде Достоевских и выступает во многих странах с докладами по собранным данным. Доклады его пользуются неизменным успехом, и его постоянно куда-нибудь приглашают.

(*Studia linguistica*. № 17. С. 6–16⁴)

---

⁴ Опубликовано в «*Studia linguistica*» по рукописи И.В. Арнольд, начатой автором в 2003 г. (и хранящейся в музее истории РГПУ им. А.И. Герцена), с сокращениями; в «Хронике рода Достоевских» знаки этих сокращений сняты. – Ред.

Б.Н. Тихомиров

РЕВНОСТЬ ДОСТОЕВСКИХ

Тема ревности как наследственной черты характера у членов рода Достоевских из-за скудости документальных источников по этому вопросу не получила углубленной разработки в специальной литературе. Но поскольку имеющиеся данные позволяют говорить о повторяемости патологических проявлений ревности у мужчин по крайней мере в четырех поколениях Достоевских, а также потому, что безосновательные подозрения одним из супругов другого (а именно – мужем жены) в неверности могут иметь следствием искажение действительной картины истории рода, в генеалогическом труде этот вопрос не может быть обойден молчанием.

В 1881 г., вскоре после смерти мужа, Анна Григорьевна Достоевская начала делать в своей записной книжке разрозненные мемуарные заметки, касающиеся различных сторон их семейной жизни с Федором Михайловичем. Некоторые из этих записей нашли отражение в самой ранней по времени биографии писателя, составленной О.Ф. Миллером и Н.Н. Страховым и помещенной в первом томе посмертного собрания сочинений Достоевского (1883). Были среди них и такие, в которых кратко зафиксированы рассказы писателя о своем детстве (возможно, дополненные также сведениями, полученными А.Г. Достоевской от других родственников). «Родился в Мариинской больнице в Москве, в правом флигеле, внизу <...> – записывает Анна Григорьевна. – Затем переехали в левый флигель, где и жили до отставки отца. Для Мих<аила> и Фед<ора> Мих<айловичей> была темная комната, учились они в зале, где и сидели, уткнувши носы в свои книги. Но лишь только отец уезжал на практику, то бросали книги и шли к матери <...> **Отец был угрюмый, нервный, подозрит<ельный>, ревнивый**»¹. Выделенная характеристика Михаила Андреевича Достоевского (№ 15 в «Хронике рода Достоевских») почти дословно была включена в названное выше жизнеописание писателя, однако в усеченном виде, что, по-видимому, явилось следствием автоцензуры самой Анны Григорьевны или одного из составителей биографии – О.Ф. Миллера: «...он <М.А. Достоевский> был человек угрюмый, нервный, подозрительный»². В результате сделанной купюры мы в течение полувека, вплоть до 1930-х, не находим в биографической литературе о Достоевском никаких упоминаний о **ревности** как черте характера отца писателя.

В 1939 г. в свет вышла книга В.С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских», где была опубликована переписка родителей писателя середины 1830-х. Ряд писем датирован летом 1835 г., когда Мария Федоровна Достоевская (№ 139 в «Хронике рода») была беременна последним – седьмым – ребенком, дочерью Александрой³. Письма Марии Федоровны

¹ Достоевский в забытых. С. 277. Здесь и далее выделение **полужирным курсивом** наше. – Б.Т.

² Биография, письма. С. 20. 1 паг.

³ Александра Михайловна Достоевская, в замужестве Голеновская (№ 38), родилась 25 июля. – Ред.

от 31 мая и от 8–10 июня 1835 г. приоткрывают краешек завесы над печальной драмой, которая разыгралась в этом году в семье Достоевских. «До сих пор, милый друг мой, я утешала тебя, сколько могла, в душевной грусти твоей, – пишет мать писателя мужу в первом из писем, – а теперь не взыщи и на мне. Последнее письмо твое сразило меня совершенно; пишешь, что ты расстроен, растерзан душою так, что в жизни своей никогда не испытал такого терзания, <...> ответы твои на письмо мое столь холодны и отрывисты, что я не знаю отчего такая перемена. <...> В прошедшем письме твоём ты упрекнул меня изжогою, говоря, что в прежних беременностях я ее никогда не имела. Друг мой, соображая все сие, думаю, **не терзают ли тебя те же губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе**, и ежели я не ошибаюсь, то клянусь тебе, друг мой, самим Богом, небом и землею, детьми моими и всем моим счастьем и жизнью моею, что никогда не была и не буду преступницею сердечной клятвы моей, данной тебе, другу милому, единственному моему пред святым алтарем в день нашего брака. Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой крепчайший узел взаимной любви нашей, <...> довольно ли сей клятвы для тебя, которой я никогда еще не повторяла тебе, во-первых потому, что стыдилась себя унижить клятвою в верности моей на шестнадцатом году нашего союза; во-вторых, что **ты по предубеждению своему мало расположен был выслушать, а не только верить клятвам моим**; теперь же клянусь тебе, щадя твое драгоценное спокойствие...»⁴. «...Не терзают ли тебя **те же** губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе», – высказывает догадку Мария Федоровна, очевидно, вспоминая в этих словах о каком-то **имевшем место ранее** инциденте, когда муж «мало расположен был выслушать, а не только верить клятвам» ее. Что же это мог быть за инцидент?

Младший брат писателя вспоминает в своих мемуарах: «Один выдающийся случай, которому я был свидетелем, сделал на меня сильное впечатление, и я никогда не забывал его и теперь помню очень хорошо, с лишком через 60 лет! Дело было так. Раз вечером, в зале, родители ходили вместе и о чем-то серьезно разговаривали. Маменька что-то сообщила отцу, и он сделался видимо очень удивлен и опечален. Потом маменька разразилась сильным истерическим плачем <...> Потом, со временем, когда я сделался взрослым и вспоминал эту сцену, то, сопоставив последующие обстоятельства, разгадал причину <...> родители разговаривали и делали предположения на будущее лето⁵ о поездке в деревню, при чем, вероятно, маменька заметила, что нельзя наверно рассчитывать, а сообщила папеньке, что она подозревает, что ее постигла вновь беременность. Услышав это, папенька, вероятно, **неосторожно высказал свое неудовольствие, что и вызвало со стороны маменьки истерический плач**»⁶. Это мемуарное свидетельство и приведенные строки из письма Марии Федоровны, как кажется, выразительно друг друга дополняют и комментируют. Впервые поставившая их во взаимную связь В.С. Нецаева пишет: «...причина сцены, наблюдавшейся Андреем, была много сложнее: М.А. Достоевский заподозрил жену в неверности, результат которой видел в беременности, о чем, очевидно, ей и сообщил»⁷.

⁴ В семье и усадьбе. С. 105–106.

⁵ Разговор происходил в конце 1834 г. – Б.Т.

⁶ Воспоминания. С. 72.

⁷ Ранний Достоевский. С. 30.

Но продолжим чтение переписки. «...Ты знаешь, – возвращается мать писателя в письме от 8–10 июня к начатому объяснению с мужем, – что для меня **всегда было невыносимо горько видеть тебя в сей лютой и несправедливой горести**, колыми же паче теперь, в разлуке, представлять тебя в своем воображении грустным, **расстроенным даже до отчаяния, и отчего же, от ложного понятия, которое Бог знает отчего тебе приходит в голову**. <...> я может быть раз с 50 перечитала твое письмо, думала и передумывала, что бы такая за отчаянная грусть терзала тебя, которой ты в жизни своей не имел; наконец мелькнула сия гибельная догадка, как стрелой пронзила и легла на сердце. Горестное предчувствие утвердило меня в сей догадке; и поверишь ли, друг мой, я света Божьего не взвидела; нигде не могла найти себе ни места, ни отрады. Три дни я ходила как помешанная. Ах, друг мой, ты не поверишь, как это мучительно. <...> Я не сомневаюсь в любви твоей и чту твои чувствования, боготворю ангельские твои правила, но сама, хотя и люблю еще более, люблю без всяких сомнений, с чистою, святою доверенностью, и **любви моей не видят не понимают чувств моих, смотрят на меня с низким под<озрением>** тогда как я дышу моей любовью. <...> и вот удел мой, вот награда непорочной, страстной любви моей; и ежели бы не подкрепляла меня чистая моя совесть и надежда на провидение, то конец судьбы моей самый бы был плачевной. Прости мне, что пишу резкую истину чувств моих. Не кляню, не ненавижу, а люблю, боготворю тебя и делю с тобою, другом моим единственным, все что имею на сердце, прости, дражайший друг мой. <...> заклинаю тебя твоею же любовью, не огорчайся и не сокрушайся обо мне, я давно уже покорилась судьбе моей и обтерпелась»⁸. «Хотя из этих строк и явствует, – пишет В.С. Нечаева, – что тяжела была жизнь Марии Федоровны в браке с подозрительным, болезненно раздражительным и вспыльчивым мужем, но явствует также и то, что она сохраняла в себе огромную силу воли, смелость и чувство своего достоинства, которые позволили ей дать отпор мужу тогда, когда он затронул своими подозрениями наиболее глубокие ее чувства. В ответ на обвинение в измене, результатом которой будто явилась ее беременность, она ответила письмом, исполненным сознания своей правоты, проникнутым пафосом подлинного чувства, оскорбленного мелочными грязными подозрениями»⁹. Добавим от себя, что процитированное письмо имеет значение отнюдь не частного свидетельства о единичном инциденте, когда на шестнадцатом году семейной жизни М.А. Достоевский обвинил жену в супружеской неверности. Нет, мать писателя сетует здесь, что ей **«всегда было невыносимо горько видеть»** мужа «в сей лютой и несправедливой горести», но что она **«давно уже покорилась судьбе»** своей и **«обтерпелась»**. То есть речь идет о **постоянной** черте характера Михаила Андреевича, не однажды проявлявшейся в семейных отношениях супругов. В этой связи приобретает особое значение, что в предельно лаконичной характеристике отца писателя, восходящей, судя по всему, к рассказам о нем его сына, Анна Григорьевна выделила **ревность** (наряду с **подозрительностью**) как одну из важнейших черт характера М.А. Достоевского: «Отец был угрюмый, нервный, подозрит<ельный>, **ревнивый**».

«Отметим, что эти пронизанные чувством обиды и искренней любви письма жены не убедили Михаила Андреевича, – продолжает В.С. Нечаева. – Следующее его письмо полно новыми подозрениями против жены, он принимает тон глубоко оскорбленного человека и стремится уязвить ее, говоря о своих собственных семейных добродетелях, очевидно

⁸ В семье и усадьбе. С. 109–110.

⁹ Там же. С. 27. Ср.: Ранний Достоевский. С. 31.

намекая на ее „безнравственность“»¹⁰. «...Не сердись на меня за правду, – говорится им 23 июня 1835 г., – внушенную мне чистою, искренною, постоянною и **оскорбленною любовью**; обо мне не беспокойся, я здоров и как всегда пекусь о щастии моего семейства **о нравственности моих детей и теперь более, чем когда...**»¹¹

«Конечно, наследственность не исчезла (да и куда ей деваться?), – пишет И.Л. Волгин, переходя к разговору о Федоре Михайловиче Достоевском (№ 32). – Хотя сын и обладал качествами, как будто не совпадавшими с отцовскими, – такими, как щедрость, широта, исключительная отзывчивость на чужую боль, – несмотря на это, **по ряду психических признаков он действительно напоминает отца**»¹². Соглашаясь с биографом писателя в принципе, подчеркнем свойство, не отмеченное И.Л. Волгиным: одной из таких общих с М.А. Достоевским черт в его сыне является гипертрофированная ревность, хотя проявлялась она по преимуществу в других формах: была не «хронической», мелочно-упречной, тлеющей, как подземный пожар на торфяном болоте, а бурной, взрывной, но одновременно и отходчивой, сопровождавшейся чувством собственной вины...

Воспоминания второй жены писателя, А.Г. Достоевской (№ 329), как важнейший источник для биографов великого романиста при всех своих бесспорных достоинствах имеют один очевидный минус: Анна Григорьевна склонна сглаживать в своих мемуарах острые углы, наносить на образ «дорогого мужа» хрестоматийный глянец. Тем более значимыми для нашей темы оказываются ее свидетельства о вспышках по отношению к ней беспричинной ревности со стороны Достоевского. Вот один из рассказанных ею эпизодов:

«К сожалению, мои выезды в свет нередко омрачались для меня совершенно неожиданными и ни на чем не основанными приступами ревности Федора Михайловича, ставившими меня иногда в нелепое положение. Приведу один такой случай.

В один из литературных вечеров мы с Федором Михайловичем несколько запоздали, и прочие участники вечера были уже в сборе. При нашем входе все они дружески приветствовали Федора Михайловича, а мужчины поцеловали у меня руку. Этот светский обычай (целование руки), видимо, произвел неприятное впечатление на моего мужа. Он сухо со всеми поздоровался и отошел в сторону. Я мигом поняла, в чем дело. Обменявшись несколькими фразами с присутствовавшими, я села рядом с мужем с целью рассеять его дурное настроение. Но это мне не удалось: на два-три вопроса Федор Михайлович мне не ответил, а затем, взглянув на меня „свирепо“, сказал:

– Иди к нему!!

Я удивилась и спросила:

– К кому к нему?

– Не по-ни-маешь?

– Не понимаю. К кому ж мне идти? – смеялась я.

– К тому, кто так *страстно* сейчас поцеловал твою руку! <...>

Весь этот разговор Федор Михайлович вел вполголоса, однако так, что сидевшие вблизи отлично все слышали.

<...> в первый же антракт распорядитель опять подошел ко мне с настоятельною просьбою от моего мужа прийти к нему. Я поспешила в читательскую, подошла к моему

¹⁰ В семье и усадьбе. С. 27.

¹¹ Там же. С. 110–111.

¹² Родиться в России. С. 139.

дорогому мужу и увидела его смущенное, виноватое лицо. Он нагнулся ко мне и чуть слышно проговорил:

– Прости меня, Анечка, и дай руку на счастье: я сейчас выхожу читать!

Я была донельзя довольна, что Федор Михайлович успокоился, и только недоумевала, кого из присутствовавших лиц (все как на подбор были более чем почтенного возраста) он заподозрил во внезапной любви ко мне. Только презрительные слова: „Ишь французишка, так мелким бесом и рассыпается“, – дали мне понять, что объектом ревнивых подозрений Федора Михайловича на этот раз оказался старик Д.В. Григорович (мать его была французка).

Вернувшись с вечера, я очень журила мужа за его ни на чем не основанную ревность. Федор Михайлович, по обыкновению, просил прощения, признавал себя виноватым, клялся, что это больше не повторится, и искренно страдал раскаянием, но уверял, что **не мог превозмочь этой внезапной вспышки** и в течение целого часа безумно меня ревновал и был глубоко несчастлив.

Сцены такого рода повторялись почти на каждом литературном вечере: Федор Михайлович непременно посылал распорядителей или знакомых посмотреть, где я сижу и с кем разговариваю. Он часто подходил к полуотворенной двери читательской и издали разыскивал меня на указанном мною месте. <...> Мне это наскучило, и я однажды, едучи на литературный вечер, сказала Федору Михайловичу:

– Знаешь, дорогой мой, если ты и сегодня будешь так всматриваться и меня разыскивать среди публики, то, даю тебе слово, я поднимусь с места и мимо эстрады выйду из залы.

– А я спрыгну с эстрады и побегу за тобой узнавать, не случилось ли чего с тобой и куда ты ушла?

Федор Михайлович проговорил это самым серьезным тоном, и я убеждена в том, что он способен был решиться, в случае моего внезапного ухода, на подобный скандал»¹³.

Надо отдать должное А.Г. Достоевской: она расчетливо выбрала «такой случай», когда ревность мужа совершенно «фантастическим» образом имела своим объектом «старика Д.В. Григоровича», и попыталась рассказать об этом в юмористическом ключе. Но, читая этот рассказ, можно почувствовать, что в момент самого инцидента жене писателя было далеко не до смеха. А каким Достоевский мог быть, когда у его ревности возникали «действительные» основания, Анна Григорьевна поведала в истории с «литературной мистификацией», на которую она опрометчиво решилась, чтобы разыграть мужа:

«18 мая 1876 года произошел случай, о котором я вспоминаю почти с ужасом. Вот как было дело: в „Отечественных записках“ того года печатался новый роман С. Смирновой под названием „Сила характера“. <...> В романе, между прочим, было помещено анонимное письмо, посланное каким-то негодяем герою романа». В письме сообщалось, что жена героя изменяет ему с неким «брюнетом», который «любит ваши пороги обивать». «А коли вы мне не верите, – заканчивалось письмо, – так у вашей супруги на шее медальон повешен, то вы посмотрите, кого она в этом медальоне на сердце носит».

«...И вот по прочтении анонимного письма, – пишет А.Г. Достоевская, – у меня мелькнула в голове шаловливая мысль переписать это письмо (изменив и вычеркнув две-три строки, имя, отчество) и послать его на имя Федора Михайловича. Мне представлялось, что он, только вчера прочитавший это письмо в романе Смирновой, тотчас же догадается,

¹³ *Воспоминания*. С. 341–343.

что это шутка, и мы вместе с ним посмеемся». Но легкомысленный расчет Анны Григорьевны не оправдался. По прочтении Достоевским полученного по городской почте анонимного письма между супругами произошла такая сцена:

«Федор Михайлович гневно посмотрел на меня, прошелся еще раза два по комнате и остановился почти вплоть против меня.

– Ты носишь медальон? – спросил он каким-то сдавленным голосом.

– Ношу.

– Покажи мне его!

– Зачем? Ведь ты много раз его видел.

– По-ка-жи ме-даль-он! – закричал во весь голос Федор Михайлович; я поняла, что моя шутка зашла слишком далеко, и, чтобы успокоить его, стала расстегивать ворот платья. Но я не успела сама вынуть медальон: Федор Михайлович не выдержал обуревавшего его гнева, быстро надвинулся на меня и изо всех сил рванул цепочку. Это была тоненькая, им же самим купленная в Венеции. Она мигом оборвалась, и медальон остался в руках мужа. Он быстро обошел письменный стол и, нагнувшись, стал раскрывать медальон. Не зная, где нажать пружинку, он долго с ним возился. Я видела, как дрожали его руки и как медальон чуть не выскользнул из них на стол. Мне было его ужасно жаль и страшно досадно на себя. Я заговорила дружески и предложила открыть сама, но Федор Михайлович гневным движением головы отклонил мою услугу. Наконец муж справился с пружиной, открыл медальон и увидел с одной стороны – портрет нашей Любочки, с другой – свой собственный. Он совершенно оторопел, продолжал рассматривать портрет и молчал».

Заканчивается описание инцидента таким диалогом:

« – Просто хотела пошутить, – объясняла я.

– Разве возможны такие шутки? Ведь я измучился в эти полчаса! <...> Ведь **я в гневе мог задушить тебя!** <...> Умоляю тебя, не шути такими вещами, **в ярости я за себя не отвечаю!** <...>

Я искренно раскаивалась, что заставила помучиться Федора Михайловича, и дала себе слово никогда в жизни не шутить с ним в таком роде, узнав по опыту, **до какого бешеного, почти невменяемого состояния способен в эти минуты ревности доходить мой дорогой муж**»¹⁴.

Сын писателя, Федор Федорович Достоевский (№ 332), также унаследовал эту родовую черту, проявлявшуюся у него в таких же, как у отца, бурных формах. Впрочем, его биография изучена слабо, нет специальных работ, посвященных его личности. Но одно свидетельство, принадлежащее его жене Екатерине Петровне (№ 334), подтверждает справедливость нашего заключения. В 1950 г. в открытом письме в редакцию парижского журнала «Возрождение», объясняя, почему еще в предреволюционные годы они разошлись с сыном писателя, Екатерина Петровна в частности говорила: «...С годами чрезвычайно тяжелый, неуравновешенный характер Федора Федоровича, порою переходящий всякие границы, когда он **в порыве ни на чем не основанной ревности схватывал револьвер, чтобы меня застрелить**, а также и его безудержная страсть к азарту – во всех видах – заставили меня решиться разойтись с ним»¹⁵. Лаконичное, но выразительное, это

¹⁴ Воспоминания. С. 290–294. Подробный анализ этого эпизода см. также: Игорь Волгин. *Последний год Достоевского*. М., 2010. С. 484–496. – Ред.

¹⁵ Возрождение (Париж). 1950. Март – апрель. С. 190.

свидетельство говорит само за себя и вполне достаточно, чтобы, не прерывая линии семейной преемственности, мы могли перейти к сыну Федора Федоровича, внуку писателя, в котором эта наследственная черта достигла, как кажется, предельного в своей болезненности выражения. (А может быть, просто в этом случае в распоряжении исследователей оказывается больше документальных свидетельств, поскольку от событий, которым будет посвящена заключительная часть статьи, нас отделяет всего несколько десятилетий.)

Предваряя рассмотрение в интересующем нас отношении характеристических черт Андрея Федоровича Достоевского (№ 338), важно подчеркнуть особую важность поднимаемого в настоящем случае вопроса, поскольку Андрей Федорович является **единственным** человеком, от которого мы ведем генеалогическую нить прямых потомков писателя, живущих и в настоящее время. Однако сам А.Ф. Достоевский при своей жизни неоднократно делал устные и письменные заявления, суть которых сводилась к тому, что с его смертью род заканчивается. Так, в письме в Париж своей двоюродной сестре баронессе О.А. Фальц-Фейн от 5 февраля 1963 г. он писал: «...моя дочь Татьяна¹⁶, отчужденная от меня волей тупой и злой матери – моей довоенной жены, выйдя замуж, не пожелала оставить за собой фамилии своего прадеда. Приняв фамилию мужа, она тем самым отреклась от имени Достоевского и рожденного год назад ребенка¹⁷ поставила тоже на фамилию мужа. Значит, о ней и речи нет как о Достоевской, хотя формально она его правнучка. Не хочет быть Достоевской – не мое дело возвращать ее в „лоно“. **Других детей у меня не было, нет и не будет. Следовательно, продолжения прямых Достоевских нету.** <...> Кстати, сохрани-ка эти строки, чтоб это был документ: сколько небывлиц писали после смерти Федора Михайловича, Анны Григорьевны и даже моего отца – Федора Федоровича. Найдется какой-нибудь „мудрец“ написать что-нибудь обо мне и моем потомстве, т.е. о прямых Достоевских! Специально подписываю все, что здесь изложил, чтоб это был неопровержимый документ – А. Достоевский»¹⁸. То же внук писателя утверждал в письме от 10 июля 1966 г. сотрудникам Брестского краеведческого музея: «...из многосемейного и многодетного рода Достоевских (отступая назад на три-четыре поколения) **остался я „на все и для всего“ единственный**»¹⁹.

Однако у исследователей есть все основания считать, что подобные декларации не имеют под собой реальных оснований и являются следствием патологической ревности и подозрительности, которые в этом представителе рода приобрели уже открыто маниакальный характер. В придачу здесь мы располагаем официальными материалами рассмотрения вопроса в судебной инстанции, которая вполне определенно сформулировала заключение о безосновательности подозрений в супружеской неверности, высказанных в иске Андрея Федоровича Достоевского к его первой жене Татьяне Владимировне (№ 339), и отказала в аннулировании записи отцовства в отношении его сына Дмитрия (№ 345).

Симптомы наследственной психологии начали сказываться у А.Ф. Достоевского еще в юношеском возрасте. Близко знавшая его в 1928–1930 гг. в Симферополе Е.Б. Польская

¹⁶ № 342. – Ред.

¹⁷ Сына Николая, № 347. – Ред.

¹⁸ Печатается по ксерокопии (ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб)). Подпись стоит прямо посередине письма, которое затем продолжается; рядом поставлен личный штамп А.Ф. Достоевского с указанием его адреса в Ленинграде, телефона и вписанной датой. – Б.Т.

¹⁹ Цит. по: Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 361–361.

свидетельствует, что уже в те годы он был «скрытно ревнив (как дед)»²⁰. С годами это чувство начало приобретать внешний, бурный характер. Вспышки неистовой ревности и агрессивности проявлялись у Андрея Федоровича не однажды. Так, швейцарские исследовательницы Т. Вагнер-Симон и И. Хэфели-Грауен, предпринявшие попытку продолжить изучение рода Достоевских после выхода первого издания «Хроники» и для этой цели собиравшие в Петербурге (Ленинграде) мемуарные свидетельства, сообщают со слов одной из близких к внуку писателя женщин, с которой он «был в течение долгого времени связан любовными отношениями», что тот «пытался помешать ей выйти замуж за ее будущего мужа» и «однажды <...> хотел выбросить ее из мчащейся машины»²¹. Но это была хотя и интимно близкая, но не связанная с А.Ф. Достоевским узами законного брака женщина. В отношениях же с первой женой припадки ревности и подозрительности приняли особенно мрачный и отталкивающий характер, осложненный дополнительно комплексом «внука писателя», блюстителя «чистоты рода».

Начать обрисовку ситуации нам хотелось бы с сопоставления двух выразительных документов.

Т.В. Достоевская – мужу

1.V.1945

Родной мой!

Нинка послала тебе телеграмму, так что теперь ты уже наверно знаешь. У нас теперь с тобой трое ребят. Ночью с 21 на 22 апреля родились у меня сначала доченька, а через 40 минут сын. Бедных ребятишек я месяц не доносила, вес у них был по 2 кило. <...> Первые четыре дня я их и не видела, а теперь меня к ним пускают, но кормят их из рожков, потому что молока у меня нет. <...> О том, что у меня будут близнецы, я узнала дней за 10 до родов <...> Татка страшно ждет братишку и сестричку <...> Они друг на друга совсем не похожи, я этим очень довольна. Мне почему-то кажется, что сын похож на тебя, а дочка < нрзб. > совсем что-то непонятное, нечто более круглое, чем сын. <...> Есть еще возможность отсюда перевести их примерно на месяц в больницу Крупской (это на 13 линии) в отделение недоносков...

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. № 3)

22.V.1947

Я, Достоевская Татьяна Владимировна, с 25 октября 1936 г. жена гр-на Достоевского Андрея Федоровича, в результате своей доброй воли объявляю, что нарушала свой супружеский долг, вступая в половую связь с посторонними мужчинами, причем в результате половых отношений с гр-ом Блиновым Иваном Михайловичем, имевших место в конце июня, в начале июля 1944 г. в городе Йошкар-Ола, мальчик, рожденный мною 22 апреля 1945 г. и зарегистрированный мною под именем Достоевского Дмитрия Андреевича, может являться сыном вышеупомянутого гр-на Блинова Ивана Михайловича.

(РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. № 7)²²

²⁰ Внук писателя. С. 137.

²¹ Вагнер-Симон Т., Хэфели-Грауен И. Семья Достоевских: Конституционно-психологическая документация с родовыми деревьями семьи Достоевских десяти поколений // Психология судьбы: Сборник статей. Екатеринбург, 1996. Вып. 4. Кн. 1. С. 176–177.

²² Документ полностью процитирован в «Возражении Т.В. Достоевской на Кассационную жалобу А.Ф. Достоевского», 9 апреля 1952 г., с. 2.

Каким потрясающим диссонансом звучат два этих документа, написанные с интервалом в два года по одному и тому же поводу и одною и той же рукой! Сколько любви и нежности в первом, сколько отчаяния и холодного презрения во втором. И если в одном из них содержится правда, то в другом заведомая ложь. Которому же из них верить?

Первый документ – письмо на фронт – имеет личный, глубоко интимный характер (хотя по условиям военного времени оно было просмотрено в соответствующих органах, о чем и свидетельствует фиолетовый штамп: «Проверено военной цензурой»). Второй документ – сугубо официальный. Это **нотариально заверенная** расписка, «свидетельствующая факт» супружеской неверности и фигурирующая в материалах судебного разбирательства.

Знакомясь с историей взаимоотношений Андрея Федоровича и Татьяны Владимировны, перебирая старые, выцветшие документы, рассматривая аргументы pro и contra, исследователь проникается доверием к первому, исполненному искренней любви и нежности, личному письму. Надо также иметь в виду, что «нотариально заверенную» расписку суд не считал достаточным аргументом в пользу А.Ф. Достоевского: в материалах дела содержатся данные, согласно которым бумага была выдана «под влиянием угроз и насилия со стороны истца»²³. Впрочем, для любого непредвзятого читателя это видно и невооруженным глазом: по стилю она очень напоминает признательные показания-самооговоры на политических процессах 1930-х годов. «...**Мы вместе разрабатывали** текст этого письма», – заявил на суде А.Ф. Достоевский²⁴. «**Он заставил меня** подписаться под каким-то письмом, которого я никогда не видела и не писала», – возражала Т.В. Достоевская²⁵.

Какова же предыстория этой судебной тяжбы, начатой весной 1951 г., об аннулировании записи отцовства в отношении **уже шестилетнего** ребенка, – тяжбы, которую Андрей Федорович, по его собственному выражению, «с треском проиграл»²⁶?

Пояснения истца на процессе и вся линия его поведения не могут не вызвать крайнего недоумения у любого человека, знакомящегося с обстоятельствами дела. С первых дней Великой Отечественной войны внук писателя находился на фронте, жена с дочерью в эвакуации – в Йошкар-Оле. В середине лета 1944 г. часть, в которой служил А.Ф. Достоевский, отводят с фронта в Ленинград для переформирования. По свидетельству Татьяны Владимировны, прибыв в Ленинград (сроком на несколько месяцев), Андрей Федорович вызвал семью из эвакуации. Как можно быстрее – три года разлуки! – Татьяна Владимировна с дочкой «летят» на встречу с мужем и отцом. Что может быть естественнее, да еще в условиях военного времени! См., однако, позднейшую трактовку этого события А.Ф. Достоевским: «Внезапно, без предупреждения, бросив обожаемую сестру и вполне налаженную жизнь, в самых последних числах августа, стремительно, затратив всего три дня на дорогу, явилась в Ленинград ТВ с дочерью. <...> Для меня было ясно, что не простые причины толкнули ТВ на этот внезапный и ничем не оправданный шаг. Однако свой внезапный приезд ТВ патетически мотивировала тем, что ребенку необходимо свидеться

²³ Решение Народного суда 11 участка Октябрьского района г. Ленинграда от 20 марта 1952 г. Дело № 22.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. № 7. Протокол судебного заседания по делу № 2574 в Народном суде 11 участка Октябрьского района Ленинграда 17 мая 1951 г. С. 2.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. № 9. Сведения, которые могут быть полезны при проведении развода А.Ф. Достоевского с Т.В. Достоевской. 1960. С. 7.

с отцом, что сама она измучилась от постоянных волнений за меня, что я еще не вышел из войны, которая еще неизвестно, чем для меня окончится и т.п., и пр.»²⁷ Комментарии, как говорится, излишни. Впрочем, за одним исключением. Датировка: «в самых последних числах августа» – является умышленным и многозначительным сдвигом против реальных сроков. Дело в том, что в автобиографическом документе, озаглавленном «СВЕДЕНИЯ, которые могут быть полезными при проведении развода А.Ф. Достоевского с Т.В. Достоевской», Андрей Федорович пишет: «Уже в двадцатых числах сентября ТВ заявила мне, что она беременна. Как ни наивен я бывал в подобных ситуациях, но это заявление еще больше укрепило меня в убеждении, что приезд ТВ таит в себе что-то скрытое...»²⁸ Этот расчет – один из главных «аргументов» внука писателя, на чем базируются все его последующие подозрения. Но в официальном документе – кассационной жалобе на решение народного суда от 20 марта 1952 г. – Достоевский заявляет, что интимные отношения с женой у него возобновились не «в самых последних числах», а – 18 августа 1944 г.²⁹ Передвижка в этом пункте сроков с конца на середину месяца в корне подрывает все его «арифметические» подозрения.

Рождение 22 апреля 1945 г. *недоношенной двойни* (девочка Ирина умерла в возрасте полутора месяцев) вызвали у мужа новый виток подозрений: «Если ранее во мне на основании личных и совершенно интимных наблюдений уже зародились подозрения, что Достоевская Т.В., вернувшись в Ленинград и встретившись со мной, уже была беременна, то теперь датой родов эти подозрения облеклись в реальность»³⁰. – «По срокам же совершенно очевидно, что нормальные роды не могли произойти, если вести отсчет от конца августа – начала сентября»³¹. Вновь еще один намеренный временной сдвиг – теперь уже на «начало сентября». И все с одной-единственной целью. Но рассмотрение вопроса в судебной инстанции, с учетом медицинских документов, данных судебно-медицинской экспертизы, а также свидетельских показаний медперсонала приводит к иному итогу:

Решение Народного суда 11 участка Октябрьского района г. Ленинграда
20.III.1952
Дело № 22

...Согласно проведенной экспертизе крови у Достоевского – истца и Достоевского Дмитрия фиксируется одинаковая группа крови 0(I), согласно заключению судебно-медицинской экспертизы срок зачатия ребенка Дмитрия 18 августа 1944 года ответчицей

²⁷ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 4. № 9. С. 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. № 7. 30 марта 1952 г. Кассационная жалоба Достоевского Андрея Федоровича по делу с Достоевской Татьяной Владимировной. С. 2.

³⁰ Там же. Достоевский А.Ф. Необходимые сведения о семье и себе.

³¹ Там же. № 9. Сведения, которые могут быть полезны при проведении развода А.Ф. Достоевского с Т.В. Достоевской. 1960. С. 5. Заметим в этой связи, что преждевременные роды имели место в семье Достоевских неоднократно. Так, младший брат писателя Андрей Михайлович утверждает, что он «был несколько недоношен» и появления его «на свет Божий вовсе не ожидали так скоро, как оно произошло» (*Достоевский А.М. Воспоминания*. С. 15). Раньше времени родилась и Анна Григорьевна – она юмористически описала в своих мемуарах, как вела себя ее мать, «не ожидавшая так скоро предстоявшего ей “события”» (*Достоевская А.Г. Воспоминания*. С. 38). По свидетельству матери *истца*, Екатерины Петровны Достоевской, и сам Андрей Федорович, и его старший брат также родились раньше положенного срока (см. с. 517, 525). Не поэтому ли в порывах ревности бегал за женой с револьвером Федор Федорович? – Б. Т.

вполне вероятен с учетом преждевременности родов, в результате чего ребенок родился недоношенным. Это обстоятельство подтверждается всеми материалами дела, клинической картой родовспоможения № 004749, историей развития новорожденного. При таком положении у суда нет оснований не доверять ответчице, что расписка, уличающая ее в супружеской неверности, была ею выдана под влиянием угроз и насилия со стороны истца...

(Заверенная машинописная копия – в ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб))

Решением народного суда истцу Андрею Федоровичу Достоевскому было отказано в аннулировании записи отцовства, а также в лишении Дмитрия родовой фамилии. Анализ всей совокупности документальных материалов, фигурировавших в судебном рассмотрении, убедительно свидетельствует, что у Т.В. Достоевской не могло быть мотива, приписанного ей ревнивыми подозрениями мужа, затевать «интригу» со «спешным приездом» из Йошкар-Олы единственно с коварной целью ввести мужа в заблуждение в отношении происхождения ее беременности. Установленные на суде сроки начала беременности – середина августа 1944 г. – однозначно удостоверяют, что Дмитрий Андреевич Достоевский является сыном Андрея Федоровича и **прямым правнуком** великого русского писателя, законным членом рода Достоевских.

В заключение же отметим странное и грустное совпадение: в 1945-м в семье А.Ф. Достоевского почти тождественно повторилась нравственно-психологическая ситуация, имевшая место ровно за 110 лет перед этим, в 1835-м, в семье М.А. Достоевского. Только в отличие от правнука, до мозга костей человека советской эпохи, прадед в 30-е годы XIX в., конечно, не мог и помыслить – даже пребывая в пароксизме ревности, – о том, чтобы выносить свои глубоко личные отношения с женой на **суд общественности**, собирать (или, точнее, фабриковать) уличающие «ответчицу» документы, в придачу оформляя их нотариально, публично, «под протокол» раскрывать интимные подробности супружеских отношений. Все это – чудовищные приметы минувшего XX века.

O tempora, o mores!

М.В. Волоцкой

ОПЫТ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РОДА

Семейные хроники обычно затрагивают столько биологических и социальных проблем, что анализ их можно вести с самых различных точек зрения. Тем более это относится к целому обширному роду, как это мы имеем в данном случае. Можно, например, говорить о демографии рода, о степени его плодовитости, сравнивать эту плодовитость с размножением других родов, принадлежащих к иным общественным группам, можно вычислить среднюю продолжительность жизни каждого отдельного поколения и анализировать полученные данные в связи с различными эндо- и экзогенными факторами. Генеалогическое исследование подводит нас вплотную к проблемам евгеники, в частности к процессам вымирания и вырождения или, наоборот, возрождения и расцвета жизненных сил рода или отдельных его ветвей. На фоне генеалогического материала рельефно выступает роль наследственности и внешних условий в передаче и внешнем проявлении отдельных признаков и в процессе формирования личности. Наконец, вся *история* рода, в ряде его поколений, тесно связана с историей того общества, в среде которого данный род развивался.

Осветить сколько-нибудь исчерпывающе со всех этих точек зрения собранный выше материал о роде Достоевского представляется задачей чрезвычайно сложной и едва ли выполнимой силами одного исследователя. Ввиду этого я в значительной мере суживаю сферу своего анализа, более или менее подробно останавливаясь только на одной области, а именно на характерологии как отдельных представителей, так и целых ветвей обследованного рода. Все другие вопросы затрагиваются мной лишь постольку, поскольку это является необходимым для освещения характерологических проблем.

Прежде всего необходимо остановиться на вопросе о том, как и под влиянием каких факторов складывается характер человека. Основным положением в этом вопросе, согласно всем нашим биологическим и социологическим представлениям, должно быть то, что ни одно проявление человеческого характера не является неизбежным и роковым образом предопределенным наследственностью. Все характерологические задатки, которые человек получает при рождении, представляют из себя не более чем потенцию, которая может реализоваться жизнью, и в первую очередь социальными условиями, в самых различных направлениях. Поэтому в результате тех или иных условий жизни одни и те же характерологические задатки могут дать совершенно различные формы своего проявления. На-

пример, при одних условиях дать хулигана, преступника, убийцу, при других же условиях — очень полезного члена общества.

Формирующее влияние внешних условий непрерывно действует на человека в течение всей его жизни. Поэтому если характерологические задатки уже реализовались в каком-либо определенном направлении, то с изменением условий жизни меняется и форма их проявления.

Таким образом, характер человека представляет систему и динамичную, и полипотентную, вследствие чего сходные наследственные задатки могут реализоваться в весьма различных формах. Естественно, возникает вопрос, возможно ли в таком случае генеалогическое изучение человеческих характеров, в частности — изучение их наследования. Несомненно, что это возможно, и задача характеролога заключается в том, чтобы не только учитывать многообразие в сходном, но и уметь рассмотреть сходное в многообразии, то есть уметь узнать сходные наследственные задатки, несмотря на то разнообразие, с которым они реализовались в жизни.

То, что было сказано о формировании характера, относится и к тем патологическим процессам, которые могут в нем возникать. На первый взгляд, припадки генуинной эпилепсии со всеми сопровождающими их процессами в области психики, постепенный распад личности шизофреника или внезапные вспышки психозов маниакально-депрессивного больного могут производить впечатление чего-то рокового и неотвратимого, тем более что связь между возникновением заболевания и какими-либо внешними условиями не всегда удастся установить. Мы имеем здесь настолько повышенную ранимость организма, главным образом нервной системы, которая не выдерживает даже более или менее нормально сложившихся жизненных условий. Задача в таких случаях сводится к тому, чтобы той или иной внешней коррекцией предотвратить болезненный процесс или помочь организму его преодолеть, если процесс уже развился. В последние годы мы имеем ряд больших достижений в деле такой профилактики и терапии нервных и душевных болезней. Но все же это только начало пути. Для того чтобы победить врага, нужно его узнать, нужно изучить его во всем многообразии его проявлений. Если эта книга, в которой характерологические материалы так часто переплетаются с психопатологическими, принесет какую-либо реальную помощь в деле такого изучения, то составитель ее не будет считать свой труд потерянным.

В дальнейшем изложении я сначала остановлюсь на описании различных типов характера, а затем перейду к характерологическому анализу рода Достоевских.

Из всех предложенных до сих пор характерологических систем я ограничусь только системой психиатрической, разработанной рядом современных психиатров, педологов и невропатологов, главным образом Э. Кречмером.

Нужно, впрочем, заранее оговориться, что сложность и разнообразие человеческих характеров настолько безграничны, что всякая классификация в данном случае будет иметь лишь относительное значение.

Преимуществом подхода Кречмера является то, что он кладет в основу своих типов, и вообще в основу своих характерологических построений, не только ста-

тические состояния, но главным образом динамические противоречия человеческой психики. Путем глубокого анализа он всегда вскрывает наличие двух противоположных тенденций, между которыми и располагается та биполярность, что характеризует тот или иной тип.

Указанная особенность подхода Кречмера ясно выступает при сравнении его типологии с дошедшим из глубокой древности, от времен Гиппократов и почти до наших дней, делением людей на флегматиков, холериков, меланхоликов и сангвиников. В системе Гиппократов, в той форме, как она впоследствии была разработана Кантом, как и у Кречмера, в основу кладутся такие признаки, как склонность к веселью (сангвиники) или грусти (меланхолики), а также повышенная или пониженная чувствительность (холерики и флегматики). Но, несмотря на это внешнее сходство, какая огромная пропасть разделяет типы Канта от циклоидного и шизоидного типов Кречмера. Для Канта все эти признаки являются неподвижным фоном, на котором протекает вся психическая жизнь личности. Сангвиник для Канта — это «всегда добрый товарищ, большой шутник, весельчак, который ничему в мире не придает большого значения (*vive la bagatelle!*) и все люди ему друзья»¹.

Таким образом, для Канта веселый темперамент является только веселым и не содержит в своей природной сущности диаметрально противоположных состояний, именно состояний депрессии и грусти. Другими словами, в данном случае почему-то Кант не усматривает тех противоречий, которые скрываются в динамике человеческой личности. Между тем эти противоречия могут достигать такой силы, что проявляются в форме, например, совершенно неожиданного и непонятного для окружающих самоубийства человека, всегда считавшегося отъявленным весельчаком.

Точно так же и флегматик является в глазах Канта только «толстокожим», от которого «все направленные на него баллисты и катапульты отскакивают, как от мешка с ватой».

Согласно такому подходу, в котором совершенно отсутствует динамическая сторона, Кант приходит к утверждению, что «сложных темпераментов нет, как нет сангвинически-холерического (каким предполагают обладать все те пустые говоруны, которые пробуют уверить других, что они милостивые, но и строгие господа); их всегда и во всем только четыре, и каждый из них прост; нельзя и предвидеть, что выйдет бы из человека, который имел бы смешанный темперамент».

Из последователей типологии Гиппократов — Канта укажем хотя бы Дэгалета Стюарта, предлагавшего разделять все школьные классы на четыре параллельных группы, согласно четырем основным типам темперамента. Такое разделение, по его мнению, позволило бы осуществить индивидуальный педагогический подход к веселым сангвиникам, печальным меланхоликам и т.д.

Как уже упоминалось выше, Кречмер выделяет только два основных психологических типа — шизоидный и циклоидный. В отличие от Канта, для Кречмера человеческие характеры являются не простыми, а в той или иной степени совмещающими в себе диаметрально противоположные тенденции. По отноше-

¹ Кант И. Антропология. Ч. II. Антропологическая характеристика. СПб., 1900. С. 149, 151, 152. — М.В.

нию к шизоидным темпераментам он формулирует это положение следующим образом: «Только тот владеет ключом к пониманию шизоидных темпераментов, кто знает, что большинство шизоидов отличается не одной только чрезмерной чувствительностью или холодностью, но обладают тем и другим одновременно». Та же цитата может быть применена и к циклоидным темпераментам, если только слова «чувствительность» и «холодность» заменить в ней на «веселость» и «грусть».

Таким образом, Кречмер синтезировал то, что так резко было разграничено у Канта, в результате чего его типы получили естественную жизненность и рельефность. Нужно, впрочем, отметить, что многое в типологии Кречмера еще остается недоработанным и спорным. В частности, это очень сильно дает себя знать в том, что, выделив всего только два характерологических типа, Кречмер пытается втиснуть в них множество самых различных жизненных случаев. В результате, вчитываясь в его характерологические диагностики, видишь, что, например, выделяемый им шизоидный тип практически получает столь же широкие, сколь и неопределенные очертания.

В дальнейшем мы сначала остановимся на кречмеровских типах и на том очень ограниченном числе случаев из рода Достоевского, которые более или менее укладываются в эту типологию, а затем перейдем к анализу значительно большей части характерологических проявлений в изучаемом нами роде, для которых эта типология явилась бы своего рода прокрустовым ложем. При этом заранее приходится оговориться, что, анализируя в кратком очерке целую группу людей, вряд ли возможно избежать некоторой схематизации столь сложных и малоработанных вопросов, какими являются вопросы характерологические².

Динамика душевных движений циклоидного типа протекает преимущественно между полюсами депрессивным (пониженного настроения) и гипоманиакальным (повышенного настроения). Во многих случаях оба эти полюса как бы волнами сменяют друг друга, вследствие чего психическая жизнь людей циклоидной конституции приобретает характер волнообразной кривой, представляющей смену двух противоположных состояний. С одной стороны, мы имеем состояние депрессии, выражающееся в форме тоски, упадка энергии, замедления (заторможенности) интеллектуальных и психомоторных процессов. Противоположностью (антиномией) предыдущему является состояние гипоманиакальное, характеризующееся веселым, приподнятым настроением, возбуждением и ускорением интеллектуальных и психомоторных процессов, а в случаях одаренности — ярким проявлением творческих способностей, обычно угасающих в период депрессии.

² Здесь дается лишь самый сжатый очерк учения о характерах, как оно разработано, главным образом, современной психиатрической наукой. Желающим более подробно ознакомиться с этой областью рекомендуется прочитать по крайней мере следующие работы: Кречмер Э. Строение тела и характер. [Цит. по изд.: М., 2001. С. 7, 154, 163, 166, 193, 194]; Зиновьев П.М. Душевные болезни в картинах и образах. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927; Фридман Б.Д. Деструктивные влечения в эпилептоидии и психастении // Труды психиатрической клиники I МГУ. Вып. 2. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927; Рапопорт А.М. Эпилептоиды и их социальные реакции // Преступник и преступность. Сб. 2. М.: Изд. Мосздравотдела, 1927; Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М.: Север, 1933. — М.В.

Эта смена двух состояний может принимать самые разнообразные формы. В случае слишком сильных амплитуд кривая душевной динамики может выходить за пределы нормы. Тогда мы будем иметь дело с патологическим состоянием маниакально-депрессивного психоза³.

Обычно в психиатрическую больницу попадают в периоды депрессивных состояний, которые не только лишают человека работоспособности, но и способны довести больного до самоубийства⁴.

Изучение именно этих крайних антиномий маниакально-депрессивного психоза и дало возможность Кречмеру подойти к анализу как пограничных по своему душевному здоровью психопатических личностей, так и таких, которые имеют лишь соответствующую окраску личности, без патологического характера. Таким образом, наряду с больными маниакально-депрессивным психозом, или — по терминологии некоторых авторов — циклофрениками, Кречмер выделяет еще группу циклоидов, или людей с пограничной амплитудой маниакально-депрессивной динамики, и, наконец, обширную группу циклотимиков. К последним относятся уже такие характеры, которые, выражаясь фигурально, только посолены циклоидной солью, но, в отличие от циклоидов и тем более циклофреников, не проявляют признаков патологического пересола. Эту связь между нормой и патологией Кречмер формулирует следующим образом: «При рассмотрении эндогенных психозов в широких биологических рамках они являются не чем иным, как заострениями нормальных типов темперамента».

Итак, мы видели, что областью, в которой легче и интенсивнее всего совершаются душевные движения циклоидов, является сфера, расположенная между полюсами приподнятого, веселого настроения, с одной стороны, и депрессивного, печального — с другой. Та пропорция, в которой в данной личности развиты оба этих полюса, Кречмер называет *диатетической пропорцией* или пропорцией настроения.

Далеко не у всех циклоидов обе рассмотренные тенденции бывают развиты сколько-нибудь равномерно. Циклоидные характеры, у которых преобладает полюс приподнятого настроения, Кречмер называет *гипоманиакальными*. Однако, как указывает и сам Кречмер, чистые гипоманиакальные характеры встречаются лишь в виде исключения, так как «многие из этих веселых натур, если мы с ними близко познакомимся, всегда имеют в глубине существа мрачный уголок».

Циклоидов, в настроении которых преобладают пониженные, печальные состояния, Кречмер называет *депрессивными*. Чаще же всего гипоманиакальный и депрессивный полюс совмещаются в одной и той же личности, причем доминиру-

³ Как показывает само название болезни, в нее входят два состояния: маниакальное (возбуждения) и депрессивное (подавленности). Раньше оба эти состояния рассматривались как две самостоятельные болезни, не имеющие ничего общего между собой. Первому состоянию соответствовала болезнь «мания», второму — «меланхолия». Заслугой Крепелина является открытие, что оба эти столь противоположные состояния являются лишь разными проявлениями единого процесса. Таким образом, в своем подходе к изучению нормальных, пограничных и патологических личностей Кречмер является в значительной степени последователем Крепелина. — М.В.

⁴ См. подобного рода примеры в исследовании: Юдин Т.И., Галачан А.Г. Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи // Русский евгенический журнал. Т. I. Вып. 3–4. М., 1924. С. 321–342. — М.В.

ющее значение по очереди приобретает то один полюс, то другой. Иногда подобного рода смены настроений происходят довольно ритмично, в некоторых случаях совпадая с определенными временами года.

Диатетическая пропорция является основой циклоидной личности. Но наряду с нею можно указать и еще ряд признаков, характеризующих людей этой конституции. По наблюдениям Кречмера, подтвержденным рядом работ других исследователей, циклоиды являются «преимущественно людьми *общительными*, добродушными, людьми, с которыми легко иметь дело, которые понимают шутку и принимают жизнь, какова она есть. Они естественны и откровенны и быстро вступают в приятельские отношения с другими; в их темпераменте есть что-то мягкое и теплое». Эти мягкость и теплота свойственны не только гипоманиакальным, но, в той или иной форме, также и депрессивным состояниям.

Следует еще отметить склонность циклоидов к юмору, а также нередко богатое развитие фантазии. В некоторых случаях, как показывают, например, исследования проф. Т.И. Юдина, богатое воображение циклоидов может даже явиться источником их своеобразной лживости (так называемая *Pseudologia phantastica*).

Циклоидные характеры, как показал ряд исследований, гораздо чаще встречаются среди людей, обладающих так называемым пикническим телосложением. В самых общих чертах этот тип телосложения характеризуется интенсивным развитием широтных размеров тела, что, в свою очередь, стоит в связи с сильным развитием полостей — головы, груди и живота. Это брахиморфный, брахиπλαстический, эйрисомный и т.п. типы других авторов. Пикники, особенно в среднем возрасте, являются людьми с относительно короткими конечностями и кругловатыми, упитанными, склонными к ожирению формами тела.

В заключение отметим еще несомненную корреляцию между пикническим телосложением и предрасположением к некоторым болезням, главным образом к таким, которые обусловлены ранним отживанием и перерождением сосудистой системы. В сущности, так называемый *habitus aroplecticus* прежних авторов в значительной мере соответствует пикническому типу Кречмера. Действительно, ряд статистических данных показывает, что среди пикников значительно поднимается процент смертности от артериосклероза и апоплексии⁵.

Рассмотренные нами циклоидные окраски личности и пикническое телосложение не являются характерными ни для самого Достоевского, ни для героев его романов. Точно так же мало они характерны и для всего рода Достоевских в целом. Более или менее заметно они дают себя знать лишь в двух, трех ветвях исследованного нами рода, а именно в потомстве двух младших сестер писателя — Веры Михайловны, по мужу Ивановой, и Александры Михайловны, по мужу Голеновской, а также отчасти в потомстве самого писателя.

В первой из этих ветвей циклоидные реакции выступают как в гипоманиакальной, так и в депрессивной формах, тесно переплетаясь с шизоидными и осо-

⁵ См.: Черноруцкий М.В. Два основных конституциональных типа // Новый хирургический архив. Днепропетровск, 1927. Т. 13. Кн. 2. С. 193, 197. — М.В.

бенно с эпилептоидными компонентами. По-видимому, циклоидные компоненты привнесены в данном случае извне, со стороны А.П. Иванова (№ 407).

Еще более часты циклотимические компоненты (преимущественно гипоманиакальные) в ветви Голеновских. В данном случае родоначальница ветви, младшая сестра писателя, сама не чуждая циклотимических реакций, выходит замуж за еще более ясно выраженного циклотимика. Поскольку можно судить по фотографии, и телосложение Н.И. Голеновского (№ 484) приближается к пикническому (брахиморфному) типу, с чем вяжется и смерть его от апоплексии.

Кроме указанных двух ветвей отдельные указания на гипоманиакальные циклотимические реакции мы встречаем и в потомстве самого писателя. Так, например, дочь его Любовь (№ 331) пишет в своем «Альбоме признаний», что одной из главных черт ее характера является «веселость». Относительно внука писателя Андрея (№ 338) в материале, сообщенном нам его матерью, имеются указания на его «веселость и общительность», а также на развитое у него чувство юмора, выражающееся в рисовании карикатур. Однако все эти указания слишком отрывочны и неполны, чтобы на основании их можно было бы сколько-нибудь достоверно поставить диагноз циклотимической окраски личности, особенно по отношению к Л.Ф. и А.Ф. Достоевским. Нужно еще принять во внимание, что указания эти относятся в обоих случаях к людям очень молодым, когда веселость, как своего рода возрастной признак, может быть свойственна далеко не одним только циклотимикам⁶. Вообще проявления веселости не есть какой-либо специфический признак, свойственный только циклоидам или циклотимикам. Скорее веселость характерна для всякого молодого здорового человека, за исключением разве ярко выраженных шизотимиков и депрессивных циклотимиков. Лишь сочетание веселости с целым рядом других признаков: общительностью, естественной тактичностью, юмором, реальной конкретной установкой по отношению к внешнему миру («синтонностью» — по терминологии Э. Блейлера), наличием диатетической пропорции и т.п. дает возможность говорить о циклоидной окраске личности.

С большими основаниями, чем дочь и внук писателя, может быть названа циклотимичкой его жена, Анна Григорьевна (№ 329), со стороны которой и могли перейти к потомкам те или иные циклотимические компоненты. Анна Григорьевна, как она рисуется по ее дневнику, воспоминаниям и отзывам современников, кроме живого, по временам очень веселого характера отличалась также наблюдательностью, юмором, реальными и трезвыми взглядами на жизнь, любовью к деятельности, большим практицизмом и тому подобными чертами, придающими ее личности довольно заметную циклотимическую окраску с преобладанием гипоманиакального полюса. По всей вероятности, она унаследовала циклоидные черты от своего отца, которого она характеризует в неизданной части своих воспоминаний как человека весьма веселого, «душу общества», балагура и шутника.

⁶ Л.Ф. Достоевская заполняла свой «Альбом признаний» в возрасте не старше 20 лет. Внук писателя Андрей в то время, когда составлялась его характеристика, был приблизительно в том же возрасте. — М.В.

Рассмотренными примерами исчерпываются почти все замеченные мною проявления, вернее, намеки на проявления циклоидных характеров среди представителей рода Достоевских. Интересно, что во всех трех ветвях циклоидные варианты, по-видимому, оказываются привнесенными в род Достоевских извне — со стороны мужей и жен представителей этого рода.

Если в циклоидных характерах мы имели дело с различными проявлениями пропорции настроения (веселье — печаль), то в основе шизоидной личности лежит душевная динамика между полюсами, с одной стороны, повышенной чувствительности, с другой — холодности, до тупости включительно. Первый из этих полюсов называется *гиперестетическим*, второй — *анестетическим*. Проявления каждого из них, как в отдельности, так и во взаимных сочетаниях, могут быть чрезвычайно разнообразны. Преимущественные гиперестетики чаще всего бывают люди застенчивые, любящие уединение среди природы или книг. Всякий жизненный толчок, шероховатость, всякий укол самолюбию воспринимается ими с повышенной болезненностью. «Я тщеславен так, как будто с меня кожу содрали, и мне уж от одного воздуха больно», — жалуется один из героев Достоевского («Записки из подполья»). Подобная «обнаженность нервов» побуждает шизоида искать такой среды, которая его всего менее бы ранила. Чаще всего это выражается в форме так называемой *моллюскообразной реакции*, когда человек стремится уйти в самого себя, забиться в свой угол, забаррикадироваться от внешнего мира всеми возможными средствами. Как рак-отшельник находит защиту в найденной пустой раковине, так же и гиперестетический шизоид стремится найти такую среду, которая могла бы его защитить от толчков и уколов внешней жизни. Чаще всего эту роль и выполняют для него природа и книги. Подобные типы нередки среди замкнутых кабинетных ученых, ушедших от реального мира в область своей специальности, причем эта специальность редко бывает связана с животрепещущими вопросами сегодняшнего дня. Чаще это отвлеченные философские или даже теологические вопросы или изучение далекого прошлого и т.п. На окружающих такие ученые могут производить впечатление странных и чудаковатых людей.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что подобные же, я бы сказал «шизоидоморфные» реакции могут давать и лица других конституций. Это может происходить в тех случаях, когда слишком обостряются противоречия между данной личностью и окружающей средой, вследствие чего человек, и не отличающийся повышенной чувствительностью и ранимостью, может все же дать моллюскообразную реакцию. Особенно учащаются такие случаи после сильных социальных переворотов.

Необходимо еще добавить, что среди индивидуалистов и отшельников мы найдем далеко не одних только гиперестетиков. Гиперестезия часто дает лишь первоначальный импульс к уединению среди природы, книг или в тиши научных лабораторий и кабинетов. В дальнейшем же у шизоида происходит или постепенное, или протекающее в форме резких сдвигов надвигание анестетического полюса, выражающееся в остывании, очерствении и даже отупении его психической чувствительности. Происходит как бы перерождение и отмирание всей эмоцио-

нальной сферы. «Душа точно покрывается пеплом», — говорят иногда в таких случаях.

Вообще нужно иметь в виду, что в отличие от психической динамики циклоида, выражающейся в волнообразно чередующихся сменах гипоманиакальных и депрессивных состояний, жизненная кривая шизоида в тех случаях, когда мы имеем дело с ясно выраженной психопатией, протекает в одном направлении — от гиперестезии в молодости к анестезии в более поздних возрастах.

Подобно гиперестетикам и анестетикам, во всех степенях этой окраски, также отличаются необщительностью и замкнутостью, способными доходить до степени своего рода одичания. Однако характер необщительности анестетика несколько иного свойства. Если у гиперестетика контакт с окружающими затруднен вследствие «обнаженности» его нервов, делающей болезненным всякое соприкосновение с внешним миром, необщительность анестетика может происходить просто из его внутренней пустоты — ему нечего сказать, нечем поделиться с окружающими. В крайнем проявлении этого полюса мы имеем патологические формы шизофренического процесса, когда больной по своей тупости и глупости спускается ниже животного. В промежуточных случаях мы имеем нежное чувствительное ядро и богатую психическую жизнь, но скрытые от окружающих как бы толстой коркой внешней нечувствительности. Вся психическая жизнь таких «людей в футлярах» протекает скрыто от окружающих, где-то в глубинах их психики. Нужно сказать, что в жизни мы обычно имеем дело именно с такими промежуточными формами. Упомянутые выше крайние варианты шизоидных характеров являются в своем чистом виде лишь абстракциями, если и встречающимися в жизни, то лишь в виде редкого исключения. В действительности же в шизоидной личности, как правило, присутствуют налицо оба полюса — как повышенной, так и пониженной чувствительности. Таким образом, если про циклоидов нельзя сказать ни то, что они веселы, ни то, что они печальны, так как они по существу являются весело-печальными, в той же мере и шизоиды являются ни чувствительными, ни холодными (тупыми), а одновременно холодно-чувствительными.

Всю гамму переходов шизоидных окрасок характера от гиперестетического полюса к анестетическому Кречмер рисует следующим образом: «От мимозоподобного полюса шизоидные темпераменты во всевозможных оттенках идут к холодному и тупому полюсу, причем элемент “тверд как лед” (или “туп как кожа”) все больше и больше расширяется, а “полон чувств до сентиментальности” постоянно идет на убыль. Но и среди половины нашего материала с бедностью аффекта мы находим, если только ближе знакомимся лично с такими шизоидами, застывшим, лишенным аффекта покрывалом довольно часто в глубине души нежное ядро личности с крайне уязвимой нервной сентиментальностью». С другой стороны, «у нежнейших представителей мимозоподобной группы мы ощущаем легкий, незаметный налет аристократической холодности и неприступности, аутистическое сужение сферы чувств отграниченным кругом избранных людей и вещей... “Между мной и людьми завеса из стекла”, — сказал мне недавно такой шизоид с неподражаемой четкостью».

По интенсивности шизоидных реакций Кречмер выделяет нормальных шизотимиков, пограничных шизоидов и душевнобольных шизофреников.

В последнее время этот чисто количественный подход Кречмера к переходам от нормы к патологии встретил ряд весьма веских возражений. По мнению О. Бумке, «никак нельзя себе представить органическое заболевание, которое, постепенно утончаясь, разбавляясь, в конце концов приводило бы к нормальному темпераменту». Подобного же рода возражения были выдвинуты Эвальдом, Бостремом, Шнейдером и рядом других авторов⁷. Несомненно, между характером преморбидной личности и патологическим процессом имеется не только количественное, но и качественное различие. Особенно дает себя знать эта грань, за которой начинается патологический процесс, в том оставшемся вне сферы внимания Кречмера характере, которому посвящена вся вторая половина этого очерка.

Телосложение шизоидов, в отличие от циклоидов, чаще бывает худощавым, вообще характеризуется преимущественным развитием продольных размеров по сравнению с широтными. Это так называемый лептозомный тип телосложения (долихоморфный, долихопластический, *longytypus*, *habitus mikrosplanchnicus* и т.п. других авторов). Лептозомы характеризуются узкой грудной клеткой и узкими плечами. Конечности и шея производят впечатление скорее длинных. Кости, мускулы и кожа нежные и тонкие. Жировая ткань развита очень слабо. Лицо узкое, длинное, с довольно покатым лбом, выдающимся длинным носом и слабо развитой нижней челюстью, вследствие чего получается так называемый «угловой», резко выраженный профиль.

Крайние проявления лептозомности Кречмер выделяет в понятие астенического типа.

Примерами лептозомного и астенического телосложений могут служить из исторических или более или менее известных личностей: Савонарола, Кальвин, Робеспьер, Данте, Гоголь, В. Мейерхольд, А. Блок и др.

Само собой разумеется, что связи телосложения и характера в тех направлениях, как на то указывает Кречмер, имеют далеко не абсолютное значение. Как циклоиды, так и шизоиды могут быть самого различного телосложения, но чаще циклоиды бывают широкие и полные, а шизоиды узкие и худые. Таким образом, речь может идти лишь о той или иной степени коррелятивной связи между телосложением и характером. Чтобы судить о степени этой связи, мы приведем цифровые данные, получившиеся при обследовании характера 36 здоровых пикников и 41 здорового лептозома. Обследование это производилось анкетными методами Горстом и Киблером. Результаты его приводятся ниже по «Медицинской психологии» Кречмера.

	Циклотимики, %	Смешанные и неопределенные, %	Шизотимики, %
Пикники	94,4	2,8	2,8
Лептозомы	12,2	17,1	70,7

Как видим, связь между пикническим телосложением и циклотимической психикой, с одной стороны, и лептозомным телосложением и шизотимической

⁷ Схизофрения (Сокращенный перевод т. IX «Руководства по психиатрии» О. Бумке, Э. Берковитца и С. Консторума). М.: Медгиз, 1933. – М.В.

психикой — с другой получилась в данном исследовании очень значительная, хотя и не без отдельных отклонений⁸.

Как из приведенных цифр, так и из наблюдений самого Кречмера следует, что связь между циклоидной психикой и пикническим телосложением гораздо более прочна, чем между шизоидной психикой и лептозомным телосложением. Необходимо еще добавить, что кроме лептозотов среди шизоидов нередко встречаются и атлетики, характеризующиеся пропорциональным развитием продольных и широтных размеров (*habitus portmosplanchnicus*, мезоморфный и т.п. типы других авторов), а также различные диспластические формы.

О подобного же рода связях между телосложением и характером говорят и данные обследования душевнобольных. Из 1000 случаев маниакально-депрессивного психоза (по сводным данным) в 66,7% имелось пикническое строение тела и только в 23,5% лептозома и атлеты. По отношению к шизофреникам, как показал материал из 4000 случаев, 61% имел лептозомное и атлетическое телосложение, 11,3% — диспластическое и лишь 12,8% — пикническое⁹.

Выделением двух типов характера — циклоидного и шизоидного — ограничивается в основных чертах вся типология Кречмера. Нужно, впрочем, добавить, что и сам Кречмер далеко не склонен считать, что выделением этих двух типов вопрос можно считать исчерпанным. В предисловии ко второму изданию своей книги «Строение тела и характер» он пишет по этому поводу: «Некоторые критики полагают невероятным, что существуют лишь два главных типа человеческого характера. Но мы этого никогда и не утверждали. Книга только начало; при терпеливой совместной работе всех, вероятно, удастся разложить предлагаемые типы на подгруппы и найти новые».

Кречмер приводит множество примеров циклоидных и шизоидных характеров среди различных исторических личностей. Подобные же примеры можно привести и из наиболее глубоких и жизненных произведений мировой литературы. Так, например, у Пушкина, в его «Евгении Онегине» две сестры Ларины могут служить хорошими образцами рассмотренных нами характерологических типов. Несмотря на то, что обе сестры выросли в одинаковых условиях, у каждой из них свой особый характер: в то время как гипоманиакальная циклотимичка Ольга «всегда как утро весела, как жизнь поэта простодушна, как поцелуй любви мила», гиперестетичная шизотимичка Татьяна «дика, печальна, молчалива, как лань лесная боязлива, она в семье своей родной казалась девочкой чужой».

Что касается рода Достоевских, то здесь шизоидные реакции встречаются чаще и значительно более ясно выражены по сравнению с циклоидными. Прежде всего мы с ними встречаемся в личности и творчестве самого писателя.

⁸ В последние годы многие русские исследователи, изучавшие строение тела у душевнобольных, пришли к результатам, весьма согласующимся с наблюдениями Кречмера. Укажу хотя бы работы М.Е. Шуберт, В.Е. Макарова, М.П. Андреева, М.М. Губергрица, Л.П. Николаева, А.Я. Доршта и Э.М. Башковой, Н.И. Балабанова и А.И. Молочека, М.Г. Ульяновой и др. См. краткий обзор всех этих работ в очерке Б.Н. Вишневого «Русские работы по конституции человека» (Приложение к русскому переводу кн.: Вейденрейх Ф. Раса и строение тела. Л., 1929). — М.В.

⁹ Гуревич М.О., Серейский М.Я. Учебник психиатрии. [3-е изд. М.—Л., 1937. С. 395, 374.] — М.В.

Достоевский отнюдь не принадлежал к числу общительных, «солнечных», легко и свободно вступающих в контакт с окружающими циклотимиков. Наоборот, по удачному выражению близко его знавшей О. Починковской, «он был весь точно замкнут на ключ»¹⁰. Лишь в самом интимном кругу родных и близких людей выходил он из своего футляра, но стоило в этом кругу появиться постороннему человеку, как Достоевский мгновенно обнаруживал моллюскообразную реакцию замыкания и ухода в себя. «Достоевский вдруг как-то осунулся, сторбился и, точно улитка, спрятавшаяся в свою раковину, замолк», — говорит в своих воспоминаниях А.Н. Майков, описывая сцену прихода к нему неожиданного гостя в то время, когда у него в кабинете сидел Достоевский.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что уже в молодости, во время обучения в Инженерном училище, Достоевский вел себя как ярко выраженный шизотимик, а именно «выказывал черты необщительности, сторонился, не принимал участия в играх, сидел, углубившись в книгу, и искал уединенного места; вскоре нашлось такое место и надолго стало его любимым: глубокий угол четвертой камеры с окном, смотревшим на Фонтанку; в рекреационное время его всегда можно было там найти, и всегда с книгой» (воспоминания Д.В. Григоровича)¹¹.

То же самое стремление «забиться в угол» характерно и для ряда героев Достоевского, из числа наиболее близких его собственной психике, начиная с самых ранних его произведений. Макар Деушкин занимает «уголок такой скромный» («Бедные люди», 1845); Прохарчин «гноил угол», «человек был совсем несговорчивый, молчаливый и на праздную речь неподатливый» («Господин Прохарчин», 1846); Ордынов («Хозяйка», 1847), молодой человек «крайне впечатлительный», отличавшийся «обнаженностью и незащищенностью чувства», хочет снять «угол у каких-нибудь бедных жильцов»... «Смерклось, накрапывал дождь. Он сторговал первый встречный угол и через час переехал. Там он как будто заперся в монастырь, как будто отрешился от света», «Мало-помалу Ордынов одичал еще более прежнего. Он часто любил бродить по улицам, долго, без цели. Он выбирал преимущественно сумеречный час, а место прогулки — места глухие, отдаленные, редко посещаемые народом».

Как уже говорилось выше, угасание шизоидной личности, как правило, представляет из себя процесс необратимый. Если у циклоида подавленно-грустное и приподнято-веселое состояния могут многократно в течение жизни сменять друг друга, остывание и одичание шизоида то равномерно и постепенно, то более или менее резкими сдвигами идет в одном только направлении — в направлении оскудения и распада личности. У одних этот процесс, не нося резко патологического характера, растягивается на десятилетия, сливаясь с естественными возрастными изменениями. В других случаях тот же процесс может протекать гораздо быстрее и интенсивнее. «Через два года он одичал совершенно», — говорит Достоевский об Ордынове. Несомненно, большую роль в темпе угасания и распада шизоидного психопата должны играть внешние события его жизни, как это, в частности, должно было иметь место и по отношению к Ордынову.

¹⁰ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 139. — Ред.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 200. — Ред.

Подобного же рода шизотимические и шизоидные компоненты в форме моллюскообразных реакций и т.п. мы встречаем и у героев более поздних произведений Достоевского. Вот, например, как характеризует себя «человек из подполья»: «В то время мне было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была уж и тогда угрюмая, беспорядочная и до одичалости одинокая. Я ни с кем не водился и даже избегал говорить и все более и более забивался в свой угол», «Моя квартира была <...> моя скорлупа, мой футляр, в который я прятался от всего человечества» («Записки из подполья», 1864). Точно так же и Раскольников, «быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись. <...> Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу». «А я ведь человек мрачный, скучный, — говорит о себе Свидригайлов. — Сижу в углу» («Преступление и наказание», 1866).

Совершенно те же шизоидные реакции мы находим и у героев самых последних произведений Достоевского. В «Подростке» (1875) молодой Долгорукий говорит о себе: «Нет, мне нельзя жить с людьми <...> на сорок лет вперед говорю. Моя идея — угол».

Таким образом, мы видим, что характер самого Достоевского, а вместе с тем и характеры целого ряда его героев носят ярко выраженные шизоидные черты. То же самое можно сказать и о многих представителях рода Достоевских. Наиболее богатый и полный материал в этом отношении мне удалось получить относительно ветви Ивановых, то есть относительно детей и внуков одной из сестер писателя, Веры. Так, например, в детском поколении этой ветви яркие шизотимические реакции мы встречаем у Нины Александровны Ивановой, по мужу Проферансовой (№ 420). Вот, например, характерный отрывок из ее письма к сестрам: «Ходить в гости и здоровье не позволяет, и шкурная боль подымается. У нас ведь все больше такие типики, что любят вывернуть душу другого наизнанку и заглянуть внутрь. Ну, а каково это, когда начнут вам вывертывать шкурку наизнанку. Ну, я и прячусь от всех. Итак, сижу дома, читаю, мечтаю». Очевидно, в данном случае мы имеем дело с так называемой мимозной психикой, то есть повышенной ранимостью и замкнутостью на почве шизотимической гиперестезии.

Во внучатом поколении той же ветви мы также встречаемся с более или менее ясно выраженными шизотимическими, шизоидными, а в некоторых случаях даже с шизофреническими окрасками личности. Так, например, ясно выступают шизотимические элементы в автохарактеристике одного из представителей этого поколения, Юрия Алексеевича Иванова (№ 444), по профессии доцента университета. В качестве иллюстрации приведем несколько отрывков из этой автохарактеристики (написанной в третьем лице): «Тяготится необходимостью излагать элементарные истины и поэтому прямо проваливает порою лекции на такие темы. Больше всего любит специальные курсы и семинарии с 6—7 слушателями или участниками. В аудитории еще недавно чувствовал себя не по себе и мог читать лишь при особых условиях, например, надевая на глаза очки только для того, чтобы этим до известной степени отгородить себя от аудитории... В литературе больше всего увлекается символистами... Сознает свою оторванность от окружа-

ющей среды, но этим не тяготится, за исключением только некоторого неумения подойти ближе к своим непосредственным ученикам». Эти строки писались в 1926 г.¹² Позднее, а именно в 1928 г., то же лицо пишет о себе: «За последние два года я очень изменился... в частности стал менее откровенен».

В цитированной характеристике мы имеем, таким образом, целый ряд указаний на шизотимические черты характера и соответствующую динамику психической жизни (неслияние с массами, в частности нелюбовь к популяризации, прогрессирующий уход в себя и т.п.). Но особенно демонстративен эпизод с очками. Когда я впервые читал о том, что Юрий Алексеевич надевает очки на здоровые глаза только затем, чтобы «до известной степени отгородить себя от аудитории», мне невольно вспомнилась фраза одного шизоида, приводимая у Кречмера: «Между мной и людьми завеса из стекла».

Еще интенсивнее выразилась шизоидная окраска в характере старшей из сестер Юрия Алексеевича, Веры Алексеевны (№ 451). Об этом говорят многие места из характеристик, даваемых ей близко знающими ее людьми.

Можно было бы привести еще ряд подобного рода примеров, в особенности из внучатого поколения ветви Ивановых, где шизоидные характерологические элементы проявились с необычайной интенсивностью. Несомненно, что выявление этих черт стоит в связи не только с наследственными предрасположениями, но и с теми социальными моментами, которые способствовали реализации этих предрасположений. С другой стороны, предрасположения эти существовали и в значительной степени проявлялись уже в раннем возрасте представителей данного поколения, задолго до тех внешних воздействий, которые, как увидим ниже, должны были способствовать их обострению. У старшей сестры Ю.А. Иванова это сказывается в уходе в мир фантастических образов, которыми полны ее письма гимназического периода. То же самое мы видим и у другой его сестры, Елены (№ 452). Последняя уже в детские годы проявляла также склонность к своеобразным моллюскообразным реакциям. В автобиографии она пишет об этом: «Моя любимая игра состояла в том, что я смешивала несколько сортов круп и потом одно за другим отбирала зернышки риса от гречихи, пшена и т.д. За этим занятием так хорошо мечталось, и к тому же никто не мешал мне замечаниями, что я сижу без дела, — “я играю”». Впоследствии шизотимическая сторона личности Елены проявилась в форме крайней гиперестезии, о чем говорит вся ее автобиография, в конце которой она, подводя итоги, делает характерное замечание: «Судьба дала мне душу без шкурки...»

Отметим, наконец, выступание шизоидных реакций у Елены и ее младшей сестры Ирины (№ 461) в протоколах обследования обеих сестер по методу Роршаха (так называемый метод чернильных пятен).

Говоря о шизоидном характере, я взял иллюстративный материал главным образом из личности и творчества самого писателя, а также из детского и внучатого поколений ветви Ивановых. Но и другие ветви рода Достоевских далеко не лишены шизоидных элементов. В частности, в потомстве самого писателя мы

¹² Цитата текстуально не вполне совпадает с приведенной на с. 756 автохарактеристикой Ю.А. Иванова, которая, кстати, помечена 1924 г. — *Ред.*

узнаем их в тонкой чувствительности, эстетизме и застенчивости его внука Федора (№ 337), а также, отчасти, в эгоцентричной холодности дочери писателя (№ 331).

Выделением двух рассмотренных типов характера — циклоидного и шизоидного — ограничивается в основных чертах вся типология Кречмера. Однако как бы мы ни пытались применить эту типологию к собранному здесь характерологическому материалу, мы все же не уловим в нем чего-то чрезвычайно существенного, даже, я бы сказал, стержневого, как в личности самого писателя, так и у большинства его родственников. Правда, шизоидные окраски несомненно играют большую роль в характерологии рода Достоевских, но основное, главное лежит все же не здесь, а в каких-то иных динамических плоскостях.

Нужно сказать, что под этим впечатлением я находился очень продолжительное время, не будучи в силах разрешить эту проблему. Только начиная с 1927 г., то есть пять лет спустя после начала собирания материала, успехи современной психиатрии, главным образом психиатрической характерологии, помогли мне, как думается, гораздо полнее и глубже проанализировать весь собранный материал. Но об этом будет сказано ниже.

Прежде всего, что касается основной динамической плоскости душевных движений, то наиболее характерной для Достоевских оказывается полярность, расположенная в значительно иной плоскости по сравнению с холодно-раздражительной и весело-печальной полярностями шизоидов и циклоидов. А именно, среди Достоевских мы чаще всего встречаем всевозможные, нередко доведенные до крайности проявления, с одной стороны, своеволия, с другой — кротости. Таким образом, в данном случае мы можем говорить о своеобразной своевольно-кроткой полярности. Действительно, если мы отмечали у самого Достоевского и у многих его героев шизоидные черты характера в форме гиперестезии, необщительности, ухода в себя и т.п., то еще более это относится к своевольно-кроткой полярности и вытекающим из нее реакциям.

Обычно у героев Достоевского достигает крайнего развития какой-либо один из полюсов. Так, например, исключительное развитие своевольного полюса мы имеем в образе мрачного тирана Мурина («Хозяйка»), у наиболее дерзновенных и беспощадных обитателей Мертвого дома, вроде Петрова или Орлова, у «бесов» — Петра Верховенского, Ставрогина и Кириллова, у Раскольниковых («Преступление и наказание») и др. Кириллов кончает самоубийством только затем, чтобы убедиться во всемогуществе своей воли. «Свободу и власть, — мечтает Раскольников, — а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель».

Не менее богато представлен в творчестве Достоевского и кроткий полюс. Это целая галерея людей необычайной кротости и смирения, людей, которые на зло отвечают добром и прощением. Вспомним хотя бы Мышкина в «Идиоте», Алешу Карамазова и старца Зосиму в «Братьях Карамазовых» и др.

В области сексуальных взаимоотношений эквивалентом своевольно-кроткой полярности является полярность садомазохическая. В любовных ласках кроткий

предпочитает мазохически «притуляться» к любимому существу, чем бурно и властно овладевать им. В крайних проявлениях этой тенденции любовь мазохиста представляет сплошную цепь страданий, которых он сам ищет и, получая их от любимого человека, испытывает своеобразное сексуальное наслаждение. «Свистнет, кликнет меня, как собачку, я и побегу за ним...» — говорит «кроткая» Наташа Ихменева («Униженные и оскорбленные») про любимого ею человека. «Муки! Не боюсь я от него никаких мук! Я буду знать, что *от него* страдаю... Ох, да ведь этого не расскажешь, Ваня!» — говорит она же в другом месте. Для женщины-мазохички тот мужчина, который не заставляет ее мучиться, не существует как мужчина. Этим и объясняется, почему Наташа Ихменева не может полюбить преданного ей и тоже, подобно ей, кроткого Ваню. Два кротких супруга представляли бы нежизненную брачную комбинацию, так как не давали бы друг другу достаточно полного удовлетворения. Во всяком случае это была бы комбинация не в стиле творчества Достоевского. «Слушай, Ваня, — признается Наташа, — я ведь и прежде знала и даже в самые счастливые минуты наши предчувствовала, что он даст мне одни только муки. Но что же делать, если мне теперь даже муки от него — счастье?»

Подобного рода глубоко мазохическими реакциями переполнены все произведения Достоевского. Поэтому неправильно рассматривать этого писателя только как «русского маркиза де Сада» (определение Тургенева). Достоевский, сам биполярный в рассматриваемом отношении, является и в своем творчестве не только садистом, но и мазохистом, и даже больше последним, чем первым.

Огромное значение Достоевского как писателя, несомненно, в значительной степени обусловлено тем, что он дает наиболее глубокий и детальный анализ такой существенной стороны человеческих характеров, как своевольно-кроткая полярность. В самом деле, полярность эта занимает первенствующее значение не только в сексуальной сфере (в форме садомазохизма), но и в других сферах человеческих взаимоотношений.

Те же самые черты, которые оказываются наиболее ярко выраженными у героев Достоевского, являются наиболее характерными и для самого творца этих образов. В частности, это относится и к той своевольно-кроткой полярности, о которой шла речь выше. При этом Достоевскому были в полной мере свойственны обе противоположные тенденции, как своеволия, так и кротости. В данном отношении он являлся, таким образом, биполярной личностью. При этом то один, то другой из этих полюсов выдвигается в личности писателя на первый план. В этом чередовании можно даже проследить некоторую закономерность. Обычно чем тяжелее складывается жизнь Достоевского, тем заметнее происходит надвигание кроткого полюса; и наоборот, чем благоприятнее для него складываются жизненные обстоятельства, тем больше дают себя знать разные компоненты своевольного полюса.

Так, например, особенно сильное надвигание кроткого полюса происходит у Достоевского в период отбывания им ссылки в качестве рядового солдата. «Ах, какой смиренный был он человек, — вспоминает о Достоевском некий А.С. Сидо-

ров, отставной штаб-трубач 7-го батальона, — старался всегда себя ставить ниже всех; идешь, бывало, а он тебе тянется, честь отдает, и уважение должное оказывает, а заговоришь с ним — отвечал учтиво, почтительно»¹³.

Эти реакции приобретают в жизни Достоевского в известной степени приспособительное значение, помогая ему менее болезненно переносить различные превратности и удары, которыми так богат был его жизненный путь. Недаром, только что вернувшись из Сибири, Достоевский говорит своему старому другу С.Д. Яновскому: «Да, батенька, все пережилось и все радостно окончилось, а отчего? Оттого, что вера была сильна, несокрушима; покаяние глубокое, искреннее, ну и надежда во все время меня не оставляла!» Не менее ярко эта кроткая установка сказывается и в том совете, который Достоевский дает студентам, пришедшим к нему поучиться мудрости жизни: «Подниметесь, как дуб, — и вас сломает буря; пригнетесь к земле, как былинка, — и вы все вынесете <...> Вот та сила, которую я дам вам...»¹⁴

На основании всего сказанного нам вполне понятной становится реакция Достоевского на библейский рассказ о многострадальном Иове. Ведь философия книги Иова сводится к терпению, кротости, смирению перед ударами судьбы — к чувствам, которые так органически родственны душе самого Достоевского. «Читаю книгу Иова, — говорит он в одном из писем к жене, — и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача <...> Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!»¹⁵

В других случаях приниженность Достоевского приобретает настолько специфическую окраску, что невольно напрашивается сравнение с самыми жалкими персонажами его повестей и романов. Так, например, в письме к А.И. Гейбовичу, рассказав, как много он уже завел и предполагает завести влиятельных знакомств, Достоевский поясняет: «Знакомлюсь я с этими господами для того, что они мне будут нужны. <...> Я человек маленький и знаю свое место. Но я отчасти знаю окружающую меня действительность и знаю, чем можно воспользоваться для своей выгоды и для выгоды друзей моих»¹⁶.

Однако подобные проявления крайней приниженности встречаются в документах о Достоевском сравнительно редко (детские письма к отцу, некоторые письма из ссылки и из Твери). Гораздо более характерным для проявления кроткого полюса в личности и творчестве Достоевского является стихийное, безграничное чувство жалости и сострадания ко всему страдающему и несчастному. «Все забитое судьбою, несчастное, хворое и бедное находило в нем особое участие», — пишет о Достоевском близко его знавший А.Е. Врангель¹⁷.

Для Достоевского не существует биологической проблемы, что искусственная поддержка всего слабого и уродливого может вести к ухудшению человеческой породы. Чувство жалости оправдывает и покрывает для него все остальное. Оно

¹³ Достоевский в забытых. С. 99. — Ред.

¹⁴ Статьи и материалы. С. 379; Достоевский в забытых. С. 56. — Ред.

¹⁵ 10 (22) июня 1875 г., Эмс. ПСС. Т. 29, С. 43. — Ред.

¹⁶ 23 октября 1859 г., Тверь. ПСС. Т. 28, С. 366. — Ред.

¹⁷ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 353. — Ред.

побуждает его, например, как рассказывает в своих воспоминаниях С.Д. Яновский, одно время с увлечением заниматься «сбором денег по подписке в пользу одного несчастного пропойцы, который, не имея на что выпить, а потом напиться и, наконец, опохмелиться, ходит по дачам и предлагает себя *посесться* за деньги»¹⁸. Это чувство жалости и сочувствия к слабому сказывается даже в такой мелочи, о которой рассказывает М.В. Каменецкая: «Я как-то изнывала в своей ученической комнате — мне было лет четырнадцать-пятнадцать, — над “остроумной” арифметической задачей о зайце и черепахе, когда меня осенила блестящая мысль: пойду-ка я к маме, там пришел преподаватель математики в Морском корпусе Горенко, он мне поможет. Кроме Горенко у мамы сидело еще несколько человек, и, как иногда бывает, всем загорелось гонять моего зайца. Вдруг входит Ф.М. Достоевский. “В чем дело?” И стал тоже придумывать разные комбинации, но непременно хотел, чтобы черепаха пришла раньше зайца. “Она, бедная, не виновата, что ее так Бог создал. А старается изо всех сил, а это лучше, чем заяц: прыг-скак и уже поспел!”»¹⁹

Говоря о жалостливости Достоевского, мы рассмотрели лишь два маленьких примера. Но эти примеры далеко не случайны, и количество их можно было бы при желании увеличить во множество раз. Приведенные же примеры являются лишь частными проявлениями того большого чувства, которым проникнута вся личность Достоевского и все его творчество.

Как уже упоминалось выше, эквивалентами кротких реакций в сексуальной сфере являются реакции мазохистские, в форме стремления подчиниться любимому существу. В более резких, носящих уже патологический характер случаях возникает страстное влечение переносить нравственные и физические истязания со стороны любимого существа, что так часто можно видеть у героев Достоевского. Что касается самого Достоевского, то у него, судя по некоторым данным, мазохистские реакции были чрезвычайно ярки и многообразны. Приведем хотя бы такой пример: М.Д. Исаева, перед тем как принять предложение Достоевского, сильно колебалась в выборе между ним и неким учителем Вергуновым, и даже одно время определенно склонялась к тому, чтобы предпочесть последнего. Несмотря на всю свою страсть к Исаевой, Достоевский проявляет в данном случае вместо простой ревности характерные заботы по устройству судьбы своего счастливого соперника. Он хлопотет о приискании ему места, о повышении по службе и т.п. В письме к А.Е. Врангелю он в исступлении пишет: «...еще просьба: об ней прошу Вас на коленях»²⁰. «Много ли найдется таких самоотверженных натур, забывающих себя для счастья другого», — пишет по этому поводу Врангель²¹.

Несколько иные проявления, но, по существу, того же самого полюса мы имеем в письмах Достоевского к его второй жене. Многие места этой переписки сви-

¹⁸ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 235. — Ред.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 379. — Ред.

²⁰ ПСС. Т. 28, С. 254. — Ред.

²¹ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 367. — Ред.

Л.П. Гроссман проводит интересную параллель между самоотверженным отношением Достоевского к М.Д. Исаевой и подобным же отношением Вани к Наташе в «Униженных и оскорбленных». — М.В.

детельствуют о свойственных Достоевскому тех смягченных формах мазохизма, которые, как я полагаю, можно выделить в особое понятие «сексуальной кротости»²². «Ты хозяйка моя и повелительница, — пишет он жене, — ты влади-чица, а мне счастье подчиняться тебе». «Часто очень тебя вижу во сне. Госпожа ты моя, а я тем счастлив». «Я, мой ангел, замечаю, что становлюсь как бы больше к вам приклеенным и решительно не могу уже теперь, как прежде, выносить с вами разлуки. Ты можешь обратить этот факт в свою пользу и *поработить* меня теперь еще более, чем прежде, но поработай, Анька, и чем больше поработишь, тем я буду счастливее. Je ne demande pas mieux»²³.

Было бы, однако, грубой ошибкой считать Достоевского только кротким или только мазохистом. В действительности же, чем более внимательно мы будем изучать его личность, тем яснее выступают перед нами, то в виде только намеков, то в форме вполне реализовавшихся реакций, проявления противоположного полюса. В воспоминаниях Горького о Толстом, помню, мне бросилась в глаза фраза, содержащая очень верное наблюдение: «Мученики и страдальцы редко не бывают деспотами и насильниками». По тем же законам и кроткий (по преимуществу) Достоевский оказывается в известных случаях жизни способным на самые крайние проявления своевольного полюса.

Выше мы уже видели, как многообразны могут быть проявления кроткого полюса своевольно-кроткой полярности. Всестороннее изучение этой полярности показывает, что не менее многообразны могут быть и выявления ее своевольного полюса. Укажем хотя бы на различные проявления жестокости и деспотизма, в особенности деспотизма в сочетании с мелочной придирчивостью (различные формы «семейного деспотизма», «деспотичного бюрократизма» и т.п.). Что касается Достоевского, то для него наиболее частыми и яркими проявлениями своевольного полюса оказываются такие черты характера, как достигающие совершенно исключительного развития самолюбие, честолюбие и гордость. Однако это сказать еще мало, так как проявления указанных черт характера могут, в свою очередь, быть чрезвычайно различными. Подобно тому как кротость Достоевского могла принимать то героические формы кротости Иова, то напоминать жалкую приниженность Акакия Акакиевича, и проявления его гордости могли то подниматься до исключительно высоких и утонченных форм сохранения человеческого достоинства, то опускаться до самого мелкого тщеславия.

Если, как мы видели выше, удары судьбы способствовали выявлению кротких начал в личности Достоевского, то, с другой стороны, успех и удача пробуждали к жизни его своевольные потенции. Особенно сильно это сказалось при том успехе, который сопровождал появление на свет первого романа Достоевского «Бедные люди». Как непохож в это время тон его писем по сравнению с тем, что мы видели выше, в частности в его письме к Гейбовичу. «Я познакомился с бездной народу самого порядочного, — пишет, например, он своему брату Михаилу. — Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф Сол-

²² Соответствующее проявление противоположного полюса, т.е. умеренные, не носящие патологического характера формы садизма, я выделяю в понятие «сексуального деспотизма». — М.В.

²³ 15 (27) июля; 21 июля (2 августа); 30 июля (11 августа) 1876 г., Эмс. ПСС. Т. 29. С. 99, 107, 118. — Ред. Je ne demande pas mieux — «Я не желаю ничего лучшего» (франц.).

логуб рвет на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: Кто этот Достоевский? Где мне *достать Достоевского?* Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что “Достоевский не захочет Вам сделать чести осчастливить Вас своим посещением”. Оно и действительно так: аристократишка теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки»²⁴.

В цитированном выше письме к Гейбовичу Достоевский также пишет о завешенных им новых знакомствах с высокопоставленными людьми, но насколько там его тон проникнут приниженной кротостью, настолько письмо к брату может служить образцом диаметрально противоположных состояний. Эти два письма — к Гейбовичу и к брату — могут служить иллюстрацией того, как велика могла быть у Достоевского амплитуда колебаний между различными проявлениями смирения и гордости.

Вскоре после выхода «Бедных людей», этого произведения, преисполненного самыми кроткими настроениями, Достоевский и сам начинает замечать, что с его самолюбием творится что-то неладное. В письмах к брату Михаилу мы встречаем, например, такие признания: «У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие», «Но вот самолюбие мое расхлесталось»²⁵.

Проявления своевольного полюса в характере Достоевского далеко не ограничивались рассмотренными выше мелкими формами самолюбия и тщеславия. Насколько даже в самых мелочах могли проявляться утонченные формы его гордости, говорит хотя бы следующий эпизод из воспоминаний О. Починковской.

«Он стал было надевать пальто и не мог справиться с его тяжестью. Я помогала ему.

— Вы точно сестра милосердия со мной возитесь, — говорил он, и при этом опять неверно назвал меня по отчеству, сейчас же сам заметил ошибку и стал бранить себя за “гнусную, отвратительную рассеянность”.

— Ах, да не все ли равно, Федор Михайлович! — заметила я с желанием успокоить его. Но вышло еще хуже.

Федор Михайлович выпрямился, глаза его гневно вспыхнули, и голос поднялся знакомым мне раздражением:

— Как “не все ли равно”! — вскипел он. — Никогда не смейте больше так говорить! Никогда! Это стыдно! Это значит не уважать своей личности! Человек должен с гордостью носить свое имя и не позволять никому — слышите: *ни-ко-му!* — забывать его...”²⁶

То, что было сказано о своевольно-кроткой полярности в характере Достоевского, относится и к той форме ее проявления, которую мы выше называли садомазохизмом.

Действительно, наряду с мазохическими мы, хотя и в меньшей степени, встречаем у Достоевского и садистические реакции. Интересно, что в самом раннем воспоминании, записанном Достоевским о себе самом, мы застаем его за изготав-

²⁴ 16 ноября 1845 г., Петербург. ПСС. Т. 28, С. 115. — Ред.

²⁵ 1 апреля 1846 г., <январь-февраль> 1847 г., Петербург. ПСС. Т. 28, С. 120, 139. — Ред.

²⁶ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 169–170. — Ред.

лением хлыстов для истязания лягушек²⁷. Точно так же и в сексуальной сфере на общем мазохистическом фоне бросаются в глаза его отдельные садистические реакции. «Ты пишешь, что у тебя от моего щипка синяк был, — пишет он жене, — но ущипнул от любви, а так как любовь моя здесь усилилась, то обещаю и впредь щипаться до тех пор, пока разлюблю»²⁸.

В связи с интенсивным развитием садомазохизма в личности Достоевского вообще приобретает доминирующее значение элемент *мучительства*, направленный или на окружающих, или на самого себя. Даже такая вещь, как письмо от любимого брата (Михаила) оказывается для него не только источником наслаждения, но и поводом к мучительным самоистязаниям. Вот как он сам описывает эти состояния в ответном письме брату: «...Ты не поверишь, как сладостный трепет сердца ощущаю я, когда приносят мне письмо от тебя; и я изобрел для себя нового рода наслаждение — престранное — томить себя. Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его, полновесно ли оно, и, насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу в карман... Ты не поверишь, что за сладострастное состояние души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с 1/4 часа; наконец с жадностью нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки. О чего не перечувствует сердце, читая их!»²⁹

Этот же элемент мучительства пронизывает и все творчество Ф.М. Достоевского. Недаром за этим писателем так прочно укрепилось удачное определение Н.К. Михайловского «жестокий талант».

Что же за характер мы имеем у Достоевского и его героев? Сколько бы мы ни пытались уложить его в кречмеровскую типологию, отличительные черты этого характера всегда давали бы себя знать. Ни *диатетическая* пропорция циклоидов, ни *психестетическая* пропорция шизоидов не покрывают собой той своеобразно-кроткой полярности, о которой шла речь выше.

Лишь в самое последнее время своеобразно-кроткая полярность, с такой гениальной глубиной изображенная Достоевским в художественной литературе, начинает находить своих исследователей и в литературе научной. Я имею в виду прежде всего работы современных психиатров, стремящихся восполнить в области характерологии тот пробел, который в этой дисциплине остается и слишком ясно дает себя знать после работ Кречмера. Несколько лет тому назад Б.Д. Фридман³⁰ формулировал садистически-мазохистический комплекс как «основной биопсихический комплекс» *эпилептоидного* характера. При этом он рассматривает этот комплекс как своеобразную «совокупность противоположных проявлений характера».

Трудно, конечно, при современном состоянии наших знаний сказать, насколько прочна и чем обусловлена связь между эпилепсией, с одной стороны, и обост-

²⁷ Дневник писателя. 1876. Февраль. Мужик Марей. ПСС. Т. 22. С. 47. — Ред.

²⁸ 7 (19) августа 1879 г., Эмс. ПСС. Т. 30, С. 100. — Ред.

²⁹ 1 января 1840 г., Петербург. ПСС. Т. 28, С. 66. — Ред.

³⁰ Фридман Б.Д. Деструктивные влечения в эпилептоидии и психастении // Труды психиатрической клиники I МГУ. Вып. II. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. — М.В.

рением своевольно-кротких реакций — с другой. Дальнейшей разработки этой проблемы нужно еще ждать от будущих характерологических и психиатрических исследований. До сих же пор мы имели только первые шаги в этом направлении. Вполне учитывая сложность и неразработанность этой проблемы, я, поскольку это согласуется с собранным мною генеалогическим материалом, буду в дальнейшем называть характеры, в которых имеется резкое преобладание своевольно-кроткой полярности, *эпилептоидными*. Действительно, в роде Достоевских наряду с несколькими случаями наследственной генуинной эпилепсии мы имеем как у самих эпилептиков (Ф.М. Достоевский), так и у целого ряда их близких родственников проявления своеобразных характерологических черт, не укладывающихся в рамки кречмеровской классификации.

Что касается *эпилептиков*, то для них помимо характерологических компонентов основным является наличие патологических процессов, выражающихся в судорожных припадках, сумеречных состояниях, амнезиях и т.п.

Посмотрим теперь, в каких формах реализованы и как распределены эпилептоидные черты среди различных представителей рода Достоевских.

Обратимся сначала к своевольным проявлениям эпилептоидного характера.

Едва ли не самым ярким примером в этом отношении может служить отец писателя, Михаил Андреевич Достоевский (№ 15). Есть основания полагать, что таков же был и отец последнего, то есть дед писателя. Об этом говорит уже самый факт, что Михаил Достоевский вынужден был оставить родительский дом из-за нежелания подчиниться воле своего отца³¹. Этот эпизод до некоторой степени характеризует не только отца, но и деда писателя.

Интересно, что среди более отдаленных предков Достоевского имеется ряд характеров с различными проявлениями своеволия и даже преступности. Достаточно сказать, что из 40 известных нам предков писателя, живших в XVI, XVII и начале XVIII вв., трое замешаны в грабежах и разбоях, пятеро — в убийствах и несколько человек в более мелких конфликтах с обществом³². Конечно, при оценке этих фактов нужно принять во внимание ту эпоху, к которой они относятся, когда грабежи и убийства были заурядными явлениями. В этом отношении, как известно, не составляли исключения и те привилегированные слои общества, к которым принадлежали тогда Достоевские. Кроме того, нужно принять во внимание и те источники, в которых дошли до нас эти сведения. В значительной части это различные «книги судных дел» и т.п., куда *par excellence* должны были попадать документы конфликтного порядка. Но даже и приняв в соображение все эти обстоятельства, нельзя не признать некоторые проявления своеволия и преступности среди Достоевских того времени настолько яркими, что они в общей совокупности как бы накладывают на предков писателя своеобразный *spiritus familiaris*.

К сожалению, представляется чрезвычайно трудным восстановить какие-либо сведения о ближайших предках отца писателя. Кое-что в этом направлении все же удалось собрать, но это «кое-что» почти ничего не дает для освещения харак-

³¹ См. об этом подробнее на с. 82–84. — Ред.

³² См. на с. 53. — Ред.

терологических проблем. Крайняя скудость сведений о родственниках отца писателя объясняется главным образом фактом его разрыва со своей семьей и последующей эмиграции из Подольи в Москву. «Он никогда не говорил о своей семье и не отвечал на вопросы, касающиеся его происхождения», — пишет о Михаиле Достоевском его внучка Л.Ф. Достоевская, очевидно, основываясь на дошедших до нее семейных преданиях об ее деде. Мне удалось отыскать лишь одного из ныне живущих представителей подольской ветви Достоевских — прямого потомка деда писателя. Это оказался известный своими обстоятельными и ценными исследованиями по вопросам наследственности научный сотрудник Академии наук и Ленинградского университета Феодосий Григорьевич Добржанский (№ 77). Изю всех сведений, которые он любезно сообщил о своем роде, мне представляется более всего интересной та характеристика, которую он дает самому дальнему своему предку (по линии Достоевских), о котором у него сохранились сведения, а именно — своей бабке Олимпиаде Ивановне Черняк, по мужу Войнарской (№ 59). Эта бабка приходится племянницей отцу писателя и двоюродной сестрой самому писателю. По семейным преданиям, она «отличалась очень тяжелым, своевольным характером. Держала в полном подчинении мужа и детей». Сами собой напрашиваются характерологические параллели между этой деспотичной хозяйкой дома (несмотря на всю скупость штрихов, которыми она очерчена) и ее своевольным дядей — Михаилом Достоевским.

Рассмотрим теперь проявления своеволия в *потомстве* Михаила Достоевского.

Здесь мы находим целую галерею характеров этого типа, в самых разнообразных его проявлениях. Среди детей Михаила Достоевского обращает на себя внимание Варвара Михайловна, по мужу Карепина (№ 33), не отпускавшая своего сына в университет иначе как под надзором гувернантки, не позволявшая ему — студенту медицинского факультета — изучать некоторые главы по анатомии и другим предметам в целях охраны его нравственности. Во внучатом поколении подобное же сочетание тревожно-мнительных и деспотичных черт можно видеть у племянницы В.М. Карепиной — Марии Николаевны Ставровской (№ 486). Интересно, что люди, хорошо знавшие М.Н. Ставровскую, когда читали мой материал о неизвестной им В.М. Карепиной, говорили, что у них при чтении возникали многочисленные параллели с характером М.Н. Ставровской.

Зато в ответных реакциях детей на деспотичные тенденции их матерей можно заметить в этих двух семьях большие различия. Если дочь Ставровской до конца не сдавалась и принимала все усилия, чтобы освободиться от душившего ее материнского гнета, то эпилептоидно-кроткий сын Карепиной вполне покорялся требованиям своей матери: послушно ездил в университет в сопровождении гувернантки, ставил в тупик профессоров отказами отвечать на некоторые вопросы на том основании, что ему «мама не позволяет» знакомиться с этим, и т.п.

Классический образец эпилептоидного своеволия представляет собой внучка Михаила Достоевского — Наталья Александровна Иванова (№ 428). В данном случае своеволие сочеталось с большим внутренним нервным напряжением, выражавшимся внешне в постоянном беспокойном стремлении к перемене места жительства. Неуживчивая, неугомонная, напряженная и своевольная Наталья

Александровна везде и всюду — на службе, в семейной жизни и даже в развлечениях — проявляла свои наклонности и способности к укрощению людей и животных. Это сказывается и в том увлечении, с которым она ездит верхом и объезжает лошадей, и в ее отношении, как заведующей больницей, к своим подчиненным, и, в особенности, в некоторых местах из ее писем к родным. Так, например, говоря в одном из писем о неудачно сложившейся семейной жизни своего брата, она высказывается чрезвычайно характерно: «На месте Вити я выпорола бы ее <жену брата> хорошенько крапивой и отпустила бы на все четыре стороны в чем мать родила, пришла бы скоро с повинной и была бы как шелковая». Та же сила и твердость ее руки, та же властность и деспотизм выступают и в тех ее письмах, где она говорит о своем отношении к фельдшерам, к домашней прислуге и т.п.

Эпилептоиды с преобладанием своевольного полюса по самой сущности своего характера легче других людей склонны вступать в конфликты с окружающими. Различные требования дисциплины, служебные обязанности, законодательные нормы и т.п. именно их в первую очередь могут тяготить как непосильное бремя. Поэтому из одного и того же эпилептоида, в зависимости от тех или иных внешних условий, может получиться и чрезвычайно полезный и ценный член общества, и преступник. Действительно, изучая своевольных эпилептоидов, мы находим среди них как величайших преступников, так и величайших организаторов, вождей и героев. Более того, сплошь и рядом преступность и организаторские способности могут даже совмещаться в одной и той же личности (Александр Македонский, Петр Великий и др.).

На школьной скамье своевольный эпилептоид при неумелом педагогическом подходе может производить впечатление трудновоспитуемого ребенка. Огромное внутреннее напряжение и связанная с ним потребность в мощных психомоторных разрядах, не находя себе естественного выхода, при отсутствии заинтересованности в работе могут явиться причиной постоянных конфликтов с педагогическим персоналом, отказа продолжать ученье и т.п. Но когда этому избытку энергии дается возможность выхода, тот же самый ученик может не только проявить недюжинные способности к учению, но и оказаться в своей среде хорошим организатором. Такие дети особенно нуждаются в хорошей физкультурной нагрузке, а также в возможности вдоволь побегать и порезвиться на переменах, причем в играх они обыкновенно бывают коноводами³³. Мы находим подобного рода своевольные черты характера, например, в потомстве сестры писателя Веры, у ее внука Бориса Викторовича Иванова (№ 442). Вот как пишет о нем одна из его двоюродных сестер: «Он из-за неподчинения внешнему порядку нигде не мог кончить гимназию. Помню, как-то дядя Витя его отдал в какой-то дорогой московский пансион, но Борис очень скоро ушел оттуда и уехал домой на Кавказ. “Я дома один на один на кабана хожу, а здесь меня в паре с благовоспитанными мальчиками под надзором воспитателя по Москве водят”, — смеялся он. Так он и не кончил курса, хотя был развитым, глубоко интеллигентным человеком...»

³³ С другой стороны, дети с преобладанием кроткого полюса в обществе сверстников всегда играют подчиненную роль. В школьной жизни они отличаются послушанием и тихим «примерным» поведением. — М.В.

С возрастом своеволие Бориса принимает все более крайние и уродливые формы. В последние годы жизни (в возрасте около 25—30 лет) он, по описанию одной его родственницы, был «невозможный человек», гонялся за отцом и сестрой с револьвером и, наконец, покончил самоубийством. Конечная причина самоубийства — смерть отца и проигранный судебный процесс.

Ввиду того, что эпилептоидные характеры представлены в роде Достоевских чрезвычайно богато и разнообразно, примеры различных проявлений эпилептоидного своеволия можно было бы значительно увеличить. Но я ограничусь еще только несколькими штрихами, относящимися к потомству писателя.

Всего у Достоевского было четверо детей. Старшая дочь его умерла в грудном возрасте и, разумеется, ничего не может дать в характерологическом отношении. Все же остальные его дети оказываются носителями более или менее ясно выраженных эпилептоидных и даже эпилептических особенностей.

Второй по старшинству идет другая дочь писателя — Любовь (№ 331). В заполненном ею «Альбоме признаний» она отмечает как одну из основных черт своего характера, наряду с веселостью, *гордость*. Об этом же говорят и многие другие ее ответы на задаваемые в альбоме вопросы, например:

4. В чем несчастье?	В самоунижении и подозрительном характере.
7. Чем или кем желали бы вы быть?	Женщиной, к которой бы люди относились с уважением.
16. К какой добродетели вы относитесь с наибольшим уважением?	Пожертвовать собою для других.
17. К какому пороку вы относитесь с наибольшим снисхождением?	К самолюбию.

Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять, что заполнительница анкеты менее всего способна к самопожертвованию и более всего склонна к самолюбию.

Вообще, своевольный полюс личности Любови Федоровны, судя по отзывам ее родных и знакомых, а также по ее письмам, носил довольно определенную окраску — крайнего самолюбия, тщеславия, самомнения, неуживчивости, эгоцентризма и т.п. Остановимся хотя бы на ее эгоцентризме. Каждое событие политической, общественной или семейной жизни воспринимается ею только с точки зрения ее чисто личных интересов. В Италии начался голод — Любовь Федоровна тревожится, что ей нельзя будет туда ездить для лечения от различных недугов. В России вспыхнула Февральская революция — Любовь Федоровна обеспокоена прежде всего и только судьбой своих сундуков (последние годы жизни она жила за границей). Женский вопрос Любовь Федоровна «не признает» (см. пункт 25 на с. 452), и, конечно, не признает постольку, поскольку она как очень обеспеченный человек совершенно не заинтересована в нем материально (анкета заполнялась в конце 1880-х, то есть в то время, когда в России зарождалось высшее женское образование).

Все эти штрихи, наряду с отзывами родственников и знакомых, достаточно обрисовывают характер себялюбия Л.Ф. Достоевской. Недаром брат ее, Федор

(№ 332), незадолго до смерти высказался так: «Вот сестрица, должно быть, обрадуется, когда узнает, что я умер: еще одним претендентом на наследство меньше».

Третьим по старшинству идет сын писателя — Федор. Судя по тому, что о нем известно, он был гораздо мягче своей сестры и по пропорции развития различных сторон своевольного и кроткого полюсов является в значительной мере равнополярным. Во всяком случае, его едва ли можно отнести к преимущественно своевольным или преимущественно кротким. Тем не менее эпилептоидная основа его характера выражена достаточно рельефно. О многих чертах его сходства с отцом еще будет идти речь ниже.

Что касается младшего ребенка Ф.М. Достоевского — Алексея (№ 335), то он умер в таком раннем возрасте (два года и девять месяцев), что о его характере не приходится говорить. Отметим лишь то, что он, подобно своему отцу, был эпилептиком, причем эпилепсия даже явилась причиной его преждевременной смерти.

Перейдем теперь к проявлениям среди представителей рода Достоевских кроткого полюса. Здесь прежде всего следует отметить самого писателя. На основании всего того, что было выше сказано о его своевольно-кроткой полярности, Ф.М. Достоевского можно считать преимущественно кротким эпилептиком, хотя и не лишенным самых различных проявлений своевольного полюса.

Еще большее преобладание кроткого полюса можно видеть в характере племянника писателя — А.П. Карепина (№ 359). Об этом «до смешного кротком, покорном и послушном» представителе рода уже говорилось выше. Отмечу только, что на кротость Карепина накладывает своеобразный и несколько противоречивый колорит его страстное увлечение образом Дон Кихота, этого неудачливого борца за справедливость и защитника обиженных и угнетенных. Отметим попутно, что различные авторы, писавшие о родственниках Достоевского, почему-то именно об А.П. Карепине, более чем о ком-либо другом, сообщали ошибочные сведения. Так, например, д-р Д.И. Азбукин называет его этнографом, а д-р Г.В. Сегалин вслед за Л.Ф. Достоевской называет его «идиотом». В подобную же ошибку, по вине той же Любови Федоровны, впадает в своей интересной работе и д-р Н.А. Юрман³⁴. В действительности же Карепин был врачом и одно время (1872—1875) сотрудником «Московской медицинской газеты».

Эпилептоидные черты характера, с исключительной интенсивностью выраженные у Карепина, несомненно, стоят в наследственной связи с тем «эпилепти-

³⁴ Отмечу попутно, что книга Л.Ф. Достоевской об отце много способствовала распространению односторонне искаженных и неправильных представлений о некоторых родственниках Достоевского. В дальнейшем и без того крайне тенденциозные формулировки Любови Федоровны были доведены некоторыми авторами до полной утраты истины. Особенно грешат в этом отношении экскурсии в область генеалогии Достоевского у проф. Казунко и Жанны Фаноннель (см.: L'Ecole Emancipée. 1929. Прил. к № 25). А.П. Карепин, такова уже его судьба, оказывается у них тоже идиотом, все без исключения братья Достоевские — алкоголиками, тетка писателя А.Ф. Куманина, тихая домоседка — страстной любительницей играть в рулетку, причем играть она ездит только в Монте-Карло, младший сын писателя, судя по всему, что о нем известно, прелестный и развитый мальчик, оказывается микроцефалом, и т.д. — М.В.

ческим окружением», которое мы наблюдаем среди его близких родственников. Достаточно сказать, что *эпилептиками* являются его отец (№ 358), сестра Елизавета (№ 363), дядя — Ф.М. Достоевский и двоюродный брат — младший сын Ф.М. Достоевского Алексей. Этот перечень мог бы быть дополнен случаями «родимчиков» (детская эпилепсия?) и различными проявлениями эпилептоидного характера среди его родственников.

К числу наиболее ярких и частых проявлений кроткого полюса относятся повышенная жалостливость и сострадательность к чужому несчастью, к явлениям смерти и боли. Эти черты, столь характерные для самого Достоевского и ряда его героев, достигают исключительного развития и у некоторых представителей его рода. Очень много говорят в этом отношении, например, автобиография и письма Елены Алексеевны Ивановой (№ 452, внучатой племянницы писателя). «Главное чувство, которому подчинено мое настоящее “я”, — жалость. Во имя этой жалости я способна на что угодно», — пишет она в самом начале своей биографии, и далее эта тема жалости проходит через все содержание ее биографии и через многие ее письма на протяжении ряда лет. Особенно это относится к тем письмам, в которых она затрагивает интимную область своих сердечных увлечений, к слову сказать довольно частых и разнообразных, но неизменно окрашенных чувством сексуальной кротости и самопожертвования. «У меня к Б.М. какая-то, я бы сказала, “больная любовь”, какая-то мучительная нежность и жалость, — пишет она в одном из таких писем. — Он совсем душевнобольной. Одна моя подруга, которая с ним вместе служит, говорит о нем: “Он совсем пустой-пустой, словно наизнанку вывернутый”. Да, у него многое, многое в душе выболело... У него от каждого пустяка выражение такого страдания на лице. Особенно какая-то скорбная складочка на подбородке. И мою душу охватывает такая мучительная жалость-нежность, что я готова на что угодно, лишь бы не видеть у него этого выражения».

Болезненные проявления сексуальной кротости и даже мазохизма можно видеть в дневнике сестры предыдущей — Натальи (№ 453). Автор дневника в интеллектуальном отношении стоит, несомненно, очень высоко, во всяком случае намного выше окружающей его среды. И вот эта одаренная, даже с искрой таланта девушка, переживая чувство неразделенной любви, доходит до величайших степеней своеобразного самоунижения. Так, например, говоря о том, что никогда не желала бы связать собой любимого человека, она делает в дневнике такую запись: «Никогда в жизни я не желала этого. Если б он даже любил меня, я бы предпочла не связывать его собой, а для любовницы он найдет себе лучше меня... Лучшее, на что я рассчитывала, — это просто дружеское участие. При том неуважении и презрении к себе, которое я чувствую, я никогда и не могла желать большего, так как я слишком люблю его и яснее кого бы то ни было вижу, что я ему не пара, что я его не стою». В другом месте своего дневника Наталья Алексеевна пишет, что готова даже остаться жить и не кончать самоубийством, лишь бы «не причинять ему никакой неприятности»...

Своей жадой самопожертвования, сексуальной кротостью и вообще общим тоном любовных переживаний обе сестры, Елена и Наталья, очень напоминают

друг друга. И чем внимательнее вчитываешься в их дневники, письма и другие собранные документы, тем яснее выступает это сходство. Разница лишь в том, что у Елены никогда не затихают влияния противоположного (гордого) полюса. Обеим сестрам свойственно в высшей степени трагическое переживание чувства любви. Обе они любят с мученьем, с надрывом, любят тех, кто доставляет им одни только страдания.

В тех случаях, когда характерологический материал оказывается достаточно полным, удастся установить не только проявления преобладающего полюса, но и противоположные тенденции своеобразно-кроткой полярности, как это уже было сделано выше по отношению к Ф.М. Достоевскому. Так, например, в личности своеобразного отца писателя легко можно заметить характерные проявления кроткого полюса, хотя бы в его ханжеской религиозности, в тех «благоговейных слезах», которые он так часто и охотно проливает в своих письмах к жене, благодаря «Господа подателя всех благ за Его ко мне неизреченные милости», и т.п. Точно так же несомненное влияние обоих полюсов своеобразно-кроткой полярности сказывается в его родительских наставлениях своим сыновьям. Говоря о подчинении «неизменному уставу воинской службы», он мотивирует необходимость этого тем, что «тот, кто не умеет повиноваться, не будет уметь и повелевать».

С другой стороны, как ни кроток и послушен племянник писателя А.П. Карпин, но, если присматриваться к нему даже по тем отрывочным материалам, которые имеются в нашем распоряжении, можно заметить в его характере несомненные тенденции к своеволию и деспотизму. Притом же эти тенденции носят не менее своеобразную окраску, чем его анекдотическая кротость. Я имею в виду прежде всего его болезненно-странную ревность к своей воображаемой будущей невесте. Впоследствии эта ревность нашла себе реальное выражение в его отношении к своей жене. В.С. Нечаева с большим основанием высказывает предположение, что этот племянник писателя изображен в «Вечном муже» в образе Павла Павловича Трусоцкого. За это говорит и внешняя кротость Трусоцкого, и его болезненная деспотичная ревность к будущей невесте, и его планы жениться на совсем юной девушке. Впрочем, некоторые штрихи этого образа, по-видимому, взяты Достоевским и от других лиц, в том числе от своего отца (например, болезненная подозрительность, в частности эпизод с поисками любовника под кроватью — см. на с. 101).

Вообще, если мы обратимся к творчеству Достоевского, то увидим, что в созданных им типах выступание обоих полюсов в одном и том же характере сказывается сплошь и рядом с исключительной силой. При этом в одних характерах преобладающую роль играют элементы кротости, в других — своеволия. Подобные проявления биполярности можно наблюдать, например, в поведении Раскольникова, Шатова, Дмитрия Карамазова и др. Дмитрий Карамазов и Катерина Ивановна, как про них в романе говорит Хохлакова, «...Оба губят себя неизвестно для чего, сами знают про это и сами наслаждаются этим». Про Версилова («Подросток») сын его пишет: «...Он был всегда со мною горд, высокомерен, замкнут и небрежен, несмотря, минутами, на поражающее как бы смирение его передо мною». Про ту самую Наташу Ихменеву («Униженные и оскорблен-

ные»), которая с таким экстазом готова была принять всякую муку от любимого ею Алеши, автор, анализируя их отношения, пишет несколькими страницами ниже: «Наташа инстинктивно чувствовала, что будет его госпожой, владычицей; что он будет даже жертвой ее. Она предвкушала наслаждение любить без памяти и мучить до боли того, кого любишь, именно за то, что любишь, и потому-то, может быть, и поспешила отдаться ему в жертву первая»...

В некоторых случаях развитие обоих полюсов, как своевольного, так и кроткого, может быть настолько интенсивным, что придает личности своеобразную характерологическую пестроту. Пестрота эта отнюдь не носит характера «золотой середины». Наоборот, подобная встреча противоположных тенденций придает личности противоречивую и даже болезненную окраску. В отличие от преимущественно кротких и преимущественно своевольных такие характеры можно назвать *равнополярными*.

Отмечу попутно, что понятие равнополярности относится не только к эпилептоидным характерам, но и к шизоидным и циклоидным. Таким образом, могут быть равнополярные циклоиды, в психической жизни которых и депрессивный, и гипоманиакальный полюсы выражены с одинаковой или почти одинаковой интенсивностью. То же самое можно сказать и относительно равнополярных шизоидов.

Само собой разумеется, что провести резкую границу между *преимущественным* и *равным* не представляется возможным. Поэтому и при таком тройном делении далеко не всегда легко решить, к какому типу отнести ту или иную отдельную личность. Хорошим примером в этом отношении может служить неоднократно уже упоминавшаяся выше Елена Алексеевна Иванова. Я отношу ее к *преимущественно кротким*, однако развитие своевольного полюса в ее характере сказывается временами с такой силой, что в общем итоге³⁵ почти подводит ее к той границе, за которой начинается уже равнополярность. Действительно, наряду с доходящей до абсурда жалостливостью и стремлением к самопожертвованию нередко встречаются и такие ее признания и поступки, в которых не знаешь чего больше — кротости или гордости. Приведу в качестве примера следующие ее слова о своем отношении к людям: «Для меня все человечество делится на две части. Одна — почти все люди — мир страждущих, я их бесконечно жалею. Жалость все закрывает. Здесь не может быть речи ни об уважении, ни об неуважении... Просто — жалко... Другая часть — это те, кто ставит себя выше других. По отношению к ним я насмешлива, замкнута и недоверчива. Их я просто не уважаю и с ними не считаюсь. Пусть думают что хотят, мне до них дела нет».

Еще более рельефно выступает своеволие Елены Алексеевны в ее попытке самоубийства. В данном случае она приближается к одному из наиболее своевольных образов, созданных Достоевским, а именно к Кириллову в «Бесах». Приводя это сравнение, я имею в виду те душевные движения, которые в послед-

³⁵ Говоря о преимущественном или равном развитии характерологических полюсов, нужно обязательно иметь в виду не отдельные моменты жизни, а общую совокупность взаимодействий противоположностей на больших отрезках времени или даже в течение всей жизни. — М.В.

ний момент толкнули ее броситься с третьего этажа. Вот что говорит она в автобиографии: «...в первый раз, часов в 12 дня, я не нашла в себе воли броситься вниз. Пришла сюда снова к вечеру. В эту минуту вопрос для меня сводился не к тому, что жить или нет, а к “смею или не смею” перешагнуть границу жизни. Конечно, верх взяло мое властное, гордое “я”³⁶. Как! я не смею? Этого быть не может! И конечно, я посмела».

Мы рассмотрели среди представителей рода Достоевских целую гамму *преимущественных* и *равнополярных* проявлений своеволия и кротости. Но кроме того в некоторых случаях можно отметить исключительное, так сказать, *монополярное* развитие какого-либо одного полюса при отсутствии проявлений его антагониста. Таковыми являются, например, монополярно-кроткая мать писателя или монополярно-своевольная его кузина О.И. Войнарская (№ 59). Подобного же рода своеволие можно видеть у племянницы писателя Н.А. Ивановой (№ 428). Нужно, впрочем, всегда иметь в виду, что подобная монополярность может быть только кажущейся. А именно, она может объясняться не действительным положением вещей, а просто недостаточностью собранного материала. В таких случаях при более полном и глубоком изучении данного характера удастся обнаружить и скрытые в нем противоположные тенденции³⁷. Вскрытие же в той или иной личности только одного полюса в значительной мере лишает ее рельефности, как бы уплощает ее. Лишь нащупав противоречия данного характера, мы начинаем понимать его динамику, после чего он встает перед нами не как обрывок мертвой схемы, а как живая личность. В этом секрет всякой хорошей характеристики, действительно оживляющей того, к кому она относится.

Чтобы покончить с анализом своевольно-кроткой полярности, необходимо хотя бы в нескольких словах коснуться вопроса о тех изменениях, которые она может претерпевать во времени на протяжении индивидуального развития личности. К сожалению, эта область еще ждет своего исследователя. По-видимому, во взаимоотношениях полюсов своеволия и кротости существует гораздо меньше правильности, чем, например, в волнообразных сменах настроения у циклоидов или постепенном надвигании анестетического полюса у шизоидов. Действительно, в одних случаях, по-видимому, более частых, с годами можно наблюдать как бы постепенное надвигание кроткого полюса (Ф.М. Достоевский, Е.А. Иванова), в других — наоборот, своеволия (отец писателя). Несомненно, что большую определяющую роль в подобных изменениях могут играть внешние (экзогенные) факты, как это мы видели на примере Ф.М. Достоевского.

Отметим в заключение необычайное богатство и частоту таких амбивалентных *одновременных* проявлений своеволия и кротости в поведении героев Досто-

³⁶ В своей автобиографии Елена Алексеевна неоднократно подчеркивает двойственность своего «я» (полюсы: жалость – гордость). Отметим попутно, что обостренная амбивалентность психических переживаний Елены Алексеевны стоит в несомненной связи с развитием в ее психике не только эпилептоидных, но и шизоидных (даже шизофренических) элементов. – М.В.

³⁷ Хорошим примером в этом отношении может служить односторонняя характеристика, даваемая дочерью писателя своей тетке В.М. Карепиной (№ 33): только как исключительно скупой женщины. Однако ряд других источников вскрывает в этой действительно болезненно-скупой старухе очень значительные элементы отзывчивости, самопожертвования и доброты. – М.В.

евского. Особенно это относится к их сексуальным отношениям. Укажем хотя бы на садомазохическую установку Наташи по отношению к Алеше в «Униженных и оскорбленных», как об этом можно судить по приведенным выше цитатам.

Перейдем теперь к выводам и заключительным положениям из нашего анализа своеобразно-кроткой полярности.

На ряде примеров, взятых из генеалогии и творчества Достоевского, а также путем анализа его собственного характера мы рассмотрели разнообразные и прихотливые сочетания своеволия и кротости. В одних случаях оба этих полюса были развиты с одинаковой или почти одинаковой интенсивностью, в других — давало себя знать явное преобладание одного полюса над другим, и, наконец, в третьих — создавалось впечатление даже исключительного развития только одного полюса. Та пропорция, в которой в данной личности развиты тенденции, с одной стороны, своеволия, с другой — кротости, я называю своеобразно-кроткой или *релятивной*³⁸.

Таким образом, релятивная пропорция является тем же по отношению к epileptoидным характерам, чем по отношению к шизоидным и циклоидным являются пропорции чувства (психестетическая) и настроения (диатетическая).

В связи с этим о структуре epileptoидного характера можно сказать то же самое, что было установлено Кречмером по отношению к двум выделенным им типам пропорций и характеров, а именно: только тот владеет ключом к пониманию epileptoидных характеров, кто знает, что большинство epileptoидов отличается не одним только чрезмерным своеволием или кротостью, но обладают тем и другим одновременно.

Из трех рассмотренных нами пропорций релятивная оказывается в роде Достоевских наиболее часто и богато представленной. Все это создает предпосылку к тому, чтобы признать род Достоевских как преимущественно epileptoидный. Однако более уверенно это можно сделать лишь на основании учета других особенностей epileptoидного характера в их распределении среди представителей изучаемого нами рода. К этой задаче мы теперь и перейдем.

Если, как мы видели выше, шизоидам, наряду с соответствующей пропорцией, свойственна замкнутость, а циклоидам — общительность, то epileptoидный характер, кроме рассмотренной выше пропорции, также отличается своеобразными особенностями. Многочисленные исследователи epileptoидного характера в общем довольно согласованно отмечают следующие его главнейшие особенности: epileptoиды отличаются исключительной, в некоторых случаях доходящей до абсурда педантичностью, аккуратностью, мелочной обстоятельностью. Как в разговорах, так и в литературном стиле у них дают себя знать повышенное внимание к мелочам и любовь к подробностям. Другой их основной чертой является крайняя вспыльчивость, в форме так называемой взрывчатости. Многие авторы отмечают также в качестве частых проявлений epileptoидного характера

³⁸ В смысле отношения личности к окружающим, то есть в господствующей установке на подчинение их себе или себя им. — М.В.

мнительность, мистицизм, ханжескую религиозность, резонерство, эгоизм, доходящий до крайних степеней эгоцентризма, а также тяжелые приступы тоски. Конечно, не все эпилептоиды обладают всеми этими чертами. Однако те или иные проявления повышенной обстоятельности и возбудимости настолько для них характерны, что могут считаться почти неотъемлемой принадлежностью эпилептоидного характера.

Что касается эпилептиков, то у них указанные выше черты характера достигают еще более крайнего развития. К этому присоединяется еще ряд патологических явлений: судорожные припадки с пред- и послеприпадочными состояниями, различные эквиваленты припадков, тяжелые расстройства памяти, а в более тяжелых случаях также процессов понимания и соображения, и т.п. Все эти особенности эпилептиков в общей совокупности дают при интенсивном своем развитии картину так называемого эпилептического слабоумия.

В некоторых случаях эпилепсия приводит не только к слабоумию, но даже к идиотизму. Примером этому может служить сестра неоднократно упоминавшегося выше А.П. Карепина Елизавета (№ 363), утратившая даже способность речи.

В других случаях даже в преклонном возрасте эпилептоидное слабоумие захватывает лишь более или менее ограниченные области психики. В этом отношении ярким примером может служить сам Ф.М. Достоевский. Эпилепсия не подавила, а даже активизировала его талант, но при этом наложила свою печать на весь его литературный стиль. Это выразилось в исключительной громоздкости и местами сумбурности его произведений, в чересчур подробной, вязкой трактовке сюжета, когда, как, например, в «Братьях Карамазовых», действие, происходящее на протяжении нескольких дней, излагается на многих сотнях страниц.

Что касается отдельных психических функций, то всего более пострадала у Достоевского, несомненно, память. Вот что он сам говорит об этом Всеволоду Соловьеву: «Все, что началось после первого припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги; когда дописывал “Бесы”, то должен был перечитать все сначала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц...»³⁹

Столь разрушительные патологические процессы, совершавшиеся в психике Достоевского, служили постоянным источником его тревог за свои способности. Так, например, в письме к жене, жалуясь на трудность, с которой ему дается новый роман, Достоевский добавляет: «Боюсь, не отбила ли у меня падучая не только память, но и воображение. Грустная мысль приходит в голову: что, если я уже не способен больше писать. А впрочем, посмотрим»⁴⁰. К счастью для Достоевского и для всего культурного человечества, разрушительные процессы, обусловленные эпилепсией, локализовались в данном случае довольно благоприятно, не затронув таких способностей больного, как воображение. Таким образом, сложнейшая личность Достоевского и в данном отношении оказывает-

³⁹ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 205. – Ред.

⁴⁰ 16 (28) июня 1874 г., Эмс. ПСС. Т. 29. С. 331. – Ред.

ся крайне противоречивой, совмещающей в себе противоположности от гениальности до частичного слабоумия.

Возвратимся теперь от патологических к характерологическим эпилептоидным элементам.

Изо всей массы разнообразных черт, которые свойственны эпилептоидным характерам, я останавлиюсь лишь на нескольких основных. Сюда относится группа характерологических элементов, которые можно объединить в *комплекс эпилептоидной обстоятельности*. В этот комплекс я отношу все разнообразные проявления педантичности, мелочности, вязкости, придирчивости, любви к подробностям и т.п. В данном случае, следовательно, речь идет не об обыкновенной, а об особом рода обстоятельности — эпилептоидной, главной отличительной чертой которой является своеобразное «прилипание к мелочам».

В смысле эпилептоидной обстоятельности ряд представителей рода Достоевских может служить не менее классическими образцами, чем в смысле рассмотренной выше пропорции отношения. Это бросается в глаза уже при простом сопоставлении отдельных проявлений эпилептоидной обстоятельности, как они описываются в современной психиатрической литературе, с тем, что нам известно о самом писателе и некоторых его ближайших родственниках. Ниже приводится несколько таких параллельных цитат — с одной стороны, из описаний эпилептоидного характера, даваемых современными психиатрами, с другой стороны, соответствующие иллюстрации из характерографии Достоевских.

Говоря о «мелочной педантичности» образа жизни эпилептиков ⁴¹ , Бумке пишет, что в их домашней обстановке «каждый предмет должен стоять точно на своем месте».	Дочь Ф.М. Достоевского в своих мемуарах пишет: «Когда к отцу приходило сразу несколько друзей, и стулья и кресла стояли в беспорядке, он сам расставлял их по местам после ухода гостей. На его письменном столе тоже царил величайший порядок. Газеты, коробка с папиросами, письма, полученные им, книги, которыми он пользовался для справок, — все должно было находиться на своем месте» ⁴²
Продолжение предыдущей цитаты из Бумке: «...Каждый пустяковый расход и каждая мелочь в доме вплоть до детских игрушек записывается и берется на учет».	Из писем М.А. Достоевского (отца писателя) к своей жене: «Напиши — не осталось ли твоих платьев, манишек, чепчиков или чего сему подобного равно что у нас в чулане, вспомни и напиши подробно...» ⁴³

⁴¹ Бумке говорит об эпилептиках, но те же самые характерологические элементы мы встречаем и у эпилептоидов. — М.В.

⁴² Достоевский в изображении дочери. С. 146. — Ред.

⁴³ «Не заботься о чулане, там один только хлам», — успокаивает его жена. — М.В.
О подоплеке этой просьбы см. на с. 976. — Ред.

<p>А.М. Рапопорт: «Мне говорила жена одного эпилептоида: “Вы не можете себе представить, какой это ужасный человек. Он вечно возится, пересаживает какой-нибудь гвоздик на пол-аршина и при этом объясняет, что я его вбила неправильно, тут можно зацепиться и порвать платье” и т.д. и т.д., — по целым дням»⁴⁴.</p>	<p>«...Ты пишешь, что у меня в расходе ложек столовых 6, а у меня налице только 5. Пишешь еще, что в шифоньерке осталась сломанная ложка, а ее я не отыскал, то прошу тебя подумай хорошо не ошиблась ли ты, ибо скажу тебе, что у меня с самого твоего отъезда было только 5 ложек, нащет же сломанной припомни хорошенько, не положила ли ты ее где небудь в другом месте...»</p> <p>Из его же письма к своим старшим сыновьям, Михаилу и Федору: «Еще вам должно зделать выговор за то, что уже более 2 месяцев, как я писал к вам, что ежели старые вещи ваши, как то платье, белье и другие для вас, особливо для Феденьки, не нужны, то счесть их и сохранить, но на сие и до сих пор не получил от вас никакого уведомления»⁴⁵.</p>
---	---

В лице М.А. Достоевского можно видеть особую разновидность эпилептоидного характера, в основе которой лежит сочетание мелочности с интенсивными проявлениями своевольного полюса в форме деспотизма. Эта комбинация, весьма типичная и частая среди эпилептиков и эпилептоидов, в то же время чрезвычайно тягостна для окружающих, тем более что к указанным чертам, как правило, всегда присоединяется еще крайняя раздражительность и вспыльчивость. В частности, что касается отца писателя, то он становится даже жертвой своего характера (и, конечно, своей эпохи) — его убивают крепостные крестьяне принадлежавшей ему деревушки.

Одним из проявлений комплекса обстоятельности может также быть своеобразное вязкое многословие эпилептиков и эпилептоидов. С исключительной силой эта черта проявилась у племянника Ф.М. Достоевского — А.П. Карепина.

Интересно, что наиболее яркие проявления эпилептоидной обстоятельности мы встречаем у тех же самых представителей рода, у которых наиболее интенсивно выражена и своевольно-кроткая полярность. (Хотя, с другой стороны, не все лица с обострением этой полярности являются в то же время носителями черт эпилептоидной обстоятельности.) При этом различные элементы комплекса обстоятельности могут комбинироваться как с преимущественно своевольными (М.А. Достоевский), так и с преимущественно кроткими (А.П. Карепин) проявлениями, хотя, по-видимому, чаще с первыми, чем с последними.

Одним из наиболее частых и характерных проявлений комплекса эпилептоидной обстоятельности является повышенная, доходящая иногда до совершенно исключительных размеров, любовь к подробностям. Если обратиться к ближай-

⁴⁴ Рапопорт А.М. Эпилептоиды и их социальные реакции // Преступник и преступность. Вып. 2. М., 1927. С. 46 — Ред.

⁴⁵ В семье и усадьбе. С. 96, 105, 118. — Ред.

шим родственникам писателя, то здесь эту своеобразную «жажду подробностей» можно проследить на протяжении по крайней мере трех поколений. Об этом говорят воспоминания современников, многие места из семейной переписки и тому подобные источники. Приведу свидетельства относительно трех представителей изучаемого нами рода, принадлежащих к трем последовательным поколениям: отец писателя, сам писатель и его сын Федор.

М.А. Достоевский (№ 15). Из писем к старшим сыновьям, Михаилу и Федору: «Пишите теперь об самой малейшей вещи подробнее...», «Уведомляй меня аккуратно об самом малейшем обстоятельстве...»

Ф.М. Достоевский (№ 32). Из писем к жене: «Пиши обо всех мелочах...», «Пиши мне побольше подробностей о себе, не пропускай ничего...», «Больше мелких подробностей...», «Уведомляй о каждой мелочи...», «Пиши о себе все до последней подробности...», «Пиши обо всем, поболее частных, мелочей» и т.д.

Ф.Ф. Достоевский (№ 332). Из воспоминаний Л.С. Михаэлис: «Иногда было прямо-таки мучительно не только рассказывать ему, но и слушать, как он рассказывает о чем-либо. Меня всегда удивляла эта его любовь к мельчайшим подробностям. Если, например, я видела какую-нибудь нашу знакомую, то должна была точно описать ему все, что на ней было надето — шляпку, ботинки, фасон ее платья, его материю, отделку, цвет и т.п., и т.п. Интересуясь каким-либо фактом, он всегда просил рассказывать как можно подробнее».

Отмечу между прочим, что Федор Федорович лишился своего отца, когда ему не было еще десяти лет, так что о прочных воспитательных воздействиях, влиянии примера и т.п. в данном случае едва ли приходится говорить.

Любовь к подробностям, являясь одной из основных черт в семейной характеристике Достоевских, как уже упоминалось выше, играет столь же большую роль и в творчестве самого Достоевского. «...Я вывел неотразимое заключение, — пишет он Х.Д. Алчевской, — что писатель — художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. У нас, по-моему, один только блистает этим — граф Лев Толстой. Victor Hugo, которого я высоко ценю как романиста <...> хотя и очень иногда растянут в изучении подробностей, но, однако, дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру. Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего»⁴⁶.

Не менее значительную роль комплекс обстоятельности, хотя и в нескольких иных проявлениях, играет в характерологии семьи одного из братьев Достоевского — Андрея Михайловича (№ 34). Здесь, так же как и в предыдущей ветви, проявления комплекса можно проследить в каждом из трех последовательных поколений и притом, как и в предыдущей ветви, исключительно среди представителей мужского пола. Прежде всего, что касается самого Андрея Михайловича Достоевского, то он в отношении развития комплекса обстоятельности, в частности в отношении любви к подробностям, вряд ли уступает своему отцу и своему

⁴⁶ 9 апреля 1876 г., Петербург. ПСС. Т. 29₂. С. 77–78. – Ред.

гениальному брату. Об этом свидетельствует весь текст его обширных семейных воспоминаний, каждая сделанная им запись. Точно так же и в воспоминаниях о нем различных лиц неизменно подчеркивается его исключительная точность и аккуратность. В этом отношении заслуживает внимания также его своеобразная система вязанья, с педантичным предварительным подсчетом числа петель в различных направлениях, которой он предавался с таким усердием. В доме его дочери, В.А. Савостьяновой, мне показывали сохранившиеся после него листы бумаги с многочисленными столбцами подсчетов. Соответственно этому и само вязанье выполнялось им с исключительной пунктуальностью и аккуратностью.

Старший из сыновей А.М. Достоевского, Александр (№ 376), был выдающимся ученым-гистологом. Укажу хотя бы, что ему принадлежит честь открытия яиц лошадиной аскариды с половинным (гаплоидным) числом хромосом. С характерологической точки зрения обращает на себя внимание та исключительная тщательность, с которой он изготовлял свои обширные коллекции микроскопических препаратов. Недаром доктор И.Э. Шавловский в некрологе об Ал. А. Достоевском, помещенном в журнале «Врач», называет его «одним из самых трудолюбивых и добросовестных деятелей русской науки». Вот что читаем мы в этом некрологе: «Необыкновенно изящные препараты по кариокинезу, а также по созреванию и оплодотворению яйца в скором времени доставили покойному известность как выдающемуся технику», «Обладая, кроме необыкновенного технического таланта, еще и необычным трудолюбием, покойный оставил кафедре гистологии громадное собрание превосходных препаратов, между ними и многочисленные полные ряды срезов зародышей и некоторых органов». При чтении этих строк, относящихся к Александру Достоевскому, невольно вспоминаешь о его отце. Более чем вероятно, что необыкновенная по своей педантичности система вязания А.М. Достоевского и не менее необыкновенная тщательность микроскопических работ его сына суть различные проявления одних и тех же характерологических элементов.

Пример Александра Достоевского, не говоря уже о самом писателе, показывает, какую пользу может оказывать человеку, в частности писателю или ученому, комплекс эпилептоидной обстоятельности. Однако далеко не всегда обстоятельность повышает рабочую ценность. Объясняется это тем, что при дальнейшем количественном усилении данной характерологической тенденции она приводит лишь к беспомощному увязанию в несущественных деталях, топтанию на одном месте и, в конечном счете, к более или менее сильному понижению продуктивности. При тяжелых эпилептических расстройствах доведенная до абсурда обстоятельность может привести даже к полной утрате работоспособности.

Мы рассмотрели две ветви рода Достоевских, в которых различные проявления комплекса обстоятельности проходят от деда через сыновей к внукам⁴⁷.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с проявлениями эпилептоидной обстоятельности в некоторых других ветвях рода. Проявления интересующего нас комплекса можно видеть еще по крайней мере в двух линиях потомства М.А. Досто-

⁴⁷ Судя по последним сведениям о внуке писателя Андрее Федоровиче (№ 338), можно говорить о проявлении комплекса обстоятельности в данной ветви уже не в трех, а в четырех последовательных поколениях. – М.В.

евского (отца писателя). Обе эти ветви проходят в следующем поколении по женским линиям, через сестер писателя — Варвару, по мужу Карепину (№ 33), и Веру, по мужу Иванову (№ 36). Наиболее же яркие и несомненные проявления комплекса мы имеем во внучатом поколении, среди сыновей Варвары и Веры.

Что касается ветви Карепиных, то о чисто эпилептоидном характере внука М.А. Достоевского, А.П. Карепина (№ 359), неоднократно говорилось выше. Что касается комплекса обстоятельности, то он проявился у него в вязком многословии речи. «Он всем и каждому навязывал свои длинные рассказы о чем угодно, с мельчайшими подробностями, подчас без всякой причинной связи одного рассказа с другим», — читаем мы в коллективной характеристике, даваемой ему группой знавших его лиц. Интересно, что в данном случае опять упоминаются «мельчайшие подробности», повышенный интерес к которым проходит красной нитью через всю семейную характерологию Достоевских.

О своеобразном «недержании речи», в котором проявился у Карепина комплекс эпилептоидной обстоятельности, можно судить и по некоторым другим относящимся к нему воспоминаниям.

Таким образом, в данной ветви мы имеем несомненные проявления комплекса обстоятельности у деда (М.А. Достоевского) и внука (А.П. Карепина). Естественно возникает вопрос, что представляет собой в отношении интересующего нас признака мать Карепина — Варвара Михайловна, урожденная Достоевская. К сожалению, мы здесь наталкиваемся на большие трудности, столь вообще нередкие в генеалогическом исследовании и обусловленные главным образом неполнотой материала.

Кроме генеалогического метода наследственность у человека изучается еще путем посемейных исследований, когда обследуется не какой-либо один род на протяжении ряда поколений, а большое количество отдельных, хотя бы и совсем маленьких семей (минимум в два поколения), в которых встречается интересующий исследователя признак. Большие перспективы открывает также изучение близнецов, в особенности таких, которые произошли из одного яйца. Однако все эти пути не могут сравниться с тем недоступным для антропогенетика методом, который имеется в руках биологов-экспериментаторов, производящих по своему желанию любые опыты и наблюдения над животными и растениями.

Что касается генеалогического метода, то одним из его недостатков является то, что сплошь и рядом приходится собирать сведения о людях уже давно умерших, восстановление психофизического облика которых может натолкнуться на непреодолимые трудности. Поэтому, как и во всяком генеалогическом исследовании, и в нашем материале наряду с более или менее определенными характерологическими образами встречаются и такие случаи, на которых приходится ставить знак вопроса. В значительной мере такой неполнотой страдает материал о В.М. Карепиной. Как мы видели выше, эпилептоидные элементы в форме своеобразно-кроткой пропорции с преобладанием своеобразного полюса восстанавливаются относительно нее с довольно большой ясностью. К сожалению, нельзя этого же сказать относительно наличия или отсутствия в ее поведении проявлений эпилептоидной обстоятельности. Правда, в собранных о ней материалах

попадают отдельные штрихи, позволяющие предполагать в ее характере наличие интересующего нас комплекса, но с уверенностью настаивать на этом едва ли возможно. В архиве Достоевского при Пушкинском Доме хранится ее письмо к своему гениальному брату, где она очень издалека, многоречиво и вязко просит его, как о величайшем одолжении, похлопотать о более скором представлении ее сына к ордену. По ее мнению, Ф.М. Достоевскому, как общепризнанному писателю, нетрудно будет этого добиться. В более поздние годы у нее развивается болезненная расчетливость: она, будучи владелицей нескольких доходных домов, отказывает себе в обеде, не отопливает квартиру и т.п. Весьма возможно, что эта исключительная расчетливость Карепиной является своего рода эквивалентом тех характерологических элементов, которые у ее отца и сына проявились в различных формах эпилептоидной обстоятельности и мелочности. В частности, что касается отца, то его обстоятельность также носила окраску если не скупости, то во всяком случае повышенной расчетливости (эпизод со сломанной ложкой и др.). О сходстве некоторых проявлений эпилептоидной мелочности со скупостью можно судить по многим наблюдениям; в частности, цитированный выше проф. О. Бумке описывает нередкие среди эпилептиков проявления мелочности в виде, например, собирания всякого сора на улице, так как он может «иметь цену».

Необходимо еще принять во внимание, что эпилептоидная вязкость А.П. Карепина могла быть унаследована им и не по линии Достоевских, то есть не со стороны матери, а со стороны отца, страдавшего крайне тяжелой разновидностью эпилепсии, в форме так называемого *status epilepticus*⁴⁸, когда судорожные припадки следуют непосредственно один за другим, целыми сериями⁴⁸.

Перейдем теперь к проявлениям комплекса обстоятельности в ветви Ивановых. Относительно Веры Михайловны, по мужу Ивановой (№ 36), мы располагаем лишь очень скудными и отрывочными данными. С интересующей нас точки зрения заслуживает внимания лишь указание на ее очень сложные и кропотливые вышивания, в которых она, например, употребляла до 12 оттенков одного цвета. Последнее обстоятельство не только свидетельствует об ее утонченной способности различать цвета, но и представляет интерес в характерологическом отношении. Вспомним хотя бы, что у ее брата Андрея комплекс обстоятельности проявился в особо кропотливой системе вязанья.

⁴⁸ Относительно характера Петра Андреевича Карепина (№ 358) мы располагаем лишь весьма отрывочными и притом, на первый взгляд, крайне противоречивыми данными. С одной стороны, например, очень характерно его поведение как опекуна старших братьев Достоевских, Михаила и Федора. Вот что об этом пишет О.Ф. Миллер: «...Михаил Михайлович, определившись на службу в ревельскую инженерную команду, задумал жениться на тамошней уроженке Эмили Федоровне Дитмар. Этот выбор, по свидетельству г. Ризенкампа, пришелся не по вкусу опекуну братьев Достоевских. Он отказался выдавать Михаилу Михайловичу, за непослушание, причитавшиеся каждому из братьев с выходом в офицеры 4000 асс. в год. <...> опекун, как бы в пику Михаилу Михайловичу, аккуратно высылал ему <Федору> со времени производства его в офицеры причитающиеся ему деньги». С другой стороны, этот, по-видимому, самодур и деспот производил на Андрея Михайловича Достоевского совсем иное впечатление; в своих воспоминаниях он пишет о нем как о «добрейшем из добрейших людей». Эти отзывы, несмотря на всю их противоречивость, вернее, именно благодаря своей противоречивости, все же кое-что говорят о той своеобразно-кроткой полярности, которая в характере эпилептика П.А. Карепина, по всей вероятности, имела доминирующее значение. – М.В.

В настоящем издании публикуется больше материалов о Карепине, см. на с. 573–580. – Ред.

Конечно, нельзя с уверенностью говорить об эпилептоидной обстоятельности у В.М. Ивановой, основываясь только на ее сложных вышиваньях. В данном случае надо принять во внимание тот чисто социальный момент, что подобного рода работы были широко распространены среди помещиц того времени, к чему располагал весь уклад их усадебной жизни.

Таким образом, если наличие комплекса обстоятельности не вполне достоверно удастся установить относительно старшей сестры писателя, Варвары, то еще более это относится к его сестре Вере. Вообще нетрудно заметить, что проявления эпилептоидной обстоятельности гораздо яснее и определеннее констатируются среди мужчин изучаемого нами рода, чем среди женщин. Быть может, это и не случайность, а результат частичной ограниченности данного признака мужским полом. Что же касается своевольно-кроткой пропорции, то здесь этого сказать нельзя, так как проявления ее приблизительно одинаково ярки и часты среди представителей обоих полов.

Возвращаясь к личности Веры Михайловны Ивановой, следует еще отметить, что по многим чертам своего характера она, по-видимому, существенно отличается от старшей сестры. Об этом, в частности, говорит следующий отрывок из письма самой младшей сестры писателя, Александры, в котором она таким образом сравнивает двух своих старших сестер: «Варенька совершенно углубилась в образование своих детей, и куда бы она ни приехала, а все заведет разговор про какую-нибудь географию или историю, уже это немножко и нехорошо <...> Вот у Верочки дети, так совсем другое, точно птички Божие, не знают ни заботы ни труда, такие все резвые...»

В детском поколении ветви Ивановых, то есть среди внуков М.А. Достоевского, проявления эпилептоидной обстоятельности вновь дают себя знать с достаточной определенностью. У Виктора Иванова (№ 417) они проявились во всем его домашнем обиходе: «Он очень любил, чтобы дома все делалось раз и навсегда по определенному плану», — пишет о нем его приемная дочь. Увлекаясь разведением гиацинтов, он выписывает луковицы из Голландии и сам рассаживает их в горшки — «и не дай Бог кому бы то ни было сдвинуть или переставить какой-нибудь горшок на другое место — была бы буря», — пишет та же корреспондентка. В служебных отношениях соответственные черты характера Виктора Александровича проявились в его своеобразной «до мелочности», «до болезни» доходившей честности. По свидетельству его сестры Марии, хотя он, как инженер путей сообщения, имел свой служебный вагон, но когда брал с собой в поездку родного сына, то считал своим долгом всегда покупать ему билет.

Не менее сильно проявилась эпилептоидная обстоятельность также в характере младшего сына В.М. Ивановой Владимира (№ 426). Более всего об этом свидетельствует чисто эпилептоидное нагромождение подробностей во многих его письмах. Одно из этих писем (с описанием экзамена) может конкурировать в этом отношении даже с таким исключительным документом, как письмо Ф.М. Достоевского к А.И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г.

На этом мы и закончим наш обзор различных проявлений комплекса эпилептоидной обстоятельности в их распределении среди различных ветвей рода Дос-

тоевских. Однако наш анализ данного признака был бы неполон, если бы мы не остановились на некоторых случаях, в которых проявилась как бы его полярность. Действительно, иногда повышенная обстоятельность в одних отношениях может совмещаться с не менее крайней беспорядочностью в каких-либо других отношениях. Подобного рода противоречия можно видеть, например, в характерах как самого Ф.М. Достоевского, так и его сына Федора. У обоих исключительная любовь к подробностям и различные проявления педантичности и аккуратности (например, в отношении костюма, распределения времени и т.п.) совмещались с не менее крайней беспорядочностью и сумбурностью в отношении, например, денежных трат. Может быть, дальнейшее изучение подобных противоречий позволит установить особую, если можно так выразиться, обстоятельно-беспорядочную полярность, лежащую, наряду с полярностью своеобразно-кроткой, в основе эпилептоидных характеров.

Кроме различных проявлений мелочности, педантичности и т.п. эпилептоидным характерам свойствен еще целый ряд своеобразных черт, в общем уже указанных выше. Сколько-нибудь полный анализ всех этих особенностей эпилептоидного характера завел бы нас слишком далеко. Однако нельзя не остановиться, хотя бы в нескольких словах, на столь существенной черте эпилептоидного характера, как необузданная вспыльчивость, та вспыльчивость, которую иногда сравнивают с «громом и молнией». Среди Достоевских склонность к подобным взрывам проявляется по большей части у тех же самых лиц, у которых оказывается явственно развитым и комплекс обстоятельности. Такое сочетание можно видеть у самого писателя, его отца, сына Федора (№ 332), брата Андрея (№ 34), племянников Александра Петровича Карепина (№ 359) и Виктора Александровича Иванова (№ 417). У всех этих лиц весьма сходным оказывается и самый характер взрывов, а именно: они так же быстро проходят, как внезапно и быстро, часто по самому ничтожному поводу, возникают. С проявлениями подобного рода отходчивости более полно можно познакомиться, например, по примирительному письму М.А. Достоевского к своим сыновьям, по описаниям характера старшего сына писателя и, в особенности, по многочисленным описаниям подобных реакций у самого Ф.М. Достоевского.

Перейдем теперь к тем главным положениям и предположениям, которые можно сделать относительно проявления и распространения в роде Достоевских рассмотренных выше черт эпилептоидного характера.

Наряду с пропорцией чувства шизоидов и пропорцией настроения циклоидов можно говорить об особой пропорции, характерной для эпилептоидов. В основе последней лежит динамика душевных движений между полюсами, с одной стороны, своеволия, с другой — кротости; другими словами, своеобразно-кроткая полярность. Соответствующая этой полярности пропорция выражает собой степень развития каждой из этих противоположных тенденций в данной личности и потому может быть названа своеобразно-кроткой или *релятивной*.

В роде Достоевских эта эпилептоидная пропорция проявилась как среди мужчин, так и среди женщин приблизительно в равном числе случаев. Точно так же приблизительно в равной мере распределились среди представителей обоих полов

преимущественно своевольные, преимущественно кроткие и равнополярные варианты этой пропорции⁴⁹.

Проявления обоих полюсов своевольно-кроткой пропорции могут быть чрезвычайно многообразными. В частности, в области сексуальных отношений проявления эти могут реализоваться в форме садомазохической полярности.

Не менее многообразны могут быть и другие проявления эпилептоидного характера.

Такие черты, как повышенная аккуратность, педантичность, «прилипание к мелочам», вязкость, любовь к подробностям, формализм и т.п., в основе которых лежит, в сущности, одна и та же тенденция, могут быть объединены в единый комплекс, который за неимением вполне подходящего термина может быть назван комплексом эпилептоидной обстоятельности.

В некоторых случаях удается установить, что тенденция к эпилептоидной обстоятельности может совмещаться в одной и той же личности с не менее крайними проявлениями беспорядочности и разбросанности в каких-либо других отношениях. Проявления подобных антиномий позволяют ставить вопрос о том, что эпилептоидная обстоятельность не представляет собою законченный признак, а есть лишь один из полюсов особой обстоятельно-беспорядочной пропорции, играющей, быть может, не меньшую роль в структуре эпилептоидных характеров, чем пропорция своевольно-кроткая. В конечном же счете, нужно думать, обе эти пропорции суть лишь различные формы проявления единой динамической сущности, лежащей в основе эпилептоидных характеров.

В отличие от своевольно-кроткой пропорции комплекс эпилептоидной обстоятельности, за одним-двумя сомнительными исключениями, проявился только у мужчин. Это относится также и к проявлениям эпилептоидной вспыльчивости. Последняя черта во всех случаях проявилась одинаковым образом — в виде неожиданных и кратковременных «взрывов» с последующей отходчивостью. Во всех случаях проявления обстоятельности, взрывчатости и отходчивости совмещались у одних и тех же представителей рода.

По отношению к своевольно-кроткой пропорции обстоятельность и взрывчатость комбинировались как со своевольными, так и с равнополярными и кроткими элементами, хотя наиболее частой и характерной, по-видимому, является первая из этих комбинаций.

То обстоятельство, что в двух линиях обследованного рода удалось проследить передачу эпилептоидных черт характера на протяжении 3—4 поколений, без проскоков через поколение, говорит в пользу доминантности данного признака, вер-

⁴⁹ В обоих случаях, конечно, можно говорить лишь о приблизительном распределении вариантов, так как учет данного признака не поддается точным измерениям. Принимая во внимание эту оговорку, я все же приведу несколько цифровых данных, которые у меня получились при подсчете различных вариантов пропорции отношения среди представителей обоих полов рода Достоевских. — М.В.

	Кроткие	Своевольные	Равнополярные	Всего
Мужчины	5	6	8	21
Женщины	7	11	3	21

нее, его способности выявляться уже в гетерозиготном состоянии, причем по отношению к взрывчатости и комплексу обстоятельств имеет место, быть может, не простое доминирование, а доминирование, частично ограниченное мужским полом. Однако проявление признака в 3—4 поколениях может считаться надежным критерием доминантности лишь по отношению к признакам, встречающимся в населении очень редко. По отношению же к эпилептоидному характеру мы имеем дело с признаком настолько распространенным, что приходится считаться с вероятностью присутствия его наследственных задатков также и у тех лиц, с которыми представители обследуемого рода вступают в брак. Случаи такого привнесения эпилептоидных генов извне мы несомненно имеем и в роде Достоевских, например в ветви Карепиных. Поэтому более определенное решение вопроса в данном случае можно сделать, лишь сопоставляя результаты исследования рода Достоевских с другими исследованиями, касающимися генетики эпилептоидного характера. Не вдаваясь в цифровые подсчеты, отмечу лишь, что многие характерологи, как-то: Девенпорт, Рёмер, Меггендорфер, Давиденков и др., наблюдали тот же ход наследования эпилептоидных элементов, какой мы имеем в роде Достоевских. Вернее всего, что во всех этих наблюдениях мы имеем дело с мономерной доминантной наследственностью (концепция С.Н. Давиденкова и др.). Но есть и другие точки зрения. Так, например, Т.И. Юдин объясняет различные проявления эпилептоидного характера действием двух различных генов, обозначаемых им буквами *x* и *y*. Ген *x* вызывает такие черты характера, как гневливость, неуживчивость, скупость, придирчивость, настойчивость, а ген *y* — аккуратность, исполнительность, послушание и т.п. В зависимости от того, унаследовал ли данный представитель рода гены *xx* или *yy*, в его характере развивается то одна, то другая эпилептоидная тенденция. Сочетания генов *x* и *y* дают смешанные формы; полный же комплект генов *ххуу* дает эпилептическую дегенерацию личности⁵⁰.

Мне представляется подобное расчленение эпилептоидного характера на две отдельные части, зависящие каждая от своего особого гена, неправильным. Выше мы видели, как сложно и глубоко переплетаются противоположности эпилептоидного характера в одной и той же личности. Даже в случаях внешней монополярности при углублении характерологического анализа, как правило, удается обнаружить и противоположные тенденции. По моему мнению, вся генеалогия Достоевских говорит за то, что разные стороны эпилептоидного характера развиваются из единого корня.

Что касается разнообразия эпилептоидных черт у различных представителей одной и той же семьи, то оно зависит, нужно думать, от всей органической структуры того или иного представителя рода. Нельзя забывать, что каждый наследственный задаток проявляется не оторванно от всех других индивидуальных особенностей данного организма, а во взаимодействии с ними. Весьма существенное влияние на реализацию характерологических задатков должны оказывать и внешние влияния — эпоха, социальное положение, семейные условия и т.п. Наконец,

⁵⁰ Юдин Т.И. Изучение наследственности при эпилепсии // Работы психиатрической клиники Казанского университета. Вып. 2. Казань, 1928. — М.В.

не исключена возможность, что существует несколько разновидностей эпилептоидного характера, зависящих каждая в целом от своего особого гена, чем могут объясняться некоторые атипические семейные формы. Не буду вдаваться в дальнейший анализ всех этих вопросов, так как это вывело бы нас из рамок данного очерка.

До сих пор речь шла об особенностях проявления и наследования эпилептоидного характера. Перейдем теперь к вопросу наследования самой эпилепсии. Эта болезнь в роде Достоевских встречается гораздо чаще, чем в массе населения. А именно, в потомстве М.А. Достоевского (отца писателя) мы находим по меньшей мере 3—4 случая эпилепсии на 100 представителей рода, о которых имеются какие-либо сведения. Сопоставляя же различные статистические данные, можно принять за обычное содержание эпилептиков в населении 3—4 человека на 1000. Таким образом, процент эпилептиков в этой наиболее изученной части рода оказывается во много раз более высоким, чем в населении.

При учете этой концентрации эпилепсии, так же как и некоторых других патологических черт, необходимо принять во внимание те случаи двустороннего отягощения со стороны обоих родителей, которые так дают себя знать во многих ветвях рода. Так, например, старшая сестра писателя с резко выраженными эпилептоидными чертами характера выходит замуж за человека, который заболевает эпилепсией. Понятно, что из двух ее детей, о которых имеются сколько-нибудь полные сведения, сын оказывается ярко выраженным эпилептоидом, а дочь эпилептичкой.

О наследовании эпилепсии в последнее время было высказано много различных теорий. Однако вопрос этот до сих пор продолжает оставаться во многом очень неясным и не разработанным. Во всяком случае, нельзя согласиться с той упрощенной позицией, которую в данном вопросе занял С.Н. Давиденков, считающий, что эпилепсия обусловлена с генетической стороны гомозиготным состоянием гена эпилептоидного характера и наследуется как мономерный рецессивный признак⁵¹. Если бы это было действительно так, то среди братьев и сестер эпилептиков насчитывалось бы более 25% больных той же болезнью. В действительности же, по статистическим данным Рюдина, Снелля, Люксенбургера и др., концентрация больных эпилепсией среди братьев и сестер эпилептоидов колеблется в пределах от 1,5 до 4,4%. Разница получается настолько большая (более 20%), что концепцию С.Н. Давиденкова о мономерной наследственности эпилепсии не могут спасти предполагаемые им тормозящие факторы. Отметим между прочим, что и в роде Достоевского не известно ни одного случая эпилепсии среди братьев и сестер эпилептиков. Таким образом, если гомозиготное состояние гена эпилептоидного характера и является моментом, обуславливающим генуинную эпилепсию, то нельзя это условие считать единственным или даже только достаточным для возникновения болезненного процесса. Несомненно, дело обстоит в данном случае гораздо сложнее, как со стороны генотипической структуры генуинной эпилепсии, так и со стороны условий, вызывающих ее внешнее проявление.

⁵¹ Давиденков С.Н. Наследственные болезни нервной системы. М.: Госмедиздат, 1932. — М.В.

Отмечу для ясности, что приводимые здесь возражения относятся лишь к той части концепции Давиденкова, которая касается наследования эпилепсии, но не эпилептоидии. Относительно его взглядов на наследование последнего признака уже говорилось выше.

На этом мы и закончим общий обзор трех основных окрасок человеческих характеров. Я умышленно говорю «окрасок», так как это фигуральное выражение гораздо более соответствует действительному положению вещей, чем термин «тип». Было бы грубым упрощением говорить, что существуют только три основных типа людей — циклоидный, эпилептоидный и шизоидный, к которым и сводится все разнообразие человеческих характеров. Я понимаю рассмотренные характерологические окраски в значительной мере иначе. Не буду развивать азбучную истину, что живую природу нельзя в сколько-нибудь полной мере уложить ни в какие неподвижные и абсолютные систематические категории. Тем более это относится к человеческим характерам, разнообразие которых поистине безгранично. Вообще, при изучении природы нас первоначально поражает и подавляет ее разнообразие. Достаточно указать хотя бы на разнообразие ее красок. Однако мы знаем, что все безграничное разнообразие окрасок, встречающееся в мертвой и живой природе, может быть сведено всего к трем основным цветам спектра, например, красному, зеленому и синему, как то мы имеем в треугольниках смешения цветов Максвелла, Кенига, Айвса и др.

Различные комбинации таких трех цветов дают всю пеструю гамму красок, пленяющую нас в расцветке крыльев бабочек и венчиков цветов, в переливах перламутра, в закатном небе и т.п. Точно так же и все разнообразие вкусов, которое способен улавливать наш язык, обусловлено в конечном счете различными сочетаниями всего только четырех основных вкусов — соленого, кислого, горького и сладкого.

Несомненно, что и все разнообразие человеческих характеров обусловлено сравнительно очень ограниченным числом основных характерологических компонентов, которые, комбинируясь между собою в различных сочетаниях, и создают это бесконечное калейдоскопическое разнообразие. Оно усиливается еще тем обстоятельством, что эти основные тенденции могут весьма по-разному реализовываться в жизни в зависимости от тех условий, в которых растет и развивается данная личность.

Мы рассмотрели три таких основных характеристических тенденции или окраски. До известной степени можно аналогизировать их с тремя основными цветами спектра.

Подобно тому, как в солнечном спектре невозможно различить, где кончается один цвет и начинается другой, настолько постепенны промежуточные между ними переходы, и в человеческих характерах можно заметить такие же промежуточные формы. Возьмем хотя бы повышенную жалостливость и чувствительность к явлениям страданий и смерти, столь ярко выраженную, например, у сестер Елены Алексеевны (№ 452) и Натальи Алексеевны (№ 453) Ивановых. Не так-то легко сказать, чего здесь больше — шизоидного или эпилептоидного. Я думаю, что подобного рода реакции относятся к промежуточной области меж-

ду шизоидной гиперестезией и эпилептоидной кротостью. Точно так же и во многих других отношениях легко заметить, что шизоидные окраски более близки к эпилептоидным, чем к циклоидным.

Обычно люди являются как бы «трихроматичными» в отношении характерологических окрасок, так как в большей или меньшей степени им свойственны все три основных характерологических компонента. В самом деле, большинство людей в той или иной степени склонны как к веселью и грусти, так и к повышенной или пониженной чувствительности, не говоря уже о своеволии и кротости. То же самое можно сказать и о других циклоидных, шизоидных и эпилептоидных реакциях. Но мы называем циклоидом, шизоидом или эпилептоидом данного человека лишь в зависимости от того, какая из трех рассмотренных полярностей оказывается у него гипертрофированной.

Пропорцию, в которой в каждом отдельном случае совмещены основные характерологические окраски, можно условно назвать «характерологическим спектром» данной личности.

Здесь идет речь совсем о другой пропорции, чем те, о которых говорилось выше. Кречмеровские пропорции настроения и чувства, равно как и эпилептоидная пропорция отношения к окружающим, выражают собой взаимодействие противоположностей внутри каждой из трех основных полярностей, взятых порознь. Так, например, релятивная пропорция говорит о степенях развития своевольного и кроткого полюсов внутри своевольно-кроткой полярности. Это, так сказать, *внутриполярностная* или *интраполярностная* пропорция. С другой стороны, характерологический спектр представляет собой пропорцию *междуполярностную* (*интерполярностную*) и говорит о том, в какой степени развита в данной личности каждая из трех основных полярностей.

Весьма возможно, что последующие исследования выявят еще новые полярности человеческих характеров и соответствующие им пропорции. Тогда формула характерологического спектра станет уже не трехзначной, а состоящей из соответственно большего числа знаков, но принципиальная сущность ее от этого не изменится.

Есть яркие и в то же время несомненно психопатические личности, у которых все три основные характерологические тенденции активизированы до крайних степеней. Эти, так сказать, ультратрихроматы как бы являются одновременно и циклоидами, и эпилептоидами, и шизоидами. Некоторые из них поражают многообразием своих реакций. Примером такого ультратрихроматизма могут служить в нашем материале сестры Елена Алексеевна (№ 452) и Лидия Алексеевна (№ 459) Ивановы. В других характерах, наоборот, резко дает себя знать преобладание какой-либо одной характерологической окраски в ущерб другим. Это «типичные» шизоиды и циклоиды по Кречмеру, так живо и рельефно им описанные. По отношению к эпилептоидным характерам примером подобного же монохроматизма может, по-видимому, служить отец писателя. Сам Ф.М. Достоевский является по этой терминологии дихроматом, поскольку в его характере циклоидные элементы отступают на задний план по сравнению с шизоидными и,

в особенности, эпилептоидными. Отмечу попутно, что не только в личности Ф.М. Достоевского, но и среди его родственников, а также в его творчестве и вообще в жизни совмещение шизоидных и эпилептоидных элементов в одной и той же персоне оказывается весьма частым и характерным явлением.

В тех случаях, когда ни одна из характерологических окрасок не проявляется с обостренной интенсивностью, получается не столько гармоничность, сколько аморфность личности. Среди людей, ярко и сильно проявивших себя в какой-либо сфере деятельности, среди выдающихся организаторов, писателей, ученых, художников такие аморфные характеры, как правило, отсутствуют. Наоборот, именно среди таких лиц чаще и сильнее всего бывают выражены резкие, даже извращенные проявления одной или нескольких основных характерологических окрасок.

В роде Достоевских примерами в этом отношении могут служить не только Ф.М. Достоевский и его старший брат Михаил (№ 31), но и многие хотя и не знаменитые, но несомненно одаренные представители этого рода.

Таким образом, усиление характерологических окрасок, когда оно не слишком переходит в область патологии, может вести к усилению творческих потенций. Однако дальнейшее увеличение характерологических противоречий приводит ко вторичному понижению творческой продуктивности. Но в то же время даже при самых тяжелых психических расстройствах мы нередко встречаем отдельные вспышки одаренности и талантливости.

В своем обзорном очерке я ставил себе задачей помочь читателю ориентироваться в массе публикуемых здесь документов. Я далек от того, чтобы навязывать ему свои диагнозы и выводы. Нельзя забывать о том, что будущие исследования могут дать гораздо более совершенные и полные классификации личностей по сравнению с теми, которые были предложены до настоящего времени. Поэтому для меня совершенно ясно, что значение этого обзорного очерка совсем иное, чем ценность документальной части. Если все современные попытки так или иначе проанализировать собранный материал через некоторый промежуток времени окажутся более или менее устаревшими, то сам материал с течением времени может даже выиграть в своем значении, так как может быть дополнен сведениями о последующих поколениях и обработан более совершенными методами. С другой стороны, многое из того, что удалось собрать в настоящее время (некоторые дневники, биографии, архивы писем, опрос ныне живущих представителей рода и т.п.), могло бы пропасть для будущего исследователя.

Кроме того, и среди современных читателей могут найтись многие такие, которые предпочтут самостоятельно проанализировать собранные документы с иных точек зрения, например, придерживаясь какой-либо другой классификации характеров, и т.п.

Принимая во внимание все сказанное, я строго придерживался принципа отделения документальной части настоящего исследования от обзорной и вообще от своих выводов и теоретических построений.

Н.Н. Богданов

МИХАИЛ ВОЛОЦКОЙ И ЕГО «ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКОГО»

Не будет преувеличением сказать, что научный интерес к предкам Ф.М. Достоевского возник сразу же после смерти писателя. У истоков исследований стояла его вдова – Анна Григорьевна. Первой среди литературоведов и биографов Федора Михайловича она обратила внимание на фундаментальный труд «Жизнь князя Андрея Курбского в Литве и на Волыни»¹. Выпущенный еще в 1849 г., он содержит упоминание о служебном шляхтиче Федоре Ивановиче Достоевском (X)² – поверенном в делах знаменитого князя и, возможно, первом историческом лице, имевшем столь важную для нас фамилию. (Не исключено, что это прямой предок писателя.) А.Г. Достоевской стали известны имена и других носителей славной фамилии, например, Стефана Ивановича Достоевского (XII), в 1577 г. получившего от польского короля Батория привилей на управление Минской Вознесенской обителью, или пинского маршалка (предводителя местной шляхты) Петра Сасиновича Достоевского (XV)³. В конце XIX в. она вступила в переписку с Александром Кульчитским и Порфирием Еремичем – священниками Ильинской церкви того самого села Достоева в белорусском Полесье, от которого пошло и само прозвание Достоевских. Правда, ее корреспонденты сообщили немного: общее число дворов и жителей в селе, названия окрестных имений и хуторов⁴, да то, что в церковном архиве, сохранившемся с 1800 г., «по тщательном осмотре метрик, исповедных и клировых ведомостей, нигде не оказалось никакой записи о Достоевских», а старое дворянское кладбище под названием Церковик, где те могли быть похоронены, «все заросло землей»⁵. К тому времени память о прежних владельцах Достоева здесь уже совершенно изгладилась.

Анне Григорьевне удалось заинтересовать своими поисками племянника писателя – Андрея Андреевича Достоевского (№ 380), в ту пору секретаря Русского географического общества, в будущем ученого хранителя Пушкинского Дома⁶. Позже, как бы приняв от нее эстафету, Андрей Андреевич будет деятельно помогать создателю первого музея Достоевского В.С. Нечаевой. На много лет свяжет его плодотворное сотрудничество и с М.В. Волоцким. Именно Андрей Андреевич познакомит автора «Хроники» с письмом Н.Е. Глем-

---

¹ *Жизнь и труды*. С. 15. – Н.Б.

² Номера в скобках показывают место упоминаемых лиц в настоящем издании «Хроники». – *Ред.*

³ *Достоевский в изображении дочери*. С. 21; *Жизнь и труды*. С. 16. – Н.Б.

⁴ См. на с. 15 настоящего издания. – *Ред.*

⁵ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 568. Последнее свидетельство вызывает недоумение, поскольку, по утверждению нынешнего директора музея села Достоева А.И. Бурака, каменные плиты с хорошо читаемыми надписями лежали на старом кладбище еще в 1950-е. – Н.Б.

⁶ См., например, ее письмо к нему, датированное январем 1902 г. (НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. II. Карт. 3. Ед. хр. 46. Л. 16). – Н.Б.

боцкой, повествующем о деде писателя, расскажет о «Богогласнике», изданном в 1790 г. типографией Почаевской лавры⁷.

Для Анны Григорьевны, боготворившей своего мужа, все, связанное с его именем, было свято. Можно не сомневаться, что над изучением родословия писателя она трудилась столь же самоотверженно, как и над изданием его литературного наследия. Кончина этой замечательной женщины летом 1918 г. в оккупированной немцами Ялте оборвала ее подвижнический труд...

В 1920-е, уже в Советской России, вышли две публикации С.В. Любимова, которые сегодня можно назвать хрестоматийными⁸: в них не только были впервые систематизированы свидетельства о более или менее известных представителях интересующего нас рода, но и с какой-то мистической прозорливостью указано, где именно искать ближайших предков писателя. В конце того же десятилетия готовилась к печати статья Н.П. Чулкова «Род Достоевских» – она должна была войти в 36-й выпуск «Летописи занятий Археографической комиссии»⁹. Однако по каким-то причинам эта публикация не состоялась, и теперь результаты разысканий одного из самых авторитетных отечественных генеалогов курьезнейшим образом существуют только в виде примечаний к «Воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского»¹⁰ и как «библиографические указания и выписки», растворенные в последующих книгах¹¹.

Фундаментальный труд М.В. Волоцкого, вышедший в Москве на рубеже 1933–1934 гг., стал своего рода кульминацией генеалогических разысканий о Достоевских. Так кто же его автор, и в каких условиях книга создавалась?

Жизнь Михаила Васильевича Волоцкого не изобиловала «внешними» событиями. Он родился 13 апреля (по старому стилю)¹² 1893 г. в Ростове Ярославской губернии. Отец будущего исследователя, Василий Николаевич, преподавал здесь в городском начальном училище¹³. По отцовской линии Волоцкие принадлежат к старинному дворянскому роду, ранние сведения о котором относятся к рубежу XV–XVI вв. С легкой руки В.В. Руммеля

⁷ См. на с. 78–82. – *Ред.*

⁸ *Достоевский. К вопросу об его происхождении*; Любимов С.В. К вопросу о генеалогии Достоевского // *Статьи и материалы*. С. 303–308.

⁹ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Гранки. Примечания. Л. 1 (Коллекция Н.В. Паншева). В опубликованном тексте книги ссылка на «Летопись» отсутствует. – *Н.Б.*

¹⁰ *Воспоминания*. С. 409–410.

¹¹ *Жизнь и труды*. С. 9, 15, 20; *Хроника рода Достоевского*. М.: Север, 1933. С. 22–41.

¹² Дата рождения – по кн.: Наука и научные работники СССР. Ч. 4. Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 53–54. Впрочем, в метрическом свидетельстве, выданном Ярославской духовной консисторией, указана другая дата – 14 апреля (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 310). – *Н.Б.*

¹³ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

долгое время считалось, что основатель рода выехал из Польши¹⁴. Однако недавние разыскания показали, что Волоцкие – истинно русского происхождения¹⁵. До самого XX в. они селились в Вологодском крае, главным образом в окрестностях уездного центра Грязовца. Память о них до сих пор хранит усыпальница знаменитой Спасо-Прилуцкой обители (1830), более известная как церковь Св. Екатерины. По имеющимся сведениям (увы, весьма и весьма скудным), прямые предки Михаила Васильевича – дед Николай Алексеевич и прадед Алексей Кузьмич – были скромными военными, не выделяющимися из общей массы провинциального офицерства¹⁶. Родство с известным переводчиком Николаем Аполлоновичем Волоцким или военным писателем, генерал-майором артиллерии Николаем Викторовичем Волоцким (после отставки – вольнослушателем, затем выпускником филологического факультета Московского университета), весьма

интересное в русле нашего рассмотрения, оказывается достаточно дальним. Вместе с тем, именно это обстоятельство указывает на некую общность гуманитарных интересов, как бы присущую всему роду.

...В 1918 г. Михаил Волоцкой заканчивает естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и остается на стажировку при профессоре Д.Н. Анучине, основоположнике отечественной антропологии. Однако тогда задержаться в МГУ Волоцкому не удалось. В разное время ему пришлось работать в Государственном центральном институте физической культуры Наркомздрава, в I и II Московских медицинских институтах, в Государственном Тимирязевском научно-исследовательском институте, сотрудничать с Медико-генетическим институтом им. М. Горького¹⁷. Как известно, последняя организация была разгромлена в годы сталинских репрессий, а ее руководитель С.Г. Левит погиб в застенках НКВД. К счастью, сам Волоцкой в это смутное время не пострадал. Его исследовательская работа касалась главным образом морфологии и антропометрии кисти, а также индивидуальной, наследственной и географической изменчивости папиллярного рельефа человека (пальцы, ладони, стопы). Он опубликовал около 20 научных работ и несколько десятков мелких сообщений, рецензий,

¹⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 7 (13). СПб., 1893. С. 104.

¹⁵ Гневашев Д.Е. К начальной истории вологодского дворянского рода Волоцких. 2005. Рукопись.

¹⁶ Сообщено Н.В. Новиковой. – Н.Б.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1; Наука и научные работники СССР. С. 53–54. В 4-м выпуске «Трудов» Медико-генетического института (1936) вышла работа Волоцкого «К вопросу о генетике папиллярных узоров пальцев». – Н.Б.

популярных статей и брошюр. И если его публикации по «спорным вопросам евгеники» ныне имеют скорее исторический интерес (в последние годы жизни исследователь и сам отказался от многих высказанных идей), то работы по изучению волярного рельефа приматов (дерматоглифики) до сих пор не потеряли своего значения. Больше того, М.В. Волоцкой остается крупнейшим отечественным специалистом в этой области¹⁸.

В 1935 г. квалификационная комиссия Наркомпроса утвердила исследователя в звании старшего научного сотрудника. 1 февраля 1938 г. советом МГУ ему была присуждена степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. А 23 апреля 1940 г. решением Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Волоцкой стал доцентом. С 1 декабря 1942 г. он получал академическую пенсию¹⁹.

Не будет преувеличением считать, что в научных кругах того времени Михаил Васильевич был фигурой харизматической. Автору этих строк довелось услышать воспоминания профессора II Медицинского института А.А. Малиновского, сотрудников Музея антропологии МГУ Т.Д. Гладковой и М.И. Урысона, потомков рода Достоевских – Л.А. Спивак (№ 459) и Е.Ю. Агарковой-Бабушкиной (№ 477); всем запомнилась особая атмосфера, окружавшая этого человека, благородный облик носителя «старой», дворянской культуры, проникновенный взгляд его удивительных глаз. Недаром в среде молодых сотрудников МГУ его именовали не иначе как «князь Волоцкой». С другой стороны, становится понятным, как тяжело жилось Михаилу Васильевичу в задыхающейся под тоталитарным гнетом стране, сколь велика была для него угроза ареста в страшные годы ежовщины.

В Великую Отечественную войну Волоцкой не покинул осажденной Москвы. Вместе с немногочисленными коллегами он заботился об уникальных коллекциях Музея и Института антропологии при университете, дежурил по ночам на крыше ректорского корпуса на Моховой. Осенью 1943-го, участвуя в эвакуации МГУ, по несчастной случайности он выпал из кузова внезапно тронувшегося грузовика и получил сильнейшее сотрясение мозга. Его здоровье постепенно слабело, и 4 октября 1944 г. он скончался в одной из клиник Москвы от сердечной недостаточности. На рабочем столе остались незавершенными главные труды жизни, в том числе «Эволюция папиллярного рельефа» и второй том «Хроники рода Достоевского», посвященный характерологическому анализу личности самого Федора Михайловича²⁰. Знакомство с материалами второго тома убеждает в

¹⁸ Подробнее см.: Богданов Н.Н. Типология индивидуальности. М., 2004. С. 223–289.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

²⁰ Там же. Ед. хр. 27–34.

Волоцкой с женой Ольгой Евгеньевой
(наклеена фотография дочери Зои)

мысли: выйди книга из печати – мы имели бы непревзойденное по полноте исследование, а в лице его автора – крупнейшего отечественного патографа.

На антропологическом бланке²¹ Милия Федоровича Достоевского (№ 266), ныне хранящемся в Музее и Институте антропологии МГУ, помечено: предложение заняться изучением рода Достоевских поступило от профессора Н.К. Кольцова 10 января 1922 г. А дату первой беседы с Мил. Ф. Достоевским – 5 марта того же года – Волоцкой считал началом своей работы в этой области²². Таким образом, интересующий нас труд замышлялся и на первых порах осуществлялся как бы под эгидой Русского евгенического общества (РЕО), деятельными участниками которого были в то время и Волоцкой, и Кольцов (а последний даже председательствовал в нем). Здесь нет ни места, ни необходимости заниматься анализом идей этого замечательного научного объединения, до сих пор еще не получившего достойной оценки своей деятельности. Достаточно лишь сказать, что по широте охвата, полноте и тщательности сбора материалов о человеке уровень РЕО не только не превзойден последующей антропологической наукой, но и намного превышает современный. Генеалогические разыскания под эгидой Общества велись в родах Пушкина, Л. Толстого, Шаляпина, Горького, Есенина²³. Ценнейший материал о родственниках поэтов

XX в. был собран Г.Г. Фризенем²⁴. Но только Волоцкому удалось довести дело до завершающего этапа – выхода книги. О принципах, которыми он руководствовался в своих изысканиях, можно судить по вопросам его первого письма к племяннику писателя.

²¹ Антропологический бланк предназначен для записи результатов антропологических обследований. Может содержать данные о человеческом росте, телосложении, цвете волос и глаз, размерах и форме лица и т.п. – *Ред.*

²² Хроника рода Достоевского. М., 1933. С. 20.

²³ Кольцов Н.К. Родословные наших выдвиженцев // Русский евгенический журнал. 1926. Т. 4. Вып. 3–4. С. 103–143.

²⁴ Пчелов Е.В. Генеалогия и евгеника в России в 1920-е // Генеалогический вестник. Вып. 22. СПб., 2005. С. 20–23.

М.В. Волоцкой – А.А. Достоевскому
3.I.1924 <Москва>

О каждом из членов рода Достоевских желательно было бы знать точно или приблизительно время рождения (особенно важно отметить случаи близнечества), вступления в брак, если умер, то смерти, с указанием причины последней. Кроме того, сведения о каких-либо отличительных чертах характера, вкусах, способностях, одаренности (наприм<ер> литературной, музыкальной, научной), о странностях характера, а также и сведения об особенно тяжелых из перенесенных болезней, в особенности наследственного характера (алкоголизм, эпилепсия, слабоумие, душевные заболевания <по возможности с указанием формы заболевания и места лечения>, нервные подергивания, навязчивые идеи, менингит, рак, туберкулез, страсть к азартным играм и пр.). Из более мелких особенностей было бы интересно отметить, кто в роду был левша, отметив также и тех, кто был левшой только в детстве, а также тех, кто в одинаковой мере владеет обеими руками.

Хотя каждое сведение, проливающее свет на родословную, в данном случае может быть очень важным, проливая свет и на природу творчества и гениальности, однако, если бы Вы не пожелали, чтобы некоторые из Ваших данных были когда-либо опубликованы, то, пожалуйста, сделайте соответствующие указания, которые я обещаю Вам исполнить.
(ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Лл. 2 об. – 3 об.)

Исследователя интересовали не сухие биографические сведения, традиционно составляющие формализованную сущность большинства генеалогических трудов, а именно *личностные характеристики* представителей рода в биологическом, медицинском и психологическом аспектах. Забегая вперед, скажем – именно такой подход делает книгу Волоцкого уникальной. Кажется, его труд не имеет себе равных ни в отечественной, ни даже в мировой науке. Отметим, что на протяжении всего периода подготовки книга называлась «Род Достоевских в характерологическом освещении». Причем, как видим, эта характерология сопрягалась с биологическими характеристиками человеческого тела – несомненным фундаментом психических особенностей личности.

Уже на ранних этапах сбора материала исследователь столкнулся с затруднениями. В первую очередь укажем на трудности в получении информации. По обстоятельствам того времени (закрытость государственных архивов, недоступность многих печатных источников) Волоцкой, как правило, был лишен возможности проверить поступающие к нему сведения по документам. Именно этим определяется большинство неточностей в «Хронике». Чрезвычайно много искажений содержат, например, сведения, полученные от Ф.Г. Добржанского²⁵; много неточностей в информации от Мил. Ф. Достоевского, В.Д. Голеновской (по всей видимости, редактировавшей и линию Шеров), О.М. Бережновой. Тем не менее, в ряде случаев исследователем был предпринят специальный анализ источников (например, при установлении даты рождения младшего сына писателя). В поисках материала Волоцкой даже побывал в имении родителей писателя Даровое²⁶, где доживала свой век племянница Федора Михайловича Мария Александровна Иванова (№ 411).

²⁵ Детальный анализ допущенных ошибок и причин их возникновения см.: Богданов Н.Н. «Кровь» Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя // Достоевский и современность. В. Новгород, 2004. С. 333–334.

²⁶ Поездка состоялась 8 июля 1925 г. См.: *Материалы и исследования*. Т. 6. С. 291–293.

Только благодаря его усилиям был сохранен памятник с могилы матери Ф.М. Достоевского на Лазаревском кладбище (ныне хранится в московском музее писателя).

С другой стороны, работу серьезно осложняли проблемы этического характера.

М.В. Волоцкой – А.А. Достоевскому
2.VII.1924 <Москва>

...Я опасюсь, что по тем материалам, которые я Вам послал, у Вас может составиться нежелательное для меня представление о моей работе. В частности, это относится к генеалогической таблице – в таком виде, с зачерненными алкоголиками, она предназначалась, разумеется, не для печати, а лишь для так называемого «менделеевского» (наследственного) анализа в узком кругу нашего О<бщест>ва.

(ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Лл. 8 – 8 об.)

Балансируя на чрезвычайно узкой грани между опасностью обнародования не подлежащих огласке фактов и необходимостью составить возможно более полные характеристики представителей рода, Волоцкой пытался смягчить ситуацию комментированием собранной им информации, подспудно апеллируя к научному мировоззрению своего адресата, в ту пору уже сотрудника Пушкинского Дома:

Отдельные дегенеративные признаки представляют для меня, в данном случае, интерес лишь постольку, поскольку подтверждают связь гениальности и одаренности с вырождением, в то время как здоровая посредственность лишена как того, так и другого.

(ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Лл. 8 – 8 об.)

Признаемся, что мы не разделяем этих представлений. На наш взгляд, дело не в имманентной связи патологии с гениальностью, как в свое время полагали Ч. Ломброзо и Г.В. Сегалин, а в том, что их невозможно разделить у *конкретного человека*. Впрочем, сейчас важнее отметить другое. Увы, худшие опасения исследователя оправдались – представленный им материал вызвал замешательство у А.А. Достоевского²⁷ и резко негативную реакцию у племянницы писателя Екатерины Михайловны Достоевской (№ 258). «Евгенический отдел составил родословную Достоевских, где о моем отце написано, что он был алкоголиком. Откуда они получили это известие?» – возмущалась она в письме к В.С. Нечаевой²⁸. В результате Волоцкой утратил ценнейший источник информации – Екатерина Михайловна бесповоротно отказалась помогать. Однако у нас нет оснований считать, что «евгенический отдел» грубо исказил реальность. Прежде всего, совершенно ясно, что исследователь ничего не придумывал сам. Сведения о жизни М.М. Достоевского он получил, скорее всего, от его внука – Мил. Ф. Достоевского. Разумеется, информация, исходящая от человека, «мало интересовавшегося своим родом»²⁹, могла содержать искажения. Но так ли это? Понимая всю деликатность вопроса, обратим внимание на причину смерти старшего брата писателя – «нарыв в печени» и «излияние желчи в кровь»;

²⁷ «А.А. хотел написать Волоцкому и опровергнуть допущенную неправду...» (*Материалы и исследования*. Т. 6. С. 286).

²⁸ Письмо от 11 марта 1924 г. Там же. С. 285–286.

²⁹ Там же. С. 281.

иными словами, речь идет о циррозе этого органа. Что за вредности могли привести к его развитию в то относительно благополучное в экологическом отношении время? Думается, дальнейший анализ здесь излишен³⁰.

Весьма осторожную позицию по отношению к разысканиям Волоцкого первоначально занял и внучатый племянник Ф.М. Достоевского – профессор истории Саратовского и Сталинградского университетов Юрий Алексеевич Иванов (№ 444). Правда, познакомившись с «Хроникой» уже после выхода ее из печати, он отказался от всех своих подозрений³¹. У Милия Федоровича, напротив, отношение к работе Волоцкого менялось от спокойно-заинтересованного, по крайней мере нейтрального – до резко отрицательного, прямо-таки обструкционистского³². Возможно, что даже Андрей Андреевич Достоевский, много и деятельно помогавший Волоцкому, все-таки фильтровал важную для того информацию – так, например, он скрыл факт смерти своей малолетней сестры Марии от эпилептических судорог: «Умерла от крупа». А ведь смерть несчастного ребенка подробно описана в «Воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского», редактором и публикатором которых был его сын – Андрей Андреевич. Следовательно, последний не мог не знать обо всех обстоятельствах печального события.

Новые обвинения обрушились на автора «Хроники» уже после выхода книги из печати.

«Итак, книга Волоцкого у Вас есть, – обращалась 4 февраля 1935 г. невестка писателя Екатерина Петровна Достоевская (№ 334) к крупнейшему исследователю творчества Достоевского за рубежом А.Л. Бему. – Задумана она хорошо, но выполнить эту задачу, особенно заключение, Вол<оцкому> не удалось, по общему мнению и по нашему личному впечатлению. Много неточностей, даже в датах, некорректностей; так Ивановы дали материал, чтобы кое-что, наиболее нужное, было напечатано, а Вол<оцкой>, не уведомив их, напечатал все. Та же некорректность в отношении Андрея и меня. Считаю, что для характеристики Фед<ора> Фед<оровича> не так необходимо упоминать об моем личном разрыве с ним – начиная с 1916 года – и в особенности из-за детей, которых я не посвящала в свои личные переживания, я не углублялась в этот вопрос в разговоре с Вол<оцким>. Он же не считал нужным дать мне или Андрею просмотреть и прокорректировать тот лепет, кот<орый> наболтала Михаэлис о периоде, когда она не знала Фед<ора> Фед<оровича>; смешивая всеми уважаемого Рибоьера с какими-то полутемными (?) личностями Герценб<ергом> и Левенс<оном>, будто друзьями Фед<ора> Фед<оровича>, кот<орых> я, однако, за 13 лет моей совместной жизни никогда не видала у себя в доме <...> Андрей изображен 16-ти летн<им> мальчиком, когда это совсем зрелый и совершенно другой, сложившийся и много поработавший над собой человек, очень индивидуальный»³³.

Возьмем на себя смелость сказать, что в данном случае некорректна сама Екатерина Петровна. С какой стати она или ее сын должны были «прокорректировать» воспоминания *другого лица*? Конечно, по-человечески переживания покинутой женщины понятны: для нее было чрезвычайно неприятным одно только упоминание о гражданской жене ее бывшего мужа, Леокадии Стефановне Михаэлис. А ведь в книге приведены и посвященные той стихи – единственное, что уцелело от литературного наследия Федора Федоровича.

³⁰ См. также мнение А.А. Достоевского по этому поводу на с. 286. – Н.Б.

³¹ См. письмо Ю.А. Иванова Волоцкому от 28 февраля 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 64). – Н.Б.

³² См. письмо Е.А. Ивановой Волоцкому от 9 сентября 1934 г. (Там же. Ед. хр. 61. Л. 335). – Н.Б.

³³ Достоевский и мировая культура. № 18. СПб., 2003. С. 218.

Писались ли они в период его супружества с Екатериной Петровной? Посвящались ли ей? Качество воспоминаний Михаэлис может оценить сам читатель. На наш взгляд, они великолепны. Екатерина Петровна, увы, столь же предвзята и в прочих своих обвинениях. Так, о дружбе Ф.Ф. Достоевского с В.О. Левенсоном свидетельствует их совместная фотография 1883–1884 г. из альбома Анны Григорьевны Достоевской, ныне хранящегося в Пушкинском Доме³⁴. Больше того, *именно в этом качестве* Левенсон упомянут самой Екатериной Петровной в ее письме к Волоцкому от 5 апреля 1925 г.³⁵ Сведения о внуке писателя в пору его юности в книге действительно отсутствуют – но были ли они предоставлены? Что же касается Ивановых, то с ними публикуемый материал Волоцкой как раз-таки *согласовывал*.

На этом вопросе следует остановиться подробнее. Известно, что при публикации материалов о потомках сестры писателя Веры Михайловны, в замужестве Ивановой (глава IX «Хроники»), у некоторых персоналий были изменены имена. Точнее, они были изменены у тех, с кем не удалось согласовать публикацию, или у тех, кто не хотел фигурировать в книге под своим подлинным именем³⁶. Таких было всего трое – это внуки В.М. Ивановой Вера (№ 451, в книге – Анна) и Татьяна (№ 455, в книге – Варвара), а также внук Сергей (№ 457, в книге – Андрей). Однако претензии исходили не от них³⁷, а от их сестры Елены Алексеевны Ивановой (№ 452), на протяжении многих лет распространявшей слухи о каких-то будто бы имевших место прегрешениях Волоцкого в ее отношении. А ведь она фигурирует в книге как раз под своим подлинным именем! Больше того, имеются основания полагать, что исследователь оплатил ей из своего гонорара опубликованную в «Хронике» автохарактеристику «Моя жизнь» (с. 772–790). Неужели этот текст писался «для себя»? Интересно, что в эпистолярном общении с Волоцким Е.А. Иванова восставала лишь против одного, приписываемого ей письма («На меня напала мания Плюшкина...», с. 771), не заключающего в себе ничего скандального. А в принадлежавшем ей экземпляре «Хроники» (с дарственной надписью автора)³⁸ *нет ни одного существенного исправления*. Известно также, что после выхода книги в свет Иванова не порвала отношения с исследователем, а продолжала до самого августа 1944 г. тиранить его письмами, полными душевных интимных подробностей своей жизни³⁹. Увы, у нас нет иного объяснения для поступков этой женщины, кроме особенностей ее собственного характера⁴⁰.

О том, насколько автор «Хроники» стремился быть осторожным с имеющейся у него информацией, свидетельствует следующее его письмо.

³⁴ Достоевский и мировая культура. № 18. С. 218. Примечание 87.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 14 об. Текст этого послания даже вошел в «Хронику рода Достоевского»! (См. с. 484–485 настоящего издания.) – Н.Б.

³⁶ Устное свидетельство Лидии Алексеевны Ивановой (по мужу Спивак) автору этих строк в декабре 2003 г., а также ее письмо к директору Музея Ф.М. Достоевского в Старой Руссе В.И. Богдановой от начала января 1980 г. (Ст. Русса). – Н.Б.

³⁷ Так, например, в письме С.А. Иванова М.В. Волоцкому от 27 сентября 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1) не содержится никаких возражений по тексту книги. Также и Л.А. Спивак в беседах с автором этих строк высказывала претензии не Волоцкому, а своей сестре Елене – как источнику информации. – Н.Б.

³⁸ Ныне хранится у племянницы Елены Алексеевны, Н.Н. Спивак. – Н.Б.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61.

⁴⁰ См.: Богданов Н.Н. «Минувшее проходит предо мною...» Письма внучатой племянницы Достоевского к С.В. Белову // Достоевский и современность. В. Новгород, 2011. С. 332–341.

М.В. Волоцкой – А.А. Достоевскому
13.XI.1924 <Москва>

Если Вы увидите ее <Екатерину Михайловну Достоевскую>, то передайте, пожалуйста, что я очень прошу ее, так сказать, благословения на включение в родословную Достоевских Игоря Лури. Относительно Прасковьи Ивановны <Аникиевой> и ее сына Ивана я не настаиваю. Я их знаю только по именам, и изъятие их не убавит ничего от моей работы. Но Игорь Лури интересен для меня как музыкант, а одной из характернейших черт Достоевских является как раз музыкальность.

(ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Лл. 19 – 19 об.)

Опубликованный текст «Хроники» показывает, что автору удалось отстоять всех троих. Благодаря этому стало возможным прояснить одно давнее недоразумение. Дело в том, что в 1914 г. в одной провинциальной «ежедневной политической, общественной и литературной газете» были напечатаны «портреты Ф.М. Достоевского, найденные в Ростовском сиротском суде»⁴¹. Понятно, что их публикация состоялась только по причине широчайшей известности имени Федора Михайловича. Между тем на оборотной стороне одного из снимков имелось послание (факсимильно воспроизведенное публикаторами), из которого со всей определенностью следует, что на них изображен не сам писатель, а его племянник – Федор Михайлович-младший (№ 248)! Указанное письмо адресовано «брату Ване». Резонно предположить, что этим человеком является внебрачный сын М.М. Достоевского Иван Аникиев (№ 262), следы которого, казалось, были безвозвратно потеряны.

К великому сожалению, рассмотренные выше трудности были не только не единственными, но даже и не самыми главными. Куда серьезнее оказались иные проблемы. Поскольку Достоевские – старинный дворянский род, в судьбах многих его отпрысков отразились роковые события российской истории начала XX в. Так, например, известно, что 27 июля 1919 г., как бывший офицер, был расстрелян внучатый племянник писателя Дмитрий Николаевич Голеновский (№ 494). Буквально несколькими днями раньше в селе Красном под Ярославлем карательным отрядом, подавлявшим последствия Перхуровского мятежа, был безвинно убит муж внучки Андрея Михайловича Достоевского Сергей Николаевич Ленин (№ 384). Можно себе представить, в каком страшном положении оказалась семья покойного. Между тем, по какой-то жуткой иронии судьбы именно от отца Сергея Николаевича получил свой партийный псевдоним, позже ставший второй фамилией, «пламенный вождь» мирового пролетариата. Теснейшим образом с Белым движением в Сибири оказался связан и Ю.А. Иванов – правда, к его счастью, сведения об этом дошли до органов госбезопасности только в 1943-м. В результате Иванов был осужден на пять лет лагерей, но это уже другая история⁴².

На рубеже 1920–30-х на представителей славного рода вновь обрушились репрессии. Летом 1929 г. из Донского политехнического института «за дворянское происхождение» был отчислен родной внук писателя Андрей Федорович Достоевский (№ 338). 14 ноября 1930 г. в Ленинграде по печально известному «делу академиков» был арестован Андрей

⁴¹ Утро Юга (Ростов-на-Дону). 1914. 15 мая. № 112.

⁴² Подробнее см.: Богданов Н.Н. Поэт, «исполненный желчи» // Достоевский и современность. В. Новгород, 2006. С. 433–441.

Андреевич. Его освобождение в 1931-м стало возможным только благодаря хлопотам А.Ф. Достоевского, заступничеству А.В. Луначарского и... юбилею Федора Михайловича! Тем поразительнее факт: до распада в 1991 г. Советского Союза *все* кровные родственники писателя жили на территории этой страны. Исключение составлял только Феодосий Григорьевич Добржанский (№ 77): в 1931 г. он отказался вернуться из научной командировки в США. Письмо Добржанского к академику Н.И. Вавилову от 10 августа 1931 г. с сообщением о принятом решении было написано в чрезвычайно резкой форме. Результатом стал ярлык «невозвращенца», воспрепятствовавший приезду Добржанского на родину, даже после хрущевской «оттепели»...

Несомненно, Волоцкой не мог и думать об обнародовании всех этих сведений. Тем не менее, он попытался, на наш взгляд, сохранить для будущих исследователей хотя бы намек на произошедшие события. Так, например, в биографической справке о С.Н. Ленине указаны только годы его рождения и смерти, однако несколькими страницами дальше в справке о его старшей дочери специально отмечено, что 13-летняя девочка «умерла от нервного расстройства, вызванного смертью отца» (с. 634, 661). О Ф.Г. Добржанском сказано, что в 1928 г. он «находился в научной командировке в Америке, где работал по генетике дрозофилы в лаборатории Моргана при Нью-Йоркском Columbia University». Пытаясь как-то уравновесить публикуемые сведения, Волоцкой несколько усилил «революционное прошлое» некоторых представителей рода. Таковым, например, показан дядя Добржанского по матери Иван Васильевич Войнарский (№ 73), якобы сосланный в Сибирь «по делу убийства вел. кн. Сергея Александровича». О Петре Васильевиче Войнарском (№ 75) сообщается, что он служил в Красной армии и был расстрелян деникинцами. Однако даже простое размышление над фактами биографии старшего из братьев Войнарских показывает невозможность такого жизненного пути. Новые архивные разыскания позволили прояснить этот вопрос⁴³.

После роспуска РЕО в 1929 г. работа над «Хроникой» становится фактически частным делом Волоцкого. Однако он продолжает свой труд.

М.В. Волоцкой – А.А. Достоевскому
18.XI.1930 <Москва>

Что касается моей книги, то она, по-видимому, пока застряла. Очень уж туго переживается противоречие между ее размерами, с одной стороны, и недостатком бумаги – с другой. Но я не унываю и продолжаю предпринимать различные шаги к ее изданию. В частности, не оставляю мысли о возможности ее издания при Академии наук.

(ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 21 об.)

Несомненно, возникли затруднения и с советской цензурой. (О них, в частности, пишет в своей заметке о Достоевских весьма осведомленный в делах Волоцкого В.С. Арсеньев⁴⁴.) Вскоре автор «Хроники рода Достоевского» обратился с письмом к председателю Ученого комитета при ЦИК СССР.

⁴³ Подробнее см.: Богданов Н.Н. Его родословная (К 100-летию Ф.Г. Добржанского) // Природа. 2000. № 12. С. 65–67; Он же. «Кровь» Достоевских // Достоевский и современность. В. Новгород, 2004. С. 313–338; В поисках утерянных звеньев. С. 132–145.

⁴⁴ Арсеньев В.С. К происхождению Ф.М. Достоевского // Новик (Афины). 1934. Вып. 2. С. 16.

М.В. Волоцкой – А.В. Луначарскому
24.X.1930. Москва

Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Моя работа «Род Достоевских в характерологическом освещении» находится сейчас в Комакадемии, где имеется возможность ее издания. В ближайшее время должен решиться вопрос о ее судьбе. В этот момент Ваше слово могло бы значить так много, что я обращаюсь к Вам с просьбой еще раз оказать свою помощь в таком трудном и длительном рождении моей работы на свет. Если бы удалось двинуть дело быстрым темпом, то есть еще надежда, что книга выйдет в юбилейном 1931 году. Я надеюсь также, что она выйдет с обещанным Вами предисловием. Уважающий Вас, М. Волоцкой. Москва, Софийская наб., 10, кв. 8.

(РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 668. Л. 6; *Генеалогический вестник*. Вып. 22. СПб., 2005. С. 20–23)

Как мы знаем, книга вышла только через три года, под редакцией М.А. Цявловского и с предисловием замечательного психиатра П.М. Зиновьева, в доживающем последние дни кооперативном издательстве «Север». Каково же значение собранной Волоцким информации?

Прежде всего, оно – в *обилии, многообразии и подлинности* собранных фактов. Фактов, которые каждый обращающийся к книге исследователь может использовать в зависимости от выбранных им целей. С одной стороны – это сведения биографического характера. К примеру, информация, почерпнутая из книги Волоцкого, в явной или скрытой форме присутствует во множестве популярных и строго научных изданий, так или иначе касающихся жизнеописания Достоевского⁴⁵. Ею полны беллетризованные биографии Федора Михайловича из серии ЖЗЛ⁴⁶, фундаментальное исследование И.Л. Волгина⁴⁷, трехтомная «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского», указатели имен в Полном собрании сочинений, выпущенном ИРЛИ, и т.д.

(Вместе с тем, «Хроника» полностью опровергает слухи о возможном родстве с Федором Михайловичем известного предпринимателя Александра Павловича Владиславлева или замечательной актрисы Театра Советской армии Любови Ивановны Добржанской – слухи, и по сей день витающие вокруг имен этих людей. Точно так же не является родственницей писателя жительница города Пинска Маргарита Петровна Паутова (якобы происходящая от родной сестры матери писателя Марфы – фигуры абсолютно мифической), героиня сенсационных публикаций в различных провинциальных изданиях⁴⁸. Увы, не встраивается в родословную и Сергей Николаевич Достоевский, отец которого в 1930 г. сумел доказать в Путиловском сельсовете Оленинского района Калининской области,

⁴⁵ Показательно, что еще в 1920-е материалы Волоцкого заинтересовали профессора Р. Фюлоп-Миллера и должны были войти в издающийся им в Вене сборник о Достоевском (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 6). Увы, судьба этой публикации нам неизвестна. – Н.Б.

⁴⁶ Гроссман Л.П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 7–9; Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 9–11.

⁴⁷ *Родиться в России*. С. 8–105.

⁴⁸ См., например: Яруцкий Л. Маргарита Петровна из рода Достоевских // Мариупольская мозаика. Вып. 1. Мариуполь, 1998. С. 208–212; Шапиро С. Из рода Достоевских // Полесская правда. 1997. 19 ноября. № 93. С. 3. Хранящаяся в семье Паутовой фотография писателя (якобы с его автографом) является пересъемкой, выполненной в московском ателье И. Александровского уже после смерти Ф.М. Достоевского. – Н.Б.

М. В. ВОЛОЦКОЙ

ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКОГО

1506—1933

Предисловие

П. М. ЗИНОВЬЕВА

„Запомните мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает Вам того, что даст самая обыкновенная заурядная жизнь“.

Слова Ф. М. Достоевского (по записи О. Починковской).

Москва

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕР»

1933

что его дед Евдоким Дмитриевич в свое время носил столь славную фамилию⁴⁹. По нашим данным, следы *неучтенных* Достоевских отмечаются в Москве, Петербурге, Астрахани, на Валдае, в Мелеузовском районе Башкирии и Волжском районе республики Марий Эл. Однако единственными, кто может всерьез претендовать на родство с великим писателем, оказываются киевлянин Павел Петрович Достоевский (в прошлом – главный ветеринарный врач Украины) и его одесские родственники⁵⁰.)

С другой стороны, собранный Волоцким материал позволяет проводить широкий анализ по специальным вопросам медико-биологического профиля. К примеру, известнейший отечественный генетик В.П. Эфроимсон использовал работу Волоцкого для обоснования своей гипотезы о мономерно-аутосомно-доминантном типе наследования у человека комплекса эпилепсии с эпилептоидными чертами характера⁵¹. Действительно, судорожные пароксизмы наблюдались как минимум у пяти близких родственников писателя, а эпилептоидные черты характера в той или иной степени присущи большинству представителей рода. Но ведь сходным образом проявилась у них и одаренность! Так, например, несомненным литературным даром обладали старший брат писателя Михаил Михайлович (№ 31), дети – Любовь Федоровна (№ 331) и Федор Федорович (№ 332), внучатые племянники Владимир Михайлович Владиславлев (№ 273) и Юрий Алексеевич Иванов, правнучатая племянница Вера Сергеевна Ленина (№ 396) и многие другие. Интересно отметить, что в своих литературных вкусах и Владиславлев, и Иванов явно тяготели к лапидарной античной поэзии. В творческом наследии обоих имеются талантливые стилизации в духе древних авторов, а Владиславлев оставил еще и переводы из Марциала и Бибакула. Отметим заодно (не называя имен), что среди членов рода нередко были и люди с огромной тягой к литературному творчеству, но не имевшие таланта. Думается, это наблюдение важно для понимания природы литературного гения.

Еще более выраженной оказывается у Достоевских музыкальная одаренность – здесь мы с полным правом можем указать на уже упомянутого старшего брата писателя, его дочь Марию (№ 251), сыновей Михаила и Федора (№№ 253 и 248), а также на дочь последнего Татьяну (№ 269). Кроме того, несомненными способностями к музыке обладали племянница писателя Мария Александровна Иванова и более отдаленные родственники – Инна Владимировна Иванова (№ 462), Александр и Михаил Владимировичи Владиславлевы (№№ 298 и 301), Игорь Борисович Лури (№ 294) и др. Столь же высока была и художественная одаренность. Известно, например, каким прекрасным рисовальщиком был все тот же М.М. Достоевский-старший. Профессиональными художниками стали его прямые потомки Вера и Евгения Александровны Владиславлевы (№№ 319 и 323), а также дочь первой Татьяна Петровна Юрченко, ныне проживающая в Киеве. Ярким талантом карикатуриста обладал внук писателя Андрей Федорович Достоевский. (Между прочим, достоеведы неоднократно подчеркивали, сколь замечательны рисунки и самого классика.) Наконец, стоит отметить научную одаренность рода Достоевских. В подтверждение сказанного достаточно назвать имена приват-доцента Военно-медицинской академии Александра Андреевича Достоевского (№ 376), первым описавшего гаплоидный набор хромосом в половых клетках аскариды, и Феодосия Григорьевича Добржанского – одного из крупней-

⁴⁹ Сведения предоставлены вдовой С.Н. Достоевского Анной Яковлевной. – Н.Б.

⁵⁰ Подробнее см.: Богданов Н.Н. «Кровь» Достоевских. С. 319.

⁵¹ Эфроимсон В.П., Блюмина М.Г. Генетика олигофрений, психозов, эпилепсий. М.: Медицина, 1978. С. 334.

ших генетиков XX в. Талантливыми историками были уже упоминавшиеся Ю.А. Иванов и В.М. Владиславлев. Знакомство с научным наследием Мил. Ф. Достоевского обнаруживает, что творческий диапазон этого замечательного искусствоведа был поистине безграничен⁵².

Возвратимся к медико-биологическим аспектам, чтобы отметить несколько любопытных моментов. Еще в 1930-е немецкий невролог К. Конрад обратил внимание на то, что в эпилептических семьях чаще, чем где-либо, рождаются дизиготные (разнойцевые) близнецы⁵³. Интересно, что в роду Достоевских на 161 роды от поколения родителей Федора Михайловича до его правнука – Дмитрия Андреевича Достоевского – приходится шесть пар близнецов (из них четыре разнополых, то есть однозначно дизиготных). Это составляет около 3,7%, в то время как в России и странах Европы того периода близнецов рождалось всего около 1%⁵⁴. Факт замужества сестры писателя Варвары Михайловны за эпилептиком Петром Андреевичем Карепиным (№ 358) может служить ярким примером так называемой ассоративности браков, когда супружеские союзы чаще заключаются между людьми, сходными в отношении морфологическом (рост, цвет кожи и проч.) или психологическом. Между прочим, эпилептоидные черты характера обнаруживаются и у второй жены писателя Анны Григорьевны (№ 329), и у ее невестки Екатерины Петровны (№ 334), и даже у возлюбленной Достоевского Аполлинии Сусловой. Вообще говоря, обрисованная Волоцким характерология со всей убедительностью показывает, в какой мере сам Федор Михайлович является плотью от плоти своего яркого и мятежного рода. Другое дело, что, будучи феноменально одаренной личностью, писатель часто оказывался гораздо мудрее и чище своего родственного окружения.

25 августа 1934 г. Л.П. Гроссман, вероятно, получив причитающийся ему экземпляр «Хроники рода», писал ее автору: «Шлю искреннее спасибо, многоуважаемый Михаил Васильевич, за Ваш исключительно ценный для меня подарок. Сердечно приветствую Вас с выходом Вашего долголетнего труда, несомненно, составляющего эпоху в изучении Достоевского. С громадным интересом перечел знакомые мне благодаря Вашей товарищеской любезности материалы, проливающие столько света в истории жизни и творчества Достоевского. Это образцовая работа, увлекающая новизной постановки главной темы и свежестью собранных материалов. От всей души желаю Вам, себе и всем “достоевцам” скорейшего выхода второго тома!»⁵⁵

Приблизительно в это же время дает свой отзыв на книгу и председатель комиссии по творческому наследию Достоевского Г.И. Чулков. Полностью не приняв «характерологического анализа» Волоцкого (как «обусловленного сомнительными “достижениями” психопатологической методологии»), Чулков все-таки признал, что одиннадцать глав «Хроники» «представляют интереснейший материал, прежде всего для историка и социолога», благодаря чему «книга М.В. Волоцкого в своей документальной части является богатым вкладом в нашу научную литературу»⁵⁶. Что ж, негативное отношение к психопатологичес-

⁵² Подробнее см.: Богданов Н.Н. Правда и ложь о жизни и смерти Милия Достоевского // Достоевский и современность. В. Новгород, 2006. С. 422–433.

⁵³ Conrad K. Erhanlage und Epilepsie. Z. Neurol. Psychiatr. 1935. Bd. 135. № 2. S. 271–326.

⁵⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 4 (7). СПб., 1894. С. 83; Фридрих В. Близнецы. М.: Прогресс, 1985. С. 88–91.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 177. Лл. 3–4.

кому или, точнее, патографическому анализу человеческой личности было в то время, можно сказать, общим местом – не даром ведь со всех сторон лились речи о воспитании человеческой природы, неустанной работе с «человеческим материалом», созидании «нового человека». Роль социальных (а если шире – то средовых) факторов в формировании психики – несомненна. Вряд ли можно спорить и с тем, что воспитание призвано смягчать негативные проявления людских характеров. Но можно ли перевоспитать темперамент? Не проще, чем перевоспитать зайца во льва, а капусту в морковь! Впрочем, недоброй памяти Лысенко с Лепешинской расцветали как раз в то печальное время...

Следует особо отметить впечатление, которое произвела книга Волоцкого на крупнейшего отечественного невролога С.Н. Давиденкова. В апреле 1935 г. он даже обратился к автору «Хроники» со специальным письмом, где, высказав несколько полемических мыслей о природе наследственности эпилепсии и путях ее изучения, отметил удовольствие, которое ему доставило чтение этой «исключительно интересной книги»⁵⁷. Как видим, наличие эпилепсии у Ф.М. Достоевского было для Давиденкова фактом несомненным. В связи с этим нельзя не упомянуть о затеянной уже в наше время кампании по очищению «светлого образа» писателя от «тяжкого клейма» эпилепсии⁵⁸: к сожалению, подобные идеи вводят в заблуждение биографов, не обладающих медицинским образованием. Не имея возможности углубляться здесь в полемику, мы позволим себе небольшую автоцитату – быть может, эти мысли снизят эмоциональный накал и мотивацию будущих защитников «доброго имени» Федора Михайловича:

«Во-первых, эпилепсия диалектически связана с проблемой устойчивости организма к повреждающим воздействиям и, следовательно, в определенном смысле является необходимым условием, чуть ли не платой за приобретение некоторых физических и психических качеств, необходимых личности для самореализации. Во-вторых, время от времени нарастающее возбуждение нервной системы, характерное для эпилептиков, играет роль стимулятора, который обеспечивает необходимый тонус для творчества, если только он оказывается посильным своему обладателю. Наконец, ярчайшие и совершенно необычные ощущения человека перед самым началом припадка, переживаемые иногда эпилептиками как миг какого-то необыкновенного озарения и блаженства, конечно же недоступны другим, не подверженным этому заболеванию людям. Не эти ли переживания и легли в основу той сверхидеи мировой гармонии, что как путеводная звезда вела писателя за собой на протяжении всего его творчества?»⁵⁹

В фонде М.В. Волоцкого в РГАЛИ сохранилась маленькая газетная вырезка с анонимной рецензией на книгу Н. Ашукина «Живой Пушкин»⁶⁰. Вышедшая в 1926 г. книга Ашукина

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 54.

⁵⁸ См., например: Моисеева Н.И. Был ли Достоевский эпилептиком? История одной врачебной ошибки // Знамя. 1993. № 10. С. 199–204; Кузнецов О.В. Зонди и Достоевский // Психология судьбы. Сборник статей по глубинной психологии. Екатеринбург, 1996. Вып. 4. Ч. 2. С. 123–147; Моисеева Н.И. Ошибка в биографии Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 321–332; Кузнецов О.В. Достоевский – пациент-христианин // Достоевский и современность. В. Новгород, 2002. С. 129–137; см. также на с. 1105 настоящего издания.

⁵⁹ Богданов Н.Н. «Просиять сквозь холодную мглу...» // Достоевский и мировая культура. № 12. СПб., 1999. С. 190.

⁶⁰ Известия. 1926. 17 января. № 14 (2645). РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 8.

представляла собой некий свод документальных свидетельств о поэте и в этом смысле могла рассматриваться в качестве предшественницы «Хроники рода Достоевского». Приведем небольшую цитату из рецензии, специально выделив фрагмент, отчеркнутый на полях, надо думать, рукой самого Михаила Васильевича: «Работа интересная и вместе с тем крайне трудная. Биографический материал достаточно богат, но полон противоречий, что понятно, если вспомнить, какой многогранной и страстной натурой был Пушкин. *От составителя "исторической мозаики" требовались величайший такт и чувство меры. Он должен был отобрать материал таким образом, чтобы все эти противоречия не исключали друг друга, а лишь еще более рельефно и выпукло обрисовывали своеобразную фигуру поэта*». Не правда ли, отмеченные строки применимы и к фундаментальному труду о роде Достоевского?

Закончить наши заметки хочется фразой из цитированного выше письма С.Н. Давиденкова к М.В. Волоцкому: «...Я думаю, что это именно тот тип литературы, который нужен будет для всех наших выдающихся людей».

Мы полностью разделяем это мнение.

ИГОРЬ ВОЛГИН

РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА

Странности медицины

Отец Достоевского, рожденный на территории Польши в семье священника-униата, оказался в Москве за 12 лет до появления на свет будущего автора «Бедных людей». Что знал сын о прошлом отца?

В нашей книге «Родиться в России» мы подробно останавливались на том, как двадцатилетний Михаил Достоевский осенью 1809 г. покинул родительский кров в селе Войтовцы и из пределов недавно присоединенного к России края направился в первопрестольную – для поступления в Медико-хирургическую академию. Возможно, этот уход помимо прочего был вызван и конфликтом с отцом. Во всяком случае, он повел к разрыву всех связей с оставшейся на Украине родней. Но каков был тот **МОСКОВСКИЙ КОНТЕКСТ**, куда предстояло вписаться семинаристу-провинциалу, выходцу из глухого угла империи? Что ожидало его в сердце России?

На это проливают свет некоторые неизвестные ранее источники.

Весной 1809-го вновь учрежденное московское отделение императорской Медико-хирургической академии еще не имело собственного пристанища. Это вызывало немалую озабоченность как петербургских, так и московских властей. 25 марта министр внутренних дел А.Б. Куракин предлагает вице-президенту Академии Н.С. Всеволожскому «в разсуждении приискания домов» для указанной академии осмотреть здание, принадлежащее генерал-майору Пашкову, «и сообразя подробно выгоды и неудобства, сообщить мне мнение ваше»¹.

Владелец дома В.А. Пашков просил за него 200 000 руб. Всеволожский поначалу склонялся к покупке «по отменности места и по столь близкому положению его от Московскаго Университета...» (На последний, кстати, Академия также имела виды, поскольку замысливалось его перемещение в Екатерининские казармы.) Однако дом Пашкова после тщательного осмотра был забракован, ибо, как доносил Всеволожский Куракину, «дом сей как он есть теперь ни что иное как куча кирпичей» и «ни в каком случае не может быть способным для помещения Академии по малости своего места, на котором нет ни воды, ни же возможности иметь сад, да и строения производить не удобно...»² В конце концов

Все подстрочные сноски в очерках «Родные и близкие» принадлежат И.Л. Волгину. Выделения, имеющиеся в цитатах и документах, обозначаются здесь *простым курсивом*, авторские выделения – **курсивом полужирным**. Ссылки на источник не даются, если цитируемые документы содержатся в основном тексте «Хроники рода Достоевских» – или же если цитируется художественное произведение. – *Ред.*

¹ ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1. В Москве было несколько Пашковых домов. В данном случае это отнюдь не здание будущей Румянцевской библиотеки (ныне РГБ), а Пашковский театр на углу Большой Никитской и Моховой, где в настоящее время помещается церковь Св. Татианы, а в 1940–1980-е располагался Дом культуры гуманитарных факультетов МГУ, где, в частности, занималась Литературная студия Московского университета, основанная автором этих строк в 1968-м и существующая по сию пору (см.: Alma mater. Литературная студия Игоря Волгина «Луч». М., 2010. С. 8–10 и др.).

² ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 25. Лл. 3, 7, 7 об.

был приискан дом на Рождественке близ Кузнецкого моста, принадлежавший графу И.И. Воронцову (ныне там помещается Архитектурный институт). Выбранное помещение не слишком превосходило отвергнутый Пашков дом. Как утверждает историк Академии, «здания были плохо приспособлены, тесны и ветхи <...> В лекционных залах и некоторых жилых комнатах сгнившие потолки угрожали падением». Не лучше обстояло дело с гигиеническими условиями. Из официальной реляции можно извлечь, что в сенях и коридорах кадки с водой и квасом стояли бок о бок с медными котлами «для испражнения мочи»³.

Счастье Михаила Андреевича, что он попал во второй студенческий набор. Его предшественники, студенты первого набора, ввиду отсутствия в Москве необходимых для Академии помещений претерпели немало мытарств. 4 октября 1808 г. двадцать отобранных Тверской врачебной управой кандидатов (все – из «духовного звания») пишут Всеволожскому, что, прожив данное им от родителей содержание, приемлют «дерзновение утруждать Вас нижайшею прозбыю: не соблаговолите ли Ваше Высокородие поскорее вытребовать нас в вышеозначенную Академию; а тем самым избавите от нужд со дня на день возрастающих». О том же печется начальство, напирая на то, что оставление будущих медиков без присмотра «служит поводом им к разным шалостям и чрез время от неупражнения могут даже ослабеть в знании латинского языка...» Между тем их одежда и обувь «которую они в бытность их в семинарии долгое время носили, ныне так сделалась ветха, что носить ее многим из них не только по причине холода опасно, да и стыд запрещает...» Всеволожский денег дал. Наконец 29 января 1809 г. будущих лекарей отправляют в Москву во временно нанятый для Академии дом князя Трубецкого, находившийся «за Москвою рекою близ Каменного моста, в приходе Козмы и Доминана»⁴.

Отец Достоевского принадлежал к числу казеннокоштных студентов: как правило, они не получали помощи от родных. В случае Михаила Андреевича это неудобство имело абсолютную силу. Разрыв с семьей обрекал его на полное одиночество: никаких внешних источников существования у него не было. Уроки в частных домах (если эти уроки были) приносили гроши.

Ученики, правда, не голодали. «Пища выдавалась в достаточном количестве, – пишет историк Академии, – но была очень однообразна. Завтрак состоял из фунта ситного хлеба и стакана сбитня; на обед полагались щи, каша и кусок жареного мяса, на Рождество угощали гусем, на масляной – ватрушками. На ужин давали щи и кашу»⁵.

Согласно уставу Академии, студентам 3–4 классов полагались шпаги (в этом отношении они приравнивались к студентам Университета, хотя в отличие от последних по окончании курса не обретали дворянское достоинство). Но несмотря на эти знаки корпоративного благородства, воспитанников отличала порой «грубость, склонность к насилиям, к пьянству»⁶. Особенно отличались этим бывшие семинаристы. «...Маленькие скандалячки, – говорит компетентный автор, – случались время от времени, вроде шума в разве-

³ История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за столетия 1798–1898. СПб., 1898. 1 паг. С. 337; Прейсман А.Б. Московская медико-хирургическая академия. М., 1961. С. 18. Цит. по: *Родиться в России*. С. 97.

⁴ ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 6. Лл. 1 об., 13, 16, 19.

⁵ История Императорской Военно-медицинской академии... 1 паг. С. 226. Цит. по: *Родиться в России*. С. 97.

⁶ Там же. С. 142–143. Цит. по: *Родиться в России*. С. 98.

селем доме или ухаживания, в пьяном виде, за прекрасным полом на бульварах. Подобные скандалчики оканчивались без последствий»⁷.

Без особых последствий оставались, очевидно, и другого рода досуги. Скромные и преданные науке студенты «ежедневно находились под соблазном модисток, разгуливающих парами по тротуару возле окон». Это были белошвейки и портнихи Кузнецкого моста, отданные в учение крепостные мастерицы. «Тут, – не скрывает правды тот же автор, – и завязывались первые знакомства и впоследствии интимные отношения». Нам ничего не известно об этой стороне жизни бывшего подольского семинариста, но, надо полагать, она не слишком отличалась от принятых в его кругу обычаев и привычек.

...В «Клиническом архиве гениальности и одаренности» (1927) следующим образом трактуются причины «священной болезни» автора «Идиота»: «Отец Достоевского был запойный пьяница, а у особенно тяжелых алкоголиков, к числу которых и принадлежал Достоевский-отец, в потомстве очень часто, помимо наследственного алкоголизма, бывает и эпилепсия»⁸.

На чем, однако, основано подобное – довольно распространенное – мнение? У нас нет указаний на то, что до рождения Достоевского (то есть до 1821 г.) его отец был «запойным пьяницей», – если, конечно, не считать таковыми поголовно всех медицинских студентов. Не был замечен Михаил Андреевич в чрезмерном пристрастии к рюмке и в течение 17 лет своей семейственной жизни (правда, трясение рук, на которое он указывает в официальном прошении об отставке как на одну из ее причин, может возбудить подозрение). Единственный период, к которому можно отнести его тягу к спиртному, – два года, следующих за смертью жены. Но это, как можно догадаться, уже не способно было повлиять на наследственность его детей.

Буйственные поступки на фоне Бородина

...Его школярские будни будут прерваны внезапно: «грозой двенадцатого года». Архивы приоткрывают подробности его военной судьбы.

21 августа 1812 г. генерал-кригс-комиссар А.И. Татищев пишет Н.С. Всеволожскому: «Милостивый Государь мой, Николай Сергеевич! Вчерашнего числа прибыл сюда от войск действующих армий первый транспорт раненых и больных, а в след за оным и другие ожидаются, при которых совсем почти не имеется медицинских чиновников; по уважению надобности сей относясь к Вашему Превосходительству покорнейше вас Милостивый Государь мой, прошу прикомандировать оных из здешней медико-хирургической академии сколь возможно более, ибо раненых и больных ожидается сюда до восьми тысяч человек, и приказать явитсѣя им в Гошпиталь, учрежденный в Головинском дворце, кто же имяно командированы будут, почтить меня уведомлением»⁹.

Наполеон уже стоит у ворот – и Всеволожский отвечает немедленно: «Милостивый Государь мой, Александр Иванович! По поводу требования Вашего Превосходительства от 21го сего Августа за № 3255 честь имею препроводить при сем в учрежденный в Головинском дворце госпиталь студентов 4го класса Императорской Медико-Хирургической Ака-

⁷ Соколов М.Г. Былое врачебной России. СПб., 1890. Кн. 1. С. 35–36, 39. Цит. по: *Родиться в России*. С. 98.

⁸ *Клинический архив гениальности и одаренности*. С. 204. Тот же вопрос применительно к старшему сыну М.А. Достоевского поднимается на с. 286 и 997–998 настоящего издания.

⁹ Начальственная переписка здесь и далее по: ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 4. Ед. хр. 68. Лл. 1, 1 об., 7 об., 9–12.

демии под присмотром искусных докторов и наставников их, дабы сим самым дать им случай как быть полезнее больным и прилежнее стараться об них, так равно и повторять то, чему они под руководством сих самых наставников учились...»

В списке из 45 имен, прилагаемом к этому письму, под № 3 значится Михайло Достоевский.

Однако дело идет не столь гладко. 23 августа вице-президент Академии Всеволожский жалуется московскому генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину: назначенные в Головинский госпиталь студенты 4 класса, явившись к кригс-комиссару, «получили от него объявление, что им во время их служения при госпитале никакого жалования производиться не будет». А посему указанные студенты «за выездом отсюда казначея с суммами, никакого пропитания не имеют». О том же Всеволожский почел необходимым отписать и самому генерал-кригс-комиссару. Татищев тут же ответил, что студенты «откомандированные в Гофшпиталь» возводят на него напраслину, ибо «не только жалование им производиться будет во время нахождения их при Гофшпитале такое, как получали они при Академии; но даже и квартиры даны будут им».

До Бородинского сражения остается три дня.

27 августа (то есть на завтра после Бородина) граф Ростопчин сообщает Всеволожскому, что он дал предписание генерал-кригс-комиссару «о производстве откомандированным в Головинскую Гошпиталь студентам 4го класса жалования по двести рублей в год...» В тот же день один из чиновников генерал-губернатора извещает Всеволожского, чтобы тот «завтрашний день по утру извоили представить к нему студентов...» Вице-президент Академии, видимо, несколько уязвленный тем, что на сей раз Ростопчин не обращается к нему лично, отвечает: означенные студенты «быв мною к нему <Татищеву> уже откомандированы, не состоят более под начальством моим, и посему, не зная, где они теперь находятся, я и не могу их представить к Его Сиятельству».

Продлившаяся, очевидно, всего несколько дней «эйфория свободы» не лучшим образом сказалась на нравственности некоторых соучеников М.А. Достоевского. Об этом свидетельствует отношение Ростопчина к Всеволожскому от 28 августа, где граф сообщает, что предписал шефу Московского гарнизонного полка (в нем будет позже служить Михаил Андреевич) «Медико-хирургической Академии студентов: Семена Обтемпераментова и Петра Взорова за пьянство, неповиновение к начальству и буйственные поступки употребить на 2 месяца на равне с рядовыми на службу»¹⁰. Бедственное положение Отечества не смогло удержать молодых врачей от несвоевременного в данных обстоятельствах разгула. Михаил Андреевич, судя по всему, причастен к таковому не был.

«Все наполнено мертвыми телами...»

Итак, в двадцатых числах августа 1812 г.¹¹ Михаил Андреевич начинает карьеру практикующего военного медика. Он попадает в самое пекло – в огромный, только что учрежденный армейский госпиталь. Бывший елизаветинский дворец, обращенный императором Павлом в казармы, ныне волей Ростопчина становится приютом для тысяч и тысяч воинов, доставляемых с бородинских и иных ратных полей. И хотя в формулярном списке Михаил

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 4. Ед. хр. 71. Л. 1. «Обтемпераментов» – очевидно, это писарская ошибка: в названии дела значится фамилия Обтемперанцов.

¹¹ В формулярном списке значится 16 августа, см. на с. 91–92.

ла Андреевича в графе «В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно?» скромно значится «не был», он, пожалуй, может быть признан участником Отечественной войны.

30 августа генерал-губернатор граф Ростопчин известил московских жителей в своей десятой афишке: «Сюда раненых привезено; они лежат в Головинском дворце, я их осмотрел, напоил, накормил и спать положил. Вить они за вас дрались, не оставьте их <...> Вы и колодников кормите, а ето Государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь!»¹² 1 сентября, когда вопрос об оставлении Москвы уже решен, судьба раненых все еще под вопросом. Не жалующий Кутузова Ростопчин пишет в этот день супруге: «Бросают 22 000 раненых, а еще питают надежду после этого сражаться и *царствовать!*»¹³ Только вплотную придвинувшаяся катастрофа может извинить этот немислимый для сановника такого ранга тон. Но в девять вечера того же дня внезапно отдается приказ о выводе госпиталей. Более 20 000 человек помещаются на подводы, тысячи ходячих офицеров и нижних чинов двигаются пешком. (В Москве было оставлено около 2000 «нетранспортабельных» тяжелораненых и больных, из коих по освобождению города в живых оказалось не более 300 человек.) М.А. Достоевский следует за отступающей армией. «Этот караван, – говорит Ф.В. Ростопчин, – беспримерный в истории чрезвычайных событий, прибыл в Коломну на четвертые сутки. Больных переместили на суда и спустили по Оке...»¹⁴ Суда направились в Касимов, туда же раненые двигались сухим путем – через Рязань. Похвальный аттестат, полученный в касимовском госпитале еще не закончившим курс медицинским студентом, стоил, пожалуй, иных боевых наград.

Французы вышли из Москвы в десятых числах октября. Окрестности города были усеяны трупами – человеческими и скотскими. На Бородинском поле сжигали мертвые тела и тысячи убитых лошадей. «За пятнадцать верст от Москвы, – сообщает в письме современница, – уже становится тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля – все наполнено мертвыми телами; их даже трудно отыскивать, и потому меры, принимаемые против зла, недостаточны»¹⁵.

Опасались чумы: ее, к счастью, удалось избежать, но угроза эпидемии оставалась. «...Во многих деревнях, – сообщает та же корреспондентка, – есть дома, в которые никто не смеет входить; находящиеся в них умирают или оживают, будучи оставлены на произвол судьбы». Второй похвальный аттестат, полученный Михаилом Андреевичем за командировку в Верейский уезд и усилия по прекращению «свиристествовавшей там повальной болезни», – доказательство его рвения и на этом опасном поприще.

У нас практически нет сведений о службе М.А. Достоевского в Бородинском пехотном (бывшем Московском гарнизонном) полку, куда он получил назначение в сентябре 1813 г., уже после выпуска из Академии. Известно лишь, что полк этот «по оставлению французами Москвы вступил в нее и принялся за очистку разрушенной и полусожженной столицы». Мы не знаем также подробностей его дальнейшей карьеры в Московском военном госпитале. Вообще, это «темные годы» в биографии отца писателя. Ибо кроме формулярного списка не имеется никаких иных свидетельств его медицинского жития-бытия. Известен

¹² Сочинения Ростопчина (графа Феодора Васильевича). СПб., 1855. С. 177. Цит. по: *Родиться в России*. С. 100.

¹³ Русский архив. 1901. Кн. 2. С. 462. Цит. по: *Родиться в России*. С. 100.

¹⁴ Русская старина. 1889. № 12. С. 718–719. Цит. по: *Родиться в России*. С. 101.

¹⁵ Вестник Европы. 1874. № 8. С. 613, 620. Цит. по: *Родиться в России*. С. 102.

лишь документ об отставке 1820 г.: «...Штаб-лекарь Михаил Достоевский 16 текущего ноября по прошению его, во уважении расстроенных домашних его обстоятельств уволен от службы». Разумеется, «расстроенные домашние обстоятельства» – отнюдь не намек на совершившийся в начале 1820 г. законный брак. (Как раз домашние обстоятельства Михаила Андреевича, надо думать, улучшились.) Это лишь обычная бюрократическая «формула перехода».

БЛАГОЧЕСТИВОЕ СЕМЕЙСТВО

Московский писатель

Разумеется, Достоевский – по своим топографическим предпочтениям – петербургский писатель, беспощадный изобразитель «самого отвлеченного и умышленного» города на земле. Однако не следует забывать, что по рождению он москвич и что первые 15 лет его жизни протекли на стогнах древней столицы. Его детство неотторжимо от города, едва пришедшего в себя после недавнего нашествия иноплемennых, опаленного адским пламенем очищения и мести. Города, который всей своей сутью связан с глубинами национальной истории.

И если мы согласимся с тем, что детство есть не только «ковш душевной глубины», как пронизательно заметил поэт, но, может быть, как раз в силу этого, еще и основополагающая духовная драма, – тогда не следует отвергать гипотезу, что автор «Братьев Карамазовых» писатель сверх всего и московский.

Не подлежит сомнению, что характер человека, склад его личности и нередко главные его ценности и приоритеты формируются до 16 лет. Покинув Москву на пороге этого возраста, Достоевский оставил в ней свои лучшие воспоминания: первые впечатления бытия, жизнь в кругу семьи, посещение кремлевских соборов и т.д. Здесь, в Москве (или в ее окрестностях), совершились те первые драмы, следы которых можно обнаружить в его открытой голосу детства прозе.

Ибо все главное, что нам суждено пережить, уже переживается в юные годы.

Нетрудно заметить, что весь круг представлений, «выжитых» Достоевским (и прежде всего то, что он именвал «русской идеей» или «русским решением вопроса»), в гораздо большей степени связан с Москвой, нежели с Петербургом. Не случайно свое обращенное к России прощальное слово он произносит во время торжеств в честь своего великого земляка: в городе, который стал родиной их обоих и который, пожалуй, не являл больше гениев, равных им по духовной мощи. (Не в укор Петербургу, но из его болотных туманов не возник в XIX в. ни один великий поэт или романист; в следующем веке, разумеется, несколько иная картина.)

Достоевский родился и вырос в Московской больнице для бедных – и, образно выражаясь, остался в этой больнице навсегда. Мы имеем в виду не только терапевтический характер его творений. В названии его первого романа – об этом мы говорили выше и повторим еще раз – различим не один лишь любезный русскому интеллигентскому слуху социальный акцент. «Бедные *люди*» – это словно бы вздох мировой скорби – вздох по всему роду чело-

веческому, а не только горевание об отсутствии вещественных благ. Бедный **человек** – то есть несчастный, несовершенный, далекий от идеала. Это почти божественная печаль о слабом и одиноком человеческом существе и вместе с тем его горестная самооценка.

«О находившейся в бегах...»

«Я происходил из семейства русского и благочестивого», – говорил Достоевский¹⁶. Что мы знаем об этой семье?

Помимо переписки Достоевских-родителей и воспоминаний их сына Андрея Михайловича нам практически неизвестны другие связанные с этой темой источники. Тем интереснее обнаруженные нами в московских архивах документы, которые проливают свет на внутреннее устройство и способ существования этой, казалось бы, несложной социальной организации.

В московскую управу благочиния
Суцевской части пристава
Рапорт

№ 20038. 10 марта 1828 Года

К представленному мною истекшего февраля 14 числа при рапорте Суцевской <части> за № 566 под расписку Гаврилова, по данному от Гжи Коллежской Ассессорши Марьи Федоровны Достоевской объявлению о находившейся в бегах дворовой ея девки *Анне Петровой* доставленный из Бронницкого земского суда при отношении № 28 обыск, учиненный в доме Крестьянской жены Марфы Михайловой и поданный от упомянутой Гжи Достоевской 3 числа сего месяца о *явившейся из бегов другой дворовой ея девки Василисе Михайловой* с ея показаниями и распискою Гжи Достоевской при сем честь имею представить на рассмотрение.

(ЦИАМ. Ф. 105 (Московская управа благочиния). Оп. 8 (Уголовная часть). Ед. хр. 8433. Лл. 1 – 1 об. Дело по рапорту пристава Суцевской части г. Москвы о задержании беглой дворовой жены коллежского асессора Достоевской М.Ф. – Петровой Анны)

Из этого не очень внятного текста можно сделать следующее заключение. Очевидно, М.Ф. Достоевская «объявила» об исчезновении ее дворовой девки Анны Петровой в конце 1827 г. или в начале 1828 г. 3 марта 1828 г. она же уведомила полицию о том, что из бегов вернулась другая ее дворовая – Василиса Михайлова. Похоже, это та самая «прачка Василиса», о которой вспоминает Андрей Михайлович: «Обязанности ее состояли в том, чтобы каждую неделю первые три дня стоять за корытом, а последние три дня за катанием и утюгом»¹⁷. В связи с ее побегом в Бронницком уезде (а это сравнительно недалеко от Москвы) у «крестьянской жены Марфы Михайловой» (скорее всего, у матери или сестры Василисы) местными властями был учинен «обыск» (то есть проведено расследование). Поступившие оттуда материалы пристав Суцевской части, к которой относится Маринская больница, представляет в городскую полицию. Таким образом, находит документальное подтверждение то, о чем говорит Андрей Михайлович: «Василиса тоже была крепостная, но впоследствии скрылась, или говоря проще – сбежала. Этот побег был

¹⁶ ПСС. Т. 21. С. 134.

¹⁷ Воспоминания. С. 29.

чувствителен для родителей моих не столько в материальном отношении, сколько в нравственном, потому что бросал тень на худое житье у нас крепостным людям, между тем как жизнь у нас для них была очень хороша».

Получается, что Андрей Михайлович передает семейное предание, ибо в 1828-м ему было всего три года и быть «очевидцем» происшествия он никак не мог. Мемуарист объясняет побеги крепостных «тоскою по родине». При этом он не упоминает еще об одной беглянке – Анне Петровой, чье исчезновение произошло, по-видимому, одновременно с Василисиным. Недаром в памяти Федора Михайловича (которому тогда еще не исполнилось семи лет) прочно отложилось то обстоятельство, что побег был **коллективным**. В набросках к «Житию великого грешника» он записывает: «Анна и Василиса бежали. Продали Василису. <...> Анна и Василиса бежали»¹⁸. Теперь мы можем назвать их фамилии – Петрова и Михайлова – и установить, что обе женщины направились в Бронницкий уезд.

Василиса «явилась из бегов» добровольно. Что же касается Анны, дело в отношении ее продолжалось. Надо сказать, что подлинники «объявлений» Марии Федоровны или ее автографы (расписки) в деле отсутствуют. Отсутствуют также результаты «обыска», в том числе показания Василисы и Марфы Михайловых. Вообще, ситуация здесь такая же, как в случае с материалами о смерти М.А. Достоевского: самого дела нет, а есть только его следы, отраженные в полицейской или судебной переписке¹⁹.

Остановимся на втором документе.

№ 2157

1828 Года, Марта 12 дня в журнале Московской Управы Благочиния записано по слушании сего рапорта. Приказали: так как значущиеся в допросе девки Михайловой таковыя ж А<н>на Петрова не спрошена и дальнейшего показанию 1й изыскания не учинено, то дело для выполнения отослать обратно к Гну частному приставу дав при том знать, что прежнее производство <отправлено?> в бронецкой земской суд.

(ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Ед. хр. 8433. Л. 2)

Дело возвращается в Суцевскую часть, ибо следует допросить еще Анну Петрову. В рапорте, присланном после доследования, зафиксированы причины, скорее всего и побудившие Анну к побегу. Из этого же документа выясняется, что это не первый случай. Из дома Достоевских на Божедомке исчезали порой и другие лица.

№ 26588. 7 апреля 1828 Года

В Московскую Управу Благочиния
Суцевской Части Пристава
рапорт

По приказам Управы Благочиния последовавшим с № 23498 и 24785 о дворовых Гжи Достоевской девках Анне Петровой и Василисе Михайловой Следствие при описи на <пропуск в тексте> листах у сего честь имею представить, и донести что жившей в кучерах у Г. Коллежского Ассессора Михаила Андреевича Достоевского, княгини Прозоровской крестьянин Софрон Филипов в июле месяце прошлаго 1825 года от него отошел и где находится не известно; о чем Г. Квартальны<й> поручик Калинин при рапорте представит

¹⁸ ПСС. Т. 9. С. 127–128, 133.

¹⁹ Подробнее см. на с. 110–125, а также в кн.: *Родиться в России*. С. 250–261, 315–323.

сведение Г. Достоевского и выписку из пачпортной книги в письменном виде упомянутого Филипова, а девка Петрова в отобранном от нея вновь показании видимом на <нрзб.> объявила, что рожденный ею незаконный прижитый младенец при возвращении в Москву к господам за 25 верст оставлен в деревне название коей не знает, у о<т>ставного солдата Ивана Степанова и его жены по имени неизвестной, которые новорожденного отдали в той же деревне на Старобряцком кладбище для воспитания неизвестно к кому.
(ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Ед. хр. 8433. Лл. 3 – 3 об.)

Итак, в 1825 г. от Достоевских «отошел» кучер Софрон Филипов (по-видимому, оброчный крестьянин, отпущенный княгиней Прозоровской на заработки). Причины его исчезновения гадательны. Что же касается Анны, тут все понятно: она не рискнула предъявить господам прижитого ею ребенка. Правда, не совсем ясно, покинула ли она дом на Бождомке, уже будучи беременной, или же, напротив, беременность явилась, так сказать, следствием ее побега.

В этой связи уместно задаться, казалось бы, праздным вопросом: слышал ли Достоевский что-либо о брошенном Анной ребенке, вернее – о самом факте его оставления на старообрядческом кладбище и отдания «неизвестно к кому». Кстати, был ли младенец обнаружен полицией (если она его, конечно, искала), или его участь оказалась еще печальнее, чем та, на которую указывала забывчивая мать? Слухи на сей счет среди дворни, безусловно, ходили; могли упоминать об этом обстоятельстве и родители. Все это представляется не столь важным, если только забыть, что в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. чрезвычайное внимание уделено судьбе «вышвырков» – незаконнорожденных детей и что их «слезинка» была далеко не безразлична автору «Дневника».

Исповедные ведомости как исторический источник

Остановимся, однако, на составе семейства, включая сюда домочадцев, прислугу и т.д. Фактические сведения об этом можно почерпнуть из исповедных ведомостей церкви Петра и Павла при Мариинской больнице. Эти источники никогда не подвергались специальному изучению. Между тем, в них зафиксированы с достаточной степенью достоверности как «исторические» (то есть упоминаемые в литературе), так и неизвестные прежде фигуры.

Начнем с ведомости 1821 г.

Ведомость Сретенского сорока, церкви святых Апостол<ов> Петра и Павла, что при Больнице для бедных, священника Василья Ильина с причетники, о обретавшихся при оной церкви в доме нашем нижеявленных чинов людях, с изъявлением противу коегождо имени о бытии их во святу четверодесятницу и исповеди и Святых Таин причастия, и кто не исповедался сего 1821-го года

Штаб-лекарь Михайло Андреев Достоевский 32 не был²⁰
жена его Марья Федорова 21 была

²⁰ М.А. Достоевский значится последним среди врачей больницы – перед списком фельдшеров, среди которых обращает на себя внимание «**Петр** Никитин **Лужин** 36 лет» (ср. с Петром Петровичем Лужиным в «Преступлении и наказании»).

сын их Михаил 1
крепостная девка Ирина Тимофеева 24 была
(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 282. Л. 354)

Семейство состоит из Михаила Андреевича, его молодой жены и полугодовалого сына. На четырехдесятницу (то есть в период Великого поста) 1821 г. Федора еще нет: он появится в октябре. «Крепостная девка Ирина Тимофеева» (очевидно, не принадлежавшая Достоевским, а нанятая ими) – единственная проживающая в доме прислуга. Какие-либо другие служители, крепостные или вольные, в ведомости не обозначены.

В 1823-м наблюдается несколько иная картина:

Штаб-Лекарь Михайло Андреев Достоевский 34
жена Его Марья Федорова 23
дети их
Михаил 3
Феодор 2
Варвара 1
мещанка девка Ирина Тимофеева 26
(Там же. Ед. хр. 1013. Л. 153 об.)

Появляются новые дети – Федор и Варвара. Крепостная Ирина Тимофеева превращается в «мещанку», но с сохранением именования «девка», что вызывает вопросы. Конечно, при наличии уже трех детей семья пользуется не только ее услугами. Возможно присутствие не отмеченных в источнике деревенских кормилиц, наемной горничной, а также других приходящих, но не живущих в доме служителей. (Андрей Михайлович определяет общее число прислуги в доме в семь человек – правда, в более поздний период.)

В исповедной ведомости 1825 г.²¹ Ирина Тимофеева отсутствует. Зато появляются новые лица: крепостная девка Анна Петрова 28 лет (будущая беглянка отмечена как у исповеди не бывшая), «служащая у них» (то есть у Достоевских) «диаконова жена» вдова Агафья Львова 50 лет и, наконец, «отпущенная на волю дворовая девка Елена Фролова Крюкова». Это няня Алена Фроловна, колоритная личность которой неоднократно возникает в переписке родителей, а также фигурирует в воспоминаниях Андрея Михайловича, в «Бедных людях» и в «Дневнике писателя». Исповедные ведомости позволяют уточнить ее социальное происхождение. «Московская мещанка», каковым званием она особенно гордилась, оказывается отпущенной на волю дворовой. Это по меньшей мере означает, что у Алены Фроловны не городские, а деревенские корни. Что касается Анны Петровой, то утверждение Андрея Михайловича, будто она была крепостной его родителей с давних пор «еще до покупки деревни», поскольку в те времена «крепостных можно было приобретать и без земли»²², вызывает сомнения. Достоевские еще не принадлежали к дворянскому сословию, обладающему исключительным правом на владение крепостными душами. Только 2 апреля 1825 г. М.А. Достоевский награждается орденом Св. Анны III степени. Согласно статусу ордена (до 1845 г.), любая его степень давала награждаемому право на

²¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1013. Л. 499.

²² Воспоминания. С. 29.

потомственное дворянство. Анна Петрова, чье имя усмешливо перекликается со славным именем ордена, возможно, первая крепостная, приобретенная новоиспеченными членами привилегированного сословия. Причем купчая оформлена, скорее всего, на имя Марии Федоровны, почему она и «объявляет» полиции о побеге.

Сам побег был «чувствителен» для семьи не только в нравственном, но и в вещественном отношении, поскольку, по словам Андрея Михайловича, Анна «была отличная кухарка и уже истинно могла заменять повара»²³.

В 1826 г. в исповедных ведомостях – все те же лица; Анна Петрова почему-то в них не значится²⁴.

Исповедные ведомости за 1827 г. выглядят следующим образом:

Штаб-Лекарь и Кавалер Михаил Андреев Достоевский 38

Жена его Марья Федорова 27

Дети их Михаил 7

Федор 6

Андрей 2

Варвара 5

Живущие у него:

Г-на Буракова дворовая девка Прасковья Иванова 30

Коллежская Секретарша Ульяна Ивановна Чебо<та>рева 60

Отпущенная на волю дворовая девка Елена Флорова Крюкова 50

(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1089. Л. 674)

В семье прибавился сын Андрей (будущий мемуарист); среди домашних появились некая Прасковья Иванова (чужая крепостная, живущая у Достоевских по найму) и коллежская секретарша Чеботарева. Последняя – это «старая няня Ульяна» Вареньки Доброселовой в «Бедных людях». Поскольку сведения о покойном муже Чеботаревой, придворном певчем, умершем еще в 1801-м, сгорели в московском пожаре, ей было отказано в помещении во вдовый дом, и ее приютили Достоевские, у которых она прослужила более шести лет²⁵. Отсутствие же Анны Петровой может быть связано с тем, что она уже находится в бегах.

В исповедных ведомостях за 1828 г.²⁶ появляется «Господина Буракова дворовая девка Марья Евграфова 15» (вместо тридцатилетней Прасковьи Ивановой от того же хозяина). Присутствует и неизменная Алена Фроловна, «отпущенная на волю девица». Здесь же впервые означена и Василиса – «девка Васса Михайлова 20». Анне Петровой, которая, если верить ведомости 1825 г., в то время было 28 лет, теперь, в 1828-м, всего 25, что свидетельствует либо о некоторой приблизительности церковных исчислений, либо о нестрогих представлениях Анны относительно собственного возраста.

В следующем, 1829-м, М.А. Достоевский значится уже как «Штаб-Лекарь и Кавалер Коллежский Ассессор»; Ульяна Чеботарева записана как вдова титулярного советника (то есть повышена чином). Имеются также «девица Василиса Михайлова 21» и «девка Анна

²³ Воспоминания. С. 29.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1065. Л. 550.

²⁵ См.: *Московский мир Достоевского*. С. 64.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1111. Лл. 575–576.

Петрова» – тут ей 26 лет. Среди крепостных мы видим два новых имени: Давыд (Давид) Савельев 27 лет и его брат Феодосий четырьмя годами моложе²⁷. (Таким образом, не находит подтверждения указание А.М. Достоевского: кучер Давид Савельев «был крепостным еще до женитьбы отца»²⁸.) Именно в это время у доктора Мариинской больницы для бедных появляется собственный – четверней – выезд. Давид, пишет Андрей Михайлович, «жил у нас бессменно по день смерти папеньки, а потом числился дворовым при нашей деревне, к которой впрочем не принадлежал родом».

Кучеру Савельеву дочь Достоевского Любовь Федоровна приписывает едва ли не главную роль в убийстве ее деда Михаила Андреевича, который, по ее словам, был задушен «подушками из его экипажа», после чего «кучер с лошадьми исчез». И хотя дело происходило иначе, Давид – ключевой свидетель убийства или (если придерживаться официальной версии) естественной кончины Михаила Андреевича.

В ведомостях 1831 г.²⁹ появляются двухлетняя сестра Достоевского Вера, а также «солдатка Анна Филипова 50» и вдова вахмистра «Александра Николаева Новицкая 66». Функции последних не очень ясны – скорее всего, это прислуга. По-прежнему значится Анна Петрова (которой «опять» 28 лет!), но нет Василисы.

В этом году Достоевские делаются помещиками. Однако на московском семействе это практически не отражается.

В 1832-м состав и численность домохозяев таковы:

Штаб-Лекарь, Коллежский Ассессор и Кавалер Михаил Андреев Достоевский 43

Жена его Марья Федорова 32

Дети их

Михаил 12

Федор 11

Андрей 7

Николай 1

Варвара 10

Вера 3

Крепостные их люди

Давыд Савельев 30

Феодосий Савельев 26

Девушка Анна Петрова 29

вольно отпущенная девка Елена Флорова 57

Титулярная советница вдова Ульяна Иванова Чеботарева 65

(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1194. Л. 308)

В исповедной ведомости за 1833 г.³⁰ нет ни Анны, ни Василисы. Зато возникает взятая из деревни 12-летняя «девка Катерина Иванова» (№ 16), которой суждено будет сыграть известную роль в судьбе Михаила Андреевича.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1132. Л. 548. В реестре прихожан, не бывших у исповеди и причастия, значатся оба брата Савельевы и Василиса Михайлова. Что касается последней, то она, будучи зафиксирована в ведомости (по образцу предыдущего года), на самом деле, возможно, уже не живет на Божedomке.

²⁸ Воспоминания. С. 28.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1175. Л. 805 об.

³⁰ Там же. Ед. хр. 1216. Л. 894 об.

В 1834-м состав жильцов тот же. Плюс вновь появившаяся «девица Алена <Анна?> Петрова», которой здесь 35 лет³¹, 85-летний Павел Игнатов (очевидно, родственник кого-то из дворни) и 11-летняя Ирина Архипова (Ариша), как и Катерина, взятая из деревни³². Ариша – дочь сгоревшего во время пожара Дарового мужика Архипа, которая после смерти супругов Достоевских будет до конца своих дней служить у Куманиных.

В исповедной ведомости 1835 г.³³ все те же лица. Годы идут: отцу семейства 46 лет, Марии Федоровне – 35. Растут и дети: Михаилу 15 лет, Федору («Феодору») – 14, Андрею – 10, Николаю – 4, Варваре – 13, Вере – 6... Алене Фроловне – 60, Давиду Савельеву – 33, Кате – 15. В апреле беременная последним ребенком (будущей дочкой Александрой) Мария Федоровна отбывает в Даровое. Вместе с ней в деревню отправляют «нашего Люцыфера Анку», как метафорически именует ее барыня (характеристика выразительная, позволяющая подозревать в аттестуемой первую из «инфернальниц» Достоевского). Причем кухарка за какие-то провинности понижается в должности – ее предполагают определить в подмогу местной скотнице³⁴. Так что оставшемуся в Москве Михаилу Андреевичу приходится нанимать новую стряпуху.

Семейство Достоевских – довольно сложный социальный организм: это микромир со своими внутренними напряжениями и тлеющими конфликтами. И одной из постоянных причин семейных неудовольствий является Василиса.

Зачем продали Василису?

В 1835 г. Вассе Михайловой должно быть 27 лет. Учитывая, что в 1828-м обе беглянки направились к родственникам 20-летней Василисы в Бронницкий уезд, можно догадаться, что она – не робкого десятка. Кстати, «продали» именно ее, а не старшую по возрасту Анну, которая, казалось бы, должна быть инициатором побега.

Вообще, следует признать, что Василиса – фигура загадочная. Она значится только в двух исповедных ведомостях (1828 и 1829 гг.). В записной тетради Достоевского дважды сообщается об ее пропаже. Но когда именно «продали Василису»? По смыслу записи – после побега, то есть в 1828-м. Однако имя прачки исчезает из исповедных ведомостей все-таки позже – и вновь возникает в 1835-м в переписке родителей³⁵.

...После отбытия Анны Петровой вместе с барыней в Даровое все заботы по московскому дому ложатся на Василису. Вопросная оставленного в божедомской квартире мужа о его житье, Мария Федоровна не без тревоги замечает: «Какова-то эта Василиса». Не исключено, что словоупотребление «ета» означает другую, одноименную женщину, а не ту, которая некогда бежала, а затем, возможно, была продана. Очень похоже, что «ета» Васи-

³¹ Да одно и то же ли это лицо? В. С. Нечаева сообщает, что в церковных книгах 1838 г. среди дворовых Дарового значится «девка Анна Петрова 31» (!) года (*В семье и усадьбе*. С. 140).

³² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1237. Лл. 494 об. – 495. Однако, вероятно, исповедные ведомости фиксируют численный состав прислуги не полностью. Так, в письме к жене от 9 июля 1833 г. Михаил Андреевич среди «наших московских» упоминает некоего Семена. В церковных книгах 1838 г. он значится как дворовый Дарового: «Симеон Варламов 22» (*В семье и усадьбе*. С. 77, 136).

³³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1258. Лл. 542 об. – 543.

³⁴ *В семье и усадьбе*. С. 87. Анна «ссылалась» в деревню и раньше. Так, в письме жене от 6 августа 1833 г. Михаил Андреевич говорит: «Ежели Анна обещается вести себя получше, то мы ей, подтвердивши то же, можем прислать, она же в деревне почти не нужна» (Там же. С. 79).

³⁵ Эта переписка приводится здесь по: *В семье и усадьбе*. С. 77, 79, 85, 87, 92, 94–96, 99–100, 103, 105, 108.

лиса – все же не крепостная, а наемная прислуга. Такой наем особенно практиковался во время летних отъездов Марии Федоровны в Даровое. Двамя годами ранее глава семейства писал супруге: «По приезде <из Дарового в Москву> нашел, что нанятая моя услуга расстроилась, прачка без меня, взявши у няньки денег, пропадала целую неделю, а кухарка на другой же день сказалась больною, все время лежит и просит, чтобы ее отпустить; беда мне да и только...» «Нанятая услуга» – это временные кухарка и прачка, взятые, в частности, вместо отправленной в деревню Анны. Ближе к концу лета Михаил Андреевич говорил: «Нащет моей услуги не беспокойся, кухарка и прачка кажется обе порядочные, то есть лучше сказать смирные». Так («кажется») не отзываются о хорошо знакомых людях. Поэтому в данном случае трудно отождествить эту «временную» прачку с «етою Василисой». Но когда же возникла «ета»? «Вероятно, – резонно замечает В.С. Нечаева, – она появилась в доме Достоевских незадолго до отъезда М.Ф. в деревню (в 1835 г. – *И.В.*), которая ее плохо знала»³⁶. Между тем Василису, сбежавшую в 1828-м, Мария Федоровна знала очень хорошо.

Летом 1835 г. Василиса («старая» или «новая») упоминается в переписке супругов постоянно. Она, можно сказать, главный источник их беспокойств. Мария Федоровна, сетуя на «проказы» московской дворни, замечает, что «Василиса едва ли сладит с такими комчедалами», и предлагает выслать ей подкрепление из деревни. Михаилу Андреевичу посылаются недошитые сорочки: «пусть Василиса на досуге дошьет»; ей же препоручается изготовление чулок для детей. Несомненно, Василиса – центральная фигура в доме: именно она управляет оставленной без надлежащего глаза прислугой. «Скажи мой поклон Василисе, ежели она того стоит»³⁷, – пишет мужу Мария Федоровна 3 мая: в этой оговорке звучит беспокойство.

Опасения оказались не напрасными. Уже 16 мая Михаил Андреевич сообщает супруге: «Во-первых, скажу тебе, что у нас в доме все покуда спокойно, хотя Василиса в некоторых случаях оказалась подозрительною, но я смотрю теперь за нею в оба глаза». В этом контексте вполне уместной выглядит следующая просьба: «Напиши, дружок, сколько у тебя в чулане полштофов и бутылок с наливкою».

И, наконец, следует целый обвинительный акт – в виде приписки на полях в письме от 19 мая. «Я не хотел огорчать неисправностию моей прачки, но сегодня отпросилась со двора и на силу пришла в 11-ть часов и то слышу пьяна, на руку не чиста, ничего нельзя поверить, ибо во многих случаях ежели не уличена, то в большей части очень подозрительна. Напиши – не осталось ли твоих платьев, манишек, чепчиков или чего сему подобного равно что у нас в чулане, вспомни и напиши подробно, ибо я боюсь, чтоб она не обокрала». В этой же связи между супругами возникает переписка относительно имеющегося в наличии столового серебра.

«Василиска наша со всех сторон показала себя скверною женщиною, – констатирует Мария Федоровна. – Ах друг мой как это неприятно и сколько ты терпишь; слышу даже что она белится и румянится (то есть у Марии Федоровны помимо писем Михаила Андреевича есть и другие источники информации. – *И.В.*) друг мой прошу тебя запрети ей это с строгостию она и тебя страмит етим; а лучше всего подумай, как бы тебе ее сбрызнуть с рук».

³⁶ В семье и усадьбе. С. 139.

³⁷ Цит. по: *Воспоминания*. С. 90. В.С. Нечаева, также публиковавшая это письмо по подлиннику, после «ежели» дает помету: «несколько слов вырвано» (*В семье и усадьбе*. С. 90).

Таким образом, в вину Василисе ставится не только нерадивость, но и не соответствующие ее положению косметические пристрастия, которые, по мнению матери Достоевского, могут нанести семье известный моральный ущерб. И в другом письме – от 29 мая: «кто же думал что из Василисы родилась Василиска». Шутит ли здесь Мария Федоровна, имея в виду чудовище-**василиска**, или следует понимать так: родилась из прежней беглянки? Нынешняя Василиска может быть как тем, так и совсем другим лицом³⁸.

Мария Федоровна советует супругу пригласить в дом одну из знакомых, дабы она потрудились принять от Василисы «все по реестру». «...Люди наши слышу, – добавляет автор письма, – ненавидят ее как собаку и наверное сыщут тебе другую на ее место, верно не хуже етой Василиске, с которой ты так мучаишься; Ах! ежели бы мне можно было шелепами³⁹ бы прогнала ее». «Прогнала» вряд ли равнозначно «продала»; скорее всего, Василиса не принадлежит Достоевским. Это как будто подтверждается следующими словами Михаила Андреевича: «Нащет Василиски скажу тебе, что получивши реэстр <серебряных ложек> я обрадовался и сей час хотел было ее расчесть и пашпорт в руки». «Расчесть» – с собственными крепостными такой способ расставания не принят. Не посылают ее в виде наказания и в деревню. «...Отпустить ее непременно надобно, – добавляет автор письма, – ибо она совсем ненадежная и ежели поехать в деревню, то комнаты во вся останутся без присмотра. С людьми нашими больше не сорится и кажется живут в согласии, а это хуже первого». Иначе говоря, атмосфера (или, если угодно, социальная ситуация) в доме на Божедомке изменилась: ненависть «людей» к чужаку вытеснена классовой приязнью, и мнительного Михаила Андреевича страшит реальный или гипотетический союз Василисы с дворней.

Последний раз это имя возникает в письме Михаила Андреевича от 2 июня. «В доме у меня тихо, и у Василисы все отнято и она знает только белье, а все ожидаю только разрешения об людях, чтоб ее отпустить». То есть Василиса лишена всех властных и хозяйственных полномочий, в ее компетенции оставлены только стирка и глажка. Домоправительница вновь обратилась в простую прачку, чья судьба решится, как только воспоследует какой-то ожидаемый административный акт («разрешение об людях»). «Жаль, – продолжает Михаил Андреевич, – что такая способная женщина, отличная кухарка, но ветренна и показавши себя подозрительною однажды, нельзя будет ей поверить дом когда надобно будет в деревню». Профессиональные достоинства Василисы не могут искупить ее нравственных изъянов.

Может быть, изгнание (повторное?) Василисы в 1835 г. запечатлелось в памяти Достоевского как «продажа»? Дважды зафиксировав в своих заметках к «Житию великого грешника» этот сюжет, он, возможно, свел воедино события 1828 и 1835 гг. Для шестилетнего мальчика побег (а тем более «продажа») кого-то из домашних – событие запоминающееся. Но и летом 1835 г. 14-летний Достоевский оставался в городе вместе с отцом и мог быть постоянным, хотя и невольным свидетелем его противоборства со «скверною женщиной» и ее последующего удаления. Ибо все, что случается в доме, вряд ли проходит мимо его сознания.

³⁸ Допустимо еще одно предположение: теперешняя Василиска – это все та же прежняя Василиса, проданная или возвращенная прежним хозяевам после своего побега («продали Василису»), а ныне вновь определившаяся к Достоевским. Тогда становится более понятной фраза Марии Федоровны – воспринимаемая, правда, уже без оттенка шутливости.

³⁹ Плетями, кнутами.

Впрочем, не следует забывать, что между «просто сознанием» и сознанием творческим существует известная разница.

Замысел «Жития великого грешника», где упоминаются Анна и Василиса, включает в себя и детство героя, которое должно было стать одним из ключевых элементов повествования. Главное действующее лицо – «13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный», как характеризует его Достоевский в письме к Майкову («я этот тип знаю»). И хотя герой имеет мало сходства с задумавшим его автором, последний вводит в повествование значительное количество подлинных, знакомых ему с детства имен⁴⁰. Брат Миша, Альфонский, Умнов, Сушар, Чермак и, наконец, Анна и Василиса – все это реальные лица, о которых нам известно «из независимых источников». Но следует ли отсюда, что **имя** точно соответствует означаемому лицу? Скажем, намечаемый в «Житии» образ Альфонского, хотя и корреспондирует с какими-то моментами его биографии, все-таки весьма далек от своего прототипа – врача Мариинской больницы и близкого знакомого семьи Достоевских (в будущем – декана медицинского факультета и ректора Московского университета). Как правило, «имя» является у Достоевского исходной точкой, знаком, символом занимающего его характера или явления. Пожалуй, большинство реальных имен, встречающихся в его подготовительных материалах и черновых записях, можно было бы отнести к категории **условных обозначений**. Конечно, мера этой условности в каждом случае разная.

Надо полагать, «Анна» и «Василиса» не являются здесь исключением. Автор отталкивается от происхождения, от характера, от факта; в своем художественном мире он волен придать им любое измерение. Побег Анны и Василисы не мог ему не запомниться, тем более что событие наверняка обсуждалось долгие годы. Что касается «продали Василису» (о чем, кстати, ни словом не упоминает Андрей Михайлович), то это может быть как отзвуком действительного случая (причем форма расставания – не обязательно продажа), так и результатом художественного дополнения. И то, и другое – реально.

...Последний документ, в котором зафиксированы численность и состав семейства Достоевских – накануне его крушения и распада, – это исповедная ведомость 1836 г.:

Штаб-Лекарь Коллежский Ассессор и Кавалер Михаил Андреев Достаевский 47

Жена его Марья Феодорова 36

Дети их: Михаил 16

Феодор 15

Андрей 11

Варвара 14

Вера 7

Николай 5

Александра 1

Крепостные их Люди:

Давид Савельев 34

Феодосий Савельев 30

Михаил Васильев 11

Девица Анна Петрова 37

⁴⁰ ПСС. Т. 29, С. 118. Т. 9. С. 125–133 и др.

Девушка Екатерина Андреева 16

Девушка Ирина Архипова 13

Мещанка девушка Елена Фролова 61

(ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 1282. Л. 639 об.)

Лица все те же – с добавлением взятого из деревни маленького Миши Васильева, незаконнорожденного сына крестьянки Дарьи. Пятнадцатилетняя Катя, «огонь-девчонка», будущая мать рожденного от Михаила Андреевича и недолго прожившего Симеона (№ 39), еще не знает своей судьбы. Через год все переменится: умрет Мария Федоровна; старшие братья отправятся в Петербург; Михаил Андреевич оставит службу и навсегда переселится в Даровое, где некоторые из сопровождавших его домочадцев станут свидетелями, а возможно, и участниками его трагического конца.

Но это уже другая история.

Смирненное кладбище

«В одно ясное утро, – говорит Анна Григорьевна, – Федор Михайлович повез меня на кладбище, где погребена его мать, Мария Федоровна Достоевская, к памяти которой он всегда относился с сердечною нежностью».

Московское Лазаревское кладбище – семейная усыпальница Достоевских. Здесь покоилась не только Мария Федоровна, но и ее старшая сестра Екатерина (№ 138), бабка писателя Варвара Михайловна, урожденная Котельницкая (№ 228), дед Федор Тимофеевич Нечаев (№ 123), умершая во младенчестве сестренка Любочка (№ 35)... Здесь **мог бы** покоиться и отец – не выйди он в отставку и не покинь казенную квартиру на Божедомке. В 1864-м здесь, рядом с дорогими ему могилами Достоевский похоронил первую жену – Марию Дмитриевну. Он не исключал, что когда-нибудь и сам найдет здесь последний приют: во всяком случае, такой разговор он вел со второй женой⁴¹.

Разумеется, он неоднократно бывал на кладбище в детстве (похороны, панихиды по родственникам и т.д.). Посещал он его и позже, во время своих приездов в Москву. Среди вкладчиков кладбища значится имя: «Достоевский Ф.М., капитан»⁴². Неясно, правда, почему он записан под этим никогда не принадлежавшим ему званием. Впрочем, в Москве с ним случались подобные казусы.

В 1837 г. они с братом Михаилом избрали для материнского надгробия скорбно-оптимистическую строчку из любимого ими Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра». Через много лет прочувствованная эпитафия не без некоторого глумления была приведена в романе «Идиот»: ерник и шут Лебедев почтил ею свою якобы отстреленную в 1812-м и погребенную на Ваганьковском кладбище ногу (по коей он ежегодно служил панихиды). Подобный поворот отнюдь не свидетельствует о кощунственных наклонностях автора «Идиота». Карамзинская строка понадобилась исключительно для целей литературных. В этом смысле воскрешение старой надгробной надписи стало еще и средством самопародии – усмешкой над своим прежним жизне- и смертеощущением.

(На надгробии М.Ф. Достоевской кроме того значилось: «Под сим камнем погребено тело надворной советницы...» Но **надворным советником** М.А. Достоевский сделался

⁴¹ См. на с. 1060.

⁴² *Московский мир Достоевского*. С. 44.

только через два месяца после смерти супруги. Такое посмертное повышение ее в чине заставляет вспомнить притчу о том, как некто, гуляя по кладбищу, наткнулся на памятник: «Здесь покоится титулярный советник, представленный в коллежские асессоры...»)

«Покойся, милый прах...» Увы, эсхатологическому пожеланию братьев Достоевских – во всяком случае, в первой его части – не суждено было сбыться. Задолго (хотелось бы верить!) до наступления «радостного утра» – а именно в 1936 г. – Лазаревское кладбище ликвидировали. Правда, надгробный памятник сохранился: тщанием М.В. Волоцкого он был передан московскому музею Достоевского. Был, очевидно, изъят и прах – с передачей в НИИ и Музей антропологии МГУ. Известно, что М.М. Герасимов (тогда – сотрудник музея) перед Великой Отечественной войной сделал реконструкцию портрета М.Ф. Достоевской по черепу.

Будь Михаил Андреевич Достоевский похоронен не на погосте села Моногарово, а рядом с любимой женой, его останки, возможно, постигла бы та же участь (что, допустим, могло бы споспешествовать решению вопроса о причинах его таинственной смерти). Но, кажется, пришло время исполнить волю семьи и веление христианского долга – успокоить наконец прах матери Достоевского: естественнее всего – в том же Моногарове. Хотя могила Михаила Андреевича тоже утрачена (в разрушенной моногаровской церкви Сошествия Святого Духа – одноименной той, что на Лазаревском кладбище! – был склад, на месте погоста – заваленный мусором пустырь), предпринятые в последние годы усилия реставраторов дают все же некоторые плоды. В 2005 г. на предполагаемом месте захоронения М.А. Достоевского установили памятный крест. А 11 апреля 2012 г. прах Марии Федоровны был передан в Подмоскovie для погребения.

...«Покойся, милый прах, до радостного утра» – чаяние о бессмертии. Собственно, об этой **последней надежде** говорит само «официальное» название погоста: кладбище Лазарева воскресения. В расположившейся на нем Духосошестввенской церкви, которая, в отличие от самого кладбища, сохранилась до сих пор, имеется фреска «Воскрешение Лазаря»: ее, разумеется, видел Достоевский. И этот захватывающий евангельский сюжет не мог не запасть в его детскую память.

Порфирий Петрович вопрошает Раскольников:

« – И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.

– Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

– И-и в воскресения Лазаря веруете?

– Ве-верую. Зачем вам все это?

– Буквально веруете?

– Буквально».

Воскрешение «Лазаря четверодневного» (то есть четыре дня проведенного во гробе) – величайшее из всех чудес, совершенных Иисусом. Вера в это чудо есть безусловное признание божественной природы Христа и, следовательно, упование на грядущее воскресение всех. (Этот эпизод Евангелия от Иоанна всегда вызывал сильнейший гнев богословской критики: «Когда он (Иисус. – *И.В.*) разбудил заснувшего **летаргическим сном** Лазаря...» – такова сугубо медицинская оценка события в давней, но не потерявшей своей вразумляющей силы статье «Иисус Христос как тип душевнобольного». Ее автор, доктор Я.В. Минц, квалифицирует все речи Христа, вышедшего «из мелкобуржуазной среды ремесленников» (плотников), как проявление религиозного бреда, отягощенного к тому же навязчивыми **глюками**: «Интересно, что голод (сорокадневное пощение в пустыне. – *И.В.*)

вызвал галлюцинацию о хлебе, что очень рельефно выдает ее происхождение». Первое дьявольское искушение есть, таким образом, не более чем прискорбный результат функционального расстройства. Неудивительно, что «историю болезни» венчает глубокий ученый диагноз: «Конституция Иисуса соответствует типу душевнобольного – параноика; худой, бледный, слабый, лишенный полового чувства и инстинкта размножения»⁴³.)

Для Достоевского Христос – образец красоты, мужества, совершенства. Воскрешение Им Лазаря – залог бессмертия души.

Фреска, которую видел юный Достоевский, как сказано, помещалась в церкви Сошествия Святого Духа. Однако – что явствует из обнаруженных нами источников – так она стала называться с 1840 г. Когда ее посещало семейство Достоевских, церковь имела другое название – **Лазарева Воскресения (или праведника Лазаря), что на кладбище**. То есть не только фреска, но и само имя церкви сопряжено с ключевой сценой «Преступления и наказания». Сценой, переделанной автором по требованию М.Н. Каткова (усмотревшего в тексте «следы нигилизма») и все равно не устроившей – правда, по совсем иным соображениям – пристрастнейшего из эстетов, В.В. Набокова⁴⁴. Раскольников спрашивает:

« – Где тут про Лазаря? <...> Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня. <...> Читай! Я так хочу! – настаивал он <...> Соня развернула книгу и отыскивала место. Руки ее дрожали, голосу не хватало. Два раза начинала она, и все не выговаривалось первого слога.

“Был же болен некто Лазарь, из Вифании...” – произнесла она наконец, с усилием, но вдруг, с третьего слова, голос зазвенел и порвался, как слишком натянутая струна. Дух пересекло, и в груди стеснилось».

Нельзя не согласиться с тем, что «о воскрешении Лазаря Достоевский узнает, еще не умея читать»⁴⁵.

В архивных документах можно найти подробности, относящиеся к истории храма⁴⁶. Каменная церковь была построена в 1787 г. «тщанием и иждивением Покойной Титулярной Советницы Долговой» (церковный староста 1837 г., когда скончалась Мария Федоровна, – штабс-капитан Николай Долгов – сын храмостроительницы). Здание с двумя колокольнями (так оно выглядит и сегодня). В церковных документах зафиксировано наличие трех престолов: во имя Сошествия Святого Духа, во имя евангелиста Луки и – «в холодном приделе с левой стороны во имя Лазарева Воскресения». Таким образом, сначала церковь именовалась по одному из имеющихся в ней престолов, а с 1840 г. – по другому. «Земли при сей церкви усадебной и кладбищенской находится 21 десятина <...> священно и церковно служители пользуются с сей земли сенокосом». Кроме того, на свое содержание причт получает «из Московского опекунского Совета по билетам, хранящимся в церковной ризнице и записанным в церковной описи, процент с капитала 11 тысяч 159 рублей и 50 копеек ассигнациями <...> Из суммы же, собираемой за могилы, получается четвертая часть». Ежегодный доход от продажи свечей колеблется в довольно широких пределах – от 120 до 680 рублей (как раз в 1837-м), а подаяние «в кошельки и кружки» достигает 1000 рублей. Ведомость констатирует, что церковь на Лазаревском кладбище «утварию и содержанием» достаточна.

⁴³ Клинический архив гениальности и одаренности. С. 243–252.

⁴⁴ См. подробнее: *Пропавший заговор*. С. 118–121. Глава «Катков и Набоков против Сонечки Мармеладовой».

⁴⁵ *Московский мир Достоевского*. С. 43.

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. 1. Ед. хр. 303.

В богадельне при храме обитают «священнических, диаконских, дьячковских и пономарских вдов и дочерей девиц» до 50 человек.

В ведомостях 1837–1846 гг. обозначен причт – священник Иван Николаев сын Померанцев, дьячок Федор Николаев сын Маркелов: надо полагать, именно они отпевали Марию Федоровну Достоевскую. Тогда Ивану (Иоанну) Померанцеву было 58 лет. Сын священника, он окончил бывшую московскую Славяно-греко-латинскую академию; «переведен на настоящее место» в 1833 г., а до этого среди прочих мест служил «увещателем подсудимых в Сретенском частном доме». И «за девятилетнее безвозмездное исправление треб в двух Военно-рабочих баталионах и за обращение нескольких рядовых из Магометан и Евреев в Православную Христианскую Веру Всемилоостивейше пожалован бархатною фиолетовою скуфьею»⁴⁷. Отметим эти, очевидно, не столь легко достижимые миссионерские заслуги. Что касается дьячка Федора Маркелова, то его определили пономарем в эту церковь еще в 1784-м (за 37 лет до рождения Достоевского), в возрасте 14 лет, «по исключении из нисших классов» вышеупомянутой академии – и переименовали «во дьячки» в 1804-м. С того же года служил в церкви «пономарь Семен Иванов Федоров». Эти люди отпевали погребенных на Лазаревском кладбище Нечаевых – Котельницких – Достоевских. (Марью Дмитриевну в 1864-м напутствовали, скорее всего, уже другие, незнакомые Достоевскому лица.)

Петербургские кладбища, изображенные Достоевским, ужасны. И не только потому, что гробы опускаются прямо в болотную жижу («Записки из подполья»), но и из-за сокрытого в **столичных** могилах нравственного растрепанности и разврата («Бобок»). Вера в воскресение Лазаря – и значит, в жизнь вечную – изначально сопряжена с Москвой.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Достоевский тоже хотел бы почивать здесь – «до радостного утра». Но судьба распорядилась иначе.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕРОЯ: МОСКОВСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОСЬЕ 1864–1867 гг.

Весной 1875 г. старорусский исправник Готский, явно нарушая служебный долг, продемонстрировал изумленной Анне Григорьевне Достоевской «довольно объемистую тетрадь в обложке синего цвета»⁴⁸: дело о полицейском надзоре над ее мужем. Тетрадка эта, надо полагать, небезынтересная для потомков, канула в Лету⁴⁹.

⁴⁷ Подобным знаком отличия был пожалован священник Черняк (№ 68, с. 139).

⁴⁸ *Воспоминания*. С. 277.

⁴⁹ Был опубликован другой источник – дело канцелярии новгородского губернатора, хранившееся в областном архиве Новгородской области. См.: Жаворонков А., Белов С. Дело об отставном поручике Федоре Достоевском // *Русская литература*. 1963. № 4.

Каждая новая находка, связанная с именем автора «Преступления и наказания», – чрезвычайная редкость. Правда, обнаруженные нами в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) документы – отнюдь не исчезнувшие рукописи «Братьев Карамазовых». Это бумаги сугубо официального свойства – очевидно, аналогичные тем, которые были доверительно показаны Анне Григорьевне благодушным полковником Готским. Однако в них заключена собственная – весьма показательная – интрига.

20 августа 1864 г. петербургский обер-полицеймейстер направляет своему московскому коллеге следующее послание:

С.-Петербургского Обер-Полицеймейстера Канцелярия
Стол 1. № 4932
Московскому Обер-Полицеймейстеру

Секретно

Состоявший в С.-Петербурге (под секретным надзором. – *И.В.*) по Высочайшему повелению, объявленному мне в предложении С.Петербургского Военного Генерал-Губернатора от 1 Декабря 1859 года за № 867, отставной подпоручик Федор Достоевский, сужденный в 1849 году по делу преступника Буташевича-Петрашевского, временно был в г. Москву.

Сообщая о сем Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить сделать распоряжение о продолжении за Достоевским означенного надзора и о времени выезда его из Москвы меня уведомить.

Генерал-Лейтенант Анненков⁵⁰

Правитель Канцелярии Корсаков

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Дело о надзоре над Достоевским. 1864–1867. Л. 1)

В письме есть ссылка на высочайшее повеление, «объявленное» 1 декабря 1859 г. Именно тогда бывший каторжник, ненадолго задержавшийся в Твери по пути из Сибири, получает вождеденное разрешение вернуться в северную столицу. Одновременно за ним учреждается секретный надзор (который, впрочем, и так существовал с 1856-го)⁵¹. Выезжая в Европу, автор «Бедных людей» в отличие от прочих граждан вынужден каждый раз обращаться в III Отделение «с особою просьбою»⁵².

Получив отношение из Петербурга, московский обер-полицеймейстер Крейц спешит в свою очередь озаботить собственных подчиненных (в деле сохранился лишь черновик):

К № 1433. 25 августа 1864 г. № 1545
Г. Полицеймейстеру I Отделения

Секретно

С.-Петербургский Обер-Полицеймейстер от 20 сего Августа в № 4932 меня уведомляет, что состоявший в С.-Петербурге по Высочайшему повелению, по делу преступника Буташевича-Петрашевского, отстав<ной> подпоручик Федор Достоевский временно был в г. Москву.

⁵⁰ Письмо подписано генерал-лейтенантом Иваном Васильевичем Анненковым и адресовано московскому обер-полицеймейстеру генерал-майору свиты Его Императорского Величества графу Генриху Киприановичу Крейцу (см.: Список высшим чинам государственных, губернских и епархиальных управлений. СПб, 1864. С. 101, 105).

⁵¹ См.: *Летопись*. Т. 1. С. 279.

⁵² См. подробнее: *Последний год Достоевского*. С. 169–170.

<Давая об этом знать> В<ашему> В<ысокоблагород>ию, для распоряжения к продолжению помянутого надзора за Достоевским, в случае прибытия его на жительство во вверенное Вам отделение и предлагаю о <последующем> и о времени выезда Достоевского <нрзб.> мне донести.

№ 1546 повещ<ено> 2 отделения

№ 1547 повещ<ено> 3 отделение

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 2. На полях правка)

На этот стереотипный запрос немедленно откликаются все полицейские округа:

24139/1461

Секретно

Господину Московскому Обер-Полицеймейстеру

Получ<ено> 28 Августа 1864 г.

Полицеймейстера 2-го Отделения

Рапорт

В исполнение предписания Вашего Сиятельства от 25 Августа за № 154 имею честь донести, что об учреждении секретного надзора за упомянутым в том предписании Отставным Подпоручиком Федором **Достоевским**, по вверенному мне Отделению распоряжение сделано.

Полковник Дурново

№ 3080

27 августа 1864 года

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 4)⁵³

Власти обеих столиц не дремлют. Но обратим внимание на даты.

Достоевский выехал из Петербурга в Москву в десятых числах августа и пробыл там всего несколько дней (21-го он уже навещает томящегося в петербургском долговом отделении Аполлона Григорьева⁵⁴). Таким образом, громоздкая государственная машина крутится вхолостую: **фигурант** уже давно вернулся домой.

Интересно: где же была полиция раньше? Ведь практически все начало текущего 1864-го Достоевский проводит в Москве – у постели угасающей в чахотке жены. Однако это не отмечено в полицейских анналах. Марья Дмитриевна скончалась 15 апреля. Через три месяца в Павловске неожиданно умер старший брат Михаил Михайлович, самый близкий ему человек, издатель «Эпохи». «В один год, – пишет Достоевский другому брату, – моя жизнь как бы надломилась. Эти два существа долгое время составляли все в моей жизни. <...> Впереди холодная, одинокая старость и падучая болезнь моя»⁵⁵.

Впереди были пять великих романов, счастливый брак, граница, рождение и смерть детей, «Дневник писателя», поздняя слава...

Но и сейчас, несмотря на жизненные катастрофы, внешне все выглядит прилично. Наблюдательный, как все доктора, Яновский в двадцатых числах июля 1864 г. встречает своего бывшего пациента в той же Москве в гостинице Дюссо: одет тот был «как всегда,

⁵³ Аналогичный рапорт прислан полицмейстером 3-го отделения – см. л. 3.

⁵⁴ *Летопись*. Т. 1. С. 466.

⁵⁵ *ПСС*. Т. 28₂. С. 96.

безукоризненно, ездил на приличных извозчиках, платил всем и за все самым добросовестным образом, имел деньги в кошельке и собирался за границу...»⁵⁶ За границу он действительно собирался («в Италию и в Константинополь»⁵⁷) и даже получил иностранный паспорт. Однако навалившиеся заботы – осиротевшая семья Михаила Михайловича, громадные долги старшего брата по журналу, которые он, младший брат, берет на себя, и т.д., – все это удерживает его на родине. Недаром он несколько раз посещает Москву: «...Выпросил у старой и богатой моей тетки 10 000, которые она назначала на мою долю в своем завещании»⁵⁸, и, воротившись в Петербург, стал додавать журнал»⁵⁹.

Именно за теткинскими деньгами отправляется он в город своего детства. Непонятно только, почему именно эта августовская поездка привлекает внимание полицейского начальства. Ибо, как сказано, все первое полугодие никакого беспокойства власти не обнаруживают⁶⁰.

Что вообще представлял собой институт под грозным названием «секретный надзор» в 1860-е и 1870-е? Насколько он был эффективен и сильно ли досаждал надзираемым?

Примечательно, что до сих пор не обнаружено ни одного документа, который бы свидетельствовал о наличии специального наблюдения или каких-либо агентурных разработок в отношении «послекаторжного» Достоевского⁶¹. Правда, есть указания на возможность перлюстрации его корреспонденции внутри империи. Похоже, что некоторые письма, посылаемые им из-за рубежа, также читались. Не укрылись от внимания агентов III Отделения и его посещения Герцена (в Лондоне в 1862-м) и Огарева (в Женеве в 1867-м)⁶². Но эти **невозвращенцы** сами находятся «под колпаком». Что же касается России, здесь он был вверен попечительству полиции не тайной, но общей. А это в основном переписка – чиновников между собой. Надзор осуществлялся, надо полагать, доста-

⁵⁶ Статьи и материалы. С. 394.

⁵⁷ ПСС. Т. 28₂. С. 97.

⁵⁸ То есть поступил точно таким же образом, как в 1844 г., когда за 1000 рублей серебром, выплачиваемые единовременно, он отказался от своей доли родительского наследства.

⁵⁹ ПСС. Т. 28₂. С. 118.

⁶⁰ В «Книге о лицах, состоящих под надзором полиции Басманной части 3-го квартала» за 1864 г. (амбарная книга, справа вручную вырезан алфавит) Достоевский среди поднадзорных не значится (ЦИАМ. Ф. 1255–I. Оп. 8. Д. 62).

⁶¹ Пожалуй, единственным исключением является рапорт старорусского уездного исправника Готского новгородскому губернатору от 25 сентября 1872 г., где помимо обычной информации о передвижениях писателя сказано: «Во время проживания в Старой Руссе Достоевский жизнь вел трезвую, избегал общества людей, даже старался ходить по улицам менее многолюдным, каждую ночь работал в своем кабинете за письменным столом, продолжая таковую до 4-х часов утра...» (Русская литература. 1963. № 4. С. 198). Впрочем, подобного рода наблюдения не требовали особых агентурных усилий.

⁶² «...Я слышал, что за мной приказано следить, – пишет он из Швейцарии А.Н. Майкову 21 июля (2 августа) 1868 г. – Петербургская полиция вскрывает и читает все мои письма, а так как женевский священник, по всем данным (заметьте, не по догадкам, а по фактам), служит в тайной полиции, то и в здешнем почтамте (женевском), с которым он имеет тайные сношения, как я знаю заведомо, некоторые из писем, мною получаемых, задерживались. Наконец, я получил анонимное письмо о том, что меня подозревают (черт знает в чем), велено вскрывать мои письма и ждать меня на границе, когда я буду въезжать, чтобы строжайше и нечаянно обыскать» (ПСС. Т. 28₂. С. 309). См. также: Секретные инструкции Достоевского (Материалы Одесского архивного фонда) // Творчество Достоевского. С. 36–38; Жизнь и труды. С. 278–279, 293; Литературное наследство. Т. 86. С. 596–605; Последний год Достоевского. С. 156–168.

точно формально и заключался главным образом в фиксации перемещений наблюдаемого лица⁶³.

Итак, Достоевский давно в Петербурге. 25 сентября от апоплексического удара умирает только что выкупленный из долгового отделения Аполлон Григорьев. «Еheu!» (то есть «Увы!») – заносит Достоевский в записную книжку: этим горестным вздохом отмечает он самые чувствительные свои потери.

Между тем 19 сентября московский обер-полицеймейстер начинает получать наконец «ОТЗЫВЫ С МЕСТ».

29808/1595

Секретно

Получено 19 Сентября 1864 г.

Господину Московскому Обер-Полицеймейстеру

Московского Полицеймейстера I Отделения

Рапорт

В исполнение предписания Вашего Сиятельства от 25 минувшаго Августа за № 1545 имею честь донести, согласно с рапортами ко мне Частных Приставов, что отставного подпоручика Федора Достоевского на жительстве в вверенном мне Отделении не оказалось; в случае же прибытия его надлежащий надзор за ним учрежден быть имеет, о чем буду иметь честь донести своевременно.

Полковник <нрзб.>

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Лл. 5 – 5 об.)

Частные приставы – это наиболее приближенные к общей жизни полицейские чины. Они Достоевского не обнаружили. Но ведь надо же как-то реагировать на летний петербургский запрос. И вот в ноябре (ноябре!) 1864 г. в деле появляется очередной документ:

М<осковский> Г<ородской> Т<елеграф>. Депеша № 955

Подано на ст<анции> Адреснаго ст<ола> 25 Ноября 1864 г. 10 ч. 19 м.

Получено на ст<анции> Обер-Пол<ицмейстера> – 21 м.

Экстра. На № 519. Г. Раевскому⁶⁴

Отстав<ной> прапорщик Федор Достоевский прож<ивает> Басманной ч<асти> 3 кв<артала> в д<оме> <Бенорабикина> № 34.

Ларионов

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 6)

Казалось бы: наконец-то! Однако сам этот текст являет собой некоторую загадку. Допустим, писатель в августе мог останавливаться у своих родственников Ивановых: они живут как раз на Старой Басманной. Но – вовсе не в доме № 34, а в здании Константиновского межевого института, где служит доктором глава семейства. И среди московских адресов Достоевского адреса, указанного в справке, мы не знаем.

Уж не вкралась ли в телеграфическую депешу какая-либо ошибка?

⁶³ У государства на все не хватало сил. Даже в конце 1870-х (в эпоху террора) в центральном аппарате III Отделения трудились всего 52 человека.

⁶⁴ Очевидно, это столоначальник 5-го стола канцелярии московского обер-полицеймейстера коллежский ассессор Иван Васильевич Раевский (Адресная книжка... С. 181.)

Позволительно, однако, предположить, что адрес реален. Это, очевидно, квартира, которую Достоевский нанимал для Марьи Дмитриевны с ноября 1863 г. по день ее смерти. Именно здесь он жил зимой и весной 1864 г. Именно здесь писались «Записки из подполья»⁶⁵.

Увы, осенью 1864 г. в «доме Бенорабикина» (или Беложаева, как более четко читается это имя в другом документе) разыскиваемый не проживает.

Между тем по итогам предпринятых розысканий московский обер-полицеймейстер отправляет запрос:

Секретно

27 ноября 1864. № 1920

Полицеймейстеру 3 Отделения

По справке в Адресном Столе оказалось, что Басманной Ч<асти> 3 кв<артала> в доме под № 34 проживает отставной офицер Федор Достоевский.

Предлагаю В<ашему> В<ысокоблагоро>дию немедленно донести мне, не тот ли это Достоевский, за которым, по предложению моему от 25 прошлого Августа в № 1547 следует иметь полицейский надзор.

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 7)

Полиция, не слишком напрягаясь, ищет писателя уже три с лишним месяца. Но ныне не проходит и десяти дней, как на вопрошение начальства следует весьма интригующий ответ:

Господину Московскому Обер-Полицеймейстеру

Полицеймейстера 3 Отделения

Рапорт

На предписание Вашего Сиятельства от 27 истекшаго Ноября за № 1920, о доставлении сведения о проживающем Басманной части 3 квартала в доме <Беложаева> под № 34 Г-не Достоевском – не тот ли он самый Достоевский, за которым по предписанию Вашего Сиятельства от 25 Августа сего года за № 1547 следует учредить полицейский надзор, честь имею донести, что означенным предписанием велено учредить надзор за отставным подпоручиком Федором Достоевским; проживающий же в доме <Беложаева> есть отставной прапорщик Сибирского линейного батальона Федор Достоевский.

Полковник <нрзб.>

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Лл. 8 – 8 об.)

Неодолимая российская неразбериха сбивает с толку ревностных розыскателей. О ком, собственно, идет речь?

В 1856 г. унтер-офицер Сибирского линейного батальона № 7 получает первый офицерский чин – прапорщика – и может наконец жениться. В 1859 г. он подает в отставку, по получении которой, согласно существующему порядку, награждается очередным чи-

⁶⁵ В письмах Достоевского из Москвы конца 1864 – начала 1865 гг. обратный адрес не указан: скорее всего он получал корреспонденцию на адрес Ивановых. В первом томе «Летописи» на с. 436 есть ссылка на документ, хранящийся в ИРЛИ (№ 29511): Достоевский 20 января 1864 г. поселяется в «Басманн<ой> ч<асти>». Характер документа не указан. Что касается даты – это, очевидно, день регистрации.

ном. Однако в виде на жительство, выданном еще в Сибири, он значится как прапорщик. Отсюда – «поручик Кижее».

Неизвестно, как справилась московская полиция с появлением **двойника**. Но проходит два года – и автор «Записок из подполья» вновь ускользает от внимания местных властей. То есть он как бы на самом деле оказывается **в подполье**.

С.-Петербургского Обер-полицеймейстера Канцелярия

Стол 1

17 июля 1866 года. № 1570

Московскому Обер-Полицеймейстеру

Проживавший в Санкт-Петербурге, состоящий под секретным надзором полиции отставной подпоручик Федор Достоевский ныне выбыл в Москву.

О чем имею честь уведомить, Ваше Превосходительство, на зависящее распоряжение, в дополнение к отношению предместника моего от 20 августа 1864 год<а> за № 4932.

Свиты Его Величества Генерал-Майор Трепов

За Правителя Канцелярии Усов

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 9)

Новая бумага подписана новым петербургским обер-полицеймейстером Ф.Ф. Треповым: он только что сменил своего «предместника» генерал-лейтенанта И.В. Анненкова на этом посту.

Указанная смена произошла не случайно. 4 апреля в Петербурге у решетки Летнего сада Дмитрий Каракозов стрелял в Александра II. Первое в отечественной истории **публичное** покушение на государя произвело на современников чрезвычайное впечатление (в том числе и на Достоевского, который, ошеломленный, вбежал с этим известием к Аполлону Майкову⁶⁶). Происходит ряд назначений и перемен: теряет, как уже говорилось, свой пост обер-полицеймейстер Анненков, начальник III Отделения В.А. Долгоруков заменяется П.А. Шуваловым. Упраздняется должность петербургского генерал-губернатора, которую занимал «гуманный внук воинственного деда» князь А.А. Суворов (именно он в 1862 г. уведомил Достоевского о том, что тот находится под секретным надзором). 12 апреля Суворов еще успеет представить министру внутренних дел П.А. Валуеву просьбу Достоевского о выезде за границу для лечения. Валуев относится в III Отделение. Там накладывают резолюцию: «Иметь в виду. По возвращении доложить об известном вопросе» (очевидно, по возвращении государя или князя Долгорукова, который пока еще не отставлен)⁶⁷. «...На этот раз, – пишет Достоевский Врангелю, – в выдаче паспорта за границу потребовались особые формальности, дело затянулось»⁶⁸. Наконец, 4 мая только что назначенный начальником III Отделения Шувалов сообщает Валуеву, что «ко удовлетворению этой просьбы» он «со своей стороны препятствий» не встречает. А 17 мая Валуев в свою очередь уведомляет Шувалова, что по его всеподданнейшему докладу государь император «повелеть соизволил разрешить проживающему в С.-Петербурге под секретным надзором отставному поручику Федору Достоевскому отправиться за границу для поль-

⁶⁶ Былое. 1906. № 4. С. 299.

⁶⁷ Переписка дается по: *Летопись*. Т. 2. С. 63, 64, 66, 67.

⁶⁸ *ПСС*. Т. 28₂. С. 157.

зования от падучей болезни». Писатель на сей раз высочайше поименован **поручиком**: надо полагать, это не повлекло новой служебной переписки.

...Однако он не поедет в чужие края. «Преступление и наказание», первые главы которого уже печатаются в «Русском вестнике», удержит автора в России. Он направляется в Москву – дабы обговорить с М.Н. Катковым условия и сроки дальнейшей публикации романа.

Автор еще не ведает, что проведет в Москве все это долгое лето.

Он пишет А.В. Корвин-Круковской: «Правда, грустный, гадкий и зловонный Петербург, летом, идет к моему настроению и мог бы даже мне дать несколько ложного вдохновения для романа; но уж слишком тяжело»⁶⁹. Чтобы описать «гадкий» Петербург, необходимо отдалиться от него. Пребывание «на месте преступления», то есть в контексте того, что одновременно изображается, пагубно для художества: это именуется **ложным** вдохновением. Не лучше ли взирать на предмет из «прекрасного далека»?

Достоевский выехал в Москву 12 или 13 июня. Полицейская **сопроводилка** от 17 июля, как водится, опаздывает на месяц.

Останавливается он, как всегда, в гостинице Дюссо близ Малого театра. И хотя каждый день обедает в Московском трактире, пьет квас и гуляет в Кремлевском саду, «нестерпимая жарища, духота, а пуще всего знойный ветер (самум) с облаками московской белокаменной пыли, накоплавшейся со времен Иоанна Калиты (по крайней мере, судя по количеству), заставили меня бежать из Москвы»⁷⁰. Бежать – в Люблино, к милому его сердцу семейству Ивановых, где рядом с их дачей «за половинную цену» нанимается «особая дача» – каменное двухэтажное строение, в коем кроме него никто не живет. (Собственно, он занимает одну большую комнату, служащую ему кабинетом и спальней.) Приходится, как он выражается, «накупить хозяйства» – подсвечников, чаю, сахару, самовар, чашки, кофейник, «даже одеяло» и взять напрокат мебель. Люблино – в пяти верстах от заставы, близ Кузьминок: извозчик туда из города стоит порядочно – от полутора до двух рублей.

Обо всем этом подробно сообщается в его письмах. Если бы они подвергались перлюстрации, полиция с легкостью установила бы местопребывание неуловимого гостя.

Лето 1866-го – совершенно исключительная пора в жизни Достоевского. И не только в силу экстремальных обстоятельств: до конца года надо успеть закончить роман и сверх того до 1 ноября согласно кабальному договору вручить издателю новую повесть объемом в 10 печатных листов. Дело не только в этом. Всегда трудившийся без свидетелей, он в первый и последний раз оказывается в совершенно необычной для себя обстановке. Он **творит** среди молодежи, «на людях», в новой и непривычной ему среде⁷¹. Этот опыт открывает нечто глубоко сокрытое в нем.

Семьей Ивановых – 37-летней любимой сестрой Верой Михайловной, ее мужем – «прекраснейшим и добродетельнейшим человеком», доктором и статским советником Александром Павловичем, их девятью детьми (среди которых юная племянница Соня: ей будет посвящен «Идиот») – не ограничивается его летнее общество. Дети Ивановых приглашают к себе на лето товарищей и подруг; здесь же обретаются студенты Межевого

⁶⁹ ПСС. Т. 28₂. С. 158.

⁷⁰ Там же. С. 165.

⁷¹ Краткое пребывание Достоевского в бекетовской ассоциации на рубеже 1846–1847 гг. было лишено (да и не предполагало) родственной теплоты или вовлеченности в общие досуги.

института, по добросердечию хозяев разделяющие с ними дачное житье. 44-летний Достоевский без видимых усилий вписывается в эту пеструю молодую компанию; более того, по свидетельству очевидцев, становится «первым затейником всяких развлечений и проказ»⁷².

Это единственная в его жизни пора, когда словно бы отодвинулись все его печали и беды. Он чувствует себя уважаемым и любимым. За отсутствием собственной семьи он обретает ее идеальный суррогат. Он даже вызывает из Петербурга («из холеры») своего пасынка Пашу Исаева – видимо, желая приобщить сироту к радостям семейной жизни «в одном из прелестнейших местоположений в мире и в приятнейшей компании»⁷³.

Он выходит к обитателям ивановской дачи, как всегда, тщательно одетый – «в крахмальной сорочке, в серых брюках и синем свободном пиджаке»⁷⁴. Он – душа этого дачного общества, которое оживляют «несколько очень хорошеньких и взрослых барышень» и которое в количестве до 20 человек дружно отправляется на веселые ночные прогулки. Он принимает «самое деятельное участие» в театральных представлениях, сценарии которых сам же и сочиняет. Он является перед восхищенной аудиторией то в виде судьи «в красной кофте сестры, с ведром на голове и в бумажных очках», то закутанным в простынь – тенью отца Гамлета, то в качестве сочинителя экспромтов, тайно предвосхитивших будущие откровения обэриутов:

По дороге по железной
Шел племянник мой Карепин.
Человек небесполезный
И собой великолепен!

Впрочем, не все его стихотворные описания столь безобидны. Когда владельцы Люблина купцы первой гильдии Голофтеев и Рахманин («новые русские» здешних мест) приглашают дачную публику на званый – с фейерверком – обед в честь собственных именин, Достоевский заявляет сестре, что явится на это торжество только при условии публичного оглашения сочиненного им спича:

Красуйтесь, радуйтесь, торгуйте
И украшайте Люблино.
Но как вы нынче ни ликуйте,
Вы оба все-таки ...!⁷⁵

⁷² *Поездка в Даровое*. С. 138. В свое время старейшая исследовательница Достоевского Г.Ф. Коган, по ее устному свидетельству, готовила статью, посвященную пребыванию писателя в Люблине.

⁷³ *ПСС*. Т. 28₂. С. 165.

⁷⁴ *Поездка в Даровое*. С. 138. Умение аккуратно и чисто одеваться – его неизменная черта. Современники отмечают у него всегда белоснежное белье – при некоторой изношенности верхнего платья (ср.: у лермонтовского Печорина из-под сюртука выглядывало ослепительно чистое белье, «изобличавшее привычки порядочного человека»). Поэтому крайне неубедительно свидетельство (правда, свидетелю в то время было не более четырех лет, и он говорит со слов своей матери), что Достоевский-дачник был тогда «какой-то мрачный, лохматый, одетый небрежно» и т.д. (*Достоевский в забытых*. С. 180). Это пример «обратного действия» мифа, когда уже существующий стереотип как бы проецируется на «воспоминания современников».

⁷⁵ *Поездка в Даровое*. С. 140.

Никогда – ни до, ни после – он не чувствовал себя так непринужденно и вольно. Он даже изменяет обычному распорядку своих занятий – вместо неизменных ночных бдений встает около девяти часов утра и трудится до обеда. Вторую половину дня и вечер он проводит у Ивановых. Но, как свидетельствует его племянница, порой в разгар веселья удаляется к себе на дачу, прося зайти за ним минут через десять; а когда приглашаемые являются – он, поглощенный работой, «сердился на пришедших и прогонял их». Впрочем, вскоре возвращался сам, «веселый и опять готовый к продолжению игры»⁷⁶. Homo scribens (человек пишущий), он одновременно и homo ludens (человек играющий): одно, Впрочем, предполагает другое.

«Рассказывать о своей работе он очень не любил», – добавляет воспоминательница.

Он не любил рассказывать о своей работе, которая вершится прикровенно и требует высшего напряжения душевных сил. Здесь, в Люблине, пишутся важнейшие главы «Преступления и наказания».

Странное дело. Один из самых сумрачных, разрывающих душу мировых романов создается в, казалось бы, совершенно неподходящей для этого обстановке – среди буколических затей, в атмосфере легкого невинного флирта, под переливы звонкого девического смеха. Сама жизнь представляется отдыхом и забавой. Но, видимо, именно такой контекст способствует появлению текста, ибо служит своего рода эстетическим противовесом «слишком серьезному» романному действию. Произведение рождается по закону контраста: неизвестно, выиграл бы роман, если бы он создавался исключительно в «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре».

Между тем лакей Ивановых, посланный ночевать к Достоевскому (для вспоможения на случай припадка), «решительно отказался это делать в дальнейшем», так как, по его словам, жилец «замышляет кого-то убить – все ночи ходит по комнатам и говорит об этом вслух»⁷⁷. (То есть ночная работа все-таки имела место.) Любопытна эта не отмеченная никем подробность – стремление проговаривать вслух романские диалоги (что, возможно, реализуется в будущих диктовках Анне Григорьевне).

Еще в декабре 1865-го, отправив в редакцию первые главы «Преступления и наказания», Достоевский пишет М.Н. Каткову (сохранился только черновик): «...Если Вы намерены печатать роман мой, то покорнейше прошу редакцию «Русск<ого> вест<ника> не делать в нем *никаких* поправок. Я *ни в коем случае* не могу на это согласиться»⁷⁸.

Неизвестно, остались ли эти слова в окончательном варианте письма. Но поправки в романе сделаны были.

В майскую книжку «Русского вестника» не вошла встреча «убийцы и блудницы» – посещение Раскольниковым Сони Мармеладовой и чтение ею вслух из Евангелия сцены воскрешения Лазаря. Редакторы (Любимов и Катков) решительно потребовали изменений – по причинам сугубо идеологического порядка, «в опасении за *нравственность*». «...Эта переделка большой главы стоила мне, по крайней мере, 3-х новых глав работы, судя по труду и тоске, но я переправил и сдал»⁷⁹, – пишет Достоевский А.П. Милюкову. «Тоску» не мог не заметить один из юных обитателей Люблина. По его словам, после поездок

⁷⁶ Поездка в Даровое. С. 139.

⁷⁷ Там же. С. 138.

⁷⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 147.

⁷⁹ Там же. С. 166. Мы предполагаем, что эта глава подверглась некоторой редактуре со стороны Каткова уже после ее переделки Достоевским. См.: Пропавший заговор. С. 118–121.

в редакцию (по отдаленности дачи обременительных, как помним, и в финансовом отношении) Достоевский «возвращался домой недовольный и расстроенный». Однако он никогда не жаловался, «так что никто из нас не знал, какие места романа исчезли бесследно для читающей публики»⁸⁰.

Остается пожалеть, что автор не доверил первоначальную версию этой злополучной главы вниманию своих люблинских сожителей: может, что-нибудь и сохранилось бы в страстной памяти века. Однако за все лето он ни разу не почтил публику чтением вслух каких-либо собственных творений (кроме шуточных стихов, разумеется). И окружающие были столь деликатны, что «никто и не решался предложить ему книгу». Или, добавим, журнал, в котором печатался создаваемый в Люблине текст. А ведь этим памятным летом выбор журнального чтения невелик: «Современник» и «Русское слово» запрещены еще в мае.

...Что ж: достижения московской полиции оказались куда более скромными, нежели успехи полиции нравственной в лице Любимова и Каткова. Два последних так или иначе добиваются своего; власть же остается ни с чем.

Достоевский возвращается в Петербург в десятых числах сентября (примерно через неделю после казни Каракозова). А еще через две недели его в очередной раз спохватываются в первопрестольной:

33389/2371

Секретно

Господину Московскому Обер-Полицеймейстеру

Получено 29 Сентября 1866 года

Полицеймейстера 1-го Отделения

Рапорт

Вследствие отношения Канцелярии Вашего Превосходительства от 22-го Июля сего года за № 1393, имею честь донести согласно с рапортами ко Мне Частных Приставов, что Отставного Подпоручика Федора Достоевского на жительство во вверенном мне Отделении не оказалось, в случае же прибытия его, надлежащий надзор за ним учрежден быть имеет; о чем буду иметь честь донести своевременно.

Полковник <нрзб.> № 333. 28 Сентября 1866 года
(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 11)

Полковнику придется ждать долго: Достоевский появится в Москве только в конце марта следующего, 1867-го. И сопровождать его будет молодая жена.

...После смерти Марьи Дмитриевны он с трудом переносит семейное одиночество. Он стремится к новому браку. Но измучившая его Аполлинурия Суслова с насмешкой отвергает его брачные притязания. Не отвечает взаимностью и 22-летняя Анна Васильевна Корвин-Круковская, объяснение в любви к которой с горестью подслушивает ее 16-летняя сестра Соня (будущая Софья Ковалевская), сама по-детски влюбленная в автора «Униженных и оскорбленных». Незадолго до Люблина, в марте 1866-го, во время поездки в Москву он неожиданно делает предложение 20-летней хохотушке Марии Сергеев-

⁸⁰ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 56, 58.

не Иванчиной-Писаревой, подруге его племянницы Сонечки Ивановой. Но получает отказ, тем более обидный, поскольку облечен в классическую стихотворную форму:

Пылает сердце старика,
Окаменелое годами⁸¹.

45-летний Достоевский отдает явное предпочтение молодым девушкам⁸². Он внутренне ориентирован на большую разницу лет, хотя прекрасно сознает сопряженные с этим опасности. Для него 1865–1866 гг. – время «предсвадебных ожиданий» или, если угодно, **томлений**. При этом брак мыслится им в том числе и как творческая необходимость. В люблинском (двухмесячном!) сидении это состояние эротической напряженности сублимируется мощной и, видимо, приносящей огромное наслаждение творческой работой (что можно было бы назвать «болдинским эффектом»). Однако стремление к «перемене судьбы» не оставляет Достоевского. Сама его встреча с Анной Григорьевной – в октябре 1866-го, ровно через месяц после отъезда из Люблина – воистину провиденциальна. Работа над «Преступлением и наказанием» вступает в завершающую фазу; одновременно пишется «Игрок». Можно представить ту духовную эманацию, которая исходила в это время от автора. Этого не могла не почувствовать 20-летняя Анна Сниткина. Она полюбила Достоевского «вперед», «заочно» – чисто по-женски угадав главное в нем.

Но, с другой стороны, и сама Анна Григорьевна – как бы продолжение **люблинского** лета. Она воплощает в себе дух той молодой интеллигентной компании, которая окружала Достоевского и, очевидно, споспешествовала его работе. Современники не зря отмечают исключительно веселый нрав второй жены Достоевского: эта ее черта не могла не производить умиротворяющего действия во время их не столь безоблачной брачной жизни.

Если Достоевский и женится «по закону контраста», то для него лично это конгениальный закон.

Через полтора месяца после свадьбы он с Анной Григорьевной едет в Москву. И вслед за ним, натурально, отправляется документ.

С.-Петербургского Обер-Полицеймейстера Канцелярия

Отделение Секретное

Секретно

31-го Марта 1867 года. № 2077

Господину Московскому Обер-Полицеймейстеру

Состоящий по Высочайшему Повелению под секретным надзором отставной Подпоручик Федор Достоевский, сужденный в 1849 г. по делу преступника Буташевича-Петрашевского, – выбыл 29 Марта в Москву.

⁸¹ *Поездка в Даровое*. С. 143–144.

⁸² Правда, в Люблине он делает «полупредложение» невестке главы семейства Ивановых – Елене Павловне. Пикантность ситуации состоит в том, что у **избранницы** еще жив муж (правда, он весьма болен) и зондаж Достоевского носит, так сказать, прелиминарный характер. Елена Павловна – почти ровесница Достоевского (моложе его всего на два года), и можно предположить, что ей предназначалась роль утешительницы и сиделки в близкой «холодной старости». Позднее Достоевский был озабочен тем, не внушил ли он Елене Павловне неоправданные надежды.

Сообщая об этом Вашему Превосходительству, имею честь покорнейше просить сделать распоряжение о продолжении за Достоевским означенного секретного надзора, и о времени выезда его из Москвы меня уведомить.

Генерал-Лейтенант Трепов
(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Л. 12)

Надо на сей раз отдать должное оперативности Петербурга: Москву извещают о «выбытии» Достоевского буквально на следующий день и при этом даже правильно называют его нынешний чин. Далее все идет как обычно.

К № 941

Секретно

5 апреля 1867. № 860

Господину Полицеймейстеру 1 Отд^{еления}

С.-Петербургский Обер-Полицеймейстер отношением от 31 минувшего марта за № 2047 уведомляет меня, что проживавший в С.-Петербурге, состоящий под секретным надзором отставной Подпоручик Федор Достоевский, сужденный в 1849 г. по делу преступника Буташевича-Петрашевского – 29 Марта выбыл в Москву.

Давая об этом знать для зависящих распоряжений в дополнение к предложению моему от 22 Июля 1866 года за № 1393 к учреждению означенного надзора за Достоевским, в случае прибытия его на жительство во вверенное Вам отделение, предлагаю Вашему Высокоблагородию об учреждении надзора и о последствиях оного мне донести.

(ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 13. Д. 21. Лл. 13 – 13 об.)

К счастью, «последствия оного» укрылись от бдительности властей. Иначе медовый месяц Достоевских (совпавший, кстати, с Великим постом) мог бы протекать и под секретным призором полиции, буде, конечно, последняя обнаружила новобрачных. Но 8 апреля они выезжают в Петербург. А еще неделю спустя – надолго покидают Россию.

...Секретный надзор над автором «Идиота» формально будет снят в 1875 г.⁸³ В том же списке освобождаемых от полицейской опеки лиц будет значиться еще одно имя: титулярный советник Александр Пушкин.

«БРАТ, СТОЛЬКО ЛЕТ СОПУТСТВОВАВШИЙ МНЕ...» (МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ)

Судьба Мих-Миха

Разве только ленивый не вспоминал этот знаменитый пассаж: «Человек есть тайна» и т.д. При этом, как правило, забывают об адресате. Между тем сакраментальной фразой завершается письмо 18-летнего Федора Достоевского к 19-летнему брату Михаилу. «Твой друг и брат», – подписывается автор письма⁸⁴. Эта **расхожая формула** имеет в глазах

⁸³ См.: Нечаева В.С. Когда был снят секретный надзор за Достоевским // Русская литература. 1964. № 2. С. 170–172; Литературное наследство. Т. 86. С. 599–603; Последний год Достоевского. С. 168–173.

⁸⁴ ПСС. Т. 28, С. 63.

обоих корреспондентов особенный смысл. Они чувствуют себя родными не только по крови. Они ощущают глубокое духовное родство. В их братство не допускается непосвященный.

Пожалуй, у Достоевского не было в жизни более близкого человека. Отвечая в крепости на вопросы следственной комиссии, то есть находясь в обстоятельствах, когда чистосердечие вопрошаемого большая редкость, – он скажет: «Совершенно откровенных сношений не имел ни с кем, кроме как с братом моим...»⁸⁵ В настоящем случае он не лукавит.

Первенец Михаил крещен в Петропавловской церкви Московского военного госпиталя – тем же священником, что венчал чету Достоевских. Мальчик появился на свет ровно через девять месяцев (без одного дня) после указанного таинства. Из всех братьев и сестер (если не считать Любочку, умершую во младенчестве) он и уйдет первым.

Будучи погодками, Михаил и Федор составляют отдельную ячейку внутри семьи. У них общие игры, общие интересы и, главное, общие секреты. Их внутренние миры полностью проницаемы друг для друга – разумеется, до той границы, которую не в силах переступить «не-я». И если верить экзистенциальному философу, что существование другого – «непреодолимый скандал», то в **их случае** невосполнимой горестью стало бы **отсутствие второго**.

Изю всего семейства выраженный литературный интерес присущ только двум старшим братьям. И хотя один из них окажется мировым гением, а второй на ниве изящной словесности будет почти незаметен, в детстве это грядущее неравенство абсолютно неощутимо. Заметно другое: крепнущее с годами лидерство младшего брата, который, по словам родителей, «настоящий огонь». (Правда, темперамент еще не есть неременный и отличительный признак таланта.) Старший пишет стихи (что не слишком радует папеньку); младший, хотя и сочиняет «роман из венецианской жизни», но делает это исключительно в уме, так что папенька совершенно не в курсе.

В письмах к отцу старший сын не чурается высокой патетики. «Пусть у меня возьмут все, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир!» Нагой Михаил Михайлович, прижимающий к груди готический том, – зрелище, конечно, неслабое. До таких экзальтаций брат Федор – при всей его любви к Шиллеру – не доходит. Хотя, говоря о «прекрасном и высоком», заметит позднее, что «тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии»⁸⁶.

Братья разлучатся почти на десять лет (Федор – в Петербурге, Михаил – в Ревеле): встречи будут довольно редки. Однако духовная связь не ослабнет. В первые годы их переписка в высшей степени литературна: она изобилует мировыми отвлеченностями и философическими восторгами. С течением времени в письмах появляются денежные расчеты и издательские прожекты, ибо литература становится **делом**.

Ранняя женитьба Михаила Михайловича окрашена во вполне романтические тона. Не достигнув двадцати двух лет, он сочетается браком с двадцатилетней дочерью «Ревельскаго Гражданина» Эмилией-Каролиной Дитмар (Ditmer). «Мне кажется, что я делаю глупость, что женюсь, – пишет он младшему брату, – но когда я посмотрю на Эмилию, когда вижу в глазах этого ангела детскую радость – мне становится веселее»⁸⁷. (Брата не слишком тронут подобные упоения, и он еще долго пребудет холостым.) Принадлежность

⁸⁵ ПСС. Т. 18. С. 136.

⁸⁶ Там же. Т. 22. С. 27. Дневник писателя. Январь 1876 г.

⁸⁷ Цит. по: Литературное наследство. Т. 86. С. 371.

невесты к лютеранству отнюдь не смущает жениха, который, по-видимому, в глубине души полагает, что брак этот косвенно приблизит его к любезному ему шиллеровско-германскому миру.

Михаил Михайлович будет заботливым мужем и хорошим – многодетным – отцом. Но он останется и преданным другом. Он ни минуты не сомневается в высоких достоинствах младшего брата и не упускает случая, чтобы уверить московских родственников (которые далеко не разделяют его оптимизма) в блистательном будущем Федора. Он без колебаний одобряет любые, в том числе довольно рискованные шаги новоиспеченного военного инженера: его неожиданную отставку, отказ от родительского наследства (за скромную, но зато выплачиваемую незамедлительно сумму) и, главное, его решительный переход на гадательную литературную стезю. Брат Миша ручается головой за честность и порядочность брата. Он до небес превозносит еще не читанный им (да, впрочем, и не написанный) «роман» – то бишь будущих «Бедных людей». И, сверх того, соблазняет **москвичей** вестью, что пьесы брата «нынешней зимою явятся на петербургской сцене»⁸⁸. (Они не явятся там ни зимой, ни летом, хотя сулящий **в принципе** не ошибся: инсценировок в XX в. – причем повсеместно – будет неисчислимое множество.) «Это человек с сильным, самостоятельным талантом...» – вот самая ранняя из всех существующих аттестаций автора «Карамазовых». И, надо признать, не самая худшая.

В их тандеме младший окончательно становится главным. Именно по его настоятельному призыву Михаил Михайлович оставляет ревельскую службу и переезжает в Петербург – дабы по примеру Федора Михайловича отдаться литературе. И именно потому, что они «в связке», Михаил Михайлович не может миновать сходбищ у Петрашевского.

Его посещения «пятниц» (равно как и кружка Дурова) довольно редки – правда, не настолько, чтобы не быть отмеченными бдительным взором агента Антонелли. Его заботами Михаил Михайлович попадает в общий список: правда, без инициалов – как Достоевский-**второй**. Но по иронии судьбы в ночь на 23 апреля 1849 г. вместе с Достоевским-**первым** берут не его, а ни сном ни духом не ведающего ни о каком Петрашевском брата Андрея. И только 6 мая власть исправляет прискорбную полицейскую оплошность. Истинного виновника, проводшего эти две недели в судорожном ожидании развязки, водворяют наконец в каземат Петропавловской крепости.

Кратко изъяснив на первом допросе, что у Петрашевского «собирались только для веселья» (которое кончится, однако – о чем никто еще не догадывается, – 21 смертным приговором), арестант позднее даст более пространные показания. Он довольно безыскусно выстраивает собственную защиту – может быть, потому, что против него действительно не имеется серьезных улик. Облегчению его участи немало споспешествуют старания младшего брата, который изо всех сил выгораживает старшего, беря всю вину на себя. При этом он устрашает следственную комиссию призраком голодной смерти всех четырех оставленных без попечения братниных детей.

Впоследствии Достоевский публично заявит, что брат его «не дал *никаких показаний*, которые бы могли компрометировать других» (хотя, добавит, «*знал о многом*»). Найденное сравнительно недавно подлинное следственное дело М.М. Достоевского полностью подтверждает эти слова⁸⁹.

⁸⁸ Литературное наследство. Т. 86. С. 365.

⁸⁹ См.: Материалы и исследования. Т. 1. С. 254–265; Пропавший заговор. С. 305–306, 420–422.

Убедившись, что подследственный – лицо в противоправительственных деяниях мало замешанное, комиссия ходатайствует перед государем об его освобождении. Государь, к счастью, не возражает. Таким образом, Михаилу Михайловичу довелось пробыть в одиночном заключении всего около двух месяцев.

В качестве компенсации за не вполне заслуженную отсидку многосемейный Достоевский-второй получает всемилостивейшее пособие в размере 200 рублей. Этот скромный акт государственного раскаяния навлек на получателя самые мрачные подозрения, которые, как сказано, полностью опровергаются беспристрастными документами упомянутого выше следственного дела.

Очутившись на воле, Михаил Михайлович становится единственным корреспондентом пребывающего в крепости брата. Посылая ему деньги, он присовокупляет к ним «полсотни заграничных цыгар», не ведая, что через несколько лет сам начнет производить подобные изделия – как бы в отместку романтическим упованиям юности. «Я уверен, что ты напишешь нечто, далеко выходящее из круга обыкновенных явлений»⁹⁰, – ободряет он брата: пожелание сбудется очень нескоро.

22 декабря 1849 г., сразу же после «казни», брат Федор адресует Михаилу Михайловичу свое последнее перед сибирской разлукой письмо. Это – одно из самых сильных посланий, написанных на этой земле. «Брат, любезный друг мой! все решено!» Он повествует о том, что пережил утром этого дня. Он не теряет надежды. «...Когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!»⁹¹

Нетрудно догадаться, с каким чувством читал старший брат эти строки – он, который, повернись дело иначе, тоже мог бы стоять на эшафоте. (Через много лет вдова адресата покажет это письмо автору, и тот будет читать его «страшно волнуясь» и попросит обратно текст.)

Им еще разрешат свидеться – на полчаса, в комендантском доме, перед тем как осужденного закут в кандалы и посадят в жандармские сани. Присутствовавший при том А.П. Милюков замечает, что из двух братьев страдал больше тот, кто оставался на воле. «В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его»⁹².

Четыре года они ничего не будут знать друг о друге. Михаил Михайлович оставит не могущие его прокормить литературные занятия и, как уже сказано, займется табачной фабрикой. Разразившаяся над братом катастрофа и его собственное полуторамесячное пребывание в крепости, очевидно, произведут на него неизгладимое впечатление. Мягкий, сдержанный, ровный, не выказывающий так резко, как брат, своего «я» (его дочь не помнит, чтобы отец «когда-нибудь вспылил, сердился, кричал»), новоиспеченный табачный фабрикант делается еще осторожнее, закрытее, суше.

Он страстно любит музыку; неплохо рисует. При этом – «чрезвычайно близорук, так что часто не узнавал на улице своих детей». Любовь Федоровна утверждает, что ее дядя (умерший, кстати, задолго до ее рождения) с годами пристрастился к алкоголю. «Излияние желчи» (квалифицируемое современной медициной как цирроз печени), что стало причиной его смерти, как будто подтверждает эти слова.

⁹⁰ Искусство. Кн. 1. С. 111–112.

⁹¹ ПСС. Т. 28, С. 161, 163.

⁹² Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 269.

Со своей стороны, дочь, Екатерина Михайловна, потерявшая отца в десятилетнем возрасте, с негодованием отвергала эту гипотезу. По ее словам, отец пил «всего только в исключительных случаях» и, следовательно, «никогда алкоголиком не был»⁹³.

Мнение дочери (которое, конечно, может быть субъективным) подкрепляется письмом самого Михаила Михайловича от 27 января 1864 г.: «Вчера собралось у меня несколько приятелей: нужно было sprysнуть новый журнал («Эпоху». – *И.В.*), и мы подписали. Нынче, вследствие **непривычки** или простуды, у меня смертельно голова болит и маленькая дрожь».

Это написано за полгода до смерти, причиной которой якобы стало то, что автор письма считает для себя делом не очень привычным. Как саркастически замечает по этому поводу А.А. Достоевский (сын третьего брата, Андрея Михайловича), «некоторые представители медицины склонны считать чуть ли не классическими алкоголиками таких лиц, которые всю свою жизнь перед обедом выпивают по рюмке водки» и тогда «все Достоевские без исключения – алкоголики, ибо ни у кого из них не было органического отвращения к спирту».

...Их разлука продлится ровно десятилетие: братья вновь встретятся в самом конце 1859 г. Немедленно по выходе из омской каторги в январе 1854-го Достоевский напишет брату. Известно, однако, что такие попытки предпринимались и раньше – арестант посылал письма с оказией, когда лежал в лазарете, то есть использовал сугубо нелегальные пути. Адресат не отзывался; лишь по окончании срока он посылает в Сибирь первые 50 рублей.

В этой связи между братьями возникает некоторая эпистолярная напряженность. Бывший каторжник выказывает недоумение, почему за четыре года разлуки брат не написал ему ни строки. «Но неужели ты не мог писать ко мне? Это для меня очень странно и горько. Может быть, ты не просил разрешения сам; а письма разрешены. Это я знаю наверно»⁹⁴. Он боится, что брат охладил к нему, каковым подозрением письменно делится с А.Е. Врангелем. Тот должен был доставить брату другое его письмо. Но тут, совсем как в романе, возникает интрига. Врангель по ошибке отдает Михаилу Михайловичу адресованный ему, Врангелю, текст, где явлена упомянутая братская скорбь. Уязвленный неблагоприятным братом Михаил Михайлович адресует в Семипалатинск свой горестный вопль: «Боже мой. Неужели я не заслужил перед тобою бóльшего доверия к любви моей и моему сердцу. Неужели ты не мог предположить других причин, более важных, моему молчанию и вообще нежеланию писать тебе помимо официального пути».

Брат уверяет брата, что он не жалел усилий, дабы добиться разрешения вести с ним легальную переписку. Но все его хлопоты оказались напрасными. Затеять же тайные сношения, в обход власти, он, отец шестерых детей и лицо, находящееся под секретным полицейским надзором, позволить себе не мог. При этом он еще пекся о безопасности брата.

Нет оснований сомневаться в искренности этих резонов. С другой стороны, известно секретное распоряжение от 11 августа 1850 г., адресованное Военным министерством инспектору по инженерной части Омской крепости. В документе говорится о корреспонденции политических каторжан: «если письма не будут заключать в себе ничего сомни-

⁹³ *Материалы и исследования*. Т. 6. С. 285.

⁹⁴ *ПСС*. Т. 28₁. С. 178.

тельного или преступного, то получаемые тотчас отдавать осужденным, а от них доставляемые отправлять по адресу».

Возможно, Михаил Михайлович действительно ходатайствовал о разрешении переписываться – естественно, через III Отделение. Но у ведомства тайной полиции могли иметься собственные инструкции на этот счет – причем применительно к данному делу или даже к данному фигуранту. Военное министерство ему не указ. Так что хлопоты Мих-Миха, как его называли домашние, действительно могли оказаться пустыми.

Разумеется, никто из членов семейства не писал Достоевскому до выхода его из острога. Но уже в Семипалатинск, хотя и с большими интервалами, стали поступать вести от родных. Посылались и небольшие денежные вспоможения, одежда, белье... «Милый друг, – адресуется Достоевский к Мих-Миху, – ты пишешь о сестрах: это ангелы! Что за прекрасное семейство наше! Что за люди в нем!»⁹⁵

Его радует, что он не забыт, что зов крови и родовая память не заглушены приговором и долгой разлукой. При этом вряд ли кто-либо из членов семейства всерьез уповает – во всяком случае, до оглашения первых милостей нового царствования – на его скорое возвращение. Участь преступников 1825 г., канувших *во глубину сибирских руд*, у всех на виду. Похоже, не верит во второе (особенно литературное) пришествие брата и осторожный Мих-Мих. Хотя и старается по мере сил исполнять свой родственный долг. Благо этому способствует относительное преуспевание, коего он добился в конце 1850-х: собственный выезд, гувернантка для детей, постоянные гости.

Время от времени снабжая брата деньгами, он отвечает на его письма редко и весьма непространно, оставляя без внимания жадные вопрошения о новостях литературных. Поскольку письма из Петербурга посылаются исключительно официальным путем, то есть доступны для чужих глаз, это не может не сдерживать его перо.

«...Лучше вовсе не писать, чем писать подобные», – обронит он в одном из своих посланий, отправленных наконец с оказией⁹⁶. Переписка оживится, когда, во-первых, появятся *тексты*, а во-вторых – реальная перспектива их публикации. Старший становится ревностным литературным агентом младшего брата, верным ходатаем по всем его журнальным делам.

Приезд Достоевского в Петербург в самом конце 1859 г. вновь решительно изменит судьбу Михаила Михайловича – как это уже однажды случилось в конце сороковых, когда он по настоянию брата перебрался в северную столицу. Он *тоже* возвращается в литературу. Сделать это тем проще, что они оба некоторое время живут в одном доме – на углу Казначеевской улицы и Столярного переулка. («Время», а после его запрещения «Эпоха» – это журналы *братьев Достоевских*, где старший, являясь официальным издателем и редактором, добровольно вверяется вкусам и мнениям младшего.)

Зато Мих-Мих берет на себя все денежные заботы, что, натурально, побуждает иных из сотрудников характеризовать его как «порядочного мерзавца», «мошенника и барышника» и т.п.⁹⁷ Даже вполне лояльно настроенный к редактору «Эпохи» Н.Н. Страхов замечает в частном письме от 25 июня 1864 г., что «Михайло просто кулак», который «рад выезжать на других». Через две недели М.М. Достоевского не станет – и тот же Страхов

⁹⁵ ПСС. Т. 28, С. 247.

⁹⁶ Письма. Т. 1. С. 528.

⁹⁷ Цит. по: Литературное наследство. Т. 86. С. 382.

с горестью заметит, что он умер «прямо от редакторства» (в частности, от запрещения цензурой его, Страхова, очередной статьи). Ему было почти 44 года.

Федор Михайлович в письме к брату Андрею тоже указывает на, так сказать, общественную подоплеку ранней кончины старшего брата. И прежде всего на запрещение «Времени» в 1863 г., что «его тогда как громом поразило». Недаром брат Михаил «весь последний год был постоянно в тревоге, в волнении, в опасениях»⁹⁸. При этом почему-то не говорится еще об одном постигшем покойника горе – смерти от скарлатины восьмилетней любимой дочери Вари.

«...Тоска томит нас с женою, – пишет Мих-Мих Достоевскому в марте 1864 г. – Точно душа наша отлетела от нас. Каждый день я плачу по Варе. Это был ведь наш последний ребенок. Чуть только останусь один, так она и вертится передо мною с своей гримаской, за которую я обыкновенно называл ее: Нос! Бедная, милая Люшка!» В семье, где росли автор и адресат этого письма, из восьми детей умер только один – что по тем временам, имея в виду обильную детскую смертность, скорее исключение из правил. У Михаила Михайловича умерли пятеро. Последнего ребенка он не переживет и на полгода.

Проводивший в 1864 г. лето на даче в Павловске, он почувствует себя плохо во вторник 7 июля, а умрет в пятницу 10-го. Никто из домашних не ожидал печальной развязки. Но приехавший доктор отозвал Достоевского в сторону и объявил ему, что нет никакой надежды. Он сказал, что больной «уже ощущает сонливость, что к вечеру он заснет и уже более не проснется»⁹⁹. Вроч не ошибся.

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, – и пусто все кругом.

Он мог бы повторить эти тютчевские строки, если бы тогда они уже были написаны. В апреле умирает жена, в июле – брат. Достоевский остается один.

Дни сочтены, утрат не перечесать,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

Брата похоронят в Павловске, и агент III Отделения, отметив малолетность церемонии, добавит: «Надгробной речи никто не говорил»¹⁰⁰. Так секретный надзор, учрежденный в 1849 г., сопроводит тишайшего Михаила Михайловича до могилы.

Вдова с немецким акцентом

«Сколько я потерял с ним – не буду говорить тебе, – пишет Достоевский брату Андрею. – Этот человек любил меня больше всего на свете, даже больше жены и детей, которых он обожал»¹⁰¹.

⁹⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 94.

⁹⁹ Там же. С. 95–96.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 72. Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 86. С. 399.

¹⁰¹ ПСС. Т. 28₂. С. 96.

Что касается жены, Эмилии Федоровны (происхождение отчества туманно: отца, как выясняется из ее метрического свидетельства, звали Дитрих-Иоганн), Михаил Михайлович вступил с нею в брак, преодолев легкое сопротивление обеих семей. Во-первых, московских Куманиных, недовольных слишком ранними матримониальными намерениями племянника, а во-вторых, и ревельских Дитмаров, смущаемых разницей вероисповеданий. Так в род Достоевских замесалась не наблюдаемая прежде немецкая кровь. Правда, Мих-Мих **восстановил баланс**, заведя ребенка на стороне – от Прасковьи Петровны Аникиевой, чье простое русское имя не вызывает как будто никаких подозрений. Об этой связи, разумеется, знает Достоевский, чей «подпольный» роман с А.П. Сусловой протекает при молчаливом доброжелательстве брата, не очень жалующего его законную жену. Знает Достоевский и о наличии у брата внебрачного сына Вани; относится к нему приязненно и по смерти брата – не забывает. В письме к пасынку Паше Исаеву из Дрездена (1867) он наставляет: «Главное, справься: где Ваня? Хорошенько справься». Через того же Пашу пересылаются деньги для Прасковьи Петровны. «Кланяйся и целуй Ваню», – пишет он пасынку в другом письме.

Надо полагать, эти родственные приветы не очень нравились Анне Григорьевне, в глазах которой даже официальное семейство Михаила Михайловича выглядело обузой. В мужниных **нахлебниках** она усматривала угрозу скромному бюджету ее собственной семьи. Стенографический дневник Анны Григорьевны за 1867 г., который молодая спутница Достоевского вела за границей, содержит с трудом поддающуюся расшифровке запись о каком-то письме «от Прасковьи», которое Анна Григорьевна с негодованием изорвала.

Для детей Михаила Михайловича наличие сводного брата вовсе не являлось секретом – во всяком случае, в их зрелую пору. «Остаюсь твоим братом», – заканчивает **законный** сын Федя свое письмо «голубчику Ване». Он просит адресоваться к нему «как к Ф.М. Дост<оевскому>-второму, а то может попасть в руки дяди». Дядя у обоих корреспондентов был общий.

Впрочем, следы Аникиевых теряются – и мы не знаем, продлилась ли эта ветвь рода.

Но вернемся к законной супруге. При жизни брата Достоевский никогда не забывает передать ей поклон. После его смерти – как может поддерживает вдову. Находясь за границей, требует от Паши Исаева, живущего в семье покойного Михаила Михайловича, чтобы пасынок не оказался бы «как-нибудь в тягость Эмилии Федоровне и не наделал бы ей каких-нибудь неприятностей», а, напротив, был бы с ней почтителен и добр¹⁰². Пишет он из Жeneвы и самой вдове: «...Не проходило дня, чтоб я об вас обо всех не думал». Он спрашивается о здоровье и успехах детей. «Мучает меня *очень* то, что в настоящую минуту ничем не могу помочь Вам. Мне это чрезвычайно тяжело. К Новому году хоть из-под земли достану, а с Вами поделюсь»¹⁰³. Это пишется, когда Анна Григорьевна беременна их первым ребенком.

Тем не менее Эмилия Федоровна числит его виновником семейных бед. Достоевский с горестью должен признать, что она «враг мой исконный (не знаю за что)» и что он – объект ее ненависти.

Эмилия Федоровна убеждена: муж продал табачную фабрику по наущению младшего брата и тем самым лишил собственную семью верного куска хлеба; во-вторых, дурным

¹⁰² ЛСС. Т. 28₂. С. 201.

¹⁰³ Там же. С. 217, 218.

ведением «Эпохи» Достоевский разорил ее законных наследников и владельцев. (После смерти издателя на титуле журнала в этом качестве значилось «семейство М.М. Достоевского», что вызывало насмешки публики.) В письме к Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский отклоняет все эти обвинения. Он говорит, что табачная фабрика была продана (всего за тысячу рублей) уже после того, как пришла в полный упадок, что журнал «спас брата от банкротства» и что по его смерти он, Достоевский, принял на себя все его долги. Кроме того, он полагает, что падение подписки было вызвано уверенностью части публики, что умер сам Федор Михайлович, а не его брат.

Читала ли Эмилия Федоровна романы своего деверя?

В «Преступлении и наказании» изображены две немки – существа крайне несимпатичные. Одна – Луиза (Лавиза) Ивановна, содержательница публичного дома. Другая – Амалия Людвиговна (Мармеладов упорно именует ее **Федоровной**) Липпевехзель, хозяйка дома, где квартируют Мармеладовы, Лебезятников, Лужин. Обе – с чудовищным немецким акцентом. Нет оснований сопрягать эти откровенно карикатурные персонажи с Эмилией Федоровной, хотя, признаться, неудовольствия ее с автором романа и не очень чистый русский выговор могли бы навести на эту игривую мысль. Кстати: однажды она ошеломила одну из родственниц известием о том, что поэт Яков Полонский именно ей, Эмилией Федоровне, сделал брачное предложение. (На самом деле оно относилось к ее дочери.) Это сенсационное признание, напоминающее известную сцену из «Ревизора», наглядно демонстрирует степень владения Эмилией Федоровной русским языком.

В 1879-м, узнав о ее кончине (его ровесница, она умерла в возрасте 58 лет от рака груди), он говорит, что «с ее смертью, кончилось как бы все, что еще оставалось на земле, для меня, от памяти брата». Он говорит, что не думает, «чтоб я был очень перед ней виноват» (оговорка, указывающая, что мысль эта все-таки тяготит его), ибо «пожертвовал даже моими силами, именем литературным, которое отдал на позор с провалившимся изданием, работал как вол, даже брат покойный не мог бы упрекнуть меня с того света». На этом свете ему самому отпущено еще полтора года.

Неудобства гражданского брака

Дети Эмилией Федоровны утверждают, что их мать была очень красива.

Эту красоту, судя по всему, унаследовала младшая из дочерей, Екатерина Михайловна. Она родилась в 1853-м: Достоевский еще отбывал свой каторжный срок. Он вернулся, когда ей исполнилось шесть. Дядя очень любил племянницу, которая спустя 60 лет прекрасно помнила, как однажды на Рождество, когда дети собрались вокруг елки, «вдруг раздался громкий звонок и в зал торжественно вошел Федор Михайлович, ведя за руки две большие куклы для двух младших племянниц» – для нее, Кати, и маленькой Вари (той, которая умрет в 1864-м).

После смерти брата Достоевский не забывает его детей. Он пишет Паше Исаеву: «Катю искренне целую; я уверен, что она бесподобно выдержит экзамен. Как бы я рад был, если б мамаша сделала ей костюм несколько получше, чем прошлого и третьего года в Павловске»¹⁰⁴.

Его заботят такие подробности, в какие вникает не всякий отец. И через год, назначая из Женевы упомянутой «мамаше» 100 рублей, он настоятельно просит «10 р. употребить

¹⁰⁴ ПСС. Т. 28₂. С. 201.

(для костюма и проч.) на Катю»¹⁰⁵. Мысль о неудачном наряде, по-видимому, все еще волнует его.

Из всех детей Михаила Михайловича Катя наиболее близко сходится с новой семьей дяди. Анна Григорьевна вспоминает ее как «прехорошенькую девочку лет пятнадцати, с прекрасными черными глазами и двумя длинными белокурыми косами за спиной», которая зимой 1867-го – в первые недели их брака – едва ли не каждое утро забегает к молодой чете, благо живет по соседству. Ей, очевидно, нравится Анна Григорьевна, которая старше ее всего на семь лет. Не исключено что она поступает на стенографические курсы, следуя примеру последней.

Ее жизнь переломится в семидесятые годы, когда она встретит Вячеслава Авксентьевича Манассеина – крупного ученого, профессора Военно-медицинской академии и основателя журнала «Врач». Разница в возрасте у них не столь велика – 12 лет, но профессор, увы, не свободен. Бросившая его жена, тем не менее, не дает ему развода. (Случай нередкий: вспомним судьбу В.В. Розанова, прижившего детей в **неузаконенном** браке, ибо ушедшая от него А.П. Суслова не пожелала освободить его от формальных уз.) Близкие вспоминают Манассеина как человека сильного духом, называют его «общественной совестью», говорят о необыкновенной чистоте их с Екатериной Михайловной отношений. Она прожила с ним в гражданском браке до самой его смерти в 1901 г. – более двадцати лет, пользуясь неизменным уважением его многочисленных коллег и знакомых.

Достоевский до этого не дожил. Его дочь уверяет, что отец «рыдал как ребенок, узнав о «позоре» своей племянницы», и что он запретил своим домашним «поддерживать какие бы ни было отношения с виновной».

По обыкновению не сгущает ли Любовь Федоровна краски?

Достоевский не был ни ханжой, ни лицемером. Ведь не рыдал же он от того, что Аполлинария Суслова, презрев условности, отдалась ему, своему первому мужчине, как раз в тот момент, когда он пребывал в законном супружестве. Его не остановила разница в годах между ним и Сусловой – значительно большая, нежели у Е.М. Достоевской с Манассеиным. Конечно, в случае с Екатериной Михайловной была задета семейная честь: за неимением отца Достоевский как бы вменял себе в обязанность блюсти интересы племянницы. Допустим, ему по каким-то причинам мог не нравиться Манассеин; он мог полагать, что тот воспользовался неискушенностью молодой девушки и союз их будет недолгим. Но ведь не воображал же он в самом деле племянницу Варенькой Доброселовой, Настасьей Филипповной, Грушенькой или, упаси Бог, Сонечкой Мармеладовой! Впрочем, даже в таком случае он мог бы быть благосклоннее.

Как бы то ни было, такова была позиция семьи. Через много лет другой дядя Екатерины, Андрей Михайлович, с горестью скажет, что все Достоевские «крайне виноваты» перед своей «милрой, доброй и симпатичной», но подвергнутой семейному остракизму родственницей. «Мы отвернулись от нее как от прокаженной! – С чувством восклицает брат Достоевского, чьи мемуары, вышедшие в 1930-м, Екатерина Михайловна теоретически еще могла прочитать. – Отвернулись все, начиная с главы фамилии Ф.М. Достоевского, который при всем своем уме и гениальности сильно ошибался в своих на это воззрениях».

Ближайшим родственникам приходится верить. Но вот что интересно. В письме к брату Николаю от 6 декабря 1879 г. Достоевский сообщает, что был «с месяц тому у Катерины

¹⁰⁵ ПСС. Т. 28₂. С. 269.

Михайловны». Исследователи давно обратили внимание на это свидетельство, которое доказывает, что разрыв между дядей и племянницей был не столь уж необратим.

Тут, правда, есть одно тонкое обстоятельство. Достоевский узнает о смерти Эмилии Федоровны, находясь в Эмсе. Он не может присутствовать на похоронах. Он просит Анну Григорьевну сообщить ему адрес старшего сына Эмилии Федоровны, Феде, его крестника: он собирается ему написать. О любимой племяннице не говорится ни слова. Но, вернувшись в Петербург, писатель почитает своим неперенным долгом посетить дочь старшего брата, которая нынче осталась круглой сиротой. По словам самой Екатерины Михайловны, Достоевский приехав к ней, «долго сидел и беседовал».

Его собственная жизнь была на исходе. Кто знает, продлилась она дольше, возможно, он испытал бы раскаяние, как и брат Андрей.

Следует остановиться на одном удивительном совпадении.

В 1839 г. Михаил Михайлович пишет дяде и тете Куманиным: «Подивитесь предчувствию души моей. В ночь на 8-е июня – я видел во сне покойного папинуку. (То есть полтора дня спустя, как Михаила Андреевича не стало. – *И.В.*) Вижу, что будто он сидит за письменным столиком и весь как лунь седой; ни одного волоса черного; я долго смотрел на него, и мне стало так грустно, так грустно, что я заплакал; потом я подошел к нему и поцеловал его в плечо, не быв им замеченным, и проснулся. Я тогда же подумал, что это не к добру...»

Отец снится и брату Федору – причем для сновидца это не лучшее предвестие. «...Я сегодня ночью видел во сне отца, – пишет он Анне Григорьевне в 1871 г. из Висбадена, где проигрался в пух и прах, – но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предрекая грозную беду, и два раза сновидение сбылось».

Анна Григорьевна говорит, что ее муж придавал значение снам. «Очень тревожился он, когда видел во сне брата Мишу и в особенности своего отца». Их появление всегда предвещало что-то недоброе, и Анна Григорьевна была свидетельницей того, как спустя два-три дня после события в их семье «наступала чья-либо болезнь или смерть...»¹⁰⁶

Воспоминательница не называет дат и имен. Но, несомненно, она имеет в виду и случай, упомянутый Достоевским в его письме 1879 г. из Эмса: «Представь, какой я видел сон 5-го числа (я записал число): вижу брата, он лежит на постели, а на шее у него перерезана артерия, и он истекает кровью, я же в ужасе думаю бежать к доктору, и между тем оставливает мысль, что ведь он весь истечет кровью до доктора. Станный сон, и, главное, 5-е августа, накануне ее смерти»¹⁰⁷. Эмилия Федоровна умерла шестого.

«Человек есть тайна», – сказано им, восемнадцатилетним. Теперь, спустя 40 лет, он мог бы повторить эти слова.

Человек есть тайна – и сновидения едва ли не самое таинственное в нем. Это, как любил выражаться Достоевский, соприкосновение с мирами иными. Сон разума порождает не только чудовищ; может быть, это единственная возможность постичь нечто, не доступное бодрствующему уму. Недаром сновидения (от снов Раскольникова до сна Смешного человека) играют исключительную роль в художественном мире его романов.

«Ночью видел во сне брата, – записано в 1870-м, – он как бы воскрес, но живет особо от семьи... Брат как будто ко мне ласковее».

¹⁰⁶ Цит. по: ПСС. Т. 29, С. 467.

¹⁰⁷ Там же. Т. 30, С. 109.

Тут любопытны два обстоятельства. Во-первых, «особое», без семьи, проживание Михаила Михайловича – может быть, сновидческий отзвук его внебрачной связи, а может, вообще полная «перемена судьбы» (что применительно к «живому» брату, всем жертвующему для блага семейства, представить немислимо). И второе – брат стал «ласковее»: значит, ранее (в прежних снах?) он за что-то сердился на сновидца. И если чувство вины не оставляет Достоевского, то порождается ли оно его ночными видениями, или, напротив, сами они возникают как следствие этого чувства?

Его визит к Екатерине Михайловне – не только формальное исполнение долга. Конечно, это – внутренняя потребность, неотменимый душевный порыв.

Возможно, это была их последняя встреча.

Ослушница переживает всех остальных детей Михаила Михайловича. У нее самой не будет потомства – она проведет остаток жизни с воспитанницей, называвшей ее «мама»¹⁰⁸.

В 1923 г. молодой ученый, в будущем первый директор московского музея Ф.М. Достоевского, Вера Степановна Нечаева не без трепета переступит порог старого трехэтажного петербургского дома, где бывал Достоевский. Ее встретит «пожилая женщина с очень правильным красивым лицом, седая, в гладком черном платье, с общим впечатлением чего-то немецкого и старомодного». Трудно было поверить, что ей – 70 лет.

В уютной и тоже старомодной столовой протекут их многочасовые беседы. Можно представить чувство, охватившее Нечаеву, когда Екатерина Михайловна извлекла «заветный пожелтевший конверт» с **ненапечатанными** письмами Ф.М. и М.М. Достоевских. «Сейчас, – пишет Нечаева М.В. Волоцкому, – я уже веду переговоры в Пушкинском Доме о помещении их в журнале “Атеней” и, вероятно, получу за них 4–5 червонцев. Этого Екатерине Михайловне вполне достаточно для операции (по поводу болезни глаз. – И.В.)». Именно тогда в руки Нечаевой попали редакционные книги «Времени» и «Эпохи», переданные ею впоследствии в отдел рукописей Ленинской библиотеки; понадобилось еще полвека, чтобы эти материалы увидели свет.

Дочь М.М. Достоевского передаст в московский музей «за ничтожную сумму, которую мы тогда могли ей предложить» бесценные рукописи и портреты. В.С. Нечаева, в свою очередь, поможет ей в хлопотах о пенсии, получение которой «облегчило их (с воспитанницей. – И.В.) быт, усложнившийся рождением ребенка, которого Екатерина Михайловна обожала как внука».

Она умрет в 1932 г., в возрасте 79 лет, в городе «знакомом до слез», и вскоре ее прах затеряется среди праха тысяч блокадников, легших на Богословском кладбище.

Ф.М.-младший и его потомство

Старшего ее на 11 лет брата Федора (названного так понятно в чью честь) Екатерина Михайловна переживет на четверть века. Тот, кого Достоевский «нянчил на руках», будет именоваться в семье Федором Михайловичем-младшим. В одном из писем 1847 г. автор «Двойника», жалуясь на свой «скверный, отталкивающий характер», признается старшему брату, что он иногда «нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже

¹⁰⁸ Существует устное предание, согласно которому для такого именования имелись не только нравственные, но и естественные причины.

больше тебя». «Странно, – замечает по этому поводу М.В. Волоцкой, – что он мог испытывать такие сложные и противоречивые чувства по отношению к трехлетнему ребенку».

Между тем, тут ключевое слово – **нарочно**. Достоевский заставляет себя «злиться» на любимого им племянника: это своего рода моральный эксперимент – разумеется, над самим собой.

Он всегда будет благорасположен к своему полному тезке, который, как он полагает, «ужасно похож, по сущности своего характера, на покойного брата Мишу». Он внимательно следит за его музыкальными успехами. (Для Федора, как и для его младшей сестры Марии, музыка станет профессией.) Его радует, что своими трудами Федя кормит семью. Для него племянник «бравый малый», которому непременно надо помочь. «Я его люблю очень. И тоже готов бы все отдать, да покамест нечего», – пишет он в момент собственного безденежья, когда замедливается очередная выплата семейству брата.

Ученик А.Г. Рубинштейна, Федя окончит консерваторию и уедет в Саратов, где будет преподавать фортепианную игру в местном Мариинском институте (то бишь в институте благородных девиц). «В глуши, в Саратове» протечет его жизнь. Он женится на младшей его восемнадцатью годами В.С. Копцевой, саратовской уроженке и своей бывшей ученице, которая служит в том же институте в должности классной дамы. Денег не хватает, и отец семейства, кавалер нескольких российских орденов, поддерживает существование домашними уроками за 1 рубль 85 копеек в час, а также собственной музыкальной торговлей – продажей скрипок, кларнетов, виолончелей. Страдающий болезнью сердца, он выйдет в отставку в 1904 г., за два года до смерти, в чине коллежского советника. Окажется, что на пенсию 750 рублей в год жить невозможно. «...Говорят, за Царем служба не пропадет. А за Царицей?»¹⁰⁹ – пишет он родным в Петербург, намекая на покровительство государыни-матери тому учреждению, где он служил, и прося их походатайствовать у великого князя Константина Константиновича об увеличении ему пенсии до 1200 рублей. При этом он не просит прямо прибавки «за Достоевского» (что станет нормой для некоторых родственников писателя в новейшие времена) и не спешит напомнить К.Р., что автор «Карамазовых» был любимым писателем и собеседником великого князя (в чьем доме встречался тогда также с будущей императрицей Марией Федоровной)¹¹⁰. Возможно, Федор Михайлович-младший рассчитывает, что они сами помнят об этом.

В 1884 г. он известит «знаменитую вдову» Анну Григорьевну о рождении у него сына со странным именем Милий: «в честь великого музыканта Балакирева». Священник отказывался крестить ребенка, пока не убедился, что имя значится в святцах. (Опасения были уместны: через много лет, уже будучи взрослым, Милий Федорович получит из Германии письмо, адресованное «фрейлейн Эмили Достоевской», после чего корреспонденцию, отправляемую за границу, предусмотрительно будет подписывать «Милиус».)

Археолог по образованию, востоковед (он жил и учился в Москве), владевший пятью иностранными языками, автор интересных, но ныне забытых статей, Милий Федорович не оставит значительного следа в науке. Болезнь сокрушит его, когда ему не исполнится и тридцати: на нервной почве у него отнимутся ноги. Оставшуюся жизнь – а это более двух

¹⁰⁹ Здесь и далее, где речь идет о потомках М.М. Достоевского, а также о потомках А.М. Голеновской, мы опираемся на архивные документы, обнаруженные и подготовленные для настоящего издания Н.Н. Богдановым.

¹¹⁰ Подробнее см.: *Последний год Достоевского*. С. 262–271, 453–457; *Колеблясь над бездной*.

десятилетий – он проведет в инвалидном кресле. Его главным нравственным капиталом будет родство с двоюродным дедом.

Он окажется первым из родственников Достоевского, на которого **выйдет** М.В. Волоцкой, начиная свои разыскания.

В.С. Нечаева, в начале 1923 г. посетившая Милия Федоровича в больнице хронических болезней им. Короленко, увидела мужчину «с изможденным, но живым, подвижным лицом и быстрой, не лишенной остроумия, юмора, речью». Страдавший еще и туберкулезом, он безотлучно пребывал в грязной прокуренной палате «с идиотами, паралитиками вокруг». Его никто не навещал. Его попытки писать о китайском фарфоре не увенчались успехом, ибо ни стола, ни бумаги, ни денег на нее (не говоря уже о самом фарфоре) у него не было.

На автомобиле наркомздрава Семашко, завернутый в шубу профессора Котляревского, он был доставлен в Клинику нервных болезней МГУ, откуда его, сорокалетнего, переместили – уже до конца дней – в общежитие для престарелых ученых ЦЕКУБУ. Там, говорит Нечаева, он «оказался поселенным в отдельной комнате, окруженным вниманием, удобствами и медицинской помощью». Анна Ахматова, нашедшая на время одной из своих поездок в Москву приют в этой академической богадельне, могла быть его собеседницей.

Милий Федорович мало что мог поведать о своем деде Михаиле (хотя и преподнес Нечаевой некоторые его рукописи) и еще меньше – о деде двоюродном; обоих он уже не застал. Хотя, конечно, лишь благодаря своему имени обрел те скромные блага, которые в эпоху строящегося социализма могли стать достоянием немногих (тем более – инвалидов).

Достоевский продолжал с лихвою отдавать старшему брату свои сибирские долги: его посмертное опекунство распространилось на потомков Михаила Михайловича уже во втором поколении.

Надо признать, что подобное положение стало возможным в какой-то степени благодаря культурной стратегии новой власти. «Не помнящая родства», но претендующая при этом на мировое духовное наследие, она срочно пыталась найти опору во внешнем авторитете – причем не только чисто революционного, но и общечеловеческого порядка. Не одни лишь «дети лейтенанта Шмидта» могли рассчитывать на ее благосклонность. Безжалостно обращаясь с современниками, власть хотела продемонстрировать, что она чтит великие имена. Литература входила в сферу государственных попечений. Забота о грядущем предполагала патернализм и в отношении прошлого. Материальная помощь потомкам знаменитых людей должна была помимо прочего компенсировать нелегитимность режима и одновременно стать признаком хорошего культурного тона.

В 1924 г. Милий Федорович показался одной из впервые навестивших его кузин «очень старым». К своему изумлению (и негодованию), та получила вскоре от него – родственника, с которым общалась всего полчаса, – письмо с предложением выйти замуж. В 1936-м (за год до его смерти) юная племянница обратила внимание на его убаюканную сединами красивую («как и у всех Достоевских») голову, удлиненное хорошо выбритое лицо, приятный баритональный голос: «...Он показался мне очень яркой и значительной личностью. Спустя какое-то время я получила от него довольно странное письмо с комплиментами в мой адрес». С еще одной родственницей велись вдумчивые разговоры о перспективах

совместной супружеской жизни – до тех пор, пока женщина не обнаружила, что место, на которое ее приглашают, давно уже занято сиделкой потенциального жениха.

Все эти «уклонения» объяснимы и извинительны, если вспомнить физическое состояние Милия Федоровича, отделенного от внешнего мира и прикованного к инвалидному креслу.

Между тем он некогда был женат.

О первой его супруге сведений не сохранилось. (Известно только, что от нее был ребенок, умерший во младенчестве.) Что касается второй жены – Евгении Андреевны Щукиной, отмеченной у Волоцкого как «мещанка г. Белева Тульской губернии», то ей в хронике рода принадлежит особое место.

Высказывалось предположение, что Волоцкой намеренно зашифровал социальное происхождение Щукиной: на самом деле она якобы была дочерью знаменитого московского купца и коллекционера, чьим попечением Россия стала обладательницей богатой коллекции новейшей западной живописи. Но сведения об этом почтенном родстве восходят, скорее всего, к самой Евгении Андреевне. Эта методология ей еще пригодится.

Щукина была замужем за М.Ф. Достоевским почти что условный срок: всего три месяца. После чего получила развод. Волоцкой не указывает, к какому именно времени относится этот скоропалительный брак.

В 1923-м, по свидетельству В.С. Нечаевой, Милий Федорович был уже разведен. Учитывая легкость развода (немыслимую в дооктябрьские времена), а также – год рождения супруги (1897), позволительно предположить, что этот эфемерный союз приходился на самые первые советские годы.

Спустя два десятилетия, в 1942 г., Щукина неожиданно объявляется в оккупированном немцами Крыму, где проживает в это время «настоящая» Достоевская – Екатерина Петровна (№ 334), невестка писателя. Сориентировавшись на месте и сообразив, что имя Достоевского худо-бедно почитается на родине Гете и что это **товар**, она добивается вида на жительство, украшенного знаменитой фамилией. Неясно, по собственной или же по немецкой инициативе **родственница классика** начинает выступать по радио и в печати – разумеется, в определенном ключе. Не слишком осведомленные в генеалогии подпольщики Крыма принимают именитую коллаборационистку за Екатерину Петровну Достоевскую и адресуют последней весьма недвусмысленные угрозы. В свою очередь Екатерина Петровна пытается уличить самозванку. «Даже мои знакомые, хорошо знающие меня и мою жизнь, – с негодованием пишет она А.Л. Бему, – сообщают мне, что мое выступление слышали и мою благодарность Фюреру за заботу обо мне».

Вечная участь Достоевского – быть идеологом: разменным аргументом в борьбе миров. И если фашистские самолеты сбрасывают на позиции советских войск листовки с цитатами из «Дневника писателя»¹¹¹ (интересно, не привлекалась ли нами в качестве контрпропаганды «Ода к радости» Шиллера?), то еще соблазнительнее использовать в своих политических целях родственников цитируемого автора.

В 1952 г. в мюнхенском сборнике «Литературный современник» появляются «воспоминания» Щукиной – само собой под другой, «родовой» фамилией. Там, естественно, уже нет благодарностей фюреру. Однако это сочинение тоже призвано произвести эффект.

¹¹¹ Факт, сообщенный автору этих строк Анатолием Рыбаковым, который полушутя-полусерьезно сетовал, что из-за таких воспоминаний ему трудно читать Достоевского.

Щукина пытается уверить эмигрантскую публику (от которой длительность ее брака, а тем более факт развода тщательно скрываются), что ее муж Милий Достоевский был арестован в марте 1923 г. как японский шпион (вспомним, что именно в те дни В.С. Нечаева вызволяет его из больницы имени Короленко для помещения в более комфортабельные условия), затем, отбыв срок, оказался в ссылке на Земле Франца-Иосифа, а после освобождения (по ходатайству Ворошилова и др.) вновь получил «десятку». Мемуаристка рисует трогательную картину встречи с дорогим мужем, которая состоялась в марте 1937-го (он умер в феврале) «на ферме НКВД № 2» под Мариинском в Кемеровской области. Старик с седой бородой, с распухшими от непосильной работы руками сдержанно повествует готовой разрыдаться супруге о тяготах лагерной жизни. «Я видела, как он похудел, как изменился, как вздрагивал от каждого случайного стука...» Великодушно продлив жизнь мужу лет этак на пять, мемуаристка не забывает указать место его последнего успокоения – разумеется, в недрах Сибири.

«Это поэма», – говаривал в подобных случаях Герцен.

Екатерина Петровна Достоевская, после войны также оказавшаяся за границей, кропотливо собирала материал «по делу Щукиной»: по смерти собирательницы он (бесследно?) исчез.

...Итак, Милий Федорович Достоевский умер бездетным. Однако ветвь Ф.М.-младшего в этом поколении не пресеклась.

Младшая сестра Милия Федоровича Татьяна по примеру отца избирает музыкальную карьеру. Близкие характеризуют ее как умную, самостоятельную и довольно замкнутую особу. В 1919 г. она оказывается в Калуге, где в возрасте 33 лет рождает дочку Ирину, отцом которой (что долгое время скрывалось) становится 18-летний В.В. Софроницкий, будущий знаменитый пианист и сталинский лауреат. ...Татьяна Федоровна умрет в 1958-м в Москве – от гнойного аппендицита, который искушенные столичные медики по ошибке диагностируют как рак. О судьбе ее дочери будет сказано ниже.

У Ф.М.-младшего имелся еще один – внебрачный – ребенок. Скрупулезный Волоцкой указывает на некую М.В. Филиппову, родившуюся, как выяснилось, около 1880 г., то есть когда ее отцу было 37–38 лет. О матери практически ничего не известно. Можно сказать, что во втором поколении повторяется «сценарий» Михаила Михайловича Достоевского с его внебрачным сыном Ванечкой Аникиевым. Правда, дочь Ф.М.-младшего появляется на свет накануне его официальной женитьбы, так что справедливее было бы назвать ребенка **доб**рачным. О Марии Владимировне (почему не Федоровне?) Филипповой до нас дошли весьма скудные сведения – она любила цветы, писала стихи и безумно боялась вверять свою жизнь любому из видов транспорта. Ее первый муж Борис Лури был, как сообщает Волоцкой, убит полицией 9 января 1905 г. (погиб во время расстрела демонстрации или последующих волнений?), со вторым мужем – Исааком Юзевовичем она развелась в 1924-м (так в матримониальных раскладах Достоевских робко возникает еврейская тема). Ее сын от первого брака Игорь Лури, виолончелист, **незаконный внук** Федора Михайловича-младшего, будет давать совместные – можно сказать, семейные – концерты со своей теткой Татьяной Федоровной, **законной дочерью** его деда, имевшей в свою очередь внебрачного ребенка от Софроницкого (момент, как видим, упорно повторяющийся в этой генеалогической цепочке). Так музыка примирит все родовые победы.

Многоуважаемейшие Владиславлевы

Когда молодая жена М.М. Достоевского Эмилия Федоровна была беременна вторым ребенком, Федор Михайлович-старший написал брату: «Ежели будет у тебя дочка, то назови Марией». Разумелось – в честь их покойной матери.

Михаил Михайлович выполнил желание брата, совпадавшее, видимо, с его собственным. Когда тот уходил на каторгу, Маше не было шести лет; когда вернулся из Сибири – исполнилось пятнадцать. «Хорошенькая девушка и отличная музыкантша», она, по свидетельству наблюдательной современницы, интересовала молодых людей, бывавших в доме ее родителей, гораздо больше, нежели ее знаменитый дядя, который, к слову, нежно ее любил. Консерваторское образование и несомненная музыкальная одаренность дали ей возможность после смерти отца материально поддерживать семью. Музыка, бывшая «любимым наслаждением» ее деда Михаила Андреевича, стала главным источником существования для внуков.

Потомки Марии Михайловны были убеждены, что именно ее, сидящую у рояля, изобразил И.Е. Репин на своей картине «Не ждали». Эта легенда льстила семейному самолюбию. Неважно, что в отличие от героя картины, Достоевского **ждали** – долго и упорно, и его возвращение из Сибири ни для кого не стало сюрпризом.

В 1867 г. Маша вышла замуж за 27-летнего воспитанника духовной академии Михаила Владиславлева, посещавшего дом ее покойного отца еще в качестве постоянного автора «Времени» и «Эпохи». Надо отдать ему должное: он женился не на **дочери редактора**, а на сироте. Она предпочла его также равнодушному к ней и тоже делавшему ей предложение – о чем упоминалось выше – 45-летнему поэту Полонскому («Мой костер в тумане светит...» не напророчил ли подобный исход?). Марии Михайловне пришлось больше по сердцу «здоровенный мужчина с широким, плоским лицом, с раскосыми глазами, глядевшими прочь от носа». Дочь Ф.М. Достоевского утверждает, что размолвка ее отца с Владиславлевым произошла главным образом оттого, что отец не был приглашен любимой племянницей на свадьбу. И еще потому, что, по мнению Владиславлева, Достоевский в лице Раскольниковского оскорбил русское студенчество. Первая версия вполне правдоподобна. Что же касается второй – очень сомнительно, чтобы убежденный консерватор, противник материалистических новаций, а в будущем благонамереннейший ректор Петербургского университета толковал об авторе романа в той же тональности, что и не расположенные к нему **прогрессивные** критики. Скорее всего, причина была все та же: семейственные попреки. Достоевского обвиняли в том, что, соблазнив редакторством Михаила Михайловича – дабы в его журнале печатать свои сочинения, якобы не принимаемые в других изданиях (это «Записки-то из Мертвого дома», которые с руками оторвал бы любой издатель!), – он тем самым ввергнул в пучину бедствий семейство брата. Впрочем, существует еще одно, не отмеченное до сих пор, указание на причину семейной ссоры. И, как думается, самое капитальное.

В своем женевском дневнике Анна Григорьевна вспоминает о разговоре, который состоялся у нее с будущим мужем в первые дни их знакомства. Упомянув о семействе покойного брата, Достоевский поведал «как жених, дочь и мать собирали совет, желая отстранить его от дела, а когда он сам отстранился, то мать же пришла просить, чтобы он ее не оставил, а опять начал бы помогать, как это было и прежде»¹¹². Из чего следует, что против

¹¹² Дневник 1867 г. С. 318.

фактического редактора «Эпохи» был предпринят семейный демарш: жених (Владиславлев), дочь (Мария Михайловна) и мать (Эмилия Федоровна) пытались оттеснить его от руководства журналом. Учитывая те добровольные жертвы (в том числе материальные), которые Достоевский принес для спасения издания брата, это было неблагородно. И если вдове Мих-Миха писатель, судя по всему, простил этот неразумный «наезд», то к оборотистому жениху у него могла возникнуть стойкая неприязнь. Кстати, неприглашение на свадьбу было, скорее всего, не причиной, а следствием этого родственно-издательского конфликта.

Достоевский был сильно раздражен против Владиславлева и в одном из писем именовав его «негодяем-мужем»¹¹³. Хотя, казалось бы, ему должны были быть симпатичны воззрения философа-идеалиста, пусть даже и обладавшего, на взгляд В.В. Вересаева, «лицом уездного лабазника». Но особенно глубоко переживал он ссору с племянницей. В рулеточном Гомбурге, играя напропалую, видел во сне жену «негодяя-мужа», с которой он якобы помирился. Сон оказался в руку: по возвращении Достоевских в Россию отношения были восстановлены.

Неизвестно, посещал ли Достоевский лекции Владиславлева. (На чтениях Вл. Соловьева он, например, присутствовал.) Одни слушатели уверяют, что лекции эти «отличались ясностью и отчетливостью изложения». Другие (тот же Вересаев), напротив, констатируют, что читал Михаил Иванович бездарно. «Многоуважаемейший (слог Владиславлева)», – замечает Достоевский в одном из писем, намекая, очевидно, на семинарское происхождение родственника. Тот, кстати, был еще и прижимист. Ныне здравствующий правнук философа со слов своего деда, родного сына М.И. Владиславлева, сообщает семейную байку – как прадед, должный представиться государю, решил сэкономить на лосинах. Заметивший подобное нарушение этикета император Александр III, слегка щипнув ректорские панталоны, интимно шепнул на ухо представляемому: «Почем брал, Михал Иваныч?»

Но уж вовсе не анекдот – капитальная «психологическая теория» Владиславлева, выводящая меру почитания и уважения того или иного лица из суммы его доходов. «Хохот перекачивался по всему Петербургу. Студенты справлялись друг у друга, сколько кто получает в месяц денег, и определяли, к кому кто должен питать презрение, к кому уважение и восхищение». То есть – кому быть **многоуважаемейшим**: философа подвел слог.

Как бы то ни было, Михаил Иванович совершил одно благое дело. Будучи сыном старорусского сельского священника, именно он присоветовал Достоевским проводить летние месяцы в Руссе: детям полезны соляные ванны. Полезны они и дамам. Наконец-то «обитель дальная трудов и чистых нег» была обретена.

Конечно, Старая Русса – не Достоево и не Даровое: ее трудно причислить к разряду родовых гнезд. Однако «аура присутствия» в сильнейшей степени осеняет это скупое пространство. И не только потому, что Скотопригоньевск последнего романа вобрал в себя природу и топографию места.

Старая Русса – единственная точка на карте России, выбранная свободным сердцем художника. Москва – это место рождения, назначенное судьбой. Петербург – город, куда он был отдан в учение и который приковал его к себе цепями работы и долга. Омск и Семипалатинск – там он оказался отнюдь не по собственной воле. И лишь Старая Русса – вольный выбор его души, пусть и сделанный не без подсказки здешнего уроженца.

¹¹³ ПСС. Т. 28₂. С. 294.

Бурлак на Волге: отвержение и принятие большевизма

Рекомендуя Достоевским Старую Руссу, Владиславлевы упирали на то, что от приема здешних соляных ванн их дети значительно поздоровели. Среди поздоровевших, несомненно, присутствовал и четырехлетний Владимир, старший сын Владиславлевых. Когда Достоевский умер, мальчику было чуть меньше тринадцати. Можно сказать почти наверняка, что они **знали** друг друга.

Владимир Михайлович, явившийся в этот мир через семь лет после падения крепостного права и покинувший его по завершении Сталинградской битвы, фигура весьма колоритная. Внешне он был чрезвычайно похож на отца. И оба они напоминали еще одного персонажа – «ведущего» бурлака на знаменитой картине Репина. (Как видим, связь Владиславлевых с живописью передвижников – почти мистического свойства.) На этом, впрочем, сходство между отцом и сыном заканчивалось.

По своим политическим взглядам Владимир Михайлович составляет полнейшую противоположность отцу-философу.

Как и его прадед Михаил Андреевич Достоевский (№ 15), он рано покинул родительский кров: в его случае это несомненный разрыв. Сын законопослушного петербургского ректора, он предпочел окончить Московский университет – историко-филологическое отделение. При этом успел потеряться среди близкой к народольческим кругам молодежи, что, к счастью, не привело к печальным для него последствиям. Помимо латыни и древнегреческого знавший несколько новых европейских языков, Владимир Михайлович неплохо владел и отечественным. Его письма к другу юности В.И. Срезневскому довольно остроумны и полны стилистического задора, а стихи вполне профессиональны. Особенно гексаметры, в какой-то (хотя и слабой) степени предвосхищающие мандельштамовскую «Антологию античной глупости»:

На мальчишку, швыряющего камня

Скромно веда себя, мальчик, и камни по улицам звонким
С криком вдаль не мечи, не пугай воробьев и прохожих.
Скромно шагай. Оглянись. Уж к тебе приближается гневно
Мудрый блюститель порядка с медалью на красной петлице.

На свое 21-летие он отправил другу Срезневскому стихотворение, которое заканчивается здравым, но весьма неутешительным прогнозом:

Угрюмой жизнь течет иль краше,
Позорнее или честней,
Мы будем там, где предки наши,
Где нет ни Бога, ни чертей.

В отличие от Пушкина, которого за неосторожное эпистолярное признание в том, что он берет уроки «чистого афеизма», незамедлительно постигла михайловская ссылка, нынешний юный поэт не рискует ничем. Времена изменились – атеизм не только не наказуем, но в известной степени моден. Не возбраняется также – разумеется, в частном порядке – обсуждать рискованные жизненные перспективы.

Уж взрослый я! С какой фортуной
Придется мне возиться впредь?
Монархом бредить иль коммуной?
Или за картами сидеть?

Жениться ли и ждать презентов
От женки и друзей своих?
Придется ли с толпой студентов
Скорбеть в бутылках городских?

Последняя альтернатива была благополучно разрешена в пользу женитьбы. Вера Павловна Гайдебурова, старше жениха тремя годами, происходила из *литературной* семьи. Ее отец, П.А. Гайдебуров, известный журналист и издатель «Недели», был знаком с Достоевским. Очевидно, он не имел возражений против породнения с классиком. С другой стороны, Владимир Михайлович получил возможность печататься в газете тестя.

Молодые поселяются в Серпухове. Глава семейства собирается серьезно заняться русской историей и делать академическую карьеру, для чего затевает переговоры с В.О. Ключевским. Он вообще не прочь вступить в переписку со знаменитыми современниками – Л.Н. Толстым, Н.Ф. Федоровым, А.М. Горьким – и в конце жизни соблазняет директора Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича своим обширным архивом, в основном состоящим из писем к его отцу – Вл. Соловьева, Айвазовского, Бестужева-Рюмина и др. Карьера историка не задалась – и Владимир Михайлович оказывается в Риге, а затем в Малороссии в неромантической должности податного инспектора, правда, имеющего право носить при себе револьвер. Затем – город Горбатов Нижегородской губернии, где после вооруженного столкновения с местными черносотенцами и разоблачения их связей с полицией его увольняют со службы, а в скором времени и ссылают. К счастью, не в Сибирь, а в не столь отдаленный Симбирск, где его привечает Дмитрий Ульянов, *брат Ильича*. (Ленинский мотив, однажды возникнув, еще проявится в хронике рода¹¹⁴.) Знакомство, надо думать, окажется нелишним, когда через несколько десятилетий внучатому племяннику Достоевского назначат персональную пенсию – вовсе не за родство с классиком, как можно было бы ожидать, а за участие в революции 1905 г. ...

Он возвращается – уже не в захолустный Горбатов, а в изобильный людьми и капиталами Нижний, где и оседает до конца своих – еще долго длившихся – дней. Отсутствие юридического образования не мешает ему ступить на стезю присяжного поверенного: тяга к публичности и демократический шарм восполняют этот пробел.

Его семейная жизнь не менее колоритна, чем общественное служение.

Первая его жена, В.П. Гайдебурова, умирает от чахотки, не достигнув еще тридцати и оставив мужу двух сыновей. Роман с Софьей Алексеевной Крыловой, бывшей бестужевкой и матерью четверых детей, зарождается еще при жизни ее супруга, который, разумеется, не приходит от этого в восторг и развода не дает. Приходится довольствоваться гражданским браком, который по кончине строптивого мужа плавно перетекает в церковный, принося трех общих дочерей. Соединившаяся наконец семья насчитывает девять детей (*«твои, мои и наши»*, говаривал Владимир Михайлович). Несмотря на успешную

¹¹⁴ См. биографию Сергея Николаевича Ленина (№ 384).

адвокатскую практику, денег не хватает. Внук автора русской версии «Рейнеке-Лиса» подрабатывает переводами, подтверждая теорию о передаче наследственных признаков через поколение.

По старой памяти он не чужд и политике.

В 1917 г. он выпускает под псевдонимом Авл Геллий брошюру «Большевицкое движение»: поиск этого раритета в московских книгохранилищах потребовал от нас некоторого труда. Объем издания невелик – 26 страниц. Текст состоит из четырех глав и заключения. Судя по тому, что в брошюре обсуждаются первые шаги нового Советского правительства (название одной из глав – «Законодательная деятельность Совета народных комиссаров»), а о разгоне Учредительного собрания автору ничего не известно, сочинение Владиславлева увидело свет, скорее всего, в декабре 1917-го. Это – взгляд современника и очевидца (причем взгляд **из провинции**): чуть ли не первый обобщающего характера отклик на последствия Октябрьского переворота.

По своим воззрениям он убежденный социалист. Тем интереснее его «Большевицкое движение».

Заметим сразу – Владиславлев далеко не в восторге от победы большевиков. Он убежден, что законодательной работой должны были заняться не они, а имеющее скоро открыться Учредительное собрание. Но увы. Большевики бодро запустили законотворческую машину. «Один за другим сыплются декреты, один другого важнее. Как бы ни были незначительны люди, от которых они исходят, – к их произведениям, как к фактам общественной жизни, мы должны отнестись внимательно».

В брошюре Владиславлева нет ни оголтелых политических ругательств, ни яростных обличений. Она спокойна по тону, можно сказать, даже аналитична. Но в этом, пожалуй, ее достоинство. Автор воздействует на читателя не столько фигурами речи, сколько внятным изложением фактов, которые говорят сами за себя.

Он повествует о катастрофе на фронте: чем дольше тянется перемирие, тем тяжелее, по его мнению, будут немецкие условия мира. Зато большевики ничуть не страшатся ужасов гражданской войны. «Кровь войск немецкого кайзера для них точно святыня, кровь русских солдат, матросов и казаков – для них вода». Остановливаясь на первых декретах советской власти, Владиславлев констатирует, что «правительство Ленина и Троцкого – как ни дико все это звучит – вводит социализм». Внук петрашевца и, надо думать, читателя Фурье, он не может не остановиться на этом жгучем вопросе.

Владиславлев полагает, что Россия совершенно не приуготована к немедленному введению нового экономического строя. Поэтому большевистское правительство может осуществлять свои радикальнейшие прожекты исключительно вооруженным путем. Это свидетельствует о его несостоятельности. «Более решительной и в то же время более слабой власти у нас еще не бывало». Он говорит, что преждевременные и к тому же «безграмотнейшие опыты с социализмом» лишь подорвут веру в него у очень многих людей, что «анархический синдикализм Ленина и Троцкого» есть прямое следствие бланкизма и что следует преобразовать разрушительные идеи современных марксистов «в чисто эволюционное учение с кооперацией в виде моста от хаотического частного хозяйства к планомерному общественному»¹¹⁵. Он уверен: «Силы социалистов должны быть сосредоточены

---

¹¹⁵ См. также на с. 213 высказывание В.И. Ленина о взглядах Василия Владимировича Шера (№ 173) на советскую экономическую политику.

на кооперации, будущие возможности которой в направлении к социализму кажутся пока беспредельными». Понадобятся почти пять лет «войн и революций», чтобы в последних работах изобретателя нэпа забрезжило нечто подобное.

В декабре 1917-го многие российские газеты (разумеется, не «монархические» и не «кадетские», которые сразу были закрыты) еще позволяют себе довольно резкую критику новой власти. Среди самых страстных ее оппонентов – А.М. Горький, чьи «Несвоевременные мысли», в некоторых пунктах прямо корреспондирующие с рассуждениями Владиславева, позднее будут напрочь изъяты из общественной памяти. Можно ли сомневаться, что «Большевицкое движение» до времени тоже покоилось в спецхране?

«...Какие-то гимназисты, – продолжает Владиславев, – сорвались с ученической скамьи и творят историю...» Это взгляд интеллигента на полуинтеллигентов – на тех, кто позднее получит имя «образованцы». При этом автор предаёт огласке «один эпизод», еще не бывший, по его словам, «достоянием печати». Следует привести этот текст.

«При разборе бумаг нижегородского жандармского отделения в начале марта нашли алфавитный список лиц, служивших при Главном Жандармском Управлении, но затем забракованных за негодностью, так что жандармское управление предлагало больше уже их не принимать на службу. В числе лиц, помещенных в этом списке, были Лейба Бронштейн-Троцкий и Анатолий Васильевич Луначарский, оба аттестованные «литераторами». Подлинный список был представлен в свое время Керенскому, но Керенский, с обычным ему замазыванием всяких шероховатостей, не дал этим данным дальнейшего движения. Так дело и заглохло».

Трудно судить о подоплеке этого **сенсационного** заявления, основанного, скорее всего, на не вполне надежных источниках. Удивительно другое. Во-первых, что со стороны заинтересованных лиц не последовало никаких опровержений столь убийственного обвинения. (Во всяком случае, нам об этом ничего не известно.) И второе – почему эта бесприкрытая карта не была разыграна властью в период тотального поношения бывшего главнокомандующего, когда он был объявлен агентом всех иностранных разведок и любое, даже самое ничтожное доказательство его причастности к царскому сыску стало бы драгоценным подарком для его могущественного врага? Полагаем, ответ несложен. Брошюра Авла Геллия просто затерялась в волнах революционного моря – ко благу автора, избежавшего таким образом возмездия победителей. Они вряд ли пощадили бы его только за то, что он пытался бросить тень на самого жестокого из них. (Настоящий Авл Геллий, римский писатель II в., грамматик и антиквар, интересовался исключительно древностями и, в отличие от Владиславева, не позволял себе рискованных политических эскапад.)

Не обходит автор брошюры и животрепещущего вопроса о влиянии «немецких денег» на ход и характер русской революции. Он соглашается, что деятельность Совета народных комиссаров до такой степени нелепа и «пахнет авантюризмом», что трудно не поверить самому вульгарному и простому объяснению смысла этой деятельности: «Перед нами будто бы не ученые сумасброды и фанатики, а просто-напросто авангард Вильгельма». Провоцируемая большевиками гражданская война выгодна только Германии. «Если самого Ленина и еще немногих из его ближайших сподвижников оставить вне подозрений в этой гнусности, то все же останется целый ряд темных личностей, как Козловский, Фюрстенберг, Рошаль, Троцкий, Луначарский».

Владиславев допускает, что «большевики, даже чисто идейные из них, получали деньги от Вильгельма». И, однако, как бы ни казался таковой их поступок безнравственным,

автор не спешит «бросить в них камнем». Ибо, будучи интернационалистами, не признающими собственного отечества, большевики имеют моральное право брать деньги у его заклятых врагов. Поэтому со своей точки зрения Ленин не так уж неправ. «Если Вильгельм, такая цельная шовинистическая натура, способен понять своего антипода Ленина, то он, вероятно, считает последнего просто дураком, работающим на него, Вильгельма, но и Ленин, беря от него деньги на свою интернационалистическую пропаганду, тоже, наверное, считает дураком Вильгельма». И хотя можно сколько угодно негодовать по поводу действий большевиков, играющих судьбами собственной страны, и даже «присоединиться к оценке, сделанной Вильгельмом, умственных способностей большевистских вождей», нельзя считать их поступок безнравственным, поскольку они действуют в соответствии со своими убеждениями¹¹⁶.

На исходе рокового 1917-го родственником Достоевского владеют дурные предчувствия. Он говорит, что тюрьмы (не те ли чаемые «общественные темницы»?) уже переполнены «и скоро свободных мест не будет, а достойных тюрьмы оказывается еще очень много». Террор пока еще не обрушился на страну, но признаки его – налицо. «И вот <...> Троцкий со сладострастием гориллы» уже намекает на пользу, приносимую одной «французской машинкой», которая радикально укорачивает людей. Большевики, в партийной программе которых помимо свободы слова, собраний, союзов и т.д. значилась также отмена смертной казни, придя к власти, немедленно требуют ее восстановления. «...Удивительно, – восклицает Владиславлев, – как быстро усвоил себе готтентотскую логику лидер большевиков, видный революционер, автор крупного научного труда («Развитие капитализма в России»), едва только развращающее начало власти попало в его руки». Нижегородский наблюдатель различает только одну положительную сторону большевистского эксперимента: он «послужит предметным уроком истории, от которого народ поумнеет». Автор не в силах предположить, что длительности урока с лихвой достанет на его собственную жизнь и на жизнь его детей и внуков.

Итак, Владимир Михайлович поначалу не принимает **Великий Октябрь**. Но против исторической необходимости нет приема – и он, старый социалист, с головой уходит в кооперативное (не путать со всеобщей коллективизацией!) движение. В конце 1920-х он едва не получает срок – к счастью, не в качестве врага народа, а «всего лишь» по обвинению во взяточничестве. Однако на судебном процессе с блеском отвергает инсинуации. При этом пригодилась данная ему аттестация старых большевиков, которых, если судить по формулировке, позволительно заподозрить в знакомстве с его давней брошюрой:

¹¹⁶ Вряд ли Владиславлев ведал о том, что его двоюродный дед **тоже** задумывался над этим вопросом. В своей последней, 1880–1881 гг., записной тетради Достоевский возражал против того понимания нравственности, которое в полемике с ним предложил К.Д. Кавелин. «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям, – говорит автор “Бесов”. – Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос, но тут уж не философия, а вера, а вера – это красный цвет» (ЛСС. Т. 27. С. 56). «Красный цвет» – разумеется, не в революционном смысле, а в смысле запрета: **нельзя**. В 1917-м он сделается еще краснее. Кому бы тогда пришло в голову апеллировать к Христу для разрешения мировых и отечественных скорбей? (Это удалось разве Блоку – и то не без помощи художественного наваждения, отчасти льстящего победителям.) Интеллигент скорее «кавелинской», нежели «достоевской» школы, В.М. Владиславлев далек от формулы, предложенной некогда его выдающимся предком: «*Нравственно* только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете» (Там же. С. 57). Хотя очень похоже, что автор «Большевистского движения» прибегает к тезису об относительности морали в качестве полемического приема.

«У Владиславлева могут быть серьезные политические ошибки, но в его личной честности сомнений быть не может!» Тогда эти понятия еще допустимо было разводить. В 1930-е, «крупный, рослый, с залысынами, с бородой и румяными щеками», он еще бодр и во время **событий** учит испанский. Он пишет также «Воспоминания» и просит за них у того же Бонч-Бруевича 500 рублей в качестве аванса: денег на перепечатку у автора нет. Интересно, где эта рукопись ныне?

Неплохой шахматист, он в военную пору проводит сеансы одновременной игры в госпиталях: его там за это подкармливают. 14 февраля 1943 г., возвращаясь после игры, он падает на дороге и ломает кости бедра. Во время недолгой болезни начинаются точечные кровоизлияния в мозг. Ухаживавшая за ним жена однажды находит его «бледным как полотно и с остановившимися глазами». Ему было 75 лет.

По какому-то мистическому капризу (телеграфа или судьбы?) родственники получают телеграмму о его смерти дважды – с интервалом в год: «день в день».

Его вторая жена доживет до 87 лет и умрет уже при Хрущеве.

«Зачем понадобилось г. Насеру брать канал?»

У Владимира Михайловича, человека яркого и самодостаточного, не было нужды подчеркивать свое родство с Достоевским. Интересовался ли он более отдаленными предками? Внук (по отцовской линии) и праправнук (по материнской) священнослужителей – сословия, чья плодovitость вошла в поговорку, – он тоже оставил пятерых детей, не считая приемных.

Старший сын Александр – «высокий, широкоплечий, с мягкими как пух, светлыми волосами» – служит почвоведом, инструктором кооперации, педагогом, экономистом. Ходивший в детстве по грибы с Максимом Горьким, он меняет профессии и скитается по всей стране: Самара, Алтай, Муром, Армавир и т.д. Он пережил голод начала 1930-х, когда на его глазах «утром в большую арбу» собирали трупы людей, умерших за ночь на улице. И вот наконец он перебирается поближе к теплу – в Геленджик. Там бухгалтерская ревизия едва не упекает его (как некогда и отца) на тюремные нары. После этого он вспоминает о музыке.

Музыкальное одушевление, столь сильно выраженное в потомках М.М. Достоевского, берет свое. Аккомпанировавший некогда А. Вертинскому (которого он называл Сашкой и утверждал, что «у них были одни хорошие брюки на двоих»), он заканчивает свои дни в Батуми – в должности фортепианного мастера, поражая заезжих джазистов виртуозным умением оркестровать их музыкальные идеи. В возрасте 59 лет, как бы спохватившись, он вознамеривается поступать в Гнесинское училище. Но музыка – не единственная отрада. Как и отец, обладая блестящими шахматными способностями, Александр Владимирович не позволяет обыграть себя ни одному из местных курортников: другой мог бы с помощью этого прилично существовать.

Его письма отличаются волевым, энергичным, дежурно-напористым слогом (вообще характерным для эпохи), из коего не выламываются даже слова, произносимые, как он сам признает, «иногда даже с тяжелым вздохом». Во время Суэцкого кризиса 1956 г. он не одобряет образ действий нашего ближневосточного друга: «Зачем в такой острый момент понадобилось г. Насеру брать канал?» Беспокоит его и одномоментная с Суэцем кровавая «венгерская каша». При этом он не очень доверяет бумаге, ибо и сам он, и его корреспон-

дент (по некоторым сведениям – случайно встреченный им на пляже бывший работник органов) – «оба мы замечали следы вмешательства в нашу переписку!» (И это – спустя почти век после негодований Ф.М. Достоевского относительно перлюстрации его писем: в **этом** отношении в России мало что изменилось.)

У него есть основания опасаться чужого глаза. Толкуя, например, об «ухищрениях» наших дипломатов, ратующих в ООН за свободу других народов, он в сердцах добавляет: «а у нас уже нет не только сахара, но и гречневой и пшенной крупы, нет масла, невозможно купить простую лампочку электрическую». Белый хлеб подобен замазке; черного нет вообще. (Не слишком ли многого он хочет, свидетель голодомора 1930-х?) Тарифы на электричество таковы, что батумские жители поголовно переходят на керосинки. «Это ли не издевательство над светлой памятью Владимира Ильича?!» – с чувством восклицает правнучатый племянник автора «Бесов». Впрочем, он убежден, что тут не обошлось «без вредительства».

Пописывавший когда-то статейки в газетах и даже сочинявший – хотя бы и «для внутреннего употребления» – некие повествования про великих людей, он на исходе жизни возжаждет сценического успеха. К столетнему чеховскому юбилею он начнет пробивать то ли новую версию «Чайки», то ли пьесу собственного сочинения, в которой (и в этом усматривается ее великое достоинство) «нет ни чеховской грусти, ни тоски по лучшему миру на земле». Зато «политически она насыщена не в пример всем прочим пьесам Чехова» – так не без гордости аттестует он собственное детище. Он уполномочивает свое доверенное лицо показывать пьесу в различных театрах, но при этом не теряет бдительности и не выпускать ее из рук до тех пор, «пока они не начнут разговор о договоре».

Его подозрительность сказывается не только в театральных делах.

Со своей первой женой, деревенской учительницей, он знакомится на любительском спектакле. В 1918 г. она рождает ему первую дочь, а затем (1919, 1921) – еще двоих. После чего, заподозрив супругу в неверности и посчитав, что младшая дочь Наталья – не его, Александр Владимирович оставляет семью. Наследственная черта Достоевских – гипертрофированная ревность – «срабатывает» вновь. Через несколько лет он пытается похитить двух старших девочек – и только благодаря доблестному вмешательству милиции дети возвращаются к матери. Наталья Александровна Владиславлева (которую мы имели честь и удовольствие знать лично) и в 88 лет не простила отца: «...Как мог человек талантливый, с музыкальным образованием, выросший в интеллигентной семье известного адвоката, как мог этот человек бросить в беде (голод, нищета, нет крова) мать с тремя малышами, один из которых новорожденный (сама автор этих строк. – *И.В.*), которого и завернуть-то было не во что?!»

В противоположность этой характеристике, сводная сестра Александра Владимировича рисует совершенно иной портрет. Она вспоминает, как в годы гражданской войны, когда их отец, В.М. Владиславлев, оказался на юге России у белых, «Саша приехал к нам под Нижний Новгород (село Бармино), забрал меня и Наташу (другую сводную сестру. – *И.В.*) и увез нас с собой под Самару (где, заметим, у него самого уже обретались двое младенцев. – *И.В.*)... Помню, помню его и не забуду», – благодарно заключает она.

Чужая душа потемки – и трудно сказать, когда Александр Владимирович был более **адекватен** – спасая сестер или бросая детей (тем более что подробности последней драмы нам, в сущности, неизвестны). Впрочем, он мог оставаться самим собой и в том, и в другом случае.

Дочери Александра

Все оставленные дочери – смогли преодолеть 80-летний рубеж. Старшая, Ольга, химик по специальности, прожила взрослую жизнь в Поволжье. Вера, художник – в Киеве. Наталья, о которой говорилось выше, – в Горьком и Чебоксарах.

В отличие от двух старших сестер она появилась на свет не в Самаре, а на Алтае, куда отец перевез семью – может быть, уберегая тем самым от ужасов надвигавшегося на Поволжье голода. Отца она не запомнила и увидела его лишь мельком – когда однажды, пяти или шести лет, вбежала в дом, где спиной к двери сидел незнакомый мужчина, рыжеватый, коротко стриженный, с усами. «А это наша младшая...» – сказала мать. Ощущение неприязни и страха осталось у дочери навсегда.

Семья вскоре вернулась в Нижний – «родовой оплот» Владиславлевых. Жизнь без отца не казалась раем. Младшей никогда не покупали обновки – она донашивала одежду сестер. Тем не менее Наталья Александровна, как и обе старшие сестры, сумела получить высшее образование. В 22 года (1943) в ускоренном темпе окончив мединститут, прозектор Владиславлева приступила к работе в эвакуационном госпитале (невольно вспомнишь судьбу прапрапрадеда, Михаила Андреевича Достоевского, № 15): два серьезных военных ордена увенчали впоследствии этот кровавый труд¹¹⁷. В 1945-м у нее появилась дочь (отец которой погиб на фронте). Род продолжился внуком.

Любовь к музыке – устойчивая родовая черта – сказалась и в Наталье Александровне. «Тарелка», при помощи которой до Нижнего помимо политических лозунгов долетали и сладкозвучные оперные арии, стала главным предметом в доме. Восхищенная слушательница запоминала музыкальные постановки едва ли не целиком. Хотя в жизни ей пришлось заниматься совершенно иными вещами: например, экспериментально выяснять «предел прочности стенки грудной аорты человека».

В том, что у третьей из сестер Владиславлевых были твердый **принципиальный** характер и сильная воля, убеждают не только отзывы коллег и студентов. Об этом свидетельствуют и ее собственные поступки, вся стилистика ее жизни. Так, в 1960-е в ходе **производственного конфликта** ей, работавшей тогда в Горьковском мединституте, ректор объявил выговор в приказе. Посчитав это явной несправедливостью, праправнучка бывшего петрашевца подала в суд, что хотя и допускалось законом, но на деле не приветствовалось и практиковалось нечасто. Суд отменил кару. Конфликт (суть которого, кстати, не личные интересы, а защита коллеги) продолжал, однако, тлеть. В результате Наталья Александровне удалось убедить в своей правоте не только Минздрав, но – что, пожалуй, важнее – местную партийную власть: выговор получил уже сам ректор. Но этого мало. Пять преподавателей кафедры одновременно подали заявление об уходе: «событие – говорила его главная виновница, – невероятное, такого еще не было в медицинских институтах».

Поборница справедливости перебралась из Горького в Чебоксары. Здесь ее профессиональная требовательность («Врач, не знающий строение тела человека и функцию

¹¹⁷ На открытке с напечатанным там графоманским текстом («С праздником мужчин отважных мы сегодня поздравляем и всего, что в жизни важно, им сегодня пожелаем») она надписала: «Поздравляю с днем рождения нашей Советской армии, как раньше назывался этот день. Не знаю, приходилось ли вам носить солдатскую шинель, но все равно праздник-то мужской. Раньше говорили, что у войны не женское лицо. Еще как – женское. Так что это и мой праздник» (Письмо от 19 февраля 2007 г.).

Наталья Александровна
с Дмитрием Андреевичем Достоевским (№ 345)

до конца своих дней». В Покровском впервые встретились родственники – потомки братьев М.М. и Ф.М. Достоевских.

Нам очень дороги слова, сказанные в наш адрес автором этих писем.

«Вашу статью <“Сага о Достоевских”> в журнале “Октябрь” я давно прочитала, надо сказать – читала с большим интересом. Досадно, что М.И. Владиславлев, наш прадед, оказался не очень умен, как я думала, ведь он был все-таки ректором Университета. Ладно, хоть мы не унаследовали от него этот недостаток. А вот чем он привлек внимание Марии Михайловны – мне непонятно. Со своими данными она могла бы найти более подходящую партию».

В последние годы Наталья Александровна сердечно и бескорыстно содействовала хроникерам рода. Ревниво относилась к готовящемуся изданию: у нее, правдолюбки, был свой взгляд на историю семьи.

«Честно говоря, – писала она нам, – мне очень не нравятся воспоминания Евгении (дочь Ал<ександра> Владим<ировича> от второго брака) о себе и об отце. Не думайте, что это у меня от предвзятого отношения к этим людям. Нет!! Чтобы выявить и доказать погрешности Александра Владимировича, я присылаю Вам копии документов из маминого архива. Если сопоставить мамыны данные и данные отца, явно выступают погрешности». Характер Натальи Александровны с годами смягчился: термин «погрешности», прилагаемый к их общему с Евгенией Александровной отцу, звучит весьма толерантно. «Книга “Хроника” – это очень серьезное дело, все должно быть честно и серьезно, и правдиво. Воспоминания о себе Евгении не для серьезной книги, а для развлекательного журнала...» Она даже хочет позвонить сводной сестре, дабы выяснить истину.

Она пришлет для «Хроники» несколько добавлений и уточнений, в том числе копию «Автобиографии», написанной ее матерью.

Впрочем, характер сказывается всегда. «Не хочу огорчать вас, – писала Наталья Александровна Н.Н. Богданову в январе 2004 г., – но буду откровенной – мне не понравилось, как вы отредактировали мои записи! Вы совершенно исковеркали мои воспоминания – получились отдельные, не связанные между собой отрывки. Вы совершенно убрали все негативные сведения о моем отце!.. Как я росла? В какой обстановке?» Она выговаривает

его структур, – не врач!») тоже порой приводила к столкновениям, в том числе с огорченными подобным максимализмом студентами.

В 2006 г. мы пригласили 85-летнюю Наталью Александровну в Подмоскovie на симпозиум, посвященный 500-летию рода Достоевских. У нас затеялась переписка.

«Здравствуйте, дорогой Игорь Леонидович, – писала она 29 января 2007 г. – Получила Ваше доброе, ласковое письмо. Я очень рада и сердечно Вас благодарю за такое необыкновенное внимание ко мне, что очень важно для здоровья и душевного покоя. Да! Покровское я буду вспоминать

своему корреспонденту (который после встречи с ней почтительно засвидетельствовал: «Выглядит удивительно бодрой и моложавой для своих 82 лет», «считает своим прямым долгом помогать другим людям»), в частности, за то, что ему пришлось по душе детские воспоминания ее сводной сестры. «Еще бы! Она росла в актерской музыкальной среде, ее окружало искусство. А нас троих воспитывала неграмотная няня¹¹⁸, и жили мы в нищете!»

С Евгенией Александровной, четвертой из сестер Владиславлевых, музыкой действительно занимался отец: он, очевидно, и олицетворял собой окружающее искусство. Но музыка – при отсутствии слуха – не стала профессией. Как и ее сводная сестра Вера, Евгения сделалась художником (через дефис можно было бы написать: оформителем, если б не ее оригинальные картины, которые нравятся родным и друзьям). Она живет в Батуми, где жил и ее родитель: ныне – в чужой стране. Там нечасто вспоминают об ее принадлежности к знаменитой семье. Жаль, однако, что в отличие от прочих классиков Достоевский так и не побывал на Кавказе...

«Гигантом мысли ты стоишь над миром»

...Когда отец четырех дочерей Александр Владимирович Владиславлев умирал в больнице от рака желудка, он, как говорили его соседи, плакал и звал «какого-то Мишу». На следующий день пришла телеграмма: умер младший брат-погодок Михаил – причем от той же болезни. Старшему Владиславлеву об этом, естественно, не сказали.

...Не зря все-таки в мужчинах этой семьи усматривалось сходство с могучим репинским персонажем. Брат Михаил мог ударом кулака выбить кирпич из печи. Но при этом – разумеется! – был музыкален. Сидя за инструментом, он закатывал очи горе. Ему вообще было свойственно стремление к позе; современники говорят: артистизм. Он любил тонко намекнуть на свои гипнотические таланты. Но даже малые дети не поддавались его таинственным пассам. С другой стороны, существует семейная байка, как однажды ему при свидетелях удалось-таки загипнотизировать недоверчивого соседа. Последний, впад в транс, тут же признался, что служил офицером у белых. По пробуждении, осмыслив ужас произошедшего, испытываемый счел за благо бесследно исчезнуть из города. Анекдот, надо признать, смахивает на правду.

Обучаясь в 1912–1914 гг. на юридическом отделении Московского университета (откуда был призван в армию), Михаил вместе с братом Александром сподобился попасть в агентурное донесение. Впрочем, по подозрению незначительному: как член нижего-

¹¹⁸ В то же время в письме от 19 февраля 2007 г. она призналась, что, читая одну из наших книг, увидела цитату из стихотворения К.Р. «Умер, бедняга! В больнице военной...» – «И всплыли у меня в памяти воспоминания из далекого детства». Песню на эти стихи «наша няня – баба Таня (Татьяна Ивановна Каменская) со своими подругами пели, когда собирались у нас по праздникам». Наталья Александровна полагает, что няня знала все это «вероятнее всего от деда Владиславлева. Она долго жила в его семье, когда дети его еще были дошкольного возраста, служила кухаркой и помогала Софье Алексеевне растить и этих детей. В этом большая значимость Татьяны Ивановны, что она помогала растить и детей Владимира Михайловича, и его внуков (нас троих) – наследников Ф.М. Достоевского. <...> Дед с ней часто беседовал и рассказывал о текущих <политических> событиях. Года три тому назад (то есть в 2004-м. – И.В.) о Татьяне Ивановне я написала воспоминания по просьбе ее внука. И послала сестре Вере в Киев. Потом Вера мне написала, что, читая рассказ о бабе Тане – она рыдала. Настолько сложная и интересная судьба этой женщины».

родского землячества, оказывающего материальную помощь межпартийному Красному Кресту. Этой забытой гражданской доблестью он, кажется, не кичился, хотя любил изображать из себя истого революционера и уже в зрелые советские годы напевал славный анархистский гимн – «Мы горе народа потопим в крови!»: намерение, если вдуматься, благороднейшее.

Он завершил свое начатое сорока пятью годами раньше юридическое образование (окончил институт!) в 1957 г., 65-ти лет – за три года до смерти. (Вспомним намерение брата Александра приблизительно в том же возрасте поступить в Гнесинское училище.) Казалось бы, подобная тяга к знаниям должна свидетельствовать о душевном здоровье и неиссякаемом оптимизме. Однако племянница М.В. Владиславлева утверждает, что в последние годы он был сумрачен и замкнут и она «ни разу не видела, чтобы он от души рассмеялся».

Он расходится с двумя своими женами, последняя из которых на 21 год моложе его. К старости остается один. «Всю жизнь на частных квартирах, – говорит та же племянница. – А когда получил свою в Сталинграде, жизнь уже кончилась».

На исходе этой жизни его находит тогдашний директор московского музея Достоевского Галина Владимировна Коган. Не без удовольствия пишет он брату Александру об этом позднем внимании, о том, что московская гостья «удивлялась нашей с тобой скромности, предлагала помощь даже в назначении пенсии» (по-видимому, персональной). Не заносясь в мечты столь высоко, он надеется на содействие «хотя бы по части получения курорта на льготных началах». Его можно понять: даже для обретения тонны угля и двух кубометров дров приходится, по его словам, употребить «бездну находчивости, ссылаясь на достоинства предков».

Можно сказать, что автор «Идиота» продолжает печься о потомках своего брата.

Возможно, в знак благодарности Михаил Владимирович перечитывает названный роман. «...Хорошо писал прадедушка, – замечает он в письме к брату, несколько спрямляя родство (ибо Достоевский ему прадедушка все же по боковой линии), – и, пожалуй, многое из современности близко подходит к картине, описанной им». Современность автор знает не понаслышке, поскольку долгие годы трудится адвокатом в различных концах огромной страны. И если от отца, В.М. Владиславлева, он унаследовал крепкую адвокатскую хватку, то с литературной наследственностью ему не столь повезло.

Еще будучи относительно молодым человеком, он посылает В. Брюсову стихотворение «Осень» («Лист желтеющий и серый за стеклом окна дрожит, / И дождя поток холодный с крыши на землю бежит» и т.д.), на которое мэтр если и отозвался (что маловероятно), то в смысле не самом лестном для автора (тут уж можно не сомневаться). «А гонорар мне можете назначить самый обычный», – скромно пишет Михаил Владимирович, не допуская и мысли, что стихи его могут быть отвергнуты. И подписуется: Рассветов. Позже он неизменно будет подписывать свои творения «Владиславлев-Достоевский» – может быть, тайно надеясь, что **имя** откроет ему путь на страницы печати.

И, разумеется, этой же цели служит другое имя, которое, как кажется не ему одному, будучи украшено рифмой, непременно должно возвеличить автора. В 1947-м он набирает план «Поэмы о Сталине»: «Как ручьи после разлива рек, как вода в <нрзб.> бегущая с гор, дает урожай полям и садам, так и мысли Сталина, выраженные в пятилетних планах, разливаются по всему Союзу в виде тракторов, комбайнов, машин; в виде улучше-

ния всей системы хозяйства...» и т.д. Это, конечно, не Шиллер, которого боготворили оба **прадедушки**, но в искренности чувств автору не откажешь.

«Страна твердеет в стальном усилии всей цепи городов и сел (подробно)» – так **прозой** излагает он замысел поэмы, которая, как он уверен, должна воплотиться в подлинный лирический шедевр.

Гигантом мысли ты стоишь над миром.
От слов твоих колеблются дворцы
И рушатся фальшивые кумиры.
Вампиры дрогнули.
Проснулись творцы.

А кто творит? – Творит всегда рабочий,
Артист, художник, инженер, борец.
Крестьяне, вперив утомленны очи,
Сквозь ночи ждут, что скажет их Отец.

Особенно трогают эти «утомленны очи», вперяемые трудно сказать куда. Дрожащие вампиры и пробудившиеся творцы тоже производят впечатление. Граф Хвостов вкупе с капитаном Лебядкиным могут отдыхать.

«Стихи не твоя специальность», – писал М.М. Достоевский брату, ознакомившись с его сибирскими опусами (на заключение мира и в честь вдовствующей императрицы), которые, как и в случае с Михаилом Владимировичем, преследовали сугубо политическую цель¹¹⁹. Теперь его собственный правнук ступил на ту же стезю.

На каждый миг и на любом участке
Ты нам всегда указываешь путь.
И речь насыщена заботой и лаской,
Острастку готовым в сторону свернуть.

«Интонация анонимной угрозы в тоне диктора», как заметил бы изучивший нашу родную речь Михаил Бахтин.

Итак, потомок автора Легенды о великом инквизиторе, слагающий хвалебную песнь в честь того, кого можно причислить к ученикам последнего... Все это выглядело бы зловеще, если бы не убойная сила смеха.

(Что взять, однако, с Михаила Владимировича Владиславлева, когда даже Осип Эмильевич Мандельштам, пытаясь воспеть «душегубца и мужикоборца», допускал проговорки – правда, не смешные, а страшные: «Он свесился с трибуны, как с горы, / В бугры голов...»: справедливо замечено, что эти головы скоро должны полететь¹²⁰.)

Проходят годы, меняются времена. Но, поздравляя работников музея Достоевского с Новым 1959 годом и «с выпуском ракеты» (это был первый «Лунник», запущенный к ноч-

¹¹⁹ Подробнее см. нашу работу «Стихи не твоя специальность...» в кн.: *Возвращение билета*. С. 173–179.

¹²⁰ См. в частности главу из нашей работы «Не удостоенные света. Булгаков и Мандельштам: попытка синхронизации» (*Возвращение билета*. С. 417–421).

ному светилу, однако промазавший, о чем советский народ тогда, разумеется, не догадывался), Михаил Владимирович не может не порадовать их стихами собственного сочинения:

Хотя жуть стучит в оконце,
Все же веришь в яркость дня,
Глядя в печку на червонцы
Желтоглазого огня.

Последние две строчки, пожалуй, лучшее, что он написал. При желании «червонцы» можно соотнести со свертком, брошенным в камин неистовой Настасьей Филипповной. А от «желтоглазого огня» не отказался бы, пожалуй, и приличный поэт...

Что ж: В.М. Владиславлев дал мощную поросль. Кровь Достоевских, о чем уже говорилось, смешалась с немецкой кровью (Эмилия Федоровна); к сему добавилась семинарская закваска первого из Владиславлевых, его тяжелый «бурлацкий» ген, его тугая философичность. В сыновьях Владимира Михайловича от первого брака, Александре и Михаиле, помимо устойчивых владиславлевских черт присутствует, очевидно, еще и гайдебуровское начало. (Кстати, их дядя, брат матери, Павел Гайдебуров – известный в свое время актер.) В них, погодках, есть какое-то на первый взгляд трудноуловимое сходство – в характере, в стилистике поведения, в письме. В тяге к литературе, наконец¹²¹.

«Мимозиды», не помнящие родства

Сходны между собой и дети Владимира Михайловича от второго брака – с бывшей бестужевкой Софьей Алексеевной Крыловой – три родившихся почти одна за другой (1905, 1906, 1909) сестры: «мимозиды», как, намекая, очевидно, на нежность душевной организации, именует их одна из сестер.

Все они прожили сравнительно долго – лишь младшая не дотянула до 80 лет. Родившиеся до революции, все они получили высшее образование и вписались в новую советскую жизнь.

Старшая, Наталья Владимировна, имея университетский диплом (этнограф) и владея иностранными языками, не была востребована в этом качестве в родном городе Горьком. Ей пришлось трудиться скромным библиотекарем в пединституте, а во время войны – даже заведовать складом, ибо только такая служба давала право на спасительный рабочий паек. В 40 лет она резко поменяла судьбу: поступила в мединститут. (Вот она, неистребимая владиславлевская черта: вспомним поздний порыв к образованию ее сводных братьев!) После чего работала уже по новой специальности – в качестве рентгенолога. Она дожила до 87 лет. (Ее дочь, родившаяся в 1930-м Ирина Сергеевна Селезнева (по мужу – Белинская), пошла по стопам матери и окончила тот же Горьковский медицинский. Ее кандидатская диссертация была посвящена лечению бронхиальной астмы – с использованием приемов китайской медицины. (Никто из медиков, представленных в роду Владиславлевых, почему-то не выбрал предметом своих занятий те болезни,

---

¹²¹ Здесь уместно вспомнить еще одного их дядю, Василия Гайдебурова, писавшего стихи под псевдонимом Гарри.

от которых страдал Достоевский, – эмфизему легких и эпилепсию, а также «родовые недуги» – туберкулез и рак. Хотя справедливости ради заметим, что в сферу интересов Ирины Сергеевны входит пульмонология.) Родственники говорят о ее одержимости наукой, об упорстве, о неумолимости в работе, о страсти к путешествиям. В детстве ее очень любил дед В.М. Владиславлев, катавший ее в Нижнем на санках и читавший ей, переводя прямо с листа, иностранные книжки. Ее **литературная** (по мужу) фамилия почти мистическим образом замыкает тот полуторавековой круг, в исходной точке которого маячат великие имена.)

Средняя дочь, Надежда Владимировна, окончив пединститут, работала учителем географии (в войну – лаборанткой на авиационном заводе: по тем же, очевидно, причинам, что способствовали складской карьере старшей сестры). В молодости – а это конец 1920-х – она в соответствии с духом времени увлекалась плаванием и даже брала городские призы. Отец, любивший ее больше других дочерей, пытался в 1930-е пристроить ее к В.Д. Бонч-Бруевичу по музейной части, намекая на благотворительные наследственные черты.

«Столько мы видели несчастий за время войны, что спокойная трудовая жизнь является пределом наших желаний», – писала Надежда Владимировна в 1950 г. сводному брату Александру. У нее, школьного педагога, была дружная семья из трех человек: она, муж и сын 1930 г. рождения, ставший впоследствии геологом. (Именно он, ныне здравствующий Алексей Вячеславович Карпов, дал многие драгоценные для настоящей «Хроники» сведения о своем деде Владиславлеве и о других представителях рода.)

Надежда Владимировна умерла в 1991-м, почти в 85 лет. Ее муж Вячеслав Михайлович – авиационный инженер, ослепший в результате падения в открытый колодезный люк и полжизни стойко переносивший свое несчастье, – пережил жену на четыре года. «Они с тетей, – говорит их племянник, – удивительно подходили друг другу – оба были волевыми, решительными, твердыми».

И, наконец, последняя из «мимозид», Нина Владимировна – «полная интересная дама с живым и веселым характером». Что не мешало ей находиться в ссоре с отцом – как полагают, по причине крутого нрава родителя. В молодости, как и сестра, она была отменной пловчихой. Получила специальность инженера-проектировщика и дожила до 1987-го. Сын ее замечает, что к родству с классиком она относилась «как к некоему курьезу».

Все «мимозиды» имели детей: могучий род Владиславлевых не угас. Но если б не потомство Владимира Михайловича, цепь, пожалуй, могла бы и прерваться: об этом свидетельствует участь его сестер – внучатых племянниц Ф.М. Достоевского.

Три сестры под картиной «Не ждали»

Ольга Михайловна родилась годом позже своего брата, в 1869 г. Несмотря на столь малую разницу лет Владимир Михайлович почитает своим родственным долгом печься о младшей сестре. При этом – без особых церемоний вторгаться даже в ее интимную жизнь. Осведомившись о намерении сестры связать себя узами законного брака с неким И.П. Бережновым, добродетельный брат немедленно требует от своего петербургского приятеля собрать достоверные сведения «о здоровье и личности» жениха. Он бурно скорбит «о печальном увлечении сестры этим проходимцем» «с жутким лбом, черными фатов-

скими усами и глупыми таракаными глазами». Он подозревает, что потенциальный родственник не только ходит «по всяким непотребным домам», но сверх того замысливает зловещий план – «высосав все из Оли», приняться затем за остальных вполне невинных сестер, причем пройтись сразу «и насчет денег, и насчет “клубнички”».

Сугубая подозрительность – родовая черта Достоевских: в этом мы убеждались неоднократно. Демонизируя бедного Бережнова (ставшего-таки мужем его сестры и прожившего с ней жизнь), Владимир Михайлович не хочет слышать возражений невесты («сестра отразила все мои атаки на ее жениха одним словом: клевета») и тем паче – принимать во внимание характер ее чувств. Его не трогает ни тот дошедший до него слух, что жених, которому «в лицо было брошено несколько оскорбительных упреков», грохнулся в обморок, ни то, что возмущенная Ольга не желает больше обсуждать с братом эту деликатную тему. Бескорыстный брат готов любой ценой спасти «влюбленную девушку» – даже с помощью вызова **обидчика** на дуэль. Между тем сестре уже 22 года, она учится в Академии художеств и вообще вполне вменяемая особа. Правда, не так давно Владиславлевы лишились обоих родителей. Чем, возможно, и объясняется роль, которую берет на себя старший брат.

...Муж Ольги Михайловны И.П. Бережнов, довольно крупный чиновник Министерства финансов, умер в 1919-м. Ольга Михайловна жила сначала в Самаре (у племянника Александра), позже – в Ессентуках; работала счетоводом, библиотекарем, секретарем. Но, как большинство Владиславлевых, в конце концов осела в Нижнем Новгороде (Горьком), где нашла место – очевидно, бухгалтера – в тюремной больнице УНКВД. Вспоминался ли ей в этой связи автор «Мертвого дома», описавший свою каторжную «медчасть» как спасение и приют?

С Ольгой Михайловной была очень близка сестра Вера, которая приехала к ней в Самару, последовала в Ессентуки и затем в Горький. Там она трудилась медсестрой. И, как и Ольга – в учреждении закрытого типа (правда, с противоположным знаком): местном партдиспансере.

И, наконец, третья сестра – Надежда, родившаяся в Петербурге в 1872-м и умершая в Горьком в 1950-м. Художественные наклонности, столь характерные для Владиславлевых, сказались и в ней. Не став профессиональным художником, она давала уроки рисования; не сделавшись актрисой, занималась самодеятельностью и обреталась возле подмостков, служа бутафором. Как и обе старшие сестры, она устроилась в больницу **спецназначения** – неясно только, была ли это тюремная клиника или лечебница для партаппарата.

С мужем, Е.Н. Жекулиным, военным инженером, в гражданскую служившим у белых, она развелась, и вообще в семье старались о нем не вспоминать. Стремление Надежды Михайловны вернуть себе девичью фамилию пытались объяснить именно этим. Однако именоваться она стала не просто Владиславлевой, а Владиславлевой-Достоевской: со временем от двойной фамилии осталась только вторая часть.

«К своим сестрам, эволюционирующим из Владиславлевых в Достоевские, – говорят внуки Владимира Михайловича, – дед относился весьма прохладно. Считал их ограниченными».

Самобытнейший из Владиславлевых не оценивал порознь каждую из сестер. Он говорил о них собирательно. И впрямь, в трех ректорских дочках много сходного. Все трое

окончили петербургские гимназии; все – переменили несколько профессий, чтобы в конце концов прибиться к надежной пристани – медицине. Все они собрались в Самаре – у старшей сестры Ольги, а затем все вместе переместились в Ессентуки. И, наконец, в середине 1930-х навсегда водворились в Нижнем, где жительствова­вал их старший брат и другие Владиславлевы.

...В эти годы писатель Достоевский, казалось бы, уже не в чести – в том смысле, что власть не использует его в своих интересах столь же беззащитно, как, скажем, Пушкина. Более того – в высших идеологических сферах к нему испытывают все более крепнущую неприязнь. Однако ни социального уважения к певцу «Униженных и оскорбленных», ни признания его художнической гениальности никто пока не отменял. И эта культурная инерция способна существенно влиять на поведение начальства.

Проявив, как выражается одна их родственница, «деловую хватку», сестры Владиславлевы взывают к вечному ходатаю за мировую культуру – А.М. Горькому, хулителю и обожа­телю Достоевского («злой гений наш»!) одновременно, прося его споспешествовать в получении квартиры (этим поступком будет крайне недоволен их старший брат). И чудо свершается. «Свердловский районный совет, – с удовлетворением сообщает в 1936 г. корреспондент “Горьковского рабочего”, – при содействии председателя крайисполкома тов. Ю.М. Кагановича предоставил трем внукам писателя занимаемую ими сейчас квартиру». На медной дверной дощечке было обозначено просто: **Достоевские**. Надо ли говорить, что семейный интерьер украсила картина Репина «Не ждали»?

У старшей сестры Ольги давно умер муж, Надежда – разведена, Вера – не замужем. В 1941-м они хлопочут о «персоналке», но получают отказ. Однако в 1946-м пенсия все же назначена – не без содействия того же В.Д. Бонч-Бруевича. В пору тотального поношения Зощенко и Ахматовой власть не прочь продемонстрировать свой пиетет к классическому наследию. Между тем Достоевский изъят из школьных программ.

В годы войны тесные ряды Владиславлевых редуют. Умирает, как сказано, Владимир Михайлович, старшая из сестер, Ольга... «Все они, – пишет младшая сестра одной из родственниц, – похоронены на хорошем кладбище, которое уже закрыто, но горком решил нам похоронить там». Потомкам Достоевского даруют эту посмертную привиле­гию. «Вообще, правители к нам очень хорошо относятся», – добавляет благодарная Вера Михайловна. Изю всех внуков М.М. Достоевского, могших воочию видеть его знаменитого брата, она умрет последней, в 1955-м, достигнув 85 лет.

Ни у кого из трех сестер Владиславлевых не было детей. Владимир Михайлович, имевший пятерых, как бы оттянул на себя все родовые силы. Не оставил потомства другой их брат, Михаил Михайлович, старый холостяк. Судьба потомков еще одного брата, Николая Михайловича, неизвестна: и здесь ниточка обрывается.

Осколок в области сердца

Младший из ректорских детей, Леонтий Михайлович Владиславлев – единственный родившийся уже после смерти Достоевского – в 1882 г. Внучатая племянница Наталья Александровна Владиславлева хорошо помнила «этого крупного, с рыжими курчавыми волосами, слегка прихрамывающего человека». Он служил доктором все в том же селе Бармино, куда в трудные годы стянулась семья. И, как бы восстанавливая традицию

(вспомним, что его отец, университетский профессор и ректор, был сыном священника), женился на дочери местного батюшки. (Жена переживает его почти на полвека и умрет 90-летней в 1994-м.) В зрелые годы он, самый младший, сошелся с самым старшим – Владимиром Михайловичем, который, как помним, поссорившись с отцом, рано ушел из дома. О Леонтии Михайловиче вспоминают как о жизнерадостном, волевом человеке и – хорошем враче.

Вопреки народным присловьям о многоплодности «поповского семени» Леонтий Михайлович родил только одного сына – Льва. Лев, правнук М.М. Достоевского, ушел в 1942-м на фронт и получил тяжелую рану: кровь Достоевских еще не раз пролилась на этой великой войне. Он воевал в звании капитана и однажды, когда вышестоящий начальник бездумно поставил его батарею под прицельный немецкий огонь, дерзнул возразить. В результате, опережая схватившегося за пистолет командира, Лев Леонтьевич первым разрядил свой. После чего лично доставил раненого начальника в медсанбат. Трибунал приговорил провинившегося к штрафной роте, но батарея была спасена.

По профессии техник, «очень спокойный, выдержанный, добрый» Лев Леонтьевич прожил жизнь с осколком в области сердца, нимало не **комплексуя** по этому поводу и не отказываясь от радостей бытия. Умер он в 2002-м; у него осталась дочь.

Итак, мы обозрели весь род Владиславлевых, продлившийся от 1868 г. до наших дней.

Людей неинтересных в мире нет.

Их судьбы – как истории планет.

Поколения сменяются одно другим; в калейдоскопе характеров и лиц повторяются знакомые черты. Движение – всё; цель, однако, неведома никому.

Среди Владиславлевых немало сильных и одаренных натур. Они проявляют свои способности в области музыки, живописи, театра. Они также привержены медицине. Из всех них лишь Владимир Михайлович имеет бесспорный литературный талант. Впрочем, у его детей, Александра и Михаила, авторские амбиции тоже довольно сильны. В большинстве своем Владиславлевы «люди нормы» (в пределах которой специалисты находят характерные эпилептоидные черты). Они не впадают в длительную депрессию, не проявляют суицидальных наклонностей, жизнестойки и социально подвижны. Они не вступают в конфликты с властью и не отвергают ее благ. В то же время, ставя под угрозу карьеру (Наталья Александровна), а порою и жизнь (Лев Леонтьевич), они могут настоять на своем. Люди, насколько можно судить, честные и порядочные, не чужающиеся никакой работы, они без особых душевных надломов вписываются в обстоятельства многотрудной советской жизни. Родство с Достоевским, за малым исключением, не играет в их судьбах какую-то особую роль.

По женской линии Владиславлевы являют одну любопытную закономерность. В каждом из трех поколений имеют место по три сестры (дочери М.М. Достоевской и М.И. Владиславлева – дочери их сына Владимира Михайловича («мимозиды») – и, наконец, дочери их внука Александра). Женщины в роду, как правило, долгожительницы, в отличие от мужчин – хотя сама прародительница, Мария Михайловна Достоевская (№ 251), умерла от скоротечной чахотки в возрасте 44 лет.

Но пора вернуться на много лет назад – к семье брата писателя.

«Маруся, давайте сблизимся»

Третьим ребенком М.М. Достоевского – после Феди и Маши – был Михаил (Михаил Михайлович-второй), чье появление на свет совпало с литературным дебютом его дяди (1846). Как и оба старших, Миша пошел по музыке – учился в консерватории по классу скрипки. Правда, Ф.М. Достоевский, следивший за судьбой племянника и считавший, что тот «мальчик очень умный и с характером», не слишком ободрялся насчет его музыкальных талантов. Советовал приискать «что-нибудь посерьезнее, чем скрипка». Не страшилась ли его судьба несчастного Ефимова – скрипача из «Неточки Незвановой»? И если да – то он как в воду глядел: Михаил Михайлович-второй спился и умер в богадельне в возрасте 50 лет. Женился он рано, на молодой акушерке – и в этом браке родились три дочери (Наталья, Мария и Екатерина) и сын Михаил.

О Михаиле Михайловиче-третьем, который характеризуется родственниками как «очень милый, несколько приниженный человек», известно лишь то, что он «виртуозно играл на балалайке». Как и отец, он был алкоголиком – отсюда, видимо, отмечаемая «приниженность». (Вспомним в этой связи еще одного виртуоза струнных инструментов: Михаила Федоровича Нечаева, № 140 – дядю писателя, – выдворенного когда-то из родственного дома и кончившего так же.) Умер на переломе эпох: за два дня до Октябрьского переворота.

Наталья Михайловна окончила гимназию с золотой медалью, вышла замуж за железнодорожного служащего В.А. Зеленева и сама служила на Рязанско-Уральской железной дороге. В конце 1900-х она рассталась с мужем и вместе с детьми переехала в Саратов – к дяде, Федору Михайловичу-младшему, где умерла от холеры в 1921-м. По некоторым отзывам, Наталья Михайловна была очень религиозна, что, впрочем, не мешало ей по примеру отца и брата прикладываться к рюмке. В одном из писем мать заклинала ее «не пить совсем водку», поскольку, во-первых, «противно смотреть», а во-вторых, «большой вред делается твоим детям»¹²².

Детей у нее было трое – два сына и дочь: после смерти Натальи Михайловны они жили в Детском (то есть Царском) Селе, где их воспитывали бездетные тетки. Старший, Георгий, как глухо сказано в одном источнике, был «убит немцами» в 35-летнем возрасте – и прах его в 1939 г. «был выслан из Германии» в Ленинград. Сергей – пропал без вести во время Великой Отечественной войны. К сожалению, никаких иных сведений о них не имеется.

Дочь Маруся – Мария Васильевна Зеленева – дожила до брежневских времен.

...В 1941 г. немцы занимают Детское Село. Маруся с престарелой теткой (Марией Михайловной-второй, если первой считать М.М. Достоевскую-Владиславлеву) скитается по окрестным деревням, пока их не угоняют на принудительные работы в Латвию. Ей приходится трудиться и на очистке дорог, и в швейной мастерской, и батрачкой. После войны она так и осела в Прибалтике и, будучи по образованию педагогом, стала работать в рижских детских садах.

После смерти тетки в 1949 г. Зеленева остается одна – в Латвии, в чужой, по сути, стране. Не зная других родных, она, пожалуй, единственная из Достоевских поддерживает отношения с родственниками **условными** – по линии пасынка писателя, Павла Исаева.

¹²² См. на с. 286 о поверье, будто водка помогает от холеры.

Сохранилось ее письмо 1957 г. к автору «Ходжи Насреддина» Л.В. Соловьеву. Она говорит, что, читая эту книгу, смеялась «впервые за многие, многие годы»: признание, говорящее о многом. Она рассказывает о встреченной ею правнучке Карамзина и о поэме последней – поэма «потрясла меня большим идейным содержанием и безукоризненной чистотой и музыкальностью языка» (сколь трогательно это сочетание казенных и лирических оборотов). Она хлопочет о том, чтобы Соловьев помог теснимой недоброжелателями правнучке автора «Бедной Лизы» появиться на страницах печати. Эта тяга к справедливости и забота **о других**, как мы уже имели случай заметить, характерна для многих Достоевских.

Детей у Марии Васильевны Зеленовой не было.

В 1958-м она получила из Москвы письмо от своей троюродной сестры – дочери Татьяны Федоровны Достоевской и В.В. Софроницкого – Ирины Владимировны Крюковой. Та писала о смерти матери, о том, что некие «свойственники» даже не сочли нужным явиться на похороны («профессора, берегут свое здоровье»). У нее, как и у Зеленовой, которая старше ее на 13 лет, тоже нет никого – и она, как за соломинку, хватается за эту слабую связь. «Маруся, я хочу Вам сказать, что давайте сблизимся. Вы совершенно одна, и я тоже. Как-то легче делается, когда знаешь, что есть свой человек, даже если он и далеко». Две немолодые и одинокие женщины перекликаются через разделившее их время и пространство – горестно и безнадежно: «А вообще приезжайте ко мне, оставайтесь у меня жить. Комната у нас большая, работа найдется».

Мария Васильевна так и не решилась на переезд: она умерла в Риге в 1969 г. Ирина Владимировна ушла из жизни в начале 1970-х. С их смертью оборвались родовые нити, идущие от обоих сыновей М.М. Достоевского – Федора Михайловича-младшего и Михаила Михайловича-второго. Таким образом, из четырех детей старшего брата писателя только по линии Владиславлевых оказалось потомство, достигшее наших дней.

Имеет смысл еще раз взглянуть на эту ветвь родового древа.

Из 38 потомков Михаила Михайловича Достоевского, родившихся до 1933 г. включительно (напомним, что наши исчисления ограничиваются датой первого издания «Хроники»), по меньшей мере 14 отмечены выраженными музыкальными наклонностями; для некоторых музыка стала призванием и работой. Пять человек занимаются рисованием и живописью; у других наблюдается артистизм и тяга к драматическому искусству. Серьезные литературные способности, как уже говорилось, можно обнаружить только у одного – Владимира Михайловича Владиславлева (№ 273), человека вообще довольно разностороннего. Другой высокообразованный гуманитарий – Милий Федорович Достоевский (№ 266). Оба – полиглоты. Технические склонности проявляются только у двух – Льва Леонтьевича (№ 312) и Нины Владимировны (№ 308). Зато медицине (вспомним об общем предке-медике М.А. Достоевском, № 15) отдается явное предпочтение: четыре врача и минимум две медсестры. Среди прочих отметим юристов, педагогов, военных, служащих, ученых (геолог). Два участника Великой Отечественной войны, один из которых – пропавший без вести. Практически все потомки М.М. Достоевского получили сред-

нее и высшее образование. Это вообще сугубо интеллигентская трудовая среда. Члены этого родового сообщества весьма скромны по своему социальному статусу и достатку. Можно указать лишь на два-три случая социальной деградации (алкоголизм). Мужчины за редким исключением умирают до 70 лет; женщин, достигших или переваливших восьми-десятилетний рубеж – семь человек.

Характерно, что род, на протяжении XVII–XIX вв. включавший в себя немало священнослужителей, в XX в. не дал ни одного.

Их не миновали ни мировые катаклизмы, ни семейные драмы; их не обошло одиночество. Они пережили революции и войны. Они были далеки от политики; среди них не выскалось знаменитостей. Это – **обыкновенная Россия**: именно та, которая порождает необыкновенных людей.

«ШЕЛ ПЛЕМЯННИК МОЙ КАРЕПИН...» (ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА)

В семье Достоевских были по меньшей мере две насильственных смерти.

Одна – в 1839-м (если Михаил Андреевич был-таки убит) и вторая – с переменой местами двух последних цифр – в 1893-м. Причем, как и убийство отца, смерть сестры Достоевского, семидесятилетней Варвары Михайловны, первоначально квалифицируется в качестве несчастного случая – хотя и прискорбного, но не имеющего криминального оттенка.

21 января 1893 г. обезображенный пламенем и все еще тлеющий труп находят в пятикомнатной квартире ее собственного московского дома: там Варвара Михайловна в полном одиночестве проживала последние годы. Полиция приходит к заключению – и информация об этом попадает в газеты, – что причиной пожара стала лопнувшая керосиновая лампа: пламя мгновенно охватило несчастную жертву.

В семейной хронике Достоевских отмечен подобный случай. В 1855 г. тетка писателя Екатерина Ставровская (№ 151), будучи на девятом месяце беременности и находясь в церкви, фактически сгорела заживо: платье на ней вспыхнуло от церковной свечи. Спасти ее не смогли. Что ж говорить о Варваре Михайловне – дело происходило без свидетелей.

Выяснилось, однако, что это убийство. Карепина была задушена дворником и его подручным: само собой, они польстились на деньги покойной. Труп облили керосином и подожгли. Местным Порфириям Петровичам, видимо, не составляло труда обнаружить весьма неискусно сокрытую истину.

Конечно, велик соблазн соотнести происшествие с сюжетом «Преступления и наказания». Тем более что Любовь Федоровна настоятельно подчеркивает патологическую скудность сестры своего отца и даже именует ее в этой связи «бедной помешанной». Однако эти уверения опровергаются другими свидетельствами. Брат Андрей Михайлович, который по смерти Ф.М. Достоевского как бы принял на себя миссию хранителя фамильной чести, публично выступает в защиту старшей сестры. Он утверждает, что, жестоко стесняя себя буквально во всем, Варвара Михайловна никогда не отказывала в помощи своим близким – в частности, содержала многочисленное семейство дочери. По свидетельству

крестницы, «настоящая московская тетушка» любила потчевать родственников и гостей. Она была музыкальна. Все это никак не тянет на «старуху-процентщицу», хотя образ жизни Карепиной в ее последние годы и дает известные основания для сближений такого рода.

Из всех сестер с Варварой Михайловной отношения у Достоевского, пожалуй, наиболее близкие. По словам Андрея Михайловича, он любил ее как сестру и уважал «как женщину редкого ума и твердого характера». Вдова, обремененная детьми, она посылает ему в Семипалатинск свою скромную лепту. Именно ей сообщает Достоевский «план» своего первого брака – делает старшую из сестер своим конфидентом. Именно ей доверяет он довести до сведения «москвичей» этот в высшей степени несвоевременный с их точки зрения проект.

Варвара Михайловна была добрым и преданным другом. На протяжении жизни брат ни разу не упрекнул ее ни в чем.

«Я ее люблю; она славная сестра и чудесный человек», – скажет он за два месяца до собственной смерти. «Ты один вспомнил обо мне 4 декабря (в день ее именин; это письмо Достоевского неизвестно. – *И.В.*), – пишет она брату в первый день нового 1881 г. – Все мы разбросаны в разных городах и живем точно чужие... Крепись и мужайся, милый мой братику, ведь мы с тобой не Бог знает какие старики. Бог даст поживем». После этого Бог даст ему еще четыре недели.

Родившаяся в 1822-м, годом позже брата Федора, она вместе с ним, а также с братьями Михаилом и, отчасти, Андреем принадлежала к первому, старшему поколению детей: здесь крепки именно горизонтальные связи.

Судьба сестры Вареньки волновала Достоевского.

Круглая сирота, она выйдет замуж семнадцати лет – за П.А. Карепина: первый брак среди всех братьев и сестер. Двадцать пять тысяч, полученных в приданое от Куманиных, очевидно, сыграли в этом замужестве не самую последнюю роль. Во всяком случае, так мог полагать брат Федор Михайлович, которому никогда не доведется увидеть сорока-четырёхлетнего вдовца, мужа его сестры. Однако они переписывались.

Став супругом Варвары Михайловны, Петр Андреевич Карепин сделался одновременно и опекуном осиротевшего семейства (совокупно со старшим братом М.М. Достоевским). Именно из его рук братья и сестры получали теперь причитающиеся им доли родительского наследства.

Принято считать, что черты Карепина нашли отражение в образах: господина Быкова в «Бедных людях», который берет за себя сироту – **Вареньку** Доброселову; Петра Александровича в «Неточке Незвановой»; Петра Петровича Лужина в «Преступлении и наказании». Два последних обладают одинаковым с Карепиным именем (оно вообще имеет у Достоевского исключительно отрицательные коннотации), а Лужин еще и чином: надворный советник. Господин Быков и П.П. Лужин – богаты; намереваясь жениться на бедных девушках, изображают их благодетелей. Видимо, незнакомый ему лично Карепин весьма занимал Достоевского, если сподобился отразиться в трех не самых привлекательных романских персонажах.

Хотелось бы указать здесь еще на одного героя, возможно, причастного все к тому же прообразу.

Это – Юлиан Мастакович, сквозной персонаж ранней (докаторжной) прозы. В «Петербургской летописи» (1847) он именуется так: «мой хороший знакомый, бывший доброжелатель и даже немножко покровитель мой». Карепин, если судить по их переписке, в известном смысле действительно «хороший знакомый» Достоевского, а в качестве опекуна – несомненный «доброжелатель» и «покровитель». (Разумеется, все эти определения имеют у Достоевского сугубо иронический оттенок.) Юлиан Мастакович намерен жениться, причем жениться **на деньгах**. «Истинно сказать, трудно жениться в более благоразумных летах. Он еще не женился, ему еще три недели до свадьбы; но каждый вечер надевает он свой белый жилет, парик, все регалии, покупает букет и конфеты и ездит нравиться Глафире Петровне, своей невесте, семнадцатилетней девушке, полной невинности и совершенного неведения зла». Особо подчеркиваются преимущества брачного возраста: «Нет, даже приятно жениться в подобных летах! По-моему, уж если все говорить, даже неблагопристойно делать это в юношестве, то есть до тридцати пяти лет. Воробынная страсть! А тут, когда человеку под пятьдесят, – оседлость, приличие, тон, округленность физическая и нравственная – хорошо, право хорошо!»

В «Елке и свадьбе» (1848) все тот же Юлиан Мастакович замечает «нимфетку» – одиннадцатилетнюю дочь богатого откупщика. Спустя пять лет он берет за нее (ставшую, очевидно, уже Глафирой Петровной?) пятьсот тысяч приданого. Конечно, это не **жалкие** куманинские двадцать пять тысяч, но для Достоевского важен сам принцип. «Однако расчет был хорош!» – восклицает рассказчик.

Портрет Юлиана Мастаковича вполне соответствует его душевному строю: «Это был человек сытенький, румянький, плотненький, с брюшком, с жирными ляжками, словом, что называется, крепняк, кругленький, как орешек». Но любопытно и имя. Мастакович – это, конечно, **мастак**, «дошлый делец» (В.И. Даль). «Вы человек *деловой*, Петр Андреевич, – пишет Карепину Достоевский, – Вы и с нами действуете, как человек *деловой*, не иначе, и так как Вы человек *деловой*...» и т.д. Но – Юлиан? Имя довольно редкое для наших палестин. Нелишне в этой связи заметить, что у Карепина от первого брака наличествует дочь восьми лет по имени Юлия.

Повторим еще раз: Достоевский никогда не виделся с Карепиным (очевидно, на этом основании тот даже не включен в двухтомный энциклопедический словарь С.В. Белова «Ф.М. Достоевский и его окружение»). Все впечатления от новоявленного родственника возникли исключительно на эпистолярной почве.

Летом 1844 г. подпоручик Достоевский решает на отчаянный шаг: подает в отставку. Это вызвано интенсивной работой над «Бедными людьми». Никто, однако, кроме старшего брата не посвящен в истинную подоплеку событий¹²³.

Меж тем начинающему отставнику срочно необходимы деньги. Он изъявляет готовность отказаться от своей доли родительского наследства в пользу других членов семьи – всего за тысячу рублей серебром. Карепину, естественно, не слишком нравится этот план. Он почитает подобные экстравагантности следствием раздутого самомнения, неосновательности, молодой блажи и т.д.

«Офицеру в военном мундире нельзя останавливаться приготовлениями мягких пуховиков и Луколовой кухни, – назидательно пишет он брату своей молодой жены. – Почтовая кибитка, бурка и кусок битой говядины, приготовленной денщиком, всегда найдется

¹²³ Об истории отставки см. подробнее: *Родиться в России*. С. 275–278, 351–359.

за прогоны и царское жалование. Зато сколько приятных ощущений при удачном исполнении своего долга; сколько отрады во внимании начальников, в любви и уважении товарищей, а далее награда, заслуженная трудом своим путем прямым, благородным. Вот Брат! настоящая поэзия жизни и сердечное желание Вам преданного П. Карепина».

Довольный собой, рассудочный, велеречиво резонирующий Петр Андреевич вполне сопоставим в глазах его корреспондента с Фамусовым, Фальстафом и Чичиковым, о чем ему и сообщается почти прямым текстом.

Но неважно, каков был на самом деле Петр Андреевич Карепин: образ уже сотворен. «Даже в отношении Достоевского к родственникам, – замечает один исследователь, – сквозит иногда типичная романтическая ненависть к непосвященным»¹²⁴. Не являет ли случай с Карепиным (Лужиным, господином Быковым и др.) то же чувство, которое позднее исторгнет у А. Блока яростный вопль: «Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа...»¹²⁵?

Анна Григорьевна, пометившая в своих биографических записях, что Карепин был «действительно дрянной человек», разумеется, воспроизводит точку зрения мужа. Однако нет никаких оснований не верить свидетельству лично знавшего Карепина Андрея Михайловича: их опекун «был не просто добрым, но евангельски-добрым человеком». Надо признать, что, не имея особых причин верить в блестящее будущее одного из опекаемых лиц, а именно инженер-подпоручика Федора Достоевского, Карепин в меру своих сил заботится о его материальных интересах. И когда эти усилия оказываются тщетными, выкладывает требуемую Достоевским сумму из собственного кармана.

...Жесточайшие, следующие один за другим приступы эпилепсии срывают П.А. Карепина в самом начале 1849 г. В январе 1850-го, известившись из газет о приговоре над Достоевским, он еще успеет высказать Андрею Михайловичу слова сочувствия и призыв уповать на милость царя: «Терять надежды не должно». Вскоре 54-летний Карепин отойдет в мир иной, как бы завещав своему пребывающему на каторге «брату» собственную болезнь.

Карепин оставит после себя 27-летнюю вдову и малых детей, в том числе неизлечимо больную Елизавету – родственники будут называть ее «несчастная идиотка». Впрочем, наследственность скажется и на остальных детях.

О дочери Марии известно лишь, что она была «со странностями»: неясно, правда – с какими. Других сведений почти не сохранилось. Родные Достоевского недоумевают, почему писатель жестоко мистифицировал ее мужа В.Х. Смирнова, публично обвиняя последнего в хроническом алкоголизме, которым тот, судя по всему, не страдал. Но, возможно, отгадка заключается в том, что автор «Преступления и наказания» подозревал Смирнова (как выясняется, еще одного «кандидата на Лужина») в корыстолюбии, полагая, будто тот «женится на Марии Петровне, польстившись на ее деньги». То есть приписывал Смирнову гипотетические пороки давно уже почившего Карепина-старшего.

О сыне Александре сохранились любопытнейшие подробности.

Конечно, Любовь Федоровна несколько горячится, когда утверждает, что Александр Петрович Карепин «был настолько глуп, что его глупость граничила с идиотизмом». Вряд ли можно столь безапелляционно характеризовать человека, обладавшего феноменальной «компьютерной» памятью и без усилий овладевавшего иностранными языками.

¹²⁴ Алексеев М.П. Ранний друг Достоевского. Одесса, 1921. С. 21.

¹²⁵ Блок А. Дневник 1918 г. 26 февраля.

С другой стороны, неостановимое многоговoreние (независимо от заданной темы) и, словно бы по контрасту, радикальное заклеивание пластырем рта пациенту, всего лишь порезавшему губу, – все это, конечно, указывает на некоторую психическую аномалию.

Тепло относясь к племяннику, Достоевский тем не менее любит подшучивать над ним. Что едва не приводит к публичным скандалам. В главе VII «Хроники» уже приводились посвященные Карепину экспромты.

По дороге по железной
Шел племянник мой Карепин...

И еще:

Саня! Ваших всех хотений
Я пророчу вам успех!

Возможно, в какой-то степени «уклонения» Карепина-младшего были спровоцированы слепым материнским обожанием, в результате которого Саня был отпускаем в университет «не иначе как только с бонной». Однажды на экзамене он отказался отвечать на сугубо медицинский вопрос, ссылаясь на то, что мама запретила ему читать об этом предмете.

Как и отец, женившийся на его матери, когда та пребывала в первом цветении юности, он мечтает о невесте «не старше 16 лет» и вступает в брак, перевалив шестидесятилетний рубеж (тут он перещеголяет отца). Отвергая эмансипированных женщин, он, тем не менее, находит идеал красоты в **стриженных**: трудно сказать, как разрешался этот конфликт между эстетикой и этикой.

Вряд ли А.П. Карепин, если он был безнадежно туп, смог бы участвовать в качестве военного врача в турецкой кампании 1877–1878 гг. Правда, проведая о знакомстве своего дяди с генералом Ф.Ф. Радецким, покорителем Шипки, и с главнокомандующим русской армией на Балканах, он пренаивнейшим образом просит мать, чтобы та в свою очередь обратилась к Достоевскому (и она с наименьшей наивностью это делает) – «нельзя ли написать кому-нибудь из этих высокопоставленных особ и попросить о покровительстве». Покровительство должно было заключаться в скорейшем получении Александром Петровичем очередного чина и ордена Станислава II степени. Достоевский действительно знал Радецкого – почти сорок лет назад они вместе учились в Инженерном училище (Радецкий классом выше). Что касается главнокомандующего – а им был великий князь Николай Николаевич, – то он, будучи во второй половине 1850-х генерал-инспектором по Инженерной части, ходатайствовал (по просьбе другого соученика Достоевского по Училищу, генерала Э.И. Тотлебена) о производстве унтер-офицера Сибирского линейного батальона в прапорщики. О личном их знакомстве ничего не известно. Но в любом случае не в таких отношениях был Достоевский с указанными лицами, чтобы озабочивать их подобными просьбами. «Милый брат, – пишет Варвара Михайловна, – я уверена, что если б ты написал к Главнокомандующему, то ради тебя он сделал бы что-нибудь для А.П.»¹²⁶. Когда-то не отпускавшая своего сына в университет без сопровождения гувернантки, теперь она готова передоверить эти функции всемогущему, по ее мнению, брату.

¹²⁶ Литературное наследство. Т. 86. С. 465.

И что еще любопытно. Современники говорят о страстном увлечении Сани Карепина образом Дон Кихота. «До смешного кроткий» – и это при вспыльчивости и ревности – племянник Достоевского, возможно, чувствовал некое родство с любимым литературным героем писателя. Разумеется, это не повод, чтобы начать отыскивать в «человеке небесно-полезном» черты князя Мышкина. Вспомним, однако, что в названии романа заключен еще и полемический смысл.

М.В. Волоцкой характеризует Александра Карепина как **тип эпилептоидно-кроткий**. Тут с ним, как со специалистом, не приходится спорить. Говоря о несомненно присущем Карепину комплексу эпилептоидной обстоятельности, он находит таковую же у его знаменитого дяди и, что самое интересное, распространяет этот комплекс на творчество последнего. «Это выразилось, – пишет Волоцкой, – в исключительной громоздкости и местами сумбурности его произведений, в чересчур подробной, вязкой трактовке сюжета, когда, как, например, в «Братьях Карамазовых», действие, происходящее на протяжении нескольких дней, излагается на многих сотнях страниц». Трудно, да и бессмысленно отрицать тот факт, что психофизиологические особенности автора «Карамазовых» сказались на характере его художественных изображений. Необходимо, однако, заметить, что несколько дней основное действие длится и в «Селе Степанчикове», и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах»... Концентрацию многих событий на сравнительно небольшом временном отрезке (то, чего, скажем, совершенно нет у Льва Толстого) мы назвали бы следствием не столько эпилептоидной, сколько художественной обстоятельности, хотя, конечно, нельзя отрицать наличия между ними известной связи. Но **сжатое время** – это у Достоевского принцип мирочувствования, который, конечно, «зависит от физического», но, думается, не в такой степени, как это представляется специалистам по душевным расстройствам.

...Печальная участь постигла семейство Карепиных. Мучительный конец Петра Андреевича, неизлечимая болезнь Лизы, трагическая смерть самой Варвары Михайловны... И хотя представители второго поколения Карепиных, Александр и Мария, тоже имели детей, никто из тех, кого опросил Волоцкой в начале 1920-х, не мог ничего сообщить об их судьбе. Не знаем об этом и мы.

Не такой ли исход предчувствовал Макар Девушкин, тоскуя по отбывающей в неизвестность Вареньке?

«А В ГУБКИ НЕ СМЕЮ...» (НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ)

Из четырех братьев Достоевских Николай Михайлович родится последним – в 1831-м. Он появится на свет, когда брату Федору минет десять. Разница весьма существенная – на поколение. Они расстанутся, когда младшему не будет еще и шести, и встретятся вновь, когда он приблизится к тридцатилетнему рубежу. Почти четвертьвековая разлука не способствует упрочению родственных уз. Вряд ли братья писали друг другу, когда один из них находился в Сибири: во всяком случае, такие послания неизвестны. Известно

также, как прошла их поздняя встреча. Но, пожалуй, ее можно было бы обозначить по названию одной из глав – «Братья знакомятся» – в последнем романе старшего: правда, без заключенного в тексте **высшего** смысла.

Сведения о Николае Михайловиче очень скудны. Поначалу он шел по накатанной тропе старшими братьями колее – вслед за ними **избрал** (само собой, не без поддержки Куманиных) инженерную карьеру.

Брат Михаил полагал, что из Николая «выйдет очень талантливый архитектор» (во всяком случае, добавим, более успешный, чем брат Федор, ничтоже сумняшеся изобразивший на представленном государю чертеже крепость без крепостных ворот). Архитектор из него получился. Но в половине 1860-х начинаются сбои. Он, еще вполне молодой человек, теряет службу, а вскоре и приносящую постоянный доход частную практику. Он продает лошадь и экипаж – символы некоторой достаточности. Памятуя о необходимости поддерживать младшую сестру, Александру Михайловну, вскоре Николай сам поселяется у нее – на правах бедного родственника и, может быть, приживала. Чтобы провести так остаток своих, в общем, не столь продлившихся дней.

«Я был бы Крезом, если бы имел твердость характера», – признается он брату Андрею. Л.Ф. Достоевская называет своего дядю «несчастливым пьяницей». Тут ее нельзя упрекнуть в преувеличении или неточности. О пагубной склонности Николая Михайловича к алкоголю упоминают и остальные родственники – с тем большей печалью, чем более Николай Михайлович им близок и мил. К нему прилагают универсальное определение: **добрый**. Лишенный каких бы то ни было амбиций, не вздорный, с благодарной деликатностью принимающий всякую помощь, он вызывает всеобщую родственную приязнь.

Он часто болеет и полеживает в больнице.

«Много я думал о тебе, голубчик, – пишет ему Ф.М. Достоевский из Парижа в 1863 г., – ...Дорог ты мне теперь, больной и несчастный».

«Дорог ты мне **теперь**» – последнее слово имеет касательство не только к нынешнему положению Николая Михайловича, но и к собственному душевному состоянию автора письма.

Ибо следует обратить внимание на дату.

Письмо Достоевского помечено 28-м августа по новому стилю. А накануне, 27-го, разразилась катастрофа: приехав в Париж, он узнает, что прибыл «немножко поздно». Аполлинария Суслова, ждавшая его там, чтобы вместе отправиться в Италию, объявляет ему о своей неверности. Переживая этот внезапный удар, Достоевский, как и большинство людей в подобных обстоятельствах, «вдруг» вспоминает о близких. Он пытается ухватиться за что-то основательное – незыблемое, не подверженное переменам, родное и вечное, что привязывает его к этой жизни. Он пишет в этот день тем, кто **остался**: брату Николаю, брату Михаилу, пасынку Паше Исаеву...

«Думаю о всех вас; думаю часто и о Марье Дмитриевне», – продолжает он письмо к младшему брату. Измена любовницы обостряет чувство вины: для него не секрет, что законной жене осталось жить очень недолго. «Как бы, как бы хотелось получить об ней добрые известия!» И адресуясь к пасынку, словно остерегает его от опасностей и соблазнов близящегося сиротства: «Старайся, Паша, избегать глупых знакомств и Юсуповых садов», – все это пишется из города Парижа. Федор Михайлович выбрал для своих наставлений не лучшее время и место.

В уже приводившемся письме к Николаю от 28 августа 1863 г. он упоминает «одну особу», которая «даже заплакала, когда я рассказал о твоей болезни». Заплакала, разумеется, Суслова. Очевидно, в Париже они не только выясняли отношения. Достоевский поведал ей о своих домашних делах, в том числе о заболевшем брате. Вообще, Николая Михайловича жалели и не очень близкие люди. Даже Анна Григорьевна, для которой он представлял хотя и незначительную, но возникающую перманентно финансовую угрозу, отзывается о нем с редкой для нее в подобных случаях теплотой.

Достоевский был старшим братом: он вменяет себе в обязанность помогать слабейшему в семье. Помимо ежемесячного пособия в размере 50 рублей, каждый визит «брата Коли» к брату-писателю доставляет посетителю дополнительную пятерку. Анна Григорьевна замечает, что Николай Михайлович в этой связи учащал визиты. Ей, как говорится, виднее. Однако не менее достоверно и то, что инициатива исходила и от самого Достоевского: «Милый Коля, посылаю тебе еще пять рублей. Может быть, тебе нужны деньги. Как твоё здоровье и как твои обстоятельства? Я все боялся и боюсь, что тебя посадят». Комментаторы Полного (академического) собрания сочинений полагают, что речь здесь идет «о психиатрической лечебнице, в которой Н.М. Достоевский регулярно лечился»¹²⁷. Представляется, однако, что речь идет о самом натуральном аресте. Недаром в письме к сестре Вере Николай Михайлович сообщает, что «в один прекрасный день меня с полицейским унтер-офицером отправили в долговую тюрьму, из которой в тот же день я был выкуплен Емилею Федоровной (вдовой брата Михаила. – И.В.) и братом Федором».

Болезнь, едва не унесшая Николая Михайловича в могилу, началась летом 1863-го, когда, как уже говорилось, брат Федор отправился за границу. Николай Михайлович не мог ходить, у него тряслись руки и резко ослабло зрение. (Два последних недуга в точности соответствуют тем, что заставили папеньку Михаила Андреевича – правда, в возрасте более позднем – просить об отставке.) Он пишет сестре в Москву, что родные не оставили его в беде. С особенным чувством говорится о брате Федоре.

В той характеристике, которую Николай Михайлович дает старшему брату, речь идет не о писательских заслугах, а исключительно о нравственных качествах. «Я не видал подобного человека. Брат предался весь семейству, работает по ночам, никогда не ложится спать ранее 5 часов ночи, работает как вол; а днем постоянно сидит и распоряжается в редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке...» Какое семейство, которому «предался» брат, имеется здесь в виду? У Достоевского в этот момент практически нет семьи – он вдов и одинок. Он работает «как вол», дабы вытащить из нужды жену и детей покойного брата Михаила, чьи долги по журналу «Эпоха» он взял на себя. Хотя, заметим, мог бы и не приносить эту братскую жертву. «Он, – продолжает Николай Михайлович, – по моему мнению, самый несчастный из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него, может быть, накопилось на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня». У автора письма действительно добрая душа. Несчастнейшим из смертных почитается вовсе не он, Николай Михайлович, лишенный работы, здоровья, семьи и чем-то напоминающий еще не сотворенного Мармеладова, а внешне благополучный и даже знаменитый Федор Михайлович, сапоги которого младший с благодарностью донашивает.

¹²⁷ ПСС. Т. 28₂. С. 411.

Некоторое охлаждение между братьями наступает в самом конце 1870-х – надо думать, из-за перессорившего всю родню наследства А.Ф. Куманиной. И хотя Николай Михайлович пишет брату Федору по поводу этих родственных тяжб, что во всем согласен с его желаниями и противоречить не будет, все же – видимо, не без влияния сестры Александры Михайловны – он чувствует себя в чем-то ущемленным и уклоняется от встреч (опровергая тем самым уверения Анны Григорьевны о возрастающей частоте посещения). «Жаль, что ты переписываешься со мной письмами, – выговаривает ему Достоевский 26 декабря 1880 г. – Эти отчуждения отодвинут наши дела еще на несколько лет, а может, и на полную гибель». Он, старший, имеет право на такой тон. «...Брат Николай Михайлович совершенно порвал со мной, точно меня нет на свете», – жалуется он брату Андрею.

«Полная гибель» и «нет на свете» – выражения по преимуществу фигуральные. Однако это написано в самом конце 1880 г.: жизнь автора действительно на исходе.

Николай Михайлович переживает старшего брата ровно на два года. Единственный из Достоевских он так и не заведет семьи, предпочитая взятого в качестве слуги какого-то «бедного сироту». Его уснащенные бесконечными лобзаниями послания к юной племяннице, дочери сестры Веры («целую тебя в лобик, глазки, носик, в щечки, а в губки не смею, стар стал, пожалуй и побрезгуешь») – эти родственные эпистолы, которые, по мнению М.В. Волоцкого, «отличаются исключительной экзальтированностью, носящей своеобразную сексуальную окраску», говорят об очень одиноком и очень несчастном человеке.

Единственный из всех братьев и сестер Достоевских он не оставит потомства. Могилу его затеряна.

ПОСЛЕДЫШ (АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА)

Весной 1835 г., клянясь в вечной верности Михаилу Андреевичу, супруга его напишет, что теперешняя ее беременность «есть седьмой крепчайший узел взаимной любви нашей». Узел, однако, оказался последним. Ребенка, рожденного не в доме на Божедомке, как о том старался отец, а в сельском уединении, в Даровом, назвали Александрой: скорее всего, в честь тетки Куманиной. Но после смерти Марии Федоровны среди ее детей, которых приютят Куманины, Александры как раз не окажется. Овдовевший Михаил Андреевич оставит младшую дочь при себе.

Достоевский не видел сестру Сашу с 1837 г. и до начала 1860-х. Он отбыл из Москвы в Петербург, когда ей не исполнилось и двух лет. Сестра, разумеется, тоже знала брата лишь понаслышке.

Осенью 1838 г. Михаил Андреевич получает от сына Федора письмо с известием, что тот оставлен на второй год. С родителем едва ли не случился удар; не очень искусный фельдшер четырежды отворял ему кровь. «Помню только, как во сне, – пишет он дочери Варваре, – Сашинькин плач, что папинька умер»¹²⁸. Трехлетняя Сашенька плакала впустую: папинька выжил. Он умрет спустя семь месяцев – своей или насильственной

¹²⁸ В семье и усадьбе. С. 120.

смертью, – и находившаяся при нем младшая дочь станет невольной свидетельницей его кончины. Разумеется, ее воспитают Куманины.

Через пятнадцать лет Достоевский напишет из Сибири брату Андрею, что никто из их семьи о нем, изгнаннике, не забыл – «Все до одного писали ко мне, все до одного берут во мне самое искреннее, братское участие...» Единственное исключение – «сестрица Сашенька»: «Она ко мне не писала, а мне как-то щекотливо». И тут же объясняет причину подобной щекотливости: «Не подумали бы, что я заискиваю из выгод, будучи в положении, во всяком случае бедном»¹²⁹.

К этой же теме возвращается он в 1857 г. в письме к брату Михаилу: «Но какова же сестра Саша? За что она нас всех заставляет краснеть? Именно краснеть! Ибо все в семействе нашем благородны и великодушны. В кого она так грубо развита? Я давно удивлялся, что она, младшая сестра, не хотела никогда написать мне строчки. Не оттого ли, что она *подполковница*? Но ведь это смешно и глупо».

Сто рублей, присланные «подполковницей» ему на шубу, кажется, смягчат братское сердце.

Несмотря на малое знакомство с давно уже взрослой сестрой, он, вернувшись из Сибири, печется о том, чтобы младшая из Достоевских не отступила от добрых традиций семьи. Когда Сашин муж Н.И. Голеновский, «человек добрый, благороднейший», не поладив с начальством, выйдет в отставку – опять же «из благородной гордости», – Достоевский без колебаний одобрит этот шаг. Он жалеет сестру, когда Голеновский умирает.

Все три сестры Достоевские вышли замуж за лиц, которые были значительно старше них. Все они рано овдовели, хотя их избранники далеко еще не достигли авраамовых лет. Варвара и Вера так и остались одни. Александра, потеряв мужа-военного, вышла замуж вторично – за В.В. Шевякова, человека сугубо штатского. С Шевяковыми у Достоевского отношения не сложились. Во-первых, его, старшего в роду, даже не известили о новом супружестве. Во-вторых, окончательному разрыву способствовало куманинское наследство – брат и сестра оказались вовлечены в судебные тяжбы. Адресуясь к заболевшему брату Николаю, жительствовавшему во флигеле того самого «домика на Петербургской», где обитает сестра Александра (младшие дети, они росли вместе, и связь тут, конечно, теснее), Достоевский пишет, что он навестит его («предпримет путешествие»!) «рискуя даже встретиться с Ш-ми (то есть Шевяковыми. – *И.В.*)». Автора «Подростка» не может не обижать и то обстоятельство, что двое его племянников, сыновей сестры Веры, учась в Петербурге и квартируя у Александры Михайловны, ни разу не навестили своего дядю, который «в детстве их немало передарил им гостинцев и игрушек». Его раздражает холодность родных ему по крови людей. Чрезвычайно высоко ставящий родственные привязанности, он в 1874 г. отзывается о сестре Саше с не меньшей горечью, чем тогда, в Сибири: «А уж какая родственница – и говорить нечего».

Будучи моложе Достоевского четырнадцатью годами, сестра Александра Михайловна переживает его на девять лет. По странному совпадению она умрет в день, следующий за днем рождения брата. После нее останется четверо детей (от первого мужа) – два сына

¹²⁹ ПСС. Т. 28, С. 181–182.

и две дочери, о которых в 1872 г. Достоевский писал в Москву сестре Вере: «Ты ее детей, кажется, не знаешь: славный народ...»

Старшая дочь, Мария Николаевна, выйдет замуж еще при жизни Достоевского – за своего родственника Максимилиана Ставровского (сына сгоревшей в церкви Е.Ф. Ставровской). Достоевский будет уязвлен тем, что его не пригласили на свадьбу. Но на церемонию не был зван даже Николай Михайлович, который, как сказано, обитал тут же, во флигеле, но отношения которого с сестрой испортились все из-за того же куманинского наследства. Зная Марию Николаевну воспоминательница говорит о ее сильном характере (сходном с характером тетки – В.М. Карепиной), о болезненной любви ее к единственному ребенку (тоже теткина черта: вспомним «племянника моего» Саню Карепина, не отпускаемого без бонны в университет), о деспотической ее власти над мужем. Последний, кстати, занимал довольно высокий пост директора департамента Министерства путей сообщения. Волоцкой глухо сообщает, что до Октябрьской революции Мария Николаевна была «очень зажиточна». О причинах ее смерти в 1921 г. он говорит столь же лапидарно: «от воспаления легких и крайнего истощения вследствие пережитых материальных лишений и голода». Муж, М.Д. Ставровский, умрет годом раньше. Оба родителя переживут свою единственную дочь, которую Мария Николаевна так страшилась потерять. Александра Максимилиановна, девушка, по отзывам современников, весьма одаренная (особенно как живописец), умрет в возрасте двадцати восьми лет, не оставив потомства.

Прерываются и линии еще двух детей Александры Михайловны.

Зато ее младший сын, Николай Николаевич, служивший в Кронштадте морским врачом, окажется плодовит. Сам он умрет в сорок шесть. Его первенец Дмитрий, саперный офицер, будет расстрелян в 1919-м в возрасте двадцати двух лет. В этом же возрасте туберкулез – наследственная болезнь Достоевских – унесет второго сына, Георгия (1925). Еще один внук Александры Михайловны, Владимир Николаевич, по профессии инженер, доживет до 1935 г., чтобы сгинуть от туберкулезного менингита в подмосковной больнице.

Последняя из Голеновских, Ирина Николаевна, окажется долгожительницей – встретит свои восемьдесят шесть. Она проживет, как принято говорить, незаметную жизнь (впрочем, об этом судить не нам), трудясь «простой машинисткой» и стесняясь того, что не получила образования (редкий для рода, к которому она принадлежит, случай). После гибели братьев у нее не окажется родных. «Боясь жить», она останется бездетной и одинокой. Для нее естественно – не привлекать внимания, *стушеваться*, остаться в тени. Она робеет даже в среде музейщиков, всегда готовых приветить внуку родной сестры Достоевского. Ее страшит мысль, что музей Старой Руссы намеревается заплатить ей за доставшуюся от родителей семейную скатерть: «Мне будет просто неприятно, если вы пошлете мне деньги». Когда в 1991 г. она умрет, соседи по питерской коммуналке захватят комнату и выбросят немемориальные вещи покойной на свалку.

Линия рода, идущая от «подполковницы» Александры Михайловны, тихо угаснет в тот же год, когда перестанет существовать большая, породившая ее гениального брата страна.

«ЕНЕУ!» (МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА)

Ужасная женщина

В «Сибирской тетради» Достоевского («моей тетрадке каторжной», как он ее называл) несколько раз встречается помета, которая из-за неясности написания многие годы не поддавалась расшифровке. Ее интерпретировали как «Елеи», «Елен» и даже «Елец» или просто заменяли точками – «ввиду неуверенности чтения». Наконец загадка разрешилась: интригующее «Елен» было опознано, как «Енеу» – латинское междометие, обозначающее «увы» или «ах». Но выяснилось и другое. Практически все «Енеу» так или иначе связаны с именем первой жены Достоевского. Этим горестным вздохом он отмечал самые драматические моменты их знакомства и брака¹³⁰.

В «Хронике» М.В. Волоцкого, где характеристике иных персонажей посвящены десятки страниц, Марье Дмитриевне Исаевой уделено ровно три строки, к тому же принадлежащих случайному наблюдателю: «Эту первую супругу нашего знаменитого писателя я видел только один раз в Москве, у Ивановых, и она на меня произвела впечатление в высшей степени болезненной и нервно-расстроенной женщины».

Автора «Хроники» можно понять. Его прежде всего интересует генетика, биологическое родство, кровная родовая связь. Марья Дмитриевна не отвечает этим критериям. Тем более что у нее с Достоевским не было общих детей. Но ведь недаром изречено: «...Оставляет человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт 2:24).

Достоевскому некого было **оставлять**. Родителей к моменту женитьбы у него давно уже не было. С тем большей силой влекся он к той, которая смогла бы составить с ним не только «одну плоть», но, как он полагал, и единую душу. Узы, соединившие их двоих, оказались куда прочнее иных кровнородственных связей.

В годы, когда Волоцкой работал над «Хроникой», просвещенный мир имел довольно смутные понятия о первой жене Достоевского. Едва ли не единственным источником информации об этом предмете были воспоминания Любови Федоровны. Дочь писателя от второго брака писала их в Швейцарии в 1918–1919 гг. по-французски. Впервые они были изданы в Мюнхене в 1920-м, а затем – переведены на многие европейские языки. Русский перевод появился в 1922 г., однако в сильно урезанном виде.

Публика, до сих пор мало что знавшая об интимных сторонах жизни писателя, однако горячо жаждавшая восполнить этот пробел, не могла не довериться сведениям, исходящим от одного из членов семьи. А именно – что после каторги «от запоздалой юношеской незрелости» автора «Бедных людей» «не осталось и следа, он стал мужчиной и хотел любить». Публика вместе с автором воспоминаний уже готова была порадоваться за героя. Но... «Но какую ужасную женщину послала судьба моему отцу!»¹³¹

Взыскательную дочь не устраивают ни характер, ни моральные качества Марьи Дмитриевны. Но прежде всего ее коробит **антропология**. Согласно уверениям Любови Федоровны, М.Д. Констант (девичья фамилия Исаевой) лишь выдавала себя за француженку.

¹³⁰ Орнатская Т.И. «Сибирская тетрадь» // *Материалы и исследования*. Т. 5. С. 222–225.

¹³¹ *Достоевский в изображении дочери*. С. 77.

На самом же деле – «эта бесстыжая женщина была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время бегства из Москвы...»¹³² Причем, счастливо унаследовав от матери ее русский тип, она тщательно скрывала от окружающих свое африканское происхождение (не в пример, скажем, «прекрасной креолке» Надежде Осиповне Ганнибал, чьи африканские черты неосторожно воспроизвел ее сын, «потомок негров безобразный»). Достоевский, таким образом, пал жертвой гнусного генетического обмана, а сверх того подверг испытанию свой патриотизм, связав собственную судьбу с наследницей коварных завоевателей России.

Новейшие разыскания позволяют, однако, значительно скорректировать эту впечатляющую картину.

В Россию переселился не отец, а дед Марьи Дмитриевны – Франсуа-Жером-Амадей де Констант. Он был отнюдь не наполеоновским мамелюком, а дворянином и капитаном королевской дворцовой гвардии, который после падения Людовика XVI покинул взбунтовавшееся отечество и, как многие другие эмигранты, был привлечен щедрой российской императрицей (заболевшей, говорят, при известии о казни французского короля). Дед будущей жены Достоевского поступил на русскую службу, принял православие и новое имя: Степан. Женился он, однако, на француженке. Так что сын его, Дмитрий, отец Марии Дмитриевны – чистокровный француз. В 1820 г. Дмитрий Степанович недолгое время служит переводчиком в штабе генерала И.Н. Инзова, где в то же время и в том же качестве подвизается его одноклассник А.С. Пушкин. История, впрочем, умалчивает, были ли они знакомы.

Дмитрий Констант женится на русской дворянке по имени Софья Александровна (фамилия, увы, неизвестна). В 1824 г. рождается дочь – Мария. Когда она впервые встретит Достоевского, ей будет 29. В своих письмах из Сибири Достоевский всегда твердо указывает возраст избранницы – на три года меньше истинного. Эта хронологическая поправка, надо думать, заслуга самой Марьи Дмитриевны.

Родившись в Таганроге, она в 14 лет лишается матери. Семья переселяется в Астрахань, где Дмитрий Степанович занимает должность директора Карантинного дома. Марья Дмитриевна выходит замуж за А.И. Исаева, как и ее отец, служившего по таможенной части. В 1851 г. Исаева переводят в Сибирь.

Достоевский знакомится с их семейством буквально через два-три месяца после выхода из каторги и водворения в Семипалатинске. Он предчувствует, что приближается «к кризису всей моей жизни», что созрел для чего-то такого, что он именует «может быть **грозное**, но во всяком случае **неизбежное**»¹³³. Эпитеты, однако, имеют свойство материализоваться. Спустя два года в письме к Врангелю они будут приложены к уже совершившемуся: «О, не дай Господи никому этого **страшного, грозного** чувства»¹³⁴.

Чувство между тем растет и делается необоримым. Он признается, что думал о самоубийстве – **буквально** (он, не сокрушенный эшафотом и Мертвым домом) и что для него нет выбора: «или с ума сойду, или в Иртыш!» Так десятилетием ранее мнившийся ему неуспех «Бедных людей» тоже решительно сопрягается с отказом от жизни: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву»¹³⁵. Изменились, как видим, только топографические предпочтения.

¹³² Достоевский в изображении дочери. С. 79.

¹³³ ПСС. Т. 28, С. 177. Письмо Н.Д. Фонвизиной от января-февраля 1854 г.

¹³⁴ Там же. С. 212–213.

¹³⁵ Там же. С. 110.

Конечно, можно сказать, что все это **литература**. Но Достоевский по сути своей – экстремал. Для него не существует промежуточных вариантов. И если о возможном провале первого своего романа он говорит: «Я не переживу смерти моей *idée fixe*», то тут есть сходство: его сибирский **роман** – тоже первый и тоже владеет всем его существом.

Письма к одинокой девственнице

Любовь Федоровна уверяет, что в двадцать лет ее отец жил «как святой»¹³⁶. «К женскому обществу, – в свою очередь замечает домашний врач, наблюдавший Достоевского в молодости, – он всегда казался равнодушным и даже чуть ли не имел к нему какую-то антипатию». И раздумчиво добавляет: «Может быть, и в этом отношении он скрывал кое-что»¹³⁷. Иные из позднейших биографов стараются развить этот тезис, горячо настаивая на том, что досибирский период жизни автора «Белых ночей» был «необычайно бурен в половом отношении»¹³⁸. Эта ученая гипотеза столь же труднодоказуема, сколь и дочерние уверения прямо противоположного свойства.

Как бы то ни было, в письмах Достоевского сороковых годов мы не встретим ни одного женского имени, которое было бы названо под определенным ударением. (За исключением разве Авдотьи Панаевой, краткая и отчасти литературно окрашенная (жена поэта, вскоре – подруга другого поэта), влюбленность в которую, кажется, никак не сказалась в его судьбе.) Это – разительный контраст с пушкинским или лермонтовским жизнеощущением. Мерной поступью минует он пору, казалось бы, самой природой назначенную для романтических безумств и признаний. Во всяком случае, мы ничего не знаем о таковых¹³⁹.

О какой-либо интимной жизни на каторге говорить не приходится, хотя, как ни странно, она полностью не исключалась. Осведомленный наблюдатель, упомянув о калачниках – молодых бабах, продававших калачи арестантам у ворот острога, добавляет, что тут же завязывались романы, «развязка коих происходила во время работ в укромных местечках», и что подобное удовольствие ценилось недорого – «два-три гроша бабе»¹⁴⁰. Если вспомнить описание «двугрошовых» в «Записках из Мертвого дома», то можно сказать, что версия Любви Федоровны относительно «святости» ее отца приложима именно к этой поре. Он провел в омской крепости четыре года: пенитенциарная система не знала еще практики личных свиданий. Да если бы даже они и были, кто бы к нему поехал? Да еще – в такую даль?

Итак, его обуревают предчувствия. Но до их исполнения еще есть время.

Получив разрешение жить вне казармы (но близ нее, под ответственность ротного командира), он за пять рублей в месяц – плата за помещение, стирку и стол – нанимает комнату в довольно убогой, стоящей на отшибе избе, единственным украшением которой можно почесть двух хозяйских дочерей, 20 и 16 лет. Старшая, по сдержанному свидетельству Врангеля, «ухаживала за Федором Михайловичем и, кажется, с любовью, шила ему и мыла белье, готовила пищу и была неотлучно при нем». Летом вместе с сестрой она совершенно по-домашнему показывалась перед обоими друзьями «en grand négligé, то есть

¹³⁶ Достоевский в изображении дочери. С. 89.

¹³⁷ Цит. по: *Биография, письма*. С. 64. 1 паг.

¹³⁸ Кашина-Евреинова А. Подполье гения. Пг., 1923. С. 21.

¹³⁹ Подробнее см.: *Родиться в России*. С. 271–272.

¹⁴⁰ Врангель. С. 14.

в одной рубашке, подпоясанная только красным кушаком, на голую ногу и с платочком на шее». Мемуарист не скрывает, что мать сестер, вдова-солдатка, «открыто эксплуатировала молодость и красоту дочерей». Когда Достоевский упрекнул ее в этом, особенно напирая на печальную участь очень красивой младшей, старуха ответствовала в том смысле, что дочь «все равно сошлась бы со временем с батальонным писарем или унтером за два пряника аль фунт орехов, а с вами, господами, и фортель, и честь!..»¹⁴¹ Нравы в Сибири были просты.

Дождь на стеклах искажает лица
Двух сестер, сидящих у окна;
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она, –

– это, разумеется, о другом, но тема – непреходяща.

Врангель не называет имен. Зато мы знаем, как звали двух других женщин, которые пользовались расположением Достоевского.

Первая – это 16–17-летняя Марина Ордынская: обладающая эффектной наружностью блондинка, дочь ссыльного поляка, который, овдовев, женился на собственной кухарке. Дочь, как Золушка, пребывала в небрежении и затрапезе. Достоевский – кстати, по просьбе М.Д. Исаевой, в чьем доме он знакомится с Мариной, – усердно занимается умственным развитием полячки-сибирячки¹⁴². Повзрослев и похорошев, но не вооружась при этом скромностью, она «очень оживляла» Казаков сад – дачу, нанимаемую Врангелем, где летом обитал также и Достоевский и где, между прочим, присутствовали упомянутые выше дочери его квартирной хозяйки, помогавшие друзьям наладить холостяцкий быт¹⁴³. Марина «бегала, усиленно кокетничала и задорно заигрывала со своим учителем». Трудно сказать, остался ли наставник холоден к стараниям ученицы. (Местный краевед Б.Г. Герасимов простодушно сообщает, что Достоевский, подружившись с отцом Марины, «иногда оставался у него для своих занятий и даже на ночь»¹⁴⁴.) Неприязнь его к полякам не распространялась на их дочерей. Врангель, по его собственному признанию, безуспешно пытался с помощью Марины отвлечь своего друга от предмета его «роковой страсти» – Исаевой, отъехавшей в Кузнецк. Интересно, что протеже Марьи Дмитриевны позднее «не раз служила причиной ревности и раздора» между супругами.

С другой претенденткой на сердце рядового 7-го Сибирского линейного батальона дело обстоит сложнее. Известия об ее отношениях с Достоевским дошли до нас не совсем обычным путем.

В 1909 г. сибирский литератор Н.В. Феоктистов знакомится в Семипалатинске с местной уроженкой, 72-летней Елизаветой Михайловной Неворотовой. То, о чем было поведано ему новой знакомой, он предал огласке только после ее смерти, в 1928-м, в журнале «Сибирские огни»¹⁴⁵.

¹⁴¹ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 353–354.

¹⁴² Здесь и далее о ней по кн.: Врангель. С. 47, 81–84.

¹⁴³ Там же. С. 44.

¹⁴⁴ Герасимов Б.Г. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске // Сибирские огни. 1924. № 4. Цит. по: Достоевский в забытых. С. 148. См. также: Достоевский в забытых. С. 78.

¹⁴⁵ Феоктистов Н.В. Пропавшие письма Ф.М. Достоевского // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 119–125; То же // Достоевский в забытых. С. 80–88; Достоевский и Омск. С. 58–65.

Семнадцатилетнюю Неворотову Достоевский впервые увидел на семипалатинском базаре, где она продавала хлеб с лотка. Очевидно, это случилось в первые дни пребывания на новом месте службы. Девушка была хороша собой, и «неудивительно, – пишет Феоктистов, несколько путаясь в стиле, – что Достоевский заметил ее и подошел к ней ближе, чем он обычно подходил к людям»¹⁴⁶. Было бы удивительно, если бы он к ней не подошел.

Прекрасная калачница, ничуть не похожая на тех «лиц совмещенных профессий», которых он наблюдал в остроге, тем не менее тоже была, как выразился бы один его персонаж, – «из простых-с». Достоевский писал к ней письма: их было не менее восемнадцати (одно в стихах!). Неворотова хранила их всю жизнь. Она категорически отказывалась – даже за немалую для нее сумму в 500 рублей – предоставить их для печати. В мире литературном об этих письмах не ведал практически никто. Феоктистову, который добивался этой чести не один месяц, было дозволено лишь подержать в руках «довольно объемистую серую стопку исписанной бумаги». На первом листе он успел прочитать: «Милая Лизанька. Вчера я хотел увидеть Вас...» – фраза, чем-то напоминающая начало «Бедных людей»: «Бесценная моя Варвара Алексеевна! Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив!»

Был ли счастлив Достоевский?

Неворотова говорила Феоктистову, что Достоевский ее любил. Во всяком случае, кроме «Лизаньки» одной только женщине он посвящал стихи, а именно – вдовствующей императрице. Но там были свои резоны. Автор статьи в «Сибирских огнях» не сомневается, что и Елизавета Михайловна «глубоко любила Достоевского». Верная своему чувству, она не вышла замуж и навсегда осталась старой девой.

«Одинокая девственница», как именует Неворотову одна из ее племянниц, была сиротой. У нее на руках остались малые братья и сестры: поднять их она почитала своей обязанностью и долгом. Та же племянница (Н.Г. Никитина, в 1927 г. пославшая свои заметки Феоктистову) уверяет, что в ответ на «полудетский лепет малограмотной женщины» Достоевский «иногда писал ей комплименты», но главным образом «тоном старшего» давал советы и наставления и **«подкреплял ее в борьбе»**. Есть подозрение – и весьма основательное – что Никитина, несмотря на ее уверения в противном, самих писем никогда не читала: она говорит исключительно с теткиных слов.

Сравнительно недавно было обнародовано еще одно свидетельство, относящееся также к 1927 г. и принадлежащее семипалатинской жительнице, некой Губенко, к которой после смерти Е.М. Неворотовой письма перешли «по родовой линии». Письма эти, как говорит Губенко, лично ею «хранились в отдельном портфеле и изредка прочитывались»¹⁴⁷.

Но куда же они исчезли?

Осенью 1919 г. в Семипалатинск входят красные – сформированная М.Н. Тухачевским 13-я Сибирская кавалерийская дивизия. В доме Никитиных, где при белых помещался штаб, учиняется обыск. Вместе с прочими бумагами изымаются и письма Достоевского. Уверения владельцев, что обнаруженные документы не имеют никакого отношения к политике, а принадлежат перу автора «Записок из Мертвого дома», не производят на обыскивающих ни малейшего впечатления. Дальнейшая судьба писем неизвестна.

¹⁴⁶ Достоевский в забытых. С. 82.

¹⁴⁷ Здесь и далее слова Губенко цит. по: Достоевский и Омск. С. 62–64.

О чем же сообщает Губенко – судя по всему, **единственная** читательница этой переписки? Ее информация, доверенная тому же Феоктистову, весьма отличается от тех сведений, которые он счел нужным предать огласке.

Заметим: в своих письмах, касающихся М.Д. Исаевой, Достоевский неоднократно повторяет: «я честный человек». Он желает созидать свои отношения с будущей женой именно на этом фундаменте. Но, как выясняется, с «Лизанькой» он ведет себя точно таким же образом. Губенко излагает содержание писем: «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал ее руки, предлагая свою жизнь в помощь воспитания ее малолетних сестер».

Этот факт поразителен. Тридцатитрехлетний, все еще отбывающий наказание и лишенный гражданских прав рядовой, вчерашний каторжник без каких-либо видов на будущее – готов связать свою жизнь с юной девушкой из совершенно чуждой ему социальной и культурной среды. Трудно, почти невозможно представить этот гипотетический брак. Тем не менее, вопрос был поставлен.

«...Во всех письмах Достоевского, – пишет Губенко, – было выражено чувство не как только к женщине, а как к человеку, в котором он искал найти не только женщину, а друга». Годилась ли Неворотова на эту роль? В момент знакомства оба они как бы уравниены силою обстоятельств. Но обстоятельства рано или поздно должны были измениться.

Елизавета Михайловна Неворотова говорила Губенко, что не могла устроить своего счастья, поскольку ей нужно было воспитывать сестер. Но ведь Достоевский как раз и хотел спешествовать осуществлению этой задачи. Он не просто ищет ее руки. Он предлагает **помощь**: больше ему нечего предложить.

Мог ли еще не прощенный, отбывающий приговор политический преступник рассчитывать на то, что ему будет разрешено вступить в законный брак? Конечно, надежды возлагались на будущее. Но когда это будущее наступило, его сердце уже было занято.

«...Лучше бы никогда не любить»

О Марье Дмитриевне, как уже говорилось, известно сравнительно мало. Нет главного источника – ее собственных текстов. До нас не дошло **ни одного** ее послания к Достоевскому; вообще, неизвестна ее переписка – за исключением единственного краткого послания к сестре. Из многочисленных писем Достоевского к ней уцелело только одно. Между тем он писал ей в Кузнецк едва ли не с каждой почтой.

Куда исчезла эпистолярная? Сколь это ни прискорбно, приходится допустить, что хранительная рука Анны Григорьевны, ревностно оберегавшей мужнин архив, в этом случае дрогнула. Или, если угодно, стала еще более **ревностной**¹⁴⁸. Подлинные свидетельства другой любви и другого брака, как бы они ни были драгоценны для биографа, непереносимы для женщины любящей. Эти **профессии** не должны совпадать. Всегда есть опасность, что «вечно женственное» возобладает над скупым историческим долгом.

Очевидно, Анне Григорьевне было не слишком приятно читать появившиеся в 1912 г. воспоминания 79-летнего А.Е. Врангеля, весьма расположенного к первой жене своего семипалатинского друга. Мужской взгляд мемуариста не обнаруживает в Марье Дмитриевне серьезных изъянов: «довольно красивая блондинка среднего роста, очень худоща-

¹⁴⁸ См. также на с. 453 о происшествии в Старой Руссе весной 1892 г.

вая, натура страстная и экзальтированная». Благосклонен автор и к духовному облику героини: «начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна». Все это, несомненно, выделяло Марью Дмитриевну – полуфранцуженку, для которой язык светского общества был родным, – из среды провинциальных семипалатинских дам. Ее поклонник, в молодости свалившийся в обморок при виде светской красавицы (в старости в обморок будут падать перед ним и – преимущественно мужчины), и сейчас еще непривычен к дамскому обществу. Первый серьезный опыт – это Семипалатинск. Он встречается женщину умную, отзывчивую и, главное, близкого ему культурного круга. Если даже она не читала его ранние вещи, то по меньшей мере должна была слышать его имя. Семипалатинск, конечно, ссыльными не удивишь. Но бывшие петербургские литераторы, чья вина в отличие от явных мятежников не очень-то и понятна, попадают здесь нечасто. Автору «Бедных людей» не было надобности изображать из себя Грушницкого. Независимо от его прошлого его личность не могла не производить впечатления. Формально принадлежа к разряду нижних чинов, он принят не только в доме своего батальонного командира подполковника Белихова, но и в других весьма приличных домах. (Однажды, правда, ему, бывшему в гостях – в своем неизменном солдатском мундире, – в прихожей подставит плечи посчитавший его денщиком незнакомый офицер: Достоевский ловко снимет с него шинель, после чего оба чинно прошествуют в гостиную. Эпизод, напоминающий сцену из «Идиота», когда князь Мышкин, будучи у Иволгиных, подхватывает шубу Настасьи Филипповны, принявшей его за лакея¹⁴⁹.)

Именно в гостях у Белихова Достоевский и был **замечен**.

Муж Марьи Дмитриевны А.И. Исаев – а в браке они состоят около восьми лет, – моложе Достоевского на год. Их сыну Павлу исполнилось шесть. Исаев служит по таможенной части и – сильно пьет. Достоевскому жаль Исаева. Но кто тогда в Семипалатинске не пил?

Все знавшие Достоевского утверждают, что он был вполне равнодушен к спиртному и лишь изредка позволял себе рюмку-другую. Нет указаний, что он когда-либо отступал от этого правила. Тем удивительнее сообщение Губенко, основанное, по ее словам, на письмах Достоевского к Е.М. Неворотовой и рассказах последней, будто ее корреспондент «был склонен к употреблению спиртных напитков», сознавая при этом их пагубное действие, и что, по его мнению, согласие Неворотовой на их брак «кроме удовлетворения его чувственных качеств, спасает его и от алкоголя».

Либо Губенко все-таки не совсем точна, либо действительно в первые месяцы свободы Достоевский позволил себе поддаться национальной привычке. Во всяком случае, подобный период, если только он имел место, длился очень недолго. В 1856 г., излагая в одном из писем свои крайне грустные обстоятельства, он восклицает: «Хоть вино начать пить!»¹⁵⁰: сам тон демонстрирует зыбкость намерения. Трудно не согласиться с мнением, что, знаясь с Марьей Дмитриевной, он понимал, что потеряет любимую женщину, если будет демонстрировать тот же порок, какой вскоре сведет в могилу ее несчастного мужа.

Говоря о первой любви своего отца, Любовь Федоровна объясняет эту запоздалую страсть его медленным физическим созреванием. Оно, как не без некоторой наивности полагает мемуаристка, завершается у **северных** русских мужчин не ранее 25 лет. Поэтому телесно-нравственное развитие юного Достоевского «было подобно развитию гимна-

¹⁴⁹ Достоевский в забытых. С. 79.

¹⁵⁰ ПСС. Т. 28, С. 240. Письмо А.Е. Врангелю от 21 июля 1856 г.

зиста», который восхищается женщинами на почтительном расстоянии, испытывая при этом страх и как бы не нуждаясь в сближении. «Период страстей, – докторально замечает Любовь Федоровна, – начинается у моего отца только после каторги, и тогда он уже не падает больше в обморок»¹⁵¹.

Да, **публично** таких казусов с ним больше не происходит. Но его состояние после разлуки с Исаевой близко к безумию.

«Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок (упал-таки! – И.В.) и проплакал всю ночь... Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить»¹⁵².

Любила ли его Марья Дмитриевна?

Сам он в этом не сомневается. «Я знаю, что она меня любит», – напишет он Врангелю в марте 1856 г.¹⁵³ И, адресуясь к тому же корреспонденту, повторит через девять лет, когда все уже будет кончено: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо».

Любопытно, что все это сообщается человеку, который был ближайшим свидетелем их романа (его начала) и, конечно, мог иметь о нем собственное мнение.

«В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, – пишет Врангель об отношении к нему будущей жены, – приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека». Мемуарист полагает, что это чувство сострадания Достоевский «принял за взаимную любовь».

Однако и сам Достоевский в своем единственном сохранившемся письме к Исаевой от 4 июня 1855 г. подчеркивает именно это обстоятельство: «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни». Он именует ее родной сестрой и всячески восхваляет ее высокие качества («удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты» и т.д.). Не следует удивляться тому, что интимный мотив старательно приглушен в этом дышащем сдерживаемой страстью послании. Достоевский адресует к замужней даме, чей супруг является потенциальным и, как ни странно, доброжелательным читателем их переписки. Поэтому автор письма старается соблюсти верную тональность. «Я не мог не привязаться к Вашему дому...»: как раз **дом** интересует его в последнюю очередь.

Врангель замечает, что Марья Дмитриевна «возможно» тоже привязалась к Достоевскому, – но, решительно добавляет он, «влюблена в него ничуть не была».

Некоторые признаки указывают, однако, что высокая степень близости между будущими супругами была достигнута еще до отъезда Марьи Дмитриевны в мае 1855 г. в Кузнецк, куда получил назначение А.И. Исаев.

Описывая «сцену разлуки» («Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок»), Врангель скромно добавляет, что «желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной» он, Врангель, «здорово накатал шампанским ее муженька». После чего перетащил в свой экипаж, где Исаев «скоро и заснул как убитый»; Достоевский в свою очередь перебрался к отъезжающей¹⁵⁴. Чем не сюжет для куртуазного, с переодеваниями, романа?

¹⁵¹ Достоевский в изображении дочери. С. 50.

¹⁵² ПСС. Т. 28, С. 212. Письмо А.Е. Врангелю от 23 марта 1856 г.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 357.

«Еheu» – отметит он вынужденную разлуку.

Через десять месяцев, мучимый ревностью, он напишет Врангелю: «О друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать. Ведь я на нее имею *права*, слышите, *права!*»¹⁵⁵ Конечно, источники этих прав могут быть весьма широкого, в том числе чисто морального свойства. Однако недаром Достоевский подчеркивает ключевые слова – в письме к чело- веку, который знал все. Но ревность его относится уже не к мужу.

Александр Исаев скончается через два месяца после переезда в Кузнецк, в возрасте тридцати трех лет. Достоевский будет искренне сожалеть о его печальной судьбе («Еheu»). При этом он не может не понимать, что эта смерть способна коренным образом изменить его жизнь.

«Предусмотрительно она уже подыскивала себе второго супруга, – уличает Любовь Федоровна еще не овдовевшую М.Д. Исаеву. – Достоевский казался ей лучшей партией в городе: он был очень одаренным писателем, у него была в Москве богатая тетка, посылав- шая ему теперь все чаще деньги»¹⁵⁶.

Трудно сказать, чего в этих утверждениях больше – наивности или неправды. Одарен- ность Достоевского в забытом Богом Семипалатинске мало кого волновала. Тем более что у него пока нет позволения печататься. Что касается «богатой тетки», то Куманины если и помогают, то в очень скромных размерах (крупную сумму они пожертвуют только на свадьбу). Несмотря на материальную поддержку старшего брата – тоже довольно уме- ренную – Достоевский испытывает хроническое безденежье. Он даже занимает деньги у Врангеля – чтобы послать их в Кузнецк оставшейся после смерти мужа без каких-либо средств Марье Дмитриевне.

И, наконец, самое главное. «Выгодный жених» все еще остается ссыльным солдатом, изгоем, лишенным дворянства. Будущее его более чем неопределенно. Конечно, смерть императора Николая Павловича, случившаяся в феврале 1855 г., в самый разгар как Крым- ской войны, так и семипалатинского романа, дает основание для надежды. Недаром с та- кой жадностью ловит он слухи, связанные с заключением мира и предстоящей коронаци- ей – то есть событиями, влекущими обычные в таких случаях высочайшие милости. Не без лирической натуры он сочиняет стихи (о них говорилось выше), предназначенные вдовст- вующей императрице. Он прекрасно сознает свое положение. «Ведь не за солдата же вый- ти ей», – пишет он Врангелю¹⁵⁷: речь идет о намерении кузнецкой подруги вступить в но- вый брак.

Именно последнее известие повергает Достоевского в состояние шока – с обморо- ком, рыданиями, с отчаянием («Еheu»). Сообщая эти подробности, он употребляет 62 вос- клицательных и 31 вопросительный знак: такой взрыв эмоций – редкость даже для него. Правда, Марья Дмитриевна лишь туманно предположила, что может найтись человек «по- жилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный»¹⁵⁸. И что ежели таковой человек найдется, ей будет безразлично мнение на этот счет Достоевского, которого она, меж- ду тем, искренне любит. Но пока вопрошаемый впадает в иступление от этой дружеской просьбы (впрочем, в глубине души сознавая ее условность: «не верю я в жениха кузнецко- го!»), в Кузнецке нарисовался реальный соперник: бедный, но молодой.

¹⁵⁵ ПСС. Т. 28, С. 213. Письмо А.Е. Врангелю от 23 марта 1856 г.

¹⁵⁶ Достоевский в изображении дочери. С. 77.

¹⁵⁷ ПСС. Т. 28, С. 212.

¹⁵⁸ Там же.

Счастливчик Вергунов

24-летний учитель Николай Борисович Вергунов моложе Исаевой на восемь лет (впрочем, благодаря невинным хитростям последней он полагает, что – на пять). Они сходятся на **педагогической** почве: он учит ее сына Пашу, она дает ему уроки французского. Их связь, насколько можно судить, исполнена страсти. Возможно, в посланиях из Кузнецка осторожно намекалось на этот роман. Недаром их семипалатинский адресат признается: «...Я ревную ее ко всякому имени, которое упомянет она в своем письме»¹⁵⁹. Но как бы то ни было, Достоевского, совершившего в июне 1856 г. отчаянный (не санкционированный начальством) вояж в Кузнецк, ожидает страшный удар. Об этом он повествует в совершенно шиллеровских тонах: «Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого»¹⁶⁰. Он не подозревает, что очень похожая сцена с пугающей неизбежностью повторится через семь лет, когда, **на крыльях любви** примчавшись в Париж, он услышит из уст Аполлинарии Сусловой – правда, уже без слез и целования рук – ужасную весть, что он опоздал.

Можно представить, сколь титаническими были предпринятые им усилия, если после двух дней его пребывания в Кузнецке «ее сердце опять обратилось» к нему. В ход, очевидно, было пущено все – от грозных пророчеств о подстерегающей безрассудных любовников нищете (как будто у него самого положение было прочнее!) до возможных, предвидимых в будущем оскорблений со стороны молодого супруга – вроде того, что стареющая жена возжелала «сладострастно заесть» чужую еще не отцветшую юность.

Достоевский возвращается в Семипалатинск «с *полной надеждой*».

Отсутствующий, однако, всегда неправ. Сердце Марьи Дмитриевны качнулось обратно – в сторону Вергунова, который поначалу согласился было с доводами семипалатинского визитера и уже готов был уступить поле боя. «С ним я сошелся, – говорит о сопернике Достоевский, – он плакал у меня, но он только и умеет плакать!»¹⁶¹

В историко-биографической литературе давно утвердилась манера трактовать молодого возлюбленного Исаевой как совершенно бесцветное существо, одолеть которое будущему автору «Преступления и наказания» не составляло большого труда. Как бы само собой разумеется, что кроме физических достоинств (которые определяются в основном словом «красавец», прилагаяемым к герою никогда не видевшей его Любовью Федоровной) Вергунову якобы нечего противопоставить победительному обаянию Достоевского. Однако обнародованные сравнительно недавно архивные документы способны сильно поколебать эту успокоительную концепцию.

Во-первых, выясняется: скромный уездный учитель не столь уж безлик. Он дерзко вступает в заведомо безнадежный спор с непосредственным начальством – смотрителем местных училищ, стремясь прежде всего отстоять свое человеческое достоинство. (Правда, этот конфликт случится лишь в 1863 г., но надо полагать, что предшествующие семь лет не слишком изменят стиль поведения и личность Николая Борисовича.) На упреки куратора в невыполнении им, Вергуновым, педагогического долга он не без некоторого высокомерия отвечает, что «десятилетняя служба моя и формулярный список, которыми я постоянно аттестован “способен и достоин”, могут вывести Вас из того заблуждения,

¹⁵⁹ ЛСС. Т. 28, С. 231. Письмо А. Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г.

¹⁶⁰ Там же. С. 235. Письмо от 14 июля 1856 г.

¹⁶¹ Там же. С. 236.

в которое Вы впали, вероятно, в запальчивости...» Претензии зрителя училищ Вергунов почитает «уже не за личное оскорбление, а официальное...» Он указывает вышестоящему чиновнику, что «Законами Российской Империи начальствующим лицам не дано право, право оскорблять подчиненных, в какой бы зависимости они не были...» Разумеется, подобный тон, равно как и «система доказательств», не могли вызвать у адресата, от которого не в последнюю очередь зависела карьера Вергунова, особых к нему симпатий.

В общем, въедливый Николай Борисович – а ему в ту позднюю пору исполнится уже тридцать один, – заражен несвойственной его чину и возрасту амбициозностью. Отвергая еще одно обвинение – в невежливости, он наставительно указывает зрителю училищ, что «даже в простом быту, а не только в обществах образованных, входящий в частный дом или общественное заведение, какого рода оно бы не было, обязан предварительно поклониться и тем, в первом случае, – оказать привет хозяину, а во-вторых, – обществу, с которым желает провести время». Но увы! Посетивший его в училище адресат этих обвинений не счел нужным руководствоваться такими простыми и очевидными правилами. «Вы, к сожалению, этих условий не соблюли, а снявши галоши и шинель, едва-едва поклонились учащимся, а не только мне – меня вы и не заметили. Следовательно, с моей стороны не было ничего ни неприличного, ни невежливого»¹⁶².

Это – характер. Можно аттестовать его как заносчивый и занудный, а можно – как весьма и весьма уязвимый. Во всяком случае, тут вопиет самолюбие. Не схожа ли в чем-то эта административная полемика с давней почтовой дуэлью – между молодым Достоевским и его опекуном П.А. Карепиным (№ 358), когда для одного из корреспондентов важен не столько практический результат, сколько нравственная победа?

Итак, Вергунов умел не только «плакать». И его «ругательное» (не дошедшее до нас) письмо к Достоевскому, у которого он при личной их встрече «сам просил... и дружбы и братства» (опять сугубо шиллеровский мотив!), – более адекватный ответ на призывы одуматься и не обрекать Марию Дмитриевну на «вечный Кузнецк», нежели рыдания на груди увещателя. Реакция Вергунова, который, очевидно, как и в будущем своем конфликте со зрителем училищ, примет внушаемые ему советы «за личность и за оскорбление»¹⁶³, – отнюдь не признак «дурного сердца», что было предположено Достоевским. Скорее, это естественная самозащита.

Конечно, автор «Белых ночей», как и годы спустя в случае с «победившим» его любовником Сусловой Сальвадором, мог тешить себя мыслью, что Вергунов – «не Лермонтов». Но – это было утешением слабым.

Счастье ускользает из рук – и Достоевский меняет тактику. К изумлению (как можно предположить) обладающего связями Врангеля он просит барона походатайствовать перед высшим начальством за своего молодого соперника («хвалите его на чем свет стоит») – приискать Вергунову приличное место и приличное жалование. «Это все для нее, для нее одной. Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!»¹⁶⁴

Эти заботы принято квалифицировать как порыв чистейшего альтруизма – стремление к тому, чтобы даже в ненавистном для просителя браке любимая женщина не испытывала тяготы и нужды. И, конечно же, приходит на ум благородный Иван Петрович из «Унижен-

¹⁶² Загадки провинции. С. 35–41.

¹⁶³ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 236. Письмо А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.

¹⁶⁴ Там же.

ных и оскорбленных», усердно хлопочущий о счастье любимой им Наташи с молодым князем Валковским.

Все это так. Нет никаких оснований сомневаться ни в искренности Достоевского, ни в чистоте его помыслов. И все же, устраивая судьбу Вергунова, он в глубине души не мог не сознавать, что его благодеяния будут расценены именно как **его** благодеяния. Что они – зримые доказательства его могущества и способности влиять на людские судьбы. Ему, а не Вергунову будет обязана избавлением от нищеты Марья Дмитриевна – и кто знает, не переменятся ли в этой связи ее матримониальные планы.

До нас, как уже говорилось, не дошла интенсивнейшая переписка между Семипалатинском и Кузнецком лета-осени 1856 г. Отсутствуют также косвенные сведения, которые обычно можно извлечь из писем Достоевского к Врангелю: в их эпистолярии случился некоторый перерыв. Но можно сказать, что вплоть до конца ноября брачная перспектива для Семипалатинска не просматривается. «...Есть ли надежда, нет ли, мне все равно, – пишет Достоевский. – Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь»¹⁶⁵. Но преданность, упорство, настойчивость и усиливаемая расстоянием страсть приносят свои плоды. Речь о Вергунове как муже уже не идет. И подоспевшее наконец производство в первый офицерский чин окончательно склоняет чашу весов в пользу новоиспеченного прапорщика.

«Чего доброго, – говаривал он в молодости, – женят меня еще на какой-нибудь француженке, и тогда придется проститься навсегда с русскою литературой!»¹⁶⁶ Женитьба на **полу**француженке оставляла родной словесности какой-то шанс.

Следовало еще объясниться с братом.

«Решенье мое неизменно...»

Впервые о существовании **невесты** Михаил Михайлович узнает из письма Достоевского от 13–18 января 1856 г. Иными словами, почти полтора года, пока длился роман, брат ни о чем таком не догадывался. Он осведомляется об Исаевой одновременно с твердо заявленным намерением младшего брата вступить в брак.

Как и следовало ожидать, Михаила Михайловича не приводят в восторг эти сибирские грезы. «Не скрою от тебя, друг мой, что твое желание сильно меня испугало», – пишет он Федору Михайловичу, хотя и добившемуся микроскопического продвижения по службе, но все еще лишенному гражданских прав. Он понимает, что унтер-офицеру самому не поднять семьи и предвидимые тяготы будут возложены на его, Михаила Михайловича, братские плечи. Разумеется, в своем письме он находит другие, однако не менее впечатляющие аргументы. «Я боюсь за тот путь, на который ты вступаешь, путь самых мелких прозаических забот, грошевых треволнений, одним словом за эту мелкую монету жизни, на которую ты разменяешь свои червонцы. Выдержишь ли ты все это? Не упадешь ли ты духом?» Брат умоляет брата одуматься и не жениться – «до тех пор, пока не устроятся твои обстоятельства»¹⁶⁷.

Еще не дождавшись реакции корреспондента, Достоевский настоятельно просит его озаботиться тем, чтобы в случае поступления малолетнего Паши Исаева в Павловский

¹⁶⁵ ПСС. Т. 28, С. 237. Письмо А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.

¹⁶⁶ Приводится по: Ризенкампп А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // *Литературное наследство*. Т. 86. С. 330.

¹⁶⁷ Письма. Т. 1. С. 529.

корпус (намерение не осуществилось) мальчик был бы забираем по воскресеньям в семейство брата, дабы это общение благотворным образом сказывалось на нравственности ребенка. «Не объел же бы тебя бедненький сиротка. А за сиротку тебе Бог еще больше подаст», – вдохновляет он своего адресата¹⁶⁸.

Но это еще не все. Брат Федор с горячностью призывает брата Мишу написать незнакомой тому Марье Дмитриевне теплое задушевное письмо – с изъяснением благодарности за ее внимание к «бедному изгнаннику» и с готовностью в свою очередь «облегчить одиночество» ее ребенку, буде таковой окажется в Петербурге. Он простирает свое попечительство до того, что легким пером набрасывает подробный конспект (своего рода «рыбу») этого почти что родственного послания, после чего великодушно доверяет брату «покороче и получше» составить окончательный текст.

Отговаривая брата Федора от женитьбы, Михаил Михайлович прибегает еще к одному неотразимому, как ему кажется, аргументу: «...Тебе 35 лет, но этого-то я и боюсь, мой бесценный. В эти годы уже нет той энергии. Тело просит покоя и удобств»¹⁶⁹.

Достоевский хорошо запомнит это братское назидание. (Интересно, что говорилось бы Михаилом Михайловичем через одиннадцать лет – доживи он до новой свадьбы своего корреспондента!) Спустя полгода, сообщая ему о предстоящей женитьбе («не пробуй меня отговаривать... Решение мое *неизменимо*»), Достоевский добавляет: «Я уверен, ты скажешь, что в 36 лет тело просит уже покоя, а тяжело навязывать себе обузу. На это я ничего отвечать не буду»¹⁷⁰. Надо думать, сей реприманд навсегда отвратил тонко чувствующего Михаила Михайловича от дачи подобных советов.

Позднее старший будет исправно выполнять семейственные поручения младшего брата, как-то: приискание шляпки для Марьи Дмитриевны, пока супруги ждут в Твери разрешения на въезд в Петербург (куда, кстати, таганрогская уроженка въезжает впервые). «Шляпка должна быть серенькая или сиреневая, безо всяких украшений и цац, без цветов, одним словом, как можно проще, дешевле и изящнее (отнюдь не белая) – *расхожая в полном смысле слова*». При этом строго указывается, что ленты необходимы исключительно «с продольными мелкими полосками серенькими и беленькими»¹⁷¹.

Вспоминал ли автор, сочиняя свою *инструкцию*, скромную Вареньку Доброселову, перед свадьбой требующую от бедного Макара Девушкина позаботиться о «фальбале»: «Да еще: буквы для вензелей на платках вышивать тамбуром; слышите ли? тамбуром, а не гладью. Смотрите же не забудьте, что тамбуром!»

Но обратная к письму брату Михаилу от 22 декабря 1856 г., где содержится известие о женитьбе.

Свое письмо Достоевский пишет в знаменательную для него годовщину. Ровно семь лет назад – 22 декабря 1849 г. – он был выведен на Семеновский плац. И именно в этот день им было написано: «Брат, любезный друг мой! все решено!»¹⁷² Ныне, 22 декабря 1856 г., он мог бы повторить те же самые слова¹⁷³. Или – прибегнуть к цитате, если бы,

¹⁶⁸ ПСС. Т. 28, С. 221–222.

¹⁶⁹ Письма. Т. 1. С. 529.

¹⁷⁰ ПСС. Т. 28, С. 257.

¹⁷¹ Там же. С. 332–333.

¹⁷² Там же. С. 161.

¹⁷³ Удивляет эпистолярная активность Достоевского в эти дни – 21–22 декабря: пространные письма Врангелю, сестре Варваре, брату Михаилу, небольшие – двум неустановленным лицам. Предчувствуя «перемену судьбы», автор как бы подводит итоги.

конечно, этот пушкинский текст был к тому времени обнародован: «Участь моя решена. Я женюсь...»¹⁷⁴

Клеймя ничтожного Вергунова, Любовь Федоровна не упоминает о том, что именно Вергунов был на свадьбе «поручитель по женихе», иными словами – шафер. Так достигает кульминации навязшая в зубах шиллеровская тема. Конечно, в этом трагикомическом надрыве можно при желании усмотреть и « типовые признаки » того, что именуется достоинством. Но куда интересней сокрытый в этом событии смысл. А именно: кузнецкий брак стал возможен благодаря тайному «сговору трех».

21 декабря 1856 г., сообщая Врангелю о свадьбе как о деле решенном, Достоевский пишет: «Она (Марья Дмитриевна. – И.В.) меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом по письмам ее я знал это»¹⁷⁵. Но если так, то тем самым подтверждается наше предположение, что просьбы о содействии Вергунову, изложенные как раз в том самом летнем письме, были, так сказать, средством двойного назначения: призванным, с одной стороны, помочь тому, о ком пекутся, а с другой – обеспечить моральное превосходство просителя.

Теперь, в декабре, Достоевский вновь возвращается к этому же сюжету. «Прошу Вас на коленях», – пишет он Врангелю, употребив наивысшую из находящихся в его распоряжении эпистолярных эмоций. Он вновь ходатайствует за соперника, ибо «теперь он мне дороже брата родного». О «дурном сердце» ныне не поминается вовсе. Напротив: «О Вергунове не грешно просить: *он того стоит*». Стоит сам по себе, независимо от поставленной некогда, а ныне неактуальной цели – осчастливить его будущую супругу.

Что же, однако, такого случилось с названным выше лицом, если оно удостоивается подобных похвал? Достоевский был в Кузнецке в конце ноября. Тогда им и было сделано официальное предложение. И «теперь» Вергунов ему «дороже брата родного».

Нет сомнения: Вергунов **отступился**. И сделал это достаточно благородным образом. Так или иначе, хлопоты за него Достоевского выглядят именно как **отступные**.

«Слишком долго, – замечается о Вергунове, – рассказывать мои отношения к нему»: оговорка многозначительная. Достоевский, впрочем, и не рассказывает. Врангель, на которого возлагаются комиссии относительно Вергунова, не извещается о том, какую роль играл последний при заключении брака. Брату же, с которым автор письма, как правило, откровенен, лишь кратко сообщается, что шаферами были «порядочные довольно люди, простые и добрые»¹⁷⁶.

В «Обыске брачном № 17» кузнецкой Одигитриевской церкви означено, что «все показанное здесь о женихе и невесте справедливо, в том удостоверяют своею подписью как они сами, так и по каждом поручители, с тем, что если что окажется ложным, то подписавшиеся повинны за то суду по правилам церковным и по законам гражданским». Эта хотя и рутинная, но не лишенная остротки формула не смогла оградить документ от вкрадшихся в него, мягко выражаясь, неточностей. Против пункта третьего – «Возраст к супружеству имеют совершенный, и именно жених тридцати четырех лет, невеста двадцати девяти лет, и оба находятся в здравом уме» – нечего возразить кроме, пожалуй, того рассуждения, что невесте, как знаем, все же 32 года. Да и жениху – не 34, а 35. К пункту шестому, конс-

¹⁷⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 580.

¹⁷⁵ ЛСС. Т. 28, с. 252, 254.

¹⁷⁶ Там же. С. 274. Письмо от 9 марта 1857 г.

татирующему – «Как жених, так и невеста родителей в живых не имеют», следовало бы добавить, что у невесты отец, слава Богу, жив: он пребывает в Астрахани и худо-бедно поддерживает дочь материально.

Что касается пункта седьмого – «По троекратному оглашению, сделанному в означенной церкви, препятствий к сему браку никакого никем не объявлено», это сущая правда: о **препятствиях** будет объявлено гораздо позднее¹⁷⁷.

Признание в неверности

Любовь Федоровна заявит на всю Европу: «Ночь накануне свадьбы Мария Дмитриевна провела у своего любовника...»¹⁷⁸ Кто мог, однако, быть источником этой **эксклюзивной** информации, кроме самого Достоевского?

Вообще, хотя воспоминания Любви Федоровны и изобилуют ошибками, **специально** она ничего не придумывает (за исключением разве своих генеалогических гипотез относительно норманно-литовского происхождения предков). Говоря о первой жене Достоевского, она, конечно, транслирует мнение его второй жены и известные этому источнику факты. Что ж, Анна Григорьевна из лучших побуждений иногда **подчищала** биографию мужа. Однако мы не знаем примеров сознательных фальсификаций с ее стороны. Поэтому можно предположить, что в откровениях Л.Ф. Достоевской наличествуют следы некоего устного предания – хотя и искаженного давностью лет, но имеющего внутрисемейные корни.

До самого последнего времени такое допущение с негодованием отвергалось. Как злостный вымысел расценивались утверждения дочери писателя, что его первая жена «тайно под покровом темноты посещала своего красавца-учителя, последовавшего за ней в Семипалатинск»¹⁷⁹. Глухо признавался только тот факт, что Вергунов «приезжал к молодоженам» и что Достоевский «отнесся подозрительно (! – И.В.) к его приезду»¹⁸⁰.

Недавно обнародованные документы позволяют вернуться к этой деликатной материи.

Достоевский венчается с Марьей Дмитриевной 6 февраля 1857 г., и в середине месяца молодые уже покидают Кузнецк. Но едва ли не на следующий день после их отъезда (а точнее, 17 февраля!) затевается дело об официальном перемещении Вергунова в Семипалатинск, где он благополучно и водворяется не позднее лета того же года¹⁸¹.

В этой связи – еще один удивительный факт. Супруги Достоевские проведут в Семипалатинске более двух лет. Но о том лице, которое теперь Достоевскому «дороже брата родного» и которое проживает с его семейством бок о бок, больше не будет сказано ни слова. Ни в переписке самого Достоевского, ни в воспоминаниях тех, кто оказались очевидцами его семипалатинской жизни. Был ли Вергунов вхож к молодоженам, или же ему было отказано от семейного дома, соблюдал ли он дистанцию или только видимость таковой – об этом ничего не известно. Но ведь не сквозь землю же он провалился. В городе с населением в пять тысяч человек разминуться довольно трудно.

¹⁷⁷ См.: Герасимов Б.Г. Материалы к пребыванию Ф.М. Достоевского в Семипалатинске // Сибирская летопись (Иркутск). 1916. № 11–12. С. 567; Бекедин П.В. Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке // Материалы и исследования. Т. 7. С. 232–233.

¹⁷⁸ Достоевский в изображении дочери. С. 79.

¹⁷⁹ Там же. С. 80.

¹⁸⁰ Там же. С. 225; Герасимов Б.Г. Материалы к пребыванию... С. 567–568.

¹⁸¹ Загадки провинции. С. 46–47, 62–63; Материалы и исследования. Т. 7. С. 233.

«Молчание о Вергунове» очень красноречиво.

Нельзя не согласиться, что безоглядный порыв молодого учителя, при первой возможности ринувшегося за уже не принадлежащим ему предметом страсти, не может не вызывать сочувствия и известного уважения. Вергунов выполнил главное условие договора: отказался от притязаний на руку Марьи Дмитриевны. Насчет сердца речь, скорее всего, не шла. Шестьсот верст между Кузнецком и Семипалатинском делали излишним обсуждение темы. Но приезд Вергунова, конечно, менял ситуацию – и не в пользу Достоевского.

Никто и никогда (мы имеем в виду **специалистов**) не принимал всерьез «инсинуации» Любви Федоровны – что якобы летом 1859 г., когда чета Достоевских совершала четырехтысячекилометровое путешествие из Семипалатинска в Тверь, за ними на расстоянии одной почтовой станции неотступно следовал Вергунов (чьего имени, кстати, мемуаристка не знает, обходясь, как сказано, универсальной формулой «красавец-учитель»). Ибо его Марья Дмитриевна «всюду возила с собой, как собачонку». На каждой станции ему оставлялись «написанные второпях любовные записки» с точными инструкциями о маршруте. «Что за удовольствие получала эта белокожая негритянка, – восклицает дочь благородных викингов, – видя по-детски счастливое лицо своего бедного мужа-писателя»¹⁸².

Ни в одном из источников мы не найдем намеков, могущих хотя бы косвенно подтвердить эту в высшей степени **волнительную** историю. Правда, дотошные новокузнецкие разыскатели недавно установили: незадолго до отъезда Достоевских из Семипалатинска в Тверь Вергунов подает рапорт об увольнении его в отпуск в Томск – «на все вакационное время». Неясно, пребывал ли он в июле-августе именно в Томске или проследовал в какие-то другие края¹⁸³. Выходит, что стопроцентного **алиби** у Вергунова все-таки нет.

Но каким образом узнал Достоевский убийственные для него подробности? Любовь Федоровна не оставляет читателя в неведении на этот счет. Она утверждает, что незадолго до смерти Марьи Дмитриевны Вергунов навещал умирающую, которая, снедаемая чахоткой, покинула Петербург и проживала во Владимире и в Москве. («Еще. Отъезд М<аши>» – помечил Достоевский 6 сентября 1860 г.¹⁸⁴) Для этого он специально наведясь «на материк» из Сибири. «Кашляющая и харкающая кровью женщина скоро стала вызывать отвращение у своего молодого любовника», и он покинул ее. Это событие настолько потрясло отчаявшуюся любовницу, что во время одной из семейных сцен она открылась обманутому супругу, «рассказав во всех подробностях историю своей любви к молодому учителю». Мало того, «с утонченной жестокостью» она поведала мужу, как они вместе с соперником «веселились и насмехались» над ним, «призналась, что никогда не любила его и вышла замуж только по расчету»¹⁸⁵.

Запомним, что эти откровения вырвались у Марьи Дмитриевны в момент ссоры, в состоянии сильнейшей экзальтации.

«Бедный отец! – восклицает попечительная дочь. – Сердце его разрывалось, когда он слушал безумную исповедь своей жены».

Осторожное предположение новокузнецких исследователей, что семидневный домашний арест учителя Вергунова в 1864 г., о причинах которого архивные документы умалчивают, был вызван какой-то его самовольной отлучкой – возможно, поездкой к уми-

¹⁸² Достоевский в изображении дочери. С. 82.

¹⁸³ Загадки провинции. С. 68–69.

¹⁸⁴ Цит. по: Материалы и исследования. Т. 5. С. 233.

¹⁸⁵ Достоевский в изображении дочери. С. 83.

рающей Марье Дмитриевне¹⁸⁶, – эта гипотеза, хотя и эффектна, но, увы, малодостоверна. Ибо весьма затруднительно при тогдашних средствах сообщения и ничтожном учительском жаловании осуществить такой отчаянный прыжок – из глубин Западной Сибири в Центральную Россию. А вот то, что во время одной из ссор выведенная из себя больная **открыла глаза** недостойному супругу, – вероятность этого весьма велика.

Но тут возникает вопрос.

Способна ли Марья Дмитриевна, не сумевшая или не захотевшая летом 1856 г. скрыть от потенциального жениха своей новой привязанности, уже после брака долгое время вести столь хитрую и расчетливую игру? Достоевский, конечно, как он сам признавался, был **прост**, однако не до такой же степени.

«Она никогда не имела тайн от меня», – писал он Врангелю еще в период своего жениховства. Привычно добавляя: «О, если б Вы знали, что такое эта женщина!»¹⁸⁷

И – в письме старшему брату сразу же после свадьбы: «Это доброе и нежное создание, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная; прошлая жизнь ее оставила на ее душе болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности; но никогда она не перестает быть доброю и благородною»¹⁸⁸.

Из этих текстов – даже если учесть некоторые преувеличения, извинительные, впрочем, для человека, пребывающего под впечатлением медового месяца, – можно понять, что Марья Дмитриевна скорее непосредственна, нежели скрытна, коварна, зла «и лайя». Ее душевная организация просто не рассчитана на интригу, подобную той, о которой повествует Любовь Федоровна.

До нас дошел только один текст, собственноручно написанный Марьей Дмитриевной. Это несколько строк, обращенных к ее сестре Варваре. (Они приписаны к отправляемому в Астрахань Д.С. Константу, их отцу, почтительно-родственному письму Достоевского.) Новобрачная пишет: «Скажу тебе, Варя, откровенно – если б я не была так счастлива и за себя и за судьбу Паши, то, право, нужно было поссориться с тобою, как с недоброю сестрою, но в счастье мы всё прощаем. Я не только любима и балуема своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, – даже уважаема и его родными. Письма их так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трын-травой. Столько я получила подарков, и все один другого лучше, что теперь будь покойна, придется мало тебя беспокоить своими поручениями»¹⁸⁹.

Приписка М.Д. Достоевской, замечает А.С. Долинин, показывает, «что это была женщина образованная, чувствительная и вполне “ровня” своему знаменитому мужу...»¹⁹⁰ Не возражая в общем против подобной оценки (хотя, признаться, особую образованность здесь усмотреть трудно), добавим, что в настоящем случае был бы уместен, например, когнитивный анализ. Этот небольшой по объему текст позволяет тем не менее разглядеть в авторе натуру непосредственную и в то же время амбициозную. «Сверхзадача» письма – как можно чувствительнее уязвить родную сестру в отместку за ее молчание, невнимание и прочие действительные или мнимые прегрешения. Причем сделать это чисто по-женски, как бы снисходя с высоты собственного благополучия, своего не вызывающего сомнений

¹⁸⁶ *Загадки провинции*. С. 38.

¹⁸⁷ *ПСС*. Т. 28, С. 252

¹⁸⁸ Там же. С. 275

¹⁸⁹ Цит. по: *ПСС*. Т. 28, С. 484.

¹⁹⁰ Цит. по: *Мария Констант*. С. 56.

личного счастья. Марья Дмитриевна, готовая было поссориться с «недоброю сестрой», великодушно прощает ее потому, что в свете нынешнего своего положения она может не замечать холодности сестры. Что значат эти небрежности в сравнении с «умным, добрым, влюбленным в меня» мужем, а тем паче – с уважением его московской и петербургской родни. Их письма «так милы и приветливы» – очевидно, не чета сестринским. Тем более что новые родственники завалили Марью Дмитриевну таким количеством подарков («и все один другого лучше»), что теперь – «будь покойна!» – у нее нет надобности обращаться с подобными просьбами к черстой и неотзывчивой родственнице.

Все это, высказанное, как кажется автору письма, не без тонкого ехидства, на самом деле очень бесхитростно и наивно. Может ли такая женщина длительное время таить свои чувства и вести двойную игру? Кстати, героини, в которых так или иначе отразились черты Марьи Дмитриевны, менее всего способны на перманентный обман.

Теперь допустим, что Марья Дмитриевна действительно сделала мужу свои страшные признания. Но вот она умирает – и обманутый супруг, казалось бы, должен теперь пересмотреть свои «итоговые оценки», с горестью принять то, о чем спустя полвека заявит воспоминательница-дочь: «Эту мегеру он считал любящей и преданной женой!»¹⁹¹

Но – ничуть не бывало. Ровно через год после смерти Марьи Дмитриевны Достоевский напишет Врангелю, что хотя он и знал, что жена умирает, «но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею». Да, он не отрицает, что они были «положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру)», – однако «мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу». Ему ли не знать сближающую силу страдания?

Конечно, исходя из этих глухих намеков, **теоретически** можно предположить: Достоевский знал **все**. И его христианское всепрощение (вариант: писательское всепониимание) простиралось до такой степени, что он жертвовал личным счастьем для блага ближнего, в роли какового в настоящем случае подвизалась его собственная жена. Это допущение ничем не хуже уверений одного из его героев, что он свою супругу любил, но после ее измены стал еще уважать.

Непреложно одно. По завершении этого брака он говорит то же, о чем толковал в самом начале: «Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь». Он не разочаровался в своей избраннице – и никогда не отзывался о ней худо. Во всяком случае, в письменном виде. Но, может быть, с Анной Григорьевной он более откровенен? И может, именно здесь сокрыт источник той информации, которой впоследствии поразит публику добросовестная Любовь Федоровна?

Надо ли ставить памятник бывшим женам?

«Я пробовала расспрашивать его об умершей жене, – сдержанно замечает в своих мемуарах Анна Григорьевна, – но он не любил о ней вспоминать. Любопытно, что и в дальнейшей нашей супружеской жизни Федор Михайлович никогда не говорил о Марии Дмитриевне...»

Это не совсем так.

¹⁹¹ Достоевский в изображении дочери. С. 83.

О том, что автор «Игрока» был женат, Анна Григорьевна узнала еще во время их совместных диктовок в октябре 1866 г. Через год в своем женевском стенографическом дневнике она вспоминает, как Достоевский тогда сказал ей, что его жена «была страшная ревнивица», и продемонстрировал ее портрет. Изображение Анне Григорьевне не понравилось – «какая-то старая, страшная, почти мертвая». Достоевский объяснил, что фотография сделана за год до смерти. Автор дневника добавляет, что первая жена «очень злая была и раздражительная; по его рассказам это видно тоже, хотя он и говорил, что был с нею счастлив».

Итак, речь о Марье Дмитриевне все же заходила – и тогда, в период знакомства, и сейчас, когда заканчивался первый год их супружества. И если Врангелю можно признать, что они с Марьей Дмитриевной были «положительно несчастны вместе», молодой жене знать об этом совершенно необязательно. По **официальной версии** – первый брак удался.

«Сегодня мы говорили о его прежней жизни и Марии Дмитриевне, – понятными только ей стенографическими знаками записывает Анна Григорьевна, – и он толковал, что ей непременно следует поставить памятник». Это намерение не нравится Анне Григорьевне («Не знаю, за что только?» – искренне добавляет она), ибо за **предшественницей** не признается каких-либо особых заслуг¹⁹². Далее следует фраза еще более замечательная: «Федя толковал, что его похоронят в Москве, но так решительно не будет». Та, которой предстоит прожить с Достоевским еще тринадцать лет, точно знает, с кем рядом ему положено лежать. Они должны покоемся вместе. Так оно в конце концов и случится, хотя путь к этому окажется совсем не таким простым, как ей представлялось.

Анна Григорьевна приводит в дневнике одну любопытную подробность. Она говорит, что, касаясь прошлого, муж рассказывал ей «о своих изменах». И в связи с этим осудительно замечает, что если бы он любил первую жену, то не стал бы ей изменять. Иначе «что это за любовь, когда при ней (очевидно, при жене. – *И.В.*) возможно любить и другого человека, да не только одного, а нескольких»¹⁹³. Интересно, что в этом рассуждении об «изменах» употреблено множественное число – вероятно, наряду с А.П. Сусловой могли называться другие, неведомые нам имена. Неудивительно, что когда Достоевский получает за границей письмо от «друга вечного», мучимой ревностью Анна Григорьевна начинает мерещиться, что Суслова самолично явилась в Швейцарию «и вот они оба считают, что могут обманывать меня, как прежде обманывал Марию Дмитриевну»¹⁹⁴. О том, что Марья Дмитриевна могла обманывать Достоевского, Анна Григорьевна не упоминает нигде – ни в дневниках («зашифрованных» так, что можно было не опасаться нескромного взгляда), ни в письмах, ни в каких-либо записях «для себя». Учитывая крайне раздражавшее ее обстоятельство, что свою первую жену Достоевский имел обыкновение ставить в пример (очевидно, в воспитательных целях)¹⁹⁵, она не преминула бы зафиксировать столь впечатляющий **компромат**. Тем более что со временем муж стал с ней вполне откровенен.

¹⁹² *Дневник 1867 г.* С. 275. В одном из черновых набросков к своим воспоминаниям Анна Григорьевна пишет: «Я должна признаться в одном очень дурном чувстве, которое у меня тогда было, именно в ревности к Марии Дмитриевне. Я так любила Ф.М., что мне было обидно подумать о том, что другая женщина когда-нибудь была ему дорога и много значила в его жизни... Это было чисто детское чувство, которое с возрастом исчезло» (С. 439). Следует отдать должное этому позднему признанию.

¹⁹³ Там же. С. 319.

¹⁹⁴ Там же. С. 250–251.

¹⁹⁵ Там же. С. 362.

В своих воспоминаниях Анна Григорьевна останавливается на эпизоде, когда весной 1868 г., после смерти их первого ребенка, трехмесячной Сони, они покинули Женеву и направились в Веве. И тут, на пароходе, впервые за все время их семейной жизни Достоевский возопил. Анна Григорьевна «услышала его горькие жалобы на судьбу, всю жизнь его преследовавшую». Упомянуто было и первое супружество: «Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марьей Дмитриевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марии Дмитриевны он не имел», а из-за ее характера был «очень несчастлив». Среди этих откровений должно было бы непременно присутствовать самое важное – о Вергунове. Но его нет.

Притом что другие подробности Анне Григорьевне были ведомы.

По уверению Любови Федоровны, ее отец «с грустью... повторял позорные слова Марии Дмитриевны: “Ни одна женщина не полюбит бывшего каторжника”»¹⁹⁶. Это – не злостная выдумка мемуаристки. Подтверждение этих слов мы находим в дневниковой записи двадцатилетней Анны Григорьевны: «Ведь вот Мария Дмитриевна ругала его каторжником, подлецом, колодником, и ей все сходило с рук»¹⁹⁷.

Вот он – первоисточник. Хотя дочь и не читала стенографических дневников своей матери, именно у нее она черпает свою информацию. Почему же, повторим еще раз, в записях Анны Григорьевны нет никаких следов другой истории – с красавцем-учителем, столь выигрышной, чтобы унизить **соперницу**?

Но посмотрим внимательнее.

Приведа «цитату» из Марьи Дмитриевны – о том, что нельзя любить бывшего каторжника, Любовь Федоровна комментирует ее следующим образом: «Лишь дочь раба могла следовать этому принципу лакейской души; подобная мысль никогда не зародилась бы в великодушной европейской душе»¹⁹⁸. У самой Анны Григорьевны мы не найдем таких глобальных нравственно-антропологических обобщений. Вполне бесхитростно она приводит следующий диалог. Однажды во время семейной ссоры, отвечая на упрек Достоевского, что его никто не обзывал оскорбительными словами, находчивая Анна Григорьевна вспоминает покойную Марью Дмитриевну. Ибо она «его и каторжником ругала». Что же отвечает Достоевский на этот убедительный довод? Автор дневника аккуратно фиксирует его прямую речь:

« – Ругала она и хуже, но ведь все знают, что она из ума выжила, как говорят в народе, что она было полоумная, а в последний год и совсем ума не было, ведь она и чертей выгоняла, так что с нее спрашивать»¹⁹⁹.

Нелишне еще раз убедиться, сколь многое зависит от контекста. Ругательства Марьи Дмитриевны обретают в свете сказанного Достоевским совсем иной характер, нежели тот, который через десятилетия старается придать им Любовь Федоровна. В ее изложении – это сознательные оскорбления, исходящие от злой и неблагодарной особы, «дочери раба», «лакейской души» и т.д. Но разве так трактует их Достоевский? Он-то как раз находит оправдание своей оскорбительнице – в ее крайне болезненном состоянии, в психической неадекватности и т.д. – «так что с нее спрашивать». То, что у Любови Федоровны выглядит как **криминал**, у Достоевского вызывает только жалость.

¹⁹⁶ Достоевский в изображении дочери. С. 83.

¹⁹⁷ Дневник 1867 г. С. 210.

¹⁹⁸ Достоевский в изображении дочери. С. 83.

¹⁹⁹ Дневник 1867 г. С. 362.

И еще одно важное признание зафиксировано в женевском дневнике. Достоевский говорит, что Марье Дмитриевне «уж года 3 до смерти представлялись разные вещи, виделось то, чего вовсе и не было. Например, представлялся какой-нибудь человек и она уверяла, что такой человек был, между тем, решительно никого не было». Он приводит конкретный образчик ее фантазий: «...Она ужасно не любила свою сестру Варвару (что подтверждается, в частности, проанализированным выше ее письмом к последней. – И.В.), говорила, что она была в связи с ее первым мужем (то есть с А.И. Исаевым! – И.В.), чего вовсе никогда не было»²⁰⁰.

Возможно, именно здесь находится ключ к разгадке.

«Маша лежит на столе»

Известно, что и внешность, и характер Марьи Дмитриевны отразились в образах двух Катерин – жены Мармеладова из «Преступления и наказания» и Катерины Ивановны Верховцевой из «Братьев Карамазовых». Но вот что говорит Достоевский об этом психологическом типе в последней, предсмертной своей тетради: «*Катерина Ивановна. Самосочинение*. Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, *самосочиняется*»²⁰¹.

Если иметь в виду состояние Марьи Дмитриевны в ее последние годы – «фантастичность», ревность, желание отомстить неверному мужу и т.д., и т.п., то вполне закономерен и творимый ею романтический миф: везде и всюду сопровождающий ее и преданный ей любовник. «Вечный Вергунов» – это то оружие, которым можно поразить легкомысленного супруга. Это возможность доказать, что она тоже любима, что ею восхищаются и ей верны. В этом смысле «Вергунов» выполняет функцию «танца с шалью», который Катерина Ивановна («Преступление и наказание») исполняла на выпуске, при губернаторе. Незримый любовник – тоже знак иной, достойной ее и благосклонной к ней жизни. Он – оправдание ее неудачного брака, ее горестей и болезней. Его нельзя выгнать из комнаты, как тех чертей, ибо он – ее последний и, пожалуй, единственный козырь.

«Чахоточную и обвинять нельзя в ее расположении духа», – скажет Достоевский в одном из писем²⁰².

Поведанный некогда Достоевским Анне Григорьевне бред бедной больной, пройдя ряд трансформаций, обретает право на жизнь в мемуарной прозе Любови Федоровны.

Даже если Марья Дмитриевна действительно **призналась** мужу в этой роковой страсти, у него не было оснований менять свое отношение к ней. Он слишком хорошо знал ее «фантастический» характер. Он сохранит в своей памяти и постарается донести до других ее идеальный образ – тот, который привлек его с самого начала и который «в высшем смысле» остался таким навсегда.

Он не оставит ее до последнего дня.

Перевезя жену из Владимира в Москву в ноябре 1863 г., Достоевский почти неотлучно находится при ней. Здесь, в двух шагах от ее постели, пишутся «Записки из подполья». Здесь он постоянно занят делами «Эпохи», издание которой настоятельно требует его присутствия в Петербурге. Но, понимая, что у жены нет шансов, Достоевский жертвует всем остальным.

²⁰⁰ Дневник 1867 г. С. 286, 287.

²⁰¹ ПСС. Т. 27. С. 59.

²⁰² Там же. Т. 28₂. С. 73. Письмо М.М. Достоевскому от 26 марта 1864 г.

А.Н. Майков, посетивший Достоевского в Москве в январе 1864 г., пишет своей супруге: «Марья Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице. Очень, очень мне обрадовалась, о тебе расспрашивала, но кашель обуздывал ее болтливость. Федор Михайлович все ее тешит разными вздориками, портмонеичиками, шкатулочками и т.п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картины вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей»²⁰³. Достоевский «тешит» безнадежно больную: последнее, что он может для нее сделать. Но и она в свою последнюю минуту не забывает о нем.

Анна Григорьевна излагает в дневнике рассказ мужа – как он в день смерти первой жены «все сидел у нее», отлучился на минуту к Ивановым (семейство сестры проживало рядом), и, когда вернулся, все было кончено. «Перед смертью она причастилась, спросила, подали ли Федору Михайловичу кушать и доволен ли он был, потом упала на постель и умерла». Женщина, чествившая его каторжником и другими обидными словами и признававшаяся в ужасных изменах, в смертный свой час, приобщившись святых тайн, не забывает осведомиться о том, пообедал ли он и, главное, остался ли доволен обедом. Его земное благополучие занимает ее не менее, чем спасение собственной души.

«Жена умирает, буквально, – пишет Достоевский брату 2 апреля 1864 г. – Каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне, потому что...»²⁰⁴ Он обрывает фразу, ибо не может, да, наверно, и не хочет высказать на бумаге то, о чем думает постоянно. Его не оставляет чувство вины. Оно движет его пером, когда 16 апреля 1864 г., на следующий день после ее кончины, он заносит в свою записную тетрадь:

«Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?

Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. <...> Итак, человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил любовью в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом»²⁰⁵.

«Христианский идеал» противоположен человеческой натуре. Но во что превратился бы человек, если бы он следовал исключительно велениям этой самой природы (то есть тому, на что ориентированы, скажем, современное массовое сознание и массовая культура)? Вербально смысл такого превращения сформулирован героем той повести, которую Достоевский пишет в эти не лучшие для себя дни: «Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить».

²⁰³ Через месяц с небольшим Достоевский сообщает брату Михаилу Михайловичу о своей болезни – воспалении предстательной железы. Лечащий его А.П. Иванов (зять, № 407, он же лечил и Марью Дмитриевну) утверждает, что «болезнь серьезная» – больной не может даже сидеть на стуле, и ему прописан постельный режим. «...Все-таки надобно, – пишет Достоевский, – окончательно вылечиться, а не так, как вылезился я в Петербурге» (ЛСС. Т. 28₂. С. 68). Уместно сопоставить это сообщение с несколько ироничной фразой из февральского письма Н.Н. Страхова к брату, где, очевидно, речь идет о том же недомогании: «Ф. Достоевский приехал из Москвы больной <...> – зато лицо его не имеет в себе ничего эпилептического» (Литературное наследство. Т. 86. С. 394). Купюра, которую сделали в этом тексте публикаторы письма, имеет, видимо, отношение к названию болезни. (Оригинал письма: ЦНБ АН Украины. III. 19093). Также см. более раннее свидетельство – Токаревский Ш. Сибирское лихолетье / Пер. с польск. М.М. Кушниковой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 188.

²⁰⁴ ЛСС. Т. 28₂. С. 75.

²⁰⁵ Там же. Т. 20. С. 172, 175.

«Возлюбить ближнего» может не каждый. Но следует ли поэтому отказываться от самой мысли? «Основная идея и всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения, например христианство», – записывает он «для себя»²⁰⁶. Он мучительно ощущает этот разрыв. «Я и Маша» – никто из них не осуществил «заповеди Христовой», и тому, кто остался жить, не уйти от чувства страдания и греха.

«Еheu» – ставит он рядом с записью о покойной жене.

И, наконец, хочется сказать об одном поразительном совпадении.

15 апреля 1864 г., за несколько часов до кончины жены, Достоевский пишет старшему брату: «Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить». Проходит семнадцать лет – и 28 января 1881 г., за три часа до собственной смерти, он диктует Анне Григорьевне «бюллетень» – письмо к графине Е.Н. Гейден (где говорит о себе в третьем лице): «26-го числа в легких лопнула артерия и залила наконец легкие. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови с задущением». Достоевский говорит о своих предсмертных страданиях почти теми же словами, что и о предсмертных страданиях жены. «Мы все ждали кончины» – пишет он Михаилу Михайловичу. И – о себе, графине Гейден: «С 1/4 часа Федор Михайлович был в полном убеждении, что умрет...»²⁰⁷ И в том, и в другом случае он оказался прав.

НЕРАВНЫЙ БРАК (АННА ГРИГОРЬЕВНА)

«Этой отваги и верности...»

Дочь Достоевского никогда не упускала случая напомнить о благородном происхождении своих нордических – по материнской линии – предков.

Любовь Федоровна любила повторять, что именно от скандинавов ее мать унаследовала тот дар предвидения, который поражал ее саму и в еще большей степени – знавших ее людей. Но, кажется, в добрачной жизни Анны Григорьевны нельзя обнаружить никаких намеков относительно характера ее будущего супружества. Интеллигентной девушке, ей не приходило на ум разбрасывать обувь в крещенский вечерок или выпытывать у прохожих имя суженого. У нее не было никаких **роковых предчувствий**.

Правда, позже она уверяла, что автор «Неточки Незвановой» (именем Неточка ее шутя называли в детстве), будучи любимым писателем ее отца, привлекал также и ее девические симпатии. Но таким же кумиром мог бы, наверное, оказаться и Тургенев, выйди, положим, она за него замуж. Ничто так не способствует писательским бракам, как женская – сугубо литературная – приязнь.

После смерти имя ее стало именем нарицательным, мировым эвфемизмом, едва ли не брендом – эталоном преданности, образцом служения, символом долга. (В этой связи обычно вспоминают светский, но, кажется, не лишенный скрытой горечи комплимент,

²⁰⁶ ПСС. Т. 24. С. 69.

²⁰⁷ Цит. по: ПСС. Т. 30. С. 242–243.

сказанный ей Толстым, – что «многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них...» и т.д.)

Поэзия, впрочем, как ей и положено, сформулировала проблему наиболее лаконичным образом:

Этой отваги и верности
перевелось ремесло –
больше российской словесности
так никогда не везло.

И впрямь: прецедент, за двумя-тремя исключениями, не вызвал энтузиазма. Между тем «случай Анны Григорьевны» уникален и всеобщ. Уникален – как факт неслыханного **везения**, конгениальности двух ни в чем не схожих натур: шанс, единственный в своем роде²⁰⁸. Всеобщ – как зримое воплощение тех коренных свойств русской женщины, о которых толковал автор Пушкинской речи и которые «вдруг» оказали могущественное воздействие на его собственную судьбу.

Генеалогические корни Анны Григорьевны переплетаются между собой на пути из варяг в греки.

Ее шведские предки, обитавшие среди «финских хладных скал» – точнее, в городе Або, – переместились в Петербург лишь к началу XIX столетия. Мать, Мария-Анна (урожденная Мильтопеус, по переходе вследствие брака из лютеранства в православие – Анна Николаевна Сниткина), родилась в славном 1812-м и была на тринадцать лет моложе своего мужа, которого, прежде чем стать его невестой, легкомысленно именовала «старичком». Она не ведала, что у ее собственной дочери разница лет с супругом окажется вдвое больше.

Отец Анны Григорьевны, Григорий Иванович Сниткин, в молодости завзятый театрал и, как уверяет его внучка, самый привечаемый из платонических воздыхателей прелестной Асенковой, вел свою родословную от казаков, ставших позднее полтавскими помещиками и носивших фамилию Снитко. Малороссы, они обитали в тех местах, где армия Карла XII – в рядах которой вообще-то могли сражаться шведские предки Анны Григорьевны, – нашла свой бесславный конец. (Род Достоевского двигался несколько западнее этих земель, очевидно, тоже зачерпывая из малороссийских истоков.) Хохлацкая и шведская крови смешались. В результате на свет явится та, кому автор «Братьев Карамазовых» посвятит свой «закатный» роман.

На этом, однако, не обрывается цепь «странных сближений». Родившаяся 30 августа 1846 г. (кстати, в год литературного дебюта автора «Бедных людей»), в день памяти святого Александра Невского, в доме, принадлежавшем одноименной лавре, Анна Григорьевна в 1881-м похоронит на Тихвинском кладбище той же лавры своего знаменитого мужа. «...И, если будет угодно судьбе, – напишет она на исходе жизни, – найду и я, рядом с ним, место своего вечного успокоения»²⁰⁹. Исполнение желания отдалится. Гроб с ее телом

²⁰⁸ По свидетельству вдовы Назыма Хикмета, супруг убеждал ее никогда больше не выходить замуж за писателя, ибо не видел в России ни одной счастливой писательской жены: «Русская душа, соединенная с талантом, так же неподъемна, как мешок золота» (Тулякова-Хикмет В. Последний разговор с Назымом // Октябрь. 2007. № 8. С. 133).

²⁰⁹ *Воспоминания*. С. 37.

будет долго стоять непогребенным; ее могилу в чуждой ей стороне осквернят и забросят. И лишь спустя полвека после ее кончины прах обретет взыскуемый ею покой: там, где она и хотела.

И опять повисает неизбежный вопрос: зачем? Зачем беспокоить тени, не предназначенные для академического внимания, ибо обретаются они в донельзя замусоренном пространстве частной жизни? Какое касательство к духовным свершениям творца имеет его вторая половина – существо в лучшем случае **вспомогательное**? Казалось бы, она менее значимая фигура для понимания его жизненного и творческого пути, нежели другие современники – его именитые коллеги, они же – идейные друзья и враги. Жены имеют довольно слабое отношение к **истории текста**, даже им посвященного (взять тех же «Братьев Карамазовых»); в лучшем случае они его переписчики и хранители.

Между тем ни у Пушкина, ни у Толстого (до определенного срока), ни у Достоевского не было рядом никого важнее жены. Это касается всех сторон их существования, всей жизненной сферы. Автор «Войны и мира» говорил, что когда он читает книгу какого-либо писателя, он всегда пытается представить, что это за человек. Кто, однако, мог бы ответить на этот вопрос лучше **вдовы писателя**? Конечно, она никогда не скажет **всей** правды. Зато ту правду, которую знает она, не знает никто.

В своих отношениях – с обществом, приятелями, родственниками, женщинами, издателями, читателями, властью и т.д., и т.п. и даже с Богом – художник волен выбрать тот или иной тип поведения, ту или иную маску, личину, роль. И с большим или меньшим успехом следовать этому выбору. Здесь, сколь бы он ни был искренен, почти неизбежно присутствует момент игры. Это не значит, что подобных моментов начисто лишена семейная жизнь. Разумеется, это не так: вспомним хотя бы «Кроткую», где герой разыгрывает перед юной **избранницей** тщательно продуманный спектакль. Но как раз эта «наивная» героиня прозревает истинную суть своего супруга – причем, кажется, в большей степени, нежели он сам. Перед женой трудно изображать того, кем ты не являешься на самом деле: при условии, конечно, что тебе не подыгрывает сама жена.

Если российской словесности «повезло» с Анной Григорьевной, то самой Анне Григорьевне – в ее посмертном статусе – повезло значительно меньше. Не в том смысле, что кто-либо дерзал оспаривать ее выдающиеся достоинства. Напротив, они всячески превозносились. Но тот панегирический лепет, который имеет свойство заглушать любые обертона, не способствовал постижению тайны: впрочем, ее, быть может, совсем и не обязательно постигать. Стоит, пожалуй, размыслить о другом.

Почему произошло то, что произошло, почему «в беспредельности» сошлись именно они? И какие неведомые силы помогли ей исполнить **долг** до конца? А ему – не сокрушить ее самое, не подавить, как это бывает, талантом и волей, а напротив, уважить личность, характер, ум? Что изменилось в них самих в результате этого неравного брака?

И наконец: какова была ее жизнь после него – то, о чем нам на самом деле почти ничего не известно?

Кроме некоторых специфических, связанных с его работой проблем («кроме» здесь и есть главное) их совместная жизнь – история в общем обыкновенной семьи. Они «притирались» друг к другу так, как это делают тысячи и тысячи пар. Они ссорились и мирились, как большинство из нас. Они боролись с безденежьем и заботились о здоровье детей. Их опыт не может не привлекать – как в силу своей исключительности, так и потому, что он

близок людям вообще, людям как таковым. Их диалог происходит на равных, без скидок на гениальность. Их радости и горести, удачи и беды – не какого-то особого свойства; они в значительной мере присущи всем нам. Правда, не у всех нас наличествует такой муж. И тем более – такая жена.

Знакомство в день казни

Анна Григорьевна впервые увидела Достоевского 4 октября 1866 г. Она явилась к нему для срочной работы: он намеревался менее чем за месяц, к 1 ноября, продиктовать (а ей надлежало стенографически записать) семь печатных листов «Игрока». При нарушении этого срока ему грозила девятилетняя потеря авторских прав на все вновь создаваемые сочинения (права переходили к издателю Стелловскому), разорение и гибель. Работу над публиковавшимся из месяца в месяц в «Русском вестнике» «Преступлением и наказанием» пришлось отложить: в отличие от Стелловского читатель мог подождать.

«Это чрезвычайно угрюмый господин, ужасно мрачный, – остерег свою лучшую ученицу преподаватель стенографии Ольхин, предложивший ей эту первую (и, как выяснилось, последнюю) в ее жизни оплачиваемую работу, – я решительно не знаю, как вы с ним сойдетесь». Дружеское предупреждение не устрало юную стенографку. «...Что мне было за дело до характера человека, я ведь вовсе не для замужества с ним пришла», – воспроизводит она через год, состоя уже законной женой и беременная первым ребенком, свои тогдашние настроения²¹⁰.

Она идет к Достоевскому во всеоружии: по дороге, в Гостином дворе, за один рубль серебром приобретается черный коленкорный зонтик с красивой деревянной ручкой; в лавке на Невском за 60 копеек – портфель, куда аккуратно складываются бумага и карандаши. «...Мне хотелось показать вид порядочности», – признается она: таков ее нехитрый стратегический умысел²¹¹.

В своем дневнике 1867 г., к которому нам придется обращаться еще не раз, по отношению свежим, всего годовой давности следам она восстанавливает подробности первой встречи. Не все из них вошли в ее позднейшие воспоминания, писавшиеся в иную эпоху – иной, куда более искушенной рукой. Так, во дворе дома Алонкина на углу Малой Мещанской и Столярного переулков, где квартировал Достоевский, автором дневника замечены «довольно неприличные хари», а на грязной лестнице «попались несколько человек очень неприличных и 2 или 3 жидов»²¹². Анну Григорьевну, всегда отличавшуюся зоркостью взгляда, смущает **контекст**: известный писатель мог бы, по ее мнению, выбрать и дом, и место почище.

Синяя домашняя куртка, в которой принимает ее Достоевский, определена как довольно засаленная, зато с удовлетворением отмечено, что он был в безукоризненно чистом белье («В этом нужно было ему отдать справедливость, я его никогда не видела ходящим в грязном белье»)²¹³. Но в общем работодатель Анне Григорьевне **не показался**.

«Он мне не понравился и оставил тяжелое впечатление», – лаконически сказано в позднейших воспоминаниях²¹⁴. В раннем же черновом наброске (1883 г.) об этом говорит-

²¹⁰ *Дневник 1867 г.* С. 300–301.

²¹¹ Там же. С. 302.

²¹² Там же. С. 303.

²¹³ Там же. С. 305.

²¹⁴ *Воспоминания.* С. 53.

ся пространнее: «Я должна сделать одно замечание: ни один человек в мире, ни прежде, ни после, не производил на меня такого тяжелого, поистине удручающего впечатления, какое произвел на меня Федор Михайлович в первое наше свидание»²¹⁵. Как выяснится в дальнейшем, никто не производил и более светлого.

Ей почему-то запомнилось, что он проживал в квартире № 13 (по другим источникам – в квартире № 36).

После первого дня ей показалось, что они не сойдутся, что она лишится столь желанной работы и, следственно, платы в 30 рублей, назначенной за ее месячный труд. Правда, в «Воспоминаниях» размер вознаграждения увеличивается до 50 рублей: очевидно, по прошествии лет реальная сумма уже не соответствует значимости момента²¹⁶. Но это – результат концептуального редактирования, когда, в целом не искажая фактов, мемуаристка деликатно подвигает их в сторону, наиболее благоприятную для изображаемого лица.

...В свое время, восстанавливая подлинные обстоятельства этой встречи, мы были поражены одним ускользнувшим от общего внимания совпадением.

4 октября 1866 г., в то утро, когда Анна Григорьевна впервые перешагнула порог квартиры Достоевского, неподалеку, на Смоленском поле, вершилась публичная казнь. На эшафот был возведен проходивший по каракозовскому делу Николай Ишутин (самого Каракозова повесили месяцем раньше). Облаченного в белый балахон, его десять минут продержали с петлей на шее, после чего объявили помилование (то есть приговор к вечной каторге). Таким образом, почти в точности повторился жуткий сценарий 1849 г. Тогда, правда, петрашевцам грозила казнь расстрелянием – трое из смертников были уже привязаны к врытым в землю столбам.

Казнь Ишутина (оставим первое слово без кавычек, ибо, как и автор «Идиота», казнимый тоже пережил свою смерть) состоялась в начале девятого утра. Анна Григорьевна явилась к Достоевскому в половине двенадцатого. Он, очевидно, еще не знает, что Ишутин помилован.

«Он имел разбитый и больной вид», – говорится в «Воспоминаниях»²¹⁷. «Он как бы был уж слишком расстроен и, кажется, даже не мог собраться с мыслями, – записано в дневнике. – Несколько раз он принимался ходить, как бы забыв, что я сижу тут, и, вероятно, о чем-нибудь думал, так что я даже боялась опять ему как-нибудь не помешать»²¹⁸.

Чем же так угнетен хозяин кабинета? Помимо текущих забот (кабальный договор со Стелловским, неоконченное «Преступление и наказание», долги, кредиторы и т.д., и т.п.) его не может не мучить мысль о том, что совершается – или уже совершилось – **там**. Он объявляет несколько обескураженной Анне Григорьевне, что не в силах сейчас диктовать, и переносит диктовку на вечер – на восемь часов: время не самое удобное для визитов, пусть даже и деловых, молодой девушки из хорошей семьи.

Вечером Анна Григорьевна застаёт совсем иную картину. Достоевский, как сейчас бы сказали, расслабился: он заводит с гостьей доверительную беседу. **«Почему-то**, – добав-

²¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 5. Ед. хр. 15. Л. 8 об.

²¹⁶ Учитывая, что из 30 рублей три рубля отдавалось Ольхину как предложившему работу, на долю исполнителя приходилось не более рубля в день. При каждодневных многочасовых диктовках, последующей расшифровке и переписывании набело (не говоря уже о стоимости извозчиков, преодолевавших немалое расстояние от Песков до Столярного переулка) плата представляется не столь высокой.

²¹⁷ *Воспоминания*. С. 52.

²¹⁸ *Дневник 1867 г.* С. 305.

ляет она, – разговор коснулся петрашевцев и смертной казни»²¹⁹. Бывший смертник не просто обозначает сюжет – он подробнейшим образом описывает всю процедуру, а также – то душевное состояние, в котором тогда пребывал. Невероятно, что подобные ретроспекции доверяются **девчонке** – юной особе, которую он видит практически первый раз и которая, кажется, ничем не заслужила таких откровений²²⁰.

Разумеется, в восемь вечера он не может не знать о помиловании. И не это ли сближение судеб подвигло рассказчика на внезапную исповедь, столь поразившую его случайную слушательницу? Ведь следующим вечером родственники уверяли ее, что Достоевский был сослан на каторгу за убийство жены²²¹.

К этому следует добавить еще одно, впрочем, может быть, неважное обстоятельство. Анна Григорьевна говорит, что она пришла к Достоевскому ровно через полгода после того, как начала заниматься необычным тогда делом – стенографией. Первый урок состоялся 4 апреля. В отличие от запомнившегося ей 4 октября она не придает особого значения этой дате. Но мы-то знаем: 4 апреля 1866 г. у решетки Летнего сада Каракозов стрелял в Александра II: на русского государя впервые посягнули публично. (И Достоевский с истошным криком «В царя стреляли!» ворвался к потрясенному А.Н. Майкову.) Через полгода, 4 октября, круг замкнется казнью Ишутина. На события жизни частной ляжет кровавый отсвет российской истории. Эта тень будет сопровождать автора «Бесов» до его смертного часа, когда – опять же по воле случая – последним его соседом окажется один из главных действующих лиц народовольческого террора²²²...

Он записывает ее адрес: «Анна Григорьевна, на Песках, у Первого Военного Сухопутного госпиталя, в Костромской улице, в собственном доме». (Все это пишется на обложке тетради с заметками к «Преступлению и наказанию»: как бы крестильная запись, означающая – «приобщена».) И с сокрушением замечает, что она могла заболеть, а он даже не знал бы, где ее искать. И не ведал бы, «как вернуть продиктованную частицу романа», если б она «отдумала работать и к нему не пришла в назначенный день»²²³.

Она – не «отдумала».

Брачные игры

Чем могла привлечь Достоевского Анна Григорьевна?

Нам уже приходилось говорить, что летом и осенью 1866 г. автор «Скверного анекдота» находится в состоянии «предсвадебных ожиданий». Недавнее неудачное объяснение с 22-летней Анной Корвин-Круковской; неожиданное, видимо, для него самого предложение 20-летней подруге его юных племянниц – Марии Иванчиной-Писаревой (странная тяга к девушкам с двойными фамилиями!), которое и было встречено веселым девичьим смехом; «брачный зондаж» (это при живом-то, хотя и больном муже!) намерений дальней родственницы Елены Павловны Ивановой...

Все это лишь доказывает: Достоевскому опостылело одиночество. Он пытается избавиться от него в дружественной среде – в Люблине под Москвой, где его окружает боль-

²¹⁹ *Воспоминания*. С. 55.

²²⁰ Подробнее об этом: *Последний год Достоевского*. С. 189–195.

²²¹ *Дневник 1867 г.* С. 313.

²²² Подробнее об этом: *Последний год Достоевского*. С. 540–593.

²²³ Бельчиков Н.Ф. [Предисловие] // *Письма Достоевского к жене*. С. IV. (В «Воспоминаниях» и дневнике даются разные версии появления этой записи.)

шое шумное семейство сестры Веры Михайловны и толпа гостящей у них молодежи. (Об этом уже шла речь выше.) Подстегиваемый очередными книжками «Русского вестника», он пишет «Преступление и наказание»: мрачный сюжет отнюдь не мешает ему вместе со всеми предаваться веселым дачным забавам. Очевидно, подобные отвлечения необходимы – в качестве эстетического противовеса. Недаром он даже ухитряется стать душой этой **молодежной** компании.

Он покидает Люблино в начале сентября – еще ощущая инерцию летнего праздника. Через месяц к нему приходит Анна Григорьевна.

...По общему мнению, она не блистала красотой (кстати, он тоже не обольщался на этот счет: «...Ты мила и у тебя чрезвычайно доброе лицо, но ты далеко не красавица»²²⁴). Доброе лицо имело серый оттенок и другие изъяны, что ставилось ей на вид взыскательным мужем («он все меня бранит за неровности кожи»²²⁵). Современница, помнящая ее гимназисткой, говорит о ее настойчивости, живости и – что, может быть, необычно для наследницы викингов – пылком темпераменте. (Тут разумеется вовсе не чувственность, а именно темперамент.) Отмечаются серые глаза: «умные, лучистые». Сообщается, что «она привлекала к себе сердца своей правдивостью, искренностью»; что обладала способностью подмечать в жизни смешное и любила смеяться от души. Впрочем, последнее свойство она умела скрывать.

Тот «вид порядочности», которому она решила следовать в общении с Достоевским, помимо прочего подразумевал серьезность. И не только потому, что 20-летней Анне Григорьевне хотелось выглядеть старше своих лет. «Я давно уже решила, – говорит она, – в случае, если придется стенографировать в частных домах, с первого раза поставить свои отношения к малознакомым мне лицам на деловой тон, избегая фамильярности, чтобы никому не могло прийти желание сказать мне лишнее или вольное слово»²²⁶. Она старается соблюсти дистанцию, оградить себя от возможного амикошонства и других потенциальных угроз. Любившая «хохотать с подругами», в настоящем случае она, по собственному признанию, «кажется, даже ни разу не засмеялась»²²⁷. Но именно эта ее серьезность импонирует Достоевскому: он «признавался мне потом, что был приятно поражен моим умением себя держать»²²⁸.

Анна Григорьевна полагает, что она понравилась своему будущему мужу по контрасту – с теми «нигилистками», манеры и образ жизни которых его коробят. Недаром, взяв папиросы, он предлагает и ей закурить: разумеется, это **тест**. И на вопрос, не вежливостью ли вызван ее отказ, слышит, по-видимому, не без удовольствия, что она не только сама не курит, но и «не любит видеть», как это делают дамы. Может быть, именно в этой связи он не удержался от комплимента. Он-де рад, что Ольхин прислал к нему стенографку, а не стенографа, ибо «мужчина непременно запьет, уж наверно запьет, а вы, я надеюсь, не запьете». Анна Григорьевна без тени улыбки отвечает, что «в этом он может быть уверен»²²⁹.

Он расспрашивает довольно подробно (как всегда поступает с интересующими его лицами) о ее воспитании, образовании, семье. «На все эти вопросы я отвечала очень просто

²²⁴ *Дневник 1867 г.* С. 332.

²²⁵ Там же. С. 258.

²²⁶ *Воспоминания.* С. 54.

²²⁷ *Дневник 1867 г.* С. 307.

²²⁸ *Воспоминания.* С. 54.

²²⁹ *Дневник 1867 г.* С. 305.

и серьезно; вообще я держала себя очень сдержанно, хотела поставить себя на такую ногу («на высшую ногу», как выразился бы один персонаж «Карамазовых». – И.В.), чтобы он не мог мне сказать ни одного лишнего слова, ни одной шутки»²³⁰.

Она не желает нравиться: ей хочется **быть**.

Однажды, уже за границей, он по какому-то поводу упрекнет ее в неделикатности. (Деликатности учит не танцмейстер, сказано в «Идиоте».) Этот упрек страшно обидит Анну Григорьевну. «Я помню, – заносит она в дневник, – когда я ходила к нему работать, я ему не предложила ни одного вопроса. Мне казалось неделикатным спросить его о чем-нибудь»²³¹.

Тем более невероятно, чтобы она могла сделать первый шаг.

Вообще, этот брак был предрешен. Одиноким мужчиной почти целый месяц, день за днем, проводит в тесном общении с женщиной: по сути, наедине. У Достоевского не имелось особых возможностей для **интересных** знакомств. И тем паче – для бесед с молодыми девушками тет-а-тет. Он не был человеком светским, завсегдатаем салонов, жуиром; не вел рассеянной жизни. Семейства, которые он посещал, – это в основном родственники и старые друзья. Там не существовало поля для романтических увлечений. Со своей «главной» возлюбленной Аполлинарией Суловой он поначалу сошелся как с автором – благодаря «Времени». На той же литературной стезе возникло сближение и с А.В. Корвин-Круковской. Ныне **его** журналы не выходили; шансов на личное счастье оставалось все меньше.

И все же второй его брак напрямую будет связан с писательством.

Да: он был приготован к женитьбе. Весь этот год он испытывал колоссальное напряжение: сочинялся хвалимый, ругаемый, но при этом читаемый всеми роман. Его могучая творческая воля не исчезала бесследно – он улавливал мощный ответный прилив. Это сгущение энергий не могло не сказаться на той сугубо интимной сфере, которая неотделима от творчества. Его писательский взлет должен был материализоваться в **женщине**: не в тех пресловутых «Минушках и Кларушках», о которых он небрежно упоминал в письме к брату двадцать лет назад, в пору своего упоительного дебюта. Тогда это была фигура речи, долженствующая оттенить успех²³². Теперь на карте стояли жизнь и судьба. Чтобы исполнить предназначение, требовалась подруга: сочувствительница, утешительница, помощница, любовница, жена. Если бы вдруг в качестве стенографки к нему явилась не Анна Григорьевна, а другая (такой вариант просматривался), не исключено, что он тоже сделал бы ей предложение. Иной вопрос, смог бы он с ней прожить жизнь.

Конечно, тут можно толковать о предпочтениях сугубо профессионального свойства. Кто из литераторов – тем более много и к сроку пишущих – отказался бы от постоянной сотрудницы, владеющей столь редкой и в писательском деле весьма полезной специальностью? (Стенография была делом новым и необычным: в известном смысле можно рассматривать написание «Игрока» и как технический эксперимент.) Но, кажется, в брачных расчетах Достоевского подобное обстоятельство не играет решающей роли. Он всматривается в человека, в характер, в душевные и сердечные свойства своей собеседницы. (А их беседы, вернее, его растянувшийся на двадцать шесть дней монолог, занимают

²³⁰ Дневник 1867 г. С. 306.

²³¹ Там же.

²³² ПСС. Т. 28, С. 116. См. подробнее: *Родиться в России*. С. 385.

едва ли не большее место, чем собственно работа.) Ему не могли не нравиться ее сдержанность и вместе – искреннее молодое сочувствие его обстоятельствам, всем перипетиям его, как он полагал, неудавшейся жизни. И главное – горячая вера в успех соединившего их труда. Ему нравилось, что, принадлежа к новейшему поколению и будучи для своего времени весьма образованной (первая в Петербурге женская гимназия, Педагогические курсы и т.д.), его соработница начисто лишена признаков «синечулковости». А также – той умственной и бытовой развязности, которой бравировали иные ее современницы. Во всяком случае, она не относится к категории «стриженных» и на поразившее ее при первом знакомстве «бесцеремонное» замечание будущего супруга: «Какой вы большой шиньон носите, разве не стыдно носить чужие волосы» – с достоинством отвечает, что шиньон у нее не столь уж велик, а волосы, к слову, не чужие, а все свои²³³. (Вспомним, что вопрос задается автором «Дядюшкиного сна», повести, где трагикомический старый князь поддерживает собственное существование исключительно при помощи париков, накладок, механических пружин и т.д.) Его неприязнь ко всему **ненатуральному** объясняется не только бывшей принадлежностью к противоположной по названию школе: он выше прочего ценит естественность и простоту. Не укрылось от него и самое важное, на его взгляд, душевное качество будущей подруги. Недаром, получив на свой вопрос – какую следует выбирать жену: умную или добрую, – ответ «конечно, умную», он с живостью возразит своей незамужней советчице: «Ну нет, если уж выбирать, то возьму добрую, чтоб меня жалела и любила»²³⁴. В русском языке оба этих глагола свободно замещают друг друга.

Ему не пришлось мучиться выбором. В Анне Григорьевне ум и доброта – во всяком случае, по отношению именно к нему – сочетались вполне органично.

Безусловно, она нравилась ему физически. Всегда в черном строгом платье (траур по умершему в апреле отцу), собранная и аккуратная, она привлекала молодостью, недоступностью, чистотой. Однако далеко не сразу он **настроился** на брак. Иначе как объяснить его в высшей степени нескромное предложение, когда в ответ на высказанную ею мечту – когда-нибудь увидеть Европу – он вдруг спрашивает, поехала бы она с ним на будущее лето за границу – если бы, добавляет он, ее отпустили... В каком, интересно, качестве представлял он свою потенциальную спутницу? В роли Аполлинии Сусловой? Не хотелось ли ему «переиграть» тот мучительный – трехлетней давности – опыт, когда после пережитой им катастрофы они с Сусловой все же отправились в путешествие по Италии, но – «как брат и сестра»? Может быть, сейчас это была **проба**: завуалированное предложение руки и сердца – с последующим заграничным вояжем? Но в таком случае (то есть в случае законного брака) кто должен был ее **отпускать**? Нет, обсуждался как будто иной вариант: скорее напоминающий предложение Кнурова из еще не написанной «Бесприданницы», который звал Ларису «в Париж на выставку». Правда, Достоевский при всем желании не мог бы предложить Анне Григорьевне столь заманчивые финансовые условия. И сомнения приглашающего были отнюдь не напрасны. Трудно представить, чтобы «шведская мама» (которая всего-то на девять лет старше его самого) одобрила этот увлекательный тур. Да и приглашаемая сторона вряд ли бы отважилась на такой эксцентрический шаг. Даже перспектива просто пойти в ресторан, чтобы вместе с автором «Игрока» и его

²³³ *Дневник 1867 г.* С. 308.

²³⁴ *Воспоминания.* С. 64.

друзьями отпраздновать окончание работы, приводит ее в смятение: «При моей застенчивости я имела бы скучающий вид и помешала бы общему веселью»²³⁵.

Но вот 1 ноября 1866 г. рукопись сдана под расписку приставу той полицейской части, где проживает Стелловский (ибо хитроумный издатель в предвкушении положенных ему за авторскую просрочку выгод и благ тихо исчез из Петербурга).

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Этим торжественным гекзаметром Пушкин отмечает завершение своего главного труда. «Игрок», разумеется, не «Евгений Онегин» – ни по художественному объему, ни тем более по затраченному для написания времени. Однако «непонятная грусть» вполне могла посетить как свершившего свой труд автора, так и его молодую помощницу, хотя еще и не «приявшую» скромную плату (работодатель просил несколько дней подождать), но уже догадывающуюся, что не в деньгах счастье. И каждый вправе был ощутить себя «поденщиком ненужным»: один – в силу исполнения пусть творческого, но все же вынужденного труда, другая – в связи с прекращением целиком захватившей ее работы.

Но прежде всего «непонятная грусть» была сопряжена с, казалось бы, неизбежным теперь расставанием.

30 октября, в последний день их совместной работы, ему исполняется 45 лет. Анна Григорьевна пишет в воспоминаниях, что, зная о дате, «решила заменить мое обычное черное суконное платье лиловым шелковым»²³⁶ (кстати, в дневнике черное квалифицируется тоже как шелковое). Она хотела бы приурочить свое преображение к знаменательному для Достоевского дню. Однако если верить дневнику, то «лиловое шелковое» было надето только сутки спустя, а именно 31-го, и то лишь потому, что его обладательница «кажется» направлялась на чьи-то именины – и посетила Достоевского, так сказать, мимоходом. День рождения мужа, о котором он сам порой забывал, она узнала, видимо, позже. Но не суть важно: главное, что, увидев сотрудницу не в ее обычном «рабочем» наряде, «он нашел, что ко мне цвет платья удивительно как идет»²³⁷.

Расхожий, проходной комплимент был в некотором смысле овеществлен при расставании.

«Когда я одевалась, он как-то уж очень страстно прощался со мной и завязал мой башлык. Он мне говорил: “Поедьте со мной за границу” (навязчивая, однако, идея! – *И.В.*). Я отвечала, что нет, я поеду лучше в Малороссию. “Ну, так поедьте со мной в Малороссию” (то есть Европа уже не выступает в качестве культурной приманки – место не имеет значения, важно, чтобы ехали **с ним**. – *И.В.*). Я отвечала, что если поеду, то с малороссом, но, вероятно, лучше останусь на Песках»²³⁸.

²³⁵ *Воспоминания*. С. 67.

²³⁶ Там же.

²³⁷ *Дневник 1867 г.* С. 364.

²³⁸ Там же. С. 365.

Этому выразительному диалогу в прихожей (ведущемуся на «языке цветов»!) предшествовала еще одна, не менее замечательная беседа.

В тот же день, 31 октября – то есть тогда, когда уже закончен «Игрок», а дальнейшего столь же тесного сотрудничества пока не предвидится, – ими как бы подводятся итоги: не только связавшего их труда, но, что не менее важно, и самого знакомства. Речь заходит о Корвин-Круковской: о ней, впрочем, Анна Григорьевна уже слышана («...Говорил, что это очень прекрасная девушка, что она недавно уехала, теперь за границей, и он недавно получил от нее письмо»²³⁹). На сей раз – в знак особого доверия и расположения – демонстрируется сама эпистола. Но этого мало. По ходу сюжета на сцену является еще один значимый персонаж.

«Потом показал мне портрет С<условий> (речь идет о фотопортрете. – *И.В.*). Она мне показалась удивительной красавицей, так что я сейчас это и выразила. Он отвечал, что она уж изменилась, потому что этому портрету лет 6, не меньше, и что его просили назад, а он не хочет с ним расстаться и отдать его»²⁴⁰.

Что, собственно, происходит? Внешне – непринужденный дружеский разговор. На самом деле Достоевский предъявляет Анне Григорьевне свой интимный реестр – «главных» женщин своей судьбы. И – своих потенциальных невест. (О покойной жене уже было говорено ранее.) В отдельных случаях устная информация подкрепляется видеорядом. Изображение бывшей подруги – в отличие от фото жены – производит на слушательницу (и зрительницу) сильное впечатление. Ей тонко дается понять, что к ее собеседнику были равнодушны весьма достойные дамы, в том числе «удивительные красавицы». И хотя все это уже миновало и сердце рассказчика ныне совершенно свободно, ему небезразлична память о прежних привязанностях. (Чего стоит хотя бы его нежелание вернуть фотографию – как можно понять, самому запечатленному лицу.) Достоевский не скрывает своего прошлого и дает знать, что не отказывается от него. Но, как уже говорилось, он свободен и – собеседница может убедиться в этом сама – не очень счастлив. И сверх того – одинок.

Поведав о себе, Достоевский вправе ждать от Анны Григорьевны ответных откровений.

«Потом он меня расспрашивал, сватаются ли ко мне женихи и кто они такие (за неимением интимного прошлого речь идет о сегодняшнем дне. – *И.В.*), я ему сказала, что ко мне сватается один малоросс (очевидно, тот самый, с которым она «собиралась» отправиться в Малороссию. – *И.В.*), и вдруг он начал с удивительным жаром мне говорить, что малороссы – люди все больше дурные, что между ними очень редко когда случается хороший человек». Знает ли он, однако, что предки Анны Григорьевны по отцовской линии обитали на щедрых просторах Украины, и помнит ли, что его собственные дед и отец обретались в тех же пределах? Он рад бы обругать конкурента персонально, но о нем ему ничего не известно. Остается выбрать малороссов en masse: неуклюжая, хотя и трогательная попытка остеречь Анну Григорьевну от опрометчивых шагов. «Вообще видно было, что ему очень не хотелось, чтобы я вышла замуж».

Для усиления именно этого чувства Анна Григорьевна прибегает к нехитрому женскому средству – сообщает о некоем докторе, который любит ее и к ней сватается и за которого она «может быть» выйдет замуж, хотя не испытывает к нему особых симпатий.

²³⁹ *Дневник 1867 г.* С. 318.

²⁴⁰ Там же. С. 364.

Итак, рекогносцировка произведена. Каждый из собеседников в достаточной мере осведомлен о расположении боевых фигур. Учтено и наличие резервов. Кстати, Достоевский – чисто по-мальчишески – не может удержаться, чтобы не продемонстрировать Анне Григорьевне свой «паспорт» – дабы она могла убедиться, «в каких науках он сделал самые большие успехи». Как на грех, документ куда-то запропастился – и лишь после усердных поисков был предъявлен. Будущей жене писателя надлежало не только восхищаться его талантом: ей полагалось удостовериться «как много наук он произошел».

Так протекали их брачные игры.

И «страстное» завязывание Достоевским башлыка, и его настойчивое «поедемте со мной за границу» – это уже не гусарский наскок с еще не вполне ясной перспективой, как было вначале: это серьезный матримониальный зондаж. И вроде бы кокетливый ответ Анны Григорьевны, что в Малороссию лучше уж ехать с малороссом, – по сути внятный сигнал, что она предпочитает путешествовать с теми, кто хотя бы состоит в статусе жениха.

В этот же день, когда она только вошла к Достоевскому, он «вдруг поднялся с места и даже краска показалась на его лице». Анна Григорьевна сочла это за добрый знак: «значит, он меня любит... может быть, даже очень любит меня». (Не произвело ли на него впечатление лиловое платье, в котором он ее увидел впервые?) В ходе их встречи ее подозрение только подтвердилось: «Очевидно, я ему очень тогда нравилась, и он был уж очень тогда страстный. Мне показалось, что меня очень любит»²⁴¹. Во всяком случае, объяснение, впоследствии через несколько дней, не стало для нее неожиданностью.

Кто же был истинным виновником их брака?

Сюрпризы медового месяца

В своих воспоминаниях Анна Григорьевна дает понять, что созревание ее чувства к автору «Преступления и наказания» несколько отставало от встречного процесса у указанного лица. По ее версии, «приоритет влюбленности» должен быть закреплен за будущим мужем. Но записи в дневнике свидетельствуют об ином. «Он уже начинал мне тогда (то есть в начале октября 1866 г. – *И.В.*) очень нравиться»²⁴². И еще: «Нравился он мне очень, но все-таки как-то пугала его раздражительность и его болезнь»²⁴³. Признания важные, но, возможно, неполные: в этом месте по причинам, о которых можно только догадываться, двенадцать стенографических страниц из дневника аккуратно вырезаны. Осталось немного: «...Разговоры с Федей стали делаться мне все более и более приятными, так что я уж шла на диктовку с каким-то особенным удовольствием»²⁴⁴.

Но самое поразительное – это запись-припоминание, повествующая о 9 октября 1866 г.: «Не знаю почему, но мне казалось, что он на мне непременно женится, я даже почему-то боялась, чтобы он даже вчера мне не сделал предложения, таким он мне казался странным; я не знаю, как бы я тогда на это и ответила, мне кажется, я бы сказала, что слишком мало его знаю, чтобы выйти замуж, но что пусть он даст пройти несколько времени и когда я его несколько узнаю, то, может быть, и пойду за него»²⁴⁵.

²⁴¹ Дневник 1867 г. С. 364, 365.

²⁴² Там же. С. 317.

²⁴³ Там же. С. 332.

²⁴⁴ Там же. С. 317.

²⁴⁵ Там же. С. 322.

Полно: уж не путается ли автор в своих хронологических исчислениях? Трудно (почти невозможно) представить, чтобы желание объясниться относилось к «вчера» – к 8 октября, пятому дню их знакомства. Такая скоропалительность даже при наличии сильной страсти (которая в первые дни ничем себя не обнаруживает) вряд ли возможна. Остается лишь восхищаться изумительному чутью Анны Григорьевны, прозревающей то, о чем автор «Игрока», скорее всего, еще не догадывается.

Он объяснится с ней только через месяц, 8 ноября, и то не прямо, а в виде некоего вопрошания – о правдоподобию явившегося ему художественного сюжета: будет ли натурально, если, скажем, такая девушка, как она, полюбит уже немолодого и обремененного болезнями художника? «Поэт – издавелека заводит речь...» Меж тем в ее дневниковых записях, где повествуется о первых днях их сугубо делового партнерства, все точки над *i* уже расставлены: «Не знаю почему, но мне казалось, что он на мне непременно женится...» И это при том, что у них «ни разу не было разговору ни о любви, ни одного нескромного слова»²⁴⁶.

Не передалось ли ему – на метафизическом уровне – это матримониальное ожидание?

Однажды, уже после своего сватовства, на настойчивые вопросы невесты – когда он почувствовал, что любит ее, – он простодушно ответил, что в первую неделю знакомства совершенно не замечал ее лица (и, добавим, не помнил имени-отчества): «Лишь в конце октября я обратил внимание на твои красивые серые глаза и добрую ясную улыбку»²⁴⁷. Автор «Белых ночей» мог бы заметить это и раньше.

Но не настолько же он был слеп (и самоуверен), чтобы отважиться просить ее руки без каких-либо знаков расположения с ее стороны.

«При конце романа («Игрок». – *И.В.*), – пишет он, – я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова...»²⁴⁸ («Проклятый психолог!» – как выразился бы по сему случаю один из его героев.) Итак, он замечает проявление чувства с **ее** стороны. Надо, однако, помнить, **кому** это писано.

Адресат – Аполлинария Суслова, которая впервые «официально» извещается о женитьбе. Разумеется, в **таким** письме его собственная инициатива несколько стушевана. В глазах бывшей, но до сих пор далеко не безразличной ему возлюбленной его брак должен выглядеть как простое стечение обстоятельств: личная воля не играет решающей роли в судьбе фаталиста. «Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти».

Тут можно усмотреть как оправдание, так и упрек: ведь подобное предложение при тех же условиях еще недавно делалось самой Сусловой, которая с раздражением его и отвергла. Сведения, сообщаемые им о новообретенной супруге, весьма лапидарны: «молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером». Можно предположить, что вопреки желанию корреспондента такая анкетная простота уязвила Суслову сильнее всего.

Он должен быть убежден, что его любят.

²⁴⁶ *Дневник 1867 г.* С. 322.

²⁴⁷ *Воспоминания.* С. 93. *Дневник 1867 г.* С. 305.

²⁴⁸ *ПСС.* Т. 28₂. С. 182.

Он не рискнул бы вступить в брак на тех основаниях, которые Пушкин (положим, не без некоторого лукавства) изложил в письме к будущей теще: «Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить современем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца»²⁴⁹.

Пушкин просит руки безусловной красавицы – это решает все. И он – согласен на все. Достоевский в известном смысле женится «по расчету», что вовсе не исключает наличия чувства. Пушкин, страстно влюбленный, тоже рассчитывает брачную перспективу, хотя исходит из несколько других препозиций.

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле!

И для Пушкина, и для Достоевского брак – это долгий душевный труд. Для того и другого семья – не только «приют спокойствия», но также – «трудов и вдохновенья». Иными словами, она есть творческая необходимость.

Истина, ставшая в XX веке банальной, – что ничто так не благоприятствует сближению мужчины и женщины, как общее дело, – эта истина во времена Достоевского была не столь очевидна. Ибо «общих дел» насчитывалось не так уж много. Мужчины и женщины не трудились бок о бок (в студиях, офисах, на производстве, в конструкторских бюро и т.д.) – местом их временного общения была гостиная или бальная зала. (Разумеется, речь идет о так называемом образованном классе – в деревне, при наличии общих работ, все было гораздо проще.) В этом смысле двадцатishестидневный совместный труд Достоевского и Анны Григорьевны – это своего рода мировой прецедент: в дальнейшем ситуация будет воспроизведена многократно.

Не исключено, что чувства недавней Неточки носили на первых порах достаточно умо- зрительный характер. Главную роль играло обаяние имени, а не лица. Однако не следует забывать, что во время написания «Игрока» его автор пребывает в силовом поле другого текста – неоконченного «Преступления и наказания». Вообще, 1866 г. – как уже говори- лось, одна из самых высоких точек в его полной взлетов и падений судьбе. Его внутренняя наполненность, уверенность в своих силах, целеустремленность сказываются и на пове- дении в быту. В конце октября становится ясно, что роман Стелловскому будет завершен в срок. Это – писательская и человеческая победа. Развязка «Преступления и наказания», успех которого уже не вызывает сомнений, также не за горами (во всяком случае, план финала обдуман). Та могучая духовная эманация, которая несмотря на все его жалобы и досады несомненно исходила от **автора текста**, не могла не ощущаться его одаренной

²⁴⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 804–805.

интуицией современницей. Можно сказать (и мы уже говорили об этом), что она полюбила его авансом, вперед, еще не разгадав этого человека, но чисто по-женски почувствовав его значительность и духовную мощь. Жизни оставалось лишь подтвердить безошибочность выбора.

Впрочем, она не обольщалась на его счет.

Она понимала, что одной литературной известностью сыт не будешь (да и до славы, которая тогда не имела свойства немедленно обращаться в хлебы, было еще далеко), что жених ее беден, обременен долгами и семейными обязательствами, а сверх того – поражен ужасным недугом. Ее не страшила такая судьба. В 13 лет возмечтавшая было уйти в монастырь (и только стараниями родителей удержанная от этого раннего шага), теперь она посвящала себя служению иного рода.

Поэту, чьи стихи об «отваге и верности» уже приводились выше, принадлежат и такие строки:

...Тихо, убого света,
Анна Григорьевна Сниткина,
как пред иконой свеча –

что, кажется, не вполне справедливо. Иконой для нее Достоевский сделается лишь после смерти. Да и на **убогую свечу** это полувековое горение (14 лет при нем и 37 – без него) мало похоже. При жизни он был согрет этим неиссякающим пламенем, которое по окончании его как бы станет вечным огнем. Но, может быть, «убогая свеча» как раз и есть самый сильный светильник?

«Дух предков-норманнов, живший в матери, – говорит их романтическая дочь, – не вынес вида того состояния беспомощности, в котором находился великий русский». Анне Григорьевне надлежало, по-видимому, сыграть роль сурового, но справедливого Рюрика, призываемого для наведения порядка в бесптолковой стране. «Послушная властному приказу» упомянутых предков, Анна Григорьевна бодро берется за дело: занятие тем более привлекательное, что в жилах ее избранника, по уверениям все той же Любови Федоровны, тоже текла «смешанная норманно-славянская кровь». Эти генеалогические открытия ничем не хуже других. Утешимся признанием мемуаристки, что мать ее «была украинкой только наполовину», ибо Сниткины, осев в Петербурге, «женились на русских». А посему «ей не было чуждым русское сострадание»²⁵⁰.

И, добавим – в высокой степени русский идеализм.

Несмотря на дружно отмечаемую современниками практичность, она оставалась идеалисткой. Это касается также и материальных аспектов их брачного союза: последние были далеко не блестящи. 2000 рублей приданого не спасали положения. Можно ли было ждать помощи со стороны ее семьи?

С легкой руки М.Н. Стоюниной, оставившей воспоминания о семействе, Григория Ивановича Сниткина именуют **мелким чиновником**: это звание прочно укоренилось в литературе. Между тем должность его называлась красиво: мундкох при высочайшем дворе. Иначе говоря, он заведовал придворной кухней. Это, конечно, не камергер и даже не камер-юнкер, но в представлении, скажем, «классических» мелких чиновников – таких, как Акакий Акакиевич Башмачкин или Макар Алексеевич Девушкин – едва ли не генерал.

²⁵⁰ Достоевский в изображении дочери. С. 112, 113.

Думается, находясь при подобной должности, Григорий Иванович не бедствовал. Он сумел прикупить на Песках пару участков земли и воздвигнуть каменный дом.

По смерти главы семьи благополучие пошатнулось. Вдова на оставшиеся 15 000 рублей построила еще два деревянных жилища, но по сути это ее разорило. Хотя деревянные дома и сдавались, они приносили мизерный доход. В каменном проживала семья, он, кстати, был заложен. Получала ли вдова пенсию – неизвестно. Выходя замуж, Анна Григорьевна могла рассчитывать только на себя.

Она могла рассчитывать только на себя и в борении с неизлечимой (как он сам полагал) болезнью мужа. Он **объявил** ей о своем недуге при первой же встрече (что немало ее удивило), как бы предупреждая о возможных эксцессах. Но все пока оставалось в теории – до первого приступа, поразившего его во время родственного визита. Новобрачные навещали сестру невесты; среди мирной беседы «вдруг раздался ужасный, нечеловеческий крик, вернее, вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед». Сестра в ужасе выбежала из комнаты – с ней сделалась истерика (очевидно, подобная той, какая случилась с первой женой Достоевского Марьей Дмитриевной, когда во время их брачного путешествия из Кузнецка в Семипалатинск она стала невольной свидетельницей пароксизмов «священной болезни», в серьезности которой муж тогда еще не был уверен и потому не считал нужным ее предупредить). «Впоследствии, – почти эпически пишет Анна Григорьевна, – мне десятки раз приходилось слышать этот “нечеловеческий” вопль, обычный у эпилептика в начале приступа. И этот вопль меня всегда потрясал и пугал». Но в ту минуту она сохранила полное присутствие духа. Оставшись одна (зять и горничная хлопотали возле сестры), Анна Григорьевна вслед за мужем опускается на пол и во время судорог держит его голову на коленях. Достоевский постепенно приходит в себя. Но, ко всеобщему ужасу, через час припадок повторяется (что бывало чрезвычайно редко) – «и на этот раз с такой силой, что Федор Михайлович более двух часов, уже придя в сознание, в голос кричал от боли»²⁵¹.

Приступ был спровоцирован шампанским, которым в эти дни обильно угощали новобрачных. «Вино, – говорит Анна Григорьевна, – чрезвычайно вредно действовало на Федора Михайловича, и он никогда его не пил». (Очевидно, имеется в виду именно шампанское, поскольку во время их заграничного путешествия другие вина, например, белый рейнвейн – правда, в очень умеренных дозах – заказывались и покупались.)

Так начинался медовый месяц.

Судьба посылала знаки: двойной припадок был испытанием и соблазном. Анна Григорьевна выдержала то и другое. Неясно, брал ли Достоевский честное слово у своей последней жены (как это сделал один знаменитый писатель в XX столетии), – что он умрет у нее на руках, но относительно этого пункта он мог быть совершенно спокоен.

Характер явил себя не только в рассуждении здоровья. С наименьшей твердостью Анна Григорьевна встала на защиту семьи – такой, как она ее понимала.

«Враги человеку – домашние его»

Изрядное место в ее мемуарной прозе уделено «смутному времени» (назовем его так) – когда, окруженная родственниками мужа, многие из которых относились к их браку, мягко

²⁵¹ *Воспоминания*. С. 112–113.

говоря, без энтузиазма, воспоминательница вынуждена была самостоятельно принимать важнейшие в ее жизни решения.

Собственно, с мужниной родней ей впервые пришлось столкнуться еще задолго до свадьбы.

31 октября 1866 г. вдова старшего брата Достоевского Эмилия Федоровна явилась к своему деверю. Разумеется, присутствие юной особы ее не очень обрадовало. Достоевский представил сотрудницу, но Эмилия Федоровна «как будто с каким-то презрением и с удивительной холодностью приняла меня, так что меня это просто даже обидело». Анне Григорьевне даже подумалось, что ее принимают «за какую-нибудь авантюристку». Мудрено ли, что надменная визитерша производит на будущую супругу «удивительно неприятное впечатление»²⁵². Это мнение уже не изменится.

Два враждебных Анне Григорьевне «центра силы» предстают перед нами в ее мемуарах, хотя и написанных в десятых годах XX в., но пером, еще не остывшим от давних обид. (Как сказано поэтом: «Старые обиды не стареют / Мы стареем, а обиды нет».) Первый «центр» – это юный пасынок Достоевского Паша Исаев, второй – Эмилия Федоровна. Оба рассматривают совершившийся брак как посягательство на их семейную **монополию**; оба стараются сохранить за собой то влияние, которое, как им представляется, они имеют на своего покладистого кормильца. Но если Эмилия Федоровна, наблюдая взаимные симпатии юной Анны Григорьевны и своих столь же юных детей (как помним, особенно к новой родственнице привязалась младшая, Катя), вскоре несколько смягчает гнев и ограничивается замечаниями в основном бытового свойства, то с пасынком дело обстоит сложнее.

«Не скажу, – пишет Анна Григорьевна, – чтобы Павел Александрович Исаев был глупый или недобрый человек. Главная его беда заключалась в том, что он *никогда* не умел понимать своего положения». И чтобы у неосведомленных читателей не возникло внезапных генеалогических подозрений, дает точную хронологическую справку: сыном Федора Михайловича Исаев никак быть не мог, потому как «родился в 1845 году (в 1847-м. – *И.В.*) в Астрахани, а Федор Михайлович до 1849 года не выезжал из Петербурга»²⁵³. (Вообще-то он пару раз выбирался – к брату в Ревель, но последний расположен от Астрахани на еще более безопасном расстоянии, нежели Петербург.)

Паша, в свое время сурово назидавший отчима в связи с его намерением жениться (и ради этого семейственного объяснения даже водрузивший на нос «знаковые» – в смысле свободомыслия – синие очки), теперь спешит поменять тактику и в присутствии хозяина дома становится необыкновенно предупредителен к молодой хозяйке – фактически своему погодку. Правда, любезность эта испаряется в тот момент, когда Достоевский покидает компанию. На бедную Анну Григорьевну тут же обрушиваются упреки – как бытового, так и ментального свойства. Выросшая в «ладной», неконфликтной семье, она пребывает в некотором замешательстве: «Не надо забывать, что хоть мне и стукнуло двадцать лет, но в житейском отношении я была совершенный ребенок»²⁵⁴. Пасынок мужа (которому она – чисто функционально – как бы приходится мачехой) остается сильнейшим раздражителем в первые недели их с Достоевским брака.

²⁵² *Дневник 1867 г.* С. 364.

²⁵³ *Воспоминания.* С. 117, 118.

²⁵⁴ Там же. С. 121.

Этого Анна Григорьевна не могла простить ему никогда.

Она страшится, что под воздействием родственников муж разлюбит ее, что между ними и ей случится крупная ссора, вследствие которой она никак не сможет остаться в семье. «Надо припомнить, что я принадлежала к поколению шестидесятых годов и независимость, как и все тогда женщины, ценила выше всего»²⁵⁵.

Это очень важное заявление. Оно свидетельствует, что Анна Григорьевна никогда не согласилась бы с ролью бессловесной тени (или «убогой свечи»). По словам ее дочери, она, глубоко презиравшая «свободную любовь», в то же время отнюдь не была сторонницей семейного рабства. Она готова покинуть мужа, если утратит его привязанность. (Что касается возможного убывания ее собственной любви – подобная перспектива даже не рассматривается.) На склоне лет она «с ужасом» думает, что бы могло произойти в результате их разрыва: «...Федор Михайлович не мог со мной развестись, так как в те времена развод стоил громадных денег»²⁵⁶. (Не только: он был обставлен еще массой труднопреодолимых формальностей. Вспомним длившуюся десятилетиями борьбу В.В. Розанова за «независимость» от Аполлинарии Сусловой²⁵⁷.) Вследствие этого Достоевский не смог бы «устроить счастливо» свою дальнейшую семейную жизнь, иметь детей и т.д. Что в свою очередь крайне огорчило бы великодушную мемуаристку.

После долгих сомнений она объясняется с мужем. Достоевский, не замечавший «подполья», которое образовалось в семье, искренне удивлен.

Супруги направляются в Москву – к Ивановым: в отличие от Петербурга дебют у новой московской родни проходит для Анны Григорьевны более или менее благополучно. Кроме того, идя навстречу пожеланиям автора, чье только что завершенное сочинение, как уже говорилось, пользуется успехом, Катков выдает аванс в 1000 рублей – под еще не написанный и даже не имеющий названия роман.

На выданные деньги решено ехать за границу.

Приступая к описанию этого решающего в своей жизни часа (весна 1867 г.), Анна Григорьевна испытывает волнение, которое не в силах притушить даже по истечении сорока с лишним лет.

Эмилия Федоровна, Паша и другие петербургские родственники, шокированные известием об отъезде молодых (а как было бы славно провести лето всем вместе! близ Павловска! на нанятой – разумеется, за счет Достоевского – общей семейной даче!), приступают к будущему автору «Идиота», требуя от него средств для собственных неотложных нужд. Вслед за ними немедленно являются кредиторы. (Анна Григорьевна высказывает даже ретроспективное подозрение о неслучайности таких совпадений.) С мечтой о загранице как бегстве от всех невзгод, по-видимому, приходится распрощаться...

²⁵⁵ *Воспоминания*. С. 123.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Анна Григорьевна была косвенно причастна к этим его усилиям. Розанов, живший со своей второй женой («другом») в незаконном браке, просил Анну Григорьевну, близко знакомую с К.П. Победоносцевым, ходатайствовать о разрешении своего дела в Синоде (то есть о разводе с Сусловой). Кстати, подобные комиссии ей иногда удавались. В 1887 г. вдова Достоевского обратилась к жене Победоносцева с просьбой, чтобы та побудила мужа выхлопотать отсрочку высылаемому из России Ш.-В. Жаклару, участнику Парижской коммуны и супругу той самой А.В. Корвин-Круковской, в которую некогда был влюблен Достоевский. Просьба возымела действие, и политически неблагонадежный Жаклар вместе с больной женой получил десятидневную отсрочку.

Но тут молодая, неопытная супруга идет ва-банк. Отстояв заутреню в церкви Вознесения, укрепив дух и утвердившись в своем намерении, она решает заложить все свое приданое – мебель, посуду, шубы, рояль и т.д. – и на эти деньги совершить путешествие. Разумеется, ей безумно жаль «прелестные столики и этажерки, все мое красивое, так недавно заведенное хозяйство»²⁵⁸, но она готова пожертвовать всеми этими дорогими ее женскому сердцу предметами, дабы сохранить главное: надежду на счастье.

(Мнение о том, что не выйди Анна Григорьевна за Достоевского, она открыла бы на Невском меняльную лавочку – очевидно, наподобие героя «Кроткой», – завистливо и несправедливо: не такой это характер.)

Обладающая нордической выдержкой мама (она же теща) одобрит маневр. Но неожиданно этот план отвергает тот, ради кого замысливалась вся операция. Достоевский категорически не хочет основывать свое благополучие на «слезинке ребенка» – в данном случае на заложенных вещах юной жены. «Я умоляла мужа, – пишет воспоминательница, – спасти нашу любовь, наше счастье и, не выдержав, так разрыдалась, что бедный Федор Михайлович совсем потерялся...»²⁵⁹ Слезинка, уже в своем натуральном виде, пролилась не напрасно: Достоевский «поспешил на все согласиться». Заграничный паспорт (при получении которого – в связи с политическим прошлым просителя – всегда возникала легкая бюрократическая заминка) не без помощи знакомого чиновника был оформлен в два дня.

Ошеломленные и застигнутые врасплох родственники получают назначенное каждому из них вспомоществование (Паша для умягчения скорби – даже на новое летнее пальто²⁶⁰) – и 14 апреля 1867 г. чета Достоевских покидает Петербург.

Они полагали, что вернутся в конце лета. Медовый месяц, однако, оказался длиною в четыре года.

Стенография как тайнопись души

Наталья Николаевна Пушкина, по-видимому, не вела дневников. Софья Андреевна Толстая, напротив, не пренебрегала этой возможностью. Но в том и другом случае сохранилось значительное количество иных документов, в которых запечатлена жизнь их мужей. Не говоря уже о том, что сами они (то есть указанные мужья) вели поденные записи: Пушкин – бегло и недолго, Толстой – основательно и до самого конца.

Достоевский никогда не заводил дневников в тесном смысле этого слова («Дневник писателя» – это все-таки публичный жанр). О его четырехлетней жизни за границей можно судить только по отправляемым в Россию письмам. Никаких «записок очевидцев» за этот период не существует, поскольку очевидцев практически не было. Никто из соотечественников (кроме, пожалуй, навещавшего их в Женеве изгнанника Огарева) не наблюдал их супружескую пару вблизи. И если, скажем, в поздние годы Толстого вокруг него скрипели камер-фурьерскими перьями едва ли не все домочадцы (не говоря уже о могучем пере самого хозяина), то у Достоевского шансов на бессмертие в этом отношении было значительно меньше. Особенно – в зарубежье, куда они сокрылись от пригляда родственников и заимодавцев.

²⁵⁸ *Воспоминания*. С. 140.

²⁵⁹ Там же. С. 143.

²⁶⁰ Очевидно, более представительное, нежели предлагавшееся ему в 1864-м двенадцатирублевое – см. на с. 1138.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей...

Можно бы, ломая размер, в слове «пашей» сделать ударение на первом слоге, а вместо Кавказа мысленно поставить Альпы.

Существует один совершенно исключительный документ: другого такого не сыщешь, пожалуй, в литературных анналах. Это стенографический дневник Анны Григорьевны, который она регулярно вела в первый год их с Достоевским заграничного путешествия. Часть оригиналов сохранилась: это небольшие записные книжки в коленкорových переплетах, заполненные стенографическими знаками²⁶¹. Записи сделаны преимущественно карандашом, что, видимо, не случайно. У Достоевских долгое время была лишь одна чернильница – ею по праву сильного пользовался глава семьи.

Анна Григорьевна бралась за расшифровку дневника (то есть переписывала его обыкновенным письмом) по меньшей мере четырежды – в 1894, 1897, 1909 и 1911/1912 гг., а затем оставила эту работу. Она прервала свои усилия на тексте, относящемся к пребыванию в Базеле – 12 (24) августа 1867 г. Именно в таком виде этот дневник был опубликован посмертно, в 1923-м.

Долгое время считалось, что остальная часть дневника утрачена. Тем более что в завещательном распоряжении «En cas de ma mort ou d'une maladie grave» («На случай моей смерти или тяжелой болезни»), упомянув свои криптологические труды и даже указав место хранения расшифрованной рукописи (сейф Исторического музея), Анна Григорьевна добавляет: «Остальные тетради я прошу уничтожить, так как вряд ли найдется лицо, которое могло бы перевести с стенографического на обыкновенное письмо»²⁶². Такого лица действительно не находилось.

К счастью, **последняя воля** не была исполнена – тайнопись («остальные тетради») десятилетиями пылилась в архиве. Наконец в Ленинграде догадались пригласить профессиональную стенографистку – Цецилию Мироновну Пошеманскую. В поисках разгадки она проштудировала даже учебник стенографии Ольхина, по которому училась А.Г. Сниткина. Но увы: как выяснилось, изобретательная ученица по-своему сокращала слова, то есть использовала собственную систему стенографической записи. И тут опытному исследователю-архивисту Вере Степановне Нечаевой, составлявшей в то время фундаментальное «Описание рукописей Ф.М. Достоевского», пришла в голову простая, но, как в таких случаях говорится, гениальная мысль: сличить имеющиеся стенографические оригиналы, уже расшифрованные самой Анной Григорьевной, с этой самой авторской расшифровкой.

Так Пошеманской был найден **ключ**. Составив словарь применяемых автором сокращений, она в 1958–1959 гг. расшифровала весь остальной текст, относящийся к августу-декабрю 1867-го²⁶³. (В нем, в частности, содержались приведенные выше записи-припоминания о предыдущем, 1866 годе – об истории знакомства автора дневника с Достоевским.) Этим, однако, дело не ограничилось. Выборочно сравнив расшифровку самой Анны Григорьевны со стенографическим оригиналом, Пошеманская (а вслед за ней –

²⁶¹ См.: НИОР РГБ. Ф. 93. Разд. III. Карт. 5. Ед. хр. 15а, 15б.

²⁶² Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 86. С. 157.

²⁶³ См.: Расшифрованный дневник А.Г. Достоевской // *Литературное наследство*. Т. 86. С. 155–290.

дипломированные специалисты) не без удивления убедилась, что оба текста не вполне идентичны. Анна Григорьевна работала творчески: она позволяла себе вносить в расшифрованные записи некоторые, порой весьма существенные, коррективы. Опубликованный в 1923 г. текст пришлось очищать от этих поздних редакторских вставок.

Наконец труд, справедливо названный «подвигом стенографистки», был завершен. Ныне мы имеем корпус записей, доведенных до 31 декабря 1867 г.²⁶⁴

Из четырех лет пребывания Достоевских за границей поденные записи охватывают лишь первые восемь с половиной месяцев. Ни один русский писатель не имел подле себя такого прилежного хроникера. Пообещав матери рассказать, вернувшись через три месяца, все подробности своего первого (и, как выяснилось, последнего совместно с мужем) путешествия по Европе, Анна Григорьевна приобрела перед поездкой упомянутые книжки в коленкорových переплетах. Она объясняет свое намерение заботой о том, чтобы не забыть стенографию и даже усовершенствоваться в оной. Кроме того, это способ преодолеть одиночество: и при наличии мужа женщине необходим конфидент.

Позднее она будет настаивать, что дневник затевался для того, чтобы она могла лучше узнать и разгадать своего спутника, записывая его мысли и замечания. Все это говорится задним числом – тогда же ей вряд ли приходило на ум, что она начинает *летопись*. Может быть, ценность последней и состоит в том, что автор этого не создавал.

Она была убеждена: благодаря «личному коду» никто и никогда не сможет это прочесть. (Полная противоположность общедоступности текста в нынешних интернет-блогах, где нарушен – Впрочем, не без некоторой общественной пользы – основополагающий принцип дневниковой интимности: недоступность события или переживания для посторонних глаз и ушей.)

Это, конечно, не «Разговоры с Гете» Эккермана. И не яснополянские записи Душана Маковицкого, почтительно внимающего толстовским речам и судорожно пытающегося сокрытым в кармане карандашом запечатлеть их для признательного потомства. В отличие от этих твердо сознающих свою историческую миссию очевидцев, Анна Григорьевна наивна, бескорытна, проста. Будучи, однако, не внешним наблюдателем, а одним из двух главных участников изображаемой ею жизни, она, разумеется – заинтересованное лицо. Она не записывает «за Достоевским», не пытается самонадеянно проникнуть в его внутренний мир. Она записывает «за собой»: Достоевский – ее неотъемлемая часть.

Читателя, вознамерившегося с помощью Анны Григорьевны почерпнуть *эсклюзивные* сведения о «творческой лаборатории» писателя или насладиться произносимыми им афоризмами (типа «Красота спасет мир» и т.п.), ожидает жестокое разочарование. Чрезвычайно внимательная к мелким и мельчайшим подробностям их материальной жизни (эта бытовая фактура буквально захлестывает дневник), Анна Григорьевна крайне немногословна, когда речь касается материй иного рода.

«Потом вечером у нас обыкновенно идут разговоры; так, вчера мы говорили о Евангелии, о Христе, говорили очень долго». Это – *вся* информация. Можно лишь догадываться, что именно «очень долго» обсуждала она со своим собеседником. «Меня всегда радует, –

²⁶⁴ *Дневник 1867 г.* Издание подготовила С.В. Житомирская. Здесь же напечатана статья публикатора «Дневник А.Г. Достоевской как историко-литературный источник», некоторые сведения из которой использованы в данной работе. Возможно, кроме дошедших до нас дневников Анны Григорьевны существовали и более поздние заметки.

продолжает автор дневника, – когда он со мной говорит не об одних обыкновенных предметах, о кофе, да о сахаре...»²⁶⁵ Как раз «кофе и сахар» представлены в дневнике с поистине академической полнотой. Если, положим, вдруг понадобится воссоздать картину бытовой жизни Дрездена, Баден-Бадена или Женевы конца 60-х годов XIX столетия, дневник Анны Григорьевны в этом отношении будет источником драгоценным.

С той же тщательностью и педантизмом, с какими заносятся сюда сведения о картинах в Дрезденской галерее или средневековых замках (для этой цели помимо дневника заведены особые книжки), фиксируется «низкий» вещественный мир: качество и цена сдаваемого внаем жилья; стоимость верхнего платья, сапог, тканей, зонтиков, конвертов, почтовых марок, вуалей, шляпок, фруктов, сыров, молока, слив, яблок, груш, пирожков, пирожных, пива, вина, мыла, кремов, перчаток, пудры, ниток, карандашей, шоколада, чая; цены в кафе, ресторанах, магазинах, лавочках, банях, парикмахерских, кондитерских, концертных залах, музеях, читальнях, обменные курсы валют, проценты покладам, плата кельнерам, разносчикам, сторожам, домашней прислуге, размер подаяния нищим и т.д., и т.п. И все это – с точностью до копейки, вернее, до пфеннига. Нелепо требовать от двадцатилетней девушки, чтобы она с таким же тщанием пыталась воссоздать сокровенный мир своего спутника жизни, к тому же – совсем недавно ставшего таковым. Благо что сохранился хотя бы рисунок внешний. Так, с удовлетворением отмечается, что после посещения бани «Федя» молодеет на пять-десять лет.

«Кончив мою работу (стирку и глажение платков. – *И.В.*), я принялась читать, а Федя сел опять писать. Нынче он пишет и вечером, все составляет план романа. Господи, как я ему от души желаю, чтобы роман вышел очень хороший». Она даже молится, чтобы это желание осуществилось, хотя вовсе не уверена, что ее молитвы «могли бы тут скольконибудь действовать»²⁶⁶. (Похвальная скромность: иные писательские жены расценивают свое молитвенное заступничество как главный фактор творческого успеха мужей.)

В первые месяцы их пребывания за границей такие часы довольно редки. Достоевский не пишет ничего капитального – лишь урывками трудится над измучившей его (из-за невозможности высказаться цензурно) статьей о Белинском, деньги за которую взяты вперед. Работа над «Идиотом», а затем над «Бесами» еще впереди – она придется в основном на годы, не охваченные дневниковыми записями. Однако в конце 1867-го составляется тот самый план романа, о котором упоминалось выше: первые главы должны появиться в «Русском вестнике» уже в январе 1868-го.

«Вечером Федя сел писать, а я легла полежать, да немного и заснула. (Когда Толстой писал «Войну и мир», Софья Андреевна любила располагаться в кабинете у его ног; неясно, правда, позволено ли было ей при этом дремать. – *И.В.*) Так у нас было хорошо в нашей комнате, право, что, может быть, так хорошо никогда и не будет»²⁶⁷. Подобных идиллических сцен наберется не так уж много.

Нельзя не согласиться с Анной Григорьевной, что первые месяцы брака – самая тяжелая в их жизни пора. Без малого месяц совместного труда над «Игроком» был периодом присматривания и разговоров; два с половиной месяца перед свадьбой – эпохой ухаживаний, предвкушений и грез; первые послесвадебные недели – временем родственных

²⁶⁵ Дневник 1867 г. С. 275.

²⁶⁶ Там же. С. 298.

²⁶⁷ Там же. С. 299.

притязаний и семейных обид. Семья как таковая еще не сложилась. Очутившись за границей, они остались одни – лицом к лицу: без родных, без друзей, без деловых и даже без случайных знакомых. Правда, и без кредиторов тоже. Их семейная жизнь ограждена от каких-либо внешних вторжений. Наступает пора «притирки» – познания, удивления, привыкания, притяия, любви. Любви – не совсем такой, что зародилась при встрече, но принявшей иной облик и обретшей иную глубину. В этом герметичном, непроницаемом для других, замкнутом пространстве, в этом искусственно созданном вакууме можно было либо охладеть и разочароваться друг в друге – либо, напротив, тесно **обняться душами**: так, что уже не разъять.

И в своих воспоминаниях, и в расшифрованных ею дневниковых записях Анна Григорьевна устраняет все, что, как верно замечено публикатором, «не укладывалось в рамки ее концепции непогрешимой личности»²⁶⁸. «Мой дорогой муж» – для нее это не только привычный стилистический трафарет. Самоотверженными усилиями она как бы пытается воплотить в своей «очищенной» мемуарной прозе не вполне реализованный замысел автора «Идиота» – создать образ «положительно прекрасного человека». «Солнце моей жизни – Федор Достоевский», – напишет она на склоне лет в альбом композитору Сергею Прокофьеву: в нем, Достоевском, смысл ее беспримерного подвижничества. Именно ее версия жизни и смерти «дорогого мужа» должна была утвердиться в культурном сознании человечества.

Но тогда, в первые месяцы их брака, она как будто еще не чувствует груза легшей на ее плечи ответственности, не заботится «об истории» – о том, что их отношения может **не так понять** взыскательное потомство.

Ни разу в своих записках Анна Григорьевна не позиционирует Достоевского как непогрешимого гения, который «право имеет» или которому, продолжая этот образный ряд, «все позволено». Да и талант, пожалуй, остается за скобками: не поминаемый всуе, он как бы подразумевается сам собой. Никаких нравственных скидок на дарование специально не предусматривается. Меньше всего Анна Григорьевна думает о величии супруга. Она любит его **без затей** – как единое существо, в котором «писательское» неотделимо от «всего остального».

Конечно, для жены, как и для лакея, не бывает великого человека: с той только разницей, что лакей не обязан **любить**. Словно опасаясь, что грядущий читатель заподозрит ее в непокладистости (по-нынешнему: в отсутствии толерантности), а мужа – в мелочности, вздорности, неуживчивости и эгоизме, она, переписывая набело свой стенографический кондуит, старается облагородить оригинал. Эта позднейшая редакция призвана сгладить ее тогдашнюю непосредственность, задним числом расставить акценты и гармонизировать миф. Как замечает публикатор дневника, «иногда очень неожиданно и без связи с предшествующим текстом» появляются позднейшие вставки: «Все эти дни я страшно счастлива» или «Дорогой мой Федя, как я его люблю!»²⁶⁹ Как будто чувство, которым буквально пронизан дневник, требует дополнительных подтверждений.

Толкуя о первых – петербургских – неделях их брака, отравленных постоянным вмешательством родственников, Анна Григорьевна замечает, что все это «могло кончиться

²⁶⁸ Житомирская С.В. Дневник А.Г. Достоевской как историко-литературный источник // *Дневник 1867 г.* С. 402.

²⁶⁹ Там же. С. 403.

катастрофой»²⁷⁰. Но катастрофой могло кончиться и их четырехлетнее одиночное заключение (в смысле отъединенности от русского мира) во время зарубежных скитаний. И главная заслуга в том, что этого не произошло, безусловно, принадлежит той, кто была неопытней и моложе.

Долгие прощания

«...Я безгранично любила Федора Михайловича, – говорится в воспоминаниях, – но это была не физическая любовь, не страсть, которая могла бы существовать у лиц, равных по возрасту»²⁷¹. Разница лет, заметим, вовсе не исключает наличия страсти – хотя бы у более старшего, умудренного житейским и прочим опытом лица, если к тому же оно наделено пылким воображением (вспомним «утонченные» вожделения Свидригайлова и некоторых других героев Достоевского к их потенциальным, совсем еще юным невестам). Как бы то ни было, сугубо интимные моменты почти не нашли отражения в дневнике. Это удивительно, если вспомнить, что текст писался исключительно «для себя» и возможность его прочтения посторонними полностью исключалась. Не только в силу своего воспитания или душевного целомудрия, но и следуя культурным обычаям эпохи, автор нигде не задерживается на интимных подробностях собственной брачной жизни. Это для нее тема абсолютно закрытая (заметим, что в те годы для такого рода описаний еще и не существовало литературного языка). Самое большее, что Анна Григорьевна может себе позволить, – это упомянуть о «страстных прощаниях» перед сном, которые для врозь спавших супругов становятся еще и нравственным долгом.

В первые месяцы Достоевский еженощно приходит «прощаться» – при этом, естественно, будит молодую жену. Отмена ночного визита – дурной знак для принимающей стороны, сигнал неблаговоления, изъявление недовольства²⁷². Как можно понять, «прощание» не обязательно предполагает интимную близость: важен сам факт. Когда у Анны Григорьевны «вследствие известного обстоятельства» сильно расстраиваются нервы и Достоевский предлагает временно отменить ночную побудку («потому что эти все три дня я после долго не могла заснуть»²⁷³), она не пожелает жертвовать обычаем: «я упросила, чтоб он этого не делал» – то есть чтобы не щадил ее сон²⁷⁴.

Через много лет, переписывая дневник, она дополнила это место следующей «пояснительной» вставкой-комментарием: «Надо сказать, что я довольно рано ложусь, Федя же сидит до двух часов и позже. Уходя спать, он будит меня, чтоб “проститься”. Начинаются долгие речи, нежные слова, смех, поцелуи, и эти полчаса – час составляют самое задушевное и счастливое время нашего дня. Я рассказываю ему сны, он делится со мною своими впечатлениями за весь день, и мы страшно счастливы».

«...Федя разбудил меня, и мы долго целовались. (Он был сегодня в ужасном восторге)», – кратко помечено в оригинале²⁷⁵.

²⁷⁰ *Воспоминания*. С. 122.

²⁷¹ Там же.

²⁷² *Дневник 1867 г.* С. 30.

²⁷³ Ср. на с. 28 дневника: «...Когда Федя придет прощаться и разбудит меня, то это меня разгуляет, и я не сплю еще часа 2 или 3».

²⁷⁴ *Дневник 1867 г.* С. 24.

²⁷⁵ Там же. С. 31.

С годами физическая любовь отнюдь не уходит на второй план, как это часто бывает в браке, а напротив, осознается в качестве важного фактора семейной жизни. И не последнюю роль в этом играет все более возрастающая степень душевной близости. В своих поздних письмах к Анне Григорьевне Достоевский признается, что его любовь к ней идет крещендо и что после долгих лет брака его «супружеский восторг» только возрастает²⁷⁶. Конечно, здесь можно различить момент «сексуального манифестирования» – нарочитое подчеркивание уже немолодым человеком значимости для него чувственной составляющей их союза. Но нет оснований сомневаться в искренности этих заверений, в том, что помимо глубокой и с годами лишь крепнущей сердечной привязанности их брак скреплен обоюдной страстью.

Исходные импульсы, однако, были различны. Несомненно, что пуритански-сдержанную Анну Григорьевну (кстати, «стыдливая холодность» может быть сильнейшим эротическим стимулом: вспомним все то же пушкинское «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...») в первую очередь привлекали именно те стороны личности Достоевского, о которых она говорит в своих воспоминаниях.

«Моя любовь, – сказано в воспоминаниях, – была чисто головная, идейная. Это было скорее обожание, преклонение пред человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими душевными качествами. Это была хватавшая за душу жалость к человеку (вспомним: жалеть = любить. – *И.В.*), так много пострадавшему, никогда не видевшему радости и счастья... Мечта сделаться спутницей его жизни, разделять его труды, облегчить его жизнь, дать ему счастье – овладела моим воображением, и Федор Михайлович стал моим богом, моим кумиром, и я, кажется, готова была всю жизнь стоять пред ним на коленях»²⁷⁷.

Такой стилистики и таких пафосных оценок не встретишь в импульсивном, «непричесанном» дневнике. Воспоминания – дело другое: это подсказанная временем и судьбой жизненная позиция. Но вместе с тем это и сознательная литературная поза: лик «дорогого мужа» (как, впрочем, и собственный авторский лик) очищен от «случайных черт». Однако в действительной жизни со всеми ее вздорами, ссорами, огорчениями, а порой и отчаяньем смысл этого брака раскрывается куда полнее и человечнее.

Их заграничное путешествие началось не очень удачно.

По дороге, в Вильно, им не понравилась гостиница: слуги в ней оказались «олухами ужасными» (при расшифровке дневника они мягко трансформируются в «странных людей»). Само собой, не радует также обилие «жидов со своими жидовками в желтых и красных шалях и наколках» (эта терминология при расшифровке сохраняется). Кроме того, Достоевский опасается, что их могут ограбить, – и заставляет все двери в гостинице чехмоданами и столами. Ночью его сокрушает припадок (чаще всего они случаются именно во сне)²⁷⁸. Первый заграничный город на их пути – Берлин. Как это обычно бывает после припадка, Достоевского все раздражает – и местные жители, и гостиница, и погода: «Федя все время бранил немцев на чем свет стоит, даже мне наскучило»²⁷⁹.

Бранит он, однако, не только абorigенов.

²⁷⁶ ПСС. Т. 30, с. 114.

²⁷⁷ Воспоминания. С. 122.

²⁷⁸ Дневник 1867 г. С. 5, 6.

²⁷⁹ Там же. С. 7.

Во время прогулки по прусской столице жене недовольно замечено, что она дурно одета, в частности – у нее худые перчатки. Анна Григорьевна (обиженная тем больше, что покупка ее туалетов целиком зависит от благорасположения мужа) заявляет, что в таком случае им вместе лучше не гулять. После чего поворачивается и идет в противоположную сторону. Огорченный муж якобы несколько раз окликает ее и даже пытается за ней бежать. «Выписано из стенографической тетради», – стоит пометка в этом месте ее мемуаров.

Однако в указанной тетради дело изображено несколько иначе. После обмена сердитыми репликами вовсе не она, а он разворачивается и, оставив супругу одну на улице незнакомого города, гордо удаляется в направлении неизвестном. В расшифрованный текст вносится комментарий: «...Федя своим замечанием вовсе не хотел меня обидеть...» В виду любопытствующих потомков хроникер спешит взять вину на себя²⁸⁰.

Со дня их бракосочетания не прошло и девяти недель.

Попытка ревности

Анной Григорьевной описано немало случаев острой ревности мужа – как правило, неосновательной. Но сама она на первых порах ревнует его ничуть не меньше.

В его кармане (который при редактировании дневника благородно заменяется письменным столом) она находит письмо от Аполлинии Сусловой и – спешит ознакомиться с ним. «Дело, конечно, дурное, – честно признается автор дневника, – но что же делать, я не могла поступить иначе». Письмо повергает ее в отчаяние. (Текст его не сохранился, но, очевидно, Суслова еще не знает о бракосочетании адресата: об этом новобрачный известит ее в ответном письме.) «Мне было холодно, я дрожала и даже плакала. Я боялась, чтобы старая привязанность не возобновилась и чтобы его любовь ко мне не прошла. Господи, не посылай мне такого несчастья!»²⁸¹

Она имеет представление о красоте конкурентки: как помним, Достоевский показывал будущей супруге ее портрет.

...Они живут в Дрездене – то уверяя друг друга в безумной любви, то ссорясь из-за пустяков: порой то и другое происходит по несколько раз на дню. Но по-настоящему мучит Анну Григорьевну только одно. Когда муж уходит в аптеку, она вдруг решает, «что он, вероятно, пойдет к моей сопернице». Казалось бы, откуда ей взяться в Дрездене? Но письмо, украдкой прочитанное Анной Григорьевной, было захвачено Достоевским еще из Петербурга (а следующее, пришедшее по почте, переслано за границу с оказией). Этого Анна Григорьевна знать не могла. Поэтому подозревалась измена – тут же, на месте.

«Я тотчас же села на окно, рискуя выпасть из окна, и навела бинокль в ту сторону, из которой он пошел и из которой он должен был воротиться»²⁸². Увы, усиленное оптикой наружное наблюдение не даст результатов.

В отсутствие мужа (он отправляется в Гомбург на рулетку) она получит еще одно адресованное ему сусловское послание. И по приходе домой, «страшно в душе волнуясь», с помощью ножа осторожно вскроет конверт. Затем, по прочтении, будут приобретены сургуч, кисточка и клей. С использованием этих подручных средств «проклятое письмо» акку-

²⁸⁰ *Дневник 1867 г.* С. 8; *Воспоминания.* С. 146–147.

²⁸¹ *Дневник 1867 г.* С. 19, 20.

²⁸² Там же. С. 28.

ратнейшим образом запечатывается – «чтобы не было заметно, что его кто-то читал»²⁸³. (Разумеется, при авторской расшифровке дневника описание этой восстановительной операции из текста удаляется.)

Анна Григорьевна признается, что «переписывала письмо на память», хотя, добавляет она, оно того и не стоит. (С ее точки зрения, все, что пишет «соперница», имеет невысокую ценность.) Такое заявление обнадеживает. Поскольку письма Сусловой не сохранились (и мы догадываемся о причинах), остается надежда, что хотя бы эта (скорее всего, стенографическая) перлюстрация когда-нибудь будет обнаружена²⁸⁴.

Отдав вновь запечатанное письмо вернувшемуся из Гомбурга Достоевскому и сделав вид, что не догадывается, кто автор послания, она пристально наблюдает за выражением лица супруга, когда тот читает это «знаменитое», как она выражается, но, увы, неизвестное нам письмо. «Он долго, долго перечитывал первую страницу, как бы не будучи в состоянии понять, что там написано (Анна Григорьевна, собственно, могла бы это ему разъяснить. – *И.В.*)... Мне показалось, что руки у него дрожали». Следуя принятой роли, наблюдательница безмятежно спрашивает адресата, «что пишет Сонечка» (племянница). Он отвечает, «что письмо не от Сонечки, и как бы горько улыбался. Такой улыбки я еще никогда у него не видала. Это была или улыбка презрения, или жалости, право, не знаю, но какая-то странная («жалкая, потерянная» – исправлено в расшифровке. – *И.В.*). Потом он сделался ужасно как рассеян, едва понимал, о чем я говорю»²⁸⁵.

Анна Григорьевна – тонкий психолог. Она зорко подмечает все реакции мужа, его «миимику и жест». И за отсутствием самого письма только по этим динамическим признакам приходится судить о его содержании. Во всяком случае образ «подруги вечной» еще сильно волнует ее дрезденского корреспондента.

Ревность продолжает преследовать Анну Григорьевну и после переезда в Женеву.

Во время прогулки Достоевский случайно вытаскивает из кармана маленькую бумажку, на которой что-то написано карандашом. «Мне захотелось знать, что это было именно, и я схватила записку; вдруг Федя зарычал, стиснул зубы и ужасно больно схватил меня за руки...» Подобная (неадекватная) реакция мужа только разжигает ее подозрения. Единоборствуя, они разрывают записку на несколько частей, и каждый в сердцах бросает свою добычу на землю. После чего, обозвав мужа дураком, Анна Григорьевна разворачивается в направлении к дому. Но, будучи совершенно уверенной, что автором записки является известная особа, бдительная супруга, выждав, когда муж скроется из виду, возвращается на поле брани и аккуратно подбирает разорванные клочки. Она спешит домой в страшном волнении, ибо ей представляется, что роковая женщина уже добралась до Женевы – и муж тайно встречается с коварной разлучницей, «а разве я могу быть уверена, что Федя мне не изменяет? Чем я в этом могу увериться? Ведь изменил же он этой женщине»²⁸⁶, так отчего

²⁸³ *Дневник 1867 г.* С. 33, 37.

²⁸⁴ Кстати, роясь в чемодане с перепиской мужа, Анна Григорьевна наталкивается и на письмо Прасковьи Аникиевой (№ 247; от которой, напомним, у М.М. Достоевского был сын Ваня: Федор Михайлович после смерти брата помогал им материально). «Я его изорвала», – жестко заключает Анна Григорьевна, что свидетельствует о не таком уж трепетном ее отношении к известной части архива (*Дневник 1867 г.* С. 33).

²⁸⁵ *Дневник 1867 г.* С. 57.

²⁸⁶ Это довольно темное место. Кого автор имеет в виду под «этой женщиной»? Марию Дмитриевну? Но почему она тогда прямо не названа? Суслову? Но, как известно, Суслова изменила ему, а не он ей. Или Анна Григорьевна обладает какой-то другой, неизвестной нам информацией?

же ему не изменить и мне?» Она пишет, что решительно не допустит обмана («я слишком горда, чтобы позволить над собой смеяться»). Именно поэтому она, любя мужа, обязана не слишком ему доверять. «Положим, что это должно быть и очень дурно, но что же делать, если у меня такой характер, что я не могу быть спокойной, если я так люблю Федю, что ревную его. Да простит меня Бог за такой, должно быть, низкий поступок, что я хочу шпионить моего мужа... Нет, пусть даже это будет нечестно, но я постоянно буду наблюдать, чтобы не быть обманутой»²⁸⁷. Этот эпизод зафиксирован в одной из так и не расшифрованных Анной Григорьевной записных книжек. Можно не сомневаться, что, займись она расшифровкой, он был бы изъят либо сильно купирован. Подлинный текст, однако, носит следы некоторых нравственных терзаний.

Реставрация записки – иными словами, тщательное соединение отдельных ее частей – оказывается ненамного сложнее той операции, какая, как помним, была предпринята для восстановления тайком нарушенной девственности сусловского письма. На бумажке прочитывается чей-то женевский адрес; Анна Григорьевна ни минуты не сомневается, кому он принадлежит: «Мне представилось, что он (то есть Достоевский. – И.В.) вместо того, чтобы ходить в кофейню читать газеты, ходит к ней, что вот она дала ему свой адрес, а он, по своему обыкновению, по неосторожности, вынул и таким образом чуть-чуть не выдал свою тайну мне»²⁸⁸. Самой капитальной уликой в ее глазах служит то, что подозреваемый отчаянно боролся за этот злополучный клочок бумаги.

Криминального толка догадки до того измучили Анну Григорьевну, что она начинает бурно рыдать. «...Я кусала себе руки, сжимала шею <...> боялась, что сойду с ума». Ее убивает мысль «об этой подлой особе, которая <...> способна нарочно ему отдаться для того, чтобы только насолить мне...» Она решает завтра же непременно отыскать означенное в записке место и, если ее опасения подтвердятся, взять свои меры: может быть, даже уехать от мужа. При всей любви к нему она не желает поступаться своей женской гордостью и готова к страшному для нее разрыву. И хотя Достоевский по приходе домой, увидев заплаканную жену, признается, что в записке содержался всего-навсего адрес закладчика (и тогда его давешнее «рычание» можно объяснить лишь посягательством на его свободу), Анну Григорьевну это не успокаивает. Тем более что в эту ночь «Федя не пришел ко мне прощаться»²⁸⁹. И несмотря на то, что на следующий день они вроде бы помирились, Анна Григорьевна предпринимает некоторые топографические разведки: в частности, находит указанную в записке квартиру. Затем, как опытный филер, следуя на некотором отдалении от мужа, сопровождает его в кофейню и, выбрав удобную точку, налаживает визуальное наблюдение. Впрочем, вскоре ей это наскучит, и, пренебрегая конспирацией, она откровенно заглянет в окно кофейни, где муж, не замечая ее, «смирненько сидит себе у стола и читает газету, так что тут мои подозрения решительно рушились»²⁹⁰.

Прошлое мужа не оставляет его молодую супругу. Призрак Аполлинии сопровождает их все первые месяцы брака – от Дрездена до Женевы.

Анна Григорьевна, как мы уже говорили, не упускает случая напомнить, что Достоевский был крайне ревнив. Так, в Дрездене во время их совместной прогулки им встречается

²⁸⁷ *Дневник 1867 г.* С. 249–250.

²⁸⁸ Там же. С. 250.

²⁸⁹ Там же. С. 251.

²⁹⁰ Там же. С. 253.

«молодой человек, розовый и толстый, как поросенок»²⁹¹, который вежливо раскланивается с Анной Григорьевной. (Она видела этого немца единственный раз – на заседании местного стенографического кружка.) Достоевский устраивает ей сцену. Эта «тяжелая и обидная для меня черта характера моего мужа заставила меня быть осторожнее, чтобы избежать подобных осложнений» – сказано в воспоминаниях, где подобные эпизоды приводятся неоднократно. Но добросовестная мемуаристка ни словом не обмолвится о приступах ревности с **ее** стороны и о тех радикальных мерах, к которым она в этой связи прибегает.

Эта ревность носит преимущественно **виртуальный** характер, поскольку никакого женского общества, могущего возбудить у Анны Григорьевны известные подозрения, за все годы пребывания Достоевских за границей как будто не наблюдается. Пройдет десять лет – в свои последние годы писатель будет окружен множеством женщин, с некоторыми из них у него сложатся вполне дружественные отношения. И Анне Григорьевне придется смириться с этим обстоятельством. «Хотя моя мать – бесстрастно сообщает Любовь Федоровна, – и была несколько ревнива, она не возражала против частых посещений Достоевским графини (речь идет о вдове А.К. Толстого. – *И.В.*), в то время уже вышедшей из возраста соблазнительницы»²⁹². Суслова из этого возраста выйдет еще не скоро.

Нордическая жена Достоевского, пожалуй, не менее импульсивна, чем ее вспыльчивый и подозрительный муж. Но в отличие от последнего она умеет сдерживать свои порывы. С годами взаимное доверие возрастает. Впрочем, на протяжении всего брака супруг не давал особых поводов его ревновать. Автор «Воспоминаний» приводит его предсмертные слова, «которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни:

– Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно!»²⁹³

Однако в своих черновых заметках, относящихся к этим последним дням, Анна Григорьевна придерживается несколько иной версии: «...Просил прощ<ения>, любил [уважал, изменял лишь мысленно, а не на деле]...»²⁹⁴ (Заключенные в квадратные скобки слова записаны стенографически.) Талант мемуаристки честно уживается у Анны Григорьевны с тонким редакторским чутьем.

«Мы довольно сильно побранились...»

Но вернемся в 1867 год.

К его исходу их душевная близость возрастает настолько, что Достоевский позволяет жене знакомиться с его корреспонденцией. Ее «ужасно как радует» такая откровенность – не в последнюю очередь потому, что «это избавляет меня от необходимости читать стороной его письма». Она абсолютно убеждена, что подобная необходимость в принципе существует и что это – ее священное право: «Ведь не могу же я оставаться равнодушной к тому, что делает мой муж»²⁹⁵. Эта попечительность простирается столь далеко, что, читая мужу вслух – в собственном переводе – написанное по-немецки письмо Эмилии Федоровны, она «преспокойно» опускает то место, где корреспондентка без должного пиетета

²⁹¹ *Воспоминания*. С. 156.

²⁹² *Достоевский в изображении дочери*. С. 176.

²⁹³ *Воспоминания*. С. 376.

²⁹⁴ *Достоевский в забытых*. С. 284.

²⁹⁵ *Дневник 1867 г.* С. 295.

отзывается о ее, Анны Григорьевны, родительнице. «Так что эта жалоба ее так-таки и осталась для Феди неизвестной»²⁹⁶. Ее цензорские усилия всегда устремлены к благой цели, которая оправдывает средства: «не нарушать покоя и мира в семье».

Надо признать, что бдительность Анны Григорьевны носит универсальный характер. Когда муж отлучается из дома, она берется за изучение его записей к новому роману (сделанных, кстати, в той же тетради, что и записи к «Преступлению и наказанию»: возможно, будучи причастна к последнему – ею переписывались заключительные главы, – она полагает, что ее юрисдикция распространяется и на все остальное). «...Я всегда прочитываю, что он такое записывает, – замечает первый в мире текстолог-**достоевед**, – но, понимаете, ни слова не говорю ему об этом, потому что иначе он бы на меня ужасно как рассердился»²⁹⁷.

В данном случае этот интерес совершенно бескорыстен. Ведь не рассчитывает же она в самом деле выудить из планов и черновиков какие-то сведения, относящиеся к интимным секретам мужа, лично к ней или к их общей семейной жизни. Ее всерьез занимает то, чем в настоящий момент занят Достоевский. Она не хочет ждать той поры, когда все эти рукописи, к ее величайшему горю, станут наконец ее законнейшим достоянием. Она бережет мужа от излишних волнений: «Зачем его сердить, право, мне не хочется, чтобы он прятал от меня свои тетради, лучше пусть он думает, что я решительно ничего не знаю, что такое он делает».

Все это говорится с полным сознанием собственной правоты. (Ситуация довольно рискованная: вспомним, что через несколько десятилетий, правда, при совершенно других обстоятельствах, любопытство Софьи Андреевны относительно «потаенных» рукописей ее супруга поведет к уходу Толстого из Ясной Поляны и в конечном счете – к трагической смерти.) Заметим только, что если Достоевский для Анны Григорьевны **проницаем** (во всяком случае, в отношении документальном), то у нее самой по-прежнему остается совершенно закрытое для мужа пространство. «Я, – сказано в черновике «Воспоминаний», – могла свободно записывать, так как знала, что никто кроме меня не прочтет мною записанного»²⁹⁸. Задуманный как отчет о дорожных впечатлениях, дневник превращается в хронику брака, недоступную не только для посторонних, но даже для одного из его участников, в «остановленное мгновение», в дисциплинирующий самоотчет, в «историю литературы», наконец. Вряд ли в последующие тридцать лет Анна Григорьевна хоть раз обратится к этим погребенным в ее бумагах свидетельствам, но сейчас, в 1867-м, они необходимы ей в терапевтических целях – как тайное средство упорядочения их жизни, гармонизации быта и бытия.

«Обыкновенно вечером, – повествует молодая жена, – Ф.М. садился за свои занятия, я присаживалась к другому столу и писала свой дневник. (Карандашом, разумеется: чернильница, как сказано, уступалась **писателю**. – *И.В.*). Сколько раз говорил мне Ф.М.: как бы мне хотелось знать, что такое ты пишешь своими крючочками. Уж наверное меня бранишь!

– У кого достанет духа тебя не бранить, – отвечала я ему его же фразой, которую он часто говорил мне шутя»²⁹⁹.

²⁹⁶ *Дневник 1867 г.* С. 310.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Достоевская А.Г. *Дневник 1867 г.* 1-е изд. М.: Новая Москва, 1923. С. XII.

²⁹⁹ Там же.

Впрочем, в дневнике Анны Григорьевны нет сколько-нибудь заметных **следов** интереса, проявляемого к ее трудам. (Только однажды помечено: «Это Федя подошел ко мне и показал мне, где я должна ему прочесть, и размарал мне страницу, за что и получил нагоняй»³⁰⁰.) Когда он сообщает Майкову, что жена исписала «своими стенографическими знаками» семь книжек, то прежде всего имеет в виду «какую-нибудь глупую ратушу», запечатленную усердной путешественницей в ее дорожных записках, но отнюдь не самого себя³⁰¹. Его нимало не занимает посмертный **имидж**.

Между тем она честно заносит в дневник сведения о мелких ссорах и стычках, которыми изобилует их заграничная жизнь. Надо заметить при этом, что крупных, принципиальных размолвок практически не случается. Неудовольствия имеют место по самым ничтожным поводам и чаще всего оказываются следствием раздражения (как правило, непредсказуемого) главы семьи.

«Федя проснулся не в духе. Сейчас же поругался со мной, я просила его не так кричать. Тогда он так рассердился, что назвал меня [проклятой гадиной]» (в стенографическом оригинале указанное определение аккуратнo замарано)³⁰². Сцена происходит на третьей неделе их путешествия и через два с половиной месяца после заключения брака. Они, кажется, уже вполне освоились друг с другом.

Но интересно другое. Каким образом Анна Григорьевна реагирует на подобную брань? «Это меня ужасно рассмешило, но я показала вид, что разобиделась, и ни слова не говорила с ним». Это ее рассмешило, ибо она понимает, что сказано не от сердца, а **в сердцах**, что в устах мужа это своего рода цитата – чужая, «взятая напрокат» речь. Слова эти не только не выражают подлинное отношение неистового ругателя к бранимому им лицу, но даже, напротив, комическим образом подчеркивают неуместность определения.

Напрасно, однако, Анна Григорьевна сдерживает одолевающий ее смех. Позднее в подобных случаях она не будет скрывать свойственную ей природную веселость. И это нередко обезоруживает Достоевского и приводит в «нормальное» расположение духа. Смех, как ему и положено, снимает напряженность. (Чего, кстати, не было в предыдущем браке: вечно экзальтированная Марья Дмитриевна не обладала подобным чувством юмора.) Воистину Достоевскому противопоказана слишком серьезная жена. Недаром он заявляет своей молодой подруге, что если когда-нибудь она сделается «серьезной, скучной, холодной и спокойной особой», он разлюбит ее³⁰³.

«Фу, какая ты смешная! – говорит он, глядя на вдруг развеселившуюся от его бесконечных ворчаний супругу. – На тебя сердиться нельзя, ты так хорошо смеешься!»³⁰⁴ Смех выдает человека – для Достоевского это весьма существенный признак.

Но птица я – и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

«Смеху, веселья было много, – говорится в воспоминаниях, – и муж уверял, что он со мною помолодел на всю разницу наших лет»³⁰⁵. Эту не только физиологическую, но и по-

³⁰⁰ *Дневник 1867 г.* С. 178.

³⁰¹ *ПСС*. Т. 28₂. С. 205.

³⁰² *Дневник 1867 г.* С. 22.

³⁰³ Там же. С. 189.

³⁰⁴ Там же. С. 139.

³⁰⁵ *Воспоминания*. С. 152.

коленческую разницу Достоевскому важно было преодолеть: его семейный опыт должен был дать ему уверенность в том, что он как человек и писатель интересен «племени младому, незнакомому».

Однако легкий нрав Анны Григорьевны отнюдь не избавляет ее от тяжелых переживаний. Особенно – во время беременности, когда нередко ею овладевают приступы необъяснимой тоски. Она не считает необходимым посвящать в свое состояние мужа: «...Я знаю, что и ему очень тяжело, так зачем же увеличивать эту тягость...»³⁰⁶ Поэтому она **старается** быть веселой и даже рассказывает мужу забавные анекдоты. От Достоевского не могут укрыться ее бесхитростные уловки, и он со своей стороны замечает, что «это очень хорошо», ибо «показывает довольно высокий характер – не унывать в беде, а, напротив, сохранять как можно больше бодрости»³⁰⁷. Он не забывает о своей миссии педагога.

Анна Григорьевна уже неплохо изучила его характер. Она, как и пасынок Достоевского Паша Исаев, знает, что глава семьи отходчив: «У Феди эти бури проходят через минуту, и через минуту нельзя бывает даже заметить, чтобы он даже сколько-нибудь сердился на меня»³⁰⁸. Вместо с тем она понимает, что в любой момент может попасть под горячую руку.

В тот день, когда в ее адрес было произнесено приведенное выше обидное слово, он действительно пребывает не в духе: «Федя всю дорогу ругал немцев за их непонятливость, и когда встретился нам саксонский гусар, Федя был так разгневан, что бросился ругать саксонского короля, зачем он содержит 40 тысяч гвардии». В ответ на это стратегическое рассуждение Анна Григорьевна замечает, что отчего же не содержать, когда есть деньги. «Впрочем, мне было положительно все равно, содержит ли он гвардию, или ее вовсе не существует. Я отвечала только, чтобы что-нибудь сказать»³⁰⁹.

Лучше бы она промолчала. «Федя ужасно рассердился, но на этот раз и на меня, и объяснил мне, что если я глупа, то пусть держу язык за зубами». Анна Григорьевна не стала противоречить. «Вот как мне иногда достается за немцев», – не без усмешки заключает она³¹⁰.

Семейная жизнь предполагает высокую степень вербальной свободы. Достоевский взрывается по пустякам; Анна Григорьевна порой не остается в долгу.

На прогулке (это уже в Женеве), шествуя под одним зонтиком с мужем, она поскользнется, чем вызовет его неожиданный гнев. На мужнин крик Анна Григорьевна ответит, «что зонтик не панцырь, и что он (то есть муж. – *И.В.*) дурак». И демонстративно откажется от покровительства зонта, оставив мужа единственным его обладателем. Что, как покажется супругу, вызовет смех встречных торговков; Достоевский перейдет на противоположную сторону. «...Идя по улице, ругался: черт, подлая, злючка, мерзавка и разными другими именами». Обедают они молча. «Вечером мне не хотелось с ним ссориться, я расхохоталась, заставила его тоже расхохотаться и не сердиться на меня». Однако это помогло ненадолго. Уличенная в недостаточной расторопности при подаче папирос, она, обидевшись, «почти бросила к нему на постель и портсигар и спички», что вызвало новый взрыв недовольства. «Вдруг Федя начал кричать, как, бывало, он кричал у себя дома (на служанку Федосью и порою на Пашу. – *И.В.*), ужасно, дико, и начал ругаться: каналья, подлая,

³⁰⁶ *Дневник 1867 г.* С. 149.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же. С. 86.

³⁰⁹ Там же. С. 23.

³¹⁰ Ср. запись того же дня: «Пошли. Федя бранился: зачем аллеи прямые, зачем тут пруд, зачем то, зачем другое – просто так мне надоело, и я решительно желала, чтоб поскорей кончился этот скверный день».

стерва и проч. и проч.». Находящаяся на четвертом месяце беременности Анна Григорьевна пытается дать отпор: «мы довольно сильно побранились...»³¹¹

Чуть позже Достоевский начинает свою обычную диктовку, «а я писала и плакала, так мне было грустно, просто ужас, от одной только мысли, что он, тот человек, которого больше всего на свете люблю, тот-то и не понимает меня...» Муж в искреннем недоумении пытается выяснить причину ее слез.

Но плакать приходится и Достоевскому.

Без цинических выражений

Он не слишком обижается, когда в порыве гнева жена аттестует и его «первыми попавшимися на язык словами»: например, «подлая тварь»³¹². Это своего рода реванш за «проклятую гадину», которая, как помним, тоже не производила на Анну Григорьевну особого впечатления. Оба понимают, что все это – слова, слова, слова... Недаром одни и те же устойчивые обороты употребляются в значениях прямо противоположных. Когда Анна Григорьевна в день его рождения дарит ему красивую бронзовую папиросницу, он, польщенный презентом, благодарит ее в следующих выражениях: «"Ах ты, подлая, ах ты, подлая, – продолжал он меня ругать, – ведь надо же было подарить". <...> Он несколько раз назвал меня подлой, но, разумеется, чрезвычайно ласково и добро»³¹³. Как и ненормативная лексика, имеющая свойство вмещать в себя весь диапазон эмоций – от крайнего гнева до совершенной радости, – «обычные» бранные слова обладают у Достоевского множественностью смыслов.

«У нас такое согласие, – записывает Анна Григорьевна в Женеве 17 (29) сентября 1867 г., – или Федя соглашается, или я, споров нет, а если случится кому-нибудь рассердиться (большею частью мне), то я обругаю его дураком, но сейчас расхожусь, и он вполне уверен, что я это его назвала вовсе не по злобе, а просто так вырвалось, и что я решительно не сержусь на него»³¹⁴.

Все, однако, зависит не от самого слова, а от той обстановки, в которой оно произнесено.

«Я назвала его дураком, скотиной, болваном, – фиксируется в дневнике после одной из размолвок, – вообще изругала его ужасно, и, к моему ужаснейшему удивлению, он даже этим нисколько не обиделся, а как будто бы даже успокоился»³¹⁵. Он понимает, что брань на восток не вылетит, тем более – из любящих уст. Но так бывает не всегда.

«Тут я его обругала дураком и болваном», – уже привычно записывается в другой раз. Ссора, однако, оказалась серьезной. «Он сначала лег в постель, но потом у него стали сильные боли в сердце, и он встал, потому что боялся лежать». Бранившая «сейчас же опомнилась» и стала просить у мужа прощения. (Она оправдывает свою невозддержанность беременностью, безденежьем, необходимостью закладывать последние вещи и т.д.) Но что же за этим следует? «Федя ужасно как обиделся, что я его назвала дураком, до того обиделся, что даже заплакал и плакал несколько времени»³¹⁶.

³¹¹ *Дневник 1867 г.* С. 256.

³¹² Там же. С. 104.

³¹³ Там же. С. 360–361.

³¹⁴ Там же. С. 273.

³¹⁵ Там же. С. 353.

³¹⁶ Там же. С. 288.

Плачущий из-за «дурака» автор «Идиота» (кстати, последнее слово в качестве ругательства не употреблено ни разу) – зрелище сильное³¹⁷. Конечно, «дурак» здесь только предлог. Очевидно, огорчает что-то другое – более глубокое, скрытое. И Анна Григорьевна, чувствуя это, спешит спасти ситуацию. «Это уж было для меня слишком больно, видеть его слезы. Но я постаралась с ним примириться».

Она постаралась с ним примириться – и это ее стремление продиктовано не хитростью, не расчетом и не холодной женской корыстью.

Вообще, семейная стратегия Анны Григорьевны, если только будет позволено так это обозначить, в первые годы их брака строится исключительно на ее замечательной интуиции. При всей своей житейской неопытности, наивности и не изжитой до конца инфантильности она безошибочным чутьем выбирает ту единственную линию поведения, которая не только естественна и возможна в отношениях с таким мужем, но, по-видимому, наиболее приемлема для него. Для Достоевского главное – искренность, а он со своей пронизательностью и недоверчивостью «в одном флаконе» не мог, кажется, не видеть, что его юная спутница начисто лишена каких-либо признаков притворства и пустого кокетства. (Здоровое женское любопытство относительно его корреспонденции тут не в счет.) Он не мог не догадываться, что она его действительно любит, – и только эта уверенность, ежедневно и еженощно подкрепляемая, могла стать надежной основой брака. Ни разу за четырнадцать лет их совместной жизни Анна Григорьевна не дала ему повода усомниться в «безальтернативности» ее выбора и, следовательно, – в правильности его собственного.

Он не лукавит, когда, как уже говорилось, уверяет ее, что его супружеская любовь возрастает: в немалой степени – это ответное чувство.

Но в начале их брака перспективы довольно туманны.

Только ли сугубой раздражительностью Достоевского, беременностью жены, изолированностью от внешнего мира и, наконец, непреодолимым, казалось бы, «несходством характеров» можно объяснить далеко не идиллическое протекание их «медового года»? Конечно, все указанные моменты играют определенную роль. Но, по-видимому, существует еще одна, не столь явная причина, о которой следовало бы упомянуть.

Достоевский выезжает в Европу, забрав у Каткова в общей сложности 3000 рублей вперед за еще не написанный роман. За границей этот долг возрастает до 4000 и более. Автор намеревается тотчас же по приезде на Запад засесть за работу³¹⁸. Сроки (декабрь, когда нужно послать в «Русский вестник» первые главы) неотвратимо приближаются, а у Достоевского еще не написано ни строки. Вообще, все летние месяцы 1867 г. он почти ничего не пишет, если, как уже говорилось, не считать двухлистной, через силу слагаемой заказной статьи о Белинском («до того дрянная, что из души воротит»³¹⁹). Посланная издателю статья бесследно исчезнет. (Это, пожалуй, самый большой по объему из не дошедших до нас текстов Достоевского, исключая, может быть, его ранние драмы.) Летом нет даже плана будущего романа, то есть того, чему всегда еще до начала писания уделяется исключительное внимание. Вместе с Анной Григорьевной он осматривает достопримечательности (до которых, кстати, никогда не был большой охотник, предпочитая «наблю-

³¹⁷ Не вспомнилось ли ему часом название некоего рассказа «Дурак Федя», в далеком 1848-м напечатанного в «Иллюстрированном альманахе» Некрасова и Панаева бок о бок с его собственным сочинением «Ползунков», в чем он мог тогда усмотреть тайную насмешку издателей?

³¹⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 205.

³¹⁹ Там же. С. 216.

дать нравы»), гуляет по живописным окрестностям Дрездена, Бадена и Женевы, обедает в ресторанах, изучает в читальне русские газеты, ходит слушать «дешевую музыку» (в смысле – за умеренную плату, на свежем воздухе), отчаянно играет, проигрывается, закладывает свои и женины вещи и т.д., и т.п. **Дело** между тем не движется.

«Пока не требует поэта...» Хотя вряд ли все это время душа его вкушала «хладный сон», до принесения «священной жертвы» еще надо было дожить. И вообще не было уверенности, будет ли она в конце концов принесена. А пока: «И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

Достоевский знал Пушкина наизусть.

«Что же я делал? – пишет он А.Н. Майкову 16 (28) августа 1867 г. – Прозябал. Читал, кой-что писал, мучился от тоски, потом от жары. Дни проходили однообразно». В отличие от Гоголя, которому неплохо писалось в Риме, где, правда, за неимением жены он обрелся по преимуществу один, Достоевский свое зарубежное далёко не почитает столь прекрасным. (Они не поехали сразу в Италию из-за беспокойствия политического. Но чем лучше Германия, где недавно закончилась австро-прусская война и где их позже застанет война франко-прусская?) «Ничего или почти ничего до сих пор не сделал, – продолжает он письмо Майкову, – и только теперь принимаюсь за работу серьезно и окончательно». (Первая запись к «Идиоту» появится только через две с лишним недели, 14 сентября.) И тут же, частично опровергая себя, добавляет, что за это время все-таки «*кой-чего выдумалось*; но написанного, но *черного на белом* еще немного, а ведь *черное на белом* и есть окончательное; за него только и платят»³²⁰.

Разумеется, этот относительный творческий простой, эта тоска неписания, вынужденное внутренним непокоем самоотлучение от труда чрезвычайно тяготят Достоевского. Он не может собраться и заставить себя сесть за работу, которая только и способна обеспечить его существование. Постоянно преследующая его тревога, вечное недовольство собой находят исход в перепадах настроения, в угрюмстве, в повышенной раздражительности, жертвой чего прежде всего становится жена. Да и кто бы еще (ведь не равнодушные же к его хулам немцы!) смог бы в этих условиях исполнить роль идеального громоотвода?

Но неверно полагать, что они только бранятся и, согласно народной присказке, тешатся этим.

«Когда мы устроились <в Дрездене>, – пишет Анна Григорьевна, – наступила для меня полоса безмятежного счастья <...> Воспоминания о том чудном времени, несмотря на протекшие десятки лет, остаются живыми в моей душе»³²¹. Нет основания не верить мемуаристке. Счастье, возможно, и не было безмятежным, но оно – было.

«Милый Федя, какой он славный и как меня любит. Это он мне говорит, и я вполне этому верю», – подобных записей в дневнике ничуть не меньше других, не столь радостных по тону. Автор дневника всегда фиксирует то, что Достоевский сообщает ей о своих чувствах – о том, что если бы она ушла от него или умерла, то он «просто бы сошел с ума от горя». Он признается, что «никак не ожидал встретить такой жены» и не надеялся, что она будет «такой хорошей»³²². Правда, почти одновременно упомянутой жене ставится на вид, что ничтоже сумняшеся она позволила себе прилечь на постель не раздеваясь; но это, как говорится, издержки жанра.

³²⁰ ПСС. Т. 28₂. С. 205.

³²¹ Воспоминания. С. 149.

³²² Дневник 1867 г. С. 185, 189, 190.

Жена в России больше, чем жена (а их пара за границей, конечно, сколок России). Его избранница становится для него открытием и чудом, по мере постижения которого удивление его возрастает. «...Анна Григорьевна, – пишет он Майкову, – оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и рассчитывал, и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим; но в то же время много детского и двадцатилетнего, что прекрасно и естественно необходимо, но чему я вряд ли имею силы и способности ответить»³²³.

При этом он вовсе не желает, чтобы их отношения были пущены на самотек.

Сколь бы ни поглощали его повседневные заботы и раздумья художественные, он в письмах к ней старается сформулировать свою педагогическую и нравственную задачу: «Мне Бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно возросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя Богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит...»³²⁴

В отличие от иных гениев, самонадеянно полагающих, что им воздастся именно за талант, он не обольщается мыслью выручить себя на Страшном суде предъявлением бессмертных творений. Нет, он хотел бы в свое оправдание указать на одну-единственную спасенную и выпестованную им душу. Она для него – последняя надежда: на искупление собственных «огромных» грехов. Недаром он говорит (и Анна Григорьевна старательно записывает эти слова), что благодаря ей он может «решительно переродиться», что она дала ему много новых, хороших чувств и мыслей, «так что он и сам становится лучше»³²⁵. Кстати, один близко знавший его современник в своих биографических записках как общее впечатление отмечает, что после возвращения из-за границы Достоевский стал значительно мягче, терпимее и в характере его произошли благодетельные сдвиги³²⁶.

Можно сказать, что в отличие от Анны Григорьевны, поведение которой диктуется исключительно чувством, брачная тактика ее мужа если и не просчитана им намеренно, то во всяком случае твердо осознается и даже закрепляется письменно. Пусть житейская проза,отягченная к тому же его **трудным характером**, нередко заставляет его отступать от прокламируемых идеалов, нет сомнений, что «в высшем смысле» он ориентирован именно на них. Он не старается избежать ни домашней рутины, ни нелегкого бремени главы семейства, ни добровольно взятых моральных обязательств.

Он не забывает о метафизике брака. Для него крайне важен религиозный смысл супружества. Замечательно, что при этом Достоевский расценивает исполнение своего семейного долга как акт покаяния и самоспасения: только это должно зачесться ему.

В том, что он на деле не отступал от этой «теории» и что их семейная жизнь, как и в случае с Пашей Исаевым (речь о нем впереди), еще и роман воспитания, убеждают помимо прочего свидетельства воспитуемой: «С глубокою благодарностью вспоминаю я, как относился Федор Михайлович ко мне, как оберегал меня от чтения безнравственных романов и как возмущался, когда я, по молодости лет, передавала ему слышанный от кого-либо скабрезный анекдот. В своих разговорах муж мой всегда был очень сдержан и не допускал циничных выражений. С этим, вероятно, согласятся все лица, его помнящие»³²⁷.

³²³ ПСС. Т. 28₂. С. 205.

³²⁴ Там же. С. 184.

³²⁵ Дневник 1867 г. С. 190.

³²⁶ Биография, письма. С. 294–295. 1 паг.

³²⁷ Воспоминания. С. 403–404.

Эти строки вызваны нуждами посмертной полемики. Они содержатся в «Ответе Страхову» (к тому времени уже покойному) – и написаны после публикации в 1913 г. письма последнего к Л.Н. Толстому, где ставрогинский «поступок с отроковицей» (соблазнение малолетней) приписан самому автору «Бесов». Но в «Ответе» Анны Григорьевны нет полемических преувеличений. В ее, как мы убедились, чрезвычайно откровенных дневниках нельзя найти ни одного указания на известного рода разговоры или шутки, а тем паче – на какие-либо «цинические выражения». «Каналья» и «проклятая гадина» – пожалуй, самые сильные из них.

Напечатавший в «Гражданине» статью о безграничных возможностях русского мата (где описывается, как несколько подвыпивших мастеровых изъясняют всю сложность занимающих их проблем при помощи одного-единственного «нелексиконного» существительного, к тому же «чрезвычайно удобно произносимого»), сам он, по-видимому, крайне редко обращается к этому универсальному национальному средству. Во всяком случае, при публикации всей его огромной эпистолярной издателям считанные разы пришлось прибегать к стыдливым академическим купюрам. (Чего нельзя сказать – и это вовсе не этическая оценка, а простая констатация факта – о письмах многих других писателей земли русской.) И дело здесь, разумеется, не в каком-то нравственном аскетизме (хотя и в нем тоже), а в общей стилистике жизни, в вербальных предпочтениях автора, владеющего, конечно, всеми ресурсами языка. Творец шокирующих его современников литературных сюжетов, он не склонен акцентировать внимание жены на рискованных темах. Но наверняка посвящает ее в мотивы своих художественных решений.

«Из совместной четырнадцатилетней жизни с Федором Михайловичем, – замечает Анна Григорьевна, – я вынесла глубокое убеждение, что он был один из целомудреннейших людей. И как мне горько было прочесть, что столь любимый мною писатель И.С. Тургенев считал Федора Михайловича циником и позволил себе назвать его “русском маркизом де Сад”»³²⁸. У Тургенева были свои резоны, у Анны Григорьевны – свои.

...Они никогда не разлучались слишком надолго. В Германии и Швейцарии – на несколько дней, когда он «отрывался» на рулетке в Гомбурге или Саксон-ле-Бэне; в России – когда ездил в Москву, или один из супругов находился в Петербурге, а другой в Старой Руссе. Были и более продолжительные отлучки – два раза он отправлялся в Эмс на минеральные воды. В эти промежутки времени супруги обменивались посланиями чуть ли не ежедневно.

Письма Достоевского к жене – это еще один его эпистолярный роман, по объему во много раз превосходящий его первую – эпистолярную – прозу. Они исполнены высокого интереса – как, скажем, и письма Пушкина к Наталье Николаевне. Правда, в своих, как правило, лаконичных и проникнутых легкой иронией супружеских посланиях Пушкин достаточно сдержан. Во всяком случае, он не позволяет себе никаких лирических излияний. Его чувство к жене уловимо лишь в тоне, в лексике, между строк. Сохраняется и возрастная дистанция: это письма **старшего к младшей**, письма умудренного жизнью зрелого мужа к женщине молодой, неопытной и любимой. Пушкин может себе позволить обратиться к жене с нежным укором – «какая ты дура, ангел мой». Для Достоевского, не избегавшего в устном общении с Анной Григорьевной и более сильных выражений, на письме подобное невозможно. Его адресат либо просто «ангел» либо «ангел милый, бесценный»

³²⁸ Воспоминания. С. 100.

(как выразился бы Макар Деушкин, «ангельчик»). Вольности, присущие устной речи, не допускаются в «канонический» текст.

Его письма к Анне Григорьевне – это *песнь любви*, что в равной мере относится как к ранней, первого года их брака эпистолярной, так и к позднейшей. Он неистощим в своих любовных признаниях – и не только потому, что женщины, как он очевидно догадывается, любят ушами. Для него эти бесконечные уверения внутренне необходимы – он как бы фиксирует на письме, в твердом и окончательном виде («черное на белом»!) то, о чем, может быть, было говорено между ними неоднократно. Верящий в силу запечатленного слова, он спешит придать тому, о чем толковал изустно, статус *официальный*. Он начинает первое в их первой разлуке письмо – «Обнимаю тебя и целую крепко-крепко. Всю дорогу думал о тебе» и заканчивает его – «Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя!»³²⁹: это, собственно, лейтмотив всей последующей его с Анной Григорьевной переписки.

Конечно, это идеальный образ их отношений, очищенный от всего случайного, необязательного, преходящего. Притом что письма переполнены разного рода бытовыми подробностями, в них почти нет следов тех мелочных житейских неудовольствий, которые нередко отравляют им кровь в повседневной жизни. Более того, именно отдаленность в пространстве и возникающая в этой связи дистанция позволяет Достоевскому обозначить и собственную идеальную ипостась: «Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое, поверь, поверь!»³³⁰

Она любила получать его письма, уверяя, что он пишет «как никто».

В этих пространственных посланиях, перегруженных повторами и подробностями (что всезнающие медики склонны объяснять характерной для эпилептиков вязкостью, а мы, признаваясь, еще и другими причинами), захлебывающихся, страстных, отчаянных, радостных, горестных, исповедальных, с «выворачиванием души», Достоевский говорит с Анной Григорьевной не только на равных, но сверх того – вызывая к ее снисходительности, кротости и уму; как бы признает ее душевное старшинство и просит простить ему его легкомыслие, невзрослость, его ребяческий азарт.

В первую очередь подобное самобичевание относится к *игре*.

БОЛЬШАЯ ИГРА

«...Не называй меня подлецом!»

Разумеется, с первых дней она знала об этой сокрушительной страсти. Ей диктовался «Игрок», где все симптомы болезни, ее зарождение, протекание и неизбежный финал были исследованы с исчерпывающей художественной полнотой. Это был взгляд одновременно извне и изнутри – дана анатомия игры и поставлен не вызывающий сомнения диагноз.

³²⁹ ЛСС. Т. 28₂. С. 184, 185.

³³⁰ Там же. С. 186. «На лицо ужасные, добрые внутри», – словами известной песенки в исполнении Андрея Миронова мог бы прокомментировать данный текст нынешний «румяный критик» (он же «насмешник толстопузый»). Пренебрежем, однако, этой нечаянной перекличкой. Укажем лучше на удивительное совпадение аргументации Достоевского с той, какую он употребил в письме к учителю Паши Исаева М.В. Родевичу (оно будет приведено на с. 1134–1135), оправдывая свой нелегкий характер.

Анна Григорьевна, своей рукой как минимум дважды воспроизведшая этот текст (стенографически и обычным письмом), могла полагать, что «Игрок», говоря нынешним слогом, есть акт сублимации, а человек, с такой беспощадной творческой трезвостью обобщивший собственный горестный опыт, навсегда избавлен от искушения его повторить.

Увы, она ошибалась.

В ее мемуарной апологии именно она, а вовсе не «дорогой муж», представлена виновницей его первой в их общей жизни поездки на рулетку. Хотя Достоевского и тянуло «попытать счастья», он-де не мыслил оставить ее одну. «Я стала уговаривать мужа поехать в Гомбург на несколько дней, уверяя, что за его отсутствие со мной ничего не случится»³³¹. Долго уговаривать, однако, его не пришлось. «Я знала, – записывает Анна Григорьевна, оставшись одна, – что уж никто не придет разбудить меня поцелуями» («и речами», – строго добавляет она спустя десятилетия, словно опасаясь, что поцелуи слишком легковесный предлог для ночного визита)³³².

Он пишет ей из Гомбурга каждое утро, чтоб успеть отправить письмо с очередной почтой, и она в Дрездене с нетерпеливым волнением ждет момента, когда покажется почтовый шарабан. «Как Федя умеет писать письма – это удивительно, просто как будто говоришь с ним»³³³. Иногда он непосредственен как ребенок (с кем она его неоднократно и сравнивает). Он горячо убеждает ее, что открыл главный игральный секрет. «Вот мое наблюдение, Аня, окончательное: если быть благоразумным, то есть быть как из мрамора, холодным и нечеловечески осторожным, то непременно, *безо всякого сомнения*, можно выиграть *сколько угодно*»³³⁴. Сам он, однако, не в состоянии следовать этой победительной методе. Как сказано в письме к Майкову: «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил»³³⁵. В этом он схож с некоторыми своими героями.

Еще в 1862-м, во время его первого выезда за границу и дебюта за игорным столом, старший брат предостерегал его: «Ради Бога не играй больше. Где уж с нашим счастьем играть? Что головой не возьмем, того счастье нам не даст»³³⁶. Но он-то как раз надеется «взять головой»: все рассчитать и, оставаясь «как из мрамора, холодным», сорвать банк. В следующем, 1863-м, во время измучившего его совместного путешествия с Сусловой (когда после ее признаний в измене *интим* по ее настоянию был исключен), они посещают Баден, где он ведет отчаянную игру. «Не понимаю, – вновь укоряет его Михаил Михайлович, – как можно играть, путешествуя с женщиной, которую любишь»³³⁷.

Для Достоевского это не являлось проблемой. Правда, можно было бы объяснить его первое баденское безумие как раз отсутствием интимной близости с женщиной, «которую любишь» – тем, что вся неудовлетворенная страсть уходила в игру. Но теперь-то, в 1867-м, указанная причина как будто отсутствует. Он *путешествует* с женщиной, которую любит и которая в свою очередь любит его. Однако это ничуть не мешает ему самозабвенно предаваться пороку и, кляня себя, «колебаться над бездной».

³³¹ *Воспоминания*. С. 157.

³³² *Дневник 1867 г.* С. 37.

³³³ Там же. С. 38.

³³⁴ *ПСС*. Т. 28₂. С. 186.

³³⁵ Там же. С. 207.

³³⁶ *Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина*. С. 536.

³³⁷ Там же. С. 542.

Само собой, в Гомбурге он проигрывает всё – «до последней копейки» («Что делать: не с моими нервами, ангел мой, играть»). Он закладывает за бесценок часы, чтобы было на что вернуться домой, но проигрывает и это. Он умоляет жену незамедлительно прислать ему 20 империалов, дабы он смог расплатиться в отеле и выехать наконец в Дрезден. Она присылает деньги – результат предсказуем. «Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл». Он вновь взывает о помощи – «*Присылай скорей, сию минуту денег на выезд, – хотя бы были последние*» – и умоляет на сей раз поверить ему: «Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл. Не оскорбляй меня уж до такой степени! (Это она-то его оскорбляет! – И.В.) Не думай обо мне так низко. Ведь и я человек! Ведь есть же во мне сколько-нибудь человеческого»³³⁸.

Получив этот душераздирающий вопль, Анна Григорьевна уделяет происшествию несколько сухих слов, а именно: идя на почту, она «уже предугадала это письмо, т.е. что все проиграл, что просит денег»³³⁹. Тут, впрочем, не надо быть ясновидящей.

В свое время А.С. Долинин обратил внимание на то, что тон вышеприведенной дневниковой записи никак не соответствует характеру полученного письма³⁴⁰. Но, собственно, как должна была Анна Григорьевна отозваться на это эпистолярное покаяние, на в общем уже не новый для ее слуха крик души? (Оформленный, впрочем, вполне литературно: «Но не оттого я истратил, что был легкомыслен, жаден, не для себя, о! у меня были другие цели!»³⁴¹) Она уже слишком изучила характер мужа, чтобы предаваться сантиментам. Она немедленно высылает ему просимое и спешит встречать приходящие из Гомбурга поезда.

Она не очень верит (а точнее, не верит совсем) в его навязчивую идею – получить разом «весь капитал». (Осуждающий пасынка Павла за подобные мысли, сам Достоевский в настоящем случае, невзирая на разность мотивов, не слишком отличается от него.) Ее не прельщает быстрый и баснословный выигрыш, долженствующий разрешить все их денежные затруднения и, главное, удовлетворить кредиторов. Она не сомневается, что большая часть выигранной суммы тотчас уйдет этим «подлым тварям», как именуются петербургские родственники мужа (аттестуемые также «подлецами», «щенками» и, наиболее обобщенно, «поганой ордой»)³⁴².

Однажды они в шутку сделали расчет: как распорядиться деньгами, если бы у них вдруг оказалось двадцать тысяч. Достоевский определил так: одиннадцать тысяч – долги, Паше – две, Эмилии Федоровне и Феде (племяннику) – три, им самим – четыре на жизнь в течение года. Затем предполагаемая общая сумма была щедро увеличена до ста тысяч. (Любопытно, что все эти грандиозные расчеты производятся как раз в те дни, когда в доме заложены даже часы и супруги определяют время по бою городских курантов.) Тогда Паше перепало десять тысяч, Эмилии Федоровне – пятнадцать, и наконец, пишет Анна Григорьевна, «как-то случилось, что раз хотя обо мне вспомнил и сказал, что мне 15». Ее, очевидно, задевает, что «цена» жены равняется сумме, отпускаемой семейству покойного брата.

³³⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 187, 189, 196–198.

³³⁹ Дневник 1867 г. С. 52.

³⁴⁰ Письма. Т. 2. С. 378.

³⁴¹ ПСС. Т. 28₂. С. 197.

³⁴² Дневник 1867 г. С. 256, 257 и др.

«Заслужила, нечего сказать», – в сердцах заключает счастливая обладательница гипотетических пятнадцати тысяч³⁴³.

Она понимает, что даже крупный выигрыш не сможет радикально изменить их жизнь. Достоевский отпускаем на рулетку по соображениям иного порядка.

Анна Григорьевна надеется, что вылазка в Гомбург развлечет и встряхнет его, снимет раздражение, освежит кровь и, главное, усилит его чувства к ней. Кстати, в последнем она была не так уж права. После каждой рулеточной катастрофы наступало сближение. Неудача спланивала семью. Психотерапевтический эффект был несомненен. Кроме того, Анна Григорьевна питает надежду, что постоянные проигрыши станут для мужа хорошим уроком и порочная страсть сама изживет себя: «Пусть лучше эта глупая идея о выигрыше у него выскочит из головы»³⁴⁴.

Догадывается ли она, что идея эта не есть единственный движитель его сумасбродных поступков, что существует еще одна, глубоко скрытая причина, заставляющая его упорно влечься к почти неизбежному катаклизму, к тому, чтобы очутиться в положении крайнем, отчаянном и безнадежном? Поскольку: все пути к отступлению отрезаны, все средства испробованы – и остается уповать только на самого себя.

«Напротив, теперь, теперь, после такого урока, – пишет он ей из Гомбурга, – я вдруг сделался совершенно спокоен за мою будущность. Теперь работа и труд, работа и труд, и я докажу еще, что я могу сделать!»³⁴⁵ Он хочет доказать всем – себе, жене, родственникам, кредиторам, Каткову, всей читающей России, что способен собраться и победить в той Большой игре, которую он ведет, можно сказать, всю свою жизнь.

Эпилептик или лицедей?

Он всегда любил рисковать. Чем иным, как не величайшим риском, был его внезапный выход в отставку в 1844 г., удаление от налаженной и дающей хоть какое-то обеспечение службы – поворот к гадательной и неверной литературной карьере? Бросив все ради еще не написанных «Бедных людей», он идет ва-банк: без имени, без литературных связей и, главное, отрезав себе все иные пути, он выбирает словесность. У Тургенева при «вступлении на поприще» в качестве «тыла» оставались его крепостные, у Толстого – армейская служба и родовое поместье, у Гончарова – принадлежность к классу чиновников, у Некрасова – хотя бы журнальная поденщина. У Достоевского не было ничего. Он рискует головой, ввязываясь – фактически без малейших надежд на успех – в опасные политические игры: входя в круг петрашевцев (потенциальных смертников) и особенно – предпринимая попытку завести тайную типографию³⁴⁶. Он рискует потерпеть полный крах, отважившись после десятилетнего отлучения вернуться в литературу. Он рискует именем, а как выяснится позже, и состоянием, предпринимая вместе с братом издание «Времени» и «Эпохи». Он оказывается «на краю бездны», добровольно взяв на себя долги по этим изданиям. И даже два его брака – первый, вступая в который, он продолжает тянуть армейскую лямку, с неясной надеждой на будущее, и второй, чреватый непредвиденными опасностями из-за «страшной» разницы лет – оба они исполнены отваги и риска. Можно сказать, Достоевский всегда ставит на zero.

³⁴³ *Дневник 1867 г.* С. 100.

³⁴⁴ Там же. С. 50.

³⁴⁵ *ПСС.* Т. 28₂. С. 197.

³⁴⁶ Об этом «суицидном синдроме» см. подробнее: *Пропаший заговор.* С. 403–405.

Стихия игры – его родная стихия. Игра как бы собирает его в кулак. Он пишет из Гомбурга: «Я здесь здоров совершенно». И еще раз – успокаивая жену: «Здоровье мое *превосходно*. Это нервное расстройство, которого ты боишься во мне, – только физическое, механическое! Ведь не нравственное же это потрясение. (То есть он хочет сказать, что игра не затрагивает его **главных** душевных струн! – И.В.) Да того и природа моя требует, я так сложен»³⁴⁷.

Во время ристалищ за игорным столом у него ни разу не случилось припадков. (Как, впрочем, ни разу и во время его позднейших публичных выступлений, визитов и встреч – с Катковым, с Тургеневым, с членами императорского семейства и т.д., когда нервное напряжение тоже достигает высокой точки.)³⁴⁸ Анна Григорьевна – единственный человек, кто оказывает ему первую и фактически последнюю помощь.

Припадки, как говорилось, случаются чаще всего во сне: поэтому Анна Григорьевна чутко прислушивается к дыханию мужа. «В десять минут шестого, когда я уже была вполне уверена, что у Феди припадка не будет, он вдруг закричал»³⁴⁹. Однажды, проснувшись, она страшно испугалась, увидев мужа распростертым на полу. Он, однако, молился. (Представить в подобной позе Тургенева, а тем паче Толстого весьма затруднительно.) Анна Григорьевна всегда наготове, всегда начеку. Во время припадка она укладывает мужа на постель или сама опускается на пол и держит его голову в руках, чтобы он ненароком не поранил себя. «...Судороги были страшные, руку всю скрючило ужасно и ноги тоже»³⁵⁰. В другой раз она замечает, что «губы у него совершенно посинели и лицо было совершенно красное»³⁵¹.

Некоторые новейшие авторы, в основном медики по специальности, вообще ставят под сомнение наличие у Достоевского столь мучившего его недуга³⁵². Почти протоколь-

³⁴⁷ ПСС. Т. 28₂. С. 190, 195.

³⁴⁸ См. подробнее: *Колеблясь над бездной*.

³⁴⁹ *Дневник 1867 г.* С. 102.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же.

³⁵² «Эпилепсия – священная болезнь Достоевского – на наш взгляд, во многом является хотя и красивой, но достаточно сомнительной легендой» (Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Достоевский над бездной безумия. М., 2003. С. 44). Авторы полагают, что эпилепсия являлась для больного едва ли не формой социальной мимикрии: «...Нам кажется в какой-то степени обоснованным подозрение о наличии элементов демонстративности, частичной нарочитости в его припадках» (Там же. С. 50). (Уж не для проверки ли подлинных чувств аудитории, состоявшей за границей всего из одного человека, прибежал он к этому сильному средству? – И.В.) «Для придания максимальной достоверности умению Смердякова внутренне проиграть припадок, а при необходимости изобразить или вызвать его, Достоевский, по всей вероятности, использует свой личный опыт» (С. 59). Согласно этой замечательной логике, творца «Преступления и наказания» можно заподозрить и в использовании личного опыта при описании им убийства Раскольниковым старухи-процентщицы и сестры ее Лизаветы, и в «поступке с отроковицей» Ставрогина (в чем его, собственно, и обвиняли) и т.д. Авторы полагают: «Красивая, романтическая (! – И.В.), но мрачная легенда о тяжелой эпилепсии Достоевского» должна быть наконец разоблачена (С. 61). Ср.: «Слишком жизненно важно было для него не только на каторге, но и в дальнейшей много-страдальной жизни использовать этот психологический механизм для утверждения своего пророческого предназначения и "ухода в болезнь" в непереносимых ситуациях» (Те же. Легенда о «священной болезни» Ф.М. Достоевского // Атеистические чтения. Вып. 20. М., 1990. С. 89). Между тем «непереносимые ситуации» возникали столь часто, что Достоевскому, как правило, мужественно с ними справлявшемуся, было бы, очевидно, **выгоднее** вообще не выходить из болезни. См. также с. 959 настоящего издания и статью Н.Н. Богданова «"Священная болезнь" князя Мышкина – morbus sacer Федора Достоевского» в кн.: Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 337–357.

ные описания Анны Григорьевны, хотя она и не врач, кажется, не оставляют сомнений на этот счет.

Первые дни после припадка (особенно, по наблюдениям единственного свидетеля, неблагоприятен третий день) Достоевский пребывает в крайне раздраженном состоянии, он мрачен, угрюм, тяжел и т.д. Бывает, очнувшись, теряет на время память, обращается к жене по-немецки и просит оставить его в покое.

В Баден-Бадене, куда они переедут из Дрездена, он удивит Анну Григорьевну тем, что после одного из сильных пароксизмов станет требовать у нее денег, чтобы сей же час, немедленно отправиться в игорную залу. «Вот хорош игрок, – иронически замечено в дневнике, – воображаю, как бы он там играл, но мне кажется, что именно тогда бы он и выиграл...»³⁵³

Она понимает иррациональность удачи.

«...Вспоминая проведенные в Баден-Бадене пять недель, – говорит она в мемуарах, – и перечитывая записанное в стенографическом дневнике, я прихожу к убеждению, что это было что-то кошмарное, вполне захватившее в свою власть моего мужа и не выпускавшее его из своих тяжелых цепей»³⁵⁴.

Мемуаристка ничуть не преувеличивает. Баденское лето 1867-го – это, пожалуй, самый критический период их брака.

«...Пусть только он успокоится»

Они едут из Дрездена на юг, в Баден-Баден – через Лейпциг и Франкфурт, останавливаясь там ненадолго и наслаждаясь местными видами и историческими красотами. Волнует и злободневность: так, за сравнительно высокую цену приобретается «Колокол» – уже не лондонский, а женевский, доживающий свои последние дни и в России почти забытый. С издателем Достоевский в последний раз встретится осенью – уже в Женеве.

Во Франкфурте Анна Григорьевна первый раз в жизни видит осла (не того ли самого, который в «Идиоте» будет аттестован князем Мышкиным как «добрый и полезный человек»?). В дневнике, правда, сказано проще: «Мне осел понравился, такое милое, покорное животное, просто чудо»³⁵⁵.

В вагоне Достоевский ссорится с немцем, который претендует на взятое – по недоразумению ими обоими – место. Сцена идет на повышенных тонах – и неуступчивый русский (или, как выразились бы сейчас, **россиянин**) бросает в адрес своего оппонента: «Der Herr ist sehr hitzig» («Господин очень горяч»). Анной Григорьевной замечено в этой связи, что ее муж, обычно с трудом справляющийся с немецкой речью, – если захочет выбрать кого-либо из аборигенов, «откуда и слова берутся, так и льются, точно он отлично говорит по-немецки»³⁵⁶. Конфликтная ситуация пробуждает его лингвистические ресурсы.

В письме к А.П. Майкову от 28 августа 1867 г. он изобразит свое посещение «Рулетенбурга» как некую туристскую прихоть: «Проезжая недалеко от Бадена, я вздумал туда завернуть»³⁵⁷. Так, мимоходом, попутно – «подъезжая под Ижоры».

³⁵³ *Дневник 1867 г.* С. 179.

³⁵⁴ *Воспоминания.* С. 161.

³⁵⁵ *Дневник 1867 г.* С. 117.

³⁵⁶ Там же. С. 115.

³⁵⁷ *ПСС.* Т. 28₂. С. 207.

Меж тем Баден выбран осмысленно и прицельно: цель от Майкова, собственно, не скрывается.

«Соблазнительная мысль меня мучила: пожертвовать 10 луидоров и, может быть, выиграть хоть 2000 франков лишних, а ведь это на 4 месяца житья, со всем, со всеми петербургскими»³⁵⁸ (то есть с обеспечением оставшихся в столице родственников). Далее следуют уже приводившиеся выше слова о собственной страстной натуре, о всегдашнем неукротимом «переходе за черту». Автор подробно описывает свои «подлости и позоры» – впрочем, с условием не отдавать их на суд людской³⁵⁹. Он говорит, что во всем виноват попутавший его бес: выиграв «с необыкновенною легкостью» 4000 франков, трудно было остановиться. «Знаете ли, как это втягивает. Нет, клянусь Вам, тут не одна корысть, хотя мне прежде всего нужны были деньги для денег»³⁶⁰. Иными словами, сам процесс игры, само единоборство с судьбой имеет для него безусловную ценность.

(Кстати: незадолго до них в Баден-Бадене проездом побывал государь, еще не вполне оправившийся от потрясения после парижского выстрела Березовского. Надо полагать, он не пытался развлечь себя в местном казино.)

...Они приезжают в Баден-Баден с единственной целью – выиграть. Вернее, цель эту преследует исключительно Достоевский. Но и Анна Григорьевна – во всяком случае, внешне – как будто бы покоряется его необузданной страсти. Она изъявляет согласие не противиться року.

В первый день по приезде супруг обещает сегодня не приступать к игре. Но, отправляясь в вокзал (то есть на рулетку), чтобы лишь оглядеться и присмотреться, **на всякий случай** берет с собой 15 золотых (из 65 у них имеющихся). Через три часа он возвращается, проиграв все. «У нас осталось ровно 50 золотых (один золотой равен 20 франкам. – И.В.). Было еще возможно жить»³⁶¹. Да, жить еще было бы очень возможно, если не принимать во внимание характер самого игрока.

...На новом месте она продолжает свои записки. В лавочке за 30 крейцеров покупается новая книга (то есть тетрадь) «для записывания наших походов»³⁶². Анна Григорьевна находит точное слово: в нем сквозит дух скитальчества и авантюры.

Казино, куда переписчица «Игрока» попадает впервые (проигравшийся муж доставляет ее туда в первый же день), не производит на нее особого впечатления. По настоянию своего чичероне она ставит на *impar* (нечет) одну пятифранковую монету – и вопреки примете об удачниках-новичках проигрывает. Кажется, это единственная ее попытка искутить счастье, в которое она, впрочем, не верит.

В отличие от нее Достоевский выигрывает три пятифранковика: по сравнению с проигранными утром тремястами франками сей «утешительный приз» не столь велик. Правда, при позднейшей редакции дневника эта скромная сумма превращается в «сотни две

³⁵⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 207.

³⁵⁹ Слово «позоры» употреблено Достоевским в «Записках из подполья» – в речи главного героя: «Я влюбляюсь, будучи знаменитым поэтом и камергером; получаю несметные миллионы и тотчас же жертвую их на род человеческий и тут же исповедываюсь перед всем народом в моих **позорах**, которые, разумеется, не просто позоры, а заключают в себе чрезвычайно много “прекрасного и высокого”, чего-то манфредовского». Ощущал ли Достоевский, откровенничая с Майковым, некоторую самопародийность текста?

³⁶⁰ ПСС. Т. 28₂. С. 208.

³⁶¹ Дневник 1867 г. С. 120.

³⁶² Там же. С. 127.

пятифранковиков»³⁶³; вполне извинительное стремление укрупнить в глазах потенциальных читателей масштабы события³⁶⁴.

Выигранный куш (два пятифранковика сверх прежних денег) по рачительному предложению выигравшего укладывается **в чулок** – с условием потревожить этот неприкосновенный запас лишь в случае крайней нужды – «когда проиграем весь капитал».

После обеда удача опять улыбается новоприбывшим. Еще пять франков (при расшифровке дневника щедро увеличенные в десять раз) отправляются в только что учрежденное убежище капиталов. (Далее, очевидно, устав корректировать выигранные и проигранные суммы, автор дневника оставляет все как есть.)

Проводив Анну Григорьевну домой, Достоевский в четвертый раз за день отправляется к «непобедимой силоу» (как будет петь «Смердяков с гитарой») влекущему его зданию в парке... «Но через несколько времени воротился, сказав, что проиграл все 5 золотых, и просил достать эти 7 (пятифранковиков. – *И.В.*), положенных в носок. Я достала. Он просил меня приказать чаю, потому что он скоро сам придет домой. Я была в этом уверена», – саркастически заключает Анна Григорьевна, очевидно, в глубине души полагая, что чайник еще не успеет вскипеть. «И действительно, не прошло и получаса, как он воротился, сказав, что проиграл все»³⁶⁵. Естественно, проигравший очень встревожен. Тем не менее у них остается еще 45 золотых монет.

Собственно, первый их день в Баден-Бадене – это синопсис, краткий сценарий семинедельного пребывания в городе, который запомнится им навсегда. И это при том что первый день – один из самых благоприятных.

За восемь флоринов в неделю, рукой подать от вокзала, они снимают двухкомнатную квартиру. (Ныне на фасаде здания красуется бронзовый бюст постояльца – кажется, первый на Западе памятник автору «Игрока» – с надписью, что именно здесь писался этот роман. Ошибка невелика: во всяком случае, здесь разыгрывался не менее захватывающий сюжет.) Вскоре выясняется, что жилье находится прямо над кузницей, – удары молота взбадривают путешественников начиная с пяти утра. Кроме того, хозяйские дети оказываются сверх меры плаксивыми. Их перманентный рев также скрашивает досуги русской – пока еще бездетной – четы.

На следующее утро Анну Григорьевну сильно тошнит («лицо было зеленое, глаза мутные»), и она проводит день на диване. Взяв из оставшихся денег десять золотых, Достоевский отправляется в вокзал (чуть было не написалось – «к месту службы»). «Я проспала, я думаю, довольно долго, как вдруг, открыв глаза, увидела у моего изголовья Федю. Он был ужасно расстроен. Я <тотчас> поняла, что он, вероятно, проиграл эти десять золотых. Так и случилось»³⁶⁶.

Что же предпринимает мигом очнувшаяся Анна Григорьевна? Она уговаривает мужа не сокрушаться из-за такой ерунды и участливо осведомляется, не надо ли ему еще денег.

«Он попросил еще пять. Я тотчас дала, и он меня ужасно как благодарил...» На сей раз он отсутствует семь часов. Обеспокоенной Анне Григорьевне начинает мерещиться, что

³⁶³ *Дневник 1867 г.* С. 120.

³⁶⁴ Вспомним увеличение до 50 рублей тридцатирублевого гонорара, причитающегося Анне Григорьевне за стенографирование и переписку «Игрока» (с. 1068). Здесь та же тенденция, но явленная еще сильнее: цифра возрастает уже на порядки.

³⁶⁵ *Дневник 1867 г.* С. 120.

³⁶⁶ Там же. С. 121.

на рулетке с ним случился припадок, в результате чего он «не знает, как им объяснить, где я, и он может там умереть, а я с ним не успею проститься». В одиннадцать вечера муж наконец является.

Его горестное повествование выстраивается по схеме, которая ей прекрасно знакома и с которой она будет сталкиваться еще не раз. Выиграв четыреста франков (сверх имевшихся у него ста), счастливец возжелал большего и – не в силах был отойти от стола. Это своего рода «Сказка о рыбаке и рыбке», приспособленная к условиям казино. «...Я его утешала, уверяла, что это ничего, что это пустяки, пусть только он успокоится»³⁶⁷. Роль старухи из сказки явно не для нее. Напротив, Анна Григорьевна выступает в неизменном качестве жены-утешительницы, «старик» же сулит золотую рыбку, предается отчаянию, просит прощения, уверяет, что он ее (то есть «старухи») недостоин, что она ангел, а он подлец. Без этой борьбы благородств им было бы совсем худо.

Странное дело. Казалось бы, молодая и пекущаяся об их общем благе супруга должна умирять и умерять страсти своего беспутного мужа, укорять его в небрежении интересами семьи, взывать к благоразумию и по мере сил сводить на нет его безответственные порывы. Сделать это ей тем удобнее, что все наличные деньги по их обоюдному соглашению находятся у нее – и Достоевский каждый раз вынужден испрашивать необходимые суммы. Но увы. Никаким «противовесом» супругу Анна Григорьевна быть не желает. Здесь действует не одна лишь женская интуиция, подсказывающая, как уберечь семью от неизбежных скандалов и в конце концов от развала. Это еще и глубокое понимание характера мужа, который, встретить он откровенное сопротивление, может быть, еще больше бы ожесточился. И еще безрассуднее предался б пороку – уже в качестве оскорбляемой и унижаемой стороны. Этого, однако, не происходит. Не встречая ни малейшего осуждения извне, Достоевский обращает весь гнев на себя. Он бурно переживает свои «подлости и позоры». Он не устает обвинять себя во всех смертных грехах, главный из которых, по его убеждению, это то, что он мучает любимое им существо. Если в нем и присутствует внутренняя потребность того, что в просторечьи именуется мазохизмом, то Анна Григорьевна дает ему полную возможность реализовать самоистязательный потенциал. Она не требует от него ничего, не твердит ему о необходимости регулярного труда, не напоминает даже об его обязанностях по отношению к будущему ребенку. Она просто – любит.

...Известно, какое сугубое неблагоприятное отношение питала Анна Ахматова к женам «поэтов и отчасти писателей всех времен и народов». Особой неприязни удостоивалась Наталья Николаевна Пушкина-Гончарова (это ахматовское чувство вполне разделяла и Фаина Раневская: «ненавижу ее люто, неистово»³⁶⁸). Надежда Яковлевна Мандельштам в этой связи замечает: «Не помню, за что доставалось Анне Григорьевне Достоевской, скорее всего за бездарность и деловитость»³⁶⁹ (а Наталье Николаевне, по-видимому, за ее красоту). Что ж, Анна Сниткина – это, конечно, не Анна Ахматова, но толковать о ее бездарности несправедливо. У нее был свой – и немалый – талант. Речь идет не о литературных способностях, которые, кстати, тоже имели место. Но можно говорить, повторим это еще раз, о ее конгениальности мужу – разумеется, имея в виду не объем дарований, а поразитель-

³⁶⁷ *Дневник 1867 г.* С. 121.

³⁶⁸ Фаина Раневская: «Судьба – шлюха». М., 2003. С. 16.

³⁶⁹ Мандельштам Н.Я. Об Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007. С. 172.

ную способность находить с таким супругом общий язык. Надо было иметь особый душевный дар, чтобы стать необходимой ему больше, чем кто-либо на свете³⁷⁰.

В записках об Ахматовой Л.К. Чуковская приводит следующую реплику своей героини: «Анна Григорьевна жадна и скупа. Больного человека, с астмой, с падучей, заставляла работать дни и ночи, чтобы “оставить что-нибудь детям”. Такая подлость!»³⁷¹

Что касается «жадности и скупости», к этому сюжету мы еще обратимся. Но ни в одном известном источнике нет и намека на то, что за весь 14-летний период их брака Анна Григорьевна хоть день **заставляла** Достоевского трудиться сверх меры, дабы обеспечить будущее детей.

Напротив, об этом в первую очередь пекся сам Достоевский.

За полтора года до смерти он пишет жене по дороге в Эмс: «Надо копить, Аня, надо оставить детям, мучает меня эта мысль всегда наиболее, когда я приближусь лично к коловращению людей и увижу их в их эгоизме...»³⁷² В ее письмах к нему мы не встретим таких lamentаций. Она не чувствует себя вправе говорить с ним о том, что мучает его неотступно и о чем ей даже страшно помыслить. «Я все, голубчик мой, думаю о моей смерти, – пишет он ей тем же летом 1879 г., – сам (серьезно здесь думаю) и о том, с чем оставляю тебя и детей. Все считают, что у нас есть деньги, а у нас ничего»³⁷³.

«Мне и рубля не накопили строчки», – мог бы он молвить вслед за тем, кто позаимствует словцо из его последнего романа для названия своей любовной поэмы (Алеша Карамазов не любил разговоров *про это*). Он не станет богаче даже тогда, когда после Пушкинской речи и «Карамазовых» будет вознесен на вершину прижизненной славы. Денег достанет только на текущие расходы и – на похороны. Что же говорить о баденском лете 1867-го: **строчки** были запроданы намного вперед, и из них не написана еще ни одна.

Суета вокруг рулетки

Если верить Чуковской, Анна Ахматова, комментируя эпистолярные отчеты Достоевского супруге о том, что он «пообедал за рубль», с негодованием замечала: «Зарабатывал десятки тысяч и не мог пообедать за два рубля!»³⁷⁴ Но, во-первых, «десятки тысяч» он не зарабатывал никогда. А во-вторых, на тот же рубль можно было вполне прилично закусить. (В Бадене обеденный стол обходился им в один флорин (то есть 60 копеек) на двоих.)

³⁷⁰ Из не столь большого числа преданных писательских жен следует упомянуть ту же Н.Я. Мандельштам. Ради того, чтобы остаться с ней, поэт пожертвовал связью с бесспорной красавицей – Ольгой Ваксель. Меж тем впечатляющий образ воспоминательницы, сотворенный Надеждой Яковлевной в ее мемуарной прозе, не всегда совпадает с отзывами современников. «Анна Андреевна любила это чудовище, верила ей, жалела, говорила о ней с нежностью. ...Анна Андреевна очень чтит Мандельштама и была дружна с крокодилицей его женой, потом вдовой, ненавидевшей Ахматову...» (Фаина Раневская: «Судьба – шлюха». С. 68). См. эпиграмму Н.И. Харджиева на смерть Н.Я. Мандельштам: «Потоки грязи источила и христианкой опочила» (Бабаев Э.Г. Воспоминания. СПб., 2000. С. 327). Однако при всем различии (иногда громадном) и Н.Н. Пушкина, и Е.С. Булгакова, и Н.Я. Мандельштам, и теперь еще Н.Д. Солженицына – все они так или иначе вписываются в тот ряд, «эталонное» место в котором занимает Анна Григорьевна.

³⁷¹ Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. М.: Время, 2007. Т. 2. С. 369–370.

³⁷² ПСС. Т. 30, С. 81.

³⁷³ Там же. С. 109.

³⁷⁴ Чуковская Л.К. Указ. соч.

На 7 июля 1867 г. (зарубежные даты приводятся здесь по новому стилю) все состояние Достоевских заключается в 25-ти золотых. Впрочем, их скоро останется 20, ибо пять будут употреблены на игру. Тут нервы Анны Григорьевны не выдерживают. Ей становится «невыносимо грустно», она «даже несколько раз плакала, просто с ума сходила»³⁷⁵. Заметим, что все это происходит в отсутствие мужа. При нем Анна Григорьевна не позволяет себе ни стенаний, ни слез.

«Наконец он пришел, и я очень хладнокровно спросила: “Проиграл?”, он отвечал: “Да”...» Натурально, после очередных самобичеваний, уверений в любви и кратких объяснений он просит **спонсировать** его – пусть даже в минимальных размерах. Анна Григорьевна колеблется, советует сегодня больше не рисковать, подождать хотя бы до завтра. «Но он меня умолял дать ему хоть два золотых, чтоб он мог успокоить себя. Я вынула и отдала». Деньги даются уже не для победы, а исключительно как седативное средство. Успокаивается, правда, только берущий. «Он ушел, а я ужасно как плакала»³⁷⁶.

Два золотых проигрываются мгновенно. Остается 18. Накануне, помним, их было 65. Достоевский спрашивает еще три монеты, объявив, что если он и их проиграет, то завтра они с Анной Григорьевной уезжают из Бадена. Как она и предполагала – он проигрывает все, причем на сей раз в ее присутствии. С 15-ю золотыми решено отправиться в Женеву: там, по счастью, нет игорных домов.

Возвращаясь с рулетки, они встречают Ивана Александровича Гончарова. (Он стоит в **престижной** гостинице «Европейский двор», платя два флорина в день и еще за два получая там обед из восьми блюд.) Автор «Обломова» тоже поигрывает, хотя и не так интенсивно. Два сошедшихся на чужбине русских писателя вспоминают третьего – И.С. Тургенева: он обретаётся тут же, неподалеку. (Для **кворума** не хватает только Льва Толстого!) По словам Гончарова, автор «Отцов и детей» наблюдал Достоевского на рулетке, но не подошел к нему, ибо «знает, что играющие не любят, когда к ним подходят». Достоевский понимает, что **он открыт**, мало того – что оказался в положении весьма деликатном. Он должен Тургеневу 50 талеров – еще с 1865 г. (они были присланы в Висбаден – кстати, вместо просимых ста – когда он, проигравшись, сидел там без копейки – в размышлении, как получить в журналах аванс за еще не написанное «Преступление и наказание»). После встречи с Гончаровым он решает, что немедленно должен сходить к своему кредитору – «иначе тот подумает, что Федя боится прийти из боязни, что тот потребует свои деньги»³⁷⁷. Если не потребовать, то хотя бы слегка намекнуть Тургенев имеет все основания. Ибо тогда, в 1865-м, заемщиком было заявлено: «Само собою, что раньше *трех недель*, может быть, Вам и не отдам. Впрочем, может быть, отдам и раньше»³⁷⁸.

По дороге домой он мягко дает понять супруге, что проиграл потому, что в ее присутствии был нерасчетлив, нервничал и торопился (не подошедший к нему Иван Сергеевич косвенно как бы ставится ей в пример). Тогда Анна Григорьевна решительно предлагает ему взять еще три золотых и уже без нее «в последний раз попытать счастья». Она подробно описывает реакцию мужа на это великодушное предложение. «Федя был удивительно как рад, начал меня называть разными хорошими именами, говорил, что желал бы лучше, чтобы у него была жена дерево, чтоб она его бранила, чем так кротко его принимала

³⁷⁵ *Дневник 1867 г.* С. 122.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же. С. 122–123.

³⁷⁸ *ПСС.* Т. 28₂. С. 128.

и даже вместо брани только утешала, потому что это больно, когда кротко с ним поступают»³⁷⁹.

Да, конечно: он бы меньше страдал, когда бы его поползновениям давали отпор. Легко представить, какие сцены закатывала бы в подобных случаях Марья Дмитриевна, которую, к их обоюдному счастью, миновал игорный кошмар.

С дюжиной оставшихся золотых и с полным спокойствием, которое дается лишь осознанием полной безнадежности, Анна Григорьевна ожидает возвращения мужа. Он приносит взятые деньги плюс выигрыш – 40 талеров и пять золотых, которые отправляются «в чулок». (Не способствовало ли успеху то обстоятельство, что накануне он выбросил свой старый «несчастливый» кошелек и приобрел новое портмоне, в которое «для развода» был положен презентованный Анной Григорьевной пфенниг?) Он говорит, что принес бы и больше, но часть выигрыша поставил на среднюю – и проиграл. После чего счел за благо отправиться домой. Анну Григорьевну радует не столько выигрыш мужа, сколько его решимость – по собственному желанию оставить игру. Это случается с ним нечасто.

В Женеву, разумеется, они не поедут.

После совместной прогулки и «музыки» они вновь отправляются на рулетку (он – так пятый раз за день). У Анны Григорьевны зоркий глаз, обостренный к тому же таким учебным пособием, как «Игрок». Она примечает все: и великолепно одетую русскую даму, которая неизменно выигрывает, и бедную немку, с сокрушением проигрывающую последний талер, и везучую старуху в желтой шляпе, то и дело срывающую пятифранковики, и по виду благородного, но при этом жарко сопящего господина, который играет с переменным успехом... Достоевскому не везет. «Проиграв все, мы с Федей вышли из зала и отправились домой». Дорогой он говорит, что благодарит ее за счастье, которое она ему подарила, но боится, что все изменится, когда она его разлюбит. «Но я так думаю, – жестко заключает Анна Григорьевна, – что этого совершенно не будет, а что всегда будем так любить друг друга»³⁸⁰.

Скандинавские предки могут спать спокойно: наследственный дар предвидения не изменяет ей.

В любви везет неудачникам

Любил ли ее Достоевский?

В этом можно не сомневаться: стоит только взглянуть на их переписку, где признания чаще, а их откровенность и пылкость гораздо заметнее с его стороны. Казалось бы, Анна Григорьевна не должна задаваться вопросом на этот счет.

И все же однажды она позволяет себе высказать одну крамольную мысль.

Рассуждая об их общем желании – как можно скорее вернуться в Россию, молодая жена не скрывает, что ее в то же время пугает подобная перспектива. Она страшится, что там, в России, муж перестанет ее любить. (Видимо, она исходит из тех соображений, что здесь, за границей, у него просто нет альтернативы.) Ее терзает тайная мысль, что на родине «другая займет в его сердце то место, которое я теперь занимаю». И в этой связи делается неожиданный вывод: «Мне представляется, что этот человек никогда никого не лю-

³⁷⁹ *Дневник 1867 г.* С. 123.

³⁸⁰ Там же. С. 124.

бил, что это ему только так казалось, а любви истинной вовсе не было. Потому что думаю, что он даже и не способен на любовь: он слишком занят другими мыслями и идеями, что-бы сильно привязаться к чему-нибудь земному»³⁸¹.

Сказано вскользь, мимоходом – и следующая фраза как раз о «земном»: «Я прочитала в “Баденском Листке” цены на дрова, – это просто ужас». Любовь и дрова соседствуют вполне органично.

Под «мыслями и идеями» понимаются, конечно, не относящиеся к рулетке. Несмотря на явленную к ней страсть *эта* соперница Анне Григорьевне не страшна. Смущает другое – абсолютная поглощенность Достоевского тем, что, собственно, и составляет смысл его жизни. Анна Григорьевна – правда, только единственный раз – ревнует Достоевского к нему самому. Но не всех ли без исключения женщин, имевших дело с **вместилищами таланта**, одолевали подобные страхи?

В настоящем случае такие терзания длятся недолго. Ибо на следующий день, 31 июля, описывая их восхождение на вершину местной горы, откуда открывался «довольно хороший вид», Анна Григорьевна замечает: «Разговаривали мы тут с Федей несколько времени и решили, что хоть у нас и денег нет, зато хоть любовь есть, зато мы так любим друг друга. Потому что, может быть, у других и деньги есть, и хотели бы любви, да ее нет. Я с ним была совершенно согласна»³⁸² – последние слова удостоверяют, что излагается мнение собеседника. Интересно, доведены ли до его сведения ее недавние опасения?

Да, первый их год – это, конечно, испытание. Кажется, все оборачивается против них. И за неимением иных объяснений остается признать: действительно, их спасает только любовь. Ну, может быть, еще и издатель «Русского вестника» – единственный источник поступления средств. «Сегодня Федя видел во сне, что Катков ему пустил кровь. Что это такое значит?»³⁸³ Кровопускание, как известно, могло спасти от удара.

Удары между тем следуют один за другим.

...Все последующие дни счастье то улыбается, то отворачивается от них. Случается, что «в чулке» (носке) остается один золотой. И тогда Достоевский закладывает свое обручальное кольцо, которое, впрочем, выкупается всего через час – после очередного выигрыша. Он становится перед женой на колени. И она безропотно отдает ему последние деньги, внутренне приуготованная к любому исходу.

Но зато они умеют ценить и мгновенья удачи.

Утром 10 июля, отправляясь на рулетку, он берет у Анны Григорьевны свою обычную «рабочую долю» – пять золотых. Затем, вернувшись домой, «с досадой» сообщает, что все проиграл («его все толкали и не давали спокойно ставить ставки»: вечная жалоба проигравшихся), и просит еще пять. Разумеется, деньги даются. «Осталось у меня опять 5 золотых, – меланхолично записывает Анна Григорьевна, – но я нынче попривыкла к этим историям, и они меня не так сильно беспокоят. Когда Федя ушел, я сделалась удивительно спокойна, как будто бы это были вовсе не последние наши деньги»³⁸⁴. Живя с игроком, поневоле становишься фаталисткой.

Вернувшийся с рулетки в очередной раз, он покажется ей бледным сверх меры. Не сомневаясь в причине, она, как обычно, примется утешать его, уверяя, что проигрыш не

³⁸¹ *Дневник 1867 г.* С. 169.

³⁸² Там же. С. 170.

³⁸³ Там же. С. 160.

³⁸⁴ Там же. С. 128–129.

беда и что ничего страшного не случилось. Окажется, однако, что он выиграл. Целое состояние – 46 золотых монет.

Окрыленный, он изъявляет готовность самолично отправиться за свечами, кофеем и вином. «Я всегда удивляюсь, – замечает Анна Григорьевна, – когда Федя у нас занимается хозяйством»³⁸⁵. Она говорит, что не поверила бы, что такой серьезный человек, которого она впервые увидела 4 октября прошлого года, «такой угрюмый человек» может интересоваться подобными пустяками. (Позже, в России, эти заботы – например, покупка сладостей – будут непременно входить в круг его добровольных обязанностей.) С мальчиком-посыльным доставляется корзина земных даров – наподобие тех, что были наблюдаемы ими на полотнах Дрезденской галереи: малина, абрикосы, персики и особенно любимый Анной Григорьевной крыжовник. Затем является муж с еще одним живым натюрмортом – роскошным букетом цветов, где нежные желтые и розовые розы красуются в обрамлении скромных гвоздик и фиалок. Кажется, это первые цветы, возникшие за месяцы их супружества или хотя бы за время пребывания за границей. Анну Григорьевну, не привыкшую к подобным знакам внимания, чрезвычайно трогает этот жест. Тем более что за букетом мужу приходится путешествовать довольно далеко.

Итак, имея в запасе уже полсотни золотых монет и чувствуя себя богачами или, по меньшей мере, прочно обеспеченными людьми, они отправляются на прогулку. Анна Григорьевна усиленно просит мужа больше в этот день не играть. Она примечает – удача не выпадает дважды за столь короткое время. Достоевский, однако, претендует на свои законные пять золотых. И, мысленно распрощавшись с ними, Анна Григорьевна продолжает прогулку уже одна.

На сей раз муж отсутствует вовсе недолго: он смиренно поджидает ее на скамейке в одной из аллей. Как и предполагалось, проиграно все. Естественно, это объясняется тем, что его снова толкали. «Плохому танцору...» – могла бы заметить Анна Григорьевна, если бы, положим, знала это присловье. Само собой, берутся еще пять золотых и проигрываются таким же манером. Очередную пару монет, назначенных для реванша, постигает аналогичная участь.

Остается просто прогуливаться в парке. При этом Анна Григорьевна старается избегать людных мест, где фланирует нарядная публика: «Признаться, мне не особенно приятно ходить вечно в моем черном платье (уж не в том ли самом, в каком она прошлой осенью регулярно являлась к нему для диктовки? – *И.В.*), которое далеко не так хорошо среди их блестящих костюмов»³⁸⁶. Они возвращаются домой. И только теперь, за чаем, муж вспоминает еще об одном происшествии, которое как-то затерялось в треволнениях этого дня.

Он рассказывает о своем визите к Тургеневу.

³⁸⁵ *Дневник 1867 г.* С. 129.

³⁸⁶ Там же. С. 131. Сюжет этот весьма волнует автора дневника: «...Федя постоянно мне толкует, что я очень дурно одета, что я одета как кухарка, что на кого на улице ни поглядишь, все одеты, туалеты, только одна я одета как Бог знает кто. Право, мне это было так больно слушать, тем более, что я и сама вполне хорошо понимаю, что я одеваюсь уж из рук вон плохо. Но что мне делать, разве я могу что-нибудь сделать: ведь если бы он мне давал хотя бы 20 франков (то есть один золотой! – *И.В.*) в месяц для одежды...» (Там же. С. 262). Видимо, Достоевский ощущал эту вину. В письме к жене из Саксон-ле-Бэна, где после очередного проигрыша «расписывается» очередная сумма, которая будет испрошена в долг у Каткова, сказано: «...И, наконец, 100 франков для твоих летних платьев (это во что бы то ни стало!)» (*ПСС*. Т. 28, С. 288). В своей последней (декабрьской) дневниковой записи она отмечает, что Достоевский подарил ей «4 пары перчаток разных цветов, заплатил 10 франков...» (*Дневник 1867 г.* С. 386). Так аукнулся их первый за границей конфликт – ссора «из-за перчаток» в Берлине.

10 июля 1867 г.: свидание в Бадене

К Тургеневу, впрочем, он заходил и раньше – но не обнаруживал соотечественника дома. В этот день Достоевский встал в десять утра и отправился на Шиллерштрассе часам к двенадцати, еще до своих подвигов на рулетке. Он застал коллегу за завтраком. Нелишне заметить, что рассказ о встрече *созрел* только к вечеру. До тех пор утренние впечатления были перекрыты счастливым выигрышем, а затем тщетными попытками повторить успех. Анна Григорьевна утверждает, что муж просидел у Тургенева часа полтора. Интересно, была ли предложена гостю чашечка кофе?

О знаменитой баденской ссоре двух столпов российской словесности написано столько, что можно подумать, будто при сем присутствовала толпа взволнованных очевидцев. Между тем свидание проходило тет-а-тет.

«Вернулся от него муж мой очень раздраженный, – кратко отмечает в воспоминаниях Анна Григорьевна, – и подробно рассказывал свою беседу с ним»³⁸⁷. Однако никаких подробностей здесь не сообщается.

То, о чем в мемуарах сказано глухо, одной фразой, в стенографической тетради расшифровано (вернее, зашифровано!) в более полном виде. Еще подробнее говорит об этом сам Достоевский в письме к А.П. Майкову. Хотя оба документа восходят к одному источнику – то есть к самому Достоевскому, они не во всем повторяют друг друга.

Тургенев крайне раздражен неуспехом своего «Дыма» (напечатанного в третьей книжке «Русского вестника» за 1867 г.). По словам визитера, он поминутно сводит разговор на этот предмет. Это неудивительно. За месяц до баденской встречи автор романа напишет П.В. Анненкову: «Мне кажется, еще никогда и никого так дружно не ругали, как меня за “Дым”. Камни летят со всех сторон. Ф.И. Тютчев даже негодующие стихи написал».

Тютчев действительно отозвался стихотворением «Дым». Кроме того, ему приписывали эпиграмму – надо признать, не слишком изящную:

«И дым отечества нам сладок и приятен!» –
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш – и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!

Напротив, А.Ф. Писемскому роман понравился – и обрадованный автор благодарил его за это от души. Но общие толки были нелестными.

«И представьте себе, – признавался Тургенев Анненкову, – что я нисколько не конфужусь: словно с гуся вода». (Чуткий стилист, он мог бы заметить, что тон письма говорит как раз об обратном.) В тот же самый день было отписано А.И. Герцену: «...Меня ругают все – и красные, и белые, и сверху, и снизу – и сбоку – особенно сбоку»³⁸⁸. «Сбоку» – это, очевидно, единомышленники, свой, ближний круг. Достоевский к нему не принадлежит. «Дым» его огорчил: свои впечатления он не считал возможным скрывать от автора.

«Федя, по обыкновению, говорил с ним несколько резко»³⁸⁹, – пишет Анна Григорьевна, и это, конечно, собственная самооценка говорившего. Резко, но не настолько же, что-

³⁸⁷ Воспоминания. С. 164.

³⁸⁸ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. Т. 6. М.–Л., 1965. С. 258, 260.

³⁸⁹ Дневник 1867 г. С. 131.

бы всерьез заявить, как будет уверять позднее Тургенев, что «Дым» подлежит «сожжению от руки палача»³⁹⁰. Может быть, это была, так сказать, ироническая метафора – «Дым», восходящий к небу вследствие аутодафе? Зато несомненно было произнесено (и нехитрая эта шутка, по-видимому, признана чрезвычайно удачной, поскольку повторяется как в письме Майкову, так и в записках Анны Григорьевны), что Тургеневу надлежит выписать из Парижа телескоп, дабы с помощью этого оптического прибора издалека наблюдать возлюбленное отечество («Федя, как он говорил, разговаривал все больше с юмором»³⁹¹). Остроумец не подозревает, что сам он окажется в России без малого через четыре года и связь с родиной будет поддерживаться преимущественно путем изучения русских газет, которые он находит время читать даже в этом бедламе.

Смех смехом, но истинное негодование у тургеневского гостя вызвало заявление собеседника: «Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве»³⁹². Достоевский, естественно, возмущен. Слова Тургенева подаются им как официальная декларация автора «Дыма», как заветное его убеждение. Между тем можно предположить, что это не совсем так.

Слова эти могли заключать и горечь, и боль. Кроме того, это все-таки неточная цитата из «Дыма», где нечто подобное произносит один из героев – Потугин: «...Если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца (Лондонская всемирная выставка 1862 г. – *И.В.*) все то, что тот народ выдумал, – наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут – эти наши знаменитые продукты – не нами выдуманы»³⁹³.

Звучит очень эффектно. Потугин, однако, **всего лишь** художественный персонаж.

Достоевский упрекает Тургенева в ненависти к России. «Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно»³⁹⁴. Но то же можно сказать, допустим, и о В.С. Печерине с его способным покоробить даже не очень патриотическое ухо:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья.

Не лишена основания и мысль, что это мог произнести человек, горячо любящий свою родину. И ведь не обвинял же Пушкин Чаадаева в нелюбви к России, хотя в том же «Философическом письме» присутствуют горькие исторические укоры.

«Опыт веков, – говорит Чаадаев, – для нас не существует. Взглянув на наше положение, можно подумать, что общий закон человечества не для нас. Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли из него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества. <...> Мы ничего не выдумали сами и из всего, что выдуманно другими, заимствовали только заманчивую наружность и бесполезную роскошь. <...> Если бы орды варваров, возмутивших мир, не прошли, прежде нежели наводнили Запад, страны, нами

³⁹⁰ Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 9. М.–Л., 1965. С. 85.

³⁹¹ *Дневник 1867 г.* С. 131–132.

³⁹² ПСС. Т. 28₂. С. 210.

³⁹³ Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 9. С. 232–233.

³⁹⁴ ПСС. Т. 28₂. С. 210.

обитаемой, мы не оставили бы и одной главы для всемирной истории. Чтобы обратить на себя внимание, мы должны были распространиться от Берингова пролива до Одера»³⁹⁵.

Слова, брошенные Чаадаевым, тяжелы и обидны. Для многих его соотечественников они звучали как личное оскорбление: «...В крови у нас есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованию <...> что бы ни говорили, мы составляем пробел в порядке разума». Автор «Философического письма» даже отваживается говорить о «немоте наших лиц».

Пушкин спорит с Чаадаевым, «по пунктам» возражает ему, однако не «шьет» ему дело о национальной измене. Трудно заподозрить в русофобии и Белинского, написавшего приятелю в 1840-м: «Любовь моя к родному, к русскому стала грустнее: это уже не прекраснотушный энтузиазм, но страдальческое чувство. Все субстанциальное в нашем народе велико, необъятно, но определение гнусно, грязно, подло»³⁹⁶. Это «страдальческое чувство», эту «странную любовь» можно заметить и у самого Достоевского: правда, они выступают у него в несколько иной эстетической огласовке.

Видимо, Тургенев в то утро был задет и другим. Он заступился за немцев, перманентно ругаемых гостем, и в полемическом гневе заметил, что относит себя к их числу.

Это могло быть сказано в «высшем», как любил повторять Достоевский, то есть в культурно-историческом смысле. А именно – заключать ту же мысль, что содержится и в авторском предисловии к немецкому изданию «Отцов и детей»: «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не иметь ее как мое второе отечество». Эти слова признательности могли бы повторить многие из идеалистов 1840-х. (Кстати: не упоминался ли в баденском разговоре один из них – их общий наставник Белинский, о котором Достоевский вымучивает в то время большую статью, а Тургенев обнародует вскоре восторженный мемуар?)

«Он побледнел (буквально, ничего, ничего не преувеличиваю!), – сообщает Достоевский свои **наблюдения** Майкову, – и сказал мне: “Говоря так (о немцах. – *И.В.*), вы меня лично обижаете”»³⁹⁷. Говорящий спешит извиниться – надо думать, не без оттенка язвительности: он, мол, не ведал, что Тургенев онемечился до такой степени. Через несколько лет в «Бесах» «великий писатель» Кармазинов (то есть Тургенев) с гордостью заявит: «Я сделался немцем и вменяю это себе в честь».

И, наконец, может быть, отголосок именно баденского спора вдруг промелькнет в словах Смердякова: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна».

В изложении Анной Григорьевной утреннего эпизода содержится один нюанс, который отсутствует в письме Достоевского Майкову. Она пишет: «Тургенев объявил, что он, Тургенев, реалист, но Федя говорил, что это ему только так кажется»³⁹⁸.

Этот проходной, на первый взгляд, обмен репликами глубоко знаменателен. Сдается, собеседники касались не только сугубо политических или, скажем так, этнофилософских проблем. Кажется, не обошлось без **эстетики**. Достоевский, решительно отказывающийся автору «Накануне» в праве быть реалистом, смотрит, разумеется, со своей колокольни. Он считает истинным реализмом – собственный, который будет квалифицирован им позднее как «реализм в высшем смысле». Но для Тургенева, сравнившего – частным образом –

³⁹⁵ [Перевод А.С. Норова] // Телескоп. 1836. № 15.

³⁹⁶ Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 9. М., 1982. С. 383–384.

³⁹⁷ ПСС. Т. 28₂. С. 211.

³⁹⁸ Дневник 1867 г. С. 131.

«Преступление и наказание» с продолжительной холерной коликой, такой творческий метод совершенно неприемлем. В Бадене спорят между собой не одни лишь идеологические противники. Здесь происходит сшибка художественных систем³⁹⁹.

«Затем, – пишет Достоевский, – мы распрощались весьма вежливо, и я дал себе слово более к Тургеневу ни ногой никогда»⁴⁰⁰. В отличие от иных клятв, даваемых Анне Григорьевне, это обещание он исполнил.

Может быть, именно стресс, пережитый «тургеновским утром», принес ему игровую удачу. В тот день, будучи в выигрыше, он мог бы отдать Тургеневу его 50 талеров. Он упустил этот шанс. Но был упущен и другой.

Еще ничего не зная о ссоре, Анна Григорьевна записывает в дневнике, что очень рада выигрышу, потому что он поможет им продержаться и, главное, «не придется ходить к Тургеневу и просить у него дать нам денег до присылки от Каткова»⁴⁰¹. Выходит, того, долг которому еще не погашен, держат в уме как потенциального заимодавца. И кто знает, не желал ли утренний гость *прозондировать почву*, когда направлялся туда, где покойно завтракал его долготерпеливый кредитор? И не помешал ли замысленному делу тот оборот, который принял их разговор – может быть, неожиданно для них самих?

Во всяком случае, утром 10 июля, когда после целой череды неудач в кармане помещаются пять отложенных для игры золотых, а последние десять, готовые разделить ту же участь, покоятся дома в чулке, Достоевский пребывает, очевидно, не в лучшем расположении духа. Что тоже могло послужить одной из причин раздражения, принимаемого им самим за язвительную иронию...

Могло, впрочем, раздражить и другое. Вряд ли для него оставалось секретом, что Баден-Баден выбран местом постоянного жительства и здесь заканчивается сооружение тургеновской виллы – бок о бок с жилищем семейства Виардо. Недаром через много лет в записях к «Дневнику писателя» появится желчное: «"Записки охотника" и крепостное право, а вилла в Баден-Бадене на чьи деньги, как не на крепостные, выстроена?»⁴⁰² Вне зависимости от справедливости суждения оно весьма характерно.

...Первая половина XIX столетия не знает крупных писательских ссор. Ни Жуковский, ни Пушкин, ни Гоголь, ни Баратынский, ни Вяземский, ни Одоевский, ни прочие литераторы не вступают в конфликты друг с другом и не разывают отношений. Внутри пушкинского круга могли временами возникать какие-то недоумения, но они никогда не заканчивались скандалом. Сопровождаемое личными оскорблениями противоборство наблюдается лишь в отношениях с «маргинальной» словесностью – Булгариным, Гречем...

Литература между тем набирает силу. Вторая половина века запомнится в том числе и писательскими конфликтами. В частности, между Тургеневым и Толстым – в мае 1861 г.

Толстой поступил неосторожно, заснув над данной ему для прочтения рукописью «Отцов и детей». Еще печальнее, что автор романа, зайдя к гостившему у него в Спасском Льву Николаевичу, стал невольным свидетелем этого сна. На следующий день оба писателя отправились к Фету в Степановку. За обедом Тургенев с чувством поведал о своей незаконнорожденной (от крепостной крестьянки) дочери, которая, обучаясь во Франции и

³⁹⁹ См. подробнее: *Последний год Достоевского*. С. 89–91.

⁴⁰⁰ ПСС. Т. 28₂. С. 211.

⁴⁰¹ *Дневник 1867 г.* С. 129.

⁴⁰² ПСС. Т. 22.

имея английскую гувернантку, не забывает о малых сих: собственноручно чинит беднякам их ветхие и грязные одежды. Толстой с присущей ему прямоотой (сейчас бы сказали – упертостью) объявил девичьи труды неискренними и театральными. Уязвленный отец потребовал от Толстого выбирать выражения. Автор «Детства» ответил в том смысле, что привык говорить то, что думает. Тургенев, потеряв самообладание, совершил, как он сам признавался потом, «безобразный поступок» – в присутствии потрясенного Фета крикнул: «Если вы будете так говорить, я дам вам в рожу!» После чего, схватившись за голову, выбежал из комнаты.

Дуэли – хотя и с большим трудом – удалось тогда избежать. Отношения были погублены: думалось – навсегда. Через 17 лет Толстым – с высоты достигнутого величия и как частное следствие совершившегося с ним духовного переворота – будет написано примирительное письмо. Тургенев с радостью примет протянутую руку.

И в 1861-м, и в 1867-м в подоплеке конфликта – конечно, отношение к **тексту**: «Отцы и дети» и «Дым» играют здесь роль запала. Несходство характеров усугубляется несходством художественных натур.

С Достоевским формальной ссоры как будто бы не случилось. (До угрозы физического насилия дело, к счастью, не дошло.) «История одной вражды» приняла тлеющий характер. Личные отношения были прерваны. В прежнем виде они уже не восстановятся никогда.

...Тургенев, будучи человеком хорошего тона, отдаст визит. Он явится на следующий день в самый невизитабельный час – десять утра, когда Достоевские еще спят (о том, что они встают не ранее одиннадцати, он был извещен накануне). Не заходя в дом (а может быть, даже не выходя из кареты), он оставит визитную карточку: знак отказа от дальнейшего диалога. Долг вежливости будет формально отдан. Притом что денежный долг за одним из них по-прежнему остается.

В 1871 г. автор «Рудина» напишет Я.П. Полонскому, что Достоевский пришел к нему «лет 5 тому назад в Бадене – не с тем, чтобы выплатить мне деньги, которые у меня занял – а чтобы обругать меня на чем стоит за “Дым”...»⁴⁰³ Но, конечно, баденский эпизод волнует его не из-за неотдачи 50 талеров. (Позже они-таки будут возвращены, но Тургенев по забывчивости решит, что Достоевский задолжал ему не 50, а 100 талеров, и потребует уплаты, что повлечет очередное между ними недоразумение.) Волнует другое. Копия письма Достоевского Майкову – с описанием происшествия – по неосторожности адресата попало в третьи руки (а именно к издателю «Русского архива» П.И. Бартеневу). Узнавший об этом «донесении потомству» Тургенев спешит взять свои меры. Он посылает тому же Бартеневу нечто вроде опровержения, где твердо заявляет, что уж никак не мог открывать перед Достоевским свои заветные убеждения, ибо считает его «за человека, вследствие болезненных припадков и других причин не вполне обладающего собственными умственными способностями». Этот изящный диагноз как бы предваряет позднейшие публичные обвинения автора «Бесов» в его, мягко выражаясь, неадекватности. «Впрочем, – скромно заключает Тургенев, – это мнение мое разделяется многими другими лицами»⁴⁰⁴.

В Бадене они виделись еще раз, в вокзале, но – не поклонились друг другу.

⁴⁰³ Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 9. С. 85.

⁴⁰⁴ Русский архив. 1902. № 9. С. 148. Цит. по: *Последний год Достоевского*. С. 90.

Тургенев если и бывал на рулетке, то эпизодически – «как турист». Он не принадлежал к кругу поклонников азартных игр. Достоевским же, несмотря на провозглашаемые им благородные цели, прежде всего движет азарт.

В этой своей страсти он вовсе не одинок.

Секрет выигрыша прост

Влечение к игре отличает не только русских литературных героев. Оно в высокой степени присуще и самим творцам – во всяком случае, многим из них. Не будем касаться Пушкина, проводившего ночи за зеленым столом: в конце концов, он умел находить упование и в такого рода бою. Но вот тот же Белинский, чей неистощимый задор, казалось бы, должен быть целиком поглощаем журнальными бранями, пишет своему московскому другу: «Я готов играть утром, вечером, ночью, днем, не есть и играть, не спать и играть. Страсть моя к преферансу ужасает всех...»⁴⁰⁵

Интересно, был ли молодой Достоевский очевидцем этих скромных безумств (игра шла на копейки, и самый счастливый выигрыш не превышал одного-двух рублей) и собирався ли он упомянуть о них в своей сочиняемой ныне статье? Как, например, упомянул об этом другой воспоминатель, К.Д. Кавелин. По его словам, Белинский (который однажды с упреком бросил Тургеневу: «Мы не решили еще вопрос о существовании Бога, а вы хотите есть!») вносил в картежные баталии «все перипетии и страсти, отчаяния и радости, точно участвовал в великих исторических событиях... Садился он играть с большим увлечением и, если ему везло, был доволен, весел», а проиграв, «становился мрачным, жаловался на судьбу, которая его во всем преследует, и наконец с отчаянием бросал карты и уходил в темную комнату»⁴⁰⁶. То есть вел себя так же, как большинство игроков, в том числе – Достоевский. Правда, в отличие от автора так его восхитивших «Бедных людей» Белинский не проигрывал последнее.

Вряд ли «неистовый Виссарион» сражался в преферанс со своим молодым протеже: они толковали по преимуществу о высоком. Зато другой его ученик, желавший, как помнится, смиренно преклонить колени перед именем учителя, пожалуй, мог быть признателен ему еще и за эту науку. У нас нет сведений, что в сороковые годы Достоевский расписывал пульку с указанным учеником (и первым своим издателем): Некрасов предался этой страсти несколько позже. Но в отличие от прекраснодушных коллег сумел стать в этом деле истинным профессионалом.

Игра повела к изменению всех его домашних привычек. Она захватила ночь, еще недавно отдаваемую срочным литературным трудам. «Некрасов возвращается домой в 12 часов утра уж наготове и производит скандал в доме, – пишет А.Я. Панаева М.Л. Огаревой. – Все люди дивятся перемене его: бывало ложился 7 часов вечера и вставал 6 утра, а теперь по ночам его с собаками не сыщешь»⁴⁰⁷. Все это случается тогда, когда автору «Кому на Руси жить хорошо» удастся поднакопить некоторый материальный ресурс.

А.М. Скабичевский замечает, что редактор «Современника» служит «вопиющим опровержением» той аксиомы, согласно которой карточная игра «отнимает у человека волю

⁴⁰⁵ Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 9. С. 526.

⁴⁰⁶ Белинский в воспоминаниях современников. М., 1997. С. 175–176.

⁴⁰⁷ Русская мысль. 1902. № 12. С. 173. Цит. по: Н.А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л.: Асадемия, 1930. С. 185.

и разум». Железную волю, обретенную в жестокой борьбе, у Некрасова не так-то легко было отнять. Его рассудок был в полном порядке. Он держал себя в ежовых рукавицах и тем, «кто не знал его близко, тому он мог показаться человеком совершенно бесстрастным»⁴⁰⁸. Но тем, кто находился рядом с ним долгие годы, так не казалось.

«Часто, целыми неделями, он не мог думать ни о чем, кроме игры», – пишет А.Н. Пыпин из своего виллюйского заточения Н.Г. Чернышевский, получивший горестную весть о смерти поэта. «Он знал: я смотрю на его игру как на пьянство. Любил же я пьяниц и уважал же. Из всех этих бесконечных рассказов об игре я скоро вывел убеждение: “он играет честно”. И, я уверен, я не ошибался»⁴⁰⁹.

Фраза о честности произнесена не случайно. Сплетня про шулерские приемы Некрасова переживает его самого: посмертный отголосок завистливой к чужому успеху молвы. В отличие от своих литературных друзей Некрасов вел крупную игру, и партнерами у него были не бедные литераторы, а такие, например, люди, как министр императорского двора генерал от инфантерии граф А.В. Адлерберг. «О какой недобросовестности игры может быть речь, – говорит современник, – если мы вспомним, что Некрасов играл много лет сряду в чопорном Английском клубе, где у него никогда не было никаких недоразумений с партнерами, принадлежащими к лучшему столичному обществу?»⁴¹⁰

Достоевский тоже играл честно. И не потому, что на рулетке возможности **мухлежа** ограничены (хотя бдительная Анна Григорьевна и заподозрила одного крупье в переглядах и, видимо, сговоре с помянутой выше удачливой русской дамой, которая три раза срывала zero⁴¹¹). Он играл честно, потому что иначе не мог. Но в отличие от «ледяного» Некрасова ему не удается избегать столкновений.

16 июля, через неделю после ссоры с Тургеневым, он возвращается домой чрезвычайно взволнованный: пожалуй, даже в большей степени, чем тогда. Оказывается, во время игры он нечаянно загреб монету рядом стоящего господина. «Когда тот Феде это заметил, – записывает Анна Григорьевна, – то Федя тотчас же отдал, извинился и сказал, что это случилось по рассеянности. Но господин сказал, что “это было вовсе не по рассеянности”. Тогда Федя подошел к нему и хотел его отвести в сторону, чтобы с ним объясниться. Но господин отвечал, что “теперь это все кончено”. Тогда Федя при всей публике назвал его подлецом, и тот этим не обиделся. Федя был в выигрыше около 40 монет, но этот случай так его раздражил, что он начал играть без расчета и проиграл эти деньги»⁴¹².

Было отчего прийти в ярость: тут задевалась личная честь. Его, собственно, обвиняли в присвоении чужих денег. И, что еще хуже, с пренебрежением прощали несуществующую вину. На косвенное оскорбление Достоевский отвечает прямым. По российским понятиям, этого достаточно для дуэли. Но кто же в Бадене, в погоне за ускользающим счастьем, будет следовать сословному кодексу чести? Неизвестно, в каком звании состоял господин, публично названный подлецом, и был ли он дуэлеспособен, но он не захотел или

⁴⁰⁸ Скабичевский А.М. Кое-что из моих воспоминаний // Новости. 1892. № 215. Цит. по: Некрасов в воспоминаниях и документах. С. 128.

⁴⁰⁹ Чернышевский в Сибири. Вып. III. С. 58. Цит. по: Некрасов в воспоминаниях и документах. С. 133–134.

⁴¹⁰ С.У. Мозаика // Исторический вестник. 1915. № 8. С. 474–475. Цит. по: Некрасов в воспоминаниях и документах. С. 138.

⁴¹¹ *Дневник 1867 г.* С. 123.

⁴¹² Там же. С. 144.

убоялся выяснять отношения. На рулетке, как со слов мужа повествует Анна Григорьевна, «часто происходят разные истории и часто ужасные грубости говорят друг другу, и это все ничего»⁴¹³. Не сама ли чрезвычайность ситуации вызвала в его памяти, как это случилось и раньше, грубое немецкое слово (Schuft, Bub, Lümp или особенно обидное Dreckkerl!), сильно обогатив его обиходный словарь?

Надо сказать, что инцидент происходит после большого выигрыша – с утра у Достоевских «в заначке» 166 золотых. «Следовательно, можно быть спокойной насчет жизни», – с несвойственным ей легкомыслием замечает Анна Григорьевна: впрочем, ее оптимизм может быть не рассчитан на срок более суток. Для Достоевского важен сейчас уже не успех, а «демонстрация флага». «Он пришел домой, чтобы просить дать ему еще 20, которые он хотел непременно проиграть для того, чтобы показать, что он вовсе не ходит с целью выиграть, а ставит большими кушами и проигрывает»⁴¹⁴. Намерение исполняется быстрее, чем он ожидал. Проиграв 20 (то есть 400 франков), он берет еще столько же и – с таким же успехом. Затем, не посягая на сам принцип дозировки денежных выдач, возвращается несколько раз: 20, 10, 10 – все рейсы заканчиваются одинаково. 2000 франков проигрываются с легкостью необыкновенной. «Под вечер, – с грустью говорит Анна Григорьевна, – у нас осталось всего только 66 монет»⁴¹⁵.

На следующий день этот капитал стремительно сокращается до двадцати. Причем с Достоевским снова происходит *история*. Высокий и толстый господин толкает его; на высказанное толкаемым недовольство резонно отвечает, что рулетка – для всех. «Федя сказал ему, чтоб он не брал чужого места. Тогда господин сказал, что “это не кончится для него так, как в прошлый раз”; очевидно, он намекал на трусость того господина и говорил, что в другой раз Феде это так не пройдет»⁴¹⁶. Достоевский слышит, как в стороне кто-то сказал: «Началось!» Он понимает, что его могут почесть возмутителем спокойствия и тогда вход ему на рулетку будет заказан – подобно тому, как это случится с его будущим героем Аркадием Долгоруким при еще более драматических обстоятельствах: тот будет обвинен в воровстве, обыскан и с позором изгнан из «подлой залы» – игорного петербургского подполья.

«Меня вывели, но я как-то успел стать в дверях и с бессмысленной яростию прокричать на всю залу:

– Рулетка запрещена полицией. Сегодня же донесу на всех вас!

Меня свели вниз, одели и... отворили передо мною дверь на улицу».

Рулетки в объединенной наконец Бисмарком Германии запретят только через несколько лет после пребывания Достоевских в Бадене. Но не указывает ли приведенная сцена, что автору «Подростка» были знакомы и тайные притоны Петербурга?

Его герой говорит, что пристрастился ездить «в один клоак», где все происходило с некоей грязнотой, «что многих, впрочем, и привлекало». Для Аркадия даже «клоак» – это все же какое-никакое, но общество, где он страдает оттого, что никак не научится себя держать. «На всех этих рулетках и сборищах я решительно не умел приобрести себе никакой осанки: то сию и упрекаю себя за излишнюю мягкость и вежливость, то вдруг встану

⁴¹³ *Дневник 1867 г.* С. 146.

⁴¹⁴ Там же. С. 144–145.

⁴¹⁵ Там же. С. 145.

⁴¹⁶ Там же.

и сделаю какую-нибудь грубость. А между тем какие негодяи, сравнительно со мной, умели там держать себя с удивительной осанкой – и вот это-то и бесило меня пуще всего, так что я все больше и больше терял хладнокровие».

Разумеется, все эти **комплексы** характерны преимущественно для незрелых юношей. Но можно ли категорически утверждать, что здесь не отразился еще и «взрослый» авторский опыт? «Я, конечно, испытывал наслаждение чрезвычайное, – говорит Аркадий, – но наслаждение это проходило чрез мучение; все это, то есть эти люди, игра и, главное, я сам вместе с ними, казалось мне страшно грязным». Баденская рулетка – это, разумеется, не аналогичное заведение в Петербурге. Но игра – она и в Африке игра.

Проигрывая, Достоевский почти всегда находит причину. То его нещадно толкают, мешая делать удачные ставки; то «богатый поляк с полячком» выводят из себя своей болтовней; то находящийся рядом англичанин распространяет острый запах духов... В Английском клубе, где англичан особенно не наблюдалось, Некрасову было, по-видимому, куда комфортнее и веселее.

Тут, правда, существовала известная разница. Достоевский – играет с судьбой **напрямую**: один на один. Он не вступает в единоборство с **лицом**, если только это лицо не толкает его и тем паче не упрекает в мошенничестве. Некрасову, напротив, необходим олицетворенный противник. Между ним и фатумом всегда присутствует третий.

«Он, – говорит о Некрасове наблюдатель, – сразу определял слабые стороны противника и пользовался ими, заставляя его горячиться и тем делать ошибки...»⁴¹⁷ Для автора «Железной дороги» это прежде всего психологическая дуэль. Он чувствует не только поэтику игры, он знает ее технологию, ее тайные пружины и смертельные риски. «Он множество раз, – говорит Чернышевский, – излагал мне теорию, как играть, чтобы выигрывать. Сущность верна: “Кого я мало знаю, я смотрю в глаза ему. Не выдержит он моего взгляда, я иду на большую игру с ним: знаю, выиграю, но если он выдерживает мой взгляд, неизвестно, кто кого обыграет. Лучше нам разойтись”. Он понимал, впрочем, и без моего толкования: “Это – испытание силы характера”»⁴¹⁸.

«Муза мести и печали» здесь, разумеется, отдыхает. Некрасов во время игры не столько «страстный к страданию поэт» (как назовет его Достоевский), сколько опытный, профессиональный психолог. Трудно сказать, как вел бы себя за картами, если б они его увлекали, тот, кто именовал себя изобразителем «глубин души человеческой». Подобное знание, явленное в тексте, не обязательно сказывается в игре. Писатель за карточным и рабочим столом – это два разных существа. Достоевский скорее всего горячился б, срывался и вряд ли сумел бы достичь некрасовских высот. Тем более что у Некрасова была своя система.

Его тактика заключалась не только в навязывании визуальных единоборств. У него был особый картежный фонд, предназначенный исключительно для игры – и ни для чего иного. Деньги, правда, откладывались не так, как у Достоевских – в отдельно взятый чулок, а в особенный, специально для этой цели заведенный бумажник. Они были заранее обречены на игру, и сама игра велась лишь в пределах отложенной суммы. «Самое большое зло в игре, – признается Некрасов А.М. Скабичевскому, – проиграть хоть один грош, которого

⁴¹⁷ С.У. Мозаика // Исторический вестник. 1915. № 8. С. 474–475. Цит. по: Некрасов в воспоминаниях и документах. С. 138.

⁴¹⁸ Чернышевский в Сибири. Вып. III. С. 58. Цит. по: Некрасов в воспоминаниях и документах. С. 134.

вам жалко, который предназначен вами по вашему бюджету для иного употребления»⁴¹⁹. Он полагает, что в каждый момент существуют две разных игры – безумно счастливая и несчастная. «Вся мудрость в картах в том и заключается, чтобы уметь уловить первую и вовремя воздержаться от последней. Если же вы будете упорствовать в несчастной игре и добиваться в ней поворота счастья, – пропащее дело».

Эти универсальные заповеди вполне приложимы к рулетке. Достоевский нарушает их как только может. У него нет специально отложенных сумм: на кон ставится все. *Aut Caesar, aut nihil* (или Цезарь, или ничего) – вот его внутренний игорный посыл. (Недаром, однако, один из его героев говорит, что игра, если полагать ее выходом из беды, есть выход **лакейский**. Автор «Подростка» знает это как художник, но пренебрегает – как игрок.) Прорываясь вчистую, он тщится переломить игру. Притом, сколь это ни странно, у него тоже имеется **система**.

Еще в 1863 г. он напишет В.Д. Констант, что на рулетке все «проигрываются дотла, потому что не умеют играть». Меж тем секрет выигрыша прост. Он состоит в том, «чтоб удерживаться поминутно, несмотря ни на какие фазисы игры, и не горячиться». Пишущий уверен, что при соблюдении этих простых условий проиграть невозможно, зато выигрыш – гарантирован. Но, не без усмешки (в том числе, видимо, и над самим собой) добавляет Достоевский, дело в том, что «постигнув секрет, умеет ли и в состоянии ли человек им воспользоваться? Будь семи пядей во лбу, с самым железным характером и все-таки прорветесь. Философ Страхов и тот бы прорвался»⁴²⁰.

Николай Николаевич Страхов помянут скорее всего не случайно. Только что по его литературной оплошности (из-за статьи «Роковой вопрос», благонамеренной, но туманной и потому превратно истолкованной начальством) был закрыт журнал братьев Достоевских «Время». Достоевский, очевидно, хочет сказать, что при всей своей философской предусмотрительности Страхов не смог бы расчесть последствия⁴²¹. Жизнь – это тоже рулетка.

И тогда же, в 1863-м, Михаил Михайлович Достоевский рекомендует младшему брату придерживаться тактики, весьма похожей на некрасовскую: «<Как ты играешь> всегда будешь в проигрыше: нужна известная система в игре. Выиграл 10/т. и баста на время. Из них 7/т. на другой же день ты должен был послать ко мне, для того чтоб я положил их для тебя в банк, а на остальные продолжай играть, и поверь ты будешь играть на них совсем легче»⁴²². Но такие советы – не для будущего автора «Игрока».

«А так как я, – заявляет Аркадий Долгорукий, – и до сих пор держусь убеждения, что в азартной игре, при полном спокойствии характера, при котором сохранилась бы вся тонкость ума и расчета, невозможно не одолеть грубость слепого случая и не выиграть –

⁴¹⁹ Скабичевский А.М. Кое-что из моих воспоминаний // Новости. 1892. № 215. Цит. по: Некрасов в воспоминаниях и документах. С. 131, 132.

⁴²⁰ ПСС. Т. 28, С. 40.

⁴²¹ Кстати, через много лет Страхов-таки «прорвался», если иметь в виду его печально знаменитое письмо 1883 г. Л.Н. Толстому с крайне негативными оценками Достоевского, в том числе обвинением его в педофилии. И этот страховский «прорыв» – в историко-литературном плане – повел не совсем к тем последствиям, на которые рассчитывал автор. См.: *Последний год Достоевского*. С. 227–240; Волгин И.Л. «Уйти ото всех». Лев Толстой как русский скиталец // Толстой Л.Н. Последний дневник. М., 2010. С. 487–488.

⁴²² *Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина*. С. 540.

то, естественно, я должен был тогда все более и более раздражаться, видя, что поминутно не выдерживаю характера и увлекаюсь, как совершенный мальчишка».

Автор «Подростка» ведет себя именно так: как мальчишка.

В ожидании Годо

Если «тургеневский день» принес игровую удачу, то завтра от вчерашних 50 золотых остается лишь 25. Однако не проходит и пары-тройки часов, как семейный капитал стремительно возрастает – на 40 монет, что вновь немедленно отмечается фруктами и вином. Является и букет – «немного меньший, но тоже великолепный»⁴²³. Это повторное подношение еще более утешает скромную в желаниях адресатку. «Решительно Федя меня балует», – замечает она. Цветы знаменуют успех: они становятся частью победного ритуала. Их постоянному покупателю предоставляется скидка. Хозяйка магазина, где Достоевский приобретает вино, увидев его с очередным букетом в руках, осведомляется, как давно он женат. «Я думаю, – замечает Анна Григорьевна, – она удивилась, что вот уже люди живут пять месяцев вместе, а муж носит своей жене букеты...»⁴²⁴ Пять месяцев, по мнению автора дневника – слишком долгий для букетоношения срок.

...У него была такая привычка: «сначала огорчить человека, а затем сильно обрадовать». Чаще всего он возвращается с рулетки далеко не в лучшем расположении духа. Но иногда после ритуальных жениных утешений вдруг вываливает на стол кучу серебра. Известный детский прием – оттенить удачу обманным нагнетанием негатива, усилить грядущую радость временным отдалением от нее – этот нехитрый розыгрыш удастся ему на славу. И тогда, вдохновленный собственным везением и искренним ликованием близких (в число каковых входит одна Анна Григорьевна), он, как уже говорилось, рьяно берется за устройство быта.

«Феде так и не сидится на месте. Он спросил меня, не надо ли чего-нибудь купить. Он нынче ужасно как любит ходить за покупками, так что совершенно избавляет меня от этого затруднения», – записывает благодарная Анна Григорьевна⁴²⁵.

Он приходит нагруженный, доставляя заказанные супругой сыр, апельсины, лимон. И сверх того – презент, о котором здесь, в центре Европы, Анна Григорьевна не смела и помыслить: любимые ею рыжики. Он находит их в какой-то немецкой лавке, хозяин которой после долгих расспросов, коверкая милое русскому уху название, признается в наличии экзотического продукта. «Ну, это так муж! милый муж, что достал для жены в Бадене русских рыжиков», – восклицает Анна Григорьевна, удивленная не столько проявленным к ней вниманием, сколько расторопностью и сметливостью «милого мужа», который, живя долгое время в Дрездене, никак не мог запомнить, где располагается королевская картинная галерея, куда нередко хаживал, а тут, в Бадене, без затруднений нашел примеченную им ранее съестную лавочку.

К рыжикам присовокупляются клюква, французская горчица, икра – «одним словом, все, что я только люблю»⁴²⁶. Такой преимущественно русский стол доставляет Анне Гри-

⁴²³ *Дневник 1867 г.* С. 133.

⁴²⁴ Там же. С. 137.

⁴²⁵ Там же. С. 143–144.

⁴²⁶ Там же. С. 144.

горьевне неизъяснимое утешение. Во-первых, в какой-то мере удовлетворяется ее патристическое чувство. А во-вторых, этот ностальгический рацион как нельзя более соответствует вкусам женщины, находящейся на втором месяце беременности.

Рыжики покупаются в понедельник 15 июля. А в четверг 18-го проигрывается последний золотой. Накануне их было 166 (3320 франков или свыше 800 рублей) – сумма достаточная не только для более или менее сносного существования за границей, но и для того, чтобы поддержать «поганую орду». Теперь же не на что не то чтоб играть – не на что жить. Нет даже денег, чтобы уехать из околдовавшего их ненавистного города («О баденцы, проклятое отродье...» – начнет сочинять стих не склонная к поэтическим медитациям Анна Григорьевна). Спешно закладываются единственные **материальные ценности** – а именно серьги и брошь. «Мне это было ужасно как больно; я так любила эти вещи, ведь они мне были подарены Федей». Она понимает, что больше их не увидит никогда. И Достоевский понимает это не хуже ее. «Федя стал предо мной на колени, целовал меня в грудь, целовал мои руки, говорил, что я добрая и милая, что еще и нездоровая, и что лучше меня нет никого на свете»⁴²⁷. Он уходит на рулетку, оставляя ее в состоянии полного отчаяния, которое, впрочем, при нем никак не выражается. Зато в его отсутствие она плачет громко, навзрыд – как случилось с ней лишь один только раз, во время визита кредиторов накануне свадьбы.

...Разумеется, он проигрывает все: в том числе только что полученные закладные деньги. Тогда в ход идет сначала его, а затем и ее обручальное кольцо. И уже не он, а она становится на колени и – пытается как может утешить его.

«Федя облокотился на стол рукою и заплакал. Да, Федя заплакал; он сказал: “Я у тебя последнее украл, унес и проиграл” <...> Потом мы несколько времени сидели на диване, обняв друг друга»⁴²⁸. В очередной раз произносится клятва (которой вряд ли верит кто-то из них), что это – в последний раз и что больше он на рулетку ни ногой.

При всем при том она старается быть веселой: смеется, даже рассказывает анекдоты. «Федя сказал мне, что “это очень хорошо”, что “это показывает довольно высокий характер – не унывать в беде, а, напротив, сохранять как можно больше бодрости”»⁴²⁹. Достоевский же, хотя и не предается веселью, тоже не теряет надежды. И надежда эта одна – он сам. Он знает, что у него есть только один спасительный выход – данный Богом талант. Его ничуть не волнует, что на проценты с этого капитала будет жить вовсе не он. А те отдаленные от него потомки, для коих слово его станет душевной необходимостью – или, на худой конец, **плановой темой**. Об этом он не задумывается. Ему внятно одно: для того чтобы выжить, он должен без всякой пощады тратить свой дар – здесь и сейчас.

Проигрываясь в прах, он как будто намеренно загоняет себя в тупик. Все средства испробованы, все козыри биты, отступать более некуда и надеяться не на что. Остается только одно – писать. Это – то, что в старину обозначалось на пушках: «Ultima ratio regum» («Последний довод королей»).

...Для Анны Григорьевны ужас положения отчасти смягчается тем, что, явившись «прощаться», муж говорит ей о своей любви – столь сильной, что за нее готов положить голову на плаху. Очевидно, сделать это ему легче, чем вовсе отказаться от игры.

⁴²⁷ *Дневник 1867 г.* С. 146.

⁴²⁸ Там же. С. 147.

⁴²⁹ Там же. С. 149.

...Попытки заложить или продать носильные вещи, как-то: шубку Анны Григорьевны, ее же мантилью, его пальто и сапоги и т.д. оканчиваются ничем или приносят копейки (которые, впрочем, тут же проигрываются). Достоевский решается идти в «Европейский двор» – к тоже проигравшемуся, по его наблюдениям, Гончарову – и просить его одолжить три золотых (то есть 60 франков или 15 рублей). «Сколько, сколько?» – вскричал Гончаров. Федя повторил, что три золотых. – «Ну, столько-то я могу всегда ссудить, – отвечал тот, – но никак не больше, потому что я и сам еду через неделю в Париж, следовательно, мне деньги нужны»⁴³⁰. (Позднее благодарный заемщик – который когда-то в частном письме так охарактеризовал Гончарова: «с душою чиновника, без идей и с глазами вареной рыбы, которого Бог будто на смех одарил блестящим талантом»⁴³¹, – с чувством напишет Майкову: «Но дай Бог ему здоровья, милому человеку: когда я проигрался дотла (а он видел в моих руках много золота), он дал мне, по просьбе моей, 60 франков займа. Осуждал он, должно быть, меня ужасно: “Зачем я все проиграл, а не половину, как он?”»⁴³²)

«Так они расстались, – сообщает Анна Григорьевна, – очень сконфуженные друг другом»⁴³³. Чуть позже неловкость возрастет в сильнейшей степени: они узрят друг друга на рулетке как раз в тот момент, когда Достоевский будет проигрывать гончаровские деньги.

«Я люблю встречаться с этим милым и любимым моим романистом...» – будет сказано десятилетие спустя в «Дневнике писателя». Уж не баденские ли встречи имеются тут в виду?

«Голова моя обратилась в мельницу»

27 июля (15-го по старому стилю) был **их день**: пять месяцев, как они стали мужем и женой. Событие было отмечено с приличествующей случаю торжественностью – на последние деньги куплена бутылка вина.

...Они пробудут в Бадене еще почти целый месяц. Счастья (если подразумевать под оным крупный выигрыш) так и не случится. Случится другое: семья устоит. Безнадежнее часа в их жизни уже не будет. Хотя впереди их еще ждут не столь малые беды: опять безденежье, опять кредиторы, болезни, размолвка с родными, смерть детей... Они едут из Баден-Бадена в Женеву – спасая себя и будущего ребенка, которому суждено совсем ненадолго скрасить их жизнь. Достоевский, проводивший лето «в ожидании Годо», как можно поименовать его предроманное состояние, наконец садится за **рабочий** стол. (Что не мешает ему иногда срываться к другому столу, в игорный Саксон-ле-Бэн – все в той же надежде: а вдруг?) Долг Каткову (деньги, забранные вперед за роман) достигает четырех с половиной тысяч. А в «Русский вестник» все еще не отправлено ни строки. Однако «черным по белому» за осень написано, кажется, не так уж и мало. Чтобы поспеть в первый, январский номер (редакция честным словом заверена, что автор не подведет), надо от править начальные главы не позднее 11 (по новому стилю) января. «...Но, – напишет он Майкову, – 4-го декабря иностранного стиля бросил все к черту». Практически за месяц до срока он уничтожает написанное и начинает с нуля. «Уверяю Вас, что роман мог бы быть

⁴³⁰ *Дневник 1867 г.* С. 153.

⁴³¹ *ПСС.* Т. 28₁. С. 244.

⁴³² Там же. Т. 28₂. С. 210.

⁴³³ *Дневник 1867 г.* С. 153.

посредствен; но опротивел он мне до невероятности именно тем, что посредствен, а не *положительно хорош*»⁴³⁴.

Он мог бы отправить и этот, как он полагает, посредственный роман – и больше не знать забот. Ведь о его посредственности догадывается пока только сам творец. Редакции «Русского вестника» об этом вовсе не обязательно знать. Они готовы принять любой текст – не только потому, что Достоевский задолжал им огромную сумму. Но и не в последнюю очередь потому, что автор – Достоевский.

Однако именно по этой причине написанное им не устраивает его.

Он начинает **выдумывать** новый роман (за месяц до публикации!). «Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался – не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман...»⁴³⁵

«Начал диктовать новый роман, – подтверждает Анна Григорьевна в записи от 22 декабря, – старый брошен». И чуть ниже приписывает: «1867 год кончен».

Но здесь кончается и дневник. Их семейная жизнь, фиксируемая ежедневно, закрывается для постороннего взгляда. Возможно, что это и к лучшему.

5 января 1868 г. первые главы «Идиота» отправляются в Москву (вся обещанная в январский номер порция уйдет 11-го). В России еще длится 1867-й – их первый год.

Излагая Майкову идею романа – «*изобразить вполне прекрасного человека*» (не потому ли роман должен быть не посредствен, а «положительно хорош»?), – он говорит как о грандиозности замысла, так и о неимоверной трудности его исполнения. «Только отчаянное положение мое принудило меня взять эту невыношенную мысль».

Далее следует фраза: «Рискнул как на рулетке...»⁴³⁶

Что ж: по крайней мере, он верен себе.

ПАСЫНОК ПРИРОДЫ (ПАВЕЛ ИСАЕВ)

Баловство как педагогический прием

Имя 12-летнего Паши Исаева стало известно государю императору Александру II осенью 1859 г.

Оно значится в прошении, которое только что возвратившийся из «мрачных пропастей земли» и пребывающий в Твери Достоевский направляет на высочайшее имя. Ходатайствуя о дозволении жить в Петербурге, недавний каторжник просит оказать ему и другую «чрезвычайную милость» – повелеть принять «на казенный счет в одну из с.-петербургских гимназий» его пасынка Павла Исаева – потомственного дворянина, сына губернского секретаря Александра Ивановича Исаева, «умершего в Сибири на службе Вашего императорского величества <...> единственно по недостатку медицинских пособий, невозможных в глухом краю...»⁴³⁷

⁴³⁴ ПСС. Т. 28₂. С. 239.

⁴³⁵ Там же. С. 240.

⁴³⁶ Там же. С. 241.

⁴³⁷ Там же. Т. 28₁. С. 387.

О том, что медицинские пособия вряд ли смогли бы избавить упомянутого Александра Ивановича от застарелого алкоголизма, проситель умалчивает. С другой стороны, собственное свое желание перебраться из Твери в Северную Пальмиру он мотивирует неотложной надобностью пользоваться советами многоопытных столичных врачей. Иначе говоря, высочайшему адресату тонко дается понять, что отказ в этой просьбе может повести к не менее печальному, чем в случае со старшим Исаевым, исходу. И тогда бедный пасынок останется **ВНОВЬ** сиротой.

Но не подобные ли страхи преследуют и мать отрока? «Марья Дмитриевна убивается за судьбу сына, – пишет Достоевский А.Е. Врангелю. – Ей все кажется, что если я умру, то она останется с подрастающим сыном опять в таком же горе, как и после первого вдовства»⁴³⁸.

Далеко не последнее соображение, склонившее Марью Дмитриевну на брак с Достоевским, – это надежда на то, что будущий муж позаботится о ее ребенке. Собственно, это входило в негласные условия «брачного договора». Как и в случае с Лизой Неворотовой⁴³⁹, Достоевский без малейших колебаний готов обречь себя на служение тем, кто может оказать его семье.

...Во всей поистине необозримой отечественной и мировой литературе об авторе «Преступления и наказания» (а это сотни тысяч печатных страниц) нет ни одной серьезной работы, которая была бы посвящена взаимоотношениям Федора Михайловича Достоевского и Павла Александровича Исаева.

...И снова уместен сакраментальный вопрос: «что нам Гекуба?». С какой стати ведать о человеке, не сыгравшем заметной роли в творческой жизни Достоевского (породившем разве что образ Лобова (в «Вечном муже»), прототипом которого принято считать П. Исаева)? Не спасавшем его от детских страхов, как тот же мужик Марей, не смущавшем его большую память, как убиенный отец, не вызывавшем такого взрыва страстей, как, скажем, Аполлинария Суслова, и, конечно, не обладавшем такой интеллектуальной мощью, как иные из его собеседников – Шидловский, Страхов, Победоносцев или Владимир Соловьев... Да и сама по себе фигура Павла Исаева не очень значительна и, казалось бы, мало чем интересна. Он не романтический, не трагический и даже – при некоторой наклонности к этому – не комический герой. В его жизни не было каких-либо драматических потрясений. Он не совершал ни славных гражданских подвигов, ни бесславных антиобщественных поступков; не отличался ни сексуальными отклонениями, ни психическими расстройствами, столь привлекающими нынешнюю публику; не совершал суицидных попыток; не был ни алкоголиком, ни игроком. Он не обладал какими-то особыми дарованиями. Будучи обыкновенным человеком, он сравнительно мирно провел большую часть жизни рядом с человеком не совсем обыкновенным.

Так что же из этого следует?

Как бы далеко ни отстранялся художник в своем творческом делании от низкой (или, положим, высокой) прозы обыденного существования, нас не оставляет догадка о тайном родстве этих нередко враждующих сфер. Никому еще не удавалось провести зримую грань между умонепостижимым творческим духом и так называемой биографической жизнью. Поэтому жизнеповедение Пушкина (Толстого, Достоевского и др.) – в Лицее,

⁴³⁸ ПСС. Т. 28, с. 373.

⁴³⁹ См. на с. 1045–1047.

на каторге, среди друзей, в любви, в семье, в обществе, на эшафоте, при дворе, на пашне, на войне, на дуэли и т.д. – занимает нас не в меньшей мере, чем постижение смысла их духовных деяний.

Уже приходилось говорить, что гений – это «мы»: в своем, так сказать, пределе. То есть в крайнем проявлении тех качеств, которые присущи человеку как виду. Постичь биографию гения – и для отдельного человека, и для целой нации есть акт **самопознания**.

В России жизнь писателей такого масштаба, как Пушкин или Достоевский, – это часть национальной истории. И все персонажи, попавшие в их орбиту, становятся лицами историческими.

Конечно, история отношений Достоевского с «обыкновенным» Пашей Исаевым лишена той глубины и драматизма, как, например, в случае с Марьей Дмитриевной, с Сусловой, а также с Тургеневым, Некрасовым или – заочно – со Львом Толстым. Но в известном смысле эта история не менее поучительна.

В долголетнем и неровном общении Достоевского с «завещанным» ему первой женой мальчиком обозначились не только педагогические пристрастия автора «Подростка» (это, как принято говорить, «романа воспитания»). Достоевский **в качестве отчима** столь же интересен, как и в качестве сына, мужа, брата или отца.

Но прежде всего он интересен именно как Достоевский.

Здесь, в лоне его собственной семьи, как под увеличительным стеклом проступают коренные свойства его натуры, его глубинные человеческие черты. То есть то, на чем тоже зиждется его искусство и без чего его художественная вселенная, очевидно, выглядела бы иначе.

Можно сказать, что и сама «незнаменитая» личность Павла Исаева именно этим и замечательна. Он любопытен сам по себе – впрочем, как любой человек. И в этом сугубо человеческом качестве он равновелик Достоевскому. Оба они выступают на равных, ибо сотворивший их Бог не руководствовался теорией, согласно которой мир делится на «имеющих право» и всех остальных.

Конечно, Павел Исаев – не родной сын. В нем Достоевский не может различить «голос крови» (**своей** крови). Но пасынок – с девяти лет член его первой семьи. После смерти Марьи Дмитриевны семья эта состоит всего из двух человек. Паша воспитуем отчимом: вообще присутствие мальчика, а затем юноши и взрослого мужа в его жизни постоянно и велико.

Достоевскому не удалось «полномасштабно» воспитать собственных детей: он ушел, когда им было еще очень далеко до совершеннолетия. Паша – единственный, кто находился столь долгое время в поле его родительского внимания. По «стажу» пребывания внутри семейного круга, рядом с Достоевским (даже учитывая их пространственные отдаления) он, пожалуй, превосходит других домашних.

Подчеркивание отрицательных свойств приемного сына – действительных или мнимых – традиция, в значительной степени восходящая к членам **второй семьи**. И если в меру сдержанная (помнящая как о литературных приличиях, так и о здравствующих детях обсуждаемого лица) Анна Григорьевна в своих воспоминаниях делает упор на легкомыслии, заносчивости и лености Павла Александровича, то свободная от этих условностей ее дочь Любовь Федоровна помимо прочего предьявляет ему укоры антропологического и физиологического порядка.

Именуя сына «белокожей негритянки» (так она аттестует М.Д. Исаеву, которая якобы тщательно скрывала свое происхождение)⁴⁴⁰ «почти мулатом», дочь Достоевского добавляет: «У него была желтая кожа, черные, с блеском, волосы, он вращал глазами, как это делают негры, энергично жестикулировал, принимал неожиданные позы, был злым, грулым и бесстыдным, плохо мылся и от него скверно пахло»⁴⁴¹.

Можно понять ныне здравствующего правнука П.А. Исаева А.А. Донова, который с горечью замечает, что «потомкам М.Д. Достоевской было заказано высказывать свое мнение, а если быть до конца откровенным, не было никакого желания делать это»⁴⁴².

Дело, однако, не только в восстановлении «биографического баланса» и защите погрязшей семейной чести. За давностью лет эта задача не так актуальна, хотя в частном применении, может быть, и уместна. Гораздо важнее реконструировать как внешний ход, так и моральную составляющую тех отношений, которые на протяжении четверти века (и при такой же разнице в возрасте) соединяли двух столь различных людей, как Павел Исаев и Федор Достоевский.

Привязанность Достоевского к Паше, конечно, в первую очередь объясняется тем чувством, которое он испытывал к его матери (ибо все, связанное с Марьей Дмитриевной, близко ему). Тут сказывается еще и присущее автору «Карамазовых» расположение и внимание к детям, с которыми, по наблюдению очевидцев, он быстро находил общий язык⁴⁴³. Сообщая А.Е. Врангелю о смерти А.И. Исаева, он не забывает упомянуть о ребенке, который «обезумел от слез и от отчаяния»⁴⁴⁴. В его характеристике маленького Паши ощутим острый педагогический взгляд: «...Мальчик добрый, очень остроумный, с большими способностями, благородный и честный, с способностью крепко привязаться и полюбить, но с зародышем страстей сильных»⁴⁴⁵.

Далеко не все из этих ранних оценок подтвердятся в дальнейшем. Однако как бы Достоевский порой ни сердился на пасынка, он никогда не отказывает ему в чистосердечии и доброте.

Еще до женитьбы на Марье Дмитриевне он принимает на себя отцовские обязанности: не без успеха пытается устроить Пашу в Сибирский кадетский корпус. В этом учебном заведении тот «все-таки получает образование»: о последнем отчим будет хлопотать неустанно. Как помним, новобрачная Марья Дмитриевна с некоторым вызовом отпишет сестре, что счастлива за судьбу Паши, который «умно балуем» ее заботливым мужем⁴⁴⁶. Это в ее глазах, пожалуй, главное оправдание их с Достоевским брака.

«Умное баловство» – система воспитания, предполагающая любовь.

Вследствие прошения на высочайшее имя Пашу принимают во Вторую петербургскую гимназию. Откуда он, правда, вскоре исключается за какую-то, как говорит Достоевский,

⁴⁴⁰ О генеалогии М.Д. Исаевой см. на с. 390 и 1043 настоящего издания.

⁴⁴¹ *Достоевский в изображении дочери*. С. 80.

⁴⁴² *Мария Констант*. С. 3. Следует заметить, что эта весьма полезная по замыслу книга явилась на свет в очень некачественном редакционно-издательском исполнении – с разваливающейся композицией, смешением цитат и авторской речи и т.д. Нет не только имени редактора, но и каких-либо признаков присутствия его в тексте.

⁴⁴³ См. подробнее: *Последний год Достоевского*. С. 407–426; а также с. 477–479 настоящего издания.

⁴⁴⁴ *ПСС*. Т. 28₁. С. 190.

⁴⁴⁵ Там же. С. 284–285.

⁴⁴⁶ Там же. С. 484.

«детскую шалость». (Характер этой шалости, равно как и степень ее детскости, остаются невыясненными⁴⁴⁷.)

Сохранилось неопубликованное письмо инспектора гимназии Х.И. Пернера от 30 ноября 1861 г., где он, именую Достоевского «милостивым государем Михаилом Федоровичем» (вообще-то 65-летнему столичному педагогу, преподававшему когда-то немецкий в Инженерном училище, не возбранялось бы знать имя и отчество не самого безвестного в России писателя), заявляет следующее:

«В следствие нашего разговора относительно Вашего пасынка прошу Вас покорнейше, во избежание дальнейших неприятных последствий, благоволите оставить Вашего пасынка дома и, в последствие времени – явиться для получения документов, представленных при помещении его в <Гимназию>»⁴⁴⁸. Директорская грамматика и стилистика немного хромают, но из текста можно понять, что Достоевский пытался (хотя и без успеха) спасти ситуацию.

Исаев так и не получит систематического образования – главным образом из-за стойкого нежелания учиться. И это чрезвычайно огорчает его отца, который в одном из писем к пасынку в сердцах вынужден признать, что великовозрастный (20-летний!) Павел Александрович так и не осилил таблицу умножения. «Ведь ты в 17 лет сложения еще не знаешь, – пишет он несколькими годами ранее, – и даже хвалишься, что у тебя тупые способности (из фанфаронства). Плохо это, брат»⁴⁴⁹. Он не устает внушать воспитуемому, что без образования тот пропадет. И даже вступление в брак не должно препятствовать перманентному образовательному процессу. «Ну что же такое, что ты женишься, чем это может помешать тебе учиться? Чем образованнее человек, тем более он учится, и так всю жизнь»⁴⁵⁰.

Он вообще склонен полагать, что едва ли не все недостатки приемного сына проистекают из свойственного тому невежества.

«Друг мой, покамест я жив и здоров, – пишет он в 1863 г. из Рима, – ты на меня можешь, конечно, надеяться, но потом? Да что деньги; еще это второе дело. В солдаты можно пойти, в крайнем случае. Но быть невеждой сознательно, по своей воле, отстать от своего поколения, быть ниже и хуже других и, не имея образования, не понимать, стало быть, того, что кругом происходит – и беспрерывно чувствовать это – вот что скверно и ужасно будет»⁴⁵¹.

«Отстать от своего поколения» – большое горе в глазах того, кто опередил свой век. Он не хочет, чтобы Паша оказался еще и пасынком природы.

Однако ни эти отеческие укоры, ни усилия приглашаемых к юному Исаеву репетиторов – ничто не приносит ощутимых плодов. Вновь в гимназию Паша так и не поступит.

«...Полное, грязное безобразие»

Будущий автор «Подростка» не забывает и о нравственном воспитании. Вспомним его письмо из Парижа (1863), где говорилось об опасности для юноши разных «глупых зна-

⁴⁴⁷ Л.Ф. Достоевская, по обыкновению путая факты, утверждает, что Павел Исаев был исключен из кадетского корпуса (*Достоевский в изображении дочери*. С. 97).

⁴⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 100. № 29805.

⁴⁴⁹ ПСС. Т. 28₂. С. 67.

⁴⁵⁰ Там же. Т. 29₁. С. 166.

⁴⁵¹ Там же. Т. 28₂. С. 48.

комств и Юсуповых садов»⁴⁵². Между тем, едва успев пересечь русскую границу, Достоевский посещает рулетку. Признаваясь в этом сестре жены Варваре Дмитриевне Констант, он закликает ее не сообщать упомянутый факт никому из родных или знакомых. И в первую очередь – Паше. «Он еще глуп и, пожалуй, заберет в голову, что можно составить игрой карьеру, ну и будет на это надеяться». Автор письма сознает, что непохвальный отцовский пример может самым пагубным образом сказаться на умонастроениях сына. (А о том, что Паша именно **сын**, – он не устает повторять многократно.) «Ведь забрал же он себе недавно в голову, что будет в магазине приказчиком, чтобы добывать себе деньги, а след<овательно>, не надо учиться, и это мне объявил. Ну, и не следует ему знать, что его папаша посещает рулетки. И потому ни слова»⁴⁵³.

Не опасается ли Достоевский, что Паше, как будущему Родиону Раскольникову, взбредет в голову мысль получить разом «весь капитал»?

Отбывая за границу (где его ждала – вернее, уже **не** ждала – Аполлинария Суслова), Достоевский вверяет 15-летнего Пашу попечению М.В. Родевича – молодого учителя, которому надлежало жить на одной квартире с учеником, заботиться о его пропитании и по мере разума готовить его в гимназию. Само собой, на все эти надобности воспитателю оставляются известные суммы.

Помимо прочего Родевич вызывал доверие тем, что печатал статьи во «Времени»: в новейшем – гуманном и вполне либеральном – духе. Однако в своем частном быту автор указанных статей оказался не столь хорош. Его опекунство над Пашей отнюдь не устроило Достоевского, о чем он не преминул сообщить Родевичу письменно. Причем в выражениях, во всей его эпистолярной едва ли не самых резких⁴⁵⁴.

«...Вы оставили на Пашу впечатление отвратительное», – говорится в письме. В вину Родевичу вменяется многое. И то, что, растратив доверенные ему средства, он несколько дней морил мальчика голодом и отсылал его «кормиться куда угодно». И то, что заставлял его закладывать вещи. И то, что Паша был посылаем со статьями Родевича по разным редакциям – с условием, «что если он добудет из редакций деньги, то тогда может взять себе на обед». И то, наконец, что просвещенный наставник вздумал носить его, Достоевского, рубашки, по причине чего между учителем и учимым разгорелся «грязный спор». Паша принужден был благородно напомнить, «что нельзя обходиться легкомысленно с чужой собственностью», и даже стал запирает от бесцеремонного похитителя ящики с отцовским бельем. Но более всего Достоевского корбит то обстоятельство, что Родевич своим поведением подавал воспитуемому очень дурной пример. «Едва я уехал, пошло полное, грязное безобразие. <...> Какой грязный цинизм вливали Вы в молодую душу».

Обо всех этих безобразиях Достоевский узнаёт, очевидно, с большим опозданием: его письмо написано спустя год после событий. Паша «по неопытности» показал «наглое письмо» своего бывшего учителя отчиму – что и вызвало негодующий ответ. Известно, что во время отсутствия Достоевского в Петербурге Родевич изредка сообщал ему, как идут дела. Письма эти утрачены, но, как можно догадаться, они не содержали тех подробностей, которые так возмутили адресата по приезде. Вскоре корреспондент Достоевского

⁴⁵² ПСС. Т. 28₂. С. 39.

⁴⁵³ Там же. С. 40.

⁴⁵⁴ Сохранились две черновые редакции этого текста (ПСС. Т. 28₂. С. 342–345, 99–100). Мы цитируем более пространственный первоначальный вариант.

получил направление в Виленскую гимназию, где должен был продолжать свои педагогические труды.

Печатаясь во «Времени», Родевич позиционировал себя в качестве убежденного прогрессиста. Будучи сыном провинциального священника, он без труда усвоил журнальную фразеологию «эпохи гласности». «...Вы писали модные статьи на модные темы, – говорит Достоевский, – и хоть статьи Ваши ровно ничего о Вас самих не доказывали, но, по крайней мере, можно было верить в Вашу искренность и честность» (этот текст в оригинале зачеркнут). Но увы. Оказывается, что и в молодом поколении существует «бездна шарлатанов и негодяев» (зачеркнуто), полагающих, что «за модную, мундирную фразу им простятся всякие безобразия». Мотив для Достоевского не случайный. Недаром замечено, что нравственные черты Родевича могли сказаться в образе семинариста-«нигилиста» Ракитина из «Братьев Карамазовых»⁴⁵⁵.

Существует мнение, что конфликт между Достоевским и Родевичем в значительной мере был вызван «отрицательными свойствами посредника между ними», то есть Паши Исаева⁴⁵⁶. Но, кажется, Паша не столь изощрен, чтобы намеренно затевать интригу. По простоте душевной он сообщает отчиму такие подробности, какие обычно молодые люди не спешат доверить родителям.

«...Когда Вы, – пишет Достоевский Родевичу, – начали водить к себе на квартиру девок и взманили этим Пашу завести себе тоже девку, Вы вступили с ним в препинанье о том, что Вы имеете право водить б<--->й, а он как воспитанник не имеет!» Вот, оказывается, куда шли отцовские деньги, предназначенные совсем для иного употребления! Меж тем «препинанье», о котором говорится в письме, можно истолковать и в пользу Родевича: выясняется, что педагог не столько подталкивал юного Пашу в пучину разврата, сколько пытался доказать свое исключительное право предаваться последнему. Кстати, в статьях Родевича во «Времени» среди других современных тем затрагивалась и проблема проституции – с сочувственным подходом к служительницам порока и оправданием их занятий общими тяготами социальной жизни.

Интересно, что в первом, более пространным варианте письма (беловик его неизвестен, до нас дошли только черновики) Достоевский находит уместным **оправдываться**. Причем делает это достаточно наивно. «И что Вы написали Паше в Вашей записке, которую имели наглость препоручить передать мне? Я подслушиваю у дверей? У каких? Когда? Зачем? И где Вы это видели?» Защищаясь от клеветы, он даже согласен воззвать к широкой общественности: «Много людей честных меня знают лично и знают, способен ли я подслушивать». Не удовлетворяясь этой патетической ссылкой, Достоевский вступает на довольно зыбкую почву – пытается растолковать оппоненту некоторые, как ему, Достоевскому, кажется, извиняющие его подробности: «Вы упрекаете меня раздражительностью. Я слишком хорошо знаю сам, милостивый государь, больные, дурные и даже некоторые смешные стороны моего характера. <...> Если я и раздражителен (что в себе несколько не оправдываю), то я не обидлив, я сумею загладить неловкость и обиду, и человек не мучится от меня, потому что видит, что это только наружность, внешность, а зла нет»⁴⁵⁷. И закан-

⁴⁵⁵ Письма. Т. 1. С. 575.

⁴⁵⁶ Журнал Достоевских «Время». С. 67.

⁴⁵⁷ Ср. на с. 1101 его письмо к Анне Григорьевне, где Достоевский тоже говорит, что внутри он не такой, как снаружи.

чивает этот бесподобный пассаж следующим простодушным призывом: «Очень много людей кончали тем, что любили меня, чего и Вам желаю».

К счастью, вовремя сработало писательское (или редакторское) чутье: во втором, кратком варианте письма все эти психологические интимности совершенно отсутствуют.

Как бы там ни было, юный Павел Исаев неизменно находится в поле зрения отчима. Он – предмет его неусыпных забот и волнений. «Думаю я об тебе много, Паша, – пишет Достоевский сынку 16 (28) августа 1863 г., по приезде в Париж и сразу после сокрушившего его объяснения с Сусловой (вот когда **вдруг**, как уже говорилось, вспоминается собственная семья!). – Держал ли ты экзамен (к которому его, очевидно, и готовил Родевич. – *И.В.*) и что выдержал? Со страхом буду ждать от тебя известия»⁴⁵⁸.

Страхи эти, как правило, оказывались не напрасными: знаниями Паша не блистал.

В тот же день, 28 августа, Достоевский пишет брату Николаю: «Был ли у тебя Паша и не слышал ли ты об нем чего, Коля, то есть о том, как он себя держит без меня и чем занимается? Что услышишь, напиши мне откровенно. Боюсь я, что он избалуется без меня»⁴⁵⁹.

«Избалуется» – это совсем иное, чем «умно балуем» в детстве. Отчим опасается, что без его догляда в подростке возобладают дурные наклонности. Тем более что на квартире, снимаемой Достоевским, мальчик в отсутствие хозяина предоставлен сам себе, а предполагаемая опека Родевича, как мы убедились, весьма своеобразна. «Да наставляйте, голубчик, Пашу, – пишет он свояченице, В.Д. Констант. – Напишите, что говорит о нем Родевич, если что услышите. Беспокоит меня Паша ужасно»⁴⁶⁰.

Между тем еще жива мать отрока, Марья Дмитриевна. Но поскольку Петербург не самое лучшее место для чахоточных больных, она отправлена во Владимир (который, впрочем, тоже не Ялта). И жить М.Д. Исаевой (во втором браке – Достоевской) остается менее года.

Точнее – до будущей весны.

«...Не оставьте его»

Осенью 1863 г. Достоевский перевозит жену из Владимира в Москву и помещает вблизи семейства сестры Веры Михайловны, чей муж, доктор А.П. Иванов, будет наблюдать больную. Автор «Белых ночей» – старый москвич: на время он вновь переселяется из Петербурга в первопрестольную. Он останется с женой до последнего дня.

В самом конце года Достоевский везет 16-летнего Пашу к умирающей матери. Однако вскоре сын высылается обратно в Петербург – «несколько раньше, чем, может быть, сам рассчитывал». В письме к В.Д. Констант Достоевский так объясняет причины высылки: «Он не произвел здесь того эффекта, на который, видимо, надеялся. Случилось то, что я предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неумение вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (*при всех его стараниях*) тому причиною». Мать, давно не выдавшая

⁴⁵⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 39.

⁴⁵⁹ Там же. С. 38.

⁴⁶⁰ Там же. С. 42. С Варварой Дмитриевной Констант, сестрой жены, у Достоевского сложились весьма доверительные отношения. Очевидно, «недобрая сестра» знала о его романе с Сусловой, что вроде бы следует из парижского письма Достоевского: «О своих интимных делах я Вам ничего не пишу...» (С. 40). Логично предположить, что адресатка более или менее о них осведомлена.

единственного сына, отнюдь не пытается удержать его подле себя. «Впрочем, – добавляет Достоевский, – Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей *несравненно* хуже, чем как было в ноябре, так что я *серьезно* опасаюсь за весну. Жалко ее мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но, кажется, я необходим для нее и потому остаюсь»⁴⁶¹.

Он остается, потому что – необходим. Но необходим он и брату Михаилу Михайловичу, который в Петербурге бьется за разрешение нового журнала взамен запрещенного «Времени» и для которого присутствие, а главное, сотрудничество младшего брата бесценно. И младший брат понимает это. Он пишет для «Эпохи» «Записки из подполья» – повесть по замыслу и исполнению совершенно небывалую, не подозревая при этом, что производит **геологический переворот** во всей мировой словесности. Меж тем рядом умирает жена – «умирает буквально». Но необходим он и Паше, которого не в силах перенести родная мать и который невесть чем занимается в Петербурге. «Ради Бога, голубчик, Варвара Дмитриевна, *хоть очень изредка*, нисколько не утруждая себя, наблюдайте отчасти с Пашей. Денег ему выдано столько, сколько надо, и, я думаю, он нуждаться не будет. Но если я запоздаю, то не оставьте его»⁴⁶².

«Не оставьте его» – вот лейтмотив его просьб к петербургским родным и знакомым.

Разрываясь между Москвой и Петербургом, между умирающей Марьей Дмитриевной и возрождающейся на развалинах «Времени» «Эпохой», он чувствует себя ответственным за семью, которая, собственно, тоже пребывает в руинах. «Не слышал ли чего о Паше? – вопрошает он брата Михаила Михайловича. – Кроме одного письма – ничего не написал, а я велел каждую неделю. Что с ним делается, как он живет? Ради Бога, урвись как-нибудь или поговорить с ним, или пошли к нему на квартиру, что там делается? Это негодяй какой-то!»⁴⁶³

Он пытается управлять судьбой пасынка на расстоянии – при помощи брата, Родевича, Варвары Дмитриевны и др. С самим же предметом своих забот он строг или, по крайней мере, желает выглядеть таковым.

Он жестко выговаривает Паше за то, что, взяв для передачи Михаилу Михайловичу довольно значительную сумму – 545 рублей, – тот «не почел за нужное» уведомить его, Достоевского, об исполнении этой деликатной комиссии (небрежность тем более непросительная, что деньги эти – часть долга, взятого у Литературного фонда для поездки за границу). Он говорит, что Паша был обязан немедленно известить его, потому что «об деньгах нельзя не уведомлять», что это невежливо и т.д. Он требует, чтобы Паша не ленился, не манкировал своими корреспондентскими обязанностями, а подробно описывал все, что происходит с ним в его самостоятельной жизни. «Письма пиши аккуратно каждую неделю. Не то будет худо, Паша»⁴⁶⁴.

Отцовство дает ему право на подобный взыскательный тон. И он не пренебрегает этим педагогическим средством. «Ты не только дурной сын, с скверным, ехидным сердцем (о здоровье матери хоть бы осведомился, по крайней мере) – но ты просто глуп. Воображаю, как ты ведешь себя в Петербурге. Я строго спрошу по приезде, будь уверен». И как

⁴⁶¹ ПСС. Т. 28₂. С. 62.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же. С. 73.

⁴⁶⁴ Там же. С. 63.

решающий довод – грозное вопрошение (скорее, правда, риторического характера): «...Можно ли обходиться с тобой как с порядочным человеком?»

Судя по всему, эти иеремиады не очень-то устрашают адресата. Во-первых, он к ним, по-видимому, привык. А во-вторых, хорошо зная своего корреспондента, помнит об его отходчивости. И вполне может счесть эти эпистолярные наставления – ритуальным родительским «наездом», где нельзя обойтись без морализаторского брюзжания. «До свидания, Паша, учись и занимайся. Не таскайся и не привыкай к подлой праздности. Кто ничего не хочет делать, тому одна дорога смолоду: быть ш<е>напаном⁴⁶⁵ и подлецом. И не хочешь, так поневоле сделаешься. Надеюсь, что ты не пойдешь по этой дороге»⁴⁶⁶. При всем при том заключительная формула письма «Тебе всей душою преданный Ф. Достоевский» призвана смягчить «ехидное сердце» адресата.

Кстати, апелляция к сердцу – вовсе не риторическая фигура. В «системе доказательств» Достоевского сердце – это решающий аргумент: «Хоть бы эта мысль, что ты, может быть, скоро осиротеешь, удержала тебя хоть сколько-нибудь от ветрености и заставила бы серьезно смотреть на жизнь. Я все до сих пор стоял за то, что у тебя сердце есть доброе. Если уж этого не будет, так куда ж ты будешь годиться?»⁴⁶⁷

Впрочем, такие ламентации – исключительно для внутреннего употребления. В характеристиках же, предназначенных для третьих лиц, Достоевский ни разу не упрекнет пасынка в ехидстве, жестокосердии (и тем более в «зломном и скверном характере», как это делает Любовь Федоровна). Напротив, выставляются наиболее привлекательные черты.

«Он хоть и шалун, но честен, – пишет Достоевский брату Михаилу Михайловичу весной 1864 г., то есть примерно в то же время, когда Паше адресуются приведенные выше ругательные эпитеты. – Я это знаю и за это отвечаю»⁴⁶⁸. И о том же будет сказано спустя годы в адресованном Каткову драматическом послании, речь о котором впереди.

В конце марта 1864 г. становится очевидным, что дни Марьи Дмитриевны сочтены. Достоевский понимает, что сыну надо проститься с матерью («он, пожалуй, будет еще потом меня упрекать за то, что я его не выписал в Москву...»). Но тонкость ситуации заключается в том, что Марья Дмитриевна вовсе не рвется увидеться с сыном и согласна призвать его только тогда, «когда почувствует, что умирает, чтоб благословить». Между тем она строит планы относительно летней жизни на даче, и напоминать ей о Паше в высшей степени рискованно. «Она ужасно мнительна, сейчас испугается и скажет: “Значит, я очень слаба и умираю”. Чего же мучить ее в последние, может быть, часы ее жизни?» Не хочет он мучить и Пашу, прося брата не пугать юношу, готовя его к неизбежной развязке («хотя его, кажется, не испугаешь»)⁴⁶⁹.

Щадя всех, Достоевский предлагает следующий сценарий. По кончине Марьи Дмитриевны он даст брату телеграмму – с тем, чтобы тот незамедлительно, в тот же день, отправил Пашу в Москву. «Невозможно, чтоб он и на похоронах не присутствовал». Но поскольку у Паши нет приличествующего случаю платья, он умоляет брата перед отправлением за «дешевейшую цену» купить пасынку все необходимое – черный сюртук, штаны, жилет и т.д. Зная характер опекаемого лица, он просит брата быть бдительным.

⁴⁶⁵ От франц. *chenapan* – шалопай, хулиган, лодырь.

⁴⁶⁶ ПСС. Т. 28₂. С. 64.

⁴⁶⁷ Там же. С. 72.

⁴⁶⁸ Там же. С. 76.

⁴⁶⁹ Там же. С. 73–74.

«Да когда будешь отправлять Пашу, то в толчки гони его ехать, а то он, пожалуй, выдумает какую-нибудь отговорку и отложит до завтра. Приставь к нему в тот день для наблюдений кого-нибудь. Ради Бога».

Независимо от сего с Пашей ведутся переговоры о покупке ему нового пальто. Требуемую им непомерную сумму в 28 рублей Достоевский срезает до 12-ти («или по крайней мере в 15 рублей»), ссылаясь на свое безденежье (деньги приходится занимать у брата) и укоряя пасынка в намерении «задать шику» и нежелании «отказать себе ни в малейшем почесывании». «Мамаше сегодня вечером слишком, слишком худо, – заканчивает он свое послание. – Доктор ни за что не отвечает. Молись, Паша»⁴⁷⁰.

Марья Дмитриевна умрет 15 апреля 1864 г. в семь часов вечера. Деша о смерти почему-то задержится: брат получит ее только в ночь на 17-е. Михаил Михайлович напишет Достоевскому, что 17-го же утром он «скрутил Пашу» и отправил его в Москву⁴⁷¹. Поскольку Марью Дмитриевну хоронили 17-го, нет уверенности, что сын успел к погребению.

Через три месяца Достоевского постигнет еще один жесточайший удар. Из Павловска, где проводил лето Михаил Михайлович, он напишет Исаеву: «Милый Паша, пришли мне белья. Брат при смерти»⁴⁷². Михаил Михайлович умрет 10 июля. Достоевский останется один. На его руках – семейство покойного брата.

И, разумеется – по-прежнему тот, кто недавно сделался круглым сиротой.

Судьба сироты

В самый разгар работы над «Преступлением и наказанием» (летом 1866-го в Люблине под Москвой), крайне обеспокоенный молчанием Паши, Достоевский пишет ему в таком тоне, в каком может разговаривать с сыном только взыскательный и чадолюбивый отец: «Не писал ли я тебе неделю назад, чтоб ты немедленно отвечал мне: хочешь ли ты или нет приехать ко мне. Я просил, приказывал и умолял, а ты наплевал на всю мою тоску. В Петербурге холера: мучаюсь, что ты болен, потому что неужели ж ты такой изверг, чтоб не отвечать мне... Если не получу еще немного писем от тебя, то брошу все дела и поеду сам в Петербург. Что ты со мной делаешь!»⁴⁷³

Паша соблаговолил-таки прибыть в Люблино – к вящей пользе печатающегося в «Русском вестнике» романа.

Через год, уже за границей, Достоевский напишет Майкову: «Скажите Паше, чтоб написал мне сюда, в Женеву, обо всем, что с ним было... Я получил от него всего только одно письмо за все это время. Не любит он меня, кажется, совсем. А ведь это очень мне тяжело»⁴⁷⁴.

Его печалит невнимательность, небрежность со стороны человека, которого он художественно воспитывал и судьба которого ему далеко не безразлична.

Нерасположение к пасынку мужа, сквозящее в воспоминаниях Анны Григорьевны и не очень-то ею скрываемое, объяснимо не только застарелой ревностью к **чужаку**. Оно подпитывается, в частности, и тем чувством превосходства, которое не могла не испытывать

⁴⁷⁰ ПСС. Т. 28, С. 84.

⁴⁷¹ Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. С. 553.

⁴⁷² ПСС. Т. 28, С. 94.

⁴⁷³ Там же. С. 162–163.

⁴⁷⁴ Там же. С. 214–215.

выпускница первой в России женской гимназии и серебряная медалистка по отношению к своему ровеснику-недоучке. Ее натуру, в высшей степени организованную и цельную, раздражают и чисто человеческие свойства Исаева – его необязательность, разбросанность, фанфаронство, житейская неукорененность.

Но главная причина антипатии – потенциальная угроза с его стороны их с Достоевским супружескому счастью.

Претендовавший на исключительное внимание отчима – в качестве единственного члена его семьи – Исаев являл собой объективное (хотя больше морального свойства) препятствие их браку. И даже когда брак уже совершился, претензии Паши на постоянную материальную помощь со стороны Достоевского, а еще более – неизменно сознаваемая последним обязанность таковую помощь оказывать – все это не способствует возникновению у **молодой мачехи** добрых чувств к «обломку» прежней, существовавшей еще до нее семьи.

Анна Григорьевна хотела бы вытеснить из сознания мужа этот навязчивый – в буквальном смысле – сюжет.

Но как раз после заключения нового брака Достоевский считает долгом решительно заявить о своих обязательствах по отношению к пасынку. В октябре 1867 г. он пишет ему из Женевы: «Если ты думал, Паша, что я, женившись, забуду о тебе (а я видел, что ты думал, и *нарочно*, много раз, не останавливал тебя), то ты очень ошибся. Даже совершенно напротив! Знай; что ты после женитьбы еще мне дороже стал...»⁴⁷⁵

Это отнюдь не «тактика», не игра: это живое, неподдельное чувство. Достоевскому незачем лукавить. Собственно, о том же днем ранее он толкует в письме А.Н. Майкову, которому поручается забота об оставшемся в Петербурге Павле Исаеве – в частности, приискание ему какой-нибудь службы. «Паша мальчик добрый, мальчик милый и которого **некому любить**»⁴⁷⁶.

Это, конечно, о его полном сиротстве: единственная его родственница в Петербурге, сорокалетняя тетка Варвара, умерла весной 1866-го, ненадолго пережив свою сестру. Человека надо любить, особенно если он – подросток. «Одно только худо за ним, – продолжает Достоевский, – сами знаете что». Об этом «одном» неоднократно писано и самому Паше: «Я тебя всегда считал и считаю добрейшим и честнейшим малым... Считаю тебя тоже малым очень неглупым. Одно плохо: необразование»⁴⁷⁷. В глаза говорится то же, что за глаза – в письме Майкову: «Кроме того, он мальчик честный... Я последней рубашкой с ним поделюсь и буду делиться всю мою жизнь»⁴⁷⁸.

И он действительно делится «последней рубашкой», поручая Майкову выдать Паше из переводимых «Русским вестником» сумм то 20, то 30, то 50 рублей: «Нет-нет, а все-таки надо помочь, тем более, что я его искренно люблю; я ведь его в моем доме больше 10 лет растил! Все равно что сын. Мы с ним жили вместе. И в таких ранних летах, и одного, на свои собственные руки оставить – да разве это возможно! Все-таки хоть иногда, как я ни беден, а надо помочь»⁴⁷⁹. Деньги отделяются сравнительно небольшие и предназначаются как на текущие Пашины нужды, так и на оплату его пропитания в семействе покойного

⁴⁷⁵ ПСС. Т. 28₂. С. 229.

⁴⁷⁶ Там же. С. 227.

⁴⁷⁷ Там же. С. 229.

⁴⁷⁸ Там же. С. 227.

⁴⁷⁹ Там же. С. 279.

брата – у вдовы Эмилии Федоровны, за чью квартиру Достоевский тоже платит: долготерпеливый купец Алонкин верит ему на слово и не требует многомесячный долг.

В доме Алонкина (или Олонкина) писалось «Преступление и наказание». В этот дом явилась Анна Григорьевна для стенографического труда. Здесь же произошло **объяснение**.

Потомственный почетный гражданин Иван Максимович Алонкин, если верить мемуаристке, очень почитал Достоевского – как «великого трудолюбца»: когда Иван Максимович направлялся к заутрене, окно в кабинете его жилья еще светилося. Он «никогда не беспокоил напоминанием о квартирной плате, – говорит Анна Григорьевна, – зная, что, когда будут деньги, Федор Михайлович сам их принесет»⁴⁸⁰. Утверждение воспоминательницы, что с внешности Алонкина «нарисован купец Самсонов, покровитель Грушеньки в “Братьях Карамазовых”», по-видимому, имеет резоны.

Достоевский из-за границы несколько раз порывается написать домохозяину – чтобы просить его об отсрочке оплаты. Он поручает Паше сообщить «персональные данные», которые запомнил («А как я напишу письмо без имени и отчества Алонкину? Он купец, он обидится»⁴⁸¹).

Проходит месяц, другой – Паша безмолвствует. Достоевского, поглощенного сочинением «Идиота», начинает сильно тревожить это молчание.

«Но главное, но самое ужасное мое сокрушение, – пишет он Майкову 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.), – это мысль, что делается с Пашей? Сердце мое обливается кровью, и мысль о нем, при всех *литературных мучениях* моих в декабре, приводила меня просто в отчаяние! Что он делает? Я в ноябре и в декабре не посылал ему денег, но он еще до ноября не писал мне ничего. При последней выдаче денег (60 р. от Каткова) через Вас я писал ему длинное письмо и еще поручал ему сделать маленькую справку, чрезвычайно для меня важную, а для него легкую. Я умолял его отвечать мне. Ни одной строчки ответа»⁴⁸². (Позже Паша будет уверять, что послал четыре письма. Адресат в недоумении – куда же они подевались. Но у Паши из-за секретности, окружавшей местопребывание отчима (вдруг кредиторы достанут и там?), явилось подозрение, что Достоевский вовсе не за границей, а в Москве, и он поэтому, может быть, не очень-то и старался.)

«Ради Бога, – просит женевский отшельник Майкова, – напишите мне о нем хоть что-нибудь. Ненавидит он меня, что ли? За что же, за что же? За то ли, что я послал ему из самого последнего и жду с жгучим нетерпением, когда еще пошлю? Не может быть, чтоб ненавидел. Я приписываю все не его сердцу, а его легкомыслию и неумению решиться даже письмо написать, так как не решился до двадцати лет хоть таблицу умножения выучить».

Паша наконец отзовется огромным письмом от 31 мая 1868 г. (несмотря на приписываемую ему леность он сочиняет большие и подробные тексты). Но прежде чем перейти к содержанию, следует остановиться на тоне и слоге.

Редкие сохранившиеся корреспонденции Павла Исаева при всем их многословии ясны, доброжелательны, вняты и простодушны. Они не содержат ни малейших упреков в адрес отчима; напротив, корреспондент всячески пытается войти в его положение, сочувствует его горестям и бедам. Он обращается к Достоевскому не иначе как «милый,

⁴⁸⁰ *Воспоминания*. С. 106.

⁴⁸¹ *ПСС*. Т. 28₂. С. 243.

⁴⁸² Там же. С. 242.

дорогой голубчик Папа», «милый дорогой папа» – стилистика и тональность его посланий полностью соответствуют этой любовно-почтительной формулировке. Трудно не согласиться с первым публикатором этих писем, который, отметив «неизменно доброе и даже сердечное отношение» пасынка к отчиму, осторожно добавляет: «Как-то невольно напрашивается вопрос, действительно ли уж так плох был Паша, как его рисует, напр<имер> Анна Григорьевна и Анна Николаевна, ее мать, под влиянием которых, б<ыть> м<ожет>, менялись, нередко к худшему, и отношения Ф.М.»⁴⁸³

В письме от 31 мая 1868 г. Паша говорит, что он целый год не напоминал Достоевскому о своих нуждах – «несмотря на неоднократные требования с Вашей стороны». Но теперь вынужден сообщить, что платье у него «страшно изношено, оборвано, сапоги в дырках, и поправить все это решительно не на что». Более того, белье «перервано, из носков сделались какие-то тряпки; а подштанникам и званья давно нет, остались одни швы». Выходя на улицу, он надевает одежду Федю (сына Эмилии Федоровны). И вообще, если бы не эта семья, он давно бы уже умер с голоду. Между тем семейство покойного Михаила Михайловича тоже бедствует. И хотя «уж, конечно, кусков моих не считают, да каково же их в моем положении глотать». В отличие от Эмилии Федоровны Прасковья Аникиева⁴⁸⁴, у которой он тоже некоторое время квартировал, решительно требует денег за квартиру. «Вот почему я так сильно надеялся на Вас, голубчик Папа...»⁴⁸⁵

Впрочем, с Эмилией Федоровной у Паши, очевидно, тоже не все и не всегда складывается гладко. В конце апреля 1869 г. Майков сообщает Достоевскому: «У них там какие-то несогласия, о коих он (Исаев. – И.В.) вам писать не хочет, да и я не советовал; напишет – вы встревожитесь, тоже напишете, придет письмо, – а там уж перемололось и заварилось, может быть, новое. И опять писать! и опять то же! Впрочем, важного ничего нет»⁴⁸⁶.

Однако подобного рода известия чрезвычайно волнуют Достоевского. «Аполлон Николаевич, – просит он Майкова, – ради Бога, напишите мне о Паше и о том, какие у них дразги с Эмилией Федоровной! Положим, это вздор, но для меня-то важно»⁴⁸⁷. Это важно не потому, что он любит вникать в домашние сплетни и пересуды. Но по смерти брата Михаила Михайловича он остается старшим в роде – как по возрасту, так и по своему нравственному авторитету. Возложив на себя ответственность за Пашу и за семейство покойного брата, он пытается не только поддерживать их материально, но по мере сил наблюдать за сохранением семейного мира. Конечно, на расстоянии добиться этого достаточно трудно. Однако он понимает, что при всех местных недоумениях и обидах именно в нем **стороны** будут искать наиболее справедливого советчика и судью.

Но если Паша простодушен и не лукав, то этого нельзя сказать об Эмилии Федоровне. У нее, за долгие годы житья в Петербурге так и не научившейся изъясняться по-русски, достанет умения извлечь выгоду даже из общесемейных горестей и бед.

Когда Достоевский пишет Майкову, что не может без ужаса думать о положении **несчастной** Эмилии Федоровны, он имеет в виду отсутствие у нее сколько-нибудь надеж-

⁴⁸³ Статьи и материалы. С. 397.

⁴⁸⁴ Напомним, что у нее от покойного Михаила Михайловича был сын Ваня (№ 262). Им Достоевский тоже пытался помочь.

⁴⁸⁵ Статьи и материалы. С. 398, 401–403.

⁴⁸⁶ Майков. Письма к Достоевскому. С. 80.

⁴⁸⁷ ПСС. Т. 29, С. 44.

ных источников существования. Это действительно так. Однако, как выяснилось недавно, вдова брата была не столь щепетильна.

В 1864 г. Михаил Михайлович Достоевский одалживает у мужа своей сестры Веры Михайловны, доктора А.П. Иванова, 40 акций Ярославской железной дороги. Гарантом этого московского займа выступает Федор Михайлович. Акции закладываются Михаилом Михайловичем за 5000 рублей: деньги идут на поддержание «Эпохи». После смерти мужа Эмилия Федоровна выкупает акции за 3000 рублей – не исключено, что на средства Федора Михайловича, – но ловко скрывает этот замечательный факт как от поручителя, так и от Ивановых, которым акции так и не возвращаются. До конца жизни Достоевский мучился этим долгом, полагая себя обязанным уплатить деньги семейству сестры, тем паче – после внезапной кончины А.П. Иванова в 1868-м. Поручитель ничего не ведал об истинном месте нахождения ценных бумаг⁴⁸⁸.

У Эмилии Федоровны есть старший сын Федя – Федор Михайлович-младший, как его называют в семье. «...Но не жестоко ли и не грубо ли с моей стороны, – восклицает Достоевский, – надеяться и взвалить всю заботу о семействе на бедного молодого человека, который слишком молод (ему, между прочим, 25 лет. – *И.В.*), слишком бьется, чтоб прокормить их, и, уж конечно, может *потерять терпение*, а это ведет на дурную дорогу. Очень, очень может привести. Чем-нибудь помочь я должен и обязан»⁴⁸⁹.

Слова о дурной дороге произнесены не случайно.

25 рублей: альтернатива для Родиона Раскольникова

Говоря о племяннике Феде, Достоевский тут же вспоминает и Пашу. В пользу последнего приводится один совершенно изумительный аргумент: «невозможно молодому мальчику, несовершеннолетнему, жить своим трудом, это невозможно, нелепо и грубо с моей стороны. Жестоко».

Почему нигде не трудящийся и не обремененный учением 20-летний Павел Исаев не может заработать себе на хлеб – этот вопрос даже не обсуждается. Достоевский с горестью берет на себя будущую вину за возможное негуманное приобщение юноши к общепольному труду. Это он, жестокосердый отчим, не в состоянии обеспечить пасынку вольную и безбедную жизнь. Что, в свою очередь, может привести его на край пропасти: «Это значит толкать его на погибель; не вытерпит. А мне его Марья Дмитриевна завещала, последняя просьба ее»⁴⁹⁰. «Последнюю просьбу» он склонен толковать в самом расширительном смысле.

И Паша, и Федор Михайлович-младший – самые близкие ему люди, если иметь в виду молодое – мужское – поколение семьи. Он, кстати, крестный отец своего полного тезки. В отношении Феди у писателя те же сокрушения, что и по адресу Паши. «Необразование ужасно гибельная вещь для Феди (консерватория, которую тот только что оставил, чтобы помогать семье, по-видимому, котируется у Достоевского не слишком высоко. – *И.В.*). Конечно, ему скучно жить; при образовании и взгляд его был бы другой и самая тоска его была бы другая. Эта скука и тоска его, конечно, признак хорошей натуры, но в то же время

⁴⁸⁸ Подробнее см. на с. 289, 291 настоящего издания.

⁴⁸⁹ ПСС. Т. 28₂. С. 261.

⁴⁹⁰ Там же. С. 261.

может быть для него и гибельна, доведя его до какого-нибудь дурного дела; вот этого я боюсь за него»⁴⁹¹.

Одни и те же грозящие обоим юношам беды мнятся ему, когда речь заходит о пасынке и племяннике, людях в общем одного поколения. Он страшится, что в силу собственной необразованности они будут лишены высших стремлений и невольно сделаются жертвами погибельных страстей. Все эти весьма расплывчатые намеки мгновенно наполняются смыслом, когда он вдруг приводит **примеры**.

Обсуждая с Майковым Пашину неустроенность и неукорененность, он в сердцах добавляет: «Какое направление, какие взгляды, какие понятия, какое фанфаронство! Это типично. Но опять-таки, с другой стороны, – как его так оставить? Ведь еще немного и из этих понятий выйдет Горский или Раскольников»⁴⁹².

Поразительно, что называются именно эти имена.

Впрочем, насчет Раскольникова все более или менее ясно: пример близок автору, он, так сказать, под рукой. Пусть Паша и не обладает раскольниковской казуистикой, которая, если вспомнить роман, «выточилась, как бритва», – ему тоже хотелось бы получить разом «весь капитал».

Что касается второго из упомянутых имен – оно, пожалуй, не менее **знаково**. Речь идет о 18-летнем тамбовском гимназисте Витольде Горском, загубившем шесть невинных душ. Преступление, совершенное им в доме купца Жемарина, вызвало множество газетных толков. Достоевскому, утешавшему за границей тоску по родине регулярным чтением русской прессы, были известны подробности.

Горский, католик по вероисповеданию, однако на суде провозгласивший себя атеистом, убил жену Жемарина, его мать, родственницу, дворника и кухарку. И – его 11-летнего сына, которому прилежно давал уроки. Имя Горского хорошо запомнится Достоевскому: оно будет упомянуто в «Идиоте».

Раскольников, сотворенный его собственным воображением, и Горский, убийца неправдашный, встают перед автором «Преступления и наказания», когда он задумывается о судьбе дорогих ему молодых людей. Художник крайностей, он мысленно проигрывает крайние варианты, когда «скука и тоска» **вдруг** могут повести к страшной развязке.

Потому так утешает его известие, что Павел Александрович, несмотря на **юные лета**, наконец вознамеривается служить. Он без колебаний советует пасынку «взять место». Но, разумеется, не из тех соображений, что тем самым тот облегчит несомое отчимом бремя. Нет, Достоевский не отказывается ни от одного из своих моральных долгов. Более того – берет на себя дополнительные и весьма рискованные обязательства. «Знай, что хоть у меня теперь и ни копейки лишней (писано после безумных летних проигрышей 1867 г. – *И.В.*), но до тех пор, покамест я жив, я твой друг и последним поделюсь с тобой, сколько бы тебе лет ни было»⁴⁹³. Он дает Паше возможность в любой момент предъявить этот материально не обеспеченный вексель.

«Взять место» Паша может по протекции родственной. Его устройством озабочиваются мать и сестра Анны Григорьевны. Паше предлагаются две вакансии: в Ладого у мирового судьи и на железной дороге – обе по 25 рублей в месяц.

⁴⁹¹ ПСС. Т. 28₂. С. 27.

⁴⁹² Там же. С. 298.

⁴⁹³ Там же. С. 230.

«Место у мирового судьи, – пишет Достоевский, – я считаю для тебя несравненно полезнее. Можно практически суд узнать и развиться; много можно приобрести». Пристально следящий из своего прекрасного далёка за деятельностью новых судов будущий автор «Братьев Карамазовых» хочет, чтобы пасынок соприкоснулся с «живой жизнью» – хотя бы на «низшем», бытовом ее уровне. (В русском языке словосочетание **мировой судья** наряду с тесным служебным значением может скрывать еще и подспудный вселенский смысл.) «Но, – добавляет автор письма, – не надеюсь на тебя: тут надо много работать, много трудиться...»⁴⁹⁴

Исходя из прежнего опыта, Достоевский догадывается, что его призыв не вызовет у адресата большого энтузиазма. Да и сама Ладога, где есть «мировая» вакансия, находится под некоторым подозрением. «Уездный город в твои лета опасен, да еще такой скверный и скучный». С другой стороны, «и на железной дороге компания наверно скверная». Впрочем, замечает автор «Двойника», и в первой петербургской канцелярии компания ничуть не лучше – так что особенно не приходится выбирать. Правда, в Петербурге больше шансов встретить хороших людей. Пасынку ничего не навязывается, с ним разговаривают **как с большим**.

Пашино письмо, где он рисует свои служебные перспективы, не сохранилось. Зато до нас дошла дневниковая запись Анны Григорьевны – с цитатой из него. «Это меня заставило призадуматься, говорит он (то есть Паша. – И.В.). Только призадуматься, а еще не взять место. Это, право, даже смешно. Мальчик вообразил себе, что ему так и будут валиться места <...> Право, этот человек не понимает, в чем дело». Вот если бы, – продолжает обиженная за родственников Анна Григорьевна, – ему самому пришлось обивать пороги в поисках службы и за спиной у него не было бы человека «который его кормит», тогда Паша оценил бы услугу, оказываемую ему добросердечными Сниткиными. «А то ему эти две бабы, <сестра> Маша да мама (право, как они меня любят, ведь они вовсе не для него стараются, а только желают, чтобы он нас освободил от своего присутствия) стараются для него, ищут ему место, а он еще кобенится и смотрит, выбирает»⁴⁹⁵.

Эту далеко не лестную для Павла Александровича запись (4 (16) октября 1867 г.) Анна Григорьевна делает в знаменательный для нее день. Ровно год назад, 4 октября 1866-го, она впервые пришла к Достоевскому. И теперь, спустя год, в своем дневнике подробнейшим образом излагает ту первую встречу. **Там** Паша тоже присутствует: правда, пока еще в качестве эпизодического героя, разве что не статиста.

«В эту самую минуту, – вспоминает Анна Григорьевна, – когда я входила в дверь в передней, в другой комнате, прямо против двери, выскочил какой-то молодой человек в туфлях и с открытой грудью, выскочил, но, увидев незнакомое лицо, тотчас спрятался»⁴⁹⁶. Исаев, разумеется, не подозревает (как не подозревала этого и сама Анна Григорьевна), что перед ним – будущая законная супруга его папá. Забавно, что она увидела Пашу прежде, чем Достоевского.

Через два дня Паша (который принимается ею за сына или племянника) вновь встречается на Мещанской, возле дома, и, «очень грубо» раскланявшись, просит показать ему ее стенографию. Взяв из рук стенографки картон и развернув его, он с любопытством изучает написанное. «Эта развязность меня очень удивила, – признается хорошо воспитанная

⁴⁹⁴ ПСС. Т. 28, С. 230.

⁴⁹⁵ Дневник 1867 г. С. 309.

⁴⁹⁶ Там же. С. 303.

Анна Григорьевна. – Потом он спросил адрес Ольхина и объявил, что скоро присоединится к числу его учеников. Потом раскланялся, нахлобучил шляпу набекрень и отправился домой...»⁴⁹⁷

При первой встрече Исаев (хотя и представший в затрапезе) показался Анне Григорьевне недурен. Во второй раз ей удается разглядеть его вблизи: «какой он желтый, с какими-то черными пятнами по лицу, совершенно цыганское или татарское лицо». Теперь понятно, из каких источников, помимо личных впечатлений, черпала свою информацию взыскательная Любовь Федоровна: у матери и дочери оптика очень схожа. Правда, Анна Григорьевна отмечает в облике Паши лишь «цыганское или татарское». Но, с другой стороны, и черные пятна на лице – улика довольно важная: не они ли впоследствии возбуждают подозрение относительно «негритянского происхождения» пасынка?

...Исаев не выбрал ни суд, ни железную дорогу. На первое время – опять же не без содействия отцовских знакомых – он устроился в адресный стол: с теми же 25 рублями жалованья. Достоевский живо откликается на эту славную весть: «О тебе же скажу, что ты меня очень обрадовал, что решился взять место и стал работать. Я уважаю тебя за это, Паша. Это благородно. Конечно, место неважное; но ведь и ты еще молод; подожди. Но знай, что ты не оставлен мною»⁴⁹⁸.

В этом женевском письме от 19 февраля (2 марта) 1868 г. (кстати: тринадцатая годовщина текущего царствования и седьмая – со дня освобождения крестьян) писатель как бы подводит итог своим отношениям с пасынком – с самого его детства и до «вступления на поприще». «Если я на тебя часто кричал и сердился, – то таков мой несчастный характер, а я тебя люблю так, как редко кого любил». У него нет оснований заискивать перед Пашей или быть с ним неискренним. Он, в сущности, повторяет то, от чего не откажется никогда. «Как только ворочусь в Петербург, то употреблю все средства и усилия, чтоб достать тебе место получше, и деньгами всегда буду помогать тебе, *пока живу* и когда будут хоть какие-нибудь деньги».

Однако возвращение в Петербург отдалается, и он пытается действовать «дистанционно». В начале 1871-го он просит своих влиятельных и чиновных друзей А.У. Порецкого и П.И. Ламанского споспешествовать Павлу Александровичу в его служебной карьере. «Я прошу у Вас покровительства Вашего моему пасынку, – несколько церемонно, как всегда в подобных просительных случаях, обращается он к Порецкому, – того самого покровительства, через которое, может быть, он был спасен, укрепившись на твердой дороге прилежания и труда и не уклонившись в худую сторону, в эти четыре года. Моим отсутствием и худым поворотом моих обстоятельств он вдруг остался в Петербурге почти на одних своих силах; но не потерялся и, кажется, научился трудиться. Я знаю, что Вы во многом ему помогли, и Бог вознаградит Вас за это»⁴⁹⁹.

Разумеется, подобные просьбы неукоснительно выполнялись – тем более преданным Порецким, который после смерти М.М. Достоевского сделался формальным редактором «Эпохи» и чьи человеческие черты, возможно, сказались в образе князя Мышкина в «Идиоте».

Не тяготит ли, однако, Достоевского его отцовство – случившееся еще до появления собственных детей?

⁴⁹⁷ Дневник 1867 г. С. 316.

⁴⁹⁸ ПСС. Т. 28, С. 264.

⁴⁹⁹ Там же. Т. 29, С. 171.

«И сам он благороден...»

За три дня до рождения в Женеве своего первенца, не ведая пока ни пола младенца, ни его недолгой судьбы, он еще раз – и даже с некоторой торжественностью – формулирует свое отношение к оставшемуся в Петербурге Паше: «Покамест я жив, ты будешь сын мой, и сын дорогой и милый. Я твоей матери клялся не оставить тебя еще накануне ее смерти. Я тебя еще малого ребенка назвал сыном моим. Могу ли я тебя оставить и забыть?»⁵⁰⁰

Конечно, всегда возникает соблазн почесть подобные речи «заявлением о намерениях», тем или иным видом внутрисемейной дипломатии. Но существует одно особое свидетельство, которое не оставляет ни малейших сомнений, что Достоевский говорит то, в чем внутренне глубоко убежден.

Известно, с каким волнением и трепетом ожидал 46-летний отец появления первого ребенка. Тем поразительнее его слова, которые 16 (28) октября 1867 г. записывает будущая мать: «Как-то мы говорили сегодня с Федей, он толковал, что если бы у него был какой-нибудь капитал, то есть если бы он был в состоянии что-нибудь оставить, то он оставил, конечно бы, Паше, а не Сонечке (предполагаемое имя будущего ребенка. – И.В.), потому что будто бы он к Паше имеет гораздо больше обязанностей, чем к своей собственной дочери»⁵⁰¹.

Разумеется, подобное заявление не могло слишком ободрить находившуюся на пятом месяце беременности Анну Григорьевну. «Как это несправедливо, так это и сказать нельзя, – с горестью комментирует она слова мужа. – Ни денег у нас нет, ни Сонечки, а мы уж бранимся из-за нее». Это, конечно, так, но бранятся супруги скорее из-за Паши Исаева. Симпатий к нему у Анны Григорьевны от этого не прибывает.

Через 45 лет, расшифровывая и переписывая свой дневник, Анна Григорьевна сделает примечание – что их с мужем тогдашний отъезд за границу был абсолютно оправдан. И не только из-за угроз кредиторов, но и потому, что Павел Александрович и «вся семья» (то есть родственники мужа) непременно бы испортили их семейную жизнь. И тогда, «прогнозирует» Анна Григорьевна, она, не выдержав обид, ушла бы к своей матери вместе с ребенком. «Говорю это твердо, – добавляет автор дневника, – зная свой тогдашний характер»⁵⁰². Действительно, наблюдая его, нет причин ей не поверить.

Достоевский был сильно задет тем, что ближайшие родственники замедлили поздравить его с рождением дочери. Поэтому он не мог не порадоваться реакции на это событие пасынка: «Поздравляю Вас, папа, и Анну Григорьевну с рождением милой для Вас дочери! О рождении дорогой Сони я узнал из письма Эмилии Феодоровны. Еще не видавши, ужасно полюбил эту девочку. Поцалуйте эту слюняшечку бесчисленное число раз! Здорова ли теперь Анна Григорьевна, как она теперь себя чувствует? Я перед ней много виноват: не мог до сих пор собраться написать ей. Что Соня, здорова ли? Умеет ли она держать головку? Поздравляю, голубчик папа, Вас с счастьем, которым Вы теперь наслаждаетесь. Я рад, от души рад, что у Вас есть собственное дитя!»⁵⁰³

⁵⁰⁰ ПСС. Т. 28₂. С. 264.

⁵⁰¹ Дневник 1867 г. С. 335.

⁵⁰² Там же. С. 194.

⁵⁰³ Статьи и материалы. С. 405.

Конечно, здесь при желании можно усмотреть некоторую – впрочем, связанную с сюжетом – слащавость. Но, кажется, нет и следа той ревности, которая могла бы возникнуть в связи с утратой Исаевым сыновней монополии.

Естественно, по мере появления собственных детей Достоевский все больше сознавал свои новые родительские обязанности. Пожалуй, это обстоятельство могло в известной степени повлиять на его охлаждение к Паше. Правда и то, что безалаберность Павла Александровича, упорно не желавшего взрослеть, давала веские основания для отцовского недовольства. Но, без сомнения, немалая заслуга здесь принадлежит и Анне Григорьевне.

10 (22) июня 1867 г., получив в Дрездене письма от своей матери и брата, Анна Григорьевна заносит в дневник: «...Они пишут, что Паша ужасно им надоедает, что он мучает маму, требуя от нее денег, что будто бы она ему что-то должна, что даже спрашивает, получила ли мама деньги от всех жильцов и т.д. Когда я прочла, это меня так взбесило, что я вся раскраснелась и ужасно тяжело дышала. Я не запомню, чтоб я так сильно сердилась, как на этот раз. Как он смеет?»⁵⁰⁴ Анну Григорьевну не может не уязвить тот факт, что Паша на правах **родственника** вмешивается в жизнь ее «старой» семьи и даже пытается, как можно заключить из родственных жалоб, контролировать **финансовые потоки**. Трудно сказать, насколько справедливы эти исходящие от Сниткиных обвинения. Но в их свете фраза из письма Достоевского к Паше – что Анна Григорьевна любит его ничуть не меньше самого автора письма⁵⁰⁵, – выглядит несколько гиперболически. Зато она свидетельствует о честных усилиях по сохранению мира в семействе.

У Анны Григорьевны есть в Петербурге сочувствователь – Аполлон Николаевич Майков. Относясь с большой симпатией к ней самой, он далеко не в восторге от Паши. «На мои вопросы на что ему деньги? – сообщает Майков свежие новости из Петербурга, – он говорил такой вздор, что уши вянут»⁵⁰⁶. Например, что ему нужно внести плату в Университет за слушание лекций по римскому праву или за занятия стенографией. И римское право, и стенография вызывают у поэта большой скептицизм.

Через Майкова, кстати, идут выплаты предназначенных Исаеву сумм, и казначей полагает за благо выдавать их не сразу, а по частям. Прося жену Майкова поблагодарить Аполлона Николаевича за такую манеру, Анна Григорьевна добавляет: «Этот малый (то есть Исаев. – *И.В.*) положительно делать ничего не желает. Матушка и сестра достали ему два места по двадцати пяти рублей в месяц; он пишет, что “это заставило его призадуматься”, но еще не взять место; решительно, он метит в министры. Человек, чуть ли не безграмотный, пишущий к нам с такими ошибками, что за него совестно, еще затрудняется, взять ли ему место в такую ничтожную для него сумму <...> гораздо легче и приятнее сидеть на чужой шее и ничего не делать...»⁵⁰⁷

Насчет Пашиной безграмотности Анна Григорьевна скорее всего права. Еще в 1864 г., отвечая на письмо пасынка, Достоевский как бы впроброс замечает: «Да вот еще что: слово две недели пишется через букву ъ, а не е, как ты пишешь, недели. “Будете писать” пишется не “будите писать”, как ты пишешь, а будете писать»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁴ Дневник 1867 г. С. 96.

⁵⁰⁵ ПСС. Т. 28₂. С. 230.

⁵⁰⁶ Статьи и материалы. С. 340.

⁵⁰⁷ Литературное наследство. Т. 86. С. 409.

⁵⁰⁸ ПСС. Т. 28₂. С. 72.

Теперь к повзрослевшему Паше имеются и другие претензии.

Оставшись в Петербурге, он, как это кажется Достоевскому, далеко не всегда с должной аккуратностью выполняет комиссии, возлагаемые на него отчимом. Так, «зависают» десять рублей, назначенные для передачи Прасковье Аникиевой и сыну ее Ванечке. Паша внятно объясняет, что поручение не исполнено за отсутствием на месте указанных лиц. «Будьте спокойны, – пишет он отчиму, – деньги эти будут целы, хоть до Вашего приезда; ибо я не так еще жаден до растрат чужих денег: у меня есть еще, слава Богу, и совесть и честь!»⁵⁰⁹

Но адресат и не сомневается в честности пасынка! Он поручает ему распечатать присланные на его, Достоевского, имя письма и вложить их для пересылки в большой конверт: «разумеется, не читая и не смотря даже на подписи»⁵¹⁰. Трудно сказать, что ценнее в этом замечательном наставлении: оказываемое ли адресату доверие или сугубо воспитательная методика. В любом случае, Достоевский не устает повторять: «сердце у него добрейшее, и сам он благороден...»

Правда, однажды смятение охватывает-таки автора «Идиота». Вследствие действия «испорченного телеграфа» (информация исходит от **тещи**, матери Анны Григорьевны) Достоевскому начинает мниться, что Паша якобы направляется в Москву, к М.Н. Каткову – дабы потребовать от него в счет гонорара за печатающийся в «Русском вестнике» **отцовский** роман некоторую сумму на свое содержание. Это недостоверное (но Достоевскому отнюдь не кажущееся таковым!) известие столь впечатляет автора романа, что он не только просит Майкова тщательнейшим образом расследовать все дело, но и решает на совершенно отчаянный шаг. Он пишет извинительное письмо самому Каткову. Вынужденный разьяснять издателю «Русского вестника» свои домашние обстоятельства, он испытывает чрезвычайную неловкость. И все-таки находит слова оправдания для пасынка, который «совершенно честен»: «Я сам-то, может, был еще легкомысленнее его в его летах, хотя, впрочем, учился»⁵¹¹.

Ужасное недоразумение разрешилось (Паша и не думал беспокоить Каткова), но осадок остался.

Тем не менее, именно после этого инцидента наступает период наибольшей взаимной приязни. Не без содействия петербургских друзей Достоевского Паша в очередной раз устраивается на службу (которую, правда, с помощью все тех же друзей будет довольно

⁵⁰⁹ ПСС. Т. 28₂. С. 446.

⁵¹⁰ Там же. С. 200.

⁵¹¹ Там же. С. 275. На самом деле Исаев ездил к тетке в Псков, надеясь занять у нее денег, но своей квартирной хозяйке сказал, что едет за деньгами в Москву. Свою версию произошедшего он излагает в письме к Достоевскому от 31 мая 1868 г.: «Анна Николаевна <Сниткина>, услышав от хозяйки, куда я уехал, стала вдруг меня подозревать в самом нелепейшем поступке: ей показалось, что я <...> отправился к Каткову просить у него денег. Не знаю, правда ли, но носился слух, что она тотчас же послала об этом депешу в Москву. (Кому? Родственникам Достоевского? Каткову? Но последнему «депешу» от правил сам Достоевский. – *И.В.*) Все бы это ничего, Бог с ними, с этими происшествиями, но зачем же, не узнав хорошенько дела, писать Вам, расстраивать Вас, заставить Вас писать Аполлону Николаевичу письмо за письмом за справками, наконец, вооружать всем этим Вас против меня» (*Статьи и материалы*. С. 399; ПСС. Т. 28₂. С. 468). Исаев склонен во всем этом винить тещу своего отчима: «Я одного не понимаю, за что меня так не терпит Анна Николаевна, что я ей сделал дурного, – не понимаю. Она во всяком моем поступке видела одну дурную сторону; смотрела на меня неприязненно; каждый шаг мой контролировала, – не понимаю, кто дал ей на это право! Если у Вас, Папа, – смиренно добавляет Исаев, – будет когда-нибудь свободное время, объясните мне это, меня это очень интересует!» (*Статьи и материалы*. С. 399).

часто менять). Он поочередно живет у **двух вдов** М.М. Достоевского – то у Эмилии Федоровны, то у П.П. Аникиевой, как бы скрепляя их двусмысленное родство; он с похвальным прилежанием исполняет деловые поручения замедлившего возвращением отчима.

«Поблагодарите его, голубчика, за его старания. Напишу ему. (И как он поумнел, судя по его письму!)» – пишет Достоевский Майкову из Дрездена 27 октября (8 ноября) 1869 г.⁵¹²

Он не видел пасынка уже более двух лет.

Pro et contra

Письмо Паши (от 3 сентября 1869 г.) действительно не могло не порадовать адресата. «Я сознаюсь, – писал поумневший ветрогон, – что по прежней своей глупой манере относиться к каждому делу как-то легко и небрежно, – я сделал Вам много огорчений и заставил Вас, может быть, против Вашей же воли, злиться на меня, в чем, конечно, чистосердечно винюсь. Надеюсь, что больше этого повторяться не будет. Я очень хорошо понимаю, как дело не будь пусто, к нему следует относиться толково, не небрежно, в этом только можно видеть всю порядочность человека. Говорю, понимаю *теперь*, потому что прежде в жизни ничего не смыслил, ко всему относился легко; теперь, по крайней мере, понял жизнь, понял отношения людей. Но не дешево мне это стоило, нахлебался всякой гадости достаточно. Благодарю Бога, что нравственно-то вышел чист»⁵¹³.

Заграничного корреспондента Паши Исаева, видимо, смягчает такая покаянная тоналность. Его не могут не радовать успехи пасынка, который раздражается вдруг громадным письмом («препровожаю к вам эту **библиотеку**», – усмехнется в приписке Майков), где с видимым удовольствием демонстрирует свою деловую хватку и полное владение сюжетом. Он подробнейшим образом исчисляет те выгоды, которые Достоевский может получить от продажи отдельного издания своего нового романа. Не исключено, что математические выкладки, которыми щедро уснащено указанное послание, призваны, по тайному замыслу автора, опровергнуть версию о его слабых познаниях в математике (в «таблице умножения!»). Равно как и самому тексту надлежит продемонстрировать возросшую грамотность.

Паша делается **доверенным лицом**.

Ему поручается ответственнейшее дело – переговоры со Стелловским о покупке отдельного издания «Идиота». Заверенной в русской миссии в Дрездене доверенностью Достоевский уполномочивает Исаева защищать его литературные интересы. Он дает пасынку подробнейшие инструкции (более напоминающие режиссерские установки) относительно того, как обращаться с издателем: «...Веди дело ровно и как можно более (то есть снаружи только) показывая ему вид, что имеешь к нему полную доверенность. Спорь и возражай мягче» и т.д.⁵¹⁴

Правда, стоит Паше немного замедлить с отчетом, как на его голову обрушиваются страшные подозрения. 12 (24) февраля 1870 г. писано Майкову, что, может быть, Паша в силу известного своего легкомыслия «завладел» деньгами, полученными от издателя, и

⁵¹² ПСС. Т. 29, С. 77.

⁵¹³ Статьи и материалы. С. 408–409.

⁵¹⁴ ПСС. Т. 29, С. 84.

вознамерился – с благими, разумеется, целями – пустить их в оборот. Или, что еще хуже, занялся спекуляциями на бирже. Или, пожалуй, одолжил чужие деньги приятелю. «Все это от Павла Александровича может и могло случиться». Лишь одного Достоевский не допускает ни в каком случае: «Боже избави меня подозревать его в чем-нибудь подлом, да и не верю я в это, но я положительно знаю, что он легкомыслен»⁵¹⁵.

Неистребимая Пашина черта служит для него своего рода индульгенцией. Отчим готов обвинить пасынка во всех прочих грехах, лишь бы не допускать мысли о его непорядочности. «Одной только открытой и преднамеренной подлости я в нем ни за что не могу предположить и был бы от этого в горе гораздо более, чем если б я потерял совсем все эти деньги». Тем не менее Майкову поручается немедленно изъять у Паши доверенность, а в случае отказа – припугнуть публикацией в газетах о недействительности документа. Такое требование объясняется прежде всего соображениями морального порядка: «Доверенность же эту в руках его я не могу оставить. Он будет таскаться с ней по всем лавочкам книгопродавцев, продавая издание, а стало быть, напрасно срамить меня».

Все эти страхи, как и в случае гипотетического визита Паши к Каткову, окажутся чистым фантомом. Сделка со Стелловским не состоится (что, может, и к лучшему – слишком памятна история с «Игроком»), денег Паша никаких не получит, а доверенность «торжественно» (то есть не без обиды) вручит Аполлону Николаевичу Майкову. Он даже решится **накатать** отчиму соответствующее письмо – но, добавляет Майков, «поговорив, однако, со мной, успокоился и письма к Вам не пошлет»⁵¹⁶. Благо что Майков не передал Исаеву беспокойств и предположений отчима, ибо в таком случае оснований для обиды могло бы быть куда больше.

В том же письме Майков, только что пристроивший Пашу к работе «по переписке жителей в Петербурге», дает, так сказать, развернутую характеристику своего постоянного протеже: «Он ветрогон, хвастун, с замашками серьезного делового человека, сквозь которые прорывается юность и задор, но не думаю, чтоб был склонен сделать что-либо худое (в этом пункте автор письма как бы солидаризируется с Достоевским. – *И.В.*); своими же манерами вредит себе чрезвычайно; являясь искателем, врет и хвастает и тем не располагает людей, у коих просит, так что рекомендовать его, кроме уж самых близких, трудно решиться. Вечно в планах; раз даже уж был в мечтах посланником, и это казалось ему почти наверное. <...> Теперь у него в голове: только бы фрак и вся бальная пара, то он бы великолепную карьеру сделал. “Вот, говорит, получил я приглашение от М^{ме} Померанцевой на вечер – достал на прокат фрак – и все это мне *страшных* денег стоило! и видел там людей, с которыми завел связи, мог бы...” и пр. Вот образец его слога, и все скороговоркой, и как будто о *страшных* деньгах говорит какой-нибудь кавалергард! Вот это-то его и разрекомендовывает».

Собственно, Майков не сообщает ничего нового. Но любопытно бы знать: не напоминает ли Достоевскому рисуемый образ его собственных ранних героев – некую помесь Мечтателя с господином Голядкиным? И не улавливает ли он в пасынке – пусть неполно и отдаленно – какие-то свои молодые черты? (Например, свою собственную амбициозность, явленную в письмах к опекуну, П.А. Карепину, когда подопечный настоятельно требовал причитающуюся ему долю наследства.) Ведь недаром отписано Майкову: «Ветро-

⁵¹⁵ ПСС. Т. 29, С. 104, 105.

⁵¹⁶ Майков. Письма к Достоевскому. С. 82.

гон он большой, правда; да ведь я, может быть, в его лета, еще хуже его был (я помню)»⁵¹⁷. Он не выставляет себя в качестве эталона и образца. И – старается быть снисходительнее к другим.

Но не принадлежит ли Паше Исаеву еще одна – может быть, тайная – роль?

В том семейном пространстве, которое пытается контролировать Достоевский, Паша – зона нестабильности, непредсказуемости, риска. Он «не отпускает» отчима (да простится нам это сравнение) наподобие рулетки, которая требует постоянных расходов и где никакие ставки не гарантируют выигрыш. Паша – фактор постоянной опасности и тревоги, лицо, требующее перманентной заботы и в известной мере раздражающее заботящегося. Но, может быть, такой неустойчивый семейный баланс внутренне необходим Достоевскому – как одно из условий его творческого существования? Может быть, этот «момент неопределенности» **показан** строю его души, и если б, положим, Паши Исаева не было, его, наверное, следовало бы придумать.

...После лишения доверенности (а точнее – доверия) Паша долго не подает признаков жизни. Наконец спустя год он прерывает молчание. В Дрезден (а Достоевские снова там) приходит письмо.

«...Я имел некоторое основание подумать, – отвечает Достоевский Исаеву 6 (18) января 1871 г., – что ты питаешь на меня претензию насчет всего этого прошлого дела со Стелловским – и дивился твоей раздражительности и самолюбию»⁵¹⁸.

Следует, однако, признать, что основания для «раздражительности» у Исаева были. Тем радостнее получить адресату большое Пашино письмо, из которого можно вывести заключение, что автор – совсем не злопамятен. По прочтении Достоевский даже делает Паше комплименты сугубо профессионального свойства: «Роман в нескольких частях, присланный тобою под видом письма твоего, – чрезвычайно утешил меня и чрезвычайно мило написан. Значит, не без дарований же ты, Паша, если в состоянии так хорошо написать!»

Он вообще не упускает случая похвалить его способности и хоть как-то поощрить самолюбие (вернее, направить его в нужное русло).

Еще летом 1868 г. он пишет Паше из Веве: «Судя по письму твоему ко мне (то есть по тому, как оно написано), думаю, что ты можешь работать над судебными бумагами. Ты пишешь очень порядочно, и с этим тебя поздравляю»⁵¹⁹. О том же с удовлетворением сообщается Майкову: «Письмо он написал складно. Я порадовался, что он может излагать дело ладно и без ошибок»⁵²⁰.

Для Достоевского это умение – важный отличительный знак. Грамматический и стилистический прогресс, которого добивается Паша, свидетельствует в глазах отчима о возмужании души. «Роман» же, о котором упомянуто с улыбкой и который Паша прислал «под видом письма», увы, до нас не дошел. Очевидно, тем, от кого зависела сохранность архива, такого рода источники представлялись малозначительными и не заслуживающими интереса. Линии Исаевых в глазах потомков надлежало выглядеть недокументированной и вообще маргинальной.

⁵¹⁷ ПСС. Т. 28₂. С. 279.

⁵¹⁸ Там же. Т. 29₁. С. 166.

⁵¹⁹ Там же. Т. 28₂. С. 300.

⁵²⁰ Там же. С. 303.

В письме 1871 г., где поощряются литературные дарования пасынка, Достоевский не упускает возможности повторить то, о чем толкует при каждом удобном случае: «Суди же теперь, друг мой, если б ты хоть сколько-нибудь прежде поучился, ведь сколько бы ты мог тогда извлечь из своих природных способностей? Сколько бы разнообразного применения могло открыть им образование?» Он закликает Пашу умножить усилия, ибо тяга к знаниям (даже и в преклонном возрасте, до которого пасынку еще далеко) свидетельствует о благородстве натуры. Он ставит в пример Паше его родного отца, который «был человек образованный, даровитый, добрый и простодушный»⁵²¹. Правда, ни словом не упоминается о сведшей его в могилу напасти: кажется, Исаев-младший ей не подвержен.

Но Паша не желает учиться. Он хочет – жениться.

Женитьба невозможного человека

Об этом его намерении первым в сентябре 1870-го сообщает Аполлон Николаевич Майков:

«Юмор жизни меня зовет: Ваш Паша женится. Приходил ко мне сияющий, хорошо одетый, со своими пробивающимися усиками и с обручальным кольцом на пальце. Женится. Уж ничего не поделаешь. Надо принять как совершившийся факт. Она “такая миленькая”, что нельзя не жениться»⁵²². Он очень желал, чтобы я Вас расположил в пользу его брака. Вот я и располагаю». Майков делает это не без изящества, будучи уверен, что адресат оценит его сдержанную иронию. Предвосхищает он и реакцию Достоевского: «На его (то есть Исаева. – *И.В.*) вопрос, как Вы на это взглянете, – я отвечал, что если нельзя – или поздно будет все остановить, то, конечно, примете как совершившийся факт <...> Я думаю, что не ошибся в ответе»⁵²³.

Он действительно не ошибся.

К женитьбе Павла Александровича отчим отнесся довольно спокойно – во всяком случае, гораздо спокойнее, нежели в свое время Паша к его с Анной Григорьевной браку. Единственное, что задело его, – это то, что пасынок – может быть, в силу все той же обиды – не сообщил ему своевременно о **семейном торжестве**. Но в присланном письме-«романе» Паша как будто исправил эту оплошность. Заключая из его слов, что избранница Павла Александровича «девушка с характером твердым и с серьезным взглядом на жизнь», Достоевский усматривает в этой женитьбе возможную пользу для жениха: «Нравственное влияние женщины, даже на самого сильного духом мужчину, не только полезно, не только всегда необходимо, но и вполне натурально. Это второе и окончательное воспитание человека»⁵²⁴. Сказался ли в этом педагогическом рассуждении его собственный брачный опыт?

Когда в 1871 г. чета Достоевских вернется в Россию, Пашина супруга Надежда Михайловна (в девичестве Устинова) понравится им обоим. Правда, верная себе Анна Григорьевна

⁵²¹ ПСС. Т. 29, с. 166, 167.

⁵²² Любопытно сравнить эти слова с написанным более чем за четверть века до того письмом Михаила Михайловича Достоевского, где тот сообщал брату Федору о своем предстоящем браке (см. с. 995). Подобный тип «брачной обреченности» – правда, с женской стороны – запечатлен у Беллы Ахмадулиной: «А он – так глуп, так мил и так ушат, // что, право, невозможно... невозможно...»

⁵²³ Цит. по: ПСС. Т. 29, с. 445.

⁵²⁴ Там же. С. 167.

евна не преминет позднее заметить: «Я никак не могла понять, как она решилась выйти замуж за такого невозможного человека...»⁵²⁵

Понятно, что обладающая уже четырехлетним брачным «образованием» **жена писателя** ляжет костями, чтобы не дать сбыться наивной Пашиной грезе: жить с Достоевскими после их возвращения из-за границы под одной крышей, семейно.

Приискав в Петербурге за сравнительно дешевую плату (100 рублей в месяц) квартиру, состоящую из восьми комнат, Павел Александрович с радостью сообщает об этой своей удаче Анне Григорьевне. На недоуменный вопрос, зачем ему такая большая **жилплощадь**, Паша резонно отвечает, что квартира не столь велика. Гостиная, кабинет, спальня и детская – для Достоевских; три остальные комнаты (кабинет, гостиная, спальня) – соответственно для Исаевых. Столовая, разумеется, будет общая: не делить же искусственным образом скромный семейный стол. Анна Григорьевна приводит в этой связи следующий диалог:

« – Разве вы рассчитываете жить с нами вместе? – изумилась я его наглости.

– А как же иначе? Я так и жене сказал: когда отец приедет, то мы поселимся вместе»⁵²⁶.

Анна Григорьевна внятно объясняет Павлу Александровичу, что обстоятельства переменились и что их совместное проживание никак невозможно. **Дерзости**, сказанные в ответ, пропускаются мимо ушей. В свою очередь Достоевский предпочитает не вмешиваться – под тем благовидным предлогом, что все хозяйственные дела он передоверил супруге.

В своих воспоминаниях Анна Григорьевна приводит немало примеров, долженствующих убедительно продемонстрировать эгоизм Павла Александровича, его самонадеянность, а главное, бестактность и моветон по отношению к отчиму. То Паша выговаривает «отцу» (это слово Анна Григорьевна неизменно ставит в иронические кавычки) за его желание ехать в Европу; то громогласно, на публике убеждает Достоевского не ложиться в вагоне на верхнюю полку, дабы не сверзнуться с нее в припадке падучей; то фамильярно хлопает по плечу **значительное лицо** (управляющего банком) и на вопрос последнего – как здоровье родителя, с легкой светской небрежностью отвечает «ничего, скрипит себе старикашка».

Не забудем, однако, что все эти нелестные для Павла Александровича аттестации исходят практически из одного источника. В ретроспективе, не без гнева и страсти выстраиваемой Анной Григорьевной, Павлу Исаеву отведена если и не демоническая, то во всяком случае весьма неприглядная роль. Меж тем взгляд самого Достоевского на пасынка при всех претензиях и оговорках остается неизменным. Он просит московскую племянницу Соню Иванову приласкать приехавших в Москву супругов Исаевых и постараться в моральном смысле благотельно повлиять «на этого все еще Хлестакова, хотя (и я серьезно говорю это) в нем много прекрасных сердечных качеств»⁵²⁷. Он видит то, чего упорно не желает замечать его озабоченная борьбой за существование супруга: «я люблю его, каков он ни есть». Он не требует от Павла Александровича невозможного.

Та хлестаковщина, о которой он говорит, не отвращает его от «самого Хлестакова». Ибо простодушный гоголевский герой – не злодей, не Петруша Верховенский, не Под-

⁵²⁵ *Воспоминания*. С. 204.

⁵²⁶ Там же. С. 205.

⁵²⁷ *ПСС*. Т. 29, С. 259.

польный. Паша – хвастлив, легкомыслен, но не подл. Он несомненно привязан к тому, кто в меру сил старается заменить ему отца. Он гордится таким родством, пусть и не без оттенка тщеславия.

Любовь Федоровна Достоевская с готовностью перенимает у матери эстафету неприязни: «Этот на одну четвертую мамелюк стал жертвой литературной славы его отчима; он был ослеплен успехом романов Достоевского. Насколько простым и скромным оставался мой отец, настолько же чванился и высокомерно вел себя его пасынок. Он всех презирал, беспрестанно говорил о своем “папе”, знаменитом писателе Достоевском, что не мешало ему нагло вести себя с отчимом»⁵²⁸.

Более того, мемуаристка старается уверить читателя, что ее отец терпел Павла Исаева исключительно из чувства долга перед покойной женой, а сам не испытывал к нему ни малейших отеческих чувств. «Достоевский не любил этого мулата, обладавшего талантом задевать его европейскую деликатность...» Очевидно, последнюю как раз и унаследовала дочь, тонко намекающая на расовую неполноценность матери и сына Исаевых. Самой дочери к моменту смерти отца исполнилось 11 лет: конечно, она черпает информацию преимущественно из семейных преданий.

А между тем именно ей, пятимесячной, адресует Паша свой нежный привет от 5 января 1870 г.: «...Любашечку дорогую целую крепко-крепко; скажите ей, милой крошке, что я ее очень очень люблю. Она, т.е. это большое-то существо служит часто темой наших разговоров»⁵²⁹. Любовь Федоровна, как мы убедились, не ответит Паше взаимностью.

В том же письме автор находит добрые слова и для Анны Григорьевны: «...Благодарю ее душевно, что она меня, несмотря на мои проказы, помнит все-таки». Правда, в этих своих новогодних поздравлениях Паша позволяет себе некоторую – скорее всего, невольную – иронию: «...Анне Григорьевне целую с уважением ручки, а если она меня, безобразного, любит, то целую и ее, как мамашу».

В отличие от дочери Анна Григорьевна ни слова не говорит о сомнительном происхождении героя: эта версия бытовала, очевидно, лишь в устной традиции. В мемуарах вдовы делается упор на финансовые претензии пасынка. Говорится, что несмотря на регулярную денежную подпитку (практически с каждого гонорара) у Павла Александровича «постоянно являлись экстренные нужды» и он не стеснялся предъявлять их в самом непосредственном виде:

« – Ну, что папá? Как его здоровье? – спрашивал он меня, входя, – мне необходимо с ним поговорить: до зарезу нужны сорок рублей.

– Ведь вы знаете, что Катков ничего еще не прислал и у нас денег совсем нет, – отвечала я. – Сегодня я заложила свою брошь за двадцать пять рублей. Вот квитанция, посмотрите!

– Ну, что ж! Заложите еще что-нибудь.

– Но у меня все уже заложено.

– Мне необходимо сделать такую-то издержку, – настаивал пасынок.

– Сделайте ее тогда, когда мы получим деньги.

– Я не могу отложить.

– Но у меня нет денег!!

– А мне что за дело! Достаньте где-нибудь»⁵³⁰.

⁵²⁸ Достоевский в изображении дочери. С. 97.

⁵²⁹ Статьи и материалы. С. 416, 417.

⁵³⁰ Воспоминания. С. 218.

В этом **авторском** диалоге Исаев выглядит, конечно, порядочным монстром. Вопрос лишь в том, насколько пересказ близок к оригиналу. Ибо «устная речь» Павла Александровича в изложении Анны Григорьевны разительно отличается от его письменной речи.

По словам мемуаристки, она вступала в длительные переговоры с Исаевым, стараясь уменьшить испрашиваемую сумму хотя бы до 15 рублей. Павел Александрович нехотя уступал. «И я давала мужу пятнадцать рублей для пасынка, с грустью думая, что на эти деньги мы спокойно бы прожили дня три, а теперь завтра опять придется идти закладывать какую-нибудь вещь». Если в этой фразе «пасынка» заменить, скажем, «рулеткой», то в точности будут воспроизведены интонация и смысл, обычно прилагаемые Анной Григорьевной к коллизиям, связанным с игрой.

Воспоминательница уверяет, что она страшилась скандала и старалась не ссориться с Пашей: он мог пожаловаться **отцу**. Отсюда следует, что у Паши имелся шанс выглядеть потерпевшей стороной. «Не могу забыть, – заключает Анна Григорьевна, – сколько горя и неприятностей причинил мне этот бесцеремонный человек!»⁵³¹ (Сказать нечто подобное о муже-игроке, разумеется, не приходит ей в голову.)

В 1873-м у Исаевых рождается дочь Вера. Заехав из Старой Руссы в Петербург, Достоевский навещает семейство. «Паша чего-то объелся, – по-свойски сообщает он Анне Григорьевне, – и его при мне рвало...» Он добродушно посмеивается над новоиспеченным отцом, который «таинственно и никому не сказавшись» меняет квартиры, чтобы уберечься от кредиторов. «Дочка их, бедненькая, такая худенькая и такая хорошенькая! Так мне ее жалко стало»⁵³². Он не распространяется более, может быть, сознавая, что Анне Григорьевне не очень-то по душе его роль «приемного деда».

Через год появляется еще одна дочь: в честь бабушки Марьи Дмитриевны ее называют Марией. Очевидно, не дошедшее до нас письмо Исаева с сообщением об этом событии содержало просьбу о помощи. Достоевский немедленно (в тот же день) посылает из Старой Руссы «любезному другу Паше» 20 рублей, извиняясь, что не может послать больше: «Рад, что хоть этим могу тебе быть капельку полезным»⁵³³. Письмо написано во вполне родственном духе. Он соблюдает слово, торжественно данное при рождении Любви Федоровны: «Одно скажу, что люблю тебя по-прежнему и более всего рад тому, что ты сумел поставить себя на порядочную ногу. Ты да Люба, которой уже почти три месяца, – мои дети, и всегда так будет»⁵³⁴.

Но так будет не всегда.

Возвращение кредитного билета

Осенью 1874-го Паша выкидывает кульбит.

В очередной раз потеряв место в Петербурге, он направляется в Москву, где, как полагает, есть шанс устроиться на службу. Его жена, оставшаяся с двумя детьми на руках и без средств, не получает от него никаких известий. Отчаявшись, молодая женщина отдает двухмесячную Марию в воспитательный дом. (Тут, кажется, не обошлось без содействия двоюродного брата Анны Григорьевны, врача-педиатра М.Н. Сниткина.) Паша тем време-

⁵³¹ *Воспоминания*. С. 218.

⁵³² *ЛСС*. Т. 29. С. 291.

⁵³³ Там же. С. 362.

⁵³⁴ Там же. С. 82.

нем вдруг обнаруживается и, как всегда, просит у папá (который безвылазно корпит над «Подростком» в Старой Руссе) вспомоществования. Причем в необычно крупном размере – 150 рублей. (Кстати: характер исчезновения Паши наводит на мысль – не появилась ли у него в Москве «невидимая миру» *пассия*?)

«Если б я и хотел тебе *изо всех сил* дать просимое тобою, – отвечает Достоевский 4 ноября 1874 г., – то ни в каком случае не мог бы в настоящих моих обстоятельствах, ибо *нет у меня денег*, и так сложилось, что до напечатания моей работы в “Отечественных записках” неоткуда будет получить». Тем не менее, ввиду «жесточкого положения» пасынка он изыскивает для него 25 рублей («точно отрезал от себя ножом – до того я теперь в безденежье»), присовокупляя при их посылке, чтобы Паша непременно отослал эти деньги бедствующей супруге, а не покупал бы себе «запонок, портмоне и проч.». Он сулит очередную – скромную – присылку в декабре, рекомендуя направить также и эту сумму Надежде Михайловне. «...И из жалованья своего посылай, а сам извернись как-нибудь ввиду предстоящего и недалекого успеха»⁵³⁵.

Под «предстоящим успехом» разумеется, конечно, скорая публикация нового романа в «Отечественных записках» и, как следствие, получение денег от Некрасова. «У всякого в жизни бывают дни, что надо претерпеть. Я пять лет сряду терпел и ждал, да почище твоего, а тут только три месяца!» Пять лет терпения, о которых говорится в письме, – это, конечно, послекаторжное пребывание в Семипалатинске: у Павла Александровича могли сохраниться на сей счет собственные воспоминания.

Засим происходит нечто непредвиденное. Вечно нуждающийся и вечно кланчащийся деньги Паша вдруг отказывается от помощи: с гордым видом возвращает посланный ему 25-рублевый *транш*. Как можно догадаться, это происходит не столько из-за мизеральности суммы (в его положении любое даяние – благо), сколько из-за эпистолярного вмешательства Анны Григорьевны. Пашу глубоко уязвляет ее письмо, которое, заметим, до нас не дошло, равно как и содержавшее «возврат» письмо самого Паши. (Сохранилось только несколько слов из него – в виде цитаты, приводимой в ответном письме Достоевского: «...На присланное супругою Вашею письмо, в котором она, выходя из *всяких границ приличий*, наговорила мне оскорблений...»⁵³⁶) Очевидно, «приемная мать» дала волю накопившимся чувствам.

«Если Анна Григорьевна прислала тебе неприятное для тебя письмо, – выговаривает пасынку Достоевский, – то смешивать нас обоих в этом деле ты не имел никакого права. Ты имел дело со мной, получал деньги от меня, а не от нее, тем более что я о письме ее к тебе не знал ничего»⁵³⁷. Таким образом, выясняется, что Анна Григорьевна, очевидно, не известив мужа, предприняла собственный маневр. Вряд ли она не предугадывала последствий.

Не столь важно, кто прав, а кто виноват в этом, позволим сказать, семейном конфликте. Важно, что 27-летний Павел Александрович проявил здесь характер. И – чувство собственного достоинства.

Но характер проявил и 53-летний автор «Подростка». Он находит уместным в том же письме жестко упрекнуть Пашу за его обращение с собственными детьми. «Имеешь ли ты

⁵³⁵ ПСС. Т. 29, С. 364–366.

⁵³⁶ Там же. С. 367.

⁵³⁷ Там же. С. 366–367.

понятие о воспитательном доме и о воспитании новорожденного у чухонки, среди сора, грязи, вони, шипков и, может быть, побой: верная смерть». Формальным призрением «малых сих» лишь маскируется общее равнодушие к жертвам социального зла. (Позднее в «Дневнике писателя» он будет подробно писать о «вышвырках» – детях, оставшихся без попечения семьи⁵³⁸.) Его страшит мысль, что подобную участь могла разделить родная внучка его первой жены. «Ведь не отдал же я тебя, всего только пасынка, куда-нибудь в ученье, в люди, в сапожники, а держал, воспитал, учил, да и теперь о тебе старался, писал за тебя письма или ходил просить о тебе Бог знает каких людей – что для меня нож вострый иногда».

Он полагает, что у Паши не было оснований обижаться на него: «Я не кто-нибудь для тебя, чтоб со мной тебе так щепетилиться». Он возвращает – очевидно, по настоящему дарителя – присланную ему недавно фотографию маленькой Веры⁵³⁹: надо полагать, требование такого возврата оскорбило его еще больше, нежели полученные обратно злочастные 25 рублей.

«Если ты, – заключает автор письма, – хотел радикально разорвать со мною, то пусть судит тебя собственное сердце; если же нет, то продолжай уведомлять иногда о себе; я в судьбе твоей всегда принимал искреннее участие. Впрочем, ничего не навязываю, как хочешь». Он подписывается: «Тебя любящий Ф. Достоевский»: дверь к примирению остается открытой.

Итак, сохранилось только одно письменное свидетельство конфликта – указанный «выговор» Достоевского от 11 декабря 1874 г. При чтении этих строк, замечает правнук П.А. Исаева А.А. Донов, «не покидает чувство неловкости за действия всех участников этих событий. Федор Михайлович держался достойно, но некоторая неуверенность в речи выдает его внутреннее смятение»⁵⁴⁰. Пожалуй что так, хотя тон письма достаточно внятен и строг. Некоторое смущение можно заметить разве лишь тогда, когда речь касается письма Анны Григорьевны. Вряд ли Достоевский кривит душой, утверждая, что он не ведал о неожиданном демарше супруги. Следует согласиться, что ей «досталось» за непрошеную инициативу. И уж конечно, можно не сомневаться, что Достоевский долго не мог простить Паше Исаеву его **благородный жест**.

«Отослав 25 р., ты разрываешь со мной...» – вновь повторяется в письме от 23 февраля 1875 г. Ситуация, однако, изменилась. Не прошло и трех месяцев после размолвки, как Паша, смилив гордыню, просит очередные полсотни. Рискую нарваться на новый **отлуп**, Достоевский посылает 30 рублей: «Причем считаю нужным предупредить тебя, что и впредь не в состоянии буду, в настоящем положении моем, помогать тебе»⁵⁴¹. В письме, весьма раздраженном и жестком по тону, он заявляет также, что не будет больше платить Пашины долги и отказывается без конца ходатайствовать перед влиятельными знакомы-

⁵³⁸ Это тем более важно для автора, поскольку, как выяснилось, похожую драму он мог наблюдать в собственном детстве (см. на с. 971).

⁵³⁹ Есть основания полагать, что семилетняя Вера («такая худенькая и такая хорошенькая!») присутствовала в квартире Достоевского во время его предсмертной болезни. Это может явствовать из черновых записей Анны Григорьевны: «Во вторник (то есть 27 января 1881 г. – И.В.) <...> вечером Верочка и Павел Александр<ович>» (*Достоевский в забытых*. С. 283). Вряд ли «Верочкой» Анна Григорьевна именует 52-летнюю сестру Достоевского Веру Михайловну, как это полагает С.В. Белов (Там же. С. 314. Примечание 44). Тем более что имя называется **вместе** с именем П.А. Исаева.

⁵⁴⁰ *Мария Констант*. С. 127.

⁵⁴¹ *ЛСС*. Т. 29₂. С. 21, 22.

ми об устройстве его на службу. («Главная рекомендация, – писал Достоевскому по этому поводу Майков, – конечно, Ваше имя, которое и заставляет только хлопотать»⁵⁴².) Впрочем, об этом писалось уже не раз, но все угрозы оставались на бумаге, что вынужден признать и сам пишущий, который как бы цитирует ход Пашиных рассуждений: «"Когда надо, напишу ему (отчиму. – *И.В.*), и опять для меня все сделает" – вот как ты, вероятно, думаешь обо мне».

Автор письма требует от пасынка, чтобы тот не манкировал местом, которое приносит ему 75 рублей в месяц («на это жалование еще можно прожить»). Сюжет с воспитательным домом не затрагивается, поскольку, судя по всему, ребенок оттуда взят.

Ключевое слово, которое находит Достоевский для аттестации поведения пасынка, – «фыркать». Паша, обидевшись, «фыркает» на отчима («на меня-то!»), «фыркает» на сослуживцев и на самое место службы. Не остается без внимания и «фыркание» в адрес Анны Григорьевны, которой Паша «как ни в чем не бывало» передал свой поклон. «Замечу тебе, друг мой, что это чрезвычайно неприлично с твоей стороны; такой поклон, после твоей выходки <...> есть непозволительная бесцеремонность». Та гипотеза, что бесцеремонностью могло бы почестся письмо Анны Григорьевны, не обсуждается.

Ночная кукушка всегда перекукует дневную: Достоевский окончательно принимает сторону жены. «Ни поклонов, ни извинений твоих ей не нужно; это знай твердо. (Подчеркнутые слова как бы дискредитируют то действие, которое Паша, кажется, и не собирался предпринимать. – *И.В.*) Переменят об тебе мнение лишь тогда, когда ты поступками своими заставишь уважать себя как хорошего человека». Именно таким глобальным, однако трудноосуществимым призывом – «стать наконец хорошим человеком» (благо еще что не «положительно прекрасным»!) – заканчивается письмо.

Но вряд ли подобную тональность можно объяснить исключительно влиянием вечной недоброежелательницы Паши. Достоевского коробит неистребимый инфантилизм великовозрастного отца семейства, его заносчивость, иждивенчество и неумение ужиться с людьми. Тем временем увеличивается собственная семья: Анна Григорьевна беременна четвертым ребенком.

Из четырех – выживут двое.

«Пожалей моего Лешу...»

В июне 1875 г. Достоевский пишет в Москву Елене Павловне Ивановой (к ней, своей отдаленной, не кровной родственнице, он едва не посватался в 1866-м). Осведомляясь о Паше и сообщая между прочим, что он, Достоевский, недавно заплатил за пасынка его петербургский долг 25 рублей (таким образом, в очередной раз нарушив собственные грозные заверения), автор письма добавляет: «Впрочем, думаю, что Паша обо мне не говорит дурно (слишком было бы ему стыдно это), но жена его дело другое»⁵⁴³. Не вполне ясно, по каким основаниям (может быть, после истории с воспитательным домом?) привечаемая Достоевскими Надежда Михайловна должна нелестно отзываться об отчине мужа.

«...Павел Александрович в Москве, – отвечает Достоевскому Е.П. Иванова, – и сейчас живет у меня в номерах, а семья его в деревне, дальше об нем ни слова, лгать Вам не же-

⁵⁴² Майков. Письма к Достоевскому. С. 82.

⁵⁴³ ПСС. Т. 29₂. С. 38.

лаю, а писать правду тоже не хочу, но вообще он человек, который все-таки думает и любит свою семью»⁵⁴⁴. Ответ довольно туманный и, кажется, не очень лестный в отношении лица, вызвавшего интерес и, кстати, задолжавшего самой Елене Павловне не менее ста рублей. (Нет ли здесь еще скрытого намека – на существование *женщины?*)

В первые дни нового 1876 г. Павел Александрович сам подаст о себе весть. Он посылает Достоевскому отчаянное письмо. Подробнейшим образом описывая свои телесные недуги и плачевное состояние дел («Вчера уже денег не было в доме утром ни гроша. Заложить решительно было нечего...»⁵⁴⁵), он умоляет отчима прислать ему 30 рублей. Причем – в отличие от своих прежних просьб торжественно обязуется *вернуть долг* к Пасхе. Пропустив это заверение мимо ушей, Достоевский немедленно высылает просимую сумму. (Ему слишком хорошо известно подобное положение дел.) Правда, присовокупляет при этом, что отнимает последнее «у несчастных детей» своих. Он особенно упирает на этот предмет: «Я знаю, что скоро умру, а когда они останутся без меня, то *ни одна рука не подаст им гроша*»⁵⁴⁶. То есть с горестью дает понять, что рассчитывать его детям, скажем, на помощь того же Паши уж никак не придется. Ему не является мысль о пенсии, который будет назначен государем его вдове и детям, и он не очень-то верит, что посмертные издания его сочинений, ежели таковые издания и воспоследуют, смогут прокормить осиротевшую семью.

Он сам, без подсказки, в сотый раз вспоминает о своих обязанностях перед памятью покойной Марьи Дмитриевны и находит, что в этом отношении чист. «Я тебя не оставлял до сих пор, но теперь тебе близ 30-ти лет и в обстоятельствах твоей жизни виноват не я». «Очень целую» детей Павла Александровича (а к двум Пашиным дочерям прибавится еще сын Федя, названный так понятно в чью честь), он сетует, что пасынок не удосужился передать поцелуй его детям (к числу которых, кстати, тоже прибавился сын – Алеша). Недоволен он и тем, что Паша запамятовал поклониться его жене: как знаем, еще недавно такой поклон почитался за дерзость.

15 февраля 1877 г., поздравляя отчима и маленького Федю Достоевского с днем ангела, Паша добавляет: «Давно я Вам не писал, но часто приходится думать и вспоминать о Вас. Как только собираемся все вместе (очевидно, вместе с московскими родственниками. – *И.В.*) и вспоминаем прошлую жизнь, так и заводится речь о Вас». Откликается пасынок и на «злобу дня»: «Я сильно интересовался “Дневником <писателя>” и каждый раз с нетерпением дожидаясь выхода следующего номера. Последние два месяца, будучи занят обычною работою по годовому отчету, я не читал трех номеров. Зато окончив работу я вознаграждал себя. Когда сначала прочел “Кроткую”, то эта вещь произвела на меня такое потрясающее действие, что я несколько дней находился вполне под впечатлением прочитанного. Когда читал и последующие номера, то мне все мерещился образ этого милого прелестного, но несчастного существа. В публике мне только и пришлось слышать удивление, смешанное с восторгом»⁵⁴⁷.

Интересно, что Павел Александрович выказывает свои восторги исключительно в адрес художественных текстов («Кроткая» напечатана в ноябрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г.): мнения относительно «всего остального» влагаются в уста других.

⁵⁴⁴ ПСС. Т. 29₂. С. 212.

⁵⁴⁵ Цит. по: ПСС. Т. 29₂. С. 232.

⁵⁴⁶ Там же. С. 71, 72.

⁵⁴⁷ ИРЛИ. № 32639. CCXLVIII62.

«Приходит к нам в Банк, аккуратно раз в месяц какой-то старичок-кавказец и вносит деньги на текущий счет. В последний раз подходит ко мне и говорит: если бы я знал Ваше-го отчима лично, то с каким бы удовольствием я пожал бы ему руку за его приговор». (Имеется в виду глава о самоубийствах – «Приговор» в октябрьском номере за 1876 г.).

Не скрывает Исаев, впрочем, и мнение недругов: «Есть и такие люди, которым некоторым некоторые места дневника не нравятся – таких можно назвать, по-моему <нрзб.>овствующими. Это юноши нового неудавшегося испека».

Паша не сомневается, что в новом 1877-м подписчиков будет еще больше, «несмотря на увеличение цены» (она была увеличена с 20 до 25 копеек за номер). Сообщаются сведения и о московской родне: «На днях я встретил Веру Михайловну⁵⁴⁸, она просила передать Вам, что и исполняю буквально: “не грешно бы было брату вспомнить меня и прислать какой-нибудь завалящий номер “Дневника”».

Толкуя о «Дневнике», Паша не забывает и о собственных нуждах: «Как я жалею что не воспользовался случаем года четыре тому назад познакомиться с покойным Погодиным, этим “стражем земли русской” и Иваном Сергеевичем Аксаковым. Вы хотели дать мне к ним рекомендательные письма. Не помню что тогда помешало мне напомнить Вам об этом. Аксаков всегда мог бы быть мне полезен». В отличие от Погодина, Аксаков еще здравствует, и Пашино сожаление можно принять за деликатный намек написать-таки влиятельнейшему в Москве и могущему быть ему полезным славянофилу нечто вроде рекомендации.

Но по большому счету переписка между отчимом и пасынком возникает теперь только по одному поводу – деньги.

В декабре 1877-го после очередной просьбы Достоевский – впервые! – не посылает пасынку ни копейки. Он вновь рекомендует ему не пренебрегать службой и соизмерять свои претензии с истинным положением дел. «Я множество раз не то что компрометировал себя, но даже унижался из-за твоих дел письмами и личными просьбами у разных лиц»⁵⁴⁹. (В качестве покровителя Паши – по старой сибирской памяти – привлекался даже П.П. Семенов-Тянь-Шанский.) Но все эти усилия оказываются напрасными: Павла Александровича не устраивает не только его служебное место, но, так сказать, и место под солнцем. «...У тебя неслыханное самомнение: ты думаешь об себе гораздо выше, чем можешь претендовать и по своим предыдущим занятиям и по образованию». (Вот расплата за упорное отвержение Пашей *навязываемой* ему в молодости учебы!) Заканчивающий обычно свои послания в нейтрально-благожелательном или родственном тоне, он впервые употребляет официально-холодное «твой **отчим** Ф. Достоевский». Он весьма щепетил в эпистолярных оттенках.

(Кстати, форма его обращения к пасынку мало меняется на протяжении долгих лет. «Милый Паша», «милый друг Паша», «любезный Паша», «любезнейший друг Паша» – из всех этих формул последняя наиболее употребительна. Что касается подписей, они не-намного разнообразнее. «Твой», «весь твой», «тебя искренно любящий», «тебя очень любящий», «твой, любящий тебя всей душой», «тебе всей душой преданный», «твой всегдашний и очень любящий» и даже «тебя искренно любящий, твой **отец**» – таков, пожалуй, основной арсенал. Лишь иногда, сильно рассердившись, он грозно подписывается «Ф. Достоевский» – без каких-либо добавлений.)

⁵⁴⁸ Сестру Достоевского В.М. Иванову, № 36.

⁵⁴⁹ ПСС. Т. 29₂. С. 176, 177.

Вспомним, что он начинал свой творческий путь с эпистолярного романа.

Паша вскоре вновь сменит место службы (правда, оставаясь все в том же Волжско-Камском банке) – переехав из Москвы обратно в северную столицу. 16 мая 1878 г. он получает от Достоевского короткую записку:

«Милый Павел Александрович, сегодня скончался у нас Алеша, от внезапного, никогда не бывавшего до сих пор припадка падучей болезни <...> Хоронить будем на Большеохтенском кладбище в четверг, 18-го мая. Пожалей моего Лешу, Паша. Дай Бог здоровья твоим деткам. Кланяйся супруге. Твой всегдашний Ф. Достоевский»⁵⁵⁰.

О семейном несчастье Паше сообщается как члену семьи: такие же извещения посылаются брату Николаю и другим родственникам.

У Достоевского остается двое детей: девятилетняя Люба и семилетний Федя. И – 30-летний пасынок: Паша.

Поскольку Исаев снова живет в Петербурге, письма за эти, последние для Достоевского, годы отсутствуют. Лишь однажды, находясь в Старой Руссе, крайне раздосадованный тем, что пасынок не выполнил ряд его мелких (в том числе денежных) поручений и даже не удосужился известить о ходе дел, Достоевский устраивает Паше настоящий эпистолярный разнос. Обругав пасынка за небрежность, он пишет: «Мог бы тоже сообразить, что ведь я впредь и себя могу считать *уже избавленным навеки* от всяких услуг после такого с твоей стороны поведения». (Услуги, надо понимать, все это время продолжались.) И легким изменением стиля – демонстративным переходом на «Вы» и употреблением сугубо канцелярских оборотов – дает понять всю меру своего неудовольствия: «...Я так не кончу, и поверьте, Павел Александрович, что для Вас будет *весьма невыгодно*, если я изберу известную мне дорогу для получения удовлетворения»⁵⁵¹. (Не дуэль же, однако, имеется тут в виду!)

Впрочем, заканчивается письмо по-простому: «Надеюсь потому твердо, что ты исполнишь наконец поручение. А засим имею честь быть Ф. Достоевский». Это тот редкий случай, когда имя употребляется без обычных эпитетов и умягчений.

То ли устыдившись, то ли будучи в самом деле уstraшен, Паша спешает исполнить все, что от него требуют.

Вообще, как уже говорилось, пасынок хорошо изучил характер отчима. Он, как и Анна Григорьевна, знает, что Достоевский отходчив. Поэтому и юного, и великовозрастного Павла Александровича не очень пугают отеческие инвективы. Стоит ему покаяться, сделать вид, что он внял наставлениям, – и «папá» смягчается. Несмотря на все недоразумения, формального разрыва не происходит: до самой смерти.

Надо думать, Исаев читал произведения отчима, ибо брал на себя смелость высказываться о некоторых из них. Так, знакомясь по главам с печатающимся в «Русском вестнике» «Идиотом», он кратко излагает свои впечатления: «Роман Ваш мне очень нравится, в особенности начало первой части». Первая часть, кстати – посещение Мышкиным семейства Епанчиных, бросание Настасьей Филипповной денег в камин, отъезд ее с Рогожиным и т.д. – вызывает почти всеобщее одобрение. «Начало второй, – продолжает благожелательный читатель, – пока ничего не объясняет. Тема, папа, широкая, богатая и, действительно, Вы были правы, сказав: “Каково-то будет исполнение”. Да, от исполне-

⁵⁵⁰ ЛСС. Т. 30, С. 31.

⁵⁵¹ Там же. С. 42.

ния зависит все!»⁵⁵² – на этой солидной ноте завершает Паша свой художественный разбор.

Можно не сомневаться, что знакомится он и с последним романом. Так вот: не показалось ли ему странным и не смутило ли то обстоятельство, что имя его – Павел – присвоено в «Братьях Карамазовых» не самому привлекательному персонажу. Неважно, что Павел Федорович Смердяков ни внешне, ни внутренне не напоминает Исаева. (Разве что характерным для обоих стремлением к щегольству, которое в случае с Пашей дезавуируется Любовью Федоровной, утверждающей, как помним, что он «плохо мылся».) По отношению к Федору Павловичу Карамазову возникший «из банной мокроты» Смердяков находится в положении довольно двусмысленном. Разумеется, Федор Павлович не может признать его своим сыном официально: «лакей и хам» присутствует в семействе скорее в качестве **пасынка**. То, что романский тезка еще и отцеубивец, могло несколько фраппировать Исаева⁵⁵³. Правда, он мог утешиться тем, что самого старика Карамазова зовут так же, как и сотворившего его автора.

«Милый и дорогой папа, – пишет Исаев 18 декабря 1879 г. – Вчера я получил Ваш большой портрет. Мне очень хотелось бы к празднику вставить его в раму. Но прежде, чем это сделать, мне очень также хотелось иметь на нем Вашу подпись. Этот портрет останется для моего маленького *Феди* и будет памятью ему того, сколько добра сделал его крестный своему пасынку, умевшему всегда жить и глубоко уважать своего второго отца»⁵⁵⁴.

Он говорит, что, может быть, это его последняя просьба, – не подозревая, какой драматический смысл обретут вскоре эти слова.

«В духовном завещании не было надобности...»

Подробно описывая последние дни Достоевского, Анна Григорьевна упоминает о посещениях Исаева, которого она письмом уведомила о болезни отчима. Она говорит, что Павел Александрович непременно хотел войти к больному, но доктор запретил его беспокоить. «...Тогда он стал в щелку двери подглядывать в комнату. Федор Михайлович заметил его подглядывания, взволновался и сказал: “Аня, не пускай его ко мне, он меня расстроит!”»⁵⁵⁵ Правдивость этого позднейшего мемуара удостоверяется (и уточняется) отрывочными записями, которые Анна Григорьевна сделала в своей черновой тетради вскоре после кончины мужа: «Не хотел звать Пашу, качал головой, чтоб тот не смотрел в щелку. Позвал Пашу, рассердился и отдернул руку, когда тот ее поцеловал»⁵⁵⁶.

То есть Паша в конце концов был допущен – в числе немногих (Майкова, детей и др.). Целование рук – это с его стороны вполне естественный жест, продиктованный благодарностью, любовью и, кто знает, может быть, запоздалым чувством вины. Неудовольствие же Достоевского объясняется скорее всего тем, что он мог усмотреть здесь оттенок дурной театральности, вообще присущей поведению пасынка. (Вспомним хотя бы требование о возвращении фотографии Верочки!)

⁵⁵² Статьи и материалы. С. 405.

⁵⁵³ По иронии судьбы имя отцеубийцы отзовется через полвека в уменьшительно-ласкательном Павлик, канонизированном вместе с пионером-героем.

⁵⁵⁴ Статьи и материалы. С. 418.

⁵⁵⁵ Воспоминания. С. 377.

⁵⁵⁶ Жизнь и труды. С. 322.

Анна Григорьевна уверяет, что Исаев «очень волновался и говорил всем <...> что у «отца» не составлено духовного завещания и что надо привезти на дом нотариуса, чтобы Федор Михайлович мог лично распорядиться тем, что ему принадлежит». Однако, боясь потревожить больного, врач якобы воспротивился указанному намерению.

«В сущности, – с некоторой надменностью добавляет Анна Григорьевна, – в духовном завещании не было надобности: литературные права на произведения Федора Михайловича были им подарены мне еще в 1873 году». Это действительно так. Но тут следует сделать одну оговорку.

Исаев не мог претендовать ни на какое участие в наследстве еще и потому, что не был усыновлен Достоевским в юридическом, формальном смысле этого слова. А.А. Донов ошибается, уверяя, что с 27 июля 1857 г. «Достоевский стал официальным вотчимом П.А. Исаева»⁵⁵⁷. Из каких источников почерпнут этот факт?

Действительно, 27 июля 1857 г. Достоевский официально извещает своего батальонного командира подполковника Белихова, что «пасынок мой, девятилетний Исаев, принят в Сибирский кадетский корпус»⁵⁵⁸. И тут же добавляет, что «как вотчим» отрока он обязан распорядиться о доставлении его к месту учебы. Употребленные в этом письме выражения «вотчим» и «пасынок» не есть строгие юридические термины: они носят частный, бытовой характер. Естественно, что, женившись на матери Павла Исаева, Достоевский как порядочный человек должен был полагать себя отчимом, а сына жены – своим пасынком. О чем он и сообщает начальству. Однако формального акта усыновления никогда не было: все свои обязанности по отношению к Паше Достоевский осуществлял, что не раз им подчеркивалось, на сугубо добровольных началах. Но таким образом не было юридических предпосылок для того, чтобы Паша, по уверениям Анны Григорьевны, **волновался** (в том смысле, который она вкладывает в это слово). Племянница Достоевского Е.А. Рыкачева свидетельствует как раз о противном: «Анна Григорьевна и дети плачут и волнуются <...> мне никто не мог ничего толком сказать, так как все суеились. Один пасынок Федора Мих<айловича>. отличался спокойствием и всех успокаивал»⁵⁵⁹. Возможно, как раз спокойствие 33-летнего Павла Александровича и вызвало у Анны Григорьевны ретроспективное раздражение.

...Очевидно, после смерти Достоевского контакты между семьями практически прекратились – конечно же, не по инициативе Исаева. Правда, есть указания, что Анна Григорьевна, по примеру мужа, обращалась к Майкову с просьбой помочь Павлу Александровичу устроиться на очередную службу, а в 1886-м в своем духовном завещании упомянула его детей, выделив им значительную сумму⁵⁶⁰. Но эти сведения нуждаются в уточнении и проверке.

Как же сложилась судьба самого Павла Александровича Исаева, его семьи и потомков? До последнего времени об этом почти ничего не было известно.

«...Наиболее исчерпывающая информация по этому вопросу, – пишет А.А. Донов, – очутилась в руках моей матери – Доновой Людмилы Павловны, получившей ее из уст своей свекрови – Веры Павловны Исаевой-Доновой. Той самой Верочки – «внучки» и крестницы Ф.М. Достоевского». (И, добавим, той, чью фотографию писатель возвращал Исаеву в

⁵⁵⁷ Мария Констант. С. 63.

⁵⁵⁸ ПСС. Т. 28, С. 381, 382.

⁵⁵⁹ Материалы и исследования. Т. 1. С. 286–287.

⁵⁶⁰ Жена писателя. С. 184.

1874-м.) Эту информацию Л.П. Донова изложила в письме, отправленном в 1986 г. сотруднице Семипалатинского литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского Н.И. Левченко⁵⁶¹.

Людмила Павловна вышла замуж за внука П.А. Исаева (сына Веры Павловны) в 1939-м. Еще жива не только Вера Павловна (ей не было и семидесяти), но и ее сестра Мария (та самая, которую младенцем отправили в приют) и брат Федор. Все они, а также правнучка Михаила Михайловича Достоевского М.В. Зеленева (№ 315), стали основными источниками тех сведений, которые при посредстве Л.П. Доновой дошли до нас.

Л.П. Донова совершенно определенно утверждает, что «все письма Марии Дмитриевны к Федору Михайловичу и его к ней, все ее документы были уничтожены А.Г. Сниткиной» (замечательно, что автор письма именует Анну Григорьевну исключительно по ее девичьей фамилии, зато Марья Дмитриевна подчеркнуто наделяется фамилией второго мужа. – *И.В.*), таким образом у семьи не осталось даже образца почерка М.Д. Исаевой-Достоевской. Эти свидетельства нельзя пока ни опровергнуть, ни подтвердить.

Известно, что Вера Павловна и ее муж Евдоким Витальевич Донов погибли в г. Пушкине (Царское Село), а дом, где они проживали с 1910-го, сгорел 9 сентября 1941 г. от прямого попадания артиллерийского снаряда. «...Вместе с ними, – говорит Л.П. Донова, – погибли все фотографии и все реликвии, оставшиеся от семейства Исаевых».

Маловероятно, что среди этих реликвий находилась какая-то часть архива Достоевского – в частности, его переписка с Марьей Дмитриевной. Конечно, теоретически он мог сам уничтожить указанную эпистолярию (чтобы, скажем, **не огорчать** вторую жену). Но это еще невероятнее, поскольку автор «Преступления и наказания» чрезвычайно дорожил всем, что имело отношение к его прошлой жизни, а тем более – памятью о самых сильных и сокровенных ее мгновениях. Немыслимо также, чтобы он доверил эти столь важные для него интимные документы пасынку, особенно зная характер последнего (Паша во время пребывания отчима за границей, ссылаясь на безденежье, распродал большую часть его библиотеки, что крайне огорчило владельца). И если бы эти письма действительно оказались в руках пасынка, они непременно попали бы в печать – как попали туда (очевидно, из его рук) письма Достоевского к нему самому. Они были опубликованы в десятой и одиннадцатой книжках «Северного вестника» за 1891 г. И это несмотря на то, что содержали характеристики, как мы убедились, не всегда лестные для адресата. Только жестокая нужда могла заставить П.А. Исаева предать гласности эти послания.

Не сохранилось, кстати, ни одного из писем Исаева к отчиму, написанных ранее августа 1866-го, то есть фактически до момента знакомства Достоевского с Анной Григорьевной, – писем, которые должны были отложиться в архиве адресата. Очевидно, их постигла та же участь, что и послания Марьи Дмитриевны, – как документы **маргинальные**, имеющие отношение лишь к первой семье.

После смерти Достоевского материальную помощь Исаевым оказывал дядя жены Павла Александровича, контр-адмирал российского флота, служивший в Кронштадте (сама Надежда Михайловна происходила из семьи военного моряка). Что же касается Анны Григорьевны, она, если верить Л.П. Доновой, «играла очень неблагоприятную роль в жизни всего семейства Исаевых». Далеко не бедствующая вдова автора «Карамазовых» «ни копейки не дала очень нуждающемуся семейству Павла Александровича». (Упомина-

⁵⁶¹ Мария Константи. С. 153–157.

ние в духовном завещании его детей, если подобное упоминание и имело место, не слишком облагодетельствовало Исаевых – хотя бы потому, что такое завещание никогда не было исполнено.) Более того, вдова «старалась распространять всякие порочащие их слухи». И, продолжает Л.П. Донова, «даже детям своим внушила ненависть ко всему семейству Исаевых...» (Справедливость этого утверждения мы наблюдаем на примере Любови Федоровны.) При этом Исаевы оставались если не в родственных, то в довольно теплых отношениях с потомками М.М. Достоевского (вспомним, что сам Павел Александрович некоторое время жил у Эмилии Федоровны, а Л.П. Донова спустя век, в 1969-м, похоронила в Риге забытую всеми правнучку Михаила Михайловича М.В. Зеленева).

Сама Людмила Павловна, врач, участник войны, умерла в 1987-м. Сообщаемые ею сведения уточняет и дополняет ее сын, ныне здравствующий Анатолий Алексеевич Донов.

П.А. Исаев имел шесть человек детей: дочерей Веру, Марию, Елизавету, Любовь и сыновей Федора и Алексея (последний умер в возрасте около десяти лет). Все дети в отличие от отца получили образование и окончили гимназию (Вера Павловна – с золотой медалью). Все дочери были религиозны (в их отце эта черта как будто отсутствует) и «отличались большой серьезностью». А младшая, Елизавета – ушла в монастырь. (Среди потомков Достоевских такие примеры не наблюдаются.) Старшая, Вера Павловна, тоже, кстати, собиралась в обитель, «но какой-то умный священник отсоветовал». Она вышла замуж, когда ей было за тридцать, – за Е.В. Донова, о котором только известно, что он был незаконнорожденным и «обладал большими способностями». У них было четыре сына – Николай, Сергей, Алексей (муж Л.П. Доновой и отец А.А. Донова) и Иван. Сергей и Иван умерли от туберкулеза – в возрасте 30 и 21 года⁵⁶²; Алексея, тоже страдавшего в детстве этой болезнью, спасла школа-санаторий. В 1941 г. он воевал рядовым, затем был «отозван с фронта как специалист в области аэродинамики в “контору” А.Н. Туполева», позже стал профессором и доктором наук, зав. кафедрой в Ленинградской военно-воздушной академии, «участвовал в запуске космических аппаратов на Луну и Венеру». (Достоевский вряд ли мог предположить, что правнук его первой жены и внук непутевого пасынка достигнет таких научных высот.) Умер он в чине генерал-майора в 1977 г. в возрасте 66 лет. Его старший брат Николай, по профессии бухгалтер (единственный из детей Веры Павловны не получивший высшего образования), скончался в 1982 г.

Кроме Веры Павловны, остальные сестры Исаевы не вышли замуж, хотя, по уверению Л.П. Доновой, «все обладали незаурядной красотой». Все они – Елизавета, Любовь, Мария – умерли от туберкулеза. От этой же болезни в 1900-м скончался их отец – 53-летний Павел Александрович Исаев.

Если вспомнить, что от чахотки умерла Марья Дмитриевна, можно назвать эту наследственную болезнь бичом всей семьи⁵⁶³. В этой связи имеет смысл остановиться на недуге, который свел в могилу Достоевского.

⁵⁶² А.А. Донов сообщает несколько иную информацию – что Иван был комсомольским активистом и в 1937-м, отказавшись подписать «какие-то списки на арест своих однокурсников по университету», покончил жизнь самоубийством (*Мария Констант*. С. 157).

⁵⁶³ В недавно обнаруженной метрической книге за 1850-е годы Одигитриевской церкви г. Кузнецка, где венчался Достоевский и где до этого отпевали 33-летнего А.И. Исаева, в качестве причины смерти последнего указана не почечнокаменная болезнь, как считалось до сих пор (об этом пишет и Достоевский, см. с. 395), а чахотка (Голуб О. Новые документы о венчании Ф.М. Достоевского в Кузнецке // *Огни Кузбасса*. 2008. № 4. С. 165). Конечно, церковная запись не медицинское заключение, но правомерен вопрос – не страдал ли Александр Иванович еще и этой **сопутствующей** болезнью?

К истории болезни

Помимо эпилепсии автор «Идиота» страдал эмфиземой легких. Он знал свой диагноз и понимал меру опасности. Он подозревал, что вскоре умрет – если не от припадка падушей (к которой за многие годы притерпелся), то от необратимых изменений в легких⁵⁶⁴. Впрочем, это знание не мешало ему до последних дней оставаться заядлым курильщиком. Он сам набивал папиросы и только в последние полгода частично перешел на сигары – в рассуждении, что они вызывают не столь сильный кашель⁵⁶⁵. Он умер в результате разрыва легочной артерии – как следствия эмфиземы: этот диагноз, означенный в свидетельстве о смерти («от болезни легочного кровотечения»)⁵⁶⁶, прочно утвердился в биографической традиции.

Но вот что пишет в своем позднейшем письме-воспоминании (законченном буквально за месяц до смерти, в 1918 г.) домашний врач Достоевского Я.Б. фон Бретцель, на чьих руках и скончался его давний пациент. «Вы спрашиваете, чем он был болен. В то время еще микроб чахотки не был найден, поэтому строгого определения быть не могло, тем более что болезнь протекала хронически; объективное же исследование не оставляло сомнения, что это был туберкулезный процесс. В обоих легких были значительные разрушения (каверны), и разрыв легочной артерии в одну из каверн дал столь сильное кровотечение, остановить которое было не в наших силах, и <которое> вызвало смертельный исход»⁵⁶⁷. Старый доктор и **очевидец** не сомневается в характере недуга⁵⁶⁸.

Не сомневается в этом и предпринявший ретроспективное исследование А.И. Лапшин, специалист по туберкулезным заболеваниям. В своей неопубликованной монографии «Ф.М. Достоевский и его болезни. Опыт патограммы туберкулеза (легких) при просвечивании условий быта, труда и душевных переживаний» (1932) он пишет: «Окончательный диагноз можно сформулировать так: туберкулез легких в фиброзно-продуктивной форме течения болезни, хронический бронхит, в небольших размерах эмфизема легких»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁴ Об отношении его к смерти см.: *Последний год Достоевского*. С. 435–441.

⁵⁶⁵ См.: Достоевская А.Г. Записная книжка 1881 г. // *Достоевский в забытых*. С. 276.

⁵⁶⁶ Копия, сделанная рукой Анны Григорьевны, – цит. по: *Летопись*. Т. 3. С. 543.

⁵⁶⁷ *Литературное наследство*. Т. 86. С. 312.

⁵⁶⁸ Кстати, П.Г. Кузнецов, мальчиком служивший у Достоевских и помогавший Анне Григорьевне в книжной торговле, в своих бесхитростных записках говорит: «Он заболел и был **чахоточный**» (*Литературное наследство*. Т. 86. С. 335).

⁵⁶⁹ Цит. по: *Летопись*. Т. 3. С. 543. Любопытно, что Мариинская больница для бедных, где родился писатель, в первые пореволюционные годы называлась «Больницей социальных болезней им. Ф.М. Достоевского». Затем – Институтом туберкулеза. В настоящее время это НИИ фтизиопульмонологии Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова.

Существует еще одна точка зрения, сторонники которой предполагают, что в 1840-е у Достоевского «имел место туберкулез внутригрудных и периферических («подчелюстных») лимфатических узлов». Анализируя данные за более поздний период (1860–1870 гг.), авторы приходят к заключению, что выявленные признаки легочной болезни (постоянный кашель, пот, хрипота и т.д.) укладываются «в картину хронической пневмонии с бронхоэктатическими полостями»; также возможен «хронический абсцесс, локализовавшийся в переднем отделе правого легкого». При этом «активный туберкулез легких у Достоевского маловероятен, если учесть, что он дожил до 60 лет, несмотря на многолетнюю легочную болезнь». Легочное кровотечение, которое послужило причиной смерти, «развилось не на почве эмфиземы как самостоятельного заболевания, а в результате значительных воспалительных и цирротических изменений в легких, которым сопутствовала эмфизема» (Рыбалко Б.Н., в соавторстве с В.В. Рыбалко. Болезнь и смерть Ф.М. Достоевского // *Статьи о Достоевском*. С. 175–181).

Вспомним, что мать Достоевского умерла от чахотки. Из других возможных причин, могущих способствовать возникновению у него туберкулезного процесса, уместно указать и на болезнь Марьи Дмитриевны. При условии их длительной совместной жизни инфекционное заражение более чем вероятно. Удивительно, правда (если принять версию туберкулеза), что ни Анна Григорьевна, ни кто-либо из детей не подверглись заражению.

Но вернемся к потомкам П.А. Исаева.

Его старшего сына звали Федор Павлович (так в семейной хронике возникают имена литературных героев). Имя свое он получил, как помним, в честь автора «Карамазовых» еще до появления самого романа. Федор Павлович Исаев вместе с семьей погиб от голода в блокадном Ленинграде в 1942 г. Его сын Сергей окончил Константиновское военное училище и воевал на стороне белых – в армии Юденича. В 1921 г. «по доносу был арестован и расстрелян в Петроградском ЧК (ГПУ)». Судьба другого сына, Льва, не менее трагична – хотя и с противоположным знаком: он сгорел в танке под Москвой.

Эпоха, перепахавшая страну и расколовшая семьи, не пощадила потомков первой жены Достоевского. В них тоже отразились судьбы России.

Есть сведения, что представители другой линии, идущей от Дмитрия Степановича Константа (отца М.Д. Исаевой), после Февральской революции 1917 г. вернулись во Францию. Их участь нам неизвестна.

Список источников и условных сокращений

Инициалы комментаторов

А.Д. – А.А. Достоевский
А.Р. – А.И. Роговой
Б.Т. – Б.Н. Тихомиров
Г.К. – Г.Ф. Коган
Д.Б. – Д.Л. Башкиров
Е.И. – Е.А. Иванова
И.А. – И.В. Арнольд
И.В. – И.Л. Волгин
М.В. – М.В. Волоцкой

М.И. – М.А. Иванова
Н.Б. – Н.Н. Богданов
О.А. – О.Н. Ансберг
О.И. – О.А. Иванова
О.С. – О.Д. Смилевец
Н.Ч. – Н.П. Чулков
С.Т. – С.П. Тюляков
Т.Н. – Т.М. Новикова
Ю.И. – Ю.А. Иванов

Места хранения документальных источников

ГАВО – Государственный архив Винницкой области.
ГАЗО – Государственный архив Житомирской области.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
ГАРО – Государственный архив Рязанской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГАХО – Государственный архив Хмельницкой области.
ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
ЛГИА – Литовский государственный исторический архив.
ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб) – фонды Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в С.-Петербурге.
НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси.
НИОР РГБ – научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР ГЛМ – отдел рукописей Государственного литературного музея.
ОР РНБ – отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории России.
СПБ ИИ РАН – С.-Петербургский институт истории РАН.
Ст. Русса – фонды Дома-музея Ф.М. Достоевского в Старой Руссе (Новгородская обл.).
УФСБ по Краснодарскому краю – архив управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю.
УФСБ СПб и ЛО – архив управления Федеральной службы безопасности РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области.

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга.
ЦГИА Украины – Центральный государственный исторический архив Украины.
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Личные архивы Г.Н. Архипова, С.Л. Балабуха (сына Л.И. Балабуха, № 468), семьи Шеров, Д.А. Достоевского (№ 345), А.О. Мироненко (внука М.В. Владиславлева, № 301), Е.А. Владиславлевой (№ 323), Н.Н. Богданова, И.Л. Волгина, коллекция Н.В. Паншева.

Рукописи и записи со слов

Бравер – Бравер Е.Л. <Родословие Достоевских> (Приводится в пересказе Я. Цехановича, по ст.: *Род Достоевских в польских гербовниках*.)

Воспоминания (рукопись) – Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского (рукопись, полная версия). ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 1. Цит. по: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/dostoev/texts/vospomin/vospomin.htm>.

Dworzecki-Bohdanowicz – Dworzecki-Bohdanowicz Jan Piotr. Herbarz szlachty litewskiej. ЛГИА. Ф. 391. Оп. 9. Д. 2782. С. 4. (Приводится по ст.: *Род Достоевских в польских гербовниках*.)

Добржанский – Добржанский Ф.Г. <Воспоминания о своей семье, продиктованные дочери Софии. Кон. 1960-х> Машинописная копия в архиве Н.Н. Богданова, пер. с англ.

Историко-географическое описание села Войтовцы – Асаулюк А.С. Историко-географическое описание села Войтовцы Липовецкого района Винницкой обл. (рукопись). 1953. Архив г. Липовца, фонд коллекций.

Литовская метрика. Книги записей литовских. РГАДА. Ф. 389.

Литовская метрика. Книги судных дел. РГАДА. Ф. 389.

Мой труд многолетний – Нечаева В.С. «Мой труд многолетний...» (рукопись). ОР ГЛМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 3.

Натов – Натов А.И. О.А. Фальц-Фейн и ее воспоминания о Достоевских (машинопись). ЛММ Ф.М. Достоевского (СПб).

Письменные характеристики, собранные М.В. Волоцким, Н.Н. Богдановым путем переписки с представителями рода.

Устные характеристики, записанные М.В. Волоцким, А.А. Достоевским, О.А. Ивановой, В.С. Нечаевой, Н.Н. Богдановым, С.В. Беловым.

Чулков – Чулков Н.П. Исследования о предках Достоевского (рукопись).

Шер – Шер С.Д. Воспоминания (рукопись). 1982. Семейный архив Шеров, Москва.

Печатные источники

Акад. М.А. Рыкачев – Поташев И.Я. Академик М.А. Рыкачев. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1965.

Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею:

Т. 10. Акты Виленского магистрата и магдебургии. Вильна, 1879.

Т. 11. Акты Главного литовского трибунала. Вильна, 1880.

- Т. 14. Инвентарь имений XVI столетия. Вильна, 1887.
- Т. 15. Декреты Главного литовского трибунала. Вильна, 1888.
- Т. 18. Акты о копных судах. Вильна, 1891.
- Т. 20. Акты, касающиеся города Вильны. Вильна, 1893.
- Т. 28. Акты об евреях. Вильна, 1901.
- Т. 29. Акты об евреях. Вильна, 1902.
- Т. 31. Акты о литовских татарах. Вильна, 1903.
- Т. 34. Акты, относящиеся к войне за Малороссию (1654–1667). Вильна, 1909.
- Т. 36. Акты Минского гродского суда 1582–1590 гг. Вильна, 1912.
- Акты, относящиеся к истории Западной России* – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3 (1544–1587). СПб., 1848. Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России* – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1 (1361–1598). СПб., 1863.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1952.
- Археографический сборник* – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 6. Вильна, 1869.
- Архив Юго-Западной России* – Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 1. Ч. 2. Постановления дворянских провинциальных сеймов в Юго-Западной России. Киев, 1861.
- Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение». В 2 томах. СПб.: Алетейя, 2001; Российская национальная библиотека, 2001.
- Библиотека для чтения* – Прозоров П.И. Белинский и Московский университет в его время // Библиотека для чтения. 1859. № 12.
- Биографии Галаниных* – Новик Е. Биографии Галаниных. http://zhurnal.lib.ru/n/nowik_e/1.shtml.
- Биография, письма* – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883.
- Блокадная папка* – Брускова Е. Блокадная папка // Советская культура. 1980. 22 августа. № 59 (5379).
- Богданов Н.Н., Роговой А.И. Об одном спорном вопросе в родословии Ф.М. Достоевского // Генеалогический вестник. Вып. 40. СПб., 2011. С. 40–43.
- Bonieski* – Bonieski, Adam. Herbarz polski. Т. 4. Warszawa, 1901. С. 291. Т. 7. Warszawa, 1904. С. 260–262.
- Борец, чуждый ненависти и презрения* – Хайлова Н.Б. «Борец, чуждый ненависти и презрения»: штрихи к портрету А.М. Рыкачева // Вопросы истории. 2011. № 11.
- Боровск. Материалы для истории города* – Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. С. 22, 75, 112, 119, 127, 141, 155, 191.
- Булгаков В.Ф. Ф.М. Достоевский в Кузнецке // Сибирская жизнь (Томск). 1904. № 29. 10 октября.
- В поисках утерянных звеньев* – Богданов Н.Н., Роговой А.И. Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев. М.: Акрополь, 2008.

- В семье и усадьбе* – Нечаева В.С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М.А. и М.Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939.
- Вавилов* – Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Т. 3. М.: Наука, 2000.
- Вересаев. В студенческие годы* – Вересаев В.В. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. Воспоминания. М.: Правда, 1961.
- Вестник* – Голубовский М.Д. Добжанский в двух мирах // Вестник (Русско-американский журнал). 1999. № 24 (231). 23 ноября. <http://www.vestnik.com/issues/1999/1123/koi/golubov.htm>.
- Взыскующие града* – Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках... М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Внук писателя* – Польская Е.Б. Внук писателя и его мать. Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. // Мера. 1995. № 1.
- Возвращение билета* – Волгин И.Л. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М.: Грантъ, 2004.
- Вокруг Достоевского* – Белов С.В. Вокруг Достоевского: статьи, находки и встречи за тридцать пять лет. СПб.: ИД СПбГУ, 2001.
- Volumina Legum*. СПб., 1859–1860. Т. 4, 5.
- Волынь в описании городов, местечек и сел* – Теодорович Н.И. Волынь в описании городов, местечек и сел в церковно-историческом, географическом, этнографическом, археологическом и др. отношениях. Т. 5. Ковельский уезд. Почаев, 1903.
- <Достоевская А.Г.> *Воспоминания* – Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1971.
- <Достоевская А.Г.> *Воспоминания. 1925* – Воспоминания Анны Григорьевны Достоевской / Под редакцией Л.П. Гроссмана. М.–Л.: ГИЗ, 1925.
- <Достоевский А.М.> *Воспоминания* – Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Под ред. А.А. Достоевского. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930.
- Врангель* – Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912.
- Галанин* – Михаил Дмитриевич Галанин. (К 90-летию со дня рождения ученого.) М.: Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН, 2004.
- Гиляровский* – Гиляровский В.А. Избранное в 3 томах. М.: Московский рабочий, 1961. Т. 1.
- Грушевский* – Грушевский А. Пинское Полесье. Исторические очерки. Ч. 2. XIV–XVI вв. Киев, 1903.
- Дань прошлому* – Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
- Даровое* – усадьба Достоевских – Бирюкова Т.Г. Даровое – усадьба Достоевских. История. Судьбы. Портреты. М.: Спутник+, 2009.
- Дневник 1867 г.* – Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993.
- Добжанский в двух мирах* – Голубовский М.Д. Добжанский в двух мирах: К 100-летию со дня рождения // Информационный вестник ВОГиС (Вавиловский журнал генетики и селекции). 2000. № 12. http://www.bionet.nsc.ru/vogis/vestnik.php?f=2000&p=12_2.
- Добжанский* – генетик, эволюционист, гуманист – Конашев М.Б. Ф.Г. Добжанский – генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 56–71.
- Документы московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897.

- Достоевский в Бад-Эмсе* – Натова Н.А. Ф.М. Достоевский в Бад-Эмсе. Франкфурт-на-Майне, 1971.
- Достоевский в воспоминаниях современников* – Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 томах. М.: Художественная литература, 1990.
- Достоевский в забытых* – Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
- Достоевский в изображении дочери* – Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
- Достоевский и XX век* – Достоевский и XX век. В 2 томах. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
- Достоевский и Омск* – Вайнерман В.С. Достоевский и Омск. Омск., 1991.
- Достоевский. К вопросу об его происхождении* – Любимов С.В. Ф.М. Достоевский (К вопросу об его происхождении) // Литературная мысль (альманах). Кн. 1. Пг.: Мысль, 1922. С. 208–210.
- Дроздов А. Усадьба Достоевского (Даровое) // Известия ЦИК. 1924. 4 ноября.
- Жена писателя* – Белов С.В. Жена писателя: Последняя любовь Ф.М. Достоевского. М.: Советская Россия, 1986.
- ЖЗЛ* – Гроссман Л.П. Достоевский (Серия ЖЗЛ). 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1965.
- Жизнь и труды* – Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.–Л., 1935.
- Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни* – Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. С. 94–95. Т. 2. С. 14–15, 19.
- Журнал Достоевских «Время»* – Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972.
- Загадки провинции* – Кушникова М.М., Тогулев В.В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996.
- Заполярная правда* – Балакирев Н. Потомок рода Достоевских // Заполярная правда (Норильск). 1982. 11 февраля.
- Зодчие Москвы* – Зодчие Москвы времен эклектики, модерна и неоклассицизма. 1830-е – 1917 гг. М.: КРАБиК, 1998.
- Исторические сведения о Каменец-Подольской семинарии* – Исторические сведения о Каменец-Подольской духовной семинарии. Каменец-Подольск, 1897.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2–3. М., 1991.
- Кафедра петрографии ТГУ* – Уткин Ю.В. Кафедра петрографии Томского государственного университета. 1927–2002. Томск, 2002.
- Каченовский Б.П. Минута ясности. Тула: Приокское книжное издательство, 1980.
- Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 284–285.
- Клинический архив гениальности и одаренности* – Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии) / Под ред. Г.В. Сегалина. Вып. 3. Т. 3. Свердловск, 1927.
- Коган Г.Ф. Загадки в родословной Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 375–382.
- Коган Г.Ф. Письма из Коломны // Коломенский альманах. Вып. 5. Коломна, 2001.
- Колеблясь над бездной* – Волгин И.Л. Колеблясь над бездной. Достоевский и русский императорский дом. М.: ЦГО, 1998.
- Корнилов А.А. Страничка воспоминаний // Русская мысль. 1915. № 1. С. 185–191.

- Kojałowicz* – Ks. Wojciecha Wijuka Kojałowicza S. J. herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli O klejnotach albo herbach których familie stanu rycerskiego w prowincyach Wielkiego Xięstwa Litewskiego zażywają. Kraków: Czas, 1897. S. 252.
- Лавдовский М.Д. Исторический очерк кафедры гистологии и эмбриологии в Императорской военно-медицинской академии. СПб., 1898.
- Ленин. Сочинения – Ленин В.И. Сочинения. 3-е изд. Т. 17. М.–Л., 1929. Т. 24. Партийное издание. М., 1932.
- Ленинград и Большая Земля – Ковальчук В.М. Ленинград и Большая Земля. История ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л.: Наука, 1975.
- Леонидов – Леонидов Л.М. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. М.: Искусство, 1960.
- Летопись – Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. В 3 томах. СПб.: Академический проект, 1993–1995.
- Lietuvos Vyriausiojo Tribunolo sprendimai* – Lietuvos Vyriausiojo Tribunolo sprendimai. Vilnius, 1988. Приводится по ст.: *Род Достоевских в польских гербовниках*.
- Литературное наследство – Литературное наследство. Т. 86. Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973.
- Литовская метрика:
Отд. I. Ч. 3. Книги публичных дел. Переписи войска Великого княжества Литовского // Русская историческая библиотека. Т. 33. Пг., 1915.
Книга записей № 3 (1440–1498). Вильнюс, 1998.
- Любовь Достоевская. Петербург – Больцано – Любовь Достоевская. С.-Петербург – Больцано. (На рус., нем. и итал. яз.) Сост. Б. Марабини-Цёгеллер, М. Талалай. Флоренция, 1999.
- Люди и судьбы – Люди и судьбы. Биографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. 1917–1991. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Майков. Письма к Достоевскому – А.Н. Майков. Письма к Ф.М. Достоевскому. 1867–1878. Публикация Н.Т. Ашимбаевой // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 60–98.
- Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 220–221.
- Мария Констант – Донов А.А. Мария Констант, жена Достоевского. СПб.: [Омега, АртСтрим], 2004.
- Материалы для истории московского купечества – Материалы для истории московского купечества. М.: Типография М.Г. Молчанинова, 1883–1889. Т. 4. С. 310. Приложение 1. С. 55. Т. 5. С. 142. Т. 6. С. 227. Т. 8. С. 248. Т. 9. С. 218.
- Материалы и исследования – Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974–1987. В т.ч. публикации:
Галаган Г.Я. Кончина и похороны Ф.М. Достоевского (В письмах Е.А. и М.А. Рыкачевых) // Т. 1. 1974.
Федоров Г.А. Из разысканий о московской родне Достоевского // Т. 2. 1976.
Уточнения и дополнения к комментарию ПСС Ф.М. Достоевского. Орнатская Т.И. «Сибирская тетрадь» // Т. 5. 1983. С. 222–225.

- Нечаева В.С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф.М. Достоевского (Общение с потомками писателя. У истоков позднейших книг и исследований) // Т. 6. 1985.
- Бекедин П.В. Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке // Т. 7. 1987. С. 227–238.
- Архипова А.В. Неизвестные письма А.Г. Достоевской к Достоевскому (Из архива А.Г. Достоевской) // Т. 7. 1987. С. 270–285.
- Левченко Н.И. Исаевы // Т. 11.
- Письмо Глембоцкой // Т. 16.
- Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина – Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. Л., 1935.*
- Минувшее – Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.: Открытое общество; Феникс, 1992.*
- Молодые побеги из могучих корней – Валиханов Ш. Молодые побеги из могучих корней // Нива (Казахстан). 2003. № 5. С. 46–48.*
- Московский мир Достоевского – Федоров Г.А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004.*
- Московский некрополь – Саитов В.И. Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1907.*
- Мы жили в Москве – Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга, 1990.*
- На рубежах познания Вселенной – Орлова Н.Б. Максимилиан Максимилианович Мусселиус (1884–1938) и Дмитрий Иванович Еропкин (1908–1938) // На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования, XXIII). М., 1992.*
- Не могу заплатить самых святых долгов – Борисова В.В. «...Не могу заплатить самых святых долгов» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 270–274.*
- Нейфельд – Нейфельд И. Достоевский: Психоаналитический очерк / Под ред. проф. З. Фрейда. Пер. с нем. Я. Друскина. Л.–М.: Петроград, 1925.*
- Niesiecki – Niesiecki. Herbarz Polski. W Lipsku. 1889. Т. 3. S. 392.*
- Новые материалы – Башкиров Д.Л. История рода Достоевских: новые материалы // Вестник РГНФ. 2007. № 4. С. 151–163.*
- Также в настоящем издании использованы материалы Д.Л. Башкирова, не вошедшие в эту публикацию.
- О неясном в жизнеописании М.А. Достоевского – Федоренко Б.В. О неясном в жизнеописании М.А. Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 3. М., 1994. С. 7–26.*
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., б/г. Ч. 3. Л. 23.*
- Они были последними? – Свенцицкий А.Б. Они были последними? М.: Грааль, 1997.*
- Османская империя в первой четверти XVII в. – Османская империя в первой четверти XVII в.: Сборник документов и материалов / Составители Х.М. Ибрагимбейли, Н.С. Рашба. М.: Наука, 1984.*
- Остаться в памяти – Ласкина А. Остаться в памяти: Беседы и встречи. М.: Советский писатель, 1991.*
- От знакомства к родству – Шервинский С.В. От знакомства к родству. Стихи, переводы, очерки, воспоминания. Ереван, 1986.*
- Паустовский – Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957.*

- Первое сентября* – Конашев М.Б. Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975) // Первое сентября. Биология. 2001. № 5.
- Переписка* – Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. Под ред. С.В. Белова, В.А. Туниманова. Л.: Наука, 1976.
- Петрашевцы* – Лейкина В. Петрашевцы. М., 1924.
- Пирогов Н.И. Посмертные записки. Детство и юность // Русская старина. 1885. № 1. С. 42–43.
- Писцовая книга бывшего пинского староства* – Писцовая книга бывшего пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войною. Ч. 1–2. Вильна, 1874.
- Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств* – Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Изд. Виленской археографической комиссией. Вильна, 1884. С. 21, 100.
- Письма* – Ф.М. Достоевский: Письма / Под ред. и с прим. А.С. Долинина. Т. 1. М.–Л.: ГИЗ, 1928. Т. 2. М.–Л.: ГИЗ, 1930. Т. 3. М.–Л.: Academia, 1934.
- Письма Достоевского к жене* – Письма Ф.М. Достоевского к жене. Предисл. и прим. Н.Ф. Бельчикова. М.–Л.: ГИЗ, 1926.
- Письма из Maison Russe* – Письма из Maison Russe. Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции. СПб.: Акрополь, 1999.
- Письма Михаила Достоевского к отцу* – Кумпан К.А., Конечный А.М. Письма Михаила Достоевского к отцу // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 69–86.
- По тульскому краю* – Перлов И.П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // По тульскому краю: Сборник. Тула: Изд. Тульского губисполкома, 1925.
- Поездка в Даровое* – Нечаева В.С. Поездка в Даровое // Новый мир. 1926. № 3.
- Последний год Достоевского* – Волгин И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Зебра Е, 2010.
- Поссе В.А. Пережитое и передуманное. Л., 1933. С. 73.
- Поташев И.Я. Ярославские зодчие. Малоизвестные факты // Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 100–104.
- Потомки Достоевских осели в Чебоксарах* – Ильина Е. Потомки Достоевских осели в Чебоксарах // Столица (Чебоксары). 1998. Апрель.
- Природа* – Галл Я.М., Конашев М.Б. Классик // Природа. 1990. № 3. С. 79–87; Сорокина М.Ю. Дальний путь к большому будущему // Там же. С. 88–91; Из переписки Ф.Г. Добржанского с В.И. Вернадским // Там же. С. 91–96.
- Пропавший заговор* – Волгин И.Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М.: Либерия, 2000.
- ПСРЛ* – Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСС* – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л.: Наука, 1972–1990.
- ПСС. Воскресенье* – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 18 томах. М.: Воскресенье, 2003–2005.
- Ранний Достоевский* – Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979.
- Ревизия пущ и переходов* – Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговским Григорьем Богдановичем Воловичем в 1559 г.

- С прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. Изд. Виленской археографической комиссией. Вильна, 1867. С. 70–73, 116–119, 288–289.
- The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky* – *The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky*. Part I. Columb. Univers. Research Office. N.Y., 1962. P. 23–28.
- Род Достоевских в польских гербовниках* – Богданов Н.Н., Чернецкий Е.А. Род Достоевских в польских гербовниках XVII–XXI вв. // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.–Иркутск, 2009. Вып. 20. Ч. 2. С. 122–145.
- Родиться в России* – Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991.
- Родовые гнезда Достоевских* – Роговой А.И. Родовые гнезда Достоевских в Украине (по неизвестным архивным материалам) // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 254–265.
- Родственники Достоевского в Томске* – Воробьева Н.А. Родственники Ф.М. Достоевского в Томске. Томск: STT, 2006.
- Русские летописи. Т. 7. Ермолинская летопись. Рязань, 2000.
- Русские писатели* – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.
- Русское прошлое* – Рыкачев А.М. Дневник 1890–1892 гг. Публикация и предисловие О.Н. Ансберг // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996.
- Саратов и Достоевский* – Смилевцев О.Д. Саратов и Достоевский. Саратов, Издательство Саратовского университета, 1998.
- Саратовский Достоевский* – Вардугин В. Саратовский Достоевский // Саратовские вести. 2003. 12 марта. № 35 (2997).
- Сельцо Даровое* – Стонов Д. Сельцо Даровое: Очерк // Красная нива. 1926. № 16. 18 июня. С. 18–19.
- Семинарий по Достоевскому* – Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому. М.–Пг.: ГИЗ, 1922.
- Серафим Туликов* – Зельников Ю. Серафим Туликов: трагедия юности и улыбки судьбы. Калуга: Золотая аллея, 2004.
- Симфония жизни* – Розенблат В.В. Симфония жизни: Популярная физиология человека. М.: Физкультура и спорт, 1989.
- Словарь русских писателей XVIII века* – Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. Цит. по: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=460>.
- Собрание древних грамот и актов Минской губернии* – Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848.
- Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.
- Соловьев* – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1879.
- Статьи и материалы* – Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.: Мысль, 1924 (1925).

- Статьи о Достоевском* – Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб.: Серебряный век, 2001.
- Столешни дяди Гиляя* – Лобанов В.М. Столешни дяди Гиляя. М.: Московский рабочий, 1972.
- Studia linguistica* – Studia linguistica. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. XVII. (Выпуск посвящается проф. И.В. Арнольд.) СПб.: Борей арт, 2008.
- Сыракомля Вл. Мінск: Беглы агляд сучаснага стану Мінска. Мінск, 1992.
- Творчество Достоевского* – Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Сборник статей и материалов под ред. Л.П. Гроссмана. Одесса: Всеукраинское государственное издательство, 1921.
- Толстой М.В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 2.
- Труды Подольского епархиального комитета* – Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Вып. 3. Каменец-Подольск, 1883. Вып. 9. Каменец-Подольск, 1901.
- У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб., Наука, 2002.
- Ульяновы и Ленины* – Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб.: Вирд, 1997.
- Uruski* – Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Opracowany przez S. hr. Uruskiego przy współudziale A.A. Kosińskiego, wykończony i uzupełniony przez A. Włodarskiego. Warszawa: Gebethner i Wolffa, 1906. T. III. S. 233. Приводится по ст.: Род Достоевских в польских гербовниках.
- Ученый в разделенном мире* – Конашев М.Б. Ученый в разделенном мире: Ф.Г. Добржанский и становление биологии в начале века // Науковедение. 2000. № 3.
- Федоров* – Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М.: Традиция, 1999.
- Федорук А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины. Минск, 2004.
- Храм свт. Николая в Котельниках* – Храм свт. Николая в Котельниках. Подворье православной церкви Чешских земель и Словакии в Москве. М., 2009.
- Христофоров В. Прикосновение // Иртыш (Семипалатинск). 1981. 25 марта.
- Ciechanowicz* – Ciechanowicz J. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. Rzeszów: Fosze, 2001. T. II (A–D). S. 345–369. Приводится по ст.: Род Достоевских в польских гербовниках.
- Цітоу А.К. Пячаткі старажытнай Беларусі. Нарысы сфрагістыкі. Мінск, 1993.
- Шадрина А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995.
- Шпандарук И.П. Достоеўскі і Беларусь. Мінск, 1975.
- Штакеншнейдер* – Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М.–Л.: Academia, 1934.
- Штильман Г. Памяти А.М. Рыкачева // Русская мысль. 1915. № 1. С. 185–191.
- Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

Указатель имен*

Правители и члены царствующих домов

- Август II Сильный – 59.
Александр I – 179, 263.
Александр II – 194, 353, 406, 426, 427, 608, 882, 988, 1069, 1107, 1128.
Александр III – 303, 328, 330, 603, 1011.
Александр Македонский – 921.
Александра Федоровна (жена Николая I) – 95, 194, 1046, 1050.
Алексей (царевич, сын Петра I) – 201.
Алексей I Михайлович Романов (Тишайший) – 167.
Андрей Иванович, удельный князь Серпуховской и Боровский (сын Ивана Калиты) – 20.
Болеслав I Храбрый – 60.
Бона – 24, 25, 27.
Василий II Темный – 17, 19, 21, 22.
Василий Ярославич, удельный князь Серпуховской и Боровский – 18–23.
Вильгельм II – 1014–1016.
Витовт – 20.
Владимир Александрович Романов, великий князь – 884.
Владимир Андреевич Храбрый, удельный князь Серпуховской и Боровский – 17, 18, 20.
Владимир Мономах – 666.
Владимир Святославич, креститель Руси – 473.
Владислав IV – 51, 52, 62, 65.
Всеволод Большое Гнездо – 20.
Густав I Ваза – 487.
Дмитрий (царевич, сын Ивана Грозного) – 593.
Дмитрий Донской – 17, 18.
Дмитрий Шемяка – 19, 21, 22.
Екатерина II – 72, 74, 77, 253, 390, 1043.
Иван I Калита – 20, 989.
Иван IV Грозный – 19, 29, 30.
Иван Васильевич, княжич Боровский – 17, 21–24.
Иеремия Вишневецкий – 52.
Казимир IV – 18, 19, 21, 23.
Карл XII – 1065.
Константин Константинович Романов, великий князь (К.Р.) – 297, 454, 606, 1006, 1021.
Лжедмитрий – 52.
Людовик XVI – 390, 1043.
Мария Федоровна (жена Александра III) – 296, 297, 628, 1006.
Мария Федоровна (жена Павла I) – 92.
Михаил Вишневецкий – 47, 66.
Наполеон Бонапарт – 89, 169.
Николай I – 95, 104, 179, 193, 194, 272, 279, 504, 580, 678, 1037, 1050.
Николай II – 142.
Николай Николаевич Романов, великий князь – 1035.
Ольгерд – 20.
Павел I – 120, 263, 966.
Петр I – 92, 193, 251, 253, 256, 742, 886, 921.
Петр III – 120.
Семен Владимирович, удельный князь Серпуховской и Боровский – 18.
Сергей Александрович Романов, великий князь – 954.
Сигизмунд I – 48.

---

* В скобках после имен даны генеалогические номера членов рода Достоевских (римские цифры – для упоминаемых в первой главе, арабские – в остальных главах). Следующие затем числа указывают последовательно страницы, где упоминается о данном лице; основная информация – полужирным шрифтом.

Сигизмунд II Август – 33–36.
 Сигизмунд III – 37, 43, 44, 46, 65.
 Стефан Баторий – 32, 34–37, 944.
 Тимур (Тамерлан) – 17.
 Федор Иванович Ярославич, потомок серпуховско-боровских князей – 15–17, 22–24, 28.

Юрий Семенович Наримунтович – 19.
 Ян II Казимир – 47–50, 53, 57, 59, 61, 64.
 Ярослав Владимирович, удельный князь Малоярославецкий – 20.
 Ярослав Мудрый – 20.

Христианские святые, церковные иерархи, лица духовного звания

Агафангел (Догадин), архим., благочинный Старорусского округа – 560.
 Адриан, Патриарх Московский и всея Руси – 249.
 Алексей (Молчанов), экзарх Грузии – 222.
 Антоний (Амфитеатров), архиеп. Казанский и Свияжский – 132.
 Антоний (Вадковский), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский – 224.
 Прп. Антоний Великий – 225.
 Арсений (Москвин), митр. Киевский и Галицкий – 134, 136.
 Варлаам (Ванатович), архиеп. Киевский и Галицкий – 73.
 Свт. Василий Великий – 254.
 Свщмч. Вениамин (Казанский), митр. Петроградский и Гдовский – 226.
 Григорий, еп. Пинский – 45.
 Свт. Димитрий (Туптало), митр. Ростовский – 254.
 Евгений (Болховитинов), митр. Киевский и Галицкий – 129.
 Евсевий (Ильинский), архиеп. Тверской и Кашинский – 132.
 Прп. Епифаний Премудрый – 20.
 Прп. Ефрем Сирин – 254.
 Прп. Зосима Палестинский – 224.
 Илия (Куча), митр. Киевский и Галицкий – 32, 34, 35.
 Апостол и евангелист Иоанн Богослов – 254.
 Прп. Иоанн Дамаскин – 254.
 Свт. Иоанн Златоуст – 254.
 Иоанникий (Никифорович-Полонский), архиеп. Подольский и Брацлавский – 88, 89, 127.

Прп. Иосиф Волоцкий – 21.
 Кирилл (Терлецкий), еп. Луцкий и Острожский – 63.
 Леонид (Краснопевков), архиеп. Ярославский и Ростовский – 192.
 Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский – 35.
 Прп. Макарий Великий, Египетский – 225.
 Свт. Мелетий (Леонтович), архиеп. Харьковский и Ахтырский – 129.
 Пафнутий, архим. – 33.
 Прп. Пафнутий Боровский – 21.
 Платон (Левшин), митр. Московский и Коломенский – 254.
 Серапион (Александровский), митр. Киевский и Галицкий – 127, 129.
 Сергей (Страгородский), Патриарх Московский и всея Руси – 222, 224, 226.
 Стефан (Романовский), архиеп. Астраханский и Енотаевский – 87.
 Свт. Тихон (Беллавин), Патриарх Московский и всея России – 226.
 Прп. Феодосий Великий – 146.
 Свт. Феодосий (Полоницкий-Углицкий), архиеп. Черниговский – 146.
 Свт. Феофан Затворник – 225.
 Свт. Филарет (Дроздов), митр. Московский и Коломенский – 194.
 Абаза Александр Агеевич – 426.
 Абрамова Мария Ефимовна (449) – 758, **763, 764.**
 Абрамович Соломон – 54.
 Аверкиев Дмитрий Васильевич – 418, 605.
 Аверьянов Иван – 120.
 Авзоний (Децим Магн Авзоний) – 751, 761.

- Авл Геллий (псевдоним В.М. Владиславлева, № 273) – 342, 1014, 1015.
- Агарков Михаил Михайлович (479) – **855, 856**.
- Агаркова Елена Юрьевна, см. Иванова (477).
- Адлерберг Александр Владимирович – 1121.
- Ажгирей Глеб Дмитриевич – 238.
- Азбелева Вера Николаевна, по мужу Рыкачева (390) – **651**.
- Азбукин Агафоник Павлович – 383.
- Азбукин Дмитрий Иванович – 923.
- Айвазовский Иван Константинович – 341, 722, 1013.
- Айвс Фредерик Юджин – 941.
- Аксаков Иван Сергеевич – 1160.
- Аксенов Василий Павлович – 556.
- Алдошин Г.Д. – 625, 626.
- Алеби (Alaebu, m-me) – 614.
- Александрова Катерина (16) – 83, 106, 124, **125, 126**, 974, 975, 979.
- Александровский Иван Федорович – 955.
- Алексеев Афанасий – 190.
- Алексеев Василий – 94.
- Алексеев Егор – 179.
- Алексеев Иван – 196.
- Алексеев Симеон (Семен) – 171, 189, 191, 195–199, 261.
- Алексеева Надежда – 698.
- Алена Фроловна, см. Крюкова.
- Алехин Александр Александрович – 358.
- Алкей – 755.
- Алонкин Иван Максимович – 289, 310, 416, 1067, 1140.
- Алтынникова Марфа Ивановна, по мужу Иванова (418) – 700, 701, **703**, 709, 737, 745, 921.
- Алферов Александр Данилович – 215, 221.
- Алчевская Христина Даниловна – 932.
- Альбинская Юхимия (Евхимия) Леонтьевна, см. Губа (341).
- Альбинский Виктор Николаевич – 551.
- Альфонский Аркадий Алексеевич – 679, 978.
- Амфитеатров Яков Космич – 132.
- Анджейкович Винцентий Станиславович – 67.
- Анджейкович Каспер Станиславович – 67.
- Анджейкович Клара, см. Достоевская (XCIII).
- Анджейкович Станислав (XCIV) – **67**.
- Анджейкович Юзеф Станиславович – 67.
- Андреев Андрей – 94.
- Андреев Варфоломей – 120.
- Андреев Леонид Николаевич – 488.
- Андреев Михаил Петрович – 908.
- Андреев Петр (217) – **251**, 255.
- Андреев Федор (215) – 249, **251**, 252.
- Андреевский Иван Ефимович – 303, 304.
- Андриец Михаил – 504.
- Аникиев Иван <Михайлович> (262) – 282, 294, 307, **316**, 953, 1001, 1009, 1090, 1148.
- Аникиева Прасковья Петровна (247) – **292**, 316, 953, 1001, 1090, 1141, 1148, 1149.
- Анненков Иван Васильевич – 983, 988.
- Анненков Павел Васильевич – 1115.
- Анненский Иннокентий Федорович – 756.
- Ансберг Ольга Николаевна – 643, 644.
- Антипов Николай Яковлевич – 171, 195–199.
- Антипов Яков Антипович – 169, 171, 191.
- Антипова Варвара Ивановна – 171.
- Антипова Ольга Яковлевна, по мужу Нечаева (124)–114, 169, **170–173**, 175, 177, 183, 191, 192, 198, 199, 601.
- Антиповы – 167, 169.
- Антонелли Петр Дмитриевич – 996.
- Антонова Мария Сергеевна, по мужу Достоевская (254) – 306, **307**, 353, 1029.
- Анучин Дмитрий Николаевич – 946.
- Анфорович Петрович Ян – 33.
- Апухтин Алексей Николаевич – 358.
- Арапов Николай Устинович – 992, 993.
- Ариосто Лудовико – 274.
- Аристов О. – 234.
- Арнольд Ирина Владимировна, см. Куршакова.
- Арсеньев В.С. – 954.
- Архипов Георгий Николаевич – 875.
- Архипов Захар – 120.
- Архипов Иван – 570, 572, 1031.

- Архипова Арина – 114, 126, 975, 979.
Архипова Лидия Сергеевна – 875, 876.
Арцишевский Вячеслав Николаевич – 211.
Асенкова Варвара Николаевна – 402, 1065.
Афанасьев Александр Николаевич – 20.
Ахапкин Сергей Степанович – 758.
Ахматова Анна Андреевна – 9, 321, 1007, 1027, 1109, 1110.
Ахматовичевна Констанция, по мужу Достоевская (LXXIV) – **63**.
Ашукин Николай Сергеевич – 959.
Бабков Василий Васильевич – 156.
Бабушкин (Вартанян) Леон Онуфриевич (478) – **855**.
Бабушкин Михаил Леонович – 762, 764, 855.
Бабушкин Олег Михайлович – 855.
Бабушкина Елена Юрьевна, см. Иванова (477).
Багатурова Надежда Сергеевна, по мужу Шер (178) – 217, 218, **219–221**, 224, 225, 231, 345.
Багрицкий Эдуард Георгиевич – 491.
Баженов Виктор – 440.
Байрон Джордж Гордон – 275, 769.
Бака Иван Иванович – 33, 34, 36.
Балабанов Н.И. – 908.
Балабух Сергей Львович – 742, 850.
Балабух Фаня Ильинична, см. Гельман (469).
Балабуха Иван Федорович (431) – **742**.
Балабуха (Балабух) Лев Иванович (468) – 7, 742, **850, 851**.
Балабуха Наталия Дмитриевна, см. Хмырова (430).
Балабуха Наталья Дмитриевна – 742.
Балакирев Милий Алексеевич – 317, 880, 1006.
Балакирев Н. – 831, 832.
Баландина – 121.
Балицкий Всеволод Аполлонович – 323.
Балла Ольга Анатольевна – 152.
Бальзак Оноре – 578.
Бальмонт Константин Дмитриевич – 237, 722, 723.
Баранович Николай Иванович – 278.
Баратынский Евгений Абрамович – 756, 1118.
Бартенев Петр Иванович – 1119.
Бартольд – 322.
Барч Иван Мартынович – 447, 448.
Барянов Анатолий Андреевич – 378.
Бах Иоганн Себастьян – 327.
Бахарев Василий Дмитриевич – 141, 142.
Бахтин Михаил Михайлович – 1023.
Башилов Михаил Сергеевич – 228.
Башилова Наталья Михайловна, по мужу Галанина – 228, 229, 239, 240.
Башкова Э.М. – 908.
Бекетовы – 989.
Белинская Ирина Сергеевна, см. Селезнева (324).
Белинская Татьяна Владимировна – 388.
Белинский Виссарион Григорьевич – 390, 637, 638, 1085, 1097, 1117, 1120.
Белинский Владимир Иванович (325) – **388**.
Белихов Григорий – 1048, 1163.
Белль Генрих – 543, 544.
Белов Сергей Владимирович – 509, 530, 541, 543, 545–547.
Беложаев В. – 986, 987.
Белозор Марциан – 55.
Белоус Иван – 75.
Белый Андрей – 223.
Бельчиков Николай Федорович – 1069.
Беляев Михаил Дмитриевич – 626.
Бем Альфред Людвигович – 324, 494, 506, 507, 531, 533, 951, 1008.
Бем-Баверк Ойген – 212.
Бенорабикин, см. Беложаев.
Берг Анна-Мария, по мужу Дитмар (Ditmer) – 288.
Бердяев Николай Александрович – 208, 220, 227, 231.
Бердяева Лидия Юдифовна – 220, 231.
Бережнов Иван Павлович (277) – 346, **348**, 1025, 1026.
Бережнова Ольга Михайловна, см. Владиславлева (276).
Березовский Антон Иосифович – 1107.

- Берковитц Эльмар Альбертович – 907.
Бертло Пьер-Эжен-Марселен – 142.
Бертман Елена Стефановна, по мужу Хмырова (437) – **744**.
Бессонов Петр Алексеевич – 254.
Бестужев-Рюмин – 341, 1013.
Бетховен Людвиг ван – 519, 614, 690, 701.
Бехтерев Владимир Михайлович – 727, 885.
Бибакул (Марк Фурий Бибакул) – 333, 957.
Бланк Александр Дмитриевич – 91.
Блейлер Ойген – 904.
Блиндер Наум Самойлович – 806.
Блинов Иван Михайлович – 894.
Блиновская Катерина, см. Олешкович.
Блиновский Иван – 65.
Блок Александр Александрович – 907, 1016, 1034.
Блотнер – 532.
Бобриков Николай Иванович – 732.
Бобров Виктор Алексеевич – 431.
Боброва Елизавета Ивановна, по мужу Иванова (446) – **762**.
Богданова Вера Ивановна – 832, 875, 952.
Богущий – 49.
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович – 880.
Бойченко Павел Никифорович – 601, 608, 620.
Боккаччо Джованни – 274.
Болотин Алексей Иванович – 163.
Болотина Мария Алексеевна, по мужу Нечаева (112) – **163**.
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич – 340, 348, 373, 657, 1013, 1017, 1025, 1027.
Борин Александр Борисович – 531, 536, 547, 550.
Борисов Варлам – 189.
Боровка Иосиф Александрович – 639.
Бородецкий – 536.
Бороздина-Плэттэн Валерия Александровна – 378, 379, 1030.
Борухович Юзеф – 56.
Боссэ Гуальтьер Антонович – 881.
Бострем А. – 907.
Боткин Василий Петрович – 1119.
Боткин Сергей Петрович – 312, 313.
Брант Федор Федорович – 209.
Брежнев Леонид Ильич – 243.
Фон Бретцель Яков Богданович – 1166.
Брускова Е. – 654, 655, 658, 660.
Бруйка Григорий Иванович (Иртищевич) – 23, 24.
Бруйка Ждан – 23.
Брюллов Карл Павлович – 193, 195.
Брюсов Валерий Яковлевич – 366, 748, 754–756, 1022.
Бубнов Андрей Сергеевич – 758.
Бубрик Самуил Давыдович – 539, 540.
Булгаков Валентин Федорович – 395.
Булгаков Сергей Николаевич – 220, 221, 223, 231.
Булгакова Елена Ивановна (урожденная Токмакова; жена С.Н. Булгакова) – 221.
Булгакова Елена Сергеевна (урожденная Нюренберг; жена М.А. Булгакова) – 1110.
Булгарин Фаддей Венедиктович – 1118.
Бумке Освальд – 907, 930, 935.
Буражинский Адам – 70.
Бурак Анатолий Иосифович – 944.
Бураков – 973.
Бурмистров А.С. – 657.
Бурсов Борис Иванович – 442.
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич, см. Петрашевский.
Бутенко Владимир Аполлонович – 755.
Бутковский Александр – 47, 56.
Бутовский П. – 137.
Быков Ролан Антонович – 801.
Вавилов Николай Иванович – 152, 155, 954.
Вавилов Сергей Иванович – 239, 660.
Ваганова Агриппина Яковлевна – 885.
Вагнер Николай Петрович – 426, 427, 479.
Вагнер Рихард – 756.
Ваксель Ольга Александровна – 1110.
Валиханов Чокан Чингисович – 553.
Валиханов Шот-Аман (Шота) Идрисович – 552, 553.
Валуев Петр Александрович – 988.
Вальдейер Вильгельм – 611.

- Ван дер Стратен Евгения Константиновна (74) – **143**.
- Варбург Эмиль Габриэль – 743.
- Вардугин Владимир Ильич – 295.
- Варламов Симеон (Семен) – 975.
- Варнавский Олег Петрович – 242.
- Вартанян Леон Онуфриевич, см. Бабушкин (478).
- Васенева Наталья Константиновна, по мужу Достоевская (350) – 560, **561**, 562, 563.
- Василевская Ганна – 25, 27.
- Василевская Ганна Семеновна, по мужу Достоевская (IV) – **25**, **27**, 28.
- Василевская Марина Семеновна – 27.
- Василевская Светохна Семеновна, по мужу Головка – 27.
- Василевский Семен – 25.
- Васильев Василий Павлович – 341.
- Васильев Гавриил – 94, 271.
- Васильев Дмитрий – 255.
- Васильев Михаил – 978, 979.
- Васильев Николай Александрович – 766, 814.
- Васильев Прохор – 168.
- Васильев Симеон – 198, 199.
- Васильев Спиридон Николаевич – 435.
- Васильев Степан – 120.
- Васильева Ольга – 545.
- Васильковский Петр – 57.
- Ватто Жан-Антуан – 630.
- Введенский Александр Иванович – 232, 305.
- Вейденрейх Франц – 908.
- Вейнберг Павел Исаевич – 458.
- Вейнер Петр Петрович – 319.
- Вергилий (Публий Вергилий Марон) – 262, 756.
- Вергунов Николай Борисович – 395, 396, 915, 1051–1053, 1055–1057, 1061, 1062.
- Вересаев Викентий Викентьевич – 303, 304, 1011.
- Верещагин Василий Васильевич – 330.
- Вержбилович Александр Валерианович – 637.
- Верн Жюль – 636.
- Вернадский Владимир Иванович – 140, 148, 157.
- Вертинский Александр Николаевич – 358, 1017.
- Веселовский Владимир Иванович – 173.
- Веселовский Степан Борисович – 6.
- Ветухов Алексей Васильевич – 219.
- Взоров Петр – 966.
- Виардо – 1118.
- Виллуан Александр Иванович – 292.
- Вильд Генрих Иванович – 604.
- Виндельбанд Вильгельм – 695.
- Виндшейт – 440.
- Виноградов – 473.
- Виноградова Галина Михайловна, по мужу Владиславлева (286) – 348, 350, **352**, 360, 371, 376, 1028.
- Винокуров Иван Федорович – **167**.
- Винокурова Настасья Ивановна, по мужу Нечаева (121) – 167.
- Де Виньи Альфред-Виктор – 747.
- Висковатов Павел Александрович – 569.
- Вислоуховна София, по мужу Достоевская (LXIX) – **62**.
- Витали Иван Петрович – 193–195, 214.
- Витухновский Алексей Григорьевич – 243, 245.
- Вишневский Б.Н. – 908.
- Вишневский Каспр – 55.
- Вишняк Марк Вениаминович – 207, 210, 212, 215, 222, 224.
- Владимирский Василий Васильевич – 241.
- Владимирский Григорий – 748.
- Владиславлев Александр Владимирович (298) – 328, 332, 335–337, 340, 341, 345, **356–362**, 363, 364, 368–370, 373, 374, 379, 381, 385, 386, 388, 957, 1017–1022, 1024–1026, 1028.
- Владиславлев Александр Павлович – 955.
- Владиславлев Владимир Михайлович (273) – 7, 213, 300–303, 312, **328–342**, 343, 345–348, 350–352, 357, 358, 364, 365, 370–375, 387, 957, 958, 1012–1018, 1021, 1022, 1024–1028, 1030.

- Владиславлев Всеволод Николаевич (310) – **375**.
- Владиславлев Георгий Николаевич (311) – **375**.
- Владиславлев Иван Михайлович (283) – **350**.
- Владиславлев Иоанн (Иван) Михайлович – 300, 1011, 1017, 1028.
- Владиславлев Лев Леонтьевич (312) – 360, **375, 376**, 1028, 1030.
- Владиславлев Леонтий Михайлович (285) – 342, 347, 348, 350, **351, 352**, 360, 372, 373, 376, 380, 1027, 1028.
- Владиславлев Михаил Владимирович (301) – 328, 335–337, 339, 340, 345, 358, 360, 362, **364–370**, 957, 1021–1024, 1028.
- Владиславлев Михаил Иванович (252) – 291, 297–299, **300–305**, 309, 328, 329, 331, 340, 341, 349, 685, 870, 1010–1013, 1020, 1024, 1028.
- Владиславлев Михаил Михайлович (284) – 347, **350, 351**, 1027.
- Владиславлев Николай Михайлович (281) – 346, **350**, 1027.
- Владиславлева Александра Михайловна (287) – **352**.
- Владиславлева Анна Федоровна – 300.
- Владиславлева Анна Яковлевна, см. Иванова (300).
- Владиславлева Валентина Васильевна, см. Поролло (303).
- Владиславлева Валерия Михайловна, по мужу Мироненко – 370.
- Владиславлева Варвара Андреевна (302) – **370**, 1022.
- Владиславлева Варвара Михайловна (288) – **352**.
- Владиславлева Вера Александровна, по мужу Скрябина (319) – 352, 363, 379, **380, 381**, 957, 1018, 1019, 1021.
- Владиславлева Вера Михайловна (278) – 302, 345–347, **348**, 349, 351, 355, 1026, 1027.
- Владиславлева Вера Павловна, см. Гайдебурова (274).
- Владиславлева Галина Михайловна, см. Виноградова (286).
- Владиславлева Евгения Александровна (323) – 357–359, 361, 362, 364, 365, 368, 385, **386, 387**, 388, 957, 1020–1022.
- Владиславлева Елена Васильевна, см. Каллистратова (313).
- Владиславлева Мария Ивановна, см. Ермолаева (282).
- Владиславлева Мария Михайловна, см. Достоевская (251).
- Владиславлева Надежда Владимировна (306) – 336, 337, 339, 343, 345, 352, 358, 359, 364, **372–374**, 388, 1018, 1025.
- Владиславлева Надежда Михайловна, по мужу Жекулина (279) – 345–348, **349**, 350, 360, 1026, 1027.
- Владиславлева Наталья Александровна (321) – 12, 300, 340, 349, 351, 352, 357, 363, 373, 379, 380, **381–385**, 1018–1021, 1027, 1028.
- Владиславлева Наталья Владимировна, по мужу Селезнева (304) – 336, 337, 342, 343, 358, 359, **370–372**, 387, 1018, 1024.
- Владиславлева Наталия Павловна, см. Макеева (299).
- Владиславлева Нина Владимировна, по мужу Максимова (308) – 336, 343, 358, 370, 373, **374, 375**, 1025, 1030.
- Владиславлева Нина Николаевна – 349, 383, 1019.
- Владиславлева Ольга Александровна, по мужу Шнейдер (317) – 352, 357, 363, **379, 380**, 381, 1018, 1019.
- Владиславлева Ольга Ивановна – 300–301.
- Владиславлева Ольга Львовна – 303, 350, 351, 376, 1028.
- Владиславлева Ольга Михайловна, по мужу Бережнова (276) – 301, 302, 332, 343, **345–348**, 349, 351, 355, 360, 368, 949, 1025–1027.
- Владиславлева Софья Алексеевна, см. Григорьева (275).
- Владиславлевы – 348, 363, 371, 388, 451, 467.

- Вогралик Вадим Габриэлович – 387.
 Война – 47.
 Война Габриель – 37.
 Война Лаврин – 39.
 Войнарская Евгения Константиновна, см. Ван дер Стратен (74).
 Войнарская Олимпиада Ивановна, см. Черняк (59).
 Войнарская Ольга Ивановна (80) – **158**.
 Войнарская София Васильевна, по мужу Добржанская (70) – 137, 138, **140**, 143, 146, 148, 920.
 Войнарский Антоний Васильевич (69а) – 137, **140**, 920.
 Войнарский Василий Захарович (60) – **137**, 143, 153, 920.
 Войнарский Вячеслав Иванович (79) – **158**.
 Войнарский Евгений Васильевич (72) – 137, **141**.
 Войнарский Иван Васильевич (73) – 137, **141–143**, 920, 954.
 Войнарский Петр Васильевич (75) – 137, **144**, 920, 954.
 Войтехович Матей – 31.
 Волкова Наталия Борисовна – 658.
 Волконская Софья – 677.
 Волконский Дмитрий Андреевич – 57.
 Володкевич – 64.
 Володковичи – 37.
 Волоцкая Зоя Михайловна – 12, 948.
 Волоцкая Ольга Евгеньевна, см. Никифорова.
 Волоцкой Алексей Кузьмич – 946.
 Волоцкой Василий Николаевич – 945.
 Волоцкой Михаил Васильевич – 3–4, 6, 8, 10–12, 15, 19, 22, 23, 67, 82, 95, 105, 109, 110, 147, 156, 160, 178, 184, 186, 187, 204, 218, 310, 317, 319, 321, 324, 355, 464, 469, 471, 495, 517, 520, 528, 531, 588, 622–624, 631, 662, 664, 665, 667, 669, 681, 691, 744, 756, 758, 759, 762–764, 766, 771, 791, 798, 799, 802, 818, 823, 825, 826, 831, 834, 836, 839, 840, 842, 843, 853, 856, 857, **945–960**, 980, 1005–1009, 1036, 1042.
 Волоцкой Николай Алексеевич – 946.
 Волоцкой Николай Аполлонович – 946.
 Волоцкой Николай Викторович – 946.
 Волошинова Мария – 518.
 Вольтер – 678.
 Вольф Маврикий Осипович – 474.
 Волян – 36.
 Вонгль-Свидерский Теофиль Владиславович – 455.
 Воробьева Нинель Алексеевна – 736, 845, 846, 848, 849.
 Воронеж – 600.
 Воронцов Иван Илларионович – 964.
 Ворошилов Климент Ефремович – 231, 323, 1009.
 Востоков Александр Христофорович – 638.
 Врангель Александр Егорович – 181, 281, 283, 394, 395, 399, 914, 915, 988, 998, 1043–1045, 1047–1055, 1058–1060, 1129, 1131.
 Врангель Николай Николаевич – 319.
 Врангель Петр Николаевич – 495, 504.
 Врубель Михаил Александрович – 793, 794.
 Врублевский Василий Адамович – 849.
 Всеволожский Николай Сергеевич – 91, 963–966.
 Выносова Тамара Александровна (340) – 538, **550, 551**, 894.
 Высогорец Александр Степанович (343) – 553, 554, **555**, 893.
 Высогорец Леонид Николаевич (351) – 554, **561**.
 Высогорец Мария Ивановна, см. Склобова.
 Высогорец Николай Александрович (347) – 553–555, **558, 559**, 893.
 Высогорец Оксана Александровна, см. Дмитриева (352).
 Высогорец Степан Поликарпович – 555.
 Высогорец Татьяна Андреевна, правнучка писателя, см. Достоевская (342).
 Высогорец Элина Витальевна, см. Михайлова (348).
 Высоцкая Анна, см. Ордзянка (XL).
 Высоцкий Александр – 50.
 Вышнеградский Иван Алексеевич – 483.

- Вышнеградский Николай Алексеевич – 415.
Вяземский Петр Андреевич – 1118.
Вяземский Сергей Александрович – 732.
Гаврилов – 329.
Гаврилов – 969.
Гаврилов Арсений – 169.
Гагарин Георгий Георгиевич – 210.
Гагарин Павел Павлович – 279.
Гайдебуров Василий Павлович – 330, 334, 1024.
Гайдебуров Павел Александрович – 301, 343, 1013.
Гайдебуров Павел Павлович – 343, 1024.
Гайдебурова Вера Павловна, по мужу Владиславлева (274) – 301, 331, 332, 336, 340, 341, **343**, 362, 1013.
Гайдебуровы – 369.
Галанин Алексей Дмитриевич (205) – 202, 213, 229, 230, 239–241, **246**, **247**, 248.
Галанин Дмитрий Дмитриевич (отец) – 228, 229, 240, 246.
Галанин Дмитрий Дмитриевич (181) – 202, 214, 224, 225, **228–231**, 240, 241, 246.
Галанин Иван Дмитриевич (206) – 230, 239, **247**.
Галанин Михаил Дмитриевич (203) – 213, 214, 228–230, **239–246**, 247.
Галанина Екатерина Михайловна – 246.
Галанина Марина Николаевна, см. Никольская (204).
Галанина Наталья Дмитриевна (207) – 230, 239, **247**.
Галанина Наталья Михайловна, см. Башилова.
Галанина Ольга Владимировна, см. Шер (179).
Галанина Ольга Дмитриевна (202) – 225, **238**, 239.
Галанина Татьяна Михайловна – 246.
Галанины – 195, 221, 242, 245–247, 373.
Галачан А.Г. – 902.
Галкин-Врасский Михаил Николаевич – 430, 483.
Галле Роберт (194) – **236**.
Галле Роберт Робертович (211а) – **248**.
Ганнибал (Ганнибал Барка) – 756.
Ганнибал Надежда Осиповна, по мужу Пушкина – 1043.
Ганнушкин Петр Борисович – 901.
Ганшин Александр Алексеевич – 593.
Гарновский Михаил Антонович – 881.
Гарф Борис Арнольдович (190) – **234**, **235**.
Гаршин Евгений Михайлович – 481.
Гатовская Иоанна, см. Достоевская (LXXXVI).
Гатовский Францишек (LXXXVII) – **66**.
Гедда Елизавета Михайловна – 630.
Гедройцы – 46.
Гейбович Артем Иванович – 397, 914, 916, 917, 936.
Гейден Елизавета Николаевна – 1064.
Гейман Родион Григорьевич – 678.
Гейнс Владимир Константинович, см. Фрей Уильям.
Гейссер – 333.
Гелен Анатолий Анатольевич (482) – **857**.
Гелен Анатолий Романович (456) – 824, **825**, 856, 857.
Гелен Маргарита Анатольевна (481) – 824, **856**, **857**.
Гелен Татьяна Алексеевна, см. Иванова (455).
Гельман Фаня Ильинична, по мужу Балабух (469) – **851**.
Генералов Петр – 376.
Гензельт Адольф Львович – 413.
Герасимов Борис Георгиевич – 1045, 1056.
Герасимов Михаил Михайлович – 980.
Германов – 213.
Геруа Александр Клавдиевич – 272.
Герцен Александр Иванович – 260, 338, 985, 1009, 1106, 1115.
Герценберг – 490, 495, 951.
Герценштейн Григорий Маркович – 613.
Герцман В.М. – 734.
Гете Иоганн Вольфганг – 274, 287, 577, 1084.
Гибнер А. – 95.
Гиляровский Владимир Алексеевич – 484.
Гинзбург Виталий Лазаревич – 247.
Гинзбург Лидия Яковлевна – 275.
Гинтерлах Гюнтер-Карл – 420, 421.
Гинтерштейн, см. Гинтерлах.

- Гиппократ – 900.
Гитлер Адольф – 324, 1008.
Главенко Антон – 74.
Глаголевская Ольга Алексеевна – 96.
Гладкова Татьяна Дмитриевна – 947.
Глама Николай Леонтьевич – 447.
Глебович – 42.
Глебович Ян – 32, 34–36.
Глембоцкая Надежда Евфимьевна, см. Лимановская (42).
Глембоцкий (43) – 130, **131**.
Глинка Михаил Иванович – 428.
Гнесин Михаил Фабианович – 326.
Гнилович Петр Достоевский – 45.
Гоголевская Дорота, по мужу Достоевская (XXVIII) – 45, **46**.
Гоголь Николай Васильевич – 217, 390, 598, 647, 656, 756, 774, 907, 1098, 1118.
Годебская Гелена, по мужу Достоевская (XLII) – 50, **51**.
Годебская Иоанна, см. Достоевская (LXXXVI).
Годебский Самуэль (LXXXVIII) – **66**.
Годебский Филон – 49.
Голда Д. – 155.
Голеновская, см. Дельсиль.
Голеновская Александра Александровна (493) – **874**.
Голеновская Александра Михайловна, сестра писателя, см. Достоевская (38).
Голеновская Вера Дмитриевна, см. Неделькович (492).
Голеновская Екатерина Николаевна, по мужу Трушлевич (489) – 872, **873**.
Голеновская Ирина Николаевна (498) – 12, 874, **875, 876**, 1041.
Голеновская Мария Николаевна, по мужу Ставровская (486) – 202, 209, 318, 319, 602, 869, **871, 872**, 920, 1041.
Голеновская Мария Петровна, см. Климова (488).
Голеновская Софья Николаевна – 868.
Голеновские – 306, 732, 867, 869–871.
Голеновский <?> Николаевич – 868.
Голеновский Александр Николаевич (487) – 728, **872, 873**, 874.
Голеновский Владимир Николаевич (496) – 12, **874**, 875, 1041.
Голеновский Георгий Николаевич (первый) (495) – **874**.
Голеновский Георгий Николаевич (второй) (497) – **875**, 1041.
Голеновский Дмитрий Николаевич (494) – **874**, 953, 1041.
Голеновский Николай Иванович (484) – 862, 867, **868–870**, 904, 1040.
Голеновский Николай Николаевич (491) – 728, **873**, 875, 1041.
Голицын, князь – 571.
Голицын, князь – 677, 678.
Голицын Борис Борисович – 606, 607.
Голицын Дмитрий Владимирович – 677, 678.
Голицын Петр Владимирович – 677.
Голицын Сергей Михайлович – 194.
Голицына <?> Михайловна – 194.
Голованова Марта Игнатьевна, по мужу Иванова (450) – **764**.
Головка Андрей – 27.
Головка Светохна Семеновна, см. Василевская.
Головко Андрей – 59.
Головко Михаил – 59.
Голота Ульяна Григорьевна – 72.
Голота Федор Дмитриевич – 72.
Голофтеев Конон Никонович – 990.
Голубков Платон Васильевич – 193.
Голубовский Михаил Давидович – 146, 153–157.
Гольдштейн Антон Дмитриевич – 607.
Гольская Елена Федоровна – 326.
Гомер – 832.
Гончаров Иван Александрович – 656, 1104, 1111, 1127.
Гончарова Наталья Николаевна, по мужу Пушкина – 188, 426, 1077, 1082, 1100, 1109, 1110.
Гораций (Квинт Гораций Флакк) – 262, 263, 460.
Горбачев (кличка канарейки) – 710.
Гордина Мария Алексеевна – 724, 766, 769, 772, 840.

- Гордлевский Владимир Александрович – 322.
- Горенко Андрей Антонович – 915.
- Горностай Гавриил – 33, 35, 36.
- Горские – 36, 37.
- Горский Витольд – 1143.
- Горский Петр – 33, 35.
- Горст, ван дер Горст – 907.
- Горчаков Овидий Александрович – 799, 801.
- Горшков Р. – 554.
- Горький Алексей Максимович – 211, 336, 341, 347, 358, 370, 539, 736, 884, 916, 948, 1013, 1015, 1017, 1027.
- Готский (Готский-Данилович) Эдуард Михайлович – 982, 983, 985.
- Гранин Даниил Александрович – 546.
- Грациан Флавий – 750.
- Гревс Иван Михайлович – 884.
- Гревс Мария Сергеевна – 548, 886.
- Грез Жан-Батист – 630, 659.
- Греков – 122.
- Греч Николай Иванович – 1118.
- Гриббе Александр Карлович – 448.
- Гриббе Анна Гавриловна – 448.
- Григорович Дмитрий Васильевич – 604, 605, 891, 909.
- Григорьев (212) – **249**.
- Григорьев Андрей (213) – **249**.
- Григорьев Аполлон Александрович – 984, 986.
- Григорьев Сергей Алексеевич – 381.
- Григорьева Софья Алексеевна, по первому мужу Крылова, по второму Владиславлева (275) – 336, 337, 339–341, **343, 345**, 358, 367, 374, 1013, 1017, 1021, 1024.
- Гринчий Евгений Афанасьевич – 833.
- Гричанинович Матфей – 23.
- Громова Евдокия Яковлевна, по мужу Дьякова – 724, 725, 843.
- Гроссман Леонид Петрович – 400, 430, 439, 540, 550, 551, 623, 915, 955, 958.
- Грот Николай Яковлевич – 341.
- Грычина Валериан – 65.
- Грычина Марина, см. Достоевская (LXXXI).
- Грэхем Ст. – 469.
- Губа Юхимия (Евхимия) Леонтьевна, по первому мужу Альбинская, по второму Достоевская (341) – 545, 546, **551, 552**.
- Губенко – 1046–1048.
- Губергриц Макс Моисеевич – 908.
- Гувер Герберт Кларк – 153.
- Гудеевские – 42, 44.
- <Гузикович>, по мужу Кавецкая (44) – 128, **131**.
- Гузикович Иван Федорович – 128.
- Гузикович Мария Андреевна, см. Достоевская (25).
- Гузикович Михаил Иванович (26) – 82, **128**.
- Гузиковичи (46–47) – **132**.
- Гумбург Август – 679.
- Гумилев Николай Степанович – 722, 748, 789.
- Гуревич Михаил Осипович – 908.
- Гуревич Яков Григорьевич – 472, 481.
- Гурская Елена, по мужу Достоевская (XC) – **66**.
- Гусаров – 536.
- Гутман Елена Львовна, по мужу Саляева – **234**.
- Гутман Лев Абрамович (189) – 234.
- Гутовская Анна Андреевна, см. Достоевская (17).
- Гутовский Василий Андреевич (18) – 74, 82, **127**.
- Гюго Виктор Мари – 274, 287, 387, 640, 769, 932.
- Давиденков Сергей Николаевич – 939–941, 959, 960.
- Давыдов Владимир Николаевич – 885.
- Давыдов Петр Георгиевич (399) – 632, 667.
- Давыдова Маргарита Петровна, по мужу Матвеева – **667**.
- Давыдова Нина Сергеевна, см. Ленина (398).
- Даль Владимир Иванович – 103, 287, 1033.
- Данелевич Федор Иванович, см. Достоевский (X).
- Данилевич (Полкотичский) Богдан Семенович (VII) – 25, 27, **28**.
- Данилевский Николай Яковлевич – 330.

- Данте (Данте Алигьери) – 274, 754–756, 761, 907.
- Дарвин Чарлз Роберт – 147, 154.
- Даркшевич Ливерий Осипович – 726, 727.
- Девенпорт Чарлз – 939.
- Дедюлин Василий – 180.
- Декстер Д.Л. – 239.
- Деларош Л.Н. – 261.
- Дельсаль Мария Игнатъевна – 703, 704.
- Дельсиль, по мужу Голеновская – 868.
- Делянов Иван Давыдович – 340.
- Демерец Милислав – 153.
- Демяновский – 296.
- Деникин Антон Иванович – 882.
- Денисов Эдисон Васильевич – 846.
- Деньковская Анна Дмитриевна, см. Ставро-
ровская (170).
- Деньковский Степан Михайлович, см.
Дидико-Деньковский (171).
- Деньковский Роман Степанович (185) – **233**.
- Державин Гавриил Романович – 79, 263, 582,
583.
- Де Сад Донасьен-Альфонс-Франсуа, см.
Сад.
- Джемаль-паша Ахмед – 761.
- Джером Джером Клапка – 462.
- Джонсон Линдон – 157.
- Джугашвили Иосиф Виссарионович, см.
Сталин.
- Дидико-Деньковский Степан Михайлович
(171) – **209**.
- Диккенс Чарлз – 408, 415, 479, 582, 656, 682,
685.
- Дистерло Надежда Львовна – 457.
- Дистерло Роман Александрович – 457.
- Дитмар (Ditmer) Анна-Мария, см. Берг.
- Дитмар (Ditmer) Дитрих-Иоганн – 288, 1001.
- Дитмар (Ditmer) Эмилия-Каролина, в заму-
жестве Достоевская Эмилия Федоровна
(246) – 276, 277, 279–281, 284, 285, **288–**
291, 293–295, 298, 299, 305–309, 315,
398, 591, 863, 935, 995, 996, 1000–1002,
1004, 1010, 1011, 1024, 1038, 1080, 1081,
1092, 1103, 1140–1142, 1146, 1149, 1165.
- Дмитриев Григорий – 252.
- Дмитриев Михаил Дмитриевич – 396.
- Дмитриев-Кавказский Лев Евграфович –
232.
- Дмитриева Оксана Александровна, по мужу
Достоевская (352) – **561**.
- Добржанская Любовь Ивановна – 955.
- Добржанская Наталия Петровна, см. Сивер-
цева (78).
- Добржанская София Васильевна, см. Вой-
нарская (70).
- Добржанская София Феодосьевна, по мужу
Коу (81) – 156, 157, **159**.
- Добржанский Григорий Карлович (71) – 85,
140, **141**, 146, 148.
- Добржанский Казимир Юрьевич – 141.
- Добржанский Карл (Кароль) Казимиро-
вич – 141.
- Добржанский Феодосий Григорьевич (77) –
7, 82, 85, 137, 138, 140, 141, 143, **144**,
146–157, 158, 159, 920, 949, 954, 957.
- Доброво Роберта Романовна – 471.
- Довят Николай – 59.
- Долгов Николай Лукич – 981.
- Долгова Сусанна Филипповна – 981.
- Долгополов Борис Нифонтович – 367.
- Долгоруков Василий Андреевич – 988.
- Долинин Аркадий Семенович – 297, 306,
1058, 1103.
- Дольские – 46.
- Донов Алексей Евдокимович – 1164, 1165.
- Донов Анатолий Алексеевич – 384, 390, 391,
1131, 1157, 1163, 1165.
- Донов Евдоким Витальевич – 1164, 1165.
- Донов Иван Евдокимович – 1165.
- Донов Николай Евдокимович – 876, 1165.
- Донов Сергей Евдокимович – 1165.
- Донова Вера Павловна, см. Исаева.
- Донова Людмила Павловна – 1163–1165.
- Дорошкевич Мария Михайловна, по мужу
Ридигер – 236.
- Доршт Адольф Яковлевич – 908.
- Достоевская (III) – **25**.
- Достоевская (XLIII) – **51**.
- Достоевская, прабабка писателя (4) – **72**.
- Достоевская (336) – **516**.

- <Достоевская>, жена А.А. Достоевского (381) – **627**.
- Достоевская Авдотья, см. Крупчанка (LXVII).
- Достоевская Александра Михайловна, по первому мужу Голеновская, по второму Шевякова, сестра писателя (38) – 9, 173, 178, 180, 181, 205, 567, 601, 673, 675, 676, 694, 707, 858–862, 864, **866–868**, 869–872, 875, 887, 903, 904, 936, 975, 978, 1037, 1039–1041.
- Достоевская Анастасия, бабка писателя (8) – 6, **83, 84**, 86.
- Достоевская Анна, см. Ордзянка (XL).
- Достоевская Анна Алексеевна (353) – 560, 561, **562, 563**, 564.
- Достоевская Анна Андреевна, по мужу Гуттовская (17) – 75, 82, **127**.
- Достоевская Анна Венедиктовна, см. Фурсович (VI).
- Достоевская Анна Григорьевна, см. Сниткина (329).
- Достоевская Анна Петровна (XLV) – **51**.
- Достоевская Анна Станиславовна, см. Ящинская (XXVI).
- Достоевская Анна Яковлевна – 12, 957.
- Достоевская Богдана, см. Овсяная (XVII).
- Достоевская Богдана Богдановна, см. Макарович (XIII).
- Достоевская Богумила Петровна, по мужу Корженевская (XXXV) – 45, **48**.
- Достоевская Валентина Савельевна, см. Копцева (250).
- Достоевская Варвара Андреевна, по мужу Савостьянова (377) – 512, 516, 567, 589, 592, 594, 601, 602, 609, **613–619**, 621, 651–653, 655, 661, 732, 933, 1032.
- Достоевская Варвара Михайловна (261) – 282, 284, 285, 307, **314–316**, 1000, 1002.
- Достоевская Варвара Михайловна, по мужу Карепина, сестра писателя (33) – 9, 98, 100, 101, 106, 110, 114, 173, 176, 178, 180–182, 192, 271, 276, 467, **565–572**, 573, 579, 581, 586–588, 590, 673, 675, 680, 688, 870, 872, 920, 927, 934–936, 940, 958, 972–975, 978, 999, 1031, 1032, 1034–1036, 1039–1041, 1054.
- Достоевская Вера Алексеевна (354) – 560–562, **563, 564**.
- Достоевская Вера Михайловна, по мужу Иванова, сестра писателя (36) – 9, 101, 114, 178, 180, 182, 192, 446, 467, 586, 588, 590, 601, 618, **671–677**, 680–682, 688, 693, 694, 698, 709–711, 717, 729, 730, 745, 746, 770, 862, 870, 873, 903, 910, 934–936, 974, 975, 978, 989, 990, 999, 1038, 1040, 1041, 1070, 1160.
- Достоевская Ганна Семеновна, см. Василевская (IV).
- Достоевская Гелена, см. Годабская (XLII).
- Достоевская Гелена, см. Ельская (XXX).
- Достоевская Гелена, см. Ордзянка Булгарская (LXX).
- Достоевская Дарья Леонидовна – 564.
- Достоевская Домника Ивановна, см. Федорченко (372).
- Достоевская Дорота, см. Гоголевская (XXVIII).
- Достоевская Дорота, см. Козинская (XVIII).
- <Достоевская> Ева <Бенедиктовна>, по мужу Скромовская – 40.
- Достоевская Евгения, см. Щукина.
- Достоевская Евгения Андреевна, по мужу Рыкачева (373) – 172, 177, 192, 568, 594, 596, **599–603**, 604, 605, 607, 609–611, 614–616, 618, 621, 622, 628, 638, 639, 644, 646–650, 652, 653, 655, 661, 1163.
- Достоевская Евдокия Иоанновна (11) – **84**.
- Достоевская Екатерина Михайловна (258) – 233, 270, 282, 284–286, 288, 295, 296, 299, 300, **307–311**, 314, 315, 325, 354, 355, 567, 618, 732, 950, 953, 997, 998, 1002–1005, 1080.
- Достоевская Екатерина Михайловна (младшая) (291) – **353, 354**, 377, 1029.
- Достоевская Екатерина Петровна, см. Цугаловская (334).
- Достоевская Елена, см. Гурская (XC).
- Достоевская Елена, см. Ханецкая (LVII).
- Достоевская Елена Милюева (295) – **355**.

- Достоевская Зофея Яновна (XI) – 29, 30, **31**.
 Достоевская Иоанна, по первому мужу Гатовская, по второму Годебская (LXXVI) – **66**.
 Достоевская Ирина Андреевна (344) – **555**, 556, 894, 896.
 Достоевская Ирина Владимировна, по мужу Крюкова (296) – 326, 327, **355**, **356**, 1009, 1030.
 Достоевская Иустиния Андреевна (20) – **127**.
 Достоевская Каралина Доминиковна (LXV) – **61**.
 Достоевская Катажина, см. Кострувна (LX).
 Достоевская Катажина, см. Орда (XXXVIII).
 Достоевская Катажина Петровна (XLIV) – **51**.
 Достоевская Клара, по мужу Анджейкович (XCIII) – **67**.
 Достоевская Констанция, см. Ахматовичевна (LXXIV).
 Достоевская Констанция Андреевна, по мужу Соколовская (21) – 75, 82, **128**.
 Достоевская Лукерья (Гликерия) Андреевна, по мужу Лимановская (23) – 75, 82, 127, **128**, 130.
 <Достоевская> Луция <Бенедыктовна> – 40.
 Достоевская Любовь Михайловна, сестра писателя (35) – **671**, 979, 995.
 Достоевская Любовь Федоровна, дочь писателя (331) – 38, 68, 75, 77, 78, 86, 89, 97, 100, 101, 110, 111, 114, 174, 178, 183, 286, 299, 308, 309, 316, 397, 400, 402, 422–426, 428, 429, 438, 439, **446–472**, 473, 474, 476–483, 490, 500, 512–515, 529, 567, 570, 572, 581, 593, 602, 612, 672, 675, 676, 682, 689, 705, 843, 859, 860, 892, 904, 912, 920, 922, 923, 930, 957, 974, 997, 1003, 1031, 1034, 1037, 1042, 1044, 1048–1051, 1055–1059, 1061, 1062, 1064, 1078, 1081, 1092, 1130–1132, 1137, 1145, 1154, 1155, 1159, 1161, 1162, 1165.
 Достоевская Людвика, см. Нерешуовна (XCII).
 Достоевская Людмила Павловна, см. Метелева (346).
 Достоевская Марианна, по мужу Михаловская (LXXXIV) – **66**.
 Достоевская Марина, по мужу Грычина (LXXXI) – **65**.
 Достоевская Мария (Марына), см. Козляковская (L).
 Достоевская Мария Алексеевна (355) – 561, **564**.
 Достоевская Мария Андреевна (375) – **607**, **608**, 951.
 Достоевская Мария Андреевна, по мужу Гюзикевич (25) – 75, 82, 127, **128**, 131.
 Достоевская Мария Дмитриевна, см. Константин (328).
 Достоевская Мария Иоанновна (10) – **84**, 128.
 Достоевская Мария Львовна (41) – **130**.
 Достоевская Мария Михайловна, по мужу Владиславлева (251) – 277, 279–282, 284, 288, 292, **297–300**, 301, 302, 307, 309, 328, 347, 684, 685, 689, 957, 1002, 1006, 1010, 1011, 1020, 1028.
 Достоевская Мария Михайловна (младшая) (293) – 347, 348, 351, **354**, **355**, 377, 1029.
 Достоевская Мария Николаевна, см. Токарева (333).
 Достоевская Мария Романовна, см. Скочинская (6).
 Достоевская Мария Сергеевна, см. Антонова (254).
 Достоевская Мария Федоровна, мать писателя, см. Нечаева (139).
 Достоевская Марына Стефановна, по первому мужу Карлович, по второму Псарская (XX) – 34, 37, **41–44**, 51, 64.
 Достоевская Надежда Михайловна (255) – **307**, 591.
 Достоевская Настасия, см. Терлецкая (LIII).
 Достоевская Наталья Константиновна, см. Васенева (350).
 Достоевская Наталья Михайловна, по мужу Зеленева (289) – **353**, 377, 1029.

- Достоевская Оксана Александровна, см. Дмитриева (352).
- Достоевская Ольга Львовна (40) – **130**.
- Достоевская Ольга Михайловна (257) – **307**.
- Достоевская Ольга Федоровна (272) – **328**.
- Достоевская Раина Стефановна, по мужу Подвысоцкая (XXIII) – 34, 41, 42, **44**, 54.
- Достоевская Розалия, см. Тур (LXII).
- Достоевская София, см. Вислоуховна (LXIX).
- Достоевская София Федоровна, дочь писателя (330) – 399, 427, **443–446**, 461, 516, 922, 1061, 1146.
- Достоевская Татьяна Андреевна, по мужу Высогорец, правнучка писателя (342) – 534, 535, 541, 542, 545, 549, 550, **552–555**, 556, 559, 634, 879, 893–895.
- Достоевская Татьяна Владимировна, см. Куршакова (339).
- Достоевская Татьяна Федоровна (269) – 296, 297, 316, 318, 319, **325–327**, 355, 356, 650, 651, 661, 689, 957, 1009.
- Достоевская Фекла Андреевна, по мужу Черняк (28) – 75, 82, 127, **128**, 129, 134.
- Достоевская Фотина Андреевна, по мужу Яворская (13) – 75, 82, **85**.
- Достоевская Эмилия Федоровна, см. Дитмар (246).
- Достоевская Юстина, см. Паруль (LV).
- Достоевская Юхимия (Евхимия) Леонтьевна, см. Губа (341).
- Достоевская Ядвига Петровна (XLVI) – **51**.
- Достоевский (LXXI) – **63**.
- Достоевский (LXXXII) – **65–66**.
- Достоевский Абрам Щастнович (II) – 28, 44, 47, 50, 51, **54–56**.
- Достоевский Акиндей (LXXVIII) – **64**.
- Достоевский Александр (LXXIX) – **64**.
- Достоевский Александр Андреевич (376) – 172, 291, 294, 310, 589, 594, 601, 603–605, 608–613, 614, 615, 617, 622, 638, 653, 871, 933, 957.
- Достоевский Алексей Дмитриевич (349) – 557, **559–561**, 562, 563.
- Достоевский Алексей Леонидович (357) – **564**.
- Достоевский Алексей Федорович, сын писателя (335) – 419, 423, 424, 427, 461, 479, **512–516**, 570, 923, 924, 949, 1159, 1161.
- Достоевский Андрей Андреевич (380) – 7, 12, 67, 78, 82, 101, 209, 232, 276, 286, 296, 299, 318, 325, 355, 419, 428, 458–463, 481, 500, 532, 549, 553, 567, 581, 589, 592, 594, 601–604, 612–615, 617, 618, 620–627, 631, 634, 635, 644, 648, 649, 654–656, 659, 689, 730, 732, 859, 872, 873, 944, 949–951, 953, 954, 998.
- Достоевский Андрей Григорьевич, дед писателя (7) – 6, **74–83**, 84, 86, 89, 127, 130, 459, 919, 963, 1017.
- Достоевский Андрей Михайлович, брат писателя (34) – 9, 38, 61, 69, 75, 78, 82, 83, 86, 95, 97–99, 102, 103, 106, 108, 109, 111, 113, 114, 122, 124, 126–128, 131–133, 169–173, 176, 178, 180–182, 184, 188, 189, 192, 193, 197, 198, 205, 254, 257, 264–267, 271, 276–278, 281, 284, 288, 291, 293, 294, 298, 300, 306, 309, 397, 450, 480, 527, 567, 568, 571, 573, 575, 576, 579, 580, 586–588, **589–594**, **596**, 597–605, 607–610, 613, 614, 616, 617, 620–624, 627–629, 633, 646, 647, 650, 651, 653, 654, 657–659, 661, 671, 677, 680, 688, 858, 860, 861, 866–871, 888, 896, 923, 932, 933, 935, 937, 969, 970, 972–975, 978, 996, 1000, 1003, 1004, 1031, 1032, 1034, 1037, 1039, 1040.
- Достоевский Андрей Федорович, внук писателя (338) – 7, 323, 431–433, 439, 441, 442, 469, 470, 485, 487, 494, 495, 504, 506, 509, 510, 512, 518, 519, 523, 524, **525–547**, 549–553, 555–557, 624–627, 633, 634, 655–657, 886, 893–897, 904, 933, 951–954, 957.
- Достоевский Андрей (Анджей) Щастнович (XLVIII) – **51–53**.
- Достоевский Базыль (LXXIII) – **63**.
- Достоевский Бенедикт Петрович (XXIX) – 40, **46**, **47**, 51, 54, 68.
- Достоевский Богумил Петрович (XXXIII) – 45, **47**.

- Достоевский Вицентий Якубович (LVIII) – **60, 69.**
- Достоевский Владимир Михайлович (256) – **307.**
- <Достоевский> Владислав <Бенедыктович> – 40, 68.
- Достоевский Всеволод Федорович (271) – **328.**
- Достоевский Герман (LXXII) – **63.**
- Достоевский Героним, см. Достоевский Ярош Стефанович (XIX).
- Достоевский Григорий Григорьевич (9) – **84.**
- Достоевский Григорий Иозефович, прадед писателя (3) – 7, 69, **70, 72.**
- Достоевский Давид (LXXVII) – **64.**
- Достоевский Дмитрий Андреевич, правнук писателя (345) – 12, 384, 400, 428, 451, 453, 454, 480–482, 549, 550, 552–555, **556–558**, 559–562, 564, 886, 893–897, 1020.
- Достоевский Доминик Вицентиевич (LIX) – **60.**
- Достоевский Доминик-Шимон Янович (LXIV) – **61.**
- Достоевский Евдоким Дмитриевич – 957.
- Достоевский Ежи (LII) – **56.**
- Достоевский Иван Андреевич (379) – **620.**
- Достоевский (Данилевич) Иван Данилович (V) – 24, 27, 29, 51.
- Достоевский Иоанн (Иван, Ян) Григорьевич (5) – 69, 70, **72–74.**
- Достоевский Иозеф (Иосип, Осип) Карлович (2) – 7, **69.**
- Достоевский Карл (Кароль) (1) – 7, 67, 68, **69.**
- Достоевский Лев (LXXXIII) – **66.**
- Достоевский Лев Андреевич (19) – 75, 82, 88, 89, **127.**
- Достоевский Лев(Леон)-Францишек Бенедыктович (XXXIX) – 50.
- Достоевский Леонид Николаевич, см. Высогорец (351).
- Достоевский Людвик (XCI) – **67.**
- Достоевский Миколай (LXVI) – **61, 62**, 64, 68.
- Достоевский Милий Федорович (266) – 7, 12, 147, 294, 296, 297, 316, **317–322**, 323, 324, 332, 350, 353, 354, 458, 948–951, 958, 1006–1009, 1030.
- Достоевский Михаил Андреевич, отец писателя (15) – 6, 7, 17, 38, 61, 67, 75, 77, 78, 82–84, 85–125, 126, 131, 160, 167, 170, 171, 179, 180, 183–189, 199, 255, 257, 265–267, 271–274, 276, 286, 389, 485, 489, 526, 541, 565, 566, 573, 575, 577, 591, 594, 623, 627, 633, 681, 691, 692, 887–890, 897, 914, 919, 920, 925, 927, 930–932, 934, 935, 937, 940, 942, 963–968, 970–980, 995, 996, 1004, 1010, 1012, 1019, 1030, 1031, 1038–1040, 1129.
- Достоевский Михаил Андреевич (382) – **627.**
- Достоевский Михаил Михайлович, брат писателя (31) – 9, 78, 85, 94, 97–104, 106, 107, 109, 110, 113, 115, 118, 167, 175, 178, 180–185, 205, 257, **270–287**, 288, 289, 291–297, 299–301, 307, 308, 310, 311, 314, 315, 390, 394, 398, 417, 418, 420, 443, 446, 480, 492, 512, 566, 573, 575, 577, 578, 589–591, 618, 633, 673, 680, 693, 858, 859, 862, 863, 866, 867, 869, 887, 916–918, 923, 925, 931, 932, 935, 937, 943, 950, 957, 972–975, 978–980, 984, 985, 994–1002, 1004–1007, 1009, 1010, 1014, 1017, 1020, 1023, 1030, 1032, 1037, 1038, 1040, 1050, 1053–1055, 1058, 1062–1064, 1080, 1090, 1102, 1104, 1124, 1136–1138, 1141, 1142, 1145, 1152, 1165.
- Достоевский Михаил Михайлович (второй) (253) – 205, 279–282, 284, 286, **305**, **306**, 307, 957, 1029, 1030.
- Достоевский Михаил Михайлович (третий) (292) – 286, 353, **354**, 1029.
- Достоевский Николай – 955.
- Достоевский Николай Михайлович, брат писателя (37) – 172, 178, 180, 205, 284, 286, 288, 293, 298, 309, 321, 397, 515, 575, 576, 582, 590, 591, 676, 707, 708, **858–865**, 867, 868, 870, 871, 923, 974, 975, 978, 1003, 1036–1041, 1135, 1161.

- Достоевский Николай Михайлович (260) – 307, **314**.
- Достоевский Павел Петрович – 957.
- Достоевский Петр Бенедиктович (XLI) – 39, **51**.
- Достоевский Петр Петрович (XXVII) – 39, **45**, 54.
- Достоевский Петр Сасинович (XV) – **39**, **40**, 45, 68, 944.
- Достоевский Петр Стефанович (XVI) – **39**, **40**, 45, 68.
- Достоевский Рафал Иванович (XIV) – 29, **39**.
- Достоевский Роман (LXXV) – **63**.
- Достоевский Роман Бенедиктович (XXXVII) – **48–50**, 53.
- Достоевский Сасин Иванович (IX) – **28**, **29**, 30.
- Достоевский (Данилевич, Артищевич) Семен Данилович (II) – 24, **25**, 27, 28.
- Достоевский Сергей Николаевич – 955.
- <Достоевский> Симеон Михайлович, единокровный брат писателя (39) – 125, **130**, 979.
- Достоевский Станислав – 56.
- Достоевский Станислав (LXXXIX) – **66**.
- Достоевский Станислав Иоаннович (12) – 61, 69, 72, **85**.
- Достоевский Станислав Петрович (XXXIV) – 45, **48**.
- Достоевский Стефан Иванович (XII) – 29, **31–38**, 42, 64, 65, 68, 512, 944.
- Достоевский Федор (LXXVI) – **63**.
- Достоевский Федор Алексеевич (356) – **564**.
- Достоевский (Данелевич) Федор Иванович (X) – **29–31**, 63, 65, 67, 944.
- Достоевский Федор Михайлович, писатель (32) – 3–5, 8–10, 16, 17, 20, 35, 38, 67, 68, 75, 78, 79, 89, 91, 97–104, 106–108, 110, 112, 113, 115, 119, 125, 130, 136, 156, 167, 170, 172–176, 178–185, 192, 204, 205, 208, 222, 223, 227, 257, 264, 265, 268–289, 291–294, 296–302, 305–310, 312, 314–316, 319, 320, 324–326, 347, 349, 368, 369, 373, 375, 384, 387, **389**, **390**, 393–401, 416–434, 437, 438, 441–451, 453–457, 460, 463–465, 467–481, 483–485, 488, 489, 491, 492, 494–498, 504, 506, 508, 512–516, 519, 523, 525–531, 533, 535–547, 549, 552–554, 556, 557, 560, 564, 567–571, 573–580, 582–587, 589–591, 593, 594, 598, 601–605, 609, 610, 617–619, 623, 624, 626, 628, 633, 634, 636, 637, 651, 656–659, 671–676, 680–683, 685, 687–691, 693, 694, 697, 698, 700, 704–707, 727, 748, 800, 801, 831, 832, 839, 843, 846, 847, 859–870, 887, 889–894, 903, 908–919, 923–925, 927–933, 935–937, 942–945, 947, 953–955, 958, 959, 965, 968–975, 977–1008, 1010, 1011, 1013, 1016, 1018, 1020–1023, 1025, 1027, 1029, 1032–1167.
- Достоевский Федор Михайлович (младший) (248) – 192, 205, 279–282, 284, 289, 291, **292–297**, 298, 301, 305–307, 309, 317, 401, 417, 672, 686, 953, 957, 1001, 1004–1006, 1009, 1029, 1030, 1103, 1141–1143.
- Достоевский Федор Федорович, сын писателя (332) – 316, 319, 423–426, 429, 430, 433, 435, 439, 440, 448–451, 454, 455, 457, 458, 461, 463, 465, 467, **472–499**, 500, 502–504, 508, 511, 513–520, 526–528, 532–534, 542, 560, 634, 860, 872, 892, 893, 896, 923, 937, 951, 952, 957, 1159, 1161, 1162.
- Достоевский Феодор Федорович, внук писателя (337) – 431–433, 439, 469, 470, 485, 487, 494, 503–505, **517–525**, 526–529, 532–534, 896, 912.
- Достоевский Филипп (LXXX) – 53, **65**.
- Достоевский Филон Рафалович (XXV) – **45**, 46.
- Достоевский Францишек Доминикович (LXIII) – **60**.
- Достоевский Щастный (XLVII) – **51**.
- Достоевский Якуб Янович (LVI) – **60**.
- Достоевский Ян (LIV) – 54, **57–59**, 60, 64, 69.
- Достоевский Ян Абрамович (LI) – **56**.
- Достоевский Ян Доминикович (LXI) – **60**, 61.

- Достоевский Ян Николаевич (LXVIII) – **62, 68.**
- Достоевский Ян-Александр – 64.
- Достоевский Ярош Стефанович (XIX) – **41.**
- Достомский Андрей – 77.
- Достоянский Федор – 73.
- Драшусов Николай Иванович (Николя-Шарль-Иоанн Сушард) – 98, 103, 167, 978.
- Драшусова Евгения Антоновна – 103.
- Дроздов А. – 85, 690.
- Дружинин Александр Васильевич – 287.
- Дубасов Федор Васильевич – 211, 223.
- Дубельт Леонтий Васильевич – 279.
- Дубецкой Лука – 418.
- Дубиский – 56.
- Дубровин Николай Федорович – 607.
- Дудинас Елена Исидоровна, по мужу Метелева – 557.
- Дунаев Иван Николаевич – 593.
- Дурново – 984.
- Дурново Александра Дмитриевна, см. Ставровская (164).
- Дурново Иван Александрович (165) – **208.**
- Дуров Сергей Федорович – 278, 279, 996.
- Дьяков Александр – 724, 725.
- Дьяков Александр Александрович, сын предыдущего – 724, 725.
- Дьяков Юрий, см. Иванов Юрий Алексеевич (444).
- Дьякова Алла Александровна – 724.
- Дьякова Евдокия Яковлевна, см. Громова.
- Дьякова Надежда Александровна, по мужу Иванова (424) – 718–722, **724–727**, 746, 748, 749, 768–770, 773–776, 803, 808, 822, 827, 832, 835, 841–843, 854.
- Дэвис Б. – 155.
- Дюма Александр – 391.
- Дюссо Павел Карлович (Иванович) – 985, 989.
- Дядьковский Иустин Евдокимович – 90.
- Евгений (Флавий Евгений) – 751.
- Евграфова Марья – 973.
- Евдокимов Артамон – 263.
- Евдокимов Николай – 442.
- Е<в>стифеев Лукьян – 168.
- Е<в>стифеева Ульяна – 168.
- Егоров Михаил – 120.
- Елагин Николай Павлович – 118, 276.
- Еленский – 57, 64.
- Еличка Г. – 322.
- Елкин А. – 801.
- Ельская Гелена (Галина, Ганна), по первому мужу Достоевская, по второму Кирдей-Гричина (XXX) – **47, 51.**
- Ельский Лукаш – 47, 49.
- Ельский Миколай – 45, 51, 52, 62.
- Ельский Роман – 47.
- Ельский Роман-Антон Лукашевич – 47.
- Ельский Томаш – 51.
- Ельчанинов Александр Викторович – 219–221, 223, 224.
- Еремич Порфирий – 944.
- Ермолаева Мария Ивановна, по мужу Владиславлева (282) – **350.**
- Ермолова Мария Николаевна – 429.
- Еропкин Борис Иванович (397) – 662, **666, 667.**
- Еропкин Иван Иванович – 666.
- Еропкин Флавий Борисович – 666.
- Еропкина Вера Сергеевна, см. Ленина (396).
- Есенин Сергей Александрович – 948.
- Естифеевы, см. Евстифеевы.
- Есьман Федор Лецкович – 36.
- Есьманова Зофея Фурсовна – 36, 37.
- Ефимов – 109, 124, 125.
- Ефимова Аксинья – 120.
- Ефремов Марк (Марей) – 113, 114, 184, 1129.
- Жаклар Анна Васильевна, см. Корвин-Круковская.
- Жаклар Шарль-Виктор – 1081.
- Жбанков Дмитрий Николаевич – 311.
- Жебелев Сергей Александрович – 884.
- Жекулин Евгений Николаевич (280) – **350, 1026.**
- Жекулина Надежда Михайловна, см. Владиславлева (279).
- Жемарины – 1143.
- Жемчугова Прасковья Ивановна, см. Шереметева.

- Жеромский – 192.
Жечицкий, см. Речицкий.
Жилкин Александр Иосифович – 753.
Жилкин Иван Васильевич – 643, 644.
Жирицкий Леонид Владимирович – 531.
Жирмунский Виктор Максимович – 762.
Житова Марья Зотовна – 18.
Жуковский Василий Андреевич – 182, 274, 1118.
Журавлев Александр Петрович – 123.
Журомский – 207.
Завалишин Дмитрий Иринархович – 666.
Завалишины – 666.
Загородный П.Е. – 538.
Закурина Ирина (Арина) Васильевна – 117–119, 123, 124.
Заркевич Павел – 473.
Захаров (Захаров-Гезехус) Илья Артемьевич – 12, 156.
Захревич Ян – 55.
Збаржский Януш – 37.
Зейферт Иван Иванович – 355.
Зеленев Василий Алексеевич (290) – **353**, 377, 1029.
Зеленев Георгий Васильевич (314) – 353, **377**, 1029.
Зеленев Сергей Васильевич (316) – 353, **379**, 1029.
Зеленева Мария Васильевна (315) – 327, 353–356, **377–379**, 1029, 1030, 1164, 1165.
Зеленева Наталья Михайловна, см. Достоевская (289).
Зельников Юрий Иванович – 327.
Зембовская Анастасия Васильевна, по мужу Черняк (76с) – **144**, 145.
Зимины – 168.
Зиновьев Петр Михайлович – 4, 901, 955, 956.
Золя Эмиль – 461, 638.
Зощенко Михаил Михайлович – 150, 1027.
Зубарева К.А. – 545.
Зябка – 48.
Ибсен Генрик – 227, 775, 776.
Ивакин Иван Михайлович – 330.
Иванов (241) – **267**.
Иванов (464) – **847**.
Иванов Александр Александрович (412) – 273, 677, 687, **693–697**, 709, 723, 728, 730, 733.
Иванов Александр Владимирович (465) – 731, 735, 843, **847**, 848.
Иванов Александр Павлович (407) – 173, 273, 289, 291, 298, 398, 399, 588, 671, 672, 677–682, 683, 685, 688, 693, 723, 867, 868, 904, 986, 989, 1063, 1135, 1142.
Иванов Алексей Александрович (423) – 677, 700, **718–724**, 725, 726, 730, 733, 736, 746, 768, 769, 773, 775–778, 781, 795, 797, 804, 805, 808–810, 819, 820, 823, 828, 832, 835, 842, 843, 855, 868, 1040.
Иванов Алексей Алексеевич – 168.
Иванов Алексей Васильевич – 168.
Иванов Андрей Алексеевич, см. Иванов Сергей Алексеевич (457).
Иванов Антон Алексеевич – 168.
Иванов Борис Викторович (442) – 700–702, 715, 737, **745, 746**, 757, 921, 922, 936.
Иванов Вадим Сергеевич (483) – 831, **857**.
Иванов Василий Федорович – 753.
Иванов Виктор Александрович (417) – **700–703**, 715, 720, 723, 730, 733, 737, 745, 746, 868, 921, 922, 936, 937, 1040.
Иванов Владимир Александрович (426) – 720, **729–735**, 736, 843, 844, 847, 936.
Иванов Вячеслав Иванович – 755.
Иванов Герасим – 389.
<Иванов> Дмитрий <Александрович> – 696.
Иванов Евгений Владимирович (463) – **847**.
Иванов Иван – 190.
Иванов Игорь Александрович – 847.
Иванов Илья Иванович – 677, 678.
Иванов Кирилл Владимирович (467) – 731, 735, 843, 845, **847–850**.
Иванов Константин Павлович – 680.
Иванов Николай Павлович – 680.
Иванов Орест Павлович – 680.
Иванов Павел Александрович (441) – 697, **744**.
Иванов Павел Иванович – 677, 678.

- Иванов Сергей Алексеевич (457) – 11, 718, 722, 804, 823, **825–833**, 843, 848, 855, 876, 952.
- Иванов Симеон (Семен) – 198, 199.
- Иванов Юрий Алексеевич (444) – 7, 322, 582, 585, 678, 679, 686, 718, 719, 721, 722, 725, 730, 743, **746–761**, 768, 771, 773, 774, 798, 825, 827, 828, 832, 843, 848, 853–855, 910, 911, 951, 953, 957, 958.
- Иванова (466) – **847**.
- Иванова Августа Петровна – 201.
- Иванова Александра Яковлевна, см. Шестакова (445).
- Иванова Анна Алексеевна, см. Иванова Вера Алексеевна (451).
- Иванова Анна Яковлевна, по мужу Владиславлева (300) – 358, 359, **364**, 386, 388.
- Иванова Акимья – 168.
- Иванова Варвара Алексеевна, см. Иванова Татьяна Алексеевна (455).
- Иванова Вера Алексеевна (451) – 11, 698, 699, 713, 720, 721, 725, 726, 746, **764–770**, 773, 774, 776, 778, 779, 784, 787, 805, 808, 815, 823, 824, 834, 835, 842, 911, 952.
- Иванова Вера Михайловна, сестра писателя, см. Достоевская (36).
- Иванова Дарья Михайловна, см. Кречитова.
- Иванова Екатерина Александровна (первая) (419) – **703**.
- Иванова Екатерина Александровна (вторая) (422) – **718**.
- Иванова Екатерина Васильевна, см. Ремизова (413).
- Иванова Екатерина Иннокентьевна – 846.
- Иванова Екатерина Никифоровна, по мужу Пелевина – 728, 736, 739, 806, 807, 825, 844.
- Иванова Елена, по второму мужу Кармашукова – 677, 678, 680.
- Иванова Елена Алексеевна (452) – 5, 12, 317, 320–322, 581, 665, 677, 697, 700, 703, 716, 718–727, 730, 736, 745, 757–759, 762–769, **770–802**, 803–805, 808, 811, 812, 818, 822–824, 826, 831, 834–837, 839, 840, 842, 843, 845, 848, 853, 854, 856, 857, 911, 924–927, 941, 942, 952, 1007, 1008.
- Иванова Елена Викторовна, по мужу Ка-стальская – 700–703, 715, 746, 922, 936.
- Иванова Елена Павловна – 569, 680, 706, 993, 1069, 1158, 1159.
- Иванова Елена Юрьевна, по первому мужу Бабушкина, по второму Агаркова (477) – 12, 321, 747, 748, 752, 760, 762–764, 770, 804, 825, 830, 843, **853–855**, 856, 947, 1007.
- Иванова Елизавета Ивановна, см. Боброва (446).
- Иванова Зинаида Александровна (410) – **688**.
- Иванова Инна Владимировна (462) – 730–733, 735, 736, **843–847**, 848, 849, 957.
- Иванова Ирина Алексеевна (461) – 768, 776, 792, 804, 812, 813, 834, 839, **840–842**, 843, 853, 854, 911.
- Иванова Катерина (16), см. Александрова.
- Иванова Клавдия Николаевна, см. Попенкова (458).
- Иванова Лидия Алексеевна, по мужу Спивак (459) – 11, 12, 320, 665, 718, 730, 746, 748, 763, 767, 792, 799, 804, 810, 812, 814–816, 830, 832, **833–839**, 841, 842, 876, 942, 947, 952, 1007.
- Иванова Мария, по мужу Семина – 764.
- Иванова Мария Александровна (411) – 95, 107, 180, 289, 567, 582, 586, 587, 618, 671, 673, 680, 681, 685, 687, **688–693**, 695, 698, 699, 704, 716, 718, 720, 728, 729, 732, 733, 736, 737, 744, 771, 839, 845, 852, 936, 949, 957, 991.
- Иванова Мария Васильевна (Вильгельмовна), см. Шульц (427).
- Иванова Мария Григорьевна, см. Маслович (240).
- Иванова Мария Ивановна, см. Яцута (414).
- Иванова Марта Игнатьевна, см. Голованова (450).
- Иванова Марфа Ивановна, см. Алтынникова (418).

- Иванова Матрена Ивановна (415) – **697**.
 Иванова Надежда Александровна, см. Дьякова (424).
 Иванова Наталья Александровна (428) – 695, 696, 698, 699, 711–713, 728, **736–740**, 920–921, 927.
 Иванова Наталья Алексеевна (453) – 5, 665, 719, 723, 726, 745, 767–769, 771–774, 777–779, 781, 784, 786–788, 790, 791, 793, 795, 796, **802–823**, 824, 825, 834, 836, 841–843, 855, 924, 925, 941.
 Иванова Нина Александровна, по мужу Проферансова (420) – 582, 674, 676, 682, 693–695, 698, 699, **703–716**, 717, 724, 728, 729, 741, 745, 764, 765, 864, 865, 873, 910, 1039.
 Иванова Ольга Александровна (425) – 107, 565, 581, 587, 676, 678, 690, 691, 692, 695, 696, 698, 699, 704, 707, 710, 711, 713, 716, 717, 720, 724, **727–729**, 732–735, 737–739, 744, 745, 765, 768, 774, 825, 833, 839, 843, 844, 847, 848, 852, 853.
 Иванова Ольга Алексеевна (454) – 726, **823**.
 Иванова Прасковья – 973.
 Иванова Софья Александровна, по мужу Хмырова (408) – 273, 289, 293, 305, 308, 443, 444, 585, 586, 673, 681, **682–687**, 688, 693, 705, 720, 728, 865, 989, 993, 1090, 1153.
 Иванова Степанида Александровна (440) – 696, **744**.
 Иванова Тамара Сергеевна – 831.
 Иванова Татьяна Алексеевна, по мужу Гелен (455) – 11, 724, 767, 779, 792, 810, 812, 816, 817, **823–825**, 826, 834, 856, 857, 952.
 Иванова Юлия Александровна (416) – 673, 677, 690, 695, 696, **697–699**, 704, 709–711, 716–718, 735, 738, 745, 765, 768, 865.
 Ивановы – 107, 397, 399, 601, 665, 672, 674, 677, 678, 683, 684, 687, 690, 692, 695, 697, 698, 712, 715, 723, 729, 730, 733, 841–843, 853, 855, 866, 1042, 1063, 1081, 1135, 1142.
 Иванчина-Писарева Мария Сергеевна – 992–993, 1069.
 Ивашева Пелагея Александровна – 224.
 Игнатов Павел – 975.
 Измайлов Александр Алексеевич – 431.
 Измайлов Николай Васильевич – 626.
 Изосимов Илья – 734.
 Изосимов Иннокентий Ильич – 734.
 Изосимов Митрофан Ильич – 734.
 Изосимова Софья Васильевна (Вильгельмовна), см. Шульц.
 Ильин Александр – 125.
 Ильин Василий – 389, 971.
 Ильин Иван Александрович – 210.
 Ильина Е. – 336, 382.
 Ильинский Виктор Геннадьевич – 759.
 Иляшевич Надежда Павловна, по мужу Федорченко – 598.
 Инзов Иван Никитич – 391, 1043.
 Иноземец Ивашка – 160.
 Иноземцев Федор Иванович – 679.
 Иовский Александр Алексеевич – 260.
 Иртищ Степан – 18, 20–22.
 Иртищев (он же Иртищ, Ртищев, Ртищев) Данила Иванович (I) – 7, 10, **15–24**, 29, 67.
 Исаев – 109.
 Исаев Александр Иванович – 393–396, 1043, 1048–1050, 1062, 1128, 1129, 1152, 1165.
 Исаев Алексей Павлович – 1165.
 Исаев Лев Федорович – 1167.
 Исаев Павел Александрович – 9, 288, 292–294, 306, 307, 316, 377, 393–395, 398, 424, 447, 479, 515, 604, 672, 681, 697, 869, 990, 1001, 1002, 1029, 1037, 1048, 1051, 1053, 1054, 1058, 1080–1082, 1095, 1099, 1103, **1128–1165**.
 Исаев Сергей Федорович – 1167.
 Исаев Федор Павлович – 1159, 1162, 1164, 1165, 1167.
 Исаева Вера Павловна, по мужу Донова – 1155, 1157, 1162–1165.

- Исаева Елизавета Павловна – 1165.
Исаева Любовь Павловна – 1165.
Исаева Мария Дмитриевна, см. Константин (328).
Исаева Мария Павловна – 1155, 1157, 1158, 1164, 1165.
Исаева Марфа – 122, 125.
Исаева Надежда Михайловна, см. Устинова.
Исакович-Скрябина Вера Ивановна – 843, 845, 846.
Исленьев Михаил Васильевич – 228.
Ишутин Николай Андреевич – 1068, 1069.
Кавелин Константин Дмитриевич – 1016, 1120.
Кавецкая, см. <Гузикевич> (44).
Кавецкий (Ковецкий) Цезарь Лаврентьевич (45) – 131, **132**, 133.
Каганович Юлий Моисеевич – 347, 1027.
Казакова – 434.
Казанская (?) Павловна (245) – 210, **269**.
Казанская (?) Петровна (241а) – **267**.
Казанская Александра Дмитриевна, см. Шер (161).
Казанская Анна Григорьевна, см. Маслович (238).
Казанские – 178, 192.
Казанский Константин Петрович (243) – **269**.
Казанский Павел Петрович (242) – 202, **268**, **269**.
Казанский Петр Павлович (239) – 255, **267**.
Казанский Петр Петрович (244) – **269**.
Казунко – 923.
Кайгородов Дмитрий Никифорович – 629.
Калашникова Ольга Петровна – 338.
Калецкая Татьяна Павловна – 547.
Калинин – 970.
Калинин Михаил Иванович – 626, 630.
Калинина Надежда Дмитриевна, см. Шер.
Калистратова Елена Васильевна, по мужу Владиславлева (313) – **376**.
Кальвин Жан – 907.
Каменекая Мария Владимировна – 915.
Каменская Татьяна Ивановна – 336, 381, 385, 1021.
Канатовин Семен – 120.
Каневская, см. Ханевская.
Кант Иммануил – 223, 305, 695, 900, 901.
Капля Василий – 30.
Карабурда – 43, 44.
Каракоз – 553.
Каракозов Дмитрий Владимирович – 988, 992, 1068, 1069.
Карамзин Николай Михайлович – 20, 188, 378, 450, 479, 979, 1030.
Карепин Александр Петрович (359) – 567, 568, 571, **580–586**, 588, 920, 923–925, 931, 934, 935, 937, 940, 990, 1034–1036, 1041.
Карепин Владимир Александрович (366) – 586, **588**.
Карепин Петр Андреевич (358) – 103, 276, 567, 571, **572–580**, 688, 924, 935, 940, 958, 1032–1036, 1052, 1150.
Карепин Петр Петрович (364) – **588**.
Карепина Варвара Михайловна, сестра писателя, см. Достоевская (33).
Карепина Елизавета Петровна (363) – 571, **587**, **588**, 924, 929, 940, 1034, 1036.
Карепина Мария Александровна, см. Обрицкая (360).
Карепина Мария Петровна, по мужу Смирнова (361) – 567, 569, 571, 586, 587, 588, 1032, 1034, 1036.
Карепина София Петровна (365) – **588**.
Карепина Юлия Петровна, по мужу Померанцева – 572, 573, 1033, 1150.
Карлов Николай Васильевич – 242, 244, 245, 247.
Карлович Екатерина Станиславовна – 43.
Карлович Крыштоф Станиславович – 37, 43.
Карлович Марына Стефановна, см. Достоевская (XX).
Карлович Станислав (XXI) – 41–43, **44**.
Карловичи (XXXI, XXXII) – 43, **47**.
Кармашукова Елена, см. Иванова.
Карпинский Александр Петрович – 631.
Карпов – 363.
Карпов Алексей Вячеславович (326) – 303, 328, 329, 331, 333, 336, 338–343, 348,

- 350, 352, 364, 365, 370, 373–376, **388**, 1011, 1025.
- Карпов Вячеслав Михайлович (307) – 365, 373, **374**, 1025.
- Карпова Елена Алексеевна, см. Свешникова (327).
- Карпова Елена Юрьевна, см. Храмченко.
- Карр – 122.
- Карреньо Мария Тереса – 637.
- Карсавин Лев Платонович – 884.
- Карташев Антон Владимирович – 224.
- Касаткин – 320.
- Касаткина Людмила Ивановна – 801.
- Кассо Лев Аристидович – 228.
- Кастальская Елена Викторовна, см. Иванова.
- Кастальский Виктор – 702.
- Катанаев Иван Миронович – 395, 396.
- Катанаева Анна Николаевна – 395, 396.
- Катилина (Луций Сергей Катилина) – 759, 761.
- Катков Михаил Никифорович – 424, 610, 685, 690, 981, 989, 991, 992, 1081, 1097, 1104, 1105, 1113, 1114, 1118, 1127, 1137, 1140, 1148, 1150, 1154.
- Каченовский Борис Платонович – 799.
- Кашин – 270.
- Кашин Александр Петрович – 418.
- Кашина-Евреинова Анна Александровна – 1044.
- Кашкаров Даниил Николаевич – 150.
- Кашкин Николай Николаевич – 18.
- Кгудеевские, см. Гудеевские.
- Кижишев Афонка – 160.
- Келемет Ганна Михайловна – 65.
- Келемет Иван Иванович – 30, 65.
- Келемет Михаил – 65.
- Келлиker Рудольф Альберт – 610.
- Кениг Артур – 941.
- Керенский Александр Федорович – 753, 1015.
- Керкис Юлий Яковлевич – 156.
- Киблер – 907.
- Кирдей-Гричина Гелена, см. Ельская (XXX).
- Кирдей-Гричина Самуил – 47.
- Кириллова Дарья (214) – **249**, 252.
- Кириллов-Зарницкий – 327.
- Кирилов Иван – 179, 180.
- Киров Сергей Миронович – 153, 525, 631, 884.
- Клавдиан (Клавдий Клавдиан) – 751.
- Клейн Роман Иванович – 201.
- Клейперт – 295.
- Климова Мария Петровна, по мужу Голеновская (488) – **873**.
- Ключевский Василий Осипович – 330, 332, 1013.
- Кмит Андрей – 28.
- Князева Елизавета Николаевна, по мужу Люба – 310, 311, 1005.
- Кобылинский А.А. – 734.
- Ковалева-Жемчугова Прасковья Ивановна, см. Шереметева.
- Ковалевская Софья Васильевна, см. Корвин-Круковская.
- Ковальчук Валентин Михайлович – 666.
- Ковригина З.С. – 429, 437.
- Коган Галина Фридмановна (Владимировна) – 12, 355, 356, 368, 369, 377, 510, 511, 524, 538, 539, 552, 618, 633, 656–658, 660, 699, 729, 832, 852, 875, 990, 1022.
- Козинская Дорота, по мужу Достоевская (XVIII) – 40, **41**.
- Козинская Мария Юрьевна, урожденная Гольшанская – 29–31.
- Козловская Прасковья Трофимовна – 389.
- Козловский Александр Дмитриевич – 671.
- Козловский Мечислав Юльевич – 1015.
- Козляковская Мария (Марына), по мужу Достоевская (L) – 44, **56**.
- Козмин Матфей – 92, 94, 271, 995.
- Козьмина Елизавета Федосеевна – 222.
- Колесникова-Русина Галина Алексеевна – 830.
- Коллинз Уилки – 682.
- Колосов Сергей Николаевич – 801.
- Колчак Александр Васильевич – 213, 752–754, 759.
- Колычевы – 204.
- Кольцов Алексей Васильевич – 521, 522.

- Кольцов Николай Константинович – 319, 947.
- Конашев Михаил Борисович – 152, 154, 159.
- Конрад Клаус – 958.
- Констант Варвара Дмитриевна – 391, 393, 398, 869, 1058, 1059, 1062, 1124, 1133, 1135, 1136, 1139.
- Констант Дмитрий Степанович – 391, 394, 396, 1043, 1056, 1058, 1167.
- Констант Мария Дмитриевна, по первому мужу Исаева, по второму Достоевская (328) – 9, **390, 391, 393–400**, 446, 681, 683, 915, 979, 982, 984, 987, 992, 1000, 1001, 1037, **1042, 1043, 1045, 1047–1064**, 1069, 1074, 1079, 1090, 1094, 1129–1131, 1135–1138, 1142, 1146, 1155, 1159, 1163–1165, 1167.
- Констант Софья Александровна – 391, 1043.
- Констант Софья Дмитриевна – 391, 393, 1148.
- Констант Степан Дмитриевич – 391.
- Де Констант Франсуа-Жером-Амадей (Степан) – 390, 391, 1043.
- Консторум Семен Исидорович – 907.
- Копелев Лев Зиновьевич – 543.
- Копцева Валентина Савельевна, по мужу Достоевская (250) – 296, **297**, 317, 1006.
- Копылов П. – 858.
- Корвин-Круковская Анна Васильевна, по мужу Жаклар – 301, 989, 992, 1069, 1071, 1074, 1081.
- Корвин-Круковская Софья Васильевна, по мужу Ковалевская – 992.
- Корделас Вера Владимировна – 469, 471.
- Корженевская Александра Борейковна – 48.
- Корженевская Богумила Петровна, см. Достоевская (XXXV).
- Корженевские – 45, 48.
- Корженевский – 24.
- Корженевский (Кожневский) Адам Станиславович (XXXVI) – 45, **48**.
- Корженевский Гапон – 48.
- Корженевский Георгий Николаевич – 12, 48, 61, 68.
- Корженевский Самуэль – 48.
- Корженевский Ян-Михал – 48.
- Корженевский Яцк – 48.
- Корзун Ирина Вячеславовна – 235.
- Корнель Пьер – 640.
- Корниевский В.О. (Майнов Владимир Николаевич) – 75.
- Корнилов Александр Александрович – 641.
- Королева Александра Васильевна – 215.
- Королева Евгения Николаевна, по мужу Шер (177) – 215, **219**, 221.
- Королева Мария Николаевна, по первому мужу Орлова, по второму Шер (175) – 215.
- Королева Татьяна Николаевна, по мужу Шер (174) – **215**, 220.
- Короткевич Владимир Семенович – 41.
- Корреджио – 630.
- Корсаков – 983.
- Корш Валентин Федорович – 656.
- Коссович-Динаровский Василий – 418.
- Костецкий Владимир Николаевич – 381.
- Костомаров Коронад Филиппович – 102, 103, 590.
- Костомаров Николай Иванович – 747.
- Костров Ермил Иванович – 260.
- Кострувна Катажина, по мужу Достоевская (LX) – **60**.
- Костыра – 678.
- Косьмин (168) – **209**.
- Косьмина Ольга Дмитриевна, см. Ставровская (167).
- Котарбинский Вильгельм Александрович – 792, 794.
- Котельницкая (220) – **254**.
- Котельницкая (224) – **256**.
- Котельницкая, прабабка писателя, см. Петрова (221).
- Котельницкая <Анна> Михайловна, по мужу Тихомирова (229) – **261**.
- Котельницкая Варвара Михайловна, по мужу Нечаева, бабка писателя (228) – 167–169, **261**, 671, 979.
- Котельницкая Надежда Андреевна (227) – 257, 260, **261**.
- Котельницкая Праскева Михайловна (225) – 252, **256**.

- Котельницкие – 167.
Котельницкий Александр Михайлович (232) – **262, 263**.
Котельницкий Василий Михайлович (226) – 89, 251, 254, **256–261**, 262.
Котельницкий Михаил Михайлович (223) – 89, 252, **255**, 262, 265.
Котельницкий (Федоров) Михаил Федорович, прадед писателя (219) – 83, 89, 249, **251–254**, 255, 256, 300.
Котельницкий Николай Михайлович – 255.
Котляревский Нестор Александрович – 620.
Котляревский Сергей Андреевич – 320, 1007.
Коу Андреа – **159**.
Коу Майкл Дуглас (82) – 159.
Коу Натали – 159.
Коу Николас – 159.
Коу Питер – 159.
Коу Сара – 159.
Коу София Феодосьевна, см. Добржанская (81).
Кохэй Тани – 442.
Кошин – 468.
Кошутин – 202.
Кравец Торичан Павлович – 656, 660.
Краденов – 121.
Краевский Андрей Александрович – 278, 280, 917.
Крамаренко – 142.
Крапивницкий Ян – 59.
Красицкие – 56.
Красников Яков Петрович – 842.
Краснов П.И. – 330.
Краснов Сергей – 225.
Краснова Евгения Сергеевна, по мужу Свенцикая – 225–226.
Красноложский М.М. – 734.
Крассовская Людмила Васильевна – 442.
Крейман Франц Иванович – 222.
Крейц Генрих Киприанович – 983, 984, 986–988.
Кременецкие – 17.
Крепелин Эмиль – 784, 902.
Кречитов Иван Михайлович – 168.
Кречитова Дарья Михайловна, по мужу Иванова – 168.
<Кречитова> Мария Михайловна – 168.
Кречитова Степанида Степановна – 168.
Кречмер Эрнст – 842, 899–903, 906–908, 911, 912, 918, 928, 942.
Кривопишин Иван Григорьевич – 577.
Кримбас Костас – 154.
Кроче Бенедетто – 884.
Крупская Надежда Константиновна – 630, 631, 729.
Крупчанка Авдотья, по мужу Достоевская (LXVII) – **62**.
Крылов Владимир Константинович – 336, 339, 358, 371.
Крылов Константин – 336.
Крылова Вера Константиновна – 336, 337, 341, 343, 358.
Крылова Софья Алексеевна, см. Григорьева (275).
Крюков (297) – **356**.
Крюкова Алена Фроловна – 98, 106, 108, 112, 114, 123, 972–975, 979.
Крюкова Ирина Владимировна, см. Достоевская (296).
Кузмин Степан – 120.
Кузнецов Василий Васильевич – 361.
Кузнецов Н.А. – 666.
Кузнецов Петр Григорьевич – 424, 1166.
Кузьмин Михаил – 418.
Кулакова – 348.
Кулиджанов Лев Александрович – 545.
Кульчитский Александр – 15, 68, 460, 944.
Куманин Александр Алексеевич (137) – 167, 169–174, 176, **179–181**, 189, 255, 566, 590, 863, 867.
Куманин Алексей Алексеевич – 179.
Куманин Игорь Борисович – 181.
Куманин Константин Алексеевич – 179, 180.
Куманин Олег Игоревич – 181.
Куманина Александра Федоровна, см. Нечаева (136).
Куманины – 94, 96, 109, 114, 123, 170, 173, 178, 179, 199, 204, 255, 268, 272, 276,

- 565, 671, 675, 687, 864, 866, 975, 996,
1001, 1004, 1032, 1037, 1039, 1040.
Кунько Александра Львовна – 632, 668.
Кунько Борис Львович – 632, 668.
Кунько Ирина Сергеевна, см. Ленина (400).
Кунько Лев Игнатьевич (401) – 632, **668**.
Кунько Татьяна Львовна – 631, 632, 634, 656,
668.
Куприн Александр Иванович – 488, 643.
Куракин Алексей Борисович – 89, 963.
Курбская – 29.
Курбский Андрей Михайлович – 22, 29, 30,
63, 65, 67, 944.
Курбский Димитрий Андреевич – 31.
Курцевич-Булыга Дмитрий Васильевич – 30.
Куршаков Александр Евсеевич – 879, 881.
Куршаков Владимир Александрович – 548,
879, 881, 882.
Куршаков Дмитрий Владимирович – 881,
882.
Куршаков Николай Александрович – 879,
881, 885.
Куршакова Екатерина Ильинична, см. Ше-
стакова.
Куршакова Елена Владимировна – 548, 882,
886.
Куршакова Ирина Владимировна, по мужу
Арнольд – 548, 879, 881–884, 886, 895.
Куршакова Татьяна Владимировна, по мужу
Достоевская (339) – 11, 534, 536, 541,
542, **548–550**, 551–557, 634, 879, 881–
884, 886, 893–897.
Куршакова Серафима Александровна, см.
Терентьева.
Кутузов Михаил Илларионович – 967.
Кушакевич Сергей Ефимович – 148, 157.
Кушерева Е.Н. – 327.
Кушинников – 458.
Лавдовский Михаил Дормидонтович – 608,
612.
Лагвенова Александра Дмитриевна – 107.
Лазарев Михаил Иванович – 490.
Лазарев Петр Петрович – 228.
Лазаревы – 490.
Лазо Сергей Георгиевич – 828, 830.
Ламанский Порфирий Иванович – 1145.
Ландау Лев Давидович – 247.
Лаптев – 205.
Лапшин Александр Ильич – 1166.
Ларионов – 986.
Лашков Петр – 396.
Лашук Александра Дмитриевна – 303, 350,
351, 376.
Лебедев Петр Николаевич – 228, 239.
Лебрэн Шарль – 630.
Левенсон Владимир Осипович – 481, 484,
485, 490, 495, 499, 520, 951, 952.
Левенталь Александр Густавович – 584.
Левенштейн Петр Юльевич – 499.
Левит Соломон Григорьевич – 946.
Левитан Исаак Ильич – 794.
Левитский Григорий Андреевич – 148.
Левицкая Юлия Гавриловна, по мужу Хмыро-
ва (433) – **743**.
Левонтин Ричард Чарлз – 154.
Левшин Леонид Вадимович – 245, 246.
Лейбрехт Александр Иванович – 116–120,
122–125.
Лелюхин Иоанн – 471, 472.
Ленин Андрей Сергеевич – 666–669.
Ленин Владимир Ильич – 91, 150, 210, 213,
246, 337, 361, 366, 542, 632, 953, 1014–
1016, 1018.
Ленин Иван – 634, 635.
Ленин Семен Сергеевич, см. Ленин Сергей
Сергеевич (404).
Ленин Сергей Николаевич (384) – 630, 632,
634–636, 661, 953, 954.
Ленин Сергей Сергеевич (404) – 11, 607, 630–
632, 634, 659, 661, 667, **669, 670**, 884.
Ленина Александра Михайловна, см. Рыка-
чева (383).
Ленина Вера Сергеевна – 670.
Ленина Вера Сергеевна, по мужу Еропкина
(396) – 630, 631, **661–666**, 667, 957.
Ленина Ирина Сергеевна, по мужу Кунько
(400) – 630–632, **667, 668**, 669.
Ленина Лариса Дмитриевна – 12, 618, 628,
632, 634, 648, 653, 654, 656, 659–661,
669.

- Ленина Лидия Константиновна, см. Федорова (405).
- Ленина Людмила Сергеевна – 669.
- Ленина Марианна Сергеевна, по мужу Сергеева (402) – 630–632, 659, 665, **668**.
- Ленина Наталья Сергеевна – 670.
- Ленина Нина Сергеевна, по мужу Давыдова (398) – 630–632, 659, 665, **667**, 668.
- Ленина Ольга Сергеевна (395) – 630, 635, **661**, 954.
- Ленины – 549, 550, 662, 732.
- Ленская – 456.
- Леонидов Леонид Миронович – 429.
- Леонов Леонид Максимович – 441, 544, 546.
- Леонтович Александр Михайлович – 243.
- Лепешинская Ольга Борисовна – 959.
- Лермонтов Михаил Юрьевич – 428, 656, 659, 774, 1044.
- Лернер Николай Осипович – 624.
- Лившиц Исаак Леопольдович – 491.
- Лидин Владимир Германович – 441, 534, 542–544, 547.
- Лимановская Лукерья (Гликерия) Андреевна, см. Достоевская (23).
- Лимановская Надежда Евфимьевна, по мужу Глембоцкая (42) – 82, 128, **130**, 945.
- Лимановский Евфимий (24) – 82, **128**, 130.
- Лист Ференц – 296, 880.
- Литкевич Ир., см. Достоевский Андрей Федорович (338).
- Литкенс Александр – 231.
- Литкенс Александр Владимирович (208) – **247**.
- Литкенс Василий Владимирович (210) – **248**.
- Литкенс Вера Владимировна, см. Шер (182).
- Литкенс Владимир Александрович (183) – **231**, **232**.
- Литкенс Евграф Александрович – 231.
- Литкенс Ирина Владимировна (209) – 202, 246, **248**.
- Лифшиц Евгений Михайлович – 247.
- Лихачев Николай Петрович – 884.
- Лобанов Виктор Михайлович – 483.
- Лобцевич – 754.
- Ловцов – 635.
- Лодер Христиан Иванович – 90.
- Ломброзо Чезаре – 950.
- Ломоносов Михаил Васильевич – 79.
- Лопухин Петр Васильевич – 263.
- Лорис-Меликов Михаил Тариелович – 424, 426.
- Лужин Петр Никитич – 971.
- Лукомская Богдана – 39.
- Луначарский Анатолий Васильевич – 496, 530, 626, 954, 955, 1015.
- Лури Борис (264) – **317**, 1009.
- Лури Игорь Борисович (294) – **355**, 953, 957, 1009.
- Лури Мария Владимировна, см. Филиппова (263).
- Лурия Александр Романович – 725, 755, 766, 772, 802, 825.
- Лучинский – 144.
- Лучник Виктор Николаевич – 147.
- Лысенко Трофим Денисович – 156, 959.
- Львов Николай Николаевич – 641.
- Львов Федор Николаевич – 605.
- Львова Агафья – 972.
- Люба Владимир Александрович – 311.
- Люба Владимир Владимирович – 311, 1005.
- Люба Елизавета Николаевна, см. Князева.
- Любимов Николай Алексеевич – 704, 991, 992.
- Любимов С.В. – 31, 39, 41, 64, 945.
- Любимова В.Г. – 518, 519, 523.
- Людкевич Николай – 83.
- Люксенбургер Ганс – 940.
- Лютер Мартин – 830.
- Люценко Ефим Петрович – 262.
- Люшковский Марцин – 66.
- Маар – 244.
- Мазор Евгения Акимовна – 747.
- Май Карл Иванович – 648, 669.
- Майков Аполлон Николаевич – 176, 288, 293, 306, 398, 418, 437, 444, 446, 447, 473, 590, 909, 978, 985, 988, 1002, 1063, 1069, 1094, 1098, 1099, 1102, 1106, 1107, 1115–1117, 1119, 1127, 1128, 1138–1141, 1143, 1147–1152, 1158, 1162, 1163.

- Майкова Анна Ивановна – 398, 1063, 1147.
 Майн Рид, см. Рид.
 Майнов Владимир Николаевич, см. Корниевский.
 Майориан (Флавий Юлий Валерий Майорин) – 756.
 Майоров Михаил Михайлович – 217.
 Майр Эрнст – 156.
 Макаров Александр Александрович – 435.
 Макаров В.Е. – 908.
 Макаров Данил – 108–110.
 Макаров Егор – 126.
 Макарова Екатерина – 122.
 Макарова Марина – 737, 738.
 Макарович (Макаревич) Богдана Богдановна, по мужу Стефановая Достоевская (XIII) – **39**.
 Макеева Наталия Павловна, по мужу Владиславлева (299) – 357, 358, **363**, 381, 385, 1018–1020.
 Макеевы – 363.
 Мак-Магон Ральф – 324.
 Маковицкий Душан Петрович – 1084.
 Маковский Сергей Константинович – 319.
 Максвелл Джеймс Клерк – 941.
 Максимов Василий – 125.
 Максимов Григорий Максимович – 372, 374, 375, 1025.
 Максимов Евтихий – 190.
 Максимов Ефим – 125, 126.
 Максимов Максим Терентьевич (309) – 374, **375**.
 Максимова Матрена – 125, 126.
 Максимова Нина Владимировна, см. Владиславлева (308).
 Малиновский Александр Александрович – 947.
 Малиновский Роман Вацлавович – 210.
 Малицкий Матеуш – 46.
 Малич – 486.
 Малларме Стефан – 756.
 Малюга Виктор – 327.
 Манассеин Авксентий Петрович – 312.
 Манассеин Вячеслав Авксентьевич (259) – 295, 308–310, **311–314**, 732, 1003.
 Мандельштам Надежда Яковлевна – 1109, 1110.
 Мандельштам Осип Эмильевич – 533, 1012, 1023, 1110.
 Манн Томас – 112.
 Манташев Леон Александрович – 490.
 Манташевы – 490.
 Мануйлов Александр Аполлонович – 212.
 Марецкая Вера Васильевна, по мужу Шер (163) – 206, **207**, **208**, 211, 213, 228, 231.
 Марецкий Василий Степанович – 207.
 Маркевич Болеслав Михайлович – 450, 453.
 Маркелов Федор Николаевич – 982.
 Марков Андрей Андреевич (отец) – 606.
 Марков Андрей Андреевич (сын) – 886.
 Маркус Федор Антонович – 103, 272.
 Марлинский (Бестужев) Александр Александрович – 274.
 Мартинович Макар – 28.
 Маругин В.Г. – 593.
 Марциал (Марк Валерий Марциал) – 333, 957.
 Марцишевская Ксения Александровна – 82, 83.
 Масарик Томаш Гарриг – 471.
 Маслов – 122.
 Маслович Анастасия Андреевна, см. Тихомирова (234).
 Маслович Анна Григорьевна, по мужу Казанская (238) – 255, 264, 265, **267**.
 Маслович Григорий Павлович (235) – 91, 94, 255, **265**, **266**, 389.
 Маслович Екатерина Григорьевна (236) – 264, 265, **266**.
 Маслович Мария Григорьевна, по мужу Иванова (240) – 264, 265, **267**.
 Маслович Юлия Яковлевна, по мужу Рябина – 266.
 Маслович Яков Павлович – 266.
 Матвеева Маргарита Петровна, см. Давыдова.
 Матюнин Анатолий Алексеевич – 537, 547.
 Матюшин Иван Филиппович – 383, 1019.
 Махаев – 759.
 Мацокин Николай Петрович – 322.

- Маяковский Владимир Владимирович – 533, 539.
- Меггендорфер – 939.
- Медем Николай Васильевич – 501.
- Меженинов В.П. – 687.
- Межениновы – 739.
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич – 907.
- Мейсонье Жан-Луи-Эрнест – 630.
- Меклиневский Александр Онофриевич – 127.
- Меклиневский Иоанн Александрович – 127.
- Меликов М. – 193.
- Меллер Татьяна – 844.
- Менделеев Дмитрий Иванович – 303, 605.
- Мендельсон-Бартольди Феликс – 690, 691.
- Менчинский Александр Теофилович – 711.
- Мережковский Дмитрий Сергеевич – 224.
- Мерзон Габриэль Израилевич – 230, 242.
- Мерзон Израиль – 230.
- Меркулова Надежда Павловна – 529, 530, 533, 534.
- Меркуловы Спиридон и Николай Денисовичи – 753.
- Меркуров Аполлон Николаевич – 273.
- Меркуров Сергей Дмитриевич – 489.
- Меркурова Мария Крескентьевна – 274.
- Метелев Павел Андреевич – 557.
- Метелева Елена Исидоровна, см. Дудинас.
- Метелева Людмила Павловна, по мужу Достоевская (346) – **557**, 559–561, 563.
- Метерлинк Морис – 207, 227, 722.
- Микеланджело (Микеланджело Буонарроти) – 756.
- Миллер – 289.
- Миллер Всеволод Федорович – 317.
- Миллер Орест Федорович – 100, 101, 103, 276, 285, 484, 623, 690, 887, 935.
- Милликен Роберт – 153.
- Мильтон Джон – 656.
- Мильтопеус (по мужу) Анна-Мария – 401.
- Мильтопеус Анна-Мария, в замужестве Сниткина Анна Николаевна – 400–407, 409, 411–415, 419, 425, 466, 512, 672, 896, 1065, 1072, 1079, 1082, 1084, 1093, 1141, 1143, 1144, 1147, 1148.
- Мильтопеус Мартин, см. Рускиапя.
- Мильтопеус Николай – 401.
- Мильтопеус Роман Николаевич – 401.
- Милюков Александр Петрович – 280, 286, 416, 418, 991, 997.
- Милюков Павел Николаевич – 753.
- Миндер А.К. – 177.
- Минин Козьма – 52.
- Минц Я.В. – 980.
- Мироненко Андрей Олегович – 386.
- Мироненко Валерия Михайловна, см. Владиславлева.
- Михайлов – 109.
- Михайлов – 326.
- Михайлов Алексей – 122–123.
- Михайлова Василиса (Васса) – 104, 105, 185, 969, 970, 973–978.
- Михайлова Марфа – 969, 970.
- Михайлова Элина Витальевна, по мужу Высогорец (348) – 554, 555, **559**.
- Михайловский Николай Константинович – 918.
- Михалков Сергей Владимирович – 553.
- Михалович Григорий – 40.
- Михаловская Марианна, см. Достоевская (LXXXIV).
- Михаловский Ян-Казимир (LXXXV) – **66**.
- Михаэлис Анна Стефановна – 491, 498, 511.
- Михаэлис Леокадия Стефановна (334а) – 12, 432, 467, 487–492, 494, 495, 497–499, **511**, **512**, 518, 932, 951, 952.
- Михневич Вера Ивановна (475) – 729, **852**.
- Михневич Иван Михайлович (439) – **744**.
- Михневич Николай Иванович (476) – **853**.
- Михневич Софья Дмитриевна, см. Хмырова (438).
- Мицкевич Адам – 274.
- Мицкевич Сергей Иванович – 340, 371.
- Мичурин Иван Владимирович – 156.
- Млодецкий Ипполит Осипович – 268, 269.
- Могила Петр – 64.
- Молочек А.И. – 908.
- Мольер – 274, 640.
- Монтессори Мария – 219.
- Мопассан Ги де – 780.

- Морган Томас – 149, 151–153, 954.
 Морозов Павлик – 1162.
 Морозов Савва Тимофеевич – 337.
 Морозова Аня – 800, 801.
 Мощинская Марианна – 61.
 Мощинский Томаш – 61.
 Мрозовский Иосиф Иванович – 212.
 Мурильо Бартоломе Эстебан – 630.
 Муромский, см. Владиславлев Александр Владимирович (298).
 Мусин-Пушкин Илларион Александрович – 169.
 Мюллер Карл – 468.
 Мюр Эндрю, Мерилиз Арчибальд – 771.
 Мясоедова-Бенуа – 632.
 Набоков Владимир Владимирович – 981.
 Нагишкин Дмитрий Дмитриевич – 828.
 Надсон Семен Яковлевич – 237, 341.
 Нансен Фритъоф – 461.
 Народицкий, см. Горчаков.
 Насер Гамаль Абдель – 361, 1017.
 Натов Анатолий Иванович – 446, 472, 544, 546.
 Натова Надежда Анатольевна – 446, 468, 472.
 Наумов Аполлос – 253.
 Наумов Иван Мокеевич – 262.
 Небаба Антон – 49.
 Невельский Богуш – 34, 35.
 Неворотова Елизавета Михайловна – 1045–1048, 1129.
 Невяровский Игнаций – 61.
 Невяровский Казимир – 61.
 Неделькович Вера Дмитриевна, по мужу Голеновская (492) – 12, 209, 232, 618, 868, 871, 873, **874**, 875, 949.
 Неделькович Дмитрий Ильич – 874.
 Недрегайлов Михайла – 94.
 Нейфельд Иолан – 100, 112.
 Некрасов Николай Алексеевич – 121, 656, 1097, 1104, 1120, 1121, 1123, 1130, 1156.
 Нелюбина А.А. – 554, 555, 879.
 Ненюков – 120.
 Неофитов Александр Тимофеевич – 173.
 Де Нерваль Жерар – 748.
 Нерешувна Людвика, по мужу Достоевская (XCII) – **67**.
 Нечаев Александр Федорович (154) – **199**.
 Нечаев Андрей Михайлович (103) – **162**, 166.
 Нечаев Андрей (Андрон?) Софонович (86) – **161**.
 Нечаев Андрей Тимофеевич (125) – 163, **173**.
 Нечаев Анисим Васильевич (99) – **162**.
 Нечаев Василий Софонович (87) – **161**.
 Нечаев Григорий Иванович (127) – **174**.
 Нечаев Захар Тимофеевич (126) – 163, 168, **173**.
 Нечаев Иван Андреевич (115) – **166**.
 Нечаев Иван Васильевич (94) – **162**.
 Нечаев Иван Иванович (135) – 167, **174**.
 Нечаев Иван Павлович (93) – **162**.
 Нечаев Иван Тимофеевич (120) – 163, **166**, **167**.
 Нечаев Илья Яковлевич – 160.
 Нечаев Козма Васильевич (97) – **162**.
 Нечаев Козма Лукич (117) – **166**.
 Нечаев Лука Матвеевич (106) – **163**.
 Нечаев Матвей Софонович (91) – **161**.
 Нечаев Михаил Иванович (133) – 167, **174**.
 Нечаев Михайла Иванович – 166.
 Нечаев Михаил Софонович (89) – **161**.
 Нечаев Михаил Федорович (140) – 102, 168, 169, **188–190**, 191, 199, 1029.
 Нечаев Никита Яковлевич – 160.
 Нечаев Николай Иванович (130) – 167, **174**.
 Нечаев Николай Федорович (первый) (142) – **190**.
 Нечаев Николай Федорович (второй) (153) – **198**.
 Нечаев Павел Софонович (85) – **161**.
 Нечаев (Струнников) Софон Яковлевич (83) – **160**, **161**, 255.
 Нечаев Степан Васильевич (98) – **162**.
 Нечаев Степан Иванович (113) – **163**.
 Нечаев Тимофей Иванович, прадед писателя (110) – **163**.
 Нечаев Тимофей Лукич (119) – **166**.
 Нечаев Тимофей Федорович (155) – **199**.

- Нечаев Федор Иванович (132) – 167, **174**.
Нечаев Федор Тимофеевич, дед писателя (123) – 92, 93, 163, 166, **167–170**, 171, 173, 179, 189–191, 195–199, 261, 265, 271, 389, 979.
Нечаев Федор Федорович (150) – **196, 197**.
Нечаев Яков Кононович – 160.
Нечаев Яков Федорович (149) – 191, **196**.
Нечаева Авдотья Федоровна (107) – **163**.
Нечаева Агафья Филипповна (95) – **162**.
Нечаева Аграфена Степановна (116) – **166**.
Нечаева Акулина Филипповна (90) – **161**.
Нечаева Александра Федоровна, по мужу Куманина (136) – 102, 168–171, 173, **174–179**, 180, 181, 183, 189, 191, 195–199, 208, 255, 271, 289, 389, 566, 589, 598, 867, 923, 985, 1039, 1050.
Нечаева Афимья Михайловна (102) – **162**.
Нечаева Варвара Михайловна, бабка писателя, см. Котельницкая (228).
Нечаева Вера Степановна – 109–111, 118, 120, 124–126, 233, 272, 277, 285, 300, 308–311, 320, 323, 441, 497, 510, 523, 531, 538, 540, 544, 551, 565, 618, 623, 624, 627, 689, 691, 876, 887–889, 925, 944, 950, 975, 976, 994, 1005, 1007–1009, 1083.
Нечаева Гликерия Ивановна (114) – **163**.
Нечаева Екатерина Матвеевна (108) – **163**.
Нечаева Екатерина Федоровна (первая) (138) – 168, 169, **181, 182**, 979.
Нечаева Екатерина Федоровна (вторая) (147) – **195**.
Нечаева Екатерина Федоровна (третья), по мужу Ставровская (151) – 169, 171, **197, 198**, 209, 255, 1031, 1041.
Нечаева Елена Ивановна (134) – **174**.
Нечаева Елизавета Федоровна (первая) (141) – **190**.
Нечаева Елизавета Федоровна (вторая) (144) – **191**.
Нечаева Елизавета Федоровна (третья) (148) – **196**.
Нечаева Ксения Акимовна (104) – **163**.
Нечаева Ксения Васильевна (96) – **162**.
Нечаева Мавра Васильевна (100) – **162**.
Нечаева Мария Алексеевна, см. Болотина (112).
Нечаева Марья Кузьминична (129) – **174**.
Нечаева Мария Федоровна, по мужу Достоевская, мать писателя (139) – 75, 77, 85, 91–98, 100, 102, 104–106, 110, 113, 119, 126, 160, 168–171, 176, **182–188**, 189, 199, 255, 264, 265, 267, 272, 275, 277, 297, 518, 577, 594, 633, 673, 691, 887–889, 925, 927, 930, 950, 1039, 1167.
Нечаева Марфа – 955.
Нечаева Матрена Алексеевна (118) – **166**.
Нечаева (Струнникова) Матрена Степановна (84) – **161**, 162.
Нечаева Надежда Ивановна (131) – **174**.
Нечаева Настасья Ивановна, см. Винокурова (121).
Нечаева Настасья Федоровна (88) – **161**.
Нечаева Наталья Абрамовна (122) – **167**.
Нечаева Ольга Федоровна, по мужу Шер (145) – 169, 171, **191, 192**, 193, 204.
Нечаева Ольга Яковлевна, см. Антипова (124).
Нечаева Прасковья Ивановна (109) – 162, **163**.
Нечаева София Федоровна (143) – **191**.
Нечаева Степанида Дмитриевна (111) – **163**.
Нечаева Татьяна Ивановна (128) – **174**.
Нечаева Федора Васильевна (101) – **162**.
Нечаева Федосья Михайловна (105) – **163**.
Нечаевы – 255.
Нечкина Милица Васильевна – 678, 755, 840.
Нечуй-Левицкий Иван Семенович – 132, 133.
Никитин Василий – 109, 110.
Никитин Иван – 190.
Никитин Иван Саввич – 237.
Никитина Нина Готфридовна – 1046.
Никифоров Никита – 120.
Никифорова Ольга Евгеньевна, по мужу Волюцкая – 948.
Николаев Леонид Владимирович – 325.

- Николаев Л.П. – 908.
Никольская Марина Николаевна, по мужу
Галанина (204) – **246**.
Никольский Владимир Васильевич – 415.
<Никонюк> Иван, см. Ныпопчук.
Никонюк Михаил, см. Ныпопчук.
Нильсон Христина – 403.
Новиков Николай Иванович – 254.
Новицкая Александра Николаевна – 974.
<Ныпопчук> Иван – 74.
Ныпопчук Михаил – 73, 74.
Оболенская <Наталья Ивановна> (447) –
762, 763.
Обрицкая Мария Александровна, по мужу
Карепина (360) – **586**.
Обтемперанцов (Обтемпераментов) Семен
– 966.
Обысов Анатолий Сергеевич – 383.
Овидий (Публий Овидий Назон) – 262.
Овсяная Богдана, по мужу Достоевская
(XVII) – 40, **41**.
Овчар Ирина – 436.
Овчар Тимофей – 436.
Огарев Николай Платонович – 985, 1082.
Огарева Мария Львовна – 1120.
Одоакр – 761.
Одоевский Владимир Федорович – 832,
916, 1118.
Олешкович Катерина, по мужу Блиновская –
65.
Олонкин Иван Максимович, см. Алонкин.
Олсуфьев Александр – 742, 851.
Олсуфьев Юрий Александрович – 742, 851.
Ольпинский Александр – 55.
Ольхин Костя – 417, 418.
Ольхин Павел Матвеевич – 400, 415–417,
1067, 1068, 1070, 1083, 1145.
Ольшевский Иван – 63.
Опочинин Евгений Николаевич – 420.
Орда Витольд – 460.
Орда Владислав Иоаким – 55, 56.
Орда Катажина, по мужу Достоевская
(XXXVIII) – **50**.
Орджоникидзе Григорий Константинович
(Серго) – 531.
Ордзянка Анна, по первому мужу Достоев-
ская, по второму Высоцкая (XL) – **50**.
Ордзянка Булгарская Гелена, по мужу До-
стоевская (LXX) – **63**.
Орды – 46, 55.
Ордынская Марина Карповна – 1045.
Орел Яцко – 75.
Орленев Павел Николаевич – 223.
Орлов Александр Семенович – 215.
Орлова Мария Николаевна, см. Королева
(175).
Орлова Раиса Давыдовна – 543.
Осипов Николай Петрович – 262.
Оскерка Самуель – 50, 57.
Оснотьененко (Квитка) Григорий Федоро-
вич – 274.
Остолопов Михаил – 253.
Островская, см. Скочинская.
Островский Александр Николаевич – 20,
207, 287, 458, 659.
Островский Василий – 72–74.
Остроумова-Лебедева Анна Петровна – 451.
Отсолих – 500.
Офросимов – 456.
Очередко Владимир – 440.
Павленков Флорентий Федорович – 655.
Павлищев Лев Николаевич – 501.
Павлищева Анастасия Александровна, см.
Полянская.
Павлищева Ольга Сергеевна, см. Пушкина.
Павлов Иван Петрович – 242, 885.
Павлов Иван Семенович – 537, 538.
Пальчиков – 459.
Панаев Иван Иванович – 917, 1097.
Панаева Авдотья Яковлевна – 1044, 1120.
Панин Виктор Никитич – 121.
Паруль Юстина, по мужу Достоевская (LV) –
59.
Пасечник – 142.
Пастернак Борис Леонидович – 533.
Паустовский Константин Георгиевич – 491,
496, 533.
Паутова Маргарита Петровна – 955.
Пашков Василий Александрович – 963.
Певцов А. – 446.

- Пелевина Екатерина Никифоровна, см. Ивана.
Пеоний – 756.
Переверзев Владимир Николаевич – 211.
Перлов Иван Петрович – 692.
Пернер Х.И. – 1132.
Перов Василий Григорьевич – 468, 831.
Перхуров Александр Петрович – 752.
Петрарка Франческо – 274, 755.
Петрашевский Василий Михайлович – 91.
Петрашевский Михаил Васильевич – 91, 278–280, 285, 390, 580, 590, 983, 984, 993, 994, 996.
Петрашевский Ян – 33.
Петров Андрей – 442.
Петров Федот – 109.
Петрова, по мужу Котельницкая, прабабка писателя (221) – **255**.
Петрова Анна – 969–976, 978.
Петрова Мавра – 94.
Петровский Борис Васильевич – 554.
Печерин Владимир Сергеевич – 1116.
Пешэ – 260.
Пикфорд Мэри – 835.
Пилат (Понтий Пилат) – 813.
Пиотух – 600.
Пипер Рейнхард – 432, 502, 508.
Пирогов Николай Иванович – 260, 314, 613.
Писемский Алексей Феофилактович – 1115.
Пласковицкие – 55, 56.
Платонов Сергей Федорович – 625, 626.
Платонова Надежда Николаевна – 695.
Пленк Йозеф Якоб фон – 258, 259.
Плетнев – 536.
Плещеев Алексей Николаевич – 287.
Плотин – 302, 305.
Победоносцев Константин Петрович – 302, 483, 500, 1081, 1129.
Поваров Костя – 800.
Погодин Михаил Петрович – 1160.
Подбельский – 491.
Подвысоцкая Раина Стефановна, см. Достоевская (XXIII).
Подвысоцкий Ян (XXIV) – **44**, 54.
Поецкий Казимир – 59.
Пожарский Дмитрий Михайлович – 52.
Полевой Николай Алексеевич – 274.
Полкотичский Антон Семенович (VIII) – 25, **28**.
Полкотичский Богдан Семенович, см. Данилевич (VII).
Полкотичский Ян – 28.
Полонский Яков Петрович – 288, 298, 1002, 1010, 1119.
Полотебнов Алексей Герасимович – 313.
Польская Евгения Борисовна – 502, 505, 527–530, 533, 534, 547, 624, 626, 627, 656, 893.
Поляков Борис Борисович – 192.
Полянская Анастасия Александровна, по мужу Павлищева – 501.
Полянская Екатерина Александровна, по мужу Цугаловская – 439, 501, 502, 526.
Полянские – 501.
Полянский Николай Николаевич – 672, 680, 990.
Померанцев – 121.
Померанцев Иван (Иоанн) Николаевич – 982.
Померанцев Никандр Петрович – 573.
Померанцева Юлия Петровна, см. Карпина.
Пономарев Петр Алексеевич – 752.
Пономаренко Гнат – 74.
Попенкова Клавдия Николаевна, по мужу Иванова (458) – 828, **833**.
Попов М.В. – 421.
Попов Николай Лаврентьевич (322) – **385**.
Порецкий Александр Устинович – 1145.
Поролло Валентина Васильевна, по мужу Владиславлева (303) – 368, **370**, 1022.
Посник Иван, см. Ленин.
Поссе Владимир Александрович – 16.
Потапенко Игнатий Николаевич – 776.
Поташев И.Я. – 592, 650.
Потемкин Кирилл Викторович (480) – **856**.
Потоцкий Викентий – 76.
Почаповская Ульяния – 24.
Починковская О., см. Тимофеева Варвара Васильевна.

- Пошеманская Цецилия Мироновна – 1083.
Прасс Леонид – 534.
Пресняков Леонид Петрович – 243, 244.
Прозоров Павел Иванович – 258, 259.
Прозоровская – 970, 971.
Прокофьев Сергей Сергеевич – 431, 1086.
Протасевич Мартин – 56.
Протасов-Бахметев Николай Алексеевич – 297.
Протопопов Александр Дмитриевич – 435.
Протопопов Михаил Алексеевич – 637, 638.
Проферансов Владимир Михайлович (443) – 703, **746**.
Проферансов Николай Павлович – 717, 718.
Проферансов Михаил Павлович (421) – 693, 703, 709, 710, 712–714, **716–718**, 728, 865.
Проферансов Павел – 693, 716.
Проферансова Нина Александровна, см. Иванова (420).
Прутков Козьма Петрович – 482.
Прянишникова Валерия Александровна – 509, 511, 524, 540.
Псарская Марына Стефановна, см. Достоевская (XX).
Псарский Салемон (XXII) – 43, **44**.
Пуртов Аркадий Иванович – 359, 1018.
Пуссен Николя – 630.
Пушкарев Михаил Федорович – 217, 219, 236.
Пушкарев Федор Кузьмич (198) – **236**.
Пушкарева Мария Дмитриевна, см. Шер (197).
Пушкин Александр Сергеевич – 6, 9, 121, 133, 182, 188, 220, 271, 274, 329, 351, 391, 428, 501, 505, 551, 585, 619, 656, 659, 774, 908, 948, 959, 960, 994, 1012, 1027, 1043, 1044, 1055, 1066, 1073, 1077, 1082, 1098, 1100, 1116–1118, 1120, 1129, 1130.
Пушкина Надежда Осиповна, см. Ганнибал.
Пушкина Наталья Николаевна, см. Гончарова.
Пушкина Ольга Сергеевна, по мужу Павлицева – 501.
Пшимановский Януш – 801–802.
Пыпин Александр Николаевич – 1121.
Пырьев Иван Александрович – 540, 541.
Рабинович Лев Ильич – 756.
Рагоза Михаил – 32–34, 36.
Радван – 60.
Радецкий В.А. – 132.
Радецкий Федор Федорович – 1035.
Радзивиллы – 47.
Радзиминская Раина – 39.
Раевская Людмила Михайловна, по мужу Шестакова – 548, 562, 880–882, 886.
Раевский Иван Васильевич – 986.
Раевский Михаил Федорович – 879, 880.
Райх Б. – 291.
Ракитина Ирина Трофимовна – 407–409.
Раневская Фаина Григорьевна – 1109, 1110.
Рапопорт Александр Матвеевич – 901, 931.
Расин Жан – 274, 640.
Распутин Иван Спиридонович – 141, 142.
Ратишич Козьма – 20.
Ратша (Ратиша, Рачша) – 20.
Рафаэль (Рафаэль Санти) – 453, 630.
Рахманин Петр Николаевич – 990.
Реймонден – 445.
Рембрандт (Рембрандт Харменс ван Рейн) – 453.
Ремер Г. – 939.
Ремизова Екатерина Васильевна, по мужу Иванова (413) – **697**.
Ренан Жозеф-Эрнест – 747.
Репин Илья Ефимович – 300, 329, 347, 1010, 1012, 1021, 1027.
Ресслер Фриц – 469, 471, 472.
Ресслер Ханнс – 471, 472.
Речицкий (Жечицкий) – 65.
Решетников Андрей Гордеевич – 262.
Рибопьер Георгий Иванович – 490, 495, 951.
Рид Томас Майн – 636.
Ридигер Борис Корнелиевич – 236.
Ридигер Корнелий Романович – 236.
Ридигер Марья Богдановна – 236.
Ридигер Марья Ивановна – 236.
Ридигер Мария Михайловна, см. Дорош-кевич.

- Ридигер Наталья Борисовна, по мужу Шер (192) – 207, **236**.
- Ризенкамф Александр Егорович – 276, 935, 1044, 1053.
- Рикард Петр Иванович – 647.
- Рихтер Александр Андреевич – 95, 183.
- Рихтер Вильгельм Михайлович – 256.
- Рихтер Святослав Теофилович – 885.
- Ришелье Арман-Эммануэль де – 390.
- Робен Альбер Эдуард – 468.
- Робеспьер Максимильен – 907.
- Ровинские – 59.
- Родевич Михаил Васильевич – 269, 301, 1133–1136.
- Роденбах Жорж – 791.
- Родичев Федор Иванович – 338.
- Розанов Александр – 446.
- Розанов Василий Васильевич – 224, 483, 499, 1003, 1081.
- Розенблат Владимир Викторович – 232.
- Розов Иаков – 440.
- Романский Владимир – 635.
- Ромашкин Виктор Федорович – 833.
- Роршах Герман – 842, 911.
- Ростовцева Нина Терентьевна – 693.
- Ростопчин Федор Васильевич – 168, 179, 966, 967.
- Ростопчина Екатерина Петровна – 967.
- Рошаль Семен Григорьевич – 1015.
- Роше – 609.
- Ртищ Терентий – 20, 21.
- Ртищевич Иван – 24.
- Ртищевичева Татьяна Ивановна – 24.
- Ртищевы – 17–24.
- Ртищо Ивашко – 21.
- Руадзе – 298.
- Рубинштейн Антон Григорьевич – 292, 296, 297, 689, 880, 1006.
- Рубинштейн Николай Григорьевич – 413, 586, 689, 690.
- Рудь Валентин Макарович (80b) – **158**.
- Рудь Виктор Макарович (80c) – **158**.
- Рудь Екатерина Георгиевна, см. Черняк (76).
- Рудь Макар (76a) – **144**.
- Рудь Нина Макаровна – 158.
- Рузвельт Франклин Делано – 508.
- Руммель Витольд Владиславович – 946.
- Румянцев – 179, 180.
- Румянцев Иоанн – 302, 448, 449, 451, 519.
- Румянцева Анфиса Иоанновна – 448, 451, 478.
- Рускиапя (Мильтопеус) Мартин – 400, 402.
- Руссо Жан-Жак – 640.
- Рыбаков Анатолий Наумович – 240, 1008.
- Рыбушкин Михаил Самсонович – 391.
- Рыкачев Андрей Александрович – 616.
- Рыкачев Андрей Михайлович (385) – 7, 318, 459, 594, 601–603, 611, 622, 628, **636–645**, 649, 650, 652, 653, 661.
- Рыкачев Владимир Михайлович (387) – 601, 602, 611, 628, 640, **645–647**, 661.
- Рыкачев Михаил Александрович (374) – 297, 450, 601, 602, **603–607**, 611, 629–631, 636, 638, 646–649, 652, 655, 669, 884.
- Рыкачев Михаил Михайлович (389) – 459, 602, 603, 640, 644, **648–651**, 884.
- Рыкачева Александра Михайловна, по мужу Ленина (383) – 549, 596, 601–603, 607, **627–634**, 640, 648, 653, 658, 659, 661, 662, 665, 667–669, 884.
- Рыкачева Александра Николаевна – 616.
- Рыкачева Варвара Васильевна, см. Хижнякова (386).
- Рыкачева Вера Николаевна, см. Азбелева (390).
- Рыкачева Домника Михайловна (388) – 602, 603, 605, 632, 640, **647, 648**.
- Рыкачева Евгения Андреевна, см. До-стоевская (373).
- Рыкачева Елизавета Александровна – 603.
- Рыкачева Мария Александровна – 604.
- Рыкачевы – 319, 461, 603, 621, 628, 657, 658, 732.
- Рыков В. – 382, 384.
- Рюдин Эрнст – 940.
- Рябинин Алексей Провович – 266.
- Рябинина Юлия Яковлевна, см. Маслович.
- Рябцев Константин Иванович – 210.
- Рязанцев Н.Н. – 326.

- Сабашников Михаил Васильевич – 218.
Сабуров Иван Николаевич – 190.
Сабурова Елизавета Николаевна – 190.
Саввушкин Андрей – 109, 110.
Савелов Леонид Михайлович – 96.
Савельев Давид – 101, 109, 110, 113–115, 123, 974, 975, 978.
Савельев Феодосий – 113, 185, 974, 978.
Савонарола Джироламо – 907.
Савостьянов Андрей Владимирович (391) – 516, 618, **651–653**.
Савостьянов Владимир Константинович (378) – 602, **619**.
Савостьянов Константин Иванович – 619, 651, 656.
Савостьянова Анастасия Владимировна (393) – 618, **653**.
Савостьянова Варвара Андреевна, см. Достоевская (377).
Савостьянова Мария Владимировна (первая) (392) – 618, **653**.
Савостьянова Мария Владимировна (вторая) (394) – 7, 618, 632–634, **653–660**, 661, 668, 732, 799, 875, 876.
Де Сад Донасьен-Альфонс-Франсуа – 913, 1100.
Садков – 652.
Сакин Петр Алексеевич – 593.
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович – 635.
Саляева Анна – 235.
Саляева Елена Львовна, см. Гутман.
Сапожников Александр Петрович – 391.
Сапожников Петр Захарович – 396.
Сафронова Валя – 799–800.
Сахаров Константин Вячеславович – 754.
Сватковская Мария Григорьевна, см. Сниткина.
Свенцицкая Евгения Сергеевна, см. Краснова.
Свенцицкий Анатолий Борисович – 225.
Свенцицкий Болеслав Карлович – 222.
Свенцицкий Валентин Павлович (180) – 211, 212, 215, 219, 221, **222–227**.
Свешников – 440.
Свешникова Елена Алексеевна, по мужу Карпова (327) – **388**.
Северцов Алексей Николаевич – 150–152.
Северянин Игорь – 237.
Сегалин Григорий Владимирович – 923, 950.
Селезнев Сергей Алексеевич (305) – 371, **372**.
Селезнева Ирина Сергеевна, по мужу Белинская (324) – 345, 347, 367, 372, **387**, **388**, 1024, 1025.
Селезнева Наталья Владимировна, см. Владиславлева (304).
Селиванович Яков – 41.
Семашко Николай Александрович – 320, 1007.
Семенищенкова Лариса Леонидовна – 797–799.
Семенов Михаил Николаевич – 459, 500.
Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович – 99, 393, 459, 620, 1160.
Семенова – 603.
Семенченко Владимир Ксенофонович – 241.
Семина Мария, см. Иванова.
Сенкевич Генрик – 52.
Сенявин – 637.
Сервантес Мигель – 586.
Сергеев Александр Сергеевич – 668.
Сергеев Сергей Сергеевич (403) – 632, **668**.
Сергеев Юрий Сергеевич – 668.
Сергеева Александра Георгиевна, по мужу Хмырова (434) – **743**.
Сергеева Марианна Сергеевна, см. Ленина (402).
Серебровский Александр Сергеевич – 154.
Серейский Марк Яковлевич – 908.
Сиверцев Александр Петрович – 153.
Сиверцев Петр Александрович – 148, 157, 158.
Сиверцева Ирина Александровна – 153, 159.
Сиверцева Наталия Петровна, по мужу Добжанская (78) – 150, 151, **157**, **158**.
Сидоров А.С. – 913–914.
Сизов Владимир Ильич – 430.
Силич – 123.

- Сильвестр – 445.
Симоненко В.В. – 325.
Синицкий Даниил Александрович – 86.
Ситников Семен Дмитриевич – 167.
Скабичевский Александр Михайлович – 1120, 1123.
Скадовские – 504.
Скадовский Сергей Балтазарович – 439, 503.
Скирмунты – 45.
Склобова Мария Ивановна, по мужу Высогорец – 555.
Скотт Вальтер – 479.
Скочинская, по мужу Островская – 72.
Скочинская Мария Романовна, по мужу Достоевская (6) – 72, **74**.
Скочинский Роман – 72–74.
Скромовская Ева, см. <Достоевская> Ева <Бенедиктовна>.
Скрябин Александр Николаевич – 756.
Скрябин Петр Дмитриевич (320) – **381**.
Скрябина Вера Александровна, см. Владиславлева (319).
Скрябина Татьяна Петровна, по мужу Юрченко – 381, 957.
Скуратов Малюта – 201.
Слободской Иван – 396.
Смалевская Екатерина Григорьевна – 72.
Смалевский Василий Прокофьевич – 72.
Смирнов (369) – **588**.
Смирнов(а) (371) – **588**.
Смирнов А.П. – 635.
Смирнов Василий Христофорович (362) – **587**, 1034.
Смирнов Владимир Васильевич (370) – 569–571, **588**.
Смирнова Анна Васильевна (368) – 569–571, **588**.
Смирнова Екатерина Васильевна (367) – 569–571, **588**.
Смирнова Мария Петровна, см. Карепина (361).
Смирнова (Сазонова) Софья Ивановна – 891.
Смогоржевский Иассон – 74, 76.
Смоктунровский Иннокентий Михайлович – 545.
Смолин Виктор Федорович – 752.
Снегирев Иван Михайлович – 257.
Снелль Отто – 940.
Сниткин Ваня – 316.
Сниткин Григорий Иванович, тесть писателя – 400–407, 409–411, 413, 415, 417–419, 512, 904, 1064, 1065, 1072, 1078, 1079.
Сниткин Григорий Иванович – 436.
Сниткин Иван – 402.
Сниткин Иван Григорьевич – 400, 1147.
Сниткин Михаил Николаевич – 1155.
Сниткина Анна Григорьевна, по мужу Достоевская (329) – 9, 15, 38, 68, 115, 176, 178–180, 182, 188, 192, 201, 204, 208, 271, 291–294, 296, 298, 300, 302, 307–309, 316, 317, 319, 345, 398, 399, **400–443**, 444–451, 453–459, 461–463, 466–468, 470, 471, 473–485, 487, 490–492, 495–500, 502, 503, 507, 508, 512–517, 519, 520, 524–527, 529, 532, 535, 539, 540, 543–547, 551, 569, 573, 586, 602, 604, 610, 619, 626, 628, 634, 644, 648, 650, 672–676, 680–684, 686, 688, 690, 700, 704, 707, 730, 732, 825, 832, 843, 859, 860, 867, 870, 887, 889–893, 896, 904, 914–916, 918, 929, 932, 944, 945, 952, 958, 979, 982, 983, 991–993, 1001, 1003, 1004, 1006, 1010, 1034, 1038, 1039, 1047, 1056, 1060–1063, **1064–1101**, 1102–1118, 1121, 1122, 1125–1128, 1130, 1138–1141, 1144–1147, 1152–1159, 1161–1167.
Сниткина Анна Николаевна, см. Мильтопеус Анна-Мария.
Сниткина Мария Григорьевна, по мужу Сватковская – 407, 411, 412, 417, 1079, 1143, 1144, 1147.
Сниткины – 462.
Снитко – 400.
Собельман Игорь Ильич – 244.
Сойкина – 543.
Соколовская Констанция Андреевна, см. Достоевская (21).
Соколовский (22) – 82, **128**.
Сокольский Григорий Иванович – 679.

- Солдатенко Ю. – 801.
- Солженицына Наталья Дмитриевна – 1110.
- Соллогуб Владимир Александрович – 916–917.
- Солнцева-Засекины – 658.
- Соловьев Владимир Сергеевич – 223, 227, 341, 427, 747, 756, 1011, 1013, 1129.
- Соловьев Всеволод – 929.
- Соловьев Леонид Васильевич – 378, 1030.
- Соловьев Николай Иванович – 418.
- Соловьев Сергей Михайлович – 35.
- Солодовниковы – 168.
- Соломерицкая Ева – 33.
- Соломерицкий Богдан Иванович – 33.
- Соломонова – 616.
- Сонин Николай Яковлевич – 606.
- Сорокина Марина Юрьевна – 158.
- Софроницкий Владимир Владимирович (270) – 325, 326, **327**, 1009.
- Сперанский Филипп Васильевич – 417.
- Спивак Александр Натанович – 839, 855.
- Спивак Виктор Натанович – 839, 855.
- Спивак Лидия Алексеевна, см. Иванова (459).
- Спивак Надежда Натановна – 12, 730, 799, 800, 830, 832, 833, 839, 840, 855, 952.
- Спивак Натан Яковлевич (460) – 830, **839**, **840**.
- Спэлдинг Генри Норман – 509, 510.
- Срезневский Всеволод Измайлович – 329, 331–333, 335, 337, 339, 343, 346, 357, 364, 1012, 1025.
- Срезневский Измаил Иванович – 329, 341.
- Ставровская Александра Дмитриевна, по мужу Дурново (164) – 197, **208**.
- Ставровская Александра Максимилиановна (184) – 209, **232**, **233**, 871, 872, 874, 920, 1041.
- Ставровская Анна Дмитриевна, по мужу Деньковская (170) – **209**.
- Ставровская Екатерина Федоровна, см. Нечаева (151).
- Ставровская Мария Николаевна, см. Голановская (486).
- Ставровская Ольга Дмитриевна, по мужу Косьмина (167) – **208**.
- Ставровские – 178, 204, 205, 208, 209, 237.
- Ставровский Александр Евгеньевич (199) – 202, **237**.
- Ставровский Дмитрий Иванович (152) – 197, **198**, 255.
- Ставровский Максимилиан Дмитриевич (169) – 192, 202, **209**, 871, 872, 1041.
- Ставровский Федор Дмитриевич (166) – **208**.
- Сталин Иосиф Виссарионович – 337, 366, 367, 632, 1022, 1023.
- Стариков Семен Андреевич – 324.
- Стасюкова В.Ф. – 415, 423, 454.
- Стебут Иван Александрович – 644.
- Стелловский Федор Тимофеевич – 289, 416, 1067, 1068, 1073, 1077, 1149–1151.
- Степанов Владимир Петрович – 262.
- Степанов Иван – 971.
- Степанова Авдотья – 120.
- Стефановая Достоевская Богдана Богдановна, см. Макарович (XIII).
- Стонов Дмитрий Миронович – 109, 126, 184.
- Стоюнина Мария Николаевна – 415, 423, 427, 454, 481, 499, 1070, 1078.
- Стравинские – 46.
- Стратонов Иринарх Аркадьевич – 753.
- Страхов Николай Николаевич – 276, 278, 285, 298, 302, 397, 418, 431, 887, 999–1000, 1063, 1100, 1124, 1129.
- Страхов Павел Николаевич – 285.
- Строгановы – 251, 252, 255.
- Струве Петр Бернгардович – 224, 645.
- Струве Федор Аристович – 312.
- Струнников Софон Яковлевич, см. Нечаев (83).
- Струнникова Матрена Степановна, см. Нечаева (84).
- Ступин Алексей Дмитриевич – 698.
- Ступин Петр – 262.
- Стюарт Дэгалет – 900.
- Суворин Алексей Сергеевич – 125, 268, 425, 464, 569, 610.
- Суворов Александр Аркадьевич – 988.

- Суворов Александр Васильевич – 255.
Сумароковы – 121.
Сумбатов-Южин Александр Иванович – 496.
Суслова Аполлинария Прокофьевна – 301, 416, 859, 958, 992, 1001, 1003, 1037, 1038, 1051, 1052, 1060, 1071, 1072, 1074, 1076, 1081, 1089–1091, 1102, 1129, 1130, 1133, 1135.
Суханов Петр Петрович – 435.
Сушард, см. Драшусов.
Сырейщиков Дмитрий Петрович – 207.
Сырокомля Владислав – 35, 36.
Сытин Иван Дмитриевич – 698.
Сэлинджер Джером Дэвид – 556.
Тагор Рабиндранат – 789.
Тараторкин Георгий Георгиевич – 545.
Тарле Евгений Викторович – 626.
Таршис Владимир Давыдович – 833.
Тассо Торквато – 274.
Татищев Александр Иванович – 965, 966.
Тверской Е. – 508.
Тейяр де Шарден Пьер – 148.
Темезова Т.М. – 396.
Терабилло Витольд Михайлович – 533.
Терентьева Серафима Александровна, по мужу Куршакова – 881.
Терехов Иван Александрович (470а) – **852**.
Терехов Николай Иванович – 852.
Терехова Наталья Львовна, см. Хмырова (470).
Терехова Юлия Ивановна – 852.
Терлецкая – 28.
Терлецкая Марына Богужаловна Туровна Ярошова – 63.
Терлецкая Настасия, по мужу Достоевская (LIII) – **56**.
Терлецкий Андрей – 28.
Тимофеев Василий – 120.
Тимофеева Варвара Васильевна, псевдоним О. Починковская – 393, 909, 917, 956.
Тимофеева Ирина – 113, 972.
Тиняков Александр Иванович – 150.
Тихомиров Андрей (230) – **261**.
Тихомиров Василий Андреевич (233) – **264**.
Тихомирова Анастасия Андреевна, по мужу Маслович (234) – 94, 255, **264**, **265**, 267.
Тихомирова <Анна> Михайловна, см. Котельницкая (229).
Тициан (Тициано Вечеллио) – 428, 453, 630.
Токарева Мария Николаевна, по мужу Достоевская (333) – 481–483, 494, **499**, **500**.
Токаржевский Шимон – 1063.
Толстая Анна Егоровна – 194.
Толстая Софья Андреевна (урожденная Бахметева; жена А.К. Толстого) – 1092.
Толстая Софья Андреевна (урожденная Берс; жена Л.Н. Толстого) – 228, 1082, 1085, 1093.
Толстой Алексей Константинович – 30, 366, 768.
Толстой Алексей Николаевич – 490.
Толстой Лев Львович – 463, 464, 484.
Толстой Лев Николаевич – 9, 179, 215, 217, 227, 228, 329, 330, 335, 337, 371, 428, 429, 432, 463, 464, 484, 505, 539, 637, 639, 642, 656, 697, 742, 756, 774, 916, 932, 948, 1013, 1036, 1065, 1066, 1082, 1084, 1085, 1093, 1100, 1104, 1105, 1111, 1118, 1119, 1124, 1129, 1130.
Толстой Михаил Владимирович – 259, 677, 678.
Тома Амбруаз – 629.
Томсон Джордж Паджет 743.
Тотлебен Эдуард Иванович – 1035.
ТрEDIAКОВСКИЙ Василий Кириллович – 260.
Трепетников – 814.
Трепов Федор Федорович – 988, 994.
Тризна Иосиф – 64.
Тризнянка Ефросиния – 55.
Троицкий Матвей Михайлович – 305.
Трофимов Феофилакт – 198, 199.
Троцкий Лев Давидович – 231, 1014–1016.
Трошин Григорий Яковлевич – 727, 771, 854.
Труайя Анри – 499.
Трубецкой – 468.
Трубецкой – 964.
Трубецкой Евгений Николаевич – 223.
Трубецкой Сергей Николаевич – 223.

- Трушлевич Александр Иванович (490) – **873**.
Трушлевич Екатерина Николаевна, см. Голёвская (489).
Туликов Серафим Сергеевич – 326, 327.
Тулякова-Хикмет Вера Владимировна – 1065.
Тумерман Алексей Львович – 242.
Тумерман Лев Абрамович – 242.
Туполев Андрей Николаевич – 1165.
Тур Корнил Андреевич – 23.
Тур Розалия, по мужу Достоевская (LXII) – **60, 61**.
Тур Семен Корнилович – 23.
Тур Ян – 41–43.
Турбин – 220.
Тургенев Иван Сергеевич – 217, 287, 659, 913, 1064, 1100, 1104, 1105, 1111, 1114–1121, 1130.
Туржанский Евстафий – 75.
Тухачевский Михаил Николаевич – 1046.
Тышкевич Василий – 33.
Тышкевичи – 141.
Тышковские – 55.
Тюменцев Евгений Исаакович – 396.
Тютчев Федор Иванович – 756, 1115.
Уваров Сергей Семенович – 679.
Угланский Петр – 396.
Ульянов Александр Ильич – 91.
Ульянов (Ленин) Владимир Ильич, см. Ленин.
Ульянов Дмитрий Ильич – 336, 337, 1013.
Ульянова Мария Ильинична – 630.
Ульянова М.Г. – 908.
Умнов Иван – 978.
Урусов – 194.
Урысон Михаил Исаакович – 947.
Усов – 988.
Успенский Василий Васильевич – 224.
Успенский Глеб Иванович – 345.
Успенский Иван Петрович – 258.
Успенский Петр Иванович – 514.
Устинова Надежда Михайловна, по мужу Исаева – 1152, 1155, 1156, 1158, 1164.
Уткин – 295.
Уткин Юрий Васильевич – 848.
Фадеев Александр Александрович – 828.
Фальц-Фейн Анна (Нина) Петровна, см. Цугаловская.
Фальц-Фейн Ольга Александровна – 442, 470, 495, 499, 503, 505, 507, 537, 544, 546, 893.
Фальц-Фейн Эдуард Александрович – 472, 511, 522.
Фальчевский Станислав – 24.
Фаминцын Андрей Сергеевич – 606.
Фаноннель Жанна – 923.
Федин Константин Александрович – 800.
Федоренко Борис Варфоломеевич – 548, 882.
Федоров Алексей – 126.
Федоров Андреян – 191.
Федоров Михаил, см. Котельницкий (219).
Федоров Николай Федорович – 334, 335, 1013.
Федоров Семен Иванович – 982.
Федорова Домнина (222) – 249, **255**.
Федорова Лидия Константиновна, по мужу Ленина (405) – **670**.
Федорченко Домника Ивановна, по мужу Достоевская (372) – 133, 172, 177, 266, 288, 291, **596–599**, 600, 601, 607, 609, 610, 613, 614, 616, 617, 621, 866, 871.
Федорченко Иван Прокофьевич – 596, 597, 600, 620.
Федорченко Михаил Иванович – 591, 598, 600.
Федорченко Надежда Павловна, см. Иляшевич.
Федосеев Петр Алексеевич – 593.
Федюшка В.Ф. – 39.
Феляптон (Felapton), см. Иванов Юрий Алексеевич (444).
Фенелон Франсуа – 566.
Феоктистов Владимир Тимофеевич – 846.
Феоктистов Николай Васильевич – 1045–1047.
Феоктистова Инна Владимировна – 846–847.
Феоктистова Лидия Владимировна – 846, 847.

- Ферстер Т. – 239.
- Фет Афанасий Афанасьевич – 747, 1118, 1119.
- Фигнер Вера Николаевна – 328.
- Филина (Онищенко) Наталья Архиповна – 505, 523.
- Филипов Софрон – 970, 971.
- Филипова Анна – 974.
- Филиппов Михаил Иванович – 440.
- Филиппов Третий Иванович – 483.
- Филиппова Мария Владимировна, по первому мужу Лури, по второму Юзефович (263) – **316**, 1009.
- Фон Филиппович Ойген – 212.
- Филипченко Юрий Александрович – 149–151.
- Фирлей Андрей – 65.
- Фишер Софья Николаевна – 690, 732.
- Флавий Евгений, см. Евгений.
- Флоренский Павел Александрович – 219, 221, 223, 851.
- Фонвизина Наталья Дмитриевна – 1043.
- Фон-Фохт Николай Александрович – 397, 681, 690, 991.
- Фортунатов Антон Николаевич – 345, 347.
- Фофанов Константин Михайлович – 330.
- Франс Анатолий – 747.
- Фрей Уильям (Гейнс Владимир Константинович) – 642.
- Фрейд Зигмунд – 808, 809, 815.
- Фридлендер Георгий Михайлович – 111.
- Фридман Александр Александрович – 884.
- Фридман Борис Давидович – 901, 918.
- Фризен Герман Германович – 947.
- Фурсович Анна Венедиктовна, по мужу Достоевская (VI) – **28**.
- Фурсович Венедикт – 28.
- Фурсович Огренка Калагуровна – 28.
- Фурцева Зинаида Георгиевна – 545.
- Фурье Шарль – 279, 287, 1014.
- Фюлоп-Миллер Рене – 945.
- Фюрстенберг Яков Станиславович – 1015.
- Ханевская (Каневская) – 548, 883.
- Ханецкая Елена, по мужу Достоевская (LVII) – **60**.
- Харджиев Николай Иванович – 1110.
- Хаузер М. – 242.
- Хвостов Дмитрий Иванович – 1023.
- Хвостов Михаил Михайлович – 751, 752, 755.
- Хемингуэй Эрнест – 556.
- Хижняков Василий Михайлович – 645.
- Хижняков В.В. – 645.
- Хижнякова Варвара Васильевна, по мужу Рыкачева (386) – **645**, 670.
- Хикмет Назым – 1065.
- Хмельницкий Богдан Михайлович – 53.
- Хмыров Александр Львович (473) – **852**.
- Хмыров Алексей Дмитриевич (474) – **852**.
- Хмыров Андрей Львович (471) – **852**.
- Хмыров Виктор Львович (472) – **852**.
- Хмыров Дмитрий Дмитриевич (первый) (435) – **743**.
- Хмыров Дмитрий Дмитриевич (второй) (436) – 673, 680, 685, 687, **743**, **744**, 759.
- Хмыров Дмитрий Николаевич (409) – **687**, **688**, 852.
- Хмыров Лев Дмитриевич (432) – 687, **742**, **743**, 744.
- Хмырова Александра Георгиевна, см. Сергеева (434).
- Хмырова Елена Стефановна, см. Бертман (437).
- Хмырова Наталия Дмитриевна, по мужу Балабуха (430) – 687, **740–742**, 851.
- Хмырова Наталья Львовна, по мужу Терехова (470) – **852**.
- Хмырова Софья Александровна, см. Иванова (408).
- Хмырова Софья Дмитриевна, по мужу Михневич (438) – 687, 741, **744**.
- Хмырова Юлия Гавриловна, см. Левицкая (433).
- Ходский Леонид Владимирович – 643.
- Хоментовская Анна Ильинична, см. Шестакова.
- Хоментовский – 884.
- Хоментовский Михаил Михайлович – 281, 283.

- Хоптаровский (Хоптуровский) Иосиф – 73, 74.
- Хотяинцев Александр Иванович – 126.
- Хотяинцев Владимир Федорович – 116–119, 121–124.
- Хотяинцев Иван Петрович – 95, 96.
- Хотяинцев Павел Петрович – 96, 116–119, 123, 124, 186.
- Хотяинцева Мария Васильевна – 117–119, 123.
- Хотяинцева Федосья Сергеевна – 123, 124.
- Хотяинцевы – 96, 111, 120, 121, 125, 171, 276.
- Хохлов Рем Викторович – 246.
- Храмченко Елена Юрьевна, по мужу Карпова – 388.
- Христофоров Владимир Георгиевич – 825, 830, 831.
- Хрущев Никита Сергеевич – 337, 1017.
- Царевский Андрей Николаевич – 352, 370, 372, 387.
- Цой Виктор Робертович – 560.
- Цугаловская Анна (Нина) Петровна, по мужу Фальц-Фейн – 439, 441, 470, 497, 500, 502, 504–511, 523, 525, 529, 531, 538, 539, 551.
- Цугаловская Екатерина Александровна, см. Полянская.
- Цугаловская Екатерина Петровна, по мужу Достоевская (334) – 12, 323–325, 432, 433, 439–441, 467, 469–471, 483–487, 490, 494–496, 499, **500–511**, 516–534, 549, 553, 653, 892, 896, 904, 951, 952, 958, 1008, 1009.
- Цугаловский Петр Григорьевич – 483, 501, 502.
- Цырлина Фрида-Дебора Яковлевна – 543.
- Цюрупа Александр Дмитриевич – 635.
- Цявловский Мстислав Александрович – 955.
- Чаадаев Петр Яковлевич – 1116, 1117.
- Чайковский Петр Ильич – 359, 701, 880.
- Чаплицы – 46.
- Чацкий Тадеуш (Фаддей) – 36.
- Чеботарева Ульяна Ивановна – 973, 974.
- Чезана Анжело – 504, 506–511.
- Челеби-Мурза Аслан (Прокопий) – 17, 18, 20, 160.
- Челищев – 121.
- Черевина Елизавета – 616.
- Черепнин Николай Петрович – 425.
- Черкасова Анна Матвеевна – 511.
- Чермак Леонтий Иванович – 270, 589, 590, 978.
- Черненко Марина Владимировна, см. Шер.
- Черницкий Я. – 325.
- Чернова Варвара Федоровна – 501.
- Черномский – 135.
- Черноруцкий Михаил Васильевич – 903.
- Чернышевский Николай Гаврилович – 585, 761, 1121, 1123.
- Черняк Александр Петрович (61) – 133, 134, **137**.
- Черняк Анастасия Васильевна, см. Зембовская (76с).
- Черняк Анастасия Ивановна (53) – **134**.
- Черняк Анатолий Георгиевич (Юрьевич) (76b) – 139, **144**, 145.
- Черняк Анисья Федоровна (58) – 136, **137**.
- Черняк Антоний Иванович (57) – **134**, **136**, **137**, 138.
- Черняк Василий Иванович (52) – **134**.
- Черняк Виктор Петрович (62) – 133, 134, **138**.
- Черняк Владимир Анатольевич – 158.
- Черняк Георгий Антониевич (68) – **139**, **140**, 982.
- Черняк Екатерина Георгиевна, по мужу Рудь (76) – 139, 140, **144**.
- Черняк Елизавета Ивановна (51) – **134**.
- Черняк Зинаида Анатольевна (80е) – 145, **158**.
- Черняк Иван Стефанович (29) – 82, **129**, 134.
- Черняк Леонида Антониевна (67) – 136, **138**.
- Черняк Людмила Антониевна (66) – **138**.
- Черняк Матрона Петровна (63) – 134, **138**.
- Черняк Надежда Анатольевна – 158.
- Черняк Николай Антониевич (64) – **138**.
- Черняк Нина Анатольевна (80d) – 145, **158**.
- Черняк Олимпиада Ивановна, по мужу Войнарская (59) – **137**, 142, 143, 920, 927.

- Черняк Параскева Ивановна (56) – **134**.
Черняк Пелагея (49) – 133, **134**.
Черняк Пелагея Ивановна (50) – **134**.
Черняк Петр Иванович (48) – 129, **132–134**.
Черняк София (69) – 139, **140**.
Черняк Фекла Андреевна, см. Достоевская (28).
Черняк Фома Иванович (54) – **134**.
Черняк Христофор Антониевич (65) – **138**, 140.
Черняк Яков Иванович (55) – **134**.
Честертон Гилберт Кийт – 3.
Четвериков Сергей Сергеевич – 154.
Чехов Антон Павлович – 217, 362, 371, 466, 530, 722, 1018.
Чехов Михаил Александрович – 534.
Чехов Николай Владимирович – 300, 332, 343.
Чехова М.А. – 420, 458.
Чижилова Зоя Афанасьевна – 244, 245.
Чирвинский Петр Николаевич – 533.
Чистяков Павел Петрович – 345.
Чичкин Александр Васильевич – 220.
Чми (Чмич), см. Галанин Дмитрий Дмитриевич (181).
Чошин Григорий Александрович – 514, 516.
Чудиновы – 229.
Чуковская Лидия Корнеевна – 1110.
Чуковский Корней Иванович – 337.
Чулков Георгий Иванович – 441, 506, 958.
Чулков Николай Петрович – 15, 17, 19, 21, 67, 508, 624, 945.
Чюмина Ольга Николаевна – 769.
Чюрленис Микалоюс Константинас – 794.
Шавловский И.Э. – 611, 933.
Шаврикова Раиса Александровна, по мужу Шер (201) – 201, 204, 207, 215, 236, **238**.
Шаляпин Федор Иванович – 948.
Шаляпин (кличка канарейки) – 710.
Шанцер Виргилий Леонович – 211.
Шапиро Генрих Александрович – 455.
Шапошниковы – 168.
Шаржинский Василий – 76.
Шарнгорст Василий Львович – 102–103.
Шатуновская Лидия Александровна – 242.
Шаффе Эмилия Павловна – 345, 348, 548, 886.
Шахалова Наталия Владимировна – 658.
Шевляков Иван Федорович – 185.
Шевчук Юрий Юлианович – 560.
Шевырев Степан Петрович – 258.
Шевяков Владимир Васильевич (485) – 676, 707, **870, 871**, 1040.
Шевякова Александра Михайловна, сестра писателя, см. Достоевская (38).
Шекспир Уильям – 274, 453, 576–579, 656, 769.
Шельберт – 456.
Шенк Константин Александрович – 476, 477.
Шенкнехт – 110, 116, 120, 122.
Шенрок – 110, 116, 122.
Шепилов Дмитрий Трофимович – 361.
Шеппинг – 210.
Шептицкий Леон – 72.
Шер Александра Дмитриевна, по мужу Казанская (161) – **202**, 268, 269.
Шер Андрей Владимирович – 236.
Шер Антонина Дмитриевна (160) – 195, **201**, **202**, 204.
Шер Борис Дмитриевич (195) – **236**.
Шер Василий Васильевич (186) – 215, 220, **233**.
Шер Василий Владимирович (173) – 206, 207, **210–214**, 215, 217, 220, 223, 240.
Шер Вера Васильевна (188) – **233**, **234**, 235.
Шер Вера Владимировна, по мужу Литкенс (182) – 207, **231**.
Шер Владимир Дмитриевич (162) – 179, 195, **202, 204–207**, 268.
Шер Владимир Дмитриевич (191) – 207, **235**.
Шер Дмитрий Александрович (146) – **192–195**, 201, 214, 221–222.
Шер Дмитрий Владимирович (176) – 204, 206, 207, 213, 215, **216–219**, 221, 225, 240.
Шер Евгения Николаевна, см. Королева (177).
Шер Елена Дмитриевна (193) – **236**.

- Шер Любовь Дмитриевна (159) – **201**, 204.
Шер Марина Владимировна, по мужу Черненко – 236.
Шер Мария Дмитриевна, по мужу Пушкарева (197) – 201, 202, 217, **236**.
Шер Мария Николаевна, см. Королева (175).
Шер Надежда Дмитриевна (158) – 195, **201**.
Шер Надежда Дмитриевна, по мужу Калинина – 204, 217, 219–221, 225, 236, 238.
Шер Надежда Сергеевна, см. Багатурова (178).
Шер Наталья Борисовна, см. Ридигер (192).
Шер Ольга Владимировна, по мужу Галанина (179) – 194, 207, 214, 215, 219, **221**, **222**, 224, 225, 230, 231, 240, 345.
Шер Ольга Федоровна, см. Нечаева (145).
Шер Раиса Александровна, см. Шаврикова (201).
Шер Сергей Дмитриевич (156) – 195, **200**, 255.
Шер Сергей Дмитриевич (200) – 12, 193, 195, 204, 213–216, 218, 219, 221, 231, 235, 236, **237**, **238**, 247.
Шер Сергей Сергеевич – 238.
Шер Татьяна Васильевна (187) – 220, **233**, 248.
Шер Татьяна Николаевна, см. Королева (174).
Шервинский Сергей Васильевич – 321.
Шереметев Николай Петрович – 263.
Шереметева (Ковалева-Жемчугова) Праксovia Ивановна – 263.
Шеры – 178, 192, 193, 195, 204, 205, 207, 208, 223, 225, 231, 238, 373, 864, 871.
Шестаков Андрей Васильевич – 798.
Шестаков Иван Ильич – 881.
Шестаков Илья Иванович – 880, 881, 886.
Шестаков Сергей Петрович – 751.
Шестакова Александра Яковлевна, по мужу Иванова (445) – 749, 750, 752, 760, **762**, 853, 854, 856.
Шестакова Анна Ильинична, по мужу Хоментовская – 548, 879, 881, 883–886.
Шестакова Екатерина Ильинична, по мужу Куршакова – 548, 879, 881, 882.
Шестакова Любовь Ильинична – 881.
Шестакова Людмила Михайловна, см. Раевская.
Шидловский Иван Николаевич – 274, 1129.
Шиле Аделаида Гавриловна – 527.
Шилейкис С.И. – 666.
Шиллер Иоганн Фридрих – 274, 287, 449, 450, 656, 995, 996, 1023, 1051, 1052, 1055.
Шилов – 332.
Шипов В.Д. – 593.
Широкий (Широков) Семен Иванович – 110, 480, 692.
Широков Иван Семенович – 109, 692.
Широкова Марина Сергеевна – 692, 693.
Широкой Рот Лев Прокопьевич – 18.
Ширяева Нина Ильинична – 845.
Сихтерович Ян – 55.
Шишков – 117, 118.
Шкваркин Василий Васильевич – 217.
Шкловский Виктор Борисович – 425.
Шкляревский Александр Андреевич – 616.
Шлезингер – 354.
Шмальгаузен Иван Иванович – 158.
Шнайдер Курт – 907.
Шнейдер – 470.
Шнейдер Александр Георгиевич – 380.
Шнейдер Георгий Константинович (318) – **380**.
Шнейдер Елена Георгиевна – 380.
Шнейдер Курт, см. Шнайдер.
Шнейдер Ольга Александровна, см. Владиславлева (317).
Шолохов Михаил Александрович – 530.
Шопен Фредерик – 386, 387, 690, 701.
Шопенгауэр Артур – 746.
Шостакович Дмитрий Дмитриевич – 325.
Шпановский Корнилий – 73.
Шпренгель Курт – 260.
Штакеншнейдер Елена Андреевна – 298, 424.
Штейн Михаил Григорьевич – 630, 635.
Штелинг – 357.
Штильман Григорий Николаевич – 642.
Штильман Илья Нисонович – 381.

- Фон Штук Франц – 756.
Штуцер – 810.
Шуберт М.Е. – 908.
Шуберт Франц – 387.
Шувалов Петр Андреевич – 988.
Шульц Мария Васильевна (Вильгельмовна),
по мужу Иванова (427) – 724, 730, 731,
735, 736, 844–846, 848.
Шульц Софья Васильевна (Вильгельмовна),
по мужу Изосимова – 734.
Шуман Роберт – 519.
Щеглова С.А. – 82.
Щекотов Николай Михайлович – 512.
Щукина Евгения Андреевна (268) – 7, **322–**
325, 506, 507, 1008, 1009.
Щукины – 323.
Эвальд Готфрид – 907.
Эккерман Иоганн Петер – 1084.
Эрн Владимир Францевич – 208, 212, 216,
219–224, 226, 231.
Эрн Евгения Давыдовна – 208, 212, 219,
220, 231.
Эссен-Стенбок-Фермор Яков Иванович –
858.
Эфенбах Михаил Аркадьевич – 572.
Эфроимсон Владимир Павлович – 156, 957.
Юдин Тихон Иванович – 902, 903, 939.
Юдина Мария Вениаминовна – 325.
Южин Александр Иванович, см. Сумбатов-
Южин.
Юзефович Исаак Ефимович (265) – 316,
317, 1009.
Юзефович Мария Владимировна, см. Фи-
липпова (263).
Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан)
– 751, 756.
Юражинский – 49.
Юргин Федор – 572, 1031.
Юрман Николай Александрович – 923.
Юрченко Татьяна Петровна, см. Скрыбина.
Юрьев Сергей Андреевич – 569.
Юсовская – 716.
Юсупов – 194.
Яблочкина Александра Александровна – 429.
Яворская Елена (30) – **129**.
Яворская Фотина Андреевна, см. Достоев-
ская (13).
Яворский (14) – 82, **85**.
Яковлев Иван – 120.
Янкин – 265.
Яновский Михаил Владимирович – 885.
Яновский Степан Дмитриевич – 182, 285,
444, 473, 591, 914, 915, 984.
Ярмолюк Максим – 74.
Ясинская Виктория (448) – 752, **763**.
Яцкович Васко – 25.
Яцута Мария Ивановна, по мужу Иванова
(414) – **697**.
Ящинская Анна Станиславовна, по мужу До-
стоевская (XXVI) – **45**.

Содержание

От редакции

<i>И.Л. Волгин. Сага о Достоевских</i>	5
О структуре книги	10

ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКИХ

Глава I. Достоевские в XVI–XVIII вв.	15
Глава II. Происхождение и род отца	69
Глава III. Род матери. Нечаевы.	160
Глава IV. Род матери. Котельничские	249
Глава V. Ветвь Михаила Михайловича Достоевского	270
Глава VI. Ветвь Федора Михайловича Достоевского	389
Глава VII. Ветвь Варвары Михайловны, по мужу Карепиной	565
Глава VIII. Ветвь Андрея Михайловича Достоевского	589
Глава IX. Ветвь Веры Михайловны, по мужу Ивановой.	671
Глава X. Николай Михайлович Достоевский	858
Глава XI. Ветвь Александры Михайловны, по мужу Голеновской	866

ПРИЛОЖЕНИЯ К ХРОНИКЕ

О роде Куршаковых – Шестаковых	879
Б.Н. Тихомиров. Ревность Достоевских.	887
М.В. Волоцкой. Опыт характерологического анализа рода	898
Н.Н. Богданов. Михаил Волоцкой и его «Хроника рода Достоевского»	944

И.Л. Волгин

«РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ» (Историко-биографические очерки)	961
Штрихи к портрету отца	963
Благочестивое семейство	968
Исчезновение героя: московское полицейское досье 1864–1867 гг.	982
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (Михаил Михайлович).	994
«Шел племянник мой Карепин...» (Варвара Михайловна)	1031
«А в губки не смею...» (Николай Михайлович)	1036
Последыш (Александра Михайловна)	1039
«Еheu!» (Марья Дмитриевна).	1042
Неравный брак (Анна Григорьевна)	1064
Большая игра	1101
Пасынок природы (Павел Исаев)	1128

Список источников и условных сокращений	1168
--	------

Указатель имен	1178
---------------------------------	------

ФОНД ДОСТОЕВСКОГО

Президент Фонда Игорь Волгин

доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
и Литературного института им. А.М. Горького,
академик РАЕН, член Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра,
вице-президент International Dostoevsky Society,
лауреат Премии Правительства Российской Федерации,
премии Правительства Москвы,
русско-итальянской литературной премии «Москва-Пенне»,
телеведущий

Общественный совет

Председатель Святослав Бэлза,

народный артист России, заслуженный деятель искусств России,
почётный член Российской академии художеств
лауреат Премии Правительства Москвы,
лауреат Государственной премии Российской Федерации,
телеведущий

Лев Аннинский

Белла Ахмадулина

Ирина Барметова

Андрей Битов

Евгений Бунимович

Андрей Вознесенский

Даниил Гранин

Дмитрий Достоевский

Евгений Евтушенко

Сергей Есин

Ясен Засурский

Виталий Игнатенко

Фазиль Искандер

архиепископ Новгородский и Старорусский Лев

акад. РАН Дмитрий Лихачёв

Юнна Мориц

акад. РАН Александр Панченко

Юрий Поляков

Виталий Третьяков

Сигурд Шмидт

Россия, 129090, Москва, 1-й Коптевский пер., 20.

Тел.: 8 (495) 592-23-00,

8 (910) 488 69 88

info@dostoevsky-fund.ru www.dostoevsky-fund.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОЕКТЫ ФОНДА ДОСТОЕВСКОГО

1999

I Международный фестиваль поэтов
(сейчас – Биеннале поэтов)

2000

Творческий конкурс среди московских школьников
«Молодежь третьего тысячелетия»

2001

Международный симпозиум
«Достоевский в современном мире. 1821–2001»

2004

I Международный конгресс
«Русская словесность
в мировом культурном контексте»

2004–2006

Исследовательский проект
«Документальные основы научной биографии
Ф.М. Достоевского
(Новые источники и исследования)»
РГНФ, руководитель – Игорь Волгин

2006

II Международный симпозиум
«Русская словесность
в мировом культурном контексте
(К 500-летию рода Достоевских (1506–2006))»

2006–2008

Исследовательская программа
«Образ России в национальном самосознании:
исторический и современный контекст»
РГНФ, руководитель – Игорь Волгин

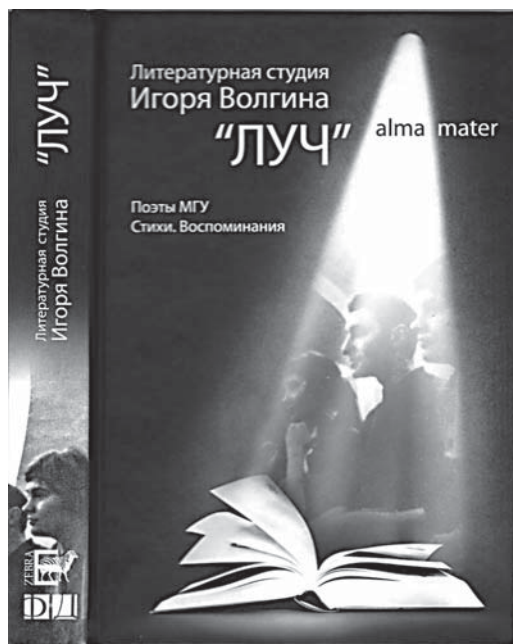
2009

III Международный симпозиум
«Русская словесность
в мировом культурном контексте»

2010–2011

«Л.Н. Толстой в русском и мировом сознании:
перекличка на рубеже веков (100 лет после ухода)»
РГНФ, руководитель – Игорь Волгин

Легендарная студия Московского университета «Луч» — уникальное явление отечественной культуры. Основатель студии Игорь Волгин вот уже 45 лет бесменно руководит молодыми стихотворцами. В этой весёлой зоне вольного юного духа выросло несколько поэтических поколений. Среди выпускников — Сергей Гандлевский, Александр Сопровский, Алексей Цветков, Бахыт Кенжеев, Евгений Витковский, Евгений Бунимович, Павел Нерлер, Геннадий Красников, Вера Павлова, Инна Кабыш, Елена Исаева, Владимир Вишневский, Вадим Степанцов, Дмитрий Быков, Анна Аркатова, Мария Ватутина и многие другие. Здесь, в «Луче», в середине 1970-х возникла группа «Московское время».

В книге собраны стихи и воспоминания студийцев разных лет. Издание иллюстрировано фотографиями, значительная часть которых публикуется впервые.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

Научное издание

ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКИХ

Под редакцией Волгина Игоря Леонидовича
(Руководитель проекта)

Игорь Волгин

Родные и близкие

Историко-биографические очерки

Редактор *Е. Новожилова*

Корректоры *Т. Рыбка, П. Федорова, Л. Мухина*

Верстка *Л. Мухамедьярова*

Верстка генеалогических таблиц

А. Голубкова, О. Ершова

Подписано в печать 15.10.2012. Формат 70х100 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 98,0. Уч.-изд. л. 85,4

Тираж 1000 экз. Заказ №

Фонд Достоевского

Россия, 129090, Москва, 1-й Коптевский пер., 20.

Тел.: 8 (495) 592-23-00, 8 (910) 488-69-88

info@dostoevsky-fund.ru

www.dostoevsky-fund.ru